Джеймс ШМИЦ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

Фантастика & Фэнтези

МОЯ БОЛЬШАЯ КНИГА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

Джеймс Шмиц

Аннотация
Джеймс ШМИЦ. Избранные произведения. в одном томе
АГЕНТ ВЕГИ. (цикл)
- Агент Веги. (повесть)
- Мастера иллюзий. (повесть)
- Правда о Кушгаре. (повесть)
- Вторая ночь лета. (повесть)

ВЕДЬМЫ КАРРЕСА. (роман)
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12

ФЕДЕРАЦИЯ СРЕДОТОЧИЯ. (цикл)
ТЕЛЗИ АМБЕРОН. (сборник)
Новичок. (повесть)
В тихом омуте…. (повесть)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Полтергейст. (рассказ)
Чудовище разума. (рассказ)
Не более чем сон. (рассказ)
Львиная игра. (повесть)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11

Глава 12
Глава 13
Глава 14
Налакийская кровь. (рассказ)
Звездные геацинты. (рассказ)
ТЕЛЗИ И ТРИГГЕР. (сборник)
Планета перепланировки тел. (рассказ)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Не рой яму брату своему…. (рассказ)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Рай для паразитов. (рассказ)
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5

Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
День славы. (рассказ)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Дитя богов. (рассказ)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Марти-марионетки. (повесть)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5

Глава 6
Глава 7
Глава 8
Симбиоты. (рассказ)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
ТРИГГЕР И ЕЁ ДРУЗЬЯ. (сборник)
Сорвавшийся с поводка. (повесть)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 5
Глава 6
Время собирать камни. (рассказ)
Глава 1
Глава 2
Забудь об этом. (рассказ)
Глава 1
Глава 2

Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Аромат бессмертия. (рассказ)
Наследие. (роман)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Неутешительный отчет по Палайяте. (рассказ)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
В ЯДРЕ ЗВЁЗДНОГО СКОПЛЕНИЯ. (сборник)
В поисках утраченного. (повесть)
Дедушка. (рассказ)
Сбалансированная экология. (рассказ)
Прекрасный повод поорать от ужаса. (рассказ)
Ветры времени. (рассказ)
Машлюди. (рассказ)
Иные признаки сходства. (рассказ)

Каждому своё. (рассказ)
Забот полон рот. (повесть)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Дьявольское отродье. (роман)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ
Хранители традиций. (рассказ)
На крючке. (рассказ)
Маяк в неведомое. (повесть)
Конец пути. (рассказ)
Приглядывай за небесами. (рассказ)
Зеленолицый. (рассказ)
Пси-преступник. (рассказ)

Мы не хотим проблем. (рассказ)
Исследовательский центр «Альфа». (повесть)

Аннотация

Джеймс Генри Шмиц (1911–1981) — американский писатель-фантаст, известный прежде всего благодаря великолепному циклу произведений «Федерация Средоточия» — произведений, которым не откажешь ни в УДИВИТЕЛЬНОЙ увлекательности, ни в мастерском построении интриги, ни в МАСШТАБНОСТИ и ДЕТАЛЬНОЙ ВЫПИСАННОСТИ мира далекого будущего. Мира, в который читатель буквально погружается с головой.

Издание же, которое вы держите в руках, открывает сборник из четырех взаимосвязанных повестей «**Агент Веги**», в которых секретные агенты с невероятными умственными способностями борются с врагами Конфедерации Веги.

В романе «**Ведьмы Карреса**» — трое девочек-экстрасенсов, спасенные от рабства капитаном звездолета, в благодарность за это помогают ему открыть дар экстрасенсорного восприятия в себе самом.

Действие цикла «**Федерация Средото-**

чия» (другое название «В Ядре Звёздного Скопления») происходит в 3500-х годах. Межпланетная Федерация управляется Сверхправительством. В состав Федерации входят ВСЕ разумные расы Галактики…

Данное издание представляет любителям фантастики ВЕСЬ ЦИКЛ «Федерация Средоточия» целиком и полностью. Все произведения до единого. На протяжении четырех сборников читатели смогут проследить за приключениями персонажей, как они постоянно пересекаются, взаимодействуют и перебегают друг другу дорогу. Тэлзи Амбердон, разумеется, занимает высочайшее положение, но вы также найдете все истории о Триггер Арджи, жуликоватом Хеслете Квиллане, Холати Тэйте, Пилч, профессоре Мантелише, Вэлане Дэсинджере — обо всех до единого.

Так первый и второй сборники представляют сагу о Тэлзи, где во втором сборнике впервые появляется Триггер в качестве её партнерши по пси. Третий сборник — целиком о Триггер. Четвертый же сборник будет сосредоточен на приключениях еще одной героини, Найл Этланд.

Содержание:
АГЕНТ ВЕГИ (цикл)
— Агент Веги
— Мастера иллюзий
— Правда о Кушгаре
— Вторая ночь лета
ВЕДЬМЫ КАРРЕСА (роман)
ФЕДЕРАЦИЯ СРЕДОТОЧИЯ (цикл)
— Телзи Амберон (сборник)
— Телзи и Триггер (сборник)
— Триггер и её друзья (сборник)
— В Ядре Звёздного Скопления (сборник)
РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ:
Хранители традиций
На крючке
Маяк в неведомое
Конец пути
Приглядывай за небесами
Зеленолицый
Пси-преступник
Мы не хотим проблем
Исследовательский центр «Альфа»

Библиотека Заярного О. А.

Джеймс ШМИЦ
Избранные произведения в одном томе

АГЕНТ ВЕГИ
(цикл)

Каждая повесть цикла посвящена одному *Агенту Зоны* и одной истории.

Агенты — часть одного из Департаментов Конфедерации Вега, в которую входят сотни миров, населённых расами — потомками землян. Действуют Агенты по преимуществу тайно, на грани законности, но всегда успешно.

Агент Веги
(повесть)

Всем мыслящим расам Галактики угрожают две опасности: вторжение ментальных паразитов Циталов и неуловимая банда пирата У-1, он же Тахмей, он же торговец Дил. Устоит ли Конфедерации Веги, если обе эти опасности объединятся?

На защиту цивилизации встаёт Агент Зоны Илифф и его временная напарница-гуманоид Пэйгадан с планеты Ланнаи.

* * *

— Иногда, — терпеливо объяснял Третий Координатор Конфедерации Веги, — с местным Агентом в Зоне 17–82 нет никакой возможности связаться. Правда, раньше следующей недели он и не должен связываться со Штабом. Но поскольку дело неотложное, а ты удачно оказался поблизости, я и подумал…

— Когда бы вы обо мне ни вспомнили, исполню любые ваши поручения с неизменным

удовольствием, — отозвался субъект на экране телепатического передатчика. Маленький, жилистый, с холодными желтыми глазами, на абсолютно черном фоне он был похож на мелкого преступника или шкипера старого космического грузовика.

— Правда, насколько мне не изменяет память, — язвительно добавил он, — о выполнении двух последних пришлось рапортовать из реанимационного отсека моего корабля. Кстати, я был бы уже в своей Зоне, если бы вы не позвали меня сюда для проверки достоверности каких-то нелепых слухов. Надеюсь, это не связано с У-1?

Весь его вид выражал надежду на положительный ответ.

— Нет, что ты! Ничего подобного! — заверил Координатор. В его личном блоке памяти маленький субъект значился как «Илифф, Агент Зоны 36–06; возможности использования — не ограничены; раздражителен…»

Там было еще много чего интересного, включая следующее примечание:

«У-1: Шок, полученный Агентом в ходе данной операции, за последние двенадцать лет развился в устойчивый психоз, обостряющийся прямо пропорционально серьезности ситуации. Однако

в настоящий момент Агенту вполне можно поручить завершение данной операции, как только представится таковая возможность…»

Координатор не видел в этом противоречии ничего парадоксального. Глава Департамента Галактических Зон и непосредственный начальник Илиффа, он отлично знал особенности своих подчиненных и то, как использовать их наилучшим образом, конечно, в пределах срока их службы.

— Лично я считаю, — оптимистично предположил он, — что У-1 давно мертв, хотя, признаюсь, служба Корреляции со мной не согласна.

— Корреляция частенько оказывается права, — недоверчиво заметил Илифф. — Во время нашего последнего свидания У-1 был жив и здоров. Даже более чем.

— Ну, — пробормотал Координатор, — с тех пор прошло двенадцать стандартных лет… А будь он жив по сей день, то уж попортил бы нам крови! Просто, для того чтобы напомнить о своем твердом убеждении в том, что ему с Конфедерацией на двоих одной Галактики мало. К тому же, У-1 не любит подолгу отлеживаться на дне. — Он помолчал. — Или ты полагаешь, что в прошлый раз пробил брешь в броне его самомнения?

— Не похоже, — откликнулся Илифф — голос

из передатчика и мысль, донесшая его, были одинаково бесстрастны, — ведь я тогда здорово влип. А по меркам У-1 наше противостояние даже стычкой не назовешь.

Координатор пожал плечами.

— Хм, возможно, возможно. Однако здесь не будет ничего похожего. Задание очень простое.

Илифф поморщился.

— Уверяю! Если что и потребуется от тебя, так это дипломатический такт — одно из твоих главных достоинств, Илифф.

Утверждение не вполне соответствовало действительности, но Агент пропустил его мимо ушей, а Координатор невозмутимо продолжил:

— Я уже выслал необходимую информацию. Получишь ее в течение часа, но у тебя могут возникнуть вопросы, поэтому вкратце излагаю суть дела. Две недели назад Бюро Межзвездных Расследований командировало оперативную сотрудницу на планету Гулл в Зоне 17–28. Это монопланетная система неподалеку от Ликанно — чуть в стороне от твоего маршрута. Бывал когда-нибудь в тех краях?

Илифф несколько раз мигнул, напрягая послушную память:

— Да, однажды мы проходили через Ликанно.

Около двух десятков обитаемых миров. Гуманоидная цивилизация класса «А». Политическое устройство класса «D». И сколько оттуда до Гулла?

— При крейсерской скорости чуть меньше восемнадцати часов. Но это от Ликанно, сейчас ты уже ближе. Так вот, сотруднице нужно было установить личность некоего Тахмея, бывшего пирата, после чего ликвидировать. Обычное дело. Но сутки назад она прислала сообщение о том, что идентификацию провести невозможно, и потребовала прислать Агента Зоны.

Он выжидающе посмотрел на Илиффа. Оба отлично понимали, что в обязанности Агента ликвидация бывшего пирата не входит, более того, сотрудница Бюро не могла об этом не знать. Подобное поведение должно было насторожить Бюро и срочно отозвать ее для тщательного ментального обследования, после которого рассчитывать на продолжение работы она могла только после длительного отпуска.

— Так его и посылайте, — продолжал упрямиться Илифф.

— Дело в том, — объяснил Координатор, — что эта сотрудница — из ланнайских стажеров.

— Все понятно, — протянул Агент.

* * *

Он и впрямь все понял. Ланнаи были высокоразвитыми гуманоидами, их первыми (среди цивилизаций подобного уровня) пригласили вступить в Конфедерацию Веги, до тех пор открытую лишь для homsapiens и многочисленных мутантных рас земного происхождения.

Несмотря на упорное сопротивление оппозиции, победил Департамент Галактических Зон, поставивший перед собой задачу постепенно вовлечь в Конфедерацию все гуманоидные и негуманоидные цивилизации, чей уровень соответствовал установленным стандартам.

Как правило, действия Департамента были достаточно прагматичны. Его главной функцией было оберегать от неприятностей восемнадцать тысяч зарегистрированных по Зонам обитаемых миров, одновременно наставляя их ненавязчиво — когда в том возникала насущная необходимость — на путь добродетели и порядка.

Это был долгий и трудный, иногда опасный, и всегда тщательно скрываемый от посторонних глаз процесс, поскольку он нарушал, по духу и букве, все когда-либо подписанные в Галактике договоры о невмешательстве.

А что было хуже всего, для этой работы в Департаменте катастрофически не хватало людей. Поэтому, чем больше планетных систем, рас и цивилизаций вступало в Конфедерацию, тем менее пристальным становился за ними надзор.

Положение о членстве в Конфедерации трактовалось весьма широко, но при этом не допускало ни малейших отклонений от принципов, которые исповедовала Вега. И если — когда-нибудь, в далеком будущем — Галактические Зоны смогут воспользоваться удивительными возможностями негуманоидных рас, то тем самым это подтвердит правильность выбранного Департаментом курса.

* * *

А вот оппозиция привычно опиралась на расовую нетерпимость, застарелую и фанатичную. Традиционалисты, действовавшие в основном через государственный Департамент Культуры, не желали иметь дело ни с одной расой, чьи корни сквозь пелену тысячелетий не прослеживались до Земли. Тем более что негуманоиды сыграли значительную роль в кровопролитной междоусобице, которая ослабила и в итоге разрушила первую человеческую Галактическую

Империю.

И все же во всем были виноваты как всегда сами люди. Но даже тот бесспорный факт, что самые беспощадные и могущественные недруги человечества ныне гордятся своими земными родословными, не мог смягчить ожесточенность древней распри, из-за которой двери Конфедерации были наглухо закрыты для всех цивилизаций неземного происхождения. Благодаря поддержке консервативного большинства, Департамент Культуры, естественно, пользовался значительным влиянием в Верховном Совете Конфедерации.

Тем не менее, Департамент Галактических Зон, о существовании которого знала лишь горсточка людей (точные статистические данные: один на пятьдесят тысяч) и чья позиция не могла стать достоянием гласности, воспользовался своими тайными рычагами.

Таким образом, Ланнаи были приняты в Конфедерацию, хоть и с испытательным сроком.

— Как ты мог догадаться, — хмуро продолжил Координатор, — Ланнаи вовсе не горели желанием пополнить наши ряды. Их правительству тоже пришлось преодолеть серьезное сопротивление, и это при том, что они куда рассудительнее нас.

Высокоразвитые, врожденные телепаты, что всегда упрощает контакты.

— А как эта ланнайка оказалась в составе Бюро? — спросил Илифф.

— Мы распихали небольшие группы Ланнаи практически по всем департаментам — но, разумеется, кроме Галактических Зон! Цель — доказать, прежде всего, себе, но и им тоже, что Ланнаи и люди способны работать в одной упряжке, разделять ответственность и так далее. В общем, подтвердить, что мы — подлинные союзники.

— Это удалось?

— Пока трудно сказать. Ланнаи достаточно сообразительны, а уж для нашего хозяйства отобрали самых-самых — они просто-таки рвутся поработать на общее благо. Эта стажерка была одной из лучших. Она, кажется, в родстве с пятым по старшинству ланнайским правителем. Так что если у нее случится срыв — неприятностей не оберешься. Это настолько заденет их гордость, что они могут выйти из союза. Разумеется, традиционалисты только и ждут чего-нибудь в этом роде, а уж мой коллега из Департамента Культуры заработает на этом просто бешеные очки! — яростно закончил Координатор.

— Да, сэр, ситуация не простая, — согласился Илифф, — и действительно требует тонкого дипломатического подхода. Но ведь вы обладаете им в полной мере.

— Обладать-то обладаю, — признал Координатор, — но уж больно часто приходится его использовать. Поэтому я был бы весьма признателен, если ты найдешь возможность уладить это дело. И заодно — раз уж ты волей-неволей окажешься в районе Ликанно — ознакомься, какова там обстановка. Донесения оттуда становятся все тревожнее и тревожнее, за десять лет политическое устройство деградировало до класса «I». На Гулле тебя будет ждать подробный доклад местного Агента. Возможно, удастся не только ознакомиться с ситуацией, но и исправить положение.

— Хорошо, — холодно согласился Илифф, — в ближайшие сто часов я в собственной Зоне не нужен. Так что время есть.

— В Лаборатории приготовили новый разумоблокиратор, ты сможешь его протестировать, — оживленно продолжил Координатор. — Он будет ждать тебя на Гулле.

Возникла томительная пауза.

— Вы, конечно, помните, что случилось, —

кротко обратился Агент к начальнику, как обращаются к капризному ребенку, — когда я в последний раз устроил одной из подобных штуковин полевые испытания на интеллекте высокой мощности?

— Помню, конечно! Но если этот заработает как надо, — азартно подхватил Координатор, — мы получим то, что нам так нужно! Но пока я не удостоверюсь, что блокиратор работает даже при максимальных нагрузках, не смогу рекомендовать его в массовое производство. Я уже отобрал сотню, таких как ты, добровольцев.

Раздался вздох.

— Теоретически он должен блокировать разум любого потенциала и удерживать его в пределах собственной разумозащиты, при этом позволяя детально его исследовать. Блокиратор проверяли на стресс по полной программе, — закончил он ободряюще, — в лабораторных условиях…

— Все блокираторы проверяли, — напомнил Илифф без особого энтузиазма. — Ладно, я посмотрю, что можно сделать.

— Отлично, — просиял Координатор: — Разумеется, мы вовсе не хотим, чтоб ты подвергал себя неоправданному риску…

* * *

После того, как визуальный блок телепатического передатчика потускнел до обычной полупрозрачной флюоресцирующей зелени, Илифф еще с полминуты оставался неподвижным.

Там, на Джелтаде, столичной планете Конфедерации, за четырнадцать тысяч световых лет отсюда, Координатор уже занимался каким-то другим, может быть, ничтожным на первый взгляд, но на самом деле весьма серьезным кризисом на периферии Департамента. Возможно, он даже не вспомнит об Илиффе и Зоне 17–82 до тех пор, пока Илифф не доложит о выполнении миссии или по какой-то причине не откликнется в срок, установленный автоматическими контролерами Департамента.

Однако могучий мозг, скрытый за бессмысленной вроде болтовней Координатора, непременно вернется вновь к этой проблеме, потратив на нее несколько драгоценных секунд, минут или, если потребуется, часов. Всего три-четыре человека в Галактике вызывали у Илиффа нечто похожее на подлинное уважение, и его начальник по праву принадлежал к их числу.

— Сколько еще до Гулла? — спросил он, не по-

ворачивая головы.

Голос возник где-то в воздухе, немного выше и чуть позади пилотского кресла.

— Не больше восьми часов на крейсерской скорости.

— Как только перекачаю сведения из почтового голубя с Джелтада, дай-ка приличное ускорение, чтобы мы добрались туда часика за четыре, — приказал Илифф. — Думаю, к этому времени я буду готов.

— Голубь прибыл, — ответил голос. Он звучал негромко, но казался странно объемным, поскольку был модулирован обертонами огромного бронзового гонга. А также он забавно имитировал манеру речи самого Илиффа.

Агент повернулся к экрану, на котором появилась висящая в космическом пространстве металлическая торпеда, медленно вращающаяся вокруг своей оси. Она находилась примерно в пяти километрах от корабля, что было минимальным расстоянием, на которое можно было подпустить без опаски почтового голубя, возвращающегося в родное гнездо. Голубь неотступно следовал за кораблем, управляемый единственно непреодолимым желанием вернуться на свой «насест», ностальгический образ коего был запе-

чатлен в молекулах его памяти. Насест находился на корабле Илиффа, но голубю не суждено было туда попасть. Неизвестно, какие соображения им двигали на пути к цели и обратно, но все предшествующие эксперименты в открытом космосе при первом же контакте голубя с любым твердым телом заканчивались крайне разрушительными взрывами.

Потому особый барьер удерживал псевдоптицу на безопасном расстоянии от корабля, где в это время шло копирование ее содержимого. Затем нечто похожее на смертоносное жало пронеслось в направлении голубя, коснулось его, и он бесследно растаял в вакууме.

Некоторое время Илифф был погружен в чтение нескольких досье, предоставленных ему Бюро и Департаментом. Корабль приблизился к границе Зоны 17–82, пересек ее, и объемный голос пробормотал:

— До Гулла три часа хода.

— Хорошо, — безразлично откликнулся Илифф, — давай-ка перекусим.

Прошел еще почти целый час, прежде чем он заговорил снова:

— Пошли девчушке направленный телепатический луч, думаю, Гулл уже должен быть недалеко.

Если, конечно, сможешь разобраться с этим…

Он приподнялся, зевнул, потянулся, отклонился назад, затем снова выпрямился.

— Знаешь, — заметил он, — ни капли не удивлюсь, если девчушка окажется вовсе не такой уж странной. Я хочу сказать, — уточнил он, — возможно, ей действительно необходима помощь Агента Зоны.

— Очередная непредсказуемая миссия? — поинтересовался голос.

— А разве нам поручают другие? О, что это было?

На мгновение наступила тишина, затем поступил ответ:

— Она получила ваше сообщение и ждет вас лично.

— Шустрая! — одобрительно отозвался Илифф. — Теперь слушай. На Гулле мы предстанем в облике старого Кассельмата, торгующего дорогой, экзотической парфюмерией. Так что можешь немного побрызгаться этим добром, только смотри, не пролей на этот раз.

* * *

Подозреваемого звали Дил. Последние десять лет он числился благонадежным и уважаемым

гражданином Гулла, занимающимся коммерческой деятельностью. Предположительно, родился на Четвертой планете соседней системы Ликанно. Однако по данным микроструктурного анализа, проделанного сотрудницей Бюро Межзвездных Расследований, он являлся пиратом Тахмеем, который, по всей вероятности, служил когда-то снайпером у печально известных Гантских пиратов. Он давно числился среди подопечных Бюро. А догматы криминологии утверждали, что микроструктурная идентификация не ошибается; что контрольные образцы, хранящиеся в банке Дубликатов, невозможно скопировать, подделать или серьезно изменить, в противном случае контрольный организм погибает.

С другой стороны, сотрудница МБР относилась к расе телепатов, причем принадлежала к особо одаренным ее представителям, обученным использовать свою чудо-способность наиболее оптимальным способом. К тому же, Ланнаи вообще было свойственно некое любопытство, заставлявшее их изучать анатомию и физиологию других рас.

Если бы она не являлась экспертом в своем деле, ее поймали бы уже при первом вторжении, ибо разум, в который она попыталась проник-

нуть, был защищен.

Она не спешила с выяснением того, кем или чем он был защищен. Существовало несколько систем защиты с возможностями различного уровня. Ее мысль скользнула за бастионы их бдительности еще до того, как они обратили на нее внимание. Она искусно прокралась внутрь сквозь топорную экранную разумозащиту Тахмея. Такие экраны были ходовым товаром, предназначенным для защиты обычного разума от мошенника-телепата средней руки, и прекрасно справлялись со своей задачей. Но они были бессильны против продвинутых методов проникновения.

Как же она была потрясена, когда обнаружила, что в разуме Тахмея не может ничего разобрать, за исключением того, что перед ней — разум человека по имени Дил, который последние десять лет являлся гражданином Гулла, а до того мирно проживал в соседней системе Ликанно.

Сей факт был столь же несомненен, сколь и данные микроструктурного анализа, которые этому противоречили. Никаких признаков неуклюжего склеивания участков искусственной памяти и характера, а живая и вполне зрелая личность. В ней наличествовало ровно столько шрамов от психохирургии, сколько положено иметь челове-

ку в его возрасте.

Однако если это действительно был Дил, то кому могло понадобиться вести телепатическое наблюдение за честным (в известных пределах), преуспевающим и совершенно незначительным жителем планеты? Она попыталась выведать хоть что-нибудь о неизвестной ей защите, но аура ледяной и всеобъемлющей бдительности, с которой ей пришлось периодически соприкасаться, недвусмысленно намекала, чтобы девонька не слишком испытывала судьбу.

— В конце концов, — сконфуженно объяснила она, — я не могла знать их потенциал.

— Не могли, — согласился Илифф, — но думаю, что вас остановило не это.

Ланнаи посмотрела на него с интересом. Ее звали Пэйгадан, и хотя она биологически была человеку не ближе какой-нибудь медузы, человеческий взгляд признавал ее весьма и весьма изящным созданием. Казалось несколько странным, что в досье Бюро она значилась как разум боевого типа, что предполагает, по меньшей мере, определенную безжалостность, не говоря уже о том, что на Гулле она, среди прочего, должна была исполнять обязанность палача.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она

дружелюбно.

— Я хочу сказать, — осторожно заметил Илифф, — что мне необходимы все маленькие детали, которые вы не сочли нужным сообщать Бюро. Начнем с вашего прилета на Ликанно.

— Понятно, — протянула Пэйгадан. — Да, разумеется, я прилетела на Ликанно…

Внезапно она улыбнулась, что, как показалось Илиффу, было необычайно обаятельно, хотя огромные серебристые глаза с черными квадратными радужными оболочками, которые трепетали, расширяясь и сужаясь при каждой смене настроения или света, не слишком-то соответствовали канонам человеческой красоты. Не больше соответствовали им и волосы, этакий мерцающий серебристый хохолок из чего-то вроде перьев, но Илифф решил, что все это вкупе создает образ необыкновенно привлекательной земной женщины в маскарадном костюме. По самым свежим из полученных им данных, внешность этой ланнайки пришлась бы по вкусу и более консервативным людям, нежели он сам.

— Вы такой умный человек, Агент Зоны, — глубокомысленно заметила она, — поэтому могу быть с вами вполне откровенна. Если бы я сообщила обо всем, что мне известно по данному

случаю (хотя по причинам, о которых речь пойдет позднее, на самом деле известно очень немного), Бюро почти наверняка отозвало бы меня. Они просто бесят тем, что все время следят, как бы я, выполняя задание, случайно не пострадала. — В этом месте ее взгляд отразил активное несогласие с таким положением дел: — Видите ли, поскольку я Ланнаи, моя жизнь имеет политическое значение.

Илифф понимающе кивнул.

— Отлично. На Ликанно выяснилось, что я вряд ли смогу выполнить задание самостоятельно. — Черные глаза расширились, Пэйгадан слегка вздрогнула, словно вспомнив о пережитом страхе: — Но я не хочу, чтобы меня отзывали. Мой народ, — чеканно продолжила она, — примет предложенный союз только при условии совместного разделения ответственности. Мы не желаем, чтобы нас спасали и защищали. Если станет известно, что даже лучших наших специалистов немедленно освобождают от выполнения обязанностей, как только выясняется, что те сопряжены с угрозой личной безопасности, это произведет крайне неблагоприятное впечатление.

— Понятно, — покорно сказал Илифф, вспомнив о том, что она была в некотором роде членом

королевской фамилии, так сказать, в Ланнайском эквиваленте. Он почтительно покачал головой:

— Бюро, — сказал он, — должно быть очень довольно вашей работой.

Пэйгадан пристально взглянула на него и рассмеялась:

— Не сомневаюсь, сотрудникам Бюро иногда бывает нелегко со мной, хотя я и умею подчиняться приказам. Однако в данном случае важнее было убедиться, что они не пытаются меня защитить, а намерены продемонстрировать здравый смысл. Поэтому я использовала, кстати, впервые, свое особое положение в Бюро и настояла на том, чтобы сюда прислали Агента Зоны. Однако уверяю вас, это задание таково, что здесь действительно не обойтись без профессионального умения и снаряжения.

— Хорошо, — пожал плечами Илифф, — это сработало, и вот я здесь, со своим умением, снаряжением и всем прочим. И что же такое вы обнаружили на Ликанно?

— Собранные там мною данные свидетельствуют о том, что пока человек по имени Тахмей из-за своей криминальной космической деятельности проходил по базе данных на маргиналов, человек по имени Дил тихо-мирно жил на четвертой пла-

нете системы Ликанно, редко выбираясь даже за пределы тамошней атмосферы по одной, но чрезвычайно веской причине — ярко выраженной космофобии.

Пэйгадан получила эти сведения отчасти из официальных данных, отчасти, причем гораздо детальнее, из бессознательной памяти порядка двух сотен людей, более или менее хорошо знавших Дила. Расследование, казалось, не давало поводов для сомнений, представив дело так, будто все его прошлое связано с Ликанно. Однако оно никоим образом не объясняло, как Дил смог физически перевоплотиться в пирата Тахмея.

Все помнили Дила высоким, белобрысым, очень здоровым, очень добродушным и весьма практичным малым. Но поскольку память всех его знакомых вряд ли была тренированной, то разнообразные события и особые приметы, связанные с ним, были или затуманены или преувеличены. Описание Дила, особенно с учетом прошедших лет, могло подойти и Тахмею. Правда, могло и не подойти.

Вот насколько Пэйгадан смогла продвинуться. Чиновники на Ликанно, впрочем, как и во всей Галактике, были ленивы и неповоротливы, поэтому идентификация граждан по микроструктурам

или чему-либо подобному не практиковалась. Дил там родился, вырос, значительно преуспел. Затем обиженный конкурент развалил его фирму, а развернуться в Системе снова бывшему бизнесмену не позволили.

У него были связи на Гулле, и после прохождения длительного и дорогостоящего курса лечения от космофобии он отважился на короткое путешествие, и ныне работал над тем, чтобы на новой родине получить столь же крепкое общественное положение, как и на бывшей.

Вот и все, за исключением того, что в какой-то момент его необычайное портретное сходство с Тахмеем усилилось вплоть до абсолютной физической идентичности.

— Я знаю, что дублирование живой личности в чужом теле считается почти столь же невозможным, как и существование микроструктурных двойников. Однако, похоже, что связка Тахмей-Дил — либо первое, либо второе.

— Либо, — пробормотал Илифф, — нечто третье. Это все больше напоминает одно из моих дел, о котором я предпочел бы забыть. Ну, и что же вы сделали?

— Если на Ликанно практикует биопсихолог, который втайне от всех смог разработать метод

личностного переноса в той или иной форме, он должен быть специалистом необычайно высокого уровня. Я проверила разумы тех, кому такой специалист мог быть известен.

— И нашли его?

Она покачала головой и состроила недовольную гримаску.

— Это он нашел меня. По крайней мере, я думаю, что это был он. Мне удалось зацепить несколько довольно многообещающих нитей, всего около полудюжины имен, но затем — это трудно объяснить — время от времени я чувствовала, что меня исследует другой разум. Это был разум необычайной силы, он знал о моих намерениях и средствах, которые я использовала. Фактически, в тот момент ему было известно все, кроме моего точного местонахождения. Он думал, что влияет на меня настолько сильно, что я открою ему и свои координаты, необычайно ясно показывая, как я близка к тому, что меня накроют.

— Так вы все-таки себя не раскрыли?

— Нет, — нервно усмехнулась она, — вместо этого я впала в акабу. Я провела так три дня и оставалась в этом состоянии еще довольно долго; я смогла выйти из акабы лишь на обратном пути на Гулл — оказавшись на торговом корабле. По-

видимому, я оставила собственный корабль на Ликанно и драпанула безо всяких колебаний. Хорошо, что все прошло успешно, хотя, разумеется, я ничего не помню.

— Да, за вами охотился мощный эспер, — покачал головой Илифф. Акаба была ошеломляющим оборонительным фокусом, у него уже была возможность видеть, как это проделывали представители других телепатических рас, если их преследовал недруг. Способность к акабе была присуща большинству из них, причем применялась совершенно непроизвольно, при этом преследователь ощущал, что приближается к некоему источнику света, и вдруг этот свет исчезал бесследно.

Согласно теории Лаборатории Департамента, в условиях стресса, вызванного психической атакой, могущей погубить телепата-одиночку, нечто вроде Сверхразума, общего для всей расы, автоматически вмешивается в ситуацию и по возможности организует бегство разума своего подопечного. Процедура проходит совершенно бессознательно и технически безупречно. Однако это оставалось всего лишь теорией, поскольку Сверхразум, если он существовал, конечно, не оставлял ни малейших следов своего вме-

шательства, за исключением краткой лакуны, абсолютной и необратимой амнезии. По неким причинам, столь же таинственным, как и все прочее, Сверхразум никогда не вмешивался, если несчастный телепат находился в непосредственной близости от своего противника.

* * *

Какой-то миг они глубокомысленно смотрели друг на друга, затем одновременно улыбнулись.

— Теперь верите, — с вызовом сказала Пэйгадан, — что эта задача достойна усилий Агента Зоны Веги и его команды?

— Именно этого я и боялся, — печально ответил Илифф, — однако, похоже, вам известно о Зонах Галактики гораздо больше, чем положено. Например, о моей команде — информацией такого рода владеют исключительно «на уровне Агентов Зоны и выше». Где вы нахватались?

— На Джелтаде, на уровне выше Агентов Зоны, — безмятежно ответила Пэйгадан, — хотя и не намного выше. Собственно говоря, в светских кругах. А теперь, когда я приоткрыла карты, вы намерены заняться Дилом вплотную? Я сумела познакомиться с ним и готова организовать вам встречу в любое время.

Илифф потер подбородок.

— Ну, если вы об этом, — сказал он, — то сегодня, сразу же по приземлении, старина Кассельмат уже забежал в несколько мест, взглянуть на деловых приятелей Дила. Они были в восторге от пробных парфюмов, которые были им предложены — у пройдохи, знаете ли, отличный товар, хотя довольно дорогостоящий. В конце концов, появился и Дил. Вам будет интересно узнать, что теперь он использует новый вид разумозащиты.

Ланнайка ничуть не удивилась.

— Естественно, моего фигуранта предупредили из Ликанно. Местные разумы ощущали, что я расследовала именно дело Дила.

— Значит, это свидетельствует о том, что могучий эспер, ввергнувший вас в акабу, не смог установить вашу личность. Поэтому теперь вас с нетерпением ждут и намерены выяснить, что вы успели накопать. Защита настроена очень тонко, и при малейшем прикосновении излучает вокруг себя нечто вроде оборонительного сигнала тревоги. Старина Кассельмат, разумеется, не должен был ничего почувствовать. Он лишь предпринял бесхитростную попытку разузнать, насколько можно нагреть Дила и его компанию.

Пэйгадан наклонилась вперед, в ее глазах блес-

нул интерес:

— И старине Кассельмату это удалось?

Илифф пожал плечами:

— Как обычно. Но кто-то почти сразу же начал изучать пройдоху-коммерсанта. Из его примитивного разума вытянули все возможное, хотя он об этом даже не догадался. Стало ясно, что бедняга безвреден, и этот кто-то ушел.

Пэйгадан слегка нахмурилась.

— Нет, — сказал Илифф, — это был не ваш эспер, а марионетки, хотя и довольно умные, подобные тем, с которыми вы встретились, когда попытались в первый раз подобраться к Тахмею. Но сейчас они приведены в состояние боевой готовности, и я не думаю, что мы сможем еще что-то узнать о Диле незаметно. Исходя из всего, что произошло с вами на Ликанно, кажется, что ответы на вопросы следует искать там.

Она удовлетворенно кивнула:

— Мне тоже так кажется. Значит, мы летим на Ликанно!

Илифф покачал головой.

— Полетит только один из нас, — мягко поправил он, и еще до того, как она озвучила вспыхнувшее возмущение, вкрадчиво добавил: — Это столь же необходимо для вашей безопас-

ности, сколь и для моей. Тот эспер, должно быть, сейчас уже довольно точно вычислил ваш внешний облик. Вы не сможете приблизиться к нему незамеченной. Если же мы будем вместе, это означает, что я тоже не останусь в тени.

Она подумала, затем очень по-человечески пожала плечами:

— Полагаю, вы правы. Каковы мои обязанности на время вашего отсутствия?

— Секретное наблюдение — очень секретное — за Дилом и его охраной. Каким образом Дил одновременно может быть Тахмеем или его частью, может объяснить только ваш эспер, и если совесть у него нечиста, а она, вероятно, нечиста, свидетели могут просто исчезнуть. В этом случае постарайтесь проследить, куда заберут Дила, но ни при каких обстоятельствах, слышите, не предпринимайте ничего, пока я не вернусь с Ликанно.

Черно-серебристые глаза изучали Агента с видимым любопытством.

— И надолго это может затянуться? — спросила Пэйгадан со столь замечательным самообладанием, что Илифф едва не прозевал тот факт, что эта нечеловеческая особа важного политического значения снова рассердилась.

— Исходя из того, что нам известно об этом разуме, он, вероятно, один из наших наименее законопослушных сограждан, — предположил он. — Так что отпустим на все про все пару дней.

Повисла напряженная пауза. Затем Илифф одобрительно проворчал:

— Смотрите-ка, так и знал, что вы — очень сдержанны.

Ланнайка задышала отнюдь не сдержанно.

— Я надеюсь, что вы хотя бы вполовину так умны, как полагаете, — тихо сказала она, — но почти готова поверить, что справитесь за пару дней.

— Справлюсь, — улыбнулся Илифф, — с моей-то командой!

Он встал и уже серьезно посмотрел на нее сверху вниз:

— Итак, если предоставите мне информацию, полученную вами от тех самых супер-биопсихологов на Ликанно, я немедленно приступлю к выполнению операции.

Она доброжелательно кивнула и заметила:

— Тем не менее, есть две вещи, о которых мне хотелось бы спросить, прежде чем вы уйдете. Первая — зачем вы весь вечер пытались проникнуть сквозь мою разумозащитную систему?

— В нашем деле никогда не повредит знать как можно больше о тех, с кем работаешь, — ничуть не смущаясь, ответил Илифф. — Большинство из нас — народ небезобидный. Но у вас необычайно мощная защита, я почти ничего не смог разузнать.

— Вы не смогли разузнать НИЧЕГО! — категорично заявила она, желая сказать что-то наперекор.

— Примерно так, совсем немного. Непосредственно в тот момент, когда вы читали мне лекцию о Ланнаи, какой вы гордый народ и не желаете, чтобы вас защищали, и все такое. В какой-то момент вы забыли о защите…

Он медленно воспроизвел в уме похищенную мысль: панораму тихого города, освещенного лучами рассвета, море многоскатных крыш цвета слоновой кости, хрупкие башни, тянущиеся к пылающему небу.

— Это Ла-Санкайа Прекрасная, мой город, моя родная планета, — произнесла Пэйгадан. — Верно, я подумала об этом и вспомнила, — она рассмеялась: — Какой вы все-таки умница, Агент Зоны! Ну и что это вам дало?

Илифф пожал плечами. Он все еще продолжал материализовывать фигуру старины Кассель-

мата, толстого, маленького, беспринципного землянина-торговца, чьи странствия по Галактике удивительно часто совпадали с исчезновением неблагонадежных и доселе неуязвимых ее граждан, а также с необъяснимыми изменениями прежде агрессивных политических курсов и бескровным падением коррумпированных правительств. Всезнающий, циничный, жадный, но обаятельный, и мало кто воспринимал его всерьез.

— Во-первых, Ланнаи — патриоты, — потемнел лицом Агент, — что, разумеется, делает вас потенциально опасными. В общем, я рад, что вы на нашей стороне.

Пэйгадан усмехнулась:

— Я тоже рада, в общем. Однако если позволите небольшую дерзость, определенно заслуженную вами — я бы хотела услышать ответ на мой второй вопрос; что заставило вас так встрепенуться, когда я упомянула о вероятной связи Тахмея с Гантскими пиратами?

Старина Кассельмат рефлекторно потер бесформенный нос.

— Это долгая и печальная история, — ответил он, — но если желаете знать, пожалуйста. Несколько лет назад я, можно сказать, прижал к

ногтю главаря этой мигрирующей шайки, великого и ужасного У-1, ни больше, ни меньше. Это произошло вскоре после того, как Конфедерация нанесла Гантскому флоту сокрушительное поражение. В конце концов, я решил, что подобрался к нему достаточно близко для того, чтобы со всей возможной деликатностью исследовать его разум, бр-р-р!

— Полагаю, вас отбросило.

— Вовсе не так быстро, как хотелось бы. Мерзавец знал, что я все время следил за ним, и поймал меня в ментальную ловушку. Это была механическая и очень мощная ловушка. Меня извлекали оттуда долго, а затем, чтобы я смог вернуться к работе, еще в течение полугода психоанализировали.

— Это было очень давно, — печально закончил Кассельмат, — но с тех пор, когда речь заходит об У-1, Гантских пиратах или чем-либо даже отдаленно о них напоминающем, мне становится не по себе.

Пэйгадан внимательно осмотрела свои великолепные ногти и мило улыбнулась.

— Агент Зоны Илифф, я передам вам необходимые материалы, а затем можете идти. Отныне я знаю, что способно заставить вас вздрогнуть.

* * *

Грузный человек с каменным лицом, сидевший за пультом управления, медленно прочесывал бороду пальцами, унизанными множеством перстней, — великолепную веерообразную бороду, черную, блестящую, всю сплошь в модных завитках. Его глаза были черны, как и борода, но выглядели странно тусклыми, отчего его часто принимали за слепого.

Впервые за долгую череду лет ему стало страшно.

Чуждая мысль не смогла проникнуть под Купол, хоть здесь защитные устройства не подвели. Он потянулся к боковому разрезу своего струящегося черного одеяния и извлек маленький серебристый конус. Осторожно поставив усилитель на пульт управления перед собой, он откинулся на спинку кресла, скрестил руки на огромном животе и наполовину прикрыл веки.

Почти сразу же им были восприняты ненаправленные мыслительные импульсы. Такие расплывчатые и безличные, что даже сейчас, когда он мог спокойно проследить их модифицированные следы — пусть и привлекшие его внимание, но этого не ощутившие и оттого не

замершие ни на миг — они поддавались лишь самому общему анализу. Однако незащищенная часть его разума все же отреагировала тогда на них, тупо и автоматически, что продолжалось почти целый час, а этого вполне достаточно, чтобы выведать практически все!

Драгоценные камни гневно сверкнули на его пальцах, когда он смел с пульта управления усилитель. Прибор треснулся об стену, рухнул на пол и, выпустив шипящий салют пурпурных брызг, затих. Импульсы замерли.

Чернобородый посмотрел на разбитый усилитель. Затем мало-помалу, почти незаметно, выражение его лица начало меняться. Вскоре он уже тихо смеялся.

Неважно, как ему удалось модифицировать и приспособить этот человеческий мозг для своих целей, но он оставался совершенно таким, каким был, когда им завладели впервые. Стоило ослабить контроль, и он автоматически возвращался к прежнему уровню эмоциональных реакций.

Он заставил его развить все свои зачаточные способности, пока силы не превзошли безмерно те, что присущи любому обычному представителю его расы. Ни одно человеческое существо, как бы одарено оно ни было, не могло сравниться с

тем, кому выпало счастье стать промежуточным хозяином для паразита Цитала. Даже Цитал не мог считать себя равным этому гипертрофированному человеческому интеллекту, он лишь управлял им, как человек управляет созданной им машиной, гораздо более мощной, чем он сам.

Однако знай Цитал человеческое отродье получше, выбрал бы себе более подходящего хозяина. Этот оказался в лучшем случае злобной бездарностью, и поскольку злоба в нем росла и развивалась вместе с силой, иногда приходилось прилагать титанические усилия, чтобы потакать капризам карлика, тупицы, который, однако, мог по приказаниям незримого хозяина творить чудеса. При малейшем подозрении, что его всесилию угрожают, он впадал в трусливое раскаяние и панику, колеблясь между животным страхом и животной яростью.

Поздно что-то менять, на данной фазе жизненного цикла Цитал прикован к своему рабу. Впрочем, данный носитель вполне соответствует его целям, он даже порой забавляет его своими причудами. И все же для новых Циталов, тех, кто появится на свет после следующей Смены, он будет подбирать более подходящие пристанища.

Одним из них вполне мог стать тот тайный

агент, что так встревожил его промежуточного хозяина. Совершенство его ментальной атаки являлось хорошей рекомендацией на эту роль.

Однако этого шпиона еще предстояло поймать.

* * *

Быстрыми волнами релаксации влияние Цитала распространилось по телу чернобородого человека и вернулось обратно в расслабленный мозг. План поимки почти созрел, сети расставлены, а громоздкая мыслительная машина промежуточного хозяина была более чем подготовлена для подобной работы.

Теперь, когда взятый под контроль страх и даже память о нем были нейтрализованы, носитель воспринимал происходящее просто как некую задачу, рассматривал ее, прояснял для себя, выдвигал гипотезы и делал выводы.

Все очень просто. Силки на шпиона будут расставлены с учетом добытой информации. Тем временем на Гулле Тахмей выступает приманкой для другого шпиона, чей нечеловеческий разум смог скрыться посредством мгновенного шокового рефлекса в тот самый момент, когда экс-пират был готов его схватить. Цитал был почти уверен, что эти двое сотрудничали, причем оба являются

агентами Конфедерации Веги. Ни одну другую организацию, которую можно было подозревать в использовании боевых разумов подобной мощи, не могла заинтересовать так сильно личность Тахмея.

Он, конечно, пока не готов бросить вызов Конфедерации, и какое-то время еще готов не будет, поэтому Тахмею может понадобиться новая форма укрытия. Однако, контролируя эту настырную парочку шпионов и обладая полученной от них информацией, все эти задачи станут легко разрешимы.

Руки чернобородого принялись неспешно двигаться по поверхности пульта, постепенно запуская в действие сложную сеть приборов.

План преобразился в краткие, методичные распоряжения.

* * *

Когда Цитал переместился в центральный зал Купола, его уже ожидали четверо посетителей — трое мужчин и женщина, представители высокой, красивой расы Ликанно. На всех обращенных к нему лицах застыло одно и то же выражение высокомерного нетерпения.

Все эти люди, а также некоторые другие, знав-

шие чернобородого просто как Психолога, много лет считали себя настоящими, хотя и теневыми правителями системы Ликанно. И это почти соответствовало истине.

При его появлении двое почти одновременно захотели заговорить.

Однако им не удалось издать ни одного членораздельного звука. Со стороны это выглядело так, словно чернобородый не сделал ничего плохого. Но тела всех четверых одновременно вздрогнули, словно подчиненные невидимой силе. Они застыли в неудобной позе, их лица исказил почти гротескный ужас, пока Цитал саркастично рассматривал их по очереди.

— Неужели нельзя обойтись без подобных аффектов, — дружески упрекнул он, — теперь, когда вы понимаете, кто я есть на самом деле? Раскаиваетесь, что хотели от меня избавиться, как от того мавра, который сделал свое дело? Позволю полюбопытствовать, молились ли вы на ночь?

Он сделал паузу, выражение дружелюбия постепенно стерлось с его лица.

— Да-да, сей сюжет мне известен, — заявил он, удобнее устраиваясь на низкой кушетке и внимательно осматривая свои ногти. — При обычных обстоятельствах мне следовало бы расстроить

ваши планы, не ставя вас в известность. Однако обстоятельства необычны, и, боюсь, отныне мне придется обходиться без вашей помощи. Некоторым образом, мне даже жаль. Наше сотрудничество было полезным и увлекательным. Для меня, по крайней мере. Но…

Он покачал головой.

— Даже я иногда ошибаюсь, — откровенно признался он, — и последние события достаточно ясно показали, что было ошибкой посвящать столь заурядных людей, как вы, а также вашего приятеля, чье отсутствие справедливо настораживает вас, в мои планы и эксперименты. Он, — добродушно пояснил Психолог, — вероятно, переживет вас на день или два. Странно, но факт, — с ухмылкой добавил он, — что своей чуть затянувшейся жизнью он обязан исключительно тому, что значительно отстал от вас в умственном развитии, поэтому я счел целесообразным удалить его из нашего тесного кружка первым.

Многозначительная ухмылка стала еще шире, и его, по-видимому, ничуть не огорчило то, что ни одна из побледневших как мел вытянувшихся перед ним марионеток не разделяла с ним этой лучистой радости.

— Ну что ж, — окончательно просиял он, — до-

вольно о грустном! Встречаются еще на нашем пути разумы, способные пробиться сквозь любую защиту, какую я только могу создать. Разумеется, я не желаю подвергаться подобному риску. Ваш друг проживет ровно столько, сколько потребуется, чтобы ввести меня в заинтересовавший меня разум (да, и еще одно маленькое уточнение: ваша раса никогда не перестанет меня удивлять!), который со временем станет мне полезнее, чем все вы вместе взятые. Возможно, он будет для меня столь же ценен, как тот, кого вы знаете под именем Тахмея. Пусть эта мысль скрасит вам последние мгновенья, кои, — заключил он, взглянув на перламутровый прямоугольник, приобретавший мерцающую видимость на стене позади четырех ликаннийцев, — уже на подходе.

Пара крепко сбитых мордоворотов вошла в помещение сквозь прямоугольник, отдала честь и замерла в ожидании.

Чернобородый кивнул им в ответ и ткнул большим пальцем в сторону неподвижной группки отверженных.

— Удавить их, — приказал он, — по очереди…

Некоторое время Психолог продолжал наблюдать экзекуцию, но затем почувствовал скуку. Поднявшись с кушетки, он медленно побрел

в сторону одной из шести стен зала. По мере того, как он приближался, она становилась прозрачной, и когда Цитал остановился перед ней окончательно, несколькими метрами ниже отчетливо проступили крыши зданий портового города Ликанно на планете Ликанно Четвертая, самого крупного города в системе Ликанно.

Он сладострастно всматривался в развернувшуюся перед ним панораму, наслаждаясь своей властью и уверенностью в ее непоколебимости. Ведь, как только что в очередной раз было доказано, он являлся абсолютным господином этого города, хозяином восьми миллионов проживающих здесь человеческих существ, а еще двух миллиардов обитателей Четвертой планеты, а также шестнадцати миллиардов, населявших Систему. Долгие годы ничто не угрожало его господству.

Тусклые черные глаза медленно обратились к двум солнцам Ликанно, которые в это время склонялись к горизонту. Методично рассредоточенные по Галактике, примерно около тысячи подобных солнц освещали аналогичное количество планетных систем, каждая из которых медленно, но верно опутывалась сетью Цитала. Чернобородый не питал иллюзий насчет того,

что Ликанно является значительным завоеванием — не важнее любой другой из разбросанных повсюду гуманоидных цивилизаций. Однако когда настанет урочный час…

Он пустился в размышления о галактической экспансии. Как ни странно, именно та его часть, что была человеческим разумом, тешила себя подобными мечтами. Паразит продолжал существовать в нем слегка обособленно, следя за чужими грезами, но не с наслаждением, а с тревогой наблюдая за очередной человеческой слабостью, которой, возможно, когда-нибудь придется воспользоваться.

Цитал не впервые убеждался в том, какой странный и сложный у человека организм. Разум промежуточного хозяина знал о своей связи с паразитом и своем подчинении ему, но никогда не осознавал ситуацию полностью и, по-видимому, привычно идентифицировал себя с Циталом. Удивительно все же, как эта сумасбродная раса может управлять Галактикой!

В центре зала послышалось слабое волнение, неприятные хрипы и дробный стук пяток по ковру.

— Плохо у вас стало получаться, ребята, неаккуратно, — холодно заметил Психолог, не повора-

чивая головы, — такие вещи нужно делать тихо.

* * *

Маленькому желтолицему человечку с глубоко посаженными глазами янтарного цвета досталось немало насмешливых и любопытных взглядов за два дня его пребывания в Старой Гостинице Ликанно.

Ничего другого он и не ждал. Даже в таких видавших виды космополитичных регионах его внешность казалась невероятной и почти непристойной. Безволосый купол головы плавно переходил в закругленную мордочку, безносый, и, по-видимому, желтый безухий скальп конвульсивно подергивался от волнения, точно бока коровы, осаждаемой паразитами.

Легендарная Старая Гостиница представляла собой паноптикум мутированных людей, чьи родные миры на любой цивилизованной звездной карте обозначались просто безымянными номерами. Наряду с ними можно было встретить представителей более редких гуманоидных видов, прибывших на Ликанно с торговыми намерениями, неразличимых друг от друга для среднего наблюдателя.

Гротескная внешность желтолицего человечка

обеспечивала ему законное место в упомянутой классификации. Его вид мгновенно приковывал к себе внимание и почти столь же быстро удовлетворял любопытство, так что никто не чувствовал особого желания познакомиться с уродцем поближе. Какая разница, кем он был, мутированным человеком или гуманоидом, главное, что он был платежеспособен и питал пристрастие к неброской роскоши. В гостинице строго следили за тем, чтобы постояльцы получали то, что хотели, и брали с них плату, а они, в свою очередь, не доставляли никаких хлопот персоналу.

Как успел заметить желтолицый, прогуливаясь по вестибюлю первого этажа, эффект привлечения и в то же время отталкивания особенно незаменим в том случае, когда кто-то проявляет к тебе повышенный интерес. Двое из охраны Психолога, за которыми он минуту назад проследовал к панорамному лифту, доставлявшему пассажиров к террасе на крыше, бегло изучили и без всяких сомнений смогли его идентифицировать. Накануне они его проверили — Тальпу, гуманоид из Центрального Звездного Скопления, торговец драгоценными камнями пяти разновидностей, три из которых на Ликанно не были

известны ранее. Парень, конечно, странный, но совершенно безвредный.

У телохранителей Психолога оставалось еще несколько шансов догадаться, но им не приходило в голову, что реальная опасность может предстать в столь экзотическом обличии.

Сам же Психолог, чье куполообразное жилище венчало собой одну из башен Старой Гостиницы, шансов не имел никаких. Следуя между телохранителями, он устроил беглую проверку гуманоиду, плетущемуся позади них, и нашел, что его разумозащита совершенно не отличается от тысяч обычных путешественников, утаивающих от посторонних свои коммерческие секреты. Подобную защиту он мог разрушить в мгновение ока и к тому же безо всяких усилий.

Однако столь внезапное воздействие приведет к тому, что маленький желтолицый уродец начнет биться в конвульсиях на полу вестибюля, что-то бессвязно лепеча, а это привлечет ненужное внимание. Цитал знал этих Тальпу — подлый трусливый народец, не годящийся даже в рабство.

Желтолицый человечек осторожно включил дополнительное защитное поле, которое было скрыто под основным, доступным для проверки

Психолога, в то время как поверхностные мысли Тальпу продолжали бегло плести узоры, укрывая оба защитных поля, причем на них не повлияли ни проверка, ни та, более глубинная, реакция, которую она вызвала.

Когда Психолог с компанией достигли лифта, гуманоид шел почти за арьергардом охраны и всего в нескольких шагах от Весьма Важной Персоны. Группа остановилась, один из охранников просканировал пустую кабину и затем посторонился, чтобы дать пройти Психологу. Эта секундная задержка входила в обычный ритуал. Желтолицый рассчитывал именно на нее, он не замедлил шаг вместе с остальными, и прошло не более полсекунды, прежде чем кто-либо из стражей Психолога осознал, как нечто робкое и незаметное, как тень, проскользнуло сквозь их ряды.

Момент был упущен — Цитал грузно шагнул в лифт, а маленький гуманоид, неизвестно как оказавшийся прямо позади него, вошел следом.

Одновременно было проделано еще два движения.

Пока он левой рукой нажимал кнопку, отправившую кабину наверх, от пола до потолка выросла невидимая стена. Мало того, она еще

и выгнулась в сторону охранников, заставив их отпрянуть, причем так мягко и неодолимо, словно их выдавила огромная пуховая подушка. Никогда еще на Весьма Важных Персон не нападали непосредственно на территории гостиницы, и шокированные охранники просто замерли у лифта, наблюдая, как он взмывает по серебристой шахте.

Как только кабина стала подниматься, желтолицый совершил свое второе движение. Он кольнул Психолога в шею крошечной инъекционной иглой и нажал на поршенек.

Разумеется, нельзя было просто так, среди бела дня, похитить самого влиятельного гражданина Системы, не вызвав при этом серьезного конфликта. Однако пока все шло по плану. Лифт остановился напротив апартаментов почти под самой крышей огромного здания, и у Агента в запасе оставалось в запасе еще около тридцати секунд, прежде чем охрана предпримет контр действия. Так что спешить было некуда.

От лифта до жилища Психолога было не более полудюжины шагов. С бородатого лица похищенного, пока они проходили мимо знакомой двери, не сходило выражение вялого удивления. Пройдя еще несколько шагов, оба оказались на открытой

платформе, где Илиффа ожидал взятый напрокат скоростной аэрокар.

На высоте десяти километров Агент приостановил резкий подъем и повернул на север. Вокруг блестящих горстей драгоценных каменьев — приморских городов — сгущались сумерки, но здесь, в вышине, зеленоватый свет главного солнца Ликанно еще бросал яркие блики на серебристый фюзеляж машины. Аэрокар летел все быстрее, ничто не могло настичь его, кроме лучей атмосферных наблюдателей, а их можно было пока не опасаться. Кроме того, любой преследователь должен был бы сначала опознать их среди мириад подобных машин, спешащих к порту и от него, а сделать это было необычайно трудно.

Аккуратно скатав вивогелевые муляжи с головы и рук, он бросил эту бешено конвульсирующую полуживую массу в мусорный бак позади сиденья, где ей предстояло быть раздробленной двигателем.

Покорный Психолог сгорбился сзади, его мутные глаза тупо смотрели прямо перед собой. Новый разумоблокиратор пока полностью оправдывал ожидания Третьего Координатора.

* * *

Узника допросили в маленькой долине, расположенной на необитаемом острове в приполярной зоне вдалеке от побережья. Когда аэрокар приземлялся, стая огромных хищников со змеиными шеями бросилась от него врассыпную, ибо он был гораздо крупнее всего, чем они привыкли питаться. Их сопение и недоуменный вой навели Илиффа на мысль о дальнейших операциях, требовавших осуществления в ближайшем будущем. Он послал им импульс безумного страха, настроенный на примитивный уровень ощущений подобных тварей, и это заставило их беспомощно корчиться на краю окружности радиусом в сотню метров.

В центре этого круга сидел на корточках Илифф, наблюдая за работой дознавателя.

Дознаватель представлял собой небольшой аппарат кубической формы и был крайне непритязателен на вид. Продираясь сквозь хитросплетения ментальной защиты Психолога тонко, но беспощадно, он все, что удавалось обнаружить, шаг за шагом перекачивал в разум Илиффа. Можно было бы, конечно, обойтись и без дознавателя, поскольку защита все же была не настолько

сложной, чтобы запутать опытного исследователя. Но это отняло бы гораздо больше времени, а времени, даже в самом лучшем случае, могло хватить лишь на то, чтобы извлечь наиболее важную информацию. Кроме того, дознаватель работал необычайно ювелирно, в то время как Илифф мог в спешке нанести подопытному разуму серьезные повреждения, к тому же Агент все еще решал, стоит ли убивать Психолога.

Когда дознаватель вступил в контакт с Циталом по второму разу, решение созрело. Прибор только что сообщил о чуждой форме сознания, которая произвольно пересекала линии поиска, не поддаваясь локализации.

— Данная форма сознания является доминантной в рамках данного субъекта. Однако ее связь с организмом осуществляется посредством иной формы сознания.

Дознаватель остановился. Удивляться он не умел, да и замешательство было ему столь же чуждо, но в том случае, когда он не мог классифицировать свою находку, он приостанавливал поток сообщений. Ему также мешал эффект, вы-

званный инновацией[1] разумоблокиратора, на взаимодействие с которой его никто не настраивал. Химические вещества блокиратора работали через посредство разумозащиты, замораживая гибкие в обычных условиях защитные структуры в сблокированные силовые сети, заставляя их изолировать нервную систему от питающих энергетических центров.

— Давай все, что есть! — потребовал Илифф.

Машина еще немного посомневалась, но затем ответила:

— Данный субъект полагает, что как только ему удастся преодолеть то, что вы называете разумоблокиратором, и сгенерировать в своем организме достаточное количество энергии, он окажется в состоянии уничтожить вас. Причем, немедленно. Однако данный субъект опасается, что подобное действие может нанести серьезные повреждения его организму. Поэтому данный субъект предпочитает подождать подкрепления в виде своих помощников, которые и должны вас убить. Данный субъект совершенно уверен, что

[1] Примечания: 1

Инновация — нововведение в области техники, технологии, организации труда или управления, основанное на использовании достижений науки и передового опыта, обеспечивающее качественное повышение эффективности производственной системы или качества продукции.

ждать осталось недолго.

Илифф хмыкнул. Ничего нового, конечно, но сообщение дознавателя все же заставило его поежиться. Утонченность его обычной молниеносной тактики не принесла никакой пользы.

— А то, доминирующее сознание, — спросил он, — понимает, что ты делаешь, и что ты мне об этом докладываешь?

— Данное доминирующее сознание понимает, что я пытаюсь сделать, — без задержки ответила машина, — но данное сознание не подозревает о том, что я докладываю об этом вам. Данному сознанию не известно о вашем присутствии и намерениях, поскольку данное сознание не обладает способностью получать чувственные данные. Данное сознание обладает исключительно способность к мышлению.

— Не так уж плохо, — кивнул Илифф, — тогда оно не должно обладать способностью вмешиваться в твою работу?

— Именно так, но лишь до тех пор, пока разумоблокиратор не позволяет ему восстановить энергопитание.

— Что известно о его втором — человеческом — сознании?

— Данное человеческое сознание спит и со-

вершенно беспомощно. Оно просто осознает, что происходит, но вмешиваться не пытается. Только разумоблокиратор закрывает мне доступ к необходимой вам информации. Если нейтрализовать его воздействие, иных препятствий не возникнет.

Илифф бросил недобрый взгляд на своего приземистого помощника, что, впрочем, тому было совершенно безразлично.

— За исключением того, — с горечью заметил он, — что я буду убит!

— Правильно, — согласилась машина с тупым безразличием. — Энергетические центры данного организма развиты гипертрофированно, теоретически они должны были исчерпать его жизненные силы еще много лет назад. По-видимому, данное чуждое сознание имеет отношение как к гипертрофированному развитию, так и к тому, что организм в целом успешно адаптирован к необычайным стрессам, возникшим в результате.

* * *

На исходе следующего получаса структура добытой информации, наконец, начала принимать определенную форму — форму, которая все

больше и больше беспокоила Илиффа. Он пока не знал, каким образом завершить задание, но уже понимал, что интуиция Третьего Координатора работает даже лучше, чем он сам предполагает.

Агенту Зоны давно уже пора было обратить пристальное внимание на систему Ликанно.

Илифф должен был бы сейчас радоваться, но вместо этого его бросило в холодный пот от страшного напряжения. Теоретически разумоблокиратор был неразрушим, но Цитал, а это был он, так не думал. Он лишь опасался, что если разбить блок защиты силой, то это может убить его промежуточного хозяина и, следовательно, его самого. Данное соображение пока удерживало паразитное сознание от подобных попыток. Это, а также то, что знали оба — он и его захватчик — их скоро отыщут.

Однако при каждом новом контакте дознаватель монотонно отмечал нарастание гнева и тревоги, с которыми паразит наблюдал за продвижением исследования. Поначалу он был настроен чересчур высокомерно, затем постепенно стал осознавать, что жизненно важные секреты все же вытаскиваются из одурманенного наркотиком человеческого разума, с которым он связан, и остановить этот процесс невозможно.

Теперь он был опасно близок к крайнему бешенству, и несколько раз ручная энергетическая пушка Илиффа уже примеривалась к сгорбленной фигуре Психолога. Промежуточный хозяин и Цитал умрут на месте, если потребуется. Но даже если они начнут агонизировать, Илиффу вовсе не светило находиться в этот момент в непосредственной близости от этого разума и той силы, которая могла при этом вырваться наружу. Время от времени он снимал дознавателя с линии расследования, когда казалось, что это может спровоцировать суицидальный взрыв. Зато остальные элементы структуры скрупулезно собирались по кусочку.

Это была трудная и необычайно кропотливая работа. Оставалось выяснить всего несколько важных моментов. Возможно, ему как раз хватит времени на то, чтобы…

Илифф вскочил, услышав, как взревела, перекрывая хор разъяренных плотоядных, доносившийся из-за стометрового оградительного круга, система оповещения, которую он заранее установил на аэрокаре.

— Два планетарных транспортных средства приближаются на низкой крейсерской скорости, — прокомментировало устройство, — сектор

четырнадцать, расстояние восемьдесят пять километров, высота — девятнадцать тысяч метров. Используются поверхностные психосканеры.

И, мгновение спустя:

— Вас обнаружили, шеф!

Спасители прилетели на несколько минут раньше, чем предполагал Агент. Но благодаря предупреждению, у него оставалось как раз столько времени, сколько было необходимо для дальнейших действий, и неуверенность и напряжение мгновенно исчезли.

Он выкрикнул команду дознавателю:

— Оставить процесс, затем самоуничтожиться!

Освобожденное от невидимых щупальцев тело Психолога грузно скатилось на землю, после чего неуверенно поднялось на ноги. Позади него дознаватель быстро выпустил облако шипящих звездочек, сплющился, превратился в колышущееся желе, затем снова затвердел, но уже бесформенной металлической грудой.

Несколько секунд спустя Илифф поднял аэрокар над верхушками деревьев. Видеоглобус был настроен на окружающую местность так, что каждый уголок маленькой, погруженной в темноту долины виднелся так ясно, словно был залит ярким солнечным светом. Почти в самом его

центре, дергаясь из стороны в сторону, двигалась фигура Психолога сквозь то, что выглядело для него почти абсолютной мглой. Он стремился выйти на открытое пространство. Возможно, чуждый разум понял, что его спасители прибыли и пытался привлечь их внимание, но Илиффу узнать об этом было не суждено.

Теперь все это уже не имело значения. Орудия на аэрокаре были нацелены на эту дерганую фигуру, а палец Агента лежал на спусковом крючке.

Однако выстрела не последовало. Плавно выскользнув на поле из-под деревьев, на экране глобуса появились тонкие пятнистые силуэты. Забыв о невидимом отпугивающем барьере, как только тот был снят, хищники спешили обратно, к месту недавно покинутого ими кровожадного пиршества. Внезапно они отклонились в сторону, заметив нечто новое, и стали неотвратимо окружать человека, беспомощно озиравшегося по сторонам.

Илифф слабо поморщился, повернул видеоглобус, настраивая его на более широкий охват, и направил аэрокар над береговой линией прямо в море. Этот маневр должен был обеспечить защиту от поверхностных сканеров приближавшихся преследователей и позволить осуществить но-

вый, теперь уже срочно необходимый запуск.

Конечно, коллеги Илиффа на Джелтаде будут польщены тем, что Цитал ошибся относительно прочности разумоблокиратора. Те краткие секунды, которые можно было прожить внутри хищного пятнистого клубка, этот злой гений, должно быть, потратил на то, чтобы любым способом освободиться от психопут и уничтожить все живое вокруг.

Попытка оказалась безнадежной.

* * *

Под утро, в пятом по величине городе на Ликанно Четвертой, небольшого роста человек в военной форме прошел вдоль доков маленького космического порта к огромному, на вид неповоротливому, но вероятно, дорогому транспортному кораблю, который был зарегистрирован им двое суток назад. Одной рукой он придерживал подмышкой пухлый кейс откровенно шпионского вида, какие были в употреблении только у сотрудников посольства Земли.

Объемистая ноша нимало не умаляла его достоинства, каковое все еще было характерно для большинства граждан древней Земли, считавших себя наследниками ее ратной славы.

Корабль, к которому он приближался, был окружен колеблющимся сферическим облаком света, похожим на гроздь многочисленных оранжевых гало, предупреждавших посетителей дока и просто любопытных зевак, чтобы они не подходили к нему ближе, чем на пару сотен метров.

Земляне были известны своим стремлением ревниво оберегать право на частную жизнь.

Военный, который напоминал Илиффа или желтолицего человечка, бывшего несколько часов назад постояльцем Старой Гостиницы, лишь своими габаритами, без колебаний прошел в зону, освещенную оранжевым. Нечеловеческий, с металлическими нотками голос резко обратился к нему в форме звука и психических шоковых волн, которые сотрясли бы обычного незваного гостя сильнее, чем прямой удар кулаком в лицо.

— Отойдите немедленно! Данное судно в соответствии с существующими правилами не подлежит досмотру. Дальнейшее продвижение без разрешения в зону, ограниченную световым барьером…

Внезапно голос умолк. Затем еле слышно продолжил:

— За вами наблюдают со стратостанции. Других сообщений нет. Мы можем вылететь немедлен-

но.

В восьмидесяти километрах над ними, на стратостанции, лейтенант флота, новичок с заостренными чертами лица, повернулся к своему капитану:

— А не может ли это быть..?

Искушенный в своем деле капитан сардонически улыбнулся.

— Нет, сынок, — мягко ответил он, — не может. Запомни хорошенько, это полковник Перритаф, недавно прикомандированный к Военному Комиссариату Земли. Мы проверяли его вчера утром в порту. Однако, — добавил он, — мы можем немного подшутить над полковником. Как только он соберется взлетать, световой барьер будет погашен. А когда он взлетит, ткни в него лучом и скажи, что задерживаешь корабль для досмотра, так как объявлена Общая Тревога.

— Но почему сейчас нельзя это сделать?

— Соображай, сынок, соображай, — благодушно поощрил его начальник. — Нельзя шутить со световым барьером! Кольнуть кого-то лучом может быть и не вредно. Однако есть риск, что от этого и корабль, и доки, и даже наша родная станция могут разлететься на куски, — все зависит от того, что и как уложено у него в трюме. Но

поскольку полковник находится внутри и должен лично контролировать погрузку, он не будет ничего взрывать, даже если мы слегка заденем его нежные земные чувства.

— Таким образом, мы узнаем, что у него на корабле, несмотря на дипломатическую неприкосновенность, — кивнул лейтенант, стараясь соответствовать капитанской манере усталого всеведения.

— На корабле не может быть ничего интересного, — мягко возразил капитан, вновь приводя подчиненного в замешательство. — В плане техники и вооружения Земля отстала от нас на добрую пару столетий, и так было всегда.

Это было не совсем так, но подобный взгляд был популярен в системе Ликанно, которая пережила короткий, но разрушительный конфликт со стареющей праматерью галактического человечества около пяти столетий тому назад, и потом еще около полутора столетий зализывала раны. Столь непредвиденный исход уже, разумеется, давным-давно получил надлежащее объяснение — жуткое невезение и вероломство землян — и об этом печальном инциденте вспоминали все реже и реже. Однако капитан все же бросил сердитый взгляд вниз, на отдаленный космопорт, даже не

сознавая, что же конкретно вызывает в нем такое озлобление.

— Сейчас он у нас покорчится, явно начнет верещать о своих правах, — пробормотал он: — Земляшки так носятся со своими драгоценными привилегиями!

Настала короткая пауза, во время которой оба вглядывались в видеоглобус, уставившись на корабль-задиру.

— Интересно, по какой причине объявлена ОТ? — наконец отважился спросить лейтенант.

— По слухам, чтобы поймать одного кривляку-гуманоида, — ухмыльнулся капитан. Затем он смягчился: — Скажу тебе, это такая важная птица, что правительство подняло весь флот! Между прочим, приказано стрелять в каждого, кто попытается улизнуть без идентификации.

Лейтенант попытался изобразить понимание, но у него ничего не вышло. Затем он повеселел и живо объявил:

— Парень выключил барьер!

— Хорошо. Наводи луч!

— Он…

От дока поднимался и рос звук, ясно слышимый в приборах, мягкий, но страшный свист рассекаемого воздуха. Опора, на которой поко-

ился столь неповоротливый на первый взгляд корабль, неистово задрожала. Больше ничего не произошло. Но и корабля там больше не было.

Побелев от испуга и удивления, лейтенант поднял расширенные глаза на капитана:

— Он что… взорвался? — прошептал он.

Капитан не ответил. Он побагровел, словно у него перехватило дыхание от возникшей вдруг сложнейшей проблемы.

— Взлетел — на космической скорости! — выдохнул он наконец: — Как он смог это проделать и не развалиться, ведь на его корпусе еще и луч плясал?!

Он запоздало засуетился и бросился к передатчику. И куда только девался его апломб вместе с остатками всезнающей усталости?!

— Станция 1222 вызывает флот! — визжал он в коммуникатор, — Станция 1222 вызывает…

* * *

Солнце Ликанно еще уменьшалось на экране заднего обзора, а Илифф уже быстро разбирал содержимое своего кейса с помощью маленького электронного секретаря. Вечер выдался тяжелый. Четвертая планета кипела как развороченный улей. Но Агент сделал почти все возможное, что-

бы преследователи не заполучили его обратно. Вскоре шумиха стихнет, а Ликанно с удивлением обнаружит, что в течение одной ночи стала в некотором роде более чистым местом, чем раньше. На мгновение Илиффу стало жаль, что он никогда не узнает, в каких выражениях настоящий полковник Перритаф выразит свое мнение о порядках, при которых любой самозванец может использовать его имя и положение в Системе.

Земные посольства всегда были готовы помочь представителям Конфедерации, не задавая при этом лишних вопросов. Во всех кровопролитных конфликтах ее крошечный, но беспощадный флот часто сражался бок о бок с кораблями Веги, хотя и не непосредственно вместе с ними. Земля не участвовала в Конфедерации, ее политика была совершенно независима от иностранного влияния. В целом Старая Планета не так уж сильно изменилась.

Когда Илифф отложил пустой кейс, тот же самый голос, что приветствовал его при появлении на корабле, заговорил снова. Как всегда, невозможно было определить, откуда он исходит, но казалось, что он гудит где-то чуть позади и выше пилотского кресла. Несмотря на забавное сходство с голосом Илиффа, нетренированное

ухо сочло бы его голосом робота. Каковым он собственно и был — представителем самого совершенного типа роботов, какой только успела создать научная мысль Веги и ее союзников.

— Два вооруженных космических судна, тип — ликаннийский истребитель, попытка перехвата! — объявил он. Прождав сколько было можно, он вкрадчиво добавил:

— Какие последуют указания?

Илифф, не поднимая головы, усмехнулся. Любой другой не заметил бы в этом стандартном вопросе ничего особенного, но он провел в обществе этого голоса около пятнадцати лет.

— Удирать, конечно, дорогой мой вояка! — мягко ответил он. — Прежде чем тебя спишут в утиль, будет еще сколько угодно таких потасовок.

Он улыбнулся шире от очень убедительной иллюзии, будто корабль в ответ сокрушенно пожал обтекаемыми боками и чудовищно вооруженными плечами. Однако это ощущение было лишь следствием внезапного рывка вперед, от чего солнце Ликанно мгновенно исчезло с экрана наблюдения.

В сущности, весь корабль являлся роботом — продвинутой версией непобедимого ударного корабля боевого флота Веги, только еще более

навороченного. Корабль мог бы без опаски померяться силами с парой-тройкой ликаннийских истребителей как в молниеносных маневрах, так и в стремительном безумии настоящей космической сечи. Пять его центральных мозговых процессоров были сконструированы таким образом, чтобы как можно точнее воспроизводить тип мышления самого Илиффа, что создавало почти идеальную гармонию между человеком и машиной. Помимо этого, и сама машина, разумеется, была необычайно умной и мощной, делая возможности человека поистине титаническими.

Илиффу даже не пришла мысль проверить, как исполняется его приказ, который оставил командиров истребителей гадать, а был ли на экранах какой-то неопознанный корабль? Приказ был выполнен даже точнее, чем если бы Илифф задал все параметры лично. Тем временем его мозг уже был озадачен новой работой, каковую он, пожалуй, любил меньше всего. Передатчик уже перекачивал предварительный рапорт о его действиях на Ликанно Четвертой почти через всю Галактику, на планету Джелтад, в Центральное Главное Управление Зонами.

А там его донесение вместе с несколькими тысячами других текущих рапортов было скорм-

лено необычайно сложному компьютеру. Тот, в свою очередь, незамедлительно изрыгнул их уже в перекроенном виде, распределив по тем или иным рубрикам.

* * *

— Пэйгадан не отвечает на луч персонального вызова, — вторично объявил робот.

— Может, просто не дошел ответ?

— На это ничто не указывает.

— Тогда не отключайся, пока не ответит, — сказал Илифф. Персональная телепатия на межзвездных расстояниях всегда была чем-то вроде циркового трюка, если только она не поддерживалась с обеих сторон техническими средствами значительно более мощными, чем те, что находились в распоряжении Пэйгадан.

— Однако очень хотелось бы знать, — проворчал он, — что заставляло Цитала так усиленно интересоваться Тахмеем! Скорее всего, возможность использовать его как промежуточного хозяина для следующего поколения. Если бы не нежная забота паразита о потомстве... — он сердито посмотрел на передатчик. Где-то в глубине сознания медленно и мучительно трепыхалась какая-то мысль, ловко ускользая от крючка по-

нимания.

— Ничего, скоро должна откликнуться Корреляция, — успокаивал он сам себя. — С теми данными, которые мы отправляли им пачками, они быстро разработают новый курс по делу этого парня.

— Вас вызывает Лаборатория Департамента, — сообщил робот. — Мне придержать их, пока вы не поговорите с Корреляцией?

— Пропусти, — вздохнул Илифф, — в крайнем случае, мы их отключим…

Из передатчика послышалось колючее стаккато щелчков, звучащее как нетерпеливое требование. Нахмурившись, он мысленно подстроил светящиеся шкалы, заставил включиться сенсоры, и из динамика, явно с середины фразы, прорвался тоненький голосок.

Илифф немного послушал его, а затем нетерпеливо перебил:

— Да поймите же, наконец, я отправил вам все сведения об использованной технологии, в деталях. Вы это сейчас получите и извлечете оттуда куда больше, чем я могу рассказать. Человек, от которого я их получил, был просто-напросто единственным оставшимся в живых членом группы, но именно он выполнял важнейшую

часть работы — непосредственно осуществлял личностный перенос. Я вычистил у него из головы и записал все, что он знал, но единственное, что я смог при этом понять, это лишь общий принцип.

Голос успел прочирикать скорострельный протест, но Илифф усилил напор:

— Хорошо, если он вам нужен прямо сейчас… Да-да, все верно, там не было субъективных изменений переносимой личности, я и не спорю, что это возможно. Они просто-напросто полностью переносили из одного тела в другое все, что необходимо для создания сознательного индивидуума. С любой мало-мальски объективной точки зрения это очень напоминает личностный перенос.

— Нет, они не занимались психохирургией, — продолжал он спорить, — за исключением того, что заполнили шестимесячный цикл пространства памяти, чтоб покрыть тот промежуток времени, когда Тахмей проходил курс лечения. То, что они использовали, можно определить как видоизмененный метод пересаживания живых рефлексивных моделей в электронные мозги робота. Сначала они полностью очистили разум Тахмея, нейтрализовали все имевшиеся ней-

ронные связи и все такое, вплоть до первичных непроизвольных рефлексов.

— Стадия «не-разумия»? — пропищала Лаборатория.

— Именно. Затем они погрузили ликаннийца Дила в состояние ступора. Выбор пал на него, потому что физически он чрезвычайно похож на Тахмея.

— Это, — назидательно скрипнула Лаборатория, — никоим образом не могло повлиять на ход эксперимента как такового. Они применяли парализующие химические реагенты?

— Думаю, да, это упомянуто в рапорте…

— О господи, вечно с вами, Агентами, не договоришься! Сколько они удерживали обе нервные системы в связи?

— Около шести месяцев.

— Понятно. Затем перекрыли поток, и получилось, что точная копия траектории нейронного импульса второго субъекта оказалась встроенной в нервную систему первого. Витализированная искусственная личность должна восстанавливаться с момента впадения в ступор и далее развиваться нормально. Ясно, ясно… а что произошло со вторым субъектом — настоящим Дилом?

— Он умер от судорог через несколько секунд

после того, как его привели в сознание.

Лаборатория ответила печальным щелчком:

— Обычное дело после длительного ступора, и знаете, это довольно часто создает угрозу успеху всего дела. Так, теперь рассмотрим несколько важных моментов…

— Корреляция! — резко произнес корабельный робот прямо в голове у Илиффа.

Скрипучий голосок из динамика съежился до отрывистого неровного свиста и затих.

* * *

— Я здесь, Илифф! Твой друг и советчик, капитан Службы Корреляции Рашалан собственной персоной. Ты пока еще не поймал этого птенчика Тахмея, а? Ты там не рядом с ним?

— Нет, — ответил Илифф. Он покосился на передатчик и к собственному удивлению почувствовал, что горло у него сжалось: — А что?

Рассказ занял около трех минут и закончился такими словами:

— Нам тут только что звякнули из Лаборатории, они пытались до тебя достучаться, но у них не вышло — в общем, они хотели, чтобы мы передали тебе вот что… Нейтрализация нервной системы, вследствие которой наступает ста-

дия «не-разумия», совершенно утрачивает свои свойства через два года. Обычно за этим следует восстановление личности оригинала, однако в данном случае этого не произойдет, так как все энергетические центры продолжали функционировать внутри личности Дила. Несомненно и то, что Тахмей также является частью системы, пусть бессознательно и не присутствуя в ней активно, поскольку он в данный момент не витализирован. Очевидно, что у Цитала не могло быть весомых причин интересоваться столь посредственной личностью как Дил. Теперь ты понимаешь, как все это связано друг с другом. Наверняка Цитал стремился к тому, чтобы это искусственное образование оставалось стабильным лишь до тех пор, пока продолжает существовать личность Дила. В тот момент, когда ее не станет, витализируется личность оригинала. Понимаешь, что произойдет с любым чужаком, который захочет познакомиться с ней поближе?

— Да, — пробормотал Илифф, — понимаю.

— Предположительно дальнейшие события будут развиваться по следующей схеме, — продолжал капитан Рашалан, — спусковой механизм, приводящий к Смене, вероятно, привязан к определенной ситуации. Подобных пусковых

ситуаций должно быть заготовлено великое множество таким образом, чтобы любая предсказуемая модель чрезвычайного происшествия могла с необходимостью отсылать к одной из них. Прибегая к крайним мерам, Цитал желал гарантировать уничтожение любому, кто сможет преодолеть его систему защиты. Это относится и к тому, кто сейчас пытается подобраться к нему вплотную. Так что тебе придется понаблю… — он оборвал себя на полуслове, — ага, это Зоны, они хотят связаться с тобой и дольше ждать не могут. Удачи, Илифф!

Илифф отключил передатчик.

После этого он примерно на секунду замер, тупо уставившись желтыми глазами на нечто невидимое перед собой. Затем спросил:

— Пэйгадан нашлась?

— В последние пару минут было несколько слабых откликов, — ответил робот, — по-видимому, она ничего не поняла, кроме того, что вы пытаетесь связаться с ней. Она также не может послать ответ с необходимой интенсивностью. Хотите отправить ей какое-то конкретное сообщение?

— Да, — откликнулся Илифф. — Как только от нее будет получен следующий отклик, посылай ей раз за разом следующее: «Убей Тахмея! Беги

с Гулла!» Именно так и как можно убедительнее. Даже ее ли сигнал прочитается плохо, эти несколько слов должны дойти.

— Вполне возможно, — согласился робот. Мгновение спустя он добавил: — Агенту Бюро не всегда удается выполнить задание, Илифф.

Прошло несколько секунд, прежде чем Илифф ответил:

— Не всегда не то слово, боюсь даже, что не часто. Но она способная, у нее есть шансы.

ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА УРОВНЕ АГЕНТОВ ЗОНЫ И ВЫШЕ

Описание:...паразитирующий разум внегалактического происхождения, случайно занесенный в нашу Зону и ныне широко распространившийся... В свободном состоянии представляет собой нематериальную, но когерентную[2] форму разумной энергии, склонную к высокой подвижности в пространстве.

---

[2] Примечания: 2

Когерентность (от лат. cohaerens — «находящийся в связи») — скоррелированность (согласованность) нескольких колебательных или волновых процессов во времени, проявляющаяся при их сложении. Колебания когерентны, если разность их фаз постоянна во времени и при сложении колебаний получается колебание той же частоты.

…базовый IQ[3] слегка превышает человеческий класс «А». Поведение…по большей части модифицируется на основе рефлекторной интуиции. Основные эпизоды собственного жизненного цикла осуществляются паразитом без соответствующего осознания и на данный момент объяснению не поддаются.

Жизненный цикл:…свободное состояние, обычно составляющее лишь незначительную часть жизненного цикла Цитала, может быть пролонгировано на неопределенный срок до тех пор, пока паразит не вступит в контакт с организмом, потенциально соответствующим роли «промежуточного хозяина». Кислорододышащие жизнеформы с нервной системой, в общих чертах совпадающей с человеческой по механизму действия и энергетическим центрам, удовлетворяют данной цели.

Войдя в контакт с хозяином, Цитал вызывает в себе некоторые изменения, позволяющие ему контролировать основные энергетические

---

[3] Примечания: 3

Коэффициент интеллекта (англ. IQ — intelligence quotient) — количественная оценка уровня интеллекта человека: уровень интеллекта относительно уровня интеллекта среднестатистического человека такого же возраста. Определяется с помощью специальных тестов. Тесты IQ рассчитаны на оценку мыслительных способностей, а не уровня знаний (эрудированности). Коэффициент интеллекта является попыткой оценки фактора общего интеллекта (g).

потоки организма хозяина. Затем он развивает нервные носители хозяина до величины, пятикратно превышающей прежний абсолютный предел аварийной перегрузки.

В типовом случае связки Homo и Цитала Ликаннийского, С-4, 17–82, наблюдалась локальная гипертрофия массы тканей центральной нервной системы, указывающая на наличие образований, защищающих организм от угрожающей ему перегрузки.

Преимущества того факта, что паразит придает организму носителя столь аномальную мощь и возможность действовать в окружающей среде оптимальным способом, очевидны, поскольку он оказывается нерушимо связанным со своим промежуточным хозяином на протяжении почти всей паразитической стадии своего существования и не способен выжить в случае его смерти. Он способен увеличить продолжительность биологической жизни промежуточного хозяина почти на неограниченный срок. Этому могут помешать лишь гибель носителя в результате стихийного бедствия, катастрофы и схватки с превосходящим противником.

Если данная стадия заканчивается естественным путем, Цитал воспроизводится, причем

единичный паразит разделяется на восемь форм, находящихся в свободной стадии. Промежуточный хозяин в процессе разделения уничтожается, и каждый Цитал, таким образом, приступает к инициации нового цикла.

От начальника ДГЗ, из службы Корреляции:

е) количество Циталов свободной стадии в первичной стае приблизительно равняется сорока девяти тысячам особей. Стая впервые проявила себя на планете Тоулер, где, за исключением менее тысячи индивидов, вступила в симбиоз с высшей из находившихся там жизнеформ.

Таким образом, становится понятным появление феномена так называемого Тоулеровского червя, прежде рассматриваемое как наиболее яркий пример внезапной ментальной эволюции видов. Агрессивный характер супертоулеровцев вполне соответствует особенностям Цитала. Полное уничтожение Цитала потребовало уничтожения всей стаи, за исключением индивидов, еще не внедрившихся в промежуточных хозяев;

ж) шансы на повторное вторжение подобной стаи в Галактику определяются практически как стоящие ниже расчетной;

з) угроза, исходящая от сравнительно небольшого количества остающихся в живых Циталов,

усугубляется решением выживших особей избирать в качестве носителей только представителей цивилизованных видов с высоким базовым IQ, способных развивать и поддерживать доминирующее влияние на целые культурные системы.

В рассматриваемом здесь типовом случае Цитал не только обеспечивал политическое доминирование системы Ликанно двенадцатого класса, но и расширил ее влияние натри близлежащие системы.

Поскольку все выжившие Циталы поддерживают друг с другом ментоконтакт, а личность и местонахождение ста восемнадцати выживших особей содержатся в рапорте Агента, предполагается, что особых трудностей избавиться от них до наступления следующего периода репродукции, который позволил бы паразиту распространиться по Галактике в объеме, представляющем серьезную опасность, не будет.

При этом операция должна быть проведена незамедлительно, поскольку репродуктивная деятельность первых Циталов по внедрению в хозяев со значениями IQ, близкими к человеческим, последовавшая за уничтожением Тоулеровских червей, должна занять в ближайшем будущем от двух до пяти стандартных лет. Разумеется,

опасность существенно возрастает вследствие их недавнего устремления выбирать и сохраняться в разумах хозяев с аномально высокими значениями IQ, считающихся особенно ценными в отношении предстоящей «Смены».

Опасность для цивилизаций, исходящая от подобных существ, вследствие их ментальной гипертрофии и пагубного влияния Цитала, трудно переоценить.

Проблема уничтожения выживших Циталов, или, при невозможности такового, всех подобных перспективных сверххозяев, должна быть воспринята не иначе, как задача чрезвычайной важности.

— Кому они это говорят! — печально воскликнул Третий Координатор. Он потер подбородок и потянулся к селектору.

— Пси-тестер! — позвал он, — ты слышал? Какова вероятность того, что кто-нибудь из Циталов мог внедриться в У-1?

— Необходимо допустить, — послышался ответ механического голоса, — что подобная попытка может быть вскоре предпринята. Акция, осуществленная вами против особей, перечисленных в рапорте Агента, не сможет воспрепятствовать одной из выживших приказать У-1

переместиться в другое, не известное нам место, где она сможет свободно в него внедриться. Вы рассчитываете, что за два дня, оставшиеся до нанесения удара, вам удастся собрать информацию, необходимую для завершения операции против Цитала. Однако за это время отдельные особи могут организовать бегство, а даже единственный Цитал, обладающий таким промежуточным хозяином как У-1, может привести к окончательному господству в Галактике данного вида. Галактические Зоны не имеют сведений о какой-либо другой форме разума, которая подходила хотя бы приблизительно для данной цели столь же хорошо.

— Да, — выдохнул Координатор, — думаешь, если бы они обработали У-1, то, принимая во внимание его возможности, он мог бы завоевать нас?

— Да, — ответил голос, — вполне.

Координатор глубокомысленно кивнул. Выражение его лица, казалось, было несколько напряженнее, а цвет — несколько пасмурнее, чем обычно.

— Что ж, в сложившихся обстоятельствах мы сделали, что могли, — сказал он, наконец. — Новый Агент будет на Гулле через одиннадцать

часов, плюс-минус час. Завтра их там будет уже шестеро. И в придачу — флотилия истребителей, готовых броситься туда по первому зову. Правда, боюсь, ни один не успеет вовремя, чтобы принести хоть какую-нибудь пользу.

— Вероятно, так и будет, — подтвердил голос.

— Агент Зоны Илифф прекратил контакты с нами, — продолжал Координатор. — Корреляция сообщила ему, что они идентифицировали Тахмея как У-1. Он на всех парах помчится на Гулл?

— Естественно.

— Бюро сообщает, они не могут связаться со своей сотрудницей на Гулле. Похоже, — совсем сурово закончил Координатор, — Агент Зоны Илифф отлично разбирается в потребностях текущего момента.

— Да, — откликнулся голос, — разбирается.

* * *

— Штаб ГЗ пытается прорваться, — сказал робот. Спустя мгновение он добавил:

— Илифф, один в этом поле не воин.

— Ох, если бы ты знал, как прав! Половина Департамента сейчас разгоняет движки, чтобы собраться на Гулле, но прилетят они туда поздновато. А ведь они знают то же, что знаем и мы, или

столько, сколько нужно для их же блага. Когда в последний раз ты получал сигнал от Пэйгадан?

— Больше двух часов назад.

Илифф помолчал секунду.

— Можешь прекратить сигналить, — наконец сказал он, — но будь открыт на прием, просто так, на всякий случай. И несись во всю мочь, пока мы не доберемся до Гулла!

После приземления потребовалось совсем немного времени, чтобы с достоверностью выяснить, что даже если Пэйгадан и находилась на планете, то была совершенно не в состоянии отвечать на какие-либо телепатические послания. Чуть позже — ведь он пребывал в убеждении, что осторожность сейчас не самое главное — ему открылся еще более значимый факт: то же самое можно было сказать и о персонаже, известном под именем Дил.

Следующий час, пока он перелопачивал добрый десяток разумов, превратился в кошмарную тягомотину. Зато были получены некоторые сведения о том, что эти двое, которых он разыскивал, отбыли с планеты вместе, но на этот раз без сопровождающих. Случилось это сразу после того, как он отправил Пэйгадан свое первое послание.

Он мгновенно послал эти сведения на стоящий

в доке корабль, добавив:

— Вопрос, разумеется, состоит только в том, кто кого увез. Я лично полагаю, что Пэйгадан впервые промахнулась. И все же, когда они покидали Гулл, она была в полной боевой готовности, а У-1 по-прежнему оставался Дилом. Корабль — яхта с одним пилотом, новенькая, только что купленная, заправленная топливом на пятьдесят суток. Никакого экипажа, о месте назначения ничего не известно. Немедленно передай всю эту информацию в штаб! Они ничего не смогут с этим поделать, но это все же хоть какая-то зацепка.

— Готово, — бесстрастно откликнулся робот. — Что дальше?

— Я срочно возвращаюсь к тебе, и мы полетим. Следом за ними, разумеется.

— Должно быть, сообщение она все же получила, — секунду помедлив, сказал робот, — но недостаточно отчетливо, чтобы понять, чего вы от нее хотите. Как ей это удалось?

— Похоже, здесь никто ничего не знает. Пэйгадан одним махом перебила всю его охрану, но все прошло шито-крыто. Банда Цитала, конечно, еще управляет планетой, они считают, что Дил и его похитители околачиваются где-то поблизости. Им только что сообщили из Ликанно, что там

возникли крупные неприятности, но негодяи опять-таки не знают, какие. А теперь они еще начали подозревать, что на протяжении примерно часа кто-то совершенно свободно копается в их мозгах.

* * *

Оба охранника, дежуривших во внешнем коридоре здания Управления Порта, обладали разумозащитой, которая была проста, но эффективна. Об этом свидетельствовало напряжение, проступившее на их лицах от самого факта приближения Агента, и то, как они расслабились, но лишь слегка, когда он прошел мимо. Илифф поспешил предупредить корабль:

— Держи свободным канал для связи со мной и посматривай вокруг. Охота начинается здесь!

— Док чист, нет достаточно крупных объектов для того, чтобы иметь отношение к делу, — тут же ответил робот. — Я проверяю верхний ярус. А что, дело плохо? Я уже через три секунды мог бы встать рядом с вами.

— Конечно, мог, да только ты, слоненок, загубишь попутно пару тысяч душ! Эта секция пройдена. Оставайся на месте. За мной идут двое, еще целая компания ждет за углом. На всех — ра-

зумозащита, как у государственной полиции.

И секунду спустя:

— Они намереваются использовать парализаторы, так что это не опасно. Циталовым прихвостням я нужен живым, хотят меня допросить. Что ж, позволю им поймать меня. Кстати, их интересуешь и ты! На нас настучали из Ликанно. Теперь они думают, что мы прилетели, чтобы забрать Дила и ланнайку с планеты. Как там обстановка у тебя?

— Тихо, но неспокойно. На расстоянии предельной видимости — несколько военных кораблей, но они слишком далеко, чтобы нам навредить. Правда, слишком много людей группируются вокруг, в радиусе до двухсот километров, они все носят разумозащиту и чего-то ждут. По-моему, готовятся применить стационарные космопушки, если мы опять попытаемся удрать без спроса.

— Так оно и будет. Ага, несут парализаторы!

Агент быстро шагнул за угол коридора и внезапно замер, словно пронзенный переливчатым фонтаном белого света, хлынувшего из сопла парализаторной пушки, удерживаемой тремя из восьми стоявших там человек.

Спустя мгновение фонтан автоматически иссяк. Силы оставили Илиффа не сразу быстро, он

успел мягко сползти по стене и расслабить мускулы, что придало его лицу выражение наивного удивления.

Один из расчета пушки шагнул к нему, повернул голову Илиффа и приподнял веко.

— Больше не опасен, — с удовлетворением объявил он. — Пробудет в таком состоянии сколько нужно.

Другой проговорил в наручный микрофон:

— Мы его взяли! Какие будут указания?

— Несите в машину скорой помощи у главного входа в здание! — протрещали в ответ, — отвезете в док 709. Нам нужно осмотреть корабль, и потерпевший понадобится, чтобы проникнуть внутрь.

— Так я и думал, — донеслось до корабля бормотание Илиффа. — Они скажут, что я попал в аварию или что-нибудь в этом духе, а потом предложат внести меня внутрь.

Мысль умолкла, но через секунду возобновилась:

— Эти ребята чего доброго вздумают вместо разрешенных правительством разумозащит применить решетчатые фильтры! Им ничего не известно, кроме того, что меня ищут, но бездействовать сейчас непозволительная роскошь. Придется взять их с собой. Готовься взлететь, как

только мы окажемся внутри!

Те восьмеро, что внесли Илиффа в корабль через нижний шлюз — шестеро тащили носилки, двое трусили за ними — были самыми крепкими ребятами на всем Гулле, бдительная, отлично обученная и вооруженная команда, готовая отразить любую угрозу. Однако в данном случае у них не было шансов.

Шлюз мгновенно и беззвучно закрылся, едва не прищемив пятки последнего из вошедших. Ожидающие у фальшивой машины скорой помощи не были столь наблюдательны, чтобы заметить замаскированные дюзы. Спустя мгновение из них вырвалось разъяренное пламя, и санитарный аэрокар закувыркался в мощном реактивном потоке воздуха, образованном силой взлета. Чудовищный грохот почти зримо расколол надвое пространство до самого горизонта, доки затряслись и затрещали, и корабль, как в прошлый раз, бесследно исчез.

Пару секунд спустя площадь космопорта вздрогнула вновь, на этот раз — от залпа единственной в округе стационарной космопушки, расположенной приблизительно в двадцати километрах от места событий. Именно на это орудие возлагались надежды расправиться с

беглецом. Еще до того как ужасный звук достиг доков, две пушки, находящиеся на противоположной стороне Гулла, также изрыгнули свои заряды чудовищной мощности, но их атака не достигла цели. Дело в том, что еще над полюсом корабль Илиффа покинул жалобно стонущую атмосферу с явным намерением перепрыгнуть на единственный спутник Гулла, по совместительству выполнявший роль единственной во всей Системе астрокрепости. Чтобы не задеть ее укрепления, огонь с поверхности планеты пришлось прекратить, а обретающийся на полпути к луне робот тем временем положил корабль на нужный курс и придал подобающее ускорение быстро расширявшейся спиральной траектории бегства.

Гигантские орудия спутника еще целую минуту беспорядочно сотрясали вакуум после того, как мишень тихо растаяла во тьме, уносясь далеко за пределы досягаемости оптических приборов.

* * *

Могло быть хуже, признался сам себе Илифф, и тут же задумался о том, что он, собственно говоря, имел в виду.

Он находился в промежутке между сознани-

ем и бессознательным. Покачиваясь, словно поплавок, в нирване оказываемой ему первой помощи, он казался себе развоплощенным разумом, покинувшим тело, в то же время смутно подозревающим, что его намерены вернуть к реальности, причем не слишком деликатным способом. Пришлось предположить, что сейчас с ним будут что-то делать, причем, скорее всего, что-то неприятное.

Затем он осознал, что робот уже давно верноподданнически бубнит у него в мозгу, кратко извещая о последних событиях и одновременно предпринимая попытки привести в чувство.

— Так что действительно все было не так уж плохо. Помяли их не очень, поскольку кораблю удалось удрать. Разумеется, Агент представлял себе в общих чертах, каким образом робот организовал побег под пушками взбешенной планеты и значительной части ее боевого флота, пока его хозяин — человек — и восемь обитателей Гулла, бесчувственные ко всему происходящему, зависли в силовом поле, которое окутало их в момент закрытия нижнего шлюза.

Двухметровая дыра с оплавленными краями, пробитая в отсеке, расположенном чуть ниже шлюза, разумеется, не была плодом злого умысла

конструкторской мысли. Просто в самый критический момент обстрела корабль вздрогнул от чувствительного удара энергетического снаряда, посланного вдогонку одной из гигантских спутниковых пушек.

Прочий ущерб, хоть и состоял из сравнительно небольших пробоин и вмятин, был совершенно непростителен, ибо явился естественным результатом легкомысленного пролета сквозь строй скорострельных боевых кораблей, какового с легкостью можно было избежать.

Илифф мечтательно обсудил, причем вслух, возможность полета на Джелтад, где кое-кого, а именно одну непокорную электронную личность, подвергнут серьезной эмоциональной коррекции. Лелеемая мысль не впервые приходит ему в голову, но до сих пор он всегда, в конце концов, склонялся к жалости. Теперь же обязательно проследит за тем, чтобы так оно и произошло. Причем поскорее…

На этом месте Агент очнулся и вспомнил о деле гораздо более срочном, нежели эмоциональная коррекция. Меры, предпринятые для пробуждения его ото сна, навеянного силовым полем, а также для нейтрализации полученной им дозы парализаторных лучей, оставили лишь ощу-

щение легкого недомогания. Правда, паралич еще продолжал действовать, пока он зевал и потягивался, гримасничая под действием некоей процедуры, похожей на пляшущие в его артериях пенистые пузырьки. Тем временем стальные щупальца робота перенесли мирно спящих гуллян в спасательную шлюпку, которая была выстреляна в вакуум, где, немного покружив в раздумьях, решительно взяла курс, на Гулл.

— Итак, наши дальнейшие действия, — заявил Илифф, как только жалобное хныканье SOS спасательной шлюпки стало затихать: — Беглецы не слишком обошли нас на старте, к тому же это не скоростной глиссер, а обычная межзвездная яхта. Если они направляются туда, куда, по моему мнению, они должны направиться, мы догоним их в любой момент. Но необходимо в этом удостовериться, поэтому срочно организуй сеть глобального прослушивания с центром, само собой разумеется, на Гулле. Настрой приемники на полную мощь, а телепатическое вещание — на предельный радиус. Если появятся хоть малейшие признаки перехвата, немедленно сообщи.

— Готово, — гулко прозвенел металлический бас.

— Прекрасно. Мы не будем телепатически

вызывать Пэйгадан напрямую, попробуем организовать бессознательный отклик. Теперь ясно, если только Корреляция не ошиблась, что вся проблема в У-1, но он сам этого может и не знать. По крайней мере, не сейчас. Отправь девчушке это…

За последнее время произошло слишком много событий, чтобы память могла мгновенно предложить нужную картину. Однако, поискав минутку, Агент ее извлек: тихий город в лучах рассвета, море многоскатных крыш цвета слоновой кости, хрупкие башни под пылающим небом.

Ответ поступил часом позже.

* * *

— До яхты меньше половины светового года. Можно мне подобраться незаметно и захватить на буксир?

— Валяй, но никаких буксиров! — Илифф глубокомысленно пожевал нижнюю губу. — Конечно, Пэйгадан больше не отвечала?

— После того первого бессознательного ответа — ничего. Но яхту могли блокировать от телепатии.

— В любом случае, тогда она была жива, — смиренно предположил Илифф. — Сообщи в Штаб

местонахождение яхты, передай, пусть прекратят рвать на себе волосы, поскольку У-1 сейчас действует самостоятельно, и любой Цитал, какой к нему приблизится, пожалеет, что родился на свет. Затем набрось на этот драндулет заморозку. Необходимо, чтобы он встал как вкопанный. Пожалуй, придется взойти на борт…

Он болезненно поморщился и добавил:

— Двигайся быстрей, приятель, но будь осторожен! На этой яхте не может быть тяжелого вооружения, но У-1 творил и не такие чудеса. Возможно, Циталу необычайно крупно повезло, и он больше не видел У-1. И вообще не вернулся на Ликанно. Хотя именно туда стремился.

— Штаб лепечет что-то о дружеских поздравлениях, — холодным тоном сообщил робот, — а также сообщает, что два истребителя Веги смогут догнать яхту через шесть часов.

— Здорово, — кивнул Илифф, — в случае, если получишь еще парочку сквозных дыр, они смогут оттащить тебя на буксире.

Заключенный в стальной пузырь бронекостюма, он уже продвигался к шлюзу. Странный обездвиженный корабль, до которого оставалось на самом деле еще несколько минут полета, появился на самом краю бортовых экранов, его нос

и бока поблескивали мириадами ледяных микроскопических игл морозильного поля, которое обволокло яхту подобно скопищу проголодавшихся пиявок. Любое движение или выброс энергии, на какой бы он оказался еще способен, были бы немедленно поглощены и рассеяны в вакууме. Корабль был надежно обездвижен и мог провести в таком положении несколько часов.

— А поле-то не расширяется, — проговорил Илифф, чей язык едва повиновался хозяину. — Этот парень хорошо знает свою технику. Ему удалось изолировать силовые ресурсы, теперь он сидит в полной уверенности, что мы не будем взрывать яхту, а подойдем поближе и попытаемся выманить его наружу. И самое неприятное во всем этом, что он прав.

Затем заговорил робот, впервые после того, как расставил криогенные силки на пути злополучной яхты.

— Илифф, — начал он безразличным тоном, — согласно существующим правилам вам не дозволяется предпринимать попытки взойти на борт корабля противника при обстоятельствах, граничащих с суицидом. Поэтому я уполномочен…

Голос запнулся, издав звук, означающий почти человеческое изумление. Илифф даже не оторвал

глаз от экрана, а через некоторое время сухо произнес:

— Я немного поработал над твоими импульсами, дружище, пока не обнаружил устройство, которое позволяло тебе вмешиваться в мои дела ради моего же блага. Этого устройства в тебе не было уже много лет, стало быть, его смонтировали, когда ты стоял на капитальном ремонте.

— Глупо было так поступать, — обиделся робот, — я вовсе не имел возможности действовать вопреки вашим решениям, шеф, включая суицид, если он оправдан в сложившихся обстоятельствах. Но это совершенно не тот случай. Вам следует либо подождать подхода истребителей, либо позволить мне взорвать У-1 вместе с яхтой, без особенных раздумий о судьбе сотрудницы Бюро, хотя она, без сомнения, небезразлична Департаменту.

— Галактическим Зонам тоже это небезразлично, — заявил Илифф, — они предпочитают, чтобы Пэйгадан осталась в живых.

— Очевидно, что важность этого несравнима с важностью уничтожения У-1, коль скоро представилась такая возможность. Зверства, совершенные им в качестве главы Гантских пиратов, включают уничтожение нескольких

обитаемых миров. Если вы позволите ему уйти, он получит возможность продолжить свою блестящую карьеру.

— У меня нет ни малейшего желания позволить ему уйти, — мягко возразил Илифф.

— Мои ограничены, — напомнил робот. — В известных пределах я, разумеется, превосхожу вас, шеф, но, если за них выхожу, мне необходимы ваши указания. Если вы попытаетесь силой проникнуть на яхту, логично предположить, что вы погибнете, а из-за телепатической блокировки я не смогу узнать о вашей смерти. В таком случае нельзя гарантировать, что я смогу воспрепятствовать У-1 осуществить побег до того, как прибудут истребители.

Илифф внезапно побелел и издал раздраженный возглас. С трудом взяв себя в руки, Агент медленно вдохнул полной грудью:

— Боюсь я его! — пожаловался он, несколько изумившись собственной откровенности: — А ты мне совершенно не помогаешь. Прекрати давать советы и послушай для разнообразия!

Успокоившись, он продолжал:

— Вполне возможно, что ланнайка уже мертва. Но если нет, вряд ли У-1 убьет ее, пока не узнает, на что мы нацелились. Положение отчаянное:

как только он поймет, что мы с Веги, то не будет даже пытаться вступать в переговоры. Но также он поймет, что пока мы считаем Пэйгадан живой, будем бить по нему осторожно. Поэтому стоит рискнуть и попытаться вытащить девчушку оттуда. А вот что должен делать ты. В первую очередь, ни при каких обстоятельствах не приближайся к драндулету ближе, чем на расстояние средней лучевой досягаемости. Кроме того, когда я буду почти у самой яхты, ты должен будешь нацелить буксир с манипулятором на носовой люк, чтобы в нужный момент его открыть. Это позволит мне проникнуть внутрь неподалеку от капитанского мостика, где и должен находиться У-1. Дальше. Пока я буду внутри, телепатическая блокировка не позволит мне связываться с тобой. Если блокировка будет внезапно отключена, и я начну отдавать тебе изнутри приказы, не подчиняйся! Скорее всего, я буду выполнять волю У-1. Тебе все понятно? Приказываю тебе не подчиняться никаким моим последующим приказам, до тех пор, пока не вернусь на борт.

— Понятно.

— Хорошо. Что бы ни случилось, покружись вокруг яхты еще минут двадцать после того, как я окажусь внутри, а по истечении этого времени

взорви. Если Пэйгадан или я, или мы оба выберемся оттуда до истечения этого срока — отлично, но не подбирай нас, не позволяй взойти на борт и не обращай никакого внимания на наши указания, пока не сожжешь яхту. В этом случае, даже если У-1 попытается управлять нами, это его не спасет. Если он выйдет оттуда сам, с нами или без нас, в спасательной шлюпке или вооруженный, расстреляй его немедленно. Лаборатория, конечно, жаждет заполучить его мозг на исследование, но на сей раз ей придется обойтись без трофея. Усек?

— Да, шеф.

— Тогда скажи, можешь представить себе еще какой-нибудь трюк, который позволил бы гаду выйти сухим из воды?

Робот помолчал немного и ответил:

— Нет, я не могу, но У-1 наверняка может.

— Да, он наверняка может, — признал Илифф, — но не за двадцать минут. А минут у него будет даже меньше, потому что вскоре для него наступит горячая пора, и не просто горячая, а очень, очень! Возможно, мне не удастся схватить гада, но уверен, что слегка поморочу ему голову!

* * *

С самого начала все пошло вкривь и вкось, но об этом лучше было не думать.

Пока в списке достижений Илиффа не значилось проникновение во вражеский корабль, управляемый искусным и отчаянным пилотом, к услугам которого был целый ассортимент головокружительных трюков. Яхта могла унестись к звездам со скоростью, многократно превышающей скорость, света, причем энергию переноса с необычайной легкостью превратить в смертоносную ловушку для незваных гостей.

У-1 знал свое дело туго, да еще постоянно совершенствовался. Правда, особых причин подозревать, что его подслушивают, у него не было. Во всяком случае, до тех пор, пока он не поймал и не заблокировал телепатический луч Илиффа. Но последнее было маловероятно, поскольку мерзавец не смог взломать разумозащиту Пэйгадан, не убивая ее.

Оставались кое-какие шансы на то, что пират узнал о преследовании меньше часа назад, и у него не было времени как следует подготовиться к абордажу. По крайней мере, Илифф на это надеялся.

Агенту понадобилось целых четыре минуты, чтобы покрыть расстояние до поблескивающей, словно капелька ртути, яхты, в то время как корабль-робот начал обходить ее по кругу на безопасном расстоянии. Это было необходимой мерой, ибо у У-1 не было никакой возможности ударить по оседлавшему буксир человеку в скафандре, пока тот не попадет внутрь яхты. Однако краткий всплеск эмоций, испытанный Илиффом на корабле перед выходом в вакуум, прозвенел тревожным звоночком, что его самоконтроль внезапно и необъяснимо упал до предела, который едва ли можно назвать здравым.

Время от времени Агент, как всякий нормальный человек, испытывал страх, но это совсем другое дело, лишь однажды ему довелось познать чувство, сравнимое с безграничным, всеобъемлющим ужасом, которое в данный момент было отделено от его разума чем-то вроде тонкой и хрупкой пленки. Это произошло на тренировочных испытаниях, устроенных Лабораторией.

Однако он знал, что сейчас лучше не пытаться анализировать данный феномен. Если попробует, то этот кошмар может реализоваться во время атаки, тогда результаты наверняка окажутся плачевными, если не фатальными.

Существовали и другие способы взять себя в руки, простые, но весьма эффективные, которые в оставшиеся несколько секунд помогли бы ему овладеть собой.

Например, невозможно отрицать тот греющий душу факт, что во время на редкость своевременной ликвидации опасности, грозящей Галактике со стороны Цитала, нежданно-негаданно подошла к завершению — вот уж подарок матушки-судьбы! — и длительная охота на одного из самых беспощадных врагов Конфедерации. За спиной Илиффа, словно персонифицированная месть самой Веги, маячила чудовищная машина возмездия, которая грациозно вершила свои геометрически безупречные витки вокруг обреченной яхты. Каждый завершенный означал, что истекла еще одна минута из тех двадцати, отпущенных на остаток жизни пирата.

Разумеется, жизнь Пэйгадан могла оборваться еще раньше, если ланнайка вообще еще жива.

Однако Агент был здесь бессилен. Если бы он стал дожидаться истребителей Веги, у несчастной ланнайки не осталось бы никаких шансов. Ни одно нормальное существо не выдержит дополнительных шести часов ментального давления, которое окажет У-1 на ее и без того разрушаю-

щиеся защитные системы, чтобы выжать всю возможную информацию.

Действуя так, как он действует, Илифф предоставляет ей наилучший шанс из всех возможных. По иронии судьбы, единственно возможной альтернативой немедленному убийству У-1 была активация одной из тех спусковых ситуаций, о которых предостерегала Корреляция. Таким образом, пират возвращался к своей собственной варварской личности, которая определенно воспротивится попытке Цитала вновь подчинить его себе ради их совместного блага.

* * *

Ждать эти несколько часов, отправиться на Гулл самому и осуществить операцию могло стоить гибели целой цивилизации. Немного колебаний, и Департамент направит туда сотрудника Бюро, причем обычным путем, то есть официально, рискуя тем самым поставить под угрозу альянс с Ланнаи.

Нет, выбора у Илиффа практически не было. Как облегчение пришла мысль, что на данный момент его собственные шансы выжить представлялись столь же эфемерными, как и у Пэйгадан. На самом деле осознавать превосход-

ство противника Агенту было не впервой. Лишь осознанное стремление всегда нападать первым, ментально или физически, выбирая время, место и способ, позволяло ему побеждать, сталкиваясь с теми чудовищными разумами, что составляли предмет забот Департамента. Кроме того, за его спиной всегда возвышалась несокрушимая мощь Конфедерации, к чьей помощи мог прибегнуть любой из Агентов, как и когда ему было угодно.

Но сейчас хорошо знакомая ситуация выглядела совершенно иначе.

У-1 погубил себя сам, причем столь же несомненно, как если бы его погубили люди, но все же у него оставалась возможность выбрать способ нападения и заставить противника его принять. Таким образом, поединок будет развиваться по плану, автором коего будет не Илифф. На этот раз у Агента будет другая роль — представлять сбитую с толку жертву. Он будет втянут в борьбу, в которой ему, возможно, предстоит пасть, как и когда то будет угодно охотнику.

В отчаянии он отвлек свои мысли от грядущей западни. Но было слишком поздно, беспредельный ужас затронул его мозг одним кратким касанием, и Агент понял, что шансы на победу уменьшились еще на какую-то величину.

Затем, затмевая собой колючие звезды, перед ним выросла блистающая громада яхты. Включив тормозные дюзы буксира, он напомнил себе, что иногда загнанная в угол жертва способна напасть на охотника. Но в любом случае, он не привык бросать дело на полпути. А еще — ему очень нравилась Пэйгадан.

В полной боевой готовности, ввинчиваясь в носовой шлюз яхты, он уловил краткую мысль, подброшенную роботом:

— У-1 ждет тебя! Все шлюзы открыты изнутри.

Протяжный вздох Илиффа означал одобрение логики оппонента. Мембрана шлюза действительно мягко раскрылась перед ним — У-1 не было никакого смысла испытывать ее на прочность против гораздо более мощного буксира, который попросту смял бы эту хрупкую преграду. Очень осторожно буксир вместе с Агентом — большой шарик из зеленоватого крепкого сплава, сцепленный с маленьким — подплыли к отверстию и проникли внутрь.

Внутри было спокойно: ни мощного силового поля, ни бурлящих потоков лучевой энергии. Терзавший Илиффа еще минуту назад аномальный ужас съежился до вялых всплесков тревожности, которые постепенно ушли в глубь разума и окон-

чательно улеглись на дно.

Операция началась.

Пройдя мимо одного из внутренних датчиков, он почувствовал, что миновал телепатический барьер, скрывавший от него все происходившее внутри яхты. В этот момент он снял защиту и отпустил свой разум просканировать корабельные отсеки с максимально возможной скоростью.

Он уловил краткие, сбивчивые ментосигналы Пэйгадан. Никаких сообщений, не было даже осознания появления спасителя, лишь бессознательные посылы разума, еще живого, но до предела истощенного, с явными признаками нахождения на грани безумия. В тот же миг они исчезли. Что-то непреодолимое возникло между ними, что-то, похожее на плотный туман, окутавший разум ланнайки.

Илифф вовремя включил разумозащиту, но все равно физически покачнулся под действием сильнейшей ментальной атаки, какую он когда-либо испытывал.

Мощнейший разрушительный импульс резанул его мозг точно лезвие огромной бритвы, раз, другой, заставив помутнеть взор и основательно встряхнув нервные центры, и исчез, прежде чем Агент успел понять, что это было.

Ослепительный сноп субатомного пламени вырвался из ствола стационарного аннигилятора, установленного на капитанском мостике. Сквозь сияние в лицо Илиффу ударили два тонких, как карандаши, луча, проникая, казалось, в самую глубину его мозга. Он прыгнул вперед, не обращая на них внимания. Фантомные лучи были совершенно безвредны для живых существ, их назначение запугивать и сбивать с толку.

Субатомный огонь — другое дело. Панцирный скафандр Агента мог выдержать его воздействие не долее минуты. У-1 вел атаку со всех сторон. При этом серьезных попыток воспрепятствовать проникновению Илиффа на мостик не было, Агенту давали возможность туда пройти.

Он сразу же увидел Пэйгадан, ему предоставили такую возможность. Она сидела, на полу посреди узкого коридора всего в метре от рельефного пульта управления, подойти к которому препятствовали непрерывные голубоватые струи огнеметных очередей. На ней был скафандр обычного типа, оружия в руках не было. Девушка сидела лицом к нему, прямо и неподвижно, закрывая проход, поскольку скафандр мгновенно вспыхнул бы от малейшего прикосновения той адской энергии, что рвалась наружу в столь опас-

ной близости от ланнайки.

У-1, очевидно, давал понять, что поскольку человек пришел сюда, чтобы вызволить свою напарницу, не стоит убивать хозяина яхты. Агент признал логичность этого соображения, пытаясь проскользнуть мимо пульта вдоль противоположной стены, чтобы оттянуть огнеметы на себя. Пока он проделывал это, нечто вроде огромного жука выскользнуло из-за массивной твердосплавной панели пульта управления и вновь скрылось из виду. Он понял, что У-1 пользуется бронекостюмом почти столь же мощным, как и панцирный скафандр, ведь ранее это была часть служебной экипировки Пэйгадан.

Оставалось лишь предпринять банальную фронтальную атаку с включенной разумозащитой, ударив поверх стальной плиты собственными аннигиляторами.

Если он сможет сделать это, то почти наверняка одержит победу, да и Пэйгадан не пострадает. Поэтому все, что суждено Илиффу в дальнейшем, произойдет в те мгновения, пока он будет пересекать коридор, чтобы добраться до пирата.

Ставка была сделана на то, что панцирная броня выдюжит.

Прошло не более восьми секунд с того мо-

мента, как Агент вошел в коридор. Станковый аннигилятор, укрепленный на бронированном нагруднике, метал в центр тведосплавной плиты, за которой укрывался У-1, одно плазменное облачко за другим. Вскоре удивительно тугоплавкий полуметалл-полупластик не выдержал многомиллионноградусной температуры — он перестал быть твердым телом и перешел в иное агрегатное состояние. Казалось, что стоит добавить еще чуть-чуть мощности, и последнее укрытие заклятого врага Конфедерации превратится в лужицу вырожденной материи, окруженную уродливыми потеками сваренного заживо белка. Как бы не так.

В тот же миг сквозь возникшую в плите брешь яростно засверкали огнеметы У-1. Илиффа с такой силой отбросило от изуродованного пульта, что он еще долго не мог опомниться.

* * *

В какой-то момент бесконечно тянущейся агонии ему показалось, что сжимающая, словно в гигантских тисках, сила вдавливает его в корпус корабля. Затем давление внезапно прекратилось, и Агент свалился на пол. По крайней мере, на какое-то мгновение он оказался не на линии огня.

Он ощущал себя прескверно. Раздробленная кисть правой руки болталась в гермоперчатке, словно связка сосисок, и отозвалась дикой болью, когда он попытался опереться о стенку, чтобы встать. По всему телу разорванные мускулы и нервные волокна не спешили подчиняться приказам мозга, который привычно интерпретировал физическую боль лишь как сигнал опасности. Активировать хотя бы один из инструментов могучего панциря было решительно невозможно.

Агент находился как бы в двойных веригах: в бронированном гробу весом в две с половиной тонны и в собственном изуродованном теле, отдельные части которого бились в конвульсиях, а другие не подавали признаков жизни. Однако под скорлупой многочисленных защитных устройств мозг Илиффа жил и отдавал приказы, в то время как разум, то есть его индивидуальность, почти не был задет физическими разрушениями и лишь напрягся в ожидании, как свившийся в кольца питон.

Агент прекрасно осознавал, что произошло. Один из циклопических ударов его аннигилятора вошел в резонанс с импульсом вражеского огнемета. Гравитационное поле получило чу-

довищную накачку и взорвалось. Панцирная защита сработала на всплеск гравитации почти мгновенно, но все же недостаточно быстро, чтобы спасти Илиффа.

В этот момент к нему в разум проник У-1, прощупывая, насколько противник беспомощен, откровенно намереваясь его убить. При непосредственном контакте прожечь насквозь массивную, но уже не активную броню, будет делом нескольких минут, если не секунд.

Илифф смутно ощутил, как пират вышел из-за искореженной панели и направился к нему. Он чувствовал, как все еще осторожно, но неумолимо чужая мысль прощупывает его мозг, а когда пират приблизился, вражеская разумозащита приоткрылась в ожидании триумфа. Вот он, момент истины! Илифф прикрылся собственной защитой и нанес разящий удар.

Никогда раньше Агент не осмеливался концентрировать разрушительную энергию такой мощности, какую обрушил в этот момент на разум У-1. Поскольку это являлось для человеческого организма своеобразной перегрузкой, подобной резонансу, взломавшему гравитационное поле — свет в очах Илиффа мгновенно померк. Вкус соленой крови во рту, ощущение

сдавленности в натужных легких, подергивание истерзанных болью нервов — все исчезло в один миг. Внезапно и полностью лишенный какой бы то ни было информации извне, Илифф превратился в бесплотный дух, вступивший в смертельную схватку с другим духом.

Атака должна была сотрясти даже закаленную в боях душу У-1. Физически она остановила негодяя на полпути, заставив замереть на месте, словно под действием парализатора. Однако после первого, почти гибельного удара пират попытался восстановить разумозащиту, но безуспешно. Вспомнив, что лучшая защита — это нападение, он нанес Илиффу собственный удар. Без самоубийственной ярости, но неумолимый и бесстрастный. Удар огромной ментальной силы, которая если и сдает позиции, то, во всяком случае, очень медленно.

После этого борьба зашла в тупик, что давало пирату в данном случае некоторое преимущество. Оба понимали, что физической жизни Илиффа осталось на несколько минут, хотя, возможно, только сам Агент понимал, что его разум погибнет еще раньше.

Внезапно в его сознание словно ударила молния. Он было подумал, что это пришла за ним

Костлявая Леди, но молнии били снова и снова, пока Агентом постепенно не овладело удивление и торжество: а ведь это не его, а другой разум разрывался на части! Разрушался, рассыпался на отдельные мысли и гештальты,[4] одним словом, агонизировал, хотя еще сам этого не понимал и по-прежнему продолжал бороться с Илиффом и с кем-то еще, находящимся совершенно вне понимания Агента.

Потом его удивление угасло вместе с остатками сознания, которое все еще неуклонно сражалось с ненавистным врагом, не желавшим умирать.

* * *

Голос сделал краткую паузу и затем добавил:

— Отправьте это в Лабораторию. Ее руководству будет приятно узнать, что на этот раз, в виде исключения, оно попало почти в точку.

Робот вновь приостановился. Спустя секунду смышленый молодой человек из Штаба на Джелтаде учтиво спросил:

— Еще что-нибудь, сэр?

---

[4] Примечания: 4

Гештальт (нем. Gestalt — форма, образ, структура) — пространственно-наглядная форма воспринимаемых предметов, чьи существенные свойства нельзя понять путём суммирования свойств их частей.

Он пару раз с любопытством взглянул на экран коммуникатора сверхдальнего сообщения, привычно отправляя в генеральный компьютер рапорт Илиффа о завершении миссии. Он не впервые наблюдал, как Агент Зоны отмечается прямо из реанимационного отсека своего корабля, замурованный в огромный куб из биоохранного геля, в котором многочисленные медики, находясь за тысячи световых лет от места действия пациента, заочно просвечивали, назначали лекарственные препараты в больших и малых дозах, кормили, подвергали восстановительным процедурам, лепили заново мускулы, сращивали переломы и психоанализировали, восстанавливая, таким образом, его душевное и физическое здоровье.

С безразличием юности карьерист из штаба подумал, что все эти легендарные герои Департамента, о сердцебиении, дыхании и даже мочеиспускании которых заботятся роботы, чрезвычайно похожи на увечные, капризные эмбрионы. Потом ему пришла мысль о том, что было бы хорошо, если бы никто не протелепатировал его суждения по данному вопросу.

— Соедините меня, — донесся из куба голос Илиффа, хотя его губы на экране не шевельнулись, — с Третьим. Для личного рапорта.

— Уже слушаю, — послышался в ответ глубокий, хорошо поставленный голос, возникший неизвестно откуда. — Отключайтесь, Лэлибет, вы уже сделали все, что могли. Илифф, поздравляю тебя еще раз!

Изображение высокого седовласого человека, обладателя продолговатого лица, медленно проследовало через телепатический передатчик в разум искореженной, похожей на проволочный каркас, фигуры, наполовину уже реставрированной и местами покрытой пятнами свежей, розовой кожи.

— Снова норовишь стать быстрее в строй, а? — критически заметил Координатор. — Впрочем, всего лишь на вторые сутки после выполнения миссии ты выглядишь совсем неплохо, — повисла пауза, во время которой он изучал Илиффа более внимательно.

— Всплеск гравитации? — понимающе спросил он.

— Он самый, — сознался проволочный каркас.

— Это очень больно, — сочувственно кивнул Координатор, но Илиффу показалось, что разум патрона явно витает вокруг более приятных материй.

— Я поручил Лаборатории смастерить спецко-

стюм, — продолжил Третий, — непроницаемый для любых видов искусственной гравитации, включая буксиры. Лабораторные умельцы, конечно, заявляют, что это теоретически невозможно, но я абсолютно уверен, что при правильном научном подходе…

Он сам себя перебил:

— Полагаю, ты хочешь знать, что произошло после того, как Пэйгадан переправила тебя на корабль и связалась с истребителями?

— Она дала понять, что собирается поговорить с вами на обратном пути на Джелтад, — ответил Илифф.

— Да, она так и сделала. Необычайно энергичная особа, Илифф, хотя по виду не скажешь. К тому же, как я обнаружил, прекрасно разбирается в политических нюансах. Разумеется, я вынес ей официальную благодарность за смерть У-1 и предотвращение угрозы господства Цитала, а также за то, что она при этом случайно спасла жизнь одного из Агентов нашего Департамента.

— Не совсем случайно! — возразил Илифф.

— Случайно — только в сравнении с другими спасателями, конечно. Девчушка что, действительно это сделала?

— Именно она это и сделала! Я уже стреми-

тельно уходил в небытие, когда она буквально испепелила его. У-1, наверное, впал в ступор. Как я понимаю, он отпустил ее разум всего за три-четыре секунды до того, как она добралась до стационарного аннигилятора на капитанском мостике.

Координатор снова кивнул:

— Ментальная стойкость этих высокоразвитых телепатических рас просто поразительна! Любое человеческое существо после такого прессинга оставалось бы парализованным еще несколько минут, а, возможно, и часов. В конце концов, негодяй был не всеведущ. Он думал, что можно ланнайку оставить на время, пока не разделается с тобой.

— Как долго он ее обрабатывал?

— Почти четыре часа! Практически с того момента, как они вылетели с Гулла.

— И она не сломалась? — изумился Илифф.

— Говорит, что не смогла бы выдержать еще с час. Однако, похоже, она не сомневалась, что ты прибудешь вовремя и вытащишь ее из этой передряги. Тебе это льстит, верно?

Агент задумался.

— Нет, — ответил он, наконец. — Не совсем.

Патрон усмехнулся:

— По крайней мере, эта своенравная девица не желала принимать благодарность за У-1. Заявила, что если она это сделает, то ты можешь подумать, будто Ланнаи недостаточно высоко оценивают самоотверженность, с какой ты бросился ее спасать.

— Но вам, кажется, удалось ее переубедить. Каковы политические последствия?

— Пока еще рано высказываться определенно, но даже безо всякого вмешательства с нашей стороны они должны быть вполне удовлетворительными. История с Циталом — не для публики, сам понимаешь. Кстати, ребята стерли в порошок все это семейство несколько часов назад. Дело в том, что всегда найдутся ослы, готовые сделать из У-1 этакий фетиш, кумир для маргиналов. Таинственный разбойник с большой космической дороги и тому подобная чушь. Теперь они с той же беспредельной энергией организуют шумиху вокруг Великого Поборника Правосудия Веги, отправившего на тот свет старое чудовище! Я имею в виду ланнайку Пэйгадан. Кстати, не повредит и то, что она очень красива.

— Разумеется, славу разделит ее народ, наши нечеловеческие союзники.

Координатор приосанился:

— Полагаю, что это уж мне решать! Кстати, — глубокомысленно добавил он, — организованное сопротивление оппозиции против альянса с негуманоидами подавлено на корню…

Илифф не спешил с комментариями, поскольку хорошо знал, что когда патрон становится столь откровенен, это чревато неприятностями на чью-то ж… голову.

Никакой другой головы, кроме Илиффовой, поблизости не наблюдалось.

— Несколько дней назад, — продолжил Координатор, — мне нанес неожиданный визит мой коллега, Шестнадцатый Координатор, из Департамента Культуры. Он сообщил, что лично исследовал культуру и психологический склад расы Ланнаи, и был вынужден признать, что нет и не может быть никаких возражений против того, чтобы они присоединились к Конфедерации в качестве полноправных членов. «Необычайно утонченный народ, высокие моральные устои и т. д., и т. п…» Намекнул, что в дальнейшем у нас не будет проблем даже с традиционалистами. Поразительные перемены, не находишь?

— Поразительные, — бдительно согласился Илифф.

— Однако можешь ли ты себе представить, —

вопрошающе продолжал Координатор, — каким образом на Шестнадцатого, который, между нами, конечно, настолько туп и косен, как могут быть тупы и косны только замшелые традиционалисты, снизошло столь нехарактерное просветление?

— Нет, — ответил Илифф, — не могу.

— Тогда помолчи и дослушай до конца! После того, как мы обменялись поздравлениями и все такое, он вновь перевел беседу на различных Ланнаи, с которыми лично знаком. Вскоре выяснилось, что его интересует местонахождение одной конкретной ланнайки, с которой он познакомился в светских кругах, здесь, на Джелтаде, несколько недель назад. Как он выяснил, она выполняет некое задание…

— Ясно, — перебил Илифф, — это была Пэйгадан.

Координатор был разочарован:

— Да. Это она рассказала тебе, что познакомилась с Шестнадцатым?

— Она призналась, что вращалась в светских кругах, — ответил Илифф. — А что ему рассказали вы?

— Что в данный момент она принимает участие в одной строго секретной операции Департа-

мента, что мы со дня на день ожидаем от нее известий (здесь я мысленно перекрестился) и что я непременно дам ей знать о том, что он о ней спрашивал. После того, как Шестнадцатый ушел, я сидел и обливался холодным потом до тех пор, пока не получил сообщение из истребителя Пэйгадан.

— Полагаю, вы не думаете, что она воздействовала на его психику?

— Ерунда, Илифф! — добродушно улыбнулся Координатор. — Если бы у меня были хоть малейшие подозрения на этот счет, я счел бы своим долгом начать немедленное расследование. Разве не так? Дело в том, что твоя роботесса, Лилибэт, сделала все возможное, чтобы Пэйгадан не догадалась о том, что корабль не укомплектован командой из живых людей. Однако хитроумная девица откровенно призналась, что раскрыла этот секрет нашего Департамента и, в качестве наилучшего способа сохранить его, предложила перевести себя из Бюро в Галактические Зоны. А, каково?! Нет, в самом деле, она обратилась с просьбой пройти курс обучения Агентов Зоны! Думаешь, она пройдет через квалификацию?

— Еще как пройдет! — сухо ответил Илифф. — И вообще, было бы неплохо взять ее на службу в

Департамент, где нам легче за ней приглядывать. Будет обидно, если лет через десять-пятнадцать мы неожиданно обнаружим, что несколько миллионов Ланнаи заправляют Конфедерацией.

На мгновение Координатор испуганно замолк.

— Хм-м, — задумчиво сказал он, — это вряд ли возможно. Однако думаю, я последую твоему совету. Через недельку-другую могу направить ее в твою Зону, и…

— Нет уж, — тихо проговорил Илифф, — такого не будет! Это дело — с подвохом, и Штаб будет утрясать его без меня.

— Послушай, Илифф…

— Никогда раньше не случалось подобного, — добавил Илифф, — но сейчас Департамент может столкнуться с первым в его истории случаем неповиновения Агента Зоны.

— Послушай, Илифф, не принимай это так близко к сердцу! — Координатор помедлил с секунду: — Разумеется, я не могу одобрить твое поведение, но, откровенно говоря, мне нравится твой здравый смысл. Хорошо, забудь про это предложение, я найду другого простофилю.

Он заговорил официально-доброжелательным тоном:

— Полагаю, в данный момент ты находишься

на пути в свою Зону?

— Именно так. Мы с Лилибэт находимся почти в том же месте, что и в прошлый раз, когда вы связывались со мной. Возможно, по пути я мог бы выполнить для вас какое-нибудь небольшое заданьице?

— Ну, — от неожиданности Координатор запнулся. На долю секунды показалось, что его внутренний взор изучает данные из личного блока памяти.

Затем он вздрогнул и мигнул.

— В твоем-то состоянии? Нет, Илифф, это исключено!

С этими словами мысль и образ Илиффа померкли в сознании Третьего Координатора. Он пробыл в неподвижности еще несколько секунд, прежде чем выключил телепатический передатчик. На лице застыло выражение легкого удивления.

Разумеется, в этом обездвиженном, бесчувственном каркасе была невозможна никакая смена выражения, даже мановение ока! Но в тот момент ему показалось, что от Агента повеяло столь холодной и свирепой злобой, что Координатор едва не набросил разумозащиту.

— Пусть лучше этот сукин сын малость отдох-

нет! — решил он. — Буду поручать ему лишь рутинную работу. Клянусь, в какой-то момент я почувствовал, что он просто весь вскипел.

Он потянулся к переключателю и повернул его.

— Пси-тестер? А ты что думаешь по этому поводу?

— Восстановительная терапия Агенту не требуется, — немедленно произнес механический голос пси-тестера, — как я и предвидел на тот момент, решение взойти на борт корабля У-1 оказалось достаточным стимулом для разрушения как первичного шока двенадцатилетней давности, так и более поздней терапии, с ним связанной. Затруднения, пережитые Агентом между принятием решения и фактом десантирования на яхту, явились в значительной степени симптомами данного процесса и не повлияли на ментальное здоровье.

Координатор в задумчивости потер подбородок.

— Ну что, не так уж плохо. Осознает ли Илифф, что я… э-э… имею к этому некоторое отношение?

— Агент твердо убежден в том, что вы, получив сообщение о необычном рапорте своей сотрудницы, подозревали, что Тахмей и есть

У-1. Более того, что именно по этой причине для выполнения данной миссии вы выбрали его, а не кого-нибудь другого. В целом одобряя ваш выбор как таковой, у него появились некие сомнения в вашем психическом здоровье, а именно, что ваша приверженность к секретности в один прекрасный день сыграет с вами злую шутку, и вы перехитрите сами себя так, что даже он не сможет помочь.

— С чего это вдруг?…

— Агент также начал подозревать, — безмятежно продолжал пси-тестер, — что в течение долгого времени в нем искусственно поддерживали состояние страха, чтобы любая критическая ситуация с участием У-1 могла автоматически произвести в нем эффект высочайшего напряжения защиты, какой только возможен при его ментальном типе.

Координатор присвистнул.

— Он и до этого додумался, м-да? — он закрыл глаза. — Но, в конце концов, — проговорил он с сожалением, — сама по себе идея была неплоха! Парень обожает переть напролом, выбирая самый короткий путь, забывая, что это иногда бывает опасным. Кроме того, невозможно было предусмотреть угрозу Цитала и чувство ответ-

ственности Илиффа по отношению к ланнайке, из-за чего он забыл, что ему следует быть очень осторожным во всем, что касается У-1.

Наступившая пауза выглядела, как приглашение высказаться, но пси-тестер молчал.

— Трудно все время быть правым! — с досадой заключил Координатор.

Он покачал головой, вздохнул и переключился на очередную проблему, стерев Илиффа из памяти.

Мастера иллюзий
(повесть)

В течение пятисот лет неуловимые корабли расы мародёров-пиратов Бьянтов терроризируют окраины Галактики. К несчастливому совпадению теперь объектом их атаки стала планета Ульфи, находящаяся под ментальным контролем Мастера Иллюзий, бессмертного телепата-космофоба Моюскана.

Спасти планету от обеих опасностей Конфедерация Веги посылает ланнайку Пэйгадан, известную читателю по первому рассказу цикла и ставшую теперь Агентом Зоны. Ей помогает агент-стажёр Халлерок, а на самой планете действует следователь Департамента Культуры Джесс.

* * *

Три корабля-разведчика Бьянты находились в часе полета от желтого карлика Ульфи, когда блестящая игла Змейки вонзилась в их зону сле-

жения. Она была еще довольно далеко, но, судя по курсу, их траектории вскоре должны были пересечься.

Этого не произошло, хотя незадачливая путешественница безмятежно двигалась в течение нескольких минут прямо на них. Однако затем она резко дернулась в сторону и понеслась прочь на весьма приличной скорости, что с головой выдало панику на ее борту, произведенную одним видом кораблей Бьянты.

Дискообразные корабли-разведчики без натуги последовали за ней, не скрывая своих намерений, перестроились для преследования и уже начали спокойно сходиться вместе, окружая беглянку. Эта красивая серебристо-голубая яхточка явно была ценной находкой. Любимая игрушка какого-нибудь нувориша, следующая одиночным курсом вдали от крупных центров цивилизации, да еще отважившаяся далеко отклониться от изъезженных троп коммерческого космоплавания. В этом случае у нее должен быть отличный пилот и команда, а также вооружение, чуть более мощное, нежели у обычного грузовика. Потому она может сопротивляться совместной атаке разведчиков на протяжении максимум четырех-пяти минут, или, если предпочтет крайне энергоемкий разбег

до предельной скорости, сможет выдержать их преследование на пару минут дольше.

Однако никто еще не упрекал Бьянтов в импульсивности и безрассудстве. Существовала вероятность того, что эта яхта окажется одной из тех адских машин разрушения, которые на протяжении последних тысяч лет галактическое человечество и его союзники совершенствуют со все возрастающим искусством против таких, как они, мародеров.

Случилось так, что именно такое предположение более всего подходило Змейке. Агентский корабль Галактических Зон Веги — одна из полусотни машин своей серии — мог легко выдержать сравнение с любым другим кораблем раз в пять длиннее и являлся вершиной, абсолютной кульминацией космического разрушения. Это была сама окрыленная смерть. Более того, Змейка прекрасно об этом знала.

— Преследователи сохраняют построение и идут вровень с нами без малейших усилий, — сообщил пилоту ее электронный мозг. — Покажем им, на что мы способны?

— Пятнадцатипроцентного ускорения вполне достаточно, — откликнулась пилот красивым певучим сопрано. Ее удлиненные серебристые глаза

с квадратными зрачками, присущие гуманоидам Ланнаи, внимательно следили за положением кораблей Бьянты на видеоэкране длинного, широкого пульта управления.

— Если они зайдут слишком далеко, можешь немного повилять перед ними хвостом, но не забудь, что это довольно чуткие штучки! Пока наш крейсер не подошел на нужное расстояние, что-нибудь хоть капельку необычное может их отпугнуть.

На мгновение наступила тишина. Затем голос корабля-робота вновь загудел в рулевой рубке:

— Пэйгадан, тот диск, что в двенадцатом секторе, уже почти на расстоянии лучевой атаки. Мы можем расправиться с двумя из них сейчас, а третьего оставить для финальной гонки!

— Я это знаю, Змеючка! — терпеливо пропела ланнайка. — Но мы спланировали нашу инициативу исходя из предположения, что Бьянты не работают маленькими группами. Материнский Диск должен находиться позади нас на расстоянии примерно трех световых лет, и крейсеру, чтобы определить его местонахождение, нужно лишь двух из этих разведчиков отогнать подальше. Лично нас устроит один-единственный диск.

Нельзя сказать, чтобы Змейка этого не знала.

Однако она была машиной для охоты, и иногда ее охотничьи импульсы приходилось подавлять. Пэйгадан делала это столь же автоматически, как если бы подобные импульсы исходили из ее собственного разума. Фактически, когда она находилась на борту Змейки, трудно было провести отчетливую грань между ее собственными мыслями и теми, что проносились по электронным соединениям Змейки. Ланнайка часто затруднялась немедленно ответить на вопрос, была ли та или иная мысль продуктом органического мозга или его электронного продолжения в виде корабля, способного выполнять множество различных функций. Так, например, в данный момент именно Змейка следила за коммуникаторами.

— Агент-стажер с корабля, дрейфующего неподалеку от Ульфи, хочет поговорить с вами, Пэйгадан, — послышался голос робота. — Настроиться на прием его сообщения?

— Я сама, — узкая рука Ланнаи с серебристыми, хорошо отточенными ногтями, потянулась к сенсорной панели и дотронулась до крошечного диска на пульте. Из динамика коммуникатора донесся встревоженный низкий голос:

— Пэг! Ты меня слышишь? Это Халлерок! Пэг?

— Да, приятель, продолжай! — откликнулась

она. — Я на секунду отключила свой контактный луч. Как там поживает наша славная планетка?

— Не хуже, чем обычно, — ответил Халлерок. — Но сейчас речь о твоей военной операции. Позади тебя — шесть наших истребителей, готовых пойти на перехват, а крейсер должен появиться на твоих экранах вот-вот. Ты все еще хочешь поговорить с ними через мой корабль-наблюдатель?

— Да, так будет лучше, — твердо сказала Пэйгадан. — Бьянты могут заметить сигналы кораблей Флота, поскольку они уже близко, но мой луч они точно не в состоянии прослушать! Я не хочу ошибиться во второй раз… Есть что-нибудь из Департамента?

— Корреляция прислала свежие материалы по делу Ульфи, но в них ничего особо важного. В любом случае эти парни не хотят вмешиваться в твои игры с Бьянтами. Я попросил, чтобы все срочное высылали сюда, на мой корабль. Я прав?

— Ты прав, — одобрила Пэйгадан. — Ты непременно станешь Агентом Зоны, мой друг. Со временем.

— Сомневаюсь, — хмыкнул Халлерок. — К тому же у этой профессии нет будущего. Крейсер снова меня вызывает, Пэг! Я остаюсь на связи…

Когда едва слышный щелчок оповестил о том,

что помощник отключился, Пэйгадан глубокомысленно поджала губы. На данный момент она являлась полномочным Агентом Зоны Конфедерации Веги уже четыре месяца, став первым представителем нечеловеческой расы, занявшим столь высокий пост в сверхсекретном Департаменте Галактических Зон. Халлерок, представитель человеческой расы, был продвинутым стажером. Насколько продвинутым — ей и предстояло решить, причем уже скоро.

Но эти малосущественные факты мгновенно испарились из ее сознания, как только Змейка предупредила вполголоса:

— Крейсер прямо против нас!

— Следи за диском по левому борту! — отрывисто бросила Пэйгадан. — Отрежь его от остальных, как только те начнут разворачиваться. Но прежде чем прижать, хорошенько его разгони. Причем обязательно удостоверься, что сумела выжать из него всю скорость, на какую он способен. Возможно, нам не удастся получить то, за чем мы охотимся, но Лаборатория будет довольна, получив любой клочок информации об этих субчиках!

— Нет, подруга, мы получим то, за чем охотимся, — хищно промурлыкала Змейка, и спустя

мгновение добавила:

— Они заметили крейсер. Пора!

* * *

Улепетывающий диск закрывал все большую и большую площадь видеоэкрана. В течение первых нескольких минут он выглядел как хвостатая комета с развевающейся позади дюжиной разноцветных лент, в чем был повинен не сам диск, а способ визуальной подачи на экран любого объекта, на который были нацелены следящие объективы Змейки. Изменения длины и яркости полос сообщали опытному глазу о расстоянии до объекта, направлении его движения, относительной и абсолютной скорости, а также о множестве других деталей, заинтересовавших любопытствующего наблюдателя.

Однако как только Змейка принялась пресекать дозволенный Бьянтам рывок, когда мародеры, поддавшись на провокацию, предпринимали отчаянные попытки удержать лидерство в бешеной гонке, сквозь экранное изображение кометы стали медленно проступать туманные очертания непосредственно самого диска. Через четверть миллиона километров диск двигался уже всего в двухстах метрах впереди корабля-преследо-

вателя.

Тем временем пальцы Пэйгадан бегло порхали по клавишам и кнопкам пульта управления, побуждая записывающие устройства корабля производить все необходимые операции для визуального анализа.

— Боюсь, что мы все же не раздобудем ничего нового, — смиренно произнесла ланнайка. Раньше она никогда не видела Бьянтов воочию, но Департамент Галактических Зон Веги снабдил своего Агента копиями всех мало-мальски ценных документов, свидетельствующих об их повадках. Информация была довольно однообразной, неполной и не позволяла спланировать и нанести по космическим мародерам по-настоящему решительный удар. Серьезной угрозы для человечества Бьянты более не представляли, но никогда не переставали быть чувствительной занозой, поскольку представляли собой необычайно назойливую и отвратительную породу галактических паразитов.

— Они не пытались сменить курс? — спросила Пэйгадан.

— Нет, с тех пор как вышли из разворота и обратились в бегство, — ответила Змейка. — Можно мне их нагнать?

— Полагаю, да. — Агент со страстью вглядывалась в экран. Диск был слегка искривлен по краям, он нырял и подпрыгивал на ухабах межзвездного вакуума, как и положено кораблю Бьянтов. По его краю толщиной в метр время от времени пробегали бурные всплески радиационного свечения.

Бьянты были консерваторами. Дошедшие со времен ранних веков Первой Империи сведения описывали практически те же космические аппараты, как и тот, что улепетывал сейчас от Змейки.

— Крейсер высказал пожелание следовать вместе с ним в направлении Материнского Диска, — продолжала Пэйгадан, вздыхая и нетерпеливо барабаня по пульту. — Ладно, можешь их слегка подтолкнуть. Приготовься к прыжку!

* * *

Змейка подтолкнула мародеров в весьма экспрессивной манере. Диск немедленно распространил вокруг себя зеленоватое, прозрачное мерцание, а мгновение спустя позади него блеснуло радужное кольцо. Затем двойной защитный слой диска исчез из виду, а сам он под безумным углом сорвался с прежнего курса, кувыркаясь,

точно подстреленная летучая мышь, демонстрируя при каждом кувырке глубокий, раскаленный добела порез, тот, что Змейка нанесла ему при толчке.

Во время пятого по счету кувырка, спустя примерно четыре десятых секунды, диск раскололся вдоль всего обода пополам. Из щели, словно приоткрытой для зевка, вырвалось несколько десятков его уменьшенных копий, которые прыснули врассыпную. Это были отдельные Бьянты в своих не то скафандрах, не то спасательных шлюпках. После их исчезновения искалеченный корабль-разведчик зевнул еще шире, из него выплеснуло ослепительное пламя, и диск исчез в традиционном для Бьянтов акте самоуничтожения, этаком вакуумном харакири, которое они демонстрировали всегда, будучи захваченными в плен превосходящими силами противника.

Хоть реакция спасающихся от погони Бьянтов была быстрой, реакция Змейки им не уступала. Сразу после своего первого колюще-режущего «толчка» яхта дала полное ускорение. Она затормозила настолько близко к эпицентру взрыва, что ударная волна активировала ее защитное поле, но еще до остановки примененные ею устройства захвата уже прочесали окружающее

пространство.

Таким образом, в течение пары секунд все Бьянты были пойманы, и в момент контакта все они, кроме двух, отправились в мир иной вслед за своим кораблем, добровольно взорвавшись. Оставшиеся двое были слегка покорежены захватами нелинейной относительности, которые, сжимая, одновременно некоторым образом искривляли пространство — подобным техническим новшеством Змейка была снабжена специально для этого задания.

Пэйгадан, которая наблюдала за этим, вытянувшись как струна, побледнела и вскочила на ноги с триумфальным воплем.

— Ты это сделала, милая! — взвизгнула она уже более спокойно. — За пятьсот лет это первые Бьянты, которых удалось захватить неповрежденными!

— Ну, не такими уж неповрежденными, — заметила Змейка менее взволнованно, — но, думаю, я сохранила все кусочки!

— Тела вряд ли повреждены, — продолжала торжествовать Пэйгадан, вперившись в видеоэкран, — а скорлупки не имеют значения. Теперь аккуратно занеси их внутрь. Ах, какие красавчики! Подожди, вот будет шуму, когда Лаборатория

узнает, что мы их взяли!

Она нервно слонялась вокруг, пока действительно не очень помятые плоские тела Бьянтов в мягких коричневых скорлупках были втянуты внутрь через один из шлюзов Змейки и осторожно помещены в консервирующий отсек, где их уложили скорлупками вниз, плотно прижав двадцать две коленчатые ножки к брюшкам. Большинство нервных окончаний, делавших их единым целым с механизмами отделяемых космических скорлупок, были отрезаны, но, тем не менее, Змейка сохранила все, что могла.

* * *

— Отлично сработано, Пэг! — послышался из коммуникатора голос Халлерока, когда ликующая победительница вернулась в рулевую рубку. — Полагаю, шансов на то, что они живы, нет?

— Конечно, нет, после такого обращения! — с досадой протянула Пэйгадан. — Но я вовсе не жалуюсь. Ты, наверное, слышал меня в тот момент?

— Слышал, — признался Халлерок. — Твой воинственный клич просто парализует! Хочешь, поставлю записи по Материнскому Диску, которые только что переслали с крейсера? Эта гонка

тоже завершилась, в полном соответствии с планом.

— Поставь! — попросила Пэйгадан, блаженно сворачиваясь калачиком в кресле у пульта. — Итак, ребята нашли все-таки Мамочку? Сколько знаюсь с людьми, никогда еще не была так счастлива! Каковы результаты сражения?

— Результаты неплохие. Запланированные сорок пять процентов кораблей-разведчиков уничтожены, а, по предварительным оценкам, таких будет около восьмидесяти процентов, прежде чем выжившие достигнут границ района проведения операции. Один из истребителей и пара ударных кораблей крейсера слегка пострадали при взрыве ядра. Ничего серьезного.

На видеоэкране началась демонстрация записи. Сделанная с борта крейсера видеозапись была очень короткой, камеры проследили за выпущенным роем ударных кораблей, следовавших в направлении громадного плоского чешуйчатого блина Материнского Диска, который защищала тройка истребителей. Что касается сражения, критично отметила Пэйгадан, это была самая неумелая перепалка, какую она только видела за последние годы. Учитывая тот факт, что пойманная добыча представляла собой ни что иное, как

несколько тысяч уложенных плотными слоями хорошо вооруженных кораблей-разведчиков. На миг защитные поля атакующих кораблей Веги предупреждающе блеснули белым. Затем экран мгновенно заполнился радужными вспышками — то были разведчики, уносящие ноги от смертоносного огня нападавших; причем более яркие вспышки означали, что бегство удалось далеко не всем.

Когда охотники взметнулись вихрем, преследуя беглецов, экран вновь потемнел, и там, где раньше виднелся Диск, появился полупрозрачный кристаллический эллипсоид около семисот метров в диаметре. Питомник Бьянтов. Вначале он слегка увеличился в размерах, и спустя мгновение вспыхнул, точно сверхновая звезда.

* * *

Пэйгадан моргнула и одобрительно кивнула опустевшему экрану.

— Надо же, какие приятные манеры! Избавили нас от множества хлопот. Однако самый крупный улов сегодня принадлежит нам, старушка Змейка! — она скорчила недовольную гримаску. — Так что теперь настало время позаботиться об этой маленькой сонной планетке Ульфи, а

также о том, кто… хм… кого во всяком случае сонным не назовешь! А также о парочке других… — внезапно она выпрямилась. — Кто это там, на коммуникаторе?

— Это робот-маячок, которого вы прикрепили к следователю Департамента Культуры на Ульфи, — ответила Змейка. — Он хочет сообщить, что у дамы возникли какие-то недоразумения с местным населением. Переключить его на наблюдательный корабль, чтобы Агент-стажер разобрался, в чем дело, и в случае необходимости заменил ее?

— Подожди! — пальцы Пэйгадан вспорхнули в направлении панели коммуникатора. — Нет, если только это та самая девушка из Департамента Культуры! Не хочу, чтобы мне спутали все карты. Маячок проследит, чтобы с ней ничего не случилось, пока я туда не доберусь. Быстро соедини меня по той линии!

Мгновение спустя она уже диктовала Халлероку с наблюдательного:

— …так что через несколько минут я тебя забираю к себе, на борт Змейки. Центральная лаборатория хочет немедленно получить все данные по структурному анализу этих маринованных Бьянтов. Этим займешься ты, потому что

у меня нет времени.

— А что случилось?

— Ничего серьезного, — успокаивающе пролепетала Пэйгадан, — но, по всей вероятности, ближайшие несколько часов я буду занята. Возможно, следователь из ДК случайно почуяла, что в королевстве Ульфи что-то прогнило, но, в любом случае, кто-то сейчас пытается осуществлять над ней ментальный контроль. Разумеется, маячок ее охраняет, так что она в безопасности, но я все же намерена спуститься на планету в шлюпке Змейки, как только ты окажешься на борту. Кстати, как скоро будет подготовлен госпитальный, корабль?

Халлерок на мгновение задумался.

— Думаю, он уже готов. Четыре часа назад я поднял на борт последнего медбрата.

— Молодец, — рукоплескала Пэйгадан. — У меня есть одна идея. Я пока еще не уверена, что это сработает, но нападение на ДК позволит нам провернуть операцию на Ульфи в течение ближайших двадцати четырех часов!

* * *

Три недели назад, в самом начале, дело выглядело таким легким и приятным. Поскольку это

было лишь пятое по счету задание, а в четырех предыдущих заданиях не было ничего, даже отдаленно напоминающего хоть что-то приятное, Пэйгадан обрадовалась не на шутку.

Почти никаких забот в течение трех-четырех недель, тешила она себя надеждами, покидая шлюпку для первого краткого знакомства с планетой Ульфи. Она проследовала туда в качестве пассажира истребителя Веги, шлюпку спрятали в одном из оружейных шлюзов, а Змейку отправили кружить по далекой и безопасной орбите, поскольку сия блистательная глубоко космическая махина выглядела бы чересчур впечатляюще для Пелайл, рядовой служащей Галактических Зон. Пелайл — это местный псевдоним Пэйгадан. Поскольку все население планеты поголовно было охвачено врожденной космофобией, шлюпка могла послужить и в качестве транспорта, выполняя главным образом функции резиденции и рабочего офиса.

При этом делать не нужно было ровным счетом ничего. За исключением, разумеется, обеспечения безопасности представителей Веги, которые прибывали на планету и вместе с Флотом завершали неспешные приготовления к поимке Бьянтов, которые должны были примерно через

месяц предпринять очередной серийный налет на беззащитную Ульфи.

Эти методичные создания любезно совершали свои операции циклами со столь строгой периодичностью, что работать с ними было о дно удовольствие. Стоило лишь обнаружить следы, направить в этот сектор собственные превосходящие силы и ожидать их появления.

С поверхности Ульфи Бьянты похищали незамысловатые продукты местной цивилизации в виде материальных ценностей и техники, которая могла им понадобиться в следующем периоде цикла, составляющего чуть больше трех сотен стандартных лет. Пока они не причинили серьезного ущерба, судя по тому, что понадобилось восемь предыдущих рейдов для того, чтобы местное население, наконец, обратилось за защитой к далекой Конфедерации Веги. Теперь те же соображения, что наставили враждебный человечеству Диск на пагубный путь мародерства, должны были привести его обратно. Предположительно, непосредственно в расставленную Вегой ловушку.

Пэйгадан не стоило беспокоиться. Конечно, никто не мог быть уверен в том, что новые лучеметы-щелкунчики, установленные на Змейке

для поимки не взорвавшихся Бьянтов, оправдают возложенные на них ожидания. Но это была не ее проблема, а Лаборатории. Все понимали, что ланнайка заслужила небольшой отпуск, потому-то ей и были подарены эти три недели на Ульфи. Предшественники Пэйгадан, сотрудники других правительственных подразделений Конфедерации, в своих отчетах описывали планету как очаровательную тихую гавань, которая из-за охватившей планету эпидемии космофобии оказалась почти на четыре сотни лет отрезанной от магистральных путей человеческой цивилизации. Предоставленная самой себе и своему благоприятному климату, Ульфи постепенно приобрела «уникальное старомодное очарование…»

Да-да, именно это утверждалось в рапортах!

Таким образом, Пэйгадан легкомысленно уселась в шлюпку, дабы предпринять расслабленное путешествие по орбите вокруг этой жемчужины, а заодно приглядеть парочку уютных местечек, где можно без помех предаться откровенному и полноценному ничегонеделанию.

Два дня спустя, когда она вернулась на борт верной Змейки, серебристые волосы на голове стояли торчком от гнева и потрясения. Грубо раз-

буженный телепатический передатчик жужжал во всю мощь и чуть не брызгал слюной, передавая до предела яростное сообщение в Центральный офис Штаба Галактических Зон на планету Джелтад, находящуюся на расстоянии восьми тысяч световых лет от места событий.

* * *

В Центральном офисе на Джелтаде некий штабной клерк, уже убегавший на ланч, вдруг приостановился у стола одного из своих коллег.

— Что такое Эффект Пирамиды? — нервно поинтересовался он.

— Сам должен знать, — ответил отзывчивый коллега, — а если не знаешь, пойди и посмотри в Пси-Библиотеке для служебного пользования. У меня на подходе финальный рапорт.

Он поднял взгляд:

— А зачем это тебе вдруг понадобился Эффект, Линки?

Линки неопределенно ткнул большим пальцем в направлении передатчика на своем столе.

— Со мной, прямо перед концом смены, разговаривала эта новенькая, Агент Зоны из Ланнаи. Ее просто разрывало на мелкие кусочки из-за того, что там происходит. Она заставила меня

связать ее со всеми, с кем только можно, начиная Сыщиком и заканчивая самим стариком! Похоже, что это как-то связано с Эффектом Пирамиды.

Коллега хихикнул:

— В таком случае она еще только погружается в задание. Я разговаривал с ней пару раз, когда она была на стажировке в Зоне. Пока не вникнет в дело, ругается как настоящий землянин. А вот чем хуже обстоят дела, тем слаще она поет. Может, подождешь немного? Если сейчас пройдет луч, я поставлю его на запись, и мы вместе пойдем на ланч.

— Хорошо, — Линки на мгновение засомневался, но затем все же вернулся к своему столу, возле которого, держась подальше от видеоэкрана передатчика, он остановился и прислушался.

— ...ладно, меня интересует, почему об этом никто не знал? — послышался сквозь потрескивание приглушенный голос Пэйгадан. — Следователь Департамента Культуры уже больше месяца сиднем сидит на Ульфи, а остальные и того дольше! У вас есть копии их рапортов, не так ли? А из этих отчетов должно быть ясно как дважды два, что очередной телепат второго уровня вообразил, будто это он придумал Эффект Пирамиды! Кроме того, век гуманоидом класса

«С» буду, — язвительно добавила она, — если это не массовое явление, да еще в полном разгаре и со всеми вытекающими! Включая приобщение к бессмертию и психоз Шивы… Нет, только не надо присылать мне отчеты Лаборатории! Скажите, что я не отойду от передатчика до тех пор, пока они не разберутся с тем, что я уже выслала. Где Сыщик, где этот злобный человечишка? Или, может быть, кто-нибудь скажет мне, где болтается этот тощий тупоголовый белобрысый писарек, с которым я разговаривала две минуты назад…

Линки приподнялся на цыпочки и бесшумно покинул зону слышимости.

— Разговаривает с Корреляцией, — кивнул он приятелю, — а, стало быть, пока еще не поет. Думаю, мне нужно немного времени, чтобы справиться об Эффекте в Библиотеке.

Приятель кивнул, не поднимая головы:

— Можешь зайти в информационный кабинет Главного. Он минуту назад вышел.

— Эффект Пирамиды, — минуту спустя начала нараспев просвещать Линки Пси-Библиотека. — Для служебного пользования, на уровне Агента Галактических Зон. Возникает в результате расширяющегося с каждым годом серийного использования пси-импульсных мультиплика-

торов, как органических, так и неорганических, телепатами уровней со второго по четвертый для направленного распространения каких-либо картинок, побуждений, иллюзий и т. д. по отношению к большому числу субъектов.

Существенной особенностью Эффекта Пирамиды является возникновение у направляющей ментальной единицы избыточного энергоистечения, достигаемого посредством утилизации невральной или невральноподобной энергии мультипликаторов в процессе преобразования направленных импульсов от предыдущей стадии к последующей.

Технологии, необходимые для приведения мультипликаторов к первой и второй стадиям, классифицируются как Нежелательное Общее Знание. Несмотря на то, что телепаты уровней выше начального нередко самостоятельно культивируют подобные технологии, любая форма их применения строжайше запрещена на территории Конфедерации Веги и крайне не одобряется любыми более или менее ответственными правительствами.

Доведение импульсных мультипликаторов до третьей стадии, а также последующих стадий, представляет собой технологию, крайне

редко культивируемую телепатами уровней ниже пятого. Данная технология при любых обстоятельствах классифицируется как Запрещенное Общее Знание и подлежит уничтожению согласно правилам, в соответствии с данной классификацией.

Методику применения Эффекта Пирамиды можно детально изучить в следующей рубрике: «Технологии: Эффект Пирамиды».

Мягкий певучий голос стих.

— Х-м-м-м, — с интересом промычал Линки. Он посмотрел по сторонам, рядом с информационным кабинетом никого не было. Потом быстро набрал: «Технологии: Эффект Пирамиды» и стукнул по заветной кнопке.

— Запрашиваемая вами информация, — немузыкально прокаркал совершенно другой голос, — распространяется для служебного пользования на уровне Агентов Зоны и выше. Ваша идентификация?

Линки нахмурился, быстро нажал «отмену», пробормотал «вот черт, черт, черт!» и отбарабанил на клавиатуре новую комбинацию.

— Пси-импульсный мультипликатор, — раздался вновь сладкий голосок. — Для служебного пользования, на уровне Галактических Зон.

Любое разумное существо, органическая единица, форма энергии или разумное техническое устройство, используемое для распространения различных видов телепатических импульсов в направлении субъектов за пределами направляющей ментальности по уровню или количеству. Смотри «Эффект Пирамиды».

Кажется, речь шла именно об этом. О чем еще вопила эта Агент Зоны? Ах, да!

— Психоз Шивы, — тут же услужливо пролепетал милый голосок. — Симптом от промежуточной до заключительной стадий Автократической Цепи в ментальности человеческого типа. Смотри «Массовые убийства: Причины…»

Линки поморщился.

— Нашел, что хотел? — коллега давно уже стоял за его спиной.

Линки поднялся.

— Нет, — ответил он. — Пошли отсюда. Пришел твой финальный рапорт?

Приятель покачал головой.

— Пропал парень. И корабль, и все остальное. Только что начали поступать автоматические сигналы о смерти. А этот колокольный перезвон всегда ужасно действуют мне на нервы!

Он подтолкнул Линки к лифту.

— Хоть бы придумали для этого какое-нибудь другое звуковое сопровождение!

* * *

— Понимаю, у вас проблемы с сотрудниками Департамента Культуры, — с сердечным сочувствием сказал в передатчик Сыщик.

— С одним-единственным сотрудником, — процедила Пэйгадан. Вероятно, ее собеседник не был воплощением абстрактного зла, но выглядел он так жутко, словно от постоянного общения с ним постарел и обрюзг.

— И этот сотрудник, — добавила Пэйгадан, — хуже, чем дюжина тех, с кем я уже имела счастье познакомиться!

— Это, наверное, Ди-Си-Коиф 12–27? — кивнул Сыщик. — Ну что ж, вам не придется составлять на нее досье, оно всегда у меня под рукой.

— Значит, с ней были проблемы и раньше?

— Конечно! Много раз. Системный Шеф Джесс, большая красавица, верно? — усмехнулся Сыщик. — У меня есть все ее параметры.

— Еще бы, — кисло протянула Пэйгадан, — она очень подошла бы в качестве флагштока. В ней, должно быть, не меньше двух с половиной метров росту!

— Два сорок пять, — уточнил Сыщик. — Чем она сейчас занимается? И где находится? На Ульфи?

— Чем занимается? — переспросила ланнайка. — Постоянно сует нос не в свое дело, как все работники Департамента Культуры. По большей части — в мое, хотя и не знает об этом. В особенности, мне не нравится то, чтобы она снабжает Флот информацией, которой либо у них нет, либо они не должны ее иметь по соображениям элементарной служебной целесообразности. Я знаю одного командира истребителя, который утверждает, что каждый раз, когда Шеф Джесс на него смотрит, ему кажется, что его сейчас либо уволят, либо ударят.

— Ну, она этого не сделает, — добродушно протянул Сыщик, — Джесс — она добрая. Жутко добросовестная, только и всего. Прислать вам ее досье или озвучить на месте?

— И то, и другое. Сейчас мне нужны лишь самые общие сведения, чтобы я знала, как с ней поступить. Я бы лично ее пропсихоанализировала, но у нее хорошая разумозащита, к тому же мне никто не позволит тратить рабочее время на борьбу с Департаментом Культуры.

Сыщик понимающе кивнул, привычно откашлялся и поднял очи:

— Возраст — двадцать пять лет или около того. Тип — человеческое существо класса «А», неизвестной расовой принадлежности. Гражданка Конфедерации, родом с планеты Джелтад. Место рождения неизвестно, родители — то же самое. Предположительно — из космоса…

— Пожалуйста, об этом поподробнее! — воскликнула Пэйгадан.

— Я так и собирался сделать, — устало откликнулся Сыщик. На его лице застыло выражение безграничного терпения.

* * *

Предмет разговора был выужен из межзвездного вакуума в трехлетнем возрасте, причем произошло это в довольно пустынном районе, в северном квадранте, где светила встречались тем реже, чем ближе было до Условной Границы. Разведчик Веги, притормозив в этом районе, дабы внимательно осмотреть пространство, замусоренное разбросанными в результате жестокой битвы остатками четырех кораблей, обнаружил ребенка полуживым, потерявшим сознание, свободно дрейфующим во взрослом скафандре, как раз такого размера, какого она достигла, когда выросла.

Проведенное на месте расследование пришло к выводу, что Джесс оказалась единственной, кто выжил в безумном, яростном и, по-видимому, очень коротком поединке. Были обнаружены смутные свидетельства того, что на одном из погибших кораблей экипаж состоял из пяти или шести ее соплеменников. Остальные корабли принадлежали Лартессианцам, представителям расы космических пиратов. С этим гнилым ответвлением генеалогического древа человечества патрульные службы Веги были знакомы гораздо лучше, чем им того хотелось.

Пэйгадан также была знакома с ними.

— Именно так они и дерутся, эти психи, всегда нападают наверняка! Так что сородичи нашей любимицы должны принадлежать к весьма стойкой расе, чтобы сражаться с ними на равных один против трех. О них нет никаких сведений?

Сыщик пожал плечами. Он довольно долго пытался найти таковые сведения, но безрезультатно. Разумеется, также как впоследствии и сама Джесс. Сирота выросла в семье второго пилота корабля-разведчика. Приемные родители были правоверными традиционалистами, поэтому не удивительно, что в возрасте шестнадцати лет девушка поступила в Традиционалистский

Колледж на Джелтаде. Она зарекомендовала себя блестящей студенткой и прекрасной спортсменкой — дважды выиграла золото престижных Веганских Игр.

— В каком виде спорта? — полюбопытствовала Пэйгадан.

— Метание крылатого копья и какой-то вид плавания. — Сыщик не уточнил, какой именно. — Еще в колледже она начала работать выездным следователем Департамента Культуры, поскольку Культура всегда была политическим плацдармом для могучего Традиционалистского Вероучения. Тогда ей было девятнадцать. Всего три года спустя ее назначили Системным Шефом.

Пэйгадан присвистнула.

— Примерно в это же время, — подвел итог Сыщик, — у нас начались с Джесс проблемы. Она достаточно умна, чтобы понимать — то, чем занимаются Галактические Зоны, не вполне соответствует официальным установкам. Похоже, она считает нас чем-то вроде тайной полиции!

Пэйгадан кивнула:

— Тотальная гласность и открытость — вот заветные фетиши традиционалистов, Господь их прибери! — она замолчала, словно задумалась

над своими словами.

Ему неловко было спрашивать, но он все-таки спросил:

— Вы же не собираетесь воевать с Джесс, Агент Зоны?

— Зачем же мне воевать с Системным Шефом? — как-то чересчур безмятежно заявила Пэйгадан. — Такая хорошая девочка, к тому же красавица, несмотря на свои два с половиной метра.

— Два сорок пять, — привычно поправил Сыщик. Обещание Пэйгадан его не успокоило. Отнюдь.

* * *

Помощник Начальника Службы Корреляции Галактических Зон вошел в кабинет шефа и обнаружил его, задумчиво созерцающего только что полученную светящуюся карту.

Помощник проверил значение номера на карте и сочувственно сказал:

— Понятно, сэр, Агент желает поговорить с вами лично. Неужели дела действительно так плохи, как она об этом пишет?

— Полковник Дюбуа, — произнес генерал, не поворачивая головы, — рад, что вы здесь, чтоб

разделить ответственность. Да, дела обстоят именно так — плохо!

Он кивнул в сторону правого верхнего угла карты, где еле заметно мерцала целая группа разноцветных значков.

— Информация по планете Ульфи, только что полученная от Агента Зоны. Прежние донесения пылятся в нашем архиве уже несколько недель.

Некоторое время оба безмолвно изучали карту.

— Конечно, несколько недель — это бардак, — признал, наконец, полковник, — но и архив нельзя винить. Если Агент не сопровождает свое донесение пометкой «срочно», оно обрабатывается в обычном порядке, что может замедлить процедуру корреляции.

— Не сомневаюсь, что ланнайка это понимает, — согласился генерал. — С другой стороны, как только она появляется в Системе, не проходит и дня, чтобы мы с женой не наткнулись на эту скандалистку на том или ином официальном приеме. Особенно везет моей жене. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему необходимо завершить это дело наилучшим образом?

— Понимаю, сэр.

— Я намерен в этом разобраться, и прошу вас как можно внимательнее следить за моими рас-

суждениями. Если у вас возникнут малейшие сомнения относительно каких-либо выводов, будьте любезны, немедленно прервите меня.

Они вместе склонились над картой.

— Случай с Ульфи, — уверенно начал генерал, — очевидно, есть продукт деятельности обессмерченного человеческого интеллекта класса «А», двенадцатого подкласса. В результате появился телепат второго уровня, чему в значительной степени способствовала изоляция в рамках планеты или небольшой планетной системы на протяжении от трех до пяти столетий.

Полковник Дюбуа отметил про себя, как естественно в голосе шефа проявились лекторские нотки. Будучи одним из двух сотрудников, несших ответственность за психометрические расчеты процесса корреляции, а также за то, чтобы сделать их понятными для остальных сотрудников службы, генерал имел множество возможностей для приобретения подобных манер.

— В настоящее время, — продолжал Начальник Службы, — общий контроль, конечно, осуществляется почти полностью автоматически. Тем не менее, однако, выявилась непрекращающаяся и довольно яркая активность, которую направ-

ляет источник управляющей ментальности (ИУМ). Развитие психоза Шивы достигло среднего уровня, типичного для аналогичных примеров — причудливые таинственные убийства под маской жертвенного символизма. Количественно они пока не достигли таких масштабов, чтобы серьезно повлиять на численность населения. Во всяком случае, кровавой и беспорядочной резни, предваряющей скорый и окончательный общий упадок, не ожидается в течение еще, по крайней мере, столетия.

Для идентификации ИУМа необычайно важно рассмотреть следующую совокупность фактов. На ранних стадиях начавшегося доминирования ИУМа, прогресс науки на Ульфи, дотоле сопоставимый с общегалактическим, резко свернул с проторенной дороги и на протяжении почти четырех десятков лет сосредоточил свои усилия на исследованиях, связанных с проблемой индивидуального бессмертия. Очевидно, что при подобных затратах лишь чрезвычайно неудачное стечение обстоятельств могло воспрепятствовать обнаружению и исследованию трех основных компонентов, составляющих суть обессмерчивания.

Стоит заметить, однако, что в последующие год-

два расследование было совершенно дискредитировано, прекращено и более не возобновлялось.

И, наконец, в качестве критической отметки можно принять объявление о смерти выдающегося пси-лидера того времени, который является исторической фигурой даже для современной Ульфи, известного как Моюскана Бессмертного, выдающегося Мастера Иллюзий. Подтверждающие данную точку зрения документы свидетельствуют, что тело покойника на обозрение не выставлялось…

Дальнейшее разбирательство заняло не более пятнадцати минут.

— Ну, вот, пожалуй, и все, — подытожил генерал. — Еще наши далекие предки, осваивая Галактику, удивлялись, как часто затерянные островки цивилизации просто внезапно прекращают свое существование!

Он заметил брошенный искоса взгляд полковника.

— Вы согласны с моими выводами, полковник?

— Совершенно согласен, сэр!

Генералом овладели сомнения.

— Население Ульфи пока еще прорежено не так сильно, — заметил он. — Различные независимые

оценки определяют средний интеллектуальный уровень примерно одиннадцатью пунктами ниже класса «А», что совсем неплохо, принимая во внимание раннее избавление от индивидуальностей, наименее внушаемых со стороны источников управляющей ментальности, а также отупляющее воздействие методов принуждения на остальных граждан на протяжении всей их жизни.

Все же ульфийцы имеют право на ограниченное членство в Конфедерации, их следует признать способными к самоуправлению и, с некоторой помощью, к самозащите. Конечно, пройдет еще не меньше столетия, прежде чем мы сможем подыскать для них подходящую область применения. Например, местоположение планеты представляет для нас определенные стратегические преимущества, м-да…

Генерал сделал паузу.

— Боюсь, полковник, — с сожалением признался он, — что я ухожу от принятия окончательного решения. Факт остается фактом, данный случай просто не вписывается в рамки компетенции одной лишь нашей службы. Мы не можем взять на себя ответственность за что-либо помимо самых общих рекомендаций. Разумеется, ясно, что

ИУМом является Моюскан Бессмертный. Кроме того, полковник, поскольку я — человек старый и трусливый, а сверх того терпеть не могу споров, то отправлю себя в увольнение на часок-другой.

— Не будете ли вы так любезны, шеф, прежде чем отправиться в заслуженное увольнение, ознакомить Агента Зоны с выводами? Насколько я понимаю, ланнайка извелась в нетерпении, карауля у передатчика.

* * *

Однако Агент Зоны приняла сведения от генерала с таким спокойствием, что полковник Дюбуа даже забеспокоился.

— Ну, не можете взять на себя ответственность, так не можете, — пожала Пэйгадан плечами. — Я примерно этого и ожидала. Трудность заключается в том, чтобы идентифицировать нашего телепата второго уровня, не возбуждая при этом его подозрений? Опасность еще и в том, что никто не знает, что делать с такими вещами, как суицидальные импульсы в масштабе целой планеты, особенно, если ИУМ сообразит, что это неплохой способ самозащиты?

— Примерно так, — осторожно признал полковник. — Источника ментальности такого

рода чрезвычайно легко спровоцировать на агрессивные реакции с непредсказуемыми последствиями. Обычно это упрощает поисковую задачу, поскольку результаты агрессии легко обнаружить, и это позволяет лишить ИУМов возможности причинять нечто большее, нежели отдельные неудобства, но только не в такой глуши как Ульфи. Ситуация, сложившаяся здесь, когда ИУМ укрепился и наладил разветвленную систему контроля, требует максимальной осторожности от того, кто возьмется за разрешение этой ситуации. Данный случай усугубляется еще и возникновением психотических нарушений в результате обессмерчивания.

Пэйгадан кивком выразила согласие.

— То есть вы предлагаете передать это дело целиком в ведение Межзвездного Бюро для проведения космоперехвата или еще какой-нибудь операции вроде космоохоты расширенного радиуса действия?

— Да, это наиболее часто применяемый метод, — продолжал осторожничать полковник. — Не слишком быстрый, правда. Помнится, однажды понадобилось не меньше трех десятков лет, чтобы раскрыть подобный источник. Зато, как только управляющую ментальность удает-

ся идентифицировать физически, не ставя ее в известность об этом, можно покончить с ИУМом тихо и безопасно.

— Не могу без содрогания представить вариант, при котором эта несчастная планетка будет стенать под игом Моюскана еще три десятилетия, — медленно проговорила ланнайка. — Воображаю, как трудно ему терпеть наше присутствие, которое он не может отменить до тех пор, пока не прекратятся рейды Бьянтов.

— Логично. Если вы все же решитесь найти ИУМа самостоятельно, у вас на это уйдет приблизительно восемь недель. Если к тому времени Бьянты не вернутся на Ульфи, он решит, что либо мародеров перестала интересовать планета, как это с ними иногда бывает, либо их кто-то отпугнул. При этом вряд ли он не усмотрит истинную причину! В этом случае Сенат Ульфи просто-напросто отзовет свое прошение о вступлении в Конфедерацию. Не секрет, что мы по рукам и ногам связаны Договором о Невмешательстве, так что нам не останется ничего другого, как отозвать всех своих представителей с Ульфи, если она того пожелает.

— Этот подонок все просчитал, верно? — помедлив немного, сказала Пэйгадан. — Ну, хорошо,

мы еще посмотрим. Между прочим, я случайно заметила, что ваши выводы родились не без влияния отчета Лаборатории о странной пандемии космофобии, которую Моюскан явно наслал на Ульфи. Могу ли я ознакомиться с деталями? Я имею в виду детали лабораторного отчета?

— Конечно, сейчас включу…

В следующее мгновение к Пэйгадан обратился низкий голос, в котором слышалось характерное потрескивание:

— В четырнадцати процентах невральных пластинок, прилагаемых к отчету Агента, следы космофобии прослеживались вплоть до субаналитического уровня, что является нормой для психических нарушений данного рода. Во всех прочих — симптомы психоза легко идентифицируются как вызванные искусственно и насильственно.

Подобное насильственное влияние в условиях соответствующего стресса способно привести к гибели организма от приступа космофобии, но легко устранимо при стандартном лечении.

— Неплохо, — кивнула Пэйгадан. — Четырнадцать процентов подверженных космофобии — это почти норма для данного типа планетарного народонаселения, не правда ли? Однако,

что это дает в отношении самого Моюскана? Существуют ли какие-либо свидетельства того, что он страдал от природной разновидности данного психоза, что он входит в эти четырнадцать процентов?

— Вот именно, есть свидетельства! — полковник Дюбуа слегка изменился в лице. — Кажется, я еще не упоминал об этом… В сохранившихся исторических хрониках прямо говорится, что ни одно из известных нам иллюзионистских представлений не происходило вне планеты, причем все они до одного были реализованы в помещениях. А Моюскан — выдающийся иллюзионист, которому ничего не стоит воспроизвести любые эффекты даже в глубоком космосе, не то, что в припланетье. Тем не менее, он никогда не прибегал к ним…

* * *

— Телепатическая линия свободна для Агента Зоны 131-71, — пробормотал Третий координатор Конфедерации Веги в передатчик.

Как обычно, находясь в своем кабинете, он откинулся на спинку стула, чтобы немного расслабиться, поскольку видеоэкрану понадобится несколько секунд на то, чтобы перенастроиться

для приема личного информационного луча Агента Зоны Пэйгадан.

Кабинет начальника Галактических Зон был велик и просторен, точно рулевая рубка первоклассного военного звездолета, и столь же плотно набит всевозможной аппаратурой. Центральная клеточка одного из дюжины нервных центров Правительства Конфедерации, управляющая посредством электронных аксонов примерно стольким же количеством нейронов, остро нуждалась в подобной инженерии. Третий Координатор был одним из самых занятых людей на всем Джелтаде — негласно считалось, что никто не должен покушаться на его драгоценное время без чрезвычайно важной причины.

Он прекрасно знал о том, что добиваться его аудиенции у Агента Зоны Пэйгадан не было и не могло быть никаких иных причин, кроме чрезвычайных. Прекрасная ланнайка являлась членом законспирированной и сформированной лично Координатором группы особых Агентов. Это были лучшие из лучших, уполномоченные разрешать всяческие неприятные конфликты, специалисты, которым поручалось встретиться в том или ином квадранте пространства с самыми разными индивидами, обычно оппонентами

Конфедерации, и в зависимости от сложившихся обстоятельств они должны были переубедить, перекупить или ликвидировать своих визави наиболее эффективным, но не привлекающим ничьего внимания способом. При этом Третий Координатор имел достаточно оснований надеяться, что сразу после выполнения задания его проинформируют об очередном успехе. Поэтому, когда член этой высокомобильной группы потребовала к себе внимания, он воспринял это как должное.

* * *

Экран передатчика внезапно просветлел, и вместо мерцающей мутноватой зелени на нем появилось трехмерное изображение рулевой рубки Змейки. Координатор с удовольствием остановил взгляд на тонкой сереброокой фигуре в облегающем скафандре, восседавшей за пультом управления. Пэйгадан не была человеком, но на нее все равно было приятно посмотреть.

— Привет, зачем я тебе понадобился? — с места в карьер поинтересовался он.

— Агент-стажер Халлерок, — сообщила ланнайка лаконично, — номер 697241, четвертый курс.

— Х-м-м-м… Ну да, я его знаю! — Координатор

задумчиво пробарабанил двумя пальцами по своему вытянутому подбородку. — Выдающийся парень, согласна?

— Отличный парень! — с энтузиазмом поддакнула Пэйгадан. — Когда вы сможете прислать его сюда?

— Даже на «Бродяге», — с сомнением протянул Координатор, — это займет десять дней. Агента из соседнего скопления я мог бы прислать к тебе дня через четыре.

Она покачала головой.

— Мне нужен только Халлерок, хмурый угрюмец Халлерок. Я познакомилась с ним месяца четыре назад, еще на Джелтаде, — добавила она, словно это что-то объясняло. — Какие у него сейчас шансы немедленно получить диплом?

Вопрос был совершенно противоправный, но Координатор даже бровью не повел. Он лишь ткнул пальцем в сенсорный переключатель на столе.

— Сейчас спрошу пси-тестер.

— Если бы данный Агент-Стажер был допущен к выпуску, — немедленно раздался из-за стены низкий механический голос, — вероятность того, что он пройдет формальное тестирование, составила бы девяносто восемь и семь десятых процента.

Однако поскольку полученное им ранее воспитание создало предпосылки для недостаточного эмоционального приспособления к культурным особенностям цивилизации Веги, вручение диплома отложено на неопределенный срок.

— Так я и думала, — кивнула Пэйгадан. — Ну, тогда просто пришлите его ко мне, если можно — на «Бродяге»! Я его кое-чему научу. Это все, и спасибо за разговор!

— Искренне рад, — ответил Координатор.

Затем, заметив, что рука Агента потянулась к выключателю, он поспешно добавил:

— Насколько я понимаю, в ходе выполнения задания ты столкнулась с дополнительными трудностями, и Корреляция затрудняется найти удовлетворительное решение.

Ланнайка помолчала немного, не отнимая руки от сенсорной панели. Вид у нее был удивленный.

— Вы имеете в виду этого ульфийского иллюзиониста? Не думаю, что у нас с ним будут серьезные проблемы. Впрочем, если хотите получить результат поскорее, задержите поставки Лаборатории, которые я только что запросила — Госпитальный корабль, новолин и несколько особых видов необходимых мне медикаментов. Отправьте все это вместе с Халлероком, и тогда

я смогу прислать рапорт о выполнении задания примерно через три недели.

Бодро помахав на прощанье рукой, она отключилась, и изображение рулевой рубки Змейки исчезло с экрана.

* * *

Координатор глубокомысленно пожевал нижнюю губу, затем коротко позвал:

— Пси-тестер! Объясни мне, что эта маленькая ведьма замышляет?

— Должен вам напомнить, — раздался голос пси-тестера, — что Агент Зоны 131-71 является одним из тридцати трех индивидов, разгадавших мои методы исследования. Мало того, они и сумели противопоставить им временные защитные блоки. А она является первым индивидом, который сумел создать блок столь совершенный, что это не позволяет мне дать вам хоть какой-то удовлетворительный ответ на ваш вопрос. Понимая это, вы все еще желаете знать мое мнение?

— Нет! — проворчал Координатор. — Совсем забыл, что могу, попробовать догадаться сам!

Он слегка пригладил рукой седеющую шевелюру.

— Итак, давай посмотрим. Говоришь, проблема

этого Халлерока в том, что его воспитание плохо приспособило парня к нашей цивилизации?

— Он происходит, — напомнил пси-тестер, — из весьма замкнутого и эмоционально закрытого планетарного сообщества на Марк Вири IV.

— Теперь вспомнил, — кивнул Координатор. — Двадцать две тысячи световых лет отсюда. Тамошние колонисты оказались в изоляции еще со времен Первых Миграций, их обнаружили чуть больше десятка лет назад. Отличные мужики! Однако Халлерок был единственным, кого удалось уговорить работать на нас.

— Это уникальное явление для них, у парня галактическое мышление, в том смысле, в каком это понимается в системе Веги, — согласно откликнулся пси-тестер. — Однако подсознательно он остается неразрывно связанным со своим народом настолько, что даже более или менее надежный механизм адаптации индивида в условиях изолированности от популяции в его случае дает сбой. Внешне это проявляется всего лишь в недостаточной уверенности в себе и в тех, с кем он вовлечен в любую серьезную деятельность, однако указанная тенденция прослеживается столь явно, что после рассмотрения данного вопроса было сочтено небезопасным допускать его

к исполнению обязанностей Агента Зоны.

— Девяносто восемь и семь десятых! — восхищенно повторил Координатор и выругался про себя. — Но это же означает, что Халлерок — один из лучших на всем потоке, а мне так необходима сейчас парочка таких, как он! Психоанализ не поможет придать ему уверенность?

— Ничего не поможет, кроме полного ментального контроля на протяжении нескольких недель.

Координатор покачал головой.

— Это, конечно, решит его личные проблемы, но для нас он будет потерян.

Он еще немного поразмыслил, вздохнул и решил:

— Как бы там ни было, Пэйгадан нуждается в его помощи. Она может совершенно его испортить, но она знает, что делает. Пусть попробует.

Затем он добавил, словно бы извиняясь:

— Уверен, что спроси мы об этом самого стажера Халлерока, он бы с нами согласился…

С этими словами он потянулся к кнопке на столе и продолжил на одном дыхании:

— Коммуникатор Центрального освободился для отчета Лаборатории об уровне распространения эпидемии на Оллеке.

Разум его также освободился от всех прочих забот, и он тихо откинулся в кресле в ожидании ответа Лаборатории.

* * *

Системный Шеф Джесс, выездной следователь Департамента Культуры, долго и внимательно прислушивалась, пока ее электронный секретарь не щелкнул тихонько: «рапорт отправлен». Затем она, озабоченно хмурясь, на мгновение помедлила пред его электронным ликом.

Начальство будет довольно проделанной ею работой! Краткий обзор, написанный с большим знанием дела, о доселе малоизвестном периоде далекого колониального прошлого Ульфи, с демонстрацией и четким объяснением разницы между положением дел в те суровые дни и нынешним изящно-старомодным совершенством ульфийской цивилизации. Все вместе красноречиво подтверждало справедливость взгляда Департамента Культуры на то, чего может достигнуть любое сообщество человеческих существ класса «А», если им не мешать. Кроме того, когда она напоследок прослушивала запись, рапорт показался ей очень удачным. Однако что-то в нем ей все-таки не нравилось. И это что-то не

нравилось ей на самой Ульфи.

Возможно, Джесс просто необходим отдых? Как обычно, начиная входить в курс нового расследования, последние две недели она проглотила изрядное количество препаратов типа «антисоник». Однако за шесть лет службы в Департаменте Культуры она еще ни разу не чувствовала потребности в отдыхе.

Волевым усилием остановив готовый сорваться зевок, Джесс потрясла головой, выключила секретаря и подошла к кабинетному зеркалу. Ведь вскоре ее ожидала еще одна встреча, еще одно историческое исследование.

Медленно поворачиваясь перед высоким зеркалом, она проверила, в надлежащем ли порядке находится ее форменный костюм и полагающиеся к нему аксессуары. Традиционалистский мундир ядовито-зеленого цвета, унаследованный Департаментом Культуры вместе со всем богатством его символического значения, был в полном порядке, включая антигравитационные батареи, спрятанные в поясе, бесшумные туфли и переключатель разумозащиты, замаскированный под браслет. Никакого оружия, сотрудники Департамента Культуры принципиально его не носили.

Она натянула разукрашенное кепи на черную, доходящую до плеч, блестящую волну волос и состроила зеркалу рожицу, пародируя свое лицо, которое, несмотря на свои двадцать пять с хвостиком, упорно не желало расставаться с выражением детской серьезности. Затем Джесс покинула кабинет.

На берегу озера, поблизости от двери мобильной резиденции Департамента Культуры, ее уже ожидала группа человечков. Сегодня их было шестеро: мужчины средних лет, облаченные в серебристо-серые одеяния, служившие знаком отличия гильдии историков. Они стояли позади дивной красоты летательного аппарата, чьи вытянуто-закругленные очертания навевали мысль, о захватывающей дух скорости. Но Джесс уже успела убедиться на собственном опыте, что привлекательная внешность — единственное достоинство ульфийских реактивных машин. Большее, что можно было от них ожидать в эксплуатации, была тряская и столь медлительная рысь, что когда она совершала в одной их них свое первое путешествие, девушке все время хотелось вылезти наружу и хорошенько подтолкнуть. Разумеется, откидываясь на спинку сиденья, она не преминула напомнить себе, что нельзя измерять

уровень достижения одной цивилизации уровнем достижений другой! Ульфи было суждено утратить буйную движущую силу технологий Веги, но кто мог судить о том, не приобрела ли она взамен нечто лучшее?

Вопрос вроде бы ясный, но Джесс обуревали сомнения в отношении ответа, пока долгий ритуал приветствий и выражений взаимного уважения маленьких ульфийцев шел своим чередом, закончившись лишь в машине. Затем ее исторический эскорт от души предался болтовне на своем цветистом диалекте одного из двенадцати основных языков человечества, и она автоматически принялась вносить свою лепту в разговор, в точном соответствии с занимаемым ею положением — демонстрировать глубокую заинтересованность, но не более того. Однако ее внимание было приковано к расстилавшемуся внизу городу.

Они парили на высоте всего около двухсот метров над берегом озера, но крыши всех зданий были достаточно низкими, чтобы открыть воздухоплавателю широкий обзор того, что, как и повсюду, являлось идеальным воплощением совершенного равновесия и симметрии. Даже тряска летательной машины не могла испортить

этого впечатления. Она двигалась все дальше и дальше, а жемчужно-белые и окрашенные в пастельные тона здания проплывали под ними все новыми и новыми, но все столь же безукоризненно выстроенными рядами образчиков чистоты линий и мягкости красок. Они располагались по обе стороны озера с правильностью, которая словно дрогнула и остановилась на границе самой себя, испугавшись стать чересчур правильной.

И это было всего лишь визуальным выражением сути ульфийской культуры. Все аспекты жизни планеты существовали в подобном, то есть почти непринужденном порядке, в том же педантичном почитании изящества и симметрии, в том же достигаемом без видимых усилий гармоничном вращении закругленных форм.

Джесс расточала улыбки спутникам. Хотя, по правде говоря, ее слегка озадачивал тот факт, что эта миниатюрная порода людей была не слишком умна! Кроме того, любая раса с сообразительностью не ниже кроличьей немедленно отправила бы нападающий Материнский Диск Бьянтов куда подальше, не испытывая потребности в чужой помощи!

Нет, вздохнула Джесс, встревоженная своими столь неортодоксальными размышлениями, ей

в самом деле нужно отдохнуть. Все дело в том, что человеческие существа класса «А» никогда и никак, даже столь гармонично, не сходят с нарезки, если их к тому не подталкивают, и поэтому сомнения относительно Ульфи означают всего лишь, что Системный Шеф просто не подобрала пока ключ к ее пониманию.

Возможно, ей помогут несколько недель повторной идеологической терапии в духе классического Традиционализма.

* * *

— Гробница Моюскана Бессмертного, последнего из наших величайших Мастеров Иллюзий.

Джесс приблизилась к гробнице с видом благоговейного восторга. В целом она могла обойтись и без осмотра гробниц, однако эта, без сомнения, представляла собой нечто особенное. Девушка в сопровождении Реквада-Аттана, историка и Наследного Хранителя гробницы, вышла из главного зала мемориального комплекса, который размещался на территории Исторического Института Центрального Города Ульфи, и оказалась в маленьком парке под прозрачным куполом. Остальная часть ее эскорта ознакомила гостью со всем, с чем должна была ознакомить, а затем,

всячески выражая свое уважение, вернулась к своим обязанностям. Однако Реквада-Аттан оставил ворота парка открытыми, вероятно, с тайной мыслью прочитать свою лекцию досточтимой гостье в присутствии публики. Небольшая группка ульфийских туристов просочилась внутрь и теперь столпилась вокруг них.

— Это место последнего успокоения необычайно подходит тому, кто бессмертен! — благочестиво заметила она.

Раздался одобрительный ропот. У нее закралось хмурое подозрение, что именно она, со своим башенным ростом, да еще экипированная в служебную униформу Конфедерации, привлекла эту цветастую толпу лилипутов, мало кто из которых доставал ей до локтя. С другой стороны, Гробница Моюскана должна быть достойна посещения с точки зрения такой эгоцентричной в культурном отношении расы, как ульфийцы. Расположенная на фоне сомнительного сочетания зеленой рощи и шепчущих фонтанов, усыпальница представляла собой светящийся полупрозрачный монумент, сочетающий в себе монументальность, воздушность линий и тонкую грацию с закругленностью форм, распространившуюся по всей планете в последние четыре столетия.

— Об этой гробнице ходят удивительные слухи, — громогласно, чтобы все слышали, прошептал ей на ухо Реквада-Аттан. — Говорят, что до сих пор некоторые из иллюзий Моюскана можно иногда видеть в этом парке. Особенно по ночам.

Круглое розовое личико многозначительно и сладко улыбалось, демонстрируя тем самым, что уж он-то, историк, не подвержен подобным предрассудкам.

Иллюзионные представления, подумала Джесс. Она и сама когда-то видела нечто подобное, но только Ульфи, согласно историческим данным, несколько веков назад культивировала их настолько широко, что было неприемлемо ни для одной современной цивилизации. Иллюзионисты на Ульфи были одновременно служителями культа, массовиками-затейниками и политическими лидерами, их ментальные симфонии, венец массовых танцев и различных общинных торжеств, сотрясающих тело и душу, капитально повлияли на мышление и эмоциональную жизнь планетарной расы. Моюскан Бессмертный завершал череду правителей как величайший пси из них. Какое же это, подумала девушка, было захватывающее путешествие мысли вглубь веков, погружение в царство силы человеческого

духа, который, не прибегая ни к словам, ни к жестам, мог подхватить и слить эмоции множества человеческих существ в единый поток, могучий, стремительный, бушующий, громокипящий в извивах импульсов воли одного человека, в хитросплетениях сетей его воображения.

Захватывающе, но и немного тревожно!

— Я думаю, — начала было она, но остановилась.

* * *

Внезапно слова и фразы, дотоле не приходившие ей на ум, хлынули потоком в мозг, и теперь, совершенно помимо своей воли, она начала их произносить!

— Но это же все объясняет, — произнес ее голос, в котором слышалось приятное изумление: — Я все думаю о вас, Реквада-Аттан, о вас и вашем таинственном прекрасном мире! Я должна была с самого начала догадаться, что это просто идеальное воплощение мечты художника, что ваш Великий Иллюзионист все еще жив…

Последние слова, одно за другим, пробарабанили свинцовыми каплями по внезапно наступившей тишине, и словесный поток иссяк. Джесс все еще находилась в совершенном по-

трясении. Затем в тяжелом безмолвии началось какое-то неясное бурление, и девушка мгновенно очнулась от наваждения.

На лицах присутствующих она прочитала предупреждение — однажды ей доводилось уже видеть подобные выражения в толпе, действующей под ментальным влиянием — поэтому сразу сообразила, что необходимо предпринять. Не останавливаться ни на минуту, не выяснять, что произошло, не пытаться урезонить, не спорить, не угрожать и не тратить время на призывы о помощи. Просто уносить ноги, причем немедленно!

Конечно, ульфийцев вокруг нее вряд ли можно было назвать «толпой», их было не более двух десятков душ. Но совершенно очевидно, что они натравлены на дичь, это читалось не только по их глазам, видевших сейчас только ее одну, но и в том синхронном движении, которым они сомкнули круг.

Точно по беззвучной команде, они мгновенно остановились, как только Джесс бессознательно посмотрела им в лица.

Господи, Реквада-Аттан находился под тем же влиянием! Он все еще находился ближе всех. Прямо впереди путь к отступлению преграждали

двое бритоголовых молодых людей крепкого сложения в желтой униформе Школы Атлетов. За спиной у них маячил какой-то старец в серебристом костюме историка, которого она заметила еще раньше, высокий и худой. Ни у кого оружия не было…

Решение пришло сразу: нужно миновать этих троих! Но не успел под ногами Джесс заскрипеть гравий, когда она поспешила в их сторону, как оба атлета со стариком ринулись наперехват. Немедленно раздался удивительный звук невидимого движения.

И тут Реквада-Аттан, от которого трудно было ожидать такой проворности, повис вдруг на ее локте, обхватив руками запястье. Мало того, историк еще и толкнул ее в сторону, чтобы сбить с ног. Джесс резко повернулась — на этом запястье она носила браслете вмонтированным пультом управления разумозащитой, и потому его нужно было сохранить во что бы то ни стало — изловчилась и врезала Наследному Хранителю хук справа, да так, что он улетел прямо под ноги наступавшим молодцам в желтом.

Атлеты потеряли равновесие, старец-историк мгновенно оказался на четвереньках, его развевающееся одеяние опутало споткнувшихся, внеся

еще большую неразбериху. Однако тут набежали остальные, и Джесс внезапно очутилась в эпицентре рвущей друг друга на части, хватающей и сопящей кучи-малы. Волна ужаса поднялась в ее разуме, когда она поняла, что большинство из нападавших пытается добраться до браслета-пульта! Это означало, что грядет ментальная атака! Ментальная атака и групповое нападение на иноземельца на современной Ульфи?!

* * *

Потрясение, пережитое девушкой от осознания внезапного открытия, что пробудились какие-то тайные силы в столь безобидном на вид мирке, могло стать множеством переломанных шей и прочих членовредительств, соавторство которых принадлежало бы Джесс. Ибо Департамент Культуры неодобрительно относился к ношению любого вида оружия, зато всячески поощрял своих сотрудников к владению и совершенствованию старого доброго земного искусства единоборства. Лишь с большим трудом она устояла перед искушением продемонстрировать свои любимые приемы, большинство которых никогда прежде не приходилось применять на практике. Ситуация была отнюдь не безнадеж-

на, главное — не терять головы! Не скупясь на толчки, пинки и блоки, понуждая нападавших на вынужденные прыжки и перевороты, она прокладывала себе дорогу сквозь обезумевшую толпу лилипутов, стараясь удержаться на ногах и удерживать запястье с браслетом вне пределов досягаемости чужих пальцев.

Все бы ничего, да за Джесс принялись атлеты в желтом. Что ж, пусть им будет хуже! С тщательно отмеренной яростью она стукнула их обритыми лбами друг о друга, переступила через очередного упавшего, остервенело лягавшегося человечка, обнаружила, что свободна, и уже с легким сердцем отразила последнее нападение некой тяжеловесной особы.

Краткая и практически бескровная схватка происходила не далее десяти шагов от выхода из парка. Девушка в мгновение ока отмерила их, захлопнула за собой высокие бронзовые ворота и повернула в замке ключ, беспечно оставленный там Реквадой-Аттаном.

Теперь она могла оглянуться и рассмотреть поверженных противников. Большинство из них еще не успели встать на ноги, лишь некоторые делали неуклюжие попытки подняться. Исключение составлял лишь темнокожий мужчина

средних лет с аккуратно подстриженной бородкой, облаченный в белую робу. Он стоял чуть в стороне от драчунов на покрытой черепицей дорожке, и Джесс не могла припомнить, видела ли она его раньше.

Затем их глаза встретились. В его взгляде читалось понимание, смешанное с чем-то похожим на гнев или страх.

По крайней мере, подумала девушка, размашисто шагая по одному из коридоров, ведущих к центральным залам Института, удивление постигло не только ее! У нее будет еще время подумать об этом. Сейчас следовало решить, как выбраться из дурацкого положения, поскольку было бы самонадеянно считать, что ей удалось выйти сухой из воды. В здании полно людей, и Джесс даже представить себе не могла, как они себя поведут.

* * *

Девушка осторожно, но быстро вынырнула из коридора в длинный и пустой, ярко освещенный солнцем зал.

Противоположная от входа стена состояла из наборных голубоватых плит, похожих на мраморные, и до нее была примерно сотня метров. За

узкими окнами, спускающимися с потолка, виднелись перистые верхушки деревьев и крыши других зданий. Высокие дверные проемы располагались почти на стыке с боковыми стенами.

Оба выхода были блокированы человечками, выстроившимися клином. Цвета их одеяний смешивались в безумную палитру, видимо, в зале поспешно собрались граждане всех видов и сословий. Даже на таком расстоянии общее выражение лиц вызвало у Джесс легкую тошноту. Очевидно, их послали только для того, чтобы не позволить ей выйти, пока…

Затем что-то неосязаемое и незримое плотно сомкнулось вокруг ее головы.

Ментальная атака!

Джесс бессознательно схватилась руками за виски, хотя знала, что это не поможет. Все происходило внутри черепа, мощный наплыв раздробленного на мельчайшие части давления, непохожего на боль. Оно терзало нервные окончания ее мозга. В приступе паники оно показалось ей чем-то вроде ослепляющей и оглушающей вспышки непреодолимой силы. Мгновение спустя девушка решила, что атаку вполне можно вытерпеть.

Разумеется, она знала, что с включенной ра-

зумозащитой у нее несколько минут в запасе. Непосредственная опасность заключалась в том, что ее реакция на атаку отвлекает от спасения бегством.

Она взглянула на ближайшую из дверей и поняла, что не способна даже подумать о том, что вновь придется пробиваться сквозь обезумевшую толпу. Окно же находилось всего в десяти метрах. Отвесные стены стометровой высоты упирались в просторный внутренний двор, вымощенный голубыми же плитами. За ним начинался окаймленный высокими стенами парк, через квартал выходящий на городскую улицу. По улице с тихим журчанием протекал многоцветный транспортный поток, слишком далекий, чтобы принимать его в расчет. Внизу по двору прогуливались несколько ярко одетых человечков, на них также не следовало обращать внимания. Зато следовало включить в уравнение спасения, «которое бегло решала сейчас Джесс, реактивные машины, припаркованные внизу у стены, меньше чем в паре метров от опоясывающего здание по периметру парапета.

Рука сама скользнула к поясу и включила антиграв. Девушка почувствовала себя почти невесомой, перемахнув через подоконник и энер-

гично оттолкнувшись от стены руками. Меньше чем через восемнадцать секунд она коснулась голубоватых плит двора и бросилась прочь.

Раздались истошные крики. Молоденькие девушки, стоявшие в нескольких шагах от своей машины, открыли рты от изумления, когда великанша помчалась прямо на них. Но ни они, ни кто-либо другой еще не попытался удержать Джесс.

Она подняла в воздух одну из машин и направила ее в приозерный район, который использовался как посадочная площадка для единственного размещенного на Ульфи истребителя флота Веги. Затем ей внезапно пришло в голову, что в Центральном Городе у полиции имеются особые аппараты, которые могут кружить вокруг обычных воздушных машин, и эти серебристые дирижабли как раз и занимались барражированием над тем местом, куда она стремилась попасть!

Несколько минут спустя Джесс вспомнила также, что корабль мог находиться в нескольких километрах от космопорта. С такого расстояния и высоты она не могла его разглядеть, а машина категорически отказывалась подняться повыше. Пришлось лететь прежним курсом, поскольку

альтернативы не было. Она не могла связаться и даже определить местонахождение кого-либо из представителей Веги, работающих на Ульфи, поскольку сделать это можно было либо из истребителя, либо из кабинета, а ее временная резиденция располагалась на территории космопорта. Вокруг парило достаточно много летающих машин, и ее аэрокар вряд ли привлечет повышенное внимание, хотя в целом движение над городом было довольно умеренным и по большей части сводилось к нескольким потокам, соединяющим важные городские объекты.

Вот уже второй полицейский дирижабль показался в отдалении, скользя над самыми крышами. Сквозь окутавший район легкий туман его силуэт едва просматривался. Если бы стражи порядка действительно знали, где находится беглянка, любой из них перехватил бы ее в считанные минуты.

Вполне вероятно, пыталась успокоить себя Джесс, никто пока не догадывался, где ее искать. Ментальная сила, даже сейчас продолжающая атаковать ее разумозащиту, была совершенно не ориентирована пространственно; побег девушки из Исторического Института оказался куда более внезапным и стремительным, чем того ожидали

ее таинственные преследователи. Несмотря на рост, незнакомцы частенько недооценивали Джесс как достойную противницу, их вводило в заблуждение кажущееся хрупкое сложение и детские черты лица. В обстоятельствах, подобных теперешнему, это могло сослужить добрую службу, однако…

Джесс мягко прикусила губу, ощущая периодические приступы паники, время от времени поднимающиеся на поверхность из глубин подсознания.

Она знала, стоило лишь окружить космопорт на значительном удалении от истребителя, чтобы не возбудить подозрений у экипажа, и можно просто ждать, пока добыча сама попадет в расставленные сети. И очень скоро попадет! Разумозащита пока справлялась с оказываемым давлением, однако побочные эффекты уже давали о себе знать. Едва заметные признаки медленно усиливающихся неприятных ощущений: жжение в пищеводе, дрожь мышц, сужение сосудов головного мозга — все это монотонно пульсировало. Несколько минут назад появились первые мимолетные следы визуальных и слуховых нарушений. Подобные дефекты организма можно терпеть долго и без особого вреда.

Однако, в конце концов, они приведут к состоянию полного затуманивания сознания. При этом теоретически разумозащита может продолжать функционировать, но практически Джесс уже не сможет ни сознавать, ни контролировать свои действия.

Пока аэрокар медленно, но верно нес Джесс навстречу неведомому, ею внезапно овладело удивительное спокойствие и отстраненность. Теперь было ясно, что нужно делать: продолжать лететь, пока ее не обнаружат, затем посадить машину и попытать счастья пешком. И все же любопытно, кто наслал на нее все эти неприятности? Что ему или им нужно?

Джесс ссутулилась над примитивной панелью управления, слегка наклонясь вперед, чтобы сделать свое отличие в росте менее заметным, а ее мозг вновь и вновь анализировал последствия той странной речи, что она произнесла в парке рядом с гробницей Моюскана. Это были не ее мысли, в противном случае она не стала бы высказывать их экспромтом. Значит кто-то, прикрываясь разумозащитой, или обойдясь без таковой, сумел проникнуть в ее разум! Возможно, на Ульфи существовали противоборствующие группировки ментальных гениев, и одна из них

попыталась использовать Джесс и Вегу в целом как козырь в борьбе за господство над планетой.

Затем Системный Шеф Джесс испытала вспышку злобы при мысли, что высокое начальство Департамента Культуры отправило ее на Ульфи совершенно безоружной. Конечно, верить в природную добродетель человечества класса «А» и высокие ментальные технологии замечательно, однако даже старомодный бластер в руке послужил бы большим утешением!

— Ох, солнца и планеты! — вслух пробормотала Джесс, вспомнив полузабытое заклинание традиционалистов, заученное еще в детстве.

И в этот момент четко очерченная тень беззвучно оторвалась от нижней кромки туч и зависла над летательной машиной.

У Джесс екнуло и бешено заколотилось сердце, она взглянула вверх и нажала кнопку ручного управления. Машина не послушалась. Девушка все еще пыталась оторваться от назойливого преследователя, когда над ней чей-то голос беспечно произнес:

— Вот так номер! Так и знала, что это вы!

* * *

Джесс потеряла дар речи.

Эти слова были произнесены на языке Веги, да и технологиям маленькой Ульфи было далеко до производства этой совершенной, без единого шва, машины, похожей на матово-зеленую каплю! Из открытого шлюза непривычного для аборигенов аппарата выглядывало миловидное, почти человеческое, личико с огромными глазами, и Джесс сразу вспомнила, где в последний раз видела эту представительницу нечеловеческой расы в униформе Галактических Зон. А также свои вежливые попытки не выказать антипатию и подозрение, которые возникали у каждого уважающего себя традиционалиста при встрече с подобными — «серединка на половинку» — существами.

И все же — от инопланетянки веяло спасением!

У Джесс затряслись поджилки. Хорошо, что все закончилось, но нервы оставалась в напряжении.

Для Агента Зоны Пэйгадан любая заинтересовавшая ее разумозащита была не плотнее паутинки в солнечный летний день, если, разуме-

ется, не поддерживалась существом со сходным уровнем ментального контроля. У нее поднялось настроение, поскольку удалось выловить Джесс в транспортном потоке. К тому же, она уже в который раз убедилась в способности своей воздухоплавательной машины к тонкому маневру.

— Вспомнили меня? — она любезно улыбнулась. — Пелайл, Галактические Зоны, к вашим услугам! Наблюдая за территорией с высоты десяти тысяч метров, я заметила, что вы путешествуете в одиночестве. Что происходит, мой рослый коллега? Вам захотелось совершить экскурсию в этом примитивном творении человеческих рук или ваш пилот выпал из кабины?

— Уль… — начала было Джесс, трясся головой.

Глаза Пэйгадан расширились.

— Что с вами?! — сказала она испуганно: — Теперь вижу, что вам здорово досталось, моя дорогая! Что слу… Эй, подождите секунду, я пришвартуюсь и заберу вас на борт! По-моему, вас нужно доставить домой как можно скорее.

Джесс глубоко вздохнула, откинула со лба спутанные пряди черных волос и осторожно потрогала глубокую царапину на тыльной стороне ладони. Только теперь девушка заметила, что выглядит ужасно — зеленый мундир изорван и

сильно запачкан голубоватой пылью от плит, по которым она прокатилась при падении, ее любимая кепочка потерялась. Спустя мгновение она с удивлением обнаружила, что назойливые ментальные приставания исчезли!

Она все еще раздумывала над этим фактом, когда облаченная в перчатку рука Пэйгадан мягко помогла ей забраться в кабину шлюпки. Затем, когда шлюзовая камера захлопнулась, ее ожидало еще одно открытие: защитный браслет раскрылся и безжизненно повис на запястье, удерживаемый лишь тонкой цепочкой. Переключатель защиты, оказавшись в открытом положении, предупреждающе мигал красным…

— Вас беспокоит ваша защита? — повторила ланнайка вслед за мысленным восклицанием Джесс, отмеряя в чашку розовую жидкость из пузатой бутылочки. — Вероятно, зацепились браслетом, когда перебирались из машины. Такое иногда бывает. — Она внимательно посмотрела на Джесс, и в ее глазах блеснули огоньки: — А что, это имеет какое-то значение?! Вас кто-нибудь преследует?

— Да, меня преследовали, — прошептала спасенная, и внезапно почувствовала, что страх прошел! Дрожь прекратилась, сияющие вихри

перестали мелькать перед глазами. Внезапно ее посетило странное предчувствие, усиливающееся с каждой секундой, которое словно вздымалось и пульсировало внутри ее сознания. Это было чувство ожидания, что-то должно было произойти.

Ланнайка поднесла ей полную чашку.

— Пейте! — приказала она. — В любом случае это вам поможет. Потом расслабьтесь, откиньтесь на спинку, а я послушаю вашу историю!

Джесс отметила, что жидкость оказалась не розовой, как она думала вначале, а красной, глубокого, приглушенного, темно-рубинового оттенка. Удивительно спокойный цвет, а само питье любопытнейшим образом как бы замедлило ход событий! С одной стороны, девушка прекрасно понимала, что где-то по краям ее сознания остается страх, а где-то с головокружительной скоростью проносятся тревожные мысли. Иногда какая-нибудь из них ныряла в центр и пыталась добраться до эго Джесс, леденящей душу молнией проникая в темно-красные сумерки, где оно пребывало. И тогда Джесс пыталась уклониться от молнии, при этом отмечая, что чем дальше мысль проникает, тем медленнее становится ее движение, чтобы остановиться, наконец, и тихо растаять в рубиновой мгле.

«Им никогда не удастся до меня добраться и это довольно забавно!»

По-видимому, Джесс слишком эмоционально подумала об этом, поскольку маленькая большеглазая ланнайка сказала вслух:

— Нравится, да? Это всего лишь антишок-кола, моя дорогая! А я-то думала, что вы в курсе… И чему вас только в вашем Департаменте Культуры учат!

Последняя фраза развеселила Джесс. Департамент Культуры, разумеется, учил всему, что полагается знать его сотрудникам! *Но постойте-ка… разве не было такого, что… что это такое было, когда она…* Джесс очень осторожно решила, что продумает этот тезис о Департаменте Культуры в другой раз.

Ей казалось, что вокруг ведется множество тихих разговоров. Возможно, она участвовала в некоторых, но наверняка сказать было невозможно, поскольку ее перестало интересовать, что с ней происходит. Затем две высокие фигуры, мужчина и женщина, пришли к ней из-за некой границы ее прошлого и попытались заговорить с ней. Так случалось всегда, когда на душе у Джесс было тревожно и одиноко. Она с удивлением восприняла этот визит, поскольку на этот раз

у нее не было ни тревоги, ни одиночества. Она взирала на них с недоумением со своей стороны барьера, вдоль которого время от времени раздавались взрывы, и мельтешили огни, принося страх, боль и мимолетное забвение — симптомы, которые так и не смог классифицировать ни один из психотерапевтов Департамента. Она лишь смутно различала мир, из которого они пришли и куда приглашали ее отправиться, блистающий холод звезд, безмолвие заснеженных равнин, волшебный мир, мир покоя. Но у нее не было возможности туда отправиться, высокие фигуры понимали это и удалялись.

Возможно, гости просто таяли в сгустившемся алом рубиновом тумане, становящемся все краснее и краснее, в этой тьме, смягчающей, утешающей, замедляющей все и вся…

— Замечательно, — удовлетворенно прошептала сонная Джесс.

* * *

— Халлерок! — вызвала ланнайка.

— На связи, Пэг! — отозвался стажер. — Я снова на Наблюдательном корабле. Что я должен сделать?

— Ничего особенного, поддерживай телепати-

ческую линию в рабочем режиме. Пока все идет как по маслу. Я отключила разумозащиту сотрудницы Департамента Культуры, когда забирала ее на борт, а наш приятель Моюскан уже был тут как тут, горя желанием взять ее под контроль и выяснить, что мы знаем о нем и о том, что он здесь устроил. Затем он обнаружил меня, и с тех пор залег на дно и смирненько лежит, время от времени прислушиваясь, что происходит на поверхности.

— С чего это он такой стеснительный? — поинтересовался Халлерок.

— Пару недель назад Моюскан попробовал на зуб мою разумозащиту. Издалека. Мне это пришлось не по нраву, и я довольно щелкнула его по клюву — сам понимаешь, вполне естественная защитная реакция любого телепата. А ему это очень не *понравилось*. Почему-то. Вот он и слинял в одно мгновение.

— И я его прекрасно понимаю, — глубокомысленно изрек Халлерок. — Ты иногда не соизмеряешь свои возможности. А что, Департамент Культуры проявляет к нему интерес?

— Нет, как мы и предполагали, все дело в нас самих. Джесс высказала какое-то невинное замечание, а Моюскан сделал из этого поспешные

выводы. Какое именно, пока не знаю, поскольку из-за состояния Джесс не рискую копаться в ее памяти.

— Знаешь, я тут подумал, а ты случайно ничего не натворила? Ничего такого, что заставило бы твою девицу столь своевременно высказать так называемое «невинное» замечание?

— У-у, какой же ты подозрительный! — отреагировала Пэйгадан вполне дружелюбно. — Использовать сотрудников Конфедерации в подобных аферах против их воли и без их ведома — нарушение кодекса чести. Советую запомнить это хорошенько! Хотя, нужно признать, что инцидент с Джесс произошел неимоверно вовремя. Иначе пришлось бы ждать несколько недель, к тому же Госпитальный корабль уже здесь, вместе с начинкой. Моюскан устроил себе наблюдательный пункт прямо в тылу у нас, и думает, что этого вполне достаточно для его безопасности!

Несколько секунд Халлерок обдумывал сказанное, потом спросил:

— Ты сейчас где?

— Внизу, в космопорте Центрального Города, все еще в шлюпке Змейки. Коллега из Департамента Культуры сейчас под действием антишокколы и дрыхнет без задних ног за моей спиной.

— Ага, — протянул Халлерок, — значит, все готово для охоты?

— Очнись, братишка! — посоветовала Пэйгадан. — Охота уже началась. Последнее, что я сказала культуртрейгерше, прежде чем она заснула, что Госпитальный корабль Флота Веги приближается к Ульфи с грузом новейшего, совершенно секретного средства против космофобии. Этот новолин — дружественный дар Конфедерации страдающему населению братской планеты.

— Ну… тогда мне следует посадить Госпитальный корабль в космопорте приблизительно через час, верно?

— Да, через час будет в самый раз. Моюскана должен сильно встревожить факт обнародования того, что психоз космофобии вызван искусственно. Хотя этому подонку не составит труда задержать распространение новолина. Если ему удастся это провернуть, сделаем вид, что ничего не замечаем — пусть вздохнет свободно, часика на три! Затем я разбужу нашу культуртрейгершу и, убедившись, что Моюскан вновь готов подслушивать нас через нее, скормлю ему большую и *оч-ченно* горькую пилюлю. Поэтому не забудь послать заготовленное нами сообщение через три с половиной часа! Пошли мне его прямым ко-

дированным, чтобы все выглядело естественно.

— Ладно, — сказал Халлерок. — Но давай прогоним схему еще раз, просто чтобы убедиться, что все пройдет как по нотам.

— Вот еще? В этом нет никакой необходимости! — возмутилась ланнайка. — Я проанализировала поведение Моюскана до мельчайших подробностей, даже про его бесподобные усы не забыла, и подготовилась к любым неожиданностям. Мышеловка готова захлопнуться, дело лишь во времени. Неужто ты опасаешься сюрпризов со стороны телепата второго уровня? Если бы ему случайно не удалось завладеть целой планетой, Галактические Зоны вообще не стали бы заниматься подобной мелочью.

— Возможно, — осторожно согласился Халлерок, — тем не менее, Моюскану это удалось. Случайно или закономерно, другой вопрос. А вот если наш фигурант вдруг запаникует, ему ничего не стоит разнести планету на мелкие кусочки!

— Агент-стажер Халлерок, — произнесла Пэйгадан сурово, — обычно я люблю тебя как сына, или вроде того, но иногда ты выглядишь в моих глазах сущим остолопом! Даже телепат второго уровня не паникует до тех пор, пока ему не дают понять, что он загнан в угол. А в углу панико-

вать поздно. Все, что мы должны сделать, это ненавязчиво показать Моюскану возможный и единственно приемлемый выход из положения, но дать ему на это ровно столько времени, чтобы мы успели закрутить гайки, а он не успел сообразить, что к чему. Если тебе этого мало, можешь на ближайшие несколько часов накрыть разумозащитой любого командированного на Ульфи гражданина Веги.

Халлерок рассмеялся. Довольно натужно, впрочем.

— Я это уже сделал, мамочка!

Пэйгадан пожала плечами. До чего же мрачен старина Халлерок! Наверняка будет ожидать, что все пойдет по наихудшему варианту, хотя задание, как явствует из досье стажера, было как раз по его части. Ей было приятно наблюдать, как быстро и точно парень разработал план и конкретные фазы операции, невзирая на обуревающие его дурные предчувствия. Единственное, что стажеру, вероятно, было пока не по силам, так это провести операцию самостоятельно.

Пэйгадан улыбнулась и присела ненадолго перед кушеткой, на которой сладко посапывала подсадная утка по имени Джесс.

* * *

Два часа спустя, когда помощник Пэйгадан снова связался с ней, он был настроен более оптимистично.

— Реакция точно такая, как предполагалось, — лаконично сообщил Халлерок. — Начинаю верить, что ты знаешь, что делаешь.

— Моюскан приостановил распространение новолина?

— Да, это было сделано очень аккуратно. Госпитальный корабль сейчас в одном крупном биохимическом центре в пятистах километрах от Центрального Города, груз полностью передан высшим должностным лицам государства. Возник вопрос: а отличаются ли ульфийцы физиологически от стандартного А-класса настолько сильно, чтобы не проводить серию соответствующих лабораторных опытов, прежде чем дать средству зеленую дорогу? Было сочтено целесообразным все же не торопиться и дать медикам возможность поэкспериментировать с новолином, как они сочтут нужным. Кроме того, местные эскулапы попросили специалистов Конфедерации пока не подвергать дело огласке, дабы не возбудить у населения ложную надежду.

Предположительно тестирование препарата может затянуться на неопределенный срок.

— Насколько все же оппозиция облегчает нам работу, — благодарно вздохнула Пэйгадан. — Стоит ее только немного расшевелить! Аборигенам разрешили осмотреть корабль?

— Несколько местных все еще рыщут по нему, вынюхивают. Они представились экспертами. Могу побиться об заклад, — воскликнул Халлерок со смешком, — что Моюскан убедился, что никто из членов экипажа не пользуется разумозащитой! А это создало иллюзию того, будто овладеть этим драндулетом и его командой раз плюнуть.

Он немного помедлил:

— Нам остается лишь немного подождать.

— Да, нам остается лишь позволить ему забавляться такими иллюзиями, — согласилась Пэйгадан. — Теперь нужно встревожить его ровно настолько, чтобы подпитать их самым естественным образом.

Ночь давно опустилась на крыши Центрального Города, когда столь ожидаемое ею сообщение протрещало из коммуникатора шлюпки. Агент расшифровала его, изобразила внутренне сильнейшее эмоциональное потрясение, потом растормошила Джесс и с приличествующим

случаю негодованием высказала все, что она думает, тем самым, подсунув подслушивающему Моюскану горькую пилюлю. Правда, сразу после этого Пэйгадан пришлось пережить несколько волнительных минут, пока ее пациентка под действием все умиротворяющей антишок-колы вновь ни успокоилась.

— Она все порывалась встать и взяться за дело самостоятельно! — изумленно сообщила Халлероку Пэйгадан, потирая растянутое запястье. — Но, в конце концов, мне удалось ее убедить, что в обязанности Департамента Культуры не входит расследование тайных массовых убийств на чужой планете, и что один из самых компетентных Агентов Зоны высадится здесь завтра, чтобы взять на себя это дело.

— Ага, — понимающе отметил Халлерок, — эта новость и означает, по твоим словам, «закрутить гайки».

— Причем, закрутить настолько, насколько требуется. Есть подозрение, что ответственность за изощренные ритуальные убийства лежит на мощной и разветвленной тайной организации, а не на каком-то убогом телепате, который нескольких веков изображает из себя планетарного божка. Разумеется, если указать

на Моюскана, ему тут же отвернут башку его же подданные.

Девушка промокнула лоб носовым платком.

— Знаешь, инсценировка всегда заставляет меня нервничать, никак не могу привыкнуть врать, — добавила она. — Я здорово волновалась, почти совсем как ты. Теперь требуется набраться терпения и ждать, пока Моюскан не решит свои маленькие проблемы. Он не настолько туп, чтобы не заметить выход…

Однако минуло почти три часа, которые Пелайл, якобы второстепенный сотрудник Галактических Зон, провела в тихой и незаметной работе над документами в компании папок, рапортов и досье, отправляя и получая различные кодированные сообщения в связи с анонсированным прибытием на Ульфи старшего по званию — Агента Зоны.

Девушка готова была признать, что и сейчас немного волнуется, хотя предусмотрела альтернативные меры на случай…

И тут в ее разум ворвалась вопрошающей молнией мысль Халлерока. На мгновение Пэйгадан затаила дыхание.

— На связи! — резко откликнулась она. — Что там у тебя, выкладывай!

— Ведущие биохимики планеты Ульфи, — обстоятельно начал Халлерок, — только что вынесли заключение, которое вскоре будет обнародовано повсеместно…

— Слушай, ты, озорник-недоучка! — выпалила Пэйгадан. — А ну-ка, не тяни из меня душу!

— …поскольку смогли в самые короткие сроки завершить, то есть проанализировать, резюмировать и сопоставить все необходимые тесты, которые подтвердили абсолютную безопасность нового средства против космофобии — новолина — для всех вариантов физиологических особенностей структуры ульфийцев. Было признано, правда, что в известной степени придется полагаться на…

— Халлерок! — ледяным тоном на этот раз перебила его Пэйгадан, — еще одна идиотская подробность — и при встрече я сделаю из тебя полуфабрикат!

— Ну что ты, Пэг! — наигранно жалобно воскликнул Халлерок. — Ученые прислали на Госпитальный полсотни добровольцев, чтобы окончательно проверить действие новолина непосредственно в космосе, после чего вся Ульфи до последнего человека использует несравненный подарок Федерации, и как можно быстрее.

Никто особо не расстроился, когда наши медики напомнили, что ранее уже сообщали о том, что корабль способен тестировать одновременно лишь один объект…

Пэйгадан сделала судорожный вдох, и ее лицо вспыхнуло минутным румянцем, отчего сразу стало чистым, ярким, ничем не замутненным.

— И когда отобранный доброволец взлетит в космос? — промурлыкала она триумфально.

— Он уже взлетел, десять минут назад, — невинно произнес помощник. — Незадолго до того, как я его протелепатировал, объект эксперимента обнаружил, что за десять минут полета в космосе можно вылететь за пределы радиуса действия телепата второго уровня. Похоже, что потеря контакта с Ульфи его встревожила не на шутку… Ого! Смотри, Пэг! Представь, что было бы со мной без разумозащиты, когда этот бессмертный кладезь всех добродетелей в мире принялся за свое гнусное дело!

— Отлично представляю, — воскликнула Пэйгадан. — Хорошо хоть, что планета уже в безопасности. Молодец, так что я прощаю тебя за все твои приколы. Теперь можешь побеспокоиться и о корабле! Должна тебя похвалить, — признала она чуть позже, — за то, что ты установил ПТ-

элементы. Вот, что называется, полный охват! В половине случаев я сама не знаю, из какой точки корабля наблюдаю за этим спектаклем.

Она удобно свернулась калачиком в просторном кресле рядом с кушеткой, на которой тихо дремала Джесс, и казалась почти столь же безмятежной, как и ее высокая гостья. На голову Пэйгадан было водружено что-то вроде большого, с толстыми стенками, но, по-видимому, очень легкого шлема, доходившего ей почти до переносицы, а глаза девушки были закрыты.

— В данный момент, — предположил Халлерок, — наверное, ты направила объектив Подглядывающего Тома прямо в верхний левый угол видеоэкрана, в который смотрит Моюскан. Ему все еще не нравится находиться в космосе, верно?

— Да, но он способен контролировать свою неприязнь, — лениво заметила Пэйгадан. — Я его узнала, это тот, кто руководил нападением на нашу культуртрейгершу в Историческом Институте. В ее памяти осталось короткое, но очень точное его изображение. Итак, знакомься, это — Моюскан, все в порядке!

— Ты хочешь сказать, — ошеломленно спросил Халлерок, — что до сих пор не была в этом

уверена?

— Ну, видишь ли, никогда нельзя быть уверенным до самого конца, — наставительно сказала Пэйгадан. — Всегда могут возникнуть неприятные сюрпризы.

Она открыла глаза, переменила позу и вновь откинулась на спинку.

— Не смотри на меня так, Халлерок! Сейчас ты должен записать для Лаборатории все, что происходит на борту Госпитального, каждую мелочь!

Халлерок, все еще несколько встревоженный, на это заметил, что записывать пока почти нечего. Если не считать того, что темнокожий ульфийский доброволец с бородкой клинышком, взятый исключительно в качестве объекта научного исследования, развил на борту самую бурную деятельность. Однако никто на корабле, по-видимому, не находил в этом ничего странного. Куда бы он в больничной пижаме и босиком ни направлялся, экспериментальная группа в составе трех врачей неотступно следовала за ним, точно наседки за перевозбужденным цыпленком. Время от времени группа останавливала своего беспокойного пациента на бегу и производила беглый медицинский осмотр, коему он подчинялся беспрекословно.

Однако он молчал и даже словом не перекидывался ни с ними, ни с членами экипажа, мимо которых стремился пройти незамеченным. Те, в свою очередь, были настолько глубоко погружены в выполнение своих служебных обязанностей, что, по-видимому, не замечали его присутствия, и одно это уже свидетельствовало о необычности полета.

— А старикан-то — прирожденный организатор! — вынуждена была признать Пэйгадан. — На него работает целый табун экспертов, и он достаточно умен, чтобы не мешать им. Корабль уже лег на новый курс, верно? Можешь вычислить, куда он направляется?

Халлерок ответил.

— Ого, путешествие длиной в месяц! — глубокомысленно протянула Агент. — Похоже, он больше не хочет иметь с нами дело!

На скорости, чуть ниже крейсерской, Госпитальный корабль удалялся прочь от Ульфи. Пациент, точно погруженный в государственные дела сановник, обремененный ответственностью и не замечающий своей почтительной свиты, продолжал бродить по кораблю. И вот однажды, вернувшись в просторную ходовую рубку и бросив неприязненный взгляд на экран перед

креслами пилотов, на котором блистала алмазная россыпь звезд, Моюскан не выдержал.

В этот момент и стало очевидно, насколько же одиноким он чувствовал себя среди членов команды Госпитального. Зная, что больше не нужно сдерживать свое эго фантомами, экс-правитель. Ульфи выплеснул наружу все, что накопилось у него в душе. Этот бурный словопоток из бессильного гнева, несбывшихся надежд и панического страха должен был привлечь внимание всех присутствующих в ходовой рубке.

Но не тут-то было.

Пилоты вместе с навигатором и его помощниками были полностью поглощены бурной дискуссией о куче неиспользованных в ходе этого рейса информкристаллов. Доктора, окружившие разоряющегося Моюскана, спокойно дожидались, когда он закончит, чтобы обменяться профессиональными комментариями в спокойной, неспешной манере специалистов, которые наблюдают за ходом поставленного эксперимента и все больше уверяются в его удовлетворительном завершении.

Взрыв эмоций окончился столь же неожиданно, как и начался. Ульфиец вытер ладонью рот и хмуро уставился в пол.

— Думаю, — сказала Пэйгадан, — пора высылать истребитель, Халлерок!

— Уже выслан, — ответил стажер. — По моим подсчетам «окончание времени действия» пришлось как раз на середину его блистательной речи.

— По моим — тоже, — откликнулась девушка. — Надеюсь, теперь уже скоро. Ждать осталось недолго.

Корабль-беглец был густо нафарширован различными смертоносными устройствами, которые можно было активизировать дистанционно через ПТ-систему. Однако поскольку подобная активизация могла повлечь за собой неприятности для членов экипажа корабля, мины-блохи, баллоны с газом и скрытые автоматические снайперы следовало использовать лишь в крайнем случае, а именно, в том, если Моюскан попытается излить недовольство внезапно отвернувшейся от него фортуной на кого-нибудь из своих новых пси-подчиненных. Однако Пэйгадан считала маловероятным, что недавний повелитель Ульфи столь непрактично распорядится даже малой частью своих сократившихся человеческих ресурсов ради мелкой мести.

Убедившись, что не ошиблась, девушка тер-

пеливо, гораздо более терпеливо, чем Халлерок, ожидала завершения карьеры Моюскана, не желая, однако, чтобы в этом оказались замешаны мины, пули или газ.

Это произошло примерно четверть часа спустя. На экранах прекрасно зафиксировалось, как по телу ульфийца едва заметно пробежала дрожь, словно его подключили к электрическим клеммам.

И Агент, и стажер среагировали практически мгновенно, но так и не смогли выяснить впоследствии, кто из них запустил телепатически управляемый механизм, который вызвал на Госпитальном короткую вспышку слабого пси-излучения, едва ли воздействовавшего на граждан Веги.

Экипаж Госпитального корабля тоже отреагировал, но не на вспышку, а на включившийся аварийный зуммер. Кто-то пощелкал тумблером, кто-то выяснял возможную причину, но так как все устройства были в полном порядке, беспокойство улеглось. Потом движения людей замедлились, они хмурили лбы, точно пытаясь что-то припомнить, а еще через несколько секунд, что бы ни делал каждый из них и где бы ни находился, астронавты приняли горизонтальное

положение и погрузились в сон.

Один Моюскан остался бодрствовать, поскольку лишь его нервные центры не были за несколько дней до этого подвержены обработке катализатором, который ничем себя не выдавал до тех пор, пока вспышка излучения не заставила его начать действовать. Не прошло и минуты, как диктатора потрясло внезапное осознание факта, что вокруг нет более ни единого разума, способного ему подчиняться. Ибо новолин хоть и был способен излечить космофобию, но лишь на ограниченное время, зависящее от величины дозы и конкретного организма, впоследствии же все возвращалось на круги своя. Какова бы ни была природа всепоглощающего страха, который пробуждал к жизни тайные механизмы одинокой души, захваченной врасплох посреди космического пространства, последствия оказались крайне разрушительными как для тела, так и для мозга.

Именно так, неистово и стремительно, умер Моюскан Бессмертный, прожив на четыре столетия дольше отведенного ему природой срока. Его сердце разорвалось на части в результате нарастающего с каждой секундой приступа безудержного ужаса. Халлерок, до сих пор доб-

росовестно записывавший данные для всеядной Лаборатории, едва справился с приступом тошноты, когда диктатор зашатался, издал безумный вопль и рухнул на пол рубки. Пэйгадан же казалась невозмутимой.

— Можно было избавиться от него и более щадящим способом, но это могло повредить гражданам Веги, — возникла в разуме стажера здравая мысль Агента. — В конце концов, все прошло в соответствии с созданным им самим церемониалом смерти. Поворачивай Госпитальный обратно, и пусть истребители встретят его на полдороге. Через некоторое время я с тобой свяжусь…

* * *

Пять часов спустя Змейка радостно шлепнула Наблюдательный корабль сзади, небрежно подтолкнула его носом и увела с орбиты Ульфи, обвив со всех сторон множеством захватов и дружески притянув к себе, шлюз к шлюзу.

— Тридцать пять секунд назад, — холодно сообщил Халлерок Пэйгадан, которая рысью вбежала в рулевую рубку Наблюдательного, — все насквозь бардачные приборы этой насквозь бардачной посудины совершенно очистились

от всех настроек! Есть идеи насчет того, какова причина случившегося?

— Следи за речью, озорник! — мягко выговорила Пэйгадан, поскольку стажер мог выражаться более живо. Она перебросила ему через пульт небольшую коробочку. — Это тебе для тщательного изучения непосредственно после моего отъезда. Хотя можешь открыть ее прямо сейчас.

Половину коробочки занимал прозрачный кубик, скрывавший внутри трехмерное изображение стройной девушки с блестящими черными волосами. Из одежды на ней имелась одна короткая золотистая юбочка участницы планетарных игр Джелтада, а из оружия — дротик, который она сжимала в руке.

— Прелестная малышка! — признал Халлерок. — Уроженка Веги, да? Все остальное я найду в куче сопровождающих стаби-кристаллов? Кто она такая, и что я должен делать?

— Это и есть наша подопечная — следователь Департамента Культуры, — объяснила Пэйгадан.

— Системный Шеф? — удивился Халлерок. Он еще раз взглянул на изображение, представлявшее собой копию одной из трехмерок Сыщика, и вновь перевел озадаченный взгляд на ланнайку. — Разве ты не закончила свою ментальную

импровизацию?

— Почти. Осталось лишь дать ей немного гипноинформации, чтобы ввести в курс того, что происходит на Ульфи, включая и ее роль в развенчании Моюскана. Когда я уходила, бедняжка все еще спала в люльке, которые им выдает для ночлега Департамент Культуры.

— Как я понимаю, — глубокомысленно изрек Халлерок, — информация о последних событиях на Ульфи считается материалами, распространяемыми Галактическими Зонами исключительно для служебного пользования! Поэтому ты не стала перегружать память Системного Шефа другого департамента деяниями парапсихического разума Галактических Зон, верно?

— Умница! Готова признать, что хотя Департамент Культуры — не самое подходящее место для поиска новых сотрудников, мы можем ее зачислить в свои ряды. Я сейчас как раз тем и занимаюсь, что просвещаю ее на предмет деятельности Галактических Зон на уровне Агента. Стаби-кристаллы подскажут тебе, как обращаться с нашей культуртрейгершей в случае, если во время процесса приобщения к ценностям Галактических Зон у нее случится какой-нибудь заскок. Поскольку тебе все равно предстоит провести

на Ульфи еще месяца три-четыре, считай, что общение с Джесс — приоритетная часть твоего задания.

— Я?.. Еще на три или четыре месяца?.. — недоверчиво переспросил Халлерок. — Но ведь я отлаживал Наблюдательный, чтобы лететь обратно на Джелтад. Я ведь не нужен тебе здесь, правда?

— Мне — нет! — в голосе Пэйгадан явственно пробились нотки тихой радости. — Дело в том, что вместо тебя улетаю я. Пару часов назад меня вызвал Центральный и приказал возвращаться как можно скорее, сразу, как только прикончим этого негодяя Моюскана.

— Зачем? — Халлерок медленно менялся в лице. — Здесь еще полно работы для Агента!

Девушка покачала головой.

— Сама не знаю! Но, думаю, вызов как-то связан с теми маринованными Бьянтами, которых ты послал Лаборатории. Центральный разговаривал со мной весьма воодушевленно.

Серебристые глаза заблестели от нескрываемого удовольствия.

— Задание для пятерых Агентов, Халлерок! — нежно пропела она. — За пределами Условной Галактической Границы!

— За Границей?! С Бьянтами?! Вот здорово! Похоже, Лаборатория откопала нечто поистине сногсшибательное! — Халлерок вскочил на ноги.

Пэйгадан кивнула и тихонько причмокнула губами.

— Да уж! Нечто сногсшибательное и к тому же решающее, и доставили это в Лабораторию мы!

Состояние восторженности у стажера сменилось депрессией.

— Однако посмотрите, какое у нас обиженное лицо! — добавила девушка язвительно. — И все потому, что нас не берут с собой!

Халлерок сначала нахмурился, но затем рассмеялся:

— Ладно, я просто все время думал об этих Бьянтах. Можешь забирать их себе, а я покручусь немного вокруг Ульфи, и заодно устрою хорошую терапию обаятельной невротичке от Культуры.

— Все мы начинаем с малого, — ответила ланнайка. — Посмотри на меня, можешь поверить, что еще несколько лет назад я была всего лишь Высочайшей Королевой Лар-Санкайи? Хотя, разумеется, — весьма патриотично добавила она, — во всей Галактике нет планеты прекраснее, от Ядра Звездного Скопления до Туманностей и далее!

— И уж определенно лучше Ульфи, — добавил Халлерок, все еще не смирившись с судьбой. — Когда же новый Агент возьмет под свою опеку это скопление идиотов?

Пэйгадан тихо сползла с пульта и подарила его жалостливым взглядом:

— Вот бедняга! Ведь я тебе сообщила Перспективный План Работы, усек? Ты когда-нибудь слышал, чтобы подобные вещи распространялись на уровне ниже Агентов Зоны? Или мне придется официально оповестить тебя о том, что твоя первая неделя в качестве исполняющего обязанности Агента Зоны прошла успешно?

Халлерок широко раскрыл глаза. Затем у него отвалилась челюсть.

— Погоди-ка… — начал было он.

Девушка провела рукой у него перед лицом.

— Будь так любезен, закрой рот и выслушай последний приказ! Ульфи принимается в Конфедерацию в качестве пограничного гарнизона Системы 18-го Класса. Полагаю, не нужно объяснять, что в последующем процессе возникнет один не вполне стандартный нюанс, а именно: необходимо замести следы как влияния Моюскана на ульфийскую культуру, так и нашей маленькой операции.

— Ну, разумеется! — хрипло ответил Халлерок. — Но послушай, Пэг…

— Работы невпроворот, поэтому Центральный и отводит на нее три-четыре месяца. Как закончишь, вернешься на Джелтад. Лаборатория уже начала разработку робота-двойника, но понадобится твое присутствие, чтобы запрограммировать в его мозгу образцы твоих мыслительных импульсов и все такое прочее. Так что еще через пару-тройку месяцев будешь отлично экипирован для любой грязной работы, и догадываюсь, наш шеф уже придумал что-нибудь этакое специально для тебя. Так что — да поможет тебе Бог, а я лично — отчаливаю. Есть еще вопросы?

Если бы Агент была человеком, Халлерок не сказал бы ничего. Однако, в отличие от большинства тех, кого знала Пэйгадан, Халлерок никогда не забывал, что Ланнаи отличаются от людей. Его бесхитростность ей очень нравилась, как и многое другое.

— Нет, — ответил он, — сейчас вопросов у меня нет, но если буду работать один, то наверняка почувствую себя беспомощным и одиноким. Мне кажется, я недостоин подобной ответственности.

Пэйгадан снова помахала рукой у него перед

носом.

— Это чувство у тебя усилится, — пообещала она.

И ушла.

* * *

В нашем языке существуют такие понятия, как движение и скорость, но то, как Змейка летела домой, трудно было описать с их помощью. Однако для того, чтобы хоть как-то приближенно отразить этот процесс, вполне могла подойти цепочка из необычайно сложных математических формул.

Итак, она двигалась домой, раскрыв свои сенсоры на полную катушку. Пэйгадан сидела за пультом, задумчиво уставившись в огромный видеоэкран. Она ждала вызова, который мог поступить в любой момент.

Девушка могла рассчитать до минуты, сколько времени понадобится Халлероку, чтобы оправиться от легкого шока, в котором она его оставила, и добраться до досье-кристаллов, рассыпанных перед ним на пульте. Краткое описание недавнего поведения Системного Шефа Джесс (вместе с сопутствующей мотивацией) было развернуто на них методом особой телепатиче-

ской стенографии, так что каждый час активной жизни индивида становился полноценной базой для анализа.

Она акцентировала внимание бывшего стажера на этой работе для того, чтобы Халлерок принялся за нее в первую очередь. Поскольку он работал быстро, на просмотр ему понадобилось не больше трех-четырех минут.

Однако прошло еще с минуту, а он не двигался с места, пялясь на кристаллы, ошеломленно и встревоженно. Лишась дружеской поддержки, бедняга не смог провести даже простой анализ характера!

Но вот Халлерок решительно перетасовал кристаллы, сложил их аккуратной горкой и стал просматривать заново. Медленно и внимательно, в надежде заметить ошибку, которая, несомненно, туда вкралась!

Пэйгадан улыбнулась.

С точностью до секунды мысль Халлерока настигла разум ланнайки, отправленная вслед за Змейкой и повторившая все извивы ее траектории. Как только сенсоры поймали эту мысль и переда; ли свою добычу хозяйке, она включила передатчик.

— Халлерок, я слушаю! Ну и мощный же у тебя

посыл! Чем обязана, друг мой?

Короткая пауза, затем Халлерок заговорил:

— Пэг, что с нашей культуртрейгершей?

— А что с ней? — переспросила Пэйгадан, изображая удивление.

— В кристаллах записано, — осторожно пояснил Халлерок, — что она — нераскрытый парапсихолог. Телепат третьего класса, как минимум, это очевидно. Однако она попутно одержима какой-то странной манией, считает себя физически чем-то вроде чудовища, что не соответствует действительности, и это тоже очевидно.

Ланнайка изобразила па лице тонкую игру мысли. В конце концов, нет ничего более трудного и рискованного, чем пытаться восстановить связь с очевидным парапсихологом, которого от неожиданности сбросило с собственного телепатического луча.

— Ах, ты про это! — наконец произнесла она с видимым облегчением. — Это не мания, Халлерок, просто одно из типичных преувеличений на субаналитическом уровне. Я, наверное, зря слишком акцентировала твое внимание. На самом деле с Джесс все в порядке, она — А-класс плюс, причем плюс довольно значительный, как сам видишь. Однако она родом не с Веги.

— Не с Веги? Ну и что, почему бы ей…

— Наша барышня, вероятно, всегда довольно болезненно относилась к этой своей особенности! — заключила Пэйгадан с таким радостным видом, словно внезапно сделала открытие. — Даже когда еще была ребенком. Правда, она получила традиционалистское образование, и не могла сознательно признать каких-либо отличий между собой и другими человеческими существами. Она — подкидыш, воспитанный нашим Департаментом Культуры, Халлерок. Наверное, нужно было сказать тебе об этом сразу. Ее подобрали где-то в космосе, она из какой-то неопознанной человеческой расы, ведь у нее рост чуть меньше двух с половиной метров…

* * *

В кабинете мобильной резиденции Системный Шеф Джесс промокнула свои ясные глаза, высморкалась и решительно спрятала носовой платок.

После пробуждения она прорыдала целый час. Мирок традиционалистов был милым, аккуратным местом, где все понятно. И как уютно было в нем жить, даже если при этом Джесс никогда не чувствовала себя в своей тарелке! Конечно, в

нем имелись свои трудности, например, низшие, негуманоидные расы, которые следовало жалеть за все их несовершенства и держать в подчинении для их же блага, равно как и для блага всех остальных. Но каким образом человеческая цивилизация А-класса могла обратиться в убогое и отвратительное стадо, как случилось на Ульфи — это никак не укладывалось в традиционалистскую картину мира! Этим уродам ничего не объяснишь. Они отлично уживались и со своими иллюзиями.

Ну и пусть себе живут! А она — вся та же Джесс, дитя космоса! Во всяком случае, взамен разрушенного воздушного замка перед ней неожиданно появились новые перспективы, связанные с ее собственными способностями особого рода, которые можно было не только использовать, но и развить. И на все это ей раскрыла глаза хитроумная маленькая ланнайка!

Девушка перебрала эти перспективы с новым для себя, холодным, взвешенным интересом. Теперь, когда барьеры, затуманивавшие ее память, исчезли, перед мысленным взором ясно и величаво проплыл молчаливый, холодный, зачарованный снежной белизной мир ее детства под блистающим ночным небом. Ее далекая су-

ровая родина! Джесс могла отправиться туда, как только пожелает, и найдет там тепло и дружбу. Осознание этой возможности возвратилось к ней тоже.

Но чего ей хотелось на самом деле?

Существует иная дружба, как намекнула ей Пэйгадан, удовлетворение другого рода, нежели то, что она получит, проводя свою дальнейшую жизнь в безмятежности среди своих соплеменников на самом прекрасном из холодных, застывших миров. Агенты Зоны пытаются создать цивилизованную Галактику и предлагают ей поработать вместе.

* * *

Джесс приняла ванну, надела свежую форму и погрузилась в легкую меланхолию в ожидании завтрака, который должен был вот-вот появиться из лотка сервисного устройства, когда кибер-дворецкий объявил:

— Агент Халлерок, Галактические Зоны, просит о встрече.

Она вздрогнула и повернулась на стуле, чтобы взглянуть на закрытую дверь. Что все это значит? Она еще не готова с ними встречаться. Она намерена принять решение сама.

— Ну, хорошо, впусти, пожалуй! — сказала она с досадой.

Дверь кабинета открылась.

Мгновение спустя Халлерок, еще не успев переступить порог, отвесил девушке учтивый поклон.

Джесс начала было вставать, но, оценив разницу в росте, она внезапно села и еще раз взглянула на Агента.

— Приветствую вас, Джесс! — произнес Халлерок. Его голос звучал дружелюбно, но в то же время удивительно уверенно.

Даже не будучи, как сейчас, облаченным в безукоризненную бело-голубую форму Галактических Зон, Агент Зоны, без сомнения, относился к тому типу мужчин, на которых приятно смотреть любой молодой женщине. Однако дело было не столько в том, что Халлерок обладал коротко остриженными темно-рыжими волосами и ясными темно-зелеными глазами, навевавшими неясные ассоциации о якобы виденном где-то льдистом полуночном океане. Главная причина состояла в том, что сразу становилось понятно — молодой человек родом с необычной планеты.

Джесс медленно поднялась и встала прямо перед ним.

Да, родной мир Агента имел значение, особенно для нее! Марк Вири VI, планета фронтирного типа, обосноваться на которой могло придти в голову лишь безрассудным землянам эпохи первых переселений. Экваториальный пояс лихорадило от буйства опьяняющих красок, безумная радуга лета цвела и созревала на протяжении двух месяцев из тридцати восьми, составляющих тамошний год, чтобы затем, подобно остальной части этого сурового мира, вновь покрыться искрящимися под одинокими звездами лепестками льда, скрытого в сумраке вечной ночи.

Даже на древней Земле перед жизнью, сознательно избравшей Великий Холод средой своего обитания, было всего два пути. Либо бедствовать и прозябать в нищете, поставив перед собой цель выжить во что бы то ни стало, или расцвести в триумфальном буйстве силы, которую не смогут остановить никакие грядущие перемены. На планете Марк Вири людям с неизбежностью пришлось адаптироваться к безжалостным местным условиям. Почти три сотни поколений, сменявших друг друга со времен Первых Межзвездных Миграций до того дня, когда исследовательский корабль Конфедерации — «Великан-Бродяга» — совершил вынужденную посадку в приполярной

области, смогли так же слиться с окружающей средой, как фольклорный кулик со своим болотом, причем так же, как и он, марквириане не видели ни малейших причин покидать столь подходящее местечко.

Правда, никто не осмелился бы их пожалеть.

Джесс стояла перед Халлероком, выпрямившись, и все же ей приходилось смотреть на него снизу вверх. Трехметровый рост и почти два центнера веса не лишали атлетическую фигуру тигриной гибкости. Да, ей было на что посмотреть.

Служебная форма служила намеком, который Джесс поняла, хотя и не нуждалась в нем. В глазах Халлерока блистал лед его родной планеты, но там же можно было различить тепло и надежность человеческой силы, торжествующей над торосами и морозным дыханием грозной природы. Этот сын народа-победителя глубоко осознал, что Галактика бескрайна и бездонна для любого разумного существа, и поэтому присоединился к Конфедерации, близкой ему по духу.

Однако, как и Джесс, марквирианин чувствовал себя гигантом среди карликов. Даже если он и не хотел этого признать, каждой клеточкой тела Халлерок ощущал потребность в обществе

себе подобных.

Джесс, пытливо, но осторожно открывая свой разум этому феномену, этому чудовищу Галактических Зон, вдруг отчетливо осознала все это и еще многое другое, и, наконец, смягчилась.

Родственная душа! Ее глаза засветились улыбкой.

— Рада познакомиться, Агент Халлерок! — произнесла Джесс.

* * *

И в это самое время Пэйгадан приняла решение, что настал подходящий момент для того, чтобы ликвидировать миниатюрное ПТ-устройство, которое она когда-то чуть ли не целый час устанавливала в стене над правым верхним углом зеркала в кабинете Джесс.

Этих рослых детей сейчас, должно быть, переполняют эмоции оттого, что они встретили наконец-то кого-то из своих, однако очень скоро они вспомнят о крошке Пэйгадан. И первое, что придет на ум подозрительному Халлероку, будет связано с возможным присутствием Подглядывающего Тома.

Хорошо, что эти крошечные устройства не оставляют никаких следов!

Она стащила с себя ПТ-шлем, деликатно зевнула и на минуту расслабилась, самодовольно поглядывая на видеоэкран.

— Вот что я называю стоящим заданием! — сказала ланнайка видеоэкрану. — Ни малейшей ошибки, а ведь как банально все начиналось!

На мгновение она задумалась. Серебристые глаза медленно закрылись, затем открылись вновь.

— Не удивительно, — заметила она, — что Центральный выбрал именно меня для выполнения почетной Миссии Пятерых, и это всего лишь после нескольких выполненных заданий! Да, когда возникает настоящая проблема, ланнайский мозг не дает осечки!

Сотни тысяч дружественно настроенных пикселей на видеоэкране молчаливо зааплодировали ее пламенной речи. Пэйгадан милостиво улыбнулась в ответ. В этот момент ее глаза снова закрылись, а голова начала клониться вперед.

Затем девушка внезапно выпрямилась.

— Эй, — негодующе воскликнула она, пытаясь справиться с приступом сонливости, — что все это значит?

— Снотворный газ, — откликнулся голос Змейки, — раз уж вы нацелились на новую работу, всю дорогу до Джелтада придется проспать. Вам

необходим отдых.

— Но это же целая неделя! — запротестовала Пэйгадан. Однако, хотя и не могла припомнить, как это получилось, но она оказалась уже в своей сомнокабине, свернувшись калачиком. Подушки надувались под ее головой, удобно поддерживая, а огни по всему кораблю один за другим гасли.

— Ах ты, хитрюга! Я еще разберусь с твоими рефлексами!

Но угроза так и осталась без ответа. Впрочем, она бы его не услышала — должна будет пройти целая неделя, прежде чем Агенту Зоны Пэйгадан вновь позволят приобщиться к тому, что происходит вокруг.

Тем временем по гигантскому телу Змейки разлилось тихое жужжание. Одновременно с этим в опустевшей и неосвещенной ходовой рубке яркая голубая искра индикатора скорости начала решительно карабкаться вверх.

Жужжание перешло в рев, затем в нем появились высокие ноющие нотки, и оно стало неслышимым.

Голубая искра остановилась как раз напротив отметки «Критическая».

Пространство сжималось перед Змейкой, она спешила домой, успешно завершив очередную

миссию.

И скорость ее все возрастала и возрастала.

Правда о Кушгаре
(повесть)

Кушгар был повержен и капитулировал, но никто не понимает, каким образом Конфедерации Веги это удалось. Не было ни войны, ни многолетней подрывной деятельности. Просто в один прекрасный день Кушгар «кротко отпустил на все четыре стороны плененные народы и возвратил богатства, награбленные на протяжении последних семи веков».

Тайна укрощения планеты мародёров и грабителей открывается в частной беседе с главой Департамента Галактических Зон Конфедерации Вега.

* * *

Самые загадочные и невероятные слухи ходили о том, каким образом Конфедерации Веги удалось укротить Кушгар. Однако самым страшным было то, что внешне все выглядело так, словно не произошло ровным счетом ничего страшного!

Сначала разнесся слух, что Конфедерация

намерена атаковать Кушгар, затем — внезапно, что она его уже атаковала. Все это вызвало приятное удивление и интерес в многочисленных сообществах, чьи территории граничили с Конфедерацией. «Тысяча Наций» вместе с полудюжиной подобных организаций потихоньку напрягли свои вооруженные силы, дабы ударить Конфедерации точнехонько в спину, как только она увязнет в осуществлении своих честолюбивых планов. Поскольку Кушгар и Конфедерация казались соперниками равными настолько, насколько это возможно для двух могучих держав.

Однако никакого поединка не последовало. Не было даже ничего похожего на официальную капитуляцию. Просто звездные системы могучего Кушгара одна за другой принимали в качестве правителей предложенные Конфедерацией кандидатуры. Потом Кушгар кротко отпустил на все четыре стороны плененные народы и возвратил богатства, награбленные на протяжении последних семи веков. Затем на глазах у онемевшей от изумления галактической общественности он тихо остепенился и принялся активно перенимать хорошие манеры.

Слухи усилились, причем самые жуткие из них расползались из самого Кушгара и распускались

его озлобленными и суеверными обитателями.

«Тысяча Наций», равно как и прочие заинтересованные сообщества, постепенно забросили свои агрессивные планы и разочарованно отступили. Определенно, время резких движений еще не пришло. Конфедерация снова обвела всех вокруг пальца, не сжимая для этого кулаки.

Однако что же она проделала с Кушгаром и как?

* * *

На Совете Координаторов Конфедерации, на планете Джелтад Системы Веги, Третий Координатор, глава Департамента Галактических Зон, подвергся резкой критике со стороны своих товарищей.

Они тоже хотели знать все про Кушгар, а он им ничего не рассказывал.

— Разумеется, мы вас ни в чем не обвиняем, — подчеркнул Пятый Координатор, занимающийся стратегией. — Но вы же не считали, что, опередив планы Совета лет эдак на шестьдесят, вы не возбудите ни в ком ни малейшего любопытства?

— Нет, у меня этого и в мыслях не было, — признался Третий Координатор.

— Давай начистоту, Хвост! — не выдержал

Первый Координатор. Под этой кличкой Третий Координатор был известен в узком кругу высокопоставленных лиц Конфедерации. — Как ты это сделал?

Обычно они выступали в подобных дискуссиях как союзники, однако на сей раз Первого Координатора снедало любопытство.

— Я не могу удовлетворить ваше любопытство! — откровенно ответил Третий Координатор. — Я передал отчет в Коллегию, оттуда многочисленным Департаментам раздадут все, что им полагается.

Он имел полное право защищать секреты своего Департамента, и Координаторы это понимали. Что же касается Коллегии — Коллегии Плеяд, метафизической организации, которая выступала третейским судьей во всех подобных случаях, то какое отношение она имела к делам по Управлению Конфедерацией, никто точно не мог бы определить, кроме нее самой.

Заседание Совета продолжалось недолго. Третий Координатор покинул его вместе с Брофой, привлекательным молодым человеком, который, пользуясь полномочиями, предоставляемыми ему Коллегией, с интересом следил за дискуссией.

— Пойдем-ка выпьем, — предложил Брофа, — ведь мне тоже любопытно, как ты объехал Кушгар на кривой козе.

Координатор издал сдавленный стон. Седые волосы были всклокочены, лицо выглядело усталым.

— Хорошо, — в конце концов, сдался он. — Тебе я расскажу все…

Молодой человек по имени Брофа носил титул Президента Коллегии Плеяд, что было скорее звучно, чем значительно, поскольку он являлся, в сущности, лишь ученым, возглавлявшим исполнительную власть и ответственным за внешнекосмические дела Коллегии. Однако он был еще и близким другом Третьего Координатора. Поэтому ему можно было доверить какие угодно государственные секреты.

Хвост принял предложение Брофы. Они зашли в ресторан.

— Не будь слишком строг к коллегам, — успокаивающе пробормотал Президент Коллегии. — В конце концов, ты и сам знаешь, что все вокруг считали завоевание Кушгара или обращение его в союзника самым важным и опасным предприятием нашей доблестной Конфедерации на ближайшие сто лет. А тут вдруг Департамент Га-

лактических Зон подает его на блюдечке, причем безо всякой видимой подготовки и без потерь…

— Без потерь не обошлось, — угрюмо заметил Координатор.

— Не обошлось? — непонимающе вопросил Брофа.

— Мне это стоило лучшего Агента Зоны, — мрачно заявил Координатор, — какой у меня был. Помнишь Замман?

Тонкий фас Брофы словно закрыла туча.

Помнил ли он Замман?! Еще бы! Временами он даже предпочел бы помнить ее не столь отчетливо.

Однако, два года — слишком маленький срок для того, чтобы забыть имя женщины, которая спасла тебе жизнь…

* * *

При сообщении о том, что Его Превосходительство, Достославный Брофа, потерялся в космосе, среди членов правительства Конфедерации прокатилась зыбь тщательно скрываемого смятения. И все потому, что Конфедерация вынашивала планы сделать из Брофы политическую фигуру самого высокого ранга.

Даже традиционное самообладание Третьего

Координатора мгновенно улетучилось, когда эти сведения настигли его впервые. Однако уже вскоре он сообразил, что хотя человек, затерянный в глубоком космосе, почти никогда не возвращается, все же данный случай был особенным и безнадежным не выглядел. Последние сведения о местонахождении Президента Коллегии были получены с борта его личной яхты, которой управлял капитан Гримшард, сводный брат Брофы. Корабль был оборудован устройствами, которые передали бы тревожный сигнал всем наблюдательным станциям в радиусе тысячи световых лет, если бы корабль разбился, попал в аварию или подвергся внезапному нападению.

Поскольку сигналов тревоги не поступало, яхта, по идее, должна была где-то безмятежно дрейфовать, а кто-то на борту должен был следить за тем, чтобы ее местонахождение оставалось в секрете.

Все нити вели прямо к Гримшарду.

Исходя из каких-то своих резонов, Департамент Галактических Зон не поленился заранее собрать на сводного брата Брофы не менее богатое досье, чем на самого Достославного. Следователи Департамента без труда выяснили, что Гримшард был человеком честолюбивым и жестким, к тому же его годами раздражало сознание того, что Брофа

первым и без видимых усилий осуществляет честолюбивые планы своего брата. Осторожное изучение его личности было проведено так досконально, что это дало возможность предсказать образ действий Гримшарда в любой ситуации. Психологи Департамента изучили обстоятельства исчезновения Брофы во всех деталях, и вскоре стало ясно, что именно Гримшард сделал и что был намерен делать дальше.

Беглая проверка, произведенная местными Агентами Зон, показала, что ни одна из сил, заинтересованных заполучить Брофу, не задействована в процессе, и, более того, ее ли бы какая-либо из них и была задействована, то поиски Конфедерации увенчались бы немедленным успехом. Однако самая большая проблема состояла в том, что исчезнувшая яхта могла укрыться в огромном количестве тихих гаваней.

Хоть количество это было огромно, но, тем не менее, ограниченное, если только корабль не дрейфовал где-то в космосе без руля и без ветрил, но трудно было себе представить, что столь опытный навигатор как Гримшард пожелает подвергнуть свою драгоценную жизнь подобному риску. Третий Департамент, обладавший сетью собственных офисов и лабораторий, а также

целой армией кочующих Агентов, как ни одна другая организация, был способен определить все возможные места укрытия злополучной яхты, чтобы проверить их в кратчайшие сроки.

Поэтому Координатор нимало не удивился, когда на восьмой день поисков его настигло сообщение от Агента Зоны Замман Тарраданг-Пок, в котором говорилось, что Брофа найден — живой и относительно здоровый — и вернется на Джелтад примерно недели через две.

— В известном смысле, было просто ужасно, что эта космическая фея Замман его нашла! — прокомментировал тогда ситуацию один из помощников Координатора.

Поразмыслив, Глава Галактических Зон согласился с ним.

* * *

Планетка, на которой пряталась яхта Брофы, являлась одним из трех покрытых льдом спутников, вершивших свои обороты в темном мареве огненной планеты-гиганта.

Корабль-робот Агента Зоны Замман Тарранг-Пок, скромно выполняя свою долю работ в общей схеме поиска, мимолетом заскочил на планетку по касательной к орбите, в два счета обшарил

поверхность и исчез в направлении ближайшего из двух других спутников планеты-гиганта.

Вся операция заняла не более нескольких секунд, однако, еще до отправления корабля Агент Зоны Замман покинула его в десятиметровой сторожевой космической шлюпке, набитой под завязку всяческим оборудованием, которого хватило бы для небольшого наступательного отряда. Неизвестно, какого рода источник энергии находился внизу, на спутнике, но он был мгновенно отключен при появлении ее корабля, что, впрочем, не обязательно могло быть продиктовано нечистой совестью. Однако мгновенно зафиксированные приборами Замман модуляции излучения свидетельствовали о наличии там точной копии двигателя яхты Брофы.

Замман решила, что яхта находится здесь и спрятана под обледенелой поверхностью спутника. Она отметила место, и маленькая шлюпка вошла в тонкую льдистую атмосферу с противоположной стороны планетки.

— Молись, братец, чтобы это был тот самый корабль, которого я жду, — заметил при этом Гримшард, — или кто-нибудь, кому на нас наплевать.

Он стоял в центре рулевой рубки яхты, погля-

дывая исподлобья на Брофу с явной неприязнью и тщательно скрываемой боязнью. Гримшард начинал подозревать, что все хитроумие его плана не принесло ожидаемого результата. Несколько дней он ждал, но так и не получил ответа ни на одно из множества разосланных им кодированных сообщений, он даже не был уверен, что они получены. Мало-помалу ему становилось жутко.

— Что бы ни случилось, — заявил он, — живым они тебя не получат!

Брофа, распластанный по стене гравитационными оковами, благоразумно воздержался от ответа.

Большую часть прошедшей недели его сознание дрейфовало где-то вдали, куда непрерывно, но ослабленно, доносились жалобы ущемленных нервных окончаний его тела, и в них растворялся голос сводного брата. Вместо того чтобы прислушаться к болевым ощущениям, он принялся в тысячный раз обозревать свои шансы выпутаться из западни, куда легкомысленно позволил Гримшарду себя заманить. Легкомыслие может обойтись ему очень дорого, хотя сомнительно, чтобы Гримшард со товарищи извлек из этого хоть какую-то пользу.

Брофа, в отличие от Гримшарда, не понаслыш-

ке знал о могуществе той организации, которую возглавлял его друг, Третий Координатор.

— Ни с места, капитан Гримшард! — прозвенел хрустальный голосок.

Брофа не сразу уловил смысл сказанного этим хрупким звоночком.

Он ощутил сильнейший шок от возврата в сознание, словно от пронзительного призыва самой смерти, словно Костлявая Леди явилась ему воочию, словно он стал ее очередной жертвой. Этот звук проник в его мысли сквозь тяжкие завесы боли и парализовал животным страхом. Мозг Брофы сработал с причудливой избирательностью, он предпочел проигнорировать очевидный смысл короткого предупреждения Замман и вместо этого воспринял его как непреклонную волю и неотвратимую угрозу, ощутив при этом всплеск скорбного, гнетущего отчаяния.

Позже он с готовностью признает, что в том бедственном положении, возможно, приписал голосу лишнее. Однако он всегда будет подчеркивать при этом, что Гримшард, человек, не обремененный богатым воображением и при том безрассудно храбрый, был впечатлен ничуть не меньше. Он видел, как сводный брат стоял лицом к нему на расстоянии около семи метров, спиной

к двери, что вела из рулевой рубки в главный корпус корабля. На его лице застыло выражение, которое Брофа впоследствии не мог вспоминать без дрожи. Гримшард был вооружен до зубов, дополнительный лучемет лежал рядом, на пульте управления, до него было рукой подать, но на какой-то миг он замер и не мог двинуться с места.

Затем ошеломленный взгляд Брофы зафиксировал то, что творилось позади Гримшарда.

Дверь исчезла, вместо нее из проема вырвалось бледно-зеленое пламя. Затем он увидел Агента Зоны Замман, она стояла у двери, в руке у нее была пушка, позади маячили какие-то приземистые блестящие фигуры. В этот момент суеверный ужас безвозвратно покинул Брофу, он понял, кто такая Замман и зачем она явилась.

В тот же момент Гримшард предпринял роковой для него рывок с отчаянием и молниеносностью огромного, сильного животного.

Он бросился в сторону, надеясь укрыться под пультом, одной рукой хватая лучемет, а другой выхватывая пистолет из-за пояса, но в момент прыжка некая сила беззвучно подбросила его в воздух и швырнула через всю каюту почти к самым ногам Брофы. То, что осталось от Гримшарда, еще несколько секунд билось в яростных

конвульсиях, но вскоре затихло. По каюте распространился слабый запах озона.

Брофа с содроганием посмотрел на распростертое у его ног обезглавленное тело. В детстве и в юности они с Гримшардом были лучшими друзьями. Позже он всегда понимал своего брата намного лучше, чем считал Гримшард. На какой-то миг события последних дней показались ему удивительно мелкими по сравнению с событиями тех ушедших лет.

Затем он вновь взглянул на объятую холодным пламенем фигуру в дверном проеме и, запинаясь, выговорил: «Спасибо вам, Агент Зоны!»

С первого взгляда он понял, что Замман принадлежит к расе Дайя-Белов. До сего момента он полагал, что ни одна ветвь человечества так сильно не подходит для исполнения, обязанностей Агентов Галактических Зон по своим личным качествам, как Дайя-Белы. Однако он понимал, что в сложившихся обстоятельствах лишь представитель этой расы мог проникнуть сюда со столь поразительной невозмутимостью и внезапностью, которые стали залогом его спасения.

* * *

Трио разнокалиберных представителей корабельных роботов, точно стая волшебных гончих псов, появились у ног Замман. Плавно скользя, они осторожно перенесли себя через пылающий комингс внутрь рулевой рубки и нежно принялись за еще не отошедшего от шока Брофу. Его спасительница выглядела сейчас гораздо более странной и нездешней, чем ее механические помощники.

Замман не была закована в броню, а щеголяла в облегающем космокостюме, поэтому ее расовую принадлежность можно было определить безошибочно. По принятым человечеством стандартам представители расы Дайя-Белов при небольшом росте отличались сложением чрезмерно хрупким и тонким, но с ним необычайно хорошо сочетались ее бледное лицо, выразительные глаза и узкий прямой нос. Любое движение Замман было пронизано той легкой, прирожденной грацией, что всегда вызывала восхищение у собратьев с более крепким сложением. Брофа, который когда-то более года провел на планетах Дайя-Белов в районе Бетельгейзе и успел подпасть под очарование самой молодой из ветвей

родословного древа Genus Homo, смог обратиться к спасительнице на ее родном языке.

В ответной улыбке ему почудился проблеск радости и интереса, он прислушался к ответу Агента, который был начат с извинений за то, что в ходе спасательной операции яхте был нанесен невосполнимый ущерб. Ее речь журчала обезоруживающе естественно, но Достославный все же не мог преодолеть легкую дрожь при воспоминании о том, с каким вызовом она обратилась к Гримшарду.

Он также не мог забыть о гибели брата, ведь это являлось его личной утратой, хотя подобная участь ожидала любого преступника, достаточно глупого, чтобы сопротивляться аресту. Брофа так никогда и не узнал, каким образом четверо подручных его брата, и по совместительству — члены экипажа яхты, покинули этот мир перед тем, как Замман появилась на пороге рубки, но подозревал, что их постигла участь примерно такая же, как и Гримшарда.

Это объяснение его, однако, не удовлетворило, поскольку он хорошо знал расу Дайя-Белов.

* * *

Большую часть из тех двух недель, что занял обратный путь на Джелтад, Президент Коллегии провел на ложе под неусыпным наблюдением роботов. Причиненные ему травмы оказались не слишком серьезными, но все же требовали срочного медицинского вмешательства. Первая помощь обычно состояла в так называемом «лоскутном шитье», когда мозг пациента погружался в состояние глубокой анестезии вплоть до полного отключения сознания. Однако уровень разумоподготовки Брофы позволил ему превозмочь данное обстоятельство — он оставался полностью осведомленным относительно того, что происходит вокруг, и предпочитал быть более осведомленным, чем это казалось Замман Тарраганд-Пок и ее роботам.

Любому другому прикованному к постели путешественнику этот полет сквозь невообразимую толщу межзвездного вакуума на корабле, погруженном в тишину, мог показаться до смерти монотонным. Но Брофа был встревожен, к тому же он постоянно пребывал в размышлениях, поэтому у него сложилось иное представление о путешествии. Событий было немного, но именно

поэтому даже самые незначительные из них приобретали какое-то особо смутное, почти мистическое значение. Казалось, до него словно бы случайно долетают отдельные слова и эпизоды какой-то зловещей драмы, а актеры, исполняющие ее, постоянно находятся где-то рядом и в то же время ускользают от заинтересованного взора.

Наконец, в один прекрасный день ожидание Достославного было вознаграждено, хотя то, что он заметил, если он и в самом деле что-то заметил, озадачило его пуще прежнего. Однако чуть позже он обнаружил, что иногда до него долетает слабое эхо леденящего душу голоса Замман. В его сознании оно соединилось с неясной фигурой, которая время от времени проходила по затуманенному коридору перед дверью его каюты и изредка бросала на него безмолвный взгляд.

Одновременно с этим он осознал чувство смутного страха и подавленности, которое примешивалось к его представлению о чудовищной мощи корабля Замман со всем его электронно-разумным оборудованием из миллиардов устройств и реле, сквозь которые непрерывным потоком проносятся ощущения и умозаключения, образуя значения и величины, которые человеческий

мозг не в состоянии воспринять. Этот стремительный пролет сквозь пустоту со скоростью, которую нельзя представить в виде реального движения, выражал собой некую заранеез аданную функцию, изменить которую Брофе было не под силу. На некоторое время он случайно оказался захвачен краем этого кошмарного процесса и, будем надеяться, скоро от него освободится.

Да, его уже освободил этот в чем-то жутковатый симбиоз трех составляющих: женщины, чью расу человечество привыкло чтить как галактических эльфов, созданий чуть более мудрых, более благородных, слегка отстраненных от своих, гораздо более похожих на животных, человеческих собратьев; команды роботов, которые роились по коридорам корабля подобно чудовищным металлическим насекомым; и, наконец — этого титанического творения человечества, этого электронно-аннигиляционного монстра, который нес их всех в своем брюхе, рассекая пустоту между равнодушных звезд.

Но что-то тут было не так.

Брофа не мог себе этого объяснить и потому был глубоко встревожен.

Но однажды он смог сам добраться до рулевой рубки, поскольку был совершенно излечен, хотя

походка пока оставалась неуверенной, а душа более смущенной, чем обычно. До родной планеты оставалось лишь двадцать пять световых лет, но расстояние это волшебно скрашивалось видеоэкраном, на котором уже сияла голубовато-белым бриллиантом самой чистой воды Вега. Несколько часов спустя сам великий Джелтад внезапно возник под ними, выплыв из тьмы весь в голубовато-зеленых вихрях, сияя полярными шапками. Для двух пар глаз, наблюдающих за ним с корабля, он был гораздо больше похож на древнюю Землю, историческую родину их рас, нежели тот изъеденный туннелями технократический улей, который представляла собой сейчас колыбель человечества.

Так Брофа вернулся домой. Поскольку это был Президент Коллегии, его возвращение послужило поводом для праздника планетарного масштаба, центром которого стал его великолепный дом с видом на узкие серые башни здания правительства. Но именно потому, что это был Брофа, который не мог оставить неразрешенными какие бы то ни было человеческие проблемы, если они успели привлечь его внимание, он сделал все возможное, чтобы на празднике присутствовали как его спасительница, так и ее начальник,

старый его друг, Третий Координатор Конфедерации Веги.

Однако пришел только один из них.

* * *

— Сказать по правде, — заметил Брофа, — я и не думал, что она появится. И если уж говорить совсем по правде, я почувствовал даже некоторое облегчение, когда увидел, что она не явилась.

Он кивнул вниз, на вопящий музыкальный сад, протянувшийся под галереей, где они сидели.

— Не могу представить себе Замман в такой обстановке!

Третий Координатор внимательно приглядел ся.

— Да, — согласился он, — Замман это не подходит.

— Это все равно что, — с несвойственной ему пылкостью подхватил Брофа, — каждый день видеть какой-то горячечный сон, а это невозможно!

— Итак, ты хочешь поговорить о ней, — сказал Третий Координатор, и Брофа вдруг понял, что эта тема весьма интересует его друга.

— Да, хочу, — признался он, — это просто необходимо! Этот твой Агент поставил меня в очень

неловкое положение.

Третий Координатор кивнул.

— Это не имеет никакого отношения, — продолжал Брофа, — к ее неотразимой привлекательности. В конце концов, это просто особенность ее расы. Мне иногда кажется, что расовые черты Дайя-Белов могли бы заставить нас взглянуть свежим взглядом на наши собственные искаженные представления о красоте и совершенстве и направить нас по новому пути, если бы этот народ ассимилировался среди цивилизаций класса «А».

Третий Координатор рассмеялся.

— Вполне возможно, что так! Вероятно, нам повезло, что они утратили вкус к миграциям и подчинению всех прочих рас в округе.

Брофа с ним не согласился.

— Если бы они его утратили, — заявил он, — то стали бы другими и, вероятно, не внушали бы такого уважения. Нет, они просто сосредоточились на себе. Я слышал, все они — художники и философы. Правда, это всего лишь слова. Лично я думаю, что Дайя-Белы понимают это по-другому. Когда я жил среди них, то не мог отделаться от ощущения, что они свободно перемещаются по таким измерениям ментальной реальности, о

которых мы даже не подозреваем…

Он замолчал и откинулся назад.

— Ты хотел поговорить о Замман, — напомнил его друг.

— Некоторым образом я и говорю о ней! — тяжело вздохнул Брофа. — Сам факт того, что Дайя-Бела работает у тебя, в Департаменте Галактических Зон, и управляет одним из этих твоих адских кораблей-роботов, вступает в противоречие со всем, что мы о них знаем. Или думаем, что знаем! Падший ангел, и тот выглядит менее парадоксально. А то, как она, походя, убила Гримшарда…

Координатор приподнял кустистую седую бровь.

— Разумеется, — заверил его Брофа, — я не обвиняю ее в убийстве Гримшарда. В сложившихся обстоятельствах это было неизбежно. Но Замман убила его, — теперь он старался выбирать слова осторожно, — так, словно желала этого. Я не знаю, как по-другому описать то, что произошло.

Он подождал немного, но непосредственный начальник Агента Замман не дал никаких комментариев.

— На обратном пути, — продолжал Брофа, — произошло еще несколько инцидентов. Первый

случился в тот самый день, когда мы отчалили от этой ледяной глыбы. Мы кого-то преследовали. Я не мог разглядеть, что это было, но Замман не спрашивал. Корабль маневрировал, затем последовал долгий прямой рывок, примерно минуты на две. Мы ударились обо что-то достаточно тяжелое, чтобы замедлить наш ход, затем заработало корабельное оружие. Вот и все. Кто бы это ни был, ему настал конец.

— Ему действительно настал конец! — подтвердил Координатор. — Это был корабль Шаггаров. Похоже, что их миграционные пути проложены по этой секции. Замман послала рапорт об этом, и поскольку я внимательно следил за твоим возвращением, то прослушал его немедленно.

— Видишь ли, я ведь не ставлю под сомнение этическую сторону работы твоих Агентов, — сказал, помедлив, Брофа. — Я знаю, на что способны Шаггары в отношении тех, кому не удается их одолеть, и понимаю, что прикончить этих негодяев — все равно, что уничтожить чумные бациллы. Дело в том, что я видел лицо Замман непосредственно после этого, она прошла мимо моей каюты. Не думаю, что она видела меня в этот момент, ее глаза были пусты, а лицо словно высечено из белого мрамора…

Он запнулся и продолжил через несколько секунд:

— Хотя это тоже не совсем соответствует действительности, потому что в то же самое время я ясно сознавал, что она пристально вглядывается во что-то позади меня. Я помню, что она ненавидела это нечто с такой силой, с какой не может ненавидеть ни одно нормальное существо.

Он снова помедлил.

— Понимаешь, что я хочу сказать?

— Это довольно очевидно, — рассудительно ответил Третий Координатор, — ты полагаешь, что, по крайней мере, один из моих Агентов — маньяк-убийца.

— Это выглядит ужасно неблагодарно с моей стороны, — понимающе кивнул Брофа, — но это чрезвычайно похоже на правду, хотя я, разумеется, в это не верю! Однако чтобы сохранить душевное равновесие, буду тебе премного обязан, если ты возьмешь на себя труд задуматься об Агенте Зоны Замман, и сможешь мне все хорошенько объяснить.

Теперь задумался Третий Координатор.

— Конечно, она ведь — профессиональный убийца, — наконец выдавил он, слабо улыбнувшись. — На самом деле, Брофа, тебе выпала честь

быть спасенным одним из лучших киллеров во всем Департаменте. Замман — Периферийный Агент, что равносильно странствующему воину. Область полномочий Периферийных Агентов не определена. Когда Замман становится скучно, он а связывается с центром, и ей просто сообщают, каких операций от нее ждут на участках, где она в данный момент находится. Она бывает на Джелтаде примерно раз в год, чтобы забрать те военно-технические новинки, которые Лаборатория успевает подготовить к этому сроку.

Мгновение он колебался.

— Не знаю, — наконец произнес он, — был ли ты в состоянии внимательно рассмотреть ее корабль?

— Вряд ли, — признался Брофа, — помню только, что когда она вызвала его, чтобы забрать нас оттуда, он показался мне еще более неуклюжим, чем все агентские корабли, которые я прежде видел, — такой огромный, совершенно черный сфероид. Его интерьер у меня как-то не вызвал большого интереса. А что?

— А то, что это корабль Агента, и посему — воплощение наших последних достижений в области автономного полета, — ответил Третий Координатор. — В такого рода технике мы

зачастую приносим в жертву внешнюю привлекательность ради других преимуществ. Одно из них — возможность саморемонта. В случае необходимости он практически может себя продублировать. Таковы периферийные корабли, вечные скитальцы по пустоте. Агенты, управляющие ими, странствуют в пограничных районах цивилизации и выполняют любую необходимую работу, пока не столкнутся с чем-нибудь действительно серьезным.

— Я понимаю, такие Агенты необходимы, — медленно выговорил Брофа, — но мне представляется также, что и отбирать их необходимо с особой тщательностью.

— Именно так их и отбирают, — ответил Третий Координатор.

— Хорошо, — сказал Брофа, — предположим, что другой народ, Дайя-Белы, например, хорошо знакомые с робототехникой, завладеют подобным кораблем. Не может ли случиться так, что они смогут строить аналогичные корабли для себя?

— Такое случиться может, — охотно согласился Третий Координатор, — но не гражданам Веги потребуется только для того, чтобы разобраться в конструкции и поднять технологии на соответ-

ствующий уровень, лет эдак пятьдесят. Нас это не слишком беспокоит, поскольку за эти пятьдесят лет мы далеко уйдем. Конечно, теоретически наши Агенты считаются неспособными выдавать секреты Департамента, если это может причинить вред Конфедерации.

— Знаю, — коротко ответил Брофа. — Именно поэтому я был так удивлен, обнаружив, что на корабле Замман находятся… или находились… два других Дайя-Бела.

Третий Координатор изменился в лице.

— С чего ты так решил?

— Я несколько раз слышал, как они беседуют, — сказал Брофа, — хотя и не разобрал, о чем именно. Наконец, я их видел, они проходили мимо моей двери вслед за Замман.

Он немного помолчал.

— Правда, я в тот момент находился под действием лекарств, — признался он, — и вообще был нездоров, но уверяю тебя, что это не было галлюцинацией.

— Я и не думаю, что это галлюцинации, — задумчиво согласился Третий Координатор, — так вот почему ты так много размышляешь о поведении Замман?

Брофа помедлил с ответом.

— По крайней мере, это одна из причин.

Третий Координатор понимающе кивнул.

— Пятнадцать лет назад Замман потеряла мужа и ребенка при нападении на пассажирский корабль Дайя-Белов. Тогда остались живы всего трое, и Замман среди них, но во время атаки они почти все время были без сознания и не смогли описать нападавших. Тела почти всех остальных пассажиров и членов экипажа были опознаны, а около полусотни до сих пор считаются пропавшими без вести. Муж и ребенок Замман числятся среди них. Она считает, что неизвестные мерзавцы, захватившие и ограбившие корабль, взяли их в качестве рабов.

— Да, такое вполне вероятно! — воскликнул потрясенный Брофа.

— Верно, но в данных обстоятельствах совершенно невероятно их найти. Возможно, Замман питает некоторые иллюзии относительно того, что ей удастся посрамить теорию вероятностей, несмотря на столь значительный перевес с противной стороны. Однако, согласно заключению наших психологов, ее «ненормальность» на этом и заканчивается.

Брофа открыл было рот, но лишь покачал головой.

— Поэтому представляется вполне понятным, почему Замман ненавидит тех, кого собирается убить, — подчеркнул Третий Координатор, — поскольку для нее это существа, подобные тем, что лишили ее семьи. Ведь они, чем черт не шутит, могут оказаться теми самыми похитителями.

— Однако это не… — начал было снова Брофа.

— Кроме того, она отнюдь не питает иллюзий относительно сложности своей задачи и методов ее выполнения, — мягко продолжал Третий Координатор. — Через несколько лет после трагедии она одним махом увеличила свои шансы на победу до максимума тем, что поступила к нам на службу. В результате получается, что весь Департамент Галактических Зон непрерывно работает на поиск! Добрую дюжину лет, как только кто-либо из наших сотрудников обнаруживает какие-либо следы Дайя-Белов вне района Бетельгейзе, Замман мгновенно ставят об этом в известность. Вернемся к тем двоим, которых ты видел на корабле. Можешь их описать?

— В коридоре было темно, — с сомнением протянул несколько побледневший Брофа, — но я не мог ошибиться! Это были мужчина и мальчик.

Третий Координатор немного помолчал.

— Так я и думал, — признался он. — Да, поисти-

не неприятные вещи приходится тебе доверять, просто кошмарные, да еще с привкусом черной магии. Однако, как ты убедился, преданность Замман Департаменту не подлежит никакому сомнению. Ты прав, Дайя-Белы необычайно искусны в робототехнике. До того, как придти к нам, она работала нейрохирургом. Эти двое, Брофа, просто биокуклы!

Он поднялся.

— Ну что, вернемся к нашему празднику?

Брофа тоже встал.

— И ты считаешь, что это нормально?

Третий Координатор лишь развел руками.

— В том, что ты рассказал, для меня нет ничего странного. Поэтому я по-прежнему буду полагаться на заключения психологов Департамента. Ты знаешь их вердикт: что бы ни делали наши Агенты, их суждения непогрешимы настолько, насколько это возможно для хорошо развитого человеческого интеллекта. Кроме того, каким бы странным ни казалось их поведение для постороннего глаза, оно все же не настолько странно, чтобы выйти за рамки того, что приемлемо для Департамента.

* * *

Спустя трое суток Агент Зоны Замман в космосе стремительно приближалась к той точке, откуда ей пришлось, отклонившись от курса, присоединиться к поисковой операции по спасению Брофы.

Она летела быстро, гораздо быстрее, чем когда отвозила домой своего раненого пассажира. Пока этот важный политический деятель находился на борту, приходилось медлить, поскольку Департамент не одобрял передвижений на предельных скоростях без особой на то необходимости. Лишь «Странствующие Великаны» Веги, корабли титанической мощи, могли с относительной безопасностью курсировать на таких скоростях, в то время как с кораблем меньшего размера могло произойти всякое, например, внезапное и бесследное исчезновение. Когда такое происходило, Лаборатория Департамента, а также несколько других мощнейших научных центров цивилизации не переставали давать противоречивые объяснения. Однако сейчас Замман лишали терпения как распахнувшиеся перед ней безмолвные просторы вакуума, так и его менее очевидные опасности. Он может сколько угодно

расставлять ловушки, пожри его черная дыра! И все равно проиграет.

— Необходима карта по курсу, которым следую, в радиусе недели лета на крейсерской скорости, — коротко сообщила она в телепатический передатчик корабля. Этот запрос был вскоре услышан в Центральной Диспетчерской Галактических Зон, на далекой от корабля планете Джелтад.

Практически сразу же на экране передатчика перед Замман развернулась трехмерная звездная карта.

Замман глубокомысленно вперилась в экран.

Крошечная зеленая точка в центре означала ее местоположение. Было хорошо видно, что она находится внутри области, отмеченной коротким малиновым пунктиром, означавшим предположительное местонахождение бродячих кораблей Шаггаров, с которыми она успела коротко познакомиться и отрапортовать об этом на Джелтад. Облако белого света впереди означало цивилизованное звездное скопление. Внутри него, а также в разных местах по краям карты, несколько дюжин микроскопических звездных систем были обведены красным. Вокруг красных кружков виднелись и другие — оранжевые, пур-

пурные, зеленые, что обозначало конкретные особенности возникших там проблем.

Замман кольнула указкой по трем системам, расположенным в дальнем левом углу карты, которые были отмечены как очаги развития космических неприятностей, требующих внимания Агента Зоны.

— Собираюсь вновь попробовать потрепать эту стаю Шаггаров, — объявила она. — Если она найдется, хорошо, но, вероятно, еще до того, как с ними расправиться, мы окажемся где-то поблизости от этого района. Соберите все данные о том, что там не в порядке, и перешлите мне. Прием.

Она выключила передатчик. Звездная карта исчезла, каюту залил мягкий, ясный свет. Замман потерла плечо тонкой, узкой ладонью, и сощурила глаза на свет.

— Могу я перекусить немного? — спросила она.

На боковой столик, пристроенный к огромному пульту, прямо из стены выскользнул поднос с многочисленными контейнерами, где ледовито поблескивала пища, источая аппетитнейшие парки.

Хозяйка ела медленно и небрежно, мысленно составляя планы на ближайшее время — всего

на несколько недель, а ведь когда-то она строила планы на годы вперед: исследовать столько-то планет, изучить такую-то территорию. Однако постепенно ее тяга к масштабному планированию стала несопоставима с характером поставленной перед ней задачи. Ныне она бросалась в разные стороны короткими рывками, хоть и не бесцельно, но часто устремляясь в новые территории под влиянием внезапного импульса, интуиции, надежды. Она лишь старалась в своих поисках по возможности не пересекать собственный след.

Она проигрывала вакууму, и знала это. Она никогда не найдет своих близких! Как никогда не найдут их те тысячи и тысячи сотрудников Департамента, которые по ее поручению искали и не находили затерянные следы. Вселенная взяла дорогих ей людей, эта проклятая бездна одерживала победу.

Замман обратила взор к ее холодному черному лику, заполнявшему экран. Бездна смеялась над ней миллионом своих блистающих глаз.

«Глупая ухмылка!» — прошептала она с ненавистью обреченного. Затем встала из-за стола и принялась мерить каюту размашистыми шагами.

Вот ее враг — черный лик! Она могла проти-

виться его воле, но лишь недолго. Недостаточно долго, чтобы это было принято в расчет. Враг ее был столь велик, что мог позволить себе просто ждать: века, тысячи, десятки, сотни тысяч лет. Ждать, пока где-то вырастет жизнь, теплая и храбрая, и хрупкая, и полная надежды, затем внезапно напустить на нее холодную волну разрушения и уничтожить. Разрушить извне, используя примитивную грубую силу, такую как Шаггары, или поступить более искусно, возбуждая злые, темные импульсы, медленно отравляющие разум целой расы. Могло даже случиться так, что ледяная парадигма смерти взрастала в одном-единственном разумном существе, а затем внезапно выплескивалась наружу, поглощая целые нации, целые планеты. Вселенная была вооружена против жизни, и этому оружию несть числа.

Замман остановилась. Взгляд застыл на просторной кушетке в центре каюты.

— Вам не следует прибегать сейчас к разумопоиску, Замман! — голос гигантского робота, ее верного корабля, прозвучал почти взволнованно. — За последние несколько недель вы подвергли себя серьезному эмоциональному напряжению!

— Знаю, — коротко откликнулась она. — Зато я рада, что парень вернулся обратно. Славные люди, и парень — славный. Боюсь, правда, что мы его слегка напугали…

Она задумчиво постучала по ножке кушетки мягким носком ботинка.

— Ты же знаешь, что это напряжение может оказаться полезным! Выводи куклу, и мы попробуем.

— Ту, что побольше? — спросил голос.

— Нет! — в голосе Замман зазвенели нотки раздражения. — Не могу на него смотреть, когда я одна. Нет, выведи ту, что поменьше.

Где-то в глубине корабля открылась и тут же закрылась дверь. Спустя несколько секунд послышался уверенный топот резвых ножек. В каюту вбежала маленькая фигурка, поискала глазами, увидела Замман и устремилась к ней.

Она рассмеялась, распахнула руки и с размаху подхватила фигурку в объятия.

— Что за мастер сделал им лица! — с удивлением воскликнула она, в то время как кончики ее пальцев все рисовали и рисовали невидимые линии на щечке маленького лица, так похожего на ее собственное, но все же другого. — Не отличишь на ощупь!

Она улыбнулась маленькой фигурке, свернувшейся калачиком у нее на руках.

— Пятнадцать лет! Ты теперь вырос, но все же еще не совсем. Мы не вымахиваем так быстро, как эти гуманоиды класса «А», верно? Но именно поэтому мы умнее, чем они. Правда?

Фигурка радостно и согласно заулыбалась. Замман прищурилась с тревожной улыбкой, словно прислушиваясь к чему-то, что происходило внутри нее. Куклы были совершенно непохожи на рабочих роботов, это было придуманное ею средство визуального гипноза, опасные и могучие реагенты, изъязвлявшие ее рассудок. Те ее сограждане, что принимали участие в их создании, делали это неохотно, хотя и понимали, что значат подобные устройства для того, кто ищет в своей памяти то, затерялось во времени. С отчужденностью, столь же безумной, сколь и привычной, она словно со стороны наблюдала, как ее охватывает, втягивает в себя уже знакомое чувство смешения прошлого и настоящего, иллюзии и реальности, пока внезапно какая-то холодная и бурная волна не оросила ее лицо, расслабляя мускулы. Она на мгновение закрыла глаза, затем осторожно опустила маленькую фигурку ножками на пол.

— Беги, малыш! — глухо произнесла она, ее

лицо вновь стремительно напряглось и разгладилось. — Беги обратно, на место. Мама занята.

Журчащий смех растворился в удаляющемся топоте ножек. Где-то снова хлопнула дверь.

Замман медленно подошла к кушетке, легла навзничь, укрыв руками голову.

— Мы займемся разумопоиском прямо сейчас! — потребовала она.

Робот ничего не ответил. Из-под кушетки вылезло с десяток стекловидных щупальцев, они тут же начали деловито присасываться к обнаженным частям тела Замман, обвиваться вокруг головы женщины и приклеиваться к вискам.

— Я готова, — сказала она, — поехали!

Стена издала волну легкого жужжания. Тело Агента внезапно словно одеревенело, застыло колодой, а затем совершенно расслабилось.

* * *

Сначала она почувствовала холод, ринувшийся внутрь ее организма со всех сторон. Затем, почти мгновенно, он достиг нервных узлов, на которые и был нацелен.

Непосредственно вслед за этим поступление каких-либо ощущений извне прекратилось. Мозг Замман, освобожденное и одинокое сознание,

немедленно сосредоточилось на безграничном Прошлом, одновременно не отрывая своего взора от бесконечного пространства Возможного, которое медленно перетекало в Несбывшееся. Эти миры — пространства, где перемешивались по кругу события и символы, послушно выкристаллизовались так, как того желало ее сознание, что могло не вполне соответствовать действительности.

Сознание могло с легкостью обмануться, но у него был верный союзник, перехитрить которого невозможно.

Именно он приказал:

— Обратно, в то время, когда это началось:

Один рой за другим пробуждались нейроны, откликаясь на настойчивый призыв щупальцев, прокладывающих себе путь по нервным цепочкам. События прошлого, связанные с другими событиями миллионом различных факторов и взаимовлияний, возникли, чтобы немедля распасться и собраться заново. Наконец на киноленте прошлого начали появляться знакомые образы. Этот звук удара, которого не забыть, это тепло, боль, холод, прикосновения, покой.

Ненависть, любовь, ужас, обладание, потеря.

— Вот здесь. Это началось здесь.

Сумеречная каюта на обреченном космическом лайнере, у гобеленовой стены переливается лужица янтарного света. В отдалении едва слышен шум работы гигантских двигателей.

— Тогда еще не умели полностью нейтрализовать вибрацию, — припомнило сознание Замман.

Она лежала в каюте на огромной постели, предаваясь сладкой ленивой дреме, щурясь в направлении мягкого янтарного сияния. Как обычно, она первая почувствовала, что настало время отдохнуть, и вернулась в каюту.

— …тогда любила поспать!

Ее мужчины еще развлекались где-то в бесчисленных и прекрасно оборудованных игровых каютах круизного корабля. Большой и маленький — оба должны были хорошенько отдохнуть. Иначе для чего существуют каникулы?

Замман начала было лениво подумывать о том, где они застряли на этот раз, когда янтарный свет мигнул два раза.

— Началось!

* * *

Страшный рев. Вспышка света. Трубный звук тревоги из коммуникатора кабины внезапно

оборвался, тело закрутило по каюте в безумной пляске, словно подопытное животное под электрошоком. Повсюду поврежденные узлы искусственной гравитации корчились в коротких замыканиях, разрывались, неожиданно снова связывались и снова разрывались, но уже в других местах. Наконец они вновь сомкнулись в единое поле, адаптируясь к новым условиям, к катастрофе.

Однако темная каюта оставалась пуста, пока в течение пятнадцати лет сознание Замман несколько тысяч раз вглядывалось в нее в надежде вырвать из молчаливого мрака хотя бы один образ, один звук или прикосновение. Вспомнить хоть долю секунды, ведь это могло решить все дело!

Ибо на самом деле это длилось два часа. Целых два часа *они* находились на убитом ими корабле, грабя, схватываясь с теми, кто был еще жив. Они, должно быть, не раз входили в ее каюту, толпились вокруг нее, глазели на нее, трогали. Затем…

Но она ничего не помнила.

Как всегда, внезапно, настал момент, когда она пришла в сознание. Тело поползло, карабкаясь по полу, изогнувшемуся под крутым наклоном, который в трупном окоченении навсегда приняло

гравитационное поле погибшего корабля. Правая рука сломана, правая лодыжка безжизненно повисла подобно вывихнутой двери каюты, что хлопает где-то над головой под тем, что стало перекошенным потолком. Откуда-то из глубокого чрева корабля донесся глухой рев атомного пламени, и немедленно вслед за ним — странные звуки, похожие на животный визг, переходящий в протяжные крики.

— Их сожгло излучение! — прошептала Замман, и карабкающееся вверх тело прислушалось и затихло, обездвиженное ужасом. — Но их там не было! — вскрикнула она. — Я проверила всех!

Замман взяла себя в руки.

— Постой, я должна просмотреть это заново.

— Вам нельзя делать это дважды, — раздался голос робота, — только не сейчас, только не эту часть!

— Ладно, — лишенный обертонов голос был прав, он почти всегда бывал прав. — Тогда просмотрим остальное!

— Даже это очень опасно, Замман, вы совершенно истощены!

Но тело добралось до края двери, повисло на ней здоровой рукой, ударило ногами и, неуклюже изогнувшись, перевалилось через комингс в ярко

освещенный коридор, вздымавшийся вверх под кошмарным углом. По нему были разбросаны неподвижные тела.

— Если б я только не остановилась, чтобы их проверить, если бы я посмотрела вверх раньше, всего на несколько секунд раньше!

Как всегда, одна за другой пролетели потерянные секунды, затем ее тело приподняло голову и посмотрело вверх, где дальний конец поднятого на дыбы коридора заливало яркое сияние. Внутри него что-то двигалось, оно только что пересекло коридор и уже исчезало в другом проходе, тоже изломанном и склоненном книзу. Свет облаком окутывал движущуюся фигуру и уже скрывался за углом.

— Работают в индивидуальных световых барьерах, проверяют все напоследок, перед отбытием, — пробормотала Замман, пока тело ползло и хромало в направлении исчезнувшего света, крича от ужаса, ярости, непонимания и отчаяния.

— Если бы я взглянула вверх секундой раньше, я бы знала, как они выглядят, даже в броне, я бы поняла, гуманоиды это или нет. Я бы увидела!

Внезапно она осознала, что смотрит в потолок своей каюты, бормоча все те же, до боли знако-

мые слова.

Она с трудом пошевелилась, даже не пытаясь подняться.

— Чуть там не осталась, — произнесла она безжизненно.

— Это очень опасно, Замман, — откликнулся голос робота, — я вас предупреждал.

— Ничего не опасно, — возразила она. — В следующий раз мы просто пройдемся только по времени, когда я была без сознания.

Она лежала тихо, чувствуя во рту вкус горечи. Где-то в глубине памяти, как и где-то в глубине пространства, существовали точки, где можно было обнаружить их следы, какие-то намеки на то, что она пережила бессознательно. Несколько рассеянных клеток памяти оставались запертыми внутри костяной коробки, заключавшей в себе ее мозг.

Существовала вероятность того, что некую группу клеток возбудит какой-либо импульс, и это случайно позволит оживить самые необходимые воспоминания. Существовала также вероятность того, что можно будет отыскать ту самую звездную систему и планету, где они находятся, случайно выбрав их из бесчисленного множества огнедышащих клеток, составляющих

тело галактики!

Однако ведь она еще учится! Так или иначе, она это сделает. Она найдет их.

Замман лежала неподвижно, вперив взор в потолок, душу переполняли горькие сомнения.

— Что это? — внезапно спросила она.

— К вам гости! — ответил робот.

* * *

Гости были еще очень далеко, двигаясь со скоростью, многократно превышающей скорость света. На видеоэкране они словно бы неспешно проплывали мимо на расстоянии выстрела. Один, два, три, четыре…

Пять облаков рассеянного излучения, пять огромных светящихся медуз, подчиняющиеся необъяснимым извивам космического течения. Странствующие корабли Шаггаров под прикрытием защитных экранов. Разумеется, Замман тоже заметили, но подобно большинству древнейших форм космической жизни, пираты научились с осторожностью относиться к неизвестным кораблям, которые при виде их не обращались в немедленное бегство. Они предпочитали выждать и посмотреть за развитием событий.

— Для начала сообщи Центральной местоположение и направление движения этой стаи! — приказала Замман. Глаза Агента все еще горели отчаянием и гневом, но длинные узкие пальцы уже споро порхали по оружейным клавишам пульта управления, пока ничего не активируя, лишь проверяя готовность.

— Двое уже почти на линии огня, — заметил робот.

— Да их всего-навсего пяток! — фыркнула Замман. — Будь хотя бы на одного больше, это хоть можно было бы назвать боем. Параллельный курс, затем развернись прямо к ним, пусть собьются в кучу.

Примерно через минуту ее корабль этакой молниеносной черной кошкой перебежал Шаггарам дорогу на расстоянии стрельбы прямой наводкой. Туманные облака тут же испарились, вместо них на экранах стали отчетливо видны темные, пузатые корабли. Вокруг черного круглого корабля Замман спереди и сзади засверкали выбросы энергии. Шаггары, все до единого, промазали.

— Еще кого-нибудь видишь?

— Приближаются еще четверо, пока едва заметны! Возможно, их вызвала на подмогу эта компания.

— И правильно сделала! Займемся ими потом.

Замман подождала, пока корабль развернется и пристроится в хвост грядущим жертвам. В этот момент они находились вне досягаемости, но пространство далеко впереди стремительно свивалось в один длинный язык пламени. В сердце огненного вихря пять шаггарских кораблей сбились вместе и, отступая на полном ходу, отстреливались куда попало.

— Какие будут указания? — вкрадчиво промурлыкал голос робота.

— Подойди ближе и атакуй!

Сквозь длинный конус пламени набросился ее корабль сверху на пятерку. Руки Замман парили над оружейными кнопками, тонкие, изогнутые, бледные лепестки ненависти. Те же, которые сейчас пытались спастись бегством, разворачиваясь в медленных муках под своими огненными мантиями, не были безликими похитителями, которых она искала. Но они были помечены тем же кровавым клеймом: мясники, грабители, губители, — точно символы гибели, кочующие по огромному, глупому, плотоядному разуму Вселенной.

Призрачное сияние излучения коснулось брони корабля, ударило в него и распалось. Расстояние

уменьшилось наполовину, корабль задрожал и замедлил ход, точно хищный зверь, разрывающий лапами чужую нору. На расстоянии, вчетверо меньшем, чем это, пространство на несколько долгих секунд обратилось в плотную, жалящую огненную плазму.

Карающие руки Замман молниеносно взметнулись.

— Давай!

Пространство впереди вспыхнуло, точно от взрыва погибающей звезды. За ним в тот же миг, сметая все на своем пути и без остатка выжимая из оружия всю мощь разрушения, возник корабль — окрыленная смерть, воплощенная ненависть Замман.

* * *

Два года.

Именно столько доставала Замман эта царственная акула! Обычно она зависала где-то поблизости, но Агенту никак не удавалось взять ее след.

Это был огромный корабль, быстрый, умный и необычайно хитрый. Он обладал оружием и энергией, о котором она ровным счетом ничего не знала. Она даже не могла догадываться о том,

знал ли он, что она висит у него на хвосте. Вероятно, не знал.

Поле его деятельности было достаточно широко, так что регулярно совершаемые им убийственные вылазки не нарушали ритма движения в избранном регионе и даже не отпугивали путешественников. Там, где дело касалось межзвездной торговли, неизбежен некоторый процент потерь. Однако разница между статистикой и реальностью заключалась в том, что в этом регионе все зафиксированные потери числились на счету царственной акулы.

Замман кружила вокруг корабля-убийцы, пытаясь просчитать, где он намерен появиться в следующий раз. Около дюжины раз Агент почти угадывала, однако единственным результатом являлось пока лишь то, что акула продолжала потрошить путешественников.

Корабль-убийца всегда действовал наверняка, выслеживая добычу и настигая ее на полном ходу, или внедрялся в походный строй, если атакуемые шли караваном. Обычно он не брал пленных, и потому его черная работа не отнимала много времени. Каждый раз не больше часа. А потом Замман находила мертвый звездолет с мертвой командой и мертвыми пассажирами.

Царственная акула безнаказанно выскальзывала из сетей.

В конце концов, Замман это опротивело, и она оставила попытки перехитрить разбойницу. Вместо этого Агент купила себе грузовик.

Выбор пал на дорогое и весьма представительное судно, на борту которого она разместила несметные сокровища. Она и не думала приманивать царственную акулу на позолоченный крючок, нет, Замман намеревалась скормить ей крючок из чистого золота! Трюм нового корабля Замман был захламлен целой грудой разнообразных трофеев, побочного продукта ее прежних заданий. Обычно она использовала их по мере необходимости или сдавала во время очередной поездки на Джелтад, где к подобным вещам никто не относился всерьез.

Вскоре грузовик был полностью готов к полету.

— Теперь мне нужны хорошие пираты! — в задумчивости повторяла Замман.

Поискав, она нашла команду — два десятка авантюристов, которые подходили на роль экипажа грузовика. Для начала она проверила их память в поисках одной, очень важной для нее вещи. Ни у кого ее не оказалось. Правда, оказалось

множество других вещей, но Агент уже забыла, когда в последний раз испытывала омерзение от подобного рода исследований.

— Всех, кто выживет, отпущу на волю, — пообещала она, сурово блеснув глазами.

Авантюристы знали, что так и будет. Они для нее были мелкой сошкой, пусть кто-нибудь другой возится потом с ними, если понадобится.

Хорошей, скорой и слегка возбужденной поступью грузовик и его команда проследовали траекторией, которая на тот момент являлась наиболее многообещающей в плане встречи с царственной акулой. При этом черный корабль Замман бесшумно скользил, выжидал и чуть не пританцовывал от нетерпения вокруг своего крючка на максимально далеком расстоянии, какое все же давало ей шанс вцепиться в добычу мертвой хваткой.

Вскоре грузовик завершил обход потенциально опасного района и снова заспешил по проложенному однажды курсу. Во время четвертой вахты акула всплыла на поверхность за его кормой и нанесла удар. В тот же миг команда грузовика была умерщвлена, а Замман выпустила когти.

Все происходило не то что бы на расстоянии контакта, а скорее внутри контакта как такового.

Сталь к стали, черной пиявкой впился корабль Замман в бок царственной акулы, и защитные поля обоих разлохматились бесполезной субстанцией. Пиявке было все равно куда кусать, поскольку у ее добычи не было слабых сторон. Но у добычи не было также сторон, способных отразить разрезающие лучи с расстояния бок о бок.

Вопрос заключался лишь в том, сможет ли экипаж акулы изобрести за несколько секунд нечто такое, что вышибет из пиявки дух, прежде чем разделяющая их двойная броня исчезнет.

Изобрести они не смогли. Замман и ее гоблины-роботы блистательно десантировались внутрь акулы.

— Просто сокрушите гравитацию, мои бравые парни! — приказала Замман. — Пленных враг не держит. Некоторые из них могут быть в броне, но мы должны справиться.

* * *

Роботы раскладывали еще живых и почти мертвых обитателей акулы неровными рядами в проходах и на палубах.

— Ах, так это старые знакомцы с Кушгара! — удивилась Замман. — Далеко же они забрались!

Она узнала их по внешнему виду. Отдаленным

предкам всех ста четырнадцати членов команды акулы доводилось вдыхать воздух древней Земли. Впоследствии они ушли оттуда и многообразно мутировали. Подобно Дайя-Белам, сильнейший из родов постепенно одержал верх над другими, смешался с побежденными и разросся вновь, дав начало новой расе.

На вкус Замман, раса получилась непривлекательная: приземистая, волосатая и необычайно мускулистая. Шейные и спинные позвонки торчали у них сквозь кожу ороговевшими выступами, точно из спины выступал край черепашьего панциря. Однако Агенту доводилось видеть гуманоидов и пострашнее, да и, в конце концов, она же — не член жюри конкурса красоты.

Робот-деструктор подобно хищной осе юлил вдоль рядов, останавливаясь лишь для того, чтобы вонзить в шею каждого из покойников чуть пониже четвертого спинного шипа тончайшую иглу. Замман же вместе с другим роботом выбирала тех из раненых, кто пострадал сильнее всего, пристраивалась рядом с ними и начинала допрашивать.

Тягуче тянулось время — четыре, пять часов. На исходе шестого часа Замман и роботы вернулись на свой корабль. Пиявка защелкнула окровавлен-

ную пасть, отлепилась от жертвы и тронулась в путь. Огромная неповоротливая акула осталась дрейфовать по космосу в царственном одиночестве. Теперь на ее борту не осталось живых. Спустя четверть часа яркая вспышка внезапно озарила все вокруг, и акулы не стало.

Побледневшая Замман провела за пультом гораздо больше, чем четверть часа.

— Куклы, — громко произнесла она наконец.

— Что куклы? — откликнулся робот.

— Уничтожь их, — приказала Замман, остановив взгляд на телепатическом передатчике, — и соедини меня с Джелтадом. Лично с Координатором…

Никакого отклика не последовало. Агент высветила несколько звездных глобусов и начала прикидывать. Вычисления длились недолго. Она еще некоторое время просидела не двигаясь, вперив неподвижный взор в чуть светящийся, медленно кружащий туман, заполнявший собой экран передатчика.

Наконец в нем начало просматриваться лицо, а знакомый голос назвал ее по имени. Интонация была вопросительной.

* * *

— Мои близкие на Кушгаре! — звенел готовый разбиться, не выдержав напряжения, хрустальный голос Замман. — Я знаю планету, и даже точное место. Я видела их *его* глазами, мальчик уже совсем большой. Такой серый дом рядом со зданием, похожим на большую больницу. Муж и сын чертоломят там семнадцать лет! Целых семнадцать лет чертоломят на них! — лицо Периферийного Агента исказилось от ненависти.

Координатор дождался, пока звенящий поток иссяк. Выглядел он при этом неважно.

— Ты не можешь отправиться туда одна, — наконец выдавил он через силу.

— А как же иначе?! — возопила изумленная Замман. — Кто отправится туда со мной? Но я хотела сообщить вам, что мне придется одолжить ваш корабль.

Координатор покачал головой.

— Этот корабль — твой! Но тебе нельзя лететь туда одной, Замман. Ты все равно будешь пролетать поблизости от Джелтада, сделай остановку и, клянусь гравитацией, мы что-нибудь придумаем!

— Вы не сможете ничего придумать, — непре-

клонно ответила Замман, — вы не можете никого послать на Кушгар. Ни один из посланных туда Агентов не вернулся. Вы захотите послать туда целый флот, а это неминуемо вызовет войну. На следующий же день «Тысяча Наций» съест Конфедерацию.

— Выбор всегда есть, — не сдавался Координатор.

Возникла мимолетная пауза, так как Координатор задумался над тем, какой выбор у него был в данном случае.

— Все равно прошу, не отходи от передатчика! Я вызову тебя, как только мы найдем какой-нибудь приемлемый выход…

— Нет! — отрезала Замман. — Я не смогу отвечать на вызовы, ибо только что завершила одну длительную операцию. Я пробуду в состоянии Полного Покоя до тех пор, пока не вступлю в бой. У меня будет лишь одна попытка, и я должна выложиться полностью. Выбора у меня нет, — добавила она, — так же как и нет приемлемых выходов. Я уже все обдумала. Спасибо за корабль!

* * *

Координатор, воспользовавшись коммуникатором штаба Галактических Зон, связался с человеком, известным под именем Сыщик, и коротко с ним переговорил.

Сыщик страшно выругался про себя.

— У нее есть друзья, которые захотят об этом знать, — завершил свою речь Координатор. — Оставляю это на ваше усмотрение.

— Я понял, что оставляете, — сказал Сыщик. — Будете у себя в офисе? Мне может понадобиться ваш авторитет.

— Не понадобится вам мой авторитет, — ответил Координатор, — кроме того, я только что отправился на рыбалку. Я ждал отпуска восемь лет и не намерен от него отказываться.

Сыщик с неприязнью посмотрел на замолкший коммуникатор. Официально он не занимал никакой должности в Департаменте. Однако под его началом трудился целый коллектив. В его задачу входило знать все обо всех, и обычно это ему удавалось.

Он задумчиво поскреб щетинистый подбородок и нанес несколько мстительных ударов по клавишам коммуникатора. Последний вопросительно

отщелкнул в ответ.

— Необходима проверка местонахождения сорока двух тысяч и еще пары сотен имен! — с отвращением проговорил он. — Займись!

Коммуникатор зарычал.

Сыщик это проигнорировал. Он уже выместил злость на телепатическом передатчике.

— Привет, Ферд! — произнес он в микрофон.

— Вот это да! Сыщик! — воскликнул Фердинанд по прозвищу Перст Судьбы. — Только ничего на меня не грузи! Я нахожусь в самой середине…

— Замман нашла свою родню, — невозмутимо перебил Сыщик, — они на Кушгаре! Она летит за ними.

Агент Зоны Фердинанд изумленно выругался. Его тонкие нервные пальцы яростно теребили узел алого галстука-бабочки. Он тоже охотился за этой расой, и умел это делать очень хорошо.

— Откуда она выходила на связь?

Сыщик ответил.

— Это рядом со мной, — заметил Фердинанд.

— Поэтому я и звякнул тебе первому, — пояснил Сыщик. — Правда, с ней связаться нельзя, она в Полном Покое.

— Да, в самом деле? А что Кривда говорит?

— Кривда ничего не говорит, он умотал на ры-

балку от греха подальше. Эй, подожди! — вдруг в ярости выкрикнул он. — Я еще не закончил!

— Спасибо за звонок, Сыщик, — откликнулся Перст Судьбы, чей палец уже лежал на выключателе передатчика. — Но в данный момент я как раз нахожусь в самой середине…

— Ты находишься в самой середине списка Агентов по этому звездному скоплению, — сообщил Сыщик. — Так что поручаю это тебе.

— Это займет целые часы! — взвыл Фердинанд. — Ты не можешь…

— Передай другим, — холодно перебил Сыщик. — Ты ведь еще и помощник начальника штаба, верно? Вот и займись этим по дороге. А я занят по горло!

Фердинанд по прозвищу Перст Судьбы был отключен.

— Как продвигаешься? — спросил Сыщик у коммуникатора.

— Осталось проверить всего восемнадцать тысяч! — сварливо огрызнулся коммуникатор.

— Надо найти, — сказал Сыщик и вновь стал терзать передатчик. Когда нужно вытянуть на связь хотя бы костяк команды из сорока двух тысяч с небольшим Агентов Зон Третьего Департамента, передатчику приходится туго!

— Приветствую вас, сенатор!

* * *

Всякий, кто решил бы развлечься сбором сведений об экстраординарных происшествиях, проявляя особый интерес к таинственным исчезновениям, нашел бы прошедшую неделю весьма урожайной.

Разумеется, когда на полуслове сенатор Тартуиз прервал свой брифинг, извинился и вышел в соседнее помещение, чтобы ответить по телефону на неотложный звонок, и не вернулся назад, возник довольно серьезный переполох. Сенатор был видной политической фигурой, главой оппозиции «Тысячи Наций». Несмотря на то, что он плотно закрыл за собой дверь, его гулкий бас спустя минуту уже разносился эхом в очевидных попытках кого-то в чем-то переубедить. Затем все стихло.

Лишь полчаса спустя отважились предпринять осторожное расследование. Оно показало, что сенатор бесследно исчез!

В таком исчезнувшем состоянии Тартуиз пребывал достаточно длительное время. Обуреваемая самыми мрачными предположениями «Тысяча Наций» едва не оказалась на грани граж-

данской войны.

Еще более эффектным, правда, всего лишь в планетарном масштабе, оказалось внезапное вознесение на Амуте, которое совершила богиня Лоппос вместе с колесницей, запряженной таинственными четвероногими тварями, в момент завершения Ежегодной Храмовой Церемонии. Несколькими секундами ранее внимательные наблюдатели отметили, что богиня нахмурилась, а божественные уста извергают стремительную череду священных проклятий. После того, как колесница пулей взмыла вверх, небо озарилось чудовищной вспышкой. Весь Амут посыпал головы пеплом и погрузился в траур до тех пор, пока Лоппос не вернулась.

Поскольку эти странные события происходили с персонами малозначительными, они не вызвали ничего серьезного, кроме волнений местного масштаба. Так, например, бабуля Ваннтель на Нурхате тихонько распрягла однорогого пони, отделив его от своего трейлера с патентованными снадобьями, и поручила огромное, но смирное животное заботам малыша Гримпа. «Пока я не вернусь», — сказала бабуля. Никто не заметил бы в этом ничего необычного — народ и полиция часто досаждали бабуле, заставляя переезжать с

места на место — если бы, шагая домой, Гримп не оглянулся и не заметил, как выросший до невероятных размеров бабулин трейлер тихонько набрал высоту и исчез в лучах заходящего солнца. Маленький Гримп получил хороший нагоняй за то, что привел домой эту громадину пони!

Конечно, эти события не показались бы примечательными, если бы одно из них не изменило ход истории. А именно то, что произошло с несчастным и ужасным Дримом, тираном Системы Хибеланта:

— … да ведь все уже было готово для того, чтобы меня убил наемник Партии Свободы! — вопил тиран, брызжа слюной. — Ведь понадобится не меньше двух лет, чтобы убедить эти цыплячьи душонки вновь отважиться на подобное!

— Собирайся, приятель! — пробормотал передатчик у изголовья.

— Соберусь, не сомневайся! — огрызнулся деспот, грузно нашаривая ногами в поисках тапочек. — Могу дать твою голову на отсечение!

* * *

— Вот-вот приборы сообщат об авангарде флота призраков! — бодро доложил адъютант метага Кушгара.

— Я не желаю больше слышать ни о каких призраках, — холодно процедил владыка. — Это плохо влияет на боевой дух. Если я еще хоть раз замечу употребление этого слова в служебном разговоре, пара-другая голов скатится вниз по спинным шипам. Называйте их «захватчиками».

Адъютант поспешно пробормотал извинения.

— Итак, сколько предположительно захватчиков следует в первой группе? — строго спросил метаг.

— Несколько тысяч, господин, — ответил адъютант. — Сведения, конечно, приблизительные… Основная масса движется за ними на расстоянии двадцати восьми световых лет. По последним данным их около тридцати тысяч.

Метаг глухо застонал.

— Тогда на перехват основной группы следует выслать Глант! — прорычал он. — Если захватчики не изменят курса, мы так и сделаем. Подходящее время для того, чтобы покончить с этим фарсом раз и навсегда!

— Пока они не пытались изменить курс, чтобы избежать перехвата, — осторожно заметил адъютант.

— Пока они не встретились с Глантом! — с усмешкой парировал метаг.

Он ожидал этой встречи с нетерпением. Его флагманский корабль, его Глант, веретенообразный титан-хранитель Кушгара восемь десятков лет сдувал с него пушинки в виде целых неприятельских флотилий. Его стенки не поддавались ни одному из известных видов оружия, а оружие без особых усилий было способно искромсать в клочья целую планетную систему.

Правда, он был слегка медлителен, а эти призрачные корабли, эти странные захватчики двигались невероятно быстро! Чтобы остановить авангард противника, Глант просто не успеет вовремя занять нужные позиции.

Метаг нахмурился. Если бы только сообщения были поточнее или не прерывались бы так таинственно! За истекшие пять суток пограничные флотилии три раза сообщали о появлении призраков и о собственной готовности к столкновению. Всякий раз принятое от флотилии сообщение оказывалось последним. Разумеется, связь могла время от времени прерываться внезапно и необратимо по совершенно естественным причинам, но чтобы три раза подряд…

На мгновение по спинным шипам метага заплясал неприятный холодок. Он не страдал излишней впечатлительностью, однако его со-

весть, как и совесть всего Кушгара, была сильно изъязвлена, что способствовало возникновению подобных суеверных холодков.

— Вот они, господин! — дрожащей трелью прозвенел голос адъютанта.

Метаг замер на месте, не веря своим глазам.

* * *

Самые худшие из сообщений и то не были так ужасны. Находясь внутри непобедимого Гланта, под его надежной защитой, он никогда не ощутил бы подобного приступа дурноты от вида нескольких тысяч вражеских крейсеров…

Но это!

Среди них было несколько настоящих военных кораблей. Однако насколько можно было судить по обожженной, покореженной в лучевых атаках внешней обшивке, большинство представляло собой грузовые корабли самого разного пошиба. Среди них виднелись карамельные блестки покалеченных яхт и пестрая россыпь других гражданских суденышек. Неудивительно, что их приняли за обломки погибших звездолетов, привлеченных сюда порывом потусторонней жизни…

Однако хуже всего было то, что к потоку при-

мешивалось нечто, доселе невиданное в космосе, что могло быть лишь отражением жизни в атмосфере! У некоторых кораблей, дьявол их возьми, имелись крылья!

А это еще что за номер?!

— Да это же дом! — взвыл метаг в страшном прозрении. — Огромный, дьявол его раздери, домина!

Дом вместе со всей компанией призраков несся на скорости, недоступной ни одному из новейших истребителей Кушгара. Тяжелый, неповоротливый Глант двинулся вперед в безнадежной попытке остановить неостановимое.

Адъютант что-то бормотал из-за спины метага.

— Господин, возможно, нам удастся зацепить захватчиков с фланга, пока они не пронеслись мимо!

— Хватайте! — взревел метаг. — Делайте же что-нибудь! Мы должны остановить хоть один корабль и узнать правду! Ведь все это напоминает какой-то жуткий маскарад!

Но ничего сделать не удалось. Одна черная торпеда в хвосте передовой колонны была задета кончиком захватного луча. Совершив чудовищный маневр, описав носом полукруг, она слетела с него по касательной и пулей понеслась вслед

за остальными. Через мгновение вся кавалькада растаяла в направлении центрального звездного скопления Кушгара.

— Непоправимая ошибка! — выдохнул метаг. — Они узнают о нас все! Если основная их часть сменит курс, мы никогда не… Нет, постойте! Вон еще несется один — остановить! Немедленно!

Хрупкая на вид яхта на полном скаку влетела в самую гущу захватов и морозильного поля Гланта и застыла как вкопанная.

— Вот теперь! — Метаг прошелся кончиком языка по дрожащим губам. — Вот теперь-то мы все узнаем! Ввести абордажную команду внутрь!

Захваты и буксиры начали маневрировать так, чтобы осторожно провести маленькую яхту сквозь хитроумный лабиринт проходов между тремя наслаивающимися друг на друга защитными полями Гланта. Конкретный призрак выглядел на редкость привлекательно, словно новорожденный, только что сошедший со стапелей, незапятнанно поблескивая голубоватым серебром под потоками света, которыми его заливали со всех сторон.

Гигантский Кальмар космоса клюнул на блестящую маленькую приманку.

— Господин, — с тревогой прошептал адъ-

ютант, — а не лучше ли для начала ударить по нему лучом?

Метаг глянул на него с удивлением:

— Чтобы все, кто находится внутри, погибли? — спросил он. — Ты с ума сошел? Разве это похоже на военный корабль, или думаешь, что они и в самом деле призраки? Да нам просто неслыханно повезло! Если бы эти остолопы не наткнулись прямехонько на нас, словно сами хотели быть пойманными…

На мгновение он задумался, продолжая наблюдать на экране яхту, зависшую в лучевых путах прямо над впускным портом Гланта. Приманку благополучно проглотили.

— Словно она хотела быть пойманной? — с сомнением повторил метаг.

Это стало последним сомнением в его жизни.

Маленькая яхта шевельнулась.

Одним движением она высвободилась из объятий захватов, буксиров и морозилок, словно их не было вовсе. Затем маленькое жуткое привидение скользнуло вдоль всей длины веретенообразного космического стража под могучими слоями его защитных полей. Позади нее раскаленные добела чудовищной толщины стены Гланта оказались вскрытыми, образуя единую рваную рану с оплав-

ленными краями. Титан Кушгара раскололся по всей длине словно гигантский моллюск, который раскрыл гигантские створки и выплеснул свои огнедышащие внутренности в космос.

Маленькая сияющая яхта сделала легкий рывок, дабы занять подобающее ей место на фланге передовых сил призраков.

Агент Зоны Пэйгадан из Лар-Санкайи снискала себе в тот день поистине бессмертную славу! Однако, к сожалению, впоследствии так и не удалось обнаружить никаких останков Гланта. Поэтому ей никто не поверил, хотя она клялась в правдивости своих слов на целой стопке священнейших Лар-Санкайских текстов и по очереди доказывала свою правоту семи разным детекторам лжи. Правда, всем было известно, какие фокусы Пэйгадан может учинить с детектором лжи, что же касается остального…

В общем, сомнения так и не рассеялись.

— Как там наши призраки, то есть захватчики? — запрашивал Кушгар своего непобедимого Гланта. — Вы их остановили или сразу уничтожили?

Глант безмолвствовал.

КУШГАР ВЫЗЫВАЕТ ГЛАНТ. КУШГАР ВЫЗЫВАЕТ ГЛАНТ. КУШГАР ВЫЗЫВАЕТ ГЛАНТ. КУШГАР

ВЫЗЫВАЕТ ГЛАНТ…

Кушгар в смятении взглянул в суровое ночное небо и прислушался. Миллионы враждебных звезд ответили ему ледяным презрением. Глант же не издал более ни единого звука, ни крика, ни даже шепота!

Спустя двадцать минут подлетел основной состав потусторонней флотилии. Призраки выглядели совершенно неповрежденными. В самом центре колонны несся черный шар с заключенной в нем Агентом Зоны Замман Тарранг-Пок в состоянии Полного Покоя. Ее робот прекрасно знал свои обязанности, он должен был разбудить хозяйку немедленно по вступлению в первый бой. Треть территории Кушгара осталась позади, но никакого боя не намечалось.

Основная армия нагнала свой авангард восемью часами спустя, их ряды перемешались. Отстающие подходили небольшими группами и немедленно присоединялись к остальным. Вскоре флот призраков слился в единый, смертоносный рой…

Из центра Галактики ураган пронесся прямо к сердцу Кушгара, точно выпущенные из Преисподней всадники Апокалипсиса, но страх все же летел впереди. Мертвые возвращались: мил-

лиарды зверски убитых людей, опустошенные корабли, потерянные войска слились в единую, чудовищную, непобедимую армию справедливого возмездия, и здравый смысл спасовал перед подобной мощью.

Кушгар запаниковал; древняя, веками проверенная стратегия была сломлена, ее место в сознании занял темный ужас! Рассеянные войска Кушгара флотилия за флотилией, корабль за кораблем бросались под ноги призракам.

Ни одного вскрика, даже шепота не донеслось от принесших себя в жертву!

Оставшиеся на поверхностях планет войска решили не вмешиваться.

* * *

Замман снился чудесный сон.

Это ее не очень удивляло. Полный Покой по большей части протекал без сновидений, но на некоторых уровнях он возбуждал необычайно яркие визуальные эффекты, изобилующие подробностями. Бывали случаи, когда они так искусно морочили ей голову, что она была готова поверить в их реальность!

На этот раз ее корабль, по-видимому, нашел приют в некоем доке. В сомнокабине было еще

темно, но все остальные каюты сверкали огнями. Вокруг гомонило множество голосов.

Замман застегнула комбинезон, поднялась и присела на край кушетки. На мгновение она прислушалась, затем рассмеялась. Этот сон был очень странным, но обещал стать приятным!

— Мало тебе? — прокричал женский голос в рулевой рубке, когда Замман подходила к ней по коридору. — Ты, жалкий, жуликоватый старикан…

Последующее утонуло в громе аплодисментов.

— Леди, а, скорее всего, не леди, — вознеслось над шумом гулкое эхо негодования сенатора Тартуиза, — еще одно оскорбление, и я надеру вам уши!

Шум аплодисментов возрос еще на несколько децибел.

— Да среди нас Замман! — выкрикнул кто-то.

Внезапно все столпились вокруг нее. Замман в замешательстве улыбнулась.

— Хорошо, что вы нашли выпивку, — пробормотала она.

Высоченная богиня Амута, раскрасневшаяся от спора с Агентом Зоны Тартуизом, сгребла Замман в объятия и усадила на край стола.

— Дайте Замман бокал!

Она отпивала маленькими глотками, недоуменно посматривая по сторонам. Все они были здесь: все самые упорные и хитрые, убийцы, охотники, организаторы и шпионы! Костяк команды Координатора, самый узкий круг. А вот и сам Координатор!

— Привет, Кривда! — сказала она, даже во сне придерживаясь принятой субординации. — Привет, Вимс! Ферд! — она раздавала кивки в промежутках между глотками.

Примерно два десятка друзей по службе заглянули в Полный Покой, чтобы попрощаться! Не раз спасала она каждому из них жизнь, впрочем, так же, как и они спасали ее. Но наяву она ни разу не видела более трех из них вместе. В таком количестве они могли собраться только во сне!

Замман рассмеялась:

— Отличная тусовка!

Прекрасный сон. Она поставила пустой бокал.

— Вот именно! — воскликнула богиня Лоппос. Она подняла Замман и водрузила на стол, развернув лицом к стене. Прямо перед ней оказался экран внешнего наблюдения. Он был выключен.

— Что это значит? — улыбнулась Замман, в предвкушении приятного сюрприза. Чем еще неожиданным хотят ее поразить?

Экран внешнего наблюдения ожил, залитый ярким дневным светом. По-видимому, корабль приземлился посреди сухой песчаной равнины. В отдалении виднелось огромное серое здание. Замман мельком взглянула на него, и ее улыбка медленно увяла. Это что, больница? Где она могла ее видеть?

Внезапно ее взгляд переместился в нижний левый угол экрана, откуда выглядывал краешек другого здания, маленького серого домика, стоявшего очень близко, почти рядом с кораблем!

Замман почувствовала, как по телу пробежала судорога.

— Нет! — прокричала она. — Это сон!

Ее сняли со стола и поставили на пол. Ноги слегка подгибались, но Агент нашла в себе силы восстановить равновесие.

— С ними все в порядке, Замман, — услышала она голос седовласого человека по прозвищу Кривда. — А мальчик-то стал совсем взрослым, — добавил он задумчиво.

— Теперь у тебя все будет хорошо, — промурлыкал сзади чей-то нежный голос. — Замман, ты же знаешь, что такое Полный Покой! Мы не могли так рисковать и сказали твоим близким, что нужно подождать, пока ты проснешься.

Наклонный луч мягко перенес Замман на песчаную дорожку. Вокруг разливался жаркий солнечный свет, позади — семнадцать долгих лет, впереди — двадцать коротких шагов и открытая дверь домика.

Колени снова начали подгибаться.

Замман не могла заставить себя двинуться с места. На много сотен световых лет вокруг Могучий Кушгар бил челом, моля своих богов отвратить от него гнев призраков, гнев Замман.

Но она, Агент Зоны Замман Тарраданг-Пок, покорительница пространства, времени и всех до одного законов вероятности, новичок-доброволец из свободолюбивой расы Дайя-Белов, доктор нейроники, подданная Конфедерации Веги и чемпион Галактики… была не в силах двинуться с места!

Вдруг что-то прошумело над головой. Оплавленное изуродованное днище указывало на то, что когда-то, в начале своей транспортной карьеры, это корыто было симпатичным, пузатым грузовиком. Однако в его очертаниях ныне не осталось ничего симпатичного! Ветеран космоса выглядел так, словно после кораблекрушения побывал прямехонько в Преисподней, где лет сто нещадно был палим адским пламенем, а затем

еще лет десять остывал на дне кислотного моря. На самом деле он выглядел именно так, как и должен был выглядеть корабль, чей пилот не открывал огонь на поражение до тех пор, пока не сблизился с врагом до дистанции прямой наводки.

Но и растеряв внешнее великолепие, корабль оставался в состоянии настоящего парения духа! Он проплыл над головой Замман, приветливо покачал стабилизаторами, ушел в сторону огромной больницы и, заложив над ней прощальный вираж, отбыл к товарищам, дабы вместе с ними заставить Кушгар чуточку громче молить своих богов о пощаде.

Замман проводила взглядом невезучего, побитого, но возрожденного вояку, и почувствовала, что ее переполняет радость. Она сделала шаг, затем другой и еще…

Ну, конечно, теперь она могла идти!

Она могла даже бежать.

* * *

— …вот как все это было, — завершил свой рассказ Третий Координатор. — На самом деле мы не собирались сходить с курса, отражая атаки в уверенности, что все свои тяжелые крейсеры

кушгарцы, чтобы остановить нас, выстроят в линию, пока мы не войдем вглубь Звездного Скопления. Затем мы значительно отклонились от первоначального курса и ринулись туда, где они держали близких Замман, чтобы их освободить и убраться восвояси…

Взболтав содержимое полупустого бокала, он поднял его и осушил одним глотком.

— Конечно, — продолжил он, — когда мы увидели, что они с воем барахтаются на своих спинных шипах, беспомощно суча лапами, как перевернутые черепахи, мы не смогли устоять перед искушением одержать победу! Никогда не знаешь, чем могут закончиться такие безумные предприятия, как наше!

Третий Координатор помолчал немного, нахмурился и вздохнул. Ибо был человеком методичным, предпочитавшим планировать свои дела загодя, просчитывая все варианты событий, включая запасные, на случай непредвиденных ситуаций.

— Может, выпьем еще? — предложил Брофа.

— Нет, — ответил его друг, — я должен вернуться к работе. Пусть болтают, что хотят, — Брофа сразу догадался, что Кривда имеет в виду коллег по Совету, — но во всей Конфедерации нет ни

одного Департамента, который бы пострадал от Кушгара сильнее, чем Галактические Зоны! Ведь нам пришлось переписать сорок две тысячи двести тридцать восемь индивидуальных рабочих планов! — воскликнул он с отчаянием, по-видимому, еще не придя в себя от возникшего бюрократического хаоса. — До сих пор проделана только треть необходимой работы. А еще предстоит пораскинуть мозгами, кем мне заменить Замман. Нет на свете ничего более трудного, нежели найти хорошего Периферийного Агента! И это все, что я с этой блистательной победы поимел…

Брофа взглянул на него с сочувствием.

— Я разговаривал с ее мальчуганом, и у меня возникли определенные надежды, — угрюмо добавил Третий Координатор. — Если Замман сдержит слово, вскоре он прилетит на Джелтад. Но ему никогда не стать таким, как мама!

— Дай пацану время, — мягко сказал Брофа, — Дайя-Белы развиваются медленно. И вообще им свойственно долголетие.

— Об этом я тоже думал, — деловито кивнул Координатор. — Она успеет родить и воспитать еще, как минимум, дюжину детишек. Среди них может оказаться один или двое… Правда,

насколько я понял из разговора с ней, Замман не позволит ни одному из своих отпрысков отлететь от Бетельгейзе дальше, чем на полсотни световых лет!

Вторая ночь лета
(повесть)

Отдалённая пасторальная планета Нурхат, казалось бы, — полнейшее захолустье. Но именно здесь готовилась атака на людей. Атака на всё человечество.

И непосредственным свидетелем и даже участником всех событий неожиданно станет 8-летний Гримп…

* * *

В ночь, наступившую после того дня, когда на земле Венд планеты Нурхат началось официальное лето, в большой яме у восточного края фермы, принадлежащей отцу Гримпа, снова появились мерцающие огни.

Потушив свет, Гримп более часа любовался ими из открытого окна своей комнаты наверху. Снизу до него доносился прерывистый ропот голосов. Вся ферма наблюдала это удивительное зрелище.

Да и на другой ферме, которая располагалась двумя километрами выше по долине, любая жи-

вая душа, завидев яму, тут же делала то же самое. К примеру, гончая собака, принадлежавшая деревенскому стражу, вдруг начала возбужденно выть, но, правда, быстро успокоилась. Точнее, ее успокоили, подумал Гримп. Страж терпеть не мог, когда кто-то поднимал шум из-за огней, включая гончих.

Правда, на этот раз возбуждению гончей имелось некоторое оправдание. Из своего окна Гримпу было хорошо видно, что сегодня огней было намного больше, чем в прошлом году. Огромные, сверкающие голубые пузыри бесшумно плавали по кругу, периодически поднимаясь и снова опускаясь в яму. Иногда один из них взмывал вверх чуть ли не на сотню метров или перекатывался за край ямы на такое же расстояние, чтобы зависнуть там на некоторое время, а затем мягко вернуться на место. Дальше этого они никогда не заходили.

Сферическим разведчикам Хальпов и в самом деле не было никакой необходимости заходить дальше, чтобы получить информацию, за которой их послали те, кто сейчас прислушивался к их неторопливому бормотанию. На некоем хальпском эквиваленте человеческой мыслеречи, из голубых сфер, до них доходили короткие

сообщения, вроде такого:

«Никаких признаков враждебной активности поблизости от точки наступления не зафиксировано. Нет никакого оружия или энергетических устройств с мощностью вне заданных параметров. С момента последнего исследования серьезных изменений на территории не обнаружено. Обостренное любопытство автохтонов есть следствие вызываемого нами у них чувства тревоги и подозрительности. Никакой открытой враждебности не наблюдается».

Рапорт плавно продолжался, непрерывно и автоматически повторяя одно и то же, пока голубые сферы беззвучно всплывали над необычной ямой и вновь в нее погружались.

Хотя глаза у него слипались, Гримп все еще продолжал наблюдать за огнями, пока над краем долины не возник и не разросся серебристый отблеск, возвестивший о том, что медленно восходит Большая Луна Нурхата, чтобы, словно планетарный страж, самой взглянуть на огни. Голубые пузыри сразу же начали тускнеть, как они всегда тускнели в лунном сиянии каждое прошлое лето. Когда над холмом назидательно навис верхний край желтого диска Большой Луны, яму окончательно покрыла темнота.

Гримп услышал, как мама поднимается вверх по ступеням, и юркнул в кровать. На сегодня представление закончилось, но прежде чем уснуть, ему предстояло еще подумать о множестве приятных вещей.

Поскольку появились огни, любимая им бабуля Эриза Ваннтель теперь наверняка заедет сюда вместе со своим трейлером, полным всяких патентованных снадобий. Завтра, где-нибудь после полудня, большой трейлер-прицеп прикатит в долину из города. Потому что бабуля поступала так все четыре года подряд, с тех самых пор, как огни впервые появились над ямой и каждый год торчали над ней в течение нескольких ночей. А поскольку четыре года равнялись половине жизни Гримпа, появление бабули представлялось ему чем-то вроде математического закона.

Другие, например, деревенский страж, относились к бабуле менее восторженно, но для Гримпа даже просто побродить вокруг нее и трейлера, посмотреть на запряженного в него огромного, странного, однорогого пони было гораздо интереснее, чем даже сходить в цирк.

А послезавтра начинаются каникулы! Будущее выглядело бесконечной вереницей радостных событий, теряющейся за горизонтом.

Гримп заснул с улыбкой на губах.

* * *

Примерно в это же время, хоть и на расстоянии, недоступном пока воображению Гримпа, восемь огромных кораблей выплыли из межзвездной тьмы, служившей им морем, и принялись вращаться вокруг Нурхата по тщательно рассчитанным заранее орбитам. Они находились от планеты на столь почтительном расстоянии, чтобы никакие оптические или иные инструменты космической разведки не могли установить, что там проходит грань, где пересекаются интересы местных жителей и тех, кто послал звездолеты.

Однако это было именно так. Хотя экипажи восьми кораблей не питали к жителям Нурхата никаких враждебных чувств, мало что могло принести планете больше бедствий, чем груз, с которым они прибыли.

Герметичные трюмы семи из восьми кораблей были заполнены газом, который нынче использовался не часто. Легкий и летучий, он распространялся в атмосфере мгновенно, причем его присутствие нельзя было обнаружить химическим путем. Это свойство, однако, не мешало ему плавно и постепенно, но чрезвычайно эффек-

тивно, лишать жизни все кислорододышащие существа.

Восьмой звездолет был вооружен термическими торпедами, которые обычно выпускали через несколько часов после того, как газ рассеивал по планете невидимую смерть. Это были очень маленькие торпеды, ведь им оставалось всего лишь прокалить как следует поверхность планеты, уже обработанной газом.

Все эти процедуры предстояли Нурхату в ближайшем будущем. Однако они могли состояться только в том случае, если на кружащую вокруг него эскадру поступит с поверхности планеты некое сообщение. А если конкретно, сообщение о том, что Нурхат сдан на милость жестокому врагу, который, дабы не распространиться по другим обитаемым мирам, должен быть остановлен любой ценой.

* * *

На следующий день, возвращаясь из школы, Гримп, полный самых радужных надежд, на границе владений своего отца, там, где дорога делала крутой поворот, обнаружил деревенского полицейского, который сидел на камушке и глядел вдаль слезящимися глазами.

— Привет, Хлюпик! — настороженно поздоровался Гримп. В свете подслушанных сегодня утром сплетен, этот визит должен был не очень хорошо кончиться для бабули Ваннтель. Прямо скажем, плохо должен был кончиться.

Полицейский высморкался в носовой платок, промокнул глаза и только после этого смог должным образом посмотреть на Гримпа.

— Хоть бы ты не называл меня Хлюпиком, Гримп! — недовольно сказал он, засовывая платок за пазуху. Подобно Гримпу и большинству жителей Нурхата, полицейский был темнокож и темноглаз. Обычный малый вполне приятной внешности. Однако сейчас глаза у него покраснели, нос распух, да вдобавок издавал звуки, которые иначе как хлюпаньем назвать было невозможно. Беднягу замучила сильнейшая аллергия на цветочную пыльцу.

Гримп извинился и понуро присел рядом с полицейским, который по совместительству был одним из его бесчисленных кузенов. Мальчуган едва не проговорился, что подобное обращение заимствовал у Веллит, подслушав, что она сказала, вернувшись вчера с прогулки по большому цветущему луковому саду раньше обычного. Однако Гримп вовремя сдержался. Веллит в охотку

встречалась с полицейским большую часть года, но регулярно расставалась с ним во время сезона цветения и начинала именовать его просто «кузеном», а не «милым».

Вместо этого Гримп простодушно спросил:

— А что ты тут делаешь?

— Жду, — ответил полицейский.

— Кого? — так же наивно спросил Гримп, хотя душа у него ушла в пятки.

— Того же, кого и ты, полагаю, — мстительно сказал полицейский, вновь выуживая носовой платок и шумно прочищая нос. — В этом году кто-то отправится прямиком туда, откуда пришла, иначе узнает у нас, где раки зимуют.

— Кто это сказал? — оскорбился за бабулю Гримп.

— Деревенский страж, вот кто, — заявил полицейский, — тебе этого достаточно?

— Он не имеет права! — возмутился Гримп, — это наша ферма, а у бабули есть все нужные лицензии!

— У стража был в запасе целый год, чтобы составить новый список лицензий, — парировал полицейский. Он порылся в нагрудном кармане мундира, извлек сложенный лист бумаги и развернул его.

— Здесь тридцать четыре пункта, я должен их все проверить. Бабуля наверняка споткнется на каком-нибудь.

— Это же просто свинство! — возопил Гримп, быстренько просмотрев видимую ему часть списка.

— К деревенскому стражу следует относиться с должным уважением, Гримп, — предупредил полицейский.

— Да, — пробормотал Гримп, — именно…

Если бы Хлюпик не совал сюда свой красный нос! Однако, ну и список! Трейлер, однорогий пони (животное, он же тягловое средство, при том импортированное), патентованные лекарства, домашняя утварь, предсказание будущего, домашние животные, травы, чудесные исцеления…

Полицейский глянул через плечо, заметил, чем занят Гримп и заслонил бумагу телом.

— Это официальный документ, — назидательно сказал он, одной рукой отстраняясь от Гримпа, другой — засовывая документ обратно в карман, — неча его трогать грязными лапами!

Гримп стремительно соображал. У бабули были оформлены лицензии на некоторые пункты списка, они висели на стене в трейлере, но там

их было не тридцать четыре, а определенно меньше.

— Помнишь того огромного лысого веррета, что я поймал в прошлом сезоне? — спросил он.

Полицейский бросил на него быстрый взгляд, отвел глаза и начал старательно их протирать. Сезон ловли верретов открывался со следующей недели, а кузен был таким же страстным рыболовом, как и все прочие жители деревни. К тому же в прошлом году трофей Гримпа побил рекорд долины двенадцатилетней давности.

— Некоторые, — лениво произнес Гримп, устремив пристальный взгляд туда, где дорога из долины ныряла в лес, — готовы целыми днями шпионить за кем-то, кто поймал здоровенного веррета, надеясь, что рыболов такой дурак, снова пойдет ловить на тот же самый пруд.

Полицейский вспыхнул и принялся прикладывать платок к носу.

— Некоторые, — безжалостно продолжал Гримп, — готовы даже сидеть в стоге с биноклем, даже если от сена они начинают чихать, как сумасшедшие.

Полицейский вспыхнул еще ярче и чихнул.

— Но этот кто-то не такой дурак, — уверенно сказал Гримп, — тем более, что ему известно

местечко, где водятся верреты, которые на добрых пятнадцать сантиметров больше тех, чем он поймал.

— На пятнадцать сантиметров?! — недоверчиво, но жадно повторил полицейский.

— Даже больше, — кивнул Гримп, — я как раз на прошлой неделе проверял.

Настала очередь полицейского задуматься. А Гримп рассеянно вытащил рогатку, извлек из специального кармашка камешек и сбил чашечку с цветка на расстоянии в десять метров. Затем беспечно зевнул.

— Лихо обращаешься с рогаткой, — заметил полицейский. — Наверное, также хорошо, как тот злоумышленник, что на прошлой неделе заставил взреветь в школе пожарную сирену. Тот тоже выстрелил в нее из рогатки. Со школьной крыши.

— Да, это был классный выстрел, — скромно признал Гримп.

— Затем, — продолжил полицейский, — он посыпал свои следы перцем, так что гончая, которую пустили вдогонку, расчихалась так, что чуть душу Богу не отдала. Страж, — глубокомысленно намекнул он, — был бы очень рад, если бы кто-нибудь шепнул ему на ухо имя этого зло-

умышленника.

— Конечно, а как же, — со скучающим видом согласился Гримп. И полицейский, и страж, и, вероятно, даже гончая прекрасно знали имя этого злоумышленника, но они не смогут ничего доказать, пусть хоть двадцать тысяч лет пройдет. Хлюпику пора понять, что угрозы ни на шаг не приблизят его к рекордному веррету.

По-видимому, он это понял и взял еще одну передышку для раздумий.

Внезапно Гримп вскочил с камушка.

— Вон они! — завопил он, размахивая рогаткой.

В полукилометре от них на дорогу из леса выехал огромный серебристый трейлер бабули Ваннтель вслед за однорогим пони и направился прямиком к ферме.

Тягловое средство завидело Гримпа издали, подняло свою громадную башку и прорычало громогласное приветствие.

Бабуля Ваннтель привстала на козлах и замахала зеленым шелковым платком.

Гримп бросился вперед по дороге.

Верреты должны сработать, но все равно лучше предупредить бабулю о последних нововведениях, прежде чем она напорется на Хлюпика.

* * *

Бабуля Ваннтель слегка хлестнула пони вожжами по роговому заду, когда трейлер поравнялся с полицейским, который поджидал у края дороги с раскрытым списком в руке.

Пони перешел на тяжелую рысь, и трейлер пронесся мимо Хлюпика, повторив изгиб дороги, и остановился, только основательно вторгшись в пределы фермерской земли. Бабуля и Гримп спешились, причем бабуля первым делом распрягла пони. Освобожденная животина вперевалку сошла с дороги и, удовлетворенно похрюкивая, направилась по направлению к просторному болотистому лугу над знаменитой ямой. Там он остановился, с наслаждением охлаждая лапы.

Гримп немного успокоился. Бабуля убрала трейлер прочь с общинной земельной собственности, что по правилам давало ей некое преимущество. Семья Гримпа относилась к бабуле благосклонно, кроме того, все они были строптивы и никогда не отказывали себе в удовольствии напомнить стражу, где именно заканчивается его юрисдикция. Однако пока они подъезжали к фермерским владениям, бабуля призналась Гримпу, что у нее в планах не стояло заблаговременно обзавестись

тридцатью четырьмя лицензиями. И вот теперь к ним уже подходил с самым суровым видом полицейский, прочищая нос особенно яростно.

— Позволь, я сама с ним справлюсь, — проговорила бабуля вполголоса.

Мальчуган кивнул и отправился на луг немного поиграть с пони. Бабуля обладала огромным опытом в деле улещивания полицейских.

— Так-так, молодой человек, — услышал он, как она поприветствовала его кузена, — похоже, что вы здорово простудились.

Полицейский чихнул.

— Если бы, — обреченно сказал он. — У меня аллергия на пыльцу. Ничего не могу с ней поделать. У меня с собой небольшой список…

— Аллергия на пыльцу? — переспросила бабуля. — Забирайтесь в трейлер/сейчас мы это поправим.

— Тут у меня список… — начал Хлюпик, но осекся. — Вы и в самом деле можете это поправить? — скептически спросил он. — Я столько докторов перевидал, но никто не мог мне помочь.

— Ха, докторов! — фыркнула бабуля. Гримп слышал, как ее каблуки простучали по металлическим ступеням позади трейлера. — Входи, это

не займет и минуты.

— Ну, — с сомнением протянул Хлюпик, но все же проследовал за ней внутрь.

Гримп подмигнул пони. Первый раунд завершился в пользу бабули.

— Привет, пони, — сказал мальчуган.

Его тревоги нисколько не повлияли на чувство восхищения, которое он всегда испытывал к удивительному тягловому животному бабули. Отчасти, конечно, потому, что оно было такое огромное. Длинное, круглое, как бочонок, туловище покоилось на коротких ножках с плоскими широкими основаниями, которые сейчас были глубоко погружены в луговую слякоть. С одного конца туловища свисал до земли остроконечный хвост, с другого — торчала огромная клинообразная голова с тупым, плохо обтесанным рогом между глазами. От носа до хвоста пони был сплошь покрыт толстыми роговыми пластинами в зеленовато-коричневую крапинку.

Гримп любовно похлопал его по боку. Он любил пони за то, что тот был самым уродливым созданием из обитавших на Нурхате. Бабуля рассказывала, что купила его у обанкротившегося цирка, который привез его с планеты под названием Трибе. Эта планета была знаменита тем, что

вся покрыта кипящими болотами и неистощимо извергавшимися вулканами, над которыми постоянно стоит адская вонь.

Можно было предположить, что, проведя большую часть жизни по колено в расплавленной лаве под дождем из пылающего пепла, пони считает Нурхат весьма скучным местом. Но хотя плоская роговая пластина, поддерживающая рог и составлявшая основу его морды, предоставляла немного возможностей для мимики, Гримпу все же казалось, что сейчас пони выглядит очень довольным, погрузив лапы в холодную жидкую грязь Нурхата.

— Ты — огромная жирная свинья! — с любовью сказал Гримп.

Пони вытащил длинный тонкий пурпурный язык и аккуратно сделал мальчугану аккуратный пробор в волосах.

— Перестань! — сказал Гримп. — Фу!

Пони польщенно всхрапнул, обвил свой язык вокруг огромной заросли бурьяна, вырвал ее и засунул в рот вместе с корнями, грязью и всем прочим. Затем начал все это тщательно пережевывать.

Гримп взглянул на солнце, затем с тревогой посмотрел на трейлер. Если бабуля не избавится

от Хлюпика поскорее, Гримпа позовут домой ужинать, и они с ней не успеют пройтись вместе и хорошенько поболтать. А по вечерам его теперь на улицу не пускали.

Из-за голубых огней.

Он шлепнул пони на прощанье и потихоньку вернулся на дорогу, усевшись у задней двери трейлера так, чтобы его не было видно, но сам он мог слышать все, что происходит внутри.

— …так что единственное, что страж может сделать, — торопливо говорил полицейский, — это наложить на вас штраф за угрозу общественной безопасности. Если в этом году с огнями снова будут проблемы, он наверняка это попробует. Понимаете, он ведь неплохой страж, но вбил себе в голову, что это вроде бы из-за вас здесь появляются каждый год огни.

Бабуля усмехнулась:

— Ну да, я действительно каждое лето стараюсь подоспеть сюда так, чтобы застать их, — призналась она, — так что понятно, откуда у него такие подозрения.

— Кроме того, дело еще в том, — добавил полицейский, — что мы, разумеется, стараемся сохранить в тайне все про огни. Если об этом узнает кто посторонний, сюда начнут толпами

приезжать из города, просто чтобы поглазеть на диковинку. Кроме стража никто не против того, чтобы вы приезжали, но никто не хочет, чтобы вокруг его фермы бродили толпами городские.

— Понятно, что не хочет, — согласилась бабуля, — а я никому и не рассказывала.

— Вчера вечером, — добавил полицейский, — все говорили, что в этом году огней в два раза больше, чем в прошлом. Поэтому страж так и взбеленился.

Далее Гримп с нарастающим недовольством должен был выслушать галантное препирательство относительно того, сколько следует заплатить бабуле за снадобье, причем она настаивала, что он не должен платить ровным счетом ничего. В конце концов бабуля сдалась и полицейский заплатил — слишком много, невозможно столько брать с друга семьи Гримпа, до последнего возражала бабуля. Наконец благочестивый поборник закона протопал, спускаясь по ступенькам трейлера; она последовала за ним.

— Как я выгляжу, Гримп? — он лучился самой бодрой из своих улыбок. Гримп поднялся на ноги.

— Вполне приемлемо, но тебе все равно нужно хотя бы иногда умываться, — бестактно заявил

Гримп, поскольку сегодня Хлюпик немилосердно испытывал его терпение. Однако затем глаза его расширились от удивления. Под слоем жирной желтоватой мази нос Хлюпика почти вернулся к той форме, что была ему свойственна вне сезона всеобщего цветения, глаза совершенно перестали быть припухлыми. Эти изменения коснулись и цвета лица: пылающий красный сменился деликатным розовым. Короче говоря, Хлюпик снова стал почти симпатичным парнем.

— Здорово, да? — воскликнул он. — Раз и готово. Мне всего лишь нужно не смывать мазь еще час. Верно, бабуля?

— Точно, — улыбнулась она, мягко позвякивая монетками, перекидывая горсть из одной руки в другую. — Будешь как новенький.

— Причем навсегда, — сказал Хлюпик.

Он благосклонно погладил Гримпа по голове.

— А на следующей неделе мы пойдем ловить верретов, правда, Гримп? — алчно добавил он.

— Возможно, — холодно ответил Гримп, придерживаясь того мнения, что с Хлюпика вполне довольно чудесного исцеления и теперь он может забыть о верретах.

— Договорились, — лучисто кивнул Хлюпик и, посвистывая, отправил свое измазанное лицо

прочь по дороге. Гримп бросил ему вслед недобрый взгляд, прикидывая, что недурно бы достать рогатку и подкрепить взгляд камешком средней величины, запущенным в нижнюю часть кузенового арьергарда. Впрочем, делать этого, вероятно, не стоит.

— Вот так бывает, — мягко сказала бабуля.

В это время с фермы донесся тоскливый звук коровьего рожка и печально разлетелся по долине.

— Проклятье, — откликнулся Гримп, — так и знал, что уже поздно, а он все болтал и болтал. Теперь меня зовут ужинать.

От разочарования глаза у него наполнились слезами.

— Не расстраивайся так, Гримп, — утешила его бабуля. — Ну-ка, прыгай сюда и закрой глаза.

Гримп послушно вскочил в трейлер и с замиранием сердца закрыл глаза.

— Вытяни руки вперед, — услышал он голос бабули.

Он вытянул руки, она сложила их вместе наподобие чашечки.

Затем что-то маленькое, легкое и пушистое очутилось в них, ухватило Гримпа за большой палец холодными крошечными пальчиками и тихонько застрекотало.

Гримп вытаращил глаза.

— Но это же лортель! — ошеломленно прошептал он.

— Подарок тебе! — ласково сказал бабуля.

Гримп потерял дар речи.

С крошечного, черного человеческого личика на него смотрели огромные голубые глаза. Лортель дважды обернул вокруг его руки длинный пушистый хвост, прилепился пальчиками к его большому пальцу и жалобно скрипнул.

— Какой хорошенький! — наконец выдохнул Гримп. — А это правда, что их можно научить говорить?

— Привет, — сказал лортель.

— Это все, что он пока может говорить, — объяснила бабуля. — Но если ты будешь с ним терпелив, он выучит что-нибудь еще.

— Я буду с ним терпелив, — пообещал потрясенный Гримп. — Я видел одного такого в цирке этой зимой, в Лагганде, что ниже по долине. Там объявили, что он умеет говорить, но при мне он так ничего и не сказал.

— Привет! — повторил лортель.

— Привет! — сглотнул Гримп.

Вновь тоскливо промычал рожок.

— Беги ужинать, а то на тебя рассердятся, — по-

советовала бабуля.

— Я знаю, — откликнулся Гримп. — Что он ест?

— Жуков, цветы, мед, фрукты, яйца, если живет на воле. А ты корми его тем, что ешь сам.

— Хорошо, тогда до свидания. Ну и ну, спасибо, бабуля!

Он выскочил из трейлера, лортель вскарабкался вверх по руке, уселся на плече и обвился пушистым хвостом вокруг шеи мальчика.

— Он тебя признал, — заметила бабуля, — теперь не убежит.

Гримп осторожно вытянул свободную руку и погладил лортеля.

— Завтра утром я приду пораньше, — сказал он. — Занятия в школе закончилась. Пока появляются эти огни, меня не пускают на улицу после ужина.

Рожок промычал в третий раз, это было уже серьезно.

— Ладно, до свидания, — поспешно повторил Гримп и побежал домой. Лортель раскачивался на воротничке его рубашки и радостно поскрипывал.

Бабуля немного посмотрела ему вслед, затем деловито взглянула на солнце, которое уже гладило верхушки холмов.

— Не мешало бы поужинать, — сказала она, по-видимому, ни к кому не обращаясь, — потому что потом мне бежать в чисто поле, чтобы устроить диверсию.

Распластавшийся бронированным брюхом по сырому лугу пони поднял и повернул тяжелую голову. Маленькие желтые глазки вопросительно мигнули.

— Почему ты решила, что дело дойдет до диверсии? — прозвучал его голос прямо у нее в ухе. Способность пони производить подобные чревовещательные эффекты была одним из тех его многочисленных талантов, из коих и состоял смысл его пребывания рядом с бабулей.

— Ты что, не слышал? — упрекнула его бабуля. — Полицейский сказал, что страж сегодня после ужина намерен отправить к яме деревенскую дружину, чтобы расстрелять хальповские детекторы, как только те появятся.

Пони изрыгнул проклятие, ровным счетом ничего не говорившее тому, кто не имел счастья быть воспитанным на планете Трибел. Затем встал, отряхнулся и принялся шумно вытягивать лапы из жидкой грязи.

— За восемь лет, что я брожу с тобой по округе, у меня не было ни одной спокойной минутки! —

посетовал он.

— Зато как я и обещала, ты посмотрел мир, — ободряюще сказала бабуля.

Пони вытянул язык и засунул в рот последнюю охапку мокрых сорняков.

— Да уж, насмотрелся, — ответил он как-то не очень удовлетворенно.

Дожевывая, он побрел к дороге.

— Я тут присмотрю, пока ты будешь ужинать, — сказал он.

* * *

Деревенская дружина в составе двенадцати человек, облаченных в форму, шла строем из деревни по направлению к яме на земле отца Гримпа, когда внезапно в некотором отдалении от дороги произошел небольшой взрыв.

Страж, маршировавший во главе колонны с ружьем на плече и чихающей гончей на поводке, остановился. Отряд забыл о боевом порядке и столпился вокруг него.

— Что это было? — потребовал ответа страж.

Дружинники обвели недоуменными взорами зеленые склоны долины, осененные вечерней тенью. Гончая села подле своего хозяина, нацелила нос на темный лес и зарычала.

— Смотрите! — воскликнул кто-то, протянув указующий перст в том же направлении.

На дороге, как раз там, где начинался лес, появилась искра интенсивного зеленого света. Искра стремительно увеличивалась в размерах, вот она уже стала величиной с человеческую голову, затем еще больше. В разные стороны от нее валили струи зеленого дыма…

— Я ухожу домой, — прозвучал чей-то весьма благоразумный голос.

— Ни с места! — приказал страж, прекрасно сознавая, что у него за спиной уже начинается необратимое отступничество. Он был старым воякой, и потому, сняв с плеча ружье, взвел курок и прицелился. Гончая встала на все свои шесть лап и храбро ощетинилась.

— Стой, стрелять буду! — прокричал страж последнее предупреждение.

Но зеленый свет, вместо того чтобы послушаться, подрос до размеров бочонка, зеленый дым повалил гуще и стал извиваться вокруг, подобно хищным щупальцам.

Раздался выстрел стража.

— Спасайся кто может! — заверещали его подчиненные, а верная гончая бросилась назад, сбила хозяина, к горькому его разочарованию,

с ног, и задала стрекача вслед за поспешно отступающим отрядом. Зеленый свет неровными рывками вырос в некое подобие многорукой морской звезды величиной с хорошее дерево. Не касаясь поверхности и издавая злобное уханье, звезда поплыла по дороге прямо на стража.

Он приподнялся на одно колено, и единым махом разрядил все свои оставшиеся тринадцать патронов в центр морской звезды. Она заухала еще громче, еще кровожаднее затрепетала щупальцами и продолжила наступление.

Тогда страж быстренько вскочил, накинул ружье на плечо и поспешил вдогонку за отступающими, так что когда отряд поравнялся с околицей деревни, он уже вновь несся впереди него. Несколько минут спустя под его руководством деревенские уже организовывали самооборону, используя при этом тактику, прекрасно зарекомендовавшую себя во время налетов лаггандских бандитов девять лет назад.

Однако морская звезда не предприняла никаких попыток преследования. Она осталась там, где страж видел ее в последний раз, угрожающе размахивая щупальцами и как-то особенно зловеще ухая, обращаясь к бесчувственным деревьям.

* * *

— Думаю, это сработает, — удовлетворенно констатировала бабуля Ваннтель. — Еще до того как первая проекция рассеется, следующая проявится там, откуда ее хорошо будет видно из деревни. До полуночи никто больше и не вспомнит о голубых пузырях, тем более что сегодня никаких пузырей и не предполагается, если, конечно, мы верно просчитали план атаки Хальпов.

— Жаль, что мы еще не перевалили за полночь в целости и сохранности, — грустно заметил носорогий пони, чья темная фигура виднелась чуть вдалеке от трейлера точно массивная статуя, отлитая в пылающем горне заката. Голова его была задрана вверх, словно он к чему-то прислушивался. Он действительно по-своему прислушивался к тому, нет ли в яме каких-нибудь новых признаков разумной жизни.

— Зря стараешься, — заметила бабуля, примостившись на камушке у дороги неподалеку от пони и теребя на плече маленькую черную сумку. — Все равно мы подождем здесь, пока хорошенько не стемнеет, затем пойдем к яме. Наступление начнется не раньше, чем через пару часов.

— Ну почему это снова валится на нас! — запричитал пони.

Несмотря на свои габариты, он по натуре был меланхоликом. Несмотря также на то, что компаньону Агента Зоны Ваннтель было не впервые попадать в весьма нестандартные ситуации, он все же не мог припомнить, когда в последний раз эта нестандартность вызывала в нем столько недобрых предчувствий, как эти предстоящие ночные часы. На далекой планете Джелтад, столице Конфедерации Веги, в плановом отделе Департамента Галактических Зон было принято решение поставить на кон Нурхат в надежде выиграть раунд в беспощадной войне человечества с таинственной и враждебной Хальпа. Решение это было столь же грустным, сколь и неизбежным. Однако пони не мог избавиться от смутного чувства, что грусть ощущалась бы острее, если бы далекие работодатели бабули находились сейчас здесь и ожидали наступления критического момента вместе с ними.

— Я бы и сама предпочла, чтобы для выполнения этой операции Штаб выбрал не нас, а кого-нибудь другого, — призналась бабуля. — Кого-нибудь другого, а не нас и Нурхат…

Потому что так уж совпало, но долина являлась

родным домом бабули. Она родилась, правда, это произошло довольно давно, в ста восьмидесяти километрах отсюда, у подножия плотины, перегородившей великую реку Венд, которая не только дала имя этой земле, но и по сей день снабжала ее дешевой гидроэнергией.

На долю Эризы Ваннтель выпало немало странствий, с тех пор как она впервые осознала, что ее разнообразные способности и тяга к приключениям могут быть применены для решения иных задач, нежели те, что стояли в тот момент перед цивилизацией Нурхата, безмятежно приближавшейся к финальной, общепланетной стадии своего развития. Однако Эризе все же нравилось считать долину Венда своим домом и тихой гаванью, куда она всегда могла вернуться. Разумеется, в том случае, если позволяла работа. Агент хорошо знала образ мыслей и действий местных жителей, благодаря чему могла успешно ими манипулировать, а это при случае бывало весьма полезно.

Где-нибудь в другом краю средства, использованные ею, чтобы отогнать от ямы стража вместе с бравым войском, вызвали бы панику или появление военных кораблей с радиационными пушками. Однако жители долины расценили все

происходящее как очередное бедствие исключительно местного масштаба. Бронзовый колокол возвестил об осадном положении в деревне, рожки промычали, распространяя эту новость по отдаленным фермам. Через несколько минут фермеры уже спускались к деревне, прихватив с собой семьи и ружья. Затем все снова стихло. Вокруг деревни была выставлена охрана, женщины и дети собраны в одном из домов посередине, а вооруженные мужчины вновь отправились вниз, дабы издалека, от околицы, полюбоваться иллюзионистскими фокусами бабули — узконаправленной видеопроекцией.

Если больше ничего не произойдет, деревенские жители оставят все как есть до утра, затем предпримут осторожное расследование. Наблюдая голубые огни, танцующие безо всякого вреда над фермой отца Гримпа четыре лета подряд, жители этой части Венда уже не удивлялись необычным световым явлениям. Но даже если бы жажда авантюр завела их слишком далеко, зеленая медуза не причинила бы им вреда, будучи всего лишь ярким и искусным визуальным эффектом.

Кончилось тем, что вся округа собралась и замерла там, где было нужно бабуле.

* * *

Не считая последних событий, долина в сумерках представляла собой необычайно мирную картину. Ничто не указывало на то, что она является единственной точкой, где вот-вот должно произойти столкновение сил, вовлеченных не больше не меньше как в межгалактическую войну. Правда, война велась как бы призрачно, но от этого она не становилась менее ожесточенной, поскольку вот уже добрую тысячу лет ни одна из сторон так и не смогла ничего узнать о другой, за исключением безжалостных и разрушительных последствий каждой новой атаки. Между человечеством и Хальпами, в сущности, никогда не происходило открытых столкновений, лишь разнообразные и продуманные смертоубийственные игры, заканчивавшиеся всякий раз не в пользу человечества, что с его точки зрения было несправедливо.

Только Хальпы знали, каким образом им всегда удается застигать своего противника врасплох, и это доставляло человечеству немало проблем. Однако было также очевидно, что каждая атака требует от них неимоверного напряжения сил и потому осуществляется раз в триста лет по зем-

ному летоисчислению.

Человечеству не было известно о врагах ничего хорошего, помимо сомнительной в данном случае добродетели пунктуальности. Каждые три сотни лет Хальпы после тщательной подготовки предпринимали очередной хорошо спланированный, стремительный и жестокий выпад, нацеленный на какой-нибудь мир, освоенный людьми. На этот раз в качестве жертвы был избран Нурхат.

* * *

— В яме что-то движется! — внезапно объявил пони. — И это не шар-детектор.

— Вижу, — сквозь зубы пробормотала бабуля. — Это первые Хальпы собственной персоной. Похоже, они действуют строго по плану. Но можешь пока не переживать, они никому ничего плохого не могут сделать до тех пор, пока не прибудет передатчик и не оживит их. Теперь нам необходимо стать особенно осторожными, чтобы не спугнуть. Они куда более чувствительны к эмоциональному напряжению, чем шары.

Пони ничего не ответил. Ему было известно, каковы ставки, и почему восемь огромных кораблей собрались вокруг Нурхата за пределами

досягаемости космической разведки. Ему также было известно, что корабли начнут действовать только в том случае, если бабуля признает свое поражение. Однако до тех пор…

Пони тяжко покачал головой. Обитатели Трибела еще не были настолько высоко цивилизованы, чтобы спокойно взвешивать — рискнуть или не рискнуть целой планетой, не говоря уже о том, что жизни самого пони и бабули взвешивались на тех же весах. Восемь лет сопровождая бабулю в ее странствиях, пони проникся непоколебимой верой в ее авторитет и доблесть. Однако шугануть Хальпов, если есть такая возможность, все равно представлялось ему делом весьма благоразумным.

На самом деле, и бабуля прекрасно знала об этом, на данной стадии шугануть Хальпов было чрезвычайно просто, достаточно подбросить в яму небольшую шутиху. Прежде чем устраивать себе плацдарм в планетарном масштабе, Хальпы принимали особые меры предосторожности. Они могли учуять слабое изменение радиационного фона на расстоянии сотни километров, и это, так же как и любое другое проявление агрессии или даже пристального наблюдения, поставило бы под сомнение нападение на Нурхат.

Однако одна из главных причин, заставлявших бабулю находиться здесь сегодня, состояла в том, чтобы ничто не препятствовало нападению на Нурхат. Иначе нападение могло быть перенесено на какую-нибудь другую планету, а именно туда, где многозначительное появление шаров-детекторов будет замечено слишком поздно. Лучшая информационная система в Галактике все же надежно охраняла от подобных бед лишь небольшую часть людских поселений…

Внезапно бабуля вскочила на ноги, в тот же миг пони отвлекся от созерцаемой им ямы. Мгновение оба стояли навытяжку, слегка поворачивая головы, словно гончие, держащие нос по ветру.

— Это же Гримп! — воскликнула бабуля.

Носорогий пони слабо всхрапнул.

— И впрямь приближаются его мыслеобразы, — с облегчением вздохнул уроженец Трибела. — Он, кажется, вознамерился тебя защищать. Можешь сказать, где он?

— Пока нет, — с тревогой отозвалась бабуля. — Да, а теперь могу! Он подходит с противоположного края ямы, слева, из-за деревьев. Вот дьяволенок!

Она поспешила назад к трейлеру:

— Вперед, придется ехать на тебе верхом.

Привлекать внимание к трейлеру уже стало опасным.

Пони присел. Взобравшись на ступеньки трейлера, бабуля быстро накинула на него седло. Это было легко сделать, поскольку в роговые пластины на спине пони были вмонтированы шесть металлических колец. Бабуля с трудом вскарабкалась на пони, хватаясь за поручни седла.

— Держись подальше от ямы, — предупредила она, — а то все испортишь. Зато можешь громыхать сколько хочешь. Хальпов не тревожит шум как таковой, их интересует лишь его эмоциональное наполнение, а чем скорее Гримп нас заметит, тем легче мы его найдем.

Пони понесся по лугу с удивительной скоростью, ведь это же не топкие болота Трибела, где даже его мощным мускулам нелегко было носить такое массивное тело. Педантично держась подальше от ямы и того, что в ней находилось, он подобно атакующему торпедному катеру, пересек мелкое луговое болотце и оказался у деревьев.

Здесь ему пришлось замедлить свой великолепный марш-бросок, чтобы ветви не выбили бабулю из седла.

— Гримп где-то на том склоне, — сказала бабуля, — он нас услышал.

— Как они грохочут! — внезапно донеслась до них ясная мысль Гримпа. По-видимому, он с кем-то разговаривал. — Но мы ведь не боимся их, верно?

— Бац-бац! — храбро откликнулась другая мысль.

— Это лортель! — одновременно воскликнули пони и бабуля.

— Вот именно, — одобрил своего напарника Гримп. — Пусть только попадутся, мы их всех из рогатки перебьем. Но нужно поскорее найти бабулю.

— Гримп! — закричала бабуля. Пони поддержал ее трубным гласом.

— Привет? — вопросительно подумал лортель.

— Это пони? — вопросительно подумал Гримп. — Ладно, пойдем туда.

— Мы здесь, Гримп! — кричала бабуля, в то время как пони спускался по крутому склону оврага в непритязательной манере горного обвала.

— Это бабуля! — подумал Гримп. — Бабуля! — завопил он. — Будь осторожна, здесь кругом чудища!

— Ты все пропустила! Ты все пропустила! — вопил Гримп, пританцовывая вокруг пони, пока бабуля Ваннтель пыталась спешиться. — У нас в

деревне повсюду разные чудища, страж одного убил, а я попал в другого из рогатки, так что он испарился, и я пошел искать тебя…

— Мама будет волноваться, — начала было бабуля, когда они наконец упали друг другу в объятия.

— А вот и нет, — хитро заявил Гримп, — все дети должны спать в школе, и она туда не заглянет до утра, а учитель сказал, что эти чудища — просто… — тут его речь осторожно притормозила, — го-люце-нации, но он все-таки не пошел смотреть, когда страж сказал, что он покажет ему голюценацию. Вместо этого он забрался под кровать! А страж никуда не забрался, он убил одно чудище, а я попал в другого из рогатки, и лортель выучил новое слово. Лортель, скажи «бац-бац»! — приказал он.

— Привет! — пискнул лортель.

— Ну вот, — сказал Гримп разочарованно. — Нет, он и правда умеет. Я пришел забрать вас в деревню, чтобы чудища вас не нашли. Привет, пони!

— Бац-бац, — старательно выговорил лортель.

— Вот видите! — заорал Гримп. — Он ничего не боится, он — настоящий лортель! Если нам попадутся чудища, вы тоже не бойтесь, у меня

с собой рогатка, — он кровожадно потряс своим оружием, — и полные карманы камней нужного размера. Я их всех поубиваю!

— Звучит обнадеживающе, Гримп, — от души согласилась бабуля, — но ведь ты так устал…

— Нет, я не устал! — воскликнул он. Но правый глаз его тихо закрылся, затем его примеру последовал левый, затем мальчик не без труда открыл их снова и посмотрел на бабулю.

— Да, — признался он, — я устал…

— На самом деле, — продолжала наступать бабуля, — ты уже спишь!

— Нет, я не… — попытался возразить Гримп. Затем тихо стал опускаться на землю, но она успела его подхватить.

— Мне так не хочется этого делать, — пропыхтела бабуля, пытаясь взгромоздить парнишку на пони, который для этого лег на землю и распластался, как только мог, чтобы ей помочь.

— Ему наверняка понравилось бы все это. Но мы не можем рисковать. Какой он тяжелый, этот дьяволенок! — проревела она, осуществляя финальный рывок: — А с полными карманами боеприпасов он отнюдь не стал легче!

Она вновь вскарабкалась на пони, заметив, что лортель перебрался на воротник ее куртки. Пони

осторожно встал.

— Что теперь? — спросил он.

— Можем пойти прямо к яме, — тяжело дыша произнесла бабуля, — вероятно, придется прождать там несколько часов, но если мы будем осторожны, ничего страшного не случится.

* * *

— Нашел хорошую глубокую лужу? — спросила бабуля у края ямы, слыша как пони мягко хлюпает на лугу где-то позади, догоняя свою спутницу.

— Да, — откликнулся пони, — за сотню метров отсюда, ведь это достаточно близко. Как думаешь, сколько нам ждать?

Бабуля осторожно пожала плечами. Она сидела на траве, вперив взор туда, где при дневном свете открывался превосходный вид на яму. Гримп спал, его голова покоилась у нее на коленях. Лортель, поймав в траве и съев пару жуков, угнездился на бабулином плече и тоже задремал.

— Не знаю, — сказала она, — до восхода Большой Луны еще три часа, а вторжение начнется немного раньше. Раз ты нашел местечко поглубже, мы останемся тут и будем ждать. Единственно, о чем нужно помнить, — нельзя себе позволять их бояться.

Пони настоящей глыбой возвышался позади нее, опершись передними лапами на край ямы и уставившись вниз. По его шишковатым бокам струилась мутная вода, он принес с собой теплый запах илистой летней лужи, который сейчас висел над обоими.

На дне ямы смутно чудилось какое-то непрерывное движение, точно едва различимое брожение в глубоком черном омуте.

— Будь я один, — заметил пони, — то давно убрался бы отсюда подобру-поздорову! Я знаю, когда боюсь. Но ведь ты контролируешь мои психологические реакции, верно?

— Да, — не стала отпираться бабуля, — и мне станет легче, если ты будешь по мере своих сил помогать. Никакой опасности нет до тех пор, пока не появится передатчик.

— Если только, — печально заметил пони, — за последние несколько сот лет они не придумали какой-нибудь новый трюк.

— И такое возможно, — продолжала откровенничать бабуля, — но прежде они никогда не испытывали свои новые трюки на нас. Если бы нападали мы, то каждый раз меняли бы тактику, но Хальпы рассуждают обо всем совершенно по-другому. Однако вряд ли они были бы так осто-

рожны, если бы чувствовали себя неуязвимыми.

— Надеюсь, что это соответствует истине! — откликнулся пони.

Затем он повернулся, проследив за движением трепещущего как бы на ветру объекта, который выплыл из ямы, облетел ее по краю и нырнул обратно. Уроженцы Трибела видят в темноте гораздо лучше бабули Ваннтель, но даже она заметила объект.

— Смотреть было не на что, — выразил свое впечатление пони, — просто какой-то лоскут черной кожи.

— Считается, что физическое строение Хальпов довольно примитивно, — неспешно согласилась бабуля. Пони снова начинал нервничать, поэтому лучше всего было непрерывно разговаривать с ним, все равно о чем. Это неизменно помогало, даже теперь, когда пони слишком хорошо знал бабулю, чтобы быть обманутым подобным старым фокусом.

— Видишь ли, очень многие развитые жизнеформы физиологически устроены не сложно, — продолжала она, мягко направляя звук своего голоса непосредственно в разум пони, — а паразиты в особенности. Известно, что Хальпы обладают интеллектом стадного типа, поэтому

нервная система служит им в качестве обычного рефлексопередатчика…

В этот момент Гримп шевельнулся во сне и заворчал. Бабуля глянула на него сверху вниз:

— Ты глубоко спишь, — сурово приказала она, и Гримп снова уснул.

— У тебя виды на этого малыша, верно? — спросил пони, не сводя глаз с ямы.

— Я за ним приглядываю, — призналась бабуля. — К тому же я и впрямь рекомендовала его Штабу, пусть понаблюдают. Однако не будем ничего решать насчет Гримпа до следующего лета, тогда у меня будет больше времени, чтобы изучить его как следует. Покамест посмотрим, чего он нахватается от лортеля путем естественной телепатической коммуникации и сенсорной связи. Думаю, Гримп — наш человек.

— Отличный парень, — отсутствующе согласился пони, — немного жестоковат, правда, как большинство из вас…

— Он это перерастет! — беспокойно заявила бабуля, ибо вопрос о человеческой агрессивности часто поднимался в их беседах. — Нет никакого смысла торопить события. Весь Нурхат как цивилизация должен будет перерасти эту стадию через несколько сотен лет. Сейчас у них как раз

поворотный момент.

Вдруг их головы синхронно поднялись вверх, поскольку нечто весьма похожее на большой кусок черной кожи выплыло из ямы и зависло над ними в темном воздухе. Представители противоборствующих сторон, чья встреча должна была состояться на Нурхате этой ночью, какое-то время пристально рассматривали друг друга.

Хальп был длиной два метра, шириной в шестьдесят сантиметров при толщине значительно меньше двух сантиметров. Он занял позицию в воздухе одним плавным, неспешным движением, точно летучая мышь габаритами с человека. Затем он внезапно вытянулся во всю длину, напрягшись, как поднятый под ветром парус.

Пони непроизвольно всхрапнул. Прежде равнодушная фигура в воздухе с интересом изогнулась в его сторону и придвинулась поближе. Однако больше ничего не произошло, Хальп вновь отвернулся и тихо уплыл обратно в яму.

— Он догадался, что я испугался? — выдавил пони.

— Ты среагировал совершенно правильно, — успокоила его бабуля. — Сначала недоверчивый испуг, затем любопытство, затем снова испуг, который заставил его приблизиться. Примерно

такой реакции они и ожидают от существ, которые в это время могут случайно оказаться возле ямы. Мы для них вроде коров. Они не различают предметы по внешнему виду, в отличие от нас…

Однако в ее тоне слышалась озабоченность, потому что она была потрясена не меньше пони, и гораздо больше, чем могла позволить себе показать. В движениях Хальпа чувствовалось что-то неописуемо зловещее и самоуверенное. Агент была убеждена, что он пытался спровоцировать разумную и враждебную реакцию, возможно, проверяя наличие оружия, которое могло оказаться для него опасным.

Поскольку оставался шанс, крохотный, но страшный шанс, что со времен последней войны эти твари действительно придумали принципиально иную форму нападения, и тогда они точно победят…

В этом случае ни Гримп, и никто и ничто на всем Нурхате никогда больше не будет развиваться, и вообще завтра для них не наступит.

Все тысяча сто семнадцать планет, которые человечество успело проиграть Хальпам, до сих пор безмолвно вращались по своим страшным огненным орбитам — их удалось отобрать у захватчиков лишь ценой уничтожения на них

условий для существования какой-либо жизни вообще.

Подобная перспектива будущего грозила Нурхату на протяжении четырех лет. Однако из полусотни планет, где Хальпы вели разведку посредством шаров-детекторов, выбирая место для предстоящей атаки, Штаб избрал именно Нурхат, поскольку местные условия предоставляли человечеству наиболее выгодные условия для встречи. Выгода эта заключалась в возможности уничтожить единственное настоящее наступательное вооружение Хальпов — легендарный и таинственный Хальп-передатчик. Несмотря на несомненные и разнообразные способности Хальпов, опыт прошлых атак показал, что за раз они могли применить лишь одно-единственное подобное устройство. Потому разрушение передатчика означало, что в запасе у человечества появится еще несколько веков на то, чтобы разработать способ дать Хальпам сдачи до того, как они предпримут следующую атаку.

Поэтому на всех планетах, кроме Нурхата, шарам-детекторам осторожно внушали, что население вокруг бдительно, воинственно и хорошо вооружено. На Нурхате же — убаюкивали все подозрения, а поскольку для поединка была

избрана родная планета Эризы Ваннтель, ей было предоставлено право представлять на ней интересы человечества.

Бабуля кротко вздохнула и в очередной раз сказала себе, что Штаб не мог ошибиться, рассчитывая на успех данной миссии, так же как и не мог ошибиться в выборе исполнителя. Теоретически существовал лишь самый крохотный из шансов, что произойдет нечто непредвиденное, и Агент Ваннтель завершит свою долгую карьеру, по ошибке загубив собственный мир.

* * *

— Там внизу их все больше! — сказал пони. — С каждой минутой!

Бабуля глубоко вздохнула.

— Сейчас их должно быть несколько тысяч, — призналась она, — время наступления приближается, но это лишь передовые отряды. Ты видишь там нечто вроде зарева, в самом центре?

Пони пристально вгляделся.

— Да, вижу, — уверенно ответил он, — но ты-то, полагаю, никак не можешь воспринимать в инфракрасном диапазоне. Ты тоже видишь?

— Нет, — сказала бабуля, — я просто чувствую нечто вроде тепла. Это появляется передатчик.

Думаю, теперь они у нас в руках!

Пони грузно топтался на месте.

— Да, они у нас, — обреченно откликнулся он, — или мы у них.

— Не смей об этом даже думать, — приказала бабуля и выставила еще один ментальный блок над смутным темным ужасом, который клубился и змеился под оболочкой сознания, грозя в решающий момент вырваться на волю и парализовать ее действия.

Она открыла маленькую черную сумку и начала неспешно собирать воедино какие-то кусочки дерева, проволоку и довольно тугую, тяжелую пружину…

— Теперь будь настороже, — бросила она пони.

— Я уже целый час настороже, — ответил пони, отчаянно шаркая лапами.

После этого они не разговаривали. Вся долина погрузилась в глубокую тишину. Огромная яма у их ног медленно наполнялась, точно черная воронка, в глубине которой перемешивалось что-то мерзкое и гнусное, точно цепляясь за края, и подбиралось все ближе и ближе. Какие-то адские создания всплывали оттуда, поднимались над общей массой, точно струи черного дыма, и развеивались во тьме.

Вдруг в самом центре кишащей черным воронки появился некий артефакт.

Пони увидел его, бабуля Ваннтель почувствовала. Пони уже целую минуту гипнотизировал черную пустоту, прежде чем она смогла, наконец, разглядеть нечто похожее на застывшие под немыслимыми углами изящные миниатюрные шпили. Полупрозрачно светясь в темноте, по краям нарисовались четыре небольших купола, и еще один побольше — посредине. Центральный купол, выросший в высоту около семи метров, выглядел необычайно хрупко и уязвимо.

Потом сооружение это начало медленно отвердевать…

Неприкаянная, экстатическая хрупкость передатчика Хальпов леденила душу кристаллами ужаса. Это было осознание проделанного им бесконечно страшного пути вкупе с бесконечной непостижимостью темного источника, его породившего. Где-то по ту сторону нашего представления изумительно одаренная и целеустремленная раса веками создавала невиданное оружие… и за столь длительное время не выдумала ничего лучше, чем объявиться в долине Венда с этим мутным бутылочным осколком.

Единственное, что требовалось агрессорам, это

передатчик, чья адская конструкция распространялась вокруг инертной, почти неживой массой. Спустя несколько минут он пробудится к жизни, подобно тем своим подобиям, что пробудились в другие ночи в других погибших и догорающих мирах. Меньше минуты спустя после того Хальпы будут разбросаны этой хрупкой машинкой в мгновение ока по всей поверхности Нурхата, не инертной более, но стремительной хищной стаей, неистребимой формой кровожадной жизни, чтобы в своем невероятно коротком репродуктивном цикле, делясь снова и снова, поспешить за пищей и снова поделиться…

На этой стадии эти исчадия Вселенной распространялись так стремительно, что остановить их могло лишь оружие тотального уничтожения.

Внезапно по телу пони пробежала судорога, и он почувствовал, как в нем поднимается волна паники.

— Это всего лишь передатчик, — быстро настигла его мысль бабули. — У нас имеется два разных его описания, но мы не можем быть до конца уверены, что он прибыл, пока не начнет заряжаться — при этом передатчик начнет светиться: сначала по краям, затем в середине. Через пять секунд после того, как засветится центральный

шпиль, он будет слишком сильно заряжен, чтобы забрать его обратно. По крайней мере, в прошлый раз они этого сделать не смогли. Поэтому нам и нужно быть наготове…

Все это пони слышал не первый раз, но слова бабули по-прежнему его успокаивали.

— А ты продолжай спать! — мысленно приказала Гримпу бабуля Ваннтель. — Что бы ты ни услышал, что бы ни случилось, ты спишь и ничего не знаешь, пока я тебя не разбужу…

* * *

И вот внутри передатчика появился и начал усиливаться свет, сначала внутри четырех краеугольных шпилей, затем, мгновение спустя, огромная центральная башня запылала изнутри зловещим алым огнем. Яма заколыхалась под ними в серном пламени. Пони отступил на пару нетвердых шагов.

— Осталось пять секунд! — шепнула ему на ухо мысль бабули, а сама она залезла в этот момент в черную сумку и вынула маленький пластиковый шар. На его поверхности мертвенно отразилась бушующая яма, точно выражая презрение и смертельную ненависть человечества. Маленький шар точным движением скользнул в особое

углубление в устройстве, собранном бабулей из дерева и проволоки. Щелчок уверенно сообщил, что шарик занял положенное ему место на конце сжатой пружины.

Теперь они находились под возвышавшимся на пять метров над сырой землей плотным покровом, состоявшим словно бы из мертвых размокших черных листьев, сметенных в круглые кучи по краю ямы. Сверху и по бокам эти псевдолистья зашевелились, перестраиваясь в направлении передатчика.

— … пять, огонь! — скомандовала бабуля, подняв катапульту на плечо.

Пони яростно затряс тупорогой головой, издал придушенное рычание, встал на дыбы и бросился вниз по крутому склону ямы с громоподобным топотом.

Бабуля хорошенько прицелилась и выстрелила.

Ее помощник сотрясал землю где-то впереди, его появление беззвучно взметнуло мертво-лиственный покров в воздух, закружило черным водоворотом, мгновенно скрыв из виду как самого пони, так и пылающий передатчик. Пони едва успел прореветь еще раз, как тьма сомкнулась над ним. Секунду спустя раздался отчаянно гром-

кий звон, точно грохнулось оземь стометровое зеркало, примерно тогда же запущенный бабулей пластиковый шар взорвался где-то в центре мутного вертепа.

Каскады белого пламени заполонили яму до краев. В белом огне бешено металась и корчилась плотная масса горящих черных тел, свиваясь и тлея подобно мириадам старых ковриков. Снизу, где пламя кипело яростнее, рос и рвался в черное небо непрерывный вой, издаваемый эфемерными созданиями в пучине неизбывного страдания. Пони страстно топтал разбитый передатчик, дабы разрушение было необратимо.

— Уходи оттуда! — испуганно закричала бабуля. — То, что от него осталось, все равно расплавится!

Не известно, услышал ли ее пони, но через несколько секунд он с тяжким топотом вновь возник на краю ямы. Весь от кончика рога до кончика хвоста объятый пламенем, он с грохотом пронесся мимо бабули, пробежал по сырому лугу, роняя белые огненные хлопья и оставляя пылающие следы в траве… На всем скаку он бросился головой в огромную лужу. Под аккомпанемент несмолкаемого шипения раздался громкий всплеск. Лужа вместе с пони мгновенно исчезли

в клубах пара.

— Эх, и горячо же! — донеслась до бабули его мысль.

Она глубоко вздохнула.

— Да, как на вулкане! — согласилась она. — Если бы ты застрял там еще немного, деревня была бы обеспечена шашлыками на целый год.

— Я еще немного побуду тут, — сказал пони, — пока не остыну.

* * *

Бабуля почувствовала, что ее кто-то душит. Оказалось, что это был хвост лортеля. Она осторожно размотала его, но лортель немедленно вцепился всеми четырьмя лапками ей в волосы. Она позволила ему остаться, ибо лортель совершенно потерял присутствие духа.

Гримп тем временем по-прежнему спал. Придется проделать еще один маневр, чтобы незаметно вернуть мальчугана в деревню к утру, но это, конечно, будет чуть позже. Холодный ночной воздух накрывал людей и негуманоидов непрерывной волной, устремляясь в яму, чтобы немедленно взметнуться над ней незримым столбом жара. В основании зажженного в тот вечер бабулей великолепного костра еще что-то двига-

лось, хотя и очень медленно. Организмы Хальпов были термоустойчивы, но все же не настолько, как у обитателей Трибела.

На рассвете бабуле предстояло еще раз проверить яму напоследок, как только земля остынет настолько, чтобы позволить ей это сделать. Война с Хальпами на ее веку, по-видимому, закончена. По крайней мере, ее оборонительная фаза…

Жадное чавканье, доносившееся со стороны лужи, свидетельствовало о том, что пони уже пришел в себя достаточно, чтобы испытать определенный интерес к растительности, плавающей вокруг в вареном виде. Итак, все закончилось благополучно.

И она тихо легла навзничь в высокую болотную траву, стараясь не разбудить Гримпа, и позволила себе ненадолго потерять сознание.

* * *

На рассвете трейлер с патентованной медициной бабули Ваннтель плавно катил по дороге через лес, направляясь на юг. По своему обыкновению она отбывала под покровом густого иллюзорного тумана.

Гримп с полицейским показались рано утром, чтобы предостеречь ее. Деревенский страж

решил воспользоваться беспрецедентными происшествиями минувшей ночи, чтобы устроить подушное голосование о наложении на бабулю штрафа за создание угрозы для общественной безопасности, и поскольку все в деревне были взбудоражены и сильно напуганы, у него появился шанс привлечь на свою сторону большинство.

Гримп остался с бабулей подольше, чтобы поведать, что подобное положение вещей не навсегда. Он уже все продумал.

Новоявленный иммунитет Хлюпика к цветочной пыльце привел вчера вечером к возобновлению взаимопонимания с красоткой Веллит, так что свадьба назначена через пять недель. Женившись, он сможет претендовать на пост деревенского стража на выборах сразу после будущего урожая, а кузены Гримпа и новообретенные кузены Веллит все в совокупности обеспечат ему избрание. Так что когда бабуля вновь пожелает навестить долину следующим летом, она может не беспокоиться ни о полиции, ни об отношении официальных властей.

Бабуля одобрительно кивнула. В возрасте Гримпа она примерно так же управлялась с местными политиками. Теперь она была уверена, что Гримп станет ее преемником и стражем не только

Нурхата и всей звездной системы, к которой он принадлежит, но заодно и нескольких окрестных звездных систем. При правильном подходе к обучению мальчуган будет готов к работе как раз тогда, когда сама бабуля наконец соберется на заслуженный отдых.

Час спустя мальчуган в одиночку пустился в обратный путь к ферме, а трейлер тихо свернул с деревенской дороги на узкую лесную тропинку. Здесь пони ускорил поступь, и менее чем через пять минут они оказались в изогнутой полумесяцем лощине, в дальнем конце которой виднелось нечто такое, что Гримп, побывав разок на экскурсии в ближайшем портовом городе, сразу принял бы за миниатюрный космический корабль.

Просторный круглый шлюз беззвучно открылся при появлении хозяйки. Пони остановился. Бабуля слезла с козел и распрягла его. Пони прошел в шлюз, трейлер подобрал с земли колеса и тихо вплыл за ним внутрь. Последней вошла бабуля Ваннтель, и шлюз бесшумно закрылся.

Корабль помедлил еще мгновение, затем его не стало. Лишь опавшие листья пустились по лощине в пляс, потревоженные внезапным исчезновением.

Далеко-далеко, так далеко, что ни Гримп, ни его

родители, ни кто-либо деревне, кроме школьного учителя, никогда даже не слышали об этом месте, разнообразные приборы вдруг засигналили во всю мощь, требуя внимания. На зов кто-то откликнулся.

Бабуля чеканно произнесла:

— Рапорт Агента Зоны Ваннтель об успешном завершении хальпской операции на планете Нурхат.

Высоко над небом Нурхата восемь огромных кораблей мгновенно сошли со своих сторожевых орбит и растаяли в безграничной межзвездной тьме, служившей им морем и домом.

ВЕДЬМЫ КАРРЕСА
(роман)

Всё началось с того, что капитан Позерт захотел вызволить из рабства трёх девочек. Он купил их на невольничьем рынке планеты Порлумма и привёз на родину, на планету Каррес.

Мог ли капитан тогда предположить, что вся его дальнейшая судьба окажется связанной с Карресом, который окажется самым необычным миром?

Глава 1

Эта история началась в тот вечер, когда прибывший на планету Порлумма из Республики Никкелдепейн капитан торгового космического корабля Посерт встретил первую из ведьм Карреса. Видимо, то была просто шутка судьбы.

Настроение у капитана было прекрасное, он только что вышел из дорогого бара на булыжную мостовую одной из улочек, прилегавших к космопорту, и намеревался сразу возвратиться на свой корабль. И дело вовсе не в том, что он с кем-то поспорил, хотя несколько человек как всегда насмешливо заулыбались, стоило ему произнести вслух название своей планетной системы. Разумеется, капитан не удержался и заметил — весьма остроумно, кстати, — что куда более странным, чем Никкелдепейн, ему кажется название Порлумма.

После этих его слов уже многие в баре стали посматривать на него оскорбленно, а он все не унимался и продолжал вслух сравнивать ту блестящую и необычайно интересную роль, которую сыграл в истории человечества Никкелдепейн, с явно третьестепенной и весьма унылой ролью

Порлуммы, планеты провинциальной и полузабытой.

В заключение он высказал самое искреннее нежелание, ежели что случится, оставлять свой труп на Порлумме.

Тут кто-то громко заметил — на имперском универсальном, — что в таком случае капитану лучше вообще не слишком задерживаться на этой планете. Но Посерт в ответ лишь вежливо улыбнулся, заплатил за выпивку и вышел.

Он совершенно не собирался ввязываться в сомнительные истории на столь отдаленной, практически маргинальной планете, жители которой до сих пор пребывали в наивной уверенности, что обязаны «стоять на страже» и действовать в соответствии с Уставом пограничных областей. Так что представители правоохранительных органов здесь всегда появлялись незамедлительно.

Итак, настроение у капитана Посерта было превосходное. Если не считать последних четырех месяцев его не такой уж долгой жизни, он никогда не чувствовал себя завзятым патриотом. Однако, в сравнении с большинством планет, входивших в состав Империи, Никкелдепейн теперь представлялся ему куда более привлекательным, несмотря на старомодность и консерватизм. Но

самое главное — капитан возвращался домой вполне платежеспособным. То-то все удивятся!

Дома его ждала любящая и нежная Иллайла, юная мисс Онсвуд, прелестная дочь могущественного советника Онсвуда (уже год она была тайной невестой капитана).

Капитан улыбнулся и всмотрелся в темноту — по той ли улице идет. Осталось совсем немного, и он решительно двинулся дальше. Примерно через шесть часов полета он окажется за пределами Империи, на пути к Иллайле.

Да, она одна еще верила в него! После быстрого краха первого коммерческого предприятия капитана — фермы по выращиванию пушных миффелей, созданной благодаря занятой у советника Онсвуда крупной сумме, — будущее представлялось Посерту в весьма мрачном свете. Он вполне мог схлопотать десять лет принудительных работ за «умышленно халатное отношение к доверенным деньгам». Законы Никкелдепейна весьма строги в отношении несостоятельных должников.

— Но ты же всегда хотел, чтобы кто-нибудь снова вышел на нашей старой «Удаче» в космос и занялся межпланетной торговлей! — со слезами на глазах твердила отцу Иллайла.

— Э-э-э, милая! Да, я этого хотел, но авантюризм у Посерта в крови! Его двоюродный дед Требус, между прочим, кончил очень плохо! По-моему, лучше нам обратиться к служителям закона. — Советник Онсвуд сердито посмотрел на Посерта, хранившего мрачное молчание. Капитан, конечно, пытался что-то лепетать насчет таинственной эпидемии, уничтожившей почти всех миффелей на ферме, но, если честно, не без оснований подозревал, что к «эпидемии» приложил свою шкодливую руку молодой советник Раппорт, последние года два безуспешно увивавшийся за Иллайлой…

— «Удача»… хм, ну что ж! — словно размышляя вслух, изрек советник Онсвуд. — По крайней мере, водить космические корабли Посерт умеет…

Так все и решилось. И теперь его знакомые здорово удивятся! Капитан прекрасно понимал, что, снаряжая «Удачу», Онсвуд выгреб со складов все залежалое старье, за последние полсотни лет успевшее покрыться толстым слоем пыли; советник очень надеялся получить хоть что-нибудь в возмещение некогда потраченной суммы. Груз был оценен в восемьдесят две тысячи маэлей, и если Посерту удастся сбыть хотя бы три четверти этого барахла, все будет просто прекрасно…

Однако… Сказать по правде, все началось с того, что Посерт прямо в столице Империи весьма удачно побился об заклад с неким имперским чиновником по поводу одной юридической закавыки. Потом он осмелился поучаствовать в шестичасовой гонке — тоже на спор — с небольшим быстроходным частным судном и одержал блестящую победу: старая «Удача-7333» была создана еще в прошлом веке как крейсер для преследования космических пиратов и сейчас по-прежнему могла развивать скорость вдвое большую, чем можно было предположить по ее внешнему виду. После этого выигрыша капитана Посерта в любом обществе воспринимали как истинного спортсмена, что дало повод для целой череды веселых пирушек.

Не только, впрочем, веселых, но и весьма выгодных, поскольку имперские богачи не могли не поддаться соблазну любой азартной игры, а капитан Посерт всегда обязывал проигравшего что-нибудь у него купить.

Он быстро избавлялся от своего груза, распродавая его направо и налево. Не прошло и трех месяцев, как в трюмах осталось всего сорок связок страшно дорогих, но совершенно бесполезных удилищ из тин-клового дерева, с десяток гроссов

свернутых в тюки абсолютно нелепых всепогодных плащей и ящик крайне сложных обучающих игрушек, которые обладали весьма неприятной способностью взрываться при падении. Даже проспорив пари, никто не соглашался взять у него эти товары. Посерт сильно подозревал, что это барахло было добавлено к основному грузу «Удачи» по инициативе советника Раппорта, так что капитан особенно и не рассчитывал все это продать. И ничуть, надо сказать, не грустил, поскольку и так заработал неплохо.

Он получил уже двадцать процентов прибыли, когда ему неожиданно предложили срочно перевезти на Порлумму какие-то лекарства. Это оказалось по пути, а стоимость фрахта троекратно окупала то, что он потерял на разведении миффелей.

Капитан широко улыбнулся. Да, они, несомненно, удивятся… Но куда же его занесло?

Он заглянул в соседний переулок, такой же темный, надеясь увидеть в небе маяк космопорта. И действительно обнаружил его — но почему-то слева от себя и чуть позади.

Капитан свернул на мрачноватую боковую улочку. В этом городе все парадные двери запирались на ночь, и жизнь обитателей домов

продолжалась в хорошо освещенных внутренних двориках. Из-за высоких глухих стен доносились голоса, звон посуды, иногда взрывы смеха и пение, но на улочку свет почти не попадал.

Внезапно улица уперлась в стену. Поколебавшись, капитан снова свернул налево. Впереди, метрах в ста, из двора лился поток света и все отчетливее доносилось хлопанье дверей и громкие голоса.

— О-И-И-И-И-Й! — вопил кто-то высоким голосом, причем в равной степени это мог быть крик боли, или смертельного ужаса, или просто истерический смех. Капитан Посерт бросился вперед.

— Я тебя прекрасно вижу, и нечего прятаться! — сердито заорал на имперском универсальном какой-то мужчина. — Ну все, теперь ты попалась! Немедленно слезай с ящиков, не то шкуру спущу! Пятьдесят два покупателя из-за тебя животом маются!

Последовал грохот — точно рухнул плохо сколоченный деревянный дом, — раздался жуткий, жалобный и пронзительный визг, а затем последовали злобные крики мужчины.

— Эй вы там! — негодующе закричал капитан, останавливаясь у ворот.

Грохот прекратился. Воцарилась тишина. Уз-

кий дворик, ярко освещенный фонарем, был завален обломками пустых деревянных ящиков, среди которых стоял огромного роста толстяк, одетый во все белое. Нога его застряла в одном из ящиков, и он гневно размахивал палкой. За двумя ящиками, практически прижатая ими к стене, суетилась, пытаясь выбраться, светловолосая девчонка лет четырнадцати в белом комбинезончике. Совсем еще ребенок, решил капитан.

— Что вам надо? — рявкнул толстяк, важно ткнув палкой в сторону Посерта.

— Оставьте ребенка в покое! — Капитан и не думал отступать.

— Занимайтесь лучше своими делами! — огрызнулся мужчина в белом и замахнулся на Посерта палкой. — Я уж как-нибудь сам с ней разберусь! Она…

— Ничего я не сделала! — пропищала белобрысая пигалица и ударилась в слезы.

— Вот только тронь ее, жирная уродина! — пригрозил капитан. — Я тебе твою палку в глотку запихну!

Он был уже рядом с толстяком. Тот, издав злобное ворчание, рывком высвободил ногу, замахнулся и опустил свое оружие капитану на голову. Тот ответил свирепым ударом под ребра.

Последовала короткая схватка среди обломков тары. Капитан, тяжело дыша и хмурясь, поднялся первым. Толстяк остался сидеть на земле, хватая воздух ртом и пытаясь что-то сообщить Посерту насчет соблюдения законов.

Капитан несколько удивился, заметив вдруг, что девочка, как ни в чем не бывало, стоит у него за спиной. Она перехватила взгляд, улыбнулась и сообщила:

— Меня зовут Малин. — Потом подумала и спросила, указывая на толстяка: — Сильно ему досталось?

— Да нет, по-моему, — отдуваясь, успокоил ее капитан. — Но нам, видимо, лучше было бы…

Увы, поздно. Громкий, уверенный голос произнес с другого конца улицы что-то вроде «Эй, что здесь происходит?» — капитану всегда казалось, что на любой планете и на любом языке эти слова звучат одинаково.

— Вам придется пройти со мной! — тут же сообщил голос.

Полицейский суд на Порлумме работал круглосуточно и весьма эффективно, так что никакой задержки не произошло.

Судья все время улыбался — не правда ли, какое забавное название: Никкелдепейн? — однако

внимательно выслушал все обвинения, аргументы и доводы.

Брутх-булочник был обвинен в том, что ударил гражданина иностранного государства по голове, каковой удар вполне мог повлечь гибель жертвы. Палка была представлена в качестве вещественного доказательства. Следовало, однако, отметить, что гражданин Посерт незаконно пытался вмешаться в частную жизнь Брутха, когда тот хотел наказать свою рабыню Малин, также доставленную в суд, за то, что она, по его подозрению, подложила в тесто для пирожных какую-то отраву, и в результате пятьдесят два клиента Брутха серьезно заболели. С их стороны были зафиксированы соответствующие жалобы.

К тому же указанный гражданин Посерт оскорбил Брутха, обозвав его «жирной уродиной», в чем — под давлением — и признался.

Итак, капитан Посерт, гражданин Республики Никкелдепейн, обвинялся: 1) в попытке вмешаться в чужую частную жизнь; 2) в словесном оскорблении и 3) в нанесении многочисленных и серьезных побоев Брутху-булочнику в ходе последовавшей драки.

Удар по голове был сочтен провокационным (см. пункт 3 обвинения).

Никто, похоже, и не собирался ни в чем обвинять рабыню Малин. Судья лишь с любопытством поглядел на нее и покачал головой.

— Рассмотрев сей прискорбный инцидент, — заявил он наконец, — суд счел необходимым назначить вам, Брутх, и вам, капитан, следующее наказание: два года тюремного заключения первому и три года второму. Искренне сожалею!

Капитан почувствовал холод под ложечкой. Вот так влип…

— Суд желает также отметить, — продолжил судья, — что незаконные действия капитана Посерта были вызваны вполне естественным для человека чувством сострадания к рабыне Малин. Если стороны сочтут возможным решить дело полюбовно, все обвинения будут сняты. Итак, Брутху-булочнику предлагается перепродать за разумную сумму рабыню Малин с планеты Каррес (услугами рабыни он, видимо, совершенно не удовлетворен) капитану Посерту, гражданину Республики Никкелдепейн.

Брутх громко вздохнул от облегчения. Капитан же пребывал в смятении. На Никкелдепейне приобретение рабыни частным лицом рассматривалось как серьезное преступление. Однако можно ведь покупку не регистрировать. И если с

него не запросят слишком много…

И тут рабыня Малин чуть слышно всхлипнула.

— Сколько вы хотите за девочку? — осведомился капитан, с ненавистью глянув на Брутха.

Брутх зыркнул глазами и быстро сказал:

— Сто пятьдесят…

Но полицейский резко ткнул его в бок, и он замолк.

— Итак, семьсот маэлей, — как ни в чем не бывало сообщил судья. — Плюс судебные издержки, сбор за регистрацию сделки… — Он быстро подсчитал. — Тысяча пятьсот сорок два маэля. Вы проверили финансовое положение гостя? — повернулся он к секретарю. Тот кивнул:

— Вполне платежеспособен.

— Если хотите, можете заплатить чеком, — предложил судья, дружески улыбаясь капитану. — Следующее дело!

Капитан Посерт совершенно ошалел.

Дело в том, что с тех пор, как Империя перестала вести завоевательные войны, молодые здоровые рабы стали весьма дорогостоящим товаром. Но Посерт слышал, что Брутх готов был продать девчонку вообще за формальную сумму! Откуда такое расточительство?..

Капитан подписал многочисленные доку-

менты, подсунутые ему услужливым клерком, поставил, где требовалось, собственную печать и даже оставил свои отпечатки пальцев, затем выписал чек.

— Полагаю, — обратился он к Малин с Карреса, — нам лучше всего сразу же отправиться на корабль.

Что же мне все-таки делать с этой девчонкой, думал Посерт, бредя с нею рядом по темным улицам. Малин послушно трусила следом. Если он покажется на родной планете в сопровождении рабыни, даже такой маленькой, собственные друзья-приятели немедленно сошлют его лет на десять в исправительную колонию, но прежде Иллайла собственноручно снимет с него скальп. Они же там все жутко моральные! Кстати, а где находится этот Каррес?

— Малин, твоя планета далеко отсюда? — спросил он.

— Около двух недель пути, — плаксивым тоном ответила Малин. Ничего себе! Капитан опять ощутил холод в желудке.

— Чего же ты хнычешь? — с неудовольствием осведомился он. Малин громко всхлипнула и зарыдала уже во весь голос.

— У меня еще две сестренки есть! — с трудом

выговорила она.

— Но это же прекрасно! — постарался ободрить ее капитан. — Скоро ты их снова увидишь — ведь я собираюсь отвезти тебя домой.

Великий Патам! Он все-таки произнес эти слова! Что ж, в конце концов…

Однако это сообщение не вызвало у юной рабыни никакого энтузиазма. Напротив, она зарыдала еще горше.

— Никого я не увижу! — выкрикнула она. — Они здесь!

Капитану стало совсем не по себе. Он безучастно ждал, когда судьба нанесет завершающий удар.

— Вы могли бы их купить! И очень задешево! — Малин явно болела родственным синдромом.

Видимо, в минуты опасности юные жительницы планеты Каррес старались забраться повыше, ибо Ливит капитан заметил на верхней полке антикварной лавки, где с флангов ее прикрывали две большие вазы. Она казалась уменьшенной копией Малин, только глаза у нее были серые и холодные, а не синие и печальные. Лет пять-шесть, не больше, прикинул капитан. Он не очень-то умел определять возраст маленьких детей.

— Добрый вечер! — сказал он и вошел.

— Добрый вечер, сэр! — откликнулся, не оборачиваясь, хозяин. Ом сидел в кресле, стоявшем спинкой ко входу примерно посреди комнаты, и неотрывно смотрел на Ливит. Потом забормотал заунывно-напряженным голосом человека, с огромным трудом удерживавшего себя в руках:

—…И будешь сидеть на этой полке без пищи и воды, пока утром не придет Божий Человек.

— Между прочим, ваш первый Божий Человек недолго здесь пробыл! — с вызовом пискнула кроха, совершенно не обращая внимания на капитана. Малин она, видимо, попросту не заметила.

— Ничего, теперь другой придет, посильнее! — отвечал владелец лавки дрогнувшим голосом. — Уж он-то изгонит из тебя нечистого, ох, изгонит, маленькая ты дьяволица! И уж у него тебе пуговиц не стибрить, можешь не стараться! Все! Теперь ты про свои штучки забудешь! И можешь свистеть сколько угодно, но любая ваза в моей лавке…

Ливит похлопала своими серыми глазищами и задумчиво уставилась на него.

— А что, могу и посвистеть, — сказала она.

— Только попробуй оттуда спуститься! — по-

грозил ей кулаком хозяин. — Да я тебя на куски разрублю! На кусочки!

И он взмахнул неким предметом, в котором капитан с ужасом узнал роскошно изукрашенный, но, видимо, вполне пригодный для дела старинный боевой топор.

— Ха! — презрительно воскликнула Ливит.

— Прошу прощения, сэр! — Капитан прочистил горло.

— Добрый вечер, сэр! — снова поздоровался с ним хозяин лавки, по-прежнему не оборачиваясь. — Что вам угодно?

— Я хотел узнать об одной девочке… — нерешительно пробормотал капитан.

Хозяин резко обернулся и, чуть прищурив покрасневшие глаза, посмотрел на капитана.

— Но вы явно не Божий Человек! — сурово заявил он.

— Привет, Малин! — заорала Ливит. — Это что, он и есть?

— Мы пришли тебя выкупить, — сказала Малин. — Так что заткнись, а?

Ливит послушно умолкла.

— Выкупить эту дрянь? Да вы что, сэр, смеетесь надо мной? — Хозяин был потрясен.

— Помолчи-ка, Мунел! — Из задней комнаты

появилась тощая темноволосая женщина, весьма решительная на вид. Стоило ей оказаться под полкой, на которой упрямо сидела Ливит, как девочка наклонилась и отвратительно зашипела. Женщина поспешно вернулась на прежнее место.

— Но я не могу продать ее подданному Империи, — обреченно заметил хозяин.

— Я вовсе не подданный Империи, — рявкнул капитан. Ему совершенно не хотелось объяснять, откуда он прибыл.

— Он с Никкел… — начала было Малин.

— Тихо, Малин! — успел сказать Посерт.

— Никогда не слыхал о планете Никкел, — с сомнением пробормотал хозяин.

— Малин! — взвизгнула темноволосая женщина. — Именно так звали одну из этих чертовок! Ее еще Брутх-булочник забрал. А этот тип и впрямь хочет ее купить?

— Ну да, за сто пятьдесят маэлей! — схитрил капитан, вспомнив цену, названную Брутхом. — Наличными!

Хозяин лавки был потрясен.

— Маловато, — снова вмешалась женщина. — Ведь сколько она всего разбила! Пятьсот маэлей, не меньше!

Тут раздался тонкий-претонкий звук — капитан с трудом его расслышал, однако звук проникал в уши, точно две иглы пронзали барабанные перепонки. И тотчас два покрытых глазурью кувшина, стоявшие справа и слева от него, тоже тоненько зазвенели — дзинь-дзинь! — покрылись паутиной трещин и рассыпались на кусочки.

В лавке воцарилось молчание. Оглядевшись по сторонам, капитан обнаружил множество подозрительно пестрых черепков и осколков, поспешно заметенных в угол и собранных в кучки, а также следы разноцветной стеклянной пыли.

Хозяин осторожно опустил топор, встал и, чуть покачиваясь, подошел к капитану.

— Вы сказали: сто пятьдесят маэлей? — быстро переспросил он. — Я принимаю ваше предложение! — Он обеими руками поднял правую руку капитана и потряс ею в воздухе. — Продано! — провозгласил он, радостно подпрыгнул и ткнул дрожащим пальцем в сторону Ливит: — Ну все! Теперь только попробуй здесь что-нибудь разбить! Теперь ты принадлежишь этому человеку, а я его за твои проделки до последнего маэля выжму!

— Ох, Малин, пожалуйста, помоги мне слезть отсюда, — вежливо попросила Ливит.

В отличие от предыдущей лавки, магазин Вансинга был едва освещен, обстановка казалась тихой и спокойной, как и должно быть в роскошном модном магазине недалеко от космопорта. Хозяин перемещался вдоль огромного стеклянного прилавка и открытых полок и что-то тихонько бормотал себе под нос. Внутри прилавка и на обтянутых белым атласом полках все сияло и сверкало. Вансинг явно был не трус и не скряга.

— Добрый вечер, сэр! — сказал капитан.

— Уже утро, — заметила Ливит, стоявшая рядом с Малин.

— Малин! — рявкнул капитан.

— Нам не следует вмешиваться, — скачала Малин сестре.

— Ладно, — ответила Ливит.

Вансинг, услышав их голоса, резко повернулся, однако остался на месте. И у этого рабовладельца, подумал капитан, вид исключительно несчастный. Вансинг был крупным, холеного вида мужчиной, темноволосым, с золотыми серьгами в ушах. От него пахло дорогими духами.

— Магазин находится под постоянным наблюдением охраны, — тихонько сообщил он капитану. — Так что бояться мне нечего. Но почему и чего в таком случае я боюсь?

— Надеюсь, не меня? — Капитан попытался изобразить сочувствие. — Хорошо, что у вас все еще открыто, — продолжал он уже вполне деловым тоном. — Вы мне очень нужны.

— Ну разумеется, у нас открыто! — Вансинг слабо улыбнулся. — Дело в том, что у меня инвентаризация — со вчерашнего утра. Я уже семь раз все пересчитывал.

— Вы, видимо, очень аккуратны, — сказал капитан.

— Очень! Очень! — Вансинг мотнул головой в сторону полок. — В последний раз я заработал миллион маэлей. Но оказалось, что я дважды перед этим на такую же сумму проторговался. Наверное, еще раз придется пересчитывать. — Он закрыл и отставил один из ящиков. — Уверен, что эти я уже считал. Но они все время перемещаются! Непрерывно! Это какой-то кошмар!

— Мне известно, что у вас есть рабыня по имени Гот, — заявил капитан, сразу переходя к сути дела.

— Да, есть, — кивнул Вансинг. — И, надеюсь, теперь она понимает, что я абсолютно ничего против нее не имею. Возможно, прежде я несколько… Но я уверен, что она уже все поняла! Или скоро поймет.

— Где она? — спросил капитан. Его начинало охватывать беспокойство.

— В своей комнате, вероятно, — пожал плечами Вансинг. — Все не так уж плохо, пока она остается в своей комнате за запертой дверью. Но уж больно она любит сидеть в темноте и смотреть, как ты проходишь мимо, а потом… — Он взял еще какую-то коробку, заглянул в нее и убрал назад. — Да, они действительно перемещаются! — Он словно подтверждал некие давно возникшие подозрения. — Перемещаются и перемещаются…

— Слушайте, Вансинг, — громко и твердо произнес капитан. — Я хочу купить у вас эту Гот и заплачу сто пятьдесят маэлей. Наличными.

Вансинг повернулся к нему и растерянно спросил:

— Правда?.. — Он отошел на несколько шагов от прилавка, присел возле небольшого столика и закрыл лицо руками.

— Я богатый человек, — бормотал он. — Влиятельный! Имя Вансинга на Порлумме знают многие! Конечно, когда имперские чиновники велят покупать, приходится покупать, но почему *она* досталась именно мне?! Я думал, она мне как-то пригодится… Она здесь уже целую неделю! — Ошалело улыбаясь, он посмотрел на

капитана. — Сто пятьдесят маэлей! Конечно, продам! — воскликнул он. — Сейчас все оформим… — Он достал несколько бланков и начал быстро заполнять их.

— Гот, ты где? — спросила вдруг Малин.

— Здесь, — ответил тихий голосок. Рука Вансинга конвульсивно дернулась, но он не обернулся, продолжая торопливо писать.

Маленькое, тощее и удивительно гибкое, словно совсем без костей, существо, одетое в темную куртку и леггинсы, скользнуло по коврам на полу магазина и остановилось чуть поодаль, у капитана за спиной. Этой, наверное, лет десять, решил он.

— Я приму от вас чек, капитан, — вежливо сообщил Вансинг. — Мне кажется, вы честный человек. Кроме того, этот чек я хочу вставить в рамку…

— А теперь, полагаю, мы отправимся на корабль. — Капитан удивился звукам собственного голоса: наверное, так говорят во сне.

Небо было затянуто серыми облаками, но уже наступил рассвет. Гот, как оказалось, была совсем не похожа на сестер: короткая стрижка, каштановые волосы, карие глаза с длинными черными ресницами, остренький подбородок и маленький

изящный носик. Она напоминала капитану маленького гибкого зверька, например, ласку.

— Спасибо! — Она с улыбкой смотрела на него.

— Ты чего этому типу сделала? — тоненьким голоском спросила Ливит, которая так и шла спиной вперед, не в силах оторвать взгляд от магазина Вансинга.

— Гнусный жулик! — пробормотала Гот. Ливит захихикала.

— А ты здорово *премонировала,* Малин, — заявила она вдруг.

— Заткнись, — велела ей Малин.

— Ладно уж, — тут же послушалась Ливит и с кротким видом обратилась к капитану: — Значит, вы дрались и победили?

— Ну разумеется, он победил! — сказала Малин.

— Это здорово! — Ливит была явно довольна.

— А мы сразу взлетим? — обеспокоенно спросила Гот.

— Вряд ли нам что-нибудь помешает. — Капитан говорил бодро, не давая себе труда задуматься, откуда девчонке известно, что взлет — это единственный маневр, при выполнении которого он не находит общего языка с кораблем. — Разрешение на взлет мы уже получили. Сигнал подадут в

любой момент.

— Это хорошо, — сказала Гот. И медленно пошла по коридору в сторону центральной части корабля.

Взлет прошел отвратительно, но «Удача» все-таки сумела выйти на орбиту, и полчаса спустя, когда Порлумма стала уменьшаться за кормой, капитан включил автопилот и выбрался из кресла. После некоторых мучений он все же заставил электронного буфетчика приготовить четыре горячих завтрака и дымящийся кофе. Все это сопровождалось огромным количеством советов и попыток вмешаться со стороны Ливит. Малин тоже стремилась помочь, но не столь активно. Только Гот никуда не лезла.

— Через несколько минут все будет готово! — сказал капитан. Откуда ему было знать, сколь пророческими окажутся его слова.

— Если бы вы послушались меня, — Ливит вся вспотела от возбуждения и сознания собственной правоты, — мы бы полчаса назад уже позавтракали!

— Слушай Малин, — спросила она вдруг, — ты опять премонируешь?

Что же это за слово такое «премонируешь»? Капитан посмотрел на Малин. Та была бледна и

казалась чем-то встревоженной.

— Космическая болезнь? — всполошился он. — У меня есть таблетки…

— У нас все готово, — сказала Гот.

— Что это у вас готово? — спросил капитан.

Он смотрел на них с подозрением — серые, карие и синие глаза уставились на него. Девочки сидели кружком на полу рубки, а рядом с ними устроился электронный буфетчик.

— Ну, хорошо, — сказал он громко. — Стало быть, оттого, что Малин «премонирует», у людей животы болят?

Малин туманно улыбнулась и пригладила свои светлые волосы.

— Это им просто показалось, — пробормотала она.

— Массовая истерия, — небрежно пояснила Ливит.

— Я это заметил, — кивнул капитан. — А маленькая Ливит, значит, умеет свистом разбивать всякие вещи?

— Меня зовут не «маленькая Ливит», а просто Ливит. Единственная в своем роде Ливит. — Девочка нахмурилась.

— Понятно, — согласился капитан. — Единственная и неповторимая. В общем, как капитан

на корабле, верно?

— Верно. — Ливит улыбнулась.

— А чем занимается маленькая Гот? — спросил капитан у третьей ведьмочки.

«Маленькая Гот», казалось, была оскорблена. За нее ответила Малин.

— Гот у нас по части телепортации.

— Да неужели? — вежливо удивился капитан.

— На самом деле я умею телепортировать только небольшие предметы. — Гот достала из-под куртки сверток, обмотанный куском тряпки, концы которой были стянуты узлом. Развязала узел и высыпала содержимое свертка на ковер. — Вот, например, такие, — сказала она.

— Великий Патам! — воскликнул капитан; перед ним было драгоценных камней не меньше, чем на четверть миллиона!

Малин и Ливит тут же выбежали из рубки. Капитан, не обращая на них внимания, пристально посмотрел на Гот.

— Деточка, — спросил он, — неужели ты не понимаешь, что на таких планетах, как Порлумма, тебя повесят без суда и следствия, если поймают с краденым товаром?

— Мы уже не на Порлумме, — раздраженно ответила Гот. — А это — вам. Вы же за нас запла-

тили, верно?

— Но не столько, — возразил капитан. — А что если Вансинг уже заметил пропажу? Это ведь из его магазина, надо полагать?

— Конечно, — Гот ничуть не смутилась.

— Если он сообщил в полицию, то у нас на хвосте в любой момент появится...

— Гот! — пронзительно крикнула Малин. Гот моментально вскочила.

— Иду! Извините, — вежливо сказала она капитану и бросилась вон из рубки.

Капитан подбежал к панели управления и, исполненный самых мрачных предчувствий, включил все экраны.

Да, они уже висели у него на хвосте. Два темных остроносых корабля быстро догоняли их. Они были уже почти па расстоянии выстрела! Это не обычные полицейские катера, догадался капитан, а вспомогательные корабли имперского пограничного космофлота. Капитан врубил двигатели «Удачи» на полную мощность. И тут же за кормой корабля появились красно-черные вспышки. Одно из таких огненных щупальцев протянулось вперед и скользнуло всего в сотне ярдов справа от «Удачи».

А коммуникатор молчал. Видимо, власти Пор-

луммы решили пожертвовать драгоценностями Вансинга и ни в коем случае не дать капитану Посерту и его сомнительным подопечным уйти или сдаться…

И вдруг корабли преследователей исчезли. Все экраны одновременно потемнели, и вокруг «Удачи» заклубилась тьма, из которой прямо в лицо капитану ударил свет — холодный, жуткий; потом свет каким-то неестественным образом «свернулся» и погас. Двигатели «Удачи» молчали.

Через некоторое время старый корабль дернулся, задрожал, агрессивно взревел и устремился вперед, влекомый собственной тягой.

Но солнца Порлуммы больше видно не было. Вокруг сверкали иные созвездия; некоторые из них казались капитану знакомыми, но он не был полностью в этом уверен.

Он вдруг почувствовал озноб и дикую усталость. И тут электрический буфетчик с развеселым кудахтаньем выдал целых четыре горячих завтрака.

Вокруг капитана зазвучали голоса, первый спросил:

— А может, так ее и оставить?..

Второй, более тихий, ответил:

— Ладно, давайте оставим. Вдруг опять понадобится? Третий голос восторженно воскликнул:

— Ух ты!

Озираясь в полном недоумении, капитан вдруг понял, что голоса доносятся из динамика бортового интеркома.

Он прислушался. Но теперь из динамика доносилось лишь неразборчивое бормотание, затем смолкло и оно. Капитан вышел было в коридор, потом вернулся и выключил интерком. Когда он подошел к двери капитанской каюты, она оказалась закрыта.

Он с минуту прислушивался, затем резко отворил дверь.

Его встретил тройной вопль:

— Нельзя! Вы же все испортите!

Капитан замер па пороге. Ему удалось разглядеть лишь нечто вроде связки черных проволочек, едва скрепленных между собой и образовывавших некую геометрическую фигуру, напоминающую усеченный конус, который то ли стоял на столе, то ли парил над ним. Там, где должна была находиться его вершина, горело и крутилось оранжевое пламя. А вокруг, освещенные этим пламенем, стояли все три ведьмочки.

Затем пламя исчезло. Проволочки упали на

стол. Сестры смотрели на Посерта, но по-разному: Малин с улыбкой сожаления, Ливит с откровенным раздражением, а Гот совершенно равнодушно.

— Именем Седьмого Ада Великого Патама я требую, чтобы мне объяснили, что это такое! — Капитан чувствовал, как волосы у него встают дыбом.

Сестры переглянулись. Малин с сомнением в голосе произнесла:

— Мы можем только сказать, как это называется…

— Это *вжжик-тяга*, — объяснила Гот.

— Что? — переспросил капитан.

— Ну, ее можно запустить только вместе с самим собой, — попыталась помочь Ливит.

— Заткнись, — велела Малин.

Воцарилось молчание. Капитан смотрел на кучку тонких черных проволочек дюймов двенадцать длиной, потом коснулся одной из них. Она была абсолютно холодной.

— Понятно, — сказал он. — Полагаю, нам надо поговорить. — Он помолчал. — Где мы сейчас находимся?

— Примерно в двух световых неделях по тому же курсу, — ответила Гот. — Мы ее запустили

всего на тридцать секунд.

— На двадцать восемь, — важно поправила ее Малин. — Ливит начала уставать.

— Понятно, — пробормотал капитан Посерт. — Ладно, пошли завтракать.

Ели они молча и одинаково жадно — и изящная Малин, и маленькая, как кукла, Ливит, и спокойная гибкая Гот. Капитан мгновенно покончил со своей порцией и теперь наблюдал за ними — с любопытством, изумлением и даже некоторым благоговением.

— Это была всего лишь вжжик-тяга, — объяснила Малин, перехватив его взгляд.

— Она берет силу в нас, — добавила Гот.

Ливит лишь одобрительно крякнула и продолжала насыщаться.

— Ею нельзя часто пользоваться, — продолжала Малин. — И слишком долго тоже нельзя. Иначе можно погибнуть.

— А что она из себя представляет, — спросил капитан, — эта вжжик-тяга?

Они тут же умолкли и надулись.

— Жители Карреса пользуются этим, — объяснила более вежливая Малин, — когда хотят куда-нибудь побыстрее добраться. На Карресе все это умеют.

— Но мы, конечно, еще малы, чтобы все сделать как следует, — добавила она.

— Ничего подобного! У нас все здорово сработало! — заявила Ливит, которая наконец покончила с едой.

— Но как у вас это получилось? — спросил капитан. Они еще больше надулись.

— Вы такую не сделаете, — сказала ему Малин. — И понять, как это устроено, тоже не сможете.

Капитан сдался. Пока, во всяком случае.

— Нужно определить, где мы находимся и как вас доставить домой, — сказал он. Сестры с ним вполне согласились.

Каррес, как выяснилось, был спутником звезды Ивердаль. Капитан, правда, так и не смог обнаружить такой звезды на своих космических картах, но это ничего не значило. Карты не всегда точны, да и местные названия вечно меняются.

Если не учитывать возможностей этой странной и чудесной вжжик-тяги, подобный крюк в сторону обойдется в месяц полета, так что приличная сумма из полученных доходов уйдет на топливо. Драгоценности, которые Гот незаконно телепортировала из магазина Вансинга, конечно же, следует вернуть владельцу. На пути к Карресу

придется остановиться на одной из планет Империи, где есть межзвездная банковская связь, которая может взять на себя пересылку драгоценностей. Желательно, чтобы это была достаточно удаленная от Порлуммы планета, иначе они вызовут интерес у тамошней полиции.

Все это он сообщил девицам. Программа действий была встречена гробовым молчанием.

— Хорошо, — вздохнула наконец Малин. — Тогда мы постараемся вернуть вам деньги другим путем.

Младшие сестры холодно кивнули в знак согласия.

— А как случилось, что вас продали в рабство? — спросил капитан, желая переменить тему.

Оказалось, что все трое решили махнуть на прогулку по окрестностям планеты Каррес. Нет, они вовсе не собирались убегать — подобные развлечения разрешаются даже маленьким детям. Однако, когда они оказались на другой планете, достаточно цивилизованной и далекой от границ Империи, на нее внезапно напало несколько кораблей работорговцев, и большую часть местной молодежи — а в том числе и сестер с Карреса — захватили в плен.

— Вот что мне представляется странным, — задумчиво проговорил капитан: — Неужели вы не пробовали захватить их корабль?

— Ой, нет! — воскликнула Ливит.

— Такой корабль не захватишь, — возразила Гот.

— Это же был корабль имперских работорговцев, — пояснила Малин. — На таких развалюхах лучше вообще ни к чему не прикасаться!

Ну что ж, думал капитан, укладываясь на кушетку, которую он перенес в ходовую рубку, теперь, по крайней мере, понятно, почему хозяева с таким облегчением избавились от рабынь. Очень странные дети… Впрочем, пусть-ка их родственники возместят ему все расходы. Вполне возможно, он еще окажется в выигрыше…

Надо только быть очень осторожным, особенно с записями в бортовом журнале. Законы Никкелдепейна чрезвычайно суровы, тем более если тебя заподозрят в покупке или продаже рабов.

Он намеренно оставил интерком включенным, надеясь подслушать разговоры ведьмочек, разместившихся в его собственной каюте. Однако оттуда пока что не доносилось ничего, кроме взрывов смеха и пронзительных воплей Ливит — видимо, Малин заставляла ее перед сном вы-

мыть уши и почистить зубы.

Они договорились, что он не будет входить к ним в каюту. Причины при этом не объяснялись — просто, сказали они, невозможно в его присутствии поддерживать вжжик-тягу в рабочем состоянии. А это было бы полезно, поскольку за пределами Империи процветало пиратство, и к тому же капитану «Удачи» хотелось избежать новой встречи с полицией. Капитан сообщил сестрам о потенциальной мощи пушек «Нова», которыми была оснащена «Удача», но девочки, похоже, ничего не поняли. Во всяком случае, это не произвело на них никакого впечатления.

Вжжик-тяга… Великий Патам, если б только можно было понять принцип ее действия! Впрочем, он надеялся, что когда-нибудь это ему удастся.

Внезапно из динамика донесся голосок Ливит:

— … а этот старый кретин ничего, неплохой мужик.

Капитан оскорбленно заморгал и сел.

— Не такой уж он и старый! — возразила Малин. — И не такой уж кретин.

Капитан улыбнулся. Хорошая девочка, эта Малин.

— Ага! Ага! — заверещала Ливит. — А Малин

влюби… Ой!

Некоторое время там явно происходила потасовка, потом стало тихо. Слабо надеясь, что кое-кого попросту придушили подушкой, он снова улегся и не заметил, как заснул.

Если не думать о том, что они уже успели натворить, то спутницы порой казались ему вполне нормальными детьми. С самого начала они демонстрировали весьма лестный интерес к нему, и он с удовольствием рассказывал им обо всех своих приключениях. Даже показал хранимую как зеницу ока фотографию Иллайлы.

И почти сразу понял, что это было ошибкой. Сестры молча разглядывали фотографию, тесно сдвинув головы.

— Ой, не могу! — воскликнула наконец Ливит.

— И что ты хочешь этим сказать? — холодно осведомился капитан.

— Что она красивая, — пробормотала Гот с таким видом, будто ее тошнит.

— Перестань, Гот! — резко сказала Малин. — По-моему, очень милая девушка. На вид.

Капитан был рассержен. Он молча отнял у них фотографию поруганной Иллайлы и спрятал в нагрудный карман. И удалился.

Однако, оставшись один, он вновь принялся

обеспокоенно изучать фотографию.

Его Иллайла! Он так и сяк вертел фотографию, меняя угол освещения, и пришел к выводу, что снимок действительно неважный. Даже просто плохой. На нем Иллайла казалась по меньшей мере неинтересной, пресной какой-то…

Что за мысли приходят мне в голову, встревоженно подумал он, что все это значит?

Он немного поупражнялся в стрельбе из пушек «Нова». Когда капитан вступил на борт «Удачи», орудийные башни были заперты и опечатаны. Никто и не предполагал, что в них возникнет нужда. Это было не слишком надежное оружие, хотя и весьма эффективное. На Никкелдепейпе уже несколько десятилетий назад перешли на другие виды вооружения. Однако уже на третий день после отлета с Никкелдепейна капитан сделал в бортовом журнале следующую запись:

«Подвергся нападению двух пиратских кораблей. Выдвинул орудийные башни, расчехлил пушки «Нова». Уничтожил один корабль, второму удалось скрыться…»

Ему понравилось это краткое и энергичное описание той отчаянной битвы в космосе, и он с удовольствием время от времени перечитывал его. Правда, запись несколько не соответство-

вала истине. Он весьма увлекательно провел часа четыре, уничтожая здоровенные обломки астероидов.

Три дня спустя «Удача» вновь приблизилась к границам Империи. Дважды на пути к столице одной из провинциальных планет к ним подходили полицейские катера. И Посерт был весьма доволен, что его пассажирки каждый раз предусмотрительно прятались в каюте. Они больше ни слова не сказали о намерении вновь воспользоваться вжжик-тягой, но он знал, что странное оранжевое пламя постоянно горит над усеченным конусом из гнутых черных проволочек.

Космическая полиция пропустила его, вполне удовлетворившись рутинной проверкой документов. По-видимому, «Удача» еще не стала повсеместно известна как корабль преступников. Пока что.

Малин составила ему компанию, когда он отправился в местное отделение банка, чтобы вернуть драгоценности Вансинга на Порлумму. Младшие сестры — по настоятельной просьбе капитана — остались на корабле.

Пересылка прошла без каких-либо осложнений. Камушки должны были возвратиться на Порлумму в течение месяца. Однако Посерту

пришлось отстегнуть изрядную сумму за страховку. И, разумеется, его попросили указать имя, название корабля, планету приписки и все такое прочее. Но поскольку на Порлумме вся эта информация уже имелась, капитан не особенно волновался.

Заодно он сообщил по субрадио несчастному ограбленному ювелиру о том, что камни отправлены, и выразил свое сожаление по поводу столь печального недоразумения.

После этого ему стало несколько легче, хотя страховка отнюдь не входила в его финансовые планы. Если не удастся как-нибудь заработать на Карресе, оставшихся денег вряд ли хватит на покрытие убытков от погоревшей зверофермы…

Тут он заметил, что Малин нервничает.

— Нам лучше поспешить, — кратко объяснила она. Лицо ее было бледно.

Капитан все понял. Она опять что-то «премонировала» — то есть, видимо, получила информацию о заварившейся где-то каше, однако домысливать подробности вынуждена была сама. Они схватили воздушное такси и помчались в космопорт.

Не успели беглецы получить разрешение на взлет, как заметили группу людей в мундирах,

быстро приближавшихся к кораблю и явно собиравшихся подняться на борт. Но тут «Удача», будто пьяная, неуклюже прыгнула вбок и вверх. Все, кто был поблизости, бросились врассыпную…

Взлет получился отвратительный. Просто хуже некуда. Однако потом капитану удалось быстро увести корабль на теневую сторону планеты и развернуть его носом к границе. Некогда «Удача» была грозой пиратов, да и теперь она все еще могла выдать хорошую скорость, особенно если отпустить поводья. И капитан предоставил ей такую возможность.

Вжжик-тяга на сей раз не понадобилась.

На следующий день у него состоялась продолжительная беседа с Гот. Он говорил ей о Законе, особым образом подчеркнув право частной собственности. Если бы Советник Онсвуд мог его услышать, то наверняка бы не удержался от удивленного, но одобрительного ворчания. Однако эта малолетняя преступница слушала капитана с непроницаемым выражением лица, хотя, возможно, его речь все же произвела на нее некоторое впечатление.

Двое суток спустя, когда они снова оказались вдали от границ Империи, им пришлось сде-

лать незапланированную остановку на одном из заправочных спутников. Капитан обнаружил, что здорово просчитался насчет имевшегося на борту запаса топлива. Продолжительный полет, да еще на пределе мощности двигателей, почти опустошил топливные баки.

На заправочной станции рядом с ними висел огромный и очень красивый грузовой корабль из системы Сириуса. Правда, это был, скорее, не грузовой, а боевой звездолет, осуществлявший регулярные рейсы за пределами Империи. Им пришлось довольно долго ждать, пока он заправлялся. Его команда оказалась настолько же неприятной, насколько красив был сам корабль. Волосатые, высокомерные, самодовольные сирианцы говорили исключительно на своем диалекте и делали вид, что совершенно не понимают имперского универсального.

Капитан особенно остро почувствовал, насколько его бесят их скверные манеры, когда понял, что они над ним смеются — он поспорил с начальником заправочной станции по поводу платы за топливо.

— Вы же в глубоком космосе, капитан, — заявил начальник станции. — И у вас не хватит «горючки», даже чтобы долететь до границы!

Неужели вы думали, что имперские цены здесь действительны?

— Но с них-то вы взяли значительно дешевле! — Капитан сердито указал пальцем на сирианский корабль.

— Они постоянные клиенты, — пожал плечами начальник станции. — Если вы тоже будете у меня заправляться каждые три месяца, я и для вас с удовольствием сделаю скидку.

Просто возмутительно! К тому же, капитан Посерт снова оказался в минусе.

Очередной неуклюжий взлет настроение капитану отнюдь не улучшил, а потом еще пришлось наблюдать, как плавно уплывает в пространство корабль с Сириуса — как лебедь, черт возьми!

Глава 2

Спустя час, когда Посерт мрачно обдумывал, как ему закрыть свои финансовые прорехи до возвращения на Никкелдепейн, в рубку стремительно ворвались Малин и Ливит и уставились на экран левого борта.

— Ну конечно, вон он! — воскликнула Ливит. Сейчас девочки выглядели младше своих лет — от возбуждения.

— Кто? — рассеянно осведомился капитан.

— Сирианский корабль, капитан Посерт! — возмущенно ответила Малин. — Нас преследуют!

Капитан ошеломленно уставился на экран. Действительно, сирианский грузовик явно преследовал «Удачу».

— Интересно, что им надо? — удивился капитан. — Они, конечно, гнусные вонючки, но ведь не пираты же!

Малин ничего не ответила. Ливит же сообщила:

— Они выдвинули бортовые пушки.

Рубку тут же заполнило рычание сирианцев. Больше всего это смахивало на череду страшных проклятий. Единственное слово, которое можно

было понять, — «Удача». Оно повторялось достаточно часто.

— Сирианский язык, — сказал капитан. — Ты что-нибудь понимаешь, Малин?

— Нет, но Ливит понимает.

Ливит утвердительно кивнула. Глаза ее поблескивали.

— Что они говорят?

— Они говорят, «вы — остановиться», — быстро перевела Ливит, по всей видимости, сохраняя грамматический строй «оригинала». — Они говорят, «вас — живьем сдирать кожу»… Ха! Они говорят, «вас — остановиться и только повесить». Они говорят…

Малин выскочила из рубки. Ливит забарабанила по динамику коммуникатора своим маленьким кулачком и заорала:

— Бик-вок! — Во всяком случае, капитану показалось, что это прозвучало именно так. Рычание прекратилось, и относительно нормальный голос удивленно переспросил:

— Бик-вок?

— Бик-вок! — подтвердила Ливит с явным удовольствием и выдала еще серию аналогичных словечек.

В ответ вновь раздалось яростное рычание.

Капитан, охваченный самыми противоречивыми чувствами, велел Ливит заткнуться и рявкнул, обращаясь к сирианцам, чтобы те убирались во Второй — самый страшный! — Ад Великого Патама. Он лихорадочно нащупывал кнопки управления орудийными башнями. Все, с него хватит! Сейчас он…

С-с-с-с-ж-ж-ж-ж-вжжжжжжик!

Это включилась вжжик-тяга.

— Ну, и где же мы теперь? — спросил капитан неестественно спокойно.

— Да тут где-то, неподалеку, — беспечно ответила Ливит. — Их корабль еще виден на экране. Отстал, правда. Им понадобится не меньше часа, чтоб нас догнать. — Она казалась разочарованной. Но потом лицо ее прояснилось. — Зато теперь вы успеете приготовить пушки!..

Капитан не ответил и двинулся в хвостовой отсек «Удачи». Дверь в капитанскую каюту была закрыта. Но он не остановился. Капитан был в бешенстве — он уже понял, что произошло!

Опять эта девчонка принялась за свою телепортацию!

Да, все было так, как он думал, — товар уже лежал в грузовом отсеке. Небольшие предметы, не более фунта весом — видимо, более тяжелые она

телепортировать не могла. Бутылки и флаконы, наполненные то ли духами, то ли напитками, то ли наркотиками; ткани разнообразных цветов и оттенков; коробочки, баночки, скляночки… И, разумеется, ювелирные изделия!

Он потратил не менее получаса, чтобы сложить все это в стальной контейнер, отвез его к грузовому люку, затолкал в шлюзовую камеру, задраил внутреннюю дверцу и включил автоматический пуск.

Потом побрел обратно в ходовую рубку. Ливит по-прежнему сидела у панели управления, забавляясь клавишами коммуникатора.

— Я могу попробовать обсвистеть их, — предложила она, поднимая на него глаза. — Но тогда они точно куда-нибудь врежутся.

— Включи с ними связь! — приказал капитан.

— Есть, сэр! — Ливит была удивлена.

В динамиках вновь раздалось рычание, правда, более отдаленное.

— Эй, а ну-ка заткнись! — заорал в ответ капитан на имперском универсальном.

Голос умолк.

— Скажи им, что они могут забрать контейнер со своим барахлом, — приказал капитан. — А если попробуют гоняться за мной — хоть одну

световую минуту! — я развернусь и разнесу им сперва нос, потом задницу, а на закуску врежу посередке!

— Есть, сэр!!! — вспыхнув от удовольствия, ответила Ливит. И они спокойно продолжили полет своим курсом.

— А теперь мне необходимо поговорить с Гот, — объявил капитан, все еще кипя от злости. — Один на один! В грузовом отсеке!

Гот покорно последовала за ним в хвост корабля. Он закрыл люк и отломил от верхнего конца одного из безумно дорогих тинкловых удилищ, подсунутых советником Раппортом, кусок длиной фута в два. Получилась вполне приличная розга.

Но Гот выглядела такой маленькой, такой беззащитной! Посерт прочистил горло. И пожалел, что они сейчас не на Никкелдепейне.

— Я ведь тебя предупреждал, — сказал он.

Гот не пошевелилась. Но в одно мгновение, казалось, стала значительно выше ростом. Взгляд ее карих глаз уперся прямо в кадык капитана, губы чуть раздвинулись, на лице появилось какое-то голодное выражение.

— Только попробуй! — тихо сказала она.

Взбешенный капитан схватил ее за одежду,

по тут перед глазами его что-то промелькнуло, очень похожее на беззвучный взрыв, и больно ударило его по левой коленке. Он охнул и упал навзничь, на кипу всепогодных плащей (опять же подсунутых советником Раппортом). При этом он не выпускал края одежды Гот, так что она в итоге свалилась прямо на него. Впрочем, радовался своим преимуществам он недолго: голова Гот поднялась на вытянувшейся, как у змеи, шее, и она вцепилась зубами в кисть его руки.

Ласки всегда больно кусаются и долго не отпускают свою жертву…

— …Вот уж не думала, что у него пороху хватит! — услышал он некоторое время спустя голосок Гот, доносившийся из интеркома. В голосе ее звучало невольное восхищение. Видимо, и она занималась изучением понесенного ею ущерба. Капитан, занятый перевязкой раненой руки, сильно кровоточившей, мог лишь надеяться, что нанес девице значительный ущерб. Колено у него распухло, как подушка, и ужасно болело.

— Капитан — смелый человек, — с укоризной возразила Малин. — Это тебе надо запомнить!

— Но не очень-то умный! — заметила Ливит.

— Сейчас же прекратите! Обе! И оставьте его в покое! — рассердилась Малин. — Если не хотите

возвращаться на Каррес Путем Эггера! — добавила она со значением.

— Только чур не я! — быстро сказала Ливит.

— Да уж, что от тебя еще ожидать, — сказала Гот. Она, казалось, раздумывала. — Ну, хорошо. Мы оставим его в покое. А все равно, это была честная драка!

Они смогли установить связь с Карресом лишь на шестнадцатый день после отлета с Порлуммы. За это время никаких инцидентов не произошло; впрочем, они больше нигде не останавливались. Малин состряпала какую-то мазь, чудесным образом исцелившую колено. Близился конец их полета, и напряжение несколько спало. Зато Малин стала проявлять явное сожаление по поводу предстоящей разлуки.

После краткого изучения особенностей планеты Каррес капитан пришел к выводу, что она не совсем обычна. Кроме всего прочего, планета вращалась вокруг местного солнца в обратном направлении — то есть против часовой стрелки.

Вот именно! — мрачно подумал капитан Посерт.

Они с ревом ворвались в атмосферу на дневной стороне планеты, не вызвав сколько-нибудь заметной реакции. Никто не подавал им сигналов

по коммуникатору, не было видно сторожевых кораблей, желающих осмотреть «Удачу». Каррес вообще казался необитаемым. Здесь было множество морей, слишком больших, чтобы называться озерами, но слишком маленьких для приличного океана. Моря были разбросаны по всей поверхности планеты, которую рассекал надвое чудовищный горный хребет, протянувшийся от одного полюса до другого. Имелись и горные цепи поменьше. На полюсах белели пышные снеговые шапки, да и вся южная часть планеты была запятнана белыми снегами и покрыта дремучими лесами.

Красивая планета, хоть и дикая.

Они парили над ее поверхностью, летя навстречу заре. Капитан сидел за пультом управления, Гот и Ливит — у боковых экранов, а Малин давала им указания сзади. Вдруг Ливит завопила от восторга, а потом как-то странно умолкла. И капитан Посерт догадался, что она плачет.

Он был потрясен: неужели возвращение домой так тронуло эту юную бандитку? Он заметил, как Гот тихонько обняла сестренку за плечи. Ливит счастливо всхлипнула:

— Как к-к-расиво!

Капитан почувствовал необычайное распо-

ложение, чуть ли не любовь к этим маленьким ведьмам. Почти те же чувства они пробудили в нем в самом начале их знакомства, при первой встрече. Все-таки им здорово досталось…

— Где прячутся жители? — Капитан решил прервать затянувшееся молчание.

— Нас на Карресе не так уж много, — сказала Малин у него за спиной. — Вот сейчас прилетим в город — там ты познакомишься с доброй половиной нашего населения.

— А это что внизу? — На дне широкой долины виднелась, словно врезанная в почву, огромная белоснежная чаша.

— Это Театр, в котором… Ой! — Ливит обиженно посмотрела на Малин.

— Понятно. Этого чужакам знать не следует, верно? — Капитан говорил почти весело, и обе сестрицы поглядели на него.

— Некоторые правила надо выполнять, — сказала Малин.

Они спустились пониже. «Театр, в котором…» представлял собой огромную круглую арену, окруженную амфитеатром со множеством рядов, круто поднимавшихся вверх. Все места были пусты.

Следуя указаниям Малин, капитан повернул

направо и опустился еще ниже. И наконец увидел первых представителей животного мира планеты Каррес. Стая огромных бело-кремовых птиц пролетела под ними, совершенно не обращая внимания на корабль. Лес внизу сменился открытым пространством: живописные луга пересекали небольшие ручьи, прихотливо переплетавшиеся и сходившиеся в центре долины. У водоема паслось стадо в несколько сотен голов — это были жвачные животные размером с мастодонта, абсолютно лишенные шерсти, с блестящими черными спинами. Головы у них были тяжелые, вытянутые, пасти, очень похожие на крокодильи, раскрыты в сардонической усмешке. Животные, хлопая глазами, смотрели на пролетавшую над ними «Удачу».

— Черные боллемы, — сообщила Гот, явно наслаждаясь растерянным видом капитана. — Их тут много. Они ручные. А еще есть серые, горные. На них охотиться — одно удовольствие!

— И мясо у них вкусное! — сказала Ливит и облизнулась. — Эх, позавтракать бы!.. — вздохнула она и вдруг оживилась: — А ведь мы должны поспеть как раз к завтраку!

— Вон на том поле — сказала Малин, — вполне можно посадить «Удачу».

Они сели. Вокруг был довольно плоский луг с короткой, будто подстриженной травой; слева высились горные отроги. На лугу уже стоял небольшой космический корабль ярко-синего цвета. Его окружали высокие иссиня-черные деревья.

Больше ничего на лугу не было. Капитан только головой покачал.

Город Каррес вызвал у него удивление не только потому, что оказался гораздо больше, чем можно было предположить, пролетая над этим, казалось бы, безлюдным районом. Город протянулся на многие мили по лесам и склонам гор, через всю долину; дома располагались небольшими группками или поодиночке и были отгорожены от остальных огромными, до неба, деревьями.

Здесь любили яркие краски. Но при этом прятали свои дома за деревьями. Дома напоминали цветы: красно-белые, яблочно-зеленые, золотисто-коричневые — всех оттенков; они были чистенькими и опрятными, наполненными ароматами леса и свежей зелени. Несколько раз в день в них замечательно пахло всякими вкусными вещами. В городе оказалось полно ручьев, прудов и обнесенных зелеными изгородями огородов. Высоко на деревьях были устроены — что

показалось капитану довольно рискованным — игровые площадки, иногда соединенные переходами и галереями. По земле вилась настоящая паутина чрезвычайно запутанных тропок и дорожек — между огромными коричневыми корнями деревьев и серыми обломками скал, наполовину скрытых опавшими игольчатыми листьями. В первые дни, отправляясь на прогулку один, капитан тут же терял всякую ориентацию, и из леса его выводил кто-нибудь из местных жителей.

Невозможно было представить себе более скрытных существ. В городе проживало около четырех тысяч человек и еще столько же расселилось по всей планете, но увидеть более трех-четырех человек одновременно капитану не удавалось — за исключением тех случаев, когда очередная банда сорванцов возраста Ливит выскакивала вдруг из кустов у него перед носом и столь же стремительно исчезала.

Иногда вдалеке слышалось чье-то пение или даже целый концерт; порой кто-то играл на одном из множества деревянных музыкальных инструментов — местные жители очень любили музыку.

Да нет, это не настоящий город, думал капитан. Нормальные люди так не живут! Эти ведьмы с

планеты Каррес скорее напоминали ему стаю загадочных лесных птиц, случайно свивших гнезда на поляне. И они все время были чем-то заняты — но он никак не мог понять, чем!

Задавать без конца вопросы Толл он стеснялся. Толл была матерью трех сестричек. Она вполне откровенно отвечала на все вопросы капитана, однако ему так и не удалось получить полной информации о том, что его интересовало.

И это было весьма странно! Он проводил в ее обществе несколько часов в день или, пока она занималась домашними делами, находился в соседней комнате, принадлежавшей хозяину дома. Сестры привели его в этот дом сразу после посадки корабля. Отца дома не было, он уехал куда-то по делам, связанным, как выяснилось позже, с геологическими исследованиями в одном из отдаленных районов планеты. Вначале Посерта несколько беспокоило это обстоятельство, особенно когда они с Толл оставались в доме одни. Малин училась в какой-то школе, уходила рано утром и возвращалась лишь к вечеру. Гот и Ливит пользовались полной свободой, домой возвращались поздно, когда капитан уже спал, и снова исчезали еще до завтрака.

Вряд ли Толл правильно их воспитывала. Од-

нажды после обеда капитан обнаружил Ливит, свернувшуюся калачиком в его любимом кресле на веранде и крепко спящую. Она проспала четыре часа подряд, а капитан сидел рядом, листая толстую книгу с роскошными иллюстрациями, называвшуюся «Истории древнего Яртхе», и время от времени делал из стакана глоток холодного, слегка пьянящего, зеленоватого напитка, который Толл тихонько поставила возле него, или затягивался ароматным дымом из громадной трубки, чубук которой стоял на полу. Это была, как он понял, любимая трубка мужа Толл.

Потом Ливит внезапно проснулась, потянулась, бросила на него какой-то странный взгляд — то ли злобно оскалившись, то ли дружески улыбнувшись, — спрыгнула с веранды в траву и исчезла среди деревьев.

Он так и не понял, что же означал этот взгляд. Мог, конечно, ничего не означать, однако…

Капитан отложил книгу и некоторое время беспокойно размышлял. Вроде бы, никого здесь особенно не заботило его присутствие. Все о нем знали, и сам он уже со многими познакомился. Но никто не заходил к нему — ни с расспросами, ни просто из вежливости. Да и муж Толл вот-вот должен был вернуться…

Сколько же он здесь пробыл, интересно?

Великий Патам! Он вдруг понял, что потерял счет дням!

Или, может, неделям?

— Мне у вас очень хорошо, — сказал он Толл. — Но, по-моему, я слишком задержался… Завтра, с утра пораньше…

Толл отложила шитье, скрестила свои сильные тонкие руки на коленях и улыбнулась Посерту.

— Мы так и предполагали, — сказала она. — А потому… Знаете, капитан, нам было довольно трудно решить, как отблагодарить вас за то, что вы сделали.

— Ну что вы! — Посерт вдруг вспомнил, что совершенно разорен и впереди его ждет неукротимый гнев советника Онсвуда.

— Однако, — продолжала Толл, — мы посоветовались и решили погрузить в трюм вашего корабля самые различные товары, которые, как мы полагаем, вы сможете продать с немалой выгодой.

— Что ж, это очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил капитан.

— Там, например, есть меха, — сказала Толл. — Самые лучшие. Две тысячи шкурок!

— Ох! Зачем же столько?

— И еще душистые эссенции «келл-пик», — не умолкала Толл. — Каждый принес по флакону — так что в вашем распоряжении восемь тысяч триста двадцать три флакона замечательных душистых эссенций!

— Прекрасно! — воскликнул капитан. — Однако не следовало…

— А еще мы положили туда зеленый ликер «Лепти», который так вам поправился, и желе из ягод винтерберри. Я уже не помню, сколько банок, по много. — Она улыбнулась. — Как вы думаете, это можно продать?

— Еще бы! — Капитан готов был расплакаться. — Это прекрасные товары! У меня таких никогда не было.

Последнее — истинная правда. Ведьмы Карреса не могли выбрать ничего более неподходящего! Дорогие меха, парфюмерия, пищевые продукты и спиртные напитки — да его корабль расстреляют из тяжелых пушек, как только он приблизится к границам Империи! Все это было запрещено ко ввозу. Рассчитывать можно было только на советника Онсвуда, который обдерет его, как липку.

Утром он завтракал в одиночестве. Толл оставила возле его тарелки записку: ей срочно нужно разыскать Ливит, и если он отбудет до ее воз-

вращения, то она желает ему счастливого пути и удачи.

Он съел еще пару булочек с желе из ягод винтерберри, выпил большую кружку местного кофе (имевшего зерна конической формы), прикончил омлет из яиц ястреба-лебедятника, закусил куском жареной печени боллема… Великий Патам, как здесь кормят! Он, должно быть, за это время успел набрать фунтов пятнадцать!

Интересно, как это Толл удается сохранять такую фигуру?

Он с большим сожалением отодвинулся от стола, положил в карман записку (на память) и вышел на веранду. И тут ему на шею бросилась заплаканная Малин.

— Ох, капитан! — причитала она. — Вы нас покидаете…

— Ну, ладно, ладно, — пробормотал Посерт, тронутый и удивленный непритворным горем девочки. Он ласково погладил ее по плечу и, не подумав, ляпнул: — Я ведь еще вернусь.

— Да-да, непременно возвращайтесь! — сквозь слезы воскликнула Малин. — Я через два года как раз достигну брачного возраста — по карресскому времени, конечно.

— Да? Это хорошо, — рассеянно пробормотал

капитан. — Ну-ну, не плачь…

Он шел по тропинке в сторону посадочной площадки, и в голове у него все время звучала какая-то странная мелодия. Возле первого поворота этот тихий напев вдруг сменился жуткими причитаниями — как по покойнику. За следующим поворотом тропинки он вышел на небольшую, окруженную скалами поляну, залитую бледным утренним светом; в легкой дымке перед ним медленно плавали какие-то переливающиеся шары. Оказалось, это целые гроздья огромных, разноцветных мыльных пузырей, непрерывной цепочкой поднимавшихся из деревянного корыта, полного горячей воды. В корыте сидела Ливит, а Толл старательно терла ее. Ливит отчаянно орала и сопротивлялась, делая перерывы в воплях лишь для того, чтобы набрать побольше воздуха в легкие.

Капитан нерешительно остановился, и тут над корытом появилось красное сердитое личико Ливит.

— Чего уставился, старый дурак? — злобно завопила она. Потом на лице ее появилось выражение внезапной решимости. Она вытянула губы и…

Толл быстро перевернула ее животом вниз и звонко шлепнула по попке.

— Она собиралась вас обсвистеть, — объяснила она Посерту. — Вам, наверное, лучше поскорее удалиться, пока я ее держу… Счастливого пути, капитан.

Каррес в это утро казался еще более безлюдным, чем всегда. Конечно, было еще раннее утро, и повсюду, зацепившись за гигантские темные деревья и маленькие яркие домики, висели огромные облака тумана, а в кронах деревьев грустно вздыхал ветерок. С высоты доносились еле слышные похоронные крики птиц — должно быть, ястребы-лебедятники выказывали капитану свое неодобрение по поводу съеденного им омлета.

Где-то в отдалении слышался тихий наигрыш.

На полпути к посадочной площадке у самой щеки капитана что-то прожужжало-просвистело, словно гигантская оса, и с тупым звуком воткнулось в ствол дерева впереди.

Оказалось, что это длинная, тонкая и очень неприятная на вид стрела. На стрелу была надета белая карточка со словами, написанными красными печатными буквами:

«Остановись, человек с Никкелдепейна!»

Капитан остановился и осторожно оглянулся вокруг. Никого не было видно. Что это должно

означать?

Ему вдруг показалось, что весь Каррес против него, что эта милая планета превратилась в холодную, заполненную туманом гигантскую западню. По коже у него поползли мурашки.

— Ха-ха-ха! — На скале слева внезапно появилась Гот. — Значит, все-таки остановился!

Капитан медленно перевел дыхание.

— А что я, по-твоему, должен был сделать? — осведомился он. У него немного кружилась голова.

Она соскользнула со скалы, как ящерица, и оказалась прямо перед ним.

— Хочу с тобой попрощаться, — сообщила она.

Тощая, дочерна загорелая, в мальчишеской курточке, штанах и сапожках, в серо-зеленом колпачке, цветом напоминающем лишайник, она смотрела на него в упор, и на лице ее играла слабая улыбка. Но сказать что-либо определенное о ее настроении было невозможно. За плечом у нее болтался колчан, полный длиннющих стрел, в руках она держала какое-то оружие, но не лук.

Проследив за его взглядом, она пояснила:

— Охотилась на боллемов. На диких. У них мясо вкуснее.

Капитан на минуту задумался. Ага, правильно!

Они ведь держат целые стада боллемов, чтобы получать молоко, из которого делают масло и сыр.

— Ну, что же, — сказал он. — До свиданья, Гот!

Они пожали друг другу руки. Настоящая маленькая ведьма, эта Гот, думал капитан. В ней гораздо больше ведьминского, чем в ее сестрах, больше даже, чем в Толл. Впрочем, он почти ничего не узнал о ведьмах Карреса.

Странные создания!

Капитан двинулся дальше, погруженный в довольно мрачные размышления, и тут его снова окликнула Гот. Он обернулся.

— Поосторожней на взлете! — крикнула она. — Еще разобьешься!

Весь путь до корабля капитан Посерт тихо шипел от злости.

А взлет прошел просто чудовищно! За ним наблюдали несколько ястребов-лебедятников, но больше, кажется, никто. Во всяком случае, капитан очень на это надеялся.

У него была, конечно, возможность попробовать продать все эти товары напрямую, но чем больше он об этом думал, тем менее надежным ему виделось это предприятие. С другой стороны, советник Онсвуд вряд ли откажется от столь блестящей возможности сделать большие, про-

сто огромные деньги из-за каких-то запретов и эмбарго. На Никкелдепейне прекрасно разбирались во всех тонкостях межзвездной торговли, и советник, несомненно, был одним из наиболее выдающихся проныр в этом деле и не слишком боялся неповоротливого закона. А вдруг удастся установить постоянные торговые отношения непосредственно между Карресом и Никкелдепейном?

Кроме того, капитану не давала покоя мысль о том, что Малин через два года достигнет брачного возраста. По карресскому времени, конечно.

По календрическому хронометру он определил, что провел на Карресе три недели. Он, правда, никак не мог припомнить, как здешний год соотносится со стандартным временем.

Потом он обнаружил, что чем ближе к дому, тем больше его снедает нетерпение. В корабле было как-то неестественно тихо. Видимо, в этом-то все и дело! Капитанская каюта и коридор производили гнетущее впечатление — тишина, как в могиле. Он попытался вновь вести беседы с Иллайлой — то есть с ее фотографией — однако невеста с фотографии смотрела отчужденно.

Он никак не мог понять, в чем дело. Конечно, грустно было покидать Каррес, но нельзя же оста-

ваться на этой планете до бесконечности. Тем более среди таких таинственных обитателей. Он же чужой в этом мире, а Никкелдепейн…

Его одолевало смутное беспокойство — словно он должен и хочет что-то такое сделать, но вот что именно, вспомнить не может, как ни старается. На память приходили лишь какие-то мимолетные обрывки мыслей. Однако будущее существование на Никкелдепейне так или иначе представлялось ему теперь как возвращение в знакомую узкую и затхлую клетку, где он и без того уже провел значительную часть своей жизни…

Ну что ж, думал он, хочешь — не хочешь, а возвращаться придется, хотя бы ненадолго. Но как только он выполнит все свои обязательства по долгам, они с Иллайлой непременно постараются что-нибудь придумать.

Дни шли за днями, и впервые ему показалось, что космический полет — это просто очень скучный и пустой затянувшийся период безделья. Наконец на экранах корабля показался Никкелдепейн, и капитан вывел «Удачу-7333» на околопланетную орбиту, передав по коммуникатору идентификационный номер корабля. Через полчаса его вызвала Служба наведения. Он вновь

сообщил им свой номер, добавив название корабля, имя его владельца, собственное имя, порт приписки и перечень грузов.

Виды груза пришлось перечислить подробно. Конечно, это можно было бы сделать и потом, но он решил пока перебросить мячик советнику Онсвуду — пусть использует все свои связи.

— Выходите на орбиту 21,203, — кратко проинструктировала его Служба наведения. — К вам вылетает таможенный катер.

Он вывел корабль на указанную орбиту, с неудовольствием рассматривая в иллюминатор плоские скучные континенты и серые океаны Никкелдепейна, проплывавшего под ним. Его вдруг охватила такая же плоская и серая тоска. Он постарался стряхнуть ее и стал думать об Иллайле.

Три часа спустя таможенный катер пришвартовался к борту «Удачи», и Посерт выключил орбитальные двигатели. Запищал сигнал коммуникатора.

— Включите экран! — строго скомандовал чей-то голос. Капитан нахмурился и нащупал кнопку включения.

На экране возникли четыре лица; таможенники смотрели прямо на него.

— Иллайла! — воскликнул капитан.

— По крайней мере, — послышался противный голос советника Раппорта, — он привел корабль назад, папаша Онсвуд!

— Иллайла! — тщетно взывал капитан.

Советник Онсвуд молчал. Иллайла тоже. Оба упорно смотрели прямо на Посерта, но экран был слишком мал, чтобы хорошенько разглядеть выражение их лиц.

Четвертое лицо, совершенно капитану не знакомое, возвышалось над воротником полицейского мундира. Именно этому человеку и принадлежал строго звучавший голос.

— Предлагаю вам открыть носовой шлюз, капитан Посерт, — произнес полицейский. — Мы должны произвести официальный досмотр.

Только теперь капитан понял, что у его борта отшвартовался вовсе не таможенный катер, а полицейский крейсер Республики Никкелдепейн.

Колебался он не более секунды. Затем наружный люк распахнулся.

Конечно, он пытался все объяснить, но его не желали слушать — все четверо уже надели защитные костюмы, опасаясь инфекции. Они оживленно обсуждали его корабль и груз, словно самого капитана вообще не было. Иллайла

показалась ему бледной, расстроенной и очень красивой. Однако она избегала даже смотреть в его сторону.

Впрочем, разговаривать с нею в присутствии остальных ему не хотелось.

Они прошли в грузовой отсек, едва взглянув на грузы с Карреса.

— И спасательную шлюпку повредил! — отметил советник Раппорт.

Потом все вернулись в рубку, чуть не толкнув Посерта, и полицейский потребовал бортовой журнал и бухгалтерские книги. Капитан подчинился.

Трое мужчин быстро пролистали документы. Иллайла с каменным лицом смотрела в иллюминатор.

— А вы не слишком аккуратны, — сказал полицейский.

— Странно, что он вел хоть какой-то учет! — ядовито заметил советник Раппорт.

— Да, все ясно! — подвел итог советник Онсвуд.

Они выстроились, точно на параде, и дружно уставились на него. Советник Онсвуд сложил руки на груди, выставив вперед костистый подбородок. Советник Раппорт стоял более вольно, чуть

улыбаясь. Полицейский имел официальный вид.

— Капитан Посерт, — начал он, — против вас выдвинуты следующие обвинения, которые отчасти подкрепил произведенный нами предварительный осмотр…

— Обвинения? — переспросил капитан.

— Да помолчите вы! — рявкнул советник Онсвуд.

— Во-первых: кража драгоценностей и ювелирных изделий на сумму четверть миллиона маэлей у гражданина имперской планеты Порлумма…

— Ему же все возвратили! — возмутился капитан.

— Реституция краденого, в частности, инспирированная страхом возмездия, не влияет на действенность исходного обвинения, — процитировал советник Раппорт, глядя в потолок.

— Во-вторых, — продолжал полицейский, — приобретение рабов, разрешенное имперским законом, однако запрещенное — под страхом исправительных работ сроком от десяти до пятнадцати лет — по законам Республики Никкелдепейн…

— Да я этих детишек просто домой отвез! — сказал капитан.

— Сейчас перейдем и к этому пункту, — кивнул полицейский. — Итак, в-третьих: кража различных товаров стоимостью сто восемьдесят тысяч маэлей с корабля, приписанного к имперской планете Леппер, сопровождавшаяся угрозами насилия и оскорблениями в адрес экипажа указанного корабля…

— Я хотел бы сделать кое-какие добавления и пояснения, — вклинился советник Раппорт. — Регентство Сириус, которому принадлежит планета Леппер, является союзником Республики Никкелдепейн и связана с последней торговыми и военными соглашениями, представляющими для нас значительную политическую ценность. Регентство в своей ноте указало, что подобные враждебные действия со стороны гражданина Республики против подданного Регентства способны оказать негативное влияние на отношения между государствами. Вина обвиняемого, таким образом, отягощается еще и попыткой государственной измены — по отношению к Республике, разумеется. — Он выразительно посмотрел на капитана. — Я полагаю, можно также сразу отмести возражение обвиняемого, что все указанные товары якобы возвращены владельцам. Да, возвращены — но под угрозой силы!

— В-четвертых, — терпеливо продолжал полицейский, — порочное и безнравственное поведение при выполнении функций торгового представителя Республики, что нанесло как материальный, так и моральный ущерб вашему работодателю…

— Что-о-о?! — взревел капитан.

— … а также использование в качестве соучастниц трех ведьм с печально известной планеты Каррес…

— Ну в точности как его двоюродный дед Требус! — Советник Онсвуд был мрачен. — Это у них в крови, уж мне ли не знать!

— … и подозрительно долгое пребывание на указанной планете Каррес, посещение которой запрещено…

— Да я до недавнего времени о ней слыхом не слыхивал! — возмутился капитан.

— А надо было внимательнее читать Инструкции! — снова вылез советник Раппорт.

— Замолчите вы! — рявкнул советник Онсвуд.

— В-пятых, — спокойно продолжал полицейский, — небрежное и халатное обращение с чужим имуществом, повлекшее за собой материальный ущерб на сумму восемьдесят две тысячи маэлей…

— У меня есть пятьдесят пять тысяч наличными. И груз, который стоит по меньшей мере четверть миллиона.

— Это контрабандный груз, а следовательно, с юридической точки зрения, он не существует, — возразил полицейский. Советник Онсвуд громко откашлялся и сказал:

— Груз, несомненно, будет арестован. Если же возникнет возможность реализовать его, то прибыль от реализации пойдет на погашение нынешних задолженностей обвиняемого. В какой-то степени, конечно, это сможет повлиять на приговор…

— В-шестых, — снова стал читать полицейский, — участие в разработке и демонстрации нового типа двигателя, каковой должен быть незамедлительно и с соблюдением всех норм секретности представлен руководству Республики Никкелдепейн.

Все с какой-то особой жадностью уставились на Посерта. Ага, догадался капитан, вот в чем дело! Вжжик-тяга понадобилась!

— Ваш приговор может быть значительно смягчен, Посерт, — вкрадчивым голосом заметил советник Онсвуд, — если вы проявите благоразумие. Что это за двигатель?

— Папа! Осторожнее! — вскрикнула Иллайла.

— Посерт! — Советник Онсвуд перешел на шепот. — Это что такое, Посерт?

— Бластер, — кипя от злости, ответил капитан.

На секунду все замерли. Затем полицейский конвульсивно дернул рукой.

— Ну-ну? Что же вы? — спросил капитан с издевкой. Советник Раппорт медленно отступил.

— Стоять! — рявкнул капитан.

— Посерт! Ты с ума сошел! — вскрикнули в один голос советник Онсвуд и его дочь.

— Молчать!

В рубке воцарилась полная тишина.

— Если бы вы были повнимательнее, — капитан говорил почти спокойно, — то заметили бы, что у меня выдвинуты все орудийные башни, а пушки «Нова» нацелены на ваше корыто, так что лучше ему даже не двигаться. И вам тоже. — Он повернулся к полицейскому: — Немедленно откройте люк, натягивайте скафандр и выметайтесь отсюда!

Люк со скрежетом отворился. Теплый воздух тут же улетучился с корабля, лишь прошелестели страницы бортового журнала и бухгалтерских книг, полетевших на пол. В рубку хлынул разреженный, холодный воздух верхних слоев

атмосферы Никкелдепейна.

— Теперь вы, Онсвуд! — велел капитан, с минуту подождал и мотнул головой в сторону советника Раппорта: — А вы просто повернитесь!

Советник Раппорт вылетел с корабля с несколько большей скоростью, чем можно было ожидать от малосильной тяги скафандра.

— Посерт, — встревоженно спросила Иллайла, — ты спятил?

— Нисколько, радость моя, — радостно ответил ей капитан. — Сейчас мы с тобой рванем отсюда как можно дальше и вместе начнем новую, замечательную, преступную жизнь!

— Но, Посерт!..

— Ты привыкнешь, — успокоил ее капитан. — Я же привык. Такая жизнь куда лучше жалкого прозябания на Никкелдепейне!

— Тебе не уйти, — сказала Иллайла. Лицо ее было бледно. — Мы предупредили, чтобы сюда на всякий случай были выдвинуты крейсеры и истребители противокосмической обороны...

— Ничего, справимся! — заявил капитан и протянул руку к панели управления. — Да они и не станут стрелять, пока ты у меня на борту.

— Ты ничего не понимаешь! — Иллайла, казалось, была в отчаянии. — Ты не сможешь

оставить меня здесь!

— И кто же мне помешает? — осведомился капитан.

— Посерт, послушай: теперь я мадам советница Раппорт!

— Вон оно что… — Они помолчали. Совершенно подавленный, он спросил: — И давно?

— Уже пять месяцев.

— Великий Патам! — воскликнул капитан. — Значит, сразу после моего отлета… Вы что же, были обручены?

— Да, были. Тайно, — призналась Иллайла. — И я считаю, что имела на это право.

— Полагаю, что да. — Теперь капитану было уже все равно. — Ну хорошо. Люк открыт, твой муж ждет тебя, так что проваливай, радость моя!

Оставшись в одиночестве, капитан запер наружный и внутренний люки шлюза, включил подачу кислорода и от души выругался. Заверещал сигнал коммуникатора.

— Посерт! — раздался из динамика голос советника Онсвуда. Голос звучал вполне дружелюбно, но трусовато. — Мы можем лететь? Или ваши пушки по-прежнему нацелены на нас?

— А да-да, пушки!.. — Капитан чуть сместил прицел. — Можете убираться восвояси, да по-

скорее!

Полицейский крейсер тут же исчез.

Но со всех сторон к «Удаче» приближались боевые корабли, а далеко внизу виднелись истребители противокосмической обороны. Вот они развернулись и вышли на новый виток спирали, поднимаясь все выше. Скоро они начнут стрельбу, оставаясь между ним и поверхностью планеты, а крейсеры обойдут его с флангов, возьмут в клещи и поведут вниз, в сети парамагнитных захватов. И если он не выкинет белый флаг…

С минуту капитан размышлял. Истребители сделали новый виток. Он врубил вспомогательные двигатели, развернул корабль носом к планете и дал ему шпоры. Проносясь сквозь строй истребителей, он успел заметить несколько разрозненных вспышек и разрывов. Оказавшись ниже противника, он резко вывел «Удачу» из пике. Корабль протестующе застонал. Истребители развернулись и устремились в погоню. Капитан выбрал ближайший и повернул пушки в его сторону.

— …а на закуску врежу посередке! — пробормотал он сквозь сжатые зубы.

С-с-с-с-вжжик!

Вжжик-тяга! Что за чушь? Откуда?..

— Малин! — ревел капитан, барабаня в запертую дверь капитанской каюты. — Я знаю, что это ты, Малин! Немедленно отключи ее! Ты же убьешь себя!

«Удача» вдруг вздрогнула всем корпусом, подпрыгнула, кашлянула и продолжила полет на собственных двигателях.

— Малин! — не унимался капитан, прикидывая, на сколько световых лет их унесло от Никкелдепейна. — Что с тобой, Малин?

Посерт бросился в грузовой отсек, надеясь найти там подходящий инструмент, чтобы вскрыть дверь. Несколько секунд — и часть стальной двери ухнула внутрь; Посерт ввалился следом. Он успел еще заметить краткий отсвет оранжевого пламени, полыхавшего над конусом из скрученных проволочек, потом пламя погасло и проволочки с легким стуком упали на крышку стола.

За столом на полу он не сразу заметил маленькую скрюченную фигурку. Колени у него сразу стали ватными.

Огромные карие глаза открылись и посмотрели на него.

— Ничего себе! — пробормотала Гот. — Сил ни капельки не осталось… А как есть хочется!..

Вот я тебя сейчас так выпорю, — заорал капитан, — что неделю сидеть не сможешь! И если ты еще хоть раз посмеешь…

— Не кричи! — потребовала Гот. — Я есть хочу!

Минут пятнадцать она без перерыва что-то жевала и глотала. Потом отвалилась на спинку стула и вздохнула.

— Возьми еще ягодного желе, — предложил капитан. Гот все еще была бледна.

— Больше не могу… — Она помотала головой. — Между прочим, это первые разумные слова, которые я от тебя слышу с тех пор, как ты сломал дверь и влетел сюда, ругая Малин на все лады… Кстати, у Малин есть дружок!

— Помолчи. — Капитан задумался. — А что, настоящий друг?

— Ну да. В прошлом году познакомились. Хороший парень, из города. Они поженятся, как только Малин достигнет брачного возраста. Она тебя просила вернуться на Каррес только потому, что у нее было предчувствие: тебя ждет ужасная беда.

— И предчувствие, надо сказать, ее не обмануло.

— Ну так о чем ты подумал? — сменила тему Гот.

— А вот о чем: раз с тобой все в порядке, я немедленно разворачиваюсь и везу тебя на Каррес.

— Со мной-то все в порядке, — странным тоном сказала Гот. — Но отвезти меня на Каррес совершенно невозможно.

— Это почему же? — осведомился капитан.

— Карреса больше нет, — сообщила Гот.

— Как это — нет? — Капитан почувствовал, как в животе у него все леденеет от непонятного ужаса.

— Не беспокойся, с ним самим все в порядке, — успокоила его Гот, — просто его переместили. Этим идиотам, подданным Империи, опять нейметься!.. Они выслали против Карреса целый флот, поэтому планету решили убрать подальше.

— Куда?

— Откуда же мне знать? На свете столько разных мест…

Да, разных мест на свете много! Внезапно перед глазами капитана промелькнуло видение — белоснежная, похожая на чашу, арена с крутыми рядами сидений… Тот самый «Театр, в котором…»

— А тебя не хватятся? — спросил капитан.

— Не думаю.

— А с планетой — это опять вжжик-тяга? —

спросил он.

— Да вроде бы… — Гот поморщилась и честно призналась: — Я не могу тебе этого сказать. Пока ты не станешь таким, как мы. У нас есть определенные правила — ничего сразу не дается. Наверное, пару лет займет, не меньше. По карресскому времени.

— Пару лет? — Капитан задумался. — И ты намерена все это время оставаться здесь, со мной?

Гот нахмурилась, разглядывая банку с ягодным желе, потом придвинула ее к себе.

— Ну да, даже больше, — призналась она наконец. — А потом достигну брачного возраста…

— А когда это произойдет?.. — насторожился капитан, но Гот его не слышала, все свое внимание обратив на желе.

— Я уже все продумала, — она говорила, точно обращаясь к содержимому банки. — Когда они стали говорить, что, мол, хорошо бы подыскать тебе жену на Карресе, я сразу сообщила: твоей женой буду я. И все согласились, даже Малин, потому что у нее-то уже есть жених…

— Ты хочешь сказать, — сказал капитан, — что родители знали о твоем плане? О том, что ты хочешь попасть на «Удачу»?

— Естественно. — Гот наконец отодвинула бан-

ку с желе и посмотрела ему прямо в глаза. — Отец сказал, что ты все равно порвешь с Никкелдепейном, и очень скоро. А еще он сказал, что это у тебя в крови.

— Что именно у меня в крови?

— Что ты непременно порвешь с этими… Это не я, это Требус сказал, мой отец! Ты его раза два в городе видел. Большой такой, борода светлая. Малин и Ливит — обе в него. И ты на него тоже здорово похож. Ведь вы родственники.

— Неужели этот Требус и есть мой пресловутый двоюродный дед? — Капитан старался уже ничему особенно не удивляться.

— Ну да, — подтвердила Гот.

— Тесен мир! — философски заметил капитан. — Значит, вот он где, Требус этот! Хорошо бы с ним увидеться.

— Непременно увидишься, — заверила его Гот. — Но, видимо, нескоро. — Она помолчала. — По-моему, там заваривается серьезная каша. Иначе они бы не стали перемещать планету. Так что придется ждать, пока это все не закончится.

Значит, это какие-то межзвездные политические интриги, затрагивающие и Каррес, и Империю… Капитан подумал немного и решил плюнуть на это. Он же все равно ничего не узнает,

нет смысла и беспокоиться заранее.

Гот изучающе смотрела на него.

— Ты все еще хочешь расплатиться со своими долгами?

Капитан кивнул.

— Ну, что же, — сказала Гот, — у меня на этот счет есть некоторые идеи.

— Только без ведьминских штучек! — предупредил капитан. — Мы заработаем деньги честным путем!

Гот сделала невинные глаза и зевнула.

— Конечно, честным. Но разбогатеем непременно! — она снова зевнула. — До чего ж я устала! Пожалуй, пора спать.

— Не забудь вымыть уши! — Капитан попытался припомнить остальные указания Малин.

— Вымою, — сонным голосом сказала Гот и исчезла за дверью. Но минуту спустя дверь снова резко распахнулась. Капитан оторвал глаза от многотомного «Свода общих инструкций и космических правил Республики Никкелдепейн», обнаруженного в одном из ящиков под пультом управления, и с удивлением уставился на Гот, представшую на пороге. Сна у нее не было ни в одном глазу. Она весело ухмылялась.

— Ты тоже вымой на ночь уши! — велела она.

— Ладно, — сказал капитан, минуту подумав. — Вымоем уши оба. Капитан начал просматривать длиннющее оглавление на букву К. Каррес? Или надо было начинать с буквы В — Ведьмы?

Глава 3

Ключевым оказалось слово «Запрещенная»…

Под этим заголовком в Инструкции имелась целая страница, напечатанная достаточно мелким шрифтом. Здесь говорилось о запрещенной планете Каррес — главным образом в форме гипотез и догадок. На Никкелдепейне, видимо, так и не сумели разобраться, то ли ведьмы разработали новые технологии угрожающе высокого уровня, то ли их успехи связаны с чем-то абсолютно сверхъестественным. Но что было сказано совершенно четко, так это следующее: власти Республики НЕ ЖЕЛАЛИ, чтобы ее граждане имели какие-либо дела с планетой Каррес, опасаясь «духовного осквернения». А посему подобные контакты рассматривались как измена родине и были строжайше запрещены.

Далее следовала целая подборка цитат из высказываний на сей счет различных именитостей. Например:

«…эти женщины обладают зловредным даром очаровывать и завлекать… Прикрываясь так называемой клатха-магией…»

Клатха? Слово казалось капитану знакомым.

Он нахмурился и порылся в памяти. Клатха — некая метафизическая концепция, нечто вроде «космической энергии», нечто не совсем понятное… Считалось, что некоторые люди способны на нее «настраиваться», как бы притягивать ее и использовать в самых различных целях…

Капитан крякнул. Возможно, этим словом просто некогда обозначили действия ведьм. Но какие? Вот ведь что неясно!

Вжжик-тяга в Инструкции не упоминалась вообще. Возможно, это одно из недавних достижений ведьм. И годится только для отдельных разновидностей космических кораблей. То, как вел себя советник Онсвуд и его спутники, заставляло предполагать, что полученные ими сведения о «нестандартном» поведении «Удачи» были вообще первой информацией о ведьминской супер-тяге.

Ничего удивительного, что у них сразу руки зачесались. Как и у правительства Империи, впрочем. Вот «Удача» и попала в «черный список»…

…Экраны, масс-детекторы и коммуникаторы были включены, но из последних доносился лишь монотонный непрерывный шум — это должно было означать, что на расстоянии, по

крайней мере, светового дня нет ни одного цивилизованного мира. Какой-нибудь космический корабль мог, конечно, пройти и на более близком расстоянии, но межзвездные перелеты обычно совершаются на очень высоких скоростях, иначе коммуникатор наверняка засек бы шумы, сопровождающие корабль.

Впереди по курсу виднелось странной формы облако пурпурного цвета чуть меньше девяти световых лет. Пурпурное облако могло бы служить отличным маяком, если бы капитан хоть что-нибудь слыхал о нем. В космическом мраке ярко сверкали или тускло поблескивали мириады звезд. Кое-где виднелись облака космической пыли. Справа сиял весьма знакомый с виду звездный пейзаж, который, впрочем, тоже не способен был помочь им сориентироваться — то был Млечный Путь, сверкавшие, точно замерзший водопад, каскады звездного огня. Известно, что он выглядит почти одинаково, с какой точки пространства на него ни смотри. Все пути в этой бездне казались совершенно однообразными. Оставался, конечно, обычный, стандартный способ определить свое местонахождение.

Капитан включил электронную карту навигационных радиомаяков и настроил коммуни-

каторы на их обычную частоту. Если удастся засечь три или четыре самых сильных сигнала, нетрудно будет определить и местонахождение «Удачи».

Первый сигнал он поймал уже через минуту. Очень слабый, но все же характерный для радиомаяков Империи. Видимо, они были очень далеко от ее границ. Капитан нажал на кнопку идентификации сигнала, извлек из пеленгатора карточку с позывными и сунул ее в приемную щель электронной навигационной карты.

Прибор немедленно выплюнул карточку обратно: позывные не известны.

Капитан немного подумал, потом снова нажал на кнопку идентификации, вынул новую карточку и опять сунул ее в приемную щель. Позывные на обеих карточках были одинаковые, так что пеленгатор, по всей видимости, работал нормально. Просто по какой-то причине эти позывные не были зарегистрированы в его карте.

Он нахмурился, откорректировал пеленгатор и поймал еще один сигнал. Тоже очень похожий на имперские позывные.

И опять электронная карта отвергла карточку.

Минуту спустя то же самое произошло и с третьей карточкой. Последний сигнал был самым

слабым, едва различимым. Других не последовало…

Капитан в задумчивости откинулся на спинку кресла. Несомненно, карты маяков, которые Никкелдепейн предоставлял в распоряжение своих торговых кораблей, охватывали далеко не все владения Империи. Торговые фирмы Республики вели дела с центральными областями Империи и некоторыми из ее западных и северных провинций. Это было вполне практическое ограничение. Длительность космических перелетов к планетам, находившимся за пределами этой и без того весьма обширной зоны, тем более с обычными грузами, попросту сводила на нет любую коммерческую выгоду.

Гот запустила вжжик-тягу минуты за две до того, как потеряла сознание. Но и этого, видимо, хватило, чтобы угнать «Удачу» далеко за пределы зон действия космических маяков.

Посерт хмыкнул, покачал головой и вылез из кресла. В грузовом отсеке корабля имелся шкаф со старыми бумагами и картами, сохранившимися с тех времен, когда «Удача» была еще новеньким исследовательским кораблем дальнего поиска. Как-то однажды он уже пытался разобрать этот шкаф. Он тогда с большим любопытством

просматривал толстые связки звездных карт, на которых были изображены разнообразные и самые неожиданные области космического пространства. Были там, кажется, и карты радиомаяков. Может быть, с их помощью…

А что, хорошая идея! Он, правда, привык к электронным картам, но и этими все же можно было пользоваться. Третья карта, которую он вытащил наугад, дала положительный ответ на все три его запроса о сигналах радиомаяков, и, когда он наложил полученные пеленги на соответствующую звездную карту, она с точностью до одного светового дня указала нынешнее местонахождение «Удачи».

Несмотря на все свои невероятные приключения, он сначала просто не поверил своим глазам!

На старых картах были отмечены цивилизованные миры, о которых капитану даже слышать не доводилось. Были там, впрочем, и знакомые названия — планет, некогда игравших значительную роль в истории галактики. Древние названия миров, невероятно удаленных от нынешней сферы коммерческих интересов Никкелдепейна, звучали, как туманная легенда. Включенная Гот вжжик-тяга не просто увлекла их корабль вдоль

границ Империи за ее пределы. Она протащила «Удачу» сквозь всю Империю к ее противоположному концу, на самый восток галактики. Сюда, насколько капитан мог припомнить, уже в течение сотни лет не залетал ни один корабль с Никкелдепейна.

Некоторое время капитан смотрел на экраны, пытаясь разобраться в незнакомых скоплениях звезд. Кровь стучала у него в висках от возбуждения. Так вот куда они забрались! Их корабль словно провалился сквозь темные века в прошлое, в забытые миры, где капитан остался один — с ним только маленькая таинственная ведьма с планеты Каррес. И сейчас она спит как убитая в капитанской каюте…

А вокруг — капитан почти физически ощущал это — лишь неведомые звездные пути, по которым его старый корабль летал когда-то, в дни своей юности. Корабль явно радовался возврату в прошлое, пробуждался, встряхивался и был готов к любым приключениям, которые могут ждать его впереди.

Для него это было подобно возвращению домой, к чему-то давно утраченному, но отнюдь не позабытому.

Впереди лежала неведомая жизнь — яркая,

многообещающая и непредсказуемая!

Капитан вздохнул, отвернулся от экранов. Взгляд его случайно упал на небольшую переносную лампу, стоявшую на коммуникаторе и освещавшую рабочий столик под ним.

Посерт нахмурился и подошел поближе. Волосы у него встали дыбом, шея вытянулась, как у терьера, столкнувшегося нос к носу с новой дичью, которая может оказаться весьма опасной.

В самой лампе ничего странного или опасного не было. Обыкновенный осветительный прибор на атомной батарейке, с гибкой стойкой, дающей возможность направлять луч куда нужно, с подставкой, прочно «прилипавшей» к чему угодно — переборке, палубе, столу. Капитан не раз пользовался этой лампой. Он привык к ней, точно к услугам незаметного и дружелюбного маленького домового. Лампа стала для него едва ли не самостоятельной личностью.

В данный момент ее луч был направлен именно туда, куда было нужно капитану — на столик, где он изучал звездные карты. Но именно это-то и показалось Посерту неестественным! Потому что он был абсолютно уверен, что НЕ СТАВИЛ лампу над этим столиком! Когда он ее видел в последний раз — перед тем, как отправиться в

грузовой отсек, — она стояла на своем обычном месте, на панели управления, сбоку. А с тех пор он к панели не подходил.

Может, это Гот пробует на нем свои штучки? Нет, на нее не похоже… Тут он вспомнил: минут двадцать назад он сидел за столом, пытаясь разобрать наполовину выцветшую запись на полях одной из старых карт. И у него возникла мысль воспользоваться лампой — чтобы свет был поярче. Но капитан тут же забыл об этом.

А потом — через какой-то промежуток времени — яркий свет появился именно там, где был нужен, причем появился так ненавязчиво, что он, сидя за столом, не заметил, как это произошло.

Он еще некоторое время тупо смотрел на лампу. Потом взял ее и пошел по коридору в капитанскую каюту.

Гот лежала, свернувшись калачиком на широкой койке. Одеяло она натянула до самых ушей. Дыхание девочки было тихим и спокойным, но лоб морщился, словно ей снилось что-то неприятное. Изучив ее лицо в свете лампы, капитан убедился, что она и в самом деле спит, а не притворяется. Впрочем, подобный мелкий обман был бы не в ее духе. Эта девчонка всегда предпочитала действовать напролом…

Капитан огляделся по сторонам. Одежда Гот была аккуратно повешена на спинку кресла, сапожки стояли рядом. Он уменьшил яркость освещения и вышел из каюты, не потревожив ее. Вернувшись в рубку, капитан выключил лампу, поставил ее на стол и остановился в задумчивости, потирая кулаком подбородок.

Нет, это не провал памяти; и если это все же сделала Гот, то не нарочно. Весьма возможно, клатха может действовать совершенно независимо от контролирующего и направляющего ее человека — например, когда он спит. В таких случаях, наверное, могут возникнуть и неприятные последствия. Когда Гот проснется, надо будет спросить ее, каким образом…

Резкий неприятный сигнал, донесшийся вдруг с панели управления, заставил капитана подскочить. Рука сама метнулась к рычагам управления и отключила подачу топлива к двигателям. Сигнал замолк, но целая группа контрольных ламп продолжала мигать красным светом.

В возникшей проблеме, как он понял уже через несколько минут, не было ничего сверхъестественного. Однако это действительно проблема и довольно серьезная. Показания индикаторов на панели свидетельствовали о неполадках в

главных двигателях. И неудивительно: когда он полгода назад покидал Никкелдепейн, его шансы вернуться домой были пятьдесят на пятьдесят. Однако до сих пор двигатели работали безупречно.

Лучше бы они, конечно, вышли из строя где-нибудь в другом месте и в более удобное время. Но пока что у капитана не было оснований считать случившееся крупной неприятностью.

Он достал инструменты, прошел в хвостовую часть корабля и, спустившись в машинное отделение, принялся за работу. Через полчаса он уже знал, что поломка не так уж страшна. Выход из строя одного из ходовых двигателей привел к перераспределению нагрузки между остальными, в результате чего тут же выявились и другие мелкие беды. Однако двигатели еще могли поработать, так что вопрос о том, чтобы много месяцев тащиться до ближайшего космопорта на вспомогательных двигателях, отнюдь не стоял. Если покопаться, можно привести в порядок и основную тягу: она вполне способна поработать еще недели две-три минимум. Но общий износ двигателей явно превышал все их ресурсы, и восстановлению они уже не подлежали. Это старье нужно было менять как можно скорее, а

пока необходимо как следует отрегулировать, установив режим работы в половину обычной мощности, чтобы уменьшить дополнительные нагрузки. Если к кораблю кто-либо приблизится с враждебными намерениями, у них все еще будет возможность включить ненадолго полную мощность — для этого на панели управления имелись соответствующие кнопки. Из того, что капитан уже слышал о побочных эффектах вжжик-тяги, было ясно, что в подобной ситуации Гот, видимо, мало чем сможет помочь…

В любом космическом порту, где имеются ремонтные службы и где можно снять двигатели с корабля, такая регулировка заняла бы всего несколько минут. Но для одного человека, которому к тому же приходится все время лазить в руководство по ремонту, да еще в тесном пространстве машинного отделения, это было трудновато. Работа предстояла длительная и напряженная. Наконец, вытянувшись в весьма опасном положении и повиснув в шахте двигателя, капитан устало вперил глаза в регулировочные клапаны, которые ему нужно было выставить заново. Под ним было темное пространство шахты, и он едва мог дотянуться до двигателя со своими инструментами.

Неплохо бы иметь здесь освещение получше, подумал он.

И чуть не поперхнулся: Вселенная будто на мгновение остановилась и лукаво подмигнула. Волосы на затылке зашевелились, словно в спину ему дунул несильный ледяной ветерок…

Почему-то он уже точно знал, что сейчас произойдет, и поэтому не имеет ни малейшего смысла пытаться отменить свое невысказанное вслух желание… Механизм клатхи уже включился, и ничто не могло его остановить…

Прошла секунда или две. Затем над шахтой появилось пятно света. Капитан понял, что свет исходит откуда-то сверху, из-за его плеча. Он осторожно глянул вверх.

Да, там оно и сидело, это маленькое чудовище, прицепившись своей подставкой к переборке! Тонкая стойка выдвинулась вниз, изогнувшись, как змея, чтобы луч попадал как раз туда, куда нужно капитану. По коже у него побежали мурашки. Это было словно в кошмарном сне…

Ну и что, это же всего лишь клатха! — сказал он себе. После знакомства с вжжик-тягой и прочими ведьминскими штучками лампа, таинственным образом передвигающаяся сама по себе, не должна вызывать особых эмоций. Не обращай

внимания, сказал он себе, продолжай работать…

Он тщательно отрегулировал двигатель и дважды его проверил, чтобы полностью убедиться, что все сделал правильно. На этом работа в машинном отделении была закончена. На лампу он больше не смотрел, но она по-прежнему освещала шахту. Капитан сложил инструменты, рассовал их по карманам, повернулся, стараясь не потерять при этом равновесия, и сиял лампу с переборки.

Выбираясь из шахты, он держал лампу за стойку на некотором отдалении от себя, словно это был василиск, который в любой момент мог превратить его в статую. Вернувшись в рубку, он поставил лампу обратно на стол и в течение следующих двадцати минут не обращал на нее никакого внимания — занимался полной проверкой двигателей на всех режимах работы. Приборы показывали вполне удовлетворительные результаты. Потом он вновь включил главную тягу и дал форсаж. Все как будто функционировало нормально. «Удача» снова была в рабочем состоянии. В определенных пределах, конечно. Он развернул корабль и положил его на новый курс, почти параллельно восточной границе Империи; потом включил автопилот и направился

к электронному буфетчику за чашкой кофе.

Вернувшись, он встал, держа в руках чашку, перед лампой и уставился на нее. С тех пор, как он поставил ее на привычное место, она не двигалась и прилежно освещала стол.

Капитан отставил чашку в сторону, чуть отступил назад и громко обратился к лампе:

— А ну-ка, давай посмотрим, что ты еще умеешь!

Когда эхо его голоса смолкло в коридорах «Удачи», он ткнул пальцем сперва в лампу, затем в сторону рабочего стола возле коммуникатора.

— Переместись-ка вон туда! — приказал он лампе.

Весь корабль, казалось, замер. Даже отдаленный гул двигателей вроде бы стал тише. У капитана опять зашевелились волосы на затылке. Секунды текли одна за другой, но лампа не двинулась с места.

И вдруг взяла и погасла.

— Нет, — сказала Гот. — Это не я. И ты тут, по-моему, тоже ни при чем. Вернее, не ты это сделал.

Капитан посмотрел на нее. Он успел несколько часов поспать на кушетке в рубке, а когда проснулся, Гот уже явно отдохнула и восстановила силы.

Она сразу пожелала выяснить, почему «Удача» идет на половинной тяге. Капитан объяснил.

— А ты, в случае чего, сможешь снова включить вжжик-тягу? — спросил он.

— Только очень ненадолго.

— Ладно, тоже неплохо…

Капитан рассказал ей о своих экспериментах с настольной лампой. Она слушала с видимым интересом, но без малейших признаков удивления.

— Почему же ты сказала, что не во мне дело?

Гот наморщила носик, поколебалась и вдруг выдала:

— В тебе просто ЭТО есть, капитан! Я же говорила! И подобной силы в тебе очень много. В том-то вся и беда.

— Какая беда? — Капитан откинулся в кресле. Гот о чем-то думала, явно встревоженная.

— Мне надо сейчас быть очень осторожной, — сказала она. — Людям не следует знать о клатхе больше, чем нужно. Такова ее сущность. Иначе она ни за что не будет на них работать, а может и навредить. Вот почему у нас такие строгие правила. Понял?

— Не совсем, — хмуро покачал головой капитан. Гот нетерпеливо тряхнула головой.

— Ясно, что это не я переносила лампу. Стало

быть, это клатха; а если бы ты не мог управлять клатхой, лампа никуда бы не переместилась.

— Но ты же сказала…

— Я пыталась объяснить попроще… Но, видимо, пришло время иных слов… На Карресе все сразу поняли: ты очень способный. Великий Патам! Да у тебя такие способности, что взрослые просто диву давались! А ведь этому полагается долго учиться! В общем, это довольно сложно… Я и сама-то пока не слишком много знаю.

— Ты хочешь сказать, что это я генерирую клатха-энергию?

Она объяснила: человек сам генерировать клатху не может. Но если у него есть определенные способности — врожденные и достаточно сильные — то он может ее притягивать. Этот процесс усиливается в присутствии других одаренных людей. Способности капитана не имели возможности развиваться, пока он не попал на Каррес, где очень быстро, помимо собственной воли, превратился в точку притяжения клатха-энергии, которой все вокруг оперировали; причем многие были очень недовольны его присутствием, потому что сложный и четко отлаженный механизм использования клатхи совершенно разладился.

Тут до капитана дошло:

— Так вот почему они ждали моего отлета, чтобы переместить Каррес!

— Правильно, — кивнула Гот. — Они не могли рисковать планетой, пока ты находился на ней.

Оказывается, капитан Посерт служил предметом бесконечных споров и дискуссий все время его пребывания на Карресе. Чтобы не повредить пробуждавшимся талантам, ведьмы не могли даже объяснить ему, что с ним происходит. Только дети, которые пользуются клатхой почти инстинктивно, никак не реагировали на его присутствие. Подростков вроде Малин оно уже беспокоило, но далеко не так, как взрослых.

— Ты просто еще не умеешь всем этим пользоваться! — заявила Гот. — Но непременно научишься! И очень скоро.

— Ты уверена?

Ее ресницы дрогнули.

— Говорят, и у Требуса так было, он тоже поздно начал. Ему года два понадобилось, чтобы догнать остальных. Зато теперь куда им до него!

Капитан был настроен скептически.

— Ну, ладно, посмотрим… Ты, между прочим, тоже молодец!

— Наверное… Вообще-то, у нас немногие взрос-

лые сумели бы так далеко угнать корабль…

— Но давай все же разберемся с этой лампой! Насколько я понял, после включения тобой вжжик-тяги вокруг «Удачи» собралось много клатхи, верно? Но ты утверждаешь, что управлять ею я не умею, значит…

— Похоже, ты притянул сюда *ватча*, — сказала Гот.

И пояснила, что ватч — одно из проявлений клатхи, точнее, одна из ее сущностей. Ватчи редко посещают здешнюю Вселенную, но иногда их случайно притягивают люди, оперирующие клатхой. Ватчи могут здесь остаться, если им будет интересно, и тогда сами начинают выдавать разные неожиданные штуки, связанные с клатхой. Они вроде бы считают, что их приключения в нашей Вселенной — всего лишь сны. Они могут помогать человеку, который сумел привлечь их внимание, однако склонны вести себя довольно безответственно и порой даже приносить вред. Ведьмы предпочитают вообще не иметь с ними никаких дел.

— Значит, сейчас нечто в этом роде находится у нас на борту! — нервно заметил капитан.

Гот помотала головой.

— Нет — с тех пор, как я проснулась. Я бы его

релировала, если б он еще был здесь.

— Релировала?

Она лишь улыбнулась в ответ.

— Еще что-то, чего мне до поры до времени не понять, пока я сам этому не научусь? — спросил капитан.

— Правильно. Да ладно, все равно ты уже от этого ватча избавился. И, по-моему, навсегда.

— Я избавился? Каким образом?

— Когда приказал лампе переместиться. Ватч, видно, решил, что ты приказываешь ему, а они приказаний терпеть не могут. Наверное, он разозлился и исчез.

— Ты думаешь, он не вернется?

— Обычно они не возвращаются. Но в любом случае я его тут же обнаружу.

— Так… — Капитан поскреб подбородок. — А теперь скажи, почему ты решила угнать корабль именно к востоку от Империи?

У Гот, как выяснилось, была на то масса причин. И некоторые из них на первый взгляд выглядели совершенно неправдоподобно.

— Во-первых, здесь находится планета Ульдуна! — Пальчик Гот скользнул по звездной карте. — На половинной тяге мы дойдем туда примерно за неделю.

Капитан изумленно воззрился на нее. Ульдуна упоминалась в исторических хрониках Никкелдепейна, однако отнюдь не в положительном смысле. Во главе со своим верховным вождем, именовавшимся даалом по имени Седмон Мрачный, и его наследниками, также носившими это имя, население планеты превратило ее в столицу жестокой пиратской конфедерации, которая не раз подчиняла себе чуть ли не половину Империи и осуществляла грабительские рейды далеко за ее пределами. И этот период истории еще не совсем канул в Лету.

— Но что в этом хорошего? И зачем нам Ульдуна? По-моему, там живут самые настоящие головорезы!

— Да, раньше так и было, — признала Гот. — Но это все в прошлом. Они теперь вроде как исправились.

— Вроде как?

Она пожала плечами.

— Ну, они по-прежнему мошенники и негодяи, но с ними иметь можно дело.

— Да неужели?

Но она, кажется, знала, о чем говорит. Ведьмы были хорошо осведомлены о том, что творится в этом районе пространства. Ведь Каррес, до того,

как переместиться в систему звезды Ивердаль, находился именно здесь, к востоку от Империи.

Реформы, начатые предыдущим даалом Ульдуны, Седмоном Пятым, и продолженные его наследником, были делом необходимости и простой целесообразности: растущая мощь Империи превращала широкомасштабное пиратство в бесприбыльное и рискованное предприятие. Седмон Шестой был талантливым политиком, который поддерживал взаимовыгодные отношения с Империей и другими соседями по космосу, одновременно получая большую часть доходов за счет обслуживания и удовлетворения потребностей тех, кто предпочитал действовать вне рамок закона, установленного любыми правительствами. Ульдуна сегодня выступала в роли банкира, убежища, притона, торгового центра, поставщика снаряжения, подрядчика, брокера и посредника для всех, кому по карману ее услуги.

— Значит, продаем груз на Ульдуне, — задумчиво проговорил капитан. — Они берут за это свой процент и, наверное, весьма солидный…

— Ага. Процентов сорок.

Серьезно?.. Впрочем, их можно понять. Ведь если они пропускают все товары, которые затем контрабандой ввозятся в Империю или еще куда,

то это огромный риск. Ладно. Даже если учесть, во что нам обойдутся новые ходовые двигатели, то все равно после продажи товаров на Ульдуне денег у нас останется порядочно…

Первая половина полета до Ульдуны, продолжавшегося неделю, прошла спокойно. Они обсудили планы, которые долго вынашивала Гот, внесли в них некоторые добавления и изменения. Но, по сути дела, капитан не смог обнаружить в них сколько-нибудь существенных изъянов. Он не стал ей об этом говорить, но про себя решил, что если бы Гот не случилось родиться ведьмой, она могла бы неплохо устроиться на Никкелдепейне. У нее был природный дар планировать самые хитроумные деловые операции. Перво-наперво на планете бывших пиратов они решили взять себе другие имена. У даала был специальный департамент, который занимался именно этим — изготовлял и выдавал любые документы, причем делал это столь безупречно, что бумаги могли успешно выдержать самую тщательную проверку. Стоило это недешево, но поступления от продажи груза должны были с лихвой покрыть все расходы. А если охота за «Удачей» и ее экипажем переместится в восточные районы Империи, новые имена окажутся очень кстати.

К тому же, у них имелась вжжик-тяга. Если ею пользоваться с умом, она могла бы стать солидным преимуществом для независимого космического торгового корабля, в который они намеревались превратить «Удачу». В этой совершенно дикой, нецивилизованной области космоса имелись такие районы, куда даже тяжело вооруженные боевые корабли Империи осмеливались заходить только эскадрами. А некоторые зоны вообще никто не решался патрулировать…

— Например, Море Огня, — сказала Гот, кивнув в сторону пурпурного космического облака, которое капитан уже видел на экранах. Оно за это время сместилось на левые экраны корабля. — Вот уж действительно жуткое место! Подойдешь слишком близко, тут же получишь!

Она сама толком не знала, что, собственно, «получишь». Да и никто не знал. Прошло уже много времени с тех пор, как это пытались выяснить в последний раз.

Вжжик-тяга не давала им полной возможности лететь туда, куда захочется, даже если бы Гот была в состоянии регулярно и неограниченно ею пользоваться. Однако эта тяга в случае чрезвычайной ситуации позволяла им браться за такие рискованные предприятия, о которых другие не

могли и помыслить.

Это может принести деньги, думал капитан. Много денег. Как только они переоборудуют корабль, им больше не придется беспокоиться на этот счет. Однако с «Удачей» предстояло поработать капитально. И заново оснастить, прежде чем снова выходить в космос.

Перспективы на ближайшее будущее выглядели прекрасно. Гот явно не беспокоил тот факт, что пройдет, видимо, несколько лет, прежде чем она вновь увидит своих родных. Ведьмы, похоже, смотрели на такие вещи гораздо проще. Ну что ж, думал капитан, им предстоит немало увидеть и узнать, прежде чем они сделают себе состояние на торговле. А уж он постарается позаботиться о Гот. Хотя, подумалось ему, ей-то, наверное, кажется, что это она все время заботится о нем.

Он никак не мог представить себе, каким образом у него вдруг разовьются магические способности. Он пытался выяснить это у Гот, но в ответ она посоветовала ему не особенно беспокоиться: он сам все узнает, когда это начнется, а ускорить процесс все равно нет никакой возможности. Что и как начнется, она объяснить не сумела. И не могла предсказать, какие именно таланты разовьются у него — как и у всех тех, кто

способен активизировать клатху, — ибо спектр этих возможностей был очень широк. Гот специализировалась в области телепортации и, надо полагать, именно поэтому очень быстро овладела искусством управления вжжик-тягой. Остальные ее ведьминские способности пока что проявились мало. Ливит, помимо того, что владела широким набором разнообразных разрушительных свистов, была также клатха-лингвистом. Узнав всего несколько слов из любого языка, она сразу «включалась» и вскоре уже весело болтала на нем.

Малин была просто хорошо и разносторонне одаренной юной ведьмой, которая недавно начала курс расширенной подготовки, причем остальные приступали к нему обычно года на три-четыре позже.

Гот явно считала, что лишняя информация может только повредить капитану, да он и не настаивал. Чем меньше будет он притягивать всяких ватчей или тому подобного в этом роде, тем лучше.

Да и не до того ему было сейчас — он с головой погрузился в другие проблемы. Капитан обучил Гот основам управления «Удачей», а она подробно рассказала ему о том, что происходит в

районах к востоку от Империи, дополнив знания, почерпнутые им из курса истории. Эта информация подтвердила его первое впечатление, что жизнь в здешних краях весьма разнообразна и интересна…

Одно из проявлений этого разнообразия возникло на их пути вскоре после того, как календрический хронометр показал начало четвертого дня с того момента, как они легли на курс к Ульдуне. Это случилось, когда капитан спал. Он проснулся от того, что Гот сильно трясла его за плечо.

— М-м-м, что стряслось? — промычал капитан.

— Проснулся? — Голос Гот звучал резко, почти как шипение. — Тогда быстро в рубку!

На заднем экране, в верхней его части был ясно виден очень странный космический корабль. Расстояние — несколько световых минут. Его увеличенное изображение напоминало расплющенного уродливого черного жука, ползущего в пространстве, перебирая дюжиной шипастых ног, торчащих по краям корпуса. Детекторы показывали, что его масса в два раза больше массы «Удачи». Преследование со стороны подобного объекта кого угодно могло выбить из колеи.

— Что это? — спросил он.

Гот не знала. Корабль появился на экранах ми-

нут десять назад; сперва он держал дистанцию, затем приблизился и начал их нагонять. Она несколько раз запрашивала корабль по коммуникатору, но не получила ответа.

— Как насчет вжжик-тяги? — спросил он.

— Все готово!

— Отлично. Но пока подождем. — Он не хотел демонстрировать вжжик-тягу в этих местах, если можно было обойтись без нее. — Попробуй еще раз связаться с ними. Может, на другой частоте.

— Он пока еще не включал форсаж. Весьма вероятно, именно медленное продвижение «Удачи» в пространстве и привлекло к ней внимание этого странного корабля; его экипаж, кто бы они там ни были, наверное, решил, что впереди легкая добыча. Если капитан сейчас врубит форсаж и чужой корабль последует за ними, это может обернуться длительной погоней… А длительная погоня может окончательно угробить его двигатели.

— А если они не ускорят ход, эта штука может подойти на выстрел через пять минут.

— Капитан!

Он обернулся. Гот указывала на экран коммуникатора.

— Кажется, я их поймала!

Он смотрел, вперившись глазами в экран, пока она медленно увеличивала четкость изображения двумя верньерами. Из динамика раздался громкий взрыв карканья и свиста. Потом на экране на секунду-другую возникло изображение.

Волосы у капитана не то чтобы встали дыбом, но явно сделали такую попытку. Экран осветился мрачным зеленым светом, и по нему задвигались длинные серые тени. Потом внезапно возникло лицо, обращенное прямо к ним. Красные глаза расширились. Секунду спустя экран очистился, и карканье в коммуникаторе пропало.

— Он увидел нас и отключил связь! — сказала Гот. Губы ее скривились в гримасе отвращения.

Капитан прочистил горло.

— Знаешь, кто это такие?

Она кивнула.

— Кажется, да.

— Они… э-э-э… недружественно настроены?

— Если поймают — съедят, — сказала Гот. — Это каннибалы с Метай ра.

Звучало это не менее неприятно, чем возникшая на экране физиономия одного из преследователей. Капитан с бьющимся сердцем лихорадочно обдумывал ситуацию, не сводя глаз с уродливого

изображения на заднем экране. Корабль преследователей был теперь гораздо ближе. Видимо, они прибавили скорости.

— Посмотрим, может, получиться их отпугнуть, — сказал капитан. — Если не удастся, тогда лучше воспользоваться вжжик-тягой.

Гот согласно кивнула. Капитан повернулся, сел за пульт управления, врубил форсаж и резко бросил корабль вверх. Рев двигателей перешел в истошный вой. Рука скользнула к кнопкам управления орудийными башнями. Изображение вражеского корабля промелькнуло на верхних экранах и возникло на передних, сместилось вправо, затем четко установилось в центре, прямо по курсу. И начало приближаться. Орудийные башни закончили подъем и со щелчком встали в боевое положение. Загорелся маленький экран наводки на цель; перекрестье прицела, погуляв из стороны в сторону, замерло на ползущем уродливом «жуке».

Капитан включил систему ручного управления огнем. Кораблю противника еще предстояло пройти немалое расстояние, прежде чем он окажется на расстоянии выстрела от «Удачи»; впрочем, капитан не собирался подпускать его так близко. Он всегда показывал неплохие ре-

зультаты на тренировочных стрельбах во время своих дежурных полетов на истребителе в составе охраны Никкелдепейна, однако каннибалы Мегайра могли оказаться гораздо более опытными в подобных «играх». Возможно, впрочем, что ему удастся отогнать их, просто блефуя. Он увеличил скорость «Удачи» до максимума, отметил про себя неровную работу двигателей, положил палец на кнопку и нажал.

Пушки «Нова» сработали одновременно. Снаряды понеслись прямо на приближающийся корабль и взорвались с небольшим недолетом. Синяя вспышка осветила космическое пространство.

Это было впечатляющее зрелище. Но мегайрский корабль продолжал приближаться. Капитана охватил азарт. Он отсчитал тридцать секунд и вновь нажал кнопку. И снова синяя молния с грохотом взрезала тьму, но «жук» продолжал ползти. Внезапно ответный огонь вспыхнул впереди красно-черными взрывами.

— А-а-а-ах! — выдохнул капитан, вытянув шею и не отрывая глаз от перекрестья прицела. — Какие странные взрывы!..

Вот в чем дело! Они уже вошли в зону поражения!

Он включил автоматическое управление огнем, проверил прицел и подправил курс «Удачи», чтобы она неслась точно вперед. Красно-черные вспышки стали возникать все ближе…

И — исчезли.

До капитана донеслось нечто весьма похожее на завывания дикого кота в джунглях. Маленький твердый кулачок Гот дубасил его по плечу.

— Драпают! — вопила она в восторге.

Капитан выключил пушки. Ходовые экраны были пусты. Гот указала ему на другой экран: далеко под ними, описывая крутую спираль и проваливаясь во тьму, виднелся корабль каннибалов Мегайра, удирающий явно на такой скорости, что его болтало из стороны в сторону…

По мере приближения к Ульдуне детекторы «Удачи» все чаще стали засекать другие корабли. Но те, по-видимому, были заняты собственными делами и предпочитали обходить стороной неизвестный звездолет. Ни один не подошел достаточно близко, чтобы появиться на экранах.

В полусутках пути от бывшей пиратской планеты коммуникаторы «Удачи» поймали четкий сигнал — Ульдуна обращалась ко всем кораблям, заходящим в этот район космического пространства.

Им предлагалось войти в радиоконтакт с внепланетной посадочной станцией. Власти Ульдуны намеревались сделать все от них зависящее, чтобы визит гостей был как можно более приятным и выгодным. Более подробная информация была обещана после установления прямой связи с посадочной станцией.

Это было самое сердечное приветствие, какое капитан когда-либо получал, приближаясь к чужой планете. Они тут же переключились на указанную частоту, им пожелали мягкой посадки на Ульдуну и тотчас же начали деловые переговоры. Не прошло и часа, как Ульдуне стало известно, что от нее нужно «Удаче» и что она сама может ей предложить. Капитану моментально представили целый список квалифицированных ремонтных фирм, организовали встречу со специалистами и налоговыми инспекторами, каковые должны были произвести оценку груза и назначить цены, предложили пообщаться с представителем «Банка Даала», который поможет им решить, что следует предпринять, дабы выполнить максимум поставленных задач.

Пиратская планета оказалась весьма гостеприимной и была готова во всем помочь своим клиентам. Очевидно также, что она не намерена

рисковать. Гости планеты должны либо оставить корабли у причалов внепланетных посадочных станций, а потом перегружать товары на челночные корабли для доставки в космопорт, либо позволить местным властям опломбировать свое боевое снаряжение и вооружение на весь период пребывания корабля на Ульдуне. Краткая, но весьма эффективная санитарная инспекция внутренних помещений корабля и его грузов также производилась на посадочной станции. Вскоре лоцманский катер отвел корабль в космопорт, где капитана и Гот уже ждали специалисты.

Глава 4

Поздно вечером капитан Арон с весьма отдаленной планеты Мульм и ею юная племянница Дани разместились в арендованном ими доме, расположенном в старом квартале портового города Зергандола. Прошедший день оказался чрезвычайно утомительным, но принес весьма неплохие результаты. Большая часть дел уже сдвинулась с места.

Гот, которая в последние полчаса прилагала заметные усилия, чтобы не уснуть, пробормотала «спокойной ночи» и исчезла за дверью своей спальни на третьем этаже. Капитан тоже чувствовал себя совершенно вымотанным, по мозг все еще тасовал события минувшего дня, и вряд ли в ближайшее время ему удалось бы спокойно уснуть. Он сварил себе кофе на кухне, поднялся на четвертый этаж и вышел на темный узкий балкон, охватывавший дом со всех сторон. Там он уселся, попивая кофе и любуясь раскинувшимся внизу городом.

Зергандол, насколько можно было судить, оказался довольно запущенным городом, хотя были здесь и чистые современные кварталы. Дом, ко-

торый они сняли, выглядел как давно засохший слоеный торт: четыре круглые секции по две комнаты в каждой, поставленные одна на другую и соединенные узкой винтовой лестницей. Здание серьезно обветшало, однако арендная плата показалась низкой, а капитан еще не был вполне уверен, каковы будут его финансовые возможности на тот момент, когда они закончат свои дела на Ульдуне — или Ульдуна закончит свои дела с ними. Дом располагался очень удобно — всего в миле от космопорта и верфей фирмы «Суннат, Базим и Филиш», где в течение нескольких последующих недель должна была переоснащаться «Удача».

Налоговый инспектор, который явился на корабль сразу после обретения ими новых имен, как будто не верил собственным глазам, обследуя груз «Удачи».

— Желе из ягод винтерберри да еще и ликер «Лепти»? — переспросил он изумленно, когда капитан назвал ему первые два вида товаров загруженных в трюм на Карресе. — Неужели настоящие?

Капитан глянул на Гот. Та кивнула.

— Конечно, настоящие, — ответил он.

— Очень странно! — заинтересованно заявил

инспектор. — И в каком количестве?

Капитан сообщил. Чиновник был потрясен.

— Что-нибудь не так? — осведомился капитан.

Инспектор замотал головой, прокашлялся и поспешил заверить его в обратном:

— О, нет-нет! — Он снова прокашлялся. — А вы уверены… Ну, конечно, вы должны быть уверены! — Он что-то пометил у себя в регистрационной книге и снова прокашлялся. — Вот тут… вы указали, что у вас на борту меха для продажи?..

— Да, — подтвердил капитан. — Товар высшего качества!

— Сто двадцать пять тоццами! — с удовольствием заметила Гот. — И пятьдесят золотохвостых лелаунделей — все взрослые особи!

Инспектор глянул на нее, потом на капитана.

— Это так, сэр? — У него уже не было сил удивляться.

Капитан подтвердил, хотя абсолютно не представлял, о чем идет речь.

— Я, правда, не уверен, что вы когда-либо слыхали об эссенциях «келл-пик», — осторожно заметил капитан. — Это парфюмерия…

Инспектор вымученно улыбнулся.

— Ну как же, сэр, слышал! Однако за все два-

дцать три года моей профессиональной деятельности, капитан Арон, у меня не было случая оценивать подобные грузы в таком количестве. Не знаю, как вам это удалось, но… примите мои поздравления!

Он покинул корабль, взяв с собой образцы товаров, чтобы получить подтверждение касательно их качества и оценочной стоимости. Капитан и Гот пошли пообедать в одном из ресторанов космопорта.

— С чего это он так разволновался? — осведомился капитан, весьма заинтригованный поведением инспектора.

Гот пожала плечами:

— Он, наверное, думает, что мы их украли.

— Почему?

— А купить их почти невозможно.

За едой она объяснила ему, в чем дело. Тоццами и лелаундели являлись эндемиками Карреса, представляя его горную фауну. Очень немногие в галактике знали, откуда берется столь красивый и дорогой мех. Время от времени, когда жителям были нужны деньги, они потихоньку распродавали партию таких мехов через тайных агентов.

С другими видами грузов дело обстояло несколько иначе, но результат был тот же самый.

Ряд важных ингредиентов ликера, ягодного желе и эссенции произрастал лишь на трех небольших и весьма удаленных друг от друга планетах Империи и добывался в таких ограниченных количествах, что готовые продукты крайне редко появлялись на рынке. А ведьмы не собирались хвастаться тем, что сумели разработать методы выращивания необходимых составляющих ликера и желе на Карресе. По всей видимости, и здесь не обошлось без клатхи…

— Стало быть, наш груз может стоить гораздо больше, чем мы полагали? — с надеждой спросил капитан.

— Вполне возможно, — согласилась Гот.

Цену они узнали во время своей следующей встречи — на сей раз с высокопоставленным представителем «Банка Даала». Этот джентльмен уже получил доклад налогового инспектора и открыл счет на имя капитана Арона с планеты Мульм. Они обсудили планы всех предстоящих им на Ульдуне торговых операций, определили размер всех налогов, выплат и сборов, прибавили к ним некоторую сумму в покрытие общих расходов, связанных с оформлением «Удачи» в качестве торгового корабля (переименованного в «Ночную птицу» под командованием гражданина

планеты Мульм) и вычли итог из ожидаемой прибыли с учетом обычных для Ульдуны страховых сумм в размере сорока процентов от оценочной стоимости товара. Разумеется, реальные поступления могли превысить оценочную стоимость. Но в любом случае, у них должно было остаться где-то около полумиллиона имперских маэлей, и они теперь имели право брать в Банке любые кредиты в пределах этой суммы.

Капитан рассчитывал сразу возместить убытки советнику Онсвуду, а затем потратить сто пятьдесят тысяч на переоборудование «Удачи».

…Глаза капитана скользнули по небосклону. На западе, низко над горизонтом, висело уже ставшее для Посерта привычным пурпурное сияние Моря Огня. Несколько минут он смотрел на него — в нем, казалось, чувствовался некий вызов, некая холодная угроза, и что-то у капитана в душе отвечало на этот вызов…

Недалеко от Моря Огня находился Чаладур. Еще одно название из древней истории, из легенд и старинных преданий, вызывающее мрачные ассоциации… Чаладур — это огромная зона, начинавшаяся в двух световых днях пути от Ульдуны и имевшая весьма скверную репутацию. Немногие корабли осмеливались летать в этом

направлении, хотя всего в полумесяце пути от Ульдуны, по ту сторону Чаладура, существовало несколько процветающих миров, открытых для выгодной торговли. До них, конечно, можно было добраться и кружным путем, в обход Чаладура, но такой полет занимал добрую часть года. С другой стороны, полет напрямую был связан с целой чередой навигационных препятствий, почти непреодолимых для обычного корабля и отвращавших всех, кроме самых стойких и упорных.

Различные мерзавцы, вроде банды мегайрских разбойников, преследовавших «Удачу» на пути к Ульдуне, встречались здесь повсеместно. Действовали в этих краях и другие, разрушительные и зачастую смертельно опасные силы, понять и объяснить которые было никому не под силу. Даже универсальное субрадио в этом секторе космического пространства отказывалось работать.

И несмотря на все это, существовал постоянный спрос на коммерческие рейсы сквозь Чаладур. Время, сэкономленное таким образом, оправдывало любой риск. И сквозные полеты отнюдь не были так уж невозможны. Некоторые маршруты считались даже относительно безопасными. Маленький, быстроходный и хорошо вооруженный корабль имел неплохие шансы успешно пройти

весь Чаладур насквозь, а два-три таких рейса могли принести владельцу корабля столько же, сколько несколько лет обычной торговли.

Еще более важным Посерту и Гот представлялось то, что корабли с Карреса, хотя и избегали посещения некоторых районов Чаладура, легко пересекали его в любых направлениях, если он попадался им на пути. Правда, даже им требовалось поддерживать в таких случаях постоянную боевую готовность. Но в случае необходимости вжжик-тяга тотчас же уносила их прочь от любой встреченной на пути опасности…

А значит, модернизированная и обновленная «Удача» тоже может пуститься в такой полет!

Капитан поудобнее уселся в кресле, сонными глазами глядя на огоньки космопорта, который казался единственным местом в Зергандоле, где еще не спали. Впоследствии он так и не мог припомнить, когда погрузился в сон, смешанный с явью, размытый и неясный.

Сперва он испытывал лишь сладостное чувство покоя, затем каким-то неощутимым образом в сон прокрались странное беспокойство и мрачные смутные предчувствия, которые то становились сильнее, то почти исчезали. Позднее он не мог вспомнить ничего более определенного, но ему

показалось, что в таком состоянии он находился довольно долго.

Потом неясные и смутные видения сделались более отчетливыми, обрели конкретную форму и стали излучать явную опасность. Он хорошо запомнил размытое желтое сияние, которое сперва возникло где-то в отдалении, а потом стало приближаться и превратилось в туман желтого цвета, упорно подбиравшийся к нему и издававший какое-то гудение.

Капитана охватил страх. Он не понимал его причин, пока не догадался, что внутри тумана не пустота! В нем виднелись яркие вспышки огня, странные отблески, словно там перемещались сгустки энергии, — нечто вроде связанных цепочек, где в местах пересечений связующих нитей виднелись некие загадочные тела. Казалось, они также были сотканы из света: в желтом мареве туманного облака виднелись их неяркие огнистые силуэты, похожие на жирных, медленно извивавшихся червей — не только живых, но и способных все отлично воспринимать и чувствовать, к тому же находившихся в состоянии сильного возбуждения. И еще ему показалось, что эти «черви» каким-то образом управляют сияющим облаком тумана и энергетическими

нитями в нем.

Страшнее всего было то, что таинственное облако неуклонно двигалось по направлению к нему. И, если не принять мер, готово было его поглотить.

И он принял меры. Хотя и сам не очень-то понял, какие именно. Но внезапно оказался совсем в другом месте — в полнейшем мраке и ледяном холоде. Сияющий туман и его обитатели исчезли. Капитан обнаружил, что его бьет дрожь, а по лицу, несмотря на окружающий холод, ручьем льется пот. Лишь через несколько секунд он осознал, что по-прежнему сидит на балконе старого дома в городе Зергандол.

Стояла абсолютная тишь. Она окутывала темные здания старой части города; а слева, низко над горизонтом, виднелся красноватый и какой-то распухший диск луны. Зергандол показался капитану похожим на город мертвых.

Промерзнув до костей в холодном ночном воздухе и весь дрожа, он огляделся по сторонам. Потом посмотрел вверх.

Два узких шпиля темнели на фоне ночного неба. А над ними, мрачно оттеняя их концы, висело чуть желтоватое марево, тонкая, почти бесцветная пленка, легкое сияние, как бы разма-

занное на фоне звезд, блиставших сквозь него. Чем больше капитан смотрел на него, тем сильнее оно расплывалось, становясь все тоньше и светлее. Но оно напомнило Посерту то живое облако из сна, и сердце капитана вновь тревожно забилось.

Сияние наконец совсем растворилось и исчезло вдали. От него не осталось и следа. Все еще размышляя о том, что бы это могло быть, капитан услышал внизу, на улице, какие-то голоса.

Двое или трое человек быстро и негромко переговаривались прямо под балконом. Говорили они на языке Ульдуны, так что капитан ничего не понял. Он с трудом встал, подошел к ограде балкона и всмотрелся вниз. На улице он заметил автомобиль, а возле него — две темные человеческие фигуры. Через некоторое время отчаянно жестикулировавшие спорщики смолкли и забрались в машину. Неярко вспыхнули фары, и машина медленно поехала по улице. Капитан успел различить какую-то надпись на ее борту, а может, узор из прямоугольников — опознавательный знак полиции даала.

Понемногу начинали загораться огни. Но пока что город оставался сонным и тихим. Может быть, вдруг подумал капитан, это загадочный

пират Агандар пытался напасть на Зергандол? И эту попытку удалось отразить? Но если в городе была поднята тревога и введено затемнение, то он благополучно проспал все сигналы. Гот, видимо, тоже.

Он никогда не слыхал об оружии, с помощью которого можно обесцветить столь значительную часть ночного неба. Все это выглядело очень странно… Мысли его путались, он чувствовал себя совершенно измученным, усталым, как собака и, тщательно заперев за собой дверь, прошел в дом, отыскал свою спальню и вскоре погрузился в сон.

Он ничего не сказал Гот о ночном происшествии. Хотя проснулся он поздно, и у них осталось время лишь на то, чтобы быстро позавтракать и сразу мчаться на свидание с Суннат, Базимом и Филишем. Совладельцы фирмы ни словом не обмолвились о чем-либо необычном, как, впрочем, и все остальные из множества встреченных ими за долгий и весьма насыщенный день. И капитан совсем уже было уверился, что все это ему просто приснилось.

А через несколько дней, занятый переоборудованием «Удачи» и другими делами и планами, он совершенно забыл об этом случае. Прошло около

месяца, когда ему пришлось снова вспомнить о нем. Толчком послужил случайно подслушанный разговор между Веццарном, старым космическим волком с Ульдуны, которого они наняли в качестве казначея и бухгалтера, и одним его старинным приятелем, зашедшим к нему поболтать. Говорили они о чем-то загадочном, что называлось то ли Червивая Погода, то ли Червивая Гроза.

А между тем дела неплохо продвигались, работы по переоснащению «Удачи» шли по графику, и капитан не мог пожаловаться на вполне квалифицированных кораблестроителей. То Базим, то Филиш постоянно находились на верфи, вникая во все детали. Это были честные трудяги, люди еще не старые. Базим — огромный, тяжелый, вечно потный; Филиш, наоборот, — тощий, потасканный и словно высушенный. Казалось, нет такого вопроса, которой был им незнаком в области строительства и оснащения космических кораблей. Суннат, третий партнер-совладелец фирмы, была женщиной. Поразительно красивая, высокая, рыжеволосая; видимо, именно она заправляла здесь всеми делами. Она вряд ли была старше Посерта, однако у него сложилось впечатление, что и Базим, и Филиш ее серьезно

побаивались.

Его собственное отношение к Суннат было смешанным. В ходе первых встреч с ним она держалась вежливо и заинтересованно, понимая, что этот заказ должен принести фирме значительную прибыль, однако выглядела несколько надменной и отчужденно-холодной. Она вообще редко улыбалась, а ее серо-зеленые глаза, казалось, были готовы вспыхнуть гневным огнем — причем, по неизвестной причине. Она предоставила Базиму и Филишу договариваться обо всех практических аспектах, а за собой оставила решение финансовых вопросов.

Но потом вдруг она совершенно переменилась, по крайней мере, по отношению к капитану. День ото дня Суннат становилась все любезнее и, стоило ему появиться на верфи или в офисе фирмы, оказывалась рядом — улыбающаяся, разговорчивая, обходительная.

Сначала это льстило самолюбию Посерта. Красота Суннат, ее прелестная фигура и бархатистая кожа возбуждающе действовали на любого мужчину, и капитан вовсе не был в этом отношении исключением. Выходя на улицу, Суннат с головы до ног куталась в серый плащ, но под плащом каждый день был новый соблазнительный наряд,

подчеркивавший ее прелести — скульптурно вылепленные плечи и спину, плоский, тренированный живот или изящные изгибы бедер. Духи и прически она меняла столь же часто, как одежду. В итоге капитану стало казаться, что она его просто преследует; интенсивность ее чарующего внимания все нарастала, и это начало действовать Посерту на нервы. Иногда он почти терял голову. Особенно когда Суннат невзначай клала ему руку на плечо во время разговора или якобы случайно задевала ею, взбираясь на леса, воздвигнутые вокруг «Удачи».

Однако была в этом какая-то фальшь. И кроме того, когда поблизости появлялась Гот, капитан чувствовал, что Суннат вся как бы внутренне замирает. Она всегда разговаривала с Гот мягко и вежливо, и Гот отвечала ей тем же, как и должна была вести себя хорошо воспитанная девочка, что, впрочем, было ей совершенно несвойственно. Их голоса сливались в нежный дуэт. Но за этой дивной музыкой капитан улавливал нечто вроде приближающейся грозы или жуткого ора дерущихся диких кошек.

В конце концов это стало ему надоедать. К тому же он чувствовал, что ему становятся неприятны встречи с Суннат, и старался избегать их по мере

возможности. Заметив, как она в своем сером плаще изящной и решительной походкой направляется через площадь к его офису, он чаще всего просто тихонько выскальзывал через заднюю дверь, предупредив Веццарна.

Веццарн уже лет двадцать назад перевалил через средний, допустимый для космонавта возраст, но по-прежнему оставался жилистым и подвижным. Он был небольшого роста, с острыми, все подмечавшими серыми глазками, всегда жизнерадостный, вежливый и отлично управляющийся с цифрами. Помимо всего прочего, он имел в своем активе шесть рейсов сквозь Чаладур и был не прочь совершить еще несколько — при обычных, хотя и весьма значительных, наградных за риск и при наличии, как он выразился, «подходящего корабля и подходящего капитана».

В тот день, когда капитан впервые вспомнил свой сон, который приснился ему в первую ночь в Зергандоле, к ним в офис забрел некто Тобул, желавший просто поболтать с Веццарном. Тобул был коммивояжер и ездил по всей Ульдуне. В юные годы он, как и Веццарн, немало скитался по космосу, так что оба бывших космонавта в беседах друг с другом предпочитали ульдунскому языку имперский универсальный. И капитан

порой улавливал обрывки их разговора.

Он не обращал на беседу особого внимания, пока не услышал, как Тобул спрашивает, безопасно ли здесь говорить о Червивой Грозе.

Удивившись, капитан поднял глаза от своих бумаг.

— Достаточно безопасно, — отвечал Веццарн. — Ее уже с месяц как не было. А ты что, попадал в Червивую Погоду?

— Чаще, чем хотелось бы! Был тут недавно совершенно жуткий случай… — И он назвал какую-то местность Ульдуны, которая была капитану неизвестна. — Заявился я туда, а куда ни сунешься, всюду люди валяются в приступе и визжат! Ну я и не стал там задерживаться.

— Немудрено!

— А тем же вечером, как я оттуда убрался, гляжу: небо опять желтеет. Ох, я и дунул оттуда!.. Их, бедняг, наверное, снова здорово припекло… Может, даже хуже, чем в предыдущую ночь! Вы тут, небось, ничего об этом и не слышали?

— Нет. — Возникла пауза.

Капитан по-прежнему внимательно прислушивался. Небо пожелтело? И он внезапно во всех подробностях вспомнил то зловещее сияние, сперва приближавшееся к нему, а потом растаяв-

шее и превратившееся в желтоватую пелену над Зергандолом…

— Она вроде как продвигается все дальше на запад и на юг, — услышал он голос Веццарна. — Лет десять назад никто и не думал, что она доберется до Ульдуны.

— Ну, теперь-то она захватила все пространство вокруг планеты! — уверенно заявил Тобул. — И держалась дольше обычного. А если…

Дальше капитан не слышал. Случайно выглянув в окно, он заметил Суннат, направлявшуюся в их сторону. Секунду он колебался, пока не удостоверился, что она идет к ним.

Капитан схватил свою фуражку и на секунду задержался в крохотном кабинетике Веццарна.

— Я ухожу, — сказал он. — Скорее всего, часа на два, но возможно, не вернусь до вечера.

— Есть, капитан! — понимающе отвечал Веццарн.

Очутившись на улице, капитан и в самом деле припомнил, что у него есть ряд дел в городе, которыми вполне можно заняться. Так что в офис он действительно вернулся уже ближе к вечеру. Тобул ушел, Суннат не было видно. Зато появилась Гот, которую Веццарн развлекал, рассказывая в темноте страшные истории о своих похождениях

в Чаладуре и других местах. Он был отличным рассказчиком и, видимо, не слишком привирал, так что Гот, которая, несомненно, и сама могла наплести ему с три короба, возникни у нее такое желание, слушала его с удовольствием.

Капитан велел ему продолжать и сам сел послушать. Когда Веццарн добрался до конца своей истории, капитан спросил:

— Кстати, что это за штука — Червивая Гроза?

Гот и Веццарн быстро посмотрели на него. Веццарн, как видно, был поражен.

— Как-как? — переспросил он. — Я, кажется, не совсем понял, сэр… Она уже месяца два крутится вокруг Ульдуны, и это совершенно необычно для таких широт… Однако…

— Да нет, — перебил его капитан, — я вообще не знаю, что это.

Веццарн ошалело глянул на Гот, потом на капитана.

— Вы это серьезно? Да, далековато забрались вы от дома! — воскликнул он и спохватился: — Извините, сэр, я не хотел… Извините, маленькая леди! Откуда вы прилетели, меня, дурака, совершенно не интересует, честно!.. Но неужели вы никогда не слыхали про Червивую Погоду? И про Грозу? Неужели вы не знаете о нури? И о Мана-

рете. Мире Червей? И о Моандере, Вещающем На Тысяче Языков?

— Я ничего об этом не знаю, — признался капитан. Гот, вероятно, знала, но помалкивала.

— М-да! — Веццарн поскреб остатки седых волос на черепе, и лицо его скривилось. — Ну, ладно… — Он встал из-за стола, подошел к окну и выглянул наружу. Потом осмотрел ясное вечернее небо и сел на подоконник. — Я, вообще-то, не слишком суеверен, — сказал он, — но если вы не возражаете, я посижу здесь, чтобы видеть, что делается снаружи, пока я вам про это рассказываю. Вы сами потом поймете, почему…

Итак, где же он находится, этот Червивый Мир, этот ужасный Манарет? Этого не знал никто. Одни полагали, что он прячется где-то в центре Чаладура, в Море Огня. Другие верили, что он расположен далеко на галактическом Востоке и его никогда не достигал ни один исследовательский корабль, а если и достиг, то был тотчас же уничтожен, не успев послать весть о своем ужасном открытии. Кое-кто был уверен, что он скрывается в толстом слое концентрированного ядовитого газа. Любая из этих догадок могла оказаться правдой, поскольку почти все, что было известно о Манарете, ограничивалось его видом

изнутри, напоминающим бесконечный тоннель.

Веццарн больше склонялся к тому, что его можно обнаружить — если кто-то, конечно, осмелится полететь на его поиски — далеко от Ульдуны, среди звезд галактического Востока. Год за годом, десятилетие за десятилетием, с тех пор, как цивилизованное человечество начало осваивать дальние миры, чума Червивой Погоды продвигалась все дальше на запад, грозной опасностью нависая над освоенными планетами.

Так что же такое Червивая Гроза? Это, согласно пояснениям Веццарна, был флот нури, их огненные сферические корабли! Их неоднократно видели в сетях-паутинах горящего желтым огнем тумана, что бросает желтоватый отсвет на верхние слои атмосферы той планеты, которой достигли нури. Веццарн и сам встречался с Червивой Грозой в глубоком космосе — и выжил, чтобы рассказать о ней. Это случилось в двух световых месяцах пути на восток от Ульдуны. Там, в пространстве, желтые облака перемещались так же быстро, как самые скоростные корабли.

— Мы собственными глазами видели на экранах этих нури, жутких червей! — хрипло сказал Веццарн, скорчившись, словно гном, на подоконнике на фоне темнеющего неба. — А кто знает,

может, и они нас видели! Да только мы развернулись и рванули прочь. Они нас не преследовали. У нас на корабле были смелые ребята, но из двенадцати человек почти сразу трое сошли с ума…

Капитан ладонью вытер пот со лба и спросил:

— И что же им надо?

— Откуда я знаю… — Веццарн покачал головой. — По-моему, сюда идет Червивая Гроза! Впрочем, может, я и ошибаюсь. Может, это просто какие-то проблески огня? Может, ничего и не произойдет?.. — Он помолчал. — Но когда они насылают на тебя свои мысли — вот тут, сэр, может произойти все что угодно! Самое худшее!

Люди просыпаются с диким криком. Или бродят, боясь того, чему нет названия. Или видят великолепные и ужасные пещеры Манарета, и те как будто открываются перед ними при свете дня… Некоторые считают, что побывали там и каким-то образом сумели вернуться…

А может, даже и не мысли нури заполняют обитаемую человеком Вселенную, а мысли Моандера? Моандер — чудовище, божество, которое ползает, как змея, по поверхности Манарета и вещает на тысяче языков… Некоторые утверждают, что сами нури — это мысли Моандера, выплывающие с Манарета и дрейфующие в космическом

пространстве…

В прежние времена, видимо, было еще хуже. Существуют старинные легенды о мирах, чье население было охвачено волной жуткой паники и такого разрушительного безумия, что позднее здесь находили лишь немногих сумасшедших, что все еще бродили по развалинам сожженных городов. А были, говорят, и такие миры, где сотни тысяч людей бесследно исчезали в одну ночь. Но все эти события происходили в эпоху Великих Восточных Войн, когда многие планеты погибли во всеразрушающих битвах между людьми. Какую роль во всем этом играл Манарет, никто сказать не мог.

— Одно несомненно, сэр, — завершил свой рассказ Веццарн. — Я вам все это поведал исключительно по вашей просьбе. Да вы и должны знать об этой опасности. А вообще-то не полагается слишком много говорить о Червивой Грозе и о том, что эта Погода из себя представляет. Даже много думать о ней опасно. Это давно известно. Там, где начинают обсуждать эти дела, она и появляется. Словно умеет улавливать мысли или подслушивать чужие разговоры. Куда безопаснее вообще не интересоваться этой дрянью. — Веццарн помолчал. — А теперь я пожелаю

вам спокойной ночи, да и мне, старику, давно пора ужинать, а потом и стаканчик на ночь пропустить. И вообще, что-то я сегодня слишком разболтался!

— А я и не знала, что эти проклятые черви сюда добрались, — задумчиво заметила Гот, когда они вышли из автомобиля, который доставил их домой.

— Стало быть, тебе и раньше было об этом известно? — сказал капитан. — Я так и думал. Мне надо кое-что тебе рассказать.

Гот кивнула и поднялась по винтовой лестнице в гостиную, а капитан понес на кухню продукты, купленные в торговом центре при космопорте. Входя в гостиную, он увидел мутную пелену на фоне дверного проема. Значит, Гот уже успела включить противоподслушивающее устройство. Капитан шагнул как бы сквозь пленку и увидел, что Гот греет руки у камина.

— Ну вот, — сказал капитан, — теперь можно и поговорить. Веццарн все правильно рассказал?

— Да, почти все правильно. — кивнула Гот. — Только этот Мир Червей — и не мир вовсе. То есть не планета.

— Не планета? А что же?

— Корабль. Огромный космический корабль!

Почти такого же размера, как Ульдуна или Каррес… Но сперва лучше ты сам расскажи, что собирался.

— Ну… — капитан заколебался. — Когда Веццарн стал описывать этих нури… — И он рассказал о своем страшном сне и о том, что с ним произошло после пробуждения. — По всей видимости, в ту ночь над Зергандолом действительно пролетела Червивая Гроза, — заключил он

— Скорее всего. — Гот прикусила губу. Глаза ее задумчиво смотрели на капитана.

— У меня нет никаких собственных объяснений тому кошмару, — сказал капитан. — Только то, о чем рассказывал Веццарн.

— Это был не кошмар, капитан. Нури обладают чем-то вроде клатхи. И ты их увидел именно благодаря этому.

— Почему ты так считаешь? — удивился капитан.

— Нури всегда охотятся за ведьмами, — пожала плечами Гот.

— Охотятся? Но почему?

— На Карресе слишком много знают о Манарете… Есть и другие причины.

— Так значит, на Ульдуне тебе угрожает опасность? — встревожился Посерт.

— *Мне* ничего не угрожает, — сказала Гот. — Это *тебе* угрожает опасность. И будет угрожать, если Червивая Гроза опять пролетит близко от Зергандола.

— Но…

— Дело в том, что ты способен управлять клатхой! И нури думают, что ты — колдун. Ладно, сейчас мы с этим разберемся.

Она подошла ближе, продолжая смотреть ему прямо в глаза, потом подняла палец на уровень его носа. Лицо у нее было серьезное, напряженное.

— Следи за пальцем!

Он послушался. Она изобразила в воздухе волнистую линию и замерла, резко ее оборвав.

— А теперь сделай так же, — сказала она. — Мысленно.

— Ты хочешь сказать, мысленно начертить такую же линию?

— Да.

Она терпеливо ждала, пока капитан в уме старался повторить ее движения.

— Готово! — удовлетворенно заявил он. Гот снова подняла палец:

— А теперь вот так…

И начертила в воздухе еще три знака, совершен-

но отличных друг от друга. Пытаясь мысленно их повторить, капитан почувствовал, как ему стало жарко. На лбу выступил пот. С чего бы это, смутно подумалось ему. Когда он наконец сказал, что ему удалось воспроизвести все знаки, Гот, весьма довольная, кивнула.

— А теперь все вместе, капитан, один за другим. Так же, как я тебе показала, и как можно быстрее!

— Быстрее? — Капитан расстегнул воротничок. Он уже не просто вспотел, с него буквально текло. Да еще это ощущение растущего внутреннего жара… Ничего себе ведьминский трюк!.. Он, может, и отнесся бы к ее штучкам скептически, если бы не этот жар.

— Это что, способ против нури?

— Да. Это как бы особый замок. — Гот не улыбалась и совершенно не обращала внимания на измученный вид Посерта; ее тонкое смуглое личико было напряжено. — Скорее! Пока что-нибудь не забыл!

Капитан закрыл глаза и сосредоточился.

Знак первый — ну, это легко… Второй… Третий…

Мозг его на мгновение дрогнул в поисках продолжения… Внутренний жар поднялся новой

волной. Пораженный, он вспомнил и четвертый знак!

В мозгу точно вспыхнуло размазанное огненно-синее кольцо, повернулось, свернулось в сияющую огненную точку и исчезло. При этом в голове у него будто что-то захлопнулось с почти неслышным щелчком. Потом все успокоилось, улеглось. Жар исчез. Он перевел дыхание. И, потрясенный, открыл глаза.

Гот улыбалась:

— Я знала, что ты сумеешь!

— И что это я сумел?

— Ты создал прочный замок, охраняющий от воздействия нури! Тебе, правда, нужно еще немножко попрактиковаться. Но это уже легко. Как только нури появятся поблизости, сразу запирай свои мысли. Они и не узнают о твоем присутствии!

За обедом она подробнее рассказала ему о Мире Червей и его малоприятных обитателях. Манарет и ведьмы враждовали уже почти сто пятьдесят лет по карресскому времени. Негативное воздействие Мира Червей на цивилизации людей было куда более всеобъемлющим и тонким, чем мог предполагать, скажем, Веццарн, и отнюдь не ограничивалось рейдами нури по космическому

пространству. Среди них имелись особенно мощные и зловредные особи, способные действовать на огромном расстоянии и приносить людям колоссальный вред и несчастья.

Телепаты Карреса решили определить источник этих многочисленных бед и выяснили кое-какие факты из жизни Манарета, о которых ранее никто и не подозревал. Они, например, узнали, что это вовсе не планета, а космический корабль неслыханных размеров, явившийся сюда из чуждой человечеству Вселенной другого измерения. Несколько столетий назад в результате чудовищного катаклизма гигантский корабль проник в наш мир. В итоге на его борту произошел мятеж, которым руководил Моандер, тот самый, «Вещающий На Тысяче Языков». Моандер, как узнали ведьмы, на самом деле являлся гигантским электронным мозгом, захватившим контроль над кораблем и заставившим расу, которая, собственно, и построила Манарет, отступить в дальние, хорошо защищенные внутренние отсеки звездолета, где сторонники Моандера не могли до них добраться.

Телепаты Карреса связались с этим народом, называвшим себя «лирд-харьер», и получили от него всю необходимую информацию, но не

обещание помощи против Моандера. Моандер же продолжал оставаться вместе со своим кораблем в этой Вселенной, явно намереваясь захватить власть над всеми здешними цивилизациями. Нури, из-за, безобразной внешности которых Манарет и стал называться Миром Червей, были, так сказать, служебной расой, техническим персоналом, который во время мятежа переметнулся на сторону Моандера.

— А потом, — сообщила Гот, — Моандер узнал, что Каррес за ним шпионит, и нури устроили охоту на ведьм…

Видимо, это открытие и помешало Моандеру быстро осуществить свои захватнические планы. Чудовищный маньяк, одержимый к тому же манией величия, решил сперва найти и уничтожить Каррес, чтобы получить полную свободу действий. Ведьмы же в то время еще не имели реальной защиты от нури и не были знакомы с их способами нападения. Так что лет восемьдесят тому назад им пришлось переместить свою планету в отдаленные области, к западным границам Империи. Нури были опасным противником не только благодаря своему устрашающему виду. У них имелось также некое оружие неизвестного типа, способное почти мгновенно уничтожить

жизнь на любой планете. Ведьмам предстояло еще во многом разобраться и проделать огромную работу, прежде чем решиться на прямую конфронтацию с нури.

— Они, конечно, уже успели очень неплохо подготовиться, — сказала Гот. — Манарет и без того принес много бед, а теперь положение становится хуже с каждым днем.

— В каком смысле? — Капитана очень заинтересовала вся эта история.

Оказывается, в последнее время Мир Червей разработал новую тактику нападения, превращая кое-кого из людей с помощью полной промывки мозгов в свое бездумное орудие. Многие подозревали, что даже правящий ныне император и другие лица, входящие в его Высший Совет, находятся под непосредственным влиянием телепатов из окружения Моандера.

— В этом одна из причин, по которой мы никак не можем установить с Империей нормальных отношений, — отметила Гот, — видимо, император получил указание найти способ уничтожения планеты Каррес.

— Ты думаешь, твой народ вновь переместил Каррес из-за Манарета? — задумчиво спросил Посерт.

— Необязательно, — пожала плечами Гот. — Политику Империи понять трудно. Но мы помогаем императрице Хайли — она лучшая из всех.

Капитан вновь задумался.

— А на Карресе известно, где находится Мир Червей? Вот Веццарн считает…

— Это уже вопрос стратегии, капитан.

— Не понял?

— Ну, если кто-то на Карресе это и знает, то другим об этом не скажет. Что если нас с тобой, например, поймают нури?

— Понятно, — согласно покивал головой капитан.

Было похоже, что ведьмы Карреса активно участвовали в самых различных политических интригах и на самых различных уровнях. Но ни Гот, ни капитан об этом не ведали.

Их собственные дела на Ульдуне продолжали идти вполне удовлетворительно. Они уже опубликовали объявление: «По завершении переоборудования, проводимого фирмой «Суннат, Базим и Филиш», модернизированный торговый корабль «Ночная птица» под управлением капитана Арона с Мульма отправится в прямой полет сквозь Чаладур к независимой планете Эмрис. Предполагаемая длительность полета — шест-

надцать дней. Заказ на пассажирские билеты и перевозку груза можно сделать немедленно; цена включает в себя стандартную премию за риск; стоимость билетов и провозки грузов оплачивается сразу по оформлении заказа и возврату не подлежит».

Принимая во внимание все опасности предстоящего полета, отклик на объявление был просто поразительный. По всей видимости, в настоящее время больше никто на Ульдуне не предлагал подобных рискованных предприятий. Правда, записалось в рейс всего три пассажира, хотя бывший кубрик «Удачи» был полностью переделан в шесть комфортабельных отдельных кают-люкс, столовую и кают-компанию. Однако через неделю капитан был вынужден прекратить принимать заказы на перевозку грузов: сперва нужно было определить, останется ли место в грузовых отсеках после того, как они распихают уже оплаченные к перевозке товары.

Итак, они вошли в бизнес. И чудовищно высокие цены с учетом риска весьма способствовали крупной игре.

Среди будущих пассажиров была одна женщина — прелестная темноглазая красотка, назвавшая себя Гулик до Эдель. Она желала как можно

скорее попасть на Эмрис, однако причин своей спешки не объяснила, заявив, что полностью уверена в капитане Ароне, его юной помощнице и в том, что ее благополучно доставят до места. Вторым пассажиром был толстый и суетливый финансист по имени Камбин, которого прошибал пот при малейшем упоминании о Чаладуре. Однако у него алчно загорались глазки, стоило ему заговорить о целом состоянии, которое он должен заработать (незаконным образом, разумеется), если попадет по некоему адресу на Эмрисе не позднее, чем через восемь недель. Последним в списке был некто по имени Лаэс Янго, бизнесмен, крупный широкоплечий мужчина с суровым и непреклонным выражением лица. Он был на голову выше капитана и отличался замкнутостью. Бизнесмен погрузил на борт несколько ящиков с чрезвычайно ценным гиперэлектронным оборудованием; на Эмрисе у него была пересадка, и дорогостоящее оборудование следовало везти дальше, на некую планету, до которой от Эмриса было еще несколько недель пути. Капитан решил, что с Янго на борту проблем не будет. Относительно двоих других он пребывал в сомнении.

У капитана было еще немало проблем, связанных с Ульдуной, но все это были вопросы

бизнеса, поддающиеся решению. Суннат, видно, поняла, что стала надоедать капитану своей назойливостью, и теперь вела себя более разумно. Она по-прежнему была вежлива и мила с ним, а он искренне надеялся, что никоим образом не обидел рыжеволосую красавицу.

Глава 5

Седмон Шестой, даал Ульдуны, был худым темноволосым мужчиной, довольно высоким (по ульдунским стандартам), с заостренной полисьи физиономией и умными задумчивыми глазами. Как утверждали, он не слишком любил развлечений. Тем не менее он всегда находил время, чтобы дать аудиенцию Гулик до Эдель, если она об этом просила. Гулик была прелестной женщиной, которая, хоть и родилась на Ульдуне, большую часть жизни провела в Империи. Она уже несколько лет служила тайным агентом в имперской разведке. И столько же времени была знакома с даалом. Иногда они работали вместе, иногда соперничали, добиваясь противоположных целей, однако в любой ситуации считали полезным обмениваться информацией — в разумных пределах, конечно.

Гулик в то утро явилась в Дом Грома рано; древний величественный замок даалов был расположен в горах, к югу от Зергандола. Седмон ждал ее в своих личных покоях на верхнем этаже замка.

— Мне хотелось бы знать, — начала Гулик,

которая любила сразу брать быка за рога, — существует ли на самом деле та космическая супер-тяга, созданная ведьмами Карреса, о которой ходит столько слухов?

— У меня нет тому доказательств, — признался даал. — Но я не слишком удивлюсь, если она действительно существует.

— А если это так, то насколько вы заинтересованы в том, чтобы заполучить ее?

Седмон пожал плечами.

— Ну, не настолько, чтобы предпринять шаги, способные вызвать враждебную реакцию Карреса.

— Или Империи?

— Это будет зависеть от обстоятельств, — осторожно сказал даал. — Я мог бы даже рискнуть. И пойти на обострение отношений с Империей.

Гулик с минуту молчала.

— Империя, — сказала она затем, — очень хочет иметь эту тягу. И ее совершенно не заботит, вызовет ли это враждебную реакцию Карреса или нет.

Седмон снова пожал плечами.

— Каждый действует так, как полагает нужным, — сухо произнес он.

— Согласна, — улыбнулась Гулик. — Давайте

теперь по порядку… Во-первых, этот корабль, которым мы оба заинтересовались еще несколько недель назад. Как вы считаете, он оснащен чудо-тягой?

Даал нервно передернул плечами.

— Я склонен думать, что это так, — признался он. — Что вы намерены по этому поводу предпринять?

— Либо заполучить тягу сама, либо следить за кораблем, наведя на него других агентов, — быстро ответила Гулик.

— Цель немалая, — заметил даал. — Давайте-ка посмотрим на наших гостей…

Он подошел к столу и нажал какую-то кнопку. Настенный экран осветился, и на нем появились изображения капитана и Гот. Они шли по одной из извилистых и горбатых улиц Зергандола. Когда их фигуры заполнили весь экран, даал нажал кнопку стоп-кадра. Некоторое время он стоял и смотрел на их лица.

— Этот человек — гражданин Никкелдепейна. Однако существует ряд вопросов, с ним связанных, на которые у меня пока нет ответов. Должен признаться, это меня беспокоит.

— Что за вопросы? — спросила Гулик.

— Он вполне может быть гражданином Ник-

келдепейна, который ныне маскируется — не без помощи моих чиновников — под капитана Арона с Мульма. Но он может одновременно быть и агентом Карреса. Таким, как все тамошние жители. Или даже колдуном с Карреса, принявшим облик капитана Посерта с Никкелдепейна.

Он умолк, раздраженно качая головой, и Гулик спросила:

— Именно это вас и беспокоит?

— Да, больше всего это, — признался Седмон. — Если капитан Посерт, он же капитан Арон, на самом деле колдун, я не желаю ничего предпринимать по отношению к нему или его кораблю.

— А если нет?

— Девочка почти наверняка из ведьм, — сказал даал. — Я могу, конечно, рискнуть, если речь пойдет только о ней, однако и это слишком опасно. Каррес имеет возможность сразу узнавать обо всем, что его касается.

— Позвольте заметить, — сказала Гулик, — что, согласно достоверным данным, планета Каррес неожиданно исчезла. В Империи официально считается, что планета была случайно уничтожена при испытании некоего супер-оружия, изобретенного ведьмами специально для отражения карательной акции имперского кос-

мического флота.

— Я слышал об этом, — сказал даал. — Более того, мои люди доложили, что Каррес исчез также из системы Ивердаль. Возможно, ваше предположение справедливо, но я не верю, что он был уничтожен.

— Почему?

— Я имел дело с разными ведьмами, Гулик. И много лет изучал Каррес и его историю. Не впервые приходят сообщения об исчезновении этой планеты. И не раз уже она появлялась вновь довольно далеко от своего прежнего местонахождения.

— Неужели эта супер-тяга способна переместить целую планету? Да полно вам, даал!

— Мне нечего к этому добавить, — пожал плечами даал. — Есть, разумеется, и другие возможные объяснения. Но, насколько я могу судить, Каррес по-прежнему находится в системе Ивердаль, только теперь невидим и его невозможно засечь никакими приборами. А кроме того…

— Он умолк, явно не решаясь продолжать.

— Да? Что вы хотели сказать? — подбодрила его Гулик. Даал ткнул пальцем в экран.

— Мне почему-то кажется, что я уже встречал этого человека. И девочку тоже… Но я никак не

могу вспомнить…

Гулик с любопытством посмотрела на него.

— У вас просто разыгралось воображение, — сказала она. — Ваша озабоченность действиями ведьм вполне понятна; ведь именно поэтому вы с такой осторожностью, окольными путями пытались раскрыть тайну капитана Посерта, верно?

— Я весьма полагаюсь на фирму, которая ремонтирует его корабль, — улыбнулся даал. — Они славятся полной неразборчивостью в средствах.

— И занимаются активными поисками супертяги, верно? — сказала Гулик. — Суннат также пыталась пленить капитана Арона своей красотой… А вы тем временем как бы заняли место над схваткой, надеясь вскоре получить нужную информацию.

Седмон перевел взгляд с экрана на Гулик и медленно произнес:

— Если мне удастся заполучить эту тягу и некоторое время поработать с нею без помех, я сумею восстановить величие Ульдуны и ее заслуженно высокое положение в галактической иерархии, которое она занимала прежде!

— Империя прекрасно осведомлена о вашем устремлении, — холодно заметила Гулик, но он глаз не отвел. — Мы могли бы действовать раз-

ными методами. — Гулик улыбнулась. — Если я добьюсь своей цели, это принесет мне огромные почести и богатство в Империи. Или же, при ином раскладе, кончится моей быстрой смертью. Это уж как решат имперские власти. — Она снова коварно улыбнулась. — Или власти Ульдуны… Видите ли, я бы тоже не прочь хотя бы частично восстановить былую славу и высокое положение старинного семейства до Эдель.

— Весьма благородное желание! — Даал одобрительно кивнул. — Что же касается меня, то я с удовольствием буду работать с партнером, обладающим такими преимуществами, как молодость, смелость и ум. А также способным помочь мне править Ульдуной. Тем более Великой Ульдуной!

— Мечты, мечты! — рассмеялась Гулик. — Ну что ж, я готова… Но мы должны быть очень осторожны. Я еще никому не сообщала, что корабль, некогда называвшийся «Удача», находится на Ульдуне, однако буду действовать так, словно уже отправила такое сообщение. А если — несмотря на все усилия — «Ночная птица» все же взлетит, я отправлюсь на ней в качестве пассажира… Кстати, этот Веццарн, которого они наняли на корабль, он ведь ваш человек, не так ли?

— Мой, — сказал Седмон. — Он, естественно, не знает, на кого работает.

— Разумеется. Про Камбина я информирована. Он ничего из себя не представляет. А Лаэс Янго?

— С ним следует считаться, он специалист.

— А чем конкретно он занимается? Мне удалось узнать о нем очень мало.

— Дилер. Занимается только тем, что способно принести высокие прибыли. У него есть собственный корабль, и он часто уходит в космос. Однако в особых случаях пользуется услугами других перевозчиков. Он всегда держит в банке свободные значительные суммы и осуществляет по субрадио крупные платежи с использованием счетов, которые невозможно отследить. Какая-то часть его деловых операций, видимо, вполне законна.

— Стало быть, от него можно не ждать осложнений?

— Вряд ли следует быть полностью уверенным… — Даал остро глянул на нее. — Должен ли я понимать ваши слова так, что вы намерены непременно продолжить попытки завладеть супер-тягой, даже если выяснится, что капитан Арон, как я подозреваю, имеет непосредственное отношение к ведьмам?

— Непременно. — кивнула Гулик. — У меня

есть своя теория относительно ведьм Карреса.

— И в чем она заключается?

— Они, помимо всего прочего, великолепно умеют блефовать. Взять хотя бы эту историю с исчезновением целого небесного тела. Мне описывали Каррес как примитивную, заросшую лесами планету. В космосе множество таких практически необитаемых миров. Некоторые даже не отмечены на обычных картах. Мне представляется весьма вероятным, что ведьмы вовсе не перемещают Каррес через пространство, а просто переселяются сами — с помощью самых современных средств — с одной планеты на другую, а затем уже распускают слух о переносе своей планеты в другой сектор галактики! Видимо, им хочется напугать всех, включая Империю. Вероятно, они действительно способны на всякие удивительные штучки; вполне возможно даже, что они все-таки создали эту супер-тягу и оснащают ею обычные космические корабли. Но переместить целую планету?.. — Она с сомнением покачала головой. — Посерт, возможно, колдун с Карреса, однако даже его «таинственные» способности не помогли ему узнать, что Веццарн — обыкновенный соглядатай! Нет, не боюсь я таких ведьм и колдунов!

— И Чаладура тоже не боитесь? — спросил даал.

— Немного, — призналась Гулик. — Но гораздо больше меня тревожит вопрос о супер-тяге, если она действительно существует. Ставки слишком высоки!

Странный, разноцветный и бесшумный вихрь медленно завивался вокруг них. Капитан некоторое время с изумлением наблюдал за ним, затем вдруг понял, что сидит, выпрямив спину, в исключительно неудобной позе на каменном полу, а спиной касается каменной стены. И еще он понял, что сидит зажмурившись, поэтому неплохо было бы открыть глаза.

Когда он их открыл, цветной вихрь тут же поблек и пропал, мир вокруг перестал вертеться. Но где это он? И как сюда попал?

Он огляделся. Помещение напоминало огромный погреб, широкий и низкий, а в длину — шагов сто пятьдесят. Толстые каменные колонны поддерживали сводчатый потолок. Несколько тусклых светильников — мерцающие шары в железных клетках — свисали на цепях с потолка. В другом конце подвала была узкая лестница, ведущая наверх сквозь проем в стене. Кажется, это единственный выход отсюда… Справа, футах

в тридцати от него, располагался камин.

Он задумчиво рассмотрел его. Камин был встроен в стену, в нем пылал жаркий огонь. Отдельные головни ярко светились, по куче углей пробегали огненные искры. Из камина торчала кочерга, напоминавшая скорее тонкую пику; один ее конец был погружен в пылающие угли, а рукоять покоилась на бронзовой каминной решетке. В нескольких шагах от камина стоял стол с мраморной столешницей, а возле него — огромная деревянная ванна.

Все это выглядело весьма странно. С какой стати кому-то пришло в голову разводить в камине огонь в такой теплый весенний вечер? Волны жара разливались по всему подвалу.

Теплый весенний вечер?.. Тут капитан вдруг вспомнил. Сегодня они произвели полную наземную проверку всех систем «Ночной птицы». Все было в полном порядке. Они с Гот остались очень довольны. Потом Гот отправилась домой, а Суннат, которая вместе с Филишем присутствовала при испытаниях, в шутку предложила капитану угостить их за хорошо сделанную работу. Правда, Филиш, извинившись, отказался в этом участвовать.

Капитан не усмотрел в предложении Суннат

ничего дурного, и они зашли в дорогой бар с низкими потолками, рядом с космопортом. Кто-то провел их в дальний зал и усадил за столик в полутемной нише. Тотчас же принесли напитки — и вскоре радужный вихрь подхватил капитана. Дальше он ничего не помнил.

Что ж, нет смысла сидеть здесь и гадать на кофейной гуще. Надо подняться наверх и выяснить, где он находится и что случилось с Суннат. Он попытался встать, но тут же сделал еще одно поразительное открытие: на правой лодыжке у него красовалось узкое металлическое кольцо с тонкой цепью длиной футов восемь, прикрепленной к другому кольцу, вделанному в стену. В ярости и недоумении капитан уставился на кандалы.

Капитан все же сумел подняться на ноги. Цепь при этом издевательски зазвенела.

— Эй! — крикнул он. — Есть здесь кто-нибудь?

На секунду ему показалось, что он услышал где-то приглушенный смех. Но никто не появился.

— Эй!

— В чем дело, капитан Арон?

Он повернулся и увидел Суннат, всего в двадцати шагах от него, слева. Она стояла возле одной из толстых колонн. Видимо, за ней она и скрывалась все это время.

Капитан уставился на нее. Одета она была потрясающе — алые брюки, изящные туфельки, узенький «топ» из сверкающей зеленой материи и алый тюрбан, украшенный огромным зеленым камнем. Она стояла неподвижно в полосе темной тени и смотрела прямо на него.

Яркий костюм отнюдь не делал ее ни более привлекательной, ни более соблазнительной: в этом мрачном подвале она была похожа на грозный призрак. Суннат чуть повернула голову, глаза ее зловеще блеснули. Она пробормотала что-то неразборчивое, подошла к камину, посмотрела на раскаленную кочергу, взяла ее за рукоять и вернулась к капитану, покачивая у него перед носом раскаленным железом. Капитан молча смотрел на нее. Глаза ее теперь были широко раскрыты, длинная шея вытянута, гибкая высокая фигура чуть наклонилась при ходьбе — очень похоже на готовую ужалить змею.

— Капитан Арон, — сказала Суннат. — Мне нужно от вас кое-что получить, и вы мне это отдадите.

Посерт услышал шум, шаркающие шаги, и в подвал спустились Базим и Филиш. Они несли кресло. В кресле сидела Гот с кляпом во рту. Руки ее были привязаны к подлокотникам.

— Сюда! — приказала Суннат и сунула кочергу в пылающие уголья. Когда тюремщики подошли ближе, она резко выдернула кляп изо рта Гот, та вздрогнула и откинулась на спинку кресла. Мужчины поставили кресло возле стола лицом к камину. Суннат швырнула кляп в огонь.

— Здесь это не потребуется, — объяснила она капитану. — Знаете, капитан Арон, в этом старом доме время от времени раздаются странные звуки, но они никого не беспокоят — ведь снаружи ничего не слышно. Видите, мы захватили и это бесовское отродье. Вы ведь ее очень любите? Через пару минут кочерга раскалится, так что лучше вам уже начать говорить.

Капитан почувствовал, как в груди у него все превращается в огромный ледяной ком. Гот быстро глянула на него — как всегда без всякого выражения — и снова уставилась на Суннат. Оба партнера Суннат явно чувствовали себя не в своей тарелке — Базим весь вспотел, а Филиш нервно кривил рот. Эти вмешиваться не станут, можно и не надеяться. Здесь парадом командовала Суннат, как у них в офисе, впрочем. Но, возможно, удастся все же выиграть немного времени…

— Минутку, Суннат, — сказал он вдруг. — К чему заставлять Дани страдать? Я и так скажу

вам, где двигатель.

— Вот как? — Суннат уже размахивала кочергой, глядя на ее раскаленный конец. — Ну и где?

— Он частично разобран, — начал быстро импровизировать капитан. — Часть находится на корабле, но вы, разумеется, не найдете…

— Разумеется, — кивнула Суннат. — А остальное?

— Одна деталь у меня дома. А все остальное заперто в двух разных банковских сейфах. Пришлось соблюдать осторожность…

— Еще бы! — сказала Суннат. — Понятно. Но боюсь, капитан Арон, вы по-прежнему врете. Базим, приготовь воду. Сперва опробуем кочергу на этом отродье.

Базим набрал в ковш воды из стоявшей возле стола ванны. С ковша капало. Он встал возле кресла, к которому была привязана Гот, держа ковш в руках. Ковш заметно дрожал.

— Успокойся ты! — рассмеялась Суннат. — Я же только рукав прижгу, а ее пока трогать не стану. Готов?

Базим крякнул. Кончик кочерги коснулся рукава куртки Гот. У капитана перехватило дыхание. Повалил дым. Внезапно вспыхнуло пламя.

Базим торопливо сунулся вперед, но руки у

него так дрожали, что вся вода пролилась Гот на колени. Суннат засмеялась и отступила. Базим торопливо зачерпнул еще воды и, не глядя, плеснул на Гот.

Вода, к счастью, попала туда, куда нужно. Послышалось шипение, огонь погас. И тут вдруг Суннат вскрикнула…

Капитан встрепенулся. Он напряженно следил за их мучительницей, которая вдруг повела себя очень странно. Вцепившись в рукоять кочерги обеими руками, она отскочила от Гот и метнулась вдоль стены, держа кочергу прямо перед собой. Партнеры смотрели на нее, раскрыв рты. Капитан видел, как напряглись мускулы Суннат — ей, видимо, требовались все силы, чтобы удерживать кочергу в таком положении. Лицо ее побелело.

— Скорее! — кричала она. — Базим! Филиш! Тащите бластеры! Убейте его! Немедленно! Это он отнимает у меня кочергу! О-о-о, нет!

Это был уже вопль отчаяния. Кочерга вырвалась из рук Суннат, развернулась на полу и нацелилась своим раскаленным концом на Суннат. Та завизжала, высоко подпрыгнула, бросилась в сторону, оглянулась… Кочерга следовала за ней. Суннат опять метнулась в сторону с криком: «Стреляйте же! Стреляйте!»

Одновременно с этим происходили и другие интересные вещи. Базим вдруг дико взревел, неуклюже подпрыгнул и закрутился, хватая себя за задницу обеими руками. Филиш резко повернулся к капитану, рука его скользнула под пиджак, и капитан тотчас почувствовал, как что-то тяжело шлепнулось ему прямо в ладонь. Безо всякого удивления он увидел, что это бластер, поднял оружие и выстрелил над головой Филиша. Но нужды в этом особой не было: Филиш тоже принялся прыгать и вертеться, как Базим. А Суннат бросилась вверх по лестнице, преследуемая дымящейся кочергой.

У ног капитана что-то звякнуло. Это оказался еще один бластер и ключ. Потом до него донесся шумный всплеск, и он увидел, что Базим и Филиш сидят рядком в ванне. Суннат исчезла. Кочерги тоже не было видно.

Капитан опустился на колено, вставил ключ в замок на кандалах и повернул. Кольцо расстегнулось. Он сунул второй бластер в карман, поднялся на ноги и подошел к Гот. Партнеры смотрели на него с ужасом и старались поглубже залезть в ванну.

— Спасибо, капитан! — ясным голосом сказала Гот. — Я все ждала, когда же ты наконец прищу-

чишь этих макак!

Капитан сразу не нашелся, что ответить. Он-то прекрасно знал, что это не ватч случайно залетел сюда, а действует сама Гот. Он хмыкнул и стал распутывать веревки у нее на запястьях. Потом коснулся прожженного рукава ее куртки:

— Не обожгло?

— Не-а. — Гот улыбнулась ему. — Даже горячо не было. — Она поглядела на Филиша и Базима. — А вот этим здорово досталось — я им полные карманы раскаленных углей насыпала!

— Я так и понял, — сказал капитан.

— Капитан, кто-то идет! — встревоженно воскликнула Гот.

Это оказалась довольно большая группа людей. На лестнице застучали сапоги, и с десяток полицейских в мундирах заполнили подвал, вытащили бластеры и взяли всех на прицел. Их командир, заметив капитана и Гот, направился к ним.

— Ах, ваша мудрость, надеюсь, вы не пострадали? — осведомился офицер. — Примите от имени нашего даала самые глубокие и искренние извинения в связи с этим происшествием. Мы, к сожалению, слишком поздно узнали о планах этих негодяев и не смогли вмешаться вовремя и

избавить вас от необходимости их наказывать. — Он бросил на несчастных партнеров взгляд, полный презрения. — А теперь, с вашего разрешения, я хотел бы побеседовать с вами наедине. А мои люди пока уберут отсюда эту шваль.

Добирались они долго по извилистым горным дорогам, и каким бы впечатляющим ни казался Дом Грома издали, по мере приближения к нему становилось ясно, что он сильно запущен и разваливается, подобно многим старым домам в Зергандоле. Скупость даала давно вошла на Ульдуне в поговорку. Очевидно, она распространялась даже на содержание столь важных правительственных учреждений, как суд.

Здание Малого Суда было совсем ветхим, однако кишело не слишком таившимися шпионами и охранниками. В холлах и коридорах поблескивало металлом различное тяжелое вооружение, по всей видимости, находившееся в превосходном состоянии. Офицеры эскорта остановились перед открытой дверью, с поклонами пригласили посетителей войти и тихонько притворили за ними дверь.

Это была комната без окон, хорошо обставленная, стены увешаны тяжелыми шпалерами, явно оставшимися от былых времен. Седмон встал им

навстречу. Одет он был в длинную черную хламиду; на голове возвышалась похожая на шлем шапка из зеленого бархата, закрывавшая половину лба и спускавшаяся до самого основания шеи.

Седмон весьма сердечно приветствовал гостей, называя их по именам (разумеется, новым, полученным в его же департаменте), и извинился за неприятности, которые причинили им Суннат, Базим и Филиш.

— Моим первым побуждением, — заявил он, — было немедленно предать негодяев смерти!

Капитан сразу почувствовал себя крайне неуютно, тщетно пытаясь избавиться от мысли о том, как палач сдирает кожу с «этой мерзавки Суннат», а та корчится от боли.

— Может быть, нет необходимости расправляться с ними столь жестоко, ваше величество? — сказал он.

— Вы очень великодушны! — благосклонно заметил Седмон. — Впрочем, этого и следовало ожидать. Ведь вы, в сущности, уже наказали Базима и Филиша, как мне представляется…

— Да, они получили по заслугам, — подтвердил капитан. Даал прокашлялся и продолжал:

— Я считаю, что Базим и Филиш являются весьма ценными работниками, когда не берут на себя

слишком много. И они сознались, что действовали так исключительно из страха перед Суннат. Если вы пожелаете, я могу освободить их — пусть закончат переоборудование вашего корабля. Но с одним условием: они не имеют права требовать с вас платы! Ни одного маэля! Все работы будут выполнены за их счет! Удовлетворяет ли вас такое решение, ваша мудрость?

Капитан поспешил заверить даала, что это так.

— Открытым остается вопрос о Суннат, — продолжал даал. — Приглашаю вас в зал Малого Суда.

В зале вдоль зеркальных стен сидело несколько чиновников. Седмон тоже уселся и предложил своим гостям занять кресла рядом с ним. Минуту спустя двое солдат ввели через боковую дверь Суннат. Она вздрогнула, заметив капитана и Гот, и отвела взгляд в сторону. Ночь она явно провела очень скверно. Лицо было в пятнах, осунулось, и она нервно моргала покрасневшими веками.

Ни одна из сторон даже не упомянула о таинственной супер-тяге, которую Суннат пыталась заполучить. Видимо, ее предупредили, чтобы ничего не говорила об этом в суде.

Седмон бросил взгляд на капитана и обратился к Гот:

— Поскольку самые гнусные намерения преступницы были направлены против вас, ваша юная мудрость, — сказал он, — представляется целесообразным, чтобы вы сами решили, каким должно быть ее наказание.

Суд замер. Гот встала.

— Было бы еще более целесообразным, Седмон, — произнес чей-то незнакомый голос рядом с капитаном, — если бы я сама привела приговор в исполнение…

Капитан вздрогнул. Говорила вроде бы Гот, но голос! Это был вовсе не ее голос! Весь состав суда безмолвно уставился на Гот. Даал кивнул.

— Хорошо. Пусть будет так, как сказала ваша мудрость…

Гот прошла вперед и остановилась в нескольких шагах от Суннат. Капитан не видел ее лица, но чувствовал, что воздух вокруг буквально пронизан волшебством, и сразу догадался, что сюда устремилась клатха. Мельком он заметил, что лицо даала напряжено до предела, а взгляд чрезвычайно внимательный; Суннат вся побелела от страха.

— Посмотри в зеркало, Суннат с Ульдуны!

И снова это сказала не Гот! Что же происходит? По спине у капитана поползли мурашки,

перед глазами поплыл туман, потом он снова стал видеть все отчетливо, а странный голос между тем продолжал вещать. Голос был низкий, мягкий и как будто заполнял собою весь зал. Да, это говорила не Гот, но капитан был уверен, что уже где-то слышал этот голос. Вот только где? Он должен был его помнить! Каким-то странным образом смысл сказанного все время ускользал от него, он словно опаздывал на какую-то долю секунды, и слова превращались в бессмысленную кашу. Суннат посмотрела в одно из огромных зеркал, которыми были отделаны стены зала, и капитан заметил, как напряглась ее спина, как вся она замерла, точно не в силах сойти с места. Седмон, стиснув пальцы, смотрел на нее и явно нервничал.

Голос стал громче; теперь он звучал грозным предостережением. Затем послышался резкий приказ. На мгновение в зале воцарилась тишина. Потом Суннат дико вскрикнула, однако винить ее было бы трудно: одновременно с нею все находившиеся в зале увидели в зеркале, как на плечах Суннат вместо ее собственной головы появилась кабанья щетинистая морда с мерзкими красными глазками. Уродливая пасть то открывалась, то закрывалась, и из нее продолжали нестись дикие

вопли. В зале испуганно зашумели. Даал что-то громко приказал побледневшим конвоирам Суннат, те схватили извивавшуюся преступницу за руки и поволокли прочь. Когда они проходили в боковую дверь, капитану показалось, что и вопли Суннат уже больше похожи на визг испуганной свиньи…

— Это был голос Толл! — сказал капитан не совсем уверенно. — Ты вещала голосом Толл! Голосом своей матери!

— Ну, не совсем… — уклончиво ответила Гот.

Они ненадолго остались наедине в небольшой комнате в Доме Грома, куда их провел совершенно ошалевший чиновник. Даал поспешно завершил судебную процедуру после приведения в исполнение приговора, вынесенного «юной мудростью», и сказал, что вскоре присоединится к своим гостям. Капитан подозревал, что Седмону просто хотелось немного прийти в себя. Как только чиновник, который явно был рад поскорее смыться, исчез за дверью, они тут же включили защитное устройство.

— Но это действительно очень похоже на ее голос, — согласилась Гот. — Это как бы моя копия Толл.

— Твоя — *что*?

Гот почесала кончик носа и решительно тряхнула головой:

— Наверное, тебе уже можно об этом сказать, хотя ты сразу наверняка всего не поймешь.

Оказалось, что ее «копия Толл» — это некое клатха-устройство для обучения молодой ведьмы. А точнее, частичная нематериальная копия личности взрослой ведьмы. В данном случае — личности Толл.

— Она словно всегда здесь, — Гот постучала пальцем по виску. — Ее и не замечаешь, пока не понадобится. Седмону очень хотелось проверить, на что я способна, вот я и решила устроить им небольшое представление. И копия Толл сама сработала — уж она-то знала, что нужно делать. Понимаешь?

— Н-не совсем.

Гот уселась на край полированного стола, болтая в воздухе ногами и внимательно глядя на капитана.

— Да, наверное, не понимаешь… — Она немного подумала. — Копия не все может делать. Только то, что я уже почти научилась творить сама; ей остается лишь показать мне.

— Я и не представлял, что ты знаешь такие заклинания. Выглядело очень впечатляюще!

— Закли..? А, это… Да нет, они вовсе и не нужны. Копия Толл сама все сделала — просто чтобы всех припугнуть. Особенно Седмона.

В дверь постучали. Гот обернулась, сунула руку в карман и отключила охрану. Потом спрыгнула со стола, а капитан подошел к двери и впустил в комнату даала Ульдуны.

— Есть целый ряд вопросов, потенциально имеющих столь серьезное значение, — начал даал, — что мне весьма трудно решить, кому я мог бы задать их…

На мгновение голос его прервался. Это случалось с ним уже не первый раз. Взгляд даала скользнул по сияющей синей поверхности стола, остановился на капитане, на Гот, снова на капитане; он тряхнул головой и молча прикусил пальцы. Лицо его было озабоченным и сердитым.

Капитан смотрел на него с некоторым удивлением. Седмон, казалось, просто сгорал от желания что-то им рассказать, но никак не мог решиться. Интересно, что у него за проблема? Даал как-то намекал, что обладает информацией, представляющей огромную важность для Карреса. Тогда им действительно необходимо узнать об этом.

Даал вновь задумчиво посмотрел на Гот.

— Может быть, ваша мудрость понимает… — пробормотал он.

— Конечно, — ответила Гот голосом умненькой девочки.

Может быть, даал все расскажет Гот, если оставить их наедине? После заседания суда капитана не слишком часто называли «ваша мудрость». Вероятно, Седмон уже произвел некоторую переоценку событий. Для того, что произошло в подвале, вполне достаточно и одной настоящей ведьмы. Так, собственно, и было на самом деле. Но, может быть, не совсем хорошо…

— Я полагаю, — услышал вдруг капитан собственный голос, — что вам все же лучше рассказать нам об этом, Седмон Шестиликий…

Глаза даала блеснули.

— Вот как! — произнес он, резко выдохнув воздух. — Я давно подозревал… Но мне было трудно поверить. Даже вы… Конечно, у всех есть свои секреты… — Он встал. — Идемте со мной, капитан Арон и Дани! Вы, по-видимому, лучше меня разберетесь, как поступить с тем, что у меня хранится…

Капитан очень надеялся, что они действительно сумеют разобраться. А сейчас он ровным счетом ничего не понимал из слов Седмона Ше-

стого Шестиликого. Но сказал, кажется, именно то, что нужно. И в нужный момент…

Седмон быстро вел их по узким коридорам. Подол черной хламиды бился о каблуки его туфель. Поднявшись и спустившись по нескольким лестницам, они очутились в другой части Дома Грома. По пути им никто не встретился. Три раза даал останавливался, доставал из складок своего одеяния ключ и отпирал тяжелую дверь, а потом снова запирал ее за ними. Он не произнес ни слова, пока они не свернули в глухой коридор, в самом конце которого виднелась только одна дверь. Здесь даал замедлил шаг и сказал:

— За этой дверью — половина проблемы. Когда вы все увидите собственными глазами, я расскажу вам и то немногое, что знаю сам. А потом в другом месте покажу вам кое-что еще.

Он отпер дверь. За ней оказалось длинное с низким потолком помещение, совершенно пустое, только дальний его конец был словно занавешен тяжелым серо-стальным занавесом, который слабо пульсировал.

— Это защитный экран, — с кислым выражением буркнул даал. — Я предпринял все возможные меры… Полагаю, никто ничего не узнал… А больше мне ничего не удалось, ибо пока что я не сумел

наладить контакт с представителями вашего народа. — Он искоса поглядел на капитана и Гот. — У вас, несомненно, хватает и своих проблем, но я уже много недель мечтаю узнать, где можно найти кого-то, способного выступать от имени планеты Каррес.

Теперь он вел себя совершенно иначе: отбросил всю официальность и обращался к ним как к равным. Даже к Гот. И не скрывал того, что у него были причины раздражаться и жаловаться, хотя обеспокоенным вовсе не выглядел. Откуда-то из складок одежды даал извлек небольшое устройство и нажал на кнопку.

Защитный экран исчез, и они увидели, что в дальнем конце комнаты стоит кушетка, а на ней сидит человек, точно остановленный посреди некоего движения и застывший в этой позе. На нем был космический скафандр. Это был крупный мощный мужчина, лет на десять старше капитана. Гот тихонько охнула.

— Вы его знаете? — спросил даал.

— Да, — ответила Гот. — Это Олими!

Она прошла вперед, капитан за нею. Даал держался чуть позади. Олими глядел в пространство немигающими черными глазами… Он сидел на краю кушетки, вытянув ноги и приподняв руки

со скрюченными пальцами, словно пытался что-то схватить. На лице застыло выражение настороженности и крайней сосредоточенности.

— Его нашли в таком состоянии полтора месяца назад. Он сидел за пультом управления своего корабля, — сказал даал. — Я понятия не имею, что с ним. Он словно «завернут» в некое силовое поле, характер которого мне неизвестен.

— Он отключил свой разум. — Лицо и голос Гот ровным счетом ничего не выражали. Она посмотрела на капитана. — Наверное, нам следует взять его с собой на Эмрис. Там ему помогут.

— Наверное. — Стало быть, Гот тоже не знает, как связаться с ведьмами по эту сторону Чаладура, решил капитан и повернулся к даалу: — Вы что-то говорили о его корабле.

— Да. Он находится в трех часах полета от нашей планеты. Единственный человек на борту. Как он сумел подойти к Ульдуне и остаться незамеченным ни одной станцией слежения, никто не знает. — Седмон нахмурился. — На корабле также имелся некий предмет, который я приказал там и оставить. Не хочу даже пытаться описать его — сами увидите… Как по-вашему, стоит ли что-нибудь предпринимать в отношении этого человека прямо сейчас?

Гот помотала головой. Капитан сказал:

— В данный момент мы ничего для него сделать не можем. Так что оставим его, как есть, а потом заберем с собой.

Оказалось, что корабль Олими сел в почти необитаемом районе на южном континенте Ульдуны, в самом центре продуваемой всеми ветрами равнины, которую окружали туманные горы с голыми скалистыми вершинами и языками снега на склонах. С воздуха корабля видно не было, но его местонахождение было отмечено неким сгустком серого тумана, словно стекавшего в низину. Это тоже оказался силовой экран, установленный для охраны корабля. Примерно в миле от него над небольшой возвышенностью висело еще одно, более крупное облако такого же серого тумана.

Капитан, сидевший с Гот в задней части салона флаера, увидел в иллюминатор смутные очертания четырех палаток. Из них быстро выскочили и построились два взвода солдат. Один из людей, сопровождавших длила, подошел к офицеру и коротко переговорил с ним. Потом вернулся, кивнул даалу и влез в салон. Флаер поднялся, развернулся и полетел в сторону корабля Олими.

У капитана не было возможности что-либо

спросить у Гот наедине. Возможно, она знала, в чем тут дело: что означает это происшествие с Олими, колдуном Карреса, который отключил свой разум. А любой вопрос, заданный даалу, мог вызвать у того подозрения и навлечь на них опасность, так что Посерт сидел с равнодушным видом и ни о чем не спрашивал.

Флаер опустился ярдах в пятидесяти от защитного экрана, окружавшего корабль Олими, и сам тут же включил такую же защиту. Капитан и Гот надели теплые плащи и выбрались вместе с даалом из машины. Даал тоже закутался в длинный меховой плащ. Остальные члены его свиты остались внутри. Даал и его спутники приблизились к силовому экрану, прошли сквозь него и увидели стоявший на земле звездолет.

Корабль был небольшой, но изящных очертаний, и явно предназначался для скоростных перелетов. Даал вытащил из-под плаща какой-то прибор.

— Это электронный ключ к замку корабля, — объяснил он. — Оставляю его вам. Тот предмет, о котором я вам говорил, находится возле пульта управления. А я возвращаюсь и буду ждать вас в машине.

Входя в шлюз, капитан обернулся: даал уже

исчез за пеленой силового экрана.

— На всякий случай, — сказал капитан, — давай лучше включим и наш собственный экран. А ты хоть что-нибудь во всем этом понимаешь?

Гот отрицательно покачала головой.

— Олими у нас один из самых лучших! Я его уже с год не видела. Он добывал информацию для Карреса. Не знаю, чем он занимался в этом полете.

— А что это за «отключение разума»?

— Это чтоб никто не совался к тебе в мозги. Никто и ничто. Такое особое состояние. Не очень удобное, правда. Ты как бы выпускаешь свой ум на волю, и назад вернуться он сам не может. Требуется посторонняя помощь. — Она посерьезнела.

— Житель Карреса летит на высокоскоростном корабле, — вслух размышлял капитан, — и ему что-то встречается в космосе — причем такое, из-за чего он пугается и отключает свой разум, желая спастись? Звучит не очень убедительно. Интересно, а сам он мог направить корабль на Ульдуну?

— Наверное… Не знаю, — пожала плечами Гот.

— Ну, ладно, давай сперва осмотрим корабль, а уж потом займемся таинственным предметом.

Может, станут понятны причины, по которым даал не хочет о нем говорить…

Они увидели загадочный предмет, стоило им войти в рубку. Он был довольно объемистый, похожий на неровный обломок астероида и весил, должно быть, фунтов четыреста. Находился непонятный объект возле пульта управления, но они не стали и пытаться сдвинуть его с места. Капитан включил обзорные экраны корабля, обнаружил, что они работают в режиме слежения в условиях космоса, и переключил их на наземное наблюдение. На экранах появились четкие изображения продуваемой всеми ветрами ульдунской равнины. Небольшое облако серого марева возникло на экране левого борта.

Они быстро осмотрели другие отсеки и выяснили только одно: Олими содержал свой корабль в чистоте и порядке.

— Ну теперь можно и на эту штуку поглядеть, — сказал капитан. — Как ты думаешь, наверное, это что-то важное для Карреса, правда?

— Должно быть, — отвечала Гот. — Олими никогда не давали мелких поручений.

Капитан осторожно, даже почти опасливо коснулся пластика, в который был завернут предмет. То, что находилось внутри, на ощупь

было твердым и тяжелым, как обломок скалы. Капитан осторожно отогнул кусок пластика и увидел нечто похожее на лежалый лед — такими бывают старые ледники, источенные временем, с вкраплениями камней и вулканических пород. Капитан потрогал «лед» пальцем. Он оказался довольно теплым и скользким. Может быть, это какая-то горная порода?

Он вопросительно посмотрел на Гот. Та лишь пожала плечами.

— Ни на что не похоже! — заметил капитан. И, отогнув пластик, открыл еще фута два поверхности таинственного предмета. Да, больше всего он напоминал кусок какой-то древней горной породы, бесформенный, покрытый буграми…

Бесформенный?

Теперь капитан начинал в этом сомневаться. На поверхности кристалла виднелись мелкие округлые завитки и узловатые выпуклости, и чем больше он смотрел на них, тем сильнее чувствовал, что это вполне конкретный узор. Какая-то загадочная скульптура?..

Внутри «камня», в сердцевине мутного серого вещества, из которого он состоял, время от времени вспыхивали огоньки, точнее, дрожащие нити пламени, которые, казалось, находились где-то

очень далеко. Вот они вспыхнули вновь — и опять у капитана возникло ощущение немыслимых глубин пространства. Потом ему показалось, что поверхность кристалла изменяется — плывет, расползается, и сам он вот-вот провалится куда-то внутрь и утонет в туманной, мерцающей огнями бездне. Ужас охватил его. На секунду он замер, словно парализованный. Потом вдруг почувствовал, что руки сами собой суетливо спешат закутать в пластик приоткрытую часть «камня», а Гот ему помогает. Они тщательно натянули пластик и закрепили его концы, как было раньше.

Неведомый страх немного отпустил капитана. Ему казалось, что угрожавшее им нечто сейчас удаляется, однако по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вот это да! — сказал он Гот, с трудом переводя дыхание и совершенно потрясенный. — Что это было? Клатха?

— Не клатха! — твердо сказала Гот. Она побледнела, глаза смотрели тревожно. — Но я не знаю, что это! Никогда ничего подобного не видела… — Она умолкла.

В голове у капитана вдруг что-то легонько, но отчетливо щелкнуло. Будто замок.

— Господи, Червивая Погода в гости пожа-

ловала! — прошипела Гот. Они одновременно повернулись к экранам.

Бледно-желтое пятно расползалось по восточному краю неба над безрадостной равниной, уже исчезая, растворяясь, улетая вдаль…

— А если б мы не успели закрыть «камень»?.. — вырвалось у капитана.

Они ждали несколько минут. Червивая Гроза больше не появилась. А потом Гот сообщила капитану, что клатха-замки, блокировавшие их разум от проникновения проклятых нури, оказались вполне надежными. Желтого тумана уже не было видно.

— Она прямо сюда нацелилась! — сказала Гот. Лицо ее уже слегка порозовело. А вот капитана все еще бил нервный озноб. Наверное, этот особый пластик, который Олими использовал для защиты от воздействия «камня», способен был уберечь и то, что таилось внутри загадочного предмета, от сенсорных устройств нури…

Теперь было совершенно очевидно, что Манарет вовсю охотится за этим артефактом. И Каррес, по всей видимости, тоже. Пока Олими вез найденный предмет на родную планету, его постоянно преследовали нури, и это они вынудили Олими отключить свой разум. Вот почему с тех

пор Червивая Гроза так и висит над Ульдуной, появляясь то там, то здесь в поисках «камня»! Они подозревают, что артефакт здесь, но не в состоянии определить, где он находится.

— Эта штука должна служить оружием против Манарета?

— Похоже, на Манарете именно так и считают.

Для них обоих это было важное открытие!

Туманный экран, скрывавший флаер даала, не сдвинулся с места. Те, кто сидел внутри, тоже, конечно, видели Червивую Грозу и явно решили переждать. Они, должно быть, задраили все люки и закрыли иллюминаторы броневыми плитами… И все же, несмотря на все страхи и опасения, Седмон решился прилететь с ними сюда! Уж больно ему хотелось, чтобы ведьмы Карреса забрали «камень» с собой…

— Если мы сумеем довезти его хотя бы до Эмриса, — проговорил капитан.

Гот поддержала его:

— Может, мы его и довезем… — Голос Гот звучал не слишком уверенно.

— Даал считает, что нам это по силам, — заметил капитан. — Иначе он бы не стал нам его показывать. А Седмон, как ты сама сказала, старикашка неглупый и слишком много знает!

На ее губах промелькнула лукавая улыбка.

— Сейчас ты ведешь себя совсем иначе, капитан!

— Вот как?

— Да! И сейчас ты очень похож на Требуса, только помоложе. А я, как говорят, точная копия Толл в молодости. Седмон их когда-то знавал, и, по-моему, ему теперь кажется, что мы — это Толл и Требус! Он думает, что мы просто переменили возраст.

— Как это переменили?

— Ну, просто стали моложе. Некоторые ведьмы и колдуны умеют менять возраст…

На одно лишь короткое мгновение, впервые со дня их знакомства, Гот вдруг показалась капитану совсем маленькой, очень одинокой и совершенно беспомощной в этой огромной и угрожающей Вселенной.

Ну, допустим, она не так уж одинока! — тут же решил он.

— Что ж, — тряхнул он головой, — значит, нам с тобой придется теперь стать Требусом и Толл!

— Вот именно! — Гот улыбнулась. — Думаю, это было бы очень неплохо, капитан!

Глава 6

Веццарн оказался свободен от вахты и должен был спать, но вот уже два часа сидел в запертой каюте и размышлял. Заканчивался третий день полета «Ночной птицы», и Веццарну было о чем подумать.

Ему многое очень не нравилось в самой идее полета через Чаладур. Да и кому она могла понравиться? Но гарантированная премия — если Веццарн найдет то, что спрятано на корабле капитана Арона, — была в высшей степени соблазнительной. Раньше ему приходилось рисковать, в том числе и в Чаладуре, за куда более скромные деньги…

И вдруг, за десять дней до отлета, бесцветный голос, часто беспокоивший Веццарна, сообщил ему, что задание отменяется. Правда, только частично. Веццарну приказали полностью забыть о том, будто ему что-то нужно отыскать на корабле, однако он по-прежнему должен лететь с капитаном Ароном сквозь Чаладур и, используя опыт, накопленный в предыдущих полетах, всемерно способствовать тому, чтобы «Ночная птица» благополучно прибыла на Эмрис.

И что он за это получит?

Веццарн просто кипел от бессильной ярости. Но потом ему в голову пришла мысль, что он вполне может поработать и на самого себя. У обладателя голоса явно были связи и по ту сторону Чаладура, однако тамошние осведомители не сразу сумеют что-либо сообщить ему о действиях Веццарна в тех краях, а если Веццарну удастся заполучить секретную супер-тягу, которой, как подозревали, частенько пользовался капитан Арон, он к тому времени будет уже далеко-далеко и станет очень и очень богатым человеком.

Интересно, какая все-таки задача у этого корабля. Похоже, он готовится к опасному предприятию, значение которого выходит далеко за рамки обычного рискованного полета сквозь Чаладур! Веццарн просто терялся в догадках и места себе не находил от беспокойства. Но выходить из игры было уже поздно. Если он это сделает, долго ему на Ульдуне не протянуть. Уж об этом-то обладатель бесцветного голоса позаботится.

Один из их пассажиров, правда, из игры все — так вышел. Это был Камбин, толстый финансист. Он заявился в их офис и что-то проныл насчет своего здоровья, не позволяющего ему отправиться в такой перелет.

Остальные двое сейчас были на борту, сидели в своих каютах, а «Ночная птица», покинув космопорт Зергандола, летела в космическом пространстве, направив свой иглообразный нос в сторону Чаладура…

Веццарн был замечательным взломщиком. Это, в частности, сделало его одним из наиболее ценных агентов неблагодарного обладателя бесцветного голоса. Теперь, когда они оказались в открытом космосе, его обязанности стали незначительными, рутинными, и свободного времени у него хватало. Чем он и воспользовался.

Однако Веццарна ожидала целая серия небольших сюрпризов. Он выяснил, например, что, за исключением центрального пассажирского отсека и ходовой рубки, все остальные помещения буквально напичканы электронными «жучками». Правда, против «жучков» у Веццарна были свои приемы, так что электронная защита его не пугала. Примерно через сутки он почти убедился в том, что секретная тяга установлена в одном из трех возможных мест — либо в запертой камере грузового отсека, либо в отсеке рядом с машинным отделением, тоже запертом, либо в специально отгороженном помещении на верхней палубе корабля, за пассажирскими каютами.

Самым логичным было бы разместить тягу рядом с машинным отделением. И на следующий день Веццарн проник за запертую дверь. Он был свободен от вахты, так что в ближайшие два-три часа вряд ли кто-нибудь стал бы его разыскивать. Он без помех добрался до машинного отделения. Правда, замок в двери запертого отсека потребовал некоторого времени для изучения и осторожных экспериментов. На первый взгляд, отсек выглядел как обыкновенная кладовка для инструментов и прочих технических приспособлений. Но почему он тогда заперт?

Веццарн не стал спешить. Он произвел некоторые предварительные изыскания с помощью своих средств и понял, что где-то рядом работает множество других приборов! Почти все сигналы поступали из огромного контейнера, стоявшего у переборки напротив двери. Он продолжил свои исследования, пытаясь обезвредить возможные ловушки, и в итоге обнаружил монитор системы внутреннего слежения.

Ну, с монитором-то справиться нетрудно! Веццарн осторожно приблизился к нему, стараясь не попасть в его поле зрения, открыл заднюю панель и отключил питание. Затем разместил свои приборы возле таинственного контейнера

и оставил их записывать исходившие из него сигналы минут на десять.

Ему пришлось дожидаться следующей вахты, после которой он был совершенно свободен и мог спокойно изучить результаты расшифровки. Веццарн добрался до своей каюты и заперся в ней. Он достал из шкафа дешифратор, поставил его на маленький столик, включил, еще раз подошел к двери и проверил, заперта ли она, и вперился в окуляры. Перед ним было объемное изображение того, что сумели «увидеть» его приборы.

Это было нечто очень странное! Оно двигалось, издавая еле слышные звуки, позвякивало, жужжало, гудело, поблескивало и вращалось. И при этом посылало слабые импульсы разных видов энергии, которые, казалось, пронизывали его насквозь. Короче, оно все время напряженно работало, хотя Веццарну эта работа представлялась довольно хаотичной и совершенно непонятной. Через пять минут он был уже почти убежден, что все это не имеет и не может иметь никакого практического применения.

Во всяком случае, это была явно не супер-тяга! Даже самый необычный тип тягового двигателя не может быть таким!

Но что же это тогда? И тут Веццарн догадался:

его просто провели! Загадочный контейнер в запертом отсеке сыграл свою роль! Все это было придумано лишь для того, чтобы привлечь внимание любого, кто станет обшаривать корабль в поисках спрятанной тяговой установки.

Это был сильный удар! Капитан производил на Веццарна впечатление человека открытого, прямого и на подобную низкопробную хитрость не способного. Веццарн даже почувствовал себя оскорбленным. Но быстро утешился. Он ведь все-таки обнаружил монитор, и никто его не поймал…

В тот день еще лишь одно событие омрачило настроение Веццарна. Поскольку все меры предосторожности, предпринятые капитаном, были, по всей видимости, направлены против пассажиров, а не против него, Веццарна, то он разместил в разных местах свою собственную систему «жучков», значительно более эффективных. Даже первоклассный профессионал вряд ли способен обнаружить их все. Если на борту корабля у Веццарна и были соперники, тоже заинтересованные в секретной тяге, он о них узнает!

Видимо, соперники имелись. Проверяя жучки, он обнаружил, что они включались в работу,

фиксируя чье-то присутствие в нескольких запертых помещениях корабля в те моменты, когда капитан, юная Дани и сам Веццарн находились в ходовой рубке.

Кто бы это мог быть? Гулик до Эдель или этот роскошно одетый бизнесмен, Лаэс Янго?

Может быть, даже оба. Причем независимо друг от друга. Веццарн встревожился. Только этого ему не хватало!

А капитан Арон между тем тоже забил тревогу. Ах, если бы на борту «Удачи», то есть «Ночной птицы», не было вообще никаких пассажиров! Взятый ими груз делал коммерческий аспект полета к Эмрису абсолютно мизерным. Да и не только в этом дело — история с Суннат, Базимом и Филишем заставляла подумать о том, сколько еще на Ульдуне людей, подозревающих о наличии на его корабле нового типа невероятно мощной тяги. Субрадио уже распространило по галактике информацию об «Удаче», причем гораздо быстрее, чем можно было предполагать. Теперь почти любой встречный мог вынашивать тайные замыслы в отношении загадочной тяги!

Одним из способов борьбы с подобными замыслами было осторожное распространение слухов, что капитан и Гот — каррессские жите-

ли. По всей вероятности, немногие смельчаки решатся перейти дорогу ведьмам и колдунам. Однако поскольку на корабле находился Олими и его «камень», капитан решил лишь в самую последнюю очередь прибегнуть к этому способу. Мир Червей, судя по всему, имел свою агентуру и среди людей, которым нури выхолостили мозги, превратив в абсолютно послушных рабов. Так что слух о том, что «Ночной птицей» управляют жители Карреса, несомненно привлечет к кораблю внимание нури. А капитану хотелось сделать отлет с Ульдуны как можно более незаметным.

Вот поэтому он и не смог избавиться от Гулик до Эдель и Лаэса Янго. Если бы он в последний момент отказался брать их, это наверняка вызвало бы толки и пересуды. После того, как Камбин добровольно отказался от полета, капитан пригласил оставшихся пассажиров в свой офис. За день до этого в космопорте Зергандола приземлился корабль, сильно покалеченный после полета сквозь Чаладур. Экипаж его был в очень плохом состоянии. Капитан сразу заявил своим будущим пассажирам, что опасности, которые обычно таит в себе Чаладур, ныне, по-видимому, достигли своего апогея, и если пассажиры по этой причине откажутся от полета, он готов полно-

стью возместить им затраты.

Предложение не встретило должного отклика. Гулик до Эдель, вся в слезах, кричала, что она просто обязана как можно скорее попасть к старикам-родителям на Эмрис. А Янго вежливо, но твердо пообещал добиться судебного запрета на вылет «Ночной птицы» с Ульдуны, если корабль вздумает стартовать без него. Капитан сдался.

— Видимо, кто-то из них охотится за вжжиктягой, — сказал он Гот. — Нам бы не мешало принять некоторые меры.

— Какие именно? — спросила Гот. Жаль, что среди ее талантов не было умения читать чужие мысли — это бы сейчас очень пригодилось.

— Пожалуй, мы установим фальшивый супердвигатель.

Гот идея понравилась. Посерт почти забыл о том дурацком грузе, который остался у него на борту, когда он впервые отправился в торговый рейс с Никкелдепейна — ему казалось, что с тех пор прошло много лет. Он разыскал старый груз в одном из складов космопорта. Среди прочей ерунды там оказались сложные, дорогие и весьма взрывоопасные обучающие игрушки — видимо, собственность советника Раппорта. Их, помнится, капитану никак не удавалось никому всучить

ни на одной из планет Империи.

— Там есть одна забавная штука, которая способна нам помочь, — рассказывал он Гот о своей находке. — По-моему, на ней написано «Мультисистемная игра».

Он продемонстрировал ее Гот. Игра являлась средством обучения: как пользоваться различными видами энергии, известными на Никкелдепейне. Однако что-то в ней, видимо, сломалось, и когда ее включали, все обучающие системы начинали работать одновременно, а на экране возникало нечто совершенно немыслимое — некая постоянно менявшаяся мешанина изображений. Игра могла сработать как «крючок».

Итак, они спрятали «Мультисистемную игру» в машинном отделении, тщательно — но не слишком — замаскировав ее, чтобы интересующийся мог достаточно легко ее обнаружить. Рядом они установили монитор слежения. Фирма, торгующая всяким шпионским снаряжением, с удовольствием продала им монитор и прислала специалиста, который установил по всему кораблю «жучки» — в тех местах, где указал капитан. Специалист, правда, признался, что все эти устройства не самого высокого класса, но

капитану не так уж много было нужно — хотя бы на один шаг опережать противника.

Ночью накануне отлета люди даала привезли два бронированных куба, которые под руководством капитана погрузили в трюм «Ночной птицы». Один отправили в только что законченный сейф, занимавший немало места в особой камере грузового отсека, снабженной кодовым замком. Капитан сразу же собственноручно установил на замке время: две недели. Второй поставили в каюту, недавно отгороженную от остального пассажирского отсека. В первом хранилище был «камень», доставленный с корабля Олими, во втором — сам Олими.

Примерно через 12 часов после начала полета Гот отправилась в машинное отделение проверить, как обстоят дела в запертом отсеке. Монитор, как она убедилась, никто не включал. Ни один из дорогостоящих «жучков» ничего тревожного не отметил. Значит тот, кто забрался в машинное отделение, был опытным шпионом и взломщиком.

Они ничего не могли придумать. Оставалось только заковать всех пассажиров в цепи. И чем ближе они подходили к Чаладуру, тем более опасным становилось любому из них находиться

где-либо, кроме ходовой рубки и собственных кают, которые соединялись непосредственно с нею. Шпионы, сколько бы их ни было, в конце концов могут просто отказаться от своей затеи отыскать волшебную супер-тягу. Да и что они могут найти? Связку погнутых проволочек, валявшуюся в ящике тумбочки возле кровати Гот? Ну еще и саму Гот, конечно.

Но на четвертые корабельные сутки случилось непредвиденное…

Капитан сидел в ходовой рубке — было время его вахты, — а Гот спала у себя в каюте. На экранах раскрывались пугающие глубины Чаладура, и «Удача» погружалась в них с предельной скоростью, на которую только были способны ее новые двигатели. Суперсложная система масс-детекторов регистрировала порой некие случайные объекты, но все они были так далеко от корабля, что лишь на мгновение изображения вспыхивали на экранах и тут же исчезали. Глаза капитана беспрестанно вглядывались в экраны. Вдали, прямо перед ним, висела в пространстве разноцветная гроздь звезд, окутанная красновато-коричневым облаком пыли. Это был первый естественный маяк на пути «Удачи», однако его разумнее было бы облететь стороной, ибо это

скопление планет служило прибежищем знаменитым людоедам Мегайра.

Капитан ввел в автопилот поправку, слегка изменил курс, и звездная гроздь медленно сместилась влево. Вдруг небольшой экран засветился, издавая звонкие сигналы. Капитан включил изображение, и на экране появилось лицо Веццарна.

— В чем дело? — спросил капитан.

Голова Веццарна сместилась — он оглянулся назад, хотя за спиной у него был пустой коридор.

— Тут что-то неладно, капитан! — хрипло прошептал он.

Посерт открыл запертую дверь рубки, чтобы впустить Веццарна, и, нажав на кнопку, разбудил Гот. Вытащил из ящика стола бластер, сунул его в карман и поднялся навстречу Веццарну, торопливо входившему в рубку.

— Ну что там? — спросил он.

— Знаете дверь с надписью «Вход воспрещен», позади пассажирского отсека? Так вот, капитан, похоже, кто-то из пассажиров туда забрался!

— Кто именно? — спросил Посерт. В этот момент за спиной у Веццарна он увидел Гот.

— Не знаю, — Веццарн пожал плечами. — В кают-компании сейчас никого. Я проходил мимо

и увидел: дверь чуть-чуть приоткрыта.

— Внутрь не заглядывали?

— Нет, сэр! — Веццарн изобразил оскорбленную добродетель. — Как же без вашего разрешения? Просто я решил сразу же вам сообщить…

— Пошли, — скомандовал капитан.

Капитан и Веццарн осторожно подошли к двери, ведущей в закрытый отсек, где в своей темной каюте находился Олими, все такой же неподвижный и безжизненный.

— А теперь заперто! — воскликнул Веццарн.

Капитан быстро глянул на него и достал из кармана ключ.

— Ты уверен, что дверь была открыта? — спросил он. Веццарн оскорбился:

— Как и в том, что стою перед вами, капитан! Чуть-чуть, но совершенно точно открыта!

— Хорошо.

Кто бы ни был этот любопытный пассажир, он, скорее всего, успел обследовать и коридор, и каюту, потом обнаружил Олими — что должно было изрядно его напугать — и быстренько убрался прочь.

— Вы с Дани подождите меня в кают-компании, — приказал капитан. — А я пока все проверю.

Ключ легко повернулся в замке, капитан нажал на ручку двери, и она тут же распахнулась сама, ударив его в плечо. Он едва успел схватить за руку Гулик до Эдель, когда та весьма резво выскочила из запертого отсека наружу. Лицо ее было мертвенно-бледным, рот раскрыт. Она сперва жадно хватала им воздух, а потом пронзительно закричала.

На крик тут же прибежал Веццарн. За ним следом явился Лаэс Янго. Гулик бормотала что-то непонятное. Капитан быстро захлопнул дверь и коротко приказал:

— Давайте отведем ее в кают-компанию…

Положение складывалось неприятное, но пока они добрались до кают-компании, капитан успел придумать легенду. «Мертвец», которого обнаружила любознательная госпожа, просто один из пассажиров, и его вовсе не следует бояться. Этот человек, чье имя капитан называть не имеет права, страдает некоей формой паралича, которую вроде бы умеют лечить на Эмрисе. С этим делом связаны несколько весьма важных персон с Ульдуны, и по причинам политическим присутствие этого пассажира на борту «Ночной птицы» должно сохраняться в строжайшей тайне.

Лаэс Янго, Веццарн и Гулик усердно кивали на

его объяснения.

— Не могли бы вы пройти со мной в рубку, госпожа до Эдель? — попросил он. — Веццарн, посидите, пожалуйста, у экранов…

В рубке он предложил Гулик сесть, а Гот тут же пристроилась к пульту управления, но детекторы молчали. Мегайр они уже миновали; он потихоньку уходил за корму. Капитан включил внутреннюю связь и освободил Веццарна, следившего за экранами из кают-компании. Потом он повернулся к своей пассажирке.

— Я виновата, виновата, капитан Арон! — поспешно заверещала Гулик. — Не знаю, что на меня нашло! Уверяю вас, я вовсе не имею привычки совать нос в чужие дела!

— Меня интересует только то, как вам удалось открыть замки в коридоре и в кающе, — прервал ее Посерт.

— Но я их вовсе не открывала! — удивилась Гулик. — Обе двери были открыты, а та, что в коридоре, вообще распахнута настежь. Потому-то я и решила заглянуть внутрь… Может, это Веццарн… хотя нет, он ведь тоже ничего не знал, верно?

— Верно.

— Только у вас есть ключи от этих дверей?

— Предположим, — сказал капитан.

— Тогда я ничего не понимаю! Клянусь, я говорю правду! — Темные глаза Гулик смотрели сперва изумленно, потом испуганно: — А вдруг… этот несчастный… пришел в себя и сам открыл двери? Изнутри? — Она вся побелела от страха.

Капитан ответил, что сильно сомневается в возможности этого. Гот говорила ему, что, когда человек отключает свой разум, он вообще не может передвигаться. В остальном же данный инцидент ровным счетом ничего не прибавил к уже имевшейся у него информации относительно наличия на борту нескольких «любопытных». Гулик до Эдель. похоже, говорила правду. Впрочем, если она опытная шпионка, так и должно казаться. Особенно, когда она лжет…

Перед отлетом капитан установил в рубке индикатор охранной сигнализации, который должен был включиться, если бы кто-то полез в сейф, где хранился «камень» Олими. Теперь он был доволен собственной предусмотрительностью, хотя прежде она казалась ему излишней: дело в том, что замок с часовым механизмом, вставленный в сейф, должен был бы устоять против любого взломщика, однако и грузовой отсек, и секретная камера были оборудованы дверями

особой прочности, которые поставила им та же фирма, что оборудовала сейфы «Банка Даала».

Следующий день на корабле прошел относительно спокойно, хотя именно в этот день имела место первая настоящая атака на их корабль. Но все это было настолько несерьезно, что особого внимания не заслуживало. Дюжина черных иглообразных кораблей возникла вдруг на экранах, освещенная красным солнцем. До того нападавшие были не видны, ибо обозначавшие их светящиеся точки на экранах затмевало излучение звезд, находившихся позади них. Это была широко распространенная тактика нападения, и экипаж «Удачи» все время был начеку, особенно когда курс корабля пролегал поблизости от очередного солнца. Черные корабли сразу же легли на курс перехвата, двигаясь с исключительно высокой скоростью. Выглядели они довольно зловеще.

Сигнал тревоги поднял Гот с постели. Через тридцать секунд загорелся один из экранов, и с него на капитана глянуло ее лицо.

— Все готово! — доложила она, откидывая со лба спутанные волосы. — Запускать?

— Нет еще, — отвечал капитан. Проходя сквозь эту звездную систему, он не торопил «Удачу», так

что у них был в запасе некоторый резерв мощности. — Может, мы и так уйдем… Ну-ка, переключи свой экран на правый борт.

Из кают-компании зазвучал сигнал интеркома. Капитан включил связь.

— Известно ли вам, — осведомился динамик голосом Лаэса Янго, — что нас хотят перехватить?

Капитан поблагодарил его, сказав, что вполне справится со сложившейся ситуацией. Торговец отключил связь. У него были отличные нервы: голос звучал ровно, сдержанно, и в нем лишь капельку чувствовалось любопытство. И еще, подумал капитан, надо признать, что глаз у Янго острый: на экранах в кают-компании иглообразные корабли стали видимы всего за пару секунд до того, как он позвонил в рубку.

Капитан следил за приборами, определявшими вероятную точку встречи с перехватчиками. Остроносые корабли пока что шли с прежней скоростью. Затем перехватчики свернули, чтобы зайти «Удаче» в хвост. Капитан медленно отвел регулятор тяги до предела назад. Ходовые двигатели дико взревели, и полторы минуты спустя они проскочили вероятную точку встречи, имея в запасе еще добрых секунд шестьдесят. Черные корабли в последний момент тоже включили

форсаж, но «Удача» шла явно быстрее.

Вахта капитана закончилась, его сменила Гот, и он с чувством выполненного долга отправился спать. Потом снова встал, поел и заступил на вахту…

Глава 7

Пора было будить Гот. Но капитан решил дать ей еще немного времени. Эта бесконечная череда вахт здорово их истощила и вполне могла сказаться еще до того, как они пройдут через Чаладур. Вот если бы он мог доверять еще хоть кому-нибудь…

Капитан раздраженно фыркнул. На секунду ему показалось, что он чувствует запах духов. Видно, воображение разыгралось. Гулик до Эдель всегда пользуется духами, но ее в рубке уже целые сутки не было. Да и духи у нее вроде бы другие… Интересно, кто же это? Какой-то очень знакомый запах… Может быть?…

— Может быть, уделите мне пару минут, капитан Арон? — раздался у него за спиной тихий грудной голос. Капитан вздрогнул и резко обернулся.

У противоположной стены рубки стояла, чуть прищурившись и улыбаясь, рыжеволосая Суннат. Одета она была в тот самый наряд, который всегда вызывал у капитана усиленное сердцебиение. Она, как когда-то в Зергандоле, не стесняясь демонстрировала все свои прелести…

— Неплохо! — Капитан постарался сразу взять себя в руки. — Вот только голос не очень похож, а духи, по-моему, и совсем не те.

Суннат некоторое время изумленно смотрела на него. Улыбка медленно сползала с ее лица.

— Вот как? — произнесла она холодно, повернулась к нему спиной и уплыла в каюту Гот. Через секунду Гот собственной персоной уже стояла на пороге, не то хмурясь, не то улыбаясь.

— А я думала, у меня хорошо получилось! — разочарованно сказала она. — И голос, мне казалось, похож!

— Да нет, в самом деле очень неплохо! — заверил ее капитан. — Можно узнать, зачем это тебе понадобилось?

Гот взгромоздилась на столик перед коммуникатором и принялась, как всегда, качать в воздухе ногой.

— Хотелось потренироваться, — объяснила она. — Я еще не все умею. Тем более имитировать. Это, между прочим, не такая простая штука… А хочешь, я сейчас Гулик изображу? Уж ее-то я точно сымитирую!

— В другой раз, — сказал капитан, выбрался из кресла и подрегулировал его под ее рост. — Пойду-ка я посплю. А ты будь добра, оставь свои

тренировки и внимательно следи за экранами! Там опять что-то неладное…

— Можешь не беспокоиться! — Она спрыгнула на пол, подошла к нему — и оба замерли на месте.

Рубка наполнилась короткими, резким свистками; на одном из экранов пульсировала красная линия. Тревога!

— Сейф! — прошипела Гот.

Они бросились по коридору к грузовому отсеку. Весь корабль спал. В кают-компании никого не было, свет там горел неярко. По корабельному времени уже два часа, как наступила ночь.

Огромная дверь грузового отсека была плотно закрыта и даже как будто заперта, но стоило коснуться, как она распахнулась настежь. Освещение было включено — здесь явно кто-то побывал! Капитан достал бластер, и они быстро пошли по узкому проходу к дальнему концу отсека, где слева была запертая дверь в потайную камеру — массивная, способная выдержать любой напор. Дверь оказалась приоткрытой.

На пороге лицом вниз лежал Веццарн. Ноги его так и остались за порогом, словно он споткнулся и упал, выходя из камеры. Он не пошевелился, когда они переступили через него. Внутри ка-

меры слышалось странное громкое жужжание, словно там орудовал потревоженный рой каких-то гигантских насекомых. Сейф стоял у стены; его верхнее отделение, где помещался куб, было открыто. Перед сейфом на полу лежало несколько непонятных приборов. Но жужжание исходило именно из сейфа.

… Это напоминало переход через болото, до колен наполненное густой, липучей жижей. Капитана шатало от бесконечных приступов головокружения. Жужжание угрожающе нарастало. Он еще успел услышать, как Гот что-то предупреждающе крикнула. Впрочем, к этому моменту он уже достиг сейфа. Из него хлынул поток сероватого света, и капитана будто опалило холодным огнем. Ему показалось, что он падает в холодную, серую пустоту, хотя руки его лихорадочно искали край прочного и эластичного пластика, в который был ранее завернут «камень», потом наконец нащупали, потянули и принялись заворачивать, закрывать, закутывать бугристую поверхность страшного «камня»…

Через несколько секунд «камень» снова был тщательно завернут, а концы пластика надежно закреплены. Капитан и Гот стояли, тяжело дыша и глядя друг на друга. Жужжание понемногу сти-

хало; у них было ощущение, что некто ужасный собрался было проснуться, но потом передумал и решил продолжить свой сон.

— Кажется, вовремя успели! — отдышавшись, сказал капитан. — Давай быстрее!

Они не сумели как следует закрыть сейф — так и бросили его, с открытым верхним отделением. Они оттащили Веццарна от порога, захлопнули дверь камеры, заперли ее на три поворота ключа. Потом капитан взгромоздил Веццарна себе на плечи и потащил. Он был очень тяжел и то ли мертв, то ли просто без сознания; во всяком случае, тело его было неповоротливым, точно мешок с песком.

Заперев грузовой отсек, Гот бегом бросилась назад, в рубку, а капитан потащился следом, шатаясь под тяжестью тела. Пассажиров по-прежнему видно не было, но это вовсе не означало, что они спокойно спят.

В рубке капитан опустил Веццарна на пол и вдвоем с Гот занял место у приборной панели. Черный мрак Чаладура по-прежнему висел перед ними, но никаких признаков непосредственной опасности пока не было видно. Как и свидетельств того, что далекий Мир Червей знает о корабле, несущемся сквозь пространство с таин-

ственным «камнем» на борту, который к тому же только что кто-то пытался рассмотреть поближе. Гот и капитан переглянулись.

— Может, и обошлось, — вздохнул капитан. — Если поблизости не было этих нури… — Он оглянулся на Веццарна. — Давай-ка попробуем привести этого типа в чувство.

Через несколько минут Веццарн, кашляя и отплевываясь, очнулся, и капитан убрал фляжку с бренди.

— Вы меня слышите, Веццарн? — громко спросил он.

— Да, — прошептал Веццарн и огляделся. — А что это?..

— Дани сейчас немного позабавится с детектором лжи.

— Я все скажу, капитан, всю правду! — завопил Веццарн.

— Ладно, увидим. Но если только детектор покажет, что вы солгали, вы тут же вылетите наружу. Прямо в Чаладур!

Веццарн поспешно вывалил все, что мог вспомнить — о таинственной тяге, о тихом «голосе», который нанял его, а потом изменил задание, о своих собственных планах и о последних событиях на борту.

— Вот теперь я знаю, какой супердвигатель их интересует, сэр, — закончил он свой рассказ, дрожа от страха при одном воспоминании об этом. — Что до меня, так я даже близко никогда к этой дьявольской штуке не подойду! Хоть озолотите! Честно говорю! Я теперь ваш, со всеми потрохами, пока не пройдем Чаладур и не сядем на Эмрисе! Вы уж поверьте!

Капитан отошел к пульту управления, нажал на кнопку, и внутренняя дверь шлюза с резким хлопком закрылась. Веццарн вздрогнул и вздохнул с облегчением.

— Мне кажется, кто-то из наших пассажиров тоже интересуется супердвигателем, — заметил капитан. Пусть Веццарн считает, что «камень» и есть тот самый двигатель, подумал он. — Не знаете, кто именно?

— По-моему, оба, — ответил Веццарн, явно почувствовав себя увереннее.

Капитан с минуту молча смотрел на него.

— Меня уверяли, — произнес он наконец, — что, кроме боевого луча, который плавит любую броню, ничто и никто не может проникнуть в запертую камеру грузового отсека и открыть замок сейфа…

Веццарн закашлялся и со слабой улыбкой про-

изнес:

— Знаете, сэр, может, на Ульдуне и найдется еще пара-тройка более опытных медвежатников, чем я, да только не больше. Это я вам гарантирую. Надеюсь, вы все поняли, сэр?

Капитан кивнул.

...А через семь часов экраны предупредили, что идет Червивая Гроза. Она была еще далеко, но уже явственно были видны смутные желтые проблески среди звезд. Приборы почти одновременно зарегистрировали пять или шесть таких проблесков — причем не кучно, а по всему сектору. На первый взгляд, нури двигались хаотично и не в сторону «Удачи».

Еще через полчаса количество вспышек на экранах возросло до полусотни; нури уже окружали корабль со всех сторон, хотя двигались по-прежнему довольно беспорядочно, то уменьшаясь в размерах и словно пропадая вдали, то появляясь вновь... Гот приготовила вжжик-тягу и вернулась в рубку. Капитан отключил экраны в кают-компании. Лаэс Янго тут же позвонил по интеркому и поинтересовался причиной. Капитан сослался на небольшую поломку, уже почти устраненную.

Сферические переплетения нури к самому ко-

раблю пока что не приближались. Встреча с ними вообще-то могла быть чистым совпадением, но все-таки оставалась значительная вероятность того, что в этот сектор пространства их привлекло именно то, что Веццарн активизировал «камень».

— Боишься? — Гот уже не в первый раз спрашивала его об этом своим тихим и как бы придушенным голосом.

— В общем, да… А ты?

— И я. Немножко.

Через некоторое время число желтых шаров как будто уменьшилось. Капитан подождал еще несколько минут, окончательно убедился в этом, и спросил Гот, что она видит. Оказалось, что Гот тоже заметила: Червивая Гроза вроде бы проходила стороной. Затем остались всего два шара, видимо, самые недоверчивые. Они плыли далеко позади корабля, но с экранов исчезать не желали.

— А быть ведьмой все-таки здорово! — вздохнул капитан.

— Иногда, — кивнула Гот, и капитан не сразу ее понял.

— Ну, хорошо, теперь, видимо, некоторое время на борту будет спокойно, — сказал он. — Все, что

могло случиться, уже случилось. — Он засмеялся. — Если, конечно, кто-нибудь из ватчей не решит составить нам компанию!

Гот осторожно кашлянула.

— Знаешь что…

Капитан изумленно уставился на нее.

— Может, конечно, его тут и нет, — сказала Гот, — но я бы этого утверждать не стала…

— А я думал, ты это знаешь!

— Знаю — когда они близко. Но этот близко не подходит. Если это, конечно, ватч… Мне почему-то иногда кажется, что за нами наблюдают… — Она махнула рукой куда-то в сторону экранов, где светился Чаладур. — Издалека, оттуда…

А еще через две вахты им стало ясно, что не все еще успело случиться на борту «Удачи». И в том, что произошло на этот раз, ватч виноват не был, хотя некоторое время капитан еще сомневался. По сути дела, объяснения этому происшествию никто на корабле так и не нашел.

Тревогу подняла Гулик до Эдель. Капитан оставался на вахте, когда заверещал сигнал интеркома и раздался странно спокойный голос Гулик:

— Капитан Арон, я у себя в каюте. Мне срочно

нужна помощь! Но постучите, прежде чем входить, и непременно назовите свое имя, иначе я буду стрелять сквозь дверь!

— И почему же это вы будете стрелять сквозь дверь? — осведомился он, нажимая кнопку сигнала, чтобы разбудить Гот.

— А потому, — отвечала Гулик, — что по кораблю кто-то разгуливает!

— И кто же это?

— Зверь! Животное! Чудовище! — Гулик, видно, говорила с трудом, стискивая зубы, чтобы не сорваться на крик. — Я его видела собственными глазами. Только что. В коридоре возле кают-компании. Будьте осторожны!

— Сейчас приду, — сказал капитан.

В рубку вбежала Гот, на ходу застегивая куртку.

— Это ватч? — спросил капитан.

— Ничего подобного! — помотала головой Гот. — Да разве Гулик заметила бы присутствие ватча?

— Надеюсь, это всего лишь игра ее воображения. Пошли!

Они быстро и осторожно прошли по коридору. Никого. Свет в кают-компании был притушен. Они повернули в другой коридор и остановились

у закрытой двери каюты Гулик.

— Отойди в сторону, — прошептал капитан. — Судя по ее тону, она запросто может начать палить сквозь дверь.

Он осторожно постучался и нажал кнопку переговорного устройства.

— Кто там? — резко осведомилась Гулик.

— Капитан Арон. И Дани тоже со мной.

Раздалось два щелчка. Дверь чуть приоткрылась, и Гулик опасливо выглянула наружу, не отводя от щели небольшого, но вполне убедительно выглядевшего бластера. Ее нежное лицо казалось серым и было искажено от страха, темные глаза нервно поблескивали. Капитан забеспокоился.

— Заходите! Быстро! — скомандовала Гулик, пропуская их в каюту.

— …Я не успела его как следует рассмотреть, — рассказывала она, по-прежнему не выпуская из рук бластер. — Оно было в коридоре, который ведет в хвост корабля, шагах в тридцати от меня и в тени. Такая огромная темная туша. Б-р-р! — Гулик поежилась. — Это какое-то животное, и очень большое!

— Насколько большое? — спросил капитан.

— Не знаю… Туша не меньше, чем у лошади.

Округлая и вся бугристая. А лапы, по-моему, короткие — во всяком случае, посадка у него низкая. А может, оно просто присело перед прыжком… Голова огромная, круглая, с бивнями или клыками! А глаза! Пять штук, и все в ряд в верхней части головы. Маленькие такие и ярко-желтые!

Все — исключая, конечно, Олими — собрались в ходовой рубке. И все, за исключением Гот, были при оружии. Вещцарн, очевидно, поверил Гулик сразу. Лаэс Янго был настроен более скептически.

— Я слышал истории о том, как на корабли вторгались некие существа из Чаладура, — сообщил он. — Но никогда не считал, что им следует верить. Нервное перенапряжение…

— Мои нервы в полном порядке! — перебила его Гулик. Янго пожал плечами и кивнул в сторону экранов.

— Мы все прекрасно знаем, что здесь существуют вполне реальные опасности, — сказал он. — Самые различные. И никто не может предсказать, когда одна из них проявит себя. А вы предлагаете, чтобы девочка оставалась одна в рубке и охраняла нас, хотя на пути может встретиться все что угодно, а мы все займемся бессмысленными поисками по кораблю того, что

вам привиделось?

— Дани, конечно же, нельзя одной здесь оставаться, — резко ответила Гулик. — Следует держаться вместе. Но я действительно считаю, что корабль необходимо осмотреть. И опять-таки всем вместе. Мы должны найти эту тварь и убить ее. — Она посмотрела на капитана. — Насколько я понимаю, вашему несчастному паралитику грозит сейчас самая серьезная опасность!

Капитан колебался. Покидать рубку на длительное время было бы неосмотрительно. С другой стороны, Чаладур выглядел спокойным и путь впереди был свободен. Никаких звезд, скоплений космической пыли, никаких других небесных тел или астероидов, способных скрывать засаду. Масс-детекторы уже несколько часов молчали…

Он сказал, что вряд ли на поиски им потребуется целый час — на корабле не так уж много мест, где могло бы спрятаться животное такого размера. А если это существо агрессивное, то нет оснований предполагать, что оно станет прятаться. Сейчас он включит автоматическую систему охранной сигнализации, которая сразу подаст сигнал тревоги, если что-либо подозрительное появится в зоне действия детекторов в любом отсеке. Всем держаться вместе, велел капитан.

Передвигаться только группой.

Сперва они осмотрели пассажирский отсек, затем перешли в хвост корабля, осмотрели грузовой трюм и нижнюю палубу. Никто им не попался; не обнаружили они ни малейших следов столь огромного существа и в коридоре, где, согласно заявлению Гулик, она его видела собственными глазами. Однако Гулик стояла на своем.

— Что будут делать остальные, меня не касается! — заявила она. — Я лично спать больше не намерена и оставшиеся несколько суток из каюты не выйду. Если за это время ничего не случится, я поверю, что животного на борту больше нет: может, оно вернулось туда, откуда пришло. А пока советую всем позаботиться о собственной безопасности…

Капитан полагал, что Гулик несколько преувеличивает остроту ситуации. Животное, способное проникнуть сквозь корпус торгового корабля, надо полагать, способно проникнуть и в любую каюту. Может быть, Гулик просто не хочет в этом себе признаться… Но об этой возможности почему-то вслух не упомянул никто.

Когда капитан наконец снова уселся у пульта управления, предвкушая скорый конец своей вахты, он внезапно услышал взволнованный

шепот Гот:

— Капитан!

Он вздрогнул. Последние дни были довольно напряженными — то одно, то другое, и сейчас он не расслышал ее шагов. Он резко повернул голову:

— В чем дело?

— Интерком выключен? — осведомилась Гот по-прежнему шепотом.

Она казалась встревоженной.

— Выключен. Что случилось?

— Капитан, я знаю, где прячется это создание, которое видела Гулик!

— Не может быть! — Капитан вскочил с кресла и бросился к ящику, где лежал бластер. — Так это чудовище все-таки на корабле?

Гот кивнула. Глаза ее блестели.

— В каюте Янго!

— Великий Патам! А Янго?..

— О нем можешь не беспокоиться. Он там с ним разговаривает. Я под дверью подслушивала. Беседуют на непонятном языке, я такого не знаю. Зато Янго знает.

Капитан недоверчиво уставился на нее.

— Гот, ты совершенно уверена, что он держит этого зверя у себя в каюте?

— Конечно, уверена! Он на минутку дверь приоткрыл и в коридор выглянул, а оно стояло у него за спиной, совсем близко!

— А что, если бы оно тебя учуяло?

— Но я же была без формы, без звука, без запаха! — уверенной скороговоркой заявила Гот. — Я это все умею выключать, капитан! Меня там словно и не было. Зато я успела немного разглядеть это чудище! Здоровое, мех коричневый. И лапу видела, не всю, правда. Странная лапа, вроде ножки жука. Только вся косматым мехом поросла. Но я, конечно, не очень хорошо успела рассмотреть… — Она поглядела на него. — Что будем делать?

— Раз Лаэс Янго с ним разговаривает, значит, он может его контролировать. Давай-ка займемся этим прямо сейчас, пока чудовище у него.

— Он и сам оттуда пока что выбраться не может, — сообщила Гот.

— Это почему?

— А у него без нашей помощи замок не откроется. Я в него железку засунула. И его заклинило.

Когда контейнеры с невероятным электронным оборудованием Лаэса Янго прибыли на борт, торговец настоял, чтобы один из самых больших был помещен к нему в каюту, а не в грузовой отсек.

— Помнишь, у него такой здоровый ящик был? — спросил капитан Гот.

— Вряд ли такое чудище в нем поместится, — с сомнением сказала Гот.

— Ну, если размером с лошадь… тогда да, пожалуй, не поместится. Впрочем, это всего лишь предположение… — Капитан сунул бластер в карман. — Пошли. Попробуем выяснить, что там такое. Гот понимающе кивнула и улыбнулась.

— Тогда я изменю свою форму, да?

— И все остальное тоже.

— Ладно, — сказала Гот и исчезла. Капитан навострил уши, пытаясь хоть как-то определить ее присутствие, но она исчезла без следа. «Вот бы и мне так», — подумал он. Когда Посерт подошел к двери каюты Янго, пальчики Гот легонько сжали его руку.

Некоторое время он прислушивался. Голосов из-за двери слышно не было, но раздавались другие звуки, хотя и очень слабые. Дважды по каюте кто-то прошел — но это были быстрые шаги человека, а не звериный топот. Затем послышался несильный удар, что-то лязгнуло, и снова раздались удары. Еще два… Потом все стихло.

Капитан подождал еще с минуту и включил переговорное устройство на двери.

Он ожидал услышать в ответ либо молчание, либо возню, однако Лаэс Янго спокойно осведомился:

— Кто там?

— Капитан Арон. Могу я войти, господин Янго?

— Конечно, сэр… Одну минуту, дверь, кажется, заперта.

Шаги послышались у самой двери. Янго вел себя совершенно нормально и ничуть не подозрительно. А эти тяжелые удары? Капитан отступил в сторону, сунул руку в карман и нащупал бластер.

Дверь распахнулась — сразу стало ясно, что никакого чудовища в каюте нет. Торговец холодно и скупо улыбнулся.

— Входите, сэр.

Капитан вошел. На столике у стены слева горела лампа и валялись какие-то бумаги. Огромный контейнер загромождал почти всю дальнюю часть каюты, но лошадь упрятать в него было явно невозможно.

— Надеюсь, я не очень вас обеспокоил? — сказал капитан.

— Вовсе нет, капитан Арон, — Лаэс Янго широко улыбнулся. — Чем могу служить?

— Речь идет о безопасности корабля. — Капи-

тан достал бластер. Янго посмотрел на бластер, затем снова на капитана, скорее удивленно, чем встревоженно.

— Неужели все так серьезно? — спросил он.

— Да, — сказал капитан, чуть приподнял ствол бластера и указал на контейнер. — Вы сообщили мне, насколько я помню, что здесь находится некое весьма ценное и хрупкое гиперэлектронное оборудование?

— Совершенно верно.

— Я вижу, контейнер заперт, — продолжал капитан, — однако мне придется попросить вас открыть его.

Лаэс Янго задумчиво пожевал губу.

— Вы настаиваете на этом? — спросил он.

— Боюсь, что да.

— Хорошо, сэр. Я знаю законы — в рискованном полете вопрос безопасности корабля автоматически получает приоритет над всеми остальными соображениями.

Торговец достал два здоровенных ключа, вставил их по очереди в замок, несколько раз повернул каким-то сложным образом, вынул и отступил в сторону. Крышка контейнера начала медленно открываться, затем щелкнула и застыла. Капитан придвинулся ближе, не спуская глаз

с торговца, и заглянул внутрь…

Больше всего это было похоже на огромный меховой плащ, сложенный в несколько раз. Мех был коричневатый, длинный и жесткий, кое-где украшенный черными полосами, как у тигра. Капитан осторожно протянул руку, потрогал мех пальцем, затем приподнял шкуру — казалось, она сопротивляется этому, и капитан опустил ее.

— Так это и есть ценное гиперэлектронное оборудование?

Янго кивнул.

— Да, сэр! Можно сказать, бесценное! Очень древнее и в прекрасном состоянии. Это робот Шима — в разобранном виде, конечно… Великий мастер, создавший его, умер более трехсот лет назад.

— Робот Шима? — повторил капитан. — Понятно… Но вы его недавно собирали, не так ли?

— Ну и что? — Янго напрягся.

Капитан потянул за одну из складок мохнатой шкуры…

Голову, утонувшую в коричневом мехе, он увидел почти сразу. Она, пожалуй, больше походила на страшную маску, сплющенную, покрытую колючей щетиной. Но глаза смотрели как живые. Гулик до Эдель описала их совершенно

точно — пять маленьких, круглых, огненно-желтых глазок, расположенных в один ряд. Сейчас глаза уставились в потолок каюты. Чуть ниже виднелась огромная темная пасть. По обеим ее сторонам торчали две пары закрученных черных бивней. Голова была огромная, слишком большая даже для туши «размером с лошадь».

Капитан сложил все обратно, прикрыв голову шкурой.

— Его называют еще Паук Шима! — сказал Лаэс Янго. — Это уникальное изделие, капитан Арон. Роботы Шима изготавливались по образу животных, обитающих в разных мирах, и Паук, как принято считать, был самым совершенным из них. Это последний сохранившийся экземпляр. Вы спросили, не собирал ли я его недавно… Да, собирал. Это совсем нетрудно. С вашего разрешения…

Капитан поднял бластер, направив его в грудь Янго.

— Что это вы прячете в левой руке? — спросил он.

— Да это же пульт управления роботом! — нахмурился Янго. — Насколько я понял, вы желали увидеть его в собранном виде? Понимаете, роботы Шима воссоздают себя сами, стоит акти-

вировать их.

Сложенная шкура зашевелилась, поползла в сторону и стала приподниматься.

— Даю вам две секунды, — сказал капитан очень ровным голосом, — Немедленно выключите его, иначе стреляю!

Шевелящаяся масса медленно осела и успокоилась.

— Я выключил его, сэр! — Янго не сводил глаз с бластера.

— А я забираю у вас это устройство! — сказал капитан. — После того, как вы запрете контейнер, заберу и ключи. А затем вы мне расскажете, для чего создан этот робот, куда вы его везете и ради чего собрали его и пустили разгуливать по кораблю, никого не предупредив.

На лице Янго была написана с трудом сдерживаемая ярость, однако он более не протестовал. Бизнесмен запер ящик и передал капитану ключи и пульт управления. Потом рассказал, что ему было дано поручение от имени принца-консорта планеты Сванси, расположенной на галактическом севере от Эмриса, непременно заполучить этого робота. Принц Вуэсселен, как известно, является обладателем замечательного механического зоопарка, и цена, которую он

обещал заплатить за Паука Шима, была просто фантастической. Как и где Лаэс Янго приобрел робота, он сообщить отказался. Помимо платы за самого робота, ему была обещана огромная премия, если он сумеет доставить Паука вовремя, ибо принц Вуэсселен намеревался выставить его во время летних празднеств в северном Сванси; премия была такова, что Янго решил лететь сквозь Чаладур.

— Вот причины, из-за которых я, помимо всего прочего, совсем не желал, чтобы кто-нибудь узнал о том, что я везу знаменитого Паука Шима. Мне совсем не хочется прилететь на Сванси без Паука и с перерезанным горлом!

— Но зачем же вы собирали его здесь, на корабле? — удивился капитан.

— Я обещал, что доставлю его в рабочем состоянии. А этих роботов нужно время от времени проверять — можно сказать, прогуливать. Я весьма сожалею, что мои действия вызвали тревогу, но опасности-то никакой не было. Роботы Шима совершенно безвредны. Это просто чрезвычайно дорогие игрушки!

Капитан с неудовольствием крякнул.

— Как же вы умудрились засунуть такую огромную штуку в контейнер?

— Подобные роботы созданы на основе гиперэлектроники и в собранном виде в значительной степени состоят из взаимодействующих энергетических полей различных видов. Когда же робот разобран, поля исчезают, а материальные детали занимают относительно мало места.

— Понятно, — кивнул капитан. — Теперь, я полагаю, вы должны извиниться перед госпожой до Эдель — уж вы нагнали на нее страху! Затем я доставлю сюда корабельный кран, мы перетащим контейнер с роботом в отдельное помещение и оставим там под замком. Мне кажется, ваш робот уже всласть нагулялся по кораблю, так что посидит пока взаперти.

Гулик до Эдель сперва захотела увидеть Паука собственными глазами, прежде чем поверила рассказу капитана и Янго. Однако одного взгляда на огромную клыкастую морду оказалось вполне достаточно. Гулик задрожала и воскликнула:

— Пожалуйста, закройте немедленно ящик!

Контейнер был заперт, Лаэс Янго принес Гулик свои извинения, и она с отвращением уставилась на него.

— Я горжусь своим благородным происхождением! — заявила она. — Только поэтому на сей раз я принимаю ваши извинения, однако, если

вы попробуете выкинуть что-нибудь еще в этом роде, я просто разнесу вам голову из бластера!

Скверные отношения между пассажирами обычно серьезно влияют на общую атмосферу на корабле. В нынешнем положении, однако, как считал капитан, вражда между Лаэсом Янго и до Эдель была, пожалуй, даже полезна, Капитан некоторое время ломал голову над тем, способна ли Гулик осуществить свою угрозу и разнести голову Лаэсу Янго, и решил, что вполне способна. Янго же, если судить по тому, что сообщала о нем Гот, не спускавшая с него глаз, большую часть времени честно сидел у себя в каюте.

Ни Гот, ни Веццарн никогда не слыхали о древних роботах Шима. Вполне возможно, что гиперэлектронный Паук и в самом деле был вполне безобиден, но пока что его накрепко заперли в отдельном отсеке — до прибытия на Эмрис. Случалось ведь, что даже самые кроткие роботы оказывались отнюдь не безвредными…

И все же полет до Эмриса не будет длиться вечно! Они прошли уже половину пути через Чаладур…

— МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК, — услышал вдруг капитан громкий и внятный голос ватча, — МНЕ С ТОБОЙ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО! Я УЖАСНО РАД, ЧТО

ОБНАРУЖИЛ ТЕБЯ В СВОИХ МЫСЛЯХ!

Чрезвычайно удивленный, капитан огляделся, но ничего не обнаружил. А голос вновь возник как бы ниоткуда и пронизал его насквозь, словно мощный порыв ветра.

— КАКИЕ ТУТ У ВАС ПРОИСШЕСТВИЯ! КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ! —
воскликнул ватч. — И КАК СМЕШНО ВЫ ДРУГ С ДРУГОМ БОРЕТЕСЬ, ФАНТОМЫ! О, ЧЕЛОВЕЧЕК, СОЗДАНИЕ МОЕГО РАЗУМА, ЗАСЛУЖИВАЕШЬ ЛИ ТЫ БОЛЕЕ ПРИСТАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ?

Капитану на мгновение показалось, что перед ним возникла некая колеблющаяся тьма. Чуть ниже ее верхнего края он разглядел два зеленых глаза, напоминавших узкие щели. Глаза смотрели на него.

— МОЖЕТ БЫТЬ, НАМ СДЕЛАТЬ ЭТУ БОРЬБУ ЕЩЕ ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧЕЛОВЕЧЕК? ДАВАЙ ПРОВЕРИМ, СПОСОБЕН ЛИ ТЫ ИГРАТЬ БОЛЕЕ СЛОЖНУЮ РОЛЬ?

Капитан резко выпрямился и увидел, что по-прежнему сидит в кресле у пульта управления. Вокруг были все те же знакомые приборы. Чаладур глядел на него с экранов.

Заснул, подумал он. Заснул и увидел во сне этого ватча, который, видите ли, считает, что и

сам капитан, и весь его корабль с пассажирами и командой ему снится! Глаза капитана скользнули к хронометру на панели приборов. Видимо, он отключился всего на пару минут. Скверно! Вахта ведь только началась!

Глава 8

Некоторое время все на корабле вели себя пристойно. Зато Чаладур расшалился — несколько раз поднималась тревога, а однажды пришлось спешно включить форсаж, чтобы побыстрее убраться от какого-то облака коричневой пыли. Для обычной космической пыли это «нечто» было чересчур прытким. Вокруг «Удачи» замелькали синие электрические разряды, которые трещали и рвались все то время, что они уходили от неведомой погони; потом облако постепенно отстало. Была и еще одна неприятная встреча — огромный бледный сферический корабль, который внезапно появился у них прямо по курсу. Они отогнали его рычанием пушек «Нова», некоторое время он шел параллельным курсом за пределами действенного огня, затем свернул и растворился в пространстве.

И еще то там, то здесь экраны засекали Червивую Погоду.

Это не было похоже на обычную Червивую Грозу: обнаружить признаки появления нури удавалось лишь благодаря крайнему напряжению и постоянной боевой готовности. Экраны

часами оставались пусты, потом вдруг на них возникало желтоватое свечение, минуту-другую мелькало в отдалении и исчезало в непредсказуемом направлении. Экраны в кают-компании были по-прежнему отключены — капитан оповестил всех, что временное отключение (в связи с «поломкой») превратилось в постоянное: ему не хотелось, чтобы Веццарн и пассажиры знали о том, что творится вокруг них. Однако им двоим, возложившим теперь на себя всю ответственность за безопасность «Удачи» и за исход этого рискованного путешествия, пришлось нелегко. Нервы были измотаны до предела. Время, отведенное для сна, пришлось сократить.

Поэтому капитан не особенно удивился тому, что снова заснул во время вахты. И, проснувшись, некоторое время даже был не в состоянии испытывать озабоченность по этому поводу. Он, правда, соорудил себе нечто вроде будильника, который с гарантией мог вывести любого из самого глубокого сна, и теперь, заступая на вахту, сразу ставил его на стол перед собой. Стрелки будильника следовало через каждые три минуты переставлять, отключая его, иначе он производил невероятный шум, а за три минуты даже при полете сквозь Чаладур вряд ли успело бы

произойти что-то уж очень серьезное. Так что при первых же признаках сонливости капитан включал свой будильник и каждые три минуты вздрагивал от его сигнала.

Однако на этот раз, очнувшись от краткого забытья, капитан вдруг ощутил тревогу: в этот раз поставить будильник он забыл! Он еще помнил, как на него внезапно накатила тяжелая волна сонливости, накрыла с головой и в одно мгновение отключила от действительности. А перед этим ему все время казалось, что на борту все переменилось, все вокруг не так, как надо…

Очнувшись, он вздрогнул, словно от удара: было совершенно ясно, что «выключился» он довольно давно. Капитан машинально скользнул глазами по индикаторам детекторов. Ничего нового. Тогда он перевел взгляд на ходовые экраны и обомлел: там творилось нечто совершенно необычное!

Картина изменилась кардинально. В нескольких градусах слева висел бело-голубой диск неведомого солнца размером с ноготь большого пальца. От него исходило интенсивное свечение. Ничего подобного прежде на экранах и в помине не было! Сколько же времени он проспал?..

Три с лишним часа, хладнокровно подсказал

ему хронометр на пульте управления. Целых три часа и двадцать минут! Он нажал кнопку звонка в каюте Гот. Да за эти три с лишним часа любой пират Чаладура мог не раз расстрелять корабль из своего бортового оружия!

— Гот, где ты?

Экран интеркома оставался пустым. Ответа не было.

Капитана охватила паника. Он хотел было вскочить, но вдруг почувствовал ужасную боль в левой ноге и свинцовую тяжесть. Он рухнул обратно в кресло, и тут у него из-за спины раздался насмешливый голос Лаэса Янго:

— Не волнуйтесь так, капитан! С девочкой ничего не случилось. Она здесь, в рубке.

Гулик до Эдель и Веццарн тоже оказались в рубке. Гот сидела на кушетке между ними, странным образом прислонясь к Гулик и уронив голову. Все трое выглядели так, словно внезапно заснули.

— Что вы с ними сделали? — спросил капитан.

— Запустил немного усыпляющего газа в систему вентиляции, — пожал плечами Янго. — Вполне безопасное средство, но, если не знать противоядия, оно действует не меньше двенадцати — четырнадцати часов. В два раза больше того, что мне требовалось.

— Требовалось для чего?

Янго поудобнее устроил руку на подлокотнике кресла. В руке он держал нечто, напоминающее пистолет. Парализатор!

— Ну что же, начнем по порядку. — Торговец был совершенно спокоен. — Хотя я вряд ли могу рассчитывать на ваше полное внимание, пока вы не придете к разумному выводу о том, что ничего изменить не в силах. Для начала сообщаю: ваш бластер у меня, равно как и оружие, принадлежавшее всем остальным. Вы живы исключительно благодаря моей снисходительности. Если мне покажется, что вы представляете для меня хотя бы малейшую опасность, ваша смерть последует немедленно. С кораблем я отлично справлюсь и сам.

А теперь кое-что объясню. Видите ли, я коллекционер и собираю ценные вещи. Это могут быть космические корабли, или люди, или… — Янго сделал широкий жест левой рукой. — А потому деньги я, естественно, добываю везде, где только возможно. Информацию тоже. Я всегда был очень жаден до информации. И даже создал самую, по-моему, эффективную и действенную систему ее селекции. Благодаря этой системе некоторое время назад я получил одно интересное

сообщение; оно касалось некоего капитана Посерта, до недавнего времени являвшегося вполне добропорядочным гражданином независимой трансимперской Республики Никкелдепейн. Этот капитан Посерт, судя по всему, купил на планете Порлумма трех рабынь и увез их с собой. Три девочки — по всей видимости, сестры — были родом со знаменитой планеты Каррес. Затем последовали сообщения о том, что корабль капитана Посерта мгновенно скрылся из глаз, как только его попытался догнать полицейский катер. Из этого был сделан следующий вывод: купив юных ведьм с планеты Каррес, капитан получил в распоряжение некий космический двигатель неизвестного типа.

Сами видите, история весьма занимательная, особенно если рассматривать ее в свете тех слухов, которые давно циркулируют по Вселенной и имеют самое непосредственное отношение к загадочной планете Каррес. Мне стало еще интереснее, когда некоторое время спустя я узнал, что упомянутый капитан Посерт вместе со своим кораблем и одной из трех девочек-ведьм, купленных им на Порлумме, находится на Ульдуне, которая ныне является моей оперативной базой. И тогда я немедленно предпринял весьма энер-

гичные меры.

Чуть позже мне стало ясно, что я не единственный, кого заинтересовала эта история. До Ульдуны дошло несколько ее версий, все достаточно искаженные. Согласно одной из них, капитан Посерт не является гражданином Никкелдепейна, а имеет самое непосредственное отношение к обитателям Карреса. Согласно другому сообщению, в котором ни словом не упоминалось о Карресе или его ведьмах, он заполучил или изобрел новый супердвигатель — что было блестящим достижением с точки зрения технологии! — и этот двигатель дает ему возможность мгновенно перемещать корабль на огромные расстояния.

Я очень осторожно наводил справки. Если вы и есть тот самый капитан Посерт, то у вас, видимо, все-таки имеется такая супер-тяга. Иначе невозможно объяснить ваше появление на Ульдуне почти сразу после того, как вас видели у западных границ Империи. Вопрос о тяге исключительно важен. Однако за ней охотятся слишком многие, и мне пришлось повозиться, чтобы при любом исходе дела я остался единственным ее обладателем. Пока вы находились на Ульдуне, половина всех пиратских кораблей, составляющих космический флот Агандара, была стянута к этой

планете. Все они получили приказ при первом же моем сигнале начать хорошо спланированную всеобщую атаку. Не самая простая операция, однако я решил, что если даал все-таки заполучит эту тягу — а у меня некоторое время были серьезные основания предполагать, что именно так оно и случится, — я ее у него просто отберу.

— Так вы действуете заодно с пиратами Агандара? — спросил капитан.

— Не совсем так. Дело в том, — отвечал Лаэс Янго, — что Агандар — это я и есть, и все пираты работают на меня. И не только пираты. И вы будете работать на меня — если, конечно, примете разумное решение. Хотя у вас практически нет выбора.

Это было слишком важное предприятие, чтобы доверить его кому-нибудь другому. И вот я стал вашим пассажиром. Я наблюдал и слушал, используя, разумеется, не только собственные глаза и уши. И теперь я почти уверен, что вы ни разу не пользовались супер-тягой после моего появления на борту. Стало быть, ее использование действительно ограничено? Видимо, просто так ее не включают, решил я, понимая, однако, что она находится в постоянной готовности и может быть задействована в любой момент. Вы,

капитан, превосходный навигатор, но отнюдь не колдун. Сообщение о вашей причастности к миру ведьм оказалось необоснованным. Как только возникает ситуация, чреватая угрозой, вы зовете на помощь девочку. Не вы управляете знаменитой супер-тягой. Вы этого просто не можете. Все делает ваша ведьмочка, то есть, точнее, она и есть «супер-тяга»! Это, так сказать, основополагающий факт. Для меня же он означает следующее: чтобы использовать супер-тягу, нужно научиться использовать ведьму и контролировать ее действия. А ведьма еще маленькая, неопытная и относительно беззащитная. Стало быть, ее действия контролировать можно.

— Учтите, у нее огромное количество друзей, не столь неопытных, как она сама, — осторожно заметил капитан.

— Возможно. Однако Каррес, что бы там с ним ни произошло, сейчас находится очень далеко отсюда. Ваш корабль не выйдет за пределы Чаладура. И даже если друзья этой ведьмочки о чем-то в конечном итоге узнают, они не будут иметь ни малейшего понятия, где начинать поиски. А здесь ее к этому времени не будет.

— И где же она окажется? — спросил капитан.

— На моем флагманском корабле! Который в

связи с этим приобретет одно чрезвычайно ценное качество! Особенно ценное, если никому о нем не рассказывать.

— Понимаю. А пока я бы очень советовал вам дать этой ведьмочке то же противоядие, какое вы дали мне.

— С какой стати?

— Да с такой, — капитан мотнул головой в сторону пульта управления. — Детекторы зарегистрировали пару любопытных сигналов… Так что ее помощь может потребоваться уже через несколько минут.

— Блеф! — Агандар поднял свой парализатор, встал и подошел к пульту. Остановился он, правда, шагах в пяти от него и некоторое время смотрел только на экраны. — Да, вижу. Садитесь в кресло, капитан Посерт. Корабль на некоторое время в вашем полном распоряжении. Прибавьте скорость, но курса не меняйте, если, конечно, не возникнет веских причин.

Капитан чувствовал, что нога уже отошла, но если Агандар не подойдет ближе, толку от этого все равно никакого. Что еще можно предпринять? Этот человек сумел выяснить практически все относительно вжжик-тяги, и очень не похоже, что он даст заманить себя в ловушку. Если бы Гот

проснулась, вдвоем они смогли бы справиться с Агандаром. Но пират не желал давать им ни малейшего шанса.

— Видите ли, я взял на себя смелость проложить новый курс, — вкрадчиво сказал Агандар. — Сейчас объясню… — Он снова уставился на экраны. — О, да, наше присутствие, кажется, заметили!

Синие вспышки изменили свое направление и теперь двигались в их сторону — явно включилась в работу детекторная система неизвестных кораблей, однако на таком расстоянии невозможно было определить, что эти корабли из себя представляют. Стоит ли сообщать пиратскому вожаку о существовании Олими, думал капитан, и о запертом в сейфе «камне»? Нет, этого делать не следует…

— В Чаладуре иной раз возникают чрезвычайно опасные ситуации, — заметил Агандар, не сводя глаз с экрана. — Но такое случается редко. Многое зависит от собственного здравого смысла. И от везения. Чтобы удрать от подобных хищников — а это именно хищники, можете быть уверены, — нужны смелость и надежный корабль.

Вспышки на экране опять сместились и двигались параллельным курсом.

— Некоторое время они будут следовать за нами, а потом, уразумев, что на них не обращают внимания, решат, что на этот раз рисковать не стоит. — Агандар вернулся к своему креслу и уселся поудобнее. — Следуйте тем же курсом, капитан. Нет нужды беспокоить нашу юную ведьмочку из-за таких пустяков.

— Возможно. Но часа четыре назад на экранах мелькнула Червивая Гроза.

Агандар задумался.

— Давненько ее не было видно в этих краях, — заметил он. — Не уверен, правда, что вы не лжете, капитан.

— Гроза прошла не очень близко. — Капитан сделал вид, что не слышит слов Агандара. — Но все же мы приготовили супер-тягу. Вы уверены, что сможете разбудить девочку, если нури появятся опять и заметят нас?

— С нури никогда ничего нельзя знать заранее, — сказал Янго-Агандар. — А ведьму можно разбудить очень быстро. Но я не стану ее будить без крайней нужды. Во всяком случае, пока мы не достигнем точки рандеву. То есть, часов через шесть. Что ж, следите за экранами, капитан.

— А с кем у нас рандеву? — осведомился Посерт.

— С моим флагманским кораблем. Я установил с ним контакт с помощью экранированного передатчика. На борту сейчас ведутся приготовления к такой встрече, которая заставит вашу ведьмочку отказаться от любых шалостей. А уж мы постараемся переубедить ее и склонить к сотрудничеству. — Янго говорил ровным тоном, однако Посерта охватил леденящий ужас. — Что же касается лично вас и всех остальных, то вам подберут занятия в соответствии со способностями. Не люблю попусту тратить добротный человеческий материал. Вы знаете, что Эдель — тайный агент Империи?

— Никто мне, разумеется, об этом не сообщал… — Капитан тянул время, он как раз раздумывал, стоит ли сообщать Агандару, что отнюдь, видимо, неслучайное наличие в этой зоне Чаладура Червивой Погоды может в любой момент изменить ситуацию к худшему. Но решил пока умолчать об этом.

— По моим сведениям, она очень способный агент, — сказал Янго. — Надеюсь, как только она познакомится с моей организацией, то очень быстро решит, что имеет смысл сменить кое-какие привязанности. Что же касается Веццарна, он долгое время выполнял разнообразные поруче-

ния секретной службы даала, поэтому его вполне можно использовать для работы вместе с Эдель. Ну а вы по-прежнему останетесь капитаном космического корабля — хорошие навигаторы мне нужны… — Янго улыбнулся. — Итак, особого выбора, как видите, у вас нет, хотя будущее, по-моему, несет вам даже определенную выгоду. Мой флагманский корабль — великолепный образец звездолетов. Он вам понравится, уверяю вас. Кроме того, за службу я плачу очень хорошо.

Капитан хотел было ответить, но тут заверещал детектор, подавая сигнал о непосредственной угрозе нападения.

— Скорее будите Гот! Может быть, она еще успеет!

Он выключил звуковой сигнал детекторов, развернул кресло, увидел лицо Янго и замер. Янго, весь ощетинившись, держал его на мушке парализатора!

— Не пытайтесь провести меня! — Голос Янго-Агандара звучал подозрительно спокойно.

— Провести вас! Великий Патам! — взорвался капитан. — Вы что, сами не видите?!

— Что именно? — презрительно спросил Агандар, быстро глянув на экраны.

Капитан был потрясен:

— Неужели вы не слышали писка детекторов?

— Детекторов? — Лицо Янго переменилось, он словно пытался что-то вспомнить и никак не мог. — Нет, я ничего не слышал. — Изумленное выражение медленно сползло с его лица. — Потому что никаких сигналов не было! И на экранах ничего нет! Ничего! А если вы пытаетесь симулировать психоз, капитан Посерт, то это у вас плохо получается.

Капитан снова посмотрел на экраны. Все пространство вокруг корабля было заполнено огромными светящимися «шарами» Манарета! У него перехватило дыхание.

— Я ошибся! — заявил он, поднимаясь с кресла. — Там действительно ничего нет... — Все экраны левого борта теперь были заполнены нестерпимым желтым сиянием, его блики метались по переборкам рубки, оттеняя неподвижную фигуру Агандара с парализатором в поднятой руке. — Я не могу больше вести корабль, я отказываюсь! — отчаянно завопил Посерт. — Смените меня!

— Сидеть! — чуть более напряженным голосом велел ему Янго. — Оставайтесь на своем посту! И немедленно успокойтесь! Молчите! Не двигайтесь! Если вы пошевелитесь, я сразу нажму на

спусковой крючок и поражу вас прямо в сердце. Так что сидите спокойно. Мне надо подумать.

Капитан замер. Парализатор по-прежнему был направлен ему прямо в грудь. Янго в лучах все более интенсивного желтого света тоже сперва сидел неподвижно и молча, потом сказал:

— Нет, вы не ошиблись. Вы были правы, капитан. Действительно идет Червивая Гроза. Но это ничего не меняет.

Дуло парализатора по-прежнему смотрело на капитана.

— Но если вы разбудите Гот или хотя бы дадите мне противоядие, тогда…

— Нет. Вы ничего не понимаете, — сказал Янго. — Мы все погибнем, если минут через пятнадцать вы не придумаете, как нам отсюда выбраться. Даже если при этом я буду пытаться остановить вас… — Он кивнул в сторону экранов. — У меня нет выбора! Я только сейчас понял, что они полностью овладели мною! Я более не властен над своими поступками. Они пытались подчинить себе вас, но что-то им мешает… Впрочем, и это тоже неважно… На корабле имеется некий предмет, которого они безумно боятся и который стремятся во что бы то ни стало уничтожить. Я не знаю, что это за предмет, но вы,

по всей видимости, знаете. Нури не могут ничего сделать с этим предметом сами, над ними довлеет запрет. Не могут и подойти к кораблю достаточно близко…

Это они заставили меня взять курс вон на ту звезду! На голубой гигант. Мы летим прямо к нему и в итоге врежемся в него на полной скорости и сгорим! Они ни на миг не решаются ослабить контроль над нашим кораблем, опасаясь, что мы способны уйти от них. Если вы сейчас откажетесь выполнять мои приказания, я должен буду вас убить и сам вести корабль к этой звезде. И я это сделаю! — Лицо Янго исказила гримаса ужаса. — У меня нет желания умирать, капитан Посерт. Вряд ли оно есть и у вас. Но я не могу ослушаться! И мы все погибнем, если вы не найдете способа немедленно вырваться из-под власти нури! Должен же быть хоть какой-нибудь способ!

— ОГО! — услышал капитан голос ватча. — КАКИЕ ПОТРЯСАЮЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ! КАКИЕ ПОВОРОТЫ! ЗАЧЕМ ЖЕ ТАК БЫСТРО ЗАКАНЧИВАТЬ СТОЛЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ ИГРУ? ДАВАЙТЕ-КА СНОВА ПЕРЕМЕШАЕМ ВСЕ ФИШКИ…

Буря закрутила корабль, как щепку. В рубке стало темно, пол заходил ходуном. Капитан по-

чувствовал, как его выбросило из кресла, ударило об стол и отбросило назад. Свет в отсеке погас. Казалось, весь корабль погрузился во мрак. Затем корабль как будто повернулся и снова ровно пошел вперед. Экраны вдруг снова вспыхнули — приглушенным красно-коричневым светом…

Больше капитан ничего разглядеть не успел. Он пытался встать на ноги, отчаянно цепляясь за что-то руками, а что-то отпихивая от себя ногами. Но тут это «что-то» вдруг больно ударило его по бедру, где-то над ним грязно выругался Лаэс Янго, и капитан быстро «нырнул» вперед, чтобы избежать второго пинка тяжелым башмаком. Янго лишь чуть задел его по голове. Капитан схватил пирата за вторую ногу и сильно дернул. Янго рухнул на него, как мешок с камнями.

Они покатились по полу, ударяясь о какие-то предметы. Капитан колошматил Янго кулаками куда придется, но тот по-прежнему сопротивлялся. Наконец Посерту удалось схватить противника за руку и вывернуть ее, но Янго другой рукой сдавил ему горло. Рука была мощная, мускулистая. Капитан понял, что сейчас задохнется, замотал головой, выпустил пирата и откатился в сторону, ударившись при этом о какой-то тяжелый металлический предмет. Он, не глядя,

схватил этот предмет и врезал по тому месту, где, как ему казалось, должна была находиться голова Янго.

Голова оказалась там, где он и рассчитывал. Янго вскрикнул и обмяк. Капитан вылез из-под его тяжелого тела и сразу уставился на экраны. Червивая Гроза по-прежнему окружала их со всех сторон!

— Гот! — хрипло окликнул капитан. Помятое горло сильно болело. Он вспомнил, что Гот его слышать не может.

Он нашел ее на полу; кушетку снесло и перевернуло во время бури. Капитан поставил кушетку на ножки, придвинул к переборке, уложил на нее Гот. Девочка что-то пробормотала во сне. Гулик и Вещцарн лежали рядом с кушеткой на полу. Капитан бросился к пульту управления. Вдруг в рубке загорелся свет. Видимо, включилась система аварийного освещения.

Посерт завернул Агандару руки назад и надел на запястья единственную пару наручников, имевшуюся на корабле на случай чрезвычайных обстоятельств. Затем быстро вывернул пирату карманы. В одном из них он обнаружил похожий на бумажник кожаный футляр, где в гнездах еще оставалось три шприца. Всего гнезд было пять.

Видимо, это противоядие. Капитан колебался, но лишь секунду. Разбудить Гот было необходимо, однако он боялся того, что могло содержаться в трех маленьких шприцах. А что если там яд?

Ничего более интересного он в карманах пирата не обнаружил. Капитан посмотрел на экраны и увидел, что «Удача», видимо, автоматически переключилась на маневровые орбитальные двигатели, как только перестала действовать та необъяснимая сила, которая перенесла их в этот район космического пространства. Причина была проста: детекторы подавали сигнал о наличии вблизи корабля какой-то планеты.

На первый взгляд, планета не казалась особо привлекательной, но это могло быть результатом странного освещения, исходившего от вздутого темно-красного, как гаснущие угли, солнца, которое сейчас заполняло почти весь экран правого борта. Капитан включил увеличение, чтобы рассмотреть планету получше. Сквозь туманный красноватый сумрак, который в этом мире означал, вероятно, яркий полдень, капитан сумел разглядеть местный пейзаж — пустыни и невысокие зубчатые горные цепи. Он проверил, как действуют приборы и двигатели, и включил коммуникаторы. Все системы «Удачи» работали

нормально; масс-детекторы не регистрировали никакой угрозы, а молчание коммуникаторов свидетельствовало, видимо, о том, что никто в данном районе и в данный момент никакою желания общаться с ними не имел. Ну что ж, это совсем неплохо.

Теперь другая проблема — как они здесь оказались?

На сей раз вовсе не усилиями Гот. Не с помощью вжжик-тяги. Ну что же, подумал капитан, им повезло, здорово повезло! Значит, ватч решил им помочь? Уж как умел: грубовато, зато эффективно.

Капитан прокашлялся и громко поблагодарил ватча:

— Спасибо, приятель!

Больше ему пока сказать было нечего. У него возникло ощущение, что произнесенные им слова волнами улетают куда-то далеко-далеко… Он с минуту подождал, ожидая ответа и немного опасаясь этого, но в рубке было тихо.

Капитан распечатал бутылку бренди, сунул ее в карман и поволок безжизненное тело Янго через весь корабль в грузовой отсек. Янго уже чуть постанывал и начинал шевелиться, поэтому капитан на всякий случай связал ему щиколотки

проводом.

Он перевернул Агандара на спину, открыл бутылку и влил ему в рот несколько капель бренди. Пират закашлялся, брызгая слюной, и налитыми кровью глазами молча уставился на Посерта.

Тот достал кожаный футляр с оставшимися тремя шприцами и показал ему:

— Это противоядие?

Янго прорычал в ответ какое-то ругательство и, не отвечая, спросил:

— Как ведьма ухитрилась включить свою тягу?

— Не знаю, — ответил капитан. — Хорошо, что она ее включила. Так это противоядие?

— Да. Где мы сейчас находимся?

Капитан сказал, что попробует определить, и ушел, щелкнув замком. Свет в грузовом отсеке он оставил включенным: все-таки этому типу веселее будет. Череп у негодяя, кажется, цел, хотя голова, наверное, некоторое время будет болеть. Насчет противоядия он, видимо, сказал правду. А капитану было просто необходимо разбудить Гот! Посерт мысленно попросил прощения у Веццарна — на ком-то ведь надо было попробовать содержимое шприцев! — и решительно сделал тому укол в руку. Полуприкрытые веки Веццар-

на дрогнули, глазные яблоки под ними начали вращаться, руки задрожали, он закашлялся и сел, испуганно озираясь.

— Что стряслось? — шепотом спросил он, обнаружив, что находится в рубке, а Гот и Гулик без сознания лежат рядом.

Капитан ответил, что причиной сложившейся опасной ситуации послужило поведение Лаэса Янго, но теперь они, вроде бы, в безопасности. Что касается девочки и Эдель, то они скоро придут в себя.

Гулик до Эдель получила свою дозу из второго шприца. Ее реакция была иной, чем у Веццарна. Прошло минуты две-три, прежде чем она спокойно открыла глаза.

Теперь капитан уже уверенной рукой сделал инъекцию Гот. Ожидая, пока подействует лекарство, он вкратце и почти правдиво рассказал Веццарну и до Эдель о последних событиях. Они и сами все еще могли быть для него опасны, однако сразу поняли, что ситуация чрезвычайно серьезна и действовать лучше сообща. О предмете, заключенном в сейф, и его воздействии на Червивую Погоду, капитан, естественно, не упоминал. Не сообщил он и о ватче и не стал объяснять как корабль занесло так далеко от

прежнего курса. Если Гулик или Веццарну захочется самим поразмышлять о таинственной тяге, пусть себе размышляют на здоровье.

Прошло полных шесть минут, а Гот все еще спала!

Вот это уже вполне могло служить причиной для тревоги. Дыхание и пульс у девочки были нормальными, а когда он потряс ее за плечо, она что-то недовольно и сонно пробормотала в ответ, однако не проснулась. Из слов Янго следовало, что снотворное перестанет действовать часов через восемь-девять. Однако капитану очень не нравилось то, что показывали ходовые экраны. Гулик и Веццарну это тоже очень не нравилось. Болтаться здесь было совершенно ни к чему, а менять курс вслепую и лететь через неизвестную область пространства, не имея возможности воспользоваться талантами Гот, представлялось еще более опасным.

Капитан включил интерком в грузовом отсеке, увеличил громкость и окликнул Янго. В ответ раздался какой-то неприятный звук, потом послышался голос самого пирата, чересчур поспешно предложившего:

— Говорите, я вас слушаю.

— Я ввел всем противоядие, — сообщил ему

капитан. — Госпожа до Эдель и Веццарн проснулись. Дани — нет.

— У меня были особые соображения в отношении вашей племянницы, капитан. И вам это прекрасно известно. — Лаэс Янго, очень довольный собой, продолжал: — Когда она вместе с остальными потеряла сознание, я ввел ей еще одно средство, желая обеспечить себе полный покой до тех пор, пока не пожелаю привести ее в чувство.

— Значит, у вас есть и второе противоядие?

— Есть. Но его не так-то просто отыскать.

— Что вы хотите?

— Возможно, мы могли бы договориться… Мне здесь не слишком удобно.

— Может быть, и договоримся, — сказал капитан, выключил интерком и посмотрел на Гулик и Веццарна. Они внимательно следили за его действиями.

— Вероятно, это средство при нем, — сказал капитан. — Я его обыскал, но в ваших профессиональных хитростях я слаб. Он мог его где-нибудь спрятать. Логично было бы притащить пирата сюда и обыскать еще раз.

— Мне кажется, — задумчиво сказал Веццарн, — что именно к этому он и стремится,

капитан.

— Перед тем как он заговорил, — сказала Гулик, — я слышала какой-то шум…

— И я слышал, — кивнул Посерт.

Очень похоже, подумал капитан, на злобное рычание крупного зверя. Оно прозвучало как раз в тот момент, когда из динамика вдруг раздался его голос… А ведь Гот тогда упоминала о страшном рычании… Однако теперь ящик с Пауком Шима находится в запертом отсеке, за неприступной дверью. Практически неприступной…

Испуганные глаза Гулик до Эдель подсказали капитану, что и ее мысли движутся в том же направлении.

— Придется посмотреть, что делается в грузовом отсеке, — сказал капитан.

На пульте управления имелся еще один экран, специально предназначенный для того, чтобы следить за погрузочно-разгрузочными работами в грузовом отсеке, не выходя из рубки. Капитан поспешно включил его.

— А что если этот робот пробрался в грузовой отсек? — спросил он, обращаясь к Веццарну.

Тот отрицательно помотал головой:

— Никак он не мог туда попасть, капитан! Ведь Янго не может проникнуть в запертое помеще-

ние, а ключ у вас!

Экран вспыхнул — всего на пару секунд — и снова погас.

Но за те секунды, пока свет еще горел, они успели разглядеть огромный, темный, паукообразный силуэт робота! Паук скорчился возле входа в грузовой отсек, а его хозяин стоял в нескольких шагах от него совершенно свободный. Контейнеры с грузом были сдвинуты с мест и теперь в беспорядке загромождали все пространство, словно неуклюжий робот нечаянно раскидал их, прокладывая себе дорогу…

Но это было еще не самое худшее.

— Вы видели, что произошло с переборкой? — нетвердым голосом спросил капитан.

Да, они видели.

— Он ее прожег! Насквозь! — сказал Веццарн. Лицо его было мертвенно-бледным. — Лазерным лучом! Значит, у Янго тот самый древний боевой робот, капитан… Такую штуку нам не остановить…

Лаэс Янго включил интерком и сообщил из грузового отсека, что самое разумное для них — сдаться.

— Может быть, вы еще не поняли, что из себя представляет моя игрушка? — спросил он. — Мы

с ней неразлучны уже пятнадцать лет. Она убила восемьдесят моих людей, когда мы брали корабль, который она охраняла. Она бы и меня убила, если б я случайно не вышиб пульт управления из руки того жалкого ублюдка, что был ее хозяином до меня. Это робот-убийца, капитан! Убийца Шима. Ваше оружие не может причинить ему вреда. К тому же этот паучок уже давно научился повиноваться моему голосу, а не только пульту.

Капитан не отвечал. Последние боевые роботы были уничтожены несколько столетий назад, а искусство их конструирования навсегда утрачено. Вещцарн прав: с этой машиной им не справиться.

У них еще оставалось немного времени, пока робот прожигает очередную переборку и дверь грузового отсека. К тому же после включения аварийных систем толстые плиты броневой тугоплавкой стали заняли свои места, разделив внутреннее пространство «Удачи» на воздухонепроницаемые отсеки. По крайней мере, четыре такие плиты стояли теперь на пути из грузового отсека в ходовую рубку, преграждая Янго и его роботу путь. Заслонки, вероятно, тоже долго не выдержат, но и не расплавятся при первом прикосновении боевого луча. Тем временем капитан

включил всю систему внутренней связи корабля, чтобы знать о продвижении робота.

Никаких других мер они предпринять не могли. Пульта дистанционного управления роботом на месте не оказалось, хотя капитан отнял его у Янго и запер в свой сейф. Значит, Агандар обнаружил его, когда обшаривал рубку, а они все валялись без сознания.

— ЧЕЛОВЕЧЕК, — вдруг напомнил о себе ватч, — ЭТО ЕЩЕ ОДНА ПРОВЕРКА! ОНА И ОПРЕДЕЛИТ, НА ЧТО ТЫ СПОСОБЕН! У ТЕБЯ ЕЩЕ ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБРАТЬСЯ. НО ЕСЛИ ТЫ НЕ НАЙДЕШЬ РЕШЕНИЯ, МОЙ ИНТЕРЕС К ТЕБЕ ПРОПАДЕТ, А ВМЕСТЕ С НИМ УГАСНЕТ И ТВОЕ ПРИЗРАЧНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ — ПЛОД МОЕГО ВООБРАЖЕНИЯ…

Капитан быстро оглянулся на Веццарна и Гулик. Но на их лицах не было ни малейших признаков того, что они слышали громыхающий голос призрака, похожий на рев ветра. Ну, конечно, речь ватча предназначалась исключительно для него одного…

Перед этим он как раз отключил интерком, соединяющий рубку с грузовым отсеком.

— Ну что? Есть у вас какие-нибудь идеи? — осведомился он.

— Мне кажется, капитан, — сказал Веццарн, клацая зубами от ужаса, — нам лучше сдаться. Пока не поздно!

Гулик отрицательно покачала головой.

— Это же Агандар! — сказала она. — Если мы сдадимся, нам не жить. Он нас выпотрошит и выкинет за борт. Всех, за исключением Дани.

— Но тогда у нас будет хоть какой-то шанс! — дрожащим голосом воскликнул Веццарн. — А что мы еще можем сделать? Робота нам не остановить. И бежать некуда…

— А вот это — вопрос, — сказал капитан и включил атмосферную тягу.

«Удача», покинув свою орбиту около неизвестной планеты, нырнула вниз, в красноватый сумрак.

Все свое внимание капитан сосредоточил на управлении кораблем. Веццарн, сидя у анализаторов, молчал, — значит, планета, по крайней мере, не похожа на яму с жидким ядом, хотя ее поверхность казалась исключительно непривлекательной. Спасательная шлюпка, разумеется, находилась в грузовом отсеке; там же хранился и тяжелый скафандр для работы в открытом космосе. До них сейчас не добраться… Атмосфера под ними была совершенно лишена облаков.

Красный полумрак, черные тени, отбрасываемые горными хребтами, тянувшимися вдоль меридианов — вот и весь пейзаж.

Интересно, насколько можно доверять ватчу? Лучше действовать так, словно Посерт никогда не слышал его замогильного голоса. Но ватч — пусть капризный и непредсказуемый — обладал огромными возможностями и мог в значительной степени влиять на ситуацию. Он способен и помочь, и погубить их.

Если плиты не выдержат, «команде» придется покинуть корабль. Если устоят, все останутся на борту, пока не проснется Гот. Тогда бессильная ярость Агандора будет представлять для них не большую опасность, чем его чудовище. Если, конечно, Янго не обратит свое внимание на сейф в запертой камере грузового отсека. Вот тогда уж все что угодно может случиться!..

Капитан выдвинул ящик стола и сказал:

— Вещцарн, заберите бластер. И вы тоже, госпожа до Эдель. Я отобрал их у Янго.

Оба тут же схватили оружие. Гулик немедленно открыла бластер и недовольно заворчала:

— Пустой! Этот дьявол его полностью разрядил! Капитан как раз доставал из ящика коробку патронов.

— Это стандартные имперские боевые патроны — полагаю, вы умеете ими пользоваться?

Они быстренько зарядили бластеры. Капитан глянул на хронометр. Прошло всего девять минут, как он отключил внутреннюю связь с Янго. Полное отсутствие информации о том, что сейчас делает пират, отнюдь не способствовало восстановлению душевного равновесия; по крайней мере, было понятно, что он еще не выбрался из грузового отсека. Капитан велел Веццарну отсоединить и собрать разнообразное оборудование — ключи от гашеток пушек «Нова», реле включения спасательной шлюпки, ключи от главной и орбитальной тяги…

Внизу уже виднелись горы и неглубокие долины. Мрачный красноватый отсвет гигантского солнца пронизывал сумрак, окутавший всю планету. «Удача» продолжала спускаться по спирали к калейдоскопу узких долин и горных хребтов, сливавшихся в мощные массивы.

Все вздрогнули, когда из интеркома вдруг послышался ужасный металлический скрежет. Через несколько секунд звук повторился.

— Блок Д! — прошептала Гулик, кивнув на динамик интеркома. — Они прошли сквозь первую переборку…

Послышалось жуткое рычание, затем приглушенный и невнятный голос Янго, потом все затихло.

— Отключите их, — спокойно сказал капитан. — Уже ясно, где они находятся. — Прошло одиннадцать с половиной минут…

Корабль снижался, направляясь ко входу в узкую долину, окруженную крутыми склонами гор, которую приборы всего минуту назад выбрали как наиболее подходящее место для посадки.

— Минут через тридцать Янго будет здесь, — сказал капитан. — Мы вполне можем успеть убраться отсюда, если не будем попусту терять время. Вы закончили, Веццарн?

— Да, капитан.

Красное солнце уже скрылось за горами, когда «Удача» наконец совершила посадку в выбранной ранее долине. Справа от корабля виднелся высокий скалистый утес, который стеной поднимался к небесам и, следуя за изгибом долины, примыкал к остальной горной цепи. Капитан аккуратно, без малейшего толчка посадил корабль на припланетной тяге, как можно ближе к утесам. Гулик, сидевшая рядом с ним, тихо охнула, когда раздался металлический щелчок открывающейся двери шлюза.

— Все вон отсюда и поскорее! — Капитан вскочил, выдернул ключи из замков тяговых двигателей, сунул их в карман и пошел к кушетке, на которой спала Гот. — Да двигайтесь же вы!

Лица Гулик и Веццарна были белы, как смерть. У него и самого, наверное, видок не лучше. Они дружно двинулись к выходу…

Глава 9

Пока Гулик изучала окрестности, держа бластер наготове, он взвалил Гот на спину, а Веццарн ловко привязал девочку к нему, закрепив ее ноги на поясе, а руки вокруг шеи. Особых неудобств такая ноша капитану не доставляла. Гот вовсе не висела мешком, временами даже казалось, что она наполовину проснулась; она что-то сонно бормотала и даже обхватила Посерта за шею.

— Я вот что думаю, капитан, — тихо сказал Веццарн. — Ведь этот гад увидит нас на экранах…

— Непременно. Если достигнет рубки. Но я не думаю, что он станет тратить на это время.

— Вы думаете, что робот — еще и отличная ищейка? — мрачно предположил Веццарн. — И вы хотите заманить Янго подальше от корабля, а самим сделать крюк и вернуться?

— Да, примерно так.

— Безнадежно! — буркнул Веццарн.

Он отступил в сторону, и тут Гулик тихо окликнула Посерта. Оба тут же повернулись к ней. Она смотрела в дальний конец долины, туда, где сходились горные кряжи.

— Мне показалось, там что-то движется, — ска-

зала она. — Я, правда, не совсем уверена…

— Животное? — спросил Веццарн.

— Не знаю… Очень большое. И дальше еще что-то… Вроде тени. Или облака пыли. — Она покачала головой.

Стояла абсолютная тишь. Никаких теней, да еще движущихся, не было видно. Впрочем, планета оказалась не такой уж безжизненной, какой представлялась с высоты в несколько миль. Сухая песчаная почва была усыпана обломками камней; между валунами пробивались угрюмые деревца — шипастые, сучковатые, они были собраны в рощицы, разбросанные по всей долине, и не достигали даже пятнадцати — двадцати футов в высоту.

— Пошли! — скомандовал капитан. — Здесь, возможно, есть опасные животные. Всем — внимание!

Стоило им направиться в сторону острозубых утесов, местная фауна тут же дала о себе знать. Что это были за животные, экипаж определить не сумел, ибо те выскакивали у путешественников из-под ног и исчезали с быстротой тени. Потом из рощи, сквозь которую они пробирались, послышались звуки, напоминавшие шипение тысячи змей; это было так страшно, что люди сбились

в кучу и выставили бластеры. Шипение не прекращалось; потом оно несколько удалилось от них, переместившись в другой конец рощицы. Странно было то, что они отчетливо слышали, как перемещается звук в относительно открытом пространстве, однако не видели существ, которые могли бы этот звук издавать.

Они поспешно двинулись вперед, потрясенные столь загадочным явлением. Но прошло еще несколько минут, и Гулик проговорила дрожащим голосом:

— Кто-то следит за нами!

Видны были только глаза. Два ярких, светящихся, желтых глаза уставились на них из-за большого валуна. Впрочем, камень был не так уж велик, так что создание, спрятавшееся за ним, вряд ли могло достать человеку до плеча. Когда они миновали валун, у них за спиной раздался звонкий хохот, и с разных сторон над обломками скал стали появляться такие же светящиеся глаза. Видимо, вокруг было целое стадо этих созданий. Они просто пялили глаза на вторгшихся в их жизнь людей и ничего не предпринимали, только заливисто хихикали.

Подъем становился все круче. Гот весила не слишком много, капитан носил рюкзаки и по-

тяжелее, когда занимался альпинизмом, но все равно уже начал слегка задыхаться, но через некоторое время почувствовал, что у него открылось второе дыхание. Теперь он знал, что по-настоящему устанет еще нескоро. Веццарн и Гулик держались рядом, не прилагая особых к тому усилий. Гулик, несмотря на внешнюю хрупкость, шагала легко и уверенно, демонстрируя завидную выносливость, да и Веццарн не отставал, напоминая своими движениями медведя.

Преодолев подъем, они вышли на довольно ровное пространство, заросшее низким, густым кустарником, спутанные ветви которого цеплялись за лодыжки. Потом перед ними внезапно открылся овраг с обрывистыми краями, расположенный параллельно стене утесов. За ним виднелся крутой каменистый склон горы.

— Надо найти удобное место, чтоб перебраться на ту сторону, — тяжело дыша, сказал капитан.

Веццарн оглянулся: «Удача» темнела внизу, в противоположном конце долины.

— Если мы спустимся в овраг, — сказал он, — то не увидим, когда они выйдут из корабля.

— Это будет еще нескоро, — возразила Гулик. — Мы идем только минут десять.

Они свернули налево и пошли по самому

краю оврага. Примерно через полмили попалась огромная трещина в скалистой стене. Сквозь нее пробивался мрачноватый свет красного солнца. Успеть бы пересечь несколько таких щелей, думал капитан, и отыскать подходящую для наблюдения точку на высоте, откуда было бы видно, как Янго вместе со своим роботом пустится за ним в погоню. А когда преследователи углубятся в эту путаницу трещин, оврагов и скал, можно быстро повернуть назад, к кораблю…

Они отыскали относительно удобный спуск в овраг и стали спускаться, держась за прочные, пружинящие ветви, похожие на дикий виноград. Потом сделали сотни две-три шагов по каменистому дну, пока не нашли относительно пологое место для подъема на противоположный склон оврага. Потом опять началось нечто вроде горного плато, нависавшего над долиной; они все время оглядывались на темневший в отдалении силуэт корабля. Некоторое время их кто-то преследовал, коротко и резко гукая в темноте, но держался поодаль, скрываясь за валунами. Потом опять попался овраг, и, когда они остановились на краю, озираясь по сторонам в поисках спуска, Веццарн вдруг воскликнул:

— Они открыли шлюз!

Беглецы обернулись. Маленький яркий круг света появился на корме «Удачи». Он был хорошо виден в туманном сумраке долины около двух минут, потом погас.

— А вдруг он нашел способ запереть шлюз и закрыть нам доступ в корабль? — испуганно спросила Гулик.

— Нет. Снаружи это невозможно, — сказал капитан. — Единственный ключ от шлюза у меня. Думаю, он просто выключил свет в рубке, прежде чем покинуть корабль. Видимо, не хочет привлекать к кораблю внимание чужаков…

Гулик все еще глядела вниз, на «Удачу». На уровне земли по эту сторону корабля мелькнула чуть заметная зеленая искорка. Она, похоже, двигалась в том же направлении, что и путники.

— Это, наверное, робот! — В голосе Веццарна звучал ужас. Скорее всего, он был прав. А может быть, это луч фонаря, которым Янго освещает дорогу? Так или иначе, стало ясно, что за ними началась погоня. Вдруг Гулик воскликнула:

— А это еще что такое?

Они остановились и прислушались. Казалось, что где-то далеко, на другом конце долины, гудит низким басом гонг. Этот звук казался совершенно неуместным среди диких гор. Гудение постепен-

но затихло, а через несколько секунд от дальних гор донеслось слабое эхо.

Они спустились в очередной овраг и поспешили к огромной трещине в скале, освещенной тусклыми лучами красного солнца. Потом снова поднялись на относительно ровную площадку, с которой была видна раскинувшаяся внизу долина, однако ничего особенного не заметили. Пришлось вернуться немного назад, в тень скалы, и затем подняться на другую площадку, чуть выше первой. Ноги у всех болели, дыхание было прерывистым, однако они спешили вперед — им казалось, что Янго и его робот-убийца уже добрались до горного склона, который отделял их сейчас от долины, и идут по их следу.

Потом вдруг над одной из скалистых вершин и гораздо ближе, чем они могли ожидать, появилась зеленая искра: Паук Шима! Капитан увидел его первым. Все замерли на месте. Робот находился пока еще довольно далеко от них и значительно ниже, но все равно — не более чем в пяти сотнях шагов.

Робот также остановился, чуть повернувшись в их сторону; некоторое время они не могли понять, обнаружил он их или нет. Зеленый свет исходил у него из боков, а вся его тяжелая туша

состояла как бы из множества сегментов; казалось, чудовище плывет в собственном сиянии. Из-за спины робота внезапно появился Янго. Робот на несколько секунд как-то странно присел, потом снова встал, повернулся и пошел вперед вдоль скалистого хребта. Огромные суставчатые ноги несли его легко и плавно, несмотря на внушительный вес. Еще до того, как Паук скрылся за выступом скалы, беглецы успели разглядеть, что Янго едет на нем верхом.

Вот почему он так быстро сумел их догнать! Однако…

— Капитан! — раздался вдруг хриплый голос Веццарна где-то неподалеку. — Не шевелитесь, капитан! Вы у меня на прицеле! Если двинетесь, я выстрелю! И вы тоже стойте смирно, госпожа. Я это делаю для нашей же пользы, только вы пока не вмешивайтесь, пожалуйста. Дело в том, капитан, что Агандару нужны только вы и маленькая ведьма. А до нас с госпожой Эдель ему дела нет… Госпожа, я сейчас брошу вам нож. Вы разрежьте, пожалуйста, веревки и снимите Дани со спины капитана, а ему самому свяжите руки за спиной. А вы, капитан, если сделаете хоть одно движение, будете уничтожены па месте, клянусь!

— И чего вы этим добьетесь? — сдавленным

голосом спросила Гулик, стоявшая у Посерта за спиной.

— Вы же сами их видели, — нож Веццарна со стуком упал на землю у ее ног, — как быстро они нас догоняют! Они будут здесь минут через пять-шесть. И если Агандар увидит, что капитан и Дани лежат здесь связанные, а нас нигде нет, он не станет за нами гоняться. Зачем мы ему? Заберет этих двоих и уберется отсюда…

Капитан резко повернулся, присел и выхватил из кармана бластер. Он и не надеялся, что этим чего-то добьется. Разве что Веццарн разрядит свой бластер. А может, и Гулик тоже. Но тут откуда-то сверху, прямо из воздуха, послышался громкий и странный крик, и в лицо капитану ударил порыв ветра. Они успели увидеть падающую тень какой-то летучей твари — круглая рогатая голова на длинной шее нацелилась прямо на Веццарна — и все три бластера выстрелили одновременно. Тварь резко рванулась вверх, прочь от них, и мгновенно исчезла из виду. Ее дикий вопль еще раз донесся издали, отразившись от скал в туманной долине, и стало тихо. Веццарн резко повернулся, увидел два направленные на него бластера, сдавленно квакнул, прыгнул куда-то вбок и покатился вниз по каменистому склону.

Они увидели, как Веццарн, пригнувшись, нырнул в заросли и скрылся из виду — только сучья затрещали.

— Ну, что же, — произнесла Гулик, опуская бластер. — Мятеж подавлен. И не без помощи рогатого летуна. Что теперь будем делать, капитан? У вас есть какие-нибудь идеи или мы так и будем бежать, пока робот нас не догонит? А вообще-то, благодаря глупости Веццарна робот может свернуть в сторону… Если Паук погонится за Веццарном, мы спасены!

— Вряд ли, — покачал головой капитан. — Янго все время направляет его. Уж он-то сразу поймет, за кем следовать… — Гот вдруг завозилась у него за спиной. Посерт приподнял ее, и она вновь крепко вцепилась в него, точно детеныш обезьянки.

Веццарн, похоже, переоценил скорость робота. Капитан и Гулик, наблюдая за Пауком, пришли к выводу, что тому понадобится не меньше четверти часа, чтобы добраться сюда. Но даже если это так, робот все же догонит их, прежде чем они успеют добраться до «Удачи».

— Мы можем поступить иначе, — сказал капитан. — Полагаю, именно это нам и следует попробовать. Я, правда, надеялся, что рисковать не придется…

— Мы и так рискуем, чего же бояться? — рассудительно ответила Гулик. — Лучше уж что-то предпринять, чем просто бежать, все время ожидая, что эта тварь цапнет тебя за плечо!

— Тогда пошли, я все объясню по дороге, — сказал капитан. — Вещцарн, конечно, прав: Агандара вы оба и впрямь не интересуете. Ему нужна Дани. И еще ему нужно то, что у меня здесь. — Он похлопал себя по карману с ключами и теми частями приборов, без которых «Удача» никогда не взлетит. — И он прекрасно знает, что так просто я это ему не отдам.

Гулик согласно кивнула.

— Нам нужно разойтись, — сказал капитан. — Паук непременно последует за мной.

— А мне что тогда делать? — спросила Гулик.

— Вам нужно вернуться на корабль. Вот тут несколько разных ключей, все они понадобятся, чтобы открыть замки и поднять корабль в воздух. Тогда Янго не будет страшен, а пушки «Нова»… Кстати, вы умеете ими пользоваться?

— К сожалению, нет, — ответила Гулик. — И вряд ли смогу поднять корабль, а тем более не сумею маневрировать в атмосфере. Сомневаюсь, что мне удастся даже просто вставить все эти ключи куда следует.

— Скажите, Гулик, а вы могли бы, по крайней мере, добраться до корабля и запереться там изнутри, пока…

— Пока вернувшийся робот не продырявит дверь шлюза? Нет уж, спасибо! Да дело теперь не только в них. Вы обратили внимание, что за нами шел кто-то еще?

Капитан только с неудовольствием крякнул. Конечно же, он заметил, что на склонах гор было неспокойно. Если сперва они встречали в темноте каких-то животных, то теперь в непосредственной близости от них уже никто не появлялся и ничто не шевелилось, хотя последние полторы сотни шагов капитан все время чувствовал тайную и весьма активную жизнь. То кто-то приглушенно рычал, то коротко стучали осыпавшиеся камни, то мелькали какие-то тени… Капитан не был уверен, что его спутники это заметили, а потому предпочитал молчать. Им хватало и грозного Паука Шима.

— Вы имеете в виду звуки в кустарнике? — спросил он Гулик.

— Именно. За нами следят, нас преследуют! И Янго тоже идет по нашему следу. Я полагаю, у него нашлось немало причин, чтобы почти все время ехать верхом на Пауке, а не идти пешком.

— Однако эти животные пока что держатся от нас на расстоянии, — возразил капитан. — Да и Янго они вроде бы не очень беспокоят.

— Да от этого Паука кто угодно будет держаться на расстоянии! — воскликнула Гулик. — А может быть, это ваша маленькая ведьма заставляет их соблюдать дистанцию? Что до меня, то я стараюсь держаться поближе к ней… Так какие у вас соображения насчет Янго?

— Учтите, если это не сработает. Паук нас поймает… — Капитан явно пребывал в неуверенности.

— Да уж, надо полагать!

— Ладно. Тогда давайте поворачивать назад. Вернемся шагов на триста. Я там приметил одно подходящее местечко… Перед тем, как мы увидели робота. — Он указал на утес, возвышавшийся над ними. — Подъем тут, правда, очень крутой…

— Забраться туда? Вы что же, хотите перещеголять Паука в умении лазать по скалам?

— Нет.

— Значит, вы придумали, как его остановить?

— Не совсем… Но мы можем попробовать заставить Янго сделать это. Или остановить самого Янго.

В какие-то стародавние времена на утесе, ви-

димо, было гнездо или логово — здесь имелась удобная каменная площадка, выступавшая из стены утеса и нависавшая над тропой. Поверхность ее была чуть вогнутой, чашеобразной, и на ней еще сохранились остатки засохших растений, раздробленные старые кости и окаменевший помет. Узкая тропка, вьющаяся по крутому утесу, явно была когда-то вытоптана обитателями этого логова.

Ветер продувал насквозь. Капитан весь дрожал от холода. Никаким иным способом спуститься отсюда было невозможно — исключая, конечно, крепкие конечности Паука Шима. Повиснув над краем площадки, капитан осмотрел тропу. Отсюда она казалась почти отвесной, и он удивился, как это они сумели преодолеть такой подъем. Видимо, страх подгонял, решил он. Конечно, они цеплялись руками и ногами за малейший выступ, все время поддерживая и страхуя друг друга и не осмеливаясь остановиться, передохнуть и подумать — в частности, о том, как высоко они уже забрались. Наконец он в последний раз подтолкнул Гулик и вслед за ней перевалился через край каменной площадки и без сил упал в кучу трухи, скопившейся здесь за долгие годы.

Они отвязали Гот и уложили под стеной утеса.

Девочка что-то сердито пробормотала во сне, повернулась на бочок, подтянула коленки к подбородку и опять провалилась в сон. Детское личико ее было мирным, спокойным. Глубокий сон, навеянный наркотиками Янго, не выпускал ее из своих объятий. Капитан и Гулик улеглись, каждый в своем углу огромной каменной площадки, держа бластеры наготове и внимательно наблюдая за подступами к утесу сквозь заслон из высохшего мусора, оставленного прежним обитателем логова.

Вон по тому уступу они прошли всего несколько минут назад, еще вместе с Веццарном, стараясь обнаружить признаки погони. Как раз там и должен был вскоре появиться Янго со своим роботом. Робот, наверное, сразу определит, что они вернулись по собственному следу, и помчится вместе со своим наездником прямо к утесу… Или сперва пройдет немного вперед, а потом вернется… В любом случае проклятый пират скоро поймет, что те, за кем он охотится, полезли вверх.

Они позволят ему взобраться повыше и, хотя их бластеры не смогут причинить вреда роботу Шима, с четырех ярдов разнесут голову Агандара вдребезги. Только нужно быть очень осторожными и не высовываться; пусть над краем уступа

торчат только стволы бластеров. Боевой луч робота тогда ударит как раз в скалистый край чаши, а сам Агандар окажется перед ними, как на ладони.

Под прицелом двух бластеров, наставленных на него с обоих углов выступа, и имея в перспективе падение с высоты в сотню ярдов, пират вряд ли станет спорить. Вероятнее всего, он сам отдаст им пульт управления роботом. Тогда они позволят Пауку вместе с его хозяином спуститься с утеса, а затем отключат его…

— А что если он не станет взбираться сюда верхом на роботе? — спросила Гулик. — У него ведь могут возникнуть всякие подозрения, и тогда он останется внизу, а Паука пошлет на утес, чтобы тот выяснил, прячемся мы здесь или пошли дальше.

— Тогда мы будем стрелять по Янго.

— Вот это было бы истинным наслаждением! — заметила до Эдель. — А что будем делать с роботом?

Этого капитан не знал, но у него были основания предполагать, что стоит им обезвредить Агандара, робот Шима не будет представлять никакой опасности.

Что-то похожее на выстрел из тяжелого орудия

прогремело высоко над долиной. Они испуганно подняли головы и переглянулись.

— Это гром. — спокойно сказал капитан. — Я уже слышал его раскаты. — Гром прогремел еще раз, но несколько дальше, в горах.

— Нет, — сказала Гулик. — Это они. Они ищут нас. — Она кивком указала в сторону долины. — Это они издают такой грохот и еще всякие разные звуки, когда движутся. Они все время ходят кругами недалеко от нас.

— Кто — они?

— Хозяева этого мира. Мы нарушили их покой, а они явно не любят посторонних. Те животные, что следовали за нами по пятам, — это их шпионы, соглядатаи. И тот рогатый летун тоже. Некоторое время назад, если вы помните, я заметила на той стороне долины какую-то огромную тень. Они уже тогда нас обнаружили, хотя тень и исчезла. Наверное, мы слишком маленькие. Они не знают, что именно следует искать, поэтому до сих пор нас и не нашли. Но они приближаются. — Гулик говорила очень тихо, лицо ее казалось почти спокойным. — Мы, может быть, и сумеем остановить Янго, но вряд ли нам удастся улететь с этой планеты. Слишком поздно! И теперь уже не имеет значения, справимся ли мы с Пауком. —

Она поглядела направо. — Ого, они уже близко, капитан!

Посерт пригнулся, спрятавшись за кучей сухого мусора. Внизу, в зарослях, мелькнул зеленоватый свет, потом он исчез, снова мелькнул и снова исчез за камнями. До них по-прежнему было не меньше трехсот шагов. Странно! Он быстро посмотрел на Гулик. Та лежала, распластавшись на камнях и выставив перед собой бластер; только голова у нее была чуть приподнята, чтобы можно было видеть левую сторону утеса. Какие бы страшные мысли по поводу этого неведомого мира красного света и сумрачных теней ни роились у нее в голове, она явно не собиралась отказываться от намерения покончить с Агандаром.

Зеленый свет вновь появился, теперь уже на каменной осыпи, и прямо под собой они увидели Паука, плавно переставлявшего свои огромные суставчатые ноги. Янго сидел на нем, ухватившись за какой-то нарост. Голова Паука поворачивалась из стороны в сторону в такт его шагам; он внимательно осматривал все вокруг; страшные челюсти его то сжимались, то разжимались. Глядя на него с такого близкого расстояния, трудно было поверить, что это просто машина, а не живой и страшный хищник,

некогда послуживший моделью для ее создания. Впрочем, машина была, видимо, куда опаснее, чем само животное…

Слева донесся негромкий скрип и скрежет. Капитан повернул голову — очень осторожно, потому что робот Шима и его наездник находились теперь прямо перед ними и продолжали приближаться, — и с неудовольствием увидел, как Гулик подняла бластер и просовывает его сквозь барьер из мусора и костей, упрямо наклонив голову и прицеливаясь. Если она нажмет на спуск прямо сейчас…

Но она не выстрелила. То ли сочла, что расстояние еще слишком велико, то ли вовремя вспомнила, что они решили стрелять по Янго только в том случае, если им не удастся заманить его вместе с роботом в ловушку. Робот продолжал продвигаться вперед на своих длинных паучьих ногах, а затем снова пропал из виду вместе с Агандаром. Гулик неторопливо убрала бластер и застыла неподвижно, по-прежнему глядя вниз.

С минуту царила тишина. Нет, кое-что все-таки было слышно — что-то шелестело там, где только что прошел робот, мелькали какие-то тени… Агандар явно привел за собой из долины целый эскорт.

Вдруг слева донеслось рычание Паука Шима.

Гулик быстро повернулась к капитану и беззвучно, одними губами прошептала: «Вещцарн». Он кивнул. Погоня, вроде бы, приостановилась: робот пытался разобраться со следом Вещцарна, уходившим в сторону.

Рычание смолкло. Снова воцарилась тишина. А еще через несколько секунд капитан понял, что Янго все-таки повел робота по их следу, потому что шелест внизу стих. Окружавший капитана и Гулик невидимый декорт по мере приближения робота рассредоточился. Прошла, наверное, еще минута. Он глянул в сторону Гулик и увидел, что она опять вся подобралась. Однако с его позиции пока что ничего видно не было — обзор закрывала левая часть выступа.

Потом, примерно в сотне ярдах от них, внизу и слева, у самого подножия утеса, вновь показался Шима — сперва две шипастые ноги, затем голова и передняя часть туловища. Он прошел немного вперед, снова остановился и замер на месте, подняв голову вверх. Челюсти продолжали словно что-то размеренно жевать. Капитан видел его ярко-желтые глаза, расположенные рядком в верхней части головы, но туша Паука еще скрывалась во мраке, так что невозможно было

определить, по-прежнему ли Янго едет верхом на своем «скакуне».

Он очень осторожно — Паук, как ему казалось, взирал прямо на него — отодвинулся от своей хлипкой баррикады и посмотрел, чем занята Гулик. Она, держа бластер наготове, лежала неподвижно и целилась вниз, но явно не в Паука! Угол наклона был совсем иной… Может быть, она целится в Янго? — подумал в смятении капитан.

В зарослях за спиной робота что-то шевельнулось, переместилось и снова замерло. Очень похоже на пригнувшегося к земле человека… Понятно, это Агандар! Решил спрятаться в зарослях, опасаясь, что за ним следят сверху…

Паук по-прежнему не двигался. Капитан медленно выдвинул бластер вперед и навел его на скорчившегося в зарослях человека. Не слишком приметная цель, если дело все же дойдет до стрельбы. Но, может быть, и не дойдет. Если сенсоры робота не смогут их здесь обнаружить и если они сами не будут делать неосторожных движений, Янго решит, что их поблизости уже нет, и снова оседлает своего Паука, прежде чем тот успеет все-таки почуять их след…

Он так и не успел додумать эту мысль до конца.

Робот вдруг сдал назад, раздвинув передние ноги, и снова вышел из поля зрения капитана, так что тот уже не видел, как вытянулись вверх когтистые конечности, выискивая на каменной поверхности утеса выступы и трещины. Но слышал он все хорошо. Потом ему стала видна косматая спина робота-убийцы: Паук начал подъем.

С сильно бьющимся сердцем капитан прицелился в присевшего за валуном Янго и положил палец на спусковой крючок. Он решил стрелять без промедления, как только услышит первый выстрел Гулик. Еще несколько секунд…

Его оглушил внезапный грохот камней. Часть спины робота, видимая капитану, резко дернулась. Вероятно, Паук потерял опору, но почти сразу нашел другую — теперь он снова поднимался и был уже пугающе близко! Похоже, он преодолел больше половины подъема!

А внизу, в зарослях, Янго, заметив, как робот чуть не сорвался со стены, вскочил было, но тут же снова присел, осознав свою ошибку, ибо в этот самый момент Гулик выстрелила. Капитан тоже выстрелил, но Агандар успел упасть на землю, потом метнулся вбок, в густые заросли, и исчез. Капитан тут же прекратил стрельбу.

Снизу, из-за края выступа, донеслись странные звуки — то ли рычание робота, то ли клокотание пара. Гулик продолжала стрелять, методично выжигая заросли вокруг того места, где прятался Агандар. Капитан привстал, опираясь на руки и колени, наклонился вперед и посмотрел, что происходит с роботом.

Паук, повиснув на стене утеса, вытянул голову и повернул ее под каким-то странным углом, глядя на горящие заросли. Рычание перешло в резкий пронзительный крик. Паук опять развернулся, занял прежнее положение, и из его пасти между страшных челюстей выдвинулась толстая серая труба. Труба уперлась в край выступа, и капитан, метнувшись вбок, схватил Гулик за щиколотку и потащил через всю площадку к стене, где лежала Гот.

Выступ содрогнулся, как от землетрясения, когда боевой луч Шима ударил в него снизу. Каменная глыба держалась, наверное, секунды две, потом большая часть ее рухнула и, развалившись на четыре огромных куска, поползла по склону вниз, сметая все на своем пути. В том числе и робота. Сквозь громовые раскаты обвала до них донеслись звуки взрывов. Видимо, «схлопнулись» силовые поля Паука. А когда капитан и Гулик, вы-

тянув шеи, осторожно заглянули за край того, что еще осталось от выступа, то увидели среди обломков камней клочья мохнатой коричневой шкуры. Падение со скалы дорого обошлось Пауку…

Капитан с трудом перевел дыхание и посмотрел на Гот. Девочка улыбалась, словно спала в собственной постели. Ничего себе наркотик!

— По-моему, нужно поскорей убраться отсюда, — нетвердым голосом сказал Посерт. Потом достал веревку и сунул бластер в карман. — Так вы попали в Янго, Гулик?

Гулик не ответила. Она сидела на корточках, лицом к красному солнцу, висевшему над долиной. Губы приоткрыты, взгляд отсутствующий. Она словно к чему-то прислушивалась.

— Гулик! — громко окликнул ее капитан.

Она вздрогнула и повернулась к нему.

— Что? Да… Я два раза в него попала… Надеюсь, он мертв. — Она отвечала ему совершенно машинально, явно думая о чем-то другом.

— Помогите мне поднять Дани! Нам надо…

И тут снова грянул гром. Чудовищно громкий. Капитану даже показалось, что гром прогремел буквально у них над головой. Затем последовала целая серия таких же оглушительных разрядов, которые постепенно становились тише, словно

смещаясь к противоположному концу долины. Молний видно не было. Но едва стихли раскаты грома, как со склона горы, от самой ее подошвы, стали доноситься другие звуки — кто-то завывал, блеял, сопел, хлопал крыльями… В воздухе замелькали непонятные тени, потом все быстро исчезло, словно растворившись в воздухе.

— Забегали, залетали! — усмехнулась Гулик. — Мы, кажется, их здорово растревожили… — Она взяла у Посерта веревку. — Поднимайте ведьмочку, капитан, а я ее к вам привяжу. Но только до корабля нам все равно не добраться!..

Однако до корабля они добрались. Хотя потом капитан никак не мог толком припомнить, как они спускались по склонам гор и оврагов. Помнил только, что путь казался ему бесконечным, ноги подкашивались, а маленькое легкое тело Гот словно было сделано из свинца. Гулик шла, точнее, тащилась рядом с ним или чуть позади. И то и дело начинала смеяться. Потом вдруг стала напевать какую-то диковатую мелодию в ритме там-тамов. И вдруг умолкла. Может, это он велел ей заткнуться?

А еще он хорошо помнил, что все время боялся — но не тех, кто мог их преследовать по земле, и не летающих рогатых монстров. Насколько

он мог определить, преследователи от погони отказались и отстали: ущелья, овраги, покрытые кустарником склоны — все было пусто. Ни шороха, ни звука. Складывалось впечатление, что теперь на них не только не обращали внимания, но и старательно избегали.

Его страх не имел никакой реальной формы, но подавлял волю. Это было ощущение чего-то громадного и угрожающего, собиравшегося с силами где-то рядом. Временами капитану казалось, что красноватое небо меркнет, словно его закрывают гигантские тени, которые и тенями-то трудно назвать… Над горами по-прежнему громким стаккато трещал гром, но молний не было. Впрочем, источник громовых раскатов больше к ним не приближался. Достигнув одного из оврагов, они опять услышали далеко в долине нечто напоминавшее низкий звон колокола. Ладно, это уже неважно, решил про себя капитан. Главное, что «Удача» по-прежнему стоит там, где ее оставили, и никто ее не трогал, а идти до нее всего несколько минут…

— Они нас как раз там и поджидают. У корабля, — послышался голос Гулик. И она опять засмеялась.

Капитан не ответил. Гулик очень мужественно

вела себя и немало помогла ему во время схватки с Агандаром и его роботом-убийцей. Просто этот неведомый странный мир теней оказался ей не по силам.

На последнем отрезке пути Гулик совсем сдала, стала спотыкаться и падать. Капитан дважды помогал ей встать, потом обхватил рукой за плечи, и они побрели дальше. Он и сам тоже начал спотыкаться и вдруг понял, что земля под ними колышется, точно волны неспокойного моря. Он брел, потупясь, а когда в очередной раз поднял глаза, чтобы посмотреть, сколько им еще осталось до корабля, то резко остановился: борт «Удачи» нависал прямо над ними, а трап был всего в десятке шагов. Он посмотрел на темный зев открытого шлюза и потряс Гулик за плечо.

— Мы добрались! — громко сказал он, и Гулик посмотрела на него затуманенным взором. — Теперь давайте наверх — вперед, по трапу! Да проснитесь же вы, наконец!

— Там же они, — усмехнулась Гулик. — Разве вы не чувствуете? Но все же начала подниматься по трапу. Капитан последовал за ней, держась поближе на тот случай, если она опять упадет.

И тут он действительно кое-что почувствовал. Холодные, точно электрические уколы по всему

телу. Он словно вступил в поток энергии. Капитан оглянулся: еще несколько минут там не было ничего, однако теперь на том конце долины над утесами крутилась темная мгла, очень похожая на грозовую тучу.

Неужели гроза все-таки разразится?

Капитан втащил Гулик через шлюз внутрь корабля и захлопнул за собой дверь; затем включил свет в ходовой рубке, достал нож и на ходу разрезал веревки, удерживавшие Гот у него на спине. Он уложил девочку на кушетку и оглянулся: Гулик опустилась на пол, прямо посреди рубки.

Капитан оставил ее лежать там, а сам извлек из кармана ключи, бросил их на стол у панели приборов и торопливо принялся за дело. Подготовка «Удачи» ко взлету обычно требовала довольно много времени, но сейчас это ему удалось буквально минуты за три. Электрические покалывания становились все более ощутимыми. Наконец он сел в пилотское кресло, запустил вспомогательные двигатели, проверил системы управления боем и включил экраны.

Черные тучи продолжали сгущаться над утесами с обеих сторон; на экранах было видно, как они будто сползают с отдаленных горных склонов… Бешено крутящиеся, вздымающиеся

горы мрака окутывали все небо. Да, самое время уносить ноги!

Кто это?

На экране правого борта показалась маленькая фигурка; человек бежал к кораблю, бешено размахивая руками. Капитан включил увеличение. Ну, конечно! Веццарн…

Он выругался, открыл дверь переднего шлюза, услышал щелчок, вслед за которым в корабль снова ворвался рокочущий гром. Веццарну, правда, оставалось пробежать сотни две шагов, и он торопился изо всех сил. На экране было видно, как он, на секунду подняв голову, радостно замахал руками, заметив свет из открывшегося шлюза.

Капитан ждал, до боли прикусив губу. Каждую секунду вздымающиеся черные громады облаков меняли свой облик, поднимаясь все выше… Теперь ему казалось, что вершины туч закручиваются гребешкам, точно морские волны перед штормом, готовые со всей своей силой обрушиться на корабль. Веццарн уже пропал с экранов, оказавшись в мертвой зоне обзора. Еще несколько секунд… Раскаты грома за бортом стали еще громче. Тучи, точно двинувшиеся в атаку войска, устремились к «Удаче»… Послышался топот ног по трапу, капитан обернулся и увидел, как Вец-

царн влетел внутрь и рухнул на пол, хватая ртом воздух. Капитан тут же врубил форсаж, корабль подпрыгнул футов на пятьсот с еще незакрытой до конца дверью шлюза и ринулся прочь от этой кошмарной планеты. Небо над ними было похоже на густую черную взбаламученную массу. Капитан чуть развернул «Удачу» и, как только это стало возможно, включил основную тягу.

Корабль рванулся вверх, оставляя позади грозовую стихию и весь этот мир красного солнца. Он был подобен метеориту, несущемуся в противоположном — по отношению к движению самой планеты — направлении, весь раскалился и светился от носа до кормы. Впрочем, холод космического пространства через несколько секунд остудил его. Мрачное, словно закопченное, красное солнце и все его спутники в последний раз мелькнули на задних экранах «Удачи», и она, остывая, понеслась вперед.

— Боже мой! — выдохнул капитан, откидываясь на спинку кресла. Он закрыл глаза, но тут же снова открыл их…

Это было все равно, что почувствовать «запах ворчания» или «услышать темно-зеленый цвет»… Как сказала бы Гот, это невозможно выразить словами, имеющими смысл! Но ощущение

было несомненно знакомым. Капитан прекрасно понимал, что с ним происходит — он *релировал*!

— ПОЗДРАВЛЯЮ! — возник ватч. — ИСПЫТАНИЕ ЗАКОНЧЕНО! И ОПЯТЬ ТЫ МЕНЯ УДИВИЛ И ПОРАДОВАЛ, МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК! А ТЕПЕРЬ НАЧНЕТСЯ ДРУГАЯ, ЕЩЕ БОЛЕЕ ИНТЕРЕСНАЯ ЧАСТЬ ИГРЫ! НАСТАЛО ВРЕМЯ ПОГОВОРИТЬ СО ВТОРЫМ ЕЕ УЧАСТНИКОМ…

И тут ходовая рубка вся как-то смазалась, исчезла, и сам он тоже расплылся и словно исчез. А под ним зависло некое бледное, постоянно меняющее свои очертания и движущееся свечение, своими формами напоминавшее его собственное тело. Сам же он, казалось, быстро перемещался вместе с этим свечением сквозь море нематериального сероватого тумана…

— ТЕРПЕНИЕ, МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК, ТЕРПЕНИЕ! — успокоил его своим громовым голосом ватч, а может, и сам серый туман. — ЭТО ТАКАЯ ИГРА, В КОТОРОЙ ТЫ САМ ВЕСЬМА ЗАИНТЕРЕСОВАН. А ДРУГИЕ ФАНТОМЫ, ТВОИ ТОВАРИЩИ, БУДУТ ПРЕБЫВАТЬ В ПОЛНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ПОКА ТЫ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ.

Ну, хоть что-то ободряющее… Игра, в которой он сам заинтересован?

— МИР ЧЕРВЕЙ! — проорал ватч с явным насла-

ждением. Чудовищный голос гремел, вибрировал где-то рядом. — МИР ЧЕРВЕЙ… МИР ЧЕРВЕЙ… МИР ЧЕРВЕЙ…

Глава 10

А ведь, если честно, он действительно здорово заинтересован в этой игре с Миром Червей! Вот только где он находится, этот мир?

На секунду у капитана возникло ощущение, что ватч озадачен этим его незаданным вопросом.

— ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ? ДА ТАМ, ГДЕ И ДОЛЖЕН НАХОДИТЬСЯ, МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК! ГДЕ ЖЕ ЕЩЕ?

И капитан понял, что инструменты, вроде электронной звездной карты, не имеют для ватча ни малейшего смысла. Да и зачем они ему? Вселенная, в которой обитает человечество, представляется ватчу плодом его собственного воображения, и он легко переносится в ней с места на место — как человек порой уносится в неведомые дали своих мечтаний. Если ватчу надо куда-то попасть, он просто попадает туда — и все.

Однако даже ему попасть в Мир Червей удается не всегда. Мир Червей, объяснил Посерту ватч, — это загадка. Чудовищная загадка. Во время своих странствий он немало узнал об ужасном Манарете и решил сам посмотреть на него.

И обнаружил, что не может даже приблизиться к Манарету. Что-то мешало ему, перекрывало дорогу, держало на расстоянии от Мира Червей.

Это означало одно: вызов. И тогда ватч принялся сводить воедино все, что ему было известно о Манарете, о чудовищном монстре Моандере, повелевавшем сферами нури. Ватч узнал, что Манарет — это, по сути дела, огромный корабль размером с целую планету, в котором запертое в одном из его отсеков, точнее в тюрьме, томится племя гордых и некогда могущественных существ, построивших этот корабль и прежде бывших его хозяевами. Теперь они пленники Моандера. Народ этот носил имя лирд-харьер и был известен людям, которые установили с ним связь, надеясь отыскать способ как-то противостоять Моандеру и нури. Если бы можно было свергнуть Моандера и восстановить власть лирд-харьер над Манаретом, то это одновременно ликвидировало бы и страшную угрозу для человечества.

Ватч был заинтригован создавшимся положением и с интересом наблюдал, как капитан все больше втягивается в игру против Мира Червей. Теперь он уже считал Посерта вполне достойным партнером.

Что я должен делать? — мысленно спросил

капитан.

Нужна информация, сообщил ему голос ватча. Средства борьбы против этого монстра могут оказаться под рукой, нужно лишь понять, как ими пользоваться. А информацию лучше получить от тех, у кого больше всего сведений о Моандере — от народа лирд-харьер, запертого в недрах Манарета. Ватч к ним попасть не мог; и ничто материальное тоже не могло проникнуть сквозь энергетические барьеры, установленные Моандером. Однако в своем нынешнем виде капитан не представлял собой никакой материальной субстанции, и его можно было заслать прямо в Манарет, туда, где все еще, словно в осажденной крепости, обитали лирд-харьер. А там уже, следуя инструкциям ватча, капитан сможет узнать все, что нужно…

Существование в виде бестелесного духа, хотя и временное, все же имеет свои преимущества, думал капитан.

Например, плотный орудийный огонь и бесконечные разрывы снарядов, заполнившие все пространство вокруг, никак ему не повредили, и он сумел проникнуть сквозь линии обороны, оказавшись прямо в личных покоях лорда Чила, принца великого народа лирд-харьер. Покои

находились в центральной части Манарета. Когда орудийный огонь прекратился, капитан уже стоял в покоях принца — по-прежнему нематериальный, но вполне целый. Столь враждебная встреча его нисколько не удивила. Ничего не зная о способностях и возможностях ватчей, лирд-харьер воспринимали любое вторжение на их территорию как агрессию со стороны Моандера.

Принц Чил сидел в уютном гнезде из роскошных покрывал, устроенном на широком ложе в самом центре зала, и следил своими огромными, немигающими, золотисто-зелеными глазами за приближением странного призрака, нарушившего его покой и уединение. Те части длинного, вытянутого тела принца Чила, которые было можно разглядеть среди богатых одежд, сильно напоминали рептилию с красной чешуей, а шея более всего походила на змеиную. Однако венчавшая шею огромная круглая голова говорила о наличии развитого мозга, а чрезвычайное спокойствие Чила, которое в данный момент могло показаться даже пугающим, свидетельствовало о его безоглядной смелости, гордости и уверенности в себе.

Длинная красная конечность высунулась из-под роскошного одеяла, и капитан «услышал»

мысли принца:

«Внутренние барьеры сняты. Мне кажется, ты не из подданных Моандера? Значит, ты посланец дружественного нам народа ведьм?»

Капитан заявил в ответ, что он действительно связан с народом ведьм и, поскольку они являются врагами Моандера, желает помочь в борьбе с этим монстром. Для этого ему нужна некоторая информация, ибо он не очень представляет, что именно ему нужно сделать. Чил как будто хорошо его понял. «Задавай свои вопросы! — мысленно ответил он. — Без помощи извне наше положение скоро станет безнадежным…»

Обмен мыслями продолжался без особых затруднений. Манарет, как узнал капитан, находился под управлением суперкомпьютера, который назывался Синергайзер. Та же катастрофа, которая некогда выбросила Манарет и народ лирд-харьер из их собственного пространства и переместила в эту Вселенную, на время вывела из строя и Синергайзер. Моандер, который был лишь автономным аварийным блоком, включился в работу, подменив Синергайзер. Вообще же Манарет являлся экспериментальным боевым кораблем, изобретенным и сконструированным народом лирд-харьер. У них не было возможно-

сти ранее проверить, как работает Моандер в аварийных условиях.

И тут вдруг выяснилось, что при разработке этого устройства были допущены ошибки. Включившись в работу, чтобы заменить Синергайзер, Моандер предпринял меры, направленные на то, чтобы увековечить аварийное положение, при котором все управление кораблем находится в его власти. Уничтожить Синергайзер практически невозможно, однако Моандер заключил его в ракету-контейнер и направил по курсу, который должен был привести соперника прямиком в раскаленные недра огромной звезды. Обретя свободу, Моандер стал недоступен для каких бы то ни было средств контроля, имевшихся в распоряжении лирд-харьер.

«Нам известно, что Синергайзер не был уничтожен, — сообщил капитану принц Чил. — По всей видимости, ракета-контейнер отклонилась от заданного курса: возможно, в результате действий самого Синергайзера. Но сюда она не вернулась. Недавно, правда, было сообщение…»

Мысль прервалась. Капитан вдруг вспомнил Олими и его таинственный «камень»…

— «Да, да, это он! — мысль Чила прозвучала, как вскрик. — Где ты его видел?»

Он пришел в такое возбуждение, что обмениваться мыслями стало невозможно. Понемногу успокоившись, он продолжил свой рассказ. Народ лирд-харьер получил от своих агентов, имевшихся практически во всех секциях Манарета, сообщения, что нури Моандера сумели обнаружить следы пропавшего Синергайзера. Всего несколько часов назад пришло известие, что карресский корабль, на котором находится это устройство, избежал коварной попытки направить его вместе с грузом в недра одного из солнц, после чего исчез.

Капитан признал, что это его корабль, и заверил Чила, что пока Синергайзер в полной безопасности.

Странные золотисто-зеленые глаза затуманились от волнения. Капитан мысленно увидел огромный зал, стены которого были сплошь заняты приборами и экранами. «Это центральный командный пост, — сообщил Чил. — Он все еще под нашим контролем. Как только Синергайзер окажется здесь, он обретет былое могущество. Вдали отсюда он мало на что способен...» Изображение исчезло. А мысли Чила устремились дальше. Довольно давно лирд-харьер получили отрывочную информацию, посланную на Мана-

рет иными, но подобными им существами, о том, что в тех пространствах и измерениях, куда их некогда забросила Великая Катастрофа, создается гигантское устройство, которое будет способно извлечь корабль из чуждой Вселенной и вернуть назад, но для этого надо восстановить власть Синергайзера.

Однако народу лирд-харьер не был известен способ проникновения материального объекта сквозь силовые поля внешней оборонительной системы Манарета, установленной Моандером. Синергайзер таил в себе значительно больше возможностей, чем представлялось на первый взгляд, но тем не менее оставался все же материальным предметом. А оборонительные системы Манарета постоянно совершенствовались и укреплялись. «Нури по-прежнему устанавливают новые энергетические барьеры между мертвыми солнцами, которые окружают нас здесь со всех сторон… — услышал капитан. — А недавно Моандер, видимо, нашел способ пресекать мысленный обмен информацией между лирд-харьер и ведьмами с Карреса. Так мы потеряли контакт с Карресом…»

«А существует ли какая-нибудь возможность того, что ваши друзья все-таки смогут послать

в наше измерение нечто вроде спасательного корабля, способного справиться с Моандером?» — осведомился капитан.

«Нет, это невозможно!» — был ответ. И тут же перед мысленным взором капитана возникли безумно закрученные потоки энергии, впивавшиеся в узлы и непрерывно взрывавшиеся… «Между нашими измерениями нет общей границы. Переход из одного в другое — это извилистый путь сквозь хаос! Мы только что находились там — и вот мы уже здесь! Даже за миллионы жизненных циклов такой момент точного совпадения положений не повторяется дважды и не может быть создан искусственно. Так что они сюда попасть не могут. Они способны лишь вытащить наш корабль отсюда… Но при условии, что структура силовых полей корабля будет полностью восстановлена и совпадает с природой полей, созданных ими…».

Но для этого нужен Синергайзер! Ах, если б только капитану удалось доставить его на Каррес!..

«Насколько Моандер уязвим при атаке извне?» — спросил капитан.

«Почти неуязвим! Вся оборонительная система Манарета к его услугам. А кроме того…»

И вновь перед мысленным взором капитана возникли массивные укрепления, мощные бастионы с крутыми скатами. «А сам Моандер находится глубоко внутри. Любые активные системы управления кораблем действуют только через структуры обороны, и только через них и через своих нури Моандер получает информацию о вашей Вселенной. Моандер держит нас буквально за горло и готовится такой же мертвой хваткой вцепиться и в вас. Время не терпит! Потому что нури уже создали новые инкубаторы…»

«Инкубаторы?» — прервал его капитан.

Оказалось, что нури — покорные рабы того, кто в состоянии ими управлять, рабы абсолютно послушные, которых при необходимости можно не беречь и не щадить. Их воспроизводство, правда, требует немало времени, зато количество при этом не ограничено, и хозяин может иметь их столько, сколько ему нужно. Сейчас как раз начался период воспроизводства, и, разумеется, Моандер стремится вывести как можно больше нури, целые орды, увеличив их число в сотни раз.

«Сами по себе нури не страшны, — сообщил Чил. — Но сейчас они выступают как орудия Моандера. По мере роста численности растет и

могущество нашего врага. И если МЫ не победим Моандера до того, как нури размножатся, нашим оборонительным системам не устоять… И вашим мирам тоже. Все мы погибнем в эпидемии этой чумы. Есть только два пути спасения: вернуть Синергайзер на место — в центральный пост управления — или пробить оборону Моандера и сломить его сопротивление. Но мы не знаем, как это сделать…»

Мысль принца Чила внезапно оборвалась. Перед глазами капитана все вдруг помутнело, заколебалось, и Чил вместе с огромным залом исчез, а призрачная, нематериальная сущность самого Посерта вновь поплыла куда-то в сером безликом тумане. Теперь капитан довольно явственно релировал ватча.

— ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ПРОБЛЕМА! ПОДОЖДИ ЗДЕСЬ НЕМНОГО, МАЛЕНЬКИЙ УЧАСТНИК ЗАБАВНОЙ ИГРЫ!

И ватч исчез. Во всяком случае, его присутствие больше не ощущалось. Капитан продолжал куда-то плыть, и вместе с ним плыл серый туман.

«Забавная игра!» Ха! Но для прочих «игроков» — проблема страшная! Если, конечно, принц Чил говорил правду.

Итак, что может предпринять он, капитан По-

серт? Ничего! Пока не вернется ватч, не вытащит его из этого тумана и не вернет его обратно — в его тело, на его корабль, в общество ему подобных.

Как же освободиться от влияния клатха-сущности, которая способна не только вывернуть тебя наизнанку, но и постоянно сует нос в твои мысли? И тут капитан вспомнил о замке, которому научила его Гот. Если бы удалось «закрыться» на такой замок против ватча…

Тут его размышления прервались. В сером тумане мелькнула яркая искра, потом она проплыла слева направо, оставляя за собой след — кривоватую огненную линию, такую же яркую, как она сама. Да это же…

«Стоп!» — мысленно приказал он.

Искра остановилась. Огненная линия тоже застыла, трепеща, на месте. Она была очень похожа на те линейные части «узоров», из которых состоял волшебный замок против нури…

Но эта линия была намного толще, мощнее — настоящий поток живого огня! Огонь клатхи! — догадался капитан… И этот огненный поток остановился только потому, что он ему приказал!..

Капитан колебался. Если огненная линия — составляющая некоего «замка», то речь должна

идти о куда более мощном засове, чем тот, что преграждал нури доступ к его мыслям. И этот новый замок, видимо, будет создан благодаря клатха-энергии!

Ну, что ж…

«А ты уверен, что хочешь попробовать создать такой засов?» — Капитан отчетливо услышал внутри себя голос, задавший этот вопрос.

Да, он уверен. Более того, это представлялось ему крайне необходимым.

И тогда капитан сделал нечто, чего не смог бы описать или объяснить даже самому себе. Искра клатха-энергии вновь поплыла, оставляя за собой огненный след, а чуть выше возникла вторая такая же искра и двинулась вниз, к первой. Затем вспыхнула третья, и третий огненный поток зигзагом устремился вверх, к месту слияния с первыми двумя…

От этого узора исходил невыносимый жар! Был момент, когда вся Вселенная напряженно вытянулась в одну линию и чудовищно напряглась. Но тут огненные потоки наконец пересеклись и замерли. Сверкнула неслышная вспышка — и все кончилось. Узор, точно фотография, зафиксировался в пространстве и тут же исчез. Исчезло и чудовищное напряжение.

Вряд ли, подумал капитан, такие эксперименты можно повторять часто. Скорее всего, это можно сделать только один раз. Или лучше вообще никогда не делать.

Капитан немного подождал и через некоторое время вновь начал релировать ватча. Его присутствие сперва ощущалось сильно, потом ватч куда-то пропал, а затем оказался рядом.

— ХМ? ЭТО ЕЩЕ ЧТО ТАКОЕ?.. СОВЕРШЕННО НЕОБЪЯСНИМО!.. ВРОДЕ БЫ ОН СОВЕРШЕННО ЦЕЛ… ОДНАКО… ЭЙ, ЧЕЛОВЕЧЕК! — голос ватча зазвучал в полную силу, — ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

— Слышу, — ответил капитан.

— ВОТ КАК? НЕУЖЕЛИ ПОЛНАЯ БЛОКИРОВКА? НУ И ПУСКАЙ! — решил вдруг ватч. — ЕРУНДА! МЕЛКИЕ НЕПОЛАДКИ! ИГРА-ТО ВСЕ РАВНО ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

У капитана вдруг возникло такое ощущение, будто он провалился в ледяную черноту. Потом он понял, что лежит на чем-то холодном, твердом и колючем, открыл глаза и приподнялся. Пришлось зажмуриться, помотать головой и снова открыть глаза: сомнений быть не могло — он вернулся назад! Он лежал на каменистой земле! Капитан сел и огляделся. Вокруг торчала высохшая коричневатая трава. Светило яркое солнце. Осенние,

поросшие лесом холмы, холодный ветер… Вдали виднелись снеговые вершины гор, а неподалеку, в нескольких сотнях метров, стояла «Удача» с распахнутой дверью переднего шлюза и опущенным трапом. Капитан встал и пошел к кораблю.

— Капита-а-а-ан!!!

Он резко обернулся и увидел Гот, бегущую ему навстречу от корабля. Он что-то заорал и понесся ей навстречу. Чувство облегчения, которое он испытал, было столь огромным, что буквально несло его над землей. Гот бросилась ему на грудь, чуть не рыча от восторга. Капитан обнял ее, поцеловал, растрепал ей волосы, поставил на землю и на радостях шлепнул.

— Патам! — вскричала она. — Как же я рада тебя видеть! Но где ты пропадал?

— Встречался с Червивой Грозой, — сказал капитан, счастливо улыбаясь.

— Да что ты!

— Честное слово. Я побывал в Мире Червей. Скажи-ка, этот «камень», что вез Олими, по-прежнему у нас на корабле?

— Откуда же мне знать? Ничего себе — побывал в Мире Червей! — Гот была совершенно потрясена. Потом пояснила: — Между прочим, и корабль тоже только что появился здесь, одновременно

с тобой.

— Вот как?

— Ну да, буквально минуту назад! Я как раз собиралась возвращаться в лагерь…

— В какой лагерь? Ладно, это потом. Гулик и Веццарн с тобой?

— Да. Они оба здесь. Кстати, я недавно релировала ватча. Огромного! Впрочем, ты, кажется, с мелкими и не знаешься… А потом оглянулась случайно — и «Удача» уже стояла рядом. И ты тоже наконец объявился…

— Так. — Капитан был настроен решительно. — Пошли к кораблю. Надо проверить, на месте ли «камень». Я теперь знаю, что он из себя представляет. Ты когда-нибудь слыхала о Синергайзере и его значении для Манарета?

— Синер… Нет, ничего не слыхала! — Гот, подскакивая на ходу от нетерпения, старалась идти с ним рядом. — Что-то очень важное, да?

— Самое важное! Я тебе потом все расскажу.

Они торопливо взобрались по трапу. В ходовой рубке горел свет, отопление работало на полную мощность. Но переборки на ощупь были ледяными. Капитан и Гот на минуту задержались у панели управления, проверяя, все ли в порядке. Все системы, кроме аварийной, были отключе-

ны, и они, оставив все как есть, направились в кормовую часть корабля. У первой блокирующей переборки они немного задержались. Робот Шима не то чтобы прожег ее — нет, он вырубил значительную ее часть, пролез в эту брешь вместе с хозяином, а выбитый кусок плиты просто вколотил в пол, сильно изуродовав при этом палубу.

Синергайзер, пропавший с Манарета, по-прежнему находился в сейфе, завернутый в пластик. Они осторожно пробрались по заваленному обломками переборок отсеку к запертой каюте Олими и обнаружили, что он все еще там — в полной безопасности и по-прежнему без сознания. Они снова заперли дверь каюты, вышли из корабля и спустились по трапу.

— Давай присядем на минутку, — предложила Гот и первой плюхнулась прямо на траву. — Можешь быть уверен — с остальными все в порядке. Но что все-таки произошло с тобой? И как ты попал в Мир Червей? И что такое Синергайзер?

Она слушала, не перебивая, с напряженным вниманием, пока он рассказывал ей о своих приключениях. Однако о своих экспериментах по созданию замка от чересчур любопытного и надоедливого ватча он пока что решил умолчать.

— Ватч сказал, что игра продолжается, — закон-

чил капитан свой рассказ, — и уже в следующий момент я оказался здесь. Слушай, а ты представляешь, где мы находимся?

— Между прочим, это Каррес!..

— Что?! — Капитан ушам своим не верил. — Но тогда…

— Нет, — ответила Гот. — Все далеко не так просто. Это не настоящий Каррес, это Каррес прошлого! На всей планете сейчас никого нет, кроме нас.

— Ты считаешь, что это проделки ватча?

— А кого же еще?.. Представь, никакой Империи нет и в помине, и пиратской Ульдуны тоже еще не существует. Великий Патам! Даже космические корабли еще не изобрели! — Она вдруг склонила голову набок и чуть прищурилась. — Ну вот, опять!

Капитан тоже почувствовал присутствие ватча. Назойливый спутник ошивался где-то поблизости… А потом ощущение исчезло.

— Гигантский ватч! — заметила Гот. — Ну ты даешь, капитан! Самого здоровенного выбрал!

— Они ведь могут читать наши мысли, верно? — спросил капитан.

— Многие могут.

— А способны они это делать на расстоянии? Ко-

гда мы не можем их засечь? То есть релировать?

— Вроде бы, нет. — сказала Гот. — Но точно я не знаю.

— Интересно! А не существует ли такой штуки, вроде клатха-замка, чтобы не позволять им совать нос в наши мысли?

— Есть такая штука! Только подобный замок очень трудно сотворить. Я вот. например, не умею. И знаю всего четырех, не больше, которые на это способны.

— Всего-то? — удивился капитан.

Гот поглядела на него вопросительно, затем с явным подозрением.

— Знаешь что, — медленно проговорила она, точно колеблясь и раздумывая, — я кое-что умею, и это может сработать как замок против ватчей… Просто нужна клатха-энергия слабого напряжения, совсем немного… И ее как бы накладываешь на что-то конкретное — на те мысли, которые желаешь защитить от постороннего вмешательства. Вот и все. И тогда, кто бы ни сунулся в мои мысли, он просто ничего прочитать не сможет!

Она снова склонила голову набок и внимательно поглядела на капитана:

— А ты что, сделал себе замок против ватчей?

— Думаю, да. — И он вкратце описал ей свое

изобретение. Гот слушала, сперва округлив глаза от изумления, а потом просияв от радости.

— Да, ты будешь самым лучшим колдуном на Карресе, капитан! Вот увидишь!

— Ты так думаешь? — Ему эта мысль была необычайно приятна, но оставалось еще слишком много нерешенных проблем, чтобы долго ею наслаждаться. — Ну что ж, будем считать, что когда мы ватча не релируем, то можем разговаривать совершенно спокойно, — подвел итоги капитан. — И что же мы будем делать дальше? Нет ли какого-нибудь способа вернуться в наше время? Например, с помощью клатхи?

Гот помотала головой. Ведьмы Карреса иногда экспериментировали с перемещением в прошлое, но никто, насколько она знала, не проникал туда далее дня собственного появления на свет.

Оставалось полагаться только на то, что сам ватч и вернет их обратно. Это был не слишком обнадеживающий вывод. Ватч, будучи воплощением клатха-энергии, играл в свои собственные игры и явно рассматривал людей как пешки в этих забавах. Вот он, например, услышал, что вроде бы невозможно преодолеть сопротивление Моандера, укрывшегося в своей неприступной крепости, и теперь решил доказать, что это не

так.

Ситуация не самая приятная. Но пока что ее изменить невозможно.

— Олими нашел Синергайзер и вез его на Каррес, когда на него напали нури, — задумчиво заметил капитан. — Примерно в тот же момент ведьмы узнали, что Империя собирается напасть на них, и Каррес исчез. И более никакой информации о нем не поступало — во всяком случае до того, как мы покинули Ульдуну.

Гот кивнула:

— Наверное, они знали, что Олими везет эту штуку, и отправились ему навстречу.

— Вполне возможно. Теперь вот что. Ты мне как-то говорила, что на Карресе начали разработку нового вида клатха-оружия для борьбы с нури, и дела шли довольно успешно, так?

— Да. Я думаю, они почти закончили его, когда мы улетали с Карреса, — сказала Гот.

— Тогда, вполне возможно, что Синергайзер мог быть единственной недостающей составляющей, которой не хватало, чтобы начать атаку на Мир Червей. Они, конечно же, знали — благодаря постоянному контакту с лирд-харьер, — что Моандер в самом ближайшем будущем сумеет вывести такое количество нури, что победить его

будет практически невозможно…

Гот снова кивнула и решительно заявила:

— По-моему, они все равно атакуют Манарет — получат ли Синергайзер или нет! Похоже, они будут просто вынуждены это сделать.

Капитан заскрежетал зубами от бессилия.

— Даже если бы мы вернулись обратно в наше время, — сказал он, — то самое лучшее, что мы могли бы тогда сделать, — это доставить Синергайзер на Эмрис! Мы же не знаем, где сейчас находится Каррес. И где находится Манарет, тоже не знаем… хотя я там, кажется, только что побывал.

— Возможно, нам известно, где находится Манарет…

— Как это? Что ты хочешь сказать?

— Чил сообщил тебе, что нури строят новые заграждения вокруг Манарета где-то среди множества мертвых солнц, верно?

— Да, — кивнул капитан.

— Известно только об одном районе космоса, где вокруг сплошные мертвые солнца. Это Чаладур! А само скопление мертвых звезд называется Тарк-Немби. Его все избегают, потому что оттуда не возвращаются. Стало быть, Мир Червей вполне мог находиться все это время именно там. А если

это так, то мы довольно легко можем обнаружить и Каррес — причем не более чем в одном перелете от Тарк-Немби!

Капитан даже крякнул от удовольствия.

— Клянусь, ты молодец! Может быть, нам даже удастся решить все проблемы, особенно если мы сумеем вернуться в свое время и прорваться к этому скоплению мертвых звезд на вжжик-тяге. Если нам не помешает ватч…

— Он все равно сделает свой ход первым.

— Ну что ж, — вздохнул капитан. — Ладно. Ты, по-моему, говорила о каком-то лагере?

Гот вскочила:

— Да, за холмом. Примерно с четверть мили отсюда. Пошли, заберем все оттуда — это проще, чем перегонять корабль.

По дороге Гот успела рассказать ему о том, что произошло. Ни Гулик, ни Веццарн не помнили ровным счетом ничего с тех пор, как «Удача» покинула планету красного солнца, и до того момента, когда они очнулись, освещенные лучами зари, на холодном, туманном Карресе. Гот пришла в себя первой, на полчаса раньше остальных. Она ничего не сказала своим спутникам ни об этой планете, ни о ее местонахождении в пространстве и во времени: оба и без того были

совершенно обескуражены и испуганы. Гулик, например, придя в себя и обнаружив рядом распростертое тело Веццарна, сразу решила разнести ему из бластера голову, уверяя Гот, что он гнусный предатель.

— Она, правда, так свой бластер и не нашла. Да и бластер Веццарна тоже, — ухмыльнулась Гот. — Ну а потом Гулик немного остыла, а Веццарн стал ныть, как обиженный младенец. Целый час ныл, наверное… Ты, мол, специально задержал взлет и подождал его, а он вел себя как подлый предатель, и теперь ему остается только застрелиться, потому что он даже представить себе не может, как посмотрит тебе в глаза.

— Похоже, тебе пришлось с ними обоими здорово повозиться?

— Да нет, они довольно быстро успокоились. Гулик теперь даже разговаривает с Веццарном. Она не такая уж плохая, эта Гулик.

— Да, ничего, — согласился капитан, припомнив тяжелые минуты, пережитые вместе с Гулик на краю утеса.

По словам Гот, они устроились совсем неплохо. Веццарн, изо всех сил стараясь загладить былые прегрешения, уже к вечеру первого дня умудрился оборудовать прекрасный лагерь на берегу

ручейка и содержал его в чистоте и порядке. Пытался даже кухарить, добывая пищу с помощью самодельного лука. Гулик первые сутки вела себя настороженно, нервно поглядывая на окрестные горные склоны, словно в любой момент ожидала нападения опасного противника. Но к концу второго дня горячее осеннее солнце Талсоу как будто растопило владевшее Гулик напряжение.

Прибытие в лагерь оказалось малоприятным, поскольку Веццарн при виде капитана завыл и застонал, потом рухнул на колени и попытался поцеловать капитану руку. И не желал подниматься, пока Посерт не провозгласил, что на сей раз Веццарн прощен.

Они покинули лагерь, оставив все как есть, и вместе вернулись к «Удаче». Гот и Веццарн отправились осматривать корабль, надеясь, что можно будет хотя бы немного привести все в порядок и ликвидировать страшные следы робота Шима. Капитан, закрыв шлюз, уселся у пульта управления и начал обычную проверку всех систем корабля.

Проверка выявила нечто необычное. Никаких указаний на неисправности не было, однако силовая установка не подавала мощность ни на один из двигателей.

Капитан задумчиво закусил губу. Опять ватч! Стало быть, он постарался, чтобы команда осталась здесь, а сам куда-то улетел. С кораблем все было в порядке, однако они не могли им воспользоваться. Капитан решил, что это в конце концов особого значения не имеет: в том времени, куда они попали, лететь некуда.

Он оглянулся и увидел, что у входа в рубку стоит Гулик и наблюдает за ним.

— Входите, — пригласил ее капитан. — Боюсь, я не успел поблагодарить вас за помощь во время схватки с Агандаром.

Гулик улыбнулась и подошла ближе. За восемь дней, проведенных в лагере на Карресе, она совершенно пришла в себя и теперь была еще более хороша, чем прежде — утонченная, элегантная! Трудно было поверить, что столь очаровательные кроткие глаза могли, хладнокровно щурясь, высматривать легендарного Агандара, в которого их обладательница собиралась выпалить из бластера.

— Я ведь прежде всего себя спасала, капитан, — заметила она. И добавила: — Я услышала рев двигателей и решила узнать, куда это мы летим.

— Никуда мы пока что не летим, — сказал капитан. Поколебавшись, он объяснил: — Дело в

том, что я не имею понятия, куда лететь.

Гулик с минуту молчала. Потом спросила:

— Вы знали, что я агент Империи?

— Янго говорил об этом.

— Ну что ж, это правда. Я полетела с вами сквозь Чаладур, чтобы выкрасть секретную супер-тягу, которая, как все полагают, имеется на вашем корабле.

— Я так и думал… Только эта штука никак не может быть использована ни вами, ни теми, на кого вы работаете.

— Я и сама пришла к такому выводу, — призналась Гулик, — еще за два дня до того, как началась заваруха с Янго. В любом случае, если я вляпалась в эту историю вместе с вами и вашей маленькой ведьмочкой, то исключительно по собственной вине. Боюсь, от меня будет мало толку, когда вы попытаетесь выбраться отсюда. Но если я все-таки смогу чем-то помочь, только скажите. Я все сделаю! А пока просто постараюсь не мешать. Меня всегда считали довольно способным человеком, однако все эти карресские дела выше моего понимания!

Капитан не стал говорить ей о собственных страхах и сомнениях.

В тот вечер они по предложению Гулик по-

ужинали на траве недалеко от корабля. Гулик все время говорила о том, как ей нравится эта планета; после проведенной здесь недели она чувствовала себя здесь гораздо комфортнее, чем в каком-либо другом месте. Гот, видимо, это льстило как хозяйке. Каррес был действительно очень привлекателен в сиянии двойного солнца, освещавшего западные горные хребты своими закатными лучами. Ветер постепенно стих, и люди некоторое время сидели, негромко переговариваясь, но тщательно избегая любых тем, связанных с их нынешним положением. Небо почти очистилось от облаков. Капитан видел, как над горизонтом всплыл маленький четкий круг луны. Он думал о том, что можно было бы предпринять, чтобы не сидеть сложа руки и не томиться в ожидании, пока ватч первым проявит себя. Однако факт оставался фактом: приходилось ждать следующего хода ватча. Гот могла бы, конечно, перенести их вместе с «Удачей» на сотни световых лет отсюда, но это ничего бы не дало.

Гот предложила ночевать на свежем воздухе, возле корабля.

Капитан быстро глянул на нее. Остальным идея явно понравилась. Действительно, после всех приключений каюты «Удачи» могли казаться

слишком тесными. Однако самому капитану очень не хотелось оставлять корабль на всю ночь. Ведь если ватчу еще что-нибудь взбредет на ум, они, проснувшись, могут обнаружить, что корабль исчез.

Гот заметила его взгляд; ресницы ее чуть шевельнулись, и он сразу понял, что у нее есть некий план. Только вот какой?..

И вдруг капитан почувствовал, как зашевелились волосы у него на затылке: ватч вернулся!

Нет, он был не рядом — капитан едва релировал его. Но приближаться явно не желал. Гот, разумеется, обнаружила ватча раньше, чем капитан, который все никак не мог понять, зачем ей понадобилось ночевать под открытым небом.

Пока «команда» вытаскивала из корабля спальные мешки, ватч приблизился, недолго поболтался совсем рядом и снова удалился…

Вдруг капитан заметил, как потемнело небо. Где-то в вышине загрохотал гром. Посерт изумленно поднял глаза к небу, и на него обрушился ливень — словно опрокинули гигантское ведро воды.

Он заметался вокруг корабля, собирая промокшие насквозь постельные принадлежности и непрерывно ругаясь. Нет, это совершенно невы-

носимо! Вода уже ручьями бежала по каменистой земле, образуя грязные лужи и стремительные потоки. Гром раскатывался в небесах, сверкали молнии, освещая колдовским сиянием мощные, крутившиеся в стремительном водовороте угрюмые тучи. Веццарн, оскальзываясь, скатился по трапу, чтобы помочь капитану. Сквозь гром Посерт слышал раскатистый хохот ватча, который был прямо-таки вне себя от восторга, наблюдая, как люди, скользя и падая в грязь, потащили назад свое промокшее барахло и с грохотом закрыли шлюз. А ливень продолжал яростно барабанить по корпусу «Удачи».

Глава 11

— Ну что ж, теперь мы твердо знаем одно, — мрачно подвел итоги капитан. — Ватч явно желает, чтобы мы оставались в корабле.

Гот, с восхищением глядя на капитана, сказала:

— Никогда бы не подумала, что на свете существует столько ругательств и проклятий!

Хронометр показывал, что прошел уже час с тех пор, как начался ливень, однако дождь и не думал прекращаться, хотя лил уже с меньшей яростью. Территория в непосредственной близости от «Удачи» превратилась в неглубокое озеро. Капитан потянул носом, словно пытаясь уловить некий запах.

— Ты уверена, что не релируешь его? — спросил он у Гот. Та покачала головой:

— Насколько я понимаю, он убрался отсюда почти час назад. А ты что-нибудь релируешь?

Капитан помедлил с ответом.

— Нет, — сказал он в конце концов. — Однако… У меня какое-то странное чувство… Слушай, ты что-то засиделась — давным-давно пора спать! Отправляйся-ка в каюту и ложись, утром тебе

надо быть в наилучшей форме. А я еще немного посижу, покурю. Если этот надутый космический клоун опять появится, я дам тебе знать.

— Надутый космический клоун… Неплохо сказано! — и Гот выскочила из рубки.

Капитан достал сигарету и отсутствующим взглядом скользнул по экранам. Дверь между рубкой и остальными помещениями была закрыта: Гулик и Веццарн решили спать в носовой части корабля, прямо на полу. Принимая во внимание затеянную ватчем мощную грозу — не говоря уж обо всех других приключениях, выпавших на их долю, — капитан просто не решился предложить им спать в каютах. С другой стороны, ночь все еще могла преподнести такие сюрпризы, которых ни Гулик, ни Веццарну лучше не видеть вовсе. Веццарн и без того помогал капитану перетаскивать сейф из грузового отсека с помощью корабельного крана и устанавливать его у переборки. Это тоже не способствовало восстановлению у Веццарна душевного равновесия.

Вокруг царила какая-то «ватчевая» атмосфера. Не присутствие самого ватча, но что-то с ним связанное. Сейчас капитан никого не релировал. Гот выдвинула гипотезу, что его частые контакты с ватчем вызвали у него способность

воспринимать и какие-то иные сигналы либо проявления клатха-сущностей. Вот и сейчас он явно воспринимал некие подобные сигналы, и эти ощущения все усиливались. Самый лучший способ описать их — сказать, что перед глазам у него мелькает некий проблеск черного света или сгусток блестящей тьмы, который находится в постоянном движении, все время меняет форму, и потому изображение представляется несколько смазанным.

Из динамиков снова донесся раскат грома, и капитан отключил их, а экраны переключил на более широкий обзор. За исключением нескольких кудрявых тучек на востоке, небеса совершенно очистились. Правда, только на расстоянии пяти-шести миль от «Удачи», ибо рой дождевых туч, собранных ватчем, продолжал висеть прямо над кораблем…

Видимо, тот сгусток тьмы был связан именно с грозовыми тучами. Капитан отложил сигарету и попытался с помощью верхнего экрана рассмотреть слой, находившийся чуть выше облаков. Может быть, здесь?..

Да, здесь оно и находилось! Нечто очень странное — невидимое, неощутимое, однако вполне реальное. Более того, оно напоминало имен-

но сгусток черноты неправильной формы и постоянно менявшийся, ибо внутренность его представляла собой как бы сплетение различных движений и потоков.

Это, видимо, был след ватча, который тот оставил на Карресе после своего отлета. Недостаточно четкий след, чтобы его можно было релировать, однако вполне способный удерживать грозовые тучи прямо над «Удачей»… И вдруг капитан почувствовал, что пытается «дотянуться» до этого сгустка черноты!

Он почти достал до пятна, и тут его опалило жаром. Испепеляющий жар исходил из самой сердцевины постоянно менявшего свои очертания сгустка тьмы. То была энергия ватча, живая клатха!..

Капитан мысленно приказал пятну: «Двигайся!»

И оно действительно стало сдвигаться вбок!

Капитан удвоил усилия. След, оставленный ватчем, продолжал сдвигаться к югу. Минут через десять дождь внезапно ослабел, потом прекратился вовсе. Ночное небо над кораблем очистилось от облаков. Но буквально в четверти мили к югу дождь продолжал лить с прежней силой.

«Стой здесь!» — мысленно приказал капитан следу ватча.

Пока пятно отодвигалось от корабля, капитан почувствовал наличие поблизости второго, гораздо меньше и слабее первого. Посерту хватило нескольких минут, чтобы определить, где расположился второй след. Оказалось — прямо в машинном отделении «Удачи»! Точно такой же сгусток тьмы, внутри которого бесшумно и безостановочно крутились потоки энергии. След был оставлен над силовой установкой и в любой момент мог свести на нет попытку поднять корабль с земли.

Чуть погодя на фоне чистого ночного неба повис кусок скалы; он медленно вращался, чуть покачиваясь. «Камешек» был немаленький: «Удача» вполне поместилась бы в дыре, которая осталась после него в поверхности планеты, когда минуту-две назад он неожиданно устремился вверх. И висел он на весьма приличном расстоянии от земли. Мили полторы, прикинул капитан, наблюдая за экраном.

Он заставил глыбу дважды перевернуться в воздухе, поднял ее повыше, потом вновь опустил, а потом велел ей подскочить еще на полмили вверх.

Тут у него за спиной кто-то изумленно присвистнул.

— Чем это ты занимаешься? — шепотом спросила Гот.

— Использую некоторую часть свободной энергии ватча, которую обнаружил поблизости. Этот паршивец нарочно оставил здесь свой след, чтобы держать нас под дождем.

— А ты что угодно можешь с ним сделать?

— Не знаю. Предложи что-нибудь покруче!

— Тогда запусти этот обломок прямо в космос! — И глыба просто исчезла.

— Надо полагать, камешек улетел и продолжает лететь, — задумчиво проговорил капитан некоторое время спустя. — А теперь попробуем кое-что еще…

Гот не стала спрашивать, что именно. Она лишь напряженно следила за тем, как Посерт перемещает видимое на экране черное пятно на землю, вблизи корабля. К северу от «Удачи» на склоне холма высилось огромное дерево. Капитан сфокусировал на нем изображение и почувствовал, как энергетическое пятно вплотную приблизилось к дереву. И остановилось, ожидая приказа и готовое к действию.

Он отдал мысленный приказ и стал ждать ре-

зультата.

Но ничего не произошло. Тогда он переместил пятно на небольшой куст и повторил свой приказ. Куст исчез.

Гот издала слабый вопль. Затем неуверенно спросила:

— Это ты его во времени переместил?

— Да, — ответил капитан, совсем не удивившись тому, что она все поняла правильно. Он прокашлялся. — Боюсь только, что нам это все равно не поможет.

— Почему? Великий Патам! Да если…

— Я пробовал переместить в будущее вон то большое дерево, но оно и с места не двинулось. Для такой массы, видимо, энергии в этом пятнышке маловато… Давай-ка попробуем другое дерево, поменьше и поближе к нам…

Но и для этого дерева энергии оказалось недостаточно. Капитан сформулировал другой мысленный приказ, и дерево выскочило из земли. Когда же оно упало обратно, они увидели, что верхняя треть его кроны исчезла. Вот и все, к чему привели усилия капитана.

По всей видимости, для перемещения объектов во времени требовалось гораздо больше энергии, чем для перемещения в пространстве. И было

невообразимо трудно представить себе то количество энергии, которое потребовалось бы для того, чтобы перенести в нужное время «Удачу» со всем ее экипажем…

— Что-то тут не так, — сказал капитан, не в силах скрыть разочарование. — Ладно, больше пока не будем экспериментировать. Надо все привести в прежнее состояние, пока не появился ватч.

Он перенес сгусток энергии как можно ближе к кораблю, насколько это позволяли обзорные экраны. На таком расстоянии и он, и Гот четко его релировали. Лицо Гот стало вдруг очень напряженным, и капитан решил, что юная ведьма привела в действие все свои «антенны» для приема клатха-энергии, стараясь уловить любые возможные ее проявления. Примерно через минуту она отрицательно помотала головой.

— Больше ничего не могу обнаружить, — сообщила она. — Знаю, что пятно здесь, потому что релирую его, но это все.

Она пока что не умела направлять энергию по своему усмотрению. Видимо, для этого требовалась способность четко воспринимать и ощущать присутствие любого вида клатхи. Гот не слыхала о ведьмах, которые обладали бы подобной способностью, что, впрочем, отнюдь не означало,

что таких ведьм не существует вовсе.

Капитан подробно описал Гот, как именно он ощущает присутствие разных видов клатха-энергии, и она ответила, что, согласно распространенному среди ведьм мнению, ватчи тоже могут проявляться как иные виды энергии.

— Как бы это использовать? Идей нет?

— Пока нет, — ответил капитан. Они помолчали.

— Может, в будущем эта штука нам и пригодится, раз уж мы поняли, что ею можно управлять, — заметил капитан. Он еще больше сместил изображение пятна, направляя его к кораблю. — Видимо, нам лучше вернуть грозу на прежнее место, пока тучи совсем не рассеялись.

Гроза, предоставленная самой себе, между тем постепенно уходила на восток; но энергия ватча сумела перехватить ее и притянуть обратно к «Удаче». Через несколько минут они снова увидели на экранах стену дождя; водяные струи опять забарабанили но обшивке.

До заката оставался примерно час, когда капитана, прикорнувшею прямо в рубке на кушетке, разбудила Гот, подав сигнал тревоги. Он тут же релировал присутствие ватча. Капитан откинулся на подушку и попытался расслабиться. Это

оказалось непросто. Присутствие ватча ощущалось не слишком сильно, однако в любой момент ситуация могла измениться самым непредсказуемым образом.

Пока же ничего особенного не происходило. Ощущение оставалось довольно слабым, затем как будто чуть усилилось, потом снова ослабело настолько, что почти пропало. Гот сидела тихо. Капитан начал уже сомневаться в том, что ватч все еще здесь. И тут внезапно почувствовал его совсем рядом. Ватч некоторое время кружил вокруг, потом снова удалился, и до капитана донеслись раскаты его громового голоса.

Так продолжалось некоторое время. Могучее клатха-существо продолжало то удаляться от них, то приближаться. Капитан терпеливо ждал, гадая, что случится дальше. Что-то в поведении ватча выдавало его нерешительность. А в его голосе можно было уловить нотки неудовольствия, разочарования и даже ворчливой жалобы.

Капитан осторожно покашлял. Ватч больше не обращался к нему напрямую — видимо, понял, что уже не может читать его мысли. Вероятно, он даже подозревал, что сам виноват в этом, нечаянно что-то нарушив, или же считал, что на его пути возникла некая преграда неизвестного ему типа.

Поэтому капитану следовало соблюдать осторожность, чтобы ненароком не обидеть ватча, что, по всей видимости, сделать совсем нетрудно. Ссора с ватчем при сложившихся обстоятельствах означала бы для них полную катастрофу.

Капитан еще раз осторожно покашлял. Ватч был совсем рядом.

— Ватч! — громко окликнул он, и ему показалось, что ватч замер. — Ты меня слышишь?

В ответ раздалось неразборчивое ворчание. То ли удивленное, то ли подозрительное. Но прямого ответа так и не последовало. Затем ватч медленно приблизился к нему…

Он подошел совсем близко, казалось, ватч возвышается, словно бесформенная черная гора на фоне ночного неба. Сквозь него лил дождь. И опять у капитана возникло ощущение, что с самой вершины этой горы на него смотрят два огромных зеленых прищуренных глаза. И еще он вдруг ощутил нечто совсем иное… Видимо, замечание Гот о том, что ватчи могут появляться в самом неожиданном виде, было справедливым. Гигантская гора тьмы, казалось, вся состояла из бесчисленных клубящихся потоков энергии, следовавших непредсказуемыми и бесконечно меняющимися путями. Энергетические следы,

которые ватч оставил на Карресе, чтобы держать «Удачу» и ее экипаж на месте, пока он отсутствует, могли быть просто крошечными частицами его «тела».

— Я знаю, как уничтожить Моандера, — сказал капитан, обращаясь к нависшей над ним горе мрака.

Грохочущий голос снова что-то забормотал — то ли ватч выражал свое неудовольствие, то ли задавал вопрос.

— Тебе нужно всего лишь перенести «Удачу» вместе с нами и с Синергайзером на Каррес, в его настоящее, — продолжал капитан. — Во времена Моандера…

Ватч молчал, зеленые глаза взирали с высоты на капитана. Ведьмы Карреса, сообщил Посерт, знают способ, которым можно разрушить власть и могущество Моандера, но для этого им необходим Синергайзер. Они обладают знаниями и возможностями, которых нет ни у самого капитана, ни у кого-либо из экипажа его корабля, — но именно эти знания необходимы, чтобы победить Червивую Грозу. Прибытие корабля будет решающим ходом в этой игре…

Черная гора зашевелилась, и раздался оглушительный хохот. Корабль закачался, задрожал от

мощного порыва ветра, который быстро умчался прочь. Ватч тоже исчез…

Гот показалась из своей каюты. Капитан поднялся ей навстречу.

— Не знаю, хорошо это или плохо, — сказал он, — но теперь можно ожидать от ватча хоть каких-то действий!

Гот кивнула. Глаза ее расширились и были сейчас, как два темных колодца.

— Да, теперь он непременно что-нибудь предпримет, — сказала она. — Хотела бы я знать, что именно!

— Я тоже, — заметил капитан. Он уже проверил, в порядке ли сейф с Синергайзером. Сейф по-прежнему стоял у переборки.

Гот предположила:

— Наверное, он отправился в будущее, чтобы узнать, что ведьмы сделают с этой штуковиной, если ее получат.

— Возможно. — Капитан почесал затылок. Он все еще не мог забыть жуткий хохот ватча. Мало ли какая идея могла у него возникнуть, пока капитан втолковывал ему свой план. Капитан глянул на хронометр: — Ладно, подождем. Ночь почти на исходе…

Они сидели у экранов, следя за тем, как светле-

ет небо, залитое потоками дождя, и ждали, когда вернется ватч. Интересно, что он еще может выкинуть?

— За последнее время мне не раз пришлось пожалеть, что я не оставил тебя на Карресе — в безопасности, с родителями, с Малин и Ливит, — проговорил вдруг капитан.

— Ну уж нет! — заявила она. — Если бы я за тобой не присматривала, ты бы такого наворотил!..

— Возможно. — согласился капитан. Потом снова посмотрел на хронометр. — Есть не хочешь? — спросил он. — Сидеть здесь совершенно бессмысленно — это ничего не изменит и не ускорит. А между тем пора бы позавтракать.

— Это можно, — сказала Гот и выбралась из своего кресла.

Они обнаружили Гулик и Веццарна на полу в соседнем помещении. Оба крепко спали, завернувшись в одеяла. Капитан вспомнил, что Гулик принимала снотворное, а Веццарн тоже попросил у нее таблетку. Решено было оставить спящих в покое, однако, пока он готовил еду, они проснулись сами и тут же с удовольствием приняли приглашение позавтракать.

Когда они заканчивали завтрак, на борту «Удачи» появилась Ливит.

Раздалось гудение, искра ледяного мрака мгновенно проскочила через рубку и исчезла. Не более секунды капитан отчетливо релировал присутствие ватча, но это ощущение тоже исчезло. И тут Гот окликнула его.

Тонко и коротко вскрикнула Гулик. Резко повернувшись в кресле и едва не вылетев из него, капитан вздрогнул и замер: перед ним на полу лежала Ливит.

Да, это была младшая дочь Толл. Вот она перевернулась на живот, встала на четвереньки, постояла так немного, посверкивая глазами из-под гривы спутанных светлых волос, точно сердитый маленький зверек… Но Гот уже спешила к ней.

— Быстро! Контакт-речь! — Эти слова Ливит произнесла своим высоким детским голоском как приказ, и Гот тут же упала на колени рядом с сестрой. Капитан услышал скрип кресел и быстрые шаги. Он оглянулся: Гулик и Веццарн поспешно покидали рубку. Гот обняла Ливит и привлекла к себе, прижав свою правую ладонь к виску Ливит, а ладонь Ливит к своему виску. Они оставались в таком положении с минуту. Потом маленькое тельце Ливит осело, и Гот опустила сестру на пол. Она перевела дыхание и поднялась на ноги.

— С ней все в порядке? — хрипло спросил капитан.

— Конечно! Это Толл ее прислала, — ответила чуть растерянно Гот.

— Толл?

— Ну да. Она со мной сейчас говорила через Ливит. Контакт-речь. Толл сообщила много интересного… — Она оглянулась вокруг, схватила в охапку одеяла, которыми укрывались ночью Гулик и Вещцарн, и попросила: — Помоги-ка мне завернуть Ливит. Ее нужно поскорее закрутить в пять-шесть одеял, пока она не пришла в себя!

Капитан стал помогать ей. Ливит лежала на боку, закрыв глаза и подтянув колени к подбородку.

— А зачем ее заворачивать? — спросил он.

— Быстрее!.. Ватч принес ее по Пути Эггера. Жуткая вещь! У нее сейчас будет три приступа подряд. Приступы долго не продлятся, но удержать ее будет трудно.

Они буквально закатали Ливит в несколько одеял, и Гот велела капитану:

— Голову поплотнее закрой!

— Она ж дышать не сможет!

— А она сейчас и не дышит, — сказала Гот, явно ничуть не обеспокоенная. — Давай, давай, вот

как нужно!

Когда спеленутая Ливит превратилась в нечто вроде кокона, они опустились на колени по обе стороны от нее, и Гот прижала к полу плечи сестры, а капитан — ее спеленутые щиколотки.

— Вот-вот начнется! — предупредила его Гот.

— А пока расскажи, что произошло, — попросил капитан.

— Нет, сперва о том, что должно произойти, — возразила Гот. — Ливит нельзя этого слышать, потому что она еще не умеет ставить замок, тем более от ватча. Они скоро придут за нами. Не знаю точно, когда они это сумеют, но доберутся непременно!

— Кто доберется?

— Толл и остальные. Все, кого можно отпустить. Их будет немного, потому что война с Моандером уже идет. Манарет сейчас в Тарк-Немби, как я и думала. А наши пытаются к нему пробиться. В настоящий момент Каррес как раз прорывается сквозь сеть окружающих Манарет силовых полей, и там столько нури, что звезд не видно…

Положение, видимо, было отчаянное. Но Гот успокоила его, сказав, что ведьмы уже пустили в ход свое новое оружие. Ведьмы пытались осуществить свой давнишний план с использованием

Синергайзера, однако времени не оставалось, и они решили не ждать прибытия Олими. Им пришлось смириться с мыслью о том, что Олими либо попал в засаду, либо погиб. Но теперь, узнав, что произошло, ведьмы бросили все свои силы на решение одной проблемы: отследить ту часть Пути Эггера, которой воспользовался ватч, чтобы отправиться в отдаленное прошлое. Толл все еще поддерживала связь через Ливит, хотя и очень слабую, так что ведьмы будут точно знать, в какую точку прошлого направляться поисковому отряду. А прибыв сюда, сразу возвратятся обратно, прихватив с собой «Удачу» с экипажем.

— Они способны переправить целый корабль по Пути Эггера?

— Конечно! Об этом не беспокойся. По Пути Эггера можно переместить хоть целое солнце, правда оно еще до прибытия в пункт назначения превратится в сверхновую.

— А ватч?

— Кажется, он все сделал наоборот. Ты сказал ему, чтобы он перенес Синергайзер к ведьмам, а он вместо этого переместил ведьму к Синергайзеру.

— Ты имеешь в виду Ливит? — спросил пораженный капитан. — Может быть, Толл сама

заставила его сделать это?

— Нет, — сказала Гот, — никто и не подозревал, что гигантский ватч крутится возле Карреса, пока ватч не подхватил Ливит. Вокруг планеты сейчас такое скопление бурных пересекающихся потоков клатха-энергии, что туда собралось множество более мелких ватчей, привлеченные происходящим, так что даже ватч-гигант остался среди них незамеченным. Но, заметив исчезновение Ливит, Толл все поняла и тут же бросилась вдогонку. Она сотворила клатха-крюк, которым зацепила ватча и тут же установила линию телепатической связи с похищенной дочерью. Ей даже удалось догнать ватча, но, почувствовав присутствие ведьмы, ватч сразу же оторвался от нее.

— Теперь понятно, — кивнул капитан, ничему уже больше не удивляясь. Он был бы не против разобраться, что за эзотерические процессы нужны для изготовления клатха-крюка, способного зацепить гигантского ватча, и что это за линия связи, которую можно протянуть сквозь время, но пока воздержался от лишних вопросов.

Тут маленькое тельце, укутанное в одеяла и лежавшее между ними, исторгло жуткий вопль, от которого у капитана волосы встали дыбом, и

он чуть не ударился носом об пол, так сильно его бросило вперед. Ливит резко сложилась пополам, и капитан едва не выпустил из рук ее лодыжки. Потом обнаружил, что лежит на полу и судорожно пытается удержать нечто дергающееся и яростно брыкающееся. Все это Ливит делала с необычайной быстротой и силой. Вокальное сопровождение всех ее телодвижений, доносившееся из-под одеял, было столь же невероятным. Гот, упав на Ливит и обхватив ее руками, моталась по полу из стороны в сторону вместе с нею.

Потом Ливит внезапно затихла. Из-под одеял по-прежнему неслись гневные звуки, но то были уже обычные вопли Ливит, страшно чем-то недовольной, несколько приглушенные одеялами.

— У-у-ух ты! — выдохнула Гот, ослабляя свою хватку. — Вот это приступы! Теперь-то все в порядке, можешь ее отпустить…

— Надеюсь, она ничего себе не сломала! — Капитан все еще слегка задыхался, но, скорее, от удивления.

Гот широко улыбнулась.

— Да ей все нипочем, капитан! — Она хорошенько шлепнула сверток, наклонилась над ним и прокричала:

— Кончай свои вопли! Это я, Гот! Сейчас тебя

выпущу!

Вещцарна и Гулик капитан обнаружил в кают-компании. Он быстро успокоил их, кратко и довольно туманно рассказав о последних событиях, которые, возможно, ускорят их спасение, и вернулся в рубку, лелея надежду, что ему удалось внушить обоим, что способ прибытия сюда Ливит, а также ее вопли и весь этот шум — вещи вполне обычные и отнюдь не повод для беспокойства. Они с большой готовностью согласились пока оставаться в кают-компании.

Гот и Ливит между тем с невероятной скоростью обменивались информацией о последних событиях — трещали как сороки, сидя на полу среди разбросанных одеял.

— У них теперь скопилось столько клатха-энергии, что тебе и не снилось! — захлебывалась от возбуждения Ливит. — Они… — Заметив капитана, она сразу же смолкла.

— Можешь его не стесняться, — успокоила ее Гот. — Капитан теперь и сам все знает.

— Да ну!

Когда они распутали одеяла и Ливит наконец выбралась, извиваясь, как угорь, наружу, то первым ее побуждением, видимо, было обвинить именно капитана во всех выпавших на ее

долю злоключениях, ведь она ничего не знала о контакт-речи и переговорах Толл и Гот: Толл просто использовала младшую дочь для передачи информации, «включив» ее, как включают корабельный интерком. Так, во всяком случае, понял капитан. По сути дела, Ливит ничего не помнила о своем полете с того момента, как релировала гигантского ватча и одновременно почувствовала, что это могущественное чудище уносит ее куда-то прочь от Карреса. Содрогаясь, она вспомнила только, как ее повлекло по Пути Эггера и началось жуткое путешествие во времени и пространстве. Однако подробности полета в ее памяти были как бы смазаны, как и у всех, кто пользовался Путем.

Взгляд, который она бросила на капитана, когда он опустился возле нее на корточки, был не слишком приветливым, однако она все же снисходительно похвалила его:

— Говорят, ты быстро во всем разобрался.

— Ну, далеко не во всем! — заметил капитан. — Хотя я действительно начал кое-что понимать. Но одного уразуметь не могу — как этот ватч…

— А что — ватч? — быстро спросила Гот.

— Ну, у меня было такое ощущение, что когда он сбросил Ливит, то рванул отсюда так, словно

опасался, будто Толл его догонит.

Тут Ливит бросила на него удивленный взгляд.

— Но он и впрямь боялся, что Толл его догонит! — сказала она.

— Но это же был гигантский ватч! — заметил капитан.

Ливит по-прежнему пребывала в недоумении. Гот задумчиво почесала кончик носа и пояснила:

— Капитан, если бы я, например, была гигантским ватчем и Толл вдруг на меня за что-нибудь разозлилась, я бы тоже улепетывала так, что только пятки сверкали!

— Вот именно! — с суровым видом поддакнула ей Ливит. — Она бы его наизнанку вывернула!

— Вот как? — Капитан был потрясен. — Я и не предполагал, что ватча можно одолеть…

— Ну, это по силам немногим, — признала Гот.

— А Толл быстренько с ватчами расправляется, когда не в духе! — сообщила Ливит.

— Интересно! — сказал капитан. Потом, подумав, спросил: — Тогда, может, мы от него избавились?

Гот с сомнением покачала головой.

— Не уверена. Они ведь страшно упрямые. Скорее всего, ватч скоро вернется и станет

потихоньку вынюхивать, нет ли поблизости Толл. Хотя, конечно, некоторое время он ничего предпринимать не станет… — Она критически посмотрела на растрепанную Ливит. — Пойдемка, дорогая, причешемся! — сказала она ей. — У тебя не голова, а помело!

Они ушли, а капитан походил у экранов, уселся в кресло у пульта управления, задумчиво почесал подбородок и начал в порядке эксперимента релировать ватча. Нет, никого. Капитан вспомнил, с какой жуткой скоростью ватч промчался сквозь корабль, спасаясь от преследования одной-единственной ведьмы, хоть и разъяренной. Вывернуть ватча наизнанку… Ничего себе! Капитан покачал головой. Ну что же, Толл — признанный мастер своего дела, великая колдунья, если судить по тому, что о ней говорят.

Капитан подпер щеку кулаком и еще больше задумался. Никто не знает, когда Путь Эггера вновь загудит и принесет сюда полчища ведьм, способных перебросить Синергайзер, «Удачу» и экипаж на воюющий Каррес — и более чем на триста тысяч лет вперед. Может, через минуту, а может, через час. Возможно, и через несколько дней. Никто также не знает, когда нетерпеливый и любопытный ватч обнаружит, что поблизости

нет ни одной разъяренной матери-ведьмы…

Мысленно капитан перенесся в машинное отделение «Удачи», на загадочно-неисправную силовую установку, и почти сразу ощутил присутствие там маленького и уже знакомого ему сгустка тьмы с сердцевиной в виде крутящихся энергетических потоков, который невозможно обнаружить простым взглядом. То был один из самых мелких следов папа, в котором энергии оказалось вполне достаточно, чтобы полностью парализовать двигатели корабля.

Что же в таком случае представляет собой столь нематериальная штуковина, как клатха-крюк, способный прочно «зацепить» такую же нематериальную сущность — ватча?

Пахнуло невыносимым жаром… Перед мысленным взором капитана мелькнула искорка, подскочила, мотом замерла на месте, кипя от напряжения… Капитан сфокусировал изображение и ощутил нечто вроде туго натянутой тончайшей нити, соединявшей его и этот сгусток клатха-энергии, причем напряжение в «нити» продолжало усиливаться…

Вот, значит, что такое клатха-крюк! Он шумно, с облегчением вздохнул и мысленно потянул за нить, приближая к себе искру черного огня,

пока та не повисла, кипя и крутясь, над пультом управления метрах в полутора от него.

«Оставайся здесь!» — приказал искорке капитан и освободил крюк. Она послушно продолжала висеть над пультом. Теперь он явственно релировал ее ватчевую сущность, хотя и довольно слабую. Потом вновь зацепил ее клатха-крюком и снова отпустил…

Стало быть, и он теперь может делать такие крюки? А вдруг он и сам способен «вывернуть ватча наизнанку»? Пока, правда, в этом не было никакой необходимости. Искра клатха-энергии могла послужить удобным рабочим инструментом, имеющим вполне определенную, хотя и ограниченную мощность, стать миниатюрным дубликатом управляемого им ватча. Он уже обнаружил несколько способов, как заставить этот инструмент работать. Интересно, что еще он может делать?

Капитан продолжал рассматривать черную искру, рассеянно слушая разговор Гот и Ливит за переборкой. Они вели беседу тихими, напряженными голосами… Вывернуть ее наизнанку? Расколоть на части? Но так ее можно разрушить. Впрочем, поскольку это нематериальная сущность, с ней не должно ничего произойти.

У него в каюте в одном из ящиков стола валялась старинная курительная трубка. Он не брал ее в руки с начала полета сквозь Чаладур. Капитан мысленно представил себе эту трубку, мысленно же перенес ее изображение на столик перед пультом управления и снова сфокусировал свое внимание на искре энергии ватча.

«На это у тебя вполне хватит сил! Принеси мне трубку!» Эта мысль еще не погасла в его мозгу, как из черной искры выскочила еще более миниатюрная искорка, такая маленькая, что ее практически невозможно было заметить, исчезла и тут же вернулась. А на столике появилась трубка.

Стало быть, их можно разбивать на части! И эти части способны выполнять работу по отдельности! Так, а теперь…

— … вовсе не уверена в этом! — нарушил вдруг работу его мыслей тонкий голосок Ливит. — Да, я его чувствую, только очень слабо… Гнусная тварь!

Капитан поспешно оглянулся на распахнутую дверь. Они что там, релируют ватча? Ничего страшного, конечно, если Гот узнает о новом направлении его экспериментов, но вот Ливит…

«Слейтесь воедино! — мысленно приказал он

черным искрам, и меньшая тут же влилась в более крупную. — Вернитесь назад, откуда вы...» Но он даже приказ отдать не успел — искра уже снова повисла, крутясь, над силовой установкой в машинном отделении. Так что он оставил ее в покое.

— Капитан! — окликнула его Гот из-за двери.

— Да-да, я тоже его чувствую, Гот! — несколько неуверенно ответил он.

Пока что присутствие гигантского ватча едва ощущалось; мешало, видимо, большое расстояние и наложившиеся эманации той искорки энергии, что находилась в непосредственной близости от них. Итак, большой ватч вернулся! Как и предполагала Гот, он осторожно бродит вокруг, опасаясь новой встречи с Толл и ее клатха-крюками, способными обуздать даже его.

Ватч постепенно приближался. Сестры-ведьмочки сидели молча. Капитан тоже молчал. Вскоре он уже начал различать знакомое бормотание ватча, пока еще невнятное и прерывистое. Ватч явно пытался разобраться в сложившейся на корабле ситуации. Если он удостоверится, что его больше никто не преследует, то снова осмелеет...

Зачем он перенес Ливит сквозь время? Она, конечно, весьма способная ведьмочка, когда речь

идет о свисте и битье посуды. Кроме того, если верить Гот, у Ливит в арсенале имелись и более мощные акустические приемы, по эффективности вполне сопоставимые с нокаутирующим ударом крепкого кулака. Но эти ее способности явно не могли пригодиться для того, чтобы вернуть Синергайзер на Манарет — даже в обход Моандера, нури и мощных силовых барьеров, оберегающих Мир Червей.

Ливит, правда, обладала еще одним талантом — лингвистическим. Ведьмы вообще способны к языкам, а у Ливит была врожденная клатха-способность понимать любую речь. А Моандер, чудовище, божество из легенд о Мире Червей, на самом деле — всего лишь компьютер, который «говорит на тысяче языков». Хотя никто вроде бы толком не понимал, что это означает, но ватч явно это знал. Так что, видимо, именно лингвистические способности Ливит и послужили причиной того, что ватч решил включить ее в свои планы уничтожения Моандера с помощью капитана Посерта и его корабля.

Но разве он способен в одиночку просчитать все планы ватча и понять их суть, а также конкретную роль Ливит в их осуществлении? Нет, капитану такое не под силу. Манера, в которой

ватч разыгрывал свои игры, видимо, подразумевала, что он будет манипулировать своими игроками до тех пор, пока ситуация не станет критической — только тогда люди сами смогут сделать удачный ход… если им повезет. Но даже это не давало капитану никакого ключа к разгадке планов ватча. Если они проиграют, то безусловно погибнут, и тогда ватч наберет себе новых игроков. А поскольку это существо весьма капризное, никогда нельзя с уверенностью сказать, что ему не придет в голову нарочно завести своих игроков в безвыходное положение, а потом наслаждаться зрелищем их отчаянных попыток избежать гибели…

Капитан вдруг понял, что уже не релирует ватча, зато рубка вдруг начала медленно вращаться, очертания предметов расплылись, стали серыми, смазанными… Он сделал попытку выбраться из кресла и предупредить Гот, но и кресло, и рубка уже исчезли, и его понес куда-то крутящийся поток серого тумана — все быстрее, быстрее, сквозь бесконечное пространство, где вдали слышался, точно гром, развеселый хохот ватча…

Потом не стало слышно и хохота. Все исчезло…

— Попытайся сосредоточиться и слушать внимательно! — произнесло одно из двух существ,

то, которое стояло ближе и было крупнее. Голос его звучал очень настойчиво. — Мы все вместе оказались здесь благодаря петле времени. Сейчас я расскажу тебе, кто ты и кто мы — и ты все снова вспомнишь.

Капитан захлопал глазами — он действительно ощущал полное замешательство, но исключительно потому, что куда-то перенесся вдруг без всякого предупреждения и теперь находился вместе с двумя загадочными существами в некоем замкнутом пространстве, похожем на сферическую полость, зависшую как бы внутри плотного, постоянно движущегося тумана. То, на чем он стоял, казалось достаточно прочным, но ничего материального у себя под ногами он не видел. На некотором расстоянии от него, в тумане, раздавались какие-то громкие звуки, странный шум, все это тоже постоянно перемещалось, но никаких слов или мыслей он разобрать не мог.

Впрочем, его замешательство вовсе не было настолько сильным, чтобы забыть свое имя. Более того, капитан отлично помнил, как всего несколько мгновений назад в результате очередной выходки ватча его выдернуло из-за пульта управления кораблем, который, видимо, по-прежнему стоит на залитом дождем каменистом

склоне планеты Каррес и отдален от настоящего на триста тысяч лет.

Затем, поскольку странное создание говорило голосом Гот, капитан без особого труда сделал вывод, что это и есть сама Гот, просто изменившая свой облик. Что касается второго существа, более субтильного и похожего, скорее, на собаку, то оно молча стояло на четвереньках рядом с Гот, и, в общем, нетрудно было догадаться, что это Ливит.

Однако, подумал капитан, Гот, видимо, не случайно говорила о полном замешательстве… Что ж, сделаем вид, что так оно и есть. Значит, у Гот имеются на то веские причины.

— Да, — сказал капитан, прижимая ладонь ко лбу, — я действительно как-то странно себя чувствую… Кто вы?.. Что это?.. Где я оказался? И кто меня сюда… — Тут он заметил, что его собственная рука покоится в рукаве из богато изукрашенной синей материи, отделанной каймой из множества мелких сверкающих драгоценных камней. Капитан опустил глаза, чтобы получше рассмотреть свое новое одеяние, и заметил, что на грудь ему спускается длинная черная борода. Значит, он тоже полностью сменил обличье! Или форму.

— Тебя зовут, — торопливо продолжало первое

существо, — капитан Мунг; ты гвардеец императора Колотха Великого. А меня зовут Хантис. Я из племени натерби-спрайт. Мы с тобой давние знакомые. А это грик-пес. Его зовут Пул. Он…

— Грики, — перебило ее второе создание голосом Ливит, — прекрасно могут и сами о себе рассказать!

— Помолчи-ка, Пул! Этого грик-пса ты купил для императрицы по приказу императора, и мы везем его в столицу. Но в пути…

Капитан не сводил с нее глаз. Гот, видимо, упорно тренировалась, так что теперешние результаты были просто блестящи! Первоклассная работа! Даже на столь малом расстоянии он ни за что не сказал бы, что эта представительница народа натерби-спрайт — не настоящая. Он смутно припомнил галактическую легенду об этом племени. Сейчас Гот казалась маленькой, не выше самой Гот, хрупкой женщиной с очень смуглой кожей, одетой весьма скромно — тело ее было едва прикрыто какими-то зелеными лоскутками. Скулы у нее были высокие, а остренький подбородок выдавался вперед гораздо сильнее, чем у любой обыкновенной женщины. Рот был почти нормальным, но все лицо все-таки казалось совершенно нечеловеческим;

впрочем, форма головы тоже. Тонкий нос был едва обозначен, зато сильно заострен. Глаза были травянисто-зеленого цвета. Лицо обрамляла пушистая взъерошенная рыжая грива, а из нее торчали острые и подвижные, как у лисы, уши. Грик-пес тоже выглядел впечатляюще. Это был довольно мощный, во всяком случае, крепко скроенный зверь со светло-желтой шкурой и примерно такого же веса, как прежняя Ливит. Голова у него была огромная, круглая, как бы утопленная в плечи; морда темная, довольно свирепая; пасть клыкастая. Серые глаза очень напоминали глаза Ливит — они смотрели на капитана с той же холодной расчетливостью.

— А что, собственно, произошло, э-э-э, Хантис? — осведомился капитан. — Я как будто припоминаю, что я…

Представительница народа натерби-спрайт пожала плечами.

— Мы сами толком не знаем, капитан Мунг. Только что мы были у себя на борту, а потом вдруг оказались здесь! Это дворец великого Моандера! Он очень расстроен, потому что раньше был уверен, что никто и ничто не в состоянии сюда проникнуть. Ну а мы почему-то оказались здесь, должно быть, затерялись в петле времени.

Но Моандер почему-то считает, что мы шпионы, засланные его врагами. Он сейчас как раз занят дополнительным укреплением своего дворца-крепости, чтобы сделать его совершенно недоступным ни для кого, а особенно для тех, кто может воспользоваться тем же путем, что и мы. Но он обещал в ближайшее время пригласить нас в свою лабораторию и побеседовать с нами. Он…

— ГРРАЗИИМ! — оглушительно прогремело из тумана у них над головами. — Грразиим! Грразиим! Грразиим…

— Что это? — спросил капитан с видом раздраженным и надменным, как, по его представлениям, и должен был говорить капитан Мунг.

— Это Моандер общается со своими машинами, — объяснил грик-пес. — Для каждой машины существует отдельный язык; не знаю почему, но это так. «Гразим» означает «всем подразделениям». Моандер сейчас говорит со всеми своими машинами сразу. Так что его соглядатай, который к нам приставлен, сейчас нас не слышит. Если хочешь что-нибудь сообщить, говори!

— Кажется, она права, капитан! — торопливо сказала Гот-Хантис. — Ватч перенес нас прямо во дворец Моандера, да еще на триста тысяч лет вперед, то есть в нормальное время. Я его сейчас не

релирую, значит его тут нет. Что будем делать?

— Пока не знаю. А ты?

— Кое-какие идеи у меня имеются. Но довольно смутные. Мы ведь здесь всего несколько минут.

— Ватч, видимо, решил, что мы и сами в состоянии разобраться, что можно здесь сделать, — сказал капитан. — Так что давайте, шевелите извилинами! Если кто-то почувствует, что нас подслушивают, пусть произнесет, например, слово…

— Старкл! — предложил грик-пес.

— Как? Ну, ладно, пусть будет «старкл».

— Старкл! — рявкнул грик-пес.

Поскольку капитан не мог сам разобраться в этом оглушительном шуме, видимо, следовало полностью положиться на Ливит. Робот-шпион, приставленный к ним, теперь опять подслушивал. Гот-Хантис все время напряженно озиралась; ее длинные острые уши стояли торчком и весьма реалистично шевелились.

— Кажется, нас куда-то переносят, — сообщила она. — Наверное, в лабораторию Моандера…

Туман по-прежнему обволакивал сферическое пространство, в котором они находились. Должно быть, эта сфера была сформирована силовыми полями и теперь устремилась куда-то со все

возрастающей скоростью. Создавалось впечатление, что сфера стремительно несется вверх по склону какого-то гигантского сооружения на поверхности Манарета. Видимо, это было что-то вроде крепостной стены в замке Моандера, который капитан мельком видел на экране, когда беседовал с Чилом, принцем народа лирд-харьер. Туман вокруг них то темнел, то светлел, точно они передвигались из одного помещения в другое. До них доносились разные звуки — видимо, шум работающих машин, а на фоне этого грохота то вдалеке, то где-то рядом слышались команды самого Моандера.

Внезапно наступила полная тишина. Бескрайняя, мертвая, леденящая душу. В тумане время от времени проносились неведомые разноцветные промельки; сам туман, словно успокоившись, толстым слоем обволакивал теперь их сферу и едва колыхался. По всей вероятности, они вылетели за пределы крепости и находились теперь над Манаретом. И если бы Моандер, подумал капитан, сейчас решил отключить силовое поле, которое создавало и держало эту туманную сферу, никакой ватч, никакие ведьминские трюки не смогли бы спасти их от неминуемой гибели в безвоздушном пространстве.

Момент был неподходящий как для разговоров, так и для каких-либо действий. Гот и Ливит, видимо, чувствовали то же самое. Они застыли в неподвижном ожидании, а время текло — прошли минута, две, три… Неясные разноцветные промельки в тумане — видимо, под влиянием силового поля — все время сдвигались и изменялись. Что они означали, капитан не представлял. Они не могли даже понять, движется ли по-прежнему их сфера или нет.

Затем впереди вдруг разверзлась черная дыра, и сфера направилась прямо в нее. Мрак окутал их со всех сторон, наверное, с минуту не было видно ни зги, а потом сфера вновь вынырнула на свет, и буквально через мгновение капитан заметил, что туман вокруг быстро редеет. Сквозь него уже можно было различить какие-то предметы, а вслед за этим капитан понял, что сфера наконец перестала двигаться.

Они находились внутри чего-то, возможно, внутри огромного космического корабля, висевшего в пространстве над поверхностью Манарета. Созданная силовыми полями сфера оказалась совершенно прозрачной, и, как только последние клочья тумана рассеялись, капитан и сестры поняли, что их сфера зависла почти в самом центре

просторного высокого зала — они именно парили в воздухе, а не стояли на полу, который был виден сквозь прозрачные стенки сферы на некотором расстоянии от их ног.

Но стоило капитану понять это, как силовое поле исчезло, сферу слегка тряхнуло, и они опустились на пол.

Кроме него самого, представительницы народа натерби-спрай и грик-пса в зале, который был поистине огромен, оказались и другие гости, точнее, судя по их внешнему виду и полной неподвижности, золотые статуи, моделями для которых явно послужили самые разнообразные живые существа. Однако капитана не отпускала мысль, что это не просто статуи, а нечто совсем иное. Самая крупная из фигур сидела на чем-то, напоминающем огромный трон; капитан, Гот и Ливит стояли к этому трону лицом. Лицо божка, широкое, жестокое, напоминало своими чертами человеческое; пустые белесые диски, вставленные вместо глаз, казалось, смотрели прямо на непрошеных гостей. Статуя была огромная, она возвышалась почти до самою потолка и выглядела древней.

Круглый черный стол футов шесть высотой стоял почти в центре зала, шагах в десяти от

капитана. На нем, скрестив ноги, восседала еще одна золотая фигура. Эта была не слишком велика, примерно в половину человеческого роста. Статуя была сделана довольно грубо и представляла собой нечто вроде безглазой обезьяны. В поднятой правой руке обезьяна держала связку каких-то трубок, весьма напоминавших примитивные музыкальные инструменты типа флейты Пана. Слепая голова была повернута к ним лицом.

Остальные фигуры — их в зале было порядка тридцати или сорока, все абсолютно разные, — стояли или сидели в два ряда вдоль стен на расстоянии нескольких футов друг от друга и по обе стороны от капитана и ведьмочек. Почти все они были выше человеческого роста и почти все золотые. Белыми были только их глаза. Образцами для некоторых, в том числе и для фигуры воина с суровым, грозным лицом и с ружьем в руках, явно послужили представители человеческой расы; а напротив воина стояло золотое чешуйчатое создание, которое вполне могло оказаться статуей принца Чила из племени лирд-харьер, прежнего владыки Манарета. Остальные статуи не были похожи ни на одно из знакомых капитану существ. Большинство из

них нормальному человеку показалось бы просто воплощениями кошмаров.

Значит, это и есть лаборатория Моандера? Но кроме этих чудовищных статуй, в зале вроде бы больше ничего не было. Капитан посмотрел вверх. Потолок представлял собой большое окно или некий экран, сквозь который было видно космическое пространство, заполненное цветными бликами. Эти же блики они смутно различали, когда сфера, окутанная серым туманом, несла их сюда. Сейчас блики сияли жутковато и ярко, и капитан догадался, что это отражения силовых линий тех барьеров, которые создали Моандер и нури вокруг Мира Червей, между мертвыми солнцами Тарк-Немби. Наверху, в «окне», вдруг появилось нечто черное, закрыв собой цветной калейдоскоп силовых линий. Оказалось, что это металлическая поверхность самого Манарета. Видимо, сооружение, частью которого был этот зал, вращалось, поворачивая экран то в сторону космоса, то в сторону Мира Червей.

Ведьмочки застыли рядом с капитаном в своих «маскарадных» обличьях и осторожно озирались по сторонам. Потом он услышал шепот: «Старкл!»

Голова огромного воина у стены справа медлен-

но повернулась, и теперь его мрачное лицо было обращено к ним. Рука, сжимавшая ружье, поднялась и наставила ствол оружия на нежданных гостей Манарета. Затем статуя снова замерла. У капитана и сомнений не возникло в том, что оружие настоящее, а сам воин — часть какого-то боевого устройства, возможно не менее опасного, чем робот Шима. И не только воин был настроен враждебно: возле золотой статуи представителя племени лирд-харьер высилось нечто, напоминавшее птицу с длинной шеей, огромным клювом и множеством паучьих ножек. Птица тоже зашевелилась, подняла голову и нацелилась своим клювом в сторону капитана и девочек.

— Старкл! — тихо проговорил грик-пес. — Дважды старкл!

Ливит имела в виду явно не воина и не птицу-насекомое: она не сводила глаз с золотой фигуры обезьяны на высоченном черном столе. Сперва капитан ничего не заметил, но потом увидел, что рот обезьяны понемногу приоткрывается и оттуда доносятся слабые звуки!.. Но почему «дважды старкл»? Может быть, эти звуки что-то напоминают Ливит?

Да, — внезапно понял он, — это же голос самого Моандера! А обезьяна лишь воспроизводящее

устройство! Теперь и он расслышал, что тем же голосом, только гораздо громче, отдавались команды, сопровождавшие полет их сферы по крепости. Значит, компьютер и здесь продолжает подавать команды на разных языках, управляя своими машинами…

— Я — Моандер! — прогремело над ними.

Все трое одновременно вскинули головы. Голос исходил из гигантского идола, сидевшего на троне. Стоило им посмотреть в ту сторону, как глаза идола покраснели.

— Я — Моандер! — Это была уже другая статуя, стоявшая у правой стены в дальнем конце зала.

— Я — Моандер! — заявила статуя рядом с нею.

— Я — Моандер… Я — Моандер… Я — Моандер… — Эту фразу по очереди повторили все статуи у правой стены, потом ее принялись повторять статуи слева, пока очередь не дошла до самой последней золотой фигуры. Тогда обезьяна на столе, которая сидела все это время молча, повернула свою безглазую башку в сторону капитана.

— Я — Моандер, я — весть Моандера! — пропищала она тоненьким голоском, и безглазая ее голова повернулась к связке странных трубок, зажатых в руке.

— Да, — снова прогремел голос идола, — я — Моандер, и каждый из них — тоже Моандер. Но все совсем не так, как вам представляется, ведьмы! Смотрите вверх! Вверх!

Они подняли головы. На экране вновь возникла поверхность Манарета, где сейчас были видны укрепления Моандера, казавшиеся чрезвычайно внушительными. Чуть наклонные поверхности стен создавали впечатление, что это часть наружной обшивки корабля-планеты.

— Перед вами царство Моандера! Священное царство! — провозгласил идол. — И сам Моандер находится глубоко в его чреве. Он думает сейчас о вас, для вас звучит его голос! А в этом зале — изображения богов, которые Моандер в свое время разместит на множестве планет, чтобы тысячи тысяч смертных поклонялись великому Моандеру… Но самого Моандера вы здесь не увидите!

А теперь не двигайтесь и не произносите ни слова! Я знаю, кто вы. Я сразу почувствовал враждебную мне клатху, стоило вам возникнуть из глубин времен, и понял, что ваш нынешний облик — не настоящий. У вас иное обличье, ведьмы! И я знаю, что ваши мысли заблокированы от воздействия извне. И от меня, Моандера! Одного этого было более чем достаточно, чтобы понять,

кто вы!

Я выслушал нашу легенду. Будь вы действительно теми невинными существами, обличье которых приняли, вас бы сюда не допустили, а сразу отправили бы в инкубатор и скормили моим рабам нури, ибо они вечно голодны и жаждут живой плоти смертных.

Мои враги не раз проникали сюда. Многие стояли там, где сейчас стоите вы, пред ликами Моандера. Некоторые пытались оказать сопротивление. Однако в итоге им приходилось сдаться на мою милость. Для этих все кончилось хорошо — они стали частью великого Моандера, и то, что знали они, теперь знаю я…

Голос внезапно умолк. Обезьяна на черном столе, молчавшая, пока говорил идол, опять что-то тоненько заговорила. Теперь капитан понял, что трубки у нее в руке — просто передатчик, через который приказы Моандера транслируются в крепость, где усиливаются до оглушительной громкости, превращаясь в окрики-команды, с помощью которых он и управляет своими машинами. Обезьяна продолжала бормотать еще секунд сорок, затем замолчала, и снова заговорил идол:

— Сейчас я не могу уделить вам должного

внимания, ибо ведьмы, ослепленные безумием, собрав огромные силы, вторглись в Тарк-Немби. Однако я уверен: вас специально послали сквозь время, чтобы отвлечь меня. Нури нуждаются в моем руководстве, и они завершат уничтожение проклятого мной мира!

Голос вновь прервался. Обезьяна что-то пробормотала и тоже умолкла.

— … в бой! — эхом прозвучало от гигантского трона. — Откройте же мне свои мысли и влейтесь в великий Моандер. Разделите его славу! Если же вы откажетесь, то умрете на месте ужасной смертью!..

Голос прервался в третий раз. Обезьяна заверещала: «Гразим! Гразим! Гразим!» — сигнал внимания для всех машин. Стараясь не дышать, капитан скосил глаза в сторону ведьмочек — те напряженно смотрели прямо на него. Гот чуть заметно кивнула. Ливит в образе грик-пса вся подобралась. Капитан протянул руки, собака прыгнула, и он ее поймал, еще успев заметить, как во время прыжка она превратилась в Ливит. С Ливит на руках он стремительно метнулся к черному столу, на котором восседала болтливая обезьяна. Справа и слева тотчас же зазвенел металл, загрохотали взрывы…

Обезьяна умолкла еще до того, как он достиг стола, и застыла, скрестив ноги, с отвисшей челюстью. Потом ее рука, державшая передатчик, вдруг отделилась от тела и упала на столешницу. Звуки падающих металлических предметов слышались теперь со всех сторон — это продолжала действовать Гот. Капитан поставил Ливит на стол, схватил отвалившуюся золотую руку с передатчиком и сунул ее девочке. Юная ведьма схватила передатчик обеими руками и со всхлипом перевела дыхание.

И тут раздался… нет, это невозможно назвать звуком! Словно острый ледяной кинжал вонзился им в барабанные перепонки и застрял где-то в мозгу, чуть дрожа от напряжения! Потом болезненное ощущение усилилось и вскоре завершилось дробью бьющегося стекла. Жуткая боль в голове прекратилась. Капитан увидел, что Ливит сидит на столе рядом с обезьяной, и та по-прежнему отвесив челюсть, мрачно смотрит на вдребезги разбитый передатчик.

— Так я и знала! — воскликнула Ливит.

Капитан огляделся. Голова кружилась и гудела. Гот в своем нормальном обличье подбежала к нему. Статуи по обе стороны зала пришли в полную негодность: золотой воин сурово взирал

на них из груды лома, в которую превратилась его фигура; голова птицы-насекомого поникла на сломанной шее, а с клюва ее на пол стекали, как слезы, капли жидкого огня; дисковидные глаза огромного идола вообще исчезли, а из зиявших на их месте дыр валил дым, закручиваясь кольцами.

Потолочный экран показывал не укрепления Моандера, но часть поверхности Манарета. Видимо, скоро должна была появиться и крепость. Капитан поглядел на Ливит. Она, видимо, «обсвистывала» передатчик добрые десять секунд, прежде чем он рассыпался в прах! И все эти десять секунд ее разрушительный свист, чудовищно усиленный трансляторами, гремел во всех уголках крепости, где все машины и устройства были настроены на прием сигналов передатчика…

— Вон она, смотрите! — сказала Гот, указывая пальцем. Они подняли глаза и увидели, как крепость постепенно заполняет экран. Только это была уже не крепость, а развалины, сплошь покрытые трещинами, из которых вылетали языки огня. Чуть дальше очертания бывших укреплений расплывались, исчезали, медленно перемещаясь по экрану. Титаническая конструкция на глазах превращалась в гигантскую гору

обломков…

Ливит захихикала.

— Здорово мы его отделали! Тоже мне, «священное царство»! — Она вдруг склонила голову набок и повела носом. — А вот и ваш знакомый.

Да, это был старина ватч! Как всегда, возникший ниоткуда, стоило пасть силовым барьерам вокруг Манарета. Сгусток тьмы, облако невидимой энергии, источник грохочущего смеха…

— АХ, КАКОЙ ИГРОК МНЕ ПОПАЛСЯ! МОГУЧИЙ ПРОТИВНИК ПОВЕРЖЕН В ПРАХ! НУ А ТЕПЕРЬ ВАМ, ДРУЗЬЯ-ФАНТОМЫ, ПОРА УВИДЕТЬ, КАКУЮ НАГРАДУ ВЫ ЗАСЛУЖИЛИ!

На сей раз не было ни размазанных силуэтов, ни полета сквозь серое ничто. Капитан увидел, что находится в знакомом полутемном зале, а справа стоят Гот и Ливит. Перенос произошел мгновенно. Стены по обе стороны зала были сплошь заняты рядами приборов — от гладкого черного пола до едва видимого в вышине сводчатого потолка. Капитан был здесь всего один раз, да и то лишь как изображение, мысленно переданное ему принцем Чилом. Центральный пост управления Манарета, где и должен находиться Синергайзер.

И еще капитану сразу стало ясно, что на цен-

тральном посту царил полный хаос, все смешалось и перепуталось, ибо все системы управления Манаретом Моандер сосредоточил в своей крепости, и, как только крепость пала, управление было полностью нарушено. Однако лирд-харьер, видимо, были давно готовы к этому…

Сияющая холодным серым светом сфера внезапно появилась в воздухе, на высоте футов тридцати. От нее исходило ощущение ужаса, казавшееся почти материальным; и лишь благодаря этому ощущению капитан догадался: сияющая сфера и есть тот огромный «камень», — Синергайзер, возвратившийся наконец на свое место и полностью изменивший свой облик. Секунду спустя, вспыхнув, включился огромный экран в центре зала, и на нем появилось чудовищно увеличенное изображение покрытой красной чешуей головы. Золотисто-зеленые глаза некоторое время неотрывно смотрели на Синергайзер, потом их взгляд переместился на три человеческие фигурки, стоявшие рядом с ним. Капитан был уверен, что это сам принц Чил; и действительно, вскоре услышал знакомый мысленный голос:

«Не двигайтесь, союзники! Ради вашей же безопасности!» Что-то изменилось вокруг них;

воздух словно сгустился, потяжелел, стал вязким. Даже поднять руку стало почти невозможно. А неведомая тяжесть все больше и больше давила на них сверху, хотя воздух оставался абсолютно прозрачным. Краем глаза капитан заметил мгновенную вспышку — Синергайзер поднялся к сводчатому потолку, по всей верхней части зала разлилось бледное сияние, и безумный треск взбесившихся приборов сменился ровным спокойным гулом.

Теперь ватч, не скрывая любопытства, тоже переместился поближе, повис над залом.

Гигантский ватч прямо-таки ходуном ходил от хохота, так он был доволен!..

Глава 12

— Слушайте же, посланцы ведьм! — читал капитан мысли Чила. — Вы и ваши помощники выполнили свое предназначение — и теперь вам никогда не выбраться отсюда! Синергайзер вернулся на прежнее место, а нури вновь принадлежат нам! Манарет снова стал кораблем, предназначенным для завоеваний! Он оснащен таким оружием, какого ваша Вселенная никогда не видела и не знала. Моандер не был посвящен в эту тайну. Только Синергайзер может воспользоваться им.

Но мы вовсе не намерены переносить Манарет обратно в свое измерение. Мы великое племя завоевателей — таков наш удел! — так что мы взяли на вооружение основные пункты плана Моандера, рассчитанного на завоевание вашего мира. И в данный момент нури как раз заняты войной с планетой Каррес, которая отбила их первую атаку, и они вынуждены были вернуться сюда, к погасшим солнцам. Однако Манарет намерен собрать всех своих нури вокруг Карреса и уничтожить его. И тогда…

Это была даже не мысль — скорее, мгновенный

импульс. Капитан «защелкнул» телепатический замок, и мысленная связь с Чилом исчезла, словно ее обрубили. Что еще хотел сообщить им принц, теперь уже не имело никакого значения. Нужно было немедленно что-то предпринять. Капитан не сомневался, что парализующая тяжесть, сковавшая их, в итоге принесет смерть.

— Я ЭТО ПРЕДВИДЕЛ! — голос ватча прямо-таки вибрировал от удовольствия. — АХ, КАКОЙ УМНИЦА ЭТОТ ПРИНЦ ВЕЛИКОГО НАРОДА ЛИРД-ХАРЬЕР! КАКОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХОД ОН ТОЛЬКО ЧТО СДЕЛАЛ, ПОИСТИНЕ РЕШАЮЩИЙ ХОД!.. НУ, ЧТО ТЕПЕРЬ, ЧЕЛОВЕЧЕК?

Капитан постарался как можно точнее представить себе сетку звездной карты — видимо, это была клатха-карта, а маленькая точка на ней изображала обитаемую планету Эмрис, находившуюся у северных границ Чаладура. Другая такая же точка обнаружилась примерно в двух часах полета от Эмрис. Он мысленно воспроизвел «Удачу» целиком, затем ходовую рубку. Это было уже значительно легче.

А затем мысленно представил себе Гот и Ливит. У него уже не хватило сил повернуть голову, чтобы взглянуть на ватча, на бешеные, чудовищные потоки энергии, стремительно несущиеся

внутри него, но это и не нужно: прищуренные зеленые глаза пристально следили за ним из переливающейся черноты. В ушах вновь загремел голос ватча:

— ОТЛИЧНО ПРОДЕЛАНО, ЧЕЛОВЕЧЕК! ТЫ ПРОСТО ПРЕВОСХОДНО ИСПОЛНИЛ СВОЮ ПАРТИЮ, НО НИ ОДИН ИГРОК НЕ МОЖЕТ БОРОТЬСЯ ВЕЧНО. А СЕЙЧАС ТЕБЯ ЗДОРОВО ПРОВЕЛИ, И СКОРО МЫ УВИДИМ КОНЕЦ ИГРЫ!

Интересно, какого размера должен быть клатха-крюк, осторожно подумал капитан, чтобы зацепить гигантского ватча? Ватч вдруг взвыл от ужаса. И в его черном нутре закрутились чудовищные вихри.

Тут одного крюка мало, решил капитан, нужно три, даже четыре! Гигантские линии мощнейших силовых полей обхватили черную гору, точно клещами.

Капитан снова представил себе все три подготовленных им энергетических петли и перевел взгляд на ватча. Наверное, этой клатхи нам хватит, подумал он и отдал приказ: «Сведи все три воедино!»

— А-А-А-АХ!

Крутящаяся грозовая туча клатха-энергии как бы вылетела из ватча, мгновение повисела возле

него и исчезла. И тут же исчезли две ведьмочки, стоявшие справа от капитана.

Так, хорошо. Теперь займемся Манаретом, этим гигантским скопищем зла… Он нам здесь не нужен!

Черные шаровые молнии, извлеченные им из грозовой тучи, обрушились на Манарет. Ватч что-то в ужасе вопил. Корабль-планета задрожал, завибрировал и стал вращаться, как бы размазываясь по пространству и удаляясь от капитана — перетекая в нечто, чему нет названия. Капитан успел увидеть это лишь мельком, частично (там крутились жуткие вихри энергии, занимавшие, казалось, все пространство вокруг), но он хорошо помнил ту картину, которую ему когда-то мысленно рисовал Чил — страшный хаос, находящийся словно между различными измерениями, — и понимал, что Синергайзер выбрал единственный путь, оставшийся свободным, чтобы спасти Манарет от чудовищного внутреннего взрыва, которым угрожала ему энергия ватча. Еще мгновение — и Мир Червей снова канул в хаос, из которого возник несколько столетий назад. Манарет исчез!

А капитан обнаружил, что куда-то плывет, окруженный бесформенной серой массой или

облаком — видимо, некоей субстанцией ватча, — что казалось ему почему-то вполне естественным. Сам ватч тоже был рядом, но не потому, что хотел этого, а потому, что его по-прежнему прочно удерживали клатха-крюки. Теперь он значительно уменьшился в размерах. Более половины его энергетической массы исчезло, она была истрачена на разрушение Манарета. Капитан отметил, что прищуренные зеленые глаза ватча теперь смотрят на него со страхом.

— ЧУДОВИЩЕ! — причитал ватч дрожащим голосом, в котором, правда, еще звучали отголоски былой мощи. — ОТПУСТИ МЕНЯ! АХ, КАКОЙ УЖАСНЫЙ СОН! РАЗБУДИ МЕНЯ!

— Сделаешь еще одно дело, — сказал капитан, — и можешь лететь, куда угодно. Кстати, вполне возможно, что за это время тебе удастся вновь обрести то, что ты потерял.

— КАКОЕ ЖЕ ДЕЛО?

— Верни меня на мой корабль!

Не успел он отдать этот приказ, как с громким стуком шлепнулся на пол посреди ходовой рубки «Удачи».

— Капитан! — раздался рядом с ним голос Гот.

Откуда-то издалека послышались радостные вопли Ливит, топот ее ног, и раскатистый бас

снова проныл:

— ЧУДОВИЩЕ! ТЫ ЖЕ ОБЕЩАЛ…

Капитан с трудом сел и, едва дождавшись, когда стены перестанут плясать перед глазами, освободил ватча от клатха-крюков. За стенами корабля послышались дикие завывания, которые быстро удалялись и вскоре смолкли.

Когда он наконец с помощью Гот сумел подняться на ноги, появилась Ливит, а за ней в дверях возникли Гулик до Эдель и Веццарн. Все они дружно уставились на него, ожидая объяснений.

— Все в порядке! — сказал он, предупреждая вопросы, на которые пока отвечать не хотел. — Дело было непростое, но теперь, мне кажется, можно и расслабиться… Давайте-ка сперва определим свое местонахождение. Должно быть, мы где-то к северу от Чаладура…

— К северу от Чаладура?.. — дружно воскликнули изумленные Веццарн и Гулик.

— Ну да, примерно в двух часах лета от Эмриса. — Капитан сел в кресло у пульта управления и переключил экраны на дальний обзор. Из черноты выступили звезды, близкие и далекие. Он включил масс-детекторы, и тут же на экранах замерцали сигналы — космические корабли, находившиеся в радиусе дальности детекторов. Это

был район, чрезвычайно насыщенный космическим транспортом. — Вещцарн, постарайтесь побыстрее отыскать какие-нибудь маяки! Мне нужно определиться поточнее!

Старый космический волк поспешил к приборам, Гулик последовала за ним. Капитан врубил силовую установку и тяговые двигатели, которые тут же ответили мощным ревом, и «Удача» рванулась вперед.

Прежде чем их покинуть, ватч, видимо, втянул в себя и ту искру энергии, что висела в машинном отделении и блокировала тягу…

— А что с Миром Червей? — требовательным шепотом осведомилась Гот. Ливит втиснулась между нею и креслом, и обе напряженно ждали ответа.

— Фьють! — присвистнул капитан. Глаза Ливит засияли.

Капитан быстро глянул на ведьмочек:

— Помните номер, который нужно вызвать, чтобы связаться с Эмрисом? — тихо спросил он.

— Конечно! — ответила Гот.

— Попытайтесь связаться с ними, как только мы определимся…

Две минуты спустя они уже говорили с Толл, что показалось капитану чрезвычайно стран-

ным. Особенно то, что разговор велся без помощи каких-либо ведьминских ухищрений, а просто через коммуникатор. Гулик и Веццарн быстренько убрались в пассажирский отсек, стоило капитану сообщить им, что сейчас он будет обсуждать с ведьмами карресские дела. Разговор был коротким. Толл прибыла на Эмрис на вжжик-тяге из района мертвых солнц. Каррес все еще продолжал сражаться с нури, но ведьмы явно одерживали победу; они уже поняли, что с Манаретом, базой нури, что-то произошло, но не знали, что именно.

Капитан рассказал, как сумел. Глаза Толл сияли в точности, как у маленькой Ливит; она даже послала капитану воздушный поцелуй.

— Теперь слушайте, — сказала она. — В последнее время вокруг нашей «Удачи» скопилось столько клатха-энергии, сколько не бывает и вокруг всего Карреса. Так что лучше дать кораблю немного остыть… Мы, конечно, хотели бы увидеть вас как можно скорее, но прошу вас не пользоваться вжжик-тягой, чтобы добраться сюда. Ничего не предпринимайте, просто следуйте прежним курсом… Капитан, примерно через час два эскортных корабля встретят вас и приведут на посадку. Дети, мы ждем нас на личном кос-

модроме губернатора Грин-Гален. И кстати: не забудьте рассказать капитану, как на Эмрисе все обставлено… А теперь пора кончать разговор, пока кто-нибудь его не подслушал!..

Капитан отключил коммуникатор и повернулся к Гот и Ливит.

— Мне кажется, — сказал он, — что надо бы проверить, как там Олими. Давайте сперва на него посмотрим, а потом вы расскажете мне про Эмрис.

Олими пребывал все в той же позе. На него, видимо, совершенно не повлияли происходившие вокруг события. Возвращаясь в рубку, они зашли к Гулик и Веццарну и сообщили, что корабль часа через два сядет на Эмрисе.

Корабли эскорта, встретившие их через час, оказались патрульными судами военно-космического флота планеты Эмрис. Капитана это ничуть не удивило. Из того, что сообщили ему Гот и Ливит, он заключил, что ведьмы Карреса пребывают в прекрасных отношениях с властями этой планеты; а губернатор Грин-Гален — старинный друг родителей маленьких ведьмочек. Патрульные корабли кратчайшим путем провели «Удачу» к месту назначения, достигли атмосферы и замедлили ход. Внизу виднелся огромный город,

раскинувшийся на склонах холмов. Капитан выровнял «Удачу», следуя за военными судами по направлению к небольшому космопорту, окруженному потрясающе красивыми зданиями цвета слоновой кости.

— Ну, надо думать, места нам хватит!

— Еще бы! — подтвердила Ливит.

— Наши тесты, — говорил Требус, — полностью подтвердили первоначальные выводы. Разумеется, как я уже сказал, они демонстрируют только нынешний уровень твоих возможностей по управлению клатхой. И мы ни в коей мере не можем пока предугадать, на что ты будешь способен через полгода или год.

— Понимаю, — кивнул капитан.

— Я, конечно, еще раз все проверю, чтобы быть в полной уверенности. И после подведения окончательных итогов сообщу тебе.

Капитан рассматривал своего двоюродного деда. Требусу, должно быть, уже за шестьдесят, если вспомнить семейные предания, думал капитан, однако ему нельзя дать больше сорока, и он в отличной форме. Видимо, это тоже результат воздействия клатхи. Еще во время своего первого визита на Каррес капитан несколько раз сталкивался с Требусом и даже беседовал с ним, не

подозревая, что этот приветливый бородатый человек, отец Гот и ее сестер, приходится ему двоюродным дедом, который давно уже числится пропавшим без вести. С тех пор Требус успел расстаться со своей бородой, и теперь капитан сам мог убедиться, что между ним и Требусом есть несомненное сходство.

Прошло уже три дня с тех пор, как «Удача» села на Эмрис. Прошлой ночью Требус предложил Посерту отправиться в космическое пространство и проверить, как капитан справляется со стандартными клатха-тестами — такие тесты предлагаются ведьмам на разных этапах их развития и совершенствования. В космос же нужно было выбраться потому, что, как знал теперь и сам капитан, любые виды работы с клатха-энергией оказывают слишком сильное воздействие на окружающих.

— Я получил кое-какие весьма позитивные показатели, — сообщил Требус, — хотя в целом они мало влияют на то, что мы уже знаем. Тебе хорошо удаются клатха-замки. Ценное качество при некоторых обстоятельствах. Теоретически, ты можешь заблокировать свой разум от любого, кто хочет прочесть твои мысли. Кроме того, ты, безусловно, являешься повелителем ватчей.

Тоже, кстати, природный дар, хотя и редко встречающийся. При сложившихся чрезвычайных обстоятельствах ты, видимо, развил эту свою способность почти до предела, причем за очень короткое время. Настоящее достижение в плане управления клатхой, друг мой!

Однако, способность управлять ватчами имеет достаточно ограниченное применение, поскольку всегда существует риск столкнуться с таким ватчем, которым управлять невозможно. Так что эту способность лучше всего держать про запас, только для чрезвычайных ситуаций.

— Откровенно говоря, — заметил капитан, — я был бы просто счастлив никогда больше не встречаться ни с одним ватчем!

— Что ж, вполне понятное желание!

Требус отключил автоматическое управление и развернул корабль в сторону Эмриса.

— Пора возвращаться, — сказал он. — Я случайно узнал от Гот, что вы еще не решили, куда теперь отправится «Удача»?

Капитан быстро на него посмотрел. Впервые кто-то из родителей Гот давал ему понять, что они ничего не имеют против дальнейших странствий Гот в его обществе.

— Нет, не решили, — ответил он. — Полет

сквозь Чаладур принес нам немалый доход, так что мы можем и подождать, пока не подвернется что-нибудь подходящее. — Он смущенно покашлял и признался: — Если честно, мне все время хотелось узнать, что вы с Толл думаете по поводу решения Гот и впредь путешествовать со мной.

— Мы не возражаем, — сказал Требус. — По крайней мере, по двум основным причинам, не говоря уже о твоих чисто человеческих качествах. Во-первых, теперь уже чрезвычайно трудно удержать Гот от того, чего она действительно хочет.

— Да, — кивнул капитан. — Это я понимаю. А во-вторых?

— А во-вторых, — продолжал Требус, — лучшие наши предсказатели пришли к единодушному мнению, что в настоящее время Гот вряд ли может выбрать для себя более благоприятный путь, нежели оставаться в твоем обществе.

— В настоящее время? — переспросил капитан.

— Скажем, примерно год. Более точно они сказать не могут. Всегда сложно определить чью-то конкретную судьбу на длительный период времени, особенно если данная личность тесно связана с клатхой.

— Да, я понимаю, — снова кивнул капитан.

— Нет, ты не все понимаешь, Посерт! Не до

конца. И я хочу быть с тобой совершенно откровенным. То, что Гот сейчас проявляет такой интерес к тебе, очень хорошо для нее. В этом мы уверены, хотя понятия не имеем, какую роль это сыграет в ее развитии и в какой степени повлияет на ее будущее. Однако это не значит, что подобное хорошо и для тебя! Твое будущее — даже на ближайшие несколько месяцев — представляется совершенно неясным из-за воздействия неизвестных факторов. Я вовсе не хочу сказать, что Гот принесет тебе беду или несчастье. Но может случиться и так.

— Ну что ж, я готов рискнуть! — с облегчением вздохнул капитан.

— И каковы же твои планы?

— Вчера мы распродали остатки груза, доставленного «Удачей» с Ульдуны, а ремонт внутренних помещений корабля будет завершен дня через четыре. Поскольку мое присутствие в Грин-Галене создает для вас проблемы, мне кажется, нам следовало бы совершить перелет к другой обитаемой планете, где можно получить выгодный коммерческий заказ. И пока я не перестану создавать для вас проблемы, мне, по-видимому, лучше держаться подальше от Карреса. И от любого другого места, где обитают

и действуют ведьмы.

Требус задумчиво потер щеку, поскреб подбородок и сказал:

— Есть обитаемая планета под названием Каррес, однако Каррес — это не название целого мира. И не только Каррес объединяет нас… Видимо, наиболее точным по сути было бы следующее определение: Каррес — это некий свод правил или, скорее, состояние ума и души… Дело тут вовсе не в магическом искусстве, это только инструмент. Есть и другие инструменты. И когда ты находишься далеко от планеты, это вовсе не означает, что ты отделился от самого Карреса, стал ему чужим. Оставаться ли членом этого сообщества или нет — зависит исключительно от твоего собственного решения.

Капитан задумался.

— Так чего же вы от меня хотите? — наконец спросил он.

— Как я уже говорил, основной вопрос в том, чего хочешь ты сам, — ответил Требус. — Однако я могу предложить тебе несколько вариантов. У тебя превосходный торговый корабль, пригодный для перевозки и грузов, и пассажиров. Его можно использовать для любых целей. Если бы вы с Гот для пробы начали работать во владениях

Регентства Хайли, то практически сразу получили бы выгодные предложения на перевозку обычных грузов. А затем стали бы поступать и просьбы по поводу доставки и других, несколько необычных или нестандартных грузов, которые не должны привлекать чужого внимания.

— Значит, «Удача» будет выполнять заказы Карреса? — осведомился капитан.

— Точнее, заказы императрицы Хайли. Впрочем, они будут являться и заказами Карреса. Ты станешь специальным курьером, хранителем Печати Хайли. Конечно, внутренние проблемы Империи — это чудовищный узел политических интриг, так что тебе придется держать ухо востро…

— Ну, это ясно. Кстати, я пока что не хотел бы связываться с Империей, — заметил капитан. — Слишком многие знают, что на «Удаче» есть некая особая тяга, за которой стоит поохотиться. То, что мы изменили название корабля и взяли себе другие имена, мало кого ввело в заблуждение.

— Ничего, вскоре эта проблема исчезнет. Мы сообщим, что обладаем некоей особой тягой, и расскажем, что она из себя представляет. Одновременно все узнают, что именно благодаря нам — то есть Карресу — можно забыть о Червивой По-

годе. Ну, внучатый племянничек, что скажешь?

— Я полагаю, что императрица уже получила нового курьера для особых поручений.

Будущее «Удачи» и ее экипажа наконец определилось, и был назначен срок отлета — как можно скорее, чтобы наконец освободить ведьм, сохранявших, правда, прежнее терпение и дружелюбие, от мучительного для многих из них воздействия клатхи, которой обладал капитан Посерт.

Однажды, проходя через холл в отеле главного космопорта Провинции, куда «Удача» была переведена после завершения ремонта, капитан вдруг увидел, что навстречу ему устремилась Гулик до Эдель, по прежнему стройная и элегантная. Они зашли в бар, выпили, вспоминая былые приключения, и Гулик сообщила Посерту, что никак не решит, что ей делать дальше. Затем она осведомилась о Веццарне, и капитан ответил, что с ним он полностью расплатился, прибавив премию за рискованный рейс, однако Веццарн, похоже, не хочет покидать «Удачу», что капитана несколько удивило после всех пережитых ими в прошлом полете опасностей.

— Да, рейс был весьма необычный, — согласилась с ним Гулик. — Но вы все же привели нас к

месту назначения! Как вам это удалось, я, видимо, никогда не пойму. — Она с минуту задумчиво смотрела на него. — Вы же утверждали, что не имеете к ведьмам прямого отношения!

— Я и в самом деле прямого отношения к ним не имею, — ответил капитан.

— Вполне возможно, но Веццарн тем не менее уверен, что на такого капитана-волшебника, как вы, в любых обстоятельствах можно полностью положиться! Знаете что, если вы соберетесь в какой-нибудь очередной интересный полет, пусть даже очень рискованный, обязательно дайте мне знать, хорошо?

Капитан поблагодарил ее за теплые слова, сказав, что пока не планирует никуда улетать отсюда, и они расстались.

«Удача» взлетела строго по графику. Первые шесть часов полета прошли без каких-либо происшествий. Но потом…

— Тут кое-кто желает с вами встретиться, капитан, — лаконично сообщила ему по интеркому Гот. — Сейчас они к вам придут!

— Хорошо… А что такое?

Но интерком уже отключился. Посерт вскочил и направился было к двери, но тут в рубку вошли Веццарн и Гулик до Эдель. Оба смущенно улыба-

лись. Капитан сердито подбоченился:

— Что это вы делаете у меня на корабле? — осведомился он сквозь зубы.

— Ну все, на части разорвет! — испуганно пробормотал Веццарн. — Вы лучше сами ему скажите, госпожа до Эдель.

— Можно я все объясню, капитан? — спросила Гулик.

— Говорите!

— Мы опытные агенты, капитан. И мы провели кое-какие расследования, которые привели нас к мысли о том, что в делах, которые заставляют вас лететь в Империю, было бы весьма полезно участие двух собственных — лично ваших — тайных агентов. Да и в полете мы могли бы оказаться вам полезны — в качестве членов экипажа.

Капитан обещал подумать, и они покинули рубку. Услышав, что дверь за ними закрылась, капитан вызвал Гот по интеркому, однако она возникла мгновенно — сидела на кушетке, видимо, подслушивая и заодно упражняясь в изменении собственной формы.

— А ведь они вполне могут нам пригодиться, как ты думаешь?

— Вполне, — ответила Гот. — Они теперь за тебя в огонь и в воду. — Она задумчиво почесала

кончик носа. — А кроме того…

— Что — кроме того?

— У меня был серьезный разговор с Малин… Она сейчас работает с одним предсказателем…

— И что?

— Ну и они не смогли определить твое будущее на длительный срок. Но сумели выяснить, что тебе предстоят крупные дела и, возможно, довольно рискованные.

— Так! — сказал капитан, разводя руками. — У меня такое впечатление, что нам суждены исключительно такие дела, которые оказываются «довольно рискованными».

— Пожалуй. Только не стоит по этому поводу особо расстраиваться. Кончается-то все хорошо! Так вот, по мнению предсказателей, ты сперва должен будешь обзавестись собственной бандой.

— Бандой?

— Ну да, верным людьми. И это случится очень скоро! Потрясенный капитан некоторое время молчал.

— Ты хочешь сказать, что благодаря моему влиянию Гулик и Веццарн спрятались на корабле?

— Вполне возможно.

Капитан просто не знал, что на это ответить. Впрочем, он уже сам начинал все понимать…

— А это еще что такое?!

Отдаленный странный гул приближался к ним с невероятной быстротой. Гот нервно облизнула губы.

— Это гудит Путь Эггера! — сказала она. — Интересно…

Гудение продолжало нарастать, потом совершенно оглушило их и вдруг смолкло.

На полу, свернувшись калачиком и закрыв глаза, лежала Ливит. Капитан быстро подхватил ее, оглядываясь по сторонам в поисках одеял, но Гот успела крикнуть:

— Поздно! Она уже приходит в себя! Впрочем, сейчас это будет не такой сильный приступ.

Капитан покрепче прижал девочку к себе. Действительно, по сравнению с прошлым разом, приступ был относительно легкий Секунд десять ему казалось, что он прижимает к себе небольшой паровоз, ни что бы то ни стало желавший вырваться. Шума тоже хватало… Потом все стихло, и Ливит повернула голову, чтобы посмотреть, кто это ее держит

— Опять ты! — сердито рявкнула она. — Ты зачем это сделал?

— Да нет, это вовсе не я! — с трудом переводя дыхание, ответил капитан и поставил Ливит на

ноги. — Мы вовсе…

Из-за переборки зазвучал вызов коммуникатора.

— Это, наверное, Толл! — Гот бросилась к передатчику. Это действительно была Толл.

Полчаса спустя капитан снова сидел в рубке, но уже в одиночестве и задумчиво подперев щеку кулаком.

Дело было в том, что Ливит решила лететь с ними. Никто ее на сей раз на борт «Удачи» специально не пересылал, и ведьмы полагали, что она сделала это сама. Видимо, происходящее имело какую-то определенную цель… Решено было не вмешиваться в развитие событий, пока ситуация не прояснится сама собой.

Что ж, коли связался с ведьмами, еще и не такое может случиться, лениво думал капитан… Вдруг он вздрогнул и моментально насторожился. Волосы на затылке зашевелились.

Ну что можно сказать, когда, например, «видишь» звон колокольчика или «осязаешь» запах духов? Да, ватчи действительно бывают разные… Этот отнюдь не выглядел гигантским. Теперь капитан отлично его релировал, чувствуя, как вьется над ним черная энергетическая клякса размером не больше пальца. Совсем маленький

ватч — но все-таки ватч!

Ватч завис над панелью приборов и принялся изучать капитана веселыми серебристыми глазками-щелочками.

— Не вздумай тут что-нибудь натворить! — предупредил его капитан.

— И не собираюсь даже! — хихикнул ватч. — И в мыслях не держу, о, мой великий и дивный сон! — Он взлетел вдоль стены рубки к потолку и исчез.

Интересно, куда это он отправился? — подумал капитан. Больше он ватча не релировал, а потому вылез из кресла и остановился в нерешительности… И вдруг из коридора, ведущего в пассажирский отсек, донеслась какофония самых различных воплей: испуганный голос Веццарна, яростные крики Ливит…

Включился интерком.

— Капитан, — донесся из него голос Гот, — идика скорей сюда! — Она прямо-таки давилась от смеха.

— В чем дело? — спросил капитан, чувствуя, как спадает чудовищное напряжение.

— Да тут всякие неприятности с маленьким ватчем… Ой! Скорей! Мы без тебя с ним не справимся! — И интерком отключился.

— Так, — пробормотал капитан, спеша на помощь, — значит, опять начинается!..

ФЕДЕРАЦИЯ СРЕДОТОЧИЯ

(цикл)

ТЕЛЗИ АМБЕРОН
(сборник)

Новичок
(повесть)

Тэлзи Амбердон показалось, что в саду кроме нее и Тити есть кто-то еще. Разумеется, то была не тетя Хэлет, ждавшая прихода ранних посетителей, и не кто-то из слуг. Должно быть, в окружавших Тэлзи зарослях местных величественно цветущих кустарников Джонтаро скрывалось некто или нечто.

Никакого другого объяснения пугливому поведению Тик-Так она найти не могла, как и тому, если уж говорить начистоту, что сегодня утром без видимой причины у нее самой пошаливали нервы.

Тэлзи вырвала травинку и принялась меланхолично жевать кончик. Она была озадачена и сосредоточена. Обычно она не страдала нервозностью. Пятнадцатилетняя, высокоодаренная, смуглая, как ягодка, и выглядевшая совсем недурно в своих любимых шортах, она была самым юным членом одной из самых знаменитых се-

мей Орадо, и второкурсницей одной из самых престижных юридических школ Федерации. Как ей было прекрасно известно, физическое, умственное и психическое здоровье у нее было отличным. Ядовитые шпильки тети Хэлет насчет наследственной неустойчивости вундеркиндов можно было небратьв расчет. Особенно, если собственная устойчивость Хэлет представлялась Тэлзи, в лучшем случае, сомнительной.

Однако все это не делало нынешнее положение хоть сколько-нибудь менее неприятным…

Неприятности, решила для себя Тэлзи, вероятно, начались ночью, сразу после того, как они приехали из космопорта в гостевой домик в Порте Ничи, который Хэлет сняла на время каникул на Джонтаро. Тэлзи сразу же ушла отдыхать к себе в спальню на второй этаж вместе с Тик-Так. Но едва она уснула, как ее что-то вновь разбудило. Повернувшись на бок, она увидела у окна Тити: передние лапы лежали на подоконнике, большая кошачья голова выделялась на фоне усыпанного звездами ночного неба, и она недвижно вглядывалась в сад.

Тэлзи, испытывавшая тогда одно лишь любопытство, вылезла из постели и присоединилась к Тити. Смотреть особенно было не на что, а если

доносившиеся из сада запахи и тихие ночные отзвуки и были не совсем привычны, то, в конце концов, Джонтаро была незнакомой планетой. Чего еще можно было ожидать?

Но мускулистая спина Тик-Так, когда Тэлзи положила руку на хребет, на ощупь оказалась напряженной и твердой и, не считая рассеянного тычка лбом в плечо Тэлзи, Тити не позволила отвлечь себя от происходившего за окном. Время от времени низкое, угрожающее урчание доносилось из ее нутра — наполовину сердитый, наполовину вопрошающий звук Тэлзи почувствовала какую-то разлитую в саду неуютность. Наконец, она оттащила Тик-Так от окна, но ни та, ни другая не смогли спокойно выспаться. За завтраком тетя Хэлет не преминула выдать одно из своих невыносимо приторных замечаний:

— Ты выглядишь такой измученной, дорогая, словно у тебя тяжелейшее умственное переутомление… — светло-русые волосы, высоко уложенные на голове, и персиково-кремовый цвет лица делали Хэлет прекрасной, словно она была розой… но розой не простой, а злобной, поскольку тетушка, нежно улыбнувшись, задумчиво добавила: — Которое свойственно девочкам в переходном возрасте. Ну, разве я была не права,

настояв перед Джессамин, что каникулы тебе нужно провести подальше от этой твоей жутко заумной школы?

— Абсолютно права, — согласилась Тэлзи, сдерживая импульсивное желание метнуть яичным желтком с ложки в младшую сестру своего отца. Тетя Хэлет частенько вдохновляла племянницу на подобные выходки, но Тэлзи пообещала матери во время поездки на Джонтаро избегать по возможности открытых боевых действий.

После завтрака она вышла в расположенный за домом сад вместе с Тик-Так, которая немедленно нырнула в заросли, тут же замаскировалась и скрылась из виду. Похоже, она что-то задумала. Но что?

Тэлзи немного погуляла по садовым дорожкам, притворяясь, что джонтарские цветы и пестрые насекомые вызывают у нее жгучий интерес. Периодически она испытывала крайне тревожный холодок в районе позвоночника, но, тем не менее, не обнаружила ни единого признака присутствия таящегося нарушителя или хотя бы Тити. Затем, примерно через полчаса, она просто уселась на траву, скрестив по-турецки ноги, и стала мирно ждать, пока Тик-Так сама объявится по доброй воле. Но эта здоровенная дуреха такого

одолжения ей не сделала.

Тэлзи почесала загорелое колено, хмуро поглядывая на парковые деревья Порта Ничи, нависающие над садовой стеной. Казалось полным идиотизмом ощущать страх, когда девушка не могла даже сказать, было ли там что-нибудь такое, чего следовало опасаться! Кстати, помимо этой абсурдной паники, продолжало усиливаться еще одно дурацкое ощущение. А именно, будто от нее требовалось сделать нечто непонятное, но конкретное…

Вернее, это Тик-Так хотела, чтобы ее хозяйка сделала что-то конкретное!

Да, полный идиотизм!

Внезапно Тэлзи закрыла глаза, в мыслях спросив: «Тик-Так?». И, неожиданно разозлившись на себя за то, что поддалась необъяснимым с точки зрения здравого смысла причудам, стала ожидать, что произойдет.

* * *

Она так до конца и не выяснила, способна ли воспринимать с помощью некоторого символичного мысленного образа, похожего на краткий сон перед пробуждением, о чем Тити думает и что чувствует. Хотя бы приблизительно. Пять лет

назад, когда девочка в лесу недалеко от летнего домика Амбердонов на Орадо нашла Тик-Так — тогда это существо было странноватым на вид и еще более странным по поведению голодным котенком — Тэлзи рассуждала так же. Но, как и раньше, это могло быть не более, чем игрой воображения. А с тех пор, как она оказалась в юридической школе и все сильнее увлекалась учебой, все почти позабылось.

Сегодня, вероятно потому, что ее беспокоило поведение Тик-Так, знакомый отклик пришел необычайно быстро. Теплый блеск солнечного света, проникавшего сквозь закрытые веки, померк слишком быстро, и на смену явилась внутренняя темнота. Затем во тьме появилось изображение Тик-Так, сидевшей чуть в стороне от распахнутой двери в более чем странной каменной стене, и чьи зеленые глаза неотрывно смотрели на Тэлзи. У Тэлзи создалось впечатление, будто Тити приглашает хозяйку пройти сквозь дверь, и по какой-то причине мысль об этом пугала.

И вновь реакция последовала незамедлительно. Сцена с Тик-Так и дверью исчезла, а Тэлзи почувствовала, что стоит в пронзительно черной комнате, зная, что если сделает хоть один шаг,

нечто, безмолвно поджидавшее впереди, настигнет ее и схватит.

Естественно, она отпрянула… и внезапно обнаружила, что по-прежнему сидит на садовой траве гостевого домика с закрытыми глазами, и солнечный свет омывает ей веки.

Она открыла глаза и огляделась. Сердце бешено колотилось. Произошедшее не могло длиться дольше четырех-пяти секунд, но это был чрезвычайно яркий, целостный и лаконичный кошмар. Ни один из прежних экспериментов по установлению мысленной связи с Тити не был таким пугающим.

Попытка применить такой детский трюк (просто открыть глаза) сослужила ей хорошую службу! Что следовало сделать сразу, так это взяться за последовательный поиск глупой зверюги, — Тити была обязана находиться где-то поблизости, — различить ее камуфляж, и держаться рядом с кошкой, пока вся эта чушь в саду не найдет своего объяснения! Тик-Так мастерски умела сливаться с любым фоном, но обычно ее можно было обнаружить, если сосредоточиться на узорных тенях. Тэлзи стала, как бы исподтишка, разглядывать цветущие вокруг кусты.

Минуты через три, справа от нее, где земля

образовывала насыпь под двухметровым проходом между садовыми террасами, взгляд девушки неожиданно распознал знакомый силуэт. Распластавшаяся, с приподнятой головой и совершенно неподвижная, Тити казалась витающим над террасой бесплотным духом, который был едва виден, даже если разглядывать его в упор. Иллюзия была на редкость убедительной, но то, что казалось камнями, листьями и лоскутами подсвеченной солнцем земли, видимыми сквозь призрачный силуэт, было всего лишь теневым узором, который Тити на время отобразила на своей шкуре. Она могла в один миг полностью сменить узор, чтобы сымитировать любую другую окружающую среду.

Тэлзи шутливо погрозила пальцем.

— Я тебя вижу! — объявила она, почувствовав столь же необъяснимый, как и все происходящее, прилив облегчения.

Дух дернул ухом, признавая, что обнаружен, контур головы сдвинулся, когда замаскированная морда повернулась к Тэлзи. Затем медленно распахнулась незамаскированная изнутри и очень внушительная пасть, продемонстрировав хозяйке красный язык и изогнутые белые клыки. Растянувшаяся в широком зевке пасть с клаца-

ньем захлопнулась, вновь став неразличимой. Затем раздвинулась пара замаскированных век, обнажая изумрудно-зеленые глаза Тити. Они, возникнув над лужайкой, уставились на Тэлзи.

— Тити, хватит валять дурака! — раздраженно заявила Тэлзи.

Глаза мигнули, и естественный коричнево-бронзовый окрас Тик-Так внезапно растекся от головы к шее по туловищу в хвост и задние лапы. Напротив террасы, будто мгновенно материализовавшись в плоть, появилась почти сотня килограммов гибкой, стройной, длиннохвостой кошки… или существа, похожего на кошку.

Подлинное происхождение Тити установить так и не удалось. Наиболее правдоподобным было предложение, что Тэлзи пять лет назад в лесу нашла либо результат биоинженерного эксперимента, сбежавший из частной лаборатории на Орадо, либо потерявшегося любимца какого-нибудь звездного пилота, которого тот привез с собой на планету-столицу с одной из дальних колоний за пределами Ядра. У Тити на макушке выделялся белый большой пушистый помпон, который у любого другого животного выглядел бы нелепо, а она, даже будучи пухлым крошечным котенком, висевшим вниз головой на стене

на широких присосках, скрытых в подушечках лап, обладала гипертрофированным чувством собственного достоинства.

Тэлзи оглядела кошку, и чувство облегчения почему-то испарилось. Тик-Так, обычно бывавшая самым спокойным и невозмутимым товарищем, явно была напряжена. Тот большой, ленивый зевок минуту назад, показавшийся проявлением протяжной расслабленности… был не более чем притворством!

— Ну что тебя гложет? — с раздражением спросила девушка.

И тут же была одарена взглядом, серьезным, пристальным, показавшимся совершенно чуждым. И почему, подумалось Тэлзи, мучивший ее все эти пять лет вопрос о том, что же на самом деле представляет собой Тик-Так, возник в сознании прямо сейчас? Ведь после того, как угрожающая скорость ее роста сильно замедлилась за последний год, это перестало всех волновать.

На секунду Тэлзи обрела сверхъестественную уверенность, что ответ ко всему происходящему у нее в руках. Ответ, который, похоже, касался планеты Джонтаро, Тик-Так и самого малоприятного из всех факторов — дражайшей тетушки Хэлет.

Она тряхнула головой. Безмятежные глаза Тити

моргнули.

* * *

Итак, Джонтаро? Эта планета лежала вне сферы интересов Тэлзи, однако, она прочла о ней, пока летела с Орадо. Среди всех Ядра Звездного Скопления, Джонтаро была настоящим раем для ксенозоологов и охотников, этаким гигантским звериным заповедником, поскольку все ее континенты и моря кишмя кишели изумительной дичью. По федеральному закону планета сознательно удерживалась в своем первозданном состоянии, то есть в том, в каком была открыта. Город Порт Ничи — единственная заселенная точка на Джонтаро — фактически являл собой череду огромных, но элегантно стройных башен, отделенных друг от друга многими километрами ландшафтных парков и связанных между собой лишь прозрачными нитями поднебесных путей. У горизонта, едва различимые из сада, тянулись к небу самые высокие строения — зеленые и золотые шпили Шикари Клуба, центра федеральных дел и общественной активности. Из аэрокара, в котором они летели над Портом Ничи вчера вечером, Тэлзи видела редкие цепочки гнездившихся вдоль парковых склонов гостевых домиков, по-

добных тому, что сняла Хэлет.

Разумеется, ни в самом Порте Ничи, ни в его окрестностях не могло таиться ничего особенно зловещего!

Может быть, Хэлет? Эта светловолосая и изящная стерва, возомнившая себя Макиавелли? Что могло бы…

Тэлзи задумалась. А ведь было одно незначительное происшествие вчера! По крайней мере, оно казалось незначительным и случилось как раз перед тем, как космолайнер пришвартовался. Молодая женщина, представившаяся сотрудницей одной из служб новостей, попросила дочь федерального советника Джессамин Амбердон дать интервью. Это произошло случайно, и у Тэлзи не было особых возражений до тех пор, пока ее не стала раздражать назойливость журналистки в вопросах о «необычном любимце». Возможно, Тити и была существом неординарным, но не для того Тэлзи привезла ее в Порт Ничи, чтобы она стала предметом широкого интереса. Девушка прямо об этом и заявила. После этого на сцену плавно вышла Хэлет и в мельчайших подробностях описала внешность Тик-Так, ее привычки и загадочное происхождение.

Тогда Тэлзи решила, что Хэлет, как обычно,

просто пытается привлечь к себе внимание. Однако теперь, вспоминая этот случай, девушка пришла к выводу, что вопросы журналистки и откровения тетушки были не спонтанными, а хорошо отрепетированными.

Но вот вопрос, зачем понадобилось устраивать этот спектакль? Тик-Так… Джонтаро.

Тэлзи прикусила нижнюю губу. Хм, а ведь идея провести каникулы с Тити на Джонтаро принадлежала Хэлет, и она проявила в этом вопросе такую бурную деятельность, что Тэлзи дала слабину и поддалась уговорам матери. Как Джессамин объяснила Тэлзи наедине, Хэлет душила жаба, что именно они (мать и дочь) прославили семью Амбердонов. Ей не давала покоя мысль, что Джессамин пользовалась уважением на самом верху Федерации, а также то, что в скором времени и сама Тэлзи станет личностью не менее уважаемой, чем мать. Поездка для Хэлет была возможностью показать, что она изменила свое отношение к племяннице. Разве Тэлзи не должна была пойти ей навстречу?

* * *

И Тэлзи пошла, хотя не очень-то рассчитывала на то, что Хэлет потеплеет. Она даже подумала,

что у тетки заготовлены запасные тузы, которые та могла вытащить в любой момент из рукава во время путешествия на Джонтаро. Так уж у Хэлет был устроен мозг.

Хотя до сих пор никаких конкретных пакостей она не наделала. Но если следовать логике, между случившимися во время круиза загадочными событиями существовала какая-то трудноуловимая связь… Например, ничем не оправданный интерес журналистки к Тик-Так… А ведь Хэлет легко могла инициировать это интервью, с денежками-то у нее все в порядке. А тревожное поведение Тити прошлой ночью в Порте Ничи, и собственные неясные тревоги и капризы Тэлзи, явно связанные с садом гостевого домика?

Последнее было труднее всего объяснить. Но и Тик-Так… и Хэлет… вполне могли знать о Джонтаро что-то такое, чего не знала она.

Ее мысли вернулись к осмыслению той полусерьезной попытки, когда она хотела выяснить, каких поступков от нее «хотела» Тик-Так Открытая дверь? Тьма, где кто-то поджидал ее, чтобы схватить, если она сделает хоть шажочек вперед? Хм… В этом не могло быть никакого смысла. Или могло?

Итак, ты захотела испробовать магию, обра-

щаясь к самой себе, усмехнулась Тэлзи. Детские забавы… Чего ж тогда стоят твои успехи в юридической школе, если просишь Тити помочь тебе в решении твоих же проблем?

А с какой стати она вновь об этом думала?

Девушка вздрогнула, потому что в саду воцарилась жутковатая тишина. Со стороны террасы за ней пытливо наблюдали зеленые глаза.

У Тэлзи возникло чувство, что она медленно тонет во сне, залитом солнечным светом, и погружается во что-то очень далекое от проблем юридической школы.

— Я должна войти в дверь? — Прошептала она.

Бронзовое, похожее на кошку существо медленно подняло голову. Тити заурчала.

Тик-Так получила свое имя еще котенком из-за своего мурлыканья, представлявшего собой размеренный, колеблющийся звук, который то поднимался выше, то опускался, и был таким же уютным и продолжительным, как ненавязчивое тиканье старых часов. Тэлзи сообразила, что с момента приезда на Джонтаро она слышит кошку впервые. Мурлыканье продолжалось еще секунд десять, затем смолкло. Тик-Так продолжала испытующе смотреть на хозяйку.

Это было как бы выражением явного одобре-

ния.

Похожее на сон чувство усилилось, затуманивая мысли. Если в этом общении разумами не было ничего, то какой вред могли ей принести символы? На этот раз Тэлзи не позволит себя испугать. А если же они действительно что-то означали…

Она закрыла глаза.

* * *

Солнечный блеск снаружи моментально померк. Тэлзи заметила промелькнувший образ двери в стене и в тот же миг узнала, что прошла сквозь нее.

Теперь она оказалась не в темной комнате, а вроде как на краю яркости, которая, казалось, не имела ни очертаний, ни пределов, раскинулась вокруг и создавала то же ощущение, что возникает, когда думаешь о небе или море. Но место это было неспокойным. Возникло ощущение чего-то незримого, которое наблюдает за ней со всех сторон и ждет.

Что это? Новая версия темной комнаты? Ловушка, расставленная в ее разуме? Восприятие Тэлзи быстро сместилось. Она по-прежнему сидела на зеленой траве, солнечный свет за опущенными

веками напоминал спокойное сияние, проникавшее сквозь розовый занавес. Осторожно она позволила своему сознанию вернуться в яркую область, ибо та все еще была там. На миг она испытала взволнованное ликование. Она могла контролировать свои ментальные перемещения! А почему бы и нет, спросила она себя. Ведь эти штуки, в конце концов, происходили в ее разуме!

Она хотела бы выяснить, что они означают, но спешить не стала, чтобы…

Появилось ощущение, будто у нее за спиной Тик-Так подумала: «Теперь я снова могу помогать!»

Затем возникло неприятное чувство, что ее круто сносит, непреодолимо тянет вперед, вытягивает. Яркость взорвалась гремящими красками. В испуге девушка попыталась распахнуть глаза, чтобы оказаться опять в саду, но… не смогла этого сделать. Цвета продолжали бушевать вокруг нее, словно калейдоскоп из возбужденных, смеющихся, триумфальных голосов. Тэлзи почувствовала, что попала в невидимую паутину и подвешена в центре всей этой вакханалии. Тик-Так, наверное, была где-то рядом и смотрела на стреноженную хозяйку. Вероломная обманщица Тити!

Тогда разум Тэлзи предпринял еще один сильный рывок, и кое-что изменилось. И хотя она не вернулась в сад, однако, шумные, кружащиеся краски пропали, сгинули без следа, и теперь у нее возникло ощущение, что она читает стремительно перелистываемую книгу, хотя на самом деле никакой книги не видела.

Книга, сообразила она, это еще один символ того, что происходит, символ, который ей легче понять. Вокруг нее раздавались голоса, или то, что могло ими быть, и в невидимой книге она, похоже, читала, что они говорят.

Несколько говорящих были явно заняты стремительным, горячим спором о том, что же им с нею делать. Ощущения полыхнули…

* * *

Зачем тратить время на девчонку? Ясно ведь, что на большее, чем эта кошачья болтовня, она не способна!.. Не обязательно, ибо это нормальный первый шаг. Прошу, дайте ей хоть немного времени! Но что (разгневанно) такая малявка может знать о том, что имеет существенную важность?

Последовала медленная, туманная, неуклюжая пауза. Ее содержание было для Тэлзи совершенно непостижимым, но каким-то безошибочным

образом стало ясно, что так выглядят мысли Тик-Так.

Заминка в Круге говорящих прекратилась, и они стали горячо обсуждать то, что Тити вбросила в дискуссию.

Потом другое ощущение… От которого по телу Тэлзи прошла волна липкого страха, пока оно тяжело взрастало в сознании. Абсолютная сила этого ощущения моментально вытеснила чувство читаемой книги. Беспощадный голос, казалось, прогремел:

— Бросьте неопытную малявку мне, — замер на Тэлзи взгляд злобных кроваво-красных глаз, глядя откуда-то неподалеку, — и покончим с этим!

Раздался испуганный, запинающийся протест Тик-Так, сопровождаемый взрывом хохота, донесшимся из Круга говорящих. Хорошее чувство юмора у этих ребят, горько подумала Тэлзи. Ведь красноглазое существо абсолютно не шутило!

Хохот усилился, когда в Круге уловили эту ее мысль. Затем внезапно некое общее мнение нашло свое выражение:

— Малявка учится!.. Подождем, вреда не будет… Мы быстро выясним… Давайте…

Книга кончилась, голоса умолкли, краски померкли. В какой бы сумбурной форме ей ни

передавались ощущения к этой минуте, Тэлзи не смогла бы даже начать их описывать, потому что все внезапно кончилось.

* * *

Она пришла в себя сидящей на траве, она дрожала, была испугана, глаза открыты. Тик-Так стояла у террасы, пристально рассматривая хозяйку. Атмосфера размытой нереальности по-прежнему нависала над садом.

Наверное, она спятила! Хотя она не хотела даже мысли допускать о подобном исходе, однако это казалось вполне возможным! В противном случае… Тэлзи попыталась разобрать все, что случилось.

Что-то было в саду! Что-то было в ее разуме. Что-то такое, для чего Джонтаро была домом родным.

И было ощущение одновременного присутствия около пятидесяти или шестидесяти этих… скажем, существ. Чрезвычайно опасных существ! Безразличных, диких, жестоких… и еще этот красноглазый ужас! Тэлзи вздрогнула.

Ага, для начала они прошлой ночью вошли в контакт с Тик-Так Тити поняла их лучше, чем смогла Тэлзи. Почему? Немедленного ответа Тэл-

зи не нашла.

Потом Тик-Так хитростью заставила хозяйку открыть свой разум для вторгшихся туда существ. На это должна была существовать весьма определенная причина.

Она взглянула на Тик-Так. А Тити — на нее. В мыслях Тэлзи ничего не шевельнулось. Между ними, как и раньше, не возникло прямой связи.

Тогда как же эти существа смогли связаться с девушкой через нее?

Тэлзи сморщила нос. Если считать, что все происходило по-настоящему, становилось ясно, что коммуникации с опасными существами открыла дорогу игра в символы между ней и Тити. Весь только что пережитый опыт представлялся в форме символов, которая переводила все происходящее на язык, который она смогла понять.

«Кошачья болтовня» — ага, вот, значит, как существа отзывались об использовании символов для общения. Кажется, к этому занятию они относились с презрением. Неважно, сказала себе Тэлзи. Они согласились, что она учится.

Воздух над травой будто задрожал. И вновь у нее возникло ощущение, что она читает слова быстро листаемой, но совершенно невидимой книги.

«Тебя учили, и ты учишься, — кажется, читала она. — Вопрос заключается в том, способна ли ты хоть отчасти понимать, как об этом настаивала твоя подруга. Поскольку ты оказалась способна на это, все остальное, что может быть сделано, будет достигнуто очень быстро».

Пауза, затем прикосновение одобрения: «Твой разум строен, малявка! Он странен, во многом непонятен, но строен…»

Одно из существ, и довольно дружелюбное… по крайне мере, не настроенное враждебно. И тогда Тэлзи задала пробный мысленный вопрос: «Кто вы?»

«Ты узнаешь очень скоро». — Дрожание прекратилось, она поняла, что вместе с этим вопросом пока что оставили в покое и ее самое. Она опять взглянула на Тик-Так.

— Ты можешь сейчас поговорить со мной, Тити? — безмолвно спросила она.

Ощущение нерешительности.

Затем с трудом сложилось ощущение «кошачьей болтовни!» Оно было неловким, тщательным, но, вне всякого сомнения, пришло от Тити. «Я тоже все еще учусь, Тэлзи! — казалось, говорила Тити, причем отчасти тревожно, отчасти раздраженно. — Мы…»

* * *

Резкое жужжание достигло слуха Тэлзи, прогнав нащупываемое мысленное впечатление. Она подпрыгнула и опустила глаза. Сигналил наручный *токер*. Секунду-другую девушка словно неуверенно качалась между миром, где невидимые, казавшиеся опасными существа называли кого-то малявкой, и где Тити еще только училась разговаривать, и другим, хорошо знакомым миром, где наручные коммуникаторы периодически могли зажужжать самым банальным образом. Вернувшись в более привычный мир, она включила токер.

— Да? — спросила она сипло.

— Тэлзи, дорогая, — медово зашелестела Хэлет из мембраны токера, — ты не хочешь вернуться в дом? Ну, пожалуйста. В гостиную… У нас посетитель, который чрезвычайно жаждет познакомиться с тобой.

Тэлзи замерла. Гость Хэлет жаждет познакомиться с ней?

— Зачем? — спросил она.

— Он хочет рассказать тебе нечто очень интересное, дорогая. — В голосе на мгновение проявились триумфальные злобные нотки, прав-

да, тут же растаявшие во вновь прошептанной сладости: — Так что, будь добра, поторопись!

— Ладно, — Тэлзи поднялась и отряхнула шорты, — я иду.

— Прекрасно, дорогая, — токер смолк.

Тэлзи выключила прибор, отметив, что Тик-Так тем временем предпочла исчезнуть.

Она посмотрела в сторону дома — девушку снедало любопытство. Было очевидно, что Хэлет готова ошарашить «любимую племянницу» каким-нибудь неприятным сюрпризом, который едва ли окажется серьезнее обычных подковырок, свойственных тетушке. Или дело в другом? Здесь Тэлзи ни в чем не могла быть уверена. Если оставить в стороне странные поступки Тити (в конце концов, у них могли быть свои причины), то вся цепь событий могла возникнуть в ее голове и только. Опровергающих подобное утверждение свидетельств пока не было.

Однако не будет никакого вреда в том, чтобы принять за искомое то, что, кажется, имело место на самом деле. Где-то здесь, возможно, замышляются некие весьма зловещие планы, которые могут быть воплощены в реальность очень даже по-настоящему…

— Ты рассуждаешь логично! — возникло ощу-

щение голоса, говорившего с ней, но который никто другой не мог подслушать. Это было то самое существо, что обращалось к ней минуту-другую назад.

Два мира, меж которыми Тэлзи чувствовала себя подвешенной, кажется, медленно, но неодолимо слились в один.

— Это потому, что я посещаю юридическую школу, — почти машинально объяснила она существу.

Веселое согласие.

— Слыхали об этом.

— Что вам от меня нужно?

— Очень скоро узнаешь.

— Почему не сказать мне прямо сейчас? — надавила Тэлзи.

Существо, кажется, опять оставило девушку в одиночестве.

На нее полыхнуло стремительным нетерпением:

— Кошачьи картинки! Кошачьи мысли! Кошачья болтовня! Слишком медленно, слишком медленно! ТВОИ картинки слишком ТВОИ! Подожди, пока не…

замкнется цепь?.. откроются каналы?.. исчезнут помехи?.. Что же конкретно оно сказало? Был

только размытый образ замысловатой, искусной, но совершенно обыкновенной технической операции.

— ...это настанет совсем скоро! — закончил голос. Пауза, затем поверх на нее неосторожно выбросили другую мысль. — Для тебя это гораздо важнее, малявка, чем для нас!

Ощущение голоса прекратилось так резко, будто вырубили коммуникатор.

Да, все это было обставлено не слишком дружелюбно! Тэлзи шла к дому, и в ней нарастал новый страх... страх, как от осознания собиравшейся поблизости бури, пока еще спокойной, смертельно спокойной, но уже готовой разразиться.

— Кошачьи картинки! — голос словно глумился вдалеке, шепча среди парковых деревьев за садовой оградой.

* * *

Щеки красотки покрывал легкий румянец, голубые глаза блестели. Выглядела она совершенно оглушительно, и это для любого, кто ее знал, означало одно: худшая сторона натуры Хэлет снова готова проявить себя во всей красе. Однако на неосведомленных мужчинподобные признаки действовали парализующе. Потому Тэлзи, когда

вошла в гостиную, совершенно не удивилась, обнаружив на лице гостя выражение транса. Это был высокий, привыкший находиться на открытом воздухе мужчина со смуглым, скуластым лицом, аккуратно расчесанными черными усами и шрамом на щеке. Визитер мог бы показаться даже элегантным, если бы только это впечатление не портил его оцепенелый вид. Возле его кресла возвышался на треноге массивный, неповоротливый прибор, который мог быть какой-нибудь разновидностью телекамеры.

Хэлет их представила. Доктор Друн оказался ксенозоологом. Он услышал в новостях интервью Тэлзи, которое она дала вчера на борту лайнера, и ему стало интересно, не пожелает ли Тэлзи обсудить с ним Тик-Так.

— Откровенно говоря, нет, — ответила на предложение Тэлзи. Доктор Друн очнулся и удивленно посмотрел на Тэлзи. Тетушка слегка улыбнулась.

— Моя племянница не намеревалась вести себя неучтиво, доктор, — пояснила она.

— Полагаю, что нет, — согласился ксенозоолог. Правда, с некоторым сомнением.

— Просто наша девочка, — продолжала Хэлет, — ох, как бы это сказать… несколько чувствительна, когда посторонние люди интересуются Тик-Так

По-моему, она слишком привязалась к животному. Не так ли, дорогая?

— Да, — любезно ответила Тэлзи.

— Ну, мы надеемся, это не слишком тебя встревожит, дорогая. — Хэлет бросила многозначительный взгляд на посетителя. — Доктор Друн, ты должна понять, просто делает свою работу… ладно, сейчас он должен рассказать тебе что-то очень важное.

Тэлзи перевела взгляд на ксенозоолога. Тем временем доктор Друн прочистил горло:

— Я, э-э… так понимаю, мисс Амбердон, что вы и не подозреваете, что за создание… э-э… эта ваша Тик-Так?

Тэлзи начала отвечать, но, сдержавшись, нахмурилась. Она собиралась заявить, что совершенно точно знает, что Тити за создание… но, с другой стороны, по большому счету доктор прав, она действительно этого не знает!

Или знает? Она…

Девушка не знала, что ответить доктору Друну, и принялась кусать губы.

— Тэлзи, очнись! — мягко напомнила Хэлет.

— А? — откликнулась Тэлзи. — Ох, пожалуйста, доктор, продолжайте!

Доктор Друн сплел пальцы.

— Ну, — заговорил он, — она… ваша любимица… э-э, это молодая гребешковая кошка. Несомненно, теперь она почти стала взрослой, и…

— Ой, да! — вскричала Тэлзи.

Ксенозоолог посмотрел на нее.

— Так вы знали, что…

— Ну, не совсем, — призналась Тэлзи, — в некотором роде.

Она рассмеялась, щеки зарделись.

— Это самое… продолжайте, прошу! Извините, что вас перебила… — и с восхищенным выражением она уставилась на стену за спиной доктора Друна.

* * *

Ксенозоолог и Хэлет обменялись понимающими взглядами. Затем доктор Друн осторожно продолжил. Гребешковые кошки, говорил он, это эндемик[5] планеты Джонтаро. О существовании данного вида известно лишь восемь лет. Оказалось, что у гребешковых кошек довольно ограниченный ареал обитания — горы Балуит на

[5] Примечания: 5

Эндемик — вид растительной или животной жизни, свойственный только для данного ареала.

противоположной стороне огромного континента, на котором был построен Порт Ничи.

Тэлзи почти не слушала. Происходила очень забавная вещь. На каждое произносимое доктором Друном предложение в ее сознании возникал десяток других. Точнее, будто непрерывно поднимался мгновенный плавный поток информации, имевший отношение к тому, что говорил ксенозоолог, словно бы из собственной памяти Тэлзи, но она прекрасно сознавала, что такого быть не может. Через минуту или две она знала о гребешковых кошках Джонтаро больше, чем доктор Друн смог бы рассказать ей за несколько часов… гораздо больше, чем он вообще знал.

Внезапно она поняла, что он закончил говорить и задал ей вопрос.

— Мисс Амбердон? — уже во второй раз переспрашивал он.

— Яр-р-ри! — тихо, но внятно произнесла Тэлзи: — Я выпью твою кровь!

— Д-а?!

Тэлзи моргнула, сосредоточив взгляд на докторе Друне, вырывая разум из величественной картины туманно-голубых пиков хребта Балуит.

— Извините, — живо отозвалась она, — я пошутила!

Она мило улыбнулась.

— Так о чем вы спрашивали?

Секунду ксенозоолог смотрел на девушку скорее странным взглядом.

— Я спросил, — сказал он после этого, — знакомы ли вы с правилами, установленными различными охотничьими ассоциациями Ядра по поводу того, как можно брать добычу?

Тэлзи покачала головой:

— Никогда о них не слышала.

* * *

— Эти правила, — терпеливо объяснял доктор Друн, — определяют типы снаряжения — оружие, приборы обнаружения и слежки, число помощников, так далее, — которые охотник может на законных основаниях использовать для преследования определенного вида дичи. Раньше, это прежде, чем закончился первый год, когда их обнаружили, балуитских гребешковых кошек поместили в группу снаряжения ультра-класса.

— Что собой представляет снаряжение ультра-класса?

— Ну… — задумчиво произнес доктор Друн, — в него не входит использование полной боевой брони… совсем не входит! Ведь, разумеется, охот-

ничий принцип взаимной уязвимости должен соблюдаться даже с такой классификацией.

— Взаимной уязвимости… о, я понимаю! — Тэлзи, помолчав, пока в сознании не прошел подъем очередной беззвучной информационной волны, продолжила: — То есть, дичь должна иметь равные права с охотниками, так, что ли?

— Верно. Например, за исключением преследования разнообразных видов летающих животных, местным охотникам не разрешают пользоваться аэрокаром иначе, чем в качестве транспортного средства для перевозки. При таких условиях очень скоро было установлено, что гребешковые кошки достаются людям, решившим на них поохотиться, в четком соотношении: один к одному.

Глаза Тэлзи широко раскрылись. Нечто подобное она узнала и из собственного источника, информации, но не могла этому поверить.

— Один убитый охотник приходился на каждую пойманную кошку? — сказала она. — Довольно жестокий спорт, вы не находите?

— Чрезвычайно жестокий! — сухо согласился доктор Друн. — На самом деле, когда опубликовали статистику, интерес охотников к тому, чтобы отловить балуитскую кошку, тут же пережил

внезапный и резкий спад. С другой стороны, чрезвычайно усилился интерес к этим примечательным животным, было выдано множество лицензий на их отлов сотрудникам различных музеев, университетов, общественных организаций, а также частным коллекционерам. А на подобную деятельность, разумеется, правила охоты не распространяются.

Тэлзи рассеяно кивнула.

— Понимаю! Ловцы пользуются аэрокарами, верно? Какой-нибудь мощной оглушающей пушкой…

— Все верно. Аэрокары, детекторы дальнего действия, парализующие ружья, а также другое стандартное снаряжение, необходимое для такого рода занятий, — вынужден был признать доктор Друн: — Разумеется, газ и яд применяются только тогда, когда этого требуют обстоятельства. Некоторое время ловцам относительно везло. А затем произошло нечто странное. Меньше, чем через два года, как стало известно об их существовании, гребешковые кошки Балуитского хребта вымерли! Покушение на их популяцию, предпринятое человеком, не могло послужить этому причиной, поэтому следовало предположить, что несчастный вид стал жертвой внезапной эпи-

демии. Во всяком случае, ни одного экземпляра этого вида живьем на Джонтаро не видели, пока вы не приземлились здесь прошлым вечером в компании со своей домашней любимицей.

Несколько секунд Тэлзи сидела молча. Не из-за того, что он сообщил, но из-за других знаний, которые по-прежнему вливались в ее разум. С одним крайне важным моментом, который несколько разнился с тем, что утверждал ксенозоолог. Именно благодаря этому моменту выстроился бесстрастный логический рисунок. Тэлзи еще не охватила сложившуюся картину во всех деталях, но то, что она в ней увидела, вызвало у девушки почти панический ужас.

Тщательно подбирая слова, но, почти не уделяя внимания тому, что на самом деле говорит, она спросила:

— И какое отношение все сказанное вами имеет к Тик-Так, доктор Друн?

Доктор Друн посмотрел на Хэлет и только затем вернулся к Тэлзи. Казалось, он чувствует себя очень неловко, но одновременно весьма тверд в своих убеждениях:

— Мисс Амбердон, существует федеральный закон, который предписывает, что, когда вид находится под угрозой исчезновения, любые уце-

левшие экземпляры вида должны быть переданы в Хранилища Жизни Лиги Университетов, чтобы обеспечить их неограниченную сохранность. Учитывая обстоятельства, этот закон, э-э, впрямую касается Тик-Так!

* * *

Так вот в чем состоял трюк Хэлет. Она узнала о гребешковых кошках, и, возможно, в течение нескольких месяцев тратила усилия на подготовку того, чтобы доставить Тити на Джонтаро, где никто не сможет предотвратить разлуки Тэлзи со своей любимицей. В Хранилищах Жизни, судя по тому, что о них слышала Тэлзи, Тити перестала бы быть существом с индивидуальным сознанием, пока ученые попытаются исправить положение, рассматривая возможности воссоздания ее вида.

Тэлзи секунду изучала лицо тетушки, сочившееся показной участливостью, потом спросила доктора Друна:

— А как же другие гребешковые кошки, которых, как вы сказали, отловили прежде, чем они вымерли? Разве их не хватает для нужд Хранилищ Жизни?

Он покачал головой.

— Известно о существовании лишь двух незре-

лых мужских особей, которые в настоящий момент пребывают в Хранилищах Жизни. Другие, пойманные живьем, погибали… часто при почти катастрофических обстоятельствах. Это чрезвычайно коварные и чрезвычайно дикие создания, мисс Амбердон! В дополнение вот вам один факт: они могут скрываться под естественным камуфляжем до практически не обнаруживаемого состояния, кроме как с применением приборов, и это превращает их в самых опасных животных среди всех известных. Пока молодая самка, которую вы вырастили, как домашнего любимца, остается послушной… до сих пор оставалась… возможно, вы были не способны по-настоящему оценить потенциальную опасность.

— Возможно, вы ошибаетесь, доктор, — ответила Тэлзи. Она кивнула на внушительный прибор, стоявший возле кресла. — А это?..

— Биодетектор, — подхватил Друн с полуфразы, — совмещенный с парализующей пушкой, мисс Амбердон. У меня нет никакого желания причинять хоть какой-то вред вашей любимице, но, имея дело с такого рода животными, мы не можем полагаться на случай. Заряд пушки отключит ее сознание на несколько минут… достаточных для того, чтобы я смог связать лапы

парализующими ремнями.

— Значит, вы ловец Хранилищ Жизни, доктор Друн?

— Да, это так.

— Доктор Друн, — вставила Хэлет, — получил разрешение от планетарного модератора, он наделен полномочиями востребовать Тик-Так и увезти ее с планеты для Университетской Лиги, дорогая. Как видишь, мы просто ничего не можем с этим поделать! Твоя мама не хотела бы, чтобы мы чинили препятствия закону, правда? — Хэлет несколько секунд помолчала. — Разрешение требует твоей подписи, Тэлзи, но, если нужно, я могла бы подписать вместо тебя.

Таким образом Хэлет намекнула, что, если Тэлзи обратится к планетарному модератору Джонтаро, то ничего путного из этого не выйдет. Первым делом эта стерва заручилась согласием самого высокого планетарного начальства по этому вопросу.

— Так может тебе теперь стоит просто позвать Тик-Так, дорогая… — продолжала Хэлет.

Из-за прилива крови Тэлзи едва расслышала последние слова. Она почувствовала, как медленно каменеет лицо, как меркнет гостиная в глазах. Возможно, в этот миг из-за Тити, вовлекшей ее в

контакт с безразличными, глумящимися снаружи существами, какая-то новая дополнительная цепь замкнулась в мозгу девушки, или открылся новый дополнительный канал, который неожиданно стал ошеломляюще четким.

И это значило, что ей немедленно требовалось выбраться из дома так, чтобы ее никто не заметил, и пойти куда-нибудь, где ее никто не станет беспокоить. Хотя бы в течение получаса.

И в этот момент с тревогой она осознала, что Хэлет и зоолог пристально смотрят на нее.

* * *

— Дорогая, ты не больна?

— Нет.

Тэлзи встала. Пытаться что-либо объяснить этой спевшейся парочке — себе дороже! Кровь отхлынула от лица, она это почувствовала, но враги Тити, разумеется, решили, что девушка вот-вот лишится чувств.

— Прежде, чем я что-то подпишу, я должна свериться с упомянутым вами законом, — заявила она доктору Друну.

— Да, но… — он начал подниматься с. кресла, — я уверен, это можно устроить, мисс Амбердон!

— Не стоит беспокоиться и звонить в департа-

мент модератора, — сказала Тэлзи. — Я привезла с собой юридическую библиотечку. И посмотрю сама.

Она развернулась, чтобы покинуть комнату.

— Моя племянница, — объяснила Хэлет доктору Друну, который явно был озадачен, — посещает юридическую школу. Она всегда так увлекалась своими занятиями… Тэлзи?

— Да, Хэлет? — Тэлзи задержалась в дверях.

— Я очень рада, что ты решила отнестись к проблеме с пониманием. Но не пропадай надолго, хорошо? Нам бы не хотелось тратить время доктора Друна.

— Это не займет более пяти или десяти минут, — соглашаясь, ответила Тэлзи.

Она закрыла за собой дверь и пошла к себе в спальню на второй этаж. Один из ее чемоданов до сих пор оставался нераспакованным. Она заперла за собой дверь, достала карманное издание юридической библиотеки и села с ним за стол.

Она щелкнула по экрану библиотечки, стукнула по клавишам сброса и оглавления. Через полминуты она уже просматривала правовой раздел, на котором доктор Друн основывал свое требование. Библиотечка подтвердила то, что сказал ксенозоолог.

Очень ловко все было подстроено со стороны Хэлет, очень мерзко… и совершенно по-идиотски! Даже второкурсник юридической школы мог сходу придумать два или три способа, когда подобное дело таскали бы по судам дней двадцать, а то и целый месяц, прежде чем вопрос о передаче Тик-Так в Хранилища Жизни встал бы ребром.

Ладно, Хэлет просто дура, чего с нее взять! А план похищения Тити теперь не имел даже самого минимального значения.

Тэлзи захлопнула библиотечку, пристегнула к ремню своего летнего наряда и подошла к открытому окну. Под окном проходил карниз шириной в полметра, который тянулся до крыши патио справа. Полусотней метров дальше за патио сад оканчивался стеной, сложенной из природного камня. За ней начиналась одна из обширных лесопарковых зон, из которых и складывался в основном ландшафт Порта Ничи.

Тик-Так нигде не было видно. Слева доносился отзвук голосов из окон первого этажа. Хэлет привезла с собой горничную и шофера. А еще должен был прибыть повар, чтобы приготовить завтрак. Это входило в услуги, предоставляемые сервисной службой гостевых домиков. Тэлзи поднесла пустой чемодан к окну, уперлась торцом в раму,

и позволила ей опуститься, пока нижний край не уперся в чемодан. Она вернулась к панели управления защитным экраном дома, что располагался возле двери, и нажала кнопку блокировки.

Когда наружные двери и окна безмолвно скользнули в пазах и закрылись по всему дому, голоса с нижнего этажа словно ножом отрезало. Тэлзи посмотрела на окно. Чемодан тихонько скрипнул, когда защитное поле опустило на него раму, но удар выдержал. Девушка вернулась к окну, выбралась через проем ногами вперед встала на карниз.

Через минуту она уже тихонько сползала по увитым плющом решеткам патио. Даже после того, как будет обнаружено ее исчезновение, защитный экран некоторое время будет удерживать постояльцев внутри. Им придется либо отключать основные механизмы экрана (предварительно изучив внимательно инструкции), либо силой открывать дверь в ее спальню, чтобы отключить блокировку. Любой из этих подходов не обойдется без путаницы, испорченного настроения, что, в общем и целом, должно задержать какое-то время организованную погоню.

Она прокралась вокруг патио и двинулась к стене, держась ближе к дому, так, чтобы ее не

заметили из окон. Кустарник издавал слабый шелестящий звук, пока она пробиралась сквозь ветки… и было другое шевеление, которое ничем, кроме медленного, устойчивого потока воздуха, движущегося среди кустов у нее за спиной, быть не могло. Она невольно вздрогнула, но оборачиваться не решилась.

Она подошла к стене, спокойно оценила ее высоту, подпрыгнула, и, взобравшись наверх, спрыгнула. Она приземлилась по другую сторону стены, оглянулась на гостевой домик, пересекла дорожку и двинулась меж парковых деревьев.

* * *

Через несколько сотен метров стало очевидно, что ее сопровождают. Она не оглядывалась, чтобы засечь сопровождающих, а периодически отклонялась от прямой то вправо, то влево, словно находилась на линии огня. Случайные тени беззвучно скользили по участкам открытой, залитой светом земли, вновь исчезая под деревьями. Больше никто не рисковал показаться на глаза. Жители Порта Ничи, похоже, почти никак не использовали в личных целях обширные парковые земли, распростертые у подножья своих башенных апартаментов. Лишь высоко в

небе чувствовалось интенсивное транспортное движение, которое с земли казалось ленточками радужного оттенка, разрезавшими голубизну между верхними этажами башен. Изредка над головой мог пролететь чей-нибудь частный аэрокар.

В разуме Тэлзи время от времени мелькали обрывки принадлежавших не ей мыслей, по мере того, как безмолвный фронт теней углублялся вместе с ней в парк. Она осознала, что ее снова оценивают, о ней судят, про нее говорят. Никакая другая информация не просачивалась, сопровождающие скармливали ей только те сведения, которые считали необходимыми. Вероятно, сейчас они испытывали в основном одно лишь любопытство. Тэлзи была первым человеческим разумом, который они смогли понять, и который не казался им закрытым для общения. Они использовали время, чтобы детальнее изучить этот феномен. Они были уверены, что девушка сможет сказать им нечто действительно важное. И в этом таилась какая-то насмешка. Но они желали немного подождать и все выяснить. Им было любопытно, они любили игры. В эту минуту Тэлзи и то, что она могла попытаться изменить их планы, было игрой, на которой сосредоточилось

все их внимание.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем на запястье зажужжал токер. Еще какое-то время он то сигналил, то прекращал, а затем и окончательно заткнулся. Там, в гостевом домике, они не могли быть уверены в том, что Тэлзи попросту не заперлась в своей комнате и отказывается отвечать. Она лишь ускорила шаг.

Деревья в парке понемногу становились все массивнее и все выше, они и отстояли подальше друг от друга. Девушка прошла под тенью ближайшей к гостевому домику жилой башни, и тотчас оказалась на берегу небольшого озера. На другой стороне озера с десяток пятнистых травоядных, похожих на длинношеих и длинноногих лошадей, подняли головы и посмотрели на нарушительницу их спокойствия. Несколько секунд они, казалось, проявляли только нейтральный интерес, но затем ветерок побежал по озеру, покрыв водную гладь рябью, и когда он достиг противоположного берега, животные внезапно ударились в панику. Они развернулись, легкими многометровыми прыжками помчались прочь, и вскоре исчезли среди деревьев.

Тэлзи почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок. Для нее это было первым

вещественным доказательством о природе компании, которую она привела за собой к озеру, и хотя это едва ли было для нее сюрпризом, девушка на секунду испытала сильное желание последовать заразительному примеру «жирафолошадок».

— Тик-Так? — прошептала она, поскольку у нее неожиданно перехватило дыхание.

В ответ из кустов справа раздалось неровное урчание. Тити по-прежнему была поблизости. Но такой расклад не продлится слишком долго, подумала Тэлзи, если дело обернется серьезными неприятностями. Но то, что она теперь была в курсе происходящего, несколько обнадеживало… Тем временем оказалось, что она уже отдалилась от гостевого домика на необходимое расстояние. Возможно, сейчас ее уже ищут с аэрокара, но ничто не могло преследователям подсказать, в каком направлении следовало повернуть в первую очередь.

Она добралась по берегу реки к месту, где ее со всех сторон скрывал густой зеленый кустарник, а с неба — необъятная крона одиноко стоявшего дерева, уселась на сухой мох, сняла юридическую библиотечку с пояса и положила к себе на колени. Смутное шевеление говорило о том, что ее

эскорт также расселся неровной окружностью вокруг, и мрачное предчувствие опять пробежало по коже. Не то, чтобы их отношение было враждебным, просто они внушали инстинктивный страх. Никто не может предсказать, как они поступят дальше. Не поднимая глаз, она задала ментальный вопрос:

— Готовы?

* * *

Возникло ощущение множества разных по настроению согласий: саркастических, заинтересованно радостных, сомневающихся. Тэлзи также ощутила дрожь нетерпения, сдерживаемого только из любопытства, и лоб девушки внезапно покрылся испариной. Кто-то из сопровождающих, похоже, был готов выразить неодобрение тому, что здесь происходило.

Девушка быстро вызвала оглавление федерального законодательства, и смешение испытываемых по отношению к ней чувств стихло, поскольку она вновь завладела вниманием незримой аудитории. Мысли ее в некоторой степени стали беспристрастными, готовыми проанализировать проблему привычным образом и представить решение на их суд. По существу,

проблема являлась не слишком сложной, но в этот раз это было не школьное упражнение. Компания ждала молчаливо, отрешенно, безучастно, пока курсор-указатель осуществлял поиск по библиотечным статьям. Минуты через полторы Тэлзи получила десяток ссылочных иконок. Она вызвала первую ссылку, просмотрела несколько параграфов, слизнула соленый пот с губ и мысленно произнесла, подчеркивая значение каждой подробности предложения так, чтобы исключить неверное толкование:

— Существует федеральный закон, под действие которого попадает ситуация, изначально существовавшая на этой планете…

Ее не перебивали, не комментировали, и вообще никак не вмешивались, пока она шаг за шагом двигалась по этому разделу, а потом плавно перешла к другому, третьему. Прошло больше десяти минут, прежде чем она добралась до конца последнего абзаца и перестала транслировать мысли в пространство. И тут же вокруг ее разума гранатой взорвался спор.

Она в споре не участвовала, наверное, потому, что могла лишь выхватывать обрывки. То ли ее сознательно исключали из обсуждения, то ли обмен мнениями был слишком быстр, чужд и

разнообразен, чтобы человек мог уследить за ним. Но горячность спорщиков не обнадеживала. И было ли разумно полагать, что законы Федерации могут иметь хоть какое-нибудь значение для таких разумов? Тэлзи захлопнула библиотечку и положила рядом с собой. Затем замерла. В омывавших ее ощущениях стало нарастать особое волнение, волна почти неуемной радости, от которой у девушки перехватило дыхание. Засим последовало понимание, что пара злобных темно-красных глаз пытается ее загипнотизировать, и при этом неодолимо приближается. Тэлзи охватил какой-то мистический ужас — ее бросили на растерзание красноглазому кошмару! Она сидела, боясь пошевелиться, чувствуя себя мышью под веником.

Что-то с хрустом вышло из кустарника у нее за спиной. Мышцы непроизвольно напряглись. Но это оказалась всего лишь Тити, которая потерлась головой о плечо хозяйки, затем гибко прошествовала вперед и выбрала позицию между нею и кустами, при этом мех на загривке гребешковой кошки вздыбился, хвост угрожающе раскачивался.

Гнетущая тишина сомкнулась над ними. Круг выжидал. В зелени что-то медленно, тяжело за-

копошилось.

Тити мгновенно обнажила зубы. Она качнула головой в сторону начавшейся сумятицы, уши прижались к черепу, морда превратилась в скалящуюся демоническую маску. Из легких вырвался протяжный рык, наполненный дикой яростью, и попутно жаждой крови и вызовом.

Рычание стихло. В течение нескольких секунд напряжение сохранялось. Затем на Тэлзи накатило чувство облегчения, отчасти смешанного с радостным одобрением. Девушку начало трясти. Надо же так измываться, говорила она себе, ведь это было всего лишь хорошо продуманное испытание… не для нее, конечно, а для бедной Тити. И Тик-Так не подвела — прошла его с честью. То, что в процессе испытания ей почти расшатали нервную систему, совсем не принималось в расчет этой суровой командой…

После этого девушка осознала, что кто-то обращается к ней лично.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы утихомирить судорожно скачущие мысли, чтобы получить более определенную ментограмму. Говорящий, как она потом узнала, был одним из Круга, о котором она раньше ничего не знала. Приходившие мысленные ощущения были

тяжелы и холодны, как железо, и принадлежали персоне, вне всякого сомнения, привыкшей принимать ответственные решения и неукоснительно прослеживать за их исполнением. Круг, чья роль к этой минуте закончилась, слушал его с чем-то большим, чем внимание и уважение. Зеленые глаза еще не до конца успокоившейся Тик-Так по-прежнему сверкали, но она, тем не менее, тоже села, чтобы слушать.

Тэлзи начала понимать.

Предложения девушки, как сообщил ей Железная Воля, могли показаться ничего не стоящими тем глупым башкам, что присутствовали здесь, но он намерен проследить, чтобы человеку справедливо предоставили право доказать свое мнение. Возможно, ему послышались какие-то возражения, спросил он после этого у Круга, выбросив случайный, но жутко натуралистичный гештальт[6] перекусанных хребтов и разодранных глоток, залитых кровью.

Ответом была мертвая тишина. «Так, — протелепатировал Железная Воля, — значит возражений, определенно, нет!» Тик-Так стала ухмыляться, словно довольный котенок.

---

[6] Примечания: 6

Гештальты (нем.) — образные психические структуры, возникающие в мозгу во время мышления.

Когда все было улажено таким авторитетным образом, Железная Воля холодно обратился к Тэлзи, что же конкретно она предлагала им предпринять в сложившейся ситуации?

* * *

Минут двадцать спустя над деревьями парка появился длинный жемчужно-серый спортивный аэрокар Хэлет. Тэлзи, раскрыв юридическую библиотечку на коленях, наблюдала за машиной краем глаза. Она сидела возле озера на открытом месте, явно увлеченная изучением законов. Тик-Так замаскировалась среди кустов десятью метрами выше по берегу, заметила машину мгновением раньше девушки и объявила об этом трехсекундной паузой в своем урчании. Кроме этого, никто из обоих не сделал ни одного движения.

Фонарь кабины был опущен, и Тэлзи могла различить только головы троих людей, сидевших в машине. Делкос, тетушкин шофер, пилотировал аппарат, пока сама Хэлет в компании доктора Друна высматривали беглянку внизу. Делкос не очень жаловал свою нанимательницу. Он только что заметил Тэлзи и помахал крылышками, пытаясь ее предупредить.

Тэлзи отложила библиотечку, набрала в ладошку гальки и стала бросать камешки в воду, чтобы получились «блинчики». Аэрокар прошел слева от нее.

Еще через три минуты она увидела, как крылатая тень скользит по поверхности воды в ее сторону. Сердце бешено заколотилось, но девушка так и не подняла глаз. Урчание Тик-Так продолжалось, выводя ровные неспешные интонации. Кар завис почти прямо над ее головой. Через пару секунд раздался щелчок Урчание прекратилось.

Когда Делкос посадил машину на берегу озера, Тэлзи встала на ноги. Шофер ей улыбнулся. Боковая дверца открылась, Хэлет и доктор Друн оказались лицом к лицу с беглянкой. Хэлет наблюдала за племянницей со снисходительной улыбкой, пока натуралист осторожно укладывал тяжелое совмещенное с парализатором биодетекторное устройство на дно машины.

— Если вы ищите Тик-Так, — сказала Тэлзи, — то ее здесь нет.

Хэлет лишь горестно покачала головой.

— Бесполезно лгать, дорогая! Доктор Друн только что оглушил твою киску.

* * *

В кустах они быстро отыскали Тити. Бедняжка лежала на боку и была своего естественного окраса. Глаза были закрыты, грудная клетка вздымалась и опускалась в размеренном дыхании. Доктор Друн специально для Тэлзи подчеркнул, что ее любимица не испытывает боли, и что парализующее ружье просто аккуратно усыпило зверя. Он также пояснил принцип действия двух наборов ребристых парализующих ремней, которыми ловко опутал лапы Тити. Действие оглушающего заряда прекратится через несколько минут, но контакт с внутренней поверхностью включенных ремней создаст для Тити анестезирующий эффект, и она не сможет двигаться, пока ремни не будут сняты. Ремни, повторил ксенозоолог, не причиняют ей боли.

Тэлзи никак не отреагировала. Она просто наблюдала, как Делкос поднимает безвольное тело до верхушек кустарника при помощи принадлежавшей доктору Друну гравитационной лебедки, чтобы погрузить его в багажник. Остальные последовали за безвольно парящим телом. Делкос первым забрался в кар и открыл в задней части большой грузовой отсек. Тити заплыла внутрь,

отсек закрылся.

— Куда вы ее отвезете? — угрюмо спросила Тэлзи, когда Делкос поднял машину в воздух.

— В космопорт, дорогая, — ответила Хэлет. — И мне, и доктору Друну кажется, что лучше не испытывать твои чувства, излишне затягивая дело.

Тэлзи презрительно сморщила нос, и прошла по салону, чтобы стать за сидением Делкоса. Она на секунду перегнулась через подголовник пилотского кресла. В ногах появилась дрожь.

Шофер, обернувшись к ней, грустно прикрыл глаза.

— Ох, и грязный же фокус она с вами сыграла, мисс Тэлзи! — прошептал он. — Я пытался вас предупредить.

— Я знаю, — Тэлзи вдохнула поглубже. — Делкос, послушай, через минуту кое-что произойдет! Это покажется опасным, но на самом деле все это не так. Постарайся не занервничать… Хорошо?

— Что? — Похоже, Делкос был сильно удивлен, но голоса тем не менее не повысил: — А что должно произойти?

— Нет времени объяснять. Просто запомни, что я сказала.

* * *

Тэлзи отошла на несколько шагов от сиденья водителя, развернулась и, волнуясь, произнесла:

— Хэлет… Доктор Друн…

Хэлет тихо беседовала с доктором Друном, и все же оба посмотрели на девушку.

— Если вы не будете делать резких движений и каких-нибудь глупостей, — быстро произнесла Тэлзи, — то не пострадаете. Если сделаете… что ж, тогда я ни за что не ручаюсь! Видите ли, здесь, в машине, находится не только Тити, но и еще одна гребешковая кошка…

Сказать определенно, в какой именно части машины до этого скрывался Железная Воля, было невозможно. Правая рука доктора Друна быстро метнулась к парализующему устройству, лежавшему рядом с его креслом. Затем он очнулся и замер, его лицо побледнело.

Тэлзи не упрекала ловца в том, что он передумал. Ей показалось, что он, должно быть, необыкновенно храбрый человек, раз вообще решил сопротивляться. Железная Воля был в два раза шире Тик-Так в холке и имел куда более внушительную мускулатуру. Даже ей он казался каким-то дьявольским отродьем. Крапчатую

темно-зеленую шкуру пересекали узоры старых шрамов, половина темно-красного гребня, похоже, была выдрана в драке. Сейчас он потянулся текучим, бесшумным движением вперед, подцепил лапой парализующее ружье и подбросил его вверх. Массивный прибор взмыл по крутой, невероятно стремительной дуге метров на сорок ввысь, по пути теряя отдельные детали, а затем утонул в раскидистой кроне дерева под машиной. Железная Воля лениво развернул голову и посмотрел на Тэлзи желто-огненными глазами.

— Мисс Тэлзи! Мисс Тэлзи! — бормотал у нее за спиной перепуганный Делкос. — А вы уверены, что оно не…

Тэлзи сглотнула. В этот момент она опять почувствовала себя мышью.

— Успокойся! — ответила она Делкосу почти не дрожащим голосом. — На самом деле он очень п-п-п-послушный.

Железная Воля резко, но дружелюбно рассмеялся в ее разуме.

* * *

Жемчужно-серый спортивный кар, теперь закрытый обтекаемым колпаком, опустился на парковочную платформу возле департамента

планетарного модератора, располагавшегося на четырнадцатом этаже башни Шикари[7] — Клуба. Помощник дружелюбно помахал им, указывая на свободную ячейку.

Делкос включил тормоза, заглушил двигатель и спросил:

— И что теперь?

— Мне кажется, — задумчиво отозвалась Тэлзи, — лучше запереть тебя в грузовом отсеке вместе с моей тетей и доктором Друном, пока я буду разговаривать с модератором.

Шофер пожал плечами. Во время неспешного путешествия над парковыми землями к нему по большей части вернулась самоуверенность. Железная Воля никак себя не проявлял, просидел в центре салона, прикрыв веки, и казался демоном смерти, наслаждавшимся благородной дремотой и периодически издававшим звуки, похожие на повизгивание пилы, которые могли быть его персональным вариантом урчания или храпа. Тик-Так, когда Делкос по указанию Тэлзи снял парализующие ремни с ее лап, приветствовала шофера с обычной для нее сдержанной любезностью. Что испытывал он в этот момент, так

---

[7] Примечания: 7

Шикари (англ.) — туземный охотник.

то сильное любопытство, которое Тэлзи пока не собиралась удовлетворять.

— Как скажете, мисс Тэлзи, — согласился он. — Мне жутко не хотелось бы пропустить спектакль, который вы здесь затеяли, но если вы меня не запрете, мисс Хэлет догадается, что я вам помогал, и, как только вы ее выпустите, она меня уволит.

Тэлзи кивнула, затем прислонила ухо к крышке заднего отсека. Из-за дверцы доносились слабые звуки, свидетельствующие о том, что тетушка пришла в себя и теперь у нее истерика.

— Ты мог бы ей передать, — предложила Тэлзи, — что за дверью отсека сидит взрослая гребешковая кошка, которая не переносит шума.

Это было не так, но ни Делкос, ни Хэлет этого знать не могли. Минуту спустя девушка заперла машину и выбралась наружу, жалея, что не одета более официально. В шортах и сандалиях она выглядела ребенком.

* * *

Помощник модератора был озадачен, когда к нему приблизилась Тэлзи с вышагивающей бок о бок с нею Тик-Так.

— Вам никогда не позволят войти в офис с этим, мисс, — сообщил он ей. — На вашей кошечке

даже нет ошейника!

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — надменно заявила Тэлзи.

Она уронила ему в ладонь монетку в два кредита, которую позаимствовала из кошелька Хэлет, и продолжила путь к входу в здание. Служащий покосился на нее, безуспешно пытаясь прогнать странное ощущение, будто крупное, похожее на кошку, животное и девочка отбрасывают двойную тень.

У старшего администратора модератора тоже возникли некоторые сомнения по поводу Тити, и, возможно, относительно шорт ее хозяйки, хотя эту седую благообразную леди изрядно впечатлило, что она разговаривает с дочерью федерального советника Джессамин Амбердон, как это явствовало из удостоверяющей карточки Тэлзи.

— Так вам кажется, что вы можете обсудить это… чрезвычайное происшествие… только с модератором лично, мисс Амбердон? — переспросила она.

— Вот именно, — твердо ответила Тэлзи.

Пока она отвечала, раздался звонок. Администратор извинилась и нацепила наушник. Секунду она слушала, любезно отвечая «Да…

конечно… да, я понимаю». Затем отложила наушник и встала, улыбаясь Тэлзи.

— Будьте любезны пройти со мной, мисс Амбердон, — попросила она, — полагаю, модератор примет вас немедленно…

Тэлзи последовала за ней, задумчиво покусывая губы. Все прошло проще, нежели она предполагала… точнее, слишком просто! Работа Хэлет? Вероятно. Несколько комментариев для достижения цели, вроде «чрезвычайно впечатлительный ребенок… так легко перевозбуждается», сказанных, пока Хэлет выбивала из модератора разрешение на передачу Тик-Так в Хранилища Жизни, с тем подтекстом, что Джессамин Амбердон будет весьма признательна, что если Тэлзи и учинит скандал, то не следует на него реагировать впрямую.

Делать такого рода намеки Хэлет обожала…

* * *

Они прошли сквозь анфиладу элегантно оборудованных кабинетов и коридоров. Вместо поводка Тэлзи держалась за мех на загривке Тити. Их появление вызвало сдержанную волну изумления среди секретарей и клерков. И если кого-то тут или там встревожило мимолетное,

зловещее ощущение, что следом за посетительницей модератора по проходам проследовал не один огромный зверь, а целых два, никто из них не стал подымать шум, посчитав, очевидно, что подобный эффект мог быть всего лишь одномоментным искажением зрительного восприятия. Наконец, впереди открылась пара скользящих дверей, и администратор вывела Тэлзи на балкон, опоясывающий большой, прохладный сад на затененной стороне огромного здания. Высокий, седой мужчина встал из-за стола, за которым он работал, и поклонился Тэлзи. Администратор попятилась и выскользнула за дверь.

— Рад видеть вас, мисс Амбердон, — сказал модератор планеты Джонтаро. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Пока Тэлзи устраивалась в кресле, он с интересом изучал Тик-Так.

— Что я и мой департамент можем сделать для вас? — добавил он.

Тэлзи заколебалась. Она нередко встречалась с людьми такого ранга на Орадо — они составляли окружение ее матери — перед ней предстал опытный дипломат, поразить которого было не просто. Легко можно было предположить, что он пригласил ее в свой кабинет только для того, что-

бы занять на время, пока Хэлет не сообщат о том, где пребывает трудный ребенок Амбердонов, и не попросят прийти и забрать свою подопечную.

То, что она должна была ему сказать, прозвучало бы довольно дико даже из уст человека взрослого. Девушка могла бы предоставить очевидные доказательства своей правоты, но пока модератор не поверит ее рассказу, поступать так было легкомысленно. Старина Железная Воля прикрывал Тэлзи, но если ему покажется, что ее планы, скорее всего, не способны принести успех, ему захочется и дальше верховодить своей дьявольской шайкой…

Уж лучше брать быка за рога без предварительных церемоний, решила Тэлзи. Модератору она, должно быть, представлялась испорченным, неврастеничным, невоспитанным ребенком, да еще распаленным угрозой потерять любимое животное. Он явно ожидал, что девочка немедленно начнет спорить с ним из-за Тик-Так.

— У вас есть личная заинтересованность в том, чтобы спасти балуитских гребешковых кошек от вымирания? — спросила она.

На мгновение в его глазах промелькнуло удивление. Затем он улыбнулся.

— Должен признаться, мисс Амбердон, да, —

мило сообщил он, — мне бы хотелось увидеть, как этот вид будет восстановлен. Считаю, что на мою долю выпала почти невероятная удача, когда представилась возможность поймать двух великолепных зверей прежде, чем болезнь смела их с лица планеты.

Последнее утверждение представлялось Тэлзи менее чем удачным. Она почувствовала острый укол беспокойства, но затем ощутила, что в умах, вытягивающих из ее разума значение слов модератора, они вызвали лишь мимолетный интерес.

— Дело как раз в том, что никакая болезнь гребешковых кошек не сметала, — сказала она, прочистив горло.

Модератор вопросительно посмотрел на нее, и, казалось, пытался угадать, куда она клонит. Тэлзи же, набравшись храбрости, бросилась грудью на амбразуру:

— Хотели бы вы услышать, что произошло на самом деле?

— Послушаю с большим интересом, мисс Амбердон, — ответил модератор, не меняя выражения лица, — но сначала, если вы извините меня на секунду…

Видимо, ему со стола был подан какой-то сигнал, которого Тэлзи не заметила. Он поднял

маленький коммуникатор и сказал:

— Да?

Через несколько секунд он заговорил снова:

— Это довольно странно, верно?.. Да, я бы попробовал… Нет, в этом нет необходимости… Да, пожалуйста, так и сделайте. Заранее благодарю вас.

Он положил коммуникатор на место, лицо его стало очень грустным. Затем, когда его взгляд на мгновение задержался на Тити, он вытащил один из верхних ящиков стола и вновь повернулся к Тэлзи.

— Теперь, мисс Амбердон, — вежливо сказал он, — что вы хотели мне сообщить? Об этих замечательных гребешковых кошках…

Тэлзи гулко сглотнула. Она не слышала слов с другой стороны, но могла предположить, о чем он. Его порученец позвонил в гостевой домик, и горничная Хэлет ответила, что ее хозяйка, а также шофер и доктор Друн отправились искать Тэлзи, пропавшую вместе со своей любимицей. Потом порученец модератора определил номер коммуникатора спортивного кара и попытался дозвониться. И, разумеется, ему никто не ответил.

Модератору, учитывая то, что наговорила ему

Хэлет, вполне могла прийти на ум идиотская мысль, будто юная неврастеничка, с которой он сейчас разговаривает, позволила гребешковой кошке загрызть свою тетю и двух мужчин, как только они с нею пересеклись! Порученец, наверное, уже связался с полицией, чтобы они немедленно начали поиск пропавшего аэрокара.

Когда они сообразят поискать летательную машину на парковочной террасе модератора, Тэлзи знать не могла. Но если Хэлет и доктора Друна выпустят раньше, чем модератор согласится с ее версией случившегося, и эти двое сообщат о присутствии диких гребешковых кошек в Порте Ничи, удержать ситуацию под контролем будет почти невозможно, и тогда пиши пропало.

* * *

Две вещи были в пользу Тэлзи. Во-первых, модератор, похоже, обладал довольно крепкими нервами, что для человека, отловившего двух якобы последних балуитских гребешковых кошек, неудивительно. В приоткрытом ящике стола у него наверняка пистолет, и очевидно, он считал это достаточной мерой предосторожности, если Тити вдруг надумает напасть. Вряд ли он станет впадать в панику. Во-вторых, сам факт, что он

склонен подозревать Тэлзи в тройном убийстве, заставит его уделить пристальное внимание всему, что она скажет. Поверит ли он ей, это, разумеется, уже вопрос другой.

Слегка приободренная подобными рассуждениями, Тэлзи заговорила. Рассказ казался совершенно диким, но модератор проявлял повышенный интерес. Когда она почувствовала, что сообщила достаточно, чтобы сошло для начала, он задумчиво воскликнул:

— Так их болезнь вовсе не скосила… ага, они просто стали прятаться! Если я правильно понимаю, вы говорите, что они спрятались, чтобы избежать на себя охоты?

Тэлзи угрюмо закусила губу, прежде чем ответить.

— Тут я сама не все до конца понимаю, — призналась она. — Правда, я вообще не очень понимаю, почему людям хочется охотиться… на того, кто столь же легко может поймать вас!

— Ну, тут дело, э-э, просто в статистическом раскладе, — пояснил модератор. — Сами понимаете, если у кого-то хватает уверенности…

— Не понимаю, — отрезала девушка. — Гребешковые кошки, похоже, испытывали некие подобные чувства… поначалу. Они уничтожа-

ли одного охотника за каждую застреленную кошку. Люди были для них самой волнительной добычей из всех, с какими они когда-либо сталкивались. Но честная охота закончилась, и люди стали оглушать бедняг из парализующих ружей с аэрокаров, куда зверю было не допрыгнуть, и цеплять их к лебедкам, пока они были беспомощны. После того, как это продолжалось некоторое время, кошки решили скрыться из виду. Но они до сих пор оставались рядом с человеком… и их тысячи и тысячи! Другая вещь, которой о них никто не знает, это то, что они обитали не только в Балуитских горах. Гребешковые кошки населяли обширные леса повсюду, в том числе и на другом конце континента.

— Очень интересно, — заметил модератор, — в самом деле, очень интересно!

Он глянул на коммуникатор, затем вернулся взглядом к Тэлзи и легонько пробарабанил пальцами по столешнице.

По выражению его лица она ничего не могла сказать, но догадывалась, что модератор напряженно ищет выход. В юридическом смысле предполагалось, что на Джонтаро нет местной разумной жизни, и Тэлзи была достаточно предусмотрительна, чтобы пока не говорить о

балуитских кошках иначе, чем как об исключительно смышленых животных. То, как к ней попала эта информация, должно было стать следующим, и довольно важным шагом.

Если модератор спросит об этом, подумала Тэлзи, то она сразу почувствует, поверил ли он ей и поверит ли и дальше, во все остальное.

— Ладно, — внезапно сказал он, — если гребешковые кошки не вымерли, и вымирание им не угрожает, тогда Хранилища Жизни не могут претендовать на вашу любимицу.

Он доверительно улыбнулся.

— Вы ведь пришли из-за этого, не так ли?

— Ну, не совсем, — начала Тэлзи, оказавшись в смятении. — Я…

— О, все в порядке, мисс Амбердон! Я просто аннулирую лицензию, которую выписал для этой цели. Вам больше не придется ни о чем беспокоиться. — Он сделал паузу. — Теперь, у меня остался один вопрос… Вы случайно не знаете, где ваша тетя?

* * *

Тэлзи почувствовала смертельную слабость. Значит, он не поверил ни единому слову. Он просто задерживал свою юную посетительницу,

пока не будет найден аэрокар.

Она глубоко вдохнула.

— Вам лучше выслушать остальное.

— О, — вежливо поинтересовался модератор, — так это еще не все?

— Да, не все! — повела плечами девушка. — Осталось самое важное. Балуитские кошки такие создания, что не стали бы прятаться до бесконечности только из-за того, что их кто-то преследует.

Интересно, что за тень пробежала по лицу модератора?

— А что бы они сделали, мисс Амбердон? — тихо спросил он.

— Если они не имели возможности достать людей в аэрокарах и не могли с ними общаться, — опять тень! — то стали бы искать место, откуда люди приходят, разве не так? Возможно, у них ушли бы годы, чтобы пересечь континент и найти нас здесь, в Порте Ничи. Но, предположим на секунду, кошки сумели сделать это наконец, и несколько тысяч хищников прямо сейчас поджидают там, в парках? Они смогли бы подняться по стенам башен также легко, как взбираются по склонам гор. И предположим, они решили, что единственный способ справиться с проблемой

— очистить Порт Ничи от скверны, под которой они понимают человеческие существа?

Модератор недоверчиво взирал на девушку несколько секунд.

— Итак, вы утверждаете, — наконец медленно проговорил он, — что это разумные существа, а уровень их интеллекта выше критического.

— Ну, если следовать юридическим нормам, — уточнила Тэлзи, — то они, бесспорно, разумны. Я это проверила. Разумны так же, как и мы с вами.

— Вас не затруднит сказать мне, как случилось, что вы узнали об этом?

— Кошки сказали мне, — ответила Тэлзи.

Модератор сделал паузу, попутно изучая лицо собеседницы.

— Вы упомянули, мисс Амбердон, что они не способны общаться с другими человеческими существами. Это заявление свидетельствует об одном: вы — ксенотелепат…

— Я? — раньше Тэлзи этого термина не слышала. — Если это означает тот факт, что я могу сказать про кошек, что они думают, а кошки могут сказать, что думаю я, то полагаю, что ксенотелепат — слово подходящее.

Девушка почувствовала, что ее слова взяли хозяина кабинета за живое, и быстро продолжила:

— Я просмотрела свод федеральных законов, и рассказала кошкам, что они имеют право заключить с Федерацией договор, который закрепит за ними статус ассоциативного члена… и это мигом устранит все недоразумения, возникшие между ними и людьми. Кое-кто из кошек мне поверил. Они решили подождать, пока я не переговорю с вами. Если это сработает — отлично! Если же нет… — у Тэлзи на миг сорвался голос, — то хищники намереваются основательно повеселиться!

Модератор, похоже, не встревожился ни на гран.

— И что же, по вашему, прикажете мне делать?

— Я сказала им, что вы свяжетесь с Советом Федерации на Орадо.

— Вы предлагаете мне связаться с Советом? — холодно переспросил он. — Не имея никаких убедительных доказательств этой истории, кроме вашего фантастического рассказа, мисс Амбердон?

Тэлзи почувствовала быстрое, рассерженное волнение рядом с собой, и побледнела.

— Ладно, — сказала она почти миролюбиво, хотя в груди у нее бушевал пожар, — я предоставлю вам доказательства! Вы вынудили меня это

сделать. Будь, что будет. Но как только кошки выложат карты на стол, у вас будет не более тридцати секунд, чтобы сделать правильный шаг. Надеюсь, вы запомнили мои слова!

Он прочистил горло:

— Милая девочка, я…

— СЕЙЧАС! — произнесла Тэлзи.

И тотчас везде: вдоль стен сада на балконе, возле декоративных цветочных клумб, напротив бортиков каменного бассейна — из ниоткуда возникли гребешковые кошки. Возможно, их было не так уж много, что-то около трех десятков особей. Правда, не все они впечатляли размерами, как, к примеру, Железная Воля, который находился ближе остальных к модератору, но и не сильно от него отличались. Неподвижные как камни, ужасающие как горгульи,[8] они ждали, а их глаза блистали поистине адским весельем.

— Перед вами их Совет, — услышала себя Тэлзи как бы со стороны.

Модератор побледнел в свою очередь. Но, в конце концов, он был опытным шикари и не менее опытным дипломатом. Он неспешно обвел взглядом звериный Круг и тихо произнес:

---

[8] Примечания: 8

Горгульи — архитектурные детали крыши в виде уродливых фантастических птиц.

— Примите мои глубочайшие извинения, что усомнился в ваших словах и ваших способностях, мисс Амбердон! — и потянулся за коммуникатором на столе.

Железная Воля качнул своей демонической головой в сторону Тэлзи. На мгновение она уловила ментальный образ свирепых желтых глаз, но… одобрительно прищурившихся.

— …открытую линию связи с Орадо, — проговорил модератор в микрофон. — Адресат — Совет. И не тяните с вызовом! Ждут очень важные персоны…

Сразу после этого департамент модератора планеты Джонтаро стал крайне оживленным и интересным местом. Почти два часа прошло, прежде чем кто-то сообразил еще раз спросить Тэлзи, где сейчас ее тетя.

Тэлзи хлопнула себя по лбу.

— Совсем про них забыла! — призналась она, выуживая из кармана ключи от спортивного кара. — Они, все втроем, там, на парковочной платформе…

* * *

Две недели спустя предварительные соглашения по договору между Федерацией Ядра

Звездного Скопления и новым ассоциативным членом с планеты Джонтаро официально были ратифицированы, церемония проходила в шампанском зале Шикари-Клуба.

Тэлзи наблюдала за торжествами по транслятору новостей из своей корабельной каюты. К тому времени она и Хэлет уже возвращались на Орадо. Подробности договора не слишком ее интересовали, они почти точно согласовывались с тем, что она прочитала в парке Железной Воле, его лидерам-соратникам и сопровождающим. Ее внимание привлекло плавное возведение мостов над широкой языковой пропастью между договаривающимися сторонами рядом интерпретирующих компьютеров и многочисленной группой людей-ксенотелепатов.

Когда передача закончилась, из совмещенной каюты забрела на огонек красотка Хэлет.

— Знаешь, я тоже смотрела! — заметила Хэлет, лучезарно улыбаясь. — Все надеялась увидеть нашу дорогую Тик-Так.

Тэлзи удостоила тетушку снисходительного взгляда.

— Ну, Тити вряд ли пришла бы в голову мысль заявиться в Порт Ничи, — сказал она, — когда она с удовольствием осваивает хребет Балуит. Да еще

в компании с этим мускулистым красавцем.

— Наверное, это так, — согласилась Хэлет, усаживаясь на пуфик. — Но я рада, что она пообещала вновь связаться с нами через несколько лет. Мне будет ее очень не хватать.

Тэлзи нахмурилась. Конечно же, Хэлет говорила совершенно искренне. Видно, что за последние полмесяца у нее в душе произошли глубокие перемены. Однако у девушки по-прежнему оставались некоторые сомнения насчет подлинной истинности перемен в человеке, вызванных телепатическими средствами. Оказалось, что процесс обучения, инициированный гребешковыми кошками в ее разуме, автоматически продолжался несколькими сутками дольше, чем рассчитывали на то ее суровые четвероногие учителя. И у Тэлзи имелись основания считать, что к концу этого срока она разовьет имеющиеся у нее латентные способности, о которых гребешковые кошки никогда даже не слышали. Она только-только начала во всем этом разбираться, однако… в качестве всего лишь упражнения… обнаружила, что может с легкостью обратить в противоположность наиболее неприятные черты характера Хэлет. У нее ушла пара дней, чтобы разобраться в личной символике тетушки,

и после этого не осталось никаких проблем.

Она была уверена, что пока что не преступила законов, хотя разделы юридической библиотечки, относившиеся к использованию и злоупотреблению пси-способностями, были настолько запутаны замысловатыми и неопределенными фразами — намеренно, как подозревала Тэлзи, — что понять их истинный смысл было чрезвычайно сложно. Но даже если не брать это во внимание, оставались несколько аргументов в пользу того, чтобы быть начеку.

К примеру, Джессамин наверняка обеспокоится здоровьем своей золовки, если Хэлет появится на Орадо в образе этакого ангела во плоти, даже, несмотря на то, что подобный нравственный метаморфоз будет способствовать улучшению атмосферы в доме Амбердонов.

— Хэлет, — ментально спросила Тэлзи, — ты помнишь, какой подлюкой ты была раньше?

— Конечно, дорогая, — ответила Хэлет вслух. — Я едва могу дождаться, чтобы рассказать Джессамин, как сильно сожалею, что множество раз я…

— Ну, — продолжила Тэлзи, по-прежнему выражаясь без слов, — мне кажется, ты ощутила бы большую радость от жизни, если бы стала, скажем, средним арифметическим между врединой,

какой была прежде, и приторно-доброй занудой, какой я наблюдаю тебя сейчас.

— О душа моя, Тэлзи! — воскликнула тетушка с дружелюбным энтузиазмом: — До чего же очаровательная идея родилась в твоей головке!

— Тогда давай попробуем, — ответила Тэлзи.

После этого в каюте минут на двадцать наступила тишина, пока она скрупулезно изменяла некоторые особенности характера Хэлет во второй раз. И все равно у нее оставалось дурное предчувствие. Но если понадобится, всегда можно вернуть в точности прежнюю Хэлет.

Пси, повторяла себе Тэлзи снова и снова, это такие способности, которые стоит не только уважать, но и бояться! Эх, поскорее бы закончить школу. Устранив подобное препятствие, она могла бы начать свою игру, чтобы поскорее выяснить, кто в Федерации Ядра Звездного Скопления способен обучить одаренного новичка должному обращению со своими пси-способностями…

В тихом омуте…

(повесть)

Глава 1

На космическом терминале Орадо-сити компьютер таможенного комитета и службы здравоохранения потихоньку проверял пассажиров, прибывших на лайнере с Джонтаро. Это был псионный компьютер чудовищных габаритов: он занимал целую стену огромного вестибюля, вдоль которой поток путешественников продвигался к своему ранее досмотренному багажу и, затем, к выходам в город. Невидимые за основанием стены, бронированной, как и корпуса всех федеральных псионных машин, используемых в общественных местах, обслуживающие ее техники сидели в отдельных кабинках, устремив глаза на шкалы и индикаторы. Они были готовы задействовать переключатели локализации по первому же тревожному сигналу.

Сенсоры компьютера искали контрабандные и облагаемые пошлинами товары и одновременно подтверждали медицинское здоровье пассажиров. Уже одно подозрение на наличие вредных или незарегистрированных организмов, активных или дремлющих, тут же привело бы в действие персонал карантинной службы, ожидавший в конце направляющих дорожек, чтобы

вежливо сопроводить подозреваемого в комнату предварительного задержания для тщательного досмотра. Таможенные агенты ожидали подозрений другого рода.

Это была надежная и ненавязчивая процедура, не причинявшая ненужных неудобств и задержек. К настоящему времени она была настолько широко взята на вооружение в основных космопортах Федерации Ядра Звездного Скопления, что искушенные путешественники воспринимали ее просто как данность. Однако у компьютера имелись такие специфические возможности, о которых ни в таможне, ни в службе здравоохранения ничего не знали. В комнате напротив космопорта сидели двое и пристально смотрели на определенный набор приборов, подключенных к сканерам компьютера. Над этими приборами располагался широкий телеэкран, на котором демонстрировался таможенный зал. В комнате, похоже, ничего не происходило, пока приблизительно с треть пассажиров с Джонтаро не прошла через чувствительное поле компьютера. Но вот приборы внезапно ожили, и из прорези в столе перед сидевшим с левой стороны человеком выскочила карта идентификации личности.

Он, взглянув на карту, сказал:

— Тэлзи Амбердон. Вот он, наш голубок. Отслеживайте ее!

Человек справа хмыкнул, подняв глаза на экран, где камера телеобзора резко сместилась в точку несколькими метрами впереди девочки, только что вошедшей в зал. Элегантно одетая, с маленькой сумочкой в руках, она выглядела стройным, невинным подростком, готовым вот-вот превратиться в загорелую, голубоглазую девушку с роскошными каштановыми волосами. Когда камера, сопровождая девочку, двинулась вдоль направляющей дорожки, человек справа замкнул некий контакт на панели управления.

Одновременно произошли два события. На потолке раскрылась цепь почти микроскопических отверстий, из которых выдвинулись нацеленные на девушку игольчатые парализаторы. А за стеной одна из крылатых машин «скорой помощи» поднялась с места парковки у выхода, сместилась на несколько метров вперед и вновь зависла. Если девочка, паче чаяния, потеряет сознание, ее увезут из зала в считанные секунды, и это происшествие останется почти незамеченным для всех, кроме тех пассажиров, которые окажутся поблизости.

— Если она вам нужна, — произнес человек

справа, — мы готовы.

— Сейчас определим.

Первый наблюдатель опустил идентификационную карту в прибор перед собой и стал медленно нажимать откалиброванный рычаг, наблюдая за лицом девушки на телеэкране.

Ее глаза ненадолго распахнулись от удивления, затем выражение лица сменилось явным интересом. Через мгновение наблюдатель испытал на себе давящее ощущение вопроса, тревоги, поиска.

В его разуме неожиданно сложились слова:

— Кто там? Кто-то со мной только что говорил?

Человек справа фыркнул.

— Да она простушка!

— Возможно, — первый наблюдатель выглядел задумчиво. — Но не советую расслабляться. Между прочим, отклик второго класса.

Он ждал, пока ощущение вопроса колебалось у него в мозгу, затем на несколько секунд усилилось и, наконец, стихло. Он выбрал другой рычаг на панели приборов и опустил его вниз.

На этот раз подвижные черты лица девушки никак не отреагировали, и ничто не коснулось его разума. Наблюдатель сместил взгляд на недвижную и строго вертикальную стрелку

индикатора перед собой, понаблюдал за ней в течение минуты, и отпустил рычаг. Вытащив идентификационную карту из прибора, он проверил закодированные на ней факторы, и вернул в прорезь на столе.

В сорока двух километрах от космопорта в Орадо-сити, в главном комплексе Федерального Психологического Сервиса, открылась другая прорезь, и копия карты выскользнула на стол. Ее тут же подобрали.

— Идентифицирована, помечена и никогда об этом не узнает, — заметил первый наблюдатель. — Можете отзывать слежку. Пятнадцать лет, — добавил он. — В первый раз замечена две недели назад…

На потолке таможенного зала закрылись крохотные отверстия, а поджидавшая потенциального пациента машина «скорой помощи» медленно вернулась к месту парковки.

* * *

Посетитель, высокопоставленный федеральный чиновник, говорил сдержанно спокойным тоном.

— Мне, как и всем остальным, — произнес он, — позволили поверить, что инспекцион-

ные машины, поставляемые Психологическим Сервисом таможенному комитету и службе здравоохранения, блюдут принцип анонимности граждан.

Он сделал многозначительную паузу.

— Совершенно очевидно, что это никак не согласуется с возможностью, только что продемонстрированной нам, идентифицировать личность по закодированной карте!

Боддо, директор восемьдесят четвертого отдела Психологического Сервиса, положил перед собой идентификационную карту, помеченную именем Тэлзи Амбердон. Секунду он смотрел на нее, ничего не говоря. Вытянутое, скуластое лицо и сдвинутые на переносице густые брови делали его похожим на Мефистофеля. Его гость недавно был назначен на высокий федеральный пост, из-за чего и возникла насущная необходимость сообщить недоступную для обывателей информацию в отношении средств и методов работы Психологического Сервиса. Два дня его пичкали этой информацией, переводя из отдела в отдел, и вот проявились не редкие в подобных обстоятельствах симптомы накопившегося шока.

Политика в таких случаях основывалась на допущении, что посетитель обладает изрядным

интеллектом — в противном случае его бы здесь не было. Ему следовало предоставить достаточно времени, чтобы преодолеть шок и пересмотреть свои устоявшиеся взгляды. Если же бедняга не справится с непосильным для себя грузом, то его разум деликатно подправят, еще до того, как он покинет штаб-квартиру, и он позабудет большую часть того, что узнал, и неизбежно найдет достойную причину подыскать себе другую работу… Точнее, такую работу, где не возникнет необходимости в тесных контактах с Психологическим Сервисом.

Боддо, как человек дружелюбный, решил сделать все от него зависящее, чтобы помочь этому ничего не подозревающему стажеру преодолеть критическую черту.

— Не предполагалось, что таможенный компьютер окажется способен идентифицировать личность, — согласился он. — Но я верю, вам уже известно, что многие выпускаемые нами псионные машины не ограничиваются одними явно выполняемыми функциями.

— Разумеется, я понимаю, что требовать абсолютной искренности от правительственного агентства возможно не всегда, — посетитель указал на односторонний экран, через который

можно было смотреть сверху на помещения космопорта: — Но ведь это же намеренный, запланированный обман. Если я правильно понял только что произошедшее, так называемая таможенная машина, которая должна бы просто обеспечивать пассажирам беспрепятственный проход и охрану здоровья наших граждан, не только идентифицирует для вас ничего не подозревающих людей, но и фактически читает их мысли.

— Последнее в довольно ограниченных пределах, — терпеливо произнес Боддо. — Машина далека от того, чтобы быть устройством, во всех смыслах лучшим для подобных целей. На практике пси-воздействию подвергается исчезающе малая группа людей. Лично меня вовсе не интересует вторжение в мысли обыкновенного мужчины или женщины. А если бы даже я и захотел, у меня нет на это времени. Восемьдесят четвертый отдел — это ответвление разведки Психологического Сервиса, которое изучает, регистрирует, отслеживает и сообщает о пси и реальных или мнимых пси-проявлениях лиц, не связанных с Сервисом. В этом кабинете координируется подобная информация. Больше нас ничто не интересует.

— Я полагаю, — продолжал Боддо, — вам рассказали о программе повсеместного общего применения усовершенствованных психонных машин по всему Ядру, планируемой в самом недалеком будущем?

— Да, и мне это очень не нравится, — сказал посетитель. — Тайное использование, для которого сегодня поставляются эти машины, безусловно, весьма нежелательное явление. Каковы гарантии того, что дальнейшее распространение ваших устройств не приведет к превращению Федерации в полицейское государство с совершенно неконтролируемой властью над умами населения? Искушение… от возможности манипулирования общественным сознанием… трудно преодолеть.

— А если этого и не произойдет, — добавил он через некоторое время, — через несколько десятилетий ситуация все равно станет столь же скверной, если не хуже. Психонные машины неизбежно преумножат уже существующие серьезные проблемы — организованную преступность, силовые методы решения политических вопросов, жадность, глупость и равнодушие.

— Напрасно вы так думаете, — ответил Боддо. — Как понимаю положение дел я, последова-

тельное, систематическое введение псионных машин должно постепенно решить упомянутые вами проблемы по мере того, как программа будет разворачиваться.

— Не вижу, каким образом, — отозвался посетитель. — Если только не по этой причине вы выслеживаете так называемых пси. Умелая кампания по переключению общественного внимания к людям такого рода могла бы очень легко представить псионные машины в безобидном свете по сравнению с пси.

— Хм… — Боддо надул губы. — Так уж случилось, что цель существования нашего ведомства почти противоположна тому, что вы предлагаете.

— Не понимаю, — коротко среагировал гость.

— Меньше всего на свете, — пояснил Боддо, — мы хотели бы привлечь внимание общественности к информации, которую собирает наше ведомство. Сервис, разумеется, ведет непрерывную кампанию по многим фронтам, чтобы снизить враждебность и волнение по поводу псионных машин. Наша особая задача — предотвращать происшествия, возникающие из-за действий людей-пси, которые могли бы усилить эти чувства. Или, если их поступки невозможно

предотвратить, предоставить им объясниться, не причиняя им вреда, и получить заверения, что подобное не повторится.

Чиновник сердито нахмурился.

— Я все равно не понимаю… Какие происшествия?

— Мы не в последнюю очередь, — терпеливо ответил Боддо, — беспокоимся о том, что могут учинить лозоискатели, профессиональные ментасканеры или предсказатели судьбы. Вовсе нет. Общественность к ним привыкла и в массе своей относится к ним, как к безобидным чудакам. Когда проявление способностей такого человека в достаточной степени заслуживает доверия, мы называем его или ее пси первого класса. Первый класс распадается на несколько более конкретных категорий — на восемнадцать, если быть точным, — и работает стереотипно. На самом деле, первый класс едва ли не определяется собственными ограничениями.

— Значит…

— Да, — сказал Боддо, — есть и другой, второй класс. Представители его редкие птицы. Но, благодаря недавним прорывам в теории и практике психоники, выявлять их стало намного проще, чем раньше. Нам кажется, что самым желаемым

местом для второго класса в настоящий момент является Психологический Сервис. Чуть позднее я представлю вас лично некоторым из них.

— Меня… и что это за люди?

Боддо пожал плечами.

— Не слишком примечательные, если рассматривать в отрыве от их талантов. Если вы встретитесь со средним представителем второго класса, то увидите нормального, возможно, отчасти необычно здорового человека. Что же касается пси-таланта, то со всем, что может класс первый, класс второй, развивший в себе ту же линию, справляется гораздо лучше. И «второклассники» почти никогда не ограничены одной специализацией, и даже двумя или тремя. В этом отношении их таланты более тесно соотносятся с обычными человеческими способностями и приобретенными навыками. Их феноменальные, не побоюсь этого слова, дары могут быть исследованы, направлены, натренированы и развиты.

— Развиты? И до каких же пределов? — заинтересовался чиновник.

— Это зависит только от индивида. Я упоминал чтение мыслей. У второго класса, обладающего этой способностью, это может проявляться от общих впечатлений, как у первого класса, до ощу-

щения отдельных конкретных деталей. Вплоть до буквального чтения мыслей. — Боддо задумчиво посмотрел на посетителя: — Очень немногие могут рассказать, что происходит в разуме, на который они направляют свое внимание, так же легко и точно, словно читают книгу. Существование подобных людей и есть одна из тех вещей, которые мы предпочли бы не разглашать. Подобная акция могла бы вызвать неблагоприятные последствия.

На лице гостя появились сомнение и тревога.

— Понимаю. Подобные ненормальные способности ставят обычного человека в чрезвычайно неравные условия по сравнению с этими… как их, «второклассниками».

— Отчасти вы правы, — вынужден был признать Боддо. — Однако тот же обычный человек оказывается в столь же неравных условиях, когда ему противостоит кто-то значительно более умный или опытный, чем он, или кто-то, кто попросту целится в него, например, из бластера. И, поверьте, обыватель с гораздо большей вероятностью столкнется именно с такими трудностями. Совершенно неправдоподобно, чтобы он привлек к себе внимание способного телепата второго класса хотя бы однажды за всю свою

жизнь. Но, если так действительно случится, и телепат заинтересуется обычным человеком, все равно нет оснований считать, что он сделает это с какими-либо недобрыми намерениями.

Посетитель прочистил горло.

— Но пси-преступники ведь существуют?

— Конечно, существуют, — ответил Боддо.

— И какие же шаги предпринимает ваше ведомство, чтобы защитить от них общество?

Боддо потряс головой.

— Не поймите меня превратно, — сказал он. — Присматривать за обществом — это не наше дело. Уверен, вы знаете, что единственная категория преступлений, которые беспокоят Психологический Сервис непосредственно, это преступления, направленные против Федерации и человечества. Это касается и тех случаев, когда в преступление вовлечены пси. Второй класс становится предметом нашего интереса, только если он способен в неблагоприятном смысле повлиять на психоническую программу. Значит, неважно, совершает ли он в действительности преступление или нет. Мы подавляем таких отщепенцев очень быстро и очень надежно. Разумеется, косвенно, что действительно защищает общество.

Боддо ослабил тугой воротничок.

— Обычно, дело не в злом умысле. «Второклассник» может проявить беспечность, или начнет участвовать в гонках на выживание за счет своих соседей. Этим он себя забавляет. Но в результате привлекает к себе внимание. Порой происходят странные вещи, которые, рассуждая привычным образом, на первый взгляд невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла. Иной раз такие инциденты служат причиной некоторых домыслов, но обычно затем благополучно забываются. В настоящий момент возможны и более серьезные последствия от проявления самодеятельности пси. И мы пытаемся такие предотвратить. Если нужно, предоставляем прикрывающие разъяснения и делаем все, что необходимо для того, чтобы взять пси-нарушителя под контроль.

— Каким образом вы контролируете подобных индивидуумов? — спросил гость.

Боддо взял в руки личную идентификационную карту Тэлзи Амбердон.

— Давайте рассмотрим случай юной пси, которая не так давно прошла через космический терминал, — сказал он. — Это хорошо проиллюстрирует нашу обычную методику.

Он несколько раз моргнул, рассматривая зако-

дированную на карте информацию, перевернул карту, вставил ее один раз в небольшой приемник, помеченный шильдой «Для периодического наблюдения», снова извлек карту и уронил ее в прорезь для хранения.

— Нам было известно, что эта пси сегодня прибывает на Орадо, — продолжил он. — Ранее мы с ней не контактировали, был только один поступивший ранее отчет, который указывал, что она действовала как ксенотелепат. То есть, ментально общалась с представителями негуманоидной телепатической расы. Эта редкая способность появляется у относительно небольшого числа пси, ее обладатель чаще всего является «второклассником», не сумевшим пока развить сопутствующие таланты.

Он мечтательно поглядел в окно.

— Проверка, осуществленная в космопорте, сразу же показала, что этот подросток к первому классу не относится. Она начала учиться читать мысли людей. Правда, с ограничениями, возможно, связанными главным образом с отсутствием опыта. А еще она открыла для себя искусство телегипноза — это ошибочное название процесса, не имеющего никакого отношения к обычным методам гипнотического внушения, хотя он дает,

в общем, схожие результаты. Все эти пси-изменения произошли в ней за минувшие несколько недель.

Гость бросил на него испуганный взгляд.

— Вы говорите так, словно этот ребенок представляется вам довольно опасным!

Боддо пожал плечами.

— Поскольку это касается нашего ведомства, сейчас девчушка просто представитель второго класса, с весьма хорошим, но по-прежнему большей частью не вскрытым потенциалом. Она восприняла краткий, специально направленный на нее телепатический импульс, но не почувствовала, когда ее мозг был просканирован нашим компьютером. По-настоящему зрелый «второклассник» это почувствовал бы мгновенно. Так же она не осознала, что машина поместила в ее разум принуждающий императив.

— Принуждающий императив? — переспросил чиновник.

— В сущности, теперь у нее появилась искусственная совесть в отношении ее же паранормальных талантов, которая предполагает, среди прочего, что она должна постоянно искать надлежащее одобрение для того, чтобы ими воспользоваться. Это стандартная процедура, ко-

торой мы подвергаем носителей второго класса сразу после их выявления.

— Это мешает им пользоваться своими экстраординарными способностями?

— Не обязательно. Зато вызывает у них стремление не причинять и малейшего вреда, но если они в достаточной мере обладают свободой воли и мотивации, то, скорее всего, «второклассники» способны преодолеть навязанный им извне императив. Это, наверняка, произойдет, если они выяснят, что произошло. Это бывает с некоторыми из них. И все же императив накладывает на них некоторое ограничение, и со временем приводит довольно многих из них в Психологический Сервис… что, разумеется, именно то, чего мы от них добиваемся.

Посетитель задумался.

— Что бы вы сделали, если бы девушка, например, ощутила, что таможенная машина исследует ее разум?

Боддо на секунду улыбнулся.

— Это зависит от ее реакции. В этом случае процедура могла бы стать несколько сложнее. Конечный результат был бы почти тем же — мы бы все равно внедрили ей императив.

Последовала пауза. Чиновник надолго задумал-

ся. Наконец, он вымолвил:

— Значит, вам кажется, что методы надзора Сервиса за пси адекватны юридическим нормам Ядра?

— Похоже, они довольно хорошо удерживают пси второго класса от причинения неприятностей Федерации, — сказал Боддо. — Естественно, наши методы эффективны не на сто процентов. Например, мы не можем рассчитывать на то, что сможем их всех взять на учет. Во-вторых, есть дивергентная группа, которую мы называем между собой непредсказуемой. В сущности, они такие и есть. Мы могли бы сказать, что единственная вещь, которую они проявляют в совокупности, это чрезвычайно переменчивое развитие пси-способностей.

— Что вы делаете с ними?

— У нас нет рецепта, как справляться с непредсказуемыми, — признался Боддо. — Пытаться разработать такой, который был бы достаточно гибок, чтобы годился на все случаи жизни, практически невозможно. И потом, они крайне редко встречаются.

— Так редко, что нет причин тревожиться из-за них?

Почесав щеку, Боддо заметил:

— Служба не относит непредсказуемых к объектам серьезного беспокойства.

Глава 2

Тэлзи Амбердон сидела, закрыв глаза, подтянув колени и обхватив их руками, на диване на своей стороне спаренного бунгало 18–19 девяносто второго студенческого двора Пехенрон-колледжа. Когда ее взгляд обратился к светящимся розовым стрелкам часов на противоположной стене комнаты, до восхода солнца на Орадо оставалось не многим более часа. Значит, она всю ночь не сомкнула глаз, хотя только под утро стала волнами накатывать сонливость.

Кроме света от стрелок часов, в комнате было темно, поскольку ставни были закрыты. Девушка подумала, а не включить ли свет, но существовала вероятность, что выборочная проверка автоматических мониторов колледжа зарегистрирует этот факт, и мисс Юлейт, старший советник девяносто второй секции, скорее всего утром заявится, чтобы напомнить Тэлзи, что пятнадцатилетней девушке, даже если ей удалось стать привилегированным студентом Почетной Звезды, просто необходимо регулярно высыпаться.

Как раз сейчас было бы неудобно, если нотация будет сопровождаться приостановкой привилегий, положенных почетному студенту. Так что хочешь, не хочешь, а свет включать не стоило. В конце концов, свет, чтобы сидеть здесь и копаться в сознании ничего не подозревающего и к тому же дружелюбного создания, чем Тэлзи, собственно говоря, и занималась всю ночь, абсолютно не нужен.

Если бы зондируемый разум знал, что с ним делают, то он поддержал бы мисс Юлейт в данном вопросе. Но разум этого не знал и даже не подозревал. Это был разум здоровенного пса по кличке Чомир, принадлежавшего Гонвил Ладис. Она занимала другую часть бунгало и являлась лучшей подругой Тэлзи по колледжу, хотя почти на четыре года была старше.

Оба, и Гонвил и Чомир, спали, только Чомир спал урывками. Думать подолгу, о чем-то одном, псу было не дано, и несколько часов Тэлзи устало держала его в состоянии полусна, снова и снова возвращая к определенным тревожным событиям, в которых тот не разобрался, когда они реально произошли. Большую часть ночи пес провел в состоянии смутного раздражения, хотя его инквизитор был осторожен, чтобы не обост-

рять собачьих чувств настолько, чтобы Чомир проснулся.

Тэлзи такое положение вещей тоже не нравилось. Исследование этой части разума Чомира напоминало блуждание по темному болоту, которое время от времени сотрясалось и было окутано удушающим туманом. Иногда нервы почти не выдерживали, когда из воспоминаний животного ей передавались порывы непонятного бешенства, ярко озаренные пережитыми ощущениями. Однако разочаровывало то, что расшифрованные кусочки конкретной информации оставались затуманены мутными, редкими, кошмарными переживаниями, которые, похоже, были единственной формой, в какой эти воспоминания можно было извлечь из собачьей памяти. Получить же информацию было крайне важно: девушка имела основания подозревать, что переживания Чомира могли означать, что кто-то готовит убийство его хозяйки.

Она ввязалась в это расследование чисто случайно. Гонвил была одной из немногих людей, кому Тэлзи рассказала о своей недавно приобретенной способности заглядывать в чужой разум. Днем Гонвил прогуливалась с Чомиром по лесистым холмам в окрестностях Пехенрон-кол-

леджа. Внезапно, без видимой причины, Чомир взъярился, мгновение что-то высматривал и вынюхивал, а затем, ощетинившись, с рычанием бросился в кусты. Его хозяйка, испугавшись, понеслась за ним, выкрикивая: «Осторожно! Злая собака!», ибо Чомир, хоть обычно представлял собой весьма благовоспитанную зверюгу, по своим физическим данным был способен с легкостью разорвать человека или чьего-нибудь домашнего любимца в мгновение ока. Ладис догнала его буквально через несколько сотен метров и увидела, что его злость пропала также быстро, как и появилась. Вместо этого пес вел себя странным образом смущенно и взволнованно.

Гонвил подумала, что он просто учуял дикое животное. Но его поведение оставалось загадкой — Чомир всегда относился к любым формам местной дикой фауны так, словно они были недостойны его внимания. Наполовину в шутку, поскольку она не совсем была убеждена в способности Тэлзи действительно читать мысли, Гонвил предложила ей воспользоваться своим даром, чтобы выяснить причину беспокойства пса. И Тэлзи пообещала попробовать, но только после того, как Чомир уляжется. Это была ее первая попытка изучить собачье сознание, и она

могла оказаться весьма перспективной.

Чомир оказался легко доступным для зондирования, гораздо легче, чем полдесятка человеческих разумов, в которые Тэлзи уже заглядывала. В подобных случаях требовались долгие часы предварительного поиска, чтобы подобрать индивидуальные мысленные схемы и крепко в них вцепиться. В сознание Чомира она проникла приблизительно через полчаса. Некоторое время большая часть того, с чем она сталкивалась, представлялось ей гротескно искаженным и малопонятным. Затем у Тэлзи в мозгу, как бы внезапно, включилось некое переводящее устройство, что вообще-то было характерным свойством ксенотелепата, и девушка поняла, что начинает преобразовывать собачьи ощущения в термины, имевшие конкретный смысл и для человека. Это было немного похоже на ситуацию, когда вдруг догадываешься, как работает незнакомый механизм. Примерно с час Тэлзи потратила на исследования и всяческие опыты. Затем, решив, что сможет в своих целях удовлетворительно контролировать Чомира, она направила его мысли в сторону случившегося сегодня днем.

Часом позже, или что-то около того, она остано-

вилась, чтобы оба участника пси-эксперимента смогли малость передохнуть.

Происшествие на холмах все равно казалось необъяснимым, но стало обретать явно зловещие обертоны. Если бы у Чомира имелось представление о нереальном, он мог бы применить его к тому, что произошло. Тогда он понял бы, ощутив при этом вспышку ярости, что где-то поблизости находится тип, которого он запомнил по предыдущей встрече и который представлял огромную опасность для Гонвил. Он и в лес-то устремился с четким намерением оторвать башку этому типу, да тот опять куда-то исчез.

Именно из-за этого Чомир пребывал в запутанном и взволнованном состоянии. Опасный для Гонвил тип одновременно и был и не был там. Чомир испытывал приблизительно те же чувства, какие могли быть у человека после встречи с призраком, растворившимся в воздухе почти сразу после того, как его заметили.

Тэлзи попыталась вызвать гештальт предыдущей встречи с таинственным незнакомцем, но столкнулась с такой растерянностью и бешенством, что не смогла получить четких деталей. Иногда в них проскакивало ощущение каких-то белых стен… возможно, просторного помещения

с белыми стенами… и узколицый человек, который каким-то образом умудрялся оставаться за пределами досягаемости зубов Чомира.

К этому моменту Тэлзи почувствовала некое волнение. Явно случилось нечто неординарное. И предположение, что узколицый незнакомец действительно представлял для Гонвил угрозу…

Не поверив ни единому слову, Гонвил со смехом рассказала подруге историю, которую она слышала о себе с малолетства. О том, что на Тэйане, планете, с которой она прибыла на Орадо, чтобы стать студенткой Пехенрона, остались люди, ответственные за смерть ее родителей. Это произошло, когда малютке было меньше года, и эти люди собирались со временем убить и Гонвил, как завершающий акт мести за какое-то зло, якобы причиненное им ее отцом.

На Тэйане, по-видимому, сохранялись традиции узаконенной вендетты, так что история могла оказаться вполне правдоподобной. Но так, как ее пересказала Гонвил, она представлялась крайне маловероятной.

С другой стороны, у кого еще могли быть причины желать Гонвил вреда?

В ту минуту, когда она задала себе этот вопрос, Тэлзи испытала резкий приступ животного стра-

ха. Потому что теперь, когда мысль о причинах пришла ей в голову, она тут же смогла ответить на свой вопрос. Да, она знала людей, которые могли желать Гонвил смерти, но не из-за вендетты, а по логичной до тривиальности причине: они отхватили бы весьма недурственные денежки, умри Гонвил в течение нескольких последующих месяцев.

Некоторое время девушка сидела спокойно, едва поддерживая контакт с Чомиром, чтобы прокрутить пришедшую мысль со всех сторон, рассмотреть ее и дать развиться. Если Тэлзи оказалась права, получалась совершенно отвратительная вещь, и, к сожалению, она не видела никаких доводов, говорящих о противном.

Итак, в конце прошлого лета ее пригласили провести несколько дней с Гонвил в гостевом домике дамы, которая приходилась ей ближайшей родственницей и очень близким другом, и которая должна была сделать на Орадо набольшую остановку перед возвращением на Тэйан. Выражаясь корректно, визит получился не совсем успешным, хотя Гонвил об этом так ничего и не узнала. У Тэлзи со всем семейством Парлин — отцом, матерью и сыном — практически с первого взгляда возникло сильнейшее чувство взаим-

ной антипатии, однако обе стороны соблюдали внешние приличия. Марло Парлин была привлекательной, энергичной женщиной, полностью затмевавшей своего мужа и сына. С Гонвил она едва ли не целовалась каждую минуту.

Как слышала Тэлзи, именно Марло всегда была всерьез озабочена, что Гонвил может когда-нибудь настичь гипотетическая вендетта…

Когда родители уехали, Парлин-младший остался на Орадо с единственным намерением убедить Гонвил стать его невестой. Хотя он и не был ей противен, идея выйти замуж за него совсем не грела сироту. Но, опасаясь больше задеть чувства матери, чем самого сыночка, она не могла отшить Парлина-младшего с необходимой решительностью. По крайней мере, он продолжал раз за разом возвращаться к вопросу о скорой женитьбе.

Тэлзи подумала, что ни ей, ни подруге никогда раньше не приходила в голову мысль о том, что Гонвил унаследовала огромное финансовое состояние, которым в настоящий момент распоряжалась Марло, и которым она распоряжалась бы и в дальнейшем, если бы ухаживания ее сына привели к успеху… Или, если бы Гонвил довелось умереть раньше, чем она достигнет совершен-

нолетия, а до него оставалось всего каких-то три месяца.

Несмотря на неопределенность Гонвил в отношении Парлина-младшего, для него самого и для его матери могло уже стать очевидным, что план с женитьбой потерпел фиаско.

Как-то не рассчитываешь, что люди, с которыми ты знаком, даже если они тебе не слишком нравятся, способны спланировать убийство. Слишком уж это ненормально. Но на деле убийство являлось самым распространенным преступлением по всей территории Ядра Звездного Скопления, и было общеизвестно, что наиболее изощренные убийцы довольно регулярно избегают наказания, ибо законодательство пыталось справляться с ними не более чем на словах. Федеральная юриспруденция — это конструкция из компромиссов во всем, кроме основ, главной целью которой являлось удержание шести сотен миллиардов человек, проживающих более чем в тысяче полуавтономных солнечных систем, от конфликтов в сфере оптовых торговых операций. База общепринятых правовых процедур и прецедентов медленно, но неуклонно расширялась с каждым годом. Именно поэтому юриспруденция являлась на редкость эффективной. И в то же

время отдельные граждане могли неожиданно для себя оказаться в ситуации, когда федеральные органы пожимали плечами и оказывалось, что, в сущности, они ничем помочь не могут и советовали позаботиться о себе самостоятельно.

Именно убийство, если, конечно, не рассматривать самые тривиальные случаи, часто провоцировало подобные ситуации. Для них существовал юридический термин с не совсем правовым подтекстом: частная война.

Первым желанием Тэлзи было разбудить Гонвил и рассказать, какая мысль ей пришла на ум. Не сразу, но она отвергла этот порыв. К тому, что Гонвил знала, Тэлзи могла добавить лишь свой отчет о переживаниях Чомира. Пока же эти переживания ничего не доказывали. Даже теоретически она не способна была принять, что Марло желала ее смерти. И в попытке опровергнуть это обвинение бедняжка запросто могла сделать что-нибудь такое, что усугубило бы опасность.

Первым делом нужно было добыть более убедительные доказательства грозящей опасности, и Тэлзи вернулась к своему контакту с Чомиром.

* * *

Под утро девушка призналась себе, что с псом продвинуться дальше не удалось. На ее понукания он отзывался все более неохотно. К тому времени того, что она поймала, было достаточно, чтобы понять — в его памяти на самом деле есть свидетельства какой-то готовящейся злой выходки, но не более того. Разум животного сотрудничать дольше не мог.

Она должна была дать Чомиру отдохнуть по крайне мере несколько часов. Когда он будет свеж, можно без проблем подобраться к тому, что нужно.

Тэлзи ослабила связь с мозгом пса, отстранилась от нее, почувствовала, как та гаснет в ее сознании. Вновь открыв глаза, она зевнула, вздохнула, дотянулась до края дивана и ткнула в панель управления ставнями. На дальней стене появилось окно; в предрассветной тиши студенческого двора мягко покачивались ветви кустарника в крохотном саду при бунгало. Тэлзи обратила затуманенный взгляд к настенным часам.

Через полтора часа ее отец войдет в свой офис в Орадо-сити. Город располагался всего в часе лета

на аэрокаре, а ей в этом деле поскорее нужно было получить его помощь и совет. Если планируется смерть Гонвил, то это вопрос нескольких дней. Марло и ее муж, наверное, уже на пути в Орадо в рамках своего традиционного ежегодного визита, а ненавистный знакомец Чомира появился только вчера. Начала опасного периода следует ожидать с прибытием Марло.

Девушка вновь ощутила себя бодрой после того, как приняла душ, оделась и позавтракала. Солнечный свет заглянул во двор. Тэлзи глянула на наручные часы, сгребла свой личный коммуникатор, прицепила сверкающий пропуск студента Почетной Звезды на панаму и ткнула звонок интеркома бунгало.

Через несколько секунд из динамика раздался сонный голос Гонвил:

— Э-э… кто это…

— Я.

— О… Чего так рано?

— День на дворе, — сказала Тэлзи. — Слушай, я лечу в Орадо-сити. Нужно повидаться с отцом. Улетаю прямо сейчас. Если будут спрашивать, скажи, вернусь к обеду или перезвоню.

— Ладно.

Гонвил различимо на слух зевнула.

— Кстати, — продолжила Тэлзи, — когда, ты сказала, должны прилететь мистер и миссис Парлин?

— Послезавтра… так в последний раз говорил Младший. А что?

— Есть какие-нибудь планы на начало каникул?

— Ну, просто держаться подальше от сынка моих родственников. У него вроде тоже планы на мои каникулы.

— Я тут придумала кое-что, что должно тебе помочь, — сказала Тэлзи.

— Прекрасно! — сердечно воскликнула Гонвил. — И что же именно?

— Расскажу, когда вернусь. После обеда сможешь сорваться с занятий?

Гонвил с сомнением цокнула языком.

— Мне нужно добить еще шесть чипов с тестами, а двенадцатый курс финансов — это такая мура! Думаю, что смогу с ними управиться. И займусь прямо сейчас… Эй, погоди-ка! Ты выяснила что-нибудь насчет… ну, насчет вчерашнего?

— Мы начали довольно успешно, — ответила Тэлзи. — Но выяснила я не очень много.

* * *

Она забралась на водительское место стоявшего под навесом бунгало легкого «Небореза» и вывела его на крытую транспортную дорожку. Пропуск студента Почетной Звезды позволил ей миновать защитный экран одного из выходов Пехенрона без проблем, и уже через минуту маленький аэрокар пронзал синеву, устремляясь на восток.

Через двадцать километров Тэлзи вновь сверилась с часами, сделала настройку, чтобы «Неборез» влился в одну из центральных транспортных магистралей Орадо-сити, и отпустила управление. Сейчас ее отец готовится покинуть свой отель. Она набрала его номер на коммуникаторе кара и вбила свой личный символ.

Джилас Амбердон ответил сразу. Подтвердил, что уже уходит, и да, он был бы счастлив увидеться с ней в своем офисе где-то через сорок-сорок пять минут. А в чем дело?

— Кое-какие соображения о ксенотелепатии, — ответила Тэлзи туманно.

— Ладно, давай побеседуем, — его голос чуть сменил интонацию.

— Джилас, это займет немного времени.

— Я всегда могу уделить тебе время.

Он выслушал рассказ дочери о том, как она попыталась исследовать память Чомира, и к каким выводам она, как ей кажется, пришла. Убедить Гонвил не появляться на глаза Младшему, чтобы избежать приставаний женишка, день или два будет несложно, но вот потом, из-за ее веры в Марло, могут возникнуть дополнительные трудности.

После того, как Тэлзи закончила, Джилас немного помолчал. Затем сказал:

— Прямо сейчас я сделаю две вещи, Тэлзи.

— Да?

— Я попрошу агентство «Кайт Интерстеллар» прислать оперативника, чтобы обсудить ситуацию. Желательно, самого Дэсинджера, если он, конечно, не занят. Если таинственный незнакомец останется в окрестностях Пехенронколледжа, агентство сможет установить кто он, и чего хочет. Конечно, его поиски могут оказаться не самым главным.

Тэлзи почувствовала прилив облегчения.

— Ты думаешь, что Марло Парлин…

— Идеи на этот счет появятся у нас довольно скоро. Уже тот факт, что ситуация между Гонвил и Парлинами, как ты описываешь, в отношении

права распоряжаться вкладами в случае ее смерти, сам по себе требует тщательного изучения. Миссис Парлин, пусть она еще не дотянула до высшей лиги, оценивается на Тэйане как одна из самых ловких финансовых воротил.

— Гонвил говорит, она воистину великолепна.

— Может быть, — ответил Джилас. — В любом случае, мы начнем проверку с того, что определим, имелись ли ранее у местного правосудия хоть какие-то сомнения по поводу связи с криминалом в ее сделках. Тем временем мы будем действовать, исходя из предположения, что опасность существует, и она близка. Твоя идея увезти Гонвил на пару дней подальше от колледжа, или пока мы не увидим всю ситуацию более ясно, мне по душе, девочка. Мы это обсудим, когда ты сюда доберешься.

— Хорошо.

— Я не совсем понимаю, — продолжил Джилас, — как мы собираемся разъяснить оперативнику то, что хотим предпринять в отношении человека, с которым дважды столкнулась собака, не открыв при этом ничего о твоих э-э… довольно оригинальных… методах расследования.

— Никак. Я уже думала об этом.

Чувствовалось, что он колеблется.

— Ладно, агентство Дэсинджера держит рот на замке о делах своих клиентов, за это честь ему и хвала. Информация дальше не пойдет. Летишь на своем каре?

— Да.

— Тогда сажай его прямо на мою частную площадку. Рейвия проводит тебя в офис.

Глава 3

Отключив коммуникатор, Тэлзи посмотрела на часы. Последующие тридцать минут «Неборез» на автопилоте продолжит движение по направлению к одной из входящих в Орадо-сити аэротрасс. Когда он вольется в трассу, она могла бы сэкономить время, взявшись за управление. А сейчас можно немного вздремнуть, чтобы как-то возместить потерянный сон.

Она поуютней устроилась на водительском кресле и закрыла глаза.

Немедленно в ее разуме стала возникать фигура, создававшая впечатление своей огромности. Тэлзи болезненно дернулась. Больше недели прошло с тех пор, как Пси-коп в последний раз выбирался из ее подсознания, чтобы прочесть ей нотацию. Она уже надеялась, что избавилась

от него, наконец. Но он вернулся, гигант с металлическим лицом, казавшийся похожим на что-то среднее между грубияном-аэропатрульным Орадо-сити и человекообразным роботом. А вернувшись, Пси-коп немедленно стал предупреждать свою подопечную, что она принимает участие в деятельности, которая может привести к чрезвычайно серьезным неприятностям…

Она резко распахнула глаза, и коп исчез. Но вместе с ним исчезло и желание вздремнуть. Принуждающий императив против использования телепатии, которым ее кто-то заботливо одарил, постепенно ослабевал. Но длительный сеанс с Чомиром мог его опять расшевелить, и он породил очередную серию кошмаров, где за Тэлзи, пытаясь ее арестовать, гоняется Пси-коп. Так что полчаса ужасных видений вряд ли освежили бы ее мозг перед встречей с детективам и Джиласа.

Тэлзи выпрямилась и, хмурясь, уставилась в горизонт. Еще два месяца назад никто не мог предвидеть осложнений, вроде того же Пси-копа, когда гребешковые кошки на Джонтаро разбудили дремлющий в девушке до поры до времени дар. В тот момент перспективы жизни в качестве пси казались довольно заманчивыми. Но стоило сойти с корабля в Орадо-сити, как у нее начались

проблемы.

Во-первых, в таможенном зале она ощутила прикосновение чего-то, очень напоминавшего мощный импульс чужого разума. Через несколько секунд после того, как импульс пропал, Тэлзи поняла, что он был недостаточно упорядочен, чтобы быть содержательной мыслью другого телепата. Но подозрений у нее тогда не возникло. Таможенники использовали инспекционные машины на психонической энергии, и, видимо, она ненадолго оказалась в поле действия. Следовательно, ее разум поймал краткий всплеск психонных помех, исходящих от машины.

Потом она забыла об этом происшествии, потому что в космопорте ее встретила мать. Федеральному советнику Джессамин Амбердон сообщили о событиях на Джонтаро, и, похоже, она была из-за них сильно встревожена. Тэлзи мгновенно взяли в оборот, прогнали через серию психологических тестов, дабы убедиться, что ее здоровье не пострадало. Только после того, как результаты не показали заметных изменений в ее психическом состоянии, точнее, их, изменений, вообще не было выявлено, Джессамин, кажется, окончательно успокоилась.

— Джилас сразу же предпринял меры, чтобы

о твоем участии в событиях на Джонтаро умолчали, — сообщила она Тэлзи. — И к тому же… ну, подумаешь, ксенотелепатия, едва ли это так важно! Полагаю, ты вряд ли столкнешься вновь с инопланетянами-телепатами.

Она улыбнулась.

— Должна признаться, дорогая, я сильно беспокоилась, но, похоже, ты ни чуточки не пострадала. Теперь мы можем обо всем просто забыть.

Тэлзи была не слишком удивлена. Джессамин была ласковой и понимающей матерью, но склонность к консерватизму, которая становилась характерной для младших членов Большого Федерального Совета, уже начинала брать над ней верх. Осторожные расспросы на борту корабля уже показали Тэлзи, что обыватели Ядра Звездного Скопления относят паранормальные способности, вроде телепатии или телекинеза, к сомнительным достижениям человеческого разума, если, конечно, не считают их просто досужим вымыслом. Джессамин прекрасно понимала, что слухи, будто Тэлзи стала не от мира сего, никак не способствуют грядущей блистательной карьере, которую она прочила дочери.

Чтобы признаться матери, что в Тэлзи пышным цветом расцвели новые таланты, время

было явно неподходящим. Через несколько дней Джессамин предстояло покинуть Орадо в составе грозного Комитета Этического Надзора, и, может быть, поездка займет несколько месяцев. Не стоило ее огорчать перед разлукой.

Что же касалось отца девушки, то это дело другое. Джилас Амбердон, исполнительный директор банка «Ринн» Орадо-сити мог, если бы захотел, вести себя настолько консервативно, что весь Комитет Этического Надзора мог показаться организацией несерьезной. Но напускная суровость и показная ортодоксальность никогда не обманывали его дочь, и Джилас не разочаровал ее и на этот раз.

— Похоже, девочка, — заметил он в ходе их первого, после ее возвращения, разговора с глазу на глаз, — ты усвоила принцип, что редко выигрываешь оттого, что создаешь о себе слишком экзотическое впечатление.

— Похоже, что так, — признала Тэлзи.

— И, разумеется, — продолжил Джилас, — если кто-то оказывается слишком экзотичен, то когда он преуменьшает свою экзотичность, это иногда может оказаться для него выгодным.

— Да, — согласилась Тэлзи, — я уже думала об этом.

Джилас откинулся на спинку кресла и сплел на затылке пальцы. Это была его обычная менторская поза, хотя на этот раз чтение нотаций, видимо, не планировалось.

— Какие у тебя планы? — спросил он.

— Сперва хочу окончить школу, — сказала Тэлзи. — Мне кажется, я смогу закончить Пехенрон годика через два, если не слишком увлекусь чем-нибудь еще.

Отец кивнул.

— А потом?

— А потом я могла бы заняться изучением телепатии и психоники в целом. Похоже, это может оказаться очень увлекательным занятием.

— Неплохая программа, — рассеяно заметил Джилас. Он достал сигарету и задумчиво закурил.

— Психоника — это предмет, — заявил он, — о котором я не знаю почти ничего. И в этом твой отец, Тэлзи, не уникален. Какие бы исследования ни проводились в данной области, с некоторых пор они перестали доводиться до широкой публики. Не публикуют никаких серьезных материалов.

— Откуда ты знаешь? — слегка нахмурилась Тэлзи.

— Как только я узнал о твоих, надо сказать, весь-

ма любопытных приключениях на Джонтаро, то начал частное расследование. Следственное агентство в настоящий момент собирает, сортирует и систематизирует всю доступную информацию по психонике. Из-за общей атмосферы секретности им не было сказано, на кого они работают. Собранные ими результаты пересылаются мне по анонимному почтовому индексу.

Ого, ну и молоток папуля! Он не смог бы устроить все лучше, даже расскажи она ему, чего именно хочет.

— Насколько полезен полученный нами материал, это еще надо посмотреть, — подвел итог Джилас. — Но у нас впереди два года, чтобы обдумать, какие можно еще найти подходы к интересующему вопросу.

Тэлзи забрала с собой в колледж стопку чипов, уже переправленных следственным агентством в банк. Еще во время путешествия с Джонтаро, когда она просмотрела библиотеку космолайнера, стало очевидно, что по поводу психоники в Ядре происходит нечто загадочное. Выражалось это в недостатке информации. Девушка обнаружила множество сведений о психонных машинах под правительственным контролем, но все сводилось к тому, что это устройства, стоящие миллиарды

кредитов; функциональные схемы их, которые пока не могла воспроизвести ни одна частная организация, были окутаны тайной, хотя многие из этих компьютеров уже несколько лет служили обществу.

О пси же практически не было ничего.

Тем вечером у себя в Пехенроне она внимательно изучила чипы следственного агентства. И опять ничего принципиально нового для себя не обнаружила. Все это едва ли могло быть случайностью.

Позже впервые ночью Тэлзи приснился Психоп. Он топал за ней и что-то рокотал о поступивших на нее жалобах. И почему-то это сильно ее напугало. Она проснулась с дико колотящимся сердцем. Выпив воды, она снова улеглась, чтобы поразмышлять о причинах своего испуга.

Сон был скорее нелепым, но девушку по-прежнему бросало в дрожь. Ей раньше почти никогда не снились кошмары. Но из второго курса психологии она узнала, что сон, в особенности кошмар, всегда символизирует нечто важное для спящего, и существовали различные методики самоанализа, которыми можно было воспользоваться, чтобы отследить первопричину кошмара.

Чтобы раскрыть источник, породивший сим-

вол Пси-копа, ушло около часа.

В природе его появления не было серьезных разночтений. Ей был внушен ряд установок, хитро переплетенных с различными аспектами ее внутренней жизни и завязанных на точки эмоционального возбуждения. Когда она действовала вопреки установкам, возникало беспокойство. И в результате возникал зловещий сон.

Некоторое время она покопалась во внедренных мыслях, потом решила оставить их в покое. Если учебники по психологии не врут, ни что, спрятанное в ее разуме, не сможет всерьез побеспокоить, если она пристально это изучит.

Вопрос был в том, кто был заинтересован внушить ей те или иные инструкции? Кто не желал, чтобы она самостоятельно экспериментировала с психоникой и проявляла на сей счет излишнее любопытство?

С этого момента отдельные детали стали складываться в единое целое…

Странный всплеск психонных помех, когда проходила таможенный зал космического терминала в Орадо-сити… Тэлзи подумала о нем с ощущением пугающего открытия.

Конечно, не предполагалось, что машина Таможенного Комитета способна воздействовать на

человеческий разум. Но она относилась к тому же классу, что и псионные устройства в реабилитационных центрах и институтах психической терапии, которые действительно читали мысли, воздействовали на человеческий разум и могли реформировать его. Разница, вероятно, заключалась в том, что таможенные машины были приспособлены для решения других задач.

Но Федеральный Психологический Сервис, организация, занимавшаяся разработкой, конструированием и обслуживанием всех имеющихся в наличии псионных машин, тщательно оберегала любые подробности, связанные с их разработкой и конструкцией. Объяснялось это прежде всего тем, что требовались дальнейшие эксперименты, прежде чем предложить общественности такие подробности без опаски. А это означало, что если Пси-Сервис пожелает, чтобы в любую из ее машин было встроено что-то секретное, то оно будет в нее встроено. И это могло относиться к чему-то, что передает в разум человека-пси приказ либо вступать на службу в Психологический Сервис, либо прекратить пользоваться своими паранормальными способностями.

Если грубо, то именно этого требовали от Тэлзи моральные установки, которые были внедрены

в ее сознание.

Но с какой целью?

Поняла она это не сразу… И, вероятно, ей не следовало удивляться. Сон помог раскрыть фокус, и это привело девушку на порог чего-то такого, о чем в Психологическом Сервисе не хотели, чтоб это стало известно.

Это была крайне неуютная мысль. Тэлзи достаточно наслушалась политических разговоров среди коллег своей матери, чтобы знать: в вопросах огромного значения Федерация могла действовать весьма решительным, беспощадным образом. А здесь было что-то, некий план в связи с пси и психоникой, и, очевидно, достаточно важный, чтобы держать в неведении даже младших членов Большого Федерального Совета! Джессамин выразила бы совсем иную тревогу, будь у нее малейшее подозрение, что ветвь федерального правительства заинтересована в ксенотелепатическом опыте ее дочери.

Тэлзи задумчиво потерла шею. Она могла держать подобные мысли при себе, но ничего не могла поделать с тем, что у нее возникли такие мысли. И если Психологический Сервис вновь заглянет в ее разум, его работникам может совсем не понравиться, о чем она думает.

Что же ей делать?

План был связан, разумеется, со сверхсекретными психонными машинами. Одна такая машина, скорее всего принадлежавшая фактически к самому передовому классу читающих мысли машин, о которой она могла получить информацию из первых рук, находилась в отцовском банке «Ринн». Там она могла узнать что-нибудь, что дополнило бы общую картину.

Эту машину активно использовали «Трансзвездные Финансы», гигантский центральный банк, регулировавший деловую активность основных финансовых домов более чем в половине миров Федерации, и имевший больше реальной власти, нежели любой десяток планетарных правительств. В сфере финансовой этики «Трансзвездные» создали собственные законы и вынуждали остальных контрагентов выполнять их неукоснительно. Огромные суммы денег часто повисали в спорах между компаньонами, и тогда на помощь призывались машины, вероятно более неподкупные и аккуратные, чем человек, чтобы помочь уладить взаимные обвинения и претензии.

Двое членов судебного персонала банка «Ринн», специализировавшиеся на этических слушаниях,

были рады узнать об академическом интересе Тэлзи к предмету их компетентности. Они пояснили порядок разбора дел, в которых в немалой степени применялся псионный верификатор. На деле огромная машина-телепат в течение нескольких минут могла вытащить из человеческого разума любую информацию, имеющую хоть мало-мальски отношение к конкретному слушанию. Участника, желавшего представить свои утверждения на верификацию, оставляли одного в основательно экранированной камере. Затем его оттуда выпускали, а верификатор сообщал арбитрам слушания то, что он обнаружил. Отчет воспринимался, как неопровержимое свидетельство, не подлежащее дальнейшему сомнению.

Поверенным «Ринна» казалось, что введение псионической верификации на самом деле внесло заметное улучшение в этические стандарты по всей обширной финансовой сети «Межзвездных». Разумеется, машину можно было обмануть. Никого не принуждали использовать псионные компьютеры, и в большинстве случаев они программировались для получения сведений из памяти испытуемых конкретных деталей, говорящих в пользу той или иной претензии, поданной на верификацию. Иногда из-за этого ре-

шение по слушанию выносилось скорее в пользу той стороны, которая наиболее искусно давала показания в выгодном для верификации свете, чем та сторона, что была права на самом деле. В конце концов, верификатор являлся всего лишь машиной, пусть и очень сложной машиной, и, как машина, игнорировал все, что выходило за рамки вложенных в него инструкций, даже если зондируемый мозг содержал дополнительную информацию, непосредственно относящуюся к делу. Это настолько явно демонстрировалось на практике, что ни у одного здравомыслящего человека не оставалось и тени сомнений на этот счет. Чтобы успокоить тех, кто сомневался, стоит ли разрешать читающей мысли машине входить в контакт с его разумом, все использованные в слушании дела ментозаписи стирались из памяти верификатора, как только дело считалось закрытым.

А это, подумала Тэлзи, укладывается в общую картину. Никаких доказательств, что верификаторы «Межзвездных» действуют так, как это подразумевалось, не оставалось… Если не учитывать, что за пятнадцать лет в ходе бесчисленных слушаний они неизменно создавали впечатление, будто воспользоваться ими в иных целях

невозможно. Но полученная ею информация говорила о том, что верификаторы по своим возможностям куда более широкие и, вероятно, гораздо более сложные инструменты, чем машина Таможенного Комитета в космопорте Орадо-сити. А из той машины, которая обязана была быть совсем нетелепатической, когда Тэлзи проходила мимо, незаметно выскочил псионный перст, чтобы поместить в разум девушки узелок навязчивых установок.

Так что же в таком случае делали верификаторы?

Один из них был установлен совсем неподалеку, в сердце финансов Ядра Звездного Скопления, ключевой точке всей Федерации. Каждое мгновение сюда стекалась важнейшая информация с многих тысяч миров, протекая в близком соседстве от читающего мысли устройства Психологического Сервиса.

Могло ли это устройство для зондирования разумов, представляемых ему в ходе этических слушаний, действительно быть ограничено лишь конкретным минутным интервалом?

Тэлзи стало любопытно, что сказали бы эти двое дружелюбно настроенных по отношению к дочери своего шефа поверенных, расскажи она,

что думает обо всем этом.

Но, разумеется, Тэлзи ничего им не сказала.

* * *

Это было похоже на блуждание за сценой, когда попадаешь туда случайно, не понимая, куда попал, и вдруг сознаешь, что видишь то, что происходит за кулисами.

И все же, какова бы ни была цель происходящего, случайные наблюдатели не приветствовались.

Она могла бы на цыпочках уйти прочь, но пока Пси-Сервис теоретически мог в любой момент заглянуть ей в голову, чтобы посмотреть, что она затевает, это ничего не меняло. Рано или поздно туда заглянут. И снова вмешаются, но на этот раз, вероятно, более серьезным образом.

Пока что способа обойти преимущество, под которым подразумевалась возможность работников Психологического Сервиса зондировать чужие мысли, похоже, у Тэлзи не было. Разумеется, существовали ментоблоки. Но даже если бы она знала, как разыскать кого-нибудь, кто захотел бы ей установить такой, считалось, что ментоблоки становятся опасными для психического здоровья, если пользоваться ими слишком долго.

А если бы у нее был ментоблок, ей пришлось бы пользоваться им долго. Нет, ментоблоки были не таким решением, которое она искала.

Однажды, через несколько дней после ее беседы со специалистами по этическим слушаниям, у Тэлзи появилось странное чувство, что искомый ответ находится совсем недалеко. Но ничего более в тот раз не случилось, и ощущение быстро испарилось. Время от времени в ее снах внезапно оживал Пси-коп, но каждый раз с меньшим эффектом, чем раньше. И еще реже он появлялся в ее сознании, когда она в течение нескольких часов уделяла все свое внимание учебе. В целом, Пси-коп был незначительной помехой. Похоже, что лежащие в его основе принуждающие установки сильно пошатнулись из-за того, что неугомонная подопечная, как только их обнаружила, покопалась вокруг и постаралась их развалить.

Но это опять же могло просто подсказать Психологическому Сервису, что в следующий раз надо будет принять гораздо более эффективные меры…

Вот так обстояли дела в начале третьей недели после возвращения Тэлзи с Джонтаро. Затем, однажды днем, она встретила чужака — уроженца некислородного мира, который космокартогра-

фы обозначали кодовым символом. Этот чужак обладал хорошо развитым психонным талантом.

* * *

В тот день она провела несколько часов в одном из основных университетов Орадо-сити, собирая сведения для очередного учебного задания, и, покидая здание, прошла через вестибюль, где было выставлено с десяток террариумов с естественной средой обитания миров, дико контрастирующих по сравнению с землеподобным Орадо. В одном из них, занимавшим по объему около тысячи кубических метров и демонстрировавшим мешанину из покрытых застывшей коростой камней, поднимавшихся над поверхностью маслянистой желтой жидкости, и находился вышеупомянутый чужак. Создание растянулось на камнях словно огромная неровная масса прозрачного зеленого желе с разбросанными по всей поверхности малиновыми пятнами. Пятна эти были разнообразны по форме и медленно перемещались.

Это показалось Тэлзи странным. Девушка торопилась и не уделила бы чужаку внимания более, чем мимолетный взгляд сквозь защитное энергополе, формировавшее переднюю прозрачную

стену, если бы не поймала краткий телепатический импульс из террариума в тот момент, когда проходила мимо. Само по себе это было не слишком необычно. Кругом, если прислушаться, периодически возникал рассеянный псионный шум человеческого или животного происхождения, или и того и другого вместе, но, как правило, этот шум был неосмысленным и мутным, будто кто-то, вдыхая, издавал неопределенный звук.

Пришедший от инопланетного существа импульс показался совсем другим. Это мог быть почти заданный шепотом вопрос, выразительный поиск разумного телепата.

Тэлзи остановилась и напряглась, вглядываясь в чужака. Он лежал без движения, и импульс не повторялся. Возможно, она ошиблась.

Она сложила мысль, что-то вроде легкого, беспечного «Привет, ты кто?», и мягко направила ее в сторону зеленой желеобразной массы, разлегшейся на камнях.

По телу существа пробежала медленная дрожь. А затем внезапно что-то обрушилось на Тэлзи. И обрушилось с ошеломляющей силой. Она почувствовала, как отшатнулась от террариума; на мгновение появилось ощущение, что вот-вот последует следующий удар, и даже подняла ру-

ку, чтобы отвести его. Потом оказалось, что она сидит на скамье в дальнем конце вестибюля, а облаченный в форму служащий озабоченно спрашивает, как она себя чувствует. Похоже, она впервые в жизни лишилась чувств. Он поднял ее с пола и перенес на скамью.

У Тэлзи кружилась голова, но не настолько, чтобы она выдала ему правду. Она не совсем понимала, что же именно там произошло, но это определенно надо было оставить при себе. Служащему она сказала первое, что пришло в голову: будто пропустила обед и внезапно ощутила слабость под ложечкой. Это все, что она помнит.

Кажется, он несколько расслабился.

— Наверху есть кафетерий.

Тэлзи улыбнулась и кивнула.

— Я съем что-нибудь, и все будет в порядке.

Она поднялась. Но служащий так просто не отстал. Он проводил девушку до кафетерия, поддерживая за локоть, будто она была немощной пожилой дамой. Усадив ее за стол, он поинтересовался, чего бы она хотела, принес заказ и даже сел напротив.

— Кажется, с вами все в порядке! — заметил он, наконец. Но тревога пока не исчезла из его глаз. — Меня это несколько напугало, мисс, —

продолжил он, — потому что кое-что аналогичное произошло где-то с полгода назад.

— Да, и что же это было? — спросила Тэлзи, сделав глоток пенящегося напитка шоколадного цвета, который стоял перед ней. Она совсем не была голодна, но служащий явно не собирался покидать столик до тех пор, пока она не допьет.

Другой посетитель, сказал служащий, хорошо одетый джентльмен, который стоял почти на том же месте, где стояла Тэлзи. Так уж случилось, что служащий смотрел в его сторону, когда мужчина внезапно застонал, захрипел, закачался из стороны в сторону, а потом рухнул на пол.

— Только в тот раз, — сказал служащий, — он умер раньше, чем подоспела помощь. И, хм, его лицо… ладно, простите меня. Не хочу портить вам аппетит. Но дело тогда было плохо.

Тэлзи не отрывала глаз от напитка:

— Выяснили, отчего он умер?

— Мне сказали, что что-то с сердцем, — служащий с сомнением покачал головой. — М-да, острая сердечная недостаточность… Ну, полагаю, должно быть это и так. Тем более, что существа, которых держат в вестибюле, весьма своеобразны. Когда работаешь неподалеку, это здорово нервирует.

— Какие существа? — прикинулась простушкой Тэлзи.

Он покачал головой, сказав, что у них нет названий. Федеральные экспедиции привозят их то из одного места, то из другого, а держат их здесь, каждое в соответствующей среде, чтобы университетские ученые могли их изучать в естественных условиях и, при этом, не покидая собственного здания. По мнению служащего, это настолько противоестественные твари, что публику не следовало бы пускать в вестибюль. Но не он придумывал правила. Разумеется, через силовое поле они никому и никакие могли причинить вреда из своих террариумов. Однако сегодня он здорово встревожился, когда увидел, как уже второй посетитель свалился перед тем самым террариумом.

К этому моменту каждая подробность случившегося возродилась в памяти Тэлзи. Желеобразное создание определенно могло причинять вред людям даже сквозь энергетические экраны, окружавшие его загон… если, конечно, эти люди оказывались телепатами. Оно находило психические каналы, по которым могло посылать беспощадные волны психонной энергии. Так что предыдущий несчастный посетитель был пси,

который так же, как и она, ничего не подозревая, откликнулся на пробный шепот инопланетного существа, а затем нашел страшную смерть.

Она попалась в ту же ловушку, но сумела избежать смерти. В первую секунду парализованного смятения, уже теряя сознание, она представила себе картину, как поднимает руку, чтобы защититься от яростных ударов существа. Разумеется, она этого не делала, удары же были не физическими, и рукой от них не защитишься. Но таким же рефлекторным образом она немедленно сделала что-то еще, что-то неосознанное, даже не зная толком, что именно, но поступила так, потому что это был рефлекторный и единственно возможный оборонительный шаг, который она могла предпринять в подобной ситуации.

Теперь она знала, что это был за шаг. Что-то, казавшееся хрупким, как мыльный пузырь, окружило ее разум. Но оболочка не была ни хрупкой, ни податливой. Это была оболочка психонной энергии, которую Тэлзи мгновенно создала, чтобы остановить психонные атаки создания, когда остальные ее чувства померкли.

Оболочка по-прежнему окружала ее разум, поддерживаемая небольшим участком сознания. Она ощущала уверенность, что может сбросить

ее в любой момент, а затем вновь нацепить, как только пожелает… Хотя она не собиралась этого делать, пока не окажется на приличном расстоянии от враждебного мозга в террариуме внизу.

Хотя, ему не обязательно быть враждебным существом, подумала Тэлзи. Возможно, оно просто действовало так, как поступило бы в своем мире, где другие телепатические создания могли быть естественной добычей, которую, когда она приближалась, обманом заставляли раскрыться, а потом набрасывались на нее.

Десять минут спустя она уселась в тихом месте общественного парка, где могла спокойно заняться исследованием своего псионного пузыря и его свойствами так, чтобы ее никто не беспокоил. Через час или около того она решила, что на данный момент узнала о пузыре достаточно и вернулась в вестибюль, где стояли террариумы. На посту теперь стоял другой служащий, а примерно с полдесятка посетителей разглядывали одного жильца террариума за другим.

Тэлзи заняла скамью напротив загона с зеленым желеобразным чужаком. Он лежал без движения на камнях, и не выказывал никакой тревоги по поводу ее возвращения. Она приоткрыла кусочек пузыря и бросила в него резкое

«Эй, ты!». Это была по определению недружелюбная мысль.

В ответ он немедленно обрушился на нее с такой яростью, которая, кажется, потрясла весь вестибюль. Но пузырь был своевременно закрыт, и ничего серьезного с девушкой не произошло. Служащий и люди дальше по вестибюлю, очевидно, ничего не почувствовали. Дело касалось исключительно двух пси.

Тэлзи подождала, пока прошла минута, другая, прежде чем послала чужаку очередную колкую мысль. На этот раз он отреагировал медленнее, а когда отреагировал, оказалось, что проделал это с гораздо меньшим энтузиазмом. Возможно, ему не понравилось, что его выпады отскакивали от пузыря обратно.

Чужак убил пси-человека и попытался убить ее, но настоящей злобы к нему Тэлзи не испытывала. Для этого он просто был слишком иным. Однако она могла создать мысль-ненависть, если бы поработала, и девушка воспользовалась своим новым умением. Затем открыла пузырь и выстрелила ненавистью в чужака.

Чужеродная тварь затрепетала. Она отвечала ударами яростно и тщетно. Но Тэлзи опять хлестнула тварь ненавистью, и та снова затряслась.

Возможно, в бессильной злобе.

Через минуту чужак неожиданно скорчился и стек по камням в маслянистую желтую жидкость, плескавшуюся вокруг. Он в панике пытался убежать, но бежать было некуда. Тэлзи осторожно встала и подошла к террариуму, где он, сжавшись, ждал у дальней стены. Создалось впечатление, что он крайне озабочен тем, чтобы избежать дальнейших неприятностей со стороны этой юной, но могучей телепатки. Она раскрыла пузырь шире, чем раньше, хотя все еще с некоторой осторожностью, нащупала телепатические каналы чужака и проследовала по ним в его разум. Сопротивления почти не было, но она слегка вздрогнула. Полученное впечатление очень грубо переводилось в человеческие понятия, но это было рыдание, испуганное и беспомощное. Существо ждало, что его вот-вот прикончат.

Еще несколько минут она поизучала чуждый разум, затем отстранилась, и покинула вестибюль с террариумами. Делать что-либо еще с желеобразным зеленым инопланетянином было не нужно. Он был не слишком разумен, но память у него была превосходной.

Он больше никогда, никогда, никогда не попытается напасть на этих жутких пси-людей снова.

* * *

Насчет пузыря у Тэлзи возникло забавное ощущение. Это было нечто, с чем она, казалось, была непосредственно знакома более, чем наполовину. Выставлять его и опять снимать она скоро научилась так же автоматически, как открывать и закрывать глаза. И у нее сложилось впечатление, что для того, чтобы выявить изящные манипуляции, которыми можно было управлять и сдвигать тончайшие участки пузыря, ей нужно было просто освежить в памяти уже известные ей подробности… Конечно, вот как с этим необходимо обращаться! Вот как это работает…

Так вот что за дразнящее чувство она недавно испытывала! То самое, что она очень близко подобралась к решению своих проблем с Пси-Сервисом, но не совсем, чтобы разглядеть это решение. Возможно, пузырь начал складываться в ответ на ее нужду, и понимание этого постепенно пришло бы к ней само, если бы только неожиданная атака чужака не вызвала мгновенного появления пузыря в экстренной ситуации. Это был текучий узор, вытягивавший психонную энергию для своей поддержки из непонятных источников, словно поблизости плескался невидимый океан пси,

к которому пузырь присоединился незримым шлангом. Тэлзи слышала о мягкотелых уязвимых существах, которые выживали, забираясь в брошенные жесткие раковины других существ, и потом таскали их на своей спине. Пузырь был чем-то сродни такой раковине, хотя ее сделала она сама… И пусть он не часть ее самой, но чудесно изящный и гибкий аппарат, у которого должно быть множество применений, помимо превращения в сплошной костюм из псионной брони в случае крайней необходимости.

Сейчас, к примеру, с его помощью можно было бы приготовить замаскированный образ ее самой, чтобы предложить его будущим следователям из Психологического Сервиса…

На обкатку новых возможностей ушло несколько дней. Потом, насколько Тэлзи могла судить, любые ее существенные размышления о псионике, Пси-Сервисе и его машинах, в случае телепатического зондирования показали бы лишь мешанину слабых следов. То же самое произошло и в отношении ее воспоминаний на эту тему, вплоть до ночи, когда она проснулась, испуганная самым первым сном о Пси-копе. А разъяснение для посторонних наблюдателей сводилось к одному: псевдо-коп испугал бедную

девочку так сильно, что она потеряла интерес к любым своим упражнениям в телепатии.

Поскольку моральные установки были рассчитаны как раз на такой эффект, работники Психологического Сервиса могли запросто купиться. С другой стороны, если они действительно пристально вглядятся в ее разум, возможно, мысленная маскировка не сможет их дурачить долго, или даже совсем не сможет. Но тогда этим парням придется приступить к поискам, чтобы выяснить, что же происходит на самом деле. И если они прикоснутся к любому участку защитного пузыря, Тэлзи сразу об этом узнает. Для этой цели она сделала еще ряд приготовлений.

В снятом сейфе анонимного почтового индекса Орадо-сити хранилась стопка адресованных и помеченных датой доставки микрочипов. Все с одинаковым содержимым. А в личном коммуникаторе Тэлзи две маленькие кнопки были запрограммированы на сейф. Через пять минут после того, как будет нажата левая кнопка, чипы отправятся в путешествие по автоматическим лабиринтам пневмопочты, где ничто не сможет их перехватить или идентифицировать, пока каждый не прибудет к месту своего назначения. Она могла остановить процесс, нажав правую

кнопку, прежде чем истекут первые пять минут, и никак иначе. В чипах содержались размышления Тэлзи о псионных машинах. Они могли быть лишь приблизительно достоверны, но все равно, это были те размышления, которые Пси-Сервис не пожелал бы видеть неожиданно озвученными в средствах массовой информации Ядра Звездной Системы.

По многим причинам подобное решение проблемы не совсем удовлетворило девушку, и одной из них было то, что она не знала наверняка, что именно пришло бы в движение, когда будет нажата левая кнопка. Но такое решение годилось, пока она не придумала ничего лучше. В случае появления первого признака грозящих ей неприятностей, уже одно то, что она откроет заинтересованным лицам свой замысел с пересылкой чипов, должно на некоторое время заставить их действовать крайне осторожно. Но, завершив свои приготовления, Тэлзи на самом деле неприятностей не ожидала. По крайней мере, в ближайшем будущем. Она вела себя весьма безобидно, занятая в основном своим юридическим образованием. А это вписывалось в картину, которую давала мысленная маскировка. О телепатии она разговаривала только с Джиласом и

Гонвил, сообщая подруге не больше того, чего не знал бы о Тэлзи Пси-Сервис.

Теперь, конечно, это до некоторых пределов могло измениться. Как предполагал Джилас, они не могли рисковать дальше, утаивая информацию от нанятых ими детективов, потому что то, что они скроют, может оказаться именно той информацией, которой детективам, возможно, будет недоставать. Если детективы будут так же благоразумны, как надеялся на это Джилас, вероятно, это не будет иметь большого значения.

Тэлзи задумчиво изогнула рот, глядя на тонкие, дымчатые линии аэротранспортного движения, сходящиеся высоко над Орадо-сити.

Вероятно, не будет!

Глава 4

Спустя несколько часов после отъезда Тэлзи среди строений и земель колледжа Пехенрон, раскинувшихся на пропитанных солнцем холмах рядом с жилым городом Бель, было по-прежнему необычайно тихо.

Почти половина основной массы студентов сражалась с летними экзаменами, а добрая порция тех, кто уже закончил, получила разрешение

уехать на каникулы пораньше. Под навесами, простиравшимися вдоль задней части студенческих дворов, соответственно, было много пустующих мест, хотя сверкающих машин оставалось достаточно, чтобы представлять собой экспонаты заурядного шоу аэрокаров; порядочный процент которых по цене приближался к маленьким межзвездным грузовым кораблям. Пехенрон иногда обвиняли в том, что он принимал в студенты только сыновей и дочерей миллионеров. И хотя это не вполне соответствовало действительности, колледж действительно усердно выискивал среди абитуриентов таких, от кого можно было ожидать, что они выдержат темп жесткого учебного плана. Колледжу нравилось считать себя избранным инкубатором, из которого вылуплялась бесконечная череда лидеров для многих полей свершений и, собственно говоря, он действительно выпускал личностей даже больше, чем требовалось Федерации.

Во дворе номер девяносто два никого не было видно, когда туда со стороны административного корпуса вошла старший советник Юлейт. Это была пухленькая, энергичная невысокая женщина, обычным выражением лица которой была озабоченная нахмуренность. Сейчас же она хмурилась

особенно явно.

У ворот спаренного бунгало 18–19 советник резко остановилась. Посредине короткой садовой дорожки, вперившись в незваную гостью желтыми глазами, сидела огромная белая собака с острыми по-волчьи ушами. Как знала мисс Юлейт, асканамские бойцовые псы славились непревзойденной по безрассудности свирепостью и всеразрушающей силой. Конечно, если их спровоцировать.

Внешность Чомира, шестидесятикилограммового самца, состоящего, казалось, из одних мускулов, всегда вызывала в памяти мисс Юлейт эти сведения. Не желая раздражать молчаливо наблюдавшее за ней чудовище, она немного потопталась у ворот. Затем, услышав прерывистые удары по клавиатуре из-за открытой двери в конце дорожки, старательно спокойным голосом позвала:

— Гонвил?

Стук клавиш прекратился.

— Да… это вы, мисс Юлейт? — раздался голос Гонвил.

— Да, это я. Пожалуйста, присмотри за Чомиром, пока я не войду.

— О, Боже праведный! — на пороге появи-

лась смеющаяся Гонвил. Ей было восемнадцать. Симпатичная, гибкая, почти золотоволосая блондинка. — Вы же знаете, что Чомир не причинит вам никакого вреда! Ведь вы ему нравитесь!

Ответом мисс Юлейт было скептическое молчание. Она осторожно обошла пса за два метра. К ее облегчению Чомир даже не шевельнулся, когда она проходила мимо. Только положил массивную голову обратно на передние лапы и прикрыл глаза. Не обращая внимания на веселую улыбку Гонвил, мисс Юлейт показала на закрытую входную дверь в другой части бунгало:

— Тэлзи уже не спит?

— Нет, она рано уехала. Вы хотели ее увидеть?

Мисс Юлейт покачала головой.

— Нет, я пришла к тебе, — сказала она. — Будет лучше, если мы пройдем в дом.

В кабинете Гонвил она достала из кармана блокнот и маленькую трехмерную фотографию. Потом показала Гонвил листочек блокнота.

— Эти имена тебе о чем-нибудь говорят?

Гонвил озадаченно всмотрелась в блокнот. Через секунду она покачала головой.

— Нет. А они должны говорить?

Суровая, насколько позволяли ей округлые черты лица, мисс Юлейт передала ей фото.

— Тогда знакома ли тебе эта пара?

Гонвил бегло посмотрела на две фигуры и сказала:

— Насколько знаю, я никогда раньше не видела ни одного из них, мисс Юлейт. А в чем дело?

— Тэйанский консул в Орадо-сити переслал нам сегодня этот снимок, — сказала мисс Юлейт. — Эти люди на снимке, назвавшись именами, которые я тебе показала, сегодня утром позвонили консулу и спрашивали о тебе.

— Чего они хотели?

— Они сказали, что узнали о твоем пребывании на Орадо и хотели бы тебя найти. Оба утверждали, что они — твои личные друзья с Тэйана.

Девушка покачала головой.

— Может они и с Тэйана, но не думаю, что я с ними даже случайно пересекалась…

— Консул, — мрачно заметила мисс Юлейт, — так и подозревал! Они тайно сделали запись изображения абонентов, которых попросили придти к консулу, чтоб удостоверить свои личности, пока не станут известны твои пожелания по данному вопросу. Они дали свое согласие, но так и не появились. Консулу показалось, что это может говорить о криминальных намерениях. Я понимаю, ты зарегистрирована на Орадо, как

персона, вовлеченная в частную войну на Тэйане, и…

— О, нет! — сморщила нос Гонвил, неожиданно смутившись. — Только не это! Только не сейчас!

— Прошу тебя, только не тревожься! — сказала мисс Юлейт, не без легкого чувства вины. Советник всегда пеклась о своих юных подопечных, и известие о том, что одну из них коснулась приближающаяся опасность частной войны, ее, несомненно, взволновало. — Здесь никто не сможет причинить тебе вреда, — продолжила она. — В Пехенроне предусмотрена надежная система безопасности для охраны своих студентов.

— Не сомневаюсь, — согласилась Гонвил. — Но, откровенно говоря, мисс Юлейт, меня не нужно охранять. Я совершенно не тревожусь.

— Не тревожишься? — удивленно переспросила мисс Юлейт.

— Да, не тревожусь, — повторила девушка. — По какой бы причине эти люди не притворялись моими друзьями… Я могу придумать несколько абсолютно безобидных мотивов… Вряд ли это мстители.

— Мстители?

Гонвил улыбнулась:

— Слышали про вендетту? Так называемая

коммерческая месть. Старый обычай на Тэйане, особая разновидность частной войны. Пару поколений назад мои однопланетяне решили, что убивать деловых конкурентов — это хороший тон. С тех пор вендетта опутала все уголки моей родины. Сейчас обычаем широко не пользуются, но на практике он исчез не полностью.

Мисс Юлейт подняла брови:

— Но тогда…

— Ну, суть в том, — сказала Гонвил, — что лично я ни в какую вендетту или частную войну не вовлечена! И никогда не была, разве что в воображении моей кузины Марло.

— Не понимаю, — сказала советник. — Кузина Марло… ты имеешь в виду миссис Парлин?

— Да. Она не совсем кузина, но ближайшая моя родственница. Точнее, единственная. И я безумно ее люблю. Ведь практически я выросла в семье Парлин… и, разумеется, ее члены более или менее надеялись, что мы с Младшим когда-нибудь поженимся.

Мисс Юлейт кивнула.

— Да, знаю. Родэл Парлин Двенадцатый.

Несколько раз советник встречалась с молодым человеком, когда тот навещал Гонвил в колледже, и он произвел на нее самое приятное впечатле-

ние. Такая партия казалась в высшей степени подходящей, которую Пехенрон, безусловно, одобрил бы, но, как ни прискорбно, Гонвил не отвечала взаимностью на весьма очевидную привязанность Родэла Парлина Двенадцатого.

— Так вот, — продолжила Гонвил, — кузина Марло всегда опасалась, что кто-то из прежних врагов моего отца по бизнесу на родной планете попробует убить меня прежде, чем я достигну совершеннолетия. Мои родители вместе с дядей, братом отца, основали «Партнерство Ладис» и с самого начала устроили сильнейший бум в финансовом мире Тэйана. Марло с мужем присоединились к концерну еще до моего рождения, а потом, когда мне исполнился год или полтора, папа, мама и дядя погибли в двух не связанных между собой несчастных случаях. Кузина Марло была убеждена, что это вендетта…

— А разве дело было не так? — спросила мисс Юлейт.

— Тогда у кузины были некоторые причины подозревать подобное, — пожала плечами Гонвил. — Мои родители и дядя, по-видимому, применяли довольно безжалостные методы, чтобы приподнять повыше «Партнерство Ладис», и, без сомнения, нажили себе множество врагов.

Власти, расследовавшие дело, определенно заявляли, что их смерть была случайной, но Марло не поверила.

— Затем, когда моим попечителем был назначен директорат тэйанского банка, какой-то оригинал прислал им сообщение. В нем говорилось, что мои родители погибли из-за причиненного ими зла, и что их дочь не доживет до того дня, когда сможет завладеть деньгами, которые они отняли у более достойных людей, чем были сами. Вы можете себе представить, какое впечатление это послание произвело на кузину Марло?!

— Да, думаю, могу.

— На этом, — сказала Гонвил, — жуткая эта история и заканчивается. С тех пор каждый раз, когда кажется, что со мной мог произойти несчастный случай, и я могла пострадать, кузина Марло абсолютно уверена, что за этим стоят мстители. Эта мысль попросту затмила бедняжке разум!

Мисс Юлейт, казалось, засомневалась и спросила:

— А не может ли быть так, что это не ей, а тебе, Гонвил, затмило разум, и ты слишком легкомысленно ко всему относишься? Возможно, ты помнишь, как я однажды встречалась здесь

с миссис Парлин. У нас был весьма серьезный разговор, и она произвела на меня впечатление крайне умного и уравновешенного человека.

— Да, она такая, — ответила Гонвил. — Но поймите меня правильно. Кузина Марло действительно самая умная женщина из всех, кого я знаю. Она в одиночку управляет «Партнерством Ладис» последние пятнадцать лет, и за это время дела у фирмы шли превосходно. И, тем не менее, она ведет себя неразумно в отношении этой истории с вендеттой. Ни один человек не смог ее переубедить в том, что нет никаких мстителей, и никто не готовит мне смертельную ловушку. Очень жаль, что те таинственные незнакомцы, кем бы они ни были, решили заявиться на Орадо именно сейчас. По законам Тэйана я стану отвечающей за себя взрослой в день, когда мне исполнится девятнадцать, а до него осталось всего три месяца.

Сообразив, в чем дело, мисс Юлейт кивнула:

— Понятно! Тогда ты сможешь управлять деньгами, которые оставили тебе родители. И если мстители хотели бы извлечь пользу из своих угроз, им пришлось бы, хм, уничтожить тебя до этой даты!

— Точно, — подтвердила Гонвил. — Вообще-то,

большая часть денег, разумеется, останется в «Партнерстве Ладис», но у меня будет непосредственное право решающего голоса во всех делах семейного концерна. Парлины и я совместно держим семьдесят процентов акций. Полагаю, эти несуществующие мстители считают, что это то же самое, что распоряжаться родительскими деньгами.

Мисс Юлейт ненадолго замолчала.

— Если люди, звонившие консулу, не мстители, — сказала она, — зачем им вести себя таким подозрительным способом?

Гонвил печально рассмеялась.

— Мисс Юлейт, я действительно начинаю верить, что и у вас на мой счет те же подозрения, как у кузины Марло! Да ведь у этих парней могла быть куча причин действовать так, как они поступили. Если они были с Тэйана, то могли знать, что я скоро стану совершеннолетней, и у них мог быть какой-то бизнес, значит, могли обратиться ко мне, чтобы я вложила в него свои деньги. А, может быть, они просто не достаточно ясно объяснились, а на самом деле это друзья каких-нибудь моих друзей, попросивших их повидаться со мной на Орадо. А еще они могли работать на какое-нибудь тэйанское новостное агентство,

и собирать материал о последнем члене семьи Ладис. Понимаете?

— Ну, все это, разумеется, возможно, — признала советник правоту девушки. — Однако тогда я все равно не понимаю, почему тебя, как мне кажется, беспокоит реакция миссис Парлин? Если никаких мстителей нет, то, скорее всего, твоя кузина даже не узнает, что тобой кто-то интересовался, разве нет?

— При обычных обстоятельствах, так бы оно и было, — мрачно ответила Гонвил. — Но Марло и Родэл Двенадцатый могут прибыть на Орадо почти в любую минуту. Я ждала их послезавтра, но Младший позвонил час назад и сказал, что расписание изменилось, и они будут здесь сегодня. Марло не успокоится, пока не выяснит, что произошло, и я знаю, что она, мягко говоря, будет крайне расстроена!

— Да уж, не сомневаюсь. — Мисс Юлейт, помедлив, продолжила. — Мне неприятно тебе это говорить, но администрация приняла решение, что, пока не будет внятного объяснения появлению незнакомцев в консульстве, следует предпринять некоторые меры по обеспечению твоей личной безопасности. Ты понимаешь, что у колледжа есть договорные обязательства перед

твоими попечителями; мы должны, пока ты наша студентка, следить за тем, чтобы никто не причинил тебе вреда.

Гонвил, посмотрев на нее исподлобья, тихо спросила:

— Это значит, что я не могу по своей воле покидать кампус?

— Боюсь, нам придется пойти даже немного дальше. Мы назначаем охрану, которая проследит за тем, чтобы посторонние не входили в бунгало 18–19, и я должна просить тебя не покидать дом следующие день-два.

— О, боже! И все это из-за… — Гонвил покачала светловолосой головкой. — Кузина Марло будет рвать на себе волосы, когда услышит об этом!

— Но зачем миссис Парлин, э-э, рвать на себе волосы? — спросила советник удивленно. — Разумеется, она поймет, что колледж действует так только для того, чтобы уберечь тебя от возможной угрозы!

— Она просто не поверит, что здесь я вне опасности, мисс Юлейт! Когда мои попечители зачислили меня в Пехенрон, ей совершенно не понравилась идея, что я отправлюсь на Орадо сама по себе. Поэтому колледжу и пришлось приютить Чомира и мириться с присутствием этого

монстра уже два года. Мои попечители подумали, что Марло успокоится, если при мне в качестве телохранителя будет один из знаменитых асканамских боевых псов. Они специально посылали порученцев на Асканам, чтобы получить одного из лучших в своем деле.

Мисс Юлейт кивнула.

— Понимаю. Я… — звук замер у нее в горле.

Двигаясь бесшумно, словно призрак, неожиданно в проходе появился Чомир. Он встал там, устремив на женщин свои непроницаемые желтые глаза.

— Он услышал, как я назвала его имя, и пришел узнать, не нужна ли его помощь, — извинилась за собаку Гонвил. — Я отошлю его назад, пока мы не закончим разговор.

— Нет, — сказала советник с твердостью в голосе, — позови его, пусть войдет. Если честно, мне не следует позволять себе бояться твоего телохранителя, и я это знаю. Лучшего времени, чем сейчас, чтобы преодолеть свою слабость, у меня не будет!

Гонвил, кажется, обрадовалась.

— Давай, мальчик, заходи!

Асканамец вышел вперед, двигаясь легко и проворно, несмотря на свои размеры. В пятне

солнечного света, падавшего через дверь, полосатый узор цвета слоновой кости в короткой белой шерсти шкуры был едва намечен, под нею двигались и скользили массивные жгуты мускулов. Мисс Юлейт, несмотря на только что сказанные слова, почувствовала, как у нее пересохло во рту. Обычно ей нравились собаки, а Чомир был великолепным псом. Но о его породе ходило столько всяких историй… Эти безжалостные убийцы были выведены усердными генетиками для публичных боев на кровавых аренах Асканама, а также для того, чтобы обеспечить правящую аристократию этого красочного и буйного мира самой неподкупной и свирепой охраной в мире…

— Мне кажется, — дрожа, заметила советник, — что в случае необходимости Чомир сможет тебя защитить от любого мстителя.

— Несомненно, — согласилась Гонвил. — Но я очень надеюсь, что такой необходимости не возникнет. Ибо это будет жутчайшая бойня. Я не рассказывала вам, что случилось, когда они собрались поучить Чомира защищать меня?

— Нет, не рассказывала, — призналась мисс Юлейт, жалея, что затронула эту тему.

— Это произошло как раз перед отлетом на

Орадо. Мои попечители наняли тренера асканамских псов. Чомир был тогда щенком, но когда тренируют на Асканаме бойцовых псов, людей не берут изображать нападающих. Они используют специальных роботов, которые выглядят, двигаются и пахнут как люди. И с первого же раза я поняла, почему! На меня натравили две эти несчастные машины, и Чомир разнес их на куски прежде, чем я смогла выкрикнуть «Стоп!» Тренер сказал, что когда пес сжимает челюсти, то образуется давление почти в тонну.

— О, святые небеса!

— В общем, — продолжила Гонвил, совершенно не заботясь о произведенном впечатлении, — все решили, что единственное, в чем Чомир не нуждается, так это в отработке нападения! — Она нежно толкнула пса в жесткий бок кончиком туфли. — Разумеется, причиной тому послужила его, поистине восхитительная, родословная. Его предком был знаменитый бойцовый пес, разорвавший более трех десятков человек и бессчетное количество всевозможных разновидностей бойцовых животных. Должно быть, он был кошмарным чудовищем! А по материнской линии…

Она замолкла, когда увидела выражение ли-

ца мисс Юлейт, и через несколько мгновений закончила:

— На самом деле, я не слишком возражаю против запрещения покидать дом. Но надеюсь, что та загадка в консульстве будет разрешена раньше, чем прибудут Парлины. Мне никак не избежать встречи с Марло, и…

Она во второй раз остановилась, затем добавила другим тоном:

— Это Младший снова звонит!

— Что? — спросила мисс Юлейт. Проследив за взглядом Гонвил, она услышала слабый, чистый перезвон со стола. Там стояло маленькое, блестящее, словно драгоценность, устройство, из которого, очевидно, и исходил звук. При ближайшем рассмотрении показалось, что это красиво инкрустированная пудреница. Мисс Юлейт обратила озадаченный взгляд на девушку.

— Коммуникатор в индивидуальном исполнении, — криво улыбаясь, пояснила Гонвил. — Подарок от Младшего, пришел пневмопочтой сегодня утром. У него есть близнец, и единственное предназначение набора, чтобы я и Младший могли разговаривать друг с другом, где бы мы ни оказались на Орадо. — Она, чуть улыбнувшись мисс Юлейт, добавила. — Младшему очень

трудно дать понять, что его ухаживания меня не интересуют.

Миниатюрный коммуникатор перестал тренькать на несколько секунд, затем зазвонил снова. Гонвил все равно к нему не пошла.

— Ты не хочешь отвечать? — спросила мисс Юлейт.

— Не хочу. Если не подниму трубку, он подумает, что меня нет поблизости.

Мисс Юлейт вздохнула и поднялась.

— Что ж, — сказала она, — мне надо возвращаться в офис. Будем надеяться, что эта парочка — ложная тревога. Но пока не уверились в этом наверняка, мы предпримем все меры предосторожности, что кажутся нам необходимыми.

Гонвил покорно поморщилась.

— А поскольку банк «Ринн», — продолжила советник, — действует на Орадо в качестве твоего попечителя, я также обязана проследить, чтобы их проинформировали о текущем положении дел.

Лицо Гонвил внезапно просветлело.

— Мисс Юлейт, — сказала она, — когда вы сделаете этот звонок… и, пожалуйста, сделайте его скорее… не могли бы вы изложить все непосредственно мистеру Амбердону?

— Да, я могу это сделать. Но почему именно мистеру Амбердону?

— Возможно, он сможет что-нибудь предпринять. Кроме того, Тэлзи уехала для того, чтобы повидаться с ним. Они сейчас как раз должны быть вместе… а моя подруга способна придумать выход из любой ситуации.

— В этом я более чем уверена, — довольно лаконично заметила мисс Юлейт. В душе она считала Тэлзи, несмотря на ее несомненный блеск в учебе, в каком-то смысле проблемой колледжа.

— Ну, ладно, посмотрим, что можно сделать, — добавила она.

Глава 5

За истекшие два часа хватило суеты, чтобы Тэлзи перестала беспокоиться, если не считать периодически возникавшего чувства, что эту ночь она фактически не спала.

Кажется, она не могла жаловаться, что ее опасения не восприняли всерьез. Разумеется, то, что Гонвил была подопечной банка, требовало, чтобы ее судьбе уделили повышенное внимание даже без личного вмешательства исполнительного директора банка «Ринн» и его дочери.

Запрос относительно внутренней структуры тэйанского концерна «Партнерство Ладис» ушел в центральный офис «Трансзвездных Финансов» сразу же после звонка Тэлзи Джиласу, и она только-только приехала в банк, когда ответ уже пришел.

Записи «Трансзвездных» во всех деталях подтверждали то, что она по случаю узнала из своих разговоров с Гонвил, но не могли дать этому истинное толкование. В сущности, «Партнерство Ладис» было устроено таким образом, чтобы контроль над концерном оставался за партнерами-основателями и их наследниками. Паи могли быть выставлены на продажу только после того, как были предложены всем остальным партнерам по своей первоначальной стоимости. Но поскольку первоначальная цена приблизительно равнялась одной двенадцатой от текущей, продажа паев на сторону фактически становилась невозможна. Если один из партнеров умирал, не оставив прямых наследников, его пай распределялся среди остальных в соответствии с их долями.

Это означало, что в случае смерти Гонвил концерн, по сути, перейдет под контроль семейству Парлин…

И это, по-видимому, убедило в том, что опасность реальна, как Джиласа, так и Вэлана Дэсинджера, шефа детективного агентства «Кайт Интерстеллар», который приехал раньше Тэлзи. Это ее озадачило, поскольку с трудом походило на окончательное доказательство чего бы то ни было, но она решила, что мужчины осознают возможные варианты в подобных ситуациях, о которых она могла и не знать. В течение часа банк «Ринн» и агентство «Кайт» подняли такую межзвездную активность от имени банка, как от временного опекуна, что это наверняка повергло бы Гонвил в шок, если бы ей рассказали об этом.

Такая интенсивная деятельность должна была обнадежить. Но ее отец и Дэсинджер казались встревоженными по-прежнему; наконец Джиласа, похоже, обнаружил присутствие дочери и пояснил. Ситуация была деликатной. Будучи назначенным местным попечителем, банк мог действовать с определенной долей полномочий, однако преимущество основывалось на формальности, которую в одночасье могли развеять в пух и прах ее попечители на Тэйане.

— А они, разумеется, пребывают в курсе — по меньшей мере в общих чертах — о планах миссис Парлин.

Тэлзи бросила на отца озадаченный взгляд.

— Зачем им…

— Пока Гонвил была несовершеннолетней, — сказал Джилас, — ее попечители могли предпринять законные шаги, чтобы аннулировать ситуацию, при которых ее смерть выгодна прочим членам «Партнерства Ладис». Но, учитывая, что деловая практика на Тэйане по-прежнему близка по своему уровню к межклановым приемам борьбы, они бы это сделали автоматически, ссылаясь на свое опекунство, если только им самим не было бы выгодно проявить некоторую небрежность в этом вопросе.

— Собственные опекуны Гонвил помогли бы Марло ее убить? — скептически спросила Тэлзи.

— Возможно, косвенно. И, разумеется, если Гонвил решит выйти замуж за сына Марло, ни у кого не будет веских причин ее убивать. Но дело обстоит так, что мы должны быть готовы, что теперь ее попечители попробуют помешать любым очевидным усилиям, направленным на ее защиту от Марло Парлин. Поэтому мы должны быть очень осторожны, и пока не обнаруживать своих подозрений. Поскольку мы не получали от Гонвил формальной просьбы представлять ее в этом деле, юридически мы оказались стоящими

на весьма шаткой почве, особенно, если нам станут противодействовать с Тэйана. Из того, что я знаю о Гонвил, ей будет очень трудно поверить в то, что миссис Парлин ей угрожает.

— Мы почти обязаны это сначала доказать, — кивнула Тэлзи.

— Предположим, — встрял в разговор Дэсинджер, — это теоретический вопрос, но предположим, что дело обернется ситуацией, при которой мисс Ладис, чтобы самой остаться в живых, будет вынуждена пойти на убийство миссис Парлин. Зная ее так, как вы, можете ли сказать, что от нее будет получено согласие на подобные действия?

Тэлзи уставилась на детектива в некотором шоке, понимая, что он говорит серьезно, и вопрос его отнюдь не теоретический.

— С трудом могу себе представить, чтобы она согласилась на что-нибудь подобное, мистер Дэсинджер! Моя подруга просто… не жестокий человек. Мне кажется, она никогда и никому не причинит сознательного вреда.

— И, разумеется, — сказал детектив, — семейство Парлин, знающее ее с младенчества, это понимает так же.

— Да… полагаю, это обстоит именно так. — Еще одна тревожная мысль.

— Ну, мы не намерены позволить ситуации дойти до этого, — быстро сказал Джилас, натянуто улыбаясь. — Хотя в общем, Тэлзи, отношение Гонвил для нас скорее помеха. Посмотрим, насколько хорошо у нас получится обойти эту помеху.

Девушка не ответила. Разумеется, существовал способ, и Джилас знал об этом, как изменить отношение Гонвил. Но упоминать об этом прямо сейчас, казалось, не было нужды.

* * *

Вэлан Дэсинджер, который, вероятно, появился на свет лет на семь-восемь позже Джиласа, был легок в общении и манерах и не казался слишком уж атлетически сложенным. Но почему-то у любого постепенно складывалось впечатление, что он был из тех мужчин, которые каждое утро начинают с сорока отжиманий и холодного колючего душа, принимая их как само собой разумеющееся. Тэлзи не знала его реакцию, когда Джилас рассказал ему, что его дочь выудила необходимую информацию из собачьего сознания, но он обсуждал с ней детали, словно совершал вполне стандартную процедуру. Оперативники «Кайт» были отправлены в Бель на поиски таинственного незнакомца из воспоминаний Чомира,

а Дэсинджер неторопливо и глубокомысленно прошелся по всем добытым ею подробностям, долго расспрашивал об отношениях между Гонвил и семейкой Парлин, выслушал историю о вендетте и о маневрах, направленных на то, чтобы склонить Гонвил выйти замуж за Младшего.

Похоже, не существовало вопросов, которые находились бы вне компетенции Дэсинджера. И было совершенно понятно, что ситуация ему не нравится.

Через межзвездные ретрансляторы с Тэйана стала стекаться информация из различных источников банка и агентства Дэсинджера. И кое-что из этого, похоже, представляло собой все необходимые доказательства, указывающие на то, что в делах с семейством Парлин требовалась осторожность. За последние два десятилетия число акционеров «Партнерства Ладис» сократилось почти наполовину. Последние трое, после того, как выразили свое несогласие по вопросам политики компании, одновременно вышли из игры, передав свои доли в пользу Марло Парлин. Некоторые предварили их пример, но куда большее число акционеров попросту отправилось к праотцам. Их смерти никогда не расследовались. Оставшиеся в живых партнеры, сдается, стойко

поддерживали политику Марло Парлин.

Это Дэсинджеру тоже не понравилось.

— Если оставить в стороне такие грубые меры, как ответное насилие, — сказал он Тэлзи, — нам, вероятно, остались только два способа, чтобы дать вашей подруге шанс наслаждаться спокойным течением жизни. Первый — отправить миссис Парлин на Реабилитацию. Если ее унять, остальная клика не представит большой опасности. Очевидно, что она — организатор.

— А каков второй способ? — неуверенно спросила Тэлзи.

— Мисс Ладис должна передать свою акционерную долю миссис Парлин по любой цене, которую та согласится заплатить. Сомневаюсь, что будет безопасным торговаться всерьез.

Тэлзи замолчала на несколько секунд.

— Допустим, — наконец сказала она, — что Гонвил действительно согласится на… ну, назовем вашим термином… «ответное насилие». Тогда это станет частной войной…

— Да, нам придется зарегистрироваться, чтобы получить легитимный статус.

— Вы… ваше агентство… участвуете частных войнах?

— При случае мы с удовольствием поучаствова-

ли бы в такой драчке, — сказал Дэсинджер. — Все зависит от личности клиента и обстоятельств. Я бы сказал, это как раз тот самый случай.

Она посмотрела на него с интересом:

— Это довольно рискованная работа, не так ли?

Детектив благоразумно поджал губы.

— Ну, не слишком. Работа может быть дорогостоящей и грязной. Миссис Парлин, похоже, уже набила себе руку, но мы бы ограничили главные боевые действия территорией Орадо. Если она привезет собственных специалистов, они окажутся здесь в крайне невыгодном положении. А лучшие местные ребята не захотят иметь к этому никакого отношения, особенно, когда мы пустим слух, что противную сторону представляет агентство «Кайт Интерстеллар». Мы сможем уладить все, не подвергая мисс Ладис особому риску, где-нибудь за шесть, шесть с половиной месяцев, даже если заканчивать придется на Тэйане. Но, кажется, у мисс Ладис предубеждение против подобных методов.

— Да, у нее предубеждение, — ответила Тэлзи. И добавила мгновением позже: — И у меня тоже.

— Не знаю, как насчет вашей подруги, мисс Амбердон, — доброжелательно сказал Дэсинджер, —

но подозреваю, что вы это скоро перерастете. Хотя сейчас, видимо, мы должны вынудить миссис Парлин отправиться на Реабилитацию, и это будет наша основная линия защиты. Приблизительно в течение часа мы узнаем, каковы шансы, что нам придется это сделать. Я жду звонка.

Звонок раздался через десять минут. Из агентства «Кайт».

Как оказалось, в пехенронских курсах по юриспруденции не упоминалось о многом, что касалось практических аспектов применения ментоблоков.

Один тэйанский источник сообщил агентству, что семья Парлин уже несколько лет числится в официальном списке лиц, обеспеченных ментоблоками из коммерческих соображений общего порядка. Эти блоки, пояснил Дэсинджер, были дорогостоящими и прецизионными аппаратами, и своего обладателя каким-либо заметным образом они обычно не ограничивали. Но когда стресс или переутомление достигали определенного порога, блок автоматически включался, чтобы предотвратить разглашение информации по темам, которые ментоблок должен был защищать.

— Понятно, как это работает, — сказал Дэсинджер. — У вас установлен блок, его наличие

официально зарегистрировано, и этот факт опубликован. Следовательно, никто, если он не поленился проверить список, не станет пытаться выпытать у вас сведения, потому что знает, что вы не сможете их предоставить. Вероятно, реабилитационные машины способны снять любой блок, но на это может уйти целый год. С другой стороны, если установлен надежный блок, то ничто, насколько я знаю, не поможет организовать хотя бы частичный съем информации с защищенного разума: ни продолжительные допросы, ни наркотики, ни телепатия, ни угрозы, ни пытки, ни насильственное лишение сна, ни гипноз. Все, чего в итоге можно добиться, это смерть блокированного человека, но если это была ваша цель, то существуют способы и попроще.

К тому же, как слышала Тэлзи, профессиональные блоки не вызывали ухудшений психического здоровья. Например, способности Марло Парлин явно не пострадали.

— Подобные коммерческие блоки, — медленно произнес Джилас, — в любом случае наверняка прикроют замыслы по убийству делового партнера. — Он поморщился, словно надкусил что-то кислое. — Что касается Парлинов, то можно не сомневаться, что блоки их защитят. В несколь-

ких случаях, с немотивированными смертями акционеров, миссис Парлин должна была рассчитывать именно на блок, если бы расследование привело к ней.

— Избавление от нежелательных партнеров — вопрос бизнеса, так что блок автоматически скроет любые относящиеся к этому действия, — согласился Дэсинджер.

Джилас потер щеку, взял сигарету, прикурил от зажигалки. Потом рассеянно нахмурился и поглядел на дочь.

— Косвенные улики ничего не дают против этой дамочки, — сказал он. — Даже в федеральном суде или на разбирательстве «Трансзвездных». Это очень плохо, потому что всего за несколько часов сегодняшнего утра мы собрали доказательств почти достаточно, чтобы вынудить Парлинов снимать с себя подозрения через персональное зондирование. Если их рассортируем, то может оказаться, что доказательств у нас достаточно. Но зондирование всего лишь подтвердит, что им вставлены блоки. Порча распознанного блока юридически равносильна человекоубийству. Этим дело и закончится. — Он посмотрел на детектива. — А ты что предлагаешь?

— Ловушку, — улыбаясь, ответил Дэсинджер. —

Сейчас, прежде чем они узнают, что попали под подозрение. Позже они вряд ли в нее попадутся.

— И как мы это устроим?

— Мои ребята пытаются найти Младшего. Мы не уверены, что он в Орадо-сити. В любом случае, у себя в отеле он не появлялся. Сейчас его номер уже должен быть поставлен под наблюдение и на прослушку, и, когда агенты его найдут, будут пасти его круглые сутки. Через два дня, когда прибудут его родители, у нас должна быть возможность установить наблюдение и за ними. Причем, прежде чем они покинут космопорт. Причин полагать, что к тому времени они предпримут исключительные меры предосторожности, у нас нет. Так что очень скоро должно быть достаточно записей разговоров между ними и Младшим, чтобы понять, каковы планы преступной семейки. Далее. Если в их планы входит немедленное устранение мисс Ладис, то мы начнем действовать. И если нам чуточку повезет, мы поймаем либо самих Парлинов, либо кого-то, кого они наняли, в момент попытки совершить убийство. Если они не пойдут на Реабилитацию, то нам не следует соглашаться на что-то менее радикальное.

Он повернулся к Тэлзи:

— Естественно, приманкой для нашей ловушки станет не сама мисс Ладис. У нас будет дублерша, способная достаточно похоже ее изобразить. Но в то же время может стать серьезной проблемой, как удержать Гонвил в стороне, при этом не связывая себе рук… Если, конечно, нельзя ничего сделать, чтобы вызвать у нее недоверие к миссис Парлин.

Он сказал это как бы мимоходом. Но он мог многое знать о том, чего способен достичь пси в означенном Вэланом направлении. И Тэлзи могла это сделать. На это потребуется некоторое время. Она уже выяснила, что установление первоначального контакта с разумом человека, который не был пси — процесс довольно сложный и запутанный. Это совсем не то, что обмен мыслями с другими телепатами, при том он гораздо более запутан, чем та же процедура, проделанная, например, с Чомиром. Но ведь Гонвил не поймет, что на нее воздействуют, когда ее чувства, которые она питала к кузине Марло всю свою жизнь, начнут меняться…

— Я договорилась с Гонвил, — сказала Тэлзи, — что, как только я вернусь сегодня в колледж, мы устроим совместную поездку на каникулы. Чомира возьмем с собой. Если сможем найти

какое-нибудь место, где нас не будут слишком беспокоить…

Дэсинджер, улыбнувшись, кивнул.

— Уж мы об этом позаботимся.

— Тогда, — сказала Тэлзи, — как мне кажется, я смогу уговорить Гонвил сотрудничать с нами… Раньше, чем сюда приедут мистер и миссис Парлин.

— Это бы весьма помогло! Теперь, что касается пса… вы, кажется, упомянули, что смогли бы точно установить, почему собака считает неизвестного чужака врагом.

— Да, — сказала Тэлзи. Если девушка не ошибалась, то Дэсинджер весьма четко представлял себе, что она собиралась сделать с Гонвил. И это, разумеется, объясняло, почему он без вопросов принял в ее изложении приключения Чомира. Он действительно кое-что знал о пси. — Думаю, за пару часов я смогу вытащить это из него, — сказала она. — Мы очень близко подошли к этому, когда сегодня утром мне пришлось остановить свои опыты.

* * *

Несколько минут спустя она покинула зону с кабинетами, чтобы забрать со стоянки заждав-

шийся «Неборез» и отправиться назад в Пехенрон. У нее имелся собственный план, но прежде чем упоминать о нем, лучше было подождать, пока Гонвил не окажется под защитой. План мог не понравиться Джиласу, но сперва она переговорила бы с Дэсинджером, чтобы узнать, реально ли спрятать ее где-нибудь в непосредственной близости от Парлинов после их прибытия. Гонвил к тому времени уже будет согласна сотрудничать. До сих пор Тэлзи не знала, сможет ли проникнуть в охраняемый блоком мозг, но попробовать стоило. Для этого ей необходимо провести предварительную работу, то есть достаточно долго пробыть рядом с Марло, оставаясь при этом необнаруженной.

Если это получится, все можно устроить гораздо лучше, чем просто узнать, каков план убийства. Неведомо по какой причине Марло сама спокойно отбросила бы свои коварные намерения по отношению к Гонвил, и оказалась не способна возобновить их в дальнейшем или позволить осуществить их мужу или сыну. Это бы сняло все проблемы самым наилучшим и простейшим образом.

Когда девушка приблизилась к выходу верхнего уровня парковочной полосы, где оставила

«Неборез», ее кто-то окликнул.

— Мисс Амбердон! Задержитесь на минутку, пожалуйста!

Это был один из охранников банка.

Тэлзи остановилась.

— Да?

— Секретарша мистера Амбердона только что приказала поискать вас здесь, — объяснил охранник. — С ее кабинетом открыт канал связи вот в этой кабине КомСети. Она просила передать, что произошло нечто важное, и вы должны узнать об этом прежде, чем покинете здание.

Нахмурившись, Тэлзи скользнула в кабинку. Джилас мог связаться с ней через личный коммуникатор, пока она была в банке… но, скорее всего, отец не хотел рисковать, чтобы его подслушали благодаря случайному перехвату луча. Дверь автоматически закрылась, как только она прикоснулась к клавише «КомСеть», и на экране появилась Рейвия, чрезвычайно эффектная, чрезвычайно опытная и чрезвычайно голубоволосая сотрудница Джиласа.

— Я подумала, что смогу вас перехватить, Тэлзи, — улыбнулась она. — Ваш отец хотел бы переговорить с вами по защищенному каналу. Вы на линии, я вас с ним соединяю.

Изображение погасло, но тут же появился Джилас.

— Вот ты где! — воскликнул он. — График поменялся. Опусти свой кар вниз на общую парковочную площадку. Тебя там ждет пара сотрудников Дэсинджера. Они погрузят твою машину на грузовик и отвезут тебя назад в Пехенрон. Подробности узнаешь по дороге.

— Что случилось? — спросила она с волнением.

— Очень неприятный сюрприз. Едва ты ушла, как поступили две сводки. В первой сообщалось, что чета Парлин обнаружена в списке пассажиров корабля, вставшего на разгрузку у космического терминала где-то с час назад. Сейчас мы проверяем отели Орадо-сити, но не знаем, где эта сладкая парочка сейчас. А их замечательный отпрыск до сих пор не найден.

Тэлзи сглотнула.

— А потом, — сказал Джилас, — мне позвонили из колледжа Пехенрон. Детали расскажу чуть позже. Похоже, придется признать, что Парлинам удалось в полной мере создать атмосферу тревоги и неразберихи вокруг Гонвил, что позволит им отвести от себя подозрения, если с ней случится что-то нехорошее. В результате необходимо сроч-

но забрать Гонвил из Пехенрона. С этой частью задачи ты, вероятно, справишься лучше, чем любой человек со стороны. Хочешь попробовать?

— Да, конечно, — ответила она.

Тэлзи отметила, что ее пальцы, покоившиеся на клавиатуре, слегка дрожат.

— Вот и хорошо, — Джилас на секунду улыбнулся. — Расскажу тебе остальное, когда будешь в грузовике.

Экран погас.

* * *

— …И все, что я пыталась сделать целое утро, — воскликнула Гонвил, то ли со смехом, то ли в смятении, — это тихо сесть и, не прерываясь, добить эти жуткие чипы с тестами двенадцатого курса финансов! Ты, наверное, думаешь, что все вокруг спятили!

Вид у Тэлзи был сочувствующий. Согласно инструкциям мисс Юлейт, ланч доставили Гонвил в ее часть бунгало. Несколько охранников колледжа в цивильном слонялись снаружи, пытаясь выглядеть так, будто случайно сюда забрели и ничто здесь их особенно не интересует. Гонвил, пока доедала свой ланч, посвятила подругу в события утра, и Тэлзи задумчиво пригубила молоко

из кружки. Итак, первое, что сделали Парлины после приземления в космопорте Орадо-сити, это нанесли визит в консульство Тэйана. А первое, что сделал генеральный консул, их старый знакомый, это рассказал им о зловещих незнакомцах, которые расспрашивали сегодня утром о Гонвил Ладис. И масло хлынуло в еле теплящийся огонек.

— Представляешь, у кузины Марло началась истерика! — сообщила Гонвил, закатив глаза. — Она заявила, что всегда знала, насколько опасно для меня учиться на Орадо. Теперь она собралась увезти меня отсюда, туда, где я буду в безопасности. Естественно, администрация Пехенрон-колледжа ответила категорическим «нет», и я этому так рада! И без того наша славная Юлейт слишком переживает на этот счет, но Марло!..

— Думаешь, она примчится за тобой сюда?

Гонвил кивнула.

— Сегодня вечером семья в полном составе собирается заявиться в Пехенрон. Марло намерена биться насмерть с Юлейт… Я окажусь в эпицентре сражения! А главное, что мне никак это не остановить!

— В эпицентре сражения тебя не будет, — заметила Тэлзи, — поскольку тебя вообще здесь

не будет.

— Поскольку меня не… — Гонвил с недоумением уставилась на нее и понизила голос до шепота: — Как не будет?.. Ведь сотрудник Юлейт приставила вооруженных людей дежурить у моей парадной и задней двери! Я, можно сказать, нахожусь под домашним арестом.

— Первым делом, — прошептала Тэлзи в ответ, — перетащим твои чипы и вещи на мою половину. Юлейт сказала, что, учитывая обстоятельства, не видит ничего страшного в том, что я немного помогу тебе с тестами.

— Но твою переднюю и заднюю дверь они тоже контролируют, глупышка! — заявила Гонвил. — Какой же в твоем предложении толк?

— Но они не контролируют то, что под навесом моей машины.

— Да? А-а! — Гонвил ухмыльнулась. — Окошко в душевой…

Она с сомнением посмотрела на Чомира.

— А мы сможем протащить через него здоровяка?

— Давай попробуем. Хочешь?

— Ха! А когда?

— Да прямо сейчас. Прежде чем Юлейт сообразит, что у тебя осталась лазейка.

— Я должна оставить ей записку, — заметила Гонвил упрямо, — черкну что-нибудь обнадеживающее. Дескать, мне просто понадобилось уехать на несколько дней… Или, что у меня нервный срыв…

— Нормально, — одобрила Тэлзи.

— Потом я, наверное, позвоню Марло и скажу, где…

— Ты что, совсем спятила?

— Да, ты права, — неохотно согласилась Гонвил. — Для кузины уже одно мое ученье в Пехенрон-колледже проблема, но если она узнает, что еще меня здесь и нет — это на порядок хуже. Представляешь, каким торнадо она обрушится на Юлейт?!

* * *

Несколько минут спустя Тэлзи вышла через заднюю дверь со своей стороны бунгало, снова переодевшись для поездки в город. Двое охранников, сторожившие проход на транспортную дорожку, проводили девушку, когда она направилась к закрытому навесу, испытующими взглядами, но не сдвинулись с места. Указаний насчет Тэлзи они не получали.

Под навесом она нырнула в кабину «Неборе-

за», несколько раз для проверки завела главный двигатель, и выглянула. Окно душевой уже было распахнуто. Там появилась большущая белая башка Чомира, острые уши вопросительно развернулись раковинами вперед, широкий лоб сосредоточенно сморщился. Пес понял, что от него требуется нечто необычное, но что именно? Выглянуть через окно душевой Тэлзи?

Тэлзи поманила рукой.

— Прыгай вниз, тупица!

Несмотря на ровный шум двигателя, она услышала голос Гонвил, однако вполне понятное недоумение Чомира лишь усилилось. Зачем, вопрошали его выразительные глаза, Гонвил пихает меня под зад? Затем из проема появились передние лапы, которые могучий асканамец положил на подоконник. Тэлзи яростно зажестикулировала, показывая на землю под окном.

Чомир, подгоняемый и спереди и сзади, внезапно понял, чего от него хотят. Он оскалился, высунул язык, подался назад и выскочил из окна одним изящным плавным прыжком, даже не задев узкой оконной рамы, хотя между его телом и рамой просвет оставался всего в какой-то сантиметр.

Тэлзи ухватила пса за ошейник и одобряюще

потрепала по холке. Гонвил, раскрасневшаяся от усилий по подъему собачьего веса, превышавшего ее собственный, перегнулась вслед за ним через окно душевой вместе со своей сумкой, напичканной спальными принадлежностями, чипами пресловутого двенадцатого курса финансов и библиотечкой. Тэлзи тихонечко открыла багажный отсек «Небореза».

Минуту спустя она вывела маленький кар на транспортную дорожку. Она с трудом захлопнула крышку багажника над двумя пассажирами, но теперь они были в недосягаемости для посторонних глаз. Охранники задумчиво проводили взглядами скользнувший по дорожке аэрокар. Из бунгало они слышали музыку какой-то из программ транслятора новостей. Должно пройти минимум с полчаса, прежде чем у них появятся первые подозрения насчет аэрокара Тэлзи.

Приближаясь к выходу за силовой экран, которым она воспользовалась сегодня утром, Тэлзи снова нацепила на кепку пропуск студента Почетной Звезды. Охранники сегодня с необычайным старанием вглядывались в лица въезжавших гостей, но уезжавшие студенты — это совсем другое дело. Они мимоходом взглянули на пропуск и махнули, чтоб проезжала.

Когда она подняла кар над гребнем лесистых холмов к северу от колледжа, большой зеленый аэрофургон сменил направление движения и повернул на север вперед нее, набирая скорость. Через полтора десятка километров и спустя несколько минут Тэлзи проследовала за фургоном вниз, нацеливаясь припарковаться у стены одинокого сельского домика. По дороге из багажного отсека раздалось несколько осторожных постукиваний. Тэлзи не обратила на них внимания, и Гонвил, несомненно, озадаченная тем, что ее так долго не выпускают из багажника, но ничуть не усомнившаяся, что все в порядке, замолчала.

Тэлзи опустила «Неборез» позади фургона, как раз в тень, отбрасываемую домиком. Из кабины фургона выбрался ни кто иной, как Джилас Амбердон и встретил дочь там, где их разговор не мог быть услышан из багажника.

— Проблемы были?

— Пока нет, — ответила Тэлзи. — Они там вдвоем. Агентство «Кайт Интерстеллар» обнаружило Парлинов?

— Нет, — сказал Джилас, — сделанные ими звонки шли через Орадо-сити, но звонили они, очевидно, не оттуда. Есть предположение, что

они скрываются ненамеренно и обнаружат свое местонахождение сразу, как только прослышат, что Гонвил исчезла из колледжа.

На секунду отец окинул дочь взглядом.

— Я понимаю, что тебе, Тэлзи, пришлось всерьез потрудиться. Если возьмешь тайм-аут часиков на шесть и вздремнешь, пока мы будем добираться до приготовленного агентством укрытия, то это ничего не изменит.

Она покачала головой.

— Я не особенно устала. И я хочу закончить с Чомиром. У меня предчувствие, будто то, что он знает, действительно очень важно.

Джилас задумался.

— Хорошо. Дэсинджер хотел бы получить эту информацию. Мы будем у него очень скоро. Как ты и просила, тебе выделена комната, достаточно близко к Гонвил и Чомиру, чтобы ты могла творить с ними свое ментальное колдовство. И отвлекать тебя ничто не будет.

— Прекрасно, — согласилась Тэлзи.

— Тогда поехали! — улыбнулся Джилас.

Он снова залез в кабину фургона. Тэлзи скользнула в кресло «Небореза». Через полминуты задняя дверь фургона откинулась аппарелью. Девушка осторожно завела аэрокар внутрь и вы-

ключила двигатель. Вдоль бортов в кузове шли скамьи. Больше в фургоне не было ничего.

Дверь-аппарель с шелестом встала на свое место, и в отсеке над головой зажегся фонарь. Тэлзи подождала, пока фургон довольно неуклюже поднялся в воздух. Затем открыла багажный отсек и выпустила своих взъерошенных пассажиров.

— Что мы делаем в этой штуке? — спросила сбитая с толку Гонвил, выпрямляясь и оглядываясь по сторонам, пока за ее спиной выбирался из «Небореза» Чомир.

— Удираем в безопасное потайное место, — ответила Тэлзи. — Все устроено заранее.

— Устроено для… безопасное и потайное? — Голос Гонвил натянулся. — Тэлзи! Чья эта безумная идея?

— Успокойся, не моя. Банка «Ринн».

* * *

Комната, в которую поместили Гонвил, хоть и выглядела не слишком просторной, была уютна и соблазнительно меблирована. И если, тем не менее, комната и создавала у беглянки некоторое подавляющее чувство, будто ее держали в плену, то это можно было отнести на тот счет, что здесь не было окон и отсутствовали средства связи с

внешним миром.

Покинуть комнату можно было, только пройдя по короткому коридору и открыв дверь в конце, которая вела в кабинет, где работали несколько человек. Так что ей не удалось бы выскользнуть незамеченной, но причин полагать, что эти люди в кабинете попытались бы ее задержать, если Гонвил решит уйти, не было. Ее просто попросили бы остаться здесь до тех пор, пока руководство банка «Ринн» не определится, крылся ли в появлении в тэйанском консульстве незнакомцев какой-то зловещий смысл.

Во время недолгой поездки в фургоне Тэлзи пояснила, что банку кажется, что расследование этого странного сегодняшнего происшествия заметно упростится, если его провести в полной тайне. Если кто-то действительно намеревался причинить Гонвил вред, вряд ли Пехенрон-колледж окажется для нее безопасным местом, и чтобы скрыть свою причастность к делу, банк обратился за помощью к Тэлзи через ее отца, чтобы та организовала незаметное исчезновение своей подруги из студенческого городка.

Допуская возможность, что в настоящий момент всеми овладела мысль, будто ее преследуют мстители с Тэйана, это объяснение не выглядело

нелогичным. У банка «Ринн» имелись все основания считать себя ответственным за Гонвил Ладис на Орадо.

— Но почему, — спросила Гонвил, — ты мне все раньше не рассказала? До того как мы уехали?

— А ты бы согласилась ехать, если бы я рассказала? — ответила Тэлзи.

Гонвил задумалась и призналась, что, скорее всего, не согласилась бы. Она не хотела показаться неблагодарной, и теперь начинала ощущать первые признаки тревоги. Когда столько людей, включая в высшей степени практичного отца Тэлзи, выказывали беспокойство за ее безопасность, и вероятность, что в старых байках о мстителях есть что-то большее, чем она хотела бы думать, нельзя было отвергать. В конце концов кузина Марло не была дурой, и, может быть, Гонвил была непростительно несправедлива по отношению к ее предостережениям! У Гонвил были лишь смутные представления о методах, которыми мог воспользоваться опытный убийца. Однако все признавали, что он должен выбрать страшное оружие, а в подобных ситуациях должны быть предприняты любые меры предосторожности.

В любом случае она находилась сейчас в полной безопасности. Дверь в комнату была заперта;

у нее был один ключ, у Джиласа Амбердона второй. Она была вольна никого не впускать, кроме Тэлзи, а для пущей уверенности, что никто не попытается войти непрошено, снаружи в коридоре нес вахту Чомир. Приятно было сознавать, что Чомир в своих собачьих приемах являлся подлинным мастером, а не наивным щенком. Защита хозяина прочно была заложена в его природу, как и кровопролитные навыки бойцового пса. Пока он был жив, только Гонвил или Тэлзи могут открыть эту дверь.

И теперь, когда она осталась одна, Гонвил подумала, что кое о чем она должна позаботиться немедленно.

Открыв сумку, которую она забрала с собой из колледжа, она разложила учебные материалы на письменном столе, достала миниатюрный, замаскированный под пудреницу коммуникатор, полученный почтой сегодня утром. Она собиралась продемонстрировать его Тэлзи попозже.

Недолго она разглядывала махонький прибор, задумчиво закусив губу. Рассказать о нем Тэлзи пока не представилось случая, так что здесь никто не знал, что у нее есть эта штука. Отсутствие коммуникаторов в комнате могло означать, что ее друзьям из банка не хотелось, чтобы она посы-

лала сообщения во внешний мир. Однако ей об этом не сказали.

И сейчас девушке показалось, что будет честным послать Марло через Младшего обнадеживающую весточку. Хотя упоминать о расследовании банка «Ринн» необходимости нет. Она могла бы рассказать Младшему совершенно невинную историю, придуманную только для того, чтобы его мать не обезумела от горя, узнав про исчезновение Гонвил из колледжа.

Она на секунду оглянулась на дверь. Затем положила коммуникатор на ладонь и сдвинула на крышке изумрудную декоративную стрелку на четверть оборота вправо. Согласно инструкциям, полученным вместе с устройством, это переводило его в рабочий режим. Гонвил положила его на полку стола и кончиком пальца нажала на золоченый рычажок в центре крышки.

Узкий веер золотистого света выплеснулся из контура коммуникатора вверх, задрожал, расширяясь, и замер. Он был где-то около метра в ширину, не больше двух третей метра в высоту и слегка вогнут наподобие видеоэкрана.

Теперь, если сдвинуть маленькую стрелку на третью метку, а коммуникатор Парлина-младшего будет настроен на прием, он услышит сигнал

вызова.

Прошло секунд десять-двенадцать. Затем на экране из золотистого света в форме веера перед ней внезапно появилось красивое, узкое лицо Родэла Парлина Двенадцатого.

— Ну, наконец-то! — воскликнул он. — Я пытался до тебя дозвониться, но…

— Я его до сих пор не включала, — призналась Гонвил.

— Совсем зашилась со своими дурацкими тестами? — взгляд Младшего, скользнув мимо нее, прошелся по комнате.

— Что это? — спросил он. — Из-за этих ужастиков про мстителей Пехенрон сменил тебе квартиру?

Значит, Парлинам еще не сказали, что ее нет в кампусе. Гонвил улыбнулась.

— Это сделал не Пехенрон! — ответила она. — А я сама. Эта шумиха стала меня доставать, и я предпочла улизнуть!

На секунду у женишка стал испуганный вид.

— Ты покинула колледж?

— Ага.

— Ну, и… и где ты теперь?

— А я никому не говорю, — сказала она. — Ушла, так сказать, в подполье и собираюсь остаться

в нем, пока все не кончится.

— Ну, э-э, моя мамашка…

— Ах, я знаю. Поэтому и позвонила, как только появилась возможность. Не хочу, чтобы Марло беспокоилась понапрасну, так что ты передай ей, что я — в полной безопасности. Здесь меня никто не знает, поэтому, никакие мстители не смогут выяснить, куда я подевалась. Скажи Марло, что я буду очень осторожна, и как только вы решите, что опасности нет, я появлюсь снова.

Младший смотрел на невесту с сомнением.

— Мамашке, — заметил он, — твоя самодеятельность придется не по нутру!

— Да ладно, я… погоди секунду! — Гонвил повернулась в сторону двери. Из-за нее раздались скребущиеся звуки, затем протяжный скулеж. — Это Чомир! Он услышал, что мы разговариваем, так что лучше его впустить, прежде чем он поднимет на ноги всю округу. Довольно трудно не вызывать подозрений, когда он рядом.

— Могу себе представить.

Гонвил отперла дверь и чуть выглянула в коридор, пока Чомир, навострив уши, проскользнул в комнату. Дверь в дальнем конце коридора была закрыта, в кабинете ничего не услышали. Девушка тихонько заперла дверь. Чомир на мгновение

уставился на экран, глубоко потянул носом воздух, чтобы убедиться, что хоть голос Младшего и слышен, его здесь нет во плоти. С визуальным феноменом коммуникаторов и призраков, периодически на них появляющихся, Чомир был более или менее знаком. Удовлетворенный, он уселся у двери.

— Интересно, почему ты его не оставила в кампусе, — заметил Младший, когда Гонвил вернулась.

— О, я не могу поступить так с самой преданной мне душой! А насчет твоей мамашки…

Он осклабился.

— Я все понял! Она довольно нервно переносит подобные выходки! Но будь уверена, я подам это в такой тактичной форме, что она не взорвется.

— Спасибо, — поблагодарила Гонвил. — Мне бы не хотелось, чтобы она почувствовала, будто я избегаю встречи с ней. Но пока не говори ей, что послал мне личный коммуникатор, ладно? Скажи просто, что я позвонила с обычного коммуникатора КомСети.

— Можешь на меня положиться. Когда снова позвонишь?

— Скажем, завтра с утреца?

— Буду ждать. — Он повернул голову, словно

прислушивался к чему-то. Затем снова повернулся в фас.

— Мне кажется, я слышу, как идет Марло, — тихо произнес он. — Чао, Гонвил!

— Чао, Младший!

Его лицо исчезло. Улыбаясь своим мыслям, Гонвил склонилась над коммуникатором, разыскивая рычажок. В этот раз Младший вел себя выше всяких похвал. Замечательно, что она сообразила ему позвонить.

Она надавила на рычажок, экран исчез.

Из дальнего конца коридора раздался звук распахнутой настежь двери.

Испугавшись, Гонвил обернулась. По коридору грохотали шаги, но думала она не об этом. Не шевелясь, она стояла, распахнув глаза.

В белом призраке, припавшем к полу, прижавшем уши и обнажившем огромные зубы, узнать Чомира было трудно, почти невозможно. Должно быть, ему не нравились приближающиеся шаги. Затем рычащая голова зашевелилась. Его глаза нашли Гонвил, и уже через секунду он, распахнув пасть, помчался к хозяйке ровными, длинными прыжками.

* * *

Наблюдая за Чомиром, как тот вышагивал рядом с Гонвил, направляясь в тоннель, ведущий к убежищу «Кайт Интерстеллар», возле которого остановился фургон, Тэлзи попробовала прозондировать его разум.

На этот раз она оказалась внутри сразу и так явно, что смогла ощутить жесткий пол подушечками его лап. Удовлетворенная, она оборвала ментальный контакт. Налаженный прошлой ночью, он не угас, стало быть, пси могла продолжить свое исследование в любую минуту.

Оставшись одна в приготовленной для нее комнате, расположенной менее чем в двух десятках метров от той, куда проводили Гонвил, Тэлзи устроилась в кресле и закрыла глаза. Чомир, похоже, еще брел, но это не имело значения. На этом этапе она могла работать за гранью его сознания, не беспокоя его мозг и не вмешиваясь в то, что он делал.

Она подобрала знакомые цепочки воспоминаний буквально в считанные секунды и остановилась. Что-то переменилось. Возникло чувство, что ее тихо тянет из области памяти в другую часть мозга.

Тэлзи не знала, что это означает. Но поскольку пси-способность, похоже, иногда действовала независимо от сознания, это могло оказаться отсылкой к информации, до которой девушка-телепат пыталась докопаться всю ночь. Тэлзи позволила себе сместиться в обозначенном направлении. Появилось мимолетное ощущение странного погружения, затем горизонтального перемещения, и, наконец, пребывания в каком-то другом месте.

Да, это была отсылка. Эту особенность своего разума она раньше не исследовала, но понять, что к чему, было нетрудно. Процессы, происходящие внутри компьютера, могли представлять собой в чем-то сходную картину: безличную, неосознанную, невероятно подробную и насыщенную. Итак, Вселенной Чомира являлось тело животного, которое породило его разум, и в его задачу входило следить за тем, чтобы эта Вселенная оставалась в хорошем физическом состоянии. Как только Тэлзи это поняла, ее внимание вновь было привлечено, на этот раз к источнику раздражения Вселенной Чомира. Именно здесь было что-то не так. Телесный разум знал, что это неправильно, но ничего не мог с этим поделать.

Тэлзи с увлечением принялась изучать источ-

ник раздражения. Внезапно его значение стало очевидным, и она поняла, что это и есть та информация, за которой она охотилась. Надо сказать, это была крайне отвратительная и тревожная информация.

Глаза Тэлзи широко распахнулись. Ее мысли, кажется, сохраняли медлительность, и в течение нескольких секунд комната казалась затуманенной и плыла перед взором. Затем, когда схемы телесного разума погасли у нее в сознании, она поняла, что снова оказалась в обычном контакте с Чомиром. В очень четком, устойчивом контакте. Ей показалось, что она через его уши слышит голос Гонвил.

Затем это ощущение пропало. Последовала недолгая пауза. Резкий прилив волнения прошел сквозь Чомира.

Что сделала эта…

Когда Тэлзи внезапно вскочила с кресла, пытаясь дотянуться до коммуникатора, то почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Затем у нее перехватило дыхание. На полпути она остановилась. Ее пошатывало. По коже вприпрыжку бежали мурашки. Казалось, воздух звенит. Пси-энергия стремительно, подавляюще нарастала, и ее концентрация была сосредоточена на ней.

Девушку охватила ярость. Безумная, стихийная, как ревущий ветер. Кажется, эта стихия двигалась, а очертания комнаты мерцали, то появляясь, то исчезая. Что-то взвыло, и над головою телепатки завертелась шумная круговерть из искаженных шоком лиц и невероятно напрягшихся мышц. Тэлзи пошевелилась, и все успокоилось и прояснилось.

Она смотрела в другую, освещенную солнечным светом комнату, где мужчина в костюме песочного цвета стоял у окна, изучая маленькое устройство, которое держал на ладони. За окном протяжно вздымающимися склонами тянулась парковая земля, тоже залитая солнечными лучами. А вдалеке, выше по склонам, виднелся стеклянный блеск знакомых корпусов Пехенронколледжа.

Казалось, этого человека что-то напугало. Он быстро повернулся лицом к ней, и пока она запоминала острые черты его лица и тонкие светлые усики, глаза незнакомца округлились, превратившись в окаймленные белком отверстия, до краев заполненные густеющим страхом.

Комната испарилась. Потом появилось еще одно ощущение, необыкновенно похожее на то, когда тебя лупят по макушке изо всех сил кула-

ком. На Тэлзи накатила волна непроницаемой черноты и поглотила без остатка…

Глава 6

— Он сознался, так что все в порядке! — сказал Дэсинджер, рассматривая солидоснимок человека с тонкими светлыми усами. — Точнее, как только ему сказали, за что его взяли, он постарался выложить все, что знал. Но его признание не слишком поможет обвинению, которое мы хотим выдвинуть против Парлинов.

— Почему? — спросила Тэлзи.

— Потому что единственное, чего он не знает, так это кто его нанял. — Детектив кивнул на чип-проектор, который положил перед ней на стол. — Вы сможете узнать подробности из отчета быстрее, чем я вам их перескажу. Кстати, у меня тоже есть несколько вопросов.

— О чем, мистер Дэсинджер?

— Похоже, — сказал Дэсинджер, — что, когда вы почувствовали, как пса настраивали против мисс Ладис, вы сделали три вещи одновременно. Вы каким-то образом обездвижили собаку…

Тэлзи кивнула.

— Я свела ему мышцы.

— Так и было, судя по картине, которую мы увидели, — согласился Дэсинджер. — Когда мы проникли в комнату, он корчился на полу, и, похоже, не мог разжать челюсти. Несмотря на это, мы стали свидетелями самой пугающей демонстрации животной мускулатуры, которую я когда-либо видел. Прошли добрые полминуты, прежде чем кто-то смог прицелиться и влупить асканамцу полный заряд парализатора! Кроме того, что вы предотвратили убийство мисс Ладис, вы, вероятно, также спасли жизни трем или четырем моим людям… Можете мне поверить, об этом нюансе агентство «Кайт Интерстеллар» не забудет. Потом, когда вы подавили собаку, вы телепатически подали предупреждение вашему отцу, чтобы мы знали — мисс Ладис немедленно нуждается в помощи.

— Ага. Но я не сознавала этого, пока не сделала.

— И в то же время, — сказал Дэсинджер, тыча пальцем в голографию, — вы спроецировали свой внешний облик в город Бель, который расположен в целой тысяче километров отсюда, в комнату, где этот джентльмен управлял прибором, с помощью которого, предположительно, пытались совершить убийство мисс Ладис.

Тэлзи засомневалась:

— Мне казалось, что я была там, но всего несколько секунд. У убийцы был до смерти испуганный вид, и мне стало интересно — неужели он мог меня видеть?

— Да, он видел что-то, — сказал детектив, — и описал это. Под это описание попадаете вы, мисс Амбердон. Парню не сказали, кто будет его жертвой, и до того момента это его совершенно не волновало. Но он решил, что обличающий дух человека, которого он только что помог убить, явился к нему в комнату. Именно поэтому его нервная система оказалась в столь плачевном состоянии, и я счастлив заметить, что по этой причине его оказалось легко взять на пушку. Но, с другой стороны, пережитое им ограничивает его полезность для нас. Нам очень не хотелось бы, чтобы он рассказывал об этом кому-нибудь еще, потому что нежелательно, чтобы персонально о вас, мисс Амбердон, пошли сплетни.

— Я вас понимаю.

— Меня вот что занимает больше всего, — продолжил Дэсинджер, — насколько проделанный вами эксперимент касается лично вас. Если бы вы могли делать такого рода вещи регулярно, то, очевидно, вам не потребовалась бы помощь в

решении проблем мисс Ладис.

Тэлзи помедлила. Она считала, что в то судьбоносное мгновение произошло совершенно невероятное сочетание факторов, породивших в результате нечто вроде психического взрыва. Возможно, его инициировала ярость, истекавшая из разума Чомира. А затем она, будучи пси, просто была вовлечена в этот поток, делая то, что ей требовалось сделать, но совершенно не контролируя тот факт, что она делает и как это делается.

Тем не менее все сработало прекрасно. И Гонвил, и несколько детективов «Кайт Интерстеллар», а также Чомир были бы сейчас мертвы, если бы не случилось именно так, как случилось. Но девушка не желала испытать подобный опыт снова. В следующий раз это могло сработать с той же легкостью, но в обратную сторону.

Она объяснила это, насколько смогла, Дэсинджеру. Детектив выслушал внимательно, время от времени хмуря брови. Наконец он сказал:

— Возможно, вам лучше прослушать отчет о наемном убийце миссис Парлин. Затем я объясню, какой нам представляется нынешняя ситуация.

* * *

Так или иначе, но она действительно сумела переместиться в город Бель в каком-то физическом смысле на те несколько секунд, не ослабляя при этом ментальной хватки разума Чомира. И хоть это спасло жизнь людей, имелся один крупный недостаток. Когда кто-то наконец выстрелил из парализатора в огромного пса, связь между ним и Тэлзи была достаточно сильна, чтобы передать в ее мозг эхо контузии. Это вырубило телепатку, но поскольку физически она под выстрел парализатора не попадала, оперативники «Кайт» сумели в течение нескольких минут привести ее в чувство.

Затем, едва она сообщила описание внешности того человека в Бель, вместе с информацией, что из окна его комнаты просматривается колледж Пехенрон под определенным углом, какой-то доброхот всунул ей в руку успокоительное лекарство. По-видимому, ее немного трясло, и глаза были дикими, а у кого не было бы подобных симптомов в таких обстоятельствах? В любом случае, Тэлзи опять потеряла сознание.

Когда она вновь очнулась, минуло уже три четверти суток, и она находилась в одной из кают

космической яхты, которую банк «Ринн» нанял для Джиласа Амбердона. Звездолет находился в открытом космосе, хотя и неподалеку от Орадо. Она лежала в постели, а рядом с кроватью сидела крупная женщина в униформе медсестры. Женщина авторитетно заявила, что ее пациентка останется в постели до тех пор, пока на корабль с планеты не поднимется челнок с доктором мистера Амбердона, чтобы ее осмотреть. Тэлзи столь же авторитетно велела сестре покинуть каюту, оделась и вышла, чтобы узнать, что происходило на Орадо.

В коридоре она столкнулась с Дэсинджером, имевшим весьма и весьма изможденный вид. Шеф агентства «Кайт» сказал, что Джилас и Гонвил находятся в отсеке связи и совещаются с юридическим департаментом «Ринн», находящимся на планете. Потом предложил ввести ее в курс дела.

Оказалось, что оперативники «Кайт», отправленные еще вчера на поиски зловещего незнакомца Чомира, получив его описание от Тэлзи и описание места, где его можно было найти, очень быстро настигли свою жертву. Это была удача, поскольку к тому времени он уже направлялся в ближайший космопорт. Они установили, что

его имя Вингар, что он — уроженец Асканама, где заслужил репутацию опытного тренера бойцовых животных, что он получил чрезвычайно заманчивое финансовое предложение переехать на Орадо и устроиться на работу в дорогостоящее ветеринарное учреждение в городе Бель, где ему предстояло выполнить одно деликатное поручение. Ветеринарная клиника была тем самым местом, куда Гонвил регулярно доставляла Чомира для проверок и профилактических уколов.

В свое время, действуя по инструкции, Вингар усыпил огромного пса и внедрил в его мозг устройство, подобное тем, что иногда применяются для бойцовых животных на Асканаме, когда ставки слишком высоки. В сущности, этот дистанционно управляемый прибор был способен по желанию спровоцировать любую эмоцию. От вспышки злости до бешеной ярости. Животные, управляемые таким образом, редко проигрывали схватки, если без прибора имели равные шансы со своими противниками, и доказать жульничество было почти невозможно, потому что прибор, выполнив однократную миссию, растворялся, оставляя лишь микроскопические рубцы в мозговой ткани. Разбудив Чомира из наркотического сна, Вингар опробовал устройство и понял, что

оно работает так, как надо.

В течение нескольких последующих месяцев он ничего не предпринимал. Затем Вингар получил указания проверить реакцию пса при первой же подходящей возможности. Он сделал это из аэрокара, пока Гонвил и Чомир совершали одну из обычных прогулок по холмам. В ответ на его донесение, что собака среагировала удовлетворительно на минимальную стимуляцию, ему было приказано ждать сигнала, по которому следовало задействовать прибор на полную мощность в течение пяти минут, после чего устройство должно быть уничтожено обычным образом. Этим ограничивались услуги, ради исполнения которых и был нанят тренер.

Вингар не сомневался, что за эти пять минут, по крайней мере, один человек будет загрызен белым псом, а значит — это спланированное убийство. Но ему достаточно заплатили, чтобы он заверил себя — что бы ни произошло, когда он нажмет копку, ответственность ложится на его нанимателей. А спустя несколько часов он уже будет на пути домой, и нет никакой нужды узнавать, к чему привели его действия.

Затем последовал визит так называемых мстителей в Тэйанское консульство. С профес-

сиональной точки зрения, Дэсинджер счел это избыточным шагом. Коронер, расследуя смерть Гонвил, наверняка пришел бы к напрашивающемуся выводу, что гигантский любимец девушки впал в бешенство и загрыз хозяйку со свирепостью, характерной для этой лютой бойцовой породы. Однако Парлины, на случай возникновения вопросов, несомненно, предпочли иметь наготове альтернативное объяснение. Когда сынок Марло выяснил, что Гонвил в тот момент находилась наедине с собакой в запертой комнате, Вингару был передан сигнал приступить к выполнению приказа.

Эта была полная картина преступления, за исключением того неприятного факта, упомянутого Дэсинджером, что человек с Асканама просто не имел ни малейшего понятия о том, кто его нанял и откуда на его счет пришла кругленькая сумма. Он не знал Парлинов в лицо, никогда никого из них не видел и не слышал их голосов. Ему было сказано, что от него требуется, анонимным телефаксом. Агентство «Кайт» тайком подержит его взаперти до поры до времени. Но реальной возможности воспользоваться им, как свидетелем, видимо, нет.

— Марло известно, что ее план не сработал? —

спросила Тэлзи. — Что Гонвил жива и здорова?

— Ей известно, что девушка не могла пострадать достаточно серьезно, чтобы стать недееспособной, — ответил Дэсинджер. — Ей также известно, что мы подозреваем покушение на убийство и кто за этим стоит.

— О… и как она узнала?

— Косвенно от нас. Этого трудно было избежать. Мисс Ладис, весьма уравновешенно отреагировала, когда ей разъяснили ситуацию; она преодолела первое ощущение потрясения, узнав об этом. Звонок Младшему непосредственно перед нападением пса однозначно сочетался со всем остальным, чтобы у вашей подруги появились серьезные сомнения в невиновности миссис Парлин. Она сразу согласилась принять официальную опеку банка «Ринн». Это позволило нам свободно оперировать от ее имени. Но когда ее попечители на Тэйане были об этом уведомлены, это, разумеется, означало, что далеко идущие планы миссис Парлин потерпели фиаско, а сами они подозреваются в соучастии. Должно быть, они немедленно сообщили об этом Парлинам.

— Они не стали возражать, что банк стал попечителем Гонвил? — спросила Тэлзи.

— Нет, не стали. Дело приобрело огласку, и они

это приняли к сведению. Поэтому мы в космосе. Сейчас это единственный способ обеспечить безопасность мисс Ладис наверняка.

Тэлзи почувствовала слабость.

— Сейчас… и это все? Вы считаете, что Парлины не отступятся?

Детектив покачал головой.

— Судя по тому, что мы знаем о миссис Парлин, неудача ее только раззадорит. Она играет по-крупному, годами планировала, как заполучить долю мисс Ладис в свои руки, и не остановится просто потому, что теперь это невозможно осуществить тайком. Логичнее будет полагать, что в будущем сама она не станет связываться с попытками совершить убийство, поскольку это может навлечь на нее серьезные неприятности. Но все, что ей теперь нужно сделать, так это назначить хорошую цену за голову своей горячо любимой родственницы. Впредь мы должны ожидать появления профессиональных охотников за головами.

— Но в таком случае… — Тэлзи смолкла. — Что же нам делать?

— В настоящий момент, — ответил Дэсинджер, — дело в руках юристов банка «Ринн». Они выяснят все легитимные возможности. На это

может уйти несколько дней. То, что Парлины предпринимают шаги в этой области, говорит о том, что они задействовали собственный юридический штат. Но я не думаю, что они слишком рассчитывают на законные подходы.

Подумав, он добавил:

— Посмотрим, как пойдут дела. Разумеется, я не стал предлагать мисс Ладис, что мы могли бы перевести конфликт на рельсы официальной частной войны. Она настолько потрясена предательством семейства Парлин, и особенно миссис Парлин, что впала в самую настоящую депрессию.

— Вы ждете, что она сама поймет, что у нее не осталось других вариантов? — спросила Тэлзи.

— Наверное, да.

Тэлзи покачала головой.

— Она все равно этого не сделает, — заявила она. — Ни за что, если это будет означать в конечном счете убийство миссис Парлин.

— Именно это оно и означает, — признал Дэсинджер. — Мы могли бы просто запугать эту леди и вынудить отступить. Но это не изменит существа дела. Мисс Ладис никогда не будет ощущать себя в безопасности. Если, конечно, она не передаст свой пай миссис Парлин, естественно,

на условиях миссис Парлин.

— Скорее, Гонвил так и поступит, — сказала Тэлзи. По коже у нее пробежали мурашки.

— А вам бы хотелось такого исхода?

— Нет, — призналась Тэлзи.

— Ну, на этом пока и остановимся, — подытожил Дэсинджер. — Может, адвокаты что-нибудь раскопают. Между прочим, мы могли бы посмотреть, что вы способны сделать для Чомира, мисс Амбердон. Он находится в довольно паршивом состоянии.

— Я думала, с ним все в порядке! — воскликнула Тэлзи испуганно.

— О, парализатор не причинил ему вреда, конечно. Давайте, я отведу вас к нему, посмотрим, что вы скажете. Если бы это не было нелепо, я бы сказал, что бедолага пребывает в психической коме из-за довлеющего чувства вины. Когда мисс Ладис пытается поговорить с ним, он отворачивается, притворяясь, будто ее не слышит.

* * *

Диагноз Дэсинджера был довольно точен. Тэлзи поняла, что Чомир самым настоящим образом погибает от смятения и отчаяния. Его воспоминания о том, что случилось, после того как в его

мозг ударил искусственный гнев, представляли собой жуткую мешанину ощущений. Но пес знал, что злой незнакомец находился рядом в своем неосязаемом присутствии, и что он, Чомир, делал отвратительные вещи. А незнакомец опять сбежал. Чомир был несчастен, и чувствовал, что не имеет права появиться Гонвил на глаза…

Вероятно, можно было бы стереть неприятные воспоминания из его разума, но Тэлзи еще не знала, как это делается. Однако было совсем несложно затуманить в памяти некоторые события, пока детали не станут едва различимы, затем наложить на них небольшие кусочки других воспоминаний и ощущений из разных мест, чтобы они слились вместе так, чтобы убедить в их достоверности разум пса, и на месте затуманенной памяти возникнут совершенно новые воспоминания.

Где-то через полтора часа Чомир даже не помнил, что еще совсем недавно не мог простить себе кое-каких действий. Когда появилась Гонвил, прослышавшая, что Тэлзи проснулась и сейчас возится с собакой, асканамец полностью восстановил свое обычное поведение.

Прочие проблемы, к несчастью, решить будет не так просто. Гонвил это почувствовала, когда

после первого тура переговоров с юридическим департаментом банка «Ринн» первоначальный осторожный оптимизм адвокатов начал угасать. Возможность выдвинуть обвинения против семьи Парлин в Федеральном суде была отвергнута почти сразу. Осуждения можно было добиться для Вингара, но не для Парлинов, поскольку ментоблоки защищали их от персонального зондирования. В уголовном преследовании одного Вингара, разумеется, никакого смысла не было. Предпочтительнее было пока оставить Парлинов в неведении о том, что сталось с асканамским наемником.

Юристы «Ринн» оценивали перспективы этического слушания «Трансзвездных Финансов» как нечто более обнадеживающее, хотя в доказательство пришлось бы дать подробный анализ, который мог быть представлен для верификации перед составлением окончательного заключения. Если на этическом слушании можно будет показать, что Парлины планировали убийство делового партнера ради прибыли, результаты будут столь же удовлетворительны, как и приговор суда. Арбитры «Трансзвездных» не могли провести подозреваемых через Реабилитацию, но они могли бы потребовать конфискации их доли

в «Партнерстве Ладис» и пожизненно лишить возможности открыто играть на финансовом рынке Ядра Звездной Системы.

Альтернативой, на которую нередко шли в аналогичных случаях, была добровольная реабилитация. Юристы «Ринн» возлагали надежды на то, что можно будет установить некоторую связь между семейством Парлин и смертями некоторых акционеров «Партнерства Ладис», находившихся, как было известно, в оппозиции к Марло. Вдобавок к полученным доказательствам попытки покушения на убийство Гонвил Ладис из этого могло сложиться дело, хотя подготовить его к слушанию было бы крайне сложно. Верификатор не давал вероятностных оценок и не определял качество улик, он только сообщал, является ли определенное утверждение истинным или ложным, согласно доступной ему мысленной информации. Следовательно, любые полученные факты должны быть тщательно выстроены в схему, которая станет приговором для Парлинов, как только она будет подтверждена ментальной машиной. А на это понадобится время.

Истина, вероятно, заключалась в том, подумала Тэлзи, что верификатор или его операторы могли оценивать качество дела почти сразу, как только

этическое слушание начиналось… Если только ее догадки о назначении и потенциале машин Психологического Сервиса хотя бы немного приближаются к истине. Однако на практике разницы в этом не было никакой, ибо сотрудники Пси-Сервиса ни за что не признаются, что видят больше, чем им положено видеть, даже если это означает завершение слушания в пользу какого-нибудь преступника, вроде Марло Парлин. В противном случае они просто не смогли бы сохранять свой великий секрет столь долго. Но, кажется, было крайне маловероятным, что адвокатам удастся раскопать у Марло что-нибудь в прошлом, чтобы уговорить машину выдать дискредитирующий отчет. Марло и раньше была столь же осторожна и не оставляла прямых улик своей убийственной деятельности, как и в случае с Гонвил.

Адвокаты тоже на это не рассчитывали. Другой, подлежавший тщательному изучению, вопрос касался возможности нарушить положение, согласно которому Гонвил никак не могла продать свою долю кому-либо кроме своих партнеров по членству в «Партнерстве Ладис». Если бы банк «Ринн» приобрел ее пай, это положило бы конец маневрам Марло. Однако на данный момент си-

туация представлялась такой, что потребовалось бы шесть или восемь лет пререканий в тэйанских судах, чтобы добиться на этот счет приемлемого решения.

В общем, подумала Тэлзи, пессимизм Дэсинджера, похоже, начинает оправдываться. И тот простой факт, что они в настоящее время привязаны к космической яхте, по сути, был намеком на то, что может ожидать несчастную Гонвил — годами жить под охраной в ожидании удара неизвестного убийцы, или скрываться где-то вдали от нормального существования. Но на самом деле Дэсинджер уже подготовил временное отступление с Орадо и мог это частично продемонстрировать.

Когда они собрались за обедом, Тэлзи узнала, что Пехенрон-колледж, частным образом уведомленный официальными лицами «Ринн» о текущем положении дел, заявил, что готов сотрудничать. А именно, он формально предоставил двум своим студенткам, Гонвил и Тэлзи, в связи с семейными обстоятельствами академический отпуск любой продолжительности.

Почему-то сейчас это казалось самым важным шагом.

После обеда Тэлзи ушла отдыхать к себе в ка-

юту пораньше. Возможность, как предполагал Дэсинджер, что юристы все же найдут практическое решение, была. Но полагаться на нее не следовало.

Выпустив веер ментальных разведчиков в поисках Чомира, она нашла пса в комнате отдыха рядом с Гонвил и Джиласом и мгновенно проникла в его разум. Теперь это было так же просто, как войти в дом, от которого был ключ. Когда настал час ночи по корабельному времени, а она все еще находилась в нем, пес зашел за хозяйкой в каюту Гонвил. Тэлзи оборвала контакт только тогда, когда поняла, что Гонвил наконец уснула тревожным сном.

Телепатку терзало неприятное чувство. Ее совсем не тревожило, когда она копалась в мозгах незнакомцев просто для того, чтобы посмотреть, что внутри, и заодно немного поэкспериментировать. Но вторгаться в личные мысли подруги, да еще тайно и без приглашения… Почему-то Тэлзи представлялось, что это совсем не то же самое.

Но по тому, как шли дела, сделать это сейчас было необходимо.

* * *

Прошла неделя, прежде чем вопрос о регистрации частной войны был поднят вновь. И на этот раз такое предложение внес отнюдь не Дэсинджер. Этот шаг был рекомендован Джиласу и Гонвил юристами банка, хоть и с явной неохотой, но как определенно необходимый, если предстоит проверка планов миссис Парлин относительно акций Гонвил в «Партнерстве Ладис».

К этому моменту никто, включая Гонвил, не был удивлен, услышав об этом. Для юридического персонала то была неделя разочарований. Пока они не почувствовали, что скоро исчерпают все свои ресурсы, стало ясно, что Марло Парлин годами готовилась к судному дню. Следователи на Тэйане сообщали о многих странных обстоятельствах, касающихся ее деятельности, но не давали даже обрывка правовых доказательств причастности Парлинов к этим обстоятельствам. У Марло было несколько союзников, с которыми она работала непосредственно, но все они обеспечили себе защиту не менее тщательно, чем она.

Прочие подходы давали столь же отрицательные результаты. Правило, ограничивающее членов «Партнерства Ладис» от продажи ак-

ций на сторону прежде, чем их коллегам будет предоставлена возможность приобрести их по непомерно заниженной цене, было неопровержимо в рамках Тэйанского законодательства. Пока Гонвил была ребенком, правило можно было проигнорировать относительно легко, но обойти его теперь, когда она по закону должна была стать полноправной взрослой, способа не было. Держатели меньших паев в концерне отвергли предложения о покупке ее доли по цене приблизительно соответствующей ее текущей стоимости, а также дали понять, что это их не заинтересует при любой цене. Они явно не намеревались переходить дорогу Марло Парлин.

А Парлины тем временем по-прежнему торчали на Орадо в окружении серьезных телохранителей и равно серьезных подразделений адвокатов. И те, и другие были привезены сюда с Тэйана, и, несомненно, прибыли до четы, чтобы при необходимости ринуться в бой. Но Марло не предпринимала немедленных шагов. Возможно, ее устраивало, чтобы сторонники Гонвил сами осознали, что с точки зрения закона ее положение незыблемо.

Тэлзи следила за развитием событий с позиции стороннего наблюдателя, понимая, что они

неприятно повторяют самые пессимистичные прогнозы Дэсинджера. Большую часть своего времени она уделяла Гонвил. Предыдущие исследования ее разума были краткими и, как правило, направлены на конкретные подробности, но пси ощущала, что в данном случае имелись причины действовать крайне осторожно.

В том, что теперь творилось в светловолосой головке Гонвил, не было ничего хорошего. Вред был нанесен, и Тэлзи опасалась повлиять на результат, пробуя на себя роль этакой пси-целительницы. Это дело касалось не простой заплатки, поставленной на парочку воспоминаний, как было с Чомиром. Тут накопилось столько всего, что Тэлзи не понимала, с чего следовало начинать. Придется Гонвил исцелиться самой, по крайней мере поначалу, и в определенных рамках она справлялась. В первые день-два ее мысли были какими-то онемелыми и оцепенелыми. Внешне девушка со всем соглашалась, была вежлива, иногда улыбалась. Но кое-что было разбито, и она наивно ожидала, когда же люди, суетящиеся вокруг нее, начнут склеивать осколки. Когда же она думала о предательстве Марло Парлин, то по-детски удивлялась, как же такое могло быть.

Затем, постепенно Гонвил стала понимать, что

осколки нельзя просто взять и сложить вместе. Мерзость, ворвавшаяся в ее жизнь на пороге совершеннолетия, могла продолжаться неопределенно долго, тем самым лишая ее нормального человеческого общения.

Понимание этого разбудило «Я» Гонвил. До сих пор большая часть деталей сложившейся вокруг нее ситуации была затуманена и не имела для нее смысла. Теперь она начинала рассматривать их внимательно, и они становились довольно прозрачными и очевидными.

Усилия юристов «Ринн» по поиску удовлетворительного решения стали пробуксовывать, поскольку законы Федерации не достаточно полно покрывали подобные прецеденты. Гонвил являлась одним из возлюбленных и изнеженных чад Ядра Звездного Скопления, но теперь лишь отчасти, потому что ее силой толкали к границе нейтральной полосы, где выживание человека зависело только от нее самой и ее друзей. Если не произойдет ничего неожиданного, несчастной сироте скоро предстоит выбирать, каким быть ее будущему.

Эта мысль пугала, но она с ней смирилась. На Федеральном Флоте служил парень, кадет, с которым она познакомилась прошлым летом, и он

отчасти повлиял на ее суждения. Как повлияла на них Тэлзи, а также Дэсинджер со своим агентством, и Марло с мужем, и Младший, и группа профессиональных стрелков, которых они притащили с Тэйана в качестве своих телохранителей. Так или иначе всех перечисленных людей затронет то, на что она даст свое согласие. Она должна быть очень осторожна, чтобы не допустить роковой ошибки.

* * *

Гонвил, оправившаяся от шока, что стало очевидно по высказываемым ею суждениям и перемене чувств, на взгляд Тэлзи, стала намного умнее себя прежней. Но ей совсем не нравилось то, что предстояло сделать в ближайшем будущем.

И все же это случилось. Большей частью для того, чтобы иметь об этом запротоколированные записи, юридический департамент «Ринн» уведомил адвокатов Парлин в Орадо-сити, что мисс Ладис желает избавиться от своей доли в «Партнерстве Ладис». Через два дня пришел ответ, что Марло Парлин, хотя и болезненно воспринимает отчуждение мисс Ладис к ней и ее семье, желает приобрести ее пай. Она не забывает о своем пра-

ве приобрести пай по первоначальной цене, но готова заплатить вдвое больше, исключительно для того, чтобы оказать услугу мисс Ладис.

Тэлзи показалось, что весь юридический департамент подскочил, когда они прочитали ответ. Разумеется, учитывая прошедшую неделю, это было уже слишком. Они немедленно вызвали яхту на связь и на общем телеобсуждении подчеркнули, что предлагаемая Марло сумма приблизительно равна одной десятой от реальной стоимости акций Гонвил в концерне. В свете того, что уже была совершена попытка убийства мисс Ладис, ответ миссис Парлин следует расценивать не как честное предложение, а как форму вымогательства. Угроза подразумевалась.

Однако миссис Парлин могла демонстрировать большую уверенность, чем ощущала на самом деле. Ведь если на сцене вновь появится насилие, то теперь эта стерва не будет неуязвима. По крайней мере, в определенных пределах она блефовала. Чтобы дезавуировать этот блеф, мисс Ладис, несомненно, обязана показать своей порочной кузине, что готова защищать себя и свои интересы любыми необходимыми средствами.

То есть совет юридического департамента сводился к тому, что мисс Ладис должна зареги-

стрировать тот факт, что ее против воли вовлекли в частную войну с семейством Парлин, и что она поручает агентству «Кайт Интерстеллар» действовать в качестве ее полномочного представителя. События и расследования прошлой недели давали более чем достаточно оснований для упомянутой регистрации, и ее цель простирается намного дальше, чем просто прояснить для Парлинов, что с этого момента их жизни угрожает опасность не меньшая, чем мисс Ладис. Как было обнаружено, правило, запрещающее продажу долей концерна «Партнерства Ладис» за его пределы, невозможно превзойти через суд, но оно может быть аннулировано, если соберет две трети голосов акционеров, а мисс Ладис и семейство Парлин сообща контролировали более двух третей капитала. Чтобы убедить Парлинов согласиться на голосование, несомненно, потребуются силовые действия, но согласие, добытое подобным образом, будет легальным только в случае зарегистрированной в силу необходимости частной войны. Затем мисс Ладис сможет продать свои акции по полной стоимости банку «Ринн» или другому подобному учреждению, что положит конец усилиям Парлинов завладеть ими, и в конечном итоге навсегда отведет от нее

опасность.

Разумеется, регистрация — дело серьезное, добавил юридический департамент, и мисс Ладис следует основательно подумать, прежде чем подписывать подготовленное заявление. С другой стороны, лучше не откладывать решение более чем на день или два. Намерения Парлинов говорят о том, что их конкурентка будет в безопасности только до тех пор, пока они не знают, где она находится.

* * *

— Мисс Ладис обсуждала это с вами? — спросил Дэсинджер.

Тэлзи посмотрела на него с раздражением. Ее нервы были на пределе с тех пор, как закончилось обсуждение. Дело приобрело крайне неприятный оборот. Лучше бы Марло Парлин сдохла!

Девушка покачала головой.

— Гонвил была у себя. Мы еще не говорили об этом.

Дэсинджер пытливо изучал ее лицо.

— Ваш отец и я, — заметил он, — не в восторге от того, что ей придется зарегистрировать частную войну.

— Почему? Мне все время казалось, что именно

вы…

Он кивнул.

— Я знаю. Но в свете того, что вы сказали… Я наблюдал за вашей подругой, и теперь склонен согласиться, что, возможно, она слишком цивилизованна для таких варварских методов. Это положительная черта, хотя бывало, что и самоубийственная.

Помолчав, он продолжил.

— Помимо данного обстоятельства, частная война — это единственно возможный ответ. И было бы лучше действовать сразу, пока семья Парлин в полном составе находится на Орадо. Если мы станем тянуть, они разбегутся в разные стороны, и поймать их снова будет поистине дьявольской работенкой. Мне кажется, я смогу гарантировать, что никому из троих не будет нанесен физический вред. Что касается чувств мисс Ладис, мы — ваш отец и я — считаем, что ваша способность справляться с эмоциональными потрясениями не ограничивается одними животными.

Тэлзи беспокойно поежилась в кресле. Кожа на черепе словно съежилась, так что, возможно, у нее сейчас разболится голова. Она удивлялась, почему не скажет детективу, чтобы он перестал

волноваться. Гонвил нашла собственное решение еще до конца обсуждения. Она не даст своего согласия на частную войну ни при каких условиях. Независимо от того, насколько профессионально та будет проводиться, кто-то все равно погибнет, когда две вооруженные банды схлестнутся между собой, и Гонвил не хотела брать на себя ответственность за это.

Но бежать и прятаться всю жизнь, пока Марло не покончит с ней, она тоже не хотела. Деньги того не стоят.

Так что логичным решением проблемы было принять предложение Марло, передать ей свою долю и контроль над «Партнерством Ладис». Гонвил прекрасно обойдется без этого.

Гонвил не знала, почему она не сказала об этом еще во время обсуждения, а вот Тэлзи знала. Гонвил уже собиралась заговорить, а потом неожиданно позабыла о своем намерении. Нужно еще несколько часов, подумала тогда Тэлзи, чтобы знать наверняка, что другого такого же логичного, как признание своего поражения, но более удовлетворительного решения, не существует. Но и частная война — не выход из положения.

Она поняла, что пробормотала что-то бес-

связное, поскольку Дэсинджер продолжал свой рассказ о том, что эта стерва Марло Парлин из-за излишней самоуверенности, похоже, сама идет к ним в руки…

Вот в этом вы, ребята, крепко ошибаетесь, подумала Тэлзи. Минувшие несколько дней рассказали ей о Гонвил кое-что, что оставалось скрытым в течение предыдущих двух лет дружбы. Но такой пристальный и своекорыстный наблюдатель, как Марло Парлин, зная Гонвил с рождения, прекрасно об этом знала.

У Гонвил было не просто предубеждение к насилию, она была на него изначально не способна. Марло это знала. Ее бы больше всего устроило, если бы Гонвил умерла при обстоятельствах, не похожих на убийство, или, по крайней мере, чтобы подозрения при этом пали не на Парлинов. Но переживать из-за того, что попытка убийства не удалась, у этой наглой дамочки не было нужды. Для Гонвил будет более, чем достаточно, уже одного потрясения оттого, что ее пытались убить, и плюс к этому осознания, что потребуются аналогичные поступки с ее стороны, чтобы остановить Марло от повторных попыток. Для бедной сиротки в этом мерзком клубке взаимных покушений таилось больше отвращения, нежели

страха. Значит, она скорее сдастся, чем подпишет регистрацию.

Кузина Марло вовсе не страдала излишней самоуверенностью. Она просто в точности знала, что должно произойти.

Гнев — неприятное чувство. От злости у Тэлзи по коже поползли мурашки. Дэсинджер задал вопрос, и девушка ответила. Должно быть, что-то осмысленное, поскольку он коротко улыбнулся, кивнул, и продолжил разговор. Но о чем он спросил, и что она ответила, Тэлзи даже приблизительно не представляла. На мгновение ее взор затуманился, и комната будто вздрогнула. Ей показалось, будто поблизости раздался хохот Марло, уже предвкушающей победу, и уверенной, что она недосягаема для возмездия.

С такой победой Марло над Гонвил смириться было нельзя, и Тэлзи не позволит, чтобы ее подруге нанесли поражение. Но сделать то, чего от нее с нетерпением ждут Джилас и Дэсинджер — изменять настроение Гонвил до тех пор, пока она не согласится на все, что эти сторонники решительных действий заготовили — пси не могла. «А если во время частной войны погибнут люди, что ж, это будет ужасно, но война неизбежна из-за преступной жадности Парлинов и хлипких

законов Федерации, не так ли, девочка?»

Все это сделать можно, но поменять лишь несколько гуманных, хотя и далеких от жизни взглядов Гонвил, не получится. Сделать это можно было, только вывернув наизнанку и извратив все, что было сутью Гонвил. И вернуть все обратно будет уже нельзя.

Марло вновь захохотала, глумливо и триумфально, и это словно переключило тумблер. Дэсинджер, кажется, все еще что-то бубнил, но комната поплыла и исчезла. Тэлзи оказалась в темноте, где слышалось эхо хохота, а черные электрические сполохи густо кружились вокруг него. В группе находящихся там людей она высматривала высокую, красивую женщину. А за спиной у Тэлзи стремительно вздымалось что-то черное, возвышавшееся подобно готовому сорваться гребню волны и изгибавшееся в сторону той женщины.

Затем последовало какое-то жестокое, мучительное усилие.

* * *

Она пришла в себя в собственном кресле, ее трясло, лицо было мокрым от пота, и было такое ощущение, что она остановилась в самый

последний момент. Комната проплывала мимо и, кажется, Дэсинджер, она вспомнила об этом, как о чем-то уже наполовину забытом, только что ушел, не подозревая, что с Тэлзи происходит нечто необычное. Но она была не совсем одна. Миниатюрная фигурка Пси-копа парила перед носом, жестикулируя и разевая рот в беззвучном протесте. Вид у блюстителя был удивительно нелепый, подумала Тэлзи. Она хихикнула, потрясла головой, и коп исчез.

Достав платок, она вытерла лицо. Головокружение и слабость. Дэсинджер ничего не заметил, так что физически она ни на одну секунду не перемещалась никуда. Тем не менее в миллионе километров отсюда Марло Парлин, уверенная и смеющаяся, среди друзей и гостей на Орадо, отстояла всего в каких-то мгновениях от незримой смерти. Если бы эта волна безмолвной энергии настигла интриганку, ее спутники могли бы видеть, как она захрипела, покачнулась и упала, и больше они ничего бы не заметили.

Что создало смертоносную волну?

Неужели она сделала это бессознательно… но неплохо запомнить на будущее и больше не позволять горячему туману ненависти смешиваться с пси-импульсом. Она — не Гонвил, но обрекать

кого-то на смерть таким образом ужасно. А по испытываемой слабости можно предположить, что это окажется вредным для здоровья самого пси, если только у него нет чего-то наподобие оснастки того зеленокожего инопланетянина из университетского музея природы.

В любом случае ее гнев прошел. Но необходимость сделать что-то, чтобы предотвратить поражение Гонвил, осталась.

А потом Тэлзи сообразила, как это можно провернуть.

Она поразмышляла над этим минуту-другую, отправила мысль на поиск Чомира, прикоснулась к его разуму и проникла внутрь. Недолго продвигаясь на ощупь, она прикоснулась к области искусственных воспоминаний, что сама недавно установила, чтобы скрыть тревожные события в убежище агентства «Кайт Интерстеллар».

Она поработала над этой областью довольно тщательно. Даже если бы Чомир был не псом, а человеком, способным анализировать свои ощущения, то и тогда бы он воспринимал эти воспоминания как истинные. Однако вряд ли они смогли бы одурачить вторгшегося в его разум телепата и внимательно изучившего эту область. Например, ее бы они точно не провели. Наверное,

разместить в памяти искусственные воспоминания с многочисленными, взаимосвязанными, согласованными подробностями, характеризующими фактические события, было невозможно в принципе. Как нельзя похоронить истинные воспоминания так, чтобы их не смог найти тот, кто захотел бы это сделать. Реальную память можно было извлечь и восстановить.

Если такие конструкции не могли ее обмануть, способны ли они ввести в заблуждение мощное сканирующее пси-устройство, созданное для определенной цели — выяснить, что на самом деле думал, во что верил и что помнил имярек — такое, например, как верификационная машина «Трансзвездных Финансов»?

Конечно, не способны.

Тэлзи посидела еще немного, кусая губы, хмурясь и мысленно перепроверяя множество вещей. Потом пошла искать отца.

* * *

— Это совершенно возмутительная идея! — воскликнул Джилас чуть позже, и тон его по-прежнему был скептичен. Он глянул на Дэсинджера, который внимательно прислушивался, и основательно прочистил горло. — Однако давай-ка

пройдемся еще раз. Ты утверждаешь, что можешь создать «воспоминания» в памяти пса, которые невозможно будет отличить от тех, которые он реально помнит?

Тэлзи кивнула.

— Я не нахожу никакой разницы, — сказала она. — И не понимаю, как ее найдет верификатор.

— Возможно, не найдет, — согласился Джилас. — Но мы не знаем, как такая машина действует?

— Ну, мы знаем, что она делает на этических слушаниях, — сказала Тэлзи. — Предположим, машина определит, что воспоминания фальшивые. Что тогда произойдет?

Джилас запнулся, затем медленно ответил:

— Верификатор сообщит, что он не нашел ничего, указывающего на какую-либо связь Парлинов с попыткой воспользоваться Чомиром для совершения убийства. Больше он ничего не сообщит. Он может воспроизвести существенные доказательства, включая визуальные и аудиоэффекты, чтобы подкрепить представленное заявление. Но не может объяснить или продемонстрировать, почему отверг заявление. Поступить так, значит нарушить условия, согласно которым он

действует.

— Именно, — тихо сказал Дэсинджер. — Мы ничего не теряем. А если дельце выгорит, то мы их прижмем намертво! Вингар — единственный человек, который может подтвердить, что Парлины никогда не приближались к прибору. Но мы держим его взаперти, а Парлины не могут признать, что им известно о его существовании, не разоблачив себя при этом! И они не могут подтвердить собственную невиновность…

— … Из-за собственных ментоблоков! — торжествующе закончил Джилас. Он скривил рот, но затем его лицо вновь стало спокойным. — Разумеется, мы обсудим любое решение. Тэлзи, будь добра, приведи Гонвил. В этом деле нужна она и никто более.

Он посмотрел на Дэсинджера.

— Что мы скажем адвокатам?

Дэсинджер подумал.

— Что, как нам кажется, должно быть проведено этическое слушание, чтобы оправдать объявление частной войны, — сказал он. — Крючкотворам это, конечно, не понравится. Они знают, что необходимости в этом нет.

— Необходимости нет, это верно, — согласился Джилас, — но объяснение достаточно хорошее.

И если они подготовят все для требуемой нами процедуры, это прикроет шаги, которые потом придется предпринять.

Глава 7

— Утверждения данного свидетеля в процессе верификации опровергнуты или подтверждены не были.

Невыразительное лицо главного арбитра этических слушаний «Трансзвездных» исчезло перед Тэлзи с экрана, встроенного в стену наблюдательской кабины, как только он сделал свое резюме. Девушка нахмурилась, перевернула правую руку ладонью, взглянув на тонкую пластинку хронометра.

Чтобы установить, что в разуме Родэла Парлина Двенадцатого нет ничего относящегося к поставленному на расследование вопросу и сообщить эту информацию арбитру слушания, верификационной машине «Трансзвездных» потребовалось меньше пары минут. Младший, чье изображение виднелось в верхней части экрана, на объявление в контактной камере верификатора не отреагировал никак. Едва ли оно стало для него сюрпризом. А перед ним каждый из его

родителей прошел в камере тест на проверку своего заявления о невиновности и отсутствии злонамеренных замыслов по отношению к Гонвил Ладис. С аналогичным же результатом. О том, что машина обнаружила ментальный блок и, как следствие, верификация невозможна, говорила только типичная формулировка отчета в каждом из этих трех случаев. С точки зрения Парлинов, это было весьма неплохо. Бремя доказательства возлагалось на обвинителей, а вот доказательств у них и не было. Требование пройти этическое слушание было блефом и, вероятно, попыткой сорвать побольше денег за капитуляцию Гонвил. Если дело обстояло именно таким образом, то попытка сорвалась.

Изображение с центрального экрана сместилось назад к шестиугольному залу, где располагался верификатор. Зал казался почти пустым. В центре сидел оператор за одинокой панелью управления, а сама машина была скрыта за стенами. Когда ее включали, дальний конец зала оживал ярким, как дневной свет, маревом плавно меняющегося излучения, темневшего до гнетуще пурпурного мерцания, когда он снова отключал машину. До сих пор только это, да еще отчеты главного арбитра свидетельствовали о том, что

верификатор функционирует. Но игра света могла быть простым внешним оформлением, чтобы придать процедуре больший эффект. Наверняка это так, подумала Тэлзи, если все ее домыслы о машинах верны. Ибо на самом деле компьютер не включал и не выключал, он работал круглые сутки, постоянно проникаясь информацией, поступающей без купюр из сотен и тысяч разумов, проходящих через него.

Но, наблюдая, как в зале в очередной раз потемнело, как только оператор отвернулся от панели и заговорил по коммуникатору, Тэлзи призналась себе, что куда менее уверена в том, из каких соображений Пси-Сервис, не привлекая к своей деятельности постороннего внимания, распространяет пси-машины по всему Ядру Звездного Скопления. Джилас сидел в соседней наблюдательской кабине вместе с двумя адвокатами «Ринн». Тем временем Гонвил вместе с Дэсинджером и несколькими людьми из «Кайт Интерстеллар» где-то в другой секции огромного комплекса «Трансзвездных Финансов» дожидались вызова арбитров, чтобы отвести Чомира в контактную камеру. Слушание длилось уже чуть больше часа.

Это-то и было странно. Тэлзи занервничала,

заранее готовясь к тому, что верификатор и стоящие за ним люди узнали об ее затее еще до того, как слушание началось. Собственные мысли она замаскировала, но Гонвил, Джилас и Дэсинджер неосознанно транслировали информацию, что она является той пси, которая подделала воспоминания свидетеля слушания в надежде обмануть верификационную машину и получить ложный отчет.

Несмотря на то, что это был единственный способ добраться до Марло, Психологический Сервис, безусловно, должен счесть это самым вопиющим, какое только можно представить, нарушением установленных ими правил, направленных против независимого применения психоники. Но пока, насколько Тэлзи могла судить, ничего не случилось… во всяком случае, ничего такого, что во всех аспектах не соответствовало бы тому, что обычно происходило на этических слушаниях.

Начиналось слушание неторопливо и, пожалуй, скучновато. Один из юристов «Ринн» формально представил Парлинам общее обвинение: они спланировали и пытались осуществить убийство Гонвил Ладис ради финансовой выгоды. Он дал историческую справку о «Партнерстве Ладис», чтобы показать мотив, продемонстрировал

устройство, использованное для вызова у Чомира смертельной ярости, объяснил, для чего подобные приспособления используются на Асканаме. Затем последовал подробный пересказ происшествия в убежище агентства «Кайт Интерстеллар», включая предшествующий разговор Гонвил с Младшим по индивидуальному коммуникатору, который был ей послан именно им. О роли Тэлзи в сдерживании атаки взбешенного пса вплоть до того момента, когда охранник смог его парализовать, естественно, не было сказано.

Затем было выдвинуто и конкретное обвинение. Парлины виновны в том, что продемонстрированное устройство было применено по отношению к бойцовому псу непосредственно в тот момент, когда убийцы считали, что это вызовет смерть Гонвил Ладис. Без каких-либо свидетельств того, что ее смерть была кем-то спланирована.

Как слышала Тэлзи, это была стандартная форма представления. Этические слушания проходили как искусное состязание, разворачивающееся с формализованного начала и не прекращающееся до тех пор, пока не предпринимались некоторые ходы и ответные выпады, когда можно было ждать освещения важных

обстоятельств. Однако в данном случае юристам Парлинов казалось, что они могут позволить себе пренебречь подобными предосторожностями. Всем было ясно, что Вингар был схвачен до того, как покинул Орадо, и проговорился. Но если он появится, предположительно, в роли свидетеля, ничто из того, что он знал, не могло угрожать Парлинам. Адвокаты заявили, что все трое подзащитных отрицают предъявленные обвинения и желают подтвердить свою невиновность через верификацию, если приобретенные ими коммерческие ментоблоки позволят пройти через эту процедуру.

Продемонстрировав, что ментоблоки, собственно говоря, этого не позволяют, Парлины отступили непобежденными, чтобы дождаться окончания слушания.

Это значило, что следующим свидетелем выступит Чомир…

* * *

Возможность использования животных в качестве свидетелей во время верификации была с арбитрами заранее обговорена. Прецеденты уже бывали. Значит, Чомир мог быть допущен, даже если бы по каким-то причинам юристы

противной стороны стали возражать, хотя возражений не ожидалось. Верификатору поручат лишь установить, можно ли найти в памяти собаки хоть что-то, что докажет причастность семьи Парлинов к смертоносному приспособлению, имплантированному в ее мозг.

Именно это и планировала Тэлзи. Она ожидала хоть какого-нибудь намека на то, что верификатор отреагирует на ее фальсифицированного свидетеля. Однако никакой реакции все не было и не было…

Тэлзи неожиданно наклонилась вперед и отключила центральный монитор. До того, как Чомира отведут в контактную камеру, оставалось всего несколько минут.

Девушку предупредили, что Чомиру введут лекарство, чтобы он сохранял спокойствие, пока машина будет работать.

Она шевельнулась в кресле, положила руки на подлокотники и закрыла глаза. Пси-пузырь вокруг ее разума раскрылся. Ее ментовосприятие осторожно двинулось в глубь комплекса «Трансзвездных».

В пси-излучении слышалось множество разнообразных звуков: шепот, бормотание, неясные отзвуки, идущие бессмысленным непрерывным

потоком от людских толп, окружавших огромный центральный офис. Беспечное жужжание тысяч разумов то угасало, то нарастало, то вновь угасало, и больше ничего не происходило. Тэлзи не ощущала ни малейшего намека на присутствие активного телепата, будь то человек или машина.

Она не знала, что это значит. Девушка вновь открыла глаза, нервы были на пределе, и когда пси-шепот смолк в ее сознании, на боковом экране появился Чомир, уже в контактной камере, сонный и скучающий. Тэлзи подалась вперед и снова включила центральный экран.

Перед ней возникла пронзительная тьма, мерцавшая, будто абсолютно черное стекло. После секундного замешательства Тэлзи поняла, что она, должно быть, взирает на проекционное поле, где верификатор иногда воспроизводил образы, связанные с осуществляемым поиском. Поле не включалось, когда в камере были Парлины, ведь показывать было нечего. Теперь же появление поля на экране говорило о том, что машина начала работать с мозгом собаки.

Слишком поздно, процесс уже не остановить. Она не могла придумать ни одной благовидной причины, чтобы Джилас прервал слушание. Она

смотрела на экран и ждала, вцепившись руками в кресло.

Внезапно появилось стойкое ощущение, что кто-то смотрит на нее. Инстинктивно Тэлзи оглянулась. Кабина была пуста. Однако чувство усилилось.

Тогда Тэлзи поняла, что ее обнаружил верификатор «Трансзвездных».

В панике она утопила маленькую кнопку коммуникатора. С какой стати она вообразила, что это будет похоже на человеческий разум или разум любого другого живого существа? Нет, оказалось, что на тебя будто смотрит море. Океан. И как холодная, огромная морская волна ЭТО надвигалось на нее. Пузырь захлопнулся.

Обычно машина уделяла лишь толику своего внимания этическому слушанию, ради которого она была здесь установлена, и практически никакого внимания людям, в нем участвующим. Да, вероятно, это было именно так, но только до того момента, пока компьютеру не стало известно, что какой-то непоседа-телепат поработал с разумом животного, который нужно было исследовать… и что этот непоседа присутствовал на слушании. Так или иначе, но верификатор заинтересовался этим непоседой.

Холодная пси-волна достигла пузыря Тэлзи, перекатилась через него, отступила и накатилась снова. Незащищенный разум затопило бы мгновенно. Но, поскольку разум Тэлзи был надежно защищен, волна его не затронула. Она опять сомкнулась поверх пузыря, да так и осталась.

Возможно, противостояние длилось секунды две, не дольше. Но немедленно у пси возникло ощущение медленно растущего веса, колоссального давления, умышленно меняющего точку приложения. Затем давление ослабло и отступило.

Разум машины все еще был здесь и наблюдал. И у Тэлзи сложилось впечатление, что через этот разум за ней наблюдают и другие разумы.

Она восстановила в памяти приготовленную для них мысль и извлекла ее из-под защиты пузыря. И если это дало им понять, что девушка ни разу в жизни не была так испугана, как сейчас, эта мысль все равно говорила сама за себя.

— Взгляните хорошенько! — пригласила она.

Почти тут же она осталась одна.

Ее чуть затуманенный взгляд вцепился в проекционное поле на экране. Там кипели цвета. Затем появилось неприятное ощущение, будто у нее распахнулись чужеродные глаза, и она смот-

рит сквозь них.

Как это было сделано, Тэлзи даже представить не могла. Но она, и возможно все, наблюдавшие в данный момент за верификационным полем, неожиданно почувствовали, что находятся в голове Чомира. Последовала красноватая вспышка, и волна гнева круто вздыбилась до полыхающей ярости. Потом ярость схлынула.

На экране появилось изображение из мерцающих фрагментов и обрывков почти ужасающей четкости: комната с белыми стенами, в которой оказался Чомир, когда проснулся с только что вживленным в его мозг микроскопическим асканамским устройством. Затем пес поднялся, стал быстро и раздраженно расхаживать по комнате, в проекционном поле мимо него проплывали стены и полупрозрачный энергетический барьер на одном из концов комнаты.

Снова мелькнула красная вспышка, а за ней пришел прилив гнева. Пес замер в полушаге, голова качнулась в сторону барьера. За барьером двигалась неясная фигура. Он бросился на нее. Барьер отшвырнул его назад. Раз, другой. Когда Чомир налетел на него грудью в третий раз, сцена неожиданно замерла.

С этого расстояния, всего в несколько санти-

метров, энергетическое поле было совершенно прозрачным. В комнате с той стороны находились три человека. Родэл Парлин Двенадцатый стоял на метр ближе своих родителей, в правой руке он держал прибор, маленький, но легко узнаваемый. Он нажимал пусковую кнопку прибора. Все трое пристально смотрели на пса.

Проекционное поле погасло.

На секунду Тэлзи почудились чьи-то вопли, эхом отразившиеся в ее мозгу. Но они моментально смолкли, так что, вероятно, ей просто показалось. Но то, как эмоционально Марло Парлин отреагировала на только что увиденное в проекционном поле верификатора, уже не имело значения.

Тэлзи мягко надавила на вторую из двух недавно запрограммированных ею кнопок своего коммуникатора.

* * *

Настойчиво сигналил вызов КомСети. Проснувшись всего наполовину, Тэлзи нахмурилась. Ей снился сон, и во сне, кажется, присутствовало нечто важное, поскольку она пыталась ухватиться за это. Но оно растаяло в ее сознании, словно струйка тонкого дыма, и девушка не мог-

ла припомнить, что это было конкретно. Она окончательно проснулась к тому моменту, когда вызов КомСети умолк.

Где это она?

Диван в полутьме просторной, уютной комнаты в деревенском стиле, запах сосен… За окном, занимавшим всю дальнюю стену, стояла ночь. Движущиеся огоньки и более равномерное свечение мерцали сквозь бледное, призрачное кружево.

Скалистые Вершины…

Ну конечно! Скалистые Вершины, высокогорный курорт… блеск звезд сквозь летящую снежную метель. Когда слушание дела закончилось, Джилас предложил дочери отправиться сюда и снять домик, чтобы в компании с Чомиром она смогла отдохнуть несколько дней перед своим возвращением в Пехенрон-колледж. Он и Гонвил должны остаться в Орадо-сити, пока не будут заключены необходимые после слушания соглашения с арбитрами «Трансзвездных» и юристами Парлинов, а потом приедут к ней. Вечером она покормила Чомира, затем почувствовала сонливость и свернулась калачиком, чтобы подремать.

Это было, наверное, пару-тройку часов назад.

Когда она сползла с дивана, из примыкающей комнаты снова раздался вызов КомСети. На этот раз он сопровождался ворчанием Чомира. Взглянув на часы, Тэлзи побежала отвечать на звонок. На экране появилось лицо Гонвил, ее большие глаза были спокойны.

— Привет! — сказала она. — Тэлзи, мы с твоим отцом минут через двадцать покидаем Дрейс. И я подумала, надо тебе сказать.

— Все закончилось?

— Не совсем. Необходимо уладить множество деталей, но мы юристам больше не нужны. Дело значительно упростилось, когда Марло и Родэл Старший предпочли подписать соглашение на добровольную Реабилитацию, нежели удовлетворить иск «Трансзвездных». — Она замолчала. — Мне почти жалко их всех.

— Не глупи, — сказала задумчиво Тэлзи, — твои родственнички планомерно готовили все это несколько лет.

— Я знаю. Но все же… Я не смогла бы все уладить. Так, чтобы не потерять свои деньги.

Тэлзи готова была согласиться, что Гонвил не смогла бы этого сделать.

— А что Младший?

Гонвил мимолетно улыбнулась.

— Он заявил арбитрам, что, даже потеряв свои сбережения в «Ладис», у него останется достаточно средств, чтобы бездельничать до конца своих дней и что ему глубоко наплевать, что его имя внесут в черный список «Трансзвездных». Арбитры рассказывали, что он практически пеной исходил! Очевидно, когда слушание закончилось, все семейство испытало настоящий шок.

— Рада это слышать, — сказала Тэлзи, которая не чувствовала ни малейшей капли жалости по отношению к Парлинам. — И как тебе понравится иметь Марло коллегой в «Партнерстве Ладис», когда она пройдет Реабилитацию?

— Не знаю, какие у меня будут чувства тогда, — ответила Гонвил, — но когда она вернется, меня там уже не будет. Правило было отменено, и я продаю свою долю банку «Ринн». Для себя я решила, что не очень-то хочу стать финансистом на Тэйане. К тому же я… ну, меня начинают волновать другие интересы.

— Например, Федеральный Флот? — прямо спросила Тэлзи.

Гонвил слегка зарумянилась.

— Может быть.

* * *

После того, как подруга отключила связь, Тэлзи нашла и ткнула кнопку, зажигавшую большой камин в главной комнате, затем другую, позволившую мягкому, посвистывающему шуму пурги проникнуть в домик. Она налила себе стакан молока и в задумчивости расположилась перед огнем.

Разумеется, Парлины поняли, что проиграли слушание, как только увидели себя в проекционном поле. Должно быть, они едва не сошли с ума тогда. Но доказать, что они никогда не бывали в подобном помещении вместе с Чомиром, не могли, а оспаривать отчет верификатора бесполезно. Произошедшее казалось невозможным! Но они угодили в ловушку, и знали об этом.

Тем не менее, подумала Тэлзи, очень не похоже на Парлинов, что потере своей доли в «Ладис» они предпочли Реабилитацию… В том случае, естественно, если бы решение зависело от них. Этот поступок поразил Гонвил — она знала, что такое решение не очень сочетается с характерами ее родственничков. Но объяснить ей или кому-то еще, что это решение им не принадлежало, было нельзя.

Тэлзи задумчиво отпила глоток молока. Информация, содержавшаяся в мысленной записи, которую она показала верификатору и неизвестным агентам Пси-Сервиса, изучавшим ее через машину, ясно и очевидно говорила об одном. Теперь если кое-что не будет сделано, а кое-что другое не будет не сделано, то огромное количество копий отчета, который Тэлзи разместила на анонимном почтовом узле, будет вброшено через эту систему со случайно выбранной датой доставки, простирающейся в будущее на пятнадцать лет.

Следовательно, в любой день из этих пятнадцати лет к одной из новостных служб Ядра Звездного Скопления могло прийти лаконичное послание с прилагающимися к нему данными о чрезвычайно важных фактах, установленных или подозреваемых ею в отношении пси и психоники в Ядре и, в особенности, о предположительной роли Психологического Сервиса и ее пси-машин. Первое такое добравшееся до адресата сообщение подняло бы хорошенькую шумиху…

Выходит, что она шантажировала департамент Верховного Правительства, и пусть чиновникам это не пришлось по вкусу. Тэлзи, откровенно говоря, такое положение дел нравилось. То, чего

они не должны были делать, так это пытаться взять лично ее, Тэлзи Амбердон, под контроль ментально или физически. А то, что они должны были сделать, это, разумеется, проследить, чтобы на этическом слушании Парлинов признали виновными в спланированном ими преступлении, даже если методы доказательства выглядят сомнительно.

Учитывая способность верификатора свободно сканировать человеческие разумы, сильным мира сего к тому времени должно было стать известно о виновности Парлинов, хотя они не пошевелили бы и пальцем, чтобы помочь Гонвил, если бы их не вынудили. Когда же их вынудили, они сработали удивительно быстро и артистично: воспользовавшись ментальной подделкой Тэлзи, они добавили несколько живых штрихов, которые она обеспечить не могла, и представили дело убедительным и полным драматизма.

Затем им пришлось предпринять определенные шаги, чтобы удержать возмущенных Парлинов от воплей по поводу сомнительной непогрешимости процедуры этического слушания. Как Тэлзи знала по собственному опыту, пси-машины, не сходя с места, умели очень ловко закладывать в любой мозгпринуждающий

императив.

Так что Марло с мужем отправились на Реабилитацию, как миленькие. Потом машины в реабилитационном центре извлекут у них императив. Психологический Сервис, очевидно, сделал поблажку Младшему. Потому что счел мальчишку слишком легковесным, но, несомненно, проследит затем, чтобы он не болтал лишнего.

Что ж, подумала Тэлзи, для начала неплохо. Она отставила стакан и скинула домашние тапочки. Из соседней комнаты приковылял Чомир, улегся перед девушкой, а она приложила ступни ног к его спине, толкая плотные, жесткие узлы мускулов носками и пятками. Пес заурчал от удовольствия.

Трудности Гонвил закончились. А каковы на данный момент отношения Тэлзи с Пси-Сервисом?

Она немного поразмышляла на эту тему. В сущности, его работники, похоже, люди практичные, так что вряд ли они станут точить на девчонку-пси зуб. Тем не менее она представляла проблему.

Насколько смогла, она эту проблему уменьшила. Если позволить дозированно заглядывать в

свой разум, это будет намного надежнее, чем просто давать обещания, пытаясь создать атмосферу доверия. Если люди могут видеть ваши истинные намерения, они не боятся, что их обманут.

Сейчас Психологическому Сервису было известно, что Тэлзи не выдаст его тайн, пока ее не вынудят к этому, что, опять же, было с ее стороны здравым решением. Она не могла поговорить о своем секрете ни с Гонвил, ни с родителями, ни с Дэсинджером, поскольку, их разумы становятся открытой книгой каждый раз, когда они приближаются к пси-машине, и если им рассказать слишком много, у них могут возникнуть неприятности.

Что касается ее собственного интереса, то она не собиралась рассказывать вообще никому о том, что ей известно о пси. По крайней мере, до тех пор, пока она не разузнала гораздо больше.

И снова все складывается неплохо.

Оставался еще вопрос угрозы воспользоваться анонимной почтовой системой, чтобы разоблачить чужие секреты. Тэлзи так и не дала им понять, намерена ли она пустить в ход свои приготовления или нет. На самом деле, пакет подготовленных отчетов был уничтожен сразу перед поездкой на Скалистые Вершины. В

немалой степени из-за риска, что что-то может случайно пойти не так, и в результате в какой-то мере предсказуемо изменится история Федерации. Вероятно, они надеялись, что она может так поступить, как она поступила, но уверенности в этом у них быть не могло. А даже если и была, они не знали, что она еще могла состряпать.

Так что, скорее всего, они решат, что самым мудрым будет предоставить настырную девчонку самой себе, пока она не вмешивается в их планы. Со своей стороны, Тэлзи была бы счастлива оставить Пси-Сервис в покое с гарантией, что он не станет вмешиваться в ее жизнь. Несомненно, ее могли бы научить тому, что она хотела знать о психонике, но предлагаемая цена, судя по всему, будет выше, нежели она желает заплатить. И, похоже, ничего страшного не произойдет, если она поучится всему самостоятельно.

В конце концов, Федерация Ядра Звездного Скопления место просторное. Тэлзи подумала и пришла к выводу, что нет реальных причин полагать, будто пути, ее и Пси-Сервиса, когда-нибудь пересекутся вновь.

Удовлетворенная, она подтянула диванную подушку, засунула под голову, изогнулась и закрыла глаза. Можно дремать дальше, пока не

приедут Гонвил и Джилас. Когда она регистрировалась, ей сказали, что условия для катания на гравитационных лыжах идеальны, так что завтра предстоял день, полный активного отдыха…

Полтергейст
(рассказ)

Позднее лето в этом регионе Орадо плавно переходило в осень, и хотя полуденное солнце грело по-прежнему, сезон на этом курортном горном озере закончился. С десяток лодок медленно дрейфовали по его безмятежной глади.

Такая безлюдность Тэлзи полностью устраивала. Последние три недели в колледже были насыщенными, а предстоящие будут, по меньшей мере, напряженными. В выходные она хотела передохнуть. Это должны быть два отрешенных от всяких забот дня, посвященных умственной и физической разрядке, и одна ночь расслабленного продолжительного сна. Потом, ближе к завтрашнему вечеру, посвежевшая и отдохнувшая, она отправится на юг, в Пехенрон-колледж, где вновь с головой погрузится в учебное расписание.

Небольшой арендованный ею каяк скользил по зеленовато-синим водам озера к видневшимся

вдалеке берегам, изрезанным многочисленными узкими заливами, как раз напротив тихой курортной деревушки. Это было скопление массивных скал, покрытых густой зеленью. Отдельные деревья спускались к самой воде. Если бы ей удалось натолкнуться на какое-нибудь любопытное место, она могла бы пристать к берегу и неторопливо его исследовать.

Она надавила на кнопку ускорения на панели управления. Весло было закреплено вдоль одного из бортов, но сегодня оно не должно было касаться воды и не коснется. Физические упражнения в программу отдыха определенно не входили. Тэлзи сплела пальцы на затылке, откинулась на мягкую спинку сиденья, легонько зажав рулевой рычаг загорелыми коленями.

Она приподняла брови.

Интересно, что это было?

Ага, опять. Слабая взволнованная дрожь. Нет, не нервов, но разума… легкое мимолетное прикосновение пси-энергии. На секунду проснулось любопытство. Несколько месяцев назад девушка стала пси, телепатом, еще только начинающим, хорошо, что она об этом вовремя узнала. До сих пор попрактиковаться в обнаруженных в себе новых способностях ей удавалось не так часто,

как хотелось бы. Учебная нагрузка в колледже была очень серьезной, и Тэлзи быстро поняла, что исследовать возможности своего пси-таланта у нее не получится. Сюрпризов, связанных с этим, возникало много, и не всегда самых приятных. Но вскоре у девушки должно было появиться больше свободного времени на подобные дела.

Что касается энергетических колебаний, совсем необязательно, что они исходили откуда-то из ближайших окрестностей. Они могли случайно, эхом, добежать до ее сознания даже с другого полушария планеты. В любом случае, чтобы пытаться определить источник колебаний, она не собиралась нарушать свой безмятежный настрой.

Прикрыв глаза и иногда слегка двигая коленями руль каяка из стороны в сторону, Тэлзи наблюдала, как высокие серые скалы медленно надвигались на нее. Пси-прикосновений она больше не ощущала, а то недолгое впечатление вскоре отступило на задний план. Существовал правительственный департамент — Психологический Сервис — выказывавший по-отцовски строгое отношение к пси, которые не входили в его структуру и не имели желания присоединяться к нему. Вскоре после того, как стали

заявлять о себе ее телепатические способности, Тэлзи обнаружила, что Пси-Сервис взял ее под наблюдение и ограничил в использовании пси. Но она освободилась от ограничений и смогла переиграть Пси-Сервис так, что он смирился — для всех было лучше, если ее оставят в покое. Не исключено, что его сотрудники по-прежнему за ней присматривают, и пси-шепот мог быть наживкой со стороны Сервиса, чтобы привлечь какой-нибудь мало-мальски отклик с ее стороны. Для дальнейшего изучения.

Тэлзи решила не тревожиться на сей счет. Если это наживка, она все равно не клюнула. В другой раз она, может быть, и отреагирует, просто посмотреть, что произойдет.

* * *

Похоже, на берегу никто не обитал. Летом здесь могли располагаться туристы. Хоть деревья собирались в купы над каменными ярусами, но признаков животных не наблюдалось. Попадавшиеся по пути бухточки были приятными, мирными уголками. Каяк заворачивал по очереди в каждую из них, огибал по прибрежной линии, и скользил вдоль скал к следующей. Пока Тэлзи не нашла той, что разбудила бы в ней же-

лание высадиться на берег.

Ну, вот эта, подумала она, возможно, то, что нужно.

Залив, значительно крупнее большинства остальных и имевший форму чаши, с двух сторон был обрамлен высокими отвесными каменными стенами. Впереди на песчаном побережье росли деревья, отдельные экземпляры забрались далеко вглубь горной расселины. Здесь было бы легко пристать к берегу.

Затем она увидела какого-то человека, лежащего на песке невдалеке от воды. Ничком, ногами в сторону залива. В поле зрения лодки не наблюдалось, но где-то за деревьями вполне мог быть припаркован аэрокар. Самым невероятным в этой картине было то, что лежащий был одет неподобающим образом для того, чтобы загорать на песочке. На нем был оранжево-белый деловой костюм. Тэлзи показалось, что бедняга, вероятно, болен или мертв… или находится под кайфом и пытается как-то от этого избавиться.

Она направила каяк к отмели. Не доплыв десяти метров, она остановила лодку:

— Эй, ау! С вами все в порядке?

Слава Богу, мужчина был жив. На звук ее голоса он дернулся. Затем встал на четвереньки, вгля-

дываясь в деревья перед собой.

— Я здесь! — крикнула Тэлзи.

Он повернул голову, увидел ее, поднялся на ноги. Отряхнув песок с пиджака, он опустил взгляд на кромку воды. Тэлзи видела, как его рот беззвучно раскрывался. С этим парнем было явно что-то не так!

— Вы больны? — спросила она. — Вы так тихонечко лежали.

Казалось, он страдает. Тем не менее мужчина потряс головой, словно отгоняя наваждение, и попытался улыбнуться.

— Нет, я не болен, — ответил он. — Я в полном порядке. Большое вам спасибо, что проявили участие в моей судьбе. Очень мило с вашей стороны… но, пожалуй, мне лучше остаться одному.

Он снова постарался улыбнуться.

Тэлзи задумалась. Судя по интонации, он не был пьян или одурманен.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — переспросила она. — Вы не очень-то хорошо выглядите.

— Нет, я в полном порядке! А теперь, пожалуйста, уходите! Это… впрочем, просто это не лучшее место… хм, для молодой девушки.

Да он напуган, внезапно заключила Тэлзи, и не

просто напуган, а смертельно. Интересно, чем?

Она обвела взглядом безмолвные деревья и предложила:

— Почему бы вам ни отправиться вместе со мной? Каяк выдержит двоих.

— Нет, вы не понимаете, я не могу. Я…

Мощный электрический поток вокруг и сквозь нее… жесточайший разряд пси-энергии. И стремительный, грохочущий шум над головой. Что-то ударилось об воду с громким всплеском метрах в трех от левого борта лодки. Тэлзи не стала дальше мешкать — до конца вдавила кнопку ускорения, до упора вывернув руль. Каяк лягушкой прыгнул вперед, на ходу заворачивая влево. Еще один всплеск возле лодки. На этот раз Тэлзи окатило водой, на мгновение ослепив.

Чуть позже целая груда камней, сорвавшихся с вершины скалы, ударилась о поверхность залива. Но мишень уже была вне досягаемости, удирая вдоль обвала к берегу. Девушка проморгалась и вдавила кнопку тормоза.

Каяк наскочил на что-то под поверхностью залива, с раздирающим звуком перевернулся, и сбросил пассажирку в воду.

* * *

Каяк был потерян навсегда. Окунув лицо в воду, Тэлзи видела, как ее судно соскользнуло в прозрачную темную глубь залива, разодранное почти от носа до кормы. Чувствуя слабость от всего пережитого, она приподняла голову, и яростно погребла к берегу, откуда за ней наблюдал мужчина. Чуть позже она ощутила под ногами восходящую песчаную отмель и выбралась на твердь.

— Мне так жаль! — сказал он, побледнев. — Надеюсь, вы не сильно пострадали, верно?

У Тэлзи дрожали ноги.

— Только испугалась до смерти, — ответила она не слишком ровным голосом.

— Я должен был бы придти вам на помощь, но, к сожалению, не умею плавать.

Выглядел он довольно изнуренным, но, должно быть, был существенно моложе, чем казался из каяка. Вероятно, незнакомцу чуть перевалило за тридцать.

— Ну, а я умею, — сказала Тэлзи. — Так что все в порядке.

Она обнадеживающе улыбнулась ему. Затем подняла взгляд на скалу справа от себя, и на вы-

соте полусотни метров на нависавшей каменной стене отметила свежие царапины.

— Осыпалось огромное количество камней, — заметила она, отжимая волосы.

— Ах, это было ужасно. Ужасно!

Мужчина тяжко вздохнул.

— Я… ну, у меня с собой полотенца и кое-что из одежды. Может быть, вы отыщите что-нибудь подходящее для себя, если хотите обсохнуть и переодеться.

— Нет, спасибо, — ответила Тэлзи. — Моя одежда непромокаема. Я скоро высохну. У вас, случаем, нет спрятанной где-нибудь лодки? Или аэрокара?

— Боюсь, что нет, — покачал головой он. — Ни того, ни другого.

Она обдумала сказанное, не понимая, как мог сюда добраться без транспорта и что здесь делает этот странный человек.

— Вы здесь живете?

— Нет, — поколебавшись, ответил он. — Не совсем. Но я собирался пробыть здесь некоторое время. — Он помолчал несколько секунд. — Дело в том, что я пересек озеро на лодке. Приплыл сегодня утром из деревни. Но как только сгрузил припасы и снаряжение, лодку утопил. Не хочу

впасть в искушение вернуться раньше назначенного срока…

Мужчина прочистил горло, словно ему хотелось продолжить рассказ, но он смог себя пересилить.

— Ну, — любезно заметила Тэлзи, — теперь это не имеет особого значения. Если я не вернусь на каяке до наступления темноты, спасательная служба курорта сообразит, что у меня проблемы и меня начнут искать.

Мужчина, похоже, наконец, решился.

— Не хочу вас волновать, мисс…

— Тэлзи Амбердон.

Он сказал, что его зовут Дэл Эксвен.

— Я должен вам кое-что сказать. Пока вы здесь, мы должны быть крайне осторожны. Иначе с вами может что-нибудь случиться.

— А что со мной может случиться? — настороженно спросила она.

Дэл поморщился.

— Не имею ни малейшего представления… в этом-то и заключается главная трудность. Но я точно знаю, что вы в опасности. — Он снова прочистил горло: — Уверен, это прозвучит так, словно я нахожусь не в своем уме. Но реальность такова, что я… хм… как бы это сказать… одер-

жим.

По телу Тэлзи пробежала дрожь.

— Одержимы? — спросила она. — И, если не секрет, чем же?

Дэл Эксвен покачал головой.

— Не могу сказать. Я не знаю, КТО это. Или ЧТО это.

— Вы хотите сказать, что камнепад не был случайностью? — спросила девушка после паузы.

— Да, — ответил он, — камнепад не случайность. Не думая, что ОН способен зайти так далеко, но теперь вы во всяком случае понимаете, почему я хотел, чтобы вы немедленно покинули мое пристанище.

— А ОН не пытался этим камнепадом добраться до вас?

Эксвен покачал головой.

— Хотя ОН собирается уничтожить меня, но не прямо, не физически. Если бы хотел устроить покушение, то давно бы это сделал. И я не могу ничего предпринять, чтобы избежать этого.

* * *

Тэлзи безмолвствовала. В это мгновение она ощутила выброс энергии, и плотный защитный экран пси-поля сомкнулся вокруг ее разума. Пока

Эксвен говорил, она осторожно, постепенно его ослабляла. И теперь, когда стала искать соответствующие признаки, то смогла удостовериться, что на уровне псионики что-то было. Сознание. У девушки сложилось ощущение, что оно, это сознание, знает о ее присутствии, хотя никак не реагирует на ослабление экрана. Ничего другого узнать о нем больше она пока не могла.

Тэлзи взглянула на Эксвена. Он смотрел на нее с обеспокоенным интересом.

— Вы сказали, что не знаете, что ОН такое? — быстро спросила она. — Вы никогда ЕГО не видели?

Эксвен помедлил, затем с удивлением произнес:

— Неужели вы мне поверили на слово?

— О, я вполне вам верю, — ответила Тэлзи. — Камни были частью скалы и сами собой упасть вниз не могли. Сдается, что нечто специально столкнуло их в тот момент, когда я находилась под ними.

— Возможно, это потому, что вы до сих пор почти ребенок, — сказал Эксвен, кивая в знак согласия. — Не поверите, но само по себе это такое облегчение, найти кого-то, кто готов принять мое объяснение всех этих происшествий. — Он

поднял глаза на скалу и содрогнулся. — Но таких жутких вещей ОН раньше никогда не делал. Но даже это еще не самое страшное.

— И у вас совсем нет никаких подозрений о том, кто все это творит? — спросила Тэлзи.

— ОН — это что-то такое, что нельзя увидеть, — честно ответил Эксвен. — Допустим, некий злобный дух! Не знаю, что притягивает его ко мне, но он избрал меня своей жертвой. Я оставил надежды хоть когда-нибудь от него освободиться.

Тем временем вокруг экрана Тэлзи началось электрическое покалывание. Пси-сознание активизировалось снова, хотя, надо честно признать, на относительно более слабом уровне. Взгляд девушки скользнул Эксвену за плечо. Метрах в десяти дальше по берегу песок вихрем взлетел вверх и теперь беззвучно кружился, словно все больше и больше песчинок вздымалось в воздух под жестокими порывами ветра в этой относительно безветренной бухте. Затем песчаное облако осыпалось. Осыпаясь, песок как будто проявил на мгновение силуэт припавшей к земле отвратительной фигуры, медленно двигавшейся в их сторону.

Ладно, мне уже страшно, мысленно сказала Тэлзи пси-сознанию. Не надо меня пугать больше.

Отклика она не ощутила, не поступило вообще никакой реакции.

Могло ОНО ее слышать?

Сбитая с толку девушка облизала губы, потом взглянула на озабоченное, печальное лицо Дэла Эксвена.

— Давайте немного погуляем на открытом воздухе, пока я не обсохну, — предложила она. — А вы мне расскажите, как все началось, ладно?

* * *

Припомнить точно, когда начались неприятности, Эксвен не мог. За последние несколько лет случилось несколько разрозненных происшествий, оглядываясь на которые, можно было сказать, что какое-то из них и дало первоначальный толчок последующим событиям. Еще недавно он был преуспевающим юристом. У него была контора и целый штат наемных работников. Но вот, иногда у себя в офисе, иногда дома, он начал замечать, что некоторые небольшие предметы оказывались переложены, то есть лежали не там, где он их оставлял. Это было необъяснимо, особенно, когда это касалось вещей, которые он держал в руках буквально несколько минут назад. Однажды он нашел пачку разбросанных

по ковру бумаг, словно их сдуло внезапным порывом ветра. Это произошло в комнате, куда ветер проникнуть никак не мог.

— Разумеется, это меня смущало, — сказал он. — Но такие события случались довольно редко, и я о них не задумывался особо. Это не казалось мне существенным. Однажды ночью в моем доме захлопала дверь. Это случилось полгода назад.

Это была первая серия странных, необъяснимых с точки здравого смысла происшествий. Бывали периоды, когда ничего не происходило, но Дэл уже не мог сказать, где все шло естественным образом, а где — нет. Он начал просыпаться по ночам оттого, что кто-то громко топал по комнате. Когда включался свет, шаги прекращались, и в комнате никого не было. Он стал бояться засыпать без света и теперь каждый уголок его дома был ярко освещен, но разнообразные проявления потусторонних сил продолжались. Со временем свидетелями таинственных и тревожных событий также стали служащие его офиса. Нужно ли говорить, что они тут же уволились. Прием новых сотрудников продлился недолго, поскольку слухи имеют обыкновение распространяться со скоростью выше световой. Правда, это уже не имело значения, к тому времени его бизнес почти

сошел на нет.

— И ничего нельзя было поделать?

— Прошлой ночью в моем доме имел место целый ряд не прекращавшихся возмущений… этого было достаточно, чтобы я не мог заснуть. Словно ОН решил свести меня с ума. В конце концов я просто объелся снотворного и почти моментально заснул. Я проспал двенадцать часов кряду и проснулся таким посвежевшим, каким не был вот уже несколько недель. Признаков, что мой истязатель находится неподалеку, не было. Тогда мне пришло в голову, что если я уеду подальше и на какое-то время спрячусь, то, возможно, смогу избавиться от него навсегда. Действовать я начал сразу: выбрал наугад из списка этот курорт, прилетел сюда, взял в деревне лодку, загрузил туристическое снаряжение и припасы, пересек озеро. Эта бухта показалась идеальной для моих целей. Потом, когда я почти начал ощущать уверенность, что, наконец, освободился от НЕГО, ОН дал понять, что снова рядом.

— Как ОН это сделал? — поинтересовалась Тэлзи.

— Я поставил палатку и полез за контейнером с едой. А тот взорвался, как только я к нему прикоснулся. Еще хорошо, что я ни капельки

не пострадал, только оказался забрызганным бульонным концентратом. Но я понял, что это означает. Я почти слышал, как ОН хохочет надо мной.

— Я не очень хорошо помню, — добавил он уныло, — что происходило дальше. У меня наступил полный упадок духа, я был в ужасе. Помню, что улегся на песок, и решил, что, возможно, никогда уже не встану. Потом услышал, как вы окликнули меня.

* * *

Прошло время…

Эксвен неожиданно вздрогнул, поднял голову, и испуганным голосом заметил:

— Кажется, слишком быстро темнеет.

Тэлзи подняла на беднягу-юриста глаза. Оба сидели на песке, на расстоянии нескольких метров друг от друга, наблюдая за озером: Она чувствовала усталость и напряжение. На лбу выступили капельки пота. В течение какого-то времени она копалась в недрах разума Эксвена, исследуя, зондируя, пытаясь разобраться в причинах. Естественно, при этом, не позволяя ему понять, что делает.

Опыт оказался поучительным. Теперь она

знала, какой сущностью одержим Эксвен, и почему одержим. Призрак находился неподалеку, и жаждал, страшно жаждал уничтожить ее — пси, вставшую между ним и его жертвой. ОН обладал потрясающей силой, на этом уровне девушка сравниться с ним не могла. И все же, разными уловками, она умудрялась сдерживать его. Но призрак начал понимать, что именно она делает и как можно обойти ее уловки. Пройдет не так уж много времени, прежде чем выяснится, что действенных способов защиты у нее не осталось.

Тэлзи не знала, когда наступит такой момент, поэтому решила привести Дэла Эксвена в сознание. Ей необходимо было попробовать заручиться его помощью, пока такое было еще возможно.

Очнувшись, Эксвен изумился тому, что день заметно сократился.

— А мне кажется, — ответила на это Тэлзи, — что просто в привычное время для этой широты и времени года наступает вечер.

Эксвен взглянул на часы.

— Вы правы, — признал он. — Странно… прошедшие два часа минули словно сон. Я почти ничего не помню, о чем мы говорили и что делали. — Он покачал головой: — Всяко выходит, что я дополнительно ко всем неприятностям

теряю еще и память. Таких проявлений раньше не было.

Взглянув вдруг на Тэлзи, он спросил:

— Или были?

— Не было, — ответила Тэлзи.

Эксвен сладко зевнул, оглядывая девушку с головы до ног.

— Любопытно, — заметил он. — Я чувствую себя очень спокойно, совсем не волнуюсь. Конечно, я сознаю затруднительность моего положения, и действительно не вижу выхода. И я озабочен, что вы можете пострадать, до того, как выберетесь отсюда. В то же время, я, кажется, почти не страдаю от этих проблем.

Тэлзи кивнула.

— Вы стараетесь никогда не злиться на людей, правда?

Эксвен кивнул.

— Да, я не одобряю выплесков гнева. Когда испытываю подобный порыв, что бывает не часто, я почти всегда способен его подавить. А если нет, тогда, по крайней мере, не стремлюсь выражать свои эмоции впрямую или действовать, полагаясь на них.

Тэлзи снова кивнула:

— Значит, вы человек, в котором присутствует

обычная для большинства людей пропорция человеческих слабостей. Который сознает, что это нехорошо, и который гораздо тщательнее, чем обычно, держит свои эмоции в узде, не давая себе распуститься ни в словах, ни, тем более, в поступках. Точнее, человек, который натренировал себя до такой степени, что он этого даже не замечает.

— Эта дискуссия, — неуверенно произнес Эксвен, — начинает меня смущать.

— Когда вам было десять лет, случилось кое-что, — проникновенно сказала Тэлзи.

Она продолжала говорить минуту или две, и по мере того, как Эксвен слушал, у него все больше и больше вытягивалось лицо.

Наконец она объявила:

— Возможно, я недавно загипнотизировала вас, или прыснула из баллончика в лицо, потом задала вопросы и велела обо всем этом позабыть. Но лучше поверить, что я знаю о том, что только что вам рассказала, потому что прочла об этом в вашем разуме. И это далеко не все, что я сделала. До сих пор вы испытывали спокойствие и отрешенность только потому, что это устроила я. Да, это я удерживаю вас в состоянии спокойствия и отрешенности. Я не хочу, чтобы вы расстроились еще больше. Но боюсь, — добавила она, — что вы

все равно очень расстроитесь.

Эксвен взирал на девушку.

— Из-за чего расстроюсь?

— Из-за того, что у вас своего рода раздвоение личности, — ответила Тэлзи.

На мгновение он моргнул, челюстные мышцы напряглись. Однако Дэл не произнес ни слова.

* * *

— Позвольте мне рассказать о НЕМ, — продолжала Тэлзи, — ОН — это то, чем или кем вы сознательно не хотели становиться. Все дело в этом. Большинство людей не отнеслось бы к этому, как к большому злу. Но с некоторых пор ОН узнал, что он такое, а самое главное — узнал о вас. Вы — контролирующая личность. ОН был заперт в тайнике, не мог ничего делать, только наблюдать за тем, что делаете вы. И даже наблюдать ОН не всегда был способен. ЕМУ, это вполне понятно, не нравилось такое положение дел. А еще ЕМУ не нравились вы. ОН сам хотел стать контролирующей личностью, чтобы все стало наоборот.

Эксвен вздохнул.

— Пожалуйста, не говорите так, — сказал он. А немного подумав, добавил:

— Однако если у меня действительно появилась вторая личность из-за того, что я изгонял из себя отрицательные черты характера, понятно, что мне приходилось держать эту личность взаперти. Низменные стороны натуры, откуда бы они ни взялись, проявлять недозволительно, пока мы в состоянии с ними совладать.

— Но с какого-то времени кое-что изменилось, — сказала Тэлзи. — Видите ли, мистер Эксвен, вы, как и я, пси.

Секунду он молчал. Потом медленно покачал головой.

— Вы не верите, что вы пси? — спросила Тэлзи.

— Боюсь, что да. — Эксвен застенчиво улыбнулся. — Признаю, на секунду вы почти заставили меня поверить, что вы — пси.

Тэлзи кивнула.

— Вот отсюда и начались все ваши неприятности, — сказала она. — Вы не хотели верить в свой дар. Несколько лет назад вы должны были осознать, что у вас начинают развиваться пси-способности и что вы можете ими управлять. Но это вас сильно испугало. Поэтому это стало еще одной вещью, которую вы решили вытолкнуть из своего сознания.

— За последние несколько месяцев, — добави-

ла она, — я замечала, как другие люди делают то же самое. Обычно это становится не слишком важным, потому что у них нет достаточных способностей, которые играли бы какую-то существенную роль.

— Тогда с какой стати это должно играть роль для меня? — мягко спросил Эксвен.

Тэлзи ответила не сразу. За этой мягкостью скрывалась внутренняя твердость, которая вот-вот должна была прогнуться от напряжения. Едва ли Эксвен мог избежать тягостных для него намеков на то, к чему она его подводила. Но он до сих пор не позволял себе это увидеть, и если выстроенный им за многие годы барьер непонимания предстояло сломить, то сделать это он должен был сам, причем сейчас же. Для вмешательства пси его личность была слишком хрупка, она будто приближалась к коллапсу под оказываемым на нее давлением. Разумеется, для вмешательства пси, чей опыт был не обширней, чем ее собственный.

В любом случае, в данный момент у Тэлзи не было времени на сомнительные эксперименты.

— Я никогда не слышала о пси с потенциалом, проявлявшимся в областях, похожих на ваши, мистер Эксвен, — сказала она ему. — Я даже не

знала, что такое возможно. Вы взяли и передали контроль над всей этой мощью другой своей личности. И теперь эта личность учится ею пользоваться.

Эксвен измученно вздохнул.

— Это ею вы были одержимы последние полгода, — продолжила она. — На самом деле, вы, конечно, одержимы самим собой.

* * *

Если бы не предварительная осторожно проделанная работа, реакция Эксвена, когда она наконец проявилась, могла быть сокрушительной. Теперь Тэлзи легко могла с нею справиться. Пять минут спустя, он печально сказал:

— Зачем ЕМУ так поступать со мной?

А ведь это прогресс. Стало быть, Дэл частично воспринял ситуацию. Возможно, теперь он пожелает принять и остальное, самое важное для себя.

— Вы сказали, что думали, будто ОН пытался свести вас с ума, — сказала Тэлзи. — В каком-то смысле да, он пытался. Когда ОН доведет вас до состояния, когда вы перестанете думать, ОН станет контролирующей личностью.

— Значит, ОН преуспел! — в отчаянии восклик-

нул Эксвен. — Я и надеяться не могу, что хоть немного выдержу дальнейшую травлю!

— Вам не придется, — сказала ему Тэлзи.

Дэл посмотрел на девушку.

— Что вы имеете в виду?

— Я очень тщательно все проверила. Вы легко можете забрать у него пси-контроль, если сделаете это незамедлительно. Я могу показать вам, как это сделать, и помогу. Я могла бы направить вас к известным мне людям, которые могли бы помочь лучше меня, но для этого у нас почти не осталось времени. И мы можем это сделать сами. Тогда…

Челюсть Эксвена задрожала, он закатил глаза, словно загнанное животное.

— Я никогда не свяжусь с этим, кем бы ни было это существо, — просипел он. — Я отрицаю эту часть себя!

— Мистер Эксвен, — произнесла Тэлзи, — позвольте рассказать еще кое-что о НЕМ и о ситуации, в которой вы оказались. Я буду говорить о НЕМ, словно ОН — не вы. Он — пси одного типа, я — другого. По-своему, он гораздо сильнее меня. Я не смогла бы совладать с теми энергиями, с которыми управляется он, а если бы смогла, они убили бы меня.

Тэлзи вытерла пот со лба.

— Очень многое ОН не понимает. Я первая из пси, с которой ОН столкнулся… поскольку не знал, что бывают другие. ОН подумал, что я представляю для него опасность, поэтому и пытался, как мог, меня убить. Наверное, я не смогла бы сделать ничего из того, на что способен ОН. Все, что я, в основном, делала, когда у меня было время, это изучала различные сознания. На что они похожи, что можно с ними сделать. Как я изучала сегодня вас, так и ЕГО. Некоторое время ОН не подозревал, что я этим занимаюсь, а когда понял, то не знал, как меня остановить. Он пытался делать определенные вещи, которые бы меня уничтожили. Но каждый раз я сбивала ЕГО с толку, заставляла ЕГО забыть о том, что он хотел сделать и как это сделать. Иногда ОН даже забывал на время о том, где ОН и что ОН. Я сдерживала его множеством разных способов. Тем не менее все равно ОН продолжает пытаться, ведь что ни говори, а ОН ужасно силен. Если я полностью потеряю над НИМ контроль, ОН немедленно расправится со мной. Собранная ИМ против меня энергия намного превышает его способность безопасно с ней управляться… ОН по-прежнему очень мало знает о таких вещах. ОН пытается выяснить, как я сдерживаю ЕГО, и начинает догадываться. Я

не могу говорить с НИМ, потому что ОН меня не слышит. Если бы у меня было время, то, как мне кажется, я смогла бы сделать так, чтобы ОН меня понял, но времени у меня нет. Я просто не смогу ЕГО больше сдерживать. Мистер Эксвен, неужели вы не видите, что должны забрать контроль себе? Я помогу вам, и в состоянии это сделать… Я вам обещаю!

— Нет, — в этом слове прозвучало окончательное поражение. — Но кое-что сделать могу…

* * *

Эксвен стал подниматься на ноги, но неуклюже повалился на спину.

— Это глупо! — воскликнула Тэлзи.

Он уставился в испуге на нее:

— Ты остановила меня!

— Я не позволю вам прыгнуть в озеро и утопиться!

— А что мне еще остается? — Он все еще глядел на нее, лицо его побелело, как мел. Затем его глаза медленно распахнулись и стали огромными. — Ты…

Тэлзи подавила новый разрывавший Дэла ужас.

— Нет, я не нечто сверхъестественное! — быст-

ро проговорила она. — Я пришла сюда не затем, чтобы завести вас в ловушку душевного краха. Я вовсе не то, чем вы одержимы!

Затем что-то частично ускользнуло из-под ее контроля. Далеко в лесистой расселине за их спинами, высоко между скал, раздался отзвук грома или обвала. Электрические потоки взвихрились вокруг Тэлзи.

— Что это? — задыхаясь, спросил Эксвен.

— ОН вырвался из-под контроля, — Тэлзи протяжно нерешительно вдохнула: — Точно не знает, где мы, но ищет нас.

Она затмила сознание Эксвена. Экс-юрист рухнул, повалился набок, подтянул колени к груди.

Затмить сознание второй личности с той же легкостью она не могла. Как и не могла восстановить утерянный над ним контроль. По расселине неодолимо приближался грохот. Осталось только одно, что она могла сделать, если только на это было еще время.

Она наложила туман забытья на сознание второй личности Эксвена, чтобы спутать ее намерения и чтобы она не могла ее почувствовать. Шум мгновенно прекратился. Противник был остановлен. Пусть на время. ОН прекрасно понимал, что с ним происходит, и скоро, очень скоро,

выберется из ментального тумана.

Пси-энергия аккуратно вонзилась в структуру этой сущности. Атаку Тэлзи могла блокировать частичкой доступной ей силы. Но она не знала, как ее блокировать, и даже того, что была атакована. Что-то отделилось. Частичка личности исчезла. Крупица ее огромного пси-потенциала исчезла вместе с этой частичкой.

Тэлзи продолжала уничтожать иную сущность Дэла Эксвена. И работа эта была неприятная. Иногда это существо не понимало, что происходит. А когда понимало, то сражалось со страшным упорством, противодействуя продолжавшемуся расщеплению. Девушка работала очень быстро, потому что существо в течение некоторого времени еще могло ее убить с легкостью, если бы открыло один из способов, как это сделать в критической для него ситуации. Потом, чуть позже, она прошла эту точку. Остатки личности стали сопротивляться с неохотой, по-прежнему цепляясь за осколки своего сознания, но больше не пытаясь противостоять. Кажется, от этого стало только хуже.

На все ушло, возможно, около получаса. Последний клочок похороненной личности Эксвена исчез, и остатки втянутой им в себя энергии

безвредно утекли. Тэлзи провела тщательную проверку, чтобы в этом убедиться. Затем дважды сглотнула — ее затошнило. Подойдя к кромке воды, она прополоскала рот, вернулась, и привела Эксвена в чувство.

* * *

Поисковая лодка из курортной деревни подобрала обоих час спустя. У администрации курорта уже имелся существенный опыт в том, как находить гостей, которые отправились на озеро сами по себе и столкнулись с трудностями. Вскоре ближе к полуночи Тэлзи уже сидела в своем аэрокаре, направляясь назад в Пехенронколледж. Желание провести остаток выходных на озере пропало.

Минувшие часы неожиданно помогли ей понять людей из Психологического Сервиса и их методы. Дэл Эксвен был пси, который должен был находиться под наблюдением, его нужно было ограничивать, пока специалисты не размоют жесткие блоки, не дававшие ему здраво оценивать свой растущий талант. Если бы сотрудники Пси-Сервиса его вовремя обнаружили, они смогли бы сохранить личность цельной, как того не смогла сделать Тэлзи. И, возможно, пси-

индивидов, которые могли бы стать серьезной проблемой для самих себя и других, если их не направлять, с их согласия или без него, существует гораздо больше, чем считала девушка.

Похоже, в обществе, где пси являлись определенным фактором, организация вроде Психологического Сервиса была просто необходима. Их методика не была настолько произвольной, как это раньше казалось Тэлзи. Она сохранила свою независимость от чиновников Федерации. Она заслужила независимость, доказав, что способна ее защитить. Но было бы глупо окончательно поворачиваться спиной к обширным кладезям знаний и опыта, которые представлял собой Пси-Сервис.

Невольно ее размышления вернулись к реакции Дэла Эксвена. Он был жутко, невероятно ей благодарен, когда она привела молодого человека в сознание. Он заплакал и засмеялся. Одновременно. Он не переставал пытаться объяснить, каким свободным, спокойным себя чувствует, как ему стало легко после многих месяцев нараставшего кошмарного гнета, как здорово для него было узнать, что отныне и далее он будет свободен от своих сверхъестественных проблем. Экс-юрист выпустил из вида, что девушка по-

прежнему могла читать его мысли, и точно знала, что он ощущал…

Тэлзи встряхнула головой. Она уничтожила половину неповторимого человеческого существа, разрушила человеческий пси-потенциал, который был мощнее, чем она могла себе вообразить.

А Эксвен, глупый, опустошенный Эксвен благодарил ее ручьями счастливых слез на щеках за то, что она так жестоко с ним обошлась!

Чудовище разума
(рассказ)

Трепещущий всплеск пси-энергии. Внезапное яркое впечатление бегства и попыток спрятаться, жуткий страх перед преследователем, скрыться от которого невозможно…

У Тэлзи перехватило дыхание. Ее разум мгновенно создал пси-экран, блокируя импульсы, приходящие извне. Ментальные образы и ощущения преследуемого сразу пропали, коснувшись ее лишь на долю секунды, но девушка еще долго пролежала неподвижно с закрытыми глазами. Пульс выбивал барабанную дробь примитивной тревоги. Последний час она тревожно дремала, смутно улавливая ментальные следы многочис-

ленной живности, населяющей парк на многие километры вокруг. Может быть, она попросту заснула и увидела начало сна?..

Возможно, решила она, но маловероятно. Она расслабилась еще недостаточно, чтобы соскользнуть за границу между дремотой и сном. Вероятнее всего, она на мгновение уловила отражение реального события, когда кто-то не очень далеко от нее встретил жуткую смерть.

Помедлив, она все же ослабила блокирующий экран и позволила сознанию вновь раскинуться по округе, одновременно протянув быстро ищущую ментальную ниточку с репликой уловленной недавно структуры. Если эта ниточка коснется разума, породившего исходную структуру, она может принести моментальную вспышку эхо-подробностей и новую информацию — при условии, что этот разум еще жив и способен отвечать.

Но в это Тэлзи уже не верилось. За мгновение контакта у нее создалось впечатление, что до смерти его отделяет всего несколько секунд.

Вокруг нее вновь постепенно нарастало бормотание ментального шума — переменный пульс жизни и пси-энергий, постепенно ослабляющийся с расстоянием, — источником которого были

ее спутники, животные на равнине и в горах, и тусклая эманация растений. Но яркие и тревожные ощущения пропали бесследно.

* * *

Тэлзи открыла глаза и взглянула на своих спутников, сидящих вокруг костра. Временный лагерь располагался в самом устье Цильского ущелья, и жили в нем одиннадцать студентов третьего и четвертого курсов колледжа Пехенрон, решивших провести осенние каникулы в парке Мелна. Старшему было двадцать два, а ей, Тэлзи Амбердон, самой младшей — пятнадцать. Присутствовал и огромный белый пес Чомир, принадлежащий одной из подруг Тэлзи, которая в связи с особой датой предпочла отправиться на время каникул не в пеший поход, а в космический круиз. В межпланетном лайнере Чомир был бы лишним, и Тэлзи взяла его с собой в парк.

Когда стало темнеть, студенты разожгли костер там, где огромное Цильское ущелье открывалось горловиной на холмистую равнину. По обе стороны от лагеря возвышались стены ущелья, сглаженные вечнозеленой растительностью; метрах в ста от них река Цил, быстрый и нервный поток, каскадом срывалась в долину со скали-

стых уступов. Парни натянули полупрозрачный зеленый навес, под ним разложили спальные мешки. Но Гиккез и еще две девушки уже заявили, что спать намерены в аэрокарах, подняв их на десяток метров над землей.

А ведь рейнджеры парка заверили их, что подобные меры предосторожности излишни. Парк Мелна кишел местной живностью — по этой причине ему, в конце концов, и присвоили статус парка — но все эти животные были совершенно неагрессивными по отношению к посетителям. Что же касается браконьеров, то в парке было намного безопаснее, чем в городах планеты. Полеты над ним не разрешались, и все посетители попадали туда через несколько пропускных станций, где на двигатели аэрокаров ставили опечатанные ограничители мощности, лимитирующие потолок полета до пятидесяти метров, а скорость — до тридцати километров в час. Ограничения не распространялись лишь на аэрокары рейнджеров, и лишь рейнджеры имели право носить оружие.

Все это делало парк Мелна настоящим оазисом спокойствия. Но чем сильнее темнело вокруг, тем ярче разгорались звезды крупного скопления вокруг Орадо, пока небо не запылало великолепием,

захватывающим дух. А некоторые из студентов, вроде Гиккез, не привыкли к такому сверканию, поскольку редко ночевали за пределами городов, где в конце дня небо постепенно закрывали ночные экраны, удовлетворяя древнюю расовую потребность людей спать в полной темноте.

Здесь же ночь оставалась неуверенными сумерками, пока где-то далеко в ущелье не застонал ветер, а через горы не перевалили черные грозовые облака, накатываясь на долину. Сумерки сменились темнотой, взгляды молодых людей тревожно забегали по сторонам. Недалекая река неутомимо шуршала перекатываемой галькой. Ветер в ущелье издавал странные звуки; слышалось потрескиванье деревьев и кустов, время от времени доносились крики животных.

* * *

— У меня такое чувство, — заметила Гиккез, разглядывая стены Цильского ущелья, — что оттуда в любой момент может выскочить что-нибудь такое, вроде медведя-баюна или «призрака»!

Некоторые из молодых людей рассмеялись, но сделали это неуверенно.

— Ерунда! — возразила Валайя. — Таких животных в парке Мелна нет уже лет полсотни. — Она

взглянула на группку, собравшуюся возле Тэлзи:
— Верно, Поллард?

Поллард, старший по возрасту из парней, специализировался в области биологии, что, возможно, и сделало его в глазах Валайи авторитетом по части медведей-баюнов и «призраков» — как прозвали другого местного хищника.

Поллард кивнул:

— Этих тварей еще можно встретить в крупных охотничьих заказниках на севере. Но в общественных парках, естественно, не держат животных, имеющих привычку закусывать посетителями. И все, кого ты здесь встретишь, Гиккез, убегут от тебя охотнее, чем ты от них.

— О, а это о многом говорит! — весело добавил Риш. Остальные снова рассмеялись, а Гиккез обиженно надулась.

Тэлзи слушала их перепалку краем уха — ее охватила усталость, временно отстранившая девушку от приятелей. От пропускной станции они несколько часов летели в трех аэрокарах над лесистыми равнинами, медленно огибая пологие холмы. Затем, добравшись до Цильского ущелья, где решили разбить лагерь, она вместе с Ришем и Данкером, двумя членами образовавшегося в Пехенроне клуба ее личных поклонников, около

часа ловили рыбу в протекавшей по ущелью речушке, а это означало еще и перемещение по каньону вверх-вниз. Они получили массу удовольствия и наловили столько рыбы, что ее хватило на ужин для всех, но на рыбалке пришлось и балансировать на скользких камнях, и брести в бурной холодной воде. Отсюда неизбежные падения, во время одного из которых Тэлзи разбила свой наручный коммуникатор.

В сонливости и усталости после таких упражнений не было ничего удивительного. Удивительным было то, что, несмотря на усталость, она никак не могла расслабиться полностью. Как правило, оказываясь на природе, причем где угодно, она ощущала себя как дома. Но нечто неуловимое, присущее только этому месту, начало ее тревожить. Поначалу она ничего не заметила и подсмеивалась вместе с остальными над Гиккез, когда та начала высказывать скверные предчувствия. Но когда Тэлзи после ужина улеглась, отдавшись во власть приятной мускульной усталости, то ощутила еле заметную напряженность. Казалось, атмосфера в парке Мелна медленно меняется. В нее закрадывается некий намек на дикость и жестокость, на скрытые до поры до времени ужасы. Тэлзи поймала себя на том, что

мысленно вглядывается через плечо в тени под деревьями, точно там и в самом деле притаился баюн или плотоядный «призрак».

А потом, пребывая в этом неустойчивом состоянии полубодрствования-полудремы, она внезапно уловила тот всплеск эмоций, похожий на яркий мгновенный образ из сна, в котором некто отчаянно убегал и прятался от преследователя. Охваченному ужасом человеку-жертве преследователь виделся в полумраке силуэтом какого-то животного, крупного и проворного, но без каких-либо подробностей.

А потом через эту сцену промчался трепещущий всплеск пси-энергии…

* * *

Тэлзи заерзала и облизала губы. Картина была леденяще четкой; если подобное животное реально существовало, то наверняка жертва погибла несколько секунд спустя. Учитывая это, не было нужды заставлять себя принимать быстрые решения. В конце концов, это могло быть и просто всплывшим в ее сознании видением, навеянным атмосферой парка. Тэлзи поняла, что ей хочется верить, будто все это ей лишь приснилось или привиделось.

Но, в таком случае, что или кто здесь порождает подобную атмосферу?

Гиккез?

Не исключено.

Некоторое время назад Тэлзи решила для себя, что телепатическое прощупывание друзей и знакомых следует исключить из своего привычного меню, но когда человек часто находится рядом, кусочки информации о нем просачиваются сами собой. Поэтому она знала, что Гиккез обладает повышенной по сравнению с большинством людей телепатической чувствительностью. Сама Гиккез об этой своей особенности даже не подозревала, и использовать ее как-либо осознанно не могла. Для нее это представлялось спонтанным и ненадежным феноменом, который мог лишь привести ее в смятение, сознавай она более четко его последствия.

Но уловленная Тэлзи общая встревоженность и тот краткий пси-всплеск — если он ей и в самом деле не померещился — пусть фрагментарный, но заключающий в себе цельную и страшную, хотя и краткую историю, мог донестись до ее разума от Гиккез. Очень многие люди, даже когда бодрствуют, часто видят сны, рождающиеся в той области сознания, о которой даже не подозрева-

ют, а Гиккез в этот вечер нервничала настолько откровенно, что вполне могла порождать подсознательные кошмары. И не только порождать, но и транслировать.

Но, опять-таки — что заставляет Гиккез так нервничать здесь? Причиной могли стать или непривычная обстановка, или застывшая красота звездного сияния, нависшего над равниной подобно огненному куполу. Но это не исключало и более конкретный источник.

Тэлзи подумала, что может узнать это наверняка, проникнув в сознание Гиккез и немного пошарив там — соученица даже ничего не заподозрит. Но, как правило, на установление четкого контакта с другим разумом требуются многие часы — если только этот другой разум не принадлежит активному телепату. Гиккез находилась точно на границе — телепат, но пассивный, или по большей части пассивный, и если Тэлзи начнет шарить у нее в голове, не имея опыта в таких делах, то может причинить бедняжке определенный вред.

Тэлзи взглянула на Гиккез. Та встретила ее взгляд и спросила:

— Не пора ли тебе вспомнить о собаке Гонвил? Пес уже полчаса не показывался на глаза.

— С Чомиром все в порядке, — ответила Тэлзи. — Он все еще знакомится с окрестностями.

Асканамский бойцовый пес находился всего в паре сотен метров от них, перемещаясь вверх по течению реки, текущей по ущелью. Тэлзи весь вечер периодически слегка касалась сознания пса, проверяя, чем тот занимается. Гиккез, разумеется, этого знать не могла — никто в группе не подозревал о пси-талантах Тэлзи. Девушка много экспериментировала с Чомиром, и теперь могла при желании почти видеть его глазами, нюхать его носом и слышать его ушами. Сейчас, например, пес наблюдал за несколькими животными — достаточно крупными, чтобы здорово напугать Гиккез. Интерес Чомира к диким обитателям парка Мелна не выходил за рамки любопытства. Он был из породы собак, выведенной для схваток с людьми или животными в яме или на арене, а, следовательно, достаточно силен и велик для того, чтобы не опасаться других живых существ, и не был склонен бесцельно гоняться за незнакомыми животными, как могла поступить какая-нибудь шавка меньшего размера.

— Ну, — сказал Гиккез, — если бы я взяла на себя ответственность за чью-то собаку и привезла ее сюда, то обязательно бы убедилась, что она не

сбежала и не потерялась.

* * *

Тэлзи не ответила. И без телепатии было ясно, что Гиккез раздражена тем, что Поллард после ужина присоединился к фан-клубу Тэлзи и устроился рядом с ней. А ведь это Гиккез пригласила Полларда отправиться с их компанией на природу; он был президентом различных организаций и важной персоной в колледже Пехенрон. И эффектной девушке Гиккез совершенно не понравилось, что по ходу дела перспективный молодой человек переместился в окружение Тэлзи. А та, хоть и не строила в отношении Полларда никаких планов, не могла поведать о своем перпендикулярном отношении относительно этого Гиккез, не приведя ее в еще большее раздражение.

— Я бы пошла его поискать, — договорила Гиккез.

Поллард поднялся.

— Жаль будет, если пес убежит, — согласился он с ее мнением, и многозначительно улыбнулся Тэлзи: — Может, действительно пойдем и поищем его вместе?

Вот тебе на, Гиккез рассчитывала совсем на

другое. Ришу и Данкеру это тоже не понравилось, и они принялись выбираться из спальных мешков, хмуро поглядывая на Полларда.

Тэлзи скользнула по парням взглядом и посмотрела на часы, одолженные Данкером после злополучной рыбалки.

— Дадим Чомиру еще пять минут, — предложила она. — Если он к этому времени не вернется, то пойдем его искать всей компанией.

Когда все снова улеглись, она мысленно позвала Чомира. Тэлзи пока еще не знала, какие шаги ей, возможно, придется предпринимать для решения другого вопроса, но ей вовсе не светило, чтобы ее отвлекали проблемы с Гиккез и парнями.

Она уловила отклик Чомира. Пес развернулся, мгновенно определив направление с помощью обоняния, слуха, и — хотя сам он этого не понимал — прямого соприкосновения его разума с разумом Тэлзи, прыгнул в реку и побежал по мелководью в лагерь, поднимая фонтаны брызг. Как ему казалось, он избрал кратчайший путь, но на самом деле из-за изгибов реки ему предстояло оказаться на противоположном берегу, у дальнего края каньона.

— Да не туда, болван! — мысленно крикнула

Тэлзи, вербализовав мысль для усиления эффекта: — Сейчас же вернись! Назад!

И тут, когда озадаченный пес остановился, в ее голове прозвучал удивленный — а, возможно, даже испуганный — голос:

— Кто ты? Кто это сказал?

* * *

С тех пор, как Тэлзи осознала свои необычные способности, ей несколько раз доводилось улавливать мыслеформы других телепатов. Она не пыталась развивать подобные контакты, поскольку не торопилась завязывать знакомства на пси-уровне. То была часть мира, где действовали собственные законы и условия, которые следовало тщательно изучить, если она желает избежать проблем для себя и других, а сейчас у нее просто-напросто не было времени для тщательной учебы.

Даже ее робкие попытки разобраться приводили к проблемам. Например, узнаешь о ситуации, о которой другие не знают, и тогда уже не всегда возможно эту ситуацию проигнорировать и повести себя так, точно она не существует. Но в зависимости от обстоятельств бывало трудно что-либо с этим поделать, особенно если не смеешь

публично объявить о том, что ты прирожденный телепат.

Происшествие, случившееся сегодня вечером в парке Мелна, похоже, как раз относилось к числу подобных проблем. А потом с девушкой внезапно заговорил этот голос, донесшийся из ночи неизвестно откуда. Где-то поблизости находился другой телепат, для которого ментальный контакт с Тэлзи оказался столь же неожиданным. Тэлзи не могла с ходу решить, поможет ли это событие решить проблему, или еще больше ее усложнит, но отвечать с ходу она не собиралась. Кем бы ни был незнакомец, тот факт, что он — в его мыслях ощущался сильный мужской оттенок — тоже пси, вовсе не делает его автоматически кровным братом. Она знала, что он человек, потому что мысли инопланетян имели другие оттенки. Его вопросы были четко вербализованы, он словно обращался к ней вслух. Но в них проскальзывало и нечто такое, чего Тэлзи не замечала в прежних телепатических контактах — некая странная отфильтрованность, как будто его мысли, прежде чем достигнуть ее разума, проходили через какую-то искажающую среду.

Она ждала, размышляя. Поскольку девушка не испытывала сильного влечения к этому

незнакомцу, он не особенно ее заботил. Он уловил ее вербализованные инструкции Чомиру и удивился, следовательно, понятия не имел, о чем она думала прежде. Тэлзи еще чуть плотнее окружила свое сознание покрывалом пси-энергии, как раз настолько, чтобы надежно отсечь дрейфующие нити подсознательных мыслей, с помощью которых легче всего обнаружить ни о чем не подозревающий разум и затем незаметно проникнуть в него. Если эту завесу сжать еще плотнее — а сделать это можно мгновенно, — то она остановит даже подлинного эксперта по проникновению в чужой разум. А этот пси — далеко не эксперт. Эксперт не стал бы забрасывать ее удивленными вопросами. Как правило, она не вербализовала свои мысли, да и сейчас не стала бы этого делать, если бы не захотела. А сама она не станет искать незнакомца мысленно. Тэлзи решила, что держит ситуацию в руках.

Их взаимное молчание затягивалось. Возможно, незнакомец сейчас тоже настороже и сожалеет о своей краткой неосторожности.

Тэлзи слегка ослабила завесу, быстро выпустила мысль-щупальце Чомиру, убедилась, что пес приближается к лагерю, и снова закрыла завесу. Она выждала несколько секунд. Другой телепат

так и не проявил к ней признаков интереса; очевидно, что он, даже обратив на нее внимание, мог улавливать лишь ее вербализованные мысли. А это значительно упрощало дело.

Она снова ослабила экран.

— Кто вы? — спросила она.

Ответ пришел мгновенно:

— Значит, мне не показалось! А я уж решил было… Вас что, двое?

— Нет. Просто я разговаривала со своей собакой.

В качестве его мыслей определенно *было* нечто странное. Возможно, он использовал какого-то рода щит или экран. Не такого типа, каким пользовалась Тэлзи, но, не исключено, столь же эффективный.

— Вашей собакой? Понятно. Вот уже больше года я ни с кем так не разговаривал. — Пауза. — Вы женщина… молодая… девушка…

Незачем сообщать ему, что ей всего пятнадцать лет. Сейчас Тэлзи хотелось узнать лишь одно — уловил ли и он эхо трагических событий в парке Мелна?

— Где вы? — спросила она напрямик.

— У себя дома, — без промедления ответил он. — В двенадцати километрах южнее Цильско-

го ущелья, на равнине возле опушки леса. Дом легко заметить с воздуха.

Возможно, он работник парка. Они заметили такой дом, когда летели сюда днем, и принялись строить предположения о том, кто там живет. Всем было известно, что официально получить разрешение поселиться в федеральном парке практически невозможно.

— Это вам о чем-нибудь говорит? — спросил он.

— Да. Я в парке со своими друзьями. Думаю, я видела ваш дом.

— Меня зовут Робан. Вы проявили осторожность, но я вас не виню. Похоже, вы тоже понимаете, что обладание пси-способностями связано с определенным риском. Будь мы в городе, я вряд ли выдал бы себя. Но здесь… Сегодня вечером кто-то развел костер в том месте, где река Цил покидает ущелье. Я инвалид, и провожу много времени, изучая парк с помощью сканеров. Это ваш костер?

— Да, — после краткой паузы ответила Тэлзи.

— А ваши друзья знают, что вы и я… им известно, что вы телепат?

— Нет.

— А вы не могли бы прилететь ко мне ненадол-

го, не сказав им, куда направляетесь?

— С какой стати?

— А вы разве еще не догадались? Хочу снова поговорить с пси.

— Но мы ведь и так *уже* говорим.

Краткое молчание.

* * *

— Позвольте немного рассказать о себе, — сказал Робан. — Я приближаюсь к среднему возрасту — с вашей точки зрения я даже могу показаться стариком. Я живу здесь один, если не считать экономки по имени Феддлер. Она желает мне добра, но несколько туповата, и кажется старой даже *мне.* Четыре года назад я работал в одном из научных департаментов Федерации. Я… считался одним из лучших в своей области. Работа была не очень опасной, пока соблюдались определенные меры предосторожности. Но однажды один болван ошибся. И его ошибка стоила жизни двум моим коллегам. Я остался жив, но с того дня неотрывно привязан к машине, которая каждую минуту поддерживает во мне жизнь. Если меня отключить, я почти мгновенно погибну.

Так что мои трудовые подвиги позади. И я больше не желаю жить в городах. Там слишком много

глупых людей, а они напоминают мне того самого болвана, о существовании которого я предпочел бы забыть навсегда. Из уважения к моей прежней должности и проделанной работе руководство Федерации разрешило мне поселиться там, где я захочу. Я предпочел уединенный парк Мелна, где могу оставаться самим собой…

Голос внезапно прервался, но у Тэлзи создалось впечатление, что Робан продолжает говорить, даже не догадываясь, что нечто прервало нить их телепатического общения. Уж не его ли защитный экран?

Тэлзи ждала, молча и настороженно. А вдруг это наведенная помеха, проявление поблизости другого активного пси-поля — настороженного и зловещего.

— … В целом же мне здесь нравится. — Голос Робана неожиданно вернулся; несомненно, он так и не понял, что их общение прервали. — Телепату некогда скучать по-настоящему, к тому же я установил в доме приборы, отчасти компенсирующие мою ущербность. Я наблюдаю за парком с помощью сканеров, изучаю этологию[9] и сознания животных… Вам нравятся сознания

---

[9] Примечания: 9

Этология — наука о поведении животных.

животных?

А ведь это отнюдь не случайный вопрос, решила Тэлзи.

— Иногда, — осторожно ответила она. — Но только у некоторых.

— Иногда? У некоторых? Я хочу спросить… Похоже, одиночество иногда притягивает к себе нечто зловещее. Человек начинает улавливать нечто необычное, тревожное. Сегодня вечером… в течение последнего часа, вы не… не было ли признаков какой-то вредоносной деятельности… Даже не знаю, как такое описать.

— Что-то было, — откровенно ответила она. — Мне даже на секунду показалось, будто я вижу сон.

— Нечто страшное, уродливое…

— Да.

— Страх. Боль, страх, смерть. Первобытная жестокость. Ага, значит, вы тоже это уловили. Очень странно! Возможно, в тот момент нас настигло эхо прошлого — из тех времен, когда существа, ненавидевшие человека, все еще бродили в этих местах.

Ну… словом, это один из тех редких случаев, когда я ощутил себя здесь одиноким. И услышать вдруг неожиданно другого телепата… понимае-

те… Быть может, меня в такую ночь даже чуточку страшит одиночество. Мне хочется поговорить с вами, но не таким способом… и не вдаваясь в детали. Никогда не знаешь, кто еще может тебя подслушивать… Думаю, есть немало тем, которые два телепата могут обсудить с пользой для себя.

Робан наконец замолчал. Он выразился очень осторожно, и явно не ожидал немедленного ответа на свое приглашение. Тэлзи прикусила губу. Чомир трусцой прибежал в лагерь, получил от временной хозяйки приветствие и улегся рядом. Гиккез позвала пса, пощелкивая пальцами, но Чомир не обратил на нее внимания. Обычно Гиккез заявляла, что побаивается этой зверюги, но здесь и сейчас, ночью в парке Мелна, мысль иметь рядом с собой мощного пса-защитника внезапно обрела для нее особую привлекательность…

Значит, Робан тоже уловил, что вечером произошли некие необычные и неприятные события. События, которые он не осмелился обсуждать открыто. Правда, его слова насчет страха не стоит, вероятно, принимать всерьез. В конце концов, он у себя дома, а столь уединенный дом наверняка оснащен защитными экранами. И дом искалеченного богатого затворника, избегающего людской суеты, должен иметь очень эффектив-

ные защитные экраны. А если кто-то попытается вломиться к Робану, ему достаточно позвонить на ближайшую станцию в парке, и через считанные минуты над крышей его дома зависнет аэрокар с вооруженными рейнджерами. Видимо, этот намек был необходим, чтобы пробудить в ней симпатию к одинокому собрату-телепату, уговорить ее приехать.

Но все же Робан определенно что-то заметил. Нечто, судя по его осторожному описанию, весьма сходное с тем, что ощутила она.

Тэлзи взглянула на Чомира, растянувшегося на песке между ней и костром, на его крупную волчью голову с мощными челюстями. Пса нельзя было назвать интеллектуальным гигантом, но он обладал превосходными органами чувств и прирожденной настороженностью бойцового животного. И если бы поблизости бродило опасное существо, он давно бы его почуял, а через пса узнала бы про это и Тэлзи.

Однако происшествие вполне могло произойти и где-нибудь на двенадцати километровом участке между тем местом, где Цильское ущелье расщепляет горы, и домом Робана на другом конце равнины. У Тэлзи сложилось впечатление, что трагедия произошла в неуютной близости от

нее, а Робан — что в той же неуютной близости от него. Он не высказал намерения что-либо в этой связи предпринимать, но его можно понять. Робан, естественно, тоже не стремился заявлять о том, что он телепат, да и парковое начальство, само собой, не начнет поиски опасного, но во всех прочих отношениях неопознанного зверя, не имея доказательств весомее, нежели сбивчивый пересказ телепатического впечатления — во всяком случае, пока кого-нибудь из посетителей парка не объявят пропавшим без вести.

Дожидаться такого Тэлзи тоже не хотелось. Хотя бы потому, подумала она, что еще до рассвета таинственный убийца может объявиться и возле их студенческого костра…

Девушка нахмурилась и обвела встревоженным взглядом своих товарищей. Ей не хотелось признаваться даже самой себе, но она уже несколько минут знала, что отправится на поиски этого существа. В аэрокаре, пусть даже с ограничением по скорости в тридцать километров в час, а по высоте в пятьдесят метров, никакое наземное животное для нее не опасно, если только она сама не совершит какую-нибудь глупость. Ей не нравилось, что это происшествие попахивало пси, чему пока не находилось объяс-

нения. Но она сама пси, и постарается вести себя осторожно.

Она мысленно перебрала варианты действий. Лучше всего будет лететь прямо к дому Робана и ментально обследовать местность вдоль трассы. Если уловит следы зверя-убийцы, то вызовет парковых рейнджеров и, чтобы они поторопились, наплетет им какую-нибудь сказочку. Рейнджеры сделают остальное. А если ничего не обнаружит, то посоветуется с Робаном, какие шаги стоит предпринять дальше. Даже если он не пожелает принять непосредственное участие в поисках, инвалид все же, то вряд ли откажется ей помочь.

Чомира она оставит охранять лагерь. Она внушит ему легкую тревогу, чтобы пес оставался предельно бдительным, пока ее не будет. И если он хотя бы намекнет, что к лагерю приближается нечто опасное, она вызовет остальных через коммуникатор аэрокара и велит им погрузиться в два оставшихся кара и взлететь. Гиккез уже настроила народ на подходящий лад, и если дело дойдет до реальной тревоги, мешкать никто не станет.

Тэлзи помедлила еще немного, но никаких изъянов в своем плане не отыскала. Лучше не терять времени зря, решила она. Если тянуть время, то ситуация, какой бы она ни была, может внезапно

принять самый неприятный оборот. К тому же чем дольше спорить с собой, тем меньше ее будет привлекать перспектива отправиться на поиски.

Она взглянула на часы Данкера.

— Робан? — мысленно позвала она.

— Да? — пришел быстрый ответ.

— Я вылетаю к вашему дому. Следите за моим каром. Если в округе бродит зверюга, которой не нравятся люди, мне не хотелось бы застрять у вас под дверью.

— Я открою дверь, как только вы прибудете, — заверил Робан. — А пока стану держать ее запертой. Сканеры я включил и буду ждать… — Секундная пауза. — У вас есть еще какие-то причины полагать, что…?

— Пока нет. Но кое о чем мне хотелось бы поговорить — когда прилечу…

Она не собиралась входить в дом Робана, пока не узнает о хозяине побольше. Слишком много неопределенности витало в ночи, чтобы вот так запросто заявиться куда-то в гости. Но теперь он настороже, ждет ее прибытия, и может заметить то, чего не заметила она.

Аэрокар был ее собственный, небольшой и скоростной. Никто не стал возражать, когда она объявила, что хочет часок полетать в одино-

честве при свете звезд. Фан-клуб имени Тэлзи высказал разочарование, но она успела их выдрессировать, а Поллард позволил Гиккез вновь заявить на себя права. Гиккез и не скрывала, что одиночная экскурсия Тэлзи — прекрасная идея…

Тэлзи подняла кар над каньоном. На высоте пятидесяти метров сработал ограничитель, и подъем автоматически прекратился. Девушка повернула машину направо, вдоль поросших лесом горных склонов, потом развернулась и полетела над равниной.

По прямой до дома Робана минут двадцать полета, и если ничего не случится, она так и намеревалась никуда не сворачивать. То, что на картах парка обозначалось как равнина, представляло собой последовательность наклонных плато, усеянных низкими холмами и плавно понижающихся к югу. Равнина заросла кустарниками, пятнышки небольших рощиц кое-где сливались в заплатки лесов. В открытых местах бродили стада местных травоядных. На пролетающий аэрокар они не обращали никакого внимания.

Все выглядело вполне мирно. Робан прислушался к ее намеку и хранил молчание. Непроницаемый пси-экран вокруг Тэлзи стал тоньше, потом распахнулся. Она начала ментальный

поиск…

Человекоубийца, ау, отзовись!

* * *

Прошло минут десять, прежде чем она уловила первый намек. К тому времени она уже увидела впереди на фоне леса крошечную оранжевую искорку. Это наверняка дом Робана. До него пять или шесть километров.

Робан продолжал молчать. Тэлзи устанавливала многочисленные мимолетные контакты с сознаниями животных — по-своему достаточно дикие и пугающие. Но существо, которое охотится на человека, должно чем-то выделяться на его фоне, и пси обязательно его распознает, если установит контакт.

Она коснулась его внезапно — вспышка настороженной злобы, почти немедленно угасшая. Тэлзи была к ней подготовлена, и все же по телу девушки пробежал тревожный холодок. Она облизала губы и напомнила себе, что в каре ей ничто не грозит. Существо явно обреталось где-то неподалеку. Тэлзи на мгновение скользнула в сознание Чомира. Большой пес стоял на границе отбрасываемого костром круга света, вглядываясь в равнину на юге. Он был обеспокоен, но

не больше, чем внушила ему Тэлзи. Чомир не замечал ничего необычного. Лагерю опасность не грозила.

Она где-то рядом с ней — впереди или сбоку. Кар медленно летел вперед. Через некоторое время она вновь уловила нечто смазанное, и вновь потеряла контакт…

Тэлзи постепенно приближалась в дому Робана. Она уже достаточно хорошо видела его в ярком свете звезд — внушительных размеров строение, окруженное садом, резко обрывающимся на границе с лесом. Часть дома была двухэтажной, верхний этаж опоясывал балкон. Свет исходил оттуда — темно-оранжевое свечение, пробивающееся сквозь защитный экран окон.

Вторая вспышка злобной ауры исходила со стороны дома, в этом Тэлзи была уверена. Если существо находится в лесу за домом, возможно, наблюдая за ним, то озабоченность Робана может иметь под собой серьезное основание. Она почти остановила кар примерно в полукилометре севернее дома, затем развернула машину и по широкой дуге начала огибать его, направляясь к лесу и напряженно вслушиваясь. Робан сейчас, наверное, наблюдает за ней через телесканеры, и она была ему благодарна за то, что он не на-

рушал молчания. Возможно, догадался, что она пыталась сделать.

Уже несколько долгих минут девушка была напряжена до предела, четко сознавая мельтешение живых существ внизу. Казалось, равнина под ней светится мерцанием двигающихся в разных направлениях искорок жизни, сияющих эманациями жизненной силы и создающих в ее сознании непрерывно меняющуюся картину. Выделить среди всего этого специфическую структуру, которой она дважды мимолетно коснулась, будет нелегко. И тут за несколько секунд она сделала два важных открытия.

Она вновь почти остановила кар. Сейчас она находилась слева от дома Робана, не более чем в двухстах метрах от него — достаточно близко, чтобы видеть, как в саду в кустарнике копошатся маленькие птицеподобные существа. Физическое зрение как бы слилось и перекрылось внутренним, и среди простых эманаций мелких животных в саду она заметила источник куда более интенсивной эманации.

Он находился внутри дома и был человеческим. Тэлзи решила, что она ощущает Робана, и это было странно, потому что если его сознание экранировано настолько хорошо, как она до сих

пор считала, то его никак нельзя было бы сейчас уловить. Но, разумеется, она могла и ошибаться — ведь пси просто-напросто предположила, что он разработал меры защиты против чтения своих мыслей, адекватные ее собственным.

Вероятно, это все же Робан. Тогда где же та пожилая и туповатая экономка, о которой он говорил? Ведь она не умеет экранировать сознание, и ее присутствие в доме сейчас было бы очевидным.

Размышляя над этим, Тэлзи уловила второе сильное свечение. Но то не было разумом некой туповатой старушки. В нем вообще не было ничего человеческого. Свечение было тусклым, но именно это сознание девушка и искала. Сознание злобного и разумного тигроподобного хищника. И находилось это существо совсем близко.

Она проверила снова, более тщательно. И все поняла. Существо не сидело в лесу за домом, и не пряталось где-то на равнине.

Оно находилось в доме Робана.

На мгновение Тэлзи потрясенно замерла. Потом плавно развернула кар влево и полетела прочь от дома вдоль опушки леса.

— Куда вы? — спросил Робан вдогонку.

Тэлзи не ответила. Кар уже разогнался до пре-

дельной скорости в тридцать километров, а девушка уже набирала на клавишах коммуникатора номер аэрокара Риша в лагере.

Вот оно что — ей подстроили ловушку. Она пока не знала, какого рода эта ловушка, и сможет ли вырваться из нее самостоятельно. Но лучшее, что она могла в тот момент сделать — немедленно сообщить остальным, где она…

Внезапно все ее тело пропитала свинцовая тяжесть. Тэлзи безвольно смотрела, как ее рука свалилась с панели коммуникатора. Мышцы обмякли, голова безвольно опустилась на левый подлокотник. Двигатель кара смолк. Ловушка захлопнулась.

* * *

Кар, потеряв скорость, падал. Тэлзи отчаянно попыталась выпрямиться, сесть, положить руки на панель управления, но безуспешно. Потом дошло, что даже если бы ей это удалось, она бы ничего не добилась. Не будь кар частично изготовлен из антигравитационных материалов, он бы камнем рухнул вниз. Сейчас же аппарат плавно снижался, покачиваясь из стороны в сторону.

Тэлзи смотрела на раскачивающееся вместе с машиной яростно пылающее звездами небо,

уверенная, что несется навстречу смерти, и пыталась не дать ужасу взорвать ее изнутри…

— Мне любопытно узнать, — услышала она Робана, — почему ты в последний момент решила отклонить мое приглашение и попыталась сбежать?

Тэлзи стряхнула ужас, переключила внимание на голос и телепатически метнулась к разуму Робана.

Послышалось потрескивание пси-статики в открывшихся телепатических каналах, сквозь которые хлынуло ее сознание. На мгновение она проникла в разум Робана, но тут пси-статика резко усилилась, и ее вышвырнуло обратно. Сознание Тэлзи потускнело, на секунду затуманилось. Она впитала слишком много — почти на пределе возможного. Тэлзи словно сфотографировала участок его разума — жалкого и жуткого одновременно.

Кар коснулся посадочным шасси земли и замер. Толчок еще больше перекосил пассажирку в кресле. Тэлзи дышала и могла моргать, но ни один мускул ее тела не откликался ни на одну из мысленных команд.

Окутавший сознание туман постепенно рассеивался. Тэлзи обнаружила, что все еще очень

напугана, но уже и мысли не допускает о том, что ей придется погибнуть. В схватке с Робаном у нее появился шанс. Он снова заговорил, совершенно не догадываясь о том, что только что произошло.

— Я вовсе не пси, — произнес его голос. — Но я инженер, и, как видишь, очень толковый инженер. Я воспользовался своим умом и снабдил себя устройствами, которые охраняют меня и выполняют все мои желания. Некоторые из этих хитроумных приборов придали мне способности, эквивалентные способностям настоящего телепата. Другие, как ты только что узнала, могут нейтрализовать источники энергии или парализовать мускульную систему человека, причем в радиусе до полукилометра.

Честно говоря, меня изрядно позабавили и твое осторожное приближение, и тщетная попытка сбежать. Ведь я тебя уже поймал. Если бы я позволил тебе воспользоваться коммуникатором, ты обнаружила бы, что он тоже не работает. Я его отключил, едва твой кар приблизился на упомянутые полкилометра…

Неужели Робан не пси?

В голове Тэлзи на мгновение раздался негромкий лающий смех безумца. В этот момент полного контакта она распознала телепатическую систе-

му, функциональную во всех отношениях, кроме одного — Робан о ней не подозревал. Когда он говорил, вокруг его слов вспыхивала пси-энергия. Она исходила от одной из его машин, но управлять такой машиной мог только телепат.

Робан никогда не задумывался об этом. Если бы машинная статика не застала девушку-пси врасплох и не разорвала контакт прежде, чем она сумела бы его закрепить, то не подозревающий ни о чем подобном Робан оказался бы намного более уязвимым по сравнению с обычным человеком, лишенным пси-способностей.

Пока он говорил, она вновь потянулась к нему вдоль направленных на нее вербализованных мыслеформ. Но эти словесные построения проецировались через машину. Отслеживая их, она уперлась в машину и оглушительный всплеск новой пси-статики. Придется дожидаться момента, когда в его сознании снова откроется лазейка, а такое может произойти лишь в том случае, если его не будет заслонять своим стальным телом машина. Сейчас Робан молчал. Он намеревался убить ее, как убивал других, и вполне мог сделать это прежде, чем лазейка обнаружится. Однако он не станет ничего предпринимать, не убедившись сперва, что она не сумеет позвать на помощь

таким способом, какой не сумеют засечь его хитроумные машины. Все свои действия Робан сумеет объяснить — он просто заставил сесть летающий над его домом аэрокар, не причинив вреда пилоту. А прочие его преступления доказать невозможно. Единственное доказательство сейчас находится в голове у Тэлзи, но об этом Робан не знает.

И это позволило ей несколько минут действовать без вмешательства с его стороны.

* * *

— Что с собакой такое? — нервно спросила Гиккез. — Она ведет себя так, точно думает… что неподалеку кто-то есть.

Разговор у костра оборвался. Все взгляды устремились на Чомира. Он стоял, глядя на равнину, и время от времени негромко взрыкивал.

— Не болтай глупостей, — сказала Валайя. — Умная псина просто гадает, куда подевалась Тэлзи. — Она повернулась в Ришу. — Давно она улетела?

— Двадцать семь минут назад.

— Ну, тогда и волноваться нечего, верно? — Валайя насторожилась и воскликнула: — Нет, вы только взгляните на него!

Чомир подбежал к кару Риша, остановился, уставился на студентов своими желтыми глазами, и снова зарычал.

— Может, с Тэлзи что-то случилось? — предположила Гиккез, зачарованно глядя на пса.

— Ерунда, — тут же отозвалась Валайя. — Да и что с ней может случиться?

Риш встал.

— Что ж… если попробовать позвонить, то хуже от этого не будет…

Он улыбнулся Валайе, показывая, что ничуть не волнуется, подошел к кару и открыл дверцу.

Чомир бесшумно проскользнул мимо него внутрь машины.

Риш нахмурился, взглянул на подошедших Валайю и Данкера, собрался было что-то сказать, но покачал головой, забрался в кар и включил коммуникатор.

— Знаешь ее номер? — поинтересовалась Валайя, скосив глаза на Чомира.

— А то.

Риш набрал номер. Все трое принялись ждать. Через некоторое время Валайя кашлянула.

— Наверное, вышла из кара и где-то бродит.

— Конечно, бродит, — мгновенно согласился Риш.

— Все равно продолжай вызывать, — посоветовал Данкер.

— А я и вызываю. — Риш снова взглянул на Чомира. — Если она где-то рядом с каром, то сейчас ответит…

* * *

— Почему не отвечаешь? — услышала Тэлзи визгливый от нетерпения голос Робана. — Очень глупо с твоей стороны вынуждать меня сердиться.

Тэлзи промолчала. Она смотрела на звезды и медленно моргала. Ее сжавшееся в тугую пружину сознание терпеливо, как голодный кот, дожидалось малейшего дуновения выскользнувшей подсознательной мысли или эмоции Робана, не профильтрованной через блокирующие устройства пси-машины, которое могло бы позволить ей через открывшуюся лазейку проникнуть на телепатические уровни его сознания. За те минуты, что она пролежала парализованная в кресле пилота, девушка успела разобраться с информацией, выхваченной во время краткого предыдущего контакта. Теперь она прекрасно понимала Робана.

Он жил в аппаратной — большой комнате,

островком расположенной в окружении точных и безупречных в смысле надежности машин. Робан редко покидал это помещение. Из отражений на отполированных поверхностях приборов она знала, как выглядит ее респондент, что о себе думает. Половинка человека, заключенная ниже пояса в летающую подвижную машину наподобие миниатюрного аэрокара, которая позволяла ему перемещаться, а заодно поддерживала жизнедеятельность. Эта машина была очень эффективна — возвышающаяся над ней половинка тела была энергична и сильна. Робан, несмотря на свою изоляцию от общества, уделял пристальное внимание собственной внешности. Так, например, пиджак его был скроен по последней моде Орадо-сити, густые ухоженные волосы были уложены в замысловатую прическу.

Пока несчастный случай не приковал его к этой машине, он вел полнокровную жизнь ученого, спортсмена и путешественника. Стремление полностью расквитаться с виновником рокового просчета стало для Робана навязчивой идеей, и он принялся строить планы с тщательностью охотника на крупную дичь, кем он, по сути своей, и являлся. Его работа на Федерацию была связана с усовершенствованием устройств, позволяющих

передавать напрямую ощущения из одного мозга в другой, и их адаптацию к различным сферам применения. Удалившись в парк Мелна, Робан принялся терпеливо переделывать подобные приборы для собственных нужд, и добился такого успеха, о каком и не мечтал, не подозревая, что этому успеху он отчасти обязан дремлющим в его разуме пси-способностям, которые нечаянным образом были стимулированы во время экспериментов.

Тем временем калека подготовил и завершающие ходы своего плана, установил автоматическую машинерию, предназначенную для ухода за домом, а старую экономку рассчитал. Контрабандисты доставили ему дикого хищника, водившегося на этом континенте, для которого Робан устроил вольер под домом. Он тренировал хищника, а также себя, совершенствуя умение владеть аппаратурой, посылал натасканное животное охотиться по ночам, и возвращал его в подвал после удачной охоты, все ощущения которой мысленно делил со зверем. Одно лишь это приносило Робану куда более острое возбуждение, чем весь его предыдущий охотничий опыт. Он еще более усиливал адреналин в своих жилах, вводя пойманным в ловушки животным

препарат, обнажающий их чувства для приборов, после чего пускал по их следу убийцу. Робан мог становиться по выбору охотником или жертвой — раздельно или одновременно — и отслеживать каждую погоню до конца, отключаясь от загнанной добычи лишь тогда, когда приборы фиксировали импульсы умирающего мозга.

Решив, что больше он уже ничему не научится, Робан связался с темными личностями, и те за большие деньги доставили к нему его врага. Тем же вечером он вывел его из ступора, пояснил, что его ждет, и выпустил под свет звезд — спасаться бегством. Час спустя Робан и его плотоядный заместитель завершили драматический спектакль трагическим финалом, а приборы, принимающие мозговые импульсы накачанной наркотиками жертвы, полностью и четко транслировали Робану панический ужас и последние муки.

На этом Робан собирался покончить с местью. Но он и не думал отказываться от неповторимого возбуждения новым видом экстремального спорта, разработанного им по ходу дела. Увлечение поглотило калеку едва ли не полностью, и Робан почти уподобился зверю, которого превратил в свое продолжение за пределами жилища. Они, оба, выходили теперь по ночам вынюхивать и

выслеживать, догонять и убивать. Они сравнялись в жестокой, злобной и дикой дерзости, и достаточно насобачились, чтобы без особой нужды не пугать населяющих парк животных. Утром они возвращались в дом Робана и большую часть дня отсыпались. Не подозревающие ни о чем посетители парка, попадая в этот район, не обнаруживали никаких следов ночной деятельности.

Робан почти и не заметил, как полностью погрузился в новый образ жизни. Как правило, образ этот его вполне удовлетворял, но теперь уже инвалид практически не опасался разоблачения, и иногда вспоминал, какой особый привкус имела охота на человека. Тогда же его сообщники доставляли в дом очередную партию «припасов», и в тот же вечер начиналась охота на разумную дичь. Молодую и полную сил дичь, отчаянно пытающуюся спастись, но ни разу не сумевшую уйти слишком далеко. Так здоровые представители человечества выплачивали калеке должок за физическое увечье.

Некоторое время Робану не давало покоя одно опасение. Работая на правительство, он имел несколько контактов с телепатами, призванными для участия в различных экспериментах. Робан выяснил о таких людях все, что сумел, и

пришел к выводу, что хитроумные пси-машины, которыми он окружил аппаратную, не позволят телепатам засечь его противозаконную деятельность. Правда, легкое сомнение в собственной безнаказанности все еще оставалось, но вот уже два года он без особых помех развлекался в парке Мелна, и тревога практически снизилась почти до нулевой отметки.

Голос Тэлзи, раздавшийся вскоре после окончания очередной охоты на человека, напугал инвалида, физического и морального, до полусмерти. Но потом он понял, что это случайный контакт, что она прибыла сюда случайно, и ему пришло в голову, что у него появился шанс выяснить, сможет ли разум телепата стать для него опасным. Девушка показалась ему юной и неопытной — с такой пси и всего лишь с помощью приборов он сумеет справиться без малейшего риска для себя.

* * *

Риш и Данкер сейчас находятся в аэрокаре Риша вместе с Чомиром, подумала Тэлзи, а на заднем сиденье кто-то третий — похоже, Валайя. Кар в воздухе и перемещается, значит, ее начали искать. Хорошо бы, конечно, чтобы ребята встревожились о ее судьбе настолько серьезно, что

вызвали бы на поиски парковых рейнджеров, но на подобны и исход лучше не рассчитывать. А Чомиром надо управлять очень осторожно. Если пес почует в хозяйке хоть малейший страх, то немедленно помчится на выручку, и толку от него не станет никакого.

А пока пес, сам того не подозревая, выполнял ее инструкции. Чомир знал, в какую сторону должен лететь кар, и чрезвычайно ясно даст понять Ришу и остальным, если машина развернется в неверном направлении. А поскольку сами они понятия не имели, где ее искать, то наверняка решат положиться на интуицию Чомира.

С течением времени это приведет спасителей в нужное место. Если она к тому моменту окажется за пределами пресловутой полукилометровой зоны, где уже не действуют энергетические нейтрализаторы Робана, то ребята смогут подобрать свою однокурсницу без риска для себя. А если нет, то ей, опять-таки через Чомира, придется их развернуть снова в лагерь, иначе она просто-напросто навлечет на них ту же опасность. Робан, однако, не станет причинять вред студентам без крайней необходимости. Исчезновение Тэлзи где-то среди дикой природы парка еще можно списать на несчастный случай; тут он не очень-то

рискует. Но если одновременно сгинут еще три студента привилегированного Пехенрон-колледжа, а с ними еще и крупный асканамский пес, начнется тщательное расследование. Такого прокола Робан не может допустить.

— Почему ты не отвечаешь?

В телепатическом голосе Робана пробивались нотки самого настоящего отчаяния. Парализующее поле, сделавшее Тэлзи неподвижной, одновременно делало ее недостижимой для него. Робан был сейчас как животное, путь которому на мгновение преградила стена из небьющегося стекла. Робан сказал, что у него имеется оружие, с помощью которого он в состоянии мгновенно убить ее, лежащую в каре, и Тэлзи, судя по увиденному в его мозгу, знала, что это соответствует действительности. Вероятно, ему достаточно изменить параметры парализующего поля, чтобы остановить ее дыхание или сердцебиение.

Но такое решение не позволит ответить на вопрос о возможностях телепата. Тэлзи напугала его сегодня, и теперь требовалось, чтобы она, охваченная ужасом и беспомощная, как и все его прежние жертвы, тоже превратилась в добычу, иначе он не сможет снова считать себя в безопасности.

— Думаешь, я боюсь тебя убить? — спросил он с почти искренним удивлением. — Ты уж поверь, если я нажму кнопку, на которой мой палец, меня даже не станут расспрашивать о твоем исчезновении. Наше благодарное правительство попросило администрацию парка оказывать мне всяческое уважение в знак моих прежних бесценных заслуг перед человечеством, а также учитывая мою нынешнюю инвалидность. Никто и не подумает тревожить меня только потому, что в парке Мелна пропала какая-то глупенькая девчонка…

Мысленный голос все не смолкал. Ярость и раздражение калеки были профильтрованы через аппаратуру, и иногда, по какой-то странной ассоциации, создавали впечатление очень сердитой и очень болтливой машины. Время от времени голос полностью «уплывал», как волна в радиоприемнике, но через несколько секунд звучал вновь. Вскоре Тэлзи от него мысленно отключилась — она ждала, когда вновь перекинется мостик к подсознанию Робана, а бормотание калеки ее только отвлекало. Попытки добраться до разума своего врага оставались хуже, чем бесполезными. Машины Робана, кроме своих повседневных занятий, обрабатывали также и

ментальные эманации, но усеченные, сфокусированные и проецированные; результатом был непрерывно пульсирующий и кошмарно искаженный сигнал, в котором Робан и его приборы точно сливались в постоянно меняющуюся мешанину. Тэлзи неоднократно пыталась пробиться сквозь нее, но каждый раз быстро отступала, чтобы не потерять сознание…

Каждая выигранная минута увеличивала шансы на спасение, но вряд ли она сможет сдерживать Робана слишком долго. Вероятность того, что патруль рейнджеров или кто-то еще пролетит именно здесь и сейчас, увидит возле дома припаркованный кар и сядет проверить, все ли в порядке, была чрезвычайно небольшой, но Робана не устраивала и такая. И если он решит, что Тэлзи так и останется для него недоступной, то рано или поздно избавится от нее тут же, возле дома.

Значит, она не должна казаться этому негодяю слишком недоступной. Поскольку отвечать она отказывается, он испробует иной способ выяснить, можно ли ее контролировать. И когда он испробует это, девушка должна прикинуться до смерти испуганной — так оно, собственно говоря, и было, с той лишь разницей, что испуг

не повлиял на ее способность размышлять, — и согласиться выполнять все его приказы. Кроме одного. Выключив парализующее поле, он прикажет своей пленнице войти в дом. Но она туда не пойдет. За входной дверью — тамбур. Если она шагнет внутрь, дверь закроется, а через секунду она вдохнет полную дозу препарата, который позволит ментомашинам Робана войти с ней в абсолютный контакт. А она не знала, к чему такой контакт может привести. Не исключено, что он лишит ее способности отгораживаться пси-экраном, и тогда Робан получит ее мысли как на блюдечке. И, узнав, что она задумала, убьет на месте. Возможно также, что наркотик исказит ее телепатические возможности, и лишит ее шанса взять разум Робана под контроль.

— Мне пришло в голову, — сказал Робан, — что ты, может быть, не специально отказываешься мне отвечать. Скажем, не можешь этого сделать из-за парализующего поля или просто из-за страха.

Тэлзи давно гадала, когда же он об этом подумает. Она ждала, ощущая, как в ней нарастает напряжение.

— Сейчас я отключу поле, — продолжал нагнетать обстановку голос. — То, что случится

дальше, будет зависеть от того, как ты станешь выполнять мои инструкции. Если попробуешь выкинуть какой-нибудь фортель, малявка-пси, тебе конец. Мне прекрасно известно, что ты сможешь нормально двигаться уже через несколько секунд после отключения. Делай в точности то, что я тебе скажу, и делай это без промедления. Запомни эти две вещи. От них зависит твоя жизнь.

Помолчав, он добавил:

— Поле отключено.

Тэлзи ощутила прилив мышечных сил и победную легкость. Сердце забилось быстрее. Она замерла, чтобы не шевелиться. Через секунду Робан скомандовал:

— Ничего лишнего не касаться. Держи руки на виду. Выйди из кара, отойди на двадцать шагов и остановись. Затем повернись лицом к дому.

Тэлзи выбралась из кара. Ей было страшно, но не так, как представлялось до тех пор, пока она вновь не обрела способности двигаться. Гораздо меньше. Она отошла, как было велено, на два десятка шагов, остановилась и посмотрела на оранжевые занавешенные окна второго этажа.

— Теперь взгляни на свой кар.

Тэлзи повернула голову.

Робан выключил нейтрализатор энергии, и

машина уже пришла в движение. Она поднялась на десяток метров и полетела в направлении леса за домом. Набрав скорость, аппарат скрылся за верхушками деревьев.

— Достигнув гор, кар поменяет курс. Возможно, станет летать кругами и останется над территорией парка, когда его заметят. Но вероятнее всего улетит на пару сотен километров. Потом будет предложено множество объяснений тому, как ты исчезла из него — очевидно, прямо в воздухе — но нас это не должно сейчас заботить… Вытяни руки перед собой, малявка-пси. Разведи в стороны. И стой спокойно.

Тэлзи развела руки и принялась ждать. Через секунду она удивленно вздрогнула. Ее руки и ноги, часы Данкера на запястье и края коротких рукавов рубашки внезапно озарились ослепительно белым сиянием.

— Не шевелись! — резко произнес голос Робана. — Это поисковый луч. Он не причинит тебе вреда.

Тэлзи снова застыла, опустив взгляд. Ее тело, одежда и пятнышко земли вокруг ног светились холодным белым светом, как флуоресцентная лампа. Она перевела взгляд на руки и увидела тонкие косточки, просвечивающиеся сквозь

сияние более плотной белизной. Она ничего не ощущала, и на зрение луч тоже не повлиял, но испускающее его устройство оказалось весьма эффективным. В нескольких местах одежда засверкала холодными искрами; Робан быстро обнаружил в карманах девушки с десяток мелких предметов и приказал выбросить их один за другим, как и часы Данкера. Он не хотел рисковать и не оставил ей даже закамуфлированный по нынешней моде под авторучку коммуникатор. Быть может, он подозревал, что тот или иной предмет может оказаться оружием. Затем луч погас, и ей было разрешено опустить руки.

— А теперь напоминание. Возможно, ты не в состоянии разговаривать со мной. А, возможно, и в состоянии, но полагаешь, что в такой ситуации умнее промолчать. Скажу честно, не так уж это и важно. Но я хочу тебе кое-что показать. Это поможет тебе не забыть, что, имея дело со мной, не рекомендуется быть слишком умной…

Метрах в двадцати от Тэлзи, между ней и домом, внезапно появилось нечто. На мгновение ее, словно льдом и пламенем одномоментно, пронзил страх, но тут она увидела, что это лишь голографическая проекция, зависшая в нескольких сантиметрах над землей. То было изображение

робановского убийцы — крупного и мощного зверя. Он выглядел еще крупнее из-за пышного, почти перистого меха, прикрывающего почти все его тело подобно плащу. Зверь стоял на задних лапах, слегка пригнувшись, из меха торчали мощные передние конечности. Голову венчали хрящеватые уши, напоминающие перевернутые рога, а над резко изогнутым рубящим клювом с зазубренными краями блестели большие, круглые и темные глаза — глаза ночного хищника, выходящего на охоту при свете звезд.

Через несколько секунд проекция растаяла. Тэлзи опознала это существо. Когда-то «призраки» были едва ли не доминантной формой жизни на этом континенте; первые люди-поселенцы ненавидели и боялись их за непреходящую любовь к человеческой плоти, и превратили в легенду, отпугивающую от лесов Орадо еще долго после того, как этих тварей фактически вытеснили с большей части их прежнего ареала. Даже плененные и окруженные силовым барьером, своими мрачными взглядами, размерами, внешностью гоблинов и обезьяньим проворством они наводили ужас на впечатлительных людей.

— Мой охотничий партнер, — довольным тоном пояснил Робан. — Мое второе «Я». Неприятно,

очень неприятно сознавать, что именно это голодное существо идет по твоему следу ночью в парке Мелна. Сегодня вечером ты уже ощутила, что это означает. Поэтому советую вести себя так, чтобы не рассердить меня снова. Выполняй все мои приказы быстро и беспрекословно. Приказ номер один: подойди к дому.

Тэлзи увидела, как выходящая в сад входная дверь скользнула в сторону. Сердце девушки бешено заколотилось. Она не шелохнулась.

— Иди в дом!

Что-то примешивалось к его словам — поток тяжелого, подсознательного возбуждения, как у человека, протягивающего руку к вожделенному наркотику… но наркотиком Робана являлась чужая смерть. Едва Тэлзи коснулась этого возбуждения, как оно исчезло. Это было именно то, чего она ждала — лазейка в неохраняемые уровни его сознания. Если лазейка появится вновь, а телепатка сумеет удержать ее хоть на несколько секунд…

Ей не повезло. После долгой паузы Робан заговорил вновь.

— Любопытно, — протянул он. — Ты отказываешься повиноваться. Хотя знаешь, что обречена. Знаешь, что я могу сделать в любой момент. И

все равно отказываешься. Интересно, очень интересно…

Он замолчал.

Теперь калека стал подозрителен.

Очень подозрителен.

Тэлзи почти физически ощутила, как его палец лег на спусковую кнопку оружия. Но привычный наркотик был рядом — только протяни руку. А малявка-пси с помощью какой-то хитрой уловки хочет лишить его удовольствия. Нет, такого он ей не позволит…

— Очень хорошо. Я от тебя устал. Мне было интересно посмотреть, как поведет себя пси в такой ситуации. Что ж, я это увидел. Ты так перепугалась, что едва соображаешь. Ну, так беги. Спасайся! Беги во весь дух, малявка-пси. Потому что скоро я отправлюсь по твоим следам.

Тэлзи смотрела на окна. Пусть себе верит, что у нее от страха все вылетело из головы.

— Беги!

Словно подхлестнутая командой, она резко развернулась и помчалась прочь от дома Робана — к равнине на севере.

* * *

— Хочу предупредить, — произнес Робан как бы из-за спины. — Не пытайся залезть на дерево. Тех, кто так поступает, мы ловим незамедлительно. На деревья мы умеем влезать лучше тебя, и если дерево достаточно большое, полезем следом. Если же оно слишком мало, чтобы выдержать наш вес, или если ты залезешь на слишком тонкие ветви, мы тебя просто стряхнем. Так что беги дальше, не задерживайся!

Подбежав к первой группе деревьев, Тэлзи оглянулась. Оранжевые окна дома показались ей глазами. Когда она пробежала через рощицу, дом скрылся за деревьями.

— А теперь будь умницей. Мы любим умных. Знаешь, а у тебя есть шанс. Вдруг кто-нибудь заметит тебя прежде, чем мы тебя поймаем? Или ты придумаешь, как сбить нас со следа. Глядишь, тебе еще повезет, и ты спасешься. Тогда мы очень и очень пожалеем, верно? Так что покажи, на что ты способна, малявка-пси. Заставь нас побегать за тобой.

Тэлзи метнула в темноту поисковую мысль, кратко коснулась сознания Чомира. Аэрокар все еще летел — пусть и верным курсом, но был еще

слишком далеко, чтобы принести ей немедленное спасение…

Она побежала.

Будучи пятнадцатилетней девушкой, любящей различные виды спорта, и активно ими занимающейся, она находилась в хорошей физической форме. Но ей предстояло преодолеть еще полкилометра, чтобы оказаться вне радиуса действия оружия Робана, а на пересеченной местности эта дистанция неожиданно показалась ей чрезмерно длинной. Сколько времени ей даст инвалид от морали? Некоторым из прежних жертв он давал фору минут тридцать, а то и больше…

Тэлзи принялась считать шаги.

Робан молчал.

Когда девушка решила, что пресловутая пятисотка подходит к концу, впереди снова показались деревья. Девушка вспомнила, что, подлетая к дому, пересекла окаймленный деревьями ручей. Должно быть, это он и есть. А в таком случае она уже пересекла рубеж.

* * *

Голодное возбуждение окутало ее и пропало. Тэлзи мысленно метнулась к нему, но опоздала.

— Мы начинаем… — услышала она секундой

позже.

Так быстро?

Это ее потрясло. Робан даже не стал притворяться, будто дает ей шанс. Когда она с плеском вбежала в ручей, отчаяние окатило ее волной слабости. Какое-то крупное животное выскочило из воды на противоположный берег, с треском вломилось в кусты и убежало. Тэлзи едва его заметила. Сверну налево, вниз по течению, решила она. Ручей быстрый и неширокий. «Призрак» наверняка выслеживает добычу по запаху, а проточная вода быстро унесет след.

Но другие, за кем он гнался, достигнув ручья, тоже решали бежать вниз по течению. Если зверь не отыщет след на дальнем берегу, и не почует запах человека в воде ниже по течению, ему останется лишь пройти по берегу налево, пока или не услышит ее, или не набредет на то место, где она выбралась на берег.

От меня ждут, сказала себе Тэлзи, что я выйду из воды на противоположном берегу ручья, а не поверну обратно к дому Робана. Или нет?

Лучшее решение — попробовать сбить преследователя с толку.

Она двинулась вниз по течению — быстро, как только могла, поднимая брызги, спотыкаясь о

скользкие камни и не опасаясь поднимать шум. Куда опаснее потерять время, стараясь идти бесшумно. Через сотню метров над водой низко нависали ветви развесистого дерева. За них можно ухватиться, подтянуться и даже забраться наверх.

Другие явно пытались так поступить. Робан и его зверь знают такие места, и обязательно проверят каждое.

Задыхаясь, она нырнула под низкие ветви и торопливо устремилась дальше. Где-то впереди на фоне звездного сияния темнели очертания густых зарослей. Похоже, там был небольшой лесок, выросший по берегам ручья. На вид неплохое укрытие.

Но другие, бредя на усталых ногах после первого отчаянного рывка, тоже могли так решить.

— Значит, ты выбрала воду, — внезапно услышала она Робана. — Это пока твой лучший ход…

Голос смолк.

Тэлзи охватил первый приступ отчаяния.

Ручей впереди резко изгибался. Левый его берег был обрывист и не очень-то манил выбраться из воды. Тэлзи обвела его взглядом. Чуть выше ее роста из обрыва торчали обнажившиеся корни. Девушка подпрыгнула, ухватилась за них,

подтянулась, вскарабкалась на край обрыва. Потом торопливо прошла некоторое расстояние в направлении дома Робана, и распласталась в высокой траве. Развернувшись к ручью и прижавшись к земле, она приподняла голову. На дальнем берегу в кустах имелся просвет, залитый звездным светом. Тэлзи не сводила с него глаз, стараясь дышать как можно тише. Ей пришло в голову, что, если ветер подует не в ту сторону, то «призрак» сможет почуять ее запах. Но никаких дуновений она не ощутила.

Прошло около минуты — никак не больше. И тут просвет кустах, за которым она наблюдала, легко и быстро пересек темный силуэт, движущийся вниз по течению. Зверь оказался даже крупнее, чем она представляла по увиденной проекции. То, что столь крупное существо способно перемещаться с такой легкостью, точно скользя над землей, оказалось для Тэлзи весьма неприятным открытием. На миг девушка заметила — или вообразила, будто заметила — высоко поднятую крупную круглую голову и торчащие рогами уши. «Гоблин!» — кажется, завопили все ее нервы. Тяжелая волна ужаса, вымывающая из мышц силу, придавила Тэлзи к земле. Так вот что испытывали другие жертвы Робана, убегая

и прячась, но зная, что от преследователя нет спасения…

Она заставила себя отсчитать сто секунд, встала, и, пригнувшись, помчалась к ручью, к точке, примерно в ста метрах выше той, где выбралась на берег. Если зверь вернется по этому берегу и наткнется на ее след, то может решить, что она попыталась сбежать вверх по течению. Тэлзи тихо вошла в воду и снова пошла вниз по течению, пока не увидела в отдалении лесок, казавшийся хорошим укрытием. «Призрак» сейчас наверняка рыскает по нему, отыскивая лакомую добычу. Она миновала изгиб ручья в том месте, где выбралась на берег, пробрела еще около сотни шагов, стараясь двигаться бесшумно, и почти уверенная, что в любую секунду может услышать или увидеть возвращающегося преследователя. Затем выбралась на правый берег, осторожно пролезла сквозь заслон прибрежного кустарника, и размеренно побежала через равнину на север.

* * *

Метров через сто ее ноги начали избавляться от резиновой слабости проникшего в душу страха, дыхание выровнялось. Спасительный кар приближался, и уже через считанные минуты

она сможет оказаться вне опасности. Тэлзи не оглядывалась. Если «призрак» идет по следу, ей все равно от него не убежать, и нет смысла подпитывать страх, постоянно вглядываясь в тени.

Она переключила внимание на Робана. Теперь инвалид вполне мог встревожиться и включить телесканеры, чтобы отыскать малявку-пси и направить своего зверя следом. Тут она ничего не могла поделать. Время от времени ей казалось, что она на краткое мгновение улавливает мысли Робана, но после его последних слов четкого контакта у них не возникало.

Тэлзи добралась до шелестящей рощицы и быстро пересекла ее поперек. Когда она вышла из-за деревьев, стадо грациозных животных, напоминающих оленей, с быстротой тени помчалось прочь через равнину и скрылось в темноте. Ей внезапно вспомнился разговор о том, как преследуемые животные иногда маскируют свой след, смешиваясь с группами других животных…

Несколько минут спустя она уже усомнилась в удачности такого приема. Она постоянно видела вокруг стада животных; иногда замечала движение спереди или сбоку, за которым следовали тревожный вскрик и топот копыт, и животные немедленно исчезали облачком растаявшего

дыма, вновь оставляя равнину вокруг девушки пустой. Вокруг простирались охотничьи угодья Робана, и животные вели себя более настороженно и нервно, чем в других районах парка. Возможно, также, подумалось Тэлзи, они ощущают, что сегодня объектом охоты стала именно она и теперь магнитом притягивает к ним опасность. Какой бы ни была причина, звери держались от нее как можно дальше, однако она неоднократно слышала, как убегающие стада пересекали сзади ее след, и тем самым в достаточной мере затрудняли преследование. Тэлзи постоянно осматривала небо над постепенно повышающейся впереди равниной, выглядывая зеленую искорку летящего аэрокара или луч его поискового прожектора. Похоже, он уже где-то поблизости.

Девушка перешла на шаг. Ноги и легкие пока не отказывали, но Тэлзи не сомневалась, что черпает силы из своего последнего резерва. Она послала мысль в сознание Чомира, на мгновение коснулась его, и в ту же секунду заметила на фоне звезд пульсирующую зеленую искорку. Та постепенно снижалась, исчезая за лесистым склоном далеко впереди. В Тэлзи вспыхнула горячая надежда, и она помчалась вправо — туда, откуда снова будет виден кар.

А вот и он. Теперь надо привлечь их внимание…

— Здесь! — резко скомандовала она псу.

Это означало: «Я здесь! Ищи меня! Иди ко мне!» Но не более того. Чомир и без того достаточно возбужден, хотя и не знает причины. И любой явный намек на то, что она в беде, может вышвырнуть его из-под контроля Тэлзи.

Она почти услышала басовитое рычание, каким пес откликнулся на поданную команду. Этого вполне достаточно. Чомир понял, что хозяйка где-то поблизости, а Риш и остальные немедленно это поймут по его поведению. И теперь, когда кар ляжет на новый курс, его прожектор будет шарить по земле, отыскивая пропавшую девушку.

Тэлзи спрыгнула в небольшой овраг и с потрясшим все ее существо удивлением ощутила, как подогнулись после приземления усталые ноги, и кое-как выкарабкалась наверх. Сделала несколько шагов вперед, и внезапно замерла.

Робан!

Она ощутила его плотное, отвратительное возбуждение. Похоже, наступил тот мгновенный контакт, которого ждала пси. Его сознание раскрыто, беззащитно…

Она осторожно осмотрелась. Метрах в десяти возле скопления кустов лежало что-то, напоминая со стороны большую кучу нанесенных ветром листьев и травы, но поверхность этой кучи шевелилась от ветерка со странной мягкостью. Потом ноздри Тэлзи ощутили резкий животный запах, и ее окатила волна горячего ужаса.

Припавший к земле «призрак» медленно приподнял башку над пышной меховой гривой, и уставился на нее. Потом одним бесшумным и мощным прыжком перемахнул на добрых пяток метров вправо — легко, как большой шар изо мха. Поднялся на задние ноги, укутанный в меховой плащ, и издал удовлетворенный звук, похожий на усмешку.

Равнина вокруг Тэлзи словно взорвалась.

Этот взрыв произошел в ее голове. Напряжение, сдерживаемое слишком долго и слишком сильно, вырвалось в момент отчаяния, когда слишком многое потребовалось сделать одновременно. Ее физическое зрение отказало; зверь Робана и залитый звездным светом склон исчезли. Она продиралась сквозь беспорядочное мельтешение ментальных образов и ощущений. Появилось искаженное тревогой лицо Риша, аэрокар, скользящий почти над самой землей вдоль вершины

поросшего травой холма, внезапно вырастающие впереди деревья. «Сейчас!» — подумала Тэлзи. Крики, кар вновь взмывает вверх. Затем краткое впечатление ног, с легким топотом отталкивающихся от земли…

Получилось!

Она переключилась на возбужденного, предвкушающего Робана, проскользнула по ниточке эмоций в его извращенный разум. Ее сознание мгновенно просочилось в Робана по паутине подсознательных пси-каналов, становящихся после прикосновения почти знакомыми. Затрещала машинная статика, но слишком поздно — малявку-пси было уже не остановить. Она находилась внутри. Робан, ни о чем не подозревающий, смотрел глазами зверя на стоящую на склоне холма фигурку, держа руки на панели приборов, с помощью которых он жил, впитывал впечатления и убивал.

Через считанные минуты, подумала Тэлзи, — если она проживет эти минуты — то возьмет под свой полный контроль этот разум, не догадывающийся об ее присутствии, не сопротивляющийся и широко перед ней распахнутый. Но она не была уверена, что и тогда сумеет управлять через Робана «призраком». Ведь калека никогда прежде не

пытался сдерживать зверя за несколько секунд до убийства.

Зрение прояснилось.

Она по-прежнему стояла на склоне перед гоблином; тонкие ментальные щупальца все еще связывали ее со всеми важнейшими секциями мозга Робана. «Призрак» не сводил со своей жертвы глаз, приподняв крючок клюва над зияющим ртом, где виднелся толстый подергивающийся язык. Оставаясь на задних лапах, он плавно, точно скользя на коньках или гравитационных лыжах, двинулся к Тэлзи. Из толстой меховой шубы показалась одна из передних четырехпалых лап, почти игриво выскользнули кинжалы когтей.

Тэлзи медленно попятилась, На мгновение ее мысли перебило другое видение — быстрые и стремительные движения охотника на людей. Она проигнорировала их, потому что ничего не могла с этим поделать.

Гоблин слегка присел. Разворачиваясь, Тэлзи успела заметить, как он начал прыжок, и устремилась наутек.

Она услышала за спиной уже знакомую усмешку… и все. Тэлзи мчалась напрямик вверх по склону; собрав все оставшиеся силы. А в другом

мире, на другом уровне существования, она быстро двинулась сквозь сознание Робана, отслеживая все линии, собирая их воедино. Но от изнеможения ее мысли начали расплываться, как капля туши в воде. Перед ней был склон, усеянный пятнами кустов. Ничего другого она уже не могла видеть.

«Призрак» мелькнул мимо с легкостью пушинки, увлекаемой порывом ветра по верхушкам травинок. Обогнав ее на добрый десяток метров, хищник резко развернулся. Когда добыча бросилась вправо, он внезапно снова оказался сзади, быстро догнал и промчался мимо. В этот момент что-то скользнуло сзади по ее бедру, и на коже появилась царапина — не глубже десятка тех, которые она уже получила, продираясь сквозь колючие кусты. Но оставил эту царапину не шип. Тэлзи свернула влево, «призрак» метнулся следом, пася ее, как овчарка пасет отару; Тэлзи вправо — он снова перед ней, выскочив из-за спины. Его прикосновение снова показалось легчайшим, но мгновение спустя на руке появилась горячая и влажная линия боли. Когда зверь опять очутился у девушки за спиной, она ощутила нарастающую панику и остановилась, повернувшись к нему лицом.

«Призрак» замер в то же мгновение в пяти метрах от нее, и медленно выпрямился в полный рост, не сводя с добычи темных глаз и приоткрыв кривой клюв в безмолвной усмешке. Тэлзи наблюдала за ним, ловя ртом воздух. Казалось, их разделяют полосы туманной темноты. Робан начал отдаляться, выскальзывая из ее ментальной хватки. Тэлзи подумала, что если сделает еще шаг, то споткнется и упадет, и тогда зверь прыгнет на нее.

Голова «призрака» повернулась. Клюв со щелчком захлопнулся. Уши-рога насторожились.

Беззвучно мчащийся вниз по склону белый силуэт на мгновение показался ей нереальным, неким продуктом воспаленного воображения. Тэлзи знала, что Чомир приближается, но не знала, что он уже так близко. Она не заметила в небе огней кара, но он явно где-то рядом. И если они последовали за псом, когда тот выпрыгнул из машины, если не сбились с направления…

Чомир может кружить вокруг зверя, грозить ему, возможно, отвлечь его внимание от девушки, занять на несколько минут. Она отдала псу команду и тут же повторила ее, быстро и встревоженно, потому что асканамский боец никак не отреагировал.

Попыталась проникнуть в его сознание и внезапно поняла, что Чомир, мчащийся сюда в безмолвной ярости, не намерен откликаться на любые команды. Гоблин испустил чудовищный визгливый вопль удивления, когда странное белое животное пересекало последние разделяющие их двадцать метров, и с ужасающей легкостью отпрыгнул в сторону. Тэлзи ошеломленно увидела, как из-под меха выметнулась лапа с выпущенными когтями. Мощный удар настиг Чомира в воздухе, отшвырнул в сторону и заставил покатиться по земле. Призрак снова прыгнул, чтобы добить самонадеянного противника, но пес уже вскочил и отбежал от места падения.

Для Чомира это была первая серьезная схватка. Но за его спиной стояли поколения предков, сражавшихся друг с другом, с другими животными и вооруженными людьми на аренах Асканама. Умение сражаться было отштамповано в его генах. Он допустил всего одну ошибку, почти фатальную, бросившись с разбега на неизвестного противника. Буквально через несколько секунд стало ясно, что новых ошибок прирожденный боец совершать не намерен.

Тэлзи видела это сквозь мерцающую заве-

су изнеможения. Каким бы крупным псом ни был Чомир, визжащий гоблин весил минимум раз в пять больше, а выглядел, ощетинившись вздыбленным мехом, крупнее и во все десять. Его сородичи были для первых поселенцев Орадо синонимом ужаса, таящегося в лесах. Когти на передних лапах были длиннее рук Тэлзи, а изогнутый клюв пронзал мышцы и кости не слабее обоюдоострого меча. А его сверхъестественная скорость… теперь словно в несколько раз замедлилась. «Призрак» метался, рубя когтями сверху вниз, а нечто белое и не такое уж высокое молча и целенаправленно кружило вокруг. Тут Тэлзи стало понятно со всей очевидностью: «призрак» являлся всего лишь естественным убийцей, созданным природой, чтобы эффективно расправляться со своей добычей. А предки Чомира были убийцами, созданными людьми, чтобы эффективно расправляться с другими убийцами.

Пес на мгновение прильнул к зверю, запрыгнув высоко ему на плечо, и она увидела на его боку темное широкое пятно в том месте, куда вонзились когти. Чомир яростно встряхнулся, послышался неприятный треск. «Призрак» заверещал, как огромная раненая птица. Животные снова сцепились, и вдруг «призрак» рухнул. Бе-

лый силуэт рухнул вместе с ним, но стиснутых челюстей не разжал, ловко уворачиваясь от когтей. Раздался душераздирающий визг. Дергающийся «призрак» боком закатился в кустарник, Чомир последовал за ним.

На развороченные кусты упал круг света, переместился на Тэлзи. Она задрала голову и увидела снижающийся кар, услышала голоса, выкрикивающие ее имя…

Тэлзи скользнула в разум Робана, растеклась по нему и мгновенно ощутила, как его руки мертвой хваткой сжимают рукоятки панели управления. Время Робана истекало с непостижимой быстротой. Он пытался отвлечь зверя от собаки и заставить его уничтожить людей, которые могли его разоблачить. Но не смог. Его терзал страх, но добиться повиновения от «призрака» было уже не в его силах. Тэлзи ощутила его внезапное решение разорвать ментальный контакт со зверем, чтобы избежать единственного переживания, которого он всегда сторонился — погружения вместе с чужим сознанием в содрогающуюся агонию смерти.

Его правая рука выпустила рукоятку и потянулась к переключателю.

— Нет, — тихо скомандовала Тэлзи протянутой

руке.

Рука упала на панель. Но через секунду пальцы сжались в кулак, рука согнулась в бицепсе и снова начала подниматься.

— Нет!

Рука застыла на полпути. Девушка задумалась. Времени хватало.

Робан верил, что умрет вместе с призраком, если не сможет вовремя отключиться от его умирающего мозга. Возможно, он прав; она не хотела бы находиться в его сознании, когда это случится — если до такого дойдет.

Но ей многое нужно узнать от Робана. Имена бандитов, поставлявших ему человеческую дичь — ей очень этого хотелось. Затем ей нужно детально разобраться с телепатическими уровнями его сознания — в чем там проблема, почему он не мог сознательно ими пользоваться… и тогда Тэлзи когда-нибудь сумеет помочь наполовину телепатам, вроде Гиккез. И еще ментомашины — если Робан мог работать с ними, не понимая в деталях, что они делают, то уж она-то сможет использовать подобные устройства намного эффективнее. Да, надо будет тщательно изучить его машины…

Она освободила руку Робана. Та метнулась к

переключателю, перебросила рычажок. Робан облегченно выдохнул.

Следующую секунду Тэлзи была очень занята. Игла пси-энергии деловито промчалась по уже разведанным каналам, касаясь здесь и там, что-то ликвидируя, что-то отсекая и блокируя… Когда все закончилось, половина разума Робана как бы мгновенно пропала, а он, не подозревая об этом, тупо улыбнулся, глядя на панель. Он и дальше будет жить здесь, но уже безвредный, на полном попечении своих машин. И станет невольным хранителем воспоминаний, которые еще предстоит исследовать, и таланта, про обладание которым он так и не узнал.

— Я еще вернусь, — пообещала Тэлзи улыбающемуся слабоумному существу и покинула его.

Как оказалось, она все еще продолжала стоять на склоне. Ведь на все вышеизложенное у нее ушла секунда. К ней уже бежали Данкер и Валайя, а Риш только что выбрался из приземлившегося неподалеку кара и направил луч фонаря на кусты, где все еще агонизировало тело «призрака», а Чомир, стиснув челюсти на сломанной шее хищника, яростно и в то же время методично вытряхивал из него последние капли жизни.

Не более чем сон
(рассказ)

Прошло три недели, прежде чем Тэлзи вернулась к дому Робана.

Шумихи вокруг ее встречи с «призраком» было немного. Она попросила своих друзей не говорить об этом на том основании, что ее родители будут расстроены, узнай они, что их дочь подверглась серьезной опасности. Кое-кто из ребят считал постыдным держать в секрете такое волнующее приключение, но все же они согласились молчать. Официальным лицам парка огласка тоже была ни к чему. В новостях об инциденте было упомянуто лишь то, что «призрак», каким-то образом пробравшийся в парк Мелна из одного из северных природных заказников, был убит сторожевой собакой посетителя парка, и что парк тщательно обследован на случай, если туда забредут еще какие-нибудь опасные животные. Друзьям Тэлзи рассказала, что в ее «Неборезе» возникла неисправность. Сначала кар по инерции опустился на землю, а когда она выбралась, чтобы что-нибудь предпринять, сбой внезапно проявил-

ся вновь, «Неборез» поднялся вверх быстрее, чем она могла его поймать, и уплыл прочь. Обратно к Цильскому ущелью она пошла пешком, а чуть позже оказалось, что призрак напал на ее след. На следующий день, в пятидесяти километрах за границей парка, полицейский кар нашел «Неборез», и беглеца вернули хозяйке. Прежде чем покинуть парк, Тэлзи потихоньку подобрала часы Данкера и прочие предметы, которые Робан велел ей выкинуть возле своего дома.

Связать между собой растерзанного «призрака» и Робана могли только контрабандисты, доставившие ему это животное, а их совершенно не заинтересует то, что оно оказалось в конце концов растерзанным. Если кто-нибудь, кто мог быть связан с Робаном по работе над пси-машинами, узнает о его нынешнем состоянии, то сочтет повреждения разума результатом неудачного эксперимента. В этом отношении пси-машины считались устройствами ненадежными. В любом случае установить, что Тэлзи имела к этому отношение, не было никакой возможности. Как и не было в сущности никаких причин, почему она не могла в любой момент тихонько вернуться в парк Мелна, чтобы завершить начатое расследование. Для этого ей даже не пришлось бы подходить к

дому ближе, чем на полкилометра.

Однако она продолжала откладывать расследование. Почему, она точно не знала. Когда наступали выходные, оказывалось, что ей просто не хочется туда ехать. Но дело Робана оставалось незаконченным. Оставлять же за собой незаконченные дела, обычно, было не в духе Тэлзи. И она убеждала себя, что займется этим на следующей неделе.

Однажды ночью ей приснился сон. Такой неуютный, влажный кошмарный сон, хотя во сне ничего особенного не происходило. Она находилась в парящем каре неподалеку от дома Робана, оглядывала его с разных сторон, и понимала, что хозяин, в свою очередь, наблюдает за ней, что он ненавидит ее за то, что она с ним сделала и дожидается случая, чтобы отомстить. Во сне, весьма здраво напомнила себе Тэлзи, такое возможно… Робан не мог помнить ни о ней, ни о том, что она сделала, он не узнал бы ее, даже если бы малявка-псионик стояла прямо перед ним. Неожиданно Тэлзи осознала, что это не Робан, а сам дом наблюдает за ней с желчной злобой, и что должно случиться нечто страшное. Испугавшись, она проснулась.

Это все и решило. Проснувшись, Тэлзи недолго полежала, размышляя. Приближались очеред-

ные выходные. Она могла бы слетать в парк Мелна днем сразу после лекции и зарегистрироваться в парковом отеле. Если понадобится, у нее будет в распоряжении два полных дня, чтобы закрыть все вопросы, связанные с домом Робана. Этого времени, без сомнений, хватит вполне. Она извлечет из калеки остатки нужной ей информации, а затем проследит, чтобы кто-нибудь из представителей парковой администрации нашел достойную причину, чтобы нанести этому затворнику домашний визит. Когда обнаружится, в каком он состоянии, его отправят в клинику, и тогда Робан больше не станет тревожить ее во сне.

* * *

Однако той же ночью в номере парковой гостиницы он ее потревожил. Или не он. Тэлзи ушла отдыхать вскоре после обеда, собираясь подняться и приступить к делу пораньше, но оказалось, что совсем не хочет спать. Она включила убаюкивающую музыку, включила экранирование окна, и в затемненной комнате приблизилась к нему. Она постояла там недолго. В свете звездных скоплений парк Мелна, туманный и безбрежный, полого уходил вдаль, в сторону северных гор. Дом Робана лежал за горной складкой. Со скоростным

ограничением, допустимым в парке, на то, чтобы завтра добраться до дома Робана от гостиницы, уйдет четыре часа — в два раза дольше, чем она затратила на дорогу сюда через полконтинента из колледжа Пехенрон.

Музыка нагоняла сонливость, но нервное напряжение не спадало. Прошел почти час, прежде чем девушка легла в постель и заснула, но ночь оказалась неспокойной. От неприятных сновидений остались в памяти только обрывки, когда она просыпалась. Большую часть ночи пришлось спать урывками, поскольку то и дело приходилось просыпаться. Что-то в ней не желало расслабляться. Как только девушка засыпала, и ее ментальный экран, как обычно, начинал ослабевать, то тут же нечто его внезапно и плотно закрывало, возвращая пси к изнуряющей настороженности. Когда, наконец, пришел рассвет, у нее слипались глаза, а раздражению, казалось, не будет конца. Однако холодный душ позволил раскрыть глаза окончательно, а после завтрака Тэлзи и вообще заметно посвежела.

Через десять минут этим ветреным утром поздней осени она уже была на пути к дому Робана. Парк Мелна был знаменит разнообразной и эффектной переменой цвета, охватывавшей

его растительность с приближением зимы, и поток туристов сейчас был гораздо гуще, чем три недели назад. Почти всюду, куда ни посмотри, проплывали аэрокары, следуя изгибам покатого ландшафта. Как и положено по статусу, «Неборез» продвигался вперед на пограничной скорости тридцать километров в час. Девушка откинула колпак кабины. Сквозь нее просачивалось солнечное тепло, а прохладный ветер периодически трепал волосы. Ночные переживания потеряли четкость, реальность. Пришла расслабленность, ускользавшая от Тэлзи в отеле, и она испытала искушение — захотелось опустить кар на землю, чтобы, прежде чем продолжить путь, часик подремать на солнышке. Но она хотела добраться до своей цели пораньше, чтобы закончить с Робаном до вечера.

Ближе к полудню она достигла группы расположенных рядом плато шириной в километр, спускавшихся с того места, куда Цильский каньон прорезался сквозь горы к южным лесам. Там, где располагался дом Робана. Повернув в сторону дома, Тэлзи примерно через минуту вывела его на дисплей кара. Выглядел дом в точности таким, каким она запомнила его в сиянии звезд — аккуратным, элегантным, спокойным. Обслу-

живающий робот-садовник медленно двигался под деревьями.

Она решила ослабить свой защитный ментоэкран и мысленно прозондировать разум Робана. У нее оставалась еще большая часть дня, но остатки беспокойства заставляли проявлять повышенную осторожность. Она опустила машину за холмом, скрывшим от нее жилище Робана, с километр пролетела вверх по склону и опустила машину на землю на пороге начинающегося подлеска. С карманным телеэкраном она дошла до вершины холма, перевалила через гребень и стала спускаться, пробираясь меж стволами, пока не добралась до места, of куда могла наблюдать за домом и где сканирующие устройства не могли обнаружить наблюдателя.

Минут десять она удерживала дом и то, что его окружало, на телеэкране. Единственным признаком какой-либо деятельности был обслуживающий кибер в саду. На время он скрылся в каком-то кустарнике, затем вновь появился и стал двигаться взад-вперед по одной из лужаек. Поднявшаяся над кустарником серебристая дымка говорила о том, что включилась система полива. Наконец робот покатил к дому и остановился перед ним. В стене, открываясь, скользнула

широкая дверь, и машина заехала внутрь.

Тэлзи опустила телеэкран. Она успела заглянуть в дверь, прежде чем та закрылась. Там находился крупный аэрокар. Робан, если исходить из его нынешнего состояния, должен был быть дома.

Вот теперь, решила Тэлзи, сделаем легкую, очень легкую пробу. Только чтобы убедиться, что Робан в том состоянии, в каком она его оставила, и что нет каких-нибудь непредвиденных изменений.

Прислонившись к теплому от солнца стволу высокого дерева, она закрыла глаза, затем ослабила экран вокруг своего разума, потом позволила ему полностью раскрыться. Неожиданно она ощутила рывок испуганного сопротивления, но экран остался открытым. Смешанный шепот протекавшей вокруг нее жизни начал заполнять сознание телепатки.

Казалось, все в порядке… Тогда она протянула мысленную нить в лес, к дому Робана, и на секунду прикоснулась к мысленным рисункам, которые помнила.

В сознании полыхнуло что-то похожее на крик. Не слова, ничего даже отчасти осмысленного. Тем не менее это выглядело четкой командой,

отданной с такой ненавистью, будто это было проклятье. И проклинали ее, Тэлзи. Команда…

Зато краткое мгновение, когда ментоэкран сжался плотным жестким щитом, она, кажется, уловила темный, размытый, мчащийся к ней образ. А потом этот образ, ощущение наполненной ненавистью команды и прикосновение к разуму Робана разом пропали, отрезанные щитом.

Тэлзи распахнула глаза и огляделась. Долгие секунды она не шевелилась. Над головой шумели деревья, когда мимо пролетал ветер. Здесь, в мире материальной действительности, похоже, ничего не изменилось. Но с чем же она столкнулась в доме Робана?

Отзвук достиг ее ушей… раскатистый грохот взрыва. Он стихал, эхом разбегаясь по равнине.

Кажется, прилетел с юга из леса. Тэлзи недолго прислушивалась, затем продвинулась немного вперед, пока не смогла выглянуть из-за деревьев.

Отвратительные клубы желтого дыма частично укрывали то место, где стоял дом. Но и так было очевидно, что дом и сад были безжалостно уничтожены.

А это, беспомощно подумала Тэлзи, и есть ответ на ее вопрос. Правда, лишь отчасти.

* * *

К тому времени, как она вернулась к «Неборезу» и рывком оторвала его от земли, аэрокары других туристов уже осторожно подлетали к месту взрыва. Машина с рейнджерами со свистом спустилась с небес, пронеслась над нею и исчезла. Тэлзи осталась за холмом и продолжила двигаться на запад. Она была почти уверена, что кто бы ни был инициатором взрыва Робана в собственном доме, физически там не присутствовал. А лезть на рожон и разоблачать себя больше, чем она уже это сделала, не было нужды.

Робана использовали как приманку… приманку в капкане на малявку-пси. Значит, то, что приманка была уничтожена, говорит, что инициатор ловушки поверил, что пси, для которого она предназначалась, попалась. А для такой веры должны быть серьезные основания. Что бы Тэлзи теперь ни делала, ей лучше соблюдать крайнюю осторожность.

Она вернула в сознание пойманные мысленные впечатления, и внимательно их изучила.

Впечатления были кратки, но ярки и отчетливы. Девушка выявила детали, которых неосознанно не заметила, когда их ощущала. Этот

инициатор — человек, он должен им быть. И все же некий оттенок уловленных мыслеформ почти заставлял предполагать инопланетное существо. Его мысли были полны высокомерия, словно этот пси чувствовал, что отличается от людей и в чем-то превосходит их. Вера в грубую силу, сопровождавшая эти ощущения, также пугала Тэлзи, как и гневный рык животного, внезапно раздавшийся рядом. Она припомнила то чувство, словно ее проклинали.

То запутанное восклицание было сообщением, не предназначавшимся для нее, и не слишком понятным. Это был, решила Тэлзи, своего рода краткий ментальный код, разработанный действующими сообща телепатами — пси-импульс, который мог нести в себе скрытое значение. Его основной смысл она могла разгадать: «Ура! Успех! Жертва поймана!» Для кого же он предназначался? Стало быть, у инициатора ловушки имелись соучастники, один или больше. Такие же, как он, кем бы они ни оказались.

И, наконец, третья составляющая, самый отчетливый участок ментальной структуры. В ней присутствовала смерть. Ее смерть. Это была команда, и Тэлзи была почти уверена, что команда адресована той мутной фигуре, которая, как ей

показалась, мчалась к ней. Нечто, что могло быть крупным животным.

Ее смерть… но каким образом?

Тэлзи неуютно сглотнула. Наверно, эти люди или нелюди входили в круг, потворствовавший преступным склонностям Робана… такие умы не стали бы возражать против доставки человеческих существ в качестве дичи для охоты и убийства ради забавы. Наверное, эти преступники-пси нашли в Робане очевидные для себя достоинства. Он был точным инструментом, который мог обеспечивать их машинами, которые расширяли и усиливали их ментосилу. Его изобретательский гений находился на службе у телепата, который подбрасывал задачи, чтобы инвалид их решал в уединении парка Мелна, не зная, зачем это делает и ради чьей выгоды.

Она сделала Робана бесполезным для главаря-пси и вскоре нашла бы в бессознательных уголках разума калеки улики, указывающие на соучастников его преступлений. Но те обнаружили, что произошло. Они знали, что это — работа другого пси. Большинство воспоминаний Робана она опечатала, но оставила их в целости. Это и дало им возможность понять, что малявка-пси планирует вернуться за информацией. Преступ-

ники-пси могли уничтожить Робана сразу, но захотели избавиться от неизвестного непоседы. Поэтому и расставили капкан с разумом Робана в качестве наживки. Пси, прикоснувшись к этому разуму, захлопнет капкан. И минут двадцать назад своим легким и осторожным прикосновением Тэлзи этот капкан захлопнула.

Хорошо еще, что сразу после этого она заперла свой экран. Благодаря этому Тэлзи, вероятно, избежала того, что было ей уготовано. Но ей придется допустить возможность, что она по-прежнему пребывает в ловушке… и пока не знает, что это за ловушка.

«Неборез» делал свои тридцать километров в час над верхними плато равнины на высоте в три десятка метров над поверхностью земли. Южный лес, где находился дом, пропал из виду. Впереди выгибались горные склоны. Тэлзи направила кар в их сторону. Краем глаза она заметила, как другой кар пролетел мимо полукилометром левее. Ей захотелось последовать за ним, чтобы оставаться рядом с людьми. Тем не менее она не изменила курс «Небореза». В чужой компании она все равно в безопасности не окажется, а близость туристов может отвлечь ее внимание от опасности.

Она включила автопилот, откинулась в кресле,

рассеянно глядя на горы сквозь ветровое стекло. Ощущение в момент прикосновения к разуму Робана похожей на животное жизнеформы могло быть галлюцинацией, символом направленной на нее какой-то смертельной энергии в ее собственном разуме. Пси-энергия могла убивать быстро и могла стать действенным оружием для разумов, понимающих, как ею пользоваться, и способных справиться с той грандиозной силой, которую обращали против других. Но если это была ловушка, Тэлзи могла бы интерпретировать ее иначе, а не как движущуюся тень, полупрозрачный силуэт животного, образ, нацеленный прямо в нее.

Что же это могло быть?

Тэлзи встряхнула кудряшками. Она не знала, и даже предположить не могла. Но она сможет это выяснить, ибо, в конце концов, ей придется это сделать. Правда, не сейчас.

Она посмотрела на часы. Подождем еще час. Несомненно, преступники-пси не могли опознать ее по внешности, но вреда особого не будет, если, прежде чем она предпримет какие-нибудь демаскирующие ее шаги, расстояние между ней и местом, где совсем недавно располагался дом Робана, будет побольше. Ментально им должно

было показаться, словно пси исчезла, как только Тэлзи опустила свой щит. Сложность была в том, что щит не мог прикрывать ее бесконечно.

* * *

Последствия минувшей ночи, проведенной почти без сна, начали сказываться час спустя. То и дело подступали моменты сонливости и физического утомления, и девушка вдруг стала это осознавать. Рейнджеры с ближайшего своего кара снабдили бы ее стимулятором, сделай она вызов по коммуникатору, но у ее врагов могли быть не известные ей средства слежения за происходящими в парке событиями. Так что привлекать к себе внимание не следовало. Ей просто надо быть начеку до тех пор, пока ситуация не разрешится.

Задуманный ею тест был прост. Пси-щит на мгновение приоткроется, и сразу же будет закрыт. За эту секунду ее растянутое на максимум восприятие будет настроено на получение всего двух ощущений: мысленных схем телепата, устроившего ей западню, и участвовавшей в западне животной формы. Если что-нибудь из этого до сих пор находится в пределах ментального соседства, она обнаружит некоторый след, пусть

даже слабый. Если же ничего не будет, можно считать, что удалось ускользнуть. Не навсегда. Пси могут определить, кто свел на нет эффективность Робана, если хорошенько поработают. Но это уже проблема другая. Если преступники-пси сейчас, равно как и она, не приготовились поймать от нее какой-нибудь сигнал, кратковременная демаскировка разума должна пройти незамеченной.

Щит раскрылся и моментально захлопнулся, пока обостренное восприятие телепатки фиксировало впечатления. Секунду Тэлзи сидела недвижно, чувствуя в себе гулкий барабанный бой страха.

Медленно она позволила вновь сформироваться в ее сознании зафиксированной картинке, словно остаточному изображению.

Темный силуэт зверя. Какого — она пока не знала. Что-то напоминавшее огромного странного бабуина: большая массивная голова, сильное тело при четырех гигантских руках-лапах.

Когда щит открылся, ей показалось, что видит зверя рядом, возле себя, трехмерного, объемного, с каждой деталью такой четкой, будто они выгравированы, хотя животное пребывало как бы в мутном небытии. Красные глазки буквально

впивались в нее. И за тот краткий миг, когда разум Тэлзи был открыт, она не сомневалась, что видит, как зверь, прежде чем исчезнуть за упавшим щитом, начинает узнавать ее, начинает двигаться в ее сторону.

Что же это такое?

Гипнопроекция, внушенная ее разуму другим телепатом в момент контакта? Нечто, что она теперь должна была вырастить в своем сознании себе на погибель?

Нет, ей так не показалось. Картинка представлялась слишком реальной, слишком тревожной, зловещей, живой. Каким-то образом она увидела то, что, несомненно, там, в мутном небытии, было; размытый силуэт животного располагался где-то рядом и выглядел на редкость четким. В физическом пространстве зверюга могла находиться в сотне километров от нее, а может, в этом смысле, ее и не было теперь вовсе. Обратив свое внимание на Тэлзи, бабуин ждал, пока она укрывалась щитом, а когда получил от ее разума новое краткое впечатление, смог приблизиться… Что произойдет, когда таким вот способом он настигнет телепатку, прикоснется к ней?

Ответа на этот вопрос девушка не знала. Позволив образу угаснуть, она начала искать следы

связанного с ним телепатического разума. После долгих секунд она уже знала, что в ее восприятии не запечатлелось ничего. Пси ушел. Он приготовил ловушку и натравил на нее кошмарную тварь. Затем исчез… Словно был уверен, что сделал все, что нужно, чтобы окончательно избавиться от нежелательной свидетельницы своих преступлений.

На секунду от этой мысли стало даже холоднее, чем от образа поджидавшего зверя. Но если придется иметь дело только с животным, сказала себе Тэлзи, спастись гораздо проще, нежели когда тебя преследуют разумы, подобные тому, с которым она столкнулась.

Но это животное — тоже не подарок. Ей никогда не доводилось слышать о хищниках, выслеживающих добычу по ментальным эманациям, как этот. Он мог быть обитателем какого-нибудь не изученного пока мира, которого привезли в Ядро Звездного Скопления с конкретной целью — охотиться на пси-людей, создающих проблемы для его хозяев. Зверь знал о ментальных щитах. Либо он сталкивался с подобной защитой в естественной среде обитания, либо был натренирован в ходе подготовки. Как бы там ни было, тварь, похоже, прекрасно понимала, что ей необходимо

только выжидать с настороженной терпеливостью хищника, пока щит жертвы не ослабнет. Как это, в конце концов, произойдет и с ментальным щитом Тэлзи. Ибо телепатка не можете все время бодрствовать, а во сне в достаточной степени удерживать контроль, чтобы такому настойчивому и безжалостному преследователю не дать уловить активность своего мозга.

Устроенная ловушка действовала разными способами. Если бы пси реально вошла а дом Робана, то испарилась бы вместе с ним во время взрыва. Поскольку же она предварительно провела мысленную проверку, то преступники-пси натравили на нее это существо, которое либо немедленно ее уничтожит, либо вынудит поступить так, что должно выдать Тэлзи хозяевам существа. Эрго, девушка должна избавиться от бабуина прежде, чем ей придется заснуть и остаться без защиты.

Она почувствовала, как пси-энергия стала накапливаться для удара. Обыкновенный краткий и резкий всплеск пси-разряда вряд ли здесь поможет. Так что она обрушит на своего жутковатого преследователя такой мощный поток энергии, какую только сможет собрать. От черных окруживших ее тело электрических завихрений по коже побежал и мурашки. Ощущение было не из

приятных, но Тэлзи позволила ему усиливаться. Если ждать дольше, то это только ухудшит положение. И поскольку преступников-пси поблизости не было, для столкновения это место подойдет ничуть не хуже прочих. «Неборез» знай себе плыл над широкой долиной к верхним пределам парка. Ветер был прохладен, впереди летело несколько туристических машин. Сейчас она видела вдалеке только три аэрокара.

Энергетический рисунок становился все плотнее, будто превращался в трепетно вибрирующую сеть молний. Телепатка собрала их воедино, нацелила словно пистолет, позволила им нарастать, пока сама не затрепетала от почти невыносимой неистовости, и резко сбросила щит.

Почти мгновенно, разглядев несущийся к ней сквозь пустоту пси-пространства темный силуэт, Тэлзи поняла, что с этим зверем молнии не справятся. Энергия обрушилась на бабуина, но не нашла уязвимого места, и поэтому ощутимо не затронула преследователя. Телепатка выпустила заряд ярости, когда силуэт бросился вперед, и наглухо закрыла щит — раньше, чем зверь смог настичь жертву… Оказалось, что она резко разворачивает «Неборез» в крутом вираже, будто пытается избежать реального столкновения.

Потом раздался звук, глубокий булькающий вой, от которого девушка похолодела.

Обернувшись, она на секунду увидела его в десятке метров позади кара… Не мысленный образ, а плотное мощное тело животного, устремившегося головой вниз и растянувшегося, словно ныряло в атмосферу парка Мелна. Потом все исчезло.

Да, это — пси-создание, и его естественной добычей являются другие пси-существа, решила она. Вот почему она не смогла нанести ему энергетический удар. Этот диковинный вид развил иммунитет на подобные защитные удары и мог не обращать на них внимания. У бабуина развито чувство, при помощи которого он выслеживал и настигал разум будущей жертвы, а еще он обладал пси-способностью перебрасывать себя в пространстве, когда, благодаря мысленному контакту, знал, где искать свою жертву. Для убийства ему нужно было лишь физическое оружие — сила мощных мышц, крупные острые зубы, широкие плоские когти длинных звериных рук, которые, помнится, были от фонаря кабины всего в нескольких сантиметрах, когда их отрезало ментальным щитом. Если бы она в тот миг не свернула в сторону, тварь обрушилась бы в ма-

шину и в мгновение ока вырвала из нее жизнь.

Попытка противостоять преследователю сразу сделала ситуацию намного опаснее, чем было до этого. Управляясь с потоком смертельной энергии, Тэлзи лишилась сил, и теперь на нее накатывала какая-то заторможенность, отчасти смешанная с растущим переутомлением и растерянностью оттого, что, похоже, ей не избавиться от этой твари. Прошло несколько минут, прежде чем она смогла отбросить в сторону это ощущение и привести свои мысли в некое подобие порядка.

Прыжок существа сквозь пространство, похоже, озадачил Тэлзи. И все-таки, чтобы материализоваться вновь поблизости, оно пока утратило контакт, хотя девушка не сомневалась, что ментально зверь по-прежнему очень близко. Иногда ей казалось, что ощущает его присутствие прямо за щитом. Малявка-пси получила передышку, но не более того. Вероятно, этот хищник не был даже шибко умным животным, ведь представителям вида с такими способностями и силой не требуется особых умственных возможностей, чтобы выжить в мире, где полно разумов. Но она оказалась втянутой в игру, где не она, а эта тварь устанавливала правила, и обойти их, похоже,

было никак нельзя.

Спустя некоторое время после середины дня Тэлзи подогнала «Неборез» поближе к зарослям кустарника, произраставшего на склоне горы, и стала зарываться в растительность до тех пор, пока кар не скрылся окончательно из виду. Потом заглушила двигатели и выбралась из кабины, развернулась и стала продираться сквозь заросли.

Останься она сидеть в машине, заснула бы через несколько минут. Стоя на ногах, она могла выиграть хоть немного времени, чтобы найти решение. Девушка была уже близка к состоянию, чтобы вызывать парковых рейнджеров, попросить их запеленговать машину и идти на помощь. Со стимуляторами ей удалось бы продержаться без сна несколько дней.

Но в этом случае она бы навлекла на себя опасность с другой стороны. Открытый призыв о помощи с территории парка мог послужить маяком ее врагам. Необходимо было учитывать и следующую возможность: что преступники-пси настороженно ждут именно такого сигнала, означающего одно — бабуин загнал свою жертву. Тогда ее опознают в одночасье.

Но попытка в одиночку перебороть сон хотя бы еще на четверть часа могла оказаться фатальной,

ведь тварь находилась рядом! Десятки раз Тэлзи была на грани провала в полусон, где окружающая реальность и пси-вселенная, казалось, перемешивались друг с другом, и резко приходила в себя от внезапно нараставшего ощущения присутствия пси-зверя.

То, что она выбралась из машины и вдохнула свежий горный воздух, слегка ее взбодрило. Девушка забралась в такой высокий регион парка, который уже был затронут надвигающейся зимой. Прошло, наверное, около получаса с тех пор, когда она видела в последний раз туристический аэрокар и вообще какие-нибудь признаки наличия людей на планете.

Тэлзи стояла, оглядываясь по сторонам и растирая ладонями руки, чтобы согреться. Находилась она над полукруглой горной впадиной меж примыкавших друг к другу гряд. Впадину заполняла коричневая трава высотой по пояс и беспорядочно растущие там и сям деревья. По дну протекал стремительный узкий поток. Кар она посадила в трех четвертях пути от западного края. Дальняя же грань представляла собой почти вертикальную скальную стену, опутанную с вершины до основания гирляндами желтых засохших лиан. Другая половина впадины по-прежнему купалась

в солнечном свете, переваливавшем через вершину гряды за спиной у Тэлзи. А та, на которой она стояла, оставалась в тени.

Она вздрогнула от холода и потрясла головой, чтобы прогнать очередную волну сонливости. Казалось, ей так и не удастся сконцентрироваться на решении проблемы с пси-зверем. Мысли девушки обратились к нагретым солнцем скалам, над вершиной которых она пролетала, когда направила «Неборез» к этой небольшой долине.

Она представила, как сидит там, греясь на солнце. Картинка получилась убедительной. В своем воображении она ощущала солнечное тепло на плечах и спине, теплоту камня под собой, видела высохшую колючую растительность вокруг…

Она моргнула, глаза распахнулись. Через секунду она вернула картинку в свое сознание. Я здесь, мыслила она. Я греюсь на солнышке. Я почти уснула, клюю носом, чувствую тепло… забываю о грозящей опасности. Ветер проносится над скалами, вокруг меня шелестят кусты…

Она ослабила щит:

— Шарик, кусь-кусь, я здесь!

И снова закрылась.

Она стояла в тени западной гряды, дрожа от холода, и слушала. Высоко над головой на какой-то

миг раздался шум, словно что-то тяжело ударилось о растительность на вершине гряды. Шум прекратился так же внезапно, как и начался.

Взгляд Тэлзи переместился в глубь впадины между грядами, последовал за течением речушки, выбегающей из тени, до места, где она текла меж плоских песчаных берегов, поблескивая и искрясь в лучах дневного солнца, и остановился.

А теперь я здесь, подумала она и кивнула на небольшой поток. Сижу на теплом песочке, снова подставляя беззащитное тело солнышку, укрывшись от ветра и слушая дружелюбный ток воды…

Щит приоткрылся. На секунду.

— Кусь-кусь, я здесь!

Глядя с тенистого склона, плотно закрыв щит, она во второй за сегодня раз увидела, как ее Шарик появился в парке Мелна, наполовину погрузившись в поток. Тяжелая голова качнулась из стороны в сторону, зверь прыгнул вперед, закружился на месте, огляделся, и внезапно скрылся среди деревьев. На миг Тэлзи услышала странный завывающий голос, словно усиленный смех пьяницы, злой до неистовости от потраченных впустую усилий.

Тэлзи прислонилась спиной к дереву и закрыла

глаза. Тут же тяжелой влажной и предательской волной накатилась сонливость. Она встряхнула кудряшками, прогоняя дремоту.

Тьма, пришла навязчивая мысль. Тьма, черная и мрачная.

Черная, черная тьма вокруг меня, потому что я заснула, Шарик. Теперь ты можешь меня легко сцапать. Разум малявки-пси заполнился чернотой, словно порывом ветра. Щит приоткрылся.

— Шарик, ау! Я ЗДЕСЬ!

Возник полыхающий во тьме образ зверя, распахнувшего челюсти, с горящими красными глазами и огромными ручищами, раскинутыми, чтобы схватить добычу.

Щит захлопнулся.

Тэлзи, по-прежнему с закрытыми глазами, покачнулась у дерева, слушая эхо второго за сегодня взрыва. Этот был коротким, резким и чудовищно громким, будто рядом ударила в землю молния.

Она потрясла головой, открыла глаза, и посмотрела на впадину. Поверхность скалы на восточной стороне значительно изменила свой облик. На ней появилась иззубренная трещина, начинавшаяся с вершины и до половины спускавшаяся в долину. Из раскола еще выплывали клубы минеральной пыли.

Ей стало интересно, что произойдет, если нечто вроде двухсоткилограммовой туши внезапно материализуется в глубине плотной скалы. И подозревала, что произойдет нечто вроде того, что имело место только что. На этот раз Шарик не сумел улизнуть обратно в не-пространство.

— Прощай, дружище! — сказала она вслух трещине. — Я ни капли не буду по тебе скучать!

С первой частью покончено, подумала она.

Осталась вторая.

Щит, раскрываясь, истончился снова. И оставался открытым минуту, другую, третью, пока ее восприятие расширялось в поисках ощущений пси-разума, натравившего на нее своего обезьянистого дружка много, много часов назад возле дома Робана. Она искала такое сознание или похожее на него.

Но ничего не было. Никто здесь, по меньшей мере, на много километров вокруг, о малявке-пси в данный момент не думал, не уделял ей ни малейшего внимания.

Значит, нехорошие ребятки, вы меня потеряли, подумала Тэлзи. Спотыкаясь, девушка развернулась лицом к своему аэрокару — она не очень хорошо держала равновесие на каменистой земле — и стала продираться через кусты к тому

месту, где оставила «Неборез». Минуту спустя она подняла машину над грядой, и повернула к югу. Колпак был опущен, и она с наслаждением млела в тепле обогревателей. Сейчас ей страшно хотелось заснуть, но нужно было сделать еще кое-что. И тогда дело будет закончено.

Часть ее разума, крохотная частичка, трансформировалась в сигнализацию, которая постоянно будет начеку против преступников-пси, что едва не поймали ее навсегда. При малейшем, самом удаленном сигнале о присутствии подобного сознания, задолго до того, как малявка-пси это осознает, ее экран сомкнётся щитом, и она будет знать, почему это случилось.

Так было необходимо. Полагать, что с врагами покончено, не было оснований. Они положились на свою западню, но та не сработала. Им не остается ничего другого, как вернуться к той ночи, когда был убит плотоядный «призрак» Робана и постараться выяснить, кто был связан с этим убийством. Насколько было в ее силах, Тэлзи себя прикрыла. Потребуется множественное зондирование сознаний служебного персонала парка, детальной проверки регистрации посетителей на пропускных станциях входа. И, в конце концов, они смогут обнаружить ниточку, ведущую

к малявке-пси, которая вмешалась в их деятельность. Если бы поисками занималась она сама, на это пришлось бы затратить не больше пары недель. Придется рассчитывать, что противнику потребуется примерно такой же срок.

Тэлзи ощутила, что ее новая сигнализация готова включиться. Она протянула руку и включила автопилот, который проведет «Неборез» обратно через горы к теплым южным равнинам парка Мелна, чтобы вскоре парить вместе с другими туристическими аэрокарами. Позже, подумала она, засыпая, придется решить, что делать с этими преступниками-пси. Позже…

Телепатка мягко откинулась в кресле и моментально уснула.

Львиная игра
(повесть)

Глава 1

Тэлзи собиралась заскочить к себе в бунгало, чтобы перекусить перед вечерними занятиями, когда кольцо, которое она носила уже неделю, укололо ее в палец.

Это был вежливый, но настойчивый укол. Достаточно настойчивый, чтобы выдернуть де-

вушку из крепкого сна, если бы она в этот момент спала. Она поморщилась, стащила кольцо, потерла палец, надела обратно, подошла к пульту КомСети и нажала клавишу.

Где-то на территории Пехенронского колледжа несколько других пультов КомСети начали подавать особый сигнал. Какие-то из них сейчас включат, и кто-то станет слушать то, что она скажет. К этому она начала привыкать, и это ее особо не беспокоило.

А сказала она своему учебному компьютеру следующее:

— Это Тэлзи Амбердон. Отменить для меня на сегодня оба урока.

Компьютер подтвердил выполнение запроса. Зимние дожди колотили по метеощитам Пехенрона целый день. Тэлзи обулась, надела плащ и перчатки, укрыла голову шарфом и вышла под навес для машины в задней части бунгало. Несколько минут спустя ее аэрокар вылетел из главных ворот Пехенрона, зажег противотуманные фары и устремился в ревущую грозу.

В темном небе кто-то последует за ней. К этому она тоже уже привыкла.

* * *

Вскоре после того, как девушка покинула колледж, она зашла в общественную кабинку КомСети и набрала номер. На засветившемся экране появилось лицо.

— Привет, Клэйанг, — сказала она. — Получила ваш вызов. Звоню из Беля.

— Знаю, — ответил Клэйанг. Он был руководителем Психологического Сервиса, человеком пожилым, жилистым и спокойным. — Оставь кабину, поверни налево, пройди до угла вниз по улице. Там ждет кар.

— Хорошо, — сказала Тэлзи. — Что-нибудь еще?

— Нет, до тех пор, пока мы не встретимся.

Над Белем непогода буйствовала так же, как и над Пехенроном, а эта часть города не была укрыта метеощитами. Пригнув голову, Тэлзи пробежала по улице до угла. Задняя дверца большого аэрокара, когда она к нему приблизилась, распахнулась. Девушка забралась внутрь. Дверца захлопнулась.

Облака затмили огни Беля под ними, пока она доставала из сумочки гигиенические салфетки, чтобы обтереть лицо. При случае большой аэро-

кар мог выходить в космос, хотя и не был похож на аппараты такого класса. За перегородкой она заметила силуэт водителя. В машине они были одни.

Она направила на водителя легкий мысленный позыв, почувствовала стандартный для работников Пси-Сервиса ментоблок. Ни малейшего намека на отклик или узнавание, значит, пси-оператором он не являлся.

Тэлзи откинулась в кресле. Ее жизнь теперь стала довольно сложным занятием. Она сообщила о том, что пережила в парке Мелна, в отделение Пси-Сервиса, который, помимо всего прочего, улаживал связанные с пси проблемы и делал это обычно тихо, избегая излишне будоражить общественность. Люди из этой службы стали работать с той информацией, что она им сообщила. И пока телепатка ждала результатов, у нее нашлись кое-какие дела, которые надо было решить самостоятельно.

До сих пор ее пси-арсенал казался Тэлзи достаточным. На будущий год она сможет завершить свое юридическое образование, а до той поры намеревалась обождать, прежде чем уделять серьезное внимание психонике, и что с ее помощью можно сделать, или, по крайне мере, что с ней

могла сделать она.

Теперь стало очевидно, что эту затею лучше было бросить сразу! Наполовину развитый пси-талант мог превратиться в чрезвычайно опасный дар, поскольку привлек к себе внимание тех, кто не признавал полумер. Теперь, если она закрывала свой экран как щит, он оставался запертым, не требуя к себе дальнейшего внимания, неважно, чувствовала ли она при этом сонливость, бодрствовала или же крепко спала, до тех пор, пока сама не решала снова его открыть. Но на ошибках учатся — подобная проблема больше не повторится! Однако ей требовался общий насыщенный курс обучения, как поступать по ходу дела с недружелюбными сознаниями со способностями выше средних, буде таковые возникнут на ее пути. Сервис, возможно, и желал обучить неофитку, но совсем не обязательно в том ключе, в котором хотела она. К тому же малявка-пси предпочла бы не становиться слишком обязанной посторонним людям.

У нее был один знакомый пси, независимый, как и она, и он должен был обладать подобным опытом. Ах, если бы только удалось уговорить его поделиться своими умениями. Правда, Сэмс Ларкин был не совсем другом. В сущности, это

был безнравственный, хитрый и скользкий тип, не заслуживающий доверия. Однако дело было в том, что еще он был пси, причем на самом достойном уровне, и обладал мощными ментальными способностями. Тэлзи подняла на него глаза.

— Почему я должен помогать тебе становиться круче, чем ты есть? — спросил Сэмс.

Она объяснила, что операторы Сервиса с недавних пор уделяют ей слишком пристальное внимание. И ей не нравится мысль, что за ней шпионят.

Сэмс хмыкнул. Пси-Сервис он терпеть не мог.

— Затеяла что-нибудь, что им не понравится, так, что ли? — спросил он. — Ладно. Давай поглядим, получится ли у нас приготовить несколько сюрпризов для следующего раза. Хочешь засекать их так, чтобы они не могли засечь тебя, или отправлять по домам, набив им предварительно шишки? Тебе такие штуки нужны?

— Такие, — согласилась Тэлзи. — Конкретно хочу узнать, как можно работать через собственный экран. Я заметила, что у тебя это чертовски здорово получается… И шишки у незваных наблюдателей могут стать в некотором роде постоянными!

Он на секунду словно испугался.

— А не становишься ли ты излишне кровожадной, а? — Он оглядел собеседницу с ног до головы. — Ну, хорошо, давай посмотрим, как много ты сможешь усвоить. Знаешь, за часик или два солидных результатов не добиться. Первым делом, на этих выходных подваливай на ранчо, и пару деньков мы потратим на тренаж. Дом пси-экранирован, на случай, если кто заявится вынюхивать.

— Я буду пай-мальчиком, слово чести! — добавил он. — Это будет деловая встреча… Если смогу тебя неплохо натаскать, то когда-нибудь и ты сможешь оказаться полезной мне. Перед приездом хорошенько выспись. Буду работать над тобой, пока не начнешь изнемогать.

Тренировал он ее действительно безжалостно. Но передышек на ее пути. Сервис, возможно, и желал обучить неофитку, но совсем не обязательно в том ключе, в котором хотела она. К тому же малявка-пси предпочла бы не становиться слишком обязанной посторонним людям.

У нее был один знакомый пси, независимый, как и она, и он должен был обладать подобным опытом. Ах, если бы только удалось уговорить его поделиться своими умениями. Правда, Сэмс Ларкин был не совсем другом. В сущности, это

был безнравственный, хитрый и скользкий тип, не заслуживающий доверия. Однако дело было в том, что еще он был пси, причем на самом достойном уровне, и обладал мощными ментальными способностями. Тэлзи подняла на него глаза.

— Почему я должен помогать тебе становиться круче, чем ты есть? — спросил Сэмс.

Она объяснила, что операторы Сервиса с недавних пор уделяют ей слишком пристальное внимание. И ей не нравится мысль, что за ней шпионят.

Сэмс хмыкнул. Пси-Сервис он терпеть не мог.

— Затеяла что-нибудь, что им не понравится, так, что ли? — спросил он. — Ладно. Давай поглядим, получится ли у нас приготовить несколько сюрпризов для следующего раза. Хочешь засекать их так, чтобы они не могли засечь тебя, или отправлять по домам, набив им предварительно шишки? Тебе такие штуки нужны?

— Такие, — согласилась Тэлзи. — Конкретно хочу узнать, как можно работать через собственный экран. Я заметила, что у тебя это чертовски здорово получается… И шишки у незваных наблюдателей могут стать в некотором роде постоянными!

Он на секунду словно испугался.

— А не становишься ли ты излишне кровожадной, а? — Он оглядел собеседницу с ног до головы. — Ну, хорошо, давай посмотрим, как много ты сможешь усвоить. Знаешь, за часик или два солидных результатов не добиться. Первым делом, на этих выходных подваливай на ранчо, и пару деньков мы потратим на тренаж. Дом пси-экранирован, на случай, если кто заявится вынюхивать.

— Я буду пай-мальчиком, слово чести! — добавил он. — Это будет деловая встреча… Если смогу тебя неплохо натаскать, то когда-нибудь и ты сможешь оказаться полезной мне. Перед приездом хорошенько выспись. Буду работать над тобой, пока не начнешь изнемогать.

Тренировал он ее действительно безжалостно. Но передышек Тэлзи не просила. Ей помогли вызубрить технику, на самостоятельное развитие которой у нее могли уйти месяцы. Оказалось, она может ею сносно владеть. Но затем что-то пошло не так.

В чем точно дело, она не знала. Тэлзи посмотрела на Сэмса.

Телепат улыбался, слегка неприятно.

— Ты под контролем, не так ли?

Тэлзи почувствовала укол подозрения. Потом

подумала.

— Да, — сказала она. — Под контролем, должна быть под контролем! Но…

Она засомневалась.

Сэмс кивнул:

— Ты под контролем уже целых полчаса. Ты бы и не узнала ничего, не позволь я тебе… И ты до сих пор не понимаешь, как я это сделал, а потому ничего не можешь с этим поделать, верно?

Он неожиданно оскалился, и Тэлзи ощутила, как пси-контроль, который она не могла до сих пор уловить, отпустил ее разум.

— На этот раз была всего лишь демонстрация! — провозгласил Сэмс. — Не дай себя снова поймать. Поспи пару часиков, и мы продолжим. Ты прилежная ученица.

Где-то в середине следующего дня он сказал:

— Ты прекрасно справилась! Я сделал для тебя почти все, что мог. Но теперь особый трюк. Не думал, что буду кому-нибудь его показывать, но давай посмотрим, сможешь ли ты справиться. Для этого необходима серьезная координация. Экран плотно сжат, с двух сторон. Ты сканируешь. Если я тебя засеку, долбанет так, что мало не покажется!

Через несколько секунд она сказала:

— Готово.

Сэмс кивнул:

— Отлично! Я не чувствую. Теперь я приоткроюсь, всего на миг. Попытайся это уловить и в тот же момент нанести удар.

— Эй, погоди секунду! — воскликнула Тэлзи. — Предположим, я не попытаюсь, а сделаю это?

— Не волнуйся за мастера. Я блокирую удар. Берегись встречного!

Пять секунд спустя в своем восприятии она уловила, как приоткрылся экран Сэмса. Она ударила. Но, вероятно, испугавшись, в самый последний момент чуть придержала удар.

Чтобы привести Сэмса в чувство, у нее ушел почти час. Покачиваясь, он наконец приподнялся.

— Как ты? — спросила она.

Он потряс головой.

— Неважно. Всего хорошего! Иди домой. Экзамен ты сдала. Мне от души жаль Пси-Сервис.

* * *

Тэлзи знала, что дала Сервису немного материала для работы, но для проведения общего расследования имелось несколько перспективных направлений. Поскольку преступники-пси из парка Мелна, несомненно, поручали Робану

разрабатывать для них пси-машины, то они должны интересоваться пси-аппаратурой в принципе. Они могли, или же не могли, быть связаны с криминальными кругами, с которыми калека-инженер контачил. Если такая связь имелась, то, предположительно, пси контролировали и эти круги. Разумеется, именно они и приспособили способную к телепортации тварь для убийства людей, о которой, судя по всему, не имелось никаких сведений.

Девушка смогла добавить про своих врагов еще одну деталь, возможно, очень важную. То, что они могли принадлежать смутировавшей ветви человечества. Впечатления, полученные от их мыслеформ, похоже, обладали некой характерной чертой, которой малявка-пси прежде никогда не находила в сознаниях людей.

Машина скопировала эти впечатления из ее памяти. Они были проанализированы и сверены с файлами Сервиса. Там действительно имелась отличительная черта, но такая, что о ней не было никаких сведений. Специальные следователи с командами прикрытия начали систематически сканировать всю поверхность Орадо, стараясь уловить ментальные следы, которые могли совпасть с впечатлениями Тэлзи. Одновременно с

этим стали пристально изучаться все предприятия, связанные с пси-технологиями, на предмет признаков телепатического контроля со стороны разнообразных криминальных структур. Результатов это не дало.

Сервис продолжал уделять Орадо, как столице Федерации, основное внимание, но расширил зону расследования и на прочие миры Ядра Звездного Скопления. Гигантская численность населения немедленно породила сложности. Многие считали пси-машины передним краем грядущего, на тысячах миров огромное количество людей пыталось разработать эффективные проекты. В ряды организованной преступности, разумеется, входило не меньшее число людей. Убийства, совершаемые необычными способами, включали в себя ряд сомнительных случаев, в которых основными исполнителями, по-видимому, являлись сородичи выявленного Тэлзи пси-зверя, были отнюдь не редки. На таком фоне осторожные преступники-пси могли оставаться невидимками бесконечно долго.

— Тем не менее, — признался как-то девушке Клэйанг, отвечавший за деятельность Сервиса, — возможно, мы кое-что уловили! Проявляется это *кое-что* не слишком устойчиво, но последо-

вательно. И если все обстоит так, как выглядит по этим признакам, то группировка, с которой ты столкнулась в парке Мелна, не местная и не маленькая. Вернее, ее члены, по-видимому, довольно равномерно распределились по наиболее густо заселенным мирам Федерации.

Малявке-пси это признание не понравилось.

— Что это за проявления?

— Повторяющиеся и всегда жестокие убийства без свидетелей. Их можно легко объяснить твоим псевдобабуином, способным к телепортировке. Убивает как бы зверь, но ведет себя при этом не как дикий зверь. Характерно, что он проявляет сдержанность. Если бы, к примеру, он смог добраться до тебя в парке Мелна, то мог запросто сломать тебе шею, выбросить тело из аэрокара и исчезнуть. Или удушил бы так, словно преступником был человек. М-да. Мы пытаемся установить, была ли между отдельными жертвами связь. Пока, правда, ничего не нашли. Ты остаешься для нас главным ключиком к разгадке.

Это Тэлзи и без подсказки со стороны поняла. Заметных признаков не было, но за ней явно наблюдали очень пристально и тщательно охраняли. Если другое существо, вроде того же Шарика, внезапно материализуется у нее в бун-

гало, пока она одна, то оно будет уничтожено раньше, чем прикоснется к ней. В настоящий момент это обнадеживало. Но проблемы кардинально не решало.

Доказательства, что преступники-пси разыскали виновницу смерти Робана, появились в течение десяти дней. Клэйанг описал это так: возник некий новый тип осведомленности о Тэлзи, о том, что она учится в Пехенрон-колледже, когда она приходит на занятия, когда уходит. Не среди друзей и знакомых Тэлзи, а среди людей, которых она практически не знала, разве что видела случайно, и которые в совокупности неплохо знали, где приблизительно она по большей части бывает и что делает. Потом дело коснулось КомСети. Попыток влезть в ее персональный аппарат не было. Но несколько других аппаратов КомСети срабатывали, как только включался ее персональный, и все разговоры девушки отслеживались.

— В привычном смысле всеми этими осведомленными людьми не управляют, — заметил Клэйанг. — Им было дано всего несколько конкретных инструкций, и подопытные кролики выполняют их, даже не подозревая об этом. Осознанного интереса к тебе ни у кого из них нет.

Как-то иначе их тоже не затрагивали. Сознание у всех широко раскрыто. Вероятно, кто-то их периодически сканирует, собирая информацию. Но на этом никого пока не уличили. Кто бы он ни был, это крайне опытный пси-оператор. Заметь, любопытный контраст — по сравнению с первой и довольно грубо приготовленной для тебя ловушкой.

— Та ловушка почти сработала, — задумчиво отозвалась Тэлзи. — Никто не пытался меня здесь прозондировать, а я ждала этого. Они знают, кто я, и вполне уверены, что именно я избавилась от Шарика. Вы думаете, они подозревают, что я нахожусь под наблюдением операторов Пси-Сервиса?

— Будь на их месте, я бы не упускал такой возможности, — честно ответил Клэйанг. — Они знают, кто ты, но не знают, что ты собой представляешь на самом деле. Возможно, ты — высокоодаренный юный оператор Сервиса. Тут мы, как мне кажется, прикрыты. Но я носом чую западню. Так что придется признать: кто бы ни занимался этим делом, он тоже чувствует засаду.

— И что же произойдет?

Клэйанг пожал плечами:

— Я знаю, что это неприятно, Тэлзи, но это игра на выжидание, пока противник не сделает пер-

вый шаг. Но он может и не сделать его. Может просто уйти в тень.

Она слегка наморщила носик.

— Как раз этого я и боюсь!

— Знаю. Но мы работаем и над другими вариантами. До сих пор противнику удавалось держаться от нас подальше. Но теперь мы о нем знаем и будем ждать, пока он ошибется, так что рано или поздно мы отыщем необходимую ниточку.

Рано или поздно! Это Тэлзи категорически не нравилось! А кому понравится, что ему уготована роль пешки. Отлично защищенной пешки, но ведь от личной жизни под пристальным надзором с двух сторон не останется ничего. Ни Клэйанга, ни Сервис в целом телепатка не винила. Для них это была очередная проблема среди многих прочих, которую приходится решать как всегда в условиях недостатка достаточно опытного персонала, и как всегда пытаясь завербовать всякого пси с любой полезной способностью, выказавшего желание быть завербованным. Тэлзи же была одной из тех, кто этого не желал и не хотел, чтобы ее ограничивали. Жаловаться она не будет.

Но и принять ситуацию как должное она тоже

не могла. Проблему следовало разрешить.

Так или иначе…

Глава 2

— Что ты знаешь о Тинокти? — спросил Клэйанг.

— Тинокти?

Из кара, подобравшего девушку в Беле, Тэлзи провели на небольшой космический крейсер, висевший на орбите поблизости от Орадо. Похоже, кроме нее, Клэйанга и водителя кара, на борту никого не было.

— Я там не бывала и специально этот мир не изучала. — Она задумалась. — Эта планета расположена в девятнадцати часах лета от Орадо. Весьма густо населена. Высокий уровень жизни. Всепланетная замкнутая система порталов, самая сложная в Федерации. Социальное кастовое устройство тоже довольно запутанное. Управляется синдикатом, научным сообществом «Тонги Фон». Власть коррумпирована, но, тем не менее, пользуется широкой поддержкой населения. Как ученые, они, вероятно, лидируют во многих областях знаний. — Девушка пожала плечами. — В основном, это все. Достаточно?

Клэйанг кивнул:

— Пока да. В остальном я тебя просвещу. «Тонги Фон» не испытывает симпатии к Сервису. Ее функционеры усиленно трудятся над разработкой собственной пси-технологии и в этом опережают большинство других, однако продвинулись не слишком далеко. Их подходы слишком консервативны, возникающие по ходу дела парадоксы ставят ученых с Тинокти в тупик. Но они знают уже достаточно, чтобы осознавать пространство возможностей. Поэтому с подозрением относятся к нам.

— Ну, возможно, им есть что скрывать, — заметила Тэлзи.

— Несомненно. Они делают, что могут, чтобы ограничить нашу деятельность. Большинство коммерческих и частных транспортных сетей пси-экранированы в результате тщательно проведенной кампании по нагнетанию страха относительно пси и пси-машин. Институт «Тонги Фон», разумеется, тоже защищен. У самих тонгифонцев ментальные щиты. В общем, Тинокти представляет собой чрезвычайно сложное место для оперативной работы. Поэтому запрос о помощи, поступивший сегодня от «Тонги Фон», оказался для нас настоящим сюрпризом.

— Какой помощи? — спросила Тэлзи.

— Четверо высокопоставленных тонгифонцев, — пояснил Клэйанг, — были найдены мертвыми в запертом и хорошо охраняемом подвальном помещении Института. У всех сломаны шеи и пробиты затылки одним-единственным жесточайшим ударом. На телах обнаружены многочисленные кровоподтеки. Больше никаких существенных повреждений не обнаружено.

Через несколько секунд она спросила:

— Институту удалось что-нибудь выяснить?

— Да. Следователи сперва предположили, что в подвале был тайно установлен временный портал. Но тогда должна была зафиксироваться остаточная энергия перехода, а ее не было. Затем они выяснили, что в момент убийства там находилась жизненная форма неизвестного типа. По расчетным оценкам вес ее тела равен приблизительно четырем центнерам.

Тэлзи кивнула.

— Все верно, должно быть, какой-то из родственничков Шарика!

— Мы можем это допустить. Помещение было пси-защищено. Получается, для преступников это не преграда. Тонгифонцы смертельно напуганы. Политические убийства в Институте не в дико-

винку, но в этом случае потеряли своих ведущих членов все фракции. Никто не чувствует себя в безопасности. В некоторых пределах они теперь желают сотрудничать с Сервисом.

— Так случилось, — добавил он, — что мы уже уделяли Тинокти особое внимание. Планета относится, вероятно, к десятку миров Ядра, где почти идеальные условия для возникновения и функционирования тайной организации пси. Поскольку была проявлена явная заинтересованность в пси-машинах, интенсивные работы Института в этой области должны были стать еще одним фактором выбора. С ментальными щитами или без оных, будет крайне неожиданным обнаружить, что преступники-пси в течение некоторого времени следят за этим проектом. Поэтому Сервис должен заняться Тинокти вплотную. Если сможем вычистить змеиное гнездо, это может оказаться первым шагом к тому, чтобы выловить и всех остальных, где бы они ни прятались.

Пару секунд он испытующе смотрел на Тэлзи. Она ответила на этот взгляд словами:

— Полагаю, вы рассказываете все это мне, поскольку хотите, чтобы именно я отправилась на Тинокти?

Он восхищенно покачал головой:

— Умная девочка! Мы могли бы извлечь из твоей командировки большую пользу. То, что ты чувствительна к такому типу пси-сознаний, дает тебе преимущество перед нашими операторами. А после происшедшего в парке Мелна твой неожиданный интерес к Тинокти мог бы стимулировать определенную реакцию со стороны местной группировки.

— Я должна стать наживкой? — спросила Тэлзи напрямик.

— Отчасти. Наша тактика, разумеется, будет меняться соответственно обстановке.

Она кивнула в знак согласия.

— Ладно, раз уж я наживка, то хочу исполнить свою роль как можно лучше. Каковы будут инструкции?

— Какие могут быть инструкции? — удивился Клэйанг. — Играй свою роль — младшего оператора Сервиса, который упорно придерживается своей легенды студентки, изучающей право. Мы устроим так, чтобы колледж отправил тебя в учебную командировку на Тинокти готовить реферат о юридических аспектах правительственной группы «Тонги Фон».

— Но Институт нужно известить, кто я на самом деле, — сказала Тэлзи.

— Об этом мы позаботимся.

— Хорошо, — согласилась она. — Мне, возможно, придется обработать три или четыре сознания. Когда отправляться?

— Через неделю.

Тэлзи кивнула:

— Тогда нет проблем. Но есть еще кое-что…

— Да?

— Здесь пси вели себя крайне осторожно, чтобы ничем себя не выдать. Зачем было устраивать явную диверсию на Тинокти?

— Сам удивляюсь, — признался Клэйанг. — Возможно, тонгифонцы утаили что-то. Однако пока основная версия основана на том, что пси-зверь не смог в точности следовать указаниям, как действовали в других случаях с менее откровенными результатами. Как тебе показалось, твой Шарик был не слишком разумен?

— Да, у меня было такое ощущение, — ответила Тэлзи. — Но использовать подобное животное в ситуации, когда все может пойти не так, как такое, несомненно, произошло в Институте, тоже представляется не слишком разумным. В особенности, если преступники-пси до сих пор не выяснили, что произошло с их пси-зверем на Орадо.

* * *

Кем же они были?

Тэлзи, не останавливаясь, скармливала запросы информационным центрам. Отчеты о мутировавших ответвлениях пси были нередки, но чтобы найти что-то похожее на настоящие улики, копать нужно было очень глубоко. В конце концов она загрузила всю добытую по крупицам информацию, дополнив ее недавним собственным опытом, в вероятностный компьютер Пехенрон-колледжа. После обработки машина однозначно заявила, что все указывает на потомков легендарных повелителей разумов Налакии, так называемых элегарфов.

Девушка тут же сообщила об этом своему куратору. Клэйанг не удивился: заключение совпало с аналогичными оценками вероятностных компьютеров Сервиса.

— Но это невозможно! — в испуге воскликнула Тэлзи. Из информационных центров она успела почерпнуть множество сведений об элегарфах. — Если записи верны, каждый из них в среднем весил больше четверти тонны. К тому же, они внешне напоминали людоедов из детских страшилок! Разве смог бы кто-нибудь из них

перемещаться по мирам Ядра Звездного Скопления незамеченным?!

На это Клэйанг сказал, что элегарфам не обязательно показываться на глаза, в особенности людям, которые стали бы рассказывать о них. Если элегарфы вернулись в Ядро Звездного Скопления из какого-то другого сектора Галактики, то могли основать базы на свободных некислородных мирах в нескольких часах лета от мест своих операций, не опасаясь быть обнаруженными до тех пор, пока об их присутствии никто не подозревает. Такой возможности опытный работник Пси-Сервиса не исключал.

Просмотрев свои материалы позже, Тэлзи решила, что такая возможность ее практически не колышет. Элегарфы принадлежали к раннему колониальному периоду в истории Ядра Звездного Скопления. Это были телесные гиганты, обладающие пси-разумами, биоконструкты, имевшие, как принято было считать, человеческое происхождение, созданные адептами культа, базирующимся на науке под названием Гризанда, которые покинули Древние Территории и обосновались в крепости на планете Налакия. На гризандском наречии «элегарф» означало «львиный народ». Бытовало устойчивое

предположение, что гризандцы хотели создать грозное управляемое племя, и с его помощью властвовать над остальными народами Налакии и соседних с этой планетой колоний. Но каким-то образом они потеряли власть над своими творениями. Элегарфы обратились против них, и гризандцы погибли, погребенные под руинами своей цитадели. Затем элегарфы принялись за свои собственные завоевания.

Несомненно, они на много лет стали ужасом в той части Вселенной, где жуткие порождения подминали под себя одну колонию за другой. Встреченные ими люди, если не были убиты на месте, порабощались ментально и затем в качестве рабов прислуживали своим хозяевам. В конечном итоге властям Ядра надоело терпеть подобное положение дел. Ими были собраны боевые флоты, и неустрашимость элегарфов оказалась ничем по сравнению с превосходящей огневой мощью и передовыми звездолетными технологиями. Те из элегарфов, которые выжили после решительного сражения близ Крапчатых Миров, бежали на кораблях с экипажами своих рабов, и больше о них не слышали.

В собранных Тэлзи данных имелись солидоснимки некоторых из убитых мутантов, хотя и

немного. Между ее временем и той эпохой пролегли Военные Века Ядра Звездного Скопления, так что большинство записей колониального периода оказались уничтожены или потеряны. Элегарфы на блеклых снимках, даже мертвые, внушали ужас не меньший, чем их репутация. На мирах Ядра проживали различные ветви гигантов, но большинство из них имели вполне человеческий облик. Элегарфы же были словно другим видом. Массивные тела напоминали торсы животных, а широкие безволосые лица вызывали ассоциации с мордами огромных кошек.

Да, но прототипом для этой породы наверняка послужил человек, решила Тэлзи… если только тот, с кем она на миг пересеклась в орадском парке Мелна на пси-уровне, принадлежал к элегарфам. В пойманных ею тогда мыслеформах можно было различить основные узоры человеческой ментальности. Отличия же могли вполне соответствовать дьявольским повелителям чужих разумов на рассматриваемых фотографиях и их краткой, но кровавой роли в истории Ядра. Может быть, Клэйанг и прав.

— Хорошо, только пообещай, — заметила Джессамин Амбердон, когда Тэлзи как-то вечером оповестила родителей по КомСети, что завтра

собирается в исследовательскую поездку на Тинокти, — что вернешься не позже, чем через десять дней.

— Почему? — спросила Тэлзи.

— Чтобы принять участие в празднике, разумеется.

— В каком еще празднике?

— О, Тэлзи! — вздохнула Джессамин. — Ну, разве можно, дорогая, быть такой рассеянной в твоем возрасте! Ты забыла о собственном Дне Рождения? Тебе, моя милая, скоро шестнадцать.

Глава 3

Граждане Тинокти склонялись к мнению, что мегаполисы других федеральных миров — просто примитивные деревни-переростки. Они, вернее, около семидесяти процентов из них, жили и работали в замкнутых системах порталов, именуемых контурами. Для большинства это было достаточно вольготное существование, для остальных — роскошное.

Портал, в практическом смысле, представлял собой две точки пространства, прижатые друг к другу. Это был способ передвижения скачками туда-сюда на ограниченные, но ощутимые

расстояния. Портальные контуры можно было обнаружить на многих мирах Ядра. Но на Тинокти они встречались повсюду. Сильно различаясь по протяженности и сложности, служившие множеству целей, контуры как бы образовывали скелет целой планетарной культуры.

Добравшись рейсовым звездолетом до тамошнего космопорта, Тэлзи прошла регистрацию в огромном коммерческом контуре отеля «Лоррел». Данный контур был выбран для нее, поскольку не был оснащен пси-блокировкой и, в основном, еще потому, что являлся контуром общего пользования. «Лоррел» обслуживал межзвездную торговлю, а силовые схемы пси-блокировки могли создать у перемещаемых людей гнетущее чувство клаустрофобии, будто они наглухо заперты. Для целей Тэлзи псионика, разумеется, стала бы серьезным препятствием.

Во время регистрации ей вручили гостевой ключ. «Лоррел» считался престижным отелем; через его порталы могли пройти лишь те, у кого имелся ключ отеля, или же в сопровождении кого-то, кто таким обладал. Ключи являлись приспособлением лоррельского центрального компьютера и по запросу устно выдавали указания, как и куда пройти, а также прочую

информацию. Врученный Тэлзи ключ имел форму тонкого кольца. Девушка разрешила ключу провести себя в номер, обнаружила, что багаж ее уже опередил, и позвонила в Институт «Тонги Фон». Тинокти жила по времени Института, официально рабочий день должен был начаться еще только спустя три часа. Но у Тэлзи имелся контакт кое с кем, кто знал о ее задании провести юридическое исследование, и ей было сказано, что гид проводит командированную к Институту, как только тот откроется.

Чтобы не терять попусту времени, она решила пройтись по отелю, и попутно дважды обогнула весь Тинокти, уложившись в какой-то час неспешной прогулки, минуя порталы, которые могли вывести на торговые аллеи, в тропические парки и на снежные горные курорты, пока контур то выныривал, то вновь погружался в самые притягательные места на планете. Она уже начала работать на Клэйанга, играя роль пси-оператора, притворявшегося невинной студенткой-дипломницей. У нее был маячок, передававший ее местоположение на корабль, бдительно висевший над планетой. Браслет на левом запястье являлся коммуникатором Сервиса, и Тэлзи поддерживала поверхностный, но

непрерывный мысленный контакт с телепатом этой службы, специализировавшимся по охране таких контактов от обнаружения их другими сознаниями. Вооруженные группы поддержки ненавязчиво маячили перед нею и за ее спиной. Наружка тщательно зондировала мыслепространство планеты множеством способов; сейчас малявка-пси играла роль одного из зондов.

Пока она шла, ее мысли обыскивали каждую секцию контура, а также открытые области, окружавшие его. Никаких осознанных впечатлений намеченной Сервисом жертвы она не улавливала. Но уже дважды за время прогулки ее экран схлопывался вокруг сознания, словно мягкий пузырь внезапно превращался в непробиваемую скорлупу. Автоматические детекторы, более чувствительные, чем сознательные пробы, откликались на мимолетные прикосновения того типа ментальности, о котором они и должны были предупреждать свою хозяйку. Здесь были пси, и, очевидно, вели себя менее осторожно, чем на Орадо после первого своего столкновения с нею.

* * *

Когда она вернулась в главный вестибюль отеля, Гудаст, через которого держался контакт

с операторами Сервиса, мысленно поинтересовался:

— Не хочешь ли прогуляться еще немного?

Тэлзи сверилась с часами.

— А я не опоздаю на встречу с тонгифонцами?

— Ты забыла про контуры? В любом случае мы вернем тебя обратно вовремя.

— Хорошо. Куда я должна идти?

— Мысленные прикосновения, о которых ты сообщала, как о характерных для преступников-пси, — сказал Гудаст, — происходили в тех местах, где коммуникации отеля «Лоррел» проходят по основным городским комплексам. Мы бы хотели, чтобы ты вернулась туда, покинула контур, и посмотрела, сможешь ли ты что-нибудь уловить снаружи.

Тэлзи получила подробные указания маршрута от лоррельского компьютера и снова двинулась в путь. В крупных секциях имелись вспомогательные транспортные средства, но в целом обитатели контура, похоже, предпочитали ходить пешком, поскольку это было полезно для здоровья. Почти все виденное ею движение было пешеходным.

Чуть позже она минула выход и оказалась в одном из упомянутых Гудастом городских ком-

плексов. Ключ-кольцо «Лоррела» сообщил, что передает подопечную в ведение компьютера текущей области и остается к ее услугам, если ей понадобится информация. По указанию Гудаста девушка опустилась на скамью транспортной ленты, позволив ей нести себя вдоль проспекта. Внешне все напоминало здесь какой-нибудь крупный город на Орадо. Различия носили сугубо функциональный характер. Пси-блоки торчали всюду, и пока лента двигалась, на ментальные пробы они ощущались как плавно проплывающие барьеры. Вероятно, меньше одной пятой пространства крупных зданий были локально открыты, все остальные были заняты секциями контуров, связанных с иными точками планеты, различавшихся по объемам от жилых и складских помещений до зон в несколько десятков этажей. Молочное мерцание горизонтальных полос вдоль зданий говорило о том, что многие секции были защищены силовыми полями. Граждане Тинокти высоко ценили свое право на личную жизнь.

Внезапно Тэлзи почувствовала растущее в ней напряжение.

— Защитная реакция! — сообщила она Гудасту.

— Поймал, — шепотом раздалась у нее в ухе

ответная мысль.

— Продолжается, — она облизала губы.

— Не видишь хорошо просматриваемого места, где можно сойти с ленты?

Тэлзи, встав со скамьи, посмотрела вдоль улицы.

— Представь себе, вижу! Большие дисплейные окна впереди. Народу совсем чуть-чуть.

— Похоже, это то, что надо.

Приблизившись к фасаду, она изящно сошла с ленты, прошла вперед и двинулась вдоль сияющих окон, затем остановилась, разглядывая демонтирующуюся рекламу.

— Я на месте, — передала она Гудасту. — Реакция пропала секунду назад.

— Попробуй что-нибудь сделать. Мы начеку.

Она вытянула из-под экрана пси-сенсоры. Извлекла из памяти мысленные отпечатки, которые уловила и запомнила в парке Мелна, смазала их, и на секунду спроецировала наружу, будто они как бы неосторожно выскользнули из охраняемого разума. И принялась ждать.

Пси-экран вновь попробовал сомкнуться плотнее, но она оставила его как есть, преодолев автоматический рефлекс. Нечто стало слабо проявляться в ее восприятии: закрытый щитом

разум, настороженный, заинтересованный и, вероятно, чрезвычайно недоверчивый. И, самое главное, едва различимый.

— Спокойно… спокойно, девочка! — прошептал Гудаст. — Я засек его, мы все чувствуем его. Только прошу, не отталкивай! Дай нам еще пятнадцать секунд… десять…

Пси-блок!

Вот же дьявол, ощущение испарилось.

Непонятно где существо, дотоле его излучавшее, переместилось в пси-защищенную область сего городского комплекса. Возможно, намеренно, решив ментально спрятаться. А, может быть, просто потому, что там, куда оно, привлеченное на секунду трансляцией Тэлзи, направлялось, имелась пси-защита. Ощущение не было настолько мощным, чтобы сказать о существе что-то определенное. Кроме того, что этот разум принадлежал к тому типу, с которым Тэлзи столкнулась на Орадо. И наблюдатели Сервиса уловили на мгновение те особые качества, что запомнила Тэлзи.

Но этого мгновения было недостаточно. Клэйанг привез на Тинокти несколько «пси-компасов» — операторов, которые могли указать местоположение тела-носителя этого неуловимого

интеллекта, если бы у них для определения было еще несколько секунд.

К сожалению, этих секунд им не предоставили, а искомое сознание на контакт повторно выходить не стало. Тэлзи сразу же направилась в то место за пределами лоррельского контура, где ощутила неожиданное предупреждение, и бродила там до тех пор, пока группа Клэйанга выжидала возобновления контакта. Но им не повезло.

Однако все подтверждало версию, что преступники-пси, или, по крайней мере, некоторые из них, пребывали на Тинокти.

Проблема заключалась лишь в том, как выманить их из планетарного лабиринта секций контуров, защищенных силовыми полями и пси-экранами.

* * *

Институтский гид, молодой человек по фамилии фон Хаджагэн, появился точь-в-точь с началом рабочего дня на Тинокти. Без предисловия он поставил Тэлзи в известность, что в «Тонги Фон» носит самое младшее звание. Из того, что фон Хаджагэн пребывал в приподнятом и болтливом настроении, девушка сделала напрашивающий-

ся вывод: младший состав определенно не был уведомлен ни о недавних убийствах в бункере Института, ни об опасениях своего руководства. Как показала проба Тэлзи, разум паренька защищал синтетический ментальный экран.

Контуры отеля «Лоррел» и Института не соединялись порталами напрямую. Тэлзи и ее гид, прежде чем оказаться у входа в контур «Тонги Фон», прошли квартал, оказавшийся жилым городком приличных размеров. У портала ей вручили очередной ключ. Маршрут она запомнила; поскольку в будущем не хотела, чтобы присутствие гида постоянно отвлекало ее от основного задания. Кабинет, к которому привел свою подопечную фон Хаджагэн, принадлежал старшему фону по фамилии Трондберг. Было ясно, что тот находится в курсе происходящего. Он вежливо и в подробностях обсудил Пехенронский проект Тэлзи, однако чувствовалась в нем некая нервная отстраненность. Институту дали понять, что командированная девчушка является специальным агентом Сервиса, а ее исследование необходимо только для отвода глаз.

Поэтому беседа особо не затянулась. Девушке следовало вернуться через четыре часа, когда ее полномочия будут подтверждены официально.

Тогда ей предоставят доступ к закрытым обычно материалам, и она сможет получить любую информацию. Пока события не развернутся в полную силу, внимание Психологического Сервиса будет сосредоточено в большинстве своем на персонале, связанном с проектами по пси-технологии. Руководству тонгифонцев это не нравилось, но выбора не было. Им бы не понравилось еще больше, заподозри старшие фоны, что ментальные экраны отныне превратились в фиговые листки. Сервис жаждал выяснить, кто здесь находится под чужим контролем и каким образом это произошло.

Конечно, можно было ожидать некие формы противодействия со стороны скрытой оппозиции. Но на сей счет была проведена предварительная подготовка, и личная система оповещения об опасности Тэлзи, например, являлась частью этой подготовки.

В лоррельский контур и далее, в свой номер, девушка вернулась одна, если не считать неприметный эскорт Сервиса. Потом пару часов потратила на сон, чтобы адаптироваться к местному времени, а после переоделась по моде Тинокти — в небесно-голубой пиджак военного покроя с поясом и соответствующую юбку — и

запоздало позавтракала в элитном ресторане отеля. Вернувшись в главный вестибюль, она снова отправилась к Институту тем же самым маршрутом, каким фон Хаджагэн провел ее примерно пять часов назад. Миновав серию спусковых шахт, девушка оказалась на живописном перекрестке, где во все стороны стремительно текли транспортные ленты. Затем, воспользовавшись поочередно тремя порталами, она оказалась в южном полушарии, где и находились основные строения Института. Она проталкивалась сквозь переменчивые узоры людских потоков, пока не добралась до девятого, считая от вестибюля отеля, портала. Когда она вышла из него, то замерла, поскольку у нее перехватило дыхание, но, повернувшись на сто восемьдесят градусов, обнаружила перед собой не вход, а гладкую стену. Она снова развернулась и только в этот момент осознала, что постоянный ментальный контакт с Гудастом пропал. Портал завел ее в просторное, длинное помещение с высоким потолком, пустое и безмолвное. С фоном Хаджагэном она подобного здания не проходила. Значит, Тэлзи оказалась здесь вместо того, чтобы выйти в главный пассаж торгового центра.

Она прикоснулась к стене, сквозь которую

шагнула мгновение назад. Литой камень, каким стена и казалась. Все понятно — односторонний портал. В помещении царила специфическая атмосфера полумрака, а в разуме пси — полное безмолвие, говорившее о том, что здание пси-блокировано и что защитные поля расположены очень близко. Глядя на закрытую дверь в дальнем конце, Тэлзи включила браслет-коммуникатор. От Сервиса отзыва не поступало… И от лоррельского кольца, как выяснилось секундой позже, тоже!

Девушка слыхала, что в переплетениях основных систем порталов иногда случалось так, что перемещательные волны временно искажались, и человек оказывался совсем не там, куда собирался попасть. Но в данном случае произошло иное. Сразу за нею следовали люди, некоторые шагали буквально в нескольких метрах за спиной, и среди них находился не отличимый от местных жителей эскорт Сервиса, но никого из них в этот просторный зал, не принадлежавший контуру «Лоррел», почему-то не перекинуло.

Значит, это ловушка, капкан, расставленный специально у нее на пути от номера отеля до Института «Тонги Фон». Как только Тэлзи приблизилась к порталу, некий наблюдатель

задействовал механизмы, которые на одно лишь мгновение, необходимое, чтобы перебросить ее в это помещение, перекодировали выход. Если Сервис по-прежнему отслеживал поисковый маяк, то они сообразят, что произошло, и примутся немедля искать, однако у девушки возникла неприятная уверенность в том, что если ее столь эффективно лишили коммуникативной и пси-связи, то также предусмотрели возможность существования маячкового устройства и позаботились о том, чтобы оно не действовало.

В помещении по-прежнему было тихо. Через полосу окон, бежавшую под самым потолком вдоль стены напротив, виднелись клочки синего неба и зелень деревьев. Окна располагались довольно высоко, чтобы до них можно было дотянуться, но даже ее ли бы она нашла хоть что-то, что можно было подставить и потом на него взобраться, надежды, что через окно можно пролезть, не было. Тэлзи решила провести разведку и осторожно двинулась вперед. Помещение имело форму буквы «Г» и с какого-то момента поворачивало вправо; расстояние до верхней перекладины этого самого «Г» было не больше двух третей длины комнаты.

Она пока ничего не ощущала, однако не была

уверена, что за углом никто не поджидает, пока не дошла до него. Но никто ее не поджидал. Эта часть комнаты была такой же пустой, а в конце находилась вторая закрытая дверь, поменьше.

Она снова повернулась к первой двери и замерла, по коже поползли мурашки. Мысленный экран внезапно превратился в непроницаемый щит. Кто-то вошел в это пси-защищенное строение.

Возможно, не один…

Секундой позже большая дверь открылась. Девушка увидела трех высоких людей.

Глава 4

Не прекращавшаяся реакция детекторов ментального экрана Тэлзи говорила о том, что эти трое и есть тот тип пси, на определение и распознавание которого она себя готовила. Кем бы они ни являлись, в них не было ничего, что напоминало бы о внушительных массивных телах элегарфских повелителей разума, о которых она знала по старинным записям о планете Налакии. Правда, они были почти такие же высокие. Рост самого мелкого из пси, женщины в богатой спаранской накидке с капюшоном, был никак

не меньше двух метров, тем не менее она едва доставала до плеч своих спутников, которые были экипированы в соответствующие мужские спаранские накидки цвета хаки. Нечто вроде покрывал, золотистого у женщины и белых у мужчин, скрывали их лица ниже глаз.

Но, разумеется, эти трое спаранцами не были, поскольку Тэлзи успела заглянуть в их сознания. Спаранцы, вероятно, являлись самым распространенным в Ядре Звездного Скопления родом гигантов, и обладали в основной своей массе самыми начатками пси-способностей. Они не могли создать организацию-пси. Привычное и узнаваемое облачение спаранцев было для троицы просто наиболее удачной формой камуфляжа.

Сердце Тэлзи колотилось, но она радушно улыбнулась.

— Надеюсь, я ничего не успела нарушить! — заявила она им. — Всего минуту назад я находилась в отеле «Лоррел», и не имею ни малейшего понятия, как очутилась здесь! Вы не могли бы подсказать, каким образом я могу вернуться?

Ответила женщина. Причем, безличным голосом.

— Не сомневаюсь, ты прекрасно понимаешь,

что оказалась здесь не случайно. Сейчас мы отведем тебя к людям, которые желают тебя видеть. Теперь стой спокойно, пока я тебя не обыщу.

Она сняла золотые перчатки и приблизилась к. Тэлзи. Девушка стояла, не шевелясь. Мужчины повернули налево к стене, и там внезапно проявилось углубление… а в нем — какие-то детали для портала. Ниша напоминала большой, наполовину заставленный складской стеллаж. Мужчины принялись извлекать из него предметы, пока женщина быстро обыскала Тэлзи. Естественно, коммуникатор и маячок Сервиса исчезли у нее под накидкой. Больше она ничего не изъяла.

— Стой, где стоишь, — сказала она и повернулась, чтобы присоединиться к своим спутникам; а те уже упаковывали выбранные элементы оборудования в два чемодана, которые нашлись на полках в том же стеллаже. Работали они методично, но заметно спешили, время от времени обмениваясь репликами на неизвестном Тэлзи языке. Наконец, чемоданы были захлопнуты, а гиганты сняли свои спаранские чадры и накидки.

За всем этим Тэлзи наблюдала настороженно. На первый взгляд, их лица, решительные, красивые и явно принадлежащие к львиноподобной

расе, потрясали воображение. Но девушка также ясно чувствовала каким-то наитием, что эти свирепые кошачьи налакийские маски скрывают под собой нечто иное, поэтому им обязательно нужно было прикрываться спаранскими лицевыми покрывалами, чтобы не выделяться в толпе.

Их тела были не менее своеобразны. Женщина, которая теперь, как и мужчины, была облачена в короткие штаны, сапоги, рубаху с коротким рукавом и узорный пояс с оружием, выглядела удивительно стройной при ее росте и длине конечностей, однако на руках и ногах, когда она двигалась, перекатывалась, пожалуй, даже слишком развитая мускулатура. Шея казалась мощной круглой колонной, покатые плечи были соответствующе рельефны, как у борца-тяжеловеса, а мощная грудная клетка резко переходила в плоский живот. Незнакомка отличалась от обычного человека так же, как отличаются от своих прототипов животные, выведенные специально ради скорости или бойцовых схваток. Спутники были ей под стать, только, соответственно, крупнее и ещё рельефнее мускулатурой.

Эмоциональное или ментальное излучение их не прослеживалось, видно, их разумы были надежно экранированы. Дверь открылась, и в

помещение вошел четвертый гигант. Одет он был почти так же, как остальные, но одежда его была темно-зеленой и вместо пистолета на поясе висел здоровенный тесак в ножнах. Он взглянул на Тэлзи и сказал что-то на своем языке. Женщина тут же посмотрела на Тэлзи.

Девушка сочла необходимым расставить точки над «i».

— Кто вы? — спросила она у гигантессы.

— Меня зовут Колки Минг. А для дальнейших расспросов, боюсь, времени нет. У нас полно работы. — Она указала на вновь прибывшего: — Теперь за тебя будет отвечать Щарен.

— Мы уходим, — приказал пленнице Щарен.

* * *

Тэлзи со своим стражем оказались в портальном контуре. Как только оба покинули помещение, которое стало для Тэлзи ловушкой, дверьми они больше ни разу не пользовались. Портальные секции, по которым они проходили, были все сплошь маленькими, грязными и чрезвычайно неуютными, контрастируя с роскошью «Лоррела». По-видимому, в этих безоконных интерьерах когда-то жили люди. Освещение и прочее автоматическое оборудование работало

по-прежнему, кругом было полно мебели. Но вся она была неновая, обшарпанная, повсюду царила атмосфера полного запустения. И тем не менее каждую секцию ощутимо покрывала пси-защита.

Порталы не имели никакой маркировки, но Щарен двигался без задержек. Когда оба подходили к стене, та словно расступалась перед ними, и путники оказывались в другом месте. Другом, но не очень-то отличающимся от только что покинутого. После шестого по счету перехода Щарен свернул в какую-то комнату, отпер и раскрыл там дверцу стенного шкафа.

В шкафу был установлен телеэкран. Страж Тэлзи поменял настройку, и на экране появилось ярко освещенное и богато обставленное мебелью пространство, которое вполне могло оказаться вестибюлем какого-нибудь особняка. В поле зрения никого не было. Щарен изучал комнату около минуты, затем выключил экран, закрыл и запер шкаф. Показал жестом Тэлзи уходить. Она послушно последовала за ним.

Они минули еще пару порталов. Последний привел их в ту большую комнату, которая была на телеэкране. Они успели сделать всего несколько шагов по пушистому ковровому покрытию,

как Щарен резко развернулся. Тэлзи заметила у него в руке пистолет. Щарен мягко рухнул на бок. Кто-то с резким воплем приземлился на пол у нее за спиной, и огромная рука схватила девушку за воротник пиджака. Секунду чужое лицо вглядывалось в свою добычу. Затем Тэлзи была отброшена прочь с небрежной жестокостью, и когда девушка отвела взгляд от ковра, на котором оказалась лежащей, через дверной проем в дальнем конце комнаты входили гиганты.

Они двигались стремительно, словно животные. У девушки едва хватило времени, чтобы подняться на ноги, прежде чем они заполнили собой комнату. Один из них поймал было пленницу за руку, сжал ладошку железной хваткой, но вниманием всей группы завладел Щарен. Припадая к земле, гиганты кружили вокруг него, то и дело резко отскакивая назад. А страж Тэлзи, непонятно какой силой сбитый с ног, благополучно очнулся и теперь яростно сражался. Периодически звучали краткие злобные выкрики. Как гейзер, кипели порывы диких эмоций, ударяя градом пси-энергии. Тэлзи бросила взгляд на стену, сквозь которую они со Щареном недавно прошли. Над тем местом, где ненадолго открывался портал, на стене были прикреплены стальные скобы.

Ага, так вот где висел, поджидая, тот, кто напал на Щарена. Выходит, хозяева или постояльцы особняка знали, что он идет этим маршрутом, и устроили засаду.

Пси-шторм постепенно сошел на нет. На девушку теперь взирало более десятка лиц, почти не выражавших эмоций. Одеты местные гиганты были в ту же темно-зеленую одежду, что и Щарен, на поясах вперемешку висели ножи и пистолеты. Большинство принадлежало к тому же типу, что и навязанный ей спутник. Двое из них, более стройные и не такие широкие в кости, определенно были женщинами.

Но еще четверо в этой группе были далеко не такими, как остальные. Они не намного превышали их ростом, но обладали гораздо более массивной комплекцией. Эти четверо безошибочно соответствовали описаниям и изображениям в старинных записях, поскольку относились к расе пси-великанов Налакии, то есть элегарфам.

Один из них пробурчал что-то гиганту пониже, до сих пор державшему Тэлзи за руку. В ее сознании на секунду промелькнул знакомый мысленный узор. Ей показалось, что собравшиеся не вполне представляют себе, как поступить с тем фактом, что девушка оказалась в компании

Щарена.

Тэлзи пристально посмотрела на говорившего элегарфа. Тот задумчиво прищурился. Тут же последовал укол мысленного зонда. Щит отразил его.

На широком лице вспыхнул интерес. Остальные заволновались, потом умолкли.

Итак, теперь они знают, что пленница — пси.

Элегарф сделал еще одну попытку, мощную и жесткую, проверяя ментощит на прочность всерьез. Тот выдержал. Некоторые из гигантов стали скалиться. Он рыкнул, теперь уже раздраженно, и обрушил на щит сокрушительный удар. Тэлзи отбросила удар обратно на него, разбив вдребезги об его мощную защиту. Элегарф удивился несказанно. Раздался просто настоящий рев, в котором не без труда девушка угадала смех. Интеллект ее огромного противника, похоже, по линии пси не отличался от интеллекта существ, к которым принадлежал Щарен. Малявка-пси не ощущала между ними никакой разницы.

Шум резко кончился. Гиганты как по команде повернулись в сторону двери, одновременно потянув руки к кобурам и ножнам. Тэлзи проследила за их взглядами. Девушку обуял ужас.

В каком-то десятке метров от нее стоял зверь,

маленькие красные глазки сосредоточились на ней. Мощный торс с массивной головой и передними лапами… одна из тварей-убийц, способных телепортироваться. Животное не двигалось, но уже одно его появление в комнате было беспредельно зловещим. Даже гиганты не чувствовали себя в своей тарелке в его присутствии.

Зверь исчез.

Одновременно с этим раздался неприятный резкий голос, и еще один огромный элегарф вошел в комнату, за которым, переваливаясь, следовало человекоподобное существо в зеленой униформе. Это произошло за секунду, прежде чем Тэлзи поняла, что новоприбывший — женщина. Физически ее мало что отличало от мужчин ее племени. Но что-то все же отличало, и это что-то было нечто вроде пламени яростной энергии, оживлявшей звериные черты, обрамленные темными космами. Даже сквозь свой щит Тэлзи ощутила мощнейшее мысленное ощупывание, и последовавшее сразу за ним внезапное отступление. Приблизившись, великанша посмотрела на девушку, сказала что-то помощнику-гуманоиду, затем повернулась к Щарену. Поведение остальных говорило о том, что здесь именно она пользуется авторитетом.

Гуманоид в униформе остановился перед Тэлзи, достал какой-то инструмент из кармана, поднес его ко рту и произнес несколько пронзительно высоких предложений, после чего аккуратно убрал устройство. Он посмотрел на гиганта, державшего Тэлзи за руку, и тот, недовольно пробурчав, отошел в сторону. Гуманоид посмотрел на Тэлзи. Тэлзи посмотрела на гуманоида.

Если отбросить то, что он был чуть выше ее ростом, внешность его обнадеживала не больше, чем львиноподобный облик гигантов. Кожа на крупной круглой голове и руках больше всего напоминала бархат цвета спелой сливы. Широко расставленные глаза представляли собой белые кружки с черными нарывами зрачков. Признаков наличия иных органов чувств, ушей или ноздрей, не было. Длинная прямая безгубая линия явно заменяла рот. Разнообразное оружие и менее понятные приспособления крепились к широкому ремню, опоясывавшему достаточно худощавое тело.

Гуманоид тем временем отцепил от своего ремня очередное устройство, и начал водить им из стороны в сторону над ее одеждой как металлоискателем. Девушка поняла, что ее вновь обыскивают, и не стала сопротивляться. Сливо-

лицый был методичен и тщателен. Все, что он находил, недолго осматривал и отправлял себе в карманы. Закончил он тем, что стащил с пальца Тэлзи кольцо-ключ, добавив его к остальным мелочам. Затем вернул устройства для обыска на пояс и заговорил с кем-то, кто находился в данный моменту Тэлзи за спиной. Этот некто обошел девушку и оказался в ее поле зрения.

Ага, еще один инопланетянин. Этот был с нее ростом, носил одежду и ходил прямо на двух ногах. На этом сходство с человеком заканчивалось. Его голова напоминала голову мягкопанцирного зеленого жука, жвалы раздвигались в стороны. Изогнутая цепь желтых кружков поперек верхней части головы, похоже, представляла собой фасеточные глаза. Те конечности, что были на виду и заканчивались тощими руками или узкими, обутыми ступнями, были хрупкими, имели узловатые сочленения и имели тот же оттенок зеленого, что и голова.

Жукоглазое существо не смотрело на девушку, просто стояло рядом. Тэлзи предположила, что его вызвал в комнату по своему коммуникатору сливолицый гуманоид. Тем временем двое гигантов подняли неподвижное тело Щарена и теперь выносили его вон. Великанша проревела

какой-то приказ. Остальные двинулись вслед за ними в сторону выхода. Она проводила подчиненных взглядом, пока те не ушли, затем резко повернулась. Тэлзи испытала прилив тревоги, когда женщина-элегарф произнесла несколько отрывистых слов.

Зеленый инопланетянин тут же мягко обратился к Тэлзи на великолепной межзвездной лингве:

— Вы имеете честь находиться в присутствии Стилтик, Верховной Командующей Элегарфов. Я буду очень тщательно переводить вам ее приказания. И настоятельнейшим образом советую исполнять все, что она скажет, без возражения, недовольства и промедления.

Жвалы при этом совершенно не шевелились, но из передней части похожей на стебель шеи выдвинулась короткая трубка с широким раструбом. Голос шел оттуда. Конец трубки разделялся, складываясь в подвижные губы с мягким синим язычком между ними.

В процесс перевода вмешался резкий голос Стилтик, Верховной Командующей Элегарфов. Зеленый инопланетянин быстро перевел:

— Вы должны открыть свой разум Стилтик. Сделайте это немедленно же!

Но это было последнее, что собиралась сделать Тэлзи, поэтому она неуверенно произнесла:

— Открыть разум? Но я не понимаю, что это значит.

Жуколицый перевел.

Стилтик, упершись взглядом в Тэлзи, прорычала короткий ответ. Зеленое создание, будто бы испытывая боль, сказало:

— Стилтик заявляет, что вы лжете. Прошу вас, только не сердите ее! Она крайне легко приходит в ярость.

Тэлзи сочувственно покачала головой.

— Но это невозможно! Я…

Она осеклась.

На этот раз Стилтик не стала дожидаться перевода. Пси-давление на щит Тэлзи мгновенно возросло, становясь подобно гигантскому кулаку.

Девушка испуганно вдохнула. Притворяться, изображая испуг, не было нужды, она и так была достаточно напугана решительными действиями Стилтик. Но не нападением. Щит пока сдерживал сокрушительную, просто какую-то бешеную атаку пси-машины. Разум живого существа, насколько малявка-пси знала по опыту, не мог высвобождать подобные силы.

За несколько секунд, не слишком долгих, Стилтик, наверное, поняла, что таким образом ничего не сможет добиться.

Давление резко прекратилось.

Гигантесса взглянула на Тэлзи сверху вниз, гневно фыркнула и наклонилась вперед. Ее рот растянулся в полной убийственной злости улыбке, и огромные ручищи с немыслимой скоростью метнулись вперед, схватили Тэлзи и весьма умело принялись за привычную работу.

За одну секунду Тэлзи поняла, когда боль стала невыносимой, что не слышит собственного крика, поскольку горло и легкие оказались словно парализованы. По большей части, она могла бы блокировать боль, но Стилтик в любой момент готова была прийти в смертоносную ярость, и потому сейчас боль была единственным путем к спасению. Боль текла по мышцам огненными потоками, взмывавшими то вверх, то вниз, и смешивающимися друг с другом.

Наконец Стилтик что-то прорычала. Послышались удаляющиеся шаги. А потом накатила тьма.

Глава 5

Она сразу решила, что пробыла без сознания не очень долго, хотя все болело гораздо меньше, чем, по ее мнению, должно было бы. Глаза открывать не стала, поскольку была не одна. Она лежала на боку, чувствуя под собой нечто вроде жесткой койки. Зона была пси-защищена, и, очевидно, здание было большим, поскольку она не чувствовала блокирующих полей поблизости. Защитный механизм предупреждал о присутствии неподалеку одного или более сознаний элегарфов.

Что-то легко прикоснулось к ней в той области, где боль до сих пор была довольно ощутимой. И боль стала пропадать так, словно поглощалась медленной волной прохлады, поползшей во все стороны от места прикосновения. Значит, ее лечат от побоев, нанесенных Стилтик, и, судя по ощущениям, лечат весьма эффективно.

Теперь надо бы определить, кто находится рядом.

Тэлзи отключила механизм тревоги, ослабила щит, и осторожно выбралась наружу. Через минуту или две в ее восприятии появились смутные мысленные конструкции. Лечащими докторами

оказались инопланетяне, не владевшие пси — контакт девушка смогла установить без труда.

Дальше.

А дальше появилось ощущение пси-щита. Кому бы он ни принадлежал, его владелец находился далеко…

Устройство, снимающее боль, отодвинулось, оставив в точке прикосновения едва заметное остаточное чувство дискомфорта. Затем оно прикоснулось к другому источнику боли, возобновив лечение. Перемещение сопровождалось путаницей чужеродных мыслей. Постепенно эти мысли становились вполне внятными, язык наполовину уже был понятен. Заработали ксенотелепатические способности ее мозга.

Экран внезапно сжался. Последовал секундный всплеск мыслей элегарфа.

Пропал.

Но…

Гнев витал над девушкой, изливаясь совершенно открыто. Его испускал разум элегарфа. Злость не имела никакого отношения к Тэлзи. Гигант, похоже, даже не подозревал о ее присутствии.

Ощущение вновь угасло и больше не повторялось.

Тэлзи подождала минуту, затем попробовала

легонько прозондировать пси-щит, к которому прикасалась. Она ничего не ощутила. Надежный плотный щит, и только. Пси-щит, установленный на разум индивида-не-пси? Должно быть, так.

Она оставила свою мысль настороже и ниточку в восприятии. Если щит откроется или ослабнет, малявка-пси об этом мгновенно узнает и сможет вернуться, чтобы взглянуть на этот разум еще раз. Она вернулась к мысленным узорам инопланетян-не-пси. Сейчас уже было ясно, что они принадлежат сознаниям двух существ одного вида.

И это определенно были добрые и доверчивые существа. Тэлзи легко проникла в оба разума. Один принадлежал зеленому жукоглазу, точнее, жукоглазке, переводчице Стилтик, по имени Коуз, поскольку она оказалась женщиной. Сородичи Коуз именовали себя танвенами. Ее товарища звали Сасар, он был мужчиной, врачом. Жуколицые добряки! У них и своих проблем хватало, поскольку светило обоим незавидное будущее. Но в данный момент оба испытывали сочувствие к человеку, с которым плохо обошлась Стилтик, и делали все, что было в их силах, чтобы помочь ей.

Помочь они могли даже больше, чем представ-

ляли себе. Тэлзи направилась в те области их памяти, которые могли предоставить ей общую информацию, и телепатка, не привлекая к себе излишнего внимания, стала ронять наводящие вопросы в их несопротивляющиеся сознания.

Ответы возникали автоматически.

После того, как она лишилась чувств, ее перенес сюда Ешу. Так звали сливолицего гуманоида в униформе. В группе рядовых толантов, под руководством Стилтик, он считался исполнительным шефом. Гигантесса приказала Коуз вызвать Сасара, самого опытного врача из своего окружения, чтобы вылечить человека и поднять его на ноги. Девушка являлась ценной пленницей и, пока Стилтик не пошлет за ней, отвечать за здоровье Тэлзи, хочешь не хочешь, а придется Ешу. Танвены не знали, когда это произойдет. Возможно, совсем скоро, потому что Стилтик допрашивала сейчас другого пленника.

Ешу дожидался в коридоре снаружи комнаты. Значит, это он — обладатель пси-щита, хотя танвены об этом ничего не знают. По-видимому, Стилтик снабдила слугу щитом, чтобы уберечь свои секреты от других пси. Ешу был ее главным ассистентом, частенько выполнял для нее роль пыточных дел мастера и палача. Жестокое и

коварное создание! Танвены боялись его почти столь же сильно, как и Стилтик.

Они не знали, что где-то рядом находится какой-то элегарф. Насколько им было известно, в этой секции контура были только они, Ешу и Тэлзи. Когда-то секция была частью госпиталя, но теперь ею редко пользуются. Значит, озлобленный гигант мог обретаться довольно далеко от них.

* * *

Тэлзи сменила тему расспросов. Элегарфы поработили представителей многих рас, помимо танвенов и толантов. Гиганты, вроде Стилтик, назывались саттарамами и почти все являлись вождями, предводителями или фюрерами, как кому нравится. Менее крупные элегарфы назывались отессанами. Щарен принадлежал к третьей разновидности, называвшейся алатта. Они были похожи на отессанов и частенько маскировались под них, как это сделал Щарен. Алатта были врагами саттарамов и отессанов, и до Коуз и Сасара доходили слухи, что их силы пытаются захватить контур Стилтик.

С этого момента Тэлзи отстранилась от сознаний танвенов, оставив на месте лишь зацепки

у них в памяти. С точки зрения немедленных практических целей полезность Коуз и Сасара была серьезно ограничена. Они были не способны размышлять об элегарфах в сколько-нибудь конкретных подробностях. Когда пси пыталась надавить, их мысли просто размывались. О своих хозяевах несчастные знали лишь то, что было необходимо для выполнения своих обязанностей.

Аналогично они, к сожалению, имели смутную картину и о портальном контуре, занятом элегарфами на Тинокти. Похоже, данная система была протяженной. Знакома им была лишь ограниченная часть этой системы в рамках связки ключей, дозволявшей им по ней ограниченно перемещаться. К тому, что лежит за ее пределами, они любопытства не питали. В особенности, их никогда не занимало расположение выходов из контура во внешний мир. Элегарфы основательно поработали над этим.

Малявка-пси могла бы с легкостью управлять танвенами, только это ничего ей не давало.

Логично было предположить, что под контроль тогда необходимо взять сливолицего. Именно он отвечал за пленницу, а то, что он был помощником Стилтик, превращало его в самого полезного

союзника. Однако пси-щит представлял собой серьезную проблему. Тэлзи думала, что смогла бы прорваться даже сквозь него, будь у нее на это время. Но в любой момент могла появиться Стилтик и обнаружить, чем она занимается. В таком случае гигантесса позаботилась о том, чтобы у девушки больше не оказалось ни единого шанса на подобные фортели.

Так что с Ешу Тэлзи решила немного обождать. Щит мог оказаться гораздо жестче, чем казалось на первый взгляд. Зато рядом, естественно, по ментальным масштабам находился четвертый разум. Разум элегарфа.

* * *

Она много размышляла об этом, и идея не слишком ей нравилась. Редкие впечатления говорили о том, что данный элегарф не заботится о том, чтобы защищать свой разум щитом. Не похоже, чтобы он знал о ком-нибудь из них. Но если заподозрит, что его зондируют, начнет охоту в этой ограниченной пси-защищенной зоне и в конечном итоге выловит того, кто это делает.

Наконец она решила, что должна воспользоваться этим шансом. Пока элегарф поглощен собственными мыслями и распирающим его

гневом.

Исподволь девушка двинулась в сторону сознания элегарфа. И ее тревога сразу поубавилась. Экран присутствовал, но удерживался настолько свободно, словно его не существовало. Мысли перетекали одна в другую за экраном, в беспорядке кружась над трепещущей и скрываемой злостью. Э, да он безумен, поняла Тэлзи. Старый больной элегарф мужского пола глубоко увяз в психическом расстройстве, и бился над проблемами, решения которых не существовало в реальности, время от времени доводя себя до тщетного неистовства.

Тэлзи высвободила его память, немного помедлила…

Стилтик! Она выскользнула из разума элегарфа, отдернула свою мысль-сторожа прочь от щита Ешу. Затем ее собственный щит плотно сжался, не оставив ни малейшей щелочки.

Через мгновение появилась Стилтик. Где-то в этом пси-защищенном строении открылся портал, и она ступила внутрь. Сигнал прикоснулся к щиту Ешу, и щит смягчился. Несколькими секундами позже он вновь затвердел. Ага, значит, толант получил некие указания.

Но Стилтик пока не собиралась уходить. Тэлзи

ощущала ее ищущую мысль. Она могла спрятаться от нее, прекратив всю пси-активность, но это просто подсказало бы гигантессе, что девушка пришла в сознание, грубо говоря, оклемалась после травмы. Девушка позволила разуму испускать обычную струйку пси-энергии и даже разрешила сознанию Стилтик найти ее за щитом.

Что-то прикоснулась к щиту Тэлзи, попробовало его на прочность медленно нарастающим давлением, что ни к чему толковому не привело, и отступило.

Неожиданно жесточайший удар обрушился на девушку с такой силой, что закружилась голова, потом еще один. Такие штуки вряд ли могли посодействовать скорейшему выздоровлению пациента, подумала Тэлзи. Возможно, похожее соображение пришло Стилтик в голову, поскольку та прекратила свои атаки. Когда через минуту или две Тэлзи осторожно просканировала зону, никаких следов присутствия в здании великанши она не нашла.

* * *

У входа в комнату появился Ешу и захотел узнать, сколько еще Сасару понадобится времени, чтобы привести человека в чувство, причем в

достаточно приемлемой форме, чтобы пленница смогла говорить. Тэлзи следила за разговором через сознание Коуз. Жукоглазая переводчица снова вспомнила свою роль. Ешу не понимал языка танвенов, как Сасар не понимал толантского или элегарфского. Хотя добряк-доктор и был встревожен явным нетерпением Ешу, отвечал он довольно смело. Коуз передала ему приказания Стилтик: Сасар должен убедиться, что у пациентки не осталось серьезных травм, прежде чем передать ее Ешу, а он в этом уверен до конца не был. Похоже, пациентка поправляется успешно и быстро, но то, что она остается без сознания, признак недобрый. Ешу несколько раз выругался и вернулся на дежурство в коридор.

Сигнал, для которого щит Ешу расслаблялся, достиг его снова. Ешу об этом не подозревал, но щит ослаб, повинуясь чисто механически. На этот раз мыслезонд Тэлзи проскочил. Девушка тщательно, насколько могла, воспроизвела сигнал Стилтик, хотя не была уверена, что скопировала его в точности. По-видимому, ее имитация оказалась достаточно близка к оригиналу, так что теперь предстояла кое-какая быстрая и нервная работенка! Если Стилтик вернется раньше, чем Тэлзи закончит, вряд ли ей удастся избежать

разоблачения.

Правда, эта часть оказалась легче, чем она ожидала. Мозг Ешу уже был отлично организован для ее целей. Девушка проскочила по давно настроенным телепатическим каналам к хорошо заметным контрольным точкам. К тому моменту, как она просканировала всю систему, уже зная, что поняла ее до мельчайших деталей, большинство толантских понятий начали обретать для малявки-пси осмысленность. Она сразу же остановилась на точке, имевшей наибольшее значение: что должен был сделать с ней Ешу после того, как она очнется и Сасар подтвердит удовлетворительное состояние своей пациентки?

Ответ пришел незамедлительно. Ешу должен будет отвести ее в персональный карцер Стилтик, уведомить об этом хозяйку, и оставаться с Тэлзи до тех пор, пока она не понадобится гигантессе. Карцер представлял собой маленькую опечатанную секцию контура, о которой знали только Стилтик и Ешу. Стилтик была уверена, что человек-пси — улов чрезвычайно полезный. Она не хотела, чтоб об этом узнали ее враги, пока не выжмет всю правду из алатта и не обыщет разум Тэлзи ради информации, которая могла бы

в дальнейшем обернуться для нее политическим преимуществом. Похоже, Стилтик участвовала в борьбе за власть с Борагостом, другим Верховным Командующим в элегарфском контуре.

Щит Ешу стал вновь уплотняться, пока не замкнулся окончательно, хотя тщательное исследование выявило бы оставшийся контакт между ним и малявкой-пси. Тэлзи не хотелось разрывать эту связь. Как она и предполагала, толант мог оказаться полезен, и ей предстояло серьезно над ним поработать, прежде чем его разум окажется готов к использованию, а, значит, пришло время пациентке доктора Сасара официально прийти в сознание и выздороветь. Как только Стилтик сообщат, что пленница благополучно помещена в карцер, гигантесса должна удовлетвориться тем, что оставит Ешу присматривать за Тэлзи.

И на время это станет самым важным.

— Я знаю, ты собираешься сбежать от элегарфов! — неожиданно раздалась у девушки в мозгу шепчущая мысль. — Можно ли и мне сбежать с тобой?

На секунду Тэлзи застыла от потрясения. Это была человеческая мысль. Однако не было ни малейшего, даже сейчас, признака присутствия другого человека. В ответ она спросила:

— Ты где?

— Неподалеку. Мог бы подойти к тебе через минуту.

Вот теперь она кое-что заметила.

— Ты человек? — спросила она.

— Конечно. Меня зовут Фракель Диз.

— Мне кажется, — заметила Тэлзи, — есть нечто, что может являться частью двух танвенских сознаний, с которыми я была в контакте, или, возможно, третий танвенский разум. Но если взглянуть пристально, возникает только ощущение танвенского сознания.

Несколько секунд молчания.

— Обычная камуфляжная проекция, — мысленно отозвался затем Фракель Диз. — Одна из способностей, которые я развил, чтобы выжить в этой пещере демонов.

— Как вы оказались в контуре?

— Я попал в ловушку больше шести лет назад, когда неожиданно появились элегарфы. Но так и не смог найти выхода наружу.

Тэлзи отодвинулась от разума Фракеля и чувствительно ткнула другой разум, разум Ешу, прямым вопросом:

— Хочешь сказать, что не знаешь, где расположены внешние выходы на Тинокти?

— Я приблизительно представляю, где они должны быть. Однако они охраняются крайне бдительно.

Да, думал Ешу, до чего же люди дикие. Совсем немного их сумело спрятаться в контуре в самом начале. Охота на них некоторое время была чем-то вроде спорта. Изредка появлялись признаки, что некоторые до сих пор живы, скрываются в неиспользуемых секциях.

— Что случилось с остальными человеческими существами в контуре? — спросила Тэлзи у Фракеля Диза.

— Большинство было убито почти сразу элегарфами или их рабами. Меня самого, бывало, едва не поймали в те дни. Меня спасли только пси-способности. Позже я изобрел другие способы, чтобы избегать этих созданий. Контур чрезвычайно большой, а эти мерзавцы занимают лишь небольшую его часть.

— Кроме тебя кто-нибудь остался?

— Нет, я последний. Год назад я встретил одного уцелевшего, но его вскоре убили. Элегарфы время от времени приносят пойманных людей, но сбежать никому не удалось. Сегодня из разума раба я узнал, что Стилтик поймала человека-пси. Я сразу стал тебя искать, полагая, что смогу помочь. Но,

похоже, у тебя имеются на сей счет собственные планы. Полагаю, мы могли бы объединиться. Не буду хвастать, но могу быть весьма полезен.

— Что ты знаешь о моих планах? — спросила Тэлзи.

— Ничего конкретно. Твои мысли слишком сильно экранированы. Но я отслеживал ответы, которые ты очень ловко вытягивала из танвенов. Они говорят о том, что ты намерена попробовать сбежать.

— Ладно, — сказала Тэлзи. — Я попытаюсь и в самом деле рвануть отсюда когти. Если хочешь пойти со мной, отлично. Мы сможем помочь друг другу. Но сейчас не путайся под ногами, я буду очень занята. Толант скоро поведет меня в другое место. Сможешь последовать за нами так, чтобы он тебя не видел?

— Меня редко можно увидеть, если я того не хочу. — В его ответе на секунду послышалась задорная нотка. — Я легко смогу проследовать за вами в общей части контура. Для некоторых опечатанных секций у меня тоже найдутся ключи. Но, конечно, не для всех.

— Некоторое время мы пробудем в закрытой зоне, но потом вернемся, — сказала Тэлзи. — А пока кончаем разговор. Я собираюсь очнуться.

* * *

Она стерла памятные зацепки в сознаниях танвенов и старого элегарфа, вздрогнула, лежа на койке, открыла глаза, подняла взгляд на зеленое лицо Коуз, посмотрела на Сасара, который оживился, когда его пациентка зашевелилась.

— Что случилось? — спросила Тэлзи. Она вновь посмотрела на Коуз и моргнула. — А-а, вы переводчица…

— Да, вы правы, — ответила Коуз.

— Что говорит человек? — спросил Сасар на танвенском. — Спроси ее, как она себя чувствует.

Его мысли передавались, оснащенные бессмысленными звуками. Ешу, услышав возбужденные голоса, появился в дверях, взирая на всех сразу.

Коуз передала вопрос, добавив, что Сасар выступил в роли врача, после того, как девушка пострадала в результате вспышки гнева здешней хозяйки.

— Сасар очень хороший доктор, просто замечательный! — сказала Тэлзи, обращаясь к Коуз. — У меня до сих пор немного болит здесь и вот здесь, но это уже ерунда.

Коуз перевела ее слова дважды, сначала Сасару, затем Ешу, который немного понимал межзвезд-

ную лингву, но не настолько хорошо, чтобы обходиться без подсказок.

— Человеческое существо болеет совсем немного! — повторил Ешу. — Оно проснулось и может ходить, значит достаточно здорово. Скажи своему лекарю, что он освобождается от ответственности и может идти, так что уходите оба!

Танвены ушли быстро и тихо. Оказалось, что Тэлзи поперек талии охватывает плетеный металлический пояс с прикрепленным к нему ремешком из аналогичного материала. Другой конец ремешка был пристегнут к стене возле койки. Ешу отстегнул и резко дернул за него, сбросив Тэлзи с койки на пол. В другой руке Ешу появился короткий зеленый жезл. Он направил его конец на Тэлзи, и девушка почувствовала два острых укола, словно ее ужалили насекомые.

— Поднимайся! — приказал Ешу, заодно упражняясь в межзвездной лингве.

Пси встала.

Он запихнул ее руки в петли позади пояса и затянул на запястьях. Затем взял конец ремешка и покинул комнату, ведя пленницу на поводке. Если танвены ушли по коридору направо, то Ешу повернул налево. В конце коридора находилась запертая дверь, но когда они приблизились, он

что-то вынул из кармана и прикоснулся устройством к дверному замку. Дверь распахнулась. Они вышли в продолжение коридора, и дверь захлопнулась за ними. Щелкнул замок.

Неожиданно в сознании Тэлзи возникло тяжелое движение… мысли элегарфа. Старый самец насторожился. Девушка внезапно поняла, что он мог их услышать. Похоже, это была его зона… А Ешу не знал, что здесь есть уже обитатель. На стене прямо перед ними находился плотно занавешенный дверной проем…

Когда они приблизились, занавес откинулся и над путниками навис огромный саттарам. Тэлзи почувствовала, насколько потрясен и испуган Ешу. Затем элегарф выпростал ручищу с той же скоростью, что была уже продемонстрирована Тэлзи гигантессой. Девушка получила скользящий удар в голову сбоку, споткнулась, и упала спиной к стене. Поскольку руки у нее были связаны за спиной, достаточно быстро обрести равновесие и сесть она не могла.

Если честно, то удар был не особенно силен. С точки зрения гиганта, не более чем раздраженный толчок. Но элегарф этим кончать не собирался. Он снял с пояса тяжелый тесак и взирал на Тэлзи с высоты своего роста.

Человек! О, как давно он уже не охотился на подобную дичь. Верхняя губа изогнулась, поднимаясь в оскале.

На Тэлзи накатило скорее смятение, чем страх. Они двигались быстро, но разум этого элегарфа был открыт для нее, и он об этом даже не догадывался. Малявка-пси могла вогнать в его больной разум пси-смерть сквозь хлипкий экран раньше, чем тесак коснется ее кожи.

Но это могло стоить ей слишком многого. Во-первых, Ешу. Он знал, что она пси, и если саттарам погибнет, напав на нее, вряд ли это будет сочтено совпадением. Доверенное лицо Стилтик попытается немедленно передать информацию своей хозяйке. А ведь Тэлзи уже начала развивать определенную степень контроля над Ешу, но еще не была уверена в ее эффективности, поскольку толантское сознание дотоле было ей незнакомо. В любом случае, она не сможет настолько контролировать его разум, чтобы пересилить нежданное сильное побуждение.

Как ни смешно, но положение спас именно он.

Когда Тэлзи упала, Ешу не выпустил ремешка. Он встал как можно дальше и от нее, и от психованного элегарфа, отведя взгляд от обоих, словно полностью отстранялся от этой неприятной

ситуации. Когда он заговорил на элегарфском, казалось, гуманоид обращается не к живому существу, а к стене перед собой.

— Прославленный, уж не хотите ли вы лишить Стилтик законной добычи?

Медленный поток смятения окутал разум старого саттарама. Исполненный ненависти взгляд мгновенно потускнел. Старик развернул громоздкую башку в сторону толанта, секунду смотрел на него, затем развернулся и забрался обратно в проем. Занавес опустился за ним.

Ешу оказался рядом с Тэлзи и рывком поднял пленницу на ноги.

— Иди! Иди! — прошипел он на межзвездной лингве.

Оба безмолвно заспешили вперед по коридору.

Глава 6

Ешу, хотя и повел себя храбро, был потрясен неожиданной встречей — она не переставала занимать все его мысли. Как правило, зеленая униформа слуг Стилтик хорошо охраняла их от дурного обращения со стороны других элегарфов, тем более, если они знали, что он — ее приближенный. Но когда они старели, то замыкались в

себе и становились дикими и непредсказуемыми, как никогда. Тесак вполне мог быть направлен и в его сторону после того, как было покончено с Тэлзи, а воспользоваться оружием было для Ешу почти столь же опасно, как вообще им не воспользоваться. Самооборона не оправдывала убийства или ранения одного из хозяев.

Однако страх предстать перед Стилтик без пленницы был куда сильней. Ешу винил Тэлзи в том, что чуть не оказался из-за нее в затруднительном положении, и в разуме гуманоида медленно, но неотвратимо вскипали мстительные замыслы. Тем не менее он не дал своим мыслям отвлечься от того, чтобы остаток маршрута выбирать с большей, чем прежде, осторожностью.

Тэлзи знала все о досадной злости Ешу, но была слишком занята, чтоб об этом думать. Участвуя в делах Стилтик, сей толант был осведомлен о контуре и о том, что в нем происходило, гораздо лучше танвенов, и сейчас Тэлзи снимала с его разума дополнительную информацию. Четверо алатта, заманившие малявку-пси в контур, действовали под видом отессанов: Щарен и женщина по имени Колки Минг находились под командованием Стилтик, двое других входили в команду Борагоста. Щарен находился в контуре посто-

янно, остальным частенько поручали задания снаружи. Стилтик в течение некоторого времени следила за Щареном, ее шпионская сеть показывала, что иногда он занимался внеслужебной деятельностью в неиспользуемых опечатанных секциях, и подозрительная гигантесса велела свои ученым расставить ловушки. За его тайной встречей с троицей и человеком, которого они привели с собой в контур, наблюдали на экране сканера. Зная теперь, что имеет дело с лазутчиками алатта, Стилтик усилила сеть ловушек. Но пока попались только Щарен и человек. Остальные отступили в опечатанные секции, а поисковый отряд, состоящий из элегарфов и толантов, отправленный, чтобы их там выловить, вернулся с пустыми руками.

Было очевидно, что система порталов обширна и по своей разветвленности почти могла сравняться с лоррельской. Ешу по делам Стилтик довелось увидеть многое в этой сети, но далеко не все, и о внешних выходах на планету и какую из них можно извлечь пользу, он знал не больше танвенов. Каким образом элегарфы смогли завладеть подобным комплексом, убить всех проживающих в нем людей и не вызвать при этом волнений на Тинокти, он тоже не знал.

Ответ на этот вопрос можно было бы вытянуть из слабеющей памяти старого элегарфа, но тратить время на то, чтобы в этом разбираться, девушка не могла.

Ни одной из секций на пути их совместного с Ешу следования элегарфы, похоже, не пользовались. Это напоминало путешествие по районам опустевшего города, вычищенного целой армией мародеров, в некоторых местах сорвавших все переносное оборудование, хотя другие еще оставались под надзором. Там, где обслуживающая механика была по-прежнему полностью исправна, казалось, что прежние обитатели оставили помещения буквально позавчера.

Но кругом царила гнетущая тишина, повсюду чувствовалась пси-защита. Даже там, где дневной свет или сияние звезд заполняли пустые дворы и цветущие сады, непроницаемые энергетические экраны отделяли их от ничего не подозревающего остального мира.

* * *

Карцер Стилтик во многом был организован сходно с чередой секций, которой Щарен провел Тэлзи. Он находился в глубине опечатанной зоны, а связывающие его порталы предательски не

мерцали и оставались едва видны в тот момент, когда Ешу и Тэлзи проходили сквозь них. В итоге толант затолкал девушку в маленькую комнату и запер за ней дверь. Мысленно она оставалась с ним, когда он отошел, чтобы по коммуникатору доложить Стилтик, которая сейчас вполне могла находиться даже на другом полушарии Тинокти.

Вскоре он вернулся. Командующая элегарфов подтвердила, что, возможно, пройдет еще несколько часов, прежде чем она пошлет за ними. Когда Ешу открыл дверь, пленница сидела, прислонившись спиной к стене. Гуманоид прошел к единственной огромной койке, уселся на край и сосредоточил свой белоглазый взгляд на человеке.

Тэлзи посмотрела на него. Смыслом существования Ешу были пытки и убийства. За это она его особо не винила. Толанты считали войну естественным состоянием жизни, и если группа толантов временно оказывалась без соседей, то моментально начиналась монотонная череда кровавых междоусобиц. В таких условиях жестокость, как предохранительный клапан от страха, становилась действенным преимуществом. Служба у элегарфа ничуть не преуменьшала этой склонности в Ешу.

Если бы он сейчас не был нужен, чтобы отвечать за пленника-человека, то помогал бы Стилтик допрашивать Щарена. Однако в этом удовольствии ему отказали. Вдобавок человек чуть не поставил гуманоида в положение, когда он и сам стал бы кандидатом на мучительно пристальное внимание со стороны Стилтик. Стало быть, она ему определенно кое-что задолжала! Позволить по отношению к ней Ешу мог не так уж много, но Стилтик, пожалуй, не станет особо ругаться, устрой он пленнице кое-какие маленькие забавы, чтоб скрасить пустое ожидание.

Исходя из этого соображения, Ешу вполне осознанно вынул зеленое устройство, которым тыкал Тэлзи раньше, и позволил ей на него взглянуть.

Тэлзи вздохнула. Предполагалось, что она должна смертельно испугаться. А после того, как она выкажет достаточно подобострастия под угрозой побоев, должны были последовать жгучие уколы. При необходимости девушка могла бы отсечь большую часть боли и некоторое время мириться с подобным обращением. Ешу не рискнет зайти слишком далеко, чтоб не сделать подопечную недееспособной. Однако, похоже, настало время выяснить, есть ли еще необходимость вообще

мириться с этим подонком.

Для начала она послала серию импульсов в один из управляющих центров, которым она завладела в разуме Ешу. Гуманоид опустил зеленый жезл, нацелив себе в ногу. Палец, послушный чужой воле, надавил на кнопку. Палач-любитель отдернул ногу в сторону и пронзительно взвизгнул. Затем преспокойно убрал жезл в карман.

Все это свидетельствовало о полном контроле. Однако полной уверенности в толанте Тэлзи не чувствовала. И на то были объективные причины. Незащищенным и несопротивляющимся телепатическим разумом другой пси мог овладеть почти за секунды, особенно, если он являлся пси того же вида. Все необходимые каналы были широко открыты. А вот разум нетелепата, даже человека, требовал существенной подготовительной работы. В сознании Ешу, нетелепатическом и нечеловеческом, имелось множество схем, очень близких к аналогичным схемам у человека. Но некоторые сильно отличались. Стилтик оставила здесь своего рода чертеж, которому Тэлзи следовала, но она не знала, правильно ли толкует отдельные подробности этого чертежа.

Она потратила еще минут десять на пробы, прежде чем обрела уверенность. Ешу слушался

превосходно. И причин полагать, что он перестанет слушаться, когда не будет находиться под ее непосредственным контролем, не было.

* * *

Они покинули опечатанную зону вместе и двигались быстро. Едва ли Стилтик отправилась бы искать их вскоре, но для начала Тэлзи хотела оставить между собой и карцером приличное расстояние. Чуть позже она уже оказалась стоящей на узкой галерее над огромным залом и наблюдала за Ешу, шедшим по залу в двух сотнях метрах под ней. Он знал, где достать набор карт контура, не привлекая к себе внимания, и был направлен туда. Надежные карты системы порталов понадобятся среди прочего. Она оставила себе один из пистолетов Ешу, маленький, не требующий слишком большого опыта обращения с ним, чтобы можно было эффективно пользоваться им с близкого расстояния. Она оставила себе также связку ключей, кроме тех, что могли потребоваться ему для текущей задачи.

Мысленно она шла за ним. Ешу знал, что делает, но удивляться, зачем это делает, ему и в голову не пришло. Он просто служил девушке с механической преданностью, не способный действовать

как-то иначе. Когда гуманоид достиг портала, к которому направлялся, и прошел сквозь него, отпечатки его мыслей исчезли. Но здесь, в пределах пси-защитных полей, охватывавших просторный зал и частично здание за Тэлзи, что-то осталось. Мутное ощущение толантского сознания.

Выходит, этот бывалый дикарь Фракель Диз сумел проследовать за ними, как говорил, и постарался держаться неприметно! Вскоре после встречи со старым элегарфом она почувствовала слабое, вкрадчивое зондирование Фракелем ее экранов. Она раздраженно стукнула в ответ пси-импульсом и вызвала у него испуганную реакцию. После этого Фракель воздерживался от того, чтобы себя проявлять. До сих пор девушка не была уверена, что он оставался неподалеку.

Может статься, что он окажется в большей степени проблемой, чем подмогой, подумала она. Как бы там ни было, они должны достичь определенного понимания, если собираются вместе добраться до выходного портала. Вскоре он поймет, что Ешу оставил зону. Тэлзи решила подождать и посмотреть, что Фракель станет делать.

Она устроилась на полу галереи за балюстрадой, откуда могла незаметно наблюдать за порталом,

где через некоторое время должен был появиться Ешу, и начала поднимать информацию, которую выкачала из памяти старого элегарфа и до сих пор не пропустила через свое сознание. Теперь она могла потратить на это некоторое время. Часть своего внимания она оставила на мутной, меняющейся все время, толантской маскировке Фракеля.

Сборная солянка сведений начала приходить в некий порядок, как только она позволила себе осознать ее. Имя старика-элегарфа было Корм. Когда-то его прозвали Суан-Ювином, Верховным Командующим, Испытавшим Позор Бесчестья…

Затем малявка-пси сделала несколько неожиданных открытий.

Элегарфы оказались куда более чем странной девиацией человеческой расы! Персональная продолжительность их жизни была коротка, возможно, слишком коротка, чтобы они могли развить, даже если б очень захотели, и освоить сложные технологии. Однако они искренне считали, что ни умственный, ни физический труд не подобает в равной степени их расе. Они гордились, что повелевают теми, кто обладал продвинутыми знаниями и покорно возлагал эти знания к их стопам.

Тэлзи не могла четко уяснить, как перевести меры времени Корма в федеральные единицы, но, по обычным человеческим меркам, он был не старше средних лет. По понятиям же элегарфов он был очень стар. Данное ограничение было тайной расы, всячески скрываемой от рабов. Ешу и танвены считали саттарамов и отессанов отдельными видами элегарфов. Но первые были просто зрелыми взрослыми, вторые — подростковой формой, которая, очевидно, довольно резко взрослела за короткое время.

Алатта? Падшая раса. Они утратили способность обращаться в саттарамов и работали, как рабы, потому что они отвергали само понятие рабства. Кроме того, алатта являлись врагами, которые могли поставить под угрозу всю элегарфскую кампанию внедрения в человеческую Федерацию.

Тэлзи оторвалась от просмотра мутного содержимого рассерженного сознания Корма.

Уж не мелькнули ли какие-то перемены в тех фальшивых толантских образах, выставленных Фракелем Дизом?.. Да, именно так! Она насторожилась.

— Фракель?

Ответа не последовало. Образы медленно дви-

гались.

— С тем же успехом ты мог бы и ответить, — сказала она ему, — я знаю, что ты там!

Через секунду он угрюмо отозвался.

— Не так давно ты была не очень-то дружелюбна!

Казалось, он находится рядом. Тэлзи обвела взглядом галерею, затем посмотрела на дверь, через которую сюда вошла. За дверью параллельно галерее проходил коридор. Вероятно, Фракель Диз был там.

— Не думаю, — ответила она, — что пытаться залезть ко мне в голову, когда, по-твоему, я была слишком занята, чтобы это заметить, можно счесть проявлением дружбы! Если мы намерены работать вместе, то больше чтоб не было никаких подобных штучек.

Продолжительная пауза. Защитные проекции инопланетных сознаний расплылись, сложились вновь, потом снова расплылись.

— Куда ты отправила толанта? — неожиданно спросил Фракель Диз.

— Он ушел раздобыть кое-что для меня.

— Что именно?

На этот раз Тэлзи не ответила. Похоже, паренек плутует, решила она. По коже побежали мураш-

ки. Что он затеял?

Она с тревогой оглядела галерею сверху донизу. Его там не было. Но…

Девушка задержала дыхание.

Она моргнула, будто перед глазами поплыло.

Вытащив из кармана пистолет Ешу, она повернулась и направила дуло на стену галереи справа от себя.

И там, в десятке метров от нее, внезапно возник громадный паук, быстро перебиравший конечностями. Фракель Диз! Поняв, что обнаружен, он шутливо поднял руки вверх.

— Да, теперь я вижу тебя! — произнесла Тэлзи сквозь зубы, и щеки ее горели от злости. — Мне знаком этот «я-не-здесь»-трюк! И со мной он никогда не сработает, если я подозреваю, что им кто-то пользуется.

Фракель облизался. Он оказался тощим мужчиной, ростом меньше среднего, на вид лет сорока. На нем были коричневые рубаха и брюки с белым узким пояском, обмотанным вокруг талии двумя тугими витками. Выцветшие голубые глаза прятались глубоко в глазницах под густыми всклокоченными бровями и высоким выпуклым лбом. Длинные волосы были зачесаны назад и завязаны на затылке в неопрятную косицу.

Клочковатая борода дополняла и без того неприглядную картинку.

— Не нужно направлять на меня ствол, крошка, — сказал он развязно. Потом улыбнулся, продемонстрировав гнилые зубы. — Боюсь, я просто пытался впечатлить тебя своими способностями. Признаю, это было необдуманное действие.

Тэлзи не стала опускать пистолет. Она была более чем уверена, что ничего необдуманного в скрытном приближении не было. У мужичонки явно была цель, и заключалась она вовсе не в том, что он хотел поразить ее своими способностями.

— Фракель, — произнесла она спокойно, но требовательно, — держи руки на виду и сядь вон там, у балюстрады. Поможешь мне присматривать за залом, пока я буду присматривать за тобой. Хочу, чтобы ты рассказал кое о чем, и лучше не предпринимай до возвращения Ешу ничего такого, что может меня нервировать!

Диз пожал плечами и подчинился. Когда он, к удовлетворению Тэлзи, устроился на полу, девушка положила оружие перед собой. Фракель мог быть полезен, но ему придется побыть под наблюдением, по крайней мере до тех пор, пока она не узнает о нем побольше.

Он, похоже, стремился оправдаться, поэтому отвечал на вопросы сразу и воздерживался от собственных вопросов, как только она сказала ему, что на это нет времени.

* * *

Полученное к этому времени представление об элегарфском контуре скорее пугало. Как оказалось, Психологическому Сервису на Тинокти противостояла огромная и фактически незримая цитадель. Официально контур не существовал, о нем никогда не было ни единой записи в файлах «Тонги Фон». Отдельные секции контура были рассеяны по планете там и сям, и их большая часть хоронилась среди тысяч секций других контуров, снаружи от них совершенно не отличимая. Если случалось, что секцию обнаруживали, и ее силовые экраны преодолевались, что было в заселенных областях делом далеко не простым, она автоматически отрезалась от контура из центральной секции управления, не давая исследователям продвинуться глубже. Самая секция управления располагалась глубоко под землей. Чтобы ее обнаружить, пришлось бы перерыть пол Тинокти.

Кроме того, существовало устройство, свя-

занное с секцией управления и именуемое Вингаррен. Тэлзи обнаружила его визуальные образы среди сведений, вытянутых из разума Корма. Корм знал, для чего использовался Вингаррен, а остальное его не интересовало. Фракель мог добавить не больше. Это было развитием инопланетной технологии, осуществленным рабами-учеными элегарфов. Это было нечто вроде суперпортала с таким минимальным радиусом действия, что это исключало его для использования в рамках планеты. Изначальная цель заключалась в обеспечении межпланетных перемещений без применения звездолетов. Элегарфы воспользовались им, чтобы связать контур на Тинокти с космическими кораблями, базирующимися на периферии здешней планетной системы. Оказаться запертыми в капкане блокады Психологического Сервиса на Тинокти гиганты не собирались.

— Во-первых, как мог возникнуть подобный контур? — спросила Тэлзи.

Фракель обнажил зубы в неприятной ухмылке.

— Спроектировали и построили его тонгифонцы. Кто еще смог бы проделать такую стройку в полной тайне?

— Зачем они это сделали?

Он пожал плечами:

— Прикинь, крошка, ведь здесь было их личное королевство. Кто бы ни оказывался в нем, как я однажды, становился рабом. Побег отсюда невозможен. Наши тонгифонские лорды ни перед кем не отвечали и поступали, как им заблагорассудится. До тех пор, пока не пришли элегарфы. Тогда они сами превратились в рабов и умерли вместе с остальными.

Тэлзи задумалась.

— Тебе доводилось прощупывать сознания элегарфов таким образом, чтобы тебя не уличили? — спросила она.

— Проделал такое однажды, — сказал он, — но уже давненько не пробовал. Я едва не допустил катастрофическую промашку с относительно неопытным отессаном, и решил больше не практиковаться. Элегарфский разум всегда опасен, эти существа подозрительны даже по отношению друг к другу и всегда настороже, чтобы вовремя отреагировать на случай проб и попыток взять их разум под контроль. Вместо этого я поддерживаю информационную сеть неэкранированных рабов. Могу, не рискуя, заполучить практически все, что мне хочется узнать, у одного или другого. Разумеется, — добавил он, — старого Корма мож-

но зондировать относительно спокойно, как ты, я полагаю, уже проделала.

— Да, проделала, — согласилась Тэлзи. — Значит, ты никогда не пытался взять кого-нибудь из них под контроль?

— Это было бы верхом неблагоразумия! — испугался Фракель.

— Возможно, — снова согласилась Тэлзи. — Скажи, по нашим человеческим меркам, Корм совсем не стар, верно?

— Конечно! — Фракель Диз чуть не подскочил от избытка эмоций. — Ему максимум двадцать четыре федеральных года.

— Полагаю, дольше элегарфы не живут? — спросила Тэлзи.

— Не многие доживают даже до такого возраста! За минувшие шесть летя периодически имел удовольствие наблюдать, как мои враги дряхлели на глазах и протягивали ноги один за другим. Стилтик семнадцать, она только-только достигла молочно-восковой спелости и находится на пике своих возможностей. Борагосту уже целых двадцать, поэтому ему не в пример труднее. А Корм доживает последние денечки только как наглядный пример.

Это Тэлзи и сама наблюдала в путаных вос-

поминаниях Корма. Саттарамы, как мужчины, так и женщины, не должны были переживать своего расцвета. Когда они начинали слабеть, их вызывали на поединок более молодые и сильные саттарамы, и тогда более старые умирали, сражаясь. Тех же, кто колебался, отводили посмотреть на Корма. Он слишком долго оттягивал финальный поединок, и, наконец, его заперли, оставив наедине с наступающим маразмом, и состояние его служило наглядным предупреждением остальным, кто рисковал допустить ту же роковую ошибку.

Малявка-пси узнала также, что элегарфы превращаются в зрелых особей из отессанов в возрасте четырнадцати лет. Эта внезапная глубокая метаморфоза тоже оставалась секретом расы. Отессаны, достигавшие соответствующего возраста, покидали контур, а тех, кто возвращался уже саттарамами, рабы не узнавали. А вот к тому, что Тэлзи уже узнала об алатта, Фракель ничего нового добавить не смог. Он знал, что шпионов алатта и раньше ловили в контуре. Те умирали под пытками или в ритуальном поединке с вождями саттарамов. Между этими двумя, явно родственными, видами царила непримиримая вражда.

В отношении местоположения родных территорий элегарфов Диз мог сказать лишь то, что они, по-видимому, располагаются в нескольких месяцах полета от Ядра Звездного Скопления. И старина Корм знал не больше. Космическая навигация была рабским делом, подробности элегарфов не интересовали.

— Они еще не поймали трех алатта, сбежавших от Стилтик? — спросила Тэлзи.

* * *

На этот счет Фракель оказался на высоте. Прежде чем последовать за Тэлзи в больничную зону, он собрал информацию со своих мысленных контактов. На тот момент все трое оставались на свободе и вряд ли их сумеют повязать в ближайшее время. Как выяснилось, все они были опытными техниками по работе с порталами. Они отрезали от общего контура масштабные области, а также нарушали привычную схему порталов и даже заменили часть перемещающих устройств своими. Специалисты, подчиненные Стилтик, пока не могли уладить эту проблему. Вооруженной группе, посланной за троицей в погоню с копией связки ключей, отобранной у Щарена, повезло не больше. Это не обсуждалось,

но Фракель Диз подозревал, что с охоты вернулись далеко не все.

— Стилтик была бы крайне рада заявить, что выловила лазутчиков, — подытожил он. — Это подняло бы ее и без того высокий престиж на недосягаемую высоту.

— Вероятно, Стилтик и Борагост, будучи Суан-Ювинами, Не Испытавшими Горечь Поражения, не слишком ладят между собой? — поинтересовалась Тэлзи.

Он рассмеялся.

— Один из них обязательно прикончит другого! Стилтик не намерена больше ждать, чтобы занять пост главного Суан-Ювина, Победившего Всех, и сейчас в контуре она котируется, как самый опасный боец. Элегарфы почти не делают столь привычных для нас, людей, различий между полами. Лидерские качества Борагоста, похоже, находятся под сомнением. Стилтик же изо дня в день проталкивала идею непрерывного наступления на алатта, чтобы вычистить от них миры Федерации. И собрала вокруг себя множество последователей. Борагост этому препятствовал на том основании, что подобную масштабную операцию осуществить невозможно, не изменив отношения обывателей Федерации к присут-

ствию инопланетян. И здесь Борагост допустил грубый просчет, который, возможно, просто еще не успел обрести последствий. Знаешь, крошка, кто такие дагены? — спросил Фракель под занавес.

— Да. Мыслепсы. Я видела персонального пса Стилтик, когда они меня поймали.

Он неуютно поежился:

— Жуткие твари! К счастью, сейчас их в контуре всего три, потому что немногие элегарфы способны ими управлять. Не так давно Борагост неумело воспользовался дагеном за пределами контура, чтобы совершить убийство.

Тэлзи кивнула.

— Четверо тонгифонцев в подвале Института. Так это было незапланированное убийство?

— Куда там! Из четырех должен был умереть лишь один, причем, совсем не в Институте и уж, конечно, без свидетелей. Но Борагост не смог удостовериться в точном местонахождении жертвы, когда спустил мыслепса, и тварь, разумеется, оказалась там, где находился тонгифонец. Когда она обнаружила его среди прочих, то убила всех. Сторонники Стилтик теперь твердят на каждом углу, что именно это привлекло внимание Психологического Сервиса к Тинокти.

— Что ж, они не так уж далеки от истины, — вынуждена была признать Тэлзи. — Как элегарфы намерены уладить свой просчет?

— Ждать осталось недолго. Стилтик почти наверняка бросит вызов Борагосту. В течение этой недели через Ворота Вингаррен прибыло в контур множество высокопоставленных в Ядре саттарамов, каждый со своим персоналом. Шишки станут решать, может ли Стилтик по Кодексу претендовать на пост Борагоста. Если может, то он обязан будет принять вызов, если нет, просто лишится звания и вернется на родину. Кодекс, которым эти существа связали себя, это не просто железные правила, это единственно допустимый стиль жизни. Для элегарфов это еще и единственный способ избежать массовых кровавых столкновений среди фракций.

Несколько секунд Тэлзи молчала, переваривая услышанное.

— Фракель, — сказала она, — когда мы встретились, ты сказал, что ты единственный выживший в контуре человек.

В его глазах промелькнула подозрительность.

— Это верно.

— Но в этой секции, помимо нас с тобой, уже какое-то время присутствует еще один человече-

ский разум, — сообщила Тэлзи. — Это женщина, которую зовут Нето. Нето Нэйни-Мел.

Глава 7

— Ничего не могу поделать с этим созданием! — молниеносно отреагировал Фракель Диз. — Это опасная и чрезвычайно неуравновешенная особа! Я не рассказывал о ней, потому что боялся, что ты позволишь присоединиться ей к нам.

— Я позволяю ей присоединиться к нам.

Фракель дико замотал головой:

— Категорически не советую! Нето Нэйни-Мел непредсказуема. Я знаю, что она устроила засаду и замочила двух элегарфов. Своей совершенно неуемной ненавистью она подставит нас под удар!

— Как я понимаю, — сказала Тэлзи, — пару лет она провела в контуре в качестве рабыни, пока не сумела сбежать от элегарфов. Полагаю, после такого любой стал бы малость неуравновешенным. У нее для меня что-то есть. Я попросила принести это сюда, на галерею.

Фракель нервно поморщился.

— Нето грозилась пристрелить меня на месте, если увидит меньше чем в двух сотнях метров

от себя!

— Ну, Фракель, дорогой, — принялась улещивать его Тэлзи, — возможно, она, так же как и я, однажды уличила тебя в попытке подкрасться. Но сегодня можешь быть спокоен, никто в тебя стрелять не будет. Чтобы выбраться отсюда, нам понадобится помощь друг друга. Нето это прекрасно понимает.

Спорить дальше Фракель не стал. Вид у него по-прежнему был расстроенный, но большей частью по той причине, что, как выяснилось только что, у Тэлзи с Нето состоялся мысленный разговор, о котором он даже не подозревал.

Человеческому существу, которому удалось столь продолжительное время оставаться в живых, да еще на свободе в контролируемом элегарфами контуре, требовалась скорее немыслимая удача, чем особые качества. Фракель наряду со способностью проецировать свое ложное местонахождение обладал мысленным камуфляжем и ксенотелепатией, позволявшей ему вытягивать информацию из сознаний ничего не подозревавших инопланетян.

Оснащение Нето было совершенно иным. Ее разум не прикрывал себя щитом, но излучаемые им отпечатки могли быть восприняты только

на том уровне пси-чувствительности, которым Фракель Диз не обладал, как, очевидно, не обладали им и элегарфы. Бывшая рабыня изобрела способ физической маскировки почти такой же эффективный, каким обладал Фракель. Другими составляющими удачи служили ей быстрота реакции и врожденная меткость в обращении с оружием, которые она открыла в себе, сбежав от хозяев. С той поры она убила не двух, о которых знал Диз, а четверых элегарфов. Пережитое и в самом деле наложило определенный отпечаток на ее поведение, но совсем не в том смысле, о котором Тэлзи стоило беспокоиться.

Всего несколько минут спустя на галерее неожиданно появилась Нето и двинулась в их сторону. Женщина будто бы принадлежала к расе фоссили, одному из порабощенных народов в контуре. Стройное человекообразное тело было упаковано в желтый цельнокроеный комбинезон, оставлявший открытым только лицо — маску из ярких черных и желтых линий. Только когда Нето подошла на почти приемлемое для разговора расстояние, под столь изощренным макияжем стали проступать человеческие черты.

Это и была маскировка, которую Нето изобрела. Механики-фоссили с их ящичком с инструмен-

тами, висевшим за плечами на манер рюкзачка, были заняты на работах по всему контуру и в случае неожиданной встречи с «львиным народом» не привлекали к себе внимания. Более того, их видовой и, надо прямо отметить, пряный запах был глубоко оскорбителен для аристократических ноздрей элегарфов. Поэтому фоссильские комбинезоны химически пропитывались, чтобы перебить аромат их тела. В итоге пряный, но вполне терпимый аромат с тем же успехом перебивал человеческий запах. Еще одна желтая сумка для инструментов свисала на лямках из левой руки Нето. В ней был упакован костюм фоссили для Тэлзи, а заодно оба красителя для лица: черный и желтый.

* * *

Вскоре после этого вернулся Ешу. Как только он появился внизу в портале большого зала, Тэлзи прикоснулась к его разуму и узнала, что ее поручение выполнено. Набор схематичных карт контура был спрятан под кителем его униформы. Заметить себя он не дал.

Гуманоид присоединился к ним на галерее, слепо смирившись с присутствием диких людей и тем, что все трое замаскировались под механи-

ков-фоссили. Тэлзи глянула на Фракеля Диза.

Фракель мог оказаться ценным союзником.

Мог.

Но кем он еще мог оказаться — на этот счет определенности у девушки не было. Нето подозревала в нем убийцу, считая, что это он покончил с другими выжившими людьми у контура. Доказательств тому не было, но Тэлзи не спускала с него глаз с того момента, как поймала по-паучьи подкрадывающимся к ней по галерее. К тому же, сквозь его маскировку механика-фоссили периодически выскальзывали обрывки человеческих мыслей. Разобрать их четко девушка не могла, но в такие моменты испытывала серьезное беспокойство.

— Фракель, — сказала она, — прежде чем мы приступим к делу, я хочу предоставить тебе выбор.

— Выбор? — нахмурился он.

— Да. Я хотела бы, чтобы ты сбросил маскировку фоссили и на минутку открыл свой экран, чтобы я смогла увидеть, о чем ты думаешь. Так будет для нас спокойнее.

Фракель замотал головой:

— Не понимаю.

Нето хохотнула.

— О, ты прекрасно все понимаешь, — сказала Тэлзи. — Ты захотел пойти вместе со мной, когда я попытаюсь выбраться из контура, и ты идешь со мной. Но мы начали сотрудничать, не слишком доверяя друг другу, я и теперь не чувствую, что могу тебе доверять. Хочешь доказать, что тебе можно доверять? Тогда позволь мне заглянуть в твой разум. Я увижу только самые поверхностные вещи. Очень хочу знать, почему ты решил связаться со мной, и это все.

Маленькие глазки Фракеля блеснули сердито. Но голос был ровным:

— Что будет, если я откажусь?

— Тогда Ешу заберет твое оружие и связку ключей.

Казалось, Фракель потрясен такой перспективой.

— Но это абсолютно нечестно! Если мы случайно разделимся, я окажусь запертым в секции, где это произойдет. Я буду совершенно беспомощен!

— Ну, тогда тебе придется постараться, чтобы мы не разделились, — резонно ответила Тэлзи. — Не думаю, что нам следует поступать так сейчас. Итак, что ты решил?

Фракель угрюмо мотнул головой в сторону Нето.

— А как насчет этой милашки?

— Во мне она не сомневается, — сказала Нето. — Ну, вот ни капельки, хоть малипусенькой! Почему? Да потому что она уже просканировала мое сознание вдоль и поперек, туда-сюда и обратно!

Она рассмеялась.

Ешу, обратив свои круглые белые глаза на Фракеля, снял с пояса пистолет, и Фракель затараторил:

— Пусть тогда все будет у толанта! В любом случае, я редко пользуюсь оружием. Насилия я не признаю.

Ешу стал обследовать его своими поисковыми устройствами. Тэлзи и Нето с интересом наблюдали за процедурой.

Тэлзи и впрямь не сомневалась в Нето. К моменту, когда они встретились, бывшая рабыня уже оставила надежды сбежать из контура. Два последних года она жила благодаря тщательному планированию и постоянной бдительности. Она мстительным, отчаянным призраком скользила в пограничных областях, которые открывала добытыми ею портальными ключами, остерегаясь немногих выживших людей, элегарфов и их инопланетных слуг. Иногда наступали периоды,

когда она переставала верить, что за контуром продолжает жить своей жизнью нормальный мир и, казалось, уже не могла вспомнить, чем занималась до встречи со «львиным народом». В другие моменты она понимала, что с ней происходит, и знала, что конец может быть только один.

Затем, когда в очередной раз убийца-невидимка шел по ее следу, она случайно коснулась нового сознания и испытала нечто вроде благоговения. Ибо нашла защитника, точнее, защитницу, и отдалась ей добровольно и полностью. Пусть эта другая пси решает, что должно произойти, и пусть возьмет все на себя.

Напряжение, свойственное бывшей рабыне все последние годы, растворилось в слепой вере. Тэлзи это понимала и приняла.

— Две проблемы, — скоро заметила Тэлзи. — Во-первых, на схемах нет выхода на Тинокти, и, похоже, все вместе полной карты они не составляют. Во-вторых, имеющиеся у нас ключи не позволят нам подобраться чуть ли не к четверти зон, в которых предположительно имеется нужный нам выход. Мы можем находиться в одном портале от выхода, знать, что он там, и все равно не иметь возможности добраться до него.

— Не вижу, чем тут можно помочь, — кисло

заметил Фракель. — Множество секций имеет особое или секретное применение, и только предводители элегарфов обладают доступом к ним. Это может относиться и к секциям, где находятся выходы на планету. К тому же известно, что лазутчики алатта изменили схемы порталов огромных комплексов. Я начинаю подозревать, что шансов покинуть контур у нас и теперь не стало больше, чем раньше!

На миг он бросил выразительный взгляд на Нето.

— Во-первых, попробуем для начала решить вторую проблему, — предложила Тэлзи. — Ешу знает, где взять куда более полный набор ключей от порталов. Но ему необходимо помочь.

— И где это место? — подозрительно спросил Фракель. — Насколько я знаю, только у Суан-Ювина имеются универсальные ключи.

— Ешу тоже так считает. Ключи хранятся в сейфе в одном из кабинетов Стилтик. Он может открыть сейф.

Фракель покачал головой:

— Нет, это невозможно. Настоящее самоубийство! Штаб-квартиры Суан-Ювинов тщательно охраняются на случай каких-либо провокаций со стороны политических врагов. Даже если мы

проберемся в логово Стилтик, нам никогда не выбраться оттуда живыми!

— Может быть, запрем где-нибудь это ничтожество? — устало спросила у Тэлзи Нето. — Потом его заберем, если тебе захочется взять его с собой.

На том возражения Фракеля и закончились. На самом деле ничего невозможного в намечаемой вылазке не было. Стилтик регулярно использовала Ешу для особых поручений, которые предпочитала не доверять даже своим ближайшим последователям. Существовал портал, никак не помеченный и не охраняемый, ключи от которого имелись только у нее и толанта. И если беглецы будут осторожны, то легко смогут попасть в помещение штаб-квартиры.

Вскоре они там и очутились, в маленькой комнате за запертой дверью. Ключи от этой двери опять же были только у Стилтик и Ешу. Если только Стилтик не взбредет в голову заявиться, пока они там, обнаружить их никто не сможет.

* * *

Пока ее спутники оставались под покровом маскировки, Тэлзи просканировала окружающее пространство. На это уходило время, поскольку

она делала это крайне осторожно, очень тонко прикасаясь к сознаниям то тут, то там. Деталей постепенно становилось все больше и больше. Наконец она решила, что собрала достаточно полную картину.

Неподалеку обнаружились сознания элегарфов. Десятка два, не меньше. Никаких следов присутствия Стилтик. Похоже, Суан-Ювин находилась в комплексе для дознания с захваченным алатта, поскольку эта зона была псионно защищена. Также чувствовались два толантских разума и два инопланетных сознания незнакомого Тэлзи типа. Рабы были не в счет, а единственными элегарфами в центральном офисе были две скучающие отессанки, которые приглядывали за персоналом. Они могли заметить, как Ешу входит в кабинет Стилтик, но ничего необычного в этом не было. Вряд ли они могли знать, что гуманоид должен был находиться в другом месте.

Среди прочих сознаний лишь одно-единственное могло иметь огромное значение. Сознание дагена Стилтик.

То, что девушка основательно потрудилась над улучшением своих пси-навыков, как самостоятельно, так и под руководством Сэмса. Ларкина, поменяло все, решила Тэлзи. Когда ее пресле-

довал псевдобабуин, которого она обозвала Шариком, малявка-пси была почти беспомощна и чувствовала это. С пси-тварями и теперь лучше соблюдать предельную осторожность, но, по крайней мере, беспомощной она больше себя не ощущала. Экран скрывал от дагенов излучения ее разума, но она научилась действовать и сквозь экран, причем зондаж проводила нежно и чутко.

Мысленный щуп протянулся к разуму дагена — одно только прикосновение.

Никакой реакции.

Тогда Тэлзи начала осторожно выяснять детали.

Существо находилось в помещении, из которого не было физического выхода. Да он ему, естественно, и не был нужен. По команде Стилтик пси-монстр мог перемещаться куда угодно.

Без мысленных приказов хозяина зверь был практически беспомощен. Стилтик держала его под мощным и жестким контролем. В подобных условиях человеческий разум был бы попросту парализован. Но примитивная психика дагена парализованной быть не могла. Пси-монстр просто не мог действовать никак, кроме как с разрешения хозяина.

Особенно разумным зверь не был, но он знал,

кто держит его на цепи.

Тэлзи исследовала управляющие точки до тех пор, пока не уверилась в том, что разобралась с ними до конца. Затем девушка отправила Ешу в кабинет Стилтик за универсальными ключами. Мысленно она следовала вместе с ним, оставаясь настороже, буде возникнут проблемы. Через пять минут Ешу вернулся с ключами, по дороге ему никто не встретился. Да, его видели, но внимания не обратили. В помещении штаб-квартиры, похоже, ничто не изменилось.

Дружная четверка покинула зону через секретный портал, и Ешу передал Тэлзи ключ от него.

— Ждите здесь! Когда я выйду, мы вернемся той же дорогой, какой пришли. И первые несколько секций преодолеем бегом.

— Что ты де… — взволнованно зашептал Фракель, но девушка уже шагнула обратно в портал и оказалась в комнате. Ее сознание осторожно вернулось к разуму дагена. Мыслепес наполовину спал, наполовину бодрствовал.

Пси-энергия внезапно ворвалась в его мозг по направляющим каналам Стилтик. Настолько внезапно, что даген проснулся. Тэлзи выскочила из комнаты через портал:

— Побежали!

* * *

Улов Ешу — увесистая связка ключей к порталам — оказался в высшей степени удовлетворительным. Добрая часть ключей принадлежала Щарену. Естественно, до того, как его поймали. Они могли открыть Тэлзи прямой доступ в большую часть важнейших секций контура. Предусмотрительный Ешу сделал себе дубликат. Это нужно было для того, чтобы Фракель Диз, держась рядом с Ешу, мог пройти через любой портал вместе с толантом. А Нето точно также должна была стать тенью Тэлзи.

— И что теперь? — спросил Фракель.

— Теперь мы держим путь в больничную зону, где танвены поставили меня на ноги, — ответила Тэлзи. — Нам по-прежнему необходим проводник.

Глава 8

В зале управления третьим планетарным выходом было тихо. Тэлзи стояла у приборной панели, вглядываясь в телеэкран. Фракель Диз сидел на полу, прислонившись спиной к стене, оставаясь в

зоне ее внимания. За спиной у девушки, у двери, навзничь лежал гигант-саттарам. Ему никакое внимание уже не требовалось — в открытых глазах застыло непонимание.

В комнате ниже этажом ждали за запертой дверью Нето и Корм, бывший когда-то Суан-Ювином. Время от времени Тэлзи приходилось направлять туда свое пси-внимание, большей частью для того, чтобы убедиться, что Корм удерживает свой ментальный щит. Уже очень давно он этого не делал. Однако кажется, сейчас был готов действовать. А Нето к действиям была, как всегда, абсолютно готова.

Телеэкран демонстрировал зону выхода из контура по другую сторону от запертой двери. Портал, выходивший на Тинокти, находился в сотне метров в экранированной сводчатой нише массивного квадратного сооружения напротив. Такое расположение было предосторожностью элегарфов на случай попытки проникновения в этом месте алатта. Управление экраном и самим порталом располагалось на приборной панели, и Тэлзи была готова их задействовать. Также она была готова открыть дверь перед Нетто и Кормом.

Сделать это сейчас она не могла. С десяток эле-

гарфов маячило возле сооружения, в котором находился выход. Все сразу они никогда не оказывались на виду, поэтому в точном количестве противника Тэлзи сомневалась. Большинство было отессанами, но среди них затесались, по меньшей мере, три саттарама. Формально они несли караул. По случайным всплескам мыслей Тэлзи узнала, что несение караула было, в основном, дисциплинарной мерой. Все присутствующие являлись членами приезжих групп, вляпавшимися в контуре, в той или иной степени, в дерьмо. Их отношение к наложенной на каждого из них повинности излишней серьезностью не отличалось, но все были при оружии. И половина могла появиться на виду перед зданием в любой момент. Но сейчас там находились четверо.

Четверо — все равно слишком много. Сейчас здорово пригодился бы Ешу, но гуманоид пал смертью храбрых, частично искупив свою палаческую вину. Корм вел сводный отряд из трех людей и одного гуманоида по напоминавшей гигантскую оранжерею секции, которая, казалось, никогда не кончится, как вдруг заметил приближавшийся патруль Борагоста. Столкновения было не избежать. И, надо отметить, отряд

с боевым крещением справился неплохо. Тэлзи и Фракель в драке не участвовали, да этого и не нужно было. Патруль — саттарам, отессан и шестеро толантов — угодил прямо в засаду, устроенную в густых зарослях, и был разбит буквально в считанные секунды. Корм тут же на месте переоделся в форму саттарама — черное с серебром — что в качестве прикрытия могло сослужить старику Суан-Ювину добрую службу. Все бы хорошо, да только отессан перед смертью успел перерезать тесаком горло Ешу.

Тэлзи бросила мимолетный взгляд на Фракеля Диза. Тот, в свою очередь, наблюдал за ней.

Бесстрастно.

Как только отряд завладел залом управления и оценил ситуацию в зоне выхода, она ему сказала:

— Как ты понимаешь, мы можем протащить только Нето. Нам с тобой придется убраться отсюда, чтобы сделать кое-что еще.

Сопровождать их Корм не будет, это было ясно всем, кроме самого Корма.

Фракель не стал спорить, и Тэлзи не удивилась этому. По дороге она изучала его, равно как и Корма, пытаясь вытянуть, пока было время, как можно больше информации из их разумов.

Теперь ей представлялось, что на самом деле Фракель Диз не собирался покидать контур. Мотивы, по каким он связался с ней, оставались неясны. Сейчас он больше всего хотел заполучить одну из двух универсальных связок портальных ключей: поскольку девушка забрала дубликат Ешу, когда тот был убит.

Когда Корм и Нето заняли свои позиции на нижнем уровне, и Тэлзи с Фракелем остались одни в зале управления, он упомянул об этом как бы с практичной точки зрения.

— Фракель, — ответила она, — ты нужен мне, как проводник. Дальше я собираюсь отправиться в одно место и оно, похоже, расположено не слишком далеко от этой части контура. Я могла бы найти его самостоятельно, по картам, но с тобой будет быстрее. Мы и так потратили слишком много времени. Я хочу оказаться там раньше, чем на меня начнется охота.

Фракель усиленно заморгал.

— А зачем тебе это место?

— Алатта перенесли меня в контур через некий портал, — ответила Тэлзи. — Он до сих пор может находиться в рабочем состоянии. Если это так, ты сможешь вернуться на Тинокти, если захочешь. Или можешь забрать одну унисвязку, если только

дашь мне заглянуть в свой разум. Данное условие остается в силе. Там, в портале, мы сможем разделиться. Но не сейчас.

Фракель с интересом разглядывал спутницу.

— У меня странное ощущение, — заметил он чуть погодя, — что уже задолго до того, как мы оказались здесь, ты для себя решила, что не воспользуешься выходом, чтобы покинуть контур. Однако твои упражнения по управлению Кормом и Нето говорят о таком уровне, что ты способна устроить выход в любой момент. Любопытно, какие мотивы тобой движут?

— Значит, мы квиты, — улыбнулась девушка. — Потому что мне интересно, какие мотивы движут тобой?

Но улыбка была всего лишь мимикрией — заявление Диза испугало девушку. Итак, он тоже ее изучал. Она пыталась сохранять осторожность, но напряжение было сильным и кое-какие мысли выпорхнули из-под щита. Неизвестно, много ли ему удалось выведать.

Но Фракель угодил в самое яблочко — покинуть контур Тэлзи пока не могла себе позволить. В сложившейся ситуации скрывались возможности, о которых никто в Пси-Сервисе и подозревать не мог, а собранная ею информация была все

еще недостаточно определенна. Ошибочный или неполный рапорт способен нанести вреда больше, чем отсутствие рапорта. Ей просто не доставало уверенности. Через Нето она могла устроить так, что в Сервисе, по крайней мере, узнают все, до чего малявка-пси на данный момент успела дойти в своих догадках. Именно поэтому нужно вывести Нето здесь из контура целой и невредимой. Если, конечно, это возможно.

Но Нето не должна информировать резидентов Пси-Сервиса тотчас же. Внешний выход на планету вел на старую заброшенную фонскую виллу. Бывшая рабыня найдет там деньги и аэрокар. Избавившись от маскировки под фоссили, она двинется дальше и на следующие две недели заляжет на дно в одном из ближайших захолустных городков. Если Тэлзи не объявится к этому времени, только тогда Нето свяжется с Психологическим Сервисом.

Неожиданно Тэлзи наклонилась над пультом, и ее пальцы заскользили по клавишам. Фракель закопошился в своем углу.

— Оставайся, где сидишь! — скомандовала она, не отрывая взгляда от экрана. Пистолет Ешу лежал на панели. Теперь за Фракелем не могли присмотреть ни Ешу, ни Нето, а этот странный

человек требовал к себе постоянного внимания.

Она мысленно подтолкнула Нето и Корма. Внимание! Нето отозвалась. Корм — нет. Сознанием старик-элегарф не ощутил толчка, но все равно понял, что все вот-вот начнется. Он жаждал этого. Тэлзи потратила сорок минут на его обработку, прежде чем он вывел отряд из больничной зоны. Работа была шита белыми нитками, но должна была продержаться столько, сколько необходимо. Страхи, сомнения и нерешительность Корма были надежно заблокированы. В своем сознании он оставался гордым Суан-Ювином нескольких минувших лет. Ему нанесли обиду, и яростная жажда мести кипела у самой границы разума, готовая вырваться на свободу. Элегарф был вооружен огромным кинжалом и двумя пистолетами.

Пара отессанов, что виднелась на экране, по-прежнему сторожила экранированную нишу с порталом. Другая пара перешла к углу сооружения, и появившийся там саттарам о чем-то заговорил с ними. Палец Тэлзи покоился на выключателе, отпиравшем дверь. Вторая пара отессанов двинулись дальше, куда-то за границу обзора телекамеры. Когда они исчезли, Тэлзи открыла дверь в комнате под собой и услышала шепот подтверждения от Нето.

Теперь предстояло плотно держать щит Корма… Очень плотно…

И вот в поле зрения в самом низу экрана появился фальшивый механик-фоссили. Он проворно шагал вслед за Кормом, который направлялся к отессанам. Корм был огромен даже для саттарамов. Он был экипирован в форму старшего офицера из команды Борагоста, а постаревшее лицо наполовину скрывала черная ранговая маркировка, говорившая, что это — один из временных заместителей командующего. Парочка сторожей могла лишь удивиться, что за особое поручение привело столь важную персону сюда, и не более того.

Корм сблизился с противником. Неожиданно его кинжал глубоко погрузился в грудь ближайшего отессана.

Надо отдать должное его напарнику — реакция у того оказалась молниеносной. Он отпрыгнул вбок и назад, с мгновенно выхваченным пистолетом в руке. Этого свалил меткий выстрел Нето, державшей свой ствол, по традиции, наготове. Она юркнула мимо Корма, как только щит над нишей поднялся и под ним замерцал проснувшийся выходной портал.

Вперед, в нишу, сквозь портал — Нето исчезла!

Экран опустился, закрывая нишу.

Пистолеты и ярость Корма вырвались на оперативный простор одновременно. Отворачиваясь от экрана, Тэлзи краем глаза заметила силуэты элегарфов, появившиеся из-за угла здания, и то, как несколько из них зашатались и упали на мостовую. Корм изрыгал рев, празднуя триумф. Долго бы саттарам, конечно же, не продержался против превосходящих сил, но она снова заперла дверь нижнего этажа, предварительно загнав туда элегарфа.

* * *

По дороге к особняку, где поймали ее и Щарена, девушку замечали дважды, но никто не обратил внимания, поскольку деловитый фоссили явно спешил по своим делам. И, разумеется, никто не увидел Фракеля Диза. На третий раз к ним приближалась целая бригада механиков-фоссили, предводительствуемая парой отессанов, и имитанты поспешили скрыться. Некоторое время им пришлось прятаться, пока механики занимались монтажными работами совсем недалеко от их укрытия. Тэлзи мысленно просканировала разумы обоих отессанов. И вскрылось много любопытного. Так, в частности, поползн-

ли противоречивые слухи о происшествии в штаб-квартире командования Стилтик. До просканированных дошли разные версии. Было ясно, что мыслепес Суан-Ювина выскользнул из-под контроля и превратил штаб в настоящие руины. Была ли это халатность Стилтик… а, может, старый хитрец Борагост приложил к побоищу руку? На этот счет отессаны даже поспорили. Мыслепса прикончили, но только после того, как он порвал как грелки немало старших офицеров Стилтик. Ни то, ни другое Борагоста не в состоянии сильно огорчить! Но как он умудрился провернуть такой фокус?

Стилтик, к сожалению для него, среди жертв не оказалось. Поскольку именно она застрелила дагена. Может быть, драма в штаб-квартире отвлечет ее мысли, по крайней мере, на время, от пси-человека, подумала Тэлзи, но наверняка сказать было невозможно. Исчезновение патруля Борагоста, угодившего в засаду, очевидно, пока не обнаружено. Впрочем, и упоминаний о сумасшедшем саттараме, попытавшемся уничтожить охрану планетарного выхода номер три, не поступало. Так что контуру еще предстояло вскоре забурлить от слухов и сплетен.

И вот, наконец, Тэлзи с Фракелем достигли

большой комнаты в особняке. Девушка махнула своему спутнику, чтобы тот отступил в сторону, а сама, пытаясь припомнить точное местоположение портала, направилась к обшитой панелями стене, через которую когда-то прошла вместе с Щареном. Ориентиром служила средняя линия, разделяющая комнату… Она приблизилась к этой точке, но дымчатый силуэт портала на стене почему-то не возник. Она повернула направо и двинулась вдоль стены, скользя левой рукой по декоративным панелям. Через восемь шагов ее пальцы окунулась в стену. Вот оно что: портал оказался на месте, но его просто не было видно.

Тэлзи позвала Фракеля.

Маршрут, каким вел малявку-пси Щарен, она запоминала чисто рефлекторно, но, даже несмотря на это, казалось невероятным, что она сможет вернуться этой дорогой в одиночку. Вскоре она поняла, что искать путь особо не придется. Помогало то, что эти секции контура были маленькими: несколько комнат, тут и там отрезанных от зданий Тинокти. Помогало и то, что Фракель вел себя самым примерным образом. Когда они переходили сквозь мерцающий портал в очередной сумрачный зал или комнату, он частенько оказывался ближе к ней, чем Тэлзи

хотелось, но избежать этого было нельзя. Она старалась поворачиваться к нему не тем боком, где в кармане лежал пистолет Ешу. Между порталами он, без напоминаний, проходил вперед.

Фракель знал, что они вошли в опечатанную зону, и должен был догадаться, что с каждым шагом приближается к месту, где малявку-пси пропустили в контур. Тэлзи была убеждена, что у него нет ни малейшего желания позволять ей заглядывать в свой разум, он просто не может этого допустить. Помимо желания завладеть связкой ключей, его намерения оставались неясны. Ни струйки внятной мысли не просочилось сквозь муть воспроизводимых им образов инопланетных сознаний, которые теперь время от времени менялись, словно Фракель сперва подражал одному виду, затем другому, а еще дальше — третьему. Возможно, он пытался ее отвлечь. В качестве проводника она в нем больше не нуждалась. Точнее говоря, он скоро мог стать обузой. Вопрос был в том, что с ним тогда делать.

На то, чтобы обнаружить восемь порталов маршрута, у нее ушло в два раза больше времени. Затем, в конце коридора, показалась дверь. Тэлзи жестом велела Фракелю отойти в сторону, подергала ручку, потянула дверь на себя и увидела одну

из сторон Г-образной комнаты, в которую девушку переместили из лоррельского контура. Другая дверь, через которую тогда вошли трое алатта, была распахнута настежь. Большой встроенный стеллаж, в котором они хранили свои вещи, тоже был открыт. Изнутри противно несло гарью. Значит, поисковый отряд Стилтик здесь побывал.

Она указала Фракелю на комнату.

— Встань там, напротив стены! Я хочу осмотреться. И, ради всего святого, не шуми. Здесь установлены «жучки» Стилтик. Возможно, они до сих пор работают.

Он кивнул, зашел в комнату и остановился у стены. Тэлзи прошла мимо него до того места, где комната изгибалась под прямым углом. В другой части комнаты не было никаких следов разрушений. Портал, через который девушка попала в контур, по-прежнему мог быть там, необнаруженный, и один из ключей Щарена мог бы активировать его.

Тэлзи решила это проверить. В экстренном случае данный путь мог оказаться последней возможностью побега.

Внезапно слева и сверху раздался звон. Испугавшись, девушка развернулась вполоборота, охватывая взглядом искомый сектор стены. Что-

то оплело ей лодыжки и неожиданным жестким рывком дернуло за ноги так, что она потеряла равновесие.

Глава 9

Пока металлическое кольцо, брошенное Фракелем в полосу окон, чтобы отвлечь свою спутницу, со звоном прыгало по полу, Тэлзи успела развернуться в падении. Рюкзак фоссили на спине смягчил падение девушки. Устремившийся было к ней Фракель резко замер, не добежав всего каких-то трех метров.

— Тебе почти удалось! — спокойно сказала Тэлзи. — Но теперь даже не вздумай шевельнуться!

Оцепеневший предатель пялился на пистолет, нацеленный ему в лоб. Лицо его побелело.

— Поверь, я вовсе не собирался причинять тебе вред! Я…

— Не болтай, Фракель! Я вот думаю, а не пристрелить ли тебя. Помнишь детскую игру, так что замри!

После этого Фракель замолк. Тэлзи села, подтянула ноги, посмотрела на лодыжки, затем на Фракеля. То, что спутало ей ноги и сжимало настолько туго, что это было больно, оказалось

белым шнуром, раньше опоясывавшим талию Диза наподобие ремня. Ха, да ведь это не ремень, а оружие, причем такое, что одурачило Ешу со всем его арсеналом поисковых приборов.

— Как сделать, чтобы удавка перестала сжимать и растянулась? — спросила Тэлзи.

Похоже, управление было встроено в каждый из клиновидных концов шнура. Тэлзи велела Фракелю встать на четвереньки, вытянула ноги в его сторону, и заставила подползать, пока подонок не смог дотянуться до ее лодыжек и освободить девушку. Отодвинувшись, она поднялась. Все это время Фракель был под прицелом.

— Покажи, как эта штука работает, — приказала она.

Фракелю ничего не оставалось другого, как показать. Принцип работы оказался до смешного простым. Держишь шнур за один конец и нажимаешь фиксатор, который готовит удавку к тому, чтобы она свилась в кольцо с желаемым усилием. Что бы ни прикоснулось затем к ней, оно немедленно окажется спеленатым.

Свежими сведениями Тэлзи тут же воспользовалась и обмотала Фракелю за спиной руки.

— А теперь позволь мне объясниться, крошка, — сказал он, прочистив горло. — Я понял, что

выход из контура, о котором ты рассказывала, должен находиться где-то рядом, возможно, в этой самой комнате! Я испугался, что ты решишь уйти одна и оставишь меня здесь. Я всего лишь хотел удостовериться, что ты не поступишь так. Ты веришь мне?

— Стой, где стоишь, — отозвалась Тэлзи. — Шаг вправо или влево будет дорого тебе стоить. Я должна подумать.

Нигде в большой комнате ключи Тэлзи не вызвали мерцания портала. Тот, которым она прошла, оказавшись здесь, вероятно, был разобран сразу после этого. Так что эта дорога для побега теперь закрыта. Часть стены примыкавшей комнаты была удалена до того места, где исходный материал под давлением силовых полей превратился в сплошной монолит.

Тэлзи секунду-другую разглядывала это место. Раньше тут был портал, которым прошли трое алатта. Но поисковый отряд Стилтик обнаружил его и позаботился о том, чтобы устройством никогда больше не воспользовались. Других порталов, ведущих из комнаты, не было.

Вернувшись в большую комнату, она сказала:

— Иди и встань вон у той стены лицом ко мне.

— Зачем? — с опаской спросил Фракель.

— Давай двигай. Нам надо кое-что уладить.

Фракель с явной неохотой отправился к стене.

— Ты не поверила моим объяснениям?

— Не поверила.

— Если бы я хотел ранить тебя, настроил бы шнур так, чтобы он тебе ноги переломал!

— Или шею, — согласилась Тэлзи. — Я знаю, что ты пытался не это сделать. Но я должна выяснить, что именно ты пытался сделать. Так что сними эту мутную пелену над сознанием и опусти свой экран.

— Боюсь, крошка, что это невозможно, — заявил Фракель.

— Ты не хочешь сделать того, что я прошу?

— Я не способен разогнать эту, как ты называешь, «мутную пелену». Я могу рассеять один образ, только сложив другой, — Фракель пожал плечам и натужно улыбнулся: — Иначе у меня не останется пси-защиты, а мой разум, несомненно, откажется ставить себя под удар. Сознательно я ничего не могу с этим поделать.

— То же самое я сказала Стилтик, когда она хотела, чтобы я опустила свой экран, — задумчиво сказала Тэлзи. — Она мне не поверила. А я не поверю тебе.

Девушка достала из кармана пистолет Ешу.

Фракель посмотрел на оружие, затем в глаза Тэлзи. И покачал головой.

— Нет, ты могла убить меня, когда я свалил тебя на пол. Поскольку твоей жизни угрожали. Но ты не можешь убить безоружного, который не в состоянии тебе угрожать.

— Не слишком на это рассчитывай, — жестко ответила Тэлзи. — Я постараюсь сейчас не убивать тебя, но, боюсь, у меня не получится.

— Что ты хочешь этим сказать? — в голосе Фракеля послышались тревожные нотки.

— Начну стрелять как можно ближе к тебе, но так, чтобы не задеть, — пояснила Тэлзи. — Но стрелок из меня никудышный, так что рано или поздно я в тебя не промажу.

— Да ведь это…

Она подняла пистолет, прицелилась, и нажала на спусковой крючок. Раздался глухой звук, и пылающее пятно в две ее ладони появилось на стене в нескольких сантиметрах от левого уха Фракеля. Он вскрикнул в ужасе и дернулся в другую сторону.

— Честно говоря, я целилась не туда! — извинилась Тэлзи. — А тебе лучше не шевелиться, потому что я буду стрелять то слева от тебя, то справа… вот так!

На этот раз она угодила в стену не так близко от мишени, но Фракель все равно истошно завопил и бухнулся на колени.

— А теперь над головой! — констатировала Тэлзи.

Вуаль, скрывавшая истинную картину его разума, исчезла. Фракель противно хныкал. Тэлзи убрала пистолет. Руки дрожали. Она сделала глубокий вдох.

— Держи разум открытым, пока не скажу, — приказала она. И тут же добавила: — Я получила все, что хотела. И вижу, что смогу тобой управлять. Можешь вернуть свою завесу. И встань. Мы уходим. Давно работаешь на Борагоста?

Фракель сглотнул:

— Два года. У меня не было выбора. Перед лицом неминуемой смерти.

— Это я видела, — ответила Тэлзи. — А теперь пошли.

Она возглавила дорогу из комнаты к секциям, соединенным порталами. Она увидела гораздо больше, чем предполагала. Фракель Диз, как и подозревала Тэлзи, присоединился к ней не для того, чтобы выбраться из контура элегарфов. Он не мог допустить, чтобы его подвергли допросу на Тинокти, особенно, если этим будет заниматься

Психологический Сервис: А если Сервис узнает о нем от Нето или Тэлзи, расследования предателю не избежать. К тому же, быть тайным оператором Борагоста оказалось не так уж плохо. Как рассудил негодяй, элегарфы на Тинокти и где-то еще в Ядре Звездного Скопления укоренились надолго и всерьез. Никаких особых причин менять устоявшийся образ жизни у Фракеля не возникало. Однако он должен был подготовиться к тому, чтобы вовремя поменять знак своей лояльности в том случае, если после финальной разборки с Борагостом на коне окажется Стилтик, что, скорее всего, и произойдет. Вернуть Тэлзи — подобное подношение подняло бы его в глазах гигантессы. К этому он надеялся присовокупить победную реляцию о необнаруженном портале, которым пользовались алатта.

Под размытыми проекциями разум Фракеля был широко открыт и абсолютно не защищен. Но Тэлзи не могла взять его под контроль, как собиралась. Ей приходилось слышать, что существуют подобные пси-сознания. Фракель был первым, с которым она встретилась. В его разуме, видимо, не было привычных контрольных точек, благодаря которым можно было подчинять чужое сознание, а на эксперименты времени не

было. Борагост не нашел способа непосредственно управлять Фракелем. Вряд ли это получится и у нее.

— Я беру тебя с собой только потому, — бросила она через плечо, — что единственное, что я должна с тобой сделать, это убить, а мне пока не хочется становиться убийцей. Не задавай вопросов, я тебе не стану отвечать. Просто оставайся рядом. Не вмешивайся и не пытайся удрать! Я снова стану стрелять и больше не буду пытаться промазать.

* * *

В пройденной цепочке секций были порталы, которые вели в глубь опечатанных зон контура. По крайней мере, должен был быть один такой портал. Трое алатта воспользовались им для отступления, как и преследовавшие их охотники Стилтик. Он должен был открываться одним из ключей из связки Щарена.

Тэлзи нашла этот портал во второй от большой комнаты секции и вышла через него вместе с Фракелем Дизом в еще одно мрачное место без окон. Вскоре на одной из стен ожил портал. Они прошли и через него.

Следующая секция была крайне тускло осве-

щена и явно была протяженной. Тэлзи оставила Фракеля в коридоре, зашла в ближайшую комнату, просмотрела и ее, и примыкающую к ней, затем вернулась в коридор и стала вглядываться вдаль.

Раздался легкий скрип заброшенных половиц, и неожиданно возникло сильнейшее ощущение, что она чего-то не учла! Девушка упала на колени, выпрастывая пистолет.

Удавка Фракеля хлестнула по потолку над головой. Она откатилась прочь, когда удавка опала, но на нее прыгнул Фракель, прижимая к полу. Тем не менее Тэлзи удалось повернуть дуло вверх. Раздался глухой звук разряда и испуганный вскрик. Тем не менее Фракель успел сунуть руку в карман ее одеяния фоссили. Затем давление его тела неожиданно прекратилось. Малявка-пси извернулась и увидела, как ее бывший пленник только пятками сверкает, улепетывая к порталу, поскольку завладел одной или даже обеими связками ключей.

Она навела пистолет и быстро выпалила несколько раз. Во Фракеля не попала, но от разрядов бластера на стене с порталом перед ним вспух багровый огненный узор. Беглецу ничего другого не оставалось, как нырнуть в сторону с линии

огня, и он скрылся в каком-то дверном проеме.

Тяжело дыша, Тэлзи поднялась с колен, заметила лежащую связку ключей, подобрала и спрятала в левый карман комбинезона, поскольку правый был вырван с мясом; значит, теперь у Фракеля была вторая связка.

За спиной раздался разочарованный, другого эпитета не подберешь, шелест. Девушка обернулась. Удавка Диза то вытягивалась, то изворачивалась, то упрямо скручивалась эластичными движениями, неспособная охватить пустое место.

Тэлзи направила пистолет в ее сторону и дала предельную мощность. Фракелю больше никогда не удастся использовать свой шнур! А ведь этот гад метил на этот раз ей в шею.

Она, крадучись, двинулась в сторону дверного проема, держа бластер наизготовку. В секции не раздавалось ни звука, маскировочных образов Фракеля уловить тоже не удалось. Ей это не нравилось, поскольку теперь не было уверенности, будто у предателя не сохранилось в рукаве крапленых тузов.

Она встала перед проемом и быстро осмотрела комнату.

Та оказалась довольно маленькой, пустой и

освещенной столь же тускло, как и остальная секция. Воспользовался ли негодяй приемом «я-не-здесь» или нет, но Фракеля там не было. Через секунду Тэлзи в этом уже не сомневалась. На противоположной стене располагался еще один проем. Не было видно, что за ним. Но если это тупик, если проем не вел к порталу, то Фракель загнан в угол.

Она осторожно шагнула в комнату.

Нога прошла сквозь пол, словно его там не было. Свободной рукой Тэлзи ухватилась за косяк, но тот оказался таким же иллюзорным, как и пол. Падая, она сгруппировалась и приземлилась на пятую точку. Ноги от колен и ниже свисали сквозь незримый пол… в портал.

Слава звездам, пистолет по-прежнему оттягивал руку. Девушка собралась с духом и, извиваясь всем телом, отползла от ловушки.

Глава 10

Приглядывать за Фракелем Дизом больше не было нужды. Когда Тэлзи достаточно пришла в себя, она вернулась обратно к двум уже осмотренным ею комнатам. В одной из них торчала какая-то частично раскуроченная машина на

массивной станине. Девушка внесла в этот вандализм и свою лепту — отломала кусок тонкой легкой трубы метра четыре длиной. Это пригодилось для портала в полу, куда Тэлзи опустила свой трофей. Конец ни к чему не прикоснулся, даже когда она встала на четвереньки, а когда трубой пошурудила горизонтально, стенок тоже не нащупала.

Она вытянула трубу обратно и потрогала конец, замерзший и покрытый легкой изморозью. Портал-ловушка срабатывал на ее связку ключей аналогично связке, что отнял у нее Фракель. Куда бы этот подонок ни отправился, теперь он вряд ли вернется.

И Ешу, и Фракель слышали, что группа Стилтик, посланная за алатта в опечатанные зоны, столкнулась с серьезными трудностями и возвратилась ни с чем. Если этот портал — один из образчиков тех самых трудностей, неудивительно, что Стилтик, по-видимому, не слишком-то торопится выкурить алатта из их укрытия.

Когда Тэлзи наконец отправилась искать портал, который доставил бы ее в следующую секцию, связка ключей была теперь прикреплена к концу трубы, и малявка-пси не ступала туда, где связка сперва не прикоснулась к твердой поверх-

ности. Схемы-карты совершенно не указывали, в каком конкретно месте она находится, но было и без того понятно, что путь пролегает за пределами чувствительности сканирующих систем, установленных техниками Стилтик. Впереди располагалась, пусть временная, но территория, подвластная алатта. И они наверняка установили собственные сканеры, которые должны были уже зафиксировать ее появление.

Она нашла еще несколько ловушек. Одна из них, довольно жуткая, оказалась настенным порталом, неотличимым от всех прочих, которые были пройдены ранее. Не будь девушка настороже, не возникло бы никаких сомнений в том, что это — искомый выход из этой секции. Но на проверку трубой этот капкан ответил отвесным провалом, ухнуть в который — костей не соберешь. Настоящий выход находился несколькими метрами дальше. Она миновала несколько крупных секций, похожих на то место, где она мечтала избавиться от Фракеля Диза, заставленных достаточными запасами консервированного провианта, чтобы там сносно жить годами. В одной из них она задержалась, чтобы смыть тигриные полоски фоссили-раскраски.

А затем оказалась в секции, откуда, похоже,

прохода дальше не было. Она прошла вдоль стен и вернулась к порталу, каким вошла. Нельзя сказать, что девушка огорчилась — просто задумалась. Рано или поздно она рассчитывала наткнуться на такое место. И это означало, что обнаружен край области, где действовали ключи Щарена. Но здесь должен был быть второй портал, установленный недавно и обладающий такими настройками, которые активизируются только по ключам тройки алатта.

Правда, Тэлзи не ожидала оказаться в таком месте так скоро.

Взгляд ее пробежал по полу и остановился примерно в десятке метров от нее. Там явно таился портал-ловушка. Невидимый прямоугольник два на три метра, примыкающий к стене. Она нащупала его, когда двигалась вдоль стен, отметила очертания и обошла стороной.

Теперь настало время вернуться, и девушка принялась щупать пол связкой ключей, пока та не пропала из виду. Она вытащила импровизированный щуп, определила с его помощью границы портала заново, уже точнее, и подошла к самому краю. В первый раз она не стала задерживаться, чтобы проверить портал — для этого не было веской причины. На сей раз дело обстояло иначе

— малявка-пси перевернула трубу, ухватила ее за связку ключей, а другой конец опустила в портал.

Трубу стало затягивать, и Тэлзи не стала этому противиться. Потом труба качнулась влево, словно притянутая магнитом, пока невидимый кончик не дотронулся до твердой поверхности. Там и остановился. Тэлзи быстро перебежала к тому краю портала, опустилась рядом с ним на колени, уже зная, что нашла искомое.

Вытащив трубу, она опустила в портал руку и нащупала гладкую твердую поверхность, расположенную, видимо, под прямым углом к той, на которой стояла на коленях. Она огладила твердь, приподняла руку и позволила ей быть притянутой гравитацией, действующей, похоже, под тем же углом. Потом пропихнула трубу, нагнулась сама и переползла через нижний край настенного портала в новую секцию.

* * *

Приблизительно через два часа после того, как они с Фракелем Дизом отправились в путь из большой комнаты, Тэлзи поняла, что маршрут подошел к концу. Она достигла периметра зоны, которую алатта закрыли от всех остальных.

Секция была проверена самым тщательным образом. Единственным порталом, которым можно было воспользоваться, оказался тот, которым она пришла. Дальше связка ключей не действовала.

О том, для чего эта секция изначально предназначалась, не было никакого намека. Это был комплекс порядочных размеров с просторной центральной зоной и с комнатами и коридорами поменьше вдоль ее границ. Секция была абсолютно пуста, совершенно безжизненное место, где шаги отдавались гулким эхом. Девушка положила трубу у стены в центральной зоне, достала из рюкзака свою повседневную одежду, переоделась и присела, прислонившись спиной к стене.

Что ж, применим тактику выжидания. Она коснулась затылком стены и закрыла глаза. Мысленный экран истончился, будто и не существовал вовсе, чувствительность восприятия сразу стала чрезвычайно высокой. Тем временем тело ее отдыхало.

Время шло. Ага, вот оно — ментоэкран сжался в резком предупреждении. Она снова его ослабила, и снова перешла в режим ожидания.

Где-то что-то шевельнулось.

И движение было очень слабеньким и мгновенным. Словно кто-то навострил уши или бросил на

нее мимолетный взгляд, еще ее не видя, но уже зная, что кто-то есть в ментопространстве.

Внезапно к ее разуму прикоснулась мысль, будто тонкий холодный шепот:

— Только двинься, издай звук или мысленное предупреждение, и ты — труп!

В воздухе повисло напряжение. Затем в пяти метрах от девушки, не дальше, сформировался крупный даген. Он припал к полу, не сводя с Тэлзи глаз. Стремительные электрические разряды пробежали по позвоночнику малявки-пси. Вверх-вниз. Зверь был огромен, больше и тяжелее тех двух, с которыми ей пришлось встречаться раньше, и светлее окрасом. Из глубины красных глазок выглядывала сама Костлявая Леди.

Ментоэкран в то же мгновение захлопнулся плотным щитом. Сама Тэлзи даже не вздрогнула.

Мыслепес исчез.

Тэлзи переместила взгляд влево. В проходе стояла Колки Минг, женщина-алатта. Примерно с секунду она изучала Тэлзи с рюкзаком фоссили на спине и с трубой, к которой была прикреплена связка ключей.

— Вот так сюрприз! — воскликнула она. — Здесь тебя не ждали, хотя кое-какие основания позволяли верить, что ты больше не пленница

Стилтик. Одна пришла?

— Да.

— Посмотрим, — кивнула алатта.

Минуту или две она молчала с отсутствующим выражением на лице. Ее даген, предположила Тэлзи, видимо, обыскивал примыкающие секции.

— Похоже, ты в самом деле пришла одна, — сказала наконец Колки Минг. — Как тебе удалось бежать?

— Стилтик приставила ко мне персональным стражем толанта. Ешу. Потом я взяла Ешу под контроль.

— Сама?

— А то!

— Где он сейчас?

— Убит. Мы столкнулись с людьми Борагоста.

— Патруль в девяносто шестой секции?

— В большой оранжерее.

— Да, у тебя выдался тяжелый день, — заметила Колки Минг. — Сообщалось, что патруль уничтожен в перестрелке. Расскажи остальное.

Тэлзи решила, что упоминать про Нето Нэйни-Мел не будет, а в остальном дала краткое и довольно правдивое описание своих приключений. Поначалу она собралась вернуться на

Тинокти, но к моменту, когда добралась до внешнего выхода, почему-то не смогла этого сделать — она слишком мало знала о роли, которую играли алатта в контуре Тинокти и в Ядре Звездного Скопления. Затем поняла, что слишком сильно раскачала саттарама Корма, чтобы удержать его под контролем. Она и Фракель Диз отправились в опечатанные области, пока Корм раздраконивал охрану выхода.

— А где этот борагостов прихвостень? — спросила алатта.

— У нас возникли разногласия. Похоже, свалился в одну из ваших ловушек-порталов.

Колки Минг укоризненно покачала головой.

— А ты, значит, добралась досюда, чтобы выяснить, чем мы занимаемся, — подытожила она. — Из-за тебя, коротышка, в распоряжении элегарфов стало на одного дагена меньше, и это дает нам известное преимущество. Сдается, в благодарность мы должны поделиться с тобой информацией. Но мы не можем позволить тебе донести ее, в свою очередь, до Пси-Сервиса. И, между прочим, тело Ешу не было найдено с погибшим патрулем.

— Мы взяли его с собой и спрятали в другом месте, — ответила Тэлзи. — Я подумала, что

Стилтик, возможно, до сих пор не знает, что я смоталась.

— Возможно, — согласилась алатта. — Не буду скрывать, что мы принимаем участие в операции чрезвычайного стратегического значения. Захват Щарена вынудил нас поменять планы и пойти на их усложнение. Может быть, более чем следовало. Чтобы операция была успешной, ее необходимо осуществить быстро. Не уверена, что сможем найти тебе применение, но сейчас, по крайней мере, ты пойдешь со мной. Будь любезна отдать свой пистолет.

* * *

Несколько минут спустя они вышли из портала на темную узкую улицу. Единственным источником света служили звезды над головой. Они пошли, оставив за спиной какое-то обветшалое здание. Слева и справа вплотную друг к другу теснились захудалые домишки. На щелястой мостовой то тут, то там громоздились кучи мусора. Воздух был затхлым, потом откуда-то издалека раздался смутный грохот, настолько расплывчатый, что казался ощущением скорее осязаемым, чем слуховым.

— Эта секция была личным эксперименталь-

ным проектом одного тонгифонца, — пояснила Колки Минг. — Ни на каких стандартах контуров она никогда не фигурировала, и элегарфы о ней ничего не знают, поэтому мы пользуемся ею в качестве временной базы. — Она огляделась по сторонам. — Около двух сотен людей оказались здесь, как в ловушке, когда пришли элегарфы. Массовой резни им удалось избежать, но покинуть секцию они не смогли и умерли, когда закончились припасы.

Она смолкла. Что-то неожиданно промелькнуло в ощущениях Тэлзи — краткая пси-вспышка. Раздался булькающий вой, и на улице перед ними материализовался даген.

— Скэг поджидал нас, надеясь остаться незамеченным, — сказала Колки Минг.

— Он хотел напасть?

— Будь у него шанс, да кто ему его предоставит! — хмыкнула алатта. — Но когда он находится под ослабленным рабочим контролем, как сейчас, за ним надо тщательно присматривать.

Путницы свернули на другую, шедшую перпендикулярно улицу, которая была малость пошире, но в остальном ничем не отличалась от первой. По обе стороны было все то же безобразное нагромождение домишек, темных и безмолвных.

Мыслепес теперь, бесшумно ковылял в десятке метров за ними. Алатта направилась к одному из домов покрупнее.

— Там мой наблюдательный пост.

Первый этаж дома был вычищен от всего, что там раньше было. Контуры двух порталов мерцали на стенах, рядом стояли разнообразные приборы, собранные явно в спешке.

— Эллорада и Сартеса некоторое время не будет. Присядь, коротышка, пока я не проверю кое-какие показания.

— Мне хотелось бы кое-что знать, — сказала Тэлзи.

— Да?

— Сколько вам лет?

Алатта внимательно посмотрела на нее.

— Значит, и о проклятии нашей расы ты тоже знаешь, — произнесла она со странным удовлетворением в голосе. — Мне двадцать семь ваших стандартных лет. Что же касается всего остального, то попозже, возможно, у нас выдастся часок-другой поболтать.

Тэлзи пристроилась на пустом ящике из-под прибора, пока Колки Минг коротко переговорила по коммуникатору. Затем она, похоже, выслушала ответ, которого Тэлзи не услышала, и

повернулась у панели управления сканирующими устройствами.

Вскоре у них выдалось время, чтобы поболтать часок-другой.

* * *

Трансформация элегарфов в саттарамов в момент наступления зрелости была связана с геном смерти, разработанным гризандским культом Налакии, чтобы удерживать выведенную мутацию под контролем. Элегарфы этого не знали. После того, как они истребили гризандцев, разработать собственную биологическую школу им в голову не пришло, а позволить порабощенным ученым экспериментировать над хозяевами было совершенно немыслимо по кодексу чести.

Но уже в самом начале одна из обособленных групп мутантов нарушила это правило, ибо поставила перед инопланетянами задачу найти метод продления жизни. После длительного исследования было установлено, что смертоносный ген может быть удален у потомства этой группы. Так появились алатта. По строению тела они остались отессанами, но приобрели обычную для человечества в среднем продолжительность жизни. И с этим они заодно вскоре обрели утерянные

элегарфами интересы и цели. У них появилось время, чтобы учиться, и они учились очень быстро, поскольку могли по-элегарфски «заимствовать» инопланетную науку и технологию. В данный момент у них имелось и то и другое.

Большинство элегарфов презирали алатта как за их отказ от величественной зрелой формы «львиного народа», так и за то, что они унижали себя рабским трудом. Они изо всех сил постарались вычистить свою расу от новой ветви, но алатта продолжали следовать своим, выбранным раз и навсегда путем.

— Разумеется, все это началось несколько веков назад, — сказала Колки Минг. — Теперь у нас есть собственная цивилизация, и заимствовать достижения у других рас больше нет нужды, хотя Федерация Ядра еще всего каких-то сто лет назад выступала в роли нашего учителя. Элегарфы остаются зависимыми от порабощенных народов, и больше нам не родня. К тому же кодекс чести ограничивает их умственно. Некоторые присоединились к нам по собственной воле, и хотя мы ничего не можем сделать персонально для них, их дети обретут нашу продолжительность жизни. С другой стороны, мы отлавливаем элегарфов при каждом удобном случае, и, хотят они того

или нет, у всех, кого мы поймали, рождаются уже алатта. Они ненавидят нас за это, но объединиться в борьбе против нас не в состоянии, поскольку разобщены. Отчасти, это и заставило рискнуть всем в этой операции, проводимой на чужой территории — в Ядре. Взять под контроль давнего врага — представляется достаточно серьезным и основополагающим делом.

— Вы пытаетесь выставить элегарфов из пределов Федерации прежде, чем мы, люди, узнаем, что они здесь? — спросила Тэлзи.

— Таков был план. Мы не хотим возрождения древней неприязни между людьми и «львиным народом». Операция предстояла непростая, но мы работали крайне осторожно, и вот наши приготовления завершены. Нам троим поручено захватить центральную секцию управления контура Тинокти. Если мы сможем сделать это сейчас, большая часть саттарамских лидеров Ядра Звездного Скопления окажется изолированной. Несколько месяцев мы ждали подходящей возможности. Одновременно мы готовы выдвинуться и против остальных элегарфских позиций в Федерации. От этого зависит очень многое. Если мы не сможем незаметно выдворить элегарфов, прежде чем вооруженные силы людей вступят с

ними в огневой контакт, последствия его могут оказаться плачевными для всех, в том числе и для нашей группы. Ожидать, что боевые корабли Федерации смогут отличить алатта от элегарфов, когда начнут палить из главного калибра, значит быть не в ладах с реальностью. И потери будут не односторонними. У нас имеются достаточно мощные вооруженные силы, равно как и у элегарфов.

— Элегарфы — исключительно наша проблема, — добавила она в заключение, — Федерации это не касается. Мы все равно слишком близки к ним, чтобы считать их врагами. Мои родители были элегарфами и не хотели, чтобы им поменяли генетический узор. Если бы их не поймали и не заставили на это пойти, возможно, я сражалась бы за звание Суан-Ювина так же беспощадно, как Стилтик и Борагост. Да и ты тоже, случись твоим предкам оказаться подопытными кроликами у гризандских биологов на Налакии. Мы берем элегарфов под контроль повсюду. Если преуспеем здесь, меньше чем через три десятка лет не останется ни одного из саттарамов.

Она осеклась, некоторое время смотрела на индикаторные панели, потом поднесла к уху коммуникатор. До Тэлзи донеслось невнятное

бормотание, продолжающееся минуты две. Колки Минг отложила коммуникатор, ничего не ответив. Очевидно, другой алатта записал сообщение для нее.

Она встала, и лицо ее было задумчиво.

— Мы пытаемся вынудить Борагоста и Стилтик начать с нами Львиную Забаву, — сказала она. — Это самый быстрый способ достичь нашей цели. Возможно, теперь это уже единственно возможный способ! И, похоже, комбинация нам удалась. — Она указала на дверь. — Мы идем наружу. Вскоре должен быть предпринят первый шаг. Я должна позвать Скэга.

Тэлзи поднялась на ноги.

— Что такое Львиная Забава?

— Мне кажется, ты уже исполняешь в ней определенную роль, — ответила Колки Минг. — Подозреваю, что ты, коротышка, не была со мною откровенна до конца. Но хочешь того или нет, теперь ты, похоже, участвуешь в Забаве.

Глава 11

Колки Минг включила наружное освещение, и кусок унылой улицы с фасадами домов в сотню метров стало прекрасно видно. Они обе остава-

лись возле входа. Внезапно в освещенной зоне появился Скэг; ощетинившись, окинул женщин холодным взглядом, оглянулся через плечо и снова исчез.

Да, устранив дагена Стилтик, Тэлзи сделала алатта гораздо более щедрый подарок, чем думала. Когда они узнали об этом, у них появилась возможность свободнее передвигаться в контуре. Ситуация, допускавшая свободу перемещения дагенов, становилась настолько опасной, что те, против кого их науськивал и, должны были направлять усилия в первую очередь на устранение этих тварей. Так, например, элегарфам стало известно, что трое алатта привели с собой мыслепса только после того, как во время неожиданной атаки в опечатанных зонах Скэг порвал на куски полдесятка соратников Стилтик.

Сейчас в контуре обретались, кроме него, еще два дагена. Один принадлежал Борагосту, владельцем другого был саттарамский лидер, прибывший на неделе со своим любимцем. Очень могло быть, что, если Борагост начнет действовать против алатта, а в данный момент казалось, что начать он обязан, то первым делом он использует эту пару, чтобы избавиться от Скэга. Если бы удалось покончить с элегарфскими

дагенами, то того бы стоила даже потеря Скэга. Тогда алатта смогли бы немедленно приступить к осуществлению своих планов.

В игре сейчас разыгрывалась именно это партия. Скэг пришел и ушел. Дагены могли выслеживать друг друга. Он знал, что его ищут с таким же упорством, как ищет он. Он не пытался уйти от поединка. Просто его роль сводилась к тому, чтобы столкновение произошло здесь. Пистолет в руках Колки Минг был приспособлен против дагенов, убить которых было непросто.

Снова вернулся Скэг, но теперь он не стремился исчезнуть. Наполовину присев, мыслепес водил огромной башкой из стороны в сторону.

— Идут! — Колки Минг двинулась вперед. — Стой здесь, коротышка, и не шевелись!

Неожиданно проявились два других дагена, слева и справа от Скэга. Не раздумывая, он бросился на ближайшего. Стычка превратилась в кавардак, сотканный из дикого шума и молниеносных движений. Уличное пространство наполнилось пронзительным воем мыслепсов, напоминавшим взрывы безумного хохота. Противники сцеплялись, рвали друг друга, появлялись и исчезали из виду, выискивая малейшую возможность проявить свое преимущество. На

мостовой под ними стали образовываться пятна желтой крови. Скэга, похоже, ничуть не смущало, что он сражался против двух противников — оба были меньше размером, правда, ненамного. Иногда Тэлзи казалось, что он мог бы справиться и без посторонней помощи. А ведь ему еще и помогали. Колки Минг перемещалась вокруг спутанного клубка туда-сюда, стреляя одиночными, иногда едва не влезая в собачью свару. Но дагены не обращали на алатта внимания.

Затем один из противников Скэга упал на мостовую со сломанной шеей и замер. Скэг с другим, намертво сцепившись, катились по улице в сторону Тэлзи. Она видела, как желтая кровь толчками выталкивалась из груди и шеи Скэга. Алатта сблизилась с клубком, дуло пистолета едва не касалось загривка второго дагена. Зверь, извернувшись, повернулся к женщине, распахнув пасть. Скэг из последних сил поднялся на лапы, секунду постоял, покачиваясь, потом опустил голову, и, издав булькающий рев, рухнул.

Его противник, опершись на передние лапы и потягивая парализованную заднюю часть тела, попытался укусить Колки Минг. На его замедленный рывок она отступила. Пистолет выпустил разряд зверю в бок. Тот взвыл и исчез.

С минуту алатта ждала, не опуская пистолет. Затем спрятала оружие в кобуру и повернулась к Тэлзи.

— Вернулся к хозяину! — она дышала глубоко, но спокойно. — Использовать подранка больше нельзя! Но из его разума, прежде чем добить, они узнают, что Скэг и второй даген мертвы. Теперь в силу вступает кодекс!

* * *

На практике, равно как и в теории, предельная дальность перемещения через портал считалась установленной с точностью до миллиметра. На этом основывалась охрана центра управления элегарфских контуров. Секции на расстоянии потенциально возможного перемещения от центра усиленно охранялись; окажись они под угрозой, по тревоге тут же поднималась вся система обороны.

Ученые алатта смогли увеличить дальность перемещения. Для обычных задач увеличение было незначительным. Но здесь, благодаря ему, агенты алатта могли миновать охраняемые секции и добраться до центра управления, не потревожив защитников. Четверо агентов, засланных в центр, должны были установить цепь замаскированных

порталов, которая большей частью проходила по опечатанным зонам и заканчивалась непосредственно возле центра. Главная ответственность за осуществление этой части операции лежала на Щарене.

Когда работа была завершена, оставалось только дождаться следующего из периодически случавшихся сборов элегарфских лидеров. Щарен, как член команды Стилтик, должен был оставаться в контуре. Остальных трех агентов отправляли то на одно, то на другое задание. Очевидно, Щарен решил усилить меры безопасности и был замечен за этим предосудительным занятием. В результате его и захватила Стилтик, да не одного, а в компании с малявкой-пси, как только элегарфам стало совершенно очевидным, что он — агент алатта.

От первоначального плана пришлось отказаться. Стилтик заставила Щарена выступить против нее в официальном поединке и легко его одолела. Поэтому он стал ее личным пленником; она могла воспользоваться любой информацией, которую сумеет выжать из него. Хотя должно было пройти немало часов, прежде чем защита Щарена окажется взломанной. Все равно элегарфы теперь были настороже, и прямое приближение

к секциям центра управления обнаружили бы наверняка.

Алатта решили сыграть на трениях между Суан-Ювинами, значительно усилившимися сейчас и причиной которых стала Тэлзи со своей группой. Эллорад и Сартес, два других агента алатта, контролировали несколько сознаний в команде Борагоста. Через них распространялось мнение среди сторонников и противников Борагоста, что раз, Стилтик встала на Путь Льва, позволив пойманному алатта сразиться с ней в ритуальном поединке, то и Борагост должен поступить аналогично. Он должен персонально сразиться с троицей, окопавшейся где-то в опечатанных зонах, что, в свою очередь, втягивало в интригу Стилтик.

— И вы не против сразиться с этими чудовищами? — спросила Тэлзи с некоторым скепсисом.

— Я предпочла бы не встречаться ни с кем из них, — ответила Колки Минг. — А в особенности с этой мегерой Стилтик. Но мне и не вменяют это в обязанность. Как только Сартес и Эллорад начнут действовать открыто, всем покажется, что мы признали поражение и ищем смерти в бою, предпочитая ее плену. Это должно на время помочь элегарфам забыть обо мне, чтобы у меня

появился шанс добраться незамеченной до центра управления.

— Драка будет не такой уж неравной, как ты думаешь, — добавила она, заметив, что девушка помрачнела. — У Щарена не было специальной боевой подготовки, но нас троих натаскивали в качестве ловцов элегарфов, и мы умеем обращаться с оружием, дозволенным кодексом, не хуже их самих. Возможно, Борагост предпочтет выследить нас не в одиночку, а во главе группы элегарфов и толантов, но в таком случае его престиж окажется под ударом. Он начал битву с того, что выставил против нас своих дагенов, но этот раунд закончен, а преимущества никто не обрел. Скоро мы примем вызов и для этого покажемся врагу на глаза. Тогда Борагост будет связан кодексом.

Ловко вырезав отверстие в каблуке ботинка Тэлзи, она вставила туда миниатюрную связку портальных ключей. У каждого алатта имелся такой запасной потайной набор, кроме основного, более очевидного набора, вроде того, что был сразу обнаружен и отобран у Щарена. Благодаря подобной предусмотрительности троица смогла столь быстро уйти от первой атаки Стилтик.

— Скажи, на Орадо за мной следили алатта,

верно? — спросила Тэлзи.

— Это была непосредственно я, — ответила Колки Минг.

— Зачем? Когда вы затащили меня в контур, то сказали, что со мной хотят увидеться какие-то люди.

— Они и сейчас хотят. Видишь ли, коротышка, у нас меньше, чем хотелось бы, данных о типах пси, имеющихся в Федерации. Мы избегали контакта с ними, и даже у элегарфов хватило здравого смысла держаться подальше от учреждений Психологического Сервиса. Но кое-кто верит, что мощь Пси-Сервиса большей частью базируется на применении пси-машин, чем на пси-способностях своих сотрудников. Считается, что пси из числа основной ветви человечества просто не способны развить в себе ту степень способностей, которая была бы сопоставима с нашей. Такие рассуждения представляются нам опасными. Ведь как у вас, людей, так и у нас есть свои кретины. И в результате кто-то из них может посчитать, что можно безнаказанно бросить вызов Федерации.

— А вы так не думаете? — спросила Тэлзи.

— Мне повезло, я не кретинка. К тому же я много знаю. Так, в частности, на Орадо до меня дошло, что саттарамский дрессировщик отпра-

вил своего дагена убить человека-пси, сунувшего нос не в свои дела, и что даген необъяснимым образом исчез. Я сразу поняла, что на этого пси стоит обратить пристальное внимание, в особенности, когда я обнаружила тебя, коротышка, и оказалось, что ты даже не достигла совершеннолетия. Между тобой и Психологическим Сервисом прослеживалась какая-то связь. Было решено забрать тебя для исследования, если, конечно, это получится осуществить без помех. Затем возникла проблема с умерщвленными тонгифонцами на Тинокти, и ты прилетела сюда. У меня появилась возможность забрать тебя в контур. Мы надеялись провести операцию быстро, после чего забрать тебя с собой.

— Никто не планировал оставлять тебя среди нас как бы в пожизненном заключении, — добавила она, подождав, пока Тэлзи усвоит услышанное. — Во время исследования ты, главным образом, оставалась бы без сознания, а сейчас уже оказалась бы дома на Орадо, не помня ничего существенного о произошедшем. Не знаю, как все устроится теперь, если учесть, что через час-два мы по-прежнему будем живы.

Вскоре прибыли Эллорад и Сартес. Оба следили за развитием событий через своих ментальных

связных. Борагост публично выразил сомнение в том, что агенты алатта предпочтут пленению бой. Однако если они согласятся, он готов встретиться с ними в Зале Поединков, чтобы добавить алаттские головы к остальным своим трофеям. Стилтик не станет вмешиваться, пока Борагост не сразится хотя бы единожды.

— Будет ли у Борагоста свидетель? — спросила Колки Минг.

— Будет. Это его помощник Лишон, — ответил Сартес. — Стилтик же, как обычно, будет драться без свидетеля — охота пройдет в ущелье Кахт.

— Сартес выйдет против Борагоста, — добавил Эллорад. — Я тоже буду там, в качестве его свидетеля. Нам не хотелось бы слишком поспешно втягивать в интригу Стилтик.

Он поглядел на Тэлзи, оценит ли она замысел.

— Когда мы покажемся, гигантесса может понять, причем, впервые, что пленница от нее сбежала, и пожелает действовать. Но охоту в ущелье можно потянуть, и я это сделаю, насколько буду в силах. Тебе, Колки Минг, должно хватить времени на то, что задумано.

— Да, должно, — кивнула женщина.

— Тогда определимся с маршрутом! Когда нас заметят, мы должны находиться в нескольких

минутах от Зала Поединков, затем мы снова скроемся, пока непосредственно не войдем туда. Тогда у Стилтик не будет времени помешать тому, что было нами подготовлено.

Когда подготовка была закончена, на алатта оказались рубахи с короткими рукавами, шорты и башмаки, скрывавшиеся раньше под спаранским одеянием. С поясов свисали наряду с пистолетами и длинные ножи. По условиям кодекса биться разрешалось только на том оружии, которое выявляло физическую силу, ловкость и владение навыками пси. Кстати, участники поединка пользоваться пистолетами не имели права. Их могли носить только свидетели, да и то в качестве формальной гарантии, что кодекс будет соблюден.

Эллорад и Сартес шагали легко и непринужденно. Вид у них был достаточно внушительный, но даже если их мускулы окажутся хлипче мышц саттарамских гигантов, бравые алатта должны понимать, что их участие в поединке — это единственная возможность дать Колки Минг время на завершение операции.

Техники Борагоста работали в примыкающих секциях опечатанных зон, устанавливая сканирующие системы. Колки Минг следила за ними

по своим приборам. Намеченный ею маршрут вел через одну из таких секций. Тэлзи не знала, что они уже пришли туда, до тех пор, пока неожиданно не раздался голос саттарама. Он обращался к ним на элегарфском. Алатта остановились.

Голос зазвучал вновь, фразы падали со звоном. Когда он смолк, ответил Эллорад, затем двинулся к концу секции. Остальные последовали за ним и, как только покинули секцию, прибавили шагу.

— Это был свидетель Борагоста, — сообщила Тэлзи Колки Минг. — Вызов подтвержден обеими сторонами. Нам велено выбрать одного, кто сразится с Борагостом, и тот должен немедленно явиться в Зал со своим свидетелем. Как раз то, что нам было нужно!

Обе женщины заторопились за мужчинами-алатта, прошли еще три секции и оказались в комнате, где включили телеэкран. На нем просматривался широкий зал с черно-серебряными стенами. В зале, не двигаясь, стояли два саттарама. Тот, который стоял подальше, носил пистолет на поясе. Другой удерживал на плече огромную секиру.

— Они только что вошли, — сказал Эллорад. — Сартес рад, что Борагост выбрал длинный топор. Считает, что сможет затянуть битву, пока Суан-

Ювин не свалится с ног!

Двое тут же ушли. Сартес снял пистолет, а Эллорад свой оставил.

Глава 12

— Этот зал всего в двух порталах отсюда, — сказала Колки Минг, — но у элегарфов не было возможности получить доступ к этим секциям. Борагост не знает, что мы его видим. Подождем, пока начнется бой, и сразу двинемся в путь.

Тэлзи кивнула. Борагост был почти таким же огромным, как Корм, и ей не показалось, будто он стареет. Топорище секиры было не меньше двух метров в длину.

Внезапно на экране показались Эллорад и Сартес, шедшие к центру зала. Сартес шел впереди. Саттарамы стояли, не двигаясь, и наблюдали за приближением противников. Пройдя примерно треть зала, алатта остановились. Эллорад сказал короткую речь. Лишон пророкотал ответ. Затем Сартес вытащил нож. Борагост ухмыльнулся, взял топор обеими руками и неторопливо шагнул вперед…

Колки Минг резко вдохнула, отпрыгнула от экрана и бросилась из комнаты. Тэлзи помча-

лась за ней, озадаченная и не совсем уверенная в том, что увидела краем глаз. А там, с каждого края просторного зала, неожиданно появились фиолетовые фигуры. Толанты. Кажется, по трое. Значит, целых полдюжины! И у каждого, как она успела заметить, была отведена назад рука, в которой была короткая палочка. Уже выбегая, она заметила размытый силуэт Эллорада, лихорадочно хватающегося за кобуру, и уже сбитого с ног Сартеса…

Колки Минг, несшаяся по коридору впереди, исчезла в портале. Тэлзи проскочила сквозь портал мгновением позже и увидела, что алатта почти удвоила дистанцию между ними и держала в руке пистолет. Неожиданно Колки Минг притормозила, а затем скрылась в стене.

Этот портал вывел Тэлзи в большой зал, который они видели на экране.

Здесь, не переставая, рычал скорострельный пистолет Колки Минг.

Лишон, лежа на боку, брыкался и ревел. Борагост упал на четвереньки и медленно мотал окровавленной головой, словно был не в себе. Фиолетовые тела лежали или перекатывались по полу тут и там. Двое до сих пор с визгом мчались наперегонки вдоль правой стороны. Разряд

нашел одного, влепив вращающееся вокруг собственной оси тело в стену. Другой неожиданно повернул и исчез в стене…

Портал. Везде порталы.

Отряд толантов получил какой-то сигнал, и они одновременно возникли в зале, пройдя через ряды скрытых порталов…

Борагост, рухнув лицом вниз, окончательно замер.

Колки Минг посмотрела на Тэлзи, сверкнув белками глаз на мертвенно бледном лице, затем заторопилась мимо Борагоста к Лишону. Тэлзи бежала за ней и, огибая лежащего на полу Сартеса, увидела торчащий у него из плеча черный пушистый пучок… Метательные палочки, отравленные дротики.

Пистолет Колки Минг заговорил вновь. Лишон взревел от боли. Алатта приблизилась к нему, нагнулась и снова выпрямилась. Теперь его оружие оказалось у нее в другой руке. Она заткнула его за пояс, вернулась к Борагосту вместе со следующей за ней по пятам Тэлзи, остановилась возле гиганта и пнула ботинком под ребра.

— Сдох, — констатировала она злым голосом. Потом оглядела зал, отерла ладонью лоб. — Все мертвы, кроме Лишона, который разделяет с

Борагостом его бесчестье, да еще перепуганного насмерть толанта. Теперь подождем. Думаю, это продлится недолго! Толант в панике бросится к элегарфам.

Алатта опустила взгляд на Тэлзи.

— Толантский яд. Наши умерли, еще когда падали. По три дротика в каждом. Не по плечу оказался Борагосту Путь Львов! Если бы мы не наблюдали за поединком, его план мог сработать. Толанты со своими дротиками бесследно исчезли бы, удары топора скрыли бы следы уколов. Нам…

Она осеклась.

В задней части зала за тем местом, где лежал Лишон, вырастал широкий лестничный марш. Он поднялся напротив ровной стены. Затем большая плита в стене поехала в сторону — открылась ведущая к порталу дверь. Из нее хлынул шквал глубоких голосов и неистовых эмоций одновременно. Затем, когда проем стал шире, из него толпой повалили элегарфы. Те, что были в первых рядах, замерли, увидев Колки Минг и Тэлзи. Они повернулись, перекрикивая остальных. Движение замедлилось, внезапно наступила тишина.

Колки Минг, сверкая глазами, вскинула руки, с ножом в одной и пистолетом в другой, и прокричала несколько слов.

Один из саттарамов прорычал в ответ и покачал головой. Группа потекла по ступеням в зал. Первый приблизившийся к телу Сартеса наклонился, выдернул дротик из плеча, другой из бока и поднял оба над головой.

Над залом повисло гнетущее молчание. Лица выражали потрясение и гнев. Саттарам, ответивший Колки Минг, что-то буркнул под нос. В плотных рядах началось слабое брожение. Вперед выдвинулся отессан, сжимавший шею сбежавшего из зала толанта. Тот принялся визжать, как резаный. Элегарф приподнял его, обхватил лодыжки одной рукой, размашистым движением руки поднял извивающееся существо снизу вверх и шваркнул головой об пол. Визг оборвался резко, как щелчок.

Саттарам, глядя на Лишона, зарокотал вновь. Трое его коллег быстро направились к помощнику Борагоста. Глаза негодяя были широко распахнуты. Двое элегарфов рывком подняли его на ноги и стали удерживать в стоячем положении. Третий извлек короткий нож, задрал основанием ладони подбородок вверх и чиркнул лезвием по горлу.

Хоть мертвый Борагост уже ничего не чувствовал, но и ему затем перерезали горло.

* * *

Затем Колки Минг и Тэлзи оказались в какой-то другой комнате в компании с саттарамами, которых набралось чуть больше десятка. В настоящий момент они, кажется, пленниками не были. Связки ключей, те, что были на виду, у них забрали, но Колки Минг оставили оружие. По тому, насколько громко и жарко шел обмен мнениями, было видно, что разрешать столь сложные ситуации, связанные с кодексом, приходилось нечасто. Ментальные щиты у всех были плотно сжаты. Никаких особенных ощущений Тэлзи получить не могла, но общее направление разговора было очевидным. Колки Минг время от времени вставляла язвительные реплики. Когда она говорила, гиганты слушали, большинство при этом хмурилось, но слушали. Алатта являлась врагом, но ее предки были элегарфами, и она, как и ее спутники, показала, что придерживается кодекса. В то время как Суан-Ювин «львиного народа» с помощью свидетеля позорно нарушил кодекс, чтобы превратить честный бой в подлую подставу!

Отвратительное положение вещей!

Было над чем поскрести гривастые загривки. Затем Колки Минг заговорила вновь, и на этот раз

говорила много дольше. Саттарамы повернулись, чтобы посмотреть на Тэлзи, скромно стоявшую у стены с саттарамом, который, судя по всему, назначил себя ответственным за нее. Этот монстр обратился к Тэлзи, когда Колки Минг закончила свою речь.

— Алатта говорит, — прогремел он, — ты агент Пси-Сервиса. Это правда?

Тэлзи подняла на гиганта взгляд, напуганная, что он свободно владеет межзвездной лингвой. Она напомнила себе, что, несмотря на солидную внешность, он вряд ли старше ее. И, возможно, не больше года назад, когда был отессаном, он ходил по Ядру среди людей, облаченный в нечто вроде спаранской маскировки.

— Да, это правда, — осторожно ответила она.

Пробежал шепоток. Очевидно, межзвездной лингвой владели немногие.

— Алатта также сказала, — продолжил саттарам, — что это ты натравила на Стилтик дагена в ее же штаб-квартире, выкрала унисвязки и повелевала разумом ее старшего толанта, как и разумом опозоренного Корма Найоки. Что это ты со своими рабами заманила патруль Борагоста в засаду и перебила до единого. Наконец, ты восстановила утерянную честь Корма Найоки,

позволив ему умереть в бою. Это правда?

— Да.

— Хо! — он воздел густые брови. — Потом присоединилась к алатта, чтобы помогать против нас?

— Да.

— Хо-хо! — широкое звериное лицо растянулось в ухмылке. Он потер подбородок когтем большого пальца, взирая на малявку-пси сверху вниз. Потом осторожно возложил на ее плечо могучую длань.

— Я уже не раз говорил, — заметил он, — что есть люди, которые достойны кодекса! — На его лицо набежала тень. — Более достойны, чем Борагост и Лишон! Никто не поверит, что совершенное этими двоими предательство было первым среди нас. Печальные настали времена! — Он угрюмо покачал огромной головой.

Тем временем возобновилось общее обсуждение, вскоре став жарче прежнего. Один из саттарамов спешно покинул комнату.

— Он ушел узнать, чего желает Стилтик, — сообщил Тэлзи ее страж-гигант, — поскольку она теперь единственная Суан-Ювин. Но чего бы она ни пожелала, определим, чего требует кодекс, только мы, легитимные вожди.

Вышедший из комнаты элегарф вскоре вер-

нулся с докладом. Опять начались нервные переговоры, Колки Минг к ним присоединилась.

— Стилтик заявила, что встретиться в ущелье Кахт с алатта, который входил в ее команду, — это ее право. Все сошлись на том, что это соответствует кодексу, и Колки Минг с этим согласилась. Стилтик, однако, также говорит, что тебя необходимо немедленно вернуть ей, как пленницу. Мне кажется, она думает, что из-за тебя над ней насмехаются, впрочем, так оно и есть. Этот вопрос будет обсужден.

Тэлзи не ответила. Она почувствовала холод отчуждения. Обсуждение продолжалось. Ее саттарам, вмешивавшийся несколько раз, начал ухмыляться. Один из группы великанов обратился к ней на межзвездной лингве:

— Биться против Стилтик вдвоем с Колки Минг в ущелье Кахт, — спросил он, — таков твой выбор?

Тэлзи не колебалась.

— Да, таков.

Он перевел. Все с одобрением закивали. Саттарам сказал Тэлзи что-то на своем языке. Некоторые из присутствующих засмеялись. Протянув свою огромную ладонь, он обратился к Тэлзи:

— Дай мне свой пояс.

Она взглянула на него, сняла ремень и отдала ему. Он залез за пазуху похожей на жилетку верхней части своего одеяния, вытащил нож в узких металлических ножнах, прикрепил ножны к ремню, и протянул ремень обратно.

— Ты была пленницей Стилтик и освободилась честно! — прогремел его бас. — Я говорю, ты достойна кодекса, и им так сказал. Ты не предстанешь перед Стилтик в ущелье Кахт без оружия!

Вновь на его лице вспыхнула зубастая ухмылка.

— Кто знает? Может, до того, как умрешь, ты заслужишь средь нас звание Суан-Ювина!

Он перевел эту реплику остальным. Раздался рев хохота. Великан засмеялся со всеми, но затем посмотрел на малявку-пси и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Стилтик съест твое маленькое сердце и горячее сердце Колки Минг. Но если мы узнаем, что прежде ты скрасила свой нож кровью, я буду счастлив!

Глава 13

Портал, к которому их отправили, вывел Колки Минг с Тэлзи на покатую гористую местность. Когда Тэлзи оглянулась, над ними возвышалась

отвесная скала. Солнце Тинокти сияло и сквозь незримые барьеры контура над головой.

Колки Минг повернулась к маленькому строению в сотне метров от них.

— Идем, быстрее! Стилтик, возможно, не захочет долго выжидать, чтобы последовать за нами.

Женщины заторопились. Прямо за строением уходил отвесно вниз каменистый склон, пропадая из виду. Где-то с полкилометра дальше находилась другая отвесная скала. По ней карабкались темные узкие деревья, а некоторые участки сплошь покрывали клубки лиан. Огромная скальная стена как бы загибалась влево и вправо, пока не достигала почти до той стороны горы, из которой они вышли. Справа, где оба скальных массива сближались, бежала вода, ниспадая протяженными каскадами к неразличимому отсюда дну ущелья Кахт. Далеко слева поток с пеной исчезал в другом разломе.

Но если вода…

Тэлзи отбросила пришедшую мысль. Какие бы вариации телепортальной технологии здесь ни были применены, тот факт, что вода, по-видимому, свободно текла сквозь силовые барьеры этой обширной секции, еще не означал, что там можно было выйти из портала или войти в него.

Она прошла вслед за Колки Минг в здание. Внутри оказалась одна единственная, хоть и просторная комната. Альпинистское снаряжение, подогнанное под пропорции элегарфов, свисало со стен и столбов. Веревки, крепеж, крючья… Колки Минг выбрала моток прозрачной веревки, оторвала от него зацепы, приспособила конец к поясу рядом с длинным ножом, который оставался ее единственным оружием. Снаружи она остановилась и присела.

— Живо ко мне на спину, и держись покрепче! Надо уйти подальше от этого места.

Тэлзи вскарабкалась, обхватила алатта ногами за талию, обвила руками ворот ее куртки. Колки Минг заскользила вниз по склону.

— Это, — сказала она, — тренировочная зона общего пользования, но только не тогда, когда используется Стилтик в качестве охотничьего угодья. Как правило, Суан-Ювин предпочитает долгую погоню, но сегодня она не сможет сдержать нетерпения. Гигантесса неутомима, быстра почти как я, но в два раза сильнее, а в качестве бойца ей не занимать опыта. Причем, как среди скал, так и внизу, в воде. Единственный выход отсюда находится в конце ущелья, у подножья водопада, но открыть его можно только ключом

Стилтик. За ним располагается ее знаменитый Триумфальный Зал, где элегарфы с нетерпением ожидают, чтобы Суан-Ювин предъявила на обозрение свои новые трофеи.

Склон круто пошел вниз. Колки Минг развернулась лицом к скале и, как громадный паук, ловко перебирая руками и ногами, принялась спускаться почти с той же скоростью, с какой двигалась раньше. У Тэлзи был кое-какой опыт по части скало лазанья, но сейчас было совсем другое дело и ничуть не напоминало этот дикий, с раскачиванием из стороны в сторону, спуск вдоль поверхности, постепенно превращавшейся в отвесную скалу.

Через минуту или две Колки Минг, посмотрев по сторонам, приказала:

— А теперь закрой глаза и держись изо всех сил! — и оттолкнулась от скалы.

Они стали падать. Как экстремалы-парашютисты. Тэлзи судорожно вцепилась в грубую ткань штормовки своей спутницы, но глаз закрывать не стала — если уж встречать Костлявую Леди, то с поднятым забралом. Слава звездам, свободное падение закончилось через какой-то десяток метров. Тэлзи сглотнула. Колки Минг почти бесшумно приземлилась на четвереньки,

разогнулась и дальше заспешила по тропинке метровой ширины, что уходила за выступ скалы.

— Каким образом Стилтик нас обнаружит? — поинтересовалась она.

— Пойдет по запаху наших следов, пока мы не окажемся в ее поле зрения. Кроме того, она еще и ментальный охотник, так что держи свой экран на замке. — Дыхание Колки Минг по-прежнему было ровным и неторопливым. — Элегарфам такая игра может казаться неравной, но поскольку всегда присутствовал шанс, что мне придется сразиться когда-нибудь здесь со Стилтик, я упражнялась в ущелье всякий раз, когда оказывалась в контуре… и еще им не известно, что из нас троих укротителем дагена была именно я.

Теперь рев падающей воды стал сначала различим и с каждым шагом становился все громче и громче. Должно быть, поток проходил почти прямо под ними, тремя сотнями метров ниже или около того. Они зашли в тень. Тропа становилась все уже и уже. Наконец они дошли до места, где Тэлзи с трудом смогла бы найти, куда поставить ногу, но алатта развернулась боком и двинулась приставными шагами, похоже, даже не задумываясь о существовании глубокой пропасти внизу. Очень постепенно, когда изгиб скалы поменял

направление, тропинка вновь расширилась и вывела путниц под солнечные лучи. Но вскоре снова завела в тень.

Затем, обогнув очередной выступ, Тэлзи заметила впереди место, где тропинка раздваивалась: один путь уходил через узкую расселину вверх, другой спускался вдоль скалы. Мгновением позже тонкий мысленный щуп, холодно настороженный, прикоснулся к ее экрану. Задержавшись на секунду, прикосновение угасло.

— Да, — подтвердила Колки Минг, — Стилтик уже в ущелье. Скоро, совсем скоро она пойдет по нашему следу.

Она выбрала тропу, уходящую вниз. Тропа извивалась, то круто спускаясь, то вновь поднимаясь на прежнюю высоту. Колки Минг остановилась у устья высокой узкой пещеры. У входа собралась грязь, скальные лианы пустили вглубь свода корни и образовали спутанный клубок, заполнивший проем почти до краев.

Колки Минг оглянулась, раздвинула лианы.

— Можешь слезть.

Тэлзи скользнула на землю, неуверенно встала на ноги, протяжно вдохнула:

— И что теперь?

— А теперь, — произнесла Колки Минг без эмо-

ций в голосе, — я тебя оставляю. Жди здесь, за лианами. Ты заметишь приближение Стилтик задолго до того, как она тебя обнаружит. Будь готова сделать все, что покажется нужным.

Она первой забралась в пещеру, ушла в сумрак и словно испарилась. Полностью обескураженная подобным поворотом Тэлзи посмотрела ей вслед. Из темноты донеслись слабые отзвуки какого-то скрежета, стука перекладываемых камней. Затем стало тихо.

Тэлзи повернулась к устью пещеры, выглянула наружу и окинула взглядом тропу, извивавшуюся серпантином вокруг скалы. Алатта была права — Стилтик появится в поле зрения за несколько минут до того, как окажется у пещеры. И, конечно же, она пока еще далеко!

Тэлзи вернулась в скальную утробу и пошла к месту, за которым исчезла Колки Минг. Темнота была почти пронзительной. Через десяток сделанных на ощупь шагов девушка остановилась. Впереди была скальная стена. По правой стороне медленно струилась вода, исчезая в каменной крошке под ботинками Тэлзи.

Она посмотрела в темноту над головой, привстала на цыпочки, вытянула руки, но пальцы ни до чего не дотронулись. Кожей лица она ощутила

дуновение ветерка. Значит, пещера заворачивала вверх, превращаясь в узкий тоннель. И в этот дымовой проход взобралась Колки Минг. Девушку заинтересовало, а смогла бы она последовать за алатта? Она поразмышляла с минуту, не пришла ни к каким выводам и вернулась к устью пещеры. Села на корточки и отодвинула лианы в сторону. Потом стала собирать каменные обломки в кучу, но взгляд ее оставался прикованным к тропе.

* * *

Не прошло и получаса, как из-за дальнего поворота показалась Стилтик. Дыхание Тэлзи замерло. С такого расстояния гигантская фигура казалась неуклюжей и нелепой, но двигалась она по ниточке скального карниза, почти неразличимой из пещеры, со стремительной уверенностью. Потом Суан-Ювин пропала из виду за выступом горы, потом появилась вновь, уже гораздо ближе.

Тэлзи позволила просочиться сквозь экран струйке страха, затем сомкнула его в плотный щит. Она заметила, как Стилтик, не сбавляя шага, повернула голову. К щиту настороженно прикоснулось ее мыслещупальце, и тут же отдернулось. Но не полностью. Теперь девушка ощущала выжидающую бдительность, пока Стилтик про-

должала двигаться по серпантину, исчезая и вновь появляясь на тропе.

Через некоторое время Тэлзи стала различать черты лица гигантессы с характерной массивной челюстью. Рядом с ножом и мотком веревки на ремне Стилтик болталась короткая секира.

Когда Суан-Ювин дошла до места, где тропа раздваивалась, то задержалась, оценивая тропу, уходящую вверх через расселину, наклонилась вперед, присела на полусогнутых, опустила голову низко к земле, и, перемещая лицо вперед и назад, стала вынюхивать тропу почти по-собачьи. Тугие связки спинных мускулов натягивали тонкую ткань безрукавки. На секунду повадки великанши показались Тэлзи совершенно звериными. Но вот Стилтик выпрямилась и посмотрела вверх вдоль расселины. Тэлзи толкнула собранную ею кучу камней. Те с грохотом вывалилась на тропу под устьем пещеры. Краткий вопль панического ужаса вырвался из-за ее ментощита.

Стилтик повернула голову. Затем скорым шагом направилась прямиком к пещере, внимательно вглядываясь, словно ее пытались зондировать сквозь свисающие лианы. И вот она уже обошла изгиб скалы, отстегнув секиру от пояса.

На Тэлзи обрушился пси-удар. Мощно, напористо, стремительно, потрясая сквозь щит. Но удар этот был направлен не на нее.

Стилтик покачнулась на тропе, с удивлением хрюкнула на выдохе, и что-то промелькнуло из воздуха над ее головой вниз, будто тонкая стеклянистая змея. Петля веревки Колки Минг, закрутившись вокруг шеи Суан-Ювина, резко вздернулась.

Гигантесса раздумывала недолго. Одной огромной рукой она удерживала веревку, другой стремительно взмахнула секирой. Но ее стало неуклонно заваливать назад, стаскивая с тропы. Два сознания обрушились друг на друга, неразделимые в своей ярости. Затем массивное тело Стилтик соскользнуло с уступа и в грохоте осыпающихся камней исчезло из поля зрения Тэлзи. Веревка Колки Минг резко натянулась, раздался душераздирающий хруст, словно переломился толстенный сук. Словно падающая змея, промелькнул свободный конец веревки. Сверху раздался вопль, дикий и триумфальный. А снизу, всего через несколько секунд, глухой отзвук удара.

И все стало тихо.

Тэлзи глубоко и протяжно вздохнула — не оста-

валось ничего другого, как немного подождать. Совсем немного. И вот смазанное пятно Колки Минг с вершины скалы, куда она заползла извилистым тоннелем из пещеры, спустилось вдоль расселины к месту, где тропа расходилась.

Вскоре напарницы добрались до дна ущелья Кахт и сразу наткнулись на изломанное тело Стилтик. Колки Минг достала нож и, пока Тэлзи сидела на камне и разглядывала ущелье снизу вверх до места, где пенистый поток вырывался из узкого разлома в горе, была занята некоторое время. Девушке показалось, что она может различить бледное мерцание. Должно быть, это был портал, выход из ущелья, недалеко от водопада, и теперь он располагался не очень далеко. Наконец, когда солнце Тинокти ушло за гребень скалы, Колки Минг закончила. Алатта подошла к Тэлзи и протянула окровавленные руки.

— Кровь Суан-Ювина! — сказала она спокойно. — Элегарфы увидят твой обагренный нож. Неужто они и вправду будут рады этому? Думаешь, я не знаю, что ты отвлекла внимание Стилтик на себя, когда у нее возникли подозрения? Да, не сделай ты этого, и вряд ли все закончилось бы хорошо для нас обеих. — Она сняла с пояса Тэлзи нож и провела пальцами по

лезвию. Потом приподняла согнутым пальцем подбородок девушки, а другой рукой размазала мокрое по ее щекам.

— И не брезгуй! Все должны видеть, что ты достойно разделила победу над Суан-Ювином.

Напарницы пошли по дну ущелья рядом с холодным потоком к мерцанию портала, они были заляпаны кровью Стилтик, а ее усекновенную главу несла в правой руке Колки Минг. Когда они приблизились к порталу, тот засветился ярко-преярко, словно приглашая войти.

Элегарфы заполняли зал. Они подались вперед, к порталу. И увидели то, что должны были увидеть. Ропот, пробежавший по их рядам, быстро смолк. Элегарфы раздвинулись, освобождая дорогу. В конце широкого просвета Тэлзи увидела пандус, ведущий к возвышению. Напарницы поднялись по нему, и на вершине развернулись лицом к элегарфам.

Под ними застыл «львиный народ», пожирающий их множеством пар глаз. Колки Минг качнулась назад и швырнула им голову Стилтик. Та скатилась по пандусу, подпрыгивая и разбрызгивая во все стороны кровь. Она вкатилась в зал, великаны расступались перед ней. Затем раздался звериный рев.

— За мной! — приказала Колки Минг.

Они помчались к задней стене, проскочили в портал, и рев как бы оказался отрезанным за их спинами.

— А теперь ходу, коротышка!

И они припустили. Ни одна из секций, через которые они пробежали, не показалась Тэлзи знакомой, но Колки Минг не останавливалась. Неожиданно Тэлзи поняла, что очутилась снова в опечатанной зоне — здешние порталы были замаскированы. Девушка задыхалась, перед глазами вспыхивали радужные шары. Да, неутомимая алатта задала такой темп, угнаться за которым было невозможно.

Затем они оказались в комнате, где в углу слепо светился телеэкран. Тут Колки Минг остановилась.

— Передохни, остался всего один переход, — милостиво разрешила она. — У нас есть время, хотя его и не столько, чтобы на твоем лице успела высохнуть кровь Стилтик.

Она принялась накручивать наборные, как у старинных телефонов, диски. На экране возник Триумфальный Зал Стилтик, зазвучали голоса элегарфов. Сбившиеся в группки гиганты заполняли зал. Казалось, их стало еще больше с тех

пор, как напарницы сбежали оттуда, и они все прибывали и прибывали. Большинство из них говорило одновременно, отчего реявший над залом гул напоминал спортивную арену.

— Спорят! — с удовлетворением отметила Колки Минг. — Что в данном случае требует кодекс? Но к какому бы решению они ни пришли, это означает смерть для нас обеих. Но сперва они должны найти выход из положения, как убить нас с честью для нас и для самих себя. И только потом они начнут интересоваться, куда же это мы подевались.

Она отвернулась, открыла стенной шкаф и извлекла оттуда пистолет. Потом достала с полки шкафа две небольших металлопластиковых пластины и положила их на стол. Вернувшись к экрану, она набрала код другой камеры обзора.

— Секция управления, — сказала она. — Вот наша цель теперь!

Секция управления была протяженной. Тэлзи с интересом рассматривала изогнутые стены, завешанные приборными стендами. Правее от них располагался большой черный квадрат, и эта чернота, казалось, утягивала сознание в глубокую бездну.

— Ворота Вингаррен, — объяснила Колки Минг.

В конце секции два вооруженных саттарама наблюдали за техниками, которых было около двух десятков. Они были представлены тремя формами жизни, две из которых предположительно относились к гуманоидам. Тела третьей представляли собой бугорчатые диски, покрытые желтой чешуей и снабженные целым набором разнообразных гибких конечностей.

— Эта пара должна умереть, — сказала Колки Минг, указав на саттарамов. — Они контролируют слуг Суан-Ювина, и совместно обработаны Борагостом и Стилтик, в качестве гарантии лояльности к обоим. Операторы приборов тоже обработаны, но с ними проблем возникнуть не должно.

Она отключила экран.

— Вперед, отважная коротышка! — она взяла пластины со стола.

Больше бежать не пришлось, хотя Колки Минг по-прежнему двигалась споро. Через пять секций они остановились перед гладкой стеной.

— Здешний портал не собран до конца, чтобы его не обнаружили, — пояснила алатта. — Эта секция находится на одном из вероятных путей проникновения в зону управления, потому ее осматривают часто и тщательно. Сейчас я закрою

поле!

Она прошлась вдоль стены, внимательно осматривая ее, потом осторожно приложила к стене одну из пластин. Пластина прилипла. Алатта открыла обратную сторону пластины, проверила настройки и захлопнула крышку.

— Следуй сразу за мной, — сказала она Тэлзи. — И веди себя тихо, как мышь! Оставшиеся полсотни шагов могут обернуться для нас крупными неприятностями.

Они вышли в полумрак, потом осторожно спустились по лестничному маршу. У основания Колки Минг замерла и повернула голову. Тэлзи прислушивалась из-за ее спины. Доносились отдаленные отзвуки. Это могли быть голоса, но не элегарфские. Спустя несколько секунд все стихло. Колки Минг двинулась вперед, Тэлзи последовала за ней.

Оставшаяся пластина легла на стену. Вглядываясь в темноту, Колки Минг произвела последнюю регулировку. Затем остановилась, отступила на шаг.

— У нас не было возможности проверить эту штуку, — прошептала она. — Когда я замкну последний выключатель, будет задействована сигнализация: здесь, в примыкающей охраняемой

секции и в секции управления. Приготовься!

Она протянулась к пластине. Сирена взорвалась истошным воем, и Колки Минг исчезла в портале. Тэлзи устремилась за ней.

* * *

У обоих саттарамов шансов просто не было. Колки Минг появилась из стены у них за спинами, беспорядочно паля из пистолета. Правда, они успели схватиться за оружие, но были сожжены прежде, чем увидели стрелка. Она пробежала мимо убитых к приборным панелям, выкрикивая отрывисто приказы на элегарфском и тем самым перекрывая пронзительный звон сирен. Техники не стали медлить. У выхода в дальнем конце большой комнаты возникла давка из тел разнообразной формы. Но вскоре исчез последний из них.

Колки Минг уже стояла возле приборных стендов, а ее руки мелькали над элементами управления. Несколько кнопок были утоплены в своих гнездах. Два массивных рубильника качнулись вверх, замыкая нужные цепи. Сигнал тревоги смолк.

— Ну вот, дело сделано! — сказала алатта во внезапно обрушившейся тишине. — Все секции

контура опечатаны. Ни один портал не сработает, если только его не открыть из этой комнаты. Где бы ни находились секунду назад элегарфы, там они и останутся. — Она ухмыльнулась: — Представляю, в какой они ярости! Но это продлится не долго. Сейчас сброшу Вингаррен, Врата отворятся, и придет мой народ, чтобы забрать наших пленников из каждой секции, освобождая одну за другой, и переместят их на наши транспорты.

Колки Минг подошла к другой консоли. Тэлзи наблюдала за ней. Алатта, занесшая руку над группой клавиш, замерла. Нахмурилась. Пальцы неуверенно задергались.

Лицо Колки Минг напряглось. Рука скользнула к оружию на поясе, но движение не завершилось.

Она выпрямилась и повернулась к Тэлзи. Девушка почувствовала, как разум алатта тоже повернулся к ней, изумленный, недоверчивый, лихорадочно ищущий возможности вырваться из паутины, неосязаемо сковавшей ее, и понимающий, что такой возможности нет, поскольку был неспособен даже понять, как такое могло произойти.

— Ты? — вымученно спросила, наконец, Колки Минг. — И когда только сумела…

— Когда ты расправилась со Стилтик.

В тот момент сознание алатта было ярко распахнуто, телепатически уязвимо, воля и внимание совершенно размазаны. Всего на мгновение, но и его вполне хватило для того, чтобы Тэлзи, наблюдавшая и выжидавшая, просочилась внутрь.

— Я ничего не почувствовала, — покачала головой Колки Минг. — Ну, конечно. Это было первое ощущение, которое ты заблокировала.

— Да, — сказала Тэлзи. — Так все и было. А на остальное у меня была куча времени.

Глаза алатта померкли.

— И что теперь?

— А теперь мы отправимся к планетарному выходу. — Тэлзи прикоснулась к одной из точек в плененном разуме: — Тому, скрытому, что установили твои люди… Проложи маршрут через пустые секции и распечатай соответствующую группу порталов.

* * *

Выходной портал на планету открывался во внутренний двор. Вдоль стены располагались в ряд аэрокары. Тэлзи немного задержалась у выхода. Похоже, в этой части Тинокти наступило раннее утро. Они с Колки Минг находились на

окраине города, вдаль уходили многоэтажные здания. Доносились свойственные спальным районам отзвуки, отдаленные и слабые.

Девушка оглядела себя. Руки, лицо и волосы она успела умыть по дороге, но возможности вычистить одежду не выдалось. Нет, так не пойдет. Она накинула на голову широкий яркой расцветки платок, который вырезала из гобелена в одной из секций контура. Ткань скрыла кровь и пятна грязи на одежде, а заодно и элегарфский нож на поясе.

Она поправила платок и направилась к карам. Колки Минг осталась на месте. Забравшись в ближайшую машину, Тэлзи проверила управление. Салон явно разрабатывали под пропорции спаранцев, в остальном оборудование было стандартным. Управиться с ним мог даже ребенок. Тэлзи включила двигатель. На пульте загорелся тревожный красный огонек, но он погас, как только над двором рассосалось невидимое энергетическое поле.

Она развернула машину, оторвала от земли, стала подниматься. Удалившись на две сотни метров, она с помощью наборного диска сфокусировала на экране изображения неподвижную фигуру возле портала. Кар продолжал двигаться

по прямой вверх и вперед. Когда фигура начала пропорционально расстоянию уменьшаться на экране, Тэлзи резко сбросила контроль с разума Колки Минг и, не забывая о молниеносной реакции алатта, плотно захлопнула свой щит.

Ничего не произошло. Колки Минг еще секунду оставалась на прежнем месте и, кажется, глядела вслед аэрокару. Затем отвернулась и скрылась в портале.

Через пять минут Тэлзи опустила кар на общественной парковке. Она вошла в общий транспортный контур, сориентировалась по картам контура, и отправилась в. путь. Спустя некоторое непродолжительное время она вышла возле огромного грузового космопорта.

Глава 14

Грузовой порт примыкал к захудалой городской зоне, где население существовало в основном за счет подачек «Тонги Фон». Там было немного привлекательного, но сколько угодно преступников. С другой стороны, это было отличное место для того, кто желал исчезнуть из поля зрения.

Тэлзи позволила одной преступной парочке — в нее входила молодая женщина приблизительно

ее роста — некоторое время следовать за собой по главным улицам. Это были люди невысокого интеллекта и легко податливые. Наконец она свернула в узкую аллейку, и когда ее догнали, они уже превратились в ее роботов. На пустынном дворике она поменялась верхней одеждой с женщиной, которая теперь удалялась в противоположном направлении с куском гобелена, которого так домогалась. В память обоих была загружена немного жутковатая, но довольно правдоподобная история о том, как он у женщины оказался и почему на ней дорогая заляпанная кровью одежда.

Тэлзи наведалась в лавку, о которой узнала от них. Лавочник платил наличными за все, что можно было продать, и когда она ушла оттуда несколько минут спустя, там остался элегарфский нож, а у нее полный карман монет Тинокти. Деньги были небольшие, но на ближайшие нужды хватало. Часом позже она на неделю сняла комнату над небольшим магазинчиком, заперлась и разложила принесенные с собой предметы. Среди них был и рекордер. Она включила устройство и растянулась на узкой кровати.

Девушке пришлось туговато. За эти часы ее разум был призван сделать больше, чем было

безопасно для здоровья, и теперь девушка испытывала заметное переутомление. Мелькали образы искаженных мыслей, эмоциональные всплески, импульсы, рожденные в чужих сознаниях и воспроизведенные в ее собственном. Пока она удерживала это под контролем, потому что должна была. Толанты и танвены, элегарфы и алатта, Фракель Диз — когда-то фон Диз, хозяин контура и его последний выживший в конце концов обитатель — все они оказались упакованы под ее личным недавним опытом, весьма насыщенным и шокирующим. Она переживала через чужие воспоминания нечто вроде жизни каждого из них, и нужно было выпутаться из этого клубка, пока эффект «чужежизни» не стал постоянным.

Она дала потоку заимствованных ощущений ринуться в сознание, сортируя их по мере поступления и вытягивая из них яд отрицательных эмоций. Время от времени он диктовала что-то на рекордер, поскольку кое-какие вещи следовало знать Психологическому Сервису. Другие могли оказаться полезными лично ей. Ну что ж, воспоминания отправились в ментальное хранилище, превратившись в четкие, нейтральные факты — знание. Остальное, по большей части,

ценности не имело и было подобрано случайно. Оно могло быть сразу стерто из памяти и было стерто, перестав существовать.

Процесс шел, давление на разум стало уменьшаться. Первые два дня ей снились кошмары, а, просыпаясь, она не могла выйти из депрессии. Постепенно настроение малявки-пси улучшилось. Она наконец поела, почувствовав голод, сделала зарядку, потому что захотела, и продолжила наводить порядок в доме своего разума. На шестой день, как было записано в купленных ею наручных часиках с календарем, она закончила. Опыт ее столкновения с элегарфами, начиная с первой встречи в парке Мелна, был последовательно выстроен, стал частью прошлого и больше не причинял беспокойства.

Вернуться в норму…

Последние несколько часов дня она провела за работой над отчетом для Пси-Сервиса и впервые за неделю нормально выспалась. Назавтра ранним утром она опустила рекордер в карман, отперла дверь и, тихонько насвистывая, спустилась в магазин. Владелец, только что открывший магазин, встретил ее озадаченным взглядом и почесал подбородок. Он гадал, каким же это образом у него выскочило из головы, что целую неделю

у него наверху была постоялица. Тэлзи дружелюбно улыбнулась и вышла на улицу. Секунду торгаш смотрел ей вслед, затем отвернулся и вновь позабыл постоялицу, на этот раз навсегда.

Тэлзи прошла с полквартала, ослабила экран и отправила идентифицирующую мысль своим связным из Сервиса. Посланная за ней команда оказалась на месте через четыре минуты.

* * *

— Тут еще кое-кто, — сказал наконец Клэйанг, — кто хотел бы обсудить с тобой твой отчет.

Этот разговор происходил через два дня, они находились на корабле Сервиса, вращавшимся на удаленной орбите Тинокти.

— И кто на этот раз? — осторожно поинтересовалась Тэлзи. Она уже не раз рассказывала Клэйангу и другим сотрудникам Сервиса про свои приключения в элегарфском контуре. Правда, в определенных пределах. Она и не собиралась давать более детальную информацию, чем была представлена в отчете, но к этому моменту начала чувствовать, что из нее вытянули достаточно.

— Высокопоставленный чиновник, которому была отведена вспомогательная роль в этой операции, — ответил Клэйанг. — По причинам

безопасности он не желает, чтобы его личность была рассекречена.

— Понятно. А как насчет моей личности?

До сих пор Клэйанг тщательно охранял тайну личности Тэлзи Амбердон. Сыгранная ею на Тинокти роль была известна лишь небольшому числу сотрудников Сервиса, Нето Нэйни-Мел, которая сейчас находилась в ведомственном госпитале, и алатта, хотя последнее значения больше не имело.

— Перед беседой мы тебя хорошенько загримируем, — ответил Клэйанг. — Беседовать будете телевизитно.

— Полагаю, это из-за того, что он неудовлетворен отчетом? — спросила Тэлзи.

— Нет. Ему кажется, что отчет недостаточно полон, а еще он подозревает, что ты сознательно кое-что придержала. Кроме того, он недоволен твоим временным графиком.

Она задумалась. Теперь все это уже не имеет значения.

— Ему известно то, что касается Нето?

— Нет. Для всех, кроме тебя, лечащего врача и пары сотрудников Сервиса, вроде меня, никогда никакой Нето Нэйни-Мел в контуре не было.

— В остальном я должна быть откровенна?

— В пределах разумного.

Вскоре девушка очутилась перед телеэкраном с Клэйангом за спиной. На чиновнике была маска, полностью скрывавшая лицо. Он вполне мог ее снять. Она узнала, кто это, как только он заговорил. Они встречались на Орадо.

На ней маски не было. Гримеры, приглашенные Клэйангом, потратили больше получаса, готовя Тэлзи к встрече. Чиновник видел и слышал юношу маленького роста с гнусавым выговором.

Беседа началась если и не в прохладном, то в самом выдержанном тоне. Тэлзи сообщили, что описанный ею контур был обнаружен сегодня утром. Силовые поля отдельных секций были выключены одновременно. После проникновения в одну из секций оказалось, что надобности в специальных портальных ключах, которые она предоставила Сервису, нет. Вся система была открыта, как любой другой контур общего пользования на Тинокти. Исследование проводилось осторожно, пока не стало очевидным, что упомянутые ею портальные ловушки разрушены. Также ничего не осталось, что могло бы навести на след устройства, названного в отчете Вратами Вингаррен.

— И нет нужды говорить, — сказал чинов-

ник, — что в контуре никого не оказалось.

Тэлзи кивнула:

— Их нет, наверное, уже неделю. Они настроили силовое поле, чтобы оно отключилось, когда будет безопасно, так что можете их не искать.

— В то же время, — продолжал чиновник, — у нас достаточно подтверждений вашим словам, что группы инопланетян, как алатта, так и элегарфов, маскировались в Федерации под людей-гигантов. Некоторые даже владели значительной собственностью. Три года назад один хорошо известный торговый флот был приобретен якобы спаранской организацией и впоследствии управлялся исключительно спаранцами. Теперь мы знаем, что владельцы спаранцами не являлись. Все эти группы испарились. Все обнадеживающие нити оказались оборванными. Выявленные нами пришельцы исчезли, не оставив ни одного следа, который мог бы сказать о том, откуда они пришли и куда ушли.

— Таков был план алатта, — подтвердила Тэлзи. — Они хотели, чтобы это было быстрое, четкое и окончательное отступление на заранее подготовленные позиции.

— Похоже, — сказал чиновник, — вы обладали этой информацией за неделю до того, как ре-

шили ее открыть. Разумеется, мне любопытно, что заставило вас взять на себя столь серьезную ответственность, позволив инопланетянам сбежать.

— Во-первых, нехватка времени, — ответила Тэлзи. — Если бы операция алатта была отложена, ситуация могла кардинально измениться, и они не сумели бы осуществить свой план так, как намеревались. Во-вторых, у меня не было уверенности, что здесь правильно оценят статус кво. Моим желанием было, чтобы они убрались вместе с элегарфами из Ядра прежде, чем кто-нибудь наверху Федерации примет неверное решение.

— Почему вы думаете, что было принято верное решение? — спросил чиновник. — Возможно, вы спасли нас от неприятностей сегодня, но тем самым поставили перед куда более серьезными проблемами в будущем.

Она покачала головой.

— Они не вернутся, — сказала она. — Если вернутся, когда мы о них знаем, то не составит особого труда их выследить. Но элегарфы вернуться не смогут, а алатта — не захотят. Они считают, что лучше совсем избегать дальнейших контактов с Федерацией, пока не пройдет достаточно много времени.

— Откуда вы знаете?

— Я заглянул в разум одного из них, — созналась с улыбкой Тэлзи, ни на секунду не забывая о том, что внешне она выглядит мужчиной. — Разумеется, это была одна из тех вещей, которую я просто должен был узнать.

Чиновник секунды две пристально разглядывал своего фальшь-собеседника.

— Заглянув в разум алатта, вы, должно быть, получили какое-то представление об их положении в Галактике…

— К сожалению, ничего подобного я не получил, — разочаровала его Тэлзи. — Я всячески старался, чтобы этого не произошло. Я не хочу этого знать.

— Почему? — в голосе явственно прозвучали обертоны раздражения.

— Потому что я тоже считаю, что будет гораздо лучше, если между нами не будет контактов, пока не пройдет достаточно много времени. С обеих сторон.

Маска чуть сместилась, повернувшись в сторону Клэйанга.

— Доктор Клэйанг, можете ли вы, опираясь на весь арсенал устройств, имеющихся в распоряжении Сервиса, подтвердить, что этот человек

рассказал всю правду?

Клэйанг почесал подбородок.

— Зная его так, как я, могу заверить вас только в одном: как только он почувствует, что его вынуждают открыть нечто, чего он открывать не намерен, это будет просто стерто из его памяти. И мы, к сожалению, не в состоянии восстановить стертое. Так что нам остается одно: поверить его заявлениям.

— В таком случае, — сказал чиновник, — похоже, нет смысла продолжать этот разговор.

— Мне показалось, — заметил Клэйанг, когда они с Тэлзи покинули комнату связи, — ты знаешь, кто это.

Тэлзи кивнула:

— Знаю. Его имя Рамадун. Интересно, каким боком он оказался к этому причастен? Я всегда думала, он просто заместитель Советника.

— Он занимает целый ряд высоких должностей, — сказал ей Клэйанг. — Считается ценным работником. Превосходный организатор, высокий уровень интеллекта, безоговорочная верность идеям Федерации.

— И крайняя настырность, — язвительно добавила Тэлзи. — Думаю, он уже планирует потратить массу усилий, чтобы выяснить, кем же

является этот пси из контура Тинокти.

— Не сомневаюсь, — вынужден был признать Клэйанг. — Но планировать он будет только до тех пор, пока это не выскочит у него из головы.

— А оно выскочит? О-о, замечательно! Тогда нет смысла волноваться. Я понимаю, почему ему кажется, будто я поставила Федерацию в невыгодное положение.

— В самом деле?

— Вы же не верите, будто я не знаю, где располагаются территории алатта, правда?

— Не верю, — согласился Клэйанг. — Мы полагаем, ты, в конце концов, вернешься к этой теме.

— Ну, я предоставлю Сервису координаты, разумеется. Но мне кажется, мы должны подождать, пока не улягутся круги на воде. К тому же, у меня только общее впечатление, и чтобы определить точные цифры, понадобятся астрокартографы и куча времени. Их земли должны находиться за границами наших карт. А это, — добавила Тэлзи, — фактически поставит алатта в невыгодное положение.

— Не уверен, что понимаю, к чему ты клонишь, — сказал Клэйанг.

— Насколько удалось выяснить алатта, людипси прошлого, и особенно различия между ними

и элегарфами, сыграли большую роль в поражении последних на Налакии.

— Хм! — Клэйанг задумчиво потер челюсть. — У нас нет файл-записей об этом в архивах, но твоим новым «приятелям», разумеется, виднее. Да, интересное предположение!

— Они не считают это предположением. Сами все они — пси, но это один и тот же общий тип пси. Они такими рождаются, это наследие мутации. И они не меняются с каждой популяцией. А мы, люди, не только сильно различаемся между собой, но и меняемся. Вот с какой целью они хотели взять меня с собой, чтобы дать проанализировать мой разум своим экспертам. В настоящий момент я весьма близка к элегарфскому типу пси, но алатта поняли, что я — значительно мощнее и разнообразнее.

— Что ж, — сказал Клэйанг, — эту точку зрения ты, к полному удовлетворению алатта, считай, теперь доказала. В таком случае якобы невыгодное положение Ядра остается чисто формальным. Сервис тоже склоняется к мнению, что контакты между Федерацией и алатта в любом обозримом будущем были бы крайне нежелательны.

Они прошли мимо зеркальной переборки, и Тэлзи встретилась взглядом со своим отражени-

ем. Коротышка-паренек противно кривлялся с переборки. Потом взгляд девушки переместился на циферблат настенных часов в конце коридора, показывающих стандартные и местные для «Тонги Фон» время и даты.

Секунду-другую она была занята подсчетами.

— Клэйанг, — спросила она, — может Сервис сделать мне одолжение?

Клэйанг насторожился.

— О, я бы сказал, мы у тебя в долгу. Что за одолжение?

— Пусть гримеры прямо сейчас сделают меня такой, какой я была до телевизита.

— Пожалуйста. Что еще?

— Можете посадить меня на достаточно быстрый корабль, чтобы доставить в Орадо-сити уже сегодня вечером по местному времени?

Клэйанг бросил взгляд на часы и быстро посчитал в уме.

— Уверен, что это можно устроить, — сказал он затем. И посмотрел с любопытством. — А что, время прибытия имеет для тебя какое-то особое значение?

— Не столько для меня, сколько для моих родителей, — ответила Тэлзи. — Просто я только что вспомнила — сегодня у меня день рождения. Мне

стукнуло шестнадцать, и семья хочет отпраздновать эту дату в полном составе.

Налакийская кровь[10]
(рассказ)

С очередным огорчением Лейн Роулингз обнаружила, что и перед лицом непредвиденной катастрофы Старшеф Фрома способен не терять головы и действовать с той же непоколебимой, почти небрежной самоуверенностью, которую он всегда демонстрировал перед рабами-людьми. То, что одинокая станция Земного Бюро Земледелия и безымянный мир внизу под ними были одинаково настороже и достаточно прилично вооружены, чтобы отразить лобовую атаку тяжелого космического корабля, оказалось для него ошеломляющим сюрпризом, и Лейн сейчас променяла бы свой, исчезающе малый шанс выжить, лишь бы увидеть, как Старшеф выказал страх.

Вместо этого он незамедлительно сделал именно то, что было необходимо сделать, дабы

---

[10] Примечания: 10

Данный рассказ не относится к циклу рассказов о Тэлзи Амбердон, поскольку действие разворачивается в более ранний период истории Федерации Средоточия. Это часть предыстории элегарфов, ставших противниками Тэлзи в повести «Забавы «львиного народа».

избежать полного поражения.

* * *

Разумом Лейн не пыталась поспеть за действиями Старшефа. Корабль еще сотрясался от попадания невидимых орудий снизу, когда ее, Гранта и Шона зашвырнули в центральную спасательную капсулу. Когда шлюз за ними захлопнулся, и капсула осветилась изнутри, они увидели, что Старшеф присел за консолью управления. Через десятую долю секунды раздался очередной взрыв, инициированный им самим — взрыв, который вырвал кусок корабельной обшивки и одновременно высвободил капсулу.

Лейн поймала себя на том, что смотрит через телескопические иллюминаторы капсулы на солнечный свет, а еще на зелено-коричневые полосы на земной тверди, куда они падали. С двух краев твердь обрамляло огромное синее море. За ними, чуть левее, блестел стеклянный купол станции, пара белых дымов отмечала параллельные шрамы длиной в километр, прожженные в почве корабельными бластерами главного калибра в миг самонадеянной жестокой атаки Старшефа. Следы заканчивались совсем близко от купола. Кто бы ни был там, внизу, они тоже

отреагировали незамедлительно.

Капсула жестоко накренилась, и Лейн свалилась на спины Шона и Гранта. Ничто не говорило о том, что эти двое находились в сознании. Последние несколько дней они вели себя, будто запуганные дети, и сейчас лежали как парализованные. Восстановив равновесие, Лейн поняла, что капсула падает слишком быстро, и на мгновение у нее появилась нелепая надежда на то, что капсула потеряла управление.

Потом она поняла: Старшеф хотел упасть возле станции, поближе к припасам пищи! На нее накатила волна тошнотворной беспомощной ярости.

Старшеф оглянулся, коротко ухмыльнулся, словно уловил ее мысль:

— По нам лупят наугад, Лейн! Так что мы справимся.

Низкий, дружелюбный, властный, с легкостью сбивавший с толку голос, в который она влюбилась больше года назад. Голос, совершенно безразлично известивший тридцать шесть часов назад, что ей, Шону и Гранту придется умереть, потому что она узнала нечто, о чем знать не должна, и еще потому, что совершила еще одну ошибку, рассказав об этом еще двоим. Так же безразлично голос поведал о том, насколь-

ко непристойная смерть была уготована всем троим…

Она оглядела массивный светловолосый затылок своего бывшего возлюбленного, слабея от ужаса и ненависти, пока капсула вновь не дернулась, завалив девушку навзничь. На этот раз, поднявшись на четвереньки, Лейн увидела, что капсула несется с обреченной стремительностью, говорившей о том, что их подбили, и они разобьются. Тем не менее они находились еще в километре от тверди.

Она не сопротивлялась, когда Старшеф схватил ее за рукав и выволок из шлюза.

* * *

Парашютные стропы легкими рывками разворачивались согласованным порядком у них над головами. И хотя Старшеф сдерживал ее рукой, Лейн испытывала совершенно сумасшедшее спокойствие. Капсула оказалась ниже точки, где их могли достать стрелки станции. Значит, Старшеф собирался спустить ее вниз живой. Он не собирался бросать свою жертву только потому, что его собственная жизнь находилась в опасности. Что-то ударило Лейн по ногам — приклад охотничьего ружья, которое Старшеф держал в

другой руке. Неожиданно ей на ум пришла одна хитрость, она обмякла и стала ждать.

Земля была уже меньше, чем в полусотне метров, разворачивалась, кренилась, увеличивалась и мчалась навстречу. Девушка услышала, как Старшеф сердито вскрикнул, почувствовала, как его рука крепко, до боли и хруста вцепилась в ее предплечье. Потом последовал удар.

Вскоре Лейн поднялась на ноги, осмотрелась и захромала к Старшефу. Он лежал ничком в сотне метров от нее. Стропы запутались в кронах кряжистых деревьев, но сперва парашют оттащил его на это расстояние. Он дышал. Значит, не умер, просто без сознания. Девушка презрительно взирала на бывшего возлюбленного сверху вниз, готовая разразиться истерическим хохотом. Она не могла сделать этого намеренно, Старшеф оказывал на своих рабов пси-давление, чтобы те не смогли причинить ему вреда. А она сумела освободиться, пусть на миг, только потому, что пыталась покончить с собой. Взгляд девушки замер на камне возле его головы, но ее тут же охватило ощущение слабости и густого страха.

Нужно немедленно уйти от него подальше. Если она сможет добраться до станции, то сможет объяснить ее работникам, кто на них напал. Ко-

нечно, в том случае, если раньше они ее не убьют. Охотничье ружье Старшефа лежало рядом с местом ее падения. Для девушки оно было слишком тяжелым. И не только чтобы стрелять, но даже нести. Но она потратила довольно много времени, чтобы затащить его в гущу сухого кустарника, который хотя бы на время скроет ружье. Затем двинулась в сторону станции.

Только через полкилометра она заметила отблеск рухнувшей далеко впереди капсулы и остановилась, чтобы ощутить чувство раскаяния. У Гранта и Шона шансов после того, как она рассказала им, что узнала о Старшефе, не было никаких. Значит, она повинна в их гибели. Девушка торопливо прогнала эту мысль, потому что сейчас гораздо важнее было то, что, возможно, кто-то уже вышел со станции, чтобы обследовать место крушения. Но рисковать и ждать Лейн не имела права. Станция должна была находиться примерно в трехстах километрах, а ее страх перед Старшефом, как ни странно, продолжал нарастать. Когда она не видела и не слышала его, создаваемая им иллюзия человечности пропадала. Оставалось почти невыразимое ощущение существа холодного и невероятно чуждого, словно это был какой-то чудовищный паук…

Неожиданно закачавшись, Лейн на время остановилась, чтобы побороть это гадливое чувство. Когда она двинулась вновь, ее поступь была такой твердой, чтобы она смогла вынести весь путь до станции, если никто не встретит ее раньше.

Через десять минут она услышала выстрел из ракетницы и свист над головой, за которым последовал отдаленный окрик. Слава звездам, это было не ружье Старшефа. Лейн обернулась, чтобы найти взглядом преследователя, и ее охватило несказанное облегчение.

* * *

Высокий бронзовокожий мужчина, сошедший с компактного гравицикла в нескольких десятках метров от нее, держал в руках оружие, но смотрел на Лейн не как на врага, а с самоуверенной осторожностью и любопытством. Остромордое, гибкое и стройное животное, чем-то напоминавшее коротконогую собаку, соскочило за ним с сиденья гравицикла, приподнялось на мускулистых лапах и наградило Лейн блеском черных глаз.

— Нет-нет, Салли! — предостерег собаку человек, после чего спросил у девушки: — Еще кто-нибудь из ваших выжил?

Голос был негромок, но нес в себе тот же оттенок самонадеянности.

— Только один.

От Лейн не ускользнуло, что собаке хватило бы одного разрешающего жеста, чтобы вцепиться ей в горло. Поджарое тело принадлежало прирожденному убийце, а скомандовать «ату ее!» было совсем просто.

— Послушайте, — торопливо проговорила она, — можете вы послушать меня тридцать секунд, не перебивая и не задавая вопросов?

— Только тридцать? — Бронзовокожий улыбнулся. — Почему бы и нет?

— Этот выживший вооружен и очень опасен! Именно он пытался разрушить вашу станцию…

Она заколебалась и сглотнула, впервые осознав, насколько абсурдной выглядит ее история со стороны.

— Это не человек, — откровенно, почти мрачно сказала она.

Может быть, в глазах мужчины и промелькнуло легкое беспокойство, но он всего лишь кивнул. Неожиданно в Лейн что-то надломилось. Она услышала, как лепечет о том, что Фром — это небольшая человеческая колония на избранном мирке, как они вместе отправились туда из си-

стем Ядра Звездного Скопления год назад. Что организовал переселение, поездку, все-все-все некто Старшеф, Брюс Синклер Фром. Что она работала у него секретаршей…

Станционер продолжал кивать и слушать, не мешая.

— Несколько дней назад я узнала, что он людоед! Кровопийца, вурдалак, вампир. Вот зачем ему понадобилось устраивать колонию Фрома. У него под гипнотическим внушением находилось восемь сотен душ, и он использует ультразвуковые сигналы, чтобы его поддерживать постоянно. Для этого у него есть необходимые устройства! — воскликнула Лейн неожиданно дрогнувшим голосом. — Все это время он жил за счет нашей крови, никто не знал и даже не догадывался ни о чем…

— Полегче!

Ее прервали резко, но с ровной интонацией, и это отлично сработало — она осеклась. Все ее тело исходило потом.

— Вы мне не верите, разумеется. Он будет…

— Я могу вам поверить, — к ее удивлению, в голосе мужчины слышалось сочувствие: — Вы думаете, он ищет вас?

— Конечно, ищет! Он не хочет, чтобы я кому-ни-

будь рассказала о его пристрастии. Он привез нас троих, всех, кто знал о его каннибализме, сюда, с единственной целью — чтобы убить. Бедняги разбились вместе с капсулой…

Он изучал девушку еще мгновение, потом показал на гравицикл.

— Лучше сесть на машину.

Коричневый зверь, которого он звал Салли, скользнул на заднее сидение. У него был острый кошачий запах, запах дикого создания. Мужчина забрался последним, и гравицикл оторвался от земли. Несколько секунд спустя машина уже неслась зигзагом между деревьев на высоте десятка метров над землей, беззвучная, как тень.

— Давайте временно отступим, пока не разберемся, в чем дело, — пояснил станционер. — Меня зовут Фрейзер. А вас?

— Лейн. Лейн Роулингз.

— Что ж, Лейн, у нас с вами серьезная проблема. Видите ли, в настоящий момент я управляю станцией в одиночку… если не считать Салли. В пяти днях полета трудится горнодобывающая артель, они ближе всех, о ком я знаю. Но горняки не слишком склонны сотрудничать. Они могут прислать вооруженную группу, если я отправлю неотложный сигнал. А могут и не прислать. В

любом случае пять дней — это слишком долго, чтобы ждать. Придется нам справляться самим.

— О, нет! — пораженно вскрикнула она. — Он… вы не понимаете, насколько Старшеф опасен!

— Риск намного меньше, — спокойно продолжал Фрейзер, — если разыскать вашего… гм… довольно своеобразного шефа сейчас, прежде чем он, так сказать, очухается, чем ждать, когда он сам наведается к нам. Мы на острове, и островок не очень-то велик. И если этот Старшеф, по твоему описанию, ну… нечто вроде огра, то он не сможет найти себе пропитание. Бюро очистило остров от фауны довольно давно. Мы используем его, как экспериментальное ранчо.

— А почему бы нам не запереться на станции? — страх быстрым и горячим приливом вновь заколотился в ее сердце.

Фрейзер, медленно развернув гравицикл, остановил его в воздухе.

— Дело касается шестидесяти лет экспериментальной работы, — объяснил он терпеливо. — И некоторые культуры, кое-что, что мы здесь выращиваем, становятся невероятно опасны, если их не контролировать постоянно. Бюро может прислать смену через две недели, но к тому времени мы будем вынуждены прочесывать остров вдоль

и поперек. Не самый простой способ избавиться от твоего Старшефа Фрома.

С неожиданным испугом Лейн поняла, что ей не под силу пошатнуть твердую самоуверенность этого человека. Но тут же припомнив скорость и результативность, с которой он встретил космическую атаку Старшефа, она признала, что у него могли быть серьезные основания для такого поведения.

— У него дальнобойное охотничье ружье, — дрожащим голосом предупредила она. — Полагаю, ты знаешь, что делаешь…

— Конечно, знаю, — широко улыбнулся Фрейзер. — Сейчас я высажу тебя возле станции, а потом мы с Салли выследим твоего дружка…

— Нет! — перебила она, испугавшись перспективы оказаться одной на острове со Старшефом Фромом как в ловушке, в том случае, если Фрейзер потерпит неудачу. — Я пойду с тобой. Я могу помочь.

Фрейзер, похоже, был удивлен, но радости скрывать не стал.

— Здесь и, правда, ты могла бы мне здорово помочь, — признал он. — Особенно потому, что знаешь все его ухищрения. И потом у нас есть гравицикл, это дает нам неоспоримое преиму-

щество…

* * *

— Почему ты столь уверен, — спросила Лейн немного позже, — что Старшеф придет к капсуле? Он ведь может догадываться, что за ней наблюдают.

Они сидели рядом, укрывшись в кустарнике, в полукилометре от места крушения, на небольшом возвышении, которое на языке военных называется «господствующей высотой». Гравицикл был спрятан среди кустов метрах в десяти поодаль. Сотней метров дальше возвышалась массивная скальная стена, напрочь лишенная растительности. Она изгибалась влево от них, пока в расплывчатой дали не начинала снижаться к морю.

— Могу представить, что он действительно об этом подозревает, — признался Фрейзер. — Если он где-то рядом, то, возможно, даже видел, где мы сошли на землю.

Они высоко поднимались, чтобы просканировать зону, но удостоверились только в одном — Старшефа Фрома больше не было там, где его, бесчувственного, оставила Лейн. Мест, где он сейчас мог находиться, было предостаточно.

Эту часть острова в разнобой покрывали леса. Густота древесных стволов менялась там, куда вытягивались участки каменистой почвы, которая, похоже, могла прокормить только тростник. Плотные зигзаги почти черной растительности, напоминавшей живую изгородь, будто следовали вдоль скрытых водных артерий. Не считая возвышавшейся скальной гряды, здесь не было каких-либо примечательных черт и заблудиться было очень просто. А еще это было идеальное место, неуютно подумалось Лейн, для смертельной игры в прятки на выживание, в которую она оказалась втянута помимо воли.

— Однако, выбор у него небогатый, — говорил Фрейзер. — Как я тебе говорил раньше, на острове нет приличной живности. В конце концов вампир обязан проголодаться.

Взглянув на капсулу, Лейн почувствовала, что белеет как мел. Фрейзер продолжал, не замечая произведенного впечатления или же не заботясь о нем.

— Еще он мог бы попробовать забраться на станцию, но ружье ему в этом не поможет. Поэтому он вернется, — его пытливый взгляд скользнул мимо Лейн и уперся в широкую полосу зарослей за ее спиной.

— Это Салли, — негромко сказал он, словно успокаивая самого себя.

Мигом позже Салли выплыла в поле зрения, подняв голову, чтобы окинуть людей бесстрастным взглядом, и снова исчезла с волнообразной гибкостью движений, напомнившей Лейн о змеях. Животное словно без всплеска скользнуло в серо-зеленое море.

— Поймал Салли на материке четыре года назад, — сказал Фрейзер, поддерживая беседу, но по-прежнему вполголоса.

— Она — элейг, тридцать кило смертоносной плоти и гораздо больше мозгов, чем ты полагаешь. В таких кустах даже у вооруженного человека против Салли нет шансов. Она отлично знает, зачем мы сейчас здесь.

Лейн вздрогнула. Что-то во Фрейзере, в его манере говорить и действовать спокойно и неторопливо создавало иногда ощущение безопасности, но она подозревала, что ощущение это ложное и крайне опасное. Он, похоже, не был способен понять коварную смертоносность сложившейся ситуации. Ей уже было почти жаль Фрейзера.

— Ты наверное удивлен, почему я так боюсь его, верно? — медленно проговорила девушка.

Фрейзер ответил не сразу. Оружие на коленях, маленький рюкзачок, взятый им из гравицикла, туго закреплен на бедре. Он смотрел на нее довольно дружелюбно, но не без того, чтобы удержаться от оценивания того, что увидел. Высокий загорелый мужчина, компетентный специалист, чувствующий, что способен справиться с удовлетворительным для себя результатом и с этой и любой другой проблемой, которая может возникнуть у него на пути.

— Иррациональный страх перед твоим вурдалаком мог быть частью гипнотического внушения, которым он потчевал тебя и еще 799 человек, — сказал он ей почти рассеянно.

Лейн пожала плечами, ощутив волну острого раздражения. За год, в течение которого она знала Брюса Синклера Фрома, она почти позабыла о том, насколько привлекательны для мужчин сильные, чистые линии ее тела. Теперь ей об этом напомнили. И, возможно, поэтому, поняла она, ее ненависть к Старшефу отчасти растет из осколков ее разбитого вдребезги тщеславия, потому что он отверг ее как женщину. На секунду у нее появилась неприятная мысль о том, как бы она отреагировала, узнав о нем правду, но заодно и то, что он по-прежнему желает близости с нею…

Она отбросила эту мысль. Да Старшеф умер бы, будь у нее шанс это подстроить. Но шансы были таковы, что он считал ее с этим бойскаутом-переростком угрозой не большей, чем были Шон с Грантом. Она сидела молча, сжимая в кармане пальцами нейропистолет Дина, который дал ей Фрейзер «просто на всякий случай». О том, что, вероятно, не сможет пересилить себя, чтобы воспользоваться оружием, она станционера предупредила…

— У меня только что возникла приятная мысль, — заметил Фрейзер, — что твой Старшеф мог забрести на делянку одной из наших наименее дружелюбных культур. Она здесь неподалеку. Именно это и произошло с двумя последними присланными сюда мне в помощь ассистентами меньше полугода назад. И это разрешило бы нашу проблему наилучшим образом. — Он помолчал, размышляя. — Но, полагаю, любой, хоть сколько-нибудь здравомыслящий и осторожный человек сумел бы заметить большую часть этих малоприятных штук.

— Боюсь, — холодно согласилась Лейн, — он будет весьма осторожен.

Станционер вновь посмотрел на свою спутницу, переварив ее слова молча.

— Ты в самом деле веришь, что он нелюдь?

— Я знаю одно, он — не человек! Старшеф отличается от нас биологически. Для выживания ему требуется чужая кровь.

— Значит, Фром был его фермой, а вы, колонисты — его скотом, так?

— Вроде того, — ответила она, раздосадованная достаточно точным, чтобы болезненно ударить по ее чувствам, описанием.

— Троих из вас он привез сюда — с какой целью?

— Выпустить на свободу, устроить охоту, а потом поймать и сожрать! — выпалила на выдохе Лейн. И на секунду испытала жуткое облегчение, что смогла наконец выразить накопившееся всего в нескольких словах.

Фрейзер ухмыльнулся.

— Знаешь, а ведь это дает нам некоторое преимущество. Вдоль побережья материка живет группа примитивных невысоких гуманоидов, которыми Старшеф, переберись он туда, смог бы питаться. Но ему о них неизвестно. Потому он будет очень осторожен, чтобы не разнести нас в клочья из своего большого ружья, о котором ты упомянула.

Лейн с силой сцепила руки.

— Он предпочел бы, чтобы… — мертвым голосом согласилась она.

— У нас есть гравицикл, — Фрейзер перевел взгляд в сторону спрятанной машины. — Это дает нам большую мобильность. Будь Старшефом, я сперва сломал бы гравицикл, прежде чем попытался приблизиться.

— И что нам тогда делать?

— Ну, у нас есть кое-какие трюки в запасе, — он ухмыльнулся. — Гравицикл — наживка. Пока Старшеф ее не заглотит или не появится возле капсулы, мы с ним ничего сделать не можем. Но если заглотит наживку, то попытается заполучить нас в качестве бифштексов.

Лейн покорно качнула головой. Фрейзер ей особо не нравился. Но теперь у нее появилось чувство, что он не блефует вовсе. Станционер определенно принадлежал к куда более приспособленной и, значит, более опасной человеческой породе, чем колонисты Фрома.

— Ты у нас главный, — сказала она, — тебе и решать.

— Все еще боишься его?! — парировал он.

— Очень! Но все вышло лучше, чем я ожидала. Я думала, если расскажу кому-нибудь здесь о Старшефе, то все решат, будто я не в своем уме…

пока не стало бы слишком поздно.

Фрейзер почесал подбородок, щурясь на капсулу вдалеке, словно высматривал какое-то не уловленное девушкой движение.

— Если он не человек, — сказал он, — то кто он, как думаешь?

— Не знаю, — призналась она с чувством суеверного ужаса, всегда возникавшего в ней вместе с этой мыслью.

— Может быть, я и решил бы, что ты сумасшедшая, — продолжил Фрейзер, улыбаясь, — если бы не… Похоже, ты никогда не слышала о налакийцах?

Она мотнула головой.

— Это была земная колония. Недалеко от систем Ядра, но и не слишком близко для колонии… Видимо, с тех пор, как восемь поколений назад колония была основана, все о ней позабыли. Когда ее вновь открыли, потомки первых колонистов превратились в нечто более или менее похожее на твоего Старшефа. Там имелись внутренние психические модификации, я уже не помню подробностей. Новые налакийцы по отношению к остальным человеческим существам проявляли поистине каннибальский интерес, который, по большей части, мог быть психологическим

следствием мутаций. И еще им была присуща мускулатура, как у львов, и львиная реакция. Короче говоря, идеальный плотоядный вид человечества.

На это раз станционеру удалось завладеть вниманием девушки, потому что все сходилось! Лейн взволнованно приподнялась.

— И что с ними случилось?

Фрейзер ухмыльнулся:

— А на что может рассчитывать лев, когда привлекает к себе слишком много внимания? Они совершали набеги на близлежащие колонии. Их выследили до родной планеты и весьма основательно истребили. Все это случилось лет восемьдесят назад. Но, как сама понимаешь, те, которые в этот момент находились в космосе, могли уцелеть. У выживших могли оказаться потомки, достаточно сообразительные, чтобы замаскироваться под обычных людей. Я подумал об этом в первую очередь, когда ты рассказала о Старшефе.

От резюме девушка испытала странное облегчение. Старшеф Фром сразу стал чем-то менее ужасным и даже показался в большей степени ровней колонистам.

— Возможно, что он налакиец.

— Возможно, — кивнул Фрейзер. — Помимо того, чтобы поиграть с вами в кошки-мышки, он не говорил о каких-нибудь других мотивах, по которым привез вас именно на эту планету, а?

— Нет, — озадаченно ответила Лейн. — Он увозил нас с Фрома, потому что хотел все обставить как несчастный случай. Какие у него еще могли быть мотивы?

— Вероятно, не очень-то здравые, — сказал Фрейзер, — но все сходится. Видишь ли, я родился на этой станции и знаю местность как свои пять пальцев. Эта планета когда-то, впрочем, как и сейчас, называется Налакия, и основная налакийская колония находилась на материке, всего в каких-то восьмистах километрах отсюда. Налакийцы даже использовали зверей вроде Салли для охоты.

Они переглянулись. Лейн вздрогнула.

— Но здесь их больше нет, — категорично заявил Фрейзер. — Ни одного из них, иначе я нашел бы следы. Но какова была цель Старшефа? Нечто вроде кровавого жертвоприношения оплаканным предкам или богам планеты? Знаешь, мне уже почти захотелось взять твоего людоеда живым, чтобы узнать…

Он внезапно замолчал.

Лейн напряглась, гадая, увидел он что-то подозрительное или услышал. Станционер прижал палец к губам, призывая девушку к молчанию. В тишине она почувствовала, как что-то шевельнулось на границе ее поля зрения слева и вновь замерло. Она поняла, что Салли присоединилась к ним.

Потом потянулись долгие секунды, наполненные одним только суматошным биением ее сердца.

Ожидание кончилось коротким, не слишком громким звуком удара позади них, который тем не менее означал окончательную и бесповоротную гибель гравицикла.

Старшеф Фром выследил их.

* * *

Чуть больше километра Фрейзер, распластавшись, тащил по каменистой земле на себе Лейн.

— Ладно, готов признать, у него пушка круче. Теперь просто продолжай отползать, пока не доберешься до овражка примерно в десяти метрах за нами. Когда доберешься, прижимайся к земле и спустись туда.

Лейн хотела ответить, но вместо этого затрясла головой.

— Послушай, а не использует ли он одно из тех ультразвуковых устройств, о которых ты рассказывала? Салли чувствует что-то такое, что ей не по нраву.

— Я… не знаю. На мне он его никогда раньше не применял.

— Ну, а что ты чувствуешь?

— Это безумие! — заныла она. — Я хочу вернуться назад! Хочу со всех ног бежать к нему!

Икроножные мышцы ног Лейн стали непроизвольно сокращаться.

— Лейн, закрой на минутку глаза.

Она не спросила его, зачем… Фрейзер хотел помочь ей. Девушка закрыла глаза.

* * *

С радостным облегчением Лейн Роулингз осознала, что она вместе с Фрейзером и Салли теперь в каком-то другом месте. Оно, это место, представляло собой сильно затененный участок, окруженный со всех сторон высокими деревьями. Справа вздымалась круто верх серая каменная стена и исчезала над кронами деревьев. Участок зарос неаккуратной серой травой и был густо усеян булыжниками. Помимо стены его замыкали плотные ряды серо-зеленого кустарника, дости-

гавшего высоты в десять, а то и более метров.

Потом у Лейн возникло смутное ощущение, что времени миновало немало. Только тогда она осознала, что глаза ее открыты, и что она как-то зависла в воздухе, поскольку ноги не достают до земли. Следующее, что она заметила, это свои руки, связанные за запястья. Она пришла в себя, как от удара, и, наконец, обнаружила опутывавшую ее тело упряжь из сыромятных ремней. Ее тело было подвешено к толстенному суку.

Фрейзер стоял рядом. Вид у него был одновременно извиняющийся и безжалостно довольный.

— Извини, что пришлось тебя связать. Ты была слишком активна, — а вот голос у станционера бы негромким и заботливым.

— Что случилось? — ощутив в разных местах боль, а также дискомфорт от неестественной позы, девушка беспомощно скорчилась. — Можешь освободить меня?

— Не так громко! — он велел быть как можно тише. — Боюсь, что не могу. Твой дружок болтается неподалеку, хотя и не думаю, что он нас уже обнаружил.

Она сглотнула и замерла.

— Он по-прежнему пытается вызвать у тебя

реакцию, — продолжил Фрейзер заботливым тоном. — Какой-то пси-сигнал. Салли его чувствует, и он ее бесит, хотя сам я ничего не ощущаю. Тебя, должно быть, в свое время настроили на него, а эффект понятен и без моих пояснений — непреодолимое желание бежать к источнику вибраций.

— Я и не знала, что он взял с собой свои приборы, — угрюмо сказала Лейн.

— Возможно, Старшеф не собирался ими воспользоваться, пока охота не приобретет нежелательный оборот. Что, как я подозреваю, и случилось. Час назад там, в овражке, я сделал тебе укол, после которого ты отключилась, — милосердно добавил он. — А связал тебя потому, что будь ты в сознании или нет, все равно попыталась бы сбежать к Старшефу. Смотрится такое поведение несколько странновато, но бег на одном месте, да к тому же в воздухе, тебя никак не приближает к нему…

Он резко развернулся.

Салли, сидевшая на задних лапах в нескольких метрах от хозяина, мягко зарычала. Морда была повернута к зарослям, черные глаза сверкали возбуждением.

— Теперь лучше помолчать, — предупредил

Фрейзер. — Старшеф близко, хотя и не торопится. Да, хороший охотник, — добавил он со странным оттенком одобрения. — Сейчас сделаю еще один укол, чтобы ты вела себя спокойно, пока он приближается, иначе он может заставить тебя отмочить что-нибудь такое, что расстроит всю мизансцену.

С этими словами он потянулся к ее предплечью.

Лейн начала протестовать, но не особенно в своем начинании преуспела. Что-то встряхнуло ее тело, словно электрический удар. Ноги яростно задергались, а лицо Фрейзера, деревья и камни за его спиной стали утопать в головокружительной черноте, заливавшей окружающее. Во тьме она почувствовала, что бежит, а из темноты смотрит на нее улыбающееся лицо Старшефа. Босс ждал ее. Показалось, что она закричала, и на секунду поняла, что твердая, влажная от пота, ладонь зажала ей рот.

* * *

Фрейзер еще немного постоял возле медленно извивавшегося и вздрагивающего тела Лейн, с тревогой наблюдая за бедной девушкой. Он больше не мог пичкать ее препаратами, она и так

получила уже достаточно. Убедившись, что она хотя бы на короткое время оказалась не способна причинять беспокойство, он тихо двинулся к Салли.

— Развязка близится, а, девочка? — промурлыкал он. Салли нетерпеливо дернула ушами, после чего перестала обращать на хозяина внимание.

Фрейзер почти сразу также позабыл о своей спутнице. Менее внятным образом, но он тоже знал о постепенном приближении Старшефа Фрома, хотя свирепый зверек рядом с ним пользовался более явными способами восприятия. Он знал, что противник приближается по извилистой тропе в зарослях, по которой получасом ранее он нес перекинутую через плечо Лейн. И он не нуждался, чтобы ощетинившийся загривок и ровное биение сердца подсказывали, что по его следу крадется новая, невиданная дотоле смерть.

Если Старшеф Фром пройдет по тропе до конца, расчетливо сказал станционер самому себе, все пройдет на ура, шансы на его стороне, надо только не зевать. Он выбрал место для поединка, где должно было решиться все, если, конечно, до этого дойдет. Стало быть, выбор пространства остался за ним. Но только Старшеф будет выбирать миг встречи. Фрейзер уже знал, оценивая

непредвзято существо, скользившее сейчас по тропе, что противник физически сильнее. Что ж, Старшеф просто оказался чуть серьезнее, чем рассчитывал Фрейзер.

Долгие несколько минут казалось, что каннибал-следопыт замер и чего-то выжидает. Лейн спокойно висела в своей упряжи. Фрейзер уже решил, что Старшеф бросил свои попытки как-то задействовать беглянку. Значит, он тоже знал теперь, что все произойдет в бою между ними двумя. Фрейзер ухмыльнулся.

Но то, что произошло потом, застало его врасплох. Ощущение чего-то почти осязаемого, но незримого — в его сторону двигалась тень, которая не была тенью. Салли, как понял Фрейзер через долю секунды, о ней не подозревала, и он успокоил себя мыслью, что, поскольку Салли не может почувствовать чего-то, то оно, это что-то, не может причинить и особого физического вреда. Тем не менее, за несколько последовавших мгновений он обнаружил в своей душе неожиданный груз ужаса. Разум Старшефа Фрома заговорил с ним и заговорил требовательно. Фрейзер ощутил в каннибале непонятную нерешительность, скрывавшую под собой темное, ледяное стремление к разрушению. Фрейзер, от-

казавшись отвечать, почувствовал, как его разум отключил ментоконтакт.

И контакт прервался, тень исчезла. Гадать, что это было, у станционера не было времени, поскольку финальная стычка, если и случится, то всего через каких-то несколько секунд…

Затем, словно получив сигнал, Салли мягко выдохнула и медленно улеглась на все четыре лапы, полностью расслабившись. На секунду она взглянула на хозяина, прежде чем указать взглядом на заросли перед собой.

Фрейзер же, не уверенный в своих ощущениях, пока не мог позволить себе расслабиться. Он осторожно перевел взгляд с того места, где тропа выходила на поляну, на кустарник перед собой.

Это было необычное растение. Не совсем исконный обитатель Налакии, а один из генетических экспериментов, оставленных колонистами, кустарник обладал такими свойствами, что его присутствия не потерпели бы на менее изолированных мирах. Верхушки веток возле одного из поворотов невидимой тропы слегка задрожали. Но ведь и Старшеф, пусть даже решивший осуществить последний перед атакой марш-бросок через заросли, был достаточно опытным охотником, чтобы настолько потревожить рас-

тительность.

Значит, растения дрожали сами по себе…

Чувствуя движение теплокровной жизни под собой, растение мягко раскачивало пушистые стручки на своих верхушках, чтобы стряхнуть на вторгшегося представителя фауны почти микроскопические кристаллики энзимов, покрывая его мельчайшей, растворяющейся пылью…

Проникающей сквозь поры кожи, с большей легкостью попадавшей с дыханием через ноздри в легкие. Просачивающейся в рот, уши, глаза…

Неожиданно заросли затряслись сильнее обычного. Нечто или некто стряхнуло новое облачко пыли со стручков, заметно затуманившей воздух, что было заметно даже с не очень выигрышной позиции Фрейзера. Он смотрел на облачко с легким беспокойством, хотя кристаллики даже при хорошем ветерке далеко улететь не могли. Растение-мутант предпочитало удерживать и воздействовать на другие формы жизни там, где от них, как от потенциального удобрения, пользы было больше всего, непосредственно над корнями.

Тряска стала бешеной. Неожиданно раздался захлебывающийся хрип.

— Вот и славно, — спокойно констатировал

Фрейзер. — Теперь пара глубоких вдохов и легкие заполнятся этой дрянью. Так все кончится быстрее.

Снова раздался надсадный хрип, превратившийся вскоре в мокрый частый кашель. Дрожь кончиков ослабла, но они подождали ее с полминуты, пока дрожь и кашель не прекратились резко и одновременно. Старшеф Фром расставался с жизнью крайне неохотно, но помешать смерти ему не удалось.

Вот теперь Фрейзер мог позволить себе расслабиться. Наблюдая за верхушками кровожадного растения, совершившего за него убийство, продолжавшими довольно неравномерно подрагивать в легком удовлетворенном волнении, станционер физически ощутил острое разочарование, почти досаду…

Но он понимал, что такое чувство едва ли рационально. Фрейзер, в общем и целом, был человеком практичным И даже прагматичным… задрожали. Но ведь и Старшеф, пусть даже решивший осуществить последний перед атакой марш-бросок через заросли, был достаточно опытным охотником, чтобы настолько потревожить растительность.

Значит, растения дрожали сами по себе…

Чувствуя движение теплокровной жизни под собой, растение мягко раскачивало пушистые стручки на своих верхушках, чтобы стряхнуть на вторгшегося представителя фауны почти микроскопические кристаллики энзимов, покрывая его мельчайшей, растворяющейся пылью…

Проникающей сквозь поры кожи, с большей легкостью попадавшей с дыханием через ноздри в легкие. Просачивающейся в рот, уши, глаза…

Неожиданно заросли затряслись сильнее обычного. Нечто или некто стряхнуло новое облачко пыли со стручков, заметно затуманившей воздух, что было заметно даже с не очень выигрышной позиции Фрейзера. Он смотрел на облачко с легким беспокойством, хотя кристаллики даже при хорошем ветерке далеко улететь не могли. Растение-мутант предпочитало удерживать и воздействовать на другие формы жизни там, где от них, как от потенциального удобрения, пользы было больше всего, непосредственно над корнями.

Тряска стала бешеной. Неожиданно раздался захлебывающийся хрип.

— Вот и славно, — спокойно констатировал Фрейзер. — Теперь пара глубоких вдохов и легкие заполнятся этой дрянью. Так все кончится

быстрее.

Снова раздался надсадный хрип, превратившийся вскоре в мокрый частый кашель. Дрожь кончиков ослабла, но они подождали ее с полминуты, пока дрожь и кашель не прекратились резко и одновременно. Старшеф Фром расставался с жизнью крайне неохотно, но помешать смерти ему не удалось.

Вот теперь Фрейзер мог позволить себе расслабиться. Наблюдая за верхушками кровожадного растения, совершившего за него убийство, продолжавшими довольно неравномерно подрагивать в легком удовлетворенном волнении, станционер физически ощутил острое разочарование, почти досаду…

Но он понимал, что такое чувство едва ли рационально. Фрейзер, в общем и целом, был человеком практичным И даже прагматичным…

* * *

Некоторое время спустя он извлек из рюкзачка один из инструментов, который с большой вероятностью мог понадобиться в любой момент на удаленных мирах работникам одиноких станций Бюро. Тщательно, не сходя с места, он выжег своего растительного союзника дотла. Другим столь

же полезным инструментом он вскоре затушил расползавшееся пламя.

Немного покопавшись в обугленных останках, Фрейзер обнаружил то, что, вероятно, представляло собой ультразвуковой передатчик — небольшое изящное компактное устройство, которое огонь не повредил настолько, чтобы его нельзя было отремонтировать. Фрейзер тщательно вычистил свою находку и убрал в карман.

Была уже ночь, когда он уложил Лейн Роулингз на свою кровать в жилой зоне станции. Она так и не пришла в сознание за все время долгого пешего перехода. Однако станционер решил, что Лейн теперь спит не медикаментозным, а здоровым естественным сном. Просто столь долгий и глубокий сон мог быть результатом реакции на эмоциональное истощение. Вскоре девушка должна была проснуться, очень голодная, с сильными болями в мышцах, но в остальном — ничего страшного.

Выпрямившись, Фрейзер обнаружил возле себя Салли. Собака положила передние лапы на покрывало и заглядывала спящей в лицо. Салли коротко взглянула на хозяина с очевидным немым вопросом. Тот же голодный вопрос она задала, когда они впервые встретились с Лейн.

Он покачал головой, этот жест Салли понимала отлично.

— Нет-нет, — мягко сказал он. — Повторяю, это наш друг, на случай, если подобная варварская идея засела в твоей уродливой головенке. Проваливай, Салли!

Он запер за собой дверь, потому что с Салли уверенным наверняка быть нельзя, хотя, скорее всего с этого момента она просто начнет игнорировать присутствие девушки. Решение, касавшееся дальнейшей участи Лейн Роулингз, то и дело всплывало в его голове в течение всего дня, но он продолжал загонять его обратно. Не имеет смысла радоваться предварительно, пока не стало ясно, осуществимо оно на практике или нет.

Салли молча трусила за хозяином, пока тот совершал привычный ночной обход контрольных зон станции. Немного позже, сверяясь с одной из звездных карт Бюро, он нашел отмеченную на ней планету Фром. Удача была просто исключительной, поскольку не придется полагаться на обрывочные сведения о местоположении колонии, которые он мог получить от Лейн. А учитывая его планы, местоположения лучше не найдешь — почти, но не совсем за пределами дальности

маленького межзвездного флайера, стоявшего наготове в защищенном от бомбардировок ангаре под станцией на случай непредвиденных ситуаций. Он не собирался оставлять следователям Бюро никаких причин подозревать, что здесь произошел не опустошительный космический налет. Но даже если Фрейзер напортачит, они и не вздумают искать его в такой дали, как Фром.

То, что было всего лишь идеей всего несколько часов назад, неожиданно показалось ему не только реальным, но и беспроигрышным вариантом. Или почти беспроигрышным…

Тихонько насвистывая, он расположился в центральной комнате жилой зоны, чтобы обдумать и проработать окончательные детали. Теперь-то он мог позволить себе растущее веселье.

— А знаешь, Салли? — обратился он к молчаливой спутнице. — Может быть, сегодня мы ухлопали моего старика!

Эта новость Салли совершенно не интересовала. Она запрыгнула на стол и мягко пополировала его поверхность своим клинообразным мускулистым хвостом, ожидая кормежки. Фрейзер принес из стенного шкафа контейнер, содержавший дневной рацион, и вывалил жидкое содержимое в ее миску. Салли принялась энергично лакать.

Фрейзер секунду колебался, потом взял второй контейнер и наполнил другую миску для себя. Сардонически поглядывая из-за края миски на животное, он поднес посуду к губам. Чтобы опустошить.

Салли по-прежнему лакала свою порцию.

Фрейзер понимал, что покойный Старшеф Фром вряд ли может быть его отцом. Но это было и не так уж невозможно. С двенадцати лет Фрейзер знал, что был зачат налакийцем, проживавшим в системах Ядра Звездного Скопления. Об этом ему поведала мать, когда инцидент с одним из гуманоидов материка открыл во Фрейзере многообещающие налакийские склонности. В истерике она попыталась убить сына сразу после этого, но в итоге погибла сама. Даже в том возрасте Фрейзер обладал великолепной реакцией. Однако это его научило тому, что быть быстрым недостаточно, даже если живешь на задворках цивилизации среди ни о чем не подозревающих обывателей — для одиночки из налакийского племени всегда будет существовать неприятная нужда соблюдать крайнюю осторожность. До сегодняшнего дня…

С этого момента он мог позволить себе отбросить осторожность. Чистая, безжалостная

смелость должна сделать его единственным правителем и хозяином колонии и планеты Фром всего за неделю. Фрейзер был вполне уверен, что смелости ему не занимать, а избыток этого качества поможет завладеть чужим наследством красиво.

Некоторое время он изучал ультразвуковой передатчик Старшефа.

— Надо научиться пользоваться этим устройством, — довольно равнодушно сообщил он Салли. — Но оно не выглядит слишком сложным. И если Старшеф этих вкусненьких зверюшек уже приспособил…

В общем, решил станционер, теперь он вполне способен сделать это и сам. Попытка взять под гипнотический контроль двух, присланных последними, ассистентов полгода назад оказалась неудовлетворительной, так что он был вынужден от них избавиться. Возможность усиливать пси-контроль с помощью механических приспособлений ему в голову тогда не приходила. Его восхищение изобретательностью Старшефа Фрома возросло. Но оно смешивалось с чем-то вроде беспристрастного презрения.

— Салли, не заиграйся он, как дурак, имел бы все, чего можно желать от жизни. Но, полагаю,

чистокровный плотоядный обречен обладать мозгами с одной извилиной…

Для себя он закончил мысль тем, что в этом смысле у него перед Старшефом приятное преимущество. Биологически он легко мог обойтись диетой, приемлемой по любым человеческим меркам. Если не учитывать необходимость внушать Лейн Роулингз ряд подходящих воспоминаний, станционер мог бы даже воздержаться от применения гипнотической обработки, пока того не потребует насущная необходимость. Его налакийские качества, умеренно сдерживаемые, сделают из него прирожденного лидера любой пограничной колонии. Было что-то притягательное в идее распрощаться с редкими удовольствиями хищника, чтобы слиться с этой ролью на Фроме. В следующем поколении генетически сконструированные биологические схемы должны у его потомков раствориться и выйти из опасных границ. Но про это никому не надо знать.

Фрейзер хихикнул, несколько удивленный неожиданным проявлением своих по-человечески ориентированных на социум черт характера. А также задумался над фактом, что в итоге он, по-видимому, не воспринимает эту мысль излишне серьезно. Но с этим он может справиться

и потом…

Некоторое время он сидел, с наслаждением думая о сильном и притягательном теле Лейн. В том, чтобы играть человеческую роль до конца, должны быть неоспоримые преимущества. Наконец он снова вспомнил о Салли, наблюдавшей за ним спокойными черными глазами. С миской она закончила.

— Еще хочешь? — добродушно поинтересовался он. — Сегодня у нас праздник!

Салли облизнула губы.

Он вылил остатки своего контейнера ей в миску и встал рядом, нежно почесывая ее между ушей, пока она, дрожа в экстазе, споро лакала густую, красную жидкость. Фрейзер подождал, пока она не слизнула последнюю каплю, потом аккуратно выстрелил ей в затылок. Салли повалилась вперед без судорог и вытянулась недвижно.

— Противно так поступать, Салли, — искренне извинился он. — Но сама должна понимать, я просто не могу взять тебя с собой. Нам, плотоядным, никогда нельзя доверять всерьез.

Что, в сущности, решил он, несколько покривив душой, чистая правда. Он мог сыграть роль человека, но, в зависимости от обстоятельств, не столь уж безоговорочно.

Это была его почти последняя связная мысль. Совсем короткая, последовавшая за ней, стала потрясением — внезапное, ужасное, глухое ощущение в позвоночнике и основании черепа означало, что в него попали из пистолета Дина.

* * *

Лейн Роулингз не двигалась, прислонившись к косяку для опоры в дверном проеме за спиной Фрейзера, целых три минуты, пока он не рухнул на пол и не перестал дергаться. Она не боялась свалиться без чувств. Просто хотела удостовериться с этого расстояния наверняка, что Фрейзер мертв и будет оставаться в этом качестве во веки веков. С его последней репликой она была полностью согласна.

В тот миг в ее голове промелькнула мысль, что, во всяком случае, за кое-что она должна поблагодарить Старшефа Фрома. Его забавляло обучать свою секретаршу метко стрелять.

Немного погодя, она спустила курок пистолета Дина еще раз, на всякий случай. На этот раз Фрейзер не отреагировал, он был мертв не в меньшей степени, чем Салли. Лейн наскоро осмотрела обоих, прежде чем спрятать маленький пистолет в карман, и только потом обратила внимание на

пищевые контейнеры в стенном шкафу. С неохотой она открыла один и увидела именно то, что ожидала найти. Теперь у гуманоидов с материка, о которых говорил Фрейзер, в будущем будет куда более спокойное существование.

Она еще раз окинула взглядом длинное мускулистое тело Фрейзера и сделала это почти с медицинским любопытством. Затем оставила комнату, заперев за собой дверь. Входить туда еще хотя бы раз она не собиралась, но здесь были улики, которые могли представлять интерес для других, при условии, что она сумеет управиться с используемым на станции типом коммуникационного оборудования.

Через тридцать минут, без особых затруднений, она связалась с районной штаб-квартирой Бюро Земледелия и последовательно изложила свою историю. Даже если ей не поверили, было очевидно, что они не станут мешкать, высылая смену на станцию. А больше Лейн ничего не волновало. Когда Бюро закончит расследование, кто-то, возможно, что-нибудь предпримет, чтобы оказать психологическую помощь колонистам Фрома. Но это тоже уже не ее забота. Она возвращается в Ядро Звездного Скопления.

Некоторое время она оставалась сидеть в при-

глушенном свете коммуникационной рубки. Она смотрела на свое отражение в темных полированных поверхностях и прислушивалась к прерывистому жужжанию вентилятора в соседнем кабинете, единственному звуку, нарушавшему теперь тишину станции. Она гадала, как скоро заподозрила бы Фрейзера, чтобы это хоть как-то ей помогло, не знай она уже несколько недель, что носит в чреве ребенка Старшефа Фрома. За минувшие три дня она также несколько раз задумывалась, а стоит ли спасать свою жизнь, хотя бы на ближайшие восемь месяцев, сказав о беременности Старшефу, и будет ли от этого толк. Легко можно представить, каким станет ребенок каннибала, когда вырастет.

Не подозревая об этом, Фрейзер с первой секунды их встречи подробно дополнял эту мысленную картину. И она узнала достаточно, чтобы в конце концов пережить двух беспощадных монстров…

Как только она вернется к беззаботной анонимной жизни в системах Ядра, это отравленное семя, этот порочный отпрыск людоеда умрет, не родившись. Жуткая жажда существования на своих условиях, продемонстрированная Фрейзером и Старшефом, здорово предостерегала от желания повторить этот кошмар.

Хотя Лейн поймала себя на мысли, что было в этом что-то изначально прискорбное, в этой самозабвенной чужеродной слепоте к гуманитарным ценностям. Она поежилась.

Вентилятор в соседней комнате отключился с резким щелчком.

— Конечно, ребенок должен умереть! — услышала она произнесенные вслух в тишине станции свои слова.

Вероятно, чересчур громко…

После этого тишину больше ничто не тревожило. Новые мысли стали наполнять Лейн, пока она сидела, размышляя о грустной судьбе матери Фрейзера.

Звездные геацинты[11]

(рассказ)

Два потерпевших крушение космических корабля покоились почти бок о бок у подножия горы близ узкого глубокого залива обширного озера.

Единственный человек на планете сидел на скальном выступе тремя километрами выше по

---

[11] Примечания: 11

Хотя сама Тэлзи в этом повествовании не появляется, главный герой все тот же Вэлан Дэсинджер, столь заметно фигурировавший в ее разнообразных приключениях.

горе, задумчиво глядя на корабельные остовы. Это был крупный мужчина в аккуратно залатанной корабельной униформе. У него были чистые руки, лицо гладко выбрито. Традиционно для человека, потерпевшего кораблекрушение, с ним было два приобретения: массивный охотничий лук, прислоненный к скале, и скакавший у его ног младший представитель класса животных, эквивалентного птицам для этой планеты. Это было создание размером с дрозда с желтыми глазками и бойким нравом. Из круглой головки торчал короткий, трубкообразный клюв, окаймленный маленькими острыми зубами. Круглые узловатые наросты на кончиках длинных пальцев защищали втягивающиеся когти, пока птица скакала туда-сюда между человеком и его луком, быстро подрагивая крыльями, прежде чем развернуться на сто восемьдесят градусов. Наконец она остановилась перед человеком и вытянула шею, чтобы привлечь его внимание.

Он оторвался от раздумий, и раздраженно взглянул на птицу.

— Не сейчас, Птаха, — сказал он. — Помолчи!

Взгляд человека вернулся к двум кораблям, затем быстро прошелся вдоль возвышавшейся гряды небольших вулканических конусов по

другую сторону озера, и поднялся к безоблачному голубому небосводу. Потом, щурясь, обыскал залитый солнцем пустой небосвод над головой. Если чей-то корабль когда-нибудь прилетит сюда, то, обнаружив два места крушения своими детекторами, парить над поверхностью планеты не станет.

Птаха громко и жалобно свистнула.

— Заткнись, глупая! — велел он.

Он залез во внутренний карман куртки, вытащил маленькую вещицу, завернутую в лоскут кожи, и развернул его.

И та лежала на его сложенной лодочкой ладони, сверкая великолепием двух десятков бриллиантов, и словно вспыхивая яростным огнем всех цветов спектра с каждой полированной грани, ничуть не умаляя чистого фиолетового свечения, из-за которого звездный гиацинт невозможно было подделать, а, увидев хотя бы однажды, позабыть. Прекраснейший из драгоценных камней, редчайший, и больше всех ценимый. Человек, потерпевший кораблекрушение, смотрел на него несколько долгих секунд, дыхание его участилось, а рука начала дрожать. Наконец он снова завернул кусочек невероятного минерала в кожу, и тщательно убрал обратно в карман.

Когда он вновь огляделся, залитый солнцем воздух словно прояснился, а краски озера и земли стали ярче и живее. Раз в течение короткого дня на этой планете, но не чаще, он позволял себе взглянуть на звездный гиацинт. Это стало ритуалом, которого он придерживался вот уже шесть лет почти с религиозной строгостью, сохранявшим его рассудок более ясным, чем он уже вряд ли когда-нибудь будет.

Возможно, думал он иногда, ему не сойти с ума до тех пор, пока сюда наконец не прилетит третий корабль. А потом…

Третий корабль в этот момент был в пути, еще приблизительно в пяти часах лета от этой системы. Это был небольшой корабль с узкими, лихими обводами — маленький бойкий спидстер, безмятежно скользивший без ускорения в подпространстве.

А вот на борту корабля все было не так уж безмятежно.

* * *

Девушка дралась умело, но против флотского детины с бычьей шеей, прижавшего ее узкой спиной к стене, умение помогало не шибко.

У входа в полузатемненный отсек управления

спидстером Вэлан Дэсинджер помедлил в мимолетной нерешительности. Весьма вероятно, что происходившая здесь потасовка совершенно его не касалась. У народа кочующих Независимых Флотов были собственные обычаи и нравы, и вмешательство в их внутренние дела невежественных обитателей планет всегда вызывало возмущение. Насколько Дэсинджер знал, их пилоту — голубоглазой девушке — нравилось периодически вздорить с сиволапыми членами своего экипажа. Если все это происходило не всерьез…

Он услыхал, как мужчина что-то рявкнул на жаргоне Флота Виллата, сопроводив сентенцию крепким ударом кулака девушке в бок. Удар был нешуточный, а ее резкий болезненный вдох не подразумевал даже намека на невинное развлечение. Дэсинджер быстро вошел в отсек.

Девушка обратила в его сторону испуганные глаза, как только он возник за спиной флотского. Того звали Лью Тонас, и из двух членов экипажа он был тем, кто покрупнее… Да, он был даже слишком крупным и, по правде говоря, слишком мускулистым, чтобы благородная мысль отвлечь эту громаду на себя показалась Дэсинджеру благоразумной. Кроме того, Дэсинджер не понимал

жаргона Флота Виллата. Поэтому он дважды рубанул ребром ладони по могучей шее, а потом его кулак со свистом выбил дыхание из легких Тонаса, прежде чем тот успел повернуться к нему лицом.

Это дало Дэсинджеру весомое начальное преимущество. Но в следующие двадцать с небольшим секунд преимущество, похоже, стало стремительно катиться к нулю. Кулаки и ботинки Тонаса пока только слегка принялись за дело, однако сдавалось, что Дэсинджеру впервые попался противник, завалить которого было чрезвычайно непросто. Но флотский внезапно растянулся ничком на полу, безвольно раскинув руки — крутому качку напрочь вырубили нервную систему.

Дэсинджер уже выпрямлялся, когда услышал повторный свист рассекаемого воздуха. Он резко обернулся и вначале увидел стоявшую в трех метрах от себя девушку с гаечным ключом в поднятой руке, потом второго флотского, отдыхающего на ковре, и, наконец, валявшийся рядом с его кистью длинный и тонкий нож.

— Благодарю вас, мисс Майнз! — сказал Вэлан, несколько задыхаясь. — Мне и правда не стоило забывать, что Калат мог торчать где-то побли-

зости.

Домарт Майнз мотнула головой на примыкавший к комнате отсек управления.

— Он сидел там, — сказала она, тоже с одышкой.

Это была длинноногая гибкая в движениях блондинка, на которую приятно было смотреть, особенно когда ее облегала флотская униформа. В приглушенном освещении комнаты чудилось, что она, в свою очередь, изучает Дэсинджера с каким-то задумчивым выражением, средним между настороженностью и удивлением. Затем Домарт сделала шаг вперед, чтобы оценить состояние Калата, и снова слегка отступила, занося ключ.

Дэсинджер пристально посмотрел на нее.

— Ну, — сказал он, — решайтесь! На чьей вы стороне?

Мисс Майнз, поколебавшись, опустила гаечный ключ.

— Полагаю, что на вашей, — в конце концов согласилась она. — Теперь-то уж точно лучше быть на вашей! Иначе они меня прибьют за симпатию к планетнику.

* * *

Дэсинджер с осторожностью опустился на колено рядом с Калатом, хотя флотский не двигался, и подобрал нож. Тем временем мисс Майнз зажгла в отсеке свет.

— Что это было? Бунт? Ведь формально вы старшая на корабле, разве не так?

— Формально, — согласилась она, добавив: — Мы поспорили по флотскому вопросу.

— Понятно. Назовем это бунтом. — Дэсинджер задержался проверить, не притворяется ли Калат бесчувственным. Потом спросил: — Вам и в самом деле были нужны эти ребята в качестве помощников?

Домарт Майнз покачала своей светловолосой головкой:

— Вовсе нет. Управление «Лунной Кошкой» — работа для одного.

— Мне тоже показалось, — признался Дэсинджер, — что Флот Виллата малость перестраховался, когда его представители ничтоже сумняшеся заявили, что если я планирую отправиться в путь на их спидстере, то должен нанять экипаж из трех человек.

— Ага, — невыразительным тоном ответила де-

вушка. — И что вы намерены с парнями сделать?

— Их можно куда-нибудь надежно запереть?

— Надежно? Пожалуй, нельзя. Их собственные каюты вполне подойдут для домашнего ареста. Если они хорошенько постараются, то смогут оттуда выбраться. Но, разумеется, мы их тогда услышим.

— Ну, с этим мы как-нибудь справимся, — Дэсинджер поднялся, выудил из кармана ключ от своей каюты и передал девушке. — В изголовье моей койки покоится рыжий саквояж, — сказал он. — Вас не затруднит его принести, а также прихватить небольшой подъемник из кладовки?

Ни один флотский так и не зашевелился, когда пару минут спустя Домарт Майнз въехала через дверь верхом на гравитационном подъемнике с болтавшимся на стальных захватах саквояжем. Она лихо затормозила в центре комнаты, эластичным изгибом тела покинула сиденье и протянула Дэсинджеру ключ от его каюты.

— Благодарю, — Дэсинджер снял с подъемника саквояж, вытащил пару пластиковых наручников, понимая, что стоящая за ним мисс Майнз напряженно старается рассмотреть остальное содержимое. Он не мог винить девушку в излишней любознательности, поскольку она увидела

хитроумные приспособления, которые порадовали бы глаз не только профессионального медвежатника, но и прожженного шпиона. Тем не менее она ничего не сказала.

Дэсинджер тоже промолчал. Потом перевернул Лью Тонаса на спину, защелкнул на запястьях наручники, перекатил обратно лицом вниз. То же самое он проделал с Калатом, затем повесил саквояж обратно на подъемник, закинул ногу на сиденье и уселся за руль.

— Я бы тщательно обыскала их каюты на предмет наличия оружия и всякого такого, прежде чем их оставлять, — заметила мисс Майнз.

— Я так и собирался поступить. Кстати, доктор Эгевайн не упоминал, насколько мы близки к пункту назначения? — Дэсинджер подвел подъемник к Тонасу, опустил балку с захватами к пояснице флотского и аккуратно его приподнял — голова, руки и ноги безвольно повисли в воздухе.

Блондинка посмотрела на часы.

— Точно он не сказал, — ответила она, — но в системе звезды Джи-2, похоже, впереди имеется землепод. Если это то, что вам нужно, то мы будем там часов через пять, в зависимости от подпространственных возмущений. Доктор

Эгевайн должен появиться здесь через полчаса, чтобы выдать окончательные данные. — Она помолчала, потом осторожно добавила: — А кстати, вы-то сами знаете, куда летите?

— Нет, — ответил Дэсинджер. — Я всего лишь финансирую поездку. А доктор — это человек с необходимыми координатами и прочей сопутствующей информацией.

— Мне казалось, что вы партнеры.

— Собственно говоря, так оно и есть. Но касательно некоторых тем доктор поразительно неразговорчив. Я приведу его сюда, как только посажу парочку под замок. — Дэсинджер закончил подцеплять Калата и медленно направил подъемник к дверям; безвольные флотские парили перед ним как бы в невесомости.

* * *

Когда Дэсинджер возвращался по коридору от жилых отсеков и кладовой, доктор Эгевайн стоял в дверях своей каюты. Квист, слуга доктора, выглядывал из-за его спины.

— Что, во имя небес, вы сделали с этими двумя? — спросил доктор Эгевайн, неодобрительно шевеля кустистыми бровями. В свои сорок с небольшим он был высок, худощав и щеголял, по

обыкновению, в черном костюме, словно только что с похорон. У него было костистое лицо и темные глаза, в которых таилось напряжение.

— Они, кажется, были без сознания… — добавил он, — и в наручниках!

— Причем оба сразу, — признался Дэсинджер, — я запер их в собственных каютах.

— Почему?

— Несколько минут назад у нас состоялся небольшой мордобойчик в отсеке управления. Один из парней молотил нашего пилота, так что я был вынужден его успокоить, а она уложила второго, когда тот вышел на арену, да еще не один, а в компании с ножом. Она сказала, что изначальный спор — дело флотское… другими словами, нас оно не касается. Что ж, я спорить с этим не стал и проводить расследование — тоже. Есть в этой ситуации определенно нечто скользкое.

— В каком это смысле? — спросил Эгевайн.

— Я только что поискал в жилых отсеках экипажа оружие, — сказал Дэсинджер, — и обнаружил нечто, предполагающее гораздо больший, чем мы думали, интерес Флота Виллата к тому, что мы делаем.

Эгевайн, казалось, испугался и метнул стремительный взгляд вдоль всего коридора в сторону

отсека управления.

— У меня сложилось такое впечатление, — сказал он, понижая голос, — что нам стоит продолжить эту беседу за закрытыми дверьми…

— Хорошо.

Квист, кривоногий жилистый мужичок с бесформенной картофелиной носа и близко посаженными глазками, освободил проход. Дэсинджер зашел внутрь. Эгевайн закрыл за ними скользящую дверь, и вытащил из-под столика стул. Дэсинджер уселся напротив партнера.

— Что вы обнаружили? — спросил доктор Эгевайн.

— Предполагалось, что мисс Майнз — единственный член флота на борту, кто разговаривает на межзвездной лингве. Однако к внутренней стороне коммуникатора, расположенного в жилых отсеках, было прикреплено подслушивающее устройство. Его персональные настройки говорят о том, что люди из флота Виллата снабдили жучками каждую каюту на «Лунной кошке», а также — что я, бесспорно, нахожу чрезвычайно любопытным фактом, — отсек управления. Вы с Квистом обсуждали какие-либо детали нашего проекта с тех пор, как поднялись на борт?

— Думаю, что да, причем, несколько раз, —

нерешительно ответил Эгевайн.

— Тогда нам лучше предположить, что Тонас и Калат знают, что мы ищем место крушения рейдера, участвовавшего в налете на «Астероиды Доузи», и…

Эгевайн предостерегающе прижал палец к губам.

— Разве нам не следует?..

— О, теперь об этом можно говорить без опаски, — заверил его Дэсинджер. — Я отсоединил устройство и оставил его у себя в каюте. В общем, вряд ли стоит относиться к этому всерьез, если будем настороже. Но, разумеется, возвращаться на станцию флота, когда груз будет у нас, видимо, не следует. Подобного рода приспособления подразумевают дурные намерения… как и довольно изощренный уровень криминального мышления для членов Независимого Флота. Мы вернемся непосредственно в Ядро Звездного Скопления. Возможно, правда, пару недель придется пожить впроголодь, но у нас все получится. А этих так называемых членов экипажа подержим немного взаперти.

Доктор прочистил горло:

— А мисс Майнз…

— Не похоже, что она персонально вовлечена

в какой-то пиратский замысел, — сказал Дэсинджер. — В противном случае не стали бы сажать жучка в ее каюту и отсек управления. Если мы покрутим у нее перед глазами парочку звездных гиацинтов, она пожелает лететь с нами. Если заартачится, думаю, что смогу и сам нормально управиться с «Лунной кошкой», чтобы доставить нас до места.

Доктор Эгевайн задумчиво потеребил мочку уха.

— Понимаю. — Его рука потянулась к правому лацкану пиджака. — А что вы думаете о…

— Доктор, на секунду взгляните-ка вот сюда, — перебил Дэсинджер. Он кивнул на свою руку, лежащую на столе.

— Взглянуть?.. — вопросительно начал доктор. Затем его глаза испуганно расширились.

Рука Дэсинджера неожиданно согнулась в запястье и вернулась обратно. Теперь в руке оказался маленький пистолет — расширенный раструб дамского бластера смотрел Эгевайну прямо в грудь.

— Дэсинджер! Что это все зна…

— Ловкий трюк, верно? — заметил Дэсинджер. — Пистолет в рукаве. А теперь молчите и не двигайтесь, оставьте все как есть. Если ше-

вельнетесь, вы или Квист все равно, прежде чем я вам велю, то вам конец, доктор!

* * *

Он протянул над столом левую руку и запустил ладонь за правый лацкан пиджака Эгевайна, что-то резко дернул, и вытащил плоский черный мешочек с торчащим наружу штырьком аэрозоля. Он небрежно уронил мешочек в свой карман и сказал:

— Оставайтесь на месте, доктор!

Потом поднялся и подошел к Квисту. Квист метнул в своего работодателя беспокойный взгляд, и издал хныкающий звук.

— Ничего с тобой не будет, — сказал ему Дэсинджер, — просто положи ладони на макушку и стой спокойно. Давай-ка посмотрим, что ты там вытягивал из кармана секунду назад… Электрошокер, да? Не слишком-то мило с твоей стороны, Квист! Посмотрим, что тут у нас еще…

— Господь милостивый, Эгевайн, — вскоре воскликнул он, — да у вашего парня целый арсенал! Два бластера, лучевой карандаш, нож, дубинка… Ладно, Квист. Иди, сядь рядом с доктором.

Он проследил за унылым шествием маленького человечка к столу, затем аккуратно рассовал

разнообразные смертоносные устройства по многочисленным карманам куртки и вновь вытащил на свет отнятый у доктора Эгевайна мешочек.

— Теперь, доктор, — сказал он, — давайте побеседуем по душам. Меня очень все это огорчает. Я знал, что вы носите это вещество с собой еще до того, как мы покинули Мецмиали, и сдал образец содержимого на экспресс-анализ. Мне сообщили, что это гипнотик почти моментального действия, одинаково эффективный как при вдыхании, так и при контакте с кожей. Не хотите ли объясниться?

— Да, очень даже хочу! — холодно отозвался Эгевайн. — Не собираюсь отрицать, что это гипнотический аэрозоль. Как вы знаете, я не люблю пистолетов и подобного оружия, а мы взялись за дело, в котором всегда может возникнуть потребность в самозащите. Однако ваше допущение, будто я только что намеревался использовать аэрозоль против вас, попросту смехотворно!

— Возможно, я бы тоже посмеялся над собой, — ответил Дэсинджер, — если бы Квист не вытащил наполовину из кармана дубинку, как только вы потянулись к лацкану пиджака. Увернись я от аэрозоля, наткнулся бы затылком на дубинку, не так ли? Слишком много несообразностей, доктор.

Возможно, вы говорите правду, однако просто на тот случай, если вы лелеете недружелюбные мысли, — а для меня пока все выглядит именно так — я вынужден принять целый ряд предосторожностей.

Доктор Эгевайн посмотрел на партнера, тонкие губы сжались в тонкую, не шире бритвенного лезвия, черту:

— И какого же рода эти ваши предосторожности?

— Пока мы не приземлимся, оставлю при себе гипнотик и мешок грязных штучек Квиста. Вам эти штучки могут понадобиться на планете, но на борту корабля они ни к чему. Сейчас мы с вами, ребята, поднимемся в отсек управления, чтобы дать мисс Майнз окончательные навигационные указания. Затем вы, доктор, и Квист вернетесь в эту каюту, и я вас запру, пока корабль не сядет. Не хочу беспокоиться о чем-то еще, пока мы будем приближаться к цели. Если мои подозрения окажутся беспочвенными, я извинюсь… естественно, когда все мы благополучно вернемся в Ядро Звездного Скопления.

* * *

— Что так сильно огорчило вашего партнера? — спросила Домарт Майнз чуть позже, всматриваясь в навигационные экраны. — Вы с ним повздорили?

Дэсинджер пожал плечами.

— Не совсем, — ответил он. — Эгевайн не нашел ничего оригинальнее, чем попытаться применить гипноаэрозоль.

— Гипноаэрозоль? — переспросила молодая женщина.

— Химикат, моментально погружающий людей в гипнотический транс. Вследствие чего они становятся крайне легко поддающимися внушению. Гипнотизеры-терапевты пользуются им с большой пользой. Равно как и преступники.

Она оторвалась от панели управления и испытующе посмотрела на него:

— С какой стати ваш партнер хотел вас загипнотизировать?

— Не знаю, — признался Дэсинджер честно. — Он не сознался в своем намерении.

— Он преступник?

— Однозначно сказать не могу, — заметил Дэсинджер рассудительно, — но доказать ничего

не сумею.

Задумчиво взглянув на него, Домарт скривила рот.

— А как насчет вас? — спросила она.

— Что вы, мисс Майнз, как можно? Я очень уважаю закон, поскольку являюсь простым бизнесменом.

— Простой бизнесмен, четыре недели летевший на собственном корабле из Ядра до территории Независимого Флота?

— Таков мой бизнес, — пояснил Дэсинджер. — Вынужден сообщить: я — владелец компании чартерных перевозок.

— Понимаю, — отозвалась она. — Однако, партнеры из вас двоих как пули из дерьма…

— Полагаю, что так все и есть. Кстати, не было ли случая, когда вы с доктором Эгевайном — или вы, доктор и его слуга — оставались где-нибудь на корабле наедине. К примеру, за исключением того, когда мы приходили сюда передавать вам дальнейшие полетные указания? Не заходил ли доктор в отсек управления?

Она покачала светловолосой головкой:

— Нет. Я виделась с ним только в упомянутых вами случаях.

— Вы в этом уверены?

Домарт без колебаний кивнула.

— Совершенно!

Дэсинджер вытащил из кармана тюбик с мазью, отвинтил колпачок и выдавил каплю черного маслянистого вещества на палец.

— Не могли бы вы закатать на секунду рукав? — попросил он. — Нет, лишь до локтя…

— Зачем?

— Из-за действия гипноаэрозоля, — ответил Дэсинджер. — Дайте жертве самую ничтожную дозу этой забавной штуки, прикажите ей, что делать, и дело в шляпе. А если вы пользуетесь ею незаконно, первое, что велите своей жертве, так это позабыть о том, что ее обработали аэрозолем. Данная мазь разработана специально для того, чтобы нейтрализовать гипнотические приказы. Так что просто закатайте рукав, как пай-девочка, и я вотру немного вещества вам в предплечье.

— Ничего вы в мою руку не вотрете, мистер! — холодно заявила ему Домарт.

Дэсинджер покорно пожал плечами, завинтил колпачок и бросил тюбик в карман.

— Будь по-вашему, — сказал он. — Я ведь только хо…

Не закончив фразу, он ринулся к ней.

Домарт изрядно сопротивлялась. Через минуту-

другую он повалил блондинку на пол, зажимая аппетитное тело и одну руку между своих колен, пока расстегивал манжету и засучивал рукав на другой. Быстро достал тюбик антигипнотической мази, втер несколько капель в сгиб локтя Домарт, а потом удерживал девушку еще почти минуту. Она задыхалась, голубые глаза яростно сверкали, все мышцы были напряжены.

* * *

Неожиданно он почувствовал, что Домарт обмякла. На ее лице появилось выражение потрясенного удивления.

— Зачем, — недоверчиво начала она, — он…

— Ага, таки обработал вас аэрозолем, да? — с удовлетворением закончил Дэсинджер. — Я ничуть в этом не сомневался.

— Зачем, что… он приказал всецело находиться в его распоряжении! Ну что ж, это мы сейчас посмотрим… Отпустите меня, Вэлан! Ну, погодите, дайте только добраться до этого вашего поганого партнера!

— Ну-ну, не воспринимайте все так серьезно.

— Не воспринимать! Да с чего бы? Я…

— Будет лучше, — пояснил Дэсинджер, — если Эгевайн будет продолжать верить, что может

по-прежнему на вас влиять.

Она бросила на него сердитый взгляд, затем ее лицо обрело задумчивое выражение.

— Хо! Так вам кажется, что это не просто старый развратный козел, а у него на уме нечто куда более зловещее, нежели покушение на мою честь?

— Определенно, ваша честь останется при вас, а вот насчет зловещих замыслов… почему бы ни подождать немного и выяснить, что к чему? Мазь дала вам стопроцентный иммунитет против подобных фокусов в будущем.

Мисс Майнз задумчиво разглядывала собеседника несколько секунд, затем кивнула:

— Ладно! Теперь, может быть, слезете с меня и разрешите подняться. Кстати, что, как вы думаете, этот костлявый тип задумал?

— О задумках доктора Эгевайна трудно сказать что-то определенное. Он человек замкнутый, — Дэсинджер освободил захват, поднялся на ноги и наклонился, чтобы помочь девушке принять вертикальное положение.

— Разумеется, вас этой гипноштукой они насторожили, верно? — заметила она проницательно.

Дэсинджер кивнул.

— Конечно, так что пока мы не доберемся до планеты, и доктора, и его дружка я решил тоже

оставить под замком. Теперь на корабле мы с вами можем чувствовать себя свободно.

— Действительно, — согласилась Домарт и испытующе посмотрела на союзника.

— Умеете пользоваться оружием?

— Естественно. Но мне по судовой роли не положено… не взяла с собой в этот полет.

* * *

Он залез в куртку и достал маленький пистолет в матерчатой кобуре. Домарт с интересом взглянула на предложенное.

— Можно пристегнуть его к вашему ремню, — сказал Дэсинджер, — будет смотреться чрезвычайно гармонично.

— А что это? Никогда раньше таких не видела.

— Превосходный компактный шокер, убойная дальность — пятнадцать метров, для применения на корабле полностью безопасен. В комплекте восемьдесят выстрелов. Мы можем оказаться с вами, так сказать, в чрезвычайной ситуации. Если не окажемся, то все равно с шокером вы будете чувствовать себя значительно спокойнее.

Домарт убрала пистолет в кобуру и прикрепила к своему ремню. Потом в задумчивости провела кончиком языка по губам, перевела взгляд на

навигационные экраны, моргнула, затем посмотрела на Дэсинджера и похлопала рукой по кобуре.

— Это тоже кое-что меняет, — сказала она.

— Что же?

— Скажу через минуту. Присядьте, Дэсинджер. Нам предстоит ручная корректировка курса… — она грациозно скользнула в пилотское кресло, положила руки на панель управления, и словно позабыла о мужчине.

Дэсинджер устроился в кресле рядом с ней и стал наблюдать, изредка поглядывая на экраны. Домарт, ловко маневрируя «Лунной кошкой», то ныряя, то по касательной отрываясь от края гравитационной ямы, вскоре вывела корабль на чистое место в пространстве, хлопнула по рычагу направления и провела ладонью по ряду кнопок управления скоростью, ловко отжимая их.

* * *

— Неплохой сеанс пилотажа, — заметил Дэсинджер.

Домарт слегка передернула плечами.

— Работа у меня такая. — Лицо ее оставалось серьезным. — Вас заинтересовало, почему я протащила корабль по краю этой штуки, вместо того,

чтобы облететь?

— Ага, самую малость, — признался Дэсинджер.

— Так мы доберемся до планеты на полчаса быстрее, — сказала девушка. — Если вы по-прежнему жаждете там оказаться. Видите ли, нас преследуют.

— Кто?

— Этот корабль называется «Шпионом». Самый скоростной корабль Флота после «Лунной кошки». Он вооружен, и обычно экипаж состоит из двух десятков отпетых головорезов.

— Понимаю… Мы собственными руками приведем их к тому, что ищем, а затем они у нас это отбирают, таков бизнес-план? — спросил Дэсинджер.

— Верно. Я не должна была об этом знать. Вам знакомо такое понятие, как Серый Флот?

Дэсинджер кивнул.

— Независимый флот, полностью погрузившийся в пространство криминала.

— Про «пространство криминала» это вы здорово загнули, но по существу все верно. Четыре года назад Флот Виллата еще был вполне легальной организацией. Затем Лью Тонас и Калат со своей бригадой взяли верх. Так уж получилось,

но вы заковали в наручники двух командиров флота, Дэсинджер. Ведь мы теперь — Серый Флот. У меня имелись кое-какие собственные наметки на этот полет. Если бы я смогла добраться до какого-нибудь другого независимого флота или хотя бы до Ядра, то смогла бы предпринять кое-что в отношении Тонаса. После посадки на планету я собиралась угнать «Лунную кошку» и улететь одна.

— Почему вы мне рассказываете об этом?

Мисс Майнз чуть зарделась.

— Ну, во-первых, вы вручили мне пистолет, — стала перечислять она. — Во-вторых, отделали приставучего как банный лист Тонаса, в-третьих, избавили меня от гипнотической дряни доктора… Да я была бы полной дурой, если бы бросила вас после этого, разве не так? В любом случае теперь, когда я вам все рассказала, что бы вы ни стали делать, но возвращаться во Флот Виллата не станете. Я же по-прежнему мечтаю добраться до Ядра Звездного Скопления, где меня никто не станет хватать за задницу потной пятерней. — Она выждала паузу. — Так как вы поступите теперь? Все бросите, пока берег чист, или попытаетесь рвануть по быстрому за своей добычей, пока туда не добрался «Шпион»?

— Как далеко они отстоят от нас? — спросил Дэсинджер.

— Точно не знаю, — ответила Домарт, — но вот вам дополнительные факты. Когда мы стартовали, Тонас приказал мне не гнать «Лунную кошку» быстрее трех четвертей максимальной скорости ни при каких обстоятельствах. Затем я сообразила, что в его планы включен «Шпион», у него потолок как раз три четверти, с такой скоростью он может за нами поспевать, а дальность его детекторов значительно выше, чем у «Кошки». Во время полета он оставался достаточно далеко позади, чтобы не светиться на наших экранах.

— Вчера мы натолкнулись на обширные турбулентные зоны, и тогда я начала играть. Впереди было небольшое скопление из трех звездных систем. Одна из них — наша цель, хотя доктор Эгевайн тогда еще не сказал, какая именно. Я сделала пару маневров и повернула назад — ха, навстречу мчался «Шпион». Затем я оторвалась, уйдя в отрыв с максимальным ускорением. «Шпион» выпал из поля наших детекторов два часа назад, так что еще час не сможет нас преследовать. Поэтому они решат, что мы направились к какой-то из трех систем, но им неизвестно, к какой конкретно. Им придется попотеть, чтобы

нас отыскать. В системе, куда мы направляемся, только один землепод. В других системах землеподобных планет может не быть вовсе, а может оказаться целых четыре или даже пять. Но искать они будут на землеподах, потому что спасательные костюмы, что вы везете, приспособлены для обыкновенных подводных работ. После того, как я от них удрала, они, разумеется, сообразят, что план Тонаса в чем-то дал осечку.

* * *

Дэсинджер потер подбородок.

— А если им повезет, и они последуют прямо к нашей планете?

— Тогда, — сказала Мисс Майнз, — у вас, возможно, будет только шесть-семь часов, чтобы найти то, что нужно, погрузиться и поспешно умотать.

— Ты сказала «возможно»?

Девушка пожала плечами:

— Хотя мы их опережаем, но насколько большего преимущества мы в итоге добились, зависит в значительной степени от того, с какими навигационными условиями «Шпион» столкнется, идя у нас в кильватере. На борту тоже сообразительные ребята и способны прорваться там же, где я.

Есть и еще одно жутко неудачное обстоятельство. Система, на которую нам сейчас указал доктор Эгевайн, была ближайшей, когда я вырвалась за пределы детекторов корабля-преследователя. Вероятно, они решат искать там в первую очередь. Понимаете?

— Понимаю, — ответил Дэсинджер, — чего тут не понять: нам не слишком повезло, верно?

Он вновь в задумчивости пробарабанил по нижней челюсти костяшками пальцев.

— Почему, когда я появился в отсеке, Тонас колотил вас? Попытка домогательства?

— Если бы! — хрюкнула девушка. — Эти негодяи подловили меня, когда я гнала корабль на максимуме. Тонас был вне себя от ярости. Он ведь не знал, ползет ли по нашему следу «Шпион» или уже потерялся. Разумеется, он мне этого не сказал. Синяки, которые он собирался поставить на моих мягких тканях, были бы расплатой за невыполнение его руководящих указаний. Он нередко занимается рукоприкладством по отношению к подчиненным и тогда не разбирается, кто попал под горячую руку: здоровенный мужик или ничего себе девочка. — Она кокетливо приспустила ресницы. — Ну, итак, вы попытаетесь сесть на планету?

— Да, — ответил Дэсинджер, не раздумывая. — Если будем ждать, то шанс, который дает нам «Шпион», рыская в поисках «Кошки» туда-сюда, станет слишком мал. Попытаемся все подготовить для стремительного бегства на случай, если удача окажется не на нашей стороне.

Домарт кивнула.

— Не хотите сказать, что вы ищите?

— Хочу. Учитывая обстоятельства, вам следует это знать…

* * *

— Разумеется, — закончил Дэсинджер через минуту или две, — все, на что мы можем претендовать по закону, это вознаграждение за спасение имущества.

Несколько потрясенная, мисс Майнз взглянула на него.

— Вы хотите провернуть все это законным образом?

— Определенно.

— Даже если так, — сказала она, — если это, и взаправду, место крушения рейдера, ограбившего «Астероиды Доузи», и камни до сих пор покоятся у него на борту… то вы с партнером получите около десяти миллионов кредитов на двоих!

— Около того, — согласился Дэсинджер. — Кстати, небезынтересная деталь: доктор Эгевайн узнал обо всем от одного из ваших флотских из Виллата.

— Что?! — ее глаза распахнулись на максимум возможного.

— Около четырех лет назад флот потерял корабль под названием «Разведчик Хэндинга», верно?

— Три с половиной, — уточнила девушка. — «Разведчик Хэндинга» — это второй корабль, что разбился там, внизу?

— Да. Выжил только один человек… насколько я знаю. Возможно, вы припомните его имя. Лид Фэроуз.

Домарт кивнула:

— Маленький любитель квила. Он числился помощником навигатора. Но как мог доктор Эгевайн..?

— Фэроуз умер в федеральном госпитале на Мецмиали два года назад, — ответил Дэсинджер, — явно от совокупных последствий пагубного пристрастия к квилу. Его подобрали в пространстве Ядра в спасательном боте, который, как мы теперь знаем, был одним из двух ботов «Разведчика Хэндинга».

— В пространстве Ядра? Коллапсар праведный, да у него, должно быть, целый год ушел, чтобы добраться туда в шлюпке!

— Как узнал Эгевайн, — сказал Дэсинджер, — полет действительно продолжался долго. Спасательный бот к тому времени невозможно было опознать. Как и самого Фэроуза. Он был совершенно одурманен квилом… вернее, он был абсолютно невменяем, находясь в крайней стадии квилозависимости. Для того чтобы его опознать, были предприняты серьезные усилия, поскольку в спасательном боте был найден единичный экземпляр вожделенного звездного гиацинта… Существовала вероятность, что это один из камней, утраченных ювелирной компанией «Астероиды Доузи». Но Фэроуз умер всего несколько месяцев спустя, так и не придя в чувство настолько, чтобы поделиться с заинтересованными лицами какой-нибудь полезной информацией.

Дэсинджер прочистил горло.

— А теперь самое интересное: доктор Эгевайн был палатным врачом, отвечавшим за этого пациента, и, в конечном счете, он также оказался человеком, подписавшим свидетельство о его смерти. Доктор оставался в госпитале примерно

еще с год, затем подал в отставку, заявив, что намерен заняться частными исследованиями. Прежде чем Фэроуз умер, Эгевайн, разумеется, вытянул из него известную историю.

Мисс Майнз была озадачена.

— Если Фэроуз так и не пришел в себя…

— Доктор Эгевайн — гипнотерапевт исключительных способностей, — пояснил Дэсинджер. — Лид Фэроуз не настолько был плох, чтобы утаить все свои секреты при осмысленном применении гипнотических лекарств.

— Тогда почему другие не…

— О, подобные попытки имели место. Но вы припомните только один факт, — предложил Дэсинджер, — у меня возникли серьезные трудности, когда я намеревался приблизиться к вам с антигипнотиком. Добрый доктор добрался до Фэроуза первым, вот и все. Вместо нескольких минут, потраченных на вас, он мог тратить на Фэроуза час за часом. У тех, кто пришел позже, просто не было шанса достучаться до бедняги-квиломана.

* * *

Несколько секунд Домарт Майнз молчала, затем задала очередной вопрос:

— Зачем вы прилетели на станцию флота Виллата и наняли один из наших кораблей вдвоем? Пусть ваш корабль намного медленнее «Лунной кошки», но и на нем вы сюда добрались бы, причем намного спокойнее.

— Доктор Эгевайн, — ответил Дэсинджер, — кое-что выпустил из виду. Едва ли его можно в этом упрекнуть, поскольку межзвездная навигация — не его конек. Отправные точки на картах, которые он заставил сделать Фэроуза для себя, казались бессмысленными, если сравнивались со звездными атласами Федерации. Нам нужна была возможность сравнить их с вашими флотскими картами. Они сразу обрели смысл.

— Понятно, — девушка бросила на собеседника косой взгляд. — Знаете, в вашем изложении все выглядит весьма подозрительно.

— В каком смысле?

— Доктор Эгевайн прикончил беднягу Фэроуза, так ведь?

— Вполне вероятно, — допустил Дэсинджер. — Но доказать это теперь невозможно. Нельзя заставлять человека свидетельствовать против самого себя. Но, с точки зрения доктора Эгевайна, Фэроуз умер в очень удобный для гипнотерапевта момент, это истинная правда.

— Что ж, — сказала Домарт, — в таком случае этот лепила-эскулап не удовлетворится половиной вознаграждения за спасение имущества, если узрит возможность слинять со всем грузом «Астероидов Доузи».

— Может быть, — задумчиво сказал Дэсинджер. — А с другой стороны, человек, совершивший недоказуемое убийство, чтобы на вполне законных основаниях претендовать на шесть миллионов кредитов, запросто может принять решение больше не испытывать свою фортуну. Как вам прекрасно известно, правила спасения имущества в космосе гласят, что, если в связи с подобной операцией будут доказаны преступные действия или намерения, виновник автоматически лишается всех прав на вознаграждение.

— Да, я это знаю… и еще я знаю, — сказала мисс Майнз язвительно, — вам тоже необязательно быть такому белому и пушистому. Вот вам еще одна возможность. А есть и еще одна. Вы часом не федеральный детектив, а?

Дэсинджер моргнул, но лица не потерял. Через мгновение он сказал ровным голосом:

— У вас с интуицией все в порядке. Однако не обольщайтесь, я работаю не на Федерацию.

— Даже так? — прищурилась Домарт. — Инте-

ресно, и на кого же вы в таком случае пашете?

— А вы еще не догадались? Значит, с интуицией, мисс Майнз, у вас есть еще кое-какие пробелы. В настоящий момент я, как вы изволили выразиться, «пашу» на компанию «Астероиды Доузи». Правда, не напрямую.

— Страховка?

— Нет. После смерти Фэроуза «Астероиды Доузи» обратились в детективное агентство, чтобы они занялись расследованием всех обстоятельств этого дела. Я представляю агентство.

— Агентство получает награду за спасение имущества?

— Таково было соглашение. Либо мы доставляем товар, либо не получаем ничего.

— А доктор Эгевайн?

— Если доктор воздержится от самодеятельности, то удостоится половины вознаграждения.

— А как насчет того, каким способом он заполучил от Фэроуза информацию? — спросила она.

— С любой профессиональной точки зрения, этот способ крайне неэтичен. Но никаких улик, свидетельствующих, что Эгевайн преступил какие-либо законы, нет.

Мисс Майнз рассматривала его, и глаза ее заблестели лукавством.

— У меня такое чувство на ваш счет, — начала она, — что я…

Индикатор гравитационных отклонений издал предупреждающий клекот. Девушка быстро развернула голову и сказала:

— Кошка жалуется… похоже, мы входим в зону тяготения первой системы! — Она скользнула обратно в кресло пилота. — Вскоре мы вернемся к нашему разговору…

* * *

Когда Дэсинджер вернулся в отсек управления через некоторое время, Домарт расслабленно сидела в кресле пилота с чашкой кофе и бутербродом.

— Как поживают наши мятежники? — спросила она.

— Едят с отличным аппетитом, ничего не говорят и не доставляют мне хлопот, — ответил Дэсинджер. — Они по-прежнему притворяются, что не понимают межзвездной лингвы. Доктор Эгевайн немного дуется. Он хотел бы выйти на время предпосадочной подготовки. Я сказал ему, что он может наблюдать за всем происходящим на экране коммуникатора в своей каюте.

В глазах мисс Майнз, когда она покончила с

бутербродом, появилась задумчивость.

— Знаете, меня не покидает любопытство… как вы можете быть уверены в том, что доктор Эгевайн о полученных от Лида Фэроуза сведениях сказал вам правду?

— Я изучил все записи, сделанные доктором Эгевайном в госпитале во время своих сеансов с Фэроузом. Возможно, он не упомянул о некоторых деталях, но записи выглядят достаточно правдиво.

— Значит, Фэроуз пребывал в квиловом кайфе, — сказала она, — и даже не знал, что они заходят на посадку. Когда он оклемался, разведчик лежал на земле, третий двигатель раздавлен, шлюз открыт, а на борту ни единой души.

— Затем он заметил другой разбитый корабль с открытым шлюзом, подошел к нему, увидел внутри разбросанные несколько костей и вещи, подобрал звездный гиацинт, и узнал из корабельных записей, что внизу в трюме под двадцатью метрами воды запечатанный отсек с ящичком, полным блестящих камешков…

— Да, таков был его рассказ, — согласился Дэсинджер.

— На флотах, — заметила она, — если мы узнаем о месте, где экипажи пары кораблей будто

испаряются непонятно куда, то зовем его «пуганым миром». И обычно стараемся держаться от таких планет подальше. — Она на секунду закусила нижнюю губу. — Думаете, доктор Эгевайн решил, что все дело в квиле?

Дэсинджер кивнул.

— Не сомневаюсь. Разумеется, это не более чем догадка, что Фэроуз выжил из-за квила. Этот наркотик не имеет никакой медицинской ценности. Но когда факт налицо, что единственный уцелевший из двух экипажей оказался квиломаном, этот аспект следует учесть.

— На «Разведчике Хэндинга» больше никто квил не принимал, — медленно произнесла Домарт, — я это знаю достоверно. На флоте мало кто употребляет эту гадость. — Она на секунду заколебалась. — Знаете, Дэсинджер, а не следует ли мне попробовать его снова! Может быть, если в этот раз принять дозу через шприц…

Дэсинджер покачал головой.

— Если от маленького кусочка, который вы отъедали, ваш организм ощущал дремоту, то даже четверть стандартного укола вырубит вас напрочь на час или два. Квил действует так на очень многих людей. В этом и заключается основная причина незначительной популярности

данного наркотика.

— А как он действует на вас? — спросила она.

— До определенной степени это зависит от дозы. Иногда замедляет меня умственно и физически. Иногда кажется, что никакого эффекта нет, пока тот не проходит. Тогда у меня на время возникают цветные и стереофонические глюки… разумеется, такое может сильно отвлекать, когда вы должны делать что-то серьезное. Эти похмельные галлюцинации — еще одна широко распространенная реакция.

— Но раз вы не можете принимать наркотик и при этом бодрствовать, — подытожил детектив, — то просто останетесь внутри запертого корабля. Все равно лучше будет большую часть времени, пока мы на планете, держать «Лунную кошку» под парами, чтобы мгновенно взлететь.

— А что с Тонасом и Калатом? — спросила она.

— Они, конечно, пойдут с нами. Если квил — это то средство, что нужно, чтобы там, внизу, сберечь здоровье, то у меня его предостаточно. Если же квил их вырубит, твои командиры не смогут устроить неприятности.

* * *

— Похоже, там, внизу, разведен огонь! — указательный пальчик Домарт указал на точку в центре пластины обзора поверхности. — Столб дыма начинает подниматься рядом с той большой купой деревьев!.. От места крушения две и девять десятых километра строго на север и выше по горе.

С настенного экрана раздался резкий голос доктора Эгевайна:

— Дым? Значит, Лид Фэроуз не был единственным уцелевшим!

Домарт наградила его холодным взглядом.

— Возможно, это местное животное, которое умеет раскладывать костры. Не такая уж это редкость. — Она обратилась к Дэсинджеру: — Чтобы засечь нас оттуда, хватило бы ручного детектора, но это не слишком похоже на сигнал бедствия. Если это спасшиеся с одного из кораблей, почему они не воспользовались вторым спасательным ботом разведчика?

— А, может быть, тот не в рабочем состоянии? — предположил Дэсинджер.

Домарт вернула обзор наземного экрана обратно к корпусу разведчика.

— Смотрите сами, — сказала она. — Бот не мог быть поврежден от такого легкого удара. Эти шлюпки построены так, что могут выдержать действительно серьезную встряску! А что еще могло их повредить?

— Фэроуз мог вывести второй бот из строя перед отлетом, — сказал Дэсинджер. — Хотел из Ядра вернуться с экспедицией, чтобы забрать гиацинты, так что он мог позаботиться о том, чтобы с планеты больше никто не выбрался. — Он взглянул на экран. — Как вам такая версия, доктор? Фэроуз об этом не упоминал?

Доктор Эгевайн словно мгновение колебался:

— Вообще-то да, упоминал. Фэроуз уже проделал треть пути до Ядра, когда понял, что, возможно, совершил ошибку, не испортив второй спасательный бот. Но к тому моменту возвращаться было поздно, и он был почти уверен, что других уцелевших не осталось.

— Выходит, шлюпка должна находиться в исправном состоянии?

— Находилась, когда Фэроуз улетел.

— Ну, кто бы там ни был, он, может быть, просто не способен с нею обращаться.

Домарт категорически покачала головой.

— Это тоже исключено! — заявила она без-

апелляционно. — Все спасательные боты нашего флота в свое время сняты с большого коммерческого лайнера, отправленного на металлолом восемьдесят или девяносто лет назад. Они разработаны так, что любой дурак поймет, что надо делать, а навигационные настройки полностью автоматические. Разумеется, если огонь развел местный житель, обладающий крайне зорким зрением, то это в корне меняет дело! Подобному существу может и не придти в голову идея приблизиться к разведчику. Стоит мне идти на снижение в сторону дыма, Дэсинджер?

— Да. Мы должны выяснить, что означает этот сигнал, прежде чем попытаемся приблизиться к месту крушения. Доктор, теперь вы удостоверились, что биотическая проверка, осуществленная мисс Майнз из космоса, абсолютно верна?

— Анализ кажется довольно точным, — признал доктор Эгевайн, — и выбранная флотская сыворотка покрывает все выявленные источники опасности.

* * *

— Тогда мы готовимся к немедленной посадке, — сказал Дэсинджер. — На земле у нас останется меньше часа светлой части суток, но

ночь настолько коротка, что этим можно пренебречь. — Отключив связь с каютой Эгевайна, он повернулся к Домарт: — Значит, вы говорите, что у наших коммуникаторов пятикилометровый радиус действия?

— Немного больше пяти.

— Тогда, — продолжал Дэсинджер, — мы оставляем вас и «Кошку» точно на высоте пяти километров в течение девяноста пяти процентов проведенного нами на планете времени. Если прибудет «Шпион», пока вы наверху, сколько у нас будет времени, чтобы смыться?

Она пожала плечами:

— Это зависит, конечно, от того, как они прибудут. Мои детекторы могут засечь «Шпиона» в космосе раньше, чем они засекут «Кошку» на фоне планеты. Если мы заметим их приближение, у нас будет около четверти часа в запасе. Но если они, — продолжила девушка невесело, — появятся из-за горизонта уже в атмосфере или выведут корабль из подпространства, то это совсем другое дело. Если я не удеру сразу же, они возьмут меня на мушку… и БУМ!

— Значит, вам придется остерегаться таких возможностей. Думаете, что сможете отвлечь «Шпиона» погоней, чтобы потом вернуться и

подобрать нас?

— Они не станут преследовать меня настолько долго, — ответила Домарт. — Им прекрасно известно, что «Кошка» легко их обыграет, как только уйдет в приличный отрыв, так что, если они не смогут пригвоздить ее в первые несколько минут, то бравые флотские вернутся на планету, чтобы поискать, что тут интересного. А если я не дам «Кошке» ускакать от «Шпиона», — добавила она, — а просто буду держаться чуть впереди, они поймут, что я пытаюсь их отвлечь от чего-то важного.

Дэсинджер понимающе кивнул.

— В этом случае каждый из нас будет сам за себя, а ваша задача — улепетнуть, чтобы как можно скорее доставить информацию в детективное агентство «Кайт Интерстеллар», базирующееся на Орадо. С этого момента делом займется агентство.

* * *

Мисс Майнз взглянула на него.

— А вам не кажется, что к тому моменту, когда агентство сможет как-то повлиять на ситуацию, вас уже не будет в живых?

— Постараюсь избежать такого пессимистич-

ного варианта, — ответил Дэсинджер. — Что ж, мы предусмотрели все версии относительно поведения «Шпиона», но и внизу дела могут пойти из рук вон плохо. Скажем, я утрачу контроль над группой, или мы столкнемся с чем-то непонятным и враждебным, что и предыдущие группы высадки, да еще окажется, что квил не в состоянии помочь. При любом подобном развитии событий вы, мисс Майнз, направите «Кошку» к любому из миров Ядра Звездного Скопления и сообщите в агентство. Согласны?

Домарт кивнула.

Он достал из кармана плоский футляр с медицинскими инъекторами.

— Хотите вколоть себе квил еще до того, как мы сядем? — спросила мисс Майнз.

— Нет. Хочу, чтобы у вас под рукой был один из этих инъекторов, по крайней мере, пока мы не выясним, в чем суть проблемы. Если вам придется принять наркотик, он вас отключит, но, возможно, сохранит вам жизнь. Сам я намерен подождать и посмотреть, а нужно ли переходить на квил. Глюки, что бывают у меня после этой дряни, могут нагрянуть, когда мы окажемся в самой гуще событий, а это может привести к самым нежелательным последствиям. — Он за-

крыл футляр. — Ну, вот, кажется, мы продумали все. Если вы только что обратили внимание на обзорную пластину, то заметили, что некто показался из-под деревьев в районе дыма. И если я не ошибаюсь, это — человек.

Домарт положила полученный от детектива инъектор в ящик приборной панели.

— Не думаю, что вы ошиблись, — сказала девушка. — Я наблюдаю за ним уже секунд тридцать.

— За ним? Это мужчина?

— Ничуть не сомневаюсь. Двигается уверенно и не вихляет задом.

Дэсинджер поднялся.

— В таком случае пойду переговорю с Эгевайном. У меня есть задумка и насчет его гипноаэрозолей, если уж нам довелось столкнуться с другими уцелевшими.

— Мне опустить корабль рядом с тем?

— Нет. Садитесь на полкилометра севернее, в центре того большого открытого участка. Так мы избежим возможной засады. И во время снижения лучше всего стараться избегать воздушного пространства непосредственно возле места катастроф.

Домарт взглянула на него с ехидцей:

— Не нужно меня предупреждать об очевидном — черта с два я сунусь в эту зону!

— Из-за разведчика? — ухмыльнулся Дэсинджер.

— Конечно. Нет видимых причин, почему разведчик был вынужден сесть настолько жестко, чтобы расколошматить двигатель. Хэндинг был превосходным пилотом.

— Хм-м, — Дэсинджер потер подбородок. — М-да, любопытно. Предполагается, что налетчики во время атаки на «Астероиды Доузи» воспользовались неизвестным типом оружия. У всех погибших во время налета были зафиксированы огнестрельные ранения. Но более тщательный осмотр тел показал, что эти раны по большей части были нанесены уже после смерти.

— Вы хотите сказать… — вид у Домарт был испуганный, — вы считаете, что кто-то пытался скрыть, как были убиты эти несчастные? Какой-то таинственный способ?

Дэсинджер кивнул.

— Вот именно, «таинственный». Налетчики оставили следователям крайне мало улик. Но, похоже, что атаковал станцию один единственный корабль, и что шлюзы купола были открыты изнутри. Это, разумеется, предполагает наличие

предателя среди персонала станции. Однако совершенно достоверно только одно — каким-то невнятным образом компания «Астероиды Доузи» потеряла полугодовой объем производства ограненных звездных гиацинтов ювелирного качества стоимостью почти в сто миллионов кредитов. Это случилось шесть лет назад, и великое ограбление «Астероидов Доузи» — до сих пор неразрешенная загадка.

Он задумчиво покачал головой.

— Но давайте вернемся к настоящему. На месте крушения не заметно ничего такого, что могло бы оказаться, скажем, автоматической пушкой, но… ладно, будем просто приближаться с осторожностью и при первом же намеке на опасность дадим деру!

* * *

«Лунная кошка» неспешно приближалась к открытом месту, где стоял человек, в сотне метров от зарослей деревьев, из-под которых по-прежнему вздымались клубы густого дыма. Он наблюдал за снижением спидстера спокойно, никак не пытаясь привлечь к себе внимание его экипажа.

Домарт пригляделась, но ничего нового не сказала, ибо человек не являлся членом пропавшего

экипажа Хэндинга и, стало быть, был ей незнаком. Следовательно, он принадлежал к числу налетчиков.

«Лунная кошка» коснулась поверхности холма где-то в четверти километра от леса и встала, задрав нос в зенит и бесстыдно расставив посадочные лапы. Грузовой шлюз открылся, выполз узкий трап. Первым из шлюза появился Квист. Он швырнул на землю два тюка со складными палатками и проворно спустился. За ним последовал доктор Эгевайн, потом оба флотских в наручниках. Дэсинджер вышел последним.

— Вышли все, — передал он в наручный коммуникатор. — Поднимай.

Трап беззвучно втянулся в шлюз, люк захлопнулся, и «Лунная Кошка» плавно и быстро оторвалась от земли. Лью Тонас бесстрастно проследил за подъемом спидстера, посмотрел на Калата, потом с минуту громко и энергично изрекал что-то на межфлотской лингве без всякого выражения на широком лице.

— Квист, ставь палатки! — приказал Дэсинджер.

Когда палатка была собрана, Дэсинджер жестом большого пальца себе за спину направил флотских к ее входу.

— Внутрь, ребята! А ты, Квист, запри за ними и оставайся охранять. Пошли, доктор. Встретим нашего приятеля, потерпевшего кораблекрушение, на полдороги, поскольку ему явно не терпится пообщаться с людьми…

* * *

Человек приближался неторопливо, широкой и легкой поступью, на плече у него сидела птица и, выгибая шею, пялилась на незнакомцев круглыми желтыми глазами. Он был высок и строен, вероятно, полегче Лью Тонаса на десяток кило, но в великолепной физической форме. Сильное и умное лицо лучилось улыбкой.

— Я уже перестал надеяться, что этот день когда-нибудь настанет! — сказал он на межзвездной лингве. — Могу я узнать, кто вы?

— Исследовательская группа, — пожал и потряс протянутую руку Дэсинджер, в то время как правая рука доктора Эгевайна якобы случайно потянулась к отвороту пиджака. — Мы заметили два разбитых корабля внизу, на берегу озера, — пояснил Дэсинджер, — затем обнаружили дымовой сигнал. Как ваше имя?

— Грейлок. Бывший главный механик «Антареса» с Ванадии на Ароке. — Грейлок повернулся,

по-прежнему улыбаясь, к Эгевайну.

Эгевайн приветливо улыбнулся.

— Грейлок, — со значением произнес он, — вы чувствуете и будете чувствовать дальше, что это — именно та беседа, которую вы планировали с нами провести, что все происходит в точном соответствии с вашими желаниями. — Повернув голову к деловому партнеру, он спросил: — Вы предпочли бы допросить его сами, Дэсинджер?

Дэсинджер, пойманный врасплох, вздрогнул. Но выражение лица Грейлока не изменилось. Детектив покачал головой.

— Прошло весьма гладко, доктор! — прокомментировал он ловкость рук гипнотерапевта. — Нет, продолжайте сами. Среди нас вы опытнейший эксперт.

— Очень хорошо… — благосклонно принял мнение детектива доктор Эгевайн и продолжил свою миссию: — Грейлок, с этой минуты вы будете целиком и полностью сотрудничать со мной, зная, что я и друг вам, и хозяин. Кто-нибудь из тех, кто прибыл сюда на тех двух кораблях у воды, еще жив?

Секунду или две царило полное молчание. Затем лицо Грейлока стало дергаться, от него отхлынула кровь. Сухо и резко он заговорил:

— Нет. Но я… Я не…

Он стал невразумительно заикаться, снова умолк, лицо одеревенело.

— Грейлок, — продолжал экспериментировать Эгевайн, — теперь вы можете все вспомнить и ничего не боитесь. Расскажите мне, что произошло с остальными.

Пот покрыл пепельно-серое лицо жертвы кораблекрушения. Рот вновь стал кривиться в безмолвно агонизирующих гримасах. С коротким урчанием птица вспорхнула с плеча, и тихо унеслась прочь.

Доктор Эгевайн принялся настаивать:

— Вы ничего не боитесь. Вы способны все вспомнить. Что с ними случилось? Как они погибли?

Неожиданно лицо человека разгладилось. Он перевел взгляд с Эгевайна на Дэсинджера в мимолетном смущении, затем с необыкновенным облегчением объяснил:

— Ну, это… дело одним словом… генератор Ховига перебил многих, пока мы удирали от «Антареса». Некоторые достигли границы радиуса поражения вместе со мной, и впоследствии я убил их всех.

Доктор Эгевайн еще раз мельком взглянул на Дэсинджера, но допроса не остановил.

— А экипаж второго корабля? — спросил он.

— Те двое. У них было то, что мне нужно, и, естественно, я не хотел оставлять их в живых.

— Генератор Ховига на «Антаресе» по-прежнему работоспособен?

— Да.

— Каким образом он убивает?

На лбу Грейлока вновь выступил пот, но теперь его, похоже, не беспокоили никакие сопутствующие эмоции.

— Разумеется, он убивает страхом… — ответил он.

* * *

С этого момента история налета на «Астероиды Доузи» и генератора страха Ховига стала разворачиваться перед ними с неимоверной быстротой. Ховиг разработал свои машины с единственной целью — ограбить погрузочную станцию «Астероидов Доузи». План заключался в том, чтобы «Антарес» курсировал в некартографированном пространстве с украденными звездными гиацинтами, по крайней мере, в течение двух лет, после чего должен был приблизиться к границам Федерации из удаленного от системы Доузи сектора. Эта предосторожность и стала катастрофой

для Ховига. У главного механика Грейлока было время поразмыслить над тем, что его доля прибыли в набеге относительно мала, и что всегда существует шанс значительно ее увеличить.

Грейлок с приятелями напали на своих бывших подельников, как только рейдер коснулся поверхности ненанесенной на карты планеты, дабы пополнить запасы воды. Нападение удалось, но смертельно раненый Ховиг жестоко отомстил бунтовщикам. Он исхитрился включить одно из своих мерзких пси-устройств, и практически все, кто оставался живым на борту, немедленно спятили от страха. Корабль, потеряв управление, рухнул на край озера. Кто-то открыл шлюз, и несколько обезумевших членов экипажа сорвались с трапа и разбились о камни внизу. Те же, которые сравнительно благополучно достигли подножья трапа, в бешенстве убегали от места крушения. Излучение машины Ховига преследовало их, но плавно ослабевало по мере увеличения расстояния между беглецами и «Антаресом». Наконец, через три километра от источника, порывы страха полностью исчезали… Приблизиться к месту крушения стало невозможно — энергия у генератора страха не кончалась, он мог работать годами.

— Давайте уточним с этим, доктор! — посоветовал Дэсинджер. — Спросите его, почему убийственные машины на них не действовали, когда они грабили «Астероиды Доузи». У генераторов есть управляемый дистанционно стопер?

Грейлок, услышав вопрос, ответил:

— Мы принимали квил. Хотя эффект был все равно крайне неприятен, но его можно было терпеть.

На пару секунд повисла пауза. Доктор Эгевайн прочистил горло.

— Похоже, Дэсинджер, — заметил он, — что мы не смогли учесть один крайне важный момент!

Дэсинджер кивнул.

— И, самое главное, очевидный, — сухо отметил он. — Продолжайте, доктор. Сколько квила они принимали? Как долго они принимали его перед налетом?

Доктор Эгевайн, окинув партнера понимающим взглядом, повторил вопросы.

Грейлок рассказал, что Ховиг начал приучать экипаж к квилу за неделю или две до того, как «Антарес» взлетел с Арока, чтобы нанести удар по станции. Доза каждый раз постепенно увеличивалась до такой степени, которая требовалась конкретному индивиду, чтобы оставаться

невосприимчивым к излучению генератора. Персональные реакции широко разнились и были непредсказуемы.

Дэсинджер, облизав языком губы, кивнул.

— А спросите у него…

* * *

Он осекся, услышав мягкое воркование и заметив трепещущую тень. Птица Грейлока, мягко хлопая крыльями, пролетела мимо, уселась на облюбованное плечо хозяина и развернулась, поглядывая то на Дэсинджера, то на Эгевайна. Дэсинджер, глядя на желтые совьи глазки и странный маленький, похожий на трубку, клюв, продолжил, обращаясь к Эгевайну:

— …где на корабле хранится груз.

Грейлок подтвердил утверждения Лида Фэроуза о том, что тот успел прочесть в записях «Антареса». Все звездные гиацинты, кроме нескольких штук, размещались в напоминавшем бункер отсеке хранилища, и отсек этот был опечатан. Чтобы его открыть, понадобится взрывчатка. Ховиг оставил себе полдесятка камней покрупнее, вероятно, как средство от скуки на время предстоящих двух лет полета. Грейлок нашел один из них незадолго до того, как заработал адский

прибор Ховига.

— И где этот камень сейчас? — спросил доктор Эгевайн.

— Он до сих пор при мне.

— С собой?

— Да.

Доктор Эгевайн раскрыл ладонь:

— Он больше тебе не нужен, Грейлок. Отдай его мне.

Грейлок оказался в замешательстве, на секунду почудилось, что он вот-вот разразится плачем. Затем достал перевязанный кусочек кожи, бережно развернул и положил бриллиант Эгевайну в руку. Эгевайн взял камень большим и указательным пальцем другой руки и поднял перед собой.

Несколько секунд царила тишина, пока звездный гиацинт пылал в вечернем свете, а им любовались трое мужчин и маленькое крылатое существо. Затем доктор Эгевайн медленно выдохнул.

— Ну вот! — сказал он слегка дрожащим голосом. — Люди способны убивать за одну только эту красоту!.. Вы хотите сохранить его, Дэсинджер? Или поручите эту миссию мне?

Дэсинджер задумчиво посмотрел на него:

— Оставьте у себя, доктор.

* * *

— Дэсинджер, — заметил доктор Эгевайн несколько минут спустя, — я вот тут думал…

— О чем?

— Сбивчивое описание Грейлока свидетельствует о том, что машина, установленная Ховигом на «Антаресе», в действительности не распространяет эмоции ужаса, как это представляется ему. Нарисованная картина явно говорит о том, что мозг, в котором естественные либо приобретенные барьеры обособления временно снимаются, взрывается комплексным безумием такой интенсивности, какая была бы немыслима без внешнего воздействия. Как мы видим на примере Грейлока, подобное состояние невозможно описать или представить! Этот генератор — поистине дьявольское изобретение…

Он нахмурился.

— По какой причине наркотик квил противодействует подобному эффекту, остается неясным. Но, поскольку мы знаем, что он противодействует, возможно, у меня уже есть решение проблемы, с которой мы столкнулись.

— Хочу послушать, — кивнул Дэсинджер.

— Пусть мисс Майнз немедленно спустит

корабль, — проинструктировал его Эгевайн. — Имеется определенная вероятность, что именно для этой цели среди моих медицинских запасов найдется эффективный заменитель квила. Несколько часов экспериментов, и…

— Притормозите, доктор, — перебил его Дэсинджер. — До сих пор от наших словесных перепалок особого вреда не было. Но сейчас мы совсем в другом положении… Возможно, у нас в запасе очень мало времени. Так что хватит играть краплеными картами.

Доктор возмущенно насупил брови:

— Что вы хотите этим сказать?

— Разумеется, то, что у нас обоих есть квил. И экспериментировать незачем. Но то, что он у нас есть, еще не гарантирует, что мы сможем приблизиться к генераторам. Мозговые ткани Лида Фэроуза были буквально пропитаны наркотиком. У команды «Антареса» имелись недели, для определения дозы, чтобы работать в радиусе воздействия генератора и при этом оставаться в своем уме. У нас, скорее всего, будет достаточно проблем и без того, чтобы пытаться надуть друг друга.

Доктор Эгевайн прочистил горло:

— Но я…

Дэсинджер снова его перебил:

— Ваше нежелание сообщить мне все, что вы знаете или о чем догадались, понятно. Доверять мне полностью у вас не больше причин, чем у меня — вам. Так что раньше, чем предложите что-нибудь еще, я хотел бы показать вам вот этот документ. Думаю, с оттиском федеральной печати вы знакомы.

Доктор Эгевайн, взяв предложенное удостоверение, взглянул на Дэсинджера и открыл корочки.

— Ах, так значит, — вскоре вымолвил он, — вы детектив и работаете на компанию «Астероиды Доузи»… — Голос его при этом был ровным: — Разумеется, это меняет ситуацию. Почему вы мне сразу не сказали?

— Это очевидно, — пожал плечами Дэсинджер. — Если вы честный человек, то моя профессия значения не имеет. По закону компания остается обязанной выплатить вознаграждение за спасение звездных гиацинтов. Они и не возражают. Им просто не по нраву возможность, что драгоценности будут украдены повторно. Если бы на уме у вас было именно это, вы, разумеется, не привели бы сюда детектива, работающего на компанию. Другими словами, доктор, сотрудничая со мной, вы не рискуете быть обманутым в

своих правах на половину вознаграждения.

Дэсинджер похлопал по пистолету в кармане своего пиджака.

— И, разумеется, — добавил он, — будь я бандитом, несмотря на предъявленный вам мандат, то вместо разговоров просто избавился бы от нашего партнерства прямо на месте! Уже одно то, что я этого не сделал, должно послужить достаточной гарантией моей порядочности.

Доктор Эгевайн кивнул:

— Понимаю.

— В таком случае, доктор, давайте удовлетворимся положенным вознаграждением, — предложил Дэсинджер. — Есть и еще одна, думаю, не очень приятная новость: за нами с вполне конкретными намерениями охотится вооруженный корабль флота, и весьма вероятно, что он найдет нас в течение нескольких часов…

* * *

Вкратце описав ситуацию, детектив подытожил:

— Вы выполнили свою часть договора, доктор, приведя нас сюда. Вы можете, если пожелаете, снизить дальнейший персональный риск, воспользовавшись вторым флотским спасатель-

ным ботом разведчика, чтобы тотчас убраться вместе с Квистом с планеты. Квил позволит вам беспрепятственно подобраться к разведчику. Затем установите курс обычным пространством на Орадо, а мы подберем вас, когда дело будет закончено.

Доктор Эгевайн энергично потряс головой.

— Благодарю за предложение, но я предпочту остаться. Верьте, в моих интересах оказать вам посильную помощь… и, как вы верно догадались, у меня действительно имеется приличный запас квила. Итак, какой у вас план?

— Вырубить генератор Ховига в качестве первого шага, — ответил Дэсинджер. — А поскольку мы не знаем, какая доза наркотика требуется каждому из нас, мы только нарвемся на неприятности, приближаясь к «Антаресу» на спидстере. К тому же, мисс Майнз оказалась чувствительна к квилу. Так что придется добираться до корабля пешком и, например, я начинаю немедленно. Скажите, Грейлок и флотские настолько подчиняются гипнотическим приказам, чтобы стать надежными помощниками в спасательных работах?

Эгевайн кивнул.

— Вне всякого сомнения.

— Тогда можете начинать постепенно при-

учать их к этой мысли. Судя по внешнему виду «Антареса», прорезать внешнюю броню, чтобы извлечь звездные гиацинты, будет непросто. У нас три спасательных костюма. Если я смогу добраться до генератора и отключить его, а после этого мне потребуется кой-какая мускульная сила, не обладающая свободой воли, то мисс Майнз пролетит над вашей палаткой, и это станет сигналом отправить их мне на подмогу.

— Зачем отправлять? Мисс Майнз могла бы доставить всех к месту крушения всего за несколько секунд.

Дэсинджер покачал головой:

— Простите, доктор. Но никто, кроме меня и мисс Майнз, не поднимется на борт «Лунной кошки», пока мы или не закончим работу, или не будем вынуждены рвать отсюда когти. Боюсь, я вынужден предпринять эту меру предосторожности. Когда вы доберетесь до «Антареса», мы вкатим каждому из ребят по инъектору квила. Кто не станет после этого прихрамывать, будет помогать.

— Вам кажется, что и после отключения генератора возникнет необходимость в наркотике? — задумчиво спросил доктор Эгевайн.

— Ну, по-видимому, Ховигу, — ответил Дэ-

синджер, — тоже была присуща определенная осторожность. Мы знаем, что у него было три генератора, и что он задействовал один. Вопрос в том, что с остальными двумя. Я, например, не слишком удивлюсь, если окажется, что один или оба сразу поджидают гостей в отсеке, где он запечатал свою добычу.

* * *

Ночь была прохладна. Ветер шелестел в кронах деревьев. В остальном горные склоны не давали повода для беспокойства. Небо было затянуто слоистыми облаками, средь которых незримо парила «Лунная Кошка». Через инфракрасные очки, которые Дэсинджер надел, когда двинулся в путь, на две сотни метров вперед был видно, что каменистый склон подсвечен зеленым, словно купался в странном лунном свете. Дальше простиралось царство мрачной темноты.

— Пока все в порядке, Вэлан? — спросила Домарт из наручного коммуникатора.

— Ага! — ответил Дэсинджер. — Немного нервничаю, но, учитывая обстоятельства, я все равно так бы себя чувствовал.

— Я в этом не так уверена, — возразила девушка. — Ты отошел на два с половиной километра

от границы радиуса действия генератора. Судя по тому, что сказал этот тип Грейлок, ты уже должен ощущать его воздействие. Почему бы ни уколоться во избежание риска?

— Не хочу, — сказал Дэсинджер. — Если буду воздерживаться до тех пор, пока не почувствую нечто, что можно определенно приписать излучению, то смогу рассчитать оптимальную дозу квила. Не вижу смысла накачиваться наркотиком больше, чем необходимо.

В поле зрения очков выдвинулась купа высоких деревьев с мохнатыми стволами и густым подлеском под ними. Дэсинджер с некоторой осторожностью прокладывал себе дорогу через кустарник. Пока все говорило о том, что не только люди, но и местная фауна избегала находиться поблизости от машины Ховига, но если на планете и водились какие-нибудь ядовитые твари, то здесь им было самое место. Это казалось вполне здравым опасением. Другие опасения, если рассуждать объективно, казались менее здравыми. Если Вэлан спотыкался о камень, на него накатывал поток внезапной тревоги, длящейся несколько секунд, а дыхание учащалось гораздо сильнее, чем можно было отнести на счет трудности спуска по склону.

* * *

Пять минут спустя после того, как Дэсинджер углубился в лес, он наткнулся на устье узкой теснины и мгновенно остановился. Рука торопливо полезла в карман за футляром с квиловыми инъекторами.

— В чем дело? — сразу поинтересовалась Домарт.

Дэсинджер издал нечто вроде задыхающегося смеха.

— Я решил принять квил. Сейчас же!

— Чувствуешь… что-нибудь? — ее голос тоже задрожал.

— Еще как! Хотя, дело совсем не в ощущениях. К примеру, парочка старых друзей сейчас идет мне навстречу. Покойных друзей, кстати говоря. Очень и очень разложившихся.

— Ух! — с придыханием вымолвила она. — Поторопись!

Дэсинджер прижал инъектор к изгибу локтя и нажал кнопку.

Потом постоял несколько секунд. Почувствовав в легких прохладу ночного воздуха, он протяжно выдохнул.

— Сработало! — объявил он становившимся

вновь ровным голосом. — Эта штука быстро действует. Всего четверть дозы…

— Почему ты так долго ждал?

— До сих пор все шло не так плохо. Просто внезапно накатило… Знаешь, а ведь не может быть так, чтобы генератор излучал равномерно! В общем, это свалилось на меня неожиданно, как камень. Сомневаюсь, что тебя заинтересуют кое-какие малоприятные детали.

— Ты прав, — согласилась Домарт. — Я наверху, и то у меня ледяные мурашки бегают. Больше всего в жизни хотела бы, чтобы мы поскорее с этим покончили!

— Немного удачи, и мы улетим с планеты через час.

Когда он уже мог слышать плещущиеся под порывами ветра воды озера, он ощутил нарастающую пульсацию работающего в ночи генератора Ховига. Затем в поле действия очков очутился разведчик флота — приземистый, темный силуэт, как у выброшенного на сушу кашалота. Его основание скрывалось в зарослях, разросшихся вокруг корабля уже после его падения на склон. Дэсинджер прошел мимо разведчика, проталкиваясь сквозь стебли густого пахучего кустарника, становящегося тем гуще, чем было ближе к воде.

Теперь он чувствовал себя нездоровым и апатичным, хотя прекрасно осознавал растущее нежелание идти дальше, как нечто чуждое и навязанное извне. Да, перед попыткой подняться на борт «Антареса» потребуется куда более крупная доза наркотика.

К западу облаков почти не было, и вскоре он увидел разбитый рейдер, атаковавший «Астероиды Доузи»; его силуэт наполовину торчал из залива, затеняя кусочек звездного неба. Оставаясь за пределами радиуса действия очков, он казался бронированным животным, стремящимся заползти на склон. Дэсинджер медленно приближался к нему с каким-то смурным отвращением, потом выбрался из кустарника на открытую землю и очутился перед широким трапом, который, казалось, кутался в мохнатое пальто. Это была поросль, похожая на мочало и круто вздымающаяся к открытому шлюзу в верхней части «Антареса». Пульсация генератора, должно быть, билась в сердце изувеченного корабля, зловещая и угрожающая. Похоже, она усиливалась. Что это зашевелилось в провале шлюза? Дэсинджер стоял, его чувства болезненно плыли, и ему казалось, как что-то огромное и массивное медленно вздымается, возвышаясь над ним, как гребень

гигантской волны, и наклоняется вперед…

* * *

— Пока все в порядке? — спросила Домарт.

Грозная волна рассыпалась в брызги.

— Вэлан! Что случилось?

— Ничего, — ответил Дэсинджер убитым голосом. Он посмотрел на пустой инъектор в руке, и отбросил его в сторону. — Но едва не случилось! Квила, который я принял, оказалось недостаточно. Я стоял тут и покорно ждал, пока эта чертова машина всосет меня со всеми потрохами, но тут заговорила ты.

— Ты бы слышал свой голос через коммуникатор! Я подумала, что тебя… — голос ее на секунду смолк, потом она заговорила снова. — В любом случае, надеюсь, — радостно сказала она, — что ты накачался квилом под завязку, так?

— Вероятно, что даже больше, чем под завязку. — Дэсинджер провел ладонями по лицу. — Ладно, ничего уже не поделаешь. Думаю, меня едва не накрыло! Даже не помню, как доставал инъектор из футляра.

Он снова посмотрел на верхушку возвышавшегося дугой силуэта «Антареса», достаточно отвратительного, но в данный момент до ужа-

са банального, лишенного угрозы и мистики, хотя пульсирующее биение исходило от него по-прежнему. И все-таки это было всего лишь техническое препятствие и ничего более.

— Собираюсь зайти внутрь.

Из темноты шлюза преотвратно несло стоячей водой и давнишней гнилью. Заполонившее перила трапа мочало внутрь не проросло, ибо там поселилось что-то другое — бледные маслянистые усики гирляндами увешивали стены. Дэсинджер снял очки ночного видения, достал карандаш-фонарик, зажег луч, и двинулся дальше в глубь.

Удар, смявший нижнюю обшивку корабля, вспучил пол шлюзового отсека так, что его с трудом можно было назвать опорой для нормального передвижения. Справа зияла чуть ли не семиметровая дыра с рваными краями между настилом палубы и дальней переборкой, от которой и была оторвана. Маслянистые растения разрослись по периметру дыры и свисали фестончатыми конструкциями в затопленные нижние секции «Антареса». Пульсация генератора Ховига исходила сверху и слева, куда круто поднимался коридор, ведущий в нос корабля. Дэсинджер, повернувшись к коридору лицом, начал взбираться

наверх.

* * *

Гадать, за какой дверью вдоль по коридору пряталась машина, особой нужды не было, поскольку, если Грейлок не врал, Ховиг держал ее в личной каюте. Пока Дэсинджер шел до места, его продвижение больше всего напоминало подъем в безмолвное грохотание. Дверь оказалась заперта, и хотя стены рядом с ней были смяты и треснули, щели были слишком узки, чтобы через них можно было протиснуться внутрь. Дэсинджер вытащил инструмент, доставшийся ему когда-то как трофей после поимки на Орадо одного из самых выдающихся медвежатников, и начал колдовать над замком. Через минуту или две он с силой протолкнул дверь через перекосившийся косяк.

Стечением времени от старины Ховига осталось так мало, что уже не могло вызвать ни брезгливости, ни отвращения. Генератор пылился в углу, наполовину похороненный под покореженными и неидентифицируемыми обломками. Дэсинджер стал его раскапывать, чувствуя, будто тонет в невидимом льющемся потоке. Пришлось даже встать на колени и на-

править свет на стену возле себя.

Машина полностью соответствовала описанию Грейлока. Тяжелая, похожая на блин пластиковая оболочка в треть метра диаметром, два массивных стержня, один нажат до упора и слился с поверхностью, другой торчит. Дэсинджер попробовал надавить большим пальцем на торчащий стержень, понял, что тот совершенно не поддается, и вытащил пистолет.

— Как продвигаются дела, Вэлан? — спросила мисс Майнз.

— В нужном порядке, — ответил Дэсинджер. Оказалось, что говорить трудно; чтобы открыть рот, нужно было прилагать усилия. — Я нашел эту сволочную штуку! Сейчас постараюсь ее вырубить. Отвечу через минуту…

Примериваясь, он дважды постучал по стержню рукоятью пистолета, затем ударил изо всей силы. Стержень провалился в машину, заняв положенное место, но его собрат не выскочил наружу. Затоплявшие Вэлана негативные ощущения не прекратились.

Дэсинджер облизал губы, опустил пистолет в карман и достал отмычку. Он почти вскрыл крышку генератора, когда та раскололась на две половины. В тот же миг беззвучный грохот в каю-

те пропал. Дэсинджер залез в генератор и вырвал батарею вместе с полдесятком разноцветных проводов.

Он сел на пятки, поскольку голова мгновенно закружилась от облегчения, потом поднялся на ноги и повернулся к двери. Луч фонарика в обломках у стены заставил что-то ослепительно блеснуть.

Несколько секунд любовался Дэсинджер звездным гиацинтом, прежде чем поднять его с пола. Этот экземпляр был крупнее камня, унесенного с «Антареса» Грейлоком, и великолепно огранен. Спустя минуту детектив нашел еще четыре камня того же качества и вернулся в шлюзовой отсек с двумя миллионами кредитов по официальному курсу или около половины этой суммы по ценам черного рынка драгоценностей Ядра Звездного Скопления.

— Ну и что?

— Я обломал этой штуке зубы.

— Слава звездам! Я спускаюсь…

«Лунная кошка» подлетала с юга, когда Дэсинджер вылез из шлюза на трап.

— Переходной тамбур открыт, — сообщил голос Домарт. — Я подлечу кормой и помогу.

* * *

Потребовалось четыре рейса гравитационного подъемника, чтобы переместить спасательное оборудование в шлюзовой отсек «Антареса». Затем мисс Майнз снова запечатала «Лунную кошку» и вернулась на прежнюю высоту. Дэсинджер влез в спасательный костюм, подвесил внутри шлема коммуникатор, зажег головные прожекторы и подошел к краю палубы отсека. Черная вода отражала свет десятью метрами ниже. Он проверил набор прикрепленных к поясу инструментов, сдвинул рычажок гравитации, подал энергию на магнитные подушки на коленях, в носках ботинок и запястьях, затем спрыгнул в воду.

— Это тупик, Домарт! — сказал он девушке десять минут спустя, и голос его был полон разочарования. — Здесь просто жуткая мешанина… даже хуже, чем можно было предположить! Похоже, нам придется прорезать себе дорогу до самого бункера. Дайте Эгевайну сигнал, чтобы он гнал сюда наших зомби.

Приблизительно часом позже мисс Майнз с тревогой доложила через коммуникатор:

— Они будут в шлюзе меньше, чем через пять

минут, Вэлан! Бросай все и поднимайся!

— Уже иду, — он с неохотой выключил лучевой резак и двинулся в грязной воде назад, к верхним секциям разбитого корабля. Чтобы добраться до бункера с бриллиантами, надо было пройти сквозь джунгли переплетенного металла и пластика, что поддавалось с большим трудом. По расчетам выходило, что проделана едва ли половина пути, и перспектива задержаться здесь за работой, когда их обнаружит «Шпион», начинала казаться вполне вероятной. Дэсинджер торопливо вскарабкался по почти вертикальному проделанному им проходу, и оказался в уже залитом дневным светом шлюзовом отсеке — желтое светило системы сияло над горизонтом. Стащив спасательный костюм, он вернул коммуникатор на запястье и подошел к верхушке трапа.

* * *

В утреннем свете по склону спускались пять человек: Тонас и Калат возглавляли, Грейлок за ними, крылатое создание путешествовало на его плече и изредка поднималось в воздух, чтобы покружить над головами у группы. Квист и Эгевайн были замыкающими.

Дэсинджер, наблюдающий эту процессию, до-

стал из кармана пистолет.

— Я пристегну пистолет на пояс костюма, когда вернусь с ребятами в воду, — сказал он в коммуникатор. — Если доктор прокручивает в своем мозгу разные фокусы, это должно дать ему пищу для размышлений. Квиста, как только он подойдет, я освобожу от вооружения.

— А как начет оружия в хижине Грейлока? — спросила Домарт.

— Там нет ничего огнестрельного. Если я буду достаточно осторожен, то доктору не выкинуть финт ушами. Эгевайн прекрасно знает, что потеряет половину вознаграждения, как только отмочит что-нибудь противозаконное.

Через минуту или две он крикнул:

— Остановитесь там, где стоите, доктор.

Пятерка застыла у подножья трапа, глядя на детектива снизу вверх.

— Каковы ваши пожелания, Дэсинджер? — крикнул доктор Эгевайн в ответ, чуть задыхаясь.

— Пусть поднимется первым Квист и один, будьте любезны.

Дэсинджер разоружил коротышку у входа в шлюз и жестом направил его в центр отсека. Остальные поднялись по очереди, гуськом прошли мимо Дэсинджера, чтобы присоединиться

к Квисту.

— Вы всем разъяснили ситуацию? — спросил Дэсинджер Эгевайна. В маленьком коллективе чувствовалось некоторое напряжение. Оно не нравилось детективу, хотя в данных обстоятельствах могло быть вполне объяснимым.

— Да, — ответил Эгевайн, многозначительно улыбаясь. — Наши друзья, конечно же, безоговорочно жаждут нам помочь.

— Отлично, — кивнул Дэсинджер. — Постройте их, и давайте продолжим! Тонас первый. Залезай в…

Возникло мимолетное колебание воздуха за головой. Он резко развернулся, вскидывая пистолет, и тут же ощутил, как в шею вонзились иглы с двух разных сторон.

Тело сразу же стало бесчувственным. Шлюз словно закружился вокруг него, затем детектив оказался лежащим навзничь, а любимец Грейлока, подрагивая крыльями, уселся ему на грудь. Птица изогнула шею вперед, чтобы заглянуть в лицо поверженному двуногому, затем кончик трубчатого клюва приоткрылся, показав кольцо маленьких зубов. Зрение и сознание покинули Дэсинджера одновременно.

Остальные не двинулись с места. Лицо док-

тора Эгевайна немного побледнело, но это не помешало подойти к Дэсинджеру, и когда он приблизился, птицеподобное существо мягко отскочило назад к краю шлюза. Эгевайн встал на колени и, поднеся ко рту коммуникатор детектива, произнес внушительным тоном:

— Домарт Майнз, вы готовы мне подчиниться?

Секунду или две ответа не было. Затем коммуникатор прошептал:

— Да.

Доктор Эгевайн протяжно, медленно вдохнул.

— У вас нет ни вопросов, ни тревоги, ни сомнений по поводу сложившейся ситуации, — продолжил он. — Сейчас вы спустите корабль и аккуратно посадите его рядом с «Антаресом». Затем поднимитесь в шлюз за дальнейшими инструкциями.

Когда Эгевайн поднялся, в его глазах сверкал триумф.

* * *

На высоте трех километров Домарт Майнз выключила свой коммуникатор в «Лунной кошке», и нашла на пластине наземного обзора изображение «Антареса».

— Джана милосердная! — прошептала она. —

Как же он допустил… что же мне теперь делать…

Мгновение она колебалась, затем открыла ящик панели управления, взяла оставленный ей Дэсинджером инъектор с квилом, засунула в карман, пристегнула кобуру с шокером к поясу, и потянулась к управлению. Пронзительный свист ударил в «Антарес» и по ушам тех, кто был внутри, когда «Лунная кошка» прорезала атмосферу совсем не на атмосферной скорости, плавно выровнялась у самой земли и упруго закачалась на посадочных лапах возле места крушения.

Когда Домарт вышла и запечатала за собой вход «Лунной кошки», внутри шлюза «Антареса» никого не было видно. Она быстро поднялась по широкому, покрытому какой-то растительной дрянью трапу. Открытый проем шлюза оставался по-прежнему пустым. Из-за него доносился звук, будто волочили какой-то металлический предмет, а также невнятное бормотание голосов. Незадолго от вершины она достала маленький пистолет и вбежала в шлюз, нацеливая оружие. Мельком она заметила доктора Эгевайна и Квиста возле какой-то ржавой скамьи, Грейлока, наполовину забравшегося в спасательный костюм, неподвижное тело Дэсинджера на полу… и какой-то проблеск движения слева и справа

от себя.

Концы двух космических тросов захлестнулись вокруг ее тела одновременно: один прижал к бокам руки, другой обвился вокруг лодыжек, выдергивая опору из-под ног. Она успела дважды слепо выстрелить, прежде чем тросы свалили девушку на пол отсека.

Пистолет оказался под грудью и стал бесполезен.

* * *

— И что же заставило животное напасть на меня? — устало спросил Дэсинджер. Он только что пришел в чувство, и Калат приказал ему присоединиться к остальным на ржавой металлической скамье в центре шлюзового отсека: Домарт слева, Эгевайн в центре, Квист справа. Калат стоял в пяти метрах от них с пистолетом Дэсинджера в руке — другой он нежно перебирал лепестки нескольких звездных гиацинтов Ховига.

Выражение его лица лучилось от удовольствия, что контрастировало с лицами остальных. Лью Тонас и Грейлок находились в трюме корабля, упорно работая лучевыми резаками и мощными лебедками, чтобы добраться до запечатанного

бункера. Как долго они этим занимались, Дэсинджер не знал.

— Можешь благодарить за случившееся своего жулика-партнера! — сообщила ему Домарт. Вид у девушки-пилота был основательно потрепанный, но все равно несмирившийся. — Грейлок использовал птицу для охоты, — объяснила она. — Этот кровосос царапал когтями какое-нибудь животное, и оно лежало без чувств, пока маленький зверек набивал брюхо. Так что наш умник заставил Грейлока натравить своего любимца на тебя, и тот в конце концов дождался, когда ты повернулся к нему спиной…

Она заколебалась, затем продолжила, но уже не так страстно.

— Извини, что не выполнила твоих приказов, Дэсинджер. Я решила, что Эгевайн действительно взял ситуацию под контроль, а с ним одним я бы справилась. Но мне была уготована настоящая ловушка. — Она выудила из кармана осколки разбитого инъектора и бросила на пол.

— Слегка упала, — пояснила она.

Калат рассмеялся, сказал что-то на межфлотском языке и ухмыльнулся, глядя на девушку. К ее чести, она не обратила на своего бывшего начальника внимания.

— А теперь скажу я, Дэсинджер, — виновато произнес Эгевайн. — Мои препараты были тайно осмотрены, пока мы с тобой находились на станции флота, и флотские принимали антидоты, чтобы обеспечить иммунитет против гипнотических реагентов. Они раскрылись только тогда, когда приземлился спидстер. К тому времени я уже не владел ситуацией. С сожалением вынужден сообщить, что нас собираются убить. Эти типы подождут лишь до тех пор, пока не убедятся, что звездные гиацинты действительно находятся в указанном отсеке.

— На редкость оптимистичные новости! — простонал Дэсинджер. Он отвел руки, чтобы найти на ощупь опору и не свалиться со скамьи.

— Наверное, до сих пор чувствуешь слабость? — спросила девушка сочувствующим голосом.

— Я же отравлен, — судорожно пробормотал он. — Был парализован этой тварью…

Он покачался немного из стороны в сторону, рука его задвинулась за спину Домарт. Затем последовал щипок. Весьма живой и энергичный.

Домарт не взвизгнула, не возмутилась, а подмигнула. Правым глазом.

* * *

— Кто-то свернул шею маленькому монстру прежде, чем я тут оказалась, — заметила она. — Но я бы с большим удовольствием свернула тут шеи еще кое-кому. К примеру, твоему чудесному партнеру. Хотя еще не известно, кто тут в настоящий момент главный гаденыш. — Она кивнула в сторону Калата: — А эти ублюдки, что называют себя флотскими, представляешь, не собираются делиться награбленным даже с собственной шайкой! Они потому так торопятся, чтобы оказаться на пути в Ядро раньше, чем прибудет «Шпион». И, кстати, не думай, что Лью Тонас доверяет мускулистому придурку, что стоит вон там! Ключ от панели управления «Лунной кошкой» он держит у себя. И держит крепко.

Калат чуть натянуто улыбнулся, затем, ровным голосом сказал что-то, глядя девушке в глаза.

— О, конечно, я так и думала, — ответила она чуть повышенным тоном. — А Тонас, я полагаю, в этот момент будет держать меня за ноги? — Она посмотрела на Дэсинджера: — Знаешь, они меня прямо сейчас не пристрелят, — сказал она ему, — я их раздражаю, так что они возьмут меня с собой, поскольку приготовили для меня особое

развлечение. Правда, веселье придется отложить, если появится «Шпион», поскольку я подробно поведаю флотской братве, что за крысятники у них были за командиров!

Она снова посмотрела на Калата, улыбнулась, на секунду слегка показала меж губ кончик языка, затем ясно и отчетливо произнесла два десятка слов на флотском.

Должно быть, это был чрезвычайно нелестный комментарий. Калат сперва побелел, потом покраснел. Буйный недоумок, как охарактеризовала его Домарт. Похоже, характеристика была точной… Дэсинджер ощутил прилив приятного предвкушения. Он уже подтянул ноги поглубже под скамью, и теперь медленно перемещал вес своего тела вперед, сохраняя на лице выражение беспокойной тревоги. Калат вновь заговорил на межфлотской лингве, и голос его был преисполнен ярости.

Мисс Майнз ответила сладчайшими обертонами, а потом встала. Это была явная провокация.

Лицо флотского исказилось от злости. Он взял пистолет в левую руку и широким шагом двинулся в сторону девушки, сжимая правый кулак. Затем, когда Дэсинджер с радостью напряг ноги, глухой удар донесся из глубин корабля, возвестив,

что бункер со звездными гиацинтами наконец-то вскрыт.

За звуком немедленно последовало доказательство того, что Ховиг устроил в бункере ловушку.

Домарт и Калат закричали вместе. Дэсинджер, сорвавшись в горизонтальном положении со скамьи вперед, целясь флотскому в ноги, вынужденно притормозил и дернулся за пистолетом, который Калат, шатаясь и дико визжа, с перекошенным от безумного страха лицом, отшвырнул от себя. Доктор Эгевайн, предвидевший подобный поворот событий, уже тянул к оружию протянутую руку, когда Дэсинджер отпихнул своего партнера-двурушника в сторону.

* * *

Дэсинджер поднялся с пистолетом в руках и Квистом, повисшим у него на плечах. Отшвырнув одним движением коротышку по касательной, он развернулся, мгновенно оценив ситуацию. Домарт извивалась на полу у дальнего края отсека, раздирая себе лицо до крови. Звуки, вырывавшиеся из-под ее ногтей, заставили Дэсинджера заскрипеть зубами. Дважды конвульсивно перекатившись через спину, она замерла в опасной близости от края пролома в палубе и стала пе-

реворачиваться в третий раз, когда Дэсинджер бросился в неистовом рывке плашмя и поймал девушку за комбинезон.

Последовал болезненный удар в плечо. Детектив поднял глаза и увидел Квиста, бегущего к нему с ржавым обломком в поднятой руке, примерно таким же, какой он швырнул перед этим. Эгевайн пялился на них обоих с другого конца отсека. Дэсинджер закинул ногу поверх Домарт, прижал ее к полу и дважды выстрелил, не целясь. Квист поменял направление на бегу.

Дэсинджер выстрелил еще раз — Эгевайн метнулся из шлюза, на секунду притормозил, а затем исчез, грохоча подкованными башмаками по ступеням трапа. Квист во весь дух припустил за хозяином.

Мгновением позже Вэлан вколол Домарт полную дозу квила прямо через ткань пилотской униформы.

Наркотик подействовал моментально. В один миг девушка перестала вырываться и кричать. Сделав долгий и судорожный вдох, она обмякла, глаза закрылись. Дэсинджер заботливо поднял ее с решетки. Потом осмотрелся. Калат пропал. И только после этого детектив испытал знакомое и очень неприятное ощущение… пульсации

генератора Ховига, дикий ураган кажущегося небытия, который наркотиком, циркулирующим в крови, практически сводился на нет.

Он положил бесчувственную девушку на скамью, и подошел к шлюзу.

Доктор Эгевайн и Квист испарились, густой кустарник вдоль берега озера беспокойно покачивался в двадцати разных местах, но он высматривал не эту парочку. Поскольку «Лунная кошка» была для них недостижима, направиться они могли только в одно место. Скрюченное тело Калата упокоилось в пятнадцати метрах под трапом, на камнях, где шесть лет назад разбились другие люди, преступный экипаж «Антареса». Дэсинджер, бросив мимолетный взгляд на разведчика флота, вернулся в отсек.

Он облачался в оставшийся спасательный костюм, когда услышал, как стартует спасательный бот разведчика. Вероятно, маленькая персональная коллекция звездных гиацинтов Ховига уносилась вместе с ним. Дэсинджер решил, что его это абсолютно не волнует.

Он пристегнул шлем, задержался на краю палубы, вглядываясь в воду. Пузырь мутного белого цвета медленно поднимался сквозь воду трюма, и через мгновение шлем другого костюма вы-

рвался на маслянистую поверхность, и остался там, плавно покачиваясь. Дэсинджер спустился, втащил тело Лью Тонаса в шлюзовой отсек, и забрал стартовый ключ от «Лунной кошки».

Грейлока он нашел плавающим у переборки, недалеко от разорванного бункера, где, не смолкая ни на секунду, грохотали два оставшихся генератора Ховига. Дэсинджер заставил машины умолкнуть проверенным на их собрате способом, прицепил их и металлический чемоданчик со звездными гиацинтами стоимостью почти в сто миллионов кредитов к спасательным салазкам, и потащил все это наверх, в шлюзовой отсек.

Несколько минут спустя «Лунная кошка» оторвалась от поверхности планеты несколько эксцентричным образом. Как и подозревал Дэсинджер, в управлении спидстером ему не хватало натренированности мисс Майнз и ее чуткости к нюансам гравитационного поля. Тем не менее пилот-любитель преуспел в своем сражении с маленьким кораблем, подняв его на пятикилометровую высоту, где в относительной безопасности уже можно было задействовать подпространственные двигатели.

Затем он попытался отвернуть нос «Лунной кошки» от вулканической гряды, в сторону ко-

торой корабль, похоже, упрямо нацеливался, когда стрелки детектора ударились о штифты, и зазвучал сигнал тревоги. Странный корабль вырисовался на экране заднего обзора «Лунной кошки».

* * *

Картинка исчезла, когда Дэсинджер ударил по кнопке пуска двигателя, впечатав одновременно ладонью все клавиши управления скоростью. Неплотная подпространственная турбулентность, представлявшая горные цепи за озером, мгновенно промелькнула под ним… кажется, в нескольких метрах. Через секунду спидстер оказался далеко за пределами атмосферы планеты. Затем в подпространстве появился «Шпион», неотступно следуя за «Кошкой» по пятам. Грозная серия взрывов прямо по курсу неожиданно проявилась на обзорных экранах, и, продолжая нарастать несколько жутких мгновений, стремительно отступила куда-то за границы обзора. Пять минут спустя, когда расстояние между кораблями выросло до нескольких десятков мегаметров, «Шпион» бросил погоню, развернулся на сто восемьдесят градусов и направился обратно к планете.

Дрожащей рукой Дэсинджер сбавил скорость корабля до относительно разумной, позволив ему лететь еще с четверть часа, затем вынырнул в нормальное пространство и рассчитал обычный курс на Ядро Звездного Скопления. Если честно, то для планетника он был весьма неплохим яхтсменом. Но после того недолгого времени, что он управлял «Лунной кошкой», стараясь вырваться из зоны тяготения Джи-2 и остаться впереди «Шпиона», ему не нужно было говорить, что на флотской территории — он салага. Он вытер лоб, с облегчением выбрался из пилотского кресла и подошел к койке, которую притащил в комнату управления, чтобы наблюдать за состоянием Домарт Майнз.

Разумеется, она до сих пор пребывала без сознания. Дозы, которую он ей вкатил, хватило бы, чтобы отключить чувствительного к квилу человека на полсуток. Дэсинджер несколько секунд смотрел на перепачканное, исцарапанное лицо, щеки в синяках и почерневший левый глаз, затем открыл аптечку доктора Эгевайна, чтобы хотя бы предварительно подлатать мисс Майнз.

И пятнадцать часов спустя она по-прежнему спала, хотя по всем внешним признакам должна была чувствовать себя вновь хорошо. Дэсинджер

с восхищением изучал ее заживающее лицо, когда она неожиданно распахнула глаза.

— Значит, у нас получилось! Ты… — девушка улыбнулась, попыталась сесть, и вид у нее сначала стал испуганным, а потом возмущенным. — Зачем было привязывать меня к койке?

Дэсинджер усмехнулся.

— За свою девичью честь можешь не беспокоиться, с тобой рядом — джентльмен!

Он нагнулся, чтобы отстегнуть ее от кровати, и добавил уже серьезно:

— Полагаю, с тобой все в порядке? После всего случившегося я не был уверен, что ты поведешь себя разумно, как только действие квила пройдет, и ты проснешься.

Домарт слегка побледнела.

— Я и не представляла… — Она потрясла своей светловолосой головой. — Ладно, грустное опустим! Не хотелось бы, чтобы кошмары снились годами… А где остальные?

* * *

Дэсинджер рассказал ей все, закончив словами:

— Эгевайн мог наткнуться на «Шпиона», хотя я в этом сомневаюсь. В конце концов доктор

появится в Ядре с камнями, которые забрал у Калата, и если его не поймают во время реализации, то, возможно, он поднимется на целый миллион кредитов… что составляет почти шестую часть от того, что наш хитрец сумел бы заработать, играй он честно. Сомневаюсь, что наш гипнотерапевт когда-нибудь перестанет клясть себя последними словами за столь опрометчивое решение!

— Теперь детективное агентство получит вознаграждение целиком, да?

— Не совсем, — ответил Дэсинджер. — Учитывая все произошедшее, агентство «Кайт Интерстеллар» повело бы себя крайне неблагодарно, если бы посчитало, что ты не заслуживаешь той доли, что ранее причиталась доктору Эгевайну.

Мисс Майнз, пораженная до глубины души, молча воззрилась на детектива и взволнованно выдохнула:

— Думаешь, сможешь уговорить на это руководство «Кайт Интерстеллар», Вэлан?

— Уверен, что смогу, — ответил Дэсинджер, — поскольку я не только оперативный сотрудник агентства, но еще и его владелец. Это должно без проблем покрыть расходы на приобретение флота Виллата, да еще пара миллионов кредитов останется на безбедную старость. Сомневаюсь,

что мы что-нибудь поймем в устройстве генераторов Ховига…

Мисс Майнз стало неспокойно.

— Ты взял эти дьявольские штуки на борт?

— Увы и ах, — засмеялся Вэлан Дэсинджер. — Но исключительно в разобранном состоянии. Во-первых, не хочу, чтобы флотская шайка загребла их в свои руки. Так что мы с тобой можем потерять их где-нибудь в космосе или взять с собой в Федерацию, чтобы в них покопались ученые. Обсудим это по дороге. А теперь хочу задать тебе интимный вопрос, ну как ты, готова?

Девушка рефлекторно поправила волосы:

— Валяй, Вэлан!

— Чувствуешь ли ты себя достаточно дерзкой, чтобы взглянуть на то, что обошлось приблизительно в полторы сотни человеческих жизней, прежде чем оно окажется на рынках Ядра?

Это было не совсем то, что она ожидала услышать от детектива, тем не менее перспектива открывалась самая блестящая.

— Более дерзкой и представить себя не могу! — в глазах Домарт загорелись многообещающие алчные огоньки. — Давай, Вэлан, не тяни, покажи мне гиацинты прямо сейчас…

Дэсинджер повернулся к стене, у которой стоял

маленький стальной чемоданчик.

Неожиданно за спиной у него вскрикнули. Он резко развернулся, лицо девушки было белее мела.

— В чем дело?

Широко распахнутыми глазами она смотрела куда-то в сторону приборной панели, зажав тыльной стороной ладони рот.

— Там… дрянь!

— Дрянь?

— Противная… желтая… мокрая… уф! Она нырнула за панель, Вэлан! И там прячется!

— О! — выдохнул Дэсинджер, расслабляясь и обозначая на губах улыбку. — Все в порядке. Ради звезд, не беспокойся об этой дряни.

— Не беспокоиться… Ты что, совсем спятил?

— Ничего подобного. После душераздирающего крика я было решил, что ты спятила, но все объясняется очень просто. Действие квила закончилось, и наступил период ломки. Но не физической, а психологической. Стало быть, у тебя начались глюки, как это обычно бывает у меня. Следующие восемь-девять часов тебе будут чудиться время от времени странные вещи. Ну и что? Они ведь не реальные.

* * *

— Ладно, пусть они не реальные, но когда околачиваются рядом, то кажутся вполне реальными, — заявила Домарт. — Видеть их не желаю!

Она задержала дыхание и вновь поднесла руку ко рту.

— Вэлан, миленький, ну, пожалуйста, нет ли у тебя чего-нибудь, чтобы я опять заснула и спала до тех пор, пока ломка не закончится?

Дэсинджер задумался:

— Думаю, что подойдет один из гипноаэрозолей Эгевайна. Я достаточно изучил методы этого эскулапа, чтобы отправить тебя в страну грез еще часиков на десять. — Он зловеще улыбнулся: — Но ты, конечно, должна понимать, что тем самым всецело оказываешься в моей власти.

Домарт на миг прищурилась, окинула мужественного детектива оценивающим взглядом и кокетливо улыбнулась:

— Пожалуй, я рискну.

ТЕЛЗИ И ТРИГГЕР
(сборник)

Планета перепланировки тел
(рассказ)

Глава 1

Фермилор был известен как ведущий центр перепланировки тел жителей Ядра Звездного Скопления и заодно как роскошный курорт, который предлагал шикарные пейзажи в сочетании с развлечениями на любой вкус. Он располагался в трех часах лета от Орадо, и большинство приятелей Тэлзи успели там побывать. А вот ей не приходилось до тех пор, пока однажды она не получила тревожный звонок непосредственно с Фермилора.

Звонила мать Гайкс Орм. Тэлзи знала Гайкс как штучку, одаренную парой стройных ножек, которая искренне считала, что ее нижние конечности требуют радикального изменения, как по своей длине, так и по форме, что можно было проделать лишь с помощью замечательных пластических хирургов Фермилора, иначе счастья в жизни ей не видать. Ее родители по части экстравагантно-

сти нисколько не уступали дочери и потому не стали ее отговаривать от этой безумной затеи, мало того, мать даже вызвалась сопровождать Гайкс в клинику. После того, как ноги были прооперированы в соответствии с заключенным договором, пациентка с немалым удивлением обнаружила, что остальное тело отныне не гармонирует с ее нижними конечностями. Не зная, что со всем этим делать, бедняжка сильно расстроилась. Именно в этот момент и позвонила по межзвездному ее встревоженная мать.

Зная Гайкс уже два года, Тэлзи нисколько не удивилась. Ее нельзя было назвать закадычной подругой, но девчонкой она была неплохой. Особенно, если б не устраивала себе проблем на пустом месте, откуда ее непременно должен был вытаскивать кто-нибудь из друзей. Тэлзи решила, что на этот раз не будет забивать себе мозги всякой чепухой. Но с другой стороны, не следовало упускать счастливый случай осмотреть на месте уникальные институты по перекройке человеческой плоти, а заодно ознакомиться с большинством разрекламированных аттракционов.

* * *

Почти полночи пролетело с той минуты, когда Тэлзи сняла номер в башне туристического комплекса неподалеку от Косметического Центра, где коротали время заботливая мамаша со своей сумасбродной дочерью. Она слышала, что руководство клиник на Фермилоре использовало персонал в качестве демонстрационных моделей, призванных показать всему миру мастерство пластических хирургов, а также тот факт, что тело, подвергнутое переделке, могло быть возвращено по желанию клиента в первоначальное состояние. Служащие туристической башни, которых встретила Тэлзи в вестибюле, служили подтверждением этих слухов. Они были самыми настоящими шедеврами телопортняжного искусства, свидетельством самых последних достижений пластических хирургов Фермилора. В частности, Тэлзи проводила до ее номера античная богиня с зеленой бархатной кожей и золотистыми глазами без зрачков, чья голова была укрыта под волнами мягкой шелковистой шерстки, которая каждому движению своей владелицы подрагивала в такт. А после показа апартаментов богиня очаровательно улыбнулась:

— Могу ли я предложить вам воспользоваться услугами гида, мисс Амбердон?

Тэлзи кивнула:

— Запросто.

На планете-курорте не было городов и, естественно, городского транспорта. Постоянное население было крайне немногочисленным и, в основном, было занято обслуживанием прилетающих на лечение и отдых туристов. Все вспомогательные службы были расположены под землей, стало быть, скрыты от глаз. Большая часть территории Фермилора была преобразована в единую сеть развлекательных парков, а вот туристические башни, злачные заведения и сами клиники находились как бы в изоляции, в специально выделенных зонах. Сообщение между отдельными архитектурными объектами осуществлялось исключительно воздушным путем, и неопытные постояльцы, чтобы не мыкаться в поисках того или иного места, предпочитали нанимать гидов.

Богиня повернулась к кому-то за спиной Тэлзи:

— Позвольте представить вам Аспарал, гида компании АСК — Ассоциации Практикующих Косметологов. Она досконально знает все укромные уголки близлежащей местности, — проин-

формировала она постоялицу отеля. — Уверена, вы останетесь довольны.

Аспарал представляла собой миниатюрное существо примерно на полголовы ниже Тэлзи. При взгляде на нее в памяти невольно возникали ассоциации, связанные с экзотической мифологией. Остренькие ушки были подвижными как у терьера, а серебристый конский хвост грациозно помахивал. Треугольное личико с огромными темными глазищами и микроскопическим носиком было абстрактно красивым, но не по человеческим канонам. Ее можно было назвать очаровательной игрушкой, ввергнутой в реальную жизнь. На первый взгляд все обстояло просто замечательно.

Но Тэлзи ощутила мимолетное головокружение, когда Аспарал приблизилась к ней на расстояние вытянутой руки. Чувство, которое испытала девушка, удивительным образом не соответствовало внешней обаятельности гида. Это нельзя было назвать злобой. Скорее, холодной, даже какой-то хищной расчетливостью. За время их короткого разговора Тэлзи обратила особое внимание на то, что обе работницы гостиничного сервиса были более озабочены наймом Аспарал, чем того следовало ожидать.

Случись это где-нибудь в другом месте, такое могло стать причиной серьезного беспокойства. И пожилые, и молодые леди из обеспеченных семей частенько становятся жертвами криминальных кругов. Однако Фермилор имел репутацию планеты, где начисто отсутствуют преступники и, естественно, преступления. В любом случае не составит особо го труда выяснить, что во всем этом не так — не без тайного удовлетворения Тэлзи обнаружила, что разум Аспарал широко распахнут для телепатического зондирования.

— Почему бы вам не позавтракать со мной завтра, часиков в восемь? — предложила она гиду. — А потом мы составим расписание.

На досуге девушка попытается выяснить истоки интереса, который, как ей казалось, испытывают по отношению к ней обе женщины.

Они договорились, и Тэлзи осталась одна. Оттуда она звякнула миссис Орм, узнала, что Гайкс взята на предоперационный контроль в главном центре ИВК — Института Внеземной Красоты, где ей утром предстояла операция. Матери подруги очень хотелось повидаться с Тэлзи и узнать ее мнение о сложившейся ситуации. Миссис Орм, которая с почтением относилась к принятым кем-нибудь, но не нею, решениям, казалась уже

не такой взбудораженной, как накануне.

Тэлзи раскрыла чемодан, достала охранное устройство для путешествующих и вставила в замок, тем самым наглухо запечатав входную дверь. Стоит попытаться проникнуть в номер без согласия на то хозяина, как пол-этажа тут же подскочит на своих постелях от истошного вопля.

На Фермилоре не существовало правительства в обычном смысле. Планету полностью арендовала АПК, которая и заправляла тут всем. Граждане-владельцы мало того, что жили на курорте, так еще и были освобождены от налогов. У них был повод радоваться своему положению и имелся стимул вкладывать освободившиеся средства в сомнительные мероприятия. У Межзвездной Организованной Преступности были свои дела с АПК — переделки неких тел могли быть использованы в криминальных целях. Хирурги предпочитали помалкивать о такой области своей практики. АПК никогда не допускала утечки информации из своих рядов, поскольку это могло привести к пристальному интересу со стороны правоохранительных органов Надправительства.

Следовательно, преступность на Фермилоре отсутствовала. Точнее, преступность в ее пря-

мом смысле. Парочка из античной богини и мифологической красотки прежде никогда не встречалась с Тэлзи. Однако создалось стойкое впечатление, что они вышли на нее по имени, ожидая появления человека с такой фамилией.

Тэлзи устроилась на кровати с ногами.

Обе местные работали на АПК. Если кто-то и заинтересовался мисс Амбердон, то этот кто-то явно должен иметь отношение к АПК.

Она зарезервировала номер всего пять часов назад, находясь еще на Орадо. Пять часов — уйма времени для приличной информационно-оповещательной службы, чтобы обеспечить фигуранта своим навязчивым обслуживанием. Скорее всего, у АПК имеется собственная служба, следящая за теми, кто прибывает на Фермилор. Это может быть полезным во многих случаях.

Вопрос в том, что такого привлекательного в ней, чтобы заинтересовать подозрительных пластических хирургов? У Амбердонов не было бешеных миллионов, впрочем, на курортной планете не делали ставку только на богачей, здесь каждый мог рассчитывать на свою долю заботы и внимания. Следовательно, думала Тэлзи, покусывая нижнюю губу, существуют лишь два момента, которые могли вызвать интерес

у гипотетической службы информации, и оба выглядели едва ли правдоподобными.

Мать Тэлзи входила в планетное правительство. Ну и что?

Второй момент выглядел еще менее вероятным. Если только служба не раскопала, что Тэлзи Амбердон — очень сильный и практикующий пси-мастер, что в просторечье обозначало телепата. Ибо стоит им только об этом узнать, как она первой прочтет у них в мозгах. Она регулярно просматривала разумы окружающих ее людей, чтобы поддерживать хорошую форму. Из тех, кто знал, что она — пси, лишь малая толика была ненадежной, но Тэлзи доверяла практически всем. Так что, скорее всего, именно через них и произошла утечка.

Из-за этого могли возникнуть проблемы. Руководство АПК составляли люди прагматичные, склонные считать байки о пси чепухой на девяносто девять процентов, однако тот, кто верил в оставшийся единственным процент, иногда переступал рамки закона. Он прекрасно сознавал, что пси-мастер может оказаться чрезвычайно полезен.

Или чрезвычайно опасен.

Завтра она выяснит, что здесь происходит.

Лишь в одном можно было не сомневаться — какие бы цели они ни преследовали, агентам АПК не пробиться в номер к Тэлзи сквозь охранное устройство для путешествующих. Стало быть, можно смело использовать оставшиеся часы для отдыха.

Она сняла платье, поворочалась на прохладной простыне, из-за чего пришлось подрегулировать температуру постельного белья, и уже через минуту провалилась в глубокий сон.

Глава 2

После завтрака Тэлзи вместе с Аспарал села в аэрокар для ознакомительного тура. Она сообщила, что ей необходимо навестить подругу в Институте Внеземной Красоты, а во время ланча встретиться с другом, с которым они вместе прилетели с Орадо. И уже в полдень можно серьезно начать знакомство с местными достопримечательностями.

Пока Аспарал управлялась с воздухоплавательной машиной и беспрерывно болтала, Тэлзи воспользовалась моментом, чтобы немного покопаться в ее мозгах. Насколько она поняла, сознание этого мифологического существа было

легкодоступным, незащищенным и нечувствительным к пси-прощупыванию. Единственное, что она установила наверняка — АПК действительно интересуется ею, но не ею одной. У Тэлзи имелись напарники.

Причина для такого интереса не лежала на поверхности. Аспарал о ней даже не догадывалась. Миниатюрная женщина была вполне сформировавшейся личностью. Ей было двадцать два года отроду, и она стала зависимой четыре года назад, заключив свой первый контракт с АПК сроком на пять лет. Попавшие в кабалу оказывались в ней по ряду причин. В случае Аспарал это было желание сделать карьеру.

Она выбрала себе хозяев после тщательного обдумывания. На планете, продающей роскошь, обслуживающий персонал тоже пребывал в относительной роскоши, и в качестве гида АПК у нее появились связи среди влиятельных и богатых людей, которые можно было использовать с целью дальнейшего карьерного роста. Следующий контракт она заключит уже не с АПК — расчетливая девица совершала лишь хорошо обдуманные поступки.

На Фермилоре творилось нечто большее, чем просто культивирование физической красоты и

здоровья, но было бы неразумным доказывать это. АПК не уделяла особого внимания молве о не совсем законной или даже совсем незаконной деятельности, в которую она была вовлечена. Эта молву руководство ассоциации даже специально подогревало, поскольку она была выгодна для бизнеса, а отдельные мелкие сошки, которые слишком много знали о теневой стороне, считали, что слухи все равно не искоренить.

Как только закончится действие контракта, Аспарал станет свободной. В течение последнего года она находилась на волоске от чего-то непонятного и туманного. Это принесло ей ряд дополнительных очков. Не было ничего незаконного в том, что она делала и что заставляла ее делать АПК. Поскольку Аспарал избегала любых проявлений любопытства, ее положение казалось прочным и безопасным. Она все равно работала гидом. Однако в данный момент она была закреплена исключительно за туристками, которые не проявляли заинтересованности в том, чтобы хоть как-то извратить свою внешность. Ее целью было заставить женщин изменить свое мнение, да так, чтобы они этого не заметили. У нее были способности к этому, и обычно она справлялась с задачей. В тех случаях, когда у

нее не получалось, ее инструктировали таким образом, чтобы она внушила клиентке, что та оказалась в нужном месте и в нужное время. Хитрюга почти всегда могла уладить этот вопрос.

В данный момент она использовала удобную обстановку, чтобы непрестанной болтовней настроить клиентку в нужном русле.

— Я и сама тут подумала, что было бы желательно что-нибудь трансформировать в себе, раз уж оказалась рядом со знаменитым Институтом, — подыгрывала ей Тэлзи. Она достала туалетное зеркальце и критически осмотрела себя, невероятным образом изогнув брови: — Ничего существенного, так, по мелочи: приподнять уголки глаз или оконтурить губы…

Она перебросила волосы с одной стороны на другую.

— Да и уши можно было бы переставить подальше.

Правда, свои уши она изучала недолго.

— А что вы скажете об их форме?

— Ой, я бы не стала менять *форму*, — воскликнула Аспарал, подумав о том, как легко она заработала поощрение босса! — Но можно немного опустить мочки. Так что в принципе вы правы.

Тэлзи кивнула и отложила зеркальце.

— Но не будем торопиться, сначала надо осмотреться.

— Таким как вы, конечно, нет необходимости что-либо подправлять, — польстила Аспарал. — Но крайне забавно, когда то, о чем ты мечтал, под нейроскальпелем хирурга воплощается в жизнь. А самое главное, что измененное можно в любой момент восстановить в прежнем виде.

Тэлзи хмыкнула.

— Вы сами выбрали себе внешность?

Аспарал шаловливо подергала левым ухом вверх-вниз.

— Я хотела стать такой еще будучи маленькой девочкой. Хотя нет, эта идея принадлежала АПК. Я, знаете ли, ходячая реклама Института. Если бы мне пришлось выложить из кармана за операцию, это встало бы мне в двадцать две тысячи. Конечно, для масштабов Ядра Звездного Скопления это мелочь, но только не для меня. Но все можно вернуть на круги своя, и когда я надумаю уйти, они придадут мне любую внешность, какую я только выберу. Правда, в пределах всего четырех тысяч, как то оговорено в моем контракте…

Тэлзи не придавала особого значения переделке своей внешности, но ей хотелось, чтобы

Аспарал и АПК не догадывались об этом до тех пор, пока она не соберется покинуть Фермилор. Заигрывание с Аспарал будет способствовать разрежению обстановки.

Ситуация выглядела странной. Руководство АПК было удовлетворено, если субъект, которого обрабатывала Аспарал, соглашался хотя бы на какие-то изменения, даже самые минимальные. Это трудно было назвать зазыванием, но в то же время особое внимание уделялось тем, кто оставался безучастным к наглядной рекламе. Места, куда Аспарал затаскивала туристок, всегда были многолюдными, поэтому кто-нибудь из толпы всегда мог незаметно приблизиться к потенциальной клиентке, не вызвав ни у кого подозрений.

И что же там происходило? Нечто похожее на наведенный гипноз? Аспарал не знала об этом и никогда не пыталась узнать. Когда это случалось с очередной подопечной, миссия гида считалась законченной. На следующий день она получала новую клиентку.

Конечно, люди не исчезали. Ситуация была не такой ужасающей. Это был не тот тип людей, которых можно было заставить тихо исчезнуть. Просто их переубеждали с помощью не вполне

законных методов сделать хоть какую-то пластику, после чего благополучно отправляли домой с установкой, что они вернутся на Фермилор для более существенных и более дорогих изменений внешности. На тот момент это казалось Тэлзи наиболее вероятным объяснением. Но какой бы ни была деятельность АПК, пси-мастер надеялась, что лично ее это не коснется никаким боком. Это не казалось невыполнимой задачей рядом с распахнутым разумом Аспарал. Вернувшись на Орадо, она привлечет к этому вопросу компетентные органы Федерации. А пока она может прощупать другие открытые разумы, которые знают намного больше, чем Аспарал.

Мужчина, с которым она встречалась за ланчем — дальний родственник с материнской стороны — работал репортером на одну вещательную компанию. Кит обожал всовывать свой любопытный нос повсюду, где пахло сенсацией, но особо, к чему он питал пристрастие — это рэкет. Возможно, он мог бы рассказать ей об этом что-то, но трудно было объяснить, откуда у нее появились сведенья, не упомянув при этом о телепатии. Кит не был поставлен в известность, что она — пси. А использовать на нем свои уникальные способности Тэлзи не могла, поскольку узнала, что он

пользуется разумозащитой. Кит сомневался, что кто-то способен читать чужие мысли, но все же решил подстраховаться.

* * *

Работники Института Внеземной Красоты известили Гайкс Орм о том, что если у нее появились именно те ноги, которые она желала иметь, то для поддержания гармоничного баланса жизненно необходима и корректировка остальных частей тела. Гайкс в этом сомневалась, однако она не сомневалась в том, что пластические хирурги действительно наградили ее парой восхитительно длинных и стройных ножек. Значит, консультанты правы.

Все остальное, что принадлежало ей, смотрелось теперь крайне нелепо.

— Ты только взгляни на эти покатые плечи! — едва ли не визжала она, тыкая пальцем в одну из двух моделей, стоявших у противоположной стены. Они демонстрировали наглядные примеры возможной коррекции фигуры Гайкс. — Мне нравятся ноги, но…

— Ты, конечно, могла бы быть менее монументальной, — согласилась Тэлзи и посмотрела на другую модель. Ту можно было назвать более

сложной, чем ее товарка. Тело профессиональной танцовщицы. — Но, милая моя, в любом случае ты выглядишь великолепно, уж поверь мне! Особенно, в качестве крадущейся пантеры!

— Но это уже буду не я, — захныкала Гайкс. — И сколько усилий мне придется приложить, чтобы остаться по-настоящему крадущейся. Ведь ты же знаешь, что у меня не спортивный тип фигуры.

— Конечно, олимпийской чемпионкой тебя не назовешь… хм, скажи, а когда тебе пришла в голову мысль перестроить свои ноги?

Выяснилось, что Гайкс вынашивала данную идею несколько лет, но лишь сравнительно недавно она стала казаться ей жизненно необходимой. Это была ее собственная идея, а не мания, навязанная девушке извне во время предыдущего визита на Фермилор.

Это было интересно, и Тэлзи почувствовала, что за что-то ухватилась. Разгадка должна была оказаться несложной. Подумав немного, пси-мастер использовала подходящие обстоятельства, чтобы подтолкнуть Гайкс к рациональному решению. Следовало действовать осторожно, поскольку подруга в психическом плане была крайне неустойчива. Однако в ее разуме присутствовали многообещающие ростки благоразумия, и если

незаметно подвести ее к принятию того или иного решения, она могла устранить проблемы сама, получив от этого одну лишь пользу.

— Итак, в конце концов я пришла к выводу, — заявила Гайкс в результате двухсторонних переговоров со своей рациональной подругой, — что моя идея перестройки ног была досадной ошибкой. Что теперь нужно сделать? Попросить врачей вернуть мне мои прежние ноги?

— Судя по тому, что ты мне сказала, — согласилась Тэлзи, — это лучший выход из положения.

Миссис Орм хоть и была удивлена, узнав о парадоксальном решении дочери, однако испытала облегчение. Персонал же Института нисколько не удивился. Потрясение от операции и просьба вернуть все назад были не редкостью. В данном случае дать задний ход не составляло трудности. Эксперимент Гайкс в хирургической косметологии, вероятно, уменьшил ее требовательность к окружающим, а наличный счет семьи Орм сократился наполовину. В любом случае, все останется по-прежнему.

* * *

Ресторан Института Внеземной Красоты располагался на территории частного клуба Кита

Дебола и гарантировал «классный закусон на любой вкус». Это было уютное тихое местечко, где не нужно было строить из себя черт те кого, а можно было оставаться самими собой. Выразительное лицо Кита, знакомое большинству клиентов ИВК по телевизионным передачам, не могло быть не узнанным здесь, но никто на него специально не глазел. Он ознакомился с меню, периодически приподнимая то одну, то другую бровь, и заказал на двоих.

— Уверен, тебе понравится! — пообещал он.

Тэлзи обычно нравилось, что выбирал Кит, но на этот раз ей было безразлично, что попадает ей в рот. Кавалер это заметил и не преминул сообщить, что здесь питаются самые большие шишки из АПК. А еще он сказал, что ожидает человека, который должен вскоре подойти на ланч.

Тэлзи как раз думала о том, как бы подобраться к кому-нибудь из верхушки АПК и малость покопаться у него в разуме… Она осторожно прозондировала несколько чужих разумов за соседними столиками еще перед тем, как Кит сделал заказ. После того, как принесли еду, в сфере ее интересов оставалась уже только часть осведомленных людей. Кит питался не спеша, стремясь усвоить полезные вещества, а Тэлзи

пока могла удовлетворить свое любопытство информационной пищей.

Несколько разумов вокруг казались столь же раскрытыми для контакта, как и разум Аспарал. Но ни один из них не был связан с АПК. Что-то еще ощущалось в воздухе — в помещении присутствовало семь или восемь разумозащит. Не слишком распространенные приспособления! Ее зондаж скользил поверх них.

— А сейчас, девочка, лови момент! — услышала Тэлзи голос Кита. — Сюда спешит джентльмен, который может тебе помочь.

Она очнулась. Кажется, Кит пытается обратить внимание и о чем-то ее спросил. О чем? Ах да, он интересовался моими планами на сегодня. Машинально она ответила, что надеется взглянуть на некоторые малоизвестные достопримечательности… Кто может ей поспособствовать?

Она посмотрела по сторонам. Высокий мужчина с приятным мужественным лицом приближался к столику. На плече у него сидело маленькое создание с бело-голубым оперением, расцвеченным низками блестящих бусинок. Когда незнакомец подошел вплотную, взгляд глубоких глаз задержался на Тэлзи. Он кивнул даме, улыбнулся и посмотрел на Кита.

— Я не помешал? — раздался бархатный низкий голос.

— Вовсе нет, — быстро ответил Кит. — Мы почти закончили. Я пытался связаться с тобой все утро, приятель… Тэлзи, познакомься, это Чен Осселин. Он — ходячая реклама АПК и, между прочим, владелец Института Внеземной Красоты… А это — Тэлзи Амбердон, моя давняя подруга и прелестная женщина. Мы недавно на Фермилоре. Присоединяйся, если никуда не спешишь.

Осселин присел на свободный стул. Тэлзи обратила внимание, что его голову покрывает мягкий черный волос, похожий на шерсть животного. Неужели и свое тело он подверг корректировке? Но нет, не похоже. А создание на его плече тем временем окинуло пси-мастера своими блеклыми глазками, зевнуло, почесало ушко крохотным когтистым пальчиком. Бусинки на его тельце заиграли всеми цветами радуги.

— Я услышал о вашем прибытии несколько часов назад, — сообщил Осселин. — Тебя послал сюда Эдэси, Кит?

Репортер хмыкнул.

— Я всегда работаю на Эдэси.

— Накопал что-нибудь стоящее?

— Не совсем. Но все равно факты достаточно

свежие, незатасканные и сенсационные…

Осселин заинтересовано-тревожно произнес.

— В каком смысле сенсационные?

— Поверь, о сомнительной легальности речь не пойдет. Короче говоря, это связано с шоковой терапией.

— Опять АПК окажется в центре внимания? — А сейчас казалось, что Осселина это ничуть не волнует.

— Да, но под необычным углом зрения.

— Ну, — сказал владелец ИВК, — я уверен, что все уладится…

Тэлзи с отсутствующим видом доела десерт и задумалась над тем, что услышала. Во всяком случае, она узнала имя Чена Осселина и его самого. Она встречала его образ в сознании Аспарал. Он являлся одним из самых крупных шишек АПК. У Тэлзи вряд ли могло возникнуть желание отдаться в руки такому воротиле, как Осселин. Дельцов подобного типа следовало избегать. У них в руках было сосредоточено слишком много власти, и они привыкли использовать ее в своих целях без сомнений и колебаний.

Самое интересное, что Чен не пользовался разумозащитой.

Тэлзи, не обращая внимания на слова, ко-

торыми обменивались Кит и Чен, осторожно проникла в разум владельца ИВК и ощутила, как ее обтекают бурные потоки чужих мыслей.

Ничего подозрительного на первый взгляд. Внезапно ее словно оглушили стотонным молотом, отчего перед глазами потемнело, и накатила дурнота.

Глава 3

Тэлзи почувствовала, что задыхается. Психоэкраны хоть и с опозданием, но все же успели закрыть ее собственный разум, больше ее не застанут врасплох! Но никто не собирался повторять атаку. Она с удивлением обнаружила, что рефлекторно опустила голову, подчинившись инстинкту самосохранения. Волосы закрывали лицо, но по разговору мужчин было ясно, что они не заметили странностей, происходящих с девушкой. Постепенно стало возвращаться зрение. Прорисовались контуры стола и приборов на нем, но предметы все еще дрожали и расплывались. Однако головокружение и дурнота уже покинули ее. Наконец она ощутила, что все в порядке. Да, но с зондированием пора завязывать.

Девушка потянулась к сумочке. Из зеркальца

на пудренице на нее смотрела слегка побледневшая Тэлзи. От созерцания самое себя ее оторвал пронзительный и какой-то злобный свист. Она подняла глаза.

Пернатая зверюшка на плече Осселина пялилась во все зенки на пси-мастера. Внезапно она нахохлилась и вновь издала мерзкий свист. Хозяин ласково погладил ее по хохолку. Создание закрыло глазки и утихомирилось. Осселин улыбнулся Тэлзи:

— Моего любимца всегда возбуждает присутствие незнакомых людей.

Пси-мастер улыбнулась в ответ.

— Я понимаю. А как вы его зовете?

— Это йолли. Зверек с Асканама. Если верить тому, что мне рассказывали, это редкость даже там. А этого мне подарили.

— Что-то типа живой игрушки, верно? — встрял в разговор Кит.

— Вроде того. Верный страж, оберегающий хозяина от злых сил, — в черных глазах Осселина Тэлзи не могла прочитать ничего, кроме дружелюбия. — Не могу ручаться за эффективность его защиты, но как-то не хочется испытывать сатанинское воздействие на собственной шкуре. Не согласитесь ли, мисс Амбердон, сопровождать

нас в прогулке по кое-каким специализированным лабораториям Института? Гарантирую, что не пожалеете.

Киту было обещано ознакомить его с несколькими проектами АПК, о которых никто пока не разнюхал. Для целеустремленного репортера это могло означать настоящий Клондайк. Верхушка пластической хирургии предпочитала приоткрыть завесу самостоятельно, чем позволять резвиться на своей территории всяким папарацци. Тэлзи восторженно поблагодарила за приглашение.

Казалось, йолли дремлет, но девушка ощущала, что зверушка продолжает ее изучать. Итак, что мы имеем? Пси-охранник против пси-мастера. Интеллект йолли соответствовал уровню лемура. Тэлзи не могла раскусить эту пернатую тварюгу, не стоило даже пытаться. Возможно, эта пси-паршивка отреагирует на зондаж собственного разума так же жестко, как и на проникновение в мозг своего хозяина.

Вероятно, пси-мастер в настоящий момент находилась под угрозой. Разумозащиты, на которые она наткнулась в этом зале, говорили о какой-то провокации, связанной с пси. Обычно такое Тэлзи не волновало. Электронные устройства анти-пси,

конечно, могли навредить телепату, но не давали возможности выяснить, кто же он конкретно. И все же безадресная защита все равно оставалась защитой. Пси-сенсоры йолли были чем-то вроде ловушки совершенно нового типа, и Тэлзи в нее угодила. Пси-мастер была уверена, что Осселин не зря намекал о свойствах своего охранника, он явно что-то замышлял. Такой тип, как Чен, вряд ли останется равнодушным, узнав, что кто-то пытался проникнуть в его разум. А йолли точно определил, кто предпринял эту попытку.

То, что Тэлзи решила оставить попытки зондирования, еще не говорило о том, что Осселин забудет о вторжении в свой мозг…

* * *

Некоторое время спустя, когда началась обещанная экскурсия, у Тэлзи случилось раздвоение сознания. Ей казалось, что она контролирует себя или, по крайней мере, ту часть себя, которая была отделена и находилась на расстоянии. Эта отдельная часть Тэлзи улыбалась, говорила положенные вещи, задавала вопросы. Она представляла собой ментальный отпечаток ее эго, фантомное эхо, феномен, к которому пси-мастер прибегала в тех случаях, когда необходимо было

замаскировать свои истинные намерения, ведь на уровне пси девушка лихорадочно обдумывала, как ей справиться с йолли.

А у зверушки был странный вид. С того момента, как к хозяину присоединились еще два человеческих существа, она стала собирать воедино разрозненные картинки, смутные впечатления и обрывки мыслей этих других йолли. Она была сильно заинтригована, поскольку долгое время не встречала ничего подобного, и стала изучать странную незнакомку, сканируя ее разум импульсными сигналами.

Сигналы возвращались, пусть слабыми и с большими перерывами. Волнение йолли нарастало. Она проникала в чужой мозг все глубже и глубже, пытаясь отыскать источник встревоживших ее сигналов, забыв о телепате, посмевшем посягнуть на самое святое, на хозяина. Воспользовавшись обратной связью, Тэлзи, в свою очередь, двигалась противоходом по импульсным сигналам, подбираясь незамеченной к йолли.

Пси-мастеру требовалось время, поскольку она не могла себя обнаружить и возбудить в пси-страже подозрение. Остальное было делом техники. В лемурьем интеллекте йолли наличествовала природная защита на случай проникновения

чужого пси, но Тэлзи не пыталась взломать ее. Чувственные центры зверька были открыты, что вполне соответствовало целям девушки. Следуя собственным представлениям йолли о своих сородичах, Тэлзи выстроила и закрепила в сознании зверька яркий иллюзорный образ общения с себе подобными. С этого момента пси-мастер перестала существовать для пси-стража.

Теперь можно было заняться Осселином. Требовалась осторожность, поскольку у девушки ширилось подозрение, что в скором времени, возможно, придется уносить ноги. Пора начинать.

* * *

Аэрокар плыл на высоте тысячи метров над долиной, скрытой в тумане. Самый безопасный способ передвижения для туристов. Закусив губу, Тэлзи вонзилась в облака, попутно обдумывая сложившуюся не самым удачным образом ситуацию. Редко встречающиеся на пути воздушные аппараты не отвлекали ее от размышления. Хотя один из них явно следил за ней. Какой именно? Да это, в принципе, было неважно. Кит Дебол в это время вместе с Ченом Осселином присутствовал на конференции. Репортеру была оставлена записка, чтобы позвонил на борт аэрокара, как

только освободится. А пока оставалось только ждать.

Чен Осселин не мог ощутить ментального зондажа. Несмотря на этот положительный момент, Тэлзи постоянно грозило разоблачение. Пси-мастер находила владельца ИВК тяжелым ментальным типом. Его поток мыслей создавал естественное защитное поле. Погрузиться в него — все равно, что пытаться плыть против сильного течения. Девушка стремилась не мешать Осселину размышлять, о чем бы он ни думал, чтобы он не заподозрил о ее попытках зондажа. Она могла проследить эмоции, но не могла нырнуть на глубину за те минуты, что были в ее распоряжении. А потом она и вовсе была вынуждена прекратить свою пси-деятельность — экскурсия завершилась, и мужчинам потребовалось обсудить свои дела тет-а-тет. После того, как они расстались, Тэлзи потеряла пси-контакт с Осселином.

Она извлекла довольно много полезных обрывков информации, чтобы успешно воссоединить всю картину. По мере склеивания у нее крепло убеждение, что ситуация, и без того малоприятная, превращается просто в отвратительную. Люди, подозревавшие о существовании телепатии, считали, что она не несет для них реальной

угрозы, поскольку не способна вычленить у них из памяти конкретную информацию. Но такое отношение к феномену пси со стороны заправил АПК изменилось примерно с год назад, когда их смертельно напугал настоящий мастер пси-зондажа. К величайшему сожалению Тэлзи, они не только обнаружили смельчака, но и убили. А когда выяснилось, сколько он успел выудить тайн из их незащищенных разумов, косметологи пришли в ужас.

Начался настоящий бум на приобретение разумозащит всех и всяких модификаций. Чен Осселин ненавидел подобные устройства, считая их чем-то вроде тесных ботинок. Когда леди Аскаб любезно снабдила его пси-стражем, он почувствовал себя в полной безопасности.

Он и до сих пор пребывал в ощущении, что ему ничто не грозит. АПК что-то задумала. Какую-то важную операцию. Тэлзи уловила неясные симптомы на сей счет. Этого было недостаточно. В своих мыслях Чен называл операцию «Большой Сделкой». Задействованные в ней дельцы наверняка не остались без разумозащиты. Кит Дебол был профессионалом в своем деле, а напарник-телепат сделал бы его в несколько раз опаснее. То, что эта пара появилась на Фермилоре

вместе, могло быть просто совпадением, но кто мог утверждать это наверняка? В данный момент АПК проверяла обоих. Если не будет установлено точно обратное, репортера и девушку придется убрать. Конечно, дело это рискованно, но проблему следует решать радикально. Во всяком случае, это менее подозрительно, чем высылка на какую-нибудь другую планету, что можно было бы осуществить по отношению молодого человека и девушки при иных обстоятельствах.

Так вот в чем дело!

Тэлзи облизала губы. Все тело окутал ледяной холод, словно поблизости объявился ангел Смерти. Она пока не придумала, как обойти опасный зигзаг судьбы. Исчезновение некой мисс Амбердон не вызовет всплеска эмоций, а вот если пропадет Кит Дебол — совсем другое дело. Слишком многие зададутся вопросом, а не откопал ли настырный репортер на Фермилоре что-то жареное? В таком случае на курортной планете высадятся целые стаи хищных ищеек, трепещите и раскаивайтесь, господа пластические хирурги! Тем не менее, выхода у заправил АПК не было. Неважно, позволят ли парочке покинуть планету или оставят разлагаться в благодатной почве курорта. Пусть только она попытается сделать

еще один заход на чужие мозги! А пока побудет под тщательным и скрупулезным наблюдением до тех пор, пока не вынесено окончательное решение. К тому же это может помочь выявить их подельников, если они ошиваются где-то поблизости.

Вердикт требовал времени. Сколько именно, Тэлзи не знала. Осселин тоже не знал. Но, в любом случае, не очень много…

Сам владелец ИВК мог стать вполне приемлемым выходом из сложившейся ситуации. Информация верхушки АПК о пси была ограниченной: они думали о ней как о телепатии, в то время как Тэлзи обладала целом букетом необычных, опасных для них способностей. Так что она получила, говоря робошахматным языком, определенное качество. Эх, а будь у нее в запасе достаточно времени, она взяла бы разум Осселина под контроль.

Девушка попыталась войти с ним в ментальный контакт на расстоянии, где бы он ни был. Но она не была уверена в том, что это удастся. Тем более что наличие йолли делало эксперимент рискованным. Галлюцинации, наведенные пси-мастером на пси-стража, должны были действовать в течение нескольких часов, если ничто

этому не помешает. Тэлзи нужно было постараться, чтобы понапрасну не взволновать йолли установившимся контактом с ее хозяином, что подразумевало работу сразу с двумя объектами. Зондаж на расстоянии мог пробудить зверька и вызвать враждебную реакцию.

Она не знала, какой эффект произведет на Чена истерика йолли, но это могло побудить его преодолеть неприязнь к электронным устройствам психозащиты. В таком случае у пси-мастера шансов не останется.

Ей необходимо оказаться там, рядом с Осселином, чтобы знать, как поступить в изменившихся условиях. Если она войдет в контакт, то предпочтет общаться с ним с глазу на глаз. Возможно, он захочет выяснить, что она может ему сказать. Хотя в этом случае владелец ИВК будет настороже. Будет проще, если Кит подыщет какой-нибудь повод встретиться еще раз и будет крутиться поблизости, чтобы в нужный момент отвлечь внимание Осселина на себя…

Тэлзи включила автопилот.

Глава 4

В конце концов, она уговорила Кита на совместную поездку по окрестностям. Он посадил аэрокар на склон горы, покрытый травой, и они с Тэлзи поднялись еще на сто метров. Предусмотрительный репортер включил глушилку. Для стороннего наблюдателя уже на расстоянии двух метров голоса беседующих сливались в бессмысленное жужжание, а фигуры становились расплывчатыми, словно не в фокусе.

— Теперь можем поговорить.

И Тэлзи стала рассказывать.

Кит слушал, но лицо его оставалось бесстрастным. Пару раз он хотел вставить реплику, но перебивать девушку не решился. Когда она закончила, он подвел итог:

— Очень похоже на правду и не похоже, что ты вдруг спятила. Ты когда-нибудь пробовала прочесть мои мысли?

Она кивнула.

— Было дело. С полгода назад. Мне показалось, ты что-то задумал, захотелось выяснить, что именно.

— Ни фига себе! И что-нибудь раскопала?

— То, что ты используешь разумозащиту. Естественно, тратить дальше на тебя время я не стала.

Кит утробно хрюкнул.

— Ну, ты даешь! — он посерьезнел. — Если дела обстоят так, как тебе представляются, то у нас, телепатка-инкогнито, серьезные проблемы. Если АПК проверит меня, то компромата не дождутся. Хоть мой шеф Эдэси не применяет разумозащиту и потому не защищен от утечки информации, все, что от меня могут узнать, я уже рассказал Осселину. Да, я прибыл на Фермилор. Да, за свежими фактами. Ну, и что в этом особенного? А в твоем прошлом можно раскопать что-нибудь, что выдаст твой уникальный дар?

Тэлзи пожала плечами.

— В принципе, я его не афишировала. По мере сил и возможностей.

— Значит, ты чиста для проверки?

— Скорее всего. Но есть один неприятный пустячок — Осселин что-то заподозрил. Не без помощи своего противного йолли. Доказать, правда, он ничего не сможет.

— Конечно, не сможет. Разве что прибегнув к помощи детектора лжи. Если бы он до этого додумался, то за тобой по пятам ходило бы никак

не меньше десятка осведомителей. Значит, он еще в раздумье. Тем более что расстался я с Ченом вполне дружелюбно. Если судьба окажется благосклонной к нам, думаю, ничего плохого не случится.

— Плохо другое — Чен мог поставить в известность верхушку АПК. В любом случае желательно поскорее добраться до космопорта. Или войти с кем-нибудь в контакт.

— Если ты права насчет Чена, то верхушка АПК вряд ли позволит нам это сделать. Боюсь, она способна и на такой финт, как закрытие космопорта. В конце концов, Фермилор ей принадлежит с потрохами. — Кит задумался. — В принципе, у меня имеется человечек, с которым можно связаться, но для него это будет чревато неприятностями. А как у тебя, Тэлзи, насчет более функциональной телепатии?

Тэлзи встряхнула головой.

— Холодает, так что понадобится несколько часов, прежде чем я смогу настроиться, а у нас нет столько времени. И потом, помощи ждать неоткуда. Когда мафии грозит разоблачение, она готова на все.

Кит поскреб щетину на подбородке.

— Если придется драпать, то только на меж-

звездной яхте.

— АПК контролирует причалы, — напомнила Тэлзи.

— Я имею в виду не причалы. Многие туристы посещают курорты на собственных яхтах. В прошлом году я выкарабкался из аналогичной ситуации именно так. Причем, арендовать яхту не обязательно… «Большая Сделка», которую намерена заключить АПК, и есть та вещь, которую мы, по их мнению, якобы стремимся вынюхать. Ты не выведала у Чена, в чем ее суть?

Девушка покачала головой.

— После того, как я нейтрализовала йолли, у меня оставалось слишком мало времени. Дело ясное, что дело темное. Они будут скрывать тайну, чего бы это ни стоило. Их мысли можно даже не читать, и так понятно: ты якобы что-то нащупал и привез меня, чтобы вместе копнуть поглубже. Остальное — нюансы.

— Сферы, где крутятся большие бабки, можно пересчитать по пальцам. Это — финансы, политика и бизнес, — сказал репортер, глядя Тэлзи в глаза. — Из доступной информации по «Большой Сделке» не проглядывается, естественно, ничего криминального.

Внезапно пси встрепенулась:

— Ах ты, пульсар в глотку!

— Что это с тобой, ты вся побледнела?

— Аспарал! Мой гид, — Тэлзи прикрыла рот ладошкой. — Я прочла ее мысли. В них просквозило что-то странное… Мне не приходило в голову, что есть какая-то связь… Я хотела встретиться с ней час назад, но мне заявили, что у нее уже новый клиент.

— Думаешь, это неправда? Насчет нового клиента?

— Как же! — усмехнулась пси-мастер. — Но изюминка не в этом.

— А в чем?

— Аспарал сама не ведает, что связана с «Большой Сделкой»! Вот где факт, жареный-пережаренный. Проверку некой мисс Амбердон (цель ее прилета на курорт) они начали с того, что вызвали к себе ее гида и пропустили через какой-то прибор…

— Ага, — подхватил Кит, — нечто вроде усовершенствованного детектора *лжи*, преобразующего вытянутые из подсознания гештальты во что-то материальное… Так что ты прочитала в разуме своего гида?

Тэлзи рассказала в общих чертах.

Кит тоже побледнел.

— Да, это только подольет масла в огонь, — констатировал он.

Интрига держалась исключительно на представительницах прекрасного пола. Жены, любовницы, дочери Федерации — все проходили через Фермилор. И каждой навязывалась та или иная корректировка плоти.

— Анестезия, бессознательность и допрос под гипнозом, — подвел итог Кит. — Все, что имело хоть какую-то пользу для АПК, немедленно заносилось в секретные файлы. Женщин, обладавших разветвленными связями, использовали в качестве агентов влияния на их родных планетах для рекламирования достижения пластической хирургии. Как только их миссия считалась выполненной, с них снимали внушение. Причем, бесследно. На случай возможной проверки компетентными органами. Да-а, продуманная системка! Инвестиции, вложенные в этот проект, должны давать колоссальную прибыль.

При любом подозрении агенту влияния внушалась мысль о суициде, к которому женщина прибегала при первой же возможности. Понятно, что люди, связанные с этим проектом, будут держать рот на замке. Тем не менее, у Кита имелись кое-какие зацепки. Про один случай ему

рассказали, а другому он сам был свидетелем. Обе покончившие с собой женщины в недавнем прошлом посетили Фермилор. В любом случае, следовало откопать зарытую собаку. Честно говоря, он и прибыл-то на планету-курорт, чтобы это сделать.

— Я не брошу это дело до тех пор, пока не доведу до логического конца, — пообещал репортер. — Но теперь у меня появилась возможность взглянуть на него с другой стороны. И нам обязательно нужно заготовить пути для возможного поспешного отступления. С точки зрения воротил АПК у нас нет особого пространства для маневра.

— Яхта?

— Быстро соображаешь! Я отметил несколько частных парковок, пока крутился здесь утром, и…

— Кит, как ты думаешь, какова вероятность благополучного исхода?

— Достаточно высока в случае, если начнем сейчас же. Но, если промедлим, шансы начнут стремительно уменьшаться.

Тэлзи покрутила носом.

— Мы можем сделать лучше. Чен Осселин — на редкость влиятельная фигура в АПК, верно?

Кит подтвердил и добавил:

— Но президент Бэрренд еще влиятельнее. Я слышал, что Чен готов выполнить любое его поручение, в какой бы форме оно ни поступило. И как тебе это?

— Коллапс с ним, Бэррендом! Придумай лучше какой-нибудь предлог для новой встречи с Осселином. Я пойду с тобой. Дай мне достаточно времени, и его разум станет для меня прочитанной книгой.

— Зачем?

— Твой приятель выведет нас с Фермилора. Из того, что у нас имеется — это лучший вариант.

— Да, девочка, ты не просто телепатка, ты супер, — похвалил Кит.

— Но они об этом даже не догадываются.

— Сколько тебе нужно времени?

— Час, два или десять минут… Я не знаю. Разве угадаешь? К тому же справиться с Осселином не просто. Но если получится с ним, у нас с тобой появится солидный гандикап![12]

— А знаешь, не нужно придумывать никаких предлогов, — он посмотрел на часы. — Мы приглашены к нему на ужин и должны быть у него дома через два с половиной часа. Чен настаивал,

---

[12] Примечания: 12

Экзорцизм — в христианской религии процедура изгнания бесов из одержимого.

чтобы я непременно захватил с собой свою очаровательную спутницу. С нами хотят встретиться двое: президент Бэрренд и вице-президент Нелт. Вместе с Осселином эта троица заправляет АПК. Вероятно, решение о нашей участи будет принято во время этой встречи.

— Похоже на то, — согласилась пси-мастер. — У меня только одно предложение: давай заявимся чуть раньше назначенного срока.

— Полчаса устроит? Уверен, что Чен не станет против этого возражать. Я тут припомнил некоторые детали из проектов, представленных им, и знаю, о чем буду спрашивать.

— Но ведь мы не отказываемся от идеи яхты, — добавил он уже во время спуска к аэрокару.

— Неужели?

— Конечно, нет. АПК может принять решение еще до того, как мы сядем за стол… Ты знаешь, что существует три основных типа яхт: скоростные лодки…

Все три типа были сходны в одном: способе экстренной эвакуации. Он был разработан для космического пространства, но им можно было воспользоваться и тогда, когда судно находится на поверхности планеты. Главное, знать — как.

Кит знал, хотя и сугубо теоретически.

— Думаю, я разберусь с этим в два счета. Когда будем драпать к яхте. Поскольку мы делаем вид, что не замечаем слежки, наружка предпочитает наблюдать за нами с приличного расстояния. Это дает нам шанс оторваться и подняться на борт прежде, чем они сообразят, что мы задумали. Давай-ка, посвятим следующий час прикидке, какое суденышко нас устроит. Если ситуация выйдет из-под контроля, будем уповать только на резвые ноги.

Тэлзи не стала возражать, поскольку все, что касалось яхт, было хобби Кита.

Однако у нее сложилось стойкое впечатление, что поблизости подходящих яхт не было. Спустя час Тэлзи перенесла свои вещи в ту туристическую башню, где снимал номер Кит. В данный момент было предусмотрительнее не разъединяться. Они решили провести время вместе до тех пор, пока не отправятся на званый ужин.

Глава 5

Йолли Осселина все еще пребывал в компании Йолли своей Мечты, но уже стал проявлять признаки беспокойства. Образ постепенно выцвел и стал статичным. Первым делом Тэлзи освежила

и наполнила его жизнью. Зверек что-то радостно пробормотал и опять впал в забытье. С тех пор, как они виделись с Ченом в последний раз, у владельца ИВК появилось новое увлечение. Рекодер, приборчик размером с часы и носимый на таком же браслете. Его комплексная энергия еле уловимо вызывала раздражение нервных окончаний у Тэлзи. Пси-мастер встречалась с приборами подобного типа и раньше. Они стоили безумно дорого и рекламировались как последнее слово пси-техники. Он действительно выявлял достаточно грубые вторжения чужих пси-энергий, и это снискало ему определенную популярность. Единственным недостатком устройства был тот факт, что опытный пси-мастер всегда обнаружит присутствие рекодера в сфере своего радиуса действия, о чем покупателей в известность не ставили. В силу этого он не представлял для Тэлзи угрозы. Потоки пси, которые она использовала в своем ремесле, были низкочастотными, и рекодер их не засекал.

Вскоре пришли Бэрренд и Нелт, приведя с собой пару очаровательных крошек. К радости Тэлзи, девочки оказались веселыми и разговорчивыми. Бэрренд выглядел этаким крепышом, а Нелт хоть и не превышал его ростом, но был куда жилистее.

Оба употребляли разумозащиту. Оба таскали на запястьях рекодеры, замаскированные под часы. Как и Осселин, они ожидали от них вибраций, которые должны были показать, что их разумы начали прощупывать.

Это говорило о том, что троица вовсе не была уверена, что гостья — телепатка.

Пришлось снова прибегнуть к трюку фантомного раздвоения личности. На этот раз Кит был проинструктирован и знал, что ему делать, если его напарница начнет вести себя как-то неестественно. В условиях, когда за тобой наблюдают чувствительные рекодеры, это было полезной предосторожностью. Разговор, в основном, поддерживали Кит и красотки. Сами того не подозревая, девочки создавали словесный щит для своих кавалеров, а репортер помогал отвлекать внимание собравшихся от пси-мастера. Теперь она знала, что боссы АПК — не впрямую, а опосредованно — изучали ее. Она ощущала себя так, как ощущает себя муха под микроскопом. Рекодеры безмолвствовали. Тем временем Тэлзи продвигалась в глубь разума владельца ИВК. При этом она съела с видимым аппетитом несколько блюд и периодически вступала в разговор. Так незаметно пролетел ужин.

— Конечно, я хотела бы посмотреть на Сорэма, — услышала она свой голос, — и кто же в нашем мире не любопытен?

Хорошенькая барышня Нелта всплеснула молочно-белыми ручками.

— Я буду сидеть с закрытыми глазами, пока он не уйдет, — заявила она капризно. — Однажды я встретила его в шлеме, потом меня целый месяц мучили кошмары!

Остальные рассмеялись.

Осселин посмотрел на спинку стула и пересадил оттуда йолли к себе на колени.

— А я буду держать закрытыми глазки моего любимца, — сказал он, улыбаясь, но не барышне Нелта, а Тэлзи. — Его трудно напугать, но почему-то он смертельно боится Сорэма. Сорэм обладает завидной способностью вычленять из толпы пугливых людей.

— Он — ненастоящий, — наклонилась к уху Тэлзи подружка Нелта. — Пусть болтают все, что хотят, но Сорэм никогда не был человеком. Он просто не может им быть.

— Я передам ему твои суждения о нем, — прогромыхал Бэрренд.

Девица побледнела от ужаса.

— Нет! Не хочу, чтобы он вообще обращал на

меня внимание.

— Ты в безопасности, — успокоил ее президент АПК. — Во всяком случае, пока тебе нечего скрывать.

— У всех есть что скрывать! — выкрикнула она. — Я…

Она запнулась.

Лица всех повернулись к Тэлзи. Сорэм, загодя вызванный Бэррендом, вошел в помещение. Пси-мастер с интересом принялась его разглядывать.

Сорэм был обряжен в голубую униформу АПК и черные башмаки. На поясе — оттопыренная кобура. Широкоплечая фигура с тонкой талией и могучими бицепсами. Мускулистый безволосый торс, черный как антрацит, был не только обнажен, но и казался вырубленным из угольного пласта где-нибудь в штреке. Голова скрывалась под большим монолитным шлемом, лишенным всякого намека на прорези для глаз.

Это существо приблизилось к столу, шлем медленно повернулся в направлении Тэлзи. По мнению Осселина, прочитанному ею в этот момент, Сорэм пристально рассматривал под шлемом указанную цель. Оттуда же пси-мастер выудила и сведения о том, что Сорэм обладал собачьей головой с хищными желтыми глазами.

Телохранителю Бэрренда импонировала идея перепланировки человека в монстра, чья внешность будет внушать панический страх. Сорэм являлся триумфом пластической хирургии.

В течение всего ужина рекодеры ни разу не подали сигнала о применении несанкционированного пси, но их владельцы считали, что это лишь оттого, что Тэлзи действовала достаточно осторожно. Сорэм был призван напугать девушку, чтобы та ответила на угрозу пси-воздействием и окончательно выдала свой пси-дар. Косметологам казалось, что это — блестяще подготовленная провокация.

Хотя телохранитель прикрывался разумозащитой, присущие ему свирепость и тупое веселье периодически прорывались наружу. Тэлзи пробежалась взглядом по скатерти и посмотрела в сторону Кита. Его лицо выражало внимание, он не знал, чем все могло закончиться; а вдруг это палач, которого позвали осуществить казнь на месте? Сорэм двигался медленно, раскачиваясь из стороны в сторону, словно ожившее чудовище Франкенштейна. Тэлзи затаила дыхание, не сводя с него глаз. Неожиданно шлем, надетый на собачью голову, стал приподниматься, открывая собравшимся оскаленную пасть. Его глаза разъ-

яренно уставились на девушку.

Йолли отчаянно взвизгнул, пытаясь вырваться из рук Осселина.

Потоки пси-энергии заструились, перемешиваясь над столом. Зверек не сразу осознал, что произошло, но поскольку в его сновидение проникла эта кошмарная фигура, йолли попытался убежать. Тэлзи не могла позволить пси-стражу в этот момент очнуться и не позволила. Все три рекодера зарегистрировали возросшую активность в течение сорока пяти секунд. Потом Тэлзи стерла из мозга йолли причину испуга и заставила забыть об этом…

— Должно быть, он почуял твоего телохранителя по запаху, — объяснил Осселин, — ведь глаза у него были закрыты.

Он погладил своего любимца по головке. Тот слегка похныкал, но уже вскоре вновь погрузился в свои эротические фантазии. Сорэм резко развернулся и вышел вон из комнаты. Тэлзи посмотрела песьеголовому вслед, физически ощущая на себе пристальные взгляды Бэрренда и Нелта.

— Если б я могла свободно дышать, — выдохнула она через силу, — то подняла бы куда больше шума, чем этот симпатичный зверек.

Куколки боссов АПК изобразили на побелев-

ших личиках вымученные улыбки.

* * *

— Рекодеры не в состоянии локализировать источник пси-волн, — сказала Тэлзи, — так что перед ними встал выбор: я или йолли, а, учитывая, какую суматоху учинил зверек, подозрения пали на него.

— Значит, окончательное решение отложено?! — воскликнул Кит.

— Только в той его части, с какого конца взяться за нас, президент и его заместитель хотят знать наверняка, во-первых, пси ли я, во-вторых, степень нашей информированности и, наконец, что для нас «Большая Сделка»? Осселин же считает, что теперь это неважно. Он хочет избавиться от нас наиболее безопасным путем. Он согласился дать Бэрренду пару часов на то, чтобы отыскать достаточно веские причины не приводить в действие план нашего устранения. Но в любом случае план не отвергнут.

Кит покачал головой.

— Чен так считает?

— Да, таково его мнение.

— И в то же время он хочет убедиться, что это наилучший выход? А он догадывается о проти-

водействии?

— Я держу его под контролем. Он осознает лишь то, что я позволяю ему осознавать. Ему даже не может придти в голову мысль, что кто-то способен разрушить его планы. Другого объяснения я не нахожу.

— А я догадался, похоже, в чем состоит его план, — сказал Кит.

Оба находились в доме Осселина. Бэрренд и Нелт в сопровождении своих барышень покинули ужин вскоре после инцидента между йолли и Сорэмом, сославшись на то, что у них иные планы на вечер. А владелец ИВК попросил Тэлзи и Дебола задержаться.

Расхождение во мнениях заправил АПК заключалось в том, что Осселин предпочитал минимальный риск для дальнейших исследований в отличие от своих партнеров. Последние торопились применить радикальные средства, невзирая на то, что те могут оставить материальные следы в телах жертв. «Мягкая анестезия» в данном случае пройти не могла, поскольку требовала избавления от тел, а бесследное исчезновение знаменитого репортера в компании с партнершей вызовет появление на Фермилоре целой кучи копов, даже если это интерпрети-

руют как несчастный случай. Осселин надеялся покончить с ними так, чтобы не возникло ни малейших подозрений в естественности смерти. Например, ужасная катастрофа.

— Какая катастрофа? — заинтересовался Кит.

— У твоего приятеля целый штат специалистов подобного профиля. Можешь не беспокоиться, они уже придумали вполне конкретный вариант… Мы будем прогуливаться в вестибюле туристической башни на виду у пары сотен свидетелей, как вдруг возникнут неполадки с газовым оборудованием. На глазах у персонала и многочисленных туристов наши несчастные тела разорвет на клочки якобы незапланированный взрыв бытового газа.

— Пожалуйста, — проникновенно попросил Кит, — будь с Ченом деликатнее.

Если быть объективными, то его план выглядел замечательно. В башне проживало множество важных персон. В ней располагались офисы клиник высокого уровня. Следовательно, даже если бы у следователей возникла версия о диверсии, ничто не указывало на то, что мишенями были выбраны именно Кит и Тэлзи.

* * *

Во время этого разговора Осселин спустился в подвал своего дома. Гости не могли сопроводить его туда, поскольку защитный контур не пропустил бы посторонних в экранированное помещение, главную изюминку которого составлял хитроумный сейф. Тэлзи продолжала оставаться с главой ИВК в ментальном контакте, поскольку еще не завершила работу над его разумом. Правда, оставалось ей совсем немного. Она никогда еще никого так досконально не исследовала. Чен представлял собой индивида с трудно познаваемым сознанием, и пси-мастеру хотелось записать в свой актив почетную победу. Казалось, все находится под контролем и протекает достаточно гладко, но вздохнуть полной грудью станет можно только тогда, когда Фермилор останется далеко за кормой звездолета.

В деле прощупывания разума все шло гораздо спокойнее, чем Тэлзи могла себе предположить.

— Ты что-нибудь по своим каналам узнал относительно «Большой Сделки»? — спросила она Кита. — А вот я уже полностью в курсе. Информация по ней сосредоточена в одном слитом файле. Он начат три года назад. В нем упоминаются

имена, даты, сведения, добытые различными путями, и то, как они были использованы…

Как уже упоминалось, Осселин спустился на подземный уровень за копией файла с материалами «Большой Сделки». Ему было внушено передать его своему другу репортеру и благополучно забыть об этом поступке. После этого останется лишь одна проблема: каким образом покинуть гостеприимный курорт? А это задача не из простых, несмотря на неосознанное содействие Осселина. Владелец ИВК не может отправиться вместе с ними в космопорт и бездействовать, в то время как они попытаются стартовать. Ведь за ними неотрывно шпионили агенты АПК. Наружка возьмет подозрительную парочку под визуальный контроль с того момента, как только та выпорхнет из дверей виллы Чена. Усиленные наряды полиции явно патрулируют все космопорты, и если поведение подопечных вызовет хоть малейшее подозрение, Бэрренд и Нелт тут же отдадут приказ о задержании.

Очевидно, что Осселин оставался единственным доступным средством избежать ареста, и Тэлзи внушила ему разработать какой-нибудь более или менее приемлемый план-проект. Он вернулся из подвала и положил перед Китом два

пенальчика с кристаллами:

— Мне необходимо обзвонить пару человек.

После чего снова вышел из комнаты.

Репортер покачал головой:

— А ведь выглядит вполне нормально!

— А почему бы ему не выглядеть нормально? Скажу больше, он и чувствует себя нормально. Разве ты хочешь, чтобы кто-нибудь обратил внимание на неадекватное поведение такой шишки, как владелец Института Внеземной Красоты?

— Значит, это и есть тот самый пресловутый АПК-файл, — Кит склонился над пенальчиками.

— А ты, небось, думал, что Чен хранит в своем сейфе каталог причудливо раздетых девиц? — не преминула съязвить Тэлзи.

Кристаллы с записями выглядели изящными увеличенными снежинками. Репортер любовно дотронулся до одного из них пальцем. Снежинка казалась хрупкой только на вид.

— Здорово! — с восхищением сказал Дебол. — Я еще не встречался с аналогичной технологией. Говорят, эти кристаллы выдерживают звездные температуры и даже ужасное сдавливание черной дыры.

Он положил пенальчики в карман.

Тэлзи откинула волосы с лица. В комнате было

прохладно, но тем не менее, все тело покрывал липкий пот. В воздухе повисло какое-то непонятное напряжение… Не время нервничать, отругала она себя.

— Ты сумеешь прочитать их дома, на Орадо? — спросила Тэлзи про кристаллы.

— Без проблем. Иначе наша экскурсия на Фермилор не будет иметь никакого смысла. — Кит взглянул на часы. — Слушай, а не слишком ли долго дозванивается наш приятель?

— Я как-то выпустила это из виду, — призналась пси-мастер. — Наверное, со мной сыграла недобрую шутку уверенность в том, что я его полностью контролирую. Кстати, перед тем как мы покинем Фермилор, я разорву с Осселином ментоконтакт.

— Ты не способна держать контроль на звездных расстояниях?

— Вовсе нет. Просто не хочу переводить на него свою пси-энергию. И еще. По-моему, парень прекрасно справился с задачей, которую я перед ним поставила. Он придет и расскажет в деталях, что придумал.

Не прошло и минуты, как Осселин объявился в дверях.

— Было бы идеальным, — сказал он, лучезарно

улыбаясь, — найти для вас временное прибежище. А пока суд да дело, объявите во всеуслышанье, что отправляетесь в «Хэлейн Пэлас», и доберитесь до него не позднее, чем через полтора часа. Если ничего о нем не слышали, то найдете его координаты в памяти своего аэрокара.

— Я знаю, где «Хэлейн Пэлас», — сказал Дебол. — Пять лет назад я оставил там целое состояние.

— До приезда туда рисковать с побегом не следует, — порекомендовал Чен. — Зайдите в Туристический Магазин на четырнадцатом уровне, где вас будут ожидать два торшера, приобретенные на имя мисс Амбердон.

— Торшеры? — недоуменно вздел брови репортер.

— А что? Стандартные сувениры для стандартной туристки. Главное в них — подходящие габариты.

— Габариты для чего?

— После оформления покупки вы вместе с торшерами проследуете в упаковочный отдел, где вас встретят необходимые помощники. Они уложат вас вместо торшеров в ящики для дальнейшей транспортировки на Орадо. После этого багаж отправят в Порт-Лигрит. Без помех пропустят через таможню и доставят на борт непосредственно

перед стартом. Уже на орбите некто выпустит вас из тары и вручит пассажирские билеты.

Осселин улыбнулся Тэлзи.

— Мисс Орм и ее мама на пути в другой порт. Их сопровождают на родину два специалиста, способные в считанные дни восстановить красавице первоначальный облик. Они прибудут в Орадо-сити сразу вслед за вами. Дома вы сможете с ними связаться.

* * *

— Насколько можно ему доверять? — спросил Кит, когда аэрокар взял курс на «Хэлейн Пэлас».

— Теперь полностью. Можешь не волноваться. Единственное, что способно вызвать ненужные подозрения у наружки, это нарушение хоть какого-то из пунктов плана Осселина.

— Что ж, постараемся ничего не нарушать.

Тэлзи оборвала ментоконтакт с Ченом. Поскольку придуманный им план был скрупулезно рассчитан до последней детали, смысла в контроле над его сознанием больше не было. Тем более что энергия пси не могла вырваться за пределы таких изолированных комплексов, как «Хэлейн Пэлас». Прежде чем кто-нибудь сумеет их там выследить, «торшеры» уже будут отправлены на

Орадо. А Осселин уже обо всем забыл напрочь.

До места назначения аэрокар добрался без особых осложнений и в назначенный срок, если не считать вынужденных кругов вокруг забитой парковки на крыше. Парочка сначала посетила казино, где оставила несколько сотенных жетонов, потом заправилась коктейлями в баре, после чего отправилась на четырнадцатый уровень. У дверей лифта трое полицейских в форме шагнули им навстречу.

Послышалось шипение, у Тэлзи потемнело в глазах.

Глава 6

— Ой, — радостно сказал Бэрренд, — вы, конечно, попытаетесь молчать. Но у вас ничего не выйдет, мои милые. Запоете как птички! Мы способны длить пытку часами. Если будете сопротивляться слишком активно, то можете даже лишиться рассудка. В любом случае вы умрете, но прежде, чем разрушить ваши прекрасные тела, мы должны выяснить все, что вы знаете.

Такое продолжение не вписывалось в план, разработанный Осселином. Бэрренд и Нелт не знали, что их партнер попал под контроль пси-мастера,

и что Кит с Тэлзи уже через какой-то час-другой могли быть вне досягаемости, не случись дурацкого прокола с полицией. Они просто решили подстраховаться и взять поимку опасных для них беглецов на себя, ничего никому не говоря. В первую очередь они рассчитывали на всемерную поддержку АПК.

Их подход к делу был далек от гуманного. Тэлзи привязали ремнями к кушетке, используемой для хирургической корректировки, а Кита — к стулу. Оба предмета мебели составляли неотъемлемую часть детектора *лжи*, никелированным мастодонтом возвышающимся в глубине помещения. Безучастный ко всему сотрудник АПК и его неловкая помощница крутились возле пульта управления. На лбу у этого сотрудника имелась заметная припухлость, похожая на шишку, вздувшуюся от удара. Ни его, ни помощницу нисколько не волновали переделки, проделанные пластическими хирургами с их телами.

Тэлзи не могла свободно вертеть головой и только однажды с того момента, когда ее привели в чувство, засекла краем глаза Нелта. А вот Бэрренд все время оставался в пределах ее поля зрения. Он чуть не лопался от переполняющего его самодовольства. И было отчего. Президенту

АПК требовалось обязательно добиться успеха, чтобы не предстать перед Осселином этаким авантюристом и прожектером. Инициатива осуществленного им маневра могла выглядеть, как попытка подорвать авторитет владельца ИВК среди верхушки Ассоциации Практикующих Косметологов. Бэрренд знал наверняка лишь одно: ему в лапы угодила пси.

И в то же время ему чертовски хотелось, чтобы это не подтвердилось.

С точки зрения Тэлзи, то, что с ними произошло, невозможно было предвидеть. Возобновление ментоконтакта с Ченом было единственным шансом на спасение, но она не знала, получится ли у нее. Тонкий подход в данном случае не даст необходимого результата. Пока Кит отрабатывал отвлекающий маневр, честя на все корки президента АПК и вице-президента, пси-мастер включила свой дар на полную мощность, пытаясь нащупать хоть какие-то обрывки мыслей Осселина. По выражению лица Бэрренда она поняла, что его рекодер зафиксировал пси-зондаж. То же самое произошло и с прибором Нелта, поскольку до ушей донесся его возбужденный голос. Хотя он пытался говорить шепотом, она явственно различала отдельные слова инструкции, которые Нелт

отдавал сотруднику с шишкой. Эти мерзавцы хотели начать экзекуцию с пси-мастера.

Тэлзи пока на следы Осселина не наткнулась, однако с самого первого ответного импульса нащупала еле уловимые сигналы какого-то другого знакомого разума.

* * *

Для Аспарал выдался тяжелый день. Сразу после полудня ее вызвали в региональное управление АПК. Что-то случилось, но что именно, ей не говорили. Так пролетел час, но никаких объяснений по поводу вызова так и не последовало. Она краем уха услышала про назначенную ей амнезию, но зачем? Известие ее пугало.

Она убедилась, что все в порядке, только тогда, когда ей приказали вернуться домой и отдохнуть несколько часов, поскольку, возможно, ей предстоит ночное задание. Аспарал перестала волноваться, поняв, что вопрос связан с секретным делом, к которому она не имеет никакого отношения.

Час назад ей поручили зарезервировать мисс Амбердон и мистера Дебола в качестве пассажиров ее аэрокара для ночного полета до живописных островов Ялгерис. Казалось, что

это обычное дело, ведь Амбердон продолжала оставаться ее заданием. Поскольку Ялгерис-тур был достаточно затянут, пассажирам требовался квалифицированный гид, поскольку спорадически на островах портилась погода. Все как всегда. Она взяла воздухоплавательную машину и направилась в один из центров Бэрренда, чтобы взять на борт заявленных пассажиров. Там ее проводили в комнату на подземном уровне и оставили за запертой дверью. В девушке, похожей на мифологическое создание, вновь ожили смутные подозрения. В комнате не было ничего такого, что помогло бы отпереть замок.

Почему ее заперли? Что происходит? Аспарал с ужасом осознала, что увязла по самые свои терьерные ушки в одну из тех темных махинаций АПК, которые она даже с трудом не могла себе вообразить. Неожиданно сознание пронизал бурный всплеск — несколько минут девушка не могла себя контролировать. О чудо, практически сразу после этого бурного натиска дверь открылась. Аспарал нацепила угодливую улыбку, но она сразу погасла, как только девушка узнала вошедшего. Нелт, один из самых больших боссов АПК. Человек, которого она хотела бы видеть в самую последнюю очередь. Вице-президент

вызвал ее в коридор.

Аспарал никак не могла унять вновь начавшуюся трясучку. Она взглянула в глубь коридора и подумала, что кошмарный сон продолжается. Примерно метрах в шести от нее была открыта дверь. Рядом стоял президент АПК Бэрренд и о чем-то толковал с человеком, облаченным в хирургический халат. За ними угадывались очертания передвижного операционного стола с двумя телами, укрытыми под простынями. Аспарал нисколько не сомневалась, что это — ее будущие пассажиры. Ни они, ни она сама никогда не долетят до островов Ялгерис. Завтра аэрокар объявят пропавшим без вести в результате разразившегося шторма, как это неоднократно случалось с неосторожными воздухоплавателями.

Хирург вкатил стол в открытую дверь, Бэрренд вошел следом. Нелт тоже двинулся в ту же сторону, оставив девушку стоять там, где стояла. Надежда на спасение вспыхнула в душе Аспарал. Она выберется незаметно из центра, спрячется в укромном уголке и останется в живых!

Огромная черная лапа опустилась на плечо. От неожиданного прикосновения девушка вскрикнула. Нелт даже не оглянулся. Он вошел в

комнату и закрыл за собой дверь.

Она оказалась наедине с Сорэмом, чья нелепая фигура вселяла ужас во всех, кто хоть однажды его видел. Телохранитель Бэрренда, прячущий голову под устрашающего вида шлемом, втолкнул Аспарал в помещение, смежное с тем, откуда ее минуту назад якобы вызволил Нелт. Там песьеголовое чудовище швырнуло ее на кушетку. Девушке доводилось слышать всякие неприятные истории о проделках Сорэма. Едва не теряя сознания, она, как завороженная, уставилась на своего стража, надеясь, что ему не придет в башку мысль стянуть с себя шлем.

Но ей не повезло. Жуткая, оскаленная в пароксизме ярости собачья морда склонилась над Аспарал.

* * *

Своими прихотливыми вопросами детектор лжи расставлял ловушки на каждом шагу, и Тэлзи ощущала себя в роли сапера на минном поле. Это напоминало шахматный поединок, ставкой в котором была жизнь. Перед экзекуцией с нее сняли всю одежду, и если бы она отказалась отвечать или детектор выявил в ее словах неправду, сотрудник АПК с шишкой на лбу на первый раз

искромсал бы лазерным скальпелем ей ногу, руку или грудь.

В противовес этому пси-мастер прибегла к испытанному приему. Она создала фантомный отпечаток своего эго, но на этот раз наделила его куда более насыщенным информационным обеспечением. Единственный контакт, связывающий подопытного кролика с детектором, касался исключительно ее сознания, игнорируя такую важную область как подсознание. Машина подвоха не заметила, ведь это не мыслящее существо. Когда поступал вопрос, Тэлзи скармливала детектору такой ответ, который воспринимался машиной как истина в последней инстанции. На самом деле девушка изощренно лгала, но проверить это машина не могла. Фантомный отпечаток скрыл под собой как настоящее сознание Тэлзи, так и сопутствующие лжи телесные реакции вроде учащенного сердцебиения, повышенного потоотделения и т. д., говорящих о неадекватности произносимых испытуемым слов и его истинного отношения к ним.

Для этого Тэлзи потребовалась большая концентрация воли, чем когда-либо ранее. Пси-мастер по-прежнему не могла нащупать следов Осселина, расширяющийся радиус поиска выявил лишь

усиление волновой пси-энергии, исходящей от нее самой. Тэлзи ощущала катастрофическую нехватку времени. Лучший способ его выиграть — это привлечь внимание к себе, чтобы Кит оказался вне сферы интересов мучителей. Репортеру вопросов не задавали, но и так было ясно, что с него снимают информацию через датчики стула, к которому он был привязан, и сравнивают с ответами, которые получают от нее. Глаза Дебола остекленели. Это говорило о том, что он впал в транс, в который ввел себя самостоятельно с того самого момента, когда задали первый вопрос, поэтому толку с него было как с козла молока. Когда-то он сказал Тэлзи, что какое-то, правда, сравнительно недолгое время может продержаться против детектора лжи. Теперь девушка знала, каким образом. Но у современных полиграфов имелась возможность обойти наведенный самогипноз. Полиграф, принадлежащий АПК, являлся последним словом техники. Поэтому Тэлзи необходимо было изображать первую скрипку в затеянном заправилами АПК спектакле как можно дольше.

Поток вопросов иссяк внезапно. Девушка вдохнула полной грудью. Эх, если бы она смогла засечь следы мыслей Осселина! Но уверенно-

сти, что это получится, у нее не было, поскольку сопротивление непрерывному стрессу резко снизило ментальную чувствительность.

Детектор металлически произнес:

— Испытуемый Дебол не реагирует на вербальный запрос. Причина может быть проанализирована. Ответ испытуемой Амбердон на каждый вопрос по отдельности зарегистрирован как правильный, но общая картина дает некоторое отклонение.

— Другими словами, — сказал Бэрренд за головой Тэлзи, — девчонка лжет.

— Вероятность в пределах тридцати процентов. Правильность регистрации каждого отдельного ответа и отклонение в целом не может быть объяснено поломкой логического устройства.

Бэрренд с Нелтом вошли в поле зрения Тэлзи. Вице-президент брезгливо кривил тонкие губы:

— Мне это что-то не нравится.

— Мне тоже, — согласился президент. — Нельзя быть уверенным в том, что она не может выкинуть еще какой-нибудь фокус. Давай ускорим процедуру! Надо заставить детектор вытащить репортеришку из его жалкого убежища, после чего допросим его по полной программе. Дадим максимум напряжения, очухается как

миленький! Отсоедините барышню от машины, — Бэрренд мотнул головой в сторону хирурга с шишкой. — Для начала желательно вытянуть ей левое предплечье на пяток сантиметров с одновременным удалением лучевой кости. Приступайте, мой хороший!

Безучастность в глазах хирурга мгновенно исчезла. Он пододвинул к кушетке столик с никелированным инструментарием.

— Что-то вроде осязательного щупальца, патрон? — поинтересовался он.

Бэрренд кивнул.

— Девчонка должна остаться живой и чтобы при этом могла говорить. Оставьте ее в работоспособном состоянии, если получится, но это не обязательно. И пусть наблюдает, как вы над ней экспериментируете. — Он обратился к Тэлзи: — Мы остановимся, как только вы согласитесь с нами сотрудничать.

Вся энергия, что у нее еще оставалась, пси-мастер направила на поиск Осселина, но никаких следов не было. Кушетка опустилась и развернулась. Лицо с шишкой на лбу склонилось над пациенткой. Из изголовья вытянулась штанга и развернула плоский блин бестеневой лампы. В стеклянных гранях плафона Тэлзи увидела

отражение своей левой руки.

— Не позволяйте ей терять сознания! — приказал ассистентке хирурга главный садист с голосом Бэрренда. — Но держите уровень боли близким к невыносимому.

Кожица на шишке собралась в сеточку из морщин и вдруг разошлась во все стороны наподобие ирисовой диафрагмы в фотоаппарате. Под ней оказалась глубокая глазница, в которой уродливо ворочался третий глаз. Потом он уставился на Тэлзи, независимо от пары нормальных, но спустя всего пару секунд синхронизировался. Часть сознания пси-мастера с какой-то успокоенностью пришла к выводу, что ее палач использует дополнительный орган зрения в качестве увеличительной линзы. Во всяком случае, третий глаз очутился поднесенным слишком близко к операбельной зоне.

Как ни обидно, но времени для вызова Осселина ей не хватило.

— *Чен Осселин!* — отправила она узкий пучок пси-излучения в надежде, что хоть какой-нибудь слабенький отклик выведет ее на след.

Ничего.

* * *

Аспарал пребывала в истерике всего несколько минут, после чего провалилась в глубокий обморок. Определить, в сознании девушка или нет, Сорэм не знал как. Когда он наобум ткнул в нее пальцем, она издала какой-то неопределенный звук, но это могла быть просто рефлекторная реакция. Он рассердился и решил оставить дуреху на какое-то время в покое. Если загнется от страха, это чепуха, но Сорэму не хотелось вызвать гнев хозяина.

Он встал с кушетки, засунул пистолет в кобуру и окинул оценивающим взглядом детское тельце, безвольно распростертое на полу. Он легонько пнул ее носком ботинка. Аспарал всхлипнула. По крайней мере, она все еще дышала. Собачья голова зевнула. Сорэм повернулся к двери, мимолетно подумав о том, сколько еще времени понадобится хозяину для того, чтобы вытянуть правду из этой парочки в детекторном кабинете.

Аспарал открыла глаза, безмятежно взглянула на своего мучителя и встала на ноги.

У Сорэма были неплохие рефлексы, но, честно говоря, не самые блестящие. Кроме того, он был почти человеком, но только почти. А в этот

момент он потерял присущую ему обычно бдительность. Чего опасаться в этой, практически пустой комнате, рядом всего лишь с маленьким хвостатым эльфом?! Он еще успел различить какой-то звук неясной породы и почти одновременно с этим почувствовал, что кобура опустела. Он быстро развернулся — в комнате по-прежнему не было никого, кроме маленького хвостатого эльфа, но теперь в крохотных ручках был зажат пистолет Сорэма.

На этом для Сорэма все и закончилось.

Навсегда.

Тэлзи не могла видеть, как открывается дверь в детекторный кабинет, но зато она об этом знала. А вот все остальные даже не догадывались. Впрочем, вряд ли это имело хоть какое-то значение. У Сорэма было пристрастие к оружию, чья спусковая собачка требовала минимального усилия. Аспарал нажала на курок дважды, неслышно приблизившись к стоящим к ней спиной большим боссам АПК. Даже мощнейшая отдача не помешала ей поразить обе цели. Уже падая, Нелт успел выстрелить из собственного пистолета, но Фортуна от него отвернулась, и сразу после промаха он умер. Аспарал обожгло волосы с левой стороны лица, но она не обратила на это

внимания.

Бэрренду повезло еще меньше, чем его заместителю — он и пистолет-то достать не успел.

Маленький хвостатый эльф больше не стрелял.

— Испытуемый Дебол, — прорезался металлический голос в наступившей неожиданно тишине, — готов к восприятию тест-вопросов.

Тэлзи мягко сказала трехглазому экзекутору:

— Как вы, наверное, догадываетесь, ваши трупы хоть и пополнят, но не украсят коллекцию. Мы отпустим вас, если сделаете то, что вам скажут. Для справки: Аспарал выполнит любой мой приказ!

— Выполнит… хм… любой? — запинаясь, переспросил трехглазый, переводя взгляд с пистолета на свою ассистентку, трясущуюся под прицелом. С тех пор, как началась стрельба, эта парочка застыла, живописно задрав мослы к потолку. — Что мы… хм, оба… должны сделать?

— Извлечь меня из этой чертовой сбруи, конечно! — рявкнула Тэлзи.

Экзекутор заколебался.

— Но ведь мне придется пошевелить руками…

— Давай шевели, — разрешила Тэлзи, — она не выстрелит. А вот если ты меня не развяжешь…

В следующее мгновение она была свободна и соскользнула на пол. На другом конце кабинета Кит с шумом очищал свою ротовую полость.

— А ты, — приказала Тэлзи костлявой ассистентке, — живенько освободи *его*! Но не производи никаких резких движений!

— Не буду! — сказала охрипшим голосом эта рыба в халате, имея в виду производство резких движений.

* * *

— У меня сложилось такое впечатление, — сказал Кит спустя несколько часов после бойни в детекторном зале, — что мы пытались задержать своих мучителей до тех пор, пока ты не заставишь Осселина придти к нам на помощь.

Тэлзи кивнула.

— Именно так все и было. Самый безопасный способ. Но как я уже говорила, не всегда получается так, как хочешь. Бэрренд не дал мне времени. Пришлось использовать Аспарал, чего вначале я не собиралась делать. Все могло пойти вкривь и вкось!

— Но ведь ничего подобного не случилось, — возразил Кит. — Аспарал стала твоей последней надеждой, так?

— Не так, — возразила Тэлзи. — Были еще средства, правда, не такие быстрые. Я не была уверена, что они сработают, и не хотела дожидаться, пока эти гады искромсают меня или одурманят тебя. А вот Аспарал я могла использовать сразу.

— Как же это тебе удалось?

Тэлзи замешкалась.

Кит сказал:

— Успокойся. Это не для протокола. Все равно никто не поверит, что Кит Дебол не только разоблачил гнусную шайку садистов на Фермилоре, но и лихо расправился с ней. Просто мне интересно.

— Ну, хорошо, слушай. Сразу после того, как мы очнулись, я выяснила, что Аспарал находится где-то поблизости. Она, как было выяснено мною еще раньше, прекрасный материал для внушения, и я установила с ней тесный ментоконтакт. Только на этот раз мне пришлось поднять до максимума ее умственные способности, а субъективное отношение к окружающему снизить до нуля. Сорэм посчитал, что его жертва потеряла сознание, а потом, когда наступил критический момент, я наполнила разум Аспарал решимостью и. ненавистью к извергу. Жилы миниатюрного создания просто переполнились адреналином, это было ей необходимо — в обычном состоянии

моего гида трудно упрекнуть в физической силе и скорости реакций. Да и пистолет Сорэма ей на весу было бы не удержать.

— Значит, ты ей приказала вырвать оружие из лап монстра, пристрелить его, как шелудивого пса, а потом разобраться с нашими обидчиками в детекторном зале, так, что ли?

Тэлзи покачала головой.

— Аспарал не выполнила бы мой приказ хотя бы по той причине, что никогда не держала в руках огнестрельного оружия. Даже во взбешенном состоянии мой гид не способна стрелять в живых существ, она просто этого не умеет. До тех пор, пока все не закончилось, она не подозревала, что делает. На самом деле Аспарал в детекторном кабинете не было.

Кит секунду изучал свою партнершу.

— Так это ты нажимала на курок?!

Пси-мастер виновато улыбнулась:

— А что оставалось делать? Мне требовалось свободное тело, готовое действовать. У Аспарал было такое. И я им воспользовалась.

— Странно. Никогда не думал, что ты способна на жестокость.

— И вовсе я не жестока. Просто умею использовать сильные эмоции, когда другого способа нет.

К тому же быть пси-мастером так же опасно, как и репортером, расследующим подозрительные аферы. А, между прочим, это у тебя, а не у меня, тонкий нюх, сразу чуешь, где собака зарыта… Немногие согласились бы заниматься тем, чем занимается некий Кит Дебол, верно? Говоришь все, что хочешь, а это может кому-то не понравиться! Знаешь, за свою жизнь мне встретилось всего несколько человек, которые хотели бы заниматься тем, чем занимаюсь я. Но зато я не хочу, чтобы они этим занимались.

— Я тебя не виню, — сказал Кит. — Я рад жестокости, которая спасла меня от смерти.

Разговор происходил на лайнере менее чем в часе полета до Орадо. Оба были свободны. Тэлзи оставила свои попытки ментально связаться с Осселином. Вместо этого они отправили ему сообщение по КомСети. Когда изображение владельца ИВК возникло на экране, она объяснила Чену, что он должен говорить. История выглядела примерно следующим образом: Сорэм по какой-то неясной причине совершенно слетел с нарезки, открыл огонь по хозяину и его заместителю, а когда пришел в себя, застрелился… Кит же по своим журналистским каналам довел добытые сведения до Эдэси и пары-тройки правительственных

инстанций. Его заверили, что секретные проекты АПК будут ликвидированы буквально за неделю. Тэлзи решила пока не сообщать о противоправной деятельности Чена. Трехглазому хирургу и его ассистентке назначили стандартное наказание о принудительной амнезии, чтобы они вычеркнули из памяти недавние события. Им вменили в вину использование детектора лжи в незаконных целях. Неожиданностью для них обоих это не стало.

И наконец, последнее: Аспарал летела на том же лайнере, что и Кит с Тэлзи.

— Представления не имею, как можно использовать рабыню, — признался Кит.

— Поверь, ты не смог бы выполнять условия контракта, как у нее, больше года, а она тянула лямку почти четыре, — сказала Тэлзи. — Слушай, парень, а ты ничего мне не должен?

Он потер подбородок.

— Разве я что-то упустил?.. Конечно, ты вытащила нас из беды, но я сомневаюсь, что оказался бы в ней, если бы не ты.

— Тогда у тебя не было бы сенсационного материала для целого ряда статей!

Кит бросил на нее недовольный взгляд.

— Не будь столь самоуверенна! Мои методы не

менее действенны.

— Ты выложишь все, что узнал?

— Вряд ли.

— Вот это правильно, — похвалила Тэлзи. — Аспарал — существенная часть этой истории, она может послужить доказательством. Это по-честному? Я бы позаботилась о ней сама, если бы не была так занята.

— Зачем о ней вообще заботиться?

— Потому что не все в АПК поверят версии Осселина о событиях в детекторном кабинете. Они не тронут его, но захотят привлечь к ответственности Аспарал. Пусть она маленькая дрянь, испорченная до мозга костей, но я склоняюсь к мысли, что виноваты в этом методы АПК. Когда-нибудь амнезия развеется и тогда Осселин захочет ее прикончить, чтобы обелить себя. Кроме того, — добавила Тэлзи, — это на редкость смышленая девчонка! Ты очень сильно удивишься, узнав, сколько всего она узнала, работая на АПК! Эдэси найдет ее ценным приобретением для своей программы. Дай ей полшанса, и она себя покажет! Увидишь, она еще составит тебе конкуренцию!

— Благодарю тебя от своего имени и от имени Эдэси.

Не рой яму брату своему…
(рассказ)

Глава 1

В тот вечер Тэлзи сняла апартаменты в «Моррохолл-Отеле». Она поужинала раньше обычного и заперлась в номере. В Пехенрон-колледже она сказала, что проведет время с семьей. А родителям сообщила, что останется в кампусе при колледже. Предварительно она перепрограммировала электронную почту таким образом, чтобы звонки, поступающие в колледж, домой или в аэрокар, переправлялись в отель. Всем респондентам отправлялось сообщение, что мисс Амбердон занята и просит не беспокоить до утра, и это должно было способствовать ее уединению.

К этому времени начались серии полуфинальных игр ежегодного квандрантного чемпионата по робошахматам, а Тэлзи по-прежнему входила в число зарегистрированных игроков. Нынешней ночью должны были состояться несколько решающих игр, так что выспаться не удастся. Девушке требовалось *абсолютное* уединение. Она

соответственно экипировалась, поудобнее устроилась в глубоком кресле и включилась в процесс. Буквально через пять минут она уже полностью погрузилась в просмотр примитивного контрманевра, выглядевшего как самый обыкновенный ход. Потратив с полчаса, ей удалось выпутаться с минимальными потерями. Еще через шесть ходов ей пришлось изрядно попотеть, чтобы выбраться из ситуационного капкана. Все шло как обычно, но вскоре Тэлзи едва не угодила в собственную ловушку.

Увлекшись игрой, Тэлзи не обращала внимания на время.

А потом прорвался звонок из КомСети.

Девушка, недовольная этим вторжением, нахмурилась, но отвечать на звонок не стала. Аппарат зазвонил повторно. Тэлзи нажала клавишу «пауза», взглянула на часы — какой псих мог звонить в такое время? — и переключила на связь с КомСетью.

— Слушаю, — сказала она в направленный микрофон.

— Респондент игнорирует вашу просьбу, мисс Амбердон, — раздалось из встроенного динамика.

— Кто это?

— Некто Вэлан Дэсинджер.

— Ладно, соедини, — она кликнула по иконке «односторонний контакт». На экране появилось загорелое худощавое лицо Дэсинджера.

— Я здесь. Привет, Вэлан. Извини за отсутствие картинки. (Совершенно не обязательно, чтобы он догадался, чем она занимается).

— Привет, Тэлзи. Надеюсь, нас не подслушивают?

— Нет, — заверила она, — насколько это зависит от меня.

Дэсинджер возглавлял детективное агентство «Кайт Интерстеллар», которому она оказала несколько услуг в течение прошлого года, и которое, в свою очередь, оказалось полезным для нее.

— Мне необходима кое-какая информация, — сказал детектив. — Ну, просто очень необходима. Она имеет непосредственное отношение к твоим способностям. Мне хочется навестить тебя в Пехенроне и поговорить с глазу на глаз. Если разрешишь, то прямо сейчас.

Естественно, просьба Дэсинджера не относилась к юриспруденции, которую штудировала Тэлзи. Способности, о которых шла речь, относились к другой области ее занятий. Она была пси. Между нею и Дэсинджером существовала

негласная договоренность не упоминать об уникальном даре девушки по телефону.

— Понимаю, что время для этого не самое подходящее, — добавил он.

Дэсинджер не преувеличивал. Если он говорил, что дело не терпит отлагательства, значит, так оно и было. Тэлзи нажала клавишу «конец игры», тем самым исключая себя из числа участников турнира по робошахматам.

— Выслушать тебя я готова в любое время, — сказала она. — Ну, а теперь относительно моего местонахождения.

— Э… э?

— Я не в колледже.

— Где же?

— В «Моррохолл-Отеле». А ты звонишь из агентства?

— Так точно.

Офис агентства располагался в четырех кварталах от отеля.

— Могу я послать кого-нибудь за тобой? — продолжил детектив.

— Я спущусь в холл через пять минут.

Тэлзи в два приема натянула спортивный костюм, повесила сумочку на плечо и вышла из номера.

* * *

В конференц-зале было три человека. Кроме нее и Вэлана, присутствовал оперативник, высокий блондин по имени Ковин Вергард.

— Нам нужен телепат, — сказал Дэсинджер, — настоящий чтец мыслей. Некто, на кого можно полностью положиться, кто выполнит конфиденциальную работу за хорошие деньги и не будет слишком щепетилен в отношении способа, каким она будет выполнена, а еще — готовый к риску. Ты можешь связать нас с кем-нибудь из таких уникумов? Вдруг у тебя найдутся подходящие среди знакомых?

Тэлзи покачала головой.

— Не знаю, как среди знакомых, но, *может быть*, сумею подобрать кого-нибудь.

— Мы пытались найти профессионала, — вступил в разговор Вергард. — Составили список кандидатур и провели проверку. Мало того, включили в этот список незарегистрированных, но рекомендованных нам обладателей пси-способностей. К сожалению, никто не подошел.

Тэлзи понимающе кивнула, вряд ли кто из перечисленных категорий мог подойти. Хорошие чтецы мыслей держатся в тени.

— Что конкретно вы хотите от телепата и почему нужен именно он? — спросила она. — Конечно, я догадываюсь, что задание не будет высокоморальным, но кандидат обязательно захочет узнать о нем поподробнее.

— Задание связано или с совершенным уже убийством, или с убийством, которое еще должно произойти. Во втором случае нам придется его предотвратить. К сожалению, время весьма и весьма ограничено. Хочешь просмотреть файл-досье по этому делу? Это недолго.

Тэлзи согласилась, и файл незамедлительно был предоставлен.

Досье было озаглавлено: «Морское снаряжение Сэлка». Речь шла о компании, зарегистрированной на планете Кобрилл, покрытой на девяносто девять процентов водой и отстоящей на расстоянии восемнадцати часов лета от планеты Орадо. Компанией владели два брата, Ноэл и Лэрриен Сэлки. Младший из них, Лэрриен, подключился к семейному бизнесу всего шесть лет назад, однако последние четыре года именно он руководил компанией. Причем, довольно активно. В это время основатель фирмы, Ноэл, путешествовал по Ядру Звездного Скопления, налаживая деловые связи со спорадическими партнерами.

Неделю назад Ноэл обратился в наше отделение, базирующееся на Кобрилле. Он неожиданно вернулся домой и обнаружил, что Лэрриен изъял часть капитала и, по-видимому, вложил в подземные предприятия Орадо. Он попросил проследить финансовые потоки Кобрилл-Орадо и собирался прибыть на нашу планету через несколько дней с уликами, которые надеялся заполучить самостоятельно, но в объявленное время не появился. Два дня назад Хиши Сэлк, жена Лэрриена, пришла в наше кобрилльское отделение. Она заявила, что Лэрриен поделился с нею подозрениями, что Ноэл вставляет ему палки в колеса, и поэтому должен заплатить за это. Из намеков она поняла, что муж заказал похищение своего старшего брата. А, возможно, в дальнейшем и его убийство. Хиши хотела, чтобы агентство отыскало Ноэла, пока не поздно…

В досье содержались также аудиовизуальные записи всех трех действующих лиц. Тэлзи, не отвлекаясь ни на минуту, впитывала картинки, образы, голоса. Между братьями не существовало явного физического сходства. Лэрриен был молод, хорош собою, атлетически сложен и обладал на редкость обаятельной улыбкой. Ноэл — намного старше, худой, сутулый, невзрачный. Хиши

представляла собой фигуристую блондинку с раскосыми черными глазами, в которых застыл испуг. Ее голос соответствовал взгляду: хрипловатый, выдающий неуверенность своей хозяйки. Тэлзи вернулась к началу файла и просмотрела его повторно, не обращая внимания на то, что говорила Хиши, а вслушиваясь исключительно в обертоны.

Наконец девушка закрыла файл.

— А где остальное?

— Остальное, — сказал Дэсинджер, — не входит в компетенцию агентства. Следовательно, в досье не включено.

— А именно?

— Тебе знакома такая местность — Джока-виллидж? Поблизости от Большого Алзара?

— Да, я бывала там.

— Месяца три назад Лэрриен Сэлк приобрел там поместье, — поведал Дэсинджер. — Оно расположено на северо-востоке Джока-виллидж. Это уединенная скала, нависающая над морем. Мы знаем, что главный фигурант находится там. Также мы выяснили, что Ноэл действительно был похищен асами киднэппинга и передан доверенным людям Лэрриена. Вероятно, что сейчас он находится в упомянутом поместье. Если его

попытаются вывезти оттуда, то мы возьмем преступников с поличным, остальные варианты не гарантируют похищенному жизнь. У Лэрриена нет причин подозревать, что кто-то ищет его брата или подозревает о похищении. Кроме Хиши. И в этом наше преимущество. Мы не имеем права на промах.

Тэлзи кивнула, кое-что для нее прояснилось. Джока-виллидж относилась к чрезвычайно дорогостоящим землям, охрана которых была поднята на должную высоту. Туда можно было попасть только в двух случаях: если вы владелец поместья или у вас пропуск, выписанный владельцем. Пропуск заставляли предъявлять на каждом посту, а их на территории было видимо-невидимо. Подходы с воздуха контролировались бронещитами и камерами слежения.

— А почему вы не заявили в полицию?

— Если мы заявим о похищении, — вздохнул Дэсинджер, — бедняге никогда не вернуться домой! Конечно, мы притянем Лэрриена к ответственности за убийство задним числом, но наша задача другая — спасти человека… Тэлзи! — позвал он.

Девушка моргнула, пытаясь отвлечься от полученной информации, теснившейся у нее в голове.

— Тэлзи! — уставился на нее в упор Дэсинджер.

Вергард посмотрел на начальника. Тот сделал предостерегающий жест. Вергард перевел взгляд на девушку.

— Я тебя прекрасно слышу, — объявила Тэлзи, когда пауза неприлично затянулась. — Хиши Сэлк ведь у вас, верно?

Вергард глянул на нее испуганно.

— Да, Хиши у нас, — пришлось подтвердить Дэсинджеру.

— В основном, досье состоит из записей ее голоса. Я уловила кое-что, — она взглянула на оперативника. — Вы, Ковин, видимо, подозреваете, что ее слова не вполне соответствуют действительности.

— Хм, — сказал Вергард озадаченно, — честно говоря, я пытался отогнать сомнения, но у меня не очень хорошо получается. Привлечь чтеца мыслей — не моя идея, — признался он. — Но в данной ситуации у меня нет выбора.

— Ты нормально себя чувствуешь, девочка? — поинтересовался Дэсинджер. — Мы можем продолжать?

— Запросто. Я отвлеклась лишь на секунду, попыталась вступить в контакт с Хиши, похо-

же, ее разум полностью открыт. Ой, с ней очень просто! — Тэлзи поерзала, чтобы поуютнее расположиться в гостевом кресле. — Так что вы хотите от чтеца мыслей?

Дэсинджер повернулся к подчиненному:

— Тэлзи имеет в виду вот что: рассмотрев внешность Хиши и послушав голос, она составила себе полное представление о ее личности. После этого она поискала следы аналогичной личности поблизости, нашла их и вошла в разум Хиши Сэлк. Я все правильно излагаю, Тэлзи?

— Близко к истине, очень близко.

Для не пси Дэсинджер довольно сносно понимал протекание пси-процессов.

— А теперь, что касается твоего последнего вопроса. Когда Лэрриен приобрел поместье, то снабдил его всякого рода охранными устройствами фирмы «Защитные системы Бэненса». Отличное оборудование! Но за последнюю неделю Бэненс дополнительно прибавил к нему еще несколько штуковин, в основном, зенитные установки «Бриселл» и обслуживающие их расчеты. Одновременно с этим Лэрриен обратился к детективному агентству Колмера с Большого Алзара, чтобы обеспечить круглосуточную, по пять человек в смене, охрану поместья. Мы добыли копии

плана, на котором отмечено местоположение каждого на прилегающей к дому территории из этой пятерки. Конечно, у нас имеются специальные наработки, чтобы отвлечь того или иного охранника.

— Хотите сказать, что существует возможность пробраться не только в Джока-виллидж, но и непосредственно в дом Лэрриена?

— Да, это вполне реально. Один из хозяев поместий в Джока-виллидж — клиент нашего агентства. Он обещал снабдить моих оперативников гостевыми пропусками. А с такими документами проникнуть в дом Лэрриена — задача выполнимая. Все остальное приготовлено, и через пару часов после наступления темноты можно приступать к операции.

— Вы должны понять, Тэлзи, что если эта операция начнется, — уточнил Вергард, — то возможности дать задний ход или сделать еще одну попытку — не будет. Либо Ноэл будет спасен, либо погибнет.

Тэлзи не нужно было это объяснять. Легко было себе представить, как поступит похититель с главным свидетелем и жертвой своего преступления.

— И вас останавливает только одно: вы не *зна-*

eme, есть ли Ноэл в доме или его там нет?

Оба детектива кивнули.

— Вероятность того, что он там, велика, но не стопроцентна, — сказал Вергард. — Если мы не установим его местонахождение, придется положиться на везение, ведь с каждым часом угроза для его жизни, если он еще жив, увеличивается. Если Ноэла в доме нет, то только Лэрриен знает, где он. Однако задержание Лэрриена ничего хорошего старшему брату не сулит. В подобном случае похищенный бесследно исчезнет. Поэтому мы и пришли к выводу, что в данном деле не обойтись без телепата, который прочтет в разуме Лэрриена, где заключен его брат, а сам преступник не будет даже знать о вторжении в свой разум.

— Понятно, — вздохнула Тэлзи, — хотя в этом деле много такого, чего я *не* понимаю. С какой стати Лэрриен…

Она запнулась на полуслове и обвела задумчивым взглядом собеседников.

— А знаете, я в состоянии выяснить это в данный момент у Хиши! Она как раз думает об этом.

Глава 2

Лэрриен Сэлк, по закону и биологически младший брат Ноэла, двадцати пяти лет от роду, на самом деле являлся старшим из братьев. Он был зачат на три года раньше Ноэла. Их родители в тот момент были заняты налаживанием семейного бизнеса и не хотели обременять себя потомством. Того, кто должен был стать Лэрриеном, отправили на хранение в Эмбриобанк. Когда же зачали Ноэла, Сэлки были в состоянии позволить себе прилично обеспечить ребенка, и его мать предпочла родить сына натуральным путем.

Так появился на свет Ноэл. Родители не испытывали большого желания заводить второго ребенка. Они отложили решение об оплодотворенной яйцеклетке, помещенной в кювету, и, казалось, забыли о ней навсегда. Так продолжалось до самой их смерти, но Ноэл, прочитав семейные архивы, нашел упоминание о своем отвергнутом брате. Шокированный отношением родителей к этому изгою, он оплатил развитие эмбриона в жизнеспособную особь. Когда Лэрриен достиг совершеннолетия, Ноэл рассказал ему эту историю.

Лэрриен затаил обиду. Но, как это иногда бывает, не на родителей, а на своего брата. Ноэл, человек вообще-то довольно проницательный, в отношении брата не заметил очевидного. Он баловал его, стремился дать ему все лучшее, как бы компенсируя то, что Лэрриену недодали родители. В конце концов, он сделал его полноправным партнером своей компании. Но все его усилия только усугубили обратный эффект, спровоцировав Лэрриена на начало яростной борьбы с братом.

Хиши стала первым, но отнюдь не последним этапом этой борьбы. В то время она была юной очаровательной девушкой и собиралась выйти замуж за Ноэла. Он ей нравился, и формальное согласие отдать свою руку и сердце не заставило бы себя долго ждать. Но не тут-то было. Лэрриен обратил пристальное внимание на Хиши, и бедняжка втрескалась в молодого красавца по уши. Помолвка с Ноэлом, естественно, была расторгнута.

Ноэл стойко пережил удар. Он любил их обоих. К тому же, Лэрриен и Хиши были ровесниками. Поэтому он принял трудное решение отдалиться от них на какое-то время, чтобы не мешать счастью молодых. Дождавшись свадьбы, он пе-

редал управление компанией в руки брата, а сам отправился путешествовать по Галактике. Тем временем Лэрриен проводил неторопливую, рассчитанную на долгие годы политику, направленную на то, чтобы полностью подавить в молодой женщине личность. В конце концов, несчастная оказалась в его власти, но он на этом не остановился и продолжал при любой возможности унижать ее, стараясь превратить в безвольное существо. Между тем, путешествие Ноэла однажды подошло к концу, и он вернулся на Кобрилл, в лоно семьи. И хотя воля Хиши была слишком подавлена, чтобы обратиться за помощью к несостоявшемуся жениху, Ноэл самостоятельно разобрался в ситуации. Лэрриен тоже стремился к тому, чтобы брат узнал горькую правду. И вот это стало его грубейшей ошибкой. К тому же, новый глава «Морского снаряжения Сэлка» не очень умело замаскировал в бумагах свои финансовые махинации с активами Компании. Ноэл покопался в отчетах, после чего обратился в контору Дэсинджера, а вскоре исчез.

* * *

— В любом случае мы внесем тебя, Тэлзи, в список допуска, — сказал Дэсинджер сухо. —

Потребуется несколько часов, чтобы добыть необходимую информацию от Хиши, а та, что уже имеется, должна быть проверена. Поскольку Лэрриен мнит себя в сложившихся обстоятельствах королем, ему мало просто уничтожить брата, он стремится еще дать ему перед неизбежной смертью понять, что считает его полным ничтожеством. Конечно, преступник предпринял все меры для своей безопасности, единственное, чего он не учел, что он сам — личность весьма заурядная. К сожалению, вынужден констатировать, что времени доказать ему это у нас крайне мало.

— Он в курсе, что Хиши ушла от него? — спросила Тэлзи.

— Пока нет. Мы тщательно скрывали это обстоятельство. Нужно вытащить ее из ямы, куда она угодила, выйдя замуж не за того человека. Бедняжка на краю гибели. И это еще одна причина, не позволяющая затягивать операцию. Если Лэрриен заподозрит, что его жена набралась храбрости и обратилась в агентство с целью спасения Ноэла, он, не раздумывая, уничтожит улики. Этот молодой, но законченный негодяй способен уйти от наказания, причем, на законных основаниях, и хорошо это знает.

Тэлзи задумалась.

Старинные законы против ведьм продолжали оставаться действенными до сих пор, хотя применялись крайне редко. Юриспруденция Федерации не признавала феномена пси официально, а, следовательно, сообщать суду, что применение ментального прощупывания выявило преступный замысел, было бы бессмысленной тратой времени. Лэрриен мог убить брата и, самое обидное, выйти сухим из воды. Тэлзи сомневалась, что Ноэл в качестве пленника может протянуть долго. Правда, и частные агентства могут в определенных обстоятельствах пойти на нарушение закона. Но, как говорил Дэсинджер, чем это закончится для них, неизвестно.

— А зачем телепата засылать в дом? — спросила Тэлзи. — Если это хороший телепат, он сможет прощупать разум Лэрриена издалека, хотя, возможно, потребуется чуть больше времени.

— Одно из охранных устройств Бэненса, а именно «антиволна», настроено на то, чтобы блокировать пси-волны. Этот прибор, как щитом, прикрывает наружные стены дома, причем, по всему периметру. Лэрриен разделяет примитивные взгляды большинства населения Федерации относительно того, что якобы широкое распространение получили пси-сканеры. Вполне

возможно, «антиволна» годится не только против электронных сканеров, но и против живого телепата.

— Скорее всего, дело обстоит именно так. Поэтому примитивные взгляды большинства населения Федерации, скорее всего, соответствуют действительному положению вещей, — усмехнулась девушка.

— Когда Лэрриен выходит из дома и перестает находиться под защитой «антиволны», он применяет индивидуальную разумозащиту съемного типа, — сказал Вергард. — Появись у нас эта информация чуть раньше, мы могли бы захватить его врасплох и разблокировать его разум, но теперь слишком поздно.

— Это уж точно, — подтвердил Дэсинджер. — Если сможешь найти нам подходящего чтеца мыслей, Тэлзи, то мы рискнем подождать еще сутки. Для того чтобы ввести его в суть дела. Но если у тебя на примете нет подходящей кандидатуры, то нам придется действовать уже сегодняшней ночью.

— Телепат не сможет вам помочь, если у Лэрриена врожденный иммунитет к ментальному зондажу, — предупредила Тэлзи. — А таких в любой выборке от двенадцати до тринадцати

процентов.

— Что ж, — сказал Дэсинджер, — семь к одному — неплохие шансы в данной ситуации. Очень неплохие. Пожалуй, мы рискнем.

— Должна сказать, что ваши шансы еще выше. Поскольку индивиды, обладающие иммунитетом, обычно об этом не догадываются, их не слишком волнует, прочтут ли что-то у них в мозгах, поэтому ощущают себя в безопасности и не применяют разумозащиты, — Тэлзи нахмурилась. — Конечно, я могла бы договориться с пси-мастером из Психологического Сервиса, который смог бы сделать эту работу для вас, но не думаю, что ему разрешат пошевелить хотя бы пальцем — руководство Сервиса боится дел, связанных с криминалом, как черт ладана.

Дэсинджер покачал головой:

— В таком случае мы обойдемся без пси-мастера из Психологического Сервиса. «Кайт Интерстеллар» не может обратиться в эту организацию, поскольку планируемая операция с юридической точки зрения незаконна. Более того, я вчера подал в отставку с поста главы агентства, а Вергарду и еще кое-кому из сотрудников пришлось написать заявления об увольнении. И все это только для того, чтобы нашу деятельность расценивали как

инициативу, исходящую не от агентства в целом, а от частных лиц. Тем более что я все равно ни под каким соусом не обращусь в Психологический Сервис — никогда не знаешь, что ожидать от их руководства, и вместо помощи нам могут начать вставлять палки в колеса. Может, предложишь какую-нибудь другую кандидатуру?

— Есть одна такая. Телепат, готовый рискнуть. Один-единственный. Остальные пси, каких я знаю, не возьмутся за это дело. Для них не так важны деньги, как социальная мимикрия. Поэтому они предпочитают не высовываться. Тем более в таких скользких обстоятельствах.

— И кто этот телепат? — заинтересованно спросил Вергард.

— А вы еще не догадались? Конечно, я.

Мужчины уставились на девушку, словно впервые увидели.

— Вообще-то мы имели в виду не вас, — сказал Вергард, — нам необходим профессионал, который не прочь заработать. От вас требовалась информация, не более того.

— Зато получили нечто большее, — сказала Тэлзи.

Вергард посмотрел на начальника:

— Мы не имеем права привлекать девочку к

этому делу.

— Ковин Вергард! — громко сказала Тэлзи.

Он резко повернулся:

— Что?

— Я вовсе не собираюсь читать ваши мысли. Вам сказали, кто я и что мне шестнадцать лет. По этой причине вы считаете меня избалованным ребенком, выросшим в тепличных условиях, которого нельзя подвергать опасности в случае, если что-то пойдет не так. Вы подумали, что меня могут убить детективы Колмера, охранники Джока-виллидж или обнаружат устройства Бриселла, верно? Но я слишком хороша для того, чтобы в столь юном возрасте стать покойницей.

Вергард уставился на нее во все глаза. Потом сказал:

— Возможно, у меня были сомнения относительно вас, но теперь, сдается мне, я ошибался.

— На мой счет вы определенно ошиблись. Вам, например, неизвестно, что я практиковала пси почти год. Я могу за час узнать о человеке больше, чем он знает о себе сам. Я просканировала несколько десятков разумов. И не только человеческих. Кроме того, мне по плечу и еще кое-какие вещи помимо чтения мыслей, но говорить об этом сейчас не будем. Я не знаю, кем стала в ре-

зультате, но одно нельзя подвергать сомнению: я кто угодно, только не ребенок. Конечно, мне по-прежнему шестнадцать лет, и годичная практика — не самая лучшая рекомендация, но после нее даже такие крутые парни, как вы и Вэлан, представляются мне младенцами, понимаете?

— Не уверен, — покачал головой Вергард. — Но явно начинаю понимать.

— Вот и ладненько, — улыбнулась Тэлзи. — Между нами, если мы собираемся сотрудничать, должно быть полное взаимопонимание. К тому же агентство сэкономит средства, поскольку мне платить не нужно. Правда, я вполне допускаю, что когда-нибудь может наступить такой момент, когда мне придется попросить вас о помощи.

— Я так понимаю, босс, что между вами заключен договор? — поинтересовался Вергард.

Дэсинджер в знак согласия кивнул.

— Мы помогаем друг другу, если возникает насущная потребность.

Он посмотрел на Тэлзи:

— Все-таки мне не хотелось бы, чтобы ты участвовала в этом деле! Оно связано с большим риском, хотя мои сотрудники достаточно опытны, чтобы вовремя подстраховать. Ты слишком ценная персона, Тэлзи, чтобы подставлять тебя

под огонь.

— Но в таком случае мне не представится шанс спасти Ноэла Сэлка, а хотелось бы. Единственный способ это сделать — пойти с вами. А поиски другого телепата займут куда больше времени, чем отпущено объективными обстоятельствами.

Дэсинджер покачал головой:

— Мы поищем другие варианты. Бог даст, нам удастся вытащить Ноэла. Это не твоя проблема, Тэлзи.

— Откуда ты знаешь? — вспыхнула девушка. — После того, что вы рассказали, это уже стало моей проблемой. Я помогаю любому, поскольку я пси. Не бывает ни одной минутки, чтобы чей-то отчаянный ментопризыв не донесся до моего разума. Значит, мне всегда есть дело. И выбора у меня нет.

— Конечно, — согласился Дэсинджер.

Тэлзи улыбнулась.

— Меня замучают угрызения совести, если я не возьмусь за дело Ноэла. Я должна ему помочь. В данный момент я нахожусь в разуме Хиши. Мне известно о братьях все, что она о них знает, а она знает обоих лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому уже нельзя сказать, что их проблема — не моя.

— Ты говорила, что у тебя нет выбора, — сказал Дэсинджер. — Теперь понятно, что его нет и у меня.

Вергард наморщил нос.

— А я, похоже, сильно ошибался на ваш счет, милая барышня.

— Ладно, сантименты в сторону, — деловито произнес Дэсинджер, бросив взгляд на часы. — Не будем тратить время попусту! План начинаем претворять в жизнь ровно через полчаса. Ты, Тэлзи, отправишься в Джока-виллидж. Вергард, держи ее в поле зрения. Откажись временно от услуг Вэнни, она нам не понадобится.

Глава 3

Единственный путь в уединенное поместье Сэлка пролегал по узкой извилистой дороге, петляющей между отвесными скалами, и упирался в решетчатые ворота, возле которых караулили вооруженные люди Лэрриена.

По дороге плавно двигался огромный сверкающий лимузин. О его приближении стало слышно уже издалека, поскольку звуки клаксона многократно отражались от стен ущелья. Машина остановилась у самых ворот. Трое охранников по-

дошли к дверце водителя, не выпуская автоматов из рук. Их угрожающий вид явно говорил об их намерении — дать непрошеным гостям от ворот поворот. Причем, данная им инструкция гласила: быть при этом как можно более учтивыми. Было бы глупо портить отношения с людьми, позволяющими себе раскатывать на такой шикарной машине.

Между тем дверцы лимузина распахнулись, и наружу выбрался Вергард в красочной форме полного космического адмирала со всеми причиндалами в виде орденов, позументов и знаков различия. За ним появился Дэсинджер в старинной деревянной маске, инкрустированной драгоценными камнями. Такие маски носили когда-то утонченные аристократы Большого Алзара. Потом выпорхнула стройная миловидная девчушка в черном платье. Ее изящную головку украшал серебряный обруч с двумя завораживающими взгляды гиацинтами, свидетельствующими о том, что она — явно избалованная дочка какого-нибудь баснословно богатого нувориша.

Стволы автоматов были тактично опущены вниз. Охранники попытались втолковать экзотической троице, что налицо какая-то ошибка, и они заехали, видимо, не совсем туда, куда они

направлялись, хотя в их допуске в закрытую зону никто не сомневается, но никакой дороги к поместью Аскаб Одарх поблизости не пролегает.

Внезапно у охранников в мозгу возникли какие-то странные параллели с мирно пасущимися на лугу овечками. Они нисколько не возражали против того, чтобы адмирал и аристократ взяли у них взаймы автоматы, а потом повели к небольшому строению у ворот, где Вергард ознакомился с системой, регулирующей положение ворот. Это заняло всего минуту. Энергетический барьер являлся составной частью защитного поля, раскинувшегося над Джока-виллидж. Он помигал несколько секунд голубоватым сиянием, после чего массивные створки раздвинулись, скрывшись в скальных стенах. Датчики, которые всегда сигнализировали об открытии ворот, на сей раз остались неактивированными.

Лимузин въехал на территорию поместья, чтобы его не было видное дороги. Поскольку патрули, охраняющие покой владельцев Джока-виллидж, несколько раз за ночь объезжали все поместья, оставленная перед воротами машина могла привлечь ненужное внимание. К тому же исчезновение трех охранников Сэлка лишь усилило бы возникшее подозрение. Конечно,

можно было кое-что предпринять, но Дэсинджер предпочел в данный момент не прибегать к своим заготовкам. Их первоначальная задача заключалась в том, чтобы переправить Тэлзи в дом, отыскать Ноэла, если он там, вытащить его и побыстрее унести ноги, не тратя времени ни на что иное. Прихватят ли они с собой Лэрриена, будет зависеть от того, что они найдут в доме. В любом случае, всем троим необходимо убраться из Джока-виллидж до того, как появится очередная смена охранников.

Дэсинджер, Вергард и Тэлзи забрались в лимузин и покинули его через две минуты в одинаковой темной униформе, кепках и перчатках, которые трудно заметить в темноте. Они крались вдоль дорожки, ведущей к дому, в чем им не мало помогала специальная обувь на звукопоглощающей подошве. Вергард тащил объемистый пакет. Дорожка огибала скалу, и метров через сто после поворота Дэсинджер сказал:

— Отсюда произведем первый выстрел.

Скалистая стена в этом месте была не столь отвесна, как в других местах. Вергард достал из пакета трубку длиной в полметра и диаметром в десять сантиметров. Он поднял ее, навел один из ее концов над скалой и нажал на спусковой

крючок. Из трубки беззвучно выплеснулся язык пламени, и что-то непонятное пронеслось над скалой.

Через пятьдесят метров троица остановилась снова, и Вергард повторил свои манипуляции с трубкой.

Во время следующей остановки скала уже практически сошла на нет, обратившись в каменную насыпь четырехметровой высоты. Здание, купленное Лэрриеном Сэлком, пряталось посреди сада, который начинался за насыпью, и поэтому отсюда его не было видно.

Каждый из троих навострил уши.

— Наши подарочки достигли цели, — прошептал Вергард. — А если нет, то вскоре охрана зашевелится, и мы сразу это определим.

— Возможно, понадобится третья доза, для надежности, — сказал Дэсинджер.

— Я не против, — согласился Вергард, достал третью трубку, нацелил над насыпью и выпустил начинку в темноту.

Копии диаграмм, добытые из файлов компании «Защитные системы Бэненса», показывали, что за насыпью располагается территория, патрулируемая как минимум дюжиной собак Бриселла, куда более неподкупных и опасных, чем люди-

убийцы, да еще обладающих тонким нюхом. Три снаряда, выпущенные Вергардом из мини-гранатометов, предназначались для них. В каждом из трех содержались скверно пахнущие вещества, блокирующие в собачьих мозгах центры агрессии.

— Ты что-нибудь уловила? — спросил девушку Дэсинджер.

Тэлзи кивнула.

— Вокруг дома заблокированная территория. Если Лэрриен и Ноэл здесь, то они где-то в этих пределах.

Она удерживала в памяти ментальные образы обоих братьев, почерпнутые из досье, из воспоминаний Хиши и собственных впечатлений. С самого начала своего проникновения на частную землю Сэлков, девушка пыталась отыскать хоть какие-то признаки чего-нибудь, что имело бы общие корни с этими ментальными образами. Ощущались некие пульсации деятельности человеческого разума, но в пойманных ею обрывках мыслей не было ничего знакомого. Пси только-только ухватилась за наиболее существенные обрывки, чтобы извлечь из них полезную информацию, как ее отвлек Дэсинджер, поинтересовавшись, чем она занята.

Тэлзи в двух словах обрисовала положение дел в ментосфере, после чего добавила:

— Снаружи дома один из охранников Колмера. Никто из них не ожидает неприятностей. Пока не могу уточнить, о чем именно он думает, но ничего тревожного в его разуме не наблюдаю.

— Замечательно! — сказал Дэсинджер. — Держи этого парня под контролем, он может пригодиться в дальнейшем. Пора идти дальше. Желательно двигаться незаметно, как призракам.

Детектив натянул капюшон на кепку и сразу превратился в какую-то расплывчатую фигуру. Контуры исказились, но в их очертаниях все еще можно было угадать человека. Все это было результатом воздействия защитного костюма на органы зрения стороннего наблюдателя, причем с расстоянием эффект рассеивания только усиливался. Вергард и Тэлзи последовали его примеру. Насыпь кончилась, зато начался забор.

Это было нечто большее, чем просто забор. Некое техническое сооружение шестиметровой высоты, усыпанное массой всевозможных датчиков, камер наблюдения и антенн устрашающего вида, которыми, по всей видимости, управляли из дома. В диаграммах все это хозяйство было раз-

ложено по полочкам, поэтому ни сама троица, ни защитные костюмы, в которых они были, не регистрировались ни одним из устройств защиты.

Передвигались вдоль забора молча, хотя защитные костюмы были оснащены дополнительно глушилками речи, гасящими звуковые волны и доносящие до микрофонов, установленных по периметру ограды, лишь хаотическую смесь звуков. Наконец они уперлись в ворота. Вергард был асом по части вскрытия замков любых, самых сложных систем, и его первоочередной задачей стало провести остальных членов группы сквозь ворота, не потревожив сигнализацию. Спустя минуту выяснилось, что запирающие реле снаружи вскрыть нельзя, ими можно управлять только из дома Что значит, вскрыть нельзя? Ха, вскрыть можно все что угодно, особенно, если есть богатейший опыт по этой части. Тэлзи не увидела, что он делает с замком, но не успела она моргнуть, как расплывчатый контур Вергарда растворился окончательно. В следующую секунду девушка увидела, как мерцающие абрисы ее собственного защитного костюма двигаются к тому месту, где исчез Вергард. А еще через десять секунд, миновав неизвестно каким способом вскрытые им ворота, она уже различила очертания дома,

наполовину скрытые за деревьями.

Мрачная громада без единого окна. Лишь нижнюю часть грандиозного фасада освещали подвесные фонари, укрепленные на фермах, окружавших здание подобно сторожевым вышкам — открытое пространство между ними и домом троице еще предстояло преодолеть. И не только открытое пространство. Тэлзи не сразу обнаружила высоченную тонкоячеистую изгородь, перед которой рос кустарник. За ней прогуливались на свободе псы Бриселла. Приглядевшись, девушка заметила некое темное пятно, двигающееся через кусты. Может быть, то была одна из сторожевых собак. В любом случае, другого подтверждения, кроме визуального, у нее не было.

Внезапно Тэлзи услышала голос.

Она замерла. Ибо услышала не ушами, а непосредственно разумом. И это был грубый голос. Девушка постаралась как можно глубже внедриться в обнаруженную территорию чужого мозга. Контакт был ярким и полноценным…

На плечо легла чья-то рука. Это неслышно подошел Дэсинджер. Он показал ей на Вергарда, поджидавшего у очередных ворот, врезанных в изгородь. Ворота были открыты.

Темное пятно, как и думала Тэлзи, оказалось со-

бакой. Животное лежало на земле и не двигалось, если не считать мелкого подрагивания задних ног. Еще два пса оказались неподалеку от нее, скрытые в тени, отбрасываемой кустами. Один медленно кружился на месте, не обращая внимания на людей. Другой сидел на задних лапах, вывалив язык, причем лоснящиеся бока ходили ходуном от учащенного дыхания. Все собаки Бриселла принадлежали к одной породе: сильные челюсти, крепкие шеи, мощные лапы. Мускулистые тела были упакованы в гибкие экзокорсеты. Дэсинджер жестом подозвал напарников.

— У нас в запасе час или два, — прошептал он, — пока эти твари не придут в себя. Надо уложиться в этот срок. Их проводники сейчас торчат в доме. Нужно выяснить, где остальная свора, и вырубить так же, как и этих.

— Оставайся здесь, — приказал Вергард девушке, — мы с боссом справимся сами.

Мужчины вынули из карманов пистолеты и прицелились собакам в головы. Девушка не услышала звука выстрелов, но теперь и та, что кружила, и та, что сидела, распластались на земле, как их товарка. Дэсинджер и Вергард двинулись к дому, и чем дальше они уходили от Тэлзи, тем больше становились похожи на

призраки. Вокруг было тихо, и пси вернулась к обнаруженному контакту. Время от времени до ее мозга доносился невнятный шепот, но она не пыталась вникнуть в эти разорванные цепочки слов. Тем не менее, девушка установила, что обрывочные мысли принадлежат сотруднику агентства Колмера. Он находился у входа в дом. Если заняться им вплотную, контакт сразу станет надежнее.

Возможно, обрывки удастся собрать в цельную картину. Реципиент явно не был интеллектуалом, но представлял собой реальную опасность, поскольку был опытен в своем деле и хорошо натренирован. Цепной пес Бриселла, только что в человеческом обличии. Хотя он продежурил всего два часа из восьмичасовой смены, это занятие надоело ему уже до чертиков. Тэлзи перенаправила потоки пси-зондажа, расширяя ментоконтакт, и обнаружила область самоидентификации субъекта по имени Сомард. Он, впрочем, как и остальные из команды Колмера, ничего не знал о том, что происходит в доме, да ему это было и не интересно. Перед тем как заступить на дежурство, некий мистер Костиан велел им быть постоянно настороже. Разуму Сомарда этот Костиан представлялся дерганым нервным типом. А чего

нервничать, ведь дом, на взгляд охранника, был прекрасно защищен от несанкционированного вторжения достаточно хорошо и без сторожей, но это не его дело — он будет честно выполнять свои обязанности, пусть даже без особого рвения. Его бдительность не заходила чересчур далеко. Два его товарища несли вахту справа и слева от Сомарда, примерно в полусотне метрах от его поста, на углах здания. Остальные двое прикрывали тыл, располагаясь позади дома и охраняя служебный вход… Это соответствовало схеме, добытой оперативниками «Кайт Интерстеллар».

В голове Тэлзи появился отклик от нового потока пси-энергии. Он с каждой секундой усиливался. Девушка попыталась глазами Сомарда просмотреть зону, примыкающую к парадному входу, ибо следить за воротами в изгороди и поверх их составляло его основное задание. Если кто-то появится там без предварительного согласования с мистером Костианом, то Сомард его не пропустит. Мало того, оповестит хозяев и своих коллег, а если понадобится, даже откроет огонь на поражение. Но откуда здесь кому-то появиться? Он зевнул.

Тэлзи снизила интенсивность ментоконтакта и посмотрела на часы. Прошло две с половиной

минуты, как напарники оставили ее здесь. Она окинула взглядом площадку и, приглядевшись, заметила некое туманное облачко, которое вскоре сконденсировалось в две фигуры, становящиеся все более конкретными по мере их приближения. Парочка настоящих привидений не могла бы передвигаться более бесшумно.

— Территория взята под контроль, — сообщил Дэсинджер, подойдя ближе. — А какие новости у тебя?

Девушка поведала то, что узнала.

— Ясно, — сказал детектив, — через Костиана Лэрриен Сэлк осуществлял связь с подземным миром Орадо. Вполне вероятно, что профессионалы доставили Ноэла к заказчику, — он почесал подбородок. — Как же удалить охрану, чтобы это не заметил хозяин дома? Я не хочу потом разборок с Колмером.

— Пройти последний контур можно, — сказал Вергард, — но наше движение непременно вызовет тревогу. Я думаю, обходной путь через скалы будет наиболее подходящим.

Девушка покачала головой:

— В этом нет никакой необходимости.

* * *

Сомард закрыл глаза, не имея на то особых причин, кроме того, что ему просто так захотелось. Ворота медленно открылись и снова закрылись через несколько секунд. Потом охранник раскрыл глаза и посмотрел по сторонам. Его коллеги торчали на своих местах, такие же скучающие, как и он сам. Все было в порядке. Он почесался и уже в который раз зевнул.

Тэлзи незримо устроилась в десяти метрах от него на балюстраде и первым делом вновь проникла в его разум. Потом она затаилась. Прошло около минуты. Охранник, тот, что караулил у левого угла, сделал несколько нетвердых шагов и неожиданно привалился к стене.

В одно время с этим Сомард ощутил сильную дурноту и перестал вообще что-либо соображать. Колени подкосились, и он сполз по стене.

Тэлзи переключила все внимание на третьего охранника, сторожившего у правого угла. В следующее мгновение его состояние уже было не лучше, чем у товарищей. Он свалился кулем и теперь лежал на боку. В это время Вергард и Дэсинджер заворачивали за угол, чтобы разобраться с парой караульных с тыльной стороны здания.

Тэлзи не спеша подошла к Сомарду. То, что она с ним проделала, было покруче, чем выстрелить из оглушающего пистолета, зато действовало на жертву куда мягче. Однако конечный результат был таким же. Бедняга продрыхнет до рассвета.

Девушка отошла в сторону, чтобы Дэсинджеру было легче ее заметить, когда он вернется. Кроме парадного, в дом можно было проникнуть через черный ход, ведущий к комнатам прислуги. Именно его выбрал Дэсинджер для заключительной стадии операции по освобождению заложника. В помещениях для прислуги находилось три человека — сменщики тех, кого Вергард устранил у наружных ворот. Наверное, они подремывают. Обычно же обслуживающий поместье персонал вот уже как неделю был переведен на другие объекты, являющиеся собственностью Сэлков. Так что, кроме этих сменщиков, в доме лишь Костиан, Лэрриен, возможно, его брат-пленник и два оператора, ведущие посменное наблюдение за устройствами защиты.

После того как наружная охрана была полностью выведена из строя, забраться в дом не представляло особой трудности. Но пробраться в дом — еще не значит завершить дело.

Глава 4

— Я обнаружила следы Лэрриена.

— И Ноэла тоже? — спросил Дэсинджер.

— Не уверена. Что-то появилось на долю секунды, но…

— Попробуй еще разок! — Дэсинджер, освещенный тусклым потолочным светильником, сидел за столом в просторном холле на первом этаже.

Все трое уже выключили визуальное искривление защитных костюмов, поскольку интерференционная дымка не дает особых преимуществ в помещении. Вергард обнаружил трех погруженных в сон охранников и сделал так, чтобы они погрузились в него еще глубже. В данный момент он отсутствовал.

Тэлзи откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Стояла мертвая тишина. Внезапно ее лицо побледнело. Спустя некоторое время дыхание стало прерывистым, губы зашевелились, словно девушка проговаривала про себя чужие слова, которые, по-видимому, возникали у нее в мозгу. Пальцы нервно сжимали подлокотники. Наконец она затихла. В этот момент вернулся Вергард и остановился у двери.

Тэлзи очнулась, встретилась взглядом с Дэсинджером, вытянулась в кресле, провела языком по пересохшим губам.

— Ни черта не получается, — сказала она вяло.

— Не можешь войти в Ноэла?

Она отрицательно покачала головой.

— Войти-то могу, но сначала нужно выключить пси-экран. И еще, похищенного в доме нет. — Она ни с того ни с сего заплакала и так же неожиданно прекратила лить слезы. Как будто открыли краник слезопровода и вскоре снова закрыли. — И мы не в силах ему помочь. Он умирает.

— Где же он?

— В море.

— В море?

Она пожала плечами.

— Да, в море. Где-то восточнее Джока-виллидж. Возможно, в ста километрах от поместья, а, может быть, и в двух тысячах. Я не знаю. И никто не знает. Лэрриен не хочет, чтобы о местонахождении брата кто-нибудь знал, даже он сам.

Вергард сделал несколько шагов. Тэлзи обменялась взглядами с вошедшим.

— Он в ППС — пузыре поверхностного сверхнатяжения — предназначенном для глубоководных работ. Это из продукции их фирмы, которая, как

вы помните, называется «Морское снаряжение Сэлка». Лэрриен доставил пузырь с Кобрилла. В ППС нет никакого пульта управления, его сбрасывают в море и все. Автоматическая капсула с Ноэлом внутри была запущена по случайному курсу и в течение восьми часов двигалась вдоль восточного побережья континента. Потом, в какой-то момент, выбранный случайным образом, ППС освободили от удерживающих захватов и затопили.

— Ты сказала, Ноэл умирает… — охрипшим голосом проговорил Дэсинджер.

Она кивнула.

— Его пожирает наездник. Эта хищная тварюга сохраняет жизнь поедаемым им организмам как можно дольше. Она очень осторожна… Я никогда раньше не слышала о подобных хищниках.

— Зато я слышал, — сказал Дэсинджер. — Когда в Ноэла засунули эту гадину?

— Двое суток назад.

Мужчины понимающе переглянулись.

— Его организм останется живым еще в течение пяти суток, — подумав, сказал Вергард. — Но если хотим сохранить старшего Сэлка как личность, то у нас в запасе всего несколько часов.

— Что ж, придется потрудиться! — Дэсинджер

посмотрел на Тэлзи. — Ты можешь четко сказать, что будет делать Лэрриен в том случае, если Ноэл сможет выбраться из пузыря?

— Ноэл не выберется. Хоть пузырь и защищен от давления воды пленкой поверхностного сверхнатяжения, стоит к ней притронуться, как он взорвется. Для этого в доме есть передатчик, который пошлет импульс. А Лэрриен в данный момент находится всего в полуметре от экстренной кнопки для инициализации детонатора. Правда, нажать на нее он не может.

— Почему? — удивился Вергард.

— Потому что негодяй и пальцем шевельнуть не в состоянии, пока я ему этого не позволю, — просто сказала Тэлзи.

— Экстренная кнопка не подходит, — задумчиво произнес глава «Кайт Интерстеллар». — А есть ли в доме еще какой-нибудь материальный след совершенного преступления, чтобы стать несомненной уликой для суда?

Тэлзи встрепенулась.

— Уликой?

А потом едва не расхохоталась.

— Ну конечно, Вэлан, есть. Лэрриен сидит перед экраном монитора, на котором транслируется внутренность ППС с Ноэлом. Между братьями

постоянно поддерживается двухсторонний контакт. В частности, когда я начала контролировать нашего фигуранта, он как раз разговаривал со своей жертвой. Вот почему…

Дэсинджер перебил девушку, но обращался он к Вергарду:

— Кроме Костиана и парочки операторов, кто-нибудь может нам помешать?

Ответ был однозначен.

— Нет.

— В таком случае, нейтрализуй их. Мы с Тэлзи возьмемся вплотную за Лэрриена.

* * *

Они не собирались искать ППС. Ведь если кто-то по чистой случайности его обнаружит, Ноэлу не остаться в живых.

Но они и не собирались пускать дело на самотек. Дэсинджер позвонил в свое агентство через минуту после того, как вошел в кабинет Лэрриена вместе с Тэлзи. «Кайт Интерстеллар» мгновенно распушило перья и выпустило когти. Несколько аэрокаров с оперативниками на борту примчалось в поместье, развернуло необходимое для изоляции наземных объектов оборудование, а когда заявились патрульные Джока-виллидж, им

было предъявлено прокурорское постановление о том, что усадьба Сэлков опечатана. Патрульным пришлось убраться несолоно хлебавши.

Вергард все это время записывал на запоминающие кристаллы то, что транслировал монитор двухсторонней связи.

Тэлзи, являясь как бы переводчиком между ним и парализованным сознанием Лэрриена, периодически отвечала на вопросы Дэсинджера, в числе которых фигурировали: формула защитной оболочки ППС, кто ею занимался конкретно для данного пузыря, а также фирма-изготовитель детонационной системы. Потом они втроем принялись штурмовать проблему со всех сторон, используя знания и навыки необходимых специалистов планеты, с которыми связывались по мере необходимости. И не только с проживающими на Орадо, но и на Кобрилле. Местные власти были готовы в любой момент приступить к подводным поискам, мобилизовав для этого все подручные средства, начиная с орбитальных спутников и кончая частными моторными лодками. В силу некоторых причин у «Кайт Интерстеллар» имелись большие возможности, и оно воспользовалось ими в полной мере.

Выяснилось, что Лэрриен шел к своей цели

столь же последовательно, сколь и неуклонно. Он давно заготовил ППС с необходимыми для задуманного преступления свойствами и приобрел дистанционный детонатор. И все потому, что возомнил своего старшего брата повинным в том, что его не выпускали из пробирки столько лет. Теперь ситуация была обратной — Ноэл сидел в пузыре как в пробирке и выпустить его оттуда было некому. Шли минуты, и становилось понятно, что Дэсинджеру для того, чтобы освободить пленника, требовалось одно-единственное: чудо! Но для этого действа не было никаких предпосылок. Следовательно, детективам и Тэлзи приходилось либо наблюдать за медленным угасанием Ноэла, которого глодал изнутри жуткий наездник, либо ускорить его смерть, нажав экстренную кнопку.

Тэлзи, не отрывая взгляда от безвольного тела Лэрриена, распростертого на диване в нескольких метрах от нее, снизила уровень пси-контроля над его сознанием. Этот сильный жизнелюбивый организм в данный момент был совершенно беспомощным, равно как и мозг, который столько лет планомерно сгорал в пламени безудержного мщения.

Было нечто такое, чего она не хотела замечать…

Пси-ментальность нуждалась в сильных выключателях. У Тэлзи такие имелись. Она их развивала или же отбрасывала за ненадобностью. Потоки энергии, которые пронизывали не-пси, должны были быть целенаправленными или запечатанными. Для последнего и были необходимы выключатели. Правда, они могли быть использованы неправильно. Разумом, который эксплуатирует их в определенных целях.

Было нечто, от чего она отгородилась сравнительно недавно. И ей благополучно удалось забыть о том, что она отгородилась. Она знала, что она отгородилась, но ей трудно было сосредоточиться на этой мысли. Она старалась не думать об этом. И даже загнать в самые потаенные уголки подсознания.

Тэлзи не хотела уточнять, от чего она отгородилась, но, несмотря на это обстоятельство, прекрасно сознавала, что это был важный аспект. К которому примешивался страх.

Чего же она страшилась?

Она перевела взгляд на яркий интерьер подводного пузыря. Вергард стоял перед экраном, сверяясь со своими записями. С тех пор, как она вошла в кабинет, девушка смотрела на экран не дольше нескольких секунд. Его поверхность

была разбита на дюжину секторов, в каждом из которых объект наблюдения показывали под определенным углом и с определенного расстояния. Естественно, что объектом являлось тело человека, еще не полностью парализованного наездником, поскольку конечности периодически дергались, а голова пока еще могла поворачиваться. Да и глаза Ноэла то открывались, то снова смеживали веки. Лицо было таким изможденным, что казалось, будто кожа обтягивает череп. Все это было результатом жизнедеятельности наездника, поглощавшего в первую очередь клетчатку. По замыслу Лэрриена, инфицированное паразитом тело не должно было погибнуть от обезвоживания, поэтому от него отходили трубки к питьевым емкостям. Тело умрет тогда, когда его останется слишком мало для сохранения жизни, или раньше, если наездник решит, что без этого нельзя обойтись. По словам Дэсинджера, инстинкты паразита нельзя сравнивать с человеческими чувствами, поскольку последние не входили в число психофизических свойств наездника.

Ноэл умрет, его уже невозможно спасти, разве что какая-нибудь милосердная рука нажмет на экстренную кнопку.

В любом случае беднягу ждет жуткий конец.

То, что было на экране, означало лишь начало агонии. У Тэлзи не было сил мучить себя, наблюдая за всем этим. Ноэл, заточенный в своей ярко освещенной могиле, затерянной неизвестно в каком месте океана, находился за той гранью, что отделяет гибель от спасения.

Девушка перевела взгляд на Лэрриена. Когда она впервые проникла ему в разум, то была до ужаса поражена тем, как он поступил с родным братом, и ей захотелось забраться еще глубже, чтобы отыскать хоть что-то, что не допустит зверства. Она и сейчас могла припомнить какие-то отблески воспоминаний и впечатлений по мере углубления в его память, вызвавшие у нее безотчетную тревогу. Потом… это прошло. Что-то вспыхнуло, ужасное осознание, и Тэлзи постаралась немедленно его похоронить, опечатав участок своей памяти.

Она помотала головой. Воспоминания оставались похороненными! Конечно, Тэлзи помнила, что что-то похоронила и о самом факте похорон не забудет, но она не могла припомнить, что именно похоронила и по какой причине. Если она начнет снова копаться в разуме Лэрриена Сэлка…

Вергард у экрана повернул голову и что-то выкрикнул. Тэлзи посмотрела в его сторону. Дэсинджер тоже. Тишина нарушилась поступавшими через монитор звуками. И это подтолкнуло девушку сбросить мучившее ее наваждение.

* * *

Что-то диким зверем завывало в ее мозгу — как символ неизбежной насущности. Это продолжалось несколько секунд, пока не ослабело и не прекратилось окончательно. Но осталось еще нечто, чему не было названия.

Она встала и нетвердо приблизилась к монитору. Детективы молча уставились на девушку. Увеличенное изображение головы Ноэла заполнило экран. Было очевидно, что наездник избирателен в своем питании, поскольку черты лица его жертвы изменились не слишком сильно. Глаза были широко раскрыты и, казалось, их взгляд проникал в самую глубину души смотревших на него. Рот кривился в непроизвольной ухмылке, изо рта вырывалось слабое и прерывистое дыхание.

— Иногда кажется, что парень в полном сознании, — с горечью произнес Вергард. — Складывается такое впечатление, что он нас видит.

Хотя другие органы, вполне возможно, уже задеты поедальщиком. В частности, язык и ротовая полость. Большая часть организма бедняги бездействует, но сдается мне, Ноэл пытается что-то сказать.

— Он видит нас, — сказала Тэлзи, — и пытается попросить, чтобы его убили. Лэрриен милосердно сообщил ему, что может устроить взрыв в любую минуту.

— Осторожно, — предупредил Дэсинджер. — Ты точно *знаешь*, что он просит убить его?

— Да, точно. А сейчас помолчи, мне нужно сосредоточиться.

Девушка сделала несколько втягивающих движений диафрагмой. Ее пронзила резкая боль. Болевые выключатели сработали и все чувства отступили. Осуществился полный контакт.

Рот Тэлзи искривился. Она не хотела этого! Только не после того, как она все выяснила. Это было именно то, чему она не позволяла появиться в собственном сознании. Она сказала себе, что Ноэла невозможно коснуться ментощупальцем, даже если отключить пси-экран. Она убеждала себя, что это абсолютно невозможно. И, тем не менее, осуществила контакт!

Тэлзи провела ладонью по влажному от испа-

рины лбу.

— С тобой что-то не так, девочка? — спросил Дэсинджер.

Она окинула взглядом встревоженные лица мужчин.

— Не совсем, — ответила пси. — Вэлан, ведь ты знаешь, что не можешь спасти этого человека, так?

Выражение лица Дэсинджера не изменилось.

— Я надеюсь, что смогу. Надеюсь, мы все сможем. Будем продолжать свои попытки до тех пор, пока он не умрет.

Девушка кивнула с безразличным видом.

— Знаете, а ведь можно кое-что предпринять. До сих пор я об этом не думала.

— То, что только *ты* можешь сделать? — спросил Вергард удивленно и кивнул в сторону экрана. — Чтобы вытащить его *оттуда?*

— Естественно.

Дэсинджер от неожиданности прочистил горло.

— Я не понимаю… что у тебя на уме?

— Не могу объяснить, это — из области пси-явлений. Смогу дать комментарии, когда приступлю, но они будут скупы. Вероятно, это может сработать. Вот и все. Я занималась чем-то подобным

раньше.

— Но ты не можешь…

Вергард запнулся.

— Наверное, ты знаешь, что делаешь, — поддержал Тэлзи Дэсинджер.

— Уж будь уверен, знаю. Прошу об одном, не позволяйте никому мне помешать! Никаких посторонних лиц, никаких посторонних шумов, иначе все может пойти не так! Моя задумка потребует времени, и я пока не знаю, сколько именно.

Несколько секунд длилась пауза. Потом Дэсинджер кивнул в знак согласия.

— Что бы это ни было, у тебя будет столько времени, сколько необходимо. Никто сюда не войдет и никто не издаст ни звука.

— В таком случает нам предстоит сделать вот что…

Глава 5

Тэлзи уже делала ранее аналогичное или почти аналогичное…

То тут, то там встречались разумы, способные к обмену комплиментами, не используя всякие ментальные предосторожности. У Тэлзи имел-

ся определенный опыт симпатической связи с одним из своих компаньонов, теперь следовало произвести нечто подобное с Ноэлом. Это произошло с ней во время сессии практикующих пси, когда она была в Орадо-сити на южной оконечности континента. Для того чтобы отработать технику и методы, пси со всех континентов собрались вместе не в физическом понимании, а в ментальном, при этом каждый оставался на привычном месте, у себя дома.

— Я сообщу, что вижу *я*, если ты скажешь мне, что видишь *ты*, — неожиданно вбросил мысль кто-то из пси-практикующих.

Его призыв заразил присутствующих, поскольку делать это оказалось довольно просто. Каждый из участников узрел то, что чужие глаза видели мгновением раньше. Подобные упражнения были совсем не похожи на те, которые перехватывают сенсорные впечатления контролируемого разума. Маленькие кусочки сознания, в данном случае, перемещались от индивида к индивиду.

С этого все началось, и вскоре один пси использовал мускулы другого пси, дышал чужими легкими, говорил не своим голосом. Обменщики ухватились за возможность развития всесторонних контактов и принялись их развивать и

усложнять в обоюдном направлении: перемещались предпочтения и неприязни, знания и эмоции. Воспоминания разрушались в одном месте и восстанавливались в другом, исчезали и появлялись — с этого момента люди становились другими. Сохранялось только «я», вероятно, им нельзя было обменяться… или можно?

— Да неужто?! — раздался многоголосый вопль восторга.

И хотя пси-практикующие сомневались, колебались, но вскоре уже взирали друг на друга с разных континентов, и каждый достойно представлял другого в обмененном теле и измененной личности. Немало помогало и то, что туго натянутую нить обоюдного контакта мог разорвать любой из обменщиков.

— И, конечно же, мы можем всегда вернуться в исходное состояние!

Да, но смогут ли они? Смогут ли?

Что-то будет другим, что-то сдвинется, и вдруг в какое-то мгновение пронесутся сквозь два разума в противоположных направлениях воспоминания, чувства, личные свойства, навыки, восстанавливая то, что принадлежало конкретной личности. Обменщики посмеялись, всплакнули, слегка были испуганы тем, что почти довели до

логического конца.

Пси-практикующие никогда более не пытались повторить этот опыт. Они говорили об обмене, обсуждали нюансы и были почти уверены, что это ничем им не грозит, «ой, да обмен — вполне безопасная штука!» Пси, вошедшие в обмен, все равно останутся телепатами, пси. В любое мгновение очень просто повернуть процесс вспять.

Да, просто. Однако даже для тех, кто обладал пси-способностями, в пси было больше неизвестного, чем известного. Каждый, кто узнавал что-то новое о себе и, значит, о пси, все же не мог переступить некую черту и даже не пытался это сделать. Черту, за которой все превращалось в свою противоположность.

Основная проблема обмена заключалась в том, смогут ли обменщики переступить эту черту, переняв чужие свойства, отделить себя от собственной личности. Вопрос остался без ответа.

* * *

То, что занимало в данный момент мысли Тэлзи, могло стать, с одной стороны, решением задачи, а с другой стороны — отсутствием решения. Во всяком случае, ясно одно: она выяснит, способна ли произвести обоюдный обмен. Если у

нее не получится, то результат окажется весьма и весьма плачевным.

Девушка разорвала контакт с Ноэлом. Пока он будет только отвлекать ее от главного. Восстановим его потом.

По настоянию Тэлзи Лэрриена Сэлка привязали к кушетке. Потом наступила очередь быть привязанной Тэлзи. Она объяснила Вергарду и Дэсинджеру, что в процессе обмена может возникнуть яростное сопротивление, как с ее стороны, так и со стороны Лэрриена. Но все это не должно помешать опыту, не стоит на подобную чепуху обращать внимание. Обменщики не будут помнить, что с ними происходило. А, будучи связанными, они никому не причинят вреда.

Детективы не задавали вопросов, свое дело они знали туго. Тэлзи забралась в часть своего разума, парализовала его и переместила в разум Лэрриена. Соответствующая часть его разума тоже была парализована, потом контроль, который пси держала над преступником, был снят.

Братоубийца очнулся. Ему было необходимо проснуться и многое осознать, иначе предварительная работа, проделанная Тэлзи, пойдет насмарку. Однако дремлющая до поры до времени бдительность Лэрриена заставила его тело

забиться в истерических конвульсиях, чтобы разорвать путы. Его реакция была бы во сто крат энергичнее, если бы он использовал всю мощь своего голоса. Но Тэлзи на какое-то время обеззвучила обоих: и себя, и его. Лэрриен не мог сделать ничего другого, кроме как в бессильной ярости расшатывать кушетку.

Осознание собственного положения было для него ужасно. Совсем недавно он сидел перед экраном, раздумывая, нажать ли кнопку, чтобы впрыснуть в любимого братца стимулянт, который погрузит его в бессознательное состояние на ближайшие час-два. Он наслаждался страданиями Ноэла.

А потом, без предупреждения, без всяких видимых причин, он ощутил вдруг, что валяется на кушетке. И не просто валяется, а со связанными руками-ногами. И не только валяется, но и видит перед собой двух каких-то типов со сжатыми губами, мешающими ему смотреть на экран.

Лэрриен решил, что сходит с ума. Тем более что в ближайшие несколько минут с ним произошло нечто странное. Тэлзи работала быстро. Это было не так легко, как в случае с пси, стремящимся тебе помочь, но у Лэрриена отсутствовало понимание происходящего и возможность помешать

вторжению в свой разум. Задача, стоящая перед Тэлзи, не являлась проблемой полного обмена личностей. Часть за частью, чувство за чувством, функция за функцией она отделяла разум Лэрриена от осознанного контакта с принадлежащим ему телом. Его судорожные попытки удержать контроль приводили лишь к тому, что он менялся своими каналами связи с каналами Тэлзи. И вот наступил момент, когда витальный обмен подошел к концу.

Процесс был быстрым. Тело Лэрриена перестало вырываться и постепенно расслабилось, в то время как тело Тэлзи забилось в конвульсиях.

Но вот и оно успокоилось. Взгляд девушки стал осмысленным, она осмотрела себя и Лэрриена и пришла к выводу, что на данном этапе проделанной работы вполне достаточно. Ее сознание было пересажено в тело Лэрриена Сэлка, а его сознание внедрено в ее тело. Вслед за потоками, депортировавшими сознания, последовали потоки бессознательных инстинктов.

Девушка запечатала пути доступа к памяти воспоминаний в мозгу Тэлзи. Разум удерживал некоторое время воспоминания без помощи тела, а сколько продлится это состояние, она пока не установила.

Пришел черед следующего этапа. Девушка разорвала контакт с разумом Лэрриена. Потом отрубила последние каналы, связывающие ее со своим телом. Она находилась в теле Лэрриена Сэлка, дышала его легкими, ощущала лодыжками и запястьями давление капронового шнура. Потом прочистила горло и активировала голосовые связки.

— Дэсинджер! — произнесла она хриплым басом. — Вергард!

Скрипнули подошвы ботинок.

— Да, *он там.* Я здесь… покамест. Мне хотелось, чтоб вы поняли и не слишком сильно волновались.

Детективы не проявили особых эмоций, но убеждение в справедливости сказанного ею не проглянуло на их лицах. Тэлзи пришлось прояснить ситуацию:

— Я воспользовалась его голосом, мой собственный парализован.

Ну что еще она могла сказать? Она не могла думать ни о чем, кроме того, как покончить с этим ужасным делом, покончить, если она сумеет это сделать. И сказать себе: «наконец-то все закончено!»

— Должно пройти некоторое время, прежде

чем я заговорю с вами опять, — произнес голос Лэрриена.

Детективы исчезли из поля ее зрения. Лэррриен-Тэлзи закрыл глаза. Пси вернулась к работе. Очистка от воспоминаний Лэрриена и остаточных явлений в его мозгу заняла достаточно много времени, поскольку следовало проявлять максимальную осторожность. Она хотела, чтобы в данном теле даже духу от прежнего Лэрриена не осталось. К тому же она не собиралась повреждать освобожденный от его личности мозг. Все имеет свой конец, и ювелирная очистка разума — не исключение, — с облегчением вздохнула Тэлзи. Далее ей пришлось восстановить прежний контакт с Ноэлом Сэлком, пребывающим в своем персональном аду. Она поймала канал связи и отправилась по нему в глубь страдающего разума.

Он был без сознания, но в пузыре присутствовал некто, чье сознание ощутимо пульсировало. Тэлзи не оставила без пристального внимания организм, имплантированный в тело Ноэла. Как девушка и предполагала, эта тварь оказалась пси. Способность паразита различать то, что могло принести его промежуточному хозяину мгновенную смерть, и то, что ее откладывало, подразумевало явную принадлежность к пси.

Наездник не был жестоким, он просто экономно использовал предоставленную ему пищу, следуя своим жизненным целям.

Тэлзи проникла в Ноэла, отделила его разум от тела и пригасила болевые импульсы, возникшие в ее сознании. Было очевидно, что телу бедняги нанесен серьезный ущерб. Тем не менее, функциональный баланс поддерживался на вполне удовлетворительном уровне. Тело продолжало жить своей жизнью.

А разум — своей.

Ноэл поддерживал себя, закуклившись в собственной реальности, которую поддерживал изо всех своих сил, впадая в беспамятство от ужасной боли. Тэлзи подумала, что разум паразита осознает ее противостояние тем трудностям, что ожидали пси на пути в другое тело. Ноэл не должен цепляться за свое изуродованное тело. В соответствии с замыслом он уже отделился от него. Но все равно существовала проблема. Несчастный старался стать бестелесным и, самое главное, жаждал оставаться таковым.

И для этого у несчастного имелись веские причины. Тэлзи сможет видоизменить статус кво, аннулировать мотивации Ноэла, но существовала опасность вмешательства в его личность на

гораздо больший срок, чем она могла позволить себе. Еще не все отделилось. И в физическом и ментальном смысле. Ноэл должен захотеть присоединиться к телу снова, в противном случае задумка Тэлзи не сработает. Она стремилась пробудить его сознание, заставить очнуться…

Он будет сопротивляться, подумала она с горечью.

Но она могла предложить кое-что, чему он сопротивляться не станет.

* * *

Ноэл видел сон.

Это был расслабляющий сон. Ему снилось, будто он отстоит на расстоянии целой вселенной от мучившей его последние несколько суток боли, от изматывающего нервы страха, от измены и предательства. Он ничего не помнил о брате, младшем и старшем одновременно, он находился на Кобрилле, прогуливаясь по набережной, залитой теплым солнечным светом и продуваемой восхитительно свежим ветром. Он радовался силе и здоровью своего тела.

Внезапно что-то проникло в его разум.

Сразу перед глазами поплыло все: и набережная, и солнце, и море. Ноэл хотел закричать, но из

горла не вырвалось ни единого звука. Он понял, что это что-то, проникшее ему в разум, норовит вытащить его из сенсорного убежища, отделить от принадлежащих ему эмоций и погрузить куда-то в полную и окончательную бесчувственность.

С ужасом пытался он восстановить зрение и голос, пытаясь прицепить их к телу.

Тэлзи изо всех сил тащила закуклившегося Ноэла из его кокона, пытаясь забрать с ним вместе и те функциональные останки, которые сохранил своей жертве пси-наездник. Она постепенно передавала ему физические зацепки, которые были доступны Ноэлу в любое время, и, в конце концов, он выполз из скорлупы и каждой частичкой своего «Я» прицепился к тому, что ему подсовывали. Тэлзи сделала все, что от нее зависело, и передача завершилась.

Она приказала ему спать и видеть сладкие сны. Постепенно возбуждение спало, и Ноэл последовал приказу.

Девушка с трудом открыла воспаленные глаза Ноэла Сэлка, окинула взглядом слепящий блеск пузыря и снова смежила веки. В своем большинстве она пребывала здесь, под водой. Ее болевые выключатели по-прежнему подчинялись ей, но этого было недостаточно. Очередной приступ,

пусть и приглушенной, но все же сильной боли заставил ее ввергнуть пси-тварь в гипнотический сон. В конце концов, наезднику от этого ни холодно, ни жарко.

Просто Тэлзи необходимо было побыть в пузыре. В разуме этого тела содержалась сокровищница воспоминаний Ноэла, основа его личности. Переброска этой огромной массы материала в мозг, который девушка предварительно очистила для приема, займет определенное время. Но этого времени у нее в распоряжении не было.

Самое основное, что делает Ноэла тем, кто он есть, можно трансплантировать гораздо быстрее. И она принялась за дело. Нетрудная работа, но кропотливая. Тэлзи исправила некоторые из необходимых Ноэлу воспоминаний.

Проблема заключалась в том, насколько много она успеет передать, прежде чем придется остановить процесс. Физический дискомфорт, который заполнит его сознание, не станет серьезно отвлекать внимание Ноэла. Но имелось еще кое-что, пугавшее Тэлзи. Внезапное ощущение неопределенности, связанное с ней самой. Ощущение того, что она стала легкой как пушинка, невесомой и прозрачной. Это чувство всегда быстро проходило, но вызывало опасение, что

прошло слишком много времени с тех пор, как она отсоединила себя от собственного мозга и тела — физической основы личности и накопленных за жизнь воспоминаний.

В конце концов, ей пришлось остановиться. Ее разум мог вобрать в себя оставшееся содержимое мозга в считанные минуты и сохранять их, пока не появится возможность передать Ноэлу, как только ему это потребуется. Некие второстепенные воспоминания, не очень точные и не слишком полные. Но он не сможет осознать разницу между тем, что было, и тем, что есть. И никто из числа его знакомых не сумеет подсказать, что его воспоминания чем-то отличаются от тех, что были раньше. Тэлзи не могла больше оставаться в полуразрушенном теле. У нее возникло ощущение, что физиологический баланс стал смещаться, хотя, что послужило тому причиной, девушка пока не знала.

Пси вплотную взялась за поглощающий процесс. Завершила его. Медленно пробиралась сквозь ничто в никуда… Озадаченно выглянула глазами Ноэла в слепящем сверкании пузыря.

Ужас охватил Тэлзи.

* * *

— Дэсинджер!

Он отвернулся от кушетки с Лэрриеном и поспешил через всю комнату.

— В чем дело?

Вергард указал на тело девушки, скрюченное в кресле:

— Оно просыпается!

Дэсинджер уставился на лицо Тэлзи. Глаза закрыты, а вот рот слегка приоткрыт.

— С чего ты решил?

Когда он говорил, тело Тэлзи легонько передернуло плечами.

— Оно, — сказал Вергард, — шевелится.

Детективы внимательно следили за телом девушки, но оно больше не проявляло признаков пробуждения. Потом Вергард перевел взгляд на экран монитора:

— Посмотрите, шеф, там тоже заметны некоторые изменения! Глаза Ноэла минуту назад были открыты, а теперь веки сомкнуты.

— Это совпало по времени с признаками пробуждения здесь?

— Почти. А что с тем гадом, что на кушетке?

Дэсинджер пожал плечами:

— Храпит! Иногда, кажется, улыбается. Нет никаких сомнений, что он дрыхнет без задних ног.

— Похоже на то, — сказал Вергард после небольшой паузы, — что процесс происходит между этими двумя?

— Если Тэлзи делает то, что мы думаем, то да… Смотри!

Тело девушки с шумом выдохнуло. Голова пыталась приподняться, шея изогнулась и напряглась, жилы натянулись как провода. Дэсинджер одной рукой поддержал подбородок Тэлзи, ладонь другой подложил под затылок.

— Дай что-нибудь заткнуть ей рот!

Вергард уже протягивал ему скрученный жгутом носовой платок. Дэсинджер вставил его между оскаленными зубами и, вскрикнув от боли, отдернул укушенные пальцы. Тело девушки сотрясали спазмы, оно явно стремилось освободиться от скручивавших его ремней. Вергард уперся руками в задранные колени Тэлзи и почувствовал нечеловеческое сопротивление. Он услышал сопение, поднял взгляд и встретился с голубыми глазами Тэлзи, которые были явно несфокусированы.

— Начинает успокаиваться, — сказал Дэсинджер.

Вергард промолчал. У него начали болеть мышцы рук оттого, что он удерживал ноги девушки. Из динамиков монитора послышались воющие звуки, постепенно перешедшие в задыхающиеся. Наконец, и они стихли. Он снова посмотрел на кресло и обнаружил, что босс вынимает кляп изо рта Тэлзи. Девушка облизала губы, а потом неожиданно подмигнула мужчинам.

— Пару минут назад, — сказал Дэсинджер, — ты показала зубки. Надеюсь, что это была все-таки не ты. Скажи, ты уже окончательно вернулась, правда?

Дыхание девушки все еще не вошло в норму.

— Не совсем… — прошептала она слабым голосом, — почти. Через минуточку…

Вдруг какие-то поистине животные звуки раздались из динамиков. Вергард подошел к монитору и отключил звук, не отводя взгляда от лица беснующегося Ноэла Сэлка. Потом вернулся назад, чтобы помочь шефу освободить Тэлзи от пут. Когда она неуверенно поднялась из кресла, то первым движением ощупала рот. Вергард посмотрел на свой кровоточащий палец.

Тэлзи проследила за ним взглядом:

— Это тоже натворила я?

— Кто-то натворил, — коротко ответил детек-

тив, используя бывший кляп теперь уже в роли повязки. — Как самочувствие, девочка?

Она пошевелила руками и ногами.

— Тяжко, — вздохнула она. — Очень тяжко. Я не хотела затягивать процесс…

— Но ты вернулась вся?

Тэлзи выдохнула:

— Вся.

— А теперь, давайте, уточним, — вмешался Вергард. — Кто спит на кушетке, Ноэл Сэлк?

— Да, — подтвердила Тэлзи. — Придется немного поработать над парнем, поскольку с ним еще не все воспоминания, но в любом случае это Ноэл.

— Ага, стало быть, матрешка еще собрана не вся? — спросил в пространство Вергард. — И все-таки тебе удалось перебросить сюда Ноэла! А ты — снова ты! Здорово!

Он показал на экран:

— А вон то полусъеденное тело в пузыре — Лэррриен Сэлк?

Тэлзи кивнула в знак согласия.

— Неужто я все это чудо видел собственными глазами?! — недоверчиво воскликнул Вергард, переглянулся с шефом и, наконец, резюмировал: — Неужто кошмар закончился?

Он подошел к монитору и отключил питание.

Троица спасателей помолчала несколько секунд, размышляя над одним и тем же. В конце концов, размышления озвучил опять же Вергард.

— Нам придется многое объяснить властям!

— Придется, — согласилась Тэлзи. — Но не нам.

— Это почему же? — спросил Дэсинджер.

— Я знакома с кое-какими экспертами, — она принялась разгибать и сгибать ногу в колене. — Пожалуй, мне лучше сейчас поработать над Ноэлом.

* * *

Оператор центра Психологического Сервиса (отделение Орадо-сити) приподнял в изумлении одну бровь, заметив, как Тэлзи направилась прямиком к стойке в холле. Они уже встречались раньше, хотя оператор делал вид, будто они незнакомы, до тех пор, пока девушка ни остановилась перед застекленным окошечком.

Ему пришлось поднять глаза:

— А-а, это ты, — сказал он индифферентно.

— Да, я, — с вызовом сказала Тэлзи, тоже не здороваясь.

Оба относились друг к другу с явно выражен-

ной антипатией.

— Что тебе здесь надо? — почти вежливо поинтересовался оператор. — Полагаю, это как-то связано с твоей уникальной способностью привлекать к себе неприятности.

— Я бы так не сказала, — последовал ответ взбалмошной, по мнению оператора, маменькиной дочки. — Конечно, я, возможно, и нарушила несколько федеральных законов прошлой ночью, но не в этом суть. Я пришла увидеться с Клэйангом. Где его можно найти?

Оператор откинулся на спинку кресла на колесиках и переплел пальцы.

— В данный момент Клэйанг очень занят, — лениво сообщил он. — В любом случае, пока мы сможем его побеспокоить, не расскажешь ли поподробнее о том, что заставило тебя преступить законы Федерации? Мы ведь не сильно спешим, правда?

Реакция Тэлзи ему не понравилась.

— У меня была чрезвычайно бурная ночь. Я хочу выспаться, поэтому очень спешу. Отдаю тебе должное — заслонки, за которыми ты прячешь свой разум, более крепкие, чем в прошлый раз.

— Ты же не настолько глупа, чтобы…

— Считаю до двух, — предупредила Тэлзи. —

Раз…

* * *

Клэйанг отложил отчет Тэлзи и яростно поскреб подбородок. Умные проницательные глаза заволокло дымкой размышлений.

— Где Ноэл пребывает в настоящий момент?

— В амбулатории «Кайт Интерстеллар», — ответила Тэлзи. — Туда же доставили и Хиши. Спящей, конечно.

Старик понимающе кивнул.

— Понимаю, у нее практически такие же повреждения. Тяжелый случай.

— Вы справитесь? — в ее голосе послышалась надежда.

— Конечно. Мы справлялись и не с таким, справимся и с этим. Придется нарушить секретность, Тэлзи. Как ты догадываешься, мы не творим чудес.

— Да, я знаю, что вы не чудотворец. Тем не менее, с парнями из агентства все в порядке.

— С ними, естественно, все в порядке, хотя, с другой стороны…

— Понимаю, что доставила вам уйму неприятностей, и мне очень жаль, что я стала причиной этому. Но у меня, поверьте, не было иного вы-

хода.

— Верю, — согласился Клэйанг. — Я бы не советовал, девочка моя, прибегать к подобным способам слишком часто.

Тэлзи помолчала.

— Что бы там ни было, я вряд ли воспользуюсь обменом хотя бы еще раз, — после паузы сказала она. — В конце концов, я еле выбралась оттуда.

— Вероятность того, — сказал старик, — что не выберешься, была довольно высока.

— А вы не думали о том, чтобы позволить Ноэлу быть Ноэлом в теле Лэрриена?

— Это был бы самый простой выход из создавшегося положения, — покачал головой Клэйанг. — Посмотрим, что скажет Департамент Восстановления! Сомневаюсь, что потребуются крайние меры для структурной модификации… Ты что, не согласна со мной?

— Конечно, так было бы просто, — вроде согласилась Тэлзи, но тут же добавила. — Но физически Ноэл был развалиной, а теперь у него тело атлета и было бы бессовестным делом возвращать его назад!

Клэйанг воззрился на девушку с удивлением.

— А у той парочки, — с воодушевлением вскрикнула Тэлзи, — отношения, благодаря Лэрриену,

складывались далеко не лучшим образом. Так что считайте обмен чем-то вроде акта благотворительности.

— Если Ноэл станет Лэрриеном Сэлком официально, — предупредил Клэйанг, — то возникнет несравненно больше трудностей на пути приведения его разума в порядок.

— Да, я понимаю.

— И, кроме того, — добавил старик, — ни Ноэл, ни Хиши не захотят, чтобы он оставил себе внешность Лэрриена.

— Сейчас, естественно, не захотят, — пришлось согласиться Тэлзи. — Но после того как ваши психотерапевты вычистят из их разумов все то, что причинил им плохого Лэрриен, будет совсем другое дело.

Клэйанг вздохнул.

— Так и быть, сначала нужно избавиться от ментальных и эмоциональных закавык, а потом пусть власти решают, в каком облике существовать Ноэлу. Довольна?

Тэлзи заулыбалась.

— Огромное вам спасибо, Клэйанг!

Рай для паразитов
(рассказ)

Пролог

СТРАННОЕ ДЕРЕВО

В исследовательской лаборатории 3230 планетарной карантинной станции в двух тысячах километрах от планеты Маккадон профессор Университетской Лиги Мантелиш сиял от восторга, поскольку находился в непосредственной близости от объекта карантина, который был выгружен из спасательной лодки несколько часов назад и выведен из состояния приостановленного роста, в коем пребывал на пути с родного мира.

Это была удивительно интересная растительная форма — что-то среднее между деревом и гигантской виноградной лозой. Его мощный ствол, блестящий, играющий всеми оттенками серого цвета, изгибался под разными углами и достигал почти восьмиметровой высоты, выступая над краем контейнера, куда он был высажен. Большие листья в форме стилизованных сердечек насыщенного темно-зеленого цвета отходили от стебля то тут, то там, а возле самой верхушки

наливался соком чашеобразный цветок. И как апофеоз сей приятной флористической картины лабораторию наполнял свежий приятный запах.

Мантелиш, высокий пожилой мужчина, просто не знал, как выразить свое восхищение. Он то чесал в задумчивости седую тыковку, то просто пожирал глазами то, что на этот раз угодило в карантин. Потом его вниманием завладела ветвь, прямо у него над головой, где произошло какое-то необычное движение. Тяжелый, туго скрученный усик качнулся в сторону от ветки, из которой рос. Он выкручивался как змея до тех пор, пока не замер на весу. Одновременно с этим три новых листика, светлее и меньше по размеру, чем материнские, распрямились на его конце.

— Ага, — удовлетворенно произнесли за спиной у профессора. — Значит, как только вы его разбудили, оно снова стало расти!

Он обернулся.

Стройная рыжекудрая девушка в шортах и однотонной блузке появилась в дверях лаборатории.

— Именно так, Триггер, — согласился ученый. — Как я и ожидал, оно ускоряет и замедляет рост, а также свою репродуктивную деятельность в соответствии с окружающей средой.

— Пока не покроет всю планету! — сказала Триггер, изучая усик. — Довольно амбициозно для дерева, не так ли?

Мантелиш пожал плечами.

— Наше Дерево плодовито и хорошо адаптируется. Ты случайно не знаешь, где комиссар Тэйт?

— Анализирует один из образцов, выгруженный с другой лодки, — ответила девушка. — Я пробегала мимо, а он приказал мне не входить… То, чем он занимался, выглядело сентиментально, и я не хотела ему мешать. Еще он сообщил, что буквально через несколько минут присоединится к нам. Комиссар пытался в этой жизнеформе отыскать что-то… А вы кормили нашего малыша гормонами, которые, по вашим словам, замедляют жизнедеятельность?

— Да, как и следовало ожидать, гормоны принесли ожидаемый эффект. Свежая веточка, какую мы имеем счастье сейчас наблюдать, единственное свидетельство его роста за последние двенадцать минут.

— Значит, сработало?

— В лабораторных условиях, мы, пожалуй, сможем контролировать его рост, — сказал Мантелиш, — но давай не будем слишком торопиться. Гораздо больше осторожности потребуется,

если мы намерены представить нашего питомца широкой публике. Проблема заключается в обуздании периодических всплесков самопроизвольного выбрасывания усиков во время размножения, при котором воздушным путем переносится множество семян. В подобных обстоятельствах сей замечательный образец, где бы он ни появился, представляет собой определенную угрозу для любой планеты Ядра Звездного Скопления.

— Подумаешь, — самонадеянно воскликнула Триггер, — эта проблема решается запросто: каждый садовод-любитель непременно пожелает получить хотя бы семечко, чтобы вырастить из него у себя на участке этакого красавца. Вот ваше множество и разойдется по рукам, вы слышите меня, профессор?

Она забралась на контейнер и погладила ладошкой корявый ствол.

— Ты, малыш, не только самая *съедобная* жизнеформа вокруг, не только самая прелестная жизнеформа из того, что меня окружает, но и замечательная личность. Ты вырастешь большим и станешь самой желанной прихотью во всей Федерации!

Мантелиш утробно хрюкнул:

— Что, воркуешь с ним?

— Да, — призналась она. — По отношению к нему я ощущаю огромную нежность. Я рассказывала вам, что во время моего путешествия сюда, когда наш питомец находился в спячке, я не могла спокойно пройти мимо контейнера, а каждую ночь грезила о его собратьях.

— Нет, ты этого мне не рассказывала.

— Ну, так вот теперь вы знаете. Я мечтала о том, как заберусь в глубь этого прекрасного леса, дотянусь до ворса одного из стволов, и они окружат меня листочками, обовьют ветвями и я смогу слиться с ними в крепких объятьях! Знаете, профессор, у меня появилось желание взобраться на малыша прямо сейчас! Можно?

— А почему бы и нет? Если бы не мои старые кости, я бы и сам не прочь попытаться вскарабкаться по стволу.

— Если станете питаться плодами от нашего питомца, вы не только улучшите кальциевый обмен, но и сбросите лишний вес, — она поймала ветку, что была над ней, и ловко, как кошка, вскарабкалась по стволу до самой вершины. Там она притянула цветок к себе. — Когда раскроется бутон?

— Сразу, как только я выведу образец из состоя-

ния оцепенения, — сообщил профессор, которому пришлось задрать голову. — Там есть семена?

Девушка заглянула в глубь природной чаши.

— Полным-полно. Но они еще совсем мягкие и не покрыты ворсинками, — она прижалась щекой к бутону. — Мы не позволим тебе, малыш, развеять их по ветру! Тебе надо стать цивилизованным, окультуренным! О! — она забралась рукой в горловину бутона и вытянула зажатый кулачок.

— Что ты там нашла?

— Что-то похожее на вишенку черного цвета, — ответила девушка. — Я верю, что малыш знает, как я их обожаю, и поэтому выращивает специально для меня.

Она села на ветку, свесила ноги и забросила вишенку в рот.

— Вы получили отчеты, профессор, о тех образцах, что отослали?

— Да, они ждут на моем столе, — ответил Мантелиш.

— И что?

Старик пожал плечами:

— Отчеты подтвердили официально то, что мы сами уже знаем. Любая часть Дерева имеет высокую питательную ценность для человеческого

организма.

— Ну да, конечно. А что они сказали о вкусе?

— А вот о вкусе в отчетах ни слова, Триггер. По-моему, в этом плане проверки не производились.

— А ведь следовало провести! Ведь вкус очень важен на самом деле. Деревья очень разные и чуть ли не каждые сутки открываются все новые и новые. Иногда бывает такое, что переворачивает все прежние установки человечества. В частности, если питаться одними дарами Дерева, то не придется садиться на диету! А прибавьте сюда великолепные гамакоподобные листья, на которых можно отдыхать без риска загреметь вниз, и уютные дупла, где можно спрятаться в грозу и остаться сухим… А знаете, профессор, что еще интересно? Ощущение того, что тебе рады, что ты нравишься Деревьям, и что они хотят тебя обнять!

Мантелиш прочистил горло.

— У меня тоже возникало такое впечатление. Это очень странно. И другие исследователи тоже упоминали об этом.

— Конечно, упоминали, — воскликнула Триггер с воодушевлением, — это наиболее бросающаяся в глаза деталь. Это ощущение с каждым разом

становилось все крепче и крепче. — Она дружески похлопала по стволу за своей спиной. — И я ощущаю то же самое от малыша в данный момент. Он *рад,* что я сижу на его ветке.

Профессор покачал головой.

— Будет достаточно трудно доказать, — сказал он с сомнением, — что подобное ощущение не выдумано тобой…

— Ну, не думаю, — сказала Триггер, — что эту радость Деревьев от общения с людьми ощущаю только выборочно я. И знаете, не стоит сильно удивляться подобному феномену, потому что это — Деревья, и каждый ксенобиолог согласится, что они — далеко эволюционировавшая живая форма. И еще, это — единственная высокоразвитая жизнеформа на их родной планете. Все остальные создания, что мы там встретили, тупы до предела.

— А вот я их тупыми не нахожу, — возразил Мантелиш. — Фауна состоит из хорошо адаптировавшихся паразитов. Для нетренированного глаза приспособившийся паразит может выглядеть организмом наипростейшим. Однако поскольку леса из Деревьев покрывают почти всю сушу, то у иных жизнеформ почти нет стимула развиваться, чтобы в твоих глазах, Триггер,

выглядеть умными. Кроме всего прочего, Деревья снабжают обитателей леса всем необходимым.

— Похоже, Деревья и сами не возражают против того, чтобы кормить собой всю шайку, столующуюся под кронами, иначе их трудно было бы назвать пищей, — согласилась Триггер. — Но все эти паразиты, должно быть, чрезвычайно скучная компания. Думаю, что Деревьям понравилось, когда у них появились более интересные гости. Для разнообразия. Поэтому они и пытаются показать нам, что рады человеческому обществу.

— Ну и фантазии у тебя, девочка, — усмехнулся профессор.

— Вы так думаете? — спросила она. — Да.

— А вот я так не думаю, — с ехидцей сказала Триггер. — А еще я думаю, что нужно принять их приглашение. Правительству Федерации следует официально объявить родину Деревьев местом, где следует проводить отпуск. Надо организовать централизованное транспортное сообщение и возить отпускников десятками тысяч в этот благодатный заповедник… семьи с детьми, тех, кто хочет экстренно сменить обстановку, а главное, людей, которым необходимо избавиться от стресса. От этого только станет лучше всем! Никаких затрат на отели, а Деревьям, я в этом полностью

уверена, наплыв туристов лишь понравится…

Триггер посмотрела на входную дверь и расплылась в широкой улыбке:

— Приветствую вас, комиссар! А мы тут с профессором как раз обсуждали интеграцию планеты Деревьев в Федерацию.

— Интересная темка, — жизнерадостно сказал Тэйт.

Триггер, ловко перебирая руками и ногами, спустилась по стволу, спрыгнула с крышки контейнера на пол и подбежала к комиссару. Это он руководил экспедицией, которая обнаружила и исследовала планету Деревьев, и вернулся домой, в Ядро Звездного Скопления, вместе с Мантелишем и Триггер, правда, в другой лодке, напичканной организмами, отобранными для изучения биологами.

— У меня для вас обоих, — сказал он, — есть кое-какие новости.

— Из какой области? — спросил Мантелиш.

Комиссар скользнул взглядом по стволу малыша.

— В общем и целом, о нашем маленьком друге. Шесть часов назад на мою лодку поступил звонок из штаб-квартиры экспедиционного корпуса. Единственное, о чем мне доложили, это неуте-

шительные вести с планеты Деревьев. А именно, что три члена палеонтологической команды, которую мы оставили для раскопок, не вышли на работу.

— Отказались работать? — переспросила Триггер.

— Да, это произошло несколько дней назад. Они оставили сообщение, в котором говорилось, чтобы их не искали и не беспокоились. Дескать, они нашли планету своей мечты и не вернутся.

— Ну, с моей точки зрения, вряд ли их можно осуждать.

— Конечно, я их и не думал осуждать, — сказал комиссар, — но все равно уведомил Патрульную Службу. Ведь у них несколько кораблей, курсирующих над территорией планеты. Экипажи инструктированы таким образом, что при встрече с нашими отказниками те будут подняты на борт и доставлены в штаб-квартиру. Конечно же, им далеко было не уйти. — Он улыбнулся. — Единственное, чего они жаждут, это бродить среди Деревьев и ловить кайф. Парни явно будут обнаружены в радиусе нескольких километров от последнего раскопа.

— Вряд ли, — сказала Триггер. И после паузы добавила: — Но есть ли у кого-нибудь право

решать за них их судьбу? Это неэкстремальная планета. Почему бы ни присвоить отказникам почетное звание первопоселенцев? Деревья, я уверена, дадут им все, что людям необходимо для полноценного проживания.

— Да, скорее всего, Деревья обеспечат беглецов, — согласился комиссар, — но есть еще один нюанс. Я имею в виду вторую часть рапорта. Хотя палеонтологи не искали ничего экстраординарного, тем не менее, неожиданно наткнулись на руины.

— Руины? — удивился Мантелиш.

— Да, — ответил комиссар. — Отсюда вытекает, моя милая, что трем отказникам не грозит почетное звание первопоселенцев. Руинам около восьми столетий и этого достаточно, чтобы утверждать, что родину Деревьев уже однажды заселял хомо сапиенс.

У Триггер удивленно взметнулись брови:

— Хомо сапиенс? А он откуда взялся?

— Одна из групп, которую выбросили со Старой Территории в те времена, когда Ядро Звездного Скопления еще только осваивалось человечеством. Звездолеты и гиперпространственная связь тогда еще не были такими совершенными, как в наше время. Я обратился к Чартерному

Бюро с просьбой осмотреть ближайшие окрестности планеты Деревьев. Древние колонисты, стремящиеся постоянно ощущать чувство локтя своих товарищей, не могли поселиться слишком далеко от нее. Бюро сообщило, что остальные две планеты системы тоже покрыты аналогичными лесами.

— Вы имеете в виду, что это колонисты распространили Деревья на соседних планетах? — спросила девушка.

— Выходит, что так.

— Логично, — вступил в разговор Мантелиш: — Если Деревьям не мешать размножаться, то они покроют сушу любой землеподобной планеты в течение всего нескольких лет.

— Это-то понятно, но откуда руины? — в голосе Триггер прозвучало беспокойство. — Даже восемь веков назад уже существовали методы ограничения активной биосферы.

— Естественно, существовали, — согласился Тэйт.

Лицо девушки вспыхнуло, чувствовалось, что ее беспокойство перешло в тревогу.

— Вы думаете о тройке отказников?

— А о ком же еще. Эти отщепенцы просто отвернулись от цивилизации, и у меня есть глубокое

подозрение, что древние колонисты сделали то же самое. Они разрушили свои поселения и ушли жить с Деревьями.

— Но ведь, наверное, не все! — запротестовала девушка. — Ни за что не поверю, что все колонисты до последнего человека могли бросить все, что построили, и ушли.

— В нормальных обстоятельствах — да, — согласился Тэйт, — но обстоятельства были далеки от нормальных. Ты говорила о любви Деревьев к людям. Доказательства, полученные нами экспериментально, свидетельствуют о твоей правоте… они действительно жаждут нашей любви и для этого кое-что предпринимают. Подобная мысль пришла мне на ум еще до этого, но сейчас я готов сказать: за тот короткий период пребывания на планете Деревьев все, кто находился в непосредственном контакте с ними, стали… как бы это сказать… флорозависимыми, что ли.

— Флорозависимыми? — Триггер перевела взгляд с Тэйта на Дерево, потом снова на комиссара. Испуганное выражение сменилось задумчивостью: — И, правда… я ведь тоже зависима от них! Если честно, я не очень ощущаю эту зависимость, мне, главным образом, хочется находиться рядом с Деревьями, и я ощущаю, что

это им нравится… они мне кажутся прелестными и дружелюбными созданиями, единственное желание которых — заботиться о тебе…

— Это чувство мне знакомо, — кивнул комиссар. — А в случае с нашими палеонтологами оно просто помрачило им рассудок. Как и древним колонистам, которые были постоянно окружены Деревьями. У бедняг не было никакой возможности уберечься от кумулятивного эффекта эмпатии. Есть предположение, что они стали жертвами этого эффекта.

Триггер выдержала паузу.

— Что же произошло с ними после? У вас не возникает мысли о том, что, имея столь заботливых опекунов, у колонистов не могло возникнуть проблем, стало быть, их потомки должны были расселиться по всему лесу?

— Да, я задумывался над этим. Но существует дополнительная проблема: если Деревья покрыли три планеты в одной звездной системе, высока вероятность того, что планета, на которой высадилась наша экспедиция, вовсе не их родина. Можно допустить почти наверняка, что семена Деревьев были завезены на нее людьми.

Мантелиш выразительно покачал головой.

— Это вряд ли! Весь мой опыт говорит о том,

что Деревья все же порождение той планеты, с которой мы привезли малыша. Вы, возможно, пропустили тот факт, что симбиозная по отношению к деревьям фауна настолько хорошо адапти… — он запнулся на полуслове, в его глазах вспыхнула догадка: — Если только это не…

— Вот именно, *если только это не!* У меня такая мысль возникала неоднократно. За столь короткий период, восемь сотен лет, то многообразие фауны, проживающей в лесу, не могло видоизмениться от полной флоронезависимости до полной ее потери. Это просто физически и биологически невозможно… если только у той жизнеформы, которую условно назовем промежуточным хозяином, не имеется способов подчинить себе все остальные окружающие ее организмы. Я пристально изучал три раздельно размещенных образца лесной фауны. Один из них выглядит как ленивая неповоротливая жаба весом в полцентнера. Она практически слепа и мозг у нее точь-в-точь как у обычной лягушки. Конечно, не требуется много ума для того, чтобы скакать с листа на лист, но по многим морфологическим признакам становится ясно, что раньше ее мозг, возможно, был человеческим.

На несколько секунд воцарилась многозначи-

тельная тишина. Первой нарушила ее девушка:

— Боже мой, какой ужас!

Комиссар пожал плечами.

— Ужас — если рассматривать с нашей, человеческой точки зрения, а с точки зрения этих древесных созданий, если у них существует точка зрения, это самая настоящая биологическая идиллия. Ведь Деревья — щедрые и надежные опекуны.

Триггер скользнула взглядом вдоль по загнутому усику вплоть до цветка.

— Но ведь это же не их вина, — моляще произнесла она. — Они не понимают, что творят. Неужели их всех следует выкорчевать?!

— Надеюсь, человечество найдет приемлемое решение. Скорее всего, выкорчевывать никого не придется. Пока мы объявили планетную систему карантинной зоной, но такое положение не может продолжаться бесконечно. Опасность пандемии слишком велика. Деревья способны бесследно растворить любую цивилизацию, с которой они соприкоснутся. И мы пока не знаем, что этому можно противопоставить. Но ученые работают, и прежде, чем будет принято окончательное решение относительно судьбы Деревьев, проблема контакта человека с этим чудом флоры

будет изучена со всех сторон.

— Кто бы ни изучал Деревья, станет флорозависимым, — произнес Мантелиш, глядя на Триггер.

— Это уж как пить дать. Но поскольку про этот фактор стало известно, мы нейтрализуем вредные аспекты эмпатии.

Все трое уставились на малыша, а малыш беззаветно любил их.

— Хотя, возможно, нейтрализовать полностью воздействие Деревьев не получится, — вздохнул наконец Тэйт.

Глава 1

В полночь в обширном доме Амбердонов в Орадо-сити шел полным ходом междусобойчик. Тэлзи этот уик-энд проводила дома, но на гостях не появлялась. Выпускные экзамены были не за горами, и девушка использовала свободное от учебы время, чтобы лучше подготовиться. Все равно дискуссия, в основном, крутилась вокруг политики, от которой Тэлзи всегда тошнило.

Большинство гостей к этому времени разъехалось по домам, но четверо из них в компании с Джиласом и Джессамин Амбердон все еще продолжали голосить этажом ниже лоджии,

где Тэлзи вперилась в учебник. Они хаотически бродили по саду, периодически перемежая дискуссию выпивкой и закуской, не подозревая, что их кто-то подслушивает. Как поняла Тэлзи из обрывков, донесшихся до ее ушей, разговор крутился вокруг некоего сверхсекретного дела, находящегося в компетенции Надправительства. Честно говоря, тема ее мало интересовала до тех пор, пока мужчина по имени Орслер не заговорил о чем-то, что особо сильно его раздражало. Причиной тому послужило вызывающее поведение некой молодой особы по фамилии Арджи.

Тэлзи навострила уши еще и потому, что Орслер ей активно не нравился. Он служил помощником генерального секретаря Консервации и одновременно главой отдела департамента, занимающегося неколонизированными и невостребованными мирами, а также жизненными формами, что на них обитают.

Девушка не удержалась и малость покопалась в его разуме, пытаясь прочитать в нем больше, чем было сказано, и выяснила, что у Орслера имеются сомнения в полезности собственного труда. Он использовал свое положение, чтобы помочь распространению слухов, из которых собирался извлечь выгоду. Тэлзи решила, что если никто

не вмешается, то она сама выведет сплетника на чистую воду. Ей иногда уже приходилось помогать Надправительству подобным образом. Но события, о которых шла речь, имели место несколько месяцев назад.

Все, что раздражало Орслера, было бальзамом для души Тэлзи. Поэтому она отложила учебник.

Все шестеро базаривших внизу, очевидно, были хорошо знакомы с предметом разговора. Он представлял собой древовидную форму жизни, обнаруженную на одной из неосвоенных планет и опасную для человека. Департамент, в котором служил Орслер, характеризовал эту жизнеформу как «чрезвычайно вредного паразита». Уже одно это определение означало полное и повсеместное ее истребление. Мисс Триггер Арджи узнала об этом решении и, хотя не являлась официальным лицом — Орслер упомянул об этом с особой раздражительностью — приняла самое активное участие в том, чтобы истребление заменили карантином. Формулировка «чрезвычайно вредный паразит» была заменена другой: «подлежит дальнейшему изучению». А это означало, что департамент Орслера отстраняется от дел на период, пока исследования в карантинной зоне не завершатся.

— Девчонка просто невыносима! — взвизгнул Орслер. — Будто не понимает, что закрыть целую планету стоит бешеных денег! Да оставьте в покое несчастных палеонтологов!

— Арджи прекрасно осведомлена о затраченных средствах, — возразил Адмирал Федерации, который и прежде бывал у Амбердонов. — Мы с ней сталкивались какое-то время, и я нашел, что у нее серьезный опыт работы в глубоком вакууме. Кажется, она работает на Прекол и принимала самое действенное участие в нескольких экспедициях, где ее знания весьма пригодились.

— Значит, она и вам успела досадить! — воскликнул Орслер. — Всем, кому случалось с этой…

— Ничего подобного, — оборвал его Адмирал Федерации. — Я был очень доволен общением с этой грамотной и компетентной барышней.

Повисла гнетущая пауза.

— Это потрясающе, — нашелся, наконец, Орслер, — что такие вопросы доходят до Этического Комитета, пусть, в конце концов, они пресекут активность этой интриганки. Впрочем, всем известно, что она флорозависима от Сирен. Нужно было бы протестировать ее организм. Ведь это в ее же интересах.

Советник Федерального Правительства Джесса-

мин Амбердон и в свободное от службы время мать Тэлзи, а также ведущий специалист Хейскомитета по этике, певуче произнесла:

— Надеюсь, тебе не присуща мнительность, дорогой Орслер?

— Я?! За кого ты меня принимаешь?!

— В таком случае, рада тебе сообщить, что Комитет в курсе этого дела с деревьями-Сиренами, как в курсе всех наиважнейших дел. Он ждет результата текущих исследований, чтобы вынести окончательный вердикт. И не надо переживать за здоровье мисс Арджи. Нам доподлинно известно, что какое-то время она действительно была флорозависима, но теперь она полностью освободилась от влияния Сирен. Ее интерес к ним не имеет никакого отношения к зависимости.

Орслер, судя по всему, не захотел ввязываться в спор и разговор, к сожалению для Тэлзи, перешел в иное русло. Девушке понравилось, как ее мать подковырнула главу отдела департамента. Но она была еще и заинтригована. Древовидные Сирены, которые одурманивают людей и являются предметом дискуссий в Комитете по этике — это что-то новенькое.

Она могла бы спросить об этом у матери, но тогда придется сознаться, что занималась под-

слушиванием, а подобные поступки Джессамин считала неэтичными. Кроме того, Тэлзи может прочитать все об этом в одном из разумов там, внизу, в саду. Так как она побывала уже в разуме Орслера, повторная попытка станет простой задачей.

Если только не окажется поблизости его Ангел-Хранитель. Часто они парят вокруг высокопоставленных особ, причем по разным причинам. Их следов она пока не обнаружила, но в том-то и дело, что до поры до времени они способны оставаться незамеченными.

Ну, да ладно, поживем — увидим. Тэлзи запустила ментощупальце непосредственно в мозг Орслера.

Тут же:

— Тэлзи Амбердон, немедленно прекрати!

Это была реальная мысленная форма, которая к тому же изъяснялась на повышенных тонах. Девушка узнала этого Ангела-Хранителя или, точнее, пси-оператора Психологического Сервиса, который торчал где-нибудь в припаркованном за квартал или два от их особняка аэрокаре. Он представлял собой вечно занятого человечка, с которым ей уже приходилось мысленно скрещивать шпаги. Для человека ее способностей он не

являлся особой помехой, зато мог посодействовать, когда нужно было поспешать. Тэлзи зондаж не закончила.

— Почему? — спросила она невинно. — А тебе что же, Орслер по барабану?

— Он — единственный, кто мне не по барабану.

— Ты меня удивил. Орслер — это замечательный, но чрезвычайно изворотливый тип!

— Не сказал бы, но, милая барышня, не о том сейчас речь!

— Маленькое ментальное прощупывание не нанесет ему вреда. Секреты, которые таятся у него в голове, не представляют особой ценности для Федерации!

— Не стоит тебе лезть в дела помощника генерального секретаря Консервации! Между прочим, он осуществляет функции, о которых даже не подозревает. Что случится с ним после того, как он осуществит свою главную функцию, мне глубоко наплевать, но до этого момента…

Ага, значит, им известно об экспансионистских устремлениях Орслера и они хотят свести их к общей пользе. Неплохо задумано!

— Ладно, — согласилась Тэлзи, — не буду пока шарить у него в мозгах. Я просто хотела выяснить,

что он знает о Сиренах.

Ангел-Хранитель ответил не сразу.

— Вердикт псевдодеревьям вынесен, а техническая сторона дела тебя мало интересует.

— Абсолютно не интересует, — согласилась девушка.

— В таком случае, смею предположить, что твоя мать знает гораздо больше по этому вопросу, чем кто-либо из тех, кто остался в вашем доме.

Тэлзи мысленно пожала плечами.

— Ты ведь знаешь, мои принципы не позволяют залезать мне в разумы мамы и папы.

На этот раз молчание длилось куда дольше.

— Тебя и в самом деле интересуют только Сирены? — наконец спросил Ангел.

— И еще Триггер Арджи.

— Хорошо. Я могу добыть тебе эту информацию.

— Когда?

— Не успеешь оглянуться, как только вернешься в свою спальню. А что касается мисс Арджи, то, скорее всего, у нас на нее имеется файл, но вряд ли кто-то нарушит секретность только из-за того, чтобы удовлетворить твое любопытство.

— У меня и в мыслях не было нарушать какую-либо секретность. Все, что мне нужно, ее

прошлое. Что она представляет собой как личность, одним словом, самые основные сведения, которые я могу узнать уже завтра в хорошем детективном агентстве.

— Хорошо, — сказал Ангел, — не надо обращаться в агентство, я сам сделаю резюме по ее биографии. Потерпи несколько минут.

Когда Тэлзи вошла в свою комнату, на клавиатуре компа светилась голубая клавиша «прием КомСети». Девушка закрыла дверь, запустила резюме по делу Сирен и уселась в кресло. На экране вспыхнули строчки:

Исследовательская группа обнаружила Сирен на землеподобной планете, покрытой первоначально их отдельными купами. Это была главенствующая форма жизни, заселившая все материки и острова. Вскоре исследователи обратили внимание на чувство эйфории, которое охватывало любого из них при приближении к Сиренам ближе, чем на сто метров, отсюда и возникло это название.

Оказалось, что Сирены приостанавливают прогресс других жизненных форм и даже поворачивают его вспять так, чтобы они стали зависимыми от них. И даже высоко организованные виды дегенерируют чрезвычайно быстро и

превращаются в настоящих паразитов, неспособных выжить без своих промежуточных хозяев. Космическое сканирование показало, что две остальные планеты системы тоже покрыты лесами Сирен. На этих планетах не оказалось ни одного вида фауны, оставшегося независимым, а колонии, которые основали когда-то люди, были стерты с лица земли. Их видоизмененных потомков нельзя рассматривать в качестве людей ни с морфологической, ни с анатомической, ни с социальной точек зрения.

Об открытии Сирен широким слоям населения Федерации не сообщалось. Всеобщее любопытство по отношению к феномену могло нанести существенный вред. Существует шанс, что найдется жизнеформа, устойчивая к пагубному влиянию эмпатии Сирен, и, таким образом, проблема будет решена. А пока суд да дело, различные департаменты Надправительства стали готовиться к принудительной стерилизации трех инфицированных Сиренами планет.

Однако нашлись люди, кому радикальное решение пришлось не по нутру.

Имени члена исследовательской экспедиции, который заявил, что Сирены разумны, хотя их разум сильно отличается от человеческого, но не

могут осознать вред, причиняемый ими другим живым формам, названо не было. Неназванный оппонент Надправительства считал, что стерилизация — это не выход. Давайте просто не будем трогать Сирен, пусть живут в своем заповеднике.

Конечно, эта точка зрения была непопулярна. По крайней мере, она не вытекала из того, что было известно о Сиренах на данный момент.

Но и опровергнуть ее тоже не представлялось возможным. То и дело в секретариат Надправительства поступали предупреждения от противников стерилизации. В конце концов, был отдан приказ приостановить подготовку к этой общепланетной высшей мере…

Тэлзи покусала нижнюю губу. Возможно, подобным образом доказывалось, что у человечества не существовало альтернативы крайним мерам, однако любой геноцид, даже над формой жизни, которая подавляет разум, был по федеральным законам неприемлем. Этот непоименованный член экспедиции сделал очень сильный ход: исследования велись теперь на разных уровнях, хотя прогресс тормозился флорозависимостью исследователей к Сиренам, несмотря на применение различных видов биологической защиты.

«В настоящий момент, — заканчивалось резюме, — нет никаких определенных результатов, которые вселяли бы оптимизм в отношения между людьми и Сиренами».

КомСеть издала призывный *пинг,* а голубая клавиша снова загорелась. Тэлзи удалила текст резюме о Сиренах с экрана и приняла резюме о том самом члене экспедиции. Точнее, той самой.

Эти выжимки оказались гораздо короче.

Триггер Арджи, двадцати шести лет от роду, имела базовые научные данные и высокий коэффициент уровня интеллекта, обладала коммуникационными и административными навыками, а также в совершенстве владела техникой выживания и приемами единоборства. Все это ей привили в Колониальной школе далекой от Орадо планеты Маккадон. Она работала на Прекол на планете Мэнон, где ее административные способности использовались на полную катушку в трех длительных экспедициях Университетской Лиги. Дважды оказывалась призером зональных соревнований по стрельбе из произвольного пистолета. У нее был высокий рейтинг доверия коллектива. Следуя современной моде, состояла в визуал-браке с полковником секретной службы. Недавно закончила временное очищение

4-го класса в связи с каким-то проектом Надправительства, а предыдущая ее деятельность, о которой в резюме не сообщалось, характеризовала ее первым классом, если необходимость в этом, паче чаяния, возникнет.

Последний факт был наиболее интригующим. Из тех высокоранговых особ, что общались сейчас под лоджией, лишь мать Тэлзи обладала таким классом. Вероятно, этот факт мог объяснить, почему Орслер и иже с ним ополчились против Сирен. Тэлзи стерла и этот текст, потом сделала ментальные пометки, чтобы со временем проверить прогресс в деле исследования Сирен.

Когда она вернулась на лоджию, снизу по-прежнему доносились возбужденные голоса, но чуть позже оказалось, что Орслер уже отчалил, причем сделать это ему велел Ангел-Хранитель, снабдив своего подопечного неосознанным позывом.

Тэлзи ухмыльнулась, забрала учебник и отнесла в свою комнату.

Глава 2

Региональная штаб-квартира Психологического Сервиса на планете Фарнхарт располагалась в высотном зеленом здании, которое в пустынной

изоляции возвышалось над северной частью океана. Пилч в зеленой униформе стояла на восемнадцатом этаже у окна офиса, позаимствованного на это утро у регионального директора, взирая на признаки надвигающегося со стороны восхода шторма. Это была стройная высокая и сухощавая брюнетка с серыми глазами, которые видели множество планет.

— Триггер Арджи, — объявила коммуникаторная панель у нее за спиной, — на пути сюда!

— Как только она появится, проведите ее в офис! — приказала Пилч.

Она подошла к столу, положила на него рапорт-файл и посмотрела на демонстрационный столик, на котором стоял ящик. Потом приблизилась к нему и дотронулась пальцем до сенсорной контрольки. Передняя стенка стала прозрачной. Внутри оказалось нечто вроде японского бонсая, укорененного в коричневой гальке. Миниатюрное деревце в высоту достигало не более полуметра и состояло из узловатого ствола, трех коротеньких и на вид бархатистых веточек, дюжины относительно крупных листьев и завитого спиралькой усика. В гуще листьев прятались два крупных белых бутона. Все это вместе выглядело прелестно и кто-то из несведущих людей мог

подумать, что деревце не живое, а произведение талантливого художника, но считать так было бы ошибкой. В ящике находилась Сирена. Еще три месяца назад это был саженец. Если бы ему предоставили свободу действий, растение стало бы выше Пилч раза в три, а то и поболее, но его искусственно ограничивали в росте.

Дверь офиса ушла в стену, и в помещение вошла рыжекудрая девушка в деловом костюме такого цвета, в котором золотистые искры сочетались с приятной для человеческого глаза зеленью.

— Рада видеть тебя, дорогая! — Она улыбнулась: — Вот уж не знала, что ты на Фарнхарте. До тех пор, пока не получила твое послание.

— Я прибыла только вчера, — сказала Пилч, — по делам Психологического Сервиса. И улетаю сегодня вечером. Держи свой образец и копии наших исследований.

— Как жаль, что никто не нашел ничего позитивного! — с грустью произнесла Триггер. — А я уж раскатала было губу, что мы на правильном пути.

— Но мы и не утверждаем, что вы — на неправильном пути! — попыталась успокоить Пилч. — Результаты, конечно, не слишком утешительны, но вот до чего мы добрались: ксенотелепаты-

люди, задействованные в проекте, не смогли справиться с проблемой. Да и все пси-негуманоиды, которых мы сумели привлечь к ее решению, оказались не на высоте. Ознакомившись с докладами по пути сюда, я тоже не смогла избавиться от ощущения, что перед нами какая-то закавыка.

Триггер облизала губы.

— В чем же *суть* этой закавыки?

— Частично, — сказала Пилч, — в том, что не было получено никаких доказательств тому, что мы имеем дело с разумными существами. Активность Сирен направляется некими сложными, но все же инстинктивными силами. Кроме того, твой образец — силовой генератор пси-излучения. Эйфория, которую он распространяет вокруг себя, это лишь цветочки. Можно предположить, что способности Сирен видоизменять другие жизненные формы, тоже основаны на пси. Но это пока все еще остается на уровне гипотез, нам не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть это опытами. Большинство ксенотелепатов не смогли обнаружить следов пси-потоков, хотя те явно имеют большую мощность и ярко проявляют себя. Эсперы, которые соприкасались с ними напрямую, ощущали грубое противодействие. Некоторым даже потребовалась экстренная ме-

дицинская помощь.

— Что с ними произошло? — заинтересовалась Триггер.

— В основном, ментальные нарушения коры головного мозга. Теперь с ними, слава Богу, все в порядке.

— И наш маленький дружок в ящике тоже способен на это?

— А почему он должен быть исключением? Он — Сирена, стало быть, так же опасен, как и взрослая особь. Эффект эйфории присущ ему в должной мере ничуть не меньше, чем у тех экземпляров, с которыми имели дело наши ксенотелепаты.

— Ага, понятно, — Триггер посмотрела на ящик с бонсаем. — У тебя здесь вмонтирован постоянный пси-блокиратор, что ли?

— Конечно, но если тебе понадобится выйти на прямой контакт, блокиратор можно отключить.

Триггер встряхнула своими инфракрасными кудрями:

— Мне все еще не верится, что у Деревьев нет разума!

Пилч пожала плечами:

— Я не утверждаю, что ты ошибаешься, но если ты права — ситуация вряд ли от этого улучшится! Пси-свойства, обнаруженные у Сирен, создают

впечатление, что они лишь мощный механизм, невосприимчивый к чужому пси-контакту. А если контакт все же будет принят, немедленно последует жесткое и агрессивное противодействие. Стоит принять лишь предположение о разумности Сирен, как становится ясно, что эти создания воспринимают пси, не относящихся к их роду, исключительно в качестве врага. Никаких сомнений относительно природы контакта у них не возникает, они отметают его, не раздумывая, если позволишь мне такой каламбур.

— Наверное, это всего лишь защитная реакция!

— В этом предположении есть рациональное зерно, — согласилась Пилч, — но это должно быть рассмотрено в совокупности с теми фактами, что есть у нас на данный момент. Три планеты с Сиренами являют собой убедительное доказательство того, что целью искомого вида является экспансия всей доступной ему территории. Сирены — высокомобильные творения природы и способны покрыть сушу любого мира за очень быстрый промежуток времени. По мере их распространения все формы жизни превращаются в безвредных симбионтов, а это опять же, будь то инстинктивный процесс или

намеренно-сознательный, доказывает, что Сирен заботит благополучие только собственного вида. Их кажущееся гостеприимство — хитроумная ловушка. Они, конечно, не хищники и не потребляют в пищу иные формы жизни, а всего лишь прерывают их эволюционный процесс и, в конечном счете, вырывают из окружающей среды.

Триггер покачала головой:

— М-да, картинка получается малопривлекательная!

— Нет, моя милая, картинка просто ужасающая! — возразила Пилч. — Специалисты сделали следующее заключение о Сиренах: это эгоистичный, параноидальный, предательский, неразборчиво разрушающий вид жизни, представляющий собой смертельную опасность для всех других видов, которых встречает на своем пути. Ну и каковы, по-твоему, должны быть аргументы в пользу того, что этот вид нуждается в сохранении?

На губах Триггер заиграла легкая улыбка:

— Мое мнение, что картинка эта — ошибочна! Или, по крайней мере, неполная. Мы не замечаем что-то очень существенное. Если бы Сирены хотели выжить из окружающей среды все живое, то не было бы столь сложных процессов, превраща-

ющих симбионтов в паразитов. Достаточно было внести крохотное изменение в хромосому, чтобы досаждающий Сиренам вид не давал потомства.

— Верно, — признала опять Пилч правоту Арджи. — Это, пожалуй, единственная существенная причина, по которой не следует делать скоропалительных выводов. — Она сделала короткую паузу. — Ты получила хоть какие-нибудь мало-мальски результаты относительно физической стороны исследований?

Триггер помотала головой.

— Пока нет. Лаборатории согласились продолжать эксперименты, хотя некоторые мои коллеги не понимают, зачем это нужно.

— То, что мы узнали об образцах Сирен, говорит о том, что они ускорят понимание твоих коллег. Если бы проблема не основывалась, в основном, на пси, то ты со своими великолепными способностями справилась бы с ней на ура. А ведь, так или иначе, но ее придется разрешать на пси-уровне, если, конечно, она вообще принципиально разрешима.

— Наверное, — кивнула Триггер. — Я пытаюсь затянуть исследования, вдруг что-нибудь выяснится. Если официально поступит приказ прекратить работу в этом направлении, то пла-

нетам Сирен грозит неминуемая стерилизация.

— Может так случиться, что прибегнуть к этой высшей мере придется, — констатировала Пилч. — Такой вид жизни нельзя оставлять на свободе. Несмотря на карантинные меры, никто не даст гарантию, что все будет происходить по плану, возможны любые отклонения.

— Да, знаю, но все-таки смертная казнь целого вида — непростительная ошибка! — воскликнула Триггер. — Уничтожение Сирен кажется необходимостью только потому, что человечество не в состоянии придумать иного выхода. Нет, это чудовищная ошибка!

— Ты так уверена в этом?

— Безусловно.

— Почему?

Триггер пожала плечами:

— Даже не знаю. Предчувствие, наверное. С тех пор, как я избавилась от флорозависимости, Сирены мне не очень нравятся. Не то, что бы я их терпеть не могла, просто чувствую, что они мне чужие.

— А как ты реагируешь на эффект эйфории сейчас?

Триггер поморщилась.

— Отрицать очевидное не буду, это ощущение

приятно. Но так как я знаю, что это эффект, то мне просто приятно и не более того. Знаешь, я бы предпочла скорее не ощущать его, чем ощущать. Не то, что бы он мне надоедал, но я совершенно не скучаю, когда его нет.

Пилч понимающе кивнула.

— Но ведь были же ситуации, моя милая, — напомнила она, — когда ты вела себя не вполне адекватно, и это свидетельствует не в пользу Сирен.

— Все верно, — согласилась Арджи. — Скажи все же, как ты думаешь, я права в отношении Сирен?

— Честно говоря, не знаю. Но моя интуиция подсказывает, что твое отношение к Сиренам — это еще одна причина, по которой не следует спешить с выводами. — Пилч кивком показала на ящик с бонсаем. — А каковы твои планы относительно данного образца?

— Кое-что наметила, — заявила Триггер уклончиво. — Для начала отправлю его обитателям Старой Галактики. Эти парни по своему рождению пси и неплохо управляются со всем живым.

Пилч с пониманием отнеслась к задумке.

— Что ж, неплохая идея! Они все еще на Маккадоне?

— Вроде да. По крайней мере, полгода назад, когда я в последний раз навещала сад Мантелиша, они были там и не собирались его покидать.

— Когда отправляешься?

— Следующим полуденным рейсом.

— Я буду транзитом на Маккадоне через четверо суток, — сообщила Пилч. — И обязательно заскочу к тебе. И только не надо смотреть с такой грустью во взгляде, моя дорогая! Мы еще дождемся света в конце туннеля! А если твои старые галактиане не справятся с задачей, у меня всегда найдется пара-тройка запасных вариантов.

— Очень рада слышать такое от подруги!

— Ну, а пока мы еще не на Маккадоне, — воскликнула Пилч, — я хочу снабдить тебя разумозащитой.

— Разумозащитой? Мне известно, что все работники Лаборатории используют эти устройства, но… в общем, таскала я его прошлым летом, жутко неудобно.

— Разумозащита, что я тебе даю, особенного дизайна. Она сидит, как влитая, и мешать при исследованиях не будет. Если собираешься мотаться с образцом повсюду, тебе просто необходима солидная защита. Так, на всякий случай. Особенно теперь, в свете последних новостей о

возможностях Сирен.

Глава 3

Высоко в горах южнее города Цейз на планете Маккадон у приятеля и коллеги Арджи профессора Мантелиша был разбит на участке частный ботанический сад. Это было любимое место, где он мог расслабиться после тяжелых трудовых будней. Правда, ему не удавалось появляться там часто. На правах подруги хозяина Триггер могла в любой момент прилететь туда, покантоваться недельку-другую в комнате, специально выделенной для нее профессором, выспаться всласть в большом каменном доме, расположенном в центре сада.

Старые галактиане жили непосредственно в саду. Только Триггер и Пилч знали, что они там. Мантелиш, вероятно, подозревал нечто подобное, но никогда не заводил разговора об этом. И вообще, существовало крайне мало людей, знавших про их существование. Жители Старой Галактики в прошлом обладали высочайшей культурой, которая была сметена пожарищем ужасной войны, разразившейся в регионе Млечного Пути столь давно, что земное человечество

тогда еще охотилось на мамонтов. Немногие галактиане сумели пережить этот катаклизм, их поселения были разбросаны на больших расстояниях друг от друга и часто располагались вне зоны досягаемости средств связи, так что они только совсем недавно стали воссоединяться. А местом их воссоединения, как ни странно, стал сад Мантелиша. И теперь вся маленькая колония старых галактиан то и дело пополнялась новыми членами, прибывавшими неисповедимыми путями со всех концов разведанной Вселенной. Они верили, что воинственная раса, уничтожившая их культуру, погибла в горниле галактической войны, ибо обладала таинственной, неподвластной человеческому пониманию силой и когда решала, что нечто должно быть уничтожено, шла до победного конца.

Общение между старыми галактианами и людьми было крайне затруднено. Но Триггер повезло, она сумела оказать им несколько важных услуг, и поэтому они то и дело снисходили до разговора с ней. Казалось, что они живут в другом временном измерении. Если кто-то хотел побеседовать со старым галактианином, то ни в коем случае не следовало гнать коней.

Итак, когда она прилетела в сад вместе с Сире-

ной, то первым делом прошла в свою комнату и поместила контейнер с бонсаем на антигравитационную решетку. Потом распаковала остальной багаж, приняла душ, повалялась на тахте. Кибер принес поднос с ланчем, который Триггер «приговорила» медленно и задумчиво. В конце концов, она выбрала из массы привезенных с собой документов один и принялась за его детальное изучение. Все ее поведение было направлено на то, чтобы дать понять обитателям сада, что она здесь и что ее мучает проблема. Она не навязывала себя старым галактианам, просто подбросила им идею и позволила ей распространиться среди них в один присест. Незадолго до того, как устроиться с документом, Триггер получила некое ментоуведомление.

Это уведомление всплыло у нее в мозгу, приняв визуальную форму одного из больших деревьев в саду.

Дерево не являлось тем же самым, вокруг которого собирались старые галактиане в прошлый раз, но эта удивительная раса очень часто меняла свои привязанности, равно как и свои квартиры. Триггер послала им самые сердечные приветствия, отложила документ и вышла из комнаты, не забыв прихватить с собой привезенный с Фар-

нхарта бонсай.

На дворе стояла чудная весенняя погода. Три садовника с планеты Тайнеква обихаживали то самое дерево, которое послужило уведомлением о приглашении к разговору. Существа выглядели маленькими суетливыми гномиками с коричневой кожей и являлись членами небольшого клана, которых Мантелиш уговорил оставить уютную долину на родине и переселиться на Маккадон, чтобы приглядывать за его ботанической коллекцией.

Триггер приветливо поздоровалась с работягами. Они приветствовали ее не менее радушными улыбками и стали наблюдать, как она подошла к дереву, выбрала самое удобное место среди его узловатых корней и поставила туда ящик.

Когда она закончила и подняла голову, все три Тайнеква, уложив шанцевый инвентарь на плечи, уже семенили по тропинке прочь от дерева и вскоре скрылись за раскидистым кустом. Девушка не удивилась такому повороту событий. Тайнеква были на редкость искусными садовниками и не могли не заметить, что некоторые экземпляры коллекции Мантелиша расцветали и приносили плоды и без их помощи. И пока они ничего не знали о старых галактианах, неистово

верили в добрых и злых духов. Если бы садовники считали местных духов злыми, то никакие просьбы, никакие деньги не удержали бы их на Маккадоне и часа. К благосклонным духам человечки относились с уважением. Тайнеква держались на почтительном расстоянии от больших деревьев, которые, очевидно, не нуждались в их заботе. И когда Триггер позволила себе запросто усесться среди корней одного из таких, клан садовников исчез из ее поля зрения до последнего человека. Девушка не была уверена, правильно ли они поняли ее отношение к духам, но знала, что Тайнеква чувствовали по отношению к ней благоговение, смешанное со страхом.

Учитывая обстоятельства, это было совсем нелишне. Она не хотела, чтобы кто-нибудь мельтешил даже поодаль, когда она разговаривает со старыми галактианами, которые очень старались поддержать общение, но только с ней наедине. Ей приходилось оставаться расслабленной, но внимательной, чтобы не дать своим мыслям разбрестись кто куда. Поэтому пока она ожидала вызова, Триггер даже закрыла глаза, чтобы не отвлекаться. Ее пригласили придти, что ж — она пришла.

Девушка ждала со смирением монашки. Пока,

наконец:

— *Опишите вашу проблему!*

Она почувствовала не слова, а их значение. Одновременно она ощутила присутствие нескольких старых знакомых. Они рассматривали большие деревья в саду в качестве своих жилищ. Их сущность растворялась в сущности дерева, протекала по ним медленно, как сок. Старые галактиане приобретали собственную натуральную внушительную материальную форму только тогда, когда хотели, а иногда принимали и чужую форму. В данный момент они топтались рядом с Триггер, по-прежнему невидимые, чтобы понять, чего она хочет.

Девушка стала думать о Сиренах.

Маленький образчик здесь, в контейнере, а его громадные родичи — загадочные и прекрасные древесные организмы распространились на трех планетах одной звездной системы и образовали леса, сплошь покрывшие всю сушу. Она думала о том, как люди соприкоснулись с этим жизненным феноменом и как обнаружили опасность, которую несут Сирены другим формам жизни. Они представляли собой, казалось, настолько серьезную угрозу для человечества, что им грозила неминуемая стерилизация. Триггер не забы-

ла упомянуть и о своей интуиции, твердящей, что подобное решение противостояния Сирены-Человек ошибочно, даже если это окажется необходимой мерой. Она не старалась особо организовать свои мысли. Старым галактианам должно было хватить общего представления, а уж из этого они выработают собственные представления.

Итак, что требуется от нас конкретно?

Триггер исходила из гипотезы, что Сирены обладают разумом. Значит, следовало достучаться до этого разума и втолковать ему, что необходимо прекратить разрушение чужой биосферы. Или, если эти создания подчиняются лишь инстинкту, выход возможен как видоизменение исходного генотипа и преобразование в вид, неопасный для других жизненных форм. Старые галактиане были по-своему великолепными учеными, чьи методы сильно отличались от человеческих, и, возможно, думала девушка, они сумеют справиться там, где люди пока терпели фиаско. Еще она подумала о трудностях, с которыми столкнулись ксенотелепаты Пилч, пытаясь наладить контакт с образцом на ментальном уровне. А также о том, что большинству людей приходится защищать свой разум пси-блокираторами, чтобы

не поддаться эффекту наведенной эйфории.

Некоторое время в ее разум никто не заглядывал. Она понимала, что описала проблему достаточно полно, поэтому просто ждала. Тем не менее прошло около полутора часов с того момента, как она уселась среди корней, что для старых галактиан было эквивалентно бурному обмену мнениями.

Время от времени что-то ей все-таки говорилось.

Со стороны это выглядело так, словно Триггер разговаривала по телефону.

Она кивнула в знак согласия. Потом сказала:

— Ну, ладно.

Девушка снова включила антигравитационную решетку и перенесла бонсай к другому большому дереву. Потом отсоединила пси-блокиратор от контейнера, сделала переднюю стенку прозрачной и присела на корточки.

* * *

Эффект наведенной эйфории проявился уже через несколько секунд. Его интенсивность постепенно усиливалась, пока не достигла определенного предела, после чего дальнейшее нарастание кайфа прекратилось. Это ощущение

было приятным, хотя каждый индивид испытывал его по-своему. У Триггер обычно это было удивительно обширное светлое чувство, в котором не было ничего необычного, чужепланетного и инородного для человека. Отличное самочувствие, удовлетворенность и осознание факта, что эмпатия исходит от Сирены. А также взаимная расположенность. У нее период эмоционального привыкания проходил очень легко в отличие от других людей.

— Вот так, — сказала она для незримых обитателей Старой Галактики.

Ответа не последовало.

Прошло еще с четверть часа, а потом что-то стало сгущаться, выдавливаясь из-под коры большого дерева непосредственно над контейнером.

Триггер с интересом следила за диковинными манипуляциями. Старый галактианин выглядел как гигантская обесцвеченная сосиска, и то, что появилось на обозрение, в данный момент отделялось от древесного ствола. Процесс шел крайне медленно. Девушке пришлось ждать чуть ли не две минуты, прежде чем она определила, что это не ее знакомый. Внушительных размеров, но все же заметно меньше габаритами, да и весом не более четверти килограмма. Он оторвался от дерева

окончательно и навис над контейнером, после чего немного поманеврировал и, в конце концов, стек внутрь. Там он прикоснулся к основанию бонсая и растворился в миниатюрном деревце.

Что-то еще было сказано Триггер.

Девушка засомневалась в том, что правильно восприняла послание, но потом дотронулась до корня большого дерева, торчавшего из почвы. Несколько минут спустя через запястье в руку проникло ощущение какой-то прохлады. Что вызвало такое чувство, она не видела, но знала. Из собственного опыта она знала еще, что вреда от этого ни человеческому организму, ни дереву, когда сущность старых галактиан растворяется в нем, не будет. Инопланетяне были невидимы, а если при растворении их сущности в другом живом существе происходило что-нибудь не так, они, прежде чем покинуть свое временное пристанище, вылечивали его, словно были ангелами-хранителями ботанического сада Мантелиша и всех его обитателей.

В данном случае галактианам не стоило заботиться о здоровье Триггер, поскольку оно было отменным, но они, как и Пилч, почувствовали, что раз уж ей пришлось часто входить в контакт с Сиренами, то обязательно нужно защитить ее

разум. И теперь старый галактианин принялся снабжать ее своим эквивалентом пси-блокиратора или разумозащиты. Он закончит свою работу не раньше, чем через несколько суток. Девушка задала мысленно несколько вопросов, ей дали необходимые разъяснения, после чего пришла к выводу, что не стоит мешать столь опытному специалисту по экзорцизму[8] — пусть беспрепятственно продолжает свое дело.

Остаток дня прошел без эксцессов. Потом ей было сказано присоединить пси-блокиратор к контейнеру и снять прозрачность с передней стенки. Она сделала это с радостью, ведь было бы крайне нежелательным, если Тайнеква вернутся вечером и ненароком угодят в сферу действия наведенного эффекта эйфории. Слава Богу, что они никогда не узнают, какой опасности могли подвергнуться. А дальше старые галактиане будто забыли о существовании Триггер. Неплохо было бы растянуться на бархатной травке и немного вздремнуть, тем более что наступили сумерки. К тому же не было похоже, что ее добровольные помощники собираются прерваться на ночь. Девушка сходила в дом, принесла документы

[8] Примечания: 8

Горгульи — архитектурные детали крыши в виде уродливых фантастических птиц.

и спальный мешок. Не забыла она взять из холодильника и то, чем подкрепиться на ужин. Поужинав и полистав материалы по Сиренам, она забралась в мешок, где и угодила в объятья Морфея.

И приснилось Триггер, будто она в лесу под сенью множества Сирен купается в целом океане эйфории. Но вдруг ей стало страшно, поскольку она поняла, что становится флорозависимой. Она сделала отчаянную попытку вырваться и… проснулась.

Вспоминать, где она на самом деле, долго не пришлось. Небо было покрыто облаками, между которыми мерцали низкие звезды. Сад вокруг был заполнен тишиной и причудливыми тенями, но ощущение эйфории, излучаемой Сиренами, как ни странно, не проходило.

Девушка высунулась из мешка. Она не могла спросонья хорошенько разглядеть контейнер с бонсаем, но поняла, что крышка с него снята, а пси-блокиратор отсоединен. Ее охватила тревога. Но вскоре ментопослание старого галактианина проникло ей в разум.

Это послание было адресовано не ей, и поэтому Триггер не сразу поняла, о чем оно. И в этот момент она вдруг отчетливо увидела, что

над контейнером склонилась уже не одна, а несколько сосискообразных форм. Девушка снова забеспокоилась. Было нелепо думать, что старых галактиан может что-нибудь пронять, но у Триггер создалось впечатление, будто собравшиеся у контейнера достаточно возбуждены. Один из них, очевидно, дотронулся до разъема пси-блокиратора — случайно или намеренно это произошло, пока было не ясно — но из-за этого эффект эйфории был выпущен наружу.

Ей пришлось довольно долго наблюдать за тем, как справляются с этим бравые ребята инопланетяне, но ничего интересного не произошло, да и ментопослания от них более не поступали.

Наконец они оставили контейнер в покое, отошли к дереву и дальше — в него. Замыкающий, прежде чем последовать примеру товарищей, закрыл крышку. Поняв, что ловить больше нечего, Триггер снова забралась в спальный мешок с головой. Когда она проснулась снова, на сад опустилась предрассветная свежесть. Все вокруг казалось тусклым и туманным. А старые галактиане обратились к ней.

Девушка выяснила, что дело представляется им весьма перспективным, но пока они не могли поделиться конкретной информацией. Один из них

по-прежнему находился в Сирене, анализируя ее изнутри. Перед Триггер была поставлена задача: забрать контейнер в дом, а вечером вернуться с ним снова. Вот тогда-то они смогут рассказать ей больше.

Глава 4

— Ну и что? — задала вопрос Пилч, когда они встретились в Цейзе через два дня.

— Старые галактиане справятся с задачей, — убежденно сказала Триггер. — Они не могут объяснить как, да я бы и не поняла.

— Что-то вид у тебя не очень радостный, — с проницательностью много пожившей женщины подметила Пилч. — В чем загвоздка, милая?

Триггер удивленно взметнула светлые бровки.

— Фактор времени. Мои приятели из Старой Галактики настолько долго живут, что никак не могут понять, что это за штука такая — находиться в ожидании. Для того чтобы усмирить Сирен, им понадобится время.

— И сколько им понадобится?

— А вот здесь-то и коренится некоторая расплывчатость понятий. Все, что связано со временем, следует соизмерять с возрастом самих

галактиан. Боюсь, что речь идет о таком незначительном периоде, как парочка столетий.

Пилч восприняла это совсем не как шутку.

— Мы не можем столько ждать!

— Известное дело, — согласилась Триггер. — Я им сказала, что дело Сирен не терпит отлагательства, и попросила его ускорить.

— И какова была реакция?

— Кажется, они пришли к выводу, что это — занимательная идея. Поэтому я снова в исканиях. — Триггер виновато улыбнулась. — А какие варианты у тебя?

— На данный момент имеется два варианта. Есть несколько ксенотелепатов из Психологического Сервиса, в которых я уверена на сто процентов; они принадлежат к лучшим нашим операторам. Но, к сожалению, сейчас они вне Ядра Звездного Скопления. И даже если они прервут свое текущее задание, потребуется не меньше месяца, прежде чем они доберутся сюда.

— Я с радостью доставлю им образец.

Пилч с пониманием встретила эти слова.

— Мы могли бы забросить туда тебя. Хотя, с другой стороны, возможно, не придется лететь дальше, чем Орадо. Там живет пси, у которой выявились выдающиеся способности к ксеноте-

лепатии. Она не из Сервиса и не желает, чтобы узнали о том, что она пси. Скорее всего, ее способностей хватит, чтобы определить наличие разума у Сирен, а также разновидность и степень его развития, что позволит установить с ними контакт. И если у нее получится, Мы возьмем первый барьер.

— Конечно, возьмем! — воскликнула Триггер, воспрянув духом. — А как с ней связаться?

Пилч молча достала из сумочки визитку.

— Вот тебе настоящее имя и действительный адрес. Отправь ей краткое изложение проблемы и поинтересуйся, не хочет ли она познакомиться с образцом въяве? Если заинтересуешь ее, в создавшейся ситуации это будет наиболее выигрышный ход.

— Я займусь изложением прямо сейчас! — Триггер впилась глазами в визитку: — Тэлзи Амбердон, Орадо-сити… Насколько я могу быть с ней откровенна?

— Можешь рассказывать ей все, что пожелаешь. О конфиденциальных делах Федерации Тэлзи располагает подчас большей информацией, чем любой член Координационного Совета. Но девочка предпочитает держать язык за зубами. Чтобы узаконить это цело, я дам тебе Очищение

четвертого класса для передачи ей.

— А что она потребует в качестве награды? — поинтересовалась Триггер. — Не придется ли мне отдать кое-какие распоряжения?

— Сомневаюсь, что Тэлзи столь меркантильна, чтобы требовать вознаграждение. Девочка из очень обеспеченной, можно сказать, богатой семьи. Она станет с тобой сотрудничать лишь в том случае, если заинтересуется твоим предложением. Так что дерзай, моя дорогая, и стяг тебе в руки!

— Уж поверь мне, подруга, я так изложу, что от любопытства она на стенку полезет, или я — не Триггер Арджи! Кстати, а эта твоя Тэлзи не заподозрит, что лезет в ловушку, как это произошло с твоими ксенотелепатами?

— Если ей понадобится терапевтическая помощь в результате эффекта эйфории, то таковая будет немедленно оказана. Вспомни о том, что никто из людей пока серьезно не пострадал от Сирен. Так что беспокоиться об этом особо не следует. Между прочим, в некоторых аспектах, не хочу об этом говорить, наша маленькая Тэлзи — настоящее чудовище. Но не бойся, я всегда буду барражировать где-нибудь поблизости, так что в случае необходимости свяжешься со мной через

Сервисный Центр, — она взглянула на часы. — Давай-ка, заскочим в Лабораторию, я снабжу тебя обещанной разумозащитой.

— Кстати, об *этом,* — сказала Триггер. — У меня уже появилось нечто похожее на разумозащиту. Не совсем то, но очень близкое.

— Ух, ты! — воскликнула Пилч.

Триггер рассказала о старом галактианине, который последние двое суток копался в ее нервной системе и кое-что изменил. Тем не менее, подруги все равно отправились в Лабораторию, поскольку Пилч захотела установить, что именно в организме Триггер подверглось изменению. Тесты показали, что у нее и в самом деле появилась биозащита, позволяющая чужому разуму войти в контакт с мыслями Триггер, которые она сама не хотела скрывать, но закрывала наглухо все остальное. Даже мощнейший пси-зондаж, которому Пилч с помощью направленного игольного ментолуча подвергла мозг девушки, не смог пробиться через эту нематериальную заслонку. Но та же преграда мгновенно исчезала, когда Триггер считала ее ненужной.

— В любое время, когда я решу избавиться от нее навсегда, заслонка исчезнет бесследно, — сообщила Триггер.

— Я обнаружила, что было предпринято твоим галактианином, — сказала Пилч. — Похоже, мой подарок тебе не пригодится. Никакая техническая разумозащита не сравнится с той, которая у тебя уже есть. Ну, дорогая, дела ждут, я тебя покидаю!

* * *

К вечеру того же дня старый галактианин известил Триггер, что работа завершена. Она пришла к его жилищному дереву, взялась за торчащий из земли корень и подождала до тех пор, пока он не войдет в свой дом-ствол. Девушка поблагодарила друзей за все и вернулась в комнату. Изложение для Тэлзи Амбердон было уже заготовлено. Она не упомянула об участии старых галактиан, но практически обо всем остальном рассказала без утайки. Особенно о риске для того, кто сунется решать эту проблему с кондачка. Потом Триггер слетала в Цейз, где с помощью межзвездного ретранслятора отправила послание на Орадо. Примерно через шесть часов Тэлзи Амбердон должна была его получить.

Ночью, когда Триггер сладко спала в своей постели, а над ботаническим садом Мантелиша зажглись звезды, туда явился посетитель.

Три Тайнеква, шедшие по тропинке, чтобы дать роздых усталым мускулам в своей уютной хижинке, не заметили, как в рассеянном звездном свете сгустилась какая-то тень, прячущаяся за густыми ветвями одного из больших деревьев. Они продолжали болтать о своих ботанических делишках, не обращая внимания, как нечто проникает сквозь их разумы.

Пилч двигалась в глубь сада под сенью больших деревьев. То там, то сям она делала остановки, настороженно посматривала по сторонам и периодически меняла направление движения. В эти мгновения она напоминала крадущуюся лань. В конце концов, она задержалась перед тем деревом, где накануне Триггер общалась со старыми галактианами.

В дереве зашевелилось. Потом галактианин отделился от ствола и сфокусировался на посетительнице. Оба надолго замерли. Возник ментозапрос.

Пилч назвалась тоже мысленно. Через какое-то время ее идентификация была осознана.

— Цель вашего визита?

Она вбросила тщательно отобранные впечатления об образце Сирены, переданном ею Триггер, о звездной системе с планетами Сирен, об эффекте,

который они производят, о невосприимчивости их к пси-контакту…

— *Да, все это характеризует их, как Хана-вид.*

— А что вы знаете о них?

Пилч мгновенно получила ответ в том плане, что старые галактиане никогда прежде с Сиренами не сталкивались. Правда, имелись кое-какие данные о том, что это не новый вид жизни, а достаточно древний, считавшийся вымершим.

— Являются ли Сирены настолько опасными, как кажутся на первый взгляд?

— *Да, они очень опасны.*

Обмен информацией продолжился. В мозгу Пилч медленно, но неотвратимо формировались определенные впечатления. Время, пространство, направление оставались пока еще неустоявшимися, но по человеческим меркам это было очень давно и очень далеко в беспредельности Вселенной. Раса безумно воинственных завоевателей забрасывала на обитаемые миры Хана-виды, после чего там гибли цивилизации. У Хана имелось еще какое-то оружие, кроме способности, внушать эйфорию. Пилч воочию наблюдала жуткие картины гибели даже пси, которых словно пронзали незримыми копьями, не говоря уже об обычных разумах, бесследно рас-

творявшихся под напором агрессора. Она видела громадные пси-машины, попавшие под пресс Хана и обратившие свою мощь против своих хозяев. Она смотрела на планеты, завоеванные Хана-видами и казавшиеся несокрушимыми. Власть Хана, этой надвигающейся зеленой напасти, распространялась мгновенно, во всех направлениях, и затапливала Галактику подобно растительному половодью, беспощадно сметая на своем пути еле теплящиеся островки жизни.

И все же Хана-виды были уничтожены, когда было применено космическое оружие дальнего действия, которое иссушало поверхность всех тех миллиардов миров, на которых эти растительные захватчики к тому времени укоренились, до тех пор, пока жизнь на них не погибла окончательно. Потом раса, с которыми сражались Хана, выслала разведчиков. Они должны были проверить, не остались ли где враги неуничтоженными.

Но, похоже, одну из отдаленнейших от театра военных действий звездную систему разведчики пропустили.

Ближе к утру маленький аэрокар взмыл над ботаническим садом и взял курс на Цейз. Примерно через час после этого Триггер проснулась, приняла душ, позавтракала, вышла в сад, понаблюдала

за Тайнеква, копошащимися под кустами, после чего вернулась к себе в комнату, где уселась, по своему обыкновению, за документы. Ближе к полудню КомСеть настойчиво зазвонила из офиса Мантелиша, расположенного на первом этаже. Триггер спустилась вниз, чтобы принять сообщение.

В нем говорилось, что всю следующую неделю Тэлзи Амбердон предстоит сдавать выпускные экзамены в Пехенрон-колледже. Несмотря на это, она готова встретиться с мисс Арджи на Орадо, чтобы увидеть ее Сирену и обсудить дальнейшие совместные действия. Если это предложение устраивает мисс Арджи, то следующий уик-энд — 71-й и 72-й Дни стандартного года — у Тэлзи свободен.

А сегодня на календаре у Триггер красовался 70-й День. Она позвонила в Центр Психологического Сервиса и оставила сообщение для Пилч. Потом собрала вещи, загрузила контейнер с Сиреной в аэрокар и направила воздухоплавательный аппарат в космопорт Цейза. Уже через час девушка была на пути в Орадо.

Глава 5

Триггер встретилась с Тэлзи Амбердон на следующее утро в номере отеля «Хапландия» космического терминала Орадо-сити. Честно говоря, она слегка растерялась, увидев молоденькую девчушку лет семнадцати, ведь слова Пилч о том, что она — чудовище, не выходили у нее из головы. Правда, потом ей пришла мысль, что способная пси, разбирающаяся в галактических делах лучше умудренных членов Координационного Совета, возможно, рано повзрослела.

— Ну что, готова попробовать на себе эйфорию? — спросила она вместо приветствия.

Тэлзи кивнула.

— Запросто!

Триггер отсоединила пси-блокиратор от контейнера, и эйфория широким потоком хлынула в комнату. Тэлзи забралась с ногами в кресло-ракушку и уставилась на Сирену. Выражение ее лица было сосредоточенным, лоб наморщился, словно она прислушивалась к каким-то далеким голосам. Триггер, видевшая иногда подобное выражение у Пилч, стремилась не отвлекать новую знакомую. Через пару минут Тэлзи вытянула

ноги и взглянула на хозяйку.

— Можете снова заслонить, — попросила она, и Триггер послушно подключила блокиратор.

— На что это было похоже?

— На что-то очень странное. Какие-то обрывки пси-ощущений, но только сразу после того, как вы отключили заслонку.

Это заинтриговало Триггер.

— Знаешь, ни один из исследователей об этом не упоминал.

— Но так было! — стала настаивать Тэлзи. — Просто эти обрывки быстро исчезли, и уловить их заново мне не удалось. Все остальное время ничего не ощущалось. Почти как поглощение энергии пси! Я почувствовала, словно меня засунули в вакуум.

Триггер понимающе кивнула.

— Это похоже на то состояние, которое описывали другие ксенотелепаты. Я привезла с собой целую кипу отчетов, не хочешь ознакомиться?

Тэлзи, естественно, выразила желание ознакомиться, причем немедленно. Следующие часы она провела за столом, куда перебралась из кресла, потому что любила заниматься серьезным делом не в полулежащем положении. Триггер же, в основном, наблюдала за своей гостьей и вывела

заключение, что эта удивительно миловидная девчушка, вероятно, обладает сильной волей и высоким интеллектом, она способна преуспеть там, где спасовали ксенотелепаты Пилч. Триггер задумалась, а когда же проявится настоящее чудовище — Пилч не из тех, кто бросает слова на ветер!

А настоящее чудовище захлопнуло последний отчет и посмотрело на Триггер.

— Это, несомненно, иной тип пси-созданий! — подвела итог Тэлзи. — Отличный от всего, с чем мне приходилось сталкиваться. Не уверена, что смогу хоть что-нибудь с ними сделать. Я — ваша последняя надежда? — с прямотой юности задала она вопрос.

Триггер улыбнулась.

— Я бы не сказала, но другого варианта нам придется ожидать целый месяц.

— Хотите, чтобы я попробовала? После того, как познакомились со мной?

Триггер поколебалась.

— Вопрос вовсе не в том, что кто-то хочет или не хочет, чтобы ты попробовала.

— Вы волнуетесь, мисс Арджи, не так ли? — вновь огорошила ее Тэлзи.

— Да, — призналась Триггер. — Собственно

говоря, легкое волнение свойственно мне все последнее время.

— Какова же причина вашего волнения?

Триггер потрогала себя за нижнюю губу.

— Не могу определить с уверенностью, возможно, это всего лишь игра моего воображения, хотя я так не думаю. Но у меня такое чувство, что справиться с этой проблемой — это или наставить Сирен на путь истинный…

— …или случится что-то нехорошее? — продолжила за нее Тэлзи.

— Вот именно. Ситуация ухудшается по мере того, как идет время.

Пси взглянула на Триггер насмешливо:

— Так почему же вы не слишком стремитесь привлечь меня к участию в пси-зондаже?

Ну, как разговаривать с такой нахалкой?

— Ты неверно поняла мое отношение к данному вопросу, — подбирая слова, произнесла Триггер. — В Лаборатории, где пытались видоизменить Сирен биологически, особых проблем не возникало. Не считая, конечно, того неприятного факта, что некоторые исследователи обзавелись флорозависимостью. Естественно, это случилось до того, как их заставили применить пси-блокираторы и индивидуальную разумозащиту. Но

все, чего они достигли в лабораторных условиях, необходимо закрепить на Сиренах. — Она показала на контейнер. — Например, остановить их рост, сделать нефертильными[13] и тому подобное. Между тем, обнаруженные хромосомные нарушения постепенно стали восстанавливаться, что, как мне объясняли многие специалисты, невозможно.

— Вот этот крошка в один прекрасный момент возьмет да и вымахнет в целый баобаб? — не поверила Тэлзи.

— Абсолютно справедливо, — признала Триггер. — А это означает, что лабораторные исследования ни к чему не привели. Ксенотелепаты тоже ничего не добились, хотя и выяснили ряд интересных фактов, характерных для Сирен, и тут же влипли в неприятности по уши.

— Читала, — кивнула Тэлзи.

— А ты, надеюсь, сможешь оказаться покруче этих специалистов из Центра Психологического Сервиса. Возьмешь да и продвинешься намного дальше. Но если, паче чаяния, такое произойдет, хочу предупредить: постарайся не влипнуть по уши!

---

[13] Примечания: 13

Фертильность — способность взрослого организма давать потомство.

Тэлзи ответила не сразу.

— Вы думаете, Сирены не пытаются вернуть утраченное в результате произведенных над ними опытов? Или они полагаются на нашу совесть?

— Это именно так выглядит на их взгляд?

— Да, на пси-уровне это выглядит именно так, — улыбнулась Тэлзи. — Похоже, что вы не очень сильно пытаетесь втравить меня в это дело!

— Верно, не пытаюсь, — согласилась Триггер. — Я не чувствую, что должна втравливать тебя. Зато чувствую, какие слова должна сказать перед тем, как ты примешь решение.

— Вы рассказывали еще кому-нибудь о восстановленных хромосомах? — спросила Тэлзи.

Триггер возмущенно затрясла своей рыжей головой:

— Если бы я стала трубить об этом на всех перекрестках, пришлось бы вернуться к проекту стерилизации, а я этого не хочу!

Она успокоилась и добавила почти нормальным голосом:

— Вероятно, об этом знает еще мисс Пилч. Она заглядывала периодически в мой разум по разным причинам, но о Сиренах ничего не

говорила.

— Это она порекомендовала вам меня? — спросила Тэлзи тихо.

— Да, — призналась Триггер. — А вы что, знакомы?

Тэлзи энергично помотала головой.

— Никогда прежде о ней не слышала. Вы можете ее описать?

Триггер задумалась.

— Пилч есть Пилч. У нее, как у каждого человека, свой стиль жизни, свои привычки, свои привязанности и антипатии. Она очень сильный пси. Одна из самых высокопоставленных чиновников Психологического Сервиса. Занятая леди, она не стала бы переживать из-за Сирен, если бы считала, что это несущественное дело. К тому же, именно она сказала, что ты сможешь наладить устойчивый контакт с маленькой Сиреной, которую я привезла с Маккадона. А это заставляет предположить, что в них есть хоть какие-то зачатки разума…

Триггер закусила губу, что-то промелькнуло в ее глазах:

— Я знакома с ней больше двух лет, но, если честно, это все, что я могу тебе сказать.

Тэлзи минуту переваривала сказанное.

— Если я скажу вам, — заявила она после этого, — что не хочу заниматься этим делом, как вы поступите?

— Соберу манатки и отправлюсь в круиз на месяц. Дожидаться запасного варианта! Не думаю, что подходить к Сиренам со стороны пси безопасно, но это лучше, чем не подходить к ним вообще!

Тэлзи выдержала паузу.

— Спасибо за откровенность. И вот вам мое решение: я берусь за это дело! Посмотрим, насколько права ваша Пилч, это в том смысле, смогу ли я помочь. — Она посмотрела Триггер прямо в глаза: — Или правы вы, предостерегая меня не браться за это… Не могу вообразить себе, что какие-то древесные существа способны грозить гибелью Федерации, но что ж, посмотрим. Если я ничего не добьюсь, вы все равно сможете собрать свои манатки и подождать среди звезд свой запасной вариант. Каким временем вы располагаете?

— Столько, сколько понадобится для выполнения задания, или столько, сколько ты сможешь ему уделить.

— А где вы намерены жить дальше? Мы не можем плодотворно сотрудничать, если вы по-прежнему будете снимать номер в отеле.

— Это уж наверняка, — согласилась Триггер. — Половина постояльцев «Хапландии» зайдется в эйфории, стоит нам оставить заслонку открытой на ночь. Лаборатория, в которой экспериментировали над Сиренами, отстоит от любых населенных пунктов на солидном расстоянии, несмотря на то, что все ее помещения, включая подвальные, были оснащены мощнейшими пси-блокираторами. Значит, надо поискать место, пусть и сравнительно удаленное, но все-таки удобное для тебя.

— Я знаю такое место, — мгновенно отреагировала Тэлзи.

— Так сразу?

— Наше семейство владеет летним домиком, расположенным на холмистом плато вдалеке от городов, — объяснила девчушка. — В ближайшие несколько месяцев он будет пустовать. За ним присматривает Зед Мэлион. Но у него с женой есть собственный домик в четверти километра от нашего.

— Ты права, в своем домике им не грозит эффект эйфории, — сказала Триггер. — К тому же есть специальные устройства и с такого расстояния влияние Сирен грозит чете Мэлионов не больше, чем солнечная радиация.

— Это я уже выяснила из отчетов, любезно предоставленных вами, — сказала Тэлзи. — А будет лучше, если мы уберем Мэлионов на все то время, пока будем экспериментировать, из дома. Больше в округе никого нет. Это очень удобно и для меня, поскольку смогу добираться из колледжа, затрачивая на дорогу не больше двадцати минут… Если у вас нет срочных дел в Орадо-сити, можем отправиться туда уже в полдень.

Глава 6

Карликовый Хана грезил по-своему. Его жизнь была короткой и не могла продлиться достаточно долго, но его наследственная память формировалась на протяжении множества поколений, прежде чем начала увядать, и кроме этого он обладал еще одним видом памяти, который давал о себе знать в те моменты, когда ему требовалось отвлечься от окружающего мира. В последнее время приходилось частенько прибегать к этому виду памяти, особенно с той минуты, когда Хана осознал, что находится на планете Винов и оторван от своих сородичей.

Этот дополнительный вид памяти брал свое начало еще на той планете, откуда вышли Ха-

на. Из той седой старины, когда они добились превосходства над другими жизненными формами в результате длительных и чрезвычайно опасных схваток с врагами столь же ужасными и жестокими, какими были сами. В конце концов, Хана подчинили себе всю сушу и зажили в полной гармонии со своими симбионтами, не задумываясь при этом над тем, что творится вне их родного мира. Это медлительное растительное существование продолжалось долго, пока его не стала нарушать некая суетливая и мобильная форма жизни, постоянно жующая кого-то или кормящая кого-то собой, которая не нашла ничего лучше, чем заполонять острова и материки и тем самым досаждать благополучию Хана. Пришлось заняться вплотную этой сверхдеятельной и надоедливой формой жизни, которую через какое-то время удалось утихомирить и довести до удовлетворительного уровня тихой и чинной древесности.

Это было замечательное время, и карликовый Хана часто погружался в него, возвращаясь окрепшим, после чего с трудом воспринимал мысль о том, что находится не среди родных Хана, а среди чужих Винов. Кроме этого ему нечем было заниматься. Ведь Вины содержали его в гнусной

энергетической клетке, из которой невозможно было выбраться, и открывали ее каждый день только затем, чтобы помучить своими запросмыслями и отвратными разумомашинами. Зачем они это делали? А затем, чтобы отыскать и поработить независимый разум Хана. Ха, да будь они мудрее и менее самонадеянны, то за это время могли многому научиться у него! Карликовый Хана прекрасно знал о манипуляциях, которые заставили его организм перестать растив и не давать созревать семенам, но подобным вещам он не придавал значения. Вины могли в любой момент вернуть все на круги своя. Вопрос заключался в том, сумеют ли Вины добраться до его разума.

Ему не верилось, что Винам это удастся. Он был гораздо лучше вооружен, чем его сородичи времен войн с Винами. Если его защита падет, одно касание его смертоносной мысли уничтожит другие разумы! Но защита пока еще крепка и не должна пасть. Первое зондирование Винов едва дотронулось до этой защиты и было отброшено. Последовал краткий момент спокойствия. Но Винам не откажешь в упорстве. Повторная попытка была тщательно подготовлена, причем с использованием разума, вмешательства кото-

рого дотоле не наблюдалось.

Он предостерегал их, хотя Вины не отнеслись к этому с должным вниманием. Это раса, которая не знала меры. Если они продолжат дальше и преуспеют в своей настойчивости, Хана не выдержит и начнет убивать. Одного-единственного всплеска хватит, чтобы уведомить Древесные Миры, что против них затеяна чудовищная провокация. Древесные Миры, которые давно уже не испытывали тревоги за свою судьбу, поскольку обладали столь могучей силой, которая ничтожным Винам и не снилась.

Хана сформулировал свои предостережения и закапсулировал в ментоспору, чтобы выпустить ее, как только потребуется. Приготовившись к предстоящим смертям, он снова ушел в грёзовую память.

* * *

Спустя четыре дня после того как Триггер со своим питомцем переселились в загородный домик, Тэлзи парила в своем аэрокаре. Время подбиралось к вечеру. Она должна была остаться в колледже и на ночь, но выпускница уж больно хорошо сдала экзамен. Покинув Пехенрон, она расслабилась, сказалось напряжение тяжелого

дня.

Внезапно ее настроение кардинально изменилось. Безотчетная тревога родилась где-то внутри и не отпускала. За последние несколько дней это происходило уже не впервые.

Сирена?

Из-под пси-блокиратора и с такого расстояния? Не похоже, хотя и возможно.

В ходе своих исследований (выходные дни плюс еще два вечера) девушка не слишком-то преуспела, хотя следовало сделать скидку на то, что особых усилий она не прилагала. Но эта смена настроения была непонятна! Под механическим эффектом эйфории ничего не обнаружилось. Контрольные датчики Психологического Сервиса ничего не упоминали про это, хотя ксенотелепаты в один голос твердили про какую-то холодную пустоту. Некоторые из них натыкались на что-то в этой пустоте, правда, уверенности у них не было. Ощущение было не из числа приятных, в исследователях просыпалось не известно откуда взявшееся чувство жестокости и необъятной мощи, трудно соотносимое с маленькими и нежно любящими Сиренами. В отдельных случаях даже сертифицированная разумозащита была недостаточно надежной и не справлялась с возложенной

на нее функцией. В результате несколько телепатов спятили.

Даже если бы у Триггер не было плохих предчувствий, дело не казалось безупречным с точки зрения опасности для того, кто им занимается. Когда экзамены закончатся, Тэлзи сможет влезть в него с головой. Все, чего она хотела в течение недели, было связано только с Сиренами.

Даже если это, в конце концов, произойдет, сможет ли она позволить им одолеть себя? Уверенности в ответе она не чувствовала. Эти мысли независимо от нее самое то и дело всплывали из подсознания. Тем не менее, это ее не задевало. Флорозависимости она за собой не замечала и горячей любви к бонсаю в контейнере не испытывала. А если она и возникала, то Тэлзи могла от нее отгородиться. Самое замечательное, что эффект эйфории пропадал буквально через секунду после того, как она выходила из контакта.

Но что-то все же беспокоило девушку.

Тэлзи направила аэрокар в устье долины. В горах было ветрено и сыро, как всегда на стыке зимы и весны. Снег все еще лежал в оврагах и на склонах, но зелень уже проклюнулась там и сям. Домик Амбердонов приткнулся на берегу озера сорока километрами севернее.

У нее возникло неосознанное желание проверить экраны воздушной машины, хотя Тэлзи прекрасно видела через фонарь кабины, что в округе нет больше ни одного аэрокара. Это было ощущение, что рядом находилось нечто! Нечто незримое.

Когда это случилось с ней впервые четыре дня назад, Тэлзи предположила, что, вероятно, это пси, бродящий по ее ментопространству. Кто-то, заинтересовавшийся ею. Поскольку такой интерес был нездоровым, она установила датчики, реагирующие на малейшую попытку прозондировать ее разум, а заодно и гасящие импульс ментощупальца. Но в этот раз датчики почему-то не среагировали.

Значит, это не человеческий пси. Если только это не пси, куда более ловкий и проворный, нежели все те, с кем Тэлзи встречалась до сих пор. Учитывая текущие обстоятельства, такое было невозможно.

Раз это не человек, то, скорее всего, Сирена.

* * *

Чувство растворилось раньше, чем она добралась до причальной мачты, где пришвартовала своего «Скользящего по облакам» рядом с аэрока-

ром, взятым Триггер напрокат, пока она гостит на Орадо.

Последние два вечера компаньонки расслаблялись. Когда Тэлзи прилетала из колледжа, они ужинали при свечах, потом забирались в кабинет Джиласа Амбердона, где имелся замечательный камин, и часами смотрели на огонь, болтая о том и о сем. Все это время контейнер с Сиреной (с отсоединенным блокиратором) находился там же: на столе или на полу, и мысли Тэлзи витали вокруг чуждой неизвестности и не пытались зондировать, а собирали по крупицам все, что могли собрать. Но уже вскоре ручеек этой информации иссякал. Незадолго до полуночи они подсоединяли пси-блокиратор, и Тэлзи отправлялась в свой Пехенрон.

(Перед отлетом она включала наружное освещение дома, и тот сиял во мраке ночи, как елочная игрушка). В самую первую ночь после того, как Триггер вселилась сюда, произошел неприятный инцидент. В какой-то момент девушки услышали шум, доносящийся снаружи. Можно было подумать, что это ветки стучат в окно, если бы не тот факт, что рядом с домом не росло ни одно дерево. Еще этот звук мог вызвать снежный заряд, но сезон зимних бурь давно миновал. Компаньонкам

пришлось открыть окно и выглянуть.

И сразу же какое-то пернатое вспорхнуло на подоконник, взмахнуло крыльями и ворвалось в комнату, до смерти перепугав и Тэлзи, и Триггер. Обе завизжали, но слаженно захлопнули раму. Через секунду в стекло опять же снаружи ударилось второе пернатое. Посмотрев в глубь помещения, крылатого пришельца девушки не обнаружили, но спустя несколько секунд до них донеслось трепыхание крыльев со второго этажа.

— Ты не поранилась, Тэлзи?

— Да нет, только сердце екнуло.

— Что это за твари? По-моему, за окном их штук двести, насколько я успела заметить.

— Рождественские песни.

— Какие песни? — удивилась Триггер. — Сочельник давно прошел.

— Да это название здешней птички — рождественская песнь. У них весенняя миграция, летят на север, отсюда и название. Стая села отдохнуть на озеро и, очевидно, подверглась влиянию Сирены.

— Господи, конечно! Сирена и только она. Я могла бы догадаться и раньше. Что будем делать с рождественской песнью, залетевшей в дом?

— Прежде всего, нужно нейтрализовать Сирену.

Щелчок — и пси-блокиратор был подсоединен.

Триггер насторожилась.

— Рождественская песнь в спальне твоей мамы.

Тэлзи усмехнулась:

— Эти птички не опасны. Пошли на охоту!

Может быть, рождественские песни были и не опасны, но этой конкретной не очень понравилось, когда ее попытались выгнать из комнаты. Девушек поцарапали, малость поклевали и извозили платья в клейкой грязи, приставшей к перьям на озере. Но интеллект — великая сила! Отбивавшуюся изо всех сил пришелицу, в конце концов, упаковали в покрывало с маминой постели. Выйдя на крыльцо, Тэлзи и Триггер были неприятно поражены — на ступеньках жалось множество ползучих, прыгающих и летающих представителей местной фауны, обычно друг с другом не контактирующих. Правда, вся эта коллекция уже начала мало-помалу разбредаться в разные стороны, поскольку волшебство Сирены на них перестало действовать, а с появлением людей и вовсе заставило и животных и птиц с громадной скоростью покинуть сцену. Когда

ступеньки очистились, компаньонки отпустили рождественскую песнь на свободу.

Примерно час девушки потратили на чистку одежды и зализывание моральных ран. Потом снова отключили пси-блокиратор, но на странные звуки за стенами дома решили не обращать внимания.

Кое-что иное игнорировать было куда труднее.

* * *

В ночь, когда Тэлзи после проведенного в домике уик-энда возвращалась в Пехенрон, она впервые обнаружила, как что-то незримое следует за аэрокаром. Явный пси, подумала девушка, хотя датчики ни о чем не предупредили. Она подождала, потом расслабила мозговые заслонки и быстро выпустила ментощупальце с широким захватом и гасителем эмоций на случай, если этот пси ей не понравится. Щупальце должно было обследовать примерную область нахождения ментоследов незнакомца и дать примерный анализ, кем он мог быть, но не тут-то было…

Девушка выжидала за своими заслонками. Чувство присутствия чуждого разума не становилось сильнее, нет, иногда оно даже ослабевало. Прошло около пяти минут, прежде чем оно исчезло

совсем.

За следующую пару суток аналогичное чувство настигало Тэлзи еще дважды. Первый раз в доме, в кабинете, во второй — на пути из колледжа в долину. Девушка не делилась этим с Триггер, но в ту ночь, когда как обычно собиралась лететь в Пехенрон, она неожиданно для своей гостьи заявила:

— Знаете, наверное, не стоит мне лететь на ночь глядя. Вы не против, если я отправлюсь рано утром?

— Вот здорово, поболтаем всласть! — обрадовалась Триггер. — И потом, я настолько рада, что кто-то рядом, когда я сплю.

Тэлзи испытующе окинула ее взглядом:

— Вам дискомфортно в нашем доме, когда я в колледже?

— Не совсем, в принципе я люблю одиночество, — она улыбнулась. — В ваш дом часто приезжают гости?

— Гости? — удивилась Тэлзи. — А почему вы спрашиваете? У вас возникло впечатление, что по дому бродят призраки?

— Просто иногда у меня возникает странное ощущение, — призналась Триггер. Потом она неожиданно понизила голос: — Вот и сейчас оно

у меня появилось!

Они обе оцепенели. Ощущение нарастало. Из легкой прохлады, струящейся по позвоночнику, оно быстро выросло до леденящего холода и гнетущего ужаса. Казалось, оно медленно кружит вокруг людей, подбираясь все ближе и ближе. Тэлзи облизала губы. Она напряглась, пытаясь обрубить пси-феномен и, о чудо — ощущение холода пропало!

Девушка уставилась в упор на контейнер с Сиреной. Триггер это заметила и укоризненно покачала головой:

— Пси-блокиратор не отсоединен! И те все разы он тоже не был отсоединен, я проверяла.

Пси-блокиратор и в самом деле функционировал как обычно.

— А сколько раз такое бывало?

Триггер пожала плечами:

— Четыре или пять. Я просыпалась по ночам в холодном поту. Длилось минуту или две, потом проходило.

— Почему вы мне сразу не сказали?

— Не хотела зря беспокоить. К тому же, раньше оно не было таким мощным. Не знаю, что это такое, но его связь с Сиреной мне не кажется очевидной. Фамильное привидение Амбердо-

нов, — улыбнулась она, — так я решила!

— Давайте присядем, в ногах правды нет, — предложила Тэлзи. — Нет, это не фамильное привидение Амбердонов, хотя что-то от привидения в нем имеется.

Они уселись на широкий кожаный диван, на котором папа Тэлзи любил вздремнуть после обеда.

— Ты это о чем? — спросила Триггер.

— Это — детище пси, — пояснила Тэлзи. — Нечто, существующее независимо от того, кто его породил. Призрак Ужаса, созданный пси, и выпущенный на свободную охоту. Он запрограммирован ощущать нас, когда мы ощущаем его.

Триггер глянула в сторону контейнера, освещаемого сполохами огня из камина.

— Сирена?

— Да, малышка Сирена, — Тэлзи взяла свой острый подбородок в горсть. — В этом порождении нет ничего человеческого, вероятно, она создала эту нематериальную гадость в тот момент, когда пси-блокиратор бездействовал. Таким образом, Сирена недвусмысленно показывает, что лучше с нею не шутить… Но она заблуждается на наш счет, именно теперь мы и *начнем* с ней шутить!

Триггер вопросительно изогнула бровь.

— Это я к тому, что вы оказались правы, — объяснила Тэлзи. — У Сирен есть разум. Наша знает, что ее хотят прозондировать, а она очень не хочет быть прозондированной. Она использует страх, чтобы отогнать нас. Как земная каракатица, выпускающая чернильное облако для того, чтобы барракуда испугалась нового объекта. Пси-разум, способный создать такой фантом, чрезвычайно силен и опасен. — Она встряхнула головой. — Не думаю, что это единственная из его опасных способностей!

— Планеты Деревьев, — задумчиво произнесла Триггер.

— Планеты Деревьев, — подтвердила Тэлзи. — Распространение Сирен невозможно заключить в рамки. Они просто еще о нас мало знают. Возможно, они считают нас опасными созданиями, и они правы, мы очень для них опасны. Планеты с Сиренами существуют объективно, и рано или поздно какой-нибудь обалдуй совершит в отношении их какую-нибудь глупость. И тогда начнется НЕЧТО, если уже не началось. — Она переглянулась с Триггер. — До сих пор я считала, что все это — ваше богатое воображение! Но теперь поняла, что это не так. Дела обстоят крайне неважно.

Триггер ответила не сразу.

— Как же мне хотелось, чтоб это было только мое богатое воображение! Ты по-прежнему уверена, что справишься с этой паршивкой?

Тэлзи пожала плечами:

— Теперь уже не знаю. Но я уверена, что Пилч предупреждала вас относительно моих возможностей.

Триггер пошевелила губами, потом кивнула.

— Да. Похоже, Тэлзи, что меня использовали, чтобы втянуть тебя в грязное дело?

— Ага, — легко согласилась девушка. — Нас обеих использовали!

Триггер вздохнула.

— Я не могу винить Пилч слишком сильно! С Сиренами нужно было разобраться, а Психологический Сервис сделать этого не может. По крайней мере, быстро. Я прекрасно тебя пойму и не стану упрекать за то, что ты покинешь поле боя.

— Возможно, у меня и возникала такая мысль, поскольку я определенно недооценила серьезность предложенного мне. Однако если я так поступлю, всю жизнь мне придется оглядываться, а что если Сирены…

— Значит, ты остаешься?

— А то!

Триггер улыбнулась.

— Я всегда подозревала, что в твоем теле бьется львиное сердце! Ой, смотри который час, а ведь тебе рано вставать. Давай-ка, моя милая, поговорим пару минут на отвлеченные темы, чтобы привидение дома Амбердонов не заявилось к тебе в сон.

Девушки потрепались на отвлеченные темы (новая коллекция платьев от Аскмизога-младшего — зональный чемпионат по робошахматам — симпатичный преподаватель межзвездной этики в Пехенрон-колледже) и легли спать.

* * *

В этот раз Тэлзи прозондировала ту необъятную территорию пустоты, от которой держалась как можно дальше с момента первого контакта. Оказалось, что она не настолько пуста, как это представлялось ей раньше. В глубине, скорее всего, что-то находилось. Что-то вроде мутной расплывчатой тени, распознаваемой только относительно занимаемого ею места, да и то лишь на миг.

Девушка осторожно покинула поле зондажа.

— Давайте оставим пси-блокиратор под-

соединенным до тех пор, пока я не сдам все экзамены! — сказала она Триггер. — Я собрала достаточно фактов, чтобы использовать их для начала.

Теперь она не была уверена в абсолютной надежности пси-блокиратора от воздействия Сирены, но хоть плохонькая защита — все же защита.

Триггер, естественно, соглашалась со всеми предложениями Тэлзи, поскольку доверяла ей во всем, что касалось пси. Тэлзи ночевала в загородном доме всю оставшуюся неделю, и ничего значительного за этот период не произошло. Что касается экзаменов, то они не затронули психики выпускницы, поскольку ее знания были на высоте. Наконец все закончилось к общей радости учеников и преподавателей, и Тэлзи с легким сердцем помчалась в долину. Лишь спустя три недели предстояло явиться на выпускной бал, где ей должны были вручить аттестат зрелости. А до тех пор она была предоставлена сама себе.

Глава 7

Рано утром после завершения экзаменов Тэлзи решила заняться Сиреной без дураков. Она закры-

ла дверь кабинета и передвинула кресло туда, откуда удобнее было наблюдать за контейнером. Триггер отправилась на двор, чтобы не мешать пси. Зед Мэлион, присматривающий за домом, появлялся где-то в районе обеда, чтобы справиться о заказах, которые ему следовало получить в магазинах для молодой хозяйки.

Тэлзи забралась по своей привычке в кресло с ногами и приняла медитативную позу, чтобы расслабиться физически. Ментального же расслабления не было. Если фантомное создание Сирены отреагирует так же, как описано в докладах Психологического Сервиса, то девушка не сможет решить ни одну из поставленных перед собой задач. Фантомное создание может не оставаться поблизости от бонсая и как киплинговская кошка разгуливать само по себе.

Ментощупальце осторожно раздвинуло пси-пустоту. Спустя несколько минут ее настигло такое же ощущение, что и несколько дней назад: пустота была далеко не так пуста, как это показалось Тэлзи при первом контакте. Что-то отдаленное и неотчетливое находилось там.

Девушка принялась анализировать свои впечатления. Итак, что она ощущала? Это было нечто крупное, но не поддающееся никаким

определениям. Возможно, холодное. Да. Холодное и темное.

Вот и все, что она чувствовала, и ни граммом больше. Но это было единственным, с чем ей предстояло работать на данной стадии. Кроме этого, можно было попробовать двинуться с другого направления. Было еще нечто холодное, темное, смутное, связанное уже не с фантомом, а с контейнером на столе. Тэлзи попыталась добиться хоть какого-то отношения со стороны Сирены.

Впечатление явилось внезапно и было сугубо негативным. Никакого согласия на контакт! После этого холод понизился еще на несколько градусов, а темнота сгустилась еще больше. Нервы девушки напряглись. Ничего не изменилось, зато она получила ответ. Ее ментощупальце достигло границы темноты, но не нашло ничего достойного для зондажа. Ей был дан знак, что там, в глубине, что-то пряталось. Следовало отважиться на следующий шаг.

Внезапно на пути дальнейшего исследования возникла преграда. Тэлзи внезапно ощутила, что находится в кабинете не одна. Это чувство было гораздо ярче, чем в тех случаях, когда за ней якобы следил некто. Она по-прежнему не ощущала ничего конкретного, но ее тело уже отреагиро-

вало по-своему: по коже засновали мурашки, а волосы на затылке поднялись дыбом.

Девушка не стала крутить головой, поскольку сознавала, что, даже поглядев за спинку кресла, ничего не увидит. Вместо этого она резко втянула ментощупальце обратно, и так же резко чувство чужого присутствия исчезло.

Тэлзи посидела, а потом обследовала полученный знак со всех сторон. Из-за этого ничего нового вокруг не появилось. Она прекратила свои попытки идентифицировать символ, встала, подключила пси-блокиратор и взглянула на часы. С того момента, как она приступила к опытам, прошло около часа.

* * *

Тэлзи нашла Триггер в оранжерее, загорающей под солнышком рядом с каким-то экзотическим кустарником.

— Вы случайно не вспоминали обо мне несколько минут назад?

— Было дело, — не стала возражать Триггер. — Я и сейчас о тебе думаю, вроде того, в каком состоянии наши дела. А что?

— А то, — с запальчивостью ответила Тэлзи. — Случались ли в вашей практике хоть какие-то

проявления того, что вы тоже пси?

Триггер сначала удивилась, но быстро взяла себя в руки.

— Все мы, люди-человеки, в какой-то степени пси. Так что можно предположить, что и я — в этом плане отнюдь не исключение. Но у меня не получалось сделать что-нибудь необычное в этой сфере, если только не считать… — она замялась.

— Если не считать… чего? — переспросила Тэлзи.

Триггер подробно рассказала девушке о своих контактах со старыми галактианами.

— Ну и денек, — присвистнула Тэлзи, — что называется, не задался с утра! Ну и компашка у вас. Веселенькая и не без затей.

— Тсс! — прижала палец к губам Триггер. — Ты сама должна понимать, что знать об этом никто не должен.

— Молчу как могила, — положила руку на сердце Тэлзи, одновременно закатывая глаза. — Пусть отсохнет мой язык, пусть вытекут мои глаза…

— Надеюсь, что этого не произойдет, — сказала Триггер, удовлетворившись клятвой. Помедлив, она задумчиво произнесла: — Вот уж не думала, не гадала, что мои друзья пробудят во мне дар пси!

— Знаете, — медленно сказала Тэлзи, — а что, если они ничего не пробуждали?

— Как это?

— Проще простого. Старые галактиане побоялись отпускать вас одну и подселились в ваше тело. Ведь им такое сделать — раз плюнуть. — Она почесала ладошку. — Я тут столкнулась однажды с пси, который совершенно не подозревал о своих способностях. И это было еще той проблемой! Все, что с ним происходило необычного, он держал при себе и не показывал другим, считая аномалией. С вами — что-то похожее.

— Когда ты экспериментировала с Сиреной, тебя что-то насторожило?

— Да нет, — соврала Тэлзи. — Просто меня заинтересовало кое-что.

— А ты можешь покопаться в моем разуме, если я сниму защиту, которой снабдили меня галактиане?

В глазах Тэлзи заплясали чертики.

— Давайте попробуем!

Триггер изъявила желание, чтобы ментозаслонка исчезла. Прошло совсем немного времени. Потом Тэлзи сказала:

— Можете снова закрыться!

— И что? Я пси?

— Да, — сказала Тэлзи без эмоций. — Я предположила, что вы, вероятно, пси, исходя из того, как вы переживаете за судьбу Сирен. — Она поморщилась: — У вас, Триггер, самый неорганизованный разум из всех, что мне встречались! Интересно, а почему Пилч вам об этом не сказала?

— Теперь, когда ты об этом сказала, я понимаю, что Пилч мне намекала. Ничего конкретного не говорила, однако…

— Ну, если хотите, — предложила Тэлзи, — можем катануть на недельку после того, как развяжемся с Сиренами, и упорядочим ваш разум.

Триггер почесала переносицу:

— Честно говоря, упорядочивать разум звучит как-то…

— Почему?

— Вы с Пилч преуспели в своих пси-делах, но я встречала других, которые радости от своих способностей не испытывали. По мне лучше уж неорганизованный разум, чем организованный, но не приносящий радости своему владельцу. Думаю, что тебе и без моей пси-помощи под силу собрать новые факты.

— А вы столкнетесь с новыми проблемами, — вздохнула Тэлзи.

— Я догадываюсь об этом. Но я — достаточно взрослая девочка и предпочитаю справляться с ними по мере поступления. А пока у меня одна проблема: не помешает ли мой неорганизованный пси-разум твоей работе с Сиренами?

Тэлзи покачала головой. Триггер, скрытый пси, не могла отвечать за спонтанные проявления своего дара. Не могла отвечать и Сирена. В последний раз в этой пустоте ощущалось какое-то человеческое присутствие.

Значит, Психологический Сервис подспудно держит на контроле все, что происходит в загородном доме Амбердонов. Девушка в принципе ожидала подобного, а они явно приставили следить за ней оператора с выдающимися способностями — *она* не могла проникнуть в обеспокоенного телепата, но оставалась незамеченной.

Вокруг, подумала Тэлзи, располагалась не одна лишь эта высококвалифицированная пси. Когда Триггер рассказывала про старых галактиан, Тэлзи вспомнила прикосновение к себе чужого ментощупальца в отеле «Хапландия». Тогда еще контейнер с бонсаем был открыт.

По-видимому, старые галактиане тоже были заинтересованы в маленькой Сирене и присутствовали в загородном домике…

Знало ли каждое из скрытых действующих лицо о присутствии других? Догадывался ли выпущенный фантом Сирены о ком-нибудь из них? Ни о ком из них Тэлзи не могла поделиться с Триггер, поскольку слишком много пси вышло на сцену. И поверхностные мысли Триггер стали бы легкой добычей любого из пси, пожелавшего покопаться у нее в разуме.

Следовало не торопить события, а провести повторный зондаж феномена интригующей пустоты. Наверное, с этого момента мозаика должна сложиться в цельное полотно. Точно сложиться.

Девушка известила Триггер, что закончила, и добавила:

— Я, скорее всего, попытаюсь поконтактировать, доберусь до представленного мне знака и осмотрю его поподробнее, — она зевнула, деликатно прикрывшись ладошкой, грациозно потянулась: — А как насчет прогулки перед ланчем? Окрестности так и зовут, чтоб просмотрели.

* * *

Компаньонки миновали домик, в котором проживали Мэлионы, и побрели берегом озера. Светило вышло из-за туч, но все равно было прохладно. Узенькая тропинка, которую чаще

использовали животные, нежели люди, вилась себе между дюнами, то, забегая к самому урезу воды, то отдаляясь от него метров на сорок-пятьдесят. Прошло больше часа, прежде чем озеро было обойдено по периметру.

После ланча Тэлзи заперлась в кабинете и вышла из него спустя четыре долгих часа. Триггер заинтересованно оглядела ее с ног до головы:

— Ты выглядишь измотанной до предела, барышня!

— Да уж, работка была еще та, — призналась Тэлзи. — Если вас не затруднит, сварите, пожалуйста, кофе, а я постараюсь рассказать что и как.

Девушка обнаружила ментальный знак без особых усилий. Это было хорошее предзнаменование! Она сосредоточила все внимание на объекте и стала ждать. Потом что-то изменилось. Как будто в знак вдохнули жизнь. Еще одно неплохое предзнаменование. Значит, не придется его тормошить. К тому же, она продвигается в правильном направлении.

Это продолжалось около часа. Физически Тэлзи ощущала себя хорошо, и это можно было счесть третьим удачным предзнаменованием, но что-то ей не нравилось. Вдруг на спине зашевелились

мурашки, а дыхание в груди стеснилось. Это проявились симптомы повышенной тревожности. Все говорило о том, что она подобралась к цели.

Потом наступил момент, когда ее отшвырнуло от цели, и, тем не менее, Тэлзи по-прежнему находилась там же. Или *Оно* приняло защитные меры. Символический знак расплылся, словно нечто, скрытое за ним, приблизилось. Незримое, неосязаемое, неслышимое, но реальное в смысле пси-свойств. Темнота и холод доминировали в фальшивой пустоте. Оно неумолимо напирало, и это, несомненно, было угрожающим явлением.

Оно было, а потом вдруг исчезло. Оно ушло из реальности.

Но теперь Тэлзи могла обойтись без символов и без знаков, чтобы вернуться к исследованиям. С тем, с чем она контактировала, можно было снова войти в контакт. Это осталось у Тэлзи в памяти, и память ее стала связующим звеном. Теперь девушка могла в любой момент восстановить ментальную связь.

Что она и сделала. Хотя тут же потеряла след. Теперь у нее, кроме памяти, был еще и потерянный след. В итоге — два связующих звена. Все, что ей было необходимо, так это терпение.

Чувство ускользающего времени, а также

комнаты вокруг, кресла, в котором она сидела, даже собственного тела — все ушло. Она стала разумом во Вселенной разума, в которой она путешествовала и попутно изучала, пытаясь установить доподлинно, с кем же она контактировала, а заодно вычислить его координаты и установить новую, уже стабильную связь между собой и Этим. Она постоянно теряла следы, но они появлялись вновь и вновь, и, странное дело, отыскивать их становилось все проще и проще. Как будто искомое было рыбой, а Тэлзи — рыболовом, который держал ее на ментальном крючке. В конце концов, связь и в самом деле стала стабильной, и вот тогда-то девушка ее разорвала. Путь разведан, и отыскать контакт можно в любой момент.

С этой минуты она стала ощущать иное — будто ее физически кто-то окружает.

И, опять же, выявилось присутствие незваных гостей.

На этот раз Тэлзи решила все это проигнорировать. Чувство исчезло мгновенно, как только девушка открыла глаза и обвела взглядом интерьер…

— Думаю, что мы почти у цели, — сказала она в заключение своего рассказа. — Искомое

— это пси, порожденное пси. Именно его нашли ксенотелепаты Психологического Сервиса и попытались прощупать. Теперь верю, что оно могло отбросить их со страшной силой, у него заряд колоссальной мощности!

— Ты намерена пойти по стопам несчастных телепатов? — спросила Триггер.

Тэлзи кивнула.

— Мне придется прощупать его в любом случае. Следов Сирены я не обнаружила, следовательно, *Оно* выступает в качестве ее защиты. Нужно пробиться через нее. Каким образом? Пока не знаю, но узнаю, как только преодолею ее сопротивление. — Она помедлила несколько секунд: — Если меня отбросит, как ксенотелепатов, тогда не знаю, что мы будем делать дальше, но об этом подумаем в случае неудачи. Ведь у меня тоже защита, дай Бог каждому! А вот если удастся наладить контакт с Сиреной, то все другие проблемы отойдут на задний план. Конечно, если только наши древесные визави в основе своей не патологические убийцы. Но я согласна с вами, Триггер, что они на таких не похожи.

Но в деле присутствовали и другие факторы. И об этом пока не стоило рассказывать Триггер.

— Итак, все готово для зондажа, — сказала Тэл-

зи. — И в следующий раз я обязательно к нему приступлю, но хотелось бы выступить в лучшей физической форме, так что сегодня контакт исключается. Посмотрим, как я буду чувствовать себя завтра.

* * *

Девушки легли спать пораньше. Тэлзи провалилась в сон мгновенно, словно перед ней расступилась зеленая морская мгла… Чуть позже она с удивлением обнаружила себя в контейнере с Сиреной.

Правда, стенок у контейнера не было, а какие-то нечеткие абрисы вдалеке. Что-то похожее на холодную пустыню простиралась во всех четырех направлениях, а сама девушка стояла у основания ствола громадного дерева, вздымавшего свою крону выше любых гор, но ветви Сирены были скрючены. В атмосфере нарастал шум, будто приближалась грозовая буря. Почва под ногами подрагивала, а когда Тэлзи посмотрела вниз, то увидела, что она вкопана в песок по щиколотки. Послышался треск, девушка взглянула вверх — Сирена падала на нее. Еще какое-то мгновение — и чудовищное дерево прихлопнет ее, как муху. Тэлзи зашлась в крике…

… и проснулась.

Она села в кровати, учащенно дыша. Взяла лежащий у изголовья пульт и включила освещение. Почему-то свет загорелся не в спальне, а в холле за дверью.

— Триггер? — позвала она.

— Я-я, — дрожащим голосом проблеяла та.

— Подожди! — крикнула Тэлзи и соскочила с кровати как была, в одной ночнушке.

Триггер встретила ее на полпути. Волосы взъерошены, лицо бледное, пижама изжевана, словно ее не гладили полстолетия минимум.

— В чем дело? — спросила Тэлзи встревоженно.

Триггер попыталась улыбнуться, но попытка не увенчалась успехом.

— Мне приснился жуткий кошмар, у-у! Давай спустимся в кухню и выпьем по стакану горячего молока!

Улыбка у нее вышла кривой и насквозь фальшивой.

— Кошмар? — переспросила Тэлзи. — Мне тоже приснился самый натуральный ужас!

Как выяснилось чуть позже, компаньонкам приснился один и тот же сон, совпадающий в мельчайших деталях, за исключением того, что

во сне Триггер дерево валилось на Триггер, а во сне Тэлзи — на Тэлзи. Попивая горячее молоко, девушки обсудили ситуацию, пряча друг от друга глаза. Что-то пробралось к ним в сновидения, как только они заснули.

— Ваша защита, обеспеченная старыми галактианами, — спросила Тэлзи, — призвана оградить разум от всего, что может проникнуть в ваше подсознание, это включает в себя и механизм сна, верно?

— Во всяком случае, никто в него не проникнет до тех пор, пока я этого не позволю, — объяснила Триггер. — Похоже, что я позволила.

— Что? Как?

Триггер виновато улыбнулась.

— Я почти уже засыпала, — сказала она медленно, — как вдруг кто-то приказал убрать защиту.

— Почему?

Триггер беспомощно пожала плечами.

— *Казалось,* все это естественно. Я не была удивлена или встревожена. Пока не увидела падающее на меня дерево. — Она задумалась: — Да, это все, что я помню. Предполагаю, что это трюк одного из тех привидений, что болтается вокруг дома.

Тэлзи кивнула.

— Все может быть, — лично она не могла вспомнить, что происходило с ней до того, как она очутилась в контейнере: — А я могу припомнить только общие впечатления — тревога, обеспокоенность. Несущие в себе заряд чудовищного страха.

— Как нам мог присниться общий сон?

— А нам и не снился общий сон, — заявила Тэлзи. — Ваш разум открыт настежь, а я телепат. Один из нас придумал сон, а другой — его воспринял. Ведь мы проснулись практически одновременно.

— Сирена, — констатировала Триггер пару секунд спустя, — действительно не хочет быть прозондированной.

— Вот именно. А самое главное, она осознала, что мы почти добрались до ее пси-заслонки.

Два других разума, те, что следят за ходом эксперимента, тоже знают об этом, подумала Тэлзи. Психологический Сервис вряд ли заставил бы ее отказаться от пси-зондажа, а вот у наблюдателя, которого подсадил в Сирену старый галактианин, возможно, имеется свой резон. К тому же эти мафусаилы Вселенной способны навести еще и не такой кошмар! Как хотелось Тэлзи подобрать хоть какой-нибудь ключик к интересу, что испы-

тывает древняя раса по отношению к Сиренам!

Они допили молоко, пришли к выводу, что не стоит бодрствовать всю ночь, и пожелали друг другу спокойной ночи. Свет в холле был оставлен гореть, и, на удивление Тэлзи, она вновь провалилась в сон, не успела голова коснуться подушки.

Глава 8

Когда компаньонки проснулись, утро было хмурое. Небо затянуто свинцовыми тучами, ветер завывал, время от времени принося с собой влагу. Завтрак прошел в тишине, поскольку каждая из девушек была погружена в собственные мысли. Когда с завтраком было покончено, Триггер подошла к окну. Тэлзи встала рядом.

— Отвратительная погода! — констатировала Триггер. — Чувствую, что у меня депрессия.

— А я чем хуже? — сказала Тэлзи. — У меня тоже депрессия.

— Ты же не думаешь, что в этом виновата погода?

— Конечно, не думаю.

— Депрессией наполнен весь дом, — сказала Триггер. — Я ощутила сразу, как только открыла глаза. Как будто рядом болталось что-то неприят-

ное, которое можно услышать и увидеть в любой момент. Похоже на привидение, а?

— Точно. Может быть, это прекратится? — но Тэлзи сама не была уверена в своих словах. А вдруг это фантомное порождение забралось к ним в дом, просочившись через разумозащиту? От этого предположения у нее заболела голова, и не отпускало чувство обеспокоенности.

Спустя час уже не казалось, что депрессия отпустит свои жертвы.

— Ты не примешься за зондаж, пока у тебя депрессия? — поинтересовалась Триггер.

Тэлзи покачала головой.

— Естественно, если только мое самочувствие не улучшится, но и откладывать надолго не стоит.

Обе были уязвимы и чувствовали это. Даже будь они одни, не под наблюдением, браться за зондаж не следовало. Это могло ослабить их разумозащиту или обрушить на них напористое ментальное давление. И все-таки дело следовало довести до логического конца. Наличие Сирены вносило в ситуацию фактор неопределенности. Надо было приступать к активным действиям, но как? Если Тэлзи промедлит, то ее пси от простоя лучше не станет. Итак, цель была ясна, задача тоже.

— Давай-ка выйдем наружу и побродим по округе с часок, — предложила Триггер. — Может, это тебя приободрит. Обычно мне нравится непогода, но только не сегодня.

Они набросили дождевики, надели непромокаемую обувь и спустились к озеру. Но прогулка не улучшила настроения. Ветер срывал верхушки волн и обдавал мелкой изморосью стоящие на берегу деревья. Небо становилось все темнее, и Тэлзи показалось, что если прищурить посильнее глаза, то она увидит гигантскую Сирену из своего сна, наклонившуюся под напором туч. Она застыла на месте и схватила Триггер за руку.

— Мне что-то не по себе! — пожаловалась она. — Это сфокусировалось на нас, и мы тянем его за собой повсюду, куда бы ни пошли. Давайте вернемся в дом, возьмем купальники и уберемся отсюда! Я знаю пляж, где солнечно и тепло. И мы окажемся там уже через час.

Они отмахали на юг полтысячи километров, посадили аэрокар рядом с пляжем, золотистым и нагретым до температуры человеческого тела. Над головой распростерлось безоблачное небо. Ветерок, время от времени набегавший неизвестно откуда, был прохладным, но ласковым. Девушки купались, плавали, обдавали друг

дружку водой, кувыркались в набегавшей волне — одним словом, поднимали себе настроение как могли. И добились своего буквально за считанные минуты. Потом позагорали, растянувшись на песке, поговорили о том, о сем, снова поплавали, привлекли пристальное внимание группы загорелых мужчин, побегали наперегонки по кромке, высоко поднимая колени, окунулись напоследок, посмеялись над неуклюжими попытками незнакомцев пригласить их в свою компанию.

— А *теперь* возьмемся за Сирен вплотную!

Они снова вылетели на север и на полдороги сделали остановку в маленьком городке, где купили билеты на самое популярное живое шоу в Орадо-сити. Что могло произойти во время зондажа — вопрос вопросов. По крайней мере, произошло столько всего, что Мэлионам лучше не находиться поблизости. Они посадили машину у дома Зеда и объяснили хозяину, что, к сожалению, не смогут вечером пойти на представление, а билеты дорогие и будет жалко, если они пропадут… Чете хватило сорока минут, чтобы завершить текущие дела, одеться пошикарнее и сесть в аэрокар. Когда девушки еще спускались с причальной мачты, старинная, но хорошо сохранившаяся воздухоплавательная машина

домоправителя плавно прошлась над крышей дома и направилась в Орадо-сити.

В доме стояла тишина. Если нечто и обнаружило возвращение хозяев, то не подало вида. Компаньонки прошмыгнули в кабинет. В этот раз Тэлзи будет не одна. Основная часть работы — чье-то присутствие, легкий шепот наполовину пойманных и отслеженных поверхностных мыслей и эмоциональные щелчки поблизости, когда датчики Тэлзи были настроены на прием и не отвлекали хозяйку по пустякам, — была проделана буквально за четверть часа. Присутствие Триггер мобилизовало разум Тэлзи. Она села в соседнее с Тэлзи кресло, но расположила его так, чтобы контейнер с Сиреной стоял между ними.

— Вы готовы? — спросила Тэлзи.

Триггер поерзала на месте и приняла самую удобную для себя позу.

— Вроде да.

Тэлзи отсоединила блокиратор. Что-то возникло в кабинете на ментальном уровне. Девушки переглянулись. Тэлзи поняла, что Триггер ничего не заметила.

Чье-то присутствие закончилось. *Это* не удивило девушку-пси.

Но Триггер…

Тэлзи посмотрела на напарницу.

Та улыбнулась в ответ. На ее лице отпечаталась легкая тревога, смешанная с заинтересованностью. Она была готова к пси-эксперименту, осознавшая свой дар и приободренная купанием в море. В известном смысле она очистилась от ненужных эмоций. Тонкие вибрации разума, индивидуальность слетели с нее как шелуха. Пробил урочный час, и Триггер подошла к нему во всеоружии.

Тэлзи вытянула ментощупальце и мазнула им по тишине. Оно ни до чего не дотронулось, но было остановлено в своем движении. Девушка отдернула его назад.

Защита абсолютно незнакомого типа. Триггер, видимо, своей защиты не осознавала. Но никакое внешнее воздействие не могло пробиться через это подобие незримой, но чрезвычайно эффективной ментальной брони.

Мозаика стала складываться…

Тэлзи быстро проверила собственную разумозащиту. Вуаль защитного контура закрывала ее мысли от посторонних поползновений, позволяя ей самой, когда это было необходимо, просачиваться за ее пределы для зондажа. Как надежные доспехи, вуаль отражала любую попытку до-

браться до разума Тэлзи без ее на то согласия. Она закрывала свою хозяйку со всех сторон. А иногда, по желанию, исчезала, словно и не было ее никогда.

Девушка восстановила контакт, и Оно сразу возникло перед ней: холодная тьма, пустота, которая была наполнена, ощущение ужасной отталкивающей мощи. Тэлзи аккуратно просканировала вдоль возникшее у нее впечатление, но продвинуться дальше, чем раньше, не смогла.

Итак, предварительный зондаж! Чувствительная пси-иголка дотронулась, вошла и была отторгнута. Когда ее отторгли, что-то ударило разум Тэлзи грубо и резко.

Она выжидала. Ксенотелепатический дар является автоматическим, оперирующим в подсознательных глубинах за пределами досягаемости. Тэлзи не понимала, почему Оно сделало то, что сделало. Но когда она кольнула чужой разум, Оно стало трансформировать свои концепции в концепции, доступные для человека, поэтому Тэлзи смогла их понять. Если ей вздумалось побеседовать с чужаком, то Оно переводило ее вопросы и ответы на язык чужака. Этот процесс был достаточно быстрым, если не сказать моментальным. Понимание получалось буквально за

несколько десятков секунд.

А в этот раз никакого понимания! Разумозащита Тэлзи приняла ответные меры, когда нечто набросилось на девушку и скрутило ее. Потом Тэлзи отключила вуаль, но ничего экстраординарного не произошло.

Девушка приступила к глубокому зондажу. Она выпустила ментальное щупальце и растянула по всей длине прячущегося в пустоте объекта.

Оно появилось. Вуаль разумозащиты покрылась ребрами жесткости; у Тэлзи возникло ощущение, что ее уводит в сторону, отталкивает и давит одновременно, одним словом, зондаж не прошел. Щупальце было отозвано. Неизвестность вторглась на мгновение в ее мысли и тут же пропала. В конце концов, это было эхо чужого разума, который сопротивлялся контакту!

Чувство гнетущей неизвестности пропало, как только прекратился зондаж. Перед ней снова расстилалась тьма, грубая и отталкивающая. Пси-устройство, созданное разумом. Надежный щит, непроницаемый барьер. Внушительное ограждение. Но Тэлзи, пусть всего на миг, но все же коснулась чужого разума, прячущегося за ограждением, как моллюск в своей раковине. Контакт произошел независимо от того, хотел

этого чужак или нет. Девушке предстояло сделать больше, чем она уже сделала. И Тэлзи доверилась своей защитной вуали.

Потом она осознала важность той информации, которой стала обладать за несколько последних минут.

Она была не одна. Обнаружилось присутствие. Нечто большее, чем то, предыдущее. Разум. Человеческий разум, упакованный в доспехи.

— Чего ты хочешь?

Мысль ответила:

— Когда войдешь в контакт, тебе понадобится поддержка.

— И ты сможешь предоставить такую?

— Надеюсь на это, смелая девочка. Будь готова!

Мысль убралась из ментопространства Тэлзи.

Девушка, защищенная разумозащитой, приблизилась к барьеру и коснулась его края. Барьер ожил, как дракон, потревоженный в своем логове. Пси-копье ударило его в подбрюшье тяжело и неотвратимо. Барьер, в свою очередь, сильно тряхнул Тэлзи. Знакомое уже ощущение неизвестности больно укололо ее разум. Она схватила дракона и почувствовала ледяной холод, будто прикоснулась к гигантской змее, прежде чем это впечатление пропало. Преддверие контак-

та! Ниточка пси все еще продолжала связывать девушку с чужим разумом. Тонкая, прозрачная, она вела сквозь барьер. Следуя вдоль нее, Тэлзи подобралась вплотную к барьеру и ощутила на миг мощную волну бешенства, накрывшую ее с головой.

— Свяжись со мной немедленно, пока…

Сильнейшее давление подмяло девушку под себя — Тэлзи в обнимку с чужаком падала в бездну, вальсируя в ритме хаоса.

Она наладила разумозащиту перед тем, как барьер нанес ответный удар. С кем она танцевала, опускаясь все ниже и ниже, она не знала, и не было времени остановиться и разобраться. Но вдруг еще одна сила вмешалась в ход событий, и эта сила представлялась Тэлзи весьма и весьма полезной. Тем временем в разум ей ворвалась какая-то дерзкая путаница, растворяющая мысли и скручивающая в штопор эмоции. Это барьер пытался ввергнуть противницу в полную ментальную беспомощность. Сопротивляться путанице было сродни плаванию против течения.

Но двойная защита справилась с этим. Психить Тэлзи выстояла под бешеным напором и не порвалась. Через некоторое время девушка уже пребывала в сомнении, а пыталась ли она

преодолеть защитный барьер? Но вскоре пришла уверенность, что да, попытка взять барьер чужака была предпринята.

Глава 9

Она лежала в кровати в темноте, и ей не нужно было открывать глаз, чтобы убедиться, что находится в собственной спальне в загородном доме своих родителей. Она ощущала стены и знакомый интерьер не зрением. Как она очутилась здесь, Тэлзи не понимала. Ее разумозащита была активирована. Профилактическая процедура и ничего больше.

Профилактическая… против чего?

Этого девушка не ведала.

Вероятно, случилось что-то из ряда вон выходящее. Она ощущала неприятную усталость, это была не мышечная усталость, просто силы, казалось, покинули организм. Однако не было никаких признаков причиненного ей вреда, зато ментальное состояние было на редкость плачевным. Интересно, почему она ничего не помнит?

Ответ пришел спустя какое-то время.

Хана вытерли ей память.

После этого все вернулось. Она лежала без

движений, размышляя о произошедшем. Ах, эти невероятные расы! Они заполонили собой всю сушу целой звездной системы. Они превратили три мира в смертоносные пси-цитадели, каждодневно ожидая нового пришествия заклятых врагов, с которыми сражались много-много лет тому назад. Пятьдесят тысяч? Сто тысяч? Миллион лет назад? Хана были уверены, что Вины вернутся и попытаются поработить их или уничтожить. Они готовились к схватке, последней и решительной. А какую искусную тактику и стратегию они разработали за эти годы, пока их разумы были глубоко спрятаны! Когда редкое пси-существо попадало в сферу их влияния, Хана пускали в ход фантомную страшилку, так что никому не удавалось проникнуть за защитный барьер.

«Пока за дело не взялись мы», — с гордостью подумала Тэлзи.

Компаньонкам удалось проникнуть туда сообща, и разум Хана, обнаженный, мощный, но и по-детски наивный, пришел к выводу, что они — Вины, пришедшие убивать Сирен. Девушки притаились на какое-то время под пологом двойной защиты; они не могли долго выжидать, поскольку их пси-силы медленно, но неотвратимо перетекали в разум Хана, несмотря на

защитные вуали. Тем не менее, времени было достаточно для того, чтобы вовлечь в процедуру перевода концепции Тэлзи на язык, доступный Хана. И тогда Хана понял, что против него находятся не Вины, а стало быть, не враги. Никто не думает на него нападать, и тогда он прекратил с ними сражаться не на жизнь, а на смерть.

Четкости в понимании у Тэлзи не было, но она собрала несколько дополнительных деталей, касающихся, в основном, того чужака, который преодолел защитный барьер Сирены вместе с ней.

Девушка растворила вуаль. Как она и предполагала, этот чужак находился в комнате. Тэлзи открыла глаза, села на постели и включила свет.

В кресле сидела Пилч.

— Я была уверена, девочка, что тебе давно пора проснуться!

Сразу лишившись сил, девушка упала на подушку:

— А что с Триггер?

— Все замечательно, спит без задних ног. Во время контакта ей была обеспечена очень сильная защита.

— Старого галактианина, — уверенно сказала Тэлзи.

— Догадливая девочка.

— А что *Оно* делает в Хана?

— Предохранитель, вставленный в Сирену старыми галактианами, как только они поняли, с кем имеют дело, — терпеливо разъяснила Пилч. — Если бы наши пси-исследования в Психологическом Сервисе накрылись и Хана вынесли обвинительный приговор, Сирены в физическом смысле стали бы покойниками. У Надправительства имеются для этого действенные методы.

— Насколько я помню, вы находились не в лучшей форме, так же как и я, когда мы прорвалась через барьер Хана.

— Ты права, — согласилась Пилч. — Мы обе неважно себя чувствовали. Честно говоря, мы были полутрупами. К счастью, я неплохо владею процедурой восстановления. И вот я восстановилась всего за несколько суток.

— Несколько суток? Я не ослышалась?

— С момента первого полноценного контакта с Хана миновало десять суток, — сказала Пилч тоном лечащего доктора.

— Десять?! — Тэлзи снова уселась на постели и несколько раз ударила простыню в изножье.

— Успокойся! Никто об этом не догадывается, а до выпускного бала еще уйма времени! Твои ро-

дители считают, что ты отдыхаешь с подругами, Мэлионы и на пушечный выстрел не подойдут к дому, если не получат твоей санкции, а симпатичный преподаватель этики ждет не дождется, когда его ученица придет получать аттестат. Я знаю, что ты до сих пор чувствуешь себя выжатым лимоном, но это ненадолго, сегодня вечером ты ощутишь невиданный прилив сил, в том числе и ментальных.

Тэлзи смотрела на эту красивую женщину во все глаза.

— Вы используете в своих целях всех, кого пожелаете? — задала она бескомпромиссный вопрос.

— Ты тоже не без греха, мисс Амбердон! — отпарировала Пилч. — И ты, и Триггер, правда, каждая по-своему, используете природные способности самым эффективным образом. Когда дело касается чего-то действительно важного, тогда для вас не существует никаких рамок. Ваши опыты казались мне наилучшим шансом. И я не ошиблась. Никто из моих ксенотелепатов не смог бы сделать того, что сделали вы в критический момент. К тому же я не уверена, что контакт с Сиренами мог быть установлен каким-нибудь иным способом.

Она посмотрела на часы, легко поднялась и подошла к постели.

— Ну, раз ты проснулась, необходимость в сиделке отпала сама собой — я побежала! Триггер меня заменит. Если еще есть вопросы, ради Бога, отвечу на все.

— У меня только один вопрос: сколько вам лет, Пилч?

Пилч улыбнулась.

— Пусть это останется загадкой.

— Вы появились раньше, чем была основана Федерация, — задумчиво произнесла Тэлзи.

— Если ты ощутила это, значит, должна знать и то, что я помогала основать Федерацию. А также сохранять ее в периоды кризисов. Можешь держать это в своей памяти, мне все равно. Каждый раз, когда какой-нибудь пси-гений может оказаться полезным в одном из моих проектов, я буду использовать тебя.

Тэлзи укоризненно покачала головой:

— Не думаю, что дам согласие на это.

Всезнающие серые глаза Пилч на секунду уставились на девушку. Потом глава Психологического Сервиса дотронулась рукой до щеки Тэлзи. Что-то типа электрической волны прокатилось по жилам Тэлзи. Она моргнула.

Пилч ободряюще улыбнулась и убрала руку:
— Посмотрим, сестренка! Посмотрим!
Потом она ушла.

* * *

— Злишься на нее? — спросила Триггер, присев на край постели Тэлзи. Компаньонки только что заправились горячим бульоном. На дворе стояло раннее утро, и в доме, кроме них, не было больше никого. Хана и старые галактиане покинули долину вместе с людьми Пилч день назад. Из чего Триггер сделала вывод, что война Хана с Винами закончилась навсегда. Вскоре после этого должна была состояться экспедиция на Древесные миры, и тогда все недоразумения будут разрешены.

Тэлзи помотала головой.

— На сей раз я ее прощаю. Она потратила много сил, чтобы помочь мне проникнуть через барьер. А еще она не пожалела свое драгоценное время, чтобы убедиться, что со мной все в порядке.

Триггер кивнула в знак согласия.

— Да, это в ее характере. Ты некоторое время выглядела самой настоящей покойницей, бедняжка. Мне говорили, что ты поправишься, но я сомневалась. Потом появилась Пилч, и ты резко пошла на поправку. — Она вздохнула. — У этой

загадочной женщины свои заморочки!

Хана были не единственной расой, у которой имелись проблемы, связанные с Винами. Их конфликт был еще сравнительно мягким отзвуком древней войны, которая вспыхнула на окраинах империи старых галактиан и привела к ее падению. Лишь потом эти сравнительно медлительные существа взялись за оружие и вычистили звезды от своих врагов.

— Старые галактиане были с вами, Триггер, не слишком искренни, верно? — спросила Тэлзи.

— Согласна, — вздохнула Триггер. — Все выглядело так, будто нас втянули в высокую галактическую политику.

— Лично я собираюсь держаться как можно дальше от любой политики, включая галактическую!

— Я тоже, — поддержала подругу Триггер. — Это не…

Она подняла голову, заслышав мелодичный звонок вызова Ком Сети в холле.

— Ну-ну, похоже, к нам ворвался внешний мир. И кто это может быть…

Она вернулась быстро с улыбкой на губах:

— Ох уж эта Пилч!

— А кто звонил?

— Зед Мэлион. Сообщил, что собирается в город, и спросил, какие продукты нам понадобятся на будущей неделе.

— И у него не возникло никаких подозрений на тот счет, что мы разговаривали с ним последний раз полторы недели назад? — поинтересовалась Тэлзи.

— Никаких. Между прочим, то шоу, на которое мы купили билеты, закончилось для семейства Мэлионов только вчера.

— Теперь я знаю, чем мы займемся до выпускного бала! — сказала Тэлзи, и глаза у нее загорелись.

День славы
(рассказ)

Глава 1

Последнее чувство, которое она запомнила, — страх, ошеломляющее, переворачивающее все вверх дном смятение. Разум, казалось, разорван на части и раздавлен в лепешку. Первой из подруг пришла в себя Тэлзи. Она была не в том состоянии, чтобы мыслить. Впереди была пустота.

И вдруг снова появилось что-то. Смятение исчезло, убралось восвояси. Она обнаружила, что

находится там, где должна была быть. Заодно восстановилась способность думать.

Она лежала навзничь на какой-то мягкой поверхности. В одежде. Глаза были закрыты, но она и сквозь веки ощущала, что в помещении горит свет. Атака на воздушную яхту Касмарда не только не убила ее, но и не доставила физических увечий. А что же остальные?

Вуаль ее разумозащиты осторожно разошлась в стороны, выпуская тонкие ментощупальца.

Триггер была поблизости, очевидно, спала в этом же помещении. И спала сладко. Явных признаков присутствия Касмарда не наблюдалось, что Тэлзи не удивило, поскольку у нее никогда не возникало желания пощупать его разум. Она не стала его разыскивать. Если ни она, ни Триггер не пострадали при атаке яхты, наверное, с ним тоже все в порядке.

На яхте находился и четвертый человек. Мужчина по имени Кьюин. Навигатор Касмарда в Хасна-регате. Сейчас Тэлзи желала узнать о нем.

Она направила ментощупальце с целью пробудить отклик на подсознательном уровне при прикосновении к разуму навигатора. И мгновенно искомый отклик был получен. Тэлзи скользнула вдоль своего щупальца и аккуратно проникла в

этот разум. Кьюин, подобно Триггер, безмятежно спал. Девушка прилежно изучила его ментальные формы. Закрепила несколько контролек на отдельных гештальтах. Интересное дело, перед тем как она это сделала, ей показалось, что по формам пробегают в разных направлениях пси-волны, вызванные посторонними источниками. Естественно, они были сгенерированы существами, обладающими пси-возможностями. По-видимому, разумы этих существ были незащищены, а сами существа не являлись телепатами.

Это деталь может оказаться важной. По крайней мере, из нее можно выжать сиюминутную информацию. Закончив с Кьюином, Тэлзи подождала следующего пучка чужеродных мыслей, коснулась его ментощупальцем, смешалась своим сознанием с сознанием незнакомца, двинулась к незащищенному пси-разуму и принялась бродить по нему. С исследовательскими целями.

Девушка накопила сведения и то, что она выяснила, заставило насторожиться еще больше. Она вышла из пси-контакта так же незаметно, как и проникла в него.

Только теперь, через час после того, как она очнулась, Тэлзи открыла глаза.

* * *

С потолка струился рассеянный свет, вряд ли необходимый в подобных обстоятельствах. Дневной свет тоже проникал в помещение сквозь приспущенные жалюзи, оставляя яркие пятна на пушистом ковре. Тэлзи возлежала на одном ложе, а Триггер — на соседнем. Ярко-рыжие локоны компаньонки закрывали лицо. Обе девушки были в одежде, которую носили на яхте до атаки. В центре комнаты были сложены их чемоданы.

Тэлзи выпустила щупальце и слегка качнула им незащищенный мозг подруги. Триггер мгновенно проснулась, но еще какое-то время непонимающе таращилась по сторонам. Она увидела Тэлзи, и в ее глазах появилось понимание. Потом ее взгляд переместился на багаж. Она приложила указательный палец к губам, типа «Тсс! Нас подслушивают», спустила ноги на пол и подошла к своим чемоданам. Присев на корточки, она отщелкнула замки одного из них.

Тэлзи не оставалось ничего другого, как присоединиться к ней. Триггер вскрыла ногтем полоску, которая запечатывала потайное отделение на крышке. Достала косметичку и маленькую сумочку. В сумочке находилось несколько колец.

Триггер выбрала два из них, одно передала Тэлзи, а другое надела на палец. Потом косметичку засунула в карман жакета, а сумочку с содержимым вернула в чемодан.

— А вот это, — она продемонстрировала Тэлзи палец с кольцом, — охранное устройство. Мой партнер по компьютерному браку настаивает, чтобы я всегда носила его, когда мы не вместе. Это, по-моему, замечательная идея. Слушай, после встряски на яхте нам следует поболтать!

— Но нас могут подслушать! — воскликнула Тэлзи.

— Охранное устройство не позволит этого, поскольку мы связаны с тобой минимальным контуром! Так что же с нами произошло?

— Я тут выяснила кое-что, — туманно намекнула Тэлзи. — Так что лучше закрой плотнее свою старогалактианскую защиту!

— Готово! — доложила Триггер через полминуты. — Пси вокруг?

Тэлзи кивнула:

— И приличное количество. Я пока не выяснила, что это означает, но, скорее всего, у нас неприятности. А теперь о грустном, что с нами произошло. Кто-то тюкнул нас по темечку и вырубил начисто, пока яхту брали на абордаж.

Триггер потрогала голову.

— Ха, а шишки-то никакой нету.

— А каковы были твои ощущения сразу после удара?

— Такое впечатление, что голову запихнули в барабан и стали выбивать на нем «Болеро» Равеля. Но сейчас я в норме. Знаешь, кто это сделал с нами? Где мы? И что случилось с навигатором и аскабом?

— Примерно. Мы на планете Асканам. В Балаке Тамандума. Это балак Касмарда. Если точнее, мы в той части дворца, которая принадлежит регенту Тамандума в отсутствие Касмарда. Именно он организовал атаку на яхту.

— Чтобы похитить Касмарда?

— Скорее всего. Я уверена, что Касмард где-то во дворце. Кьюин тоже. А мы здесь потому, что нас угораздило оказаться не в самом лучшем месте не в самое лучшее время.

Триггер задумалась.

— Судя по тому, что я слышала о политике Асканама, — сказала она чуть погодя, — нам не очень повезло.

— Боюсь, что нам очень не повезло, — уточнила Тэлзи. — Единственное, что известно полиции, так это исчезновение яхты Касмарда со всеми

пассажирами в открытом космосе.

— А какое отношение ко всему этому имеют пси?

— Трудно сказать. Где-то рядом с нами уйма пси на любой вкус. Штук тридцать, а то и поболе. У одного из них незащищенный разум, и я взяла на себя смелость малость поковыряться в нем. Потом обнаружила, что у других есть защиты. Меня могли засечь в любой момент, и я быстренько убралась. Так что не удалось добыть достаточно информации. Я толком так и не разобралась, какого дьявола им здесь надо. Что-то связанное с Днем Славы…

— А это еще что за штука?

— День Славы — ежегодный праздник Тамандума, грандиозное шоу, насколько я смогла выяснить. А еще пси вроде как вознамерились поучаствовать в аренных состязаниях, сопутствующих этому празднику. — Тэлзи встряхнула непокорной прядкой. — Самое интересное, что все они — не асканамцы. Во всяком случае, та дамочка, в чьих мыслях я покопалась. Она — гражданка Федерации.

— Тогда они могут оказаться полезными для нас? — предположила Триггер.

— Возможно. Но хотелось бы выяснить больше,

прежде чем они узнают, что я тоже из Федерации и тоже пси, которая угодила в переделку. И мне нужно быть крайне осторожной из-за телепатов, которые не на нашей стороне.

— Да уж, будь, пожалуйста, осмотрительна! — поддакнула Триггер. — Тебе пока лучше оставаться нашим секретным оружием. Кстати, эти пси тоже находятся во дворце?

— Нет, они близко ко дворцу, но не в нем самом.

— Между ними и Регентом Касмарда существует связь?

— Я практически не сомневаюсь в этом.

— Ладно, — сказала Триггер, — давай-ка, барышня, примем душ, пока к нам не заявились! Слушай, а какой прикид ты нацепишь, если этому регенту взбредет на ум пригласить нас на аренные состязания?

— Что-нибудь традиционное: белый верх, черный низ и туфли с пряжками! — отшутилась Тэлзи.

— Ну, ты и даешь, подруга! Так и передадим моей волшебной косметичке! — в косметичке Триггер хранилась совсем не косметика, а любимый пистолет, оснащенный неким хитроумным механизмом. Он вполне мог претендовать

на звание второго секретного оружия компаньонок. — Дверь слева — душ, или я ничего не понимаю в дворцовой архитектуре.

Глава 2

В конфиденциальных файлах Надправительства Асканам рассматривался как экспериментальная планета Ядра Звездного Скопления. Официально это был мир, которому предоставили ряд своеобразных привилегий в обмен на осознание верховной власти Федерации. Основная часть поверхности была разделена на области, так называемые балаки, управляемые аскабами. Эти территориальные единицы были разными по размеру и населению. Асканам являлся живописной и очень яркой планетой, на которой великолепие и роскошь уживались с романтикой, насилием, индивидуализмом и целым букетом суеверий. Традиционная воинственность аскабов сдерживалась параграфами федеративного устава, который не разрешал частую и насильственную смену аскабов. С другой стороны, его юрисдикция не простиралась на сами балаки. Обитателям же Ядра Звездного Скопления, которые рисковали отправиться на

Асканам в качестве туристов, защита Федерации не гарантировалась.

Тэлзи знала, что это место служит сразу нескольким целям Надправительства. Асканам, в большинстве своем, был заселен людьми, которым нравилось такое положение вещей, поэтому ничто не могло удержать их от иммиграции. Их влекло туда фактически со всех миров Ядра, так как это были индивиды, чья тяга к романтике и опасным приключениям превалировала над уважением законов Федерации, поэтому Надправительство всячески приветствовало тот факт, что авантюристы всех мастей рвались на Асканам. Эта планета была как бы лабораторией Надправительства, обычаи и традиции поселенцев подвергались тщательному и скрупулезному исследованию, но настолько секретному, что это не могло придти в голову никому из асканамцев.

Для особ, склонных к романтике, путешествие по Асканаму вполне могло привести к печальному исходу.

Пока Триггер плескалась, Тэлзи обнаружила устройство внутренней связи, а когда девушки, вымытые и освежившиеся, переоделись, можно было воспользоваться предоставленной Провидением возможностью. Они дозвонились до

некоего асканамца, назвавшегося секретарем Регента Торру, который передал им наилучшие пожелания от Регента, выразил надежду, что гостьи прекрасно отдохнули, и поинтересовался, не будут ли они столь любезны присоединиться к завтраку, который дает в их честь аскаб совместно со своим кузеном?

Девушки прощебетали, что проголодались и совсем не против провести время за трапезой со столь почтительными господами. Им тут же поведали, как пройти через анфиладу комнат, чтобы добраться до столовой, где их будет ожидать накрытый на четверых стол. Конечно, их немного удивило, что аскаб не прислал никого в провожатые, но кочевряжиться компаньонки не стали и, последовав всем указаниям, вскоре оказались там, куда их пригласили. Аскаб Периал Касмард находился уже здесь, улыбаясь и всем своим видом демонстрируя радость от встречи. Компанию ему составляли трое мужчин, которых он представил, не отходя от кассы: один оказался пресловутым Регентом Торру, это был высокий худощавый брюнет с залысинами, другой — лордом Ормота с клочковатой бородой цвета меди, носящим звание Служителя Камня и, наконец, третий — могучим атлетом с мальчишеским

лицом, заявленный как лорд Вэллейн.

— Я с нетерпением ждал вас, дорогие дамы, чтобы первым делом выразить сожаление по поводу неудобств, доставленных вам, — сказал Регент. — Надеюсь, что ваш визит в балак Тамандума станет настоящим средоточием приятности. Некие политические соображения заставили привезти вас сюда столь оригинальным способом. Их вам подробнее осветит аскаб Касмард. — Торру обратился теперь уже к сюзерену:[14] — Твой вкус в отношении гостей безупречен, дорогой братец!

Он поклонился дамам и покинул столовую, сопровождаемый лордом Ормота.

Четверо уселись за стол, и званый завтрак начался. Когда обслуживающий персонал налил бокалы, наложил на тарелки закуски и салаты, после чего степенно удалился, Касмард сказал:

— Я глубоко сожалею, что вас, дорогие дамы, втянули в эту аферу! Мы можем говорить откровенно, я использую широковолновый поглотитель звуковых волн, но в любом случае негодяю Торру все равно, о чем пойдет разговор. Он уверен, что мы не сумеем ничего предпринять против него.

---

[14] Примечания: 14

Сюзерен (фр.) — крупный феодал по отношению к зависимым от него вассалам.

— Неужто ситуация такая аховая?! — воскликнула Триггер.

— Да уж, — признался аскаб, поморщившись, словно откусил пол-лимона. — Я оскорбил вас тем, что кормлю ложными уверениями в благополучном исходе. Ведь Торру, несомненно, попытается избавиться от нас всех четверых. Он считает вас моими женщинами и намерен через вас оказать на меня дополнительное давление.

— Давление? — спросила Тэлзи. — Для какой цели?

— Цель одна — мое отречение от титула аскаба Тамандума. Я должен публично отречься от престола в его пользу. Самое смешное, что для этого у милого братца есть все основания. Прошло восемь лет с той поры, как я в последний раз появлялся в своем балаке. В принципе, вот уже полжизни я являюсь гражданином Федерации, правда, неофициально. Я верил в свою счастливую звезду, и мне везло, мое состояние в данный момент не зависит от поступлений из казны Тамандума. Полный идиотизм — считаться аскабом, не желая быть таковым!

— Почему бы в таком случае на самом деле не отречься?

— По двум причинам, — ответил Касмард. —

Первая: если я и отрекусь, то не раньше, чем через год, и моим преемником станет Вэллейн, который приходится мне кузеном, как и Торру. К этому моменту паренек достигнет возраста престолонаследия. Он не разделяет моей неприязни к верховной власти, к тому же станет куда более подходящим властителем, нежели Торру, ведь я все еще чувствую определенную ответственность за судьбу моего балака.

— Вот поэтому меня внесли в список смертников под вторым номером, — застенчиво улыбнулся молодой Вэллейн. Казалось, этот факт его не слишком печалит. — Очень многие у нас в балаке предпочли бы меня Регенту.

* * *

— А вот и вторая причина, — продолжил Касмард. — После моего официального отречения Торру объявит о том, что аскаб — он и, ни минуты не колеблясь, отдаст приказ о моей казни. Если кто-нибудь из вас, — он выразительно обвел взглядом сидящих за столом, — к этому времени будет еще жив, он умрет вместе со мной.

Триггер поперхнулась.

— Вы полагаете, что Торру может убить нас еще до вашей казни?

Периал Касмард выглядел удрученным.

— К моему сожалению, полностью такую возможность исключить нельзя. Вы все, включая Вэллейна, еще в большей опасности, чем я. Поскольку я никогда не проявлял кровожадности, вообще-то свойственной аскабам, Торру посчитал, что страх за близких мне людей — хороший рычаг для воздействия на аскаба Касмарда. Вдруг тому вздумается показать, что он хозяин положения.

— Но, Периал, какая разница, кто умрет первый, а кто — второй: мы не можем выбраться из дворца, мы не можем отправить послание с призывом придти к нам на помощь, никто не подозревает, что мы приговорены. Торру настолько уверен в безнадежности нашего положения, что может разыгрывать роль радушного хозяина до самой нашей смерти. Он намерен стать аскабом Тамандума в День Славы, так что никто из нас не переживет этой даты. Надо смириться с неизбежным и изгнать печаль из сердец; сколько нам отпущено — все наше.

— А когда День Славы? — спросила Тэлзи.

Вэллейн недоуменно воззрился на девушку:

— Как?! Вы не знаете?

— Представьте себе, молодой человек, не

знаю! — с вызовом ответила Тэлзи.

— Спешу порадовать, — язвительно сказал Вэллейн, — День Славы — завтра.

Тэлзи вскочила, с грохотом опрокинув стул. Но когда она чуть погодя заговорила, голос ее оказался на удивление спокойным:

— Мы с Триггер на пути сюда видели из окон несколько ухоженных садиков. Если Регент не станет возражать, мы пройдемся туда и повосхищаемся мастерством садовников. Полагаю, и аппетит мой после этой прогулки улучшится!

Касмард забеспокоился.

— Полагаю, будет безопаснее, если вы останетесь со мной.

— Насколько безопаснее?

Вэллейн усмехнулся:

— А ведь барышня права, кузен! Пусть подышат свежим воздухом напоследок. Наши сады прекрасны, как и сегодняшнее утро. — Он поклонился обеим: — Я попросил бы разрешения сопровождать вас, однако в виду сложившегося положения мне не обходимо позаботиться о кое-каких неотложных вещах. По крайней мере, я спущусь с вами до нулевого уровня и провожу до входа.

Касмард грузно встал.

— Тогда будь добр, братец, подождать здесь несколько минут! Я хочу одарить наших прелестных спутниц!

Он провел Тэлзи и Триггер в соседнюю комнату и закрыл за ними дверь.

— То, что я хочу вам вручить, тоже может стать политическими рычагами. На Асканаме суеверие — орудие в руках власть имущих или тех, кто ее возжаждал. Вполне понятно, что они сами частенько не лишены суеверия. Когда я был ребенком, мой отец, тогдашний аскаб, заставил меня хранить как зеницу ока маленькие амулеты, моду на ношение которых наш двор позаимствовал у соседей. Эти обереги должны были охранять меня от проделок злонамеренных колдунов. Я выполнил волю отца и сохранил их до сего дня; сейчас я хочу подарить каждой из вас по талисману. По той же причине, какая была в свое время у моего отца.

Он достал из-за пазухи две узорчатые звездочки, каждая из которых могла уместиться на ногте большого пальца. Девушки с благодарностью приняли сей трогательный дар.

— Спасибо, Касмард, — сказала Триггер, — удивительно симпатичная вещица. — Она замялась, закусила губу, после чего спросила: — А вы…

— Я? Вы, конечно же, решили, что страх за свою жизнь помутил мой рассудок, однако смею вас уверить на основе собственного опыта, что суеверие подчас скрывает за собой нечто реальное. Я не говорю о подделках, наводнивших в последнее время территорию балака. Вы, наверное, слышали о пси. Граждане Федерации в большинстве своем склонны считать, что это выдумка чистой воды, но, изучив сей предмет достаточно подробно, я сделал заключение, что многие из так называемых баек о пси имеют под собой реальную основу. Например, эксперт моего отца по волшебству и надзору за сверхъестественными существами явно был пси. И я уверен, что на Асканаме промышляет множество пси, чье присутствие не потерпела бы никакая планета. Всеобщая вера в колдовство способствует их потайной деятельности, которая, в свою очередь, подпитывает суеверие. Не знаю, есть ли у Торру советник-пси, но, скорее всего, без такого в заговоре не обошлось. Вероятно, Регенту нашептали, что желательно вас, как гражданок Федерации, выдать за жертв колдовства. Дескать, смерть наступила в результате аномальных явлений, а Регент ни при чем. М-да. И вот что, милые мои, у меня не было возможности выяснить

досконально, защищают ли мои талисманы от пси, но, во всяком случае, они не помешают… Я настоятельно прошу вас сохранить их для меня. В нашем положении ни одна предосторожность не будет излишней. Если бы мне сказали, что для спасения нужно встать на голову и крутить на ногах обручи, я бы, не задумываясь, встал на голову и стал крутить обручи.

Он вернул их в столовую, а Вэллейн проводил, как и обещал, до входа в ближайший сад и объяснил, как найти его или Касмарда в случае необходимости. Из-за ограды виднелось несколько зданий, и Тэлзи спросила о них. Вэллейн что-что промямлил, после чего извинился и оставил девушек наедине с раскидистыми деревьями, декоративными кустарниками и ухоженными цветочными клумбами.

* * *

— Будь я на месте Торру, — заметила Триггер, когда они прогуливались по уютной аллейке, — ни за что не оставила бы без наблюдения этого молодца Вэллейна!

Тэлзи кивнула в знак согласия.

— Паренек явно что-то замышляет. Вот почему он убедил Касмарда отпустить нас в сад, чтобы

две глупышки не путались у него под ногами. К тому же и сам аскаб темнит. Насколько я знаю, он не так прост, как хочет показать.

— Ну и что, подруга, будем делать?

— Что делать, что делать, сидеть и горько плакать не будем, это однозначно. Для начала определю точное местоположение той группы пси, о которой я тебе говорила. Они, должно быть, тусуются в одном из тех зданий, про которые я спрашивала у Вэллейна. Если подберусь к ним поближе, то проведу уточняющее сканирование, они вряд ли засекут. Правда, пока мы ничего не знаем о них, трудно строить долговременные планы.

— Долговременные? Да у нас времени до завтра! — воскликнула Триггер. — Кстати, если ты подберешься к разуму Регента, пси тебя почуют?

— Вполне вероятно. Тем более что их в округе полным-полно. И неизвестно, как пси отреагируют на мои действия. — Тэлзи в раздумье покачала головой. — Справиться с Торру за оставшееся время — задачка еще та! Эта сладкая парочка, Регент с Хранителем Камня, не понадеялись на местных умельцев и привезли из Федерации для себя разумозащиты химического типа.

— Ты что, уже проверила?

— Спрашиваешь! — фыркнула Тэлзи. — Первым делом. Так что не будем терять зря время, пробиваясь сквозь эти новомодные устройства! Прежде всего, надо выяснить, при чем тут вообще пси?

— А амулеты Касмарда каким-то образом работают?

Тэлзи пожала плечами.

— Тот, кто в них верит, чувствует себя в безопасности. Вот и вся их работа.

Глава 3

Прилегающие ко дворцу земли были тщательно возделаны — чувствовалась хозяйская рука: это была целая вереница садов разного типа: террасного, висячего и ландшафтного. Людей, однако, девушки не встретили. Они брели по аллеям и тропинкам, периодически оказываясь то в рощице, то в орешнике, то в зарослях ракиты на берегу искусственного озера, поднимались по склонам насыпных холмов и спускались в долины, по дну которых весело журчали несмолкаемые ручьи.

— Ну что, ты уже взялась за дело? — спросила Триггер, прыгая по камешкам через брод.

Тэлзи отрицательно покачала головой.

— Нет, я жду маломальского проявления чужого пси. Пока признаков не было. А что тебя смущает?

— Две вещи, — ответила Триггер. — У меня возникла кое-какая мыслишка относительно аэрокаров. Кажется, что в балак эти летательные машины не допускаются.

— Верно. Во дворце нет ни причальных мачт, ни ангаров. Если необходимо куда-нибудь сгонять по-быстрому, асканамцы пользуются глайдерами. Помнится, Касмард упоминал, что несколько аскабов пытались импортировать летающих животных, достаточно сильных, чтобы нести на спине наездника, но их попытки по разным причинам не увенчались успехом.

— Ага, — понимающе сказала Триггер, — сомневаюсь, что нам помогут глайдеры или верховые птицы, даже если мы их отыщем. И еще, почему в садах нет ни одной живой души?

— Это и мне не дает покоя. А ты слышала что-нибудь, пару секунд назад?

Триггер потерла пальцем висок.

— Слышала, но, по-моему, это обычные звуки живой природы: скрипнула ветка на ветру, чирикнула птичка!

— Нет, то была не ветка и не птичка, скорее уж что-то ползучее, какое-то шипение…

Тэлзи запнулась, поскольку Триггер замерла на месте. К этому моменту они находились рядом скупой высоких тонкоствольных деревьев. Неожиданно из густой, в пол человеческого роста, травы показалось некое живое существо.

Увидев людей, оно остановилось как вкопанное. Коротконогое, метра четыре длиной, обросшее рыжеватой шерстью с боков и с грязно-белым брюхом. Длинную змеиную шею венчала маленькая головка с острой мордочкой. Ярко-зеленые глазки настороженно смотрели на незваных гостей. Симпатичное, но крайне необычное создание. Взгляд у него был, на редкость, выразительный.

— Скорей всего, зверюшка безобидна, но давай лучше отойдем от греха подальше, — явственным шепотом сказала Триггер. — Если мы медленно-медленно…

Зверюшка оскалилась, явив множество самого зловещего вида белоснежных зубов, и издала тот же шипящий звук, который слышала Тэлзи. Но на этот раз шипение было чуть слышно. Сразу после этого, явно предупреждающего сигнала, тварюга двинулась на компаньонок. Удивитель-

но проворно, между прочим, несмотря на свою коротконогость и массивность тела. К чести Триггер, она не потеряла самообладания, и уже через секунду у нее в руке блеснул стальным дулом ее любимый пистолет, выхваченный заправским ковбойским жестом из косметички.

Яркие вспышки, следуя одна за другой, озарили окрестности — тварь, словно наткнувшись на невидимое, но непреодолимое препятствие, была отброшена назад и теперь сучила коротенькими ножками в приступе агонии. Она больше не шипела.

— Пять попаданий в десятку! — вынесла свой вердикт Триггер. — Крепкая, однако же, у животинки башка! У тебя нет предположений, что это за красотка?

— Сдается мне, — дыхание Тэлзи было прерывистым, похоже, она все еще находилась под впечатлением не спровоцированного нападения, — что таких зверюг асканамцы используют во время аренных состязаний. С первого взгляда видно, что это вряд ли домашний любимец местных садовников!

— Да уж точно. Думаю, что эту милую зверюшку натравили на нас, и тот, кто натравил, наблюдал за развитием событий. Мало того, зараза, до сих

пор наблюдает. Притворимся, что это случайная встреча?

— Давай, — согласилась Тэлзи. — Жалобы ничего не дадут. А теперь наши недруги знают о твоем секретном оружии.

— Да, это прокол, — согласилась Триггер. — А с другой стороны, глупо надеяться, что с его помощью мы смогли бы отбиться от заговорщиков.

Они приблизились к твари, и Триггер выпустила еще один лазерный заряд, теперь уже в область сердца. Тело даже не дернулось, но из пасти вытекла струя черной крови.

— Судя по всему, — предположила Триггер, — Торру хотел шокировать Касмарда зрелищем парочки прелестно обезображенных женских трупов. Может, посмотрим, откуда зверюгу запустили?

Они пошли по тропинке, огибая купу, и вскоре наткнулись на вместительный ящик из крупноячеистой сетки, открытый с одной стороны.

— Негодяи доставили клетку на глайдере и подождали, пока мы подойдем, — определила Тэлзи. — По выполнении задачи хищника усыпили бы и вернули на место.

— Думаешь это работа кого-нибудь из пси?

— Может быть. Однако если бы пси контро-

лировал операцию, то действовал бы своими собственными си…

— Что случилось? — пистолет Триггер снова был готов к стрельбе.

— Пси! — выдохнула Тэлзи. — Только не бойся, никто не причинит нам вреда!

Из травы вынырнуло множество зеленых подрагивающих щупальцев, которые быстро заключили девушек и проволочную клетку в импровизированное кольцо. Они выглядели вполне материально и когда время от времени задевали друг друга, раздавался протяжный скрип.

Потом появился новый звук. Это мог быть посвист ветра, клонящий верхушки деревьев, и одновременно — голос.

— НЕ ДВИГАЙТЕСЬ! — казалось, говорил этот голос. — НЕ ДВИГАЙТЕСЬ С МЕСТА! СТОЙТЕ, ГДЕ СТОИТЕ, ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ДОВАРИ НЕ СКАЖЕТ ЧТО ДЕЛАТЬ!

Триггер облизала губы.

— Это все иллюзии, Тэлзи?

— УФ-УФ, ИЛЛЮЗИИ.

Значит, кто-то знал, что компаньонки находятся в саду, и манипулировал их визуальными и слуховыми центрами в мозгу. Причем, весьма умело и профессионально!

Тэлзи сконцентрировалась на мысленных проекциях оптической картинки, скользнула вдоль них и быстро достигла проецирующего разума.

Этакий незащищенный разум, погруженный в свою работу и не ожидающий, что в связи с ней у него могут возникнуть проблемы. Она поразмышляла с секунду, после чего задала ему хорошую взбучку, эдакое мозготрясение в семь баллов по шкале Рихтера. Сознание пси мгновенно покрылось трещинами, разумеется, в ментальном смысле, а проецируемая картинка распалась на отдельные пятнышки и пропала.

Обнаружив, что зеленое кольцо бесследно исчезло, Триггер испытующе посмотрела на подругу:

— Это твоя работа?

— Ага, — беззаботно сказала Тэлзи. — Я послала хорошенький хук в ментальную челюсть той, которая насылала на нас этот морок!

— И что теперь?

— Пока не знаю. Пси нас обнаружили и заинтересовались, я позволила им узнать, что я тоже пси, но играть с ними в их игры не желаю. Я могла бы эту иллюзионистку наказать куда серьезнее, и об этом они тоже узнали. Лучший выход из положения — продолжить нашу прогулку. Посмотрим,

каков будет следующий ход пси. А пока лучше усиль свою старогалактианскую защиту!

— Сильнее и быть не может! — заверила Триггер. Она не развивала в себе зачатки пси-возможностей, но в свое время старые галактиане, раса почти вымершая в ходе чудовищной войны с Винами и столь же преуспевшая во всевозможных науках, снабдили ее разум защитой, которая, когда ее хозяйка того желала, становилась непроницаемой ни для кого.

Девушки считали, что защитили свой разум достаточно надежно.

* * *

Они двинулись дальше по тропинке. Триггер пытливо вглядывалась вперед, не снимая пальца со спускового крючка лазерного пистолета. Повторной попытки нападения хищного завсегдатая арены вряд ли стоило опасаться, но продуманная планировка анфилады дворцовых садов, казалось, просто подразумевает таящуюся за каждым кустом опасность.

— Нас зондируют, — предупредила Тэлзи. — Осторожно, но я успела собрать целую коллекцию пси-откликов.

Она тоже была осторожна. В акции была за-

действована дюжина чужих пси-разумов, а, возможно, и больше дюжины. Пси выглядели опытными и весьма одаренными. Лучше бы они такими не были, подумала девушка. Их не так-то просто было обнаружить, хотя, с другой стороны, их вряд ли заботил вопрос, будут ли они обнаружены или нет. Среди прочих присутствовал один разум, от которого Тэлзи не смогла добиться даже отдаленного намека на отклик; сплошная защита без единой зацепки на слабое место.

Разум казался не просто одаренным, а настоящим талантом. Она сконцентрировалась на нем одном, не реагируя на мельтешение всех прочих, и мягко накрыла своей ментовуалью его защиту. Потом поймала впечатление личности, которая скрывалась под надежным щитом. Надежным, но не настолько, чтобы он смог противостоять Тэлзи. Она даже моргнула от изумления. Личность не являлась незнакомой! Здесь, на Асканаме? Но девушка знала, что ошибиться не может.

Она направила ментощупальце, чтобы коснуться чужой защиты с меткой самоидентификации.

— Сэмс! Сэмс Ларкин!

Какая-то суматоха. Смятение чувств. А потом:

— Тэлзи! Дорогуша моя! Так это с тобой пытается справиться старина Торру?

— Похоже на то, — не стала скрывать правду Тэлзи. Она послала ментальную картинку коротконогой твари, которую шлепнула навскидку Триггер.

Мгновенно пришел ответ-подтверждение: по представлениям Торру тварь звали *чеолой,* и ее привезли из аренного загона в Колизее Тамандума. Один из телепатов заинтересовался тем, что намерен делать Регент со столь опасным хищником, и проник в разум водителя глайдера. Когда же поступило ментосообщение, что чеола убита своими предполагаемыми жертвами, телепаты были заинтригованы.

— До этого момента мы не подозревали, что имеем дело с пси, — поведал в заключение Сэмс. — Дуйте, девчонки, к нам навстречу! Вся наша группа жаждет с вами познакомиться.

Тэлзи колебалась. Попытки зондирования со стороны пси были оставлены.

— А где вы? — спросила Тэлзи. — В географическом смысле.

— Вы идете в верном направлении, девчата. Когда выйдете на нечто вроде открытой площадки, то увидите с левой стороны приземистое, но не лишенное изящества здание с резными башенками. Это Старый Дворец. Мы — его единственные

обитатели. Я встречу вас у входа. Сюрпризов, заготовленных Торру для вас, в саду больше нет. Но, на всякий случай, мы проверим еще разок и прикроем, если что.

— Согласна.

Контакт прервался. Тэлзи в двух словах объяснила подруге ситуацию.

— Что-то вид у тебя не слишком довольный, — сказала Триггер проницательно. — Разве твой знакомый не собирается помочь нам?

— Видишь ли… я не вполне доверяю Сэмсу. Все будет зависеть от того, с какой целью они здесь. Ларкин старается прежде всего найти во всем свою выгоду.

— Понятно, — протянула Триггер, — мальчик безумно любит денежку. Итак, поднимать забрала рано, продолжается готовность номер один…

— Да, пожалуй, так будет лучше.

Глава 4

— Я занимаюсь этим уже почти год, — сказал Сэмс откровенно. — Торру, конечно, порядочный скряга, но на то, что ему нужно для достижения поставленной цели, не скупится. Тем более что День Славы должен принести ему, да еще при из-

рядном скоплении народа, вожделенный титул аскаба Тамандума. Я предложил ему все самое лучшее из того, что может предложить Ядро Звездного Скопления, причем по ценам, способным приятно удивить его низменную душонку. Мы привезли огромную партию уличных актеров и музыкантов, а также гладиаторов и диких хищников. Такого не случалось за всю историю Тамандума. Хэдзел, — он кивком показал на коренастого мужчину с бесстрастным лицом на другом конце комнаты, — будет сидеть в одной ложе с Регентом, поскольку сыграет роль Повелителя завтрашних Игр. Мы все шоу расписали по минутам, и Торру будет дотошно проверять выполнение каждого пункта. Он считает, что все на Асканаме должны ему завидовать.

— Исходя из того, что ты рассказал, большинство людей и зверей, доставленных из Ядра, умрут еще до окончания игр.

— На этот раз, — самодовольно заявил Ларкин, — не большинство, а меньше половины. Как я уже говорил, нам удалось собрать лучших. Местные гладиаторы не в состоянии показать такой класс! — он испытующе уставился ей прямо в глаза. — Ты не одобряешь? Все они добровольцы, все прекрасно осведомлены о своих шансах

лишиться жизни, но пока не знают, что те, кто выживет, станут героями Тамандума. И не просто героями, а богатыми героями. Сказочно богатыми героями. А у кое-кого появится возможность получить дворянский титул. Кроме того, известно, что после аренных состязаний на Асканаме образуется несколько любимцев публики, которых при появлении в любом людном месте чествуют вставанием и обязательно подносят кубок с хмельным.

— Вполне понятно, — усмехнулась Триггер, — одним — знатность, другим — золото, третьим — слава.

— Но каждый из них готов сыграть по самой высокой ставке, — продолжил Ларкин. — И я считаю, что это их личное дело.

Тэлзи окинула взглядом собравшихся. Всего восемнадцать душ. Половина — телепаты, остальные — всевозможные таланты из смежных областей. При эффективном сочетании — целая армия. Довари — иллюзионистка, отправленная в нокаут Тэлзи, окончательно пришла в себя только к началу встречи компаньонок с командой пси. Это была стройная женщина с красивым, но в данный момент нахмуренным лицом.

— А вы, мои дорогие, ради чего играете? —

спросила Тэлзи, обращаясь ко всем собравшимся. — Уж вам-то никак не светят барыши от сотрудничества с Регентом.

Сэмс покачал головой.

— Это не входит в наши планы. Ты слышала о Камне Виролла?

Тэлзи кивнула.

— Касмард упоминал. Правда, вскользь. Это какая-то военная реликвия, обладающая магическими свойствами. В их честь приносили… брр… человеческие жертвы. Вырезали из живых еще пленников сердца.

— Так вот, Торру воскресил этот варварский ритуал. Сейчас это форма казни, применяемая по отношению к государственным преступникам, а иногда — по его личному распоряжению.

Тэлзи с Триггер переглянулись.

— После казни Камень, — продолжал Ларкин, — выказывает удовлетворение принесенной жертвой тем, что являет какой-нибудь сверхъестественный феномен на Большой Арене. Конечно, если бы Торру не был так скуп, чудо могло бы выглядеть намного эффектнее, но и без того публика стоит на ушах. Однако традиция!

— Ну и..?

— Но в предстоящий День Славы феномены

будут впечатляющи как никогда! У нас имеется целое созвездие ярчайших талантов по этой части — и все они здесь. Я чрезвычайно благодарен тебе, Тэлзи, за то, что ты сравнительно мягко обошлась с Довари. От нашей красотки зависит многое, хотя мы не ограничимся одними иллюзиями. Для Торру настоящим шоком станет зрелище, которое, как ему кажется, просто не может быть осуществлено, и все это будет продемонстрировано Камнем Виролла в знак того, что он одобряет восшествие на престол нового аскаба. Когда это произойдет, станет ясно, что новый аскаб — вовсе не Торру. И к концу Дня Славы я, Сэмс Ларкин — аскаб Тамандума.

Он раскинул руки и с пафосом изрек:

— Кто перед вами, бывшие граждане Федерации? Перед вами будущая знать Тамандума — пси-правители богатейшего балака Асканама! Вы, мисс Тэлзи Амбердон, и вы, мисс Триггер Арджи, приглашаетесь официально вступить в наши ряды! Я рассказал команде о ваших способностях, — Довари скривилась при этом, — и она готова принять вас в свое лоно!

Тэлзи в раздумье покачала головой.

— Да ты просто офонарел, Сэмс!

Затем она обратилась к его команде:

— А вы? Похоже, что подписались сдуру на аферу.

Ларкин нисколько не смутился.

— С чего ты это взяла? — с улыбкой обратился он к Тэлзи.

— Из-за Психологического Сервиса. Вы начали играть с пси в открытую, следовательно, сюда уже направлена группа компетентных товарищей из Психологического Сервиса для проведения расследования. Неужто вы настолько наивны, если считаете, что вам позволят применить пси-эффекты для захвата власти в Тамандуме?!

— Все схвачено, моя девочка, — ухмыльнулся будущий аскаб, — первым делом я согласовал свои планы именно с Психологическим Сервисом. Очевидно, после Дня Славы всех пси заставят покинуть Асканам, но к этому времени в Тамандуме уже объявится сверхъестественный дух на куда более высоком уровне, чем это прежде делал Камень Виролла. Мы все останемся в нашем балаке и то, что мы здесь будем делать, наше частное дело.

— Если Психологический Сервис разрешит вам на одном отдельно взятом Асканаме пси-акции, то ему придется разрешить аналогичные по всем мирам Федерации, — возразила Тэлзи.

Он осклабился.

— Мне плевать на другие миры, разрешат им или нет, а вот лично я с Психологическим Сервисом договорился. Я объяснил, что долго готовился, проехал по всему Асканаму и досконально выяснил, что на этой планете полным-полно пси, которые ассимилировались в здешней культуре и делают все, что хотят. Но все они мелюзга, удивительно слабый уровень. Мы станем первой группой, которая организует все по высшему разряду.

— Вы станете первыми, кого погонят в шею, — сказала Тэлзи запальчиво.

Глаза Сэмса превратились в щелочки.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве не понятно? Федерация освободит Асканам от привычных привилегий, потому что это самый простой путь удержать планету от впадения в маразм. С экспериментом по уникальному положению Асканама будет покончено. Психологический Сервис, скорее всего, расширил рамки устава, чтобы включить как можно больше пси в число обитателей Асканама, пси всяких и разных. Но все это до того момента, пока пси в своих устремлениях сами не выйдут за рамки. Не обольщайся на тот счет, что тебе разрешили

поиграть на поле Тамандума, да только что за площадку ты выбрал? Конечно, в Стране Слепых и одноглазый король, хотя я уверена, что управлять глупцами — не самое лучшее занятие для пси. Вас или доведут до сумасшествия, или, в лучшем случае, прибьют!

— Мне не нравится, — жеманно произнесла Довари, — когда нас обижают!

— Существуют различные мнения относительно наших достижений в Тамандуме, — веско заявил мужчина, представленный компаньонкам под именем Хэдзела, — но, похоже, ты, Сэмс, ошибся, считая, что мисс Амбердон готова вложить свой талант в общую копилку нашей команды.

— Я все еще надеюсь, что смогу переубедить маленькую барышню. — Предводитель пси обратился к Тэлзи: — Почему бы не попробовать, Тэлзи? Может быть, все совсем не так, как кажется. И ты всегда сможешь выйти из игры, если тебе не понравятся правила.

— Даже если бы я считала, что мне могут понравиться правила, все равно у Тамандума уже имеется законный аскаб.

— Только пока не наступит завтра, — вступил в разговор Хэдзел. — Это дело касается лишь Торру.

Поскольку я — Повелитель Игр, то буду присутствовать в Доме Виролла на церемониальном ужине, предшествующем Дню Славы. И, как я понимаю, там будет присутствовать аскаб Касмард и его гости. Прежде чем вечер подойдет к концу, Касмард формально отречется. А вакансия будет заполнена к следующему вечеру.

— Касмард — старинный друг нашей семьи, — сказала Тэлзи. — И если вы собрались встать во главе Тамандума, надо было просто с ним договориться. Насколько я знаю, он не слишком горит желанием носиться с наскучившим ему титулом. Он и не вспомнил бы в дальнейшем, что в этом были замешаны пси.

Сэмс яростно стал жестикулировать.

— Боюсь, мы не сможем договориться с нынешним аскабом — слишком поздно. Мы приготовились к завтрашней схватке с Регентом и Служителем Камня. А то, что мы все расписали по пунктам, сделает захват власти легкой задачей. Поддержка населения нам обеспечена гарантированно. Необходимо лишь точно придерживаться каждого пункта нашего плана. Туда, например, составной частью вошла задумка Регента убрать Касмарда со своего пути. Но если Касмард все еще будет жив и останется аскабом к концу Дня

Славы, то сценарий придется исправить. И кульминация праздника не будет столь эффектной.

— Помимо того, что мы не намерены мешать себе сами, — добавил Хэдзел, — мы не допустим и того, чтобы нам помешал кто-нибудь еще. Да, нам известно, что мисс Амбердон сильный телепат, но это еще не говорит об уникальных способностях мисс Арджи.

— У меня нет ни уникальных, ни каких-нибудь еще способностей пси, — отрезала Триггер.

— А вот это, — бросил кто-то из телепатов, — настоящее вранье! Я пытался прозондировать защиту этой рыжей красотки, как только она вошла, и ручаюсь, что она — экстраординарная структура, совершенно не поддающаяся анализу и обладающая колоссальной отталкивающей силой!

Триггер передернула плечами.

— Меня снабдили защитой, к ее созданию я абсолютно непричастна. Правда, это в данном случае не имеет никакого значения.

Ларкин расплылся в улыбке:

— Верно, моя дорогая! Но я уверен, что вы обе понимаете: я не могу рисковать, позволив вам расстроить наши планы. Но как только День Славы завершится, мне будет глубоко наплевать,

чем вы займетесь дальше. Мы все рады будем видеть, как вы живыми и здоровыми взойдете по трапу лайнера, отбывающего с Асканама, в том случае, конечно, если Регент позволит вам остаться в живых к этому моменту, а сие останется под большим вопросом, пока вы не присоединитесь к нам. А теперь позвольте моей команде контролировать ваши слова и ваши поступки! Ведь это — единственный залог вашей и нашей безопасности.

— Забудь об этом, Сэмс! — воскликнула Тэлзи. — Вам не пробить наши разумозащиты, кишка тонка!

— Полагаешь?! — с гадкой ухмылкой сказал главный заговорщик. — Ладно, сегодня у нас много предварительной работы, чтобы тратить время на каких-то свиристелок, а вот завтра…

В помещении наступила тишина. Но не прошло и пары секунд, как горячая волна омыла Тэлзи. Волна эта то отступала, то вновь накатывала, с каждым разом становясь все горячее. Казалось, еще немного, и ее тело вспыхнет, как свеча на ветру. Тэлзи непроизвольно передернула плечами. Триггер вопросительно взглянула на подругу.

— Ага, — с удовлетворением отметила Тэлзи, отвечая на вопрос, — ребятки-то имеют в штате

специалиста по пирокинезу!

— И не одного, — усмехнулся Хэдзел. — Их дальнодействие выходит за все возможные пределы! Даже если мы позволим вам покинуть Старый Дворец, хотя мы не собираемся позволять это, вы не сможете выйти за пределы их досягаемости. Вы же не хотите поджариться изнутри, словно вас засунули в СВЧ-печь.

По лицу Триггер потек пот.

— Тэлзи, ты знаешь, кто это вытворяет?! — воскликнула она.

Тэлзи дернула головой, словно указывая на источник пси-жары.

— Вон тот верзила рядом с Довари!

Триггер выхватила из косметички-кобуры свой любимый лазерник ближнего боя.

— Прекрати, парень, модулировать токи Фуко, иначе я проделаю в твоей башке изрядную дырку! Если и останешься жив, красавчик, то остальную жизнь проживешь уродом!

Горячая волна откатилась, нестерпимый жар спал. Телепаты замерли, недоуменно поглядывая на Триггер. Потом рыжеволосая красавица вскрикнула и уставилась на свою руку, где еще секунду назад был лазерник. Любимый пистолет мисс Арджи исчез.

Телепаты захохотали. Сэмс даже смахнул смешинку с уголка глаза.

— Изящно, Хэдзел! И на редкость убедительно. Леди, давайте забудем о недоразумении. Если вы не в состоянии победить, почему бы вам не признать свое поражение? Тэлзи, ты же прекрасно знала, что вам грозит смерть, а произойдет ли это по приказу Торру или по моему приказу, не столь существенно.

Тэлзи кивнула.

— Зная тебя, я догадывалась, что ты способен на любую подлость. Но если честно, я не просто сидела здесь и слушала твои бредни!

— Интересно, интересно, — Ларкин приставил к уху ладонь, — и что же ты делала еще?

— Проверяла, насколько вы защищены.

— И как, проверила?

— У тебя и Хэдзела неплохая разумозащита, готова это признать, есть ментодоспехи еще у кое-кого, но вот что занимательно: у шестерых членов вашей команды, причем наиболее ценных в плане пси — разумы не защищены ни вот настолько! — Девушка сблизила большой и указательный пальцы, не оставив зазоры. — Сдается мне, они не в состоянии использовать свои способности, если бы были защищены. Треть

команды можно вывести из строя одним махом! Вам, конечно, достаточно секунды, чтобы убить нас с Триггер, но можете не сомневаться, этих шестерых мы успеем прихватить с собой!

Сэмс пристально впился взглядом в глаза Тэлзи, решая, не блефует ли девочка. Остальные притихли, как воробьи перед грозой. Потом одна из телепаток не выдержала:

— Сэмс, она берет тебя на пушку! Ты говорил, что она — уникум, ну и что? Мы заблокируем ее сообща, она не успеет ничего сделать! К тому же после блокирования ты сможешь управлять ими обеими как марионетками.

Сэмс медленно покачал головой:

— Не стоит уповать на блокировку, Бэтти!

— Я бы тоже не рассчитывала на это! — поддержала своего предводителя Довари, имея на то полные основания в виде ментального синяка на челюсти. — К тому же я не жажду умереть в результате выяснения, сможете ли вы заблокировать эту драчливую девчонку или не сможете. Отпусти их, Сэмс, пусть сваливают на все четыре стороны. А если они попытаются помешать, ведь есть еще Торру…

Глава 5

Триггер обернулась и проводила взглядом закрывшуюся за ними дверь. Она почувствовала одновременно облегчение и гнев.

— Ну и что теперь? — спросила она в пространство.

— Продолжим пешую прогулку, — ответила Тэлзи, — но теперь обратно, к Касмарду и Вэллиену. И давай-ка прибавим шаг, пока не добрались до деревьев. Я все еще держу контакт с заговорщиками. Они продолжают спорить… Хэдзел, по-моему, идет вторым номером после Ларкина, а, стало быть, именно он телекинетик. — Она укоризненно посмотрела на подругу: — Как жаль, что ты лишилась нашего секретного оружия!

— Это не единственная моя потеря! — с грустью в голосе поведала Триггер.

— Да?

— Вместе с лазерником канула и моя уверенность в себе, — призналась рыжекудрая девушка.

— А-а, — отмахнулась Тэлзи, — все это пустяки по сравнению с тем, что нас ожидает! Телекинетик такого уровня как Хэдзел — это очень опасно.

Мне все же кажется, что Сэмс не собирался нас убивать, просто запугивал, дабы заручиться нашей поддержкой.

Триггер кивнула в знак согласия.

— Не знаю как тебя, но меня он запугал полностью. Никогда не чувствовала себя такой беззащитной! Ох, и рискованную же игру ты затеяла, Тэлзи! Не знала я, что ты не только в робошахматы, но и в покер мастерица! Какой классный блеф!

— Я вовсе не блефовала, — с гордостью сказала Тэлзи. — С Ларкином блеф не проходит, запомни на будущее!

Триггер задумалась.

— Что же с ними произошло? Умея то, что они умеют…

— Ты права, Триггер, но лишь наполовину. Большая часть команды Ларкина — несчастные, замученные невзгодами люди. Они использовали свои природные способности не во благо всех, а лишь для того, чтобы облегчить существование себе. Как ни покажется такое поведение глупым, тем не менее… Похоже, испытав все мыслимые удовольствия, они ищут чего-нибудь новенького, необычного или кажущегося необычным.

Компаньонки добрались до ближайших де-

ревьев и вскоре уже заспешили по тропинке, которая вела через рощу. Внезапно Триггер провела ладонью по карману жакета.

— Ты будешь смеяться, Тэлзи, но, кажется, мой любимый лазерник стал чем-то вроде бумеранга!

— Что ты хочешь сказать? — недоуменно произнесла Тэлзи.

— Пистолет снова в своей кобуре! — выпалила Триггер, улыбаясь, и вытащила из кармана косметичку. — Если не веришь, могу показать!

— Я верю лишь в то, что вместе с лазерником к тебе, подруга, вернулась уверенность. — Наверное, я должна была бы испытать благодарность по отношению к тому, кто это сделал, но почему-то не хочется, — призналась Триггер.

— Хэдзел сделал это с целью показать, что твое оружие не впечатлило команду Ларкина. Но поскольку лазерник вернулся, ты сможешь выразить благодарность телекинетику непосредственно при следующей встрече с ним.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты можешь из своего пистолета не убить человека, а слегка оглушить, скажем, на несколько минут?

— Это потребует определенного навыка, но я

таким обладаю. Пяти минут будет достаточно?

— В самый раз! — Тэлзи наклонилась к уху Триггер и заговорщицки прошептала: — Хэдзела пригласили к Регенту. Он скоро появится здесь. На скутере. Если мы окажемся на пересечении с траекторией его поездки, то ты сможешь выразить ему свою пятиминутную благодарность. Так что, не прибавить ли нам, девушкам, темпа? — и, не дожидаясь ответа, припустила рысью.

— Ну, хорошо, я вырублю телекинетика, а что потом? — на бегу спросила Триггер.

— Хэдзел использует для защиты своего разума не природный дар, а некое устройство, и если это то, что я думаю, то смогу вскрыть и пробраться к нему в разум, прежде чем он придет в себя. Конечно, Сэмс со своими присными, возможно, и узнает про непредвиденное ЧП, но чем быстрее мы провернем этот трюк, тем меньше вероятность, что телепаты нас засекут.

Компаньонки добежали до нижней ступеньки террасы, поросшей высокими извилистыми растениями, похожими на причудливую смесь баобаба и бамбука, вперемешку с кустами почти в человеческий рост. От нагретой земли поднимался пряный запах.

— Он, конечно, может поехать и по другой

тропинке, — сказала Тэлзи и внезапно втолкнула подругу в заросли, — но, чу! Слышишь треск мотора?

Триггер закивала:

— Похоже, мой благодетель торопится получить свою благодарность!

— Ты готова? — спросила Тэлзи. — Не далековата ли мишень?

— Наверное, ты уже убедилась, что я — меткий стрелок! К тому же бедняга не подозревает, что я держу его на мушке, и еле-еле тащится на своем драндулете. Я когда-нибудь научу тебя, Тэлзи, стрелять столь же метко.

— Пфуй! — фыркнула девушка. — Никогда в жизни не испытывала желания держать людей на мушке! Если и пришлось бы, все равно не смогла бы стрелять в живое, обязательно промахнусь.

— Ну, а как обстоит дело с твоими ментоконтактами?

— Команда перешла к репетициям сюрпризов, заготовленных ко Дню Славы. Они и думать забыли о нас, вот разве что Сэмс иногда… Трудно быть уверенной в чем-нибудь, если это связано с Ларкином!

* * *

Скутер Хэдзела приблизился к зарослям, где прятались компаньонки. Медлить дальше было нельзя, Триггер выстрелила. Она не зря хвасталась: телекинетик свалился с седла, а безбожно тарахтящий скутер врезался в основание террасы. Девушки бросились к лежащему ничком Хэдзелу.

Тэлзи присела на корточки, перевернула телекинетика на спину и бережно подняла ему голову.

— Защитное устройство должно быть вшито под кожу у основания шеи, — бросила она склонившейся Триггер. — Ага, нащупала!

Девушка подковырнула ногтем какую-то тонкую пластиночку и посмотрела на просвет.

— Открытый пси-разум! Теперь я уверена, что смогу взять его под контроль.

Она закрыла глаза, выпустила ментощупальце, которое без труда проникло в незащищенный мозг, и принялась за свою исследовательскую работу.

Триггер успела сходить к скутеру, выключила зажигание, поставила на колеса и привела это легкое транспортное средство к месту аварии.

— Тэлзи, прошло уже четыре минуты! — предупредила она, взглянув на часы. — Он может очнуться в любую секунду. Может, выразить ему еще одну благодарность?

— Не надо, — ответила Тэлзи. — Его разум в полной зависимости от моей воли, Хэдзел очнется только тогда, когда я ему разрешу!

— В таком случае, я притащу камень.

— Зачем?

— Увидишь.

Триггер вернулась к террасе и выломала из основания булыжник с голову ребенка, который с самым независимым видом подтащила к телу Хэдзела.

— Надеюсь, — сказала Тэлзи, — ты не собираешься бить парнишку по голове?

— С какой стати? — удивилась Триггер. — Когда он очнется, у него будет побаливать голова. Пусть думает, что ударился о камень.

— А-а, — воскликнула Тэлзи, — поняла: Хэдзел увидит камень, сопоставит со своей головной болью и ни за что не догадается, что причина кроется в том, что некая особа залезала ему под разумозащиту!

Тэлзи вставила пластиночку, разгладила кожу пальцем, поднялась на ноги:

— Пора, подруга, делать ноги!

Триггер положила скутер на бок и поверну ла ключ зажигания. Мотор завелся с пол-оборота, заставив бешено завращаться заднее колесо.

— Так-то оно реалистичнее!

Компаньонки забежали за угол террасы, пересекли ее наискосок и оказались на тропинке, шедшей параллельно той, на которой оставили лежать Хэдзела. Они уже не видели, как, подрагивая, рука Хэдзела дотронулась до основания шеи — телекинетик, все еще находясь без сознания, рефлекторно включил разумозащиту. Еще через несколько секунд он открыл глаза, ощупал голову, сел, выругался сквозь зубы и заскользил взглядом по траве, пока не наткнулся на рычащий скутер. Потом помотал головой, осознавая, что угодил в аварию, и встал на ноги.

Его нельзя было оставлять без защиты, потому что вскоре кто-нибудь из телепатов Ларкина заметил бы это. Однако через каждые пять минут Хэдзел будет выключать защиту на несколько секунд, совершенно неосознанно. Если возникнет необходимость, этих секунд хватит Тэлзи для того, чтобы взять разум телекинетика под полный контроль.

Через какое-то время компаньонки увидали

промчавшийся мимо скутер Хэдзела. Авария пошла на пользу — драндулет с большой скоростью несся по направлению дворца Регента.

— Все идет, как ты задумала, да? — спросила Триггер.

— Ага! Всего лишь пустяшное дорожное происшествие, не более того. У бедняги в голове куда более важные мысли, нежели какой-то дурацкий камень на дурацкой тропинке рядом с дурацкой террасой… Ты, наверное, удивлена, что я не подкинула Касмарду или Вэллейну пары занимательных идеек, но кто даст гарантию, что их мозги не просматриваются периодически? Стало быть, нам стоит полагаться только на свои силы!

Глава 6

Когда девушки подошли к парадному входу, высокий асканамец в золоченом мундире вышел из дверей дворца. Он представился полковником Юрэном, возглавляющим охрану Дворца Регента.

— До меня докатились слухи, что вас, дорогие дамы, не поставили в известность о том, что гости обязаны сдать имеющееся у них оружие на период пребывания на территории дворца. Думаю, что мне надобно исправить это крайне

досадное упущение. Конечно, это всего лишь формальность, но я вынужден задать вам вопрос: есть ли у вас оружие, в комнате или при себе?

Так как за столкновением с чеолой явно велось наружное наблюдение, компаньонки не удивились. Не говоря ни слова Триггер отдала полковнику косметичку.

— Внутри «Дентон» калибра пять микрон. Надеюсь, вы позаботитесь о его сохранности, полковник. Это верный и преданный мне друг.

Юрэн отвесил церемониальный поклон.

— Можете не сомневаться, мисс Арджи.

— А есть ли какие-нибудь другие правила, о которых нас не поставили в известность? — с улыбкой на устах полюбопытствовала Тэлзи.

— Ну, не то чтобы правила, — ответно просиял полковник. — Просто Регент просил передать, чтобы вы не покидали дворца до тех пор, пока он вновь не пригласит вас в столовый зал. Он чрезвычайно заинтересован в том, чтобы с вами ничего не случилось.

— Вы хотите сказать, что в садах Регента находиться небезопасно? — мгновенно отреагировала Триггер.

— Вполне безопасно, — горячо заверил Юрэн, — но только не во время проведения аренных

состязаний! Здесь имеются подземные уровни, где содержат чудовищ и преступников, приговоренных к арене. К сожалению, по недосмотру один из очень опасных хищников сбежал из клетки на территорию дворцовых садов.

Девушки поблагодарили за проявленное участие в их судьбе и вошли во дворец. Следуя указаниям, полученным от Вэллейна, они легко обнаружили покои Периала Касмарда и перед входной дверью назвали себя. Дверь была открыта тотчас же.

— Входите, входите, — радушно пригласил хозяин, пропуская компаньонок в помещение. От внимания Тэлзи не ускользнул тот факт, что аскаб тут же закрыл дверь на два оборота ключа. — Как я рад вас видеть в добром здравии! Честно говоря, я совсем не был уверен, что снова увижусь с вами! Вскоре после того, как вы отправились на прогулку, мой жестокосердный кузен в свойственной ему приятной манере намекнул, что вас ожидает прелюбопытнейший сюрпризец. Зная иносказательную манеру Торру, у меня похолодело внутри. Я тут же спустился, чтобы предупредить, но не нашлось никого, кто сказал бы, куда вы направились.

Девушки наперебой изложили историю про то,

как повстречались со змеиношеей чеолой.

— Самое интересное, — сказала в заключение Тэлзи, — что после чеолы мы познакомились с не менее колоритной, чем она, компанией из граждан Федерации, которые в этом году организовали для Торру игры, посвященные Дню Славы. Сперва мы хотели попросить их вывезти нас с Асканама, но они не заинтересованы в том, чтобы вмешиваться в интриги против Регента.

Касмард сказал, что не может винить их в излишней осторожности.

— Если Торру заметит подобное, эта компания граждан Федерации окажется настолько вовлечена в игры, что ей не позавидует последний нищий.

— А мы теперь приговорены к заключению во дворце! — похвасталась Триггер.

— Это не так уж плохо, — задумчиво произнес аскаб. — Наложенное наказание говорит о том, что Торру пока не собирается вас убивать. Однако ситуация остается крайне неопределенной. Вы кушали?

— С самого завтрака маковой росинки во рту не побывало, — кокетливо сказала Тэлзи, — да и за завтраком мы особо не разгуливались — что-то аппетита не было. А теперь, стоило вам упомя-

нуть о еде, я поняла, что голодна, как волчица.

Касмард заказал ланч на троих.

— На этаже Регента некоторое время назад произошел взрыв, — сказал он, когда девушки более или менее подкрепили силы. — Бомба была установлена очень грамотно, детонатор сработал через несколько секунд после того, как Регент вошел в коридор. Правда, в результате погибла лишь собака из личной своры Торру, сам же он избежал увечий.

Компаньонки во все глаза уставились на аскаба; тому не осталось ничего другого, как воздеть брови:

— А Вэллейн посажен под домашний арест. Заметьте, Торру никогда не действует поспешно. Чтобы начать действовать, он подождет ужина в Доме Виролла, который состоится сегодня вечером. Кстати, наверняка он и по отношению к вам будет действовать крайне настороженно — неудавшееся покушение с чеолой его явно разочаровало. Самое лучшее в вашем положении — это отправиться в свои апартаменты, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

— У вас по-прежнему нет сложившегося плана, как выбраться из дворца? — спросила Тэлзи.

— Поверьте, что я не до конца исчерпал

свои резервы! — преувеличенно бодро сказал Касмард. — Мне нужно встретиться с Регентом снова, возможно, я смогу уговорить его поступить с нами менее драматично, нежели он задумал.

* * *

Девушки последовали совету аскаба передислоцироваться в собственные покои.

— У тебя не сложилось такого впечатления, что Касмарду для чего-то потребовалось остаться в одиночестве? — спросила Триггер шепотом.

— Да, сложилось, — подтвердила подозрения подруги Тэлзи, — он очень волновался, когда просил нас позаботиться о том, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

— Ты разузнала что-нибудь, пока мы кушали?

— Естественно, меня заинтересовали мысли о старейшем персонаже дворцовой хроники. Его использовали в качестве отравителя еще во времена бабушки Касмарда и, кажется, аскаб не прочь прибегнуть к его услугам. Он пообещал этому божьему одуванчику наследное дворянство, если тот успеет воспользоваться своим непростым искусством и устроит Торру окончательное и бесповоротное несварение желудка.

Триггер покачала головой.

— Эх, только вряд ли это получится! А Касмард не продумывал вариант, при котором отравление не увенчается успехом?

— Да нет, ему хочется верить лишь в благополучный исход, но если охарактеризовать состояние аскаба, могу с уверенностью утверждать: Касмард пребывает в отчаянии! Даже если он избавится от братца-негодяя, у него на пути окажется не менее сильный соперник в лице лорда Ормота, Служителя Камня.

— А этот-то каким боком замешан в дело престолонаследия?

— После Регента это наиболее влиятельный вельможа на небосклоне Тамандума. Если Торру погибнет, то за спиной лорда Ормота окажется столько сторонников, сколько не снилось ни Касмарду, ни Вэллейну, вместе взятым. Этот бородач станет следующим аскабом, даже не меняя особо резко процедуры восшествия на престол.

— Значит, Камень, служителем которого является лорд Ормота, и есть тот, ради которого вырезают сердца из груди людей? — в ужасе прошептала Триггер.

— Да.

— А Дом Виролла, куда нас, насколько я могу судить, намерены пригласить на церемониальный

ужин, и есть то место, где хранится одноименный Камень?

— Да, — вновь подтвердила Тэлзи, — сведения об этом я выудила из Хэдзела. Представь себе просторный зал, погруженный во тьму. Стол Регента установлен прямо напротив пресловутого Камня.

— Ага, — сказала Триггер, — удивительно веселенькое мероприятие — грандиозный междусобойчик упырей и кровососов! Ты не находишь?

— Похоже, это неотъемлемая часть здешней религии или того, что ее заменяет!

Исследуя содержимое шкафов, девушки неожиданно наткнулись на игры, предназначенные для того, чтобы скоротать постояльцам время. Все они были незнакомыми и выглядели слишком сложными, чтобы заинтересовать компаньонок. Тем не менее, Триггер с Тэлзи разложили одну из них на полу, определенно ориентированную на двоих игроков. Но это занятие служило лишь прикрытием для другого — Тэлзи включила активность на ментальном уровне.

Устройство защиты Хэдзела, как известно, раскрывалось регулярно по расписанию. Бросая кости, девушка одновременно улавливала открытие разума телекинетика и проверяла, нет ли

заметных отклонений от нормы. Так она проделала несколько раз. Ничего экстраординарного не обнаружилось. Позже она наладила контакты с шестеркой незащищенных разумов из команды Ларкина. В них тоже на данный момент не было ничего ценного.

Тогда она принялась за розыски откликов разума Кьюина, личного навигатора Касмарда. В конце концов, Кьюин был найден и идентифицирован.

— Кьюин уже не во дворце, — сказала она вполголоса. — Его перевели в тюрьму, узников которой завтра начнут скармливать всяким монстрам. Вот что ожидает нашего бедного друга!

Триггер вскочила:

— А он об этом знает?

— Знает, но я постаралась ввести его в транс сразу после того, как утром нащупала его разум. Бедняга пребывает в грезах, поэтому его нервная система не истощается от постоянного осознания ужасной участи.

— Зато истощается моя нервная система! — возмущенно выкрикнула Триггер. — С того самого момента, когда я узнала о том, что ему грозит!

— Зато, если мы выберемся из этой передряги, то сможем и его вытащить!

За дверью послышался шорох, и хорошо поставленный голос дворцового курьера попросил дозволения войти в комнату. Когда дозволение было получено, бравый слуга передал формальное приглашение Регента в Дом Виролла этой ночью.

Тэлзи потратила оставшиеся часы на сканирование всех разумов, встреченных ее ментощупальцем во дворце и в окрестностях. В большинство из них она могла проникнуть без особых проблем, однако обнаружить разумы, которые могли стать полезными в данных обстоятельствах, было намного сложнее.

Так, например, полковник Юрэн был одной из первоочередных мишеней, но, к разочарованию, его разум был прикрыт столь же надежно, как разумы Регента и Служителя Камня. Да и странно было бы надеяться на иное.

Тэлзи умудрилась выборочно связаться кое с кем, но они не были доступны за столь короткий срок.

А потом пришло время готовиться к приему в Доме Виролла. Это мрачное здание совмещало в себе функции личного дворца Служителя Камня и капища самого Камня.

Глава 7

Как и предполагала Триггер, церемониальный зал Дома Виролла по всем статьям подходил на роль места сборища вампиров-кровопийц. И стены, и пол, и даже потолок были облицованы камнем траурного окраса. Помещение было разбито как бы на два уровня: нижний, отделенный от возвышения несколькими ступенями, делящими зал пополам, и верхний. Нижний уровень освещался всего лишь нещадно чадящими факелами, размещенными на стенах. За длиннющим столом сидели представили сановной знати Тамандума.

Верхний уровень был залит каким-то иным светом. Там же стоял извилистый стол Регента, за внешним краем которого были сосредоточены почетные гости балака. Такое размещение помогало приближенным Торру любоваться Камнем Виролла, расположенным у дальней стены возвышения. Он был серо-зеленого цвета, огромных размеров и на первый взгляд казался бесформенным, хотя, обладая богатой фантазией, в его очертаниях можно было угадать нечто человекообразное. Снизу, например, две выпуклые

нашлепки могли сойти за ладони, ожидающие мзды. Предположительно, Камень находился здесь уже несколько веков, а до этого украшал рубку флагманского звездолета военного флота Виролан, найденного разрушенным возле какой-то планеты в центральной части Ядра Звездного Скопления. Откуда он там взялся, достоверно установлено не было, поскольку живых свидетелей на звездолете не осталось.

В наши дни камень играл роль демона, жаждущего человеческих жертв, или являлся таковым. По традиции ублажали демона в День Славы. Обстановка не располагала к оживленному разговору, но на большинство собравшихся за столом, включая Касмарда и Вэллейна, это не распространялось. А вот Хэдзел, например, сидевший тремя местами правее Тэлзи, предпочитал тешить грех чревоугодия, не разменяваясь на обмен репликами с соседями. С нижнего уровня доносился ровный гул, свидетельствующий о том, что там полным ходом набивают желудки. Разливалась в воздухе и музыка, по мнению Тэлзи, веселая и оживленная, что было явно не к месту.

Все гости оставили оружие за дверями, за этим строго проследил полковник Юрэн, но сам зал контролировали по всему периметру скрытые за

бойницами под потолком стрелки из подчиненной ему Дворцовой Охраны Регента.

Трое из этих бравых ребят даже не догадывались, что подчинялись уже не своему начальнику, а молоденькой девушке, вяло отщипывающей что-то у себя на тарелке. Сторожевой пес Регента, здоровущая черная псина, делавшая стойку за высоким резным стулом хозяина, тоже была взята Тэлзи под контроль. По крайней мере, если не под полный, то процентов на восемьдесят.

Ужин еще набирал обороты, а напряжение, витавшее в воздухе, уже сгустилось окончательно. Во всяком случае, Тэлзи ощутила заметную вибрацию массивного каменного пола через деревянный стул, на котором сидела. Это продолжалось не дольше секунды, но разговоры как по мановению волшебной палочки стихли, а под потолком повисла на оборванной ноте музыка.

Через какое-то время вибрация возобновилась. Она становилась все сильнее и сильнее, и вскоре пол заходил ходуном как во время солидного землетрясения. Потом опять наступило спокойствие. Сидящие замерли. Тэлзи обнаружила, что непроизвольно задержала дыхание. Вот еще глупости, подумала она и вдохнула полной грудью.

В третий раз, когда это началось, полотрясе-

ние сопровождалась каким-то мощным звуком. Казалось, что рокочет трубный глас великана. Когда он смолк, перед Камнем Виролла возник низенький столик традиционного для данного интерьера траурного цвета. В тот же миг из-за Камня вышли два человека в серых балахонах, закрывающих их тела до пят, и с такими же серыми масками, закрывающими лица. Они встали по краям столика, сжимая в руках витые веревки.

* * *

Лорд Ормота, Служитель Камня, встал со своего места, обошел стол и занял почетный пост у стула Регента. Он поднял руки и громко выкрикнул:

— Камень Виролла получит два сердца!

Его бородатое лицо приняло выражение повышенного внимания, словно он прислушивался к чему-то за своей спиной. Трубный глас вновь пророкотал что-то нечленораздельное. Дрожь пробежала по каменному полу. Служитель повернулся к Регенту:

— Два предателя Тамандума сидят сейчас напротив Регента Торру, считая, что никто не подозревает об их измене! Камень Виролла укажет на них и получит их подлые сердца!

Два предателя? Вэллейн, чье лицо побледнело,

наверное, будет первым. А второй? Тэлзи читала в разуме Касмарда, что его отравитель пока не сумел применить свое искусство в деле. Тем не менее, аскаб не терял надежды. Хотя, возможно, бедняга или поставил не на ту лошадку или…

Тэлзи оборвала контакт. Из нашлепок, напоминающих загребущие длани, материализовался длинный узкий предмет, нечто вроде трости или жезла. Он оторвался от Камня и взлетел вверх, очевидно, послушный воле управляющего им с помощью скрытых механизмов лорда Ормота. Жезл завис над центром стола верхнего уровня. Потом, издавая жужжащий звук, он направился к Регенту, покачиваясь из стороны в сторону, как стрелка компаса. Присутствующие уже в который раз замерли, желая не пропустить драматический момент, когда жезл укажет на жертву.

Жужжание резко усилилось, жезл отпрянул в сторону от Регента, развернулся и вдруг нацелился прямо на… Хэдзела.

Тэлзи ощутила невероятный шок, выуженный из разума телекинетика, а краем глаза заметила выражение полного недоумения, отразившегося на лице лорда Ормота.

Жезл растворился в воздухе. Тем временем с Камнем творилось что-то невероятное. Сначала

его поверхность заслонил появившийся из ничего слабо сияющий экран, явно нематериального происхождения. Когда он исчез, с вершины Камня сорвались какие-то черные пластины, они упали вниз и накрыли нашлепки, эти псевдоруки, наподобие покрывала. Сразу после этого Регент судорожно схватился за край скатерти, пытаясь подняться. Его глазные яблоки налились кровью и выскочили из орбит, рот перекосило в агонии. Глухой краткий вопль известил собравшихся, что Торру доживает свои последние секунды. Недолго оставалось ждать и лорду Ормота. Его лоб покрылся испариной, лицо побагровело, из приоткрытого рта показались черные пузыри. Не сразу до всех дошло, что у него началось горловое кровотечение. Служитель Камня зашатался и рухнул как подкошенный рядом со стулом своего подельника.

Один из серых балахонов, дотоле спокойно взиравший на страшное шоу, издал вопль ужаса. Рука его тряслась, и, тем не менее, он указывал на Камень, точнее на нашлепки, по-прежнему покрытые черным покрывалом.

Два дымящихся человеческих сердца, истекая кровью, но все еще пульсирующих, плюхнулись в длани. Люди не выдержали, вскочили из-за стола

и заорали от ужаса.

* * *

— Аскаб проявил настолько потрясающее присутствие духа, что я уверен, ты контролировала его все это время, — обратился к Тэлзи Хэдзел, понизив голос. — Однако это был лучший способ, чтобы справиться с неожиданным поворотом событий. Торру нарушил договор, предав нашу команду. Поэтому мне пришлось принести его и Ормоту в жертву Камню; сама понимаешь, своя рубашка ближе к телу!

Он прокашлялся.

— Мне надо сообщить о происшедшем Ларкину, но до этого я хотел бы вас с Триггер предостеречь. Хотя вашим жизням, девчонки, и жизням Касмарда с Вэллейном ничто более не угрожает, не пытайтесь нарушить наши планы — они в принципе остаются неизменными, хотя отдельные детали придется откорректировать на скорую руку. Другими словами, к концу Дня Славы следующим аскабом станет Сэмс Ларкин. Вас же в сопровождении Касмарда доставят в космопорт Федерации и, если с мозгами у вас все в порядке, то вы покинете Асканам, не оглядываясь!

Он осклабился, отчего его некрасивое лицо

стало еще уродливее.

— То, что произошло, лишь укрепит наши позиции. А тот факт, что на телах Торру и Ормота не будет найдено явных следов насильственной смерти, добавит Ларкину сторонников, поскольку на Асканаме многие жаждут верить в сверхъестественное. Помните, что я вам сказал!

Он повернулся и оставил компаньонок наедине с их мыслями. Тэлзи и Триггер проводили удаляющуюся фигуру взглядом. Не осознавая того, что делает, телекинетик коснулся основания шеи, тем самым включив разумозащиту.

— А не разгадают ли телепаты твой трюк? — задумчиво произнесла Триггер. — Ведь это ты заставила жезл указать на телекиктика, или я не права?

— Отвечаю на вопросы по мере их поступления, — улыбнулась Тэлзи. — Ответ на первый вопрос — нет. На второй — да.

— А подробнее можно по первому вопросу? — жалобно попросила Триггер.

— Пожалуйста. Ларкин, конечно, подозрителен по своей натуре, но если даже заглянет к Хэдзелу в разум, то обнаружит, что Хэдзел вспоминает все в точности так, как было с Камнем Виролла.

Глава 8

Игры, приуроченные ко Дню Славы, стартовали. Зрительные сектора Большой Арены были неимоверно возбуждены от будоражащих слухов, любопытства и интереса. Молва о значимых и непонятных событиях в Доме Виролла витала над трибунами — кто бы мог подумать еще накануне, что Регент и Служитель Камня будут объявлены изменниками и станут жертвами?! А долго отсутствовавший на родине аскаб Периал Касмард вновь взял бразды правления в руки и управляет балаком с полного согласия лучших родов Тамандума! И одно, и другое события были явными предзнаменованиями того, что нынешний День Славы войдет в Историю.

Пятеро сидело в ложе, еще день назад принадлежавшей Регенту — аскаб Касмард, лорд Вэллейн, Тэлзи, Триггер и Хэдзел, Повелитель Игр. Первые двое были невозмутимы. Потому что знали — недавние события в Доме Виролла, ужасные, но удивительно своевременные, были работой доброжелательных пси. Об этом им рассказали ментально сами пси. Причем каждому из них рассказали отдельно, чтобы картина вы-

глядела объективной. Сравнив свои ментальные воспоминания, Касмард и Вэллейн пришли к выводу, что пси не лгут. Они не знали, кто эти доброжелатели. К тому же им было запрещено выяснять их имена. Что ж, к просьбе друзей следовало прислушаться: ни аскаб, ни его кузен не собирались ничего выяснять. Не успеет сесть солнце, как Касмард передаст титул Вэллейну, об этом уже разнеслась весть по всему балаку.

Команда Сэмса Ларкина знала, что Тэлзи контролировала сознания Касмарда и Вэллейна, но у них не было причин противодействовать. Эти двое нуждались в поддержке и руководстве в критический момент, а поскольку подобная деятельность Тэлзи не представляла угрозы Ларкину, он смотрел на нее сквозь пальцы. Появившись в ложе, Хэдзел передал компаньонкам слова своего предводителя:

— Вы прекрасно содействуете нам, девчонки. Давайте и дальше продолжать в том же духе!

Если Касмард и понял, о чем речь, то не подал виду. Хорошее это все-таки дело — аскабское воспитание!

Хэдзел нисколько не сомневался, что Тэлзи и Триггер испугались противоборства с Ларкином и всячески пытаются показать свою лояльность.

Кроме того, один из телепатов команды находился в постоянном контакте с разумами аскаба и его кузена. Стоило Тэлзи устроить какой-нибудь сомнительный фокус, как это сразу стало бы известно Ларкину, а через Хэдзела, с которого никто не снимал звания Повелителя Игр, он сразу предпримет необходимые шаги. Как говорится, все схвачено, уважаемые дамы и господа! Команда намеревалась сражаться до конца и ясно показала свое намерение.

Но существовал еще один разум, который не вписывался в уравнение со многими известными. Разум навигатора Кьюина. Доверенное лицо Касмарда было выпущено из тюрьмы и получило пригласительный билет на Игры. Не в ложу Регента, но поблизости от него, в не менее престижное место на центральной трибуне. Аскаб надеялся, что это хоть частично возместит душевные переживания его верного товарища. Один из телепатов Ларкина залез навигатору в разум и обнаружил, что Кьюин находится в медитативном трансе, из которого, правда, уже начал под неусыпным контролем Тэлзи выходить. Поскольку в этом случае имело место вмешательство пси, телепатам Ларкина пришлось срочно нейтрализовать резвушку-девушку. Возможно, ей

пришлось не по нраву подобное вмешательство, но команде на это было наплевать. У каждого имелся свой участок работы, и каждый скрупулезно выполнял разученные на репетициях пункты один за другим, генерируя то или иное чудо, которое должно было возвести Сэмса Ларкина на престол Тамандума.

* * *

Открытие Игр было ярким и красочным, но малоинтересным по тамандумским стандартам. Утро всегда бывало невыразительной прелюдией перед тем, что принесет зрителю полный драматических коллизий день. Толпа с терпеливым ожиданием наблюдала за вяло текущей увертюрой, а подробности детализировались на громадных мозаичных экранах, установленных над каждым сектором. Но то, что происходило на самой арене, трудно было передать. Хитроумные иллюзии Довари стали приятным исключением из череды скучных боев и примитивных стычек с дикими тварями. Зрители постепенно оценили виртуозность исполнения, затихли, очарованные — Камень Виролла проявлял себя с таких сторон, с каких не проявлял никогда дотоле! Сами иллюзии не вызывали всплеска эмоций, но то

очарование жутью, то воспевание гибельного риска, какое придает любому зрелищу перца, распростерло свои тенета над Большой Ареной.

— Неплохая иллюзионисточка, — подумала Тэлзи, — и теперь самое время приступить!

Она подала Триггер заранее обговоренный сигнал. Та проглотила грогги-пилюлю. Спустя несколько секунд Кьюин ощутил внезапный прорыв в своем благодушно-сонном состоянии. И тогда он ответил. Тэлзи сняла со своей ментоуали защитный контур и направила всю свою пси-активность на резкую остановку.

Хэдзел, сидевший за спиной Касмарда, содрогнулся и исчез. Триггер с закрытыми глазами безвольно откинулась на спинку. Иллюзии, властвующие над соревновательным полем, закрутились в бешеном ритме, сменяя друг друга в хаотическом беспорядке.

Почти осязаемо над секторами ударили тугие волны беспричинной тревоги, охватывая каждое сидячее место на трибунах. Периал Касмард включил на трансляцию микрофон, стоящий на распяленной треноге перед ним. Его спокойный голос вознесся над ареной. В своей прощальной речи аскаб сделал основной упор на то, что это не очередная иллюзия, а наступление одного

из самых значительных периодов в истории Тамандума…

Это была тщательно отрепетированная речь, но Касмард даже не догадывался об этом. Во всяком случае, это сработало. Публика не ударилась в панику, хотя предпосылки к тому были.

Но вернемся на несколько часов назад, когда у Тэлзи с Триггер состоялся следующий разговор.

— Существует тип пси, с которым ни один пси не хотел бы встретиться. Между собой они называют его «глушилкой». У «глушилки» один-единственный талант: создание мертвого поля, области, в которой все остальные пси-явления начинают идти вразнобой. Это ужасно, особенно для тех, кто использует электронные устройства, чтобы усилить свои способности. Чем больше пси может делать, тем катастрофичнее последствия. И чем активнее они стремятся захватить контроль, тем серьезнее становятся проблемы!

— Как это? — спросила Триггер.

— Поясняю на примере. Мы получили удар от «глушилки», когда атаковали яхту Касмарда. И знаешь, кто был его автором?

Триггер отрицательно помотала головой.

— Навигатор Кьюин! — с победным видом объявила Тэлзи. — Он сам не ведал, что творит. Он

не догадывается, что является пси. Просто когда мальчик пугается, то начинает глушить. Это неосознанная защитная реакция на опасность. В тот раз он здорово струхнул, и твоя старогалактианская защита вместо того, чтобы охранять разум, принялась колотить самое себя. Именно поэтому ты ощутила, словно твою голову засунули в барабан. Что же касается меня, я так и не определилась, по какой причине моя защита вышла из строя. Думаю, что-нибудь аналогичное твоей. К счастью, это продолжалось всего несколько секунд, прежде чем «глушилку» вырубили.

А, возвращаясь к Играм, следует отметить, что на сей раз Кьюин находился в испуганном состоянии почти три минуты. Этого, подумала Тэлзи, вполне достаточно. А потом страх у навигатора исчез. Можно сказать, сработала рефлекторная защита. Именно на это и рассчитывала Тэлзи.

Между тем Триггер продолжала оставаться без сознания, не замечая, что ее защита притягивала к себе многочисленные потоки, можно сказать, целые водопады «колотящей» энергии. А Тэлзи, в полном сознании, со снятой защитой, отделила себя от всего, хотя бы отдаленно напоминающего способность управлять пси, пока навигатор-«глушилка» не прекратил генерировать свое мертвое

поле.

Глава 9

Спустя четыре часа после завершения Дня Славы Тэлзи и Триггер болтали в кают-ресторане звездолета, шедшего курсом на Орадо. Вошел Сэмс Ларкин. Завидев компаньонок, он подошел к их столику.

— Ба, знакомые все лица! — радушно воскликнула Тэлзи. — Мы и не знали, что ты возвращаешься домой!

— Я знаю, что вы не знали, — в его глазах сверкнули огоньки. Он сел, заказал выпить, вздохнул и откинулся на спинку стула. — Сказать по правде, я не в лучшей кондиции, но до госпитализации дело пока не дошло. Я поднялся по трапу в самый последний момент перед отлетом, ожидая, что найду вас где-нибудь на прогулочных палубах.

— А как чувствуют себя твои ландскнехты? — полюбопытствовала Тэлзи. Потребовалось некоторое время, чтобы определить местонахождение каждого из команды Ларкина, и еще немного для того, чтобы привести их в чувство. В конце концов, всех собрали вместе в гостинице Федерации рядом с космопортом.

Сэмс пожал плечами.

— Не все, конечно, в полном здравии, но, думается, они поправятся. Отправка санитарного корабля завтра. Ребята уже не ощущают себя в роли парящих над Асканамом птиц, — он укоризненно покачал головой. — Боже, какой я идиот, ведь это ты включила «глушилку», так?

Тэлзи недоуменно изогнула бровь.

— Я?!

— Поскольку вы обе выглядите прекрасно, отсюда вывод: это сделала ты! Ведь «глушилок» не так уж много вокруг. К тому же трудно допустить совпадение, что одна такая появилась на Большой Арене и проявила себя в тот момент, когда мы начали активные действия. Сколько времени работала «глушилка»?

— Ладно, врать не буду! Три минуты, плюс-минус пару секунд.

— А мне показалось, что этот кошмар длился целую вечность! — Он протяжно вздохнул. — Отвратительную сумасшедшую вечность!

В центре столика возникла выпивка. Сэмс залпом осушил бокал и приказал повторить:

— О-о, теперь стало намного лучше! Знаешь, Тэлзи, больше всего это сказалось на талантах! Довари до сих пор пребывает в визуальном кошмаре

и, самое интересное, созданные ею картинки издают запахи и даже обладают тактильностью!

— А ведь до Хэдзела и других телекинетиков он едва дотронулся, — сообщила Тэлзи.

— Но это его «едва» встряхнуло парнишек будь здоров! Бац — и Хэдзел обнаруживает себя над Асканамом на высоте в полкилометра! Остальные, конечно, взлетели не так высоко, но им пришлось изрядно попотеть, чтобы не шмякнуться о землю. Никто не может припомнить, как это произошло. Но повторения подобного конфуза не желает ни один.

Появился новый бокал. Сэмс пригубил, облизался и причмокнул:

— Наконец-то начинаю ощущать себя в своей тарелке!

— Хорошо, что не в летающей, как Хэдзел, — съязвила Триггер. — Может быть, вернешься на Асканам и попытаешь счастья еще разок?

Сэмс отмахнулся, едва не опрокинув бокал себе на брюки:

— Ни за что! Хлопотное это дело. Я собираюсь сколотить новую команду. К тому же, я пришел к выводу: ты, Тэлзи, была права. Можно самым настоящим образом сбрендить, ежели играть в политику на полном серьезе. А кто в Тамандуме

аскаб?

— Вэллейн, — в один голос ответили Триггер и Тэлзи, которая тут же добавила:

— Замена одного аскаба на другого пришлась народу балака по вкусу. Все равно Касмард не собирался долго останавливаться у себя на родине.

— Он тоже на борту?

— А как ты догадался, пси? — не удержалась снова от издевки Триггер. — Он признался нам по секрету, что у него с Вэллейном была таинственная защита, организованная хорошо замаскированным пси. И этот инкогнито не только поспособствовал падению Торру и Ормота, но также неоднократно вмешивался в другие события Дня Славы. И каждый раз с положительным результатом. А еще Касмард сказал, что, по личной просьбе пси, его вмешательство не подлежит обсуждению.

— Значит, обсуждать не будем, — согласился Сэмс. — Но у Психологического Сервиса могут возникнуть претензии: этично ли такое вмешательство загадочного пси? — Он допил бокал и с ухмылкой добавил: — Я так и думал, что они найдут способ убрать Торру и Ормота. И знаете, когда я это понял?

— Ну-ну? — на лице Тэлзи нельзя было ничего

прочитать.

— Когда ваша парочка заманила бедного Хэдзела в западню. Зная твой характер, я был уверен, что ты не упустишь любой возможности насолить как можно большему количеству своих недругов.

— А почему ты не попробовал вмешаться? — спросила Триггер.

Сэмс криво усмехнулся.

— Я надеялся, что сумею поймать вас через Хэдзела и все-таки выиграть партию. Не введи вы в действие «глушилку», я бы добился своего!

— Блажен, кто верует, — сказала Тэлзи, которая всегда оставляла последнее слово за собой.

Дитя богов
(рассказ)

Глава 1

Посадочные огни цвета слоновой кости на «Джеделтауэре», одном из крупнейших отелей города, показались впереди и левее движущегося транспортного потока. «Хвост», который следил за машиной, свернул из правого ряда и пошел на посадку. При его приземлении у Тэлзи возникло моментальное впечатление, что кто-то стремится

заставить ее машину сесть на террасу высотного здания. Она сосредоточилась. Если бы ей удалось вырваться из преследующего специфического внушения, то она заплатила бы за это потерей внутреннего контроля. Поэтому девушка не стала импровизировать, а продолжала держаться заданного курса.

Слежка после этого стала еще более нахальной. Пси, прицепившийся к ней сзади, был грубым и неумелым, но кто бы это ни был, он знал, что делает, и умел экономить силы. Через секунды ее мускулы напряглись, а на лбу выступила обильная испарина. Девушка перестала сопротивляться и поддалась наведенному внушению, аэрокар резко клюнул носом и выпал из плотного потока летательных машин. Тэлзи откинулась на спинку водительского кресла, создав впечатление, что ей сумели внушить то, чего от нее добивались. Она знала, что этот грубиян-пси не смог влезть в ее разум настолько глубоко, чтобы читать мысли.

Спустя мгновение машина сошла с главной трассы — теперь следовало действовать решительно, пока охотник не сообразил, что дичь пытается уйти от погони, изменив маршрут. Тэлзи распахнула дверцу и попыталась выброситься

из машины.

Лишь попыталась.

Она ощутила резкую боль в пояснице, которая как бы заморозила ее в положении сидя — сюрприз со стороны преследователя. Спустя секунду-другую она смогла закрыть дверцу и даже защелкнула замок. Тут же пришла ментальная насмешка, совмещенная с одобрением. Охотник предвидел, что предпримет дичь, и поймал ее в самый нужный момент, а поскольку фокус не прошел, Тэлзи придется терпеливо ждать следующего шанса.

Она позволила себе расслабиться физически. А ментальное напряжение сохранила. Не только для того, чтобы не подпускать к себе своего преследователя-пси, который мог воспользоваться преимуществом, но и для того, чтобы подстеречь его и нанести контрудар. Однако охотник пока был начеку и не предоставлял ей такой возможности. С тех пор, как она два часа назад засекла за собой слежку, Тэлзи не только не составила никакого представления о его личности, но и не понимала, какую цель он преследует. Поэтому она постаралась взять себя в руки, осуществляя телепатическое сканирование того, что завладело ее вниманием. Она находилась в полудреме,

когда ощутила незнакомые ментальные отблески. Легкое движущееся мягкое осознание. Заинтересовавшись созданием, которое могло генерировать такие необычные отблески, Тэлзи скользнула навстречу этой легкости и мягкости. Но ее порыв мгновенно вызвал ответную тревогу: отблески поблекли, расплылись и почти исчезли. Ага, значит, это тоже было пси!

Заинтригованная, она предприняла повторную попытку. Уверенно, но осторожно. На этот раз пси не растворилось и спустя мгновение оно уже отвечало.

А потом, когда внимание Тэлзи несколько рассеялось, и ментозащита ослабла, как бы вспышкой пришло понимание, что это был не настоящий отблеск, а фальшивка, подманка, ловкий трюк. Вот тогда-то и началось скрытое проникновение в ее разум. Тэлзи хваталась за каждый штришок, который мог бы выявить агрессора, но не было ничего, никакой зацепочки, кроме того, что этот пси — человек, и к тому же человек опасный. Ответные действия девушки не позволили ему взять полный контроль над ее разумом. Большего сделать она не смогла, разорвать ментальные оковы не удалось на все усилия, но самым неприятным было то, что не удалось никоим образом

вторгнуться в его разум. Он уже достаточно преуспел в том, чтобы сделать ее беззащитной, и когда до Тэлзи дошло в полном объеме собственное положение, она прекратила сопротивление. Хотя и не оставила попыток нащупать пусть даже секундное ослабление контроля или малюсенький промах, допущенный незнакомцем в своей пси-акции.

Но ничего подобного не случилось. Чуть позже она обнаружила крайне неприятный факт — прибегнуть к чьей-либо помощи было нельзя. Девушка оказалась отрезанной от внешнего мира. Этого не могло быть, но это было!

Что ж, придется действовать, опираясь на собственные силы. Между тем существенных изменений ситуации даже не предвиделось. А чуть позже ее настиг импульс, заставивший Тэлзи двигаться к центру Орадо-сити, и она не могла воспротивиться этому. Она знала, что незнакомец заставляет ее двигаться к своему логову и это место — «Джеделтауэр». Но после того как была пресечена попытка девушки выпрыгнуть из машины, чтобы Спасательная Система приняла ее в свои надежные сети, у Тэлзи не осталось вариантов на иное продолжение событий.

Если б только он не подхватил ее в последний

момент…

А он подхватил. Тем временем «Джеделтауэр» становился все ближе и ближе. Значит, ее разум по-прежнему контролировался. Нельзя сказать что полностью, но ровно настолько, насколько это было необходимо незнакомцу. Если и ему было не слишком комфортно в сложившейся ситуации, то он не показывал вида.

Она направила свой «Неборез» к террасе 16-го уровня отеля, где уже и так было припарковано несколько аэрокаров. Возле них были люди. Она посадила машину и выключила зажигание, но не вышла из кабины, а пересела на кресло, соседнее с водительским.

Спустя несколько секунд дверца с водительской стороны открылась, и незнакомец сел на место, которое в полете занимала Тэлзи. «Неборез» завелся с пол-оборота и взмыл ввысь, да так поспешно, что девушка сумела разглядеть своего похитителя только в воздухе.

Впрочем, разглядеть не то слово — ничего, кроме каких-то общих расплывчатых черт, как-то: нос, рот, подбородок, она не запомнила. Глаза прятались в тени широкополой шляпы. Создалось впечатление, что он молод, коренаст, силен физически. И еще — незнакомец действительно

был незнакомцем, ибо не входил в число людей, которых Тэлзи знала.

Внезапно он повернулся в ее сторону. Девушка почувствовала даже не приказ, а импульс — убрать подлокотник, разделяющий их сиденья, а руки — за спину. Потом он связал ей запястья эластичной лентой. Когда экзекуция, впрочем, вполне терпимая, была завершена, Тэлзи глянула в боковое стекло на расстилающийся ландшафт и убедилась, что он так же расплывчат, как и приборная доска.

Самое смешное, что это ее каким-то образом успокоило. Незнакомец не желал, чтобы его жертва знала, как он выглядит, и куда ее везут. Из этого следовало, что в ее смерти не заинтересованы и в ближайшее время опасность жизни не угрожает. Тэлзи откинулась на спинку, расслабилась и стала ждать.

* * *

Вероятно, прошло около получаса. Тэлзи оставалась настороженной, несмотря на свою расслабленность, но хотя ментальная хватка незнакомца была по-прежнему цепкой, он не пытался ее усилить. Наконец машина приземлилась. «Неборез» застыл посреди плоской крыши какого-то здания,

окруженного со всех сторон цветущим садом с газонами, деревьями и клумбами. Ничего, кроме раскидистых крон, над которыми голубело небо с заплатками облаков. Надо заметить, Тэлзи это не очень понравилось.

Незнакомец заглушил мотор, вышел из аэрокара и обошел машину спереди.

— Будьте любезны покинуть экипаж, — сказал он, распахивая дверцу с ее стороны. Голос был спокойным, угрозы в нем не чувствовалось.

Но выбраться из аэрокара со связанными руками оказалось не так-то просто. Незнакомец помог Тэлзи, аккуратно подхватив девушку под растопыренный локоток. Потом наклонился, отпирая замок спускового люка, под которым оказалась площадка открытого лифта. С помощью своего похитителя девушка вскоре оказалась в комнате, расположенной под крышей.

— Здесь! — сказал он непонятно.

Тэлзи почувствовала, что их окружает пси-блокада, накрытая над всем зданием. Интерьер помещения наводил на мысль, что это частное владение, возможно, принадлежащее ее похитителю.

— Вы пытались выпрыгнуть из машины на лету, верно? — поинтересовался первым делом

человек с расплывчатым лицом.

Она кивнула.

— А-а, так вы, оказывается, воздушная акробатка! — смущенно протянул он. — Но если бы вы потревожили рецепторы Спасательной Системы и были подхвачены моменткаром или наткнулись на силовой барьер, боюсь, что у вас возникли бы серьезные осложнения со здоровьем! Можете быть уверены, приговор таким, как вы, нарушителям — полная реабилитация.

— Можете не беспокоиться, я пережила бы эту процедуру, — язвительно ответила девушка. — Меня понаблюдали бы дня три-четыре, зато в таком случае вам стало бы невозможным следить за мной все это время!

— Скажу больше, — весело заявил незнакомец, — я бы не только три-четыре, но и одного дня не смог бы следить за вами! Сильный ход с вашей стороны, — похвалил он спутницу, — слава Богу, что он не сработал!

— А мне кто-нибудь скажет, зачем я здесь?

— Скажут, и очень скоро, — он показал ей на выход. Дескать, пора перебирать ножками.

За дверью обнаружилась еще одна комната. Побольше, чем первая, но без окон. Вдоль одной стены лежали в ряд кожаные маты, кое-где пере-

межаемые гимнастическими снарядами.

— Мы знакомы совсем недолго, но я понял, что с вами нужно держать ухо востро! — признался он. — Прежде чем продолжать столь приятную беседу, позвольте мне принять кое-какие меры!

Спустя несколько минут Тэлзи оказалась распятой рядом со шведской стенкой. Теперь у нее были связаны не только руки, но и ноги. Однако теперь уже не эластичным бинтом, а довольно жесткими и, наверное, очень прочными кожаными ремнями. В таком неудобном положении запястья и лодыжки должны были вскоре затечь.

— Как вы, вероятно, уже догадались, дом пси-блокирован. Он принадлежит мне. Никто нас здесь не потревожит.

— Ну и пусть, — сказала Тэлзи. — Не потревожит и ладно. А теперь скажете, кто вы такой и какого рожна вам от меня надо?

— Я пока не решил, стоит ли мне открываться. Просто я нуждаюсь в помощи еще одного пси. Причем, пси — телепата.

— И вы выбрали меня?

— Это еще одна деталь, о которой я, скорее всего, извещу вас позже. Прежде необходимо убедиться, что я смогу вас использовать. Мне подойдет не

любой телепат.

— А я, стало быть, полностью вас устраиваю?

— Да не будь я уверен в этом на сто процентов, зачем мне было бы вцепляться в вас?! — возмутился похититель. — Если начистоту, то вы заставили меня здорово попотеть! Знай я, сколько проблем вы доставите, вряд ли стал бы охотиться за вами. Вы должны стать моим надежным ассистентом уже хотя бы по этой уважительной причине. Однако я не смогу поверить в вашу лояльность до тех пор, пока вы не дадите добровольного согласия на сотрудничество. Впрочем, у вас имеется выбор.

— Выбор?

— Да, выбор — подтвердил он. — Например, таблетки. Но я считаю, что они настолько подавят ваши пси-способности, что ими нельзя будет воспользоваться. Поэтому таблетки отпадают. Во-вторых, я смог бы разорвать вашу защитную ментовуаль с помощью грубой силы и взять ваш разум под полный контроль. Но силовое давление причинит серьезный ущерб опять же вашим пси-способностям. Поскольку после этого вы станете абсолютно бесполезной для моих целей, я прибегну к подобному методу лишь в крайнем случае. И, наконец, существует довольно простое

решение. Простое и эффективное. Надо лишь определить, способны ли вы выставить полноценный болевой барьер?

Тэлзи помедлила с ответом:

— Я… э-э… кажется, я забыла, как это делается.

— Зато я не забыл, — ухмыльнулся хозяин дома. — Прежде чем вы это смогли заметить, я постарался убрать это умение из вашего сознания. Стало быть, у вас нет возможности противостоять боли. Поэтому теперь я сделаю вам больно, — он злорадно блеснул глазами: — Очень больно.

И тут же Тэлзи ощутила в локтевом сгибе левой руки нестерпимое жжение. Она резко рванулась из ременных петель — ощущение пропало.

— Это было прикосновение низкой интенсивности, — сказал мучитель. — Полагаю, вам хорошо известно о таких пыточных устройствах. Поскольку они предназначены исключительно для поражения конечностей, то убить человека не в состоянии, но результаты их работы впечатляют. Я знаю кое-каких типов, которых могу привести в дом буквально в течение нескольких минут — они с радостью применят к вам пыточную машинку, поскольку обожают причинять другим людям физические мучения. Если бы вас мучили не одноразово, как я только что сделал, а

в течение продолжительного времени, сомневаюсь, что у вас хватит силы воли не расстаться с блоками, выстроенными вашей разумозащитой. Видите ли, барышня, меня ничто не должно отвлекать от цели, поэтому я намерен уделить все свое внимание, чтобы уловить самый малюсенький пробой в вашей ментовуали. Так что и часа не пройдет, как я своего добьюсь. А у вас появится опыт сопротивления боли, столь же неприятный, сколь и бесцельный. Вы не согласны со мной?

К сожалению, он был прав.

— Дайте подумать!

— Подумайте-подумайте, — согласился он, — но только быстро! Конечно, я предпочел бы договориться по-хорошему.

— И как долго вы намерены пользоваться моими ассистентскими услугами?

— Дня три-четыре, максимум неделю.

— И после этого я свободна?

— Конечно, — осклабился похититель. — У меня нет причин держать вас под контролем дольше.

Вероятнее всего, он лгал. Но за три-четыре дня может произойти многое. Раз уж похититель собирается использовать ее в качестве пси, волей-неволей ему придется оставить пленнице

хоть какую-то свободу мысли.

— Ну, хорошо, я готова снять свою ментовуаль полностью.

* * *

— Каковы ваши ощущения? — услышала она голос своего похитителя.

— Руки болят.

Он так и не освободил ее от пут.

— Я не это имел в виду. Вы ощущаете какие-то изменения внутри?

Тэлзи шумно выдохнула:

— О, да. Ведь я помню, как себя чувствовала до того, как вы начали.

— Ну и как оно?

Девушка надолго задумалась.

— В принципе нормально… Я готова сделать все, что вы скажете, или, по крайней мере, попробовать. Если не поступит дополнительных инструкций, буду в рамках задания действовать по своему разумению. На данный момент это для меня важнее, чем все остальное.

— Даже важнее свободы?

— Да. Может быть, это покажется странным, но это так.

— Неплохое начало для нашего сотрудниче-

ства! — чувствовалось, что он доволен наметившимися перспективами. — А вы догадываетесь, каким образом удалось взять вас под контроль?

Тэлзи покачала головой в знак отрицания.

— Знай я, как попалась, мне не доставило бы большого труда избавиться от контроля! И от вашего преимущества не осталось бы и следа.

Сколько раз она страдала из-за своей правдивости, но продолжала резать правду-матку в глаза любому, даже недругу.

— А как вам представляется положение, в котором вы оказались?

Девушка вновь задумалась.

— Каких-то особых мыслей по этому поводу у меня нет. Как говорится, и на старуху бывает проруха, — улыбнулась она виновато.

— Что ж, — улыбнулся он в ответ, — весьма объективное суждение. Я обнаружил, что у вас есть какие-то связи с Психологическим Сервисом, но если будете держать свою непробиваемую ментовуаль в опущенном состоянии, а вы будете ее держать таковой, то проблем у нас с вами не возникнет. Итак, не считая кое-каких нововведений, о которых я сейчас позабочусь, можно считать наше сотрудничество вступившим в силу. Вот теперь, пожалуй, можно освободить

вам ручки-ножки.

Минуту спустя девушка уже вовсю разминала затекшие от неподвижности конечности. Лицо похитителя сияло от самодовольства, но его черты уже не были расплывчатыми. Итак, его внешность выглядела интеллигентной, не лишенной приятности, но парень вряд ли принадлежал к тем, кто мог вызвать у нее интерес, если бы был увиден в толпе. Хотя в данный момент подобное суждение не являлось самым важным.

— Я взял себе за правило прибегать к помощи пси только тогда, когда это необходимо. Это снижает шансы привлечь к себе нежелательное внимание. Будем соблюдать это правило и в наших с вами отношениях. Например, не следует общаться на ментальном уровне, если возможно обычное вербальное. Я доступно излагаю?

— Я закончила колледж и знаю, что означает слово вербальный.

— Вот и прекрасно. Сейчас предлагаю перекусить, а после объясню, что конкретно от вас требуется.

— А зовут-то вас как?

— А зовут меня Аликар Тронефф.

— Понимаю, — усмехнулась Тэлзи. — А как

ваше настоящее имя?

Молодой человек пожал плечами.

— Аликар — мое настоящее имя. А что, оно показалось вам странным? Юрисдикция Федерации не распространяется на область пси-деятельности, поэтому мои действия не противозаконны. В таком случае ну зачем, скажите пожалуйста, мне скрывать собственное имя? К тому же Психологический Сервис взял за правило предоставлять независимым пси решать свои проблемы самостоятельно. Ваши друзья могли бы вмешаться на данном этапе, но после того, как наше сотрудничество, надеюсь, плодотворное, завершится, у них даже малейшего повода не возникнет предпринять в отношении меня какие-то враждебные шаги.

— Но ведь я могу заявить кое-куда, что некий Аликар Тронефф — пси, — заметила Тэлзи.

Аликар скорчил гримасу.

— К сожалению, кое-где на меня уже имеется аналогичное заявление! Естественно, это немного осложняет решение моей задачи, но мне знакомы кое-какие занимательные способы, чтобы обойти расставленные рогатки.

* * *

За бокалом терпкого, но приятного коктейля и маленькими миндальными пирожными, что имели место еще в одном помещении Аликара, по-видимому, играющему роль столовой залы, Тронефф поделился с Тэлзи кое-какой, правда, довольно ограниченной информацией. В процессе этой почти доверительной беседы молодые люди без колебаний перешли на ты.

— Ты знаешь что-нибудь о сирин-кристаллах? — перво-наперво поинтересовался он.

Тэлзи кивнула.

— Полезное ископаемое, добываемое закрытым способом на планете Маннафра. Без добавок на основе сирин-кристалла невозможна ни одна из отраслей современной парфюмерии.

— Вижу, что ты в своем колледже не только в робошахматы гоняла! А теперь главное: я обнаружил неизвестную залежь сирина в прошлом году, застолбил участок в геологоуправлении по всем юридическим нормам, привез с Орадо горнодобывающее оборудование. У меня небольшая шахта, но добываемых кристаллов вполне хватает, чтобы покрыть все мои расходы до конца жизни. Несколько месяцев назад я покинул Маннафру,

полагая, что нанятая мной администрация будет блюсти интересы шахтовладельца. Каково же было мое удивление, когда два дня назад я навестил шахту и обнаружил, что у меня возникла серьезная проблема. После всестороннего изучения я пришел к выводу, что мне понадобится телепат, обладающий высокозондирующими способностями. А ты просто создана для этой роли, Тэлзи!

— Это пси-проблема?

— Очень похоже, что дело обстоит именно так, — вздохнул Аликар. — Не скажу, что именно я заметил, или думаю, что заметил, потому что мне необходимо беспристрастное мнение со стороны.

— А еще ты пришел к выводу, — добавила Тэлзи, — что такое зондирование опасно, в противном случае ты занялся бы этим сам.

Аликар ухмыльнулся.

— Мне попалась на редкость сообразительная девочка! Я сказал тебе ровно столько, сколько тебе необходимо знать на данной стадии. Теперь придумай какую-нибудь убедительную причину для недельного отсутствия на Орадо. Таким образом, мы избежим возможного с чьей-нибудь стороны любопытства. Мы отправимся на моем личном корабле, как только ты решишь

все свои вопросы. Сколько времени тебе на это понадобится?

Она пожала плечами.

— Пожалуй, часа два-три. Так что в космопорте мы окажемся приблизительно к полудню. Что-нибудь особенное прихватить с собой?

— Только костюм для пустыни с широким диапазоном защиты от температурного воздействия — на Маннафре резко континентальный климат. Возможно, нам придется выйти за пределы моего владения — по крайней мере, тебе, а уж я позабочусь обо всем остальном… И еще хочу кое-что добавить, прежде чем мы расстанемся. Пока я пытался установить контроль над тобой, мне стало известно о твоих последних достижениях в области пси, и я с запозданием понял, что запросто мог угодить в ловушку сам. Допусти я малейшую промашку, и победительницей оказалась бы ты.

— Весьма объективное суждение, — сказала Тэлзи тоном Аликара. — Рада, что ты это понял.

Тронефф прочистил горло.

— Чтобы ты не смогла причинить мне какой-нибудь вред и контролировать чужие разумы, как это, например, я проделал с тобой, придется воспользоваться пси-предохранителями.

— Но зачем? — возмутилась девушка. — Ведь я

же дала согласие на сотрудничество. К тому же мне, возможно, понадобятся все мои таланты, ведь ты сам подтвердил, что я буду иметь дело с пси-проблемой. И не просто с пси, а с опасной пси! Даю слово, что не буду использовать пси против тебя!

Приятные черты лица Аликара исказились и превратили его в застывшую маску.

— Возможно, и не будешь, — сказал он. — Да, пожалуй, придется предоставить тебе кое-какую свободу действий, но не всю, можешь даже не уговаривать! Хотя в какие-то моменты мой жесткий ментоконтроль над твоим разумом может стать мягче. Таким образом, я как бы застрахую себя от всяких неожиданностей! А если ситуация вынудит, я всегда смогу вернуть тебе твою ментовуаль, но не забывай: только от меня теперь зависит, когда это сделать и сделать ли вообще. А теперь вытри из памяти все о том, что с тобой происходило в эти последние несколько минут!

Глава 2

Аликар Тронефф прибыл на Маннафру ночью, причем включил пси-блокиратор, защищающий его корабль незримой броней, когда тот

был еще на орбите. Планета представляла собой сплошную пустыню от полюса до полюса, которая в звездном свете казалась однотонно серой и поэтому скучной для глаза. На громадных расстояниях друг от друга были разбросаны горнодобывающие комплексы, окруженные административными зданиями и бараками для рабочих, а вся прочая территория представляла собой цепочку барханов, да еще кое-где проглядывали из песков разрушенные эрозией невысокие горные цепи. Час спустя после вхождения в атмосферу звездолет Аликара прошел на небольшой высоте над узким ущельем одной из таких цепей и вскоре завис на переменной тяге над широким каменным уступом.

— Мы находимся в пятнадцати километрах от шахты, — сообщил Аликар, гася плазменный шнур под днищем: — Оптимальное расстояние, на котором я буду находиться, пока ты будешь проводить первую прикидку.

— Мне сделать это отсюда или с аэрокара? — уточнила Тэлзи. Небольшая летательная машина размещалась в маленьком трюме, расположенном ниже кают.

Аликар протянул ей рубчатый респиратор с выпуклыми очками, похожими на стрекозиные

глаза.

— Не забудь натянуть — здесь бедная кислородом атмосфера. Аэрокаром воспользуемся чуть позже, а вначале просто выйди наружу. В принципе можно обойтись и без намордника, но так все же надежнее. К тому же, внутри есть микрофон. Да, в одном костюме, — он окинул ее походный прикид выразительным взглядом, — ты замерзнешь. Не забыла захватить костюм для пустыни, про который я упоминал?

— А ты, значит, будешь ждать меня в тепле?

— Да уж, наверное, никуда отсюда не денусь — усмехнулся Тронефф. — Мне как-то спокойнее под защитой пси-блокиратора. А весь поиск возложен на тебя!

Когда Тэлзи напялила теплозащитную экипировку полностью, две дополнительные минуты ушли на проверку радиосвязи.

— Что мне делать, когда я спущусь по трапу?

В ее разуме мгновенно возникла картинка. Точнее, фотография.

— Найди этого человека, — сказал в свой микрофон Аликар. — Это Хайл, менеджер и главный специалист. Надо идентифицировать его на ментальном уровне. Как думаешь, получится?

— С каких-то пятнадцати километров? — без-

заботно отозвалась Тэлзи. — Ничего сложного. А сколько еще людей в окрестности?

— Всего дюжина. Ими командует компьютер «Романго». Другой сложной электроники в радиусе девятисот километров быть не должно.

— Еще проще. Может быть, кого-нибудь еще прощупать в смысле пси?

Фотография Хайла сменилась портретом другого человека.

— Кэвилд, геолог. Поищи его, если не обнаружишь Хайла. Если не найдешь ни того, ни другого, подойдет любой человеческий разум. Но контакт с кем-нибудь из первой пары наиболее предпочтителен.

— Какие могут возникнуть затруднения? Нет ли среди рабочих людей, невосприимчивых к зондированию?

Аликар недоуменно воздел брови.

— У меня и чтоб работали невосприимчивые к пси? Обижаешь!

— Извини, не сообразила. Может быть, мне необходимо отыскать что-то специфическое?

— Нет. Собери общие впечатления от обстановки, царящей на шахте. И последнее: будь как можно осторожнее! — он шмыгнул. — Вероятно, где-то поблизости от шахты таится телепати-

ческий разум. Если обнаружится хоть какой-то намек на такое, глуши свои способности и прячь ментощупальца под скорлупу ментовуали! Что делать дальше, мы решим сообща.

Тэлзи задумалась, сказанное Аликаром укладывалось в предполагаемые ею варианты развития событий.

— Послушай, а что если этот телепат только и ждет попытки зондирования?

— Не знаю. Поэтому и прошу тебя действовать крайне осторожно. Времени у тебя навалом, так что не спеши. Чем больше информации принесешь в клюве, тем проще нам будет дальше. Прежде чем начнет светать, у тебя еще несколько часов.

* * *

Даже в просторной пустынной хламиде Тэлзи было не жарко. Скалистый уступ простирался за штангой посадочной опоры корабля на десять метров вперед, дальше резко обрывался вниз. С противоположной стороны каменная стена, к которой прижималась серебристая птица Аликара, уходила ввысь в ночную темень. Девушка попрыгала на месте, помахала энергично руками — помогло.

А теперь следовало заняться собственно зондажем людей на шахте! Сирин-кристаллы представляли собой скелетообразные останки каких-то живых существ раннего геологического периода, когда еще Маннафра от полюса до полюса была покрыта многокилометровой толщей воды. Обширные залежи сирина были разбросаны практически то там, то сям по всей планете. Их коммерческая ценность была очень высока из-за невозможности искусственно повторить кристаллы и шахты, где они добываются, и они, несомненно, должны были заинтересовать грабителей и космических пиратов.

Тэлзи чувствовала, что ее напарник и работодатель придержал кое-какую информацию. Он говорил, что шахта у него небольшая и у злонамеренных пси нет причин для того, чтобы преступать закон из-за столь незначительной добычи. Даже если они отмечены предрасположенностью к воровству, гораздо проще добыть средства честным путем, используя свей пси-возможности. Значит, если у Аликара возникла проблема с пси на шахте, то дело вовсе не в кристаллах, и он прекрасно об этом осведомлен. Не исключено, что он знает и об истинной причине возникшей проблемы. Предположительно какие-то враги

выследили его на Маннафре и поджидали возвращения. Легко представить, подумала Тэлзи, что Тронефф, плюющий на условности, обзавелся врагами среди пси.

Посмотрим, что можно сделать для него…

Она открыла свой разум и отправила на поиски облегченное ментальное щупальце, простершееся над песками в звездной ночи. Пустынная на первый взгляд планета была далеко не мертва, шепот жизни стал поступать в сознание девушки по мере продвижения поисковой мысли. Правда, пока не отмечалось никаких следов человеческой деятельности и отблесков человеческой мысли. Не было и признаков разума, выслеживающего и таящегося в засаде. Аликар, внимательно следивший за Тэлзи с помощью инфракрасных экранов, молчал.

* * *

Где-то спустя через полчаса Тэлзи впервые опробовала микрофон на респираторе:

— Только что обнаружила прикосновение человеческого разума! Я позволю ему немного порезвиться. Кто бы он ни был, к пси отношения не имеет.

— Хорошо, — ответил Аликар. — Надеюсь, на

этом поиск не закончился?

Прошло несколько томительных минут, прежде чем Тэлзи сообщила новые данные:

— Его зовут Поногэн.

— Знаю, один из моих техников. Молодец, Тэлзи, вижу, что не ошибся в выборе! А не выглядят ли странно какие-нибудь детали?

— Ничего странного, только гештальты не слишком резки. Похоже, что Поногэн спит и ему что-то снится. Причем, допускаю, что это не обычный сон, а наркотические глюки. Громадная капля воды или еще чего-то гоняется за ним по пустыне… Ха, а вот следы еще одного разума!

— Кто это?

— Выяснила пока недостаточно. Двигаться в этом направлении или все же поискать следы Хайла?

— Хайл — первоочередная задача.

Она спроецировала внешность и имя менеджера и спустя несколько секунд ощутила слабый подсознательный отклик.

— Готово. Думаю, я отыскала его. — И после короткой паузы: — Да, это он. — Самоосознание. — Бодрствует… думает о чем-то… разобрать не могу… он один…

— Не зондируй в глубину! — возбужденно ска-

зал Аликар. — Просто держи легкий контакт и посмотри, какое у тебя сложится впечатление.

— А я чем занимаюсь?! — возмущению девушки не было предела. Аликар что же, не доверяет ей? Прошла минута-другая и Тэлзи пробормотала: — Я подхватила попутно еще и тот, другой разум. Ого! Стой, подожди! — она переключилась на разум Поногэна и усилила ментальную связь именно с ним.

— Слушай, Аликар. Здесь действительно творится нечто странное! — сказала Тэлзи еще через минуту. — Оба, Хайл и Поногэн… — она запнулась на половине фразы.

— Что случилось?

В голосе Аликара явно слышалась заинтересованность.

— Не знаю, что это означает, но к каждому из них прикреплено что-то вроде пси-структуры. И довольно затейливые! Они являются как бы частью их разумов, сохраняя при этом свою независимость. И я полагаю… — Тэлзи снова запнулась.

Внезапно ее голос зазвенел с неожиданной силой:

— Джил-масло!

— Чего-чего?

— Джил-масло! Это в мыслях у Хайла. Аликар, твои работники производят джил-масло на твоем оборудовании.

Какое-то время Тронефф обдумывал информацию.

— Возвращайся на корабль!

* * *

Аликар смотрел, как Тэлзи поднимается по трапу. Но его лицо было совсем не похоже на лицо Аликара. Девушку это поразило до такой степени, что она застыла в дверях как вкопанная.

Лицо скривилось в ухмылке:

— Удивлена? Это всего лишь маска жизни, — послышался голос, принадлежащий Аликару. — Никто на шахте не знает, как я выгляжу на самом деле, и теперь ты понимаешь, почему это так.

Она сделала несколько шагов на негнущихся ногах, чтобы добраться до кресла.

— Значит, ты здесь и джил-руду перерабатываешь?

— А что, разве это так сложно?

У Тэлзи сузились зрачки.

— Вот уж не знала, что на Маннафре есть джил-руда!

Он пожал плечами.

— А ты и не могла этого знать. Я — единственный, кто обнаружил ее здесь, и представь себе, афишировать свое открытие не стал.

Тэлзи укоризненно качнула головой. Джил являлся субстанцией, как бы это поточнее сказать, самостоятельной, что ли, которая добывается на чрезвычайно ограниченном количестве разведанных миров. Основным продуктом переработки является так называемое джил-масло, которое, как и определенные изотопы урана, способно вызвать самый настоящий катаклизм, если его масса превысит критическую. Все месторождения джил-руды конфисковывались правительством Федерации в виду явной угрозы, которую несло для цивилизованных планет джил-масло.

— Скажи честно, Аликар, ты не боишься, что федералы поджарят тебе задницу за такую самодеятельность? — спросила Тэлзи в свойственной ей манере резать правду-матку в любых ситуациях. — Да стоит тебе доставить первую порцию джил-руды в Ядро Звездного Скопления, как ты окажешься под прицелом спецслужб. Они осыплют золотом любого, кто захочет поделиться информацией о тебе.

— Я не собирался никуда ничего доставлять!

Джил-масло, произведенное на шахте за первые три месяца моего пребывания на Маннафре, спрятано в здешнем астероидном поясе на обломке, координаты которого есть только у меня. Я вернулся на Орадо специально для приобретения кое-какого оборудования… Впрочем, давай-ка перенесем эту взрывоопасную тему на будущее. Послушай, Тэлзи, перед тем, как ты прочитала мысли Хайла о джил-масле, у тебя возникла какая-то мысль о пси-структурах. Какая именно?

— Для того чтобы сказать наверняка, мне нужно подобраться к ним поближе, но, я думаю, что это — устройства автоматического контроля, которые позволяют людям действовать как обычно, но они, я имею в виду УАК, сразу вступают в дело, как только их визави начинают думать или вести себя нежелательным образом. Это их ты обнаружил три дня назад?

— Врать не буду, да, их. Но я сразу рванул когти и не проанализировал, что это такое. Очевидно, все мои работники снабжены УАКами. Мы скоро узнаем, так ли это обстоит на самом деле. Самое главное — выяснить, с какой целью и кто это сделал?

Тэлзи кивнула в знак согласия.

— Твои предположения?

— Ничего конкретного. Послушай-ка лучше подоплеку всего этого дела, мне необходимо твое мнение. В прошлом году я проводил здесь геологоразведку с целью, куда лучше всего вложить инвестиции. Большинство шахт Маннафры, где добываются сирин-кристаллы, сконцентрированы в южном полушарии, а северное почему-то осталось без внимания. Не знаю почему, но именно эта бесхозная часть Маннафры заинтересовала меня. Знаешь ли, Тэлзи, у меня есть нюх. Одним словом, я посадил звездолет в том месте, где у меня возникло устойчивое предчувствие удачи, и уже через час невооруженным глазом было видно, что здесь очень и очень перспективная россыпь сирина… Самое замечательное, что среди стандартных образцов время от времени встречались джил-самородки… — Аликар многозначительно улыбнулся. — Естественно, никто не позволил бы мне разрабатывать кристаллы, соседствующие с жилой джил-руды. Поэтому геологическое управление получило от меня только те образцы, в которых не было и намека на джил-руду…

Он потеребил подбородок своей жизненной маски.

— Я все понимаю, — сказала Тэлзи. — Прежде

всего, ответь на вопрос: ну на кой ляд тебе джил-масло? Если правда то, что случилось на Ташире шестнадцать лет назад, джил-масло ни в коем случае нельзя оставлять в частных руках! К тому же, я никогда не слышала, чтобы джил-масло использовали в мирных целях. Хотя…

— Вот видишь, — с довольным видом воскликнул Аликар, — тебе тоже пришло на ум! Нельзя не обратить внимания на вещество, обладающее такой невообразимой мощью. Можешь быть уверена, что джил-руду, которую с такой тщательностью оберегает Надправительство, не станут грузить в караваны ракет, чтобы затем сжечь в горниле звезды. Хотя… гм… есть такая история…

— Так ты слышал об этом? — воскликнула Тэлзи.

— Конечно. И достаточное число людей думает так же, как я, — Аликар пожевал нижнюю губу. — Пришлось потратить добрую половину прошлого года, чтобы разнюхать, куда идет конфискованная джил-руда, но это одна из тщательно охраняемых тайн Федерации. Нельзя даже установить, какая из ветвей власти в этом замешана. После того, как расквитаемся с проблемой пси-структур на шахте, мы с тобой возьмемся за проблему джил-руды, моя милая.

— Я считала, что ты нанимаешь меня на одно задание, — сказала Тэлзи недовольно.

Он засмеялся.

— Это только начало. Я наметил еще несколько неотложных дел специально для тебя. Увидишь, что поставка джил-масла принесет невиданные барыши. Нужно только знать людей, с которыми стоит вести дела.

— Собираешься нажить состояние?

— А что? Я знаю нужных покупателей. Хотелось бы заняться бизнес-проектом, связанным с крупными поставками, но это слишком рискованно. Ведь критическая масса, при которой джил-масло становится взрывоопасным, окончательно учеными все еще не установлена! Такие сведения вряд ли когда-нибудь будут обнародованы. Хотя должен заметить, что джил-масла добыто уже столько, сколько не выработать моей шахте и за несколько лет, и оно где-то хранится Надправительством без особых проблем. К сожалению, никто не знает, какие эксперименты проводились на Ташире, когда там рвануло. А теперь давай вернемся к нашим баранам на шахте. Я запустил производство примерно семь месяцев назад. Были предприняты все меры предосторожности, персонал ознакомлен с правилами

техники безопасности. Девять человек из двенадцати занятых на руднике знают только то, что добывают сирин. Только Хайл, Кэвилд и некто Гулхэс — программист, обслуживающий «Романго» — в курсе дела.

— Ты контролировал всех троих? — спросила Тэлзи.

— Нет. Я уже говорил, что использую свои способности только в случае крайней необходимости. Я обстоятельно проверил личные дела всех троих и выяснил, что на них вполне можно положиться. В течение первого месяца мы добывали только кристаллы. Только потом началась секретная операция «Джил». Когда все пошло по накатанной колее, я покинул Маннафру.

— Но зачем?

— Потому что собирался выйти из этой аферы, Тэлзи. Момент разоблачения, казалось, далеко впереди, но если это произойдет, то Хайл со товарищи сдадут меня федералам без угрызений совести. Ведь шахта была создана для прикрытия основной деятельности, которая способна втянуть меня в конфликт с разными силовыми структурами. А этот конфликт, как я вскоре понял, может произойти в любой момент.

— Что же хорошего в том, что ты выйдешь из

этой аферы и бросишь прикрытие? Безопаснее было бы вызвать федералов сюда и поставить их в известность, чем ты занимался.

— Конечно, — усмехнулся Аликар. — Но я не собираюсь никому облегчать задачу, пока не выясню все обстоятельства, связанные с пси-структурами моих работников!

— Но мы вообще ничего не знаем, что здесь произошло! У меня предчувствие, что если мы продолжим наши исследования, то меня поймают.

— Это было бы неприятно, — сказал Аликар. — Не хотелось бы так скоропостижно терять такую милую помощницу.

— Думаешь, не понимаю, что ты меня ликвидируешь, если я попаду в засаду!

— Неужели в ликвидации есть какая-то необходимость? — ухмыльнулся Аликар. — Значит, нужно соблюдать крайнюю осторожность, милая барышня, и ни при каких обстоятельствах не следует попадать в засаду. Ты знаешь ровно столько, сколько я счел нужным тебе сообщить, поэтому давай продолжим дружить! Ты упомянула, что мы не знаем, что здесь произошло, но ведь нам известно наверняка кое-что, а именно то, что персонал шахты контролируется некими

пси-структурами.

— Так это, по крайней мере, выглядит на первый взгляд, — вынуждена была согласиться девушка. — Но в таком случае ситуация становится бессмысленной.

— Это еще почему?

— Вот смотри: кто-то посторонний обнаруживает, что на шахте перерабатывают не только кристаллы, но и джил. Если этот кто-то принадлежит к правительственным структурам, здесь бы уже было полным-полно федералов, чтобы отловить отсутствующего хозяина разработок. Или, по крайней мере, они ошивались бы где-то поблизости.

— Но хозяина шахты зовут не Тронефф, а Ралк, — сказал Аликар.

— Вводную принимаю, — сказала Тэлзи. — Хорошо, они собрались отловить Ралка. Идем дальше. Никакого Ралка в Ядре Звездного Скопления не было обнаружено, поскольку его не существует. Итак, зная, что хозяин когда-нибудь вернется, федералы берут под контроль его работников, а сами прячутся, как я уже говорила, где-нибудь поблизости. Надеюсь, ты не давал повода кому-нибудь заподозрить, что мистер Ралк — пси?

Он покачал головой:

— Я был крайне осторожен.

— Но такое возможно?

Аликар пожал плечами:

— В принципе все возможно.

— Если это было обнаружено, — сказала Тэлзи, — то твоей шахтой занялись бы правительственные пси из Психологического Сервиса. Но тогда зачем контролировать работников шахты УАКами, которые вызовут подозрение у любого телепата, способного зондировать? Прежде чем явиться на шахту, этот таинственный мистер Ралк предварительно прозондировал бы своих работников.

Аликар задумчиво поскреб подбородок.

— Ты права, ситуация действительно бессмысленная.

— А я что говорила! — торжествующе произнесла девушка. — Если это работа Психологического Сервиса, которому известно, что Ралк — телепат, то сейчас на шахте все должно выглядеть вполне благопристойно, если не считать того, что в горах, возможно, засада, в составе которой третьестепенный телепат из Психологического Сервиса. Он, несомненно, должен состоять в контакте с кем-то из работников, вероятно с Хайлом, и как

только ты появишься на шахте, ему станет об этом известно.

Аликар нахмурился.

— Это было бы неприятной новостью. Но допустим, твой телепат не из Психологического Сервиса. Интересно, ему понравится соперничать с тобой?

— Полагаю, что не очень, — сказала Тэлзи самоуверенно. — Давай-ка, дружок, предположим, что это — кто-то из твоих знакомых.

— Как это? — в голосе Аликара просквозило недоумение.

— Твой недруг, — пояснила она свою мысль. — Отчаянный пси, которому ты наступил на больную мозоль. Если УАКи настолько сложны, как мне показалось, то не уверена, что нам удастся с ними справиться.

Жизненная маска Аликара со всей возможной убедительностью показала, что ему не понравилось предположение Тэлзи.

— Знаешь, такое вполне может иметь место, — медленно сказал он. — А какова же тогда его цель?

— Вряд ли твой недруг заинтересован в производстве джил-масла, но зато он в курсе, что в этом заинтересован ты. Поэтому он соорудил

пси-структуру, которую ты стремишься разгадать и которую желательно предварительно изучить до мелочей, прежде чем сунуться в шахту. — Девушка наморщила нос. — Произойдет что-то неприятное, пока не знаю что, стоит лишь начать зондирование пси-структуры тебе. Единственное, чего он не знает, так это то, что ты собираешься зондировать не сам, а через доверенное лицо.

Брови на жизненной маске взметнулись ввысь.

— Интересная мысль!

Тэлзи продолжила:

— Это не незнакомый пси, поставивший перед собой цель захватить чужой бизнес, потому что у него была причина соорудить такую сложную штуку, как УАК. Он явно набросил защиту на разум твоих работников, чтобы ни одна мысль о джил, даже мельчайший намек на это, не просочилась наружу.

— Да, этот довод говорит в пользу твоей гипотезы, — сказал Аликар. — Может быть, у тебя в загашнике имеется еще и какая-нибудь теория?

— Да, есть у меня мыслишка, но предупреждаю, она абсолютно дикая.

Он расплылся в широчайшей из улыбок.

— У тебя хорошо получается, моя маленькая

Шахерезада. Давай знакомь со своей дикой мыслишкой!

— Я тут подумала и пришла к выводу, что эти УАКи могли сотворить джил.

— Джил?! — переспросил Аликар.

— Тебе никогда не приходило в голову, что это — уникальное агрегатное состояние материи. Загадочное, как вопрос Сфинкса.

— Приходило, — подтвердил Аликар. — Но все же… Ха, да ведь мы только предположили, но, похоже, уже напредполагались предостаточно! В свете того, до чего мы договорились, каким ты мыслишь себе наш следующий шаг?

— Наш следующий шаг? Разве непонятно — мотаем отсюда на полной тяге!

Аликар расхохотался:

— Вот уж чего нет, так нет! Ты сильно удивишься, если узнаешь, с какой скоростью мы можем свалить с Маннафры в случае необходимости, но я не собираюсь бросать все до тех пор, пока не станет очевидным мой проигрыш.

Тэлзи вздохнула.

— Что ж, делать нечего, придется продолжить зондаж! И если я снова выйду наружу, то с такого расстояния слишком велика вероятность сильного рассеивания ментального позыва. Телепат

может обнаружить мое присутствие.

— Могу подбросить тебя поближе к шахте.

— Насколько поближе? Неужто у твоего компьютера, кажется, «Романго», нет средств противовоздушной обороны?

— Есть, конечно. В данном регионе стандарт на ракеты класса земля-воздух с радиусом поражения три километра. Чувствительность сенсоров — в три раза длиннее.

— Итого, девять километров, — задумчиво произнесла Тэлзи. — Условия, прямо скажем, далеки от идеальных.

— Я высажу тебя за полтора, — сказал Аликар. — Воспользуемся аэрокаром. Ты будешь зондировать снаружи летательной машины, а я опять спрячусь внутри, под защитой пси-блокиратора. Причем, на тебя будет нацелен пулемет моей машины, так что уж постарайся, крошка, чтобы все прошло без сучка и задоринки.

— Как же мы подлетим на полтора километра, если ракета может сбить нас уже на трех?

Он ухмыльнулся.

— В защитной системе есть слепые зоны из-за дюн, окружающих пусковые установки. Я обнаружил их сразу же, как только оборудовал шахту ракетами. Аэрокар полетит на бреющем,

и сенсоры ничего не заметят. Будь уверена, туда я доставлю пассажирку в полной сохранности, а вот остальное будет зависеть только от тебя.

Глава 3

Справа от Тэлзи за грядой серо-черных барханов вытянулся горный отрог, над которым уже засветился краешек пока еще темного неба. Правда, рассвет был уже на подходе. Девушка пряталась от сенсоров компьютера в небольшой низинке между двумя пологими дюнами. Ее здорово донимал предрассветный мороз, несмотря на утепленный костюм и три свитера, надетые под него. Сконцентрировавшись над своим заданием, она не видела, как на расстоянии еще полутора километров от ее местонахождения, на самой границе досягаемости ракет, мотался под порывами ветра маленький аэрокар, почти прижимаясь к вершинам барханов.

Внезапно она услышала в наушниках голос Аликара.

— Ну, есть что-нибудь новенькое? — с нетерпением спросил он.

Она прокашлялась.

— Пока ничего существенного. Гулхэс нахо-

дится в помещении компьютерного контроля. Минуту-две назад он вспоминал о тебе.

— В связи с чем?

— «Романго» показал на мониторе аэрокар, прежде чем ты спрятался за верхушкой дюны. Гулхэс увидел картинку и, видимо, по ассоциации подумал, когда же Ралк вернется на Маннафру. Только и всего. И это воспоминание тут же исчезло из его разума.

Пауза была преисполнена гнетущей тишины, прежде чем Аликар выдавил из себя:

— Ты ничего не пропустила? Мне кажется, должны были быть дальнейшие мысли, связанные с возвращением хозяина шахты.

— Должны были быть, — согласилась Тэлзи, — но их не было. Я ничего не пропустила. Ты один из немногих на данный момент субъектов, о которых трое посвященных в секрет джил не размышляют. Гулхэс занимается своим прямым делом, проверяет программу добычи.

— А остальные?

— Ничего интересного. Кэвилд с помощником — в своем кабинете. Он размышляет о джил-руде. Хайл засыпает, а трое других работников сладко спят. Просматривая их сновидения, нет никаких намеков не только на мистера Ралка, но и на

его шахту. Итого, я просмотрела всего семь человек. От пяти остальных вообще нет откликов, словно их не существует. Если только они не под защитой пси-блокиратора на территории твоего офиса…

— Я же говорил тебе, — перебил Аликар на повышенных тонах, — что открыть офис в мое отсутствие — это значит попасть под мощнейшее пси-излучение, способное раскатать любой незащищенный разум в лепешку!

— В таком случае, пятерых работников на шахте нет, — заявила Тэлзи обиженно. — По крайней мере, о них не думает никто из присутствующих.

Аликар грязно выругался. Наверное, забыл, что микрофон включен.

Тэлзи сделала вид, что ничего не слышала.

— Вот такие пироги, босс! — сказала она минуту спустя. — А контроль стал активнее еще тогда, когда я с гор впервые прозондировала твоих работников. Они теперь гораздо сильнее ограничены в своих мыслях. Даже во время сна. Связано ли это с тем, что компьютер засек твой аэрокар, сказать не могу. Это вполне могло случиться из-за моего поверхностного сканирования: скажем так, защитная реакция на возможное телепатическое вторжение. Работники ни о чем не

думают, ничего не помнят. Такое может быть связано или с джил, или с ненормальной ситуацией, сложившейся на шахте. Это ушло у них на подсознательный уровень. УАК не выпускает из него запрещенный материал.

— Подобная реакция может быть чисто автоматической, — сказал Аликар.

— Может быть, конечно, и автоматической, — согласилась девушка, — но я уверена, что рядом пси, и он караулит.

— Если он поблизости, то значит, физически его на шахте нет?

— Стопроцентная гарантия того, что его нет. Имея такой контроль, ему нечего там делать. Я могла бы обнаружить его следы, даже если бы он находился в пределах обычной сканирующей досягаемости.

Аликар спросил не сразу:

— А ты сможешь отделить хотя бы одну пси-структуру от кого-нибудь?

— Отделить само по себе трудности не представляет, — сказала Тэлзи, — в конце концов, это всего лишь мертвое пси с незначительным запасом ментальной энергии, но я уверена, что на мои действия последует весьма неприятная реакция. Мне понадобится что-то вроде разделен-

ного внимания, чтобы определить, что с ними происходит. А это сразу станет заметным для нашего гипотетического пси.

— А что, если ты и твой объект окажетесь под защитой пси-блокиратора?

— Смышленый мальчик! — похвалила Тэлзи язвительно. — В таком случае, отделение пси-структуры никто не заметит. А ты какой блокиратор имеешь в виду?

— Блокиратор моего офиса на шахте. Начинаю верить, что способен доставить туда нас обоих без ненужного риска.

Тэлзи хихикнула.

— Ну что ж, я готова рискнуть. Честно говоря, мне надоело стучать зубами от такого холода посреди пустыни! А не угодишь ли ты сам при этом в ловушку?

— Нет, я знаю, как туда добраться обходным путем. Когда я получил «Романго», то первым делом настроил программную оболочку на подчинение моим голосовым командам. Как только мы доберемся до офиса, я скомандую установить внутреннюю и внешнюю защитные системы. Никто на шахте об их существовании даже не подозревает. Ты берешь на себя отделение пси-структуры от кого-либо из работников, и вскоре

мы уже будем точно знать, какова ситуация и что делать.

Он помолчал, после чего добавил с заботой в голосе:

— Тебе придется поторчать на морозе еще совсем немного. Я хочу свести риск к минимуму, поэтому дождемся полного рассвета. А пока бди!

* * *

Звездный свет побледнел, когда Тэлзи забралась в кабину аэрокара. Ей не о чем было докладывать; остаточные контакты с работниками шахты сразу прервались, как только дверца за ней захлопнулась — пси-блокиратор функционировал замечательно. Она сняла костюм для пустыни — в кабине было тепло, потом стянула респиратор и промассировала заиндевевшую кожу на лице.

Они не разговаривали, пока Аликар уводил машину на бреющем от всевидящих сенсоров компьютера. Потом он заложил вираж и повел аэрокар на запад от гор.

— На экранах ничего не видно!

Тэлзи посмотрела на пилота:

— Думаешь, за нами кто-то увязался?

— Вполне допускаю, если заподозрили, что я

вернулся на Маннафру.

— Что ты намерен предпринять, если нас действительно выследили?

— Приведу их непосредственно на Федеральную Станцию планеты. Если это не собьет их с толку, станет понятно, что мы имеем дело с Психологическим Сервисом. Я не имею права водить их за нос. Тогда вернусь на звездолет и в ту же минуту стартую на предельной скорости!

— Как думаешь, нас могут настигнуть?

Аликар хрюкнул.

— Это модифицированная гоночная модель, вряд ли на Маннафре есть еще хоть один подобный аппарат, но, на всякий случай, у нас есть лазерный пулемет. И, кроме того, — он показал на облака цвета кофейной гущи, концентрирующиеся у горизонта, — здесь не нужно долго ждать пылевого шторма. В его эпицентре достаточное количество металлической взвеси, чтобы ослепить сенсоры. Так что погони можешь не бояться! Давай-ка откроем твою разумозащиту, чтобы я убедился, что у меня по-прежнему есть надежный помощник…

Он замолчал, сконцентрировавшись на разуме Тэлзи. Девушка совершенно не ощущала сканирования, специфическое осознание ушло тоже,

после чего ее ментовуаль вновь окутала свою хозяйку.

— Да, — похвалил Аликар, — ты постаралась на ять! Суждения, которые ты предоставила в мое пользование, были по-настоящему искренни! Я это ценю. Думаю, что ты вполне лояльна!

Хорошо, что хоть во взаимоотношениях с Аликаром у Тэлзи не возникало проблем.

— Конечно, это ничего не объясняет, но те пятеро, что исчезли из шахты, как ты говорил, к переработке джил-руды не имеют отношения, — сказала девушка.

— И повторю еще хоть тыщу раз, да, они никак не связаны ни с добычей, ни с переработкой джил-руды! По крайней мере, тогда, когда я уезжал, в шахте добывались лишь сирин-кристаллы.

— Вероятно, они обнаружили, что имеют дело с запрещенной субстанцией, и решили дать деру, пока нет хозяина. Такое могло быть?

— Система, которую мы разработали, автоматизирована и не дает утечки информации. Единственный путь узнать о том, что в шахте добывается джил-руда, — длинный язык кого-нибудь из троих посвященных. К тому же, даже если стало об этом известно, сообщить властям никто не мог. Компьютер контролируется Гул-

хэсом, и, будь уверена, Хайлу будет своевременно доложено, а уж он мастак на всякие несчастные случаи, какие то и дело встречаются в штреках. Я тщательно подбирал человека на ключевой пост менеджера.

* * *

В последующие часы экранные сканеры выявили несколько десятков летательных аппаратов в воздухе, но все они двигались в разных направлениях, близко к машине Аликара не подлетали и назойливого любопытства не проявляли. Тронефф, казалось, не собирался афишировать своего присутствия, но, тем не менее, аэрокар миновал пару сторожевых вышек и приблизился к одной из них на расстояние, способное потревожить защитную зону и привлечь внимание компьютера. Как только бело-желтый диск светила повис в небе, вместо отопительной системы включилась система охлаждения кабины аэрокара. Дни на Маннафре были столь же жаркими, как ночи — холодными.

— Скоро полдень! — известил Аликар. — У заинтересованных лиц было полно времени, чтобы начать действовать, и, тем не менее, все остается по-прежнему. Итак, теперь мы заблокируем

шахту Ралка! Поскольку никто за нами не следит, заходим в офис и действуем. Четко и быстро! Я введу контурную защиту с «Романго» сразу же, как только мы окажемся внутри. Это на случай непредвиденных обстоятельств.

Тэлзи промолчала. Она была не уверена насчет выполнимости плана Аликара. Но, с его точки зрения, возобновление операции «Джил-масло» стоило риска. И девушка не могла возразить. Прошло не более двух часов после этого, как аэрокар снизился и пошел на посадку рядом со зданием заводоуправления. На сканерном экране возникла розовая сверкающая полусфера силового поля. Одновременно включился коммуникатор:

— Внимание! Вы в зоне поражения шахты Ралка, которую видите на своих экранах, — произнес лишенный обертонов голос. — Требую сообщить свою идентификацию: вербально или кодом, в противном случае немедленно покиньте зону! Отказ подчиниться приведет к уничтожению вашего транспортного средства!

Аликар надавил одну из клавиш пульта управления коммуникатором. Розовое свечение мгновенно погасло.

— Ваша идентификация принята, — объявил все тот же бесстрастный голос. — Защитная зона

нейтрализована. Путь к парковке свободен.

Коммуникатор отключился.

— Пока все идет тип-топ! — воскликнул Аликар радостно. — Не будем терять времени даром…

Аэрокар пролетел по инерции еще несколько десятков метров до гудронной площадки с очерченным белой краской посадочным кругом. В здании открылась дверь, не настолько широкая, чтобы впустить внутрь легкокрылую птицу.

— Пси-блокиратор отключен! — крикнул Аликар. — Начинай проверку.

И Тэлзи почувствовала, что внешний контур защиты больше не существует.

Она ждала этого мгновения, и ее разум сразу же ринулся на поиски разумов, с которыми она контактировала. Девушка собирала их один за другим, все время ощущая за спиной надежную охрану: ментальные экраны Аликара образовали сплошной щит. Тем временем аэрокар медленно катился вдоль приземистого здания, пока не въехал под навес. Как только летательная машина остановилась, Тэлзи выбралась наружу. Под навесом было пусто, если не считать механического подъемника в углу. Аликар тоже покинул кабину и жестом поманил помощницу за собой. Он двигался размашистым шагом к двери на

задней стене, которая открылась тут же, когда к ней приблизились люди. Одновременно с этим наружный вход под навесом закрылся чем-то вроде жалюзи.

Они очутились в коридоре. Навстречу им шел человек. Походка его была быстрой и целеустремленной. Кэвилд, геолог, сказала себе Тэлзи, один из трех причастных к джил-заговору.

— Мистер Ралк! — расплылся в счастливой улыбке Кэвилд. — А мы все гадали, когда же вы вернетесь! — Он вопросительно взглянул на Тэлзи. — А эта молодая леди ваша…

— Познакомься, это Нессин, моя помощница, — тут же отреагировал Аликар, и глазом не моргнув. Правую руку он не вынул из кармана, и Тэлзи знала, что дуло пистолета направлено на Кэвилда. — Она посвящена в нашу операцию. На шахте все в порядке?

Улыбка Кэвилда стала еще шире.

— Лучше и быть не может, босс.

Аликар удовлетворенно кивнул.

— Я привез с собой кое-что многообещающее. Жду вас с Хайлом у себя в офисе через пять минут.

— Я ему передам, — оставаясь в добром расположении духа, пообещал Кэвилд.

Он повернулся и заспешил в противоположном направлении. Аликар переглянулся с Тэлзи:

— Идем, Нессин!

* * *

По дороге в офис они не разговаривали из конспиративных соображений. Бронированная дверь поддалась ключу только после сканирования сетчатки левого глаза хозяина. Когда они вошли внутрь, пси-блокиратор, установленный в офисе, отрубил связь Тэлзи с остальными разумами. Аликар подхватил девушку под локоток и провел в следующее помещение, так называемую внутреннюю комнату. Там он прижал палец к губам, после чего громко сказал:

— Код «АЛИКАР»!

Голос «Романго» отозвался через потайной динамик:

— Код «АЛИКАР» задействован. Вербальное руководство осознано. Какие будут инструкции?

— Просканируй мою помощницу на всякий случай!

— Помощница просканирована.

— Ее имя Нессин. Ты узнаешь ее?

— Узнаю.

— Больше пока заданий нет, — сказал Троне-

фф. — Я повторю код, прежде чем дам новые инструкции.

Он глубоко вздохнул и переглянулся с Тэлзи:

— Ну, вот и все, компьютер в нашем распоряжении. Я контролирую «Романго» полностью. Так что же произошло здесь утром? Кэвилд ведет себя, как ни в чем ни бывало, словно мы расстались минуту назад.

Тэлзи понимающе кивнула:

— Для него все так и представляется! УАК изменил ему память. С остальными работниками такая же картина. У них у всех впечатление, что на шахте Ралка — полная благодать. Но трое посвященных в джил-заговор помнят об этом, остальные о нем не ведают. Я верю, что изменение памяти было произведено, как только тебя идентифицировали при подлете аэрокара к шахтоуправлению.

— Ага, это сделано для того, чтобы у меня возникло впечатление, что на шахте, по твоему образному выражению, полная благодать. Это, видимо, хорошо спланировано и автоматически осуществляется при моем прибытии. Но ведь понятно, что я быстро раскушу эту подставу. Неужели не понятно, что меня заинтересует вопрос: а где пятеро моих работников? Стало быть,

коррекция памяти проведена для одной-единственной цели: выиграть время. Для того чтобы искомый пси успел добраться до шахты.

— У нас хватит времени для следующего хода, — сказала Тэлзи.

— Этот ход я уже как бы сделал, переведя контроль над компьютером в свои руки…

Зазвенел зуммер. Аликар посмотрел на выдвижную консоль рядом с письменным столом и щелкнул тумблером. Загорелся миниатюрный экранчик, на котором появилось изображение коридора, ведущего к офису. Кэвилд и Хайл мялись у двери, время от времени поглядывая в объектив телекамеры.

— Ага, уже пожаловали! — потирая руки, воскликнул Тронефф. — Скоро мы все узнаем!

Он нажал клавишу, открывающую внешнюю дверь.

— Входите, джентльмены! — сказал он, как только геолог с менеджером показались в дверях внутренней комнаты. — Нессин, займитесь файлами, о которых я говорил!

Ни о каких файлах Аликар, естественно, ей не говорил, но Тэлзи проявила смекалку и выскользнула во внешний офис, где сразу отыскалось широкое и удобное кресло. В нем можно было

комфортно ждать хоть конца света. Так долго ждать не пришлось. Уже через пару минут Аликар позвал девушку:

— Впрочем, я передумал с файлами, Нессин, вы нужны мне здесь!

Хайл и Кэвилд свалились, будто подкошенные, на стулья для посетителей, когда Тэлзи вошла во внутреннюю комнату Аликар снял свою жизненную маску и вместе с какой-то трубочкой водрузил на письменный стол.

— Оба наполнены паром под завязку, потребовалось выпустить его немного, — показал он на джил-заговорщиков. — Если необходимо, я повторю процесс. А теперь можешь отделить от них пси-структуры так, чтобы ребятки оказались в состоянии рассказать, что здесь произошло в мое отсутствие.

— Я могла бы сделать это намного проще, быстрее и, вероятно, безопаснее, если ты чуточку ослабишь контроль над моей ментовуалью! Хотя бы на то время, пока я буду с ними работать.

Аликар отрицательно покачал головой:

— Ну, уж нет! Предпочитаю держать кусачую собаку на коротком поводке. У тебя и так все получится. Приступай и не клянчи!

Тэлзи села и принялась за работу. Аликар по-

прежнему оставался на ногах, переводя взгляд с Тэлзи на своих подчиненных и обратно. Прошло две или три минуты.

Девушка закрыла глаза и отерла выступившую на лбу испарину.

— Ну что, есть какие-нибудь результаты?

Она открыла глаза и весьма эмоционально выдохнула:

— О да!

— И какие же?

Она затрясла головой:

— Кое-что могу сказать прямо: надо драпать отсюда, смазавши пятки! Я доступно излагаю?

— Предоставь убедительную причину для оправдания подобного маневра!

— Спроси у них! Теперь они в состоянии разговаривать с тобой. Возможно, им удастся убедить тебя — мне это оказалось не под силу.

Аликар наклонился над Хайлом:

— Хайл?

— Да, мистер Ралк?

— Что происходит с тех пор, как я уехал?

— Пришел Соад и заставил нас осознать, что мы натворили.

— Соад? — переспросил Аликар.

Кэвилд кивнул, улыбаясь по-прежнему.

— Дитя Богов. Видите ли, босс, джил-масло принадлежит Богам. Оно предназначено не для людей. Только Дети Богов имеют право им пользоваться. Соаду требовалось джил-масло, и мы производили для него. Он простил нас за то, что мы взяли масло себе.

Аликар рассердился.

— Тэлзи, давай выгони их из транса или что там у них за дребедень!

— Они не в трансе, — сказала Тэлзи. — Я нейтрализовала УАКи достаточно для того, чтобы Хайл с Кэвилдом говорили то, что думают. Дитя Богов обратил их в свою веру, неужели ты еще не почувствовал?! Теперь они верят только ему. В данный момент на шахте хранится джил-масло, выработанное за последнюю неделю. Соад регулярно наведывается, чтобы получить причитающееся ему по статусу.

— И кто же это Дитя Богов?

Тэлзи бессмысленно хихикнула.

— Огромная капля ртути, раскатывающая по ночной пустыне. Помнишь, я говорила тебе о сновидении Поногэна. Это и есть Соад. И поверь мне, он действительно огромен!

Аликар покрутил носом.

— На Маннафре подобных существ нет!

Ответил ему Кэвилд:

— Соад пришел издалека. Ему нужно джил-масло, чтобы вернуться, и нам выпала честь помочь ему всем, чем можем. Но того, что у нас есть, к сожалению, недостаточно.

В разговор вступил Хайл:

— Мистер Ралк, ему нужен джил, который вы вывезли с Маннафры, это была ужасная ошибка. Хорошо еще, что вы не ведали, что творите. Соад простил вас и с нетерпением ждет вашего возвращения. Он явится сегодня ночью, и тогда вы поймете, почему вы должны пойти с одним из его слуг, чтобы вернуть похищенный у него джил.

— «Слуга» — это один из УАКов, — пояснила Тэлзи.

Аликар удивленно вздел брови:

— Сомневаюсь, что ваш Соад сможет проделать свои фокусы над человеком с защищенным пси-разумом.

Тэлзи снова хихикнула.

— Соад, и не сможет?! Ты помнишь, как впервые наткнулся на джил-руду? Ты говорил, что летел на своем звездолете, потом предчувствие подсказало тебе, где сесть. Вероятно, это было единственное место на всей планете, где залегает джил-руда. Очень похоже на то, что Соад под-

жидал первого встречного, попавшего в радиус его пси-воздействия, чтобы начать разработку джил-руды с последующей переработкой в масло. Потом он по какой-то причине позволил тебе вывезти часть продукции. Естественно, что теперь он жаждет вернуть ее назад. Для этого он установил полный контроль над работниками шахты, чтобы несанкционированный вывоз не повторился.

Тэлзи помолчала, после чего добавила:

— Кем бы Соад ни был, он способен употреблять протоплазму. Вместе с джил-маслом он забрал и тех пятерых.

— Так было нужно, — поддержал девушку Кэвилд. — Пустыня не может дать достаточно пищи для Соада. Вполне закономерно, что мы больше не заинтересованы в добыче сирина, поэтому пятеро оказались не у дел. Им выпала великая честь услужить Соаду иным путем.

Глава 4

Аликар глубоко вздохнул.

— Код «АЛИКАР»! — произнес он отрывисто.

— Новые инструкции? — раздался равнодушный голос компьютера.

— Закрыть и запечатать все помещения заводоуправления. Оставить проход лишь для меня и Нессин.

— Исполнено, — пророкотал «Романго».

— Открыть транспортную секцию и поднять жалюзи!

— Исполнено.

— Не воспринимать ничьих команд, пока не получишь подтверждение кода!

— Принято.

— Конец инструкций! — поставил точку Аликар. Потом он направился к выходу: — Пошли, Нессин!

Хайл и Кэвилд попытались подняться, но пар, вышедший вместе с пси-структурами, обессилил их.

— Мистер Ралк! — позвал босса Хайл. — Вы не должны пытаться уйти! Соад этого не одобрит!

Аликар оглянулся, в руке блеснул ствол пистолета.

— Заткнись! — грубо сказал он. — Оставайтесь на месте! Если попробуете нам помешать, пристрелю как собак… Айда, Тэлзи!

Хайл и Кэвилд поняли, что с ними не шутят. Тронефф с Тэлзи быстро миновали внешний офис и поспешили в транспортный отсек.

— Соад — это хуже, чем я рассчитывал! — в голосе Аликара сквозила тревога. — Конечно, мотаем отсюда и поскорей, черт с ним, с джилом!

— Хайл считает, что «Романго» тебя не послушается!

— Значит, он ошибается! Он не знает о коде. Ты же сама слышала, что инструкции приняты. «Романго» — это единственное, что этот монстр не способен контролировать. Но давай поторопимся! Я почувствую себя в безопасности до тех пор, пока не окажусь на орбите.

Они бежали тем же путем, каким проникли в заводоуправление. Вокруг мелькали расплывчатые отклики чужих разумов, но Тэлзи поплотнее надвинула ментовуаль. Единственное, в чем она была солидарна с Аликаром, так это в скоропостижном бегстве с Маннафры. Если получится, конечно.

Беглецы подбежали к последней двери, отделявшей коридор от транспортного отсека. Тронефф попытался ее открыть с ходу. Не получилось. Он выругался:

— Все еще закрыта, звездомать! Что…

— Может быть, тебе связаться с компьютером?

— Отсюда не получится! Здесь нет чувствительных микрофонов, — он пожевал губу. — Отойди!

Он и сам отодвинулся примерно на метр и нацелил лазер на замок. Алое пламя зашипело, плавя металл. Температура воздуха заметно поднялась.

Аликар изо всей силы саданул рубчатым башмаком в филенку. О боги, звездомать вашу! Словно испугавшись, дверь распахнулась.

— Быстро! — выдохнул он. — Жалюзи сможем открыть вручную!

Но, очутившись в транспортном отсеке, они застыли на месте.

Подъемник, который находился в дальнем углу, когда они въехали под навес, оказался совсем в другом месте. А именно, почти посредине помещения. Он вытянулся на своих складных опорах и угрожающе раскачивался из стороны в сторону. Обломки несчастного аэрокара были разбросаны по полу вокруг него. Внезапно явно сбрендивший механизм включил сервопривод и заскользил на своих резиновых колесиках по направлению к вошедшим. Аликар с Тэлзи поспешно отпрянули и очутились снова в коридоре.

— И что теперь? — учащенно дыша, поинтересовалась девушка. — Твоя система контроля компьютера не сработала! Хайл был прав: систему обнаружили, пока тебя не было, и раскурочили!

Лицо Аликара исказила злоба.

— А Гулхэс, мой программист, где он?

— Думаю, в компьютерном кабинете. Могу проверить.

— Пока будем туда идти, возьми его под полный контроль! Давай, девочка, от этого зависит наша жизнь! — и он припустил рысью в направлении комнаты, где находился «Романго».

— Аликар, позволь мне… — крикнула Тэлзи, устремившись за ним вдогонку.

— Гулхэс должен находиться под контролем в тот момент, когда мы добежим до кабинета! — перебил ее он. — И не дергай меня по всякой мелочи, у нас, по-моему, и без того полно проблем!

Тэлзи проглотила обидные слова. Она ухватилась за впечатление Гулхэса и снова потеряла его. Контакт давался с трудом. Нужно было одновременно не терять и ментальной связи с Аликаром. А также существовало еще что-то, постоянно отвлекающее внимание девушки. Что-то происходило подспудно, и Тэлзи не понимала пока, что именно. Но…

— Аликар!

— Не отставай! — он даже не оглянулся.

— Подожди! Хайл…

Тэлзи запнулась. Они как раз пересекали склад готовой продукции, как вдруг у них на пути, в

проходе, возникли две человеческие фигуры, отделившись от тени, создаваемой штабелями ящиков. Хайл и Кэвилд, конечно же. Каждый из них направлял свой пистолет в грудь Аликару. А тот, не успев выхватить оружие из кармана, резко затормозил бег. Тэлзи остановилась метрах в пяти позади него.

— Мистер Ралк, вам лучше не делать резких движений! — спокойно сказал Хайл, подходя к бывшему боссу. Его походка была все еще неуверенной, но держался менеджер превосходно, да и ствол в руке не дрожал абсолютно: — Ситуация изменилась в корне! Ваши действия послужили поводом для Соад а не поручать вам отправиться за спрятанным джил-маслом, поэтому…

Из дула его пистолета выплеснуло пламя. Аликар упал на пол и быстро перекатился на спину. Хайл снова нажал на спуск.

Одновременно с Кэвилдом.

Но и Аликар не терял времени даром. Огненный шнур вылетел из его лазерника и воткнулся менеджеру под самое адамово яблоко. Кэвилд продолжал палить, один из зарядов заставил пластающегося на бетонном полу Тронеффа резко дернуться. Лазерник вылетел у него из руки и заскользил по направлению к Тэлзи. Девушка

остановила его ногой, быстро нагнулась и уже с оружием в руках вжалась спиной в укрытие между двумя вертикальными стойками. Сердце готово было выскочить из груди.

Наступила напряженная тишина. Тэлзи не рисковала выглядывать наружу. Ей была видна лишь часть пола, на которой лежал Хайл. Навзничь. С почерневшим подбородком. Она попыталась внедриться в его разум и обнаружила, что разум его рассыпался на тающие осколки. А вот разум Аликара пока еще сопротивлялся! Но он был серьезно ранен и находился без сознания.

Осторожные приближающиеся шаги. Кэвилд. Тэлзи запустила ментощупальце в его разум. Геолог в перестрелке не пострадал и теперь медленно продвигался в ее сторону, явно не зная, где она прячется. Девушка не могла наблюдать за ним визуально, но ей этого и не требовалось. Она знала, что он скажет, еще до того, как геолог заговорил:

— Соад не позволит вам остаться в живых, Нессин или как там тебя зовут! — прозвучал голос Кэвилда. — Он знает, на что ты способна, и считает, что это может привести к серьезным осложнениям, прежде чем он успеет разъяснить, насколько ты была не права. Ты не сможешь

покинуть здание, двери заперты. Так что выходи! Все произойдет быстро и безболезненно.

Знал ли он, что она вооружена лазерником Аликара? Нет, не знал. Если он и видел, как пистолет вылетел из руки Аликара, все его внимание было сосредоточено на бывшем шахтовладельце, но никак не на его оружии. А теперь геолога больше всего заботила помощница Аликара, которую следовало прикончить и только после этого вернуться к поверженному боссу.

Тэлзи почувствовала, что он принял решение, и пригнулась еще ниже. По простенку, выше и правее ее головы, прошелся ослепительный луч. Затылок девушки опалило нестерпимым жаром и, когда она посмотрела в ту сторону, стойку скрючило от поистине звездной температуры. Она на четвереньках перебралась поближе к изуродованной стойке, вспомнив первое правило Звездной Пехоты: «в одну воронку бомбы не падают». Вряд ли Кэвилд будет палить еще раз туда, откуда уже пытался выкурить несговорчивую девицу.

Геолог продолжал лупить из своего лучемета: иногда он попадал в металл, иногда в кирпичную стену. Потом, точно не выяснив, убил он ее или нет, Кэвилд стал обходить пустую тару, склади-

рованную между вертикальными стойками, как раз с той стороны, где затаилась Тэлзи.

Девушка положила ствол лазерника на сгиб локтя. Палец цеплялся за спусковой крючок. Ну, давай же, милый, только покажись на виду…

Долго ждать не пришлось, геолог вышел из-за штабеля и остановился, обнаружив свою жертву, сжавшуюся в комок между ящиками. Потом он выстрелил. Словно дожидаясь этого сигнала, палец Тэлзи рефлекторно нажал на крючок. От ослепительной вспышки, прямо у себя над головой, девушка зажмурилась и поэтому не видела, куда угодила ее рукотворная молния, но, тем не менее, знала наверняка, что та угодила прямиком в цель. Потом она почувствовала, что у нее тлеет свитер на спине. Пришлось опрокинуться навзничь и покататься несколько раз по полу, чтобы загасить одежду.

Это заняло у нее несколько секунд. После этого она поднялась и посмотрела на своего противника. Кэвилд лежал неподвижно, вместо груди у него была обугленная головешка. Она обошла труп и вышла из укрытия.

* * *

Аликару повезло больше Кэвилда, хотя его левое бедро напоминало пережаренный бифштекс, а в правом плече точечным зарядом Хайла была пробита сквозная дыра. Из нее толчками выплескивалась черная кровь. Тэлзи могла бы остановить кровотечение и остановила бы, если бы у нее было вдоволь времени. Устройства Автоматического Контроля, прикрепленные к разумам работников шахты, могли не понять, что их подопечные мертвы, но девушка ясно ощущала, что они находятся в замешательстве и не врубаются, почему люди ведут себя неадекватно. Это было подхвачено другими пси-структурами и, несомненно, доложено Соаду.

Девушка наклонилась над Аликаром. Ее внимание внезапно привлек какой-то звук за спиной. Она обернулась, держа лазерник наготове. И обомлела.

Тело Хайла повернулось на бок, а его правая рука стала шарить по полу, стремясь обнаружить упавший на пол пистолет. Нет, менеджер не вернулся к жизни, просто УАК вызвал нечто вроде гальванизации трупа. При этом ботинки громко скребли по полу — это-то и привлекло внимание

девушки.

Тэлзи взяла себя в руки, превозмогая тошноту, приблизилась к дергающемуся покойнику и забрала пистолет. Потом подбежала к Кэвилду. Его труп тоже предпринимал попытки, впрочем, безуспешные, завладеть выроненным оружием.

Теперь у нее скопились все три пистолета: Аликара, Хайла и Кэвилда. Все было бы ничего, да возвращаясь назад, к Тронеффу, она услышала, как кто-то забарабанил в бронированную дверь склада, снабженную для пущей прочности ребрами жесткости. Девушку охватило отчаяние — геолог с менеджером запечатали складское помещение изнутри. Будь эта система запирания под контролем «Романго», дверь можно было бы открыть снова, но она контролировалась не компьютером. Оставались минуты, прежде чем оставшиеся рабы Соада тем или иным способом вскроют склад. Они заявятся вооруженными, а от пяти «кошек» несчастной одинокой «мышке» долго не укрыться. Будь побольше времени, можно было бы и их отделить от пси-структур, а, обладая способностями, которых Аликар так неосмотрительно ее лишил…

На девушку накатило озарение.

— Ну, конечно!

Она пристально посмотрела на Аликара и была настолько сосредоточена, что практически перестала слышать грохот взламываемого входа. Секунды летели с бешеной скоростью. Так вот в каком месте он заблокировал ее — вот где! Контрольные зажимы на ментовуали исчезли, как только Тэлзи подобралась к ним вплотную. О, это несравненное ощущение свободы!

Вздох неимоверного облегчения. Как легко войти в контакт с разумом, с которым она имела дело раньше. Пси-энергия скользнула вдоль цепи контакта и нанесла удар с точно просчитанной силой. Чужой разум мгновенно опустел.

Всего через каких-то пару-тройку минут лишь один-единственный человеческий разум вне пределов ее досягаемости действовал сознательно. И это был разум программиста Гулхэса.

Он был предан Дитяти Богов так же, как Хайл с Кэвилдом, но попал под контроль Тэлзи раньше, чем осознал, что с ним происходит. Девушка отделила пси-структуру, навязанную Соадом, разобрала ее на части, после чего приказала освобожденному от пси-оков человеку доставить на склад передвижную роботележку с медикаментами для оказания помощи Аликару. Программист ловко остановил кровотечение своему боссу и

положил раненого на выдвижную койку для дальнейшей транспортировки в безопасное место. Таким местом Тэлзи вполне обоснованно посчитала компьютерный кабинет.

Когда они прибыли туда, Соад нащупал разум Тэлзи. Девушка ощутила ледяные волны пси, на тыльной стороне ладоней проступил обильный пот. Соад долго смотрел на нее, словно на домашнюю зверушку, которая неожиданно перестала повиноваться командам хозяина. Она приготовилась к отражению атаки, но ее почему-то не последовало. Постепенно осознание Соада растворилось вдалеке, хотя и не полностью.

Тэлзи перевела дух. Ее ментовуаль справилась с испытанием и кем бы ни было это Дитя Богов, ему вряд ли удастся добиться многого, атакуя столь надежную защиту. А, значит, угроза проявится каким-то иным образом.

— Передай мне вербальный контроль над компьютером, — сказала она Гулхэсу. И чтоб быть уверенной, что программист ничего не перепутал, девушка перенесла все свое внимание на его разум, хотя он не мог теперь воспротивиться ее приказам, как она сама в свое время была не в состоянии противостоять желаниям Аликара. Однако часть своего внимания девушка задер-

жала на зависшем присутствии Соада, не зная, какова его сущность и где он находился в данный момент физически. Когда Тэлзи сканировала территорию, поблизости от владений мистера Ралка его не было, иначе она определенно заметила бы те или иные проявления чуждой ментальности. Но к данной минуте ситуация вполне могла измениться.

«Романго» принял ее идентификацию и код, после чего запросил инструкций.

— Активировать защитную зону над шахтой Ралка! — приказала девушка.

— Активировано.

Она почувствовала себя увереннее.

— Ты получал идентификацию от существа, которое называют Дитя Богов?

— Получал, — ответил компьютер. — Желаете получить изображение?

Пустая панель перед Тэлзи превратилась в гемисферный экран, на котором высветилась картинка, как две капли воды схожая с гештальтом, наблюдаемым девушкой в сновидении Поногэна: большой жидкий шар, катящийся по ночной пустыне при свете далеких звезд.

— Соад сейчас в пределах досягаемости твоих сенсоров?

— Нет.

Ее напряженность слегка уменьшилась, но она вспомнила, с какого расстояния умудрялся манипулировать своими работниками Аликар.

— Если почувствуешь Соада, информируй немедленно!

— Будет исполнено.

— И если он появится в защитной зоне, атакуй его всеми средствами нападения, пока не уничтожишь!

Короткая пауза.

— Инструкция невыполнима.

Тэлзи обратила недоуменный взгляд на Гулхэса.

— Все правильно, — подтвердил программист. — Соад предупредил, что арсенал шахты не может быть направлен конкретно против него, и в соответствии с этим «Романго» был перепрограммирован. Ваша инструкция не принята по единственной причине: в компьютер не заложена соответствующая программа.

— Тогда заложи в него такую программу, да побыстрее! — приказала девушка. — Но сперва сделай так, чтобы «Романго» наладил атмосферную связь с Федеральной Станцией Маннафры.

Но, прочитав отклик в разуме программиста,

она усомнилась в том, что ее приказы будут выполнены.

— Ага, так компьютер запрограммирован и против этого!

На самом деле «Романго» был запрограммирован против установления связи шахты не только с Федеральной Станцией Маннафры, но и с любым другим абонентом на ее поверхности. Дитя Богов не был уверен в полной действенности своих УАКов и подобным запретом как бы продублировал свою власть над людьми. Тэлзи задала еще несколько вопросов и поняла, что частное владение Ралка находится в полной изоляции от внешнего мира. Не считая переговоров с аппаратами, влетевшими в защитную зону, система связи компьютера была заблокирована. Других коммуникаторов на шахте не было, а движки аэрогрузовика и обоих глайдеров безнадежно испорчены.

Будет совсем не просто заставить «Романго» повернуть оружие против Дитяти Богов или восстановить коммуникации с планетарными абонентами, поскольку не Гулхэс принимал участие в установке программ запрета. Этим занимался Хайл.

Тэлзи поставила перед программистом задачу,

за ним оставалась ее реализация. Способен ли он влезть в программное обеспечение и отыскать файлы с программами запрета? Гулхэс ответил положительно, но тут же вмешался компьютер, заявив, что подобная деятельность может сказаться на его работоспособности, что он может вообще зависнуть, прежде чем поставленная задача будет выполнена.

Поскольку «Романго» был в данной ситуации бесполезным, Тэлзи не прислушалась к его мнению и приказала Гулхэсу действовать. Программист весьма скептически отнесся к ее идее сделать это побыстрее, поскольку уже просчитал, что перепрограммирование займет от пяти до десяти часов.

Теперь у Тэлзи освободились руки, и она могла посвятить свободное время другим занятиям. Аликар был относительно стабилен, и пока он не доставлен в госпиталь, его положение вряд ли можно было улучшить. Девушка просканировала оставшийся не у дел персонал шахты, пытаясь определить, а не пробует ли Соад использовать бессознательные разумы так же, как он использовал мертвые тела Кэвилда и Хайла. Но на территории шахтоуправления все пока было тихо. В любом случае, никаких изменений

в ментальном пространстве не предвиделось. Подступы к компьютерному кабинету были запечатаны и надежно контролировались датчиками «Романго». Если пятеро со склада и придут в себя, они не смогут нарушить покой затворников компьютерного кабинета.

Тэлзи решила приблизиться к ментальному присутствию Соада. Постепенно и очень осторожно, поскольку было неизвестно, как он прореагирует на это, девушка стала анализировать свое осознание Дитяти Богов.

Глава 5

— Гулхэс, — позвала она.

Программист обернулся.

— Да?

— Тебе не кажется, что нечто отвлекает компьютер?

Он мрачно покачал головой.

— Это вне моей компетенции. Ничто не указывает, то ли это необходимая часть процедуры, то ли неправильное срабатывание отдельных подпрограмм. Но «Романго» не способен сейчас отвечать на сигналы и не зарегистрирует наши голоса.

— Он по-прежнему следует программам Хайла?

— Нет, он делает что-то, но я не знаю, что именно. Перед нами классическая проблема, когда некоторые части программного обеспечения входят в противоречие с другими частями и программная оболочка может частично себя уничтожить. То есть «Романго» способен, если можно так выразиться, по-своему спятить. Вот такая заморочка, мисс!

— Понимаю, — Тэлзи на мгновение задумалась. — А ты можешь вывести на экран территорию вокруг заводоуправления?

— Проще простого. Круговой обзор. На том экране! — Гулхэс нажал клавишу. Указанный экран засветился. — Считаешь, что Соад болтается где-то рядом?

— Пока нет, — Тэлзи скользнула взглядом по экрану и задержала его на бледном диске светила Маннафры, висевшим низко над горизонтом. — Сколько осталось до захода?

Программист посмотрел на бегущие цифры встроенного в операционную систему таймера:

— Примерно минут двадцать пять — полчаса.

— А после этого быстро стемнеет?

— В этих широтах достаточно быстро. Сумерки

сгустятся приблизительно еще через полчаса.

— Значит, у нас около часа в запасе, — глубокомысленно произнесла девушка.

— Ты — телепат? — неожиданно спросил Гулхэс, заглядывая ей в глаза.

— Да, я пси широкого профиля, — ответила Тэлзи простодушно.

— Так я и думал. Это единственное объяснение произошедшему сегодня, — он несколько раз шмыгнул носом. — Хочу поблагодарить тебя. Я все еще чувствую нечто вроде преданности Соаду, но теперь точно могу сказать, что она была навязана мне извне. Никогда не стал бы служить подобному чудовищу по собственной воле.

— Это уж точно, — согласилась Тэлзи.

— Похоже, эта тварь знает, что началось твориться, стоило тебе с мистером Ралком появиться здесь.

— К сожалению, — вздохнула девушка.

— Почему же он до сих пор не появляется? Совершенно очевидно, что ему требуется как можно скорее восстановить статус кво.

— Сейчас он не способен двигаться. Солнечный свет убьет его. Как вампира. Даже звезды для него представляют определенное неудобство, но их излучение он еще способен вынести. Соад

появится, как только наступит абсолютная тьма.

— Значит, у нас совсем мало времени? — Гулхэс гулко сглотнул слюну. — Так вот почему он всегда являлся ночью. А мы-то, дураки, считали, что он стремится свести к минимуму риск своего обнаружения с воздуха! Ты уверена, что он появится?

— На сто процентов. Дитя Богов изменил свои первоначальные планы.

— В какую сторону?

Сказать ему? Да, сказать. Тэлзи пришла к выводу, что программисту не повредит ослабить его преклонение перед Соадом.

— Он передумал возвращать себе джил-масло, вывезенное мистером Ралком. Было бы лучше заиметь его, конечно, посчитало Дитя Богов, но, поэкспериментировав с тем количеством, что у него имеется, пришло к выводу, что накопленного вполне достаточно, особенно, если присовокупить к нему джил-масло, выработанное на шахте за последние дни. Вот за ним-то, джил-маслом, он и заявится сюда с минуты на минуту.

— После чего уйдет?

— Соад собирался так поступить, но мы преподнесем ему сюрприз, который, надеюсь, придется ему не по нутру! Он не ожидал, что столкнется с

проблемами от такой мелочи, как людишки.

— В таком случае, почему не показать ему, что мы добровольно готовы расстаться с джил-маслом? — предложил программист. — Хотя…

Тэлзи отрицательно покачала головой.

— Если мы так поступим, то Соад не позволит себе уйти просто так. Все на шахте, живые и мертвые, уйдут с ним. Он не оставит свидетелей существования Детей Богов и того, что они используют джил-масло.

— Точно, — воскликнул Гулхэс. — Это четко вписывается в рамки его поведения. Послушай, а почему бы тебе не воспользоваться своими ментальными способностями для того, чтобы вызвать сюда парочку аэрокаров и вызволить нас из беды?

— У меня может не получиться. Честно говоря, я пыталась послать ментальный призыв типа 911, но это не срабатывает в том случае, если только желать помощи.

— Не очень понятно, но исчерпывающе, — хмыкнул программист. — Знаешь, а ведь я — не совсем я. Знаю, что должен быть напуган ситуацией, но я встревожен не так сильно, как это должно было быть. Как будто кто-то еще присутствует здесь… — Он пожал плечами. — Впрочем,

прости за лирическое отступление, буду продолжать наблюдение за операционной системой «Романго»! Если появится какой-нибудь просвет, сразу извещу. А пока наши перспективы не выглядят чересчур радужными.

Он поерзал в кресле и принял оптимальную позу для напряженного внимания. У Тэлзи не было особых причин сообщать Гулхэсу, что это она не позволяет программисту быть чересчур напуганным. Он знал достаточно, чтобы у него не возникало сомнений в смысле производимой им работы. От этого зависело, сможет ли он помочь девушке в случае, если появится возможность действовать. Она снабдила его временной пси-защитой, которая прилично сократила познания Соада относительно того, что творится в разуме программиста, но полностью закрыть от ментального внимания Дитяти Богов не могла. Чем меньше Гулхэс знал о том, с чем столкнулся, тем лучше.

Она обратила все свое внимание на Соада. Девушка узнала достаточно много об этом гнусном порождении далеких звезд. У него была не такая пси-защита, как у людей и поэтому он не сразу обнаружил, что его противница собирает о нем информацию. И тогда он мгновенно смешал в

кучу все свои мысли, все свои гештальты, чтобы Тэлзи не смогла создать четкое впечатление.

Дитя Богов находилось внутри какого-то механизма в пустыне, где-то поодаль от шахты. Машина была почти полностью закопана в песок и снабжена отражательными экранчиками, защищающими от металлоискателей. Сначала девушка подумала, что это космический корабль, но потом это предположение отбросила. Нет, это был не звездолет, хотя и мог летать между звездами. Скорее агрегат представлял собой дом Соада и одновременно базу, где он готовил свои операции, а, в крайнем случае, мог служить в качестве неприступной цитадели. Внутреннее строение квазидома было крайне причудливым: анфилада просторных помещений, связанных извилистыми туннелями, по которым полуорганическая-полуметаллическая плоть Дитяти Богов, растекаясь, но не смачивая, скользила как по льду. На Маннафре Соад вместе со своим домом-раковиной засел уже давно.

Ему требовалось джил-масло в качестве горючего для дома-звездолета. Возможно, его уже накопилось достаточно, чтобы улететь, но предусмотрительное Дитя Богов собиралось иметь кое-какой запасец. На всякий пожарный. И если

бы не Тэлзи, не возникло бы никаких проблем.

Свои ментальные способности Соад не умел концентрировать для убийства, как это делали люди-пси, иначе давно бы уже атаковал «компьютерный кабинет, где пряталась от него эта настырная маленькая девчонка. Поэтому Тэлзи хотела перепрограммировать компьютер с одной целью: чтобы обороняться.

Ракеты, возможно, и остановят Соада, но этот солидный контраргумент следовало держать в резерве. Не было никаких сомнений, что Дети Богов — в высшей степени агрессивные, кровожадные и опасные для любой расы создания. Они не только терзали других носителей разума, но и постоянно воевали друг с другом. Разумы подобного типа обычно вооружены до зубов и имеют в своем арсенале какую-нибудь особую фишку. Какую именно, Тэлзи пока не выяснила. Любая ошибка, допущенная по отношению к Соаду, могла стать фатальной.

Поэтому девушка не предпринимала необдуманных шагов. Она лишь поддерживала едва ощутимый контакт с мешаниной зрительных, звуковых и тактильных впечатлений, скрывающих под собой истинную ментальность враждебного разума. Она осторожно зондировала

только эту хаотическую оболочку, пытаясь разобраться в сильных и слабых сторонах чужака. Пришла мысль, что ее противник занимается тем же самым.

Тэлзи одновременно зондировала ментальное пространство в поисках какого-нибудь человеческого разума, чтобы известить чиновников Федерации о нахождении на Маннафре чуждого разума Дитяти Богов, а также о бедственном положении выживших работников шахты Ралка. Ей так требовалась удача, особенно потому, что она могла выделить для поиска лишь незначительную часть своего разума. Поскольку минуты бежали, а контакта с людьми все не было и не было, казалось, что удача отвернулась от девушки. По мере того, как солнце клонилось к горизонту, тени от дюн на экране вытягивались все дальше. Потом остался только золотистый ободок, который напоследок озарил кромку облаков, и сразу потемнело вокруг. Над пустыней высыпали звезды.

И события, наконец, принялись разворачиваться с непостижимой быстротой.

* * *

Тэлзи не была абсолютно уверена в том, чем именно это было. Внезапно сформировался некий пси-заряд. Он возник здесь, на шахте. Девушка выжидала. Пси-заряд из бесформенного комка стал приобретать очертания. Так что уже вскоре она поняла, с чем ей придется столкнуться. Соад сооружал рабскую упряжь, предназначенную специально для строптивой девчонки. Эта упряжь была изощренно сложной и энергетически емкой. Тэлзи не верила, что эта пси-структура пробьет ее ментовуаль, но испытывать судьбу не собиралась. Пора приступать к активным действиям! Ее циркулярные ментофрезы, разбрасывая клочья случайно подвернувшихся под руку отрывочных впечатлений, врезались в неосязаемые контуры упряжи и стали кромсать по живому. Когда с этим порождением чуждого разума было покончено, Тэлзи позаботилась и о двух других людях в сфере ее защиты. Соад не оставил в покое Гулхэса и Аликара, пытаясь навязать им спешно создаваемые УАКи. Тэлзи, вооруженной ментофрезами, не составило особого труда справиться и с этой напастью.

Таким образом, девушка и Дитя Богов узнали

много интересного о тактике и стратегии друг друга, однако Соад, следует отдать ему должное, узнал больше. Избежать подобного было невозможно. Поскольку Тэлзи не собиралась знакомить своего врага с другими ментальными новинками, она уничтожила остававшиеся на шахте УАКи все теми же ментальными фрезами. Ее окатила поистине штормовая волна нечеловеческой ярости и бессильного гнева. Ага, значит, тварь намеревалась использовать свои ублюдочные механизмы автоматического контроля!

Через несколько минут Тэлзи ясно осознала, что он пустился в путь уже не ментально, а физически.

— Гулхэс, есть какие-нибудь подвижки?

Он покачал головой:

— И хотел бы порадовать вас, мисс, да нечем!

Тэлзи просочилась сквозь экран, воздвигнутый над его разумом ею же, и взяла контроль полностью.

* * *

Девушка устроилась во вращающемся кресле оператора «Романго», а Гулхэс растянулся на полу возле койки Аликара. Оба парня пребывали в состоянии стопора, из которого никто, даже

пси-структуры, создаваемые Соадом, не смогут вывести их в течение нескольких часов. Все остальные люди на шахте тоже были ввергнуты в аналогичное состояние. В конце концов, Дитя Богов не сможет воспользоваться чьим-нибудь разумом, чтобы завербовать себе союзника в борьбе против противной девчонки.

Тип компьютера «Романго» был ей незнаком, но теперь это не имело принципиального значения. Если он освободится от запретов, наложенных Хайлом, экранная панель окрасится в зеленый, информируя, что операционная система, в том числе и коммуникационная часть оболочки, освобождена. Тогда девушка сможет взять компьютер под свой голосовой контроль. А пока она напряженно вглядывалась в экран инфракрасного слежения за прилегающими районами пустыни, на котором четко вырисовывалась каждая деталь, словно на дворе стоял ясный день. Именно где-то здесь вскоре должен появиться Соад.

Она знала, что этот момент вот-вот наступит, и с замиранием сердца вслушивалась в шорох, доносящийся из наружных микрофонов. И если компьютер останется не перепрограммированным, то защитные контуры шахты Ралка не

станут для чудовищного монстра камнем преткновения. Его странное тело может принять любую форму, в том числе и гидравлического тарана, который с легкостью проложит себе путь даже сквозь бетонную стену и уже внутри здания растечется серебристым озером, проникая в любое потаенное место, если туда будет вести хоть малюсенькая щелка. Если он доберется до хрупкой человеческой плоти, Тэлзи умрет. Чтобы этого не произошло, следовало хорошенько подготовиться. Ее пси-оружие было наготове, но она не станет им пользоваться до тех пор, пока не увидит на экране громадную, отливающую серебром каплю. Дело в том, что у девушки имелось персональное ограничение на количество пси-энергии, которое она могла пускать в ход за определенный промежуток времени. Протестировав себя на грозящую опасность, она точно выяснила размеры этого заряда. Тэлзи могла продержаться против своего грозного противника чуть больше четырех минут. Если Соад безболезненно впитает в себя энергию ее атаки и войдет в здание, она не сможет его остановить. И даже не узнает о том, что потерпела поражение. Она окажется в бессознательном положении, близком к клинической смерти.

Поэтому ей не оставалось ничего другого, как ждать. Потом Соад нанес удар. Первым.

Тэлзи не сразу поняла, что это атака. Просто усилилась яркость ментальных впечатлений, которыми Дитя Богов бомбардировало ее ментовуаль, словно пыталось отгородить себя от попыток опознания при приближении к шахте. Подобные впечатления приводили в смятение. Ей потребовалось дополнительное усилие, чтобы не выпустить из виду сознание чужака. Потом нечто, похожее на огненные линии, ударило по зрительным центрам в мозгу, отчего физическое зрение Тэлзи вышло из строя: перед глазами поплыли солнечные амебы, потешно шевеля жгутиками. Потом разразился настоящий пси-шторм. С завыванием пси-ветра и безумными галлюцинациями в каждом зрительном нерве.

А еще позже она поняла, чему подверглась. Соад не смог проникнуть в ее разум сквозь ментовуаль, но он умудрился посеять в ее мозгу сумятицу и рецепторный хаос. Ни одна из галлюцинаций не являлась реальной: но эти вытянутые древощупальца с отставшими ячейками пигмента, эти выпуклые пасти, напичканные сочащимся, пузырящимся ядом из множества канальцев, этот конусообразный, будто выточенный из ба-

зальта, урод-кобольд, высоко подпрыгивающий на шарнирных ножках из пружинок, барабанили по всем ее чувствам одновременно, источая вонь и благовония, гладя и царапая, меняя цвет и вопя на все лады. Ее внимание разрывалось между разнообразными гештальтами, наполнявшими ее разум через контакт с Соадом. Девушка могла остановить эту вакханалию, лишь разорвав связь с ним.

И, конечно, именно этого добивался Соад. Стоит ей прекратить сопротивляться, цепляясь за контакт, как на шахте ни для кого не станет защиты от инопланетного чудовища. Тэлзи поняла; что если продержится еще немного, то победит. Или потеряет связь с ним и не сможет восстановить ее, или временно сойдет с ума.

Она собрала энергию и запустила импульс по связующему каналу. Шок, пронзивший Соада, наполнил ее душу безумной радостью. Ага, завибрировал, гад! Вакханалия иллюзий заметно замедлилась. Тэлзи ударила еще раз. Галлюцинации исчезли. На их месте возникла проекция агонизирующего жестокосердия.

Соад не ожидал от этой белковой протоплазмы ничего подобного. Ни он сам, ни его сородичи не встречали прежде подобных приемов. А Тэлзи

закрепляла тактический успех, отправляя один за другим энергетические импульсы в надежде поразить жизненно важные центры чужака. Она ощутила, что противник более не думает о нападении, а сосредоточен на защите, и едва не пропустила момент, когда Дитя Богов приблизился вплотную к зоне защиты.

Остановить его у барьера — парализовать движение… Его отчаяние и непомерная злость отозвались у нее в мозгу. Так же измочаленный поединком, как и Тэлзи, Соад мучительно переживал, что рассматривал человека-пси в качестве слабого противника. С непростительным запозданием этот монстр ринулся в бой очертя голову. Хаос и сумятица обрушились на разум девушки намного интенсивнее, чем в первый раз. Но Тэлзи из последних сил вцепилась в обрывки сознания о Соаде, слепо ринулась в сторону чего-то ужасного, но не уступающего ни пяди своего ментопространства. Она на ощупь дотянулась до какой-то разрушающейся Вселенной и вдруг поняла, что не может дотянуться до Соада. А бешеная круговерть в ее мозгу все стремительнее и стремительнее раскручивала свою спираль. Мощнейший ураган налетел на ее эго, потряс до основания и накрыл непроницаемой мглой.

* * *

— Нет, я не делала этого, — сказала Тэлзи, — просто Дитя Богов оказался слишком сильным для меня! Я закончила. Он получил сполна, я умерила его активность, но даже в таком состоянии ему удалось пройти ползоны, когда компьютер наконец-то завершил перепрограммирование.

— И ты приказала атаковать чудовище? — с придыханием спросил Тронефф. Его больничная ванна была наполовину заполнена ярко-зеленой грязью с тошнотворным запахом — лучшим восстановителем сожженных тканей.

Тэлзи покачала головой.

— Нет, в это время я не могла об этом думать, но мне и не нужно было отдавать приказ на поражение. Я проинструктировала «Романго» заранее, и моя инструкция была воспринята компьютером, как только он избавился от запретов, наложенных Хайлом. Ракеты разнесли на молекулы бренное тело Соада, если можно так выразиться. Удивительно неприятный визитер!

— Согласен, — кивнул Аликар. Он помолчал и испытующе посмотрел девушке в глаза: — И кажется, я больше не под твоим контролем.

Она спокойно выдержала его взгляд.

— Ты прав.

— Никогда не доверял тебе до конца! — упрямо мотнул головой Тронефф. Ну, чисто бычок йоркширской породы. — Как же ты смогла вырваться из-под моего контроля? Ты не сумела даже обнаружить мои зажимы на ментовуали, не говоря уже о том, чтобы взломать.

— Если бы ты наложил контрольные зажимы конструкции пооригинальнее, все было бы именно так, как ты сказал, но ведь ты связал меня лишь общими предписаниями, ну, что, вспомнил теперь? Что бы я ни предпринимала, это делалось для твоего блага, а, значит, не влияло на наложенные тобой зажимы. После того, как тебя подстрелили, я вдруг поняла, что вполне в твоих интересах, если я ухвачусь за любую маломальскую возможность вытащить нас из кучи дерьма, в которой мы очутились исключительно по твоей милости. — Она засмеялась. — Именно это соображение и взломало все твои контрольные зажимы! Включая и сами предписания, ибо было принято во внимание, что мои действия могут оказаться полезными для тебя в тот или иной момент.

В ответ Аликар лишь засмеялся и почесал подбородок здоровой рукой.

— Где я?

Девушка замялась.

— Думаю, эта часть истории тебе не очень понравится. Ты на Госпитальном корабле Психологического Сервиса.

Он выругался, правда, на сей раз вполне печатно.

— Я предполагал нечто подобное! Думаешь, я не обратил внимания на окружающие меня блокираторы?

— Должны же медики быть уверены в том, что не станут очередной жертвой охотника-пси. Но не стоит воспринимать это слишком эмоционально, Аликар. Если б я заботилась только о тебе, ты бы все равно оказался здесь, в конце концов.

— Ты это о чем?

— Соад — не единственная проблема, с которой мы столкнулись на Маннафре.

— ?!

— Накопленное Соадом джил-масло. После того, как мы прибыли на шахту, а он решил, что отправлять мистера Ралка за вывезенным ранее джил-маслом опасно, Дитя Богов принялся выяснять, каков минимальный запас, который позволит ему покинуть планету. Надо же такому случиться, паренек слегка напутал с расчета-

ми. Началась тлеющая цепная реакция, вроде той, что разнесла на куски несчастную Таширу. Поэтому он изо всех сил рвался на шахту, ибо тамошнего запаса джил-масла должно было хватить для нейтрализации грозящего в скором времени молекулярного взрыва.

Авантюрист побледнел.

— И..?

— Нет, — отрезала Тэлзи. — Я выудила из его разума это пренеприятнейшее известие перед самым его концом, но, насколько я поняла, все шло к трагической развязке. А после того, как Соад был разрушен, «Романго» таки связался с Федеральной Станцией. Стоило мне упомянуть, что в конфликте замешан чужак-пси, сотрудники Психологического Сервиса вылетели немедленно и эвакуировали с Маннафры всех до единого.

— И что, вялая цепная реакция потухла сама собой?

— Как бы не так! Рвануло, будь здоров! Правда, это произошло спустя четыре часа после того, как последний человек покинул пустыню. Теперь в пустыне здоровенная плешь с эпицентром в том месте, где скрывался механизм жизнеобеспечения Соада. По-моему, чтобы разнести всю Маннафру наподобие Таширы, ему просто-напро-

сто не хватило накопленного джил-масла.

— Да-а, не слишком-то утешительная информация. Можешь сказать честно, чем все-таки опасно джил-масло?

— Говорю честно: не знаю и не собираюсь пытаться узнать. Но могу предположить, в общих чертах, естественно, что данное вещество может вступать в реакцию с пси-энергией. Психологический Сервис уже знает об этом, но держит язык за зубами. Дети Богов в обычных условиях, похоже, используют это знание, чтобы рассчитать формулу оптимального движения своих летательных механизмов. Бывают и неприятные исключения, Соад нарвался именно на такое, но ему просто не повезло…

— Или плохо учился в школе, — серьезно заметил Аликар.

— Если без шуток, то наш каплеобразный приятель, видимо, повздорил с кем-то из сородичей, а тот взял и устроил неконтролируемую цепную реакцию, которая вышибла Соада вместе с его машиной в межгалактическое пространство.

— Межгалактическое пространство? — переспросил Аликар. Было заметно, что ему трудно поверить в такие детали.

— Он вовсе, не собирался туда, — разъяснила

Тэлзи. — Фьюить — и бедняга не по своей воле очутился в Ядре Звездного Скопления, поблизости от Маннафры! Так что наш чудо-монстр родом даже не из соседней галактики! И все равно он мог бы вернуться домой, если бы накопил определенный запас джил-масла. На его счастье, механизм, в котором путешествовал Соад, обнаружил необходимое месторождение на ближайшей планете. Но на его несчастье, оборудования, необходимого для переработки руды в масло, у него не оказалось, поэтому Соаду пришлось ждать какого-нибудь остолопа, который построит шахту в пустыне. Он ждал долго…

Аликар безропотно проглотил остолопа.

— И, конечно же, это все меня полностью реабилитирует. Поскольку мой разум находился под воздействием пси-монстра, с меня должна быть снята всякая вина.

— Если ты думаешь, что тебе удастся убедить в этом Психологический Сервис, стяг тебе в руки! Поскольку, пока ты был в отключке, они покопались в твоих мыслях, сомнительно, что ты выйдешь сухим из воды. На твоей шахте погибли семь человек, да добавь мое похищение, чтобы использовать не с самыми благородными намерениями. Кроме всего прочего, полагаю, что я — не

первая похищенная тобою жертва. Думаю, мои предшественники недолго играли роль твоих доверенных лиц. Ты слишком многих заставлял работать на себя. Но тебя не накажут слишком строго, можешь быть спокоен! Ты же хотел поэкспериментировать с джил-маслом, радуйся — тебе представится такая возможность, но, правда, под эгидой Психологического Сервиса. Ты слишком много знаешь для того, чтобы они лишились столь ценного источника информации.

Авантюристу действительно не понравилась эта часть истории.

— А как же ты сама! — сердито воскликнул он. — Ты знаешь о джил-масле не меньше, чем я.

Тэлзи поднялась.

— Правильно мыслите, молодой человек, но Психологическому Сервису давно известно, что я умею хранить секреты. Через несколько минут я улетаю на Орадо. Так что заскочила попрощаться.

Тронефф промолчал.

Подойдя к двери, девушка обернулась:

— Не грусти, парень! Все одно это лучше, чем пахать на гнусное Дитя Богов до тех пор, пока он не вздумает тобою полакомиться!

Марти-марионетки
(повесть)

Глава 1

Молодая женщина с румянцем на всю щеку и каштановыми локонами до плеч шествовала с присущей таким красоткам грацией по террасе ресторана в Орадо-сити, где Тэлзи в это время трудилась над своим ланчем в перерыве между пробежками по столичным бутикам.

Девушка с удовольствием следила за стройной фигурой, но что-то во всем этом было странным: и походка, и грация незнакомки вызывали в Тэлзи какие-то смутные воспоминания и в то же время она была убеждена, что никогда с ней не встречалась. Еще она знала, что эта женщина не может находиться на террасе в Орадо-сити, поскольку существовала не здесь и не сейчас, а в других измерениях.

Незнакомка, не существующая в этом времени и в этом пространстве, встретилась с Тэлзи взглядом. В ее глазах не вспыхнули огоньки узнавания. Девушка поерзала на стуле, в то время как фантом присел за соседний столик и потребовал

у официанта меню. Незнакомка выглядела модно и дорого одетой и была ухоженной: матовая кожа и хорошо подобранный макияж. Никто из посетителей, казалось, не находил в ее присутствии ничего необычного.

Так может, подумала Тэлзи, во всем виноваты ее пси-сенсоры! Она выпустила ментощупальце, и подержала его какой-то мимолетный миг рядом с незнакомкой. Никакого телепатического отклика, никакой разумозащиты. Если она и пси, то какой-то нетипичной разновидности. Тем временем женщина взяла бокал с коктейлем и приложилась к соломинке.

Внезапно пришло понимание. Никакого чуда, сказала себе Тэлзи, наполовину обрадовавшись, а на другую — расстроившись. Год назад она вместе с подругами ходила на мартри-драму, и незнакомка выглядела и двигалась точь-в-точь как одна из задействованных в спектакле марионеток. Упомянутый персонаж не принадлежал к главным действующим лицам, но почему-то запал Тэлзи в память. Теперь понятно, почему встреча на террасе показалась ей такой странной — марионетки-мартри не заказывали ланч в ресторане и вообще не передвигались по городу самостоятельно.

А потом ей пришла в голову новая мысль. Безумная.

Или все-таки передвигались?

Девушка еще раз бросила внимательный взгляд на точеный профиль. По коже засновали мурашки. Может быть, это и рискованно, но существовал быстрый способ проверить свое предположение. Некоторые разумы можно прощупать запросто, другие — с определенными трудностями, а кое-какие — вообще нельзя. Если незнакомка окажется из первой категории, то нескольких ментоманипуляций будет достаточно, чтобы определить, кем она является или не является.

Тэлзи понадобилось немного больше, чем несколько ментоманипуляций. Контакт был налажен, но он был непостоянный и еле теплился. Девушка постоянно теряла его, и когда ей удалось более или менее вцепиться в него, копия марионетки допила свой бокал и поднялась. Тэлзи вставила финансовую карточку в щель таксоприемника на ребре столешницы, подождала, пока объект ее изучения не повернется спиной и пошла вслед за незнакомкой.

Марионетка-мартри являлась биологическим организмом, практически не отличимым от жи-

вого существа. Она обладала мозгом, который можно было запрограммировать, следовательно, его обладательница могла разговаривать и вести себя как человек. Раньше Тэлзи не задумывалась о том, как могли сосуществовать рядом человеческий мозг и такой. Девушка не принадлежала к числу поклонников мартри-постановок и не писала кипятком от подобного рода развлечений.

Она ощущала разум, и расплывчатые обрывки, которые ей удалось нащупать, казались вполне человеческими. Но девушка собрала недостаточное количество доказательств того, что это не разум мартри-куклы…

* * *

Незнакомка села в аэротакси на стоянке у торгового комплекса. Как только летательная машина оторвалась от платформы, Тэлзи запрыгнула в следующий аэрокар и приказала следовать за ней. Пилот бросил мимолетный взгляд на машину своего коллеги:

— Не знаю, барышня, получится ли у нас слежка. Машина направилась туда, где очень напряженное движение.

— Шеф, с меня два счетчика! — воскликнула Тэлзи.

Аэротакси заметно прибавило ходу. Девушка закрыла глаза, крепко вцепилась в свой контакт с незнакомкой и принялась собирать дополнительные сведения. Спустя несколько минут пилот объявил:

— Кажется, мы ее окончательно потеряли!

Тэлзи и так это знала. Обычно расстояние не являлось существенным фактором, чтобы усилить или ослабить ментальный контакт между разумами. Но вот в данном случае это не сработало. Пересекающиеся потоки транспортного движения были настолько плотны, что могли управляться только автоматикой. Впечатления, которые девушка получила в результате, были слабенькими, и она стала их дополнять впечатлениями, заимствованными из других разумов. Машина, которую они преследовали, должно быть, оторвалась от них на несколько километров. Тэлзи позволила контакту распасться, велела возвращаться назад и откинулась на спинку, чтобы спокойно поразмышлять.

Некоторые мартрифилы не видели ничего зазорного в том, чтобы марионетки умирали прямо на сцене, если того требует сценарий. Это было основной частью мартри-реализма. Поскольку марионетки были биологическими машинами,

их эмоции и поступки являлись результатом компьютерных программ и, следовательно, они не имели самосознания. Такова была теория.

То, что обнаружила Тэлзи в разуме красотки с каштановыми волосами, казалось менее важным, чем то, что не было обнаружено в нем.

Незнакомка прекрасно ориентировалась в пространстве и четко знала, что делает. Были обрывки каких-то воспоминаний, кое-какие впечатления и намек на потаенную цель. И, тем не менее, она не имела никакого представления о собственном эго. Она знала, что существует реально, и это был наиболее весомый довод из всех прочих.

Другими словами, получалось, что у нее и *в самом деле* отсутствует такая штука, как самосознание. Насколько Тэлзи смогла выяснить, окружающий мир не имел решающего значения для незнакомки. Однако контакт не был настолько продолжительным, чтобы девушка смогла убедиться в данном тезисе со стопроцентной гарантией.

* * *

Исходя из этого, говорила себе Тэлзи спустя примерно час после своего приключения в ресто-

ране, все это выглядит крайне нелепо. У девушки возникло впечатление, до того дикое, что она тут же попыталась его развенчать, пуская в ход формальную, женскую и даже инопланетную логику. Но у нее ничего не получилось. Она попыталась найти контраргументы. Впустую. Почему бы не уделить данному вопросу еще немного времени?

Тэлзи нетерпеливо пробарабанила пальцами по клавиатуре, запрашивая в Информационном Центре все имеющиеся там материалы по мартри-драмам и мартри-куклам. Как только на экране побежали плотные строчки, девушка впилась в них пытливым взглядом. Там было не так уж много нового. Мартри-сцена представляла собой специализированный компьютер, который, в свою очередь, программировал мартри-марионеток и руководил ими в соответствии с замыслом сценариста и режиссера. До тех пор, пока на пьесу ходили зрители, ни один спектакль не повторял другой. В рамках пьесы и компьютер, и марионетки имели кое-какой выбор, подчиненный, правда, логике действия и оттачиванию лицедейного мастерства. Когда же дальнейшего улучшения добиться не удавалось, мартри-драма как бы консервировалась вместе с марионетками, задействованными в спектакле — зрелище

становилось совершенным. И все это объясняло стойкую и продолжительную привязанность к этому виду искусства так называемых мартрифилов.

Тем не менее, ничто не объясняло, как марионетка может покинуть мартри-сцену.

Труппа мартри, ставившая пьесы в Орадо-сити, уже покинула пределы планеты. Конечно, Тэлзи могла бы навести справки о месте ее нынешнего пребывания, но существовал и другой путь добывания информации. Одна фамилия постоянно встречалась в материалах, которые предоставил Информационный Центр…

Уилкот Тай. Эта личность была вполне доступна. Большой человек. Настоящая глыба. Ученый-энциклопедист, миллиардер и промышленный магнат, филантроп, философ, ценитель искусства и коллекционер. И кроме всего прочего, это был специалист из специалистов по мартри. Именно Уилкот Тай разрабатывал, взращивал и продавал самых лучших марионеток из тех, что имелись в Ядре Звездного Скопления. Не оставил он без внимания и самые продвинутые в техническом и финансовом отношении мартри-сцены. Тай являлся автором более полусотни самых популярных мартри-пьес и был наиболее заметным

явлением в современной драматургии.

Один из дальних родственников подруги Тэлзи был убежденным мартрифилом и заодно деловым партнером этого уникального человека. Несколько телевизитов — и он дал согласие поставить девушку в известность, когда Тай прибудет в свою лабораторию в Дрейсе и заодно даст ей аудиенцию.

* * *

— Законность убийства мартри-кукол на сцене я считаю непозволительным делом, — заявил Уилкот Тай.

Тэлзи заранее заготовила бумаги от руководства Пехенрон-колледжа, в которых говорилось о том, что их выпускнице необходимы мартриматериалы для научных изысканий, и они стали наилучшим предлогом для посещения Дрейса.

— Я просто не могу допустить, чтобы мои куклы гибли в страшных мучениях на сцене! У них есть жизнь, мышление, пусть искусственно созданное и поэтому ограниченное, но что важнее всего, они обладают личностными характеристиками, сиречь характерами. Конечно, все это в них запрограммировано, но, как подсказывают мне мои ощущения, различие между марионетками и

людьми заключается в их биологическом статусе, они как бы незаконченные человеки. Заметьте, милая барышня, они всегда по ходу той или иной пьесы поступают в соответствии со своими характерами, а не следуя велениям сценариста или режиссера. Я имел возможность множество раз убедиться, что все неожиданные повороты в моих сценариях, которые лишь улучшали мою задумку, всегда предлагались этими якобы недочеловеками. Моих кукол нельзя отлучить от присущих им эмоций, они поступают, как чувствуют. В эмоциональном плане марионетки лучше, чем многие из нас.

Тай одарил собеседницу обаятельной улыбкой. Это был крупный массивный мужчина средних лет с рано пробившейся сединой в густой шевелюре. Вокруг него плавала аура контролируемой энергии. Похоже, только она и контролировалась, поскольку кипучесть его натуры, казалось, невозможно было сдержать никакими силами. Тем не менее, в его жестах и голосе присутствовала какая-то удивительная мягкость. Сразу становилось ясно, что присущая Таю харизма заставляет окружающих его людей проникаться к нему любовью.

А еще он обладал разумом, который невоз-

можно было прощупать. Как Тэлзи выяснила почти мгновенно после начала аудиенции, он не поддавался ментальному зондажу. Очень неудачно! Девушка смогла бы выудить из него информацию, не дав ни малейшего намека на цель, с которой она это делала.

— Вы используете реальных людей в качестве прототипов? — поинтересовалась Тэлзи. — Я имею в виду, на стадии разработки, разумеется.

— Внешне? — переспросил Уилкот.

— Да.

Леонардо современности потряс головой.

— Многих. Но не каждая реальная личность удостаивается чести послужить образцом для моей куклы. Ведь это идеальные создания.

Тэлзи пришла к выводу, что не станет темнить.

— Недавно со мной произошло странное происшествие. Я встретила женщину, которая как две капли воды была похожа на мартри-марионетку, виденную мною в пьесе примерно за год до этого. Я почти уверена, что это — кукла, сошедшая со сцены и потерявшаяся в каменных джунглях Орадо-сити. Но разве такое возможно?

Тай расхохотался.

— Ну, вы и скажете! Конечно, это невозможно.

— А почему это невозможно?

— Срок службы. Кукла обычно запрограммирована на использование в двадцати пяти — тридцати спектаклях. Одна из моих любимиц выдержала сорок два представления — феноменальный рекорд! В сравнении с реальной жизнью людей, это, конечно, капля в море, ведь у нас все время меняется ситуация, а не так как в пьесе с ее ограниченным набором возможных вариантов. И если кукла потеряется в реальном мире, ее ответные реакции на раздражители вскоре переполнят мотивационный блок, и она перестанет действовать.

— А теоретически можно ли запрограммировать этот ваш мотивационный блок так, чтобы марионетка стала поступать как человек? — спросила Тэлзи с горячностью.

— Теоретически все возможно, — признался Тай, — но это потребует новых технологий. — Он улыбнулся. — А поскольку вокруг полно настоящих людей, зачем тратить деньги на их подделку? Вы согласны со мной?

Девушка покачала головой.

— Не знаю.

— Конечно, я постоянно экспериментирую. — Он встал из-за стола. — В этом здании имеется

ряд моделей, находящихся на разных стадиях своего развития. Обычно я не демонстрирую их своим посетителям, но если хотите, могу сделать для вас исключение?

— Очень хочу!

Она подумала, что речь Тая не совсем убеждает. Новые технологии пробивают себе дорогу во всех областях человеческой деятельности, так почему производство мартри-кукол должно чем-то отличаться? В любом случае, она может задать главный вопрос. Ведь что ей стоит дотронуться до разума той или иной продвинутой модели и сравнить найденное там с теми разрозненными обрывками впечатлений, которые имелись в разуме загадочной незнакомки.

Но ее план провалился. Стоило Таю вывести гостью из своего кабинета, как она наткнулась на молодого человека, встающего из-за стола.

Он был телепатом.

В случае встречи пси-телепатов применялся выработанный этикет: если никто из них не был заинтересован в установлении контакта, то они не подавали виду, что осведомлены о способностях своего визави. В противоположном случае тот, кто хотел войти в контакт, посылал ментальную самоидентификацию. А если ему не

отвечали, все заканчивалось.

Ни Тэлзи, ни секретарь Тая не послали самоидентификаций. Однако Тай их познакомил.

— Линден, — представил Уилкот молодого человека, — мое доверенное лицо, секретарь и ассистент. — Потом показал на девушку: — А это Тэлзи Амбердон, которая интересуется нашими куколками. Я разрешил ей ознакомиться с содержимым нашего подвала.

Линден кивнул.

— Вы хотите, чтобы я сопровождал мисс Амбердон?

— Нет, — сказал Тай, — я сам. Но поскольку я тебе сказал, где буду, ты знаешь, где меня можно найти в случае необходимости.

Присутствие телепата в Дрейсе лишило Тэлзи возможности незаметно прощупать разум мартри-марионеток — слишком велика вероятность, что Линден мгновенно почувствует возросшую ментальную активность. Девушка не хотела выдавать свою заинтересованность игрушками, пока не узнает больше. Но у нее имелись в запасе и другие трюки, которые можно было использовать.

Полчаса, которые она провела в подвале с Таем, оказались вполне плодотворными.

— Это, — сказал он, — часть эксперимента, предпринятого с целью увеличить скорость выпуска готовой продукции. Сейчас считается нормальным трехнедельный срок для созревания куклы. Мы сможем сократить его чуть ли не до нуля. Представьте себе, используя гиперактивные стимуляторы, мы вскоре начнем выпускать модель, рассчитанную на полсотни постановок, от запуска до контрольного прогона всего за двадцать четыре часа.

Он залихватски подмигнул спутнице.

— Ну, конечно, у них есть недостатки, не прошли тестирование. Но мы стараемся! Иногда скорость производства является очень важным моментом. Куклы, занятые в главных ролях, быстро изнашиваются и выходят из строя, а филиалы мартри-драмы ждут не дождутся замены.

* * *

Ночью в доме Тэлзи объявился незваный посетитель. Девушка уже задремала, когда почувствовала легкое ментальное прикосновение к своему разуму. Она проснулась, но не подала признаков, что заметила непрошеное вторжение. Вряд ли оно было намеренным.

Однако потом стало ясно, что оно было именно

намеренным. Другой пси был осторожен. Зондирование продолжалось и показалось Тэлзи малопрофессиональным, оно было направлено на то, чтобы установить плотность ее ментоували и попытаться отыскать слабые места в разумозащите. Все это делалось для того, чтобы просканировать мысли Тэлзи.

Наконец девушка пришла к выводу, что терпела достаточно. Она резко напружинила свою защиту и послала пси-импульс по линии зондирования. Энергия импульса наткнулась на чужую защиту — зондирование прекратилось. Кто-то где-то, вероятно, будет валяться в самом настоящем нокауте час или около того.

Тэлзи не брал сон, она лежала в постели и размышляла. У нее имелся моментальный отпечаток того, кто пытался проникнуть в ее мозг. Линден? Скорее всего. Если так, то зачем?

Ответа не было.

Глава 2

В Орадо-сити имелась постоянная мартри-сцена, и Тэлзи уже следующим днем собиралась отправиться на шоу — посещение мартри-драмы казалось ей наилучшим способом, чтобы изучить

поведенческие реакции кукол. Соприкосновение с пси, который не нашел ничего лучше, чем забраться в ее вотчину, заставило изменить планы. Если зондирование осуществлял секретарь Тая, то вполне вероятно, что его отправил на дело босс. Ибо активность Тэлзи в отношении мартри попала под его наблюдение. А значит, ей необходимо проводить свое расследование в глубокой тайне. Что включало в себя стремление держаться подальше от сцены в Орадо-сити.

Девушка отправила несколько запросов по КомСети, сделала необходимые приобретения, потом рванула на орбитальном челноке чуть ли не на другой конец континента в маленький городок, где мартри-драма только-только зародилась. Причем, билет на шаттл был куплен на подставное имя, а из дома Тэлзи вышла, замаскировавшись в бесформенную накидку, парик и громадные черные очки. Слежки она, тем не менее, не обнаружила и благополучно приблизилась ко входу в зрительный зал.

* * *

Далее Тэлзи обнаружила себя лежащей на кушетке в просторной комнате, наполненной солнечным светом. Никого рядом с ней не было.

Шок выбил ее на какой-то момент из душевного равновесия.

Дело было не только в том, что она не помнила, где находится и как сюда попала, но что-то *в ней* самой казалось чужим, изменившимся и абсолютно неадекватным.

Внезапно пришло понимание. Ни малейшего следа пси-способностей. Словно их никогда и не было. Она попыталась ментально прощупать окрестности. Это было похоже на то, когда открываешь глаза в абсолютной темноте. Тихая паника поднялась из подсознания на поверхность. Пришлось сдерживать ее изо всех сил, пока дыхание вновь не стало ровным. Потом она села, оглядела интерьер. За изголовьем кушетки оказалось огромное, во всю стену, окно, за которым виднелись раскидистые кроны деревьев. А еще дальше в голубом небе блестел ледяной вершиной высоченный горный пик. Кроме кушетки в комнате был полированный письменный стол и несколько кресел, пол покрыт мохнатым ковром. В стене против окна были прорезаны две двери. Обе были закрыты.

Тэлзи окинула взглядом себя: белая рубашка, белые шорты, белые гольфы и белые бахилы — все это было не слишком похоже на накидку,

парик и черные очки. Одежда не могла поведать ей много, но все же паника отступила. Девушка встала. В этот момент левая дверь отворилась, и Тэлзи увидела входящую в комнату…

…самое себя.

Еще один удар. Хотя и не столь жестокий, как первый. Оценив в должной мере фактуру кожи, черты лица и физическую конституцию, у Тэлзи не осталось никаких сомнений в том, что видит собственный дубликат, повторяющий ее с точностью до шести, а то и до семи знаков после запятой. Наверное, различия могли иметь место, но слишком тонкие, чтобы их обнаружить при помощи столь несовершенного аппарата, как зрение, слух и прочие чувства. Все такое же, как у Тэлзи, плоть до макияжа и модельной стрижки.

— Привет! — поздоровалась Тэлзи как можно сердечнее. — А что это за игра такая?

Ее копия наклонила голову, прищурила глаз и отступила на шаг.

— Какое у тебя последнее воспоминание перед тем, как ты очутилась здесь? — спросила она вместо приветствия.

И *ее* же голосом. Во всяком случае, очень похожим.

— Нечто вроде вспышки белого цвета внутри

головы, — подумав, ответила Тэлзи.

Копия кивнула.

— В Зомбидоле.

— Ага, — подтвердила Тэлзи. — Я была в вестибюле и направлялась ко входу.

— Ты находилась в десяти метрах от черты, за которой начинался зрительный зал мартри… Это было последнее, что я запомнила. А что с пси? Смыто?

Тэлзи окинула свой дубликат оценивающим взглядом.

— А не пора ли представиться, девушка?

Копия передернула плечиком.

— Честно говоря, не знаю. Хотя ощущаю себя в качестве Тэлзи Амбердон. Даже если я и не она, все равно чувствую себя ею.

— Если ты — Тэлзи, то кто же в таком случае я? — спросила Тэлзи.

— В ногах правды нет, — вздохнула копия, — давай-ка присядем. Я проснулась полчаса назад, и мне что-то сказали. Это меня буквально потрясло. Значит, потрясет и тебя.

Они присели на краешек кушетки, и копия продолжила:

— В данный момент я не знаю способа, чтобы доказать, будто я — Тэлзи, зато должен существо-

вать способ, который с точностью установит, что Тэлзи — это ты, а не я.

— Интересно, какой? — мгновенно заинтересовалась Тэлзи.

— Пси. Тэлзи использовала это. А я не могу обнаружить это в себе. Если ты…

— Будешь смеяться, — горько усмехнулась Тэлзи, — но я тоже не могу обнаружить в себе.

Копия вздохнула.

— Значит, мы в полном дерьме. Мне сказали, что одна из нас Тэлзи, а другая мартри-эрзац, считающая, что Тэлзи — это она. Имя куклы — Гэзил. Ее вырастили за двое суток, как выращивают других марионеток, но разрабатывали специально, чтобы она стала точным дубликатом Тэлзи. У Гэзил ее память, ее личность, ее манеры и все остальное. Поэтому она и чувствует себя настоящей Тэлзи.

— Это придумал Уилкот Тай?

— Наверное. В округе, кроме него, нет никого, кто мог бы сделать подобное.

— Действительно, — сказала Тэлзи. — Но зачем это ему понадобилось?

— Он сказал, что расскажет о своих планах за ланчем. Увидев на экране монитора, что ты проснулась, он отправил меня к тебе.

— Ага, — удовлетворенно сказала Тэлзи, — значит, он наблюдает за нами?

Копия кивнула.

— Он хотел видеть твою реакцию.

* * *

— Кто из вас Тэлзи, а кто — Гэзил, пусть пока останется за рамками этого разговора, — произнес Тай. Он мило улыбнулся девушкам с противоположного конца обеденного стола. — Теоретически можно допустить, что вы обе — марионетки, а настоящая Тэлзи — кто-то третий, отсутствующий здесь. Однако мне хотелось бы, пусть даже условно, идентифицировать вас.

Он снял с пальца кольцо, спрятал руки под стол, после чего протянул их зажатыми в кулаки.

— Ты, — обратился он к Тэлзи, — должна угадать, в какой руке кольцо. Если тебе улыбнется удача, то назовем тебя Тэлзи, а тебя, — обратился он к копии, — Гэзил. Согласны?

Тэлзи кивнула и легонько хлопнула его по левому кулаку.

— Верно, — он подмигнул девушке и раскрыл ладонь, в которой блеснуло золото. Он надел кольцо снова на палец и вопросительно посмотрел на Линдена, который тоже находился за

столом: — Как думаешь, она могла сжульничать, используя пси?

Линден нахмурился и промолчал. Тай засмеялся:

— Как ни странно, Линден не в восторге от Тэлзи. Знаешь, он провалялся в отключке чуть ли не два часа, пытаясь прощупать твой разум!

— Я так себе примерно все и представляла, — сказала Гэзил.

— И он жаждет отомстить за свое унижение! — сказал Тай. — Поэтому следите за собой, дорогуши, иначе я разрешу ему действовать! А теперь о вашем ближайшем будущем: отсутствие Тэлзи пока не обнаружено, а когда будет — хорошо продуманная инсценировка укажет на ее исчезновение где-нибудь вдали от Орадо. Да еще при таких обстоятельствах, при каких нет никакой надежды, что она могла остаться в живых. Вы, наверное, уже догадались, что я хочу сделать так, чтобы даже память о Тэлзи была предана забвению.

— Зачем? — спросила Тэлзи.

— Потому что эта глазастая деваха заметила кое-что, — ответил Тай. — Ну, заметила и Бог с ним, но Линден выяснил, что, кроме всего прочего, она еще и телепат.

— Значит, все правда и я видела *действительно* вашу куклу, — воскликнула Гэзил. Она переглянулась с Тэлзи и неуверенно добавила: — Точнее, одна из нас, та кто Тэлзи, видела.

— Которую *мы* видели, — поправила свою копию Тэлзи. — Так будет проще говорить.

Тай улыбнулся.

— А вы, девочки, оправдываете мои ожидания!.. Да, вынужден признаться, то была моя кукла. Но не будем сейчас развивать эту щекотливую тему. Будучи телепаткой, к тому же учитывая ее непомерную любознательность, Тэлзи могла создать мне массу неудобств, и я решил, что лучше заманить ее в ловушку, нежели опуститься до примитивной ликвидации, Я изучил ее прошлое и укрепился во мнении, которое у меня сложилось еще во время нашей! первой встречи. А за последний час она успела продемонстрировать еще одно свое превосходное качество.

— Какое же? — кокетливо спросила Тэлзи, стреляя глазками.

— Самообладание. Я уже давно интересуюсь применением пси в своей работе и с помощью Линдена сумел заполучить нескольких пси. — Он разочарованно покачал головой: — Но это был на редкость скудный матерьялец! Некоторые не

могли вынести даже самого факта, что я создал их точную копию. Бедняги стали полностью бесполезными и, конечно же, это зеркально отразилось на дубликатах. А теперь посмотрим на вас двоих! Вы мгновенно адаптировались к необычной ситуации, в которой оказались… вон, даже аппетит не пропал, и наверняка уже задумали какой-нибудь хитроумный план задать деру от старины Тая.

— Давайте поговорим об этом позже, в первую очередь нас интересуют не наши, а ваши планы! — воскликнула Тэлзи.

Тай расплылся в сердечнейшей из ассортимента своих улыбок.

— Не так быстро. Сейчас расскажу.

— Еще вопрос, пожалуйста! — сказала Гэзил. — Какой прок от пси-способностей Тэлзи, если они сгинули не без вашей помощи?

— О-о! Это вещь обратимая, — проинформировал присутствующих Уилкот, — пси-способности вернутся обязательно. Просто пришлось эти способности подавить на время, пока я не выясню, как их можно использовать с наилучшей стороны.

— Они восстановятся и у дубликата? — задала ключевой вопрос Гэзил.

Тай одарил ее поощряющим взглядом.

— Это пункт, который мне интересно было бы выяснить в первую очередь! Мои куколки предназначены для выполнения различных поручений, вы только представьте, насколько ценна марионетка, обладающая пси-даром Тэлзи; — Он хохотнул: — Линден вполне оценил это на собственной шкуре!

Он оперся о стол, поднимаясь из кресла.

— Благодарю за доставленное удовольствие — беседа прошла в теплой и дружественной обстановке, но, к сожалению, у меня есть работа, не терпящая отлагательства. На данный момент информации вам достаточно. Побродите, ознакомьтесь с новой для вас обстановкой. Спешу избавить себя от дополнительных расспросов: вы находитесь на моем частном острове, две трети которого не тронуто рукой человека, остальное — отгороженное место, покидать которое вам строго запрещается. Если попытаетесь сбежать в лес, гарантирую поимку в течение пары часов, после чего последует определенное наказание, которое само по себе не столь серьезно, ибо куда серьезнее тот неопровержимый факт, что лес — источник марионеточного сумасбродства, с которым лучше не иметь дела! В Пределах огоро-

женного пространства можете гулять, где хотите. Те же места, куда мне не хотелось бы вас пускать, в данный момент располагаются вне вашей досягаемости!

* * *

— У Тая, конечно, имеется способ выяснить, кто из нас кто, — выказала уверенность Гэзил из-за спины Тэлзи. Они шли гуськом, пробираясь сквозь густые заросли кустарника.

— Пустая трата времени пытаться обнаружить этот способ, — ответила Тэлзи.

Гэзил не возражала. Мартри-эрзац мог быть помечен при выпуске из «родилки», чтобы потом выявлять эти метки с помощью каких-нибудь детекторов, не похожих ни на одно из пяти присущих человеку чувств.

— Очень расстроишься, если узнаешь, что ты не оригинал?

Тэлзи обернулась.

— И не просто расстроюсь, а очень, — сказала она грустно. — А ты?

Гэзил кивнула.

— Я не сильно задумывалась над этим, но меня периодически мучает чувство, что являюсь частью какого-то процесса, длящегося долго-долго,

и было бы неприятным открытием обнаружить, что это обман. Что я — это только я и за спиной у меня нет ни секунды прожитой жизни…

— …и ты — это кто-то, кто не был там хотя бы в какой-то форме и хотя бы какое-то, пусть даже короткое время, — подхватила Тэлзи. — Да, ничто не поможет нам преодолеть переживание подобного рода! Вот что предстоит одной из нас выяснить, в конце концов. И как коварно заметил Тай, мы обе можем оказаться не-Тэлзи. А знаешь, наши разумы действительно работают одинаково — почти.

— Почти, — повторила Гэзил с потухшим взором. — По-моему, они стали мыслить немножко по-разному с того момента, как мы проснулись. Правда, должно пройти какое-то время, прежде чем различия станут заметными.

— Вот о чем нам нельзя забывать.

Девушки вышли из чащи и увидели гору, которая уходила ввысь, но как далеко, видно не было, поскольку висевшие на склонах облака не давали такой возможности. Когда они несколько часов назад выходили из маленького круглого здания, то не представляли себе, насколько обширен остров, зато могли увидеть горные кряжи и поэтому направились к ним.

Если они и дальше продолжат в том же духе, то вскоре наткнутся на стену, опоясывающую поместье.

— И еще вот что, — сказала Тэлзи. — Мы не можем быть до конца уверены, что нас не подслушивает Тай или кто-нибудь из его сотрудников.

Гэзил кивнула.

— А, сколько той жизни! Придется рискнуть.

— Что мне в тебе нравится, подруга, так это бесшабашность. Мы не продвинемся далеко, если будем осторожничать или семь раз отмерять, прежде чем рискнем отрезать.

Они дошли до ограды за десять минут. Она имела такой вид, что отбивала всякую охоту перелезать через нее. Представьте себе двенадцатиметровую стену, выстроенную из того же материала, что и здания главной усадьбы, гладкого и скользкого как мыло. Она тянулась вправо и влево и скрывалась за горизонтом, и ни одно дерево не росло ближе сорока метров к стене. Девушки с молчаливого согласия пошли влево. Ведь должны же быть какие-то ворота или стоянка аэрокаров, ведь они же как-то очутились на огороженной территории.

Примерно через час они действительно обнаружили ворота. Слабые проплешины, должные

означать, что здесь прокатились наземные транспортные средства, вели к ним с разных направлений. Створок не было — один плотный металлический лист, который явно представлял собой скользящую по направляющимся желобкам дверь. Никакого замка или запирающего механизма не было и в помине.

— Наверное, отпирается непосредственно из дома.

— Похоже на то.

Во всяком случае, было ясно, что ворота эксплуатируются регулярно. Девушки устроились на траве неподалеку от них и стали ждать. Не прошло и четверти часа, как монолитная створка с тихим жужжанием убралась в стену, открыв проход. Небольшая наземная машина въехала на территорию усадьбы, ворота вновь закрылись. Машина остановилась рядом с девушками. Открылась дверца, из нее выбрался Линден. Он нахмурил брови.

— Что вы здесь потеряли?

— Осваиваемся по совету Тая, — сказала Гэзил, премило улыбаясь.

— Но ведь он не советовал вам следить за воротами, верно?

— Правильно, — продолжая улыбаться, ответи-

ла девушка, — но они не запрещал этого.

— В таком случае, это запрещаю я. Быстро валите отсюда! Чтоб духу вашего здесь не было!

И девушки свалили.

Когда через некоторое время они оглянулись, машина Линдена уже исчезла из виду.

— Да, этому мужику мы действительно не нравимся! — задумчиво произнесла Гэзил.

— Причем, активно не нравимся, — подтвердила Тэлзи. — Давай-ка заберемся повыше и посмотрим на лес!

Девушки выбрали подходящее дерево и, помогая друг другу, вскарабкались на такую высоту, что смогли заглянуть за стену. Мощеная белыми плитами дорога уходила от ворот по направлению к горе. Ее склоны были покрыты сплошь тропическими джунглями, но, как и с этой стороны, рядом со стеной не росло ни одно дерево. Никаких признаков фауны они не обнаружили, за исключением разве что каких-то вертлявых многоногих козявок. Как и признаков экспериментальной мартри-жизни, упомянутой Таем.

— Я поняла: наше предположение было неверным — дистанционный ключ, отпирающий ворота, находится в машине! — воскликнула Тэлзи.

— Мне это тоже пришло в голову. А ты заметила, что машина Линдена бронирована? — Гэзил обернулась в сторону поместья. — Ну-ка, взгляни туда!

Тэлзи проследила взглядом в указанном направлении.

— Ага, вот и садовники! Может быть, удастся узнать что-нибудь от них.

Глава 3

Флотилия из полутора десятка плоских механизмов плавала низко над газоном. Каждой машиной управлял рулевой, вцепившись в рычаги. Еще двое, за пределами зеленого ковра и не верхом на машинах, а на своих двоих, пристально следили за работой газонокосилок, время от времени давая указания с помощью переносных раций.

— Глянь на того, кто чешет сюда! — кивнула Гэзил.

Девушки, скрываясь за стволами деревьев, приближались к фронту работ незамеченными, но одна из косилок двигалась прямо в их сторону. Рулевой их явно заметил, но вот что удивительно — не придал этому никакого значения.

Девушки следили за ним в четыре глаза. Ничего странного в его поведении не было, зато внешность… На неподвижном лице отличались живостью одни лишь глаза. Челюсть отвисла, рот выглядел безвольным, а щеки покрывала мертвенная бледность. Газонокосилка добралась до дерева, за которым стояли девушки, повернулась на девяносто градусов и почесала перпендикулярным курсом.

— Остальные работяги в аналогичном состоянии, — прошептала Тэлзи. — А надзиратели выглядят вполне нормально. Посмотрим, что они скажут.

Сказано — сделано.

Как только ближайший из них заметил вышедших из-за дерева девушек, он свистнул напарнику.

— О-о, какие люди! — восторженно произнес он, расплываясь в улыбке. — Новые гостьи доктора Тая, если не ошибаюсь?

Он перевел взгляд с одной на другую.

— Двойняшки-обаяшки! А которая из вас настоящая?

Его напарник, высокий и широкоплечий здоровяк, перебежал через подстриженный газон, чтобы составить компанию. Тэлзи пожала пле-

чами:

— Нам не сказали.

Мужики переглянулись.

— А сами определить не можете? — спросил присоединившийся.

— Нет, — ответила Гэзил. — Мы обе ощущаем себя настоящими. Судя по тому, что говорил доктор Тай, вы тоже можете оказаться дублями, но не знать об этом.

Мужики заржали.

— Ну, это вряд ли! — сказал здоровяк. — Шестеренкоголовые не имеют финансовых карточек!

— А у вас карточки есть? Для использования во внешнем мире? — выпалила Гэзил.

— А то! И еще какие, с пятью нулями после значащей цифры! — гордо заявил здоровяк. — Кстати, давайте познакомимся, девочки. Меня зовут Ремиол, а этого коротышку — Ишен.

— А мы — Тэлзи и Гэзил, — сказала Тэлзи. — А у вас, ребята, есть счастливая возможность увеличить свой счет еще на один нолик.

Оба дружно замотали головами.

— Если задумали бежать отсюда, на нашу помощь не рассчитывайте! — заявил Ремиол без колебаний, а Ишен добавил: — Даже если бы у нас и возникло желание удружить таким сим-

патягам как вы, способа сделать это нет. Лучше сразу забудьте об этом и успокойтесь! Здесь очень неплохо.

— Вас никто и не просит помогать нам сбежать! — сказала Тэлзи. — Вы часто бываете на материке?

Этот вопрос явно привел надзирателей в замешательство. В их лицах появилось что-то такое, от чего у девушек побежали мурашки по коже:

— Ну… это… как бы… когда хотим, только тогда, я бы так сказал, — запинаясь, произнес Ремиол, словно не мог подобрать нужных слов. — Я…

Он замялся и растерянно посмотрел на Ишена, словно ища поддержки.

— Вы могли бы отправить записку? — спросила Гэзил, заглядывая Ишену в глаза.

— Ни за что! — выпалил он, не обращая внимания на замешательство напарника. — Мы работаем на доктора Тая, он хорошо платит, да и обязанности у нас не шибко обременительные. Так стоит ли нарушать устоявшееся течение жизни?

— Ну и ладно, — махнула рукой Тэлзи. — Не хотите помогать, может тогда расскажите, что же за течение такое?

— А что, не возражаю, — сказал Ремиол, воз-

вращаясь в обычное жизнерадостное состояние:
— Если бы доктор Тай не хотел, чтобы мы с вами болтали, то сказал бы. Он замечательный босс, всегда знаешь, чего он хочет. Ишен, отключи шестеренкоголовых на обед и присядем с девчонками!

Они уселись в кружок. Гэзил показала на одного из газонокосильщиков:

— Вы называете их шестеренкоголовыми. Стало быть, это не люди, а что-то вроде мартри-роботов?

— Нет, — помотал головой Ремиол, — они не роботы. Доктор Тай не занимается роботехникой, это обычные куклы, возможно, дефектные, возможно, экспериментальные, а, может быть, марионетки, которые исчерпали свой лимит выступлений на мартри-сцене. Когда они становятся такими, то не протягивают больше года и тогда возвращаются к своим истокам. А нам нравится наша работа.

— Среди них вполне могут оказаться и настоящие люди, — задумчиво произнес Ишен, глядя, как его подопечные собрались в кучку на краю газона. — Но не стоит придавать моим словам слишком много значения, все равно все они запрограммированы.

— А как настоящие люди становятся такими, как эти? — спросила Гэзил.

Надзиратели пожали плечами.

— Наверное, в результате каких-то экспериментов, — выразил общую точку зрения Ремиол. — В главном корпусе проводится много важных исследований.

— А как вы догадались, что одна из нас — шестеренкоголовая? — спросила Тэлзи.

— Одна из лаборанток проговорилась, — признался Ишен. — Она сказала, что доктор Тай едва не плясал от счастья от полученного результата. В отличие от всех остальных аналогичных опытов с двойняшками.

Ремиол подмигнул Тэлзи:

— А ваш опыт вышел просто потрясающе!

Она прищурила глаз:

— А вы когда-нибудь видели стену с другой стороны?

Оказалось, что видели. Вероятно, это было не их добровольное желание, поскольку босс приказал отправиться туда в составе подразделения на вооруженных бронированных машинах для какой-то неясной цели — искать сумасшедших мартри. Единственным безопасным местом в лесу являлся маленький контрольный форт, но

и он умудрился попасть под случайный обстрел. В конце своего рассказа Ишен и Ремиол описали некоторых из мартри-созданий, с которыми им удалось встретиться в лесу.

— Зачем они доктору Таю? — спросила Гэзил.

— Для использования в своих мартри-драмах, которые босс иногда ставит прямо здесь, — ответил Рем иол, а Ишен добавил: — И ждет, пока вы не придете в неописуемый восторг от одного из них. Да, девчонки, это что-то потрясающее! Нигде больше не увидите такого шоу!

— Думаю, что мартри так и шастают где-то поблизости, — снова стал рассказывать о лесе Ремиол. — Поначалу я беспокоился, как бы одно из них не перемахнуло через стену, но такого пока не случалось…

* * *

— Ну и ну! — сказал Тай. — Болтаем по-дружески?

Он выплыл из-за густой кроны ближайшего дерева, вцепившись руками в поручень диска-антиграва, снизился и завис над газоном буквально в метре от компании.

— Надеюсь, вы не возражаете против этого? — спросил Ремиол, вскакивая на ноги. Ишен

последовал его примеру.

Тай улыбнулся.

— Возражаю? Да ни в коем случае. Я очень рад, что новые члены нашего маленького коллектива влились в него так быстро. Однако пора всем возвращаться к работе, так? Тэлзи и Гэзил, залезайте на платформу, вернемся домой вместе.

Выбирать не приходилось. Пролетая над газоном, девушки увидели, как косилки снова застрекотали, подравнивая траву не под одну, а под целых пятнадцать гребенок.

— Прекрасные парни — мои прорабы! — сказал Тай, обращаясь к спутницам. — Конечно, они даже не подозревают, что действуют не по своей воле. Необходимости особой, правда, в этом нет, но я предпочитаю, чтобы у меня в поместье все было наполнено миролюбием и спокойствием.

— Но ведь, наверное, так бывает не всегда, — сказала Тэлзи, имея в виду миролюбие и спокойствие.

— Вот и прекрасно! Из-за коллизий и вырабатываются противоположные точки зрения на то или иное событие, которые являются ментальными и эмоциональными контрапунктами любой мартри-драмы! А мне необходимы как те, так и другие. Я всегда стремлюсь к совершенству, осо-

бенно здесь, на своем острове. Для вас, барышни, уже приготовлена комната. Обустраивайтесь, а я вскорости вас навещу, чтобы показать самые интересные уголки поместья.

У боковой двери круглого здания, откуда девушки отправились странствовать по острову, стояла машина, на которой приехал Линден. Антиграв Тая пролетел прямо в открывшуюся при его приближении дверь и приземлился в холле.

— Чоллис! — радушно воскликнул Тай, глядя мимо Тэлзи. — Какой приятный сюрприз видеть тебя снова!

Тэлзи и Гэзил повернулись. Бледная стройная женщина со светло-голубыми волосами приближалась к ним грациозной походкой.

— Знакомьтесь, моя любимая женушка! — представил женщину Тай. Он улыбался, но цвет его лица странным образом поблек. — Ее какое-то время не было на острове, а я и не знал, что она вернулась…

Он обнял Чоллис и показал ей на девушек:

— А это — наше многообещающее пополнение, дорогая. Тебе будет интересно узнать о моих планах относительно их судьбы.

Жена Тая окинула их взглядом, в котором уживались неприязнь и дружелюбие одновременно.

Правильные черты лица подчеркивались удивительно выразительными серыми глазами. Она с достоинством кивнула молодежи, и вдруг в разуме Тэлзи что-то откликнулось.

— Я пришлю кого-нибудь к вам, девочки, чтобы показать вашу комнату, — сказал Тай, подхватил жену под локоть и нежно проворковал: — Пойдем, дорогая, я изнываю от нетерпения выслушать, как ты провела это время.

Чоллис послушно дала себя увлечь к выходу из холла. Когда дверь за парочкой закрылась, Тэлзи вопросительно взглянула на свою копию.

— Знаешь, Чоллис мне напоминает кого-то, но вот кого, не могу вспомнить.

Ага, значит, она тоже обратила внимание — поразительное сходство жены Тая с шатенкой, встреченной на ресторанной террасе в Орадоситии…

Через несколько минут в холле нарисовалась проворная пожилая женщина, которая взяла на себя заботу показать им обещанную Таем комнату. Помещение располагалось на третьем этаже и включало в себя даже гардероб, заполненный подходящей по размеру одеждой. На прощание женщина велела им переодеться и ожидать появления босса. Девушки перебрали содержимое

гардероба и пришли к согласованному мнению, что и сами не смогли бы выбрать лучше в самых модных бутиках столицы. Облачившись, они выглянули из двери и убедились, что в коридоре никого нет. Тогда они сбежали по ступенькам вниз, поняв друг друга без слов.

Машина Линдена своей дислокации не изменила. Мимолетного взгляда оказалось достаточно, чтобы определить механический характер замков на дверцах. Девушки поспешно поднялись к себе.

Глава 4

— А вот здесь, — сказал Тай, — моя резервация человеческого материала.

Они находились на подземном уровне главного корпуса, хотя по интерьеру этого сказать было нельзя. Нечто вроде зимнего сада, окруженного со всех сторон пятиярусными галереями. Помещение заливал молочный небесный свет. Примерно сотня человек прогуливалась в саду под кронами деревьев и на галереях, огражденных балюстрадами. В основном, это была молодежь, несколько детей, еще меньше людей среднего возраста, а старики отсутствовали вообще. Все были пре-

красно одеты, кожа ухожена, а лица безмятежны. Кое-кто, как уже говорилось, ходил, кое-кто сидел. Некоторые бродили в одиночестве, а некоторые образовывали группки. Одни молчали, другие разговаривали. Никто не повышал голоса, а если кто-то начинал жестикулировать, то делал это размеренно, без спешки.

— Они контролируются вашим мартри-компьютером? — спросила Тэлзи.

Тай кивнул.

— Все запрограммированы, хотя ни одна программа индивидуального поведения не повторяет другую. Поскольку кукол сейчас не задействуют, вы видите перед собой фазу вероятностного поведения. Посмотрите хотя бы, например, на эту компанию, собравшуюся у фонтана. Они ведут дискуссию, которая повторяется уже в сотый, если не в тысячный раз. Мы, конечно, можем в определенных пределах варьировать их поведенческие реакции и даже полностью перепрограммировать. Можно заставить некоторых из них продемонстрировать свои роли перед вами, но сделаем это чуть позднее.

— А какова конечная цель всего этого… гм… карнавала? — спросила Гэзил.

— Все линии сходятся в единый центр для изу-

чения. С одной стороны, как вам уже известно, я пытаюсь выяснить, насколько близко можно подойти к решению задачи преобразовать мартри-эрзацы в функционирующие человеческие единицы. С другой стороны, пробую осуществить обратную задачу: а именно организовать процесс перевода людей в мартри-марионеток или существ, не отличимых от них. То же самое производится и с менее организованными живыми существами, проще говоря, братьями нашими меньшими, но использование людей гораздо более интересное занятие и имеет ряд преимуществ. В округе полно всякой живности, поэтому нет недостатка в поступлении материала.

— А вы не боитесь, что вами могут заинтересоваться власти?

Тай ухмыльнулся.

— Если бы вы только знали, как я осторожен! Каждый день на планетах Ядра Звездного Скопления бесследно исчезает огромное количество людей. По разным причинам. Поэтому мои киднэппинга не могут сильно повлиять на общую статистику.

— А после того, как вы сумеете решить свою задачу — превращение кукол в людей и обратно — что собираетесь делать? — поинтересовалась

Тэлзи.

Тай похлопал ее по плечу.

— А вот это, дорогуша, пока не твое дело, хотя… у меня есть кое-какие занимательные планы!

— Одна из нас, я имею в виду настоящую Тэлзи, будет в них задействована? — вступила в разговор Гэзил.

— Нет! — решительно бросил Тай. — Ни в коем случае. Перевод ее в резервацию будет непозволительной тратой. Тэлзи, если все пойдет как надо, станет моей правой рукой.

— Правой рукой в чем?

— Помните ту куклу, шатенку из висячего ресторана? По-моему, вы попытались исследовать ее разум?

После некоторой заминки Гэзил призналась:

— Да, была такая попытка.

— Ну и что вы обнаружили?

— Немногое. Она слишком быстро покинула зону контакта, но как я поняла, у нее нет понятия о собственном эго.

— А вы выяснили, чем она занимается?

— Нет.

Тай почесал согнутым пальцем висок.

— Не думайте, что я вам поверил, — произнес он задумчиво. — Но сейчас это не имеет особого

значения. У меня полно таких агентов-марионеток и, очевидно, они никогда не были в прошлом марионетками-актерами. То, что вы столкнулись с Чоллис, промах Линдена. Я был очень, очень огорчен. Однако в том, что у вас имеется способность прощупывать чужие разумы, заключена потенциальная ценность Тэлзи. Насколько я могу судить, Линден — неплохой телепат, но разумы мартри-эрзацев из-за своей расплывчатости для него камень преткновения. Да и изучение человеческих разумов в короткие сроки ему не очень удается. Кроме всего прочего, на него возложена куча других обременительных обязанностей. Мы уже знаем, что Тэлзи превосходит его, по крайней мере, в двух аспектах, так что когда ее пси-способности восстановятся, она станет крайне полезна.

Он обвел руками окрест:

— Возьмем этих людей! Уровень их индивидуального осознания различен и зависит от обхвата и глубины запрограммированности. По одним понять это несложно, по другим — практически невозможно при существующих методах. Именно это станет одной из важнейших задач Тэлзи. Думаю, ей понравится такая работа.

— Она станет шестеренкоголовой? — спросила Тэлзи.

— Естественно, — отозвался Леонардо современности. — Вы обе будете запрограммированы. Вряд ли можно положиться на вашу полную лояльность, верно? Но поверьте, я запрограммирую вас чрезвычайно деликатно, рекламаций не будет. Предыдущие эксперименты показали, что программирование пси-разумов связано с дополнительными трудностями. Я хочу быть твердо уверен, что все пройдет как надо. Ваше самосознание не пострадает.

Он самодовольно осклабился:

— Я верю, что близок к решению проблемы и скоро мы это увидим.

— А что будет с той, кто не Тэлзи? — спросила Тэлзи.

— А-а, — хлопнул себя по лбу Тай, — с Гэзил?! Я просто зачарован открывающимися перспективами, вопрос лишь в том, окажутся ли процессы создания мартри-эрзацев способными передать пси-потенциал от оригинала дубликату. Пока нет способа выяснить это косвенным путем, но вскоре это и так станет ясно. Если пси-потенциал передастся, то Гэзил станет первой мартри-пси в истории! В любом случае, мои дорогие, можете спать спокойно, каждая из вас представляет для меня огромную ценность, если не сказать боль-

ше. Я понимаю, что грядущее видится вам как в тумане, но скоро вы все поймете.

Тэлзи пристально посмотрела на него. Часть его рассказа, несомненно, ложь, но зато другая часть — правдива. Поскольку мы представляем для него ценность, он постарается обходиться с нами бережно, а с другой стороны, этот мерзавец свил самую прочную сеть из принуждения и насилия, из которой пока не понятно как можно выбраться. А самое главное, если после программирования у них и останется самосознание, кто может дать гарантию, что оно не окажется на уровне надзирателей за газонокосильщиками…

— А Ишен с Ремиолом тоже шестеренкоголовые? — спросила Тэлзи.

Тай кивнул.

— Кроме меня, Линдена и вас, мои милые, на острове, пользуясь вашим не слишком удачным прозвищем, все — шестеренкоголовые. В поместье проживает полторы сотни работников, все они лояльны и довольны существующим положением вещей.

— Но у них нет финансовых карточек во внешнем мире и им запрещено покидать остров, так?

Брови Тая недоуменно взлетели:

— С чего вы взяли? Какие финансовые кар-

точки?! Какие поездки на материк?! А, понял, откуда ветер дует… Это просто сладкие иллюзии, которыми себя тешат мои наивные куколки. На материке слишком много пытливых умов, чтобы рисковать. А, кроме того, я потому и несметно богат, что трачу деньги только на свои прихоти, но уж никак не на прихоти шестеренкоголовых!

— А мы и не думали, что вы способны на щедрость, — ввернула Гэзил.

* * *

— А теперь, — торжественно провозгласил Тай, — вам предоставляется право, которого не удостаивался ни один из моих работников! За этой невзрачной дверью расположен мозг и нервная система Острова Тая — кабинет драматурга мартри-сцены.

Замок открывался двумя ключами сразу. Тай запустил девушек внутрь святая святых.

— Мы внутри компьютера. И он, и все здание надежно защищены. Но это вовсе не означает, что мы с минуты на минуту ожидаем неприятностей. Еще только Линден имеет сюда доступ. Никто другой не знает даже место расположения мартри-сцены. А вы, как мои будущие ассистентки, должны познакомиться с ней.

Комната была небольшой. Длинной, узкой и с низким потолком. Вылитый склеп. У входа располагался контрольный пульт с двумя офисными креслами на колесиках. Тай прикоснулся к стене.

— Компьютер занимает три этажа вниз. Я полагаю, вы не бывали ни разу за мартри-рампой?

Обе согласно кивнули.

— Здесь создается множество чудес, — сказал Тай. — Самое трудное — базовое программное обеспечение, вот оно-то и требует виртуозности. Если что-то запорешь, то машина зависнет, а потом у нее начинаются глюки. В мире нормально функционируют лишь несколько мартри-компьютеров, и этот — один из них, но его диапазон гораздо шире, чем у прочих.

— Вы сами создавали для него базовое обеспечение? — спросила Тэлзи.

Тай изогнул бровь.

— Разве я мог доверить столь важную операцию кому-нибудь другому? Для этого потребовались все мои навыки плюс проницательность. Ну, а что касается непосредственного программирования мартри-марионеток, то это — куда проще. Линден лишен таланта, но технически он мне почти не уступает. Да и вы обе научитесь управ-

ляться с компьютером за пару месяцев и будете выпекать мартри-драмы как блины.

Он уселся в одно из кресел, достал из тайника под консолью шлем с множеством проволочных антенн и водрузил на голову.

— Прошу любить и жаловать, Шапка Мартриурга! — сказал он. — Обычно при разработке сценариев она не применяется, но некоторые драмы управляются с ее помощью. Наша мартрисцена простирает свои длани над всем островом, а океан играет роль стен зрительного зала. И я, и Линден предпочитаем находиться не за пультом режиссера, а в партере. Вы знаете, что компьютер способен варьировать сценарий прямо по ходу действия, и иногда такое варьирование может подвергнуть аудиторию опасности. Когда такое случается, Шапка Мартриурга позволяет обуздать зарвавшийся компьютер. Практически это единственное ее предназначение.

— Каков принцип ее работы? — спросила Гэзил.

Мартриург постучал пальцем по шлему в районе макушки.

— Через микроконтакты-электроды в моей голове. Драматург обычно выражает свои мысли словами, но в этом нет необходимости, когда

на нем Шапка. Достаточно самой мысли, если, конечно, она точно сформулирована. Самое необычное во всем этом то, что никто не знает, почему такое стало возможным.

Он показал на дальнюю стену.

— Там — контрольный экран. И я сейчас вам покажу несколько лесных игрушек.

Его пальцы привычно запорхали над клавишами, и на контрольном экране высветился лесной пейзаж с приземистым бревенчатым сооружением на переднем плане, окруженным частоколом. Должно быть, контрольный форт, о котором упоминали Ремиол с Ишеном.

Картинка внезапно замигала, и Тэлзи ощутила укол острой боли в центре лба. Еще укол и еще. Ей это не понравилось, она никогда не страдала от мигреней…

На экране возникло новое изображение: какая-то страхолюдина ковыряла в земле когтистыми лапами. Гэзил неотрывно следила за манипуляциями мартриурга, губы ее были слегка приоткрыты, а он продолжал говорить:

— …гло существовать в природе, но мы снабдили его жизнеспособными инстинктами и стандартным метаболизмом. Оно запрограммировано пожирать все, что шевелится, и с успехом

это демонстрирует. Его вес сейчас, вы не поверите, достиг двух тонн.

Болевые уколы стали мягче, но зато как бы раздвоились и сместились к вискам. Это явление могло означать ничто иное, нежели нервное возбуждение.

Неопытный телепат, зондирующий человеческий разум, способен был вызвать аналогичные симптомы. И Линден был таким неопытным телепатом. Он пытался прощупать разум прототипа, подумала Тэлзи, но с таким же успехом могла сработать симптоматика и при попытке проникнуть в пси-разум мартри-копии. Похоже, Линден затеял собственную игру — хотел установить потайной контроль над новобранцами Тая прежде, чем у того появятся пси-агенты, которые могут составить ему конкуренцию… Кем бы она ни была, это могло стоить ему многого, если не всего. Поскольку она пытается отбить попытку, значит, ее неосознанная пси-способность начала выплывать из подсознания и теперь активно стимулируется тем, что применяют зондаж.

Но в таком случае пусть продолжает зондировать! Это только на пользу…

— А что вы скажете об этой красотке? — обратился к Тэлзи Тай, показав все тридцать два зуба.

Красотка представляла собой толстый пласт медленно растекающегося по земле между деревьями желтоватого масла. Пара выпуклых глазных яблок чернели в этой густой массе.

Тэлзи прокашлялась:

— Какая, однако же, мерзость!

— Да, и при этом далеко не безобидная. В ней запрограммирован всепожирающий голод, но она не вегетарианка. Если позволить ей бесконтрольно предаваться основному инстинкту, то в лесу скоро придется восполнять поголовье. А сейчас используем ее для атаки на форт.

Растекающаяся во всех направлениях желтизна сгустилась и потекла в одном-единственном, набирая с каждой секундой скорость. Мартриург вел ее лесом несколько минут, а потом вернулся к первоначальной картинке форта. Вскоре желтое пятно подобралось вплотную к частоколу, вздыбилось и образовало на передней кромке широко разинутую и прозрачную, как стекло, пасть.

— И оно сможет ворваться внутрь? — встревоженно спросила Гэзил.

Тай противно хихикнул.

— А то нет! Красотка способна стать плоской, как лист папиросной бумаги и проникнуть в любую щель, за которой унюхает протоплазму.

Но форт превосходно защищен. Если один из созданных нами монстров умудрится выскользнуть из-под компьютерного руководства, я сразу переброшу в форт целую команду добровольцев, которые пойдут по следу и уничтожат супостата! Оружия в форте предостаточно. Насчет всех этих лесных чудовищ у меня тоже полно задумок, но до их осуществления еще далеко.

Он выключил компьютер и встал из-за консоли.

— После ужина мы дадим мартри-драму в честь вашего прибытия на остров. Не хотите ли выбрать репертуар? Давайте спустимся в мартритеку, и я научу вас сканировать рекламные ролики.

Они спустились в просмотровый зальчик. Тай показал, как управляться с механизмом выбора и воспроизведения, потом отошел в сторону, чтобы не мешать. Девушки ставили ролики один за другим, переговариваясь вполголоса.

В конце концов, Тай не выдержал:

— Ну что, нашли что-нибудь по вкусу?

Тэлзи пожала плечами:

— Они все *кажутся* стоящими, но по отдельным отрывкам трудно сказать что-то определенное, — она повернулась к Гэзил: — А ты что думаешь?

Та произнесла:

— А почему бы вам, Тай, самому не выбрать? Вы же творец, вам и карты в руки.

На этот раз улыбка у него вышла натянутой.

— А вас не проведешь! — он шутливо погрозил пальцем. — Так и быть, я сам выберу. Пусть это будет одна из моих любимых пьес, в сюжет которой я вставил несколько неожиданных поворотов. — Он взглянул на часы. — На сегодня вы увидели достаточно, пойдите отдохните, ужин через три часа. Поскольку намечается официальный прием, надеюсь, вы будете неотразимы! Вас проводить или найдете дорогу домой сами?

Девушки вежливо отказались от сопровождения. Когда до их комнаты уже оставался один поворот коридора, они внезапно остановились.

Глава 5

Дама с голубыми волосами, которую Тай называл Чоллис, поджидала рядом с их комнатой. Прозрачные глаза, мертвенная бледность чела.

Кожа Тэлзи пошла пупырышками.

Должно быть, от неожиданности. Но тут же вспомнила, как побледнел Леонардо современности, увидев супругу в холле, и ей пришло в голову, что так же она себя почувствовала бы,

встретившись с привидением.

Чоллис поманила девушек пальцем и пошла прочь.

— Думаю, нам стоит узнать, что она хочет, — прошептала Тэлзи.

Гэзил кивнула. Она выглядела столь же испуганной, как и ее прототип.

— Я тоже так считаю.

Девушки последовали за Чоллис и миновали несколько пролетов, пока не оказались в каком-то низком и широком помещении. Практически пустом. Рассеянный свет поступал отовсюду, включая пол, потолок и стены, которые выглядели полированными под металл, но отражений не давали.

— Здесь можно говорить, не боясь «жучков», — сказала Чоллис музыкальным голосом, который на первый взгляд казался неподходящим к ее оригинальной внешности, но только на первый взгляд и только казался. — И не надо меня бояться, я хочу с вами просто поговорить.

— Откуда вы? — спросила Гэзил.

— Извне, — лаконично ответила Чоллис.

— Извне?

— Извне машины. Обычно я нахожусь внутри ее или мне кажется, что я внутри. Но я стремлюсь

не обращать на это внимания. Иногда мне, не очень часто, но все же велят выйти.

— А кто это говорит? — спросила Тэлзи.

Чоллис посмотрела на нее со странным выражением.

— Гештальты. Машина мыслит одновременно на многих уровнях, и сформированные ею образы обретают как бы разум. Таких разумов много. Мы их не планируем, они находятся в постоянном развитии. Они там есть и делают свою работу. А еще они считают, что так и должно быть, понимаете?

Девушки, не совсем понимая, о чем идет речь, кивнули.

— Он знает, что там есть разумы, — продолжила Чоллис. — Он видит проявления их деятельности. И он влияет на некоторые из них. Многие, очень многие на нынешнем этапе не воспринимают его команд, однако они заметили, что он расширил и видоизменил процесс дублирования. Он вносит новизну. Сейчас он создал новую модель: одну из вас. Модель была проанализирована и в результате выяснилось, что с ее помощью он сможет добиться доступа к любому из разумов в машине. А это крайне нежелательно. Если окажется, что дубликат этой модели — вторая из

вас — обладает теми же качествами, то это еще более нежелательно. Поскольку скопированное однажды может быть скопировано многократно. И он будет копировать и копировать бессчетное число раз. Не в его правилах довольствоваться единственной копией успешной модели. Он сделает столько дубликатов, сколько необходимо, чтобы контролировать все разумы машины.

— *Нам* это не нравится, — сказала Гэзил, выражая общую точку зрения.

Взгляд Чоллис переместился с Тэлзи на нее.

— Этого не случится, если он не сможет использовать одну из вас. Известно, что вы обладаете повышенной сопротивляемостью программированию, но сомнительно, что сможете устоять против многоуровневого воздействия. Поэтому вы обе должны покинуть территорию, контролируемую машиной. Это единственное приемлемое решение.

Девушки переглянулись.

— Нам бы тоже этого хотелось! — воскликнула Тэлзи. — Сможете помочь нам покинуть остров?

Чоллис задумалась.

— Мне кажется, такой способ существует. Я помню не только остров, но и другие места.

— А вы случайно не помните, где хранятся

аэрокары?

— Аэрокары?.. А-а, да, у него есть аэрокары. Они где-то в здании, однако, вы должны знать, что если не сможете сбежать сейчас отсюда, модель и ее копия автоликвидируются. Разумы введут вам функцию самоуничтожения, и при попытке к бегству эта адская машинка сработает.

— А разумы из машины не могут помочь нам выбраться отсюда?

Чоллис покачала головой.

— Остров — одна громадная мартри-сцена. Вещи приходят на него и покидают его. Но поскольку я помню и другие места, кроме мартри-сцены, следовательно, существует способ уйти с острова. Но он мне неизвестен. И разумы не в состоянии помочь.

— Аэрокары…

— Аэрокары? Да, они есть, но точное месторасположение неизвестно.

— Но есть и другое решение, — сказала Тэлзи.

— Какое?

— Разумы уничтожат его самого.

— Нет, — возразила Чоллис, — это не решение. Его нельзя уничтожить, так как он слишком важен для мироздания машины.

— А вы кто? — спросила Гэзил в лоб.

— Мне кажется, что я Чоллис. Но когда я начинаю размышлять над этим, как, например, сейчас, то этого не может быть. Чоллис должна знать о многих вещах, о которых я не имею никакого понятия, ведь она помогала ему разрабатывать машину. Ее марионетки были гораздо лучше его марионеток, хотя он гораздо больше знал, чем она. Она сама была одной из самых успешных моделей. Он вырастил и выпустил на сцену множество ее мартри-модификаций… — она помолчала с минуту, потом продолжила: — Что, наверное, и произошло с Чоллис. Ее давно здесь нет, если не считать того, что я вместо нее, а я — одна из ее копий в машине и теперь невосприимчива к его командам. Он хочет уничтожить меня и сделал несколько попыток, но разумы каждый раз противодействуют его замыслам. Как только происходит моя ликвидация, они создают новую копию и программируют личность Чоллис заново. И он ничего не может с этим поделать…

Она обвела девушек долгим взглядом и добавила:

— Ну вот, я и передала вам то, что мне поручено передать. А теперь возвращайтесь к себе и избегайте делать то, что он от вас ждет больше всего. Если можете разрушить управляющую систему,

сделайте это. И как только выпадет случай, покиньте остров или самоуничтожьтесь. Любой из этих вариантов нас устроит.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Чоллис! — окликнула ее Гэзил.

Женщина оглянулась.

— А разумы знают, кто из нас прототип?

— Их это не касается, — ответила Чоллис и вышла из комнаты через запасной выход.

Девушки проводили женщину взглядом и вернулись к себе прежним путем. Головная боль по-прежнему пульсировала у Тэлзи примерно еще с час, но ее уколы становились все слабее и слабее. Гэзил она ничего не сказала.

* * *

На приеме присутствовало три с половиной десятка человек, в основном, служащие Тая. Тэлзи и Гэзил были представлены им. Не было никаких упоминаний о копировании, никто не выразил удивления от идентичности девушек, хотя, наверное, в кулуарах не обошлось без сплетен. По разговорам Тэлзи поняла, что ее соседи за столом считают большой честью для себя быть приглашенными на ужин и вообще работать на такого человека, как доктор Тай. Они были завзятыми

мартрифилами и упомянули о нем с благоговением. Внезапно она обратила внимание, что Линден пялится на нее во все глаза с противоположного конца стола. Она одарила его милой улыбкой, но выражение его лица осталось неизменным.

Почти сразу после ужина гости покинули здание через главный вход. Кое-что ожидало их снаружи, а именно, симпатичная, похожая на раковину, машина, оборудованная удобными креслами. Когда все заняли посадочные места, ракушка взмыла в воздух и полетела через все поместье. Тем временем сумерки изрядно сгустились, поскольку ночь была не за горами. Знакомая до боли магия звездного неба раскинулась над островом. Яркий желтый свет от разбросанных там и сям фонарей пробивался сквозь листву деревьев. Ракушка зависла над прибрежной кромкой залива на высоте шести или семи метров. Тай и Линден, располагаясь на противоположных краях салона воздухоплавательной машины, надели на себя Шапки Мартриурга.

Прозвучал мелодичный звонок. Ропот публики замер. Свет звезд над головой стал тускнеть. Мало того, фонари тоже растворились в сгустившейся темноте.

А потом взвился занавес, и все увидели волнующееся море, поднимающееся над горизонтом солнце и тугие паруса белоснежных как лебеди кораблей. Послышался плеск волн и завывание ветра. На них накладывалось приятное для слуха музыкальное сопровождение.

Мартри-драма Тая началась.

* * *

— Первый акт мне понравился, — призналась Тэлзи.

— Зато все остальные лучше бы не видеть, — отпарировала Гэзил.

К их разговору прислушивался Тай. Остальные зрители, эмоционально совершенно выпотрошенные, разошлись по своим комнатам.

— Для того чтобы стать мартрифилом одного раза недостаточно, требуется время.

Девушки кивнули.

— Наверное, — сказала Тэлзи.

Они поднялись наверх, приняли душ и забрались в постели. Тэлзи некоторое время под мерцанье звезд смотрела на дрожащую под ветерком ветвь за распахнутым окном. Чувствовался аромат близкого моря и ночная прохлада. Потом она услышала издалека звуки непонятного

происхождения. Они заставили ее вздрогнуть всем телом.

Мартри-драма была на редкость неприятной. Тай играл в гнусные игры.

У нее закололо в висках. Это снова заработал Линден. Боль продолжалась около четверти часа.

Наконец девушку сморил сон.

Через какое-то время Тэлзи проснулась. Гэзил сидела на своей постели и смотрела на нее. Девушки не стали включать свет, а молча глядели друг на друга.

Откуда-то доносилась еле слышная музыка. Она могла с равным успехом исходить от стен или из-за окна — точно не определишь. Это был лейтмотив из финальной части мартри-драмы, которую они смотрели на морском берегу. Постепенно громкость увеличилась, а пейзаж за окном расплылся, подчиняясь пульсирующим волнам холодного света, которые вливались через подоконник и растекались по полу. Какие-то смутные картинки проступили на стенах.

Девушки спрыгнули с кроватей и встали в центре комнаты. Тут-то и заходил ходуном под их босыми ногами паркет.

— Тебе не кажется, что Тай вывел нас на сце-

ну? — прошептала Тэлзи пересохшими губами.

Гэзил посмотрела на нее так, будто хотела сказать: *будем надеяться, что это всего лишь Тай.*

— Попробуем выбраться отсюда.

Они на цыпочках приблизились к двери. Тэлзи взялась за ручку и попыталась осторожно повернуть. Здесь началось непонятное. Ручка растаяла у нее под пальцами, словно ее и не было никогда.

— Туда! — вцепилась Гэзил ей в плечо, показывая на окно.

За окном уже не было никакого света, сплошная чернота. Эта чернота гримасничала и шевелилась, как живая. Стены комнаты заструились и стали кружиться вокруг них в каком-то безумном танце. Это уже трудно было назвать стенами.

* * *

Девушки стояли на тропинке, вьющейся вдоль ущелья, накрытого мраком. На них падали отсветы факелов, вкопанных в землю. По обеим сторонам от тропы происходило какое-то невнятное шевеление, очертания всевозможных форм, то и дело являвшиеся на обозрение, поражали своим разнообразием.

Они оглянулись. Что-то приземистое и темное

приближалось к ним. Его абрисы нельзя было зафиксировать как нечто определенное, поскольку он казался сделанным из плотного тумана. Девушки повернулись и пошли по тропинке. Утоптанная земля позволяла им идти рядом, плечом к плечу.

— Ой, — выдохнула Гэзил, — как бы хотелось, чтобы Тай не поймал это чудовище!

Тэлзи тоже этого хотела. Вероятно, это была ненастоящая опасность. А Тай не спешил расправиться со своими новобранцами, если они просто совершили ошибку. Но девушки видели, как в этом ущелье умирали мартри-куклы. И если разумы, о которых рассказала Чоллис, действительно существуют и наблюдают из машины, а Тай *не* в курсе происходящего, то Тэлзи и Гэзил вполне реально грозит смерть.

— Лучше считать, что опасность не выдумана! — сказала Тэлзи.

— Да уж.

Чтобы выбраться невредимыми из ущелья, им нужно было придерживаться тропы, ни при каких обстоятельствах не делая шаг в сторону. Черная гибель слишком медлительна, ей нё догнать девушек до тех пор, пока они двигаются. Что бы ни копошилось там по сторонам, ему

не достать до тропинки. Вокруг раздавались довольно красноречивые звуки, среди которых можно было легко различить невнятный шепот, обрывки слабо различимого смеха и голодное завывание, а однажды прямо над ухом Тэлзи глухо прорычали. Девушки стремились смотреть только под ноги и не замечать того, что происходит на периферии зрения, хотя это было неимоверно сложно.

Но спектакль не должен продолжаться слишком долго, сказала себе Тэлзи, и тут мужская фигура ростом вдвое выше нормального человека и с лицом, скрытым под капюшоном, выросла перед ними, преграждая дальнейшее продвижение.

Девушкам пришлось остановиться в растерянности. В мартри-драме подобная фигура не появлялась. Они бросили мимолетный взгляд за спину. Туманное порождение подобралось к беглянкам уже на расстояние меньше десяти метров. С обеих сторон тоже напирали невидимые твари. Фигура в капюшоне не собиралась сходить с места. Ничего другого не оставалось, как приблизиться к ней на расстояние вытянутой руки. И вот когда они подошли к ней почти вплотную, фигура исчезла. Зато все остальные порождения

мрака продолжали бесноваться с возрастающей яростью и в предвкушении легкой добычи.

Ущелье, как и фигура, внезапно исчезло.

Девушки снова очутились в еле освещенном, но все-таки знакомом коридоре. Рядом манила к себе приоткрытая дверь. Они переступили через порог и оказались в своей комнате. На этот раз она выглядела вполне обыденно. За окном шелестела листва на ветке, колеблемой морским бризом. Звезды по-прежнему мерцали на молочно-синем небосводе. Никаких посторонних звуков.

Тэлзи перевела дыхание:

— Похоже, шоу закончилось.

Гэзил с этим согласилась.

— Должно быть, Тай вмешался, чтобы прекратить кошмар.

На какое-то мгновение их взгляды встретились. Не было никакого сомнения, что кто-то очень не хотел выпускать девушек живыми из ущелья. Тай этим человеком оказаться не мог, да и то, что им был Линден, казалось маловероятным…

— Ну, кажется, сегодня ночью все порядочно развлеклись! — сказала Тэлзи. — Давай-ка, старушка, ложиться спать, чтобы завтра не встать с опухшими лицами!

Глава 6

За завтраком Тай оценивающим взглядом окинул девушек и спросил, как они себя чувствуют.

— Прекрасно, — улыбнулась Тэлзи. — Что, сегодня мы позавтракаем втроем?

— Линден занят, — последовал исчерпывающий ответ.

— А мы думали, — сказала Гэзил, — что ваша жена составит нам компанию.

Он издал хрюканье.

— Она погибла. Сегодня ночью. Я как чувствовал. Она не могла протянуть долго.

— Это почему же?

— Она была испорченной куклой. Ранняя модификация моей настоящей супруги, погибшей в результате несчастного случая несколько лет назад. Сбой, который я никак не могу исправить, постоянно приводит к тому, что время от времени воспроизводится дефектная копия. Она считает себя Чоллис из-за абсолютного сходства с ней. Я не хочу лишать ее этой невинной иллюзии, — он пожал плечами. — Но дефекты приводят к саморазрушению всего за несколько часов после появления копии.

Он покусал губу и собрал морщины на лбу:

— Похоже, мой печальный рассказ не повлиял на ваш аппетит. Вы хорошо выспались?

— Вполне, — безмятежно ответила Гэзил, — если, конечно, исключить приключения в духе мартри-триллера.

— А с какой целью это было затеяно? — спросила Тэлзи в пространство.

— Тест на реакцию. Надеюсь, он не выбил вас из колеи?

— Было неуютно, — честно призналась она. — Хотя и понятно, что *вы* не собираетесь нас убивать, но перед самым концом мне показалось, что компьютером завладел кто-то другой. И вам срочно пришлось вмешаться.

Тай кивнул.

— Дважды! Должен сказать, я сам теряюсь в догадках. Нужно будет поломать голову. Тест — это продуманная последовательность действий, уже давненько не случалось, чтобы он подвергался версификации в ходе эксперимента.

— А вдруг это произошло из-за того, что мы — запрограммированные игрушки, — предположила Гэзил. — Или из-за того, что одна из нас — вообще не игрушка?

Тай покачал головой.

— Учитывая обстоятельства, в твоих вариантах нет принципиальной разницы. — Он перевел взгляд с нее на Тэлзи, и в какой-то момент в глазах у него появилось что-то неприятное. — Вы очень устойчивы, практически стабильны! — похвалил он. — Впрочем, поживем-увидим…

— Какие у вас планы в отношении нас на сегодня? — спросила Тэлзи.

— Пока не придумал. Необходимые мысли могут возникнуть в любой момент, и я сразу сообщу, так что занимайтесь, чем хотите, но здание лучше не покидать.

Наступил черед Гэзил.

— Здесь есть на что посмотреть!

Относительно собственного времяпровождения у девушек имелись определенные задумки. Чем дольше будет занят своими делами Тай, тем лучше…

Но не все пошло так, как они рассчитывали. Девушки завершили завтрак и собирались уже покинуть зал, как у Тэлзи в мозгу вспыхнуло что-то вроде ослепительной белой вспышки.

* * *

И она очутилась в полной темноте. Удобная поза, уютное кресло, если не считать того, что

она была к нему крепко привязана. Вокруг реяла прохлада. Потом раздался голос.

Это не был ментальный контакт. Но и не акустический. Как будто стимулировали слуховой центр непосредственно в самом мозгу.

— Вы должны расслабиться и не сопротивляться. Вас разбудили, чтобы вы осознанно не противодействовали моим командам.

Какой-то липкий страх заполз Тэлзи в разум. Тай показывал им вчера программное управление мартри-компьютера. И сейчас она явно попала туда — внутрь. Ее пытаются запрограммировать. Что-то было надето ей на голову. Такое ощущение, что в мозгу копошатся теплые букашки. Она попыталась убрать это ощущение. Букашки замерли.

— Вы должны расслабиться! — приказал голос. — Вы не должны сопротивляться. Думайте о приятном и ни о чем другом.

Букашки зашевелились. Она снова их оттолкнула.

— Вы не думаете о приятном, а думаете о другом! — упрекнул голос. — Попытайтесь подумать о том, о чем вас просят.

Значит, программа знает, о чем она думает и о чем не хочет думать. Стало быть, ее подсоеди-

нили к компьютеру. Тай сказал, что если мысль будет особой…

— Мы почти два часа пытались запрограммировать тебя, — сказал Тай, — и каковы твои ощущения?

— Ну, не знаю, во всяком случае, я не могла проснуться в течение последних десяти минут, — ответила Тэлзи сердито. — И совершенно не представляю, что происходило перед этим.

К беседе подключился Линден из-за своей консоли с другого конца комнаты:

— Желательно выяснить, что происходило, когда ты просыпалась.

— Что-то похожее на толчки в голове.

— И больше ничего? — живо заинтересовался Тай.

— Только белый шум.

— Шум? Можешь его описать?

Девушка пожала плечами.

— Не знаю, как можно описать помехи, нарушающие радиотрансляцию, ну, щелчки, шорохи, гудение… — она поежилась. — Мне все это не нравится! Я не хочу, чтобы из меня делали зомби, Тай!

— Но, — возразил Тай, — ты должна быть запрограммирована! Прояви благоразумие, девочка.

Ты пыталась сопротивляться процессу?

— Но я не знаю, как можно ему сопротивляться! Одно знаю, я не хочу, чтоб это со мной произошло!

Босс почесал темечко и посмотрел на Линдена:

— А как устройство реагирует сейчас?

— Все в норме.

— Ладно, посмотрим, как отреагирует второй номер. Тэлзи, подожди снаружи, вон за той дверью. Линден выведет тебя из служебного крыла через несколько минут.

Тэлзи увидела Гэзил в смежной комнате. Их взгляды встретились.

— Тебя сумели запрограммировать? — спросила копия.

Тэлзи отрицательно качнула головой.

— Возникли какие-то неполадки с аппаратурой. Как будто машина не хотела меня программировать.

Гэзил удовлетворенно кивнула, быстро вложила что-то в кармашек Тэлзи и отпрянула в сторону.

— Предполагаю, что настал мой черед.

— Это уж точно. Они говорили об этом. Знаешь, похоже на маленьких букашек, пытающихся пробраться в твои мозги, и все это сопровождается

каким-то хаотическим шумом. Если честно, все не так уж неприятно, но сама мысль… так что тебе захочется прекратить это.

Гэзил понимающе опустила ресницы.

— Надеюсь, что машина обломает об меня зубы, как и об тебя. Да, мысль о том, что из тебя делают зомби, просто невыносима.

— Если ничего не получится и с тобой, то Тай, может быть, выбросит эту идею из головы, — сказала Тэлзи.

В этот момент дверь открылась. Вошел Линден. Он посмотрел на Гэзил и указал себе за спину:

— Теперь доктор Тай хочет видеть тебя!

— Удачи! — напутствовала Тэлзи своего двойника. Гэзил с отрешенным видом пошла на свою голгофу. Линден плотно прикрыл за ней дверь.

— Пошли, дефективная! Доктор Тай разрешает тебе шастать везде, но он не хочет, чтобы ты оставалась в служебном корпусе, пока он трудится над другими куклами.

Они вышли из предбанника.

— Линден… — успела сказать Тэлзи прежде, чем он оборвал ее:

— Доктор Линден! — с нажимом сказал он.

— Доктор Линден, — повторила девушка, — я знаю, что вы меня терпеть не можете.

— Да, ты мне не нравишься, поганка. С самого первого появления в Дрейсе ты приносишь одни неприятности! В частности, я до сих пор не могу забыть про пси-трюк, который ты выкинула в своем доме!

— Сами понимаете, то была вынужденная защитная мера. А что сделали бы вы, если бы кто-то нахально ломился в ваш разум? Если б вы умели делать то, что умею я… — Она окинула его оценивающим взглядом и наморщила нос: — Хотя не думаю, что вы смогли бы.

Линдена передернуло, словно под халат ему сунули ежа.

— Ну, если вы меня или нас обеих так сильно не любите, — продолжила девушка, — полагаю, для вас лучший выход, чтобы Тай не смог нас запрограммировать. Вы представляете для него ценность, поскольку являетесь единственным телепатом в команде, но если окажется, что хотя бы одна из нас пси, то ваша цена резко упадет.

Линден испытующе посмотрел на нее.

— Стало быть, ты решила, что это я вмешался в процесс? — саркастически спросил он.

— Ну, по крайней мере, у вас была такая возможность, — ухмыльнулась Тэлзи.

Секретарь босса хмыкнул.

— Я передам доктору наш разговор, — он открыл входную дверь. — А теперь исчезни, поганка!

И она исчезла.

Линден получил то, что заслужил.

Тэлзи забралась в первый попавшийся на пути лифт, проехала три этажа и по коридорам прошла в свою комнату. Теперь можно было посмотреть, что ей дала Гэзил. В кармашке оказалась записка, сложенная вчетверо.

Коммуникационный отсек на восьмом этаже, комната 818. Это там. В рабочем ли состоянии, не знаю. Охранник Тогелд подмазан. Оператор Родин какой-то тормоз, вроде Ремиола. Его можно загипнотизировать на раз! Больше ни одной души вокруг. Будь осторожна, удачи! Г.

Тэлзи открыла гардероб, подобрала комплект платья, похожий на тот, в котором щеголяла Гэзил, чтобы Тогелд и Родин не заподозрили подвоха, подошла к зеркалу и начесала челку под своего двойника. Да, ничего не скажешь, копия с пользой провела утро! Нахождение средства связи с материком было одной из первоочередных задач, наряду с выяснением, где ангар для аэрокаров.

Внезапно девушка замерла, встретившись взглядом с отражением, потом скорчила гри-

маску. Наживка, которую она бросила Линдену, сработала, и результат не заставил себя долго ждать — парнишка здорово переменился в лице. Его явно встревожила перспектива того, что две контролируемые пси могут свести его роль к нулю.

Головная боль возобновилась.

Ну все, вроде камуфляж готов. Тэлзи развернула маленькую карту центральной усадьбы поместья, которую она незаметно прибрала накануне во время ознакомительной прогулки с доктором Таем. Знающий человек мог извлечь из этого путеводителя много полезного, как показанного на схеме, так и не показанного. Многие отсеки верхних этажей не имели поясняющих надписей, как и основная часть территории, занятая мартри-компьютером, включая драмкомнату. Предположительно, со всеми этими помещениями персонал не был ознакомлен. Это существенно суживало район поиска потайного ангара. Аэрокары должны размещаться в каком-то из непоименованных помещений, скорее всего близких к крыше или к наружной стене здания.

Родин оказался невзрачным молодым человеком лет двадцати с песочного цвета волосами. Он радостно встретил Тэлзи, поскольку Гэзил поки-

нула его не по своей воле, не дослушав упоенных объяснений того, как устроена система связи острова. Несколько минут спустя Тэлзи мимоходом поинтересовалась, когда он в последний раз навещал материк. Глаза Родина остекленели. Он весь оказался в ее власти.

Ей не пришлось прикладывать особых усилий, чтобы подчинить его волю. Использовать пси вместо гипноза надежнее и эффективнее на порядок. Прощупав его разум, она отыскала все, что необходимо. Родин, естественно, был запрограммирован, чтобы не то что болтать, а даже думать о коммуникаторе, с помощью которого можно было подать о себе весточку на материк, не смел. На все про все ушло чуть больше четверти часа. Потом парнишка просто перестал понимать, где находится и что делает. Он открыл сейф, достал коммуникатор и гордо водрузил на стол.

Тэлзи осмотрела его и задала несколько наводящих вопросов.

Вдруг в коридоре раздались чьи-то шаги.

Девушка подошла к двери.

— Что подумал Тогелд, когда увидел тебя? — спросила она.

— То, что мы с тобой близнецы, конечно. Просто поразительное сходство!

— А Тай сдался еще быстрее, чем со мной, — похвалила она свою копию.

— Но это именно ты парализовала работу программирующего устройства! — воскликнула Гэзил. — Ничего не происходило вообще, поэтому он и отпустил меня. Как тебе удалось справиться с машиной?

— Машина знала про то, что я думаю. Поэтому я постаралась размышлять над тем, что сложилась критическая ситуация, в которой необходимо вмешательство режиссера. А потом в мою голову ворвалось нечто вроде свиста. Это, вероятно, и было заявленное мной вмешательство режиссера. Я вернулась к посланию Чоллис и обнаружила, что наша с тобой запрограммированность не принесет пользы мартри-разумам. Так что нужно благодарить их, а не меня, что наши мозги остались нетронутыми. Компьютер умыл руки сразу после этого. Слушай, а Тай остался с Линденом, когда отпустил тебя?

Она спросила об этом, потому что головная боль отпустила ее минут пять назад.

Гэзил подтвердила кивком верность предположения Тэлзи.

— Да, поэтому у нас и появился какой-никакой запасец времени.

Наконец Гэзил надоело торчать в коридоре и беседовать через порог, и она вошла в коммуникационную, где первым делом окинула взглядом коммуникатор:

— Ага, так ты все-таки нашла! Мы можем его использовать?

— Нет, прежде надо найти ключ. Похоже, только Тай знает, где он. Никто ни разу не использовал связь, даже Линден.

— Да, — поморщилась Гэзил, — не очень приятная новость.

Она посмотрела на Родина, который продолжал бессмысленно улыбаться:

— На тот случай, если отыщем ключ, давай немного поработаем над пареньком, чтобы в нужный момент ввергнуть его в транс…

Девушки вернули оператора в нормальное состояние, оставив лишь воспоминание о краткой, но приятной беседе с близнецами, и покинули 818-ю комнату.

Тэлзи посмотрела на запястье:

— Ха, вот и ланч прошел. Но, скорее всего, Тай будет занят еще какое-то время. Давай-ка, наметим перспективные в смысле поиска аэрокара посещения.

Карта была изучена в две пары глаз. Подозре-

ние пало на комнаты этажом выше.

* * *

— Если ангар охраняется, используем гипноз, чтобы разоружить сторожей.

Тэлзи с интересом взглянула на свою копию, поскольку в служебном комплексе она пока не встречала вооруженных людей. Да Тай и не нуждался в них, имея зомбированных служащих.

— Конечно, для охоты на лесных чудовищ нужно иметь оружие, — сказала она, — но, сама понимаешь, там калибр должен быть соответствующий.

— Понимаю, — согласилась Гэзил. — Вообще-то я имела в виду что-нибудь компактное и изящное, что можно утащить из-под носа у Тая или Линдена.

— Что ж, будем настороже, — сказала Тэлзи. — И надо придумать что-нибудь менее рискованное.

— Да, — согласилась Гэзил, — ты права.

Она резко остановилась:

— Кстати, о том, что надо быть настороже…

— Ну и..?

— Вон там — дверь, похожая на лифт?

— Наверное. Ты вспомнила, что никакого лифта на карте нет?

— Вот именно. Комната 917-3.

Они присели на корточки и развернули карту. Тэлзи навела визир подсказчика на номер секции. Карта с общей схемой здания на мгновение очистилась, чтобы смениться подробной схемой выбранной части.

— Мы сейчас здесь, — ткнула пальцем Гэзил. — Как я и предполагала, эта дверь на карте не показана, поскольку предназначена не для персонала. Заглянем, куда она ведет?

Девушки подошли к двери, на которой не было никаких ручек. К их удивлению, при нажатии она открылась внутрь. Самое интересное, это и впрямь оказалось кабиной лифта — с правой стороны от входа оказалась панель управления с сенсорными кнопками.

— А не спуститься ли нам в офис Тая? — предложила Тэлзи.

Гэзил пожала плечами:

— Он все равно знает, что мы шастаем где-то на верхних этажах.

— Да, знает, конечно. Впрочем, у него сейчас паршивое настроение. Хотя какая разница, поехали!

Она нажала кнопку нужного этажа. Дверца закрылась, мягко вздрогнул пол, накатило ощу-

щение легкой дурноты. Дверца открылась.

Гэзил выглянула наружу и помотала головой:

— Нет, не может быть все *так* просто!

Тэлзи тоже выглянула:

— Если только он не закрыт на ключ или защищен силовым барьером…

Лифт доставил их на просторную веранду, залитую солнечным светом. Над головой простиралось голубое без единого облачка небо, а на самой веранде монументальные скальные композиции соседствовали с деревьями, чьи листья дрожали под дуновениями ветерка. На самом дальнем краю, на гравийном покрытии, примостился маленький изящный аэрокар. Веранда была безлюдна.

Нет, подумала Тэлзи, сбежать с острова Тая нельзя столь легко. Должна быть веская причина, по которой здесь не используются аэрокары, и следует сперва разузнать, что это за причина…

Девушки крадучись сделали несколько шажков, озираясь по сторонам. Все вокруг дышало безмятежностью. Гэзил двинулась с места, но Тэлзи ухватила ее за плечо и потянула назад, к лифту.

— Что такое? — прошептала Гэзил, вращая очами.

Тэлзи приложила палец ко рту.

— Тсс! Посмотри внимательнее на небо…

Гэзил подняла взгляд:

— Поняла, — свистящим шепотом сообщила она, — солнце не там, где ему положено быть в это время суток!

— Молодец, сообразительная девочка!

Да, светило было совсем не там, где должно было быть. Веранда — мартри-сцена.

— Они инсценировали это специально для нас! — пробормотала Гэзил. — Ведь мы спрашивали Чоллис, где можно найти аэрокары.

— Значит, — сказала Тэлзи в полный голос, — они заманили нас в какой-то мартри-спектакль, чтобы мы сами вышли на сцену!

— Им почти удалось… — резюмировала Гэзил. — А теперь подруга, внимательнее взгляни! Ничто не шевелится.

И впрямь, на веранде все застыло, вплоть до листьев на деревьях. Тишь да гладь.

— Они остановили действие! — вновь перешла на шепот Тэлзи. — Наверное, затаились в ожидании, что мы бросимся к аэрокару.

— Вот тогда они решат, что мы добровольно стали частью мартри-представления!.. Тэлзи, вот так-так, а ведь сцена снова пришла в движение!

Ветерок опять заставлял подрагивать листья на деревцах и даже коснулся девичьих лиц. Прошло несколько тягучих секунд. Внезапно раздался хриплый крик. Громкий, полный ужаса. Вслед за ним последовал шорох. Кто-то с треском продирался сквозь кусты. Потом на открытое пространство выбрались юноша и девушка. Они заметили аэрокар и побежали к нему сломя голову.

Мартри-сцена стала меркнуть. Тем временем из кустов на противоположной стороне веранды выбрался неизвестный. Он остановился, поднял пистолет и прицелился в беглецов, когда они уже открывали дверцу летательной машины. Беззвучно блеснуло пламя. Алый шнур коснулся сначала лопаток юноши, потом чиркнул по плечу девушки. Несчастные, корчась от нестерпимой боли, повалились на землю. И все вокруг быстро потемнело. Тэлзи нажала на кнопку. Дверца лифта закрылась.

— Если б ты не обратила внимания на солнце! — воскликнула Гэзил и тяжело вздохнула. — Вот если бы мы… чтобы нас убить, компьютеру не пришлось бы даже изменять заготовленный сценарий!

— Хотелось бы, чтобы разумы из машины не

так сильно торопились, — сказала Тэлзи.

Дверца снова открылась на том же этаже, откуда они отправлялись в поездку на странном лифте.

Глава 7

— О, безусловно, у нас в комплексе есть постоянные мартри-сцены, — сказал за ланчем Тай. — Они недоступны для персонала, но вас никто не ограничивает в перемещении. Оборудование защищено от постороннего вмешательства. Напомните мне дать вам завтра с утра диаграмму размещения кое-чего из этого оборудования.

Большой босс был, как обычно, оживлен и радушен, хотя и слегка смущен. Иногда он бросал то на одну, то на другую задумчивые взгляды. Все утро, по его словам, ему пришлось выявлять неполадку в программном обеспечении. Эта часть компьютерного хозяйства находилась в компетенции Линдена, но секретарь мог далеко не все.

Леонардо современности насупился и рубанул кулаком по воздуху:

— Я все-таки отыщу этот чертов затык! Возможно, придется даже кардинально переработать всю программную оболочку, которую я исполь-

зовал до вас. Между прочим, как раз над вашей комнатой бизнес-офис Линдена. Хотелось бы, мои дорогие, чтобы вы отправились туда после того, как закончите здесь. Необходимо предпринять следующий шаг по идеологической обработке ваших прелестных головок. Надеюсь, вы без труда найдете его приют.

Девушки действительно нашли офис Линдена без труда. Сперва они попали в просторное помещение, где с полдюжины суетливых болтушек-хохотушек работали с какими-то бумагами. Одна из них, должно быть, старшая, подхватилась и встала из-за стола:

— Доктор Линден? — переспросила она, изображая деловитость. — Ах да, он ждет вас, прошу.

Их провели в личный кабинет секретаря.

Линден встал из-за стола:

— Доктор Тай сообщил мне, что направил вас ко мне.

Он обратился к своей сотруднице:

— Меня не будет какое-то время, Бэт, так что полагаюсь на вас.

— И как долго вас не будет, сэр? — теперь она изображала уже одно сплошное чинопочитание.

— Минимум час, максимум два.

Он сделал приглашающий жест Тэлзи и Гэзил.

Через несколько минут он привел их на какую-то лоджию, сквозь цветные витражи которой просачивался солнечный свет. А еще из лоджии вела дверь. Линден отпер ее ключом, но открывать не стал.

— Объясняю ситуацию. Еще в Дрейсе я говорил боссу, что Тэлзи может представлять опасность, и предложил ее уничтожить. Но его заинтриговали ее возможности и возможности двойника, которого он вознамерился создать. — Линден пожал плечами: — Ну… в конце концов, это его дело. Шеф пытался встряхнуть вас психологически и, мартри-программирование, казалось бы, придавило ваши разумы, однако его методы сработали не до конца. Теперь он считает, что сегодня утром вы намеренно испортили программную оболочку. Поэтому он решил предпринять новую попытку, но уже по-другому, и с такой постановкой задачи я полностью с ним согласен.

— Какую еще попытку? — насторожилась Тэлзи.

Линден плотоядно ухмыльнулся.

— За этой дверью скрывается некое устройство, предназначенное специально для трудных случаев. Оно делает разумы послушными и податливыми. Счастлив сообщить, что каждая фаза

процесса сопровождается сильными болевыми ощущениями. И уж будьте уверены, вас подвергнут полной обработке!

— Но ведь одна из нас — Гэзил, — заявила Тэлзи. — Она не сделала вам ничего плохого. Зачем же и ее заставлять мучиться?

— А почему бы и нет? — пожал плечами Линден. — Субъективно говоря, вы обе — Тэлзи. Что же касается меня, то я вас не выношу в равной степени. Вы узнаете, кто из вас Тэлзи, когда придет время. На данный момент я не различаю, кто из вас кто. Когда я пойму, что довел вас до нужной кондиции, пропущу через пси-депрессантную процедуру. Чтобы убедиться, что все идет штатно. И только после этого сообщу шефу, что обе поганки готовы к дальнейшему программированию.

Он улыбнулся персонально Тэлзи:

— А ты, гадина, имела наглость предположить, будто мне выгодно, если доктор Тай отменит свои планы относительно вашего зомбирования. Я отметаю подобные инсинуации. Хотя шеф, похоже понял что эксперимент провалится, он надеется получить в его ходе важную информацию. Поэтому он продолжит свои опыты до тех пор, пока в разуме хотя бы одной из вас не останется ни одной капли неизведанного. Ничего нежелатель-

ного для себя в этом плане я не нахожу!

Он бросил взгляд вдоль коридора, по которому привел девушек, на лоджию.

— Процедура могла бы развеять иллюзии работников острова, поскольку субъекты, подвергаемые предварительной обработке на этом устройстве, сильно вопят, тем самым нарушая тишину. Спешу известить вас, как заинтересованных лиц, что это помещение надежно звукоизолировано. Можете визжать хоть до посинения — мне нравится слушать это. П-ааа-опрошу в опочивальню!

Он подхватил девушек под ручки и ввел в пыточную комнату. Потом повернулся, чтобы запереть замок. И это стало первой из его ошибок.

Не сговариваясь, Тэлзи и Гэзил напали на секретаря с двух сторон. Тэлзи, наклонившись, ухватила его за лодыжки, а Гэзил пихнула в спину. Линден ударился лицом о косяк, но еще нашел в себе силы сопротивляться. Будь у него одна противница, вряд ли удалось бы свалить такого сильного и крепкого мужчину на пол, но их было две. Клубок из трех переплетенных тел, катающийся по полу, кряхтенье, сопенье и ненормативная лексика вперемешку. Немного царапанья глаз, чуть больше пинков и много-мно-

го желания и сопения привели к необходимому результату, когда в пылу схватки оказался задет рабочий стол, и с него посыпался всевозможный инструментарий. Тэлзи нащупала увесистый стержень и изо всех сил врезала своему недругу по черепу. Линден взвыл, как кот, которому отдавили лапу. Пришлось удар повторить. Стержень согнулся, а Линден затих.

— Ключи! — выкрикнула она.

— Они у меня! — ответила Гэзил, демонстрируя в ладошке позвякивающую связку.

Они обыскали его карманы, но ничего примечательного не обнаружили. Секретарь шумно дышал, но конечностями не шевелил.

— Пожалуй, запрем его здесь! — предложила Тэлзи и похлопала ладошкой по двери. — Ого, действительно, солидная, к тому же звуконепроницаемая…

Они вышли наружу, все было тихо. Оставив Линдена в запертой комнате, они двинулись по коридору. Заслышав женские голоса, им пришлось юркнуть в первую попавшуюся дверь.

— Раз уж мы благополучно миновали бизнес-офис, — сказала Тэлзи тихо, — думаю, нам никто не помешает спуститься на наш этаж.

— А теперь заставим их подумать, что, спасаясь

от наказания, мы рванули в лес? — предложила Гэзил.

— Похоже, в нашем положении это наилучший ход, — сказала Тэлзи. — Хотя было бы куда полезнее подготовиться заранее.

— Да уж, добыть аэрокар — еще та задачка! Быстро с ней не справимся.

— Я знаю, но помощи нам ждать неоткуда.

Гэзил согласилась.

— Точно. С одной стороны Тай с Линденом так и норовят подавить наши разумы, а с другой — этот монструозный мартри-компьютер, который только и ждет момента, чтобы пустить нас в распыл! Учитывая все это, подруга, надо драпать отсюда при первой же возможности! Ха, а вот и она, эта возможность.

* * *

Дверца бронированного вездехода Линдена открылась третьим по счету ключом из связки. Девушки забрались внутрь. Тэлзи обосновалась на сиденье водителя.

— Я запущу двигатель, а ты пошарь здесь, глядишь, отыщется что-то полезное.

Гэзил открыла бардачок.

— Ты не поверишь, но здесь пистолеты!

— А мы сможем ими воспользоваться?

— Не знаю, они довольно увесистые, так и тянут руку вниз. Сейчас проверю, заряжены ли.

Девушка высунула руку наружу, опустила ствол вниз и пощелкала затвором. Тем временем Тэлзи завела мотор. Гэзил закрыла дверцу со своей стороны, а Тэлзи направила машину вдоль стены здания. Добравшись до угла, повернула вбок и, набирая скорость, помчалась к ближайшей рощице.

— Ну что, легко управляешься? — спросила Гэзил.

— Просто замечательно, — ответила Тэлзи. — Прекрасная машина. Сейчас подъедем поближе к деревьям и слазим наверх.

— А я уже проверила оружие. Два пистолета, пожалуй, привяжу к поясу.

Рощица талоаксов — высоких, ветвистых деревьев с густой кроной занимала на территории усадьбы чуть ли не целый гектар. Вездеход въехал под их сень. Тэлзи ловко переместилась с сиденья на крышу машины, воспользовавшись открытой дверцей машины как ступенькой. Следом за ней двигалась Гэзил. Каждая теперь была вооружена большим пистолетом. Потом обе вскарабкались на дерево.

Через пять минут они уже оказались чуть ли не на самой вершине. Сквозь листву, которая маскировала девушек сверху и с боков, просматривались все окрестности служебного корпуса. Никакой повышенной активности его зомбированный коллектив пока не проявлял.

— Должно пройти время, прежде чем станут разыскивать Линдена, — предположила Гэзил.

— Ага, пока Таю не придет на ум проверить, как идет наша идеологическая обработка, — добавила Тэлзи.

— Да, вероятно, он…

Гэзил внезапно замолчала. Тэлзи вопросительно уставилась на свою копию. Та как-то нахохлилась и немигающе уставилась на свой пистолет.

— Прости меня, Гэзил, — извинилась девушка. — Я сама не была уверена в этом до самого последнего момента.

Гэзил вложила пистолет в кобуру и подняла голову.

— Я — ничто, — сказала она со слезами на глазах. — Копия, эрзац, шестеренкоголовая!

— Ты — это я! — стала успокаивать ее Тэлзи.

Гэзил энергично замотала головой.

— Нет, я не ты! Это ты внушила мне тот при-

каз?

Тэлзи протяжно вздохнула:

— Тай работает через компьютер. Ты должна была взять меня под контроль, используя, если понадобится, пистолет, а потом привезти назад. К главному входу.

— И я почти все это сделала! — воскликнула Гэзил. — Я была готова уже взять тебя на мушку, когда ты обнаружила приказ.

— Верно, и мне пришлось оборвать твой ментоконтакт с компьютером.

Гэзил всхлипнула.

— Значит, ты снова пси. Как это произошло?

— Линден неоднократно пытался меня зондировать. Тем самым он открывал в моем разуме канал за каналом. Последний открылся буквально час назад.

— Понятно. Кроме того, ты умудрилась взять Линдена под контроль, как только его вырубила. И какой же представляется тебе ситуация на данный момент?

— Тай пришел проверить, как идут дела у его помощника. У него собственный ключ от пыточной комнаты. Я разбудила Линдена и заставила рассказать, что эксперимент пошел вкривь и вкось. Дескать, мы с тобой сумели вооружиться,

и под дулами пистолетов отобрали его личный коммуникатор, который погрузили в его же вездеход. Якобы планируя укрыться в лесу и на какой-нибудь уютной прогалине развернуть антенну, чтобы позвать на помощь. Поэтому Тай организовал погоню за нами из десятка бронированных транспортеров, на тот случай, если ментальный приказ компьютера не увенчается успехом.

Гэзил по-прежнему была бледна, а в глазах читалась растерянность.

— Тай тоже с ними?

— Самолично возглавляет загонщиков. Они начнут погоню с минуты на минуту. Линден тоже там. Я, конечно же, продолжаю оставаться в контакте с секретарем и теперь знаю, как добраться до аэрокаров. Теперь ключевые комнаты комплекса охраняются вооруженными работниками. Потребуется некоторое время, чтобы обмануть их, ибо если они засекут нас, то Тай срочно вернется из леса. Надо сделать все, чтобы они не смогли вернуться. — Она показала пальцем: — Вон тащатся!

Головная машина выскочила из-за служебного корпуса и помчалась к ограде поместья, остальные следовали за ней вереницей, держа

дистанцию в полсотни метров между собой. Вскоре караван скрылся из виду.

— Тай в пятой, Линден в шестой, — сказала Тэлзи. — Можем спускаться. Ты со мной?

— А с кем же еще?! Буду помогать всем, чем смогу. Больше всего в жизни я хочу прекратить это безобразие!

Глава 8

Тэлзи перевела тумблер в положение «НАЧАЛО» и отбросила волосы с лица. Гэзил смотрела на своего прототипа у края ниши. Низкое гудение заполнило драм-комнату.

— Все готово! — сказала Тэлзи.

— Чувствуешь реакцию со стороны разумов? — полюбопытствовала Гэзил.

Тэлзи провела пальцем по верхней губе:

— Все нормально. Они здесь. Вокруг. Я ощущаю их присутствие. Имя им легион. Целый легион привидений! Пока они только наблюдают. Не пытаются нам помешать, значит, проблем не предвидится. К тому же, мы пытаемся сбежать отсюда. Они хотят именно нашего бегства и прекрасно понимают, что как раз к этому мы и стремимся. Не скажу, что мне импонирует раз-

гуливать по одной из их сценических площадок! Но нам и не придется этого делать.

— Что ты делаешь в данный момент? Я не могу проследить за твоими манипуляциями.

— Я тоже. Все, что необходимо, делает Линден. А я всего лишь наблюдаю за тем, как манипулирую им. — Она раскрыла ладонь и уставилась на нее. — Лесные чудовища Тая отрезали машины от ворот и теперь отгоняют их к форту. Одна из машин… ой, она угодила в ловушку! Тай и Линден уже внутри, за частоколом. Наш Леонардо современности пытался связаться с главным корпусом, но линия связи, проходившая через компьютер, там и оборвалась. Он знает, что обрыв — дело компьютера и теперь лихорадочно ищет возможность на него повлиять.

— А программная оболочка деактивирована?

— Это *первое,* что я сделала. Осажденным понадобится не меньше получаса, чтобы отогнать чудовищ от форта.

— Это время мы используем для поиска аэрокара?

— Именно так. Но нам понадобится чуть больше времени. Первый из вездеходов, который вернется на территорию усадьбы, окажется в третьем акте мартри-драмы нашего уважаемого

доктора Тая с многозначительным названием «Армагеддон-V». Сценой для сего спектакля является вся центральная усадьба, за исключением главного корпуса. Тай не сможет проникнуть в него, пока третий акт не закончен. А его длительность — час с гаком. Необходимо держать босса на расстоянии столько, сколько сможем, конечно…

Она дернулась, помолчала, потом встряхнула кудряшками.

— Линден только что умер! — сказала она с грустью. — Тай застрелил своего секретаря. Должно быть, догадался, что я… Но все равно, это не повлияет на наши планы.

Она встала из кресла.

— Пора уходить, подруга! Главное, не терять бдительности. Я знаю расположение постов, попытаемся миновать их незамеченными.

Им понадобилось почти двадцать минут, чтобы добраться до ангара, избежав встречи с охранниками. Внутри было полно грузовых летательных аппаратов и только четыре легковых. Девушки выбрали самый красивый. Крыша раскрылась в виде лепестков диафрагмы, когда легкокрылая машина поднялась вверх. Там они зависли на несколько минут. Гэзил высунулась из кабины и с первого выстрела угодила в силовой накопитель

одного из аэрогрузовиков. Осколки вспыхнувшей машины разлетелись во все стороны. Вскоре пылали чуть ли не все летательные аппараты. Девушки вылетели из здания — никто не собирался преследовать их, да и не на чем было это проделать. Силовое поле растворилось бесследно, когда аэрокар покидал территориальные воды острова, и вновь сомкнулось, когда летательная машина вышла из зоны его действия. Девушки смотрели вниз на барашки залитого солнцем моря, отделявшего остров Тая от Южного Материка.

Гэзил вздохнула и положила пистолет рядом на сиденье.

— У меня появилась мысль.

— Какая?

— Не очень приятная. Если я сейчас тебя убью, а потом избавлюсь от тела, то стану Тэлзи Амбердон.

Тэлзи улыбнулась.

— Я знала, что у тебя появится такая мысль, потому что она появилась и у меня. А еще знаю, что ты отбросила эту мысль, как отбросила ее я, ведь мы же одно и то же.

— Нет, только одна из нас — оригинал. И ты тут ни при чем, — Гэзил улыбнулась, пусть печально, но все же это было впервые за последние часы. —

Что со мной? Я умираю, Тэлзи?

— Нет! — резко сказала Тэлзи. — Ты засыпаешь, мое альтер эго. Не борись со сном.

* * *

Полтора месяца спустя Тэлзи, устроившись за маленьким столиком космического терминала Орадо-сити, раздумывала над сообщением, которое получила несколько часов назад.

Так уж получилось, что некое влиятельное и популярное лицо, и притом гражданин Федерации, не то что бы исчезло из виду, просто с удивлением обнаружило, что постепенно теряет свое влияние и свою популярность. Время от времени еще появлялись в КомСети сообщения, что это лицо то отправилось путешествовать и его видели, то там то сям, то вдруг решило стать затворником, и никто не знал, в каком месте. Тем временем его предприятия постепенно обзавелись новыми владельцами, его несметное состояние растеклось между пальцев, а имя упоминалось все реже и реже. В конце концов, даже близкие знакомые, казалось, забыли о его существовании.

Именно так закончилась история Леонардо современности Уилкота Тая. Он добивался открытого судебного процесса, ведь, изобретя

удивительные куклы, столь похожие на людей.

Тай жаждал мирового признания своего гения. Однако Психологический Сервис, который становился последним арбитром в некоторых щепетильных вопросах относительно того, что хорошо для Федерации, а что нет, вынес свой вердикт: широкой общественности не будет рассказано ничего, а фамилию Тай постепенно сотрут из памяти человечества. Тем не менее, Тая продолжали использовать — Психологический Сервис находил применение любым гениям, даже с аберрациями морали и этики.

— А как быть с его творческим наследием? — спросила Тэлзи у Клэйанга, своего старого знакомого из Психологического Сервиса. — У него явно имелись оригинальные задумки и серьезные наработки.

— Должен признать, что он далеко обогнал наших специалистов в этой области.

— И все это будет законсервировано?

— Пока неизвестно. В данный момент теории и технологии Тая изучаются компетентными учеными, и пока они не вынесут своего решения, их не внесут в КомСеть. Знаешь ли, иногда желательно оставить игрушки для более мудрых чад, которые появятся в Ядре Звездного Скопления

в будущем.

Тэлзи знала, что Тай передал безвозмездно свой остров Планетарному правительству, которое намеревалось открыть на базе центральной усадьбы университет культуры. Иллюзорные финансовые карточки тамошних сотрудников внезапно потребовали своего реального наполнения. Менее наивные работники острова проходили курс ментальной реабилитации. А вот мартри-куклы и мартри-оборудование исчезли. А Гэзил…

Тэлзи увидела свою копию в сером деловом костюме, которая только что вошла через вход для транзитных пассажиров и которая послала ей светлую мысль:

— Я здесь!

Она отправила ответ с такой же легкостью. Девушка подошла к столику и присела напротив.

— А ты, моя милая, подросла! — сказала Тэлзи.

Гэзил улыбнулась.

— Да, на целый сантиметр.

Выше, стройнее. Скулы обозначились четче. Что-то изменилось в голосе.

— Мне говорили, что изменения внешности продлятся еще с год, прежде чем я стану такой, как хочу, — сказала Гэзил. — Сходство между нами,

бесспорно, сохранится, но уже никому не придет в голову утверждать, что мы — близнецы. — Весь ее вид был преисполнен спокойствия. — Я считала, что не захочу встречаться с тобой перед разлукой. А теперь даже рада, что предложила встретиться.

— Я тоже рада, — сказала Тэлзи сердечно.

— А еще у меня прорезались пси-способности, — сообщила Гэзил с гордостью. Значит, гипотеза Тая оказалась верной. — Она загадочно улыбнулась. — Знаешь, кое-какие мои способности удивили даже привычный к неожиданностям Психологический Сервис.

— Я знала об этом еще до того, как мы покинули остров. Ведь у тебя есть все, что у меня. Просто нужно было это пробудить.

— А почему ты не сказала мне тогда?

— Я просто не могла отважиться. Поэтому и отвела тебя сразу в Психологический Сервис.

Гэзил понимающе кивнула.

— Я тогда была на грани, ведь так? Я помню все, как будто это произошло вчера. Тебе сказали, что со мной творится?

— Нет, не сказали. И не скажут. Если захочешь, сама мне расскажешь.

— А-а, понятно. Хорошо, я хочу рассказать. Ка-

кое-то время я тебя ненавидела. Ненависть была необоснованной, но я просто ощущала, что ты — причина негативных изменений в моей жизни. Ты вытолкнула меня из *моей* семьи, лишила *моих* друзей. Так продолжалось и после того, как был удален ментальный контакт с мартри-компьютером. Я размышляла, пытаясь объяснить самой себе, зачем Тай вставил его туда. В настоящую Тэлзи. — Она печально улыбнулась. — А ведь мы с тобой такие простодушные.

— Да, этого уже не исправишь, — согласилась Тэлзи.

— В конце концов, все это потускнело. Я поняла, что я — не Тэлзи, и никогда ею не была. Я — Гэзил, результат последнего и самого грандиозного эксперимента Уилкота Тая. А потом, еще через некоторое время, я испытала искушение предложением. Вот каким: я могла бы стать Гэзил Амбердон, близнецом Тэлзи, недавно прибывшим на Орадо и войти в готовую семью, готовую жизнь и готовую фальшь. Все могло сложиться так просто и приятно для меня. Это было жестоко предлагать мне такое, Тэлзи.

— Да, согласна с тобой, — поддержала свою копию Тэлзи, — жестоко. Но зато у тебя появился шанс выяснить окончательно, чего же ты хочешь

на самом деле.

— Ты знала, что я на это не пойду?

— Конечно. В этом случае ты осталась бы копией, пусть даже никто об этом не узнал бы.

Гэзил улыбнулась.

— Сейчас я благодарна тебе за это предложение. Да, оно помогло мне остаться Гэзил, а не чьей-то копией.

— Мне хотелось бы думать, что это не последнее наше свидание.

— Когда я освобожусь от остатков Тэлзи, мне, наверное, захочется увидеться снова с той, кем я могла бы быть. Верь, я обязательно разыщу тебя. — Она помолчала несколько секунд. — Годика через три-четыре.

— А чем собираешься заниматься?

— Какое-то время поработаю на Сервис. Я еще не определилась точно. А там посмотрим. А ты знаешь, что я стала одной из наследниц Тая?

— Как это?

— Конечно, он не умер. Я использовала все, чему научилась от тебя, и обнаружила, что способна выколотить из Тая все, что мне причитается как его детищу. Теперь он боится меня как огня. Во всяком случае, нервничает при одном упоминании моего имени.

— Как это проявляется?

— Мартри-компьютер, что функционировал на острове, деактивирован. Психологический Сервис пришел к выводу, что он слишком продвинут. Тем не менее, Тай жалуется, что к нему периодически является Чоллис. Но никто другой ее почему-то не видел. Похоже, в последний раз он подстроил все так, как и в случае с его настоящей женой… — Гэзил бросила мимолетный взгляд на свое запястье и встала: — Ну, мне пора. До свиданья, Тэлзи!

— До свиданья.

Она проводила бывшую копию взглядом. Клэйанг, который все это время безмолвствовал, внезапно произнес:

— Когда она окончательно обретет себя, мы еще услышим о ней…

Гэзил внезапно обернулась:

— Бедный старый Тай! — воскликнула она и расхохоталась. — На самом деле у него не было шансов, верно?

— Конечно, ведь ему противостояли мы вдвоем, — сказала Тэлзи. — Как бы он ни старался, а мы все равно его прижучили.

Симбиоты
(рассказ)

Глава 1

В то утро Триггер, сделав покупки в «Уихолле», присела на террасе, чтобы скушать ланч. Она уже закончила и облокотилась о спинку стула, чтобы предаться созерцанию, когда услышала тоненький взволнованный голосок:

— Милая леди, у вас такое доброе лицо! Я беззащитный беглец, которого преследуют по пятам. Не позволите ли мне переждать в вашей сумочке, пока мой враг не уйдет?

Казалось, звук идет с поверхности столешницы. Кто-то из друзей решил подшутить… Триггер посмотрела по сторонам в надежде обнаружить знакомое лицо. За столиками сидели люди, однако, поблизости никого не было. Ни знакомых, ни незнакомых.

— Хорошая леди, ну, пожалуйста, у вас такое доброе лицо! А у меня совсем немного времени!

Триггер передернула плечами. Почему бы не поддержать безобидный розыгрыш?

— Ау, отзовитесь! — полушепотом произнесла

девушка. — Я вас не вижу!

— Я между громадной голубой и чуть поменьше белой посудинами. Я не смею показаться, потому что боюсь. Противный Блефро совсем рядом.

Триггер взялась за голубой кувшин и отодвинула его в сторону от белоснежного тостера. Ее глаза расширились, потом она расхохоталась.

Ах, так это один из рекламных трюков «Уихолла»! Миниатюрный мужчинка пригнулся, прячась за кувшином. Распрямившись, он был бы пятнадцати сантиметров росту. Пропорционально сложенный, очень подвижный, как настоящий. Он был одет в костюм, присущий прошлым векам, и умоляюще смотрел на нее голубыми глазами.

— Ой, какой хорошенький мальчик с пальчик! Настоящее произведение искусства. И какого же мы происхождения? Протохомо, кибер или диступрмех? Или сам не знаешь?

Игрушечный человечек мотал головкой, размахивал руками и кричал:

— Нет, нет! Пожалуйста, я такой же человек, как и вы. Помогите мне спрятаться, пока Блефро не нашел меня. Я вам объясню все потом!

Конечно, и этот разговор, и ее реакция на кукольное представление, вероятно, записывались

на памятный кристалл. Что ж, возражать не будем, тем более что это не должно затянуться более чем на несколько минут.

— Шутки шутками, кроха, — сказала она, взметнув бровь, — но то, что я засуну тебя в сумочку, могут истолковать неверно, будто я страдаю клептоманией. Наверное, ты понимаешь, что стоишь больше, чем я зарабатываю за год!

— Они так и сказали, что мне никто не поверит! — горестно поведал он. Что это блеснуло, неужели слезки появились в крошечных глазках? Триггер растерялась. — Я родом с планеты, о которой вы никогда не слышали. Нам уменьшили рост генетическим путем. Блефро вез нас троих в своем аэрокаре. Мы решили сбежать от него при первой же возможности…

Триггер бросила взгляд по сторонам. Посередине террасы стоял какой-то мужчина и пристально смотрел в ее сторону. Она подвинула кувшин, чтобы закрыть человечка от мужчины.

— А где твои товарищи?

— Блефро помешал прежде, чем они успели выбраться из машины. Чтобы им помочь, мне необходимо оставаться на свободе. Но ведь вы считаете меня игрушкой! А стало быть, я…

Мужчина уже целеустремленно продвигался

между столиков по направлению к Триггер. Девушка прикрыла человечка рукой.

— Подожди-ка секундочку, — сказала она. — Этот твой враг Блефро с такими пшеничными усами?

— Да! А что…

Девушка поставила сумочку на стол, загородив кроху от посторонних взглядов, и потянула за замок-молнию.

— Похоже, Блефро заметил тебя, — прошептала она. — Забирайся в сумочку, и уходим!

С сумочкой, перекинутой через плечо, она направилась к ближайшему выходу. Усач остановился у стола, за которым она сидела, подвигал посуду и даже приподнял крышку тостера. Триггер заспешила прочь.

Маленькая табличка на двери извещала «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА «УИХОЛЛА»». Девушка обернулась. Блефро был в десяти шагах от нее. Она решительно толкнулась в дверь и побежала по длинному белому коридору. Через несколько секунд до нее донесся вопль ярости, за которым последовал убыстряющийся топот.

Коридор заканчивался развилкой — пустые стены и ни души. Налево или направо? Пусть будет направо. Завернула за угол и, о чудо! такая

необходимая дверь.

Но она, о ужас! оказалась запертой. Тупик. А Блефро уже выбегал из-за поворота. Увидев Триггер, он перешел на шаг, улыбнулся и неторопливо стал приближаться.

— Что, барышня, некуда бежать дальше? — ехидно спросил он, тяжело дыша. — А теперь проверим, что у нас в сумочке!

— С чего бы это вдруг? — хватаясь за сумочку, отпарировала Триггер.

Преследователь осклабился.

— А зачем ты убегала?

— Это мое дело! — отрезала девушка. — Бег трусцой полезен для здоровья! Даже если вы предъявите жетон офицера полиции, то и в этом случае я прошу вас оставить меня в покое. Поверьте, в моих силах доставить вам кучу неприятностей!

Угроза не возымела никакого действия, поскольку Блефро был крупным и, по-видимому, сильным мужчиной. Он продолжал ухмыляться, придвигаясь все ближе и ближе.

— А если я частный детектив, работающий на «Уихолл»?

— Докажите!

— И не подумаю. — Он протянул руку. — Сумку!

Быстро.

Триггер отпрянула.

Блефро попытался ухватить ее за плечо. Девушка позволила сумочке соскользнуть на пол, а сама захватила запястье противника, резко присела, заводя руку над головой. Ноги мужчины оторвались от пола, а сам он ласточкой пролетел по воздуху и шлепнулся на пол за спиной Триггер. Самое удивительное, что это не помешало ему быстро встать на ноги.

С покрасневшим от злости лицом Блефро уставился на сумочку, а когда поднял взгляд, то встретился со смотревшим ему прямо между глаз дулом лазерного пистолета.

Мужчина нахмурился.

— Это… э-э… минуточку!

— Ненавижу контраргументы! — опередила любые его объяснения Триггер. — Ну, что? Все-таки последнее слово осталось за мной! А теперь, непослушный мальчик, устроим тебе баиньки!

Она выстрелила. У Блефро подкосились колени, и он мягко сполз на пол. Крохотная фигурка выбралась из сумочки и уставилась на свою спасительницу широко раскрытыми глазками.

— У Блефро были сообщники? — спросила девушка.

— Нет, в машине он был один, но дал понять, что собирается с кем-то встретиться.

— Спрячу-ка я своего надежного друга подальше, — сказала Триггер и вложила лазерник в косметичку, которую засунула в сумочку. Потом присела на корточки и ловко вывернула карманы поверженного.

— Ты убила его? — раздался тоненький голос.

— Да ты что! Даже не покалечила, но пройдет минуток сто или двести, прежде чем он очнется. Как хорошо, что я успела первой, у него тоже был пистолет. Кстати, кроха, как тебя зовут? Меня — Триггер.

— А меня Салгол. А что ты теперь делаешь?

— Боюсь, что что-то не вполне законное. Хочу позаимствовать ключи от его машины… ага, вот и они! И вот еще что. Давай-ка будем транспортировать тебя другим способом!

Триггер подцепила Салгола и перенесла в карман своего блейзера, потом взяла сумочку.

— Когда поблизости кто-нибудь появится, прячься! Скажи; Блефро оставил аэрокар на парковке террасы?

— Да.

— Вот и чудненько. Когда придем туда, покажешь его машину. Потом отправимся куда-

нибудь в безопасное местечко, где ты мне все расскажешь. Тогда и подумаем, как быть дальше.

— Благодарю, Триггер! — пискнул Салгол из кармана. — Я правильно сделал, что доверился тебе. Я не мог надеяться только на Сми, Рандерина и даже на самого себя.

— Знаешь, может быть, мы пока не избежали неприятностей! Так что дальше видно будет. Давай-ка, дружок, отсюда сматываться, пока нас не засекли. Готов?

— Всегда! — четко отрапортовал невеличка и поглубже забился в карман.

Несколько человек с любопытством отметили, как рыжекудрая красавица вернулась на террасу. Очевидно, они поняли, что между ней и здоровенным усачом что-то произошло, и теперь терялись в догадках, что именно? Триггер подумала, что это не должно ей помешать, поскольку Блефро очнется намного позже, чем последний свидетель, видевший, как он устремился вслед за девушкой, покинет ресторан. Она вышла к парковке, где ждали хозяев летательные аппараты. Возле них никого не было. Но из только что приземлившейся машины выбралась супружеская парочка. Триггер подождала, когда они поднимутся на ресторанную террасу.

— Салгол? — Она едва услышала ответный отклик. — Выглянь наружу, мы на месте.

Голова крохи высунулась из кармана, указала на аэрокар, стоящий у самого парапета, и снова спряталась до тех пор, пока Триггер не залезла в машину и захлопнула за собой дверцу. Кабриолет с поднятым тентом и стеклами односторонней видимости. Девушка не стала торопиться заводить мотор. Коробка с друзьями Салгола стояла на заднем сиденье, и Триггер сначала хотела убедиться, что они там. Она щелкнула наружными замками и открыла крышку.

Они были там. Две миниатюрные женщины в платьях, соответствующих старинному костюму своего кавалера. Они боязливо смотрели на нее. Триггер вернула Салгола в коробку, и он сказал своим барышням что-то на незнакомом языке. После этого женщины присели в реверансе перед своей спасительницей. Они явно не знали межзвездной лингвы. Триггер улыбнулась им, не стала захлопывать коробку, а повернулась к пульту управления. Вскоре аэрокар послушно взмыл в воздух.

Глава 2

КомСеть прозвонила вызов, и Триггер включила монитор. На экране возникла Тэлзи.

— Я только что пришла домой и сразу прочла твое послание, — сказала она. — Прости за опоздание. — Ее взгляд окинул интерьер за спиной у подруги. — А где это ты?

— В номере отеля.

— С чего это вдруг?

— Мне лучше до поры до времени держаться подальше от собственной квартиры.

Брови Тэлзи вопросительно приподнялись.

— Проблемы?

— Пока нет, но скорее всего они появятся. Я столкнулась кое с чем необычным и попала в довольно щекотливую ситуацию. Можешь ко мне приехать?

— Да, как только сообщишь свои координаты.

Триггер сообщила, и Тэлзи заявила, что она уже в пути.

* * *

Была такая планета Марэл…

— Обитатели Старых Земель, — сказала Триггер, — начали проект генетической миниатюризации для того, чтобы как-то скомпенсировать нарастающую с каждым поколением диспропорцию между количеством населения и пригодных для колонизации миров. Когда была обнаружена планета Марэл, она оказалась более или менее приемлемой для заселения уменьшенными человечками, поскольку перенаселенность ей в ближайший миллион лет не грозила. Ученые и инженеры обычного размера помогали минилюдям пережить трудности на ранних стадиях колонизации до тех пор, пока они не смогут поддерживать свою цивилизацию самостоятельно.

Неожиданно на Марэле разразилась эпидемия непонятной природы, которая едва не положила конец проекту. Она скосила всех людей обычного роста и большую часть людей-крошек. Больше на Марэл со Старых Земель не прилетал ни один звездолет, а те, кто пережил этот мор, вынуждены были опираться на собственные силы и местные ресурсы, которые оказались довольно скудными. Страшная катастрофа отбросила цивилизацию людей-крошек чуть ли не на тысячу лет назад (этим и объяснялось, в частности, старомодное платье Салгола и его подружек), но они суме-

ли собраться с силами, засучили рукава и на протяжении нескольких поколений не только восстановили численность популяции в колонии, но и смогли расселиться на значительной части поверхности планеты.

— Ага, использование пара и электричества, — сказала Триггер, — до большего они пока не доросли. Кое-кто из людей-крох знал, что произошло на самом деле, но они держали это в секрете от остальных обитателей Марэла. У некоторых слоев населения бытовали легенды о великанах, которые преодолели космос. Немногие верили этим байкам. А потом прилетел корабль Ядра Звездного Скопления.

Это был топографический звездолет. Он в течение нескольких недель исследовал планету с орбиты, прежде чем сесть на поверхность для взятия биологических и геологических образцов. Потом взял на борт около сотни жителей городка, ближайшего к району посадки. После этого корабль улетел.

— Когда это произошло? — спросила Тэлзи.

— Салгол входил в группу тех, кого отобрали первыми. Тогда ему было одиннадцать лет от роду, — ответила Триггер. — Если перевести на наш календарь, это произошло пятнадцать стан-

дартных лет назад.

— Большинство моих сородичей, взятых на борт звездолета, не дожили до конца перелета, — сказал Салгол. — Нельзя сказать, что это было злонамеренное уничтожение Маленького Народца, скорее всего случайное заражение вирусами и бактериями, против которых у нас не было выработано иммунитета. В конце концов, лекарство против смертоносных болезней было синтезировано, кое-кого великаны успели спасти, а заодно обучили разговаривать на межзвездной лингве.

— А что было потом? — спросила Тэлзи.

— Нас вернули на Марэл. Великанам было известно, что на планете существует развитая коммуникационная сеть, и они вовсю пользовались ее услугами. Корабль Ядра Звездного Скопления отдавал распоряжения. В недрах Марэла было полно полезных ископаемых, и великаны стали претендовать на самые богатые месторождения. Они завладели открытыми карьерами и принудили нас делиться подземными сокровищами. Были установлены даже нормы ежедневной выработки на каждого взрослого марэльца. Корабль отвозил полные трюмы на свою планету и регулярно возвращался, чтобы набить их тем, что было добыто за время его

отсутствия.

* * *

— А каково население Марэла сейчас? — заинтересовалась Тэлзи.

Салгол скорчил гримаску.

— Точно не скажу, но когда я был там в последний раз, мне называли цифру в шестьдесят миллионов.

Тэлзи присвистнула.

— Значит, даже имея в своем распоряжении не слишком продвинутую горную отрасль, это выливается в солидный ежегодный урожай драгоценных камней и минералов.

— Именно так, леди, — подтвердил Салгол.

— И у вас, естественно, нет достойного оружия против космической брони звездолета.

— Конечно, нет. У нас есть ружья и неплохие, притом, ведь нам приходится сталкиваться с опасными животными, к тому же, отдельные наши группы сражались друг-с другом, хотя вражда прекратилась с прилетом корабля великанов. Но наше оружие — не чета вашему. Один городок применил пушку против великанов, когда те пришли за данью. Врагу она не нанесла никакого ущерба, зато городок сровняли с землей, никого

не пощадили.

— А кроме всего прочего, им пригрозили, — добавила Триггер. — Марэльцам заявили, что они должны быть благодарны экипажу звездолета, и все должно продолжаться так, как теперь. Поскольку если власти Ядра узнают о мини-людях, будет немедленно оккупирована вся планета, а ее жителей обратят в пожизненных рабов.

— И вы поверили в эту чушь? — взвилась Тэлзи.

— Ну, я лично не уверен, леди. Но полагаю, что жители Ядра готовы оккупировать Марэл, если найдут в том выгоду для себя. А, может быть, у вас очень плохие власти.

— Зачем же тогда вы сбежали от Блефро? Разве это не подвергнет вашу родину дополнительной опасности?

Салгол переглянулся со своими соотечественницами, которые прислушивались к разговору, но участия в нем не принимали.

— Просто начались вещи, гораздо худшие, чем в начале оккупации. Тех, кого великаны отобрали первоначально, должны были стать переводчиками или добровольными информаторами. Но потом великаны передумали. Они решили продать наиболее крепких и здоровых

из нас жителям Ядра Звездного Скопления в качестве домашних любимцев. Вот я и взял на себя смелость выяснить, нет ли среди великаньего племени индивидов, готовых вступиться за собратьев своих меньших. Я подумал, что таковые обязательно должны найтись, поскольку мы не отличаемся от вас ничем, кроме размеров.

— Не понимаю, Салгол, почему экипаж топографического корабля решился на работорговлю. Неужто они не боялись ухудшения ситуации на Марэле?

— Их незаконный бизнес не ухудшит ситуацию, Тэлзи, — вмешалась Триггер. — Насколько я поняла, Блефро выступает посредником. Он должен был сегодня связаться кое с кем, чтобы продать идею, имея Рандерин и Сми в качестве самочек, а Салгола — соответственно самца. Если бы сделка состоялась, то товар перед доставкой к распространителю подвергли бы амнезии, а женщин еще и обучили межзвездной лингве. Продажа свершилась бы под вывеской, что это — не люди, а протохомо андроидов. Все трое так бы и считались таковыми, поскольку опровергнуть это биологически невозможно. Лет через десять-двенадцать их бы умертвили, чтобы наглядно не проявились признаки старения организма.

— А развитие самосознания в протохомо-продуктах, конечно, незаконное деяние, — заметила Тэлзи.

— Вот именно. Но зато в случае, если результаты будут выглядеть столь живописно, как наша троица, кое-кто сочтет торговлю крохами весьма прибыльным бизнесом.

Тэлзи посмотрела на крошечных леди в нарядных платьицах, с причесанными головками, со смазливыми мордашками. Им будто передалась разлитая в воздухе тревога, и теперь они смущенно улыбались женщине-великанше. А ведь их могли использовать еще и в качестве эротических игрушек! Да, эксплуататоры Марэла могли освоить очередную прибыльную отрасль…

— А ты можешь хоть примерно объяснить, как добраться до вашей родины? — спросила она у Салгола.

Он покачал головой:

— Нет, не могу. Никто не обучал меня премудростям звездной навигации. Я пытался между делом выяснить звездные координаты, но великаны Ядра позаботились, чтобы никто из марэльцев не получил должной информации. Все, что я могу сказать, так это то, что от Марэла до Ядра Скопления звездолет шел три месяца.

Триггер плотно прикрыла дверь в спальню, где марэльцы устраивались на отдых в своей коробке:

— Ну и как твоя телепатическая проверка, Тэлзи? Удалась?

— Все трое, бесспорно, люди. Судя по происхождению, они и не должны отличаться в ментальном плане от жителей Ядра. Кстати, Салгол обладает очень высоким потенциалом. Ты была права, до жути щекотливая ситуация. Как давно Блефро должен был придти в себя?

— Примерно с час назад.

— Насколько надежно ваше укрытие?

Триггер пожала плечами:

— Блефро мог, конечно, описать меня. Правда, я попыталась запутать следы. Я бросила его аэрокар на полдороги, вернулась на такси за своим аэрокаром, доставила его в ангар и прибыла сюда на другом такси. Так что все вроде проделано согласно традициям лучших триллеров.

— Ну, допустим, — согласилась Тэлзи, хотя в ее голосе прозвучало сомнение. — Предположим, что Блефро связался со своим боссом. Наверняка замешаны большие деньги, и для участников этой аферы найти тебя очень важно. Ведь теперь ты можешь разрушить все их планы, вплоть до

монополии безнаказанно обирать Марэл. Нет, моя милая, они будут землю носом рыть, лишь бы разыскать твои рыжие кудри.

— В таком случае постараюсь не попадаться им на глаза в ближайшее время. Возможно, нам выпал единственный шанс вывести эксплуататоров Марэла на чистую воду. Если они не выйдут на нас, то откажутся от своих планов и заметут все следы, вплоть до того, что перестанут шастать на Марэл.

— Где ты собираешься прятать наших маленьких друзей?

— На верхнем уровне Психологического Сервиса.

— Это, пожалуй, самый выигрышный ход в данном раскладе, — похвалила Тэлзи. — А почему не обратилась прямо в их городской филиал?

— Потому что не хочу, чтобы они попали в руки чиновникам низшего звена, — ответила Триггер. — В отличие от тебя, я не знакома с местной группой Психологического Сервиса.

— Все правильно, — Тэлзи показала на КомСеть. — А вот ею лучше не пользоваться, подруга. Я позвоню в Центр из автомата. Они пришлют сопровождающих.

Она ушла. Триггер вернулась в спальню и рас-

сказала Салголу, что собирается предпринять. Когда она закрывала ящик, он разъяснял соплеменницам сложившуюся ситуацию. Девушка надела блейзер и стала ждать.

Спустя три минуты она услышала слабые щелчки. Они, вероятно, доносились из спальни. Триггер вынула из косметички пистолет, встала из-за стола и прислушалась. Звуки не повторялись. Девушка осторожно направилась к двери.

И тут в воздухе, казалось, появились волны, которые то накатывали, то отступали. Девушка сделала шаг и вдруг словно погрузилась в яму на дне реки. Ее стало засасывать, и засосало.

Глава 3

— Как самочувствие? — услышала мужской голос Триггер и поняла, что глаза у нее открыты.

Девушка взглянула на обладателя голоса и огляделась вокруг. Она сидела в мягком глубоком кресле, талию обвивал какой-то жесткий поясок. Руки были заведены за спину и прикованы к этому пояску сзади. Правое веко подергивалось. Подергивались и другие мышцы тела. То в одном месте, то в другом. Мужчина, который задал вопрос, стоял примерно в метре от ее кресла.

Другой мужчина, на котором сверкал золотым шитьем мундир, сидел за приборной панелью, расположенной чуть дальше и сбоку. Он даже развернулся в крутящемся кресле, чтобы взглянуть на проснувшуюся пленницу. Судя по круглым иллюминаторам, она находилась на борту космической яхты. А тот шикарный полыхающий багровый шар на экране — солнце.

— Что-то с нервами, — сказала Триггер откровенно и облизала губы. — И пить хочется. А это Система Расселмена?

Мужчина в мундире утробно хрюкнул и снова повернулся к панели, а тот, что ближе, рассмеялся.

— Что ж, все верно, мисс Арджи, — сказал он чуть позже. — Поздравляю с пробуждением. А ведь вы заставили меня немного поволноваться.

— Я? — удивилась Триггер.

Пиджак оттопыривался под мышкой, и девушка поняла, что там у него кобура с пистолетом.

— Прием, который применяли к вам, был просто ошеломителен, — похвастался он. — Один из самых безопасных, но эффективных: в одном случае из ста он приводит к побочным эффектам. Так уж оказалось, что вы не принадлежите к тем благополучным девяносто девяти. Честно

говоря, я не был уверен до конца, что вам удастся избежать смертельных конвульсий, но сейчас, вижу, с вами уже все в порядке. — Он поднес руку к груди. — Меня зовут Ренн, я по профессии детектив и несу ответственность за вашу поимку, а также за доставку в нормальном состоянии к своему нанимателю. Вы должны понимать, в чем мой интерес.

— Да, я прекрасно вас понимаю, — сказала Триггер. — Как вам удалось отыскать меня так быстро?

Детектив ухмыльнулся.

— Хорошая организация в сочетании с удачей! У нас был ваш фоторобот, а ланч вы откушали не где-нибудь, а в «Уихолле». Следовательно, возникло предположение, что ваша фамилия фигурирует в списке покупателей. Мы пропустили ваше примерное изображение через список торгового компьютера и смогли мгновенно вас идентифицировать.

— А я-то, наивная, всегда считала, что информация, хранящаяся в торговых компьютерах, сугубо конфиденциальна.

Ренн самодовольно напыжился.

— Информация не может долго оставаться конфиденциальной, если за нее предлагают

солидные бабки! Так что пришлось немного потратиться. Но меня очень настойчиво просили отыскать вас, а заодно и небольшую коробочку за такое вознаграждение, что мне просто нельзя было мелочиться. Тем не менее, все равно понадобилась бы целая армия профессионалов, если бы вы решили укрыться в каком-нибудь укромном местечке, но, к счастью, ваш отель оказался в числе первых, куда я наведался с проверкой. Определить ваше местонахождение оказалось несложно, куда труднее было запастись ключами от вашей входной двери. Но, в конце концов, мне и это удалось. Так что буквально через несколько минут вы были надежно упакованы, вынесены из гостиницы и доставлены в космопорт.

— А куда, интересно, смотрела служба безопасности отеля?

Ренн улыбнулся:

— В другую сторону. Как хорошо работать в таком шикарном отеле, верно? Всегда можно заработать на том, что вовремя закрыл глаза. Вы обошлись мне в весьма и весьма кругленькую сумму, мисс Арджи, но мой наниматель денег не считает. И вот теперь мы почти на месте. Вы сможете идти?

Триггер подергала локтями.

— Если развяжете мне руки.

— Подождите минуту. — Он помог ей встать, и мотнул головой назад. — Мы приготовили для вас удобную маленькую клеточку, но я держал вас здесь, поскольку с вами приключилась такая неприятность. В любой момент вам могла понадобиться медицинская помощь. Ох, как же я не сообразил, вас, наверное, мучает жажда? Рад сообщить, в клетке вас ожидает питьевая вода. Если будете так любезны, приведите себя в порядок перед тем, как я передам вас на спутник. А то у вас помятый вид!

— Хорошо, — кивнула Триггер. — Окажите мне ответную любезность, если вы, конечно, прихватили с собой из отеля и мою косметичку.

— Я прихватил все ваши личные вещи. Мало ли что может вам понадобиться. Вы найдете косметичку, как и все остальное, в клетке.

Ренн хихикнул.

В заднем отсеке была не одна, а две клетки, забранные с фасада прочными стальными прутьями. Обе были повернуты лицевой стороной друг к другу. Триггер замерла на месте, увидев, кто занимал одну из них.

— Удивлены, мисс Арджи? — спросил иронически Ренн. — Наш наниматель жаждал увидеть

как вас, так и господина Блефро. Надо сказать, что он не очень хотел отправляться к звездам, но мне пришлось настоять на своем.

Под глазом у здоровяка-усача лиловел синяк, не оставляющий никаких сомнений в том, какой аргумент использовал Ренн. Он отпер дверцу другой клетки и втолкнул туда Триггер.

— Ну, вот теперь, когда вы за решеткой…

Девушка подошла вплотную к прутьям, чтобы детектив освободил талию и руки от пут.

— …если вам что-нибудь понадобится, — продолжил Ренн, — крикните! В любом случае я вернусь, как только мы пристыкуемся.

Он отправился по коридору в носовую часть яхты.

Триггер задумчиво выпила кружку воды и вернулась к дверце клетки. Блефро сидел на стуле, с кислым видом изучая пол своей камеры. Его усы заметно поникли.

Девушка слышала, как Ренн говорил что-то пилоту. Тот засмеялся.

— Блефро! — тихо позвала Триггер собрата по несчастью.

Блефро окатил ее ненавидящим взглядом и продолжил изучать пол.

— Ну что, дружок, — сказала Триггер, — отли-

лись тебе чужие слезки?

Он пробурчал что-то невнятное и, по всей видимости, непечатное.

— А я знаю, как можно выбраться отсюда, — сказала девушка и после паузы добавила. — Нам обоим.

Блефро поднял голову, усы встопорщились.

— А не врешь?

— Ты слышал о том ошеломляющем способе, с помощью которого меня похитили? — спросила Триггер, не обращая внимания на грубоватые манеры сокамерника.

— Ну, слышал, — мрачно подтвердил Блефро. — Кое-что. А еще я слышал тебя, когда способ подействовал.

— Ну и каково впечатление?

Блефро задумался.

— Если честно? Шокирующее. Как будто ты задыхалась, хрипела, стонала…

— Отлично! — воскликнула Триггер. — Сейчас я начну изображать конвульсии прямо здесь. Как только начну, позови Ренна. Если смогу отобрать у него ключи и пистолет, то нам останется лишь немного поработать над пилотом.

Блефро осклабился.

— А почему бы и нет, старина Блефро?! Из-за

этих сволочей я в дерьме по уши, так что терять мне нечего, кроме этой клетки. — Он встал и подошел к решетке. — Так давай сделаем это! Но желательно поторопиться с исполнением, Ренн гораздо круче, чем выглядит на первый взгляд.

Триггер взрыла ногтями кожу на щеке и как подкошенная рухнула на пол. Блефро завопил:

— Ренн, скорее! Бабе плохо!

Детектив прискакал быстрее, чем сопровождавший его топот. Выкатившая глаза и катающаяся по полу Триггер, тем не менее, и увидела и услышала, как детектив возит ключом в замочной скважине. Прутья лязгнули, когда дверца отворилась. Ренн быстро присел на корточки и полез в карман, очевидно, за лекарством.

Девушка вцепилась двумя пальцами ему в адамово яблоко. Ренн резко отпрянул. Триггер, как согнутая пружина, распрямилась, устремив сжатый кулак другой руки прямо в нос детективу. Во все стороны брызнула кровь. Она схватила обеими руками детектива за уши и потянула вниз навстречу своему согнутому колену. Что-то хрустнуло, кто-то булькнул. Ошарашенный неожиданным нападением противник потерял равновесие и свалился в угол.

Он был оглушен, но сознания не потерял.

Прежде всего, необходимо было лишить его пистолета — и вот оружие уже в руках Триггер. Она услышала возглас пилота:

— Нужна помощь, Ренн?

Блефро сымпровизировал в ответ:

— Нет, наш герой справился сам!

Ренн неожиданно вцепился в лодыжку Триггер и потянул к себе. Пришлось стукнуть его рукоятью пистолета по башке. Этого было достаточно.

Она не стала выбираться из клетки, поскольку ее могли увидеть из пилотской, а прошептала:

— Лови!

Блефро просунул здоровенную лапу между прутьями и поймал брошенную ему связку ключей.

Когда он отпер замок, они выбрались в проход между клетками и на цыпочках направились к двери пилотской кабины — пилот по-прежнему сидел к ним спиной.

— Дай мне пушку! — еле слышно пробормотал Блефро.

Триггер помотала головой:

— Я и сама управлюсь не хуже! Лучше запри Ренна, но только после того, как я войду в рубку.

Не дожидаясь того, что ответит союзник, девушка двинулась вперед. Она не до конца доверяла Блефро. Она предпочла бы держать в руках соб-

ственный пистолет, но если повезет, применять оружие не придется. Багровое светило полыхало на экране вовсю, а пилот был полностью погружен в предстоящие ему манипуляции с пультом управления. Триггер подкралась к его креслу.

Межзвездник откинулся на спинку кресла и сладко потянулся:

— Ренн! — сказал он, зевая. Потом повернулся, и его глаза расширились от ужаса.

— Вставай медленно-медленно и умоляю, не делай резких движений! — произнесла Триггер, подтверждая вербальный приказ дулом лазерного пистолета. — Вот так, хорошо, и держи руки на виду. А теперь подойди к стене.

Она знала, что Блефро вошел в рубку, и теперь видела его справа от себя. Он ухмылялся.

— Я займусь им! — сказал он хрипло.

Пилот засмеялся.

— А теперь послушайте меня, дуралеи! — заявил он, когда приступ смеха прошел. — Вы только что освободились, и вам почти удалось захватить нас врасплох.

— Почти? — переспросила Триггер.

— А ты взгляни на экран! — предложил пилот.

Она взглянула — экран был пуст.

— Только что закончилось горючее, — объяс-

нил пилот, — и мы падаем.

— Обыщи его, Блефро! — приказала девушка.

Через несколько секунд:

— Где твой пистолет? Нет сомнений в том, что он у тебя был!

Пилот пожал плечами:

— Вон там, в выдвижном ящичке за консолью!

Блефро залез за консоль и вытащил пистолет.

— Теперь, — сказала Триггер, — ты на мушке сразу двух лазерников, а мы, звездомать, в скверном положении! Так что не глупи, а давай, делай что-нибудь! И не рассказывай, что это невозможно!

— Я же вам на межзвездной лингве говорю, — он снова уселся в свое кресло, — что горючее на нуле! Я могу делать все, что прикажете, но толку от этого не будет никакого! Можете убедиться сами. Хозяева спутника не желают, чтобы к ним нагрянули незваные гости, поэтому яхту заправили не полностью. С определенного момента управление космическими кораблями берет на себя спутник. Что бы я ни делал с пульта управления, яхта будет подчиняться только командам, поступающим извне. Мне очень жаль, но у вас ничего не выйдет!

Через минуту-две стало очевидно, что пилот не

лгал. Блефро сразу вспотел.

— Сколько времени у нас в запасе? — спросила Триггер.

Пилот посмотрел на хронометр:

— Мы приземлимся через пять минут.

— Вместе со вместительной коробкой Ренн прихватил из отеля и мою сумочку. Куда он ее засунул?

— Сразу за коридором большая каюта. Ваша сумка там.

— Это самое приятное известие за последнее время, — сказала Триггер. — А теперь вытряхивайся из кресла, а ты, Блефро, напяль его мундир. Не забудь и про фуражку, а я пока наведаюсь в каюту.

— И что нам даст мое переодевание?

— Мы приземляемся, выходим, и на какой-то момент твой бывший наниматель решит, что ты — пилот, а я — пленница. У нас есть оружие. Попробуем захватить центральный пост.

Пилот покачал головой:

— Ничего у вас не выйдет!

Блефро продемонстрировал волчий оскал.

— Но уж, во всяком случае, попытаться не мешает! Я отомщу за то, что меня так крупно пробросили! — Он взвел лазерник. — Давай мундир

сюда, гад!

Раздалось легкое шипение. Триггер с порога обернулась, почувствовав непонятный запах…

О нет, опять!

Пилот распростер руки:

— У вас нет шансов! Мы все должны принять сидячее положение!

Он так и сделал, подав остальным пример. Блефро отшатнулся, пистолет выпал у него из рук. Триггер ощутила, как сползает по переборке. До нее как сквозь вату доносился тягучий, словно замедленная запись, голос пилота: —…говорил вам… это… не…

Глава 4

Она снова пришла в себя.

Сначала это был чрезвычайно медленный процесс… Расширяющееся полуосознание факта, что она проснулась — хорошо выспалась и ощущала комфорт во всех членах. Но потом внезапно пришло понимание, что рядом — опасность. Ее разум окружала защита, которая в данный момент была настолько плотна, будто почувствовала реальную угрозу для хозяйки. Как только Триггер открыла глаза, память полностью вос-

становилась.

Она находилась в ярко освещенной комнате средних размеров с хрустальными стенами, совершенно пустой, если не считать пушистого ковра на полу и ложа посредине, на котором она возлежала. Свет был искусственным, поскольку в помещении отсутствовали окна или какие-нибудь иные отверстия. В одной из стен была прорезана маленькая квадратная дверца красного цвета. Она была закрыта. Тишину нарушал только звук собственного дыхания девушки. На ней был свитер с короткими рукавами и широкие брюки из того же мягкого серого материала, на ногах — мягкие же ботиночки.

Вероятно, хотя и необязательно, что она находилась на искусственном спутнике, который самостоятельно посадил яхту с бездействующим пилотом и пассажирами. Расселмен была открытой звездной системой. Ни планет, ни астероидных поясов на ней не имелось. Однако на ней присутствовала довольно обширная человеческая популяция, настроившая массу искусственных спутников, вращающихся по своим орбитам вокруг громадной звезды. Это были люди, которым импонировал кочевой стиль жизни. Большие корабли и яхты состыковывались со

спутниками. Иногда то длилось часами, иногда неделями, а иногда и годами. С соседними звездными системами местные почти не общались, и такое положение вещей соответствовало запросам спутничьего племени.

Если бы Триггер хотели убить, то не привозили бы сюда. Значит, босс Ренна и Блефро желает узнать, как глубоко она успела лезть в тайну и не рассказала ли она еще кому-нибудь об этом. Ситуация представлялась почти аховой, но вряд ли она станет лучше оттого, что Триггер будет лежать здесь смирно и дожидаться, пока ее отсюда кто-нибудь вытащит. Она встала с ложа и первым делом направилась к красной дверце. Как ни странно, покрутив ручку, Триггер сумела дверцу распахнуть. За ней оказался темный коридор, стены и пол которого были облицованы каким-то серым минералом, отполированным и поблескивающим изнутри.

Пройдя совсем немного, Триггер подошла к помещению куда более внушительных размеров, чем-то, в котором она очнулась. По его полу, казалось, разливалась целая река разноцветных огней, которые, снижаясь, пропадали в ковровом покрытии.

Девушка замерла, впитывая всеми чувствами

этот феномен. Яркость и цвет огней менялись, как бы переходя от одного цвета спектра к другому, причем, кое-где медленно, кое-где мгновенно. Но кожа никаких температурных изменений не ощущала. Триггер представила, что это просто транслируемая в воздухе картинка.

Она осторожно вошла в комнату. Правда, идти куда-нибудь еще было невозможно, ибо коридор закончился дверью сюда. Словно почувствовав появление постороннего, река огней изменила направление и двинулась навстречу вошедшей, чтобы своей разноцветной стеной отгородить от нее дальний конец помещения.

Теперь убеждение в том, что это всего лишь транслируемая картинка, ослабло, и Триггер уже была готова ретироваться в любой момент. Но никаких поползновений нанести ей вред не было, и тогда она пошла в глубь. Феномен мгновенно отреагировал — он стал расплывчатым, потом из реки превратился в водоворот, закрученный по спирали из центра, который отступал все дальше и дальше по мере ее продвижения. Триггер раздраженно встряхнула кудряшками. В этой вращающейся спирали явно был замаскирован сильный гипнотический эффект. На какое-то время девушка замерла, вглядываясь

в целенаправленный хоровод красок, и тут же обнаружила, что цель, которую она себе наметила еще до входа в эту комнату, мало-помалу стирается из разума. Взяв себя в руки и прищурившись, девушка продолжила поступательное движение в глубь.

Водоворот все время как бы отступал, он будто отодвигался. Потом картинка вновь вернулась в первоначальное состояние, став рекой огней. Сквозь хаотический поток то и дело проглядывали лица и фигуры, иногда вполне отчетливо, иногда — всего лишь как туманные очертания. Эти лица были разными: и прекрасными, и ужасными, но как только Триггер подходила ближе, чтобы рассмотреть поподробнее, черты искажались и добрые лица становились злобными, а красивые — уродливыми. В конце концов, перед ней возникла фигура какого-то приземистого демона, пятнистого, безволосого, с торчащими ушками. Триггер с удивлением обнаружила, что эта фигура не осталась явлением визуального ряда, а материализовалась и теперь находится в комнате. Демон был ростом пониже Триггер, но зато его непомерная ширина ничуть не уступала в размерах его же росту. Кошачьи глазки с желтыми вертикальными зрачками алчно по-

жирали девушку. Он был настолько реалистично вылеплен, что внушал страх и отвращение. И тогда Триггер сделала единственно возможное в ее положении — шагнула вперед. Ужасное видение исчезло. Зато откуда-то справа хихикнули:

— А тебя, Триггер, непросто напугать!

— А зачем меня пугать? — спросила Триггер.

— Да так, чтобы развлечься!

Собеседницей девушки оказался ребенок лет тринадцати, появившийся прямо из потока. Большеглазая, синеокая, худенькая девчушка с длинными льняными волосами. Потом она закрыла ладошкой объектив какого-то аппарата, очевидно, типа диапроектора.

— Я Перр Хаса, — назвалась девчушка. — Мне сказали наблюдать за тобой, пока ты не проснешься. Я наблюдала почти час, а ты все лежала и лежала, и мне стало скучно. Тогда я решила поиграть со своим любимым имажинатором. Потом ты проснулась, а я решила посмотреть, смогу ли тебя напугать. Ну и как, получилось?

— На секунду, в самом конце, — чистосердечно призналась Триггер. — А у тебя богатое воображение!

Перр Хаса нашла это забавным. Она хихикнула.

— Кстати, — продолжила Триггер. — А кто сказал тебе наблюдать за мной?

— Торай и Аттук. Только не спрашивай, кто это такие. Потому что, когда ты проснешься, я должна отвести тебя к ним. Вот они и расскажут тебе о себе.

— Ты живешь здесь, на спутнике? — спросила Триггер, когда они подошли к двери.

— А как ты догадалась, что на спутнике? — удивилась Перр. — Прошло несколько часов, как тебя доставили, за это время можно перевезти человека куда угодно.

— Я об этом думала, но пришла к выводу, что затраты того не стоят.

Перр улыбнулась.

— Верно, ты все еще на спутнике. Но не думай, что я приведу тебя к спасательной лодке. Торай наблюдает за нами, ведь мы у нее на экране. Она просто изнывает от нетерпения, так ей хочется поболтать с тобой.

— В таком случае не буду ее разочаровывать.

* * *

Аттук оказался пышущим здоровьем крепышом с практически лысой головой. Он был элегантно одет и выглядел законченным си-

баритом. А Торай на вид было лет пятьдесят, коричневая кожа, симпатичное лицо, на котором выделялись живые темные глаза. Одежда ее была строгого покроя, но пальцы унизаны множеством разнокалиберных и явно очень дорогих колец. Какой-то музыкальный инструмент типа флейты свисал у нее с пояса. Триггер показалось, что эта дудочка контролирует компьютер.

Для пленницы было приготовлено место за маленьким столиком в центре комнаты, стены которой были драпированы зеленовато-золотым материалом. На столешнице стоял поднос с изысканными закусками, фруктами, охлажденным супом и двумя разными мясными блюдами, одно типа суфле, другое — очевидное филе. Среди приборов девушка сразу отметила солидный резной нож. Аттук и Торай сидели на стульях, но не за столом. Аттук дальше всех от Триггер, Торай поближе, а Перр Хаса устроилась вообще у стены, подставив под ноги скамеечку. На стене около единственного мужчины в комнате висел морской видеопейзаж, и Аттук устремлял туда взгляд, когда не смотрел на Триггер.

— У меня такое впечатление, — произнесла Торай радушно, — что вы меня узнали, как только увидели.

Триггер кивнула в знак согласия, зачем отрицать очевидное.

— Вы — Торай Себалун. Ваше лицо часто мелькает в периодической печати. Я слышала, что вы одна из самых богатых женщин Орадо.

— Приятно слышать, — сказала Торай. — Аттук и Перр Хаса — мои деловые партнеры по «Себалун Энтерпрайз», правда, это мало кому известно.

— Понятно, — сказала Триггер и деликатно отрезала ломтик от филе.

— Вы, милочка, создали нам кучу неприятностей, — продолжила Торай, не меняя радушного тона. — Сперва показалось, что это может перерасти в серьезную проблему, но, кажется, нам удалось вмешаться вовремя, да и удача, если честно, оказалась на нашей стороне. Вы разговорились и поведали все, что мы хотели узнать. Конечно, вы об этом не помните, поскольку в этот момент не осознавали, что делаете. В любом случае, ниточка к нам не тянется, и специалисты из Психологического Сервиса вряд ли начнут подозревать нас в чем-нибудь противозаконном.

— А я, — произнесла Триггер значительно, — знакома с кое-какими неафишируемыми методами Психологического Сервиса. Поэтому хочу посоветовать вам не быть столь самоуверенны-

ми, дамы и господа.

— Вот в этом вопросе я полностью на стороне нашей гостьи!

— Нет, — возразила Торай, — только не надо надувать щеки, милочка. На самом деле мы в полной безопасности. — Она одарила Триггер обаятельной улыбкой. — Хочу открыть маленький секрет: моему другу Аттуку больше пришлось бы по душе, если бы он заполучил Тэлзи, чтобы выпытать у нее методы, практикуемые Сервисом. Но у нас нет особого желания похищать еще и мисс Амбердон.

— Это была бы нелишняя предосторожность, — произнес Аттук, уставившись на изменчивую поверхность моря в видеопейзаже. — Мы могли бы нанять других наемников, чтобы похитить и вторую девку. А пойди у них что-то не так, мы все равно остались бы в стороне.

— Я предпочла бы, чтобы все шло так и никак иначе. В противном случае, Тэлзи тоже будет доставлена в наши частные владения! — скупо заметила Торай. — Мы просмотрели досье Амбердон, равно как и ваше, милочка. Все, что мы там нашли, не вызывает никаких подозрений, хотя то, что вы рассказали о своей ближайшей подруге, в корне меняет дело. Но, похоже, было

бы серьезной ошибкой пытаться установить контроль над личностью такого калибра.

Аттук пренебрежительно хмыкнул.

— Всего лишь какая-то заглядывательница в мозги, телепатишка, да такими можно запросто управлять. Я неоднократно делал это сам!

— По-моему, тебе пока не попадалась пси подобного уровня, чтоб ты смог поуправлять ее разумом! — заявила Торай веско. — Информация, которую мы сможем выдавить из Тэлзи, не стоит риска! Пока будем держаться от нее подальше, она не сможет причинить нам вред. Мое решение окончательно и бесповоротно. А сейчас вернемся к вам, мисс Арджи. Ваше вмешательство заставило отменить очень выгодную сделку на Марэле. Теперь, когда посторонним стало известно, что такая планета существует, мы не можем поддерживать хоть какие-то связи с ней.

— Ради этого стоило жить! — ответила Триггер с вызовом. — У вашей троицы и без того куча денег, и нет оправдания тому, что вы хотели эксплуатировать марэльцев, ведь они такие же люди, как вы!

Воротилы переглянулись, а Перр Хаса беззаботно хихикнула.

— А вот в этом вы заблуждаетесь, — загадочно

улыбнулась Торай.

Триггер помотала головой.

— Не думаю.

— Но вы действительно заблуждаетесь. Марэльцы, возможно, и относятся к человеческой расе, а вот мы — нет.

Это заявление повергло Триггер в замешательство. По спине побежали мурашки. Она окинула взглядом три ухмыляющиеся физиономии:

— И кто же вы тогда?

— Вы будете, наверное, смеяться, но я, например, этого не знаю. Мои воспоминания никогда не заходят дальше пятидесяти-шестидесяти лет от текущего момента. А то, что было до этого, начисто стерлось из памяти. Я вынуждена постоянно обращаться к компьютерным записям, куда заношу ежедневно все значимые события в своей жизни, чтобы ничего не забыть. Но даже самые ранние записи ничего не говорят о моем происхождении. Может быть, это было так давно, что тогда у меня не было компьютера под рукой. — Она посмотрела на мужчину. — А вот Аттук — не такой как я, и Перр Хаса не такая. И никто из нас не подобен друг другу. Хотя, одно известно достоверно: мы, все трое, — не люди.

Торай замолчала выжидательно, но так как

Триггер не стала задавать вопросы, продолжила спустя минуту:

— На самом деле в этом нет ничего удивительного. Подобные новации коснулись множества обитаемых миров, чаще всего не раскрывая своего лица. Они тревожат и привлекают тех живых существ, которые хотят жить в роскоши, не выдавая себя. Очевидная форма мимикрии — адаптация к человеческой ипостаси. Имея разум, опыт и практически неограниченный срок жизни, такие существа способны за считанные минуты уяснить, как с наибольшей выгодой использовать достижения человеческой цивилизации. Лучше, чем сами люди.

Триггер прочистила горло:

— В том, что вы мне тут наплели, есть одна неувязочка.

— И какая же? — заинтересовалась Торай.

— Которая зовется Торай Себалун. Род Себалун известен в Ядре Звездного Скопления на протяжении многих поколений. Его представители являлись крупнейшими финансистами еще тогда, когда закончились Военные Века. Сейчас, конечно, влияние рода заметно потускнело, тем не менее, Торай появилась на свет вполне обычным путем. Ее самоидентификаторы содержатся

в Геральдическом Банке. А уж росла она явно среди сверстников. В чем бы ни было замешано семейство Себалун, это не осталось бы без внимания. Как же совместить это с вашим заявлением о некоем чужаке-долгожителе, который не помнит даже, кем является на самом деле?

— Вы правы в той части, что Торай Себалун родилась и выросла нормально. Я наткнулась на нее, когда бедняжке исполнилось восемнадцать. Пришлось некоторое время понаблюдать за ней — это была прекрасная девушка, красивая, с отменным здоровьем, умная, как все члены рода Себалун, богатая сама по себе, не говоря уже о несметном состоянии ее семьи. Именно поэтому я остановила на ней свой выбор и стала Торай Себалун.

— И как вам это удалось, интересно? — спросила Триггер.

— Переместила свое эго в ее тело, — просто сказала Торай, — а тело, которое я использовала до этого, просто умерло, поскольку износилось и пришло в полную негодность. Я заполучила не только тело, но и мозг, и нервную систему, и память с отдельными воспоминаниями, а также все присущие Торай привычки. И тогда я превратилась в Торай Себалун, постепенно внося в ее

имидж необходимые мне изменения. Никаких проблем не возникло и, полагаю, не возникнет дальше… Вот как я существую: я — личность, нахожу тела и использую их в собственных интересах какое-то время. Прежде чем обнаружить вас, людей, я использовала тела иных существ. На своем веку я познала очень и очень многих, и когда мое тело перестает меня удовлетворять, сразу начинаю подыскивать свежее. Я очень избирательно подхожу к этому процессу, поскольку могу себе это позволить! Мне необходимо только самое лучшее!

Она лучезарно улыбнулась Триггер.

— А недавно я снова с головой ушла в поиск. Я находилась на Орадо, когда вы, милочка, отобрали мою собственность у Блефро. Так как он проявил себя индивидом, наиболее подходящим для всяких щепетильных поручений, я несказанно удивилась, узнав, что вам удалось обвести такого пройдоху вокруг пальца. Как только мы узнали ваше имя, мне доставили ваше досье. Я нашла материалы из него еще более интересными, чем предполагала, хотя кое-какие вопросы пока остались без ответа. Поэтому вас и привезли на наш спутник, чтобы убедиться в том, так ли вы хороши, как это мне представлялось заочно.

Пока вы отдыхали, было проведено полное медицинское обследование, которое подтвердило, что вы находитесь в превосходной физической форме. Правда, исследования выявили и некоторые отклонения от нормы, которые вряд ли можно отнести к недостаткам…

Триггер взглянула на девочку и мужчину. Они с интересом прислушивались к исповеди своей компаньонки.

— Вероятно, вам лучше не останавливаться на достигнутом и продолжить свои поиски! — сказала девушка, обращаясь к Торай.

— С какой стати?

— Существуют очевидные препятствия в деле подчинения моего тела другому разуму.

— А-а, вы имеете в виду, что я не могу проникнуть в вас, — сказала Торай спокойно. — Что ж, на этот раз придется создать мне новое тело. Ваша внешность будет изменена. Хирургическим путем. То же самое будет проделано и с вашими идентификационными образцами. И, конечно же, я не могу позволить разрушиться империи Себалун! Все необходимые юридические формальности уже учтены. Торай — последняя из семейства, оставшаяся в живых. А поскольку у нее нет родственников, наследницей станет

некая молодая девица, с которой мир познакомится после того, как Торай отойдет в мир иной. Итак, последнее, что осталось сделать — найти эту молодую девицу. И вот теперь…

Торай замолчала. Триггер прикинула, что расстояние между ними всего около пяти метров. Она могла бы вскочить и мгновенно преодолеть это расстояние. Аттук дальше метра на четыре. А Перр Хаса не сможет помешать.

Прижав резной ножик к коричневой шее, она сможет поторговаться и, в крайнем случае, заберет с собой на тот свет этого жуткого монстра, меняющего тела как перчатки. Ведь для него, будь то проявление безумства или истинной природной сущности, заставляющей периодически захватывать оболочку чужих существ, тело Торай пока представляло несомненную ценность.

Итак, поскольку Торай явно подбиралась к концу своих разглагольствований, Триггер вскочила из-за стола и схватила нож.

Она в два прыжка почти приблизилась к своей мишени, когда что-то остановило ее на полувзлете. Преграда не была ни силовым барьером, ни энергетическим экраном. Не было ни болезненного толчка, ни болезненного столкновения — Триггер испытала на себе лишь его эффект. Она

просто не могла приблизиться к Торай, на лице которой отразился ужас, и которая рефлекторно закрылась руками, защищаясь от нападения. Вместо сближения девушку неуклонно относило назад, отыгрывая по сантиметру в секунду. Потом Триггер подняло в воздух примерно на метр, и непонятная сила стала распрямлять правую руку. Девушка поняла, что силу притягивает нож, который она все еще держала за рукоять. Пришлось разжать пальцы, ведь это было лучше, нежели, сломанная кисть или отрезанные пальцы. Лезвие блеснуло и спланировало на пол.

Торай Себалун успела взять себя в руки и снова улыбалась. Хотя руки по-прежнему были подняты, а пальцы скрючены, Триггер успела отметить, что кольца и перстни явно имели функциональное предназначение.

— Ах, как она была стремительна, чистая пантера! — с восхищением произнесла Перр Хаса. — Ты была права относительно ее способностей, Торай!

— Я всегда права! — Торай не отводила глаз от Триггер. — Надо же, она почти смогла! Триггер, из всего того, что мы узнали о тебе, было понятно, что ты попытаешься взять меня в заложницы! И вот она, почти удавшаяся попытка.

* * *

Пальцы Себалун зашевелились. Тело Триггер протащили через всю комнату и опустили на диванчик, сиротливо пристроившийся у дальней стены. Сила внезапно отпустила девушку.

— Перемещение личности сделать проще, если заранее приготовиться, — сказала Торай, вставая. — Спешу порадовать, приготовления начались. Поэтому я и рассказала тебе так подробно свой жизненный путь. Гораздо проще изгнать из тела ту личность, которой известно, что с ней происходит, чем ту, которая остается в неведении и не подозревает о происходящем до последнего момента. Можешь все еще не верить, что это с тобой произойдет, но куда ты денешь мысли о готовящемся перемещении?! А помощь от этих мыслей просто неоценима. Пока расслабься и приготовься к тому, что ничегошеньки не сможешь поделать в данной ситуации. А я пока проникнусь чувствами к твоим личным вещам, доставленным на яхте.

Перр Хаса подскочила:

— Значит, я могу пойти к Блефро?

Торай пожала плечами:

— Если тебе так хочется, малышка…

Она направилась к двери и покинула помещение. Перр Хаса вприпрыжку пересекла всю комнату и выбежала через другую дверь. Аттук встал, посмотрел на Триггер, ухмыльнулся и вышел в коридор.

Триггер с подозрением отнеслась к тому, что ее оставили в одиночестве. Столик с подносом и стулом, на котором она сидела, стал утопать в ворсистом ковре до тех пор, пока не скрылся из виду совсем. С ними канул в неизвестное и ножик, который едва не дотянулся до шеи соматического монстра. Морской пейзаж, на который все свободное время пялился Аттук, погас, словно выключенный монитор.

Вероятно, Триггер перестала быть интересна хозяевам спутника. Она встала с диванчика и направилась к двери, которую Перр Хаса оставила открытой. Покинутый диванчик тут же въехал в стену.

Девушка выглянула за дверь и обнаружила беспредельное пространство — равнину, покрытую скудной растительностью и упирающуюся на горизонте в горную цепь. Впереди, примерно на расстоянии ста-ста пятидесяти метров от входа, Перр Хаса скакала на одной ножке, имея направлением своего движения громадный ва-

лун. Темный прямоугольник у основания валуна не оставлял сомнений в том, что там находится вход.

Блефро там? Что это за странное место?

Перр Хаса, наверняка, знает ответ.

Триггер внезапно остановилась. На какое-то мгновение ей почудилось, что стены помещения стали извиваться, как живые, постепенно образуя большое металлическое куполообразное здание, дверь которого оказалась в другой стороне от нее. Потом это архитектурное наваждение пропало. Пленница не поверила своим глазам, ибо стены, прежде золотисто-зеленые, а потом — отдающие металлическим блеском, вообще куда-то исчезли, а она очутилась посредине равнины, где была Перр Хаса и валун с темным прямоугольником на боку.

Времени на размышление не осталось. Перр Хаса уже преодолела полпути к валуну. Триггер ринулась вдогонку, но шагов через сто была вынуждена резко остановиться. То, что остановило девушку на этот раз, представляло собой розовую полосу света, разлитую в воздухе прямо перед ней. Это был силовой экран, и все, что виднелось за ним, плыло в мареве, как над заасфальтированным шоссе в жару.

Глава 5

Оказавшись на равнине, Триггер попала на самом деле в лабиринт, который представлял собой анфиладу отсеков, где реальность была причудливо перемешана с иллюзорным. Эту смесь визуально нельзя было разделить на то, что истинно, и на то, что истиной только кажется, да и остальные чувства помочь в данном случае не могли. Стены лабиринта образовывались силовыми экранами, обнаружить которые можно было только при физическом соприкосновении. На него они отвечали легким поблескиванием, огораживающим пространство примерно на метр в каждом направлении. Девушка держалась вдоль такого экрана, ощущая холод кончиками пальцев. Примерно через каждые пятнадцать метров экран кончался, и она оказывалась в другом отсеке с другими иллюзиями, где новый экран заставлял ее двигаться уже в новом направлении.

Сначала она продолжала двигаться по инерции, надеясь, что лабиринт когда-нибудь закончится. Одно было ясным с самого начала: ей нельзя вернуться тем же путем, каким она пришла;

указывающий механизм лабиринта действовал однонаправленно. Девушка минула лесную поляну, где мелкий слепой дождик окропил ей волосы и свитер, а минуту спустя она уже брела по гребню бесплодного ночного бархана, пытаясь найти в сплошной мгле огоньки хоть какого-то населенного пункта. А потом угодила чуть ли не в эпицентр торнадо. Еще позже прошла краем болота, над которым туманным облаком поднимались миазмы, и какой-то шевелящийся туман медленно плыл над тропой. Всю дорогу Триггер сопровождали самые разнообразные звуки: то проявления бурной жизнедеятельности каких-то животных, то зловещий шелест деревьев, то резкие щелчки и плеск над угадываемыми водными потоками. И еще кое-что стало вскоре понятным: не попадалось ничего такого, что можно было использовать в качестве хоть какой-то замены оружию. Она то и дело натыкалась на камни в ладонь величиной или сломанные сучья, но каждый раз, когда она хотела юс поднять, они оказывались иллюзией. А, скажем, растительность, которая не являлась визуальным эффектом, была, очевидно, изготовленной из некого материала типа пластика, а он не поддавался ни перекручиванию, ни растяжению на разрыв. Ни листика не

сорвешь, ни пучка мха.

И тут окружающее неожиданно намекнуло на грозящие ей в будущем неприятности: огибая дерево, Триггер чуть ли не наткнулась на голые лиловые ступни — удавленник, свисающий с ветки. Она отшатнулась, а труп повешенного медленно завращался вокруг оси, которой являлась старинная пеньковая веревка. Сразу после этого девушка оказалась как бы в зале, уставленном множеством зеркал, в каждом из которых она отражалась в увеличенном виде, причем, если одно отражение показывало ее висящей в компании с тем самым удавленником на одном суку, то в другом демонстрировало бредущей по зыбучим пескам, не догадываясь, что следом тащится некая серая фигура самого неприятного вида… Пришло понимание, что все это — компьютерная графика обратной связи, вызванная к жизни ее появлением в данном отсеке.

Уже несколько минут спустя Триггер очутилась на воображаемом пляже, где ничего пугающего или просто неприятного вокруг не наблюдалось. Песок был настоящим песком, а ленивый прибой плескался в нескольких метрах от ног Триггер. Пахло водорослями и свежестью. Периодически доносились резкие крики чаек или тварей, очень

на них похожих, носящихся над волнами.

Часть секции показалась Триггер знакомой — похоже, здесь она уже однажды проходила. Хотя оптические иллюзии были новыми, но песок под ногами был тот же самый. Правда, раньше здесь было не море, а зыбучие пески.

Ага, подумала девушка, конструкция лабиринта меняла иллюзии время от времени, чтобы сбить с толку. Положение силовых экранов могло тоже меняться и, как бы в доказательство этого тезиса, стало сдвигаться прямо у нее на глазах. В этом не было ничего странного — активно действующая часть лабиринта не может быть слишком обширной в ограниченном пространстве спутника. Если Триггер и подойдет, паче чаяния, к выходу из лабиринта, никто не запретит генерирующему очередную модель механизму преградить ей путь силовым экраном. Значит, здесь можно бродить до бесконечности, следуя бесчисленным иллюзиям, если такова цель компьютера.

Каким бы ни был задуман лабиринт, безобидным его явно не назовешь. А визуальный ряд выдавал злобные устремления тех, кто его использовал. Наверное, она не первая шла через эту машину грез наяву, а за экранами обяза-

тельно кто-то сидел и наблюдал за реакциями испытуемых. Ее завлекли сюда обманом, воспользовавшись тем, что пленница последовала за Перр Хасой, и теперь насылали на нее обманки, вероятно, для того, чтобы снизить сопротивляемость ее психики и сделать доступной для последующего перемещения.

В любом случае она должна была выбраться отсюда. Спутник — это сложная машина, а машиной управляют рычаги. Чем меньше персонала — а ничто не говорило об обратном — тем управление должно быть более автоматизированным. Значит, можно обнаружить пульт управления и найти в системе технологический изъян. Но шанс найти изъян был равен нулю — для того, чтобы это сделать, нужно сперва выйти из лабиринта.

Следовательно, первым делом надлежит расслабиться, сказала себе Триггер, и ничего не предпринимать. Наблюдателям надоест бездействие подопытного кролика, и это вынудит их сделать новый ход. Возможно, такой, какой Триггер сможет использовать в своих интересах.

* * *

— Привет, Триггер! — сказала Перр Хаса.

Триггер обернулась.

Девчонка находилась всего метрах в четырех от нее.

— Откуда ты взялась? — спросила девушка.

Перр Хаса кивком указала на кустарник, который Триггер посчитала частью видеоряда.

— Я увидела тебя и решила спросить, что ты тут потеряла, — ответила девчонка.

— Странно, ведь совсем недавно между мной и тем местом, где ты пряталась, был силовой экран.

Перр улыбнулась.

— Он и сейчас там есть. Но есть путь, чтобы его обойти. Нужно просто знать, где свернуть.

Она присела на корточки.

— Я тут думала о тебе. Есть в тебе что-то необычное, которое не хочет, чтобы тебя гипнотизировали.

Похоже, эта необычность связана с защитой, которую встроили в разум Триггер ее друзья из Старой Галактики. Но девушка не собиралась откровенничать на эту тему, хотя вполне вероятно, что она выболтала свой секрет, пока спала.

— Меня всегда было трудно загипнотизировать, — доверительно сообщила она.

Перр Хаса хмыкнула.

— Что ж, посмотрим дальше. Ты, определенно,

странная женщина! Я надеялась, что Торай позволит привезти на спутник твою подружку. Вот бы возникла забавная ситуация!

— Ничуть не сомневаюсь, — кивнула Триггер.

— Если по правде, то Аттука совсем не беспокоит то, что знает Тэлзи. Фото из досье исчерпывающе характеризует ее внешность, и Аттук проникся внезапной, я бы сказала так, симпатией к твоей подружке. Безответственный тип, который не может сдержать своих позывов! Он проникся симпатией и к тебе, но не тут-то было — ты для Торай! Поэтому Аттук дуется на нее, — хихикнула она.

Эти трое, подумала Триггер, самые настоящие психопаты.

— А он что за существо? — спросила она с самым индифферентным видом.

— Аттук? — Перр пожала плечами. — Он всего лишь то, что он есть. Не знаю, как его назвать. Грубое создание с дурным вкусом. Ему даже нравится употреблять в пищу человеческое мясо. Ну, разве это не отвратительно?!

— Ты права, Перр, у него действительно дурной вкус.

— Он говорит, что когда-то у него были обожатели, которые поклонялись ему, как самому

настоящему божеству и, мало того, приносили в дар то жирную, то постную человечинку. Вероятно, это было еще тогда, когда он не развил в себе вкус к другим занятиям. Я уверена, дай ему такую возможность, он и сейчас полакомиться скоромным не прочь. Правда, организовать подобное в настоящий момент, ой, как не просто. Поэтому и скачет на задних лапках перед Торай, а старушке только этого и надо.

— А для чего это ей надо?

— Для того, для сего, — сказала Перр уклончиво.

— А ты кто, Перр?

Глаза девчонки сверкнули угольками.

— Я никому еще об этом не рассказывала. И зачем рассказывать, давай я тебе лучше покажу, чем занимаюсь. Хочешь? Но для этого нужно покинуть игровую площадку.

— Так вот как это называется — игровая площадка.

— По крайней мере, мы так ее называем.

— А куда мы пойдем?

— В резиденцию.

— Где я находилась до того, как..?

— Да.

Триггер поднялась.

— Что ж, веди!

Выйти из лабиринта оказалось действительно простым делом, главное, как и утверждала Перр Хаса, знать, где свернуть. Места, где путницы сворачивали, не были отмечены никакими знаками, тем не менее, они всего за какую-то минуту подошли к дверному проему, за которым проступали абрисы комнаты со стенами, где зеленое соседствовало с золотистым. Внутри помещения не было ничего иллюзорного — стало быть, они и впрямь вернулись в резиденцию.

— Торай управляет спутником отсюда?

Перр Хаса взглянула на нее с недоумением.

— Старушка действительно находится здесь чаще всего, это так, но управлять спутником может практически отовсюду.

— Странно, ведь обычно это делают из компьютерной комнаты.

— Давай пройдем здесь, Триггер, — Перр Хаса показала на дверь. — Думаю, не погрешу против истины, если скажу следующее: в компьютерную комнату мы заглядываем редко. Только тогда, когда аппаратура требует починки или отладки. Для подобных случаев у Торай есть помощники, которых она вызывает извне.

— Ага, стало быть, инженеров, обслуживающих

главный компьютер, на спутнике нет? — спросила Триггер, следуя за девочкой по коридору.

— У нас тройная система дублирования. То есть три главных компьютера, а любой из них в состоянии справиться с проблемами в одиночку. Маловероятно, что они выйдут из строя одновременно, верно? Вот мы и пришли.

Перр Хаса остановилась перед очередной дверью и сдвинула панель, открыв для обзора прозрачную верхнюю часть.

— Смотри внимательно. Сейчас я покажу, что умею делать, Триггер.

Комнатка была тесная и какая-то убогая. В дальнем углу лицом ко входу сидел на скамье Блефро. Большие руки безвольно лежали на коленях. Голова кренилась набок, изо рта свисала нитка слюны. Пустой взгляд был устремлен на дверь, но в глазах не появилось и тени узнавания.

— Что ты с ним сделала?

Перр подмигнула девушке.

— Я выпила из него то, что Торай назвала бы эго. О, конечно, не все эго, иначе бы он умер. Я оставила ему самую чуточку. Он может сидеть, как сейчас, стоять и даже ходить, если поступит приказ, но основная часть его личности — во мне.

У Триггер зашевелились волосы.

— Зачем ты это делаешь?

— А почему бы и нет? Это любезность по отношению к нему. Ведь его не собирались оставлять в живых. К тому же, Блефро — полуфабрикат для гастрономических изысков Аттука. Но теперь это ему по барабану, — Перр Хаса задвинула заслонку. — Теперь ты поняла, что я делаю? Я впитываю личности, которые не похожи одна на другую, и это так приятно. Некоторые совсем неважные, но я их впитываю в ожидании, что появится эго поинтереснее и попитательнее. Или могу высасывать понемножку, то отопью от одного индивида, то от другого. А они этого и не замечают. Поверь, я совсем не жадная, и когда нахожу что-нибудь действительно необычное, могу сдержать свой аппетит до тех пор, пока не наступит подходящий момент. И вот тогда я устраиваю себе самое настоящее пиршество! — Она плотоядно облизалась. — А хочешь, я покажу тебе компьютерную комнату?

Триггер прочистила пересохшее горло.

— А зачем ты хочешь мне ее показать?

— Потому что ты хочешь знать, где она. Вряд ли это тебе поможет, но давай не будем загадывать. Нам сюда, Триггер!

Они двинулись вдоль коридора. Девочка бросила искоса на Триггер оценивающий взгляд.

— В Блефро было совсем негусто, — заметила она, — зато вот в тебе такая плотная личность, которую я запомню на долгое-долгое время.

— А не подавишься?!

— Твоя странная штучка в мозгу, — сказала Перр, — не сможет меня остановить.

— Возможно, она тебя и не остановит, но, полагаю, существуют другие способы, о которые ты обломаешь зубы или что там у тебя для высасывания эго?!

Перр Хаса восторженно захохотала.

— Посмотрим, посмотрим, как это у тебя получится! Сейчас повернем в последний раз и оказываемся в тупичке, который упирается в компьютерную комнату. Хотя нужное тебе помещение обычно закры… — она отступила в сторону и дверца, которой не было заметно, ушла в стену.

Девочка юркнула в нишу.

Триггер устремилась за ней, но слишком поздно. Последнее, что она увидела в сокращающуюся щель между стеной и закрывающейся дверцей, улыбающееся личико Перр Хасы. Девушка поняла, что способа открыть эту дверцу снова не

существует. Прямоугольные очертания растворились, и их невозможно стало отличить от остальной стены.

Глава 6

В конце тупичка имелась еще одна дверь. Компьютерная комната, скорее всего, находилась за нею. Дверь выглядела массивной, а поскольку ручки на ней не было предусмотрено, трудно было сказать, как туда попасть.

Ее расположение в любом случае следовало запомнить. А пока, прежде чем ей помешают, лучше походить по резиденции и поискать какую-нибудь полезную информацию.

Вскоре предпринятое обследование расстроило девушку. Резиденция походила на дом с несколькими крыльями, да притом не одноэтажный, а с несколькими этажами. Некоторые двери, которые она находила как в коридорах, так и в комнатах, не открывались. А некоторые — были не заперты. Помещения так разнились интерьерами и внутренней отделкой, что невольно приходила мысль, что это не резиденция, а какой-то музей. Как правило, ни в одной из комнат не было мебели, но как только туда входила Триг-

гер, из стен и из-под пола появлялось множество предметов, предлагающих себя к использованию. Это говорило о том, что компьютеры знали, где она находится каждый данный момент.

К сожалению, они действовали не так, как хотелось бы ей в данный момент. Все, что они предлагали, не могло помочь ей вырваться со спутника Себалун. Но ведь должен же быть способ управления процессами! Но девушка не знала, что это за способ. Вербальные приказы не приводили к нужным результатам.

В конце концов, она вернулась в зеленовато-золотистую комнату. Дверь, в которую ушла Торай, была закрыта. Триггер лишь посмотрела на нее и двинулась коридором, в котором исчез Аттук. За первой же дверью, которую она открыла, оказалась полностью обставленная комната. Что-то типа резной птичьей клетки с черным полированным ящичком внутри висело высоко на стене, и в ней она увидела Салгола, держащегося за прут маленькой ручкой. При виде Триггер глаза крохи широко раскрылись.

— А где Сми и Рандерин? — спросила она, подходя к клетке.

Салгол кивком указал на ящичек.

— Они там. Дамы напуганы этими жуткими

людьми.

— Я их понимаю, — с сочувствием произнесла девушка.

Она вкратце поведала крохе о том, что с ней произошло. При первых же звуках голоса Триггер из ящичка выбрались Рандерин и Сми. Когда девушка закончила, Салгол перевел все это на марэльский язык.

— Как ты думаешь, они в самом деле нелюди? — спросил он.

— Не знаю, что и думать, — призналась Триггер. — Пока доказательств тому я не видела. Но, в любом случае, нам не позавидуешь, поскольку спутник у них в руках. Может быть, они и не собираются причинять вам физический вред.

— Но все равно мы останемся на положении пленников, а это плохо, — сказал Салгол. — Может быть, мы можем чем-нибудь вам помочь, хорошая леди?

— Возможно. Посмотрим-ка для начала, смогу ли я отпереть вашу клетку!

Замок не открылся, но прутья, из которых была сделана клетка; легко гнулись под ее крепкими пальцами. Девушка раздвинула прутья так, чтобы в получившуюся дыру смог пролезть мальчик с пальчик.

— Теперь, вот о чем, — сказала Триггер. — Я, кажется, догадалась, где Торай прячет мой любимый лазерный пистолет. Как думаешь, Салгол, если я подскажу тебе, где он, ты сможешь сдвинуть мой «Дентон» с места?

— В одиночку вряд ли, но если сообща с какой-нибудь из моих барышень — то наверняка.

Кроха переговорил со своими спутницами. Они отвечали голосами, похожими на пение маленьких флейт.

— Обе хотят тебе помочь, — сказал он.

— Спасибо обеим, но если каждая из них готова на подвиг, то пусть кто-то одна будет помогать тебе, а вторая останется в клетке.

— Зачем?

— Для того чтобы казалось, что вы все на месте. Это в том случае, если кто-то из хозяев спутника заглянет в вашу комнату.

Салгол снова пообщался с дамами.

— Рандерин пойдет со мной, она покрепче будет, а Сми останется на посту.

Рандерин и Салгол сняли с себя верхнюю одежду и поместили в ящичек, чтобы издалека казалось, что они там. Потом пролезли через дыру по очереди, а Триггер помогла спуститься им на пол. Она вновь выпрямила прутья и на проща-

нье ободряюще улыбнулась Сми, выглядевшей покинутой и удрученной.

Триггер покинула комнату с двумя марэльцами, спрятанными под свитером.

Малочисленность предметов мебели в зеленовато-золотистой комнате не давало возможность найти место, где можно было спрятаться крохам. Тем не менее, после осмотра на месте они все же сумели таковое обнаружить, и юркнули в укромный уголок рядом с дверью, за которую ушла Торай. Судя по тому, что она сказала перед своим уходом, личные вещи девушки должны были находиться именно за этой дверью. Если она оставила дверь незапертой, то парочка марэльцев сможет найти пистолет. А когда найдут, то спрячут, чтобы потом сообщить его хозяйке, где лазер.

Как только «Дентон» окажется у нее в руках, Триггер быстро уравняет шансы.

* * *

Девушка возобновила свою разведывательную деятельность. В резиденции Себалун было тихо, как в склепе. В кажущихся пустыми комнатах механизмы спутника из кожи вон лезли, лишь бы ублажить вошедшую, а ублажившись, она

продолжала поиски.

Одна из дверей вывела ее в широкий коридор с низким потолком. Немного погодя он заворачивал направо и дальним своим концом упирался в очередную дверь. Девушка постояла, прислушиваясь, потом пошла вперед, оставив дверь за собой открытой. Немного не доходя до новой двери, Триггер обнаружила нишу, через которую можно было выйти в сад, полный диковинных деревьев. Тем не менее, она подошла к намеченной ранее цели, но дверь, как назло, оказалась закрытой.

Девушка не собиралась проверять, что там в саду. Скорее всего, это был еще один вход в иллюзорный лабиринт — игровую площадку. Но когда она вернулась к исходной точке, выяснилось — на месте прежде открытой двери знакомо мерцал силовой экран.

Триггер испытала мимолетный приступ ужаса, хотя с самого начала было очевидно, что троица следит за ней и в какой-то момент ограничит ее передвижение по спутнику. Если сад является единственным выходом из коридора и ведет на игровую площадку, значит, она возвращается к тому, с чего начала, погнавшись за Перр Хасой по равнине. Рисковать вторично и углубиться в

контролируемый компьютером лабиринт было подобно хождению босыми ступнями по раскаленным углям.

Она подошла к нише и первым делом окинула сад оценивающим взглядом. Ничего угрожающего заметно вроде не было. Высокая полукруглая стена загораживала большую его часть, а над ней сиял белизной купол какого-то здания. Ничто не намекало на иллюзорность этого сооружения.

Должно быть, это все-таки часть резиденции, а не подманка. Но Триггер, пока у нее имелся выбор, решила не испытывать судьбу. Интуиция подсказывала: если остаться на месте, то должно что-то произойти.

И это что-то произошло.

Неожиданно на одной из дорожек сада появилась мужская фигура. Человек шел, отвернув лицо в сторону.

Когда он приблизился, стало ясно, что это — Ренн. Детектив, разработавший план ее похищения с планеты Орадо.

Глава 7

Девушка наблюдала, как он приближается. На его лице сохранились следы борьбы на яхте — си-

няк под глазом, распухший нос, повязка вокруг головы. Увидев свою обидчицу, Ренн скривился в усмешке, быстро миновал остаток садовой территории, и вскоре их разделяло уже метра три-четыре.

— Я буду краток, — заявил он. — Мои наниматели не простили мне моей оплошности с тобой и Блефро, и теперь я в таком же дерьме, как вы! Теперь нас можно считать союзниками.

— Нас наверняка прослушивают, — предупредила Триггер.

— Только не здесь, — сказал Ренн. — Я знаю это место. Но меня могут хватиться в любой момент и тогда отрежут всякую дорогу к отступлению. Напоминаю, время — деньги!

— А что, у нас есть дорога к отступлению?

— Только сейчас, несколько минут промедленья и все, ее не будет! Яхта, на которой я тебя привез, улетела. Она никогда не задерживается на спутнике подолгу, но это не беда! В одном из шлюзов Себалун хранит свой личный корабль. К сожалению, его надежно охраняют. Знаешь, я не ожидал такого подарка судьбы — наниматели чрезвычайно редко прибегают к услугам наемного персонала, когда сами находятся на спутнике. Видно, Себалун посчитала обстоятельства неор-

динарными и изменила своим привычкам. Как бы то ни было, у шлюза караулит охранник. Я постарался, чтоб он меня не заметил. Он знает меня в лицо, но не знает, что я — уже не доверенное лицо Себалун. Мне повезло, я сумел сбежать едва ли не из-под стражи. А сейчас вернулся за оружием.

— Ты знаешь где хранится оружие?

— Я знаю, где хранит свои пистолеты Аттук. Ради выигрышного шанса стоит рискнуть.

— Да уж, — согласилась Триггер. — Но до тех пор, пока ты не сможешь открыть вон ту симпатичную дверь, силовой экран перед другой дверью не даст нам возможности вернуться в резиденцию.

Ренн недоуменно воздел брови.

— Давай проверим, на месте ли экран?

Экран по-прежнему пребывал на месте.

Ренн удрученно признался, что не взял с собой отмычек.

— Боюсь, что нам придется забыть об игрушках Аттука!

— С какой такой стати? — удивилась Триггер. — Ведь ты же знаешь путь через сад. Скажи, а есть какой-нибудь другой вход в резиденцию?

Ренн покачал головой.

— Честно говоря, не хотелось бы идти другим путем. Многие в прошлом пытались, но у них ничего не получилось. Садовую часть механизма мои наниматели, черт их дери, кличут в шутку «игровой площадкой»…

— Бывала я там, — перебила Триггер, — ничего особенного! Всего лишь эффект лабиринта!

— Это точно, — согласился опальный детектив. — Когда кто-нибудь заходит туда без сопровождающего, контролирующие механизмы управления лабиринтом начинают ставить силовые экраны таким образом, что не заблудиться в нем невозможно.

— А как же ты его прошел только что?

— Мне подсказали однажды путь, и вот выдался случай воспользоваться подсказкой. И потом я миновал игровую площадку так быстро, что механизмы не успели запуститься. А если будем разыскивать там другой вход в резиденцию — совсем другое дело! — Он вдруг приложил ладонь к бинту на голове. — Нет, наверное, у нас ничего не получится!

— А что, нам обязательно следует пройти через площадку, чтобы добраться до шлюза с кораблем Торай?

— Да, это единственный доступный нам путь. —

Воспрянув духом, Ренн заглянул девушке в глаза:
— Слушай, а ведь я знаю, как туда пройти, чтобы не вызвать подозрение у караульного! И нам даже не понадобится оружие.

У Триггер загорелись глаза.

— Ты детектив, а я твоя пленница, верно?

— Умница! — похвалил Ренн. — Я должен доставить тебя на судно Себалун! Руки положишь на голову, а когда мы приблизимся к охраннику, я его отвлеку, а ты проведешь пару приемчиков, от которых у меня до сих пор кости болят. Уже через две минуты мы сделаем ручкой всей этой шайке-лейке!

— Оставив марэльцев на съедение этим каннибалам? Ну и что потом? — спросила Триггер вслух.

— Немедленно свяжемся с властями Ядра. Я не хочу, чтобы эта сука Себалун успела сбежать со спутника! Если нам улыбнется Фортуна, мы вернемся сюда уже не просто так, а в качестве карающей руки закона, а эти негодяи, я уверен, даже не заметят нашего побега.

— А у тебя самого-то разве рыльце не в пушку?

— Твои намеки вполне по делу, но у меня нет выбора. Мы имеем дело с очень опасными людьми, мисс Арджи! Как ты думаешь, сколько мы

протянем, если не станем ничего предпринимать? потом, я скорее предпочту реабилитацию, чем снова иметь дело с этой преступной троицей!

— Убедил! — воскликнула Триггер. — Пошли брать корабль приступом! Хотя, конечно, это ловушка.

Ренн безмерно удивился.

— Ты это о чем?

— Силовой экран запечатал дверь не из-за меня — банда разнюхала, что в резиденцию возвращаешься ты.

— А ведь верно, — детектив хлопнул себя по лбу, — но рискнуть нужно все равно!

И когда они уже вместе пошли по садовой аллее, Ренн добавил:

— Держись как можно ближе ко мне, я буду идти по возможности быстро, так что тоже прибавь шаг! И будь внимательна. Если произойдет смещение хотя бы одного силового экрана, то можно забыть о нашей операции!

* * *

Ренн двигался быстро, но осторожно, иногда даже переходил на бег. Триггер сосредоточилась на том, чтобы следовать за ним по пятам. В лаби-

ринте было спокойно, он абсолютно не отзывался на их присутствие, так что заговорщики, не задерживаясь, проследовали мимо нескольких иллюзорных картинок. В частности, они миновали цветущий луг, а также мшистый торфяник, на котором башмаки детектива оставили целую цепочку глубоких следов, поскольку Ренн то и дело проваливался в прогибающуюся под его тяжестью ржавую жижу по лодыжку, и, наконец, песчаник.

Неожиданно Ренн исчез.

Триггер замедлила шаг, по-прежнему ступая в оставшиеся после него следы, и вдруг ее качнуло. Девушка выпрямилась, постояла немного, ощущая ступнями насыпавшийся под стельки песок.

— Ренн? — позвала она вполголоса.

Ответа не последовало.

Сердце в груди готово было выпрыгнуть наружу. Какой-то неприятный запах, то ли затхлости, то ли запустения, возник и разлился в воздухе… Триггер замерла и прислушалась: издалека донесся скрип песка, будто кто-то приближался, при этом, стремясь сделать так, чтобы его не было слышно.

Через некоторое время шаги прекратились, и девушка почувствовала, что тьма, окружавшая

ее со всех сторон, поднимается, как живая. Тусклый, непонятно откуда взявшийся, свет появился перед глазами. Он медленно разливался вокруг и постепенно, как на фотобумаге под проявителем, возникал ландшафт. Это был длинный овраг с высохшим руслом реки на дне. Сказать, где реальность, а где дополняющая ее иллюзия, было совершенно невозможно.

А потом она увидела еще кое-что. Какая-то фигура стояла на противоположной стороне оврага, упираясь спиной в некое подобие каменной стены.

Фигура была неподвижна.

Не двигалась и Триггер, устремив пристальный взгляд на сию достопримечательность. Было бы неплохо, если бы в высохшем русле нашлись настоящие камешки. С горстью таких в руке она ощутила бы себя куда увереннее. Но кто мог дать гарантию, что все это, включая овраг, каменную стену и опершуюся на нее фигуру, не иллюзия?

Она не узнавала в фигуре черт, присущих ранее Ренну.

Разливающийся свет стал еще насыщеннее. Фигура не двигалась по-прежнему и ее контуры также оставались смутными, но подозрение, уже возникшее в мозгу и не оставляющее Триггер

ни на секунду, переросло в полную уверенность — девушка узнала демона, которого ей показывал в комнате с рекой из переменчивого огня волшебный диапроектор Перр Хасы. Потом навестила мысль, а что если девчушка вновь балуется со своей игрушкой, но Триггер отмела ее прочь. Диапроектор использовался для того, чтобы провести ее через спутник, здесь он был совершенно не к месту.

И тут она заметила, что демон отвалился от стены и медленно двинулся ей навстречу. Примерно в десяти метрах от того места, где стояла девушка, каменистый склон оврага становился более пологим, чем везде. Она смогла бы вскарабкаться наверх, но пока этого делать не стала. Она не знала, что там, наверху, поскольку разлитый свет скрывал вершину оврага. Триггер обернулась, склон скрывался из вида уже на расстоянии пятнадцати метров. Она подумала, что лучше бы ей помешал силовой экран, чем отходить так далеко от следов Ренна.

Антропоид приблизился настолько, что она разглядела черты его лица четче, чем ей хотелось бы. Коренастый, широкоплечий, он выглядел необыкновенно могучим. Из его пасти вырывалось мурлыканье вперемешку с рычанием, и это

сильно походило на нечленораздельные звуки человеческой речи. Желтые глазки с вертикальными зрачками гипнотизировали жертву.

Триггер ощутила волну отвращения и поневоле принялась отступать. Демон продолжал надвигаться с той же самой скоростью, словно понимал, что девушке бежать некуда. В конце концов, эти мощные ручищи с сильными пальцами сожмут беззащитное горло, и никакие ухищрения, никакие болевые приемы не помогут ей избежать этого…

Неожиданно краем глаза она заметила за своей спиной мерцание силового экрана.

Триггер устремилась влево вдоль этого мерцания. Ужасное порождение хаоса последовало за ней, надеясь, что край оврага и экран, в конце концов, зажмут ее с двух сторон. Тогда она дернулась вправо, и когда демон отреагировал на это аналогичным поворотом, снова взяла влево. Тем не менее, он вскоре настиг свою жертву, протягивая вперед свои жуткие клешни. Девушка резко присела, подцепила ладошкой песок и швырнула рассыпчатую горсть в желтые глазки.

Демон зарычал от боли и ярости, принялся спешно прочищать свои гляделки, но Триггер не стала ждать, а бросилась бежать и вскоре оказа-

лась у него за спиной.

* * *

Девушка подбежала к самому пологому месту оврага и, помогая себе руками, чтобы не сползти снова вниз, вскарабкалась примерно на шесть или семь метров выше дна оврага. Блеск силового экрана снова возник перед ней, ограничивая подъем. Она оглянулась. Антропоид ковылял за ней, все еще оттирая от песка свои желтые глазки. Тогда Триггер сделала то, что он ожидал меньше всего: стремглав метнулась вниз, увернувшись от мускулистых лап, хотя пальцы демона прошлись по свитеру, едва не разорвав синтешерсть острыми когтями. Он развернулся и получил… свежую порцию песка в рожу. Ах, сколько злобы раздалось в диком вое!

Внезапно яркий дневной свет затопил овраг. Раздался громовой глас Торай Себалун:

— Аттук, ты мне изрядно надоел!

Триггер запрокинула голову.

Эффект тусклого свечения исчез. Появился видеоэкран, с которого глядели на овраг Торай и Перр Хаса.

Торай выглядела крайне рассерженной в отличие от Перр, которая как всегда была довольна

собой. Антропоид тоже посмотрел наверх, жалобно помаргивая запорошенными глазками, прежде чем развернуться и пойти прочь. Сразу после этого его фигура из твердой как бы превратилась в жидкость, заструившуюся по краям, и стала обретать черты элегантно одетого мужчины с лицом Аттука. Уже перевоплотившись в самого себя, он подошел вплотную к склону оврага и как бы слился с каменистой стеной, полностью в ней растворившись. Видеоэкран опустел.

Триггер отряхнула песок с рук, поправила свитер и обернулась на звук шагов подходивших Торай и Перр Хасы.

— Теперь ты знаешь, что Аттук способен принимать разные формы! — сказала девчушка, ухмыляясь. — То, что ты видела, наверное, его истинное первоначало. Такую форму он принимает всегда, как только кто-нибудь забредает на его часть площадки. Пренеприятнейшее существо, не находишь? С тобой он был крайне осторожен.

— Осторожен или неосторожен, — воскликнула Торай, — мне плевать! Но если бы он хоть чуть-чуть повредил тело, я убила бы этого каннибала на месте! Нужно будет придумать Аттуку соответствующее наказание, но… это подождет. — Она

отрывисто поставила Триггер в известность: — Ну что ж, вот ты и дождалась — я полностью готова к перемещению! Идем.

И Триггер пошла, поскольку альтернативы не видела. Лучики света, вырывающиеся из колец на пальцах Торай, вели девушку во главе этой маленькой процессии, как постромки. Они контролировали каждый ее шаг и даже задавали темп передвижения. Триггер попыталась было замедлить шаг, но тут же была подхвачена в воздух и перенесена на какое-то расстояние вперед. Тем самым ей как бы давалось понять: не пойдешь сама — заставят!

— Из Аттука получился весьма похожий Ренн, — услышала девушка, как сказала Перр Хаса. — И повадки, и голос, и манера говорить! Конечно, у него всегда получались похожие голоса.

— Ты меня тоже несколько разочаровала, Перр, — сказала Торай. — Ты не должна была позволять ему зайти так далеко, ведь тела могут умереть и с испугу, сама знаешь. И тогда какая мне от них польза?

— О, я позвала тебя как раз вовремя! Спектрограмма чувств, снятая с Триггер, указывает на то, что она от испуга не умрет. — Раздался сдавленный смешок. — А как здорово она швыр-

нула Аттуку песок в глаза, ну разве не ловкая выходка?

Этот дурацкий диалог продолжался до тех пор, пока процессия не вернулась в резиденцию. Указующие лучики Торай привели Триггер в тесную комнатенку, в которой было установлено кресло с высокой спинкой. Мало того, именно они же, лучики, прежде чем усадить в него свою пленницу, развернули кресло поудобнее. Торай сняла с пояса дудочку и провела по ней пальцем — Триггер ощутила, как незримые путы с нее сняты.

— Вытяни руки вперед! — скомандовала Триггер.

Триггер не стала перечить, выполнила приказание и увидела мерцание силового экрана перед собой. Она убрала руки — мерцание исчезло.

— Ты замурована в узком пространстве комнаты! — объявила Торай. — Так что можешь пока расслабиться.

Она повернула кольца в сторону другого кресла, выскользнувшего к тому времени из стены, и заставила его застыть на расстоянии нескольких метров против того, в котором сидела Триггер. Потом Торай села, а Перр Хаса встала рядом с креслом, премило улыбаясь девушке.

Лицо Торай одновременно выглядело голод-

ным и удовлетворенным. Она в последний раз окинула взглядом свое будущее тело.

— Да, замечательная кандидатура, — произнесла она с чувством глубокого удовлетворения. — Я вполне довольна сделанным выбором и не нахожу причин для дальнейшего промедления. Она откинулась на спинку и закрыла глаза.

Триггер застыла в ожидании.

Сначала все было, как и раньше. Потом что-то стало происходить. Девушке тоже пришлось закрыть глаза, чтобы сконцентрировать внимание на обороне против вторжения в свой разум. Ощущение сильнейшей алчности, готовой поглотить ее сознание, и обрывки чужих мыслей стали проталкиваться извне. Их Триггер какое-то время изучала, потом поняла, что чужому влиянию необходимо противопоставить свои мысли, не имеющие ничего общего с Торай Себалун и событиями, произошедшими во время пребывания на спутнике, а взятые из воспоминаний, связанных с иными местами, иными временами и иными людьми, и принялась направленным усилием воли вычищать ментальных лазутчиков из своего разума. Так продолжалось какое-то время. Ментозащита девушки оказалась вполне эффективной, хотя все новые и новые мысли

Торай продолжали терзать оборону, теперь уже с нетерпением и яростью, до тех пор, пока метла Триггер не вычищала их снова. Разумозащита старых галактиан была по-прежнему крепка, а Торай, судя по всему, на это не рассчитывала. Настойчивость, с которой чужие мысли пытались заполнить разум Триггер, продолжалась еще какое-то время, но вдруг девушка ощутила в них беспокойство и нарастающую с каждой секундой тревогу.

— Перр, ты не помогаешь мне! Перр! Перр Хаса!!

Ответа не последовало. Невнятный шум, захлебывающийся вскрик Торай. Триггер открыла глаза.

Старуха-мучительница выпала из кресла и билась в конвульсиях рядом с креслом. Возле нее на коленях склонилась девчушка с таким жадным взором в очах, какой Триггер наблюдала в собственных глазах Торай перед началом сеанса перемещения, да еще, пожалуй, в желтых гляделках антропоида Аттука, когда он преследовал беглянку на дне оврага. Перр посмотрела на девушку и захохотала как безумная.

— Я так и знала! — верещала она. — Она застряла в той штучке, что у тебя в голове! Обломала

свои грязные зубы! В случае каких-нибудь осложнений во время перемещения мне было поручено помочь, впитывая твое эго, но я не сделала этого! Да-да, не сделала. Торай не смогла продвинуться дальше, но если бы только это — она теперь не может и вернуться, ха-ха-ха!

Перр Хаса снова уставилась на Торай. С нескрываемым вожделением.

— И вот оно, вот оно, вот оно! Я ждала долго и терпеливо, теперь личность Торай перейдет ко мне!

Девчоночье личико стало хищным, несмотря на то, что улыбка по-прежнему играла на тонких губах, а худенькое тельце стало раскачиваться над поверженной Торай.

Триггер тихо встала из кресла.

Глава 8

Если бы Торай Себалун удалось имплантировать свое эго в тело Триггер, то она обнаружила бы себя за силовым экраном, который запечатывал девушку в узком пространстве, ограниченном несколькими квадратными метрами, а дудочка Торай осталась бы по другую сторону.

Следовательно, поскольку Торай считала Ат-

тука и Перр Хасу; ненадежными союзниками, должно было существовать устройство, убирающее экран, с той стороны, где находилось кресло Триггер. Девушка дожидалась лишь момента, когда можно было бы приступить к поискам, и вот теперь такой момент наступил, ибо Торай беспомощна, а Перр Хаса занята собой.

К сожалению, кнопка, клавиша или какое-нибудь другое устройство, похоже, было хорошо замаскировано. Триггер быстро прощупала стены, периодически поглядывая на парочку у другого кресла. Что-то, что могло быть мыслями Торай, все еще вспыхивало где-то на задворках сознания, но оно было нечетким, ел заметным и не слишком настойчивым. Отвлекаться на него не стоило — слишком много чести! И без того оно будет вычищено защитой старых галактиан. Тем временем Перр Хаса не проявляла особого интереса к тому, что происходит по другую сторону экрана.

Поскольку в стенах не оказалось ничего подходящего, Триггер принялась изучать кресло. Некоторое время спустя она обнаружила, что хищная девчушка встала на ноги и пристально смотрит на нее. Одновременно пришло понимание, что в разуме больше не копошатся слабенькие остатки

мыслительной деятельности Торай, а сама она больше не бьется в конвульсиях, а застыла на полу бесформенной кучей. По губам Перр Хасы разлилась мечтательная улыбка:

— Торай была очень хороша! Каждая частичка настолько насыщена, как я и ожидала! Что, Триггер, ты еще не оставила мысли выбраться?

— Врать не буду, не оставила! Может быть, ты знаешь, как можно отключить экран отсюда?

— Нет, — ответила маленькая душегубка.

Триггер потеребила нижнюю губу:

— Послушай, если ты снимешь дудочку с пояса Торай…

— Ну, и хорошо, — сказала Перр Хаса, — допустим, я ее сняла, все равно ведь не знаю, как ею пользоваться. И потом, почему я должна освобождать тебя? Лучше пойду поищу Аттука!

Она запела какую-то дурацкую песенку и вприпрыжку покинула комнату. Триггер скрипнула зубами от досады и возобновила поиски устройства. Одному монстру пришел конец, но двое других все еще обретаются поблизости. Надо выбираться со спутника и побыстрее!

Тоненький голос позвал ее:

— Триггер!

Девушка поискала взглядом его источник. Сал-

гол и Рандерин подпрыгивали от нетерпения по другую сторону мерцающего сияния.

— Мы нашли твой пистолет! — пропищал Салгол. — Торай мертва? И что это за штука между нами?

У Триггер отлегло от сердца:

— У вас мой «Дентон»? Отлично! Да, мои маленькие друзья, Торай мертва, но остальные двое могут заявиться сюда в любое время. Между нами непроходимый силовой экран. А теперь послушайте…

Она вкратце рассказала об управляющей дудочке и смогла описать крохам манипуляции, с помощью которых Себалун ставила и снимала силовое поле. Должен был быть какой-то выключающий рычажок.

Марэльцы подтвердили ее предположение, что нашли кнопочку. Дудочка вообще вся была покрыта целыми рядами кнопочек. Проблема заключалась в том, что они не могли нажать с нужной силой на кнопку — это находилось за пределами их физических сил, даже совместных. Наблюдая за бесплодной возней крошек возле дудочки, Триггер выкрикнула:

— Там, в моей сумочке!

Марэльцы, задыхаясь от затраченных усилий,

непонимающе уставились во все глаза на девушку.

— Ключи! Салгол…

С первого же слова крохи припустили бегом и были уже на полпути из комнаты, когда она завершила фразу:

— …стукни каким-нибудь из них по кнопке!

Потом Триггер возобновила исследования своего кресла. Ей казалось, что она осмотрела все. В расстроенных чувствах она стукнула кулаком по спинке. Раздался резкий щелчок.

Девушка замерла на пару секунд, а потом подошла к экрану, вытянув вперед руки.

Никакого мерцания…

Экран исчез!

Она неспешно подошла к телу бывшей владелицы «Себалун Энтерпрайзис» и отцепила от пояса волшебную дудочку. Манипулирование лучевыми устройствами, вероятно, потребует определенной практики, но сейчас не время отвлекаться на это!

Триггер вышла из комнаты вслед за марэльцами.

* * *

Лабиринт игровой площадки все еще пытался препятствовать передвижению по нему, но с помощью дудочки справиться с ними не представляло особой сложности. Кнопочки управления силовыми экранами были сгруппированы на одном из ее концов. Теперь, когда процессия натыкалась на очередной экран, Триггер нажимала на все кнопочки подряд, пока не попадала на ту, которая его отключала. Салгол, Рандерин и Сми без труда держались за своей спасительницей. Вскоре манипуляции с дудочкой наобум, вывели из равновесия управляющий механизм лабиринта — звуковые эффекты прекратились, а видеокартинки застыли и не развивались во времени. Так что путешествие через игровую площадку не должно было занять много времени.

Силовые экраны, тем не менее, вряд ли были единственными препятствиями. Если Аттук знает, что попытка перемещения личности Торай провалилась, то он вполне мог ожидать Триггер где-нибудь на периферии с оружием в руках. Он говорил, что у космошлюза дежурит охранник. Если это так, то ей противостоят два вооруженных противника. Когда видеоряд, через который

они проходили, стал ей незнаком, девушка включила все свое внимание.

Так, еще один экран пройден. Триггер двинулась вперед по земле, поросшей мхом и лишайниками, вдоль иллюзорной каменной стены. Марэльцы не отставали. Они прошли метров десять, и стена повернула направо. Девушка остановилась у поворота и установила, что стена уходит в густые заросли искусственной растительности. Дорожка пролегала между двумя пышными кустами.

Неужели тень изменилась, как только Триггер выглянула наружу? Точно. Теперь девушка различала, что в гуще листьев что-то скрывается. Похоже, какая-то невысокая человеческая фигура.

Девушка переглянулась с Салголом.

— Эй, ребятишки, будьте осторожнее! — прошептала она, чтобы прячущийся не услышал, и медленно стала приближаться к подозрительному кусту.

Потом остановилась.

Куст шевельнулся — полуразмытая фигура изменила позу. Неужели в ней угадывается что-то знакомое?

Руки раздвинули ветки, и до боли знакомая

мордашка уставилась на Триггер. Голубые глаза Тэлзи расширились от удивления:

— Так вот где я тебя нашла, Триггер!

— Я и не знала, Тэлзи, что ты здесь.

— Я проснулась всего лишь несколько минут назад, — Тэлзи встряхнула головой. — Последнее, что я…

Триггер поднесла палец к губам:

— Тсс, подожди с воспоминаниями! Мы — на частном спутнике, в Расселмен-системе. И кое у кого имеются весьма неприятные планы в отношении нас обеих. Но сейчас я на полпути к спасительному космошлюзу. Присоединяйся к нам, и если удача нам не изменит, мы пройдет этот путь до конца.

Тэлзи выбралась из переплетения ветвей. Пистолет мгновенно оказался у Триггер в руке. Она нажала курок, поражая Тэлзи лучом прямо между глаз. И отскочила в сторону. Потом послала несколько зарядов в грудь и живот. Тело псевдоподруги стало расплываться. Девушка наблюдала за его превращением в нечто более массивное и более объемное.

К большому сожалению, антропоид Аттук не умер, поскольку оказался жизненной формой, о которой Триггер не было известно практически

ничего. В любом случае, он трудно копошился и никак не мог встать на ноги, только издавал какие-то хлюпающие звуки и пытался приподняться при помощи своих мощных лап. Триггер прицелилась в его немигающий желтый глаз.

— Нет! Подожди! — из кустов выскочила Перр Хаса и упала рядом с ним на колени. — О, Триггер, как я тебе благодарна! Я хотела испить его личность даже больше, чем Торай, и теперь…

Личико девчонки подергивалось в пароксизме ненасытной жажды. Триггер ощутила, как ее дергают за брюки, и посмотрела вниз. У марэльцев были запрокинутые помертвевшие лица.

— Что эта гнусная парочка задумала? — спросил Салгол.

Триггер прочистила горло.

— Вот тот здоровяк на последнем издыхании, а девчонка хочет помочь ему умереть. Не беспокойтесь, эта процедура уменьшит неприятности, с которыми мы могли столкнуться.

— А как ты узнала, что перед тобой не Тэлзи? Мы-то, дурачки, решили, что ты убила свою подругу!

Ну, подумала Триггер, по одной неприметной детали. Слишком быстро после пробуждения Тэлзи сообразила, где находится Триггер. Ведь

над ее разумом должны были поработать, если Аттук доставил пси-мастерицу на спутник. Было бы сомнительно…

— Я была практически сразу уверена, что это фальшивка, стоило мне увидеть Тэлзи. Но, конечно, следовало удостовериться наверняка. Вы заметили, как глубоко она проваливалась в мох? По самые лодыжки. Это бывает тогда, когда вес человека раза в три больше, чем у меня. Со мной это у него прошло один раз, когда Аттук перевоплотился в Ренна, но второй… — Она пожала плечами. — Что ж, разрешим Перр Хасе полакомиться вторично за сегодняшний день!

Между тем Аттук впал в беспамятство, и девчушка склонилась над ним. Льняные волосы почти закрыли его голову.

— Это продлится недолго, — сказала Триггер своим маленьким спутникам. — А потом с ней пообщаюсь я.

* * *

— Да, это не заняло у меня много времени, — сонно сказала Перр Хаса. — Ты была права, Триггер. Твой пистолет убил бы меня так же быстро, как и Аттука. Возможно, даже еще быстрее. У меня простая анатомическая конструкция, ее

довольно легко разрушить. Но ты, наверное, хочешь, чтобы я показала дорогу к космошлюзу? Это просто. Вы ведь миновали экранные барьеры.

— А охранник там есть? — спросила Триггер.

— Нет там никакого охранника, — ответила Перр. Потом зевнула. — Торай спланировала спутник таким образом, что люди здесь не нужны. Конечно, за исключением нанятых нами для какой-то цели и ремонтников. Ну и конечно, кроме наших дорогих посетителей. Теперь уже только моих! А каким драгоценным посетителем стала ты, Триггер! Это станет самым интересным моим опытом.

— Ну ладно, поговорили, и будет, — укротила распоясавшуюся девчонку Триггер. — Стало быть, охранника нет. Это хорошо. Но если ты соврала, то я живо отправлю тебя вслед за твоими компаньонами. Сначала надо позаботиться о Блефро. Никогда не прощу себе, если оставлю здесь кого-нибудь из людей. Где он?

— Увы, Блефро не дожил до сладкой минуты освобождения. У Аттука был славный ужин. Я могу отвести вас к тому, что осталось от Блефро, но думаю, оно вам не понравится.

— Все равно веди!

Девушке действительно не понравилось, что

осталось от Блефро, но и сомнений, что это именно его останки, тоже не осталось.

— А теперь к шлюзу! — приказала Триггер.

Охранника и в самом деле не оказалось. Всего одно судно находилось в шлюзе. Корабль Себалун — роскошный звездолет. Триггер держала Перр Хасу под прицелом, заставив идти впереди, марэльцы замыкали процессию. Девушка проверила пульт управления космическим кораблем. Перр стояла рядом.

— А теперь пошла вон! — приказала ей Триггер, когда поняла, что сможет довести корабль до Орадо.

Она вывела вампиршу наружу.

А теперь замки управления космошлюзом. Сами по себе они не должны быть чересчур сложными, поскольку управлялись компьютером, который реагировал на сигналы личного корабля Торай. Никакой оператор для того, чтобы выпустить корабль в межзвездное пространство, ей не был нужен.

— Перр… — начала девушка.

Перр рядом не было.

Триггер посмотрела по сторонам и сразу покрылась гусиной кожей. Она не заметила, как эта мерзавка исчезла. Перр стояла бок о бок с ней

еще секунду назад, а теперь сгинула.

Она услышала за спиной тихое хихиканье. Триггер обернулась. Ничего. Потом снова послышался сдавленный смешок. Она выстрелила перед собой. Теперь хихиканье послышалось сверху, но в тусклом свете, освещавшем купол шлюза, никого не было. Девушка направляла ствол, ориентируясь на звук — хихиканье перемещалось. То туда, то сюда…

Потом раздался шепот:

— Я бы выпила твою личность сейчас! Я берегла ее для себя, но не могу. Я слишком заполнена. Быть может, в следующий раз!

Триггер, пятясь, вернулась к звездолету, юркнула в люк, задраила его и заняла пилотское кресло. Реактор уже вошел в рабочий режим. Девушка пробежалась по клавишам управления шлюзом, корабль, подталкиваемый струей раскаленной плазмы, переместился в тамбур, внутренний шлюз закрылся. Настала очередь открыться выходу в межзвездный вакуум. В этот момент спутник как бы отступил назад и растворился в бархате ночи. Пошел в ход субкосмический переключатель.

Спустя несколько минут Салгол спросил из кресла рядом с пилотским:

— Тебя не отвлечет разговор со мной?

— Нет, можешь говорить. Мы летим на автопилоте.

Салгол помялся.

— Ну, я… наверное, мы… заметили, что ты сильно побледнела.

— Охотно верю, — Триггер вздохнула. — На это есть причина.

— Значит, мы еще не в безопасности?

— Физически мы вполне в безопасности, но в любой момент может обнаружиться, что проблемы остались.

Глава 9

— И что тебе сказали в Психологическом Сервисе?

— Совсем немного, — ответила Тэлзи. — только то, что ты в безопасности, но пока из карантина тебя не выпустят. И главное, что Маленький Народец в порядке.

Дело происходило за ужином, и Триггер подробно рассказала о своих невероятных приключениях на спутнике Себалун.

— Конечно, я провела собственное расследование, — продолжила Тэлзи, — и собрала кое-какую

информацию. Оказывается, была организована дипломатическая миссия, которая намеревалась отправиться на Марэл, чтобы установить официальные связи с этой планетой. Поскольку какая-то финансовая группа уже проникла туда неофициально и вовсю эксплуатировала природные богатства Марэла. Потом я выудила из разума человека, который знал много чего интересного, что эта финансовая группа связана с «Себалун Энтерпрайзис». Когда сообщили, что Торай Себалун и два ее компаньона пропали в глубоком космосе вместе с кораблем, я предположила, что к этому каким-то образом причастна ты. Кроме этого, я смогла выяснить еще пару связанных с этим вопросов. Мои друзья-детективы выследили лиц, нанятых Ренном и причастных к твоему похищению. Эти негодяи работали без лицензии и нарушили несколько неписаных правил кодекса частного детектива. Руководство основных детективных агентств Орадо-сити должно было неизбежно придти к выводу, что незаконная деятельность нескольких отщепенцев в их рядах может отразиться на репутации честных служащих. Как только мы идентифицировали этих подонков, осталось лишь шепнуть словечко то в одном агентстве, то в другом.

— Надеюсь, их не очень помяли? — спросила Триггер.

Тэлзи пожала плечами:

— Честно говоря, меня это не слишком интересовало. Но насколько я понимаю, очень сурово обошлись с охранниками отеля, которые не предприняли ничего, чтобы помешать Рейну похитить тебя. Они арестованы. Предполагаю, им предъявят обвинение в непрофессионализме. В любом случае, у тебя не возникнет проблем в этой сфере. Кажется, об исчезновении Блефро никто не заявлял. У него очень неважный послужной список. Его подозревали в нескольких преступлениях, и столичным прокурором уже был выписан ордер. Правда, остается еще ряд неустановленных лиц, связанных со спутником Себалун…

— Получается, что выявлены только мелкие сошки Ренна да еще пилот яхты, на которой меня доставили туда. К ним могут применить групповую амнезию, но пока они проходят реабилитацию.

Тэлзи поерзала на стуле:

— Так кто же скрывал все это?

— Симбиотический Контроль.

— Никогда о таком не слышала!

— Симбиотический Контроль — особое сверх-

секретное подразделение Психологического Сервиса, — пояснила Триггер. — Они позволили рассказать тебе о них, поскольку ты все равно узнаешь.

— Еще бы, — усмехнулась Тэлзи.

— Итак, имеется целая группа созданий-эмигрантов, существование которых скрывают от широкой общественности. Им нравится жить в таком цивилизованном месте, как Ядро Звездного Скопления. Некоторые претендуют на звание гуманоидов. В большинстве своем они безобидны, а многие даже полезны. Ученые Психологического Сервиса пристально наблюдали за всеми, но в правах никого не ограничивали. Но потом в эмигрантской среде были выявлены настоящие монстры. Группа Симбиотического Контроля подробно расспросила меня о том, что произошло на спутнике. Они уже знают об истинной сущности Торай Себалун и Аттука, а вот жизнеформа, которую я знаю под именем Перр Хаса — это совершенно новое явление. То, что я смогла рассказать им о ней, пролило свет на некоторые загадочные происшествия, зарегистрированные в имеющемся у них электронном архиве.

— Так они знали о первых двух? — спросила Тэлзи.

— Вот именно. Симбиотический Контроль считал, что таких тварей чрезвычайно малое количество, и поднимать из-за них панику в обществе совсем не резон. Аттук относится к типу Гелверов. Гелверы — большие индивидуалисты. У большинства из них хватает благоразумия не перевоплощаться в других существ там, где этого не поймут. К тому же, они охотно идут на сотрудничество с Психологическим Сервисом и помогают выявить своих собратьев, которые не гнушаются перевоплощений. Им разрешено находиться в Ядре, но только до тех пор, пока они не создают проблем.

— А где их родина?

— Они этого не знают, — сказала Триггер. — Корабль с Гелверами на борту потерпел крушение на планете Ядра еще до того, как здесь появились люди. Те, которые проживают среди нас, далекие потомки выживших с того разбитого корабля. Так что их родиной может оказаться любой мир. Совсем другое дело с существами типа Торай. Они знают, откуда прибыли, каким образом и еще кое-что. Все это имеется в отчете… Большая часть поверхности родины этих странных существ — вязкая трясина, в которой разумная жизнь не могла эволюционировать. Тела, доступные для

них там, имели примитивную нервную систему и были неспособны к развитию сознания. Но экспедиция Ядра провела некоторое время на этой планете и, улетая, прихватила с собой ряд экземпляров местной фауны. Сущность упомянутых существ внедрилась в тела некоторых людей. Это был инстинктивный процесс. Получив в свое распоряжение человеческий мозг, они завладели и потенциалом человеческого разума, которому быстро нашли применение. Об их существовании не подозревали чуть ли не целое десятилетие.

— И как Контроль поступил с болотом, породившим этих монстров?

— Обнесли силовыми полями и назначили карантинную команду. Об опасности ментального пси-инфицирования охранные спутники вещают на межзвездной лингве и всех остальных известных языках Галактики. К счастью, они не могут размножаться, поскольку адаптируются к носителям, не принадлежащим к их родной экологии. Раньше, после той злополучной экспедиции, никто не знал, сколько их проникло в Ядро. Но теперь местонахождение почти всех особей установлено.

— Что с ними делают при обнаружении?

— А что с ними сделаешь, — пожала плечами

Триггер. — Они ведь не портят тело носителя. Они просто живут и не мутируют. Используют мозг и могут даже быть ценными для общества. Хотя для всех мыслящих существ они являются паразитами, но таков уж их путь эволюции. У них есть выбор: или умереть, когда тело носителя одряхлело, или вернуться в свое болото. И как я понимаю, большинство решает в пользу возвращения.

— Значит, получается, что все эти три разных твари собрались в маленькое преступное сообщество вокруг своего главаря Торай Себалун? — задала вопрос Тэлзи.

— Ради общей выгоды, — подтвердила Триггер. — Вот теперь видишь, чем были полезны Аттук и Перр Хаса для Торай. Первый заметал следы, пожирая прежние тела носителей, а вторая помогала изгнать разумы из тел новых. И заметь, все члены семьи Себалун умирали в самый подходящий момент. Думаю, дело здесь не обошлось без парочки ее компаньонов.

Тэлзи задумалась.

— А относительно Перр Хасы, так ничего и нет?

— Ничего. Не прошло и трех часов, как мы на корабле Психологического Сервиса вернулись на

спутник с операторами пси на борту, как застали компьютерную систему отключенной, а внутренние помещения обезвоздушенными. А от Перр Хасы ни слуху, ни духу! Это тем более странно, что космошлюз был запечатан, а ни одного корабля, кроме личного судна Торай, на спутнике не имелось. Хотя, возможно, маленькой вампирше и не требовалось никакого космического корабля. А самое главное, неизвестно, что же она представляет собой на самом деле. В любом случае, я уверена, что она обретается где-то рядом.

— И будучи где-то рядом, она не оставила мысли следить за тобой.

— Вот именно, — вздохнула Триггер. — Именно по этой причине мне не по себе. Конечно, она существо непоследовательное и, возможно, оставила свою затею испить мое эго.

Тэлзи покачала головой.

— Насколько явствует из твоего рассказа, не такое уж Перр непоследовательное существо. Вспомни, сколько она ждала, чтобы напиться Аттуком и Торай!

— Я помню, — кисло сказала Триггер. — Мне не придется надеяться на то, что она оставит меня в покое. А это не дает мне выбора. Я не собираюсь залечь на дно из-за какой-то паршивой мерзавки

с неуемной жаждой. И не хочу, чтобы операторы Психологического Сервиса держали меня под колпаком, ежесекундно контролируя мой разум, даже если в роли контролера выступишь ты. Поэтому я приняла предложение Сервиса развить мои скрытые возможности, чтобы превратиться в действующую пси.

Она уважительно глянула на Тэлзи:

— Конечно, наставники не рассчитывают, что я достигну твоего уровня, но считают, что я с легкостью стану компетентным пси и в случае появления маленькой вампирши еще посмотрим, кто кого, фигурально говоря, выпьет. Потому Перр Хаса и не бралась за Торай и Аттука, пока они были в силе. Значит, она не всесильна. Есть, есть ограничения на ее вредную сущность.

— С пси у тебя будет все в порядке, причем прогресс станет заметен сразу же.

— Эх, если бы так… — с грустью поведала Триггер.

Тэлзи хлопнула ее по плечу:

— Веселее, подруга! Не так уж это плохо — быть пси!

— Да, я знаю, — натянуто улыбнулась Триггер. — Представляю, как будет забавно сделать на этом поприще карьеру. И в этом тоже про-

сматривается определенный плюс. Раньше я никогда не планировала стать пси. А теперь как бы положено этому начало. Мне все это до сих пор представляется странным… Ну, что, пошли?

— Можно.

Подруги забрали со стола свои сумочки, и вышли из ресторана.

— Это не более странно, чем то, что ты уже сумела проделать, — уверенно заявила Тэлзи.

— Правда? — с сомнением произнесла Триггер. — А что, например?

— А то, например, — ответила Тэлзи, — что на спутнике в Расселмен-системе ты умудрилась выиграть битву с тремя жуткими монстрами.

ТРИГГЕР И ЕЁ ДРУЗЬЯ
(сборник)

Сорвавшийся с поводка
(повесть)

Глава 1

Вот уже двенадцать лет в нескольких часах полета от точки, где пересекаются три основных космических трассы Федерации Ядра Звездного Скопления, парит в пространстве отель «Седьмая Звезда» — величественная золотая сфера, льющая сквозь прозрачную оболочку в пустоту мягкое сияние. Звезда разрабатывалась так, чтобы быть чем-то большим, чем просто удобной пересадочной станцией для путешественников и торговцев. В течение нескольких лет после открытия она сохраняла высочайший рейтинг среди всех мест отдыха Ядра, предлагая самые экзотические развлечения. «Седьмая Звезда» была местом рандеву и торжеств, там обожали проводить время нувориши со своими приятелями и нахлебниками. «Звезда» кипела жизнью, волнениями, межзвездными скандалами, звенела потоками кредитов, стекающихся из тысяч

миров. Короче, она была прибыльным предприятием. Но постепенно все изменилось.

Развлечения Звезды оставались такими же восхитительно скандальными и возмутительными как всегда, кухня все так же превосходна, апартаменты и сервис были как всегда выше всяких похвал. А обсчитывали там настолько виртуозно, что это было безболезненно для клиента. Но возникло одно обстоятельство: к своему восьмилетию «Звезда» безнадежно устарела. Теперь же, на исходе двенадцатого года своего существования, она жила вполне благообразно, обслуживая торговые и пассажирские суда. Четыре пятых всех апартаментов были закрыты, а оставшиеся — сдавались периодически, с приходом новых кораблей.

А через семь часов, если бы планы некоторых людей удались, «Седьмая Звезда» вообще прекратила бы существование.

* * *

В «Фалагон Хаузе», самом престижном ресторане «Седьмой Звезды», то тут то там, на приличном расстоянии друг от друга, за столиками сидело примерно с полсотни постояльцев, решивших пообедать на террасах сада. Один из

них, только что закончив с едой, сидел, курил и с одобрением наблюдал за кружащимся потоком прелестных девичьих фигур на «небосводе» сада. Это был крупный и мускулистый молодой человек, очень загорелый, с пленами внушительной ширины, орлиным носом и темными задумчивыми глазами. Спустя пару минут он расслабленно зевнул, затушил сигарету и отодвинулся от стола. Стоило ему встать, как с панели Галактического Сетевого Коммуникатора прозвучала мелодичная трель. Он колебался некоторое время, но потом приказал:

— Давай.

— Разрешаете побеспокоить? — спросила КомСеть.

— Это зависит от того, — внушительно произнес молодой человек, — кто звонит?

— Имя абонента — Ритал Дестон.

Он усмехнулся, и казалось, приятно удивился:

— В таком случае не мешкай и соедини меня с леди.

Мгновение ничего не происходило, затем нежный женский голос проворковал:

— Квиллан?

— Он самый, куколка! Где…

— Закрой КомСеть, Квиллан.

Он дотянулся до панели и нажал кнопку блокировки.

— Сделано, мы в приват-режиме.

— Хорошо, — произнес голос. — Но лучше воспользоваться шифратором. Я хочу быть абсолютно уверена, что нас не подслушают.

Квиллан хмыкнул, залез во внутренний карман пиджака и быстро сжал пальцами устройство, размерами и формой напоминающее сигарету.

— Помехи генерируются! — объявил он. — Что теперь?

— А теперь, дорогой Квиллан, прими сигнал СОС, — известил нежный голосок. — Мы можем встретиться немедленно?

На лице Квиллана ничего не отразилось.

— Конечно. Это действительно так срочно?

— Прямой опасности пока нет. Но нам лучше не тратить попусту время.

— Для этого потребуются какие-нибудь серьезные средства? У меня с собой только малютка.

— Тогда зайди к себе и возьми что-нибудь более подходящее, — посоветовала Ритал. — Скорее всего, понадобится что-нибудь помощнее мини-оружия.

— Хорошо. В таком случае, куда мне подойти?

— Встретимся у тебя. Я знаю, где это.

Когда Квиллан добрался до своего номера, Дестон уже стояла у входа. Высокая блондинка в облегающем платье без рукавов — черное с золотом. Прекрасная фигура с чуть полноватыми бедрами, роскошные волосы, милое улыбчивое личико. Миловидность и улыбка были естественны, но скрывали под собой ум, холодный и расчетливый, как компьютер, и тягу к роскошной и рискованной жизни. Полтора года назад, когда Квиллан видел Ритал Дестон в последний раз, эта тяга выражалась в промышленном шпионаже. После этого о девушке он не слышал.

На лице Ритал появилась задумчивая улыбка:

— Я подожду снаружи, — сказала она. — Здесь говорить мы не будем.

Квиллан кивнул, зашел в гостиную, выбрал подходящий пояс для оружия и кобуру, извлек пистолет из чемодана, защелкнул пояс на талии под курткой и вышел.

— Теперь что?

— Для начала воспользуемся порталом.

Он последовал за ней по коридору и в нише понаблюдал за тем, как она уверенно выбирала настройки. Наконец моргнул свет, и они вышли в пустой холл в другом месте этого же здания, пересекли расчерченный разноцветной плиткой

пол и вошли в другой портал.

Совершив еще три прыжка, они появились в длинном зале с тусклым светом и большими коврами на полу. Зал был пуст.

— Последняя остановка, — объявила Ритал. Она посмотрела спутнику в глаза, — мы сейчас в другом полушарии «Звезды», в одной из закрытых секций. Я устроила здесь своего рода чрезвычайный штаб. Ты в курсе, что «Звезда» на грани банкротства?

— Слышал кое-что.

— Кажется, это лишь часть причины происходящего здесь в последнее время.

— А что происходит? — спросил Квиллан.

Ритал осторожно взяла его под руку.

— Пойдем. Тут находятся мои, гм… скажем так, нелегальные апартаменты. Мой милый, понимаю твое недоумение, это, конечно, с моей стороны невероятно эгоистично, но я была чрезвычайно рада обнаружить твое имя в списке недавно прибывших гостей! А по поводу того, что здесь происходит… Сегодня в полночь тут отшвартуется «Камелот». Слышал об этом?

Квиллан кивнул.

— У меня кое-какие дела с одним из его пассажиров.

Ритал склонилась над замком.

— В общем, сейчас все выглядит так, — заметила она, — что ты вряд ли сможешь встретиться с этим пассажиром.

— Почему?

— Потому что после того как «Камелот» пристыкуется, и из него выгрузят кое-что, оба, и звездолет и «Седьмая Звезда», фигурально выражаясь, взлетят на воздух. Вместе с тобой, мной и, приблизительно, еще с двенадцатью тысячами постояльцев. И, откровенно говоря, я пока не представляю, как этому воспрепятствовать.

Квиллан какое-то время молчал.

— И чья это затея? — спросил он.

— Среди них встретишь кое-каких наших старых знакомых. Ну, входи. Их действия проходят под лозунгом «замести следы».

* * *

Как только они зашли в помещение, девушка тщательно закрыла дверь:

— Минутку, — подойдя к облицованной панелями стене, она повернула крошечный серебристый выключатель. — Мини-портал, — Ритал кивком показала на стену, — очень удобная штука. Но почти все время выключена.

— Для чего включила сейчас? — спросил Квиллан.

— Один из стюардов «Звезды» работает со мной в паре. Придет, как только освободится. Теперь коротко, насколько это возможно, о том, что происходит. Старые знакомые, о которых я упоминала — некоторые ребята из Братства Белдона. Здесь Мовейн, а за компанию с ним Маррас Кумз и Флуэль, а еще десятка три Братьев. Все лучшие. А сегодня на «Камелоте» прибудет Ном Ланшен собственной персоной. Всего лишь для того, чтобы возглавить операцию. Совершенно очевидно, что все эти братишки работают над чем-то очень крупным. Я, к сожалению, пока не выяснила, над чем именно. У меня есть одна догадка, но она еще больше сбивает с толку. Расскажу тебе об этом позже. Знаешь Велладона?

— Ага, и командор здесь? — Квиллан кивнул. — Я никогда не встречал его, но знаю, кто это.

Ритал сказала:

— Он был менеджером «Седьмой Звезды» в течение девяти лет. Тоже участвует в этой операции Братства Белдона. Добавь начальника службы безопасности гостиницы — его зовут Райтер — и полсотни его подчиненных. Все превосходно вооружены. В общем, как я понимаю, в заговоре

участвует практически половина сотрудников службы безопасности, включая всех офицеров. Итого, около восьми десятков бойцов. У меня есть основания полагать, что не примкнувшая часть охранников была разоружена и убита Братьями в субсекции «Звезды» несколько часов назад — их с утра никто не видел.

— Теперь о Велладоне. Помимо того, что он в доле с Братством, у него имеется еще одна причина, для того чтобы разнести «Звезду» к чертовой матери. У меня есть достоверная информация. Ты в курсе, что «Звездой» владеют братья Моллей?

— Да.

— Я работала на Моллеев последние восемь месяцев, — сообщила Ритал, — проверяла служащих уровня Велладона на предмет коррупции. Операция «Оборотни в ливрее». И, судя по всему, командор грабил своих хозяев втихую, по меньшей мере, несколько лет.

— Исходя из того, что я слышал, с братьями Моллей опасно шутить подобным образом, — заметил Квиллан.

— Не то слово. Велладон имел вескую причину впасть в отчаяние. Месяц назад сюда прислали новичков. Один из них — Шер Эрага — стюард, о котором я тебе говорила. Другой — прибыл на

место бухгалтера. Две недели назад Эрага узнал, что бухгалтер исчез. Велладон и Райтер, по всей видимости, догадались, зачем он тут. Тогда-то Моллеи и послали меня сюда для того, чтобы я разобралась в происходящем, прежде чем они предпримут решительные меры. Я прилетела четыре дня назад.

Она с сожалением покачала головой.

— Я ждала почти сутки, прежде чем связаться с Эрагой. Мне казалось целесообразным продвигаться в этом вопросе крайне осторожно. Но из-за этого потеряла время и теперь уже поздно что-либо предпринимать. Вот уже три дня, Квиллан, «Седьмая Звезда» заперта, словно банковское хранилище Федерального Банка. И кроме нас двоих, знают об этом только те, кто участвует в заговоре.

— Устройства связи не действуют? — спросил он.

Ритал кивнула.

— Придумали историю о том, что неподалеку бушует гравитационный шторм и полностью забивает все передачи. — А что по поводу прибывающих судов?

— Тот, на котором прилетел ты, по расписанию был единственным до «Камелота». Восемь часов

назад он улетел. Никому не позволили подняться на борт. Постояльцам, которые просились, было сказано, что свободных мест нет, и им следует дождаться «Камелота».

Девушка подошла к столу, открыла ящик, вынула оттуда пачку документов и вручила Квиллану один бланк.

— Это принципиальный план «Звезды», — пояснила она. — Пятиуровневое здание, сразу под защитной оболочкой — Операционный Блок. Этим утром туда переместились Братство и люди командора. Блок — центр защиты «Звезды». Он надежно защищен от нежелательных вторжений. Там есть и контрольные пункты, и оружейные склады, и узел дальней связи. В общем, все согласно стандарту. Пока заговорщики контролируют Операционный Блок, «Звезда» полностью у них в руках.

— Если это центр защиты, то там их практически не достать, — согласился Квиллан. — Они могут держать там осаду годами и разгерметизировать остальные помещения. Но там должно быть… ладно, с этим потом… что по поводу спасательных шлюпок в субсекции? И, кстати, наши приятели должны были где-то припрятать свои транспортные средства.

— У них два корабля, — ответила Ритал. — Хорошо вооруженное грузовое судно, на котором прибыли члены Братства, и большая яхта, тоже вооруженная. Кажется, это личная собственность командора. К сожалению, оба судна находятся в блокированной субсекции.

— Почему «к сожалению»?

— Потому что туда посторонним нет хода. Попробуй переместиться туда при помощи портала и уткнешься лицом в прозрачную стену. Нет никаких шансов попасть как на эти суда, так и на спасательные шлюпки.

Квиллан изогнул бровь.

— И что, по этому поводу никто не поднял тревогу? Как насчет технических рабочих, складского персонала и…

— Весь обслуживающий персонал был сегодня утром из субсекции выставлен, — хладнокровно сообщила Ритал. — Тихо, без лишнего шума. Им было сказано, что на территории складов скрывается банда налетчиков, и в настоящее время ее там окружили органы правопорядка. Само собой, во избежание излишних хлопот гости не должны ничего про это знать. Ловко придумано. Это заодно объясняет причину отсутствия сотрудников службы безопасности, и то, почему

субпространство перекрыто. А, кроме того, почему Операционный Блок находится под охраной, а вход туда запрещен, и с какой стати оттуда не выходят на перерыв технический персонал и офисные работники, да и отсутствие связи. Официально в гостинице объявлено чрезвычайное положение.

— Отвратительно, — скривился Квиллан. — Знаешь, куколка, мне начинает казаться, что ситуация безвыходна!

— Точно.

— Давай-ка, посмотрим…

— Остался один открытый портал в субпространство, — перебила его Ритал. — Он, естественно, находится в Операционном Блоке и, со слов Эраги, сверхнадежно охраняется.

— А он откуда узнал?

— В Блок доставляют еду из «Фалагон Хауза». Несколько часов назад парень отвозил туда обед.

— Ну, что ж, — обрадовался Квиллан, — тогда следует слегка подсолить им ужин.

Ритал покачала головой.

— Я проверяла запасы медикаментов в аптечной секции. Но там нет ничего такого, чего нельзя почувствовать на вкус. К тому же, мы не сможем усыпить сразу всех, а из-за подобной выходки

только попадем под подозрение. Сам понимаешь, этого мы себе позволить никак не можем.

— Да, а яд — это слишком для канцелярских крыс, — признал Квиллан. — Скорее всего, они не участвуют в заговоре.

— Да, не участвуют. Они работают под неусыпным надзором Братства.

— А если газ… но нет, думаю, тоже неудачная мысль. Потребуется слишком много времени, чтобы все подготовить, а у нас его, похоже, нет, — Квиллан бросил взгляд на часы. — Если «Камелот» пристыкуется в полночь, у нас осталось около шести с половиной часов, куколка! И что-то я пока не наблюдаю у себя в куполе никаких гениальных идей. Ты ничего не надумала?

Ритал колебалась какое-то время.

— В общем, ничего гениального, — наконец произнесла она. — Но есть две вещи, которые мы могли бы попробовать на крайний случай.

— Давай послушаем.

— Я знаю кое-каких людей в гостинице, у которых есть личное оружие. Если объяснить ситуацию, думаю, найдется пара десятков молодцов, кто захочет попытаться прорваться в Операционный Блок и захватить контроль или над командным пунктом, или над узлом связи.

Если мы предупредим «Камелот», то планы заговорщиков рухнут. Правда, еще не факт, что это спасет «Звезду».

— Нет, пока не стоит, — сказал Квиллан, — попробуем этот вариант, если не сможем придумать ничего лучше. А как попасть в Блок?

— Мы могли бы затолкать добровольцев в грузовик, на котором развозят еду, а Эрага загнал бы его внутрь.

— Что представляют собой твои приятели?

— Несколько контрабандистов и мошенников, с которыми я когда-то сталкивалась. Замечательно подходят для подобных вещей. Также спортсмен-миллионер. Он с шестью товарищами ожидает прибытия «Камелота» для того, чтобы отправиться на сафари в Джонтаро. Старина Филмаррон, по-моему, не в своем уме, но сорвиголова и любит пошуметь. Мы можем рассчитывать на него и его друзей, если к настоящему моменту они не слишком набрались. Но… этого количества все равно недостаточно для того, чтобы противостоять почти сотне хорошо вооруженных профессионалов, даже если учесть, что часть из них должна находиться на кораблях.

— Да, недостаточно, — Квиллан выглядел задумчивым. — А что насчет другой идеи?

— А что, если вытащить кота из мешка? Я имею в виду рассказать гостям и служащим обо всем, что тут происходит, и посмотреть, сможет ли кто-нибудь предложить приемлемый выход из положения.

Он покачал головой.

— Все, что ты в результате получишь, будет чем-то средним между бунтом и паникой. Парни в Операционном Блоке быстро вылечат эту блажь, прекратив подачу воздуха. Очевидно, они хотят, чтоб к моменту прибытия «Камелота» все выглядело тихо и благопристойно…

— Да, скорей всего ты прав, шум им ни к чему, — согласилась Ритал. — Если к моменту, когда лайнер войдет в док, мы будем мертвы уже в течение нескольких часов, они просто заблокируют вход в основные секции гостиницы, преспокойненько разгрузят «Камелот», и никто ни о чем не догадается, пока не станет слишком поздно.

На какое-то время воцарилась тишина. Потом Квиллан сказал:

— Ты упоминала о том, что догадалась, какую цель преследуют заговорщики. Что это за цель?

— Ну, это довольно любопытно, — сказала Ритал. — Во время полета сюда ко мне на корабле присоединилась молодая девушка по имени

Солвей Кинмартен. Не сказать, чтобы малышка была особенно разговорчива, но из того, что мне удалось узнать, я сделала вывод, что она не так давно вышла замуж, что ее муж вместе с ней на борту и что он пренебрегал ею. Эта прелестная маленькая пичужка выглядела настолько несчастной и расстроенной, что на оставшуюся часть пути я взяла ее под опеку. После того, как мы прибыли, я, естественно, выбросила из головы обоих Кинмартенов и их неурядицы.

Квиллан скорчил недовольную гримасу, поскольку не испытывал интереса к подобным темам. Дестон это заметила и пришпорила повествование:

— Но несколько часов назад Солвей внезапно ворвалась в апартаменты, официально зарегистрированные на мое имя. Малышку буквально трясло. После того, как она немного успокоилась, я узнала следующее: оба, она и ее муж, Брок Кинмартен, работают биотехниками. Им и еще одному спецу по имени Элтак, которого Солвей называет не иначе как «старый придурок», было поручено сопроводить два роскошных частных биомодуля в крайне престижный санаторий на Мецмиали. Но еще в самом начале поездки Брок популярно объяснил Солвей, что это очень

необычное задание, и он не хочет, чтобы она даже приближалась к модулям. В целом, по ее словам, это ее не взволновало бы ни в какой мере, если бы во время полета Брок с каждым днем не становился бы все более раздражительным и рассеянным. Она знала, что муж переживает по поводу биомодулей, и сам собой возник вопрос: а не впутались ли они во что-то противозаконное? Оплата за задание была достаточно высока: за недельную поездку оба должны были получить двойной месячный оклад. И вот однажды у малышки появилась возможность провести небольшое расследование.

В глазах Квиллана зажглись огоньки: кажется, Дестон подбирается к кульминации.

— Биокомплексы были зарегистрированы, соответственно, на майора и леди Пендрейк. Леди Пендрейк, кажется, была настоящей — контейнер необычайно большой и сделан несколько по-другому, чем те, с которыми сталкивалась Солвей, но, тем не менее, становилось очевидно, что внутри контейнера кто-то есть. А вот когда она включила индикатор жизни на модуле майора Пендрейка, тот показал «ноль». Если там внутри и было что-то, то точно не живой человек. Больше она ничего выяснить не успела,

поскольку боялась, что Брок поймает ее в комнате, предназначенной для транспортировки биомодулей. Уже здесь, в гостинице, биомодули поместили в номере, забронированном на имя леди Пендрейк. Элтак обосновался в нем же, в то время как Кинмартены поселились в соседнем. Однако Брок продолжал вести себя странно и практически все время проводил в апартаментах леди Пендрейк. Этим утром Солвей стащила его ключ от номера и пробралась туда, как только заметила, что мужчины куда-то отлучились. Едва она оказалась внутри, как услышала, что Брок и Элтак возвращаются. Она забежала в смежную комнату и спряталась в туалете. Потом в той комнате, откуда она убежала, послышалась какая-то возня, и Солвей догадалась, что Брока и Элтака арестовали работники службы безопасности гостиницы. И не только арестовали, но и куда-то увели. Затем они покинули номер, буксируя биомодули. Солвей ударилась в панику, уверенная в том, что она и Брок, по-видимому, допустили какое-то серьезное нарушение Кодекса Техников. Несчастная девочка выждала несколько минут, затем выскользнула из злополучных апартаментов, и нашла меня, для того чтобы узнать, не смогу ли я чем-нибудь помочь. Я обратилась к

Эраге, и он сообщил, что номер Кинмартенов взят под наблюдение. Очевидно, они хотели забрать и девушку. В общем, я спрятала ее в одном из номеров в этой части комплекса и дала успокоительное, чтобы она поспала. Сейчас она там.

— А где сейчас арестованные и биомодули? — спросил Квиллан.

— В Операционном Блоке.

— Как ты узнала?

Ритал слегка улыбнулась.

— Мне рассказал Дюк Флуэль.

— М-да, оригинально! Братство знает, что ты здесь?

— Расслабься, парень, — усмехнулась Ритал. — Никто, кроме Эраги, не знает, что я работаю на Моллеев. Я сказала Дюку, что планирую провернуть крупную аферу, когда придет «Камелот» — и даже предложила ему войти в долю. Он рассмеялся и сказал, что у него другие планы. Но он не будет упоминать никому, что я здесь.

— С чего бы это?

— С того, — сухо сказала Ритал, — что Дюк планирует поразвлечься со мной малость. И непременно до того, как прибудет «Камелот». Хладнокровный похотливый козел!

Она замолчала на некоторое время, а когда

заговорила снова, ее голос звучал неприятно и гнусаво, в нем сквозили омерзительные распутные нотки:

— Ты сейчас занята, киска, но ведь мы, надеюсь, сможем найти время, чтобы пропустить по глоточку чуть позже вечером, в теплой постельке?

Квиллан одобрительно хрюкнул.

— Как всегда великолепно имитируешь голоса. Как ты узнала о биомодулях?

— Я рискнула и скормила ему пилюлю с «сывороткой правды».

— Флуэлю? Ого! — уважительно воскликнул Квиллан: — Да уж, рискнула, так рискнула, по-крупному!

— Поверь мне, я по жизни видела множество садистов, но Дюк единственный, кто действительно меня пугает. Ну, в общем, пилюля сработала. Сыворотка действовала минуты две, потом он оклемался, так ничего и не заподозрив. У нас, девушек, есть способы, чтобы отвести подозрения… Одним словом, я получила ответы на некоторые вопросы. Бомба, с помощью которой они планируют устроить Биг-Бэнг,[15] уже установлена в обычной секции. Флуэль не знает, где именно,

---

[15] Примечания: 15

Биг-Бэнг — Большом Взрыв, с которого началась Вселенная.

поскольку снаряжали адскую машинку саперы-эксперты. Так что теперь она в полной боевой готовности. На кораблях заговорщиков имеются дистанционные взрыватели, и для того, чтобы рвануло, оба они должны быть активированы. Часть того, что им нужно для диверсии, находится в биомодулях Пендрейк…

— Часть? — спросил Квиллан.

— Ага. А еще добрая сотня аналогичных биомодулей будет выгружена с «Камелота», именно они — большая часть груза. Как раз из-за них Ном Ланшен и взял лайнер под свой контроль. Я хотела спросить о том, что находится в этих модулях, но взгляд Флуэля постепенно терял пустоту, которая появляется под воздействием сыворотки, и я быстро перевела разговор на какую-то дурацкую тему как раз перед тем, как он окончательно очнулся. За работу платит «Яко» — или, скорее, заплатит за материал по факту поставки и не задаст ни единого вопроса.

— Это не очень приятные новости, не так ли? — произнес Квиллан мгновением позже. — Если большая криминальная группировка вроде «Яко» полагает, что биомодули можно использовать…

— И не просто полагает, а способна использовать их с огромной выгодой, — сказала Ри-

тал. — За свое участие в этой операции Братство получит тридцать миллионов кредитов, и группа командора, вероятно, не меньше, — она бросила поспешный взгляд за спину Квиллана, на мини-портал. — Все в порядке, Эрага! Входи.

* * *

Шер Эрага оказался худощавым, темнокожим человечком с чрезвычайно крупным носом, вьющимися волосами и робким взглядом. Он сказал, что ужасно сожалеет, но не смог обнаружить ничего, что могло бы привести к местоположению взрывного устройства. По всей видимости, оно даже не охраняется. И, конечно, его здесь довольно легко спрятать.

— Если заговорщики не выставили охраны, — согласилась Ритал, — нам потребуется вся удача, чтобы локализовать бомбу! Конечно, если только не сумеем захватить «языка»…

На несколько секунд воцарилась тишина. Затем Квиллан предложил:

— Ну, что ж, друзья, если мы не сможем выработать хороший план, придется взять плохой и посмотреть, что можно из него выжать. Кстати, сотрудники службы безопасности командора носят униформу?

Эрага покачал головой:

— Те, которых я видел, — нет.

— Тогда вот вам первая идея, — поднял палец Квиллан. — Судя по тому, как обстоит дело, штурм Операционного Блока небольшой вооруженной группой многого не даст. Это, возможно, забавнее, чем сидеть на месте и ждать смерти, но все одно — самоубийство. Однако если бы мы смогли хорошенько подготовиться и для начала дезорганизовать там все…

— Подготовиться и дезорганизовать? Каким же это образом, позвольте спросить? — спросила Ритал.

— Можем воспользоваться твоим предложением о «троянском фургоне» в следующий раз, когда Эрага повезет туда ужин. Только в кабине буду я, в униформе стюарда, на случай, если охрана вдруг учинит проверку.

— В первый раз обошлось без проверок, — шмыгнул носом Эрага.

— Потрясающая небрежность с их стороны. Правильно говорят: солдату серое вещество по уставу не положено. В общем, как только мы попадем внутрь, я сбрасываю униформу, выхожу и прячусь. Эрага кормит своих молодцов и снова уезжает, а в этот момент я…

Ритал хмыкнула:

— А ты в этот момент будешь валяться в виде трупа, поскольку тебя, паренек, подстрелят сразу же, как только заметят!

— Ну, куколка, это вряд ли. Там сейчас кантуется две группы — всего приблизительно сотня человек — у них не было времени, чтобы основательно друг с другом познакомиться. У меня будет пистолет, и каждый, кто обратит внимание, посчитает, что я принадлежу к другой группе. Это будет работать до тех пор, пока я не наткнусь на какого-нибудь парня из Братства, который знает меня в лицо.

— И тебя подстрелят именно в этот момент. Я так понимаю, что в последний раз, когда ты повстречался с Дюком Флуэлем, он очнулся со здоровенной шишкой.

— Да, старина Дюк меня не жалует, — вынужден был признать Квиллан. — Но между мной и Мовейном или, например, Маррасом Кумзом, нет ничего личного, — кстати, я подготовил для Мовейна сообщение.

— Что за сообщение?

— Гм… сымпровизирую по ходу. Все зависит от того, каков там расклад. У меня, конечно, есть пара-тройка расхожих идей, основанных на твоем

рассказе. Но что я буду со всем этим делать, когда зайду так далеко, пока еще не знаю. Я просто попытаюсь устроить в логове врага как можно больший беспорядок. Это займет какое-то время, и, конечно, все может повернуться так, что я окажусь не в состоянии связаться с вами.

— А чем в это время должны заниматься *мы*? — спросила Ритал. — Если начнем собирать атакующую группу немедленно, а затем, в течение пяти-шести часов, не станем предпринимать никаких действий… Когда в курсе дела около двух десятков мужиков, велика вероятность утечки информации.

— Да, вполне возможно, — согласился Квиллан, — что так оно и будет, но будь у меня под рукой два десятка баб, утечка информации случилась бы не через пяток часов, а через пяток минут! Ладно, возражение принимается, вам надо подождать с мобилизацией! Если я не вернусь, и вы не получите известий от меня прежде, чем «Камелот» начнет стыковку, то Эрага все еще сможет собрать группу — всех, кроме тебя, куколка, — как было намечено.

— Почему это всех, кроме меня?! — возмутилась Ритал.

— Если у нас ничего не выйдет, ты постара-

ешься найти какой-нибудь хитроумный способ, чтобы предупредить службу безопасности лайнера после того, как он пристыкуется. Вероятность, конечно, невелика, но мы не можем позволить себе не рассматривать совсем такой вариант.

— Да, я понимаю, — Ритал выглядела задумчивой. — А что думаешь ты, Эрага?

— Вы говорили мне, что мистер Квиллан далеко не дилетант в своих взаимоотношениях с… хм… врагами. Если он считает, что сможет достичь определенных успехов в Операционном Блоке, то я — за этот план. Ситуация, несомненно, вряд ли может стать от этого хуже.

— Вот это настрой! — одобрил Квиллан. — Позитивный взгляд на вещи — это что-то вроде стяга. Сможешь организовать обед и униформу, приятель?

— О, да, — сказал Эрага. — Я, можно сказать, сам назначил себя ответственным за это.

— В таком случае, что можешь рассказать о планировке Операционного Блока?

Ритал встала.

— Пойдем к столу, — произнесла она. — У нас есть план.

* * *

— Пять уровней, как вы видите, — объяснял Эрага несколькими секундами позже, — находятся сразу за защитной оболочкой гостиницы, повторяя все ее изгибы. Пятый уровень, это на вершине, поэтому он сравнительно небольшой. Другие уровни довольно обширны. На втором, третьем и четвертом могут разместиться на каждом с комфортом что-то около ста клиентов. На этих уровнях, главным образом, жилые апартаменты, частные офисы и тому подобное. Ребята из Братства, кажется, занимают четвертый уровень, группа Велладона — второй. Третий, вполне возможно, специально отведен для встреч между представителями двух этих группировок. Все эти уровни соединены порталами с одним выходом в большой главный зал основного уровня. Все порталы были открыты, когда я сегодня был там, по вестибюлю слонялось до двадцати вооруженных до зубов ребят. Я узнал примерно половину из них. Это сотрудники службы безопасности «Звезды». Остальные мне были незнакомы, — Эрага откашлялся. — Таким образом, есть вероятность, что обе группы не доверяют друг другу полностью.

Квиллан кивнул.

— Если на кону стоит сумма в шестьдесят миллионов кредитов, надо быть полным идиотом, чтоб доверять Братству Белдона. Узел связи и офисы тоже охраняются?

— Да, но не особенно тщательно, — ответил Эрага. — Вроде бы всего по паре человек на каждой позиции. Головорезы, по всей видимости, изображают из себя охрану, на случай если воображаемые налетчики попытаются сбежать из субпространственной секции.

— А как передвигаться внутри Исполнительного Блока?

— Есть внутренняя сеть порталов, которая связывает все пять уровней. На каждом уровне, кроме пятого, смонтированы еще несколько порталов, которые ведут в различные точки «Седьмой Звезды». На пятом уровне только один подобный портал. Все те порталы, что связывают различные уровни Операционного Блока, в настоящее время не функционируют.

— Каким образом это сделано?

— Заблокированы со стороны Операционного Блока.

— Ты можешь дать мне план-схему системы входов и выходов, с которыми связаны эти забло-

кированные порталы? — спросил Квиллан. — Я попытаюсь разблокировать хотя бы один из них.

— Да, могу.

— Как насчет возможности установить связь?

— КомСеть функционирует в обычном режиме на втором, третьем и четвертом уровнях. Она была отключена на первом уровне для того, чтобы избежать распространения «тревожных слухов» персоналом офиса. А на пятом уровне КомСеть отсутствует в принципе.

— Тогда мы переместим наш операционный штаб обратно в те апартаменты, где я официально зарегистрирована. Поскольку в этих закрытых секциях КомСеть тоже отключена, я буду на связи, если ты, Квиллан, найдешь возможность дать о себе знать.

Эрага удалился, чтобы как можно скорее все приготовить. Ритал улыбнулась Квиллану.

— Удачи тебе, парень, — напутствовала она жизнерадостно. — Нужно ли обсуждать еще что-нибудь, прежде чем ты начнешь?

Квиллан кивнул.

— Несколько вещей. Если ты собираешься находиться в своих легальных апартаментах, а у Флуэля появится свободное время, не исключена вероятность, что эта гнусная рожа может объ-

явиться там.

Улыбка Ритал приобрела некий зловещий оттенок. Она провела рукой и распушила волосы на затылке. Раздался тихий щелчок, и Квиллан увидел на ладони девушки маленькую, украшенную драгоценными камнями заколку для волос, чей зауженный кончик целился ему прямо в лоб.

— У мозгодава небольшой радиус действия, — сказала Ритал, — но в пределах трех метров он спрямит все извилины в мозгу Дюка.

— Приятная штучка, — одобрил Квиллан. — Только не давай этому типу даже намека на шанс, куколка. У Папашки Дюка отвратительная репутация, кое-кто даже зовет его Синебородым.

— Я знаю о его репутации, и знаю, кого в старину называли Синей Бородой, — Ритал вернула на место свое миниоружие. — Что-нибудь еще?

— Да. Давай на минутку заглянем к малышке Кинмартен. Если она проснулась, то, возможно, припомнит что-нибудь такое, что забыла упомянуть тебе.

Они нашли Солвей Кинмартен бодрствующей. Девушка до слез была рада видеть свою патронессу. Квиллан был представлен в качестве юриста, который попытается сделать все, что в его силах, для мужа Солвей и Элтака. Она мило хмурилась,

с трудом пытаясь припомнить еще хоть что-нибудь, что может оказаться полезным. Но, по всей видимости, она рассказала Ритал все, что знала.

Глава 2

Сине-белый транспорт «Фалагон Хауза», которым управлял Эрага, был пропущен в Операционный Блок без разговоров. Он беспрепятственно пролетел сквозь огромный зал в коридор. За первым же поворотом транспорт на несколько секунд притормозил. Боковая дверца открылась и закрылась вновь, и транспорт двинулся дальше.

Квиллан, уже без куртки, быстро вернулся по коридору. Потертая рукоять МДС — Майм Дэвил Спешиал — вызывающе торчала из кобуры на бедре. В вестибюле маячило человек двадцать, все были демонстративно вооружены. Их лица и позы были любопытным коктейлем скуки и напряженности. Когда Квиллан вошел в зал, взгляды примерно половины из них обратились к нему. Потом, за единственным исключением, парни вновь потеряли к вновь прибывшему всякий интерес.

Это исключение, прислонившись к стене возле трех открытых порталов, ведущих на верхние

уровни, продолжало пялиться на приближающегося Квиллана. Лоб парня покрылся морщинами, будто он мучительно пытался отыскать в голове хоть какие-то аналогии. Квиллан остановился перед ним.

— Кореш, — обратился он, — не подскажешь, где сейчас Мовейн? Только что передали мне… это… спешное сообщение… для него…

Все еще соображая, бандит поскреб подбородок и моргнул.

— Ммм… типа я не в курсе, — выдавил он через мгновение. — Вроде как бы на третьем уровне в зале заседаний должен быть, с остальными шишками. Ммм… не знаю типа, стоит ли тебе туда соваться, братан! Командор чевой-та психует!

Квиллан изобразил озабоченность:

— Придется рискнуть, кореш! Базлали, что депеша-то жуть какая важная, — он повернулся и прошел через центральный портал, чтобы сразу оказаться в широком, хорошо освещенном зале.

Ни здесь, ни в первом коридоре, мимо которого он прошел, ему никто не встретился. Когда он достиг следующей галереи, справа послышались голоса. Повернув на звук, он миновал анфиладу закрытых дверей по обеим сторонам от него. Примерно через пятнадцать метров коридор опять

повернул и вывел Квиллана в длинную комнату с высоким потолком.

Голоса доносились из открытой двери справа. У стены рядом с дверью стояли двое бойцов, резко обернувшихся в сторону Квиллана, как только он появился в коридоре. Невысокий и коренастый нахмурился, а у его напарника-верзилы, с чьей головы касательным выстрелом бластера были начисто и, похоже, навсегда выжжены волосы, опустилась челюсть и выпучились глаза.

— Коллапс тебе в глотку! — вырвалось из него.

— Мовейн там, Балди? — осведомился у верзилы Квиллан, подойдя ближе. — Мовейн, я сказал?

— Мовейн! Он… ты… это… как здесь…

Коротышка вытащил пистолет и небрежно махнул в сторону Квиллана:

— Скажи громиле, Перк, здесь ему не рады.

— Ты назвал меня громилой? — ласково переспросил Квиллан. Он молниеносно схватил оружие за ствол, дернул, повернул, и дуло вдавилось в живот бандита.

— Громилой? — повторил он. — Где ты видел громилу?

Коротышка побелел.

— Это не громила, а Квиллан по кличке Беда, —

пояснил Балди Перк. — Спокойнее! Он, Орка, лучший боец командора. Как же ты…

— Повторяю, где Мовейн?

— Мовейн… он… ммм…

— Ладно. Я уже догадался, что его здесь нет. Ланшен тоже еще не прилетел. Ну, а Кумз-то хоть там?

— Да, — ответил Балди Перк. — Кумз там, Квиллан.

— Тогда давай зайдем, — Квиллан забрал у коротышки пистолет, сунул в карман и широко улыбнулся: — Заберешь его у своего босса, разгильдяй. Еще увидимся!

— Непременно, приятель! Непременно! — хриплым шепотом проговорил Орка.

* * *

В просторном зале заседаний почти не было мебели. За длинным столом прямо по центру сидело четверо. Квиллан знал двоих: Марраса Кумза — это был второй человек в местном отделении Братства Белдона — и Дюка Флуэля, садиста и личного телохранителя Мовейна. Третий — явно командор Велладон, крупный, краснолицый мужчина с седыми волосами и седыми же висячими усами, он в точности соответствовал

описаниям Эраги. Четвертым, по-видимому, был Райтер — моложе, чем остальные, жилистый, брюнет с прилизанными волосами — руководитель службы безопасности «Седьмой Звезды», предавший своих работодателей.

— Против чего я возражаю, так это против того, что попытка сделана без моего согласия и тайно, — Велладон говорил, обнажив зубы в усмешке, но голос его вибрировал от нескрываемой ярости: — И что же? Все сделано, и все испорчено. У вас чертовски крепкие нервы, ребята, если вы просите нас о помощи. Но это ваша проблема, и вам лучше самим позаботиться о ней как можно быстрее! Я не могу обойтись без Райтера, и если…

— Кумз! — вмешался в этот монолог Балди Перк с отчаянием в голосе, не успев переступить порог: — Квиллан-Беда здесь…

Головы всех сидящих за столом одновременно повернулись. Глаза, по крайней мере, двоих на мгновение расширились. Потом Маррас Кумз негромко рассмеялся:

— Поистине, на этом свете возможно все! — произнес он раскатисто.

— Кумз, — с раздражением бросил командор, — я предпочел бы, чтобы меня не перебивали.

Теперь…

— Ничем не могу помочь, командор, — сказал Квиллан, проходя вперед. Перк с несчастным видом плелся рядом, шаркая ногами. — У меня новости для Мовейна, и они не могут ждать.

— Для Мовейна? — переспросил командор, синие глаза уставились на Квиллана. — Причем здесь Мовейн? Кумз, кто эта невыдержанная личность?

— Разрешите представить, — сказал Кумз, сопровождая свои слова широким жестом, — Квиллан-Беда! Профессиональный пират, обладающий массой талантов. И вы правы, это на редкость невыдержанная личность. Но в данный момент суть в том, что Квиллан — не принадлежит к Братству.

— Что?! — Велладон грохнул по столу огромным кулаком. — Это еще что за игра… И как он вошел сюда?

— Ну, — снисходительно произнес Квиллан, — примерно с минуту назад я просочился сквозь северную стену. Я со…

Он оборвал себя на полуслове, осознав, что поверг всех в шок. Четверо за столом застыли неподвижно, уставившись на него. А Балди Перк, по всей видимости, так даже дышать перестал.

Затем командор кашлянул, и забарабанил пальцами по столу:

— В таком случае, у этой невыдержанной личности должны быть новости, хорошие или плохие. Для всех нас, — задумчиво произнес он. Он пожевал кончик усов и неожиданно усмехнулся Квиллану: — Ладно, присядь, приятель! Давай говори. Видишь ли, поговорить с Мовейном ты уже вряд ли сможешь. С ним… гм… произошел несчастный случай. Полчаса назад он неожиданно умер.

— Жаль, — со скорбным видом сказал Квиллан. — Но такого рода неприятности случаются в Братстве так часто. — Он развернул стул и сел лицом к столу. — Прекрасно выглядишь сегодня, Флуэль, — заметил он.

Дюк Флуэль, худой и вычурный в своем серебристом с искрой жакете и обтягивающих серебристых брюках, одарил его ледяной улыбкой, не проронив ни слова.

* * *

— Ну а теперь, приятель, — осведомился Велладон негромко, — скажи, что за дело у тебя с Мовейном?

— Ну, как вам сказать… Оно потянет приблизи-

тельно на двадцать процентов, — проинформировал командора Квиллан.

— Мы торговаться не намерены — полумиллионом кредитов больше, полумиллионом меньше. Да, что-то около двадцати процентов…

Лица четверки стали задумчивы. Через несколько секунд командор спросил:

— И кто такие «мы»?

— Группа непоименованных товарищей, — заявил Квиллан, — которые крайне озаботились, как только обнаружили, что вы, господа хорошие, тоже заинтересовались леди Пендрейк и ее приятелями. Мы понесли значительные расходы, а также испытали беспокойство, когда в положенный срок… ну, вы же прекрасно знаете, что эта дородная мадам должна была появиться в Мецмиали. А теперь она там точно не появится. Но бизнес есть бизнес, так что двадцать процентов — и точка! Иначе взрыв «Звезды» и лайнера не принесет вам тех дивидендов, на которые рассчитываете. Могут поползти слухи, а еще гарантирую, что возникнут разного рода осложнения. Ну, не мне вам рассказывать, сами прекрасно понимаете, откуда ноги растут. Стало быть, ни вам от этого проку не будет, ни «Яко». Не так ли?

Командор повернулся к Кумзу.

— Насколько хорошо вам знаком этот человек, Маррас?

Кумз сухо усмехнулся:

— Достаточно хорошо.

— У него всегда было адекватное поведение?

— Он должен был быть полным психом, чтобы лезть сюда и не быть при этом адекватным. А он не псих, по крайней мере, не в медицинском смысле.

— Крайне спорное утверждение, — заметил Флуэль и выразительно посмотрел на командора. — Почему бы ни спросить у него имена тех, кто участвует в этом деле вместе с ним?

— Хагреди и Болтан, — сказал Квиллан.

Велладон пожевал другой кончик усов.

— Я знаю Хагреди. Если он…

— Я знаю обоих, — сказал Кумз. — Болтан работает в банде пиратов в районе Орадо. Квиллан крутится там иногда.

— Неженка Болтан — мой старый деловой партнер, — пояснил Квиллан. — Надежный парень. И, кроме того, не гнушается использовать любую возможность подзаработать.

Велладон смерил гостя своими синими навыкате глазами.

— Мы можем проверить этих двоих, сам знаешь…

— Проверяйте, — сказал Квиллан.

Велладон кивнул.

— Обязательно сделаю, — в течение пары секунд он сохранял молчание, затем взглянул на Кумза. — С нашей стороны никакой утечки не было, — заметил он. — А они, должно быть, знают об этом в течение многих недель! Из всех бездарей, взявшихся за работу…

— Ах, только не надо быть слишком суровым к Братству, командор, — примиренческим тоном сказал Квиллан. — Со всеми случается. Уж вам-то должно быть это известно.

— Что ты хочешь этим сказать? — резко бросил ему Велладон.

— Из того, что мы слышали, Братство вытащило вас из довольно неприятного положения. Вы должны преисполниться благодарности.

Командор задумчиво уставился на него. Затем усмехнулся.

— Возможно, и должен, — произнес он. — Ты явился сюда один?

— А что, заметно?

Велладон снова усмехнулся.

— Если блефуешь, то да помогут тебе звезды!

Если же нет, то твоя группа в доле. Двадцать процентов, так двадцать процентов. Не время торговаться — мы сможем поднять цену «Яко», чтоб покрыть возникшие издержки, — он встал, и Райтер последовал его примеру. — Маррас, — продолжил командор, — расскажи новичку, что произошло. Если он хотя бы вполовину такой же рисковый, каким кажется на первый взгляд, то это как раз тот парень, которому можно поручить задание. Пусть поработает немного за свои двадцать процентов. Пойдем, Райтер. Мы…

— Одну минутку, сэр, — прервал его Квиллан. Он за дуло вытащил из кармана оружие Орки и протянул рукояткой вперед Велладону. — Один из ваших караульных, сдается мне, потерял эту штуку. Сейчас мается за дверью. Если не трудно, отдайте ему при встрече… а то парнишка надуется, если не получит свою игрушку назад.

* * *

Пятый уровень Операционного Блока, в полном соответствии со словами Эраги, занимал весьма небольшую площадь. Крошечный холл, в котором функционировали два портала, вел непосредственно в большую комнату, куда были помещены биомодули Пендрейков. Один из

контейнеров в настоящий момент был вскрыт. Вправо и влево уходили узкие коридоры, которые заканчивались, по-видимому, меньшими комнатами.

Балди Перк порядочно взмок.

— Вот прямо здесь, — произнес он тихим голосом, — я и ошивался тогда. Мовейн находился справа от модуля, Кумз стоял рядом с ним. Раберо держался малость позади меня, и держал за шиворот этого биопанка — Кинмартена. А Дюк, — он кивнул назад в сторону широкого дверного проема, ведущего в холл, — стоял там сзади.

Он прочистил горло.

— Ну, вот. Панк, значит, чуть приоткрывает контейнер, а выглядит при этом так, будто враз коньки отбросит. Это бородатое чучело, Элтак, выплясывает прямо перед модулем и держит в руках какую-то ерунду, с помощью которой контролирует эту штуку…

— Где это устройство теперь? — спросил Квиллан.

— Маррас Кумз забрал.

— Как оно работает?

Балди покачал головой:

— Совершенно невозможно понять. На нем куча всяких маленьких кнопок и дисков. Нажмешь

на одну, оно пищит, повернешь другую, и оно загудит. Что-то типа того.

Квиллан кивнул:

— Хорошо. Но что все же произошло?

— Ну, Мовейн приказал старикашке, чтоб тот начинал демонстрацию. Старикан усмехается, нахально так, и что-то там мудрит с устройством. Крышка контейнера с шумом открывается, эта штуковина вываливает наружу. Я в жизни ничего подобного не видел! Она похожа на дверь старой конюшни, если б у той вдруг отрос грязнющий мех! В общем, давай эта штука вертеться здесь вокруг, потом возьмет да обмотается своей верхушкой прямиком вокруг Мовейна. Бедняга взвизгнуть не успел!

— А потом?

— А потом пошла полнейшая неразбериха. Старикан ржет как полоумный, и этот недоумок Раберо выстрелил ему промеж глаз. Я знай себе палю в эту хреновину. В нижнюю часть, чтоб не зацепить Мовейна, потом мы все ходу оттуда. Я был на полпути к залу, когда Кумз, как ракета, пролетел мимо меня, а Дюк и остальные всей толпой ввалились в портал. Я добегаю до зала, и тут в комнате раздается до ужаса отвратительный звук. Я оглядываюсь назад… и… это… — Балди

остановился и с трудом сглотнул.

— Что это? — спросил Квиллан.

— Там, позади кабин, несчастный Мовейн наполовину торчит из стены! — сообщил Балди хриплым шепотом.

— Наполовину торчит из стены?!

— От пояса и выше он весь в стене! А брюки и башмаки в комнате! Я тебе говорю, в жизни такого не видел!

— А это создание, Хлат…

— Оно пропало. Исчезло. Типа свалило прочь. Я так думаю, что этот звук раздался, когда оно столкнулось со стеной, волоча в себе Мовейна. Оно прошло сквозь нее, а Мовейн — нет. Во всяком случае, его нижняя половина.

— Ну, — произнес Квиллан после паузы, — Мовейн, в некотором смысле, получил демонстрацию. Теперь совершенно очевидно, что Хлаты могут проходить сквозь материальные тела и при этом перемещать с собой другие объекты. Если «Яко» сможет выяснить, по какому принципу сконструировано устройство, которое управляет этими существами, группировка задешево получит эти создания. Так, а что произошло потом?

— Я рассказал Маррасу Кумзу о Мовейне, и он послал меня и еще пяток авторитетных ребят со

штурмовыми бластерами обратно, посмотреть, что для него можно сделать. Короче, выяснилось, что помочь, естественно, не можем, — Балди снова с трудом сглотнул. — В конце концов отрезали лучом заподлицо то, что от него осталось, забрали это с собой и смотались.

— Пока вы были здесь, существо не появлялось?

Балди содрогнулся и сказал:

— Не-е-е.

— А техник… был мертв?

— Точно. У него дыра в башке — кулак можно засунуть.

— Кто-нибудь, — заметил Квиллан, — просто обязан был пристрелить Раберо за его идиотскую выходку!

— Дюк это и сделал первым делом. После того, как мы вернулись на четвертый уровень.

— Итак, Хлат сбежал, и все, что у нас на самом деле сейчас есть, так это биомодули… и биотехник Кинмартен. А он, между прочим, где?

— Пытался слинять, когда мы спустились на четвертый уровень, и кто-то слегка ему врезал по сопатке. Доктор говорит, что он довольно скоро должен прийти в себя.

Квиллан ухмыльнулся, запихал МДС в кобуру

и сказал:

— Значится так, ты остаешься здесь. Отсюда тебе видна и комната, и оба коридора, и зал. Если внезапно почувствуешь, что под тобой начал ходить ходуном пол — ори во все горло. Я пока пойду осмотрю модуль.

* * *

Биокомплекс леди Пендрейк выглядел примерно в полтора раза больше обычного. Но, несмотря на это, внешние датчики, инструментарий и операционные устройства, несомненно, были стандартного образца. Часть контейнера занимала ниша почти двухметровой длины, полуметровой ширины и высоты. Она открывалась либо внутрь, либо наружу, но не в обе стороны одновременно. Квиллан уже разобрался, почему это так: в мнимом модуле был замаскирован морозильник, содержащий куски морской говядины весом по двадцать кило каждый — рацион для Хлата. Подобная форма позволяла кормить создание, не давая ему возможности выбраться наружу и мешая постороннему глазу увидеть содержимое. Нервозность Кинмартена, о которой упоминала его жена, теперь стала вполне объяснимой. Любого биотехника мог нервировать

подобный подопечный.

Квиллан спросил через плечо:

— Кто-нибудь уже догадался, почему существо не могло выбраться из закрытого контейнера?

— Да, — отозвался Балди Перк. — Кинмартен говорит, что это из-за защитного силового поля биомодуля: они могут проходить сквозь материю, и они не могут проходить сквозь поле.

— Кто-нибудь додумался активировать защитное поле Операционного Блока? — поинтересовался Квиллан.

— А то. Уж будь уверен, Велладон позаботился об этом перед тем, как спуститься на третий уровень, чтобы как следует промыть мозги Кумзу и Флуэлю.

— Таким образом, создание не сможет выскользнуть из Блока, если только не просочится на основной уровень, когда шлюз будет открыт.

— Точно, — пробормотал Балди. — Но, век Вселенной не видать, я не знаю, хорошо это или нет?

Квиллан снисходительно посмотрел на него:

— Ну, нам просто хотелось бы вернуть его на место.

— Зачем? Сегодня вечером лайнер привезет сюда еще полсотни таких же.

— У нас пока нет этих пятидесяти. А если кто-то еще не заметил этой мелочи…

— Ой! — по-бабьи произнес Балди. Раздался громкий треск, как при выстреле из штурмового бластера. Квиллан резко повернулся — у Перка волосы стояли дыбом, пистолет прыгал в руке.

— Что случилось?

— Я готов поклясться, — проговорил побелевший Балди, — что видел, как что-то двигалось вон в том коридоре!

Квиллан посмотрел, но ничего не увидел и медленно вернул свой МДС на место.

— Балди, — проникновенно произнес он, — если ты сочтешь, что видишь эту тварь, то просто скажи об этом. Это приказ! Если она пойдет на нас, мы быстро перейдем на другой уровень. Но мы не будем стрелять, пока в этом не возникнет необходимости. Если мы убьем Хлата, то он станет бесполезен для нас. Уловил?

— Да, — сказал Балди. Взор его вдруг ожил. — Послушай, Квиллан-Беда, у меня появилась идея, — он кивнул в сторону другого контейнера. — Давай оставим эту коробку с мясом открытой.

— Зачем?

— Если Хлат захочет кушать, — просто объяс-

нил Балди, — я бы предпочел, чтобы он обмотал собой несколько кусков говядины, а не меня.

Квиллан ободряюще хлопнул его по плечу:

— Балди, — заявил он, — может быть, это и неплохая идея, но мы не будем оставлять модуль с мясом открытым. Когда Кинмартен придет, я его заставлю показать, каким образом закрепить бокс в биомодуле так, чтобы ловушка захлопнулась, как только Хлат заберется внутрь. А для этой цели совсем не повредит, если эта тварь хорошенько проголодается.

— По-моему, — сказал Балди, — это не самая лучшая задумка.

— В Операционном Блоке находится около ста пятидесяти человек, — сказал Квиллан. — Взгляни с этой стороны! Даже если тварь продолжит набивать себе брюхо не говядиной, твои шансы попасть ей на обед весьма невелики, Балди.

Бандита передернуло.

* * *

Кроме кровоподтека на лбу, ничто не указывало на то, что Брок Кинмартен побывал в глубоком нокауте. Однако выглядел он измученным, голос дрожал. Было очевидно, что никогда прежде он не оказывался в столь непростой ситуации. Парень

предпринимал поистине героические усилия, чтобы не казаться напуганным и в то же самое время всем своим видом показывал, что готов изо всех сил сотрудничать со своими тюремщиками.

К тому времени, когда Квиллан и Балди вернулись на четвертый уровень, он уже пришел в сознание, и Квиллан предложил переместить его для допроса в личные апартаменты Марраса Кумза. Глава Братства дал свое согласие, поскольку его в первую очередь интересовало то, как функционирует устройство Хлат-контроля.

Кинмартен покачал головой. По его словам, он абсолютно ничего не знает об устройстве, за исключением того, что оно называется хлато-коммуникатор. До чего же неудачно сложилось, что Элтака застрелили, поскольку уж он-то, несомненно, мог бы рассказать все, что господа хотят узнать об устройстве. Если Элтак не вешал лапшу Кинмартену, то он являлся одним из непосредственных разработчиков данного инструмента.

— Элтак принадлежал к ученой братии Федерации? — спросил Кумз, рассеянно вертя в руках загадочный предмет цилиндрической формы.

— Нет, сэр, — ответил молодой человек. — Но — опять-таки, если то, что Элтак рассказывал мне за время нашей командировки, — правда, — то

он как раз тот человек, который обнаружил Хлатов. По крайней мере, он был первым, который встретился с ними и не был сразу же убит.

Кумз многозначительно взглянул на Квиллана, затем спросил у техника:

— И где это произошло?

Кинмартен снова покачал головой.

— Элтак не говорил, да я и сам, честно сказать, не очень хотел знать. Я стремился как можно скорее доставить существо в пункт назначения и отделаться, наконец, от этого поручения. Поймите меня правильно, в конце концов, я обучен работать биотехником для людей, но никак не для чудовищ.

Он неуверенно улыбнулся, но улыбка быстро сползла с лица.

— Вы имеете хоть малейшее представление о том, откуда взялись эти существа? — с брезгливым выражением спросил Кумз.

— О да, — торопливо сказал Кинмартен, — Элтак часто говорил о Хлатах, и фактически — за исключением местоположения — я получил довольно полную картину о планете, на которой они обитают. Во-первых, это, естественно, не колонизированный мир. Он должен быть землеподом или, во всяком случае, очень близок к

нему, поскольку Элтак жил там в течение пятнадцати лет и имел самый минимум оборудования. Хлаты обитают лишь на одном большом острове. Он обнаружил их случайно и…

— Чем он там занимался?

— Видите ли, сэр, Элтак — выходец с Хайлес-Фриза. Он был преступником… э… занимался пиратством, и когда власти начали искать его, решил, что будет лучше всего убраться из Ядра Звездного Скопления. Поблизости от планеты Хлатов его корабль получил повреждение, был вынужден сесть и не смог улететь. Когда Элтак обнаружил этих существ и осознал их специфическую особенность, он стал избегать прямых встреч с ними и тайно вел наблюдение. В результате обнаружил, что у них есть определенные способы общения между собой, и смог продублировать коммуникационные сигналы. Это позволило ему войти с существами в контакт и, в конечном итоге, он стал использовать их в качестве охотничьих собак. Как правило, Хлаты охотятся сообща — в их мире обитают определенные виды животных, которые слишком велики для одного существа, и в такой ситуации они нападают группой…

Потом Кинмартен несколько минут посвятил

описанию самого существа. Оказалось, что слово «хлат» означает «каменный лев» на одном из хайлес-фризских диалектов. Так называют плотоядного хищника, который имеет некоторое сходство с существами, обнаруженными Элтаком. Обычно для охоты это животное выходит на побережье, погружается в песок, гравий или камни, внезапно нападает на жертву из своего убежища и потом затаскивает к себе, чтобы сожрать позже.

— Вы слышали о том, что случилось на пятом уровне с человеком, на которого напало это создание? — перебил его Квиллан.

— Да, сэр.

— Почему эта тварь оставила половину его тела, торчащей из стены?

Кинмартен сказал, что просто оно было встревожено и двигалось слишком быстро. Само существо могло скользить сквозь материальные преграды без остановки, но ему требовалось немного времени для того чтобы реструктурировать объект, который хотело пронести вместе с собой. На деле для этого было необходимо не больше двух-трех секунд — согласно Элтаку — и, в основном, все зависит от природы объекта, а не от его размеров.

— Оно может реструктурировать подобным образом любой материальный объект? — спросил Квиллан.

Кинмартен задумался:

— Ну, сэр, я не знаю. Полагаю, что возможны какие-то ограничения на эту способность Хлата. Элтак говорил, что экземпляр, которого мы сопровождали, в течение прошлого года подвергался обширным экспериментам, и результаты оказались вполне удовлетворительными.

— Предположим, Хлат проносит живого человека сквозь стену. Вопрос: будет ли человек все еще жив, когда окажется с другой стороны?

— Да, сэр. Процесс переноса сам по себе не способен причинить вред.

Квиллан многозначительно поглядел на Кумза.

— Ты знаешь, — произнес он, — похоже, что мы продешевили, — уступаем «Яко» настоящее сокровище!

Кумз предостерегающе поднял бровь, но Квиллан лишь усмехнулся:

— А-а, пустое! Нашему приятелю биотехнику довольно скоро предстоит выступить перед «Яко» лично. Послушай, дружище, а зачем Элтак приказал существу напасть?

— Я не знаю, сэр, — ответил Кинмартен. — Это был довольно странный человек, к тому же вспыльчивый. Но, как бы то ни было, у меня сложилось впечатление, что он просто пытался заполучить заложника.

— Как же он выбрался с того острова с Хлатом?

— Эту планету изучали ученые из Университетской Лиги. Элтак вошел с ними в контакт и в обмен на приватную информацию о Хлатах получил гарантию полного прощения и большого денежного вознаграждения по возвращении. Таким образом, они забрали с собой и Элтака, и этот экземпляр для проведения экспериментов.

— А что тебе известно насчет Хлатов на «Камелоте»?

— Элтак сказал, что их совсем недавно поймали на острове.

Пальцы Кумза сновали по поверхности цилиндра, извлекая из него короткие серии то писков, то свистов.

— Есть один момент, который может не понравиться «Яко», — заметил он.

— Какой момент?

— У них не будет монополии на это существо.

Квиллан покачал головой.

— Научный комплекс «Яко» не настолько про-

питан бюрократизмом, как Университетская Лига. К тому времени, когда сведения о Хлатах просочатся в СМИ, — если, конечно, Федерация позволит произойти такой утечке — «Яко» уже лет пять или шесть будет вести работы. У них есть все необходимое для этого оборудование, — он перевел взгляд на Кинмартена. — Есть ли хоть что-то еще, о чем ты запамятовал нам рассказать, дружище? — с милой улыбкой поинтересовался он.

Лоб Кинмартена мгновенно покрылся испариной.

— Нет, сэр, — произнес он. — Я рассказал вам все, что знаю. Я…

— А теперь можно попробовать на нем наркотики, — произнес Кумз в пространство.

— Еще чего! — возразил Квиллан. — Парень нужен мне в полном сознании, для того чтобы установить кормушку с приманкой для существа. Скажи, а Велладон не проявил желания принять участие в охоте на Хлата?

Кумз неопределенно мотнул головой:

— Спроси у Флуэля! Я посылал его вниз, попытаться уладить дело с командором. И вот он вернулся.

Квиллан оглянулся — Дюк стоял в дверном

проеме, облокотившись на косяк.

— Велладон, — улыбаясь, сказал Дюк, — все еще злится на нас. Но он намерен поговорить с Квилланом. Ага, и Кинмартен здесь… Техник не говорил вам, что у него в гостинице жена?

Брок Кинмартен побелел как полотно. Кумз по-отечески взглянул на молодого человека и мягко произнес:

— Нет, не говорил. Должно быть. Это вылетело у него из головы.

— Наверное, — засмеялся Дюк. — Ну, так вот, она тут. И Райтер сказал, что приведет девчонку через полчаса. Когда она окажется здесь, нужно проверить, насколько искренним был с вами Кинмартен.

— Господа, — воскликнул биотехник плачущим голосом, который уже не мог контролировать, — моя жена ничего не знает, абсолютно ничего обо всем этом! Клянусь! Она…

Квиллан резко встал:

— Ладно, пойду посмотрю, нельзя ли улучшить настроение Велладона. Кумз, это у тебя в руках случайно не хлатокоммуникатор?

Кумз улыбнулся:

— Угадал, Беда.

— Маррас рассчитывает, — влез с пояснениями

Дюк, — что, если здесь вдруг появится тварь, а он пискнет этой штукой пару раз, то останется цел.

— Вполне возможно, — невозмутимо ответил Кумз. — Во всяком случае, я намерен все время держать игрушку при себе.

— Дело хозяйское, но на твоем месте я не стал бы слишком баловаться с кнопками, — заметил Квиллан.

— Почему бы и нет?

— Возможно, тебе крупно не повезет, когда игрушка пропищит что-нибудь такое, что на языке Хлатов означает: «Кушать подано!»

Глава 3

На втором уровне толклось значительно больше людей, чем на четвертом, и ощущалось гораздо меньше признаков нервозности. Бойцов поставили в известность о побеге Хлата из биомодуля, но, по-видимому, они не отнеслись к этому слишком серьезно. Квиллана проводили к командору, который встретил его ухмылкой, способной вызвать обеспокоенность у самого крутого бандита.

Райтер, руководитель службы безопасности, присоединился к ним буквально через несколько

секунд. Очевидно, Велладон его вызвал загодя.

— Райтер сделал несколько запросов, — сказал Велладон, вглядываясь в собеседника. — Мы узнали, что Неженка Болтан свернул активную деятельность в районе Орадо и убрал свою группу где-то с месяц назад. Настоящее местонахождение неизвестно. Примерно в то же самое время и Хагреди выпал из поля зрения, выполняя какую-то сверхсекретную работу.

Квиллан расплылся в широчайшей из улыбок:

— Угу! Все так и есть.

— Также, — продолжил за начальника Райтер, — стало известно кое-что и о тебе персонально, — в отличие от Беды улыбнулся он довольно кисло. — У тебя беспокойный и, очевидно, приносящий неплохой доход образ жизни.

— Да уж, дела мои идут неплохо, — согласился Квиллан. — Но, как говорится, нет пределов совершенству.

Командор осклабился.

— Итак, замечательно, — прорычал он, — ты чист. Нам, в целом, понравилось то, что мы выяснили. Не так ли, Райтер?

Райтер кивнул.

— Теперь это Братство Белдона, — командор встряхнул головой.

Несколько секунд Квиллан молчал.

— Возможно, братва просто недостаточно ответственно отнеслась к хранению взрывоопасного содержания биомодуля, это с ней бывает. Они привыкли иметь дело с более простым оборудованием, сами знаете, — сказал он наконец. — Не знаю. Это первый вариант.

— Все это я уже слышал не раз! — Велладон ожесточенно пожевал свой ус. — А как насчет остальных вариантов?

Квиллан откинулся на спинку стула.

— Но учтите, все это только мои догадки… Случай с биомодулем вполне может указывать на кое-какие подводные камни.

Оба задумчиво посмотрели на Беду.

— А если поподробнее? — попросил Райтер.

— Кумз рассказал мне, — пояснил Квиллан свою мысль, — что Ном Ланшен лично инструктировал Мовейна. Значит, хотел по-тихому провести испытание с «леди Пендрейк» и выяснить, действительно ли существа способны делать то, что им приписывается. Не думаю, что Кумз говорил неправду: Ном имеет привычку осторожничать, когда дело доходит до по-настоящему больших денег. До тех пор, пока у него нет уверенности по поводу Хлатов, он не хочет ввязываться ни

во что серьезное, подобное подрыву «Звезды» и лайнера.

Командор рассеяно нахмурился.

— Хм, — произнес он. — А ведь он знает, что мы уже не можем выйти из игры…

— Хочу обратить ваше внимание вот на что: в Братстве полно амбициозных людей. Сразу за Ланшеном главным был Мовейн. За ним — Кумз, за Кумзом — Флуэль. Предположим, что устройство хлатокоммуникатора, в который так вцепился Кумз, не настолько непостижимо, как пытаются представить. Предположим, что Кумз заключил тайную сделку с Элтаком. Элтак задействует устройство, и Хлат убивает Мовейна. Раберо тут же расстреливает Элтака и через несколько минут сам погибает от пули Флуэля, по общему мнению, из-за того, что не сдержался и пристрелил единственного человека, который знал, как управлять Хлатом.

Райтер кашлянул.

— Флуэль был напарником Мовейна, — заметил он.

— Совершенно точно, был, — согласился Квиллан. — А ты бы хотел, чтобы Дюк был твоим напарником?

Райтер ухмыльнулся и помотал головой:

— Нет уж, благодарю!

Квиллан повернулся к Велладону:

— Насколько вы застрахованы от предательства Братства?

— В целом, надежно, — ответил командор. — Здесь находится лишь небольшая часть их команды — те, что прибыли первыми. Когда пришвартуется лайнер, у нас окажутся примерно равные силы. Но Ланшен не станет ничего предпринимать, поскольку, как ты сам говорил, он осторожный сукин сын, а наши с ним силы равны. Как только уберемся из гостиницы, больше мы никогда не встретимся. Каждый из нас работает с «Яко» индивидуально. У Братства есть Хлаты, а у нас — квалифицированные техники Федерации, которые сопровождают животных и которые… которые…

— Которые, предположительно, единственные, кто способен проинструктировать «Яко», как управлять Хлатами, — закончил за него Райтер. Лицо шефа службы безопасности при этом оставалось бесстрастным.

— Пульсар меня порази! — тихо проговорил командор, до которого только что дошло, во что может вылиться стопроцентно выигрышная, казалось бы, авантюра.

— Ну, — заметил наблюдательный Квиллан, — рассмотренный вариант — всего лишь вероятность того, что ведется грязная игра. Чтобы быть уверенным, нужно убедиться в этом. Но если любой лох сможет управлять Хлатом с помощью коммуникатора, у Братства появляются очевидные преимущества, — оно может предложить «Яко» все, что необходимо, в одной упаковке. Конечно, и при таком раскладе вполне возможен вариант, что корпорация заплатит за ваших техников. А вот если нет, то вы с Райтером можете создать корпорации определенные проблемы — того же рода, что я со своими друзьями.

Краска медленно сползла с лица Велладона.

— Есть небольшая разница, — произнес он через силу. — Если мы будем угрожать «Яко», то они известят наших работодателей о том, что Райтер и я остались в живых после диверсионного акта.

— Это Моллеев, что ли?

— Да.

— Круто вы попали, ребята, — Квиллан задумчиво постучал пальцем по подбородку. — Ладно, давайте в таком случае поступим следующим образом, — сказал он, наконец. — У моей команды таких проблем нет, но, если выйдет так, что мы сможем предложить корпорации «Яко» нечто

большее, нежели одни неприятности, то такой вариант, естественно, выглядит предпочтительнее.

Велладон кивнул.

— Согласен! В данных обстоятельствах наше сотрудничество, кажется, станет неизбежным, не так ли, Беда?

— Как раз это я и имею в виду.

— По рукам, — сказал Велладон. — Есть ли какие-нибудь предложения?

Квиллан посмотрел на часы:

— И не одно, парочка. Мы не хотим совершать ошибок. До прибытия «Камелота» осталось почти пять часов, и пока он будет швартоваться, вы отправитесь на огневые точки. На вашем месте я не стал бы выдвигать никаких обвинений сейчас. Но можно было бы сказать хотя бы тому же Кумзу, что вы хотите временно позаимствовать у него хлатокоммуникатор для того, чтобы ваши технические эксперты провели анализ. Его реакция на это невинное предложение могла бы о многом поведать. Если упрется рогом, то давить слишком сильно пока не стоит — спорный вопрос, кто имеет больше прав на это устройство — вы или Братство. Но имеется еще и Кинмартен, биотехник, отвечающий за инкубатор. Я поговорил с ним в присутствии Кумза и Флуэля, но, возможно,

ему подсказали, что именно он должен говорить. Кумз предлагал накачать парнишку наркотиками, а это наиболее приемлемый способ закрыть ему рот, при условии, что он знает больше, чем сказал мне. Он принадлежит к персоналу, который вы намерены предложить «Яко». Мне кажется, что вы должны настоять на том, чтобы Кинмартена немедленно передали вам. И в этом случае реакция Кумза небезынтересна.

Велладон энергично закивал.

— Превосходная идея!

— Да и кстати, — добавил масла в огонь Квиллан, — Флуэль упоминал, что вы разыскивали его жену. Нашли?

— Пока никакого следа, — ответил Райтер.

— А вот это выглядит несколько подозрительно, не так ли?

— В данных обстоятельствах, — сказал командор, — это не несколько, а вообще подозрительно! — Его лицо, наконец, снова обрело нормальную окраску и нормальное, а значит, ожесточенно-злое выражение: — Ну, если они…

— Будет вам, командор, — успокаивающе произнес Квиллан, — ведь ничего наверняка мы не знаем. Просто все складывается немного странно и это видно невооруженным взглядом. Да, и еще

один важный момент. Поверьте, мы немедленно должны предпринять все возможное для поимки сбежавшего Хлата.

Велладон хмыкнул и плотоядно поковырялся в зубах ногтем большого пальца.

— Конечно, было бы лучше всего вернуть его в модуль. Но я не испытываю волнения по этому поводу — в конце концов, это просто животное. Даже игрушки, которые таскают с собой наши приятели из Братства, справятся с ним. А ты, как я вижу, пользуешься не игрушкой, а серьезной пушкой. Заметь, я тоже. Если это создание появится здесь, мы размажем его по стенке и дело с концом. На «Камелоте» прибудет еще пять десятков подобных зверюшек.

Квиллан кивнул.

— Тут вы правы, командор. Но существует вероятность, что уже в настоящее время создание находится под контролем Братства. Если это так, то тогда оно уже не просто животное, а смертельно опасная угроза.

Командор на мгновение задумался, затем кивнул и ответил:

— Полагаю, ты прав, Беда. Что предлагаешь по этому поводу?

— Можно использовать кормушку, ту, что

находится на пятом уровне. Затем, в арсеналах службы безопасности «Звезды», если не ошибаюсь, должны быть биодетекторы…

Райтер кивнул:

— У нас есть несколько дюжин, но, к сожалению, не в Операционном Блоке. Их оставили в корпусе службы безопасности.

Командор встал.

— Итак, Беда, ты остаешься здесь с Райтером, — приказал он: — Есть несколько вещей, которые я хочу обсудить с вами двумя. Я схожу в офис и закажу детекторы. Второй коридор отсюда, так? — Он посмотрел на своего заместителя: — Теперь ты, Райтер. У меня есть еще одна идея. Я сниму одного человека в космоброне с охраны субпространственного портала и отправлю его на пятый уровень. — Он усмехнулся, повернувшись к Квиллану. — У этих парней всегда при себе несколько гравитационных гранат и встроенный распылитель плазмы! Поскольку Кумз мастак на всякие забавные шутки, пусть придумает что-нибудь еще.

Он повернулся и быстро пошел к узкому коридору. Огромная кобура с пистолетом, висящая на боку, при каждом шаге гулко хлопала его по бедру. Пара охранников, карауливших подле двери,

ведущей в офис на втором уровне, вытянулась по стойке смирно и отсалютовала при приближении начальника. Командор что-то невнятно промычал, вошел, не ответив на приветствие, и направился к терминалу КомСети в дальнем конце большой комнаты, переступив через длинный, черный пыльный коврик, валявшийся около стены.

Велладон расстегнул пояс, снял кобуру, положил оружие на стол, сел и включил компьютер КомСети.

Коврик, у него за спиной, развернулся на сто восемьдесят градусов и бесшумно оторвался от пола.

* * *

— Ты обрисовал ситуацию, — сказал Райтер спустя минут семь или восемь, — практически идеально!

Квиллан покачал головой, подтолкнул пальцем пистолет командора, так и оставшийся лежать на столе, обвел взглядом офис и повернулся к двери, где стояла небольшая группа сотрудников службы безопасности.

— Уже три человека бесследно исчезли! — указал он на ярко светящийся диск КомСети. — У

командора было достаточно времени, чтобы включить компьютер, но недостаточно, чтобы дозвониться до сервера. В этой секции есть замаскированные порталы?

— Нет, — уверенно ответил Райтер. — В Операционном Блоке я знаю расположение каждого портала. В любом случае, ни один отряд, как бы велик он ни был, не смог бы захватить Велладона и двух охранников без шума. А шум мы бы услышали и поспешили на помощь. Нет, все произошло не так.

— Тогда, — сказал Квиллан, — остается только один вариант. — Он кивнул головой в сторону двери: — Твои люди будут молчать?

— Если прикажу.

— Тогда сделай это! Двое охранников исчезли. Очевидно, что это работа Хлата. Сбежавшее из биомодуля существо чрезвычайно опасно. Угроза будет держать каждого человека в группе начеку все время, начиная с текущего момента. Но что Велладон исчез, говорить не будем. Командор занят снаружи, в гостинице, спешными делами.

Райтер облизнул губы.

— Что нам это даст?

— Если это работа Братства…

— Я не особенно верю в совпадения, — сказал

Райтер.

— Аналогично, приятель. Но не забывай, что Хлат — животное: он не может рассказать, что задание выполнено. Если братва не поймет, что мы их подозреваем, это даст нам некоторое преимущество. На данном этапе мы будем действовать так, как было запланировано, и первым делом отыщем способ избавиться от Хлата. Это существо в несколько раз опаснее любых людей, кроме, разве что, Братства целиком. Постарайся поскорее доставить биодетекторы, насколько это вообще возможно, и перекинь, как договаривались, экипированного охранника на пятый уровень.

Райтер раздумывал какое-то время, затем кивнул в знак согласия.

— Будет исполнено.

— Следующий момент, — добавил Квиллан, — по-моему, очевиден: Кумз наверняка действует наиболее известным и оптимальным способом — ликвидирует верхушку. Если он сможет вывести из игры тебя и еще пару-тройку ключевых фигур, то деморализует твоих парней до такой степени, что сведет на полный нет численное преимущество, особенно, если в его команде все еще будет состоять Хлат. Предлагаю: ты должен

окружить себя как минимум пятеркой лучших стрелков, чтобы с этого момента твоя спина была все время прикрыта.

Райтер мрачно улыбнулся.

— Не волнуйся, Беда. Это я и намеревался сделать в первую очередь. А что по поводу тебя?

— Не думаю, что моя персона сейчас входит в их планы. Ведь моя команда не здесь, а снаружи. И поэтому Братству может показаться довольно странным, если за мной начнут таскаться несколько охранников «Седьмой Звезды».

Райтер пожал плечами.

— Ну, смотри сам. Если не угадал, то твои похороны не за горами. Если честно, известие об этом не вызовет у меня радости.

* * *

— Нет, там не было ничего конкретного, — доверительно сказал Квиллан Маррасу Кумзу; — Но я совершенно точно уразумел, что у командора с Райтером в рукаве спрятаны какие-то козыри. Мне показалось, что Велладон выглядел слишком самодовольным.

Шеф Братства задумчиво кусал нижнюю губу. Он был погружен в размышления, но не казался слишком встревоженным. Да, Кумз мог бояться

сбежавшего Хлата до смерти, но он не смог бы достичь настоящего положения в организации Нома Ланшена, если бы его было так легко напугать чужими планами.

— Я предупреждал Мовейна, что узнай Велладон о том, что мы экспериментировали с Хлатом, ему это не понравится, — сказал он.

— Ему это и не понравилось, — сообщил Квиллан. — Он расценивает это как нечто, очень близкое к введению двойной игры.

Кумз ухмыльнулся.

— Если честно, так оно и есть.

— Согласен. Вопрос заключается в том, что он может в связи с этим предпринять? Сейчас, насколько мне известно, у него перевес по бойцам два к одному, но если он захочет напасть на тебя прежде, чем прилетит Ланшен, то рискует потерять больше людей, чем необходимо для завершения всей операции.

Кумз несколько секунд молчал.

— Есть один неприятный момент, который до твоего появления не приходил мне в голову, — произнес он наконец. — Суть его в том, что Велладон может фактически обладать численным перевесом не два к одному, а примерно четыре к одному. Если смотреть с такой позиции,

то он может позволить себе потерять довольно много людей. И, видимо, предпочтет так сделать.

Квиллан нахмурился.

— Четыре к одному? Но как такое могло получиться?

— Командор сказал нам, что в деле с Хлатами он задействует лишь половину сотрудников службы безопасности «Седьмой Звезды». Вторую половину, предположительно, несколько часов назад вышвырнули через один из шлюзов субпространственной секции без защитных костюмов. У нас не было причин ему не верить. Велладон, естественно, хотел сократить число людей, которые вошли в дело и оставить ровно столько, сколько необходимо ему для паритета сил. Но если уже тогда он задумывал вывести нас из игры, то якобы наглотавшиеся вакуума парни могут быть по-прежнему живы и хорошо при этом вооружены, — пояснил Кумз.

Квиллан хмыкнул и покрутил головой:

— Ну и хитрован! Теперь понимаю твои слова. Знаешь, это могло бы объяснить кое-что, что показалось мне несколько странным.

— Ты это о чем? — нахмурился Кумз.

Квиллан пояснил:

— После того, как обнаружили пропажу двух

охранников, и было сочтено, что Хлат, должно быть, проник на их уровень, я пробовал снова поймать командора. Райтер сказал мне, что какое-то время Велладона не будет, что он занят кое-какими делами в гостинице. Я задался вопросом, и что же могло быть настолько важным, чтобы заставить Велладона покинуть Операционный Блок в столь ответственный момент, но…

— Братан, — заявил Кумз, его лицо напряглось, — я всегда на голову иду впереди тебя! То, что ты говоришь, выглядит отвратительно. Но, по крайней мере, командор не сможет привести подкрепление так, чтоб мы об этом не узнали. У нас есть собственная охрана, которая охраняет входы наравне с его парнями.

Квиллан посмотрел на собеседника, а затем покосился на участок стены в некотором отдалении от них.

— Там портал, Маррас… А сколько их еще на этом уровне?

— Три или четыре. А что? Порталы, ведущие из Операционного Блока, закрыты, Беда! Заблокированы намертво. Флуэль проверил их сразу, как только мы здесь оказались.

— Конечно, они заблокированы, — Квиллан поднялся, подошел к порталу, остановился, по-

смотрел несколько секунд на декоративную панель рядом с ним, затем надавил в определенных местах и легко отсоединил от стены. — Подойди сюда, приятель. Полагаю, устройство порталов не твой конек. В таком случае я покажу тебе, как устройство, подобное этому, может быть быстро разблокировано!

Он вытащил из-за пояса набор инструментов размером с карманную книжку и открыл ее с негромким щелчком. Приблизительно минуту спустя безжизненная надпись «СВОБОДНО» над порталом замерцала, а затем ярко и уверенно залилась белым светом.

— Что и требовалось доказать, — объявил Квиллан. — Сейчас я его снова заблокирую. Но это должно навести тебя на определенные мысли.

Кумз нервно провел языком по губам.

— Кто-нибудь мог воспользоваться этим порталом, чтобы попасть сюда из гостиницы, в то время, когда выходы из нее были заблокированы?

— Если механизмы запрограммированы для подобной цели, то со стороны гостиницы они могут быть открыты в любое время. Дюк вроде был инженером в прошлом, не так ли? Скажи ему, пусть проверит. Он и сам должен был доду-

маться до этого. В любом случае, Велладон может провести сюда столько людей, сколько сочтет необходимым, не используя при этом главный вход, — уверенно заявил он. — Я не заметил ничего, что бы на это указало…

Маррас Кумз раздраженно пожал плечами:

— Это ничего не означает! Достаточно несложно припрятать полсотни бойцов про запас где-нибудь на нижних уровнях.

— Думаю, ты прав. Ну, если командор захочет играть грубо, тебе следует побеспокоиться кое о чем в первую очередь.

— В первую очередь?

— Да, в первую. Я имею в виду Кинмартена и твою любимую игрушку — хлатокоммуникатор, — сделал подсказку Квиллан. — Велладон хотел бы заполучить и то и другое, чтобы обезопаситься — вдруг начнется перестрелка.

Кумз смотрел на Квиллана в течение нескольких секунд.

— Райтер, — произнес он, наконец, — послал полдюжины человек за Кинмартеном сразу же после того, как ты вернулся! Предполагается, что Велладон даст «Яко» техников для сопровождения Хлатов, так что я позволил забрать Кинмартена, — он замолчал на мгновение. —

Они также просили и хлатокоммуникатор.

Квиллан довольно хмыкнул:

— Держу пари, что ты с ним не расстался!

— Угадал.

— Вот и чудесно! — воскликнул Квиллан, потирая руки. — Я всегда знал, что ты парень не промах! Поведение службы безопасности, конечно, не доказывает, что у нас проблемы с их отрядом. Но, думаю, что это абсолютно точно означает, что мы должны быть готовы ко всему! — Он встал: — Я вернусь туда и продолжу организацию охоты на Хлата. Велладон, как и ты, тоже хочет, чтобы существо поймали как можно быстрее, так что не будет возражать. Если я увижу или услышу что-нибудь подозрительное, дам обязательно тебе знать.

* * *

— Никогда, — сказал Орка, невольно подражая интонацией Балди Перку, — не видал ничего подобного!

Лицо коротышки-бандита было пепельно-серым. Парни из службы безопасности, окружавшие его, едва ли выглядели более счастливыми. Большинство из них уставилось на пустую нижнюю часть космоброни. При взгляде на нее

создавалось впечатление, что костюм аккуратно разрезали поперек.

— Давайте по порядку, — нервно сказал Райтер. — Ты говоришь, что эта половина космоброни лежала напротив стены вот так?

— Не совсем, — ответил Квиллан, который умудрялся всегда быть в эпицентре событий. — Когда мы поднялись на пятый уровень, костюм торчал из стены — вот так — примерно в двух метрах над полом. Это было в большой комнате, где модули. Когда же мы вместе с Кинмартеном и Оркой, наконец, отделили броню от стены, то я, откровенно говоря, ожидал, что внутри найдется половина тела. Но его не было.

Райтер откашлялся.

— Очевидно, — проговорил он, — существо сначала затянуло верхнюю часть костюма в стену, а затем прекратило процесс преобразования металла, и просто пошло дальше, прихватив верхний кусок космоброни и нашего парня.

Квиллан кивнул.

— Да, похоже на то.

— Но у него было две гранаты! — не выдержал Орка. — У него был распылитель плазмы! Как чудовище смогло его захватить?

— Эх, братишка, — вдохновенно произнес

Квиллан, — гранаты не слишком помогают, если не видишь того, что у тебя за спиной!

Орка уставился на него, даже рот раззявил.

— Хорошо! — подытожил Райтер. — Мы потеряли еще одного человека и не собираемся увеличивать это число. Охраны на пятом уровне больше не будет. Дальше, соберите всех свободных ребят в главном зале, и распределите среди них биодетекторы. По пять человек на каждое устройство — один работает с датчиком, четверо его окружают и в случае чего отстреливаются. Если существо вернется на этот уровень, это должно стать известно в тот же миг. Орка, ты остаешься здесь и, звездами тебя заклинаю, не выпускай пистолет из рук!

* * *

Мужчины поспешно покинули уровень. Райтер повернулся к Квиллану:

— Ты сможешь установить бокс с едой?

Тот кивнул:

— Кинмартен выяснил, где и как он должен крепиться. Если Хлат залезет внутрь за мясом, выбраться обратно уже не сможет. Конечно, если охота, которую он устроил на наших парней, затеяна ради кормежки, то мороженой говядиной

Хлат может и не заинтересоваться.

— Мы не знаем, — сказал Райтер, — ради чего он охотится.

— Не знаем. Ты сумел заполучить хлатокоммуникатор у Кумза?

Райтер покачал головой.

— Он не захотел с ним расстаться.

— Если попробуешь силой забрать коммуникатор, — сказал Квиллан, — то раскроешь карты.

— А если смерти будут продолжаться, — заявил Райтер, — я скорее раскрою карты, чем позволю сокращать свои силы! Если у нас возникнут проблемы с Хлатом еще пару раз, то вся операция полетит к чертям! Парни не привыкли к таким вещам. Они в шоке от проделок чудовища. Если придется разбираться с Братством, то я предпочитаю сделать это, пока у меня в подчинении организованная команда. Кстати, где ты оставил Кинмартена?

— Он вернулся в ту небольшую комнатку в сопровождении двух охранников, — сказал Квиллан.

— Понятно, там он вроде бы в безопасности. Мы не можем экономить на… — Райтер вздрогнул. — Что это?

Послышался глухой стук, словно неподалеку

упало что-то тяжелое. Затем раздались вопли и проклятья.

— Главный зал! — воскликнул Квиллан. — Быстрее!

* * *

В зале царил ужасный переполох. Парни Райтера говорили все разом, размахивали оружием, некоторые пытались объединиться в группы, чтобы встать спиной друг к другу и лицом к стенам.

Райтер заорал так, что гул голосов моментально прекратился.

— Что здесь происходит?

Бойцы, как по команде, повернулись к начальнику, начали преувеличенно жестикулировать и вновь заговорили все хором.

— …видел, как оно выпало прямо из потолка! — отчетливо произнес кто-то поблизости.

В дальнем конце зала группа людей расступилась в стороны, и стало видно нечто, напоминавшее панцирь гигантского жука-бронзовки.

Пропавшая часть космоброни была возвращена. Но не ее владелец.

Квиллан повернулся и пошел назад по коридору, из которого только что выбежал, на ходу

вытаскивая из кобуры МДС. Суматоха за спиной не утихала. Райтер кричал что-то о том, что нужно срочно принести биодетекторы. Квиллан же, держа оружие наготове, повернул налево в первый же коридор, затем, уже в следующем, направо. Повернув последний раз, он увидел человека, охраняющего портал, соединявший разные уровни Блока. Парень повернулся и направил на Квиллана пистолет.

— Что случилось? — спросил охранник.

Квиллан, продолжая идти, помотал головой:

— Это тварь схватила еще одного парня!

— Поглоти меня мгла! — выдохнул охранник и слегка опустил пистолет. Квиллан напротив — слегка приподнял ствол своего МДС, охранник вздрогнул и безвольно сполз на пол. Квиллан прошел мимо него, остановился у третьей после портала двери и постучал.

— Это Квиллан. Открывай!

Дверь приоткрылась, один из охранников Кинмартена вопросительно посмотрел на Беду. Квиллан выстрелил ему в голову, распахнул дверь и влетел в комнату, перепрыгнув через лежащее тело. Увидев второго охранника, поворачивающегося к нему, выстрелил повторно, и ловко засунул оружие обратно в кобуру. Шокиро-

ванный происходящим Кинмартен стоял у стола. Потом биотехник схватил тяжелую мраморную пепельницу, после чего вопросительно уставился на Квиллана.

— Спокойно! — сказал Квиллан и едва успел увернуться от пепельницы, которая, вращаясь, полетела прямиком ему в голову. Мгновением позже могучий свинг Квиллана врезался в челюсть Кинмартена. Биотехник осел кулем рядом со столом.

— Прости, приятель, — пробормотал Квиллан, наклоняясь. — Сейчас кругом сплошное хамье, и я — не исключение.

Он поставил молодого человека вертикально, после чего взвалил себе на плечи. В зале по-прежнему никого не было, за исключением мертвого охранника портала. Квиллан аккуратно выгрузил Кинмартена на коврик перед порталом, оттащил охранника в комнату, и захлопнул дверь. Подтащив Кинмартена к порталу, он ткнул в кнопку с цифрой пять. Мгновением позже вышел в маленький тусклый холл на пятом уровне, МДС снова был у него в руке.

Квиллан стоял неподвижно в течение нескольких секунд, смотрел вокруг и прислушивался. Распахнутый модуль с едой стоял в центре боль-

шой комнаты. Казалось, все было по-прежнему. Кинмартен вновь примостился на полу. Квиллан же передвинулся к панели, которая скрывала механизм другого портала.

На сей раз, для того чтобы разблокировать портал, ему понадобилось намного меньше минуты, после чего он аккуратно вернул панель на место. Подошел к Кинмартену и начал наклоняться к нему, потом медленно выпрямился снова, и повернул голову.

Мелькнула ли какая-то тень на самом пределе видимости, за большим черным боксом модуля-ловушки? Квиллан оставался неподвижным, «Майм Дэвил Спешиал» был наготове, все чувства обострены до предела и направлены на то, чтобы уловить малейший признак присутствия существа или его тайного приближения, заметить безмолвное скольжение по полу, потолку, стенам.

Но прошло полминуты, ничего не произошло.

Он опустился на одно колено возле Кинмартена, оружие все так же было в его руке. Поддерживая свободной рукой биотехника, он привел его в вертикальное положение, и, сделав три шага в сторону, исчез в портале.

* * *

Ритал Дестон открыла номер, поспешно вошла и позволила двери захлопнуться у себя за спиной. Она подошла к панели КомСети и включила воспроизведение. Зазвучали частые гудки, и стало ясно, что ни одной записи нет.

Она выключила терминал, и слегка провела язычком по пересохшим губам. Больше ни одного сообщения от Эраги…

И вообще ни одного от Квиллана.

Она покачала головой, ощутив волну острого беспокойства, бросила взгляд на часы и напомнила себе, что прошло меньше двух часов с тех пор, как Квиллан вошел в Операционный Блок. Эрага сообщил, что не было заметно признаков волнений или беспорядков, когда он возвращался после того, как развез ужин. Таким образом, Квиллан, видимо, успешно проник на верхние уровни.

Все их действия напоминали, в лучшем случае, отчаянную авантюру.

Ритал направилась по небольшому коридору в спальню. Как только она вошла в комнату, ее грубо схватили, заломив руки за спину. Она застыла, не в силах пошевелиться от боли и шока.

— Ага, спешишь куда-то, милашка? — прозвучал отвратительный голос Флуэля.

— Дюк! — Ритал натурально всхлипнула. — Ох, и напугал же меня! Как ты вошел?

Она почувствовала, что садист облапил ее за талию. Затем девушку резко развернули и прижали к стене, где она по-прежнему не могла шевельнуть руками.

Флуэль несколько секунд сладострастно заглядывал ей в декольте, потом спросил:

— Где ты прячешь его на этот раз?

— Что прячу, что?

— Мне рассказывали, что очаровательная маленькая Ритал всегда носит с собой какую-нибудь очаровательную маленькую, но смертоносную вещицу.

Ритал покачала головой и с удивлением произнесла:

— Дюк, что происходит? Я…

Он отпустил ее и внезапно ударил наотмашь по лицу. Ритал вскрикнула и как бы инстинктивно прикрыла голову руками. Он вновь схватил ее за запястья, и украшенная драгоценными камнями заколка выпала из сдавленных пальцев девушки.

— Ага, вот, наверное, и она! — удовлетворенно

произнес Флуэль. — Да, должно быть, я не ошибся. А теперь без глупостей, крошка. Сиди тихо.

Она молчала и не шевелилась, лишь слегка вздрогнула, когда он крутил миниоружие в руках, изучая его так и сяк, и направил в ее сторону зауженный кончик мозгодава. Потом Синебородый улыбнулся, положил псевдозаколку во внутренний карман и снова схватил девушку за руку.

— Пойдем в холл, Ритал, — произнес он почти с нежностью. — Нам нужно успеть кое-что сделать на прощание.

* * *

Минуту спустя девушка сидела в кресле, руки прикованы к подлокотникам. На полу перед ней стоял диктофон Флуэля.

— Сегодня выдался крайне насыщенный событиями вечер, красотуля, — заметил он, — и даже, в каком-то смысле, удачный для тебя. Мы должны обсудить кое-что важное. Через минуту я возьму диктофон, и ты сможешь ответить на мои вопросы… Молчать, дура, пока я разговариваю! А теперь слушай очень внимательно и тогда узнаешь все правильные ответы. Если будешь нести всякую чушь или тянуть резину, то Папашка Дюк останется недоволен твоим поведением.

Он сел в нескольких шагах от кресла, повел плечами, расправляя пиджак с серебристой искрой, и закурил сигарету.

— С того момента, как тут объявился Квиллан по кличке Беда, — продолжал он, — мне не давали покоя несколько вещей. Одна из них — та, что несколько лет назад, примерно в одно и то же время и ты, и он крутились вокруг Братства Белдона. Я подумал, возможно, вы знакомы друг с другом. И тогда выстраивается любопытная цепочка…

— Дюк, — неуверенным голосом произнесла Ритал, — о чем вообще ты говоришь? Я не знаю никакого…

— Заткнись, пожалуйста, — он протянул руку и коснулся ее обнаженного колена кончиками пальцев. — Нет, если, конечно, ты хочешь опять получить пощечину, то давай продолжай. В противном случае больше не перебивай Папашку Дюка, а то он причинит тебе боль. Много боли. В разных, в том числе и интимных местах твоего роскошного организма… М-да. Так о чем это я? Ага, как я уже сказал, тебе крупно повезло: на все-про-все у меня не так уж много времени. Ты отделаешься очень легко. Теперь просто слушай.

Дестон вздохнула, но больше не проронила ни

звука. Вдохновленный садист продолжил свой монолог:

— Квиллан-Беда хорошо осведомлен о нашей операции, и у него есть легенда, чтобы объяснить свою осведомленность. Если бы все, что он рассказал, было правдой, нам его и пальцем не тронуть. Но меня заинтересовало известие, что вы двое на «Звезде». Опять в одно и то же время. Может быть, вы одна команда, а? Но он не упоминал твоего имени среди тех, с кем он в деле. В чем же дело? А затем, птичка-невеличка, я припомнил кое-что еще — и все Папашке Дюку стало ясно. Знаешь о небольших провалах в памяти, когда человек начинает дремать? Конечно, знаешь. А знаешь, когда эти провалы могут появиться еще? Когда человеку дают «сыворотку правды», так ведь? Вдруг я вспомнил, что у меня было нечто подобное сегодня утром, когда мы разговаривали с тобой. Неожиданно шваркнуло в мозгу, как какой-то проблеск. Раз — и готово. Конечно, мне в тот момент и в голову не пришло, что ты намерена провернуть грязный трюк с Папашкой Дюком. Зачем же ты так рисковала своей прелестной головкой?

Синебородый сделал паузу, пытливо вглядываясь в глаза девушки.

— Но, рыбонька моя сладкая, и это не главное! Легенда Квиллана насквозь фальшива — у него нет никакой силовой поддержки. Он один. Нет никакой команды, которая осведомлена о нашем маленьком дельце. Он получил всю информацию прямо здесь, от тебя. А ты получила ее от старого болвана Дюка, не так ли?

— Дюк, — произнесла Ритал спокойно, — могу я задать только один вопрос?

Он холодно посмотрел на нее, затем усмехнулся:

— Видимо, сегодня вечер моего великодушия. Валяй.

— Я не пытаюсь спорить. Но все это не имеет никакого смысла. Если я узнала об этой операции, о которой ты говоришь, от тебя, какая у меня была на это причина? Какой смысл брать на себя такой риск и давать тебе «сыворотку правды»? Пятьдесят на пятьдесят, что ты сразу меня раскусишь. Зачем мне этот риск? Разве ты не понимаешь, что я девушка с понятием и рискую только за хорошие проценты?

Флуэль пожал плечами, бросил окурок, который тут же яростно втоптал в ковер.

— На свои вопросы начнешь отвечать сама через несколько мгновений, лапочка! Давай не

будем пока заострять на них внимание. Позволь мне закончить. Несколько часов назад с Мовейном кое-что произошло. В инциденте нет ничьей вины. И совсем недавно кое-что произошло с Маррасом Кумзом. Это делает ответственным за здешнюю операцию меня. Прекрасно, не так ли? Когда мы нашли Кумза, лежащим в зале с дырой в глупой голове, я сказал Балди Перку, что все это выглядит так, будто Квиллан-Беда вошел в команду «Звезды» и сделал это для них. Знакома с Балди? Он напарник Кумза. Умным его никак не назовешь, а сейчас он еще и в ярости из-за Кумза. Я оставил его ответственным на нашем уровне, и приказал разобраться с Квилланом в следующий раз, когда он там появится. Просто и без затей. Парни слишком хорошо знают репутацию Квиллана по кличке Беда, чтобы попытаться задавать ему вопросы. Они не будут рисковать — просто начнут стрелять, как только увидят.

Он сделал паузу, поковырял носком прожженное пятно на ковре, затем продолжил:

— А есть еще Ном Ланшен. В определенном смысле он любил Кумза, как родного сына, и у него могут возникнуть подозрения. Когда в организации освобождается такое место, которое занимал Кумз, Ном в первую очередь обращает внимание

на парня, который должен занять это место. Он захочет убедиться в том, что все произошло именно так, как ему рассказывают. Так что теперь ты знаешь, какие ответы я хочу от тебя услышать, дорогуша. И прежде чем говорить, убедись, что они верны на все сто процентов. Папашка Дюк не намерен тратить время на перезапись. Итак, вы с Квилланом были здесь, на «Звезде». Вы догадались о том, что тут происходит, и поняли, что вас должно разнести на молекулы вместе с остальными постояльцами после того, как мы улетим отсюда. У вас не было другого выхода, кроме как помешать выполнению операции. Ты, кстати, не будешь упоминать о том, что получила какую-то информацию от меня — не хочу, чтоб Ланшен думал, будто я становлюсь слабым, как только вижу женскую ножку. Ты и Квиллан просто состряпали байку, ион сумел войти с ней в Операционный Блок. Идея была в том, чтобы уложить как можно больше людей, руководящих операцией, и создать там сумятицу.

Флуэль взял диктофон и положил перед собой на стул.

— Это все, что тебе нужно помнить. Ты сообразительная девочка, сможешь дополнить все так, как тебе покажется нужным. А теперь, пожалуй,

начнем…

Дестон пристально посмотрела на садиста, и щека у нее задергалась.

— Если я сделаю это, — проговорила она, — если я расскажу ту историю, которая понравится Ному, что будет потом?

Флуэль пожал плечами:

— А как ты считаешь, что потом будет? Ты уже прямо сейчас маленькая мертвая птичка, Ритал. Можешь смириться с этой мыслью. В любом случае, ты умерла бы часов через пять, не больше, так что разница невелика. Думай сейчас о том, насколько неприятной может сделать твою смерть Папашка Дюк, а уж он-то, поверь мне, мастак на такие штучки!

Девушка судорожно вдохнула:

— Дюк, а если я…

— Не увиливай, моя сладенькая.

— Дюк, дай мне время. Я действительно ничего не знаю об этом. Я…

Он взглянул на нее презрительно.

— Я дал тебе время, — сказал он категорическим тоном. — Ты им не воспользовалась. Теперь будем действовать по-другому. Если запишу на кристалл пару-тройку твоих воплей, это украсит твою речь и сделает ее более убедительной для

Ланшена. Он посчитает, что малютка Ритал из тех, кто не проронит ни слова без некоторого давления со стороны. — Он замолчал и ухмыльнулся. — И это напомнило мне об одной вещи. Когда будешь говорить, используй собственный голос.

— Собственный голос? — почти прошептала она.

— Ном запомнит твой голос на записи, а я слышал, что имитация чужих голосов занимает не последнее место в твоем репертуаре. Вдруг тебе втемяшится в головку, что будет забавно, если после твоей трагической кончины Ном заинтересуется, а действительно ли это запись разговора с тобой? Не пытайся проделать такой трюк, дорогуша, иначе тебе не позавидуют и сломанные машлюди.

Он достал из кармана пиджака перчатку и натянул на левую руку, пошевелил пальцами, старательно расправляя каждый. Взгляд Ритал задержался на круглых металлических наконечниках, на большом, указательном и среднем пальцах. Лицо девушки стало серым.

— Дюк, — прошептала она. — Только не…

— Заткнись, пожалуйста.

Он достал кусок прозрачного пластика с одной

липкой стороной и, приблизившись к ней, запустил перчатку в прическу, накрутил волосы на руку, рывком приподнял лицо девушки. Потом наклеил пластиковый кляп на губы. Ритал закрыла глаза.

— Это поможет тебе держать рот на замке, — сказал он. — А вот теперь приступим…

Правой рукой Синебородый упер мисс Дестон сзади в шею, вынуждая пригнуться почти к коленям. Левая рука в перчатке откинула волосы вперед, потом его средний палец коснулся белой кожи в точке чуть повыше лопаток.

— Вот здесь, — сказал Флуэль и нажал болевую точку, известную в орадской акупунктуре под именем «чакра неистового блаженства». — Раз, два…

Ритал неистово дернулась, выгнулась дугой, скованные на подлокотниках запястья напряглись. Воздух с шумом вырывался из ноздрей, сопровождаемый придушенными стонами. Металлический наконечник продолжал бить по нервному центру.

— Тридцать, — отсчитал, наконец, Флуэль. Он убрал руку, вернул девушку в вертикальное положение, освободил рот. — Всего лишь тридцать секунд, милая. Ну, как, по-прежнему будешь про-

должать тянуть?

Ритал помотала головой.

— Прекрасно. Даю тебе минуту, чтобы прийти в себя. Понимаешь, рекреация[16] не должна занять много времени…

Он поднял диктофон и снова сел на стул, не сводя пристального взгляда со своей жертвы.

Дыхание той было частым и прерывистым, в широко открытых глазах застыла мука. Девушка избегала смотреть на мучителя.

Дюк прикурил очередную сигарету.

— Кстати, — заметил он, — если тянешь время, потому что надеешься, что твой дружок, старина Квиллан-Беда заявится сюда, то забудь об этом. Если парни еще не пристрелили его, то он занят одним делом, которое поручил ему командор. И будет заниматься им, по меньшей мере, еще пару часов. Он дол…

Дюк оборвал себя на полуслове — внезапно на другом конце комнаты прямо напротив него открылась центральная секция деревянной обшивки стены. В замаскированном портале стоял дружок Ритал, старина Квиллан-Беда, а биотехник Кинмартен свешивался у него с плеча.

---

[16] Примечания: 16

Рекреация (лат.) — в данном контексте отдых, восстановление сил.

Мужчины начали двигаться одновременно. Длинные ноги помогли Флуэлю вскочить со стула, правая рука рванулась под пиджак за пистолетом. Квиллан же мгновенно наклонил плечо, сбрасывая Кинмартена, и огромный МДС, казалось, сам впрыгнул в его руку. Пистолеты заговорили почти вместе, но оружие Флуэля с глухим стуком упало на ковер. Дюк удивленно произнес: «Ах-аа-ах!» — закатил глаза и последовал за своим пистолетом.

Квиллан ошеломленно произнес:

— Он оказался быстрее, звездануться можно! Я почувствовал, как он выжег мне пробор в волосах. Да, он оказался быстрее, но, к нашему с тобой счастью, куколка, не точнее…

* * *

После того как Квиллан убедился, что с Флуэлем никого не было, и бандюган заявился в гости к даме без эскорта, он занялся дамой: нашел в спальне Ритал аэрозоль, снимающий боль, и обрызгал кровоподтек у нее на спине. Только она начала расслабляться от теплой волны брызг аэрозоля, смывающего боль и паралич, как Кинмартен, лежащий на ковре поблизости, зашевелился и принялся бормотать.

Квиллан быстро убрал лекарство.

— Присмотри за ним, милая! — предостерег он. — Я скоро вернусь. Если он сядет, крикни. Парнишка слегка не в себе. Если очнется и увидит развалившегося рядом Дюка, то полезет на стену.

— Хм, развалившегося на две половины… — начала Ритал, но спаситель уже вышел из комнаты. Вскоре Квиллан вернулся со стаканом воды, опустился на колено возле Кинмартена, просунул руку под мышку и помог сесть.

— Очнись, старичок! — сказал он в ухо биотехнику. — Давай, просыпайся! У меня для тебя есть замечательное средство…

— Что ты ему даешь? — спросила Ритал, осторожно массажируя шею.

— Капли с интригующим названием «Вырубин». Уже разок пришлось отключить резвого молодца. А сейчас нужно оставить Брока и Солвей, а если он очухается и расскажет ей о том, что видел, то к тому моменту, когда вернемся за ними, Два-Кинмартена-Два слетят с нарезки…

Он замолчал. Веки Кинмартена затрепетали. Квиллан поднес стакан к его губам.

— На вот, приятель, — он сказал низким успокаивающим голосом. — Выпей! Это позволит тебе

почувствовать себя намного лучше.

Кинмартен покорно сделал глоток, потом еще один. Его веки прекратили подрагивать, и Квиллан осторожно опустил обмякшее тело обратно на пол.

— Вот и хорошо, — сказал он.

— Что произошло? — спросила Ритал. — Как Дюк…

— Расскажу тебе все, как только избавимся от Кинмартена. Я должен вернуться в Операционный Блок. Там все на грани, — он мотнул головой в сторону двух половинок Флуэля. — И, конечно, я хочу узнать о нем. Как ты, можешь идти?

Ритал застонала.

— Я могу попробовать, — сказала она.

Когда они вошли к Солвей Кинмартен, та опять пребывала в слезах. Она бросилась к телу мужа, как только Квиллан положил его на кровать.

— Что эти звери сделали с Броком? — воскликнула она в отчаянии.

— Ничего особенного, — произнес Квиллан быстро. — Ваш супруг выпил успокоительного, только и всего. Посмотрите на все с другой стороны: он теперь в полной безопасности и далеко от палачей. Вы останетесь здесь и позаботитесь о нем. А нам нужно закончить свои дела к утру,

миссис Кинмартен. Тогда вы с мужем снова сможете выйти из убежища, — он ободрительно подмигнул.

— Я, право, так благодарна вам обоим…

— Никаких проблем, мадам. Но нам лучше вернуться, чтобы уладить все, что накопилось.

— Сто инопланетян и пульсар мне в глотку! — выругался Квиллан несколько секунд спустя, когда они с Ритал вышли из портала: — По сравнению с этими милыми наивными молодоженами я чувствую себя последней сволочью. Правда, если наша затея провалится, они никогда об этом не узнают.

— Зато мы узнаем, — многозначительно произнесла Ритал. — Давай поговорим о делах наших скорбных.

Квиллан возражать не стал, а вкратце пробежался по основным событиям, имевшим место в Операционном Блоке. Потом выслушал рассказ девушки о визите Дюка, задумчиво поскреб подбородок:

— Великолепно!

— Что великолепного в том, что меня полминуты пытали? — удивилась Дестон.

— Причем тут пытка? Я имел в виду, что обе команды готовы прямо сейчас вцепиться друг

другу в глотки. И мы им поможем…

Он стоял, не сводя взгляда с Дюка. Кровь запачкала серебристый жакет, вытекая из продольного разреза чуть выше сердца. Квиллан наклонился, взял Флуэля под мышки и приставил тело к нижней половине, зафиксированной на полу магнитными защелками.

— Что ты собираешься с ним делать? — испуганно спросила Ритал.

— Думаю, нечто полезное. И не надо так переживать, поскольку Папашка Дюк… возможно, впервые в жизни принесет хоть кому-то другому пользу. Быстренько пробегись по справочнику «Звезды» в КомСети, куколка, и найди, как можно связаться с четвертым уровнем Операционного Блока!

* * *

Солвей Кинмартен приглушила свет в спальне и вернулась к Броку, поправила подушки под головой и наклонилась, чтобы нежно коснуться губами здоровенных синяков на лбу и челюсти. Потом поставила стул возле кровати и села, приготовившись бдеть всю ночь.

Примерно минуту спустя у нее за спиной послышалась возня. Миссис Кинмартен в ис-

пуге оглянулась и успела заметить, как нечто огромное, черное и бесформенное стремительно надвигается на нее по ковру.

Солвей молча потеряла сознание.

* * *

— Уверена, что запомнила, что должна говорить? — спросил Квиллан требовательно.

Ритал облизала губы.

— Позволь мне прокрутить в голове все еще раз, — с лицом бледным, но полным решимости, она сидела на полу, рядом с клавиатурой компьютера КомСети. — Знаешь, — призналась она, — меня от всего этого просто выворачивает, Квиллан! А если предположим, что бандиты на это не купятся?

— Еще как купятся! — Квиллан стоял на коленях перед панелью, поддерживая тело Флуэля, верхняя половина которого лежала на ней, непосредственно перед включенным визором. Лежащая рука скрывала лицо Дюка от экрана. — Когда ты пародировала Флуэля сегодня вечером, то почти заставила меня подумать, будто я слышу его голос. Но, в любом случае, голос умирающего человека может звучать немного странно, — он ободряюще улыбнулся. — Ну что, куколка, го-

това?

Ритал нервно кивнула и откашлялась.

Квиллан дотянулся через Флуэля до панели с кнопками, вызвал четвертый уровень и отчаянно нырнул вниз. Через секунду раздался щелчок.

Ритал издала отчаянный судорожный стон. Из КомСети донесся удивленный вздох.

— Дюк! — прокричал голос Балди Перка. — Что случилось?

— Балди Перк! — быстро прошептал Квиллан.

Ритал, запинаясь, прохрипела:

— К-к-к-командор, Балди! Он подстрелил меня… и прикончил Марраса! Теперь они разыскивают… Квиллана!

— А я думал, что Квиллан-Беда… — Балди казался ошеломленным.

— Это была ош-ш-шибка, Балди, — прохрипела Ритал очень похоже на Флуэля. — Квиллан-Беда… с нами! Квиллан-Беда… свой! К-к-коммон…

Под панелью КомСети Квиллан рубанул ладонью вверх и вперед. Панель наклонилась и опрокинулась на пол. Тело Флуэля, разваливаясь на обе части, последовало за ней. Визор разбился, и рев Балди резко оборвался.

— Шикарно, куколка! — просиял Квиллан, помогая Ритал подняться на ноги. — У меня аж

мурашки по спине забегали!

— У меня тоже!

— Теперь уберу его отсюда. Зашвырну одну половину куда-нибудь в закрытую секцию, а вторую… Потом мне нужно вернуться в Операционный Блок. Если Райтер уже догадался наведаться в комнату Кинмартена, то обе команды сейчас рвут и мечут!

— Это необходимо? — спросила Ритал. — Я имею в виду, необходимо, чтобы ты вернулся туда? Возможно, кто-то и кроме Флуэля начал тебя подозревать.

— Возможно, Райтер, — согласился Квиллан. — Он с самого начала показался мне самым сообразительным из всех. Но нужно рискнуть. Мы сделали все, чтоб разжечь настоящую войну, но мы должны удостовериться, что она закончится прежде, чем кто-нибудь догадается сопоставить факты. Если я буду там, то продолжу интриговать.

— Наверное, ты прав. Теперь о нашей группе рискованных ребят, включая миллионера…

Квиллан кивнул.

— Уже можно. Нет никакой необходимости продолжать ждать, ситуация уже изменилась. Найди другой терминал КомСети, и начинай

подавать сигналы бедствия! Как только соберешь своих парней…

— Вероятно, — сказала Ритал, — это займет чуть меньше часа.

— Прекрасно. Веди их прямо в Операционный Блок. Чуточку удачи, и через час они застанут заключительные сцены баталии на верхних уровнях. Опиши им меня и Райтера, чтобы избежать недоразумений.

— А при чем тут Райтер?

— Я выяснил, что именно он был тем сапером, который устанавливал адскую машинку. Он нужен живым. Другие просто могут не знать, где она. Эрага говорит, что офисные работники и техники в Блоке ходят в белых униформах «Звезды». Всех, кто будет без нее, можно смело пускать в распыл… — он остановился и поднял палец. — Да, чуть не забыл, обязательно расскажи всем про Хлата. Одному Биг-Бэнгу известно, что станет делать это существо, когда поднимется настоящий шум.

— А что, если послать нескольких человек на пятый уровень через тот портал, который ты разблокировал?

Квиллан прикинул и покачал головой.

— Нет. Группа в полном составе нужна внизу,

на основном уровне. Им пришлось бы воспользоваться порталом на пятом уровне, чтобы переправиться вниз, а его слишком легко окружить и заблокировать. Теперь давай найдем портьеру или что-нибудь в этом роде, чтоб завернуть Флуэля. Не хочу бросаться в глаза, если по пути натолкнусь на кого-нибудь.

Глава 5

Некоторое время спустя Квиллан уже осторожно выходил из портала на пятом уровне Операционного Блока. Очутившись в холле, он внезапно остановился: в большой комнате с биомодулями крышка ловушки была закрыта, и биоиндикатор на ней горел ярким зеленым светом.

Квиллан пристально смотрел на него какое-то время, затем прошел в комнату и склонился над датчиками биокомплекса. Его лицо медленно расплылось в улыбке. Ловушка захлопнулась. Он посмотрел на шкалу «глубокий сон», и повернул регулятор на несколько делений.

— Сладких вам снов, леди Пендрейк! — пробормотал он. — Это поможет вам расслабиться. Какой однако же аппетит! А теперь…

Как только портал открылся перед ним на четвертом уровне, в холле раздались выстрелы. Квиллан бросился вниз на вытянутые руки, перевернулся через голову, откатился в сторону, окинул взглядом валяющиеся повсюду тела и быстро заполз за диван, стоящий чуть дальше. Там он распластался на ковре и выстрелил, целясь в опрокинутую, разорванную софу возле дальней стены, из-за которой в него несколько раз выстрелили.

Хриплый голос закричал:

— Беда, уймись!

Квиллан несколько секунд находился в нерешительности, бросая взгляд то направо, то налево. Повсюду лежали трупы, словно на бойне.

— Это ты, Балди? — спросил он.

— Да, — Балди Перк почти рыдал. — Я ранен…

— Что произошло?

— Бригада «Звезды» напала на нас. Они появились здесь с дробовиками и штурмовыми ружьями! Нас перебили, Беда, подчистую! Всех! До единого…

Квиллан встал, затолкал МДС в кобуру, подошел к софе и осторожно отодвинул ее от стены. Балди, скорчившись в три погибели, стоял на коленях. Он поднял бескровное лицо и посмотрел

Квиллану в глаза.

— Жди их, браток, они вернутся, — тихо произнес он. — Мне недолго осталось! Энергоразряды зацепили меня дважды. Я уже несколько раз терял сознание и, видно, ждать мне Костлявую Леди недолго.

— Что по поводу наших бойцов на нижних этажах?

— Думаю, там то же самое… Иначе уже давно бы показались. Гады убили Кумза и Дюка! Брат, все Произошло так быстро!

— А наша команда на судне?

— Без понятия.

— Ты знаешь номер, по которому можно выйти с ним на связь?

— А? О, да. Конечно. А я-то об этом и не подумал, — устало произнес Балди. Он больше не двигался.

— Давай посмотрим, сможешь ли ты встать.

Квиллан помог раненому подняться. У Балди не было слишком сильного кровотечения, поскольку бластерные ожоги способствуют завариванию открытых ран, но он, как оказалось, правильно оценивал собственное состояние. Ему и впрямь осталось мучиться недолго. Квиллан бережно поддерживал его за плечи.

— Где ближайший терминал КомСети? — спросил он.

Балди закрыл глаза.

— Там, прямо по коридору… — его голос стал хриплым.

КомСеть нашлась во второй комнате по счету. Квиллан опустил Перка в кресло перед ней. Голова бандита склонилась на грудь, как у пьяного флотского.

— Какой номер? — спросил Квиллан.

Балди задумался на несколько секунд, потом моргнул, как сова, глядя на устройство, затем прошептал цифры. Квиллан набрал номер, включил визор и сделал шаг назад, уходя из зоны обзора.

— Да, Перк? — прозвучал голос несколько секунд спустя. — Эй, Перк… Перк, ты чего?

Балди сплюнул кровью и усмехнулся:

— Подстрелили меня.

— Что?!

— Да, — бандит нахмурился, моргнул. — Вот так-то, братан. Теперь бригада «Звезды» собирается напасть на вас! Секи поляну!

— Что?

— Да, секи поля… — Балди закашлялся, медленно опустил голову и, уткнувшись лицом в панель, замер.

— Перк! Братишка, очнись! Перк!

Квиллан спокойно вынул оружие, отошел за панель и разнес КомСеть на куски. Он не был уверен, как команда грузового судна отреагирует на внезапный обрыв связи, но вряд ли они расценят его как нечто обнадеживающее. Он немного порыскал по главным секциям уровня. Все вокруг свидетельствовало о короткой и яростной борьбе — борьбе между людьми паникующими и людьми разъяренными, почти забывшими о чувстве самосохранения. Схватка, должно быть, закончилась за считанные минуты. Он обнаружил, что портал в большом зале, ведущий к нижнему уровню, заблокирован. Он не смог узнать, когда это было сделано: до или после начала стычки. На уровне находилось около двух десятков членов Братства. Ни один из них не прожил столько, сколько Балди Перк, но, судя по всему, они забрали с собой примерно такое же количество людей из службы безопасности «Седьмой Звезды».

* * *

Двумя минутами позже у него за спиной из портала на пятом уровне гурьбой вывалились пятеро людей из бригады «Звезды». Райтер во главе, за ним — Орка. Все держали оружие наготове.

— Вам больше не нужны пушки, — уверил их Квиллан. — Сейчас тут вполне безопасно. Проходите.

Они молча подошли вместе с ним к биомодулю и уставились на диски и индикаторы.

— Существо снова внутри, это здорово! — сказал Райтер. Он посмотрел на Квиллана. — Так вот где ты был все это время?

— Точно. Где же еще?

Остальные встали полукругом у него за спиной.

— Ты сильно рисковал с этим Хлатом, не так ли? — заметил Райтер.

— Не особенно. Я придумал кое-что, — Квиллан указал на портал в холле. — За моей спиной было вот это. Пространственный прерыватель в портале — не совсем материя. Существо не смогло бы появиться у меня за спиной. А если бы оно напало с любой другой стороны, — он слегка похлопал по МДС в кобуре, из-за чего оружие в руке Орки дернулось, — немногие зверюшки способны проглотить пару разрядов моей крошки и сохранить при этом способность двигаться.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Затем Орка глубокомысленно произнес:

— И это сработало!

— Существо заметило тебя? — поинтересовался Райтер.

— Вряд ли. Когда я его увидел, оно выплыло из того угла и потом так быстро бросилось за мясом в модуль, что тот аж закачался. Вот так все и было, — он усмехнулся. — Ну, кажется, большинство наших неприятностей теперь закончится!

Один из парней истерично хохотнул. Квиллан удивленно уставился на охранника.

— В чем проблема, приятель?

Райтер покачал головой.

— Точно, проблема! Пойдем вниз, Квиллан-Беда. На сей раз у нас есть для тебя новости…

* * *

Охранников Братства на нижнем уровне застали врасплох и перестреляли практически без потерь для команды «Седьмой Звезды». Но в стычке на четвертом уровне люди Райтера потеряли больше, чем убили. Несколько бойцов вернулось с ранениями, которые оказались достаточно серьезны, чтобы сделать их бесполезными для дальнейшей работы.

— Нам это дорого встало, — признался Райтер. — Так что еще одно нападение Хлата вместо организованной группы предоставило бы в мое

распоряжение паникующую толпу. Если бы мы только знали, что существо попадется в ловушку…

— Я тоже не был уверен, что у нас получится, — успокоил его Квиллан. — Вы вернули Кинмартена?

— Нет еще. Скорее всего он заперт где-нибудь на четвертом уровне. Теперь, когда Хлат больше не стоит у нас на дороге, я отправил нескольких парней на поиски. Если Кумз считал, что этот парень настолько важен, чтобы начать из-за него войну, то я хочу его вернуть.

— А как насчет команды на судне Братства? — спросил Квиллан. — От них избавились?

— Нет, — ответил Райтер. — Нужно сделать это сейчас.

— Сколько их?

— Предположительно дюжина стрелков. Скорее всего, так оно и есть.

— Если они узнают или заподозрят о том, что произошло, — сказал Квиллан, — то дюжина человек в шлюзе способна создать кучу неприятностей.

Райтер раздраженно пожал плечами.

— Я знаю, но выбор небогат. Ланшен везет еще одну группу на «Камелоте». Не в наших интересах

разбираться с обеими группами одновременно.

— Как вы планируете захватить судно?

— Когда поисковая партия вернется, мы соберем всех свободных бойцов, проинструктируем и пошлем вниз. Если они смогут разобраться там в течение нескольких часов, этого будет вполне достаточно. Мы не можем позволить себе дополнительные потери. Надо же еще выставить определенное количество людей против Ланшена и на отгрузку Хлатов. Это главное.

— Может быть, поручишь мне возглавить абордажную команду? — спросил Квиллан индифферентно. — Ведь это, в каком-то смысле, моя специальность.

Райтер посмотрел на него без всякого выражения на лице.

— Я понимаю это, — сказал он. — Но, возможно, будет лучше, если ты останешься с нами здесь.

* * *

Поисковая партия вернулась спустя четверть часа. Они проверили каждое укромное место четвертого уровня. Кинмартена там не было, ни живого, ни мертвого. Но один из охранников обнаружил кое-что интересное: сначала, что Дюка Флуэля также не было среди тех, кто там лежал,

а затем, что один из четырех порталов, ведущих в гостиницу, разблокирован. В настоящее время он связывал с залом главного офиса в закрытых секциях на другом конце «Звезды». А из этого зала можно было без проблем переправиться в любую другую секцию гостиницы.

Ни один из сорока с лишним человек, работающих в главном контрольном офисе на основном уровне, не слышал никакой стрельбы, но было очевидно — большинство из них осознает, что происходит нечто экстраординарное. Однако данный коллектив был хорошо дисциплинирован. Мимолетный тяжелый взгляд на кого-то из вооруженных людей, без дела отирающихся возле стен, несколько встревоженных лиц — вот и все признаки, выдававшие напряженность. Время от времени за каким-нибудь столом тихо перебрасывались парой слов.

Квиллан стоял практически посредине офиса. Райтер и Орка в пяти метрах от него с обеих сторон. Четыре бойца «Седьмой Звезды» расположились вдоль стен. Через большой дверной проем можно было видеть из офиса практически весь зал, смежный с комнатой связи. Там находилось еще четыре охранника. Вот и все доступные сейчас Райтеру силы, за исключением охраны

главного зала и подпространства.

Такая расстановка людей имела определенный смысл, и Квиллан ничем не выдавал, что замечает то, что глаза охранников останавливаются на нем гораздо чаще, чем на любом другом субъекте в офисе, и что, с тех пор, как они все вошли сюда, ни один из парней не убирает руки с оружия. Но подобная осторожность также имела свой смысл.

Общая нервозность обстановки на основном первом уровне Операционного Блока — хоть и незаметная для непосвященного персонала — в немалой степени была вызвана присутствием здесь Квиллана-Беды. Райтер к настоящему моменту стал более чем подозрителен — открытый портал на четвертом уровне, исчезновение Кинмартена и Дюка оставляли место для разнообразных предположений. И крайне мало из них были благоприятными для Квиллана. Райтер, похоже, предпочел оставить все как есть, до тех пор, пока судно Братства не будет захвачено, и основная часть сил не вернется из субпространства. После этого руководитель безопасности «Седьмой Звезды» наверняка учинит Квиллану допрос с пристрастием.

Текли тягучие, как кленовая патока, минуты.

При данных обстоятельствах взгляд на часы мог стать последней каплей в чаше терпения Райтера, и, подражая ему, Квиллан также предпочел оставить все как есть. Но он был абсолютно уверен в том, что с того момента, как он оставил Ритал, прошло уже больше часа, а не было ни малейшего намека на то, что где-то в здании происходит передислокация. Из главного контрольного офиса до него продолжал доноситься гул голосов. Было похоже, что в комнате связи начался обмен сообщениями с приближающимся лайнером.

Человек, сидевший за столом поодаль от Квиллана, встал, вышел в зал и исчез. Некоторое время спустя фигура в белой униформе вернулась и принялась за прерванную работу. Взгляд Квиллана изменился, скользнув по клерку. Он почувствовал, как все внутри него напряглось. Сходство было практически полным, но это был не тот человек, который выходил из офиса.

Прошла еще пара минут, и в зале появились еще двое в униформе работников «Звезды» — щуплый пожилой мужчина и белокурая девушка. Они остановились, увлеченно о чем-то разговаривая, затем не спеша начали приближаться к Квиллану.

Казалось, они спорили о каких-то деталях ее работы. Девушка хмурилась, упрямо качая головой. Около Квиллана они разделились и направились в противоположные части офиса. Девушка, оглядываясь и все еще хмурясь, неловко натолкнулась на Райтера. Она вздрогнула и перевела на него взгляд.

— Простите, — произнесла она.

Райтер раздраженно нахмурился, начал что-то говорить и внезапно его лицо приняло удивленное выражение. Потом его глаза закатились, колени подогнулись, и он рухнул на пол.

Клерк, сидящий за ближайшим столом, пронзительно свистнул.

Квиллан крутанулся на каблуке, выхватил пистолет и направил его в сторону стены, которая дотоле была у него за спиной. Двое охранников, стоящих там, еще только поднимали свои пистолеты. Майм Дэвил Спешиал осуждающе хрюкнул, и охранники задымились, перечеркнутые огненным шнуром. Зал разорвал грохот… крупнокалиберных спортивных винтовок. Квиллан вновь повернулся и увидел, что двое других охранников у дальней стены упали. Женский крик пронесся по офису, и обслуживающий персонал в один момент скрылся из поля зрения за

столами и шкафами. Щуплый пожилой мужчина возвышался над Оркой. С дубинкой в руке и жизнерадостной улыбкой на лице.

В главном зале четверо в белой униформе повернулись и направили винтовки в сторону комнаты связи. Стрельба прервалась так же внезапно, как и началась, и винтовки снова опустились. Шум в офисе начал утихать и в результате обратился в свою противоположность — напряженную тишину. Квиллан осознал, что белокурая девушка рядом с ним.

— Взяли оставшихся? — быстро спросил он тихим голосом.

— Всех, кто был на этом уровне, — ответила Ритал. — Их было не так много.

— Знаю. Но в подпространстве осталась значительная часть группы. Если мы сможем обезвредить бомбу, то просто закроем их там. Сколько времени уйдет на то, чтобы привести Райтера в чувство?

— Он сможет говорить минут через пять.

Глава 6

Квиллан сидел в удобном кресле напротив огромного стенного визора в личных апарта-

ментах командора, и задумчиво смотрел на изображение «Камелота». Лайнер все еще находился часах в двух полета от «Седьмой Звезды», но должен был прибыть по расписанию. На «Звезде», по крайней мере, в секции нормального пространства, все было тихо — и в главных контрольных офисах и в узле связи были восстановлены обычные рабочие условия.

Портал в нескольких метрах от Квиллана внезапно открылся, оттуда вышла Ритал Дестон.

— Так вот ты где! — воскликнула она.

Квиллан несколько удивленно посмотрел на напарницу, потом усмехнулся:

— У меня и в мыслях не было скрываться от тебя!

— Хм! — с сомнением произнесла Ритал и тоже улыбнулась: — Что ты пьешь?

Квиллан кивнул на открытый бар возле визора:

— Велладон оставил после себя шикарные запасы. Присоединишься?

— Хм, — снова сказала девушка, подошла к бару, просмотрела бутылки, сделала выбор и наполнила бокал. — Такое впечатление, — заметила она как бы вскользь, — что ты меня избегаешь.

— Впечатление? Должно быть, я совсем рех-

нулся.

— Не обязательно, — Ритал подошла к его креслу и села на подлокотник. — Просто у тебя могла быть какая-нибудь деликатная проблема, которую необходимо было решить прежде, чем надоеда Ритал получит шанс задать пару-тройку вопросов.

Квиллан удивился.

— С чего ты взяла?

— О, это так просто, — произнесла Ритал, — сопоставила кое-какие детали. Хочешь знать, какие именно?

— Конечно, куколка.

— Сначала я заметила, — сказала Ритал, — что как только ты в первый раз отослал меня с каким-то незначительным поручением, тут же сам пошел в узел связи и пообщался с кем-то на борту «Камелота» по приватному каналу с самой высокой степенью защиты.

— Не вижу в том ничего особенного, — сказал Квиллан. — Да, я разговаривал со службой безопасности лайнера. Они обещали организовать бот федеральной полиции, чтобы забрать остатки групп командора и Братства в субпространстве.

— И вот с этого, — продолжила Ритал, — и начинается небольшая деликатная проблема. Затем

я заметила, как уже говорила, что ты всеми силами пытаешься избежать разговора. И немного подумав об этом, а также еще о некоторых других вещах, которые к тому времени пришли мне на ум, я пошла навестить Райтера.

— Для чего?

Ритал успокаивающе пробежалась пальчиками по прическе Квиллана:

— Позволь мне закончить, здоровячок. Я нашла Райтера и Орку в состоянии крайней нервозности. И знаешь, почему они нервничают? Негодяи убеждены, что незадолго до прибытия «Камелота» ты собираешься прикончить их.

— Хм, — только и произнес Квиллан.

— Райтер, — продолжила мисс Дестон, — помимо того, что нервничает, еще и крайне зол. Он заявил, что теперь ему абсолютно понятно, зачем ты здесь. Ты и твои партнеры — крутые парни Хагреди и Болтан Неженка, а также другие неизвестные ему лица — тоже явились за Хлатами. И, если помнишь, Дюк об этом упоминал. Командор и Райтер покупаются на эту историю, потому что проверка твоих слов показала — Хагреди и Болтан бросили свою деятельность и исчезли по какому-то сверхсекретному делу приблизительно месяц назад. Райтер чувствует,

что твое предложение — взять вашу бригаду в дело за двадцать процентов — было сделано не от чистого сердца. Он пришел к выводу, что когда ты разнюхал о совместной операции Велладона и Братства, ты со своими приятелями решил им помешать и захватить Хлатов, чтоб самим поставить их «Яко». Райтер полагает, что кто-то типа Хагреди или Болтана проникает на «Камелот» с толпой громил и захватывает судно. А лично ты мчишься к «Седьмой Звезде», чтобы разворошить тут все настолько, насколько получится. Он, пусть и неохотно, признает, что ты все проделал чрезвычайно ловко. Теперь ему очевидно, что каждый шаг, который ты делал, служил одной цели — стравить группу «Звезды» и Братство. И теперь, когда они практически уничтожили друг друга, ты со своими партнерами можешь спокойно осуществлять свой гениальный план. Но, конечно, ты не сможешь этого сделать, если Райтер и Орка живьем попадут к федералам. Ребята в подпространстве не имеют значения — они всего лишь рядовые бойцы и знают только то, что ты был кем-то, кто вышел на сцену уже в гостинице. Но Райтер мог бы все выложить полиции и, естественно, выложит…

— Ах, до чего же Райтер впечатлителен, —

произнес Квиллан, делая небольшой глоток из своего бокала. — До появления здесь я никогда не слышал о Хлатах. Как я уже тебе говорил, у меня сейчас совершенно другая работа. Я должен был придумать какую-нибудь историю, чтобы найти с бандитами общий язык, вот и все.

— Так ты не собираешься убивать эту пару лис?

— Подобных намерений и в мыслях не было. Я, конечно, не возражаю, чтобы у них чуточку потряслись поджилки от страха, но не более того.

— А что по поводу Болтана и Хагреди?

— А ничего. Я случайно узнал, что начни кто-то задавать вопросы об этой паре, он выяснит одно: ни один из них не занимается обычной работой уже приблизительно с месяц.

— Держу пари! — заговорщицки шепнула Ритал.

— Что ты имеешь в виду?

— Хм, — уже в третий раз за это время произнесла девушка. — Квиллан по прозвищу Беда! Без сомнения, крутой парень. Знаешь, я ни на мгновение не поверила, что ты примчался на «Звезду» за Хлатами…

— А почему?

Ритал ответила:

— Мы с тобой участвовали в паре операций, и ты удивишься, как много всего можно насобирать о тебе из разных источников. Перехватить уникальных животных и продать их корпорации «Яко» — да, это в характере Квиллана-Беды. А вот продать несколько сотен людей — вроде Брока и Солвей Кинмартен — в качестве техников вместе с этими животными — такое не в его характере.

— Да, — произнес Квиллан проникновенно, — у меня золотое сердце.

— Нестыковочка получается! — не менее проникновенно сказала Ритал. — Квиллан-Беда — даже не питая к Хлатам ни малейшего интереса — все равно не может позволить Райтеру рассказать о себе федеральным властям, здоровяк!

Квиллан на пару секунд задумался.

— Грязный трюк! — заметил он. — За это ты должна освежить мой бокал.

* * *

Ритал понесла бокалы к бару, долила спиртное и вновь устроилась на полюбившемся подлокотнике кресла.

— Итак, возвращаемся к нашей деликатной проблеме, — сказала она.

— Райтер?

— Да нет же, идиот. Мы оба знаем, что Райтера отправят на реабилитацию. Лет так на пятнадцать или около того. Наша проблема — малышка Ритал, которая теперь знает намного больше, чем ей положено. Она тоже загремит на реабилитацию?

Квиллан сделал небольшой глоток и вновь отставил бокал.

— Ты полагаешь, — спросил он, — что я могу оказаться, прости за выражение, паршивым легавым?

Ритал потрепала мужчину по голове.

— Квиллан по прозвищу Беда! Давай взглянем фактам в лицо. Что мы видим? Разрушения, главным образом. Разбитые организации, оборудование, банды. Коррумпированные высокопоставленные мошенники, получившие пулю в голову при необъяснимых обстоятельствах. К чему продолжать? Чертовски подходящее прозвище! И никто ничего не понимает, потому что те, кто о чем-то догадался… вот, кстати, где сейчас Болтан и Хагреди?

Квиллан вздохнул.

— Ну раз уж ты все равно все поняла… У Хагреди хватило ума, так что он сейчас реабилитируется. Будет забавно, если однажды Райтер столкнет-

ся с ним там. А вот Неженке Болтану мозгов не хватило. У меня нет склонности к философии, чтобы строить догадки относительно того, где он в настоящий момент. Но я на сто процентов уверен, что болтать он не будет.

— Итак, — сказала Ритал, — мы подошли к сути дела. Квиллан-Беда определенно работает на какую-то секретную службу. Возможно, Федеральную, возможно, нет. Но я полагаю, что в данном случае это не имеет никакого значения. Так что же по поводу меня?

Он дотянулся до бокала кончиком пальца.

— Вот это — по поводу тебя, куколка. Ты наполнила. Я выпью. Я не могу думать так быстро, как ты, но я все же умею думать. Принял бы я напиток из рук очень умной и не уважающей законы леди, которая уверена, что я отправлю ее за решетку? И которая может разболтать что-нибудь, что разрушит репутацию ее старого бедного приятеля?

Ритал вновь пробежалась пальцами по его волосам.

— Я обратила внимание на эту шутку с напитком, — сказала она. — Мне просто требовалось услышать это от тебя. Ты молчишь про меня, я молчу про тебя. Так?

— Вот именно, — сказал Квиллан. — То, что

Райтер и Орка могут рассказать федералам, не имеет значения. Все это там и останется. Перед тем, как федералы пришлют сюда свой бот, они уже будут знать обо мне. Кстати, ты разбудила Кинмартенов?

— Нет еще, — сказала Ритал. — Слишком сложно оказалось успокоить народ и вернуть его к работе.

— Тогда давай допьем и пойдем их разбудим. Малышка почти наверняка дремлет, но, возможно, она все еще сидит и кусает симпатичные локотки.

* * *

Майор Разведывательного Управления Космических Скаутов Хеслет Квиллан выглядел несчастным.

— Мы до сих пор ищем их повсюду, — объяснил он Клэйанту, — но почти наверняка незадолго до того, как попасть в ловушку, Кинмартенов навестил Хлат.

Клэйанг, жилистый седоволосый пожилой джентльмен, являлся сотрудником Психологического Сервиса, отвечающим за Хлатов, которых вез «Камелот». Он и Квиллан ждали в хранилище биомодулей «Седьмой Звезды» комплекс леди

Пендрейк, который должны были доставить из Операционного Блока.

— А преступники, с которыми вы имели дело, не могли их спрятать где-нибудь? — задумчиво спросил Клэйанг.

Квиллан покачал головой:

— Они не смогли бы найти чету так быстро. Я сменил полдюжины порталов, пока нес Кинмартена в апартаменты. Только Хлат со своими способностями мог следовать за мной по этому маршруту и не выдать себя. Должно быть, это необычайно хитрое животное. Оно догадалось не попадаться на глаза до тех пор, пока я не привел его туда, куда ему хотелось.

— О да, они на редкость смышлены, — с отсутствующим видом согласился Клэйанг: — Да будет вам известно, что средний показатель коэффициента интеллектуальности у представителей этого вида, скорее всего, окажется выше, чем у человека. Хотя типы мышления, конечно, сильно отличаются. Когда принесут модуль, я расспрошу Хлата, и мы все узнаем.

Квиллан внимательно посмотрел на него:

— Хлатокоммуникатор позволяет поддерживать двусторонние беседы с существами?

— Не совсем так, — сказал Клэйанг. — Видите

ли, майор, правительство, заинтересованное открытием Хлатов, поняло, что утечки информации избежать невозможно. Экземпляр, который находился на «Звезде», в прошлом году побывал в различных научных учреждениях, а, стало быть, в его исследование и эксперименты над ним было вовлечено довольно большое количество людей. Впоследствии было умышленно распространено несколько легенд об этих существах. Они не вполне правдивы, поскольку помогают держать реальные факты о Хлатах в секрете. И хлатокоммуникатор — одна из таких легенд. Вообще-то это устройство не выполняет никаких функций. Хлаты реагируют на телепатические импульсы, как от своих сородичей, так и от других существ, и, в конечном счете, коррелируют поступившие сигналы с человеческой речью.

— Значит, вы… — начал было Квиллан.

— Да. Элтак, первооткрыватель Хлатов, от природы был довольно хорошим телепатом. Если бы не был столь ужасающе ленив, он, возможно, стал бы непревзойденным пси. Кстати, я постоянно ношу пси-устройство, разработанное Сервисом. Оно помогает получать довольно сносные результаты.

Он замолчал, как только дверь в хранилище

распахнулась. Биомодуль леди Пендрейк плыл через зал, управляемый двумя операторами гравитационных кранов. Клэйанг встал.

— Установите контейнер пока там, пожалуйста, — он указал направление. — Если понадобится, мы позовем вас позже.

Прежде чем подойти к модулю, он подождал, пока за рабочими закроется дверь, затем долго и скрупулезно исследовал все настройки и надписи.

— М-да, интересно, — выпрямляясь, произнес он наконец. Его лицо на несколько секунд приняло отсутствующее выражение, затем Клэйанг продолжил:

— Кажется, я начинаю понимать. Позвольте рассказать вам несколько вещей о Хлатах, майор. Во-первых, этот вид четко выражает свои симпатии и антипатии. Например, Элтак характеризовался большинством своих знакомых как довольно скверный тип. Но за то время, пока он жил на острове, Хлаты, можно сказать, полюбили его. Это один момент. Другой связан с уровнем их интеллекта. В процессе исследования мы старались сделать строение модулей абсолютно понятным для всех, даже не имеющих технического образования. И…

Он прервался на мгновение, чтобы погладить подбородок.

— Ну, вообще-то, — сказал он задумчиво, — того, что я сказал, достаточно, чтобы подготовить вас к тому, что вам предстоит увидеть.

Квиллан несколько удивленно посмотрел на сотрудника Сервиса.

— Мне говорили, что Хлат страшен, как смертный грех, — заметил он. — Но я уже не раз встречался с отвратительными монстрами.

Клэйанг кашлянул.

— Это не совсем то, что я имел в виду, — сказал он. — Ладно, давайте просто откроем модуль. Вы не возражаете, майор?

— Нисколько, — Квиллан подошел к комплексу, разблокировал замок и толкнул крышку. Они оба отступили от аппарата. Несколько секунд слышалось мягкое жужжание механизма, затем крышка резко откинулась. Квиллан наклонился, заглядывая внутрь, и снова выпрямился. Волосы на голове майора стояли дыбом.

— Где оно? — требовательно спросил он, и Майм Дэвил Спешиал уже поблескивал у него в руке.

Клэйанг спокойно посмотрел на Скаута:

— Не очень далеко, полагаю. Но могу уверить

вас, майор, что в настоящий момент оно не имеет ни малейшего желания нападать на нас или кого-нибудь другого.

Квиллан хмыкнул и оглянулся, бросив взгляд в открытый комплекс. Внутри лицом друг к другу, как близнецы в колыбельке, лежали Кинмартены. Их дыхание было спокойным и ровным.

— Да, — подтвердил Клэйанг, — ваши молодожены целы и невредимы. — Он снова погладил подбородок. — И думаю, самое лучшее, что мы сейчас можем сделать, это просто закрыть модуль. Позже вызовем врача, чтобы дать беднягам успокоительное прежде, чем вытаскивать оттуда. Они оба прошли через многое, и желательно приводить их в чувство постепенно, дабы избежать эмоционального удара.

Он подошел к комплексу и закрыл крышку.

— Позвольте, я закончу, — сказал он. — И давайте присядем, майор. Мой рассказ займет какое-то время.

* * *

— Итак, давайте взглянем на ситуацию глазами Хлата, — продолжил он, удобно устроившись в кресле. — Смерть Элтака застала его врасплох. В тот момент он еще не разобрался, что к чему в

Операционном Блоке. И тогда сделал единственно возможное: скрылся из поля зрения, попутно убив одного из лидеров банды, а затем принялся бродить по различным уровням, по каплям собирая информацию из разумов и разговоров людей, с которыми сталкивался. Уже через относительно небольшой промежуток времени он узнал достаточно для того, чтобы понять, что запланировали преступники, и пришел к тому же заключению, что и вы, майор: сократить по возможности численность банды и деморализовать их до такого состояния, чтобы они не смогли осуществить свои планы. И с этой целью существо произвело ряд нападений на них. Тем временем на сцене появились вы. Скорее всего, Хлат оказался озадачен вашими мотивами, поскольку существовало грандиозное различие между тем, что вы говорили, и тем, что думали. Но, после непродолжительного наблюдения за вашими действиями, существо начало понимать, что именно вы пытаетесь сделать. Оно осознало, что ваш подход, вероятнее всего, более продуктивен, чем его собственный, и что его дальнейшие действия могут пойти вразрез с вашими планами, майор. Но у него еще оставалась одна вещь, которую необходимо было сделать. Клэйанг сде-

лал многозначительную паузу.

— Могу сказать по секрету, майор, что другая легенда, распространяемая о Хлатах — их неспособность покидать запертый контейнер. Даже биотехников снабдили этой дезинформацией. Фактически, антагонистические силы полей модуля никаким образом не могут стать для них препятствием. Биомодули предназначены лишь для того, чтобы защитить Хлатов — в том числе и от посторонних взглядов, поскольку биомодуль можно перевозить повсюду, не возбуждая ненужного любопытства. Вы как-то сказали, что Кинмартены очень приятные молодые люди. Хлат считал точно так же. Для него это были единственные люди, кроме Элтака, которых он хорошо знал. На тот момент не было никакой гарантии, что можно воспрепятствовать взрыву заложенной бомбы. Единственное место, где люди могли надеяться пережить этот взрыв, — биомодуль Хлата, который сконструирован так, чтобы уберечь своего обитателя практически от любого несчастного случая. Таким образом, Хлат залез в вашу ловушку, убрал приманку, положил Кинмартенов внутрь и выскочил прежде, чем успел сработать капкан. Существо совершенно верно заключило, что все решат, будто это оно

попалось в ловушку. После этого Хлат направился в Операционный Блок — нужно было проследить за развитием событий и быть готовым начать действовать вновь, буде возникнет такая необходимость. Когда вы успешно завершили операцию, он остался у биокомплекса в ожидании моего прибытия.

Квиллан покачал головой.

— Как же я был не прав! Хлат поистине великолепное животное! — заметил он спустя несколько секунд. — Вы говорите, что оно сейчас где-то поблизости?

— Да, — сказал Клэйанг. — Оно последовало сюда за модулем, плавало в стенах зала, пока мы… ну… одним словом, пока я говорил.

— Почему же тогда оно не показывается нам на глаза?

Клэйанг кашлянул.

— По двум причинам, — улыбнулся он. — Во-первых, здоровенная пушка у вас на коленях. Хлат видел, как вы пользовались ею несколько раз, и после всей этой пальбы в Операционном Блоке… ну, вы понимаете… знакомство с нею не входит в его планы…

Квиллан покорно засунул МДС в кобуру.

— Простите, — извинился он, — сила привыч-

ки. Вообще-то, конечно, теперь я понимаю, что мне не следовало… Ну, а какова вторая причина?

— Боюсь, — сказал Клэйанг, — что вы оскорбили его замечанием по поводу присущей ему внешности. Хлаты тоже наделены тщеславием. Во всяком случае, он, кажется, обиделся на вас.

— О, даже так?! — воскликнул Квиллан и тут же прикрыл рот ладонью. — Ну, я уверен, — продолжил он еще громче, — что Хлат понимает — я получил описание от пристрастного лица. Теперь верю, что оно не вполне соответствует реальному положению дел.

— Хм, — сказал Клэйанг, показывая глазами куда-то за спину Квиллана, — кажется, ваш довод подействовал, майор. Стена напротив нас…

Скаут обернулся — по стене, словно по стоячей воде, пробежала рябь, поверхность вдруг потемнела и стала совсем черной. Квиллан прищурился — Хлат вышел на всеобщее обозрение. Существо висело, распластавшись, как паук, и занимая почти половину стены хранилища. Теперь, полностью видимое, оно напоминало громадную волосатую амебу, хотя, конечно, физическое строение под грубой черной кожей должно было быть гораздо более сложным. Глаз видно не было, но у Квиллана возникло впечатление, что его

пристально рассматривают. Везде, по краям и по поверхности тела, было множество эластичных отростков.

Квиллан встал, поправил кобуру и направился к стене.

— Леди Пендрейк, — торжественно произнес он, — большая честь видеть вас. Как вы считаете, мы могли бы обменяться дружеским рукопожатием?

Время собирать камни
(рассказ)

Глава 1

Старший помощник специального уполномоченного Холати Тэйт, удобно устроившись на высоком зеленом холме колонизируемой планеты Мэнон, наблюдал за тем, как глава сектора связи Триггер Арджи сверяла настройки датчика и рекордера биосигналов. Девушка была стройной, загорелой, рыжеволосой, и наблюдать за ней было сплошным удовольствием, которое не могли омрачить ни капризное выражение на личике, ни преклонные годы самого Холати Тэйта. Наконец, получив все необходимые данные, Арджи плавно обогнула свою палатку и столкну-

лась с Холати. Легкая улыбка озарила ее лицо.

— Как все продвигается? — спросил старший помощник.

— С трудом. Эти биообразцы нелегко расшифровать. Вы этого и ожидали?

Он кивнул.

— В выборке полный кавардак. Поэтому мне и пришлось вызывать из главного управления специалиста по связи.

— Ну, — сказала Триггер, — если вы захотите ретранслировать данный сигнал, через десять минут у нас будет вполне сносная запись.

Она прищурилась, глядя на вечернее небо:

— Отсюда виден лишь зеленоватый оттенок. Скопление биомассы примерно в девяти километрах над поверхностью, верно?

— В девяти километрах ты едва достанешь до слоя основания, — сказал Холати Тэйт. — Эти организмы обитают в стратосфере.

Триггер взглянула на него и снова улыбнулась, на этот раз более непринужденно. Ей нравился Холати. Невысокий загорелый энтузиаст Прекола, который был назначен в Проект Мэнон всего каких-то полгода назад. В настоящее время помощниками становились, главным образом, выпускники Академии; он же был ветераном

старой гвардии, таких людей Академия не стремилась во что бы то ни стало сместить с руководящих постов. Триггер слышала, что он состоял в рядах Космических Скаутов до самой пенсии, на которую в этой нелегкой профессии уходят рано.

— Что может означать этот звуковой сигнал, который мы копируем? — спросила она. — Что-нибудь вроде призыва к спариванию?

Холати признал, что эта теория ничем не хуже остальных.

— На биостанции возникло предположение, что каждая из разновидностей издает собственный сигнал для того, чтобы помочь стае держаться вместе. Этот сигнал довольно силен, потому что скопление в каждый отдельный момент времени, по большей части, состоит из одного вида особей. Когда мы установим пищевые станции, можно будет использовать этот звук в качестве приманки.

Триггер пригладила непослушные рыжие волосы и покачала головой:

— Это низко! — заметила она с улыбкой.

— Не будь такой сентиментальной, девочка. Обработанный планктон, возможно, станет самой большой статьей экспорта Мэнона к тому времени, когда мир будет колонизирован. Аппетиты

Федерации растут с каждым годом. Меня также интересует вероятность привлечения этими сигналами Жнецов. Странных существ, от которых мы хотели бы избавиться, — добавил он.

— Они снова вас беспокоили?

В силу своих обязанностей Триггер большую часть времени проводила в главном управлении, но слышала, что Жнецы — крайне опасные существа, способные генерировать молнии.

— Нет, — ответил он, — я не позволяю своим парням их недооценивать. Прежде чем начать собирать планктон, нужно изобрести какой-нибудь способ обращаться с этими существами. В предыдущем месяце мы отослали заявку на тяжелое вооружение.

Холати пристально посмотрел на девушку:

— Что-то случилось, Триггер? Глядя на тебя, можно подумать, что ты — самый несчастный человек на планете.

Арджи нахмурилась и угрюмо произнесла:

— Так и есть! Это все наш достопочтенный специальный уполномоченный Рамог.

Холати в ужасе мотнул головой в сторону рекордера.

Триггер поморщилась:

— Ради звезд, не волнуйтесь. Мои инструменты,

вероятно, единственная вещь из всех, задействованных в Проекте Мэнон, которая не напичкана штабными жучками. Я удалила их оттуда сразу после того, как Рамог их засунул.

— Хм… — с сомнением произнес Холати. — Ну и что же такого сделал специальный уполномоченный, чтоб так тебя расстроить?

— Вчера утром отправил Брюла Ингера на гауптвахту, — Брюл являлся молодым человеком, ухаживающим за Триггер, припомнил Холати. — Его отправят домой на следующем же грузовом судне. И я не могу понять, — удрученно добавила Триггер, — то ли Рамог вознамерился вышвырнуть отсюда Брюла из-за меня, то ли из-за того, что подозревает парня в поисках артефактов Старой Галактики, относящихся к Проекту Времени. Брюлу, конечно, ничего подобного и в голову не пришло бы, но таково официальное обвинение. В любом случае, мне все это не нравится.

— Люди становятся чрезвычайно чувствительны, когда речь заходит о Старой Галактике, — сказал Холати философски. — Начать хотя бы с того, что Федерация платит громадные премии за открытия.

Триггер раздраженно пожала плечами:

— Слишком много несуразицы. Когда в про-

шлом году Проект был перемещен отсюда, все говорили, что крупные открытия вероятнее всего возможны в системе Мэнона, чем в любой другой точке Ядра Звездного Скопления. По этой причине Рамог и взял Проект Мэнон под свое крыло, облазил всю планету в компании с Эссиди и остальными своими прихвостнями, и что? Не было найдено абсолютно ничего.

Холати кивнул.

— Знаю. Но все же я не удивлюсь, если тут, в конечном итоге, все-таки что-нибудь найдут. Мэнон расположен в наиболее вероятном секторе.

Триггер скептически посмотрела на него.

— Так вы тоже верите в эти старо-галактические байки? Хорошо, пусть так. Но я скажу вам кое-что: никто не нуждается в этих открытиях настолько, насколько нуждается в них специальный уполномоченный Рамог, в рамках своего «Проекта Специального Уполномоченного Рамога»!

— Полегче, Триггер! — Холати встревоженно покосился на ящик. — Есть определенный порядок во всем этом, ты же понимаешь!

Губы Триггер скривились.

— Предусматривающий все-все-все? — осведомилась она ехидно.

— Ну, практически все, — защищаясь, ответил ей помощник. Его голос звучал так, будто Холати хотел убедить самого себя в том, что говорит; на мгновение девушка почувствовала даже неловкость из-за того, что привела его в замешательство. — Ты совершаешь какое-то открытие, проверяешь и регистрируешь все в. Федерации с помощью любого передатчика дальнего действия. После этого никто не сможет отменить твои права! Даже… да даже Академия не станет оспаривать Закон Федерации!

— Суть заключается в том, — холодно произнесла Триггер, — что никто не гарантирует наличие у меня такого рода передатчика в нужный момент. Собственно говоря, я была свидетелем нескольких довольно забавных случаев за те два года, что работаю с Рамогом, — она пожала плечами. — Но я встану на пути у Колониальной Школы, когда срок моей службы закончится — я сыта, по горло тем, как парни Академии ведут себя в Преколе. И я заметила, что никто ничего не хочет слушать, когда я начинаю говорить об этом. Даже Брюл затыкает мне рот.

Она повернула голову к рекордеру, из которого раздавался треск, потянулась и выключила. Плоская пластмассовая коробка выскочила из

стенки устройства. Триггер вытащила ее и показала Холати:

— Вот копия сигнала. Надеюсь, что это сработает.

Все время, пока Холати Тэйт помогал Триггер Арджи упаковывать оборудование назад в небольшой личный хоппер, он чувствовал себя неловко, лицо его выражало эмоции человека, которому привлекательная девушка только что, причем, не без основания, сделала намек на его бесхребетность. После того, как она, уехала, Тэйт перестал чувствовать себя стесненным, и его лицо, приняло обычное выражение.

Ему нравилась Триггер, как и всем тем, с кем Холати был знаком. Ее положение могло оказаться более шатким, чем она полагала. Как только стало очевидно, что спецуполномоченный Рамог испытывает определенный интерес к стройной симпатичной девушке, все наиболее циничные парни с биостанции поставили на него. Никто не пытался загадывать так далеко, но вынужденный отъезд Брюла Ингера из Проекта, вероятно, должен повысить его шансы. В настоящий момент Рамог, скорее всего, не будет предпринимать решительных действий, но у него на редкость выгодная позиция — он может стать настолько

решительным, насколько ему этого захочется, и если Триггер не смягчится сама, то, вне всяких сомнений, Рамог в конечном итоге поспособствует этому.

Хмурясь, Холати забрался в свой личный хоппер, поднялся на пятнадцать метров и не спеша направился к длинной цепи зеленых холмов поблизости от Больших Топей. В двухстах километрах по другую сторону болот располагались купола биологической станции Мэнона, которую он возглавлял.

Этим вечером у него было много работы, но сначала он хотел кое-что обдумать. В том, что сказала Триггер, не было ничего нового. Для него, во всяком случае. Группа Академии Прекола год от года работала все более напористо, и специальный уполномоченный Рамог был, бесспорно, самым беспринципным управляющим из всех. Тайные источники информации старейшего и уважаемого ООКС (Общества Отставных Космических Скаутов), которое насчитывало немногим больше двенадцати тысяч членов, рассеянных по всему Преколу, приписывали специальному уполномоченному пять умышленных убийств неугодных ему подчиненных, хотя доказать эти преступления не было ни малейшего шанса.

Две жертвы, включая предыдущего спецуполномоченного, были членами Общества. Рамог определенно отвратительный тип…

Хоппер начал двигаться над ровной кромкой Больших Топей. Омерзительная на вид мешанина влажной фиолетовой, зеленой и коричневой растительности мерцала, как поверхность моря в лучах заходящего солнца Мэнона. Время от времени в ней угадывалось какое-то хаотичное движение, а иногда внезапно происходили бурные всплески. Холати осторожно поднял аппарат на пару? сотен метров выше. Длинные вереницы болот и заболоченных озер, которые опоясывали примерно две трети планеты по экватору, были местом обитания многочисленных, не поддающихся классификации жизненных форм таких размеров и скорости, что ни один здравомыслящий человек не захотел бы встретиться с ними без соответствующей боевой экипировки. Персонал Прекола избегал сталкиваться с этими эндемиками без особой необходимости; задачу взять их под контроль предпочли оставить колонистам следующего года.

Первоочередной проблемой помощника было деликатное установление обстоятельств, при которых специальный уполномоченный Рамог

намеревался расправиться с Холати Тэйтом. Это дело слишком легко можно было провалить, и он не был уверен в точности множества деталей. От этих волнующих мыслей брови его сошлись на переносице. В конце концов он рывком направил хоппер вертикально вверх и, вытащив запись с биосигналом, которую сделала для него Триггер Арджи, аккуратно ввел последний в радиосистему хоппера.

Паря в окрашенном вечернем воздухе, там, где проходила нижняя граница скопления планктона, Холати Тейт изучал пространство над и под ним. Наверху, на расстоянии нескольких сотен метров, вяло двигался поток микроорганизмов. Несколько звезд мигнули сквозь него, и там, в тысяче километрах от хоппера, тонкими сверкающими всполохами огня показалась растянувшаяся поперек неба полоска Лунного Пояса. Потом, то тут, то там, Холати начал угадывать огромные зеленоватые очертания Жнецов — существ, заслуживших статус конкурентов человечества в борьбе за белок, из которого состоял планктон.

Через пару минут в пределах видимости он насчитал тридцать шесть этих таинственных существ. Холати остановил взгляд на одной па-

ре, и наблюдал за ней до тех пор, пока она не стала подниматься, и ее очертания размылись, а затем и окончательно исчезли в темнеющем небе. Остальные создания продолжали парить недалеко от потоков скопления, столь же вялые в этот час, как и их добыча. Похожие на гигантские сосиски, без каких-либо других выразительных черт, эти существа едва ли казались опасными на вид, но трое искавших приключений на свою задницу ксенобиологов были убиты молниями Жнецов в течение недели после того, как Проект развернули на планете. С того времени проводилась политика невмешательства, до тех пор, пока деятельность Проекта не подошла к той критической точке, когда проблема потребовала решительных действий.

Холати настроил биоприемник. Около полудня и Жнецы, и планктон были крайне активны, а сейчас сигнал был похож на невнятное бормотание. Он слегка нажал на кнопку передачи сигнала и стал ждать.

Помощник отсчитал восемь секунд прежде, чем смог определить хоть какую-то реакцию. Ближайший к нему поток планктона замедлил движение, и составляющая его биомасса начала плавно стекаться к хопперу. Холати не был

уверен, что Жнецы ничего не почувствовали. С опаской поглядывая на них, он постепенно увеличил силу сигнала почти вполовину. Хоппер был небольшим прочным космическим транспортным средством, предназначенным для межпланетных перелетов, но Холати стало интересно, что случится, если вместе с массой планктона взять, да проследовать в желудок Жнеца. Правда, при этом он меньше всего хотел вынудить одного из гигантов пулять электроразрядами.

Жнецы определенно начали приближаться к нему, когда масса планктона переместилась к хоппер, с глухим звуком ударилась о смотровую панель, растеклась по ней, а затем и по всему корпусу машины. Холати, на мгновение ослепленный, включил внешний экран, увидел в полукилометре приближающихся Жнецов и быстро выключил передатчик. Нервничая, он наблюдал затем, как Жнецы остановились, пока содрогающаяся масса планктона отставала от переставшей интересовать ее поверхности машины, не спеша образовывая новый поток.

Он помедлил мгновение, затем повел хоппер прочь от эпицентра растревоженного места. Через километр он остановился и окинул взглядом

плавно перетекающие облака биомассы. Тогда он вдавил кнопку передатчика, посылая сигнал такой силы, какой эта планета еще не знала.

Масса будто взорвалась. Огромные пласты живой материи покатились через все небо вниз к хоппер у. Позади, сбоку и впереди машины, перемещаясь в сто раз быстрее, чем планктон, помчались дюжины огромных сосисок, подвижные части их тел разверзлись зияющими дырами.

Холати Тэйт поспешно выключил громовой звук сигнала, напоминающий своим действием песню мифических сирен, и тотчас же поспешил убраться со всей возможной скоростью. Далеко позади него первые ряды облаков планктона разбились о сбившихся в кучу Жнецов. Минуту спустя гиганты уже методично поглощали поздний ужин, которым обеспечил их Холати.

Он решил, что эксперимент можно назвать удавшимся, уточнил свои координаты, и, послав хоппер бесшумной стрелой вниз сквозь полумрак вечера, достиг Складского Центра на южной стороне местного рукава Больших Топей.

* * *

Менеджер по снабжению Эссиди был высоким красивым мужчиной с небольшой эспаньолкой

и рядом великолепных больших белых зубов, которого не любил практически никто в Проекте из-за скверной репутации первейшего прихвостня Рамога.

Видимо, для того чтобы развеять скуку в своем офисе в Складском Центре, Эссиди усердно изучал наиболее привлекательные детали тел нескольких секретарш на экране визора, когда ему доложили, что старший помощник спецуполномоченного Тэйт только что припарковал свой хоппер во втором куполе.

Эссиди клацнул зубами, взволнованно приподнял бровь, потом опустил ее на положенное по штатному расписанию место, отключил изображение на визоре, вставил наушник в ухо и нажал на устройстве связи клавишу «запись». Из восьмисот тридцати семи человек, задействованных в Проекте Мэнон, своей самостоятельностью выделялись девять. Спецуполномоченный отдал негласный приказ немедленно сообщать ему обо всех, пусть даже самых незначительных, поступках этих людей. И Холати Тэйт входил в это число.

Визор Эссиди нашел старпома, когда тот спускался по центральному коридору второго купола, и миновал вместе с ним несколько поворотов

по дороге в большой склад до конторки. Эссиди поправил наушник.

— …не только для использования в атмосфере, — произнес Холати. — Да, я понимаю, что реактивный двигатель. Но вдруг я захочу использовать его, например, под водой.

Клерк узнал старпома по голосу и сразу стал почтителен с собеседником.

— Но, сэр, — нерешительно произнес он, — а если говорить о давлении, то это должна быть Лунная броня, не так ли?

Холати кивнул.

— Угу. Это как раз то, что я имел в виду.

Там, в офисе, Эссиди приподнял обе брови разом. Он не помнил в точности всех пунктов каталога стандартного оборудования Биостанции, но словосочетание «Лунная броня» в него наверняка не входило. Клерк послушно оформлял заказ, когда Холати добавил:

— Кстати, нельзя ли один из них оборудовать устройством слежения?

Клерк нервно оглянулся.

— Я уверен, что мы не делаем таких вещей, сэр. Ведь это нестандартное оборудование. Но для вас одно мы постараемся установить.

Холати подумал и покачал головой.

— Не утруждай себя этим, сынок. Я сделаю все сам… Хм, высокая чувствительность, средний диапазон — это как раз то, что мне необходимо.

* * *

— …да, и это все, что он заказал, — сообщил Эссиди спецуполномоченному четверть часа спустя по закрытому каналу Рамога. — Он проверил экипировку лично — мне показалось, что он делает это не первый раз — и забрал оборудование с собой.

Специальный уполномоченный молчал почти полминуты, а Эссиди почтительно ждал. Он восхищался боссом и безнадежно ему завидовал. Не только потому, что спецуполномоченный Рамог обучался в Академии, и за его спиной стояли теперь и она, и головной офис, но и потому, что у него было втрое больше мозгов, чем у Эссиди, и в десять раз больше мужества. И менеджер по снабжению об этом знал.

Когда Рамог наконец заговорил, его голос звучал как-то рассеянно, и Эссиди почувствовал легкое беспокойство, поскольку это могло означать, что произошло нечто серьезное.

— Ну, естественно, Тэйт знаком с подобной экипировкой, — сказал Рамог. — Он потратил

шестнадцать лет на службу в рядах Космических Скаутов перед тем, как его назначили в Прекол.

— Ого! — произнес Эссиди.

— Вот именно, — Рамог вновь замолчал на полминуты. — Спасибо за то, что оперативно поставил меня в известность, Эссиди. Держи свою команду в боевой готовности вплоть до последующих указаний, — добавил он мимоходом.

Эссиди привык не задавать глупых вопросов. Необходимость в его команде могла возникнуть в скором времени, а могла и не возникнуть. Он услышал то, что ему приходилось слышать много раз.

Такая была у босса манера работать, и если выполнять все так, как ему нравится, то премиальные не заставят себя долго ждать и вскоре благополучно присоединятся к общей сумме сбережений в некоем укромном месте. Увольнения со службы Эссиди ждал с нетерпением.

* * *

Специальный уполномоченный Рамог в своем личном кабинете в главном Штабе позволил крошечному микрофону скользнуть обратно в нишу стола и перевел взгляд на медленно вращающуюся трехмерную модель Мэнона, которая

заполняла собой противоположную стену. Специуполномоченный был стройным мужчиной, не слишком крупным, с жилистым и хорошо натренированным телом, коротко подстриженными светлыми волосами и спокойными серыми глазами. В настоящий момент он выглядел заинтригованным и даже слегка озадаченным.

Во-первых, совершенно очевидно, сказал он сам себе, что на поверхности этой планеты просто нет ни одного места, где нужно использовать скафандр. Тропические озера были слишком мелки, так что никаких проблем с давлением возникнуть не могло, да и обитатели тех озер были такими, что, например, он ни за что не стал бы работать там сам, да еще и без брони и вооружения. Следовательно, раз старпом Тэйт не подал заявок ни на то, ни на другое, то, скорее всего, он не собирался там работать.

Во-вторых, направленное устройство слежения можно использовать для различных целей. Несмотря на то, что оно было разработано для работы в космосе, его также можно было использовать и на планете для наблюдения за подвижными объектами, хоть живыми, хоть механическими, но в целом все выглядело так, будто интересы Тэйта сфокусировались на чем-то

в космосе…

А личный состав Мэнона изучал только ту часть припланетного космоса, который ограничивался техническими возможностями летательных аппаратов, поступивших в их распоряжение.

Отбросив на какое-то время эту мысль, спецуполномоченный продолжил свои размышления и обнаружил третий поистине интересный момент, который состоял в том, что Тэйт являлся «старожилом» в службе Прекола. И как «старожил» знал, что оборудование подобного рода не избежит пристального внимания со стороны Академии, контролирующей Проект. По сути дела, Тэйт мог ожидать, что его заказ в самое ближайшее время спровоцирует кучу вопросов. Рамог выдвинул предположение, что старпом намеревался достичь этой цели независимо от того, понадобится ли ему заказанное оборудование или нет, главное, чтобы вопросы поступили по официальным каналам… Если, конечно, у хитроумца нет в запасе какого-нибудь вразумительного объяснения на сей случай.

Но как бы то ни было, специальный уполномоченный Рамог сделал вывод: никакой проверки не будет. Во всяком случае, не такой, на какую рассчитывал старший помощник Тэйт.

Рамог поднялся и подошел к стене-экрану.

В систему большого зеленого солнца Мэнона входили еще две планеты. Обе — газовые гиганты, и к ним человеку в хоппере приблизиться было невозможно. Ни у одной из них не было спутников. Только отдельные глыбы материи, рассыпанные по всей системе, о которых никто толком ничего не знал, но Тэйт не располагал соответствующим оборудованием для того, чтобы спланировать подобную вылазку. Да, у него имелся определенный опыт системной навигации: в досье упоминалось о том, что он отлучался не меньше полудюжины раз в течение срока своей службы в Преколе для того, чтобы провести небольшую разведку в космосе. Однако в исследовании просторов планетарной системы опыт не слишком хорошая замена отсутствующему оборудованию и нехватке времени.

И именно это соображение опровергало то, что могло оказаться наиболее вероятным. Специуполномоченный выключил модель Мэнона и заменил ее Лунным Поясом Мэнона.

Когда-то у планеты имелся значительный по размерам спутник, но это время осталось в далеком геологическом прошлом Мэнона. К настоящему моменту от бывшей Луны остались

лишь обломки, достаточно крупные для того, чтобы представлять собой мелкие навигационные проблемы и восхитительное зрелище в ночном небе, но не настолько крупные, чтобы стать серьезной угрозой для будущих колонистов. До сих пор до основательного исследования Пояса не доходили руки. Но всякий, кто регулярно пользовался хоппером, вполне мог совершить туда не санкционированную никем вылазку.

В любом случае подобный авантюрист не смог бы покинуть машину. Ни для того, чтобы высадиться на какой-нибудь астероид, ни для того, чтобы подобрать там что-нибудь. Но совсем другое дело, если у него Лунная броня.

Спецуполномоченный почувствовал нарастающее волнение, но теперь позволил ему овладеть собой. Загадка разрешилась! Ибо имелась только одна причина, по которой такой опытный человек, как Тэйт, мог нарушить инструкции Прекола. Только одна, но достаточно основательная! Та, из-за которой Рамог прибыл на Мэнон, а именно артефакты Старых Галактиан…

Его немного трясло, когда он включил связь с приемной своего офиса. Но голос его был тверд по-прежнему:

— Мора?

— Она самая, — прозвучал женский голос невозмутимо.

— Взгляни-ка, что у тебя на Тэйта сегодня.

— На старпома? Сегодня днем отсутствовал вместе с Арджи в течение двух часов. Подробностей не знаю.

Рамог слегка нахмурился:

— У меня уже есть ее отчет. Что-то по поводу Пятого Проекта. Что еще?

— Потом — посещение Складского Центра.

— Тоже есть.

— Я просматриваю записи, — сказала Мора. И мгновение спустя продолжила. — Похоже, он носился в своем хоппере с самого утра. Местонахождение проверяется. Пока ничего интересного. Хм-м-м… ну вот!

— Что такое?

— Полагаю, шеф, — ответила Мора, — вам надо это увидеть. Он собирается отсутствовать два или три дня.

— Сейчас выхожу, — Рамог уже был на ногах. — Покажешь местоположение его хоппера.

Мора подняла голову, когда распаренный начальник влетел в офис.

— Не судьба, спецуполномоченный. Хоппер нельзя отследить. Его нет в атмосфере.

Глаза Рамога превратились в щелочки, он опустился на стул.

— Включай запись. И сотри довольное выражение с лица!

Мора улыбнулась. Она была стройной, подвижной, черноволосой девушкой с огромными глазами, почти столь же темными, как и ее волосы.

— И в этом весь мой маленький белокурый тигренок! — пробормотала она еле слышно.

Лицо Рамога вспыхнуло:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, — ответила она, — что мне очень, очень жаль старпома. — Она включила запись. — Его собеседник — Челли. Ксеноэколог. Негласный заместитель Тэйта. Второй человек на станции.

Рамог нетерпеливо кивнул. Беседа Холати Тэйта и Челли состояла не более чем из дюжины предложений. Мора отключила воспроизведение.

— Это все, что есть на пленке, — она ждала.

Рамогу стало нехорошо. Старпом назначил Челли ответственным за работу станции в течение следующих двух или трех суток, до тех пор, пока не вернется. Никаких пояснений по поводу своих намерений он не дал, и Челли казался слегка

удивленным. Было совершенно очевидно, что в дела Тэйта он не посвящен.

Рамога встревожила внезапно возникшая мысль о том, что Тэйт за пределами планеты встречается с кем-то из ООКС. Но секундой или двумя позже он понял, что это просто невозможно. Патрульные суда Прекола, базирующиеся на орбитах Мэнона, обнаружили бы любой корабль, сообщили на базу и запросили пароль у него прежде, чем тот подошел бы к системе достаточно близко, чтобы встретиться с хоппером. В том-то и заключалась функция патрульных судов: планета, на которой были развернуты какие-то организационные работы, подпадала под юрисдикцию Федерации и закрывалась для любых непрошеных гостей. А это гарантировало, что куда бы ни вздумал сгонять Холати Тэйт, в конечном итоге ему придется вернуться на Мэнон.

Специальный уполномоченный немного расслабился. Он улыбнулся Море, его мысли вернулись к тому, что она сказала с минуту назад. Охотница за острыми ощущениями, кровожадный маленький дьяволенок, но будет весьма прискорбно, если когда-нибудь придется избавиться от нее. Они понимали друг друга с полуслова.

— Ты знаешь, — весело произнес он, — похоже, что мне тоже очень жаль старпома! Теперь.

Мора возбужденно хихикнула и подошла к шефу вплотную.

— Не собираетесь известить меня о том, что все это значит?

— Не будь дурой, — терпеливо ответил Рамог, не отстраняясь. Ситуации, подобные данной, были для Моры игрой. Но глупой она не была. Она была самым ценным помощником из всех, кого он когда-либо использовал.

— Сколько возможных вариантов? — настаивала она.

Рамог уже все просчитал.

— Три, — ответил он. — И я не думаю, что мы можем позволить себе понапрасну терять время.

* * *

Все шло согласно третьему варианту, предсказанному Рамогом. Холати Тэйт вернулся на планету спустя двое с половиной суток после отъезда. Посади он хоппер в какой-нибудь глуши, это была бы уже совсем другая история. Рамог обязан был учесть то, что старпом страдает недостатком доверчивости и захочет зарыть сокровища там, где их никто не сможет найти.

Именно по этой причине специалист по электронике Гизион в хоппере, напичканном оружием, повис у Холати на хвосте, как только тот появился вновь на радарах. Он следовал за старпомом по орбите настолько незаметно, насколько вообще один хоппер мог незаметно следовать за другим. Однако Холати Тэйт не стал финтить, а прямиком направился на Биостанцию. Когда он сел, Гизион занял наблюдательную позицию между Штабом и куполами станции и стал ждать развития событий.

На Биостанции эстафету принял Эссиди, который в течение последних восемнадцати часов проводил инвентаризацию, командуя слаженной бригадой здоровенных кладовщиков. Холати закрыл хоппер, но Эссиди это уже не касалось. Он просто сообщил Рамогу о том, что старпом — на вид слегка утомленный поездкой — направился в свой офис, волоча какой-то громоздкий сверток по гравитационной трубе. Сверток этот, скорее всего, был запакованным скафандром. Несколько минут спустя Холати вновь вернулся к хоппер, но уже без свертка, залез в кабину и улетел. Гизион со своей позиции доложил, что старпом направляется к Штабу, и предложил Рамогу перехватить Тэйта там.

Прежде чем Гизион закончил, Эссиди вновь вышел на связь по секретному каналу. Холати Тэйт запер свой офис, но это не являлось серьезным препятствием.

— Мы развернули сверток, — сказал Эссиди. — Я был прав. Это — скафандр. На нем установлено устройство направленного слежения. Оно активизировано. И это единственная стоящая вещь во всех его комнатах.

— Продолжай, — спокойно произнес Рамог. — Что там, на устройстве?

Для подстраховки Эссиди проверил все еще раз. На всякий случай.

— Фиксация на объекте, — сообщил он, — от двух до двадцати тысяч километров.

Это было все, что Рамог жаждал услышать. Он даже не удивился, обнаружив, что ладони стали скользкими от пота.

— Прекрасно, Эссиди, — похвалил он. — Запри офис и немедленно тащи сюда скафандр! — Чуть погодя он добавил, не меняя тона: — Если хоть одна сволочь подлезет к прибору прежде, чем его увижу я, то лично надеру задницу и тебе, и ей.

— Да, сэр, — покорно произнес Эссиди. — Послать вперед парней с оборудованием, чтобы все выглядело самым правдоподобным образом?

Рамог сказал, что это было бы просто чудесно, и отключился. Спецуполномоченный почувствовал невероятное облегчение. Все шло как по маслу, и даже если Тэйт что-то заподозрил и запаниковал, это теперь уже не представляет особой проблемы, главное — провернуть все аккуратно.

Но будем надеяться, что старпом, ради собственного же блага, не запаникует, с легкой ухмылкой подумал Рамог. Третий вариант действий был не только наименее опасным, но еще, безусловно, и самым гуманным.

* * *

Холати Тэйт посадил хоппер поблизости от штабного гаража.

— Лучше завести машину внутрь, сэр. У нас штормовое предупреждение, — донесся из динамика голос начальника смены сервисной службы.

Холати покорно повернул хоппер, завел в гараж и приземлился. Ворота закрылись.

— Хотите, чтобы им занялись, сэр?

— Да, нет, не надо. Машина в порядке, — Холати поставил блокировку на шлюзе, вылез, и дверца захлопнулась у него за спиной. Он посмотрел на начальника смены, выросшего будто из-под

земли.

— Я заберу его минут через двадцать-тридцать, — сказал он, повернулся и пошел вверх по пандусу к офисным секциям.

Начальник смены оглянулся и вдруг заметил, что люк хоппера открыт. Он нахмурился.

— Эй, ты! — он подошел к люку. — Кто ты такой? Живо оставь машину в покое, она не нуждается в обслуживании. И вообще, как ты залез туда?

Человек по имени Гизион выглянул наружу. Это был крупный мужчина с устрашающе свирепым выражением на круглом лице.

— Недомерок, — проникновенно произнес он, — закрой пасть и вали отсюда на полусогнутых!

Начальник смены уставился на него. Гизион обладал достаточно специфичной репутацией среди сотрудников Проекта, но начальник смены никогда не имел дела с ним лично, и, как правило, игнорировал слухи. А слухи об этом мужике и его делишках возникали после каждого его задания, и можно было подумать, что они выдуманы кем-то очень впечатлительным.

Парень полностью изменил свое мнение о Гизионе за те несколько секунд, в течение которых Гизион глядел на него.

Он резко повернулся и поспешно ушел. При этом его слегка потряхивало. Если тут что-то происходит, то он знать ничего об этом не хочет. Ни полслова. Он не был труслив, но только что ясно осознал, насколько далека от Мэнона федеральная полиция.

* * *

Мора временно работала в офисе службы связи, но Холати сначала ее не заметил. Он подошел к пухлой, смешливой, маленькой девушке, с которой общался прежде. Та была занята, кодируя партию текущих сообщений Проекта, которые, проделав фантастический путь сквозь время и пространство, скоро должны были появиться в Министерстве внутренних дел Прекола.

Холати оглядел просторное помещение.

— А где Триггер Арджи? — спросил он.

Секретарша хихикнула.

— Навещает своего милого, — произнесла она и тут же осеклась. — Ой… наверное, мне не стоило этого говорить!

Так Холати обнаружил, что Триггер находится в специальном четырехсуточном увольнении, которое ей дал, ни больше, ни меньше, сам спецуполномоченный, для того, чтобы она утешила

Брюла Ингера. Парень сидел в бриге, дрейфующем рядом с южным полюсом планеты. Тэйт представил себе, насколько подозрительно отнеслась к подобному проявлению доброй воли Триггер, но отказываться девушка, естественно, не стала.

Он обеспокоенно потеребил мочку уха. Посмотрев в дальний конец помещения, где работали еще трое девушек, он спросил:

— И кто теперь тут за главного?

— Мора Льюн, — ответила хохотушка и, хихикнув, добавила. — Вам от нее что-то нужно? Могу ли я ее заменить?

— Хм, — с сомнением произнес Холати. Как потом рассказывала девушка, выглядел он в тот момент крайне взволнованным, и колебался, не зная, что ответить. Можно даже сказать, что он нервничал.

— Эта Мора Льюн, — заговорил он, наконец. — Кто она?

— Секретарша спецуполномоченного, — пояснила девушка. — Главным образом. Хотя занимается много чем. Она скорее его ближайшая помощница.

Старпом поглаживал подбородок и время от времени покусывал нижнюю губу. Потом на-

хмурился.

— Ну, хорошо, — со вздохом сказал он, — наверное, пойду, встречусь с ней.

Девушка громко хихикнула и вскочила.

— Я покажу вам ее кабинет, — предложила она. А все потому, что, как впоследствии пояснила девушка, ей было очевидно, что происходит нечто из ряда вон выходящее.

Но это все, что она смогла рассказать. Мора отослала ее назад, как только она подвела мужчину к двери Главного Офиса Связи. Мора не выглядела взволнованной, за исключением того, что ее зрачки потемнели. Чтобы понять, что это значит, нужно было ее знать, а Холати мог разве что догадываться. Как человек, который точно знает, чего хочет, он объяснил цель своего визита кратко:

— Мне необходимо послать сообщение передатчиком дальнего действия.

Мора слегка удивилась.

— О… как я полагаю, нечто секретное? — Потом добавила: — Вы, наверное, догадываетесь о том, сколько это будет стоить?

Он кивнул.

Стоимость получения такого рода сообщения равнялась приблизительно трем месячным зарплатам старпома, что уж говорить об отправ-

лении.

Мора взглянула на него лукаво:

— Вас можно поздравить с Регистрацией?

Холати при этом нервно хохотнул.

— Ну, я скажу вам так… мне нужен нотариус!

— О, конечно, — Мора поднялась из-за стола. — Для вас я сделаю все лично, — сказала она любезно и поплыла впереди него вниз через небольшой зал в кабинет связи. Там ловко пощелкала какими-то выключателями, повозилась с настройками и, подсоединив передатчик к машине нотариуса, проплыла обратно к двери.

— И помните, это обойдется вам в кругленькую сумму! — она улыбнулась еще раз, почти с нежностью, и закрыла за собой дверь.

* * *

— Как он к этому отнесся? — спросил Гизион несколько минут спустя.

Мора пожала плечами. Оба были в ее офисе, и, склонившись над картой, внимательно ее изучали. На ней, от вереницы штабных куполов по направлению к южным болотам, продвигалась маленькая желтая точка. Большой палец Гизиона покоился на небольшой кнопке, расположенной на раме. Карта и все прилагавшееся

к ней оборудование являлось его собственным изобретением.

— Он просто замолчал, когда до него дошло, что читает на пленку, — сказала секретарша спецуполномоченного. — Отказался отсылать сообщение по такой схеме, что вполне естественно, и сказал, что вернется завтра или в любой другой день, когда передатчик снова заработает. Я, кстати, даже не уверена, заподозрил ли он что-нибудь?

Гизион хрюкнул.

— Можно держать пари, что заподозрил! Передатчики не каждый день ломаются.

— Вполне возможно. В любом случае, сообщение нотариусу он оставил. Это Регистрация.

Мора пододвинула гибкий пальчик к большому пальцу, лежащему на кнопке.

— Если ты разрешишь мне сделать это, я расскажу тебе, что именно он собирался зарегистрировать.

Гизион, не глядя на девушку, отрицательно покачал головой.

— Ты слишком напориста, милашка. И меня абсолютно не интересует, что он там собрался регистрировать.

Она улыбнулась. С презрением:

— Святые звезды, до чего же вы все боитесь Рамога.

Гизион кивнул:

— Ты бы тоже боялась, — сказал он, — если бы была способна чувствовать хоть что-то.

На несколько минут воцарилась тишина, потом Мора забеспокоилась.

— По-моему, уже достаточно далеко. Разве нет? Он уйдет!

— Никуда он не денется. Еще чуть-чуть. Нам нужно, чтоб он оказался прямо над этими болотами.

Девушка посмотрела на него и зазывно рассмеялась:

— Уверена, что ты позволишь это сделать мне!

Гизион вновь кивнул:

— А вот теперь пора. Опусти палец вот сюда.

Она осторожно положила палец на кнопку и облизнула губы.

— Вот так?

— Вот так. Теперь дави.

Она нажала на кнопку. Желтая точка исчезла.

— И это все? — разочарованно протянула она.

— А чего ты ожидала? — спросил Гизион. — Взрыва?

— Нет, — мечтательно произнесла Мора. — Но

чего-то большего. Если бы старикан оказался более сообразительным, у нас могли бы возникнуть проблемы.

Специалист по электронике пожал плечами — Мора иногда его шокировала.

— Проблемы возникают тогда, когда что-нибудь упускаешь из виду, — объяснил он. — В подобной ситуации опасно быть невнимательным. Так что босс все учел. Нет человека — нет проблемы, — добавил Гизион свою любимую фразу.

* * *

Холати Тэйт весь взмок, пока выводил хоппер из гаража и поднимался в воздух. Чем дальше, тем увереннее можно было говорить о том, что все идет идеально. Теперь «Старожил» точно знал, что имеет дело с шайкой, члены которой прямо из кожи лезли, доказывая свою причастность к грязным делам. И если их поведение пока не выходило за рамки обычного, то можно было смело чувствовать себя в безопасности в течение следующих минут восьми-десяти.

Жаль, что уверенным в этом быть нельзя.

Как бы то ни было, но, несколькими мгновениями позже, он задал хопперу привычный путь на Биостанцию и включил автопилот. Затем выта-

щил из кармана катушку с проводом, и, сделав на конце петлю, накинул ее на рычаг акселератора. Затянув петлю, он дернул провод для проверки — хоппер рванулся вперед.

Холати похлопал себя по другому карману, в котором лежал пакет с НЗ, откинулся в кресле, надеясь выдержать оставшиеся минуты. Все внутренние органы у него дрожали, а на месте желудка образовалась пустота. Тоскливый взгляд скользнул по сдутому спасательному шару слева от пилотского кресла. Старпом подумал, что стал несколько староват для полевых работ и для следопытства, ибо шар выглядел весьма непрезентабельно. Но не было никакого иного способа выведать планы Рамога, кроме того, как смотреть на то, что тот делает. Времени подготовиться как следует тоже не было. Так что на шар не понадеешься, как и на гравитационную трубу и мощную винтовку. Их в рундучке хоппера не было. Полевые условия и снаряжение такие, будто Тэйт снова стал сопливым кадетом! Он горестно простонал.

Под ним пошли лесные участки, впереди замаячила долина Великого Грузоро. Холати сбросил скорость и снизился. Хоппер практически полз в семи метрах над землей. Тэйт открыл люк,

высунулся наружу и, тяжело вздохнув, взялся за проволоку. Как только хоппер миновал первый болотистый участок, он рванул проволоку и выпрыгнул. Облегченный хоппер прыгнул вперед и стал набирать высоту.

То место, куда угодил Холати, оказалось не таким сухим, как он надеялся. Несколько минут пришлось барахтаться, выбираясь из тины. Пара зверюг размером с гиппопотама, по всей видимости, травоядных жителей Больших Топей, плелась за ним полдороги, раздраженно мыча, но решительных действий не предпринимала.

Как только Тэйт выполз на сушу и уселся, расшнуровывая ботинки, чтоб вылить из них грязь, полуденное небо у него за спиной озарилось яркой вспышкой. Даже не оглянувшись, Холати одобрительно хмыкнул. Что и говорить, чистая работа! Даже если кому-то взбредет в голову поискать обломки хоппера, ни один нормальный человек не полезет за ними в самое сердце болот.

Он снова обулся, встал, вздохнул и непечатно изложил все, что думал, по поводу предстоящей двухсуточной экскурсии обратно к Штабу.

Глава 2

Когда в Федерации, наконец, появились долгожданные новости из планетарной системы Прекола о первых артефактах легендарной цивилизации Старой Галактики, министерство внутренних дел Прекола и Академия выказали нетипичное для себя отсутствие энтузиазма. Тот факт, что во время несения службы на Мэноне без вести пропал один из самых способных и уважаемых полевых операторов, требовал каких-то активных действий. Но, на волне возобновившегося в Федерации интереса к исследованию космоса, это происшествие осталось вообще незамеченным.

Открытие произвело поистине огромное впечатление, поскольку на специалистов примерно в дюжине отраслей человеческой науки излилось обилие информации, и именно такой, какая была более всего необходима. Для того чтобы полностью обработать и использовать эту информацию, по самым скромным оценкам понадобится не меньше столетия. База Старых Галактиан, расположенная на загадочном астероиде, вращающемся далеко за пределами исследо-

ванной части системы Мэнона, была не мифом, а функционирующей до сих пор, хотя и бесполезной в настоящее время установкой. Прошло приблизительно тридцать тысяч стандартных лет с того момента, как конструкторы посетили ее в последний раз. И до сегодняшнего дня она автоматически и эффективно продолжала собирать и обрабатывать планктон, обитающий в атмосфере Мэнона.

Когда суда, забиравшие готовый продукт, однажды не пришли за ним, а хранилища оказались забиты до отказа, база выплеснула всю накопленную биомассу на поверхность небольшого планетоида. Но механизмы, отвечающие за производство, продолжали функционировать по-прежнему, и по-прежнему от астероида к Мэнону и обратно сновали Жнецы — биороботы, продолжавшие свою работу до тех пор, пока на планетоид не ступила нога дотошного следопыта, а его умелые руки не добрались до панели управления и не отключили питание.

А потом в систему Мэнона хлынули целые флотилии кораблей, которые привезли ученых, техников и репортеров, и в течение нескольких месяцев исполняющий обязанности спецуполномоченного оказался чрезвычайно занятым

человеком. Однако однажды он вызвал свою секретаршу, Триггер Арджи, в свой новый офис, расположенный в месте, которое стало известно всему Ядру Звездного Скопления под интригующим названием Полнолуние, и сказал:

— Триггер, мы отправляемся в небольшое путешествие.

— У вас намечено еще три эксклюзивных интервью на ближайшие шесть часов, — сообщила ему Триггер.

— С репортерами могут пообщаться Челли или Ингер, — сказал и.о. спецуполномоченного.

— Не могут, — ответила Триггер. — Писаки жаждут подробностей о Доблестных Деяниях в Далеком Космосе Непревзойденного Командира Скаутов Тэйта в Его Юные Годы.

— Ах, песок тебе в ступицу, — слегка покраснев, пробормотал Холати, — для героя таблоидов я уже слегка староват. Им следовало явиться ко мне лет эдак тридцать назад. Пойдем.

* * *

Они взлетели с поверхности темного мирка. Космическим кораблем — ненамного превосходящим размерами хоппер, но обладающим способностью совершать межзвездные прыжки

— управляла Триггер, хотя большого опыта в управлении подобным аппаратом у девушки не было. По сути, это был боевой ракетный катер Космических Скаутов, переделанный с целью повышения комфорта и ставший, таким образом, неправдоподобно дорогой игрушкой для богатеньких Пиноккио. Только сравнительно недавно исполняющий обязанности специального уполномоченного осознал, что, в результате находки Полнолуния, он стал просто неприлично богат и может потворствовать любым своим прихотям.

— Вот лента с записью курса, пилот, — произнес он и вновь устроился справа от Триггер в удобном пассажирском кресле, оборудованном двойным экраном.

Арджи заправила ленту и откинулась назад.

— Маневрирует практически самостоятельно, — сказала она с нескрываемым восхищением. Триггер была способна оценить хорошее судно: — Что вы ищите посреди системы Мэнона?

— Увидишь, когда окажемся на месте.

Она мельком посмотрела на «Старожила». Затем перевела взгляд на космоброню, которую Холати принес из хвостовой части шлюпки и сложил за креслом.

— Не уверена, — осторожно произнесла она, — что мне понравится то, что увижу, когда мы окажемся на месте.

— Ого! — босс по старой привычке потеребил мочку уха. Он выглядел задумчивым: — И насколько из всего этого ты поняла, девочка? — осведомился он через некоторое время.

— Так, кое-что, — ответила Арджи туманно. — Настораживали некоторые неясные детали, и я попыталась провести небольшое расследование, — пояснила она.

И.о. спецуполномоченного покряхтел. Потом дотянулся до экрана, поиграл с настройками, посмотрел на результат, побурчал и снова что-то покрутил. Наконец произнес:

— И что же ты выяснила в результате своего расследования?

— А то, что Академия Прекола, — сказала Триггер, — по всей видимости, спустит вам с рук убийство.

— Убийство? — нахмурился он.

— Да. Для того чтобы узнать о старинном и благородном Обществе Отставных Космических Скаутов, долго искать в КомСети не надо. Стоило мне услышать об этой организации, как я включила компьютер, — она чуть помедлила. —

Полагаю, вы не станете возражать, если я скажу, что к организации с подобным названием вряд ли кто-то может отнестись серьезно?

— И не подумаю возражать, — сказал Холати Тэйт.

— Я и не сомневалась. Потом выяснилось, что по Преколу рассеяно ни много ни мало, а что-то около дюжины тысяч отставных Скаутов, и что вы, совершенно случайно, конечно, их возглавляете. Затем мне пришло в голову, что, возможно, ООКС специально выбрало такое название, для того, чтобы к нему никто не относился всерьез.

— Хм, — ухмыльнулся он. — В точку. Смышленая девочка!

— Такие же смышленые могут найтись и в Академии, — ответила Триггер. — Достаточно смышленые для того, чтобы сообразить, что отставка специального уполномоченного Рамога на самом деле была хорошо спланированной казнью.

— Я бы сказал, что слово «казнь» мне нравится больше, чем «убийство», — рассудительно заметил Холати. — Но и оно еще не вполне то слово, девочка.

— Вы предпочитаете такое словосочетание, как «хорошо спланированный наглядный пример»?

— Это, пожалуй, подойдет… на первое время. Так что ты подразумевала под этим «хорошо спланированным наглядным примером»?

Триггер пожала плечами:

— Ну разве не замечательное совпадение — вы раскрыли секрет Старых Галактиан в самый удачный момент для того, чтобы свести счеты с Рамогом!

— Понимаю, — Холати снова кивнул. — Да, ты права. Мои приятели из ООКС обнаружили Полнолуние почти три года назад, во время неофициальной разведывательной экспедиции… — он внезапно подался вперед. — Тормози тут, Триггер! Рядом с этим скоплением Жнецов. Я хочу посмотреть на них.

Девушка остановила катер в центре группы биороботов, которые, с момента отключения питания в бункере Полнолуния, бесцельно дрейфовали по системе.

Закрываясь ладошкой против яркого света зеленого солнца Мэнона, девушка наблюдала за ближайшей к ней парой махин с определенным чувством дискомфорта. Создания намного превосходили размеры их судна, и были похожи больше на зловещих монстров, чем на роботов, хотя бы и внеземного происхождения. Потом

заметила, что ее босс колдует над приборной панелью. Внезапно, сначала один, а затем и другой, Жнецы засветились по всей своей длине, будто внутри их сосисочных тел включили зеленоватое освещение. Потом свет погас: невидимый луч, исходивший из катера и сканировавший управляющие контуры, переключился на других членов скопления.

— По всей видимости, эта группа, когда было отключено питание, находилась приблизительно в четырех неделях полета от Мэнона, — заметил Холати. Он выключил луч сканера. — Для того чтобы вернуться на Полнолуние, им понадобится месяца два.

Триггер кивнула.

— Я видела цифры. Можно снова лечь на курс?

— Да, пожалуйста. Ничего интересного тут нет.

* * *

Девушка сохраняла молчание до тех пор, пока не завершила все необходимые действия по навигационной корректировке. Потом, почувствовав необъяснимое облегчение от того, что судно снова пришло в движение, сказала:

— Я полагаю, что именно ваше Общество пустило слух о том, что система Мэнона — наиболее

вероятное место для артефактов Старых Галактиан.

— Угу, — согласился Холати, — пустило и распространило. Мы чувствовали, что с таким проницательным человеком, как Рамог, моделируемая нами ситуация должна была быть предельно реальна, так что у нас не было возможности сделать по-другому, девочка. Академия к тому же слишком твердо стоит на ногах. Нужно было вести себя предельно жестко. Есть одна вещь, которую им следовало бы осознать, — как бы ни отдалена была цивилизация, члены ООКС способны сыграть более грубо и более грязно, чем любой специальный уполномоченный. В конце концов, — закончил он тихо, — мы учились этому целые годы.

Триггер посмотрела на него с любопытством:

— Что озадачивает лично меня, шеф, так это то, что Академия Прекола осознала все быстро. На удивление. Никогда не подумала бы, что она впечатлится всего лишь от одного-единственного «наглядного примера».

— Возможно, они и недопоняли что-то, — признался Холати, — однако, мы им слегка помогли.

— Да? — произнесла девушка. — Каким образом?

— Подали формальную жалобу от имени нашего Общества, подписанную председателем. В ней перечисляются члены ООКС, а также другие сотрудники, которые были убиты в рамках Проектов Прекола за прошедшие десять лет, скажем так, из-за бездарности и халатности некоторых спецуполномоченных. И эти некоторые — все действительные члены Академии — составили отдельный список. Имя Рамог, совершенно случайно, возглавляло список. А жалобу в Академии получили на следующий день после того, как стало известно об исчезновении Рамога.

Глаза Триггер расширились.

— Да, — воскликнула она, — очень удачный ход!

— Мы не пытались действовать незаметно. В пограничных условиях Проекта крайне трудно доказать убийство — слишком много естественных возможностей погибнуть. Так что академическая группировка вполне удовлетворилась таким исходом — мы не обвиняем никого в чем-то более серьезном, чем халатность и несоответствие должностным обязанностям. Но в жалобе мы настоятельно рекомендовали отстранить от службы тех спецуполномоченных, которые попали в список, в связи с их очевидной

профнепригодностью.

Девушка сдержанно улыбнулась:

— И с тех пор, как Общество предприняло свои меры предосторожности, в одночасье сделав своего председателя чрезвычайно известным в Ядре человеком, министерство внутренних дел не может как-то открыто воспротивиться, — например, уволить двенадцать тысяч ваших коллег из различных проектов?

— Неужели непонятно, что подобная акция вызвала бы грандиозный скандал? — ухмыльнулся Холати. — И кто нас знает, вдруг возьмем, да и опубликуем нашу жалобу. С дополнительными фактами… Не притормозишь, Триггер? По-моему, мы почти долетели.

— Через пару минут, — мгновенно отозвалась Арджи. — Что такое, опять Жнецы?

«Старожил» вновь поиграл с настройками экрана.

— Хм, — недоумевающе произнес он. — Но ничего, продвинемся немного дальше. Давай, девочка, потихоньку, не торопись!

Триггер сбросила скорость, игнорируя темные пятна призраков, иногда проплывающие мимо. Спустя некоторое время она сказала:

— Есть все же одна вещь, которую Академия

должна была попытаться сделать.

— Повесить исчезновение Рамога на меня?

Она взглянула на Тэйта.

— Ну, допустим, не на вас лично. Существует достаточно свидетельств того, что как только вы начали свой путь от болот, Рамог залез в реактивный комплекс, рванул с поверхности планеты в сторону Лунного Пояса с неизвестной целью и исчез. Академия могла бы вполне логично предположить, что несколько Космических Скаутов, отставных, но еще вполне боеспособных, поджидали его там, куда он полетел.

— Знаешь, — с некоторым удовлетворением произнес он, — именно так они и предположили. — Не отрывая взора от экрана, он продолжил. — Само собой разумеется, они не надеялись, что мы бросим покойника болтаться в космосе, но талантливому следователю и не требовалась столь очевидная улика. На протяжении нескольких последних месяцев целая команда из Академии прочесывала Лунный Пояс и остальные участки Системы. Все это время мы должны были быть крайне осторожными и не светиться поблизости.

— Даже так? — произнесла Триггер. — И что они обнаружили?

— Ничего, — ответил Холати. — И в конце концов они сдались.

Девушка нахмурилась.

— Откуда вы знаете?

— Периодически я получаю отчеты. Известие, которое я получил на прошлой неделе, искренне меня порадовало: выродки из Прекола, которых мы внесли в список, уходят в отставку. И люди, которые займут их места, нам нравятся. А прямо сегодня прибыл с официальным уведомлением курьер из Академии, — добавил он. — Меня утвердили в должности, теперь я официально назначен специальным уполномоченным и постоянным руководителем Проекта Мэнон.

Триггер Арджи задумалась и сидела молча некоторое время.

— Значит, в Лунном Поясе действительно не было никого, кто поджидал Рамога?

Холати покачал головой.

— Нет, — бросил он почти беспечно. — Мы его и пальцем не тронули. Это было бы неэтично — ведь у нас не существовало прямого доказательства его преступной деятельности.

На лице Триггер отразилось любопытство.

— А что по поводу того сигнала, который я для вас копировала? Вы выяснили, он привлекает

Жнецов?

«Старожил» кивнул.

— Все до банального просто, это призыв к питанию. Грубо говоря «Есть еда». А теперь, девочка, видишь вон тот объект на экране?

Триггер покрутила головой и спустя мгновение увидела вдали темную кляксу.

— Да, — негромко ответила она.

— Следуй туда, пристройся к нему и остановись.

Девушка услышала, как шеф встал.

— Холати! — ей стало трудно дышать. — Вы что, пойдете туда?

— А как же! Много времени это не займет.

Триггер закрыла глаза, потом открыла и решительно подвела плавно скользящий катер к цели. Послышалось какое-то металлическое лязганье, сопровождаемое щелчками магнитных фиксаторов космоброни. Она остановила судно и уставилась на темное создание, парящее в пространстве, словно громадный кит. Сзади раздались приглушенные тяжелые шаги. Шеф шел к космошлюзу. Волна ужаса захлестнула девушку, по коже поползли мурашки.

Открываясь, зашипел шлюз, потом все стихло. Триггер осталась одна. Катер медленно развер-

нулся, и девушку вновь ослепило зеленое пламя звезды Мэнона. Но в стороне, на пределе видимости, по-прежнему темнела туша призрака, и казалось, будто она время от времени сдвигается то туда, то сюда. Ей захотелось закричать. И тут шлюз снова зашипел.

* * *

Тэйт медленно вошел и направился в хвостовую часть. За собой он волочил что-то тяжелое, издававшее глухой стук при ударах об пол.

Триггер медленно кивнула, словно соглашаясь со своими мыслями; Холати не мог видеть этого из задней части судна.

Спецуполномоченный следовал за сигналом следящего устройства, подумала она, и луч был запрограммирован так, чтобы выключиться, как только хоппер наберет ту высоту, где скопление планктона наиболее велико. И пока он висит там и с удивлением пытается сообразить, что происходит, костюм посылает сигнал этим… М-да!

— Холати, — произнесла она ровным голосом, — думаю, что сейчас упаду в обморок.

— Только не ты, — донесся голос Тэйта. — Иначе я не выбрал бы тебя для этой поездки, — он тяжело дышал. — Кстати, можешь уже начинать

движение назад на базу.

Триггер не потеряла сознание. Катер начал двигаться, и создание снаружи исчезло с обзорных экранов. Холати какое-то время не шевелился, и девушка предположила, что шеф отдыхает.

Везунчик-«Старожил» прав, продолжила она свои размышления. Это нельзя было назвать ни убийством, ни казнью. Скауты не могли доказать того, что Рамог был убийцей, и захотели его проверить. Он не мог воспользоваться экипировкой, пока Холати Тэйт болтался у него под ногами. Рамог избавился от обузы, но послать кого-нибудь вместо себя не мог, ибо, когда ставки становятся настолько высоки, человек, подобный Рамогу, перестает доверять кому бы то ни было. И все это подстроило Общество Отставных Космических Скаутов.

С кормы раздался металлический лязг, и в темноте возник тусклый фиолетовый отсвет. Небольшая топливная дверь конвертера была открыта. У девушки перехватило дыхание.

Холати нарушил молчание:

— Служба Прекола была довольно достойной организацией до тех пор, пока ее не возглавила Академия, Триггер. А скоро, пройдет немного времени, она вновь станет прежней…

Он замолчал и закряхтел от напряжения, затем раздался треск, будто сломалась сухая ветка.

— Академия вполне годится, — прерывисто дыша, продолжил он, — для привлечения и хранения фондов, а также другой подобной деятельности. С этим нельзя не согласиться. Но к чему-либо более серьезному допускать Академию не следует, и мы намереваемся ограничить ее функции.

Дверь конвертера стукнула, закрываясь, и фиолетовый свет исчез. Внутри катера зажглись небольшие лампы.

— Ну, — сказал Холати. — Теперь можешь повернуться.

Триггер огляделась. На полу перед дверью конвертера остались темные полосы, но вещь, которую он принес, исчезла. Шеф выбрался из космоброни, посмотрел на девушку и подмигнул, но в этом не было ничего юмористического.

— Вот и все, — подытожил он.

Забудь об этом
(рассказ)

Глава 1

В лучшем случае, решил майор Хеслет Квиллан, мрачно разглядывая застывшую грязь на носках своих ботинок, амнезия раздражает. Но обнаружить себя — как он только что сделал — сидящим на скалистом склоне незнакомого мира без малейших признаков человеческого жилья, с прекрасно, как всегда, соображающей головой, но без единой мысли о том, как он здесь очутился, вызывало нечто большее, чем раздражение. Это было просто отвратительно.

В настоящий момент ситуация не представлялась слишком опасной. Он, возможно, уже нахватался вредоносных местных бацилл, но это маловероятно. Агентам Разведывательного Управления Космических Скаутов Надправительственных властей Федерации Ядра Звездного Скопления еще на ранних ступенях карьеры делали пан-прививку от всех возможных форм бактерий и вирусов.

Что касается окружающей обстановки, то в поле зрения Квиллана бродили разнообразные и необычные жизнеформы, каждая из которых, вероятно, направлялась по своим делам.

Некоторые выглядели настолько крупными,

что теоретически могли закусить человеком — и, наверное, сделали бы это на практике, если бы обратили на него внимание. Но вооружение Квиллана было достаточно мощным для того, чтобы вышибить подобную идею из башки у любого хищника, который осмелится подойти слишком близко.

Хеслет автоматически проверил наличие оружия на бедре несколько минут назад, как только осознал, кто он. Это был стандартный боевой пистолет, который производило больше дюжины миров Ядра. Ни на стволе, ни на рукоятке не было никаких маркировок, указывающих на его происхождение, нов настоящий момент это было не важно, важно было то, что боевой зарядник был полон.

Что же случилось такое, из-за чего майор оказался в таком положении?

Симптомы амнезии — если предположить, что это была все-таки она — были довольно необычными. У него не возникало ни малейшего сомнения по поводу своей личности. Он точно знал, кем является. Более того, до определенного времени — хотя, точнее сказать, до определенной секунды — его память вроде была в полном порядке. Он находился на Орадо. И шел по залу на

восемнадцатом этаже здания главного штаба к своему офису, до которого оставалось шагов тридцать, не больше… и тут воспоминания внезапно обрывались. Он не мог вспомнить абсолютно ничего между этим моментом и тем, когда очнулся сидящим на скале чужого мира.

Возможно, он получил задание.

Возможно, его проинструктировали.

И, возможно, он сейчас выполняет это задание. Если бы он только мог припомнить что-нибудь из того, что произошло в течение хотя бы получаса после того, как он подошел к своему офису, тогда, вероятно, появилась бы целая связка отмычек, чтобы понять, что же все-таки случилось. Но, к сожалению, на ум ничего не шло. Не похоже было, что прошло много лет, но если бы он состарился ненамного — на несколько месяцев, или даже пару-тройку лет — то понять это без зеркала все равно не смог…

Кто-то крайне эффективно вытер местами его память и потом бросил на произвол судьбы в безнадежной ситуации?

Полная ерунда. Огромное количество разного рода типов, бесспорно, было бы радо лицезреть Скаута в беспомощном состоянии, но никто не стал бы мстить столь изощренно. Энергопуля в

лоб, и все дела.

Идея о том, что он был на космическом корабле, который потерпел крушение при попытке приземлиться на планету, казалась более правдоподобной. Майор, возможно, единственный уцелел и сумел убраться подальше от места катастрофы. Мысли Квиллана слегка путались. Если авария и произошла, то это случилось совсем недавно.

Он испытывал жажду, голод, желание принять душ и побриться. Но ни по его душевному состоянию, ни по его одежде нельзя было сказать, что некто Хеслет Квиллан — сбитый с толку, растерянный человек, потерпевший кораблекрушение на дикой планете достаточно давно. Конечно, на рукавах и штанинах имелись пятна грязи и зеленые разводы, оставленные раздавленной растительностью, но в целом униформа производила впечатление вполне рабочей. Быть может, он просто провалился в какую-нибудь яму в болотах, которые начинались у подножья холма, на котором он сидел, и тянулись чуть ли не до самого горизонта, после чего поднялся сюда и сел передохнуть, ожидая, пока ткань просохнет. Квиллан смутно ощущал, что провел на холме никак не меньше часа, тупо уставившись вдаль,

прежде чем до него внезапно дошло, кто он такой, и в какое дерьмо вляпался.

Пристальный взгляд неторопливо сканировал окружающее пространство в поисках разбившегося корабля или, вообще, любых признаков деятельности человека. Не было никакого смысла уходить с этого места до тех пор, пока не будет определено направление, в котором следует двигаться. Взору открывался примечательный вид, скорее всего, ничем не примечательного мира. Желтый диск светила был явно большего диаметра, чем тот, к которому он привык. При взгляде на него у Квиллана появилось чувство, что светило выше над горизонтом, чем было в тот момент, когда он посмотрел на него впервые. Возможно, это означает в этом мире полдень. Было тепло, но не душно, и — пришла в голову важная мысль — тело не жаловалось на повышенную гравитацию и состояние местной атмосферы.

Он не видел ничего такого, что представило бы для него интерес. Впереди и слева от него, от подножья холма до самого горизонта, простиралась степь. В болоте справа, сквозь обильный слой растительности, местами проступала черная застоявшаяся вода. Выше, на гребне холмов, растянувшимся на четверть километра от того

места, где сидел Квиллан, густо стояли серые от лишайников деревья.

Скала же Квиллана на своих склонах выделила для растительности лишь небольшие участки.

В поле зрения Квиллана, как уже упоминалось выше, находилось довольно большое количество живности. Внизу у кромки болот смешались стада нескольких видов, при этом они вели себя вполне мирно, полностью сосредоточившись на поедании зелени. Странное, опять же зеленое, тучное существо, напоминающее ходячий овощ размером с человека, медленно передвигалось на коротких задних лапах. Оно ловко управлялось парой верхних конечностей для того, чтобы набивать рот, как отдельными листьями, так и целыми растениями. Остальные в большинстве своем были четвероногими. Только одно плотоядное животное вело себя чрезвычайно активно — существо размером с собаку, с тонким, как прут, телом и длинной шеей, оно крутило головой, следя за добычей — маленькими зверьками, напоминающими отрубленные кошачьи головы. Кучка этих созданий возилась сейчас в траве между болотом и равниной, очевидно, у них там была какая-то игра.

Другие хищники, которых видел Квиллан,

скорее всего, ждали сумерек, прежде чем приступить к охоте. Полдюжины огромных, похожих на львов зверюг, мирно грелись неподалеку на равнине, очевидно, уважая солнечные ванны. Нечто, намного превышающее их по размеру и намного более темное, припало к земле, в тени дерева на дальнем участке болота, наблюдая за пасущимися стадами, но не предпринимая пока ничего агрессивного.

На склоне неподалеку от Квиллана находилась единственная жизнеформа — она напоминала серого кузнечика размером с ящерицу, который переползал какими-то судорожными рывками от одного участка с растительностью к другому. Похоже, это был детеныш того зеленого двуногого из болота. Довольно приличное количество этих созданий, размерами от полуметра до полутора, прыжками спускалось по склону холма. Они были более подвижны, чем взрослые особи. Время от времени двое или трое начинали неуклюже барахтаться возле кустарника, напоминая при этом резвящихся щенков. Потом они вновь принимались обгладывать листья растения. Одно из существ, ниже Квиллана по склону метров на восемь, насыщалось, не обращая внимания ни на что. К пришельцу из космоса оно не выказывало

никакого интереса.

Как бы то ни было, он не мог находиться в этом мире больше пятнадцати часов, и никак не мог вообразить обстоятельств, при которых его оставили здесь намеренно. Следовательно, максимум в пределах пятнадцати часов ходу должно обнаружиться что-то такое, — корабль, лагерь, пост Разведслужбы, поселение колонистов — откуда Космический Скаут начал свой путь.

Если это корабль, то с ним могла произойти авария. В этом случае у Квиллана появилось бы какое-то убежище, продовольствие, возможно, даже какое-нибудь средство связи. Чем пульсар не шутит, а что, если там еще кто-то уцелел? А если нет, то, изучив само судно, можно найти массу ниточек для того, чтобы разобраться в произошедшем, и почему он, Квиллан, оказался на скале.

Независимо от того, что там будет найдено, это должно помочь майору вернуться в то место, откуда он начал…

Квиллан напряг мышцы. Через мгновение выругался, немного расслабился, но остался сидеть на месте.

Пока его внимание было сосредоточено на сложившейся ситуации, к нему незаметно вер-

нулась часть воспоминаний. Они начинались с того момента, когда он шел по залу к своему офису, охватывали несколько следующих недель и обрывались так же внезапно, как и прежде.

Он по-прежнему не знал, что ему понадобилось на чужой планете. Но чувствовал, что сейчас, как никогда, приблизился к разгадке.

Глава 2

Миры Лорн, Империя Рал. Данные файла «Сигма»: воинствующая Империя Рал — одна из двухсот четырнадцати Внутренних Планет Ядра Звездного Скопления. О ней, как о планете с весьма высоким уровнем технологий, претендующей на ведущую роль в межзвездной политике, стало известно еще в Военные Столетья. Поглотив несколько других более мелких систем, она направила свое внимание на близлежащие Миры Лорн, расценивая их как первое и важнейшее звено в цепи завоеваний.

Квиллан был направлен в Миры Лорн несколько лет назад. В то время лорнцы пытались унять Рал собственными силами и отказались от помощи Космических Скаутов.

В тот день Холати вызвал его в офис для того,

чтобы сообщить об изменениях в политике Лорн. Квиллана возвращали к прежнему месту службы. Империя Рал начала полномасштабное вторжение, и Миры Лорн обратились к Федерации за поддержкой. На сей раз сотрудничество лорнцев было ему обеспечено.

Формируя файл «Сигма», Квиллан тесно сотрудничал с разведчиками Лорн. Необходимо было закодировать каждый кусочек информации, собранной ими загодя против Империи Рал. В течение многих лет внимание Лорн было практически полностью сосредоточено на атакующих действиях грозного соседа и на обеспечении собственной защиты. Файл мог иметь огромное значение в формировании стратегии Федерации. Для Рал овладение этим файлом означало примерно то же самое.

В конце концов, Квиллан сел со своим ценным грузом на военный курьерский кораблик, принадлежащий разведке Лорн, для того чтобы вернуться на Орадо. Курьер был небольшим и настолько быстроходным судном, что одно это могло гарантировать невозможность его перехвата. В дополнение ко всему, маршрут был разработан так, чтоб избежать известных патрульных зон Империи Рал. Фактически, это

означало, что судно будет двигаться за пределами Ядра до тех пор, пока не удалится от Империи на приличное расстояние.

Неделю спустя что-то произошло, но что именно, Квиллан по-прежнему не знал.

На борту, помимо него, находилось три человека — два пилота-навигатора и техник. Для этого полета парней тщательно отбирали, и у Квиллана не было никаких сомнений по поводу их компетентности. Он не знал, осведомили ли их о цели его миссии — разговор об этом не заходил. Курьеру предстоял небогатый на события сверхскоростной полет до Орадо.

Когда один из лорнских пилотов вызвал Квиллана в рубку и сказал, что на хвосте у них болтается чужое судно, майор не выказал особенного беспокойства. Их преследователя можно было увидеть на обзорном экране. Это был ральский военный корабль класса «Талада». Его стартовый вес превышал вес курьера на порядок, но это было все же довольно небольшое судно. А самым важным было то, что «Талада» ни при каких обстоятельствах не мог развить такую скорость, на какую был способен лорнский курьер.

Однако Квиллану возникшая коллизия не пришлась по душе. Шансы на то, что они случайно

столкнулись с ральским судном в этой части космоса, были невероятно малы. В силу характера и рода своей деятельности Квиллан не слишком верил в подобные совпадения, но, как бы то ни было, не мог ничего сделать. Пилоты уже готовились запустить резервный двигатель, и было совершенно очевидно, что в настоящий момент Космический Скаут при всем своем опыте остался не у дел.

Он уселся неподалеку от пилотских кресел и стал наблюдать за действиями пилотов, один из которых говорил с техником по интеркому, другой управлял кораблем. Именно он испуганно вскрикнул через несколько секунд. В то же самое мгновение судно будто швырнуло в сторону. Квиллан, вылетевший из кресла, не мог предпринять ничего, что помогло бы ему избежать удара о переборку…

На этом месте воспоминания вновь обрывались.

* * *

— Флигл! — пронзительно вскрикнул кто-то. — Флигл! Флигл! Флигл!

Квиллан поглядел по сторонам. Крики издавало ближайшее к нему маленькое зеленое

двуногое существо. Оно повернулось и смотрело теперь прямо в глаза человеку. Возможно, чужепланетное создание только что заметило его и таким образом выражало свою тревогу. Оно взволнованно махало коротенькими верхними конечностями. Несколько его сородичей у подножья склона присоединили свои голоса к встревоженному «флигл!». Остальные продолжали молчать. Было ли на их морщинистых шарообразных головах какое-то подобие глаз, непонятно, но в любом случае, казалось, что всё эти существа глазеют на него.

— Флигл! Флигл! Флигл!

Внезапно все пространство склона ниже Квиллана взорвалось криками, везде дергались зеленые лапки. Майор обернулся и, выхватив бластер из кобуры, медленно привстал. Спускавшееся по склону существо замерло в полутора десятках метров от него.

Оно также являлось прямоходящим, но сильно отличалось от остальных, его шкура была покрыта серыми и черными пятнами, а внешность вызвала бы крайнее отвращение даже у активиста Общества Защиты Животных. Около трех метров высотой, оно обладало длинными, тонкими, оканчивающимися когтями конечностями

и сравнительно небольшим телом, напоминавшим вздувшийся мешок. Круглая черная головка казалась почти бесплотной, но острые белые зубы выступали наружу и были видны полностью, как у черепа в анатомичке. Пара желтых глаз уставились прямо на разведчика.

Квиллана затрясло от отвращения. Существо, очевидно, было плотоядным и могло стать смертельно опасным, если бы не дружное предупреждение флиглов. Несмотря на худобу и кажущуюся неуклюжесть, оно, тем не менее, весило не меньше центнера, а зубы и когти обещали крупные неприятности. Вероятно, оно незаметно спустилось из леса, преследуя одного из флиглов, и не замечало Квиллана до тех пор, пока он не встал, но с этого момента внимание хищника было полностью приковано к человеку.

Майор ждал, не двигаясь и не слишком беспокоясь об исходе — нескольких метких выстрелов достаточно для того, чтобы разнести этот зубастый бурдюк в клочья, — но он все еще надеялся, что существо решит оставить его в покое. Существо походило на реализованный кошмар алкоголика, к тому же, конфликт с неизвестными жизнеформами заключал в себе определенную долю риска. Космический Скаут предпочел бы не

связываться с чужепланетной тварью.

Гомон травоядных несколько стих, но как только зубастое создание скользнуло вперед, мгновенно стал еще громче, чем прежде. Быть может, монстру не нравился шум, а, может, он действительно интересовался в первую очередь Квилланом, но, так или иначе, создание распялило пасть, чтобы выпустить раздраженный рык и двинулось поперек своему прежнему спуску короткими, семенящими шагами, чем-то напоминая громадного паука. Желтые глаза по-прежнему фиксировали положение разведчика. Как только недруг стал отходить, крики флиглов стали затихать, и к тому времени, когда животное отдалилось на расстояние сорока метров, наступила полная тишина.

И здесь хищник вновь выбрал спуск, сознательно пролагая путь между валунов, и походя при этом уже не на паука, а на неуклюжую длинноногую птицу. Но Квиллан догадывался, что двуногий в любой момент может прыгнуть с потрясающей быстротой. Разведчик снял пистолет с предохранителя.

Теперь, когда флиглы замолчали, он слышал скрежещущий звук, издаваемый существом, который напоминал ворчание… очевидное жела-

ние взбодрить себя перед схваткой с незнакомым существом, подумал Квиллан.

С того момента, как двуногий вышел на одну линию с Хеслетом, он не переставал ворчать. И вот он поднял когтистые лапы, принял позу боксера, готового ринуться в бой, помедлил мгновение и бросился вперед.

Склон позади Квиллана взорвался пронзительным писком флиглов. Разведчик решил позволить существу сократить расстояние между ними вдвое, и только затем пустить в ход оружие…

Стоило майору подумать об этом, как хищник неловко споткнулся о подвернувшийся камень, истошно заорал, передние конечности раскинулись в стороны, словно он пытался восстановить равновесие, и самым невообразимым образом обрушился наземь.

На склоне воцарилась гробовая тишина. Флиглы, по всей видимости, наблюдали за перипетиями так же внимательно, как и Квиллан. Потом двуногий медленно сел, опершись на поджарый зад. Он казался совершенно ошарашенным. Потряс уродливой головкой и жалобно захныкал, глядя по сторонам. Желтые глаза обратились к Квиллану.

Мгновение спустя существо вскочило на ноги, и Квиллан вновь поднял оружие. Но хищник и не пытался возобновить атаку. Он повернулся задом и устремился вверх по склону, периодически спотыкаясь и издавая жалобные всхлипывания. Он был полностью деморализован.

Уставившись зверюге вслед, Квиллан озадаченно поскреб подбородок.

— Странно, что это с ним? — пробормотал он.

Через мгновение оружие было поставлено на предохранитель и засунуто обратно в кобуру. Скаут почувствовал с одной стороны облегчение, а вот с другой — растерянность.

Очевидно, двуногий охотник за плотью был не из робкого десятка. Он должен обладать определенной свирепостью, которая и заставила его атаковать незнакомое существо, о бойцовских качествах которого хищник дотоле не ведал ничего. В таком случае, почему так внезапно, почти нелепо, он сбежал? Возможно, догадался, что ему придется туго в этой схватке, но все же…

Квиллан пожал плечами. В конце концов, это было несущественно. Хищник практически достиг вершины холма и уже собирался уйти в заросший серым лишайником лес. Темпа позорного отступления он так и не снизил. Так или

иначе, но разведчик избавился от нежелательного гостя.

Взгляд Квиллана пробежался по усыпанной валунами вершине холма, и тут что-то полузабытое промелькнуло в мозгу. Нахмурившись, майор уставился вперед. Было ли что-то знакомое в этой линии горизонта? Нечто, что он должен…

Окрестности огласил потрясенный вопль.

Мгновение спустя, торопливо взбираясь на вершину скалистого склона, Квиллан уже сам ощущал панику.

За этим гребнем, теперь он вспомнил, раскинулась небольшая долина. И в этой долине — сколько часов назад? — он посадил спасательную шлюпку с «Талады», со сверхценным файлом «Сигма» на борту.

Каждая минута, которую он провел тут, обалдело шатаясь по холмам, приближала Космического Скаута к неизбежной поимке…

Глава 3

Он ударился о переборку на лорнском курьере с такой силой, что потерял сознание. А когда очнулся, то обнаружил, что стал пленником. Квиллан обнаружил себя лежащим на койке,

к которой был пристегнут таким образом, чтоб ему было наиболее комфортно. Убранство каюты свидетельствовало о том, что ее хозяин — один из офицеров «Талады».

Среди прочего это подсказало Квиллану, что его тюремщики знают о том, кто он такой. На военных кораблях подобного класса имелись заполненные консервирующей жидкостью резервуары, в которых перевозились в бессознательном состоянии одновременно несколько сотен пленников. Обычного заключенного просто швырнули бы в этот резервуар и вся недолга.

Вскоре его подозрения подтвердились. Смуглый джентльмен в униформе ральского офицера разведки вошел в каюту. Он повернулся к Квиллану.

— Я полковник Аджоран, — представился он. — И теперь — уверен, что вы и сами уже догадались — вы находитесь под охраной вооруженных сил Рал. Мы уже в течение некоторого времени были в курсе вашего задания в Мирах Лорн, и приняли все доступные меры для того, чтобы перехватить курьер, который возвращал вас назад на Орадо. Не буду темнить, ваш техник являлся нашим агентом, он-то и привел в неисправность резервный двигатель, предотвратив, таким образом,

ваш побег…

— А затем, — кивнув, произнес Квиллан, — выпустил парализующий газ для того, чтобы держать меня и пилотов в беспомощном состоянии до тех пор, пока курьер не состыкуется с вашим кораблем. Что ж, хорошо спланированная и отлично проведенная операция, говорю, как кадровый разведчик. Мои поздравления, полковник.

— Прошу прощения за неудобства, — непринужденно, поверхностно и очень холодно улыбнулся Аджоран. — Но мы очень хотим получить файл «Сигма».

Упоминание о файле Квиллан пропустил мимо ушей так же непринужденно, поверхностно и очень холодно, как улыбался полковник.

— Что случилось с пилотами? — требовательно спросил он.

Аджоран пожал плечами:

— Один из них застрелился, предпочтя гибель плену. Другой — застрелил техника. Он будет замучен в наказание за убийство ральского агента.

Безжалостность этого заявления сама по себе, в сочетании с пожатием плеч, сказала, что учтивость Аджорана была напускной и могла слететь с него в любой момент.

— Наше предложение, майор Квиллан, простое до крайности: мы хотим, чтоб вы оказали нам помощь в декодировании и расшифровке неясных мест файла «Сигма». Взамен, когда мы достигнем Империи, к вам отнесутся как к разумному человеку, который осознал, что впредь оптимальной линией его поведения является служба интересам Империи. Причем, столь же эффективная, как дотоле интересам Федерации. И я уверяю вас, вы обнаружите, что Рал неимоверно щедра по отношению к тем, кто служит ей хорошо.

Квиллан не видел смысла выражать свое мнение по поводу сделанного предложения. Он удовлетворился тем, что напустил на себя угрюмость, которую легко можно было принять за задумчивость.

— У меня есть альтернатива? — резко спросил он.

Вновь губы сложились в ледяную улыбку.

— По-моему, нет никакой необходимости углубляться в нее, не так ли? Я абсолютно уверен, что вы разумный человек.

Аджоран повернулся и направился к двери.

— Мы продолжим обсуждение сразу после обеда.

Когда спина полковника исчезла в проеме, в

каюту вошел рядовой страж.

— Все зависит от того, что понимать под словом «разумный», — пробормотал Квиллан. Но еле слышно, частично для того, чтобы охранник не услышал, но главным образом для того, чтобы он не видел, что по его лицу растеклась такая же легкая и холодная улыбка, как у его собеседника из противоположного лагеря.

* * *

На протяжении всего следующего часа в каюте Квиллан был погружен в тяжелые раздумья. Он заметил кое-что, что могло оказаться полезным. Правда, в настоящий момент он не мог предпринять ничего, кроме как просто сидеть и ждать. План полковника был смел, но, определенно, не лишен смысла. Очевидно, Аджоран занимал довольно высокое положение в верхних эшелонах имперской разведки. Доподлинно узнав содержание файла «Сигма», он стал бы настолько сильным, что осмелился конкурировать с самими иерархами Империи, которым эта информация была недоступна. Одним махом он улучшал свое положение многократно.

В конце часа ужин Квиллану в каюту принесла женщина, которую можно вполне назвать

самой красивой — правда, ее внешность была довольно необычной — из всех девушек, которых разведчик встречал на своем пути раньше. Очень стройна, а ее кожа казалась почти столь же белоснежной, как и коротко подстриженные волосы; глаза же были настолько светло-синие, что у любого другого они показались бы бесцветными. Тем не менее, красавица производила впечатление живой и энергичной женщины. Она сказала Квиллану, что ее имя Хейс, без обиняков призналась, что спит с Аджораном, и что ей даны указания проследить, чтобы майор не чувствовал дискомфорта ни в чем на протяжении того времени, пока рассматривает предложение Аджорана.

Пока Квиллан обедал, она продолжала мило болтать. Полковник присоединился к ним, когда майор приступил к кофе. Разговор шел не напрямую, но у Квиллана возникло четкое впечатление, что Аджоран предлагает ему союз, ведь Космический Скаут владеет уникальной информацией, которую честолюбивый полковник мог чрезвычайно выгодно для себя использовать в будущем. При желании Квиллан мог бы остаться в штате Аджорана, став самым ценным его партнером. Как он понял, одной из наград, которая могла быть выдана прямо тут, на корабле, была

пассия полковника.

Когда сладкая парочка покидала каюту, Хеслет отметил, что на «Таладе» уже начался мертвый час — что было достаточно прозрачным намеком. Ни один из двух охранников, приставленных к нему, не появился в каюте, которая являлась частью личных корабельных апартаментов Аджорана, и дверь оставалась закрытой. Возможно, пленника решили оставить в покое для того, чтобы он как следует подумал в течение последующих семи часов.

Засиживаться Квиллан не стал. Он имел профессиональное мнение по поводу ценности отдыха в стрессовых ситуациях, и к тому же уже разобрался во всем настолько, насколько было возможно.

Передним стояла задача-минимум — уничтожить файл «Сигма» — и майор уже наметил кое-что, что указывало на осуществимость этой задумки, правда, в случае благоприятно сложившихся обстоятельств. Кроме того, он имел ряд других целей, располагавшихся в порядке возрастания невозможности их достижения. Их он уже проанализировал в достаточной мере. В настоящее время не осталось ничего, над чем необходимо было размышлять, поэтому Квиллан

растянулся на койке и практически сразу заснул.

Когда некоторое время спустя он проснулся с всклокоченными волосами, то поверил на мгновение, что это все ему приснилось и волноваться не о чем. Справа мелькали какие-то тени, и иногда раздавались звуки… тяжелое хрипящее дыхание, которое появляется обычно у человека тогда, когда уже не хватает сил кричать. Квиллан повернул голову, уже зная, что увидит.

Часть стены с одной стороны двери превратилась в экран: свет и хрипы доносились оттуда. Это запись, сказал себе Квиллан, пилот давно уже мертв. Полковник Аджоран был практичным человеком, который не стал бы без крайней нужды тянуть с подобным пустяком, чтобы можно было полностью посвятить себя куда более важному делу — налаживанию отношений с Квилланом. Да и детали, показанные на экране, указывали на то, что пилоту осталось недолго мучиться.

Экран медленно потемнел, хрипы прекратились. Квиллан перевернулся на другой бок. Не в его силах сделать что-то для несчастного. Ему просто показали альтернативу сделке с Аджораном. Несколько минут спустя он снова спал.

* * *

Когда он проснулся в следующий раз, в каюте горел свет. Оба охранника были здесь: один готовил завтрак для Квиллана на встроенном в стену столике напротив койки, другой просто стоял спиной к двери с парализатором в руке и взглядом, устремленным на разведчика. Выглаженная одежда, в которой Квиллан узнал собственную униформу, принесенную с курьера, была разложена на стуле. Секция стены, которая обычно скрывала за собой небольшую ванную, была сдвинута в сторону.

Первый закончил сервировку и обратился к Квиллану с выражением уважения на угрюмом лице: дескать, полковник Аджоран, ожидающий в другой секции апартаментов, передает наилучшие пожелания и хочет увидеться с майором Квилланом там после того, как тот оденется и поест. Передав сообщение, охранник подошел, чтобы отвязать Квиллана от койки. Его напарник переместился так, чтоб видеть заключенного в течение всего этого процесса. Затем они покинули каюту, и Квиллан проводил их задумчивым взглядом.

Он принял душ, побрился, оделся и не спеша

позавтракал. Он мог предположить, что Аджоран решил покончить с намеками, обещаниями и угрозами, и прямо сейчас намерен приступить к осуществлению сделки.

Когда спустя примерно полчаса Квиллан вышел из каюты, он получил подтверждение своим предположениям. Эта секция апартаментов была значительно больше, чем каюта для отдыха. Полковник и красотка Хейс сидели в дальнем конце секции, а охрана располагалась перед закрытой дверью, расположенной немного левее середины каюты. Дверь, вероятно, выходила в один из коридоров. Охранник держал в руке парализатор, а второй точно такой же лежал на маленьком столике возле Аджорана. Хейс сидела за клавиатурой рекордера. Очевидно, по мере необходимости она вместе с основным своим предназначением также выполняла функции секретаря.

В центре комнаты на столе, достаточно большом, чтобы служить рабочим, лежали какие-то бумаги, располагался декодер и на краю стоял закрытый файл «Сигма».

Квиллан, войдя в комнату, сразу сделал соответствующие выводы. Все трое мужчин были наготове, а парализаторы недвусмысленно указывали на настоящее положение пленника

— ранить его не станут, зато смогут причинить адскую боль и обездвижить на несколько минут. Космическому Скауту как бы напоминали, что его дальнейшие действия должны были доказать, что он заслуживает доверия Аджорана.

Практически одновременно с выводами, которые он сделал, он также осознал, что те самые благоприятные обстоятельства; которых он дожидался, сложились воедино.

Он подошел к столу, с любопытством поглядывая на файл «Сигма». Размером и формой тот напоминал вертикально стоящий атташе-кейс. Квиллан взглянул на полковника:

— Я так понимаю, вы сняли деструктор.

На лице Аджорана появилась непринужденная улыбка.

— Теперь он нам не понадобится, не так ли, майор?

Квиллан с ехидной ухмылкой отвесил полковнику поклон и одновременно левой рукой нанес удар по файлу так, что тот закувыркался в воздухе.

С равным успехом он бы мог ткнуть всех троих ножом. Удар об пол никак не мог навредить файлу, но имперцы были слишком взвинчены для того, чтобы контролировать свою реакцию.

Аджоран вскрикнул и вскочил на ноги, даже Хейс приподнялась со стула. Ближайший же охранник двигался куда с большей пользой. Он отпрыгнул от стены, не выпуская оружие, поймал файл свободной рукой и аккуратно положил обратно на стол.

Квиллан успел зайти ему за спину. Еще раньше под куртками своих стражей он заметил небольшую выпуклость, указывающую на то, что каждый носил еще один пистолет, у которого, вероятнее всего, был стандартный тип излучения. Одной рукой он облапил мужчину за плечи, правой нащупал под курткой кобуру с пистолетом, и, не вытаскивая, сжал рукоятку и нажал на курок. Левую руку в ту же секунду пронзила резкая боль — Аджоран выстрелил из парализатора, пытаясь достать майора через тело охранника. Увидев, что другой охранник обходит его справа, Квиллан вытащил оружие, сбросил первого стража на пол и дважды выстрелил, уложив наповал и второго стража. Воспользовавшись суматохой, Аджоран налег на дверь в каюту отдыха и, проскользнув внутрь, с грохотом забаррикадировался.

На другом конце комнаты Хейс, почти добежавшая до двери, остановилась, когда Квиллан повернулся к ней лицом. Они смотрели друг на

друга несколько мгновений, затем Квиллан обошел тело охранника и приблизился к женщине, все время держа ее на прицеле. Когда он очутился в трех шагах от нее, Хейс закрыла глаза и замерла в ожидании, безвольно опустив руки. Пудовый кулак разведчика со всего маху впечатался любовнице Аджорана в челюсть, и она свалилась как тряпичная кукла.

— Прости, куколка, но у меня не было выбора, — сказал он мягко.

Затем разведчик повернулся и посмотрел на охранника. Тот извивался на полу. Судя по заострившемуся лицу, было ясно, что он покойник, но пройдет еще пара минут, прежде чем последствия энергоразряда полностью прекратятся. Итак, пассия полковника обездвижена на какое-то время. А сам Аджоран… Квиллан глубокомысленно посмотрел на дверь от каюты отдыха.

Аджоран мог бы поднять по тревоге судно, хотя разведчик не заметил там никаких устройств связи. Или, возможно, он подготовил оружие посерьезнее парализатора и собирается выйти снова. Однако самым надежным выходом было остаться сидеть там до тех пор, пока кто-нибудь не придет и не сообщит, что с психованным заключенным наконец покончено. В верхних

эшелонах власти Рал считалось хорошим тоном не брать на себя риск, который всегда можно было переложить на подчиненных.

Что бы ни случилось в дальнейшем, сказал себе Квиллан, но минимальной цели можно теперь достичь в любой момент. Один-единственный выстрел в файл «Сигма» разнесет его вдребезги. А уничтожив файл и выбив тем самым почву из-под разведки Рал, майор поведет себя настолько разумно, насколько вообще можно было ожидать от него в подобной ситуации.

Он с презрением посмотрел на дверь в каюту отдыха, перевел взгляд на дверь, которая предположительно вела в корабельный коридор, и улыбнулся. Квиллан пришел к выводу, что он не чувствует сейчас ни малейшего желания быть разумным.

Он взял файл «Сигма» со стола, отнес к двери в коридор и поставил возле стены. Разведчик ожидал, что второй охранник выпрыгнет из-за этой двери сразу же после того, как тут началась заварушка. Тот факт, что он не объявился, мог указывать на то, что, либо его отослали с каким-нибудь поручением, либо апартаменты Аджорана были звуконепроницаемы. Скорее всего, второе…

Квиллан поднял бластер, взялся за ручку двери левой рукой, резко повернул и с силой толкнул дверь.

Какой-то рядовой стоял снаружи, видно, постовой услышал шум в апартаментах полковника и маялся перед входом, не решаясь войти. У бедняги хватило времени только на то, чтобы выпучить глаза на Квиллана…

Разведчик быстро шел по коридору — файл «Сигма» в левой руке, оружие, вновь стоявшее на взводе — в правой. По всем правилам, при подобных обстоятельствах, разведчик должен был выполнить программу-минимум и уничтожить файл прежде, чем вновь попадет в перестрелку. Если бы его сейчас убили, то шифровальщики Рал могли бы с легкостью выудить всю информацию.

Но другие варианты выхода из сложившейся ситуации в настоящий момент уже не казались недостижимыми, и Квиллан не мог заставить себя просто выстрелить в файл прежде, чем не убедиться в том, что он сделал все возможное для его спасения. В конце концов, «разумный» — крайне растяжимый термин.

Подходя к повороту, он стал двигаться еще осторожнее. Ведь это офицерская секция, а планы

майора базировались на общих воспоминаниях об устройстве рейдеров «Талада». Коридор, начинавшийся за углом, был чуть ли не втрое шире того, по которому он шел до этого… вероятно, это и был тот самый главный коридор, который искал разведчик.

Он выглянул из-за угла. Примерно в тридцати шагах на другом конце коридора виднелся широкий дверной проем, и двое офицеров заходили туда как раз в тот момент, когда он выглянул. Квиллан сделал глубокий вдох — его следующая цель внезапно приблизилась настолько сильно, нежели он мог себе представлять.

Он подождал несколько секунд и выглянул снова. Теперь в коридоре не было никого. Он тут же бросился к двери. Оказавшись на месте, он понял, что его предположения были абсолютно верны, ибо перед ним открывался небольшой лестничный пролет, ведущий в контрольный центр корабля.

А потом наступило время бешеной пальбы. Космический Скаут стрелял навскидку, почти не целясь, но каждый энергоразряд находил нужную мишень… Оружие в его руке шипело, как рассерженный кот, но прошло несколько очень важных секунд, прежде чем подчиненные

Аджорана осознали присутствие вооруженного противника. К тому времени трое из них уже были безнадежно мертвы. Беднягам выпало несчастье оказаться на линии огня. Мало того, панель управления субпространственными двигателями разлетелась на куски. Квиллан направил пистолет на большой коммуникатор в углу. В этот момент до кого-то из имперцев, наконец, дошло, что необходимо сделать здесь и сейчас. Он поступил весьма разумно — мощная стальная плита начала неумолимо опускаться, закрывая доступ к контрольному центру и тем самым перекрывая путь к отступлению.

Квиллан рванулся по коридору. И тут как оглашенная завыла сирена.

«Талада» взбрыкнула, как необъезженная лошадь, и, крутясь вокруг вертикальной оси, вывалилась из субпространства.

Оказавшись в следующем проходе, майор услышал впереди крики. Свернув за первый попавшийся угол, он, как и ожидал, обнаружил крутую узкую лестницу и начал карабкаться по возможности как можно быстрее.

Наверху, будто в сбывшемся сне, зиял отверстый лаз шлюза спасательной шлюпки. Но не только. Два бледных члена экипажа пытались по

наклонному пандусу затащить туда огромный баллон с кислородом.

Увидев Квиллана, несущегося к ним и при этом дико завывающего и размахивающего бластером, парни бросились в разные стороны, бросив баллон.

Разведчик преследовать их не стал (что он, дурак, что ли?), а пролез в шлюз.

Пилот спасательной шлюпки умер прежде, чем успел понять, что кто-то к нему подбежал сзади. Квиллан метнул файл «Сигма» в соседнее кресло, выдернул тело из-за пульта и занял его место…

Он уже находился в нескольких минутах полета от покинутого им столь спешно рейдера, прежде чем осознал, что хохочет как ненормальный.

Ум был ясен, а ситуация, переменившись в корне, выглядела вполне сносной для человека его профессии. Вопрос заключался только в том, как много времени потребуется врагу, чтобы восстановить двигатели и устремиться в погоню. Но для начала было вполне достаточно того, что имперцы понятия не имеют, в какую сторону отправился беглец, и шанс, что его схватят прежде, чем он доберется до родного Ядра Звездного Скопления, был ничтожен.

Все самое важное следует делать в первую оче-

редь. Он проверил датчик топлива — полный бак, но когда перевел взгляд на датчики жизнеобеспечения, схватился за голову. На судне не было запасов кислорода. Никаких! Воздуха было ровно столько, сколько находилось в рубке. Эх, надо было той пыхтящей от натуги парочке дать вкатить кислородный баллон и только после этого позволить им разбежаться! Да, в следующий раз придется угонять спасательную шлюпку, предварительно выяснив, полностью ли она оснащена.

Однако все обстояло не так уж плохо. При сканировании близлежащего звездного пространства Скаут обнаружил два землепода в семи и восьми часах ходу соответственно и, судя по полученным данным, там можно было без особых проблем отсидеться некоторое время. В оборудования спасательных шлюпок входили стандартные устройства, необходимые для пополнения запасов кислорода. Пара часов в любом из этих миров — и порядок.

После того как тело ральского пилота пустилось в свободное плавание в открытом космосе, он решил, что семичасовой отрыв дает некоторое преимущество. Как только «Талада» вернет себе возможность двигаться, то разовьет достаточную скорость для того, чтобы обследовать не толь-

ко обе эти планеты, но при этом и не потеряет много времени. Враги, наверное, уже вычислили потребность беглеца в кислороде. Если корабль прилетит сюда раньше, чем он закончит закачку кислорода, то сканеры практически наверняка определят местоположение шлюпки, поскольку в нее должна быть вмонтирована система «свой-чужой».

Конечно, оставалась надежда, что имперцы не смогут отремонтировать все так быстро. Но в любом случае файл «Сигма» следовало сохранить. Квиллан решил спрятать его в каком-нибудь приметном месте сразу после посадки, потом отвести шлюпку в другую точку планеты, заправиться кислородом и только после этого вернуться за файлом…

Глава 4

Сколько же времени прошло с тех пор? Пробираясь через валуны и кустарники, оскальзываясь на чужепланетной грязи, Квиллан оглянулся и посмотрел на солнце. Теперь оно находилось заметно ниже, почти у самого горизонта. Но это ни о чем не говорило. В памяти всплыло, как он приземлился: было светло, шлюпка села, он вышел

наружу, чтобы спрятать файл… и спрятал его. В этом месте воспоминаний внезапно наступил провал. Майор помнил одно: в течение последующих пяти, десяти или даже пятнадцати часов у Космического Скаута наступило некоторое помутнение разума — похоже, он просто ждал здесь, когда истребители, базирующиеся на «Таладе», упадут на него из глубины небесной синевы.

Рейдер мог появиться в любой момент. Если только не…

Мысль оборвалась, не закончившись. Ближе к вершине склон стал более ровным, разведчик преодолел оставшееся расстояние одним рывком. Он поднимался по каменистой расщелине с обратной стороны хребта. И тут, за долиной, он заметил стремительно падающие истребители.

Он тут же распластался на земле. Ага, значит, скверные парни были уже здесь.

Это был удар ниже пояса, хотя, если подумать, Квиллан почти ожидал этого. Через несколько секунд он дополз до углубления в скале, откуда можно видеть долину незамеченным.

Рейдер приземлился неподалеку от спасательной шлюпки, скорее всего, не далее получаса назад. Шлюз суденышка был открыт. Из него выбрался офицер, сопровождаемый двумя солда-

тами. Последний из них аккуратно закрыл шлюз, и все трое направились к рейдеру, из которого выходили люди. Все правильно, Аджоран первым делом приказал обыскать шлюпку, чтобы удостовериться, что файла «Сигма» там нет. Если бы не задержка, имперцы могли заметить беглеца еще тогда, когда он карабкался по склону… Группа, появившаяся из «Талады», явно была поисковой партией, у большинства ее членов за спинами висели скорострельные лучевые винтовки.

Они выстроились в ряд возле посадочных опор корабля, а в это время из шлюза вывели аппарат, имеющий форму клина, длиной в семь метров и шириной в основании — четыре. Через минуту антигравитационная платформа уже парила чуть выше поверхности земли во главе отряда. Квиллан видел такие устройства прежде.

Это был «охотник за черепами» — аппарат, регулярно используемый ральскими войсками против колонистов на других планетах. Блок питания и все инструменты располагались в самой узкой части, а остальная часть была отведена под контейнер, заполненный той же самой парализующей и консервирующей жидкостью, которая использовалась на «Таладе» для перевозки заключенных. Аппарат можно было использовать

для охоты за конкретным индивидуумом, за какой-нибудь группой людей или вообще за всеми людьми без разбора в пределах радиуса действия биодетектора. После обнаружения цели она либо уничтожалась, либо была схвачена, упакована в контейнер, а потом, целая и невредимая, доставлена в запрограммированное место.

Вслед за «охотником» наружу вышла еще одна группа людей, в составе которой находился человек в гравикостюме. Полковник Аджоран, по всей видимости, подрядил весь экипаж «Талады» на поиски сбежавшего с файлом «Сигма» Космического Скаута.

Квиллан решил, что увидел достаточно. Если его заметили при подлете, то последовали бы в направлении расщелины немедленно. Вместо этого имперцы поплетутся за своим «охотником» вдоль горного хребта и дальше вниз, в болота, где пасутся стада местных животных, поскольку большая биомасса дает и больший всплеск на экране биолокатора. А это дает некоторый выигрыш во времени. Впрочем, все это могло иметь другую подоплеку — на «Таладе» оставалась его одежда, а, следовательно, и ключ для поиска по запаху. Возможно, именно поэтому поисковая группа направлялась к болотам…

Хеслет отполз назад в расщелину, встал и направился по ней к противоположной стороне горного хребта. Светило за равниной почти коснулось горизонта. Серый лес, в который несколькими часами раньше отступил агрессивный двуногий зверь, начинался в нескольких сотнях метров с правой стороны по ходу движения. Там можно обрести убежище надежнее, чем среди валунов горного хребта.

Размашистым шагом, все время держась чуть ниже гребня холмов, майор пошел туда. Мельком взглянув в сторону болот, он приметил громадное дерево. Оно возвышалось над остальными на добрых полсотни метров. Файл «Сигма» был засунут между корнями гиганта и находился примерно на метр ниже уровня воды. Квиллан заметил это дерево еще с воздуха, посадил шлюпку в небольшой долине и поспешил вниз к болотам пешком. Двадцать минут спустя файл был спрятан в указанном месте, и разведчик начал выбираться из болота. Что случилось потом, до того момента, как он осознал себя сидящим на склоне, он по-прежнему ничего не знал…

Скаут достиг леса и под прикрытием деревьев вновь забрался на вершину очередного холма, чтобы обозреть долину. За те несколько минут,

пока он добирался сюда, тень от вершины холмов уже доползла до их основания. Когда имперцы поймут, что близится ночь, поиски беглеца наверняка будут отложены до утра. Хотя полковник Аджоран явно не хотел ждать. Человек в гравикостюме все еще стоял возле открытого шлюза корабля, зато поисковый отряд по-прежнему следовал за «охотником» по долине. Они уже достигли отрогов горного хребта где-то в километре от Квиллана. Значит, если отряду отдан приказ продолжать поиски ночью, солдаты воспользуются фонарями.

План преследования был элементарен, но по-своему эффективен. Если «охотник» не обнаружит беглеца до утра, «Талада» поднимет на борт спасательную шлюпку, догонит поисковую группу и вновь приземлится. Так наземные силы и рейдер могут продолжать работать посменно до тех пор, пока их охота не увенчается успехом.

В том месте, где разведчик оставил файл «Сигма», он был в полной безопасности. Биодетектор «охотника» был достаточно чувствительным, чтобы вести группу за Квилланом через болото, руководствуясь не только индивидуальным запахом, но и следами, оставленными им на растениях, на которые он наталкивался, или за

которые он хватался, прокладывая путь через болото, или даже слабыми следами прямо в воде. Аппарат мог бы запросто обнаружить файл под поверхностью воды. Но — в том-то и заключалась ирония данной ситуации — машина проигнорирует все, что обнаружит, кроме человека, на которого запрограммирована. Она просто пройдет мимо и двинется дальше по следу.

Самое дурацкое, что можно было сделать, это попытаться опередить отряд и уничтожить файл. Тогда Скаута почти наверняка обнаружат на открытом пространстве у подножья холмов, и либо «охотник», либо человек в гравикостюме прилетит за ним несколько минут спустя.

Квиллан вновь взглянул на фигуру, облаченную в гравикостюм. Этого нельзя было упускать из вида. Скорее всего, он должен был исполнять роль связующего звена между отрядом и кораблем, докладывая Аджорану о ходе поисков. Он был вооружен винтовкой, и если Квиллан будет замечен, сумеет забросать беглеца парализующими газовыми шариками, при этом оставаясь вне досягаемости бластера. Вот он поплыл назад к шлюзу «Талады», потом поменял направление и направился в сторону хребта, паря на высоте двадцати метров.

Нельзя сказать, что полет был безупречен. Маневрирование в гравикостюме, предназначенном для работы в невесомости, на поверхности планет вряд ли можно было назвать легким делом. Но парень, даже на пристрастный взгляд Квиллана, держался прекрасно. Он достиг горного хребта в то время, когда отряд только начал перебираться через седловину, завис там на несколько секунд, затем качнулся в сторону и резкими неуклюжими толчками двинулся вдоль хребта. Вероятнее всего, исследует территорию с помощью мощнейшего бинокля. Через несколько минут летун вернулся.

За это время Квиллан перебрался на другую сторону хребта, чтобы пронаблюдать за колонной. Она по-прежнему двигалась к болотам, следуя пройденным им маршрутом, когда он нес туда файл. И здесь его мозг посетила мысль, от которой противно засосало под ложечкой. Если «охотник» случайно пересечет те следы, которые он оставил, возвращаясь, неприятности могут начаться прямо сейчас…

Человек в гравикостюме догнал поисковую партию, и, находясь над ней метрах в восьмидесяти, завис и практически не сдвигался с места. Квиллан посмотрел на горизонт. Солнца уже

почти не было видно, только узкий золотистый краешек все уменьшался и уменьшался, пока не исчез вовсе. Без ярких звезд Ядра Звездного Скопления ночь должна была окутать окрестности кромешной тьмой, но разведчик пока не видел, какие преимущества это ему дает.

Летун, освещенный невидимым светилом, вернулся к хребту. Он парил над ним несколько мгновений, затем спустился к плоскому валуну на вершине. Сначала он повернулся к равнине, затем к болоту. Очевидно, захотел отдохнуть от полета.

У Квиллана перехватило дыхание. Пульсар разрази, парень находился от него меньше, чем в двухстах метрах…

Взгляд майора переместился к кустам, растущим на краю леса.

Несколько секунд спустя он уже передислоцировался туда, изучая возможности естественной маскировки. Рядом было полно кустов и камней, достаточно больших для того, что спрятаться за ними… но все они, к сожалению, не смогли послужить укрытием, если бы летун поднялся в воздух снова. Даже сгущающаяся тьма не поможет, поскольку специальный космобинокль, который входил в набор инструментов гравикостюма,

был разработан так, чтобы обеспечить высокую разрешающую способность картинки, даже когда освещение создавалось слабыми звездами.

Но, возможно, загадал Квиллан, парень не станет подниматься в воздух. В любом случае, кроме упований, ничего другого майору не оставалось. Обратная сторона хребта была под наблюдением ночных сканеров рейдера, и они наверняка уже включены.

Надо было предпринять что-то радикальное. Может быть, не прятаться в кустах, а наоборот… А что? Это мысль. Квиллан, не отрывая взгляда от летуна, пригнулся и короткими перебежками двинулся в его сторону. Парень в гравикостюме смотрел, в основном, на подножье холма, но время от времени поворачивался к вершине и бросал взгляд то в одну, то в другую сторону вдоль хребта. Возможно, так как уже порядочно стемнело, близость леса заставляла его нервничать. Звуки, издаваемые местными животными, — от гортанного рыка до пронзительных завываний — то и дело раскатывались по равнине. Те, чей основной рацион составляло мясо, проснулись. Неожиданно на болотах, с той стороны, где находилась поисковая партия, раздался дикий рев, и Квиллан предположил, что имперцы столк-

нулись с каким-нибудь достаточно крупным плотоядным животным, которое никогда не слышало об энерговинтовках. Когда рев перерос в чудовищный крик, разведчик почти убедился в своих предположениях.

Он сократил расстояние до летуна почти вдвое, когда гравикостюм судорожно оторвался от валуна. Квиллан пережил несколько неприятных секунд. Но костюм поднялся не больше, чем на пяток метров, а затем снова опустился с обратной стороны склона. Парень просто изменил свою позицию. И позиция, которую он теперь занял, скрыла их из поля зрения друг друга.

Квиллан тут же вскочил на ноги и побежал. Поверхность была испещрена расщелинами. Он скользнул в одну из них, вытащил бластер, и двинулся вперед, пригнувшись почти до земли. Мгновение спустя майор уже был возле той стороны валуна, где до этого стоял парень.

Где же он теперь? Квиллан прислушался и уловил негромкий треск. Он прекратился на несколько секунд, потом вновь появился и снова исчез. Рация костюма… парень, очевидно, снял шлем, иначе этого звука не было бы слышно. Он не мог отойти далеко.

Квиллан опустился на четвереньки и сдвинул-

ся вправо вдоль валуна. Отсюда он мог видеть подножье склона. На равнине уже воцарилась ночь, граница между твердой землей и болотом стала не видна. Но дрожащая цепочка тонких лучиков света внизу, нервно раскачивающаяся то в одну, то в другую сторону, двигалась, должно быть, уже по болоту.

Вновь послышался треск рации, очевидно, парень стоял не дальше пяти-шести метров от Квиллана. Разведчик подобрался настолько близко, насколько это вообще было возможно. Главное, чтобы человек в гравикостюме умер мгновенно, а это подразумевало выстрел в голову. Квиллан поднялся и тихо обогнул валун. Пистолет был наготове.

Человек стоял боком, шлем, как Квиллан и предполагал, висел у него за плечами. В последний момент, когда Квиллан уже нажимал курок, целясь в ухо, голова повернулась, и он с немалым изумлением обнаружил, что это ни кто иной, как полковник Аджоран.

Пистолет издал злобное шипение.

Голова Аджорана дернулась в сторону, глаза закрылись. Гравикостюм поддерживал покойника в вертикальном положении пару секунд, но потом тот опрокинулся наземь. Квиллан уже

был рядом, пытаясь нащупать под воротником провод коммуникатора. Нашел, резко дернул и почувствовал, как тот хрустнул.

Глава 5

Человек, дежурящий за ночными сканерами на «Таладе», увидел, как гравикостюм полковника Аджорана появился над горным хребтом и направился в сторону судна. Он сообщил в контрольный центр и дежурному у шлюза.

Внешний шлюз открылся, как только костюм подлетел.

Квиллан скользнул внутрь и приземлился. Его выступление в гравикостюме было ничуть не лучше выхода Аджорана. Он отключил двигатель, тяжело протопал к внутренней двери, поднял руку к шлему и, практически скрыв лицо, стал возиться с кислородным шлангом. Это поможет, если за дверью кто-то окажется. Другая рука покоилась на оружии.

Дверь открылась. Дежурный, полностью поглощенный созерцанием пульта управления, располагался на расстоянии двух метров от Квиллана. Винтовка лежала на полу. Мысленно благословив дисциплину имперцев, Квиллан

бесшумно зашел ему за спину, вытащил пистолет и с силой ударил по голове.

Когда несколько минут спустя дежурный открыл глаза, голова у него разламывалась, во рту торчал кляп, руки были связаны за спиной, а его униформа была на Квиллане.

Квиллан рывком поднял парня на ноги, ткнул дулом пистолета в спину и сказал:

— Пошел вперед, к контрольному центру.

Дежурный подчинился насилию покорно. Квиллан следовал за ним, сдвинув форменную фуражку так, чтобы тень от козырька скрывала лицо. Пистолет Аджорана и парализатор, который он забрал у дежурного, были прикреплены к поясу. Энерговинтовка дежурного и та, что входила в комплект гравикостюма, были оставлены в туалете около шлюза. За какие-то пять минут собрался недурной арсенал.

Когда они дошли до главного коридора на верхнем уровне судна, майор остановил дежурного. Они вернулись к последней, замеченной разведчиком двери. Квиллан открыл ее — какой-то офис своего рода… он втолкнул дежурного внутрь и последовал за ним, закрыв за собой дверь.

Через некоторое время Квиллан вышел, запихал станнер за пояс и прислушался. «Талада»

казалась какой-то притихшей. Не удивительно, подумал он. Размеры отряда, отправленного на поиски, говорили о том, что на борту остались только те, кто был необходим для координации охоты, да еще несколько дежурных.

Скорее всего, человек десять-двенадцать, не больше, и каждый из них сейчас находился на своем штатном посту.

Квиллан вышел в главный коридор и тихо пошел по ковровой дорожке. Он услышал бормотание, доносившееся из контрольного центра. Один из голосов, казалось, принадлежал женщине, но разведчик в этом не был уверен. Голоса смолкли, но когда он подошел ближе, зазвучали снова, и теперь он даже мог разобрать, о чем они говорили.

Но ничего полезного услышать не удалось. Контрольный центр был нервным центром корабля, но там не могло находиться больше четырех-пяти человек. Как только Квиллан дошел до дверного проема, он взял в каждую руку по пистолету. Сделав шаг внутрь, он стал неторопливо спускаться по лестнице, покрытой ковровой дорожкой, запоминая детали мизансцены, разыгрывавшейся внизу.

Ближе всех к нему оказалась пассия Аджорана.

Хейс сидела за маленьким столом, и все внимание красавицы было приковано к человеку, устроившемуся за панелью коммуникатора, расположенного в угловом алькове слева. Человек находился спиной к Квиллану. Его станнер покоился в кобуре на поясе. В глубине контрольного центра, лицом ко входу, сидел еще один человек, но и он склонился над какой-то аппаратурой. Стол практически полностью защищал от излучения, и это делало его наиболее опасным из всех троих. Больше никого в поле зрения не было, но это еще не говорило о том, что никого нет в действительности.

Хейс почувствовала присутствие Хеслета, когда тот был на последней ступени лестницы. Девушка резко повернулась и, казалось, что она собирается что-то сказать. Затем у нее расширились глаза, в них явно читался шок оттого, что любовница полковника узнала вошедшего.

Скауту требовалось добраться до парня за столом прежде, чем она закричит. Но Хейс не закричала. Вместо этого она показала на поднятой правой руке два пальца, явно намекая на человека, сидящего рядом с коммуникатором, и парня за столом.

Только двое? Что ж, скорее всего, так оно и

есть. Все равно, перед тем как связаться с двумя вооруженными офицерами, необходимо вырубить Хейс.

В этот момент оператор коммуникатора обернулся.

Он был молод, и его реакция оказалась намного лучше, чем у Хейс. С криком он выпрыгнул из кресла, при падении на пол перевернулся и выхватил пистолет. У человека за столом, действовавшего примерно в том же ключе, но без падения, не было ни малейшего шанса. Как только он вскочил со стула и бросился в сторону, энерголуч пробил ему голову. Как показало дальнейшее, у оператора с шансами тоже было не густо. Квиллан качнул ствол на миллиметр, на долю секунды увидел глаза, полные лютой ненависти, а заодно черный зрачок нацеленного на себя пистолета, и выстрелил вновь.

Он подождал немного, настороженно ожидая еще каких-нибудь движений. Но в контрольном центре царила тишина. Пассия полковника не солгала. Она сидела на прежнем месте и не шевелилась до тех пор, пока Квиллан не повернулся. Тогда она спокойно произнесла:

— Это похоже на настоящее волшебство! Как вы смогли попасть на судно? — по ее лицу было

видно, что она все еще не может в это поверить.

Квиллан мельком отметил уродливую ссадину, оставленную его кулаком на ее челюсти:

— В гравикостюме Аджорана, естественно.

— Он мертв? — запинаясь, спросила она.

— Абсолютно и бесповоротно, — задумчиво произнес Квиллан.

— Я хотела, — сказала Хейс, — убить его собственноручно. Уверена, что обязательно бы это сделала в конце концов… — она снова запнулась. — Но теперь это не имеет никакого значения. Чем я могу помочь вам? Там, на болотах, у них неприятности.

— Какие неприятности?

— Непонятно. Они начались две-три минуты назад, но мы так и не смогли получить внятного рапорта от обоих связных. Ребята были слишком возбуждены, орали как сумасшедшие.

Квиллан нахмурился.

— Думаю, это может подождать. Сначала надо очистить судно. Сколько человек на борту?

— Девять, не считая этих двоих… и меня.

— Парня, дежурившего у шлюза, тоже можно не считать, — сказал Квиллан. — Итого восемь. А внутри спасательной шлюпки?

— Никого. Аджоран подготовил там ловушку,

на тот случай, если вы вернетесь туда до того, как вас поймают. Вы бы спокойно зашли, но не смогли бы ни запустить двигатели, ни выйти наружу.

Квиллан хмыкнул.

— Вы можете попросить оставшихся на судне людей придти в контрольный центр по одному?

— Понимаю. Да, думаю, что могу.

— Но сначала позвольте обыскать вас.

— Конечно, — Хейс слегка улыбнулась и встала. — Почему вы должны доверять мне?

— Вот именно, — сказал Квиллан.

Ничего не подозревая, имперцы входили один за другим, и один за другим получали разряд из станнера. После чего лента грузового транспортера перемещала очередного парализованного в помещение с резервуаром. Хейс бесчувственно стояла в стороне, пока Квиллан разблокировал люк и снимал с него крышку. Тяжелое зловоние вырвалось из отверстия. Квиллан пару секунд смотрел на маслянистую черную жидкость, плескавшуюся в двух метрах ниже бронированного пола, потом сбросил вниз девять человек, находящихся в бессознательном состоянии, и снова заблокировал люк.

* * *

Мужской голос бубнил что-то невнятное, временами всхлипывая. Другой кричал в испуге, часто и прерывисто дышал, периодически вскрикивая.

Квиллан выключил коммуникатор и посмотрел на Хейс.

— Что-либо подобное случалось прежде?

Она облизала губы.

— Нет, это просто какое-то безумие! — ее голос дрожал. — Они оба абсолютно неспособны отвечать. Что в болоте ночью могло оказаться настолько кошмарное, чтобы ужаснуть стойких солдат Империи до такой степени? Ну ведь должен был хоть кто-то вернуться на корабль, — она замолчала на некоторое время. — Квиллан, почему мы до сих пор торчим на этой проклятой планете? Вы же знаете, какие эти парни, зачем беспокоиться об их судьбе? Вам не требуется никто из них, чтобы управлять судном. Если необходимо, то и один человек сможет отвести его в Ядро Звездного Скопления.

— Знаю, — ответил Квиллан, посмотрел на красавицу внимательно и добавил, — но я слегка удивлен, почему вы хотите помочь мне вернуться в Ядро.

На мгновение бледное лицо девушки исказилось от гнева:

— Если вы считаете, что я сочувствую Рал, то глубоко заблуждаетесь! Меня схватили во время набега на Бристин, когда мне было двенадцать. С того дня никогда я не хотела ничего другого, кроме как бежать из Империи.

Квиллан хмыкнул и поскреб подбородок:

— Ясно… Но мы не можем улететь немедленно. Тому есть веская причина: в этом кошмарном болоте я спрятал файл «Сигма».

Хейс уставилась на него изумленно.

— Так вы его не уничтожили?

— Разумеется, не уничтожил. Ситуация никогда не доходила до критической точки, когда файл необходимо было дематериализовать.

Она хохотнула.

— Ну, Квиллан, вы просто великолепны! Аджоран был абсолютно убежден, что потерял файл, и что единственный шанс сберечь свою шкуру заключался в том, чтобы вернуть вас живым, чтобы впоследствии выпытать все, что вам известно о Мирах Лорн… Нет, конечно, вы не можете бросить файл на произвол судьбы! Я понимаю. Но почему бы нам не покинуть атмосферу и подождать, пока рассветет? — она кивнула в сторону

коммуникатора. — Этот переполох — независимо от того, чем был вызван — должен к тому времени уже закончиться. На болотах снова наступит тишь да благодать. И вы сможете вернуть файл без особенных затруднений.

Квиллан покачал головой.

— Нет, в этом нет необходимости. «Охотник» контролировался с судна, не так ли? Где панель управления?

Хейс указала на стол, где сидел второй человек, когда Квиллан вошел в центр управления.

— Там. Как раз с нею и возился убитый Гнекуц.

— Давайте взглянем на нее. Я хочу, чтобы «охотник» немедленно вернулся на корабль, — Квиллан встал и пошел к столу. Хейс послушно последовала за ним.

— Боюсь, майор, что не смогу показать вам, как работает панель.

— Думаю, что я способен разобраться сам, — ответил Квиллан. — Однажды я несколько часов развлекался с захваченным нами «охотником», который везли назад в Лорн. Это, кажется, аналогичная модель, — он посмотрел на экран в центре панели управления, где хаотически двигались темные пятна, и покрутил несколько верньеров под ним. — Давайте посмотрим, что аппарат

делает в данный момент.

Изображение на экране внезапно стало четким. Экран по-прежнему был темным, но через прибор ночного видения, установленный на «охотнике», детали в поле зрения были вполне различимы. Слегка колышущееся море травы медленно скользило по бокам внизу; более высокий кустарник, покрытый листьями, придвигался все ближе и ближе. Потом «охотник» углубился в заросли.

— Оператор пытался разобраться, что случилось с ребятами на болоте, с помощью «охотника», но аппарат ушел из зоны досягаемости их фонарей почти сразу, как начались проблемы. Очевидно, подобные устройства, если им задана программа, нельзя перепрограммировать, — сказала Хейс.

— Да, если только вы не летите на них, — согласился Квиллан. — Мониторинг дает полную информацию о том, что именно они делают, но контроль сильно ограничен. Машина либо продолжает и заканчивает выполнение свей задачи, либо, при выключении всех сенсоров, возвращается к исходной точке. Наш аппарат все еще следует по моим следам. Теперь…

— Что там за свет? — тревожно спросила Хейс. — Похоже на открытый огонь.

«Охотник» появился из чащи, качнулся в сторону, и заскользил над водой, почти касаясь ее. На поверхности перед ним блестел бледный апельсин.

Квиллан внимательно посмотрел на изображение:

— Полагаю, это всего лишь означает, что на небо вышла луна, — он толкнул какой-то рычажок на панели, и картинка пропала. — Отныне самые последние инструкции, которые в него закладывались, стерты. Машина вернется на судно через пару минут.

Хейс посмотрела на Скаута со странным выражением:

— И что вы намерены предпринять?

— Я полечу на нем к болоту.

— Только не сейчас! Утром вы…

— Не думаю, что встречу серьезную опасность. Теперь давайте поищем такое место, в надежности которого я буду уверен. Вы останетесь в нем до тех пор, пока я не вернусь. Как вы верно подметили, даже один человек может поднять это судно с планеты и улететь…

Глава 6

На высоте двухсот метров над землей открытое сиденье «охотника» было не самым безопасным местом. Но аппарат значительно легче поддавался управлению, чем гравикостюм, и прямой маршрут по воздуху к гигантскому дереву, под которым он спрятал файл «Сигма», был самым коротким и самым быстрым. Квиллан был почти уверен, что с файлом ничего не случилось, но знать об этом можно наверняка в том случае, если файл вновь окажется у него в руках.

Висевшая над горизонтом оранжевая луна была огромна, в диаметре превосходя вдвое зашедшее светило. Хотя при подходе к цели Квиллан сбросил скорость, не прошло и пары минут, как он смог различить в тусклом свете большое дерево. Он подвел машину к нему, и, глядя вниз, медленно сделал два круга над кроной. Затем направил «охотника» к воде у основания дерева, достиг отметки в метр над уровнем почвы и осторожно посадил аппарат на переплетенные узловатые корни лесного гиганта. Космический Скаут выключил контрольную панель и оставался некоторое время в седле, оглядываясь и

прислушиваясь.

Над болотом раздавалось множество звуков, большинство из них были обычными… Можно было легко различить чирикание, щебетание, тихое уханье, похожее на совиное. Кто-то трижды резко свистнул в кроне дерева, прямо у майора над головой. Позади, но не слишком далеко, кто-то тяжелый плескался, совершенно не беспокоясь, что его услышат. На пределе различимости было еще что-то. Возможно, человеческие голоса, едва различимые из-за расстояния, а, возможно, разыгравшееся воображение.

Поблизости не замечалось ни малейшего движения. Квиллан вытащил контрольную панель из паза, вылез из седла, спустился по встроенным ступеням и погрузился на несколько сантиметров в жижу, доходящую местами до самого ствола. Потом ступил на могучий корень, нашел сухое место под ним, и спрятал там контрольную панель. Затем продолжил карабкаться по корням вокруг необхватного ствола, оскальзываясь время от времени…

Вот и место, где спрятан файл «Сигма». Вода здесь доходила почти до самого ствола, а глубина взбаламученной трясины доходила до полутора метров. Квиллан соскользнул в воду. Башмаки

нащупали опору. Майор придвинулся почти к самому стволу, глубоко вдохнул и присел. Теплая вода накрыла его с головой. Пошарив рукой между корней, он нащупал атташе-кейс, потянул за ручку и вытащил. Потом вылез из воды и двинулся обратной дорогой вкруг ствола…

На полпути к «охотнику» его поджидало НЕЧТО. Или, точнее, НЕКТО.

* * *

Квиллан резко остановился.

Встреча была практически точным повторением того, что случилось после того, как он принес сюда файл. Только тогда был день, и то, что Космический Скаут видел как гигантскую человекоподобную фигуру, прячущуюся в тени, в прошлый раз смог разглядеть достаточно отчетливо. То был зеленый гориллоподобный монстр с огромным раскачивающимся шаром вместо головы, на котором нельзя было различить отдельных деталей из-за покрывающей его листвы. С расстояния восьми шагов он выглядел намного более угрожающе, чем казался с высоты холма.

В первый раз, когда разведчик увидел его, между ними было всего несколько метров, и монстр явно хотел познакомиться с человеком. Первой и

почти бессознательной реакцией Квиллана было выхватить оружие…

Сейчас же он просто застыл, глядя на чудовище. Сердце бешено колотилось. По существу, стал успокаивать себя Квиллан, это создание принадлежит к вегетарианцам. И оно вполне миролюбиво, поскольку располагает абсолютно эффективным средством защиты, ибо способно своевременно распознать в приближающемся плотоядном животном стремление напасть на себя, после чего заставляет хищника забыть о своей цели.

И сделает память пожирателя плоти дырявой столько раз, сколько необходимо.

Квиллан двинулся вперед, усиленно генерируя мысль, что не имеет ни малейшего намерения наносить вред этому ужасно симпатичному громиле. Существо не двинулось с места, когда разведчик обошел его за метр, только медленно развернулось и продолжало следить, как он осторожно движется по такому неудобному для двуногих настилу, как скользкие корни.

Квиллан не оглядывался и не слышал никакого движения позади. Он увидел «охотник», неподвижно висящий над грязью, и вытащил из-под корня контрольную панель. Парой минут спустя

майор уже парил в призрачном лунном свете, удаляясь от огромного дерева. Файл «Сигма» был пристегнут к поясу.

Но путь «охотника» был достаточно извилист, подчиняясь новым инструкциям, которые Космический Скаут набрал на контрольной панели: аппарат качнулся и целенаправленно заскользил через болота. Метров через сто после этого машина наткнулась на трех флиглов, медленно пробирающихся через топь. Размером они заметно уступали тому, что только что был под деревом. Они остановились, когда увидели «охотник», и Квиллан думал о них с дружелюбием и восхищением до тех пор, пока они не остались далеко позади. Минутой позже аппарат завис в воздухе над первым человеком из потерявшейся поисковой группы с «Талады».

Он заполз в непроходимую чащу и теперь шумно рыдал в полном одиночестве. Когда два гравизахвата «охотника» были выстреляны в самую гущу переплетенных ветвей и сомкнулись вокруг имперца, он в ужасе закричал. Квиллан не стал смотреть на печальное зрелище. Позади раздался щелчок — открылся резервуар «охотника». На мгновение ноздри уловили вонь консервирующей субстанции, раздался всплеск и крик резко

оборвался.

«Охотник» развернулся в сторону следующей цели. Его настоящая инструкция заключалась в том, чтобы найти и подобрать каждого человека, — кроме своего наездника, разумеется, — который окажется в радиусе действия биодетектора.

Сначала поисковики дошли до края болот, реконструируя события, подумал Квиллан. Они убили из винтовки животное, которое в сумраке вылезло на твердь, чудовищно ревя при этом. И солдаты наверняка могли застрелить еще кого-нибудь. Но им не нравились эти болота, по которым их вел «охотник за черепами». Пробираясь по воде, теряя равновесие, проваливаясь в неверную твердь, посвечивая фонариками в сторону каждой пугающей тени, они следовали за машиной, мысленно проклиная приказ, который послал их за беглецом в ночь.

А затем в одном из световых лучей возникла большая зеленая горилла…

Естественно, они попробовали застрелить ее. И поскольку они приняли решение, их память покрылась дырками.

Прогрессирующие волны амнезии… сначала, возможно, было только прикосновение. Мужчи-

ны, поднявшие винтовки, забыли, зачем они это сделали. Ровно до тех пор, пока снова не увидели флигла…

Потом, возможно, стерлось несколько часов. Люди стояли в болоте ночью, не зная, как они туда попали и что они вообще там делали. Но в руках были винтовки, а гориллоподобное существо возвышалось и смотрело прямо на них.

На этот раз забылись целые месяцы. Флигл мог продолжать дырявить память хоть до посинения.

И тогда несчастные в панике бросились врассыпную по болоту. Но флиглы паслись повсюду. И всякий раз, когда винтовка вскидывалась к плечу, вытирался еще один кусок памяти. До тех пор, пока последнее ружье не было брошено в топь.

«Охотник» подбирал не мужчин в призывном возрасте, а детей в телах взрослых, сбившихся в кучу, спрятавшихся в сыром, темном, ужасном мире, ошеломленных и непонимающих, неспособных ни на что, кроме как дико вопить, пока машина собирает и помешает их в резервуар.

Глава 7

Квиллан вышел из бокса, где стоял «охотник», заблокировал дверь и выключил контрольную панель.

— Вы не закрыли резервуар, — сказала Хейс.

Он кивнул.

— Я знаю. Давайте вернемся.

— Мне по-прежнему непонятно, что же случилось с группой поиска конкретно, — продолжила красавица, сопровождая майора по коридору. — Вы сказали, что они потеряли память?

— Да. Но это временно. Со мной произошла та же история, когда я очутился здесь. Хотя у меня не было так запущено, как у большинства из них. Если бы они не плавали сейчас в консерванте, то вспомнили бы все буквально через несколько часов.

Он открыл дверь в комнату с резервуаром и пропустил девушку вперед. Хейс в отвращении сморщила носик:

— Все это выглядит очень странно. Разве можно повлиять на человеческий разум подобным образом?

— Можно, — сказал Квиллан. — Но это неваж-

но, — он последовал за ней внутрь, не забыв закрыть за собой дверь. — А сейчас давайте побыстрее покончим с этим.

Она оглянулась и посмотрела на него.

— Покончим с чем, Квиллан?

— Вы полетите в Ядро Звездного Скопления, о чем меня просили, но поедете вы туда вместе с экипажем «Талады», — объяснил Квиллан, — внизу.

Кровь отхлынула от лица красавицы.

— О, только не это, Квиллан! Я… вы не можете так поступить с женщиной…

— Извините меня, но в активном состоянии вы мне на судне не нужны, — терпеливо пояснил Космический Скаут. — Хотя я, возможно, придумал бы какой-нибудь другой, более изысканный, способ нейтрализовать вас, если бы мой пилот остался жив.

— Но какое отношение имею я к смерти вашего пилота? — голос Хейс сорвался на визг. — Разве я не помогла вам в контрольном центре?

— Да, вы мне помогли в контрольном центре, — признал Квиллан. — Но отправились бы в резервуар еще с первой группой, если бы я не считал, что вы можете оказаться полезны.

— Но почему вы мне не верите? Я же не вино-

вата в том, что делал Аджоран?

Квиллан пожал плечами:

— Мне чхать с высокой колокольни на то, что делал Аджоран. Но я не настолько глуп, моя дорогая, чтобы поверить, будто имперский агент разведки вышел в гравикостюме искать меня в приступе ведомственного энтузиазма, оставив корабль под ответственность младших офицеров. Аджоран вышел, потому что ему было приказано так сделать. Имеется также и пара других вещей, которые я, как компетентный разведчик, обязан был намотать на ус. И я их намотал. В общем и целом, куколка, они доказывают, что именно вы являетесь старшим агентом в данной операции. И как бы это было здорово — вернуться на Рал с файлом «Сигма», и чтобы при этом никого не осталось в живых, чтобы ненароком не проболтаться, как вы со своим хахалем едва не упустили столь важный документ из рук.

Хейс облизала губы, ее глаза даже не бегали, а метались.

— Квиллан, но я тебя умоляю, мы могли бы… — начала было она.

Холодная усмешка исказила лицо разведчика:

— Забудь об этом! Кстати, к вопросу о женщинах: в разведке нет ни мужчин, ни женщин, есть

только сотрудники, а они делятся на своих и чужих. Догадайся, к каким я тебя причисляю?

Он подвел красавицу к люку и легонько толкнул в грудь. Хейс качнулась назад. Краткий вскрик и всплеск. Майор наклонился и посмотрел вниз. Маслянистая поверхность уже снова стала гладкой.

— Сладких снов тебе, куколка.

Он захлопнул люк, заблокировал его и покинул арестантскую.

Аромат бессмертия
(рассказ)

Специальный уполномоченный Холати Тэйт любил говорить, что всякий раз, когда профессору Мантелишу представлялась возможность вляпаться в неприятности, он в них вляпывался.

Поэтому, когда спецуполномоченный, просматривая визор в режиме кадр-миг, увидел на секунду изображение Мантелиша на фоне последних известий, оживленно болтающего с улыбающейся молодой женщиной, он тут же остановил воспроизведение, и с нехорошим предчувствием начал переключать каналы назад, пытаясь найти эту программу. Последний раз,

когда он слышал о Мантелише, профессор находился на каком-то внешнем мире с экспедицией, спонсируемой правительством. Там, как понял спецуполномоченный, он должен был оставаться еще некоторое время. Однако Тэйт, сам только что вернувшийся на Маккадон, знал, что любые планы могут меняться. Видимо, так оно и было.

* * *

Он снова поймал программу. Один пристальный взгляд на огромную, напоминающую медвежью, фигуру и гриву густых белых волос, — и Холати понял, что это действительно его старый друг и добрый приятель Мантелиш. Изящная леди, сидевшая за столом напротив Мантелиша, была профессиональным репортером. На заднем фоне красовался космопорт Сеуса на Маккадоне. Очевидно, профессор только что сошел с корабля.

Предчувствия усилились, и спецуполномоченный начал внимательно слушать то, о чем говорили профессор и репортер.

Обычно Мантелиш испытывал крайнее отвращение к журналюгам и пресекал любые попытки выкачать из себя информацию с таким сарказмом, что даже самые нахальные избегали брать

у профессора интервью в прямом эфире. С другой стороны, старый донжуан питал слабость к хорошеньким женщинам. Когда эффектная малышка в порте Сеуса разыскала его среди пассажиров, выходящих из космического лайнера, и робко поинтересовалась, не ответит ли он на несколько вопросов для зрителей программы «Полчаса с корифеем», великий ученый ошарашил ее своим согласием и поведал о посещении малоизвестной планеты Танг, с которой только что вернулся.

Для журналистки это интервью стало большой удачей. О деяниях профессора Мантелиша в Ядре Звездного Скопления ходили легенды, и когда он соглашался рассказать о своих приключениях, это всегда вызывало сенсацию. Сейчас он выдал информацию, которая была более чем любопытна. Танги — которых можно было назвать гуманоидами только с изрядной натяжкой — вошли в контакт с исследователями Федерации несколькими десятилетиями раньше. Аборигены были враждебно настроены по отношению к незнакомцам и обладали множеством других неприятных характерных особенностей. Это были довольно примитивные существа, живущие небольшими, независимыми друг от друга племенами на холодной и дикой планете.

Тем не менее профессор Мантелиш — в сопровождении целой команды специалистов, с помощью которых он разрушил языковой барьер, сделавший невозможным поначалу свободное общение с тангами — сумел провести среди них несколько месяцев. Он сделал огромное количество записей об обычаях и традициях туземцев, и даже получил разрешение забрать с собой в Ядро мертвого танга, который, согласно местным обрядам, был набальзамирован и заморожен. С научной точки зрения, это был крайне ценный экземпляр, так как танги, казалось, умирали только в результате несчастных случаев, убийств или в результате стычек с хищными животными. Танги не страдали от болезней, поскольку, видимо, нашли способ продлевать жизнь почти до бесконечности…

В это заявление журналистка вцепилась наподобие бультерьера. С невинным выражением на лице она осторожно задала несколько наводящих вопросов, и Мантелиш развернул детальное объяснение.

Итак, у него ушло несколько месяцев на то, чтобы танги прониклись доверием, и профессор убедил их раскрыть тайну: оказалось, что туземцы особым способом добывали сок из растения,

которое выращивали и тщательно охраняли. Препарат, который они получали таким способом, вызывал остановку нормального, процесса старения, так что они сохраняли здоровье и силу на период времени, называемый тангами «навсегда», хотя этот срок не был подтвержден документально, поскольку туземцы еще не додумались до идеи письменности.

Можно ли этот препарат, спросила журналистка, приспособить для нужд человека?

Мантелиш ответил, что не может сказать определенно, но вероятность этого весьма велика. Какое именно растение выращивалось, танги никому из членов экспедиции не сказали, но любезно подарили профессору несколько литров готового препарата — который он и привез с собой — для экспериментов. Еще там, на планете Танг, предварительный анализ обозначил присутствие в панацее нескольких, не известных до настоящего времени аминокислот с довольно необычными характеристиками. Вопрос заключался в том, можно ли их синтезировать в лабораторных условиях? Исследование может занять несколько лет, если, конечно, в ближайшее время не выяснится, что эффективность панацеи для людей равна нулю. Однако уже совершенно

ясно, что препарат безопасен. Профессор, а также несколько других членов его команды на протяжении всего времени, проведенного на планете, принимали препарат тангов, и никаких отрицательных последствий зафиксировано не было.

Вновь напустив на лицо наивное выражение, красотка поинтересовалась, означает ли это, что он, профессор Мантелиш, теперь бессмертен?

Нет, нет, что вы, ответил Мантелиш торопливо. У людей, как и у тангов, эффект от одной дозы постепенно проявляется примерно через четыре месяца. Чтобы сохранять молодость или вызывать постепенное омоложение дряхлеющего организма, необходимо регулярно повторять прием препарата примерно через такой интервал. В практике танги применяли чередование — позволяли себе стареть естественным образом лет десять, а затем использовать препарат в течение примерно такого же времени или до тех пор, пока не восстановится молодость.

Уже после первого сообщения о панацее Федерация начала патрулировать околопланетное пространство, чтобы защитить тангов и их чудесное растение от преступных посягательств. Вопрос, какую выгоду получит от открытия человечество, был все еще открыт. Однако, по мнению

профессора, препарат тангов станет ценнейшим компонентом, используемым в качестве дополнения к различным процессам омоложения, практикуемым в настоящее время в Ядре…

— Старый болван! — пробурчал себе под нос спецуполномоченный Холати Тэйт. Он повернулся и увидел рыжеволосую молодую женщину с большими серыми глазами, которая подошла, видимо, недавно и теперь с интересом смотрела на экран: — Триггер, ты все слышала?

— Достаточно, чтобы уловить суть, — ответила Триггер. — Я вошла сразу же, как только узнала голос профессора… После такого признания профессору было бы безопаснее вернуться на Танг! У него, кажется, даже нет телохранителей.

Спецуполномоченный Тэйт, дотянувшись до терминала КомСети, набрал номер:

— Я звоню в полицию космопорта! Пусть дадут ему сопровождение. Найди еще один терминал КомСети и проследи, чтобы дом Мантелиша и его лаборатория оказались взяты под охрану к тому времени, когда он туда прибудет.

— Я только что сделала это, — сказала Триггер.

— Тогда проверь, нельзя ли срочно связаться с девушкой-репортером, прежде чем Мантелиш уйдет…

Триггер покачала головой.

— Я пыталась, но безрезультатно! Прямой эфир.

Она досмотрела последние полторы минуты передачи, тревожно кусая губы, в то время как спецуполномоченный разговаривал с полицией космопорта. Болтовня профессора Мантелиша могла стать для него источником крупных неприятностей. Известие, что у него в руках находится ответ на вечный вопрос: «Жить или не жить вечно?», было равносильно прямому приглашению всем преступникам, пребывающим в настоящий момент на Маккадоне, придти и забрать препарат. На месте руководства Университетской Лиги профессору Мантелишу следовало запретить передвигаться без тактичной, но квалифицированной няньки! Обычно или она сама, ил и Холати, или кто-нибудь еще играли эту роль, но разве можно было предположить, что камнем преткновения станет экспедиция, проходящая в пределах Федерации.

Когда спецуполномоченный закончил накручивать хвосты органам правопорядка, Триггер выключила визор и мрачно сказала:

— Вы кое-что пропустили, сэр. Мантелиш только что показал контейнер, в котором хранится

запас препарата!

— Панацеи тангов?

— Да. Она находится в круглом чемоданчике, который он держал на коленях.

Специальный уполномоченный облегчил душу межзвездной руганью. Правда, изощренных словечек из-за присутствия Триггер Арджи он старательно избегал.

— Пойдем быстрее! — сказал он. — Возьмем мой кар и сгоняем в космопорт. Полиция не знает точного места, откуда шла трансляция, но если они успеют найти Мантелиша, то подождут нас, и мы сопроводим его в лабораторию.

— А если не успеют?

— Они позвонят в кар. В этом случае мы отправимся в лабораторию и будем там ждать его появления.

* * *

Почти сразу после прощания с очаровательной журналисткой профессор Мантелиш начал испытывать беспокойство по поводу того, что разболтал о своих открытиях. Он начал осознавать, что, возможно, поступил опрометчиво. Двигаясь вместе с толпой к выходу из космопорта, он вдруг остро ощутил наличие контейнера

с препаратом тангов в своем чемоданчике. Для ученого, обычно озабоченного самыми разными научными вопросами, было почти невозможно думать о такой вещи, как личная безопасность. Тем не менее, теперь, когда его внимание сосредоточилось на ситуации, в которую он попал по собственной глупости, стало очевидно, что множество не слишком щепетильных людей, посмотревших последние известия, могли поддаться соблазну завладеть препаратом. Ради собственной корысти либо из-за чрезмерного рвения к самостоятельным исследованиям…

Обычный среднестатистический гражданин в такой ситуации, скорее всего, попытался бы найти ближайшего полисмена. Профессор Мантелиш, однако, был крайне независим в суждениях, и такое решение просто не пришло ему в голову. Он придал огласке тот факт, что направляется в лабораторию. Это было фатальной ошибкой. Поэтому ему нельзя идти туда — и это сорвет планы тех, кто в данный момент лелеял преступные мечты о препарате тангов. Вместо этого профессор вместе с препаратом решил немедленно отправиться в домик на берегу моря, о котором известно только самым близким. Только там можно предпринять необходимые шаги по

сохранению препарата.

Удовлетворенный этим решением, Мантелиш ускорил свою и без того резвую поступь. Примерно в ста метрах впереди чернел вход на станцию аренды автоматических аэрокаров. Когда он подошел, полдюжины вполне безопасных на вид граждан повернули туда. Мантелиш пристроился за ними. Сразу же за порогом он отошел к стене, подпер ее спиной и приготовился в случае нападения пустить в ход свой чемоданчик в качестве бейсбольной биты. Прошло десять, двадцать секунд, полминуты, но никто к нему не подошел. Удовлетворенный, он поспешил на парковку за пропущенной группой и поравнялся с ними только тогда, когда они достигли каров и набились в один из них, смеясь и перешучиваясь. Мантелиш забрался в следующую машину. Кары тронулись с места. Профессор оглянулся, и, удостоверившись, что за ним не следят, поставил контейнер на багажную полку рядом с собой, захлопнул откидной верх и возложил длани на панель управления.

Аэрокар выпорхнул из транспортного окна пятнадцатого этажа здания космопорта, внизу сияли огни Сеуса. Мантелиш свернул налево, в направлении одной из главных трасс, и двигался

по ней в течение минуты, затем резко направил машину к одной из высокоскоростных трасс, находившейся над ним.

Всего через четверть часа он оказался на месте. Жилая зона на берегу отличалась от центральных районов тишиной и уединенностью. Дом, с виду казавшийся маленьким, приютился на самом берегу океанского залива, на склоне холма, выше уровня моря на десяток метров. Приятное место, вполне подходящее для пожилого мужчины на пенсии, склонного к чудачествам. Никто из соседей профессора не знал его имени и не подозревал, что этот славный старикан — в нарушение всех правил зонированного проживания — в своем доме оборудовал лабораторию.

Мантелиш запер входную дверь и прошел в святая святых. Несколько секунд постоял неподвижно, оглядывая помещение. Все было так, как он оставил несколько месяцев назад — безупречная чистота поддерживалась сервис-машинами. Потом подошел к столу, на котором были разложены приборы и бумаги — наброски проектов, которые он не успел закончить перед отправкой на Танг. Поставил контейнер на столешницу между химическим пистолетом и ментальным акселератором, который работал в соотношении

280:1 и при использовании мог стать смертельно опасным, если нарушить приложенное к нему руководство. Профессор еще раз оглядел все вокруг и вышел на кухню через другую дверь.

Минутой позже он услышал из лаборатории пронзительный сигнал КомСети. Мантелиш с вожделением окинул взглядом старательно сделанные им бутерброды и нахмурился. Среди немногих людей, которые знали этот номер, позвонить могли только двое. Специальный уполномоченный Тэйт и Триггер Арджи. Если кто-нибудь из них смотрел последние известия, то сейчас ему предстоит выдержать небольшенький разнос. Профессор еще больше нахмурился. Может быть, проигнорировать звонок? Нет, решил он секундой спустя, как бы то ни было, позвонивший, вне всякого сомнения, беспокоился о его безопасности. Нужно дать им знать, что с ним все в порядке.

Мантелиш поспешил назад в лабораторию. Войдя, он резко остановился: за столом, на котором стоял контейнер, сидел мужчина. Еще один стоял у двери, ведущей в холл. Оба держали пистолеты и целились отнюдь не в дальний от себя угол.

Мантелиш посмотрел сначала на одного, по-

том на другого. Я попался, сказал он себе. Он уже встречал ранее эту пару, и выводы, которые сделал после той встречи, были не слишком оптимистичными — эти парни не остановятся и перед физическим насилием. Ученый терпеть не мог, когда ему грозят оружием, но, возможно, еще оставался шанс как-нибудь выкрутиться.

— Фиам, — строго и с достоинством сказал профессор, обращаясь к сидевшему за столом человеку, — я крайне недоволен вашим вторжением. Мне казалось, что я четко и ясно объяснил в прошлом году, когда вышвыривал вас из лаборатории, что ни при каких условиях не стану с вами сотрудничать. Если в тот раз у меня получилось не слишком убедительно, я с удовольствием объясню еще раз, сразу после того, как отвечу на звонок!

Он повернулся к разрывающемуся терминалу КомСети. Внезапно его коленную чашечку пронзила неимоверная боль. Профессор крякнул и схватился за колено.

— Достаточно, Велк, — лениво проговорил Паэс Фиам. — Яйцеголовый уже все понял…

Боль исчезла. Человек, стоящий у двери, усмехнулся и опустил парализатор.

— Сядьте напротив меня, профессор, — про-

должил Фиам. — И забудьте про КомСеть. Наш разговор не займет много времени. Как вы уже, наверное, догадались, наше оружие способно вызывать крайне неприятные ощущения. И не только. Оно также способно убивать. Так что давайте не ссориться.

Мантелиш нахмурился, но благоразумно сел.

— Зачем вы пришли? — требовательно спросил он.

Фиам улыбнулся.

— Чтобы попросить вас об одной маленькой услуге. М не нужна информация, — он взял химический пистолет, лежащий рядом с контейнером, и какое-то время изучающе рассматривал его. — Это устройство, — проговорил, наконец, он, — кажется, разработано вами.

— Это так, — сказал Мантелиш.

— Что в нем особенного?

Мантелиш фыркнул.

— При попадании распыляемого аэрозоля вызывает немедленную смерть жертвы, и абсолютно безопасно для использующего его, даже при самом небрежном обращении.

— Да, на этикетке написано то же самое, — согласился Паэс Фиам. — Диапазон от одной трети до метра. Очень интересно! — он положил писто-

лет назад на стол. — Я нахожу немного странным, профессор, что, будучи человеком столь высоких моральных принципов, которые обнаружились в вас во время нашей прошлой встречи, вы посвящаете свое время созданию столь компактного, но смертоносного оружия!

Мантелиш снова фыркнул:

— То, чем я занимаюсь, зависит не от меня, а от работодателей, с которыми я имею дело. Я не отдам подобное оружие в руки всяких проходимцев. Таких, как вы.

КомСеть наконец замолчала. Фиам сдержанно улыбнулся и сказал:

— Мы не всякие проходимцы, профессор Мантелиш. Мы, волей случая, исключительно талантливые и высокопрофессиональные проходимцы. Что подтверждает нынешняя ситуация.

— Что вы имеете в виду? — ледяным тоном поинтересовался Мантелиш.

— Я, по счастливой случайности, находился в космопорте Сеуса, — произнес Фиам, — как раз в то время, когда вы делали рекламу препарату бессмертия тангов. Разве можно было упускать такую удачу? И я немедленно стал действовать, чтобы выяснить, куда вы направляетесь. Мы с Велком проследили до вашего убежища без осо-

бых проблем, в процессе удостоверившись, что на «хвосте» больше никого не было, — он похлопал ладонью по контейнеру: — А это — как раз то, за чем мы явились! Уж не обессудьте, профессор, но контейнер мы заберем с собой.

— И сделаете непоправимую глупость, — сказал Мантелиш. — Как я сказал в новостях, до сих пор остается сомнительным, что препарат можно синтезировать в лабораторных условиях. Но даже если это возможно, скрупулезные исследования займут годы и годы. Я…

— Хватит, профессор! — Фиам поднял руку и кивнул Велку. — Ваши заявления, возможно, и стали бы откровением для множества зрителей, ничего не понимающих в биохимии. А мы в ней немного разбираемся и хотим удостовериться, что вы не пытаетесь ввести нас в заблуждение.

— Я… и ввести вас в заблуждение? — возмущенно воскликнул Мантелиш.

— Вы прекрасно знаете, что можете это сделать. Но и мы не лыком шиты — сейчас Велк закрепит на ваших ногах детектор лжи. Пока он будет это делать, сидите спокойно — мне будет сложно промахнуться с такого расстояния, — Фиам достал из кармана маленький прибор и положил перед собой на стол: — Это индикатор уровня

лжи. Чрезвычайно надежная вещица. Всякий раз, когда она покажет, что вы говорите неправду, Велк будет вас бить. Мой приятель так и не простил, что год назад вы не открыли дверь прежде, чем вышвырнули его из лаборатории. Так что советую говорить правду, профессор!

— У меня нет ни малейшего намерения лгать вам, — с достоинством произнес Мантелиш.

Паэс Фиам дождался, когда Велк установит устройство, и продолжил:

— Итак, профессор, вы считаете, что в настоящее время препарат тангов не представляет никакой коммерческой ценности…

Мантелиш кивнул:

— Совершенно верно! Эта жидкость на столе — все, что на сегодняшний момент получено в мире тангов, — не настолько ценна, чтобы оправдать риск, на который вы пошли, чтобы похитить препарат. Панацея, возможно, продлит жизнь одного человека на достаточно большой период времени, и все. И какой потенциальный клиент поверит вам на слово, что лекарство подействует, или что оно подействует именно так, а не причинит ему вред и тем более не убьет за пару месяцев?

— В мире существует огромное количество

потенциальных клиентов — людей, обладающих могучей жаждой жизни, — произнес Фиам, наблюдая за показателями датчика. — Отвечая на этот вопрос, вы были на грани, профессор. Но суть не в этом. Вопрос: у препарата есть какие-нибудь отрицательные побочные эффекты?

— Панацею — в строго определенных пропорциях — принимали шесть членов экспедиции, включая меня. В течение четырех последних месяцев никаких побочных эффектов мы не заметили, а ожидаемы и положительный эффект постепенно прошел. Это все, что я могу сказать, — ответил Мантелиш.

— И препарат действительно оказал омолаживающее действие на людей?

Мантелиш поколебался, но был вынужден признать:

— Небольшое, но вполне заметное. Как мы и ожидали.

Фиам улыбнулся.

— Понимаю. Следующий вопрос: что еще вы ожидали в связи с испытанием препарата на людях?

— Что доза, назначенная человеку, полностью переработается организмом приблизительно через четыре месяца. И еще: для того чтобы

добиться эффекта омоложения, курс лечения препаратом необходимо повторять с интервалом в четыре месяца, — неохотно сказал Мантелиш.

— Если делать все именно так, когда наступит омоложение?

— В пределах десяти лет, — сказал Мантелиш, — субъект должен ощутить, что его биологический возраст не увеличился, а наоборот, уменьшился лет на пять. Процесс омоложения медленный, но устойчивый. Сами танги выбирают тот биологический возраст, который им нравится больше всего, и несколько лет используют препарат. И, конечно, невозможно уменьшить биологический возраст, если вы уже давно не юноша.

— Понимаю, — снова сказал Фиам. — И как панацею тангов нужно употреблять?

— Танги пьют экстракт, — ответил Мантелиш. — Человеческий организм противится этому. Мы нашли более подходящий способ — внутримышечные инъекции.

— Есть разница, какой препарат колоть — этот, что в контейнере, или какой-нибудь другой?

— Абсолютно никакой.

Паэс Фиам снова похлопал по контейнеру, улыбнулся и сказал:

— Содержимое готово к употреблению?

— Да.

— Нужны ли какие-то особые меры для того, чтобы сохранить его в полноценном виде, например, при транспортировке?

— Он самосохраняется, — сказал Мантелиш. — Считается, что в его составе не найти существенных отличий даже, предположим, через сто лет хранения. Но как я уже сказал, нельзя на сто процентов быть уверенным в том, что он безопасен. Испытание на шести подопытных кроликах ни в коей мере не может дать полные и окончательные результаты. Так, например, седьмой может отреагировать на инъекцию крайне негативно. Но что гораздо страшнее — нежелательные последствия могут проявиться лет через пять, десять или пятнадцать…

— Без сомнения, — согласился Фиам и причмокнул: — Будьте осторожны, профессор, при выборе ответа на мой следующий вопрос. Вы сказали, что препарат в этом контейнере должен значительно продлить жизнь одного человека. Сколько это в стандартных годах?

Мантелиш долго колебался и ответил крайне неохотно:

— По моим оценкам, что-то около трех сотен лет. Но это приблизительно.

Довольный Фиам усмехнулся и подмигнул напарнику:

— Триста лет, а, как тебе? Нам это вполне подойдет, профессор! Как вы, возможно, уже начали подозревать, мы и есть те самые потенциальные клиенты, для которых и предназначается панацея тангов. У нас нет ни малейшего желания продавать его, целиком или порциями. И, пожалуй, мы рискнем, что лет через десять, пятнадцать или сто возникнут побочные эффекты, но зато можно сорвать и главный куш — наши увлекательные жизни продлятся еще на сто пятьдесят лет!

Он встал и отошел от стола:

— У вас в лаборатории наверняка есть все, чтобы сделать инъекцию. Вы принесете инъекторы сюда, а я в это время буду держать вас на прицеле. Ваша задача — показать Велку в точности, как, сколько и в какую мышцу нужно колоть. Делать все это будете, продолжая находиться под действием детектора лжи. Так что не вздумайте ошибиться хоть в одной детали, иначе, поверьте мне на слово, вы горько об этом пожалеете! И, наконец, самое главное: первую инъекцию вы сделаете мне. Затем я сделаю инъекцию Велку под вашим контролем. После этого мы заберем контейнер с остатками препарата, и вы нас боль-

ше не увидите…

* * *

Десять минут спустя Мантелиш сидел за столом и уныло наблюдал за тем, как Фиам укладывает контейнер и еще несколько готовых изобретений, попавшихся ему на глаза, в чемодан. Велк стоял за спиной профессора, ствол его парализатора упирался в шею Мантелиша.

— Теперь позвольте мне рассказать вам оставшуюся часть этой истории, профессор, — сказал Фиам. Затем он взял со стола химический пистолет Мантелиша, покрутил в руках и тоже положил в чемодан. — Вы несколько раз упомянули о том, что мне не выйти сухим из воды. Позвольте разуверить вас в этом. Во-первых, как только мы вошли, то установили в комнате временный шифратор. Он находится там, на одной из полок. Там он и останется, и продолжит работать еще в течение получаса после того, как мы уедем. Таким образом, никто не сможет узнать о том, что происходило здесь в последние несколько часов, и уж тем более идентифицировать меня с Велком. Мы все делали в пластоперчатках, и у следователей, которые прибудут сюда, нет ни малейшего шанса навесить на нас Боль-

шое Ограбление Мантелиша. Позволю себе похвастаться: на Маккадоне у нас великолепная репутация — под другими именами, естественно — законопослушных бизнесменов с Эвали. Когда установят, что здесь совершено преступление, мы под подозрение точно не попадем, даже если о нас кто-то вспомнит. Вообще-то, — Фиам посмотрел на часы, — через двадцать минут мы уже окажемся среди приглашенных светского раута в Сеусе. Таким образом, любой из них сможет подтвердить, что мы провели весь вечер там.

Он улыбнулся Мантелишу:

— Еще один момент. Важный для вас, дорогой профессор. Вас, естественно, найдут мертвым, но возникнет вопрос, от чего вы умерли. Мы оставим федералам маленькую, но чрезвычайно любопытную загадку. Итак, контейнер тангов отсутствует. Но по какой причине? А она, причина эта, чрезвычайно драматична: вы обнаружили, или вообразили, что обнаружили, у себя какой-то жуткий побочный эффект (отросли рога, хвост и копыта, например), ужаснулись и вылили все до последней капли в океан для того, чтобы никто больше не пострадал. А затем, возможно, покончили жизнь самоубийством, предпочтя такой радикальный способ томительному ожиданию

неизбежного конца.

— Ах, самоубийство! — зарычал Мантелиш. — Да в Галактике не найти ни одного психа, который способен покончить с собой с помощью парализатора!

— Совершенно верно, — согласился Фиам. Он достал из чемодана химический пистолет. — Я внимательно изучил это небольшое устройство. Его конструкция достаточно проста. Вот так оно взводится, верно? Теперь можно стрелять, — он навел оружие на Мантелиша и добавил: — Отойди-ка в сторонку, Велк.

Велк быстро отодвинулся к стене. Глаза Мантелиша расширились.

— Вы не сможете…

— Еще как смогу, — сказал Фиам. И как только профессор вскочил с яростным рыком, бандит нажал на курок.

Мантелиш замер, на искаженном лице застыл оскал. Тело боком навалилось на стол и с грохотом обрушилось на пол.

— Ух! — произнес Велк, не в силах отвести взгляд от трупа. — У него все лицо посинело!

— Он мертв? — спросил Фиам, глядя через стол.

— Не видел никого мертвее! Или синее! — дро-

жащим голосом сообщил Велк.

— Хорошо, только не дотрагивайся! Яд может просочиться и сквозь перчатки, — Фиам обошел стол, положил пистолет на пол и сказал: — Подтолкни это чем-нибудь к его руке, и убираемся отсюда…

Как только они вышли в холл и закрыли за собой дверь, вновь раздалось пиликанье КомСети. После того, как оно прекратилось, в доме Мантелиша воцарилась гробовая тишина.

* * *

— Просто чудо, — сказала Триггер, — что вы все еще живы!

Даже сквозь загар ее кожа казалась бледной. К тому времени, как они с Тэйтом примчались пару минут назад, профессор уже утратил тот яркий лазурный оттенок, который так впечатлил Велка. Теперь кожа профессора отливала отвратительной зеленью, и лишь местами начинал проступать нормальный розовый цвет.

— Никакого чуда, моя дорогая, — спокойно сказал Мантелиш. — Паэс Фиам потерпел неудачу, чего и следовало ожидать от дилетанта, рискнувшего бросить вызов авторитетному ученому, и где, на его игровом поле! Он проиграл уже в

тот момент, когда переступил порог моей лаборатории! Здесь в моем распоряжении всегда с полдюжины самых разных химикалий, которые способны помешать любым преступным намерениям. Но поскольку я тоже находился в лаборатории, большинство из них могло быть чрезвычайно опасно или, по крайней мере, вредно для меня самого. Как только я увидел, что он собирается использовать химическое оружие, я решил воспользоваться его некомпетентностью.

Спецуполномоченный Тэйт заглянул в руководство по использованию оружия.

— Тут написано, что его действие приводит к немедленной смерти, — заметил он.

— Так и есть. Действие химпистолета действительно приводит к немедленной смерти, — согласился Мантелиш, — если стрелять из него в рамлианских огненных жуков. Я разработал это приспособление для того, чтобы помочь колонистам уничтожить этого паразита. У человеческого организма оно вызывает лишь кратковременный паралич.

— А также придает совершенно отвратительный вид! — съязвила Триггер, пристально глядя на профессора.

— Это все мелочи, моя дорогая. Через пару часов

я буду выглядеть вполне пристойно.

Холати Тэйт вздохнул и положил пистолет обратно на стол.

— Ну вот, на основании ваших показаний, профессор, теперь мы поймаем мерзавцев, раз знаем, кто они такие, — сказал он. — Я немедленно подниму тревогу в космопортах и задействую своих Скаутов. Нам повезло хотя бы в том, что у них был не слишком большой гандикап.

Мантелиш сжал его бицепс.

— Пожалуйста, только не беспокойся о препарате, Холати, — сказал он. — Я уведомил полицию, Фиама и Велка скоро арестуют.

Специальный уполномоченный с сомнением произнес:

— Да знаю я маккадонскую полицию…

— Дело не потребует от блюстителей блестящих способностей, Холати. Фиам сдуру похвастался, что после моего убийства они с Велком будут расслабляться на каком-то светском рауте. Это было около получаса назад, — профессор Мантелиш кивнул на КомСеть: — С минуты на минуту я ожидаю звонка от полиции, которая сообщит, что преступники задержаны.

— В таком деле лучше не рисковать, профессор, — предупредила Триггер. — Убийцы могли

изменить планы, особенно теперь, когда у них препарат, и вполне способны убраться с планеты немедленно.

— Тут есть один небольшой нюанс, Триггер. Если бы Паэс Фиам дождался официального сообщения о планете тангов, он бы пять раз подумал, прежде чем делать себе укол. Даже если закрыть глаза на природную агрессивность тангов, с ними в буквальном смысле невозможно общаться, когда они употребляют экстракт бессмертия. Чтобы вернуться в лоно цивилизации, я и пятеро остальных подопытных кроликов вынуждены были ждать несколько месяцев, пока его эффект не пойдет на убыль. Мы бы вообще не смогли жить среди тангов, если бы временно не отключили обонятельные центры в мозгу.

— Обонятельные центры? — не поняла Триггер.

— Да. Это было абсолютно необходимо. Примерно через полчаса после приема препарата он начинает действовать и при этом производит самую отвратительную и резкую вонь, с которой когда-либо сталкивался человек. Где бы Паэс Фиам и Велк ни находились, их местоположение можно безошибочно определить как минимум за полкилометра. Я предупредил полицию, что

оперативникам для ареста понадобятся противогазы…

Он прервался, потому что зуммер КомСети вновь ожил.

— Ага, вот и они! Может быть, ответите вы, Триггер? Скажите, что я нездоров. Боюсь, что в настоящий момент органы правопорядка несколько обозлены на меня.

Наследие
(роман)

Глава 1

В Белом Городе Сеусе, красивой и безмятежной столице Маккадона, Университетского Мира Федерации, всходило солнце.

В комплексе зданий и тропическом парке Колониальной Школы, растянувшихся на целых пять километров, вторая смена студентов отправилась на завтрак, в то время как большая часть четвертой смены, не спеша, двигалась к своим койкам. Организация занятий в Школе не слишком привязывалась ко времени суток, но большая четырехугольная площадка для физических упражнений была практически пуста. За ограждением тира стояла молодая женщина. В

руке она держала пистолет и ждала, пока автоматика позволит выбрать новую серию мишеней.

Ей было около двадцати четырех лет, она была стройна и экипирована в удобную спортивную форму Школы: коричневую рубашку и такие же шорты, открывающие круглые колени, высокие гольфы в тон и туфли на мягкой подошве. Принадлежащая ей панамка висела на ограждении, и утренний ветер трепал волосы, едва доходившие до плеч и мелированные по последней моде в серебристый и белый цвета.

Ее маленький пистолет — двуствольный спортивный «Дентон» — знающие люди Ядра Звездного Скопления квалифицировали как оружие профессионалов. В учреждениях, подобных Колониальной Школе, он встречался не часто.

В тот момент, когда на дисплее высветилась новая серия мишеней, девушка заметила аэрокар, который направлялся к ней со стороны административных корпусов. Она довольно долго всматривалась в сидевшую в каре пару, потом обратила взор на появившиеся мишени, еще несколько мгновений неторопливо прикидывала траекторию полета и, наконец, подняла «Дентон». Из ствола вылетели восемь бесшумных, невидимых, губительных игл. Шесть небольших

облачков кровавого цвета повисли в воздухе. Две оставшиеся иглы описали дугу и вернулись в оружие.

Девушка раздраженно прикусила губу, затолкала оружие в кобуру и помахала рукой дежурному, как бы говоря, что закончила. Затем снова посмотрела на аэрокар, который приземлялся поблизости, и критически оценила пассажиров.

— Хорошенький пример, доктор, вы подаете студентам! — заметила она укоризненно. — Лететь прямо через зону поражения!

Доктор Племпони, директор Колониальной Школы, улыбнулся:

— Восемь лет назад твой отец отругал меня по той же самой причине, Триггер! Причем, должен сказать, он употреблял при этом гораздо более сильные выражения. Знаешь, это была первая встреча со стариком Рансером Арджи, и я…

— Племп, ради звезд! — предостерегающе крикнула с заднего сидения Мискаль, глава женского подразделения физической подготовки. — Смотри, что ты делаешь, придурок!

Доктор Племпони глянул на метрессу смущенно. Трясущийся, как в лихорадке, аэрокар практически шлепнулся с высоты последних полутора метров.

Мискаль выругалась, Племпони начал извиняться, а Триггер подошла к машине.

— И часто он с вами так поступает? — поинтересовалась она.

— Да практически всегда! — заверила девушку Мискаль, высокая худощавая женщина с развитой мускулатурой. На вид ей можно было дать лет сорок. Она подмигнула Триггер из-за спины Племпони: — Когда Племп за рулем, нужно иметь под рукой адрес хорошего костоправа.

— Ну, хватит, хватит уже, — примиряющим тоном сказал доктор Племпони. — Просто ты на секунду отвлекла мое внимание, вот и все. В общем, Триггер, когда мы перекусывали перед ланчем, Мискаль сказала, что в старой доброй Колониальной Школе ты не чувствуешь себя абсолютно счастливой. Вот почему мы отложили все дела и прибыли сюда. Если у тебя больше нет дел, собирайся, поедем в офис и обсудим это. — Он открыл ей дверцу.

— Больше нет дел? — повторила Триггер, внимательно посмотрев на доктора. — Хорошо, доктор. Поедем и обсудим.

Она сбегала за панамкой, забралась в аэрокар и когда захлопывала за собой дверцу, привычно поправила «Дентон» в кобуре на бедре.

Племпони с сомнением покосился на оружие.

— На всякий случай, противостоять вооруженному налету или киднэппингу? — он потянулся к панели управления.

Триггер покачала головой.

— Скорее для вымещения накопившейся злости. — Она подождала, пока доктор могучим рывком не оторвет кар с земли. — А то, что было вчера, это и в самом деле бандитский налет?

— Мы почти уверены, — сказала Мискаль с заднего сиденья. — Хотя до меня дошли слухи, что все это могло случиться из-за тех двух сверхсекретных плазмоидов из вашего Проекта.

— Не похоже, — заметила Триггер. — Налетчики находились в полукилометре от того места, где должны были быть, если им на самом деле потребовались плазмоиды. А парни, которых я видела, явно не доросли для подобной работенки.

— Я тоже так подумала, — согласилась Мискаль. — В любом случае, они профессиональные пилоты. Мне удалось рассмотреть кое-что из их экипировки. Сногсшибательные пистолеты — кажется, спрейганы и стремительный кар.

— Стремительный, это точно, — кивнула Триггер в знак согласия. — Именно это и показалось мне подозрительным, когда они появились.

— А еще в холмах их поджидал высокоскоростной межпланетный хоппер, в котором сидели два человека. Полицейские поймали и их, — сказала Мискаль и тут же добавила. — Это были киднэпперы.

— Удалось выяснить, за кем они прилетели? — спросила Триггер.

— Нет, — сказала Мискаль. — Слишком много вариантов. Десятка два студентов или даже больше могли послужить приманкой для налетчиков. А копы молчат и признались только в том, что о налете их предупредили. Но это и без того очевидно. Стоило просто увидеть, как они выскочили из ниоткуда и повязали этих юнцов.

— Я этого не видела, — призналась Триггер. — Когда подлетел их кар, крикнула, предупредив ближайшую группу студентов, и распласталась за большим камнем. Потом, когда рискнула высунуться, полицейские уже схватили их.

— Ты поступила очень разумно, — сказал Племпони. — Надеюсь, эти головорезы получат свое. Похищения — дурное дело.

— Вон та большая штука впереди, летящая прямо на тебя, — спокойно заметила Мискаль, — еще один аэрокар. Он имеет право летать по этой траектории. В отличие от тебя. Понимаешь, Племп?

— Ты уверена? — с удивлением переспросил доктор Племпони. — А, к дьяволу! Я включу сирену.

И включил.

Триггер вздрогнула.

— То-то же! — промолвил Племпони с триумфом в голосе, когда другой водитель в панике свернул в сторону.

Триггер приказала себе расслабиться. Аэрокары являлись довольно надежными машинами, и, максимум, что мог натворить Племпони — это внести некоторый беспорядок в движение.

— Со времени моего отъезда случались другие налеты на Школу? — спросила она, когда доктор направил кар к балкону своего офиса.

— Чуть больше четырех лет назад, не так ли? — сказала Мискаль. — Хотя нет, ты все еще была здесь, когда это произошло. Шесть лет назад. Помнишь?

Триггер помнила. Тогда похитили двух студентов, сыновей важных должностных лиц Федерации. Бандитам удалось скрыться, и, лишь через несколько месяцев, до Триггер дошло известие об освобождении мальчиков.

Хотя машину слегка трясло, Племпони совершил мягкую и аккуратную посадку. Как и

намечал, на балконе своего офиса. Он одарил Триггер взглядом, полным самодовольства.

— Видишь, деточка! — бросил он через плечо. — Ну что ж, дамы, пройдемте. Триггер, ты уже завтракала?

Триггер согласилась на чашку кофе, несмотря на то, что завтракала полчаса назад. Мискаль же отказалась. Ради сохранения фигуры. Она подошла к рабочему столу Племпони и, скрестив руки на груди, рассматривала спокойными голубыми глазами Триггер. Девушка подумала, что своими повадками и гибким телом Мискаль иногда напоминает хорька, но приятное загорелое улыбчивое лицо отгоняло подобные мысли прочь. Обе женщины, несмотря на солидную разницу в возрасте, неплохо ладили между собой еще тогда, когда Триггер училась на старших курсах.

Пищевой дозатор выдал Племпони переполненный поднос с завтраком, и доктор, потянувшись за стулом через Триггер, уселся с ним на коленях, извинился и, непрерывно жуя, начал:

— Пока мы еще не разобрали чрезвычайно справедливый протест, изложенный вчера тобою, Мискаль, я хотел бы указать на кое-какие моменты.

Триггер кивнула:

— Будьте так любезны.

Племпони продолжил:

— Триггер, ты всегда желанный гость в Колониальной Школе. Ты дочь нашего старого друга и коллеги Рансера Арджи. Ты была одной из наших лучших учениц, и не только в качестве блестящего специалиста по огневой подготовке. Теперь ты секретарь и помощник специального уполномоченного Холати Тэйта, и это делает тебя соавтором, возможно, величайшего научного открытия столетия… Я, конечно же, имею в виду, — добавил Племпони, — открытие Тэйтом плазмоидов Старых Галактиан.

— Допустим, — согласилась Триггер. — К чему вы клоните, Племп?

Он помахал у нее перед носом хорошо прожаренным гренком:

— Пожалуйста, не перебивай старших, деточка! Должен отметить, что благодаря исключительным организаторским способностям, которые ты показала во время работы с Тэйтом, тебя направили сюда, в администрацию колонии, для оказания помощи спецуполномоченному Тэйту и профессору Мантелишу в Проекте «Плазмоид» Университетской Лиги. А это означает, что ты стала важной персоной, Триггер! Мантелиш, при

всех особенностях его характера, несомненно, является величайшим авторитетом Лиги в области биологии. А Проект «Плазмоид» — в настоящее время самое важное предприятие Лиги.

— Мне тоже так сказали, — сказала Триггер. — Именно поэтому я и хочу узнать, что именно пошло не так.

— Секунду, деточка, секунду, — сказал Племпони. Он нашел салфетку и аккуратно вытер губы: — Я старался выражаться простыми словами, чтобы дать понять: мы сделаем все, что угодно, дабы тебе было хорошо. Мы безмерно рады видеть тебя здесь. Это высокая честь для нас! — улыбка засияла на директорском лице. — Ты не возражаешь?

Триггер улыбнулась:

— Ну, если вы так считаете. И спасибо вам огромное за заботу, доктор. Но, может быть, вернемся к делу?

Племпони переглянулся с Мискаль.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Вы прекрасно знаете, что именно, — ответила Триггер. — Но я уточню: где спецуполномоченный Тэйт?

— Не знаю.

— А где Мантелиш?

Он покачал головой.

— Тоже не знаю.

Он выглядел несчастным.

— Даже так? — сказала Триггер и наморщила нос. — Кто же, в таком случае, это знает?

— Мне нельзя говорить тебе об этом, — твердо заявил Племпони.

Триггер подняла бровь.

— Почему?

— Дело касается безопасности Федерации, — нахмурившись, произнес Племпони и добавил: — Я не должен был говорить и этого, но что я могу поделать?

— Безопасность Федерации? Значит, речь идет о плазмоидах?

— Да… ну… я бы так… ну, не знаю.

Триггер вздохнула:

— Вы не должны рассказывать об этом только мне?

— Нет-нет-нет, — торопливо произнес Племпони. — Никому. Я не должен рассказывать никому, что я знаю о местонахождении Холати Тэйта или профессора Мантелиша.

— Ну, вы и фантазер! — спокойно произнесла Триггер. — Значит, все-таки знаете!

Племпони умоляюще посмотрел на Мискаль, та только усмехнулась.

— Мой рот на замке, Триггер! Не могу ничем помочь. Пожалуйста, поверь мне.

— В таком случае, позвольте подвести итог, — Триггер пробарабанила пальцами по подлокотнику. — Восемь недель назад, несмотря на все трудности, я закончила работу в системе Мэнон и была переведена сюда для того, чтобы организовать работу Проекта «Плазмоид». Единственная причина, по которой я согласилась на эту работу, состояла в том, что спецуполномоченный Тэйт убедил меня, что для него это крайне важно. То есть важно, чтобы это была именно я. Я даже позволила ему уговорить себя выполнять задание под вымышленным именем Раи Фарн и, — она подняла руку и потрогала волосы, — перекрасить волосы. Кстати, он не назвал ни одной уважительной причины для этого! Только сказал, что это требования Университетской Лиги.

Доктор Племпони кашлянул.

— Ну, в этом нет ничего удивительного — ведь ты знаешь, Триггер, насколько чувствительна Лига к славе отдельного индивида.

Девушка приподняла одну бровь.

— К славе отдельного индивида?

— В хорошем смысле этого слова! — торопливо сказал Племпони. — Твое имя сейчас у всех

на устах, оно стало настолько популярно, что не передать словами. Обозреватели новостей регулярно упоминают о тебе в сообщениях о Полнолунии, сразу после упоминания о специальном уполномоченном. Что, разве я не прав, Мискаль?

Мискаль кивнула в знак согласия:

— Все верно, ты добилась успеха, маленькая подружка! Мы несколько раз видели тебя в солидо-выпусках.

— Ладно, допустим, — сказала Триггер. — Хотя я по-прежнему не вижу особого смысла в преувеличивании моих заслуг в этом деле. Давайте забудем о моих успехах и поговорим по существу дела. После того, как я сюда прибыла, с Мантелишем удалось встретиться только однажды. Я попыталась выяснить его требования к своим сотрудникам, и, в частности, ко мне, но он высказался крайне неопределенно. Специальный уполномоченный Тэйт иногда появляется на территории Проекта, иногда исчезает. Причем, значительную часть времени его нет. А еще он стал изъясняться довольно обтекаемо. Самое интересное, не по отдельным позициям, а по поводу всего на свете. Три недели назад, как я уже упоминала, он исчез. И никто из здешней администрации не знает или не хочет говорить,

куда он делся и как с ним можно связаться. То же самое происходит на Маккадоне в офисе Прекола. То же самое на Эвали в министерстве внутренних дел. То же самое в любом офисе Университетской Лиги. Что же мне прикажете делать? Я пробую связаться с Мантелишем. И узнаю, что профессор с Тэйтом! А они оба мне заявили, что я должна позаботиться обо всем, — она в раздражении развела руками. — Позаботиться о чем? Я сделала все, что могла, и теперь как бы провисла между небом и землей в ожидании дальнейших инструкций от людей, которые, предположительно, возглавляют этот предположительно крайне срочный и важный проект! А у Мантелиша, как я выяснила на днях, похоже, даже нет заместителя.

Племпони кивнул:

— Да, меня поставили в известность, что он еще не набрал ассистентов для Проекта.

— Кроме, разве что, этой кучки молодых ученых, которые заперлись вместе с плазмоидами, — ядовито сказала Триггер. — Они знают меньше, чем ничего, и слишком напуганы для того, чтобы рассказать мне хоть что-то.

Племпони на мгновение смутился.

— Эта последняя фраза… — начал было он, но в последний момент сдержался: — Ну, ладно,

ладно, не буду придираться. Продолжай.

И Триггер продолжила:

— Вот именно. Прежде всего, я поняла, что совершенно не нужна Холати для этой работы. Во-первых, здешние организационные вопросы решаются в два счета. И пока чего-нибудь экстраординарного не случится — желательно как можно скорее — нет никакого оправдания моему пребыванию здесь.

— А не могла бы ты, деточка, — предложил Племпони, — расценить свое назначение, как своего рода небольшой заслуженный отпуск?

— Допустим, могла. Но тот же Холати внушил мне, что один из нас должен постоянно оставаться на территории, где ведется Проект, так что я даже не имею возможности покинуть Школу хотя бы на время. Я прочла все, что у меня было на кристаллах, а еще Мискаль прогнала меня через два боевых курса. Но проблема в том, что я не на каникулах. В жизни не поверю, что то, чем я занимаюсь, выглядит для Прекола командировочной работой!

На некоторое время воцарилась тишина. Племпони, уставившись на свой опустевший поднос, сказал «извините», и пошел к пищевому автомату, встроенному в стену.

— Не тот паз, — сказала в спину ему Триггер.

Он обернулся в недоумении:

— А?

— Вы хотите положить поднос на место, не так ли?

— Благодарю, — рассеянно произнес Племпони. — Всегда это делаю и всегда путаюсь…

Он вставил поднос в нужный паз, вымыл руки в специальной нише, затем вернулся, все такой же рассеянный, и остановился перед Триггер.

— Специальный уполномоченный Тэйт оставил сообщение для тебя, — сказал он внезапно.

Триггер прищурилась:

— Когда?

— На следующий день после того, как уехал. — Племпони предупреждающе поднял руку: — Подожди! Сейчас ты все поймешь. Он позвонил и сказал, цитирую: «Племп, у тебя немного шансов сохранить все в секрете от Триггер, так что не буду говорить тебе лишнего. Если те дела, которыми мы сейчас занимаемся, не позволят вернуться к работе над Проектом в течение следующих нескольких недель, девочка забеспокоится. Когда она начнет жаловаться, — но не раньше — скажи ей, что есть причины, по которым я не могу в настоящее время связаться с ней или дать ей знать

о том, чем я занимаюсь, и что сам свяжусь с ней, как только смогу». Конец цитаты.

— И это все? — удивилась Триггер.

— Да, все.

— Тэйт не говорил ничего о том, как долго продлится эта ситуация?

— Нет. Я передал сообщение слово в слово. Ты знаешь, что у меня превосходная память, Триггер.

— Получается, мое вынужденное безделье может продолжаться недели? Или даже месяцы?

— Да. Возможно. Я полагаю… — на лбу Племпони выступила испарина.

— Племп, — произнесла Триггер, — а вы можете передать Холати сообщение от меня?

— С радостью! — брякнул Племпони. — Что? Ну что я за болван… ох-ох-ох! — он покраснел.

— Все правильно, — сказала девушка. — Вы можете связаться с ним, я так и думала.

Доктор Племпони смотрел на нее с укоризной:

— Так нечестно! Как я мог упустить из виду, что ты на удивление сообразительна, Триггер?

Триггер пожала плечами.

— Не вижу никаких оправданий для всех этих заморочек с отсутствием Тэйта и Мантелиша, — она встала. — В любом случае, вот сообщение.

Передайте спецуполномоченному, что если кто-то — и как можно скорее — не назовет мне разумную причину того, что я болтаюсь здесь, как банан в проруби, то буду вынуждена обратиться в Прекол с просьбой вернуть меня в Проект Мэнон.

Племпони скис.

— Триггер, — сказал он, — я, конечно, сделаю все, что возможно, для передачи сообщения по адресу, но в остальном…

Девушка мило улыбнулась:

— Я знаю — ваш рот на замке. Простите, если я побеспокоила вас, Племп. Но, в конце концов, я служащая Прекола. Если мне приходится тратить впустую их время, то хочу хотя бы знать, для чего это нужно.

Племпони смотрел, как она вышла из комнаты и идет через холл. На его лице смешались такие далекие друг от друга эмоции, как тревога и одобрение.

— Ладная фигурка у нашей девочки, ты не находишь? — сказал он, обращаясь к Мискаль, и сделал руками волнообразное движение, повторяющее изгибы тела. — А какая волнительная походка…

— Угу, — сказала Мискаль. — Вот же старые

козлы!

— Что? — не понял доктор Племпони.

— Я как-то стала невольной свидетельницей того, как ты с Мантелишем обсуждал фигуру Триггер.

Племпони опустился за стол.

— Ты не должна была подслушивать, Мискаль, — сказал он строго, — это не корректно.

— А корректно пускать слюни на молоденькое мясо?

— Ладно, давай замнем. У нас есть работа поважнее. Полагаю, что нужно как можно скорее отправить сообщение Тэйту. Триггер имела в виду именно то, что сказала, тебе не кажется?

— А то, — убежденно сказала Мискаль.

— Тэйт предупреждал меня, что Триггер может стать неуправляемой примерно к этому времени. Мне кажется, что она слишком добросовестна.

— Ага, а еще у нее на Мэноне, — вставила Мискаль, — остался парень. Они неразлучны с тех самых пор, как отучились в нашей Школе.

— Тогда им надо пожениться, — сказал Племпони. Голос его задрожал: — У меня кровь стынет в жилах всякий раз, когда я подумаю о том, насколько близко вчерашние головорезы подобрались к ней!

Мискаль пожала плечами:

— Расслабься, малыш! У них не было ни одного шанса. Девочку охраняют ребята Тэйта — это самая реактивная бригада, которую я когда-либо видела в действии.

— Да, — задумчиво произнес Племпони, — такое вряд ли можно приложить к полиции Маккадона.

— Это уж наверняка. В любом случае, если кто-то соберется захватить Триггер Арджи в Школе, ему понадобится минимум линкор.

Племпони нервно посмотрел на безоблачное синее небо.

— После общения с Холати Тэйтом, — сказал он, — у меня возникло ощущение, что у этого кого-то может оказаться даже линкор.

Глава 2

В конце зала, смежного с офисом доктора Племпони, находился портал. Мискаль вошла внутрь, выступала номер своих личных апартаментов, дождалась, пока через несколько секунд верхний свет вспыхнул зеленым, и вышла в другой зал, располагавшийся на семнадцать этажей ниже офиса Племпони и отстоящего от него примерно

на полтора километра. Женщина пересекла зал, вошла в квартиру и нажала кнопку, включающую защиту от несанкционированного вторжения. В спальне она открыла стенной сейф, вытащила оттуда мощный передатчик и включила прибор.

— Да? — раздался мужской баритон.

— Здесь Мискаль, — сказала женщина в направленный микрофон. — Квиллана или спецуполномоченного.

— Квиллан, — сказал трансмиттер несколько секунд спустя более низким, чем прежний, голосом. — Говори, куколка.

Мискаль хмыкнула.

— Я вызвала тебя, — произнесла она мурлыкающим тоном, — потому что у меня возникло устойчивое ощущение, что вам, мальчики, срочно необходимо что-то предпринять по поводу Арджи.

— Да? — сказал голос. — А что мы должны предпринять?

— А я откуда, разрази меня квазар, знаю?! Я просто говорю, что больше не могу отвечать за нее.

— Что-то случилось? — быстро спросил Квиллан.

— Если ты имеешь в виду, не обижают ли Триггер, то — нет. Но она достаточно взвинчена, и,

по-моему, скоро обидит сама себя. А еще она не собирается больше ждать. Несколько дней назад она еще не была такой, — Мискаль колебалась. — Я знаю, что это противоречит нормам безопасности, но, может быть, скажешь мне, не случилось ли с ней чего-нибудь?

— Что? Не случилось ли с ней чего-нибудь? — настороженно повторил Квиллан.

— Я имела в виду, с ее разумом.

— Что тебя заставило думать так?

Мискаль, нахмурившись, уставилась в одну точку.

— Триггер всегда отличалась непростым характером, — сказала она. — Она всегда была дьявольски упряма. Она всегда была ярой индивидуалисткой и всегда была готова бороться за собственные права и права других людей. Но в ее поступках и словах обычно присутствовал здравый смысл. У нее один из самых высоких показателей интеллекта среди всех, кто прошел через нашу Школу. Но то, как она действует ныне, не выглядит слишком разумным.

— А как бы она стала действовать раньше? — спросил Квиллан.

Мискаль задумалась.

— Она была бы очень раздражена из-за пове-

дения спецуполномоченного Тэйта, — ответила наконец женщина. — И я не могу ее за это винить. Пожалуй, в подобной ситуации я бы тоже разозлилась. Итак, хочешь услышать, что сделала бы Триггер, будучи в своем репертуаре? Пожалуйста. После возвращения спецуполномоченного Триггер потребовала бы подробных объяснений. Если бы, предположим, объяснение ее не удовлетворило, то она улетела бы. Но в любом случае девочка дождалась бы его возвращения. А почему бы и нет, в конце-то концов?

— Ты думаешь, что сейчас она не станет дожидаться?

— Думаю, не станет, — произнесла Мискаль убежденно. — Она передала ему через Племпони ультиматум. Суть примерно такова — свяжитесь со мной немедленно, иначе… Откровенно говоря, я не дала бы никаких гарантий по поводу того, что она дождется ответа.

— Гм… И как ты думаешь, что она сделает?

— Улетит, — ответила Мискаль. — В любом случае.

— Уфф, — с отвращением произнес Квиллан. — В твоих устах это звучит так, словно девочка обзавелась встроенными в тело субпространственными двигателями. А ты не сможешь ее

остановить?

— Почему не могу? Еще как могу, — сказала Мискаль. — Запру в комнате, сяду на нее верхом, чтобы удостовериться, что ей не вырваться и не сбежать через окно. Но так, чтобы ненавязчиво? Ты же громче всех вопил, что она не должна знать, что ее ведут.

— Точно, — торопливо сказал Квиллан. — Я поступил как идиот, Мискаль.

— Истинно так, майор Квиллан, — согласилась Мискаль. — Но у вас есть еще одна попытка.

Передатчик некоторое время хранил молчание.

— Ты можешь гарантировать, что она не улетит в течение хотя бы трех дней? — спросил он.

— Не могу, — ответила Мискаль. — Да я не могу гарантировать, что Триггер не улетит в течение ближайших трех часов.

— Что, все обстоит так плохо?

— Да, — сказала Мискаль. — Хуже, чем просто плохо. Она все время контролировала себя, когда говорила с Племпони. Но я наблюдала за ней на тренировках. Я загружала ее, как только могла, но всему есть предел. Девочка держит себя в очень хорошей форме.

— Одной из лучших, как мне сказали, — произ-

нес Квиллан.

— Я имею в виду состояние, а не внешний вид, — сказала Мискаль. — В любом случае она показывала прекрасные результаты. Если увеличить нагрузку, она сделается еще более раздражительной. Ты знаешь, как это бывает.

— Угу, — произнес он. — Нервы спортсмена.

— Оно самое, — согласилась Мискаль.

Возникла небольшая пауза.

— Как насчет того, чтобы выставить охрану на всех выходах Колониальной Школы? — предложил он.

— Ты в состоянии послать мне армию?

— Нет.

— Тогда забудь о своей идее. Она была студенткой здесь, помнишь? В прошлом году группа наших студентов тайно вывезла отсюда чучело реконструированного мастодонта и оставила в саду дома мэра Сеуса, просто ради смеха. Слишком много неконтролируемых выходов из кампуса. И Триггер, когда хотела, была самой большой проказницей из всех. Она легко исчезнет отсюда, если у нее возникнет такое желание.

— Ах, эта идиотская система порталов! — с чувством воскликнул Квиллан. — Самое кошмарное изобретение для тех, кто занимается наруж-

кой! — Он тяжело вздохнул: — Ты победила, Мискаль! Специальный уполномоченный сейчас отсутствует. Но, независимо от того, появится он или нет, я пришлю за Триггер кого-нибудь. В крайнем случае, прилечу сам.

— Чудесно, мой мальчик! — с облегчением воскликнула Мискаль. — Выяснили что-нибудь в отношении вчерашних налетчиков?

— Немного. «Схватите ее, но не навредите ей» — таковы были инструкции. В остальном все выглядело точно также, как и в прошлый раз — дырка в той части мозга, где должна была быть реальная информация. Но, по крайней мере, теперь мы знаем наверняка, что охотятся за Арджи. Цена, кстати, вызывает дополнительный интерес.

— И какова же она?

— Ровно полмиллиона кредитов.

Мискаль присвистнула.

— Бедняжка Триггер!

— Ну, не скажи — вероятность того, что кто-то заработает эти деньги, весьма мала.

— Я тоже на это надеюсь. Она замечательная девушка. Ну хорошо, майор, я отключаюсь.

— Подожди, — сказал Квиллан. — Ты же спрашивала, не съехала ли девочка с катушек?

— Ну и..? — удивленно протянула Мискаль. — Ты же не ответил. Вот я и подумала, что это противоречит нормам безопасности.

— Вполне возможно, — признал Квиллан. — Все возможно. Я устал от всего этого. В любом случае, знай — я представления не имею, что с Триггер. И спецуполномоченный тоже. Но он волнуется. И через четыре дня Арджи — правда, она сама еще об этом не знает — встречается со специалистами из Психологического Сервиса.

— Эти яйцеголовые? — Мискаль была поражена. — И чего они хотят от нее?

— Ты знаешь, — задумчиво заметил Квиллан, — странное дело, но они почему-то не поставили меня в известность.

— А почему ты мне об этом рассказал? — спросила Мискаль.

— Скоро узнаешь, куколка, — ответил он.

* * *

Прислонившийся к стене охранник Университетской Лиги подобрался, когда открылся портал. Вышла Триггер, и охранник ей отсалютовал.

— Доброе утро, мисс Фарн.

— Славное утро, — лучезарно улыбнулась Триггер. — Почта была?

— Буквально двадцать минут назад.

Она кивнула, снова улыбнулась и прошла мимо в свой офис. Она всегда находила общий язык с полицейскими любого ранга, а уж с этими юношами из Лиги, которые были необычайно приятны и вежливы, и подавно. К тому же все они, как она заметила, обладали хорошо развитой мускулатурой, что было приятно глазу.

Закрыв за собой дверь, — необходимые меры безопасности Проекта «Плазмоид» — она обнаружила, что ее почтовый ящик пуст. Это означало, что вся входящая корреспонденция не представляла важности и уже обработана младшим персоналом. Попозже, вероятно, ей представится шанс небрежно подмахнуть подпись Раи Фарн на паре десятков писем и чеков. На редкость трудная работенка! Триггер села за стол.

Так она просидела некоторое время, постукивая по зубам ногтем. Почетный колониальный спецуполномоченный Холати Тэйт был, несомненно, самым умным человеком, которого она когда-либо встречала, что бы о нем ни говорили. Возможно, у него и в самом деле имелись веские причины держать ее в изоляции и в неведении. Вопрос заключался в том, каковы эти причины.

Безопасность…

Триггер наморщила нос. Безопасность не значила ничего. Вся и все, хоть как-то связанное с плазмоидами Старых Галактиан, держалось службой безопасности Федерации за семью печатями с того момента, как только их открытие стало достоянием общественности. А она находилась в эпицентре всего, что имело непосредственное к ним отношение. С какой это стати Холати Тэйт решил скрывать что-то от нее? Ведь даже это старое трепло Племпони оставался с ним в контакте.

Она почувствовала раздражение. Поэтому капризно передернула плечами и достала из ящика стола небольшой солидо-снимок. Поставив на стол, она угрюмо вгляделась в изображение.

На нее смотрело лицо невероятно красивого молодого человека. Изумительные темно-синие глаза, волевой подбородок, вьющиеся каштановые волосы. За мягкой, теплой улыбкой, которая всегда пробуждала в ней ответный жар, угадывался ровный полукруг белых зубов.

С Брюлом Нигером они были близки к тому, чтобы, наконец, объявить о помолвке после двух с половиной лет, прошедших с тех пор, как Прекол послал обоих на Мэнон для участия в проекте. Пока они учились в Колониальной Школе, то с

нетерпением подсчитывали оставшиеся дни до отъезда. А теперь она торчала здесь, застряв на неопределенный срок, — если только не возьмет да и не предпримет что-нибудь в связи с этим ничего не деланьем, — а Брюл ждет на Мэноне. Планетная система Мэнон находилась в девяти днях полета, если путешествовать на самом высокоскоростном корабле. Ну, а если телепаться на обычном судне «Гранд Коммерс» или блаженствовать на лайнере, то путь займет аж два месяца. Эх, насколько же далек Мэнон!

Прошел уже почти месяц с того времени, как она в последний раз разговаривала с Брюлом. Если будет настроение, то, возможно, она уже сегодня напишет письмо. Через две недели или около того почта Федерации доставит сообщение. Но, вообще-то, она уже послала ему три письма, и все остались без ответа. Нет, Триггер не винила Брюла за неумение поддерживать романтические отношения на расстоянии. Ей тоже было неловко, когда дело доходило до записи личных переживаний на кристаллы. К тому же, из-за пресловутой безопасности она не могла сообщать о себе слишком много. Не имела даже права сказать, где находится.

Она спрятала солидо-снимок в стол, потяну-

лась к панели, вмонтированной в столешницу, и нажала одну из кнопок. Из ниши выплыл экран визора, по которому проплывали заголовки важнейших новостей.

Пока Триггер просматривала их, некоторые гасли и заменялись более свежими событиями. В разделе «Наука», как всегда, обсуждались в основном эксперименты над плазмоидами в Ядре Звездного Скопления.

Девушка набрала название и пробежала взглядом первую появившуюся статью.

По существу, это был краткий пересказ гуляющих по Ядру пересудов относительно того, что никто не может определить, в чем все-таки заключается ценность плазмоидов Старых Галактиан. Насколько знала Триггер, все это — чистая правда. Слухи иного толка, довольно неприятные, касались того, что примерно пять сотен научных коллективов, которым Университетская Лига Федерации выделила плазмоиды, располагают на данный момент важной информацией, но держат ее при себе.

Общий итог, пробившись через несколько широко известных мнений и противоположных им гипотез, появившихся сравнительно недавно, а затем через их сопоставление, свелся

к утверждению, что плазмоиды можно сравнить с двигателем, которому не хватает всего лишь самой малости — источника энергии. Или, выражаясь более точно и принимая во внимание гипотетический источник энергии, в плазмоиды, возможно, встроено нечто вроде пусковой кнопки. Одна исследовательская группа утверждала, что ей практически удалось продублировать выделенный Федерацией плазмоид, повторив его биохимическую структуру. Единственное отличие дубликата от оригинала, сработанного Старыми Галактианами, заключалось в том, что он просуществовал в течение нескольких часов и распался на части. Но реальные плазмоиды-то не распадались. Изучаемые образцы с течением времени не показывали никаких признаков старения или ухудшения своего состояния. Некоторые из них время от времени принимали пищу, а некоторые, как было замечено, слегка двигались. Но ни одного нельзя было заставить функционировать, как того хотелось ученым. Если честно, все это чрезвычайно интриговало!

В системе Мэнон, где они и были открыты, плазмоиды прекрасно функционировали несколько столетий тому назад на то ли заброшенной, то ли забытой станции по сбору атмосферного белка,

принадлежащей таинственным Старым Галактианам. Лишь когда на станцию проникли люди и остановили механизмы, плазмоиды прекратили работу, но когда их запустили снова, биороботы не включились, как того следовало ожидать.

Если бы заставить их снова функционировать, это принесло бы значительную экономическую выгоду. На планетоиде Полнолуние для каждого вида работ были приспособлены свои плазмоиды. В зависимости от своих функций они могли принимать любую форму и исполнять свои обязанности бесконечно долго, если не вечно.

По правде говоря, Триггер тоже хотела, чтобы биороботы снова заработали. Неплохо уже то, что старина Холати извлек очень приличные дивиденды из своего права первооткрывателя, потому что девушке нравился ее начальник, особенно когда своим непредсказуемым поведением не вызывал раздражения. Но какое-то неясное чувство наталкивало на мысль, что плазмоиды и воплощаемая ими идея вечной искусственной жизни ужасны сами по себе. Однако Триггер со своими предчувствиями находилась в меньшинстве, если не в одиночестве. Практически все считали плазмоидов величайшим изобретением после создания Евы.

Она переключила визор на местные новости, и набрала номер справочной службы Системы Мэнон. В последнее время держаться в курсе всего, что там происходит, стало для девушки обязательным ритуалом. Иногда она даже встречала ссылки на Брюла Ингера, который занимал престижную должность официального представителя Прекола в системе. Он был очень популярен среди многих важных персон Ядра Звездного Скопления. Некоторые даже проделывали долгий путь до Мэнона, чтобы из первых рук получить сведения о технических чудесах Старых Галактиан, а еще большее количество стремилось внести свой вклад на ранней стадии развития Мэнона, который очень быстро повышал свой статус, и вскоре из территории Проекта Прекола превратился в территорию Федерации. Нужно ли говорить, что он стал настоящей Меккой для специалистов во всех сферах науки и техники.

Никаких известий о Брюле сегодня не поступило. Зато «Гранд Коммерс» открыла свой деловой и развлекательный центр менее чем в десяти километрах от штаба Прекола, где еще совсем недавно работала Триггер. Была почти закончена субпространственная сеть, установленная на станции

Старых Галактиан. Население Мэнона только что превысило отметку в сорок три тысячи человек. С легким чувством ностальгии Триггер вспомнила, что до того, как Холати Тэйт оповестил о своем открытии, на планете проживало всего около восьми сотен человек, не больше и не меньше.

Панель скользнула обратно в стол. Триггер услышала мелодичный звон КомСети.

— Привет, Рэк! — радостно сказала она. — Новости есть?

На нее глядел скуластый молодой человек в простой черной униформе младшего научного сотрудника Университетской Лиги. По лицу было видно, что он взволнован.

— Похоже, есть, мисс Фарн, — сказал он.

Рэк руководил группой из тридцати четырех молодых ученых, которых Лига недавно ввела в Проект. Как все новички, он относился к своим обязанностям с излишней серьезностью.

— Но об этом, к сожалению, не стоит говорить по коммуникатору. Вы не смогли бы встретиться в течение дня?

— Странный вопрос, Рэк! — заметила Триггер. — Хочешь, я приду прямо сейчас?

Рэк улыбнулся:

— Благодарю, мисс Фарн! Давайте тогда ми-

нут через двадцать? Я соберу совещание, и мы сможем пообщаться в малом конференц-зале Пассажа.

Триггер кивнула.

— Хорошо, я буду бродить где-нибудь там. Скажешь охраннику, чтобы позвал меня, когда все будет готово?

Глава 3

Она выключила КомСеть и поднялась. Рэк со своей группой увяз в Проекте «Плазмоид» гораздо сильнее, чем она. Когда она с Тэйтом прилетела с Мэнона, за ними уже была закреплена самостоятельная область исследования. И они останутся в Проекте до тех пор, пока существующие меры безопасности не смягчатся, чего определенно не произойдет в течение пары лет.

Триггер слегка сочувствовала молодым ученым, но они, казалось, спокойно реагировали на подобные ограничения. Преданность науке стояла у них на первом месте. А поскольку половину из них составлял слабый пол, он же прекрасный, то в любом случае они не были обречены на монашеское существование.

В Пассаже, где были представлены модели

плазмоидов, несколько операторов ловко управлялись с дюжиной роботов-чистильщиков. Еще пару часов выставка будет закрыта для студентов и посетителей. Триггер прошла через огромный зал к двум экспонатам, которых во время ее последнего визита не было. Она узнала точные копии старогалактианских плазмоидов № 1432 и № 1433, выполненных в натуральную величину. С некоторым отвращением она оглядела блестящие, бесформенные, полупрозрачные модели. Она была там, на той станции Старых Галактиан, могла протянуть руку и дотронуться до оригиналов, с которых были скопированы эти эрзацы. Но это было не совсем то, что она сделала бы с удовольствием.

Девушка мельком взглянула на часы, обошла уменьшенную копию Полнолуния, базу Старых Галактиан, которая занимала весь центр зала, и продефилировала мимо экспонатов. В одной из ниш висели солидо-панорамы Мэнона, в основном зоны обитания воздушного планктона Мэнона, а также исполинские плазмоиды, названные Жнецами, которые двигались по этим зонам, методически поглощая тонны протоплазмы. Другой конец зала занимала огромная копия Жнеца размером с кита — гигантская сосиска

темно-зеленого цвета с чрезвычайно причудливым механизмом внутри.

— Мисс Фарн?

Она обернулась.

Охранник Лиги, стоящий у входа в зал, отдал ей салют, за которым последовал сдержанный поклон. Что и говорить, вышколили этих юношей отменно!

Триггер улыбнулась.

— Иду-иду! — слегка повысив голос, сказала она.

Младший научный сотрудник Рэк и его консультационный комитет — пара молодых людей и девушка с роскошной копной золотистых волос — уже ждали ее в конференц-зале. Когда Триггер вошла, все четверо встали. Это помещение обозначало границу их территории; если б они попытались пройти через зал, который только что пересекла любимица Тэйта, то нарушили бы сразу несколько правил Лиги.

Но подобное нарушение было из области невероятного.

Рэк начал разговор, как и в предыдущих случаях, когда Триггер встречалась с группой. Члены комитета просто сидели и смотрели на своего руководителя. Насколько Триггер могла судить, они

присутствовали исключительно для того, чтобы оберегать Рэка от опрометчивых заявлений.

— Мы хотели выяснить, мисс Фарн, достаточно ли у вас полномочий, чтобы затребовать дополнительную охрану для Проекта «Плазмоид»? — для затравки спросил он.

Триггер покачала головой.

— Я вообще не имею никакой власти над тем, что касается компетенции Лиги. А, скажем, профессор Мантелиш, несомненно, мог бы устроить это для вас.

Рэк кивнул.

— А вы можете связаться с профессором Мантелишем?

— Нет, — с обезоруживающей улыбкой ответила Триггер. — А вы сами не могли бы связаться с профессором Мантелишем?

Как бы ища поддержки, Рэк посмотрел на коллег:

— Нет, не могли бы. Вообще-то, мисс Фарн, если честно, нас изолировали от окружающего мира самым бессовестным образом несколько недель назад.

— Вы не поверите, — сказала мисс Фарн доверительно, — но меня чаша сия тоже не миновала.

Рэк не смог сдержать изумления.

— Надо же! — вырвалось у него. — А мы-то, простаки, надеялись, что вы сможете поделиться с нами хоть какой-нибудь информацией.

— Я бы с удовольствием, — заверила Триггер, — если б у меня было чем поделиться. Но, к сожалению, меня никто не соизволил поставить в известность, что творится около Проекта. — Она немного поразмыслила и решила расставить все точки над «i». — А зачем вам потребовалась дополнительная охрана?

— До нас дошли слухи, что вчера на Колониальную Школу был совершен налет, — сказал он, осторожно подбирая слова.

— Да, в самом деле, — подтвердила Триггер. — Но это не должно вас волновать. Ваш отдел считается наиболее защищенным от внешних воздействий.

Рэк вновь посмотрел на товарищей и, очевидно, получил какой-то условный знак одобрения:

— Мисс Фарн, как вы знаете, нашей группе доверили двух плазмоидов. Так вот они в полной целости и сохранности! В отличие от шести других плазмоидов, которые были похищены неизвестными преступниками из разных лабораторий Ядра.

Девушка была поражена.

— Я этого не знала. Слышала только, что было несколько попыток похищения, но все неудачные.

— Шесть попыток, — сказал Рэк, поджав нижнюю губу, — завершились для похитителей весьма удачно. И, само собой разумеется, что все подвергшиеся нападениям лаборатории были тоже неплохо защищены.

Триггер расценила это как весьма разумный довод.

— И вот еще что, — продолжил Рэк. — Когда мы сюда прибыли, то сразу поняли, что образец 112–113 тоже перевезен сюда. Видимо, штаб Лиги осознал серьезность угрозы и уже не считает Проект достаточно безопасным местом для 112–113.

— А почему бы вам ни спросить напрямик у штаба? — поинтересовалась Триггер.

Ученого слегка передернуло.

— Но это было бы вопиющим нарушением принципа субординации, мисс Фарн! — объяснил Рэк.

— М-да, я просто не сообразила, — извинилась девушка. Да, что и говорить, эти молодые ребята чтят дисциплину превыше библейских заповедей. Чересчур правильные какие-то! — А этот 112–113 что, важный образец?

— Я бы сказал, чрезвычайно важный, — надул губы Рэк.

— О! — воскликнула Триггер. — Теперь я вспомнила этот 112–113, крупный и мерзкий… Хотя подобную характеристику можно отнести к большинству из них.

Рэк со товарищи выглядели слегка оскорбленными. Триггер поняла, что через секунду, если она вовремя не пресечет, кто-нибудь из четверых пустится в пространные рассуждения о функциональной эстетике, о которой она была изрядно наслышана в связи с плазмоидами.

— Так вот, 113-и представляет собой довольно маленький плазмоид, — поспешно продолжила она, раздвинув ладони примерно на две трети метра. — Примерно вот такой, и он срастился с большим. Верно?

Рэк кивнул, но весь его вид продолжал выражать недовольство.

— Совершенно правильно, мисс Фарн.

— Хорошо, — сказала Триггер. — Я не могу винить тебя, Рэк, в том, что ты сильно волнуешься. А почему бы ни обратиться к начальнику охраны? Пусть попросит подкрепления!

Рэк скривился, словно проглотил лимон.

— Именно так я и сделал. Сегодня утром. Перед

звонком к вам.

— И что он сказал?

На лице Рэка появилось страдальческое выражение.

— Он намекнул, мисс Фарн, что имеющейся охраны вполне хватит для отражения любой атаки. Скажите, откуда ему знать, хватит или нет?

— Но ведь охранять правительственные объекты — его работа, — мягко заметила Триггер. Стало понятно, что ученые в самом деле очень встревожены: — Неужели начальник охраны не дал вам разъяснений в связи с вашим предложением?

— Никаких, — ответил Рэк. — По его словам, если какой-нибудь спонсор выделит определенную сумму для найма боевого подразделения спецполиции Федерации, то он всегда сможет загрузить этих дополнительных бойцов. Но искать спонсора — безнадежное дело.

Триггер выпрямилась и ткнула пальцем в скелетообразную грудь Рэка.

— Знаешь что? Надо действовать не так!

У всех четверых мигом просветлели лица.

— Дело в том, — продолжила Триггер, — что все финансы Проекта проходят через мои руки, пока не нашлось человека, на которого можно будет это все спихнуть. Так что, думаю, мне удастся

нанять для вас дополнительное боевое подразделение, Рэк! Постараюсь сделать это как можно скорее, — она поднялась, и ученые автоматически подпрыгнули со своих стульев. — А ты пойди скажи начальнику охраны, — уже стоя в двери, она отдала последние инструкции, — что сегодня к ужину здесь появится группа солдат.

* * *

Триггер получила сообщение из офиса полиции Федерации о том, что боевой отряд — двадцать обученных людей с полным обмундированием — прибудут к вечеру в Колониальную Школу для несения двухмесячной службы. Она выписала чек и послала подпись Раи Фарн через телерайтер. При виде цифры, указанной на чеке, наверняка брови какого-либо бухгалтера Университетской Лиги поползут от удивления наверх; но раз уж Лига не собирается решать проблемы собственного Проекта «Плазмоид», то небольшие финансовые потери — самое меньшее, чего следует ожидать в ответ на это.

Некоторое время Триггер пребывала в приподнятом настроении.

Затем ей позвонили из офиса Прекола Маккадона и попросили оставаться на связи, пока на ее

терминал КомСети переведут личный межпланетный звонок.

Это был ее день!

Девушка тихо промурлыкала себе под нос, потому что знала — лишь один человек мог позволить себе разориться на подобный разговор, и этим человеком был спецуполномоченный Тэйт. «Быстро работаете, Племп», — подумала она одобрительно.

На мониторе возникло лицо Брюла Ингера. Сердце Триггер подскочило в груди, а дыхание на мгновенье остановилось.

— Брюл! — вскрикнула она, вскочив со стула. — Откуда ты звонишь?

Лицо любимого озарилось знакомой улыбкой, вокруг глаз появились веселые морщинки.

— К сожалению, милая, я по-прежнему в Системе Мэнон, — он прищурился. — А что с твоими волосами?

— На Мэноне! — разочарованно произнесла Триггер. И тут же подскочила: — Брюл! Сумасшедший! За минуту экстренной связи ты потратишь месячный заработок! Я люблю тебя! А теперь не жди, а отключайся!

Брюл откинул голову назад и засмеялся:

— В любом случае, рад увидеть, что ты не очень-

то изменилась за два месяца! Не волнуйся, я звоню бесплатно, с яхты друга.

— Ничего себе друзья у тебя! — Триггер была поражена.

— Ей это тоже ничего не стоит. Все равно она должна была сегодня связаться с Ядром Звездного Скопления и спросила, не хочу ли я потратить несколько минут на разговор с тобой… Скучаешь по мне, Триггер?

Девушка улыбнулась:

— И даже больше. Слушай, как же мило с ее стороны! Это кто-то, кого я знаю?

— Вряд ли, — сказал Брюл. — Ее зовут Нелок Плули. Она прилетела через неделю после твоего отъезда. Ее папаше-олигарху принадлежат «Перевозки Плули». Но давай лучше поговорим о тебе. Не подскажешь, в чем заключена фишка с твоими волосами?

— Меня уговорили перекраситься, — ответила она. — Это последний писк моды.

Он окинул девушку критическим взглядом:

— Ее ли честно, то ты мне больше нравилась рыжая.

— Я и есть рыжая.

Ой, подумала Триггер, а безопасность Проекта как же, девочка?

— Смою краску сегодня вечером, — пообещала она быстро. — Звездануться можно, Брюл, как же хорошо снова увидеть родное лицо!

— Будет намного лучше, если будешь видеть его без помощи трансмиттера.

— Ты прав!

— Когда ты вернешься?

Она нахмурилась:

— Не знаю.

Он помолчал пару секунд.

— Я периодически слушаю всякую болтовню, — заметил он, — о тебе и старике Тэйте и о вашем загадочном исчезновении.

Триггер почувствовала, что краснеет.

— Верь мне, любимый, и не обращай внимания на всякие глупости, — ответила она. — А будет болтать кто, сразу в глаз!

Улыбка вернулась на лицо Брюла.

— Это не по-джентльменски — бить всех без разбора, в том числе и девушек, верно?

Она вернула улыбку.

— Так же, как и быть от одной отдельно взятой девушки далеко.

В любом случае Брюл и Холати Тэйт никогда не относились друг к другу тепло. В свое время это даже стало источником некоторых непри-

ятностей.

— Хорошо, скажешь мне, где ты? — спросил он.

— Боюсь, нет, Брюл.

— Очевидно, об этом знает Министерство внутренних дел Прекола, — сказал он.

— Очевидно, — признала Триггер.

Они смотрели друг на друга несколько мгновений, затем Брюл усмехнулся.

— Ну, хорошо, храни свою маленькую тайну! — сказал он. — Все, что я действительно хочу знать, это — когда ты возвращаешься?

— Очень скоро, Брюл, я на это надеюсь, — произнесла Триггер несчастным голосом. Тут из КомСети внезапно донеслись раскаты смеха, голоса, музыка. Брюл посмотрел в сторону.

— Вечеринка продолжается, — объяснил он. — Ага, вот и Нелок! Она хотела с тобой поздороваться.

В нескольких метрах позади него, в поле обзора визора вошла грациозная девушка и подошла к экрану. Она была стройна, фиолетовые волосы собраны в высокую прическу, а цвет глаз практически не отличался от волос. Нелок была одета во что-то похожее на ворох пестрых тряпок, что, по мнению Триггер, выглядело несколько неряшливо. Но, возможно, это было очень продвинутое

вечернее платье. Девушка была юна, ей точно не было еще двадцати.

Брюл по-братски положил руку на напудренное плечо.

— Познакомься с Триггер, Нелок!

Нелок пробормотала, что это знакомство честь для нее, и что она долго и с нетерпением ждала этого момента. Фиалковые глаза сонно моргали, когда она это произносила.

Триггер широко улыбнулась:

— Огромное спасибо за то, что организовали этот звонок. Я волновалась по поводу Брюла.

Вероятно, не стоило этого говорить, подумала она и была права. На Нелок изъявление благодарности не произвело никакого впечатления.

— О, у него все чудесно! — безо всякого выражения уверила она. — Не волнуйтесь, я слежу за ним. И это самое меньшее, что я могу сделать для него. Ну и для вас, конечно, дорогая Триггер.

Триггер стойко продолжала улыбаться.

— Большое спасибо еще раз! — сказала она, намекая, что намерена закончить обмен любезностями.

Нелок кивнула, улыбнулась и отошла от экрана. Брюл послал Триггер воздушный поцелуй:

— Сейчас связь прервется. Надеюсь скоро тебя

увидеть, Триггер.

Его изображение исчезло прежде, чем она смогла ответить.

Девушка встала из-за терминала и начала шагать по офису туда-сюда, тихо бормоча что-то себе под нос. Затем подошла к КомСети, протянула было руку, но потом снова убрала.

Лучше подумать над этим.

Это могло быть не опасно. Брюл никогда не волочился за женщинами. Иногда он позволял им бегать за собой. Задолго до того, как она покинула Мэнон, Триггер обнаружила, впрочем, без особого удивления, что жены, дочери и подруги магнатов, приезжающих из Ядра, столь же восприимчивы к обаянию Ингера, как и секретарши Прекола. Главное различие состояло в том, что первые практически этого не скрывали.

На самом деле, воздыхательницы Брюла ее не волновали. Фактически, она находила чрезвычайно забавными нескромные сообщения, которые влюбленные интриганки Ядра посылали Брюлу. Ее волновало другое. Возрастающая восприимчивость Брюла к этой демонстрации несметных богатств, которые он видел теперь постоянно. Многие из яхт, на которых он побывал в качестве представителя Прекола, были искусно

сработанными летающими дворцами, и, казалось, что ее любимый на большинстве их них был долгожданным гостем.

Сам он говорил об этих посещениях не слишком охотно.

Триггер снова принялась подражать маятнику, расхаживая по комнате.

Малышке Нелок не могло быть больше двадцати, но Триггер только что пообщалась с много повидавшей женщиной, от которой веяло пресыщенностью и самонадеянностью. Которой, с ехидством подумала Триггер, малышка Нелок, несомненно, и была.

А дочка, отцом которой был Белчиг Плули, с раздражением добавила она, несомненно, имела повод для самонадеянности…

— Мяу! — упрекнула она себя. Если уж говорить откровенно, Нелок к тому же была довольно привлекательна.

И если юная красотка относится к Брюлу серьезно, то сможет запросто соблазнить красавчика, как с помощью отца, так и без.

Триггер подошла к окну и посмотрела на площадку, располагавшуюся на сорок этажей ниже.

— Если, конечно, он настолько туп! — подумала она.

Возможно, он был туп. Но ведь это Брюл. Она вернулась к столу и села. Посмотрела на КомСеть. Влюбленная девушка имеет право потворствовать собственным прихотям.

Нет, нельзя! А что, если Холати Тэйт позвонит и предоставит ей разумное и убедительное объяснение всему, что произошло за последнее время, а затем обоснует, почему столь важно, чтобы она оставалась тут.

И если выбирать между тем, что может стать причиной беспокойства Холати Тэйта, и потерей этого дурачка Брюла…

Триггер включила КомСеть.

Глава 4

Глава отдела кадров отделения Прекола на Маккадоне сказал:

— Не я вам нужен, Арджи. Поскольку данный вопрос не подпадает под мою юрисдикцию. Я соединю вас с заместителем министра Розан.

Триггер моргнула.

— Заместителем… — начала было она, но кадровик уже отключился.

Она уставилась на КомСеть, чувствуя, что ее начинает бить дрожь. Она всего лишь попросила

перевода! А заместитель министра Розан входила в Большую Четверку Прекола. На мгновение Триггер завладело странное ощущение. Будто некое непонятное безумие распространялось по Ядру Звездного Скопления. Она прогнала прочь коварные мысли.

На экране появилась деловитая блондинка. Ей было лет тридцать пять. На ее лице появилась сдержанная холодная улыбка.

— Здесь Розан, — представилась она. — А вы Триггер Арджи. Весьма наслышана о вас. В чем проблема?

Триггер удивилась.

— Нет никаких проблем, — сказала она. — Директор по персоналу просто перенаправил меня к вам.

— У него четкие инструкции на сей счет, — сказала Розан. — Продолжайте.

— Я сейчас откомандирована.

— Знаю.

— Я хотела бы просить о возвращении меня к предыдущей работе. В Систему Мэнон.

— Да, вы имеете на это право, — сказала Розан. Она повернулась, вытащила телерайтер и подключила его к КомСети. Потом посмотрела на стол Триггер: — Я вижу, ваш райтер уже го-

тов. Нам нужен отпечаток большого пальца и подпись.

Она поместила бланк в телерайтер, передвинула дважды, когда Триггер вводила отпечаток и подпись, и ловко выхватила его из держателей.

— Ваше заявление будет рассмотрено в ближайшее время, Арджи. Удачного дня!

Да, неразговорчивая она, эта Розан.

Тем не менее заместитель министра оказалась женщиной слова. Триггер только приступила к завтраку, как почтовый ящик в кабинете громко звякнул. Ее заявление о переводе. В правом верхнем углу бланка стоял адрес: Эвали, а внизу было оттиснуто факсимиле «Просьбу отклонить», которое сопровождалось подписью Генерального Секретаря Администрации Колоний Прекола Министерства внутренних дел.

Триггер недоверчиво уставилась на бумагу, прыгая взглядом с отказа на подпись и обратно.

Коллапсар разрази, чиновники позаботились о том, чтобы отказ был заверен в Эвали только для того, чтобы показать, что у просительницы больше нет возможностей обращаться в вышестоящую инстанцию, поскольку выше Эвали инстанций не существует. Итак, Прекол не хочет возвращать ее в Мэнон. Приговор окончатель-

ный и обжалованью не подлежит. И тут Триггер обнаружила, что к ее заявлению приложен второй лист.

На нем от руки было начертано: *«В соответствии с инструкциями специального уполномоченного Тэйта»* и стояла подпись: «Розан». А еще четыре заключительных слова, тоже от руки: *«Уничтожьте, пожалуйста, это приложение».*

Триггер скомкала заявление и потянулась к КомСети.

Но сдержалась. У нее возник порыв немедленно подать в отставку. Но что-то подсказало ей, что последовать ему — не самая лучшая идея.

Она села, чтобы хорошенько обдумать это.

Вероятность того, что заместитель министра Розан не переносит Холати Тэйта, была очень велика. Много важных шишек из министерства внутренних дел не любили Холати Тэйта. Он постоянно наступал им на мозоль, хоть это и было оправданно, но ведь наступал. МВД и пальцем не пошевелило бы, чтобы посодействовать каким-нибудь начинаниям спецуполномоченного Тэйта.

А тут кто-то выполняет его инструкции, и к тому же, чрезвычайно оперативно.

Триггер покачала головой.

Колониальной Администрации имел право давать инструкции исключительно Совет Федерации!

И как вообще Федерация могла заинтересоваться делами некой Триггер Арджи? Девушка издала восклицание, выражающее смесь недоумения и испуга.

Какое-то время она просидела нахохлившись.

Потом потихоньку успокоилась, хотя испуг не прошел. Следовало серьезно поразмыслить над этим.

Предположим, что все так, сказала она себе. Это бессмысленно, но все остальное имеет еще меньше смысла. Просто предположим, что это так. Поставим это как проблему. Не будем задаваться вопросом, почему это так…

Тогда все выглядит до смешного просто. Она хочет улететь на Мэнон. Федерация — или кто-то еще, сопоставимый по мощи и влиянию с Федерацией, что невероятно — в настоящее время хочет, чтобы она осталась здесь.

Она разгладила приложение, написанное Розан, разорвала в клочки и отправила в настенный утилизатор. Одно обязательство выполнено. Других у нее не было. Ей нравился Холати Тэйт. Когда все выяснится, вероятно, она поймет, что

он по-прежнему ей нравится. Но в настоящее время она ему ничем не обязана.

Дальше. Предположим, что в настоящий момент они еще не перекрыли основные выходы на Мэнон. Они не могли перекрыть все маршруты, это просто невозможно. Но они с успехом могли следить за ней, чтоб она не смогла так просто развернуться и уйти. И они могли заранее подготовиться, чтобы принять непосредственные меры, если такая ситуация возникнет.

Ей, решила Триггер, необходимо применить те методы, которыми она пользовалась раньше, когда хотела незаметно покинуть территорию Колониальной Школы. Вряд ли это окажется слишком трудно.

А что она сделает, когда окажется снаружи?

В принципе, ей необходим билет. И это — поскольку беглянка не собиралась провести несколько месяцев в дороге, а в качестве частного лица не имела шансов проскользнуть на борт отправляющегося на Мэнон судна Федерации — обойдется ей в хорошенькую сумму. Скорее всего, придется потратить на это большую часть сбережений. Однако при данных обстоятельствах расходы были не особенно важны. Если Прекол отказался вернуть ее на прошлую работу,

то, когда она появится на Мэноне, множество промышленных предприятий, готовящихся перебраться туда, как только планета откроется, будут рады заполучить ее на свою сторону. Триггер уже отклонила дюжину предложений, где заработок был значительно выше ее нынешнего жалованья.

Итак… она выходит из Школы, садится в метро, доезжает до центра города, заходит в кабинку КомСети и запрашивает в транспортной службе «Гранд Коммерс» информацию о ближайших субпространственных рейсах на Мэнон.

Дальше резервирует место на первом же скоростном судне на имя — давай-ка посмотрим — на имя Бирны Дреллгэннот, которая была ее подругой, когда обеим девочкам было по десять лет. Так как Мэнон с недавних пор числится под охраной Прекола, она не должна была столкнуться с проблемой личной идентификации, как человек, покупающий билеты на планету, состоящую в Федерации.

В кассе ей придется оставить отпечаток большого пальца. Это неизбежно. Но на Маккадоне каждый час оставлялись миллионы таких отпечатков. Если кому-то придет дурацкая мысль запросить банк данных, то ему потребуется не так

уж много времени, чтобы добиться нежелательных для Триггер результатов. Будем надеяться, что этого не произойдет.

Следующая остановка — филиал Маккадонского Резервного Банка в Сеусе. Большая удача, что она проводила все свои банковские операции именно в Сеусе с тех пор, как стала подростком, потому что для ликвидации счета нужно будет назвать себя. Хорошо, что там ее знают в лицо. Нельзя терять времени в банке — это то место, где предполагаемые преследователи станут искать ее в первую очередь.

Она могла заплатить за бронирование билетов прямо в банке. Затем нужно зайти в магазин и купить чемодан и одежду для поездки…

И, наконец, пересидеть несколько часов до отлета судна в каком-нибудь отеле среднего класса.

Кажется, все. Вряд ли в плане не было ошибок, но попытка все предусмотреть займет время, и это в ситуации, когда она даже предположительно не знает, чему или кому именно противостоит. Для начала подойдет и так.

Когда следует уехать?

Прямо сейчас, решила она. Специальный уполномоченный Тэйт, возможно, уже проинфор-

мирован о том, что она просила перевода, и о том, что запрос отклонен. Он знал свою подчиненную слишком хорошо для того, чтобы предположить, что она приняла все как должное и теперь безутешно горюет здесь. Она вызвала по КомСети секретаря.

— Я собираюсь уехать из офиса, — известила она. — Есть что-нибудь, что я должна сделать перед этим?

Она специально задала этот вопрос, ибо еще перед завтраком просмотрела всю почту и чеки.

— Нет, мисс Фарн. Ничего.

— Чудесно, — ответила Рая Фарн. — Если я понадоблюсь кому-то в ближайшие три-четыре часа, пусть ищут меня либо внизу в главной библиотеке, либо на озере.

Если начнут разыскивать, это упоминание предоставит в распоряжение ищущих две огромных территории, если не считать того факта, что она может находиться и где-нибудь между двумя этими пунктами.

Через несколько минут Триггер не спеша расхаживала по комнате, беспечно напевая себе под нос, и оглядывая помещение. Тут было не так много безделушек, которые хотелось бы забрать, но в принципе можно за ними послать и с Мэнона.

«Дентон», во всяком случае, надо взять с собой. В небольшой пистолет был встроен быстродействующий станнер, а старина Арджи, прежде чем подарить оружие, заставил дочку со всем присущим ему занудством научиться пользоваться им виртуозно. Ей никогда не представлялось случая испробовать действие станнера на человеке, но она применяла его на охоте. Если игры в казаков-разбойников приобрели столь реалистичную окраску, то она готова использовать станнер без колебания, решила девушка.

«Дентон» скользнул в карман легкого плаща, который девушка перекинула через руку. Потом повесила на плечо сумочку, надела шляпу от солнца и вышла из комнаты.

Кухня Колониальной Школы располагалась на одном из подземных уровней. Если с тех пор, как Триггер была дипломницей, там кардинально не изменили систему охраны, то это как раз тот путь, которым она уйдет.

Насколько девушка могла судить, ничего не изменили. Весь уровень выглядел настолько не изменившимся, что она испытала сильнейший приступ ностальгии. Группы студентов, оживленно болтая, перемещались по коридорам между складами и кухней. Из просторного помещения

столовой, мимо которой прошла Триггер, донеслись такие же аппетитные запахи, как и прежде. Раздался звонок, означающий конец занятия, и по громкой связи класс такой-то и класс такой-то были направлены в комнаты такую-то и такую-то. Дежурившие тут и там охранники, главным образом, помогали заблудившимся новичкам.

Беглянка вышла на большую и ярко освещенную погрузочную платформу, также знакомую ей по годам учебы. Примерно шестьдесят-семьдесят больших цилиндрических фургонов парили над ней, большинство из них разгружалось, а некоторые стояли все еще запломбированные.

Триггер неторопливо сошла по пандусу, стараясь особенно не светиться, и пронаблюдала за передвижениями двух охранников, отметив про себя четыре, по крайней мере, фургона, которые были пусты и, следовательно, готовы к отправлению.

Водитель самого дальнего из пустых грузовиков стоял на крыше своего транспортного средства. Когда Триггер поравнялась с машиной, он окинул ее с ног до головы. Это был крупный молодой человеком со взъерошенными черными волосами и наглым самоуверенным взглядом. На его лице высветилась хитрая насмешка — он

знал о путях студенческой самоволки.

Триггер показала ему левой рукой три пальца. Усмешка стала шире. Он покачал головой и показал двумя руками восемь пальцев.

Триггер нахмурилась и оглянулась на фургоны, стоявшие позади. Потом подняла левую руку — пять пальцев.

Водитель соединил большой и указательный пальцы в кольцо. Итак, сделка состоялась за пять крон Маккадона, которые и в ее время были стандартной платой за провоз при нелегальном выходе из Школы. Приятно, что инфляция не коснулась этой сферы человеческих взаимоотношений.

Триггер добрела до конца платформы, развернулась и пошла обратно все так же неторопливо, но теперь уже по самому краю пандуса. Чуть ниже задняя дверь другого фургона распахнулась, и оттуда посыпались ящики. Они падали на гравитационный луч, идущий с крыши, и скатывались дальше, прямо к ожидающему их складскому грузовичку. Ближайший охранник стоял и наблюдал за процессом. Триггер сделала несколько торопливых шагов и добралась до своего водителя.

Он подал ей руку, помогая подняться. Монетка

в пять крон скользнула в широкую ладонь.

— Садись вперед, — сказал он сиплым голосом. — Рядом с сиденьем водителя. И пригнись. Куда едем?

— К ближайшей станции метро.

Он усмехнулся и кивнул:

— Будет сделано.

Двадцать минут спустя Триггер уже была в центральном пункте КомСети. В ее плане наметились небольшие изменения, но все же первым делом она зашла в магазинчик неподалеку и приобрела совершенно неприметное платье и дешевый шарфик. Она тут же переоделась, а школьную форму сложила в коробку и за одну крону отправила в камеру хранения, получив в обмен пластинку с номером. Ей пришло в голову, что есть шанс попасть в сводку новостей Школы, если до сведения Племпони дойдет известие о том, что по городу гуляет гораздо больше студентов, чем отражено в увольнительной ведомости.

Или, подумала Триггер, если кто-то потерял некую Триггер Арджи.

Она накинула плащ на плечи, опустила в таксоприемник КомСети мелкую монетку и прикрыла серебристо-белые волосы шарфом. Зажегся экран. Она запросила отдел перевозок

«Гранд Коммерс».

Во время ожидания она вдруг подумала, что все это начинает ей нравиться. Водитель спровоцировал небольшой инцидент, поскольку, как оказалось, хотел внести собственные коррективы в планы Триггер — в дни учебы она часто сталкивалась с подобным. Но инцидент не перерос в серьезную проблему. Водители, которые хоть раз имели дело с Колониальной Школой, уже знали, — а некоторые и на личном и весьма малоприятном опыте, — что воспитанницы Мискаль, которых смело можно было назвать коммандос, владели совсем не девичьими методами охлаждения пыла слишком настойчивых парней.

Экран подал признак жизни. Взгляд служащего отдела перевозок пробежался по платьицу Триггер, когда та назвала пункт назначения. Выражение его лица оставалось отстраненно-вежливым. Да, «Дон Сити» завтра вечером вылетает из космопорта Сеуса в Систему Мэнон. Да, действительно, это один из новейших и самых быстрых экспресс-судов. Снова оценив ее платье, он добавил, что это также один из наиболее дорогих кораблей. В пути будет всего две трёхчасовые остановки в Ядре, за Маккадоном — на Эвали и Гарте. Затем прямой переход к Мэнону, если,

конечно, гравитационные возмущения не приведут к вынужденной посадке. Примерное время в пути составляет одиннадцать суток, в худшем случае шестнадцать.

— К сожалению, мадам, осталось всего несколько кают, причем, должен признаться, не самого высокого качества, — произнес он извиняющимся тоном. — Последние три месяца на рейсах к Мэнону не было свободных мест.

— Мне кажется, я выдержу, — сказала Триггер. — Сколько стоит самая дешевая каюта?

Служащий прочистил горло и назвал цену.

Хотя она внутренне была готова услышать подобное, все же не могла не сморгнуть. Цена все же намного превысила ожидания. Со всеми ее сбережениями и деньгами в кошельке у нее останется сто двадцать шесть крон.

— Какие-нибудь услуги предоставляются за дополнительную плату? — спросила она слегка осипшим голосом.

Он пожал плечами и небрежно бросил:

— Например, Отдых Путешественника. Девять сотен за три прыжковых периода. Но это, конечно же, исключительно по желанию. Некоторые пассажиры предпочитают ощутить все прелести подпространственного прыжка, — он

улыбнулся, как показалось Триггер, чисто садистски. — Конечно же, непосредственно после него любознательные обычно меняют свое мнение.

Триггер кивнула. Ей не раз приходилось переживать прыжки. Они и ей в принципе не нравились — да и вообще трудно было упрекнуть кого-либо в пристрастии к ним — но, кроме легкой тошноты или головокружения, девушка не испытывала никаких неудобств. У многих начинались галлюцинации или истерики, некоторые переживали нервный срыв.

— Что-нибудь еще? — спросила она.

— Остаются лишь обычные рутинные моменты, — сказал служащий, выглядевший довольно удивленным. — Вы готовы… Мадам все-таки желает зарезервировать каюту?

— Мадам желает, — холодно ответила Триггер. — Когда я должна быть в космопорте?

Лучше появиться за час до отлета. Если не поторопиться, то весь этот час она проведет в очереди на посадку.

Размышляя, она вышла из переговорного пункта. «Дон Сити» отправляется почти через двадцать шесть часов. В любом случае, у нее масса времени на то, чтобы не потратить весь оставшийся капитал до вылета с Маккадона.

Питаться она не будет, решила Триггер. Разве что следующим утром возьмет в гостинице завтрак, который входит в оплату номера.

А еще ожидает ее вовсе не отель среднего класса.

В здании Резервного Банка Маккадона за ней, вроде, никто не следил. Поскольку это почтенное учреждение занимало целый городской квартал и имело входы, начиная с уровня улицы и заканчивая пятьдесят восьмым этажом, для поимки Триггер понадобилась бы небольшая армия. Для входа в хранилище необходимо было пройти через идентификацию личности, но этого можно было избежать. Семь лет назад, когда Рансер Арджи внезапно умер, и она в качестве наследницы должна была получить его собственность и записи, ей пришлось иметь дело с маленьким седовласым работником хранилища, который проявил к девочке поистине отеческие чувства. Поэтому в ней проснулась уверенность в благополучном исходе дела, когда она заметила, что он все еще служит.

Так и получилось. Он даже не поднял взгляда на нее, пока она не подтолкнула к нему удостоверение Федерации и свою подпись. Он резко вскинул голову — его глаза лучились радостью.

— Триггер, душа моя! — Он вскочил со стула и протянул руку. — Как я рад тебя видеть! Знаешь, я много о тебе слышал.

Они пожали друг другу руки. Девушка прижала палец к губам.

— Я здесь инкогнито! — предупредила она шепотом. — Вы будете держать мой визит в секрете?

Выцветшие голубые глаза слегка расширились, но банковский служитель промолчал. Собственно говоря, имя Триггер Арджи было довольно известно, особенно в ее родном мире. И насколько он помнил Триггер, она была не из тех девиц, кто ищет всеобщего внимания.

Он кивнул.

— Да, конечно, — он подозрительно посмотрел на стоящих поблизости посетителей, затем обратил внимание на написанное Триггер и нахмурился.

— Ты забираешь все? Но ты же не навсегда покидаешь Сеус, правда?

— Нет, — успокоила его Триггер, — я вернусь обязательно. Просто возникла временная необходимость.

Это было единственное объяснение, которое она дала. Через четыре минуты у нее уже были

ее деньги. Еще через три минуты она оплатила каюту в «Дон Сити» от имени Бирны Дреллгэннот и оставила в кассе отпечаток большого пальца. Подсчитывая остаток, она обнаружила, что у нее меньше ста тридцати восьми крон.

Что ж, придется остаться без ужина. Ведь нужно было купить еще чемодан и одежду. Ну а потом лучше отсидеться в гостиничном номере.

В окрестностях банка уличное движение было не слишком оживленным, но двумя кварталами дальше, когда она уже приблизилась к торговому центру, поток машин увеличился. Неспешно шагая, Триггер чувствовала себя уверенной в успехе; единственная реальная возможность поймать ее была в банке. Старик-дежурный не станет трепать языком.

За полквартала до торгового центра ей повстречалась шумная компания, которая состояла из веселых звездонавтов в расстегнутых форменных куртках и цепляющихся за них сеусских девиц. Триггер отошла к краю тротуара, чтобы освободить дорогу. Парни оказалась слева от нее, а справа у бордюра неслышно возникла тень аэрокара.

С громкими приветствиями и взрывами смеха компания подошла к Триггер, сгрудившись во-

круг нее; девушке зажали рот, руки оказались плотно прижаты к бокам. А когда ноги оторвались от земли, она осознала, что ее несут куда-то вперед.

Затем она оказалась втиснутой на заднее сиденье кара, руки по-прежнему были зажаты. Она вдохнула поглубже, чтобы закричать, но дверца захлопнулась и крик растворился в уличном шуме и смехе.

Аэрокар слегка накренился, взмывая вверх.

Глава 5

Мужчина, который сжимал запястья Триггер, слегка разжал медвежью хватку и немного повернул девушку вполоборота так, что она смогла сесть. Она не успела рассмотреть его, когда он схватил ее, но было похоже, что он носил такую же униформу звездонавтов, как и те, кто затолкнул ее в машину. Другой человек в каре — водитель — сидел впереди, спиной к ним. Он выглядел как обычное гражданское лицо средних лет.

Триггер медленно перевела дыхание. Теперь не было никакого смысла вопить. Она чувствовала, как немного дрожат колени, но в целом страха не

было. Во всяком случае, пока.

— Ну что, нашел что-нибудь? — спросил мужчина, который держал ее. Голос был низким, а тон был деловым и спокойным.

— Есть три возможности, — неопределенно ответил водитель, не повернув головы. — Даже две… и одна из них, я бы сказал, крайне вероятная!

— Ну, так давай.

Водитель не ответил, но машина рванулась так, что Триггер сильно стукнулась о спинку сиденья. Через переднюю смотровую панель она не смогла увидеть ничего, кроме перемещающейся линии горизонта. Казалось, что кар слишком быстро набирает высоту. Вероятнее всего, подумала она, он уже поднялся выше основных дорожных трасс Сеуса.

— Теперь, мисс Арджи, — сказал мужчина, сидевший рядом, — я хотел бы вас немного успокоить.

— Что ж, успокаивайте, — неуверенно произнесла Триггер.

— Мы не причиним вам ни малейшего вреда, — сказал он. — Мы — ваши друзья.

— Хорошенькие же у меня друзья! — заметила Триггер.

— Я объясню вам все через несколько минут. У нас на хвосте сейчас могут висеть крайне опасные типы, и если они возьмутся догонять…

— Что они, кажется, и делают, — перебил водитель. — Держитесь крепче, сейчас подойдем вон к той куче облаков, придется малость покрутиться.

— Скорее всего, мы стряхнем их там, — пояснил Триггер другой мужчина. — Если нет, то мне понадобятся обе руки, чтобы держать оружие.

— Ну и..? — спросила она.

— Я хотел бы надеть на ваши изящные ручки наручники. Всего на пару минут. Мне сказали, что вы удивительно ловкая и смышленая маленькая леди, и мы не хотим, чтобы вы предприняли что-нибудь неразумное. Договорились?

Триггер прикусила губу. Ничего хорошего в этом не было, и успокоенной она пока себя не чувствовала.

— Валяйте, — сказала она.

Он отпустил ее левую руку, для того чтобы достать наручники. Она крутнулась вокруг своего стража, и продолжила движение, чтобы освободить «Дентон». Триггер прекрасно владела приемами рукопашного боя, но проблема заключалась в том, что этот здоровяк, которого она

собиралась обвести вокруг пальца, оказался не дураком, и к тому же его бицепсы были не в пример мощнее. Она потеряла драгоценные мгновенья только для того, чтобы выяснить, что «Дентона» больше не было в кармане плаща. После этого уже не смогла вернуть себе инициативу.

Не помогло даже то, что кар внезапно начал вести себя так, будто собирался лететь в трех направлениях одновременно.

В общем, прошло примерно секунд сорок, прежде чем она снова плюхнулась на место. Руки, зафиксированные гладкими пластиковыми шнурами наручников, теперь оказались за спиной. Ее страж стоял позади водителя и держался за спинку пилотского кресла. Он даже не запыхался, с горечью отметила Триггер. Смотровая панель была заполнена хлопковой белизной облака. Казалось, они снова снижались.

Еще один резкий поворот, и они выскочили из влажной серой тени под яркий солнечный свет.

Прошло несколько секунд.

— Похоже на то, что мы оторвались, — заметил здоровяк.

— Точно, — отозвался водитель. — Скоро река. Я поверну там на север и сяду.

— Вот и славно, — сказал здоровяк. — Отвези

нас туда, и все проблемы решатся сами собой.

Несколько минут прошло в тишине. Теперь Триггер чувствовала, как машина сбрасывает скорость и снижается. Затем в смотровой панели мелькнули верхушки деревьев.

— Отличная работа! — страж с одобрением похлопал водителя по плечу и вернулся к Триггер.

Несколько секунд они пристально разглядывали друг друга. Он был высок, темноглаз, сильно загорел и обладал огромными накачанными плечами. Скорее всего, он был старше Триггер лет на пять-шесть, не больше. Он изучал ее с любопытством, и выражение его глаз было совершенно спокойным. Что-то взволновало ее на мгновение, и она почувствовала озноб. Что-то промелькнуло у нее в мозгу, какое-то странное ощущение, воспоминание о чем-то полузабытом. Огромном, холодном, опасном и находящемся очень далеко. Ощущение покинуло ее прежде, чем она что-либо смогла понять. Это ей не понравилось, и Триггер нахмурилась.

Здоровяк улыбнулся. Его лицо, как отметила девушка, не было столь уж неприятным.

— Мне жаль, что пришлось вести себя так грубо, — сказал он. — Вы даете мне слово, что будете вести себя спокойно, если я сниму наручники и

объясню, в чем проблема?

— Сначала лучше объясните, — коротко бросила она.

— Ну, хорошо. Мы везем вас к спецуполномоченному Тэйту и будем на месте примерно через час. Он скажет лично, почему захотел вас увидеть.

Триггер на мгновение прищурилась. В душе она почувствовала огромное облегчение. В любом случае Холати Тэйт не позволит, чтобы с ней обошлись плохо, а потом наконец она узнает, что происходит.

— У вас странный способ доставлять людей, — заметила она.

Он засмеялся.

— Похищение не было предусмотрено планом. Вы сказали, что хотите поговорить со спецуполномоченным. Нас послали в Колониальную Школу, чтобы забрать вас и сопроводить к нему. Когда мы узнали, что вы исчезли, пришлось импровизировать на ходу. Объяснять вам причины — не мое дело.

— Те люди, которые преследовали кар… — нерешительно произнесла Триггер.

— Хотите знать, какую они преследовали цель? — задумчиво спросил он.

— Они что, преследовали меня?

— Ну, — сказал здоровяк, — не меня, это уж точно. Лучше пусть об этом вам тоже расскажет спецуполномоченный. Ну, как теперь насчет вашего слова?

Она кивнула.

— Пока вы не вернете меня спецуполномоченному.

— Договорились, — сказал он. — Тогда вы уже будете его проблемой.

Он вытащил из кармана плоский ключик и потянулся ей за спину. Казалось, он просто дотронулся до наручников, но она почувствовала, что как пластиковые шнурки ослабились и упали.

— Где мой пистолет? — спросила Триггер, потирая запястья.

— У меня. Я отдам его спецуполномоченному в руки.

— Как вы, парни, нашли меня так быстро?

— Полиция круглые сутки держит выходы банка под визуальным контролем. Мы просмотрели их данные. Вас засекли, когда вы входили, — он сел рядом с ней. — Я бы представился, но не уверен, соответствует ли мое желание планам специального уполномоченного.

Триггер пожала плечами. Вполне вероятно,

решила она, что ее собственные планы все еще расстроены не до конца. Не обязательно, что Холати и его друзья знают о снятых с ее счета деньгах. Если она будет сохранять спокойствие, то сможет вернуться в Сеус и взойдет на борт «Дон Сити» завтра к вечеру.

— У вас же нет никаких отрицательных эмоций? — дружелюбно спросил накачанный сотрудник Тэйта.

Триггер косо взглянула на него. Совсем не дружелюбно.

— Есть, — ровно произнесла она.

Он выглядел удивленным.

— Может быть, — донесся спереди голос водителя, — мисс Арджи удовлетворится глоточком «Пайя». Фляга в кармане моего плаща. С левой стороны.

— Это идея, — заметил компаньон Триггер и посмотрел на нее. — Это очень качественный «Пайя», семилетней выдержки.

— Вот и подавитесь им, — нежно сказала Триггер. Она поудобнее устроилась в кресле и закрыла глаза. — Можете разбудить меня, когда прибудем на место.

Глава 6

Когда Триггер привели в небольшой личный офис специального уполномоченного Тэйта, и она агрессивно спросила, что, дьявол возьми, происходит, здоровяк Тэйта вместе с ней заходить не стал. Он только спросил шефа из-за двери, нужно ли ему отвести профессора Мантелиша в зал для конференций, на что специальный уполномоченный кивком дал согласие. Здоровяк сразу же закрыл дверь и оставил их наедине.

Тэйт был невысоким пожилым мужчиной, опрятным и элегантным в своем кителе Прекола. Он производил впечатление уравновешенного и доброго человека.

Маленькие серые глаза на темном от солнца суровом лице не были в действительности добры, если смотреть на них вблизи или если вы знали спецуполномоченного достаточно хорошо.

— Я знаю, что все это выглядело странно, — признал специальный уполномоченный, — но обстоятельства тоже были не слишком обычными. И все еще продолжают оставаться таковыми. Поверь, деточка, я не хотел лишний раз волновать тебя.

— Правда? Методы, которые вы использовали, едва ли повлияли на меня успокаивающе, — нервно сказала Триггер.

— И это я тоже знаю, — ответил Тэйт. — Но если бы я сразу рассказал тебе все, то у тебя была бы причина волноваться в течение последних двух месяцев, а не только в течение после дней пары суток. Теперь ситуация значительно улучшилась. Фактически, через несколько дней у тебя вообще не будет оснований для волнений, — он сдержанно улыбнулся. — Во всяком случае, не больше, чем у всех нас.

Триггер внезапно почувствовала, как у нее пересохло во рту.

— А сейчас есть основания? — спросила она.

— До сегодняшнего дня. У тебя, девочка, назревали крупные неприятности. Сегодня вечером мы устранили большинство из них. Я думаю, навсегда.

— Вы имеете в виду, что часть из них все равно осталась?

— В некотором смысле, — сказал он. — Но они должны быть ликвидированы в течение последующих трех-четырех дней, — Тэйт встал. — Ну, пойдем, присоединимся к Мантелишу.

— Зачем нам профессор?

— У него есть... как бы сказать помягче... питомец, что ли, и я хочу, чтобы ты взглянула на него.

— Питомец! — воскликнула Триггер. Она покачала головой и покорно поднялась. — Что ж, ведите, специальный уполномоченный!

* * *

После того, как аэрокар нырнул между двумя обледеневшими горными вершинами, они присоединились к Мантелишу и его гротескному плазмоиду в странном месте, которое напоминало столовую старомодного охотничьего домика. Триггер не была уверена, в какой именно части континента они находились, но все-таки кое-какие предположения у нее были, исходя из того, что они пребывали высоко в горах, и ночь наступила тут гораздо быстрее, чем обычно в Сеусе.

Она поприветствовала Мантелиша и села за стол. Профессор был очень большим, довольно толстым, но при этом выглядящим вполне здоровым стариканом с густой копной белоснежных волос и румяным лицом.

Затем спецуполномоченный закрыл двери и представил ее питомцу профессора.

— В некотором роде, — сказал Холати Тэйт, —

это небольшое устройство, кажется, оказалось в эпицентре всех проблем с плазмоидами. Знаешь, что это?

Триггер посмотрела на устройство с долей отвращения. Темно-зеленое, с розовыми, как на мраморе, прожилками, очень напоминающее жирную полуметровую пиявку, оно возлежало на столе между ними. Создание было неподвижно, за исключением того, что тот его конец, который был ближе к девушке, тихонько двигался из стороны в сторону, словно его бил нервный тик.

— Один из плазмоидов, — ответила она. — Нервный, — она слегка прищурилась, глядя на него. — Похоже на 113-го. Это он?

Специальный уполномоченный Тэйт и профессор Мантелиш, который сидел в кресле, переглянулись и уставились на гостью, подняв брови, по всей видимости, удивленные чем-то.

— В чем дело? — спросила она.

— Мы просто удивлены, — сказал Холати, — как это тебе удалось запомнить конкретно 113-го из нескольких тысяч плазмоидов на Полнолунии.

— Очень просто. Один из аспирантов в вашем Проекте упоминал об образце 112–113. Вот и всплыло в памяти. Итак, я права, это 113-и?

— Нет, — сказал Холати Тэйт. — Но, похоже, что

его дубликат. Он промаркирован как 113-А. Даже профессор не уверен, что может их различить. Да, Мантелиш?

— Верно, — сказал Мантелиш, — пока еще нет. Если только не сравнивать их непосредственно…

Он пожал плечами.

— И что такого особенного в этой твари? — спросила Триггер, снова уставившись на пиявку. У нее единственный плюс — нет глаз на спине.

— Плазмоид, о котором ты упоминала, образец 112–113, был похищен, — сказал Тэйт. — Мы не… — но тут Холати Тэйт вдруг обратил внимание на стол. — Сейчас начнется! — произнес он шепотом.

Триггер проследила за его пристальным взглядом. Через мгновение она издала тихий звук, выражающий одновременно и тревогу и отвращение.

— Фу! — произнесла она. — Да оно движется!

— Да, правильно, — подтвердил Холати.

— Ко мне! — воскликнула Триггер. — По-моему…

— Только не пугайся. Мантелиш!

Мантелиш уже осторожно подходил к стулу, на котором сидела Триггер.

— Не двигайтесь! — предостерег он.

— Почему? — спросила девушка.

— Тише, моя дорогая, — Мантелиш положил свои огромные тяжелые ручищи ей на плечи и слегка надавил. — Он очень чувствителен! Это крайне интересно. Крайне.

Возможно, так оно и было. Девушка продолжала во все глаза наблюдать за плазмоидом. Он стал немного тоньше и очень медленно скользил без остановок по столу. По направлению к ней.

— Хо-хо! — произнес Мантелиш громким шепотом. — Похоже, вы ему нравитесь, Триггер! Хо-хо! — Он выглядел очень довольным.

— Да, — беспомощно произнесла Триггер, — а мне он не нравится! — Она начала слегка извиваться под руками Мантелиша. — И я бы предпочла встать со стула!

— Не будьте ребенком, Триггер, — с досадой сказал профессор. — Вы ведете себя так, будто он нападает на вас.

— Так оно и есть, — ответила она.

— Тихо, моя дорогая, — отстраненно произнес Мантелиш, чуть сильнее надавив на плечи. Триггер, смирившись с ролью невинного агнца на заклании, замолчала. Примерно через минуту плазмоид дополз до края, и Триггер при-

готовилась улизнуть из-под рук Мантелиша и выпрыгнуть из стула, если создание соберется упасть к ней на колени.

Но 113-А остановился. В течение нескольких секунд он лежал неподвижно, потом медленно приподнял передний край туловища и начал размахивать им туда-сюда. Приветствуя персонально ее, заподозрила Триггер.

— Салют! — испуганно проговорила она.

Болтающийся кончик снова опустился на стол. Плазмоид опять стал неподвижным. Прошла минута, другая, а существо так и не двигалось.

— Я полагаю, на сегодня шоу окончено, — сказал Тэйт.

— Боюсь, что так, — подтвердил профессор Мантелиш. Он убрал руки с ноющих плеч Триггер. — А ведь вы напугали его, Триггер! — обвиняюще прогудел он.

Глава 7

Холати Тэйт объяснил, что ни разу в течение нескольких недель 113-А не выказывал такой активности. Притом, что 113-А бесспорно считался самым подвижным из всех плазмоидов.

— Вполне возможно, — сказал Мантелиш, про-

буждаясь от глубокой мысли, — что его привлек запах вашего тела.

— Вот уж спасибо, Мантелиш! — промолвила Триггер.

— Пожалуйста, дорогая. — Мантелиш подтолкнул стул, придвинулся к столу и объявил: — А сейчас мы проведем небольшой эксперимент. Возьмите-ка его на руки, Триггер.

Она уставилась на ученого:

— Взять на руки? Ну уж нет, Мантелиш. Мы проведем какой-нибудь другой эксперимент.

Мантелиш нахмурил густые брови. Холати улыбнулся девушке через стол и предложил:

— Просто дотронься до него кончиком пальца. Ты ведь сделаешь это для профессора, правда?

— Вряд ли, — мрачно сказала Триггер, но протянула руку и осторожно прикоснулась к наименее подвижному концу 113-А.

Через секунду у нее вырвалось:

— Надо же! — ее палец двинулся дальше по бархатистой, мягкой, теплой поверхности плазмоида. Было такое чувство, как будто она гладит котенка.

Она удивленно произнесла:

— Знаете, а гладить его приятно! Он только на вид отвратителен.

— Отвратителен?! — оскорбленно пророкотал Мантелиш.

Спецуполномоченный приподнял руку:

— Секунду, друзья!

Он уловил какие-то внешние сигналы, которые не заметила Триггер, поскольку подошел к стене и нажал кнопку. Дверь комнаты открылась, и вошел мускулистый верзила — похититель Триггер. Здоровяк держал поднос, на котором стояла широкая коричневая бутылка и четыре небольших рюмки.

Спецуполномоченный представил его: майор Хеслет Квиллан, и по совместительству субпространственный инженер. Для субпространственного инженера он неплохо накачан, ядовито решила Триггер. Но на территории данной комнаты царило перемирие, и не было оснований его нарушать из-за нового человека. Они с Триггер улыбнулись друг другу.

— О, «Пайя»! — воскликнул профессор Мантелиш, бочком придвигаясь поближе к подносу, как только Квиллан поставил его на стол.

Казалось, Мантелиш даже забыл о своем эксперименте с плазмоидом, и Триггер не собиралась напоминать об этом. Незаметно она убрала руку от 113-А, пока профессор был занят откупорива-

нием бутылки.

— Триггер, ты, конечно, выпьешь немного? Это единственная хорошая вещь, которую производит отсталый мир Рамли.

— Моя прабабка была рамлианкой, — заметила Триггер, наблюдая, как Мантелиш разливает фиолетовую жидкость. — Но, к своему стыду должна признать, что я никогда не пробовала предмет гордости моих предков. Да, благодарю.

Квиллан поставил одну из рюмок перед ней.

— Знаете, за что мы выпьем? — спросил Мантелиш, обведя хитрым взглядом присутствующих, и вежливо приподнял рюмку. — За вашу прабабушку, Триггер!

— Мы присоединяемся к науке, — произнес Квиллан, пододвигая стул для себя, — но настоятельно посоветуем Триггер в первый раз сделать маленький глоток. Во избежание разного рода сюрпризов.

Никто не приглашал майора сесть за стол, но никто и не возражал. Что ж, хорошо, подумала Триггер.

Она сделала глоток. Вкус был резким и обжигал гортань похлеще горьких перцев. Она поставила рюмку на стол, еле вздохнула и с трудом выдохнула. На глазах даже выступили слезы.

— Славный напиток! — прохрипела она.

— Да, — согласился спецуполномоченный. Он поставил пустую рюмку и причмокнул губами: — А теперь, — добавил он быстро, — давайте продолжим нашу беседу.

Небольшой уголек, который проглотила Триггер, потихоньку остывал, и по телу начал распространяться жар. Комната и в самом деле приняла вид столовой в охотничьем домике. Бревна, из которых он был сложен, потемнели от времени, сильно блестели и выглядели старыми и потертыми. Стены украшали рогатые головы диких животных Маккадона.

Но сейчас был открыт сезон совсем другой охоты. Когда Квиллан привел девушку сюда, мимо них сразу прошли трое людей, которые даже не взглянули на нее. Из других комнат постоянно доносились различные звуки и обрывки разговоров, и все это наводило на мысли о большом количестве людей, участвующих в работе некоего действующего штаба.

— Кто-то стоит у входа. Мы подождем, пока не узнаем, что ему нужно.

Огромный человек, появившийся в дверях, смущаясь, напомнил профессору Мантелишу, что тот хотел пронаблюдать погрузку лабораторного

оборудования. Если профессор не против, то лаборанты, пожалуй, приступят.

Мантелиш извинился и ушел с посыльным. Дверь закрылась. Квиллан вернулся и сел на стул.

— Мы перевезем наше оборудование попозже, — пояснил спецуполномоченный. — Мантелиш со всем своим скарбом весом в восемь тонн уезжает первым. Его сопровождают шесть охранников Университетской Лиги.

— И только-то? — Триггер подняла рюмку с «Пайя», посмотрела на просвет и с удивлением обнаружила, что та пуста. — И куда же все уезжают? — спросила она.

— На Мэнон, — сказал спецуполномоченный. — Я попозже тебе все объясню.

Казалось, все мышцы Триггер расслабились одновременно. Она откинулась на спинку стула, удивленная силой своей реакции. Оказывается, она не осознавала даже наполовину, насколько была взвинчена! Она вздохнула и улыбнулась Квиллану.

— Майор, — произнесла она, — не хотите налить мне еще полрюмочки божественного напитка?

Квиллан выполнил ее пожелание без возра-

жений.

— Кстати, — сказал Тэйт, — у Квиллана ученая степень по субпространственной инженерии и он постоянно получает задания. Но его подлинная работа в РУКСе — Разведывательном Управлении Космических Скаутов.

Триггер кивнула.

— Я так и думала! — Она снова улыбнулась Квиллану и едва не улыбнулась 113-А. — Уж очень ловко он меня стреножил!

— Ну, а теперь мы можем поговорить более свободно, — заявил Тэйт. — Мы не ставим в известность Мантелиша обо всем, о чем только можно промолчать. По правде говоря, Триггер, профессор представляет собой серьезную обузу в ходе операции, подобной этой. Я понимаю, что он был другом твоего отца.

— Да, — сказала она. — Одно из моих первых воспоминаний — это прогулки с отцом по саду Мантелиша. Я могу представить, насколько он сложная личность! — Она переводила любопытный взгляд с одного мужчины на другого. — А чем вы тут, собственно говоря, занимаетесь?

— Мы являемся, — пустился в объяснения Холати Тэйт, — одной из нескольких сотен групп Федерации, прикрепленных к Проекту «Плаз-

моид». Каждая группа работает независимо от других согласно своему профилю, а затем вся информация собирается в одном месте, — он сделал паузу. — Так вот, самая большая проблема Совета Федерации, а все мы работаем непосредственно на него, заключается в том, что политическая ситуация в Ядре становится щекотливой. Совету кажется, что в один прекрасный момент она может превратиться в опасную. И, возможно, это предположение правильное.

— Каким же образом? — спросила Триггер.

— Ну, предположим, что главный образец потерян с концами. Если хочешь знать, речь идет о 112–113. Допустим на мгновение, что все остальные плазмоиды, вместе взятые, не содержат в себе столько информации, сколько он.

— А для чего эта информация?

— Чтобы понять, как ученые Старой Галактики производили биороботов и заставляли функционировать.

— И кто-то уже в скором времени отыщет ответы на эту проблему, не так ли?

— Не обязательно, и даже, скорее всего, нет, согласно мнению Мантелиша и кое-кого из людей, которые в курсе дела. Похоже, у нас отсутствуют базовые элементы. Возможно, необходимо будет

для начала развить несколько абсолютно новых областей науки. А на это могут уйти столетия.

— Ну и что? — риторически спросила Триггер. — По мне, так я спокойно проживу без плазмоидов всю свою жизнь.

— Да и я тоже, — неблагодарно сказал Тэйт, сделавший себе имя и состояние на плазмоидах. — Жуткие создания! Давай-ка, посмотрим на проблему с другой стороны. В настоящее время членами Федерации являются тысяча двести пятьдесят восемь миров, правильно?

— Более или менее.

— Ну и количество планетарных конфедераций, планетных правительств, промышленных, финансовых и коммерческих объединений я даже не берусь подсчитать.

— На что вы намекаете? — спросила она. — Их всех проинформировали, что грядет золотой век, время науки о плазмоидах. И практически все приняли это заявление на веру. Теперь у многих возникли крупные сомнения.

— М-да, — только и смогла сказать Триггер. — Конечно же, почти все они стали ощущать, что их обманули, да?

— Включи в число обманутых любой из двухсот четырнадцати закрытых миров. Ограничиваю-

щие договоры не позволяют им получить свою долю пирога, пока в других мирах использование плазмоидов не продлится хотя бы лет десять-пятнадцать. А они теперь рвут и мечут…

Возникла небольшая пауза. Затем Триггер воскликнула:

— Господи! Да эти создания могут спровоцировать сразу несколько войн!

— Вот именно поэтому Совет так нервничает, — сказал Тэйт.

— Вот уж неприятность, так неприятность, — Триггер замолчала на некоторое время. — Холати, а эти существа могут хоть когда-нибудь стать настолько полезными, как предполагают оптимисты? По мне, так все эти разговоры о золотом веке не больше, чем реклама.

Спецуполномоченный признал, что это соображение волнует и его тоже.

— Моих знаний биолога недостаточно, чтобы дать квалифицированный ответ. Но все идет к тому, что плазмоиды могут стать невероятно полезными. А это способно спровоцировать множество людей ринуться сломя голову в эту авантюру и заполучить контроль над процессом изучения плазмоидов. У меня есть пара зацепок, но пока картина все еще очень неясна. Ведь рабо-

таешь только с тем, что удалось разузнать, — он кивнул в сторону стола. — Одну зацепку дал нам 113-А.

Триггер опустила взгляд. Плазмоид располагался уже в нескольких сантиметрах от ее руки.

— Знаете, — сказала она неловко, — этот монстр снова двигался, пока мы разговаривали! К моей ладони, — она отдернула руку.

— Я наблюдал за ним, — успокаивающим тоном произнес майор Квиллан с другого конца стола. — Я бы предупредил вас, но он остановился на том самом месте, где сейчас. Это было приблизительно пять минут назад.

Триггер дотянулась до монстра и осторожно похлопала по «спине».

— Какой живчик! А его в самом деле приятно трогать. Как котенок! И как вы получили эту зацепку? — Мантелиш привез упомянутый образец с Маккадона, в основном потому, что не знал, каково его предназначение. Он просто лежал там в боксе. Профессор начал ставить над ним эксперименты.

Триггер потрясла головой.

— И что случилось со 113-А?

— Мантелиш уже получил кое-какие результаты, — сказал спецуполномоченный. — Один

эксперимент был просто потрясающим. Профессор проверял действие электростимуляции. Ничего не происходило, пока он не закончил. Затем он дотронулся до плазмоида, и тот благодарно вернул ему весь заряд. Судя по всему, доза была немаленькой.

Она радостно засмеялась.

— Неплохо для монстра! Постоял за свои права, да?

— Так или иначе, Мантелиш получил урок и после этого стал более осторожным в обращении с плазмоидом. А затем профессор выяснил кое-что важное. Он пришел в другую лабораторию, где исследовались плазмоиды, время от времени проявляющие активность. 113-А находился в кармане его пальто. Пока он был там, два лабораторных плазмоида перестали двигаться. С тех пор они вообще больше не двигаются. Он обдумал инцидент, а затем где-то обнаружил еще одного плазмоида, проявляющего активность. И опять со 113-А в кармане профессор зашел посмотреть на него, и тот тоже остановился. Мантелиш проделал то же самое еще в одной лаборатории. Теперь здесь нет активных плазмоидов. А те три лаборатории до сих пор задаются вопросом, что же так повлияло на их, прежде столь активные,

образцы.

Девушка с любопытством посмотрела на 113-А.

— Мощный малыш! И что Мантелиш вывел из всего этого?

— Он думает, что украденный образец 112–113 формирует что-то вроде системы саморегуляции. Большой стимулирует деятельность плазмоида, а маленький ее корректирует. Возможно, 113-А является запасным регулятором. Но, кажется, он нечто большее, чем просто запчасть — это и приводит нас к первой зацепке. Однажды ночью банда налетчиков разгромила лабораторию Мантелиша.

— Когда было это?

— Несколько месяцев назад. Прежде, чем мы с тобой покинули Мэнон. Профессора в лаборатории не было, а 113-А лежал, как всегда, в кармане его пальто. На месте остались трупы двух охранников и одного из налетчиков. Остальным удалось скрыться. Федералы появились очень быстро и вытянули некроинформацию из мозга убитого бандита. Они выяснили только две вещи. Во-первых, он был заблокирован от допросов и не смог бы поделиться полезными сведениями, даже если бы остался в живых. И, во-вторых, из находящейся в его мозге информации можно бы-

ло сделать вывод, что целью налета был питомец профессора.

* * *

— Угу, — сказала Триггер, погруженная в свои мысли, и слегка ткнула монстра пальцем. — Они хотели его украсть или убить?

Спецуполномоченный посмотрел на нее с удивлением.

— Украсть, как выяснили некромедики у мертвого. А почему ты спрашиваешь?

— Просто интересно. Разница существенна, не так ли? Еще попытки были, не так ли?

— Было еще пять покушений, — подтвердил он.

— И что мы можем вывести из этого?

— Они хотят заполучить 113-А любым путем. Настолько он им нужен.

— В связи с украденным ключевым образцом? — спросила Триггер.

— Вероятно.

— Это делает все гораздо интереснее, верно?

— Слегка, — сказал он. — Образец, возможно, не будет работать вообще или работать неудовлетворительно, пока 113-А не появится в зоне, которую Мантелиш называет зоной непосред-

ственного воздействия. Чем бы это ни являлось, оно у 113-А имеется.

— Итак, — проговорила Триггер, — кто бы ни украл 112–113, у него уже две трети того, что им нужно позарез. А у вас остается недостающая треть, прямо здесь, на этом столе. Скольких бандитов, участвовавших в последующих налетах, вы поймали?

— Всех, — сказал спецуполномоченный. — Около сорока маргиналов. Их захватывали и живыми, и мертвыми. Разница, по существу, небольшая, ведь все они были наемниками. Всего лишь наемниками, хоть и очень дорого оплаченными. Большинство из них не располагало нужной нам информацией. А разумы тех, что могли что-то рассказать, были опять же заблокированы.

— А я думала, — задумчиво произнесла Триггер, — что блокировку можно снять.

— Можно, но не всегда. Если ты мастер в этом деле, и у тебя достаточно времени. А мы не имели права позволить себе ждать год. Они погибали до того, как смогли поделиться с нами сведениями.

После небольшой паузы Триггер спросила:

— А вот вы лично, как вы увязли во всем этом?

— Более или менее случайно, — сказал спецу-

полномоченный. — Это было связано с нашей второй зацепкой.

— Вторая зацепка — это я, да? — спросила она уныло.

— Да.

— Зачем кому-то похищать меня? Я же ничего не знаю.

Он покачал головой.

— Этого мы пока не выяснили. Но, надеюсь, нам удастся это сделать через несколько дней.

— Это то, о чем вы не можете мне рассказать?

— Я могу рассказать тебе большую часть того, что знаю в настоящий момент, — сказал спецуполномоченный. — Помнишь ту ночь, когда по пути с Мэнона мы остановились на Эвали?

— Да, — ответила она. — Та большая гостиница!

Глава 8

— Примерно через час после того, как ты решила завалиться спать, — сказал Холати, — я вернулся назад к твоей комнате, чтобы забрать рапорты, которые мы составили для Прекола.

Триггер кивнула.

— Помню их.

— Так вот, когда я добрался туда, у твоей двери копошились несколько типов. К сожалению, они достали оружие. Но я связался с ближайшим офисом РУКС и вызвал некромедиков, чтобы проверили убитых.

— Зачем? — спросила она.

— Возможно, это была случайность — просто банда обычных головорезов. Но их оборудование выглядело более профессиональным, чем у обычных головорезов. Я не знал, стоит ли их подозревать, но все равно отнесся к ним с недоверием.

— Ну, в этом весь вы, — со знанием дела произнесла Триггер. — И кем они оказались? — При них была найдена записка на эвалийском, которая сказала нам больше, чем некромедики. Убитые оказались весьма высокооплачиваемыми профессионалами. Их остывающие мозги подсказали, что они позволили провести себе блокировку памяти. Специально в преддверии этого конкретного задания. Высокооплачиваемые парни никогда бы не сделали этого, если только им не заплатили в несколько раз больше обычных расценок. В общем, больше не выглядело так, будто они оказались у твоей двери случайно.

— Понимаю, — согласилась она.

— В дело вмешались федералы. Потом в лаборатории Мантелиша произошел тот случай. Там действовали тем же почерком. Ты знаешь Мантелиша, ты была с ним на Полнолунии. Вот копы и решили, что между вами существует какая-то связь.

— Но какая может быть связь? — удивилась девушка. — Я уверена, что не знаю ничего такого, что может принести кому-нибудь пользу!

Он пожал плечами:

— Я тоже вообразить не могу, Триггер, девочка. Но в результате я оказался втянут в повсеместное расследование. Если связь есть, в конечном счете она проявится. В любом случае мы хотим разузнать, кто пытался тебя похитить и с какой целью.

Триггер окинула босса взглядом, полным тревоги.

— Это точно? — спросила она. — А ошибки быть не могло?

— Нет. Это и в самом деле так.

— Так вот по какой причине совершили вчера налет на Колониальную Школу…

Он кивнул.

— Это была их следующая попытка после гостиницы на Эвали.

— Как вы думаете, почему они так долго ждали?

— Потому что подозревали, что у тебя появилась охрана. Довольно сложно держать вокруг объекта соответствующее количество телохранителей, не возбуждая подозрений у слежки.

— Звучит так, — заметила она проницательно, — будто вы позволили заинтересованным лицам подумать, что к 113-А открыт проход.

Лицо спецуполномоченного оставалось серьезным.

— Возможно, я так и сделал. Только не вздумай сказать Совету об этом.

Триггер поджала губы:

— Не скажу. Значит, бандиты, преследовавшие меня, думали, что я приманка, которая приведет их в западню. Но несмотря на это, они решили попытаться. А вот это не совсем понятно. Или вы опять дали им понять, что путь свободен?

— Нет, — сказал он. — Они попытались сами расчистить себе дорогу, и мы даже подумали, что, в конце концов, им это удастся. Расчет был на план «один-два».

— Какой-какой?

— «Один-два». К примеру, ты напрямик посылаешь подручных туда, где может оказаться

ловушка, как это произошло с шайкой на Эвали. Если расставлена западня, то подручные в нее попадают. После этого надеешься, что после твоего провала противник ослабит внимание. Иногда так и происходит, и через день-два ты совершаешь настоящий налет. Иногда это срабатывает. В любом случае, «один-два» был не самым худшим планом в данной ситуации.

— Откуда вы знаете?

— Они уже были практически готовы к тому, чтобы похитить тебя, когда тебя обнаружил Квиллан. Так что Квиллан просто опередил киднэпперов.

Она вспыхнула.

— Что же это выходит? Я была не настолько сообразительна, как думала, да?

Спецуполномоченный проворчал:

— Достаточно сообразительна для того, чтоб из-за тебя у нас постоянно болела голова. Но и у твоих похитителей не возникло никаких проблем с обнаружением твоего местонахождения. Сегодня вечером мы нашли кучу «жучков», вшитых во все твои вещи — даже в самые интимные. Возможно, кто-то пробрался в школьную прачечную, но сейчас это уже не важно, — он выжидательно поглядел на нее: — А что заставило

тебя решиться на столь внезапный побег?

Триггер пожала плечами.

— Вообще-то, я довольно сильно злилась на вас, — призналась она. — Да и на всех остальных, более или менее. Затем послала запрос о переводе, и отказ пришел аж с самого Эвали! Мне показалось, что с меня хватит — пора потихоньку сматывать манатки. Что я и сделала — вернее, думала, что сделала.

— Я не могу винить тебя за это, — сказал Холати.

Триггер добавила:

— По-моему, разумнее было бы все-таки держать меня в курсе событий с самого начала.

Он отрицательно помотал головой.

— Я ничего не сказал бы тебе даже сейчас, — сказал Тэйт откровенно, — если б вопрос о твоем участии в этом деле не был решен. Похоже, нам предстоит грязная работа. Если б этого можно было избежать, то я не стал бы возражать против твоего участия. А если бы ты не была причастна к этому, то я не смог бы выложить тебе секреты Федерации.

— А я совершенно определенно причастна, да?

Он кивнул.

— Но вы пока не рассказали мне всего?

— Кое-что я не имею права тебе рассказать, — сказал он. — Не забывай, что я человек подневольный и подчиняюсь приказам.

Триггер слабо улыбнулась.

— Вот это поворот! Я и не знала, что вы умеете подчиняться.

— В свое время я следовал многим приказам, — сказал спецуполномоченный, — особенно когда думал, что они имеют смысл. В данном случае лучше всего подчиниться.

Некоторое время Триггер молчала.

— Вы только что сказали, что удалось отделаться от большей части людей, которые следили за мной. Об этом вы можете рассказать?

— Сначала я должен объяснить тебе, почему мы летим на Мэнон.

Она откинулась на спинку стула.

— Я вся внимание.

— Здесь есть одно любопытное совпадение, — продолжил спецуполномоченный. — Нам сообщили, что исследовательская группа под названием Флот Вишну не передавала никаких сообщений уже несколько месяцев. Зона их Независимого Флота находится очень далеко от Мэнона, но они выбрали именно его из нескольких сотен не нанесенных на карту

планет, пригодных для обитания, и нескольких тысяч внешних миров, ожидающих вступления в Ядро Звездного Скопления. А ребята из Вишну являются именно теми, кто с удовольствием ринулся бы в подобную авантюру.

— Вы думаете, что это они украли 112–113? — спросила Триггер.

Холати покачал головой.

— Это выглядит не настолько просто, потому что в дело наверняка был вовлечен кто-то изнутри. Но я не хочу продолжать эту тему.

Они с Квилланом обменялись быстрыми взглядами:

— Итак, мы наняли и разместили для наблюдения за территорией Вишну несколько Независимых Флотов и столько эскадрилий Космических Скаутов, сколько можно было освободить от привычных обязанностей. Наша организация руководит этой операцией. А руководить с Мэнона, несомненно, гораздо удобнее, чем из Ядра. Если выявится что-то достаточно интересное для детального исследования, мы потратим всего неделю на дорогу. Мы были готовы уехать уже полмесяца назад, как только начали поступать доклады из зоны Вишну — пока исключительно безрезультатные, признаюсь честно.

Я откладывал отъезд со дня на день, потому что твои дружки-похитители могли наконец-таки добраться до тебя. Казалось разумным сначала прояснить этот вопрос. Теперь с ними все более или менее понятно, и мы можем ехать, — он потер подбородок. — Хорошей стороной этого дела является то, — заметил он, — что мы поедем туда, зная, что именно нужно противникам. И мы дадим им понять, что оба предмета их интересов будут с этого момента находиться в Системе Мэнон. Допуская, что подобный исход может их обескуражить и, вероятно, они бросят это дело. Если произойдет именно так, то это будет просто прекрасно. А мы займемся распутыванием проблем с Вишну. Но, — продолжил он, — проблема в том, что они не могут бросить это дело так же, как и мы не можем бросить поиски ключевого образца. Так что теперь будем ожидать на Мэноне. Когда они объявятся там, им придется работать на незнакомой территории, в системе, в которой затеряться можно только среди пятидесятитысячного населения, а не среди миллионов граждан той или иной обитаемой планеты. Мне думается, на Мэноне им очень скоро придется жарко.

— Очень хорошо, — сказала Триггер. — Вот это

мне уже нравится! Но кто вам сказал, что наши противники представляют собой только одну группировку? К настоящему моменту их должно быть уже несколько. Вероятно, они даже соперничают между собой.

— Готов держать пари, что банд как минимум две, — подтвердил Тэйт. — И если они противостоят друг другу, то мы их на это можем только благословить. А насколько я знаю, так оно и есть.

Она кивнула.

— Как вы дадите им знать о наших перемещениях?

— В здешних горах полно наблюдателей. Некоторые из них используют очень хитроумные приемы — как-то один молодой человек просидел в полом стволе дерева чуть ли не три недели кряду. Ну а мы им покажем только то, что хотим. Этим вечером они видели, как ты сюда входила. Чуть позже они увидят, как ты садишься на корабль и отлетаешь со всей командой. Они только что перехватили сообщения, в которых говорилось о пункте назначения корабля, — он помолчал. — Но сперва, Триггер, ты должна завершить одно дело. Оно займет у тебя около четырех дней. Так что наши противники увидят

вовсе не тебя на трапе корабля.

— Как так?! — она выпрямилась.

— У нас есть твой двойник, — объяснил он. — Девушка-агент. И будь уверена, она задаст жару на Мэноне.

Триггер почувствовала, что все мышцы ее тренированного тела напряглись.

— Что это за работа, о которой вы упомянули? — спросила она невозмутимо.

— Я не могу объяснить тебе всех деталей. Но примерно через четыре дня кое-кто прилетит на Маккадон, чтобы поговорить с тобой.

— Поговорить со мной? О чем?

Мгновение он колебался.

— Существует предположение, — сказал он, — что ты располагаешь какой-то информацией, о существовании которой сама не подозреваешь. Эти сведения нужны людям, которые наняли бандитов. Если это соответствует действительности, в разговоре все выяснится.

Во рту у Триггер внезапно пересохло. Она все выпустила из рук, подумала девушка. Оплаченная каюта. Пустой счет. Вообще все.

— Давайте прямо, Холати, — сказала она. — То, о чем выговорите, звучит как промывка мозгов.

— Да, примерно так, — согласился он. — Но

это не совсем обычная промывка мозгов. Люди, которые приедут сюда, лучшие эксперты в этой области.

Она кивнула.

— Я не слишком много об этом знаю… Они думают, что кто-то поработал со мной с использованием гипноспрея или чего-то в этом роде? Что я была без сознания? Так?

— Не знаю, Триггер, — сказал он. — Возможно, что-то аналогичное. Но что бы с тобою ни было, эксперты смогут с этим справиться.

Триггер облизнула губы.

— Знаете, Холати, я вот что подумала, — выговорила она через силу. — А вдруг мне поставили блокировку?

Он покачал головой.

— Я могу сказать тебе точно, — произнес он. — Мы уже знаем, что никакой блокировки у тебя в мозгу нет.

Секунду-другую Триггер молчала.

— А после разговора я должна буду вылететь на Мэнон, так?

— Правильно.

— Но это еще будет зависеть и от исхода беседы, да? — уточнила Триггер. — В смысле, вы же не можете быть абсолютно уверены, что на уме у

наших противников?

— Почему же не могу, — возразил он. — Очень даже могу. Все уже распланировано, Триггер. И следующий пункт твоего плана — Мэнон. И ничто другое.

Все-таки она ему не верила. Не мог он точно знать. Она кивнула.

— Предполагаю, что могу подыграть, — она посмотрела на него. — Я думаю, выбора у меня все равно нет?

— К сожалению, нет, — подтвердил он. — Это необходимость, которой не избежать. Но тебе это не покажется таким уж страшным. Кстати, в следующие три дня тебе составит компанию Мискаль.

— Мискаль! — воскликнула Триггер.

— Она самая, — послышался голос Мискаль.

Триггер повернулась на стуле.

Мискаль стояла в двери, появившейся в дальней стене комнаты, и улыбалась девушке. Триггер посмотрела на спецуполномоченного.

— Не поняла, — недоуменно произнесла она.

— Мискаль состоит в рядах Разведуправления Скаутов, — пояснил он, — если б это было не так, ее бы здесь не было.

— Я агент с восемнадцатилетним стажем, —

сказала Мискаль, проходя вперед. — Привет, Триггер. Ты удивлена?

— Да, — согласилась Триггер. — Очень даже.

— Меня включили в это дело, — объяснила Мискаль, — потому что знали, что мы с тобой неплохо ладим.

Глава 9

Это было дьявольское невезение! Самым худшим из всех возможных надзирателей была Мискаль, от нее труднее всего было уйти… особенно в такое время, чтоб не опоздать на лайнер, отправляющийся завтра ночью. Мискаль слишком хорошо знала повадки своей подопечной.

— Не хочешь поехать взглянуть на свою копию? — спросила Мискаль. Она усмехнулась. — Большинство людей находит первое свидание очень волнующим.

Триггер покорно поднялась.

— Хорошо, — сказала она. Они были предельно тактичны в этом вопросе, но совершенно очевидно, что она все еще находилась в ситуации «заключенный-полицейский». И как апофеоз — старая подруга Мискаль! И тут девушка вспомнила еще кое-что: — Я полагаю, мой пистолет у

майора Квиллана.

Майор без улыбки задумчиво посмотрел на нее.

— Нет, я отдал его Мискаль.

— Точно, — подтвердила Мискаль. — Пойдем, малышка.

Они вышли через дверь, которая появилась в стене. Когда они вышли, та снова исчезла.

Копия встала из-за стола, за которым сидела, когда Триггер и Мискаль вошли в комнату. Она бросила на Триггер безразличный взгляд, и затем посмотрела на Мискаль.

Мискаль не стала представлять их друг другу.

— Платье, плащ и шарф, — сказала она дублерше. — Туфли достаточно похожи, — она повернулась к Триггер. — Она будет одета в твою уличную одежду. Ты не могла бы раздеться прямо сейчас?

Триггер стянула через голову платье, и бросила его Мискаль, оставшись в одном нижнем белье, в то время как ее копия быстро сбросила с себя одежду. Казалось, они действительно были очень похожи в росте и пропорциях. Глядя, как играют мышцы на длинных ногах и гладкой спине, Триггер решила, что схожесть их в большей степени естественна. И, конечно же, голову копии

украшали такие же серебристо белые волосы. Серые глаза, казалось, были очень похожи на ее, а остальная часть лица была даже слишком похожа! Должно быть, использовали живую маску.

Это было немного странно. Будто твое отражение в зеркале начало двигаться независимо от тебя. Если бы девочка сказала хоть слово, то, возможно, это несколько сгладило бы такой эффект, но она продолжала молчать.

Копия надела платье, которое было на Триггер, расправила его. Мискаль посмотрела на результат и кивнула:

— Идеально.

Она взяла плащ и шарф Триггер со спинки стула, куда их кто-то положил:

— Шарф надевать не будешь, — сказала она. — Просто запихни его в карман пальто.

Девушка накинула плащ на плечи и встала, держа шарф в руке. Мискаль оценила экипировку еще раз.

— У тебя все получится, — сказала женщина и слегка улыбнулась. — Ну, хорошо.

Девушка-двойник снова бросила взгляд на Триггер, повернулась и вышла из комнаты, сексуально покачивая бедрами. Триггер нахмурилась.

— Что-то не так? — спросила Мискаль.

Она подошла к раковине и сполоснула стакан.

— Почему она так ходит?

— Слегка виляет задом? Она научилась этому, — Мискаль налила полстакана воды, выудила из кармана какой-то прозрачный небольшой предмет и сломала его о край стакана. — Среди твоих друзей это известно как «походка Арджи». Она во всех деталях подражает тебе, малышка.

Триггер оставила это без комментариев.

— Предполагается, что я надену ее одежду?

— Нет. У нас подготовлен другой наряд для тебя, — Мискаль подошла, протягивая стакан. — Это тебе.

Триггер с подозрением посмотрела на питье.

— Что в нем?

Синие глаза спокойно уставились на нее:

— Ты можешь назвать это успокоительным.

— В нем нет необходимости. Спасибо.

— Тебе лучше не отказываться, — Мискаль погладила себя по бедру: — У меня тут маленький пистолет для подкожных инъекций.

— Что?!

— Именно так. Такой же тип заряда, как и в твоем любимом «Дентоне». А вещество в стакане легче переносится организмом и не оставляет чувства слабости.

— Зачем?

— Я знаю тебя достаточно долго, — произнесла Мискаль. — И наблюдала за тобой последние двадцать минут через визор, когда вы сидели в той комнате. Как только у тебя появится такой шанс, ты снова убежишь. Я нисколько не виню тебя. Таковы обстоятельства. Но мне поручено следить за тобой, чтобы ты не убежала до тех пор, пока мы не доберемся до места, и я хочу быть уверенной, что ты будешь вести себя спокойно.

Она все еще держала стакан в длинной, загорелой и сильной руке, была выше на полголовы и весила на добрых девять кило больше. И в этих дополнительных девяти кило не было ни капли жира. Если бы ей понадобилась помощь, то найти помощников в охотничьем домике — раз плюнуть. Но они не были ей нужны.

— Я никогда не утверждала, что мне нравится наш договор, — тщательно выговаривая каждое слово, сказала Триггер. — Я только согласилась с ним. И я сделаю все, что потребуется. Неужели этого не достаточно?

— Вполне, — быстро сказала Мискаль. — Ты даешь слово?

Возникла длинная пауза.

— Нет! — сказала Триггер.

— Я так и думала. Лекарство или оружие?

— Лекарство, — холодно произнесла Триггер. Она взяла стакан. — И на какой срок это меня вырубит?

— На восемь-девять часов, — Мискаль настороженно смотрела, как Триггер опустошает стакан. Через мгновение тот полетел на пол, выпав из ослабевших пальцев. Спортсменка ловко поймала падающую девушку.

— Чудесно, — произнесла она через плечо в открытую дверь у нее за спиной. — Шевелитесь, ребята!

* * *

Пробуждение было трудным. Триггер несколько секунд полежала тихо, не открывая глаз. Сквозь веки проникал неяркий солнечный свет, но она находилась в закрытом помещении. Откуда-то доносилось приглушенное бормотание. Через мгновение она поняла, что это тихо работает новостной визор, который находился в смежной комнате. Но, судя по ощущениям, рядом с ней никого не было. Девушка осторожно открыла глаза. Она лежала на софе в просторной, обставленной бледно-зеленой и кремовой мебелью, комнате. Одну стену комнаты заменяло

либо окно, либо трехмерный экран. Вдалеке виднелась горная цепь с заснеженными вершинами и почти безоблачное синее небо. Судя по солнцу, или середина утра, или середина дня.

Солнце и все остальное выглядело как маккадонское — вероятно, они все еще были на планете. Да, Маккадон — это то место, где должен состояться разговор. Но ее также могли отправить в трехдневный космический круиз, который послужит прекрасным способом удостовериться, что пленница находится именно там, где должна находиться. Комната могла быть каютой в космическом лайнере со встроенным новостным визором любого из сотен миров и со встроенными опять же лампами солнечного света.

В комнате была только одна дверь. Она была приоткрыта, и бормотание визора доносилось оттуда.

Триггер тихо села и осмотрела одеяние, которое было на ней. Все белое. Короткая рубашка с рукавами из какого-то мягкого, довольно тяжелого, ной очень удобного материала. Голый живот. Белые эластичные брюки, расширенные в бедрах, вплотную облегали ногу, начиная с колена и ниже, и исчезали в легких туфлях на толстой, эластичной подошве.

Спортивная одежда… Все это означало Маккадон!

Девушка вытянула прядь волос и посмотрела на них. Они перекрасили их — на этот раз в цвет красного дерева. Она спустила ноги с софы и тихо встала. Дюжина легких шагов по пружинящему толстому ворсу ковра цвета слоновой кости привела ее к окну.

Новостной визор щелкнул и затих.

— Нравится пейзаж? — спросила из-за двери старушка Чуткое Ухо.

— Неплохо, — сказала Триггер. Она смотрела на лес, раскинувшийся на много километров, и пустошь, которая постепенно поднималась ближе к горам. Далеко справа виднелось ровное серебро двух озер. — Где мы?

— Высокогорный Охотничий Заповедник Байла. Перед тобой территория, выделенная для охоты на птиц, — Мискаль появилась в дверном проеме, одетая, как Триггер, в спортивный костюм и тех же жемчужных тонов. — Хорошо себя чувствуешь?

— Чувствую себя прекрасно, — сказала Триггер. Высокогорье Байла — это южная часть континента. Она могла вернуться в Сеус часа через два, если не раньше! Она повернулась к Мискаль и

усмехнулась: — И к тому же, чувствую волчий аппетит. Сколько я провела в отключке?

Мискаль посмотрела на наручные часы.

— Восемь часов десять минут. Ты проснулась по расписанию. Я заказа ла завтрак тридцать минут назад и уже съела свой — только понюхала и, о ужас, не смогла удержаться! В свое оправдание должна заметить, он великолепен!

Волосы Мискаль, как отметила девушка, был коротко подстрижены и в них появились серые пряди. Камуфляж также сделал ее глаза карими. Она задалась вопросом, а что в этом плане сделали с ней.

— Хочешь войти? — спросила Мискаль. — Мы можем поговорить, пока ты ешь.

Триггер кивнула.

— После того, как сполоснусь.

Зеркало ванной показало, что ее глаза не трогали. Но было очень странное впечатление, что она уставилась на отражение, значительно более пухлое, низкое и юное, чем ему положено — подросток семнадцати-восемнадцати лет. Триггер прищурилась. Если ей сделали операцию, то это могло бы вызвать осложнения.

Она быстро разделась и осмотрела тело. Нет, все было в порядке. Должно быть, это из-за одежды,

хотя сложно было представить, как даже самая хитрая одежка может создать такую убедительную иллюзию пухлости, ширины бедер, размера груди и пониженного роста. Она оделась, опять посмотрела на свое отражение и вышла из ванной, все еще озадаченная.

— Выбрала на завтрак трех убитых недавно птиц, — объявила Мискаль. — Никогда не слышала ни об одной из них. Великолепная дичь. Плюс дежурное блюдо, — она погладила плоский живот. — Я объелась! — призналась она. — Набрасывайся на еду, а я пока введу тебя в курс дела.

— Я посмотрела на себя в зеркало, — заметила она. — Что значит этот фокус под названием «сейчас-ты-видишь-а-сейчас-нет» четыре кило лишнего веса?

Мискаль рассмеялась.

— На самом деле у тебя никаких кило нет.

— Я знаю, что нет, но как такое вообще возможно? — Это работа субцветовой иллюзии твоей одежды. На самом деле, она не белая и не серая. У любого, кто смотрит на тебя, искажается визуальное восприятие, но он не осознает этого. Например, ему кажется, что некоторые части твоего тела более широкие, чем на самом деле. Внешность можно исказить множеством спо-

собов.

— Никогда не слышала о субцветовой иллюзии, — сказала Триггер. — Тебе не кажется, что это произвело бы сенсацию в индустрии моды?

— Это уж точно. Но в данный момент это одна из главных секретных разработок, и она останется таковой столько, сколько времени разведка сможет сохранить ее в тайне.

Триггер прожевала вкусный кусочек чего-то.

— Тогда зачем ты мне об этом рассказала? Ведь я не служу в разведке и хранить тайну не обязана.

— Ты одна из бригады, хоть и не по доброй воле, и ты умеешь держать язык за зубами. Между прочим, тебя зовут Камтин Лод, и тебе только что исполнилось восемнадцать. Я твоя дражайшая мамочка. Ты зовешь меня Драра. Мы из города Слайт-Талгона, что на Эвали. Здесь мы для того, чтобы несколько дней пострелять всласть.

Триггер кивнула.

— А мы будем стрелять?

Мискаль пальцем указала на стол. Там лежал «Дентон», который выглядел игрушкой рядом с лежащим там стандартным спортивным пистолетом с удлиненным стволом.

— Ставка — твоя жизнь, Камтин! — сказала она. — Я всегда была слишком экономна для того,

чтобы охотиться в первоклассном заповеднике на собственные деньги. А это высший класс, — она замолчала. — Камтин и Драра Лод существуют в действительности. Мы очень точные их копии, и их будут держать вне поля зрения, пока мы не закончим здесь свои дела. А теперь…

Она откинулась назад и начала качаться на двух ножках стула, обхватив руками колено.

— Помимо спорта, мы здесь еще и потому, что ты сейчас выздоравливаешь — пытаешься прийти в себя после довольно серьезного приступа дайкартской лихорадки. Слыхала о такой?

— Это то, что можно подцепить в тропиках Эвали, да?

Мискаль кивнула.

— Именно это ты и сделала, дитя! Пропустила прививку перед нашим последним путешествием, и спустя полгода все еще расплачиваешься за свое легкомыслие. Вчера, когда мы привезли тебя сюда, ты была в типичной для этой болезни коме.

— Очень остроумно! — прокомментировала Триггер едко.

— Стараюсь, — скривила губы Мискаль. — Вирус Дайкарта является причиной временного психического расстройства, знаешь, это такие

периоды, в течение которых у больной галлюцинации и она бредит!

Триггер засунула в рот еще один кусочек мяса и начала жевать его с глубокомысленным видом, не сводя при этом глаз с Мискаль.

— Очень вкусная утка, или как она там называется! — сказала она. — Бредит, например, о том, что была похищена, не так ли?

— Типа того, — согласилась Мискаль.

Триггер покачала головой:

— Я бы в любом случае не стала привлекать к себе внимания. Предположительные бандюганы просто обязаны были взять под наблюдение все возможные точки входа в заповедник.

— Естественно, — согласилась Мискаль. — Просто я подумала, что надо упомянуть об этом. Ты никогда не использовала «Дентон» для охоты?

— Не часто, — Триггер задалась вопросом, оставили ли в покое вмонтированный в него станнер. — Но оружие подобного класса вполне подходит для охоты.

— Я знаю. Другой пистолет называется «Йоол». Тоже неплохое оружие для охоты, ты будешь пользоваться им.

Триггер с трудом сглотнула.

— Я никогда не держала в руках «Йоол». Зачем

мне на него переходить?

— С ним легко обращаться. А причина в том, что этим пистолетом не сможешь никого парализовать. Например, хорошо известную тебе тетушку Чуткое Ухо. Лучше, если мы будем вооружены, хотя необходимости в этом нет — тут прокручивается столько денег, что владельцы этого золотого дна могут позволить себе держать Высокогорье полностью под охраной, что и делают. Но скрытое преимущество никогда не повредит, — выразила она свое мнение. — Ты не передумала дать мне слово, что не попытаешься сбежать при первой же возможности?

— Об этом я и не подумала, — призналась Триггер.

— А я отдала бы тебе тогда твое оружие.

Триггер какое-то время выглядела задумчивой, затем покачала головой:

— Думаю, что нет.

— Ну, дело твое, — соглашаясь, сказала Мискаль. — Хотя в этом случае я бы объяснила тебе еще кое-что.

— Что?

— Мы будем здесь вместе три-четыре дня, до того как появится Уотцит.

— Уотцит?

— Для сведения, — сказала Мискаль, — Уотцит — это тот человек, — мужчина или женщина, сказать пока невозможно — который пожелал пообщаться с тобой и принял все возможные меры для этого. И то, что я могла бы тебе объяснить, касается именно этих мер. Также я могла бы немного рассказать тебе об Уотците.

— Я думала, — предположила Триггер, — что мы с тобой, тетушка, одна команда.

— У меня отдельные инструкции, — сказала Мискаль. — В любом случае, Уотцит появится. Вы поговорите. После этого мы сделаем все, что скажет этот человек. Об этом ты знаешь.

Триггер кивнула.

— Тем временем, — сказала Мискаль, — мы будем здесь. По-моему, да и по-твоему, думаю, заповедник — очень приятное место, для того чтобы провести тут несколько дней.

— Да, здесь очень мило, — согласилась Триггер. — Подозреваю, что это была твоя идея выбрать это место для ожидания рандеву.

— Нет, — возразила Мискаль. — Хотя если бы спросили мое мнение, я не стала бы возражать против Заповедника Байла. Но, похоже, все организовал этот или эта Уотцит. Я подозреваю, тебя интересует ответ на вопрос: что мы тут будем

делать? Так вот, мы должны будем оттянуться по полной программе.

— Оттянуться? — переспросила Триггер.

— Вполне может быть, идея состояла в том, чтобы вернуть тебе перед важной беседой прекрасное расположение духа, — предположила Мискаль. — Я не знаю, но три дня полной расслабухи здесь взбодрят кого угодно. Стрельба, безделье у бассейна, конные поездки и тому подобное. Единственная проблема — боюсь, подружка моя шалая, что у тебя в головке прокручиваются темные мыслишки и планы, которые могут испортить все удовольствие и не дадут тебе реально расслабиться.

— Например? — спросила Триггер.

— О! — воскликнула Мискаль. — Вариантов, естественно, масса. — Она кивнула в сторону пистолета. — Например, как выдернуть «Дентон» из моей кобуры и угостить старушку-физкультурницу добрым разрядом из станнера. Или взять, например, тот кофейник, и треснуть им по черепу. У него для этого достаточная масса покоя.

— Думаю, ни первый, ни второй варианты не сработают, — глубокомысленно заметила Триггер.

— Отчего же? — сказала Мискаль. — Запросто

сработают! Ты быстра, тебя учили импровизировать, а еще есть что-то, что тебя угнетает. Ты раздражительна, как окотившаяся кошка.

— И что? — произнесла Триггер.

— А то, — ответила Мискаль, — что альтернативных вариантов для этого очень много. Я расскажу тебе все, а ты выберешь самый подходящий. Номер раз — я держу тебя в отключке постоянно. Три дня под действием препарата здоровью не повредят, зато от тебя не будет никаких неприятностей. Другой вариант — я позволю тебе быть в сознании, но мы и шагу не сделаем из комнаты. Я могу запереть тебя на ночь, а через окно не убежать, я проверяла. Правда, будет несколько скучно, но мы можем раздобыть какие-нибудь фильмокниги. Я бы спрятала оружие куда-нибудь подальше и ястребом неотрывно следила бы за тобой двадцать четыре часа в сутки.

Она вопросительно посмотрела на Триггер.

— Нравится тебе что-нибудь из этого прейскуранта?

— Не очень, — сказала Триггер.

— В них отсутствует риск, — сказала Мискаль. — Совсем отсутствует. Возможно, именно так и должна я поступить. Ты, конечно, придешь в ярость, но сейчас важнее всего, чтобы ты встре-

тилась с Уотцитом. Есть еще несколько других вариантов. В одном из них присутствует некий момент, который тоже тебе не слишком понравится. С другой стороны, он может дать тебе шанс сбежать, если ты действительно настолько решительно настроена. И он вполне соответствует моим инструкциям. Я предупреждала их, что ты чертовски хитра.

Триггер прекратила есть.

— Давай послушаем.

Мискаль отклонилась на стуле еще дальше и пристально взглянула на подопечную.

— Он значительно более приемлем, как я уже упоминала. Все будет проходить более дружелюбно и беззаботно. Немного постреляем, немного поплаваем, пойдем покатаемся на лошадях или полетаем, поваляемся на солнце. Но из-за твоих черных мыслей к этому необходимо добавить одну вещь.

— Какую?

— Антистимул.

— Антистимул? — переспросила Триггер.

— Именно так, — подтвердила Мискаль. — Это не совсем соответствует моим инструкциям, но у тебя, подруга дней моих веселых, гипертрофированное чувство собственного достоинства, и я

думаю, антистимул должен сработать.

— И в чем состоит этот антистимул? — осторожно спросила Триггер.

— Предположим, ты вырвешься и убежишь, — сказала Мискаль. — У тебя свои проблемы, и я не уверена, что мне понравятся методы, которыми ты их решаешь. Скажем прямо, они мне заранее не нравятся. Таким образом, я, естественно, буду пытаться остановить тебя, но если окажусь не в состоянии это сделать, то зла держать на тебя не буду. Даже если очнусь с синяками.

Она замолчала на некоторое время.

— С другой стороны, мы будем вместе три-четыре дня, и я не хочу провести их, противодействуя твоим попыткам вырубить меня каждые полминуты. Соответственно, каждый раз, когда ты будешь пытаться и терпеть неудачу, Камтин, злая тетушка Чуткое Ухо будет быстро и жестко наказывать тебя с помощью всего, что ей попадется под руку.

Триггер уставилась на нее и прочистила горло.

— И это в то время, пока у меня будет оружие? — произнесла она хрипло. — Не смеши меня, Мискаль!

— Ты же не станешь убивать свою подругу для того, чтобы сбежать, — ответила Мискаль. — А

«Йоол» ничего другого, кроме как убивать, не может. Как еще ты сможешь остановить меня?

Триггер облизала губы и забарабанила ногтями по столешнице.

— Не знаю, — призналась она.

— Конечно, — сказала Мискаль, — всех этих неприятностей можно легко избежать. Есть четвертый вариант.

— Какой?

— Дай слово.

— Никаких слов, — отрывисто произнесла Триггер.

— Хорошо. Какой вариант выбираешь?

Триггер не колебалась.

— Рискованный шанс, — ответила она. — Все остальное — не варианты.

— Все ясно, — сказала Мискаль. Она встала и подошла к стене. Выбрав один из двух ремней с кобурой, которые висели там, женщина застегнула его на поясе. — Я не сомневалась, что ты выберешь именно его, — она усмехнулась, глядя на Триггер. — Только убедись сначала, что это хороший шанс!

— Непременно, — ответила Триггер.

Мискаль подошла к столу, взяла «Дентон», посмотрела на него и убрала в кобуру. Затем

повернулась и посмотрела в окно.

— Замечательная местность! — воскликнула она. — Если ты покончила с завтраком, как насчет того, чтобы прямо сейчас пойти и попытаться подстрелить птичку?

Триггер осторожно приподняла кофейник. У него действительно был достаточный вес, но расстояние было несколько больше, чем хотелось бы, подумала она, вспоминая об антистимуле.

Кроме того, он может проломить череп этому чудовищу.

Она аккуратно поставила кофейник на место.

— Прекрасная идея! — сказала девушка. — И я уже поела.

Глава 10

Полчаса спустя подходящей возможности так и не представилось. Триггер сохраняла задумчивое молчание. Мискаль, сидевшая рядом с ней на водительском сиденье небольшого спортивного хоппера, болтала, нельзя сказать, что очень навязчиво, о том и о сем. Никакой ответной реакции она, по-видимому, не ожидала.

Но Триггер нельзя было тратить впустую еще полчаса.

Погруженная в свои мысли, девушка созерцала пейзажи на обзорном мониторе, пока автопилот набирал высоту в триста метров и устанавливал курс на двухкилометровую заповедную зону, которую им посоветовали утром для охоты. В обзорнике смутно отразился охотничий пес, приподнявший голову над спинкой сиденья и со спокойным интересом наблюдавший за своей территорией. Погруженный в свои собачьи воспоминания, он не обращал на людей никакого внимания.

Внизу кишмя кишели разнообразные пернатые. Некоторые были настоящими земными видами, не измененные генетическим вмешательством Университетской Лиги. Остальные были, скорее всего, видоизменены в охотничьих хозяйствах «Гранд Коммерс». В любое другое время Триггер получила бы от этой прогулки такое же огромное удовольствие, как и Мискаль.

Но только не в этот раз. В голове у нее прокручивались совсем другие мысли. Деньги, к примеру. Ей не вернули и не собирались возвращать ее наличность. Во всяком случае, до тех пор, пока не состоится запланированная беседа с таинственной персоной. Но у Мискаль в бумажнике, лежащем в заднем кармане брюк, находилась,

по крайней мере, часть выделенных им денег на расходы. Остальная сумма могла находиться в каком-нибудь тайном сейфе, или же ее отдали администратору отеля.

Она снова посмотрела на спутницу. Еще никогда старая добрая подруга Мискаль не выглядела столь внушительно, хитро, настороженно и вообще готовой для хорошей потасовки. Заманчивое предложение, сделанное ею так по-дружески, оказалось гениальной уловкой! До чего же нелегко строить планы, когда твое самолюбие задето напоминанием о том, к чему может привести ошибка.

Хоппер приземлился в центре намеченной зоны; последний километр его вела Мискаль, которую привлек вид ущелий, заросших кустарником. Триггер открыла дверцу со своей стороны. Пес легко перепрыгнул через сиденье и выскочил за ней. Он повернулся посмотреть на своих хозяек и вежливо, но небрежно взмахнул хвостом — он был готов выполнять любые приказания.

Мискаль внимательно посмотрела на гончпойнтера.

— Похоже, командует здесь он, — сказала она и махнула ему рукой. — Ну, старик, вперед! Мы за тобой.

И он стремительно умчался прочь, это поджарый собакоподобный зверь с коричневой шерстью, результат разработки «Гранд Коммерс» одной земной породы со значительными генетическими добавками другой. Будто ястреб, гончпойнтер нырнул в бурно разросшийся кустарник. Две пухленькие птички с перьями ярко-зеленого и малинового цветов трещали в кустах, но, завидев людей, взмыли вверх и улетели.

Очень много разных и важных событий произошло в последующие четыре или пять секунд. Мискаль выругалась, выхватывая «Дентон» из кобуры. Триггер уже держала «Йоол» в руках, но оружие было ей незнакомо, и она мгновенье колебалась. Она завороженно переводила взгляд с птиц на Мискаль. Женщина приготовилась к выстрелу по летящей цели, вытянула правую руку с «Дентоном» и перехватила запястье левой рукой — и в тот самый момент Триггер поняла, что произойдет в следующую секунду.

Из «Дентона» вылетела пуля. Мискаль напряглась перед следующим выстрелом.

Триггер невозмутимо повернулась, отшвырнула «Йоол» и прижала левый локоть к боку, а правым кулаком с силой врезала в открытый загорелый живот Мискаль, прямо под ребра.

Обычного человека подобный удар свалил бы с ног. Но на Мискаль он не произвел никакого впечатления. Хоть она и дернулась и судорожно вздохнула, но уже разворачивалась лицом к Триггер. Девушка сделала шаг вперед, подняла «Дентон», изменила настройку станнера на максимальную двадцатичетырехчасовую дозу и всадила заряд Мискаль в грудь. Та вздрогнула и потеряла сознание.

Триггер стояла, неистово дрожа, смотрела на женщину и боролась с абсурдной мыслью о том, что только что совершила хладнокровное убийство.

Охотничий пес примчался с убитой птицей, которую он почтительно положил у поникшей руки Мискаль. Затем уселся и посмотрел на Триггер сочувствующим взглядом опытного охотника.

Очевидно, это был далеко не первый несчастный случай на охоте в его практике.

Через минуту Триггер уже сбивчиво рассказывала в коммуникатор хоппера историю о том, что Драра Лод испытала приступ дайкартской лихорадки и что ей срочно необходима «неотложка», которая отвезет бедняжку в ближайшую больницу.

Хотя служащие гостиницы были и сами напу-

ганы, они все же постарались успокоить Триггер. То, что мать поражена той же болезнью, что и дочь, было для них хоть и правдоподобным, но неприятным открытием. Меньше чем через десять минут «скорая» уже везла Триггер и Мискаль на самой высокой скорости в небольшой городок Высокогорья.

Триггер даже не потрудилась узнать его название. Спустя три минуты после того, как она сопроводила антигравитационные носилки в больницу, девушка спокойно вышла из здания через главный вход. В кошельке Мискаль оказалось двести тринадцать крон. Пока этого было достаточно.

В первом же встретившемся автоматическом магазине она полностью сменила одежду и вышла оттуда во всем новом, неся в руке сумку со своей спортивной формой. Чтобы добраться до Сеуса, она взяла аэротакси, за которое надо было платить вперед. У нее оставалось восемьдесят две кроны. Некоторое время спустя, когда они пролетали над озером, она открыла заднее окно, и сумка со спортивной одеждой полетела вниз. Вполне возможно, что и Космические Скауты могли взять на заметку идею прикрепления к одежде «жучков».

Через два часа после освобождения от опеки, уже в Сеусе, Триггер связалась с космопортом и выяснила, что «Дон Сити» открыт для пассажиров и их гостей.

Бирна Дреллгэннот забрала свой билет, поднялась на борт, и, стараясь не обращать на себя внимания, смешалась с группой веселых, беззаботных путешественников. А потом еще более незаметно она скрылась в коридоре, когда веселая компания остановилась попозировать девушке из агентства новостей. После долгих поисков Триггер все-таки нашла свою каюту, включила над дверью надпись «Не беспокоить», оглядела интерьер и решила обследовать его более подробно позже.

Она сбросила обувь, забралась на огромный мягкий диван, который играл роль спального места, и вытянулась на нем.

Какое-то время она полежала так, разглядывая потолок и испытывая небольшое беспокойство по поводу Мискаль. Даже теоретически максимальный заряд станнера не мог причинить ей серьезного вреда. Он мог, однако, привести спортсменку в дурное настроение после того, как пройдет его действие, поскольку последствия болевого шока были все-таки не очень приятны-

ми. Но ведь Мискаль сама заявила, что не будет иметь к ней никаких претензий, если Триггер благополучно удастся сбежать; и даже если ее снова поймают до прилета в Мэнон, эта попытка бегства должна быть засчитана как тактический успех.

Конечно, они могут ее догнать, подумала Триггер. Федерация должна располагать огромным количеством средств для обнаружения своих пропавших граждан. Но «Дон Сити» будет в пути уже несколько часов, прежде чем Мискаль начнет соображать. Потом она поднимет тревогу, но только спустя некоторое время поймет, что Триггер покинула планету. В конце концов, Маккадон был ее родным миром. Если бы ей просто нужно было отсидеться, то именно на этой планете у нее было множество возможностей спрятаться.

Эвали, первая остановка в Ядре, располагалась в девяти часах полета; Гарт отстоял на пять часов от Эвали. И после этого последует длительный субпространственный переход до Мэнона…

РУКСу нужно действовать молниеносно, чтобы помешать ей покинуть Ядро Звездного Скопления!

Триггер поглядела на «Дентон», лежавший на небольшом туалетном столике у КомСети. В

девушке нарастало чувство самоудовлетворения; она потихоньку расслабилась и закрыла глаза.

В общем и целом, подумала она, тщательно взвесив все плюсы и минусы своего положения, она неплохо смотрится в этих шпионских играх! Она была на пути к Мэнону.

Через несколько часов она спала под оглушительные звуки взлетающего «Дон Сити».

Проснувшись, она обнаружила, что вокруг полутьма. Она вспомнила, где находится, и ощутила знакомое чувство пониженной гравитации, означавшее, что корабль летит. Она села.

Как только она начала двигаться, в комнате стало светлее, и можно было осмотреть обстановку. Каюта овальной формы была довольно большой. Здесь имелось три двери — все они были закрыты. Стены были окрашены в янтарный цвет и казались странно иллюзорными. Сквозь них просачивался бледный розовый свет, который исходил из пола, и чем выше он поднимался, тем более насыщенным становился его оттенок. Слышалась какая-то музыка, она доносилась будто издалека. Над входной дверью с внутренней стороны все еще тускло мерцало «Не беспокоить». Триггер нашла у кровати панель управления и отключила предупреждение.

Сразу же раздался мягкий звон, исходящий от компактного терминала КомСети. Монитор замерцал пульсирующим светом, и Триггер услышала голос.

— Это запись, мисс Дреллгэннот, — сообщил он интимно. — Если сервис комнаты не мешает вам этим сообщением, будьте добры нажать синий круг на клавиатуре вашей КомСети.

— Валяй, — поощрила она.

— Спасибо, мисс Дреллгэннот, — сказал голос, — в течение полета ваша личная КомСеть будет доступна для голосовых и визуальных сообщений только после вашего устного разрешения или вашего прикосновения к синему кругу.

Этот голос замолчал, и послышался другой.

— Я ваша личная стюардесса, мисс Дреллгэннот. Простите мое вмешательство, но через час корабль совершит прыжок. Прикажете приготовить биомодуль?

— Нет, спасибо, — сказала Триггер. — Я буду бодрствовать.

— Спасибо, мисс Дреллгэннот. В качестве формальности, в соответствии с указанием Федерации, позвольте мне напомнить вам, что федеральные законы не разрешают пассажирам ношение личного оружия во время прыжка.

Взгляд Триггер пробежался по «Дентону».

— Хорошо, — сказала она. — Я его спрячу. Полагаю, запрет наложен из-за того, что во время прыжка могут быть спровоцированы галлюцинации?

— Большое спасибо, мисс Дреллгэннот. Да, это из-за недоразумений, возникающих по причине галлюцинаций. Могу ли я быть полезна вам сейчас? Быть может, вы разрешите мне продемонстрировать вам различные возможности использования Кабинета вашей КомСети?

Триггер переместила взгляд в дальний конец каюты, где стояло какое-то довольно большое, со вкусом отделанное устройство. С первого взгляда ей не удалось угадать его предназначение, но она слышала о Кабинетах КомСети.

Он поблагодарила стюардессу, однако предложение отклонила. Та отключилась, очевидно, слегка озабоченная тем, что так и не смогла выяснить, что же может сделать она, личная стюардесса, для такой буки как Бирна Дреллгэннот.

Триггер с любопытством подошла к Кабинету. При прикосновении он открылся, и она села перед ним, созерцая его панели. На них были обозначены варианты использования, количество которых могло бы привести в замешательство

обычного гражданина Ядра Звездного Скопления. Но девушка неплохо разбиралась во всевозможных коммуникаторах, а Кабинет был также прост, как и любое устройство этого класса.

Она ткнула в график движения корабля, чтобы выяснить, где они сейчас находятся. «Дон Сити» чуть больше часа назад вылетел из космопорта Сеуса, но пока еще не преодолел подпространственные сети, создающие блокировку и непроницаемые поля энергии вокруг Системы Маккадона. Корабль не может совершать прыжок в этой зоне, не рискуя при этом быть мгновенно разрушенным; но эти сети представляли собой страховку на случай, если в Ядре внезапно снова начнется космическая война.

Триггер посмотрела на схематическое изображение маршрута после Эвали и Гарта. Крошечная зеленая звездочка в дали космоса была солнцем Мэнона.

Одиннадцать суток полета или около того. Если бы у нее хватило денег на модуль, то время в пути заняло бы всего три или четыре субъективных часа.

Но, так или иначе, было бы просто глупо проспать полет на роскошном лайнере Ядра Звездного Скопления, ведь неизвестно, когда она

отважится на подобную поездку еще раз.

Она запросила у Кабинета перечень средств обслуживания пассажиров и выяснила, что и во время прыжков в распоряжении путешествующих без модулей остаются все сервисные программы. Ее взгляд пробежался по списку баров, показов мод, ресторанов и игровых комнат. Каскадное Погружение наверняка заинтересовало бы Мискаль…

«Наш большой штат спутников пассажира» — это было то, что нужно. Трехмерная аудитория, «…и Инферно — Зал Безграничных Эмоций». Приятный голос с сожалением сообщил ей, что федеральный закон не позволяет передавать всю полноту эффектов в личные каюты. Триггер отвела взгляд, фыркнула и переключилась назад на моду.

На дисплее возник аккуратный черный костюм. Хотя она и не собиралась бродить по кораблю, пока он не войдет в субпространство и большинство ее попутчиков не улягутся в свои модули, все же на борту корабля вроде «Дон Сити» в стандартной одежде из магазина-автомата она будет, по меньшей мере, бросаться в глаза. А тот черный костюмчик вовсе не выглядел дорогим…

— Тысяча двести сорок два кредита Федера-

ции? — ровным голосом повторила она минуту спустя. — Так-так.

Цена равнялась примерно восьмистам пятидесяти маккадонским кронам, как выяснила она, сверившись с курсом валютного обмена.

— Хотите, чтобы мы подогнали костюм по вашей фигуре, мадам? — спросила менеджер магазина.

— Нет, спасибо, — сказала Триггер. — Я просто смотрю.

Она отключила моду, и ее хмурый взгляд наткнулся на панель со знаком «Подбор ваших личных иллюзий». Девушка покачала головой, закрыла Кабинет и поднялась. Похоже, у нее была альтернатива: бросаться своим видом в глаза или оставаться в каюте и развлекаться созданием иллюзорных пейзажей.

А Триггер была слишком стара для подобного рода развлечений.

Она открыла дверь, ведущую в ближайший проход, и осторожно выглянула туда. Было довольно тихо. Одной из возможных причин дешевизны этой каюты была удаленность от основных пассажирских зон. Направо по коридору можно было пройти в зал, занятый сотнями метров служебных помещений, оттуда вела лестница,

по которой, скорее всего, можно было добраться до пассажирских уровней. Слева коридор заканчивался дверью, которая была, похоже, второй и последней каютой в этой секции.

Триггер обернулась и посмотрела на ту каюту.

— Ох, — произнесла она, — извините, ради звезд.

Дверь комнаты была приоткрыта. Сразу за ней в низком кресле сидела мадам довольно странного вида. Когда Триггер заглянула, она приподняла худую руку в зеленом рукаве. То ли в приветственном, то ли в приглашающем жесте.

Потом повторила жест.

— Иди сюда, детка! — дружелюбно сказала она дребезжащим голосом.

Что ж, визит не повредит. Триггер вежливо улыбнулась и подошла к апартаментам соседки. Ее взору предстала худенькая старушка, либо лысая, либо наголо бритая, одетая во что-то вроде темно-зеленой пижамы. Мочки ее ушей оттягивали длинные блестящие сережки такого же цвета. Лицо женщины выглядело странным главным образом из-за большого количества макияжа, и макияж был соответствующего зеленого цвета.

Как только Триггер показалась на виду, старушка повернулась налево и что-то прочирикала.

Из-за двери показалась еще одна женщина, бывшая практически близнецом первой, разве что все на ней было розовым. Интересно. Обе лучезарно улыбнулись.

Триггер улыбнулась в ответ. Она остановилась у самого входа.

— Здравствуйте, — сказала розовая.

— Здравствуйте, — откликнулась Триггер, задаваясь вопросом, из какого же они мира. Их стиль был совершенно не похожим на то, что она встречала прежде.

— Мы сопровождаем Аскаба с Эльфкунда, — пояснила зеленая леди с доброжелательной снисходительностью.

— Надо же! — сказала Триггер якобы пораженная этим признанием. На самом деле слово Эльфкунд ни о чем ей не говорило.

— А ты с кем, детка? — спросила розовая.

— Ну, — проговорила Триггер, — вообще-то ни с кем.

Улыбки резко исчезли. Дамы переглянулись, затем снова посмотрели на Триггер. Довольно сурово.

— Ты имеешь в виду, — осторожно спросила зеленая, — что у тебя нет слуг?

Триггер покачала головой.

— Я с Маккадона, — объяснила она. — Мое имя Бирна Дреллгэннот.

— Маккадон… — повторила розовая. — То есть ты незнатного происхождения, юная Бирна?

— Ну, конечно! — оскорбилась зеленая. — Маккадон! — с удивительной проворностью она вскочила с кресла и подлетела к двери. — Жуткий сквозняк, — сказала она, многозначительно поглядывая на Триггер.

Дверь захлопнулась прямо перед носом у девушки. Секунду спустя Триггер услышала звук закрывающегося замка. Еще через секунду над дверью возникла горящая надпись «Не беспокоить».

Ну и ну, подумала она по дороге в свою каюту, похоже, эти чересчур дружелюбные соседи не будут беспокоить ее в течение полета.

Принимая ванну, она обнаружила автоматического парикмахера в нише за зеркалом. Она перетащила агрегат в комнату, запрограммировала его на удаление краски с волос и уселась под ним. Через минуту она снова была рыжеволосой, а затем настроила аппарат на стиль Орадо и позволила ему создать самое подходящее в данных обстоятельствах куаферное творение.

Прибор на некоторое время остановился, слов-

но в замешательстве, урча и пощелкивая, будто раздумывая над работой, которая ему предстояла. Затем затих и без промедления взялся за дело. Когда он выключился, Триггер осмотрела результат в зеркале.

Ей не слишком понравилось. Волосы были зачесаны наверх, что делало ее лицо более скуластым, а вид дешевым. Это ей не шло. Возможно, парикмахер принял в расчет стоимость ее платья из магазина-автомата.

Да, ладно, сойдет для первого полета на этом корабле.

Глава 11

КомСеть вежливо напомнила, что до прыжка осталось десять минут. Бодрствующие пассажиры, испытывающие любые недомогания, могут вызвать скорую помощь. По желанию можно потребовать постоянного наблюдения каюты персональным стюардом или стюардессой.

Когда Триггер прошла в пассажирскую зону «Дон Сити», там уже собралось довольно много людей. Было заметно, что некоторые путешественники сожалеют о своем опрометчивом решении бодрствовать. Вот и она начала ощу-

щать легкую тошноту.

Это было не так уж и неприятно — просто чувство, будто корабль пытается повернуться вокруг своей оси, но так и не поворачивается, — а Триггер из своего опыта знала, что примерно через час она от этого чувства избавится. В поисках места, где можно было подождать избавления от неприятных ощущений, она прошла в тускло освещенную и шикарную игровую комнату, сопровождаемая наиболее азартной частью своих попутчиков.

Кушетка у закрытой двери в неосвещенной части комнаты показалась подходящей для отдыха.

Триггер села и огляделась. За множеством столов шла карточная игра, и все игроки были ей незнакомы. Играли в основном мужчины, но возле игроков стояли великолепно одетые, красивые женщины и наблюдали за процессом игры. По долетавшим до нее обрывкам разговоров она поняла, что ставки высоки.

У нее внезапно сильно закружилась голова. Этот приступ был сильнее предыдущих; она даже боялась, что ее вырвет. Она поднялась и с трудом прошла к двери. В дверной проем был встроен экран, защищающий от ультрафиолета, ибо по

ту сторону двери яркий солнечный свет бил в глаза.

Она оказалась на длинном балконе, десятью метрами ниже располагался открытый огороженный сад. В поле зрения не было никого. Девушка прислонилась к стене, закрыла глаза и сделала медленный и глубокий вдох. Дурнота потихоньку отступала.

Когда она снова открыла глаза, то увидела маленького желтого человека.

Он стоял без движения в дальнем углу сада у цветущего кустарника, откуда, вероятно, только что вышел. Казалось, он вглядывался в посыпанную песком дорожку, петлявшую и исчезавшую под балконом, на котором стояла Триггер.

Абсолютный ужас сковал ее поначалу, потому что в этой небольшой, приземистой, почти мужской фигуре практически не было ничего человеческого. Существо выглядело злым духом-карликом, опасным и коварным. Ей внезапно пришла в голову мысль, что этот сад мог быть иллюзией. Или…

И в тот момент существо пошевелилось. Оно молнией пробежало по дорожке и исчезло под балконом. Секунду спустя девушка услышала отдаленный звук закрывающейся двери. Сад

снова опустел.

Триггер не двигалась, колени слегка тряслись. Страх, похоже, изгнал из организма симптомы тошноты, и сердце стало постепенно возвращаться в свой привычный ритм. Она осторожно подошла к перилам балкона, где можно было достать рукой до покачивающихся зеленых ветвей деревьев.

Она нерешительно протянула руку, коснулась гладкой поверхности листка и сорвала его. Вернувшись к двери, Триггер внимательно его изучила, у нее в руках был самый что ни на есть натуральный лист. Пока она на него смотрела, на стебельке появилась капелька сока янтарного цвета.

Никакая иллюзия не могла быть столь совершенной.

Итак, она только что испытала свою первую галлюцинацию, и это был тот желтый карлик!

Триггер выкинула лист, толкнула дверь и вернулась в успокаивающую ажитацию казино.

* * *

Через час ожили динамики громкой связи. Было объявлено, что через четверть часа «Дон Сити» из-за гравитационных волнений будет

вынужден выйти из прыжка и продолжит путь к Эвали в обычном пространстве, из-за чего опоздание составит пять часов. Пассажиры в модулях потревожены не будут, если только не потребуют противоположного уполномоченные лица официально.

Триггер, чувствуя огромное облегчение, вернулась к визору. Больше галлюцинаций у нее не было, как и других признаков плохого самочувствия. Одной той галлюцинации хватит надолго. К библиотеке не обращался никто, кроме нее, и она приступила к чтению, все еще немного нервничая. Предметом изучения были правила азартной игры, популярной в Ядре, поскольку до этого ее внимание привлекли несколько игроков; один из них выглядел так, как будто пришел играть, зная весь ход игры заранее…

Какая-то часть сознания Триггер покручивала пальцем у виска и энергично мотала головой, предостерегая от безрассудных поступков. Но другая часть уверяла, что финансовые дела и без того безнадежны и хуже уже не станут. А что лучше: быть практически без денег или совершенно без денег? Кроме того, до конца полета желательно оставаться незаметной. Но на «Дон Сити» невозможно остаться незаметной, если

твой гардероб ограничивается одним платьем и притом не из бутика, а из магазина-автомата.

Собрав наконец обе половинки своего сознания в одно целое, Триггер стала прикидывать шансы в различных возможных игровых комбинациях. Она перестроила свою систему ставок, обнаружила в ней несколько недостатков и принялась за формирование следующей.

Динамики снова ожили, но девушка была настолько погружена в свои мысли, что поначалу не обратила на это внимание. Затем напряглась и нахмурилась, прислушиваясь.

Голос принадлежал старшему офицеру службы безопасности корабля. В таких-то и таких-то секциях под таким-то и таким-то номером именем Федерации будет произведен необходимый обыск в каждой пассажирской каюте. Непосредственно пассажиров досматривать не будут. По желанию они могут присутствовать в каюте при ее обыске, но это вовсе не обязательно. Багаж можно не открывать, если детектор в ходе обыска покажет, что он безопасен. Любая выявленная при обыске информация, не нарушающая статьи и пункты Кодекса, не будет зарегистрирована и не может быть использована в качестве судебного доказательства. Жалобы, относящиеся к проведению

досмотра, можно направить в любое планетное отделение федерального суда.

Вот же непруха! Триггер поднялась из-за стола, за которым было пристроилась. Отсутствие багажа в ее каюте могло пробудить у сотрудников службы безопасности лишь мимолетны и интерес, а вот оружие — дело другое. Осторожный запрос на женщину с двуствольным спортивным «Дентоном» мог быть одним из методов, используемым Космическими Скаутами, если они уже начали проверять все покинувшие Маккадон лайнеры со времени исчезновения Триггер. На борту «Дон Сити» не могло оказаться более двух или трех «Дентонов», а уж Триггер наверняка была единственной женщиной, владелицей подобного оружия.

Надо немедленно забрать «Дентон», а затем снова затеряться в пассажирской зоне. Какой-нибудь офицер охраны с хорошей памятью и умением запоминать лица мог запомнить ее еще по мэнонским выпускам новостей. Он бы сильно удивился тому факту, что весьма популярная на Мэноне особа путешествует под именем Бирны Дреллгэннот. Ему явно придет в голову выяснить причину.

Но Триггер не стала спешить, а вызвала на

визор ту самую статью Кодекса, на которую ссылалась служба безопасности. Похоже, на борту кого-то убили.

* * *

Она вернулась в каюту, но слегка припоздала. Два молодых офицера уже обыскивали комнату. Триггер приветливо поздоровалась. Все складывалось неважно, но в этом не было их вины — парни просто выполняли свою работу.

Они улыбнулись в ответ, извинились за вторжение и продолжили свое дело. Девушка присела и стала наблюдать за ними. «Дентон» лежал прямо на виду. Если бы она сейчас положила его в сумочку, то наверняка бы привлекла их внимание, так что лучше было оставить все как есть.

Приборы, которые использовали следователи, были зачехлены в камуфляжные футляры, и по тому, каких использовали, Триггер не могла догадаться о предмете их поиска. Было похоже, что кто-то из них мог хорошо ее запомнить. Открыв второе помещение, они обнаружили его столь же пустым, как и первое; офицеры, конечно, удивились, но своего удивления ничем не выдали. Две минуты спустя они закончили и с поклоном удалились. Следующей в их списке была каю-

та почтенных старушек-прислужниц Аскаба с Эльфкунда.

Триггер оставила дверь открытой. Если удастся, то можно услышать, как эти одуванчики встретят сотрудников службы безопасности.

Удалось.

Дверь каюты путешественников с Эльфкунда открылась, и голоса за ней стали на секунду пронзительными. Потом раздался звонок КомСети. Женский голос что-то строго сказал, и протесты старушек стихли. Похоже, офицеры были вынуждены связаться с кем-то из вышестоящих членов свиты Эльфкунда и просить его внести ясность в положение. Усмехаясь, Триггер закрыла дверь.

* * *

На экране визора в своей каюте девушка видела, как большой портовый челнок с Эвали прибывает для стыковки с «Дон Сити». Было известно, что он доставит еще около пяти сотен пассажиров и заберет тех, кто совершал краткий перелет от Маккадона до Эвали. В шаттле, вполне возможно, находились солидо-операторы, и Триггер решила не мозолить никому глаза в зоне посадки.

Пересадка была произведена очень быстро — очевидно, чтобы нагнать время, потраченное

на полет в обычном пространстве. После отстыковки шаттла по громкой связи объявили, что корабль не будет входить в субпространство вплоть до остановки на Гарте. Задумавшись, Триггер прошла назад к своей каюте и закрыла за собой дверь.

Как только она вошла, она заметила мужчину, сидящего за столом. Дыхание остановилось на мгновенье. Она собралась повернуться и дать деру.

— Спокойно, Триггер! — сказал майор Квиллан. На нем был цивильный костюм и выглядел он как пижон.

Триггер сглотнула. Удирать, собственно говоря, было некуда.

— Как вы нашли меня?

Он пожал плечами:

— Долгая история. Ты же не под арестом.

— Да неужели?

— Отвечаю, — сказал Квиллан. — Когда доберемся до Мэнона, спецуполномоченный сделает тебе предложение.

— Какое предложение? — осторожно спросила Триггер.

— Не бойся, не руки и сердца. Похоже, тебе предстоит снова взяться за старую работу, но

только в качестве прикрытия для участия в нашем маленьком проекте. Если ты, конечно, согласишься.

— А что будет, если не соглашусь?

Он снова пожал плечами.

— Что ж, в таком случае получишь обратный билет.

Триггер удивленно воззрилась на него:

— С какой это стати?

Квиллан осклабился:

— Сверху уже передали новые инструкции. Если тебе все еще интересно, спросишь у Уотцита.

— А-а, понимаю… — протянула Триггер. — Значит, вы здесь поэтому?

— Я здесь, — сказал Квиллан, — чтобы удостовериться, что ты долетишь до Мэнона. У меня с собой несколько человек.

— И Мискаль? — неуверенно спросила Триггер.

— Нет. Она осталась на Маккадоне.

— Она… э-э-э… как себя чувствует?

— С ней все в порядке, — сказал Квиллан. — Шлет тебе самые горячие приветы, называет гангстером в юбке и просит, чтобы в следующий раз била в солнечное сплетение чуточку помягче.

Триггер вспыхнула:

— Она очень злится?

— Не настолько, как тебе кажется, — успокоил ее он. — Немногим удавалось в рукопашном бою превзойти Мискаль. Она испытывает какое-то извращенное чувство гордости за свою ученицу.

Триггер почувствовала, что краснеет еще сильнее.

— Я ведь сбежала от нее, — сказала она.

— Знаешь, — произнес Квиллан, — в любом другом случае она могла бы спустить с тебя шкуру. Возможно, такой поворот даже к лучшему. Ты уже общалась с кем-нибудь после того, как села на корабль?

— Только со стюардессой. Да, еще с двумя старушенциями из соседней каюты.

— Угу. Старушенции, значит, — глубокомысленно повторил он. — И о чем же вы разговаривали?

Триггер кратко пересказала содержание беседы. Он выслушал, кивнул и поднялся.

— Вон в той комнатке пара чемоданов, — сказал он. — Там твои личные вещи, все проверены на жучки. И вот еще что — кое-кто проверил твое финансовое состояние и обнаружил, что ты, куколка, на нуле.

— Не совсем на нуле, — проговорила Триггер.

Квиллан запустил руку в карман, достал кон-

верт и положил на стол.

— В таком случае, тут деньги на расходы, — сказал он. — Предоплата работы в Преколе. Мне передали эту сумму сегодня утром на Эвали. Восемьсот кредитов Федерации.

— Спасибо, — произнесла Триггер. — Я найду достойное применение этим деньгам.

В его взгляде Триггер прочла явное одобрение. Не ясно только чему: ее победе над Мискаль, побегу с Маккадона или стремлению сорить деньгами.

— Вопросы еще есть? — спросил он.

— Естественно, — сказала она. — Но вы не станете на них отвечать.

— А ты попробуй, куколка, — предложил Квиллан. — Но давай сначала переместим наши организмы в замечательный зал для коктейлей, где ты и задашь мне все вопросы. Хочется малость расслабиться. Надо же, такая на вид примерная девочка, а голова из-за тебя болела в течение прошедших двух суток!

— Мне очень жаль, — извинилась Триггер.

— Могу поспорить, что на самом деле ты так не думаешь, — сказал Квиллан.

Триггер бросила взгляд на второе отделение каюты. Если он привез все ее вещи, то в одном

из этих чемоданов должно быть платье, одеть которое на пуританском Маккадоне было бы беспримерным по отваге поступком. Но оно прекрасно подходило для коктейля на борту круизного «Дон Сити»; к тому же, у нее еще не было возможности надеть обнову.

— Подождете десять минут, пока я переоденусь?

— Конечно, — Квиллан направился к двери. — Кстати, а я теперь твой сосед.

— Ты живешь в каюте в конце коридора? — пораженно спросила она.

— Именно, — он улыбнулся ей. — Вернусь через десять минут.

М-да, как же это удобно, ничего не скажешь! Триггер нашла платье, расправила его и оделась, чувствуя одновременно и замешательство, и облегчение. Ну и Уотцит!

Подновляя макияж, она задавалась вопросом, как майору удалось заставить старушек с Эльфкунда съехать. Наверное, предложил им каюту получше. Подобный способ воздействия должен был сработать без осечки. Что и имеем.

Глава 12

— Мы не оставили им выбора, — пояснил Квиллан. — Корабельные инженеры обнаружили радиационную утечку в их каюте. Небольшую, но утечку. Они с воплями подались оттуда… но им предоставили действительно каюту классом выше.

— Легче было переселить меня, — заметила Триггер.

— Может быть, но я не знал, в каком настроении найду тебя.

Что ж, пусть будет так, как есть, решила Триггер. А этот зал для коктейлей оказался чрезвычайно любопытным местом. В непосредственной близости от нее обреталось человек тридцать-сорок. Но уже через несколько минут на их местах могли сидеть совершенно другие люди. Сидевшие в мягких креслах и за столиками, стоящие в небольших группах, разговаривающие, пьющие коктейли, смеющиеся, они постепенно, но неотвратимо сменяли друг друга, проходя наверху, внизу и иногда вообще под каким-то странным углом, исчезали из поля зрения и потом появлялись вновь.

На самом деле она и Квиллан находились одни в небольшой комнате, с большей, чем обычно, степенью приватности — со встроенным блокиратором звука и шифратором, которые Квиллан включил при входе.

— Я выключу двусторонний визор, — предупредил он, — пока ты не выяснишь все, что тебе интересно.

— Двусторонний визор? — повторила она.

Квиллан махнул рукой в сторону зала.

— Здесь больше финансовых и промышленных шпионов, политических деятелей и высококлассных мошенников, что в принципе одно и то же, и прочей шушеры, чем ты можешь себе представить. Львиная доля всех этих авантюристов способна вполне сносно читать по губам, а вещи, о которых ты намерена поговорить, зуб гарантия, связаны с самой опасной и самой привлекательной на сегодняшний день тайной Федерации. Поэтому, пока ты не попала в поле зрения этой стаи проходимцев, давай не будем рисковать.

Пусть так, опять подумала Триггер. Пока Квиллан говорил, за соседним столом, отстоявшим в двух метрах от них, материализовалась группа из шести человек. Все были выше обычного роста. Среди них была явная парочка, обменивающая-

ся влюбленными взглядами. Триггер не смогла представить себе, что кто-нибудь из них шпион или агент. Она прислушалась к приглушенному бормотанию: какой-то диалект Ядра, но она его не знала.

— Никто из них не может увидеть или услышать нас? — спросила она.

— Нет, пока мы сами не захотим этого. Визор создает такой уровень приватности, какой тебе необходим. Большинство в этой толпе вообще не видит никакого смысла в уединении. Как те двое, например.

Триггер проследила за его взглядом. Над ними, чуть в стороне, за небольшим столиком со скучающим видом потягивала коктейли парочка одетых в вызывающе открытые вечерние платья молодых привлекательных сирен.

— Близняшки, — сказала Триггер.

— Нет, — ответил Квиллан. — Это Блент и копия.

— «Блент и Копия», — со вкусом произнесла Триггер. — Звучит как название компании девушек сопровождения.

— Смотри, выглядят как самовлюбленные создания, — пояснил он, — но трудно осуждать их за это. Одна из них является копией. Блент нико-

гда не появляется на людях без своих копий.

— О, — произнесла Триггер и внимательно присмотрелась к платьям парочки, стоимость каждого из которых выражалась числом с четырьмя нулями. — Это как раз то, — произнесла она с шутливой завистью, — почему я не рвалась сюда.

— Что? — не понял Квиллан.

Триггер повернулась, чтобы посмотреть на себя в зеркало, висящее справа. Девушка заметила, что, несмотря на блокированный визор, в нем продолжали отражаться дрейфующие люди и визоры. Она кинула задумчивый взгляд в сторону входа в зал.

— Пока мы не вошли сюда, — пояснила она, — я думала, что то платье, которое сейчас на мне, тоже выглядит неплохо.

— Хм, — сдержанно произнес Квиллан. Он увеличил картинку в зеркале и внимательно посмотрел на подчеркивающее фигуру короткое зеленое платье с глубоким вырезом на груди и спине, которое на экране визора выглядело достаточно соблазнительно.

Триггер чуть прищурила глаза. Майор уже успел в деталях оценить ее наряд.

— Оно выглядит ровно настолько, чтобы выгля-

деть как платье, которое можно купить кредитов за сто пятьдесят-двести, — заметил он. — А своим копиям Блент шьет наряды на заказ у самых крутых кутюрье Ядра и при этом, сама понимаешь, не скупится. Но поверь, никакой наряд не спасет Два-Блент-Два, если мужчина испытывает интерес к другой… Так что по поводу вопросов?

Триггер, задумавшись, сделала небольшой глоток. Она еще не сделала никаких конкретных выводов по поводу майора Квиллана, и пока ее мнение о нем не станет более определенным, возможно, лучше всего следовать нормам приличия. Между прочим, эти нормы предусматривали не пить много в его компании.

— Как вы, парни, нашли меня так быстро? — спросила девушка.

— В следующий раз, когда ты захочешь улизнуть с цивилизованной планеты, — посоветовал ей Квиллан, — выбери что-нибудь похожее на небольшое грузовое судно. Или найми маленькое судно, которое вывезет тебя из системы и пересадит на грузовое судно. Множество капитанов, не летящих по определенному маршруту, готовы сделать остановку для того, чтобы подобрать платежеспособных пассажиров. А лайнеры проверить — плевое дело. И слава звездам! — сказал

Квиллан. — Если у беглеца или беглянки есть время и деньги, неплохой идеей будет немного попетлять, прежде чем лечь на необходимый курс. Но все равно, любая сумма, которая поможет вам быстро сбежать, регистрируется в объединенной компьютерной сети.

— Даже так?

— Да, — майор Квиллан задумчиво посмотрел на свой стакан. — Они сидят там, — внезапно высказался он, — с глупыми пластиковыми лицами, не ударяя пальцем о палец! Их целая армия. Они живут за наш счет, но не ценят этого, а только презирают нас за это. Хамят, хихикают, а еще дают какие-то неудобоваримые советы.

— Вы имеете в виду клерков в Департаментах?

— Нет.

— А кого?

— Эти дурацкие машины, имитирующие разумную деятельность, — весьма эмоционально высказался Космический Скаут и влил в себя залпом порцию «огненного кидари».

— Так значит, это компьютеры помогли вам найти меня? — осторожно спросила она. Было очевидно, что майор испытывает к вычислительной технике сильные чувства.

— Конечно, — сказал он. — Я терпеть не могу

эти возомнившие о себе арифмометры с памятью, но готов признать, что их советы обычно не так уж глупы. Забрось все необычное, что произошло в твоей сфере деятельности, в эти машины, и после анализа они готовы выдать рецепт, как следует поступать дальше. Постановка задачи ясна: «Где Триггер?» Поскольку мы летели на Мэнон, то все необычное на данный момент скормили электронным мозгам лайнера. А тут как раз сообщили о парном убийстве на борту, которое выглядело, будто в нем замешан котассин. Компьютеры тут же заверещали наперебой: «Шерше ля фам под боком, ибо «Дон Сити» во главе списка подозреваемых!» Никто не спрашивал почему. Мои ребята просто вцепились в данные о продаже билетов, и тут обнаружился маленький пальчик Арджи!

Он посмотрел на Триггер.

— Лично я ставил на то, — произнес он несколько вызывающе, — что ты на одном из тех кораблей, который только что взлетел. Мы не знали о твоем резервировании билета.

— Чего я не понимаю, — сказала Триггер, переводя разговор на другую тему, — так это того, почему два убийства должны были показаться столь необычными, чтобы их внесли в компьютер. Таких случаев уйма, в конце концов.

— Точно, — подтвердил Квиллан, — но только не таких, которые выглядят как убийства котассинов.

— О! — она была поражена. — А они были именно такими?

— Это выводы службы безопасности лайнера.

Триггер нахмурилась.

— Но какая может быть связь…

Девушка запнулась.

Квиллан потянулся через стол и похлопал ее по руке.

— Ты все поняла! — сказал он с одобрением. — Точно, никакой связи. Когда-нибудь я пройдусь между рядами этих безмозглых тупиц со стековой памятью и разнесу из бластера каждый, кто на вопрос: «Дважды два?» даст тривиальный ответ. Так будет лучше для всех. Арифмометры-зазнайки это заслужили.

— Мне всегда казалось, что планета котассинов находится под охраной, — сказала Триггер.

— Она и есть под охраной. Сейчас очень трудно улизнуть оттуда. Но кто-то размножает этих тварей прямо в Ядре. Их выбрасывают на рынок немного. Для того чтобы держать высокую цену.

Триггер скривилась. В записях она видела в действии этих быстрых, умных существ, у кото-

рых тяга к насилию в крови.

— Вы говорили, что убийство выглядело, будто его совершил котассин. Его не нашли?

— Нет. Расследователи думают, что от него избавились. Из большинства вспомогательных помещений корабля был выкачан воздух, а остальную территорию прочесали с биодетекторами. Сенсорные датчики настроены так, что определят котассина, даже если он будет топтаться на пятачке в пару квадратных метров.

— Но биодетекторы не функционируют в подпространстве, не так ли? — спросила Триггер. — Именно поэтому лайнер и выскочил в обычное пространство.

Квиллан кивнул:

— Ты хорошо осведомлена, куколка. Служба безопасности почти уверена, что котассина засосало в космос или же его хозяин сам избавился от него, но они будут продолжать искать, до тех пор, пока мы не нырнем в субпространство после Гарта.

— Кого убили?

— Биоинженера и офицера охраны. В хранилище биомодулей. Возможно, котассина послали туда за кем-то, но, похоже, он наткнулся на этих двух парней и убил их. Офицер успел сделать

выстрел, и из-за этого включилась общая тревога. Так что на сей раз киска не смогла завершить работу.

— Они ужасны, правда? — сказала Триггер.

— Да, — согласился Квиллан, — это факт.

Триггер сделала еще один глоток и поставила бокал.

— Есть еще кое-что, — неохотно произнесла она.

— Да?

— Когда вы сказали, что появились на борту для того, чтобы обеспечить мое благополучное прибытие на Мэнон, мне казалось, мои маккадонские преследователи не знают о том, что я на «Дон Сити». А теперь думаю, что я могла ошибаться. Запросто.

— Неужели? — сказал Квиллан.

— Да. Видите ли, я сделала два звонка в кассу. Один с уличного терминала КомСети и один из банка. А я была в одежде с жучками.

— В любом случае, когда ты вышла из банка, за тобой был хвост, — сказал Квиллан. Он посмотрел на кого-то за спиной у девушки. — Мы вернемся к этому позже, а сейчас, посмотри на тот вход.

Триггер повернулась в указанном направлении.

— Выглядят очень представительно, — сказала она. — Ты их знаешь?

— Некоторых из них. Этот джентльмен, который похож на Капитана «Дон Сити», на самом деле им и является. А вот леди, которую он сопровождает с таким гордым видом — Лайд Эрметайн. Фамилию Эрметайны слышала когда-нибудь?

— Войны Эрметайнов, что ли? — с сомнением произнесла Триггер. — Транест?

— Они самые. Лайд сейчас возглавляет клан.

История планетных систем Ядра Звездного Скопления казалась настолько запутанной и быстротечной, что детальное изучение проводилось только специалистами. Триггер к ним не относилась.

— Сейчас Транест закрытая планета, если не ошибаюсь? — осмелилась предположить она.

— Совершенно верно. Предполагается, что это является препятствием для возникновения дальнейших конфликтов. Но не следует забывать, что Транест также один из самых богатых частных миров Ядра.

Пока Капитан и его спутница шли по слабоосвещенному проходу, Триггер следила за женщиной с некоторым интересом. Лайд Эрметайн выглядела не многим старше, чем сама Триггер. Довольно

маленькая, стройная, с изящной и привлекательной фигурой, которую только подчеркивало матово-серое, из какого-то странного дымчатого материала платье с длинными рукавами и на ладонь ниже коленей.

— Разве она не императрица — или кто у них там на Транесте — царица, Регентесса? — спросила Триггер.

Квиллан отрицательно покачал головой.

— По протоколу у них нет никаких императоров — они же должны были подписать соглашение с Федерацией. Она только владеет всем на планете, только и всего.

— А что она собирается делать на Мэноне?

— Я бы тоже хотел это знать, — ответил майор. — Эрметайн — женщина с широким кругом интересов. Ага, смотри. Видишь пухлого пожилого человека сразу за ней?

— Тот уродливый с большой головой, который вечно моргает?

— Он самый. Это Белчиг Плули и…

— Плули? — перебила его Триггер. — «Перевозки Плули»?

— Да. А что такое?

— Ничего особенного. Я слышала — от своего друга, — что у Плули яхта в Системе Мэнона. А

на яхте дочь.

Квиллан кивнул.

— Нелок.

— Откуда вы знаете?

— Я с ней встречался. Интересная девчонка, между прочим. Единственный ребенок Плули, старик любит ее до безумия. Как бы то ни было, последние тридцать лет он время от времени стоит на грани того, чтобы его внесли в черный список «Гранд Коммерс». Но никто не способен доказать ничего, кроме того, что он частенько балансирует на грани закона.

— Я так понимаю, он очень богат? — задумчиво произнесла Триггер.

— Очень, очень и очень. Но был бы намного богаче, если бы не его хобби. — Что за хобби?

— Гаремы. Девушки в гаремах Плули считаются самыми потрясающими и наиболее образованными в Ядре.

Триггер снова посмотрела на Плули.

— Фу! — произнесла она тихо. — Развратницы!

Квиллан рассмеялся;

— Оплата за их работу соответствующая. Но не будем больше о рыбненьком. Я хочу показать тебе там еще кое-кого. Засекла ту высокую брюнетку в оранжевом?

Триггер кивнула.

— Да, я вижу ее. Шикарная девица, все при ней. Что, тоже из гарема?

Квиллан хохотнул.

— Ну, если наш РУКС можно назвать гаремом… Это Гайя. Прилетела с Фарнхарта, у них для женщин там только одно имя. Отменная наездница, очень богата, с превосходным социальным статусом. Это как раз подходящий набор причин, по которым мы используем ее в подобных ситуациях.

Триггер какое-то время молчала.

— А какие ситуации вы имеете в виду? Интересно, что это она делает в компании с Лайд Эрметайн и остальными? — сказала она наконец.

— Вероятно, она присоединилась к компании, как только обнаружила, что на борту Лайд. Как я и приказывал ей сделать, — уточнил Квиллан, — если она встретит Лайд первой.

На этот раз Триггер молчала еще дольше.

— Полагаете, что Лайд могла бы принадлежать…

— …к нашим подозреваемым? Ну, скажем так, — сдержанно сказал Квиллан, — Лайд удовлетворяет всем основным признакам. И так

как она на борту, нам лучше обратить на нее внимание. Когда то, что происходит, выглядит необычно, всегда стоит обратить внимание на Лайд. А сейчас есть еще один момент, который выглядит более интересно, чем мне показалось сначала.

— Какой момент?

— Две маленьких старушки, которых я выставил из их каюты.

Триггер посмотрела на него.

— И что старушки?

— Я все время думаю о них. Аскаб Эльфкунд, скажем так, один из региональных представителей Эрметайнов в Ядре. Заодно этот скользкий тип прилежно работает и ради своих шкурных интересов. Но у него не тот вес, чтобы он мог оказаться одним из тех людей, о которых мы думаем. Лайд — да. Он, быть может, выполнял ее поручение.

— Поручение? — переспросила она и засмеялась. — Вместе со своими странными маленькими бабульками?

— Знаем мы этих странных маленьких бабулек. Штатные отравительницы Аскаба и радиотерапией владеют виртуозно. Они в момент просканировали тебя, пока вы мило болтали,

куколка. Вероятно, на сей раз приговор тебе не был вынесен. Вместо этого ты получила такую же дозу радиации, как при полном медицинском обследовании. Хотя, возможно, их действия послужат очередным шагом для какой-нибудь недоброй цели.

— Как ты узнал? — спросила Триггер, почувствовав себя очень неуютно.

— Один из небольших чемоданчиков в их каюте — диагностический рекордер. Когда ты была там, он стоял почти у самой двери. Если бабульки не успели вытащить запись до того, как я пришел, то она до сих пор еще внутри. Они находятся под нашим наблюдением и знают об этом. Кажется, это была неплохая идея — заставить Аскаба нервничать до тех пор, пока мы не выяснили, были ли эти милашки специально поселены рядом с тобой.

— Очевидно, так оно и было, — предположила Триггер. — Ох, и в хорошенькую компанию меня угораздило вляпаться!

— Ну, куколка, не все так уж плохо. У Лайд, например, есть свои плюсы. И старый Белчиг не такой уж мерзавец. Просто не признает этики и морали в бизнесе, а еще обладает отвратительными привычками. Как бы то ни было, все это

заставляет поломать голову над одним вопросом.

— Каким?

— Что теперь делать с тобой?

Триггер поставила стакан на стол.

— Налить еще? — спросил Квиллан. Потянулся к покрытому кристаллами льда кувшину, стоящему между ними.

— Нет, — сказала она. — Я хочу сделать официальное заявление.

— Для таких заявлений государственные структуры остались далеко за кормой, — заметил Квиллан, наполняя свой стакан.

— По некоторым личным причинам, — продолжала Триггер, не обращая внимания на категорический комментарий, — в последнее время я вела себя на редкость глупо.

Квиллан подавился. Он быстро поставил стакан и нежно похлопал ее по руке.

— Куколка, — он был тронут, — наконец-то до тебя дошло!

Она нахмурилась, глядя на него.

— Обычно я себя так не веду.

— Именно это обстоятельство ужасно расстраивало меня, — сказал Квиллан. — По словам спецуполномоченного и других людей, обычно

твоя головка светла как сияющий алмаз. И откровенно…

— Я в курсе, — угрожающе произнесла Триггер. — И будьте любезны не травить душу!

— Прошу прощения, — сказал Квиллан и нежно похлопал ее по другой руке.

— Как бы то ни было, — используя любимую присказку собеседника, продолжила Триггер, — теперь, когда я осознала все обстоятельства, хочу все исправить. Начиная с этого момента, буду действовать, следуя четким инструкциям Тэйта и вашим.

— Абсолютно всем?

Она кивнула.

— Абсолютно! Все что потребуется.

— Ты даже представить себе не можешь, — произнес Квиллан, — какое это счастье для меня. — Он бросил на девушку взгляд, полный облегчения, и наполнил ее бокал. — Признаюсь, у меня были определенные инструкции относительно нашего дальнейшего сотрудничества. Конечно, они не подразумевали ничего вроде насильственных действий, как то: силой зашвырнуть тебя в биомодуль, сесть на него сверху и держать пистолет наготове до тех пор, пока не прилетим в порт Прекола. Меня самого, честно

говоря, подмывало так сделать.

Он остановился и задумался.

— Знаешь, — начал он снова, — а биомодуль действительно будет лучшим выходом из положения.

— Ну, уж нет! — с негодованием воскликнула Триггер. — Когда я сказала, что буду действовать, я имела виду именно действовать, а не прохлаждаться в грезосне! Мискаль сказала, что я включена в состав команды в вашем проекте. Начиная с этого момента, я буду вести себя соответственно члену команды. А также буду ожидать, что и ко мне станут относиться соответствующе.

— Хм, — произнес Квиллан. — Ну, тогда есть кое-что, что ты можешь сделать прямо сейчас. — Что именно?

— Подойди к визору.

— Зачем? — спросила она.

— Чтобы поработать приманкой, глупышка! Если главарь бандитов находится на этом судне, мы должны сделать так, чтобы он попался на удочку.

Он снова оценивающе посмотрел на ее зеленое платье. Его взгляд стал рассеянно-масленым. Возможно, родились у Триггер тревожные подо-

зрения, было бы лучше держать мысли майора Квиллана на расстоянии от таких вещей, как приманка. Пусть даже для бандитов.

— Ну, хорошо, — оживленно сказала она. — Давайте приступим. Только сначала проинструктируйте меня.

Глава 13

Первые несколько минут она чувствовала себя несколько стесненно. Но это чувство прошло, когда она мельком увидела их столик дрейфующим среди других, и поняла, что улыбающееся рыжеволосое отражение смотрит на нее вполне непринужденно.

Помогло также и то, что майор Квиллан вдруг превратился в приятного, слегка флиртующего джентльмена. На коротком инструктаже, который был проведен перед этим, он сказал, что легкий флирт и все остальное необходимо, ну, или почти необходимо для спектакля. Триггер согласилась на флирт, — в конце концов, майор мог оказаться прав, — но собиралась смотреть в оба на «все остальное».

Клев начался быстро, но рыба была не совсем та, которую они ожидали.

Спрятанная в столе КомСеть пробормотала:

— Абонент хочет поговорить с майором Квилланом. Это возможно?

— А то! — со злостью бросил Квиллан. — Так я и думал, что нам лучше не включать визор! Кто звонит?

— Названное имя — Кит Дебол.

Квиллан засмеялся:

— Передай маленькой волчице привет от майора Квиллана, и скажи ей, что это была удачная попытка. Я найду ее завтра.

Он ласково подмигнул Триггер.

— Пусть помечтают, — сказал он. — На расстоянии!

Она улыбнулась. Если бы у него были усы, подумала она, то они бы точно зашевелились.

За следующие несколько минут было еще два подобных звонка. Квиллан категорически отказывался от них в пользу продолжения флирта. Это было лестно в известном смысле. Она задалась вопросом, как так вышло, что много людей в этом зале знают Квиллана по имени.

Когда КомСеть сообщила об очередном, четвертом звонящем, в ее голосе послышался благоговейный трепет.

— Названное имя — леди Лайд Эрметайн! —

сказала она.

Квиллан просиял.

— Лайд? Благослови ее доброе сердце! Радость-то какая! Да, пожалуйста, соедините меня с ней.

Экран сформировался прямо с правой стороны зеркала, и в нем возникло лицо Лайд Эрметайн.

— Хеслет Квиллан! — она сердечно улыбнулась. — Оказывается, ты еще не навсегда потерян для друзей!

У нее был приятный мелодичный голос, который полностью подходил к ослепительной внешности.

— Но только для настоящих друзей, — ответил Квиллан. Густые черные брови поднялись, и он преданно взглянул на собеседницу. — Я направляюсь в Мэнон по делам.

Она кивнула.

— По-прежнему интересуешься субпространственной инженерией?

— Угу, — подтвердил Квиллан, — но теперь это делаю в звании майора.

— Прими мои самые сердечные поздравления! Я всегда говорила, что твоя невероятная везучесть никогда тебя не покидает, — Лайд перевела взгляд на Триггер и снова улыбнулась приятной, легкой улыбкой, демонстрирующей белоснеж-

ные зубы. — Ты экранировал КомСеть, Квиллан?

— Экранировать КомСеть? — Квиллан выглядел удивленным. — Ах, ну конечно! — он протянул руку под стол, и дрейфующие посетители исчезли. — Продолжай, дорогая.

Лайд опять посмотрела на Триггер. Пристальным взглядом. У нее были прозрачные глаза, такие, как янтарь, или как белое вино, обрамленные длинными черными ресницами. Очень спокойные и умные.

Девушка непроизвольно напряглась.

— Простите мне мою неучтивость и прямоту вопроса, — сказала Лайд приятным грудным голосом, — но вы ведь Триггер Арджи, не так ли?

Рука Квиллана хлопнула о стол. Он посмотрел на Триггер и расхохотался:

— Лучше признайся, Триггер! Я же говорил тебе, что ты намного более популярна, чем представляешь себе.

* * *

— Ха, Брюл, — довольно произнесла Триггер, обращаясь к солидо-снимку, стоящему на подушке, — держу пари, что у тебя полезут на лоб твои синие глазищи, если узнаешь, кто пригласил меня на обед!

Брюл очаровательно улыбнулся.

Девушка лежала на кровати в своей каюте, положив подбородок на руки, глядя в синие глаза, до которых было не больше тридцати сантиметров, и абсолютно трезвым взглядом рассматривала возлюбленного.

— Майор Хеслет Квиллан, — произнесла она внезапно ледяным тоном, — совершенно невозможный тип!

Это была чистая правда и ничего больше. Она не особенно возражала, когда Квиллан отказался говорить ей о месте Лайд Эрметайн в списке подозреваемых, ибо там не было никакой возможности для приватной беседы. Но он и этот ужасный Белчиг Плули, все время перешучиваясь, били друг друга под ребра и хлопали по плечу, когда он и Триггер приняли приглашение Лайд и присоединились к ее компании, а потом Квиллан весело крикнул, что у него с Белчигом имеется один большой общий интерес — «ха-ха-ха!», и оба больших приятеля исчезли на целый час, чтобы посмотреть какую-то особую, не предназначенную для публичного просмотра даже в Инферно «Дон Сити», программу Безграничных Эмоций.

После того, как они ушли, Лайд улыбнулась.

— И после этого кто-то будет утверждать, что

мужчины не эгоисты? — примиряюще сказала она.

Триггер думала так же. Кое-кому из мужчин она, как предполагалось, приходилась хорошим другом. Конечно, у Квиллана могло быть какое-нибудь задание, касающееся Плули, но должны же быть какие-то другие способы, чтобы его выполнить. И позже, когда она держалась с майором несколько холодновато, Квиллан грубо заявил: «Только не надо быть ханжой, куколка!»

Триггер запихала солидо-снимок под подушку, перекатилась на бок и уставилась в стену.

Естественно, личные привычки майора Квиллана ее не касались ни с какого боку. Проблема заключалась в том, что меньше чем через час Космический Скаут должен был забрать ее, чтобы повести в апартаменты Эрметайн на обед. Она задавалась вопросом, как ей нужно вести себя с ним в дальнейшем.

Буду предельно вежлива, но прохладна, решила она. Но опять же, не слишком прохладна, потому что обязала себя помогать майору разобраться, зачем здесь находится правительница Транеста. Отсутствие дружелюбия между партнерами может сильно осложнить работу.

Триггер вздохнула. Положение вещей все

усложнялось и усложнялось.

В то время как Квиллан потворствовал собственным порочным наклонностям среди сомнительных соблазнов Инферно, ей пришлось выбросить триста кредитов Прекола на официальное черное платье… оно было таким шикарным, что еще вчера она сочла бы его недостижимым. Что ж, зато она не будет выглядеть замухрышкой на обеде у Эрметайн. И затем в сопровождении Гайи, которая оказалась приятной, но не очень общительной спутницей, отправилась в казино, чтобы постараться вернуть деньги за платье.

Правда, у нее ничего не вышло. Оказалось, что в ту игру, в которую она обычно играла в Колониальной Школе с Мискаль, нижней ставкой являлось полтыщи кредитов. Это нарушило первоначальный план. Схема, по которой она собиралась играть, выглядела очень надежной, но ей нужно было больше одной попытки, чтобы выиграть. Они с Гайей сели за другой стол, с другой игрой, в которую можно было войти с пятьюдесятью кредитами. Всего за восемь минут Триггер потеряла сто двадцать и вышла.

А вот Гайя выиграла семьдесят пять.

Прошедший день был интересный, правда, с некоторыми отрицательными моментами.

Она снова вытащила из-под подушки солидоснимок.

— А ты, дурачок, — предостерегающе сказала она Брюлу, — похоже, связался с очень плохой компанией! Просто счастье, что я скоро вернусь, встречусь с тобой и прослежу, чтобы ты не вляпался в серьезные неприятности!

* * *

Она приняла душ, и, крутясь перед зеркалом, пыталась понять производимый платьем эффект, как раз тогда, когда звякнул колокольчик КомСети.

— Разрешаю аудиовторжение, — небрежно бросила Триггер; даже не оглянувшись. Она привыкала к таким вещам.

— Спасибо, мисс Дреллгэннот, — сказала КомСеть. — Пакет из магазина Белдон был помещен в ваш почтовый трансмиттер.

Устройство замолчало.

Магазин Белдон? Триггер нахмурилась, положила платье на стул, подошла к ящику трансмиттера и открыла его. Небольшой плоский зеленый пакет, с надписью «Стили Белдон». Она вытащила его, и за ним потянулся тонкий аромат. К верхушке пакета был прикреплен маленький

белый конверт, в котором лежала карточка.

«Это миротворческое послание. Не могла бы ты, куколка, надеть это на обед в знак прощения? С истинной покорностью, К.», гласила она.

Триггер поняла, что стоит и улыбается, и тут же стерла улыбку с лица. Потом все-таки позволила ей вернуться вновь. Нет никакого смысла продолжать вести себя с ним жестко!

Она потянула за ленточку, и пакет открылся. Внутри было еще три маленьких пакетика.

Девушка открыла первый и какое-то время пристально рассматривала четыре предмета, похожие на зеленые почки какого-нибудь растения, каждая из которых была размером с ее большой палец. Она сложила их назад и открыла второй пакет. В этом находилась пара модных туфель зеленого и светло-золотистого цвета на изогнутом высоком каблуке.

Из третьего заструилось нечто из необычайно красивого материала родом с неизвестной ей планеты. Бархатистый зеленый… переливающийся живым светом. Его прикосновение было очень нежным. А аромат подобен ласковому шепоту. С великой осторожностью, взяв один край двумя пальцами, Триггер позволила ему развернуться.

Наклоняя голову то к одному, то к другому

плечу, она изучала мерцающую, легкую, как пушинка, путаницу драгоценных зеленых лент.

Надеть?

Но как и что это вообще такое?

Может быть, его носят на шее вместо колье? Или вместо пояса на талии?

Девушка задумалась, но так и не пришла к определенному выводу. Тогда она села перед КомСетью, держа в руке таинственные ленты, и набрала номер Гайи.

Красавица была в своей каюте и, очевидно, дремала, но сейчас выглядела вполне проснувшейся.

— Сеть блокирована! — быстро произнесла она, как только ее изображение стало четким. — Так что можешь говорить без опаски!

— Ничего важного, — торопливо проговорила Триггер. Гайя расслабилась. — Это всего лишь… — она подняла и повертела ленты. — Мне послал это майор Квиллан.

Гайя взвизгнула:

— О, как чудесно! Настоящий Белдон!

— Да, так и было написано.

Гайя улыбнулась.

— Должно быть, ты ему нравишься!

— Неужели? — только и смогла произнести

Триггер.

Она находилась в замешательстве. На лице Гайи возник вопрос, который она, впрочем, тут же задала:

— Ты поэтому позвонила?

— Вообще-то, нет, — ответила Триггер. Она на секунду задумалась. — Если ты будешь смеяться, — предупредила она, — я обижусь на тебя. — Она снова подняла ленты: — Что этот Белдон из себя представляет?

Гайя непонимающе моргнула.

— Ты недостаточно долго вращалась в великосветских кругах, — серьезно произнесла она чуть позже, а потом рассмеялась. — Только не надо обижаться, Триггер! В общем, это высокая мода. А в данном случае, еще и, — она быстро взглянула на Триггер, — изысканный вкус. Это вечернее платье Белдон.

Платье!

Некоторые из прекрасных лент были шире, чем остальные. Но ни одна из них не выглядела настолько широкой, насколько, по мнению Триггер, ей полагалось быть, если ее надеть на тело.

Все еще в сомнениях, девушка сняла с себя все и, извиваясь как змея, кое-как всунула себя в изделие высокой моды. Еще до того, как подойти

к зеркалу, она уже знала, что выглядит не так, как надо. Нет, чувствовать себя свободно в этом невозможно! Конечно, мода на многих планетах Ядра Звездного Скопления иногда выбрасывала довольно смелые фортели, но она была уверена, что это совершенно не то, что задумывали дизайнеры Белдон.

Она шагнула к зеркалу, и ее глаза расширились.

— Мама, — выдохнула она.

Белдон действительно сопутствовал женщине; как полоски сопутствовали тигру! Один взгляд на вещь, и нельзя понять, почему же природа не создала такого совершенства первой. Только вот на этот раз было совершенно очевидно, что никакой высокой модой и тем более изысканным вкусом тут и не пахнет.

Триггер посмотрела на часы и почувствовала себя выжатой как лимон. Похоже, ей все равно придется надеть свое черное платье, но она хотела, по крайней мере, разобраться в этой проблеме, прежде чем сдаться окончательно. Она взяла бокал с коктейлем и, сделав два больших глотка, подумала о том, что, возможно, надела платье задом наперед.

Или вверх тормашками.

Пять минут спустя она сидела возле трюмо, барабаня пальцами по гладкой поверхности и не сводя пристального взгляда с маленькой кучки зеленых лент, и тихо свистела. По ее лицу было видно, что она абсолютно расстроена. Потом встала и вернулась к КомСети.

— Какие мерцающие ленты? — переспросила менеджер магазина Белдон. — Ах, вы, наверное, имеете в виду артикул 741. Восхитительное творение!

— Восхитительное, — подтвердила Триггер. — Могу я увидеть его на модели?

— Сию минуту, мадам.

Несколько секунд спустя, длинноногая модель появилась на экране визора, демонстрируя изящное сочетание лент цвета пламени и четырех аксессуаров, похожих на листочки экзотического дерева.

Запомнив все в деталях, Триггер быстро повернулась к столу, на котором оставила странные зеленые почки. Они тем временем тихо распустились.

Девушка поблагодарила менеджера и выключила терминал. Потом снова влезла в Белдон и прикрепила листки в тех же местах, где они были у модели. Листочки медленно приклеились,

изменившись в соответствии с ее фигурой, и аккуратно завершили шедевр.

Она вставила ноги в туфли и снова посмотрела в зеркало.

— Мама моя родная! — снова выдохнула она. На Маккадоне такое не одобрили бы. Она не была уверена, что сама одобряет его.

Но очевидно было одно — при, взгляде на Белдон никому не придет в голову мысль о том, что она не в ладах с модой. Да, объективно, если не обращать внимание на личность, эффект был потрясающим.

Чувствуя себя загорелой кошкой, Триггер медленно подняла и опустила плечо. Повернулась и двинулась от бедра к большому зеркалу на другом конце каюты, искренне восхищаясь тем, как переливается платье при движении.

Потрясающе!

Еще глоток, и она решится на публичную демонстрацию обновки.

Она наполнила бокал и устроилась с ним под механическим куафером в секции моделирования причесок. На сей раз кибер-стилист мурлыкал, пока раздумывал, что пойдет его клиентке, а потом жужжал на протяжении всей работы. А когда прическа была сделана, и Триггер попыталась

встать, небольшие гибкие приспособления, выползшие из кресла, осторожно усадили ее опять и чуть приподняли подбородок. На мгновение она испытала испуг, но потом увидела, что стилист извлек из себя набор великолепной косметики. На сей раз ей понравилось, как он поработал…

Двадцать минут спустя КомСеть голосом Квиллана сообщила, что он может подойти, как только она будет готова. Триггер радостно объявила, что он может прийти прямо сейчас, взяла сумочку и с самодовольным видом пошла к двери, тренируя загадочную и чуть прохладную улыбку.

— Ага, ханжа, значит, — пробормотала она.

Она открыла дверь.

— Вау! — издал молодежный вопль потрясенный Квиллан.

Глава 14

Они сидели на террасе рядом с вершиной иллюзорной горы. Это был прекрасный вечер. Восхитительный ужин в старинном стиле подавали его авторы — две худенькие, смуглые девушки с ярко-красными губами. Они выглядели слишком молодо для того, чтобы обладать столь мастерскими навыками кулинаров. Девочки

— уроженки Транеста, с гордостью сказала Лайд, и они входят в число самых лучших продовольственных техников Ядра. Как бы то ни было, они были самыми прекрасными техниками, которых когда-либо видела Триггер.

Бренди, который последовал за ужином, казалось, не разочаровал знатоков, толпящихся вокруг Триггер. Она пила осторожно, хотя и проглотила несколько отрезвляющих капсул перед тем, как отправиться в апартаменты Эрметайн. Капсулы подействовали в середине первой перемены, и первое, что испытала Триггер — это смущение оттого, что находилась в центре всеобщего внимания. Все мужчины просто пожирали девушку в Белдоне глазами и даже Вирод, гигантский дворецкий Лайд, или мажордом, или как она там называла, то и дело невозмутимо строил ей глазки с заднего плана. В свою очередь Триггер одарила его один раз, потом еще и еще, и мажордом успокоился. Хозяйка апартаментов, облаченная в нечто просторное и потрясающее оголенностью царственных плеч, в чем можно было вполне появиться на Ежегодном Президентском Обеде Университетской Лиги в Сеусе, выглядела несколько удивленной.

И только в конце второй перемены Триггер

снова начала чувствовать себя непринужденно. После этого она более или менее забыла о том, что под Белдоном на ней ничего нет. В течение всего ужина разговор крутился вокруг каких-то мелких тем. Когда на время остановки в Гарте выключили фон — который неизменно притягивал ее взгляд — она воспользовалась возможностью и стала более подробно рассматривать своих собеседников.

За столом сидели трое мужчин, Лайд и она сама. Квиллан занимал место напротив девушки. Белчиг Плули в черной шелковой одежде, которая оставляла его пухлые руки обнаженными по локоть, обедал справа от майора.

Третий мужчина привел ее в восторг. Выглядел он так, как будто странное холодное существо выбралось из студеных глубин полярного моря, взошло на борт и присоединилось к ним.

Дело было даже не во внешности, просто вокруг его шеи обвивался зеленый конец губки Вети, чем, вероятно, и создавалось подобное впечатление. Триггер знала о спонжах Вети и подсевших на них наркоманах, но никогда раньше не видела никого из них. Спонжи не вызывали слишком сильную зависимость, если не принимать во внимание, что, раз попробовав, бросить было уже

невозможно. Губки успокаивали расшатавшиеся нервы, стабилизировали неуравновешенное душевное состояние.

Балмордан не выглядел человеком, который нуждался в успокоении души. Он был крупным, не таким высоким, как Квиллан, и, вероятно, весил больше майора. Резкие черты лица, сильно выступающий нос и суровые глаза. Ему было около пятидесяти, и одет он был в дорогую, украшенную мелкими брильянтами синюю сорочку и брюки. Рубашка была выполнена в стиле а ля балахон, возможно, для того, чтобы скрыть располневшее тело хозяина. Лайд представила его «как ученого Девагас» и, таким образом, стало ясно — это чрезвычайно важная персона. Ведь аналогичное представление почти наверняка означало, что он являлся членом иерархии Девагас, что само по себе сделало его очень интересным.

Триггер пришлось сталкиваться с чудаками-миссионерами, которых Девагас продолжал засылать в Ядро, и она иногда с любопытством размышляла о пассионарных лидерах этой хронически спесивой, непредсказуемой нации, которая на двадцати восьми закрытых мирах составляла более шести процентов населения.

Девагас никого не любили, и естественно, никто не любил их.

Балмордан совершенно не вписывался в ее представления о лидерах Девагас. В частности, присущая ему манера говорить и вести себя была приятной и легкой. Правда, сначала насторожили его попытки рассмотреть ее. Его взгляд был похож на взгляд биолога-вивисектора, планирующего детали интересной ампутации.

А он и был биологом.

На протяжении всего вечера Триггер продолжала задаваться вопросом, почему Лайд пригласила ее на обед. Она была уверена в одном — Белчиг Плули не в восторге от присутствия Балмордана.

Ужин был закончен еще до взлета с Гарта, и присутствующие снова включили фон и пересели в кресла. Рыжеволосая, зеленоглазая, загорелая молодая женщина с прекрасной фигурой, по имени Флам, время от времени наполняла бокалы и приносила подносы с фруктами. Периодически и она, не будучи мужчиной, бросала на Триггер изучающие взгляды.

Потом появился Вирод с плоским подносом чего-то такого, что потом оказалось очень редкой маркой табака. Триггер отказалась, а мужчины с видом знатоков дали высокую оценку угощению

и все, включая Лайд, прикурили маленькие трубки из особого вида коралла и начали с довольным видом попыхивать ими.

Квиллан похлопал Вирода по плечу:

— Эй, здоровяк! — приветливо произнес он. — Как сам?

Вирод, в алом жакете с широкими рукавами и черных брюках, чуть наклонил свой бритый череп.

— Прекрасно, майор Квиллан, — ответил он. — Благодарю.

Он повернулся и вышел. Триггер поглядела ему вслед. Вирод, немного пугавший ее, был поистине огромен. Перемещаясь между гостями, он походил на тихо ступающего слона. И крошечный поднос с табаком он тоже подавал с грацией слона. Эрметайн подмигнула Квиллану.

— Однажды в спарринге Квиллан положил Вирода на лопатки, — сказала она Триггер. — Поединок длился пятьдесят семь минут, да, Квиллан?

— Около того, — подтвердил Квиллан. — Триггер еще не знает, что в юности я был тунеядцем-спортсменом.

— Правда? — сказала Триггер.

Он кивнул.

— Фактически, я происхожу из рода этих тунеядцев. Правда, потом я нарушил традицию и стал заниматься делом. Сейчас я болен и стар. Верно, Белчи?

Два приятеля, сидевшие рядом, ткнули друг друга локтями и расхохотались. Триггер вздрогнула.

— Все еще занимаешься своим делом? — спросила Лайд.

Квиллан в упор посмотрел на нее и усмехнулся.

— Относительно, — ответил он.

— Мы можем, — глубокомысленно заметила Лайд, — вернуться к этому вопросу позже. Что же касается того состязания с Виродом, — продолжила она, обращаясь к Триггер, — это действительно был потрясающий поединок! Прежде чем я взяла его в охрану, парень был профессиональным бойцом на Транесте, а там, на ковре, он крайне, крайне редко терпел поражения, — она засмеялась. — Тем более в присутствии такого громадного скопления народа! Боюсь, что он никогда не простит тебя за свой позор, Квиллан.

— Буду держаться от него подальше, — легко сдался Квиллан.

— А вы, ребята, в курсе, — сказала Лайд, — что

причиной конфликта, который возник между Маккадоном и Эвали, было убийство, совершенное котассином?

Прозвучали удивленные восклицания. Эрметайн вкратце обрисовала детали, причем Квиллан, когда рассказывал Триггер об этом, пользовался почти теми же словами, что и хозяйка апартаментов.

— А ты знаешь, Белчиг, что пыталась сделать эта тварь? Она пыталась пробраться в помещение с биомодулями. Только подумай, а что, если его послали за тобой!

Это было довольно жестоко. Голова Плули дернулась, и он быстро посмотрел на Лайд, не проронив ни звука. В этот момент он казался просто маленьким напуганным человеком. Триггер стало его жалко, правда, не слишком-то. Белчиг уставился в пространство прямо перед собой, нижняя челюсть отвалилась, из уголка рта стекали слюни.

— Белчиг, пока ты в этой штуке, можешь не бояться! — успокаивающе произнес Квиллан. — Лайд, разве ты не чувствовала бы себя в большей безопасности в биомодуле? Если ты утверждаешь, что офицеры даже не уверены, что убили существо…

— Мне, вероятно, следует поставить контейнер прямо здесь, — сказала Лайд. — Но не как защиту от котассина. Это создание никогда не пройдет через Пилли, — она посмотрела на Триггер. — О, я забыла, вы же никогда не встречали Пилли. Вирод! — позвала она.

Вирод появился на другом конце террасы.

— Да, Первая Леди?

— Приведи Пилли, — приказала она.

Вирод поклонился.

— Пилли сейчас в комнате Первой Леди.

Он огляделся, подошел к массивному мягкому креслу, стоявшему в нескольких метрах от него, и отодвинул в сторону. Нечто, похожее на огромный шар из золотистого меха, зашевелилось за ним, а потом выпрямилось.

Это было какое-то животное. Голова, казалось, была повернута к Триггер, но сказать наверняка было сложно из-за густого меха. Затем лапа, похожая на медвежью, высунулась оттуда, и Триггер увидела большую волосатую ладонь, с почти человеческими ногтями на пальцах.

— Он отдыхал, — объяснила Лайд. — Но не спал. Пилли никогда не спит. Это совершенный охранник. Иди сюда, Пилли, познакомься с Триггер Арджи.

Пилли плавно встал на ноги. Это было впечатляюще легко и грациозно проделано. Под золотистым мехом скрывалось огромное широкоплечее туловище и короткие мощные ноги. Комплекция у существа была как у гориллы. Пилли, вероятно, весил центнера полтора, если не больше.

Он потихоньку двинулся вперед, и Триггер почувствовала нарастающую тревогу. Но животное остановилось за два метра до нее. Она посмотрела на совершенного охранника.

— Сказать ему что-нибудь?

Лайд выглядела довольной:

— Нет. Это биоструктура. У него высокий интеллект, но речь не включена в его функциональные возможности.

Триггер продолжала смотреть на этот кошмар в золотой шерсти.

— Как он может видеть через весь этот мех?

— Он и не видит, — пояснила Лайд. — По крайней мере, так, как видим мы. Пилли — часть одного из наших экспериментов на Транесте — первоначальный материал для него был взят из генетического банка на Маккадоне; это были гены маленькой земной обезьянки с золотистой шерстью. В настоящее время эксперимент на-

ходится на стадии окончательной доводки — у создания четыре сердца, например, и, что важно, второй дополнительный мозг расположен в нижней части спины. Но у него нет зрительных органов. Пилли — один из двадцати трех подобных существ. У них какое-то особое восприятие, компенсирующее отсутствие глаз, и юно пока является загадкой для нас. Мы надеемся преодолеть речевой барьер, и тогда они смогут рассказать, каким образом видят… Хорошо, Пилли. Иди!

Она обратилась к Балмордану:

— Мне кажется, ему не очень нравится ваша Вети.

Балмордан кивнул.

— У меня создалось такое же впечатление.

Возможно, подумала Триггер, именно поэтому Пилли прятался неподалеку от них. Она смотрела, как огромная гротескная биоструктура двигалась прочь от террасы. Когда существо проходило мимо, девушка уловила необычный запах, свежий, скорее приятный, похожий на запах зрелых яблок. Пилли был, конечно, кошмаром, но кошмаром довольно привлекательным, и яблочный запах ему вполне подходил. Но все-таки он был ужасен, и ей стало жаль его.

— В известном смысле, — сказала Лайд, — Пил-

ли возвращает нас к тому вопросу, который мы сегодня уже затрагивали.

Взгляды всей компании переместились на нее. Она улыбнулась.

— У нас на Транесте замечательные ученые, — продолжила женщина, — я думаю, Пилли это доказал. — Она кивнула в сторону Балмордана. — И в Союзе Девагас прекрасные ученые. Каждый присутствующий здесь знает, что Соглашение о Закрытии, наложенное на оба правительства, лишило наших граждан возможности принимать участие в серьезном исследовании плазмоидов.

Триггер слегка кивнула, потому что янтарные глаза на мгновение остановились на ней, а Квиллан советовал ей не выказывать удивления, что бы Эрметайн ни сказала или сделала. Если Триггер не знала, что сказать, она просто должна была придать лицу нейтральное выражение. «В отличие от других я быстро пойму и перехвачу инициативу, а ты просто повторяй за мной, понятно?» — объяснял ей он.

— Господин Балмордан, — сказала Лайд, — я так понимаю, что вы летите в Мэнон с целью посетить конференцию по плазмоидам, а заодно и станцию, где с ними экспериментируют?

— Истинная правда, Первая Леди, — сказал

Балмордан.

— А теперь я, — произнесла Лайд, обращаясь ко всей компании, — скажу совсем откровенно. Информация, разрешенная к обнародованию на этих конференциях, лишена всякой ценности. Он, — она кивнула на ученого Девагас, — и я летим в Мэнон с одной и той же целью. А цель такая — заполучить плазмоидов для наших правительственных лабораторий.

Балмордан дружелюбно улыбнулся.

— Как вы намереваетесь их заполучить? — спросила Триггер.

— Предлагая очень крупные суммы или как-нибудь еще стимулируя интерес людей, у которых есть возможность их достать, — ответила Лайд.

Квиллан выразил неодобрение.

— Цель Первой Леди, — пояснил он Триггер, — с большой вероятностью может привести ее к мысли воспользоваться незаконными методами.

— Когда это необходимо, — безмятежно сказала Лайд, — я готова рискнуть немного, самую малость.

— А как насчет вас, сэр? — спросил Квиллан у Балмордана. — Надо понимать, что вы также заинтересованы в покупке пары-тройки плазмоидов по сходной цене?

— Естественно, — ответил Балмордан. — Но только если мое правительство не будет замешано в какие-нибудь темные делишки.

— Конечно, только так и никак иначе, — согласился Квиллан. Он задумался на мгновение: — А ты, Белчи?

Плули выглядел встревоженным.

— Нет-нет-нет! — быстро сказал он и нервно моргнул. — Я лучше и дальше буду заниматься своими перевозками — это безопаснее.

Квиллан ласково потрепал его по плечу:

— Вот единственный законопослушный гражданин в этой компании! — он подмигнул Триггер. — Вот, например, Триггер удивляет, — сказал он Лайд, — почему при нас с ней говорят о таких вещах.

— Ну, это же очевидно, — ответила Лайд, — Триггер и ты занимаете прекрасную позицию — или будете занимать в ближайшее время — для того, чтобы стать посредниками в этом вопросе.

— Что стать… — начала изумленная Триггер, но как только все взгляды обратились к ней, она замолчала. — Вы действительно думаете, — спросила она Лайд, — что мы согласимся на это?

— Вообще-то, я так не думаю, — ответила Лайд. — Я не жду, что кто-то из вас согласится на

это уже сегодня вечером, хотя это будет безопасно — не я одна позаботилась о том, чтобы эта беседа не могла быть записана. Правда, Квиллан?

Она улыбнулась.

— Ты всегда права, Первая Леди! — воскликнул Квиллан. Он постучал по нагрудному карману — Шифратор, искажающий звуковые сигналы.

— А вы, Балмордан?

— Должен признать, — весело сказал Балмордан, — что мне тоже показалось разумным принять аналогичные меры.

— Очень разумно! — сказала Лайд. Ее веселый взгляд переместился на Плули. — Белчиг?

— Вы, Лайд, женщина, бередящая нервную систему, — с несчастным видом произнес Белчиг. — Да, конечно, я побеспокоился об этом, — он вздрогнул. — Я не могу позволить себе рисковать. Только не тогда, когда рядом вы.

— Конечно, не можете, — сказала Лайд. — Но даже несмотря на это, все еще остаются причины, по которым каждое необдуманное слово в этой компании может создать проблемы в будущем. Так что, Триггер, я не жду, что кто-нибудь согласится хоть на что-то сегодня вечером. Я просто сообщаю заинтересованным лицам о том, что меня интересуют плазмоиды. Кстати, я гораздо

больше заинтересована в том, чтобы увидеть вас и Квиллана в своей команде. Правильно, Белчиг?

Плули принялся хихикать как сумасшедший.

— У меня, ха-ха, была та же самая идея! — он ловил ртом воздух. — Хотя бы одного из двоих, ха-ха! Я…

Он дернулся и резко замолчал под пронзительным взглядом Триггер. Потом потянулся за выпивкой.

— Простите, пожалуйста, — пробормотал он.

— Едва ли у тебя получилось бы, Белчиг! — сказала Лайд. Она подмигнула Триггер: — Но могу уверить вас, Арджи, вам бы пришлась по вкусу оплата и условия работы, они действительно весьма и весьма привлекательны.

Ей показалось, наступил момент, чтобы придать лицу нейтральное выражение. Что она и сделала.

— Ты это серьезно, Лайд? — спросил Квиллан.

— Конечно, серьезно. В настоящее время вы оба могли бы оказаться очень ценными для меня, — сказала Эрметайн и на несколько мгновений задержала на майоре взгляд. — Ты никогда не рассказывал Триггер о способе, с помощью которого восстановил благосостояние своего семейства?

— Без подробностей, — ответил Квиллан.

— В инженере Хеслете Квиллане мир потерял очень способного пирата и контрабандиста, — улыбнулась Лайд. — Но, быть может, не навсегда.

— Быть может, и не навсегда, — признал Квиллан. Затем он усмехнулся. — Но я человек скромный, для меня достаточно и одного благосостояния.

— Знаешь, — произнесла Лайд, — было время, когда я боялась, что мне придется убрать тебя с дороги.

Квиллан засмеялся.

— Было время, — признал он, — когда я подозревал, что ты можешь так подумать, Первая Леди! Но оттого, что ты этого не сделала, надеюсь, ничего не потеряла, не так ли?

— Я потеряла достаточно! — возразила Лайд и капризно наморщила нос. — Но все уже закончилось. Да и с разговором о делах пора завязывать. Хватит, — она повернула голову: — Флам!

— Да, Первая Леди? — ответила рыжая девчонка.

— Принеси нам, пожалуйста, то, что принадлежит мисс Арджи.

Флам принесла небольшую упаковку плоских

дисков, скрепленных друг с другом. Лайд забрала их.

— Иногда, — сказала она Квиллану, — Аскаб становится слишком самостоятельным. С ним уже поговорили. На вот, сохрани гостинец для Триггер.

Она бросила диски. Квиллан ловко поймал.

— Благодарю, — сказал он и положил всю упаковку в карман. — Я отзову своих псов.

— Повремени, — сказала Эрметайн. — Аскабу не повредит понервничать еще немного.

Запиликала КомСеть, и Лайд замолчала. Вирод подошел к терминалу и оттуда раздался голос.

«Субпространственный рейс Гарт-Мэнон начнется через час. Просим тех, чьи биомодули приготовлены…»

— Это меня, — воскликнул Белчиг Плули и поспешно встал. — Не могу переносить прыжки! Сразу начинаются глюки, похлеще, чем после ангельской пыльцы. Ужас!

Он слегка качнулся, и Триггер впервые подумала о том, что Белчиг довольно мил. Когда в пьяном виде.

— Лучше подай нашему гостю руку, Вирод, — позвала через плечо Лайд. — Приятных снов, Белчиг! А вы, Триггер, собираетесь в модуль? Нет?

Ну ты, Квиллан, конечно, нет. А Балмордан?

Ученый Девагас тоже покачал головой.

— Тогда, — сказала Лайд, — побудем вместе еще немного.

Глава 15

— А она, — заметила Триггер, — удивительно любопытная женщина.

— Да, — сказал Квиллан, — любопытная.

— Ну, а теперь-то я могу задать несколько вполне уместных вопросов? — робко спросила Триггер.

— Не здесь, конфетка, — ответил Квиллан.

— Ты деспот, Хеслет Квиллан, — спокойно произнесла она. — А еще… сатрап!

Квиллан промолчал.

Они спустились по лестнице к складским помещениям и теперь шли по направлению к своим каютам по большому освещенному коридору. Триггер чувствовала приятную расслабленность. У нее в самом деле накопилось много вопросов к Квиллану, и она хотела бы получить на них ответы.

— О! — вдруг вырвалось у нее.

Внезапно рука Квиллана оказалась у нее на

плече, подталкивая ее вперед.

— Тсс! — прошипел он, — не останавливайся.

— Но ты тоже это видел? — спросила Триггер, пытаясь обернуться к маленькой открытой двери, ведущей на склад, мимо которой они только что прошли.

Квиллан втянул в себя воздух.

— Конечно, — сказал он. — Парень в космической броне.

— Но что он там делает?

— Наверное, проверяет что-то, — он убрал руку с ее плеча, и буквально на миг его палец коснулся ее губ.

Триггер бросила на него вопросительный взгляд. Но майор шел рядом, не глядя на нее.

Ладно, подумала она, намек понят. Но теперь к девушке вернулось чувство неудобства и стеснение.

Они свернули в боковой проход и подошли к ее каюте. Триггер уже повернулась к своему кавалеру, когда он вдруг подхватил ее на руки и пошел дальше, не останавливаясь. При этом прошептал в самое ухо:

— Сейчас я все объясню. Здесь опасно.

Как только дверь каюты за ними закрылась, он поставил ее на ноги и посмотрел на часы.

— Здесь мы можем поговорить, — сказал он. — Но у нас мало времени для разговоров, — он жестом указал на стол у стены. — Глянь-ка на это устройство.

Триггер проследила взглядом. Стол был завален инструментами, как рабочее место техника-электронщика. На экране была видна и ее комната, и участок коридора до того места, где он выходил в большой холл.

— Это что такое? — неуверенно спросила девушка.

— По сути дела, это ловушка для котассина, — сказал Квиллан.

— Для котассина! — испуганно пискнула Триггер.

— Да-да. Не надо так нервничать. Прежде мне уже приходилось их ловить. Одно время это было даже чем-то вроде моей специализации. У славных представителей рода кошачьих есть одна особенность — они душу продадут, если поймать его живьем и помотать перед носом валерьянкой, и котассин — не исключение — Он сбросил жакет, достал огромную пушку с конусообразным дулом и положил пистолет рядом с экраном. — А вот это необязательно, но, как говорится, береженого… Секунду…

Он сел перед монитором и принялся ковырять-ся микроотверткой и пинцетом в одном из своих приспособлений.

— Хорошо, — сказал он через некоторое вре-мя. — Теперь мы полностью готовы. Вероят-ностный период начнется через три минуты, продлится ровно час, при появлении любого движущегося объекта прозвучит предупреди-тельный сигнал. И помни, эти зверьки очень быстро двигаются. Не делай глупостей.

Никакого ответа не последовало. Квиллан еще поколдовал над монитором и снова поднялся. Он задумчиво посмотрел на Триггер.

— Опять эти проклятые компьютеры! — произ-нес он. — Не вижу в этом никакого смысла.

— В чем? — спросила она дрожащим голосом.

— Все, что происходит здесь, передается этим дурацким электронным мозгам, — сказал он. — Когда они узнали о том, что мы приглашены на вечеринку к Лайд, и кто в числе гостей, им пришлось временно притихнуть. А сейчас они объявили, что в названный мною отрезок време-ни котассин должен появиться у твоей каюты. Они считают, что это произойдет с вероятностью, близкой к единице.

Триггер промолчала. Если бы она попыталась

заговорить, то, возможно, у нее опять вырвался бы только писк.

— Да успокойся, куколка, — сказал он, успокоительно сжимая ее плечо огромной ладонью. — У тебя хорошие мускулы, — заметил он рассеянно. — В каюте установлена ловушка, и, кроме того, я предпринял другие меры предосторожности, — он мягко помассировал ей плечо. — Возможно, мы просидим здесь целый час, а потом дружно посмеемся над дурацкими прогнозами дурацких компьютеров! — и он улыбнулся.

— А я-то думала, — Триггер удалось произнести это нормальным голосом, — что все уверены, будто котик-убийца мертв.

Квиллан нахмурился.

— Да, вот еще что. Я знаю, что дичь, на которую мы охотимся, может увильнуть от следящего устройства, по крайней мере, двумя способами. Можно было бы запихнуть его в субшлюпку — это вообще просто сделать из каюты, но, правда, только имея план его движения. Так что я не думаю, что котик мертв. Он просто…

— Квиллан, — послышался тоненький голосок со стороны визора.

Он обернулся, быстро подошел к визору и сел перед ним.

— Да?

— В секции Б замечено быстрое движение. В вашем направлении.

Быстрое движение. В голове у Триггер появилась мысль.

— Квиллан… — начала было она.

Но майор поднял руку, как бы приказывая замолчать.

— Получено изображение? — спросил он и поднес пальцы к панели управления.

— Нет. Датчик показывает только неясный силуэт, — секундная пауза. — Ага, покидает секцию Б.

— Движение в секции В, — произнес другой голос.

Квиллан сказал:

— Прекрасно. Дичь приближается. Больше никаких устных докладов, если только он не изменит направление. Хочешь остаться в живых — не двигайся, если ты не в космоброне.

Воцарилась гнетущая тишина. Квиллан сидел, не шевелясь и уставившись в монитор. Триггер стояла у него за спиной. Ее колени затряслись, и она ничего не могла с этим поделать. Следовало все-таки признаться ему…

— Квиллан…

На мгновенье экран показал яркое мерцание в конце коридора. Затем дверь каюты начала открываться.

Голубой свет, вспыхнувший в комнате, озарил приземистую фигуру. Она немедленно пропала.

Триггер слышала, как Квиллан издал удивленный возглас. Левой рукой он стукнул по кнопке на панели.

За дверью, ведущей в коридор, раздался звук удара, похожий на громкий хлопок. Затем пробарабанило, словно за стеной начался проливной дождь. И снова тишина.

Она осознала, что Квиллан стоит возле нее и держит огромный пистолет. Дуло было направлено на дверь. Его взгляд быстро пробежался от двери к монитору и обратно. Она почувствовала, как его напряжение ослабевает. Потом обнаружила, что крепко вцепилась ему в рубашку и заодно прихватила порядочный кусок кожи, но руку не разжала.

— И все-таки мухобойка сработала! — объявил он. — Уф-ф-ф… — он посмотрел вниз и похлопал ее по руке, прихватившей его рубашку. — Это был вовсе не котассин! Ловушка в каюте сработала недостаточно быстро. На этот случай у нас был сюрприз за дверью. Да и гравимина едва успе-

ла, — ровно одно мгновение Квиллан выглядел почти испуганным.

— П-п-п-п-п-п… — начала Триггер и попыталась снова. — Похоже на маленького желтого человечка…

— Ты видела? В каюте? Ага. Знаешь, даже я никогда не видел ничего подобного!

Триггер сжала губы, чтобы они не прыгали вверх-вниз.

— Я видела, — сказала она. — Именно это я и пыталась тебе все время сказать.

Квиллан пристально посмотрел ей в глаза.

— Ты мне расскажешь об этом через пару минут, договорились? Сначала я должен сделать кое-какую срочную работу, — он помолчал, а затем расплылся в улыбке. — Знаешь что, куколка?

— Что?

— Эти проклятые компьютеры! — счастливым голосом сообщил майор Квиллан. — Они облажались!

* * *

Гравимина могла превратить любое живое существо, попавшее в ее поле, в маленькое пятнышко; но от желтого демона не осталось даже

его. То, что он предположительно являл собой, при взрыве мины превратилось в мгновенную вспышку тепловой энергии. Этим и объяснялся звук ливня — мгновенно сработали автоматические огнетушители.

Группа поддержки Квиллана оставалась пока вне поля зрения. Едва только майор успел убрать мину вместе с кучей металлических обломков, оставшихся от оборудования их противника, как на жужжащем каре проехали трое техников — корабельный инженер и два его помощника, прибывшие проверить причину запуска огнетушителей.

— Хоть бы умотали поскорее, — с надеждой сказал Квиллан.

Они с Триггер наблюдали за инженерами по визору, который позволял видеть до конца коридора.

Но троица удалились не сразу. Проверила огнетушители, посмотрела на пол, все еще влажный, но быстро впитывающий последние следы небольшого потопа. Затем обменялась недоуменными взглядами и проверила все еще раз. Наконец начальник смены позвонил в дверь и попросил разрешения войти.

Квиллан выключил визор.

— Войдите, — разрешил он.

Дверь открылась. Трое мужчин посмотрели на Квиллана, а затем на Триггер, одетую в Белдон. Их глаза только слегка расширились, но работа на круизном лайнере сделала их стойкими ко всякого рода сюрпризам.

Ни Квиллан, ни Триггер не смогли дать внятного объяснения относительно того, что включило огнетушители. Инженеры извинились и ретировались.

Квиллан включил визор. Комнату снова наполнили голоса мужчин, садившихся в кар.

— Так вот оно как все произошло, — задумчиво сказал один из помощников и прищелкнул пальцами.

— Ага, — сказал корабельный инженер. — При виде этой цыпочки я и сам чуть не загорелся.

— Ха-ха-ха! — и они уехали.

Триггер покраснела и поглядела на Квиллана.

— Теперь, когда вечеринка окончена, — сказала она, — может, мне следует переодеться?

— Наверное, — признал правоту девушки Квиллан. — Я попрошу Гайю принести что-нибудь. Мы уйдем примерно на час, пока все не проветрится. Нужно провести несколько совещаний.

Пришла Гайя с одеждой. Триггер закрылась

в ванной и через несколько минут вышла облаченная в куда более строгое одеяние, чем изысканный туалет от Белдон. Тем временем прибыл первый офицер службы безопасности «Дон Сити», чтобы установить в центре каюты переносную видеоаппаратуру. Он был довольно мрачен, но волнение его уже отпустило.

— Я предлагаю пока пропустить ваши записи, майор, — сказал он. — Позже мы все соединим и сравним.

Триггер се ла на кушетку возле Гайи. Ее уже предупредили, что никакой необходимости упоминать мимолетное появление желтого демона в своей каюте нет, поскольку эти кадры стерли с записей, представленных службе безопасности.

В любом случае, там нечего было смотреть. Непонятно, как это существо обмануло видеокамеру, можно только с уверенностью заявить, что это не обычный шифратор. При самом большом увеличении резкости, в замедленном режиме воспроизведения можно было разглядеть лишь марево, свойственное наличию концентрированной энергии, в котором угадывались контуры приземистой человеческой фигуры. Судя по контуру, заметил шеф службы безопасности, котассин попался довольно мелкий. Зато про-

цесс молекулярного разрушения на гравимине был снят совершенно четко и повода для разночтений не дал — кристалл заканчивался яркой вспышкой, спровоцировавшей включение огнетушителей.

Затем снова была просмотрена запись предыдущего двойного убийства. Нервно сглатывая, Триггер выдержала только до момента, когда туманная фигура приблизилась к своим жертвам. После этого она уставилась в ковер на полу и принялась внимательно разглядывать завитки и узоры, пока Гайя не пихнула ее в бок локтем, как бы говоря, что все кончилось. Котассины использовали для убийства собственные охотничьи повадки. Все происходило чрезвычайно быстро, но жестоко до отвращения, и Триггер не хотела даже думать о том, как выглядят люди после этого. Оба мужчины были убиты также; целью наверняка было сокрыть тот факт, что убийца вовсе не котассин, а кое-кто гораздо более действенный.

Начальнику службы безопасности не пришло в голову допросить Триггер. Воссоздание недавнего события на видео могло рассказать куда больше, чем человеческие чувства и память вместе взятые. Он покинул каюту в уверенности, что

дело котассина завершено. Триггер пораженно подумала, что служба безопасности даже не рассматривала серьезно возможность того, что за этими убийствами проглядывается человек.

Квиллан пожал плечами.

— Кто бы ни был убийцей, у него шесть степеней свободы. И начальник это знает. Он не может вычислить подозреваемого из четырех тысяч человек, составляющих персонал «Дон Сити» и пассажиров. А если б все-таки решился на проверку, то наверняка в разуме каждого двадцатого пассажира обнаружил бы пси-блокировку. Но в любом случае офицер знает о нашем участии в деле и понимает, что мы располагаем гораздо большей возможностью обнаружить тех, кто заварил эту кашу.

— Больше информации для электронных мозгов, а? — спросила Триггер.

— Ага.

— Честно говоря, последняя порция далась нелегко, — заметила она.

— Да уж, — подтвердил Квиллан. — Но, чтобы двигаться в своих поисках дальше, мы должны собрать как можно больше сведений. И только тогда пойдем вперед, — он посмотрел на нее, будто обдумывая какую-то мысль. — Слушай, а

ты неплохо соображаешь для новичка!

— Она вообще неплохо соображает, для кого бы то ни было, — сказала Гайя. — Эй, ребята, а не пропустить ли нам по стаканчику? Думаю, после просмотра записей, мне это пойдет только на пользу.

Триггер почувствовала, как краснеет. Получить похвалу из уст опытной разведчицы! Очень лестно, дьявол побери! Девушка улыбнулась Гайе, которая стояла с тремя бокалами на подносе.

— Спасибо! — сказала она и взяла бокал.

Пять минут спустя Триггер заметила:

— Знаете, друзья, я ужасно хочу спать.

Квиллан выглянул из-за визора, который они с Гайей разбирали.

— А почему бы ни перетащить туда кушетку и не вздремнуть? — предложил он. — Ребята соберутся на совещание только через час или около того.

— Неплохая идея, — Триггер зевнула, допила напиток, подошла к софе и вытянулась на ней.

Ее окутывала сонливость, и, поддавшись ей, девушка закрыла глаза.

Через десять минут Гайя объявила:

— Ну, все, наша отличница отключилась.

— Прекрасно, — сказал Квиллан, упаковывая

оставшуюся часть оборудования. — Прикажи доставить сюда биомодуль.

Гайя посмотрела на Триггер с сожалением.

— Мне кажется, — проговорила она, — что девочка будет ужасно недовольна тобой, когда проснется на Мэноне.

— Не сомневаюсь, — сказал Квиллан. — Но, насколько я ее знаю, она в любом случае время от времени должна быть недовольна.

Гайя посмотрела на его спину.

— Майор Квиллан, — сказала она, — хочешь добрый совет от проницательной женщины?

— Давай, о проницательная женщина! — любезно согласился Квиллан.

— Не знаю, в том ли твоя заслуга, парень, — сказала Гайя, — но контролируй свои чувства! Она опасна. И вполне может стреножить тебя навсегда.

— Да ты сбрендила, куколка, — выпалил Квиллан.

Глава 16

Купол Штаба Прекола на планете Мэнон стоял все там же, где и был, когда Триггер улетала, и на первый взгляд совсем не изменился. А вот все

остальное, казалось, передвинули, переделали, расширили или совсем убрали, и к тому же появились новые строения. На экранах визоров, в офисе спецуполномоченного, Триггер смогла увидеть и новый космодром, такого же размера, как в метрополии, на который этим утром сел «Дон Сити», и высокие стеклянные здания гигантских торговых и развлекательных центров. Они были открыты здесь недавно «Гранд Коммерс», в ответ на обещание Прекола увеличить будущую заработную плату на внешних мирах. Ибо эта зарплата уже перестала быть будущей.

А чуть дальше, за куполом Штаба, ежедневно вырастали новые жилые купола. На сегодняшний день там размещалось пятьдесят две тысячи человек. Главные промышленные и некоторые другие филиалы правительства Федерации прочно обосновались на Мэноне.

Триггер повернула голову и посмотрела на Холати Тэйта, который вошел в офис и аккуратно закрыл за собой дверь.

— Как поживает наше маленькое создание? — спросил он.

— По-прежнему занимается поглощением этой мерзкой пасты, — ответила Триггер. Она держала маленького загадочного плазмоида Мантелиша в

руках. Один его конец был погружен в небольшой шар, наполненный каким-то веществом, которое, по предположениям профессора, являлось съедобным для существа, ну, или чем-то вроде того. Его бока слегка пульсировали между ее ладонями. — Удивительно, но уровень вещества продолжает уменьшаться, — добавила она.

— Замечательно, — сказал Холати. Он подтащил стул к столу, сел напротив девушки и задумчиво посмотрел на плазмоида 113 А.

— Вы действительно думаете, что это создание выделяет меня из остальных? — спросила Триггер.

— Оно ест, не так ли? И двигается. А на протяжении нескольких дней до того, как ты прилетела сюда, мне казалось, что оно умерло, — ответил босс.

— Трудно поверить, — заметила Триггер, — что это пиявкообразное существо может различать людей.

— Еще как может. Ты испытываешь какие-нибудь ощущения, когда держишь его? — Ощущения? — она задумалась. — Ничего особенного. Как я уже говорила раньше, к Монстрику довольно приятно прикасаться.

— Приятно, между прочим, только тебе, — ска-

зал он. — Я же не рассказал тебе всего.

— Вы вообще не отличаетесь разговорчивостью, — заметила Триггер.

— А вот сейчас расскажу, — продолжил Холати. — На следующий день после того, как мы покинули Маккадон, существо сначала вело себя крайне взволнованно, а затем совсем упало духом. И тогда Мантелиш предположил, что, возможно, ему не хватает контакта с женщиной, после того, как оно пообщалось с тобой. Я думаю, профессор пошутил, но почему бы ни попробовать. Так что я позвал твою копию и усадил за стол, на котором лежало существо.

— И что?

— Оно бросилось к ней с криком «Мама!» Не совсем так, конечно. Затем коснулось ее руки и в ужасе отскочило.

Триггер приподняла бровь.

— Все выглядело именно так, — утверждал он. — Мы все высказали свои пожелания, копия протянула руку и слегка дотронулась до него. И тут же сама в ужасе отскочила.

— Почему?

— Она сказала, что Монстрик ударил ее током. Точно также, как до этого он шарахнул Мантелиша.

Триггер с сомнением посмотрела на плазмоида.

— Ну и дела! Спасибо, Холати, что разрешили подержать его! Кстати, по-моему, он перестал есть. Ну, или что он там делал. Как, по-вашему, Монстрик располнел?

Спецуполномоченный оценивающе окинул взглядом существо.

— Нет, — сказал он. — Если взвесить, то обнаружится, что он по-прежнему весит ровно полтора кило. Мантелиш полагает, что Создание превращает любое количество пищи в энергию.

— Тогда сейчас он способен на очень сильный разряд, — прокомментировала Триггер. — Ну, а что мне делать с Монстриком теперь?

Холати вытащил из-под стола и расстелил полотенце.

— Абсорбирующий материал, — пояснил он. — Клади создание на него и позволь ему высохнуть. Мы всегда так делаем.

Триггер покачала головой:

— Следующее, что мне придется делать, так это менять ему памперсы!

— Ну, это не так уж плохо, — сказал спецуполномоченный. — В любом случае, ты же готова усыновить малыша, не так ли?

— Я так понимаю, что придется, — она поместила плазмоида на полотенце, вытерла руки и отошла. — А что случится, если он упадет на пол?

— Ничего, — ответил Холати. — Он перемещается только туда, куда хочет, и потом, парнишку довольно трудно повредить.

— В таком случае, — сказала Триггер, — давайте осмотрим его контейнер.

Специальный уполномоченный вытащил из сейфа контейнер Монстрика и передал девушке. Внешне он выглядел, как модная изящная женская сумочка. В нее был встроен антиграв, который по желанию способен уменьшить вес плазмоида до ста граммов. В контейнер был встроен незаметный, практически невидимый кодовый замок, принцип работы которого Триггер уже изучила. Не зная устройства, злоумышленник, пытающийся открыть замок с помощью самого мощного иглобластера, добьется своего разве что через девять или десять часов непрерывной работы.

Триггер покрутила устройство, открыла контейнер и заглянула внутрь.

— Довольно тесно, — заметила она.

— Но только не для Монстрика. Кстати, туда

влезет и все оборудование.

— Ага, — удовлетворенно цокнула языком Триггер. — Субпространственная ротация. — Она покачала головой. — Еще один прибамбас Космических Скаутов?

— Нет, — сказал Холати. — Идея украдена у субпространственных инженеров. Но они пока даже не догадываются, что у нас есть подобная технология. Продолжаем наши опыты. Как говорится, решай, испытывай, пробуй, деточка.

— Я как раз собиралась проделать один фортель, — Триггер взяла закрытый контейнер, повесила на плечо и встала прямо, взявшись левой рукой за его дно. Потом она передвинула большой и средний пальцы в нужные точки и слегка надавила на них — сумочка и ремень исчезли.

— Какое странное чувство! — улыбнулась девушка. — А для того, чтобы вернуть ее, просто нужно быть здесь — в том же месте — и произнести нужные слова.

Он кивнул.

— Хочешь попробовать сейчас?

Триггер осторожно поводила рукой по воздуху рядом с собой.

— А что произойдет, — спросила она, — если су-

мочка появится точно в том месте, где моя рука?

— Она не появится, если в нужном месте будет больше нескольких пылинок. Это усовершенствование, о котором субпространственные инженеры все еще не знают.

— Итак… — она посмотрела вокруг, взяла со стола пластмассовую линейку и, осторожно вернувшись на место, начала водить кончиком там, где была сумочка.

— Давай, Фидо! — произнесла она.

Ничего не произошло. Она убрала линейку.

— Давай, Фидо!

Сумочка и ремень материализовались в воздухе и свалились на пол.

— Убедилась? — спросил Холати. Он подобрал сумочку и передал девушке.

— Кажется, работает. Как долго наш маленький сорванец способен оставаться в подпространстве в таком замаскированном виде?

Он пожал плечами.

— Наверное, сколько угодно. Они чертовски выносливы. Мы выяснили, что, например, двадцать четыре часа там не причинят ему вреда, так что решено было сделать этот срок пределом, которого нужно придерживаться и превышать только в критической ситуации.

— И только вы и еще один человек, которого я не знаю, и который сейчас далеко, можете вернуть сумочку?

— Да, если мы знаем то место, куда ее нужно возвращать. Так что договор такой — за исключением критических ситуаций — устройство должно быть спрятано в одной из шести точек, известных только нам троим.

Триггер кивнула. Она открыла контейнер и подошла к столу, где все еще нежился плазмоид на своем полотенце. Он уже высох, и девушка взяла его в руки.

— Ты одна большая неприятность, Монстрик! — сказала она нежно. — Но эти люди думают, что ты того стоишь.

Она опустила плазмоида в контейнер, и тот с комфортом устроился внутри. Триггер закрыла сумочку, вполовину уменьшила вес и повесила ремешок на плечо.

— И вот еще что, — сказала она, — как мне быть со всеми теми вещами, которые я обычно ношу в сумочке?

— Пока ты здесь, будешь носить униформу Прекола. Специально для тебя нам сшили новую форму. С огромным количеством карманов.

Триггер вздохнула.

— О, они удобны и совсем незаметны, — уверил он ее. — Мы проверили их на других девушках.

— Не сомневаюсь! — сказала она. — А как насчет кисета с *порджи*?

— Предусмотрено, деточка. Употребление этой штуки очень быстро распространилось по всему Ядру. Во всяком случае, среди женщин. Наверное, считается, что это прихоть утонченных натур, или что-то вроде того. Ну что, наденешь сейчас?

— Давайте, — покорно сказала Триггер. — На судне я видела довольно много таких кисетов. А мой наведет на мысль, что я стала нюхать *порджи*.

Холати вернулся к сейфу и вынул оттуда плоский мешочек длиной с ладонь, но более узкий. Казалось, он был сплетен из золотых нитей, одна сторона была усыпана жемчужной россыпью, а другая была гладкой. Триггер приложила кисет к юбке и убрала руку. Он остался висеть, как приклеенный. Девушка отставила ногу и начала рассматривать обновку.

— Выглядит модно и в тон, — признала она. — Это настоящий *порджи*?

— Самый что ни на есть настоящий. Причем высшей пробы. Стоит почти тыщу кредитов.

— А если какой-нибудь отморозок вздумает его

позаимствовать без моего разрешения?

— Чепуха, — заявил специальный уполномоченный. — Именно поэтому мы и выбрали *порджи*. После того, как купишь дозу, она должна быть химически обработана непосредственно под физиологические особенности твоего организма. Именно поэтому препарат такой дорогой. Попробуй использовать чужой *порджи*, и тебя начнет мотать из стороны в сторону.

— Что ж, обработайте его под меня. Может, мне придется употреблять его время от времени, чтобы все выглядело достоверно.

— Мы уже сделали это, — ответил он. — Хорошо, — сказала Триггер. — Теперь давайте посмотрим! — Она встала прямо. Левая рука поддерживает сумочку под дно, правая — расслаблена. Ее взгляд прошелся по интерьеру офиса. — Что из мебели, босс, вам не особенно нужно? Что-нибудь большое.

— Кое-какие детали интерьера я не люблю, — Тэйт оглянулся. — Вон то, например, кашпо-переросток. А зачем тебе?

— Просто потренироваться, — сказала Триггер. Она повернулась к уродливому изделию местных горшечников. — Подойдет. Ну вот, иду я, значит, думаю ни о чем, — она пошла по направлению к

горшку, — и тут, вдруг, передо мной выскакивает похититель плазмоидов.

Она резко остановилась. Сумочка и ремень исчезли, одновременно с тем, как ее правая рука хлопнула по кисету *порджи*. «Дентон», появившись ее руке, прошипел, и кашпо-переросток со звоном брызнуло осколками.

— Вот черт! — испугано воскликнула она. — Давай, Фидо!

Сумочка вновь появилась, и девушка потянулась и поймала ее за ремешок. Потом она оглянулась и посмотрела на спецуполномоченного Тэйта.

— Мне жаль ваш горшок, Холати. Я хотела лишь встряхнуть его немного станнером. Забыла, что вы, ребята, трогали мое оружие. Когда оно у меня, то всегда переключено на станнер, — многозначительно добавила девушка.

— Все в порядке, — успокоил ее Тэйт. — Да, мне следовало предупредить тебя об оружии. В остальном, я бы сказал, что главное для тебя — это уловить момент, когда появится угроза.

Триггер переключила «Дентон» в режим станнера и положила его назад в разрез, который появился с наружной стороны кисета. Провела пальцем по разрезу, и тот опять исчез.

— Это-то меня и волнует больше всего, — призналась она и ушла.

Глава 17

Когда Триггер ранним вечером появилась в личном штабе спецуполномоченного Тэйта, то обнаружила босса в одиночестве.

— Садись, — сказал он. — Весь прошлый час я пытался достать Мантелиша. А он снова на другой стороне планеты.

Триггер села и приподняла бровь.

— А он должен быть там?

— Не думаю, — сказал Холати. — Но меня переубедили. Он все еще продолжает являться лучшим специалистом в Федерации, который работает над самыми важными проблемами плазмоидов, так что я больше не имею права вмешиваться в его исследования. С ним будет все в порядке, поскольку его охранники из Университетской Лиги — надежные ребята.

— Если сравнивать их с теми парнями, что наняты Лигой для охраны Проекта «Плазмоид», то они должны быть просто асами своего дела, — отметила Триггер.

— Космические Скауты польщены твоими

словами, — сказал ей спецуполномоченный. — Те парни были не из Лиги. Когда нужно было решить, кто же будет приглядывать за тобой, я отверг все кандидатуры.

Она улыбнулась.

— Я могла бы догадаться. Что именно отправился исследовать профессор на другую сторону Мэнона?

— Охотится на каких-то теоретически существующих тварей, которых он называет дикими плазмоидами.

— Дикие плазмоиды?

— Ага. Идея заключается в том, что некоторые плазмоиды, которых использовали Старые Галактиане, могли сбежать от хозяев или, так сказать, были просто забыты, но выжили и дожили до наших дней. Он думает, что они даже способны размножаться. И теперь разыскивает их специальным детектором, который сконструировал сам.

Триггер подняла руку, на запястье которой сверкнул тонкий золотой браслет с небольшим зеленым камнем.

— Таким, как этот? — спросила она.

— Почти. У Мантелиша с собой увеличенная копия детектора. Но он предполагает, что если ди-

кие плазмоиды окажутся поблизости, наверняка будут на одной волне со 113-А. Так что он собрал еще и детектор, который реагирует на 113-А.

— Понятно, — Триггер секунду помолчала. — У Мантелиша есть какие-либо версии насчет того, почему Монстрик — единственный плазмоид, на которого наш браслет не реагирует?

— Наверное, есть, — сказал Холати. — Но когда он начинает говорить на эту тему, мне сложно уследить за его мыслью, — он серьезно поглядел на Триггер. — Иногда, — признался он, — я подозреваю, что профессор Мантелиш не вполне в своем уме. Но, возможно, он настолько гениален, что это просто не укладывается в рамки понимания нормального человека.

Триггер засмеялась.

— Обычно мой отец возвращался домой после разговоров с Мантелишем и бормотал что-то в этом же духе, — она снова посмотрела на браслет. — Кстати, а не можем ли мы таким же способом обнаружить украденных плазмоидов?

Он кивнул.

— С Полнолуния и различных баз на данный момент похищено несколько образцов. Не удивлюсь, если они, в конечном счете, обнаружатся здесь неподалеку. Не то, что бы это было серьез-

ной утратой экспериментального материала… Все те плазмоиды, которых украли, за исключением 112–113, были небольшими и особой ценности не представляли. Если предложить их нужным людям, то вполне можно выручить сотни тысяч кредитов. Да, кстати, если просьба поприсутствовать на совещании мешает твоим личным планам, просто скажи. Мы можем отложить до завтра. Особенно если принять во внимание тот факт, что майор тоже не успеет вернуться.

— Что вы имеете в виду под словом «тоже»? — спросила Триггер.

— Квиллан должен был присутствовать. Но у него какие-то дела вечером.

— О, — спокойно произнесла она и посмотрела на часы. — Через полтора часа у меня запланирован ужин с Брюлом Нигером. Но вы же сказали, что совещание займет только час, не так ли?

Он кивнул.

— Тогда я свободна. Моя квартира уже обустроена, и завтра с утра я примусь за свою старую работу.

— Прекрасно, — сказал спецуполномоченный. — Но есть кое-что, что я хотел бы обсудить лично с тобой. Если мы не сможем связаться с Мантелишем в течение ближайших десяти

минут, то продолжим разговор. Был бы здесь Квиллан, он мог бы снабдить нас информацией о высокопоставленных мошенниках Ядра. Это по его части. А сам я о них немного знаю, — он помолчал. — Эта Лайд Эрметайн, — продолжил он, — выглядит так, будто она часть нашей главной проблемы или очень старается, чтобы стать ею. Эту толстосумку последние две недели поджидает корабль вооруженных сил Транеста, под названием «Аврора».

Триггер была поражена.

— Но в Системе Мэнон запрещено появляться военным кораблям!

— А он и не в системе. Торчит на расстоянии половины светового года, а находиться там разрешается законом. Это всего лишь тяжелый фрегат, поскольку Транест не имеет права строить более мощные корабли. Но поскольку это еще и личный флагман Лайд, я подозреваю, что он улучшен и нашпигован всем, чем только можно. В любом случае, тот факт, что она послала его вперед, означает одно — она собиралась сюда не цветочки собирать.

— Она сама дала это всем понять! — сказала Триггер. — Почему, как вы думаете, она выставляет это напоказ?

Он пожал плечами:

— У нее может быть множество причин. Например, та, что сразу по прибытии она все равно обратила бы на себя внимание. Если Лайд собирается куда-нибудь, то только по делу. После того как Квиллан сообщил о вашей вечеринке, я раздобыл всю информацию о Лайд, какую только мог. Первую Леди можно смело назвать хулиганкой! Она умна. Большинство Эрметайнов предпочитают решать все вопросы, используя методы мертвоголовых, и, по-видимому, еще в младенческом возрасте знают, как на скорую руку приготовить порцию яда. Лайд верховодила своими с восемнадцати лет…

Он услышал звонок из соседней комнаты и поднялся.

— Наверное, группа Мантелиша вышла на связь, — сказал он. — Я попросил ребят позвонить, как только они его обнаружат, — он прошел к двери. — Не хочешь ли чего-нибудь выпить, Триггер, девочка? Ты знаешь, где все стоит.

— Не сейчас, спасибо.

Спустя пару минут спецуполномоченный вернулся.

— Этот треклятый болван затерялся в болотах! Его все-таки отыскали, но он слишком устал,

чтобы приехать прямо сейчас.

Он присел и задумчиво почесал подбородок.

— Ты помнишь потерянное тобой время на Полнолунии? — спросил он.

Триггер озадаченно поглядела на него.

— Какое-какое время?

— Потерянное. Без сознания. Без памяти.

— Я? Да вы с ума сошли, Холати! Я никогда в жизни не падала в обморок.

— Я потому и спрашиваю, — сказал он, — что мне сообщили, что сон в биомодуле — это просто сон в биомодуле, но иногда он используется в качестве терапии, так как излечивает амнезию.

— Амнезия! О чем вы говорите?

Спецуполномоченный сказал:

— Я говорю о тебе. Триггер, это будет для тебя большим потрясением. Возможно, если выпьешь, то тебе будет легче с этим смириться. Но я буду с тобой откровенен. Примерно через неделю, после того как Мантелиш со своей командой Университетской Лиги впервые приехал сюда, ты, в один прекрасный момент, потеряла сознание, пока мы все вместе были на Полнолунии. И впоследствии ничего об этом не помнила.

— Не помнила? — слабым голосом переспросила Триггер.

— Да. Я думал, что твоя память уже восстановилась, просто по каким-то причинам ты не хотела упоминать об этом, — он встал. — Может, все-таки выпьешь, прежде чем я начну вдаваться в детали?

Она кивнула.

Холати Тэйт принес ей бокал и начал подробно рассказывать. Он, Триггер и примерно еще дюжина первых исследователей из Университетской Лиги находились тогда в месте, которое сейчас известно как Секция 52 Полнолуния. Спецуполномоченный в одиночестве проверял какое-то оборудование в одном из отсеков. Он уже закончил проверку и практически ушел, как вдруг заметил, что в соседнем отсеке на полу лежит Триггер.

— Казалось, у тебя что-то вроде комы, — сказал он. — Я поднял тебя на руки и уложил в кресло у одного из обзорных мониторов. Пока я пытался вызвать бригаду скорой помощи, ты вдруг открыла глаза, посмотрела на меня и сказала: «О, вот вы где, босс! А я как раз собиралась вас искать». Очевидно, ты не давала себе отчета в том, что произошло что-то необычное. Затем мы с тобой немедленно вернулись на Мэнон, где тебя обследовали медики Прекола. Физически ты была

абсолютно здорова.

— Вот этого, — сказала Триггер, слегка испугавшись, — я тоже не помню!

— Ты и не должна этого помнить, — пояснил спецуполномоченный. — Ведь сначала на тебя подействовали гипноспреем. Ты отключилась на три часа, и когда очнулась, то думала, что неплохо отдохнула. И поскольку медики не выявили никакого присутствия плазмоидного вируса, я захотел выяснить, что же произошло на Полнолунии. Ведь мог же кто-то из важных научных шишек и тоже с помощью гипноспрея превратить тебя в безвольного помощника в будущих интригах.

Триггер слабо усмехнулась.

— Вы ведь кого-то подозреваете! — усмешка сошла с ее лица. — И именно это хотели выяснить в той беседе на Маккадоне, которой я избежала?

— Возможно, это было одной из их целей, — согласился он.

С секунду Триггер очень внимательно смотрела на своего начальника.

— Ну, в таком случае я испортила им все планы! — подметила она. — И почему же все… — она потрясла головой. — Извините. Продолжайте.

Спецуполномоченный продолжил.

— Старая доктор Лихарвис сама руководила гипнозом. Когда она пыталась заставить тебя вспомнить происшедшее, то наткнулась на что-то, похожее на блокировку. Теперь мы знаем, что к блокировке это не имеет отношения. Но доктор отказалась дальше заниматься тобой и попросила меня привести эксперта. Так что я обратился в Психологический Сервис на Орадо.

Триггер удивилась, но затем рассмеялась.

— Эти сдвинутые на парапсихологии яйцеголовые? И вы до самых верхов дошли, не так ли?

— Я пытался, — признался Холати Тэйт. — Знакомства в верхах всегда кстати, когда требуется реальная помощь. Но мне посоветовали не беспокоиться и ничего тебе не говорить. И быстро выслали эксперта.

— Он приехал?

— Да.

Триггер слегка прищурила глаза.

— Опять использовался гипноспрей?

— Правильно, — сказал спецуполномоченный Тэйт. — Он приехал, ввел тебя в транс и обследовал. Затем попросил не волноваться и, озадаченный, улетел.

— Озадаченный? — произнесла она.

— Тогда я еще не знал, что тобой заинтересуются

эксперты разных уровней, — сказал Холати. — Теперь знаю. Первый оказался достаточно умен для того, чтобы осознать, что не сможет понять всего объема проблемы. Вот и все.

Триггер какое-то время помолчала.

— Получается, что обследований, о которых я понятия не имею, было больше, чем одно! — заметила она раздраженным голосом.

— Угу, — осторожно сказал спецуполномоченный.

— И сколько же?

— Их было семь.

Триггер вспыхнула, выпрямилась, сверкнула глазами и произнесла не свойственное воспитанной девушке ругательство, связанное с чьей-то матерью.

— Простите, — добавила она секунду спустя. — Меня чуточку занесло.

— Да все в порядке, — успокоил ее Тэйт.

— Похоже, с меня достаточно людей, которые вертят мною, как им вздумается! — нервно продолжила покрасневшая Триггер.

— Я не могу осуждать тебя, — сказал он.

— Пожалуйста, не думайте, что я не благодарна вам за то, что вы пригласили всех этих экспертов. Я ценю вашу заботу. Просто я не могу принять их

подлые, коварные, тайные методы!

— Я думаю об этом то же самое, — согласился спецуполномоченный.

Триггер посмотрела на босса с подозрением.

— Да вы и сами жутко скользкий тип! — вырвалось у нее. — Простите, Холати, я опять сорвалась. У них наверняка имелись причины для этого. Они хоть выяснили что-нибудь со всеми этими спреями и обследованиями?

— О да. Кажется, они значительно продвинулись вперед. Примерно месяц назад от них пришел последний доклад, в котором говорится, что первоначальная амнезия полностью излечена.

Триггер удивилась.

— Если ее вылечили, — рассудила она, — почему я ничего не вспомнила?

— Предполагается, что ты осознаешь все происшедшее перед заключительной беседой, я уж не знаю почему. Но сведения, хранящиеся в памяти, уже доступны. Под рукой, так сказать. Эксперты тебе подскажут, и ты все вспомнишь.

— Именно таким вот образом, да? — она помолчала. — Так это значит, что Уотцит — представитель Психологического Сервиса.

— А кто это Уотцит? — удивился спецуполно-

моченный.

Триггер объяснила, и Тэйт усмехнулся.

— Да, — сказал он. — Они из тех, кто будет давать указания до тех пор, пока ты им интересна в качестве подопытного кролика.

Триггер затихла на некоторое время.

— Я слышала, — сказала она, — что эти умники, когда необходимо, могут быть потрясающе настойчивыми. В противном случае их не видно и не слышно. Дайте мне время поразмышлять.

— Хорошо, — отозвался Холати.

Прошла минута.

— Пока можно сделать вывод, — проговорила Триггер, — что все, сказанное вами мне на Маккадоне, похоже на правду. Психологический Сервис думает, что мои знания могут прояснить или, в крайнем случае, объяснить проблему плазмоидов.

Он кивнул.

— А те люди, что пытались похитить меня, вероятно, преследовали те же цели.

Он снова кивнул.

— Почти наверняка.

— Как вы думаете, яйцеголовые уже разобрались, какова здесь связь?

Спецуполномоченный покачал головой.

— Если бы разобрались, мы бы уже предприняли что-то по этому поводу. Этим очень озабочен Совет Федерации!

— Совет… — сказала Триггер и прикусила губу. — Лайд…

— А что Лайд?

— Пыталась меня завербовать, — разъяснила Триггер. — Я думаю, майор Квиллан доложил об этом?

— Естественно.

— И моя задача заключалась бы не просто в похищении плазмоидов. Тем более, по вашим словам, нескольких уже похитили. И еще есть образцы, которых украли непосредственно в Ядре. У Лайд уже наверняка подобрана целая коллекция.

Он кивнул.

— Да, скорее всего.

— И, похоже, она в курсе происходящего.

— Вполне вероятно.

— Так давайте арестуем ее! — сказала Триггер. — Мы можем тихо это сделать. А она слишком важная шишка для пси-блокировки, так что мы сможем кое-что разузнать. Да и не кое-что, а, наверное, все!

На краткий миг глаза спецуполномоченного

вспыхнули. Он протянул руку и похлопал Триггер по колену.

— Ты просто прелесть, деточка, — сказал он. — Я за. Только вот половина Совета выпадет в осадок, услышав подобное предложение.

— У них настолько слабые нервишки? — спросила Триггер разочарованно.

— А то! И нельзя винить их за это. Началась бы волокита с привлечением юристов-крючкотворов. А если бы твое предложение дошло до Лайд, всей нашей группе пришлось бы защищаться. Если же мы добудем против нее какие-либо улики, то решение об их использовании все равно останется за дипломатами. Нас деликатно, но настойчиво отстранят от дальнейшего ведения дела.

Триггер кивнула.

— Продолжайте.

— Защитные действия могут прикрыть многое. Если мы на самом деле арестуем Первую Леди, то будем удерживать ее столько, сколько сможем. А исходя из того, что она выказала свою личную заинтересованность во всем, что здесь происходит, мы вправе ожидать от нее быстрых и недвусмысленных поступков.

— И когда?

— По моему мнению, — предположил спецуполномоченный, — в течение ближайшей недели. Если к этому времени она ничего не предпримет, мы сами подтолкнем события.

— Предоставим ей несколько удобных случаев, да? Что ж, звучит заманчиво, — Триггер поразмыслила и добавила. — Есть еще и второй пункт.

— Какой?

Она наморщила носик.

— Не то, чтоб я желала этого всем сердцем, — призналась она, — но, наверное, стоит что-то сделать в отношении беседы с Уотцитом, которой я благополучно избежала. Если этот разговор так уж необходим…

— Необходим. И очень даже.

— А что теперь говорят насчет того, что мне можно вернуться на Мэнон?

Спецуполномоченный Тэйт слегка потеребил мочку уха.

— По правде говоря, — сказал он, — это меня тогда слегка потрясло.

— Потрясло? Что именно?

— Пожелания экспертов, которые прилетали на Мэнон в порядке старшинства. Люди, занимающие высшие посты в Психологическом Сервисе, чрезвычайно заняты, это понятно. После первой

беседы с тобой мы продвинулись далеко вперед. Затем за дело взялись двое служащих рангом повыше. Но после четвертого разговора мне посоветовали отвезти тебя в Ядро и там предоставить возможность настоящему специалисту продолжить обследование. По их словам, в Мэнон ни один высококвалифицированный человек не поедет.

— Именно это стало причиной нашей поездки на Маккадон? — пораженно спросила Триггер.

— Ну конечно. В тот момент мы еще не добрались до верхушки Сервиса. Как я понимаю, их асы не тратят времени на отдельных лиц. Они решают более скучные проблемы культурно-планетарного масштаба, к тому же людей такого уровня не больше сотни или около того. Поэтому я очень удивился, когда Сервис наконец меня проинформировал, что один из этих людей приедет на Маккадон для проведения твоего девятого обследования.

— Один из настоящих яйцеголовых! — Триггер нервно улыбнулась. — А я от него сбежала! Должно быть, у них не могло сложиться обо мне приятного впечатления.

— Вообще-то, они не слишком расстроились, — сказал спецуполномоченный, — только посове-

товали мне не волноваться и проследить, чтобы ты благополучно добралась до Мэнона. Потом добавили, что в той области у них есть корабль, и после твоего прибытия его направят к Мэнону.

— Корабль? — переспросила Триггер.

— Я видел несколько кораблей Сервиса, и все они выглядели как огромные летающие горы. Но это маскировка. На самом деле, как я слышал, они являются передвижными космическими суперлабораториями. На этом корабле летят двое пси-асов, и один из них возьмется за тебя. Они должны прибыть сюда примерно через день.

Триггер слегка побледнела.

— Знаете, — сказала она, — теперь у меня затрясутся поджилки.

— Это меня не удивляет, — отозвался специальный уполномоченный.

Она потрясла головой.

— Что ж, если они профессионалы, то должны знать свое дело, — она улыбнулась ему. — Похоже, я представляю собой нечто в высшей степени необычное! Почти как скучная планетарная культура… Дурацкая шутка, — добавила она.

Специальный уполномоченный проигнорировал эту дурацкую шутку.

— Тут есть еще кое-что, — сказал он задум-

чиво.

— Что именно?

— Когда я упомянул о твоем нежелании принимать участие в беседе, они попросили меня не беспокоиться о том, что ты можешь снова сбежать. Поэтому я и удивился, когда ты сама подняла вопрос об этой беседе.

— Вот что странно, — продолжила Триггер после секундной паузы, — как они догадались?

— В том-то все и дело, — сказал он и вздохнул. — Сдается мне, что это выше нашего понимания. Несколько раз я почти разозлился на них, поскольку создавалось впечатление, будто они вводят меня в заблуждение и придерживают информацию. Но, возможно, они в самом деле знают, что делают, — он посмотрел на часы. — Кстати, час уже почти прошел.

— Ну, если нам еще есть что обсуждать, то я могу отменить свой ужин, — предложила Триггер, правда, без особого желания. — Когда мы приехали, у меня была возможность перекинуться с Брюлом парой слов в космопорте сегодня утром.

— Я этого не предлагал, — сказал Холати. — Есть еще несколько моментов, которые нужно обсудить, так что не имеет значения, потратим мы пару часов сейчас или позже. Давай встретимся

завтра во время ланча. И тогда ты узнаешь все подробности этого дела.

Триггер кивнула.

— Прекрасно.

— Мне следует сказать тебе прямо сейчас, что люди из Психологического Сервиса настаивали, чтобы сразу после прилета ты взглянула на их последний отчет, касающийся тебя. У тебя еще есть время перед свиданием. Не поленишься прочитать?

— Ну конечно! — воскликнула Триггер.

Когда она принялась за доклад, трансмиттер издал сигнал, и Холати Тэйт ушел ответить на звонок. Доклад был довольно длинным, и Триггер еще не закончила, когда Тэйт вернулся. Он сел и принялся ждать.

Когда девушка наконец подняла голову, он спросил:

— Ты во всем разобралась?

— Не совсем, — призналась Триггер. — Тут просто говорится о том, что предположительно случилось. Но не объясняется как или почему. Очевидно, в последней беседе они заставили меня полностью вспомнить о времени, проведенном без сознания, я даже припомнила звук ваших шагов в соседнем отсеке. Затем, до того

как я совсем вырубилась, — продолжила она, — я была, скорее всего, в состоянии загадочной комы. Она началась, когда я отделилась от группы Мантелиша, причем у меня не было очевидных причин отходить от них. Но я взяла и ушла. Позже я оказалась одна в другом отсеке, и все шла, шла и шла. Непонятное состояние овладевало мною все сильнее, и, в конце концов, я потеряла контроль полностью и упала. Так и лежала там, пока вы не увидели меня. И после того, как вы подняли меня и усадили в кресло, все сразу проясняется! Кроме того, что я не помню происшедшего и думаю, что ушла от Мантелиша с целью найти вас. И я даже не поинтересовалась, каким образом оказалась в кресле!

Спецуполномоченный едва заметно улыбнулся.

— Правильно. Не поинтересовалась.

Триггер теребила страницы доклада, и зеленый камень в кольце, которое дал ей Тэйт, отбрасывал небольшие солнечные зайчики.

— Кажется, они абсолютно уверены, что в тот период времени ко мне никто не приближался. И никто не использовал гипноспрей или впрыскивал мне какую-нибудь гадость под кожу — что-то в этом роде — до наступления приступа. Как

вы думаете, почему яйцеголовые так уверены в этом?

— Понятия не имею, — сказал Холати. — Но мне кажется, что они правы.

— Наверное, так. Все сводится к утверждению, что я пережила что-то вроде замедленного, но глубокого эмоционального шока. Достаточно глубокого для того, чтобы он вырубил меня на какое-то время. И причина до сих пор неизвестна. Но при всем этом они приводят целый список мотивов и предполагают, что это мог быть и не эмоциональный шок! Потому что когда его влияние прекратилось, все симптомы мгновенно пропали. А это абсолютно противоположно принципу эмоционального потрясения, не так ли?

— Да, — отреагировал он. — Я тоже так думал, но это ничего не объясняет. Надеюсь, Психологическому Сервису хоть что-то понятно.

— Да уж, — сказала Триггер, — все более чем странно. И очень-очень неприятно! — она положила доклад на ручку кресла и посмотрела на специального уполномоченного. — Похоже, мне пора бежать, — добавила она. — Увидимся за ланчем, Холати.

— Да, деточка, — вставая, сказал он.

Он закрыл за ней дверь и с довольно несчаст-

ным видом подошел к трансмиттеру.

— Да? — раздался голос из передатчика.

— Она только что ушла, — сказал спецуполномоченный. — Давайте за ней!

Глава 18

— Ну, — критически осмотрев Брюла, произнесла Триггер, — могу сказать, что кое-где под загаром у тебя появился небольшой жирок. Хотя под одеждой его и не видно.

Брюл терпеливо улыбнулся. В серебристых плавках и сандалиях, он выглядел этаким лакомым кусочком, и он знал об этом. Так же, как и Триггер. Так же, как и четверка молодых хищниц, сидевших через столик от парочки и с любопытством глазевших на нее.

— Я прихожу сюда плавать, с тех пор как открыли этот центр, — сказал он, а потом согнул правую руку и удовлетворенно посмотрел на бицепс. — А это укрепляет мускулы, видишь, любимая!

Триггер дотянулась и ткнула кончиком пальца в бицепс.

— Мускулы? — сказала она, улыбаясь. — Вот эти впадины?

Он обнял ее одной рукой и слегка сжал.

— Ох, черт возьми, Брюл! — счастливо хихикнула она. — Я так рада, что вернулась!

Он улыбнулся.

— Не ты одна!

Она посмотрела вокруг, тихо мурлыкая себе под нос. Они обедали в одном из ресторанов центра «Гранд Коммерс». Он находился под поверхностью искусственного озера, расположенного в центре гигантской пещеры, окруженной со всех сторон глубокими расщелинами, заполненными золотисто-зеленой водой. Подводные пловцы и люди, ходившие по дну, были видны в широких панорамных окнах. Серебристый косяк рыб возле темно-красной стены каньона пытался держаться подальше от трех плывущих с гарпунами рыбаков. «Даже рыбы в озере завезены из Ядра Звездного Скопления», — рекламировал центр.

Внезапно глаза Триггер полезли на лоб.

— Ой! — воскликнула она.

— Что с тобой, дорогая?

— Вон те люди!

Брюл посмотрел.

— Что те люди?

— У них нет купальников, дурачок!

Он только усмехнулся.

— А-а, пустяки. Сейчас многие так ходят. Это

нормально, согласно новому закону Федерации. Видишь ли, Мэнон постепенно становится открытой территорией Федерации, и мы не хотим навязывать населению второстепенные правила Прекола.

— Ну... — начала Триггер. Брюл все еще улыбался. — Ты тоже так ходил? — спросила она с подозрением.

— Плавать голышом? Конечно. Все зависит от компании. Если бы ты не была такой ханжой, я предложил бы это уже сегодня вечером. Хочешь попробовать?

Триггер покраснела. Опять меня назвали ханжой, подумала она.

— Нет. Всяким новациям есть предел.

Он погладил ее по щеке.

— Ты бы выглядела мило в костюме Евы.

Она покачала головой, чувствуя себя слегка виноватой. Белдон закрывал гораздо меньше, чем тот кусочек серебристой ткани, который был сейчас на Брюле. Она бы должна рассказать парню о своем выходе в Белдоне, до того как он услышит об этом от других. От Нелок Плули, например.

Но не сейчас. В настоящий момент эта тема слишком деликатна для того, чтобы ее обсуждать.

— Давай сменим тему, поросенок, — бодро сказала она. — Расскажи, что еще ты делал, кроме того, что приобретал этот великолепный загар.

Через несколько часов пришлось снова затронуть деликатную тему. Уже на космодроме Триггер была несколько обескуражена, когда Брюл рассказал, что переехал в апартаменты в центре, и что большое количество работников Прекола воспользовалось аналогичной привилегией. Заместитель Холати Тэйта, и.о. спецуполномоченного Челли, очевидно, не слишком поддерживал дисциплину персонала на высоком уровне.

Она не сказала тогда ничего. Правду говорили, что Мэнон все еще называется преколониальной планетой только чисто технически. Наверху не знали о нем так, как следовало бы знать, прежде чем официально присваивать ему статус открытого мира, но в данный момент было много причин, оправдывающих ослабление мер предосторожности. Взять хотя бы то, что здесь сейчас так много людей из Ядра, к которым практически невозможно применять правила Прекола.

Разговор по поводу апартаментов Брюла ее беспокоил главным образом из-за того, что он мог бы сделать конец вечера менее приятным,

чем ей хотелось. Брюл вел себя, по крайней мере, слегка странновато. Вроде бы ничего ужасного, но у него, похоже, появились амбиции. И, наблюдая за ним на протяжении прошлых нескольких часов, она заметила, что кое-что изменилось в его отношении к ней. Он всегда был уверен в себе, когда речь шла о женщинах, так что дело было не в этом. Возможно, подумала Триггер, это как невысказанный ультиматум, касающийся той темы. И она почувствовала, что мерзнет от одной только мысли об этом.

Квартира была шикарна. Нелок, предположила она. Или кто-то еще с таким же вкусом. У Брюла вкус тоже ничего, но он просто не стал бы задумываться о таком количестве мелочей, делающих жизнь не просто удобной, а комфортабельной. Впрочем, как и она сама, признала Триггер. Некоторые из предметов, стоящих здесь, выглядели чрезвычайно дорогими.

Он принес выпивку, переодевшись в халат. Это ее покоробило.

— Нравится? — спросил он, обводя вокруг рукой.

— Бесподобно, — честно призналась Триггер и улыбнулась. Она дотянулась до напитка и поставила бокал на подлокотник кресла. — Тебе

помогал обставиться дизайнер?

Брюл засмеялся и сел напротив. Смех показался ей слегка натянутым.

— Ты права, — сказал он. — Как ты догадалась?

— Ты никогда не проявлял тяги к декоративному искусству, — сказала она, — а эта комната — настоящее произведение искусства.

Брюл кивнул. Он выглядел самодовольным, а вовсе не раздраженным.

— Так и есть, не правда ли? — сказал он. — Это даже не стоило слишком дорого. Тебе просто надо знать, как, и этого достаточно.

— Знать «как» по поводу чего? — спросила Триггер.

— Знать, как надо жить, — сказал Брюл. — Знать, что все это из себя представляет. И тогда все станет просто.

Он смотрел на нее. У него была прежняя улыбка, был тот же теплый, низкий голос, было такое знакомое ей обаяние. Да, это был тот самый Брюл. И в то же время — не тот. Триггер поняла, что ее заставляет нервничать что-то постороннее.

Она опустила взгляд на свои руки. Небольшой драгоценный камень в кольце, которое дал ей Холати Тэйт, мерцал темно-красным светом.

Темно-красным!

Триггер медленно выдохнула.

— Брюл, — произнесла она.

— Да? — сказал Брюл.

Краем глаза она увидела, что его улыбка стала похотливой.

— Отдай мне плазмоида, — сказала Триггер, подняла глаза и посмотрела ему в глаза. Он прекратил улыбаться.

Брюл не сводил с девушки взгляда очень долго. По крайней мере, ей это время показалось долгим. Улыбка внезапно вернулась.

— И что это должно означать? — спросил он почти грустно. — Если это шутка, то до меня она не дошла.

— Я всего лишь сказала, — повторила Триггер, тщательно выговаривая слова, — отдай мне плазмоида. Того, что ты украл.

Брюл сделал глоток, и поставил бокал на пол.

— Ты себя нормально чувствуешь? — заботливо спросил он.

— Отдай мне плазмоида.

— Правда, Триггер, — он покачал головой и засмеялся, — о чем ты говоришь?

— О плазмоиде. О том, которого ты взял. О том, который у тебя здесь.

Брюл встал. Он внимательно посмотрел ей в

глаза и озадаченно моргнул. Затем расхохотался.

— Триггер, а ведь я налил тебе всего лишь бокал! Никогда не думал, что ты позволишь мне предложить тебе это. Признайся, малышка, если бы у меня действительно был плазмоид, как бы ты могла об этом узнать?

— Знаю и все. Брюл, мне все равно, как ты его взял и почему. Мне на это наплевать, — и это было ложью, мрачно подумала Триггер, ей было не наплевать. — Просто отдай его мне, и отложим этот разговор. Поговорим позже.

— Позже, — повторил Брюл и снова засмеялся, но этот смех звучал неестественно. Он шагнул к ней, но остановился и упер руки в бока. — Триггер, — произнес он серьезно, — если я когда-либо делал что-то, что тебе не нравилось, это делалось все равно для нас обоих. Ты же понимаешь, не так ли?

— Думаю, что понимаю, — осторожно ответила Триггер. — Да. Отдай мне его, Брюл.

Брюл прыгнул вперед, и в то же мгновение она боком выскользнула из кресла. Внутри девушки все кричало — она поняла: он готов убить, если у него получится.

Она обеими руками поймала его за ногу, после того как он упал, и со злостью крутанула стопу

против часовой стрелки.

Брюл истошно закричал, красное, разъяренное лицо мелькнуло над ней. Он шмякнулся на пол, правая его нога оказалась на Триггер.

Так же как и Триггер, Брюл обучался в Колониальной Школе рукопашному бою. Он был на два десятка кило тяжелее, и эту разницу главным образом составляли мускулы. Было только одно «но» — прошло почти четыре года с тех пор, как он перестал насиловать себя тренировками.

И он не проходил дополнительного курса недавно у Мискаль.

Парень оставался в сознании немногим меньше десяти секунд.

Плазмоиды были заперты в маленьком электронном сейфе, встроенном в музыкальный центр. Ключи к сейфу нашлись в бумажнике Брюла.

Их было трое, похожих на морскую звезду, все размером с мышь, и консистенцией напоминали прозрачное, упругое желе. Они не двигались.

Триггер разложила плазмоидов в ряд на полированной поверхности небольшого стола, и прищурилась, глядя слезящимся левым глазом. Правый глаз опух и не открывался. Брюл во время схватки зверски засандалил туда кулаком. Она

взяла маленькую вазу для фруктов, высыпала на стол содержимое, издающее пряный аромат, положила внутрь плазмоидов и покинула апартаменты. К тому времени Брюл только начал ворочаться и стонать.

Специальный уполномоченный Тэйт все еще был на месте. Он впустил ее без слов. Триггер поставила вазу на стол:

— Тут три ваших создания, — сказала она.

Он кивнул.

— Знаю.

— Я так и думала, — проговорила Триггер. — Спасибо за быстрое лечение. Но в настоящий момент, я, мягко говоря, не очень склонна разговаривать с вами, Холати. Мы можем поговорить обо всем утром.

— Хорошо, — ответил спецуполномоченный. Он был в нерешительности. — Есть что-нибудь, о чем нужно позаботиться в первую очередь?

— Обо всем уже позаботились, — сказала Триггер. — Один из наших служащих получил травмы средней степени тяжести. Я вызвала санитаров, чтобы его забрали. Они все сделали. Спокойной ночи.

— Ты могла бы позволить мне сделать что-нибудь с твоим глазом, — сказал он.

Триггер покачала головой.

— У меня дома есть примочки.

Она заперлась у себя, вытащила коробку с препаратами для быстрого заживления ран, обработала глаз и несколько незначительных ушибов, проверила недавно установленные устройства «антивторжения», приглушила свет и забралась в кровать. На протяжении следующих двадцати минут она отчаянно рыдала. Потом заснула.

Через час или чуть позже она перевернулась на бок и, не открывая глаз, произнесла:

— Давай, Фидо!

Сумочка с плазмоидом появилась над кроватью между подушкой и стеной, упала, слегка стукнулась о кровать и встала, слегка качаясь. Триггер продолжала спать.

Спустя пять минут сумочка открылась сама собой. Чуть позже Триггер внезапно тревожно дернула плечом, нахмурилась и издала негромкий полусердитый, полухныкающий крик. Потом ее лицо разгладилось, а дыхание стало тихим и медленным.

* * *

Субпространственный инженер, майор Хеслет Квиллан, прилетел на космодром Мэнона рано

утром. Его подобрал аэрокар Прекола и через какое-то время высадил на платформе купола Штаба неподалеку от офиса спецуполномоченного Тэйта. Квиллан прошел мимо толпящихся мелких чиновников и потянул руку к двери как раз в тот момент, когда та открылась для того, чтобы выпустить Триггер Арджи.

Он дружески обнял девушку за плечи и радостно выкрикнул: «Привет!» Триггер издала тихое рычание и сбила резким движением его руки. Квиллан охнул и разжал объятья.

— Да что с тобой, куколка? — спросил он, отступая на шаг и потирая ушибы.

Триггер посмотрел сквозь него, опять прорычала и пошла мимо так, будто проглотила палку.

— Заходи, Квиллан, — донесся из офиса голос Тэйта.

Квиллан вошел и закрыл за собой дверь.

— Что я такого сделал? — изумленно спросил он.

— Ничего особенного, — сказал Холати. — Ты всего лишь имеешь несчастье принадлежать к мужскому полу. А Триггер сейчас настроена против всех мужчин. Вчера она по-крупному разобралась с механизмом по имени Брюл Ингер.

— Ну и ну! — Квиллан сел. — Мне никогда не нравился Брюл, но это уже чересчур.

Специальный уполномоченный пожал плечами:

— Ты плохо знаешь эту девочку. Если бы Ингера убрал я, она бы мне этого в жизни не простила. Я должен был дождаться, когда она сделает это сама. Вообще-то Триггер все понимает.

— Как это произошло?

— Ее прикрытие сообщило, что между ними произошла чертовски жестокая схватка, продлившаяся, правда, всего несколько секунд. Если бы ты пригляделся, то смог бы заметить у нее под глазом синяк, который поставил ей вчера Ингер. Вечером это вообще было произведением искусства.

Квиллан побелел.

— Но если думаешь о том, чтобы разобраться с Нигером по этому поводу, — продолжил спецуполномоченный, — то забудь. — Он перевел взгляд на отчет из медицинского департамента, лежащий на столе перед ним. — Вывих плеча… перелом большого пальца… сотрясение мозга средней степени тяжести. И так далее. Дело закончилось ударом по кадыку. Так что он пока не может говорить. Будем считать, что все спра-

ведливо.

Квиллан хмыкнул.

— Что вы собираетесь с ним сделать?

— Ничего, — ответил Холати. — Мы знаем его контакты. О чем волноваться? В конце месяца он сам подаст в отставку.

Квиллан кашлянул и оглянулся на дверь.

— Полагаю, Триггер захочет, чтобы он подал прошение о Реабилитации. Ведь, кажется, она его очень любит.

— Расслабься, сынок, — сказал спецуполномоченный, — Триггер индивидуалистка. Если Ингер и подаст прошение, то только из-за того, что сам захочет. А он, конечно, этого не захочет. Парню понравилось сладко жить, а для этого все методы хороши, даже противозаконные. Просто в будущем он станет более осторожен. Так пусть шлепает своим путем. А сейчас давай займемся делами. Как, кстати, дела у гарема Плули?

По лицу Квиллана медленно растеклась задумчивая улыбка. Он потряс головой.

— Ужасно, брат! — сказал он. — Просто ужасно!

— Нашел что-нибудь полезное?

— Ничего конкретного. Но всякий раз, когда Белчи выходит из своих экстатических трансов,

он становится нервным. Можете считать, что он в деле.

— Это точно?

— Да.

— Хорошо. Он в деле. «Аврору» уже взломали?

— Нет, — сказал Квиллан. — Девочки работают над этим. Но у Эрметайн чрезвычайно крепкий корабль и дисциплинированная команда. На следующей неделе у нас будет несколько этих парней. Раньше никак.

— Неделя, возможно, пройдет довольно быстро, — произнес Тэйт. — А возможно, и нет.

— Я знаю, — ответил Квиллан, — но дело с «Авророй» слишком очевидно, вам не кажется?

— Кажется, — признал Холати Тэйт. — Но это только на первый взгляд.

Глава 19

Во время ланча Триггер держалась почти дружелюбно.

— Мне дали работу в Преколе по специальности, — сообщила она Холати Тэйту. — Буду заниматься ею всякий раз, когда смогу. Когда меня не будет, ребятишки будут работать самостоятельно.

Этими «ребятишками» она называла пятерых своих помощников, среди которых и распределялись в ее отсутствие возлагавшиеся на нее обязанности.

— Майор Квиллан вызвал меня в лабораторию Мантелиша около десяти, — продолжила она. — Профессор захотел увидеть Монстрика, и я отнесла его туда. Потом выяснилось, что Мантелиш хочет взять Монстрика с собой на время очередной экскурсии.

Холати был шокирован.

— Он не имеет права этого делать, и прекрасно об этом знает! — Тэйт потянулся к трансмиттеру.

— Не беспокоитесь, спецуполномоченный. Я сказала Мантелишу, что за Монстрика отвечаю я, и что он лишится минимум руки, если попытается выйти с ним из лаборатории.

Холати кашлянул.

— Понимаю! И как отреагировал Мантелиш?

— О, он слегка разъярился. Ну, как он обычно делает. Затем успокоился и согласился, сказав, что сможет вылететь и без Монстра. Так что мы стояли рядом, в то время как он измерял, взвешивал и всячески исследовал моего подопечного. После этого он стал вполне дружелюбен и сказал, что вы попросили его напичкать меня теорией

происхождения плазмоидов.

— Было такое, — признался Холати. — И что он?

— Он честно пытался выполнить вашу просьбу. Но я запуталась в трех предложениях и не смогла выбраться, — она с любопытством взглянула на спецуполномоченного. — У меня не было возможности поговорить с майором Квилланом наедине и сейчас задаюсь вопросом, почему Мантелишу рассказали, будто Флоты Вишну рыщут в поисках планет с плазмоидами. Мне казалось, вы считаете, что для человека, которому можно доверять, у него слишком много тараканов голове.

— У нас не получилось сохранить это в секрете, — с сожалением сказал Холати. — Он очень интересовался этой темой.

— Но вы не рассказали ему, что флотские кое-что нашли, не так ли?

— Рассказали, к несчастью. У профессора с месяц были эти плазмоидные детекторы, но он даже не упомянул про них. Причина, по которой он первоначально должен был возвратиться на Мэнон, это рассортировать все, что Флот прислал сюда. Самая фантастическая коллекция низкоуровневых форм жизни, какую я когда-либо видел, но это не плазмоиды. Мантелиш разъ-

ярился и захотел узнать, почему эти идиоты не использовали датчики.

— О лучистые звезды! — произнесла Триггер.

— Так всегда бывает, когда работаешь с ним, — сказал специальный уполномоченный. — Мы начали массовое производство детекторов и быстро послали на Флот, но результатов пока нет.

— Ну, это все объясняет, — Триггер опустила глаза на мгновение, затем опять подняла их, встретилась взглядом с Тэйтом и слегка покраснела.

— Кстати, — сказала она, — я воспользовалась возможностью принести извинения майору Квиллану за то, что ударила его сегодня утром. Я не должна была этого делать. — Кажется, он не обиделся, — успокоил ее Холати.

— Да, не обиделся, — эхом повторила она.

— И потом, я объяснил ему, что у тебя были серьезные основания быть… э… немного взвинченной.

— Спасибо, — сказала Триггер. — Кстати, он действительно был когда-то контрабандистом? И пиратом?

— Да, и весьма преуспевал в своем ремесле. А оно — превосходное прикрытие для некоторых

видов работ разведки. Хотя, судя по дошедшим до меня слухам, Квиллан когда-то вмешался в наркобизнес Ядра Звездного Скопления, и после этого его понизили на два звания.

— Понизили? — спросила Триггер. — Почему?

— Необоснованное вмешательство в политическую ситуацию. Скауты не церемонятся в этом отношении. Предполагается, что разведчик должен предвидеть. Иногда это не получается, а иногда можно предсказать на пятьдесят ходов вперед. РУКС может тайно тебя поощрять, одновременно натачивая топор у тебя за спиной.

— Понимаю, — сказала она и улыбнулась.

Загудел трансмиттер, и Триггер сняла трубку с подключенного к нему телефона.

— Здесь Арджи, — сказала она и замолчала, слушая собеседника. — Хорошо. Сейчас буду, — она встала и положила трубку на место. — Проблемы в офисе, — объяснила она. — Ребятишки считают, что я где-то ошиблась, так что надо ехать туда. Вернусь, как только все выясню. И, кстати, босс…

— Да?

— Психологический Сервис все утро присылает сообщения. Они прилетят завтра, в первой половине дня. Им нужна станция вне системы, где они не будут привлекать к себе внимание. Их

корабль что, действительно так огромен?

— Я видел один или два корабля, которые покрупнее обычных, — сказал спецуполномоченный. — Но не более того.

— Когда они пришвартуются, то пошлют за мной шаттл.

Специальный уполномоченный кивнул.

— Я все проконтролирую. Предстоящий разговор все еще беспокоит тебя?

— Ну, мне хотелось бы думать, что в нем не возникнет необходимости, — призналась Триггер, — но понимаю, что потребность есть. — Она усмехнулась. — В любом случае, когда-нибудь я смогу рассказать внукам, что общалась с настоящим яйцеголовым парапсихом!

* * *

Женщина из Пси-Сервиса, которая встала с диванчика, как только Триггер следующим вечером вошла в маленький зал космодрома, была поразительно похожа на помощницу майора Квиллана с «Дон Сити», Гайю. Но когда она встала, можно было заметить, что она гораздо стройнее Гайи и намного привлекательнее.

— Мое имя Пилч, — представилась она, посмотрела на Триггер и улыбнулась. У нее хорошая

улыбка, подумала Триггер.

— И каждый, кто знает Гайю, — продолжила женщина, — думает, что мы близнецы.

Триггер засмеялась.

— А разве нет?

— Всего лишь кузины, — голос тоже был приятный, чистый и спокойный. Триггер поняла, что чуть-чуть расслабилась. — Это одна из причин, по которой выбрали именно меня, чтобы забрать вас, ведь мы почти знакомы. А другая — мне нужно вас подготовить для собеседования после того, как попадем на судно. Мы можем поболтать немного по дороге, это заставит все это казаться менее неприятным. Шлюпка стоит там.

Они прошли через небольшой зал к парковочной зоне.

— А насколько это будет неприятно? — спросила Триггер.

— В вашем случае ничего плохого. Вы подготовлены лучше, чем может показаться. Ваш собеседник просто найдет то место, где закончилась работа предыдущего специалиста и продолжит оттуда. Только когда вам предстоит пройти через барьеры, будет немного неприятно.

Триггер все еще пребывала в раздумьях, когда поднялась в меньший из двух припаркованных

рядом остроносых кораблей. Пилч последовала за ней и закрыла люк.

— Другой корабль — охранный бот, — пояснила она. — Наш эскорт. Специальный уполномоченный Тэйт настоял на том, что он нужен! — она направила Триггер к низкому мягкому сиденью, которое занимало половину крошечной каюты, присела рядом и сказала в настенный интерком:

— Все в сборе. Поехали!

В маленьком визоре поползло вверх сине-зеленое небо, потом картинка наклонилась, вспыхнула и улетела вниз. Пилч подмигнула Триггер.

— Этот парень взлетает как испуганный *язонг*! Он собирается участвовать в гонках боевых кораблей. А теперь поговорим о барьерах. Предположим, я скажу вам что-то вроде этого: никакого особенного вмешательства в личную или засекреченную информацию не будет. Нам нужна только та информация, которую мы ищем, и все закончится именно на ней. Ваша частная жизнь, ваши личные мысли останутся тайной, священной и не осквернённой. Что вы об этом думаете?

— Я предположу, что вы лжете, — быстро ответила Триггер.

— Хорошо, а если я очень искренним тоном скажу вам, что ваши личные воспоминания, до которых мы сможем добраться, записываться не будут?

— Опять солжете.

— И снова правильно, — сказала Пилч. — Вас досконально изучили настолько, насколько смогли, не применяя тотальной терапии. Ваши личные тайны уже находятся у нас, и так как мне отведена большая часть предварительной работы с вами, я очень подробно изучила все существенные моменты. По моему мнению, вы очень хороший человек, Триггер, так что все пройдет нормально.

Триггер с некоторой неловкостью изучала лицо собеседницы. Едва ли все пройдет нормально, но…

— Полагаю, я смогу это выдержать, — ответила она. — Все, что будет необходимо. — Девушка находилась в нерешительности несколько мгновений, но потом продолжила: — А что за человек меня ждет?

— Старушка Кранадон? — произнесла Пилч. — Думаю, против нее вы не станете сильно возражать. Как будто старенькая матушка. Давайте сначала покончим с приготовлениями, а

затем я представлю вас ей. Если для вас так будет удобней, я могу остаться рядом в то время, пока она будет работать. Я уже присутствовала при ее беседах. Ну, как, согласны?

— Звучит привлекательно, — ответила Триггер. Она и в самом деле почувствовала большое облегчение.

Шлюпка скользнула в похожий на туннель шлюз корабля, который Холати назвал «летающей горой». То, что Триггер сумела при приближении разглядеть в ярких огнях, действительно напоминало большую каменистую гору. Они прошли через несколько дверей, лифтов и коридоров и очутились в маленькой комнатке с приглушенным светом, маленьким столом, очень большой кушеткой, огромным настенным визором и непонятным оборудованием. Пилч села за стол и предложила Триггер устроиться на кушетке.

Триггер легла, и у нее тут же возникло мимолетное ощущение падения в темноту.

* * *

Полчаса спустя она уже сидела, находясь под глубокомысленным взглядом Пилч, которая включила лампу на столе и теперь смотрела на

девушку.

Триггер недоумевающе моргнула. Потом ее глаза расширились, сначала от удивления, а затем оттого, что все поняла.

— Лгунья! — возмутилась она.

— Хм, — произнесла Пилч, — да.

— Это и было ваше собеседование!

— Верно.

— Значит, вы принадлежите к этим умникам-яйцеголовым!

— В какой-то мере! Ну, полагаю, если оставить ложную скромность… Вы, кстати, тоже к ним имеете прямое отношение. Я имею в виду яйцеголовых умников. Мы обе умны. Только разбираемся в разных вещах. Хотя и не настолько разных.

— Да, вы умно все это обставили, — Триггер опустила ноги с кушетки и неопределенно посмотрела на Пилч. Та усмехнулась.

— Это решило большинство проблем, не так ли?

— Да, — признала Триггер, — решило. И что будем делать теперь?

— Теперь, — сказала Пилч, — я буду объяснять.

* * *

То, что привлекло внимание специалистов, было вполне обычным процессом. Просто так получилось, что Психологический Сервис никогда не видел его при данных конкретных обстоятельствах.

— Все, что получили наши исследователи в прошлый раз, — сказала Пилч, — это огромное количество материала. Но имеется простая последовательность, которая все проясняет. И никакие подробности не важны. В целом, если по-простому — вы время от времени наступаете на всякую мелочь, она извивается или раздавливается, плохо пахнет, ну и так далее. Что вы думаете о плазмоидах?

Триггер наморщила нос.

— Я всего лишь думаю, что это очень неприятные штуки. Все, кроме…

Ой! Она оборвала себя.

— …Монстрика, — сказала Пилч. — Не волнуйтесь. Мы были проинформированы по поводу этого маленького суперсекретного существа, которое вы охраняете. Если бы нам не сказали, то все равно сейчас мы об этом узнали. Продолжайте.

— Ну, все это странно! — глубокомысленно заметила Триггер. — Я просто сказала, что плазмоиды довольно неприятные создания. Но, на самом деле, я просто привыкла относиться к ним так. Теперь я так не думаю.

— Снова исключения из правил, — заметила Пилч, — для того приземистого чудовища на лайнере. Если, конечно, это был плазмоид. Вы склонны подозревать, что это был именно он?

Триггер кивнула.

— Это было бы ужасно!

— Ужасно, — согласилась Пилч. — А, в общем, о плазмоидах вы думаете теперь примерно как о картофеле… камнях… нейтральных вещах?

— Примерно так, — сказала Триггер. Она все еще выглядела озадаченной.

— Мы пока не будем задерживаться на том, что ваше мнение изменилось за минуту. Есть еще кое-что… — Пилч на какое-то время замолчала, а потом продолжила: — Позапрошлой ночью, спустя примерно час после того, как вы легли спать, имел место легкий ментальный контакт, такой же, как в свое время на станции плазмоидов.

— Пока я спала? — спросила пораженная девушка.

— Именно. Сравнительно легкий и очень ко-

роткий. Пять или шесть минут. Сон сгладил его. Смысл заключался в небольшом блокировании различных чувств и ощущений. Потом опять наступил нормальный сон, который прервался приблизительно за пять минут до пробуждения. В этой точке, вероятно, был еще один короткий контакт того же характера. Слишком короткий для того, чтобы определить его точно — всего несколько секунд. Суть в том, что это продолжающийся процесс, — она посмотрела на Триггер. — Вас это не особенно встревожило, не так ли?

— Да, — сказала девушка. — Просто все это кажется очень странным.

— Знаю.

* * *

Пилч снова замолчала на несколько мгновений, рассматривая настенный визор, как будто она думала о чем-то связанном с ним.

— Хорошо, оставим это пока, — сказала она наконец. — Позвольте рассказать вам, что происходило все эти три месяца, начиная с той первой амнезии на Полнолунии. Когда вас впервые по требованию специального уполномоченного Тэйта обследовал Пси-Сервис, работать было практически не с чем. Амнезия не прошла мгно-

венно — и это было не совсем обычно. И в этих обстоятельствах интересен обморок. В любом случае, проверка показала, что вы были в намного лучшей форме, чем обычный человек. Без тотальной терапии — а я думаю, вы понимаете, что это долгая история — ничего особенного для вас сделать было нельзя, и никакой причины для ее применения у нас не было. Так что был запущен процесс, нейтрализующий амнезию, и вас на какое-то время оставили в покое. В принципе, тогда уже что-то происходило, но определили это только во время следующей проверки. Это была относительно несложная, но чрезвычайно точная и направленная терапия. Очень интересным представляется момент, что терапевтический процесс происходил как бы сам по себе. Такого не бывало вообще. Теперь вы волнуетесь?

Триггер кивнула.

— Немного. Главным образом меня интересует, почему кто-то хочет, чтобы я не испытывала антипатии к плазмоидам.

— И меня тоже, — сказала Пилч. — По всей видимости, этого кто-то хочет. И этот кто-то весьма скользкий тип. Но, я думаю, вскоре мы все узнаем. Кстати, процесс уже завершен. Похоже, наш кто-то не хочет, чтобы вы сходили с ума по плаз-

моидам, ему достаточно и того, что вы просто не питаете к ним отвращения.

Триггер улыбнулась.

— Никому ни за что не удастся сделать так, чтобы я сходила по этим существам с ума!

Пилч кивнула.

— Удастся, — возразила она, — и очень легко. Правда, вы бы сошли с ума на самом деле. Но это кардинально отличается от простого процесса нейтрализации, который мы уже обсудили… Теперь вот еще что. Во время всего этого вам пришлось несладко. Но тут нет ничьей вины. Это была наша работа. Те, кто вас обследовал, обнаруживали каждый раз эту небольшую терапию, но это им ничего не давало. И вот во время третьей проверки они нашли еще кое-что, что не было сколько-нибудь очевидным. Если бы на вашем месте был кто-то другой, на это просто не обратили бы внимания, но в данном случае наблюдалось несоответствие образу вашей личности. Вы хотели оставаться на месте.

— На месте?

— В Системе Мэнон.

— О! — Триггер слегка покраснела. — Ну…

— Я знаю. Давайте пока продолжим. Итак, у нас появилась зацепка, и спецуполномоченному

Тэйту было приказано привезти вас в Ядро и подержать там какое-то время, чтобы посмотреть, что произойдет. Спустя несколько недель пребывания на Маккадоне ваше желание очутиться на Мэноне переросло в одержимость.

Триггер облизнула губы.

— Я…

— Несомненно, — сказала Пилч. — Вам нужно было иметь какую-то разумную причину. Вы ее нашли.

— Попрошу!

— О да, вы любили своего молодого человека, согласна. Но это первый раз, когда оказались не в состоянии пробыть в разлуке с ним несколько месяцев, и начали волноваться по поводу других девиц. Так у вас появилось оправдание. А у нас, — мрачно сказала Пилч, — прекрасные четкие доказательства вашей одержимости для того, чтобы начать действовать. Во всем этом было неправильно только одно, Триггер. К тому времени вы не были ни под чьим влиянием, а значит, не должно было быть и одержимости.

— О?

— Да, прошла даже заложенная изначально тяга к тому, чтобы оставаться на Мэноне. Теперь можно было выстроить целую уйму предположе-

ний! Но мы пока это опустим.

Она нажала какую-то кнопку на столе. Огромный настенный визор внезапно посветлел — янтарная поверхность будто обрела объем.

— Вчера ближе к утру, незадолго до того как вы проснулись, — сказала Пилч, — у вас был сон. Вернее сказать, на протяжении всей ночи была серия снов, которые могут оказаться полезными при пристальном рассмотрении. Правда, более ранние из них были довольно неопределенны. Но, тем или иным образом, их содержание включено в тот последний и, так сказать, обобщающий сон. Давайте посмотрим, что мы сможем из него выжать.

На экране появилась фигура.

Триггер уставилась на нее, а затем начала хохотать.

— Что вы думаете об этом? — спросила Пилч.

— Маленький зеленый человечек! — воскликнула она. — Наверное этот — коллега того, который был на судне? Хороший карлик и плохой карлик.

— Может быть, — сказала Пилч. — Возникают у вас какие-нибудь ассоциации в связи с этим?

— Хорошие плазмоиды и плохие плазмоиды? — Триггер покачала головой. — Нет. Наверное, это

неправильно.

— Хорошо, — сказала Пилч. — Давайте посмотрим, что можно извлечь из следующего момента.

Триггер молчала почти минуту, прежде чем подавленно ответить:

— Я поняла только то, что увидела. По-моему, это ничего не значит.

— А что вы увидели?

— Смеющихся гигантов, топчущих ферму. Очень маленькую. Кажется, это могла быть ферма того маленького зеленого человечка. Нет, подождите. Не его! Но она принадлежит его друзьям, другим зеленым карликам.

— Что вы чувствуете по этому поводу?

— Ну… что ненавижу этих гигантов, например! — сказала Триггер. — Они жестокие. Смеются и радуются своей жестокости.

— Вы боитесь их?

Триггер в течение нескольких секунд смотрела на экран.

— Нет, — ответила она тихим сонным голосом. — Пока нет.

Пилч какое-то время молчала.

— Еще один.

Триггер смотрела и хмурилась. Потом сказала:

— У меня такое чувство, что это что-то значит, но все, что я видела, это просто двое часов, на одних из которых стрелки бегут очень быстро, а на других — медленно.

— Да, — произнесла Пилч. Она немного подождала, потом спросила. — Никаких других мыслей об этих часах? Только то, что они должны что-то значить?

Триггер покачала головой.

— Это все.

Рука Пилч снова потянулась к столу. Визор потух, и свет в комнате сразу стал казаться ярче. Лицо Пилч было задумчиво.

— Пока хватит, — сказала она. — Триггер, это судно сейчас отправится на другое срочное задание, ибо нам нужно закончить его. Но дней через десять у меня появится возможность прилететь сюда вновь, и мы сможем продолжить беседу и раскроем эту маленькую тайну и все, что с ней связано.

— Все?

— Абсолютно, я бы сказала так. Все уже представляется ясным, а через десять дней появится еще больше деталей, и тогда будет нужен последний рывок, который и расставит все окончательно по своим местам.

Триггер кивнула.

— Это хорошие новости. Мне уже надоело быть ходячей загадкой.

— Не вините себя, — сказала ей Пилч с отеческими интонациями Холати Тэйта. — И, кстати, вы сейчас очень заняты, но если у вас иногда появляется возможность выкроить полчасика, вы можете сесть где-нибудь в тишине и послушать свои мысли. Если учесть то, как все сейчас складывается, это может принести большую пользу.

Триггер с сомнением посмотрела на нее.

— Послушать свои мысли?

— Вы научитесь этому довольно быстро, — сказала Пилч и улыбнулась. — Просто не препятствуйте их свободному течению, и не слишком усердствуйте. Хотите задать еще какие-нибудь вопросы перед тем, как мы вернемся на Мэнон?

Триггер смотрела на нее несколько мгновений.

— Есть одна вещь, в которой я хотела бы убедиться, — сказала, наконец, она. — Но, думаю, и у ваших людей имеются проблемы с безопасностью.

— А у кого их нет? — ответила Пилч. — Но с вами я могу говорить откровенно. Продолжайте.

— Хорошо, — сказала Триггер. — Я хотела бы знать… Происходящее со мной связано с тем, что

творится вокруг плазмоидов?

— Вы прямо в эпицентре заварухи, Триггер. Это совершенно точно. Только каким образом вы туда попали, мы выясним в следующий раз. Я всегда испытываю крайне неприятное чувство, когда убегаю и оставляю что-то незаконченным, как сейчас, — призналась она, — но мне все равно надо бежать. В настоящее время не плазмоиды возглавляют список проблем Федерации. Но очень быстро к этому приближаются.

Глава 20

На следующее утро Триггер пришла в офис и узнала, что корабль Психологического Сервиса покинул территорию Мэнона примерно через час после того, как ее вернули в Штаб.

Никого из исследователей плазмоидов не было рядом. Спецуполномоченный, не особо любящий тратить время на сон, встал три часа назад и оставил ей послание, что при необходимости Триггер может найти его в большом корабле, расположенном в порту Прекола рядом с куполом. Очевидно, он закрылся в корабле и сидел в кабине трансмиттера, перекидываясь сообщениями с Флотом на территории Вишну. И он, скорее всего, будет

занят этим еще несколько часов кряду. Профессор Мантелиш не вернулся из своей поездки. Майора Хеслета Квиллана тоже не было.

Не без радости Триггер подумала, что ей представился шанс вернуться к обычной работе Прекола. Так что она попросила служебный персонал передавать ей все более-менее важные сообщения и принялась за дело.

Несколько существенных докладов от исследовательских групп с планет-гигантов Прекола были затеряны во время вчерашних совещаний где-то в Штабе. Она успокоила исследователей и ввела запрос на поиск. Кто-то из команды экологов Ядра Звездного Скопления, самостоятельно принявшей решение, будто на Мэноне не нужно делать прививку вакцины биозащиты, позвонил с полярной станции и с придыханием в голосе сообщил, что у него и его товарищей начали выпадать волосы. И не только на голове. Триггер нажала на столе кнопку «Лихорадка Мэнона» и предложила экстренно воспользоваться париками. Нельзя сказать, что экологи оценили шутку. Шлюпка медпомощи с легким жужжанием вылетела из купола и направилась к полюсу на помощь. Триггер дала врачам все указания, одновременно попросив не делать экологам никаких

уколов. Она оставила медиков удивленными ее просьбой и обратилась к повторному запросу исследовательской группы, которая опять запрашивала, найдены ли их доклады, наконец.

Да, Триггер была очень рада снова вернуться к своим непосредственным рутинным обязанностям.

Затем на ее рабочем столе появилось сообщение из медицинского департамента, адресованное спецуполномоченному Тэйту. В извещении было сказано, что Брюл Ингер снова обрел возможность разговаривать.

Триггер, нахмурившись, вздохнула, прикусила губу и задумалась на мгновенье. Затем набрала номер доктора Лихарвис.

— Я получила ваше сообщение, — сказала она. — Как себя чувствует пациент?

— У него все в порядке, — ответила пожилая врачиха.

— Он что-нибудь сказал?

— Нет, он боится. Если сможет собрать всю свою волю в кулак, то попросит консультации штатного юриста.

— Могу представить. Скажите ему от лица спецуполномоченного — не от моего лица, — что ему не будет предъявлено никаких обвинений, но

Прекол надеется на его отставку к концу месяца.

— В самом деле? — недоверчиво переспросила Лихарвис.

— Конечно.

Доктор фыркнула.

— Да вы, ребята, совсем с ума посходили, битого и в отставку! Ну что ж, я передам Ингеру.

Утро продолжалось. Триггер предвзято изучала записи управления транспортом, в которых говорилось, что миссионерский корабль Девагас зарегистрировался и пришвартовался в космопорте; и тут позвонили из руководства Центра Утилизации и срывающимся голосом сообщили, что разрекламированная крыша из суперпрочного материала ангара только что не выдержала бомбардировки метеоритов, упавших на территорию космопорта. Большая часть камней рухнула на миссионерский корабль.

— Повреждения есть? — спросила она.

Центр ответил, что есть, и добавил, что капитан миссионеров желает переговорить с ответственным лицом. К кому его направить?

— Ко мне, — сказала Триггер и включила экран визора.

Капитан оказался высоким седовласым человеком с серыми глазами и квадратным подбо-

родком. Триггер долго убеждала его, что все-таки является официальным лицом, и тогда он ледяным тоном заявил, что отныне Союз Девагас будет считать ее лично ответственной за это беспричинное оскорбление до тех пор, пока не будут принесены извинения.

Триггер быстро извинилась, и он коротко кивнул, соглашаясь.

— Кораблю нужна экстренная покраска, — не успокаивался он.

Триггер кивнула.

— Бригада маляров будет выслана немедленно.

— Мы, — сказал капитан, — присмотрим за процессом работы и примем только самый лучший сорт краски!

— Самый-самый лучший, — согласилась Триггер.

Капитан откозырял и отключился.

— Вот же козел, — сказала она без энтузиазма.

Триггер включила режим «не беспокоить» и набрала номер корабля Холати.

Соединения пришлось немного подождать. Тэйт, наверное, был занят где-то на корабле. Если б не его хобби, спецуполномоченный, и без того очень состоятельный человек, был бы еще богаче

— как и Белчиг Плули. Только предметом увлечения Холати являлись не гаремы, а космические корабли, и на правах собственности ему уже принадлежали целых два. Их стоимость была высока в основном потому, что они были модернизированы по желанию спецуполномоченного, а желание это заключалось в копировании боевых кораблей Скаутов. На аналогичных кораблях командир эскадрильи Тэйт избавлял космос от негодяев во времена своей бурной молодости. И пока никто не осмелился напомнить коллекционеру, что в Системе Мэнон не разрешается размещать личные военные корабли.

Наконец он ответил, и Триггер рассказала ему о Девагас.

— Вы знали, что эти толканутые товарищи здесь? — спросила она.

Спецуполномоченный был в курсе. Они остановились на станции регистрации три дня назад. Корабль был чист.

— Конечно же, миссионеры вооружены, но они имеют на это право по договору. Они летали на планету и обратно на судно в шлюпках. И еще утром корабль находился на орбите.

— Вы думаете, это связано с интересами господина Балмордана? — поинтересовалась Триггер.

— Будем считать это само собой разумеющимся. Балмордан, между прочим, вчера посещал шумную вечеринку, имевшую место на яхте Плули. Если у него еще остались силы, то он до сих пор там, очевидно, в качестве почетного гостя гарема.

— А за другими Девагас вы присматриваете?

— Не за всеми сразу. Их слишком много, и они рассеялись повсюду. Кстати, о птичках: Мантелиш вернулся. Отметился час назад.

— То есть сейчас он у себя наверху? — спросила она.

— Да. Пронес с собой в лабораторию несколько ящиков, заперся там и включил защиту. Возможно, обнаружил что-то архиважное, а может, у него опять обострение скрытности. Вскоре это выяснится. Кстати, тут еще есть и главная светская новость. Первая Леди Транеста сегодня все утро бродит по магазинам в торговом центре «Гранд Коммерс».

— Что ж, это здорово поддержит наш отечественный бизнес, — отозвалась Триггер. — Вы планируете вернуться в купол к ланчу?

— Наверное. Вдруг у меня появятся интересные новости.

— Прекрасно, — проговорила она. — Тогда

увидимся.

Через двадцать минут настольный трансмиттер выдал запрос на приватный разговор. Автоматически включился кодер.

С экрана на нее смотрело лицо майора Квиллана. Как могла видеть Триггер, он находился в лаборатории Мантелиша. Профессор стоял за его спиной.

— Привет, куколка! — сказал Квиллан.

— И вам привет, майор. Когда вы приехали?

— Только что. Ты могла бы взять нашего малыша и принести сюда?

— Прямо сейчас?

— Если можешь, — сказал он. — Профессор думает, что выяснил что-то новое.

— Уже иду, — отозвалась Триггер. — Буду через пять минут.

Она быстро прошла к себе, вызвала контейнер с Монстриком и перекинула ремень через плечо.

Вдруг она остановилась и слегка нахмурилась. Что-то — похожее на проблеск в памяти, будто она вот-вот это вспомнит, — промелькнуло у нее в голове. Затем все прошло.

Триггер потрясла головой. Ладно, потом вспомнится. Она открыла дверь и вышла в зал.

И упала.

Падая, она попыталась снова спрятать сумку в субпространство, но не смогла пошевелить пальцами. Она не могла пошевелить вообще ничем.

Вокруг нее оказались какие-то стремительно двигающиеся люди. Ее перевернули на спину, и, в метре от себя, девушка увидела свое собственное улыбающееся лицо.

Глава 21

Внезапно Триггер оказалась в большой, хорошо освещенной комнате, заставленной изысканной мебелью. Девушка полулежала в мягком кресле перед низким элегантным столиком. За противоположным концом стола сидели двое и спокойно на нее смотрели. Одной была Лайд Эрметайн. Второго человека Триггер не знала. Это был невысокий мужчина с седыми волосами, морщинистым лицом и симпатичными блестящими черными глазами.

Он переглянулся с Лайд.

— Клиентка что-то очень быстро пришла в сознание! — сказал он и снова посмотрел на Триггер.

— Да, — отозвалась Лайд. — Мы возьмем это на заметку. Привет, Триггер!

— Привет, — сказала Триггер.

Ее взгляд пробежался по комнате и вернулся к дружелюбному и любезному лицу Лайд. Кроме них, в комнате никого не было, и контейнера с Монстриком тоже. У стены стоял красиво отделанный терминал КомСети. На двух стенах висели тяжелые гобелены, под потолком навис балдахин из золотой парчи. Не было видно ни дверей, ни порталов; они могли быть скрыты, либо прятаться за гобеленами. Наверняка поблизости было много людей, и несколько присматривают за ней прямо сейчас, потому что этот маленький мужчина явно не мог постоять за себя в драке.

Он рассматривал ее с выражением сдержанной веселости.

— Звезды святые, как невозмутима, — пробормотал он, — совершенно невозмутима!

Триггер посмотрела на него с секунду, затем снова повернулась к Лайд. Ей вовсе не казалось, что она невозмутима. Она чувствовала напряжение и холодный страх. И это все оптимизма не внушало!

— С какой целью я вам понадобилась? — спросила она.

Лайд улыбнулась.

— По делу. Ты знаешь, где находишься?

— Не на твоем корабле, Первая Леди.

Глаза светло-янтарного цвета слегка сузились, и Лайд вмиг насторожилась.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовалась она приятным голосом.

— Из-за бездарного интерьера этой комнаты, — сказала Триггер. — У тебя же, по-моему, есть вкус. Итак, в чем заключается дело?

— Секунду, — проговорила Лайд и опять улыбнулась. — Где еще ты могла бы оказаться?

Триггер подумала, что, если б попыталась, то догадалась бы. Но про себя. Она пожала плечами.

— В любом случае, это не то место, где бы я хотела быть, — она поудобнее устроилась в кресле и потеребила правой рукой кисет с *порджи*.

Кисет с *порджи*.

Эрметайн не была бы Эрметайн, если бы не проверила потайной кармашек с пистолетом. Но этого могло и не произойти, понадейся Первая Леди на всеобщую человеческую порочность…

Наверняка кто-то должен наблюдать за пленницей. Но ей этого не выяснить никак, разве что попытаться воспользоваться «Дейтоном» по своему прямому назначению.

— Могу поверить, — сказала Лайд. — Прости меня за столь срочное, но грубое приглашение,

Триггер. Но меня вынудили недавние события. А что касается нашего дела, то для начала позволь представить тебе этого господина. Итак, доктор Витония. В своей области он является чрезвычайно талантливым исследователем. В данный момент он немного устал из-за того, что вчера вечером много работал.

Доктор Витония повернулся и приподнял бровь:

— Да, Первая Леди? Так вот чем объясняется эта непонятная усталость. Я хорошо поработал?

— Блестяще, — уверила его Лайд. — Никогда еще у вас не получалось так хорошо, доктор.

Карлик кивнул, слегка улыбнулся и снова взглянул на Триггер.

— С этой тоже нужно будет работать, полагаю?

— К сожалению, придется, — сказала Лайд.

— Очень, очень жаль, — произнес доктор Витония. — Очень жаль. Это были бы приятные воспоминания. Такая невозмутимая! — смутная улыбка снова появилась на его лице, и он сказал Триггер: — Детка, ты так прекрасна в гневе, ужасе и отчаянии. Но поверх всего этого вызов, ум и сообразительность. Ты не так просто сдашься. Нет-нет… не так просто… Первая Леди, — жалобно обратился к ней доктор Витония, — я хотел бы

запомнить ее! Думаю, это возможно.

Холодный, липкий пот выступил на спине Триггер. Эрметайн незаметно ей подмигнула.

— Боюсь, это невозможно, доктор, — сказала она. — Нам нужно обсудить столько важных вопросов. Кроме того, мы с Триггер Арджи очень скоро придем к взаимному согласию.

— Нет, — лицо доктора Витонии стало совсем угрюмым.

— Нет? — переспросила Лайд.

— Ни на что она не согласится, это ж любому дураку понятно. Я рекомендую обычный подход с химией. Твои служащие смогут с этим справиться. Выкачайте из нее все и выкиньте вон. Мне тут делать нечего.

— Но, доктор! — возразила Эрметайн. — Это было бы так грубо! И к тому же ненадежно. Да ведь мы можем остаться здесь еще на несколько часов!

Он отрицательно помотал головой.

Лайд улыбнулась и погладила гладкую щеку.

— Разве вы забыли особняк в Хамал Лэйк? — спросила она с намеком. — А прекрасно подобранную библиотеку? А лаборатории? Неужели я была недостаточно щедра?

Доктор Витония повернулся к ней лицом и

задумчиво улыбнулся.

— Ах да, правда! — подтвердил он. — Я забыл на мгновенье, — он посмотрел на Триггер и сказал: — Первая Леди дает и Первая Леди забирает. Она подарила мне богатство и множество свободного времени. И от случая к случаю забирает у меня память. Очень ловко, ведь она моя ученица. Но после каждого такого опыта моя память начинает затуманиваться.

На его лицо внезапно легла тень озабоченности, он снова посмотрел на Лайд.

— Еще два года! — сказал он. — Через два года я смогу уйти, да, Лайд?

Лайд кивнула.

— Таков был наш уговор, доктор. Вы же знаете, что я держу свое слово.

Доктор Витония сказал:

— Да. Это так. И эта нехарактерно для кого-то из Эрметайнов. Хорошо! Я сделаю это.

Он взглянул налицо Триггер, и черные блестящие глаза пару раз мигнули.

— Она практически уверена, что за ней наблюдают, — сказал он. — И теперь прикидывает возможность воспользоваться КомСетью. И обдумывает удобный для нападения на нас момент, — он улыбнулся. — Покажи ей сначала, что

положение безнадежно. А там посмотрим.

— Ну, не совсем безнадежно, — сказала Лайд. — Триггер, пожалуйста, только не бойся доктора. Его методы безболезненны, и они не унизят тебя так, как это обычно бывает с химией. Если будешь сговорчива, мы просто посидим и поболтаем минут двадцать. Затем обговорим сумму, какую ты пожелаешь перевести на свой счет, и будешь совершенно свободна.

— И о чем мы будем говорить? — спросила Триггер.

— Ну, например, — начала Эрметайн, — последнее время ты носила с собой симпатичную сумочку. Мои техники проинформировали меня, что попытка насильно ее открыть может повредить ее содержимое. А этого нам совсем не хотелось бы. Так что давай поговорим о том, как можно без труда открыть контейнер, — она едва заметно улыбнулась Триггер. — А доктор Витония проверит правдивость твоих утверждений.

Леди задумалась.

— Ах да, и потом я задам тебе несколько вопросов. Немного. А ты на них ответишь. Это и в самом деле очень просто. А теперь позволь объяснить, почему я так страстно пожелала тебя сегодня увидеть. Вчера у нас был гость. Ты его

уже встречала, это Балмордан. В его мозгах стояла блокировка на очень важные вопросы, и хотя мы с доктором старались быть терпеливыми и осторожными, он, в конце концов, все-таки умер. Но перед смертью он успел рассказать столько, сколько мне было нужно.

— Теперь, с этими сведениями, — продолжила она, — с содержимым твоей сумочки и информацией, которой обладаешь ты, я смогу пойти далеко. Через несколько часов посол Транеста на Орадо проведет совещание с избранными членами Совета Федерации. На этом все и закончится, — она улыбнулась. — И никакой драматической погони! Никакого шума и крика! И всей этой суете вокруг плазмоидов придет конец, — она кивнула, — потому что, знаешь ли, их можно заставить работать. И очень неплохо работать!

Доктор Витония не отводил взгляда от Триггер, пока Лайд говорила. В конце концов он сказал:

— Поздравляю, Первая Леди! Но эта девочка совершенно не убеждена в необходимости сотрудничества. Она, наверное, надеется, что ее успеют спасти, прежде чем ты вытянешь из нее нужную информацию.

Эрметайн вздохнула.

— Ну же, Триггер! — она надула губы, почти как ребенок. — Если я должна объяснить тебе что-то, то давай объясню.

Она поразмышляла некоторое время.

— Ты видела своего двойника?

Триггер кивнула.

— Очень недолго.

Лайд улыбнулась.

— Милая история получается из рассказов о том, как она и другие мои люди вошли и вышли из купола, как охранники твоей комнаты были найдены без сознания и поспешно отведены в инфекционный изолятор медицинского департамента… Но эта история слишком длинна, чтобы поведать тебе ее прямо сейчас. Твоя дублерша является одной из лучших актрис Транеста. Она несколько месяцев изучала тебя и училась вести себя, как ты. Она знает, куда пойти и что нужно делать в куполе, чтобы избежать контакта с людьми, знающими тебя слишком близко. И если раскрытие окажется неизбежным, ей нужно остаться одной буквально на минуту, чтобы превратиться в совершенно другого человека. Так что пройдут часы, но твоего отсутствия никто не обнаружит. Но с другой стороны, — справедливо рассудила Лайд, — твою близняшку могли пой-

мать сразу же или в течение нескольких минут. Она окажется без сознания, но я сомневаюсь, что твой шеф, этот злобный спецуполномоченный, преступит рамки хорошего тона и вытянет информацию из мозга живой женщины. Даже если он и пойдет на это, то от нее ничего не узнает…

Она встряхнула головой:

— Давай предположим, тем не менее, что твои друзья подозревают меня, и только меня. Когда тебя похитили из купола, многие видели, как я покидала торговый центр «Гранд Коммерс». Я не особо экономила деньги — в мой скоростной катер было загружено множество объемистых коробок, корзинок, пакетов и тому подобного барахла. И затем меня видели возвращающейся на «Аврору».

— Неплохо, — подтвердила Триггер. — Еще один двойник, не так ли?

— Конечно, — Эрметайн посмотрела на свои маленькие, отделанные драгоценностями, часики на запястье. — И вот теперь «Аврора», если все было выполнено в соответствии с моими указаниями, минут пять назад вошла в подпространство, если только твои разгневанные спасатели не настигли ее до этого. В любом случае, наблюдатели спецуполномоченного видели

прыжок, и рано или поздно из этого будут сделаны соответствующие выводы.

— А если они войдут в субпространство за кораблем и догонят его? — предположила Триггер.

— Пусть даже так! Хотя «Аврору» нелегко догнать в субпространстве, но может быть все. Но через несколько часов. Тогда не было бы вообще никаких последствий, не правда ли? — янтарные глаза рассматривали Триггер безо всякого выражения. — Триггер Арджи, сколько часов или даже минут ты продержишься, если по-настоящему давить на тебя?

— Не знаю, — призналась Триггер честно и облизала пересохшие губы.

— Я могу сказать более или менее точно, — произнесла Эрметайн. — Уж прости меня за то, что подняла этот вопрос. Это было необходимое уточнение. Давай предположим, что достаточно сообразительные люди, с которыми ты работаешь, оказались достаточно сообразительными для того, чтобы понять все хитросплетения моего изощренного, не побоюсь этого слова, плана. Далее давай предположим, что они даже узнали, где мы с тобой в данный момент находимся?

— А где мы находимся?

— Мы на «Грифоне», огромной яхте Белчига

Плули, которая сейчас на орбите Мэнона. А комната эта на тайном уровне яхты, где проходит безмятежная личная жизнь Белчига. Два дня назад я убедила его освободить эту секцию для моих нужд. На этом уровне есть только один портал-вход, и этот вход в настоящее время запечатан и тщательно охраняется. Еще есть два портала-выхода. Один из них ведет в шлюз, где стоит мой скоростной катер, готовый к отправке. А это очень быстрый катер. Если в Ядре и сконструированы более быстроходные шлюпки, то пока об этом никто не слышал. А моя может выйти в подпространство прямо из шлюза.

Она лучезарно улыбнулась Триггер.

— Ну вот, теперь ты имеешь представление обо всем, не так ли? Если твои друзья решат подняться на борт «Грифона», то добьются этого без долгих препирательств. В конце концов, мы жене собираемся случайно взлететь на воздух. Но путь на этот уровень займет у них какое-то время. Если нам доложат о появлении незваных гостей на корабле, мы просто все вместе тихо уйдем. Без суеты и спешки. Я гарантирую, что никто не сможет проследить или захватить мой катер. Ты понимаешь, о чем я толкую?

— Да, — несчастным голосом сказала Триггер,

слегка откидываясь назад. Ее правая рука приблизилась к бедру.

Ну, подумала она, вот он, последний шанс!

Доктор Витония нахмурился.

— Сначала… — начал он.

Триггер хлопнула по мешочку с порджи. И беззвучный выстрел «Дентона» смел талантливого, но беспринципного ученого со стула.

— Оружие, — объяснила Триггер, хотя этого не требовалось.

Лицо Эрметайн побелело от потрясения. Она бросила взгляд на мужчину, затем снова посмотрела на Триггер.

— Я думаю, на меня тоже сейчас нацелены пистолеты, — сказала Триггер, — но стрелять из «Дентона» очень легко, Первая Леди! От меня практически не требуется усилий.

Лайд слегка кивнула.

— Тут нет дураков! Они не будут пытаться выстрелить, не волнуйся, — ее голос был осторожным, но довольно ровным.

Крепкий орешек, как заметил спецуполномоченный.

— В данный момент мы не будем о них беспокоиться, — сказала Триггер. — А теперь встаем. Вместе.

Они поднялись.

— Ты будешь идти в двух метрах от меня, — продолжила Триггер. — Поскольку не знаю, насколько ты владеешь техникой рукопашной.

Эрметайн едва заметно улыбнулась.

— Я-то? — сказала она.

— Нет смысла рисковать, — заметила Триггер. — Два метра.

Она мельком взглянула на доктора Витонию. Он выглядел абсолютно и бесповоротно мертвым.

— Мы сейчас подойдем к КомСети, — сказала она Лайд. — Я думаю, что она у тебя защищена?

Лайд покачала головой:

— Все звонки проходят через узел связи судна.

— Там дежурят твои люди?

— Нет. Люди Плули.

— Они послушаются твоих приказов?

— Конечно!

— А будут прослушивать разговор?

— Нет, если это засекреченный вызов.

Триггер кивнула.

— Будешь говорить ты. Я дам тебе личный номер специального уполномоченного Тэйта, и ты прикажешь радистам его набрать. Передатчики Прекола вычислят, откуда идет звонок. Как

только звонок пройдет, включишь экран, — он захочет меня увидеть. Когда он все поймет, ты просто скажешь, что случилось, где мы и каково положение дел. Он прибудет за нами с командой людей. Я буду держать тебя на прицеле. Если вдруг начнешь мямлить, я сразу пойму что к чему.

— Не начну, Триггер, — сказала Лайд.

— Хорошо. Давай условимся обо всем остальном перед тем, как начнем. После окончания разговора спецуполномоченный прибудет сюда ровно через три минуты. Или даже меньше. Что насчет офицеров корабля — они тоже выполняют твои указания?

— Моим приказам подчиняются на «Грифоне» все, — сказала Лайд. — За очевидным исключением вроде тебя.

— В таком случае скажи, кто на яхте ответственен за то, чтобы впустить сюда отряд до того, как начнется стрельба? Специальный уполномоченный может не сдержаться. И вот еще что, убери от всех порталов охранников. Для их же блага.

Эрметайн кивнула.

— Хорошо.

— Замечательно. Мне кажется, все предусмотрено.

Мгновенье они смотрели друг на друга.

— За сведения, добытые от Балмордана, — заметила Триггер, — ты могла бы неплохо поторговаться с Советом, Первая Леди. Я понимаю, что они пытаются тихо ликвидировать суматоху вокруг плазмоидов.

Лайд дернула плечом.

— Может быть, — сказала она.

— Ну, вперед! — скомандовала Триггер.

Нервной походкой она подошла к КомСети. Не быстро, но и не медленно. Триггер шла в четырех или пяти шагах за ней. Из-за стен не доносилось никаких звуков или иных признаков того, что там царит сильное волнение. По позвоночнику Триггер пробежали мурашки. Игольник и хороший снайпер могли бы оторвать у нее руку вместе с «Дентоном» без особого риска для Эрметайн. Но, вероятно, народ Транеста не смог бы пойти даже на самый малый риск, если он касался личности Первой Леди.

Лайд дошла до КомСети и остановилась. Триггер осталась у нее за спиной.

— Начинай, — спокойно сказала она.

Лайд обернулась.

— Позволь мне в последний раз… ну, скажем так, выступить с обращением, — сказала она. —

Не будь дурой, Триггер Арджи! Мои планы не принесли бы никому вреда. Присоединяйся ко мне, и ты ни разу в своей жизни не пожалеешь об этом.

— Не собираюсь тебя слушать, — отрезала Триггер. — Принимайся за дело, а обращаться будешь потом, к Совету.

Лайд покорно пожала плечами, повернулась и потянулась к КомСети.

Видимо, Триггер буквально на секунду расслабилась. Или, возможно, Пилли уловил какую-то другую подсказку. С полога, висевшего под потолком, не донеслось ни звука. Она почувствовала только какое-то движение рядом. Затем огромная фигура золотистого цвета с пугающей легкостью опустилась на пол между ней и Лайд.

Безглазая голова из ночного кошмара оказалась меньше чем в метре от нее.

Свет в комнате погас.

Триггер бросилась на пол, откатилась на несколько метров в сторону, поднялась, отступила на шаг и замерла.

Глава 22

Тьма в комнате была абсолютной. Она передвинула регулятор на «Дентоне» в режим излучателя. Вокруг было тихо, и тут раздался негромкий шорох. Возможно, то были осторожные шаги тяжелых ног, приглушаемые толстым ворсом ковра. Опять стало тихо. Где Лайд?

Она напрягла зрение, пытаясь проникнуть в темноту. Инфракрасный свет, подумала она.

— Лайд? — позвала девушка.

— Да? — донесся голос Лайд из тьмы. Вероятно, она стояла в дальнем конце комнаты.

— Отзови своего зверя, — спокойно произнесла Триггер, — я не хочу никого убивать.

Она начала двигаться в том направлении, откуда доносился голос Лайд.

— Пилли не причинит тебе вреда, Триггер, — сказала Эрметайн, — я послала его разоружить тебя, вот и все. Брось пистолет, и он к тебе даже не притронется, — она засмеялась. — И, кстати, можешь не пытаться стрелять в моем направлении! Меня нет в комнате.

Триггер остановилась. Не потому, что так сказал этот ненавистный смеющийся голос, а потому,

что в темноте рядом с ней она почувствовала сильный, свежий запах. Запах зрелых яблок.

Она облизала губы и прошептала:

— Держись подальше, Пилли!

Для того, у кого нет глаз, темнота не значит ничего. Через несколько секунд она услышала дыхание зверя.

Девушка повернулась на звук. Существо на мгновение остановилось, а затем снова двинулось к ней. Медленное дыхание зверя. Казалось, он огибал ее слева. Тут он опять остановился и, секунду спустя, вновь двинулся прямо к ней.

Она произнесла ласково, почти умоляюще:

— Пилли, остановись! Отойди, Пилли!

Тишина. Запах Пилли накрывает все вокруг жарким покрывалом. Триггер услышала, как кровь стучит в ушах, и на секунду ей показалось, что она чувствует похожее на плотный туман тепло тела монстра, маячившего в темноте перед ней.

Это не было игрой ее воображения. Гладкая, тяжелая, похожая на резиновую, лапа схватила девушку за правое запястье и сильно потянула.

«Дентон» выстрелил два, три, четыре раза прежде, чем ее грубо толкнули в бок. Она отлетела, зацепилась за что-то вроде банкетки и

растянулась на полу. Пистолет она потеряла.

Как только Триггер вскочила на ноги, Пилли закричал. Это был слабый, высокий, задыхающийся крик, похожий на крик испуганного ребенка. Внезапно он оборвался. И это как будто послужило сигналом — комнату вновь залил свет.

Триггер прищурилась. Прямо напротив девушки стоял Вирод, большие желтые непрозрачные стекла прикрывали его глаза. Инфракрасные очки. Существо с золотой шерстью бесформенной грудой лежало на полу в нескольких метрах. Триггер не сразу отыскала свой пистолет — Вирод держал его в руке, целясь в нее.

Другой рукой дворецкий с силой ударил девушку по щеке. Триггер покачнулась, но удержала равновесие. Она даже не чувствовала гнева. Щека начала гореть.

— Прекрати развлекаться, Вирод! — раздался голос Лайд. Триггер увидела, что она стоит в небольшом дверном проеме на другом конце комнаты, — висевший там до этого гобелен валялся рядом.

— Мне показалось, что она в шоке, Первая Леди, — вежливо пояснил Вирод.

— Пилли мертв?

— Да. Ее пистолет у меня, бедняга сумел его

забрать, — Вирод хлопнул по карману своего жакета, и какая-то часть сознания Триггер, дремавшая до этого, внезапно проснулась.

— Очень плохо, что так получилось с Пилли, но его атака была необходима. Ладно, веди ее сюда, и будь с ней нежен. В разумных пределах, конечно, — голос Лайд по-прежнему был спокойным. — И положи пистолет в другой карман, недоумок, иначе она отберет его у тебя.

Она беспристрастно посмотрела на Триггер, когда Вирод подвел ее к двери, придерживая за руку чуть выше локтя.

— Очень плохо, что ты расправилась с моим экспертом, Триггер! Теперь придется использовать химию. Флам и Вирод опытные вивисекторы, так что будет больно. Но не слишком — я сама прослежу за этим. И все равно, процедура очень неприятная и займет довольно много времени.

Высокая, гибкая Флам стояла за дверью в маленькой комнате. Триггер увидела длинный, низкий, покрытый пластиком стол, с зажимами и какими-то блестящими наворотами. Это, должно быть, было как раз то место, где холодному бесстрастному Балмордану не помогла даже блокировка. Но все же оставалось еще кое-что, что она могла предпринять. Яхта-то была на орбите.

— В этом нет необходимости! — сказала она дрожащим голосом. Ей даже не пришлось прикладывать к этому особенных усилий, как будто она практиковалась в лицедействе каждый день.

— Нет? — произнесла Лайд.

— Ты победила, — покорно призналась Триггер. — Я подыграю тебе. Для начала принесите сумочку, и я покажу, как она открывается.

Лайд кивнула.

— И как она открывается?

— Нужно нажать в правильных местах. Скажи им, чтоб принесли ее сюда, и я покажу.

Лайд рассмеялась.

— Что-то ты стала слишком сговорчивой и слишком покорной, Триггер! Я примерно знаю, что находится в этой сумочке, и совсем не переживаю, что содержимое взорвется, как только ты возьмешь ее в руки и нажмешь в нужных местах, но наверняка случится что-то еще, не очень желательное! Флам…

Высокая рыжеволосая девушка улыбнулась. Она подошла к шкафу, открыла его и вытащила контейнер с Монстриком.

— Положи сумку на полку, и принеси мне пистолеты Вирода и девчонки.

Лайд положила «Дентон» на полку рядом с кон-

тейнером, а оружие Вирода взяла в руку.

— Я боюсь, Триггер, что тебе все равно придется лечь на этот стол, — сказала она. — Если ты действительно решила сотрудничать, то ничего плохого не случится, и вскоре ты подробно расскажешь и что нужно делать с этой сумочкой, и кое-что еще.

Потом увидела выражение лица Триггер и сухо добавила:

— Несколько ночей назад мне доложили, что ты настоящий профессионал в рукопашном бою. Так же как Вирод и Флам. Так что, если хочешь дать Вироду возможность немного развлечься, вперед!

После такого предложения нормальная девушка, несомненно, должна была просто улыбнуться и лечь на стол. Но Триггер не могла этого сделать. Стиснув зубы и ритмично дыша через нос, она ринулась в бой. Это было так же бесполезно, как и глупо. Оба противника не позволяли ей добраться до Лайд, и после того, как Вирод прилично натешился, он сгреб ее в охапку и швырнул на стол. Минуту спустя она уже была растянута на нем лицом вниз, а запястья и лодыжки были зафиксированы металлическими зажимами.

Флам взяла скальпель, аккуратно разрезала

униформу Прекола вдоль и завернула края, оголяя спину. Затем Триггер почувствовала неприятное ледяное касание какого-то пахнущего ванилью спрея, который прошелся по всему позвоночнику до основания черепа.

Это было небольно, так что Лайд не соврала, но чрезвычайно неприятно. Мысли пленницы ускорялись, замедлялись, крутились и путались немыслимым способом. И, наконец, с ее языка сорвались такие вещи, которые Триггер никогда бы не сказала по своей воле.

После этого, вероятно, наступила пауза. Девушка, казалось, выплыла из короткого сна, когда откуда-то издалека прозвенел голос Лайд, напоенный холодной яростью: «Как так внутри ничего нет?»

И тогда, как фейерверк, в памяти вспыхнул целый ряд картин. Они собрались в узор, и эта уже понятная картина вспыхнула в сознании девушки. Она смотрела на него, и ее глаза расширялись от удивления. И тут она засмеялась.

К ней быстро приблизились легкие шаги.

— Триггер, где плазмоид?

Эрметайн вся была во власти гнева. Ей нужно что-нибудь ответить.

— Спроси у спецуполномоченного, — сказала

она, немного запинаясь.

— Действие препарата проходит, Первая Леди, — сказала Флам, — вы позволите?

Мысли Триггер опять на мгновение смешались, и она не слышала ответ Лайд, но снова ощутила запах ванили, и мерзкое ледяное прикосновение. На сей раз оно резко оборвалось на полпути.

И затем вокруг все как-то странно оставалось без движения. Как будто все сразу замерли.

Низкий злой голос произнес:

— Надеюсь, никаких проблем не возникнет, граждане. Просто мне она нужна несравнимо больше, чем вам.

Триггер в замешательстве нахмурилась. И тут же раздался свирепый рев, звуки ударов, и внезапно опять наступила тишина.

— Ого! — радостно произнес низкий голос. — Боюсь, я слегка перестарался!

Ну да, конечно, подумала Триггер. Она открыла глаза и повернула голову.

— Все еще в сознании, куколка? — спросил Квиллан, стоявший у двери и державший в руке огромный пистолет с конусообразным стволом. Он был приятно удивлен.

На коленях перед Квилланом стоял жирный, пожилой человек, который ошеломленно моргал,

глядя на Триггер. Кроме большого ярко-фиолетового банного полотенца, завязанного на пояснице, на нем больше ничего не было. Триггер осознала это буквально за секунду то того, как поняла, что это Белчиг Плули. Старина Белчи! Перед ним ничком, как будто замаливая грехи, лежал Вирод. Вне всяких сомнений он был мертв. Окончательно и бесповоротно. Ему не стоило даже пытаться развлечься с Квилланом.

— Да, я в полном порядке, — сказала Триггер. — Я быстро отошла в первый раз, но несколько секунд назад мне дали новую дозу.

— Да, я видел, — сказал Квиллан и перевел взгляд куда-то за Триггер.

— Лайд, — произнес он почти нежно.

— Да, Квиллан? — донесся голос Лайд с другой стороны от девушки. Она повернула голову. Эрметайн и Флам стояли на другом конце комнаты. На их лицах читалась досада.

— Мне не понравилось, — продолжил Квиллан, — то, что здесь происходило. Ну, просто свинство! Поэтому здоровяк и сломал себе шею в конце концов. Оставшиеся в живых уловили намек?

— Вполне, — сказала Эрметайн.

— Значит, очаровашка Флам прекратит томно

глазеть на тот пистолет на полке, и будет стоять и не дергаться, иначе я переломаю ей все кости. А ты, Первая Леди, иди к столу и освободи Триггер.

Триггер закрыла глаза и решила их пока не открывать. Возле нее засуетились, и после этого зажимы перестали давить на запястья. Лайд двинулась к ногам девушки.

— Этот забавный маленький пистолетик принадлежит Триггер? — спросил Квиллан.

— Да, — произнесла Лайд.

— Это именно то, что случилось с Пилли и тем другим парнем?

— Да.

— Подумать только! — глубокомысленно произнес Квиллан. — Ух, ты… есть что-нибудь, чтобы заклеить ее одежду?

— Да, — сказала Лайд. — Принеси, Флам.

— Не дури, Флам! — предостерег Квиллан. — Помни о костях, их у тебя две сотни.

Руки Лайд что-то сделали у Триггер на спине и снова исчезли.

— Теперь можешь сесть, Триггер! — громко сообщил Квиллан. — Попробуй как-нибудь потихоньку соскользнуть со стола и посмотри, можешь ли ты стоять.

Триггер открыла глаза, перевернулась, под-

тянула ноги к краю стола, опустила на пол и встала.

— Хочу мое оружие и сумочку, — заявила она, и тут же заметила их на полке. Подошла, взяла контейнер плазмоида, заглянула внутрь, захлопнула и повесила на плечо. Затем взяла «Дентон», посмотрела, на что он установлен, поменяла режим и повернулась.

— Первая Леди… — произнесла она шепотом.

У Лайд побелели губы. Квиллан ошарашенно вскрикнул. Триггер выстрелила.

Флам с дикими как у зверя глазами заорала и, размахивая руками, бросилась на нее. Триггер снова выстрелила.

Потом посмотрела на Квиллана.

— Это всего лишь станнер, — объяснила она и замерла в ожидании.

Квиллан с облегчением выдохнул.

— Рад это слышать! — он посмотрел вниз на Плули. — Сумочка была открыта, — многозначительно заметил Квиллан.

— Угу, — согласилась Триггер.

— Как наш сукинсыниус?

Она засмеялась.

— В целости и сохранности! Поверь мне.

— Хорошо, — сказал он. Он все еще выглядел

несколько озадаченным. — Присмотри за Белчи пару секунд, мы возьмем с собой Лайд. Правда, теперь мне придется ее тащить как мешок картошки.

— Ладно, — сказала Триггер, которая сейчас чувствовала себя намного веселее. Она посмотрела на Белчига. Старик застонал.

Они вышли из комнатки; Плули, поддерживающий руками импровизированную набедренную повязку, семенил в авангарде. Эрметайн, болтаясь на левом плече Квиллана, выглядела отвратительно мертвой.

— Триггер, иди с этой стороны, — сказал девушке Квиллан. — Все еще нормально себя чувствуешь?

Она кивнула.

— Да.

Хотя, вообще-то — нет. Проблема заключалась, в основном, в мыслях, которые вели себя как-то странно — они стремительно летели, иногда резко останавливаясь, как будто что-то пыталось затормозить их. Но если все закончится так, как в первый раз, Триггер в любом случае должна сначала дойти туда, куда шла.

Посреди ковра большой комнаты она заметила золотистое существо, похожее на огромный пу-

шистый мешок, и задрожала.

— Бедный Пилли! — произнесла девушка.

— Аминь! — из вежливости отреагировал Квиллан. — Делаю вывод, что Пилли не парализован?

Она покачала головой.

— Нельзя было. Слишком большой. Слишком быстрый.

— Как насчет другого мертвяка?

— А этого парализовала. Он исследователь. Хотя все подумали, что он умер. Это-то и испугало гостеприимных девчат.

— Да уж, — глубокомысленно заметил Квиллан. — Такое могло испугать не только Лайд с Флам.

Еще один гобелен отлетел в сторону, и за ним открылась широкая дверь. Они прошли в нее и оказались в зеркальном коридоре. Плули, пошатываясь, по-прежнему держался впереди.

— Оружие наготове, Триггер! — предупредил Квиллан. — Вполне возможно, наскочим на какого-нибудь храбреца. Хотя я так не думаю — им бы понадобилось сначала пройти мимо Тэйта.

— Ого, значит, он тоже здесь?

Она не слышала, что ответил Квиллан, потому что все вокруг исчезло. Когда действительность опять вернулась, коридора с зеркалами уже не

было, а они подходили к короткой широкой лестнице с низкими ступенями, ведущими в изысканно обставленную комнату. Длинную, но не очень широкую, с высоченным потолком. В центре располагался маленький квадратный плавательный бассейн, а возле стен, с обеих сторон, возвышался ряд высоких квадратных хрустальных столбов, внутри которых медленно двигались странные огоньки. С любопытством Триггер вгляделась в ближайший столб и резко остановилась.

— Мать моя Галактика! — воскликнула она пораженно.

Квиллан вернулся назад и потянул ее за рукав.

— Подай дальше, куколка! Ничего особенного, всего лишь способ хранения Белчигом гарема на то время, пока он занят. Неплохая идея — весьма сокращает бабью болтовню. Это его офис.

— Офис?!

И тут она увидела большой рабочий стол на ковре с другой стороны бассейна. Они быстро прошли мимо него, при этом Квиллан продолжал держать ее за руку, а Триггер продолжала пялиться на столбы, мимо которых они проходили. Обнаженные, розовые и безжизненные, они плавали в своих хрустальных клетках, в

разноцветном, двигающемся свете, их глаза были закрыты, а волосы колыхались подобно кустам актиний.

— Устрашающе, не правда ли? — сказал Квиллан.

— Да, — ответила Триггер. — Устрашающе. И в каждом столбе своя пленница… Какой же все-таки ублюдок! Бедняжки выглядят как утопленницы.

— С одной стороны они утопленницы и есть, хотя с другой… — сказал Квиллан. — Когда он их выпускает, это очень-очень живые девчоночки! М-да. Теперь вон за тот угол и… ох!

Плули дотащился до последнего столба, снова застонал и осел.

— Выдохся! — прокомментировал Квиллан. — Ну да все равно, он нам больше не нужен. Смотри под ноги, Триггер — сразу за Плули мертвяк.

Триггер сделала широкий шаг и аккуратно переступила через покойника. Перед входом в следующую комнату лежали еще три трупа. Она прошла мимо них на автопилоте. Вид приземистой, черной субпространственной шлюпки с убранным верхом, стоящей прямо на толстом фиолетовом ковре, не показался ей необычным. Потом она поняла, что человек, прислонившийся

к маленькому кораблику, держащий в одной руке бластер с укороченным стволом, является ни кем иным как специальным уполномоченным Тэйтом, и улыбнулась.

Девушка помахала боссу рукой.

— Привет, Холати!

— И тебе привет, — спокойно отозвался спецуполномоченный и повернул голову к Квиллану. — Как у нашей малышки дела?

— Неплохо, — ответил тот. — Хотя сейчас она немного того — двойная доза церидима, если судить по запаху. А у вас, я смотрю, возникли тут небольшие проблемы.

— Небольшие — это точно, — признал спецуполномоченный. — Ребята полезли за оружием.

— Совершенно не информированные джентльмены, — покачал головой Квиллан. Он позволил Лайд плавно соскользнуть с широкого плеча, и наклонился, чтобы засунуть ее на заднее сиденье субшлюпки. Триггер только и ждала повода влезть в разговор.

— Это кто, — набычившись, требовательно начала она, — сейчас немного того?

— Ты, — ответил Квиллан. — Тебя же накачали наркотиком, помнишь? Поедешь впереди со специальным уполномоченным. Вот здесь.

Он поднял девушку, контейнер с плазмоидом и все остальное и усадил ее на переднее сиденье. Тут она обнаружила, что Холати Тэйт уже внутри. Квиллан запрыгнул на место рядом с Первой Леди, и верх шлюпки захлопнулся с негромким щелчком.

Специальный уполномоченный начал манипулировать с кнопками на панели управления. На экранах визоров исчезла комната, темнота стремительно улетала вниз мимо них.

Одна мысль внезапно ударила ей в голову, и Триггер разрыдалась. Специальный уполномоченный посмотрел на нее.

— В чем дело, Триггер, девочка?

— Мне так ж-жа-аль, что я убила Пилли. Он кри-и-чал.

И тут ее мозг резко отключился, и мысли полностью остановились. Квиллан дотянулся до спинки и осторожно поправил девушку на сидении.

— До нее дошло таки! — сказал он, снова сел и на мгновение задумался. — Она не должна так сильно переживать, — заметил он затем. — Возможно, Пилли даже не был живым.

— А-а? — рассеянно отозвался специальный уполномоченный, продолжая следить за экрана-

ми. — Почему не был?

— Его мозги, — объяснил Квиллан, — были слишком далеко друг от друга.

Тэйт хитро прищурился.

— Ну вот, и до тебя наконец дошло, сынок! — сказал он.

Глава 23

Триггер вышла из транса, вызванного цериди-мом и длившегося несколько часов, раньше, чем Лайд очнулась после разряда из парализатора. Спецуполномоченный дремал на стуле возле ее кровати.

Она осмотрелась, чувствуя себя очень удобно и в полной безопасности. Это была ее личная каюта на судне спецуполномоченного Тэйта, том самом, которое он называл «Биг Джоб», и которое было перестроено из дальноходного патрульного катера Космических Скаутов. Оно было не очень большим, могло вместить шесть-семь человек, которые чувствовали себя вполне комфортно. Сейчас оно, по всей видимости, неслось куда-то сквозь субпространство, опять на своей адской скорости.

Ну, это путешествие можно выдержать.

Триггер потянулась и ткнула спецуполномоченного в колено.

— Эй, Холати! — прошептала она. — Проснитесь.

Босс открыл глаза, посмотрел на девушку и улыбнулся.

— Снова вернулась, а? — сказал он.

Триггер сделала жест в сторону двери.

— Закройте ее, — прошептала она. — Я хочу вам сказать кое-что.

— Давай говори, — сказал он, — Квиллан сейчас за пилота, Первая Леди в отключке, у Мантелиша космическая болезнь, и я дал ему таблеток, а больше на борту никого нет.

Триггер опять легла и посмотрела на него.

— Это будет звучать довольно странно! — предупредила она его.

Затем девушка рассказала, что сделал Монстрик, и что он пытается сделать.

Тэйт был потрясен.

— Ты в этом уверена?

— Абсолютно уверена.

— Значит, пытается заговорить с тобой?

— Вот именно.

Он прищурился, глядя на нее.

— Я смотрел в сумке, — сказал он, — существа

там не было.

— Лайд тоже об этом знает, — сказала Триггер. — В случае, если она получит шанс потрепать языком, скажем, что его забрали вы.

Он кивнул и встал.

— Остаешься здесь, — сказал он. — В качестве лечения тебе были прописаны сутки постельного режима.

— А вы куда?

— Я собираюсь пойти поговорить с судном Пси-сервиса, — ответил Тэйт. — И пусть только попытаются остановить меня на этот раз!

Он вышел. Прошло несколько минут, и тут Триггер внезапно услышала голос разъяренного Тэйта. Она прислушалась. Кажется, психологи опять наступили спецуполномоченному на больную мозоль и еще раз посоветовали не горячиться.

Он вернулся, красный как рак, и снова сел возле койки.

— Умники собираются следовать за нами, — сказал он. — Попробовали бы они не согласиться, я вернулся бы и обстрелял их кривобокое позорище.

— Они следуют за нами? Куда?

Он хмыкнул.

— В место, которое называется Лашес. Мы будем там меньше чем через неделю. Им потребуется около трех. Но они стартуют немедленно.

Триггер прищурилась.

— Выглядит так, будто плазмоиды возглавили список проблем Федерации!

— Я бы не удивился, — ответил на это спецуполномоченный. — Мне удалось поговорить с этой Пилч. Она попросила напомнить тебе, чтобы ты прислушивалась к своим мыслям всякий раз, когда выпадает такая возможность. Ты понимаешь, о чем она?

— Не вполне уверена в этом, — нерешительно произнесла Триггер. — Но помню, что она упоминала об этом. Я попробую. Зачем мы летим в Лашес?

— Флот Селана нашел там плазмоидов. Это на территории Вишну.

— Каких плазмоидов?

Он пожал плечами.

— Не особенно ценных, судя по тому, что я слышал. Довольно мелкие экземпляры. Но это определенно плазмоиды. Выглядит так, будто кто-то проводил там эксперименты какое-то время. И притом сравнительно недавно.

— Нашли хоть одного большого?

— Пока нет. Так же, как и следов людей на Лашесе, — он какое-то время сидел в задумчивости и кусал губу. — Примерно через час после того, как мы забрали тебя и Лайд, — сказал он, — нам на судно переслали приказ Совета. В нем говорилось, что мы должны сойти с курса, чтобы встретиться с их быстроходным курьером.

— Зачем?

— В приказе сказано, что курьер должен был взять Лайд на борт и отвести в Ядро. Какие-то хитрые дипломатические дела, — он поскреб подбородок. — Там было также сказано, чтобы мы достойно обращались с Первой Леди Транеста до тех пор, пока она не покинет судно.

— Пульсар разрази! — возмущенно воскликнула Триггер.

— Только одно плохо — я не смог разобрать это сообщение, — сказал Холати Тэйт. — Какие-то гравитационные возмущения! Время рандеву уже прошло. Нас не догнать.

— Хо-хо! — воскликнула Триггер. — Но ведь это нарушение всяческой субординации, Холати!

— Только до настоящего момента, — сказал он. — В разговоре с Пилч я упомянул, что Лайд у нас на борту; она сказала, что поговорит с Советом. Мы должны крепко беречь Лайд, — когда

Пилч доберется до Лашеса, то проведет с ней беседу.

Триггер ухмыльнулась.

— Это заставляет меня испытывать чувство глубокого удовлетворения, — заметила она. — Если Пилч загребает кого-то в свои теплые ладошки, то от нее ничего не скроешь.

— У меня сложилось такое же впечатление. Тем временем мы сами в обычном порядке допросим Эрметайн, дождемся только, когда она оклемается. Любезность с нашей стороны будет средней. Она, вероятно, расскажет часть того, что знает, особенно, если ты будешь сидеть там и периодически одаривать ее злобными взглядами вперемешку с поглаживанием своего любимого «Дентона».

— Для этого, — уверила его Триггер, — мне даже не придется прилагать никаких усилий!

— Могу себе представить. Ты точно уверена, что существо снова появится?

Триггер кивнула.

— Просто оставьте сумочку со мной.

— Хорошо, — он встал. — У меня специально для тебя горячий завтрак. Сейчас вернусь с пакетом, и ты расскажешь, что случилось после того, как они тебя схватили.

— Как вы узнали, что я пропала? — спросила Триггер.

— Твоя копия, — сказал он. — Вообще-то девчонка была чертовски хороша. Я один раз разговаривал с тобой-ею по трансмиттеру и не смог заметить ни одной фальшивой нотки. По большей части она старалась держаться подальше от окружающих. Ей это великолепно удавалось! Хотя мы нашли бы ее все равно довольно быстро, поскольку как раз готовились ко взлету на Лашес. Но она сама раскрыла себя.

— Как?

— Когда я, в конце концов, снова увидел ее на экране трансмиттера, рядом с ней не было никого, то есть не на кого было производить впечатление. Она с упоением нюхала *порджи*.

Триггер восхищенно засмеялась.

— Добрый старый кисет! Он надул их дважды. Но как вы узнали, где я?

— С этим проблем не было. Мы знали, что Лайд поставила Плули в полную зависимость от себя. Квиллан знал о закрытом уровне на яхте Белчига и сделал так, чтобы тот пригласил его лишний раз повосхищаться гаремом после того, как «Дон Сити» прибыл сюда. И пока майор восхищался, он заодно записывал образы уровней для прыжка

субшлюпки. Этот трюк уже раскрыт заинтересованными лицами, но этот секрет стоило обменять на тебя и Лайд. Так что мы попали на борт «Грифона» через пять минут после того, как повязали твою копию.

— Эрметайн считала, что вы помчитесь за «Авророй», — сказала Триггер.

— Ну, — снисходительно начал Тейт, — Эрметайн очень молода, а потому наивна. «Аврора» — слишком очевидная приманка.

— А почему Квиллан не начал беспокоиться, когда я не появилась в лаборатории Мантелиша с Монстриком?

— В том-то весь фокус! — воскликнул Холати и потер челюсть. — Я был ошарашен таким поворотом! Это был не Квиллан. Это была его копия.

— В лаборатории Мантелиша? — ошеломленно спросила Триггер.

— Точно. Они попали внутрь в тех коробках с образцами, которые Мантелиш таскал туда несколько прошлых дней. Дело выглядит так, будто профессор в течение уже многих месяцев по самые уши был загипнотизирован.

Последние пять часов из прописанного ей постельного режима Триггер проспала. Дверь в каюту была закрыта, и открытый контейнер

плазмоида стоял рядом с койкой. Перед тем как она уснула, пришел Холати и сообщил, что Эрметайн очнулась, но очень слаба, к тому же совершенно шокирована и пока не до конца верит, что по-прежнему находится на этом свете. Он напичкал ее разными таблетками, и допрос будет отложен до тех пор, пока все не придут в себя окончательно.

Когда Триггер проснулась, сумочка была закрыта. Она открыла и заглянула внутрь. Монстрик, свернувшись в клубочек, тихо лежал на дне.

— Маленький смышленый плутишка, да? — одобрительно произнесла она, потом потянулась к нему и легонько похлопала. Затем закрыла сумочку, встала и пошла в носовую часть судна, захватив, естественно, Монстрика.

Остальные четверо сидели в большом зале, который включал часть контрольной секции. Эта часть была встроена в стену, и спецуполномоченный, который в настоящий момент был за ней, сидел вполоборота к залу.

Он посмотрел на сумочку, когда Триггер вошла в зал, усмехнулся и незаметно подмигнул.

— Проходи и садись, — сказал он. — Мы тебя заждались.

Триггер села и окинула взглядом присут-

ствующих. По всей видимости, здесь что-то происходило. Загорелое лицо Квиллана было задумчиво, а еще майор, возможно, был немного удивлен. Мантелиш выглядел раскрасневшимся и сердитым. Копна его белых волос пребывала в диком беспорядке. Эрметайн казалась немного уставшей.

— Что происходит? — спросила Триггер.

Это был неправильный вопрос. Мантелиш сделал глубокий вдох и заревел, как раненый орк. Триггер слушала его даже с каким-то восхищением. Это была одна из лучших гневных проповедей профессора, хоть и закончилась меньше, чем через пять минут, — очевидно, перед этим он уже спустил пар.

Лайд разгипнотизировала его по просьбе специального уполномоченного. Это была долгая работа, на которую потребовалось несколько часов, но вот, наконец, она была закончена. Как поняла Триггер из профессорских воплей, гипноз был делом рук самой Первой Леди. Она сделала это в собственном саду Мантелиша через две недели после его первого возвращения с Полнолуния.

Опять же после своего прибытия на Мэнон Лайд вызвала Мантелиша по трансмиттеру и отдала

устное распоряжение, а также подробно проинструктировала, чтобы он оторвался от своих телохранителей У-лиги и затерялся на несколько часов в болотах. Там они встретилась, и Лайд выкачала из него все, что он мог сообщить. И в заключение всего этого приказала протащить в купол Прекола ящики с группой захвата, законсервированной как глупышки из гарема Плули, бережно заботиться о них и выпустить, когда получит приказ. И все это время он считал, что это бесценные биологические образцы!

Мантелиша нисколько не успокоил тот факт, что — опять-таки по просьбе Тэйта — Лайд ввела гипнокоманду, которая, по ее словам, насовсем избавит его от космической болезни. Вскоре биолог, наконец, угомонился и сел, время от времени бросая на Эрметайн взгляды, полные негодования.

— Ну, — заметил специальный уполномоченный, — сейчас хорошее время для того, чтобы задать пару вопросов. Квиллан, твой небольшой «вопросник» с тобой?

Квиллан кивнул. Лайд по очереди посмотрела на мужчин, а потом, впервые за все время, бросила вопрошающий взгляд в направлении Триггер. И Триггер внезапно обнаружила, что испыты-

вает к Лайд определенную симпатию. Эрметайн потерпела неудачу в очень крупной и азартной игре. И здесь рядом с ней сидели трое противников-мужчин, которые — каждый по-своему — были очень грозными и пугающими людьми. Ни один из них не был доброжелательным и вызывающим доверие; двое были огромны, а тот, что был невысок и относительно хлипок, относился с ненавистью к любому, кто стоит не на той стороне закона и порядка. Триггер решила пока забыть про свои злобные взгляды.

— Не стоит унывать, Лайд! — сказала она. — Никто не собирается причинять тебе вред. Просто ответь на вопросы!

Она получила еще один взгляд. Не благодарный, точно, но и не злой. Значит, временная поддержка была принята.

— Специальный уполномоченный Тэйт сообщил, — сказала Эрметайн, — что эта группа в случае со мной не намерена признавать принцип дипломатической неприкосновенности. Учитывая обстоятельства, мне нужно с этим смириться, так что я отвечу на любые вопросы, на которые знаю ответ, — она посмотрела на «вопросник» с расширенным дулом, который Квиллан как раз не спеша вытаскивал из кармана, — но всякий

допрос под принуждением в моем случае бесполезен.

— Почему? — поинтересовался Квиллан.

— Я была адаптирована к силовому воздействию, естественно, — сказала Лайд. — Я Эрметайн из Транеста. К тому времени, когда мне стукнуло двенадцать лет, игрушка, даже такая внушительная, как ваша, уже не могла заставить меня испытать страх.

«Игрушка» скользнула обратно в карман Квиллана.

— Чистая правда, Первая Леди, — сказал он. — И это маленький плюс в твою пользу. Мы подумали, а вдруг ты попытаешься хитрить. Теперь просто зададим тебе несколько вопросов. Под запись на кристалл. Отвечать не задумываясь.

Майор и специальный уполномоченный начали быстро задавать вопросы, Эрметайн быстро отвечала. Насколько могла заметить Триггер, перед ответами не было пауз. Возможно, на них просто не было времени.

* * *

Мантелиш, доктор Джесс Фэйл и доктор Азол являлись тремя ответственными, назначенными Университетской Лигой за начальную стадию

исследований на Полнолунии. С самого начала один из троих, а именно доктор Азол, был человеком Лайд. Теперь, после инсценировки его смерти, он находился на Транесте. Основным пунктом его сообщения для нее была значимость образца 112–113. Двурушник также сообщил, что Триггер Арджи на Полнолунии потеряла сознание. Они посчитали, что кто-то контролировал или пытался контролировать девушку из-за ее связи с плазмоидами.

Лайд оказалась неспособна подкупить Джесса Фэйла. Насколько она знала, никто не мог этого сделать. Доктор Фэйл, кажется, намеревался работать сам на себя. Лайд была убеждена, что именно он и украл биоробота 112–113. На самом деле он в настоящее время находился далеко за пределами космического пространства Ядра Звездного Скопления, и 112–113 по-прежнему был с ним. Да, она могла бы более точно указать на его местоположение — с помощью карты звездного неба.

— Давайте посмотрим, — сказал спецуполномоченный Тэйт.

Вывели карту и Эрметайн начала кружить по большой секции, принадлежащей Флоту Вишну. Снова посыпались вопросы.

…о 113-А: профессор Мантелиш рассказал ей о

своих экспериментах с этим плазмоидом…

Здесь возникла пауза, потому что Мантелиш раздраженно фыркнул. Но пауза была очень короткой. Профессор, вероятно, и сам был не прочь узнать побольше о безнравственных поступках Первой Леди.

…и о различных вариантах его объединения с основным образцом. Но к тому времени, как она получила эту информацию, 113-А уже был помещен под жесткую охрану. Профессор Мантелиш сделал попытку тайно вывезти его…

Гневное фырканье.

…но не смог пройти с ним мимо охраны. Агенты Транеста сделали несколько неудачных попыток получить энное количество плазмоидов, и она также знала, что еще одна команда делала столь же неудачные попытки. Девагас. Она не знает, почему так важен 113-А, но точно знает, что он важен.

Что касается всего остального…

…о Триггер: Триггер Арджи, возможно, была бы способна рассказать всем заинтересованным, почему же она сама по себе была так важна. Доктор Фэйл наверняка бы смог. Так же, как высшие чины в иерархии Девагас. Лайд пока не могла. Но Первая Леди наверняка знала, что значимость

Триггер Арджи напрямую связана с плазмоидом 113-А. Эта информация была получена от оператора Девагас, к настоящему моменту уже покойного. Нет, это не Балмордан. Этот оператор отвечал за предпринятую попытку на Эвали. Намного более сложное дело в Колониальной Школе было работой Транеста. Группа Девагас попыталась вмешаться, но была в полном составе ликвидирована.

…о Плули: Белчиг находился в полной зависимости от Лайд. Он боялся Девагас, но еще больше он боялся Первой Леди. Его страхи по поводу Девагас объяснялись тем, что он вместе со своим партнером снабжал иерархию огромным количеством контрабанды. Ее характер указывал на то, что Девагас строит основной укрепленный аванпост в каком-то мире, где либо не имеется атмосферы, либо она там ядовитая. Потом партнера убили, и Белчиг решил, что его очередь следующая.

…о Балмордане: Балмордан был одним из важнейших агентов разведки Девагас. Лайд услышала о нем сравнительно недавно. Он и являлся ответственным за все попытки заполучить 113-А. Лайд убедила его, что она станет самым опасным его конкурентом в Системе Мэнона, а также

сделала так, чтобы информация о ее тамошних действиях оказалась ему доступной.

Потом Балмордан и его отборная группа боевиков прибыли на яхту Плули, чтобы посетить закрытую вечеринку. Они позволили заманить себя на закрытый уровень, и были блокированы в комнате-западне с инфракрасным светом. Боевики были перебиты, а Балмордан подвергнут допросу.

Допрос показал, что Девагас нашел доктора Фэйла и образец 112–113, и его ученые преуспели в создании каких-то рабочих плазмоидов. Но для полного завершения операции им по-прежнему требовался 113-А. Балмордан не знал почему. А вот Триггер им больше была не нужна. Теперь следовало уничтожить ее при первой же возможности. И снова Балмордан не знал почему. Фэйл и его образец находятся в куполе-крепости, которую строил Союз Девагас. Вот в этом районе, — указала Лайд. Предполагалось, что крепость хорошо замаскирована. Балмордан мог знать, а мог и не знать ее точные координаты. Те, кто его допрашивал, допустили непростительный промах и спровоцировали реакцию блока, который был вмонтирован в его психику. Балмордан умер. Работа с мертвым мозгом не принесла

никакой дополнительной информации.

Ураганный шквал вопросов неожиданно закончился. Триггер взглянула на часы — он продолжался всего лишь около четверти часа, но она чувствовала, как у нее кружится голова. Эрметайн же казалась просто немного усталой.

Где-то через минуту специальный уполномоченный Тэйт вежливо спросил, нет ли еще какой-нибудь информации, которой Первая Леди может сейчас поделиться.

Лайд отрицательно покачала головой.

Ей поверил только профессор Мантелиш.

Но, по всей видимости, допрос был закончен.

Глава 24

Квиллан принял вахту, и спецуполномоченный с Триггер, взяв рекордер, прошли в небольшой офис за узлом связи для того, чтобы закинуть пару срочных сообщений в Ядро и другие места. Когда они выходили, Лайд приносила самые глубокие извинения Мантелишу. Профессор гневно пыхтел, но уже без прежней злости.

Немного позже, Лайд, демонстрируя признаки сдерживаемого удивления, помогала Триггер готовить обед, который они потом отнесли в зал.

В то время, когда остальные приступили к еде, Квиллан оставался сидеть за пультом управления, и Триггер понесла ему поднос с едой.

— Благодарю за то, что спасли меня, майор! — сказала она.

Он усмехнулся.

— Это доставило мне удовольствие.

Триггер посмотрела на небольшую группу, сидящую за столом.

— Как вы считаете, она врала, хотя бы немного?

— Конечно. Самое главное — она заранее решила, что говорить, а что утаивать. Хотя она соображает и на ходу великолепно! Ни одной ошибки. Все, что она рассказала, представляет собой отлично скомпонованную легенду, аспекты которой мы можем проверить довольно быстро. Так что это дает нам массу информации, вернее, можно считать, уже дало.

— Она уже начала выплясывать перед Мантелишем, — ядовито сказала Триггер.

— Не удивляюсь, — сказал Квиллан. — К тому времени, когда мы доберемся до Лашеса, профессор, возможно, опять войдет в транс. Мне кажется, специальный уполномоченный намеревается дать ей возможность самой вырыть себе яму.

— Как близко Лашес к той территории, на которую она показала?

Квиллан щелкнул по экрану, на котором был отображен их курс, и наложил туда карту, помеченную Лайд.

— Красная точка практически рядом, — указал он. — Эта часть информации была, похоже, правдивой, — он посмотрел на девушку. — Ты сильно переживаешь по поводу того, что Девагас оставил идею захватить тебя и теперь намеревается просто убить?

Триггер покачала головой.

— Не особенно, — ответила она. — Между этими вещами, в любом случае, не слишком велика разница, ведь так?

— Очень маленькая, — он погладил девушку по руке. — Они не получат твой скальп, куколка… уж я об этом позабочусь!

Триггер улыбнулась.

— Я вам верю, — сказала она, — спасибо заранее.

Она снова оглянулась. Только теперь у нее действительно появилось чувство безопасности и беззаботности. Хотя, вряд ли это продлится долго. Она посмотрела на Квиллана.

— А ваши ненавистные компьютеры, — начала

она. — Что они сказали по поводу того, что вы взорвали не-котассина?

— Эти сумасшедшие железяки теперь уверяют, что это был плазмоид, — сказал Квиллан. — Возмутительная идея! Но на этот раз она обретает хоть какой-то смысл. И, к тому же, соответствует некоторым вещам, про которые нам рассказала Лайд. Помнишь губку Вети, которую таскал Балмордан?

— Да.

— Когда он сходил, ее уже на шее не было. Он сказал, что по дороге она потеряла силу.

— Вот это возмутительная идея! — сказала Триггер через мгновение. — Ну, по крайней мере, теперь у нас есть датчики.

Но чувство безопасности снова покинуло девушку.

* * *

Не успели едоки уничтожить и половину обеда, как, внезапно, ожил передатчик дальнего действия. В течение следующего получаса сообщения сыпались, как из рога изобилия — это различные Штабы прореагировали на информацию, выданную Эрметайн. Специальный уполномоченный сидел в маленьком офисе и сортировал поступа-

ющую корреспонденцию. Триггер осталась рядом с трансмиттером, передавая Тэйту все новые и новые сообщения по мере их поступления. Ни одно из них не касалось их напрямую — они уже направлялись в то место, где очень скоро соберется множество заинтересованных лиц.

Затем поток сообщений иссяк почти так же внезапно, как начался, и потом с интервалом в минуту выскочило еще с полдюжины менее значимых посланий. Передатчики начали лениво пыхтеть. И тут раздался сигнал «человек-человек».

Триггер толкнула пальцем кнопку визора. Голос назвал входной код корабля.

— Подтверждаю, — сказала Триггер. — Кто на связи?

— Орадо, Центр Сетевых Коммуникаций, — сказал голос. — Оставайтесь на связи для разговора с членом Совета Федерации Роадгиэ.

Триггер сильно стукнула по кнопке общей тревоги. Роадгиэ — это ИМЯ!

— Остаюсь на связи, — подтвердила она.

Специальный уполномоченный Тэйт вошел в дверь и скользнул в кресло, которое она уже освободила. Триггер немного нервничала, но всегда хотела увидеть могущественного политика

в общении.

Экран загорелся, и она узнала Роадгиэ. Высокий, великолепно выглядящий мужчина с седыми бакенбардами, мода на которые давно прошла. Он сидел в кресле в шикарнейшем офисе.

— Мои поздравления, специальный уполномоченный! — сказал он, улыбаясь. — Полагаю, вы уже знаете, что ваше последнее сообщение заставило кое-какие корабли лететь очень быстро!

— Да, я ожидал этого, — признался специальный уполномоченный и тоже улыбнулся.

Они несколько раз обменялись дружелюбными улыбками. Было непохоже, что Роадгиэ поставили в известность о том, что вскоре произойдет вблизи Лашеса. Триггер поневоле задалась вопросом, какие цели преследует популярный политик.

— Кое-кому из нас довольно интересно узнать, — сказал Роадгиэ, — почему вы не подтвердили посланный вам приказ Совета.

Триггер начала нервничать.

— Когда было это? — спросил специальный уполномоченный.

Роадгиэ мягко улыбнулся.

— Примерно в это время было получено сообщение, но в нем имелись серьезные лакуны, —

сказал спецуполномоченный. — Очень мило с вашей стороны, что вы позвонили, чтобы сообщить мне об этом, консул. О чем говорилось в этом приказе?

— С тех пор он уже изрядно устарел, — сказал Роадгиэ. — В общем-то, я звоню по другому вопросу. Первая Леди Транеста, похоже, была настолько любезна, что проинформировала вас о своих недавних действиях.

Специальный уполномоченный кивнул.

— Да, очень любезна.

— И это в такой-то короткий срок после ее… э… задержания. Вы, должно быть, были очень убедительны?

— Ну, — сказал Холати Тэйт, — не больше, чем обычно.

— Да, — сказал консул Роадгиэ. — Теперь некоторыми членами Совета выражается определенное беспокойство. Скажем, они хотели бы быть уверенными, что обхождение, положенное при общении с главой государства, и в данном случае оставалось на должном уровне. Я, конечно, совершенно уверен, что это так.

Специальный уполномоченный на мгновение замолчал.

— Я только что получил информацию, — сказал

он, — что полная ответственность за главу государства Транеста была возложена на мою группу. Это соответствует истине?

Консул слегка покраснел.

— Вполне, — ответил он. — Официальный приказ Совета дойдет к вам примерно через сутки.

— Ну, в таком случае, — сказал специальный уполномоченный, — я уверяю вас, а вы, в свою очередь, можете заверить членов Совета, которые чувствовали себя обеспокоенными, что обхождение и в дальнейшем будет соответствовать должному уровню. И тогда пусть все снова расслабятся. Так подойдет?

— Нет, не совсем, — раздосадованно возразил Роадгиэ. — Фактически, специальный уполномоченный, члены Совета предпочитают, чтобы мне дали возможность переговорить с Первой Леди, которая сама заверит меня относительно дипломатического протокола.

— Ну, — сказал специальный уполномоченный Тэйт, — она не может подойти к передатчику прямо сейчас, поскольку моет посуду.

На этот раз консул покраснел. Несколько мгновений он пристально смотрел на спецуполномоченного, затем очень тихо произнес:

— Ох, да черт с ним! — и добавил, — удачи,

спецуполномоченный — скоро она вся вам понадобится.

Экран побелел.

Глава 25

Независимый Флот Скаутов Селана, первым побывавший на планете, решил назвать ее Лашес,[17] слово, как подумала Триггер, которое, вероятно, закрепится за этим миром. Потому что оно соответствовало действительности, по крайней мере, в том месте, где они разбили лагерь.

Она перевернулась на живот и оттолкнулась от камня, который созерцала в течение последних нескольких минут, погрузившись в размышления. Потом, ногами вперед, она поплыла по течению в поисках более глубокого места Речки Плазмоида.

Повсюду было достаточно мелко. Кое-где вдоль русла небольшой реки встречались заводи, в которые она неизменно заплывала, и где могла стоять на цыпочках в теплой прозрачной воде, вытянув руки и касаясь подушечками пальцев ее поверхности. Но по большей части река была

---

[17] Примечания: 17
Luscious (англ.) — буйный, пышный.

такой неглубокой, что над водой торчали большие камни.

Слегка касаясь песка, она переплыла к другому камню, перевернулась на спину и прислонилась к его поверхности лопатками, щурясь на солнце, отражавшееся в воде. Лагерь располагался в нескольких сотнях метров ниже по течению в долине, его звуки глушились холмом, отделявшим долину от речки. Там стоял катер спецуполномоченного и полдюжины палаток, плюс значительная группа I-флота с различными инструментами для лаборатории, которое подразделение Селана выделило Мантелишу взаймы на время работы. В настоящее время в лагере было человек пятнадцать-двадцать. Все знали, что Триггер Арджи бездельничает тут у реки, и не станут беспокоить ее.

Строго говоря, она не бездельничала. Она училась слушать свои мысли, но, похоже было, что не все продвигается легко, хотя постепенно у нее получалось. Лучший путь, казалось, состоял в том, чтобы пустить их на самотек, терпеливо ждать, и, действительно, более или менее спокойно прислушиваться к себе. Это как будто стоишь в каком-нибудь причудливом лесу и позволяешь всему, что хочет показаться тебе на глаза, сде-

лать это и снова исчезнуть, чтобы вместо него появилось что-то другое. Главная трудность заключалась как раз в мысленном расслаблении, которое никогда не было для нее обычным способом поиска решения проблемы.

Но когда ей удавалось это сделать, было очень вероятно, что информация из царства неведомого, которое начинало выглядеть очень привлекательно, появится и станет вполне доступной для понимания. Что бы там ни работало в глубинах ее подсознания, — а сейчас она могла выдвинуть довольно правдоподобное предположение о том, что это могло быть, — делало оно это медленно и ненавязчиво, как и говорили люди из Пси-Сервиса. Следы его работы были обычно еле различимы и очень неопределенны. Но постепенно кусочки мозаики складывались в четкие картины.

Ничегонеделание в водах Речки Плазмоида каждое утро в течение часа очень помогло этому процессу. Вся эта беготня: полет на Лашес, путь в субпространстве, дежурства с Тэйтом и Квилланом — они сменяли друг друга по часам у контрольного пульта — гудящие каждые полчаса трансмиттеры, занятие всякими «домашними делами» на судне, и то, что кто-то, кроме Мантелиша, должен был постоянно присматривать за

Эрметайн, — все это, вместе взятое, не давало ей возможности думать, как советовала Пилч.

Но как только они приземлились, внезапно оказалось, что ей практически нечем заняться, и Триггер, наконец, смогла расставить приоритеты по-другому и начала прислушиваться к себе. Это была одна из тех ситуаций, когда все уже было готово, но ничего не начиналось. Как планета плазмоидов, Лашес был очень привлекателен для проходимцев всех сортов. Это правда, что здесь были плазмоиды, как и то, что до недавнего времени плазмоидов здесь производили.

За несколько дней до того, как прилетел Мантелиш, люди Селана, используя простой метод поиска скоплений, даже определили местонахождение плазмоида, который был создан кем-то другим. Этот, по стандартам Лашеса, был обычным монстром, примерно восьмиметровой длины; серый, похожий на мумию, мертвый и наполовину гнилой внутри. Это был первый плазмоид — за исключением того, что подорвался на гравимине Квиллана — которого видели мертвым. Сначала, когда его обнаружили, было много шума, потому что описание звучало так, будто они, наконец, нашли 112–113. Но это было не так. Дохлого плазмоида — если Триггер правильно

уловила суть объяснений Мантелиша — можно было расценивать как дешевую имитацию 112. И его производство, по сравнению с работающими созданиями Полнолуния, казалось, находится на уровне детского сада: едва работающий хлам. Большинство существ, которые были найдены, напоминало разнообразных жуков и червей, хотя каждый из них был размером с поросенка.

— Нет форм, нет образцов, — рокотал Мантелиш. — Работало ли это создание? Пыталось ли оно создать себе помощника, установить и протестировать его? И еще! — и он снова углубился в свои непонятности, очевидно, слегка раздосадованный. — Принесите мне 112-го! — ревел он. — Тогда работа пойдет! Сейчас у нас, по крайней мере, есть материал, и мы можем, не задумываясь, его тратить. Мы можем смело экспериментировать! Пойдемте, Лайд, дорогуша.

И Лайд пошла за ним в лабораторию, где они снова приступили к работе над более или менее подходящими мелкими плазмоидами, препарируя их, обжигая, стимулируя развитие всевозможных процессов, делая различные инъекции и тому подобное, и все это до бесконечности.

* * *

Этим утром Триггер не стала валяться в постели. Вполне возможно, все из-за этой дорогуши Лайд.

— Вы знаете, — задумчиво сказала она специальному уполномоченному днем раньше, — к тому времени, как мы все тут сделаем, Лайд будет знать о плазмоидах больше, чем любой другой в Ядре, конечно, за исключением Мантелиша!

Тэйт не выглядел обеспокоенным.

— Это не будет иметь большого значения. К тому времени, как мы все закончим, она и остальные Эрметайны будут вынуждены отдать контроль над Транестом. Они нарушили соглашение по поводу этого дела.

— Хо, — произнесла Триггер. — А Лайд знает об этом?

— Уверен. Она также знает, что отделается сравнительно легко. Если бы у нее было гражданство Федерации, то она получила бы обязательную Реабилитацию уже сейчас.

— Она наверняка попытается выкинуть какой-нибудь фокус, как только выпадет шанс! — предупредила Триггер.

— Обязательно попытается, — рассеяно отве-

тил спецуполномоченный и продолжил работу.

Кажется, ее беспокоила не Лайд. Триггер легла на ровный мелкий песок, заложила руки за голову, ощутила теплоту солнца закрытыми веками и стала наблюдать, как медленно плывут ее мысли.

Это мог быть только Квиллан.

Итак, майор Квиллан. Спаситель, пришедший вовремя. Разрушитель не-котассинов. Настоящий парень.

Мимо девушки, тихо журча, текла вода.

Во время полета сюда они периодически общались, сменяя друг друга у контрольного пульта. После посадки на Лашесе Квиллан три четверти времени проводил, помогая охотиться на спрятанную крепость Девагас. Она все еще пряталась, а поисковые команды все еще не могли взять ее след.

Но каждый раз, когда выпадала возможность, он возвращался в лагерь. И каждый раз, когда он возвращался и думал, что она не смотрит на него, он сидел и смотрел на нее.

Триггер усмехнулась со счастливым видом. Итак, майор Квиллан робок! Это здорово!

И лирическое отступление помогло. Она почувствовала, как расслабляется, скользит вдаль,

плывет по волнам своей памяти… дальше… глубже… к крошечному голосу, который говорил на таком странном языке, но с каждым новым днем становился более понятным.

— Э-э, ну, Триггер!

* * *

У Триггер перехватило дыхание. Ее глаза распахнулись. Она судорожно попыталась исчезнуть под поверхностью ручья, но так как лежала на песке, ей это не удалось. Поэтому она прекратила размахивать руками, и вместо этого попыталась прикрыть ими кое-какие места на своем нагом теле.

— Ты, нахал! — выкрикнула она, как только снова смогла дышать. — Проваливай! Живо!

Робкий Квиллан, стоявший на берегу в пяти метрах, выглядел обиженным. А еще он смотрел.

— Послушай! — жалобно сказал он. — Я просто пришел, чтобы удостовериться, что у тебя все в порядке — дикие звери вокруг! Я не собирался глазеть на твои прелести, хотя, готов признаться, это довольно приятное зрелище.

— Убирайся! Немедленно!

Квиллан с очевидным трудом сделал вдох.

— Хотя, раз уж об этом было упомянуто, —

продолжил он, торопливо и прерывисто, — это все, — и этот коричневый, и этот розовый, и этот прекрасный белый, — его голос стал восторженным, и Триггер испугалась, что он сейчас поскользнется на валуне и приземлится в речке около нее. — И, оох-уммм! влажные рыжие волосы и такие соблазнительные веснушки! — он двинулся вперед, его глаза, казалось, сейчас выпадут из орбит. — И прекрасный…

— Квиллан! — завопила она. — Ну, пожалуйста!

Квиллан остановился.

— Ммм! — промычал он и сделал глубокий вдох. Безумный взгляд исчез. Рассудок, казалось, возвращался к нему. — Ну, про диких зверей это правда. В конце долины над лесом сейчас наблюдали какую-то большую неуклюжую тварь.

Триггер бросила взгляд вдоль берега. Ее одежда находилась минимум в сорока шагах, прямо у воды.

— Я наблюдаю большую неуклюжую тварь прямо здесь, — холодно сказала она. — И что еще хуже, она тоже наблюдает меня. Отвернись!

Квиллан вздохнул.

— Ты бесчувственная женщина, Арджи, — сказал он, но все-таки отвернулся. У него, собственно

говоря, был с собой пистолет, но он в любом случае с ним не расставался. — По предположениям, — продолжал он, — у этой твари голова летучей мыши, только около метра в поперечнике. Она летает.

— Очень интересно, — сказала Триггер, решившая, что он не станет поворачиваться. — Сейчас я натяну свои вещи, а потом…

Тварь тихо вылетела из-за деревьев, окружавших изгиб речки выше по течению. Ее голова была похожа на голову летучей мыши, и сверху она была синяя, а снизу желтая. Ее хлопающие крылья касались своими кончиками обоих берегов. Метровый рот широко распахнут, демонстрируя длинные, тонкие как кинжалы, зубы. Скользя над поверхностью воды, тварь стремительно приближалась к девушке.

— Куиииии-ЛЛАН!

Глава 26

Они возвращались обратно в лагерь по своим следам. Триггер шла чуть впереди с неестественно выпрямленной спиной. Самым худшим из всего этого было самодовольное лицо Квиллана.

— Подлец! — повторяла она на каждом шагу:

— Негодяй! Мерзавец! Хам! Вуайерист![18]

— Ну, перестань, Триггер, — успокаивающе произнес Квиллан. — В конце концов, это ты бросилась ко мне на шею. Вся мокрая, кстати.

— Я ИСПУГАЛАСЬ! — прорычала Триггер. — А кто не испугался бы? Но ты, естественно, не растерялся и воспользовался ситуацией!

— Естественно, — признал ее правоту Квиллан. — Я уложил эту летучую мышь. Ты рядом. Кто бы засомневался. Я еще не выжил из ума.

Она в ярости повернулась и уперла руки в бока. Квиллан осторожно остановился.

— Твой ум! — прошипела она. — Я бы ни за что не пожелала иметь такой же. За кого ты меня принимаешь?! За одну из плавающих в прозрачных столбах девиц Белчига?!

Для человека его комплекции майор, действительно, был стремителен. Прежде чем она смогла сделать хоть одно движение, он уже стоял, облапив ее своей огромной лапой за плечи.

— Уймись, Триггер, — мягко сказал он. — Ради святых звезд!

Хо, другие тоже пробовали держать ее так, когда ей этого не хотелось. Поворот, толчок, удар

---

[18] Примечания: 18

Вуайерист (фр.) — в данном контексте человек, подглядывающий за голыми женщинами.

— и мужики, как кегли, летели на пол. Триггер спокойно сконцентрировалась. Только бы двигаться достаточно стремительно… как Квиллан. Она повернулась, толкнула, ударила… и остановилась, совершенно обескураженная. Ситуация ни на йоту не изменилась.

У нее возникло опасение, что ни один прием из ее арсенала не сработает против Квиллана.

— Отпусти! — воскликнула она с яростью, пытаясь ударить его пяткой по ноге. Но нога отошла в сторону, а каблук ее ботинка увяз в земле. У этого проклятого верзилы, наверное, была еще одна пара глаз на ногах!

Тут майор свободной рукой взял ее за подбородок, и осторожно приподнял. Его глаза, те, что располагались в положенном месте, оказались прямо напротив ее глаз. Очень близко. Очень темные. Очень глубокие.

— Я буду кусаться! — отчаянно прошептала Триггер. — Я бу-умммм! Мммм-гррм! Грр-ммммм… м-м-м! Ммм-м!

* * *

Они возвращались в лагерь по своим следам, взявшись за руки. Когда поднялись на последний маленький холм, Триггер посмотрела на лагерь.

Она нахмурилась.

— Довольно занудно! — заметила она.

— Что? — спросил ошарашенный Квиллан.

— Да я не о том, громила! — воскликнула она и сжала его руку. — Твой характер, конечно, не сахар, но занудным я бы его не назвала. Я имею в виду общую ситуацию. Мы просто сидим здесь и ждем. И ничего, кажется, не происходит.

Это было верно, по крайней мере, на первый взгляд. Вокруг них на Лашесе было полно кораблей и людей, но никого не было видно. Поисковики были готовы сорваться в любой момент, в любом направлении, но у них не было повода. За последние два дня трансмиттеры Тэйта оживали не больше двух-трех раз. Даже внутренние коммуникаторы по большей части молчали.

— Выше нос, куколка! — сказал Квиллан. — Довольно скоро что-нибудь пойдет не так.

* * *

Тем же вечером на радарах появилось судно Девагас.

Поисковики, конечно, были к этому готовы. То, что ребята ходили смотреть на плазмоидов, было просто возможностью скоротать время перед будущей схваткой. Как только судно появилось в

атмосфере, с противоположной стороны планеты стартовали истребители Скаутов; они включили защитные экраны и стали приближаться к нему с четырех сторон. Потом накрыли его лучевой сеткой и стали ждать подкрепления. Вскоре над ними в воздухе появился дестроер Федерации.

Судно Девагас вырваться не смогло, и предпочло взорвать само себя.

И к этому они тоже были готовы. Через три минуты пилот Девагас был уже на столе у некромедиков. Покойник не знал ничего существенного, кроме точных координат укрепленного подземного купола Девагас, который находился в трех днях пути.

Корабли Скаутов в полном составе вылетели к нему. Более массивные военные суда Федерации следовали за ними. Эскадре не было нужды торопиться. Попытка захваченного судна Девагас передать предупреждение на базу была подавлена без особых усилий. Скауты вылетели достаточно быстро, чтобы блокировать все пути к отступлению.

— А теперь мы разделимся, — сказал специальный уполномоченный. Он был единственным человеком, подумала Триггер, который не казался возбужденным. — Квиллан, ты и твоя группа

отправитесь туда! Скауты смогут задействовать тебя там намного эффективнее, чем мы здесь.

В течение секунды Квиллан напоминал человека, которого разрывают на части. На Триггер он при этом не смотрел.

— Полагаете, разумно оставлять вас без охраны?

— Квиллан, — сказал специальный уполномоченный Тэйт, — первый раз в моей жизни кто-то заикается о том, что я нуждаюсь в охране.

— Простите, сэр, — произнес Квиллан.

— Вы хотите сказать, босс, — начала Триггер, — что мы не поедем? Мы просто останемся здесь?

— У тебя назначена встреча, помнишь? — сказал Тэйт.

Квиллан и компания через час уехали, а Мантелиш, Холати Тэйт, Лайд и Триггер остались в лагере.

На Лашесе стало очень одиноко.

* * *

— Парни не только надеются поймать здесь короля плазмоидов, — сказал Триггер спецуполномоченный. — Откровенно говоря, мне было бы наплевать, если бы это существо не нашлось еще пару тысяч лет. Но на прошлой неделе нам

поступило очень странное сообщение. Как ты догадываешься, тайные агенты Федерации последнее время очень пристально наблюдали за мирами Девагас и Транест. Так вот, суть этого сообщения заключалась в том, что уже в течение двух последних месяцев ни на одном из миров нет следов пребывания главных членов иерархии Девагас.

— Ох, — выдохнула она. — Ребята думают, что они здесь? В том куполе?

— Во всяком случае, подозревают.

— Но почему?

Он поскреб подбородок.

— Если кто-то и знал это, мне все равно не сказал. Вероятно, это плохие новости.

Триггер задумалась.

— А если иерархи использовали копии, — предположила она, — как Лайд.

— О, они, конечно же, их использовали, — сказал он. — И это одна из причин, для того, чтобы быть уверенными в их исчезновении. Иерархи накопили опыт в обращении с копиями так же, как и ребята с Транеста. Но небольшое изучение записей показало, что это были только копии.

Триггер снова задумалась.

— Федералы нашли что-нибудь на Транесте?

— Да. Один ударный эскадрон, состоящий из сверхмощных фрегатов класса «Авроры», но они позволены по договору и их можно не считать.

Триггер подперла рукой подбородок и посмотрела на Тэйта.

— Из-за всего этого мы и остались на Лашесе, мы вчетвером?

— Это одна из причин. Монстрик — вторая.

— Почему именно?

— У меня устойчивое ощущение, можешь называть его предвиденьем, — сказал он, — что когда в замаскированном куполе, возможно, отыщутся пропавшие иерархи, там не найдут образца 112–113.

— Итак, Лайд все еще в игре, — сказала Триггер. — И мы в игре, и от следующей партии мы возьмем больше, чем она, — она чуть помедлила. — Холати…

— Да?

— Когда вы решили, что будет лучше, если никто и никогда не сможет больше увидеть этого короля плазмоидов?

— Примерно тогда, когда увидел реконструкцию того желтого монстра Балмордана, — ответил Холати Тэйт. — На самом деле, Триггер, это было бы хорошей темой для обсуждения, но

только до того, как Скауты решили объявить об открытии Полнолуния. Если бы мы смогли задержать обнародование на пару столетий — до тех пор, пока в Ядре не станет значительно больше умных людей — мы, вероятно, так и поступили бы. Но какой-нибудь проныра все равно наткнулся бы на этот судьбоносный планетоид. И материал на станции действительно выглядел так, будто имеет огромную ценность. Так что мы рискнули.

— И теперь вам хотелось бы изменить решение?

— Если бы только это было возможно. Добрая половина Совета Федерации, скорее всего, против не будет. Но они даже подумать об этом не смеют. Может возникнуть свара, которая внесет такую сумятицу в политический калейдоскоп Ядра Звездного Скопления, какой не было уже лет сто, а то и все двести. Если что-то и будет предпринято, оно должно выглядеть так, будто ничего другого сделать было уже нельзя. И все равно, даже такое решение проблемы может выйти боком.

— Согласна с вами. Холати…

— Да?

Она покачала головой.

— Впрочем, ничего. Наверное, я спрошу вас

об этом позже, — она поднялась. — Думаю, надо пойти поплавать.

Она по-прежнему ходила по утрам к Речке Плазмоида. Летучая мышь была идентифицирована патологоанатомами как невинная жертва своего внешнего вида. Очень сдержанное животное, живущее преследованием и поеданием огромных, похожих на моль насекомых, которые тучами висели над водой. Лашес по-прежнему напоминал для такого энергичного существа, как хомо сапиенс, самый безопасный из всех возможных миров. Но теперь Триггер на всякий случай держала при себе «Дентон».

Девушка вытянулась в нагретой солнцем воде, выбрав перед этим гладкий камень и положив на него голову. Немного зарылась в песок, чтобы течение не сносило, и закрыла глаза. Она лежала неподвижно, дыша медленно и глубоко. С каждым утром контакт устанавливался все быстрее и легче. Но информация, которая появлялась в течение последних дней, вряд ли могла сделать ее счастливой.

Теперь она боялась смерти. Она почти позволила этой мысли проявиться в присутствии Холати Тэйта, который все равно не смог бы ей помочь. В будущем ей, без сомнения, следует контроли-

ровать себя.

Монстрик не сказал определенно, что ей предстоит умереть. Он сказал, «может быть». Монстрик тоже был напуган. Ужасно напуган.

Триггер лежала тихо. Ее мысли, ее внимание плавно текли в сознании, а вода речушки ласково колыхалась у щеки.

И все потому, что некие часы двигались так медленно. Этого нельзя было изменить. Никогда.

Глава 27

Прошло три дня, когда рано утром сигнал тревоги вынудил ее броситься обратно в лагерь. Пытаясь кое-как одеться на бегу, Триггер прокрутила в памяти события прошлых дней. К настоящему времени купол Девагас был полностью окружен, а его передатчики блокированы. Пленники не пытались связаться с нападавшими. Федеральный флот не планировал атаки, ребята ждали большого медлительного судна аварийной команды, которое очень осторожно и деликатно начнет разрывать и вскрывать купол сектор за сектором. Иерархи могли сдаться в любой момент. У них не было ни единого шанса. Никто и ничто не могло сбежать оттуда. Попутно

Скауты сбили несколько посудин Девагас; но те направлялись к другому куполу, располагавшемуся недалеко от главного.

Возможно, корабль пси-специалистов прилетел на несколько дней раньше срока.

Триггер вернулась в лагерь и обнаружила компаньонов внутри корабля. Специальный уполномоченный ходил взад-вперед по узлу связи и изучал провода питания.

— Что случилось? — спросила Триггер.

— Передатчики вышли из строя, — бросил он, не поворачиваясь. — Не знаю, по какой причине. Бери инструменты и помоги мне все проверить.

Она подчинилась и, надев изолирующие перчатки, присоединилась к Тэйту. Лайд и Мантелиш молча наблюдали за ними. Через несколько минут были найдены первые пятна плесени.

— Грибок! — воскликнул пораженный Мантелиш и похлопал по карманам. — Мой микротом…

— Он у меня, — Лайд передала прибор и посмотрела на биолога с беспокойством. — Уж не думаете ли вы…

— Хм, подобный вариант исключить нельзя… Мы заходили сюда вчера вечером, помните? Вернулись прямо из лаборатории.

— Но ведь мы же прошли обычную дезинфекцию, — озадаченно произнесла Лайд.

— Не пытайтесь войти сюда, профессор! — предупредила Триггер, заметив, как Мантелиш ринулся вперед. — А иначе вам придется пройти еще и дизэлектролизацию. Спецуполномоченный соскоблит образцы и передаст вам. Данная жизнеформа — если она то, о чем вы думаете, — ядовита?

— Она вполне безопасна для жизни, моя дорогая, — сказал профессор, — но губительна для точных механизмов! Именно поэтому мы были настолько осторожны.

— Значит, не были!

Холати Тэйт передал профессору Мантелишу соскоб серо-зеленой плесени. Тот склонился над образцом. Спецуполномоченный взглянул на Триггер:

— Деточка, не болтай, а лучше проверь электронный блок.

Она кивнула и влезла во внутренности передатчиков. Минуту спустя она объявила:

— Схемы заполонили это добро! И, естественно, как раз та часть, которую мы не можем ни заменить, ни восстановить. Это работа вашего монстра, профессор?

— Похоже на то, — несчастным голосом произнес Мантелиш. — Слава Галактике, у нас есть нейтрализатор, который удалит плесень с плат.

Триггер выскользнула из-под трансмиттеров, зажав в руке электронный блок.

— Тогда лучше его использовать, пока эта гадость не добралась до остальных приборов. Хотя блоку это уже не поможет, — она потрясла его — внутри что-то звякнуло. — Закоротило! — резюмировала она. — Плакала четверть миллиона ваших кредитов, босс.

Мантелиш и Лайд направились к шлюзу, чтобы принести нейтрализатор. Триггер стянула перчатки и последовала за ними.

— Возможно, пройдет много времени, прежде чем я вернусь, — предупредила она.

Спецуполномоченный хотел что-то сказать, но потом кивнул и снова с головой погрузился в трансмиттеры. Через несколько минут, громко пыхтя, вернулся Мантелиш с распылителями и канистрой нейтрализатора.

— По крайней мере, удачно, что ты захотел воспользоваться передатчиком сейчас, — сказал он. — Грибок мог бы наделать дел.

— Сомневаюсь, — возразил Холати. — Он, конечно, мог бы повредить максимум еще пару

устройств. Например, внутренние коммуникаторы. Основное оборудование защищено от вторжения активной биомассы. Как пользоваться распылителем?

Мантелиш показал.

Спецуполномоченный направил раструб распылителя в погибший блок и стал наблюдать, как медленно тает популяция зловредного грибка.

— Не видел случайно, куда пошли Триггер и Лайд? — спросил он.

— Что? — отозвался Мантелиш, пребывавший в состоянии рассеянной задумчивости. — Когда я заходил сюда, то видел, как они, болтая, спускались к лагерю, — вспомнил он. — Сходить за ними?

— Не волнуйся, — сказал Холати. — Они вернутся.

Девочки вернулись через полчаса. Обе были бледны и довольно напряжены.

— Лайд хочет кое в чем вам признаться, Холати, — произнесла Триггер. — Где Мантелиш?

— В своей лаборатории. Дремлет, как я полагаю.

— Это хорошо. Он нам здесь не нужен. Давай, Лайд. Только самое основное. Расскажешь детали после того, как мы улетим.

* * *

Три часа спустя катер Тэйта уже находился на приличном расстоянии от Лашеса. Он двигался в субпространстве и двигался с бешеной скоростью. Триггер зашла в секцию контроля.

— Мантелиш все еще дрыхнет, — сказала девушка. Она напоила профессора снотворным, чтобы избежать детальных объяснений. — Мне притащить Лайд из каюты, чтобы рассказала подробности этой истории или лучше дождаться, когда проснется профессор?

— Давай дождемся, — сказал Тэйт. — Он отойдет примерно через час, ему, наверное, тоже стоит послушать. Похоже, посменная навигация на этот раз выдастся еще тяжелее, чем дорога сюда.

Триггер кивнула и села рядом с ним в кресло перед контрольной панелью. Через некоторое время он повернулся и спросил.

— Как тебе удалось ее разговорить?

— Мы отошли недалеко в лес, я привязала ее к дереву и сломала две хворостины об первую задницу Транеста. Честно говоря, одолжила я эту здравую идею у старушки Мискаль… — неопределенно добавила Триггер. — Когда я взяла третью хворостину — Лайд изъявила желание про-

должить наше общение в виде диалога. Очень быстрого диалога. Я удовлетворила ее желание.

— Хм, — произнес спецуполномоченный. — Как считаешь, она лгала и в этот раз?

— Сомнительно. Я похлестывала по пухлой заднице время от времени, просто для того, чтобы удостовериться, что она не делает таких долгих пауз, пытаясь выкроить себе время для размышлений. Кроме того, я записывала результат нашего общения на карманный рекордер, и Лайд об этом знала. Если она допустит еще один промах до той поры, пока это дело не закончится, запись будет прокручена по новостному визору в общий эфир Ядра. Она скорее предпочтет потерять Транест, чем рискнуть тем, что эту запись обнародуют. Теперь врушка Эрметайн будет вести себя прилично.

— Н-да, — глубокомысленно сказал он, — возможно. По поводу той суббазы — тебе было бы более уютно, если б мы сначала завернули к куполу Девагас, и подобрали свой эскорт?

— Несомненно, — ответила Триггер. — Но это практически лишит нас любой возможности самостоятельно работать, ведь так?

— Боюсь, что так. Разведка Скаутов может зайти далеко. Но делать им этого нельзя. С другой

стороны, мы могли бы связаться с Квилланом лично. Он боец высшего класса.

— Мне кажется, — сказала Триггер, — что мы не должны рисковать своими планами, пока точно не узнаем, что собой представляет это существо.

— Ну, — сказал спецуполномоченный, — тут я с тобой согласен. Планами нельзя рисковать.

— Что будем делать с Мантелишем и Лайд? Нельзя, чтоб они узнали о них.

Спецуполномоченный указал кивком в угол.

— Биомодуль в кормовой каюте. Как только появится возможности что-то предпринять, засунем обоих туда. Думаю, потом я смогу придумать оправдание.

Триггер на мгновение замолкла. Лайд сказала им, что она послала «Аврору» охранять субпространственную станцию, на которой находится в настоящее время потерянный король плазмоидов, до тех пор, пока Первая Леди и эскадрилья с Транеста не смогут туда прилететь. Местоположение этой станции было наиболее ценной информацией, которую она выудила из Балмордана. Координаты сейчас были нанесены на навигационный экран спецуполномоченного.

— А что вы думаете по поводу эскадрильи Транеста? — спросила Триггер. — Может быть, Лайд

все-таки рискнула солгать, и они успеют долететь туда вовремя?

— Нет, — ответил Тэйт. — Ей нужно было сначала придумать убедительную легенду для нашей разведки — послать их куда-нибудь до того, как они покинут Ядро. Хорошо, если они долетят до суббазы недели через две. Теперь «Аврора» — если она вылетела на Лашес сразу же после того, как Лайд связалась с капитаном вчера вечером — даже при самом лучшем раскладе долетит туда не раньше, чем мы доберемся до станции. Я рассчитываю, что полет займет около четырех суток. Если они сразу же развернутся и направятся…

Триггер засмеялась.

— Можете поспорить на это! — сказала она. Спецуполномоченный использовал корабельную пушку для того, чтобы оставить координаты суббазы, написав их двадцатикилометровыми цифрами на плато, располагавшемся чуть выше Речки Плазмоида. Они оставили намного более детальную информацию в лагере, но существовала вероятность, что в спешке ее не заметят.

— Тогда они появятся на суббазе через четверо-пятеро суток после нас, — ответил на это спецуполномоченный. — Так что с ними никаких проблем. Но самые быстрые суда наших людей

могут долететь от купола Девагас меньше, чем за трое суток после сообщения поисковой партии с Лашеса, из которого они узнают, почему мы прекратили выходить на связь и куда улетели. Или даже корабль психологов Сервиса может прибыть на Лашес раньше поисковой команды и передаст им координаты.

— В любом случае, — подвела итог Триггер, — именно наши собственные парни могут стать проблемой.

— Вот именно. Я бы сказал, что после того, как мы доберемся до станции, нам просто необходимо двое суток плюс-минус несколько часов для того, чтобы сделать что-нибудь полезное. Конечно, теоретически кто-то мог бы прилететь на Лашес прямо сейчас и заинтересоваться теми координатами, что мы оставили, или прилететь в наш лагерь и обнаружить, что мы исчезли. Но, в конце концов, это маловероятно.

— В любом случае, мы не сумели придумать что-то пооригинальнее, — сказала Триггер.

— Да, не сумели. Если мы не справимся, то хоть кто-то кроме эскадрильи Транеста, Лайд и Девагас будет знать координаты станции. — Он покачал головой: — Ох уж эта Лайд! Я предполагал, что она знает, как обращаться с передатчиками, и дал ей

шанс. Но я и представить не мог, что она окажется настолько компетентной, чтобы ее при этом не шарахнуло высокое напряжение. — У Лайд есть таланты, — сказала Триггер. — Плохо только, что она выросла и воспитывалась в крысином гнезде. Вы проверили встроенные рекордеры?

— Естественно.

— Съедены плесенью, полагаю?

— Хуже не бывает, — сказал спецуполномоченный. — Ну, Лайд все равно прокололась на этом деле. Она устроила все это гораздо примитивнее, чем должна была. При ее-то уме!

— Мне кажется, она согласится с вашим мнением, — отозвалась Триггер.

Первым заданием для Лайд стало еще раз погрузить профессора Мантелиша в транс и рассказать, как он еще раз был загипнотизирован и использован в преступных целях Первой Леди Транеста. Они переждали приступ ярости, и только потом Эрметайн вернула его в сознание.

Он холодно смотрел на красавицу.

— Вы лживая тварь, Лайд Эрметайн! — объявил он. — В моих лабораториях не желаю вас больше видеть! Никогда. Ни под каким предлогом. Вам понятно?

— Простите, профессор, — сказала Лайд. — Мне

очень жаль, и я понимаю, что ваше решение непреклонно…

Мантелиш фыркнул.

— Как же, сожалеет она! Да, непреклонно! Только для того, чтобы удостовериться, что этого не случится снова, я изготовлю антигипнопилюли. Если только вспомню рецептуру…

— По счастливой случайности, — рискнула подсказать Эрметайн, — мне известен состав очень хорошего средства, профессор. Если вы позволите…

Мантелиш встал.

— От вас, мадам, я не приму никаких составов и рецептов! — ледяным тоном произнес он, и затем, уже выходя из каюты, он повернулся к Триггер. — И любых напитков от вас, Триггер Арджи! — прорычал он. — Кому вообще теперь можно верить в этой пропитанной ложью и интригами Галактике!

— Ради звезд, простите, профессор, — смиренно произнесла Триггер.

* * *

Через полчаса ученый достаточно успокоился для того, чтобы присоединиться к остальным и выслушать в исполнении Лайд Эрметайн увлека-

тельную историю под названием «Джесс Фэйл и утерянный король плазмоидов».

Итак, доктор Джесс Фэйл скончался вскоре после своего бегства из Системы Мэнон, где похитил образец 112–113. Вместе с. ним умерли все члены экипажа, находившиеся на борту транспортного корабля Университетской Лиги. Возможно, будет проще рассказать начало истории, предложила Первая Леди, с точки зрения плазмоида.

— С точки зрения плазмоида? — перебил рассказчицу профессор Мантелиш. — В таком случае выходит, что плазмоид разумен?

— О да. Еще как.

— Он обладает самосознанием?

— Определенно.

— Ого! Но тогда…

— Профессор, — в свою очередь, вежливо прервала его Триггер, — могу я принести вам чего-нибудь выпить?

Он впился в нее взглядом и зарычал, как раненый вепрь, но потом усмехнулся:

— Ладно, молчу, молчу, молчу.

И Лайд продолжила.

* * *

Доктор Фэйл возобновил эксперименты с образцом 112–113 почти сразу после того, как остался с ним наедине. И первое, что он попытался предпринять, это отделить меньшую секцию 113 от основной. Суть в том, что доктор Фэйл не просчитал всех последствий своего преступления. Функция 113-го состояла в том, чтобы ограничивать своего более крупного партнера и противодействовать ему. Их создатели из Старой Галактики, видимо, знали об опасности потенциальных возможностей своих наиболее продвинутых творений, поэтому и использовали именно такой способ нейтрализации. Он оказался достаточно надежен, и это доказывает тот факт, что за все тридцать тысяч лет после исчезновения Старой Галактики плазмоид 112-и оставался под контролем и успешно выполнял свои функции на Полнолунии.

Но ему не нравилось быть под контролем.

И он был очень хорошо осведомлен о возможностях, предлагаемых новыми жизнеформами, которые недавно объявились на планетоиде.

В один прекрасный момент существо обнаружило, что оно стало свободным, и попыталось

взять под свой контроль сознание окружающих людей.

— Биоробот, контролирующий сознание?! — воскликнул пораженный Мантелиш: — Это неслыханно! Мы, конечно, допускали, что такое возможно… Но контроль над человеческим сознанием?!

Лайд кивнула.

— Этот образец может входить в контакт с человеческим разумом, — сказала она, — хотя, к счастью, он способен делать это в пределах довольно небольшого радиуса. Немного меньше пяти километров, как уже позже определили Девагас.

Мантелиш покачал головой и нахмурился. Повернувшись к спецуполномоченному, он решительно заявил:

— Холати, в таком случае я полагаю, что это создание может представлять чрезвычайную опасность!

На мгновение все повернули головы к нему. Спецуполномоченный кашлянул.

— Вполне возможно, Мантелиш, — допустил он. — Мы обдумаем это позже.

— А что именно, — спросила Триггер Лайд, — послужило причиной смерти экипажа судна

Фэйла?

— Попытка управлять ими, — ответила Лайд. — Доктор Фэйл умер, как только вышел из лаборатории с образцом 113. Остальные скончались там, где находились в тот момент. Судно, летевшее в субпространстве без пилотов, врезалось в очередную гравитационную призму, и передняя его часть расплескалась, даже не на атомы, а на элементарные частицы. В отличие от кормовой, которая практически не пострадала, поскольку была отстрелена пиропатронами в момент катастрофы.

Детекторы на корабле Девагас известили о факте крушения трое суток спустя. Ответственным иерархом на этом судне был Балмордан.

Девагас в то время испытывали такой же «плазмоидный голод», как и все остальные, и точно знали, что, скорее всего, не смогут удовлетворить его в течение следующих нескольких десятилетий. Авария судна Университетской Лиги в области Мэнона привлекла к себе внимание.

Если бы большой плазмоид не был способен к анализу своих ошибок, отряд с судна Девагас постигла бы печальная участь экипажа Фэйла. Но так как он был способен к самообучению, отряд остался жив. Девагас обнаружили человеческие

останки и разрушенный образец 113. А потом в субсекции был найден большой плазмоид, живой и невредимый, но крайне озадаченный ситуацией, в которую попал.

Существо уже предприняло первую попытку решить свои проблемы. Оно было неспособно к активному движению и не могло изменить собственную структуру, но зато больше не было одиноко. Оно создало небольшого рабочего плазмоида со зрительными органами и двигательным аппаратом, настолько же безразличное к субпространству, как и его создатель. Когда отряд натолкнулся на эту парочку, рабочий плазмоид, очевидно, пытался произвести какие-то операции над замороженными, съежившимися мозгами трупов.

Балмордан, несомненно, являлся выдающимся ученым Девагас. До него не сразу дошло, свидетелем чего он стал, зато осознал, насколько важно в этом разобраться. Он переправил плазмоидов и мертвые тела — объекты приложения их исследований — на свой корабль и стал наблюдать за манипуляциями существ.

Рабочий плазмоид, будучи выпущенным на волю, немедленно вернулся к своему заданию, которое и завершил. Затем Балмордан и, вероят-

но, сами плазмоиды стали ждать. Но ничего не произошло. В конце концов, Балмордан вскрыл мозг мертвеца. Он обнаружил нечто похожее на микроскопические энергетические приемники, выполненные из того же вещества, что и плазмоиды. Ничто не говорило о том, какой вид энергии они должны были принимать.

Ученые Девагас, если они входили в иерархию, имели огромное преимущество перед большинством своих коллег из Федерации. У них просто не было недостатка в добровольцах для экспериментов. Балмордан назначил трех наименее ценных членов команды добровольцами для экспериментов плазмоидов.

Первый умер практически сразу. Оказалось, что кроме всего прочего, плазмоид ничего не смыслит в необходимости анестезии. Так что во время второй операции Балмордан любезно взял на себя роль ассистента.

Для него явилось приятным сюрпризом, что его помощь принимается охотно и осознанно. Доброволец умер не сразу. Но он не пришел в сознание после того, как ему в мозг были имплантированы устройства плазмоида; через несколько часов он скончался в страшных мучениях.

Номеру три повезло больше остальных. Он

очнулся и начал жаловаться на головные боли, а после того как поспал — на ночные кошмары. На следующий день он на несколько часов впал в кому. Когда снова пришел в себя, то с дрожью рассказал, что с ним разговаривал большой плазмоид, хотя доброволец не понял, о чем именно. Было еще две экспериментальных операции, обе удачные. Во всех трех случаях головные боли и кошмары прекратились примерно через неделю. Первый подопытный начал, наконец, понимать плазмоида. Балмордан слушал и записывал его отчеты.

У ученого Девагас было три выживших добровольца, прошедших всесторонние физические и психологические тесты. Казалось, они находились в великолепной форме.

Тогда Балмордан решил подвергнуть операции себя. Когда он очнулся, то первым делом избавился от трех своих предшественников, а затем посвятил все свое внимание изучению того, что пытался сказать ему плазмоид. Примерно через три недели Балмордан начал его понимать…

Плазмоид установил контакт с людьми, потому что нуждался в их помощи. Ему нужна была база, подобная Полнолунию, с которой можно действовать и на которой имеются все необходимые

условия для работы. Сам он не мог построить такую станцию.

Поэтому биоробот сделал Девагас предложение: он работает на них, как раньше работал на Старых Галактиан, если Девагас, в отличие от прежних хозяев, поработают на него.

Балмордан, мгновенно ставший лицом первостепенной важности, передал это предложение в иерархию. Оно было принято без пререканий, но от Балмордана потребовали не привозить обнаруженное чудовище в Ядро. Ведь если его обнаружат в мире Девагас, иерархия должна будет выбирать между войной с Федерацией или унижением строгого контроля с ее стороны. Альтернативы у Девагас не было; они уже проиграли три войны с федеративными мирами, и каждый раз их сила уменьшалась.

Они связались с Независимым Флотом Вишну. Корабль Балмордана находился недалеко от территории Вишну, и, к тому же, Девагас раньше уже имели дело с Флотом и его людьми. На сей раз они наняли I-Флот в качестве временного опекуна плазмоида. Через несколько дней Флот остановился у Лашеса, где и занялся малосущественными экспериментами, которые спустя некоторое время озадачили профессора Манте-

лиша.

Тем временем Девагас усиленно трудились, чтобы завершить конструкцию, которая должна была стать центром нового альянса. На удаленной от Ядра базе, практически невидимой и спрятанной в эпицентре гравитационных вихрей и непостоянных зон субпространственных бурь, монстр мог стать очень ценным партнером. Если его обнаружат, то от сотрудничества можно будет отречься, как и от факта, что станцию выстроили в секретном режиме для плазмоида, что само по себе являлось грубым нарушением договоренностей Федерации.

Итак, в трех сутках лета флотские выстроили станцию и укрепленный подземный купол для наблюдения. Плазмоид принял новое жилище и вскоре потребовал новых людей из Флота Вишну для дальнейших экспериментов.

Иерархи с неизменным удовольствием удовлетворили его пожелание — нужно же было каким-то образом избавляться от слишком информированных наемников.

Получив экспериментальный материал, плазмоид попросил Девагас некоторое время держаться подальше от станции.

Глава 28

Девагас, продолжала Лайд, не были слишком довольны растущей независимостью своего союзника, но, тем не менее, горели желанием увидеть прогресс в работе альянса. В качестве доказательства своей необходимости монстр сотворил для них различных рабочих плазмоидов, для каждого из которых была предусмотрена своя сфера приложения сил.

— Каких именно? — спросила Триггер.

Деталей Лайд не знала, но некоторые из биороботов продемонстрировали способности, внушающие любому здравомыслящему человеку серьезные опасения. Тем не менее, эти возможности были такими, какие привлекали иерархию больше всего.

Мантелиш задумчиво пожевал губу и покачал головой.

— Нехорошо, — сказал он. — Как нехорошо! Мне начинает казаться… — он замолчал. — Продолжайте, Лайд.

Теперь иерархи приступили к рассмотрению необычной просьбы плазмоида, переданной сразу, как только Балмордан смог ее распознать.

Просьба заключалась в том, чтобы найти и уничтожить плазмоида 113-А.

Янтарные глаза Эрметайн посмотрели на Триггер:

— Могу ли я…

Триггер кивнула.

И еще одного определенного человека. Девагас выяснили, что этим человеком была Триггер Арджи.

— Что?! — густые брови Мантелиша взлетели вверх. — Ну, почему 113-А, понять можно — существо боится снова оказаться под контролем. Но почему Триггер?

— Потому что, — осторожно произнесла Лайд, — 112-и знал, что 113-А пытался сделать из Триггер свой рупор.

У Мантелиша отпала челюсть. Он повернул голову к Триггер:

— Это правда?

Она кивнула:

— Да, правда. Мы работали над сотрудничеством со 113-А, но продвинулись не слишком далеко. Позже я вам расскажу. Продолжай, Лайд.

Естественно, Девагас не стали действовать так, как наивно предполагал король плазмоидов. Из всего, чего он боялся, они могли извлечь боль-

шую пользу. Вместо этого они стали готовиться захватить сразу и 113-А, и Триггер Арджи. В таком случае они получали бы серьезное преимущество в своем сотрудничестве с сомнительным партнером. Но очень скоро они выяснили, что Триггер и 113-А не так-то легко заполучить.

И тогда Балмордан посоветовал изменить тактику. Иерархия позаботилась о том, чтобы у 112-го был не один рупор; соответственно, Балмордан потерял былую значимость и всеми правдами и неправдами стремился ее вернуть. Он предложил направить все силы на захват 113-А. А когда дело будет сделано, он сам вызовется добровольцем и станет его первым рупором. А Триггер Арджи нужно не захватывать, а убить из-за информации, которой она владеет — это сделать гораздо проще, чем похитить.

Предложение было принято, и Балмордан получил все полномочия для выполнения обеих операций. Мантелиш снова начал мотать головой.

— Нет! — вдруг громко сказал он и посмотрел сначала на Лайд, затем на Триггер. — Триггер! — произнес он.

— Да, слушаю вас? — сказала Триггер.

— Уведите эту лживую тварь в каюту, — прика-

зал Мантелиш. — И заприте ее. Я должен сказать кое-что спецуполномоченному.

Триггер поднялась.

— Хорошо, — сказала она. — Пошли, Лайд.

И женщины покинули зал. Мантелиш встал, подошел к специальному уполномоченному и взялся за лацканы пиджака.

— Холати, дружище! — с чувством начал он.

— Что случилось, старина? — осведомился спецуполномоченный.

— То, что я сейчас скажу, — прогрохотал голос Мантелиша, — тебя потрясет.

— Вряд ли! — усомнился спецуполномоченный.

— Потрясет, — сказал Мантелиш. — Я уверен, что плазмоид 112-и, несомненно, имеет практически безграничную ценность для цивилизации.

— Несомненно, — согласился спецуполномоченный.

— Но еще, — продолжил Мантелиш, — он представляет собой практически безграничную опасность для цивилизации.

— Мантелиш, успокойся!!! — возопил спецуполномоченный.

— Но это так. Ты не разбираешься в этом так, как я. Холати, этого плазмоида необходимо уни-

чтожить! Желательно тайно, если это возможно. И мы должны сделать это сами!

— Мантелиш! — задохнулся спецуполномоченный. — Ты не можешь говорить о преступлении серьезно!

— Я очень серьезен.

— Что ж, — сказал Тэйт, — присядь. Я готов выслушать твои соображения.

* * *

Тренировки в космической броне занимали далеко не первое место в переполненном расписании занятий Колониальной Школы. Но Холати распечатал один из двух сверхмощных комбинезонов; и когда Триггер не была занята управлением, когда не ела, не спала или не суетилась по хозяйству на камбузе с Лайд и Мантелишем, они оба тренировалась.

Девушка не слишком часто заходила в рубку управления. Когда она там появлялась, они с Тэйтом сразу же выходили на поверхность и продолжали полет в обычном пространстве. Но Лайд оказалась квалифицированным субпространственным пилотом, что, в общем-то, не явилось большой неожиданностью. Еще меньшей неожиданностью оказалось то, что она уже

тщательно изучила управление кораблем Тэйта. Несколько часов инструкций, и, она уже несла вахту вместе со специальным уполномоченным на менее тяжелых участках пути. Правда, в этом секторе пространства легких участков не было.

В свободное от выполнения служебных обязанностей время Лайд лежала на койке и размышляла.

Мантелиш пытался быть полезным.

Монстрик, наверное, тоже размышлял. Он старался не обращать на себя внимание.

Время текло, отрезки пути становились все более сложными. За последние десять часов спецуполномоченный не сдвинулся с места управления. Лайд снова заперли в ее каюте, поскольку приближался переломный момент. В обычном пространстве датчики должны были легко обнаружить станцию. И вот детекторы дали редкие, расплывчатые, неуверенные показания, что где-то в энергетических завихрениях вокруг них таится нечто материальное. Казалось, будто они крадутся сквозь густые джунгли к месту, где прячется в засаде опасный зверь.

Они слегка отклонились от курса и проскользнули между двумя громадными гравитационными смерчами. Детекторы ожили.

— Корабль! — воскликнул спецуполномоченный и выругался. — Фрегат, — добавил он через секунду. Повернувшись к Триггер, он сказал. — Приведи Лайд! Они выходят на связь. Пусть поговорит с ними.

С бешено стучащим сердцем Триггер побежала за Лайд. Когда обе вернулись, Тэйт включил коротковолновый коммуникатор.

— Это «Аврора»? — спросил он.

Лайд посмотрела на очертания на датчиках.

— Да! — побледнела она.

— Поговори с ними, — приказал он. — Знаешь код?

— Конечно, — Лайд села за коммуникатор. Руки у нее некоторое время дрожали, но затем успокоились. — Что я должна сказать?

— Для начала выясни, что случилось. Почему они здесь до сих пор. А импровизировать потом будем. Заставь их включить изображение, если сможешь.

Пальцы Лайд запорхали над клавишами. Коммуникатор подал сигнал, говорящий о том, что прямой контакт установлен.

— «Аврора», выйдите на связь. Это Эрметайн, — произнесла ровным голосом Лайд.

Пауза, странно долгая пауза, подумала Триггер.

И затем раздался голос:

— Да, Первая Леди?

Глаза Лайд расширились на миг.

— Капитан, включите изображение! — в ее голосе послышались командные нотки.

Снова пауза. Затем в коммуникаторе возник интерьер рубки управления «Авроры». Перед экраном сидел темнобородый мужчина в кителе; лицо его странно бугрилось. Капитана окружали люди в такой же униформе. Триггер услышала, как Эрметайн втянула в себя воздух, и повернулась, чтобы понаблюдать за ее лицом.

— Почему вы не выполнили инструкции, капитан? — ее голос оставался по-прежнему спокойным.

— Проблемы с двигателями, Первая Леди.

Лайд кивнула.

— Прекрасно. Будьте готовы получить новые инструкции.

Она выключила коммуникатор и резко повернулась к спецуполномоченному.

— Уводите нас и как можно быстрее! — сказала она с белым, как полотно, лицом. — Это не мои люди.

Вокруг катера забушевало пламя. Спецуполномоченный врубил аварийный выход из субпро-

странства. Пламя исчезло, повсюду засверкали звезды. Сила двигателей швырнула их вперед. Двенадцать секунд спустя они повернули и снова вошли в подпространство.

— Кажется, ты была права! — сказал специальный уполномоченный. Он приглушил двигатели и поскреб подбородок. — И кто же это был в таком случае?

* * *

— Абсолютно все было неправильным! — говорила все еще очень бледная Лайд. — В особенности, их лица. Они были деформированы! — она посмотрела на Триггер. — Ты видела?

Триггер кивнула. Она подозревала, что и сама выглядит не лучше.

— Только капитана, — сказала она. — На остальных я не смотрела. Казалось, будто лоб и щеки у него сейчас лопнут!

На короткое время повисла тишина.

— Мда, — произнес спецуполномоченный, — похоже, плазмоид провел еще один эксперимент. Вопрос в том, как он до них добрался?

Ответа на это не было. Лайд рассказала, что «Авроре» был отдан строгий приказ: не появляться в непосредственной близости от станции. Целью

корабля было только наблюдать и отчитываться обо всем происходящем. Лайд не могла даже на секунду допустить, что экипаж ослушался ее приказа.

— Это все контроль над сознанием, — подвела итог Триггер. — Вероятно, плазмоид нашел способ добраться до них.

По выражению лиц присутствующих она поняла, что эта мысль приходила и к ним, но им она не понравилась. Что ж, Триггер от нее тоже в восторг не пришла.

Было высказано еще несколько идей, но ни одна из них не казалась особо ценной.

— Понимаю, что всем хочется поскорее удрать отсюда, — наконец произнес спецуполномоченный, — но единственное, что мы должны сделать — это, как ни странно, вернуться в субстанцию и помериться силами с фрегатом. Мы не можем рисковать и шпионить за станцией, пока «Аврора» находится там, готовая ударить в любой момент нам в спину.

Мантелиш вздрогнул.

— Холати, — предостерег он, — но это же военный корабль!

— Мантелиш, — холодно отозвался специальный уполномоченный, — то, в чем ты летишь,

тоже не байдарка, — он посмотрел на Лайд: — Я думаю, ты почувствуешь себя гораздо счастливей, если не будешь заперта в своей каюте во время этой разборки?

Лайд устало улыбнулась:

— Спецуполномоченный, вы правы как никогда!

— Тогда оставайся на месте, — сказал он. — Начинаем рекогносцировку!

И они начали маневр. Чтобы снова обнаружить «Аврору», потребовался час, — наверное, потому, что фрегат тоже искал их. Так или иначе, но детекторы ожили.

Орудия корабля сразу же дали залп. На экранах бешено заволновалось подпространство. Триггер в течение нескольких мгновений смотрела на мониторы, затем сглотнула и уставилась в пол.

Независимо оттого, что плазмоид сделал с экипажем корабля, он, казалось, не потерял своей способности сражаться. Военные действовали очень быстро. Но и бывший командир эскадрильи Космических Скаутов Холати Тэйт тоже не успел зарыть в землю свой талант. Да, на фрегате было гораздо больше орудий, чем на катере, а вот бомбардиры подкачали. И корабль Тэйта был быстрее. Через четыре минуты и шестнадцать

секунд после первого залпа «Аврору» разнесло на куски.

* * *

На оторванной части корпуса «Авроры», которую спецуполномоченный в данный момент внес в шлюз, имелось три узких отверстия размером с полсантиметра, впоследствии чем-то закупоренных. Из анализа, проведенного профессором, стало понятно, что это вещество, из которого состояли плазмоиды.

— На другом обломке есть еще два отверстия, — сказал спецуполномоченный, погруженный в свои мысли. — Если взять это за среднее число, то мы получим несколько тысяч таких выбоин. Давайте-ка присмотримся получше.

При помощи гравикрана они с Мантелишем притащили в лабораторию корабля дырявый лист обшивочной стали. Лайд снова заперли в каюте, а Триггер заступила на вахту в кабине управления и с тоской начала рассматривать звезды в обычном пространстве.

Полчаса спустя мужчины прошли и присоединились к ней. Они казались озабоченными.

— Неважная картина получается, деточка, — сказал спецуполномоченный. — Что бы ни

проделало эти дырки, оно заделывало их за собой по ходу продвижения. Как это отразилось на экипаже, мы не знаем. Мантелиш думает, что это можно сравнить с экспансией микроорганизмов. Но на самом деле это не важно. Оно расправилось с ними.

— Надо же, какие огромные микробы! — присвистнула Триггер. — Почему же отражатели метеоритов их не остановили?

— Если корабль лег в дрейф, а эти неопознанные существа подплывали к нему медленно и не все сразу…

— Ага, понятно. Такое приближение не могло активизировать отражатели. Значит, если мы продолжим движение…

— Именно это, — отозвался спецуполномоченный, — я и имел в виду.

Глава 29

Триггер ничего не могла с собой поделать, и продолжала пялиться на станцию. Надо сказать, это было невероятное зрелище.

На первый взгляд можно было подумать, что обычные бригады из людей-строителей смонтировали станцию стандартного типа. Огромную,

массивную, правильной сферической формы. Но так можно было подумать лишь из-за строительного материала, проглядывающего в пушечных портах. Все остальное было покрыто огромным количеством исходного вещества, которое плазмоид добавил к конструкции.

По всей этой черной, шероховатой, подобной лаве поверхности ползали, вздымались и извивались плазмоиды. Их были многие тысячи, возможно, несколько сот различных типов. Это напоминало влажный, черный, гнилой пень, на котором и в котором роились личинки, мокрицы, муравьи и прочая живность.

Ни Триггер, ни мужчины ничего не сказали по поводу внешнего вида станции. Единственное слово, которое подходило под описание, было «отвратительно».

Поверхностные плазмоиды полностью игнорировали катер. Они не уделили должного внимания даже осветительным ракетам, которыми спецуполномоченный осветил неровную поверхность станции. Но в течение двух часов после прибытия к конечной цели метеоритные отражатели корабля не выключались. Сначала раздался случайный сигнал, затем почти непрерывное постукивание, и, наконец, непрерывная

барабанная дробь, вызвавшая на мониторах отражателей тучи крошечных искр, кружащихся в безумном танце. И вдруг все разом прекратилось. Либо просто король плазмоидов истощил запасы своего специфического оружия, либо предпочел сохранить то, что у него осталось.

— Таким способом он может тестировать свои пушки, — пробормотал специальный уполномоченный.

Триггер подумала, что Холати выглядит очень несчастным.

Он развернул катер, увеличил скорость, вернулся и слегка стукнул кораблем станцию. Затем рванул прочь от двух оружейных амбразур с быстротой, подтверждающей факт, в котором были практически уверены все четверо — что орудия действуют автоматически. Для станции таких размеров орудия выглядели слишком слабомощными. Девагас, очевидно, были достаточно умны, чтобы не давать плазмоидам еще и этого артиллерийского преимущества.

Специальный уполномоченный сделал пробный выстрел в один из черных выступов. Возникла небольшая огненная воронка, но очень скоро она потемнела. Из самого большого отверстия недалеко от какого-то пня — если, конечно,

данную конструкцию можно было назвать пнем — быстро выползло нечто напоминающее длинного, красного червя. Оно скользнуло по поверхности конструкции к поврежденному участку и склонилось над воронкой. Из переднего конца существа заструился черный материал. Плазмоид ползал по воронке взад-вперед. Потом на помощь пришли другие. Кратер начал наполняться черным.

Катер дал задний ход и вынырнул на поверхность. Обычное пространство выглядело таким чистым, прекрасным, уютным и спокойно светлым. Никто, кроме Лайд, не спал уже в течение больше двадцати часов.

— Что вы скажете по этому поводу? — спросил Тэйт.

Приглушенными голосами четверка обсудила увиденное. Плана ни у кого не было. Все были уверены только в одном — людей из Флота Вишну и всех остальных, кто находился на станции, уже не было в живых, когда она превратилась в короля плазмоидов, Если, конечно, с ними не случилось чего-то похуже, чем с экипажем «Авроры». Катер прошел достаточно близко от самого большого отверстия, похожего на широко открытый темный рот, из чего следовало, что

чернота уходит далеко вглубь станции. Станция была открыта настежь и обезвоздушена, как и планетоид Полнолуние, до прихода людей.

— Некоторые из существ там, внизу, — сказал спецуполномоченный, — имели приспособления, позволяющие им взломать любой бронированный комбинезон. Многие из них крупны, многие быстры. Если бы мы попали вовнутрь, то потеряли бы маневренность. Это в том случае, если бы космические термиты не добрались до нас прежде. Так что комбинезоны отпадают, — он был азартным игроком, а игрок всегда должен иметь в виду самые неожиданные возможности противника.

— А что мы можем сделать с имеющимся у нас оружием? — спросила Триггер.

— Не слишком много. Оно не предназначено для осады крепостей. А царапины по поверхности не принесут плазмоидам большого вреда. Мы можем немного расширить отверстие, и, когда это будет сделано, я смогу запустить туда термическую бомбу. Но если мы пойдем таким путем, то только от косоглазой мадам Фортуны зависит, сможем ли мы покончить с этим гадюшником. С дюжиной бомб мы смогли бы подорвать станцию. Но у нас столько нет.

Члены осадного комитета задумчиво кивнули.

— Самое худшее в сложившейся ситуации, — продолжил председательствующий Тэйт, — это совершенная очевидность наших действий. Совет прав, волнуясь о том, что здесь происходит. Транест и Девагас знают, что тут. А вот если Федерация не узнает про короля плазмоидов, то оба флота застанут Совет врасплох. Или же мы ввергнем Ядро Звездного Скопления в кровопролитную долголетнюю войну, которая начнется, возможно, даже в ближайшие несколько часов.

Мантелиш и Триггер снова кивнули. Еще более задумчиво.

— Тем не менее… — вдруг начал Мантелиш, но сдержался.

— Ты прав, — подтвердил спецуполномоченный, — зверушки внизу не могут быть оставлены на свободе, вот и все! Существо все еще ставит эксперименты. И мы не знаем, до чего оно способно дойти. Так что, думаю, мы все же испытаем орудия и бомбу, а потом посмотрим, что можно еще сделать… Ну-ка, сколько у нас осталось времени? Девять или десять часов… Первые парни должны появиться сразу после истечения этого срока. Хотя, возможно, случилось нечто, о чем мы не знаем, и они объявятся здесь уже через

полчаса. Но мне просто необходимо отключиться прямо сейчас и подремать минуток двести. А затем мы снова задействуем наше серое вещество. Наверное, тогда у кого-нибудь появится что-то вроде идей. Что скажете?

— А где, — спросил Мантелиш, — будет дрейфовать катер, пока мы спим?

— В субпространстве, — сказал спецуполномоченный и заметил выражения их лиц. — Не волнуйтесь! Я включу всю возможную защиту. И спать буду в кресле пилота. Но если кто-нибудь появится здесь раньше, мы должны быть рядом и рассказать им о космическом термитнике.

* * *

Триггер не подозревала, что сможет заснуть в столь странном месте. Но впоследствии она даже не смогла вспомнить, как вытянулась на койке.

Она проснулась меньше чем через час, чувствуя себя чрезвычайно неуютно. С ней разговаривал Монстрик.

Она села и испуганными глазами осмотрела темную каюту. Через секунду встала с койки и пошла по коридору к залу и кабине.

Холати Тэйт с закрытыми глазами лежал, согнувшись в кресле, дыша медленно и ровно.

Триггер протянула руку, чтобы коснуться его плеча, но тут же отдернула. На мгновенье она взглянула на экран, где была видна станция плазмоидов, медленно поворачивающаяся по ходу их кругового движения. Триггер заметила, что один из сигнальных огней, которые они запустили туда, погас — или его потушил прошедший смерч. Она еще раз бросила взгляд на монитор, повернулась и пошла назад через зал и коридор по направлению к каютам; прошла мимо бронированных комбинезонов и даже не посмотрела на них. Затем открыла дверь каюты Мантелиша и заглянула — профессор растянулся на койке прямо в одежде и дышал размеренно и медленно.

Триггер закрыла дверь. Лайд, наверное, не спит, подумала она, пересекла коридор и отперла дверь каюты Эрметайн. Свет в каюте был включен, но Лайд тоже спокойно спала, лицо ее было расслаблено. Во сне она выглядела совсем молодой.

Триггер поднесла кулак ко рту и сильно прикусила костяшки пальцев. Потом безо всякой видимой причины нахмурилась, заперла дверь каюты и вернулась в кабину пилота. Присела у коммуникатора, еще раз посмотрела на станцию плазмоидов, встрепенулась и подошла к креслу спецуполномоченного. Постояла, глядя на него.

Спецуполномоченный не проснулся.

И тогда Монстрик снова сказал это.

— Нет! — отчаянно прошептала Триггер. — Я не сделаю этого. Не могу. Ты не заставишь меня!

Наступило безмолвие. И в этом безмолвии стало понятно, что никто не пытается заставить ее что-то сделать.

Безмолвие просто ждало.

Она всхлипнула.

Так вот оно что.

— Хорошо, — произнесла она, — я согласна.

* * *

Бронированный костюм выпустил тройной световой луч в приближающуюся к ней широко открытую, черную, влажную пасть. Пасть была гораздо шире, чем казалась с экрана монитора. Далеко за спиной Триггер бессмысленно полыхал огонь единственного орудия, отреагировавшего на нее. Создания плазмоида не знали, что костюм нужно остановить, поэтому рядом с ней сейчас никого не было. А вот плазмоиды как раз это знали.

В черной пасти кишели мерзкие создания, словно черви в гниющем черепе. Часть этой живой массы перелилась через край липкой, ползущей,

пульсирующей волной. Триггер переключила режим управления полетом. Наверное, она приближается слишком быстро. Но ей нужно попасть в отверстие за этой массой.

Внезапно перед ней открылась пасть. В левой руке Триггер сжимала плазменный излучатель. Она послала сдвоенный ослепляющий белый луч, который пробил дрожащую массу и, заодно, поджег. Перед несущейся в пасть Триггер порождения станции горели, рассыпались, взрывались и откатывались волной.

— Ты очень спешишь! — с тревогой сказал Монстрик. — Очень, очень спешишь!

Она знала это. Но не могла заставить себя действовать медленнее. Триггер, облаченная в бронированный костюм, врезалась в кучу корчащихся от громадной температуры плазмоидов и от удара отлетела вверх. А она все двигалась и двигалась, без остановки давя на панель управления полетом.

Затем девушка на мгновенье прикрыла глаза, а когда снова их открыла, костюм завис чуть выше неровной поверхности, наполовину развернувшись к выходу из пасти. До покрытого копотью потолка было метров семь-восемь.

Плазмоиды роились повсюду. Лучи фонаря

скользнули по плотным копошащимся рядам. Толстые и извилистые тела; бесчисленные существа, скребущие потолок; выдвигающиеся отростки и раскрытые пасти; постоянное движение, из которого глаза Триггер не могли вычленить ничего похожего на какую-нибудь знакомую или хотя бы определенную форму. Некоторые плазмоиды плавились всего в десятке метров от скафандра, но, хвала звездам, все они оставались там. Ближе не придвигались.

Она медленно отлетела подальше от входа. Кольцо вокруг нее замкнулось, но сжиматься не стало.

Монстрик считал, что сможет справиться.

— Как именно? — спросила она мысленно.

В голове у Триггер появился план, и девушка слегка повернулась и заскользила вперед. Нельзя сказать, что существа расчищали ей путь, но они медленно расступались. Те, которые еще могли двигаться. Некоторые просто не были созданы для этого. Триггер облетела огромную тушу, в которую с глухим звуком врезался костюм, и бледно-голубой глаз размером в пятнадцать сантиметров уставился на нее.

— Глаза-то зачем?! — раздался удивленный голос у нее в голове.

Триггер бросила взгляд на монитор заднего вида и заметила, что позади нее расступившиеся было плазмоиды снова собираются и смешиваются с теми, что преследовали ее. Опять же в десятке метров за спиной!

Монстрик выполнил свое обещание.

Пока о себе не давало знать никакое оружие. Если пушки все-таки заговорят, то это станет проблемой Триггер и ее костюма. Наверное, король плазмоидов сейчас сожалеет, что растратил весь человеческий материал. Хотя все могло быть и не так; этот материал, вероятно, был вживлен в тех существ, что в данный момент следовали за ней и перекрыли путь отхода.

Казалось, что чернота снизу и сверху будет тянуться бесконечно. Девушка по-прежнему медленно продвигалась. Наконец свет выхватил место, где низкие стены сходились в одной точке. Именно туда скользил комбинезон. Там, похоже, имелся узкий проход к центру станции.

И он был плотно забит телами плазмоидов.

* * *

Стальными зажимами костюм расшвырял их одного за другим. В плазмоидах не было жесткости — они лопались, разбрызгивая тягучую

желтую жидкость, сминались как разорванные воздушные шарики, деформировались как пластилиновые фигурки. Но на место отброшенных плазмоидов ползли другие извивающиеся гигантские черви и снова запечатывали проход. Как только костюм, дав задний ход, отлетел, они остановились; и опять поползли, как только он вернулся и начал растаскивать их снова.

В конце концов, Триггер удалось проскользнуть между сплетенными телами красных червей. Конец прохода оказался запечатан тоже.

Решение проблемы не потребовало усилий. Сверкнули дымные полосы излучателя, оставив отблески на костюме. О, святые звезды, коридор освободился, прежде чем костюм пошел на таран. Триггер двинулась вперед и очутилась…

Она понятия не имела, где очутилась. Это походило на черный туман, становящийся все плотнее по мере ее продвижения. Световые лучи, казалось, ослабели, а затем и вовсе погасли, хотя индикаторы батарей по-прежнему изумрудно светились.

— Монстрик! — мысленно крикнула она.

Монстрик никак не мог помочь развеять эту мрачную темень, только подсказал направление. Казалось, она впитывается в тело прямо через

зрачки. Скользкими от пота пальцами девушка обхватила рычажок скорости. Единственное, что она могла чувствовать, так это движение вперед.

Некоторое время спустя костюм глухо стукнулся обо что-то вроде барьера — такого огромного, что сначала Триггер не была уверена, что это все-таки барьер. Она полетела вдоль него, достигла конца и снова двинулась в прежнем направлении.

Теперь девушка оказалась в довольно тесном коридоре. Иногда броня натыкалась на стены и потолок. Триггер почему-то решила, что спускается вертикально.

Неожиданно перед ней возникла четкая картина. И здесь девушка осознала, что уже видела ее несколько раз до этого. Но только в последнее мгновенье Триггер действительно это поняла.

Чудовище было огромно, мощно и сильно раздосадовано. Оно ревело и визжало, дрожало и покрывалось пеной. Триггер не могла его внимательно рассмотреть, но почувствовала на себе безумный взгляд и неимоверное желание сокрушать и уничтожать.

Но видно что-то его сдерживало. Мягко, но твердо приглушало все его устремления. Неуклюжая, громадная туша монстра еще раз приподнялась

и повалилась на колени. Затем и вовсе опрокинулась набок.

Фонарь на шлеме космоброни снова вспыхнул. Ослепленная отразившимся от антрацитовых стен светом, Триггер крепко зажмурила глаза. Затем ее пальцы вспомнили правильную комбинацию, и девушка приглушил а яркость. Открыла глаза и долго смотрела на огромную бесформенную массу серого цвета, лежавшую вдоль одной из стен.

— Монстрик? — мысленно позвала она.

Ответа не последовало. Костюм спокойно висел посреди просторного помещения. Триггер забыла остановить его и теперь медленно вращалась вокруг вертикальной оси. Отсюда выходило восемь или девять проходов.

— Монстрик!!! — жалобно выкрикнула она.

Гнетущая тишина в ответ.

Девушка еще раз оглядела короля плазмоидов, также остававшегося безмолвным. Это выглядело так, как будто два вида тишины — внутри и снаружи Триггер — уравновешивали друг друга.

Она вспомнила, что в последний раз спускалась, и поэтому подняла костюм к коридору, начинавшемуся в потолке. Повисела перед ним, размышляя о шансах. Высоко в темноте внезапно

полыхнул яркий сполох, погас и засверкал снова. Что-то двигалось по проходу, и двигалось стремительно…

Триггер потянулась к рукояти оружия. Затем в памяти всплыли воспоминания о многолетних изматывающих тренировках в тире, и она щелкнула по коммуникатору костюма. На нее обрушился голос.

— …гер, Триггер, Триггер! — вопил он на все лады.

— Верзила! — завизжала она радостно. — Ты не ранен?

Глава 30

Сад Мантелиша, расположенный в горах к югу от Сеуса, был известен на все Ядро. Двадцать пять лет назад он был подарен профессору простыми гражданами другого мира Федерации. Эти люди в свое время проявили беспечность и позволили какому-то страшному, смертельно опасному вирусу попасть на свою планету. Распространение его было остановлено лишь в самый последний момент препаратом, изготовленным и доставленным на зараженный мир Мантелишем. В награду за этот подвиг была исполнена голубая

мечта профессора — собственный частный ботанический сад плюс неограниченные средства на инструменты и содержание.

Рядом с садовым домиком, где Мантелиш останавливался всякий раз, когда находил время заняться своими флористическими шедеврами, высилась реликтовая секвойя, которая, по общему мнению, была самым старым живым организмом Ядра Звездного Скопления вне Банков Жизни. Она и в самом деле была очень стара, даже для секвой. Все прошлое десятилетие активно шли пересуды о том, что дерево целесообразнее всего спилить, пока оно не упало и не раздавило домик. Но патриарх-гигант был любимцем профессора, и Мантелиш до поры до времени наложил вето на эту идею.

Опершись локтями о широкую белую балюстраду балкона спальни, расположенной на третьем этаже, Триггер рассматривала в полевой бинокль крону секвойи. И тут на балконе появилась Пилч.

Девушка отложила бинокль, предложила гостье присоединиться к ней.

Они немного посидели в тишине, наслаждаясь видом с балкона.

— Действительно, очень красиво! — сказала

Пилч некоторое время спустя. Она посмотрела на профессора, одетого только в коричневые шорты, который в нескольких сотнях метров от дома деловито возился возле какого-то нового кактуса, который он только что посадил. При этом старина Мантелиш улыбался.

— Знаете, дорогуша, я воспользовалась первой же представившейся мне возможностью, чтобы встретиться с вами.

Триггер взглянула на психологиню и рассмеялась.

— Я так и думала, что вы появитесь. Вас не удовлетворили отчеты?

— А кого они могут удовлетворить? Было очевидно, что кризис миновал, так что я занялась срочными делами, — Пилч нахмурилась. — Иногда, — призналась она, — Сервис вынуждает меня работать намного больше, чем мне хотелось бы. И такая свистопляска продолжается уже полгода!

— Я могла бы прилететь на ваш корабль еще раз, — сказала Триггер. — По первому же вызову.

— Знаю, — ответила Пилч. — Но в таком случае все было бы официально, а так я могу не отчитываться, что была здесь, — она заглянула Триггер в лицо. — И у меня такое чувство, что я так и сделаю. А еще я не буду вынуждать вас отвечать

на те вопросы, на которые вы не хотите.

— Ну, тогда приступим, — подбодрила Триггер.

— Хорошо. Нам позвонил спецуполномоченный со своего корабля. Он был довольно взволнован. Оказалось, что рядом с нами все это время был представитель расы из Старой Галактики. Когда вы впервые узнали об этом?

— На следующее утро после нашего с вами разговора. Сразу после того, как проснулась.

— И как это произошло?

Триггер рассмеялась:

— Я тщательно контролирую свой вес. Когда заметила, что внезапно стала на полтора кило тяжелее, чем была на протяжении четырех лет кряду, все стало ясно!

Теперь слегка улыбнулась Пилч.

— И вас это не обеспокоило?

— Нет. Полагаю, что была уже достаточно подготовлена в тот момент. Но потом я забыла обо всем, что произошло до тех пор, пока Лайд и Флам не открыли сумочку и не увидели, что внутри никого нет. Тогда я вспомнила все и уже не забывала.

— Да, конечно, — Пилч забарабанила пальцами по столу. А потом сделала Монстрику самый лучший комплимент, который только могла:

— Это сущест… пардон, Монстрик — прекрасный психотерапевт! — и через мгновение добавила: — Примерно час назад я разговаривала со специальным уполномоченным Тэйтом. Судя по его словам, он снова готовится покинуть Мэнон.

— Верно. Последние месяцы он занимался организацией очередной исследовательской экспедиции Мантелиша. Тэйт назначен ответственным за нее.

— Вы полетите? — спросила Пилч.

Триггер покачала головой.

— Не в этот раз. Верзила и я… Капитан Квиллан и я… мы…

— Я слышала, — сказала Пилч и улыбнулась. — Ваша вторая попытка оказалась более удачной!

— Квиллан отличный парень, — согласилась Триггер. — Если присмотреться к нему повнимательнее.

— Ну, как бы то ни было, — продолжила Пилч, — спецуполномоченный Тэйт все еще тревожится за вас.

Триггер ухмыльнулась.

— По-моему, моей гибели уже не желают ни Девагас, ни Транест.

— Волнения старины Тэйта связаны вовсе не с покушениями. Кажется, вы много рассказывали

ему об истории Старых Галактиан, включая и тот печальный факт, почему тридцать две тысячи лет они перестали существовать как раса.

Триггер помрачнела.

— Да, — сказала она и на мгновение замолчала. — Ну, я в какой-то момент узнала об этом от Монстрика, — продолжила она. — Правда, ничего не поняла до тех пор, пока мы не вернулись домой. Но это было еще тогда, во время нашей беседы, помните, те изображения?

— Гиганты, которые топтали ферму?

Девушка кивнула.

— И часы, быстрые и медленные. Он тогда пытался рассказать обо всем. Джастеры — гиганты — они быстры и жестоки, как мы, люди. Очевидно, — глубокомысленно заметила Триггер, — они во многом похожи на нас. Только они — хуже. Гораздо хуже! А раса Старых Галактиан просто была медлительна. Они думали медленно, двигались медленно — они почти все делали медленно. Если Монстрик понесется вскачь, он даже вряд ли сможет догнать улитку. Кроме того, им очень нравилось выращивать всякую всячину, кропотливо переделывать все и так далее. Они не воевали, и никогда не стремились к тому, чтобы преуспеть на ратном поприще. Так что в

один прекрасный момент они все практически оказались уничтожены.

— А Джастеры любили воевать, да?

Триггер кивнула:

— Да, и очень здорово. Опять же, как мы.

— Откуда они взялись?

— Монстрик думал, что откуда-то извне. Но он не был уверен. Когда появились Джастеры, он и остальные его собратья работали на станции по сбору белка. А потом, когда все уже было кончено, агрессоры исчезли. Раньше, чем он успел узнать о них хоть что-нибудь.

— Извне… Значит, из другой галактики! — задумчиво произнесла Пилч. Она откашлялась. — Значит, получается, что они могут вернуться снова?

— Ну, — сказала Триггер, — Монстрик думал, что это возможно. Просто возможно. На самом деле он полагал, что Джастеры тоже были уничтожены.

— Э-э? — в недоумении произнесла Пилч, — это как?

— Довольно много плазмоидов отправилось с ними таким же образом, каким Монстрик был со мной. И одной из вещей, которую они умели делать как никто, — сказала Триггер, — было рас-

пространение вирусов. Они пользовались ими примерно так, как мы пользуемся гербицидами. Крупномасштабно. Не задумываясь о последствиях. За неделю Джастеры могли вычистить планету средних размеров от чего угодно. В том числе и от себя самих. Так что вряд ли вероятность того, что Джастеры вернутся, велика.

— О! — воскликнула Пилч.

— Но если они прилетят, то, по мнению Монстрика, это будет не раньше, чем лет этак через восемьсот. Для него, конечно, это довольно краткий промежуток времени. Он думал, что будет лучше предупредить нас.

— Вы знаете, Триггер — сказала Пилч после недолгого молчания, — я с ним согласна! И вообще, я могу сделать официальное заявление по этому поводу.

— Мне кажется, что вы должны его сделать, — сказала Триггер и неожиданно улыбнулась. — Правда, это может заставить людей подумать, что вы немного того!

— Я готова рискнуть, — ответила на это Пилч. — Обо мне уже так думали когда-то.

— Даже если Джастеры прилетят, — сказала Триггер, — мне почему-то кажется, что Ядро справится с ними все равно. Так же, как справ-

лялось со всем, что вставало у нас на пути. И, кроме того…

Она задумалась и, замолчав, некоторое время изучала поверхность стола.

— Ну что, — наконец, сказала она, — у вас есть еще какие-нибудь вопросы?

— Несколько, — сказала Пилч, не заостряя внимания на этом «и, кроме того…». — Вы когда-нибудь видели Монстрика во время контактов с вами?

— Нет, — ответила Триггер. — Я всегда спала, и, кажется, он делал все для того, чтобы я продолжала спать. Знаете, доктор, они похожи на пиявок. Я думаю, он догадывался, что мне вряд ли будет приятно знать о том, что он собирается просочиться в меня, или наоборот — выскользнуть наружу. В любом случае, он никогда не позволял мне видеть этот процесс.

— Какой заботливый маленький приятель! — восхитилась Пилч. — Ну да ладно, все закончилось вполне благополучно, намного благополучнее, чем можно было ожидать и надеяться. Все, что от этого осталось, так это интригующая тайна, о которой в Ядре будут болтать еще много лет… Но, что же произошло на борту исчезнувшего судна доктора Фэйла и что заставило короля

плазмоидов пробудиться к жизни? — воскликнула она. — Какая причина вызвала его смерть на отвратительной станции, построенной в субпространстве? Что он собирался делать там? И так далее, — она улыбнулась Триггер. — Да, именно!

— Я видела, что любые упоминания о суббазе были стерты с кристаллов перед тем, как сюжет показали по новостным каналам, — заметила Триггер. — Светлая мысль пришла кому-то в голову!

— Да. Это моя идея. Иерархия Девагас разрушена, династия Эрметайнов на Транесте кончилась. Две здоровенных занозы Ядра! Уже и не припомню, слышала ли я что-нибудь о вашем дружке Плули.

— Зато я слышала, — сказала Триггер. — Его наконец-то внесли в черный список «Гранд Коммерс», из-за чего старый козел потерял все свои концессии. Однако это не помешало его дочери выйти в ближайшее время замуж за подающего надежды молодого бизнесмена, который совершенно случайно оказался рядом и у которого, опять-таки, совершенно случайно оказалась достаточная сумма денег и все необходимое для того, чтобы купить эти концессии, — она засмеялась. — Теперь семейная фирма называется

«Перевозки Ингера». Очень ловкая комбинация! До известной степени.

— Да уж, — согласилась Пилч, — до известной. Вы в курсе, что Лайд Эрметайн добровольно прошла у нас курс Реабилитации, а потом и вовсе присоединилась к Сервису?

— Я слышала об этом. — Триггер некоторое время медлила. — Вы знали, что Лайд ненадолго заходила ко мне? Примерно за час до вашего визита?

— Я так и думала, что она придет, — сказала Пилч. — Мы прилетели на Маккадон вместе.

Триггер испытала небольшой шок, когда, открыв дверь, увидела Лайд. Но взяла себя в руки и предложила гостье войти.

— Я подумала, что мне стоит поблагодарить тебя, — словно мимоходом бросила Лайд, — за ту запись, которую я получила несколько месяцев назад.

— Да все нормально, — так же небрежно ответила Триггер. — Я была уверена, что никогда не воспользуюсь ею.

Лайд на мгновение задержала взгляд на ее лице.

— Если честно, Триггер Арджи, — сказала она, — я все еще не испытываю по отношению к

тебе душевной теплоты! Однако я действительно оценила этот твой жест. Так что решила зайти, чтобы сказать тебе, что с моей стороны к тебе нет никакой враждебности.

Они довольно сдержанно попрощались, и Эрметайн удалилась.

— Другая причина, по которой она прилетела сюда, — сказала Пилч, — заключается в финансировании экспедиции Мантелиша.

— А вот этого я не знала! — Триггер и впрямь была удивлена.

— Это ее способ как-то оправдать свое поведение. Вполне законные холдинги Лайд в Ядре все еще приносят огромную прибыль. Так что экс-Первая Леди может позволить себе это.

— Ну, — сказала Триггер, — о ней можно сказать одно — она довольно искренна!

— Так и есть, — отозвалась Пилч. — Для меня, вообще, большая редкость видеть, как кто-то рвется сделать тотальную терапию с таким воодушевлением, как Эрметайн. Она как-то сказала, что должен же существовать хоть какой-нибудь способ опередить вас снова.

— О, — произнесла Триггер, — а мне все-таки кажется, что она никак не может забыть, какую трепку я устроила ей в лесу!

— Да, — сказала Пилч. — Кстати, а как насчет ваших собственных ближайших планов? Ну, кроме замужества, конечно.

Триггер усмехнулась.

— Никаких ближайших планов! — воскликнула она. — Я ушла из Прекола. Предварительно получив пару чеков от Федерации. Один — на то, чтобы покрыть расходы в деле с плазмоидами — в основном это билет на «Дон Сити», — а второй — компенсация за эти, не побоюсь громкого слова, искрометные пять недель. В верхах сочли, что я выполняла задание Федерации. Так что теперь у меня примерно пять тысяч крон, и я намерена немного побездельничать и поразмышлять, пока Квиллан не вернулся со своего очередного супер-секретного задания.

— Понимаю. Когда возвращается майор Квиллан?

— Примерно через месяц. Кстати, он теперь капитан Квиллан.

— Ого! — произнесла Пилч. — А что произошло?

— Все из-за несанкционированного вмешательства в дело со станцией. Политическая подоплека. Правительственные структуры передали штормовое предупреждение о недопустимости, каких

бы то ни было, самостоятельных личных акций против станции плазмоидов, но когда верзила добрался туда и услышал, что спецуполномоченный в коме, а меня даже нет на борту, то потерял голову и, совершенно невменяемый, помчался за мной на станцию, расшвыривая гранаты направо и налево, паля в разные стороны. Плазмоиды прикончили бы его довольно быстро, если бы большинство из них не впало в оцепенение, как только Монстрик вырубил главного. Парнишке крупно подфартило, что термиты не добрались до него прежде, чем он достиг станции!

— Термиты? — переспросила Пилч.

Триггер рассказала ей о термитах.

— Фу! — сказала Пилч. — Я о них ничего не слышала. Так значит, РУКС наказал твоего жениха за отвагу. Вряд ли это справедливо.

— Ну, — смиренно произнесла Триггер, — нужно соблюдать дисциплину, а у верзилы это получается довольно плохо. Мне кажется, его скоро восстановят. Кстати сказать, я и сама могла бы пойти работать в разведку Скаутов. Там сказали, что будут рады меня видеть.

— Вполне объяснимо, — заметила Пилч, — мой Сервис тоже был бы только рад зачислить отважную Триггер в свои ряды.

— Был бы рад? — девушка задумчиво посмотрела вдаль. — Это подразумевает полную терапию, так?

— Как правило, — ответила Пилч.

— Ну, наверное, я смогу когда-нибудь решиться на это. Но только не теперь. — Она улыбнулась. — Давайте позволим Лайд обойти меня на полкорпуса хоть здесь! Вообще-то я обнаружила, что вокруг происходит столько интересных вещей, за которыми мне хотелось бы понаблюдать прежде, чем снова займусь своей карьерой. — Она потянулась через стол, и взяла Пилч за руку. — И одну такую вещь я покажу вам прямо сейчас! Взгляните на самое большое дерево Мантелиша!

— На секвойю, что ли?

— Да. Еще в прошлом году она выглядела настолько неважно, что профессора почти уговорили расстаться с нею. Кора опала, листья пожелтели.

Пилч приставила козырьком ладонь к глазам, закрываясь от солнца, и посмотрела ввысь на крону дерева.

— Могу сказать, — задумчиво заметила она, — что сейчас она выглядит довольно свежо! И никакой желтизны не замечаю.

— Да, листва с каждой неделей становится все

зеленее и зеленее. Мантелиш хвастается только что синтезированным раствором, которым поливает корни. Видите вон ту большую зеленую ветку, растущую вверх и похожую на букву «г», чуть выше центра?

Пилч снова посмотрела.

— Да, — сказала она через мгновение, — кажется, вижу.

— В том месте, где она сгибается, есть небольшая группа свежих побегов, — сказала Триггер.

— Да, вижу.

Триггер взяла полевой бинокль и протянула Пилч.

— Посмотрите на них в бинокль, — посоветовала она.

— Смотрю, — ответила Пилч.

Триггер встала и повернулась к секвойе, приложила ладони рупором ко рту, и завопила, что было сил:

— Эге-гее-ей! Мо-онст-ри-ик!

Мантелиш в саду выпрямился и сердито оглянулся, но потом увидел Триггер и улыбнулся.

— Эге-гее-ей, Триггер! — крикнул они вернулся к своему кактусу.

Триггер со стороны наблюдала за выражением лица Пилч, на котором внезапно отразилось

сильное удивление.

— Великие звезды! — выдохнула Пилч, не отводя взгляда. — Это феноменально, не так ли?! — Наконец, она, совершенно ошеломленная, положила бинокль. — Это действительно маленький зеленый человечек!

— Только, когда хочет таким быть. Своего рода знак дружелюбия.

— Что он делает там, наверху?

— Забрался туда сразу же после того, как мы вернулись, — ответила Триггер. — И думаю, он останется там надолго. Это самое подходящее место для Монстрика.

— А были ли у вас еще… хм… беседы?

— Нет. Слишком тяжело для обоих. На протяжении нескольких дней до того, как мы прилетели сюда, от него не поступало ни звука. Он чуть было не погиб во время стычки с большим плазмоидом.

— Кто еще знает об этом? — спросила Пилч.

— Никто. Я бы рассказала Холати, но он еще не до конца отошел, оттого что был погружен в кому. Вы знаете старину Тэйта, еще примчится и срубит секвойю под корень!

— С него станется, — согласилась Пилч — Ну, в таком случае, этого эпизода в отчете не будет.

Иначе Монстрика замучат!

— Я знала, что могу вам рассказать. А вот еще кое-что очень интересное, что происходит в настоящее время.

— Что?

— Настоящая причина секретности вокруг экспедиции Мантелиша, — объяснила Триггер, — заключается в том, что Скауты с планетарными детекторами плазмоидов шастают по всему космосу. Они не хотят, чтобы кто-нибудь наткнулся на другую такую станцию, как Полнолуние, и случайно активировал еще одного короля плазмоидов.

— Да, — сказала Пилч. — Я слышала об этом.

— Это была идея Мантелиша, — сказала Триггер. — Теперь профессор очень полюбил свою секвойю. У него есть большая, очень удобная скамья прямо среди корней, на которой, когда он здесь, любит посидеть после обеда и вздремнуть часок-другой.

— О! — воскликнула Пилч. — Монстрик принялся за свои старые трюки, да?

— Точно. Он дал Мантелишу вполне конкретные указания. Так что они совершенно точно собираются искать одну из этих станций. Вряд ли исследователи притащат сюда еще какого-ни-

будь плазмоида, но может статься, что вернутся сюда кое с кем еще, но об этом они даже не подозревают.

На какое-то мгновение Пилч задержала на девушке испытующий взгляд.

— Скажите, пожалуйста! И с чем же?

Улыбка Триггер стала шире.

— С маленькой зеленой леди, — ответила она и, залихватски подмигнула.

Неутешительный отчет по Палайяте
(рассказ)

Примечание редактора: *эта история не является частью цикла рассказов о Триггер Арджи и Хеслете Квиллане. Здесь речь ведется о Пилч, которая, много лет спустя, сыграет не последнюю роль в истории Триггер и фигурирует в «Рае для паразитов», саге о Тэлзи.*

Глава 1

Бэйн Даффолд, заместитель министра Департамента Внешних Представительств Ядра, заявил,

что предложенная операция с начала до конца являлась не только незаконной, но и неэтичной. Она могла привести к чему угодно — от убийства какого-нибудь аборигена Палайяты ради науки, до открытой войны с противником, чей потенциал не до конца известен.

Пилч, исполнявшая роль представителя судна Психологического Сервиса Ядра, размещенного вблизи Палайяты, терпеливо его выслушала.

— Вы правы, Ваше Превосходительство, — сказала она, наконец. — Именно поэтому вам было указано обращаться в службу.

Даффолд прикусил кончик большого пальца и нахмурился. Действительно, главный офис дал ему указание обратиться в Сервис, хотя и довольно неохотно; но замминистра даже не упоминал об этом в разговоре с Пилч. А девчонка и без того уже потрясла его сведениями о том, что оператор Психологического Сервиса исследовал проблему Палайяты в течение последних четырех месяцев, причем сделал это на самой планете.

— Мы полагали, что Департамент обязан был попросить о поддержке примерно в это время, — именно так она и выразилась.

— Я не могу дать согласие на выполнение вашего плана, — окончательно заявил Даф-

фолд, — пока лично не изучу все нюансы.

Утверждение прозвучало, по меньшей мере, глупо. Откровенная в высшей степени молодая женщина, сидевшая напротив него за столом, уже одним своим присутствием напоминала ему о том, что для Психологического Сервиса, раз уж он вступил в дело, согласия замминистра Департамента на спецоперацию не требуется. Да и вообще, ничьего согласия, если уж на то пошло. Это была одна из причин, по которой психологов никто не любил.

Но Пилч произнесла приятным голосом:

— О, мы позаботились о том, чтобы у вас эта возможность появилась! На корабле у нас скоро откроется совещание. На орбите, — она взглянула на часы: — Через четыре часа, и именно по этому вопросу. Для нас очень важно знать точку зрения Департамента.

И это была вторая причина, из-за которой Сервис стал притчей во языцех — его сотрудники неизменно пытались заручиться согласием на свои действия каждого заинтересованного лица или организации! Именно это мешало считать их деспотами.

— Хорошо… — сказал Даффолд. У него не было оснований отказываться от предложения. Кроме

того, хотя он и разделял общепринятое мнение о Психологическом Сервисе, перспектива провести с Пилч половину дня представлялась ему заманчивой.

Женская часть работников Департамента на Палайяте, будучи довольно многочисленной, не могла an mass[19] похвастаться привлекательностью; а Пилч несла в себе что-то такое, чистое и яркое, и это на мгновение заставило его пожалеть о том, что ее работа не связана с чем-нибудь более приятным.

— Похищение и принудительный допрос инопланетянина в его же собственном мире! — он покачал головой. — Довольно неприятно, знаете ли.

— Несомненно, — сказала Пилч. — Но вы же понимаете, что никто не мог убедить палайятчанина покинуть планету, так зачем тратить время? Для обследования нам необходимо стационарное оборудование корабля, и гораздо надежнее во время исследования держать корабль подальше от Палайяты, — она поднялась. — Вы будете готовы к прыжку к тому времени, как я заберу Уинтана?

---

[19] Примечания: 19
An mass — в массе.

— Прыжок? Уинтан? — удивленно переспросил Даффолд и встал. — Ах, да, я понял. Уинтан — это ваш оператор, работающий на планете. Хорошо. Где мы с вами встретимся?

— Космопорт, — сказала Пилч, — платформа девятнадцать. Через полчаса.

Она была уже у выхода, когда он обратился к ней:

— И, кстати…

Пилч оглянулась.

— Да?

— Вы здесь уже два дня, — сказал Даффолд. — Они беспокоили вас?

Психологиня не стала спрашивать, что он имел в виду.

— Нет, — ответила она.

Серые с черной каймой косметики глаза смотрели как бы, сквозь лицо мужчины, с которого внезапно исчезло всякое выражение, поскольку Пилч добавила спокойным тоном:

— Но у меня же идеальное психическое состояние…

Не было никакой необходимости постоянно напоминать об этом, — подумал Даффолд, краснея от гнева. Естественно, она знала, что он думает о Пси-Сервисе — да и что нормальный

человек вообще может о нем думать! Войны переставали вестись, лишь бы предотвратить психологический контроль над гражданами Ядра Звездного Скопления; и когда последние группы психологов, которыми восхищались и которые возбуждали всеобщее любопытство, были распущены, оказалось, что в мирное время необходимо возродить их снова. Так они снова оказались повсеместно со своими вызывающими смех опросами о достоинстве Человека и его предназначении в Галактике, со своим влезанием в душу и искаженными толкованиями личной свободы и мечтаний. Естественно, что не невзлюбили! Естественно, что теперь их деятельность была ограничена рамками операций Пси-Сервиса! И если допустить, что кто-то по собственной воле…

Даффолд скривил рот в язвительной усмешке и взял со стола коммуникатор. Раздав несколько указаний на время своего отсутствия на станции, он покинул офис. Чтобы не опоздать на встречу с Пилч, ему не придется потратить много времени. За три месяца своего пребывания на Палайяте он избегал непосредственного контакта с аборигенами после того, как пару раз ощутил на себе довольно неприятный эмоциональный эффект, который производили палайятчане на людей. Ну,

а уж коли он приглашен на совещание Сервиса, то можно лишний раз поведать о своем персональном опыте.

Удобнее всего было пройтись до девятнадцатой платформы пешком, вместо того, чтобы воспользоваться порталом на станции.

Как только он вышел из здания, знакомые волны острого беспокойства закрутились в его сознании. Территория порта, как всегда, была битком набита осматривающими достопримечательности палайятчанами. Некоторое время Даффолд постоял у здания, наблюдая за толпой.

Беспокойство не уменьшилось. Близость палайятчан действовала на всех людей одинаково; некоторые признавали, что рядом с ними испытывали нечто похожее па эйфорию, но это ощущение могло вдруг резко смениться сильным возбуждением и абсолютной паникой. Существовало несколько десятков лекарственных препаратов, защищающих от подобной реакции. Все сотрудники станции, по ходу работы сталкивающиеся с аборигенами, принимали их регулярно. Но Даффолд отказался от подобной профилактики.

Он решительно зашагал по направлению к платформе, не стараясь обойти толпу стороной.

Группки аборигенов, переговариваясь, бродили по своим надобностям туда-сюда и заражали работающий терминал ощущением грядущего праздника. Если бы не напряженные нервы, Даффолд, несомненно, решил бы, что находится на одном из обычных человеческих миров. Физически палайятчане являлись гуманоидами до мозга костей, по крайней мере, если следовать демократичным стандартам конвергентной эволюции. Аборигенам также нравились товары, импортируемые из Ядра, и их можно было обнаружить на каждом углу, что еще больше усиливало иллюзию человеческого мира. Мужчины и женщины оставляли за собой облачка духов, привезенных из Федерации. И примерно каждый пятый носил одежду по последней моде Орадо или Маккадона.

Но нервы Даффолда истерично напоминали, что, несмотря на все ухищрения, туземцы были в большей степени чужаками, чем домашние пауки, а их дружелюбие и гуманоидная внешность были всего лишь продуманной хитростью, направленной на прикрытие какого-то неведомого, но зловещего замысла. Он отбросил в сторону малоприятные мысли и переключился на более объективные размышления о странных парадок-

сах, связанных с этими псевдолюдьми. Например, палайятчане в гораздо большей степени были заинтригованы действительно впечатляющими технологическими достижениями Ядра Звездного Скопления, чем модой и парфюмерией. Отсюда и эти толпы на станции. Просто здесь они могли понаблюдать за прибытием и отлетом космического транспорта. Но, несмотря на это, за двадцать лет они не выказали ни малейшего желания перенять хотя бы какую-то часть передовых агротехнологий Федерации для использования в своем патриархальном сельском хозяйстве.

Ну конечно, при среднем коэффициенте интеллекта у населения в семьдесят восемь баллов это было неудивительно. Удивительным и даже невероятным было то, что, учитывая все эти особенности, эта странная раса не только полностью дошла до стадии развитой цивилизации, но и достигла равного уровня жизни по всей планете.

В это просто невозможно поверить, с отчаянием подумал Даффолд. Когда год назад социологическим экспертам Департамента была предоставлена вся доступная информация о Палайяте, они заявили примерно то же самое. Социологи предложили либо тщательно проверить точность данных, либо отдать палайятский вопрос на рас-

смотрение Пси-Сервиса.

Данные проверили самым основательным образом — все цифры соответствовали действительности. И у Департамента не осталось выбора…

* * *

— Господи, да вы весь в поту, Ваше Превосходительство! — сказала Пилч, поднявшись на девятнадцатую платформу. — Разрешите представить, это Уинтан. Думаю, вы уже встречались. Не стоило так спешить, — она взглянула на свои часы. — Вы опоздали меньше, чем на две минуты.

Уинтан был коренастым светловолосым мужчиной, и Даффолд действительно вспомнил, что встречал его три месяца назад, когда на станции проверялись аттестаты, подтверждающие его истинный научный интерес к социологии.

Мужчины пожали друг другу руки, и Даффолд повернулся, чтобы поздороваться с другим человеком.

Только вот… то был не человек.

Мысленно Даффолд в ужасе отшатнулся, но на самом деле потянулся и пожал крепкую влажную руку пожилого палайятчанина. Потряс ее и

отпустил. На лице его застыла гримаса, которая должна была означать дружелюбную улыбку. Уинтан пробубнил что-то вроде: «Альбемарл… гид и попутчик…». Затем Пилч дружески похлопала Даффолда по плечу.

— Рада сообщить, что отчеты, высланные вами субпочтой, получены, Ваше Превосходительство. Наверное, вам лучше их проверить.

Преисполненный благодарности, он последовал за ней на корабль. Уже в шлюзе она недоуменно заметила:

— На вас просто лица нет, — пробормотала она. — О Великие Звезды, ну почему вы не хотите принимать лекарства?

Даффолд вытер лоб.

— Просто не хочу, — заявил он упрямо и указал на фигуры, ждущие своей очереди за шлюзом. — Только не уверяйте, что у вас появился доброволец!

Пилч откинула черные блестящие волосы и оглянулась.

— Нет, — улыбнулась она. — Альбемарл пришел проводить Уинтана. Между прочим, вам была оказана большая честь. Это мудрец из мудрецов на Палайяте — его коэффициент умственного развития составляет сто девять! Уинтан работал

с ним несколько месяцев. Естественно, у Уинтана врожденный иммунитет к эмоциональным реакциям…

— Понятно, — безо всякого выражения сказал Даффолд. — Конечно же, у Уинтана тоже хорошее пси-состояние?

Пилч усмехнулась.

— Да уж, немногие способны переплюнуть его в этом, — произнесла она.

Глава 2

Корабль Пси-Сервиса, поглотивший транспортный шаттл несколько часов спустя, являл собой замаскированное чудовище, двигающееся по краю астероидного пояса на полпути к Системе. Следуя своим замысловатым путем, он был неотличим от осколков планеты, летевших по соседству; и, судя по его размерам, этот гигант вмещал в себя несколько тысяч людей. Даффолд был слегка поражен, что из этого потенциального множества на совещании присутствовало всего пятеро, причем двое из которых были его спутниками по челночному рейсу: Пилч и Уинтаном. Данное обстоятельство предполагало расчетливость и точность организации, и это опровергло

некоторые негативные ожидания замминистра.

Появление Бушели — председателя совещания — практически было шокирующим. У психолога была странная кожа цвета воска, и двигался он как человек, на которого не произвели должного эффекта омолаживающие процедуры. Но, тем не менее, не было ни одного признака ухудшения умственной деятельности, которое, по идее, должно было сопутствовать его состоянию. Он говорил громко, с вежливой учтивостью человека, для которого отдавать приказы было делом настолько естественным, что не вызывало необходимости заострять на этом внимание. Он представил последних двух участников — Кэйбона, капитана корабля, высокого мужчину, смуглостью и стройностью похожего на Пилч, и рыжеволосую женщину по имени Люэраль, представительницу биологического отдела. Затем совещание потекло своим чередом, и Даффолд не пожалел, что принес с собой подробные отчеты Департамента о Палайяте.

Совещающиеся затронули причины, почему Департамент желает сохранить станцию на Палайяте. Доводы были разумны: Палайята является удобной отправной точкой для исследования и контроля нового сектора Вселенной, предпола-

гаемого центром многостороннего проекта на последующие несколько тысяч лет. Смущало только существование аборигенов, в противном случае планету можно было бы за какую-то сотню лет приспособить для жизни людей. Палайята представляла собой новый рынок сбыта для «Гранд Коммерс», чьи возможности могут позволить Правительству затратить на проект гораздо меньшее количество средств, чем на мир, не представляющий интереса для коммерческих структур.

Бушели кивнул.

— Предположим, Ваше Превосходительство, что Сервис может установить, будто особенности палайятчан не представляют никакой опасности для людей, но из-за эмоциональных реакций прием лекарств останется необходимым условием… Департамент примет это в качестве удовлетворительного решения?

Даффолд был убежден, что в данных обстоятельствах Департамент будет неимоверно благодарен за такое решение, но выразился гораздо сдержаннее.

— А есть ли причины полагать, что аборигены могут нанести вред? — добавил он.

Безжизненное лицо Бушели осталось бесстраст-

ным.

— Нет, — сказал он. — В ваших отчетах те же величины, что и в наших. Нельзя получить представление о культуре Палайяты, пользуясь понятиями любой другой культуры, неважно какой — гуманоидной или негуманоидной. Здесь присутствует незримый фактор контроля, назовем его условно, скажем, Икс. Эта добавка определена почти достоверно. Но с той информацией, которой мы обладаем на данный момент, можно только догадываться о происхождении этого фактора. Вот и все.

Даффолд уныло посмотрел на председателя. Никто из сотрудников Департамента не выражался так витиевато, но это было именно то, чего они боялись.

Бушели продолжил мягким голосом:

— Мы рассмотрели два возможных метода процедуры. И с вашей помощью, Ваше Превосходительство, мы выберем из них наилучший.

С его помощью! Даффолд насторожился.

— Давайте начнем, командор, — учтиво сказал он.

— Прекрасно. Давайте представим, что на самом деле Икс — скрытый источник опасности. Та часть вашего доклада, в которой говорится о том,

что на планете недавно погибли два человека, может навести на мысль об активизации этого источника. Но не следует все же безоговорочно связывать эти смерти с фактором Икс. Даффолд нерешительно кивнул.

— Пункт, вызывающий наибольший интерес Сервиса и, без сомнения, вашего Департамента, — продолжил командор, — заключается в том, что не существует ни одного способа оценки степени вероятной опасности. Вот мы находимся здесь, а ведь возможно, люди являются представителями уже обреченной расы, ступившей на планету, на которую она ни в коем случае не должна была ступать. На основе имеющейся информации это так же возможно, как и превращение палайятского Икса в совершенно безопасный фактор. Однако можно с большим процентом достоверности определить, где именно между этими двумя полюсами располагается искомый Икс. Вопрос в том, захотим ли мы использовать данные средства для выяснения этого.

— Вы имеете в виду, — сказал Даффолд, — что метод непосредственного исследования — подразумевается похищение аборигена, доставка его на этот корабль и применение психологического давления — может повлечь за собой проблемы?

— Вполне возможно.

— Согласен, — сказал Даффолд. — А в чем заключается другой метод?

— Департамент и «Гранд Коммерс» должны убрать весь свой персонал с Палайяты.

— Навсегда оставить планету? — Даффолд почувствовал, что его лицо краснеет.

— Вот именно, — подытожил Бушели.

Даффолд медленно втянул в себя воздух. От гнева по телу прошла дрожь.

— Вы же знаете, что мы не можем пойти на это! — вырвалось у него.

Бушели прикрыл бесцветными веками тусклые глаза на восковом лице.

— Как вам будет угодно, Ваше Превосходительство, — тихо сказал он, — но в отчетах, представленных вашим Департаментом, нет ничего, препятствующего этому.

Это соответствовало истине. Мрачным голосом Даффолд произнес:

— Не нужно указывать на очевидное! Мы должны остаться на Палайяте до тех пор, пока ситуация не прояснится. Если никакой опасности не существует, или есть простая опасность, которая не выйдет за пределы планеты, то мы сами решим, оставаться нам или нет. Но мы не

можем покинуть планету сейчас, когда в поле зрения попал этот пресловутый фактор Икс. Необходимо выяснить, какая потенциальная опасность грозит человеческим мирам! Мы даже не можем просто уничтожить планету, потому что не уверены, исчезнет ли Икс, или мы просто расшевелим его!

— Неужели вопрос уничтожения Палайяты рассматривается серьезно? — спросил Бушели.

— Только не здесь и не сейчас, — отрезал Даффолд.

В тот момент Бушели впервые перевел взгляд на других членов собрания.

— Кажется, мы пришли к взаимному согласию, — сказал он, обращаясь к ним, и снова уставился на Даффолда.

В голове того промелькнула некая мысль. Она поразила его, но он все же сперва обдумал ее и только потом изрек:

— Мой Департамент, очевидно, не смог выработать подходящее решение проблемы. В моей власти пообещать, что мы будем предоставлять Сервису все требуемые для поиска решения отчеты в том случае, если мне позволят следить за ходом операции.

На секунду повисла абсолютная тишина. Это

был блеф, и он не подействовал на тертых жизнью психологов. Но, как известно, Сервис мог пойти достаточно далеко для поддержания благожелательных отношений с другими департаментами.

Внезапно в разговор вступила Пилч.

— Мы можем принять ваши условия, но с одной оговоркой.

Даффолд был более чем удивлен. Бушели пристально следил за Пилч; остальные задумчиво рассматривали замминистра. Но никто противоречить Пилч не стал.

— С какой оговоркой?

— Нам нужно ваше согласие на принятие любых мер безопасности, которые покажутся нам необходимыми.

— Полагаю, что эти меры для моего же блага, — серьезным голосом сказал Даффолд.

— В общем, да…

— Что ж, — заключил Даффолд, — в таком случае я благодарю вас за проявленную заботу. Да, конечно же, я согласен.

Остальные задвигались и заулыбались. Пилч выглядела подавленно.

— И еще…

— Знаю, — кивнул Даффолд. — И еще… у меня нет вообще никакого пси-таланта.

* * *

Сразу после этого Пилч была срочно отозвана из конференц-зала. На этот раз Даффолд совершенно не удивился, осознав, что именно она отвечает за тайную операцию по похищению аборигена и что эта женщина устроила его включение в десантный отряд. Казалось, власть среди этих людей постоянно переходит из рук в руки, и даже при посторонних они не слишком заботились о соблюдении субординации.

Прибыли еще люди. В голове Даффолда начала складываться примерная картина всех сложностей замысла и организационных трудностей этого огромного неуклюжего корабля. Совещающиеся, председателем которых все еще оставался Бушели, проанализировали ход операции и имеющиеся факты. Даффолд оставался с ними, поскольку могли обсуждаться и документы, с которыми он был знаком. Оказалось, что Уинтан — работавший на планете оператор Сервиса — предоставил интеграторам корабля подробную информацию, не включенную в предыдущие отчеты. Похоже, Бушели пока не видел причин для серьезных изменений операции.

Даффолду сообщили, что десантная опера-

ция начнется через восемь минут. Он вышел к ближайшему терминалу КомСети, поспешно связался с Департаментом и предупредил, что задерживается дольше, чем рассчитывал.

Когда он вернулся, обсуждение еще не закончилось…

* * *

На Палайяте не было постоянного правительства или какой-либо другой постоянной социальной структуры, не было даже чего-то отдаленно напоминающего постоянные семьи. С другой стороны, некоторые семьи держались вместе десятилетиями — как будто специально для подтверждения того, что ни одно правило невозможно применить к этой нестандартной планете! Нуждающиеся во внимании дети просто прикреплялись к любому подходящему взрослому или группе взрослых и оставались с ними, пока не решали снова уйти.

Не было никаких признаков научных организаций; не строились научные теории. Палайятчане могли испытывать чувство сильного любопытства, но оно было недолгим, и быстро улетучивалось. Технические документы, объясняющие тот или иной научный метод, знакомый

аборигенам, можно было достать где угодно. Они использовались в случайно возникающих учреждениях, которые играли роль колледжа или гимназии. На планете не существовало ничего похожего на исторические хроники, но было достаточно много старинных рукописей, некоторым из которых исполнилось несколько столетий и поэтому их бережно хранили. Эти рукописи в основном представляли собой нечто вроде дневников и содержали личное отношение к событиям, вызвавшим особый интерес; но для стороннего исследователя подобные манускрипты были совершенно бесполезны. И только благодаря археологам Ядра удалось выяснить, что палайятская цивилизация вела аналогичный нынешнему образ жизни на протяжении, по крайней мере, двух тысячелетий, а возможно и дольше.

Неправдоподобно… Совершенно неправдоподобно… Это было неправдоподобно, но все было именно так!

Значит, они были не такими, какими казались. Даффолд осознал, что за столом, кроме него, Бушели и Уинтана никого не осталось. Остальные, наверное, удалились выполнять свои непосредственные обязанности. Перед участниками

совещания появились подносы с завтраком.

* * *

Все задумчиво жевали, пока Даффолд не заметил:

— И все же они гораздо умнее, чем кажутся. По сути, даже умнее нас. Или что-то ими управляет, так?

Бушели сказал, что уже думал о таком варианте.

— И если все так, — продолжил Даффолд, — то тогда этот контролер намного умнее человека.

Уинтан покачал головой с коротко остриженными светлыми волосами.

— Не обязательно.

Даффолд посмотрел на него.

— Объясните тогда, — сказал он, — думает ли Сервис, что люди, даже используя все свои пси-фокусы, смогут управлять миром на том же уровне, на котором, скорее всего, управляется Палайята?

— Ну конечно! — бодро сказал Уинтан.

Бушели кивнул, соглашаясь с ним.

— Если доверить одному обученному оператору примерно тысячу аборигенов, то можно добиться примерно такого же результата, — сухо сказал он. — Но кому нужна подобная головная боль?

— Тем более продержаться двадцать столетий или около того! — добавил Уинтан. — Технически это возможно, но какой в этом смысл?

Даффолд некоторое время молчал, обдумывая свои старые подозрения. Даже если у Сервиса отсутствовал истинный интерес к подобному проекту, упоминание о возможностях его сотрудников осуществлять контроль на таком уровне было неприятно.

— И какие методы использовались бы? — сказал он. — Телепатические усилители?

— Это было бы основным средством, конечно же, — согласился Уинтан. — А еще проведение социологического соответствия — уничтожение тех, кто становится слишком сообразительным и не поддается контролю. Эх, это была бы славная работенка!

Работники Департамента как никто иной знали, что Сервис использует приборы вроде телепатических усилителей. И никто, кроме самих психологов, не представлял себе их действия. Общественность уделяла этому особое внимание: пси-парни время от времени наводили шорох на различные популяции, но при угрозе возникновения серьезного конфликта высокопоставленные лица использовали все свои ресурсы, и Сервис

оставался чист.

— А вам не кажется, что на этой планете мы имеем дело с телепатией? — с надеждой произнес Даффолд.

Уинтан покачал головой.

— Нет. Если бы было так, то мы смогли бы вычислить местонахождение ее источника и, вполне вероятно, подчинить его себе вне зависимости от того, кто бы это ни был. Вы пропустили ту часть сводки, Ваше Превосходительство. Моя работа на планете в основном заключалась в проверке телепатических импульсов, — он взглянул на Бушели. — Палайятчане совершенно устойчивы к любой форме телепатического воздействия; во всяком случае, так сообщают результаты моих приборов.

— Или они пси-защищены, — предположил Бушели.

— Или защищены, — согласился Уинтан. — Но мы не можем быть уверены в этом, пока на борту у нас нет палайятчанина. Известно, что приборы способны определить пси-защиту в разуме любого гуманоида.

Бушели едва заметно усмехнулся.

— В любом гуманоиде, которого мы исследовали.

Уинтан начал раздражаться. Из-за спины Даффолда послышался голос Пилч:

— Мне нужен Его Превосходительство в шлюзе 82 через… — она сделала паузу, и Даффолд сразу представил, как она взглянула на свои часы, — восемнадцать минут. Но сначала его хотела бы видеть Люэраль.

И психологиня добавила, когда Даффолд встал:

— И вам двоим, тоже, лучше подойти. Биологи могли бы добавить кое-что к вашей беседе о телепатии.

— Что-то существенное? — спросил Бушели, поднимаясь на негнущихся ногах.

— Возможно. Интеграторы вот-вот закончат пыхтеть над этим.

Даффолд задавался вопросом, что может быть нужно от него Люэраль и всему биологическому отделу. Как только он вышел в переходной шлюз и увидел на экране увеличенное изображение дымящегося палайятского болота, то понял, что все это означает, и почувствовал внезапное отвращение. Было очень неприятно вспоминать тот случай с животным *кеффф*, который стоил жизни двум исследователям Департамента; ему и так в течение последних дней приходилось несколько раз возвращаться к этому делу в попытке найти

взаимосвязь с ситуацией на Палайяте. Попытка не принесла результата. По пути к биологам замминистра спрашивал себя, что же они могли обнаружить.

Люэраль, та самая рыжеволосая женщина, которая присутствовала в начале совещания, представила его полному пожилому мужчине — главе отдела — чьего имени Даффолд не запомнил. Мужчина работал с усилителем и остался на своем месте; в комнате царил полумрак.

— Это реструктуризация того, что случилось на самом деле. Его Превосходительство прислал документы перед своим прибытием на корабль. События имели место на востоке второго континента; дата — сто тридцать восьмой период, примерно сто часов назад. Чтобы не терять времени, мы хотели бы услышать от Его Превосходительства краткое описание ситуации, — сказала Люэраль.

Даффолд откашлялся.

— Ситуация, — осторожно начал он, — заключалась в том, что двое исследователей работали в той области. Они якобы являлись археологами. Но на самом деле представляли проект Департамента — проверяли теорию о том, что Палайята контролируется каким-то загадочным теневым

правительством. По всей планете вокруг подобных болот мы обнаружили покинутые поселения. Два человека, которых вы видите на кристалле, проверяли одно такое поселение, так, во всяком случае, было запланировано. А потом и произошел этот инцидент.

Он добавил:

— Если это на самом деле инцидент. Я прислал эту запись, потому что существует возможность, что все было не так.

— Кажется, она сделана через два часа после происшедшего, — раздался низкий голос главы отдела.

— Чуть меньше, чем через два часа, — согласился Даффолд. — Группа отмечалась каждый час. И когда замолчала, на ее поиски был выслан вертолет. К тому времени, как спасатели нашли животное кефф, оно было уже убито аборигенами чем-то вроде гарпунов, как видно на записи. Отдельные части тел наших исследователей были восстановлены.

— Палайятчане были свидетелями инцидента? — спросила Люэраль.

— По их словам, они находились слишком далеко, чтобы успеть на помощь. Они утверждают, что убивают любого попавшегося им на глаза

кеффа, и не потому, что он представляет для них опасность, а потому, что они для еды вообще убивают на этой территории всех животных подряд. Палайятчане не подозревали, что *кефф* может быть опасен для людей.

— Вот изображение *кеффа* через несколько минут после убийства исследователей. Скорость, с которой была сделана реструктуризация, практически превышает все мыслимые пределы, — заметил глава биоотдела.

Даффолд вздрогнул, когда изображение на экране внезапно расплылось, а затем снова стало четким и ясным. Появился *кефф*, наполовину увязший в грязной воде. Он представлял собой громадную тушу черного цвета с зелеными пятнами; безглазая голова непрерывно дергалась, создавая жуткое ощущение того, что он что-то дожевывает.

— Его вес составляет приблизительно три тонны, — сказал заведующий. — Голова составляет почти треть длины тела. Двигается очень медленно. Вообще, это все признаки травоядного или всеядного животного, а болота в километр длиной обеспечивают непрерывное поступление пищи. Вероятно, он становится агрессивным, если на него нападают, но не представляет опасности

для любого бдительного и более подвижного существа. Однако в этом месте мы смогли уловить телепатические импульсы, означающие, что данное аборигенами описание его привычек в питании практически верное. Я предлагаю использовать телепатические гасители. Импульсы очень заметны.

Вдруг голос Пилч произнес за спиной Даффолда:

— Не двигайтесь!

Что-то похожее на пластичное кольцо обернулось вокруг головы замминистра, и по сторонам защелкнулись мягкие зажимы. Даффолда усадили в кресло, и до него снова донесся шепот Пилч:

— Если вы против — скажите! В этом нет особой необходимости.

Даффолд хмыкнул, выражая тем самым свое полное согласие с ситуацией и нежелание, чтобы в процесс вмешивались, но, тем не менее, не возразил вслух. По спине пробежали мурашки.

Хотя ему было хорошо. Навалилась дремота, но он помнил о цели, до которой осталось сделать всего несколько шагов. Затем перед ним раскрылась огромная розовая пасть, и он смог расслабиться в ней. Расслабиться и…

Он дернулся в кресле, его нервы были на пре-

деле. Пилч успокаивающе похлопывала его по руке.

— Вот и все, — прошептала она. — Не снимайте дампер.

По полутемной комнате двигались люди; сначала позади Даффолда, а потом впереди хлопнули двери, и комнату залил свет.

Он стащил с головы телепат дампер, цепляющийся за него подобно маленькому противному зверьку.

— Ф-фу… — выдохнул он. — По-моему, следовало принять ваш совет!

— Ну, вы же не знали. А мы об этом должны были подумать. Всегда есть способы этого избежать, и вы…

— Не продолжайте, — предупредил он. — Я осознаю уровень своих возможностей, — он секунду помолчал. — Я чувствовал то же, что и они? — и Даффолд описал свои ощущения.

— Примерно то же, — сказала она. — Естественно, вы подавали ваши личные импульсы, потому что вы видели пленку и знали, что такое *кефф*. Кстати, Кэйбон через некоторое время уйдет. Его отдел получил отчет интеграторов по этому поводу. Сдается мне, в нем нет ничего такого, что могло бы скорректировать наши планы.

— Понятно, — рассеянно произнес Даффолд.

В уме он прокручивал ту часть ситуации, в которой двое исследователей бродом подошли прямо к *кеффу*. Казалось, они что-то искали; непохоже было, что они вообще знали о присутствии друг друга. Затем люди замерли, увидев медленно поднимающуюся из-под воды гигантскую голову. Влажная розовая пасть широко раскрылась и дважды захлопнулась.

Кэйбон вышел за ними, едва заметно улыбаясь.

— Необработанный материал, — отметил он. — Ваше Превосходительство, у вас отличная команда реструкторизаторов.

— Обнаружены какие-либо помехи? — спросила Пилч.

— Нет. Вам лучше придерживаться своего расписания. Бесспорно, что нам по-прежнему нужен среднестатистический палайятчанин, а тот, местонахождение которого мы вычислили, не останется там на веки вечные.

Глава 3

Йуннан, среднестатистический палайятчанин, окончил третий день своего одиночного похода

неплохим ужином, состоящим из хорошей порции деликатесных жареных водоплавающих зверьков с крепким панцирем, поймать которых было непросто. Уже несколько недель он хотел освежить в своей памяти вкус этого деликатеса, и именно с такой целью он оказался на плоскогорье, где в многочисленных холодных и быстрых речушках можно было добыть этих зверьков в больших количествах.

Высосав последнюю раковину и бросив ее в костер, он некоторое время сидел под темнеющим небом, глядя на загорающиеся звезды и бросая время от времени взгляды на мрачный горный хребет по соседству. Там появились еще два еле заметных костра, что означало присутствие других охотников на сокуа. Йуннан подумал, что мог бы остаться здесь еще на пару дней, а затем пуститься в обратный путь к долинам и равнинам, к своему полупостоянному дому в полупостоянной деревне. И там он сможет вернуться к своим полупостоянным обязанностям, то есть помогать выращивающим унбаннат в выборе лучших семян для посева в следующем сезоне.

Очень неплохая перспектива. Да и жизнь, мысленно подвел итог Йуннан, вообще замечательная штука! В аналогичных обстоятельствах

он всегда приходил к подобному выводу.

Он подкинул дров в костер, вытянулся на одеялах поближе к огню и укрылся. Поглазел еще некоторое время на звезды и крепко заснул.

Высоко над ним в атмосферу вошел метеор, который вовсе не был метеором, полыхнул желтым светом и исчез. Спасательный вертолет команды планетарных географов станции Ядра, который весь день незаметно кружил над плато, подлетел поближе, повисел несколько минут прямо над лагерем Йуннана, продвинулся дальше над плоскогорьем и исчез в направлении восточного горного хребта.

Темное сферическое тело размером с небольшой дом стремительно и тихо снизилось к плато и, наконец, остановилось в сотне метров от лагеря Йуннана, немного дальше, чем другой такой же аппарат. С их стороны к лагерю подул легкий ветер, несущий запах химических веществ, которые не встречались в такой концентрации в воздухе Палайяты. Йуннан послушно его вдохнул. Через несколько минут ветерок превратился в плавный, непрерывный ток воздуха, похожий на предвестник приближающейся бури. От костра полетели искры, листья на деревьях затрепетали. Затем ветер резко прекратился, будто его и не

было, и в лагерь вошли трое. Они наклонились над Йуннаном.

— Замечательная реакция, — сказала Пилч. Она выпрямилась и посмотрела вверх. Сферический объект скользнул над кронами деревьев и застыл над людьми; из его открытого шлюза донеслись ритмичные щелчки. — Подождите еще две или три минуты для получения абсолютной копии, — заметила она. — Нам не остается ничего другого.

Даффолд заворчал. Он снова чувствовал себя неуютно, и не только из-за присутствия палайятчанина. Пилч объяснила, что случилось с Йуннаном; в его мозг были запущены и зафиксированы образцы внешних сенсорных впечатлений в тот самый момент, когда химические вещества попали ему в кровь. Никаких новых впечатлений в мозг больше не поступало. Он останется в текущем состоянии, и последнее ощущение из реальной жизни — сон — продлится часы и дни. До тех пор, пока не снимут блокировку. Даффолда волновало еще, что операция являлась специально продуманным толчком для запуска загадочного фактора Икс. Возможные последствия успеха этой операции пока еще не обсуждались.

Он посмотрел на пленника. Йуннан, казалось,

в самом деле спокойно спит, но мягкая улыбка гуманоида могла — в зависимости от личного отношения к палайятчанам — означать либо детскую наивность, либо своего рода циничное наслаждение ситуацией.

И пусть Йуннан в данный момент не представлял опасности, но известно ли кому-нибудь или чему-нибудь, находящемуся далеко или поблизости в густой темноте вокруг, что за непокорные и сбивающие с толку мысли крутятся в сознании палайятчанина?

Даффолд знал, что это тоже проверяется. Из переговорных устройств, которые Пилч носила на манер сережек, донеслось бормотание. Когда голос замолк, она кратко бросила: «Хорошо». А затем обратилась к Даффолду.

— Ни одного необычного для этих мест импульса! Только животные… — в ее интонациях послышалось разочарование.

— Как плохо! — вежливо отреагировал Даффолд. Его нервы слегка успокоились.

— Ну, в любом случае это негативный признак, — успокоила его Пилч. Голос в той же сережке опять начал что-то нашептывать, и она сказала. — Хорошо. Подайте в таком случае транспорт! — и обратилась к своим спутникам. — В

шаттле все готово. Пойдемте.

Сквозь темный воздух к ним приблизился гравитранспортер, и член экипажа, который был с ними в лагере, добросовестно и тщательно загасил пенным огнетушителем костер. Пилч поднялась на транспортер. Даффолд посмотрел на нее, потом на занятого тушением мужчину и на Йуннана. Затем сжал зубы, завернул палайятчанина в одеяло, приподнял его и положил на платформу транспортера.

— Хм-м! — прокомментировала Пилч. — Неплохо, Ваше Превосходительство!

В надежде на то, что она не телепат, Даффолд мысленно выругался.

— Ну, какой из меня телепат! — сказала Пилч, дотрагиваясь до сережки, которая раньше не подавала признаков жизни. Она стала ее снимать. — Кроме того, прямо сейчас я выключаю детектор, Ваше Превосходительство…

Примерно через два часа Йуннан внезапно проснулся. Он взглянул на знакомые созвездия над головой, окинул взглядом плато и заметил, что один из костров вдалеке потух. Таким образом, он вспомнил и о своем собственном костре, зевнул, потянулся и встал, чтобы подкинуть еще дров. Затем снова лег, послушал пару минут

ночные трели небольших пернатых созданий, обитающих на деревьях, и провалился в сон.

* * *

— Естественно, с него полностью снята сенсорная блокировка, — объяснил Уинтан Даффолду, когда лагерь Йуннана исчез из вида. — Как вам ваше участие в инсценировке?

Даффолд признал, что все было реалистично. Однако ему было интересно, добавил он, что будет, если палайятчанину вздумается прогуляться и он уйдет со сцены?

— Ну, — задумчиво сказал Уинтан, — если он это сделает, то нам станет известно, что ему плевать на те пять или шесть убедительных предостережений против прогулок, которые мы засадили в его сознание. Зато в этом случае мы имели бы право считать, что он, скажем так, персональное воплощение Икс фактора. Штаб готов к такой возможности.

Даффолд знал, что вообще-то Пси-Сервис был готов к возможности, что у них на борту окажется сверхсущество, которое могло, по всей вероятности, захватить или даже уничтожить огромный корабль. На судно издалека были нацелены боевые орудия, чтобы подстраховаться на случай,

если оно окажется под контролем чужака дольше, чем на секунду. И еще дальше, откуда-то из небытия Вселенной, каждую секунду тщательно просматривались и анализировались события на корабле.

Но и это еще не все. Приказом Высшего Совета Ядра Звездного Скопления от Палайяты были отозваны все корабли Департамента, и на их орбитах разместились тяжело вооруженные крейсеры, тип которых не смог определить ни один из патрульных командиров.

— Они не станут уничтожать Палайяту без крайней необходимости! — сообщил Кэйбон, расписывая Даффолду ситуацию. — Наше дело — проследить, записать и определить все типы мыслей, эмоций и побуждений, которые появляются в голове Йуннана. И если мы обнаружим, что он именно такой, каким кажется, то это устранит хоть одно вероятное воплощение Икса.

А если Йуннан не был тем глуповатым гуманоидом, каким казался, то его без лишнего шума изолировали бы для изучения. Срок окончания исследования зависел в большой степени от сущности субъекта.

Даффолд не стал оспаривать действенность этого метода; но вот небрежные равнодушные

подсчеты, выполненные службой, шокировали его как ничто другое. На той или иной стадии Икс появится все равно. Если этот фактор враждебен и является непосильным противником, то человек, по крайней мере, не будет захвачен врасплох…

— А нам не повредит поучиться правилам поведения с нашими начальниками, — глубокомысленно заметил Уинтан.

Это было намеком, который Даффолд не смог полностью понять.

В течение последнего часа, пока они заканчивали приготовления к вторжению в сознание среднестатистического палайятчанина, он чувствовал в себе какое-то радостное волнение, что-то близкое к восторгу.

Даффолд был участником проекта самой влиятельной организации Системы Ядра. Всеми презираемые специалисты Психологического Сервиса, эти мальчики на побегушках у вышестоящих департаментов, на самом деле указывали всем, включая и Высший Совет Ядра, что нужно сделать с Палайятой и как именно.

Наверное, не всегда было так, рассудил Даффолд; но постоянные департаменты устаревают. Целое десятилетие Департамент Внешних Представительств — самый проворный из всех

имеющихся — собирал свидетельства о том, что палайятская цивилизация не столь необычна, сколь непостижима. В это же время он откладывал признание факта, что эта непостижимость может быть чревата для него ужасными последствиями, и что на Палайяте скрывается нечто чуждое, вполне разумное, пристально наблюдающее за людьми и, вероятно, только терпящее их присутствие ради непонятных целей.

И даже когда Департамент заставили это признать, он больше не собирался действовать хотя бы в соответствии со своими обязанностями из-за боязни сделать что-то неправильно. Вместо этого была призвана пси-служба…

Пси-Сервис всегда ввязывался в дело, если оно было особенно грязным и щекотливым — по той причине, что его сотрудники всегда показывали безоговорочную готовность прояснить ситуацию и немедленно начинали работу самым лучшим из возможных способов, даже на грани человеческих возможностей. Подобная позиция была гарантией того, что, если в человеческих силах решить проблему, то она обязательно будет решена. Волнение снова заполнило душу Даффолда. И именно поэтому, подумал он про себя, они не разделяли всеобщего отвращения к идее столк-

новения с превосходящей жизнеформой. Даже самая высшая жизнеформа не могла изменить эту позицию! Сервис мог проиграть здесь или где-либо еще, но превзойти его не смог бы никто.

Даффолд удивился разнице в работе различных организаций и пришел к выводу, что Пси-Сервис просто привлек к работе лучших людей из имеющихся поблизости. В другие времена, наверное, такие люди могли быть вовлечены совсем в другую деятельность, но в любом случае они вышли бы в первые ряды человечества и ушли бы из организаций, занимающихся второсортной работой. Что касается его самого — ну, он вроде как быстро и высоко продвинулся в Департаменте. Он знал, что в своей сфере гораздо сообразительнее других работников. Если для продвижения в первые ряды человечества требуется пройти тайный курс пси-тренировки, что ж, он рассмотрит эту возможность. Но только при условии, что жизни всех находящихся на корабле в течение следующих нескольких часов внезапно не прервутся!

* * *

УИНТАН: Пилч, твой паренек только что проскочил одновременно через основы самоуважения и искушение властью и славой! Он мне какое-то

благоговение внушает! Что будем делать?

ПИЛЧ: Мне кажется, слишком рано для открытой передачи. Это может его убить. И если мы что-нибудь обнаружим, то у нас будут неприятности. Бушели не…

КЭЙБОН: Давай открытую передачу, Уинтан. Под мою ответственность.

ПИЛЧ: Нет!

ГОЛОС ОТКУДА-ТО ИЗДАЛЕКА: Решение Кэйбона принято. Выполняйте!

* * *

Уинтан ушел на некоторое время из прослушки, и Даффолд остался в комнате наедине с собой.

Это было странное место. Более-менее точное описание состояло в том, что оно находилось где-то на огромной территории корабля Пси-Сервиса. Замминистра сидел в чем-то вроде большого удобного кресла, ноги покоились на мягкой подставке; насколько он мог судить, кресло медленно и без остановок парило в светло-зеленом люминесцирующем тумане, скрывающем все уже в трех метрах от него. Единственной вещью в поле зрения было такое же кресло чуть правее. Даже вход, через который они сюда попали, нельзя было отыскать в этом слабом свечении; когда

Уинтан ушел, казалось, что он просто пропал в холодном зеленом сиянии еще до того, как нашел дверь.

С начала работы над плененным палайятчанином прошло не так уж много времени, и Даффолд начал прокручивать в уме всю информацию, которой его снабдили в соответствии с операцией и его ролью наблюдателя. Некоторые используемые понятия были незнакомы, но в целом он понимал гораздо больше, чем ожидал. Они действовали на основе предположения, что, за исключением Икс-фактора, умственная структура палайятчанина похожа на человеческую. Аборигены реагировали на внешние стимулы аналогичным образом, и, казалось, следовали тем же основным мотивациям.

Было уже известно, что существовали определенные различия. Мозг палайятчанина был непроницаем для телепатических импульсов на уровне сенсорного и вербального восприятия, что обычно предпочиталось человеческими телепатами, так как процент искажения полученной информации был чрезвычайно мал. Также палайятчане, учитывая неспособность кеффа нападать на них, были устойчивы к телепатическому эмоциональному воздействию. Несмотря на эффект,

который они сами производили на людей, было доказано, что они не излучают никаких волн на этих уровнях, по сравнению с постоянными потоками психических и эмоциональных импульсов, обычно испускаемых человеком.

По крайней мере, к настоящему времени уже сложилась хоть какая-то картина. Все может измениться, когда гигантские усилители, стимуляторы и микросканеры корабля поработают над спящим мозгом Йуннана. Если Икс — скрытый фактор личности палайятчанина, он себя немедленно раскроет. В этом случае исследование как таковое прекратится, и Сервис переключит усилия на установление связи с Иксом. Во всяком случае, станет возможно довольно быстро определить, представляет ли Икс опасность и как он может показать враждебность здесь или на планете.

Но если обнаружится, что Йуннан, каким он себя знал, просто Йуннан и ничего больше, исследование перейдет от личностного уровня к обычному устройству сознания и зонам контроля органов. Где-то в этих многочисленных взаимодействующих жизненных структурах прячется что-то такое, что сильно отличается от обычного гуманоидного образца и делает Палайяту тем, чем

она является. Шли разговоры о том, что влияние Икса, если оно шло извне, не распространялось по планете активно. Но его следы все равно остались бы, и их можно было бы расшифровать.

Даффолд имел достаточно расплывчатое впечатление о перспективах этого предположения, и поэтому он переключился на размышления о том, что сказал Уинтан. Исследования подобного рода всегда несут изрядную долю риска — не субъекту, а исследователю.

Или, в данном случае, наблюдателю.

По словам Уинтана, проблема заключалась в том, что над человеческим сознанием можно провести очень малое количество опытов, как и над любым другим сознанием, для этой цели изученным Сервисом.

— Практическое ограничение, — сказал тогда Уинтан. — Почти все, происходящее во Вселенной, не касается отдельно взятого человека. Если бы он думал обо всех событиях одновременно, то не смог бы даже пройти по комнате, не свалившись при этом по дороге. К тому же, это опасно для его жизни.

А когда Даффолд вопросительно посмотрел на него, психолог пояснил:

— Вы когда-нибудь интересовались границами

чувствительности, Ваше Превосходительство?

— Нет, — коротко ответил Даффолд.

— Ну, — начал Уинтан, — про них еще не все известно до конца. Однако ясно, что они и в самом деле показывают — за один раз человек может испытывать только ограниченное количество эмоций — независимо от того, искусственно они были вызваны или нет, — а потом он теряет всякие ощущения. Так вот, более или менее серьезный материал, используемый сенсуалистами, добывается из эмоций, которые люди переживают в разное время и в полном сознании. Иногда, естественно, при чрезмерной стимуляции. Многие сенсуалисты к настоящему моменту выяснили, что ощущение, первоначально взятое у одного человека, не обязательно будет безопасным для другого, если того заставить его пережить.

Он секунду помолчал.

— Этот *кефф*, — сказал он потом, — вы его видели. Но можете ли вы представить себя мыслящим и чувствующим, как *кефф*, Ваше Превосходительство?

Даффолд усмехнулся.

— Я не думал об этом, — ответил он, затем поразмыслил и потряс головой. — Наверное, не

получится.

— Вряд ли он может оказаться сложным существом, — продолжил Уинтан. — Он глуп, да. Для выживания ему не нужна человеческая сообразительность. Но это не просто глыба с примитивными эмоциями, в которую заключена жизнь. Эти существа — более низкая ступень в биологической цепочке. У них не развито ничего, напоминающее мыслящий мозг, и они следуют тому, что мы называем эмоциями. Это позволяет им выжить. Для того чтобы быть подобного рода проводниками, эти эмоции должны быть очень сильны. Собственно говоря, они достаточно сильны для того, чтобы уничтожить все сложное и тщательно сбалансированное. Например, человеческий разум. И для этого потребуется очень мало времени.

— Откуда вы знаете? — спросил Даффолд.

— Пока сенсуалисты Ядра не знают, с какого конца подойти к проблеме, — сказал Уинтан. — По крайней мере, у нас нет никакой подсказки. Однако Пси-Сервис нашел зацепку, поскольку это было необходимо по ряду причин. В процессе мы, возможно, обнаружим, что эмоция может убить тело посредством уничтожения сознания за несколько секунд, но нам надо было бы узнать

об этом раньше…

— Да? — вежливо произнес Даффолд.

— Ваше Превосходительство, — продолжил Уинтан, — цивилизованный человек, как я могу считать с достаточным для того основанием, является чрезмерно гордым существом. К сожалению, все его успехи часто мешают признать, что его далекие предки, да и предки всех открытых нами изменяющихся и разумных жизнеформ когда-то были вечно голодными, грязными созданиями, которыми двигали страх и бездумное желание набить брюхо, а еще продолжить свой род. Это абсолютно неприемлемо для современного человеческого сознания.

Даффолд засмеялся.

— Я готов это признать, — покорно сказал он.

— В таком случае, — сказал Уинтан, — вы также поняли бы, что этот принцип до сих пор заложен во все разумные жизнеформы и именно он движет ими. Произвольные или искусственно созданные эмоции вроде этих могут очень сильно потрясти сознание, вступившее с ними в контакт, вплоть до летального исхода. Фактически, конечно, это совершенно невозможно — сама структура нашей психики гарантирует, что сквозь фильтры в мозг поступает лишь слабый

отголосок первоначального переживания… Не больше, чем необходимо сознанию для превращения его в какой-нибудь логичный стимул, и в любом случае не больше, чем оно может вынести. Уверен, что в исследовании подобного рода мы рано или поздно нащупаем что-нибудь интересное. И постараемся, конечно же, держаться от этого подальше.

Задумавшись, Даффолд сказал, что начинает сознавать причину этих предосторожностей.

— Что заставило вас впутаться во все это?

— Примерно кубический километр различных устройств, — пояснил Уинтан. — Пожалуй, вот и все.

— М-да, — произнес Даффолд. — Значит, это не только пси-таланты. Вот вы, люди с идеальным пси-состоянием, можете обходиться без мер предосторожности?

Вполне дружелюбно Уинтан ответил, что да, в какой-то мере могут. Если подумать, для Даффолда это прозвучало не так уж плохо. Касающаяся его мера безопасности в комнате прослушки заключалась в том, что если он приблизится к состоянию эмоционального перенасыщения, его автоматически отключат от происходящего на корабле. В другом случае он останется участни-

ком-наблюдателем, которому не достает разве что понимания хода операции.

* * *

УИНТАН: Я честно его предупредил, Пилч.

ПИЛЧ, НЕХОТЯ: В наших планах этого не было! Что ж, ты сделал все, что мог.

* * *

Сквозь люминесцирующий туман время от времени двигались картины. Некоторые были настолько четкими, что Даффолду казалось, будто он может видеть все происходящее сквозь стены корабля. Большинство из видений были какими-то отражениями формы и цвета, а некоторые представляли собой легкие колебания, в которых можно было разобрать только одну-единственную деталь перед тем, как изображение исчезало совсем.

— Это Кэйбон заканчивает последние приготовления, — пояснил Уинтан.

Замминистра кивнул, ошеломленный пониманием того, что только что наблюдал проекции мыслительного процесса человеческого мозга, и разочарованный, что значение по большей части

до него не дошло. На краткий миг показалось лицо Бушели, сопровождаемое изображением человека с толстой шеей, чьи скулы и подбородок обрамляла короткая рыжая борода.

— Эта пара — наши главные исследователи, — коротко разъяснил Уинтан. — Второго зовут Рингор, он начальник отдела анализа образцов.

Пси-установки и их координаторы делали все возможное; они обеспечивали анализ всего богатства деталей, которое ни один человеческий рассудок не мог бы обозреть за тот же промежуток времени. Сотрудники этого отдела также прогнозировали до некоторой степени возможное развитие событий. Постоянные повороты хода поиска Икса находились под руководством этих двух исследователей: Рингора и Бушели. Восемь или девять их помощников должны были наблюдать за ходом их работы, но они вступят в действие только тогда, когда на самом деле потребуются. Пилч была одной из них.

Медленно материализовалось изображение лагеря Йуннана, поглощая туман в прослушке. Картина стала четкой и объемно развернулась вокруг двух наблюдателей. Теперь Даффолду казалось, что он смотрит на спящего у костра аборигена с высоты метров десяти. Иллюзия

была бы полной, если бы не два пятнышка по бокам Йуннана, похожие на сгустки подвижного тумана. Даффолд некоторое время пристально смотрел на это странное явление и вздрогнул, внезапно разгадав в призрачной кружащейся дымке лицо рыжебородого исследователя. Но пятнышко исчезло еще до того, как Даффолд смог удостовериться в своем предположении. Он взглянул на Уинтана, совершенно неуместно висевшего в своем кресле под звездным небом.

Сотрудник Сервиса ухмыльнулся.

— Я тоже видел лицо Рингора, — произнес он слишком громким, как подумал Даффолд, для этого места голосом. — Второй — Бушели, или, в данный момент, проекция Бушели. Они созданы, чтобы продемонстрировать, чего можно добиться в форме, имеющей какое-то значение в человеческом восприятии. Правда, у обоих собственный взгляд на это! Вы привыкнете.

Наверное, он говорит об одной из установок, решил Даффолд. Он уже начал было расспрашивать, как вдруг транслируемая картина ожила.

Что-то, похожее на слабый, недолгий всполох северного сияния… Затем яркий у горизонта заиграл звездопад. Даффолд на миг забыл, что перед ним всего лишь иллюзия. Огни и цвета

слились, и появилось огромное изображение белокурой женщины, улыбающейся спящему палайятчанину с далеких скал. Ладони огромных рук покоились на гребнях гор. Вдруг ее лицо исказила неприятная гримаса, рассеявшаяся через мгновенье. Затем женщина исчезла, и на ее месте возникла совершенно обычная, ярко освещенная комната, в которой за столом сидел мужчина в униформе Сервиса.

— А это что такое?! — выдохнул Даффолд.

— А? — рассеянно сказал Уинтан. Он повернул голову и засмеялся: — Да ведь это же наши исследователи настраиваются друг на друга. Эта пара уже работала раньше вместе, но нужно некоторое время… Ага, поехали!

Даффолд моргнул.

Окружающее пространство наполнилось беспокойным сумраком, призрачной серостью; в ней угадывалось какое-то беспорядочное движение, направление и скорость которого определить было невозможно. Все эти перемещения не имели никакого смысла.

— Практически это самая лучшая иллюзия, какую только может создать пси-проектор, — в голосе Уинтана слышались извиняющиеся нотки. Только сейчас Даффолд заметил, что в этой

серости его напарника не было видно. — В данный момент вы видите… э-э-э… В общем, так бы выглядело сознание нашего палайятчанина, если бы он не спал, а бодрствовал.

Даффолд ничего не ответил. Он едва не запаниковал при мысли о том, что в этой атмосфере не сможет дышать, и всячески пытался отогнать эту чрезвычайно неуютную мысль. В серой дымке внезапно сверкнула и погасла яркая и синяя, как электросварка, вспышка.

— Они пришли в движение, — пробормотал незримый Уинтан. — Начинается сон!

Дышать и в самом деле стало трудно! Если б только эта синева появилась снова…

И она появилась.

Даффолд с облегчением ловил ртом воздух, а серая завеса то тут, то там стала рваться в клочья, обнажая голубизну небосвода с разбегающимися облаками. Откуда-то сверху донесся заботливый голос Уинтана:

— Знаете, если это вас беспокоит, я все немедленно отключу!

— Не надо, — сказал Даффолд и бешено расхохотался: — Я только что… ха-ха… обнаружил, что меня здесь… охо-хо… нет!

В какой-то степени это было правдой. В поле

его зрения не было ни Уинтана, ни самого Даффолда, не говоря уже о креслах, в которых они по-прежнему сидели. Он посмотрел вниз, где, по определению, должно было находиться его тело, нотам было только пустое пространство, и замминистра снова засмеялся. Во всяком случае, он-то ощущал и себя и кресло под собой, так что о превращении в бесплотного духа можно было не беспокоиться.

— Довольно странные сны, — голос Уинтана звучал так, будто мужчина улыбался, но чувствовалось, что тревога все еще не покинула его окончательно. — Особенно, если это сны кого-то другого. И особенно, если этот кто-то — нечеловек. Кстати, для вас, сэр, это всего лишь зрительная иллюзия. Чтобы избавиться от нее, достаточно закрыть глаза.

Ради эксперимента Даффолд закрыл глаза и похлопал по подлокотнику. Затем открыл их снова…

За этот момент сон Йуннана стал другим. Взору Даффолда предстал мелкий ручеек, быстрый и чистый, в котором металось из стороны в сторону существо, похожее на пестрое яйцо, клюнувшее на серебристую приманку. Рядом с ним появилось еще одно такое же существо, быстро шлепающее

плоскими красными ластами.

— Горные сокуа, — пояснил Уинтан. — Наш приятель охотился на них весь день, — его голос зазвучал задумчиво. — Хм, пока не выявилось ни одного признака пресловутого Икса. Наверное, операторы попытаются стимулировать другой тип последовательности…

Пока он говорил, изображение кардинально изменилось. Это была, очевидно, какая-то неловкая, окрашенная в резкие цвета, пародия на улицу палайятского города. Некто, смахивающий на смесь из красноногого сокуа и очень полного палайятчанина, взволнованно разговаривал с другими аборигенами. В следующий миг все они как по команде повернулись и уставились прямо на Даффолда. В их взглядах застыл немой упрек. Он невольно сжался, но уличная сценка уже исчезла.

Наблюдателей снова окутал мерцающий зеленый туман. Уинтан едва заметно улыбнулся Даффолду из соседнего кресла.

— Мы только что наблюдали ночной кошмар, — объяснил он. — Он-то и разбудил Йуннана. Оказывается, наши нечеловеческие дружки тоже иногда видят плохие сны! — Уинтан оглядел Даффолда насмешливым взглядом. — Вы, надеюсь,

поняли, что это сновидение несет в себе чувство вины?

— Вины? — переспросил Даффолд.

— Парень убивал сокуа, — сказал Уинтан. — А подсознание решило, что так поступать нехорошо, и наказало его, — через мгновение добавил он. — Да, если я ничего не пропустил, то пока успехов никаких не намечается. Правильное, по-детски тривиальное сознание. И совершенно бесхитростное, что соответствует тому, как аборигены выглядят в наших глазах и как себя ведут в повседневной жизни.

— А может это быть фальшивым, наигранным?

— Ну-у, — протянул Уинтан, — люди бы так сыграть не смогли. Во всяком случае, с такой степенью достоверности. Хм, на следующем этапе операторы пойдут глубоко внутрь. Станет гораздо интереснее.

Вспыхнула радуга. Цвета были слишком насыщены и либо двигались бессмысленными потоками, либо застывали, обретая непонятные формы, что заставляло Даффолда ломать голову, что бы это могло значить. В результате мысленных упражнений он почувствовал себя не слишком комфортно. Потом ему в голову пришла

идея, он повернулся и высказал ее Уинтану.

— Да, — ответил голос Уинтана, — не удивительно, что это заставляет вас думать о некоторых видах человеческого искусства. Мы проходим метафорический уровень, — он помолчал. — Как вы себя чувствуете?

— Слегка побаливает голова, — признался Даффолд, прислушавшись к собственному организму. — А что?

— Хм, на вас могло подействовать и таким образом. Закройте глаза на которое время. Я дам вам знать, если обнаружу что-то стоящее.

Даффолд послушно закрыл глаза. Теперь, когда его внимание переключилось на внутреннее созерцание, головная боль почти отступила. Он помассировал лоб кончиками пальцев. Уинтан продолжил свои пояснения:

— Ха, у парня совершенно не такая совокупность умственных структур, какую можно было бы предположить, принимая во внимание физическое сходство с человеком. Эта область коры головного мозга формируется, когда в зиготе[20] еще только развиваются визуальные центры. Это чисто зрительный опыт предков, предшествующий

---

[20] Примечания: 20

Зигота — оплодотворенная яйцеклетка, из которой развивается новая особь.

любым внешним визуальным раздражителям. В будущем это может стать — во всяком случае для людей — неиссякаемым источником искусства… и кошмаров, кстати, тоже, — он остановился, затем резко произнес: — Ага, Бушели что-то нашел! Смотрите, смотрите!

Даффолд открыл глаза. Внезапно его захватило ощущение настоящего ночного кошмара — будто что-то грубо выталкивает его из кресла, приподнимает и подбрасывает…

Ощущение прекратилось, и бархатная тьма возникла перед ним как неосязаемый щит. Он по-прежнему сидел в кресле. С превеликим трудом замминистра сделал вдох. Он не закричал только потому, что был не в состоянии издать хоть звук.

— О, святая Галактика!.. — все же выдохнул он.

— Успокойтесь, — тихо сказал Уинтан. — Я отключил вас.

— Так это же был *кефф*!

— Нечто, очень на него похожее, — возразил Уинтан, и Даффолд понял, что снова может видеть сотрудника Сервиса. Тот наблюдал за чем-то, отгороженным непосредственно от Даффолда неким непроницаемым экраном, и даже если психолог испытывал нечто похожее на ощущения Даффолда, то ничем этого не показывал.

Через минуту он крякнул: — Оч-чень интересно, очень. А мы еще удивлялись поведению *кеффа*!

— А я-то думал, — произнес Даффолд, — что палайятчан этот бегемот не трогал.

Уинтан поглядел на партнера и сказал назидательно:

— Современных палайятчан, вы хотели сказать. Кстати, заметили бросающуюся в глаза условность изображения и его размер — огромный, как монумент на центральной площади Орадо-сити?

Даффолд уклончиво пробормотал, что был не в состоянии рассмотреть детали. Его по-прежнему раздражала собственная уязвимость.

— Мне показалось, что это *кефф*. Почему именно он оказался в сознании нашего парня?

— Образ, переданный наследственностью через поколения, — сказал Уинтан, — или я ничего не понимаю! А этот факт означает — вернее, должен означать — что когда-то у палайятчан не было иммунитета к… Ах, подождите!

— Что-то новенькое? — быстро спросил Даффолд.

Ему показалось, что Уинтан колеблется.

— Да, — сказал наконец психолог.

— Тогда подключите меня снова — не хочу пропустить самое интересное.

На миг Даффолда посетила мысль, что Уинтан пропустит его слова мимо ушей. А затем тьма перед ним начала рассеиваться.

Он смотрел на возникшую картину с совершенным непониманием. По всему телу пробежали противные мурашки.

— Что это?! — спросил он севшим голосом.

— Да уж, кое-что абсолютно новое! — тихо произнес Уинтан. — Мне кажется, Ваше Превосходительство, парни нашли фактор Икс!

На мгновенье Даффолду показалось, что он ничего не понимает. Перед ним парило бледное, круглое, невыразительное Нечто. В нем не было ничего материального, и это было ужасно — волосы на затылке Даффолда встали дыбом. Он поймал себя на мысли, что, если это изображение — проекция искомого результата поисков, то пси-машины озадачены не меньше, «…кое-что абсолютно новое», — кажется, так сказал Уинтан.

Спустя мгновение Даффолд осознал, что жуткое порождение подсознания Йуннана не одиноко. Справа и слева от него, подобно охотничьим собакам, окружающим настигнутую ими дичь, двигались два меньших по размерам световых пятна. Он не сразу понял, что это исследователи-люди. Они не отставали от своего подопытного

кролика.

Стараются войти с Йуннаном в контакт, подумал Даффолд. Чувство страха и угнетенности отступило. Если Рингор и Бушели столкнутся с этим странным и ужасным Нечто…

И соприкосновение произошло очень скоро. Маленькое световое пятно приблизилось к большому, помедлило и придвинулось еще ближе. Из большого выдвинулось что-то вроде светящегося пальца и протянулось к первому пятну.

Тут же на картинку наползла сплошная тьма. Даффолд услышал прерывистое дыхание Уинтана и начал задавать вопросы.

Внезапно перед ними возникло огромное лицо Бушели, лицо человека, не по своей воле расстающегося с жизнью. Глаза несчастного слезились, рот распялен в беззвучном вопле. Сквозь гаснущее изображение пронесся быстрый и решительный всполох, и Даффолд понял, что Кэйбон отдал приказ, который принят к исполнению.

В следующий миг, когда иллюзия тьмы и бледного Нечто восстановилась, он понял также, кем еще был принят приказ.

— Нет!!! — завопил он.

Он изо всех сил пытался встать из кресла, а

Уинтан выкрикивал что-то невнятное, и звуки гасились, словно уходили в вату. И снова появились три светлых пятна, два маленьких и одно большое. И снова маленькое скользнуло к большому, и снова между ними протянулась полоска света.

На сей раз это походило на резкий взрыв темноты.

Ошеломленный, Даффолд на миг завис над огромной черной дырой, а затем… — полетел вниз. У него на какой-то миг, растянутый до бесконечности, возникло ощущение, что он падает в жерло пробудившегося вулкана, ужасы, зловоние и ярость которого вскипели, когда черная лава поглотила свою жертву.

Глава 4

В офисе было душновато. Даффолд откинулся назад, открыл блокнот на свежих заметках, одновременно переключил окно на вид космопорта, где на бетонных плитах приподнятых над землей платформ стояли раскоряченные шаттлы и транспортные перевозчики. Со времени возвращения с корабля Пси-Сервиса это был единственный пейзаж, на который ему было не противно смотреть. Четыре дня назад палайятча-

нам запретили появляться на этой территории, за исключением гида Уинтана, Альбемарла, или как там его. Никто из людей не мог быть уверен, что не обратится в пепел.

Замминистра отметил, что шаттл Сервиса приземлился на тринадцатую платформу. Как всегда, психологи были пунктуальны. Вокруг транспорта двигались фигуры, но узнать их с такого расстояния не представлялось возможным. Даффолд забрал со стола стопку отчетов Сервиса, пробежался взглядом и вытащил один лист. Он хотел освежить в памяти несколько вопросов перед беседой с… кем-нибудь, кого они решили прислать. Он не рассчитывал на приезд Пилч, хотя, по идее, именно она должна была взяться за эту работу.

Он быстро пробежал глазами по строчкам:

«На Палайяте первоначально существовал класс существ — из которых кефф является единственным выжившим видом — вызвавший отклонение в умственном развитии протогуманоидов. Телепатические импульсы, которыми пользовались подобные кеффу плотоядные, могли воздействовать только на сенсорные зоны соответствующих участков мозга. Как бы в ответ на это у протогуманоидов в ходе эволю-

ции., первичный центр восприятия сместился с уровня сенсорной интерпретации на уровень органического контроля, который остался полуавтоматической, подсознательной зоной разума у всех похожих видов. Теперь зоны, контролирующие сознание гуманоида, больше не подчинялись телепатическому воздействию. Продолжающийся поток телепатических импульсов кеффа стал бессмысленным, и поэтому мозг в конечном счете отключил не нужные больше рецепторы...

Наблюдателю того периода могло показаться, что гуманоиды Палайяты сами завели себя в эволюционный тупик. Интеллект животного должен сам изолировать себя от влияния примитивных эмоциональных волнений, происходящих на подсознательном уровне, если появилась необходимость развить рациональное отношение к окружающему и умение абстрактно мыслить. В ходе этого процесса снижается влияние полуавтоматических уровней сознания, которые по большей части остаются на бессознательном уровне. В данном же случае, однако, был потерян контакт с уровнем сенсорной интерпретации, которая обычно является зоной интеллектуального развития. Многие сотни тысяч лет палайятские гуманоиды внешне оставались

животными. Фактически их мозг продолжал развиваться по норме, сопоставимой с проточеловеческой; но рост сознания и потенциала формирования почти полностью поглощался подсознанием, от которого гуманоид, как личность, отступил...»

Даффолд отложил лист, покачал головой и выбрал другой:

«...Цивилизация на довольно развитом уровне развития, найденная нами на Палайяте... сравнительно недавно... Гуманоидное существо, с которым мы здесь столкнулись, внешне можно принять за вторичную личность, подчиненную личности первичной, внутренней. Однако этот термин едва ли будет оправдан, если применять его к симпатической нервной системе человека.

Поверхностное сознание палайятчанина постепенно становилось все более и более сложно структурированным, потому что усложнялись действия, необходимые для нормальной жизнедеятельности. Палайятчанин понимает мотивации, но не понимает, что источником этих мотиваций является его подсознание. Он не может осмыслить, что индивидуальные желания и действия — уже продуманный фактор жизни цивилизации, которая считает это само

собой разумеющимся.

С другой стороны, подсознательная личность на этой стадии развития все еще способна прийти только к обобщенному пониманию материальной реальности, в которой она существует в качестве отдельного организма. Она использует поверхностное сознание как агента, которого можно побудить двигаться к материальной цели, выгодной для него и его собратьев. По человеческим стандартам эти цели остались ограниченными, так как возможность их достижения зависит от фактического уровня интеллекта, которого на настоящий момент достигло поверхностное сознание. Кроме этого, они ограничены несовершенными понятиями подсознания, касающимися природы материальной реальности. Например, тот факт, что пространство простирается за пределы их планеты, не имеет для них никакого смысла, хотя некоторыми аборигенами, умеющими мыслить абстрактно, это было признано теоретически возможным...»

Даффолд вложил листы обратно в стопку. Он не мог оспорить отчеты или официальные заключения Психологического Сервиса относительно Палайяты, и не сомневался, что департаменты

Ядра Звездного Скопления примут их с распростертыми объятьями.

Что ж, в данный момент мы имеем дело с расой аборигенов, у каждого из которых раздвоение личности. Но это не имеет значения, поскольку компетентная служба утверждает, что палайятчане безопасны, значит, так оно и есть! К сожалению, нельзя избежать эмоционального вреда, который они приносили, но в случае необходимости в общение с ними могут вступать люди, защищенные действием лекарств.

Все, похоже, были удовлетворены результатом.

Все, кроме Даффолда.

Он как раз протягивал руку к другой стопке отчетов, когда настольный коммуникатор перед ним тихонько пробормотал.

— О да! — ответил замминистра. — Да, конечно. Пропустите ее.

Даффолд с любопытством посмотрел на присевшую за стол Пилч. Честно говоря, сегодня она была еще более привлекательной, чем когда-либо; утонченные черты лица напоминали об идеале. Однако сейчас психологиня не пробудила в нем нежных чувств, и от этого он почувствовал только облегчение.

— Как я понимаю, — начала красавица, — вы

не совсем довольны нашими отчетами?

— Да, у меня возникло несколько вопросов, — сказал Даффолд. — С вашей стороны очень мило прийти сюда, чтобы прояснить ситуацию.

Женщина слегка наклонила голову.

— Лично я считаю, — нерешительно произнес Даффолд, — что во все изложенное трудновато поверить. Да, я потерял сознание еще до окончания исследования и не могу засвидетельствовать, что именно вы обнаружили в итоге. Но я не нашел ни слова о том, каким именно способом это было сделано.

— Да, это так, — согласилась Пилч. — Описание способа ничего не даст дилетанту, который не знаком с нашими методами проведения операций. Во что именно вам не верится? В то, что настоящий палайятчанин, запрятанный очень-очень глубоко в себе самом, едва ли сознает, что мы суетимся вокруг и пытаемся войти с ним в контакт?

— М-да, я не могу отрицать, что все обстояло на самом деле так, как вы говорите, — раздраженно сказал Даффолд. — Но как же вы это выяснили?

— Одно из этих внутренних сознаний само сказало нам об этом, — отозвалась Пилч. — Но не то, что было скрыто в Йуннане. Бедняга к тому

времени, когда мы закончили, был до смерти напуган и громко взывал о помощи. Нам поведал об этом некий внутренний разум, протянувшийся издалека, с другого конца планеты, чтобы посмотреть, что же с его собратом не в порядке. Это был, так сказать, наш коллега. По крайней мере, этот абориген считает себя Психологом, специалистом по проблемам сознания.

Даффолд беспомощно помотал головой.

— По нашим человеческим стандартам, это довольно странный способ существования, — добавила Пилч. — Но аборигенам он нравится… — Она помолчала и продолжила: — И когда упомянутый Психолог ментально заговорил с нами, то у меня, например, возникло такое ощущение, будто я глубоководное животное, знающее совершенно все о себе самом и обо всем остальном в огромном темном океане, окружающем меня. И чувство это было весьма ярким. Теперь с уверенностью могу утверждать, что жизненный опыт аборигенов Палайяты можно сравнить, по крайней мере, с опытом среднестатистического человека.

— А что испугало Йуннана? — спросил Даффолд.

— Он догадался, что что-то пошло не так. Он не осознал, что его физически увезли с планеты,

но — если использовать наши людские понятия — почувствовал, будто внезапно оглох… и стал невидимым. Он не мог больше достучаться до остальных сородичей, а они, ему казалось, оставались в неведении, что происходит с ним. И вот вдруг наши исследователи с ним заговорили! Вы знаете, на что похожи люди во внутреннем представлении палайятчан? На маленьких ленивых зверьков, внезапно очутившихся в их мире! Думаю, их не особо впечатляет наш уровень жизни. И когда двое из этих зверьков попытались войти с ним в контакт — разум, подобный его разуму, но родом не с его земли — Йуннан запаниковал.

— И тогда он убил Бушели, — произнес Даффолд.

Пилч невозмутимо отреагировала:

— Правильнее будет сказать, что Бушели сам себя убил. Существовали некие зоны его сознания, которые он никогда не желал признавать своими. По его же собственному мнению, Бушели был идеалистом, а при работе в Пси-Сервисе это может повлечь за собой необратимые последствия. Конечно, он имел право настоять на том, чтобы взять на себя этот риск. Так что это был целиком его выбор.

— А что именно с ним случилось? — осторожно

спросил Даффолд.

— Палайятчанин активизировал законсервированную зону разума Бушели, и Бушели испытал ее воздействие на своем сознании. Это его и погубило.

— В какой бы форме вы это ни подавали, — сердито сказал Даффолд, — но, по крайней мере, одно человеческое существо было убито туземцем!

Она покачала головой:

— Нет. Это случилось непреднамеренно. Йуннан просто пытался отпугнуть Бушели. Именно так аборигены обращаются с чужими сознаниями, которые их донимают.

— Отпугнуть? — недоверчиво повторил Даффолд.

— Послушайте, — сказала Пилч, — каждый раз, когда вы ощущаете беспокойство, это означает, что тот или иной палайятчанин пытается отогнать вас тем же самым образом, каким это сделал с Бушели Йуннан. Любой человек, любая мыслящая жизнеформа, о которой нам известно, прячет эту способность под многими и многими слоями сознания. Сверхмощные благородные порывы — просто слабая тень нашей истинной сущности. Необходимо примерно такое же оборудование, как у нас на корабле, чтобы сознательно

прийти в состояние, хотя бы приближенно напоминающее то, в котором средних способностей абориген сможет уложить нас на лопатки. Но здесь, на планете, такого никогда не случится.

Даффолд выглядел как человек, внезапно проглотивший стакан касторки.

— А несколько туристов сообщили, что испытывают на Палайяте эйфорию.

Пилч кивнула.

— Я не говорила об этом, потому что знала — вам это неинтересно. Как было сказано ранее, они считают нас маленькими странными животными. Некоторым туземцам эти зверьки нравятся. Так что они посылают импульсы удовольствия — до тех пор, как мы не начинаем кусаться, ну, или как там они это воспринимают. Скажите-ка, — продолжила она до того, как замминистра успел ответить, — перед тем, как вы потеряли сознание во время исследования, что вы чувствовали — ужас, отвращение, ярость?

Он бросил на нее осторожный взгляд.

— Э-э… и то, и другое, и третье, все перечисленное вами, — сказал он. — Невообразимое чувство, что я чуть было не притронулся к чему-то очень хищному, прожорливому, голодному… К чему-то омерзительному! Я могу понять Бушели, — он

помолчал. — Как так получилось, что я не узнал о трагедии с Бушели?

— Вас автоматически отключили на тот миг, когда это случилось. Было очевидно, что это находится за пределами вашей эмоциональной устойчивости. Мы же сказали вам, что необходимы определенные меры предосторожности.

— Понятно, — сказал Даффолд. — А как же насчет всего остального?

Пилч, казалось, слегка удивилась.

— Если бы у Уинтана оказалось достаточно времени, он бы вас отключил, — сказала она. — Но, очевидно, что вы и в самом деле выдержали все, хоть на некоторое время и потеряли сознание. Все происходило в безопасных пределах.

Даффолд почувствовал, что в нем зарождается гнев.

— Как только вы заняли место Бушели, мне показалось, что палайятчанин атаковал вас так же, как и Бушели. Так?

Пилч кивнула.

— Да.

— Но из-за вашего идеального пси-состояния атака вас не смутила?

— Не настолько, чтобы не воспользоваться ею, — ответила Пилч.

— Каким же образом?

— Я смогла установить контакт с Йуннаном, — отозвалась она. — Это произошло в тот момент, когда вы принялись кричать. Как же плохо, что вы это заметили!

Даффолд аккуратно выводил пальцем на столе большой, ровный круг.

— И вы смогли принять это как часть собственного сознания? — произнес он с легким удивлением. — Что ж, могу только поздравить вас с приобретением такой необычной способности.

Пилч покинула офис сильно побледневшей. Но почему-то Даффолд не ощущал никакого удовлетворения.

* * *

Когда Пилч вышла из дверей, Уинтан стоял, облокотившись на парапет центрального здания Департамента.

— Я думала, ты будешь в транспорте, — сказала она.

— Я там и был, — ответил Уинтан. — Погрузили дюжину слегка оглушенных *кеффов*, и я решил в последний раз прогуляться.

— Альбемарл? — спросила она, когда они направились к платформам космопорта. — Или

Психолог?

— Оба, — ответил Уинтан. — Я хотел бы попрощаться с Альбемарлом, но старый бродяга совершенно пропал из вида. Ему бы понравилась охота на *кеффов*! Очень жаль, что он должен продолжить свои ритуальные странствия.

— А как насчет другого?

— Шансы, что он пойдет с нами на второй контакт, мизерны, — сообщил Уинтан. — Однако, — он поднял повыше правую руку, — посмотри-ка на этот симпатичный браслет! Если Психолог настроен серьезно, то это поможет ему найти меня.

Она оглядела металлическую полоску с двумя встроенными блестящими кнопками черного цвета.

— И как эта штука действует?

— Теоретически? Наводит помехи на восприятие аборигенов. У техников, как всегда, не было времени протестировать браслет, но он вроде работает. Пока я гулял, то ловил на себе заинтересованные взгляды местных дамочек и кавалеров. Но на этом все и кончалось. А как у тебя прошло с Его Превосходительством?

— Как мне кажется, удовлетворительно, — недовольным голосом сказала Пилч. — Никаких истерик. Но на какое-то время, знаешь ли, этот

человек заставил меня почувствовать себя преступницей.

— Самозащита, — допустил Уинтан. — Дай ему время освоиться. По существу, он уже догадался, что вулкан эмоций, куда он провалился, был его собственным, а не нашим или Йуннана. Но пройдет год или два, прежде чем он сможет это признать, а пока выпускает пар, испытывая к тебе время от времени отвращение.

— Я читала доклад Предсказателей о нем, — сказала Пилч. — Знаешь, я по-прежнему не могу согласиться с методами, которые были использованы нами.

Уинтан пожал плечами:

— Зато Кэйбон их оценил. Если бы мы встряхнули Даффолда посильнее, то это переломило бы его как тростину. А если — слабее, то он запрятал бы свое грязное белье куда-нибудь подальше и начисто забыл бы о нем. Теперь он знает о том, что внутри него, и, в конечном счете, осознает это полностью. Когда это случится, парень будет готов для работы в Сервисе, причем без подготовки. И не откинет копыта, как это произошло с Бушели.

Какое-то время они молча шагали мимо гуляющих палайятчан. В воздухе висел коктейль из

всевозможных духов Ядра Звездного Скопления, слышалась дружелюбная болтовня, и внимательные взгляды туземцев провожали людей.

— Почему ты так уверен, что Даффолд придет к нам в Сервис? — в конце концов спросила Пилч. — Когда он осознает, что случилось, то этот щелчок по носу выведет его из себя.

— Кого-то другого, возможно, и выведет, — возразил Уинтан, — но есть такие люди, которых не удержать, если в один прекрасный день они узнают, где их ожидает настоящая работа. Для Его Превосходительства щелчок по носу станет первой ступенью для развития своего пси-таланта.

— Хм, возможно. Но подобные идеалисты, — отозвалась Пилч, — всегда поражали меня своей необычностью! Они никогда не обращают внимание на то, что настоящая причина, по которой Человек заслуживает одобрения Вселенной, кроется в способности действовать наилучшим возможным способом, несмотря на истоки своего животного происхождения.

— Нельзя серьезно обвинять идеалистов, — заметил Уинтан. — Как ты, вероятно, обнаружила в процессе развития собственного пси-таланта, некоторые наши истоки выглядят крайне непривлекательно.

— На этот раз, — мрачно согласилась Пилч, — ты абсолютно прав. Кстати, исходящие от тебя помехи вроде не вызывают у окружающих всеобщего восторга. За последние десять секунд меня уже три раза пытались отогнать.

— Вон тот малыш в нескольких шагах позади, — сообщил Уинтан, — очень сердито на нас смотрит, но мамаша его уже оттаскивает. Интересно, что он осознанно понял?

— Наверное, вырастет с твердым убеждением, что люди из Ядра Звездного Скопления плохо пахнут, — предположила Пилч. Они подходили к длинной низкой стене, от которой платформы вели к нижней секции взлетной дорожки. В этом месте толпа аборигенов разделялась на отдельные ручейки. — Ты заметил хоть кого-нибудь, кто предположительно может оказаться нашим Психологом?

Уинтан ответил отрицательно.

— Если, как он сказал, будет ошиваться где-то поблизости, то ему понадобится еще минут десять для решения, готов ли он к космическому путешествию. Давай постоим и перед заходом на платформу дадим ему последнюю возможность появиться.

Они прислонились к стене и с надеждой нача-

ли всматриваться во фланирующих аборигенов.

— Сначала идея ему очень понравилась, — сказал Уинтан, — но, мне кажется, у него было мало времени поразмышлять о том, что космическое путешествие — слишком большая перемена в восприятии мира. Как-никак, он ведь потеряет контакт со своей планетой еще до того, как корабль выйдет из Системы.

Пилч пробрала нервная дрожь.

— Подобно человеку, постоянно живущему в уединенном мире грез своей мечты, слушая голоса странных существ. Ну разве это не смешно — две разумные расы существуют бок о бок, ноне могут добиться взаимопонимания из-за страхов собственного подсознания!

— Нельзя, чтобы все так осталось, — с сожалением произнес Уинтан. — Ведь мы могли бы так много от них узнать о себе! Мы спускаемся до их уровня понимания, а они поднимаются до нашего. Как жаль, что не удастся поэкспериментировать здесь хотя бы годик-другой! Но у Провидения, видно, иные планы для нас. Минет половина века, прежде чем Сервису представится следующий шанс взглянуть на Палайяту.

Пилч взглянула на часы.

— Согласно тем же планам, мы должны пойти

к тринадцатой платформе, Уинтан.

Они неохотно сдвинулись с места. Когда они подошли к лестнице, ведущей к закрытому шлюзу платформы, навстречу им неторопливо поднялась с корточек долговязая фигура.

Пилч ошарашенно посмотрела на Уинтана.

— Великие Звезды! — пробормотала она.

Уинтан откашлялся.

— О, Альбемарл! — его голос дрожал. — Приветствую тебя!

— Приветствую тебя, Уинтан! — мягко произнес пожилой абориген. — Я должен испросить сердечного прощения за то, что не встретил тебя, как обещал. Я пережил странное приключение.

— Неужели? — сказал Уинтан.

— Да-да, действительно! Сорок долгих лет я блуждал по просторам планеты, и везде меня ждал радушный прием из-за моей великой мудрости и изобилия дельных советов. Когда недавно ты спросил у меня, хочу ли я сесть на ваш корабль и улететь на нем из этого мира в непонятную пустоту, откуда пришли вы, люди, я рассмеялся. Потому что — прости меня еще раз, Уинтан, — мы все думаем, что очень глупо покидать прекрасный и знакомый мир и радушную поддержку множества своих друзей только из-за того, чтобы

в лучшем случае и к тому же через долгое время достичь другого мира, который вряд ли намного отличается от нашего и в котором можно снова завести друзей. Кроме этого, ты говорил о риске.

— Да, — сказал Уинтан, — конечно, риск есть всегда.

Альбемарл кивнул.

— Но в ночь после твоего отъезда, — продолжил он, — мне приснился сон. Со мной разговаривал громкий голос, известный мне как Голос Меня Самого, — тут Пилч шумно вздохнула, — и он рассказал мне о том, что я проглядел. И тогда я понял, что это правда, и сильно встревожился. Итак, дни и ночи я шел по горам и долам, обдумывая сказанное Голосом. И в конце концов я пришел сюда со спокойным сердцем и хочу спросить, могу ли я подняться на корабль и пуститься в долгое путешествие с тобой и твоими друзьями сквозь годы и непонятное пространство, лежащее за пределами моего мира?

— Конечно же, Альбемарл! — воскликнул Уинтан.

— Мы уезжаем прямо сейчас? Поверь, я готов.

— Да, сейчас, — Уинтан бросил взгляд на все еще не верящую и улыбающуюся Пилч; затем подошел к шлюзу и приложил большой палец к

замку, который реагировал только на папилярный отпечаток человека.

— Альбемарл, — вежливо сказала Пилч, когда шлюз, шипя, открылся, — вы не могли бы рассказать мне, что вы такое проглядели?

Альбемарл доброжелательно посмотрел на психологиню своими немного мутными палайятскими глазами.

— Почему бы и не рассказать? Это простая, но великая истина: ДЛЯ МУДРОСТИ НЕТ ПРЕДЕЛОВ. И когда мудрец слышит о новой вещи вне прежних своих знаний, но которую еще предстоит познать, она не кажется ему такой привлекательной, как все известные ему вещи. Но он обязан познать ее, иначе никогда не найдет покоя.

Уинтан посторонился, чтобы дать Пилч пройти. Она взяла Альбемарла под локоть и подошла к шлюзу вместе с ним. Затем остановилась.

— После тебя, брат! — сказала Пилч.

В ЯДРЕ ЗВЁЗДНОГО СКОПЛЕНИЯ
(сборник)

В поисках утраченного
(повесть)

— На этой стороне планеты Мецмиали стояла глубокая ночь: большую часть неба затмевало плотное облако космической пыли. Находившееся на расстоянии немногим более двух световых лет отсюда, оно получило название Преисподней. На фоне мрачного облака мерцала лишь горсточка ближайших звезд. На востоке волнистые края облака были подсвечены главным скоплением солнц Ядра Звездного Скопления, которые пока скрывались за линией горизонта.

Уединенный, сливающийся с окружающим его пейзажем космопорт был ярко освещен, хотя почти пустовал. На одиночных стоянках находилось несколько небольших кораблей, да двое патрульных обозревали местность, неспешно барражируя на высоте шести метров в своих скутерах-поплавках. Охранники не слишком опасались незваных гостей. Корабли были надежно заперты, а кроме них, красть было, в общем-то,

нечего. Тем не менее, в обязанности этих людей входил осмотр территории каждые два часа, и они добросовестно выполняли свой долг.

Один из них внезапно остановил скутер и сказал в микрофон:

— Эй, погляди-ка на двадцать вторую!

Его напарник повернул голову в указанном направлении. Двадцать вторую стоянку занимал самый большой корабль из всех находившихся на территории космопорта. Это была межзвездная яхта, которая минувшим вечером вернулась на стоянку после развлекательного круиза. Патрульный в изумлении уставился на нее и спросил:

— Это правда, что на борту никого не осталось?

Первый охранник сверился со своими записями учета.

— Там никого не должно быть до завтрашнего утра, — заявил он. — Завтра ей предстоит очередной техосмотр.

— Тогда что это за хреновина?

«Хреновиной», по его словам, было нечто, похожее на струю тусклого багрового пламени, которое бесшумно рвалось из-под прочной внешней обшивки фюзеляжа где-то примерно на половине длины яхты. «Пламя» как бы стекало по корпусу вертикально вниз и, достигнув земли,

исчезало. Казалось, оно спускалось непрерывным потоком сквозь опорную площадку двадцать второй стоянки прямо в почву.

Оба охранника машинально взглянули на датчики излучения, вмонтированные в пульты управления их «поплавков». Удивительное дело — приборы ничего не фиксировали. Патрульные вновь перевели взгляд на яхту. Зрелище было загадочным и жутковатым.

— Впервые вижу такое! — встревоженно произнес второй патрульный. — Надо немедленно доложить начальству! Наверное, кто-то забрался на борт и черт те что вытворяет с двигателями… Постой!

Кажется, истечение странной субстанции прекратилось.

Они молча пронаблюдали, как последние остатки огненного ручья стекли по яхте и беззвучно скрылись под основанием опорной площадки.

Первый патрульный покачал головой.

— Позвоню-ка я начальнику охраны, — сказал он. — Уж он-то обязательно…

Из датчиков излучения одновременно вырвался свист, режущий ухо. Блеклое пламя вырвалось из-под земли под скутерами; оно полностью охватило «поплавки» вместе с находившимися

в них людьми. Лишь мгновение в дрожащем багровом зареве тела патрульных дергались в конвульсиях. Потом они бесследно растворились, словно растаяли, как воск. Огонь опустился и утек в землю. Пронзительный писк радиационных датчиков снизился до легкого шипения и вскоре затих окончательно.

Скутеры неподвижно висели в воздухе, невредимые, но без водителей…

Покоясь в восьмидесяти метрах под поверхностью земли, гойал терпеливо дожидался воссоединения с отделившейся от него частью. Растворив людей, которые заметили, как гойал покидал корабль, он вновь слился с основным «телом» своего хозяина.

Гойал состоял из миллиардов частиц. Этот сгусток материи, принимавший форму то вещества, то энергии, был безгранично растяжим и очень подвижен в космическом вакууме, в отличие от плотных сред планет, где его размеры и маневренность были относительно ограничены. Сейчас он был близок к своей самой компактной вещественной форме. Этот пласт инородной материи в теле Мецмиали испускал лучи неведомой природы. Таким образом, принадлежащие ему сенсорные участки «прощупывали» территорию

космопорта в поисках живых свидетелей его появления на планете.

Удостоверившись в их отсутствии, гойал медленно пополз под землей. Он держал путь к той точке на поверхности планеты, до которой было примерно тысяча километров…

А в этой самой точке Дейнстар Джеймс с досады забралась темно-зелеными ногтями в свою шевелюру, крашенную, в тон ногтям, в аналогичный колер, и, глядя на экран камеры тайного наблюдения, где в данный момент работала, забористо выругалась.

* * *

В маленьком помещении на Складе Нестандартных образцов, который принадлежал Университетской Лиге планеты Мецмиали, кроме нее, никого не было. Склад представлял собой группу массивных зданий, аляповатых на вид, но построенных основательно. Он занимал обширную площадь, на которой можно было возвести поселок средних размеров, и располагался в пустынной местности, на приличном расстоянии от любого маломальского людского поселения. Сооружениям Склада было больше трех сотен лет, и, как любой комплекс капитальной постройки,

он был огорожен сплошным энергетическим барьером. Для внешнего мира этот заслон представлял собой своеобразный купол, полностью скрывающий от постороннего взора складские постройки.

Изначально на месте Склада располагалась крепость. Ее возвели в тот период истории планеты, когда она подвергалась непрерывным нападениям космических пиратов, — как людей, так и инопланетян. Тяжелое вооружение, установленное в свое время для борьбы с такого рода неприятелем, было давно демонтировано. Однако капитальные строения остались; а энергетический барьер бывшей крепости оказалось проще и дешевле оставить в прежнем качестве, нежели снять. Тем более что это сооружение колоссальной мощи до сих пор находилось в отличном рабочем состоянии.

Теперь весь этот комплекс зданий и сооружений был перепрофилирован в автоматизированный склад. По сути, он являлся гигантским музеем как существующих, так и уже исчезнувших галактических форм жизни. А еще в нем содержались — причем в жутком беспорядке — минералы, образцы почв и атмосфер множества исследованных планет. В общем, все то, что на-

учные экспедиции, правительственные группы исследователей, изыскатели, колонисты или просто вольные искатели приключений находили в космосе и передавали в Университетскую Лигу, если это представляло хоть какой-то интерес. Интерес, достаточный для того, чтобы окупить тщательный анализ природы и свойств этих артефактов. На протяжении более чем столетия Лига прилагала титанические усилия по освоению и упорядочиванию собранных материалов; особо, впрочем, не преуспевая в этом похвальном начинании. Продолжающие поступать неиссякающим потоком экспонаты отправлялись в специально отведенные для них помещения для предварительной описи и складирования. Большая часть образцов не представляла особого интереса и вызывала любопытство разве что у последователей какого-нибудь узкого научного направления. Однако какая-то часть экспонатов — несравненно меньшая — порой оказывалась очень ценной. Исследование таких экспонатов приводило к новым фундаментальным прорывам в той или иной области науки, или же просто вызывало коммерческий интерес. Иногда случалось и то и другое вместе. В случаях, когда выявлялась бесспорная научная ценность образ-

ца, он сразу же обретал высокую стартовую цену во время торгов.

По этой причине Склады Нестандартных образцов были в той или иной степени защищены от незаконных посягательств на их содержимое. В этом отношении склад на Мецмиали производил самое внушительное впечатление и порождал среди населения планеты всевозможные слухи. Черный заслон, окружающий Склад, послужил основанием для еще одной сплетни, появившейся совсем недавно. Поговаривали, будто в подвалах складского Банка Жизни в состоянии гибернации содержатся такие инопланетные чудовища, которых никто даже вообразить не в состоянии.

Разумеется, главная причина существования Барьера заключалась в том, что Университетская Лига вовсе не желала разворовывания экспонатов, среди которых, возможно, имелись поистине бесценные экземпляры.

Именно по этой причине Дейнстар Джеймс и проводила на Складе все свое время.

Дейнстар была стройной привлекательной девушкой с гибкой талией. Она была экипирована в черный комбинезон строгого покроя, облегающий ее изящную фигуру, и короткую, просторную белую куртку. Последняя имела множество по-

тайных карманов для ношения инструментов, аппаратуры, хитроумных устройств слежения и тому подобного. Без всего этого работа Дейнстар была просто немыслима. К широкому ремню с инкрустацией, который опоясывал комбинезон под курткой, крепились, расположенные в ряд, миниатюрные рычажки управления, почти незаметные для постороннего глаза.

Казавшееся на первый взгляд странным пристрастие девушки к одноцветному макияжу — зеленые волосы и ресницы; зеленые губы и глаза — было всего лишь данью профессиональной этике. Она, эта этика, обязывала одеваться в этом сезоне именно так, как одевалась Дейнстар. Также требовалось от случая к случаю менять оттенок косметики, каждый раз сохраняя общий колер. В настоящий момент он был темно-зеленым.

На самом деле зеленые волосы были париком. Этот изысканный, исполненный с исключительным мастерством парик изготовил лично для Дейнстар известный во всей Галактике кутюрье. А вот под мягкими волнами этого чудо-парика, походившего на большой гладкий шлем, прятались тщательно уложенные, коротко остриженные темно-каштановые волосы. Прическа

была воздвигнута самой Дейнстар с не меньшим изыском, чем парик от знаменитого кутюрье. В другое время, при выполнении иного задания парик и прочие аксессуары могли быть цвета морской волны; алыми или слегка отталкивающими бледно-розовыми. Все зависело от цели, которую она преследовала. По своей же сути Дейнстар была довольно консервативна — практически во всех отношениях.

Вот уже десять минут она безуспешно пыталась связаться со своим коллегой, Ковином Вергардом. Последнее сообщение от него, внезапно оборванное, пришло из другого отделения Склада. Он поставил Дейнстар в известность, что там к нему пытаются вломиться какие-то вооруженные типы, вследствие чего он вынужден предпринять одну из своих уловок, причем немедленно.

* * *

Дейнстар Джеймс и Ковин Вергард являлись сотрудниками межгалактического Детективного Агентства Киф и работали на Складе по негласному соглашению между ним и секретариатом Университетской Лиги. Их прислали сюда две недели тому назад. Официально они были оформлены на работу в качестве техников комму-

никационной службы. В их обязанности входило техническое сопровождение перевооружения устаревших систем связи Склада. Дейнстар и в самом деле была высококвалифицированным специалистом в области коммуникации. А вот Ковин Вергард хоть и обладал неплохими практическими навыками в работе со средствами связи, в данной области не специализировался. Он был взломщиком в самом широком смысле этого слова. Если он вознамеривался куда-то проникнуть или просто заглянуть одним глазком, то «не пущать» его в это место являлось делом почти безнадежным.

Методы их работы существенно различались. Дейнстар была, так сказать, «инструментальщицей». Инструменты, с которыми она предпочитала иметь дело, были крошечны, как блохи. Они находились в разобранном виде и все без исключения помещались в одном-единственном плоском несессере. С ним Дейнстар никогда не расставалась. Основную часть своего инструментария она смастерила сама, заботливо и кропотливо трудясь над каждой фитюлькой. Так искушенный рыболов частенько предпочитает изготовить собственными руками особые, подчас ювелирные блесны, мормышки и прочие

атрибуты своего хобби, нежели приобрести их без хлопот в магазине «Все для рыболова». Тем более, что по сравнению с приспособлениями и устройствами Дейнстар лучшие промышленные аналоги выглядели грубыми и тяжеловесными. Да в этом и не было ничего удивительного. Инструменты Дейнстар были спроектированы и изготовлены исключительно для ее тонких, невероятно проворных пальчиков. Выполняя какое-нибудь секретное задание, она расхаживала по вверенному ей объекту, расставляя там и сям по десять, двадцать, пятьдесят, а то и по целой сотне микроскопических электронных «глазков» и «ушей», наряду с дополнительными датчиками, сигнальными устройствами и диктофонами. Причем, если того требовали обстоятельства, все эти устройства отличались внешним видом, абсолютно не свойственным дизайнерской мысли человека. Дейнстар не только подключалась к уже существующим системам связи, но и устанавливала свои собственные системы коммуникации, замаскированные под противошпионские приспособления. Во многих случаях все эти «жучки» и прочие устройства были практически незаметны для постороннего глаза. Впрочем, именно так все и задумывалось. Дейн-

стар являлась дипломированным «слухачом»; работа ей нравилась, и девушка справлялась с ней превосходно.

С другой стороны, инструменты, которыми, как правило, орудовал Вергард, ограничивались какой-нибудь полудюжиной предметов общего назначения, представляющих типичный набор стандартных приспособлений, которым обычно пользуется всякий мало-мальски опытный медвежатник. Зато Вергард в совершенстве изучил все мыслимые конструкции замков и методы их защиты. Свободно владел он и способами, при помощи которых можно было превратить любой замок в смертельную ловушку при запирании его как снаружи, так и изнутри. Мало того: когда ему приходилось сталкиваться с каким-нибудь замком впервые, он в ту же секунду, как его видел, уже знал, с какой стороны к нему подобраться. Причем это происходило независимо от того, была ли ему знакома конструкция данного замка, или нет. Видимо, эта способность Вергарда скорее была интуицией. Со стороны казалось, что Вергард обладает уникальной способностью проходить без малейшей заминки через целую вереницу дверей, запертых на обычные замки. Скрытая охранная сигнализация и тому подоб-

ные вещи могли, конечно, задержать его; но лишь на пару минут, не более. Ну, а какие-нибудь сверхизощренные уловки, на которых он застревал на более длительное время, попадались ему чрезвычайно редко.

Дейнстар и раньше доводилось выполнять различные секретные задания на пару с Ковином Вергардом, и они славно сработались. Только им двоим было известно, что, уже через двадцать четыре часа после их прибытия на объект, Склад Нестандартных образцов оказался оплетен всепроницающей сетью шпионских устройств Дейнстар.

И как раз к этому времени стали возникать всяческие осложнения.

Главной мишенью агентов стал директор Склада, доктор Хишкан. Университетская Лига имела все основания полагать, — пока, правда, бездоказательно, — что некоторые экспонаты в настоящее время отсутствовали на Складе, хотя им полагалось там находиться. Вполне возможно, виной тому был сбой в работе автоматизированного оборудования по складированию, транспортировке и регистрации образцов. Иными словами, недостающие экспонаты просто находились не на положенных местах, и, в ко-

нечном итоге, нашлись бы обязательно. Однако более вероятным казалось предположение, что их тайно вывезли со Склада и незаконно сбыли с рук с целью получения наживы.

Несмотря на внушительные размеры Склада, на нем работало всего двадцать восемь постоянных сотрудников. Все они проживали на территории объекта. Случись кража, любой человек из штата складских служащих неизбежно оказался бы замешан. И, по всей видимости, только один из них, а именно, доктор Хишкан, мог выбрать из этого безмерного многообразия всякой всячины именно те образцы, которые представляли определенную ценность для заинтересованных лиц за пределами Университетской Лиги. Совершенно естественно, что под подозрение в первую очередь попал именно он.

Это создало непростую, можно сказать, щекотливую ситуацию. Доктор Хишкан в научной среде обладал солидной репутацией. Кроме того, некоторые его друзья занимали в структуре Лиги довольно высокие посты. Прежде, чем предъявить обвинение, необходимо было собрать неопровержимые доказательства его вины…

Дейнстар Джеймс и Ковин Вергард приступили к делу осторожно. Они потихоньку нащупывали

верный путь, двигаясь по которому можно было рассчитывать на успех. При необходимости они, конечно, могли потребовать помощь извне, однако у них были весьма ограниченные возможности по передаче информации за пределы Склада. Энергетический барьер представлял собой непреодолимую преграду для сигналов потайного передатчика. В лучшем случае им можно было пользоваться несколько раз в день, в те короткие промежутки времени, когда грузовые космолеты или космические «челноки» проходили через терминалы впускного и выпускного шлюзов. Вообще-то у складских операторов связи имелась возможность работать через Барьер. Однако для этого приходилось находиться в главном помещении контрольной станции неподалеку от терминала выпускного шлюза и постоянно быть на виду.

Две вещи прояснились почти сразу же. Первая: о цели их прибытия на Склад здесь сразу стали догадываться, если уже не знали наверняка. И вторая: все служащие Университетской Лиги, прикрепленные к Складу, начиная с доктора Хишкана и кончая сторожами, в той или иной мере принимали участие в хищениях. Воровство не носило случайный, беспорядочный характер,

а было хорошо организованным предприятием — с налаженными внешними каналами сбыта и прочными связями в Лиге, дабы периодически отмазывать расхитителей от всяческих проверок и расследований.

Если бы не уникальная способность Вергарда незаметно и беспрепятственно перемещаться по территории, с которой ему надо было ознакомиться, и если бы не аппаратура Дейнстар, которую невозможно было засечь, их миссия завершилась бы провалом, не успев начаться. Однако вот уже несколько дней они по крупицам собирали важные сведения. Интересно, что доктор Хишкан отнюдь не намеревался прекращать свою предосудительную деятельность. Его даже не смущало присутствие на подчиненном ему объекте двух сыскных агентов. Видимо, для него слишком много значила эта самая деятельность, чтобы ее можно было отложить до поры до времени, когда парочка псевдо-связистов уберется восвояси, так ничего и не вынюхав. И в самом деле: расследование, затеянное Лигой, и проводимое Дейнстар с Вергардом, толкало доктора на ускоренное осуществление своих намерений. Ведь теперь его запросто могли лишить руководства Складом, основываясь всего лишь на одном

подозрении.

Дейнстар и Вергард продолжали работать над реконструкцией систем связи на Складе и, надо сказать, порядком в этом преуспели. В качестве техников-связистов им предстояло трудиться примерно в течение трех месяцев. Так что они особо не беспокоились, что управятся со своей официальной работой слишком быстро и не успеют завершить свою тайную миссию. И во время работы, и во время перерывов Дейнстар наблюдала, подслушивала, записывала, а Вергард прокрадывался во все закоулки, куда только можно. Тем временем злоумышленники тоже не дремали. В течение последних двух недель доктор Хишкан отлучался со склада много раз. Он отсутствовал по несколько часов. Чтобы он ничего не заподозрил, за пределами Склада слежку за ним не вели. План заключался в том, чтобы позволить ему сделать все необходимые приготовления — условиться о встрече с перекупщиками и прочее, — а потом взять с поличным. В тот момент, когда он вывезет собственность Университетской Лиги за пределы Склада и станет передавать ее скупщикам краденого.

Несмотря на свою воровскую деятельность, обязанности научного руководителя доктор Хишкан

выполнял совершенно безукоризненно.

Вскоре с большой точностью удалось установить, какой именно экспонат доктор Хишкан собирается продать на этот раз. На первый взгляд вариант казался мало обещающим: глыба астероидного материала весом с полтонны. Однако, судя по всему, Доктор Хишкан усмотрел-таки в ней нечто любопытное. Ее изъяли из хранилища и сейчас держали в специальном полуподвальном помещении неподалеку от директорской конторы в главном здании Склада. Этот полуподвал, а по сути, настоящий бункер, не охранялся — по-видимому, во избежание постороннего интереса к его содержимому — но, тем не менее, был заперт на несколько солидных замков. Как-то ночью Вергарду пришлось помудрить над ними несколько минут. Потом за сорок секунд, а то и меньше, он вскрыл их один за другим. Разместив в бункере определенное количество аппаратуры для слежки, которую предоставила ему, естественно, Дейнстар, он запер за собой те же замки и благополучно удалился.

С помощью этой аппаратуры вскоре удалось выяснить, что доктор Хишкан сразу по возвращении на Склад после своей третьей по счету отлучки забрался в бункер и более часа прово-

зился с экспонатом. Своими действиями доктор выявил следующее обстоятельство: предмет его воровских вожделений оказался своеобразным чемоданом с двойным дном. Этот псевдообломок астероида обладал толстой оболочкой, как бы склеенной из множества «слоев».

Эти «слои» были способны отделяться друг от друга; и в них были упрятаны какие-то непонятные с виду приборы. Хишкан производил с ними различные манипуляции, что в какой-то момент вызвало короткий, но невероятно мощный электростатический разряд в диктофонах Дейнстар.

Дождавшись момента, когда очередные грузовые космолеты покидали территорию Склада, Дейнстар отправила краткое закодированное сообщение своим коллегам, которые дежурили по ту сторону Барьера. Она призвала их быть готовыми к предстоящей, возможно, краже и описала артефакт, который намеревались тайно вывезти за пределы Склада. На следующий день, аналогичным путем, она получила подтверждение приема ее шифрограммы, а также сводку текущих событий. Оказалось, что электростатический разряд, о котором она доложила во время своего предыдущего выхода в эфир, был тут же подхвачен и усилен аппаратурой непонятного

происхождения, разбросанной в космосе на протяжении целой трети расстояния до ближайшего скопления солнц Ядра Звездного Скопления. В сводке высказывались некоторые соображения по поводу источников этого колоссального по силе разряда. Похожие электростатические помехи были отмечены примерно три недели назад. Причем, они носили тот же загадочный характер одновременного и широкомасштабного подхватывания с одновременным усилением теми же приборами неизвестного происхождения, рассредоточенными в космическом пространстве.

Тем временем Вергард добыл журнал с записанной в нем историей злополучного экспоната и снял копию.

Итак, «астероид» был обнаружен на окраинах Преисподней. Его подобрал на пути к пылевому космическому облаку один из трех кораблей экспедиции, снаряженной Университетской Лигой — единственный уцелевший корабль. «Астероид» испускал неравномерную, тоненькую, едва уловимую струйку радиации. Поэтому его привезли на Мецмиали и поместили на Склад Нестандартных образцов. Там он и провел все эти годы, дожидаясь дальнейших исследований. Мысль о том, что излучение могло иметь искусственное

происхождение, никому в голову не приходила. Наконец доктор Хишкан обратил свое пристальное внимание на эту глыбу из Преисподней.

— Блуждающий в космосе, — произнесла в задумчивости Дейнстар. — Так ведь это же сигнальное устройство! Инопланетное сигнальное устройство! И, вполне вероятно, оно принадлежит тем, кто погубил наши корабли в Преисподней.

— Похоже на то, — согласился Вергард и после непродолжительной паузы добавил: — Вообще-то мы находимся здесь, чтобы прижать Хишкана к ногтю и остановить разбазаривание Склада…

— Разумеется, — согласилась Дейнстар, — но мы не вправе допустить того, чтобы эта штуковина пропала. Она просто необходима Федерации. С тех пор, как стали подозревать, что в Преисподней таится нечто враждебное людям, причем, активно враждебное, мы уже кое-что разузнали. А эта штука расскажет о тех, кто ее соорудил, неизмеримо больше. Судя по ней, можно даже отчасти понять, что они из себя представляют…

Вергард с пониманием внимал напарнице. За последние восемьдесят лет в Преисподней бесследно исчезло более двух сотен кораблей, пытавшихся исследовать это плотное пыле-

вое облако. Большей частью это были крупные суда Федерации повышенной проходимости. Навигационные условия в Преисподней были едва ли не самые худшие из всех известных. Ее субпространство представляло собой бурлящие в полном беспорядке энергетические вихри, в глубь которых не отваживался нырять ни один корабль. Продвигаться же обычным пространственным способом означало ползти вслепую сквозь сумрачную среду, которая простиралась на добрых двенадцать световых лет. При вхождении в пылевое облако связь с другими кораблями и станциями, оставшимися за его пределами, терялась почти мгновенно. На ближних подступах к Преисподней работало несколько экспедиций и работало небезуспешно. Но корабли, предпринимавшие попытку проникнуть в ее глубины, никогда не возвращались домой. В немногих отрывочных сведениях, поступивших с этих кораблей, сообщалось, что наряду с естественными опасностями Преисподняя таит в себе враждебные разумные силы.

— Мне помнится, — промолвил Вергард, — что на одном из пропавших кораблей у тебя служил родной брат, верно?

— Да, — отозвалась Дейнстар с грустью. — Уже

восемь лет прошло с тех пор, как он… После этой утраты я места себе не находила; думала, не переживу… С корабля пришло сообщение, что весь экипаж гибнет от последствий применения какого-то оружия, похожего на радиационное… Это было последнее сообщение.

— Ну, хорошо, — сказал Вергард. — Я прекрасно понимаю твои чувства. Давай передадим эту штуковину военным ученым — и дело с концом! Понимаешь, мне не по душе завалить нашу операцию из-за одного, пусть и очень важного, артефакта…

— Ничего заваливать не придется, Вергард! Тебе нужно сделать так, чтобы я попала в этот бункер сегодня ночью, конечно, если это возможно. Мне понадобится примерно два часа, чтобы досконально изучить этот феномен.

— Два часа?

На лице Вергарда отразилось сомнение.

— Да, не меньше. Я хочу выяснить, какого характера источник энергии, который там используется. Ведь он позволяет лучу пробиться сквозь рядовую электростатическую защиту, не говоря уже о силовом барьере Склада. Вполне возможно, мне удастся понять принцип его действия и в дальнейшем изготовить аналоги его

энергетической системы или хотя бы ее части.

— Не забывай, патруль каждый час делает обход этого участка. Тебя могут схватить.

— А вот и не схватят! Хочешь пари?!

Вергард хмыкнул.

— Ну ладно, что с тобой поделаешь! Организуем тебе экскурсию в спецбункер доктора Хишкана…

О результатах своего обследования она рассказывала Вергарду так:

— Ну конечно, как я и предполагала, это импульсный отражатель. Локатор дальнего действия, откровенно примитивный. По-видимому, служит курсовым маяком для кораблей. Теперь о сигнальном устройстве… Он ловит импульсы и отзывается на них любым из четырнадцати типов сигнала. Хишкан, скорей всего, запустил все четырнадцать скопом, поэтому и получился такой мощный разряд. Мне думается, он и сам не понимал, что делал.

— Должно быть, выгодная вещь для продажи, — заметил Вергард.

— Без сомнения! Что же касается мощности, то он на сорок процентов эффективнее наших лучших передатчиков — тех, что мне известны на сегодняшний день. Тут уж — никакого примитива! Тот, кому попадет в руки сей «экспонатец»,

сможет составить реальную конкуренцию системе КомСеть.

Помолчав немного, она продолжила:

— Тут-то и начинается самое интересное… Вергард, эта штука очень старая Просто технологическое ископаемое! По-моему, она не эксплуатировалась и не подвергалась техосмотру в течение последних пяти веков! И все равно пребывает в рабочем состоянии — центральные ее участки так хорошо защищены, что за все эти столетия практически не пострадали. Правда, отдельные части на периферии уже начали разрушаться, либо вообще отвалились. Все это звучит несколько зловеще, тебе не кажется?

Вергард встревожился.

— Да, пожалуй. Если аппаратура чужаков уже пять сотен лет назад превосходила наши самые удачные разработки современных систем…

— Причем, по многим весьма важным показателям, — добавила Дейнстар. — Мне не удалось подобрать ключ к разгадке действия этого устройства. Но я просто уверена, что в нем заложен какой-то оригинальный принцип работы… Что и позволяет сигналу продраться сквозь все помехи Преисподней. Эх, вот если бы у наших кораблей имелась подобная аппаратура…

— Ладно, — сказал Вергард, — мне все ясно. Но давай все-таки устроим так, чтобы Хишкан попался нам на крючок. Как тебе такое предложение: при первой же возможности ты пошлешь кодированное сообщение обо всем, что тебе удалось узнать, и о том, какое это может иметь значение. И обязательно передай ребятам, чтобы они сразу же переслали эту информацию федеральным агентам.

Дейнстар кивнула.

— А еще я им скажу, что мы будем продолжать работу, как и запланировано, но чтобы на случай нашего провала они стерегли эту «безделушку» снаружи. Не дай Бог, еще ускользнет куда-нибудь.

— Я тоже подумал об этом, — сказал Вергард. — Федералы просто обязаны с нами сотрудничать: мы ведь преподнесем им драгоценную «безделушку» на блюдечке.

Вергард ушел, а Дейнстар принялась составлять радиограмму. Через четверть часа, когда эфирное сообщение было уже почти закончено, по ее личному интеркому раздался голос Вергарда. Он сообщил, что впускной шлюз открылся, чтобы запустить внутрь космический «челнок», а затем вновь затворился.

— Я не поручусь, — сказал он, — что этот «челнок» доставил сюда припасы, либо новые образцы.

Он выдержал паузу, а потом вдруг быстро заговорил:

— Ага, так и есть! Можешь сама полюбоваться!.. Слушай, тут какие-то вооруженные субъекты подкрадываются с разных сторон к моему участку. Мне надо срочно линять… Ей-богу, складывается такое впечатление, что кто-то поклялся нас выследить!

Дейнстар услышала щелчок — отключился передатчик. Она тихонько выругалась и включила монитор, передающий изображение территории Склада в районе впускного шлюза. Там стоял «челнок» внушительных размеров. Из него выходили люди. Было совершенно очевидно, что на борту корабля нет ни провианта, ни новых образцов.

Дейнстар уставилась на экран, покусывая губы. Через несколько часов такой поворот событий они с Вергардом встретили бы во всеоружии! За это время грузовой космолет, доставляющий провиант из города каждые двое суток, успел бы прибыть, разгрузиться и отправиться в обратный путь. И когда для него открыли бы шлюз, агенты

Киф, находившиеся за внешними границами Склада, приняли бы сигнал о том, что необходимо срочно организовать западню для похитителей образцов. А полчаса спустя любое средство передвижения, покидающее территорию Склада без полученного от Дейнстар шифрованного «пропуска», немедленно задерживалось бы и подвергалось тщательному досмотру.

И вот теперь, нежданно-негаданно, у них возникли проблемы. Мало того, что на территорию Склада уже просочились контрабандисты, так ведь они еще запросто могут «позаботиться» о двух псевдотехниках, которые приставлены следить за каждым шагом доктора Хишкана. Разумеется, Дейнстар Джеймс и Ковин Вергард в состоянии сделать так, чтобы их местоположение было очень трудно обнаружить. Но если даже их и не удастся выследить, артефакт из Преисподней все равно может быть погружен на «челнок». Похитители смогут спокойно улизнуть с ним, а, может быть, прихватить с собой заодно и доктора Хишкана, и парочку его главных сообщников, окопавшихся в администрации Университетской Лиги. Конечно, Дейнстар сразу же пошлет вдогонку за ними сигнал тревоги… но уж больно все это ненадежно! Космические «челноки» такого

класса были чрезвычайно скоростными и маневренными, а этот, небось, имеет на борту и мощное вооружение вдобавок. Был, конечно, мизерный шанс, что оперативным работникам Киф удастся перехватить беглеца до того, как он состыкуется с кораблем-носителем и вместе с ним покинет пределы планетной системы Мецмиали… Но на эту возможность не приходилось рассчитывать всерьез.

Нет уж, подумала Дейнстар, гостям доктора Хишкана придется малость здесь задержаться! Ей с Вергардом надо во что бы то ни стало заставить их пробыть на Складе хотя бы несколько часов. Иначе вся конспирация пойдет насмарку!

Приняв твердое решение, она включила еще с полдюжины мониторов и подсоединила к ним диктофоны. Затем быстро прошлась по комнате, делая кое-какие приготовления на случай непредвиденных обстоятельств, и вернулась к своему столу. Покончив с составлением сообщения коллегам, она запустила текст в маленький передатчик с автокодированием. Тот сразу же исчез в глубокой нише в стене, где располагались и другие важные устройства.

Глубоко вздохнув, Дейнстар уселась на свое место, чтобы внимательно следить за происхо-

дящим на экранах. Теперь по мониторам можно было наблюдать за очень интересными событиями. Одновременно она с нетерпением ожидала новой связи с напарником.

Прошло еще несколько минут. Дейнстар принялась просматривать те зоны Склада, куда Вергард мог заскочить со своей потайной камерой-шпионом. Затем на экране внезапно появилось его лицо.

— Сейчас тут чисто, — сказал он. — Послушай, Дэнни, а ведь эти типы подобрались к нам довольно близко! Тебя пока никто не беспокоил?

— Пока никто, — ответила Дейнстар, — но вскоре это обязательно произойдет. Управляющий Складом и трое из «челнока» пару минут назад прошмыгнули в коридор. Сейчас они выжидают за дверью.

— Чего выжидают?

— Не чего, а кого. То есть, тебя. Они, наверное, решили, что ты у меня и когда-нибудь все-таки высунешься.

— Им известно, что ты в комнате?

— Очевидно. У одного из них — биодетектор.

— У группы, которая охотится за мной здесь, прибор совсем другой, — сообщил Вергард. — Вот почему они потратили такую уйму времени,

прежде чем разойтись не на шутку. Мне-то что: на мне — противозахватный костюм. А как ты — неужели вознамерилась позволить им себя взять?

— Да ведь у меня на это вся ставка! Давай я тебе вкратце объясню…

Итак, восемь контрабандистов, прибывших на «челноке», очевидно, собирались действовать в качестве посредников при перепродаже артефакта из Преисподней. Они прямиком направились в кабинет доктора Хишкана, который находится в главном здании Склада. Один из настенных мониторов Дейнстар как раз и транслировал кабинет доктора, когда контрабандисты туда вошли. Экспонат был уже доставлен из бункера и стоял в углу. Дейнстар внимательно проследила, как компания перекупщиков подошла к предмету сделки и принялась обсуждать условия.

Главарь контрабандистов по фамилии Уолхем и его помощник Гэйлстер, который в процессе беседы, кстати, продемонстрировал недюжинные научные познания, обладали повадками профессионалов экстра-класса. Во-первых, это были настоящие бизнесмены. Во-вторых, они прекрасно знали свое дело. И, в-третьих, свои незаконные действия они рассматривали только

как рассчитанный и оправданный риск, ибо он с лихвой окупал как моральные, так и материальные издержки выбранной ими профессии. Именно поэтому, будучи контрабандистами-профи, они являлись более надежными партнерами, нежели те, которые принадлежали к кругу таких людей, как сам доктор Хишкан. Интеллектуалы, волею судеб вступившие на преступную тропу, совершенно не обладали никакими моральными устоями. Они вели себя при заключении незаконных сделок по-дилетантски и были трусливы, как зайцы. Дилетанты с горящими от предвкушения огромного барыша глазами и с оружием в руках были абсолютно непредсказуемы. С ними следовало всегда держать ухо востро. В отличие от интеллектуалов, Уолхема и Гэйлстера трудно было «взять на пушку», поскольку они являлись людьми, способными под нажимом обстоятельств трезво мыслить и хладнокровно действовать.

Вот Дейнстар и собиралась оказать на них существенный нажим…

— Насчет нас они полностью не уверены, — заявила она Вергарду. — Хишкан знает, что мы — шпионы, подосланные Лигой. Но он также уверен и в том, что нам не удалось обнаружить

ничего предосудительного. А вот Уолхем жаждет удостовериться в этом. Поэтому он послал Хишкану просьбу отловить нас еще до его появления на Складе. Хишкана беспокоит перспектива оказаться вовлеченным в умышленное убийство по предварительному сговору. Однако ему пришлось с этим смириться.

Вергард понимающе кивнул:

— На данном этапе у него особого выбора нет. Ну, что ж, валяй. Играй с ними в открытую. Точнее, почти в открытую. Я вас послушаю, но выдавать себя не буду, — если только это не станет необходимым условием в твоей игре. Пока они меня не сцапали, твоя жизнь вне опасности. Кстати, ты уже приобрела иммунитет к допросу с пристрастием?

— Ага. — Дейнстар взглянула на часы. — Накачалась по горло этой дрянью двадцать минут назад. Сейчас она действует с максимальным эффектом, так что мне надо скорей войти с ними в контакт.

Лицо Вергарда исчезло с экрана. Дейнстар включила звук настенного монитора, который показывал собравшихся в кабинете у доктора Хишкана. Два набора диктофонов записывали все, что там говорилось. На них уже собралось

достаточно материала, чтобы предъявить доктору Хишкану обвинение по целому ряду пунктов. Одна группа диктофонов являлась приманкой. Эти диктофоны были спрятаны в стене достаточно хитроумно, но все же не настолько, чтобы их нельзя было обнаружить при осмотре. Второй же комплект диктофонов, спаренный с первым, был упрятан исключительно надежно. Аналогичные мероприятия Дейнстар проделала и с некоторыми другими устройствами, обнаружение которых было абсолютно недопустимо. Когда контрабандисты «откопают» в комнате у Дейнстар столь обширный набор всевозможных миниатюрных приспособлений для электронного шпионажа, им покажется невероятным, что здесь можно спрятать еще что-нибудь.

Последний раз Дейнстар окинула взглядом свое убежище. К визиту гостей она подготовилась самым скрупулезным образом, сделав все, что было в ее силах. Она слегка облизала губы и повернула крошечный тумблер на своем поясе управления. Ее пальцы скользнули на полсантиметра в сторону, нащупали выключатель и поставили в необходимое положение. Потом ее взгляд вновь переместился на изображение интерьера кабинета доктора Хишкана.

В этот момент там находились только Хишкан, Уолхем и Гэйлстер. Трое людей Уолхема, а также заведующий Складом Торнелл ждали в приемной. Оставшуюся троицу отправили на поиски Вергарда. Скалистая глыба лже-астероида покоилась по-прежнему в углу. Некоторые его участки были вскрыты, и Гэйлстер с интересом рассматривал несколько приборов, извлеченных оттуда.

Видимо, доктор Хишкан нервничал и торопил с заключением сделки. В настоящую минуту Гэйлстер говорил Уолхему:

— Кажется, наш приятель никак не возьмет в толк, что если клиенты заплатят за этот образчик сполна, то они приобретут эксклюзивное право как на его изучение, так и на практическое применение полученных знаний.

— Господи! — выпалил доктор Хишкан. — Ну, конечно, я это понимаю!

— Тогда вот что я скажу, — продолжил Гэйлстер. — Не помешало бы получить от вас подробное разъяснение по поводу того странного факта, что по некоторым сборочным узлам были изготовлены аналоги!

— Какие еще аналоги? — зрачки доктора Хишкана расширились от изумления и в то же время подозрения. — Да это просто смешно! Я…

— Ты это серьезно? — заставил прерваться его Уолхем, обратившись к своему помощнику.

— Абсолютно, — сказал Гэйлстер. — Из четырех агрегатов, которые я уже проверил, исходит фиксируемое сдвоенное излучение. Нет смысла отрицать это, доктор. Мы хотим знать, зачем вы изготовили дубликаты, и что вы с ними сделали?

— Прошу прощения! — чеканным голосом произнесла Дейнстар в направленный микрофон, когда доктор Хишкан негодующим тоном, запинаясь от волнения, принялся отрицать сказанное Гэйлстером. — Я могу объяснить, в чем тут дело. Дубликаты находятся здесь.

Вслед за тем, как в кабинете раздался ее голос, там на некоторое время воцарилось молчание. Все стали искать глазами направо и налево. Потом, словно повинуясь общему порыву, мужчины повернулись к настенному монитору, на котором возникло изображение Дейнстар.

Доктор Хишкан с облегчением перевел дух, и все же не удержался от череды вопросов:

— Что..? Почему..? Да это просто..!

— А-а… мисс Джеймс! Техник службы связи, если не ошибаюсь, — проронил Уолхем.

— Разумеется, это я, и никто другой, — отреза-

ла Дейнстар. — Уолхем, я подслушала все ваши словопрения. Учтите, что, появившись здесь, вы загнали себя в угол. Тем не менее, мы можем и договориться — в зависимости от обстоятельств.

Контрабандист внимательно разглядывал девушку. Он был строен, этот начинающий стареть блондин. У него было умное лицо с резкими, запоминающимися чертами. Коротко улыбнувшись, он произнес:

— И вы допускаете, что мне придется по душе предлагаемый вами договор?

— Если вам придется по душе возможность выбраться отсюда. Именно это я вам и предлагаю.

Взор доктора Хишкана с нарастающим недоверием забегал между монитором и лицом Уолхема. Наконец он злобно заявил:

— Что за чушь! Надо найти эту нахалку и привести немедленно сюда! Мы должны выяснить, что это за…

— Мне кажется, — мягко оборвал его Уолхем, — что с возникшей ситуацией я справлюсь лучше. Мисс Джеймс, вы здесь находитесь с целью добыть улики противоправной деятельности доктора Хишкана. Я правильно трактую?

— Да.

— Вы и ваш напарник, мистер Вергард, — де-

тективы Университетской Лиги?

— Вот тут вам несколько не повезло, Уолхем! Мы — частное агентство. А значит, имеем лицензию от правительства Федерации и обладаем всеми возможными привилегиями.

— Я догадывался об этом, — осклабился Уолхем. — Чувствуется в вас эта легавая порода, будь она неладна… Я знаю ваше агентство?

— Киф, Межгалактическое.

Уолхем немного помолчал, потом произнес:

— Понятно… Мистер Вергард доступен для переговоров?

— Нет. Будете общаться только со мной.

— Ну, что ж… пожалуй, этого будет вполне достаточно. Вы, конечно, понимаете, что я не собираюсь принимать ваши условия только под ваше честное слово.

— Нисколько в этом не сомневалась с самого начала.

— Тогда давайте перейдем от слов к делу. — Лицо контрабандиста посуровело и стало сосредоточенным. — Мои люди стерегут вашу комнату. Отоприте им дверь.

— Пожалуйста.

Дейнстар повернулась к пульту управления дверным замком, вмонтированному в стену.

Уолхем вынул из кармана переговорное устройство. Они оба прекрасно понимали друг друга. Последнее, чего бы хотел авантюрист вроде Уолхема, — это допустить, чтобы ему на хвост село крупное частное детективное агентство. Если такое случалось, то любая ошибка контрабандиста зачастую становилась фатальной. Для таких агентств не упустить жертву было делом принципа и, естественно, репутации. Но если Уолхему и ему подобным предоставлялся хоть малейший шанс смыться вместе с добычей, не оставив свидетелей, они, не раздумывая, использовали эту возможность. Жизни Дейнстар ничто не угрожало до тех пор, пока люди Уолхема не добрались до Вергарда. А случись это, безопасность ей будет обеспечена только в том случае, если перекупщикам постоянно внушать, что они находятся в западне, из которой нет выхода. Через несколько часов они и в самом деле окажутся в ловушке, однако, в настоящий момент это было далеко не так. Все поступки Дейнстар и были нацелены на то, чтобы контрабандисты этого не поняли.

Щелкнул замок. В комнату Дейнстар быстро, но осторожно вошли четверо. Трое из них были контрабандистами, четвертого звали Торнелл, он заведовал Складом. Вошедший первым замер у

двери, не забыв направить оружие на Дейнстар. Его товарищи стали медленно приближаться к девушке, не спуская с нее глаз. Дело свое они знали туго, однако только что были проинформированы своим главарем, что и Дейнстар знала свое не хуже. Оружие, нацеленное на нее, было выставлено отнюдь не для показухи.

— Для начала, Декрейн, — раздался голос Уолхема из монитора, — попроси у мисс Джеймс, чтобы она передала тебе свой ремень управления.

Дейнстар расстегнула пояс, не сделав ни одного лишнего движения, и вручила его здоровенному белобрысому детине, который переминался с ноги на ногу прямо против нее. С точки зрения контрабандистов, ее поведение было крайне разумно. Ведь они считали, что вырывают у ядовитой змеи жало. На самом-то деле пояс мог и не понадобиться.

Декрейн выдвинул стул, велел пленнице сесть на него и держать руки на виду. Дейнстар повиновалась, и человек с оружием отошел от двери и принялся караулить девушку с расстояния трех метров. Декрейн и еще один член шайки приступили к обыску помещения, используя специальные индикаторы. Делали они это быстро и квалифицированно. Торнелл, соучастник докто-

ра Хишкана, — такой же дилетант в преступных деяниях — наблюдал за происходящим, то и дело недоуменно поглядывая то на Дейнстар, то на ее конвоира. Он никак не мог уразуметь, зачем в отношении такой хрупкой на вид девушки принимаются столь серьезные меры предосторожности.

За шесть минут Декрейн и его напарник обнаружили ровно столько, сколько и было задумано Дейнстар. Когда пучки лучей, испускаемые индикаторами, добирались до спрятанного по-настоящему оборудования, исходящее от него мягкое излучение, накладывало, на излучение индикаторов, способствовало ровному, без дрожания, прохождению лучей индикаторов сквозь защищенные зоны.

Коллекция экзотических устройств, которую Декрейн разложил на рабочем столе Дейнстар, производила просто неизгладимое впечатление. Этим притуплялась бдительность гостей, на что и рассчитывала Дейнстар. Когда Декрейн объявил об очередной находке, Гэйлстер в задумчивости изрек из монитора:

— Значит, вы используете опасный для здоровья противодопросный наркотик, мисс Джеймс?

— Да, вы правы, — призналась Дейнстар. — Но

он вполне надежен. И к тому же мой организм его хорошо переносит.

— Сколько же вы на этот раз приняли?

— Свою предельную дозировку — шестьдесят пять единиц. Действует десять часов плюс-минус пятнадцать минут.

Она говорила правду. Выработанная способность поглощать непомерные дозы «противопыточного» не раз ее выручала. Однако уже треть названного количества считалась потенциально смертельной. Декрейн с секунду подозрительно рассматривал девушку, словно оценивая степень ее принадлежности к человеческому роду. Вообще, Декрейн производил впечатление малого флегматичного и туповатого. Череда паукообразных приборов, которые не походили ни на одно устройство, с которым ему прежде приходилось сталкиваться, повергла его в состояние умственной апатии. Когда же из «безразмерного» саквояжа Дейнстар был вытащен целый набор париков самой немыслимой расцветки, парень совершенно обалдел.

— А теперь вас приведут сюда, мисс Джеймс, — проговорил Уолхем, состроив кислую мину. — Я предпочитаю, чтобы наше с вами общение проходило в спокойной деловой атмосфере, поэтому в

первую очередь Декрейн вас тщательно обыщет. Уверяю вас, что при этом он будет вести себя, как джентльмен — в меру своих сил и способностей, разумеется.

— Ни чуточки в этом не сомневаюсь, — миролюбиво заметила Дейнстар. — Ибо, если он будет вести себя по-иному, сохранность его шкуры тоже станет предметом обсуждения при заключении нашей с вами сделки.

У Декрейна заходили на скулах желваки, но он продолжал невозмутимо упаковывать часть аппаратуры, с которой хотел познакомиться Гэйлстер непосредственно. Торнелл хохотнул, было, но, уловив взглядом выражение лица гиганта, испуганно осекся.

* * *

Наполовину вещественное, наполовину энергетическое «тело» гойала ползло под корой планеты к Складу Нестандартных образцов. Оно изредка отклонялось от курса, чтобы избежать возмущения своего энергетического поля под воздействием излучения, исходящего от крупных городов. Его бесчисленные ячейки гудели согласованными координирующими импульсами направления и цели. Прежде, за всю тысячу лет

своего существования, гойал был знаком только с планетами Преисподней. Эти сумрачно освещенные своими звездами миры блуждали во тьме пылевого облака, словно лоскуты светящегося тумана. Некогда эти миры поддерживали существование цивилизации очень изобретательных существ, которые называли себя Строителями.

Строители создали космические корабли, способные нестись среди космической пыли со сверхсветовой скоростью, не получая при этом никаких повреждений. Они разработали навигационную систему, которая позволяла безошибочно прокладывать курс в бесформенных скоплениях пылевой бездны. В условиях пылевого облака обычные средства связи не работали. В итоге Строители добрались до границ Преисподней… и дальше не стали продвигаться. Почему? По их космогоническим представлениям, пылевое облако бесконечно простиралось в глубины вселенной. Строители ужаснулись, когда осознали, что оно не беспредельно. Им показалось, будто оно висит в мистической, пугающей, невероятно открытой Пустоте…

Сами они не отважились нырнуть в это страшное, мерцающее, враждебное Ничто. Подобный поступок казался им просто немыслимым. Од-

нако побуждение заняться исследованиями Пустоты вскоре переросло в поиски других способов проникновения в ее глубины. Многие десятилетия Строители были заняты поисками этих способов. Наконец они остановили свой выбор на одном из них. Средство, с помощью которого они надеялись осуществить свой замысел, представляло собой некую скромную форму жизни, повсеместно встречающуюся в Преисподней. Ее основу составляло не вещество, а энергия. Эта жизнеформа могла существовать как в открытом космосе, так и на планетах.

Инженерный и научный гений Строителей позволил им зародить в ее среде своеобразный электромагнитный импульс. Слившись с окружающим энергетическим полем, он стал целенаправленно образовывать в нем согласованные, совпадающие по частоте, и, вследствие резонанса, все более и более увеличивающиеся в суммарном количестве энергетические ячейки. Конечным результатом усилий Строителей и стал гойал. Это существо мыслило и действовало, как личность, в то время как в своей структурной основе оно продолжало оставаться гигантским роем простейших прототипов энергетической жизни, с которыми начинали работать Строите-

ли. Гойалу суждено было стать их галактическим разведчиком. Из него готовили разумного, обладающего великолепной приспособляемостью слугу. Гойал мог существовать и самообеспечиваться в открытом космосе так же легко, как и на планетах, которые попадались ему на пути.

С этой точки зрения гойал был наивысшим инженерно-биологическим достижением Строителей. Но в то же время его можно было считать и памятником их безнадежной глупости. Они одарили его уймой уникальных, потрясающих способностей; наделили проницательным специфическим разумом… но забыли вложить в него способность испытывать такое чувство, как благодарность. Когда до него дошло, что он стал гораздо сильнее своих создателей и гораздо проворнее их кораблей, неблагодарный монстр обрушился на Строителей всей своей мощью, навязав им тотальную истребительную войну. Он завоевывал их планеты одну задругой, пока всего через какое-то столетие с небольшим не стал единственным хозяином Преисподней.

Долгое время никто не оспаривал его превосходства. Он свободно перемещался в пределах своей вотчины — колоссального пылевого облака — управляемый локаторной системой, разрабо-

танной Строителями, подпитываясь энергетикой туманных планет. Весь этот период у него не возникало представления ни о каком другом разуме, кроме того, которым обладали Строители и он сам. И вот однажды его локаторную систему потревожил сигнал, который не появлялся с тех пор, как был уничтожен последний Строитель. Неизвестный объект, излучающий энергию явно искусственного происхождения, попал в поле восприятия радиационных сенсоров гойала.

Как огромный паук, который устремляется к жертве по нитям своей паутины, гойал стрелой кинулся по локаторным импульсам через Преисподнюю к этому объекту. В точке возмущения он обнаружил чужой корабль, медленно, вслепую пробиравшийся сквозь пылевой космический мрак. Без колебаний гойал забрался на борт и пронесся по кораблю, сметая на своем пути все живое. В него было заложено понимание технических устройств, и он детально изучил корабль, как некое оригинальное инженерное сооружение. Затем он приступил к изучению убитых им существ. Они явно не были Строителями, однако чем-то эти существа их напоминали. Корабль был спроектирован таким образом, что не реагировал на систему локаторов. Значит, последовал логич-

ный вывод гойала, он прибыл из окружающей Преисподнюю Пустоты…

За этим кораблем вскоре последовали и другие — поодиночке и группами. Они появлялись, осторожно зондируя удушающий туман на предмет избежания опасностей. И сами существа на этих кораблях, и их аппаратура были укрыты за всевозможными защитными приспособлениями. Они казались вполне надежными, но только до тех пор, пока их надежность не проверял гойал. На его взгляд, защитные экраны, обволакивающие корпуса кораблей, были чересчур легковесны. При соприкосновении с ними он не испытывал абсолютно никаких затруднений. А стоило ему просочиться сквозь экран, как экипаж чужого корабля оказывался полностью в его власти.

Настойчивость, с которой эти существа продолжали вторгаться в его владения, сильно тревожила гойала. Некоторых пришельцев он оставлял в живых еще на некоторое время, — чтобы изучить поподробнее. Он манипулировал пленниками, ставил на них всевозможные опыты… Постепенно у него сложился определенный образ враждебной цивилизации из Пустоты. Ее, как и Строителей, необходимо было уничтожить, дабы удержать свое господство над Преиспод-

ней.

Он не собирался предпринимать путешествие в Пустоту в одиночку. Некоторые участки своего полувещественного-полуэнергетического тела он разместил на планетах Преисподней. Эти участки были незрелыми. В отличие от «материнского тела», они не могли перемещаться в космосе. Кроме того, они не обладали достаточным коммутативным разумом, чтобы научиться подпитываться энергией от окружающих планет. Тем не менее, они росли и развивались. Со временем они должны были превратиться в полноценных существ, подобных гойалу. Вместе с ними он и собирался осуществить смертоносный прыжок в Пустоту. А пока рассчитывал только оборонять Преисподнюю от слепых пришельцев. И еще ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы враждебная цивилизация догадалась о его существовании.

Потом случилось непредвиденное. Целый участок системы локаторов внезапно вышел из строя. Из-за этого оставшаяся часть системы стала работать с ощутимой погрешностью. Впервые за все время своего существования гойал поневоле осознал степень своей зависимости от технической мысли Строителей… После продолжительного и многотрудного поиска ему удалось

обнаружить причину неполадки. С одной из окраин пылевого облака исчез узловой локатор. Его потеря поставила под угрозу всю систему. Вскоре та могла сделаться абсолютно непригодной к употреблению.

Заменить локатор не представлялось возможным. Все-таки разум гойала был иным, нежели разум Строителей. Он без особого труда научился пользоваться своей аппаратурой, но не мог ее создавать. Теперь он понял, что жестоко ошибся, уничтожив в Преисподней единственную цивилизацию. Ему надо было всего лишь подчинить себе Строителей, чтобы их знания и навыки всегда пребывали в его распоряжении. Теперь он даже начал сомневаться в своих возможностях обнаруживать пришельцев, задумай они снова вторгнуться в его владения. Кажется, он оказался больше не в состоянии пресекать их посягательства на тайны Преисподней. Неотвратимо приближался конец его безраздельного владычества…

Лишенный возможности решить проблему, гойал впал в состояние, сходное с депрессией, и бесцельно блуждал по Преисподней. Его энергия постепенно затухала… Внезапно утраченный некогда локатор (несомненно, это был он!) по-

дал сигнал. Встрепенувшись, гойал поспешил к другим узлам системы. Он обнаружил, что начальные импульсы отдаленного сигнала ими записаны, мало того, они продолжали фиксировать и последующие. Сигнал зарождался вне пределов пылевого облака; он исходил из Пустоты! Неистовствуя, гойал устремился в направлении сигнала. Он не сомневался в том, что произошло. Один из кораблей чужаков обнаружил локатор на самой границе Преисподней и прихватил его с собой, но теперь… о-о, счастье! Теперь украденное устройство можно вернуть. И оно будет возвращено!

Растянувшись в иглу разреженной энергии протяженностью в миллион километров, гойал ринулся в глубины звездной Пустоты, напрягая до предела сенсорные узлы. Прямо по курсу возникла звезда. Похищенный локатор должен был находиться где-то в пределах его планетной системы. Вскоре гойал заприметил космический корабль чужаков, который двигался в одном с ним направлении. Монстр сблизился с ним и проник на борт. Некоторое время он ничем не выдавал себя, поскольку разрабатывал план дальнейших действий. Гойал мог бы пополнить свои резервы, используя энергию корабля. Но пока

звездолет продолжал двигаться по направлению к Мецмиали, гойал решил ничего не затевать.

В итоге он рассчитал такое отклонение от курса, следуя которому можно было переместиться на любую из четырех планет этой солнечной системы за один не очень сильный рывок. Гойал продолжал таиться. Немного погодя, его сенсорные датчики зарегистрировали новую мощную вспышку активности утерянного локатора! Теперь уж он знал наверняка не только планету, на которой ему надо было высадиться, но и локализовать место, где следовало искать локатор — с погрешностью всего в несколько сотен километров!

Из переборок полыхнуло багряным пламенем, охватившим кабину управления. В мгновение ока оно поглотило пилотов. Гойал всосал энергию из двигателей до точки насыщения, покинул корабль и исчез в направлении Мецмиали. Когда корабль вышел на ее орбиту, монстр опять с ним сблизился, просочился сквозь защитный экран и направил корабль к планете.

Он добрался до цели незамеченным, обладая при этом максимальной мощностью. Он совсем не затронул своих резервов. Однако ему предстояло находиться на чужой территории и поэтому

пришлось соблюдать максимальную осторожность. Через несколько часов его сенсоры уже абсолютно точно знали, где находится локатор. Гойал подождал, пока ничего не подозревающие люди высадились с корабля. Никакой значительной активности по поводу прибытия звездолета на территорию космопорта заметно не было. Гойал спокойно стек с корабля в землю. Два существа, которые это увидели, были поглощены до того, как успели об этом сообщить.

Более препятствий на его пути не существовало. Хотя продвижение сквозь сплошное, очень плотное вещество планеты оказалось утомительной процедурой даже по меркам гойала. Тем не менее, он быстрее, чем ожидал, добрался до удаленного и изолированного Склада Университетской Лиги.

Здесь ему пришлось надолго остановиться.

Он подполз к энергетическому барьеру, который окружал местоположение бывшей крепости, и частично проник было через него. Тут же инородные энергетические потоки колоссальной разрушительной силы пронзили его тело с ужасным, как ему показалось, треском и грохотом. В эти жуткие мгновения погибла чуть ли не четверть его сенсорных участков. Оставшимся

удалось вырваться из враждебного, яростно бурлящего энергетического поля. Затем пришлось претерпеть мучительный процесс перегруппировки уцелевших участков. «Тело» гойала уменьшилось, его собственная энергия была предельно истощена, однако глубоких, непоправимых повреждений он, тем не менее, не понес.

Коммутативный разум несколько минут оставался напрочь дезорганизованным, но потом вновь стал функционировать в обычном режиме.

Итак, не имелось ни малейшей возможности прорваться через этот проклятый заслон! Гойал никогда не сталкивался с чем-либо подобным. Защитные экраны кораблей пришельцев из Пустоты были хрупкими скорлупками по сравнению с этим барьером. А самые мощные энергетические щиты Строителей едва ли превосходили по прочности эти экраны. Гойал принялся рыскать по всему периметру заслона в поисках бреши. И тут он, наконец, обнаружил впускной шлюз.

Шлюз был закрыт, но гойал имел представление о подобных устройствах и знал, для чего они предназначены. Пропавший локатор находился практически рядом, хотя сенсорные датчики указывали его местоположение из-за энергетиче-

ских помех нечетко, расфокусированно. Локатор определенно находился где-то на территории этого столь свирепо охраняемого объекта. Гойал понял, что ему надо только выждать. Через какое-то время шлюз откроется, ион проникнет внутрь. Там он уничтожит всех, кто встанет у него на пути, захватит локатор и отправится в обратный путь задолго до того, как на чужой планете заподозрят что-то неладное…

Примерно через час с неба плавно опустился какой-то летательный аппарат, довольно вместительный. Он обменялся позывными с маленьким зданием, расположенным у шлюза с внешней стороны барьера. Гойал узнал язык, на котором звучали позывные. На этом языке общались между собой пилоты кораблей, посещавших Преисподнюю. Одна из секций коммутативного разума без особого труда перевела диалог и доложила в центральный блок:

«Судно доставило провиант и снаряжение. Его прибытия ожидали и сейчас пропустят внутрь через шлюз».

Под поверхностью земли, непосредственно у самого входа в шлюз, Гойал замер в ожидании. Он сжался почти до твердого состояния, чтобы облегчить себе проникновение через шлюз сразу

же вслед за аппаратом.

В кабинете доктора Хишкана прибытие грузового корабля ожидалось всеми участниками событий с одинаковым нетерпением, но их ощущения по этому поводу были различны. Например, Дейнстар в некоторой степени испытала чувство облегчения. Однако расслабляться не следовало. Совсем иное дело — главарь контрабандистов. К сожалению, поступки Уолхема, как любого азартного игрока, отличала некоторая импульсивность. Своими опрометчивыми действиями он запросто мог разрушить ее планы. Да и вообще он был, что называется, крепким орешком.

— Всякий раз, когда Склад собирается покидать корабль с достаточно вместительным трюмом, чтобы принять на борт подобный этому артефакту предмет, мы предварительно передаем кодированное разрешение на пропуск этого корабля до того, как выпускной шлюз захлопнется, — заявила Дейнстар. — Вы не знаете, каким должно быть это сообщение. И его шифровальный код вам не заполучить ни от меня, ни от Вергарда. Следующий «грузовик» или «челнок», которые соберутся стартовать отсюда, не получат наше «добро». Они будут остановлены сразу же

на выходе.

Последнее и было как раз основной ложью! Если бы преступники решились рискнуть, то они бы раскусили это в течение пяти минут!

— Это чистый блеф, — проговорил Уолхем ледяным тоном. — И вы, милая барышня, не удержите нас от ухода, как только мы будем для этого готовы. Причем, нам даже не придется подвергать себя какому-либо риску. Чтобы проверить, являются ли ваши россказни правдой, нам достаточно просто выйти отсюда вместе с «челноком». И мы проделаем это до того, как приступим к погрузке нашего объекта.

— Что же вас, господа, удерживает от этого сейчас? — хохотнула язвительно Дейнстар. — Чего вы ждете?

Смешок прозвучал чуть более нервно, чем обычно; в нем прозвучали чуть более высокие нотки. Сказывались клокотавшие в жилах девушки наркотики — как принятые ей самой, так и те, которые ввел ей Гэйлстер, пытаясь нейтрализовать «противопыточный» эффект. Хотя она предупреждала, что это бесполезное занятие. Теперь, два часа спустя, контрабандисты и сами в этом убедились. После того, как она появилась в кабинете доктора в сопровождении Декрейна

и Торнелла и сообщила Уолхему о сложившейся ситуации и о том, что он должен был сделать, негодяи перепробовали все, что только можно. В течение четверти часа они пытались заставить ее ощущать физическую боль; пытались запугать; намеревались даже проникнуть в ее подсознание с помощью психотропных препаратов. Все это, естественно, без малейшего результата. Разумеется, они могли прикончить ее, что, собственно, и предполагали сделать. Могли изувечить, обезобразить внешность. Но Дейнстар отмела эти мысли на корню. Пойти на убийство они могли, но не было нужды напоминать о цене, которую пришлось бы им заплатить за это впоследствии. Уолхему эта цена была слишком хорошо известна.

Вскоре угрозы прекратились. Уолхем со товарищи либо находился в ловушке, либо нет. Если агентство Киф и в самом деле его «закупорило», то ему придется принять предложение Дейнстар, то есть убраться отсюда со всей своей командой, но без добычи. Он понимал, в чем ее козырь: теперь у Дейнстар с Вергардом на руках железные доводы против Хишкана и его соучастников. Артефакт, какова бы ни была его истинная природа, представлял собой огромную ценность. Если его

придется силой отбивать у перекупщиков (причем, схватка с «челноком» неизбежно оказалась бы продолжительной и привела бы к ощутимым потерям с обеих сторон), то он мог оказаться поврежденным, а то и вообще разрушенным. А за сохранность инопланетных образцов Агентство несло ответственность перед Университетской Лигой. Сам же Уолхем не представлял для последней никакого интереса.

Контрабандисту предоставлялась лазейка, чтобы он убирался отсюда подобру-поздорову. Это Дейнстар ясно дала ему понять. Но ведь он только что оформил торговую сделку, которая сулила грандиознейшую прибыль, самую большую за всю его карьеру, а тут ему заявляли, чтобы он уходил с пустыми руками. Уолхем так и не смог определить однозначно, блефует ли Дейнстар или нет, и эта неопределенность выводила его из себя. Если Склад, в самом деле, находился под внешним наблюдением, — а это утверждение Дейнстар особых сомнений не вызывало, — то отправка «челнока» наружу для разведки с последующим его возвращением, скорей всего, возбудит у наблюдателей из Киф подозрение. Этого оказалось бы достаточно, чтобы задержать «челнок» при повторном выходе со Склада. При-

нятия такого решения, в сущности, и добивалась Дейнстар от Уолхема.

Главарь был вынужден признать, что решись он на такой вариант, это было бы чистым безумием с его стороны.

Ожидать прибытия очередного грузового корабля было меньшим риском. Но и ждать Уолхем тоже не любил. Вергарда таки не нашли, а в такой диспозиции контрабандисты понятия не имели, какие еще фокусы приготовили для него агенты Киф. Так что прибытие грузовика хотя бы отчасти являлось решением проблемы. Корабль следовало запустить внутрь, позволить ему разгрузиться, как обычно, и затем отчалить. И чтобы никто из команды «грузовика» даже не почувствовал, что на Складе происходит нечто из ряда вон выходящее. Потом Уолхем пронаблюдает, остановят «грузовик» снаружи для досмотра, или нет. Если это произойдет, Уолхему ничего не останется, как принять условия Дейнстар.

А если не произойдет, он будет знать, что она солгала ему, как минимум, в одном. Правда, на этом затруднения не закончатся. Все равно, до тех пор, пока не будет схвачен или убит Вергард, артефакта отсюда не вывезти. Оба агента Киф узнали об Уолхеме достаточно, чтобы не рассчитывать на

успех предприятия без попытки нейтрализовать их обоих на длительное время. Если выпадет шанс сделать это, то он сделает это непременно. При таких высоких ставках Уолхем не был склонен к щепетильности. Но в таком случае межзвездная организация опытных охотников за людьми чуть ли не в полном составе бросится на поиски убийцы двух ее сотрудников…

Как бы события ни сложились для контрабандистов, возможная перспектива Уолхема не впечатляла. Торговая операция, в результате которой ему легко, просто, изящно досталась баснословно дорогая добыча, теперь оборачивалась полным провалом, в лучшем случае, — сомнительным успехом, таящим в себе кучу опасностей. Гэйлстер и Декрейн, видя те же перспективы, вполне разделяли чувства своего предводителя. Что же касается Хишкана и Торнелла, то их положение представлялось куда более безотрадным. Они и сами уже стали догадываться об этом. Если перекупщикам удастся слинять вместе с артефактом, они не захотят оставлять в живых свидетелей, знающих слишком много.

На видеоселекторе появилось лицо охранника с Проходного Пункта впускного шлюза. Он доложил, что прибыл грузовой корабль с провиантом,

и его собираются пропустить на Склад. Дейнстар — единственная из всех — сохраняла полное спокойствие. Доктор Хишкан переключил настенный монитор на изображение внутреннего пространства шлюза. Все, как завороженные, уставились на экран. Даже Декрейн, которому было строго приказано не спускать глаз с девушки.

Дейнстар про себя отметила, что Декрейн потерял бдительность. Хотя в настоящий момент это упущение Декрейна ничего для нее не меняло. Единственное, что ей оставалось, это ждать. Ее взгляд переместился на стол, где все еще лежала аппаратура, вынутая из инопланетного сигнального устройства и рассортированная Гэйлстером. На другом конце стола находились приборы, принесенные Декрейном из комнаты Дейнстар. Среди них был и портативный передатчик кодированных сигналов. Уолхем хотел быть уверенным, что никто не пошлет наружу сообщение, пока шлюз открыт.

Но ни Дейнстар, ни Вергарду и не надо было отправлять никаких сообщений. Как только рубильники шлюза окажутся повернуты, запасной передатчик, сокрытый в стене ее комнаты, автоматически начнет отщелкивать зашифрованный сигнал тревоги. Он будет посылать сигнал за пре-

делы Склада, повторяя его снова и снова вплоть до закрытия шлюза.

А через двадцать-тридцать минут, когда «грузовик» минует шлюз и поднимется в воздух, его тут же окликнут и остановят.

Тогда Уолхем признает свое поражение, и ему придется приобретать пропуск на свободу уже на диктуемых ею условиях. Это было все, на что она могла рассчитывать.

Да… меньше всего на свете она жаждала попадать в подобные передряги. Ее нервное напряжение все еще не спадало. Но она была рада хотя бы тому, что проделала этот трюк с контрабандистами, не допустив такого поворота событий, при котором Вергарду пришлось бы вызволять ее из этой заварушки с помощью своих ковбойских игр с пальбой и прочими стремительными телодвижениями.

Дейнстар глубоко вздохнула и приказала себе расслабиться. Пока все идет, как надо.

Она скользнула взглядом по Уолхему и остальным. Все молча следили за монитором, чей экран заполняла мертвая, словно засасывающая, чернота энергетического заслона. От этой пугающей черноты был свободен только верхний левый уголок экрана. В этом месте Барьер был отгорожен

от взора краешком главного административного корпуса Склада.

В центре экрана сиял огромный оранжево-красный диск, обозначающий открытый шлюз. Когда Дейнстар, наконец, посмотрела на монитор, диск поменял расцветку и стал серебристо-белым.

Прошло несколько томительных секунд. Вот большой космолет-«грузовик» медленно выплыл из режущей глаза белизны и приземлился. Шлюз позади него поблек, поглощенный мрачной чернотой Барьера. Из космолета неспешно вылезло несколько человек. Вот они направились к главному зданию…

Приподнявшись на стуле, Дейнстар застыла в напряжении…

Внезапно произошло нечто невообразимое: из-под земли вокруг «грузовика», вокруг идущих людей вздыбилась волна какого-то багрового дьявольского пламени. В один момент и корабль, и люди оказались охвачены им; поглощены, уничтожены…

Все находившиеся в кабинете Хишкана разом охнули. Вслед за этим, до того, как кто-либо смог пошевелиться или проронить хоть слово, из динамиков аудиоселектора раздался чей-то оглушительный рев:

— Главный офис, тревога! Радиационное нападение! Немедленно закрыть внутренние защитные поля! НЕМЕДЛЕННО ЗАКРЫТЬ ВСЕ ВНУТРЕННИЕ ЗАЩИТНЫЕ ПОЛЯ НА СКЛАДЕ!!!

* * *

Уолхем, что бы о нем ни говорили, был человеком действия. Возможно, после двух часов пребывания в подавленном состоянии, которое было связано с приближающимся крушением его надежд, он с радостью воспринял необходимость быстро принимать решения. Итак, совершенно очевидно, что против космолета применено лучевое оружие неизвестного характера. Было, однако, непонятно, почему оно оказалось обращено против людей, высадившихся с «грузовика». Оно поглотило их мгновенно, хотя сам «грузовик» явно не был поврежден. Напряженнее кабинете доктора Хишкана и до этого готово было взорваться с минуты на минуту. Потрясение от случившегося кого-нибудь другого привело бы в состояние полной прострации, но только не Уолхема. Он не только не впал в депрессию, а немедленно принялся отдавать разумные приказы. Четверо контрабандистов, которых с самого начала отрядили на поиски Ковина Вер-

гарда, работали в подземных переходах Склада в нескольких сотнях метров от административного корпуса. Через несколько минут они уже присоединились к группе, оккупировавшей кабинет Хишкана. Остальные люди Уолхема дежурили на диспетчерском пункте. Он удостоверился, что защитные силовые поля, укрывающие отдельные участки Склада внутри основного барьера, были приведены в действие. Потом вдруг ему что-то еще пришло на ум.

— Кто отдал приказ для главного офиса?

— Вергард, — отозвалась Дейнстар.

Все уставились на нее, будто услышали откровение свыше.

— Да, это был он, — подтвердил Торнелл. — Вначале-то я не сообразил, но потом узнал голос.

— Вы знаете, где он находится? — спросил Уолхем у Дейнстар.

Девушка покачала головой. Она и в самом деле этого не знала. Вергард мог наблюдать за шлюзом по любому из полусотни мониторов, установленных на Складе. Он запросто мог находиться в одной из построек, примыкающих к административному корпусу… то есть, располагаться слишком близко от загадочного огненного явления, а это небезопасно. Откуда возникла ра-

диационная атака? Какой вывод сделал из этого Вергард? Возможно, подумала Дейнстар, то же фантастическое допущение, к которому пришла и она. О том, какое он вывел заключение, можно вполне судить по его реакции, а именно, по тому, что по складской системе связи громогласно объявил общую тревогу. Вполне вероятно, Вергард рассчитывал на то, что и она предположила то же самое. Дейнстар была сильно напугана. Она очень хорошо это осознавала и пыталась решить, каким образом справиться с катастрофическим оборотом событий, который те могли принять.

Тем временем Уолхем спешно отослал Торнелла проверить, находился ли космический «челнок», который контрабандисты оставили рядом с приемным доком здания, внутри оградительного поля их участка. Потом он спросил Гэйлстера и доктора Хишкана:

— Вы уже пришли к выводу, что именно произошло?

Гэйлстер пожал плечами:

— По всей видимости, это — оружие избирательного характера, поражающее исключительно живую силу противника. Возможно, заряд был нацелен именно на «грузовик», потому что на его борту еще кто-то оставался. Но на корабле

отсутствуют следы повреждений, в то время как одежда на людях исчезла вместе с ними. Орудие, вероятно, установлено за пределами Склада, и заряд выпущен через открытый шлюз. Но, по моему мнению, оно приводится в действие из какого-то укрытия на территории Склада.

Уолхем испытующе посмотрел на Хишкана.

— Ну, что скажете, доктор? Могло ли это быть одним из ваших местных образчиков? Чем-то таким, что обнаружили мисс Джеймс с Вергардом, и что Вергард на наших глазах привел в действие?

Ученый в сильном недоумении взглянул на девушку.

— Забудьте об этом, доктор, — невозмутимо промолвила она. — Заявление Уолхема не имеет смысла.

— В самом деле? А что в таком случае, по-вашему, имеет смысл? — с нажимом в голосе спросил контрабандист. — Вы с вашим напарником пробыли здесь две недели. Вы оба — разумные люди, в чем мы имели счастье убедиться. Достаточно разумные, чтобы учуять по-настоящему крупную сделку, когда Хишкан, по своей глупости, подсунул ее вам прямо поднос. Достаточно разумные, чтобы попробовать отпугнуть конкурентов. Знаете, что я думаю, мисс Джеймс? Я думаю, что мое

появление на Складе похерило ваши с Вергардом планы относительно хишкановского образца.

— Вы в какой-то степени правы. Да, у нас и в самом деле есть планы относительно упомянутого вами артефакта. Но он вовсе не хишкановский, ибо принадлежит Федерации. И теперь для вас было бы лучше, если бы вы помогли нам его туда переправить.

Уолхем почти рассмеялся:

— Я буду помогать ищейкам?

— Вы спросили, что имеет смысл, — сказала Дейнстар. — Одна вещь действительно имеет смысл. Может, вы и сами уже сообразили. Артефакт Университетской Лиги не просто дрейфовал по Преисподней, где был обнаружен. Его кто-то изготовил и туда поместил!

Теперь уже все, находившиеся в кабинете, навострили уши. Девушка рассказала, что, судя по всему, образец представлял собой космическое сигнальное устройство. Изучив его, ученые-люди могли бы получить почти полную картину того, каким образом неизвестные конструкторы этого устройства свободно перемещались по Преисподней, и как они обеспечивали связь внутри пылевого облака. Поведала она и о докторе Хишкане, который недавно дважды послал

в эфир невольную информацию о том, что этот космический аппарат находится у людей. Электростатические разряды, произведенные этим устройством, были записаны на расстоянии от Мецмиали, намного превышающем расстояние до Преисподней.

Уолхем злобно оборвал ее:

— Значит, вам, милая барышня, представляется, что за образцом из Преисподней прибыли инопланетяне?

— В самую точку, — откликнулась Дейнстар и даже зааплодировала от избытка чувств — Уолхем оказался человеком, на редкость проницательным. — А доктору Хишкану, по меньшей мере, должно быть известно, что корабль, пропавший в Преисподней несколько лет назад, сообщил, что атакован оружием, похожим на лучевое. — Да, это правда! Это правда! — лицо доктора Хишкана побелело.

— Мне представляется, — сказала Дейнстар, — что, когда «грузовик» зашел на Склад, вместе с ним проникло еще что-то, о чем пилоты «грузовика» не имели понятия. Нечто, обладающее радиационным оружием неизвестного нам типа. Уолхем, если у вас осталась хоть капля здравомыслия, сообщите на центральную диспетчерскую

прямо сейчас, чтобы они послали сигнал о помощи! Нам она вскоре ох как понадобится! Нам необходим самый мощный военный космолет с орбиты Мецмиали, чтобы он приземлился сюда и справился со всем этим.

— Уолхем! — бесцеремонно вмешался в их разговор голос с мониторного переговорного устройства.

Контрабандист повернул голову.

— Я тебя слушаю, Йи! — Голос Уолхема дрожал от нетерпения.

— Группа парней из Университетской Лиги, которая охотилась за парнем по фамилии Вергард, не отвечает на позывные! — объявил Йи. Его Уолхем оставил в свое время в здании диспетчерской. — Семь человек; у двоих — переговорные устройства. Мы уже восемь минут подряд пытаемся с ними связаться. Похоже, их поджарило так же, как и команду «грузовика»!

Присутствующих охватило тревожное волнение. Уолхем резко произнес:

— Только не надо спешить с выводами! Пусть ваши операторы продолжают устанавливать с ними связь. У них могут быть какие-то веские причины, чтобы не откликаться. Остальные вышли на связь?

— Да, — сказал Йи. — Все, кто не в здании диспетчерской, надежно укрыты за защитными экранами в разных местах.

— Им приказано оставаться на своих местах и докладывать обо всем, что увидят?

— Да. Но никто ни о чем пока не докладывал.

— Как только поступит какое-либо сообщение, сразу дай мне знать. И вот еще что, Йи. Чтобы каждый в диспетчерской твердо знал, что до разрешения наших проблем диспетчерская реагирует только на мои приказы.

— Парни *очень хорошо* понимают это, Уолхем, — сказал Йи.

Контрабандист вновь повернулся к своим подельщикам, которые находились в кабинете.

— Разумеется, мы не настолько глупы, чтобы последовать совету мисс Джеймс! — сказал он. Если Уолхем и ощущал какую-то неуверенность, это не отражалось ни на его лице, ни в тоне его голоса. — Кто-то там побаловался с каким-то радиационным устройством и ухлопал несколько человек. Но мы-то теперь начеку и далеко не беззащитны! Здесь останется Декрейн, который проследит, чтобы мисс Джеймс никаким образом не попыталась влиять на происходящее. Остальные будут действовать группой.

Он выделил тех, кто ранее занимался поисками Вергарда.

— Вы, надеюсь, не забыли, что на нашем «челноке» — четыре энергетических орудия большой мощности? Вы четверо займите места подле них. Гэйлстер, доктор Хишкан, я и Торнелл возьмем пистолеты. По словам доктора Хишкана, на первом этаже этого здания складированы антирадиационные костюмы, которые используются при проверочных работах. Помните, что примененное оружие поражает живую силу. Мы будем в костюмах, которые заблокируют его действие хотя бы на время. Мы вооружены и будем находиться в «челноке». В загрузочном доке этого здания есть выход за местный барьер. Через него можно вывести «челнок» на Склад. В диспетчерской постоянно работают обзорные мониторы. Их цель — определить местонахождение поражающего устройства или его оператора. Когда их обнаружат…

Щелкнул аудиоселектор. Раздался голос Вергарда:

— Уолхем! Говорит Вергард. Советую меня выслушать!

Уолхем резко повернул голову.

— Что вам нужно?! — огрызнулся он.

— Если вы желаете взглянуть на это оружие, поражающее живую силу, — сухо проговорил Вергард, — то советую переключить монитор на тридцать шестой участок. Тогда, возможно, лишний раз подумаете, прежде чем гоняться за ним на «челноке».

Через несколько секунд настенный монитор мигнул и прояснился. Все молча таращились на экран. А там было на что посмотреть.

Словно лист живого пурпурного огня, «нечто» с жуткой скоростью текло по поверхности одной из боковых улиц Склада. «Оно» направлялось к неясно вырисовывавшемуся на экране монитора зданию, где обычно проходила предварительная сортировка поступающих экспонатов. Дейнстар поймала себя на мысли, что «его» размеры сами по себе наводили ужас: «оно» занимало всю ширину улицы и было в длину сто пятьдесят, а то и все двести метров. Когда «оно» достигло здания сортировки, большое защитное поле того участка, ярко вспыхнув, пришло в действие. Мгновенно огненная тварь шарахнулась в сторону, метнулась за угол улицы и исчезла из поля зрения.

На экране монитора виды Склада сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, — это

доктор Хишкан в спешке нажимал на кнопки пульта управления. Он обернулся к присутствующим. Его глаза были широко раскрыты.

— Кажется, я его потерял! — воскликнул он. — Его нет на территории Склада.

— Не волнуйтесь так, доктор, — мрачно заметил Уолхем, — «оно» снова появится. А что ты обо всем этом думаешь? — спросил он Гэйлстера. — Что это такое было?

— «Это» явно идентично той субстанции, — промолвил Гэйлстер, — что на наших глазах поглотила «грузовик» и людей у шлюза. Мы наблюдали там только одну «его» часть. «Оно» возникло частично из-под поверхности Склада и снова удалилось под его поверхность. Что же касается того, что это такое… — Он пожал плечами. — Лично мне не приходит в голову ничего такого, с чем можно было бы это сравнить… — Он вновь запнулся, потом продолжил: — У меня сложилось впечатление, что «оно» двигалось целеустремленно, направляя само себя. Мы знаем, что при использовании лучевого оружия можно управлять мобильным зарядом так, как мы это видели.

— Что бы это ни было, Уолхем, — добавил доктор Хишкан, — я считаю очень неразумным

пытаться противостоять ему обычными видами оружия!

Контрабандист удостоил его жесткой ухмылкой.

— Так как нет срочной необходимости предпринимать такую попытку, мы ее отложим, доктор, будьте покойны. Лично мне кажется вот что. Из того, что мы сейчас увидели, можно сделать важный вывод. Эта штуковина избегла контакта с защитным полем того здания… или же была отклонена от него, — если представляет собой управляемый мобильный заряд, о котором говорил Гэйлстер. В любом случае, пока не определим, с чем или с кем мы имеем дело, и каким образом вести себя по отношению к нему, это враждебное «нечто» не в состоянии до нас добраться.

Дейнстар резко выкрикнула:

— Уолхем, да не будьте вы идиотом — не рассчитывайте отсидеться за стенами своего «челнока»! Вы забыли, что у кораблей, которые сгинули в Преисподней, тоже были защитные поля?!

Уолхем бросил на нее свирепый взгляд, но ничего не сказал.

— То, о чем говорит мисс Джеймс, — произнес в задумчивости доктор Хишкан, — верно с технической точки зрения. Но даже если мы под-

вергнемся нападению; результат представляется мне совсем не похожим на тот, какой был после атаки на корабль в Преисподней! Окружающий нас комплекс когда-то был фортом. Его спроектировали и построили для защиты четвертой части континента от самого мощного оружия, какое только можно разместить в космосе. И в то время, как внутренние поля несопоставимы по силе с внешним заслоном, они все же гораздо плотнее всего того, чем, в принципе, можно оснастить исследовательский звездолет. Я считаю, что мы вполне можем положиться на защитные экраны вокруг нашего здания, пока будем искать выход из сложившейся ситуации.

— Вы так думаете, доктор? — прищурился Уолхем.

— Да, — ответил доктор Хишкан. — И сейчас я настроен гораздо более оптимистично! Когда мы установим природу нападающего на нас объекта, нам следует поискать пригодный способ противостояния «огненному призраку» — доступный в условиях Склада. И нет никакой нужды обращаться за помощью к властям, как предлагает мисс Джеймс. Этим мы выдадим им свои сугубо личные планы — на что, собственно, она и рассчитывает!

Из переговорного устройства раздался голос Вергарда:

— Если вы собрались продолжать свои исследования, доктор Хишкан, то вам сейчас представится эта возможность! Эта штуковина подбирается к административному корпусу с севера и подбирается быстро!

Доктор Хишкан немедленно повернулся к пульту управления монитором.

Строго на север от главного здания располагалась обширная площадь, окруженная массивными постройками. Когда монитор показал поток огня, он уже заполнил половину площади. Как и говорил Вергард, тварь приближалась с бешеной скоростью. В его стремительном продвижении угадывалось некое целенаправленное недоброжелательство, от чего Дейнстар ощутила холодок в спине. Ей показалось, что «огненный призрак» достиг главного здания и защищающего его энергетического поля всего за мгновение ока. Теперь, вместо того, чтобы изменить направление движения, как в прошлый раз, оконечность огненного «тела» загнулась кверху. Пламя поднялось вертикально вверх по стенам здания, в нескольких сантиметрах от мерцающего защитного поля. Несколько секунд настенный монитор

не показывал ничего, кроме пульсирующего бледно-пурпурного пламени. Потом оно исчезло, и экран снова заполнила пустующая площадь.

Голос Вергарда быстро произнес:

— «Оно» перетекло через крышу, спустилось по противоположной стене и исчезло под землей…

Голос прервался, но возобновился почти сразу же:

— Мне удалось держать «его» в поле зрения дольше, чем вам. «Оно» уже обшарило половину Склада. У меня такое впечатление, что эта штуковина «осматривает» предметы, прежде чем двигаться дальше. Но я заметил одну вещь, от которой я чувствую себя за энергетическим полем моего участка в гораздо меньшей безопасности, чем некоторые из вас. Эта штука аккуратно держится подальше от внешнего барьера Склада. Все время не подходит ближе, чем на сто метров, и резко сбрасывает скорость, когда приближается к этой незримой отметке. Но, с другой стороны, как вы только что могли заметить, она не уделяет должного уважения внутренним заслонам. Я, конечно, не видел, чтобы она пыталась проникнуть через местное защитное поле, окружающее какое-нибудь здание. Однако она фактически контактировала с этими полями несколько раз

без очевидного вреда для себя. Точно так, как она только что проделала, перемахнув через административный корпус.

— К чему вы клоните?! — рявкнул Уолхем. — И о чем это может говорить?

— Мне кажется, — сказал Вергард, — что наш гость проверяет надежность местных защитных экранов. Я бы не решился сделать свою жизнь зависимой от его экспериментов, что вы намереваетесь, по всей видимости, сделать. И еще одно. Кажется, он проявляет особый интерес к зданию, в котором вы находитесь. Предлагаю всем вновь обратить свои взоры на площадь.

На первый взгляд, площадь казалась по-прежнему пустой. Потом кто-то из контрабандистов заметил, что вся ее поверхность искрится крошечными вспышками бледного свечения. «Нечто» находилось там, почти полностью погруженное под землю и, по всей видимости, неподвижное.

Торнелл промолвил, восхищенно наблюдая за этой сценой:

— Может, «оно» догадывается, что нужный ему образец у нас?

Никто не отреагировал на это высказывание. На площади, словно почувствовав, что ее присутствие обнаружено, огненная простыня стала

медленно подниматься над поверхностью земли, пока не стала полностью обозримой — плоская и чудовищная по размерам. Тишину в кабинете нарушил какой-то дребезжащий звук. Он не был громким, но все нервно вздрогнули и посмотрели на стол, где громоздилась собранная аппаратура.

— Что это было? — спросил Уолхем.

— Мой шифровальный передатчик, — сообщила Дейнстар.

— Он записал сообщение?

— По всей видимости.

— От кого?

— Точно я не могу сказать, — спокойно сказала Дейнстар. — Но давайте попробуем угадать. Сигнал поступил не снаружи, так как ему не проникнуть через Барьер. Он — не от Вергарда и не от кого-то из ваших деятелей. Что в таком случае остается?

Главарь контрабандистов уставился на нее, словно увидел впервые.

— Вы в своем уме — предполагать такое?

— Может, и не в своем, — усмехнулась Дейнстар. — Во всяком случае, почему бы ни прослушать перевод?

— Обязательно прослушаем! — Уолхем резко повернулся к Декрейну. — Подойди вместе с ней

к столу! И пусть она ни к чему не притрагивается, кроме передатчика!

Скривив рот в неприятной ухмылке, Уолхем пронаблюдал, как Декрейн конвоировал девушку. Потом Дейнстар взяла в руки миниатюрный радиопередатчик, вставила ноготь в паз и быстро скользнула им в направлении переключателя фонетического переводчика. Когда она вернула прибор на стол, из него послышались слова:

— У кого… это… находится..? Где… оно..? Мне… это… нужно… У кого… это… находится..? Где…

Это продолжалось примерно минуты полторы — три предложения, монотонно повторяющиеся одно за другим. Затем раздался щелчок, и звуки прекратились. Дейнстар поначалу не обратила внимания на то, какое впечатление произвели на окружающих заданные «огненным призраком» вопросы. Она слушала со смешанным чувством страха, горечи, ненависти и с болезненной сменой настроения. Кодированное сообщение было речью, а не механическим синтезом звуков, хотя и осмысленным. Эта речь была передана экономно. Слова, из которых были составлены эти три предложения, когда-то произносили человеческие существа. Эти слова были так добросовестно воспроизведены, что можно было с

полным основанием утверждать: предложения были «сотканы» из слов, позаимствованных из речи нескольких различных людей. Людей, захваченных лютым врагом в Преисподней, подумала Дейнстар, теперь давно уже мертвых, но которым позволено было жить, пока враг изучал с их помощью человеческую речь, «записывал» их голоса, чтобы использовать в будущем…

Она огляделась. Окружающие казались потрясенными не меньше ее. Выражение лица Уолхема ясно показывало, что у него отсутствуют какие-либо сомнения в том, что к ним пожаловал бывший хозяин сигнального устройства, чтобы заявить на него свои права.

— Если окажется, — осторожно заметил доктор Хишкан, — что мы не в состоянии разрушить это существо или взять его под контроль, то, может быть, стоит избавиться от него, просто разобрав устройство, которое он ищет, поместив его за защитным экраном. Если оно его заберет, мы откроем шлюз в Барьере. Это действие будет означать, что мы хотим, чтобы он убрался со своей собственностью подобру-поздорову.

Уолхем насмешливо посмотрел на доктора Хишкана:

— Доктор, не впадайте в панику только из-за

того, что это существо что-то там поспрошало! Его бессвязная болтовня просто лишний раз доказывает, что продаваемый вами при нашем посредничестве артефакт остался, по меньшей мере, таким же ценным, каким был и до этого. Лично я вовсе не собираюсь отказываться от столь лакомого кусочка.

— Мне тоже не хотелось бы от него отказываться! — выкрикнул в запальчивости доктор Хишкан. — Однако способность этого существа использовать специальные коды для общения с людьми указывает на опасно высокий уровень его интеллекта. У вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, как с ним обращаться?

Его прервал Гэйлстер, указывая на экран монитора:

— Кажется, «он» начинает двигаться…

Снова все принялись молча наблюдать за огненным «телом» на площади. Его багряное свечение медленно пульсирующими волнами становилось то насыщеннее, то бледнее. Затем его верхушка быстро качнулась, как колеблющийся язычок обычного пламени, вначале к зданию, потом от него… и, обогнув площадь, «огненный призрак» стремительно перетек в боковую улицу.

— Отправился выискивать свое сокровище в

другом месте! — объявил Уолхем, после того, как пульсирующее одеяло исчезло из виду. — Итак, если наш приятель всего лишь подозревает, что его устройство находится здесь, значит, он не уверен в этом. На меня-то его хваленый интеллект произвел гораздо меньшее впечатление, чем на вас, доктор. Любой недоумок может научиться пользоваться сложным оборудованием, если ему покажут, как это делается. Это, наверно, какой-то тупой инопланетяшка — вроде простого исполнителя, которого заслали сюда из Преисподней, поручив конкретную и сугубо ограниченную миссию.

— Вполне возможно, что это робот, — поддакнул главарю Гэйлстер.

— Да, — согласился Уолхем, — вероятно, это робот. И, отвечая на ваш давешний вопрос, доктор, могу с уверенностью сказать: да, у меня есть соображения по поводу того, каким образом стряхнуть его отсюда.

— И каким же это образом? — осведомился доктор Хишкан.

— Здесь не место это обсуждать! — Уолхем одарил Дейнстар взглядом, преисполненным торжествующего злорадства.

Она хорошо поняла значение этого взгляда.

Если удастся выследить Вергарда, Уолхем сможет безнаказанно избавиться от оперативных работников Киф. Существовало достаточное количество свидетелей, которые могли бы подтвердить, что огненная тварь, забравшаяся на Склад, уничтожила более дюжины человек. Среди жертв чудовища вполне могли оказаться и Дейнстар с Вергардом.

— В настоящий момент использовать «челнок» мы не будем, — продолжал Уолхем. — Но нам нужны переносные пушки, и мы немедленно наденем антирадиационные костюмы. Декрейн, проследи за дамой, пока мы не вернемся. Разрешаю применять любые необходимые приемы, лишь бы она не сходила со своего места и вообще вела бы себя, как примерная девочка. Мы принесем костюм и тебе. Остальные, за мной! И пошустрее!

Декрейн начал было что-то говорить, но потом умолк и нахмурился. Остальные быстро вышли друг за другом из кабинета и устремились направо по коридору. Белокурый гигант, казалось, испытывал беспокойство. Имея у себя под боком огромного огненного инопланетянина, он не очень-то обрадовался приказанию босса охранять пленницу в одиночку. В то время как его товари-

щи залезали в безопасные антирадиационные костюмы! Когда исчез последний из группы, он тяжело вздохнул и вновь обратил внимание на Дейнстар.

Глаза его расширились от изумления — стул, на котором она только что сидела, был пуст. Рука Декрейна метнулась к кобуре пистолета и замерла, дотронувшись до нее. Верзила застыл, как вкопанный, ибо что-то твердое ткнулось ему в спину пониже лопаток.

— Да, твоя пушка у меня, — прошептала ему сзади Дейнстар. — Ни звука, Декрейн! Если даже вздохнешь громче, чем нужно, я расщеплю тебе позвоночник!

Они молча ждали. Декрейн осторожно дышал, пока в коридоре затихали голоса и шаги его товарищей. Наконец их стало совсем неслышно. Дуло пистолета перестало упираться ему в спину.

— Вот и славно, — тихо сказала Дейнстар, слегка от него отодвинувшись. — Теперь встань туда.

Декрейн облизал пересохшие губы.

— Мисс Джеймс, — сказал он, выговаривая слова с некоторым затруднением, — вы помните, что я все время вел себя с вами по-джентльменски?

— Помню, чучело ты гороховое, — согласилась девушка, продолжая разговаривать с ним из-за

его спины. — И в настоящий момент тебе это очень пригодится. Но…

Декрейн упал вперед, крутанувшись всем телом и отчаянно лягаясь в направлении голоса. Трюк этот у него срабатывал примерно в половине случаев. Смутный образ Дейнстар со вспыхнувшей над ним белизной ее улыбки и ее руки, резко упавшие вниз, подсказали ему, что на этот раз фокус не удался. Рифленая рукоятка пистолета крепко отметилась на его виске, Декрейн смежил очи и его сознание унеслось далеко-далеко.

Дейнстар наклонилась над ним, с секунду размышляя, стоило ли огреть болвана еще разок — для уверенности. Решив, что это излишне, она засунула оружие в карман комбинезона и быстро подошла к большому столу в центре кабинета. На нем, среди сваленных в кучу вещей, взятых из ее комнаты, лежал и пояс управления. Дейнстар закрепила его на талии и надела свою белую куртку, которая находилась на столешнице рядом с поясом. Торопливо порывшись среди остальных вещей, она рассовала по карманам передатчик автокодирования и полудюжину других приспособлений. Затем взяла свой несессер, выпотрошенный Декрейном, и перешла к противоположному краю стола. Здесь были

разложены механизмы, которые Гэйлстер вынул из фальшивого астероида для осмотра. На протяжении всего пребывания в кабинете доктора Хишкана внимание девушки постоянно привлекало одно из этих устройств. Оно было заключено в оболочку из какого-то квазиметалла, похожего на медь, а размерами и формой смахивало на гусиное яйцо. Гэйлстеру оно не поведало тайны своего предназначения, а доктор Хишкан высказал лишь смутные догадки. В отличие от обоих Дейнстар внимательно изучила это «яйцо», а также его взаимосвязь с некоторыми другими приспособлениями, когда ночью сидела в бункере доктора Хишкана. Поэтому она точно знала, на что оно может сгодиться. Она положила «яйцо» в несессер и вернулась к своим инструментам. Включив камеру-шпиона, она нащупала пальцами переключатель на поясе управления. Миниатюрный приборчик издал прерывистый, стрекочущий звук.

— Я здесь одна, — сообщила она в камеру. — Декрейн — в полной отключке. Как бы мне теперь поскорее выбраться отсюда и встретиться с тобой? Уолхем рвет и мечет, ты и сам слышал. Мне вовсе не светит оставаться рядом с этими психами, когда они примутся заигрывать с живым

ломтем этой одеялообразной молнии!

— Когда выйдешь из кабинета, поверни налево, — сказал пустой экран голосом Вергарда… — Спустись на первом лифте на два этажа вниз и выходи.

— И что потом?

— Я буду тебя там ждать.

— Сколько времени ты находишься в здании? — с тревогой в голосе спросила она.

— Около пяти минут. Заскочил, чтобы прихватить парочку антирадиационных костюмов — для нас с тобой. Костюмы уже при мне. Судя по тому, как у тебя шли дела, я прикинул, что лучше мне пооколачиваться где-нибудь поблизости от вашей компашки. Я все выжидал удобный момент, когда тебя можно будет избавить от общества всей этой шатии-братии. Я уже начал было подниматься по лестнице, когда Уолхем смылся со всей своей командой. Потом услышал в кабинете короткую возню и подумал, что ты обрабатываешь громилу Декрейна. Поэтому я решил подождать.

— Дай Бог тебе здоровья, дружище! — сказала Дейнстар с благодарностью. — Встретимся через минуту.

Она отключила камеру-шпиона, вышла из

кабинета, обогнув немилосердно храпевшего на ковре Декрейна, и повернула налево по коридору.

* * *

Укрытие, из которого Ковин Вергард наблюдал за событиями на Складе, было одним из многих, которые он оборудовал вскоре после прибытия на объект — на случай чрезвычайных обстоятельств. На сегодня он выбрал именно его, поскольку оно находилось всего в нескольких шагах от выходной двери административного корпуса и меньше чем в ста двадцати метрах как от диспетчерской, так и от шлюза внешнего защитного барьера. Эти точки были ключевыми при любом развитии событий. На то, чтобы отвести Дейнстар в свое убежище, Вергарду понадобилось гораздо больше времени, чем им обоим хотелось бы. Зато этот, заранее продуманный Вергардом, путь почти полностью пролегал через сооружения, защищенные от инопланетного посетителя местными энергетическими полями.

И вот уже Дейнстар, облаченная в громоздкий антирадиационный костюм, сидела в этой крошечной комнатушке спиной к своему товарищу. Перед ней на стенной полке стоял передатчик

автокодирования. Ее пальцы старательно и аккуратно налаживали другие приспособления, принесенные из хишкановского кабинета, сводя их в единую систему. Она не сводила глаз с проекционного поля над передатчиком. Случайные световые сполохи и рябь, мелькавшие по полю, были всего лишь ничего не значившими атмосферными помехами. Но краем глаза она замечала и проблески иного рода. Они-то как раз и являлись очень значимыми. Такие световые импульсы она отслеживала с помощью детектора, фильтрующего частоты. Это было необходимо, чтобы установить параметры, благодаря которым их можно было закрепить на проекционном поле для дальнейшего визуального просмотра и анализа. Этот процесс являлся для девушки почти автоматическим, ее руки просто производили заученные движения. А вот мысли ее были заняты совсем иными проблемами: Дейнстар обдумывала свойства и возможности гигантского огненного пришельца, может быть, еще более кошмарные, нежели он успел продемонстрировать.

Что люди знали о нем? И что он знал о них?

Это живое, смертоносное энергетическое тело или нечто, подобное ему, не могло изготовить

сигнальное устройство само. И даже если оно действует не по собственному почину, если в Преисподней у него имеются хозяева, все равно этот локатор — не его рук дело. Независимо от происхождения, несмотря на свою более чем столетнюю давность, устройство до сих пор находилось в рабочем состоянии. Для определения местонахождения, для обеспечения возможности целенаправленного действия в условиях пылевого облака, оно просто незаменимо. Следовательно, для существа, обитающего в Преисподней, его ценность должна быть колоссальной! Но кто бы ни пользовался этим устройством, ему не доставало способности обеспечивать даже его ремонт. В еще меньшей степени он был способен заменить его в случае пропажи. И хозяин этого локатора должен быть смертельно напуган тем, что человечество откроет секреты его технологии и сможет встретиться с ним в Преисподней на равных…

Итак, загадочное существо пересекло неимоверные бездны космоса, чтобы добраться до Мецмиали и добиться возврата своего локаторного устройства.

Уолхем, привыкший успешно справляться с противником в человеческом обличье, до сих пор

надеялся на свою изобретательность. Он считал ее пригодной и для того, чтобы управиться с эмиссаром из Преисподней. А вот для Дейнстар иметь дело с «огненным призраком» означало примерно то же самое, что иметь дело с полноценным военным кораблем. Объект явно был сложен. Он не был просто элементарной силой, управляемой ограниченным умом робота. Во всяком случае, он продемонстрировал, что в состоянии использовать свою энергию для дублирования знаковой системы общения, применяемой людьми. Проблеск одной из его форм в проекционном поле детектора наводил на мысль, что он способен на гораздо большее. И, вполне возможно, он пришел сюда не один. За пределами Барьера его могут ожидать идентичные организмы, которые пока не обнаружены, и с которыми он поддерживает постоянную связь.

Перед лицом таких фактов — как уже установленных, так и вполне вероятных — решимость Уолхема запудрить мозги инопланетному монстру выглядела чистым безумием. Дейнстар с Вергардом смогли бы, в принципе, убедить остальных контрабандистов в необходимости вызова помощи извне. Однако общая система связи после побега Дейнстар из кабинета Хишкана

оказалась полностью отключенной — очевидно, по приказу Уолхема. С помощью шпионских приспособлений агенты Киф выяснили, что Уолхем координирует действия своей команды, используя персональные переговорные устройства. Они узнали, что в главном здании воздвигается дополнительный защитный экран, проходящий через середину этого строения и соединенный с уже существующими местными силовыми полями. Будучи завершенной, эта система энергетических барьеров должна будет превратить одну половину здания в подобие мышеловки, открытой с одного конца. Люди и артефакт из Преисподней будут находиться в другой половине. Когда огненное чудовище пролезет в «мышеловку», пытаясь добраться до вожделенной добычи, наблюдатели в диспетчерской захлопнут барьер. Монстр будет благополучно заперт внутри местных экранов… если, конечно, они окажутся для него непроходимыми.

Расчеты Уолхема полностью строились на данном гипотетическом предположении. Пока не случилось ничего такого, что бы его опровергло. Инопланетная тварь до сих пор шныряла по Складу. Вергард, сидя перед своей камерой, по которой он следил за всеми событиями этого дня, каждые

одну-две минуты сообщал о появлении визитера из Преисподней то там, то сям. В перемещениях по территории Склада все больше усиливался элемент целесообразности. Один разок монстр «прошелся» вдоль здания, где прятались Дейнстар с Вергардом, сделав при этом коротенькую остановку. Три раза он обнаруживался неподалеку от диспетчерского узла и три раза — у здания административного корпуса. Казалось, что его интерес был сосредоточен в этих двух местах.

Дейнстар с Вергардом могли только сидеть и ждать, пока этот огненный организм не завершит свое быстрое и непредсказуемое рысканье в поисках добычи. Вергард уже вознамерился было прошмыгнуть к шлюзу для персонала, когда голову Дейнстар посетила некая задумка. Газовый заряд временно парализовал бы всех людей на Складе, а главный барьер тогда на некоторое время открылся бы. Этого времени хватило бы вполне на то, чтобы пропустить наружу подготовленный и зашифрованный агентами сигнал бедствия. После этого их основной заботой стало бы постараться остаться в живых до прихода подкрепления.

* * *

Их головы резко повернулись к передатчику на полке перед Дейнстар. Он подал трескучий сигнал выхода на связь. Дейнстар поднялась со стула, защелкнула шлем своего антирадиационного костюма, сгребла в кучу на полке остальные приборы и быстренько рассовала их по карманам костюма. Потом она взяла свой несессер.

— Где… это… находится..? Мне… это… нужно… — прошелестело из передатчика.

— На сколько установлен радиус приема — все еще на тридцать метров? — спросил Вергард встревоженно.

— Да, — отозвалась Дейнстар.

— На этом расстоянии вообще нет ничего и никого.

Она внимательно посмотрела на коллегу. Он был облачен с головы до пят в антирадиационный костюм. Рядом с ним на стуле лежал маленький лучевой карабин высокой мощности. Вергард не спускал глаз с камеры обзора. Сейчас она показывала только территорию в непосредственной близости от здания. Дейнстар промолчала. Передатчик продолжал шелестеть традиционный набор.

«Его» не было видно, но «он» был рядом. И «он» находился очень близко! В пределах тридцати метров от передатчика, от их убежища, от них самих. И теперь он остановился на более длительное время, чем в тот раз, когда впервые проползал мимо их здания.

— У… кого… это..? Где… это… находится..?

Она не смогла справиться с чувством страха, — спина похолодела, по коже побежали мурашки. Если бы «он» каким-то образом смог учуять то, что у нее было спрятано в несессере, он непременно потребовал бы это. Раньше она думала, что «он» не способен проникнуть сквозь оболочку несессера, — это было не под силу ни одному из известных ей шпионских устройств. Спрятанный Дейнстар яйцеобразный прибор, размером с ее кулак, являлся ядром, сердцевиной артефакта из Преисподней, его «черным ящиком». По идее эта часть должна содержать все принципиальные ключи к дальности действия и проникающей способности его сигналов. Без этой части остальное содержимое этого большого, как валун, прибора, стала теперь совершенно бесполезна — как для Уолхема, так и для инопланетянина.

Агенты ждали, не сводя глаз с экрана монитора, готовые в любой момент сорваться с места.

Позади них находилась незапертая дверь. Она была приготовлена на случай, если здание подвергнется нападению, и это существо окажется способным пробиться сквозь энергетический заслон. Добраться до лифта от двери было делом нескольких секунд. Спустившись двумя этажами ниже, они оказались бы в системе подземных тоннелей, где их ожидала транспортная капсула. В случае погони они стали бы перемещаться по вешкам, заранее отмеченным Вергардом, от барьера к барьеру, чтобы те замедлили преследователя. Оторвавшись от погони, они в итоге добрались бы до восточного участка Склада, известного, как Цитадель. Здесь старинные защитные экраны образовали густое переплетение наподобие пчелиных сот — такое плотное, что за ним можно было отсиживаться часами даже при самых упорных атаках.

Но здесь таился и серьезный минус — бегство лишало их возможности воспользоваться диспетчерским участком…

Шелест, доносившийся из передатчика, внезапно смолк. Несколько мгновений они оба сидели, не шевелясь. Потом с явным облегчением Вергард произнес:

— Кажется, убрался прочь!

Он переключил монитор на другой режим. На экране разом появилось с полдюжины помещений Склада, видимых с различных ракурсов.

— Вот он!

В поле зрения у дальней стены здания диспетчерской появился пурпурный огонь. Он тек по одной из улиц Склада, растянувшись на полсотни метров. Будто неведомый морской зверь огромных размеров плыл по океану, выставив спину над поверхностью воды. Вот он опять скрылся из виду. Немного поколебавшись, Дейнстар вынула из кармана детектор, фильтрующий частоты, положила его на полку у стены и нажала кнопку. Над маленьким прибором сразу же появилось проекционное поле — в половину своей яркости.

Вергард, бегая глазами по экрану монитора, промолвил:

— Он и сейчас может добраться до нас за считанные секунды. Не очень-то увлекайся всякими своими штучками.

— Ладно, не буду.

Дейнстар высвободила голову из массивного шлема, откинула его за спину. Ее пальцы скользнули по детектору, коснулись крошечного рычажка настройки, стали его поворачивать мелкими оборотами. И замерли.

Перед ее глазами возникла та самая визуальная проекция, которую она искала.

Проектор представил взгляду плеяду мерцающих, изменчивых крошечных искр и линий света. Они то появлялись, то исчезали… Картина напоминала смешанную коммуникационную схему какого-нибудь мегаполиса. Дейнстар облизала губы и задержала дыхание. Потом осторожно поколдовала над рычажками и клавишами приборчика, переводя их в исходное положение.

Когда она убрала руку, Вергард тихо поинтересовался:

— Что это?

— Это внешняя коммуникационная система нашего гостя. Это… Дай мне подумать… Вергард! Что он сейчас делает?

— Он рядом с диспетчерской.

Вергард подождал, пока Дейнстар закончит возиться с детектором, — похоже, она напала на какой-то след, а он не хотел ее отвлекать — и добавил:

— Судя по его поведению… да, так и есть! Он явно готовится просочиться сквозь тамошний барьер!

Экран монитора показывал призрачный красноватый блеск защитного барьера диспет-

черской, который активизировался у передней сплошной стены здания. Два темно-розовых пылающих пятна, примерно с метр в поперечнике, обозначали места, где инопланетянин вошел в прямой контакт с энергией заслона.

Дейнстар подумала, что энергетическое взаимодействие пришлось ему совсем не по вкусу. Хотя при каждой попытке он удерживал контакт в течение нескольких секунд, очевидно, проверяя прочность барьера. Девушка мельком глянула на экран монитора и вновь обратила свое внимание на роящиеся световые узоры проекционного поля.

За реакцией существа лучше всего было следить по ним. Когда «огненный призрак» касался барьера, среди узоров появлялись темные пятна. Они расширялись по мере усиления контакта с барьером, затем пропадали, — стоило только существу отступить. Конечно, оно испытывало некоторое потрясение — но совсем непродолжительное. У Дейнстар перехватило дыхание, — на этот раз она здорово перепугалась. Местные барьеры хоть и наносили ущерб этому существу, но были не в состоянии его удержать, настройся оно решительно на преодоление энергетических полей. Возможно, люди в диспетчерской этого

пока не сознавали. Она не хотела даже думать о последствиях.

Услышав краткое восклицание Вергарда, девушка снова взглянула на экран.

«Вот оно, началось», — подумала она.

Существо медленно выползало из-под поверхности улицы перед зданием диспетчерской, в нескольких метрах от стены. Когда оно еще только проверяло барьер, то всего лишь исторгнуло из себя щупальце с ярко пылающим кончиком и дотронулось до здания. Теперь же оно предстало взору в виде могучей фосфоресцирующей колонны семиметрового диаметра. Колонна расширялась кверху. Ее вершина стала клониться вперед, словно гигантская приливная океанская волна с пенящимся гребнем. Вот гребень дотянулся до стены, и колонна, содрогаясь, стала просачиваться сквозь армированный бетон. Вокруг колонны красным заревом пылало силовое поле, то и дело ослепительно вспыхивая пурпурным сиянием… Но колоссальная масса колонны продолжала неумолимо проникать через барьер.

А среди мириад крошечных огоньков, которые, искрясь, плясали на проекционном поле, Дейнстар отметила внезапное появление продолговатых теней. Они проскальзывали по полю,

раз за разом, становясь все темнее и обширнее… Затем они стали постепенно светлеть, и, наконец, исчезли совсем.

Когда Дейнстар снова взглянула на экран монитора, защитный барьер все еще пылал — бурно и неистово, — но улица была пуста. Инопланетянин скрылся в здании диспетчерской.

— Это существо — не единое целое, — промолвила Дейнстар. — Возможно, это конгломерат, состоящий из миллиардов отдельных ячеек. Они напоминают город, бурлящий деловой жизнью, или армию на марше. Организация… Система! При прохождении барьера его силовое поле, без сомнения, нанесло конгломерату ущерб. Но он потерял максимум полпроцента своих структурных единиц.

Вергард взглянул сначала на проекционное поле, потом — на Дейнстар.

— Никто из находившихся в здании диспетчерской не имел доступа к антирадиационным костюмам, — подытожил он. — Значит, в тот самый момент, когда эта штуковина до них добралась, они все погибли. Если она способна проходить через местные заслоны, как ты говоришь, без особого вреда для себя, то почему тогда она до сих пор не вылезает оттуда? Она там

находится уже больше пяти минут.

Не сводя глаз с узора на проекционном поле, Дейнстар произнесла:

— Может, она получила дополнительно еще какие-то повреждения, я точно не знаю.

— Что ты имеешь в виду?

Кивком Дейнстар указала на проекционное поле.

— Это трудно описать словами. Но во внешнем виде нашего гостя явно произошли некоторые изменения. И они становятся все более отчетливыми. Я не вполне понимаю, что это означает.

Вергард мельком взглянул на поле и пожал плечами.

— Поверю тебе на слово. Для меня все это — темный лес. Лично я не вижу никаких изменений.

Дейнстар ощущала неуверенность. Она почти интуитивно чувствовала важность показаний своего прибора, который четко демонстрировал, что во взаимодействии многомиллионных сигналов что-то неуловимо меняется, хотя их узор и казался неизменным.

Вдруг она прервала молчание:

— У этой твари, вне всякого сомнения, есть управляющий центр. Иначе она не смогла бы действовать подобным образом. До прохождения

силового поля каждая ее часть была сориентирована на этот центр. Для нее, как для единого целого, существовал некий единый ритм, это очень хорошо просматривалось. А теперь какой-то участок не совпадает по фазе с общим ритмом.

— Что из этого следует?

Дейнстар покачала головой.

— Пока не могу сказать. Но если потрясение, полученное нашим гостем от барьера, частично подорвало внутреннюю систему коммуникации, то, говоря простым языком, сейчас он, вероятно, частично парализован. Это как минимум. Какой-то процент его структурных единиц — скажем, около десяти, — сейчас уже не связан с его центральной частью, следовательно, больше не согласован с остальными. Конечно, полностью рассчитывать на его выход из строя нельзя, но этим, пожалуй, можно объяснить, почему он до сих пор не появляется.

Оба помолчали. Потом Вергард произнес:

— Раз он сейчас потерял способность двигаться, то, значит, убил всех в здании диспетчерской еще до того, как это потрясение пробрало его насквозь. Иначе Уолхем хоть каким-то образом да проявил бы себя.

Дейнстар кивнула. Режим внутренней связи на экране монитора был включен, однако система так и не заработала. И что бы ни предпринимали Уолхем и его группа в административном корпусе, это нельзя было выяснить даже с помощью шпионских устройств, понатыканных там Дейнстар. Но космический «челнок» не покинул здание. Значит, контрабандисты находились там до сих пор. Если бы Уолхему стало известно, что существо из Преисподней больше не представляет для него опасности, то каждый оставшийся в живых член шайки уже прочесывал бы Склад в поисках Вергарда и Дейнстар. Раз этого не происходило, значит, Уолхем не получил такой информации из диспетчерской. В любом случае, люди, находившиеся там, погибли сразу, как только инопланетянин просочился сквозь барьер.

Внезапно Дейнстар затаила дыхание и проронила:

— Вергард, мне кажется… он пытается выйти оттуда!

— Вижу, барьер замигал, — подтвердил ее слова Вергард, наблюдая за экраном монитора, и, секунду спустя, воскликнул: — А теперь включился полностью! Кажется, ты права! Понаблюдай за

следами повреждений. Если наш гость еще не совсем инвалид и заподозрит, что здесь кто-то находится, он может наброситься на наше здание. Что-то его не видно… Наверно, пробирается под землей.

Не отрывая взгляда от проекционного поля, Дейнстар рывком надвинула шлем. Узор, состоящий из множества мигающих светлых точек, вновь пересекла отталкивающая темнота. Теперь, судя по этой темноте, которая становилась все более интенсивной, Дейнстар могла оценить темп продвижения существа через барьер. Все признаки паралича, если они и были, теперь отсутствовали напрочь. Его прохождение через заслон изнутри диспетчерской было гораздо более быстрым по сравнению с проникновением внутрь. Через несколько секунд темнота прекратила распространяться по проекционному полю и стала блекнуть.

— Поздравляю, он выбрался наружу, — заявила Дейнстар, — и, сдается мне, без особых потерь.

— Тем не менее, его до сих пор нигде не видно, — добавил Вергард. — Будь готова к уходу!

Но она и без того была уже на ногах. Передатчик на полке молчал, но на этот раз существо могло и не объявлять о своем приближении, ибо Дейн-

стар то и дело поглядывала на проекционное поле. Опять барьер испытал незначительные повреждения, но она не могла различить ощутимых дальнейших изменений. Суровая реальность заключалась в том, что для существа теперь практически не существовало ограничений в количестве таких проходов. Если бы оно решилось на прохождение всех барьеров, то, в принципе, могло это осуществить. Но что-то, связанное с узором, продолжало будоражить ум девушки. Но что именно?

Прошла минута. Показания проекционного поля оставались неизменны. Потом истекла еще одна минута… Теперь, сказала себе Дейнстар, было непохоже, чтобы внимание существа привлекло здание, в котором находились они с Вергардом. Барьер продолжал оставаться спокойным. Существо не выказывало никаких признаков своего существования. Возможно, оно не было уверено, что в здании прячутся люди. Скорей всего пришелец подался на какой-то другой участок Склада. Почти одновременно с этой мыслью Дейнстар увидела, как рука Вергарда легла на пульт управления монитором. Окружающая их местность сменилась на экране комбинацией картинок, транслируемых с различных участков Склада.

На этих картинках все было спокойно. Ни одно из защитных полей вокруг зданий, которые показывал монитор, не казалось возмущенным. Да и весь огромный Склад казался пустынным и спокойным.

— Сдается мне, — заметил в задумчивости Вергард, — что сейчас он опять ошивается возле административного корпуса.

Он отступил на шаг назад от экрана, не сводя с него глаз, и принялся расстегивать антирадиационный костюм.

— Что ты делаешь? — спросила Дейнстар.

Вергард посмотрел на свою напарницу.

— Вылезаю из костюма. Для чего подобные наряды совершенно не предназначены, так это для быстрого бега. Через минуту-другую мне, возможно, предстоит совершить самый стремительный кросс за всю свою карьеру.

— Какой еще кросс? Ты же не…

— Следующий шаг, который намерен предпринять наш инопланетянин, — пояснил Вергард, — будет однозначно касаться Уолхемской братвы. Но какую бы активность он не начал проявлять, как только мы это заметим, я тут же стартую до диспетчерской. Может, нам предоставляется последний шанс позвать на помощь парней

извне. И я не хочу, чтобы в решающие моменты меня тормозили десять кило антирадиационного прикида.

Дейнстар тяжело сглотнула. А ведь Корин прав. И все же она чувствовала что-то такое…

— Нет, не надо! Не ходи туда! — отрывисто бросила она, удивившись собственным словам.

Он оглянулся в замешательстве.

— Не ходить туда? Что ты… Да ты посмотри, что делается, а?!

Его глаза снова были прикованы к экрану монитора. Какое-то время Дейнстар не могла разобрать, что он там увидел. Потом, когда картинка плавно сменилась другой, она все поняла.

Космический «челнок» Уолхема выскочил из-под перекрытий административного корпуса, резко свернул направо и, не сбавляя скорости, помчался по широкой улице в восточном направлении.

— Не иначе, как ребята улепетывают в Цитадель, — прокомментировал Вергард. Он принялся нажимать кнопки пульта, сменяя картинки участков, чтобы не упустить «челнок». — Они ведь запросто могут… Но не-ет, наш друг тут как тут!

Между двумя комплексами пакгаузов, на вы-

соте полутора десятков метров, стремительно пронеслось огромное огненное тело, плоское и длинное, и скрылось за постройками одного из них.

— Слишком быстро для людей! — покачал головой Вергард. — Он знает, куда они направляются, и отрезает путь. Может, пушки «челнока» его удержат! Следи за происходящим, а я пошел.

— Нет! Я…

И тут к Дейнстар наконец-то пришло полное осознание того, о чем раньше она только смутно догадывалась. Она уставилась на Вергарда, вся объятая страхом.

— Это западня, — ровным голосом вымолвила она. — Ну конечно!

— Какая западня? О чем ты говоришь?

— Здание диспетчерской! Ты что, не видишь? — Кивком головы она указала на проекционное поле. — Помнишь, я сказала, что часть этой твари способна отщепиться от главного тела? Когда оно появилось из-за барьера, эта часть не выказывала никаких последствий от шока. Я это видела совершенно отчетливо, но не могла понять, почему. Так вот: эта часть просто-напросто вообще не выходила из-за барьера. Она до сих пор там, Вергард! В здании диспетчерской! Ждет появления

кого-нибудь из нас. В общем, теперь их двое…

Дейнстар видела, как лицо Вергарда постепенно проясняется пониманием того, о чем она говорила.

«Челнок» перекупщиков был пойман не более чем через минуту. На пути к Цитадели он обнаружил неприятеля и повернул назад. Когда космический пришелец погнался за ним, крохотные вспышки ослепительного белого света показали, что энергетические пушки «челнока» приведены в действие. Огненное тело дернулось вбок, замерло… и «челнок» развернулся снова, разя преследователя прямой наводкой из всех орудий.

В первое мгновение показалось, что это удачный маневр. Гигантская тварь быстро убралась с пути «челнока», перескочила через крышу соседнего здания и скрылась из виду. «Челнок» ринулся по направлению к Цитадели… А на следующем повороте за угол его поймала петля пурпурного сияния, протащила за собой и швырнула на фасад здания. Но огненный исполин не остановился на этом, а стек вниз и опять шарахнул «челноком» по зданию и только после этого накрыл собой корабль. Несколько секунд вокруг поглощенного летательного аппарата вибри-

ровало интенсивное свечение. Потом сгусток сияния поднялся в воздух и двинулся прочь. «Челнока» долго не было видно. Наконец, огненное тело раскрылось в нескольких сотнях метров от этого места, и растерзанная машина упала на поверхность склада. Входной люк был наполовину разломан и свернут на сторону. Было совершенно ясно, что Уолхема с его подельщиками внутри больше не было.

Дейнстар, наблюдавшей за этой сценой с каким-то болезненным восхищением, показалось, что огромный хищник схватил некую ядовитую тварь, облаченную в толстую скорлупу, обезвредил ее, взломал панцирь, чтобы извлечь содержимое, и отбросил прочь пустую раковину.

Инопланетянин повернул на запад, к центральному участку Склада, намереваясь, очевидно, вернуться к административному корпусу. Однако вскоре опустился на землю, просочился сквозь покрытие и пропал.

Прошло несколько минут. «Огненный призрак» не появлялся. Вновь экран монитора показывал спокойные, безжизненные участки Склада.

— Может, он поджидает еще кого-нибудь, чтобы внезапно напасть из укрытия, — внезапно произнес Вергард. — Однако напрашивается вывод, что

он должен в первую очередь прорваться в главный корпус, чтобы заполучить свое устройство! Должно быть, Уолхем оставил артефакт там. Эта тварь не стала бы так волтузить «челнок», будь она уверена, что в нем находится ее «игрушка».

Дейнстар промолчала. У обоих нервы были на пределе, и Вергард просто мыслил вслух. Они не могли объяснить поведение существа. Но оно до сих пор действовало осмысленно, значит, и в его исчезновении имелся какой-то смысл.

Все, что агенты могли сделать в настоящее время — это ждать, будучи наготове в случае приближения противника, откуда бы он ни возник. Дейнстар стащила с себя антирадиационный костюм. Вергард сделал это еще раньше. Возможно, благодаря защитным костюмам, люди в «челноке» и получили дополнительную секунду-другую жизни. Но перед лицом столь ошеломляюще могущественного существа наличие на теле костюма явно не имело значения. Кроме того, эти костюмы и сами по себе были достаточно громоздки и неудобны, что серьезно умаляло их преимущества в других отношениях. Если бы существовали признаки того, что второе энергетическое тело, то, что меньше по размеру, покинуло здание диспетчерской, Вергарду имело

смысл осуществить попытку марш-броска туда.

Таких признаков, однако, не наблюдалось. По сути, не было заметно никаких признаков активности. Наконец, примерно через десять минут после того, как оно исчезло, большое космическое существо снова дало о себе знать.

Оно медленно выползло из-под земли на площади перед опустевшим административным корпусом. Вергард с Дейнстар имели возможность видеть на экране, как оно осторожно подползло к зданию и забралось внутрь. И при этом не вспыхнуло никаких защитных силовых полей.

Когда «огненный призрак» исчез, Дейнстар и Вергард обменялись встревоженными взглядами. Вергард быстро сказал:

— Уолхем, должно быть, отключил барьеры перед тем, как уйти через местный шлюз, чтобы этот монстр смог забрать свое устройство…

— И позволил им уйти? — с сомнением спросила Дейнстар. Такой вариант, в принципе, обсуждался Уолхемом и его командой до того, как девушка сбежала от них. Но она не была уверена, что матерый контрабандист откажется от своей заветной цели даже под таким невероятным давлением. Их полет на «челноке», возможно,

частично был задуман как маневр, уводящий охотника от добычи.

— В противном случае… — нахмурился Вергард и пожевал губу… — Слушай, а было ли что-то такое в узоре на проекционном поле, что показывало бы повторное расщепление этой жуткой твари?

Дейнстар покачала головой.

— Нет. Но если ты думаешь, что оно отделило от себя достаточно малый кусок, чтобы он проник в шлюз для персонала, и отключил защиту, окружающую здание…

— Именно так я и думаю.

Дейнстар пожала плечами:

— Я бы не стала это утверждать, Вергард. Я ведь все время наблюдала за проекционным полем. Правда, я могла не заметить, если изменения и были, то очень незначительные. Возможно, ты и прав.

Он немного помолчал.

— Ну что ж, — сказал он, наконец. — Теперь у него есть то, за чем он пришел. Посмотрим, что он намерен делать дальше. — Он испытующе взглянул на напарницу и, не меняя тона, добавил: — У него случайно оказался недокомплект, не так ли?

Брови Дейнстар взметнулись ввысь:

— Как ты догадался?

Вергард усмехнулся.

— Разве мы с тобой первый год знакомы? Ты носишься со своим несессером как курица с яйцом, будто в нем скрывается, по крайней мере, бриллиант «Кохинор».

— Да, — согласилась Дейнстар. — У меня в несессере некая деталька. Ее изъятие из артефакта делает его абсолютно неработоспособным. И когда существа, явившиеся из Преисподней, обнаружат, что она отсутствует, они не смогут заменить ее.

— На редкость удачная подлянка! — одобрительно сказал Вергард. Он взглянул на несессер: — Предположим, нам удастся выбраться из этой заварухи живыми, — насколько полезной может оказаться эта деталь?

— Невероятно полезной, если попадет к людям, которые по-настоящему разбираются в такого рода устройствах. Насколько мне удалось выяснить, в ней должен заключаться основополагающий принцип навигационной системы Преисподней.

Вергард кивнул.

— В таком случае будем беречь ее как зеницу ока. Во всяком случае, по мере сил. Разумеется,

я не исключаю такой возможности, что нам придется ее уничтожить. Ты только представь себе, что наш «друг» заметил отсутствие этой детальки…

— Это могло бы случиться, если у него появится возможность проверить все устройство целиком, — сказала Дейнстар. — Но если артефакт был смонтирован и «опломбирован» заново, то невозможно ничего обнаружить… Ага, вот и выход нашего гостя!

Они смотрели, как существо выходит из главного здания. Оно вытекло из посадочной площадки у шлюза и быстро развернулось через центральную площадь в западном направлении. Возможно, оно несло в себе артефакт, как в свое время «челнок» Уолхема.

Дейнстар понимала, что он имеет в виду. Существо из Преисподней могло решить, что достигло желаемого, вернув себе сигнальное устройство, и теперь просто-напросто ретировалось. Девушку почти лихорадило в надежде на этот вариант. Хотя она и убеждала себя в том, что более вероятным является другое. Эта тварь не намеревалась оставлять в живых никого из тех, кто стал свидетелем ее появления на Складе.

Дейнстар в который раз подняла глаза на узоры

проекционного поля. В них не просматривалось заметных изменений. Однако всякий раз, когда она рассматривала проекционное поле, у нее появлялось чувство неудовлетворенности, ощущения того, что в них не хватает какого-то скрытого от нее значения. «Я не вижу всего того, что в них есть», — подумала она, устало встряхнув головой. Слишком многое случилось за эти часы! Сейчас ее мысли казались заторможенными, поэтому она с трудом расслышала слова Вергарда:

— Оно остановилось!

«Огненный призрак» подобрался к границе между участками, затаился, потом вдруг изменил курс следования, повернув направо. Быстро миновав три однотипных здания с плоскими крышами, существо остановилось перед четвертым. Зондирующее огненное щупальце прикоснулось к его стене, и защитные барьеры мгновенно пришли в действие.

Дальше все шло по уже известному сценарию. Существо убрало щупальце и не трогалось с места, оставаясь наполовину погруженным в уличное покрытие. Активизированное его близостью, защитное поле продолжало ярко сверкать в течение одной или двух минут, затем успокоилось и пропало. Существо продвинулось вперед

так, что две трети его тела оказались внутри здания. Всего лишь несколько секунд спустя оно отступило назад и свернуло в сторону…

— Оно там кого-то поймало! — констатировал Вергард. — Больше ему нечего было там делать. Как оно узнало, что какие-то бедолаги спрятались именно на этом участке?

На его последних словах резко прострекотал сигнал интеркома на экране монитора. Дейнстар и Вергард уставились на него, затем взглянули друг на друга. Никто из них не сделал попытки дотянуться до клавиши «связь».

Интерком вновь зазвонил. На этот раз он дребезжал целую минуту с короткими перерывами, прежде чем умолкнуть.

— Так вот, значит, как оно узнало! — упавшим голосом произнес Вергард. Потом пожал плечами. — Ну что ж, если оно, или его часть, справляется с барьерными шлюзами на раз и генерирует кодированные импульсы, то оно запросто может рассечь и систему внутренней связи, и способ обращения с интеркомом. Неплохой способ засечь оставшихся в живых. Если мы не станем отвечать…

— В любом случае, оставаться здесь нельзя, — сказала Дейнстар, хмуро взглянув на проек-

ционное поле. Она произнесла это в какой-то странной, бесцветной и отчужденной манере.

— Это точно. Оно пожрет здесь всех перед тем, как отправиться домой. Теперь, по-видимому, оно сможет вырубать любой местный барьер, который не управляется напрямую из здания диспетчерской. Вскоре оно это поймет, если уже не поняло. — Вергард взял в руки энергетический карабин. — Хватай самое необходимое — и делаем ноги! Я придумал кое-что получше, чем пробовать прорваться в Цитадель, чтобы играть там в прятки с нашим гостем. С такими номерами, которые он навострился отмачивать, мы здесь долго не протянем… — Он всмотрелся в лицо девушки и произнес отрывисто: — Дейнстар!

Та посмотрела на него смущенно, приоткрыв рот.

— Да? Я…

— Проснись, девочка! — В голосе Вергарда прозвучали нетерпеливые нотки: — Я думаю, мы сможем проскочить на участок, который наш «друг» только что зачистил. Если мы оставим барьер выключенным, велика вероятность, что он не станет снова проверять это здание. Хватит нам здесь околачиваться!

— Нет, — покачала головой девушка и повер-

нулась к приборам на полке. — Тебе придется доставить меня в наш штаб, Вергард, и немедленно!

— Отсюда?! Но это невозможно! На пути туда есть отрезки — в общей сложности более трехсот метров — где мы очутимся на открытом месте без намека на малейшее укрытие. Можно было бы выбрать и более занимательный способ самоубийства! Мы… — Вергард вдруг запнулся и внимательно посмотрел на нее. — Ты что, небось, придумала что-нибудь? А это сработает?

— Может и сработает, если доберемся туда.

Ковин выругался и заморгал в мрачном раздумье.

— Хорошо, — согласился он наконец. — Надеюсь, я смогу это провернуть! А ты по пути или на месте расскажешь, что задумала. Сделаем небольшой кружок. Есть тут кое-какие зацепки, которые могут занять нашего «приятеля» хотя бы на некоторое время. Это даст нам выигрыш во времени минут двадцать-тридцать.

* * *

Едва поспевая за Вергардом по узкому темному проходу, Дейнстар чувствовала, что ее не оставляют какие-то смутные предчувствия. Вергард

продолжал двигаться вперед быстрым размеренным шагом. Чтобы не отстать от напарника, ей то и дело приходилось переходить на бег трусцой. Когда она начинала бежать, Вергард тут же замедлял ход, чтобы она могла немного передохнуть. Это было вполне разумно, поскольку им предстояло достаточно беготни. Но оставаться разумной было не так легко: ноги девушки хотели бежать.

Мы здесь были абсолютно слепы, подумала она. От осознания этого факта возникало чувство испуганной беспомощности. За последние минуты оно достигло такой силы, что стало почти невыносимым. Дейнстар не могла использовать свои инструменты, а местные барьеры на этом участке были отключены, так что агенты оказались лишены даже этой частичной защиты. Как и предполагал Вергард, инопланетянин обнаружил, что силовые поля могут управляться из центральной диспетчерской. Теперь Склад для него был открыт, кроме тех участков, где люди нашли убежище, и где они поставили защитные барьеры под местный контроль. Такие места, конечно, он обязательно проверит.

И агенты могли случайно столкнуться с ним в любой момент, причем без всякого предупреждения. Вопрос, доберутся ли они до своего штаба,

стал вопросом везения или невезения, и Дейнстар, привыкшая всегда ко всему готовиться заранее, прежде чем что-то сделать, строить планы, внезапно для себя обнаружила, что неспособна принять такое условие.

Идущий впереди Вергард остановился. Остановилась и девушка, наблюдая, как он осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу. Потом он обернулся, сбросил с плеча энергетический карабин, взял его наизготовку, поманил Дейнстар. Она проследовала за ним — оказалось, что агенты выбрались на одну из боковых улиц Склада. Она простиралась в обе стороны между нетронутыми фасадами зданий. Высоко над головой черной мрачной аркой прогнулся купол главного энергетического барьера.

Они стремглав метнулись через улицу. Пробежав вдоль почти всего фасада здания на противоположной стороне, они обнаружили еще одну дверь, проникнув через которую, очутились в сравнительно широком проходе. Секунду спустя их окутал абсолютный мрак.

Вергард достал фонарь и тихо произнес:

— Смотри под ноги! Этот участок был официально законсервирован пятьдесят лет назад и с тех пор никем не обследовался.

Он быстро, но осторожно двинулся вперед, светя под ноги. Прошло примерно пять минут с тех пор, как они покинули прежнее убежище. Дейнстар не знала, в какой части Склада очутилась. Однако Вергард рассказал ей про это здание. Оно было частью старой крепости, которую легче было законсервировать, чем снести. Это был аварийный узел, место, из которого управлялись защитные барьеры комплексов, окружающих это здание. Если оборудование до сих пор находилось в рабочем состоянии, то Вергард сможет включить эти барьеры. Тогда примерно десятая часть Склада вновь будет защищена, невзирая на управление из диспетчерской. Это привлечет к этой зоне внимание существа, а агенты двинутся дальше. Их запасное убежище находилось в здании, расположенном на значительном расстоянии отсюда.

Изредка поглядывая по сторонам, Дейнстар следовала за пятном света, которое плясало впереди. Пол местами прогнил, повсюду валялся непонятного происхождения хлам, воздух был спертым и затхлым. Они с Вергардом, возможно, были первыми, кто за последние полстолетия вошел в это здание. Они завернули за угол и подошли к темному дверному проему.

— Тебе лучше подождать здесь, — сказал Вергард. — Там внутри — нагромождение механизмов, некоторые из которых сломаны. Мне придется перелезать через них, карабкаться по станинам… Если система барьеров действует, я запущу ее через три или четыре минуты.

Он юркнул в дверной проем. Дейнстар смотрела, как подрагивает, удаляясь среди скопления старинных машин, свет от фонаря. Когда же напарник внезапно завернул за угол, она потеряла его из виду. Теперь ее окружала полная темнота. Она нащупала зажигалку в кармане, но не стала вынимать. Нечего взвинчивать бурлящий поток дурных предчувствий, всматриваясь в подозрительные тени. К тому же, темнота не была для нее врагом. Через минуту или две она расслышала в отдалении последовательность металлических звуков. Вскоре они прекратились, и немного погодя вернулся Вергард. Он тяжело дышал, и его перепачканное машинной смазкой лицо было покрыто потом.

— Насколько я понял, барьеры включены, — коротко сказал он. — Теперь надо поскорее выбираться из этих мест!

* * *

Теперь агенты продвигались намного медленнее, чем прежде. Перемещаясь от одного участка к другому, им приходилось пользоваться шлюзами в силовых полях для пропуска персонала. В промежутках между участками они бежали, если могли. Они пересекли еще две боковые улицы. После второй Вергард сказал:

— В конце этого здания мы окажемся на незащищенной территории.

— Сколько до следующего барьера? — спросила Дейнстар.

— Три квартала. Двойная спринтерская пробежка по открытому пространству! — он поморщился.

— Мы могли бы частично воспользоваться подземными ходами. Но для того, чтобы перебраться через главные улицы, придется всю дорогу следовать под землей — как на пути в Цитадель, так и обратно.

Она покачала головой:

— Давай все же придерживаться намеченного тобой маршрута.

Транспортная капсула подземной системы могла бы доставить их в Цитадель и в дальний конец

Склада за считанные минуты. Но использование капсулы было бы мгновенно зафиксировано приборами, отслеживающими перемещение, и также мгновенно привлекло бы внимание инопланетянина к двигающемуся транспортному средству.

Шлюз для персонала на другом конце здания вывел их в узенький переулочек. Он упирался в боковую часть одного из гигантских помещений для складирования. Когда они двинулись по переулку, раздались потрескивающие, шипящие взрывные звуки — рычание защитного поля, приводимого в действие.

Вергард протянул руку и выхватил у Дейнстар ее несессер.

— Побежали!

Они сломя голову ринулись по переулку. Яростный треск силового поля исходил не от стен зданий, образовывающих переулок, а от какого-то другого здания. Но оно явно находилось где-то неподалеку, поскольку звуки, доносящиеся оттуда, были громкими и не прекращались ни на минуту.

Через сотню метров Вергард внезапно остановился, поймал Дейнстар (она буквально врезалась в него) и сунул ей несессер обратно.

— Ну, вот и все! — выдохнул он.

Дейнстар увидела, что они добрались до двери, ведущей в помещение для складирования. Вергард повернулся к двери, чтобы открыть ее. Вцепившись в несессер, чувствуя, что ее мысли путаются от ужаса, она оглянулась назад, ожидая увидеть волну пурпурного пламени, скользящего над землей вдоль переулка. Однако переулок был по-прежнему пуст, хотя фасад здания, перед которым пылал барьер, находился всего в нескольких сотнях метров отсюда. Потом, как только Вергард схватил Дейнстар за руку и затащил ее внутрь, ближняя секция здания — то, что они только что покинули — яростно исторгла сверкающую вспышку. Дверь за ними с грохотом захлопнулась, и агенты вновь помчались вперед через огромный вестибюль по проходам между рядами нагроможденных друг на друга упаковочных ящиков.

Минуточку… а где же несессер? Лишь несколько секунд спустя она сообразила, что держит его в руке.

Вслед за Ковином девушка свернула в боковой проход. Еще один поворот направо — и впереди показался конец вестибюля с отходящим в бок широким коридором. Мельком она отметила на-

пряженное лицо Вергарда, когда он повернулся, чтобы удостовериться, следует ли она за ним. Потом вдруг напарник резко свернул в сторону, прижался к штабелю ящиков, присел на корточки и бешено замахал свободной рукой, подавая знак Дейнстар лечь на пол.

Дейнстар подчинилась его команде моментально. Через секунду он был рядом.

— Не поднимайся, — предупредил он шепотом. — Лежи, как убитая!

Задыхаясь от облака поднявшейся при ее падении пыли, распластавшись на полу подле ящиков, она покрутила головой и увидела то, на что он неотрывно смотрел поверх рядов сложенных упаковочных коробок. Бледно-пурпурный отсвет бесшумно скользил по потолку в дальнем конце вестибюля. Казалось, на какое-то мгновение он сделался более ярким, а потом резко поблек.

Агенты, не сговариваясь, вскочили на ноги, забежали в коридор и помчались по нему стремглав.

Даже после того, как парочка вновь перешла на быстрый шаг, добравшись до постройки вне здания складирования, они почти не разговаривали. Оба сильно запыхались и были очень

возбуждены. С трудом верилось, что существу не удалось засечь их местоположение. Должно быть, внимание инопланетянина было целиком поглощено силовыми полями, мимо которых он проходил, если уж целая секция его протекла через здание сортировки всего в нескольких сотнях метров от людей.

А что, если бы они оказались в этом переулке несколькими секундами позже…

Дейнстар сунула руку за пазуху и включила блок охлаждения. Вергард утер рукавом лицо. Пот ручейками тек по его щекам.

— На тебе до сих пор твой противозахватный костюм? — спросила Дейнстар.

Вместо ответа напарник вытянул из-за воротника полоску прозрачной, крепкой и упругой ткани, отпустил ее, и она с хлопком вернулась на прежнее место:

— Думаешь, это мне помогло бы?

— Честно говоря, не знаю.

И правда, она этого не знала. Хотя «огненный призрак», скорее всего, обладал чем-то вроде биодетектора, который был встроен в его сенсорную систему, противозахватный костюм вполне мог исказить и затуманить энергетическую картину живого человеческого тела так, что Вергард

остался бы незамеченным.

— Как только доберемся домой, — сказала Дейнстар, — первым делом натяну на себя такой же. Возможно, монстр выведал, что кто-то находится поблизости, но не захотел тратить время на поимку еще одного человеческого существа до тех пор, пока не узнает, почему защитные барьеры на этом участке оказались снова включены.

Вергард с сомнением заметил:

— У меня такое впечатление, что охоту на людей он ставит на первое место! М-да… А теперь нам, подруга моя боевая, предстоит не спринтерская, а стайерская дистанция. Ты к ней готова?

Дейнстар наморщила лоб:

— Поневоле будешь готова! Если опять увижу эту энергетическую тварь, то могу и не выдержать. Я на пределе.

— Будем надеяться, что сия участь минет нас! — велеречиво изрек Вергард. Он сдернул с плеча карабин: — Вон та дверь впереди. Дай-ка я вначале выгляну.

Когда он стал отпирать дверь, Дейнстар поймала себя на том, что еще раз машинально оглянулась и внимательно осмотрела длинный, освещенный, пустой коридор, по которому они добрались сюда, и в гулком безмолвии которого

отдавались лишь их торопливые шаги. Потом она заметила, что Вергард притих и замер, пригнувшись у приоткрытой двери.

— Ну что там? — быстро спросила она, когда Вергард повернулся к ней лицом.

— Понятия не имею! — Напарник выглядел озадаченным и даже в какой-то степени испуганным. — Подойди и взгляни сама.

Девушка выглянула через его плечо наружу. Потом она предложила:

— Где-то на диспетчерском участке есть аппаратура для регулировки освещения Склада.

— Ага, — сказал Вергард, — есть. Правда, она запечатана вот уже около сотни лет или того больше. Но наше Существо Номер Два, кажется, до нее добралось. Хотел бы я знать, что все это значит?

Он открыл дверь пошире. Оба осторожно продвинулись вперед, оглядывая представшую их взорам улицу.

Это была одна из главных улиц склада, ширина которой была метров сто пятьдесят, не меньше. На противоположной ее стороне смутно белел фасад массивного строения, в котором располагались центральные генераторы. Примерно в двухстах метрах левее от того места, где нахо-

дились агенты, он был «проколот» маленькой входной дверью. Она, эта дверь, и являлась следующим этапом на маршруте Вергарда к их убежищу.

К западу и востоку улица простиралась на полкилометра в каждую сторону до ближайшего пересечения ее другими улицами. Но теперь там сгустился мрак. Было слишком темно, чтобы они могли добраться до двери в стене генератора. Подернутое дымкой сияние над зданиями с другой стороны улицы указывало, что остальная часть склада до сих пор была залита светом прожекторов. Система освещения осталась еще со времен старой крепости, система, которая не устаревала и не изнашивалась. При отсутствии вмешательства извне прожекторы могли гореть целыми тысячелетиями, наполняя Склад дневным светом.

Но какой-то сторонний фактор оказал влияние на систему освещения, и это влияние продолжалось до сих пор. По мере того, как люди стояли и смотрели, мрак на улице заметно усилился, а затем медленно посветлел до прежнего уровня.

— Ясное дело, ведь в Преисподней не очень-то светло, — произнес Вергард, пристально глядя на запад вдоль улицы, и до Дейнстар внезапно

дошло, что в этом направлении был расположен диспетчерский участок. — Существо Номер Два, вероятно, пытается улучшить для себя видимость на Складе.

— Или, — возразила Дейнстар, — свести ее на нет, для нас.

Вергард покосился, но спорить не стал.

— У нас не осталось времени на то, чтобы изменить маршрут на другой, — сказал он. — Чем бы наш «друг» там ни занимался, мы можем совершить ошибку, если станем пересекать улицу во время его экспериментов с освещением. Но сидеть здесь, выжидая, вообще не имеет смысла.

Дейнстар кивнула.

— Может, его намерение как раз в том и состоит, чтобы держать нас здесь в состоянии ожидания.

— Да, я тоже подумал об этом. Так что пошли. Прямо сейчас. На предельной скорости — через дорогу. Я бегу сзади.

На мгновение Дейнстар заколебалась. У нее не пропадало ощущение, что переменчивая темнота широкой улицы воспринимается сейчас обостренными органами чувств инопланетянина. Ей казалось, что, как только они выйдут из-под уличного навеса над дверью, за ними будут наблюдать, как за зверушками, которые удирают от

опасности. На какой-то момент она была почти убеждена в этом. Однако факт оставался фактом: оставаться здесь было нельзя. Она крепче сжала несессер, глубоко вздохнула и стрелой вылетела из-под навеса.

Они были уже на полпути к своей цели, когда темнота сгустилась так сильно, что с тем же успехом можно было бы двигаться в любом направлении и в итоге вообще удалиться в глубины черной вселенной. «Глухо», — подумала девушка. Это был внезапный умственный шок. Она содрогнулась, остановилась в нерешительности, чуть не споткнулась; потом почувствовала, что свернула с намеченного пути, сделала попытку вернуться… и вдруг вообще перестала понимать, в каком направлении двигаться. Ее охватила настоящая паника.

— *Вергард!*

— Жми сюда!

Его голос, хриплый и напряженный, послышался, скорее, справа от нее, нежели сзади. Когда она повернула на голос своего товарища, вспыхнул его фонарь, и луч света сузился до бледной нити.

Вергард обвел им маленький кружок на стене генераторной спереди от Дейнстар. Она заспешила к этой спасительной стене… Внезапно нить

света оборвалась… а несколькими секундами позже стена и улица стали вновь появляться. Так же тускло и неясно, как и раньше, но на этот раз более осязаемо и реально. Агенты вместе, что называется, ноздря в ноздрю достигли стены и повернули вдоль нее налево. Улица вновь потемнела и пропала в абсолютной черноте.

Вергард ухватил Дейнстар за локоть:

— Можешь перейти на шаг.

Вдобавок он пробормотал что-то неразборчиво, наверное, какое-нибудь соленое словцо. Они направились дальше, прерывисто дыша. Вергард продолжал удерживать девушку за локоть. Темень немного просветлела, потом опять стала густой.

— Постой на секунду! — очень тихо произнес Вергард.

Она тут же остановилась, как вкопанная, и медленно выпустила из легких воздух. Вергард убрал руку с ее локтя. У Дейнстар создалось такое впечатление, что он осторожно проделал какое-то движение, и решила, что напарник выставил карабин в боевое положение и тоже замер.

Он заговорит, когда сможет это сделать. Дейнстар быстро посмотрела вверх и обвела глазами монотонную темень вокруг них. Единственным

звуком было тупое слабое гудение механизмов, доносившееся из строения справа. Потом она осознала, что в поле ее зрения что-то появилось.

Это что-то было спереди и слева. Маленький бледный лоскут пурпурного свечения, продвигавшийся быстро, но в странной манере — толчками, как кальмар. Его передний край поднимался вверх, колеблясь из стороны в сторону, по мере того, как он почти под прямым углом приближался к их пути следования. На каком расстоянии отсюда был он? Если лоскут двигался, касаясь земли или чуть выше ее поверхности, то должен находиться, по меньшей мере, метрах в двухстах отсюда вверх по улице. В этом случае он был значительно больше по размерам, чем ей представлялось вначале.

Пока мысли о размерах летающего объекта проносились в голове Дейнстар, сам объект пересек путь следования агентов на значительном расстоянии впереди, потом внезапно свернул направо и скрылся из виду.

— Видала? — прошептал Вергард.

— Да.

— Прошел между двумя зданиями. Ничего хорошего в этом, конечно, нет, но и на том спасибо, что Существо Номер Два прошло в стороне от нас.

Кажется, оно нас не заметило. Пошли дальше.

* * *

Вергард мельком видел еще одного «огненного призрака» — как раз перед тем, как они остановились. Этот выглядел меньше — или дальше — и оставался на виду всего мгновение на левой стороне улицы.

— Для того чтобы пробраться через шлюз для персонала и выключить барьер для Существа Номер Один, ему следует быть не очень большим, — сказал Вергард, когда они спешно пробирались по узкому проходу в генераторной. Но это вовсе не означает, что Номер Один находится где-то рядом на этом участке.

— Хочешь сказать, что Существо Номер Два не в единственном экземпляре? — высказала предположение Дейнстар.

Вергард и сам уже думал об этом. Существо из Преисподней могло отделить от себя несколько дюжин автономных участков размером с те, которые они видели. При этом его основная масса заметно не уменьшилась. Чтобы ускорить поиск спрятавшихся людей, оно, вероятно, распределило эти автономные части по территории Склада. Карабин Вергарда не мог причинить значитель-

ного вреда гиганту-инопланетянину. Однако ему должно было хватить мощности заряда, чтобы разорвать основные силовые связи этих меньших по размеру копий.

— «Малыши» затрудняют наше продвижение, — сказал Вергард, — но и показаться на улице нам придется всего только разок. После этого у нас будет надежное прикрытие. И мы сможем немного изменить свою тактику…

С тыльной стороны генераторной пролегала центральная улица Склада. Она была чуть пошире, чем та, которую они пересекли последней. С большим удивлением они обнаружили, что освещена она совершенно нормально. Строго напротив, через улицу, виднелась входная ниша в другое здание. Это был последний открытый участок на пути к убежищу.

Вергард вытер лоб:

— Ну что? Готова к последнему броску?

Дейнстар кивнула. Она чувствовала легкое напряжение в икроножных мышцах и брюшном прессе, а от усталости не осталось и следа. У страха есть положительная сторона — тело как бы признает наличие исключительной опасности, требующей решительных действий, и реагирует на нее полной мобилизацией сил. Она подумала,

что, когда прикажет мускулам действовать, те начнут сокращаться и растягиваться в полном соответствии с приказом: ноги побегут, а пресс будет держать корпус. Не нужно забывать и о том, что Вергард облачен в защитный костюм, а у Дейнстар такого не было. Вполне возможно, что агентов вычислили «малыши», ведь световые призраки, которых они видели, сновали по территории в поисках источников жизненной энергии, средоточием которой являлась она, Дейнстар. В таком случае бросок через центральную улицу мог оказаться чрезвычайно опасным предприятием.

Они решили, что первой пойдет она, а Вергард будет прикрывать напарницу своим карабином. Он тронется сам тогда, когда девушка скроется в здании напротив.

Сказано — сделано, Дейнстар выскользнула из двери, глубоко вздохнула и побежала строго поперек залитой светом улицы по направлению к входной нише.

И пока она пулей неслась вперед, ничего не произошло. Карабин ни разу не выстрелил, отгоняя непрошеных наблюдателей. Плиты мостовой мелькали перед ее глазами. Ей показалось, что буквально через мгновение после старта перед

ней возник фасад здания. Дейнстар забилась в нишу и, тяжело дыша, прислонилась к стене.

Дверь слева, говорил Вергард. Где же она?

В следующий миг Дейнстар обнаружила эту дверь рядом с собой и распахнула ее.

В следующее мгновение ее разум чуть не оказался низвергнут в пучину безумия. Она отпрянула от двери и побежала прочь с пронзительным криком, в то время как из двери навстречу ей выплывали две массы бледного пламени. Вот теперь она услышала короткое рычание, которое издавал карабин. Целая буря мечущихся, извивающихся нитей пурпурного свечения внезапно окутала девушку и закружила в неистовом смерче. Ближнее из огненных тел исчезло, и карабин загрохотал вновь.

В этот момент Дейнстар потеряла сознание.

* * *

— Третий установлен, — объявил Вергард.

Дейнстар посмотрела на напарника. Он сидел за столом, нагнувшись вперед, оперевшись локтями о стол. Его лицо выражало полную сосредоточенность. Вергард вглядывался в крошечный, плоский, как лист бумаги, прибор, который держал в левой руке.

— Та-ак… — он тяжело вздохнул. — Осталось всего четыре.

Указательный и большой пальцы агента осторожно сомкнулись на устройстве, сместились в сторону на определенное расстояние, потом вернулись на место. Это приспособление было взято из коротковолнового детектора Дейнстар. Она сама его спроектировала и использовала в тех случаях, когда надо было подключиться к тайным переговорам, вызывающим у нее профессиональный интерес. Временами она аккуратно заглушала частотный диапазон в какой-нибудь важный момент разговора, а иногда вставляла свою дезинформацию.

Но этот инструмент был приспособлен исключительно для ее тонких пальчиков, которые сами по себе являлись колдовскими инструментами, если рассматривать их в плане мастерства, проворства и опыта. Прибор не был приспособлен для грубых пальцев Вергарда или чьих-нибудь еще. Единственное, в чем она могла ему помочь — так это подсказать, что ему надо делать. Управлять надо было обеими руками. В настоящий же момент левая рука у нее была парализована. То, что вывело ее из строя у входа в здание, за мгновение до того, как ружье Вергарда расколошматило вто-

рого из двух «малышей», можно было сравнить разве что с ударом молнии, полного воздействия которого удалось счастливо избежать. Вергард тащил напарницу на себе два квартала, потом, уже в убежище, надевал на нее защитный костюм — и все это время она провела без сознания. Потом она вдруг очнулась. Пораженные мышцы сводила судорога, она пыталась кричать. Когда Дейнстар стала отвечать на вопросы Вергарда, голос у нее был осипший, слова она проглатывала или произносила невнятно. Обнаружилось, что левый бок девушки почти полностью парализован, а язык едва слушался. Как только он смог понять, что ей требовалось и какие у нее были намерения, связанные с дальнейшей их судьбой, Вергард перенес напарницу вниз, на первый этаж здания, в комнату, защищенную барьером. Он прихватил также набор спешно собранных инструментов и приспособлений. Усадив девушку на стул рядом с панелью управления барьером, он разложил на столе различные инструменты, до которых она могла дотянуться правой рукой. Потом принялся манипулировать над миниатюрными круговыми шкалами некого хитроумного устройства, чтобы отрегулировать их в соответствии с семью режимами, которые,

по убеждению Дейнстар, требовалось установить во что бы то ни стало.

Через некоторое время он облегчил душу бранью, затем спросил, не поднимая головы:

— Сколько я уже вожусь с этой блохой?

— Шестнадцать минут, — подсказала Дейнстар.

Ее паралич начал понемногу проходить. Она могла уже произносить слова достаточно внятно, хотя левая половина лица оставалась онемевшей. Но девушка до сих пор была не в состоянии пошевелить травмированной рукой. Если бы она могла работать обеими руками, ей понадобилось бы меньше полминуты, чтобы установить круговые шкалы на нужные показания и засунуть устройство обратно в детектор. Для нее подобная работа была не сложнее, чем вдеть нитку в ряд из десятка миниатюрных иголок. Проблема состояла в том, что руки Вергарда не были приспособлены для работы с такими микроскопическими объектами. Ему не хватало изящества.

— Шестнадцать минут! — простонал он. От прилагаемых усилий на лбу выступили капельки пота. — Ну, я, кажется, начинаю понимать, в чем тут дело. Нам может изменить удача.

Ох, может, подумала Дейнстар. Все, что произо-

шло до сих пор, было результатом везения. За последние полчаса они испытали как удачу, так и неудачу. До сих пор основное тело инопланетянина было занято нейтрализацией приведенных в действие защитных барьеров в северной части Склада. Экран монитора показывал прерывающееся мерцание силовых полей. Северный участок то и дело ярко вспыхивал. Время от времени между зданиями возникало колоссальное багряное зарево. Пока оно оставалось в той стороне, у агентов еще теплилась надежда на благополучный исход. Но барьеры отключались один задругам. Отделившиеся от материнской основы «малыши» вскоре смогут проникнуть через шлюзы для персонала и перережут приборы управления. Возможно, когда шлюзы нельзя было обнаружить сразу, основное тело пробивалось через силовые поля напрямую, амортизируя тот ущерб, за счет которого можно было попасть в защищенное здание.

Только за последние четыре минуты оно, по всей видимости, прошло через три таких местных заслона. Изменения в визуальных показаниях детектора выявили достаточно серьезную степень повреждения узлов энергетического монстра. И это внушало определенные надежды…

Взгляд Дейнстар обратился к несессеру, лежавшему на столе между детектором и передатчиком автокодирования, которые были расположены в пределах досягаемости ее здоровой руки. Внутри несессера все еще находился инопланетный прибор, который она взяла из кабинета доктора Хишкана, важнейшее координирующее устройство, без которого фальшивый астероид из космического облака был всего лишь бесполезной грудой изнашивающихся механизмов.

Обнаружил ли инопланетянин, что пропавший из Преисподней локатор не способен функционировать, что люди на Складе вынули из него деталь?

Девушка решила, что обнаружил. То, что, несмотря на разрушение целых слоев его узлов в бушующих силовых полях, за последние минуты инопланетянин вновь возобновил свою бурную деятельность по преодолению энергетических заслонов, лишь бы поскорее добраться до пульта управления барьером, наводило на мысль о новой вспышке намерения «огненного призрака» найти оставшихся в живых людей. С его стороны было бы логично предположить, что тот, у кого находится пропавшая «деталька», будет искать спасения на том участке территории, которая до

сих пор огорожена многократными барьерами.

Но как только последние из защитных полей окажутся отключенными, а последние здания в северной части будут обысканы, существо повернет сюда. Тогда им придется туго — очень туго! Чтобы не привлекать внимания к скрывающему их зданию, агенты собирались держать местный барьер выключенным как можно дольше. Они были в защитных костюмах, и, возможно, их вообще нельзя было обнаружить биодетектором. Они могли оставаться незаметными неограниченное количество времени.

Однако Вергард с Дейнстар находились в комнате управления барьером всего несколько минут, когда один из поисковых элементов инопланетянина их нашел. У Дейнстар под наблюдением находились улицы вдоль двух сторон здания, и там ничего не было заметно. Очевидно, «малыш» сумел подобраться через примыкающее здание. Без предупреждения оно низверглось из верхнего угла комнаты и обрушилось на людей. Едва Дейнстар успела заметить непрошеного гостя, как Вергард схватил карабин со стола и разрядил его одной рукой.

Разведчик улетучился так же, как и его двойники у входа в здание — в бурном вихре стре-

мительно бурлящих искр пурпурного цвета. Индивидуальные энергетические ячейки, которые уцелели от поражающего заряда карабина, метались столь же бессмысленно, как насекомые, отнесенные внезапным дуновением ветра прочь от роя. Дейнстар интуитивно включила защитные поля здания почти одновременно с выстрелом Вергарда. Через несколько секунд индикаторы показали, как моментально замерцали защитные поля в тысячах точек, где блестящие пурпурные нити пытались сквозь них проникнуть, и были ими поглощаемы. Через минуту здание было полностью очищено от них.

Но потом, сразу же вслед за этим, барьер подвергся нападению в гораздо более жесткой манере. Теперь экран монитора показывал быстрые сдвиги и переплетения огненных скоплений на одной из улиц рядом созданием. Четыре или пять «малышей» появились рядом друг с другом, один из них предпринял попытку проскользнуть в здание и вступил во взаимодействие с силовым полем. Испытывая нехватку защитной массы основного тела, он был мгновенно уничтожен. Остальные, очевидно, осознали опасность, и совaться не стали.

— Если разведчики смогут обнаружить шлюз

для персонала, они попытаются проникнуть через него! — заметил Вергард.

Он осторожно отложил в сторону инструмент Дейнстар, который настраивал, и теперь сторожил, взяв оружие наизготовку. Входная поверхность шлюза располагалась в стене напротив, окруженная предостерегающим светом, который показывал, что поле находится в активном состоянии.

Дейнстар не спускала глаз с панели управления. Мгновение спустя она сказала отрывисто:

— Разведчики обнаружили шлюз!

Рядом с индикаторами поля замигал желтый свет, сигнализируя, что шлюз перешел в режим эксплуатации. Когда его дверь стала открываться в комнату, Вергард послал в него заряд, и пурпурное зарево внутри полыхнуло в бешеной вспышке.

Попытка использовать шлюз для атаки больше не повторялась. Непосредственной опасности для осажденных агентов сами по себе сегменты-разведчики не представляли. Но на открытом пространстве, в стороне от здания, где они могли привести в действие свою разрушительную мощь, лишь немногие из них достигали таких размеров, чтобы представлять подобающую ми-

шень для карабина. Отступить в какое-нибудь другое место Склада стало невозможным. «Малыши» барражировали по всем прилегающим к зданию улицам и были настороже. Причем их число все время увеличивалось, поскольку к ним стали присоединяться другие сегменты.

Это означало, что появление основного тела для того, чтобы окончательно разобраться с людьми, замурованными в этом здании, было лишь вопросом времени. Ни Дейнстар, ни Вергард не обмолвились при этом ни словом. Что ж, им улыбалась удача, а теперь наступила черная полоса невезения. Значит, лимит альтернативных действий оказался исчерпан. Больше обсуждать было нечего.

Вергард отложил карабин и возобновил осторожное, неторопливое ощупывание круглой паукообразной шкалы устройства Дейнстар. Девушка наблюдала за приборами, которые, в свою очередь, наблюдали за передислокациями противника. У Вергарда задергалось правое веко, пот обильно струился по лицу. Но руки продолжали оставаться спокойными. Через некоторое время он объявил, что замкнул первый контакт. Потом второй, а вслед за ним и третий…

* * *

Показания приборов фиксировали некоторые изменения, о которых Дейнстар благоразумно умалчивала, чтобы не отвлекать партнера. То, что основное тело инопланетянина подвергалось суровому наказанию за свои атаки на силовые поля, становилось все более очевидным. Такой узор, который давал теперь проекционный детектор, мог быть у города, подвергающегося периодическому и грубому отключению от электроэнергии. Затемненные участки не восстанавливались и оставались безжизненными, нарастали симптомы беспорядочно распространяющегося развала общей организации.

Но «огненный призрак» должен был знать, подумала Дейнстар, сколько может еще вытерпеть. Тем временем, он добивался своей цели с ужасающей быстротой. Барьер за барьером вспыхивали ярко и неистово, иллюстрируя направление его поиска в северном комплексе, потом вновь затухали. На экране монитора картинки сменялись одна за другой, по мере того, как Дейнстар следила за продвижением монстра. Потом она включила еще одно изображение, зная, что оно будет последним. Инопланетянину оставалось

пройти совсем немного.

Дейнстар на минуту переключила экран на показ территории, прилегающей к их зданию. Здесь по-прежнему постоянно росло количество призрачных световых облаков, мечущихся за барьером. Было очевидно, подумала она, что инопланетянин почти полностью контролирует ситуацию на Складе. Сегменты рассылались по всей его территории, словно передовые отряды наступающей армии. Они явно должны были убедиться, что нигде больше не осталось скрывающихся людей. Сейчас большинство «малышей» концентрировалось у этого здания, так как составной разум знал, что внутри находятся единственные, кто остался в живых. Естественно, за исключением северного комплекса.

По всем параметрам «огненный призрак» являлся существом разумным и расходовал свои ресурсы методично и экономно. Основная его часть, отделившаяся после захвата диспетчерской, очевидно, так и оставалась там, не принимая участия в других действиях. Это исключало возможность бегства людей со Склада или получения ими помощи извне. Только на протяжении последних нескольких минут, после того, как мозг инопланетянина убедился, что по-

следние уцелевшие прикованы к одному месту, в узоре на проекционном поле стали появляться значительные изменения. Существо, казалось, находилось теперь в движении, выполняя какую-то иную роль в общем, грандиозном замысле. Возможно, подумала Дейнстар, оно воссоединится с основным телом в качестве резервной силы, чтобы компенсировать потери, понесенные тем при атаке барьеров. А, может, оно направляется сюда.

— Четвертый контакт готов… — произнес Вергард безразличным тоном, словно ему пришло на ум лишь, между прочим, заметить нечто, не представляющее для обоих агентов особого интереса. Менее чем через минуту, в той же невыразительной небрежной манере он объявил, что замкнута пятая цепочка. В Дейнстар вспыхнула надежда — настолько внезапно, что она могла сравниться с обжигающей волной испуга. Девушка быстро взглянула на Вергарда. Погруженный в напряженную работу, он манипулировал над прибором обеими руками, тщательно обдумывая самое незначительное движение каждого пальца. Побелевшим лицом он был похож на наркомана, сидящего в трансе. Девушка не решалась обратиться к нему и, вообще, боялась

сделать хоть что-то, что вывело бы его из этого состояния абсолютной погруженности. Между тем, она поймала себя на том, что мысленно взывает к нему с мольбой поторопиться. Ведь времени оставалось так мало. Несколько минут назад последний барьер северного комплекса вспыхнул и погас навсегда. В тот момент, судя по проекционному полю, главное тело инопланетянина казалось неподвижным. В искрящемся рое сигналов проектора появились признаки глубоких продолжительных рассогласований. У Дейнстар мелькнуло подозрение, что последнее потрясение от столкновения с энергий силового поля могло привести огромную массу «огненного призрака» в состояние полной дезорганизации. Но потом стало очевидно, что компонент инопланетянина, оставшийся в диспетчерской, по сути, воссоединялся с главным телом. И стала также ясна его роль. Когда слились две части, неустойчивые нарушения в основной части ослабели и достаточно быстро сгладились. Постепенно подтверждалась правота ее предположения о быстрых многочисленных ритмах, координирующих целое.

Существо из Преисподней было эквивалентом армии, состоящей из миллионов индивидуумов.

И эта сущность обладала направляющим разумом. Он помещался в центре участка, который воздерживался от действий, пока энергетические защиты Склада не стали нейтрализованы. И теперь он появился вновь, избежав ущерба, нанесенного основному телу, для того чтобы возобновить контроль и восстановить порядок в «танковых частях». Количественно составное чудовище уменьшилось, оно как бы «сжалось». Но его эффективность оставалась по-прежнему высокой. Для положения Дейнстар и Вергарда потеря инопланетянином одной только массы ничего не меняла.

А где он находится сейчас? Девушка лихорадочно пролистала картинки на экране монитора, показывающие те участки Склада, по которым он мог добраться от Северного комплекса до этого здания. Нигде не было его видно. Правда, если он снова пришел в движение, то запросто мог перетечь в их сторону под землей. Тогда никакие мониторы не могли его показать…

Дейнстар выдержала паузу, не снимая здоровую руку с пульта управления монитором.

Появлялось ли в этот момент хотя бы малейшее, пусть самое кратковременное, характерное подрагивание на отрезке индикатора защитного

барьера? Экран был занят изображением территории около здания. По улицам быстро скользили только призрачные облака сегментов.

Но это еще ровным счетом ничего не значило. Дейнстар задержала взгляд на панели управления барьером. Текли томительные секунды. Затем по индикаторам пробежало легкое колебание, которое сразу же утихло.

Все ясно, существо находилось здесь, непосредственно под зданием. Оно вплотную подступило к зоне действия его силового поля. Дейнстар подтянула несессер с инструментами ближе к себе, открыла цифровой замок, вынула яйцевидное инопланетное устройство и маленький пистолет. Она расположила устройство и оружие рядом на столе таким образом, чтобы ствол пистолета был направлен точно на «детальку». Легкое прикосновение к курку пальцем, — и в устройство будет выпущен разрушающий заряд…

Она вновь обратила взор на экран монитора. Кружащаяся вихрем масса световых тел на улице резко прекратила свой танец.

* * *

Дейнстар обсудила с Вергардом создавшуюся ситуацию. Инопланетянин отследил образец-

«астероид» Университетской Лиги не только от Преисподней до Мецмиали, но и до самого Склада. Пока прибор, изъятый из артефакта, был в несессере отгорожен антидетекторными экранами против слежки, сенсорные узлы инопланетянина, очевидно, не могли его обнаружить. Но как только устройство оказалось вынуто, «огненный призрак» неминуемо должен был его засечь.

Интересно, осознавал ли инопланетянин важность этого устройства для себя? Дейнстар полагала, что определенно осознавал. Возникал еще один вопрос: было ли ему известно из опыта общения с людьми, что они, будучи загнанными в угол, находясь перед лицом смерти, в состоянии совершать самые неожиданные поступки, и, в частности, уничтожить подобную вещь, чтобы она не досталась врагу?

Если инопланетянин знал об этом, то на окончательной стадии развития ситуации это могло им прибавить еще немного времени.

Девушка нисколько не удивилась бы, если бы через секунду после того, как она открыла несессер, индикаторы барьера полыхнули бы красным светом. И в этот момент, который стал бы последним в их с Вергардом жизни, она бы спустила курок.

Но непосредственно после изъятия «детальки» из несессера ничего не произошло, разве что «малыши» снаружи здания застыли в неподвижности. Это, конечно, должно было иметь какое-то значение. Дейнстар тоже замерла и стала ждать.

Прошло примерно с полминуты. Потом трескучий сигнал приема, раздавшийся из передатчика автокодирования, внезапно нарушил тишину в комнате.

Через несколько секунд из передатчика раздались три слова, разделенные промежутками, позаимствованные у живых человеческих голосов и искусно склеенные инопланетянином:

— Мне… это… нужно…

Потом наступила пауза. Вергард разрядил нервозную обстановку, резко и неприятно хохотнув. Она следила за панелью управления барьером. Ее индикаторы оставались спокойны.

— Мне… это… нужно… — вдруг повторил передатчик. И вновь наступила пауза.

— Шесть, Дейнстар! — провозгласил Вергард. Он что-то еще пробормотал и умолк.

— Мне… это…

Передатчик резко отключился. Индикаторы силового поля резко мигнули и успокоились. А вот на экране монитора движение возобновилось.

Сегменты, находившиеся на улице слева от здания, поднялись, как горящие листья, гонимые дыханием приближающегося шторма, закружились в едином вихре и втянулись через крышу здания напротив. В мгновение ока улица опустела. С правой стороны от здания призрачные огненные облака тоже убирались прочь, только медленнее и в восточном направлении. Другие, тем временем, начали вытекать из фасадов зданий и, пройдя по воздуху, присоединялись к «перелетным птицам». На расстоянии с полкилометра от здания рой замедлил отход и стал «кучковаться». Через несколько секунд мостовая вокруг них засветилась знакомым пурпурным сиянием. Мерцающая масса существа из Преисподней медленно поднялась из-под плит мостовой и стала видна полностью. Его второстепенные эмиссары сливались с инопланетянином и исчезали в нем по мере того, как он поднимался. Потом огненное одеяло с минуту полежало спокойно, заполняя улицу во всю ширину.

Ситуация представлялась однозначной, ее нельзя было истолковать как-то иначе. Инопланетянину требовалась «деталь». «Огненный призрак» знал, что его собственность у людей, находящихся в этом здании. Он сообщил о своем

желании, а затем отступил от здания, забрав свои сегменты с собой.

Это подразумевало, что люди могут свободно уйти, если оставят «деталь»…

Но, конечно, ситуация была в действительности совсем другой. Никакого компромисса не существовало. На вид незначительное устройство, на которое был направлен пистолет Дейнстар, являлся ключевым для монстра из Преисподней. Отказаться от него в этот финальный для инопланетянина момент было немыслимо. И этот поступок, в любом случае, не продлил бы им жизни больше, чем на несколько минут.

Так что пистолет оставался на месте, и Дейнстар не делала больше никаких движений. То, что они с Вергардом владели столь необходимым для инопланетянина предметом, представляло для агентов всего лишь незначительный выигрыш во времени. До тех пор, пока девушка не услышит от Вергарда, что он успешно замкнул седьмую и последнюю оправку в дьявольски крохотном приборчике, с которым мучился почти двадцать минут, она ничего не могла предпринять. Секунды бежали неумолимо, но Вергард молчал.

Когда прошло около двух минут, Дейнстар поняла, что гигантское огненное облако погру-

жается обратно под поверхность улицы. Потом через несколько секунд оно исчезло из виду окончательно.

Тяжелое, как свинец, отчаянье обрушилось на Дейнстар. Когда агенты вновь увидят монстра, он уже окажется совсем близко и будет готов к финальному штурму. А если он пробьет силовое поле из-под здания, то они его вообще не увидят. Только бы не растеряться и нажать на спусковой крючок в то самое мгновение, когда индикаторы барьера вспыхнут предупреждающим сигналом! Иначе все будет кончено.

Она оглянулась на напарника. Тот положил инструмент на столе перед собой и, нахмурившись, что-то бормотал про себя. Вергард был полностью погружен в свое занятие. Это позволяло его пальцам проделывать ту работу, на которую при обычных обстоятельствах они, скорей всего, оказались бы неспособны. Эх, еще только несколько минут, мелькнуло в мыслях у Дейнстар, и он закончит. Она открыла рот, чтобы предупредить его о том, что им вскоре предстоит пережить, но потом сообразила, что незачем его отвлекать. Ведь Вергард не Господь Бог, не в его силах что-либо изменить.

Когда девушка снова посмотрела на экран

монитора, существо из Преисподней начало возникать над поверхностью улицы в ста метрах отсюда. Оно плавно взмыло вверх — эдакая чудовищно распластавшаяся гора пурпурного свечения — и потекло по направлению к ним.

Оставались последние секунды… Палец Дейнстар плавно обхватил спусковой крючок и напрягся.

Медленно и мрачно, как ей показалось, задумчивый голос произнес:

— У меня в глазах потемнело от напряжения. Может, проверить, а, Дейнстар? Мне кажется, я управился, но…

— Скорее — вырвался у нее крик, и пистолет лег на стол. Она неловко повернулась на стуле и протянула правую руку.

— Дай мне!

Вергард, которого резкие действия Дейнстар вывели из транса, тут же очутился рядом с напарницей. Сунув ей устройство, он усадил ее полупарализованное тело так, чтобы она повернулась обратно к детектору и вставила туда собранный им прибор. Затем, чтобы не мешать, быстро отошел. Дейнстар закрепила все, что необходимо, и оглянулась. Вергард вновь стоял у своего стола, не сводя глаз с девушки. Рука его

была поднята над толкателем обоймы энергетических зарядов карабина.

— Давай! — прошептала она.

Может, Вергард и не расслышал ее, но его ладонь тяжело опустилась на толкатель, в тот самый момент, когда индикаторы всей восточной части барьера вспыхнули неистовым ярко-красным светом.

* * *

В своей работе Дейнстар предпочитала тонкие методы, если, конечно, это было возможно. Таким уж она была человеком. Она спроектировала детекторное приспособление для помех, главной целью которого являлась возможность осуществления аккуратных незаметных манипуляций с радиосообщениями, проходящими по той линии связи, по которой их, считалось, было невозможно перехватить. Сейчас, для их с Вергардом целей, это приспособление сработало на редкость удачно.

Правда, в данном случае, когда в него была послана целая обойма энергетических зарядов с максимальным напором, ни о каких тонких методах говорить не приходилось. Целый шторм электрических разрядов забарабанил по внут-

ренней коммуникационной системе существа из Преисподней, распространяясь по всему Складу. Реагируя на них, составное тело содрогалось и буквально рвалось по швам. Экран монитора заполнили кипящие гейзеры пурпурного свечения. Под мрачным черным куполом основного барьера поднимающаяся масса разбухла донельзя, и превратилась в извивающееся пылающее облако. Терзаемое не утихающими статическими разрядами, оно стало увядать, блекнуть и, наконец, распалось на миллиарды световых нитей, бессмысленно мечущихся в поисках спасения. Вскоре все эти миллиарды свалились на защитную полусферу древней крепости.

На протяжении трех или четырех минут величественный барьер с жадным хлюпаньем всасывал их в себя.

Затем на Складе Университетской Лиги наступила тишина.

Дедушка
(рассказ)

Что-то зеленокрылое, пушистое, величиной с курицу, пролетело вдоль склона холма и стало парить прямо над головой Корда, в десяти мет-

рах над ним. Корд, пятнадцатилетний юноша, откинулся назад, прислонившись к прыгоходу, и задумчиво смотрел на это создание. Прыгоход стоял в районе экватора на планете, куда люди добрались всего лишь четыре земных года назад. Существо, привлекшее внимание Корда, члены Колониальной экспедиции Сутанга в обиходе называли Болотным Жуком. В его пушистом мехе, на загривке, сидело второе, меньшее по размеру существо — полупаразит, Наездник Жука.

Корду показалось, что Жук относится к какой-то новой разновидности. Пристроившийся на Жуке паразит тоже мог оказаться неизвестным видом. Корд по натуре был исследователем, и первое впечатление от необычной летающей упряжки возбудило в нем бесконечное любопытство. Как и почему функционирует этот необыкновенный феномен? И на какие чудеса он способен?

Проводить подобные исследования Корду обычно мешали разные обстоятельства. Колониальная экспедиция была напряженно работающей бригадой из двух тысяч человек, которые преследовали определенные цели — за двадцать лет они должны были составить мнение о совершенно новом мире Сутанга и преобразовать его до такой степени, чтобы на

этой планете можно было поселить сто тысяч колонистов в условиях относительного комфорта и безопасности. Поэтому даже от самых юных студентов колонии, вроде Корда, ожидалось, что они ограничат свою любознательность кругом исследований, установленных Станцией, к которой они прикомандированы. Склонность Корда к самостоятельным экспериментам и раньше вызывала неодобрение его непосредственного начальства.

Корд мельком взглянул вниз, на Колониальную Станцию залива Йогер. Около этого низкого, похожего на крепость корпуса, стоящего на холме, не было заметно никаких признаков человеческой деятельности. Центральный шлюз был еще закрыт. Его должны были открыть через пятнадцать минут, чтобы дать выйти Регентессе Планеты, которая сегодня должна была инспектировать Станцию залива Йогер.

По расчетам Корда, за пятнадцать минут он мог узнать что-то о новом Жуке.

Но сначала надо было еще заполучить его.

Корд вытащил из кобуры один из двух пистолетов, висевших у него на поясе. Это был его собственный пистолет — ванадианское пулевое оружие. Движением большого пальца Корд

перевел пистолет в положение для стрельбы наркотизирующими ракетками, рассчитанными на мелкую дичь, и сбил парящего Жука, проделав аккуратное микроскопическое отверстие в его голове.

Не успел Жук коснуться земли, как Наездник спрыгнул с него. Этот крошечный ярко-красный демон, круглый и подвижный, как резиновый мячик, в три прыжка подскочил к Корду и раскрыл широкую пасть. С его острых клыков капал яд. Невольно затаив дыхание, Корд опять нажал на спуск и сбил Наездника. Новый вид, точно! Ведь большинство Наездников были безвредными растительноядными, они сосали только сок из овощей.

— Корд! — раздался женский голос.

Корд выругался про себя. Он не слышал, как, открываясь, щелкнул Центральный шлюз. Должно быть, она обогнула Станцию и пришла с другой стороны.

— А, Грэйэн! — не оглядываясь, откликнулся Корд. — Посмотри-ка, что у меня! Новый вид!

Грэйэн Мэхони, стройная черноволосая девушка двумя годами старше Корда, побежала к нему по склону холма. В звездной колонии Сутанга она была выдающейся студенткой, и Нирмонд,

начальник Станции, время от времени ставил ее Корду в пример. Несмотря на это, она и Корд были добрыми друзьями, хотя Грэйэн частенько помыкала им.

— Корд, ты просто дуралей! — набросилась она на него. — Брось эти коллекционерские повадки! Если бы Регентесса сейчас вышла, ты бы погорел. Нирмонд уже говорил ей о тебе!

— Что же он говорил? — осведомился Корд.

— Во-первых, что ты не выполняешь порученную работу, — сообщила Грэйэн. — Во-вторых, что ты по меньшей мере раз в месяц отправляешься в одиночные экскурсии, и тебя приходится выручать…

— Никому, — горячо перебил ее Корд, — пока еще ни разу не приходилось меня выручать!

— А откуда Нирмонду знать, что ты жив-здоров, когда ты исчезаешь на целую неделю? — возразила Грэйэн. — В-третьих, — продолжала она, по очереди загибая свои пальчики, — он жаловался, что в лесах за Станцией ты развел личные зоопарки из неопознанных и, возможно, смертоносных паразитов. И, в-четвертых… ну, Нирмонд просто не хочет больше отвечать за тебя. — Она многозначительно выставила вперед четыре пальца.

— Ну и ну! — выдавил обескураженный Корд.

Его краткая характеристика в ее интерпретации выглядела не очень привлекательной.

— Вот именно, ну и ну! Хочу тебя предупредить: теперь Нирмонд требует, чтобы Регентесса отослала тебя назад на Ванадию — ведь через сорок восемь часов на Новую Венеру прибудет звездолет!

Новая Венера была главной базой Колониальной экспедиции на противоположной стороне Сутанга.

— Что же мне делать?

— А ты попробуй притвориться здравомыслящим, — Грэйэн внезапно улыбнулась. — Ведь я тоже говорила с Регентессой — так что пока еще Нирмонд от тебя не отделался. Но если ты оскандалишься во время нашей сегодняшней экскурсии на Фермы, то вылетишь из Экспедиции — и уж навсегда!

Она собралась уходить.

— Кстати, ты бы мог вернуть на место прыгоход: мы им не воспользуемся. Нирмонд отвезет нас на берег в тредкаре, а оттуда мы поплывем на Плоту. Только они не должны знать, что я тебя предупредила.

Корд, ошеломленный, смотрел ей вслед. До сих пор он не предполагал, что его репутация

так пошатнулась. По мнению Грэйэн, у которой уже четыре поколения предков работали в колониальных экспедициях, не было ничего хуже увольнения и позорной высылки назад, в родной мир. Корд с удивлением заметил, что сейчас и он испытывает такое же чувство.

Предоставив только что пойманные трофеи самим себе, Корд поспешно взобрался в кабину прыгохода, обогнул Станцию и вкатил машину в ангар…

Возле болотистой бухты, на берегу которой Нирмонд остановил тредкар, покачивались на воде три Плота. Они были похожи на широкополые, остроконечные кожаные шляпы зеленого цвета или на листья кувшинки диаметром в восемь метров, в центре которых росли огромные серо-зеленые ананасы. Что-то вроде растений-животных. Сутанг открыли совсем недавно и не успели рассортировать все живущее на нем и создать что-то, хотя бы отдаленно напоминающее упорядоченную классификацию. Плоты были местной загадкой. Их мало-помалу исследовали, считали безвредными и даже в какой-то степени полезными, поскольку применяли как средство передвижения, правда, довольно медленное, по мелким водам болотистого залива Йогер.

В группу входили четверо: Грэйэн была впереди вместе с Нирмондом, Регентесса приподнялась с заднего сиденья тредкара, где она сидела рядом с Кордом.

— Так это и есть ваши экипажи? — улыбнулась она.

Нирмонд кисло усмехнулся:

— Их нельзя недооценивать, Дэйн! Со временем они могут сыграть в этом районе экономически важную роль. Ведь эти три Плота намного меньше тех, которыми я обычно пользуюсь. — Он оглядел заросшие тростником берега бухты. — А тот, что, как правило, стоит здесь, поистине исполин.

Грэйэн обернулась к Корду;

— Может быть, Корд знает, где спрятался Дедушка?

Это было сказано из самых лучших побуждений, но Корд надеялся, что никто не спросит его о Дедушке. А теперь все смотрели на него.

— Так вам нужен Дедушка? — волнуясь, спросил он. — Да, я оставил... я хочу сказать — видел его недели две назад примерно в километре к югу отсюда...

Грэйэн вздохнула. Нирмонд что-то проворчал и сказал Регентессе:

— Плоты имеют обыкновение останавливаться там, где их оставляют, лишь бы вода в этом месте была мелкой и илистой. У них есть система корневых волосков, с помощью которой они извлекают со дна залива необходимые химические вещества и микроэлементы. Грэйэн, ты не подвезешь нас в ту сторону, к югу?

Корд с несчастным видом откинулся назад, и тредкар, накренившись, двинулся в путь. У Нирмонда явно возникло подозрение, что Корд использовал Дедушку для одного из своих нелегальных путешествий по этому району, — да так оно и было.

— Корд, я уверена, что ты специалист по этим Плотам, — сказала Дэйн. — Грэйэн говорила мне, что для сегодняшней экскурсии лучшего рулевого, или кормчего, или как он там называется, нам не найти.

— Я умею управляться с Плотами, — ответил Корд, на лбу которого сразу выступили капли пота. — Они совсем не опасны!

До сих пор Корд не сознавал, что произвел на Регентессу хорошее впечатление. Дэйн была молодой, красивой женщиной. Она легко вступала в разговор и смеялась, но не зря ее назначили главой Колониальной экспедиции Сутанга. Чув-

ствовалось, что ей ничего не стоит выгнать из Экспедиции любого, кто нарушает установленные правила.

— У этих Плотов есть одно большое преимущество перед прыгоходом, — заметил Нирмонд. — Можно не бояться, что на борт к ним попадут Рыбы-Кусаки!

Он стал описывать жалящие лентовидные щупальца, которые Плоты раскидывают под водой, чтобы отбить охоту у тех, кто хотел бы полакомиться их нежной плотью. Кусаки и два-три других агрессивных вида рыб, водящихся в заливе, еще не научились тому, что нападать на вооруженных людей, сидящих в лодке, не имеет смысла, но они поспешно уносились прочь, освобождая путь неторопливо двигающимся Плотам.

Корд был счастлив, что его пока оставили в покое. Регентесса, Нирмонд и Грэйэн — все это были люди с Земли, как и большинство остальных членов Экспедиции; а при людях с Земли он чувствовал себя неловко, особенно, когда их было сразу несколько. Ванадия, его родной мир, сама только-только перестала быть колонией Земли — вот в чем заключалась разница между ними. Все земляне, которых ему приходилось встречать, всецело посвятили себя тому, что Грэйэн Мэхони

называла Великим Воплощением, а Нирмонд — Нашей Целью Здесь. Они действовали в строгом соответствии с Уставом Экспедиции — что иногда, по мнению Корда, было совершенно неразумно. Ведь зачастую та или иная новая ситуация выходила за рамки Устава — и тогда кто-нибудь погибал. Обычно в таких случаях Устав быстро пересматривали, но людей Земли подобные случаи, казалось, не особенно смущали.

Грэйэн пыталась объяснить это Корду:

— Ведь нельзя заранее знать, на что будет похож тот или иной новый мир. А когда мы оказываемся там, выясняется, что дел слишком много и за отведенное нам время мы не можем как следует изучить этот мир. Работу сделать нужно — и вот идешь на риск. Но, придерживаясь Устава, имеешь больше шансов остаться в живых…

Корд предпочел бы руководствоваться просто здравым смыслом и не попадать в такие ситуации, которых он сам не мог бы предусмотреть.

Грэйэн раздраженно отвечала на это, что он ведь еще не достиг Великого Воплощения…

Тредкар, развернувшись, остановился, и Грэйэн вскочила на переднее сиденье:

— Вот он, Дедушка!

Дэйн тоже встала на сиденье и тихо присвист-

нула, очевидно, пораженная величиной Дедушки: диаметр его площадки равнялся пятнадцати метрам. Корд в удивлении огляделся вокруг. Он был совершенно уверен, что две недели назад оставил этот большой Плот в нескольких сотнях метров отсюда, а, как уже сказал Нирмонд, по собственной инициативе Плоты обычно не передвигались.

Озадаченный Корд последовал за остальными по узкой дорожке к воде, окаймленной тростником, скорее похожим на деревья. То и дело он бросал взгляд на плавающего Дедушку, чуть касавшегося берега. Затем дорожка расширилась, и Корд увидел весь Плот целиком на залитом солнцем мелководье. И тут он в испуге остановился.

Нирмонд, шедший впереди Дэйн, уже собрался вступить на Плот.

— Стойте — закричал Корд. Из-за волнения у него пересохло горло. — Остановитесь!

Он побежал вперед.

Все застыли на своих местах, оглядываясь вокруг, затем посмотрели на приближавшегося Корда.

— В чем дело, Корд? — спросил Нирмонд спокойно и требовательно.

— Не входите на Плот: он изменился. — Корд

даже сам почувствовал, что голое его дрожит. — Может быть, это вообще не Дедушка…

Не успев закончить фразу, Корд уже увидел, что он ошибся. По всему краю Плота были рассыпаны бесцветные пятна, оставленные множеством выстрелов из тепловых пистолетов, в том числе и из его собственного. Таким способом приводили в движение эту инертную и глупую махину… Корд указал на конический центральный выступ:

— Смотрите! Голова! Она пустила ростки!

— Пустила ростки? — непонимающе переспросил Нирмонд.

Голова Дедушки в соответствии с его размерами была почти четырех метров высотой и примерно такого же диаметра. Для защиты от паразитов она была покрыта панцирем, как спина у ящера. Две недели назад на этом месте у Дедушки, как и у всех других Плотов, виднелась во всех отношениях невыразительная выпуклость. Теперь же со всей поверхности конуса тянулось вверх множество длинных, причудливых, безлистых побегов, похожих на зеленые жгуты. Некоторые из них напрягались, как пружины, другие вяло свешивались над площадкой или покачивались над ней. Верхушка конуса была усеяна набухшими красными почками, очень напоминавшими

прыщи, чего никогда прежде не бывало. Дедушка выглядел больным…

— Верно, — сказал Нирмонд. — Пустил ростки!

Грэйэн фыркнула. Нирмонд недоуменно взглянул на Корда.

— И это все, что тебя обеспокоило?

— Конечно! — взволнованно начал Корд. Он не уловил значения слова «все»; он был возбужден и дрожал. — Никогда еще ни один из них…

И тут он замолчал. На их лицах он прочел, что до них это не дошло. Или, вернее, они отлично все поняли, но попросту не собирались нарушать свои планы. Согласно Уставу, Плоты классифицировались как безвредные. Пока нет доказательств обратного, их следует и дальше считать безвредными. Нельзя тратить время на уклонения от Устава; по-видимому, этим правилом руководствовалась даже Регентесса.

Корд сделал еще одну попытку:

— Понимаете… — начал он. Он хотел сказать, что Дедушка, у которого появилась даже одна-единственная неизвестная особенность, — это, собственно, уже не Дедушка. Это новый организм с непредсказуемым поведением, и реакции у него иные; его следует осторожно и тщательно изучать, пока неизвестные свойства не будут

исследованы.

Но все было напрасно. Они и сами это понимали. Корд беспомощно уставился на них:

— Я…

Дэйн повернулась к Нирмонду:

— Может, все-таки стоит проверить… — сказала она. Она не добавила: «…чтобы успокоить мальчика», но имела в виду именно это.

Корд ужасно смутился. Она, наверное, подумала, что он испугался — ведь так оно и было, — и испытывала жалость к нему. Однако теперь он не в силах был ни сказать, ни сделать что-либо. Он мог только наблюдать, как Нирмонд спокойно идет от одного конца Плота к другому. Дедушка несколько раз слегка вздрогнул, но так всегда бывало, когда кто-нибудь первым вступал на Плоты. Начальник Станции остановился перед одним из странных отростков, потрогал его и подергал. Он дотянулся и до нижних почкообразных выростов и внимательно осмотрел их.

— Занятные штуки! — крикнул он и еще раз взглянул на Корда. — Но вроде бы они безвредные! Идите все сюда!

Это было похоже на сон, когда ты что-то кричишь истошным голосом, а люди тебя не слышат. Вслед за Дэйн и Грэйэн негнущимися ногами

на Плот вступил Корд. Он совершенно точно знал, что произошло бы, замешкайся он хоть на мгновение. Один из них сказал бы дружелюбно, заботясь о том, чтобы это не звучало слишком презрительно: «Корд, если тебе не хочется, можешь с нами не идти!»

Грэйэн вынула из кобуры тепловой пистолет и приготовилась отправить Дедушку в путешествие по каналам залива Йогер.

Корд тоже вытащил свой пистолет и сказал грубовато:

— Мне уже приходилось это делать.

— Отлично, Корд! — Грэйэн одарила его кроткой, ничего не выражающей улыбкой, точно видела впервые в жизни, и отошла в сторону.

Они были так оскорбительно вежливы! Корд решил — теперь уже можно считать, что он на пути домой, к Ванадии.

Какое-то время Корд даже хотел, чтобы произошла любая самая страшная катастрофа, лишь бы она послужила уроком людям из Экспедиции. Но ничего не случилось. Как обычно. Дедушка, почувствовав тепло на одном из краев своей площадки, сначала чуть заметно, для пробы, встряхнулся, а затем решил уйти от этого тепла. Все шло нормально. Под водой, вне поля зрения

людей, располагались рабочие органы Плота: короткие и толстые листовидные образования, похожие на весла и устроенные так, чтобы выполнять их роль; покрытые слизью жалящие щупальца, удерживающие вегетарианцев залива Йогер на почтительном расстоянии, и настоящие джунгли из корневых волосков, через которые Дедушка всасывал пищу из ила и медленных вод залива и с помощью которых он мог останавливаться.

«Весла» начали взбалтывать воду, площадка задрожала, корневые волоски выбрались из ила, и Дедушка лениво тронулся с места.

Корд выключил подачу тепла и вложил пистолет в кобуру. Обычно Плоты, начав двигаться, продолжали неторопливо плыть. Чтобы их остановить, надо было обжечь тепловым лучом передний край Плота; их можно было также заставить двигаться в любом направлении, слегка коснувшись лучом соответствующего края площадки.

Все это было очень просто.

Корд не глядел на остальных. Внутри у него еще все кипело. Он стал смотреть на проплывавшие по обе стороны тростниковые заросли, которые временами отступали, позволяя ему

мельком увидеть впереди туманное желтое, зеленое и голубое пространство солоноватых вод залива. За туманом, к западу, находился пролив Йогер-Стрейтс — капризный и опасный во время приливов. А за Йогер-Стрейтс лежало открытое море, великая бездна Зланти — совсем другой мир, который Корду пока еще был неведом.

Ему вдруг стало очень грустно: только теперь он по-настоящему осознал, что, скорее всего, ему никогда больше не увидеть этого мира. Конечно, Ванадия — довольно приятная планета, но там загадочная первобытная эпоха давно уже ушла в прошлое.

Это не Сутанг!

Грэйэн, стоявшая рядом с Дэйн, окликнула его:

— Корд, каким путем лучше всего добраться отсюда до Ферм?

— По Большому каналу направо, — ответил он и угрюмо добавил: — Мы как раз туда и направляемся!

Грэйэн подошла к нему.

— Регентесса не хочет осматривать все, — сказала она, понизив голос. — В первую очередь — плантации водорослей и планктона. Затем мутантные структуры — столько, сколько можно показать часа за три. Правь к самым лучшим

образцам — и ты осчастливишь Нирмонда!

Она заговорщически подмигнула Корду. Он с сомнением посмотрел ей вслед. По ее поведению нельзя сказать, что все так уж плохо. Может быть…

У него появился проблеск надежды. Трудно было не любить людей из Экспедиции, даже когда они твердолобо следовали своему Уставу. Возможно, именно их Цель и придавала им энергию и силу, хотя она же иногда заставляла их быть безжалостными к себе и к другим. Но как бы то ни было, день пока не кончился. Корд еще может реабилитировать себя в глазах Регентессы. Что-то еще может произойти…

Внезапно перед Кордом предстало яркое, почти правдоподобное видение: будто какое-то чудовище, щелкая пастью, лезет на Плот и он, Корд, проворно разряжает пистолет в то место, где у чудовища должен быть мозг, прежде чем кто-либо, и в особенности Нирмонд, успевает осознать грозившую опасность. Разумеется, чудовища из залива остерегались Дедушки, но, наверное, можно было бы как-то подбить на это хоть одно из них.

Наконец, Корд понял, что до сих пор шел на поводу у своих чувств. Пора начать думать!

Во-первых, Дедушка. Итак, он пустил ростки — зеленые жгуты и красные почки — неизвестно зачем, но в остальном его поведение вроде бы не изменилось. Дедушка был самым большим Плотом в этом конце залива, хотя и остальные заметно выросли за два года, с тех пор как Корд впервые увидел их. Времена года на Сутанге менялись медленно: здешний год был впятеро длиннее земного. Даже те члены Экспедиции, которые высадились сюда первыми, еще не прожили на Сутанге полного года.

Наверное, у Дедушки происходят сезонные изменения. Остальным Плотам, более молодым, подобные перемены, по-видимому, предстояли несколько позже.

Растения-животные, они, видимо, цвели, готовясь к размножению.

— Грэйэн, — окликнул он, — а как эти Плоты зарождаются? Я хотел сказать — когда они совсем маленькие…

Грэйэн казалась веселой, и надежды Корда возросли. Как бы то ни было, Грэйэн снова на его стороне!

— Никто пока не знает, — ответила она. — Мы только что говорили об этом. Очевидно, половина болотной прибрежной фауны проводит первич-

ную личиночную стадию в море. — Она кивком головы указала на красные почки, усыпавшие конус. — Похоже на то, будто Дедушка собирается цвести, а потом ветер или течение вынесут его семена за пределы пролива.

Это звучало разумно, однако сводило на нет еще теплившуюся у Корда надежду на то, что перемены в Дедушке окажутся достаточно серьезными и оправдают его нежелание ступить на Плот. Корд еще раз внимательно оглядел покрытую панцирем «голову» Дедушки: уж очень ему не хотелось расставаться со своей надеждой.

Между пластинами панциря Корд заметил ряды сочащихся черных вертикальных щелей, которых две недели назад совершенно не было видно. Выглядело это так, словно Дедушка начинает разваливаться по швам. Это могло означать, что Плоты не завершают полный сезонный цикл, а, достигнув предельных размеров, расцветают — примерно в это время сутангского года — и умирают. Однако можно было поручиться, что Дедушка не развалится до того, как закончится сегодняшнее путешествие.

Корд отвлекся от Дедушки. Он опять вернулся к своей прежней мысли: а вдруг ему удастся побудить к действию какое-нибудь услужливое

чудовище из залива — тогда бы уж он показал Регентессе, что он, Корд, не какой-нибудь молокосос.

Ведь чудовища-то здесь действительно водились!

Став на колени на краю Плота и вглядываясь в прозрачные воды глубокого канала, Корд видел множество этих тварей.

Вот пять или шесть Кусак, похожих на огромных сплющенных раков. Чаще всего они шоколадно-коричневые, с зелеными и красными пятнами на панцире. В некоторых частях залива Кусаки были настолько велики, что оставалось лишь удивляться, как они ухитряются добывать себе пропитание, если бы не было известно, что они могут питаться почти всем, вплоть до ила, в котором живут. Однако они предпочитают есть то, что можно откусывать, причем любят, чтоб пища была живой — вот почему в заливе не купались. Кусаки иногда нападали и на лодки, но сейчас они быстро удирали к берегам канала, так как, видимо, не хотели связываться с большим движущимся Плотом.

Тут и там на дне виднелись круглые полуметровые отверстия; сейчас они казались свободными. Обычно же — и Корду это было хорошо известно

— в каждом из них торчала голова. В ней было три ряда зубастых челюстей, терпеливо открытых, как капканы, готовых схватить любой предмет, оказавшийся в пределах досягаемости их длинных червеобразных тел. Близость Дедушки, чьи ядовитые щупальца развевались в воде подобно прозрачным вымпелам, испугала и этих червей — они попрятались.

Но стайки мелких хищников не прятались — вот слева за Плотом из-за тростников мелькнуло, словно вспыхнув, что-то алое. И повернуло игловидный нос им вслед.

Корд, не отрываясь, смотрел на это существо. Он знал его, хотя оно редко заходило в залив и не было пока классифицировано. Это быстрое злобное существо было достаточно проворным, чтобы прямо на лету хватать Болотных Жуков, когда те пролетают над поверхностью воды. Как-то Корд выудил одно из них, оно прыгнуло на причаленный Плот и бешено металось, пока Корд не пристрелил его.

Но сейчас удочки нет. Можно, конечно, в качестве приманки использовать носовой платок, если хочешь рискнуть своей рукой…

— Что за фантастические создания! — раздался за спиной Корда голос Дэйн.

— Желтоголовые, — сказал Нирмонд. — Они очень полезны. Истребляют Жуков.

Корд невольно встал. Сейчас ведь не до шуток!

Тростники справа от Плота кишмя кишат Желтоголовыми — их там целая колония. Это создания, отдаленно напоминающие лягушек, размером с человека и даже крупнее. Из всех существ, которых Корд видел в заливе, эти нравились ему меньше всего. Отвислые мешкообразные туловища четырьмя тонкими лапами цеплялись за верхушки семиметровых тростников, окаймляющих канал. Желтоголовые еле шевелились, но казалось, что их гигантские выпученные глаза так и вбирают в себя все, что движется перед ними. Время от времени мохнатые Болотные Жуки подлетали слишком близко: Желтоголовый распахивал громадную вертикальную, усеянную зубами пасть — мгновенный бросок — и Жуку приходил конец. Возможно, Желтоголовые и полезны, но Корд их ненавидел.

— Лет через десять мы узнаем, каков цикл жизни в прибрежном районе, — сказал Нирмонд. — Когда мы открывали Станцию залива Йогер, Желтоголовых здесь не было. Они появились на следующий год, еще со следами океанской личиночной формы, однако превращение было

уже почти закончено.

Дэйн увидела, что все Желтоголовые неотличимы друг от друга. Она наблюдала их колонию в бинокль, потом, отложив его, взглянула на Корда и улыбнулась:

— Сколько еще нам плыть?

— Минут двадцать…

— По-видимому, ключом ко всему является бассейн Зланти, — сказал Нирмонд. — Весной это буквально суп из всевозможных зародышей.

— Верно, — кивнула Дэйн, которой довелось побывать здесь в пору сутангской весны, четыре земных года назад. — У меня такое впечатление, что один лишь бассейн Зланти уже полностью мог бы оправдать идею освоения Сутанга. Вопрос лишь в том, — она кивком указала на Желтоголовых, — как ее воспринимают вот такие существа?

Они двинулись к другому концу Плота, обсуждая вопросы, связанные со Зланти. Корд было последовал за ними. Но что-то бултыхнулось в воду сзади и чуть слева от него, не очень далеко. Он остановился и посмотрел в ту сторону.

Через секунду Корд увидел большого Желтоголового. Он соскользнул с тростниковой жерди — вот отчего раздался всплеск. Почти полно-

стью погрузившись в воду, он уставился на Плот огромными бледно-зелеными глазами. Корду чудилось, что он смотрит прямо на него. В этот момент Корд впервые понял, почему он так не любит Желтоголовых. В этом взгляде было что-то, очень похожее на разум: какая-то отталкивающая расчетливость. У подобных тварей рассудок казался неуместным. Какое применение они могли ему найти?

Когда Желтоголовый полностью скрылся под водой, по телу Корда пробежала легкая дрожь: он понял, что тот собирается плыть за Плотом. Корд был взволнован. Никогда прежде он не видел, чтобы Желтоголовые покидали тростники. Чудовище, за которым он наблюдал, могло проявить себя самым неожиданным образом.

Спустя полминуты Корд снова увидел Желтоголового, который неуклюже плыл за Плотом: во всяком случае, у него не было намерения тотчас идти на абордаж. Корд заметил, как он приблизился к жалящим щупальцам Плота. Желтоголовый проскальзывал между ними, его движения необычайно походили на человеческие. Потом он ушел под Плот и пропал из виду.

Корд стоял, размышляя, что бы все это могло означать. Казалось, Желтоголовый знает о ядови-

тых щупальцах; когда он приближался к Плоту, каждое его движение преследовало какую-то цель. Корда терзало искушение рассказать обо всем этом остальным, но ведь впереди его мог ожидать триумф — если бы Желтоголовый, разевая пасть, внезапно очутился на краю Плота и Корд покончил бы с ним на глазах у всех.

Между тем пора было поворачивать Плот к Фермам. Если ничего не случится…

Корд наблюдал. Прошло почти пять минут, но никаких признаков Желтоголового не было видно. Все еще ожидая чего-то, чувствуя себя не в своей тарелке, Корд выдал Дедушке точно рассчитанную дозу теплового облучения.

Чуть погодя он выстрелил еще раз. Потом глубоко вздохнул и… думать забыл о Желтоголовом.

— Нирмонд! — пронзительно крикнул он.

Нирмонд и двое остальных стояли у центра площадки, рядом с большим панцирным конусом, и смотрели в сторону Ферм. Они оглянулись:

— Что случилось. Корд?

Корд на какое-то мгновение лишился дара речи. Он опять очень испугался. Что-то все-таки было не в порядке!

— Плот не поворачивает! — сказал он немного времени спустя.

— Прижги его как следует! — отозвался Нирмонд.

Корд взглянул на него. Нирмонд, стоявший чуть впереди Дэйн и Грэйэн, будто желая защитить их от чего-то, показался ему несколько напряженным — и неудивительно; Корд успел разрядить пистолет в три разных точки площадки, но Дедушка словно вдруг потерял всякую чувствительность к теплу. Они неуклонно продолжали двигаться к центру залива.

Тогда Корд задержал дыхание, переключил регулятор температуры на полную мощность и всадил в Дедушку полный тепловой заряд. На этом месте сразу вздулось шестидюймовое пятно, оно стало коричневым, а затем черным…

Дедушка остановился. Он был мертв. Или что-то вроде этого.

— Правильно! Продолжай… — Нирмонд не успел отдать приказ.

Страшный толчок. Корда отбросило назад, к воде, затем край Плота позади него свернулся и снова раскрылся, хлопнув по воде со звуком, похожим на пушечный выстрел. Корд упал лицом вперед, ударившись о площадку, и распластался на ней. Плот под ним выпячивался. Еще два сильнейших толчка и хлопка. Потом тишина. Корд

огляделся, ища остальных.

Он лежал футах в двенадцати от центрального конуса. Два-три десятка загадочных жгутов, недавно выросших из конуса, напряженно протянулись к Корду, подобно тонким зеленым пальцам. Но дотянуться они не смогли. Ближайший жгут был в десяти дюймах от ботинка Корда.

Но остальных — всех троих — Дедушка схватил. Их сбило с ног примерно в футе от конуса, опутало жесткой сетью зеленых растительных канатов, и теперь они не двигались.

Корд осторожно поджал ноги, приготовившись к следующей сокрушительной атаке. Но ее не последовало. Зато он обнаружил, что Дедушка вновь движется в прежнем направлении. Тепловой пистолет исчез. Корд осторожно, очень осторожно вытащил ванадианский пистолет.

Неожиданно из груды тел послышался голос, слабый, исполненный боли:

— Корд! Ты не схвачен? — это был голос Регентессы.

— Нет, — сказал он, стараясь говорить потише. Внезапно он понял, что слишком уж легко примирился с мыслью о смерти всех троих. Теперь его затошнило и затрясло.

— Что ты делаешь?

Корд с остервенением посмотрел на большую, покрытую панцирем голову Дедушки. Конусы внутри были полыми; лаборатория Станции решила, что в основном они нужны Плотам как резервы для воздуха, необходимого, чтобы держать их на плаву. Но здесь же, в центральной части, размещался орган, управляющий всеми реакциями Дедушки.

Корд тихо ответил:

— У меня есть пистолет и к нему двенадцать сверхмощных разрывных пуль. Две такие пули разнесут конус в клочья.

— Это не годится, Корд! — голос Регентессы был искажен страданием. — Если эта штука потонет, нам все равно конец. А есть у тебя наркотизирующие заряды?

— Да.

Корд пристально посмотрел на ее спину.

— Тогда выстрели сначала в Нирмонда и девушку. Целься в позвоночник. Только не подходи сюда…

Корд почему-то не мог спорить с этим голосом. Он осторожно поднялся. Пистолет издал два слабых шипящих звука.

— Ну вот! — хрипло сказал он. — Что делать

дальше?

Некоторое время Дэйн молчала.

— Прости, Корд, я не могу тебе этого сказать. Но я скажу тебе то, что могу…

Несколько секунд опять длилось молчание.

— Это существо не пыталось убить нас, Корд. Ему это было бы нетрудно, сила у него невероятная. Я видела, как оно переломило Нирмонду ноги. Но когда мы не шевелимся, оно нас только держит. Нирмонд и Грэйэн потеряли сознание, но из-за тебя оно опять пошло в атаку. Оно пыталось дотянуться до тебя жгутами или щупальцами, или чем-то еще. Так ведь?

— Наверное, — дрожа, ответил Корд. Конечно, именно так все и случилось — и Дедушка в любой момент мог повторить свою попытку.

— Через эти жгуты в нас сейчас вводится что-то вроде наркотика. Через крошечные шипы… Какое-то оцепенение… — голос Дэйн на мгновение прервался. Затем она отчетливо произнесла: — Видишь ли, Корд, кажется, оно превращает нас в свой пищевой резерв! Понимаешь?

— Да, — ответил он.

— Сейчас у Плотов как раз время созревания семян. Аналогии этому существуют. Наверное, запас живой пищи нужен не самому Плоту, а его

семенам. Кто мог этого ожидать? Корд!

— Да. Я здесь.

— Постараюсь не терять сознания как можно дольше, — сказала Дэйн. — Но вот что еще очень важно: Плот куда-то движется. Куда-то в особенно подходящее для него место, может быть, совсем близко от берега. И тогда ты мог бы прикончить его. Иначе он разделается с тобой. Но не теряй голову и жди удобного момента. Не надо героики, понял?

— Конечно, понял, — ответил Корд. Он поймал себя на том, что как бы утешает ее, словно это не Регентесса Планеты, а, скажем, Грэйэн.

— Нирмонду хуже всего, — продолжала Дэйн. — Девушка потеряла сознание сразу же. Будь это в моих силах… впрочем, если бы помощь пришла в ближайшие пять часов, все было бы в порядке. Дай мне знать, Корд, если что-нибудь произойдет.

— Обязательно, — мягко ответил Корд. Вслед за этим он тщательно прицелился в точку между лопатками Дэйн — и еще одна наркотизирующая пуля с тихим шипящим звуком пошла в цель. Напрягшееся тело Дэйн медленно расслабилось — и это было все.

Корд не видел смысла в том, чтобы она остава-

лась в сознании, поскольку они двигались совсем не к берегу. Каналы и гряды тростников уже остались позади, и Дедушка не изменил направления ни на долю градуса. Он плыл по открытому заливу — и был уже не одинок!

В радиусе двух километров Корд смог насчитать семь больших Плотов, и на трех ближайших различал вновь выросшие зеленые побеги. Все Плоты шли в одном направлении — к бурлящему центру пролива Йогер, до которого оставалось всего около трех километров! Аза проливом — холодная бездна Зланти, клубящиеся туманы и открытое море! Возможно, Плотам и пришла пора осеменяться, но все шло к тому, что они не собираются разбрасывать семена в заливе… Плавал Корд отлично. У него есть пистолет и нож; несмотря на пророчества Дэйн, он попробует спастись среди всех этих убийц, обитающих в заливе. Но в лучшем случае у него был лишь крохотный шанс. И к тому же, подумал он, нельзя упускать из виду других возможностей. Корд не собирался терять присутствия духа.

Никто не будет их искать, разве что случайно, тем более именно в это время. Да если бы их и стали искать, то лишь в окрестностях Ферм. Множество Плотов избрали там место для стоянки,

и члены Экспедиции наверняка бы решили, что Корд и его спутники воспользовались одним из них. Ведь то и дело случались неожиданности и кое-кто из Экспедиции попросту исчезал — и к тому времени, когда до людей доходило, что надо оказать помощь, бывало уже слишком поздно.

И вряд ли можно было надеяться, что в течение нескольких следующих часов кто-нибудь заметит, что Плоты начали двигаться из болот через пролив Йогер-Стрейтс. Правда, на северном берегу пролива, в глубине материка, была небольшая метеостанция, сотрудники которой иногда пользовались вертолетом. Но почти невероятно, угрюмо подумал Корд, чтобы на нем решили лететь именно сейчас и именно сюда. Нельзя было рассчитывать и на то, что какой-нибудь реактивный транспорт вдруг пройдет достаточно низко, чтобы их заметить.

Да, видимо, дела его плохи, как сказала Регентесса, и он утонет. Он еще никогда не чувствовал себя таким беззащитным…

Корд все равно собирался рано или поздно предпринять одну попытку, и только поэтому он приступил к эксперименту, хотя и был уверен, что толку от этого не будет. Он вынул обойму, в которой находились наркотизирующие заряды,

и отсчитал пятьдесят пулек, торопясь, так как совсем не хотел думать о том, на что ему в конце концов могут понадобиться эти пульки. Теперь в обойме оставалось около трехсот зарядов — и в следующие несколько минут Корд методично послал треть из них в голову Дедушки.

Затем он прекратил стрельбу. Дедушка должен был бы заснуть от гораздо меньшей дозы. Но он продолжал невозмутимо плыть. Может быть, он стал в чем-то чуть скованнее, но, по-видимому, используемый в пистолете наркотик не действовал на его клетки.

Корд не мог представить, что бы еще можно было сделать, пока они не достигли пролива. Он прикинул, что при их скорости это произойдет меньше чем через час, и решил, если они действительно пойдут через пролив, рискнуть и броситься вплавь. В таких обстоятельствах Дэйн не стала бы осуждать его, подумал он. Ведь если Плот просто вынесет их всех в туманные просторы Зланти, шансов на спасение практически не останется.

Тем временем Дедушка явно набирал скорость. Происходили и другие изменения — очень небольшие, но все же пугавшие Корда. Прыщевидные красные почки, усеявшие верхнюю часть

конуса, стали постепенно раскрываться. В центре большинства из них теперь торчало нечто вроде тонкого, влажного, алого червяка; червяки слабо извивались, вытягивались сантиметра на три, на некоторое время успокаивались и снова вытягивались все дальше — будто искали что-то в воздухе. Черные вертикальные щели между пластинами панциря стали глубже и шире, чем несколько минут назад; некоторые из них сочились темной густой жидкостью.

При других обстоятельствах Корда заворожили бы такие перемены. Сейчас же они приковали к себе его внимание и вызвали подозрение только потому, что были ему непонятны.

Неожиданно произошло что-то совсем страшное. Грэйэн громко застонала — так, что у Корда волосы стали дыбом, — ее всю скрутило. Лишь потом Корд сообразил, что и секунды не прошло, как он прекратил стоны и судороги, послав в нее еще одну наркотизирующую пульку; но за это время жгуты Дедушки сжали ее, подобно твердым зеленым когтям какой-то чудовищной птицы, вонзающимся в тело жертвы. Если бы Дэйн не предупредила его…

Бледный, в холодном поту, Корд медленно вложил в кобуру пистолет; жгуты снова рас-

слабились. Кажется, Грэйэн при этом не очень пострадала и наверняка она первая отметила бы, что Корд с таким же успехом мог бы направить свою ярость против бездушного механизма, как и против Плота. Однако Корд некоторое время еще продолжал тешиться мыслью, что он в любой момент может превратить Плот в разорванное на куски и медленно тонущее месиво.

Но вместо этого — что было более благоразумно — он двумя выстрелами добавил дозу наркотика Дэйн и Нирмонду, чтобы с ними не случилось того же, что с Грэйэн. Корд знал, что содержимого двух пулек достаточно, чтобы минимум четыре часа продержать любого человека в бессознательном состоянии. Ну, а пяти выстрелов…

Корд всячески отгонял от себя эту назойливую мысль, но она возвращалась снова и снова, пока ему, наконец, не пришлось примириться с ней.

Пять выстрелов полностью отключили бы сознание каждого из них, пока люди не погибли бы по какой-либо причине или пока им не дали бы противоядие.

Корд в замешательстве твердил сам себе, что он не в силах сделать такое. Ведь это все равно, что их убить.

Но тут он заметил, что снова спокойно подни-

мает свой пистолет и всаживает по пять пуль в каждого из членов Экспедиции.

Через полчаса Корд увидел, что Плот впереди них, не уступавший по размерам их собственному, внезапно повернул в пенящиеся белые воды пролива, подхваченный водоворотом. Плот закружило и закачало из стороны в сторону, но он сделал резкий рывок вперед — и его вынесло из водоворота. Потом он еще раз восстановил равновесие. Совсем непохоже на слепое растение-животное, подумал Корд. Скорее уж напоминает некое живое существо, целеустремленно борющееся за то, чтобы двигаться в нужном ему направлении.

Ну что ж, Плоты, по-видимому, непотопляемы.

Когда ревущий пролив совсем приблизился, Корд с ножом в руке распростерся на площадке. Но вот Дедушка задрожал и стал накреняться. Корд с размаху вонзил в него нож и повис на нем. На Плот неожиданно хлынула холодная вода, и он затрясся, как работающий мотор. В этот момент Корду пришла в голову мысль: борясь с проливом, Плот может растерять своих бесчувственных пленников. Но Корд недооценил Дедушку. Дедушка вцепился в них мертвой хваткой.

Внезапно все кончилось. Они скользили по

медленной зыби, и невдалеке от них плыли еще три Плота. Пролив свел их вместе, но, судя по всему, они не интересовались друг другом. И, когда Корд поднялся и стал срывать с себя промокшую одежду, Плоты явно стали расходиться в разные стороны. Площадка одного из них была наполовину в воде; должно быть, он потерял слишком много воздуха, державшего его на плаву, и теперь этот Плот, как маленький корабль, медленно шел ко дну.

Отсюда до северного берега пролива было всего два километра, а еще километр до Главной станции пролива можно было бы пройти пешком. Корд ничего не знал о здешних течениях, но расстояние казалось не слишком большим — и все же он не мог убедить себя не брать нож и пистолет. Правда, обитавшие в заливе существа любили тепло и ил и не решались преодолевать пролив. Но в безднах Зланти водились свои хищники, хотя их и не часто видели так близко от берега.

И все же можно было надеяться на что-то.

Не успел Корд связать свою одежду в тугой узел, спрятав внутрь ботинки, как над его головой раздался какой-то плач, похожий на странное мяуканье. Корд взглянул вверх. Там кружились

четыре Морских Жука — таких же, как Болотные, но только больше размером. На каждом из них был невидимый сейчас Наездник. Возможно, они были безобидными, питающимися падалью существами, но размах их трехметровых крыльев производил глубокое впечатление. Корд невольно вспомнил злобного хищного Наездника, которого он оставил близ Станции.

Один из Жуков лениво снизился и на бреющем полете стал приближаться к Корду. Он пронесся над его головой, вернулся и стал парить над конусом Плота.

Значит, Наездник, управляющий полетом этой безмозглой летающей твари, интересовался вовсе не Кордом! Его привлекал Дедушка!

Перед глазами Корда открылось захватывающее зрелище. Теперь весь верх конуса кишел массой слабо извивающихся, алых червеобразных выростов, которые начали появляться еще до того, как Плот вышел из залива. Должно быть, они казались Наезднику исключительно вкусными. Жук, рассекая воздух ударами крыльев, стал садиться и коснулся конуса. Подобно пружинам капкана, зеленые жгуты взметнулись вверх, обвивая Жука, сминая его хрупкие крылья и глубоко погружаясь в его длинное мягкое тело…

Секунды не прошло, как Дедушка поймал еще одну добычу — на этот раз морскую. Корд едва успел увидеть, как из воды на край Плота, видимо, в отчаянной спешке, выскочило что-то похожее на маленького упругого тюленя — и сразу же было отброшено к конусу, где жгуты скрутили его и уложили рядом с телом Жука.

Но Корда ошеломила не та необыкновенная легкость, с которой было совершено это неожиданное убийство. Потрясло его то, что рухнула надежда вплавь добраться до берега. В полусотне метров от него, огибая Плот, на поверхности воды мелькнуло существо, от которого спасался «тюлень». Корду довольно было одного взгляда. Туловище цвета слоновой кости и зияющая пасть настолько напоминали акул, что совсем нетрудно было опознать в этом существе подобного хищника. Но, в отличие от акул, Белые Хищники бездн Зланти всегда странствовали тысячами, а это было немаловажно.

Ошарашенный столь невероятной неудачей, все еще сжимая узелок с одеждой, Корд стал пристально всматриваться в воду у берега. Зная, что искать, он без труда обнаружил на поверхности воды предательские холмики — длинные желто-белые блики, то вспыхивающие среди зыби, то

опять исчезающие. Стайки более мелких морских обитателей в отчаянии выскакивали из воды и падали обратно.

Корда проглотили бы, как упавшую в воду муху, прежде чем он успел бы проплыть и двадцатую часть пути!

Но прошла еще почти минута, пока он по-настоящему понял всю полноту своего поражения.

Дедушка начал есть!

Каждая из темных щелей, идущих вниз по бокам конуса, оказалась своего рода ртом. Пока лишь одна из них была готова к действию, но и она еще не раскрылась достаточно широко. Однако первый «кусочек» уже попал туда: это был Наездник, которого жгуты выдернули из пушистой шерсти Жука. Хоть жертва была очень мала, Дедушке понадобилось целых семь минут, чтобы протолкнуть его в ротовую щель. Но это было только начало.

Корду стало не по себе. Он сидел, сжимая узел с одеждой, внимательно следил за Дедушкой и очень смутно сознавал, что все время дрожит под холодными брызгами, которые то и дело попадали на него. Корд пришел к выводу, что пройдет по меньшей мере несколько часов, прежде чем одно из этих черных подобий рта станет достаточно

гибким и сильным, чтобы совладать с человеком. В данных обстоятельствах особого значения для остальных это не имело; ведь как только Дедушка доберется до первого из них, Корд немедленно разнесет Плот на куски. Во всяком случае, Белые Хищники хоть едят более опрятно; только до этих пределов Корд еще мог распоряжаться ходом последующих событий.

А надежды на то, что их заметит вертолет с метеостанции, были совсем ничтожными.

Тем временем Корд в каком-то тягучем и кошмарном наваждении продолжал размышлять над тем, что за тайная сила вызвала в Плоте такую жуткую перемену. Теперь он догадался, куда они движутся: разрозненные вереницы Плотов тянулись сзади или шли почти параллельно Дедушке к проливу и держали курс на кишащий планктоном участок бассейна Зланти, лежавший в тысяче километров к северу. Можно было допустить, что в установленное время Плоты способны совершать подобные путешествия ради своих сеянцев. Но ничто в строении Плотов не объясняло их внезапного превращения в проворных и искусных хищников.

Затем Дедушка затащил в рот и упругого «тюленя». Жгуты переломили ему шею, и почти все

его тело оказалось в пасти, которая принялась деловито «обрабатывать» тушу — она была слишком велика, чтоб проглотить ее сразу. В это время сверху опять раздалось жалобное мяуканье — и несколько минут спустя еще два Морских Жука почти одновременно попали в ловушку, пополнив собою припасы Дедушки. Дедушка отбросил мертвого «тюленя» и взялся еще за одного Наездника. Оставшийся Наездник неожиданно соскочил со своего хозяина и злобно впился губами в один из жгутов, который снова схватил его и мгновенно убил, ударив о площадку.

Корда обуял прилив дикой ненависти к Дедушке. Убить Жука — все равно, что срубить ветку с дерева; ведь Жуки почти не обладают сознанием. Но чувство солидарности у Наездника можно было объяснить лишь его способностью к разумным действиям — и в этом отношении он был, по сути дела, ближе к человеку, чем к Плоту, который вполне успешно, но совершенно автоматически хватал и Наездников, и людей… Корд опять унесся мыслью куда-то в сторону и поймал себя на том, что рассеянно думает о любопытном симбиозе, в котором нервные системы двух столь непохожих существ — Жуков и их Наездников — связаны так тесно, что функционируют как

единый организм.

Вдруг на лице Корда отразилось безмерное изумление.

Теперь он знал.

Корд вскочил на ноги. В голове у него созрел целый план, его трясло от возбуждения. Тотчас же дюжина длинных жгутов, встревоженных его движением, по-змеиному потянулась к нему, напрягаясь и вытягиваясь. Жгуты не смогли дотянуться до Корда, но их мгновенная реакция заставила его на секунду застыть. Площадка под его ногами содрогалась, как бы гневаясь на его недосягаемость; он стоял не на краю, и поэтому Плот не мог внезапно выгнуться и бросить Корда в объятия жгутов.

Но это было предостережением! Корд осторожно, бочком, обошел конус, пока не занял намеченного им места на передней половине Плота. Затем он замер в ожидании. Он ждал долгие минуты. Но вот, наконец, его сердце перестало бешено колотиться, беспорядочные, раздраженные вздрагивания утихли, а усик последнего жгута прекратил свои слепые поиски. Если в течение одной-двух секунд Плот не будет знать точно, где находится Корд, это может очень помочь делу.

Один раз Корд оглянулся, чтобы проверить, насколько они отдалились от Главной станции пролива, и пришел к выводу, что их разделяет не больше часа пути. Если все остальное пойдет нормально, это достаточно близко. Корд и не пытался детально продумывать то, что входило в это «остальное», поскольку кое-что было просто невозможно учесть заранее. Кроме того, он почувствовал, что, если обдумывать все слишком детально, это помешает ему приступить к выполнению плана.

Наконец, Корд осторожно взял нож в левую руку, оставив пистолет в кобуре. Правой рукой он медленно приподнял над головой тугой узел с одеждой. Затем широким плавным движением он перебросил узел через конус на заднюю половину Плота — почти на противоположный край площадки.

Мокрый узел упал, глухо шмякнувшись о площадку. И в ту же секунду весь дальний край Плота выгнулся и одним взмахом швырнул этот странный предмет к уже вытянувшимся навстречу жгутам.

Корд тут же бросился вперед. На секунду ему показалось, что попытка отвлечь внимание Дедушки полностью удалась — но в следующее же

мгновение площадка выгнулась, и его бросило на колени.

Он был в трех метрах от края площадки. В тот момент, когда этот край шлепнул по воде, Корд опять отчаянно рванулся вперед.

Один миг — и он уже прорезал холодную прозрачную воду чуть впереди Плота!.. Затем Корд изогнулся и пошел наверх.

Плот проходил как раз над его головой. Облака крошечных морских созданий клубились в густых темных зарослях корневых волосков. Корд резко откинулся от широкой колеблющейся полосы стекловидной зелени — жалящего щупальца — и его бок внезапно обожгло: его слегка коснулось другое такое же щупальце. Ничего не видя, Корд продирался сквозь скользкие черные джунгли корневых волосков, покрывавших все дно Плота; потом над его головой показался зеленый полусвет, и Корд ворвался в пустое пространство внутри конуса.

Полумрак и гнилой горячий воздух. Вокруг Корда билась вода, оттаскивая его в сторону, — а зацепиться не за что! И вдруг Корд различил справа над собой приникшего к вогнутой внутренней поверхности конуса жабообразного, величиной с человека Желтоголового.

Наездник Плота…

Корд дотянулся до этого партнера и руководителя Дедушки, ухватил его за вялую заднюю лапу, подтянулся и нанес два удара ножом — быстро, пока бледно-зеленые глаза чудища только начали открываться.

Корд думал, что Желтоголовому, как и Наезднику Жука, нужно что-то около секунды, чтобы отделиться от своего «хозяина» и приступить к защите. Он же только повернул голову: пасть его открылась и сомкнулась на левой руке Корда, выше локтя. Правой рукой Корд всадил нож в широко раскрытый глаз, и Желтоголовый, отдернувшись, начал выхватывать нож из руки Корда.

Быстро скользнув вниз, Корд обеими руками обхватил скользкую лапу Желтоголового и повис на ней всем телом. Еще секунду Желтоголовый держался. Затем послышался чмокающий звук, бесчисленные нервные волокна, соединявшие его с Плотом, разорвались, и Корд вместе с Желтоголовым плюхнулись в воду.

Опять черное сплетение корней — и внезапно еще два раза ему обожгло спину и ноги! Задыхаясь, Корд разжал руку. Несколько секунд под ним кувыркалось, уходя вниз, тело Желтоголового,

движения которого до странности напоминали человеческие. Потом плотная толща воды вытолкнула Корда вверх и в сторону, и тут внизу что-то большое и белое нанесло удар по телу Желтоголового и ушло дальше.

Корд выскочил на поверхность в пяти метрах позади Плота. И ничего нельзя было бы сделать, если бы Дедушка не начал уже сбавлять скорость.

После двух неудачных попыток Корд все-таки вскарабкался на площадку и некоторое время лежал, задыхаясь и откашливаясь. Теперь его присутствие, казалось, уже не вызывало гнева. Лишь несколько жгутов с трудом пошевелили своими вялыми кончиками, как бы пытаясь вспомнить прежние обязанности, когда Корд, прихрамывая, на некоторое время подошел к трем товарищам — удостовериться, что они еще дышат. Но Корд даже не заметил движения жгутов.

Спутники Корда еще дышали, и у него хватило ума не тратить времени на то, чтобы самому оказать им помощь. Он вынул из кобуры Грэйэн тепловой пистолет. А Дедушка окончательно остановился:

Корд не успел полностью прийти в себя, иначе

он бы терзался мыслями о том, способен ли Дедушка, насильно разлученный с управлявшим его действиями партнером, к самостоятельному передвижению. Вместо этого Корд определил примерное направление — к Главной станции пролива, выбрал соответствующую точку на краю площадки и нанес в нее небольшой тепловой удар.

Сразу вслед за этим ничего не произошло. Корд терпеливо вздохнул и немного увеличил дозу.

Дедушка тихо вздрогнул. Корд стоял.

Сначала медленно и нерешительно, потом твердо и уверенно — хотя снова бездумно — Дедушка зашлепал в обратную сторону, к Главной станции пролива.

Сбалансированная экология
(рассказ)

Ферма алмазных деревьев с утра была охвачена беспокойством. Ильф улавливал его, но ничего не сказал Орис, решил, что начинается летняя лихорадка или у него живот подвело и мерещится всякая всячина, а Орис сразу потащит его домой, к бабушке. Но беспокойство не проходило, росло, и, наконец, Ильф уверился в том, что источник

беспокойства — сама ферма.

Казалось бы, лес живет обычной жизнью. С утра был дождь, перекати-поле вытащили из земли корни и катались по кустам, стряхивая с себя воду. Ильф заметил, как одно из растений, совсем маленькое, подобралось прямо к хищной росянке. Росянка была взрослой, могла выбросить щупальце на три-четыре метра, и Ильф остановился, чтобы посмотреть, как перекати-поле попадется в ловушку.

Внезапно щупальце метнулось, словно желтая молния, обвило концом перекати-поле, оторвало от земли и поднесло к отверстию в пне, под которым и скрывалась росянка. Перекати-поле удивленно сказало: «Ах!» — они всегда так говорят, если их поймать, — и исчезло в черной дыре. Через мгновение в отверстии вновь показался кончик щупальца, мерно покачиваясь, поджидая, пока в пределах досягаемости не появится что-нибудь подходящего размера.

Ильф, которому только что исполнилось одиннадцать, для своего возраста был невелик и являлся как раз подходящим объектом для росянки, но она ему не угрожала. Росянки в рощах алмазных деревьев на планете Урак никогда не нападали на людей. Ильфу вдруг захотелось

подразнить росянку. Если взять палку и потыкать ею в пень, росянка рассердится, высунет щупальце и постарается выбить палку из руки. Но сегодня неподходящий день для таких забав. Ильф не мог отделаться от странного, тревожного чувства. Он заметил, что Орис с Сэмом поднялись на семьдесят метров по склону холма, направляясь к Королевской роще, к дому. Ильф помчался вслед за ними и догнал их на прогалине, разделявшей рощи алмазных деревьев.

Орис, которая была на два года, два месяца и два дня старше Ильфа, стояла на выпуклом панцире Сэма, глядя направо, в сторону долины и фабрики. Климат на Ураке жаркий, но в одних местах сухой, в других — влажный. Лишь здесь, в горах, прохладно. Далеко к югу, за долиной и холмами, начиналась континентальная равнина, издали похожая на буро-зеленое спокойное море. К северу и востоку поднимались плато, ниже которых и растут алмазные деревья. Ильф обогнал медленно ползущего Сэма и забежал вперед, где край панциря распластался над землей.

Когда Ильф вспрыгнул на панцирь, Сэм зажмурился, но даже головы не повернул в его сторону. Сэм походил на черепаху и был больше всех на ферме, если не считать взрослых деревьев и,

может быть, самых крупных чистильщиков. Его бугристый панцирь порос лишайником, похожим на длинный зеленый мех. Порой, во время еды, Сэм помогал себе тяжелыми трехпалыми лапами, которые обычно лежали сложенными на нижней части панциря.

Орис не обратила внимания на Ильфа. Она все еще смотрела в сторону фабрики. Ильф — ее двоюродный брат, но они совсем не похожи. Ильф маленький, гибкий, и рыжие волосы у него на голове вьются тугими кольцами! Орис выше его на целую голову, беленькая и стройная. По мнению Ильфа, у нее такой вид, словно ей принадлежит все, что она может углядеть со спины Сэма. Правда, ей и на самом деле многое принадлежит: девять десятых фабрики, на которой обрабатывают алмазную древесину, и девять десятых фермы алмазных деревьев. А все остальное досталось Ильфу.

Ильф вскарабкался на самый верх панциря, цепляясь за зеленый лишайник, и встал рядом с Орис. Неуклюжий с виду, Сэм полз со скоростью добрых десять километров в час, держа путь к Королевской роще. Ильф не знал, кто из них — Орис или Сэм — решил вернуться домой.

— Там что-то неладно, — сказал Ильф, взглянув

на ферму. — Может, ураган идет?

— Не похоже на ураган, — ответила Орис. Ильф поглядел на небо и молча согласился.

— Может быть, землетрясение?

Орис покачала головой:

— Не похоже на землетрясение.

Она не отрывала глаз от фабрики.

— Там что-нибудь произошло? — спросил Ильф.

— У них сегодня много работы. Получили срочный заказ.

Пока Сэм пересекал еще один перелесок, Ильф раздумывал, что бы это могло значить. Срочные заказы редки, но вряд ли этим можно объяснить всеобщее волнение. Ильф вздохнул и уселся на панцирь, скрестив ноги. Вокруг тянулась молодая роща — деревьям было лет по пятнадцать, не больше. Росли они довольно редко. Впереди умирал громадный перекати-поле и счастливо смеялся, разбрасывая алые семена. Коснувшись земли, семена спешили откатиться как можно дальше от родителя. Земля вокруг перекати-поля трепетала и вздымалась. Это прибыли чистильщики, чтобы похоронить растение. На глазах у Ильфа перекати-поле погрузилось на несколько сантиметров в разрыхленную землю. Семена

торопились убраться подальше, чтобы чистильщики не похоронили заодно и их. Со всех сторон рощи сюда собрались молодые, желтые в зеленых пятнах, готовые укорениться перекати-поле. Они дождутся, пока чистильщики кончат свою работу, затем займут освободившееся пространство и пустят корни. Место, где поработали чистильщики — самое плодородное в лесу.

Ильфу всегда хотелось узнать, как выглядят чистильщики. Никто никогда их не видел. Его дед Рикуэл Чолм рассказывал, что ученые пытались поймать чистильщика с помощью землеройной машины. Но даже самые маленькие чистильщики вкапывались в землю быстрее, чем машина их откапывала, так что ученым пришлось уехать ни с чем.

— Ильф, иди завтракать! — раздался голос бабушки.

Ильф закричал в ответ:

— Иду, ба…

Но тут же осекся и взглянул на Орис. Та хихикнула.

— Опять меня надули, — признался Ильф. — Противные обманщики!

И он крикнул:

— Выходи, врунишка Лу! Я тебя узнал.

Бабушка Мелди Чолм засмеялась мягким добрым смехом, будто зазвенели серебряные колокольчики, и гигантская Зеленая паутина Королевской рощи подхватила смех. Врунишка Лу и Габон выскочили из кустов и легко взобрались на панцирь. Это были рыжие, короткохвостые зверьки с коричневой шерстью, топкие, как паучки, и очень шустрые. У них были круглые черепа и острые зубы, как у всех животных, которые ловят и едят других животных. Габби уселся рядом с Ильфом, раздувая воздушный мешок, а Лу разразилась серией щелкающих, резких звуков.

— Они были на фабрике? — спросил Ильф.

— Да, — ответила Орис. — Помолчи, я слушаю.

Лу верещала с той же скоростью, с какой передразники обычно разговаривают между собой. Она и человеческую речь передавала с такой же быстротой. Когда Орис хотелось узнать, о чем говорят другие люди, она посылала к ним передразников. Они все до слова запоминали и, возвратившись, повторяли все с привычной для себя скоростью. Если очень прислушиваться, Ильф мог разобрать отдельные слова. Орис понимала все. Теперь она слушала, о чем разговаривали утром люди на фабрике.

Габби раздул воздушный мешок и произнес

густым, глубоким голосом дедушки Рикуэла:

— Ай-ай-ай, Ильф! Мы сегодня вели себя не лучшим образом.

— Заткнись сейчас же, — сказал Ильф.

— Помолчи, — ответил Габби голосом Орис. — Я слушаю. — И добавил голосом Ильфа: — Опять меня надули. — Потом захихикал.

Ильф замахнулся на него кулаком. Габби темным комочком моментально метнулся на другую сторону панциря. Оттуда он поглядел на Ильфа невинными круглыми глазами и торжественно произнес:

— Друзья, нам нужно обращать больше внимания на мелкие детали. Ошибки обходятся слишком дорого.

Наверно, он подслушал эти слова на фабрике.

Ильф отвернулся. Он старался разобрать, о чем говорит Лу. Но Лу тут же замолчала. Передразники спрыгнули со спины Сэма и пропали в кустах. Ильф подумал, что они сегодня тоже чем-то встревожены и слишком суетятся. Орис подошла к переднему краю панциря и уселась на него, болтая ногами. Ильф сел рядом.

— О чем говорили на фабрике? — спросил он.

— Вчера получили срочный заказ. А сегодня утром еще один. И пока эти заказы не выполнят,

больше принимать не будут.

— Это хорошо?

— Думаю, что да.

Помолчав, Ильф спросил:

— Поэтому они все так волнуются?

— Не знаю, — ответила Орис и нахмурилась.

* * *

Сэм добрался до следующей поляны и, не дойдя до открытого места, остановился. Орис соскользнула с панциря и сказала:

— Пойдем, но чтобы нас не заметили.

Ильф пошел вслед за ней как можно тише.

— Что случилось? — спросил Он.

В ста пятидесяти метрах, по ту сторону поляны, высилась Королевская роща. Ее вершины легко кружились, словно армия гибких зеленых копий, на фоне голубого неба. Отсюда не был виден одноэтажный дом, построенный в глубине рощи, среди больших стволов. Перед ребятами лежала дорога, она поднималась из долины на запад, к горам.

— Недавно здесь спускался аэрокар, — сказала Орис. — …Вот он, смотри.

Аэрокар стоял у края дороги, недалеко от них. Как раз там, где начиналась просека, ведущая к

дому. Ильфу машина показалась неинтересной. Не новая и не старая — самый обыкновенный аэрокар. Человека, сидевшего в ней, Ильф не знал.

— Кто-то в гости приехал, — сказал Ильф.

— Да, — согласился Орис, — дядя Кугус вернулся.

Ильф не сразу вспомнил, кто такой дядя Кугус. Потом его осенило: дядя Кугус приезжал год назад. Это был большой красивый мужчина с густыми черными бровями. Он всегда улыбался. Он приходился дядей только Орис, но привез подарки обоим. И еще он много шутил. А с дедушкой Рикуэлом спорил о чем-то битых два часа, но Ильф забыл, о чем. В тот раз дядя Кугус приезжал в красивом ярко-желтом аэрокаре, брал Ильфа покататься и рассказывал, как побеждал на гонках. В общем, Ильфу дядя понравился.

— Это не он, — сказал Ильф. — И машина не его.

— Я лучше знаю, — сказала Орис. — Он в доме. И с ним еще двое. Они разговаривают с дедушкой и бабушкой.

В этот момент где-то в глубине Королевской рощи возник глубокий, гулкий звук, словно начали бить старинные часы или зазвучала арфа. Чело-

век в машине обернулся к роще, прислушиваясь. Звук повторился. Он исходил от гигантской Зеленой паутины, которая росла в дальнем конце рощи. Этот звук разносился по всей ферме, и его можно было услышать даже в долине, если, конечно, ветер дул в ту сторону. Ильф спросил:

— Врунишка Лу и Габби там побывали?

— Да. Сначала они сбегали на фабрику, а потом заглянули в дом.

— О чем говорят в доме?

— О разных вещах. — Орис опять нахмурилась. — Мы пойдем и сами узнаем. Только лучше, чтобы они нас пока не видели.

Что-то зашевелилось в траве. Ильф посмотрел вниз и увидел, что врунишка Лу и Габби снова присоединились к ним. Передразники поглядели на человека в аэрокаре, затем выскочили на открытое место, перемахнули через дорогу и, словно летящие тени, скрылись в Королевской роще. Они бежали так быстро, что уследить за ними было почти невозможно. Человек в машине удивленно посмотрел им вслед, не понимая, видел он что-нибудь или ему померещилось.

— Пошли, — сказала Орис.

Ильф вернулся вместе с ней к Сэму. Сэм приподнял голову и вытянул шею. Орис легла на

край нижней части панциря и заползла на четвереньках в щель. За ней последовал и Ильф. Это убежище было ему отлично знакомо. Он не раз укрывался здесь, если его настигала гроза, налетевшая с северных гор или если земля вздрагивала и начиналось землетрясение. Пещера, образованная плоским нижним панцирем, нависающим верхним и прохладной, кожаной шеей Сэма, была самым надежным местом на свете.

Нижний панцирь качнулся — зеленая черепаха двинулась вперед. Ильф выглянул в щель между панцирями. Сэм уже покинул рощу и не спеша пересекал дорогу. Ильф не видел аэрокара и размышлял, зачем Орис понадобилось прятаться от человека в машине. Ильф поежился. Утро выдалось странное и неуютное.

Они миновали дорогу и оказались в высокой траве. Сэм раздвигал траву, словно волны, и раскачивался, как настоящий корабль. Наконец, они вступили под сень Королевских деревьев. Стало прохладнее. Сэм повернул направо, и Ильф увидел впереди голубой просвет, заросли цветущего кустарника, в центре которых находилось лежбище Сэма.

Сэм пробрался сквозь заросли и остановился на краю прогалины, чтобы Ильф и Орис могли

выбраться из панциря. Затем опустил передние лапы в яму, настолько густо оплетенную корнями, что между ними не было видно земли. Сэм наклонился вперед, втянул под панцирь голову и медленно съехал в яму. Теперь нижний край панциря был вровень с краями ямы и со стороны Сэм казался большим, поросшим лишайником валуном. Если его никто не потревожит, он будет недвижимо лежать в яме до конца года. Черепахи в других рощах фермы и не вылезали из своих ям и, насколько Ильф помнил, никогда не просыпались. Они жили так долго, что сон длиной в несколько лет ничего для них не значил.

Ильф вопросительно поглядел на Орис. Она сказала:

— Подойдем к дому, послушаем, о чем говорит дядя Кугус.

Они свернули на тропинку, ведущую от лежбища Сэма к дому. Тропинка была протоптана шестью поколениями детей, которые ездили на Сэме по ферме. Сэм был в полтора раза больше любой другой черепахи и лишь его лежбище находилось в Королевской роще. В этой роще все было особенным, начиная от деревьев, которые никто не рубил и которые были вдвое толще и почти вдвое выше деревьев в остальных рощах, и

кончая Сэмом и огромным пнем дедушки-росянки неподалеку и гигантской Зеленой паутиной на другом краю. Здесь всегда было тихо и меньше встречалось зверей. Дедушка Рикуэл говорил Ильфу, что Королевская роща когда-то давным-давно дала начало всем алмазным лесам.

— Обойдем вокруг дома, — сказала Орис. — Пусть они пока не знают, что мы уже здесь.

* * *

— Мистер Тироко, — сказал Рикуэл Чолм. — Я сожалею, что Кугус Овин уговорил вас с мистером Блиманом прилететь на Урак по такому делу. Вы попросту зря потеряли время. Кугусу следовало знать об этом. Я ему уже все объяснил в прошлый раз.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас, мистер Чолм, — сухо сказал мистер Тироко. — Я обращаюсь к вам с деловым предложением насчет этой фермы алмазных деревьев. С предложением, выгодным как для вас, так и для детей, которым этот лес принадлежит. По крайней мере хоть познакомьтесь с нашими условиями.

Рикуэл покачал головой. Ясно было, что он зол на Кугуса, но пытается сдержать гнев.

— Какими бы ни были ваши условия, для нас

это неважно, — сказал он. — Алмазный лес — не коммерческое предприятие. Разрешите, я подробней расскажу вам об этом, раз уж Кугус этого не сделал. Без сомнения, вам известно, что на Ураке таких лесов около сорока и все попытки вырастить алмазные деревья в других местах потерпели неудачу. Изделия из алмазного дерева отличаются исключительной красотой, их нельзя изготовить искусственным путем. Поэтому они ценятся не меньше, чем драгоценные камни.

* * *

Мистер Тироко, не спуская с Рикуэла холодных светлых глаз, кивнул: «Продолжайте, мистер Чолм».

— Алмазный лес — это нечто значительно большее, чем просто группа деревьев. Основой его служат сами деревья, но они — лишь составная часть всей экономической системы. Каким образом осуществляется взаимосвязь растений и животных, составляющих лес, до сих пор неясно, но она существует. Ни одно из этих животных не может выжить в другой обстановке. А растения и животные, которые не входят в экологическую систему, плохо приживаются в лесу. Они вскоре погибают или покидают лес. Единственное ис-

ключение из этого правила — люди.

— Крайне любопытно, — сухо заметил мистер Тироко.

— Вы правы, — сказал Рикуэл. — Многие, и я в том числе, считают, что лес необходимо охранять. Пока что рубки, которые сейчас проводятся под наблюдением специалистов, идут ему на пользу, потому что мы лишь способствуем естественному жизненному циклу леса. Под покровительством человека алмазные рощи достигли своего расцвета, который был бы немыслим без людей. Владельцы ферм и их помощники способствовали превращению рощ в государственные заповедники, принадлежащие Федерации; при этом право рубки оставалось за владельцами ферм и их наследниками, но рубка проводилась под строжайшим контролем. Когда Ильф и Орис подрастут и смогут подписать соответствующие документы, ферма перейдет к государству, и все меры для этого приняты. Вот почему мы, мистер Тироко, не заинтересованы в вашем деловом предложении. И если вам вздумается обратиться с подобными предложениями к другим фермерам, они скажут вам то же самое. Мы все единодушны в этом вопросе. Если б мы небыли едины, то давно бы уже приняли подоб-

ные предложения.

Наступило молчание. Затем Кугус Овин сказал мягким голосом:

— Я понимаю, что ты сердит на меня, Рикуэл, но ведь я забочусь о будущем Ильфа и Орис. Боюсь, что ты тревожишься о сохранении этого чуда природы, а о детях забываешь.

— Когда Орис вырастет, она станет обеспеченной молодой женщиной, даже если не продаст ни единого алмазного дерева, — ответил Рикуэл. — Ильфу также будет обеспечено безбедное существование, и он может за всю жизнь палец о палец не ударить, хотя я очень сомневаюсь, что он выберет подобную участь.

Кугус улыбнулся.

— Бывают разные степени обеспеченности, — заметил он. — Ты не представляешь, как много получит Орис, если согласится на предложение мистера Тироко. Ильфа тоже не обидят.

— Правильно, — сказал мистер Тироко. — В деловых вопросах я не зажимист. Все об этом знают. И я могу позволить себе быть щедрым, потому что получаю большие прибыли. Разрешите обратить ваше внимание на другой аспект этой проблемы. Как вы знаете, интерес к изделиям из алмазного дерева не постоянен. Он то растет, то падает. Ал-

мазная древесина то входит в моду, то выходит. Сейчас начинается алмазная лихорадка, вскоре она достигнет максимума. Интерес к изделиям из алмазной древесины можно искусственно подогревать и использовать в своих целях, но в любом случае нетрудно предположить, что через несколько месяцев мода достигнет апогея и сойдет на нет. В следующий раз лихорадка начнется, может быть, через шесть, а может, и через двенадцать лет. А может быть, она и никогда не начнется, потому что существует очень мало природных продуктов, которые рано или поздно не начинают изготовлять искусственным путем, причем качество заменителя обычно ничем не уступает исходному материалу. И у нас нет никаких оснований полагать, что алмазная древесина навечно останется исключением. Мы должны полностью использовать выгодное для нас стечение обстоятельств. Пока алмазная лихорадка продолжается, мы обязаны ею воспользоваться. Мой план, мистер Чолм, заключается в следующем. Корабль с машинами для рубки леса находится сейчас в нескольких часах лета от Урака. Он приземлится здесь на следующий день после того, как будет подписан контракт. Ваша фабрика нам не нужна — масштабы ее недоста-

точны для наших целей. Через неделю весь лес будет сведен. Древесина будет отправлена на другую планету, где ее обработают. Уже через месяц мы сможем завалить нашими изделиями все основные рынки Федерации.

Рикуэл Чолм спросил ледяным голосом:

— И в чем же причина такой спешки, мистер Тироко?

Мистер Тироко удивился:

— Мы избавимся от конкуренции, мистер Чолм. Какая еще может быть причина? Как только другие фермеры узнают, что произошло, у них появится соблазн последовать вашему примеру. Но мы их настолько обгоним, что сами снимем сливки. Приняты все меры предосторожности, чтобы сохранить наш прилет в тайне. Никто не подозревает, что мы на Ураке, тем более никто не знает о наших целях. В таких делах, мистер Чолм, я никогда не ошибаюсь.

Он умолк и обернулся, услышав, как Мелди Чолм взволнованным голосом произнесла:

— Входите, дети. Садитесь с нами. Мы говорим о вас.

— Здравствуй, Орис, — приветливо сказал Кугус. — Привет, Ильф! Помнишь старого дядюшку Кугуса?

— Помню, — сказал Ильф. Он сел на скамейку у стены рядом с Орис. Ему было страшно.

— Орис, ты слышала, о чем мы говорили?

Орис кивнула.

— Да, — она взглянула на мистера Тироко и снова обернулась к дедушке: — Он собирается вырубить лес.

— Ты знаешь, что это твой лес. И Ильфа. Ты хочешь, чтобы они это сделали?

— Мистер Чолм, прошу вас! — вмешался мистер Тироко, — нельзя же так сразу! Кугус, покажите мистеру Чолму, что я предлагаю.

Рикуэл взял документ и прочел его, потом вернул Кугусу.

— Орис, — сказал он. — Если верить этому документу, мистер Тироко предлагает тебе больше денег, чем ты можешь истратить за всю жизнь, если ты позволишь ему срубить твою часть леса. Ты хочешь этого?

— Нет, — сказала Орис.

Рикуэл посмотрел на Ильфа, и мальчик покачал головой. Рикуэл вновь обернулся к мистеру Тироко.

— Итак, мистер Тироко, — сказал он, — вот наш ответ. Ни моя жена, ни я, ни Орис, ни Ильф не хотим, чтобы вы рубили лес. А теперь…

— Зачем же так, Рикуэл, — сказал, улыбаясь, Кугус. — Никто не сомневается, что Орис с Ильфом не поняли сути дела. Когда они вырастут…

— Когда они вырастут, — сказал Рикуэл, — у них будет возможность принять решение. — Он поморщился. — Давайте, господа, закончим эту дискуссию. Благодарим вас, мистер Тироко, за ваше предложение. Оно отвергнуто.

Мистер Тироко насупился и поджал губы.

— Не спешите, мистер Чолм, — сказал он. — Я уже говорил, что никогда не ошибаюсь в делах. Несколько минут назад вы предложили мне обратиться к другим фермерам и сказали, что мне с ними будет не легче.

— Да, — согласился Рикуэл.

— Так вот, — продолжал мистер Тироко. — Я уже вступил в контакт с некоторыми из них. Не лично, разумеется, так как опасался, что мои конкуренты пронюхают о моем интересе к алмазным деревьям. И вы оказались правы: мое предложение было отвергнуто. Я пришел к выводу, что фермеры настолько связаны друг с другом соглашениями, что им трудно принять мое предложение, даже если они захотят.

Рикуэл кивнул и улыбнулся:

— Мы понимали, что соблазн продать ферму

может оказаться велик, — сказал он. — И мы сделали так, что поддаться этому соблазну стало почти невозможно.

— Отлично, — продолжал мистер Тироко. — От меня так легко не отделаешься. Я убедился в том, что вы и миссис Чолм связаны с прочими фермерами планеты соглашением, по которому не можете первыми продать рощу, передать кому-нибудь право рубки или превысить квоту вырубки. Но вы не являетесь настоящими владельцами фермы. Ею владеют эти дети.

Рикуэл нахмурился:

— А какая разница? — спросил он. — Ильф — наш внук. Орис также наша родственница, и мы ее удочерили.

Мистер Тироко почесал подбородок.

— Мистер Блиман, — сказал он. — Будьте любезны объяснить этим людям ситуацию.

Мистер Блиман откашлялся. Это был высокий худой человек с яростными черными глазами, похожий на хищную птицу.

— Мистер и миссис Чолм, — начал он. — Я — специалист по опекунским делам и являюсь чиновником федерального правительства. Несколько месяцев назад мистер Кугус Овин подал заявление насчет удочерения своей племянни-

цы Орис Лутил, гражданки планеты Рейк. По ходатайству мистера Кугуса Овина я провел необходимое расследование и могу вас заверить, что вы не оформляли официально удочерение Орис.

— Что? — Рикуэл вскочил на ноги. — Что это значит? Что еще за трюк? — Лицо его побелело.

На несколько секунд Ильф упустил из виду мистера Тироко, потому что дядя Кугус вдруг оказался перед скамейкой, на которой сидели Ильф и Орис. Но когда он снова увидел мистера Тироко, то чуть не умер со страха. В руке у мистера Тироко сверкал большой, отливающий серебром и синью пистолет, и ствол его был направлен на Рикуэла Чолма.

— Мистер Чолм, — произнес мистер Тироко. — Прежде чем мистер Блиман кончит свои объяснения, хочу вас предупредить: я не собираюсь вас убивать. Пистолет не на это рассчитан. Но если я нажму курок, вы почувствуете страшную боль. Вы — пожилой человек и, может быть, не переживете этой боли… Кугус, следи за детьми. Мистер Блиман, давайте я сначала поговорю с мистером Хетом.

Он поднес к лицу левую руку, и Ильф увидел, что к ней прикреплена рация.

— Хет, — сказал мистер Тироко, прямо в рацию,

не спуская глаз с Рикуэла Чолма. — Полагаю, тебе известно, что дети находятся в доме?

Рация что-то пробормотала и смолкла.

— Сообщи мне, если увидишь, что кто-нибудь приближается, — сказал мистер Тироко. — Продолжайте, мистер Блиман.

— Мистер Кугус Овин, — произнес Блиман, — официально признан опекуном своей племянницы Орис Лутил. Ввиду того, что Орис еще не достигла возраста, в котором требуется согласие на опеку, дело считается оконченным.

— А это значит, — сказал мистер Тироко, — что Кугус может действовать от имени Орис в сделках по продаже деревьев на ферме. И если вы, мистер Чолм, намереваетесь возбудить против нас дело — лучше забудьте об этом. Может, в банковском сейфе и лежали какие-то документы, доказывавшие, что девочка была вами удочерена. Можете не сомневаться, что эти документы уже уничтожены. А теперь мистер Блиман безболезненно усыпит вас на несколько часов, которые понадобятся для вашей эвакуации с планеты. Вы обо всем забудете, а через несколько месяцев никому и дела не будет до того, что здесь произошло. И не думайте, что я жестокий человек. Я не жесток. Я просто принимаю меры, чтобы добиться цели.

Мистер Блиман, пожалуйста!

Ильфа охватил ужас. Дядя Кугус держал Орис и Ильфа за руки, ободряюще им улыбался. Ильф бросил взгляд на Орис. Она была такой же бледной, как дедушка с бабушкой, но не пыталась вырваться. Поэтому Ильф тоже не стал сопротивляться. Мистер Блиман поднялся, еще больше, чем прежде, похожий на хищную птицу и подкрался к Рикуэлу Чолму. В руке у него поблескивало что-то похожее на пистолет. Ильф зажмурился. Наступила тишина. Потом мистер Тироко сказал:

— Подхватите его, а то он упадет с кресла. Миссис Чолм, расслабьтесь…

Снова наступила тишина. И тут рядом с Ильфом послышался голос Орис. Не обычный голос, а скороговорка в двадцать раз быстрее, словно Орис куда-то спешила. Вдруг голос умолк.

— Чтотакое? Чтотакое? — спросил пораженный мистер Тироко.

Ильф широко открыл глаза, увидев, как что-то с пронзительным криком влетело в комнату. Два передразника метались по комнате, — коричневые неуловимые комочки — и вопили на разные голоса. Мистер Тироко громко вскрикнул и вскочил со стула, размахивая пистолетом.

Что-то, похожее на большого паука, взбежало по спине мистера Блимана, и он с воплем отпрянул от лежащей в кресле бабушки. Что-то вцепилось в шею дяде Кугусу. Он отпустил Орис и Ильфа и выхватил свой пистолет.

— Шире луч! — взревел мистер Тироко. Его пистолет часто и гулко бухал. Внезапно темная тень метнулась к его ногам. Дядя Кугус выругался, прицелился в тень и выстрелил.

— Бежим, — прошептала Орис, схватив Ильфа за руку. Они спрыгнули со скамьи и кинулись к двери.

* * *

— Хет! — несся вдогонку им голос мистера Тироко. — Поднимись в воздух и отыщи детей! Они пытаются скрыться. Если увидишь, что они пересекают дорогу, вышиби из них дух. Кугус, догоняй! Они могут спрятаться в доме.

Тут он снова взвыл от ярости, и его пистолет заработал. Передразники были слишком малы, чтобы причинить серьезный вред, но они, наверно, пустили в ход свои острые зубы.

— Сюда, — шепнула Орис, открывая дверь. Ильф юркнул за ней в комнату, и она тихо прикрыла за ним дверь. Ильф глядел на сестру, и

сердце его бешено колотилось.

Орис кивнула на зарешеченное окно.

— Беги и прячься в роще. Я за тобой.

— Орис! Ильф! — масленым голосом кричал в холле дядя Кугус. — Погодите, не бойтесь! Где вы?

Ильф, заслышав торопливые шаги Кугуса, быстро пролез между деревянными планками и упал на траву. Но тут же вскочил и бросился к кустам. Он слышал, как Орис пронзительно крикнула что-то передразникам, посмотрел назад и увидел, что Орис тоже бежит к кустам. Дядя Кугус выглянул из-за решетки, целясь в Орис из пистолета. Раздался выстрел. Орис метнулась в сторону и исчезла в чаще. Ильф решил, что дядя Кугус промахнулся.

— Они убежали из дома! — крикнул дядя Кугус. Он старался протиснуться сквозь прутья решетки.

Мистер Тироко и мистер Блиман тоже кричали что-то. Дядя Кугус обернулся и исчез.

— Орис! — крикнул Ильф дрожащим голосом.

— Ильф, беги и прячься! — Голос Орис доносился справа, из глубины рощи.

Ильф побежал по тропинке, что вела к лежбищу Сэма, бросая взгляды на клочки голубого неба

между вершинами деревьев. Аэрокара не было видно. Хет, наверно, кружит над рощей, ожидая, пока остальные выгонят детей на открытое место, чтобы их поймать. Но ведь можно спрятаться под панцирем Сэма, и он переправит их через дорогу.

— Орис, где ты? — крикнул Ильф. Голос Орис донесся издалека. Он был ясен и спокоен.

— Ильф, беги и прячься.

Ильф оглянулся. Орис нигде не было видно, зато в нескольких шагах сзади по тропе бежали оба передразника. Они обогнали Ильфа и исчезли за поворотом. Преследователи уговаривали его и Орис вернуться. Голоса их приближались.

Ильф добежал до лежбища Сэма. Сэм лежал там неподвижно, его выпуклая спина была похожа на огромный, обросший лишайниками валун. Ильф схватил камень и постучал им по панцирю.

— Проснись, — умолял он. — Проснись, Сэм!

Сэм не шевельнулся. Преследователи приближались. Ильф никак не мог решить, что делать дальше.

— Спрячься от них, — внезапно послышался голос Орис.

— Девчонка где-то здесь! — тут же раздался голос мистера Тироко. — Хватай ее, Блиман!

— Орис, осторожнее! — крикнул испуганный Ильф.

— Ага, мальчишка тоже там. Сюда, Хет! — торжествующе вопил мистер Тироко. — Снижайся, помоги нам их схватить. Мы их засекли…

Ильф упал на четвереньки, быстро пополз в гущу кустарника с голубыми цветами и замер, распластавшись на траве. Он слышал, как мистер Тироко ломится сквозь кусты, а мистер Блиман орет: «Скорее, Хет, скорее!»

И тут до Ильфа донесся еще один знакомый звук. Это было глухое гудение Зеленой паутины. Гудение заполнило всю рощу. Так паутина иногда заманивала птичьи стаи. Казалось, что гудение струится с деревьев и поднимается с земли.

Ильф тряхнул головой, чтобы сбросить оцепенение. Гудение стихло и тут же вновь усилилось. Ильфу показалось, что с другой стороны кустов он слышит собственный голос: «Орис, где ты?» Мистер Тироко кинулся в том направлении, крича что-то мистеру Блиману и Кугусу. Ильф отполз назад, выскочил из зарослей, поднялся во весь рост и обернулся.

И замер. Широкая полоса земли шевелилась, раскачивалась, словно варево в котле.

* * *

Мистер Тироко, запыхавшись, подбежал к лежбищу Сэма. Лицо его побагровело, пистолет поблескивал в руке. Он тряс головой, пытаясь отделаться от гудения. Перед ним был огромный, обросший лишайниками валун, и никаких следов Ильфа.

Вдруг что-то шевельнулось в кустах по ту сторону валуна.

— Орис! — послышался испуганный голос Ильфа. Мистер Тироко побежал вокруг валуна, целясь на бегу из пистолета. Неожиданно гудение перешло в рев. Две огромных, серых, трехпалых лапы высунулись из-под валуна и схватили мистера Тироко.

— Ох! — вскрикнул он и выронил пистолет. Лапы сжали его, раз, два. Сэм распахнул рот, захлопнул его и проглотил жертву. Голова его вновь спряталась под панцирь, и он опять заснул.

Рев Зеленой паутины заполнил всю рощу, словно тысяча арф исполняла одновременно быструю, прерывистую мелодию. Человеческие голоса метались, визжали, стонали, тонули в гуле. Ильф стоял возле круга шевелящейся земли, рядом с голубым кустарником, одурев от шума,

и вспоминал. Он слышал, как мистер Тироко приказал мистеру Блиману ловить Орис, как мистер Блиман уговаривал Хета поторопиться. Он слышал собственный вопль, обращенный к Орис, и торжествующий крик мистера Тироко: «Сюда! Мальчишка тоже там!»

Дядя Кугус выскочил из кустов. Глаза его сверкали, рот был растянут в усмешке. Он увидел Ильфа и с криком бросился к нему. Ильф заметил его и остановился как вкопанный. Дядя Кугус сделал четыре шага по «живой» земле и провалился по щиколотку, потом по колени. Вдруг бурая земля брызнула во все стороны, и он ухнул вниз, будто в воду и, не переставая улыбаться, исчез. Где-то вдали мистер Тироко кричал: «Сюда!», а мистер Блиман все торопил Хета. Но вот возле пня дедушки росянки раздался громкий чавкающий звук. Кусты вокруг затряслись. Но через секунду все стихло. Затем гудение Зеленой паутины сменилось пронзительным воплем и оборвалось. Так всегда бывало, когда Зеленой паутине попадалась крупная добыча…

Ильф, весь дрожа, вышел на поляну к лежбищу Сэма. В голове его гудело от воя Зеленой паутины, хотя в роще уже стояла тишина. Ни один голос не нарушал безмолвия. Сэм спал в своем лежбище.

Что-то блеснуло в траве у его края. Ильф подошел поближе, заглянул внутрь и прошептал:

— Сэм, вряд ли нужно было…

Сэм не пошевелился. Ильф подобрал серебряный с синью пистолет мистера Тироко и отправился искать Орис. Он нашел ее на краю рощи. Орис рассматривала аэрокар Хета. Аэрокар лежал на боку, на треть погрузившись в землю. Вокруг него суетилась огромная армия чистильщиков, какой Ильфу еще не приходилось видеть.

Орис с Ильфом подошли к краю дороги и смотрели, как аэрокар, вздрагивая и переворачиваясь, погружается в землю. Ильф вспомнил о пистолете, который он все еще держал в руках, и бросил его на землю возле машины. Пистолет тут же засосало. Перекати-поле выкатились из леса и ждали, столпившись возле круга. В последний раз дернувшись, аэрокар пропал из виду. Участок земли стал разравниваться. Перекати-поле заняли его и принялись укореняться.

Послышался тихий посвист, и из Королевской рощи вылетел саженец алмазного дерева, вонзился в центр круга, в котором исчез аэрокар, затрепетал и выпрямился. Перекати-поле уважительно расступились, освобождая ему место. Саженец вздрогнул и распустил первые пять

серебристо-зеленых листьев. И замер.

Ильф обернулся к Орис:

— Орис, — сказал он. — Может, нам не следовало этого делать?

Орис ответила не сразу.

— Никто ничего не делал, — ответила она наконец. — Все сами уехали обратно…

Она взяла Ильфа за руку.

— Пошли домой, подождем, пока Рикуэл и Мелди проснутся.

Алмазный лес вновь успокоился. Спокойствие достигло его нервного центра в Королевской роще, который опять расслабился. Кризис миновал — возможно, последний из непредусмотренных людьми, прилетевшими на планету Урак.

Единственной защитой от человека был сам человек. И, осознав это, алмазный лес выработал свою линию поведения. В мире, принадлежащем теперь человеку, он принял человека, включил его в свой экологический цикл, приведя его к новому, оптимальному балансу.

И вот пронесся последний шквал — опасное нападение опасных людей. Но опасность миновала и вскоре станет далеким воспоминанием…

Все было верно предусмотрено, думал, погружаясь в дрему, нервный центр. И раз уж сегодня

больше не нужно думать, можно и погрузиться в дрему…

И Сэм блаженно заснул.

Прекрасный повод поорать от ужаса

(рассказ)

Как только начался «вход» по системе Марсара, у ведущего программы новостей Кита Дебола появилось стойкое ощущение, то эта командировка ему вовсе не в кайф. Отчасти это могло быть проявлением осадка, которое оставляла в душе всепоглощающая чернота, мгновенно окутавшая псевдопространственный корабль. Он знал, что огни в салоне вокруг него были зажжены. Тем не менее, нигде не было заметно ни единого, даже самого маленького огонька — даже на консоли управления Фернея, которая была расположена прямо перед глазами. Это была самая безжизненная чернота из всех, с какими ему приходилось сталкиваться… Такого рода чернота, должно быть, находилась за пределами расширяющейся Вселенной. Внезапно на ум пришла мысль, что, если бы ему пришлось остаться в этой черноте продолжительное время, она бы высосала из него абсолютно все, оставив в этом кресле пустую

раковину, такую же неживую, как она сама.

Слава Всевышнему, что экспедиция не обещала быть слишком продолжительной. Чиновники из Военно-Космического ведомства, с которыми Кит Дебол разговаривал вчера на брифинге, без сомнения, умышленно подчеркнули мрачные аспекты Пространства-Три. Кит знал, что является нежелательным гостем на юрту, да он и не рассчитывал на большее. Потребовались неимоверные интриги и закулисные игры, проведенные Системой Обозревательных Новостей Эдэси, чтобы добиться назначения своего представителя на один из четырнадцати кораблей псевдопространства, причем это произошло только непосредственно перед отлетом. Военные хотели получить больше денег на реализацию «вероятно дорогих проектов, связанных с исследованием Пространства-Три. В конце концов, их убедил аргумент, согласно которому лучшим способом заполучить всеобщую финансовую поддержку стала бы организация восторженного, из первых рук, телерепортажа об одной из вылазок в псевдопространство, который провел бы популярный ведущий. А в Федерации на тот момент просто не было ведущего, популярнее, чем Кит Дебол. Но людям, с которыми ему фактически

предстояло находиться на борту, не были в восторге от этой затеи. Особенно им не нравилось, что Кит участвовал в процедуре «входа» лишь в качестве бесплатного приложения, поскольку не принимал участия в его обеспечении. И как на многих других людей, которые имели с ним дело, на них он, вероятно, не производил должного впечатления. Кит был худощав, ниже среднего роста, и, хотя все еще выглядел моложавым, уже щеголял — вследствие хорошего питания — маленьким округлым брюшком. Особенно раздражало военных то обстоятельство, что он не соизволил сделать хоть какие-то заметки о сведениях, которыми они усиленно снабжали его для телерепортажа. Им было невдомек, что Кит никогда в жизни не делал записей, потому что у него была феноменальная память.

В правой ладони возникло короткое, острое покалывание — поступил условный код от Фернея, приданного ему технического специалиста, сигнализирующий о том, что телепередача, транслируемая в нормальное пространство особыми военными передатчиками, началась. Кит начал говорить…

Как обычно, он не обращал особого внимания на то, что говорил. В этом не было необходимо-

сти. Относящийся к делу материал хранился у него в мозгу, уже оформленный в определенное количество готовых блоков. По мере надобности они выскакивали наружу в той или иной последовательности, всегда согласованные, выразительные и складные. Как выяснилось, начал он с заявления, что это еще одна веха в истории теленовостей, первый прямой репортаж из псевдопространства или Пространства-Три. В эти мгновения корабли осуществляли переход в область совершенно нового вида энергетических полей. Пространство в этой сфере, по всей видимости, существовало только как удобное условное понятие или как воображаемая среда, фиксируемая только записывающей аппаратурой. Открытие псевдопространства пять лет назад явилось торжеством человеческого разума. Его существование было теоретически доказано военно-космическими математиками, а с помощью вычислений, произведенных ими на суперкомпьютерах, были разработаны и средства вступления с ним в непосредственный контакт. Только для того чтобы обеспечить понимание проблем, связанных с дальнейшим исследованием этого судьбоносного пласта Вселенной, были разработаны две новых всеобъемлющих матема-

тических модели.

Кит обратился к технической стороне вопроса. Военный корабль с исследователями на борту пробудет в псевдопространстве без нескольких минут час. Помимо обычных моторов, он был оснащен двигателем, который обеспечивал попадание в псевдопространство. Двигатель отключат, как только вход в Пространство-Три будет завершен, и снова включат за десять минут до запланированного возвращения. Это объяснялось тем, что получение требуемой для выхода мощности занимало пять минут. Пока корабль без серьезных для экипажа последствий мог находиться в псевдопространстве не более часа.

Двигатель для входа следовало отключить по одной любопытной причине. Хотя перемещаться внутри Пространства-Три было невозможно, перемещение корабля относительно прежнего его местонахождения в обычном пространстве или субпространстве за время его пребывания в Пространстве-Три было очень даже ощутимым. К этому приводило любое использование энергии кораблем, зашедшим в Псевдопространство. В результате он всегда «выныривал» обратно в обычное пространство в точке, удаленной от точки вхождения в псевдопространство. Причем

это расстояние значительно превышало то, которое он покрыл бы в обычном пространстве за то же время при включенных на полную мощность двигателях. Потенциальное значение этого явления для путешествия в пространстве было очевидным. Однако в настоящее время не существовало четкой корреляции между энергией, затраченной кораблем, и пройденным им расстоянием. К тому же, и направление, в котором он двигался, было непредсказуемым. Большая часть многочисленных исследований, запланированных для сегодняшнего часового «входа», была задумана именно для того, чтобы добыть дополнительные сведения по этим аспектам путешествия в псевдопространстве.

Эксперимент начался в окрестностях планеты Орадо. Руководители экспедиции намеревались в его ходе высвободить исключительное количество энергии, ибо военные милостиво разрешили продемонстрировать миллиардам зрителей Эдэси некоторые интересные свойства псевдопространства. Поэтому исследователи достоверно знали только то, что, когда они снова «вынырнут», то окажутся где-то в пределах космических границ Федерации. Точное местоположение будет установлено исключительно

после «возвращения».

Кит Дебол дошел до этого пункта в тот самый момент, когда вход по Марсару завершился, и на корабле вновь вспыхнуло освещение. У него не было в мыслях поступать именно так. Но ему было сказано, сколько продлится «вход», и материал, сложившийся у него в голове, сам собой пересортировывался таким образом, что в нужный момент устранились всякие предварительные объяснения.

Он без остановки перешел к следующей части своего репортажа. Через секунду включится изображение. Его с Фернеем снабдили меньшим по размерам дубликатом основного экрана, который был установлен в дальнем конце салона. Зрители Эдэси получат первое, запущенное в прямой эфир, изображение непространственного энергетического поля. Они будут наблюдать нечто такое, чего никогда не видел человеческий глаз, или, точнее, не мог видеть до той самой поры, пока всепобеждающий разум Человека, его решимость и мужество сумели отыскать-таки способ исследовать Пространство-Три, — возможно для того, чтобы использовать его в будущем.

Иллюзорная среда третьего Пространства возникла нежданно-негаданно. Киту показалось,

что его желудок дважды перевернулся. У него возникло ощущение, что его тело раздирается на части — безболезненно, но неумолимо. Он продолжал говорить, но не имел ни малейшего представления, о чем. Среда была ярко-розовой и белой и производила впечатление обширной, но неустойчивой бездны. Цветовые узоры медленно сменяли друг друга. Нечто, подобное призрачной дымке, проплыло справа налево, — как показалось Киту, где-то вдалеке — точь-в-точь облака плывут по летнему небу. Разумеется, здесь понятия «далеко» и «близко» не имели буквального значения.

Дай слово «холодно», напомнил телезрителям его голос, в третьем Пространстве также утратило привычное значение. Термин «холод» выпадал из любого устоявшегося его понимания. Он означал не просто полное отсутствие тепла, но холод по восходящей шкале; холод холоднее самого сильного холода, если так можно выразиться. В третьем Пространстве это явление больше всего остального грозило жизни человека, оно было тем фактором риска, который сделал бы проникновение в псевдопространство невозможным, если бы о его существовании было известно заранее. К счастью, условием проникновения человека

в это пространство явилось великое открытие Марсарова поля, которое, как вскоре выяснилось, защищало и от чудовищного холода.

Кит решил, что вся эта Моментальная Вселенная медленно скручивалась сразу в двух направлениях! Не только Пространство-Три на экране, но и псевдопространственный корабль; и он сам, и Ферней, сидящий рядом. Воочию он не наблюдал ничего такого, что подтвердило бы правоту подобного вывода, однако у него возникла твердая уверенность в этом, и осознание данного факта было чрезвычайно неприятным. Он услышал, как громко сглотнул Ферней — в этом звуке не было ничего страшного: фильтры все равно уловят и отсеют любые посторонние шумы, — и пожалел, что час назад слишком плотно позавтракал…

— Энергетическое поле Марсара, — продолжал плавно озвучивать технологию «входа» его голос, — как бы обволакивает снаружи коробкообразный корпус псевдопространственного корабля…

А еще Кит поведал зрителям о том, что салон, расположенный в центре корабля, где телевизионщики находились в настоящий момент, представлял собой еще одну коробку, внутрен-

нюю, отделенную от прочих отсеков корабля гравитационными «давилками». Другими словами, салон висел как бы в воздухе, свободно плавая внутри корабля, и тоже был покрыт М-полем.

Такая конструкция была вызвана необходимой предосторожностью, потому что во время «входа» только Марсарово поле находилось между людьми и невероятным холодом Третьего Пространства. А сейчас будет показано со всей наглядностью, что этот сверххолод способен сотворить с предметом из обыкновенного пространства, который лишен защиты М-поля.

* * *

Кит поднялся на ноги, не переставая говорить, и направился по проходу между креслами в сторону примыкающего к салону отдельного помещения. Он не беспокоился, что окажется вне пределов досягаемости транслирующей аппаратуры. Эта была уже головная боль оператора — сопровождать своего ведущего повсюду на корабле, а Ферней о своих должностных обязанностях не забывал никогда. Кит остановился у второго экрана, за которым сидели два военспеца. Выжидательное выражение, появившееся у них на лицах при приближении штатского,

подсказало ему, что они надеялись увидеть наглядные признаки того, что Пространство-Три прополоскало мозги нежеланному гостю, как, впрочем, и остальным обитателям салона. Поэтому, не прерывая свободно текущей речи, он одарил их знаменитой белозубой улыбкой Кита Дебола типа «очарование под N 5». Военспецы разочарованно уткнулись обратно в свои клавиатуры и переключатели.

— А вот и два господина, которых отобрали для исполнения показатель... — Кит привел полные имена обоих, от чего тех передернуло, и продолжил репортаж, комментируя каждое их движение. Он ни разу не запнулся, ни разу не впал в замешательство. Он получал истинное удовольствие оттого, что блестяще владеет ситуацией, которая, кстати, включала в себя и непрестанное ощущение внутреннего и внешнего дискомфорта исследователей.

Псевдопространственный корабль захватил с собой в Пространство-Три еще одно судно. Это был приземистый, старомодный осадный шлюп. Длиной он не превышал эскадренный миноносец, но зато был обшит броней из самого прочного из всех известных на сегодняшний день технологичного материала. Он был спро-

ектирован так, что мог продвигаться вперед, невзирая на огонь тяжелых орудий, базирующихся на поверхности планет, и при этом не терял боеспособности. Будучи беспилотным, поскольку им собирались пожертвовать ради телезрителей Эдэси, он надвигался на экране на зрителя, постепенно увеличиваясь в размерах. Кит объяснил, что оба корабля находились в движении как по отношению к обыкновенному пространству, так и относительно друг друга. Осадный шлюп перемещался только потому, что его Марсарово поле и «входной» двигатель, которым он был оснащен, продолжал расходовать энергию. Псевдопространственный корабль тоже находился в движении, так как помимо этого использовал свои стандартные моторы для дополнительного маневра, производимого с целью подобраться ближе к намеченной жертве. Но не слишком близко, так как любой контакт с посторонним твердым телом способен разрушить Марсарово поле…

На экране было видно, как между кораблями, примерно посредине, появилось два устройства. Кит плавно перешел к их описанию и для пущего эффекта намеренно ускорил темп своего рассказа. Эти устройства представляли собой телеуправля-

емые метательные орудия, в каждом из которых пусковое поле несло одиночный заряд в виде десятисантиметрового ядра. Разумеется, и ядра, и сами орудия защищены эффектом Марсара…

— А теперь, — объявил он с нарастающим волнением в голосе, — одно из орудий развернулось и нацелилось на обреченный осадный шлюп — и вот ядро запущено!

Возник крупный план стального шара, который, казалось, неподвижно висел на бело-розовом фоне смерзшегося псевдопространства. Затем в кадре появился бронированный бок осадного шлюпа, идущего на сближение с ядром. Метательный снаряд ударил в борт и прилип к нему.

Крупный план сменился предыдущим кадром, в котором вдобавок возникло наложенное на общую картину изображение прозрачных часов. Огромный циферблат с бегущей по нему секундной стрелкой был разделен на десять секторов. Когда стрелка соприкоснулась с десятой отметкой, циферблат улетучился; развернулось следующее метательное орудие, и было запущено второе ядро. Кит резко оборвал свой монолог.

На этот раз крупный план отсутствовал. Прошла секунда, — и осадный шлюп разлетелся вдребезги.

Как ни странно, этот процесс отнюдь не носил бурного, взрывного характера. Напротив, он протекал с какой-то пугающей неторопливостью. Сначала по массивному бронированному корпусу зазмеились мелкие трещины, потом они стали углубляться и расширяться, сливаясь друг с другом. Еще через какое-то время обреченное судно стало разваливаться на куски. Каждый кусок, отделившись от остальных, раскалывался на более мелкие, те, в свою очередь, — еще на более мелкие… На один миг среди этого хаоса показался «входной» двигатель, защищенный собственными Марсаровым и «давильными» полями. Затем он пропал, устремившись в обыкновенное пространство. Кит почувствовал укол досады. Военные сумели настоять-таки на сохранении двигателя. Благополучное возвращение в целости и сохранности пусть даже одной-единственной детали наносило непоправимый ущерб общему впечатлению.

В остальном же картина всеобщего разрушения была полной. Обломки боевой брони, способные выдержать бомбардировку сверхлучами, продолжали распадаться на осколки, а те — рассыпались в прах. Голос Кита выверенно аккомпанировал катастрофе, постигшей осадный шлюп. В течение

нескольких мгновений можно было рассмотреть мерцающий туман, до сих пор сохраняющий контуры корабля, но вскоре Пространство-Три полностью очистилось. Возможно, ни один из миллиона зрителей Эдэси не заметил одновременного исчезновения метательных орудий, на заднем плане расстрелянных с псевдопространственного корабля.

Все увиденное объясняло необходимость двойной защиты салона, продолжал просвещать зрителей Кит. Если, по какой-то причине, вдруг отказало бы внешнее Марсарово поле (а оно, как известно, иногда отказывало по необъяснимым причинам), то их корабль всего за секунды превратился бы в однородную массу хрупких замерзших частичек. Но салон остался бы нетронутым внутри своего автономного поля. И так как в нем расположен «входной» двигатель, он смог бы вернуть себя в обыкновенное пространство и спокойно поджидать подхода кораблей-спасателей.

Несмотря на столь основательные меры предосторожности, с одним псевдопространственным кораблем не так давно просто-напросто оборвалась связь — он так и сгинул во время «входа». Пространство-Три оставалось средой как неис-

черпаемых возможностей, так и неисчислимых опасностей, и до тех пор, пока…

* * *

Кит вновь оборвал себя на полуслове, прислушиваясь к эху собственного голоса. Объяснение было самое простое: он отрабатывал гонорар. Военное ведомство получало от него то, за что заплатило, предоставив площадку для деболовского репортажа. Сейчас он направлялся к аппаратной в дальнем конце салона. Там он представит публике нескольких ученых, поинтересуется у каждого его специализацией, потом переключится еще на несколько второстепенных показов… и, слава те, Господи, этот гнусный час подойдет к концу.

Внезапно в районе левого уха прозвучал резкий шепот:

— Кит! Быстро вернись на место!

Ну что там еще понадобилось Фернею?!

Кит повернулся и, не торопясь, отправился назад к технику-оператору, теряясь в догадках, что случилось. Он ловко отошел от темы предстоящих интервью, слегка изменив ракурс репортажа, чтобы потом исподволь, ненавязчиво подойти к тому, что привлекло внимание Фернея.

Какая бы причина ни вызвала этот перерыв, от нее невозможно было отмахнуться.

Когда он уселся в свое кресло перед экраном, послышался торопливый, но четкий голос Фернея:

— Вон та точка в правом верхнем углу! Она появилась буквально секунду назад и быстро растет.

Кит бросил взгляд на экран и сразу нашел точку. Пожалуй, это была даже не точка, а целое пятно — асимметричное и бесформенное, маленькое, темное на фоне сияющей белизны Пространства-Три… Оно постоянно меняло свои очертания и росло прямо на глазах. На мгновение его охватил приступ холодного бешенства. На вчерашнем брифинге никто и словом не обмолвился о том, что во время эксперимента может произойти нечто подобное. А теперь за считанные секунды он должен, видите ли, сообразить, как прокомментировать данное явление, да так, чтобы слова от зубов отскакивали! Но на то он и профессионал. Решение созрело мгновенно — Дебол нажал кнопку переговорного устройства в кармане. С его помощью он намеревался связаться с одним из наблюдателей, находившимся перед большим экраном. Этот человек должен был постоянно находиться под рукой, на случай, если Кит не сумеет

внятно объяснить происходящее на экране, — в конце концов телеведущий не обязан разбираться в пространственной физике! — тогда он был обязан быстро подключиться к репортажу.

Кит не думал, что ему придется воспользоваться этой кнопкой, а тем временем этот болван и не думал откликаться! Кит с яростью нажал на кнопку несколько раз подряд.

Чей-то громкий голос объявил:

— Аварийным постам! Повторяю: всем аварийным постам! К нам приближается неопознанный объект…

Кит перевел дух. Ага, значит, господа военные сами понятия не имели, что это такое! Новое явление в Пространстве-Три в самой середине программы новостей — да ведь это же настоящая сенсация, да еще КАКАЯ!

Он моментально подключился к ситуации и открыл улавливающие фильтры, из которых до этого доносились лишь неясные звуки. В эфир ушли все приказы, отдаваемые в салоне по переговорным устройствам, и отзывы на них, смешанные с его собственным голосом, который выделялся на их фоне, и вовсю распространялся на новую тему, свободно импровизируя комментариями…

С приглушенным ревом включились моторы для перемещения. Псевдопространственный корабль сместился в сторону от курса следования неведомого объекта, который направлялся прямо на них… и который тридцать секунд спустя вновь нацелился на корабль. А тот уже разогнался не на шутку.

— Они включили «входной» двигатель, — дрожащим от возбуждения голосом объявил Кит, чтобы зрители Эдэси по достоинству оценили драматизм ситуации. — Но не надо забывать, что двигателю потребуется, по крайней мере, пять минут, а это целых триста секунд, чтобы развить мощность, необходимую для возвращения в обыкновенное пространство.

Тем временем эта клякса, то бишь пятно, короче, неопознанный объект, который уже разросся на экране до десяти или даже двенадцати сантиметров в поперечнике, все время нахально ускользал из поля зрения по мере того, как корабль от него уворачивался. Объект все еще был нечетким… Предмет, находящийся от наблюдателя на расстоянии более двух километров (по меркам нормального пространства), было невозможно разглядеть в псевдопространстве как следует. Однако у Кита зародилось подозре-

ние, даже больше, чем подозрение, что по краям этой меняющей свою форму кляксы выделялись и гроздьями свисали вниз густые щупальца. Она определенно преследовала корабль…

Когда объект исчез с экрана, Ферней начал отчаянно тыкать всеми пальцами в кнопки, пытаясь переключиться на другой экран, где теперь можно было увидеть объект. В левом ухе Кита затренькал сигнал обратной связи с Эдэси, и ликующий голос зашептал:

— Потрясающе, Дебол! Просто грандиозно! Никто из нас в студии не представляет, как это тебе удалось, но, заклинаю, не упускай эту штуковину! Рейтинг передачи подскочил до максимальной отметки менее чем за полминуты, и не опускается! Впечатление такое, будто ты напуган до смерти!

Кит осознал, что он и в самом деле смертельно напуган. Как только колени оказывались рядом друг с другом, они начинали безудержно дрожать… Потом экран мигнул дважды, и на нем появилось псевдопространство несколько иного вида, чем прежде.

— МАМОЧКИ! — хрипло вырвалось у Фернея.

Преследующий их объект теперь находился позади корабля, на расстоянии ближе двух кило-

метров. Это можно было утверждать наверняка, потому что его можно было рассмотреть. Всего два километра, с ужасом повторил про себя Кит, и это притом, что корабль мчится с космической скоростью!

И тут в салоне наступила чернота.

* * *

Кит услышал рядом с собой глухой звук, протянул руку и нащупал Фернея, который всем телом навалился на панель управления. Кит не ведал, без сознания тот или нет, поэтому потряс оператора за плечо. Переговорное устройство все еще было заполнено многоголосицей, а его собственный голос автоматически продолжал:

— Мы приступили к Марсарову «выходу»! Кажется, мы успели, хотя нам оставалось до трагического исхода буквально считанные секунды! Что же это…

— Мистер Дебол, — сообщило ему переговорное устройство, — трансляция была прекращена двадцать секунд назад! Коммуникационная служба держит свободными все каналы связи до тех пор, пока мы не завершим выход в нормальное пространство и не определим координаты своего местонахождения.

Должно быть, двадцать секунд назад и начался «выход». Что ж, неплохо, мелькнула у Кита своевременная мысль, очень даже неплохо! У зрителей Эдэси наверняка отложатся в памяти последние кадры: внушающий мистический ужас любому человеку таинственный преследователь, неумолимо приближающийся к кораблю. А после этого томительные минуты гробового молчания — вплоть до того момента, когда будет подтверждено чудесное спасение корабля. Да ведь это могло стать телевизионным хитом месяца! Да что там месяца, бери выше — сезона, года, десятилетия! От такой перспективы у него даже голова закружилась.

— Выход завершен, — объявили по переговорному устройству. — Пожалуйста, оставайтесь на своих рабочих местах…

Зажегся свет. Некоторое время экран перед Китом оставался черным. Потом на нем что-то проблеснуло, — и Кит увидел облака и реки сияющих звезд.

Кто-то нервно захохотал и захлопал в ладоши. После этого примерно на полсекунды воцарилась гнетущая тишина… Потом кто-то другой хрипло заорал. Кит, как ошпаренный, вскочил с кресла и замер, как был: с согнутыми коленями, накло-

нившись вперед, выпучив глаза на экран.

Звезды с правой стороны были омрачены тьмой, которая неуклонно накатывалась на них… Вот она расширилась и заполнила вначале половину экрана, затем две трети. Теперь уже заголосили все, и в последний момент перед тем, как экран окончательно погас, Кит уловил нечто, напоминающее участок огромной, как бы резиновой, трубы, свисающей из космоса прямо на камеру.

Салон, казалось, стал поворачиваться вокруг своей оси. Палуба под ногами Кита встала на дыбы. Его резко бросило на Фернея. Чтобы не потерять равновесие, пришлось ухватиться за плечи техника.

— Отключить основную передачу! — проревело переговорное устройство. Не совсем, правда, уверенно.

Опять началось вращение, теперь уже в противоположную сторону. На мгновение снова появились звезды в углу экрана и лихо пронеслись по нему. У Кита создалось впечатление, что корабль несется по космосу, как бешеный. Палуба опять вздыбилась. Кита тряхнуло, швырнуло вперед, потом назад, опрокинуло и бросило на пол. Что-то твердое саданул сбоку по голове, и

самый популярный ведущий потерял сознание.

* * *

— Он уже приходит в себя, — раздался голос Фернея. — Эй, Кит, очнись!

Кит открыл глаза. Он полулежал в кресле перед экраном, свесив голову на грудь. Над ним склонились Ферней и еще какой-то мужчина. Кит судорожно вздернул вверх голову, чтобы посмотреть на экран. Экран пестрил звездами.

— Что случилось? — выдохнул он.

— Все в порядке, мистер Дебол. Опасность миновала, — заверил его незнакомец. Он был в рубашке защитного цвета, застегнутой до самого горла, и был занят тем, что закрывал плоский чемоданчик с медицинскими инструментами. — Что именно произошло, мы пока не знаем, но скоро все прояснится.

— Майор Роун, — донеслось из переговорного устройства, — вас просят немедленно явиться на Пост номер Три!

Человек улыбнулся Киту и сказал, обращаясь к Фернею:

— Теперь ваш босс будет в порядке.

Он подхватил чемоданчик и быстро удалился.

— Это доктор, — сказал Ферней. — Ты здорово

поранил голову, но ему удалось ее заштопать. — Ферней выглядел бледным и взволнованным. — Эта кошмарная штука, кажется, вернулась в Пространство-Три. В общем, ее больше нет. Я очнулся в тот самый момент, когда она забиралась на борт.

— Забиралась на борт! — безучастно повторил Кит. — Ты бредишь, Ферней. Эта штуковина была раз в сто крупнее нашего корабля! Я видел ее кусок крупным планом!

— Нет, что-то явно залезало к нам на борт, — упрямо заявил Ферней. — Спроси, кого хочешь. Вначале откуда-то раздался страшный грохот по интеркому. Потом кто-то заорал, что открываются корабельные люки. Все три.

— Они были открыты снаружи?

Ферней взглянул на него, как на придурка.

— Кит, честное слово, их никто не мог открыть изнутри! Потом некоторое время снова грохотало. Причем, в разных местах. Экипаж, понятное дело, пытался выяснить, что там происходит снаружи, но на экранах внешнего наблюдения была такая муть, что ничего нельзя было разобрать. — Ферней облизал губы. — Потом начал открываться люк в салон…

— С-сюда?

— Да, именно так, — сказал Ферней. — Оно проникло сюда.

— Что сюда проникло? — свирепо спросил Кит.

Техспец развел руками:

— Никому не удалось разглядеть эту тварь как следует, Кит! Воздух стал вроде сиропа — такой густой, что дышать невозможно, тем более смотреть сквозь него. Наверное, подобной же дрянью были загажены экраны внешнего наблюдения. Все это продолжалось не больше минуты. Потом воздух прояснился, и люк в салон захлопнулся. Примерно минуту спустя все экраны очистились, а три внешних люка разом закрылись. Никто ничего не видел. Сразу после этого все опять погрузилось в черноту.

— Ты имеешь в виду черноту при «входе» по системе Марсара?

Ферней кивнул.

— Да, мы снова зашли в Пространство-Три. Видимо, для этого оно сюда и полезло, — чтобы запустить «входной» двигатель. Но кто-то не потерял присутствия духа и развернул поле в обратную сторону, иначе мы не вернулись бы в обычное пространство. Эта тварь исчезла, а сейчас главная проблема, кажется, состоит в том, что наш космический двигатель почти выдохся. Мы

едва способны двигаться. Но радиопередатчики снова заработали…

— Они что же, молчали? — спросил Кит.

— Да, заглохли примерно в то же время, что и двигатели для перемещения, — объяснил Ферней. — Потом, как только «гость» ушел, они опять включились. Ребята-связисты уже подали сигнал о помощи. К нам спешит эскадрилья Космических Разведчиков. Сейчас она в четырех сутках пути отсюда…

— В четырех сутках пути?

— Ну да, мы ведь порядочно удалились от родного Ядра Звездного Скопления. Этой пятиминутной гонкой на полном газу, пока прогревался «выходной» двигатель, мы поставили мировой рекорд по части прыжков в Пространство-Три… Куда это ты собрался, а?

Кит, кряхтя, вылезал из кресла.

— А ты как думаешь? Наш репортаж еще не закончен. Сейчас пойду к начальству и не слезу с него, пока мне не расскажут все, что им известно. Потом скажу связистам, пусть освободят нам канал для возобновления трансляции. Ведь это же самая…

— Постой минуту, Кит! — Ферней выглядел обеспокоенным. — Не забывай, что это военный

корабль, и сейчас мы должны действовать в рамках регламента чрезвычайной ситуации. — Он кивнул на открытый люк салона поодаль от них. — Начальство занято кораблем, сейчас проверяют и перепроверяют все системы. Остальным приказано оставаться на своих рабочих местах. Вояки считают, что наше место здесь.

Кит недовольно хмыкнул, осмотрелся. На сиденье кресла, стоявшего в метре от него, валялась фуражка с высокой тульей, а через подлокотник был переброшен мундир со свешивающимся до пола золотым аксельбантом. Кит подошел к этому креслу, снова поглядел по сторонам, а потом напялил на себя и мундир, и фуражку.

— Это вещи доктора, — предупредил Ферней.

— От него не убудет. Сиди тут и не двигайся.

* * *

Кит шел по проходу между креслами, направляясь к раздатчику пищевого довольствия, который находился метрах в пяти от открытого люка. Присвоенные мундир и фуражка были ему явно велики, и время от времени он попадал под пристальные взгляды различных групп военных, торчавших в этом отсеке. Но все были слишком заняты обсуждением недавних событий, чтобы

отвлекаться на его персону. Он остановился у раздатчика, наугад нажал кнопку и получил тюбик витаминизированного желе. Полуобернувшись, он окинул взглядом из-под козырька часть отсека, находившуюся в его поле зрения, потом приблизился к люку и спокойно шагнул в него.

По другую сторону комингса никого не было видно. Кит свернул в проход, по которому его с Фернеем привели в салон чуть больше часа назад. В самом конце прохода находился главный входной люк, но отсюда его не было видно. Там наверняка что-нибудь подсказало бы ему, как попасть в машинное отделение. Раз у экипажа проблемы с двигателем, то именно там, скорей всего, находились старшие офицеры-исследователи.

В конце прохода он остановился, пораженный картиной, представившейся его взору. Весь тамбур почти целиком был заставлен совершенно незнакомыми ему предметами. Одна стена до самого потолка была завалена светлыми шестиугольными коробками, уложенными вплотную, как пчелиные соты. К ним были подведены жгуты какой-то проволоки, похожей на стальную. По прутьям медленно струились светящиеся пузырьки. Выходной люк загораживала огромная

масса шаров всех цветов радуги до полуметра в диаметре, которые, по всей видимости, были скреплены друг с другом. Самыми любопытными и таинственными среди всего этого добра были громоздившиеся сотнями вдоль левой стены… прозрачные пластмассовые блоки. В каждом из них сидело нечто среднее между длинношерстной обезьянкой хмурого вида и гусеницей.

Кит с открытым от удивления ртом некоторое время глазел на все это хозяйство. Потом подошел поближе и нерешительно потрогал пальцем один из шаров. Палец почувствовал тепло. Где-то около ста десяти градусов по Фаренгейту, решил Кит. Нахмурившись и бормоча себе под нос, он направился по другому проходу.

Пройдя мимо закрытой двери, он остановился в нерешительности, потом вернулся и повернул ручку. Пространство в помещении было так же, как и выходной тамбур, завалено всякой непонятной всячиной. Здесь находились прозрачные мешки, набитые чем-то вроде молочно-белых бриллиантов, и большие темно-красные цилиндры. Цилиндры тихонько постанывали. Кит закрыл дверь, открыл следующую, заглянул в нее и поспешно захлопнул. Покачивая головой, нервно что-то бормоча себе под нос, он напра-

вился дальше.

Через минуту-другую над открытым люком он заметил надпись: МАШИННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — ПЛОЩАДКА ДЛЯ ТЕХОСМОТРА. Кит зашел внутрь и очутился на верхнем ярусе машинного отделения, переплетенном, как паутиной, узенькими металлическими проходами и мостиками с перилами. Снизу раздавались голоса.

Он облокотился на перила одного из мостиков и всмотрелся вниз.

Полдюжины мужчин, двое из них в униформе, стояли у открытого люка, из которого вылезал еще один человек в униформе, офицер-инженер. Старшие офицеры корабля, и каждый из них, вспомнилось Киту, являлся также ведущим специалистом.

Федерации в области военно-прикладных наук. Они находились слишком далеко, чтобы он мог расслышать, о чем они говорили. А вот если удастся подобраться поближе незамеченным, он сможет получить информацию, которую эти ученые чины ни за какие деньги не предоставили бы для показа в телепередаче. Он отошел от перил, нашел лестницу у стены и спустился на нижнюю площадку.

Он стал пробираться среди гудящих машин

и механизмов в направлении доносившихся до него голосов. Вдруг громко лязгнула дверца закрываемого люка. Затем голоса стали доходить до него с другой стороны массивной стальной тумбы, вдоль которой он двигался. Кит быстро юркнул в неглубокую нишу у какой-то станины и замер, прижавшись к стене.

Люди вышли на пересечение проходов слева от Кита и там остановились. Он затаил дыхание. Если бы сейчас посмотрели в его сторону, он не остался бы незамеченным. Но все их внимание было сосредоточено на офицере-инженере и на том, что он говорил.

— Теперь все предельно ясно, — раздавался его голос. — Он вынул наши топливные аноды и заменил их своими…

Кит напряг слух. О чем это он? Мысли его забегали.

— Эти электроды, — продолжал тот же голос, — не только проводят, но и производят энергию. Оказывается, у них поистине чудовищная производительность. Но для наших приводов от этой энергии нет особого проку. Каким-то образом она почти вся рассеивается, отсекается и уходит куда-то в другое место. Этому явлению немедленного объяснения я не нахожу, но на настоящий

момент это не самая большая проблема. Мы просто отключим приводы, вытащим электроды и опять поставим свои. Через неделю мы уже будем в доке на космической станции. Если бы нам пришлось довольствоваться новой топливной начинкой, мы ползли бы к Ядру на собственной тяге лет шесть.

— В нормальном пространстве, — добавил другой специалист.

— Да, естественно. В псевдопространстве все было бы совсем по-другому.

Капитан корабля почесал в затылке:

— В псевдопространстве, если приведенные вами цифры по производительности верны, эти самые электроды могли бы вынести нас за пределы Галактики в считанные часы.

— В зависимости от выбранного нами курса, — согласился инженер.

Все помолчали, потом кто-то произнес:

— Когда мы маневрировали, чтобы лучше прицелиться в осадный шлюп, мы, вероятно, следовали одним из проложенных маршрутов или вблизи него. Это, а также малая скорость нашего движения, могло послужить ему сигналом…

— Видимо, этим все и объясняется, — сказал инженер. Потом он добавил: — Но вот что я никак

не возьму в толк: как нам удалось не лишиться нашей атмосферы за все время этой истории с проникновением на борт объекта? Ни у кого ведь не вызывает сомнений, что для этого существа наше присутствие на борту не имело никакого значения. Оно нас просто не принимало в расчет. Тем не менее, давление воздуха не упало ни на один миллиметр ртутного столба.

Еще один офицер сухо произнес:

— Но это уже не та атмосфера! Я обнаружил, что, согласно показаниям прибора, произошло значительное повышение содержания кислорода. По-моему, скоро выяснится, что некоторые из артефактов, которые он оставил на борту, — я подозреваю, это касается в первую очередь тех, что в тамбуре, — содержат жизнь в той или иной форме. И это жизнь, выделяющая кислород.

— Это могло бы стать для нас чрезвычайно удачным обстоятельством, — сказал капитан. — И… — он устремил взгляд в проход и, наконец, заметил Кита.

Возникла напряженная пауза.

— Та-ак, — произнес он вкрадчиво, — кажется, мы тут не одни! Господин из телевещательной корпорации решил составить нам компанию.

Все удивленно переглянулись.

— Мистер Дебол, — задумчиво продолжил капитан, — я так понимаю, вы нас подслушивали.

Кит прочистил горло.

— Да, — сказал он и снял фуражку военврача.

— Вы попали сюда по проходу от главного люка?

— Да.

Некоторое время все молчали. Наконец офицер-инженер произнес:

— На мой взгляд, ситуация вполне безобидная.

Он был явно польщен.

— А, по-моему, совсем наоборот, — заявил капитан, — самая что ни на есть боевая. — Он улыбнулся Киту. — Мистер Дебол, я приглашаю вас стать нашим союзником. Наблюдая за вами во время вчерашнего брифинга, я был поражен, насколько быстро вы схватываете суть дела. Без сомнения, вы уже поняли, какой комментарий следует дать всем этим необычным событиям.

— Да, я понял, — хрипло сказал Кит.

— Отлично. Нам были даны инструкции, согласно которым мы не должны вмешиваться — каким бы то ни было образом в вашу компетенцию. Но сейчас у меня появилось ощущение, что вам предстоит рассказать публике нечто такое, что вызовет огорчение в определенных

кругах. Эти люди влиятельны и настаивают на ограничении исследований в рамках проекта Пространство-Три и даже на их свертывании вследствие дороговизны проекта. Кроме того, их не устраивает отсутствие какой-либо информации и практической пользы, которую можно было бы извлечь из вышеупомянутых исследований.

— Я полагаю, теперь вы можете быть спокойны, поскольку вооружены против них всем необходимым, — сказал ему Кит.

Капитан усмехнулся:

— Тогда давайте вернемся в салон и возобновим ваш репортаж. Естественно, в рамках нашей с вами договоренности.

Они направились к выходу из машинного отделения. По дороге Кит мысленно отрабатывал словесный стиль, в котором он будет излагать миллионам заждавшихся зрителей Эдэси, как псевдопространственный корабль — одно из величайших достижений человечества — был остановлен, поглощен, подвергнут тщательному досмотру, заправлен топливом, загружен и отпущен чьей-то автоматической погрузочной станцией, обслуживающей межгалактические грузовые транспортеры-роботы.

Ветры времени
(рассказ)

Гефти Раммер шел по узкому проходу между командным отсеком и номерами люкс «Серебряной Королевы», стараясь придать своему изможденному лицу властно-самоуверенное выражение. Если бы оба его пассажира заподозрили, что за прошедшие несколько минут их пилот, и одновременно владелец фирмы «Раммер — Космические Путешествия», несколько раз был на грани нервного срыва, ни к чему хорошему это бы не привело.

Он открыл дверь в люкс мистера Молбоу и зашел туда. Мистер Молбоу лежал на спине на своей кушетке с закрытыми глазами. Он был бледен как смерть и не приходил в сознание: бедняга был сражен наповал, когда какие-то неведомые силы ни с того ни с сего принялись волтузить похожий на брюкву корпус «Серебряной Королевы». За всю восемнадцатилетнюю историю космических странствий «Королевы» никто так свирепо ее не колошматил. Рядом с кушеткой стояла на коленях Керри Руз, секретарша Молбоу,

и щупала у патрона пульс. Она озабоченно взглянула на Гефти.

— Что тебе удалось выяснить, капитан? — спросила она дрогнувшим голосом.

Гефти пожал плечами:

— Пока ничего определенного. Хорошо, хоть корабль цел. Бадья крепкая, ничего не скажешь… В других же отношениях… Гм… в общем, я напялил скафандр и выглянул из аварийного люка. Та же картина, что и на обзорных мониторах.

— Значит, ты не имеешь ни малейшего понятия ни о том, что с нами приключилось, ни о том, где мы находимся? — настойчиво продолжала расспрашивать мисс Руз.

Девушка отличалась невысоким ростом, прекрасными большими серыми глазами и густыми иссиня-черными волосами. Она была боса и щеголяла в ночном прикиде, который состоял из чего-то мягкого, обернутого вокруг стана и бюста, и мягких широких брюк. Ее волосы были растрепаны. Сейчас она выглядела лет на пятнадцать, не старше. Она спала в своем люксе, когда на «Королеву» что-то шлепнулось. Тогда у нее хватило здравого смысла не вылезать из окружающего койку поля безопасности до тех пор, пока корабль окончательно не перестанет содрогаться

и взбрыкивать. Таким образом, она оказалась единственной на борту, кто не собрал за время тряски солидную коллекцию синяков и ушибов. Разумеется, она была напугана, но держалась в этой нештатной ситуации молодцом.

Гефти осторожно произнес:

— Возможны разные варианты. Ясное дело, «Королеву» каким-то макаром вышибло из нормального пространства. Чтобы придумать, как вернуться обратно, потребуется некоторое время. Но главное, что корабль не поврежден. Так что пока все не так уж плохо.

Кое-как он убедил мисс Руз. А вот себя Гефти вряд ли успокоил. Он был квалифицированным пилотом нормального пространства и субпространства. Заключив небольшой договор с Военно-Космическими силами Федерации, он в течение последних восьми лет занимался в Ядре частным извозом на двух своих кораблях и нередко хаживал за пределы космических границ Звездного Скопления. Но он никогда не сталкивался ни с чем подобным. То, что он увидел на экранах мониторов, когда корабль более или менее обрел устойчивость, что позволило капитану оторваться от пола кабины управления, а через несколько минут с определенной прытью

вынырнуть из аварийного люка, не поддавалось никакому осмыслению, а, может, и не имело никакого смысла. Судя по показаниям приборов, за обшивкой «Королевы» находился вакуум, и стояла темень хоть глаз выколи. Правда, периодически вспыхивали какие-то огоньки. Их блеск длился не дольше мгновения, и они возникали то тут, то там, словно булавочные уколы. И еще одно явление поразило Гефти: нечто, отдаленно напоминающее гигантский взрыв. Внезапно окружающее пространство далеко впереди «Королевы» озарила ослепительная мертвенно-бледная вспышка, и некоторое мгновение можно было наблюдать, как она, казалось, стремительно движется навстречу. У Гефти создалось устойчивое впечатление, что сам звездолет, набирая скорость, с трудом вгрызается в эту жуткую среду. Однако капитан прекрасно помнил, что, когда он, пошатываясь, поднялся с пола и подошел к консоли управления, чтобы глянуть на монитор, то первым делом переключил двигатели на холостой ход. Так что это двигался свет, а не корабль.

Но такие подробности лучше было с пассажиркой не обсуждать. Керри Руз принялась бы высказывать собственные измышления по этому поводу, что внесло бы излишнюю нервозность.

Так что, чем меньше он ей скажет, тем лучше. Была еще проблема с приборами ориентации. Единственный вид аппаратуры, с которой Гефти мог в данный момент снять хоть какие-то показания, были датчики направления. И они показывали, что «Серебряная Королева» меняет курс двадцать раз в секунду или даже больше.

— Есть ли какие-то признаки того, что мистер Молбоу пришел в себя? — спросил Гефти.

Керри покачала головой:

— Дыхание и пульс, кажется, в норме, а шишка на голове тоже, по-моему, не внушает особых опасений. Но он совсем не шевелится. Чем мы еще, по-твоему, можем ему помочь, Гефти?

— Пока ничем, — сказал Гефти. — Я проверил, все кости у него целы. Посмотрим, как он себя будет чувствовать, когда кончится обморок.

Положа руку на сердце, Гефти недоумевал и по поводу самого мистера Молбоу, и по поводу того факта, что с самого начала чартерный рейс не заладился, и стало твориться что-то неладное. А вот Керри оказалась девушкой, приветливой и дружелюбной на удивление. Уже через день или два после начала путешествия они с Гефти перешли на «ты». Однако вслед за этим она, казалось, стала его избегать. Он подумал, что Молбоу

недоволен отношениями молодых людей друг к другу и сделал секретарше внушение, чтобы не очень-то якшалась с пилотом. Видимо, побаивался, что Керри выболтает его секреты.

Что же касается самого Молбоу, то это был самый молчаливый и замкнутый клиент, которого когда-либо обслуживала «Раммер — Космические Путешествия». Тощий белобрысый тип неопределенного возраста, с водянистыми глазами и резко очерченным ртом. Почему для путешествия к крохотной и безжизненной солнечной системе далеко за пределами цивилизации с целью любительских минералогических изысканий он решил выбрать такой громоздкий полугрузовик, как «Королева», Гефти с ним не обсуждал. Снедаемый подступающей нуждой Гефти придержал свое любопытство, соглашаясь на этот фрахт. Если Молбоу нужен только пилот, а все остальное он предпочитает делать сам, то, без сомнения, это его личное дело. А если он собирается сделать что-либо противозаконное, — хотя трудно было представить, что именно, — его прижмут к ногтю на таможне, когда они вернутся в Ядро Звездного Скопления.

Но теперь все это представлялось совсем в ином свете.

* * *

Гефти почесал в затылке и спросил, не глядя на собеседницу:

— Ты, случайно, не знаешь, где твой босс хранит ключи от бункера грузового отсека?

Керри, казалось, была шокирована этим вопросом.

— Зачем? Нет! Пока он без сознания, я не могу позволить тебе взять ключи, ни под каким видом! И тебе это отлично известно!

Гефти усмехнулся.

— Скажи, у тебя есть какие-нибудь соображения по поводу того, что он хранит в бункере?

У Керри вытянулось лицо.

— Меня нельзя об этом спрашивать… А в чем дело? Это не может иметь никакого отношения к тому, что произошло!

Пожалуй, подумал Гефти, он слишком успокоил ее.

— Как знать! — сказал он. — Я просто не хочу сидеть, сложа руки, и теряться в догадках до тех пор, пока Молбоу очухается. Пока мы не попадем обратно в нормальное пространство, надо цепляться за любую возможность, чтобы прояснить ситуацию. Потому что в случае повторения слу-

чившегося никто об этом нас не предупредит. Я доступно излагаю?

Керри, несомненно, было все понятно. Она побледнела и промолвила нерешительно:

— Ну, если вопрос стоит таким образом… В запечатанных ящиках, которые мистер Молбоу взял с собой из Ядра, хранится какая-то очень дорогостоящая аппаратура. Это все, что мне известно. Я никогда не совала нос в его дела, и мистер Молбоу это очень высоко ценил. И, разумеется, я ограничиваюсь кругом своих профессиональных секретарских обязанностей.

— Значит, ты не в курсе, что он притащил сюда с той луны несколько часов назад? Помнишь два здоровенных ящика, которые он тут же запер в бункере?

— Нет, конечно, Гефти. Понимаешь, он не говорил, с какой целью отправляется в эту поездку. Мне известно только то, что она имеет для него огромное значение.

Помолчав, Керри добавила:

— Судя по тому, как он осторожно орудовал выносным краном при погрузке этих ящиков, в них находится что-то довольно тяжелое. Во всяком случае, у меня создалось такое впечатление.

— Да, я тоже это заметил, — сказал Гефти, хотя

его наблюдательность мало чем могла помочь. — Послушай теперь, что я тебе скажу, — продолжал он. — Я вручил твоему шефу обе связки ключей от грузового бункера, потому что при подписании договора на грузоперевозку он на этом настаивал особо. Только я не сказал, что примерно за полчаса могу изготовить дубликат. Легко.

— О! И ты уже..?

— Нет еще. Но я намерен взглянуть, что прячет в бункере мистер Молбоу. Причем, независимо от того, согласен он на это или нет. Ты бы лучше оделась полностью, что ли, пока я переправлю твоего босса в аппаратную.

— Зачем? — спросила Керри, имея в виду, очевидно, перемещение мистера Молбоу, а не пожелание переодеться.

Капитан понял ее правильно.

— Аппаратная окружена защитным полем полностью. Сейчас оно включено. Если нас опять начнет бомбить, аппаратная станет самым безопасным местом на корабле. Я перенесу туда и его личные вещи, и ты сможешь поискать в них ключи. Может, ты найдешь их до того, как я сделаю новые. А может, он очнется и сам скажет, где находятся ключи.

Керри Руз с сомнением взглянула на своего

патрона и, кивнув, промолвила:

— Наверно, ты прав, Гефти.

Она поспешно вышла из комнаты, шлепая босыми ногами. Через несколько минут она, полностью одетая, явилась в аппаратную. Гефти стоял у настенного столика, на котором были разложены инструменты. Обернувшись к девушке, он сказал:

— Он не шевелился. Его чемоданы — вон там. Я их уже вскрыл.

Керри уставилась на экраны рядом с консолью управления, и ее охватила легкая дрожь.

— Я вот о чем думаю, — сказала она. — Существует ли так называемое Пространство-Три?

— Конечно, существует. Иначе оно называется псевдопространством. Но мы находимся не в нем. Существуют специальные военно-космические корыта, которые могут работать в этой среде, правда, не очень долго. А корабль вроде нашего… Ну, в общем, если бы нас вдруг занесло в Пространство-Три, то и ты, и я, и все, что здесь находится, уже давно превратилось бы в ледышки.

— Понятно, — сказала Керри, поежившись. Гефти слышал, как она подошла к чемоданам. Вскоре она спросила:

— Как выглядят ключи от бункера?

— Их невозможно не заметить, если, конечно, он их не упрятал как следует. У них длина больше пятнадцати сантиметров. Слушай, кто такой этот Молбоу? Он что, ученый?

— Я бы не сказала. Он никогда не отзывался о себе, как об ученом, а ведь я работаю у него уже полтора года. Мистер Молбоу — очень заботливый хозяин… один из самых чутких людей, кого я знаю, честное слово. С самого начала само собой подразумевалось, что я не буду расспрашивать его о бизнесе, кроме того, что мне необходимо знать по моей работе.

— Какое официальное название его бизнеса?

— «Молбоу Инжиниринг».

— Ну, это мне ни о чем не говорит, — отмахнулся Гефти. — А аппаратура, которую он взял с собой из Ядра… Он что, сам ее изготовил?

— Нет, но кое-что из нее спроектировал он сам. Может, даже, основную часть. Компаниям, которые занимались ее изготовлением, пришлось здорово повозиться, потому что мистер Молбоу требовал делать все строго по чертежам и технологиям, которые он им предоставил. Слушай, Гефти, в этих двух чемоданах нет ничего похожего на связку ключей.

— Вот что, — сказал Гефти, — если ты и в

остальных чемоданах не найдешь, то начинай простукивать днища и прощупывать стенки. Может, где-то есть потайные отделения.

— Я очень хотела бы, — замявшись, сказала Керри Руз, — чтобы мистер Молбоу пришел в сознание. Ведь это так… так низко проделывать подобные вещи у него за спиной!

Гефти не смог сдержать усмешки. Теперь он не был уверен в своем желании видеть таинственного клиента пришедшим в себя до того, как будет проверено содержимое грузового бункера «Королевы».

* * *

Четверть часа спустя Гефти Раммер спускался на грузовую площадку, расположенную в расширенной корме «Королевы». В кармане у него позвякивала связка новеньких ключей от бункера. Керри осталась со своим работодателем, кожа которого приобретала здоровый оттенок. Но он до сих пор не размыкал век. Старых ключей Керри так и не нашла. Гефти сомневался в ее усердии. Хотя сейчас она, вроде, осознала всю серьезность ситуации. Впрочем, преданность патрону вполне могла оказаться сильнее, чем это осознание. Тем более что в этом случае она чувствовала бы себя

более комфортно.

Как только Гефти свернул в широкий коридор, ведущий от грузового люка к бункеру, там автоматически включился свет. Шаги гулко отдавались от стальных переборок. На секунду капитан остановился перед большими раздвижными дверями бункера, прислушиваясь к ворчанию работающих на холостом ходу двигателей «Королевы», доносящемуся из соседнего отсека. Знакомый звук несколько успокаивал. Он вставил первый ключ, повернул два раза по часовой стрелке, вынул его и нажал одну из кнопок на контрольной панели рядом с дверью. Тяжелая стальная плита отодвинулась в сторону с мелодичным свистом и скрылась в стене. Гефти засунул другой ключ в замок внутренней двери. Через несколько секунд вход в бункер был свободен.

Он немного постоял, недовольно сморщив нос. Пространство перед ним было освещено, но тускло. Встряска, которую пережила «Королева», не прошла бесследно для местной системы освещения. А чем это здесь воняет? Резкий неприятный душок походил на запах от разлитого нашатырного спирта. Гефти перешагнул через комингс и очутился в широком коротком проходе. Не мешкая, капитан повернул направо и всмотрелся в

полумрак бункера.

Два здоровенных стальных ящика — те самые, которые Молбоу спустил на лишенную атмосферы поверхность луны, загрузил чем-то и втащил обратно на «Королеву» — неуклюже громоздились в углу. Видимо, они сползли туда, когда корабль бросало под ударами невыясненной природы. Один из них был раскрыт и, по-видимому, пуст. Насчет другого Гефти не был уверен. Рядом с ящиками лежали с трудом различимые в темноте растрепанные бухты какого-то очень толстого троса. А почти в самом центре на полу стояла такая штука, которая сразу же приковала к себе взгляд Гефти. Он медленно втянул в легкие воздух, чувствуя, как колени охватывает непроизвольная дрожь.

Он понял, что нехорошее предчувствие и в самом деле не обмануло, хотя он вначале ему и не поверил. Ну конечно! Если из нормального пространства «Королеву» выдернула не какая-то неслыханная внешняя сила и зашвырнула сюда, в Бог знает какое пространство, то, значит, это произошло из-за того, что затащил на борт Молбоу. И это «что-то» должно быть какого-то рода машиной…

Это и была машина.

Вокруг нее можно было различить слабый отблеск проводов — наспех сооруженное поле безопасности. Внутри защитной клетки, которая выглядела весьма ненадежно, находился двойной комплект устройств. Некоторые из них сейчас работали, подмигивая разноцветными огнями. Должно быть, эти вывезенные Молбоу из Центра устройства действительно очень много стоили. Наверное, их действительно было трудно изготовить. Рядом с устройствами располагалась машина, приземистая и массивная на вид. При тусклом освещении в бункере она казалась бесформенной и как бы бесцветной. Эта была та часть оборудования, которой пришлось немало вытерпеть. Но она все равно работала.

Гефти так и стоял, уставившись на нее, как внезапно из машины начали доноситься перемежающиеся всплески щелкающих звуков. Как будто пистолет-пулемет стрелял короткими очередями, причем огонь все время усиливался.

За одну секунду целый рой вопросов промчался беспорядочно у него в мозгу. Что это было? Почему это находилось на той луне? Сломанная часть какого-то корабля… Корабля, чей дом здесь? Может, это нечто вроде двигателя?

Молбоу должен все это знать. Раз его хвати-

ло на то, чтобы спроектировать оборудование, которое необходимо, чтобы вернуть к жизни искалеченное чудовище. С другой стороны, он не смог полностью предусмотреть, что может случиться, если привести сей артефакт в действие. Об этом говорило хотя бы то, что непредвиденное взбрыкивание «Королевы» оказалось для босса Керри полной неожиданностью, да и его самого пришибло аж до полной «отключки».

В любом случае, сейчас следовало привести Молбоу в чувство. Исследовать загадочное устройство до того, как разузнать о нем все подробности из первых уст, было бы полнейшим безрассудством. Было совершенно очевидно, что следующая ошибка, совершенная кем угодно, означала бы конец всем и вся.

Возможно, из-за того, что нервы Гефти были на пределе, он сразу отметил важность двух, казалось бы, второстепенных сигналов от своих органов восприятия. Обоняние сообщило о том, что запах аммиака, к которому он почти привык, заметно усилился. Слух отреагировал на наличие тихого звука — едва уловимого шелеста, выдавшего какое-то движение за спиной. Но здесь, в грузовом бункере, ничто не должно было двигаться. Мышцы Гефти напряглись, и он обернулся…

Почти в то же самое мгновение он отпрянул в сторону в каком-то поистине диком прыжке, споткнулся, приземлившись на ноги, едва не упал, — что-то большое и темное тяжело шлепнулось на пол в том самом месте, где он только что стоял. Гефти пулей метнулся по входному коридору, то и дело оборачиваясь, и одним махом опустил вниз рычажки замка на панели внешней двери.

Это «нечто» выплыло из-за угла коридора, когда двери бункера стали сближаться. Он запомнил в основном быстрое, плавное, вкрадчивое движение, как у большой змеи, когда она ползет. Потом на долю секунды полоса более яркого света из внешнего коридора выхватила из полумрака длинную, массивную, клинообразную голову и зеленоватый металлический блеск внимательных глаз.

Двери бесшумно зашли в проемы и захлопнулись. Существо оказалось внутри. Но прошла еще почти минута, прежде чем Гефти смог унять дрожь в коленях, и отправиться назад к главной площадке. В полутьме бункера «нечто» выглядело как длинный, свернутый в бухту кабель, сваленный рядом с упаковочными ящиками. Его могло помять и серьезно покалечить во время недавней

встряски, как и Молбоу, а когда оно оправилось от контузии, то обнаружило рядом с собой Гефти. Правда, все могло быть и по-другому. «Нечто» могло все это время пребывать в полном создании и, притаившись, выжидать, пока внимание Гефти не сосредоточится на чем-нибудь другом, чтобы, воспользовавшись этим, броситься в атаку. Загадочное существо выглядело достаточно могучим, чтобы расплющить человека и переломать ему все кости, будь нападение более удачным.

Что-то вроде сторожевого животного — «цепная» змея? Какая еще связь могла быть между этим существом и таинственной машиной? Может быть, Молбоу намеревался с самого начала держать змею взаперти в одном из ящиков, а она вылезла на свободу воспользовавшись передрягой?

Что-то слишком много вопросов скопилось, подумал Гефти. А ответы на них были только у Молбоу.

* * *

Он спешил по центральному проходу главной палубы, когда из-за двери, мимо которой он только что прошел, раздался окрик:

— Раммер, стоять! Ни с места. У меня…

Это был Молбоу. Его выкрик закончился на нотке удивления. Реакция Гефти была не очень рациональной, зато мгновенной. Тон Молбоу и его слова показывали, что он вооружен. У Гефти не было оружия при себе, но в аппаратной хранилось ружье. К тому же, следовало учесть, что ему уже пришлось пережить целую серию обескураживающих событий. Да еще он был на взводе из-за того, что его выкурили из его собственного бункера чем-то, от чего за километр несло аммиаком, и что походило на гигантскую питонаконду. В довершение всего, какой-то пассажир его «Королевы», видите ли, приказал не двигаться с места! Все прочие соображения были отброшены прочь страстным желанием добраться до своего ружья.

Он оглянулся, увидел Молбоу, выходящего из полуоткрытой двери и держащего что-то вроде тонкого белого стержня длиной в полметра. Согнувшись, Гефти вприпрыжку бросился вперед, виляя от стены к стене, чтобы Молбоу не смог как следует прицелиться — если, конечно, у него в руках было оружие, и он собирался им воспользоваться. Молбоу что-то сердито прокричал. Потом, когда Гефти достиг следующего пересечения проходов и только-только успел завернуть за угол, струя белого огня рассекла воздух у него над

головой, опалив ему плечи, и врезалась в стену. Гефти кипел от ярости, даже, скорее, не из-за выстрела Молбоу, хотя прицельную стрельбу по собственной персоне он, ясное дело, не очень-то приветствовал. Но даже она подействовала на него слабее, чем безмолвная атака бестии на складе в темноте. Прошло несколько секунд, не больше, прежде чем он добрался до аппаратной. Гефти взял ружье, поставил его на боевой взвод и обернулся в сторону прохода, откуда прибежал сюда. Молбоу, если он сразу же, без колебаний, устремился в погоню за Гефти, должен был вот-вот появиться. Но в проходе было тихо, а Гефти не мог заглянуть туда с того места, где стоял.

Он чуточку подождал, стараясь восстановить дыхание и гадая, куда подевалась Керри Руз, и какая муха укусила Молбоу. Потом, не спуская глаз с прохода, он дотянулся до стенного шкафчика, из которого до этого вынул ружье, и выудил оттуда еще один сувенир, оставшийся у него после пребывания на действительной службе. Это был нож с тонким лезвием, вдетый в узкие ножны. Гефти ловко и быстро приладил застежки вокруг левого запястья, установив лезвие под курткой в сторону предплечья, проверил, работает ли механизм освобождения ножен, и потряс рукой,

чтобы рукав сполз на место.

В проходе по-прежнему царило полное безмолвие. Гефти потихоньку подошел к одному из стульев, снял с сиденья маленькую подушечку и бросил во входной проем.

Послышался пронзительный свист. Подушечка в полете превратилась в клубок ярко-белого пламени. Гефти не стал раздумывать, прицелился повыше в стену напротив входного проема и нажал спусковой крючок. Ружье было метательным. Он услышал, как заряд срикошетил от гладкой перегородки и с грохотом устремился дальше по проходу. Оттуда раздался испуганный нечленораздельный звук. Но не такой, какой издает раненый человек.

— Если ты зайдешь сюда с оружием, — прокричал Гефти, — я снесу тебе башку! Может, хватит ерундой заниматься?

В ответ на некоторое время воцарилась тишина. Потом из прохода раздался дрожащий голос Молбоу. Судя по звуку, он находился примерно в семи метрах от аппаратной.

— Если ты, безмозглый болван, прекратишь свои попытки вмешиваться в чужие дела, Раммер, — сказал он, — то не будет никаких проблем.

Слышно было, как он едва сдерживает клокочущую ярость:

— Ты подвергаешь опасности всех нас. Ты совсем не понимаешь, что делаешь!

Что ж, последнее, пожалуй, смахивало на правду.

— Мы еще поговорим об этом, — неприветливо отозвался Гефти. — Пока я ничего такого не сделал. И потом, я вовсе не давал тебе права распоряжаться на моем корабле. А что ты сделал с мисс Руз?

Молбоу явно замялся.

— Она в штурманской кабине, — наконец, произнес он. — Я… возникла необходимость ненадолго ограничить свободу ее действий. Но теперь можешь спокойно ее выпустить. Мы должны как можно скорее договориться.

Гефти оглянулся через плечо на маленькую закрытую дверь штурманской кабинки. На двери не было замка, но изнутри не доносилось никаких звуков. Наверное, тут таился какой-то подвох. Что ж, выяснить все это не займет много времени. Он повернулся спиной к стене, толкнул дверь, чтобы та открылась, и заглянул внутрь.

Керри сидела на стуле в углу крошечной комнатушки. Сразу стало ясно, почему она не издавала

никаких звуков.

Девушку вместе со стулом плотно покрывал мешок из прозрачной блестящей ткани. Она смотрела сквозь него на Гефти с потерянным видом, губы ее энергично, но беззвучно шевелились.

— Молбоу! — свирепо выкрикнул Гефти.

— Только не кипятись, Раммер! — В тоне Молбоу слышались пренебрежительные нотки. — Моя секретарша нисколько не пострадала. Она без труда может дышать через «усмиритель». Его можно снять, потянув на себя материю.

Гефти поджал губы:

— Учти, пока я буду этим заниматься, проход под прицелом…

Молбоу не отозвался.

Гефти протиснулся обратно в штурманскую и на пробу ухватил прозрачную ткань над плечом Керри. К его изумлению, ткань расползлась под пальцами, как мокрая папиросная бумага. Он резко потянул на себя. Секунду спустя, Керри, отчаянно работая руками, локтями и плечами, выпуталась оттуда. Лицо ее было заплаканным.

— Гефти, — всхлипнула она, — это… мистер Молбоу…

— Он там, в проходе, — сказал Гефти, — и может тебя услышать. — На секунду его внима-

ние привлек висевший на стене второй такой же прозрачный «саван». Для кого он, интересно, мог быть предназначен, если не для Гефти Раммера? — У нас возникли небольшие неприятности, — добавил он.

— О! — она глянула в сторону прохода, потом на ружье в руке у Гефти, затем на его лицо.

— У твоего патрона, — продолжал Гефти нарочито громко, чтобы Молбоу смог его услышать, — тоже есть оружие. Он останется в проходе, а мы будем находиться в аппаратной, пока не придем к соглашению по поводу того, что нам делать дальше. Ответственность за случившееся с кораблем в этом рейсе, между прочим, лежит на нем. Он знает, где мы находимся.

Гефти посмотрел в испуганные глаза Керри и понизил голос до шепота:

— Не принимай мои слова слишком близко к сердцу. Я пока не знаю, что он там задумал. Но до сих пор на все его выходки у меня находился достойный ответ! Сначала он рассчитывал захватить нас обоих врасплох. Это у него не получилось, поэтому теперь он вынужден пойти на сотрудничество.

— А ты пойдешь ему навстречу?

Гефти пожал плечами.

— Это зависит от того, что у него на уме. Я-то заинтересован только в одном, — чтобы в итоге мы остались живы. Давай послушаем, что Молбоу собирается нам сказать.

* * *

Через несколько минут Гефти пытался решить, что будет хуже — рискнуть и поверить словам Молбоу или, наоборот, предположить, что он лжет.

Керри Руз сидела на краешке стула, как курица на насесте. Прямая спина, бесцветное лицо, округлившиеся глаза. Она, очевидно, склонялась к тому, чтобы верить Молбоу, хотя ей и не хотелось бы выглядеть в собственных глазах дурой. Для этого имелись веские основания. В особенности, неправдоподобная среда, в которой они все очутились. Да и тонкий, как карандаш, извергатель огня вместе с прозрачным «усмирителем» достаточно сильно противоречили рассказу Молбоу. Но, насколько было известно Гефти, и загадочная машина, и оружие могли быть изготовлены умельцами Ядра.

Потом еще эта джанандра — большое змееподобное существо на складе. Молбоу прихватил ее с луны вместе со сломанной машиной. Джананд-

ра, как он заявил, уже сопровождала его в одном из путешествий. Обычно она сидела тихо и не проявляла агрессивности. Видимо, неожиданное появление Гефти в бункере спровоцировало ее на нападение. Джанандра не была питомцем Молбоу в истинном значении этого слова. Между нею и патроном Керри сложились особые духовные отношения, которые Молбоу даже не пытался растолковать. Дескать, все равно молодые люди были не способны уловить их многогранную сущность. В этом неизъяснимом качестве джанандра была для Молбоу жизненно необходима.

Этот момент был достаточно интересен, чтобы казаться подтверждением остальных его заявлений, но, в сущности, ничего не доказывал. Единственное, в чем Гефти не нуждался, так это в доказательстве того, что положение всех троих было аховым, а скоро могло стать еще хуже. Он взглянул на экраны мониторов. То, что он там увидел, — окрестности корабля — являлось, по словам Молбоу, иллюзорным, кажущимся пространством. Его порождал временной поток, в котором они сейчас медленно дрейфовали.

Кроме того, по утверждению Молбоу, имелась некая цивилизация, чьи корни в будущем. Человекоподобные существа, являвшиеся ее предста-

вителями, обладали машинами, на которых они путешествовали по временному потоку через всю Вселенную. Они носились на своих машинах, используя так называемые «ветры времени», то погружаясь в нормальное пространство, то выныривая из него. Таким образом, они добирались до самых отдаленных эпох и галактик. Молбоу, будучи одним из таких путешественников, попал в беду в миллионе световых лет от дома своих сородичей, который к тому же остался в прошлых веках. Его аппарат потерпел крушение на луне, начисто лишенной атмосферы. Блок управления и другие приборы оказались сильно повреждены. Кое-как он добрался до человеческой цивилизации, чтобы с помощью людей заполучить необходимое оборудование. Наконец, он вернулся на «Серебряной Королеве» в то место, где был спрятан его времялёт.

Гефти вытянул губы трубочкой. Он не собирался принимать все за чистую монету. Однако если Молбоу *не врал*, то мимо проносились невидимые звезды, а родная Галактика ускользала прочь. В итоге они с Керри могли навсегда затеряться в черных бездонных глубинах космоса и оказаться на таком расстоянии от Ядра Звездного Скопления, которое не смог бы одолеть ни один

космический двигатель. Противостояние с Молбоу необходимо было самым срочным образом урегулировать. У пришельца из будущего нервы тоже были взвинчены. К тому же он проявлял нетерпение. Этим следовало воспользоваться. Если его нетерпение малость усилить, то можно будет выудить подробности, которые требовались Гефти в первую очередь. Медленно, как бы не решаясь выдать себя, капитан «Серебряной Королевы» произнес:

— А зачем вы нас впутали в это дело?

Голос из прохода выпалил:

— Да потому что мои ресурсы истощились практически до нуля, Раммер! Я не смог закупить новый корабль. Поэтому и зафрахтовал ваш, а вместе с ним получил и вас самих. Что же касается мисс Руз… Несмотря на принятые предосторожности, мои действия могли вызвать подозрение и любопытство у ваших сородичей. Стоило мне бесследно исчезнуть, к ней полезли бы с расспросами. Я не мог допустить, чтобы за мной по пятам до самого места катастрофы времялета следовали любопытствующие, поэтому я взял мисс Руз с собой. А что, собственно говоря, это меняет в моем предложении, которое я вам сделал? Захватывающее приключение, которое,

я вас торжественно заверяю, благополучно завершится возвращением в ваши время и место. За причиненные неудобства вам будет выплачена неслыханно щедрая компенсация!

Керри, переглянувшись с Гефти, энергично замотала головой.

— Мы считаем, — сказал Гефти, — что нам сейчас трудно поверить вам на слово, Молбоу. Что вам было нужно в аппаратной?

Молбоу несколько секунд хранил молчание. Потом заговорил:

— Как я вам уже объяснял, ваш корабль не угодил бы в переплет в момент перехода, если бы мой блок управления работал с максимальной эффективностью. В нем надо кое-что подправить, и это требуется сделать как можно скорее.

— А причем тут оборудование моей «Королевы»? Оно-то каким образом способно повлиять на ситуацию?

— С его помощью я смогу выяснить, в чем суть проблемы. Когда меня… вывело из строя… блок был серьезно поврежден. Кое-что мне уже удалось привести в порядок, но я был вынужден сильно торопиться, и…

— Что именно привело к поломке вашего блока?

Голос Молбоу задрожал от нетерпения.

— Определенные участки Великого Потока кишат опасными силами. Я даже не берусь их описать…

— Считаете, что до меня не дойдет?

— Признаюсь, Раммер, я и сам не очень хорошо в этом разбираюсь. Эти силы нельзя назвать живыми, однако, они обладают некоторыми характерными особенностями, присущими живой материи. Можно даже сказать, что они отчасти представляют собой некую разумную форму жизни. Если вы можете себе представить лучевую энергию, способную на сознательную и при этом враждебную деятельность…

У Гефти по спине пробежал холодок.

— Большие, быстро движущиеся источники света?

— Вот именно — В голосе, доносившемся из прохода, вдруг прозвучала нотка сильной тревоги: — Так вы… Когда вы их наблюдали?

Гефти посмотрел на экраны:

— За время нашей беседы — дважды. И еще один раз до этого — сразу, как только началась эта чертова болтанка.

— В таком случае, Раммер, нельзя терять ни минуты! Эти силы чутко реагируют на отклонения

в параметрах моего блока управления. Если они уже находятся в пределах видимости, то, значит, им известно, что где-то поблизости находится корабль. Они попытаются определить его точное местонахождение.

— Чего от них можно ожидать?

— Одной-единственной атаки оказалось достаточно, чтобы вывести из строя блок управления, когда он еще был частью моего времялета. В тот злополучный момент Великий Поток мгновенно выплюнул мой корабль из себя. Корабль таких размеров, как ваш, защищен гораздо лучше. Честно говоря, по этой причине я его и выбрал. Тем не менее, если сейчас же не отрегулировать блок управления, что позволит нам выбраться из этого участка, атаки будут продолжаться до тех пор, пока «Королева» не будет уничтожена. И мы вместе с ней.

Гефти тяжело вздохнул.

— У этой задачи есть еще одно решение, Молбоу. Нам с мисс Руз оно нравится больше. А что касается вас… если вы и вправду намерены позаботиться о том, чтобы мы, в конце концов, попали домой, то оно не вызовет у вас возражений.

— Что вы имеете в виду? — резко прозвучал вопрос.

— Для начала отключить ваш блок управления. Из того, что вы сказали, следует, что это автоматически выбросит нас обратно в нормальное пространство, и мы окажемся все еще не слишком далеко от родного Ядра Звездного Скопления. Там найдется немало людей, готовых рискнуть и отправиться вместе с вами в будущее. Если вы их, конечно, сможете убедить, что они смогут в любой момент вернуться домой… А у нас с мисс Руз, ничего не поделаешь, не хватает авантюрной жилки!

В проходе наступило молчание.

Гефти добавил:

— Не торопитесь и, если хотите, обдумайте как следует мое предложение. Мне совсем не хочется быть мишенью для этих огней. Но, я уверен, и вам это не по вкусу. Однако мне кажется, я могу малость потерпеть, так же, как и вы…

Молчание затянулось.

Немного погодя, Гефти произнес:

— Если вы согласны, то прежде, чем объявиться, забросьте к нам в комнату этот ваш огнемет. Мне ни к чему неприятности.

Он снова выдержал паузу. Керри сидела, закусив губу. Руки были сжаты на коленях в кулачки. Наконец, Молбоу отозвался. На этот раз его голос

был сух и невыразителен.

— Худшее, что мы можем сделать в настоящий момент, — сказал он, — это продолжать дискуссию о том, что именно необходимо предпринять. Если я добровольно разоружусь, вы тоже отложите свое ружье?

— Да.

— В таком случае, я принимаю ваши условия, какими бы неутешительными для меня они ни были.

Он умолк. В следующий момент Гефти услышал, как по полу прохода загремел белый стержень Молбоу. Он ударился о стенку прохода, крутясь, отскочил от нее и закатился в аппаратную, остановившись в метре от ног Гефти. Капитан поднял огнемет и положил на стол. Потом рядом с ним положил свое ружье и отошел в сторону. Керри встревоженно наблюдала за его действиями.

— Гефти, — прошептала она, — он может…

Повернув голову к Керри, Гефти одними губами произнес: «Все в порядке», а вслух выкрикнул:

— Молбоу! У меня нет оружия! Заходите сюда, и заключим мир!

У Гефти сильно билось сердце, пока в проходе раздавались быстрые приближающиеся шаги. Наконец в проеме появился Молбоу. Пришелец

из будущего посмотрел на молодых людей, потом оглядел помещение. На мгновение он задержал взгляд на предметах, лежащих на столе, потом опять вернул его к Гефти. Только после этого Молбоу вошел в отсек:

— Не в наших правилах, Раммер, — сказал он, скривив рот, — делиться секретами Великого Потока с представителями других цивилизаций. Я и предположить не мог, что вы окажетесь таким настырным. Зато теперь…

Он быстро поднял вверх правую руку с зажатым в кулаке маленьким золотистым шариком. Гефти, в свою очередь, сделал ответное движение, но не правой, а левой рукой, будто передергивал затвор помпового ружья.

Армейский нож выскочил из ножен в то же самое время, когда из шарика Молбоу низверглась на пол узенькая струя черного дыма. Эта чернота, рыча, метнулась к ногам Гефти. Но над ней сверкнуло лезвие ножа, вращаясь в воздухе, и по рукоятку вонзилось в грудь Молбоу.

* * *

Несколько минут спустя, Гефти вернулся из передней каюты, которая служила на «Королеве» корабельным лазаретом, и сообщил Керри:

— Он до сих пор жив. Правда, почему — совершенно непонятно… Может быть, даже очухается. Сейчас я накачал его анестезией. Это должно утихомирить его на время. Когда мы окажемся в нормальном пространстве, подумаем, что с ним делать.

За время отсутствия капитана девушка отчасти утратила испуганный вид.

— Ты знал, что он сделает попытку убить тебя? — дрожащим голосом спросила она.

— Я подозревал, что такое пришло ему на ум. Он слишком быстро согласился на предложенные условия. Но я полагал, что мне первым удастся обезоружить его. К сожалению, сделать это не удалось. Теперь нам надо поторапливаться.

Он включил панель аварийной проверки и взглянул на знакомый узор, выложенный световыми сигналами и цифрами. Отсутствие некоторых из них указывало на незначительные изменения параметров корабля, но в целом звездолет был пока полностью управляем. Причину неисправности следовало искать в углу аппаратной, рядом с дверью штурманской кабины. Сама эта дверь, примыкающие к ней переборки и участок пола под ней были выщерблены, почернели и испускали целый букет отвратительного зло-

вония, характерного для обгоревшего пластика. В этом углу стоял Гефти, когда в помещение вошел Молбоу. Если бы он остался там хоть на мгновение после того, как метнул нож, то сейчас был бы в куда худшем состоянии, чем эта, в общем-то, весьма огнестойкая обстановка.

Оба метательных оружия Молбоу все еще выпускали свои заряды в данном направлении — белый штырь, невинно лежавший на столе, и круглое золотистое устройство, выпавшее у него из рук и разбрызгивавшее струи черного дыма. Это продолжалось чуть ли не полминуты после того, как Молбоу рухнул и скорчился на полу. Стрельба прекратилась в тот момент, когда он окончательно обмяк. Очевидно, перестал управлять обоими, когда потерял сознание.

К счастью, аварийные принадлежности, хранившиеся в лазарете, были спроектированы так, что могли держать в состоянии неподвижности самых буйных своих обитателей, не говоря уже о пациенте со страшной ножевой раной в груди. При наклоне, под которым нож вошел под ребра Молбоу, обыкновенный человек не протянул бы и минуты.

Но теперь стало ясно, что Молбоу не был обыкновенным человеком. Даже после того, как его

жуткое оружие было выброшено из корабля через трубу мусорного утилизатора, Гефти не мог избавиться от неприятного ощущения, что ему так и не удалось до конца отвязаться от Молбоу. И не отвязаться ему от него до тех пор, пока кто-нибудь из них двоих не отправится на тот свет.

— Раньше я думал, — сказал Гефти, чтобы отвлечь Керри от грустных мыслей, — что машина, которую Молбоу установил в складском бункере, является чем-то вроде двигателя. Оказывается, у нее совсем другое назначение. Он подсоединил ее к аппаратуре, которую ему изготовили в Ядре, и вместе они образовали то, что он называл «блоком управления». Если бы этот блок подпитывался энергией от корабля, на аварийную панель поступали бы соответствующие сигналы. Но панель молчит, и я ума не приложу, откуда он черпает энергию. Зато теперь мы наверняка знаем, что «блок управления» удерживает нас во временном потоке. И будет нас держать все то время, пока работает. Если бы мы смогли его выключить, поток выбросил бы «Королеву» из своей среды. Именно это и произошло с времялетом Молбоу. Другими словами, мы бы оказались обратно в нормальном пространстве. Чего и нужно добиться. Нам надо проделать это как можно

быстрее. Если Молбоу говорил правду насчет странствований по ветрам времени, то каждая проведенная здесь минута уносит нас все дальше от Ядра Звездного Скопления и от нашего времени, приближая к его эпохе.

Керри кивнула, не сводя с Гефти сосредоточенного взгляда.

— Сейчас я не могу просто пойти туда, в бункер, и начать щелкать на этой проклятой штуке всеми переключателями подряд, — продолжал Гефти. — Молбоу сказал, что она малость барахлит, но даже если машина и была бы в полном порядке, я не рискну предположить, к чему приведет такое щелканье. Однако, по всей видимости, она не связана ни с одной системой на «Королеве». Возможно, просто держит нас в своем собственном поле. Поэтому мне надо как-то изловчиться и подтащить весь этот «блок» к загрузочному люку и вытолкать его наружу. Если мы уберем корабль из зоны действия его поля, то получим тот же эффект, что и отключение «блока управления». В результате мы опять окажемся в нормальном пространстве.

Керри снова кивнула.

— А как насчет питомицы мистера Молбоу — джанандры?

Гефти пожал плечами.

— Все зависит от того, в каком она будет настроении. Молбоу заявил, что она, как правило, не агрессивна. Может быть, это и правда. Для вящей безопасности я влезу в скафандр. Кроме того, придется прихватить кое-какое альпинистское снаряжение, чтоб было, чем ее погонять. Если мне удастся загнать эту тварь в пустой отсек, где она будет находиться вне…

Гефти вдруг умолк и с изменившимся выражением лица уставился на аварийную панель. Потом он быстро повернулся и через край консоли дотянулся до пульта управления стыковочным воздушным замком.

— В чем дело, Гефти? — встрёвоженно спросила Керри.

— Я и сам хотел бы знать… в чем тут дело. — Гефти показал на аварийную панель. — Видишь маленький красный огонек среди сигналов, показывающих состояние грузовой палубы? Минуту назад его там не было. Это значит, что в течение прошедшей минуты двери бункера открывались.

Он увидел на лице девушки тот же, поразившей его ранее, суеверный страх.

— Ты думаешь, это… он?

— Не знаю.

И в самом деле, у Молбоу имелся навык управляться со своим оружием каким-то таинственным образом. Но это оружие являлось продуктом его времени и его науки. Другое дело — механизмы открывания дверей бункера. За время пребывания на борту «Королевы» у него могло быть достаточно возможностей их изучить, а потом переиначить в собственных интересах…

— Сейчас все отсеки и палубы корабля изолированы друг от друга, — медленно произнес Гефти, чтобы и самому уяснить произошедшее. — Единственные связующие точки — это впускные люки для экипажа. Они представляют собой маленькие воздушные шлюзы. Так что джанандра находится в заточении на грузовой палубе. Если она выбралась из бункера, то это, конечно, досадно. Чтобы ее обуздать, придется изыскать какие-нибудь подручные средства. Но все это не так страшно. Скафандры для выхода в космическое пространство находятся на второй палубе. Перед тем, как отправиться на склад, я надену один из них. Подожди минутку, я только сперва посмотрю, как себя чувствует Молбоу.

Похоже, что Молбоу до сих пор был без сознания. Если он притворялся, то делал это весьма

умело. Гефти посмотрел на бледное, изможденное лицо, полузакрытые глаза, покачал головой и вышел из каюты, не забыв запереть за собой дверь. Независимо от состояния Молбоу, большая змея, разгуливающая по складу на свободе, могла доставить множество неудобств. Гефти сомневался в том, что его ружье способно произвести должное впечатление на существо подобных размеров. Несколько траловых приспособлений, имевшихся на борту, можно было использовать в качестве очень эффективного оружия в ближнем бою. Но они, как назло, хранились на той же самой палубе, по которой разгуливала джанандра.

Вернувшись в аппаратную, Гефти обнаружил, что Керри стоит посередине комнаты.

— Гефти, — сказала она, — ты ничего не чувствуешь? Пахнет чем-то странным…

Вскоре аромат добрался идо ноздрей Гефти. У него похолодела спина, — он узнал этот запах. Гефти взглянул на вентиляционную решетку, потом вновь на Керри.

Взяв девушку за руку, он тихо произнес:

— Быстро отсюда. И не вздумай шуметь! Не знаю, как это служилось, но джанандра теперь на главной палубе. Это ее запах. Он проникает сюда по вентиляционным трубам. Значит, она

ползает по причальному отсеку. Мы изберем другой маршрут.

— Что же делать? — прошептала Керри.

— Вначале наденем скафандры, потом избавимся от блока управления Молбоу. Возможно, джанандра повсюду ищет своего хозяина. Если это так, то ей не до нас.

* * *

Гефти не хотелось говорить Керри, что от «блока управления» нужно было избавиться как можно скорее и по другим причинам. То, что Гефти услышал от Молбоу, касательно этих причин, не выходило у него из головы. С того момента, как умолкли странные орудия Молбоу, прошло несколько минут. За это время Гефти дважды наблюдал на экранах мониторов среди неспокойного потока темноты бледный кратковременный проблеск. Гефти ни словом не обмолвился об этом в присутствии девушки — берег ее душевное спокойствие. Если враждебные силы и в самом деле были начеку и разыскивали их здесь, это, конечно, увеличивало прямую угрозу существованию молодых людей. Но это нисколько не удовлетворяло их страстного желания успеть вырваться из безжалостного напора Великого Потока до

того, как «Королеву» отнесет безнадежно далеко от родной цивилизации без всякой надежды на возвращение.

Вместе с тем, эти непродолжительные световые всплески усиливали осознание необходимости предпринять безотлагательные действия. Эти мысли уже давно не давали Гефти покоя. В то же время, все произошедшие события и неизбежная суровая необходимость избежать неверного шага, который мог привести к роковым последствиям среди этого сумбура неизвестных факторов, заставляли его пребывать в каком-то заторможенном состоянии. Теперь, когда малоприятный попутчик Молбоу столь загадочным образом оказался на главной палубе, не осталось ничего другого, как постоянно держать Керри у себя под боком. Если Молбоу до сих пор в состоянии вмешиваться в ход событий, то на борту не оставалось достаточно безопасного места для Керри.

А Молбоу вполне был способен вмешаться.

За то время, пока молодые люди проталкивались по узким, извилистым переходам к воздушному шлюзу, ведущему в соседний отсек, ноздри Гефти дважды ловили аммиачный душок джанандры, исходивший из решеток вентиляционной системы. И все равно они благополучно

добрались до шлюза. Но потом, когда Гефти и Керри миновали вторую палубу, и вышли к корабельному арсеналу, тишину вестибюля позади них нарушил громкий щелчок. Значение этого щелчка было угрожающе очевидным. Немного поколебавшись, Гефти завел Керри в боковой проход, и они направились вдоль него.

Девушка взглянула ему в глаза.

— Она нас преследует?

— Похоже на то.

Времени на скафандры теперь совсем не оставалось. Гефти помог девушке быстро спуститься по ступенькам трапа к воздушному шлюзу, который соединял вторую палубу со складскими помещениями, и нажал кнопку на стене. Как только открылась дверь шлюза, из прохода, откуда они только что вышли, раздался глухой звук. Будто по одной из боковых переборок отбивали сильную барабанную дробь. Керри издала короткий вздох. Вскоре они уже находились в шлюзе, и Гефти быстро пробежался пальцами еще по двум кнопкам. Они напряженно наблюдали, как за ними захлопнулась стальная дверь. А еще через несколько секунд в дальнем конце шлюза открылась дверь, ведущая на неосвещенную грузовую палубу.

Они спустились по трапу и очутились в боковом проходе. Слышно было, как захлопнулся шлюз. После этого они оказались в полной темноте. Гёфти взял Керри за руку, и они двинулись по проходу направо. Для того, чтобы держаться верного направления, Гефти касался кончиками пальцев левой переборки. Когда они добрались до угла, Гефти вновь повернул налево. Через несколько секунд он рывком открыл маленькую дверь, втолкнул в нее Керри, проскочил сам и прикрыл дверцу за собой, оставив узенькую щелочку.

— А теперь что мы будем делать, Гефти? — спросила Керри прерывистым шепотом.

— Останемся пока здесь. Сначала она будет искать нас в бункере.

Охоту за ними джанандра и впрямь могла начать с грузового бункера, где она прежде охраняла машину Молбоу. Хотя могла начать и не оттуда. Гефти взвел свое ружье. На другом конце темного отсека виднелась еще одна дверь. При необходимости они могли отступить чуть подальше, но не более того.

Они ждали в полной тишине, которая нарушалась лишь прерывистым дыханием, да отдаленным басистым гулом двигателей «Ко-

ролевы», работавших на малой тяге. Поскольку здесь было тесно, Гефти ощущал дрожь Керри. Каким образом этой твари удалось пробраться через воздушные шлюзы? Механизмы управления ими были простейшими, — пользоваться ими можно было научить даже собаку. Но у собаки есть, по крайней мере, хотя бы лапы…

Послышалось слабое шипение открываемого шлюза. Справа от входного отверстия в проход, за которым Гефти наблюдал через щелку, что-то проблеснуло. За этим последовали тяжелые глухие удары по полу, расположенному ниже шлюзов. Затем раздался громкий щелчок закрываемого шлюза, и опять наступили полная темнота и безмолвие.

Секунды, казалось, тянулись бесконечно долго. Гефти наглядно представил себе эту тварь: как она затаилась и, вздернув огромную клинообразную голову, напрягает свои органы чувств — не подадут ли в этой темноте признаков жизни два человеческих существа? Затем за входным отверстием прохода раздался какой-то порывистый непонятный звук. Он нарастал по мере приближения к входному отверстию. Миновав же его, он стал стремительно удаляться в левую сторону.

Гефти медленно выпустил воздух из легких,

приоткрыл дверь пошире и прислушался. Внезапно в шлюзовом проходе возник отраженный свет, который теперь исходил слева.

— Она рыскает по центральному проходу, Керри, — прошептал Гефти. — Теперь можно двигаться дальше. Сейчас мы осуществим обходной маневр. Только давай спокойно и по-быстрому. Я, кажется, придумал, как нам избавиться от этой твари.

* * *

В загрузочном шлюзе на грузовой палубе имелось две внутренние двери. Та, что открывалась в сторону площадки перед бункером, позволяла пропускать через себя самые крупногабаритные грузы, предназначенные для перевозки на «Королеве». Эта дверь была почти десять метров шириной и семь метров высотой. Вторая дверь была гораздо уже, но все же позволяла человеку, облаченному в скафандр, пролезать в шлюз и обратно. Благодаря ей можно было не пользоваться лишний раз громоздкой и тяжелой грузовой дверью. Эта маленькая дверца открывалась в сторону крошечной кабинки, из которой и осуществлялось управление шлюзовыми механизмами в процессе погрузки.

Гефти впустил Керри в эту комнатенку и зашел следом. Вокруг стояла кромешная тьма. Он усадил девушку на стул у панели управления. На ощупь нашел на панели тумблер и повернул его. Раздался слабый щелчок. На панели тотчас вспыхнула россыпь бледных световых сигналов. Их отражения появились на темном экране монитора, закрепленного на кронштейне над панелью.

Понизив голос, Гефти принялся объяснять:

— Левая сторона экрана этого монитора показывает шлюз. Правая — большую погрузочную площадку перед бункером сразу за шлюзом. Свет сейчас ни там, ни там не горит, поэтому на мониторе ничего и не видно. Грузовую дверь на площадку можно открыть или закрыть только с помощью вот этих рычажков. Я хочу заманить джанандру в шлюз, закрыть дверь и застопорить эти самые рычажки. Тогда она окажется в ловушке.

— И как же ты собираешься ее туда заманить?

— Это не так уж сложно. Я буду все время находиться в трех прыжках от нее. Потом нырну сюда, в эту кабину, и запру обе двери. Джанандра окажется внутри шлюза. Картина ясна?

— Да, пожалуй, — неуверенно проговорила Керри. — Но ведь это же очень рискованно.

— Ну, если честно, — согласился Гефти, — такой вариант мне тоже не очень-то нравится. Но делать нечего. Так что приступим прямо сейчас, пока у меня боевой настрой не выдохся. Как только я появлюсь на погрузочной площадке перед бункером, там зажжется свет. При появлении любого объекта он включается автоматически. Ты следи за правой частью экрана. Если увидишь, что джанандра меня опередила и первой вылезла на площадку, вопи что есть мочи.

Он перещелкнул два переключателя входных дверей вправо. На темном экране, чуть выше его центра, появилась красная искорка. Второй сигнал, тоже красного цвета, загорелся на переборке кабины рядом с Гефти. Продолговатая секция переборки, над которой появился этот сигнал, оказалась дверью. Плита в полметра толщиной стала проворачиваться на мощных петлях в сторону погруженного в темноту грузового шлюза. Распахнувшись на девяносто градусов, она остановилась.

Из образовавшегося проема в кабинку управления дохнуло морозным холодом.

На экране монитора рядом с красной звездочкой появилась еще одна.

— Теперь обе двери открыты, — пробормотал

Гефти. — На грузовой площадке бункера джанандры нет, иначе там включилось бы освещение. Но она могла расслышать, как открываются двери, и, видимо, уже поспешает сюда. Так что гляди на экраны в оба!

— О чем речь, Гефти, конечно! — дрожащим шепотом заверила Керри.

Гефти снял со стены массивный гаечный ключ на 34, быстро и бесшумно спустился на три ступеньки по трапу. Оказавшись на полу шлюза, он прошел к порогу гигантской грузовой двери, ось вращения которой располагалась горизонтально. Сейчас она была раскрыта в сторону грузовой площадки и утоплена в паз. Секунду Гефти провел в нерешительности. Потом шагнул из шлюза в большой темный вестибюль грузовой площадки. Тот немедленно озарился светом как по направлению к бункеру, так и в сторону шлюза.

Гефти застыл, как статуя. Его внимание было приковано к входу в грузовой бункер в дальнем левом конце вестибюля. Он прекрасно видел, что бункер открыт. Там, внутри, вполне могла находиться джанандра. Однако протекали секунды, а темный вход хранил молчание. Из бункера тоже не поступало никакого намека на движение. Гефти поглядел направо и сделал с десяток

шагов в глубь вестибюля. Потом размахнулся и запустил ключом в вентиляционную решетку на противоположной переборке.

Тяжелый инструмент громко лязгнул по решетке, отскочил и загромыхал по полу. Ощущая бешеные удары сердца, Гефти стал медленно приближаться к нему, не упуская из виду вход в бункер.

— *Гефти!* — раздался пронзительный вопль Керри, — *она уже..!*

Он резко повернулся и рванул обратно к грузовому шлюзу. Джанандра тихонько вылезла из ближайшего бокового прохода за Гефти и теперь подкрадывалась к нему в столь запомнившейся ему скользящей манере, держа голову в метре над полом. Капитан «Королевы» проскочил через шлюз, с разбега запрыгнул сразу на верхнюю ступеньку перед дверью и, спотыкаясь, ввалился в кабинку. Керри вскочила со стула и во все глаза уставилась на него. Гефти одним махом перекинул переключатель двери влево, придавив его к панели. Дверь задвинулась в стену позади него с такой силой, что задрожал пол.

На экране монитора было видно, как по тускло освещенному шлюзу металось толстое, темное, червеобразное тело джанандры, пытаясь найти

выход в просторный вестибюль. Она уже поняла, что сейчас окажется в западне. Переключатель грузовой двери был прижат к панели рядом со своим собратом, и массивная дверь поднялась с неожиданной быстротой. Тяжелое тело с размаху ударилось об нее и сползло на пол. Дверь затворилась. Ту часть экрана, что показывала территорию грузового шлюза, окутал мрак.

— Получилось, — получилось, — получилось!.. — услышал Гефти свой торжествующий шепот и включил внутреннее освещение шлюза.

Сразу же вслед за этим он тихонько выругался сквозь зубы, а у Керри, стоявшей рядом, перехватило дыхание.

* * *

На экране бесновалась джанандра. Самое интересное, что ее буйные телодвижения внутри шлюза явно имели осмысленный характер, они были целенаправленными. Кроме того, теперь стало ясно, что она представляла собой более сложное и организованное существо, нежели то, каким показалось на первый взгляд из-за своего длинного червеобразного тела и массивной головы. Так, в частности, шкура на расстоянии примерно трех метров от головы раздалась в

стороны, образовав широкую, гибкую оборку. Из-под нее выпросталось наружу с полдюжины мертвенно-бледных конечностей. Эти конечности, как и человеческие руки, разделялись на суставы. Вместе с ними из-под оборки показались какие-то развевающиеся, похожие на ленты, придатки, еще более трудно описуемые. Существо привстало на дыбы у двери вестибюля, исследуя поверхность преграды всеми своими членами. Потом оно внезапно развернулось и метнулось к внешней двери шлюза. Три «руки» ухватились цепкими пальцами за штурвалы трех поворотных замков, принялись их вращать.

— Керри, она собирается…

Но джанандре это не удалось. Штурвалы застопорились, а затем открутились в обратном направлении. Замки вновь затянулись туго-натуго. Джанандра отпрянула от двери и приподнялась над полом на половину своей длины, вращая головой по сторонам. Она осматривала верхние полки с инструментом. Вдруг «рука» протянулась к одной из полок, и что-то с нее выхватила. Потом существо снова повернулось, и в следующее мгновение голова заполнила целиком весь экран. Керри сдавленно вскрикнула и в испуге отпрянула, натолкнувшись на Гефти. Выпуклые, зеленые,

с металлическим блеском глаза, казалось, уставились прямо на него. И тут экран погас.

— Что произошло, Гефти? — шепотом спросила Керри.

Гефти сглотнул слюну и вымолвил:

— Тварь раскокала видеокамеру. Должно быть, догадалась, что мы за ней наблюдаем, и ей это не понравилось… Я начал было думать, что Молбоу каким-то непостижимым, сверхъестественным образом управляет джанандрой на расстоянии. Но потом понял, что никаких чудес тут нет. То, что она вылезла из бункера, открыла стыковочные шлюзы, когда забралась на главную палубу, потом спустилась вслед за нами — все это она проделала сама, независимо от Молбоу. Скорее всего, она его компаньон, а не слуга. Возможно, за этой уродливой физиономией скрывается интеллект, ничуть не меньший, чем у любого из нас троих.

Керри облизала губы.

— А она может… Она не выберется оттуда?

— Назад, в корабль? — Гефти решительно помотал головой. — Не-а. Она могла запросто вывалиться за борт. И чуть было это не сделала. Но потом вовремя сообразила, где находится, и что ей нужно предпринять. Однако внутренние

двери шлюза не откроются, пока кто-то не откроет их с этой панели. Не-ет, эта тварь заперта надежно. С другой стороны…

С другой стороны, до Гефти дошло, что теперь он никак не сможет выгнать джанандру из грузового шлюза и отправить ее в Великий Поток. Конечно, она не скрывала своих недружелюбных намерений, но по уровню интеллекта не уступала капитану. Возможно, в чем-то она даже превосходила его. В настоящий момент змея была беспомощна. Избавиться от нее, как он планировал первоначально, означало хладнокровное убийство разумного существа. Пойти на это Гефти не мог. Но пока безобразный и неукротимый партнер Молбоу по космическим полетам оставался в грузовом шлюзе, этот шлюз нельзя было использовать, чтобы избавиться от блока управления, находившегося в бункере.

Гефти отчаянно стал перебирать в уме всевозможные тяжелые инструменты, которые можно было бы применить в качестве оружия, чтобы укротить джанандру и загнать ее куда-нибудь в другое место на корабле.

И тут решение пришло само собой. Вполне можно было совершить одну операцию, правда, довольно ненадежную и отнимающую много

времени — и это в лучшем случае. Потом пришла другая мысль: грузовой бункер прилегал прямо к корпусу «Королевы»…

Сколько времени займет пробиться через корпус? Долбежное, резательное, дробильное и прочее оборудование на борту имелось. Инструменты обладали автономными источниками питания. Надеть космический скафандр, откачать воздух со всей грузовой палубы, оставив джанандру запертой в грузовом шлюзе, беспомощного Молбоу в лазарете и Керри в отсеке управления, предварительно облаченную в скафандр — для дополнительной защиты. Затем отключить энергопитание, поступающее на эту палубу, чтобы не возиться с запутанной схемой электроснабжения «Королевы», и работать в открытом космосе — с полчаса, если поторопиться.

* * *

— Осталось еще десять минут, не больше, — сообщил он по переговорному устройству скафандра, когда дело близилось к концу.

— Я очень рада это слышать, Гефти, — отозвалась Керри дрожащим голосом.

— Что-нибудь происходит на экранах монитора? — поинтересовался он.

Она замялась немного, и промолвила:

— Нет, во всяком случае, не сейчас.

Гефти крякнул, поморгал несколько раз (пот заливал глаза), и. снова взялся за рукоятку тяжелой камнерезки, опустив рабочей частью вниз, к полу бункера. Световой искатель нашел место, где проводился распил. Инструмент выпустил плоский, как лист, пучок лучей, который стал мало-помалу въедаться в толстую обшивку «Королевы», удлиняя уже проделанную прорезь. Гефти наметил круг в восемь метров диаметром вокруг изрядно потрепанного блока управления Молбоу и прикрепленной к нему аппаратуры, на приличном расстоянии от хрупкого на вид генератора предохранительного поля. Круг не задумывался сплошным. В четырех местах разрыва — на равном расстоянии друг от друга — Гефти собирался заложить взрывчатку. Сдетонировав одновременно в этих четырех точках, взрывчатка должна была разрушить крепежные звенья, соединяющие бункер с корпусом, и отбросить прочь агрегат Молбоу. Если это не избавит «Королеву» от его воздействия на ход событий, надо будет попробовать запустить на полную тягу маршевые двигатели.

— Гефти? — раздался голос Керри.

— М-м?

Он расслышал по интеркому, как она сглотнула слюну.

— Огни опять вернулись.

— Сколько их?

— Два, — сообщила Керри. — Мне кажется, что их два. Они все время снуют перед нами. — Она нервно рассмеялась. — Глупо, конечно, но у меня такое ощущение, что они на нас смотрят.

Гефти нерешительно произнес:

— У меня практически все готово, но понадобится минута-другая, чтобы еще немного ослабить последнее сочленение. Если я подорву заряды раньше времени, машина Молбоу полностью не отстанет от корабля.

— Я понимаю, — сказала Керри. — Я просто буду наблюдать… Они только что опять исчезли. — Ее голос изменился. — А теперь тут объявилось еще что-то.

— Что именно?

— Ты ведь сказал, чтобы я следила за световыми сигналами грузового шлюза на аварийной панели.

— Ну да.

— Так вот, внешняя дверь шлюза только что открылась.

— Что?!

— Должно быть, так. Я смотрела на панель, и вот как раз сейчас замигала красная лампочка.

Гефти замолк на мгновение, его мысли пришли в смятение. Зачем джанандре понадобилось открывать шлюз? Молбоу говорил, что она некоторое время способна обходиться без воздуха. Но за пределами корабля она точно не найдет ничего, кроме верной смерти.

А что, если, подумал Гефти, джанандре стало каким-то образом известно, что он собирается вышвырнуть с «Королевы» их с Молбоу машину… В грузовом отсеке находились тросы с дреками. Если четыре или пять из них прицепить к кольцеобразной секции корпуса, которую он ослабил…

— Керри, — позвал он. Да?

— Я собираюсь взорвать это дело прямо сейчас. Ты закрепила скафандр на стене, как я тебе показывал?

— Да, Гефти.

Ее голос был слабый, но четкий.

Он отодвинул резак от линии, которую проделал, и оттолкнул его прочь. Тот откатился на своих роликах к дальней стенке. Гефти быстренько обошел круг, проверяя детонаторы на всех четырех зарядах, протопал к проходу в бункер

и остановился прямо за углом. Наконец, вынул запальный ящичек из скафандра.

— Готова, Керри? — Он открыл ящичек.

— Готова…

— Врубаю! — Гефти запустил руку в ящичек, повернул запальный тумблер. В бункере полыхнуло огнем. Палуба задрожала под ногами. Спотыкаясь, Гефти вышел из-за стены.

Машина Молбоу исчезла вместе с подставкой для обслуживающей аппаратуры и самой аппаратурой. Там, где она стояла, образовалась темная круглая дыра. Больше, на первый взгляд, ничего не произошло. Гефти, тяжело ступая, поспешил к камнерезке, развернул ее и осторожно подкатил к двери. У него не было ни малейшего представления, что сейчас произойдет, но, вполне возможно, скоро здесь замаячит темный силуэт джанандры, заползающий в бункер из вакуума. Лучшим способом отвадить тварь от попыток вновь забраться на «Королеву» — это встретить ее плоским лучом резака.

Вместо этого все вокруг внезапно залил ослепительный свет. Камнерезку вырвало из рук Гефти. Затем его самого подбросило и со всей силы припечатало к потолку. У него возникло ощущение, что корабль периодически сотрясают

неслышимые раскаты грома. А его самого будто прижал пальцем незримый великан и теперь перекатывает из стороны в сторону. В конце концов, скафандр превратился в нечто совсем уж неудобоваримое, и Гефти потерял сознание.

* * *

Левая сторона лица распухла, левый глаз ничего не видел, в макушке пульсировала резкая боль. Тем не менее, Гефти был очень доволен.

Состоялось несколько обсуждений состояния дел на текущий момент.

— Разумеется, — объяснил он девушке, — сейчас мы можем с уверенностью сказать только одно: мы снова очутились в благословенном нормальном пространстве и находимся где-то в пределах родной Галактики.

Керри вяло улыбнулась.

— Но ведь это еще не победа, да, Гефти?

— Но зато и не поражение!

Он окинул моноскопическим взглядом аппаратную. На консоли горел ранее установленный им фонарь аварийного освещения. За исключением аппаратной, остальной отсек управления был погружен в темноту. Возобновившаяся бомбардировка, которой подверглась «Королева»,

лишила энергии всю носовую часть звездолета. Экраны всех мониторов были черны, приборы бездействовали. Но через продырявленный пол бункера Гефти успел заметить звезды нормального пространства. Это что-нибудь да значило…

— Возможно, за все стоит сказать спасибо огню, которым нас шандарахнуло, — сказал он. — Мне не вполне понятно, что произошло, но вполне вероятно, что он атаковал скорее блок управления Молбоу, нежели корабль. В разговоре со мной Молбоу утверждал, что эти блуждающие огни чувствительны к блоку. Во всяком случае, мы — здесь, в обычном пространстве, и избавлены от агрегата Молбоу — и от джанандры. — Он замялся. — Мне кажется, не стоит слишком сильно обольщать себя надеждой. Может оказаться, что мы находимся на очень большом расстоянии от Ядра Звездного Скопления.

Глаза Керри так лучились доверием, что капитану стало не по себе.

— Если даже и так, — безмятежно сказала она, — то ты тем или иным способом сумеешь вернуть нас домой.

Гефти откашлялся.

— Ладно, поживем — увидим. Если ремонтным сканерам удастся восстановить энергоснабжение

«Королевы», приборы оживут в любую минуту. Дадим им ровно десять минут. Если к этому сроку восстановление не произойдет, значит, это сканерам не по силам, и мне придется немного побыть слесарем-ремонтником. А если навигационные приборы придут в рабочее состояние, мы сможем точно определить наше местонахождение.

Если только их не занесло куда-нибудь в отдаленный спиральный рукав, сказал он себе мысленно, куда никогда недобирались картографические бригады Федерации. Оставался еще один, малюсенький вопросик: в каком времени они сейчас находятся? Но поскольку Керри от облегчения даже порозовела, он решил, что не надо спешить с выяснением всех подробностей.

Он взял другой аварийный фонарь, включил его и произнес:

— Пока мы ждем подключения энергии, пойду проведаю, как там Молбоу. Если он продержался до сих пор благодаря оказанной ему первой помощи, то, может, автохирург поставит его на ноги окончательно.

На лице Керри появилось виноватое выражение:

— Я совсем забыла про мистера Молбоу! — Она помялась немного. — Мне пойти с тобой?

Гефти отрицательно покачал головой.

— Помощь мне не понадобится. Эти жужжащие штуковины работают безболезненно для пациента, но все равно, зрелище не из приятных, уж поверь.

Когда он добрался до лазарета, который был на автономном электропитании, он выключил фонарь. Открыв дверь в бокс, где теперь лежал Молбоу, чтобы занести туда автохирург из соседней амбулатории, Гефти стало ясно, что Молбоу все еще жив, но, по всей видимости, находится в горячке. Гефти поставил автохирург на стол и взглянул на Молбоу. Тот медленно ворочался в кровати, насколько это позволяли ему инструменты экстренного медицинского вмешательства, мягко и осторожно ограничивающие свободу движений пациента. Он что-то говорил низким голосом. Лицо было искажено от предельного волнения. Слова произносились им четко, раздельно, но звучали они совершенно незнакомо для Гефти. Было очевидно, что Молбоу полагает, что находится в своем родном времени. Несколько секунд он оставался в неведении, что его навестил Гефти. Потом сощуренные глаза пришельца из будущего неожиданно расширились, и Молбоу гневно закричал.

Гефти почувствовал некоторое замешательство. Молбоу должен был пребывать в бессознательном состоянии хотя бы потому, что находился под анестезией. Тем не менее, он был в сознании. Речь Молбоу стала теперь полностью понятна. И слова, им произносимые, стоили бы внимания, да только при другой обстановке. Гефти поспешил прервать этот словесный поток.

— Послушайте, — сказал он спокойно, — я пытаюсь вам помочь. Я…

Теперь Молбоу прервал его, но отнюдь не спокойным тоном.

Гефти послушал немного и пожал плечами. Ну, не нравился он Молбоу, и все тут! Положа руку на сердце, Гефти мог заявить, что Молбоу тоже не вызывает в его душе положительный отклик. А то, что он сейчас услышал от Молбоу, заставляло любить его еще меньше. И все-таки, в меру своих ограниченных возможностей, Гефти старался сохранить жизнь человеку из грядущих времен.

Он поместил автохирург у изголовья кровати, чтобы тот мог приступить к анализу состояния больного. Потом занял такое место у пульта управления аппаратом, чтобы можно было следить за действиями автохирурга и одновременно наблюдать за Молбоу, находясь вне его поля

зрения, чтобы излишне его не возбуждать. В следующее мгновение автохирург отключил средства первой помощи и аккуратно ввел сильное успокаивающее. Затем принялся ждать. Молбоу должен был впасть в беспамятную дремоту уже через тридцать секунд. Однако препарат, казалось, подействовал на сознание Молбоу так же неэффективно, как и предшествующее анестезирующее средство. Раненый продолжал метаться и вопить, что есть мочи. Гефти встревоженно наблюдал за ним, понимая, что перед ним — совершенно невменяемый субъект. В настоящий момент он не мог ничего поделать, — заключение автохирурга было надежнее любых непрофессиональных догадок. А тот продолжал выжидать.

А потом Молбоу скончался. Это произошло внезапно. Судорожно напрягшееся тело конвульсивно дернулось, а искаженные черты лица, наоборот, смягчились. Глаза остались полуоткрытыми, и, когда Гефти подошел к кровати сбоку, они, казалось, продолжали смотреть, но теперь уже неподвижно. Из угла обмякшего рта показалась тоненькая струйка крови — и замерла…

* * *

Когда Гефти вернулся в аппаратную, там было все так же темно. Энергоснабжение еще не было налажено. Вкратце сообщив Керри о случившемся, он добавил:

— Знаешь, я совсем не уверен, что твой бывший босс был человеком. И это лучше, чем наоборот.

— Почему так, Гефти? — Керри внимательно всмотрелась в его лицо.

Помявшись немного, Гефти произнес:

— Поначалу мне показалось, что он пришел в ярость оттого, что мы расстроили его планы. Но это были не его планы… а джанандры. Это он был ее слугой, вернее, питомцем. Пожалуй, точнее, следует сказать, что он являлся для нее чем-то вроде домашнего животного.

— Но ведь это невозможно! — недоверчиво промолвила Керри. — Подумай только, как разумно излагал мистер Молбоу…

— Он следовал чужим предписаниям, — сказал Гефти. — Джанандра сообщала ему обо всем, что ей было нужно, чтобы он для нее сделал. Когда он пытался меня прикончить после того, как я убежал из бункера от этой твари, он тоже выполнял указание. Решения принимала только

джанандра… Из них двоих именно она обладала подлинным разумом. Ей бы капельку везения, и она сумела бы завладеть кораблем.

Керри кротко улыбнулась.

— Но ты, как мне кажется, довольно успешно справился с ее могучим интеллектом.

— Просто удача оказалась на моей стороне, — сказал Гефти. — В общем, там, откуда пришел Молбоу, командуют существа, подобные джанандре. И вся штука в том, что Молбоу это вполне устраивало. Иного он просто не желал. Когда нас поразил тот последний огонь, он убил джанандру, которая в тот момент находилась снаружи. Молбоу почувствовал, что она погибла, и это окончательно вывело его из равновесия. Он хотел отомстить за ее смерть, прикончив нас обоих. Но так как он был беспомощен, то покончил с собой. Он совсем не хотел, чтобы его вылечили — во всяком случае, он не желал принимать помощь из моих рук. Вот так все это выглядит, если вкратце.

Он потянулся, взглянул на часы и поднялся с кресла.

— Ну что ж, — сказал он, — десять минут, которые я дал «Королеве» на то, чтобы вновь подключиться к энергоснабжению, истекли.

Кажется, моя старушенция с этим не справилась. Так что господину капитану придется засучить ру…

Бесшумно включилась косвенная система освещения аппаратной. Аварийная подсветка мигнула и погасла. Гефти завертел головой по сторонам.

Керри уставилась мимо него на экраны мониторов. Лицо ее сияло.

— О, Гефти! — тихонько всхлипнула она. — Наши звезды, Гефти!

* * *

— Зеленая точка вот здесь, — это мы, — объяснял Гефти с легкой хрипотцой в голосе. Откашлявшись, он продолжил: — Истинное местоположение «Серебряной Королевы», это… — Гефти умолк, понимая, что говорит слишком много и торопливо. Он почти что трещал, как сорока, пытаясь подобным способом хоть как-то ослабить напряженность момента. В следующие несколько секунд их местоположение может и не проясниться, но за это время станет понятно, находятся ли они вне областей космоса, охваченных технической деятельностью Федерации, или им повезло. Тогда они узнают, есть ли шанс

вернуться домой (к худу это, или к добру — неведомо) или им суждено безнадежно затеряться в бездонных пучинах космоса.

В великолепных узорах густых звездных скоплений, которые показывали экраны мониторов, не было ничего узнаваемого. Но Гефти не стал углубляться в размышления по этому поводу. До тех пор, пока точное местонахождение корабля не было определено, или хотя бы не стало известно, находится ли корабль в зоне проложенных космических маршрутов, искать знакомые вехи по развернутой над головой звездной россыпи было пустой тратой времени.

Гефти включил на «тарелке» локатора исходную звездную карту. На ней вновь появилась крохотная светло-зеленая точка. Теперь вокруг нее светился красный ободок. Она как бы висела на фоне трехмерного изображения бездонного Млечного Пути. Некоторое время искомая точка оставалась неподвижной, потом стала плавно перемещаться в восточную часть Галактики. Гефти затаил дыхание. Он чувствовал на себе пристальный взгляд Керри, но все же не сводил глаз с «тарелки» локатора.

Зеленая точка замедлила ход и остановилась. Гефти четыре раза нажал на одну и ту же кнопку.

Большая карта пропала из виду, и на «тарелке», быстро сменяя друг друга, появились и исчезли три локальные звездные карты. Осталась только четвертая по счету. Зеленой искорки в красном кружочке на ней не было заметно в течение нескольких секунд. Потом она всплыла у восточного края карты, заскользила вверх и налево, снова замедлила свое движение и, наконец, остановилась. Теперь звездная карта вместе с зафиксированной на ней зеленой точкой стала плавно перемещаться по локаторной «тарелке». Карта вплотную поднесла эту точку к «мертвому» центральному пятну на локаторной «тарелке» и замерла.

Гефти немного расслабился. Он медленно провел руками по лицу и что-то пробормотал. Потом тряхнул головой.

— Гефти, — прошептала Керри, — что это? Где мы?

Он посмотрел на девушку.

— После того, как нас затянуло в этот Поток Времени, — сказал он хрипло, — я пытался выяснить, в каком направлении нас несет. Судя по этим индикаторам курса, мы пытались двигаться сразу во всех направлениях. Помнишь, блок управления Молбоу барахлил, ибо нуждался в

дополнительной наладке? Ну, в общем, все эти мелкие толчки в разные стороны скомпенсировали друг друга, поэтому нас занесло не так уж далеко. За последние полтора часа мы покрыли расстояние, примерно равное тому, какое проходит «Королева» на полном ходу, скажем, за месяц.

— Тогда где же…

— Дома, — просто сказал Гефти. — Это даже смешно! Мы находимся просто по другую сторону от Ядра. Она противоположна той, откуда мы стартовали. — Он кивком головы указал на «тарелку». — Восточный квадрант Ядра, участок шестьдесят восемь. Участок Г-два позади зеленой точки — это система Эвали. Если попросим помощи, то три часа спустя к нам подойдет, чтобы взять на буксир, Межзвездный Эвали.

Керри засмеялась и заплакала одновременно.

— О, Гефти! Я была уверена, что ты сможешь…

— Но, тем не менее, попотеть пришлось изрядно! Слишком много было поставлено на карту. — Гефти вдруг подался вперед и включил передатчик. — А сейчас давай-ка послушаем последние эвалийские новости. Есть еще кое-что, что я…

Его голос медленно затих. На табло передатчика

высветилась беспорядочная и совершенно непонятная мешанина из букв и разноцветных пятен; из динамика послышалась какофония голосов, музыки и прочих звуков. Гефти покрутил ручку настройки. Табло очистилось, и на нем появилась полоса свежих новостей. Гефти прищурился на нее, скосил глаза на Керри, поморщился.

— Это кое-что, — сказал он немного натянуто, — меня также беспокоило. Похоже на то, что я был более или менее прав.

— А что такое?

— Ничего страшного, — заверил ее Гефти и добавил: — Но это лично мне так кажется. Взгляни на дату выпуска новостей Федерации.

Керри всмотрелась в табло и нахмурилась.

— Но…

— Ага.

— Да ведь это… это же почти…

— Это был тот день, — сказал Гефти, — вернее, сегодня тот день, который последовал непосредственно за датой нашего отправления из Ядра на запад Галактики. Что произошло три недели тому назад. Мы должны были только что миновать Миам. — Он подпер рукой подбородок. — Интересная мысль, не правда ли?

Керри долго молчала.

— Значит, они… то есть мы…

— О, они — это мы, будь покойна, — сказал Гефти. — Иначе и быть не может, разве не так?

— Я тоже так считаю. Это все кажется таким запутанным. Вот что я подумала… Если бы ты связался с ними по радио…

Гефти помотал головой.

— Передатчик «Королевы» не настолько мощный, но его сигнал может достичь Эвали. Через них мы можем затем выйти на КомСеть, и через десять минут или около того… Но я не думаю, что нам следует это сделать.

— Почему? — заинтересовалась Керри.

— Потому что раз уж мы благополучно выбрались из всей этой заварухи, то надо, чтобы для нас все закончилось так же благополучно. Но если мы получим сейчас то самое их сообщение и в то же время никогда не отправимся на луну Молбоу… понимаешь? Просто невозможно узнать, что из этого выйдет.

Керри выглядела неуверенной. Она нахмурилась.

— Наверное, ты прав, — наконец согласилась она с неохотой. — Значит, мистеру Молбоу так и придется оставаться мертвым. И джанандре тоже. — Через секунду она добавила: — Ну и пусть,

ведь эта парочка далеко не ангелы.

Гефти передернуло. Но не от слов девушки.

Помимо всего прочего, из бреда Молбоу он узнал истинную причину, по которой тот взял с собой в путешествие Керри и Гефти. И причина эта не допускала никаких кривотолков: нежная забота Молбоу о гастрономическом благополучии своего хозяина. Джанандра могла обходиться без пищи довольно долго, но после многолетнего поста на луне разговеться парочкой мясных закусок по дороге домой ей бы совсем не помешало.

А ведь джанандра была гурманом. Она предпочитала, как это было известно Молбоу, чтобы закуска была свежей и, даже будучи проглоченной, продолжала барахтаться и извиваться в ее желудке.

— Да уж, — сказал Гефти, — я бы тоже ангелами их назвать постеснялся — и того, и другого.

Машлюди
(рассказ)

В капканы, установленные вчера в степях к востоку от Землемерной Станции на планете Ледерет, попало несколько особей. Однако все они оказались достаточно известны обоим биологам

из исследовательской группы. Джеслин подобрал капканы, оживил пойманных животных ружьем-возбудителем с безопасного расстояния и повернул к точке, расположенной в ста восьмидесяти километрах к северо-западу от станции. Там он снова расставил капканы на расстоянии полукилометра друг от друга. В этой местности покатые холмы были покрыты высоким лесом с обширными участками густого подлеска. Популяция животных, обитающих в этих краях, хоть чем-то, да должна была отличаться от степной.

К полудню Джеслин завершил все подготовительные работы. Он сверил новые местоположения капканов со своими картами и направил Пойнтер обратно на станцию. Джеслин был коренастым, мускулистым мужчиной. Будучи самым младшим членом группы, он совмещал обязанности психолога и сборщика образцов дикой природы. В глубине души он предпочитал второе. На пути к участкам с капканами частенько попадались любопытные и живописные зверюшки, что доставляло Джеслину неизъяснимое удовольствие. Если такое животное представляло собой неизвестную доселе разновидность, в Пойнтере тут же возбуждался «охотничий» импульс — электронно-механический аналог охотничьей

стойки, характерной для тезки Пойнтера, — живой настоящей собаки. Сам Пойнтер являлся универсальным и многофункциональным средством передвижения. Он был одинаково способен как на травлю дичи в самых густых зарослях, так и на полет обратно на станцию с пойманными животными, общий вес которых в несколько раз превышал его собственный вес, разумеется, при условии технической исправности.

День сегодня выдался небогатым на улов. Дичи-то вокруг было полно, да только Джеслин пребывал в меланхолическом настроении, что способствовало, скорее, наблюдению за животными, нежели их преследованию. Все клетки на станции были заполнены, и расставленные в новых местах капканы должны были снова их заполнить до того, как биологи закончат исследования теперешних их обитателей. Джеслин покрыл большую часть лесного массива, скользя над ним на уровне макушек деревьев и, наконец, вышел на точку, находящуюся в двенадцати километрах к северу от станции.

Здесь преобладали засушливые почвы с растущим на них кустарником. Земля внизу была усеяна шиловидной растительностью. Пойнтер парил над кустарником; и маленькие существа,

которых накрывала его тень, с легким свистом шмыгали в заросли колючек. Через некоторое время Джеслин включил переговорное устройство и щелкнул пальцем по кнопке вызова Землемерной Станции на связь. От Ледерета до ближайшей цивилизованной планеты нужно было добираться почти целый месяц. Маленькие группы, работающие на столь отдаленных планетах, принимали некоторые меры предосторожности. Это рассматривалось как нечто само собой разумеющееся. Одна из таких мер заключалась в том, что каждое средство передвижения обязано было подать перед прибытием на станцию опознавательный сигнал.

Зажегся экран монитора, и на нем появилось пухлощекое, усеянное веснушками лицо женщины лет сорока. Альд, диетолог их группы. Она мило улыбнулась Джеслину и спокойным голосом промолвила:

— Привет, Джеслин! — а потом таким же ровным, невозмутимым тоном добавила: — Катастрофа, машлюди…

Экран потух.

Джеслин моментально вытянул руку, схватил рукоятку управления Пойнтером, развернул машину и погнал на предельной скорости обратно

к лесу. Включив весь комплект обзорных экранов наземного и воздушного наблюдения, он с замиранием сердца быстренько просмотрел их один за другим.

В настоящий момент он не видел ничего такого, что подтверждало бы предостережение Альд.

Но слово «катастрофа», употребленное в таком контексте, могло иметь единственное значение. Станция захвачена врагом… В данной ситуации ему предстояло держаться от нее подальше, избегать пленения и помогать попавшим в беду товарищам всеми возможными средствами.

Итак, машлюди…

До того, как ее отключили от связи, Альд удалось вставить в свое сообщение только одно это слово. Джеслину был знаком этот термин. Машлюдьми именовались человеческие существа, организм которых был подвергнут изменениям хирургическим путем и оснащен целым рядом приспособлений. Эти приспособления позволяли машлюдям действовать без опаски в такой окружающей среде, которая вызывала мгновенную смерть у обычного человека, например, в открытом вакууме, если он был лишен защиты скафандра или космического корабля. Это были люди-инструменты, люди-машины.

Отсюда и произошло это сокращенное название — машлюди. Джеслину лично не доводилось слышать о последних экспериментах в области киборгизации, как по другому называлось омашинивание человека. Однако существовало приличное количество документальных свидетельств об успешно осуществленных (в той или иной степени) переходах человека в состояние человека-машины, сокращенно — челмаша.

* * *

На секунду он мысленно возвратился к донесению, полученному несколько дней назад с патрульной канонерки. Она была приписана к Ледерету для охраны сотрудников исследовательской Землемерной Станции. С кораблем связалось небольшое суденышко Ай-флота и попросило разрешения на проведение ограниченных горных разработок на планете. После согласования этого вопроса со станцией разрешение было выдано. Ай-флотские были космическими бродягами; как правило, безобидными. Бригада же их горняков могла предоставить ценные сведения о планете, с которой она, по всей видимости, была хорошо знакома.

Корабль горноразработчиков приступил к ра-

боте на дне высохшего озера примерно в тысяче километров от станции. Машлюди, захватившие станцию, вероятно, явились с этого самого корабля. При наличии тяжело вооруженной патрульной канонерки, барражирующей вокруг планеты, это казалось невероятно дерзким поступком. До той поры, пока…

В этот момент своих рассуждений на одном из боковых экранов Джеслин заметил человеческую фигуру. На первый взгляд она показалась Джеслину полностью обнаженной. Человек был распростерт горизонтально в воздухе на высоте около полусотни метров от земли. Как подводный пловец, вытянув назад вдоль туловища руки, он приближался к Пойнтеру с правой стороны, с очевидным намерением отрезать Джеслину путь к лесу.

И для того, чтобы осуществить свой маневр, он двигался с достаточно большой скоростью!

Некоторое время Джеслин просто таращил глаза на этакое чудо-юдо, — скорее с изумлением, нежели с тревогой. Потом он разглядел, что на летуне надеты трусы, ноги обуты в нечто вроде бутс, а в левой руке зажат какой-то темный предмет. Возможно, какое-то специальное устройство для полета. Иначе Джеслин не мог объяснить

столь стремительное перемещение в атмосфере. Зато это зрелище, кажется, проясняло схему захвата станции. Горсточка полуголых ай-флотских горняков, приближавшихся к станции на своих двоих, и, на первый взгляд, безоружных, наверняка не вызвала там ни малейшего беспокойства. Посетителей, небось, даже пригласили войти.

Джеслин посмотрел на лес, видневшийся впереди по курсу следования Пойнтера, и вновь сверился с обзорными экранами. Вдали, с левой стороны, в воздухе появились еще три маленькие точки. Они вполне могли оказаться аналогичными летунами, идущими на перехват. В таком случае, чтобы добраться сюда, им потребуется несколько минут. За это время Пойнтер успеет затеряться в лесной чаще. Чтобы предотвратить подобное, челмаш справа, который был уже на подходе, очевидно, собирался атаковать в одиночку. Джеслин подумал, что создавшаяся ситуация ему только на руку.

Он вынул из «бардачка» рулон полиэтиленовой липкой ленты, отслоил треть метра и засунул в карман. Потом похлопал по другому карману на правой стороне куртки, дабы убедиться, что пистолет, который он применял в качестве последнего средства защиты от чрезмерно

агрессивных представителей фауны Ледерета, находится на месте. Затем включил парализующую пушку Пойнтера, развернул машину в широкой петле и быстро направил навстречу приближающемуся челмашу.

Тот сделал крутую «свечку» до того, как Джеслин успел взять его в прицел. Джеслин наблюдал на экранах, как летун пронесся примерно в двухстах метрах над ним и, очутившись за кормой летательной машины, вошел в пике. Джеслин развернул Пойнтер носом снова к лесу, до которого теперь оставалось не более двухсот метров, и стал набирать скорость. Он заметил, как челмаш вознамерился перекрыть оставшееся между машиной и лесом пространство, двигаясь на бреющем, почти касаясь травы. Вот до него осталось сто метров… потом восемьдесят… шестьдесят…

Челмаш выбросил вперед левую руку с зажатым в ней темным предметом. Джеслин резко затормозил. Конструкторами в компьютерный разум Пойнтера была заложена программа, обеспечивающая способность моментально менять направление движения, чтобы подстраиваться оптимальным образом под тактические увертки преследуемой дичи. Он начал крутиться, как волчок. Когда атакующий летун на какой-то миг

приблизился к перекрестию прицела оглушающей пушки, Джеслин плавно нажал на спуск. Челмаша задело внешним краем парализующего поля и боком унесло в сторону. Темный предмет, оказавшийся вовсе не механизмом, обеспечивающим полет, а каким-то оружием, выпал у него из руки. Обмякшее тело, переворачиваясь в воздухе, свалилось в беспорядочном падении. Ловчая сеть Пойнтера подхватила его у самой земли.

* * *

— Меня зовут Халид, — вскоре сообщил челмаш. — А ваше имя мне известно. Вполне возможно, что когда-то, в далеком прошлом, нам приходилось встречаться.

Джеслин оглядел его. Парень был пристегнут ремнем к сиденью, соседнему с креслом Джеслина. Запястья челмаша были прикреплены друг к другу контактными путами, другая лента удерживала матерчатую повязку на глазах. Последние несколько минут он понемногу приходил в себя, и в том, что пленник заговорил, не было ничего удивительного. Но столь учтивого отношения к своей персоне Джеслин никак не ожидал.

— Если мы даже и встречались, — промолвил он сухо, — я не припомню такого случая.

Халид слегка повернул голову на его голос. Челмаш не был крупным, рядом с Джеслином он выглядел чуть ли не заморышем. Однако под кожей оливкового цвета выпирали тугие бугры мышц, говоря о недюжинной мускульной силе.

— Это только предположение, — примирительным тоном сказал Халид. — Дело в том, что нас с вами, Джеслин, угораздило закончить Ранжиерский Университет в одном и том же году. Я учился на медицинском факультете…

— Жаль, что, судя по всему, вы не стали работать по специальности, — сказал Джеслин.

— Не-ет, — энергично замотал головой пленник, — я-то как раз и работал по специальности! Я — один из результатов эксперимента по созданию машлюдей. Более того, в немалой степени благодаря мне, этот эксперимент удалось довести до столь удачного завершения.

Джеслин хмыкнул и вновь обратил свое внимание на обзорные экраны. Кажется, эксперимент и в самом деле удался на славу. Когда он вышел из машины, намереваясь высвободить Халида из цепких щупалец Пойнтера, то ожидал найти, по меньшей мере, хоть какие-то признаки кардинальных изменений в человеческом теле. Настолько кардинальных, что благодаря им

человеку стал подвластен воздушный полет без аэрокаров. Но каковы бы ни были эти изменения, внешне их было не заметить. Беглый обзор нескольких предметов одежды челмаша также не обнаружил никаких устройств, объясняющих его способность к левитации. До тех пор, пока Халид своим поведением не доказал сей непреложный факт, Джеслин не был уверен, что Альд правильно определила сущность людей, напавших на станцию. Более ранние эксперименты в области киборгизации приводили к созданию таких машлюдей, в телах которых пластмасса и металл, предназначенные для выполнения различных функций, пропорционально сочетались с живой плотью.

Джеслин кинул взгляд на часы, вмонтированные в приборный щиток, проверил еще раз экраны и развернул Пойнтер в направлении участка, обозначенного на карте строго к западу от теперешнего местонахождения. До него было всего-то каких-то три сотни километров. Когда Джеслин последние двадцать минут следовал постоянно меняющимся курсом, блуждая наугад над лесом, он неоднократно замечал на обзорных экранах летающих людей. Вполне возможно, что к настоящему времени он их потерял. Тем

временем, у него в руках находился пленник, который вроде был совсем не прочь поделиться с Джеслином нужной тому информацией. Хотя бы частично.

— Сколько машлюдей на Ледерете? — спросил Джеслин для затравки.

— В настоящий момент около сорока, — с готовностью сообщил Халид. — Остальная часть нашей группы, — всего в ее составе насчитывается сто девяносто пять функциональных единиц, — находится на корабле, который уже на подходе и скоро будет здесь.

— Сто девяносто пять, — поинтересовался Джеслин, — это общее количество подвергнутых превращению в машлюдей во время вашего эксперимента?

— Не совсем. До того, как мы усовершенствовали наши методы, периодически случались летальные исходы.

— Что предпримет ваш космический корабль, когда наткнется на патрульную канонерку?

Халид расхохотался.

— Он просто заберет к себе на борт ее команду. Что ж еще? До того, как захватить станцию, мы, естественно, взяли на абордаж канонерку.

* * *

Джеслин и раньше подозревал подобное. Во время полета через лес он трижды пытался связаться с канонеркой, но все разы безуспешно. Она не отзывалась.

— Каким образом это было осуществлено?

— Мы выследили геологоразведывательный корабль и послали им ложный сигнал тревоги, — откровенно делился подробностями Халид. — Дескать, так и так, у нас произошел несчастный случай, на борту куча раненых. Как и положено в приличном обществе, горняки тут же поспешили на помощь. Когда они подсоединили к шлюзам стыковочную трубу, мы пустили в ход газовые шашки. Причем, сразу на обоих кораблях. Мы ведь дышим не так, как обычные люди. Все было очень просто и, я бы сказал, элегантно. Но вам не стоит беспокоиться, — добавил он безмятежно, — ни о ваших коллегах, ни об обслуживающем персонале на станции. Никто из них нисколько не пострадал. У нас не было таких намерений.

— Рад это слышать, — буркнул Джеслин совсем не радостно. — А теперь скажите мне, — в чем суть всей этой затеи с машлюдьми? Несомненно, ваш эксперимент увенчался успехом и являет-

ся важным научным достижением. Если бы он проводился открыто, я бы, несомненно, о нем слышал. К чему такая секретность? И зачем… — Он сдержал себя. — Сколько летальных исходов на счету первой стадии эксперимента, когда вы только разрабатывали методику?

Немного помявшись, челмаш неохотно произнес:

— Пятьдесят два.

— Понятно. Значит, вы экспериментировали не только с добровольцами.

— Конечно, нет, — сказал Халид. — Мы как были, так и остались довольно компактной группой единомышленников. Работа явно была опасной, и до тех пор, пока порог смертельного риска не был преодолен, нас нельзя было расходовать как никчемный материал. Но мы работали тайно и ничего не публиковали до закрепления результатов нашей работы, а в итоге все, как один, покинули цивилизацию совсем не по этой причине. В конце концов, за неудачу ранних опытов мы не обязаны отчитываться ни перед кем.

— Тогда в чем же причина? — спросил Джеслин.

— Причина — в осознании того неопровержимого факта, что машлюди, которых мы создавали,

и которыми вскоре собирались стать сами, взобрались на более высокую ступень развития, чем обычные люди. Одним махом челмаш оказался полностью избавлен от четырех пятых недостатков и немощи, присущих человеческому телу. Его в перспективе ожидает значительно более продолжительная жизнь. У него более ясный ум, он в меньшей степени подвержен эмоциональным расстройствам. В физическом смысле он несравненно более продуктивен и независим от условий окружающей среды, на что никогда не станет способен обычный человек. И ведь это только начало, ибо мы находимся только на старте, мы — пионеры… Да, да, Джеслин, мы стали машлюдьми вовсе не для того, чтобы вкалывать на планетах, лишенных нормальной атмосферы, или в открытом космосе ради своей или, что скорее, чьей-то выгоды. Мы сделали такой выбор просто потому, что этот способ существования гораздо лучше и перспективнее во всех отношениях. Мы, — с гордостью произнес Халид, — представители вида Хомо Супер, люди ближайшего и отдаленного будущего рода человеческого. И поверь, Хомо Супер, Человек Превосходящий, не тешит себя совершенно идиотскими иллюзиями, будто в его рядах вскоре

окажется множество всяких примитивных недоносков, у которых полно денег, чтобы заплатить за превращение в челмаша. Денежным мешкам без капли интеллекта вход в наше сообщество заказан. А также мы не собираемся предоставлять ни свои ближайшие, ни свои долгосрочные планы в распоряжение правительства. Мы — избранная каста, ею и останемся. Вот почему мы пришли к решению отделиться, отрезать себя от пуповины, соединяющей с Федерацией.

— И это, — заявил Джеслин, — оправдывает ваши пиратские действия? Можно подумать, что две сотни машлюдей-гениев не в состоянии найти в космосе задачи посложнее, чем зарабатывать на жизнь так же, как рядовые ай-флотские. Ведь горняки — всего лишь обыкновенные представители хомо сапиенс со средним, если не ниже, уровнем компетентности.

— Наша задача не ограничивается простым грабежом станции, Джеслин. Конечно, тамошнее оборудование и персонал являются сами по себе ценной добычей. То же самое, правда, с натяжкой, можно сказать и о патрульной канонерке, и ее экипаже.

Джеслин окинул челмаша встревоженным взглядом.

— Вы имеете в виду, что персонал…

— Само собой разумеется, что персонал станции и экипаж канонерки будут преобразованы в машлюдей, — недвусмысленно поведал Халид. — Все они обладают высоко развитым интеллектом, опытом и навыками, которые мы сможем употребить на общее благо с большей пользой. Их согласие на операцию не потребуется. Должен сразу сказать: не все из тех, кто стал челмашем, подверглись преобразованию по своей воле. Однако их протесты сразу же прекратились, как только перед ними стали во весь рост преимущества нового состояния. Они ведь испытали дополнительные возможности на себе! И теперь так же преданы нашей группе и ее целям, как и все остальные. И вы, Джеслин, станете таким же.

* * *

И вот тогда Джеслин ощутил приступ холодной ярости. Трескучая пропагандистская болтовня Халида, конечно, была классическим образчиком промывки мозгов и не более того. Но ведь развернутая челмашем картина будущей экспансии машлюдей могла быть и реализована…

— Наши планы простираются гораздо дальше, — тем временем продолжал челмаш, поскольк-

ку считал Джеслина если не завербованным, то достаточно продвинутым в интеллектуальном смысле, чтобы смириться с запланированной для него участью. — Этот вопрос рассмотрен всесторонне и подготовлен со всей тщательностью. Вслед за своим преобразованием в замечательного образца новой расы вы немедленно возобновите свою работу на Ледерете. Как ни в чем не бывало. Все останется по-старому. Вы, как и прежде, будете отсылать благоприятные отчеты о Ледерете в Ядро Звездного Скопления, в свое министерство. Не позже, чем через год, его руководством будет принято решение приступить к подготовительным работам по колонизации планеты…

— А вам-то какая корысть? — не удержался Джеслин.

— Этого мы как раз и добиваемся. Во-первых, сюда будут поставляться новейшее оборудование и провиант в таких масштабах, какие при иных условиях были бы недоступны такой маленькой группе, как наша. Во-вторых, на Ледерет непременно направят ученых и инженеров, из которых будет несложно отобрать новых членов нашего сообщества, чтобы достойно расширить его состав. Мы будем трудиться осторожной

неприметно, а когда придет срок, эта планета навсегда окажется потерянной для Федерации. Зато на ней в избытке будет все необходимое, чтобы основать нашу собственную колонию, колонию машлюдей.

Помолчав немного, потрясенный Джеслин все же нашел в себе силы спросить у собеседника напрямик:

— Очень занимательно, спору нет, но зачем вы мне все это рассказываете?

— Чтобы дать вам ясно понять, — заявил челмаш безапелляционно, — мы просто не можем допустить, чтобы тот, кто знает о нас и о наших намерениях, оставался на свободе. Вероятность того, что, когда сюда начнут прибывать грузы из Ядра, вы будете пребывать в прежнем качестве недочеловека и сможете вмешаться в осуществление наших замыслов, может оказаться хоть и небольшой, но мы все равно обязаны принять ее в расчет. Сегодня утром мы управились с каждым вторым из изыскательской группы. При необходимости мы способны выделить все наличные средства, включая резервы, исключительно на то, чтобы целыми месяцами напролет охотиться за вами и только за вами.

— Ага, — торжествующе сказал Джеслин, — те-

перь до меня наконец дошло. Вы предлагаете мне капитулировать!

— Как вам будет угодно, — согласился Халид. — Но в первую очередь я взываю к вашему благоразумию. Вам предоставляется возможность добровольно принять участие в одном из величайших событий в истории человечества. Если отвергнете эту перспективу, то вам, возможно, не удастся избегнуть трагической кончины.

— В настоящий момент, — мягко промолвил Джеслин, — один из активнейших и, насколько я могу судить, красноречивых членов вашей группы содержится у меня в заложниках.

Халид протестующе замотал головой, облепленной липкой лентой.

— Никто из нас не имеет столь большого значения, чтобы ради него группа пожертвовала своими интересами. Разумеется, тот факт, что я являюсь вашим пленником, не останется без самого пристального внимания. Но при необходимости нам обоим суждено умереть.

Взгляд Джеслина упал на штурманскую карту над щитком. Несколько секунду он изучал по ней путь следования.

— Ну что ж, не буду дискутировать с вашими утверждениями, что жизнь в ипостаси челма-

ша несравненно лучше, чем жизнь простого смертного, и что в будущем все человечество превратится в сообщество машлюдей. Возможно, и то, и другое — верно. Но лично мне, — в голосе Джеслина зазвучали металлические нотки, — претят лишь ваши способы достижения этих целей.

— Мы прибегаем к крайним мерам лишь вследствие суровой необходимости, — попытался придать бесчеловечной доктрине хоть какую-то легитимность Халид.

— Ладно, над этим я еще подумаю. Теперь, когда вы, насколько я понял, полностью исчерпали доводы в пользу своих воззрений, я буду крайне признателен, если вы немного посидите молча.

Челмаш улыбнулся, пожал плечами и затих. Через несколько минут Джеслин замедлил ход Пойнтера. Впереди виднелась долина с петляющей по ней широкой поймой реки. Дальнейший курс пересекал реку. На другом берегу тоже возвышался лес. Однако между этим лесным массивом и зарослями, над которыми сейчас этаким грузным колибри завис Пойнтер, располагалось открытое пространство, простиравшееся, как минимум, на полкилометра.

Джеслин то и дело посматривал на обзорные

экраны. Он был уверен, что его не преследуют. Даже челмаш-одиночка не смог бы «висеть на хвосте» у виляющего между деревьями на большой скорости Пойнтера без того, чтобы хотя бы разок не попасть в зону обозрения навесных телекамер. А вот открытое небо — другое дело. Чтобы проверить, не снуют ли там машлюди, Джеслину пришлось бы поднять аппарат над кронами деревьев. Но и без того он и так догадывался, что наверху и немного впереди парят и реют машлюди.

Джеслину необходимо было перебраться за реку до того, как охота за ним примет организованный характер. Сейчас для этого представилась лучшая возможность. Между стволами деревьев и подлеском уже просвечивали залитые солнцем участки долины, и он решил, крадучись, подобраться к ближайшей опушке, а затем, если не будет заметно на небе наблюдателей, сделать стремительный рывок через открытое пространство. Да, Джеслин отдавал себе отчет: будет очень плохо, если его заметят, но, как только машина доберется до леса по ту сторону долины, он сможет снова затеряться среди буйной растительности…

В этот момент Халид издал слабый краткий

всхлип. Джеслин взглянул на него и увидел, что лицо челмаша исказилось в напряженной гримасе. С ним явно происходило что-то неладное. Немедленно, не успев даже окончательно осознать свои действия, а, подчиняясь лишь неясному инстинкту, Джеслин развернул Пойнтер прочь от долины и, поддав скорости, направил машину обратно в лес.

Позади него с жутким треском стали валиться деревья. На экране заднего обзора он увидел нечто, следующее за Пойнтером и сметающее все на своем пути… Вертикальный смерч пяти метров в поперечнике, состоящий из кустов, вырванных с корнем и сломанных древесных стволов. Все это вращалось в воздухе и тут же расстреливалось лучом энергомета. Следом за смерчем рассыпалась веером целая группа летунов.

Добравшись до более густых зарослей, Джеслин повернул налево и сотню метров гнал Пойнтер перпендикулярно своему прежнему курсу, прижимая аппарат к самой земле. Затем он резко вильнул вправо. Примерно с минуту на экранах он ничего не видел, кроме лесной чащобы, через которую продиралась его машина. Затем промелькнули два челмаша, снуя между стволами

деревьев повыше подлеска. Рев луча энергомета, до этого на некоторое время поутихший, возобновился с новой силой. Пойнтер метнулся в соседнюю чащобу.

— Бесполезно, Джеслин! — выкрикнул Халид. — Мои товарищи вас обнаружили, и теперь вам не уйти!

* * *

Некоторое время казалось, что челмаш прав. И, тем не менее, летуны оказались не в состоянии состязаться с Пойнтером, когда он удирал через лес. Как только они спускались ниже крон деревьев, и Джеслин начинал увертываться от них в разные стороны, машлюди сразу же отставали и вскоре исчезали из виду. Однако они могли вновь подняться вверх. Там, в открытом воздушном пространстве, не скованные препятствиями в виде многочисленных ветвей, они имели явное превосходство в скорости, и пользовались этим вовсю. Джеслин не имел понятия, каково общее количество загонщиков, но добрую половину времени ему приходилось пребывать в поле зрения кого-нибудь из них.

А за летунами следовали энергометы. Вдогонку за Джеслином увязались, по меньшей мере, две

машины, ведомые летучими корректировщиками. Время от времени раздавался надсадный рев смертоносного луча, кромсающего растительность при очередной попытке прорваться к Пойнтеру, а затем вдруг с противоположной стороны почти одновременно с первым появлялся второй энергомет. Один раз Пойнтер чуть не врезался прямо в один из потрескивающих штабелей поваленного леса. Когда машина увернулась-таки от столкновения, ее тряхнуло так, словно она вот-вот развалится на части, а Халид отозвался на это происшествие, едва не ставшее трагическим, тем, что хрипло вскрикнул.

Но вот вновь наступила тишь да гладь, и Пойнтер ринулся вперед, наверстывая упущенное. Прошла минута, за ней другая, третья… — преследователей на экранах не было видно вообще. Внезапно внимание Джеслина привлек овраг впереди — узкая пойма какого-то высохшего водоема. Он заставил аппарат нырнуть в этот овраг и примерно с четверть километра летел вдоль него, пока тот плавно не перешел в глубокое скалистое ущелье, почти закрытое сверху густым подлеском. Здесь он затормозил машину.

Числовое табло на приборном щитке показывало, что с тех пор, как аппарат влетел в долину,

прошло двенадцать минут, — а ему показалось, что бегство от энергометов длилось чуть ли не час.

Джеслин вытер вспотевшие ладони о рабочие штаны, бегло взглянул на съежившегося Халида. Особого удовлетворения, что от этой безумной гонки больше досталось челмашу, а не ему, он не почувствовал.

— Ну, а теперь говори, — сказал он отрывисто, — если тебе жизнь дорога. Что происходит?

Халид выпрямился. Прямо скажем, с ответом он не спешил. Наконец челмаш осторожно заговорил, очевидно, изо всех сил стараясь вернуть самообладание:

— Сразу же после того, как мы обезвредили станцию, некоторым членам вашей исследовательской группы были введены препараты, под воздействием которых человек говорит правду, одну только правду и ничего, кроме правды. Затем их допросили. Они сообщили нам о радиопередатчике большого радиуса действия, которым, в случае опасности и, в частности, нападения враждебных сил, надлежало воспользоваться и послать сигнал о помощи. Когда вас, Джеслин, таким образом предупредили об опасности, и вам удалось бежать, было высказано

предположение, что вы постараетесь направиться в то место, где вы и были в итоге обнаружены. Передатчик был найден и сейчас, естественно, находится под охраной. А мы с вами наткнулись на группу машлюдей, которая сторожила наиболее вероятный маршрут вашего следования.

Рассказ пленника привел Джеслина в ужас. По правде говоря, он никак не ожидал, что машлюди столь молниеносно раздобудут информацию о передатчике. Ведь этот секрет был единственной возможностью разрушить их планы!

Взяв себя в руки, он спросил твердым, по возможности, голосом:

— Откуда взялись автоматические энергометы?

— Они входят в снаряжение нашего корабля. Машины были отправлены заранее, чтобы способствовать вашей поимке.

— Какая поимка?! — невесело усмехнулся Джеслин: — Да если бы Пойнтер хотя бы чуть-чуть задело даже краем луча, — сказал он, — то нас, как пить дать, пришлось бы соскабливать с деревьев! Вы были правы, говоря о своих единомышленниках, что их нисколько не заботят судьбы тех, кто встает у вашей группы на пути. — Он увидел, как потемнели щеки Халида под повязкой, и до-

бавил: — А ведь непосредственно перед тем, как энергометы на нас напали, вы узнали об их приближении. Отсюда можно сделать вывод: в ваши тела, машлюди, встроена некая система связи…

Помявшись, Халид вынужден был признаться, что так оно и есть.

— Как она действует?

— Я мог бы попытаться описать ее основные характеристики, — промолвил Халид, — но был бы понят лишь другим челмашем. Чтобы научиться пользоваться нашей коммуникацией, необходимо испытать ее действие на себе.

— В любом случае, — сказал Джеслин, — вашим друзьям известно, что мы остановились и сели в каком-то месте.

Халид энергично помотал головой.

— Я им об этом не сообщил.

Лицо пленника исказила неуверенная ухмылка.

— В конце концов, Джеслин, я ведь тоже предпочитаю остаться в живых… и не вижу ни одной причины, по которой мы оба должны умереть. Вы в данный момент ни на что уже неспособны. Вы дезорганизованы, поскольку вам было наглядно продемонстрировано энергометами, какая вас ожидает жизнь, если постоянно будете находить-

ся в бегах. Сами понимаете, группа не прекратит охоту за вами, пока не поймает. Можете оценить оставшиеся на вашу долю шансы. Но стоит только согласиться со мной — прямо сейчас, — и все закончится для вас вполне благополучно. Еще есть время.

Он говорил все более настойчиво, и в его голосе заметно нарастала тревога. Джеслин молча разглядывал пленника. Язык Халида молотил, как заведенный. А ведь он боится, внезапно понял Джеслин. Боится куда больше, чем следовало ожидать от челмаша в сложившейся ситуации. Вдруг у него самого побежали мурашки по спине. Хотя здесь, на дне узкой теснины, обзорные экраны ничего опасного не показывали.

Джеслин спокойно протянул руку и включил оглушающую пушку Пойнтера.

— Джеслин…

Джеслин не откликнулся.

— Джеслин, времени совсем не остается! — ломким от отчаянья голосом воскликнул Халид. — Признаюсь, я сказал тебе не всю правду. Я ничего не могу утаить от группы. Мозг каждого из нас напрямую связан с мозгами остальных членов группы. То же самое можно сказать и обо всей нервной системе. Наша связь друг с

другом осуществляется не чисто механическим путем. Действия каждого из нас сравнимы с действиями ячеек, интегрированных в единый коллективный разум. Мои товарищи знают, что вы прячетесь где-то в этой местности, и продолжают вас искать. В любой момент…

Джеслин задрал нос Пойнтера кверху и выстрелил из пушки. Парализующее поле пробило себе путь наверх по ущелью, аппарат мчался вслед за ним. Человеческие фигурки обессиленно закружились между деревьями, словно опадающие по осени листья, и что-то прогромыхало по дну ущелья в направлении того места, где за секунду до этого прятался Пойнтер.

И опять началась сумасшедшая гонка…

Целую вечность спустя Джеслин понял, что ему и во второй раз удалось оторваться от погони. Пойнтер продолжал нестись вперед совершенно прямолинейно, держась, по мере возможности, ниже крон деревьев. Открытые поляны и русла притоков он преодолевал одним махом, без заминок. Один раз на экранах показалась парочка уже привычных человеческих силуэтов, нарезающая по восходящей круги в небе. Было ясно, что это могут быть только машлюди, и он снова увел аппарат под покров леса.

Потом в моторный отсек Пойнтера что-то врезалось сзади. Толчок был не слишком сильный, и Джеслин не пострадал. Он резво развернул аппарат на сто восемьдесят градусов, благо маневренность позволяла, и заметил фигуру, которая улетала прочь, укрываясь за стволами деревьев. Оглушенная выстрелом из пушки, она закрутилась, как волчок. Джеслин развернулся обратно и снова бросился вперед. Через минуту по лесу прокатился отдаленный треск, потом все стихло.

И все-таки столкновение в воздухе не осталось без последствий. Корпус Пойнтера в какой-то момент стал дрожать, будто нарушилась целостность кузова, и вскоре показатель скорости упал почти до нуля. Покусывая губу, Джеслин взглянул на карту с указанием своего местонахождения. Мышцы рук ныли от усталости, а его самого трясло от напряжения. Он поймал себя на том, что мысленно побуждает машину двигаться дальше («ну, милая, давай, чего тебе стоит!») и, фыркнув, посмеялся над самим собой.

Потом в просвете между деревьями, прямо по курсу, заструился теплый солнечный свет. Джеслин достал из-под приборного щита сложенный черный колпак и положил рядом с собой. Склонившись над пленником, он расстегнул

предохранительный ремень. Челмаш съехал на бок. Рот его шевелился, как будто он что-то непрерывно говорил, но ни единого звука не было слышно. По всей видимости, Халид пребывал в нервном шоке или еще в каком-то состоянии, характерном исключительно для машлюдей.

Джеслин посадил Пойнтер на траву и выключил натужно работающий двигатель. Потом накинул на голову приготовленный черный колпак. Нижняя кромка своеобразного головного убора легла ему на плечи, образуя нечто вроде капюшона. Изнутри колпак был прозрачным. При разглядывании предметов их контуры поблескивали, словно хрустальные.

Джеслин вынул из кармана пистолет, распахнул боковую дверцу и спрыгнул на землю. Впереди через залитую солнцем прогалину что-то прошмыгнуло между кронами деревьев. Две стрелы, пущенные Джеслином, полетели вслед, вспарывая по пути листву. Джеслин всунулся обратно в кабину Пойнтера и выдернул Халида за руку из машины. Развернув подрагивающего челмаша, Джеслин трусцой устремился к участку открытой земли, до которого было с полсотни метров, тычками погоняя Халида впереди себя.

— Джеслин, ради всего святого, — хрипло взмо-

лился тот.

— Да пошевеливай резвее копытами, сверхчеловек! Еще секунда — и на нашу машину науськают энергомет!

Он почувствовал, что тело челмаша вдруг стало легче толкать, и предупредил:

— Только не вздумай бежать или взлететь! Продырявлю тебе башку еще до того, как успеешь оторваться от меня хотя бы на десять метров!

— Да ты просто рехнулся! Теперь тебе не уйти!

В этот момент у них за спиной взрыкнул алчный луч энергомета. Халид заорал, но продолжал исправно двигаться вперед. Спотыкаясь и падая, они все-таки выбрались из густых зарослей на широкую поляну, залитую солнечным светом. Проворные фигурки машлюдей метались над верхушками деревьев по ту сторону поляны, в двухстах метрах от них. Джеслин содрал повязку с глаз Халида, опять схватил его за руку, и они припустили изо всех сил вперед по прогалине.

Где-то из ее середины донесся низкий монотонный звук, на какое-то мгновение приковавший к себе внимание. Словно в колокол ударили, а откуда на этой планете он мог взяться? Джеслин остановился, отпихнул пленника подальше от себя. Челмаш кувыркнулся вперед и поднялся на

ноги, качаясь из стороны в сторону, как пьяный. Колокольный звон повторился, Халид повернул голову в ту сторону, откуда он раздался, и застыл как изваяние.

Вот оно, подумал Джеслин, начинается…

И «оно» началось.

Под защитным колпаком происходящее привычно воспринималось Джеслином, как застилающая взор пелена, которая, вибрируя, вызывала легкое головокружение. А снаружи колпака, из капкана, спрятанного в середине поляны, волна за волной исходило мощное излучение. Оно приводило в замешательство и оцепенение любой живой мозг, который оказывался в зоне его воздействия. С каждой секундой интенсивность излучения возрастала.

Через десять секунд давление прекратилось.

Халида качнуло, и он медленно осел на землю.

С неба стремглав спикировала человеческая фигура. Несколько раз перевернувшись в воздухе, она на полном ходу врезалась в верхушки деревьев за прогалиной.

Что-то прошлось по зарослям позади Джеслина, с шумом разрыхляя землю и отбрасывая за собой настоящим фонтаном грунт, древесные обломки и прочий мусор. Шум перемещался слева напра-

во и через какое-то время затих в отдалении. Подобное громыхание слышалось из леса с южной стороны. Оно тоже мало-помалу стихло. Это неуправляемые энергометы продолжали свою работу.

Джеслин наблюдал, как сверху один за другим планировали к земле в свободном падении другие машлюди-летуны.

Он прошел вперед, подхватил своего попутчика под мышки и выволок его из зоны действия капкана-мозгодава, который, как только вблизи от него появлялся двигающийся объект с размерами, достаточными для срабатывания механизма запуска, включался автоматически.

Джеслин сомневался, что обнаружит хотя бы обгоревший остов Пойнтера. Однако лучи не добрались до него, пройдя мимо летательного аппарата в каких-нибудь пяти или шести метрах. Уже приблизившись к машине, Джеслин услышал доносившийся из кабины сигнал вызова на связь. Он поспешно опустил Халида на землю, забрался в кабину и включил прибор связи.

На экране возникло лицо Гованта, геофизика группы.

— Джеслин, — спросил он с напором, — что за чертовщина творится?! Машлюди, захватившие

станцию, только что попадали, как подкошенные! Все до последнего, в одно мгновение. Альд утверждает, что это все каким-то чудесным образом подстроил ты. Они все живы, только потеряли сознание.

— Да, я в курсе, — невозмутимо сказал Джеслин. — И вот что предлагаю вам сделать немедленно: разоружите их всех и заприте в одном из вольеров.

— Естественно, — раздраженно промолвил Говант, — этим мы займемся в первую очередь! Мы что, по-твоему, законченные кретины, что ли? Только вот…

— Если вы не законченные кретины, — ядовито произнес Джеслин, — то, наверное, догадались послать экстренные сигналы о помощи всем военным соединениям, которые находятся поблизости?

— О чем речь? Конечно, догадались! — Говант скосил глаза в сторону и добавил скороговоркой: — Кажется, кто-то уже откликнулся! Но прежде, чем подойдет помощь, может пройти целая неделя, а у машлюдей имеется космический корабль, который…

— По этому поводу можете не беспокоиться, никаких проблем не будет, — сказал Джеслин. — И

вот что — вышлите-ка ко мне сюда, координаты сейчас сообщу, несколько грузолетов. У меня скоро должно накопиться порядочное количество вышедших из строя машлюдей. Их необходимо переправить на станцию и, пока они не оправятся от шока, рассадить по клеткам.

Говант изумленно уставился на Джеслина.

— Послушай, а что все-таки ты с ними проделал?

— Ну, — сказал Джеслин скромно, — ничего особенного. Да и что я мог, младший член исследовательской группы, сборщик образцов дикой природы?

— Только не надо прибедняться! Ведь ты у нас еще и психолог.

— Вот-вот, — подхватил Джеслин, — это ты в самую точку угодил! Руководствуясь чисто психологическими соображениями, я, можно сказать, просто выкрутил «пробки» у них в мозгах. Мне удалось завести в гипношоковый капкан одного из машлюдей, а поскольку я до этого выяснил, что они все — как бы ячейки одного коллективного разума, то через этого челмаша импульс шандарахнул и по всем остальным. Подробности — по прибытии на базу. Сейчас они все парализованы. Через несколько часов они вновь должны обре-

сти способность двигаться, но в течение многих дней после этого они не смогут предпринять ни одного осмысленного действия без посторонней помощи. К этому времени мы загоним в стойло последнего челмаша.

Когда Говант отключился, Джеслин спустился из Пойнтера на землю и направился к несчастному Халиду. По дороге он обдумывал слова, с которыми обратится к челмашу, чтобы тот в добровольно-принудительном порядке и в самые сжатые сроки обеспечил:

а) отключение бесцельно слоняющихся по лесу энергометов;

б) сбор и складирование в одном месте контуженых летунов;

в) послушный перевод на планетную орбиту захваченной ими патрульной канонерки и своего космического корабля.

Иные признаки сходства

(рассказ)

Доктор Хальдер Леорм внезапно почувствовал острое покалывание в запястье, которым давало о себе знать сигнальное устройство под его наручными часами. Он не спеша отвернулся от

чашечки Петри с изучаемой им культурой, зашел, минуя лаборанта, в комнату для облучения и закрыл за собой дверь. Сняв прибор с запястья, он убрал с него заднюю крышку и поднес к глазам.

Как оказалось, он заглянул к себе домой — в квартиру, которая находилась в другом районе огромного орадского города Дрейса — в противоположной стороне от лаборатории. Итак, в нескольких шагах от входной двери жилища Леорма на ковровой дорожке лежал навзничь человек. Глаза закрыты, лицо сильно покраснело от прилива крови. Он явно находился без сознания. Хальдер Леорм поджал губы. Человек на ковре был ни кто иной, как доктор Аттео, его новый ассистент, получивший назначение в лабораторию только на этой неделе. Позади Аттео входная дверь с лифт-площадки для доставки жильцов по квартирам и вход в автопорт были распахнуты настежь.

С натренированной ловкостью, вращая одним пальцем колесико крошечного видового сканера, Хальдер Леорм просмотрел другие участки дома, завершив обзор автопортом. В нем стоял пустой аэрокар. Никого поблизости видно не было.

Хальдер вздохнул, нацепил прибор обратно на запястье и глянул в настенное зеркало. Лицо

было бледным, однако выглядело достаточно спокойным. Выйдя из комнаты для облучения, он нахлобучил шляпу и сказал лаборанту:

— Совсем забыл вам сказать, Риф: мне придется снова отправиться в вояж по центральным лабораториям.

Риф, крупный рыжеволосый молодой человек, посмотрел на доктора с некоторым удивлением.

— И хватает же у людей совести каждые два дня посылать вас через весь город! — заметил он. — Чей узел собираетесь распутывать на этот раз?

— К сожалению, меня об этом не уведомили. Скорее всего, что-то срочное, и они хотят знать мое мнение по этому поводу.

— М-да, это уж как водится! — Риф почесал в затылке и оглядел аккуратный ряд чашечек Петри. — Вообще-то, я и сам могу управиться, даже если Аттео и не придет. Вернетесь к вечеру, доктор?

— Я не стал бы так далеко загадывать, — улыбнулся Хальдер. — Вы же знаете эти совещания, как они обычно проходят.

— Ага. Ну ладно, доктор Леорм. Если я вас до завтра не увижу, передавайте от меня привет вашей очаровательной супруге.

Хальдер, стоя на пороге, улыбнулся в ответ.

— Обязательно передам, Риф!

Он закрыл за собой дверь и направился к выходному уровню гигантской фармацевтической фабрики. Поведение Рифа не давало повода усомниться в его естественности. Если доктор Аттео на самом деле являлся федеральным агентом, занятым слежкой за доктором Хальдером Леормом (что очень походило на правду), то коллеги Хальдера, очевидно, не были в восторге от этого факта. Тем не менее, решил Хальдер, он должен немедленно предупредить Килби. Было вполне вероятно, что его попытаются арестовать прямо в стенах здания.

Он вошел в первую попавшуюся по дороге будку КомСети. и набрал рабочий номер телефона Килби. Его жена работала в конторе одного из крупнейших домов моды в «спальном» районе Дрейса. У нее был собственный кабинет, что на данный момент было как нельзя кстати. Перед ним на экране почти сразу же появилось молодое лицо с мягкими чертами, украшенное серыми глазами. Она улыбнулась, будучи приятно удивлена неожиданным звонком мужа.

— Привет, Хальдер!

— Привет, Килби… Надеюсь, ты не забыла?..

На лице Килби появилось вопросительное

выражение.

— О чем?

— О том, что мы сегодня обедаем у Хасмина.

Хальдер молча наблюдал, как быстро бледнеют щеки Килби.

— Ну, конечно! — прошептала она. — Я и в самом деле забыла. Замоталась тут и… Я прямо сейчас выхожу! Договорились?

Хальдер улыбнулся. Первое потрясение прошло, и теперь его жена сможет держать себя в руках. В конце концов, они ведь оба самым детальным образом подготовились к тому самому дню, когда на них обоих пало, хоть и не окончательно, подозрение властей Федерации.

— Ну, вот и отлично, — сказал он. — Я звоню из лаборатории и сейчас выйду… — он выдержал едва заметную паузу, — если меня не задержат. В любом случае, встретимся у Хасмина примерно через двадцать минут.

Большие глаза Килби на мгновение сверкнули. А что, если Хальдер попадется? В соответствии с планом, разработанным на этот случай, ей придется выпутываться самой. Такой у них был уговор. Она одарила мужа ослепительной улыбкой.

— Так я заслужила прощение за свою забывчи-

вость, дорогой?

— Вне всякого сомнения, — улыбнулся в ответ Хальдер.

* * *

Вахтеры на проходной Хальдеру были совсем незнакомы. Тем не менее турникет с удостоверяющим личность сканером он миновал беспрепятственно, явно не вызвав интереса к своей персоне. Слева, за турникетом, размещались широкие, открывающиеся внутрь ворота, ведущие к станции метро. Его аэрокар находился на крыше здания, на служебной автостоянке, но план побега заставлял Хальдера с Килби отказаться от личных машин. Они более, чем вероятно, могли оказаться ловушками. Поэтому на первом этапе супруги решили пользоваться только услугами общественного транспорта. Хальдер зашел на станцию, подошел к забронированной им ранее ячейке камеры хранения и вынул оттуда два свертка. В одном находились полная смена белья и запасной костюм, а также зеркало. В другом — медицинский бокс с полудюжиной запечатанных пробирок, в которых хранились законсервированные культуры микроскопической жизнеформы специальных видов, о существо-

вании которых фармацевтическая фирма, где работал доктор Хальдер Леорм, не подозревала так же, как и о методике, с помощью которой они были открыты.

Доктор отнес свертки в упомянутую выше будку КомСети и заперся там, отгородившись от внешнего мира опущенными жалюзи. Затем быстро скинул одежду. Открыв первую из пробирок, он погрузил в нее иглу шприца и, наблюдая за собой в зеркале, сделал тщательно выверенную по объему инъекцию в каждую щеку. Отложив в сторону иглу со шприцем, он открыл следующий контейнер, зная, что в его организме уже началась бурная белковая реакция.

Три минуты спустя из зеркала смотрел на него смуглый незнакомец с резко очерченными скулами, мощной челюстью, мясистым носом, слегка раскосыми глазами и седеющей шевелюрой. Хальдер избавился от зеркала, от одежды, которую снял, и от содержимого бокса. По окончании работы по изменению внешности промежуточного хозяина чужеродные организмы, которые произвели перестройку и теперь кишмя кишели в его кровеносной системе, были взяты вегетативной системой Хальдера под неусыпный контроль, поскольку дальнейшая их деятельность могла

привести к серьезным заболеваниям и даже к летальному исходу.

Вскоре он вышел из метро на городской окраине, оказавшись на уступе одного из отелей, на высоте сорока этажей от уровня улицы. Он не стал высматривать Килби, или, вернее, ту женщину, в которую должна была превратиться Килби по дороге сюда. Согласно плану, он должен был появиться первым, убедиться, что за ним не было «хвоста», а затем проверить, не следует ли кто-нибудь за его женой.

Килби появилась ровно через пять минут. Теперь она выглядела немного более приземистой дамой, чем раньше, и была лет на десять моложе Хальдера при его теперешней внешности, такая же смуглая, как и он. Расовые признаки внешности обоих были схожи. Подойдя к нему, она сверкнула белозубой улыбкой, кокетливо посматривая на Хальдера темными вишнями своих глаз.

— Я не заставила тебя, дорогой, долго ждать? — спросила она.

— А сама ты как думаешь? — дружелюбно проворчал Хальдер. — Давай поймаем такси — и вперед. Следом за тобой из метро никто не выходил.

Килби понимающе кивнула.

Она помнила, что оглядываться нельзя. Когда они стали спускаться по ступенькам к выстроившимся в линию аэрокарам-такси, она принялась многословно рассказывать о неком придуманном событии, убедительно играя роль простушки, которую подцепил импозантный фат. Золотистые волосы, высоко поднятые на затылке, волнующе колыхались при ходьбе. Трудно было придумать более глубокий контраст по сравнению с той стройной сероглазой женщиной с неброской внешностью, с каштановыми волосами, мягко ниспадающими на плечи, с которой Хальдер разговаривал всего двадцать минут назад.

Он подумал, что уже одна только маскировка вполне позволит супругам оставаться неопознанными в Дрейсе.

Однако план требовал сделать гораздо больше. Слишком много было поставлено на карту.

Не прерывая своей болтовни ни на секунду, Килби первой юркнула в салон такси.

Когда Хальдер захлопнул за собой дверцу, тем самым приведя в действие наружную непроницаемость лобового стекла, Килби молча отключила прибор связи, перегнувшись через спинку переднего сиденья, соседнего с водителем. Затем

она упала на заднее сиденье рядом с Хальдером, покусывая губу. Голова водителя свесилась на бок, как будто он заснул. Потом бедняга медленно сполз по сиденью и скрылся у Хальдера из виду.

— Покончила с ним мгновенно, не так ли? — спросил Хальдер, включая управление такси с пассажирского места.

— Угу! — Килби открыла косметичку, стряхнула туда с левой ладони маленький пистолетик и коротко пожала руку мужу.

— Ты поведешь машину, Хальдер, — сказала она. — У меня настолько взвинчены нервы, что я могу закричать! Я напугана до смерти! Что случилось?

* * *

Хальдер поднял такси с уступа, и машина стала набирать высоту.

— Мы оказались правы, догадавшись насчет истинных намерений доктора Аттео, — начал он с места в карьер. — Полчаса назад мой ассистент попытался проникнуть в наш дом и, заметь, в наше отсутствие. Придется признать, что он Федеральный агент. Входной капкан его нокаутировал, но это, возможно, лишь подольет масла в огонь. До этого Федеральные власти еще

были не готовы произвести наш арест, но теперь они, безусловно, отбросят все сомнения. Нам надо поспешать, если мы намерены опередить коллег Аттео.

Килби прерывисто вздохнула.

— Ты предупредил Рейна и Сантин?

Хальдер кивнул.

— Я послал сигнал тревоги на их столичную квартиру через КомСеть, поскольку посчитал, что в сложившихся обстоятельствах не стоит делать персональный звонок. По моим расчетам наши друзья успеют упаковать вещи и добраться до ранчо до нашего приезда. Там мы и обрисуем им все в деталях.

— Ты перезарядил капкан у входа в дом?

Хальдер притормозил такси и свернул над Дрейсом на одну из центральных магистралей, пересекающих город из конца в конец.

— Нет, — сказал он. — Выведение из строя еще нескольких Федеральных агентов ничего хорошего нам не сулит. Пройдет восемь или девять часов прежде, чем Аттео сможет членораздельно говорить, а к тому времени, при любом стечении обстоятельств, нас на планете уже не будет.

Смуглая женщина, которой была Килби, с дьявольским роем микрофлоры внутри организма,

который тоже находился под контролем, взглянула на мужа и произнесла голосом Килби:

— Хальдер, ты полагаешь, нам стоит продолжать поиски остальных?

— Ну, конечно, зачем же останавливаться?

Килби, приподнявшись, произнесла:

— На то, чтобы найти меня, у тебя ушло около трех месяцев. Четыре месяца спустя мы узнали, где находится Рейн Рейлис… и Сантин — почти в одно и то же время. С тех пор мы тратим время впустую. Прошло полтора года, а нас столько же и осталось.

Она замолчала. Хальдер тоже молчал, зная, что она с трудом сдерживала чувства. Через некоторое время Килби продолжила:

— Остается найти тысячу двести, рассеянных по тысячам обитаемых планет. Большинство из них, вероятно, прячется, как прятались и мы. А тут еще легавые Федерации по нашему следу по пятам идут… Даже если нам удастся скрыться на этот раз, каковы шансы, что мы успеем связаться со всей группой по истечении срока?

Хальдер терпеливо произнес:

— Это трудно, но возможно. Из прошедших полутора лет мы были вынуждены потратить основную часть времени на сбор информации,

изучая отдельные нюансы сложного функционирования этой гигантской цивилизации. Мы проделали огромную работу, о масштабах которой наши менторы на Калечи либо сами не догадывались, либо решили от нас утаить. И мы не так уж плохо справились с этой работой, Килби. Теперь у нас есть методика, по которой можно руководить исследовательской группой. Девятнадцать часов в космосе — и мы на другой планете, снова в подполье, с измененной внешностью. С какой стати нам отказываться от нашего плана до тех пор, пока…

Килби прервала мужа, продолжив его интонацию:

— До тех пор, пока в один прекрасный день мы не услышим, что на планетах Федерации человеческие существа вымирают целыми миллиардами?

Хальдер внимательно следил за дорогой.

— До этого дело не дойдет, — покачал он головой.

— Не дойдет? Ты так в этом уверен? — спокойно спросила Килби.

— Ну, хорошо, — сказал Хальдер. — Что в таком случае прикажешь делать? Явиться с повинной?

— Я уже думала об этом.

— Да, конечно! Сдаться властям, чтобы они располосовали нас в лабораториях Федерации на части и физически, и психологически! — Хальдер покачал головой. — Не забывай, мы для них — существа с планеты Калечи… этакие монстры. Даже если мы добровольно раскроем наше инкогнито, они подумают, что это какая-то уловка с нашей стороны. Дескать, нам стало ясно, что нас все равно поймают… и все такое прочее. Думаю, особой милости от них ждать не приходится. Не-ет, если уж нам и суждено потерпеть неудачу, мы постараемся, чтобы Федерация получила соответствующее предупреждение. Но только не за счет наших собственных жизней, естественно, пока это возможно. — Он встревоженно посмотрел на жену. — Килби, нам ведь не впервой проходить через это.

— Да, я знаю. — Она закусила губу. — Наверное, ты прав.

Хальдер вывел такси из транспортного ряда и развернул по направлению к верхушке высокого здания, находившегося в трех километрах по левую сторону от прежнего курса.

— Мы будем в клубе через пару минут, — сказал Хальдер. — Если ты чересчур взволнована, тебе лучше остаться в машине. Я заберу снаряжение

«воздушных бродяг», и на этом же такси мы доберемся до городской черты. Там машину бросим.

Килби покачала головой.

— Мы договорились, что не будем отступать от плана побега ни на йоту, если только в этом не возникнет крайней необходимости. Ничего, я быстро приведу себя в порядок. Знаешь, я просто позволила ситуации слишком сильно повлиять на меня.

* * *

Перед тем, как остановиться около клуба, доктор перевел управление на автопилот с десятисекундной задержкой после посадки. Десяти секунд хватило как раз для того, чтобы супруги покинули салон, и как только дверцы захлопнулись, пустая машина плавно взмыла в воздух. До того, как они добрались до входа в клуб, машина скрылась из виду за шпилями небоскребов. Регистрационная табличка сбоку от пульта управления извещала, что такси предстоит находиться на линии еще три часа. До той поры пропажи водителя не хватятся. Когда машину обнаружат, пройдет еще несколько часов, прежде чем водитель придет в сознание. То, что он расскажет следователям, уже не будет иметь никакого значения.

В одной из комнат клуба, бронированных загодя для мистера и миссис Энли, они переоделись в шорты и остальную экипировку «воздушных бродяг». Затем сели на метро и добрались до пригорода Дрейса, где было разрешено летать, не пользуясь аэрокарами и прочими средствами воздушного транспорта. Здесь пустыри чередовались с лесопарками, а лесопарки — с небольшими жилыми массивами, и все это простиралось далеко на восток. Беглецы быстро настроили летное снаряжение на бесперебойный прием энергопитания, которое передавалось по городской сети, поднялись в воздух для пробы всего на пятнадцать метров и понеслись в сторону дальнего леса. При таком экономном режиме полета энергия подавалась в рулевой и двигательный блоки дозированными порциями, что делало «воздушное бродяжничество» одним из самых увлекательных и приятных видов спорта. В свое время Хальдер пришел к выводу, что для подозрительной парочки, которая могла в любой момент решиться улизнуть от федеральной службы по выслеживанию и поимке людей, заниматься им было бы совершенно предосудительно.

В течение полутора часов они строго придерживались восточного направления, принорав-

ливаясь к рельефу лесистой местности. Только изредка рисковали появляться на открытых участках. Время от времени им попадались другие группы «воздушных бродяг». Воспринимая Хальдера и Килби, как товарищей по спортивному увлечению, они возбужденно махали руками и выкрикивали не слышные из-за шума ветра приветствия. Наконец впереди открылась протяженная долина без каких-либо следов человеческого обитания. На дальней ее окраине начинались и вовсе открытые пространства, усеянные мелкими табачными плантациями. По графически прямолинейным полям этой выгодной сельскохозяйственной культуры, не спеша, ползали автоматические культиваторы. Килби, оглянувшись через плечо, качнула головой и повернула к одной из ферм, для чего снизилась и заскользила в каком-то полуметре над поверхностью земли. Хальдер летел следом, в десятке метров от нее. Они приземлились у подножия косогора, рядом с живой изгородью, увитой декоративным плющом. В изгороди немедленно распахнулась маленькая калитка.

Из динамика, встроенного в калитку, раздался голос, подозрительно похожий голос Хальдера.

— Все чисто, ребята, можно заходить!

Пройдя через калитку, они увидели, как по косогору к ним спускается крупными шагами Рейн Рейлис — долговязый рыжеволосый мужчина с широкоскулым лицом.

— Мы получили ваш сигнал тревоги, — сказал он вместо приветствия, — но, как это с нами частенько бывает, и раньше догадывались, что случилась какая-то неприятность.

Килби бросила на него испуганный взгляд.

— За вами тоже кто-то следил?

— Не то, чтобы следил… по крайней мере, мы этого не заметили. Давайте зайдем в ангар. Сантин уже внутри горы.

Все трое двинулись по узкой тропинке между рядами растений. Рейлис продолжал рассказывать:

— Сегодня поступили первые отзывы на наши изыскания. Один из них показался мне весьма обещающим. Сантин на своем аэрокаре немедленно отправилась в Дрейс, чтобы сообщить вам об этом. Как обычно, перед тем, как позвонить в дверь, она отсканировала вашу квартиру и обнаружила там троих незнакомых мужчин, поджидающих вас, видимо, с определенными целями.

— Когда это было? — задал напрашивающийся

вопрос Хальдер.

— В начале второго. Сантин сразу же проверила оба ваших места работы. Никого на месте не оказалось. Она сделала вывод, что вас, очевидно, пока не поймали, и вероятно, вы уже направляетесь сюда. Она позвонила мне. Ваш сигнал тревоги прозвучал почти одновременно с окончанием нашего разговора.

Хальдер переглянулся с Килби.

— Кажется, нам удалось скрыться всего за пять минут до ареста, — сухо заметил он. — Ты сумел прихватить с собой записи, Рейн?

— Да, я забрал с собой все. Если нам удастся благополучно покинуть Орадо, то дальше мы сможем отправиться почти с того же места, откуда прибыли сюда.

Рейн Рейлис распахнул дверь ангара, вежливо пропустил Хальдера с Килби вперед и запер за собой дверь. Они быстро миновали маленькое помещение и подошли к открытому стенному порталу у противоположной стороны. Внизу виднелось большое, ярко освещенное помещение без окон, обставленное удобной мебелью. Оно целиком могло быть перемещено порталом на расстояние до семи километров от ангара. Этот нюанс имел жизненно важное значение

для организации маршрута побега. Если за ними организуют погоню, то след, хотя бы временно, оборвется здесь, на табачной ферме.

Они вошли в безоконное помещение, и Рейн Рейлис опустил вниз рычажок переключателя. Вход в портал зарос и стал неразличим с остальной стеной. В ангаре снаружи механизмы портала охватило огнем. Они яростно полыхали несколько десятков секунд и полностью расплавились, вплоть до шлакообразного состояния.

* * *

Рейн скупо обронил:

— Признаюсь прямо, малость полегчало на душе… Федеральные агенты знают свое дело, но я пока не слыхивал о детекторных устройствах, способных пробиться на полкилометра в толщу базальта, чтобы обнаружить нас внутри горы.

Он замолчал. Из соседней комнаты к ним вошла высокая черноволосая девушка с темно-карими глазами. Сантин Рейлис, единственная из четверых, не стала прибегать к биологическому маскараду. Но, несмотря на значительные различия во внешнем виде, ее вполне можно было принять за сестру Килби.

Хальдер поведал им, что произошло в Дрейсе,

заключив свой рассказ словами:

— Раньше я предполагал, что первое подозрение, скорее всего, падет на кого-нибудь из вас. Особенно, конечно, на Сантин, которая легально работала в Опознавательном Центре Орадо.

Сантин довольно усмехнулась.

— А менее открыто, можно сказать украдкой, снимала копии со схем опознания, — добавила она. Сразу после этого ее лицо приняло прежнее серьезное выражение. — Заметили вы какие-нибудь признаки, по которым можно определить, что именно привлекло к вам внимание?

Хальдер покачал головой.

— Я могу только догадываться, что это — работы по микробиологии, которыми я занимался. Судя по характеру этих работ, конечно, можно предположить, что у легавых возникло смутное подозрение о трехлетнем плане Калечи по уничтожению населения Федерации.

— И что как минимум один из группы уже схвачен! — добавил Рейн.

— Возможно.

Наступило короткое молчание.

— Да, новости невеселые, Хальдер, — спокойно промолвила Сантин. — Все, что нам удалось выведать за последнее время в Опознавательном

Центре, подтверждает правоту теории Рейна… что у каждого из двенадцати сотен членов группы Калечи, в принципе, можно выявить три одинаковых распознавательных признака в дельта-хромосоме, перетасованные для наших генотипов в бесчисленном количестве вариаций. Чтобы удостовериться в этом, ищейкам Федерации не придется отлавливать многих из нас. После поимки нескольких они начнут делать то же, чем пытаемся заниматься и мы — распознавать остальных членов группы по генному портрету.

Хальдер кивнул.

— Ты по-прежнему собираешься выйти в космос на крейсере «Звездный Свет»? — спросил Рейн.

— Именно так мы с Килби и поступим, — сказал Хальдер. — А вам обоим сейчас, по моему глубокому убеждению, следует проработать один из альтернативных нашему маршрутов побега.

— С какой стати? — отрывисто спросила Сантин.

Хальдер ответил на этот каприз со всей силой убеждения, на какую только был способен.

— Неужели непонятно?! Существует вероятность, что вы до сих пор находитесь вне подо-

зрений.

— Очень может быть. Но это вовсе не повод, чтобы нам разделяться. Мы — рабочая группа, и нам необходимо быть вместе независимо от обстоятельств. А ты чего молчишь, Рейн? Выскажи свое мнение!

— Я с тобой согласен, — сказал ее муж. Он улыбнулся Хальдеру. — Мы будем ожидать вас на берегу озера Сенла за десять минут до старта вышеозначенного крейсера. Итак, друзья, что еще осталось обсудить?

— Не сейчас, — Хальдер немного посидел, насупившись, потом продолжил: — Ну, хорошо. Мы до сих пор не знаем, на что способны власти Федерации. Любой наш шаг может оказаться неверным. Мы вас заберем, как и договорились. Килби и я полетим на Сенлу такими же «бродягами», какими мы добирались до ранчо. Так что можно отправиться прямо сейчас.

Они перешли во вторую комнату подземного убежища. Рейн повернулся к пульту управления выходом из портала и спросил:

— Где вас выпустить?

— Мы воспользуемся речным выходом, — ответил Хальдер. — В шести километрах отсюда, в девяти от ранчо… Это будет достаточно да-

леко. Через полминуты мы вылезем наружу и затеряемся среди целой армии отдыхающих, приехавших из Дрейса и столицы.

* * *

Уже смеркалось, когда Хальдер и Килби свернули на прибрежную дорожку озерного курорта «Сенла», заполненную толпами фланирующих бездельников. Не спеша, они направились к дачному домику с верандой, купленному Хальдером на чужое имя несколько месяцев тому назад. Хальдер был поглощен обдумыванием деталей последнего этапа побега с планеты Орадо. По существу, план был до смешного прост. Через час супругам предстояло сняться с дачной яхтенной стоянки на маленьком звездном крейсере и забрать с противоположного берега озера Рейна и Сантин. Затем их корабль должен был присоединиться к группе примерно из тридцати частных яхт, которая ночью отправлялась из курортной зоны в двухчасовой полет к огромному игорному кораблю, который вращался вокруг Орадо по стационарной орбите. Вряд ли групповой круиз сегодня вечером мог привлечь пристальное внимание властей. А, добравшись до казино, изгои должны были незаметно ускользнуть в откры-

тый космос.

Однако невозможно сказать наверняка, что этот план сработает. Впрочем, не мог внушать стопроцентной уверенности и любой другой план. Четверо диверсантов Калечи только в последние несколько месяцев дошли до истинной сути принципов, на которых держался казавшийся неуправляемым комплекс планет Федерации. Как долго они находились под наблюдением, что о них знала Федерация, в какой степени их подозревали — удовлетворительных ответов на эти вопросы у группы не было до сих пор. Поэтому Хальдер шел молча, ни на минуту не теряя бдительности. В окружающей супругов толпе внимание доктора привлекало все, что могло бы послужить хотя бы намеком на опасность. Был летний вечер. Приближался пик курортного сезона. От людей, заполонивших прогулочную зону на берегу Сенлы, веяло праздностью и спокойствием. Голоса отпускников сливались в один басовитый дружелюбный гомон. В другое время, подумал Хальдер, если бы все у них шло благополучно, они с Килби могли бы безбоязненно затеряться в точно такой же толпе без всякой биомаскировки. Но сегодня за ними охотились.

Он легонько дотронулся до руки жены.

— Давай немного передохнем вон на той скамейке.

Улыбнувшись в ответ, она свернула с дорожки и первой направилась к свободной скамейке, которая стояла резной спинкой к дорожке, спрятавшись среди декоративного кустарника. Они присели. Хальдер торопливо снял часы с запястья и откинул крышку сканера. Дачный дом находился в нескольких сотнях метров отсюда. К нему вела боковая тропа, которая спускалась к озеру. Света в окнах видно не было, но когда луч сканера проник внутрь, невидимое излучение заполнило погруженные в темноту комнаты и прихожую, предоставляя хитроумному прибору возможность осмотреть помещение. В течение двух или трех минут Хальдер внимательно изучал внутренние помещения. Потом переключил изображение на участок, прилегающий к дому, и, наконец, проверил яхтенную стоянку с маленьким звездным крейсером. Килби дважды предостерегающе толкала его в бок, когда по близости показывались какие-то люди, явно намеревающиеся составить им компанию на скамейке. Тогда Хальдер просто опускал руку, чтобы не было видно, что у него зажато в кулаке. Но незнакомцы, не останавливаясь, проходили

мимо.

Наконец, он вернул часы на запястье. Никаких признаков вторжения непрошеных гостей не обнаружилось. Во всяком случае, было ясно, что ни в самом доме, ни в его окрестностях засада не поджидает. Он поднялся со скамьи и подал руку Килби.

— Что ж, дорогая, отправимся-ка дальше в путь, — сказал он.

Через несколько минут они уже подходили по садовой дорожке к заднему входу в дачный домик. Не должно было остаться ни малейших признаков того, что этим вечером в дом кто-то наведывался. Хальдер тихонько отпер дверь и после того, как Килби проскользнула внутрь, последовал за ней.

Когда они двигались по темной прихожей, Хальдера на мгновение охватило странное чувство — пугающая уверенность в том, что они только что допустили просчет, только вот в чем — непонятно. Одна уже мысль об этом мгновенно парализовала тело доктора. Каждый отдельный мускул — прямо в процессе движения — охватила судорога. Он почувствовал, как по инерции медленно заваливается вперед. Потом падение прекратилось, но равновесие так и не восстано-

вилось. Нелепо накренившись под совершенно невероятным углом, он словно повис в паутине, сотканной из каких-то неведомых сил. От Килби, скрывшейся в темноте впереди, не доносилось ни единого звука.

Собрав волю в кулак, Хальдер попытался вернуть окаменевшим членам привычную подвижность. Не тут-то было — вместо этого по его телу медленно прошлась волна какого-то леденящего оцепенения. Когда она добралась до мозга, все его мысли и ощущения временно исчезли.

* * *

Первым ощущением пробудившегося сознания было, что это сон — без малейшего представления о том, каким образом можно проснуться. И это нисколько не беспокоило доктора Леорма. Вокруг все было погружено в полную темноту. Ни один звук не нарушал тишину. Органы чувств Хальдера с удивительной избирательностью стали привлекать внимание мозга к тем или иным проявлениям окружающего мира. Как оказалось вскоре, он полулежал в глубоком удобном кресле, откинувшись на спинку, и не мог пошевелиться. Руки онемели, словно были прикованы к подлокотникам. Кроме того, он обнаружил, что не

может отдать приказ брюшному прессу, чтобы податься телом вперед. Потом выяснилось, что и голову нельзя повернуть. При этом дышал он вполне свободно; мог открывать и закрывать глаза и осматриваться в неизменной темноте, насколько позволял угол зрения. И это было все, что он мог себе позволить.

Довольно беззаботно — как это бывает только во сне — Хальдер начал спрашивать себя, что могло случиться... И вдруг, ощутив прилив волны ужаса, обжигающей изнутри пищевод, он вспомнил все! Их поймали в западню! Ученые Федерации подготовили для них какой-то загадочный трюк, который блестяще сработал в загородном доме на берегу озера Сенла. А сейчас он находится совсем не там, а в каком-то другом месте.

Что они сделали с Килби?

Немедленно, словно в ответ на этот вопрос, темнота стала как бы светлеть. Процесс этот был постепенный. Прошли секунды, прежде чем Хальдер смог разглядеть, что он находится в помещении неопределенных размеров. Неподалеку от него в центре пола виднелось круглое углубление. Вначале казалось, что из всей мебели в комнате находится только его кресло. Потом, по

мере того, как в комнате становилось все светлее, Хальдер краем глаза заметил на некотором расстоянии справа от себя несколько предметов.

На мгновение он напрягся изо всех сил, чтобы повернуть голову. Это оказалось невозможным по-прежнему. Но Хальдер был абсолютно уверен в наличии этих предметов. Он ощущал их боковым зрением. В огромном помещении продолжало светлеть. За несколько секунд до того, как все внезапно опять погрузилось в темноту, Хальдер успел различить три таких же, как у него, кресла, расположенных вокруг центральной ямки, примерно в десяти метрах друг от друга. В каждом из кресел кто-то находился. Самое ближнее к Хальдеру кресло занимала Килби, абсолютно голая. Лицо бледное, как у покойника, глаза открыты, но зрачки неподвижны.

После того, как свет погас, Хальдер сидел, потрясенный тем, что его попытка заговорить с Килби не удалась — из горла не вырвалось ни единого звука. Значит, здесь им не позволено ни говорить, ни двигаться. Он не сомневался, что Килби находилась в сознании. Был он также уверен и в том, что в двух других креслах, расположенных дальше, сидели Сантин и Рейн Рейлисы, хоть он и не мог разглядеть их как следует. Те, кто схватил

их, позволил пленникам ненадолго увидеть друг друга. Видимо, это было сделано с определенной целью: дать каждому понять, что поймана вся четверка. В тот момент, когда свет уже гаснул, взгляд Хальдера скользнул по руке, лежащей на подлокотнике. Он успел отметить, что его кожа, как и кожа Килби, лишилась смуглого оттенка. Стало быть, они оба были избавлены от микроорганизмов, неузнаваемо изменивших их внешность.

А ведь исследования, проведенные им в Дрейсе, убедительно доказывали, что эту технологию Федерация не способна освоить еще добрую сотню лет, и уж, во всяком случае, до тех пор, пока не столкнется с ее смертоносным применением со стороны Калечи.

Опять создалось впечатление, что на эту мысль тут же поступил ответ. В темном помещении появилось яркое объемное изображение предмета, по форме напоминающего сферу. Его поверхность была раскрашена, как шкура у тигра, оранжевыми и черными полосами. Объект балансировал на мощном хвосте, раздвоенном, как у морских скатов. Из верхней части сферы выпячивались на жгутиках глаза, как у краба. Хальдеру показалось, что зрачки, разделенные вертикальной

щелью надвое, как у рептилий, уставились на него в упор. По левому и правому краям сферы сверху вниз тянулись два ряда веревкообразных конечностей.

* * *

Одновременное появлением этого изображения, негромко, но отчетливо зазвучал человеческий голос. Как это бывает во сне, он не имел конкретного источника и, казалось, исходил сразу отовсюду. В Хальдере зародилось подозрение, вскоре переросшее в уверенность, что в этой комнате их разумы подвергаются насилию. Он был убежден, что ученые Федерации приступили к процессу поэтапного вытягивания информации из арестованной четверки. Он будет продолжаться шаг за шагом, час за часом, пока экспериментаторы не придут к убеждению, что из пленников нельзя больше выжать ни капли. Допрос мог проходить совершенно обезличенно. Однако, то, что здесь ими, как мыслящими существами, полностью пренебрегали, не позволяя сказать слова в свою защиту или даже просто объясниться, коробило больше, нежели продуманная жестокость. И все-таки, как признался самому себе Хальдер, в создавшейся ситуации

нельзя было упрекать никого из тех, кто проводил расследование. Ведь группа диверсантов Калечи представляла собой страшную, быстро прогрессирующую угрозу, следовательно, противодействуя ей, Федерация не могла себе позволить ни единой ошибки.

— Этот объект, — говорил голос, — представляет собой изображение Великого Сатога — дышащего кислородом обитателя планеты Калечи, который живет в водной среде. Существуют многочисленные разновидности данного зоологического класса. Здесь представлен господствующий вид. Он обладает высоко развитым интеллектом. Его мозг по объему занимает приблизительно треть всего туловища.

Цивилизация на Калечи основана на понимании биологических процессов и способах управления ими. В этом отношении она опередила нас, граждан Федерации Ядра Звездного Скопления. Особый интерес к проблемам биологии вызван, по всей видимости, генетической неустойчивостью Сатогов. Они научились регулировать это свойство своего организма и применять его с пользой для себя. В настоящее время они уже обосновались, по меньшей мере, на дюжине других планет, приспосабливаясь

к каждой из них изменением внешнего вида и перестройкой организма для полного единения с новой окружающей средой.

На протяжении двух столетий наши спорадические контакты с Калечи и ее колониями внешне носили дружественный характер. Однако совсем недавно выяснилось, что все это время Великие Сатоги с большой тревогой относились к технологическому превосходству и преимуществу в количестве населения Федерации и обдумывали, каким образом можно уничтожить потенциального конкурента без риска для себя. Оружие нашлось сразу. Собственно говоря, оно находилось под рукой — колоссальные знания и опыт по изменению генетического кода уже устоявшихся форм жизни с целью получения желаемых свойств и качеств. И тогда Сатоги разработали план, согласно которому по всем уголкам Федерации должны были расселиться секретные агенты Калечи. Их задача заключалась в создании и дальнейшем накоплении особых видов микроорганизмов. При наступлении условленной даты (пресловутый «день Икс») смертоносные для людей бактерии должны были разом вызвать ужасные пандемии, не имеющие аналогов в истории человечества, сразу на всех

основных планетных системах Ядра.

После этого должна наступить очередь самой дерзкой части плана Калечи. Но чтобы ее понять, необходимо вернуться на двадцать два года назад. Именно тогда в зоне стратегических интересов Великих Сатогов пропал исследовательский корабль Федерации. На его борту находился Ол Кантрал, — выдающийся ученый того времени. Теперь стало известно, что корабль был захвачен ни кем иным, как подручными Великих Сатогов. Кантрал, вместе со своими коллегами, а также члены экипажа звездолета подверглись обширному кругу экспериментов со стороны Сатогов. В конечном итоге все пленники были умерщвлены.

Эти эксперименты проводились для того, чтобы снабдить главных биологов Калечи контрольными образцами человеческих тканей, к исследованию которых они тут же приступили. Ученые Калечи решили воспользоваться высокой мутантной способностью своих соплеменников для создания такого вида Сатога, который стал бы точной копией человеческого существа. Этот новый вид смог бы незаметно внедриться и жить на наших планетах в течение всего времени, необходимого для подготовки

ко «дню Икс». Калечианские биологи добились невероятных успехов на своем поприще. Каждая совокупность клеток из всего их многообразия приближалась к усредненной модели той или иной ткани человеческого организма, только до такой степени, которая позволяла инициировать самый благоприятный скачок в генетической структуре, возможный на тот момент. Следуя такой схеме, генерации клеток могли появляться одна за другой с очень коротким интервалом, всего в несколько часов.

Конечным этапом эксперимента — последней клеточной генерацией, выращенной в лабораториях Калечи, — явились сатоговские копии человеческих эмбрионов. На этой стадии было получено чуть более тысячи (1176) индивидуумов, которым было позволено развиться до стадии зрелого организма. Затем каждый из этих псевдолюдей прошел курс обучения у своих учителей-Сатогов, находясь в полной изоляции от сверстников. Им было внушено, что смыслом всей их жизни является массовое уничтожение обитателей планет Федерации. Дальнейшее обучение было целиком посвящено подготовке к эффективному выполнению поставленной задачи.

В итоге каждый из псевдолюдей был отправлен на ту или иную планету Федерации. Для них были подготовлены фиктивные удостоверения личности, у каждого была и своя псевдородословная, и своя псевдобиография. Окончательные инструкции, полученные этими агентами, были элементарны. Ни одним своим поступком диверсанты не должны были привлечь к себе внимания компетентных органов или силовых структур аборигенов. Им было запрещено устанавливать связь друг с другом. Они обязаны были создавать собственные хранилища для накопления смертоносных вирусов и бактерий, разрабатывать способы их скорейшего распространения, и в назначенный день Икс, через три года после начала операции — в масштабах измерения времени, принятых в Федерации, — выпустить бациллы на свободу.

* * *

Голос ненадолго замолк, затем с прежней силой зазвучал вновь:

— Трезво поразмыслив, следует отметить, что план нападения сравнительно малочисленной цивилизации, обладающей единственной способностью, на крупнейшую в истории Галактики

Человеческую Федерацию вполне мог увенчаться успехом. Но, к счастью для людей, Великих Сатогов постигло полное фиаско. Отчасти это произошло вследствие излишней пунктуальности, которую проявили ученые-Сатоги еще на первоначальной стадии своей грандиозно задуманной диверсии.

Из всех людей, находившихся на борту захваченного корабля, они отобрали в качестве образцов для создания псевдолюдей Калечи самого Кантрала и двух его лаборанток. Эти три личностные генные характеристики легко распознаваемы у каждого из тысячи ста семидесяти шести членов группы, засланных в Федерацию девяносто дней спустя. Они проявляются у агентов Калечи в различных комбинациях и на разном уровне, однако, выбранный наугад индивидуум обязательно продемонстрирует только одну — ту или иную — из трех имеющихся у него характеристик. Ол Кантрал считался в свое время великим ученым, поэтому его генный портрет был скопирован и хранится в соответствующей базе данных. В первую очередь, именно это обстоятельство и способствовало раскрытию бесчеловечного замысла Калечи. Когда три аутентичных дубликата этой конкретной характеристики, а

также приличное количество приближенных ее копий были одновременно выявлены в опознавательных базах данных в различных точках Федерации, удаленных друг от друга на огромные расстояния, это вызвало любопытство не только в ученых кругах. Наша служба безопасности привыкла смотреть на явные чудеса с законным подозрением. Местонахождение ничего не подозревавших «кантралов» было сразу же выявлено, взято на контроль, и попавшие под подозрение, казалось бы, ничем не примечательные граждане были разоблачены. Угроза Федерации была раскрыта, и начался интенсивный, хотя и негласный, поиск не выявленных пока, рассеянных по Федерации агентов Калечи…

Голос опять умолк.

Изображение Сатога над выемкой в полу исчезло. В большой комнате вспыхнул яркий свет. Хальдер почувствовал, как его покидает принудительная неподвижность. Одновременно с этим из его сознания уплывало ощущение, словно он находится не наяву, а в каком-то страшном сне. Он совершенно свободно повернул голову и встретился взглядом с Килби, у которой еще раньше ожили зрачки. Чета Рейлисов сидела позади нее. Рейн уже лишился блокировки и выглядел

точной копией Хальдера.

Пока они были пристегнуты к креслам, Хальдер быстро перенес взгляд снова на центр комнаты. В том месте, где раньше было углубление, теперь был ровный пол, на котором стоял массивный полированный стол. За столом сидел крепко сложенный, седой, как лунь, человек с волевым лицом и резко очерченным ртом. На нем была надета черная с золотом официальная мантия Советника Федерации.

— Разрешите представиться, я — Советник Мавиг.

Голос был тот же, что совсем еще недавно звучал в темноте, читая лекцию обездвиженной четверке.

— Я возглавляю контроперацию против внедрения на планеты Ядра агентов Калечи. Моя обязанность — поставить их в известность, какая участь ожидает выявленного диверсанта после ареста и освидетельствования.

Он замолчал, задумчиво вытянув губы трубочкой, будто решая, стоит ли продолжать.

— Вы, все четверо, подверглись всестороннему исследованию, — заявил он, наконец. — Большая часть работы была проведена, когда вы находились без сознания. Окончательная проверка

ваших эмоциональных реакций проводилась в течение инициированной стрессовой ситуации, и только что закончилась. Стрессовая ситуация инициировалась в прослушивании вами звукозаписи доклада по делу Калечи.

Мавиг сделал паузу и, нахмурившись, откашлялся.

— Должен признаться, — продолжил он, — что некоторые аспекты этого дела до сих пор кажутся мне просто невероятными! Более половины вашей группы уже поймано. За оставшимися, хоть они и находятся до сих пор на свободе, ведется наблюдение. Опасность глобальной диверсии резко снизилась. Будущие поколения самым пристальным образом будут следить за деятельностью Великих Сатогов. Больше у них не будет возможности повторить подобный трюк. Когда же им станет известно о мерах, которые мы подготовили, думаю, у них пропадет всякое желание даже думать о будущих диверсиях.

Теперь, что касается вас. После того, как мы выследили первый десяток ваших предшественников, стала вырисовываться поразительная картина. Вы не считались с одной из самых строгих инструкций Калечи. Теми или иными способами — часто очень изобретательно — вы

старались установить контакт друг с другом. Почему-то это было для вас первостепенной задачей. И уже вскоре стало ясно, почему. Арестованные, находящиеся в бессознательном состоянии, в ходе допроса выдали следователям настоящую причину такого своего поведения.

Советник Мавиг покачал головой.

— Аппаратура, с помощью которой допрашивают, считается очень надежной, — заметил он. — Но я долгое время отказывался поверить полученным данным. И все-таки…

Он вздохнул.

— Ладно. Теперь о том, что же вас ожидает. Вы будете отправлены к членам вашей группы, арестованным ранее, и будете оставаться с ними до тех пор, пока последний из вас не окажется в руках правосудия, а затем…

Мавиг опять сделал паузу.

— Понимаете, мы не можем обвинить вас ни в одном из противозаконных деяний! — сказал он раздраженно. — Вашим намерением с самого начала стало предотвратить преступление, направленное против населения Федерации. Подсознательно или нет, не суть важно. И данное намерение выражено как у всей группы в целом, так и у каждого в отдельности. Великие Сатоги

просто-напросто слишком добросовестно отнеслись к своей работе. После ареста вас подвергли самым глубоким медицинским обследованиям, какие только возможны. И все они с неизменным постоянством показывают, что ваш генетический код стабилен и ни на йоту не отличается от полноценного генетического человеческого кода.

Вы, возможно, сделаете вывод, насколько же отстала Федерация в биологии! Куда может это ее завести, если имитация человека выполнена иными существами на уровне полной идентичности… — Советник Федерации Мавиг снова покачал головой и заключил: — Все это в высшей степени абсурдно и находится в прямом противоречии со всем, что мы знаем на сегодняшний день! Вы считали себя человеческими существами и полагали, что ваше место — среди нас. И мы можем только полностью согласиться с этим.

Каждому своё
(рассказ)

После того, как корабли сопровождения Федерации передали сигнал, что они завершили выполнение своей задачи и возвращаются домой, в полном распоряжении Азарда осталось шесть

часов. Скоро, сказал он себе, можно будет действовать без опаски… и сделать последние шаги в этом рискованном предприятии, которое было столь же велико по масштабам, сколь и опасно. Но оно было необходимо! Без принципа Малатло вся их затея оказалась бы невозможна. Малатло не раз выручал их.

Он пристально посмотрел из задней части большого рулевого отсека на троицу людей из Федерации. Гигантский грузоперевозчик, не спеша, приближался к планете. Отрешенные от всего окружающего, они были сосредоточены на всевозможных приборах управления кораблем. Сашиен сказал, что приступит к посадке через час. Если Азард не присоединится к ним, чтобы наблюдать процесс приземления на экранах мониторов, это может показаться противоестественным. Так что все необходимые приготовления ему требовалось сделать сейчас.

Он повернулся и молча вышел из помещения. Может, они в нем вовсе и не нуждались. А если даже его присутствия сейчас не хватало, это не имело значения. На пути из Ядра Звездного Скопления он дал всем понять, что его внимание будет непрерывно и полностью поглощено заботой о состоянии и безопасности бесценного груза, вве-

ренного ему судьбой. В этом, как и в остальных вопросах, федералы ни в чем ему не перечили.

Он вошел в кабину лифта, опустился на пять уровней и вышел в тускло освещенный проход, усеянный множеством дверей. Корабль был огромен. До того, как Азард попал в Ядро, он не мог представить, что бывают корабли таких колоссальных размеров. Большая часть грузовых трюмов была занята множеством искусственно выращенных человеческих тел, которые лежали неподвижно, аккуратно разложенные по отдельным отсекам. В каждое из них вскоре внедрят зрелого «старейшину». Таким образом, тела воспрянут к сознательной жизни. Дар пропавшему Малатло от Федерации Ядра. Кроме этого, безвозмездными дарами были и бесчисленные инструменты, агрегаты и приборы, уложенные в «безразмерные» контейнеры, которые были размещены повсюду на корабле. Дарами являлись также припасы и подручные средства, необходимые на первых порах жизни колонистов. Федерация была богатой и щедрой. И она уважала Принцип Малатло, хоть по большому счету и не разделяла его. Она уважала Азарда и его миссию… Миссию по приходу Малатло к обновленному существованию в мире, который

теперь раскинулся перед ними в виде покрытой облаками планеты.

Азард поспешил по гулкому проходу к запечатанной зоне корабля, куда, по принятому соглашению, только он один имел право доступа. Он не считал само собой разумеющимся, что договоренность будет соблюдаться. На нем лежала слишком большая ответственность, что не позволяло проявлять такую роскошь, как доверие. Предполагалось, что двое мужчин и женщина в рулевом отсеке были единственными людьми из Федерации на борту корабля. И все-таки на таком обширном судне этому нельзя было верить безоговорочно. Поэтому в секции, которая была его самой большой головной болью, он установил множество скрытых ловушек и сигнальных устройств. Если кому-то вздумается туда войти, его посещение неминуемо окажется зафиксировано тайной аппаратурой, и станет тут же известно Азарду. Но пока любопытных носов не обнаруживалось.

Он открыл массивный люк отсека, прошел через него и снова запечатал люк за собой. Самым дотошным образом он проверил потайные предостерегающие устройства. Никаких вторжений извне они не зафиксировали. Он спустился на

более низкий уровень и открыл второй люк.

Этот люк он оставил открытым. Помещение, в котором он очутился, было заставлено футлярами с биологическими культурами. Всего их было восемь. В двух из них содержалось полмиллиарда «старейшин» — пятьсот миллионов личностей, индивидуальностей, персонифицированных «я». Продуваемые энергетическими потоками, они находились в микроскопических сотах, которыми были облицованы внутренние стенки футляров. Азард не обладал точной информацией о силах, которые сохраняли и удерживали «старейшин» в футлярах. Но он точно знал, что они там.

Он постоял, повернув голову, прищурив глаза, в позе прислушивающегося к чему-то человека. Ничего нельзя уловить, подумал он. Пока футляры оставались закрытыми, ничего здесь было не уловить. Никакими приборами, никакими органами чувств, даже такими тонкими, как у него. Он наклонился вперед и совершил ряд сложных манипуляций. Только с их помощью и можно было открыть футляр с культурой. Толстая крышка, отвинчиванием которой он занимался, вскоре откинулась назад, предъявив заинтересованному взору набор инструментов на своей внутренней

поверхности. Азард к ним не притронулся. Он ждал. Прошла секунда, потом постепенно у него появилось осознанное двухстороннее восприятие заточенных в футляр личностей.

Это было похоже на постепенно усиливающееся гудение возбужденного роя крошечных пчел. В его уши этот гул не проникал. Но зато слышал его мозг. Они были бодры, пребывали в полном сознании, переполнены желанием снова двигаться, чувствовать, жить. Интересно, подумал он, смогли бы люди из Федерации услышать их так, как он, а если да, то дошло бы до них услышанное?

— Теперь уж недолго, — сказал он «старейшинам». — Совсем недолго!

Но гул неуемной жажды вернуть себе все прелести жизни не утихал.

Он закрыл футляр, потом проверил охранные приспособления на всех восьми. Не было никаких признаков того, что кто-то пытался сунуть сюда свой нос. Как уже упоминалось, в шести футлярах «старейшин» не было; в них содержалось нечто другое, почти столь же ценное. Люди из Федерации об этом ничего не знали. Во всяком случае, Азард был на сто процентов уверен, что не знали.

Потом он покинул запечатанный корабельный

отсек. Теперь уже не имеет значения, подумал он, удалось ли ему полностью избежать подозрений. Игра до сих пор шла удачно и близилась к своему абсолютно успешному завершению. Трое его попутчиков в кабине управления скоро умрут. Тогда корабль со всем его содержимым окажется в его руках.

Он отправился заканчивать свои приготовления.

* * *

Сашиен, бортинженер, посадил корабль на теневой стороне планеты — в районе, условия в котором специалисты по колонизации из Ядра посчитали наиболее благоприятными для нового начинания Малатло. Посадка гигантского судна оказалась настолько мягкой, что Азард совсем ее не почувствовал. Только когда Сашиен заглушил реакторы, он понял, что приземление состоялось.

— А теперь, — вскоре сказал Азарду Одан, — давайте выйдем наружу и посмотрим, какова она, ваша планета.

Азард колебался. Он не хотел покидать корабль даже на несколько часов, пока на нем оставался хоть один человек из Федерации. Но потом выяс-

нилось, что на выход направились все трое: Одан, Сашиен и женщина по имени Грильом Тантри. Именно она курировала проект, по которому было налажено массовое производство находившихся на корабле туловищ-зомби для Малатло и разработано их обеспечение всем необходимым — тоже в массовых масштабах. Маленький крейсер для полетов в атмосфере отлепился от боковой поверхности грузового корабля. Полчаса спустя они уже планировали над освещенной стороной планеты.

Внешне здешний мир производил благоприятное впечатление, это была совсем еще молодая планета с часто меняющимися в результате катаклизмов ландшафтами. Над ними проплывали редкие облака, внизу плавно катили свои волны океаны. Они проносились над огромными стадами животных, пасущихся на равнинах, переваливали через вершины высоко вздымающихся гор. Наконец крейсер повернул обратно на ночную сторону.

— Что это? — спросил Азард, указывая на огромное пятно ярко-желтого цвета, которое сверкало на темной поверхности океана по левую сторону от направления движения.

Сашиен послушно повернул машину туда.

— Это — морское существо, которому через некоторое время суждено стать ценным источником пищи и химического сырья, — пояснил Одан. Он занимался изучением данных, собранных по этой планете, и анализам рекомендаций по возрождению Малатло.

— Как отдельная особь, это существо крошечное. Но для него характерно сезонное размножение, и тогда оно собирается в громадные скопления.

Сашиен сверился с надписью на экране монитора и произнес:

— Площадь этого пятна составляет более пятидесяти квадратных километров. Да, планктона здесь будь здоров!

Они пролетели над простыней желтого огня на поверхности океана.

— Богатая планета, — заметил Азард. — Федерация проявила большую щедрость…

— На самом деле, не такую уж и большую, — отозвался Одан. — Эта планета была обследована и отмечена, как пригодная для возможной колонизации, еще Бог знает когда. Но она так далеко расположена от Ядра, что ей, вполне возможно, так и не нашли бы соответствующего применения. Планет, пригодных для обитания,

которые находятся гораздо ближе к нам, и без того хватает. — Помолчав, он добавил: — Одной из причин, по которой эта планета была выбрана для Малатло, как раз и является ее удаленность от Федерации и от любой из известных нам цивилизаций.

— Все равно это очень щедрый жест со стороны Федерации, — промолвил Азард.

— Видите ли, в чем дело, — пояснил Одан, — нас, то есть тех, кто интересуется Малатло и его идеологией, оказалось в Федерации гораздо больше, чем могли предположить даже сами поборники этого движения.

Грильом Тантри кивнула.

— Мы всем сердцем сочувствуем Малатло, — сказала она. — Вот почему мы все трое здесь…

* * *

Малатло. Принцип Малатло… Пожалуй, стоит вернуться назад примерно за двести лет до того момента, когда гигантский грузовой космический корабль Федерации высадился на целинную планету…

Это было героическое время, когда только-только была выкована, наконец, Федерация Ядра Звездного Скопления. Выкована в крови,

огне и ненависти, но теперь это был уже пройденный этап. Впервые за многие поколения больше не велись Клановые Войны. Огромное количество людей стало повсеместно оглядываться на собственную историю с содроганием. Происходившие в прошлом вспышки насилия и жестокости стали казаться чем-то неправдоподобным. Люди больше не желали повторения ужасных катаклизмов в виде братоубийственных, гражданских, этнических и прочих войн. Конечно, с образованием Федерации ни насилие, ни жестокость не были искоренены. Но в Федерации прочно утвердилось общество, основанное на трудовых отношениях. Оно подавало большие надежды, но все-таки не было совершенным и, вероятно, никогда бы не стало таковым. И когда люди, не желавшие возврата к прошлому, поняли, что не в состоянии это общество изменить, они просто не захотели иметь ничего общего ни с этим обществом, ни с Федерацией в целом.

Это и стало краеугольным Принципом Малатло. Никто не мог с уверенностью сказать, откуда взялся этот термин. Название как бы витало в воздухе на тысячах планет. У движения, или идеологии, или философии, как по-разному называли этот принцип, никогда не было харизматических

вождей. Но всегда было предостаточно мелких лидеров.

Они предъявили правительству Федерации свои требования. Люди, поддерживающие принцип Малатло, хотели порвать с Федерацией. Они хотели удалиться от всех, кто не разделял их взглядов полностью на Малатло. Приверженцы Малатло хотели жить сами по себе. Они вовсе не испытывали неприязни к другим человеческим существам. Они просто не желали, чтобы принцип Малатло нарушался теми, чьи мысли и действия не согласовывались с ним.

Федерация отнеслась к этому требованию благосклонно. Возможно, люди из властных структур решили взглянуть на это, как на некий эксперимент. Может быть, они одобряли принцип Малатло, но только в частностях, посчитав его непригодным для большинства населения — и уж, разумеется, для Федерации в целом. Во всяком случае, они сделали все необходимое, чтобы стало возможным существование целой планеты Малатло.

Ее точное местонахождение хранилось в секрете. Было лишь известно, что она находилась на громадном расстоянии от Ядра Звездного Скопления. Вероятность случайного обнаружения сей

обетованной земли исключалась совершенно. Рядом с ней находилась планета, на которой обитали разумные существа. Они называли себя Рейсилами, а свою планету — Тиурсом. Рейсилы обладали достаточно развитой цивилизацией, но космические полеты пока были им недоступны. Последователи Малатло с самого начала хотели бы иметь таких соседей, чтобы доказать, что человек способен жить в мире с любыми существами. В течение нескольких лет на новую планету были переселены около восьмидесяти миллионов человек, исповедующих Принцип Малатло. Вслед за этим почти все узы с Федерацией были расторгнуты. Приверженцы Малатло были лишены возможности совершать галактические путешествия. В их распоряжение был предоставлен космический корабль, который по своей конструкции был предназначен исключительно для каботажных полетов в пределах своей новой солнечной системы.

По взаимному соглашению между Ядром и руководителями движения решено было оставить единственную связующую нить между Малатло и Федерацией. Раз в десять лет планету Малатло посещал небольшой корабль. На его борту находилось небольшое количество

людей, каждый из которых в достаточной мере симпатизировал Принципу Малатло, чтобы, не дай Бог, каким-нибудь опрометчивым поступком или неосторожным словом не посеять на планете семена раздора. Тем не менее, срок их пребывания на Малатло был строго ограничен временем, которое требовалось для сбора сведений, необходимых Федерации. По окончании своего пребывания на Малатло они возвращались в Ядро с отчетом.

Эти отчеты неизменно содержали в себе самые благоприятные отзывы. Менее чем за два столетия население Малатло увеличилось до двухсот миллионов человек и стабилизировалось на этом уровне. Обитатели новоявленного Эдема создали новые отрасли науки, связанные с человеческой психикой. Однако как ни странно, они ни с кем не желали делиться открытиями, сделанными в этой области. Они установили дружественные отношения с Рейсилами, которые благосклонно относились к принципу Малатло. Контакты с обитателями Тиурса становились все более обширными. Так было отмечено в последнем докладе.

А потом в Федерацию прибыл Азард на маленьком потрепанном кораблике. Страннику

понадобилось более трех лет, чтобы добраться из солнечной системы Малатло до Ядра. Выяснилось, что планета Малатло уничтожена. Рейсилы обрушили на нее с Тиурса поля, изменяющие внутреннюю структуру материи. За несколько дней планета стала непригодной для обитания людей, и Рейсилы полностью употребили ее на свои нужды. За исключением Азарда, последователей Принципа Малатло больше не существовало во плоти. Однако более чем у половины из них сохранились индивидуальности — «старейшины». Они сберегались в восьми футлярах, которые Азард привез с собой в Федерацию. Возможность отделять психическую сущность человека от физического тела в виде «старейшины» и в дальнейшем поддерживать его автономное существование явилось самым последним и самым великим открытием Малатло.

По словам Азарда, и сам Тиурс в итоге оказался разрушен. Видимо, одно из трансформирующих материю полей вышло на планете из-под контроля. Оно перешло в возбужденное состояние, и его не удалось погасить. Возможно, это случилось не с одним полем, а с целым букетом полей разной природы. Что бы там ни было, еще до того, как единственный корабль, которому удалось-та-

ки ускользнуть с Малатло, покинул пределы солнечной системы, планета Рейсилов также претерпевала процесс ускоренного распада.

Азард умолял власти Федерации еще раз помочь в становлении Малатло. В отличие от колонистов, которые умели сохранять психическую сущность личности, наука Федерации умела создавать человеческие тела, физически дееспособные, но испытывающие недостаток самоосознания. Их личности были совсем не развиты. «Старейшины» с Малатло могли бы переместиться в такие тела и обрести физическое существование.

Федерация изъявила согласие помочь колонии. Тела-зомби считались, в основном, лабораторным материалом. Необходимость производить их в больших количествах прежде не возникала. Однако массовое производство таких тел не представляло особых трудностей — при условии, что к этому будет привлечено достаточное количество средств и ресурсов, включая квалифицированные кадры. Применив технологию ускоренного роста, можно было за считанные месяцы довести до зрелого физического состояния несметное количество тел. Процесс завершался после возбуждения мышц механическим путем и стимуляции нейронов. Все это проводилось

одновременно по заранее отработанной схеме. В результате появлялось хоть и примитивное, но зато вполне жизнеспособное, внешне точное подобие человека. Если практическое открытие ученых Малатло могло способствовать превращению ущербной человеческой оболочки в полностью адекватное человеческое существо — что ж… добро пожаловать в исходную заготовку!

Итак, производство тел началось. Тем временем была подобрана планета, которая смогла бы удовлетворить запросы людей, придерживающихся Принципа Малатло. Вскоре «зомби» вместе с основными инструментами элементарной цивилизации были размещены на грузовом корабле. Азард доставил на борт свои ценные футляры. В качестве специалистов, которым предстояло переправить корабль на планету, были, как известно, выбраны трое добровольцев — Сашиен, Одан и Грильом. Они должны были проследить за автоматической разгрузкой и монтажом, а перед возвращением домой на этом же корабле — удостовериться, что «зомби» окончательно приведены в надлежащее состояние.

С точки зрения Азарда, при таком положении вещей главным упущением было то, что слишком многие люди знали о местонахождении

новой планеты. Из этого со всей неизбежностью вытекало, что вскоре кто-нибудь захочет поинтересоваться, как идут дела на Малатло. А такой вариант был совершенно недопустим.

Естественно, он не высказал по этому поводу никаких замечаний. Просто после того, как грузовой корабль вывалит свое содержимое на поверхность планеты, он не должен вернуться в Ядро. На Малатло он тоже не останется. Азард задумал уничтожить помощников, предоставленных ему Федерацией, в течение нескольких часов после посадки. Затем он намеревался снабдить новыми телами столько «старейшин», сколько потребуется для того, чтобы управиться с кораблем, и стартовать на нем обратно в космос. Там они займутся поисками другой планеты, которая должна находиться настолько далеко от Федерации, чтобы ее никогда не смогли отыскать. В этом Азард и его присные должны быть твердо уверены.

Как только атмосферный крейсер вернулся из обзорного полета над планетой, Азард предпринял определенные шаги по осуществлению задуманного плана. Он немного побаивался троицы специалистов. Не будь они знатоками своего дела, их бы не выбрали для выполнения почет-

ного задания. На протяжении всего путешествия к конечной цели он старался всячески избегать их общества, да они особо и не возражали против этого. Нои краткого общения с ними, уклониться от которого временами было просто невозможно, оказалось достаточно, чтобы понять, что это люди шустрые и быстро соображающие. Вряд ли с устранением федералов должна произойти какая-то осечка. Однако вероятность неудачи оставалась. Следовательно, в первую очередь, ему нужно было вывести из строя корабельные передатчики. Это было проделано быстро и получилось без особых хлопот. Теперь федералы потеряли всякую возможность позвать на помощь. Без сомнения, у толковых инженеров не займет много времени, чтобы разобраться, в чем дело, и устранить неисправность, если они успеют ее обнаружить. Но до того, как это произойдет, Азард расправится с ними — тем или иным способом.

Приготовления, непосредственно касающиеся тройного убийства, были завершены. Рулевой отсек оставался одним из тех немногих мест на корабле, где периодически можно было видеть вместе всех троих. Другим таким местом была примыкающая к рулевому отсеку зона, где они

принимали пищу, работали над вахтенными журналами, отдыхали, слушая музыкальные записи и читая фильмокниги. А Азард мог теперь выпустить лишенный запаха смертоносный газ, который, проникнув в обе эти секции, убил бы всех троих. Но это нужно было сделать в такое время, когда все трое собрались бы в одном месте.

Вся троица находилась в рулевом отсеке, поглощенная расчетами по выгрузке тяжелого автоматического монтажного оборудования. Азард в очередной раз спустился в запечатанную секцию корабля. Когда он вышел оттуда, то нес с собой один из футляров со «старейшинами». Через несколько минут он заперся в грузовой зоне корабля, где в индивидуальных контейнерах, осуществлявших полную жизненную стимуляцию их содержимого, лежали тридцать тел-зомби.

Грильом Тантри и двое мужчин подробно его проинструктировали, каким образом следует вывести эти тела из состояния почти полного анабиоза, которое использовалось для их хранения, и довести до уровня нормального функционирования человеческого организма. В течение прошедших суток эти тридцать уже приближались к необходимому для оживления уровню.

Сейчас приборы на контейнере показывали, что они уже его достигли. Оставалось лишь вдохнуть в них сознание, а это было за «старейшинами».

Он открыл футляр, медленно и осторожно начал настраивать параметры. Большинство из обширной массы личностей, заключенных в футляре, не могло быть изолировано от других. С ними нельзя было иметь дело по отдельности. Но с членами определенных ключевых популяций можно было установить контакт при помощи одновременного выставления нужных режимов на круговых шкалах приборов. После этого индивидуальности освобождались одна за другой. Это было все, что требовалось. Азард поставил футляр рядом с одним из раскрытых контейнеров с зомби, направил стрелку высвобождения на неподвижное тело в контейнере и отпустил «старейшину» на свободу. Он почувствовал, как тот ринулся вперед и вступил во владение своим новым телом. Остальные сразу же поняли, что происходит. Азард почувствовал, как их жажда обладания телами, словно ревущей вздымающейся волной, сдавливает его сознание. Не сейчас, подумал он.

Но тридцать он, как и планировал, все же освободил. Это были дисциплинированные существа.

Тела-зомби продолжали лежать спокойно, не шевелясь. Они только дышали — ровно и глубоко. Азард включил лекционное устройство. Когда он покидал секцию, устройство его голосом разъясняло «старейшинам», которые теперь воспринимали окружающий мир органами чувств своих новых тел, что им следует делать. А где-то в другом месте корабля Азард включал маленький монитор. Вначале он показал изображение рулевого отсека. Сейчас помещение было пусто. Тогда Азард включил интерьер одной из кают жилой зоны корабля, где в тот момент находился Сашиен. Потом туда зашла Грильом Тантри. Сашиен отвернулся от стола и начал что-то ей возбужденно говорить. Вскоре их голоса стали различимы, и Азард несколько секунд слушал, о чем шла речь. Затем Сашиен позвал Одана, и тот показался в дверном проеме.

Губы Азарда сложились в сардонической ухмылке. Он протянул руку за экран и убрал крышечку с длинного штыря, похожего на гвоздь от подковы, засунутого в заднюю поверхность экрана по самую шляпку. Азард надавил на нее и придержал в таком положении. Газ, беззвучно устремившийся в каюту, где находились специалисты из Федерации, был бесцветен и, как

уже говорилось, не имел запаха. Он поразил федералов за считанные секунды, и они рухнули замертво один за другим. Азард убрал руку со шляпки штыря. В течение часа корабельная система вентиляции отсосет ядовитые испарения из жилой зоны и выбросит их наружу.

* * *

Теперь он исполнил свой долг почти до конца! С чувством огромного облегчения, торжествуя в душе, Азард сказал себе, что настал момент, когда можно возложить всю ответственность на других, более понимающих, более грамотных адептов Малатло. Охваченный энтузиазмом, он почти бегом припустил через весь корабль в запечатанную секцию. На этот раз он не стал запирать за собой дверь на замок — теперь в этом не было необходимости.

В телах-зомби, предоставленных Федерацией, было заключено более двух тысяч самых разных генетических кодов. Один из генов с таким кодом был поистине выдающимся, как по физическому развитию, так и по умственным способностям. Накануне Азард принес сюда образец из группы тел с этим геном и запустил механизм пробуждения в его контейнере. Этому телу было суждено

принять в себя самого выдающегося «старейшину» из тех, кто столь долгое время находился на попечении Азарда. С величайшей скрупулезностью Азард последний раз проверил как самих зомби, так и условия их содержания. Все-таки он произвел отменный отбор «старейшин» и сделал максимум из того, что было возможно в тех жутких обстоятельствах.

Когда он устанавливал последнюю из шкал на пересадку «старейшины» в тело-зомби, он почувствовал какую-то непонятную слабость… Потом наступил период полной апатии — словно, в один миг, из его организма выкачали все силы. Он вяло опустился на пол.

В полном смятении, не веря происходящему и приложив неимоверное усилие, он заставил себя повернуть голову…

они стояли рядом — Сашиен, кокетка Грильом и…

А кто же третий?

Чувствуя, что сходит с ума, Азард вдруг понял, что третий — он сам.

— Нет, Азард — промолвила третья фигура, — это не вы. Мы придумали такой странный способ маскировки, который позволил бы ненадолго позаимствовать вашу внешность.

Ну, конечно, это звучал голос Одана.

Азард не был способен ни на что, кроме того чтобы, выпучив глаза, изумленно таращиться на живых федералов. Азард наблюдал, как Сашиен передал женщине какое-то устройство, которое до этого держал наставленным на него. Потом мужчины деликатно подняли Азарда с пола под локотки и усадили в кресло.

— Сейчас я уменьшу давление, — сообщила Грильом, — и вы сможете говорить.

Азард перевел дух. К нему опять вернулась надежда. «Старейшины», которых он снабдил телами и информацией, скоро должны были, предварительно вооружившись, поспешить сюда. Он предупредил их, чтобы они были осмотрительны. А если эти трое хотят, чтобы он заговорил… что ж, так и быть. Он заговорит.

— Что вам нужно? — хрипло сказал он.

— Зачем вы пытались нас убить? — спросил Одан. — Ведь мы же ваши друзья.

— Ничего я не пытался, — произнес Азард, мучительно пытаясь понять, как им удалось избежать смерти? — Вы бы просто некоторое время побыли в бессознательном состоянии — безо всякого вреда для себя.

Они внимательно посмотрели на странника.

— Зачем вам понадобился наш обморок? — задал вопрос теперь уже Сашиен.

Азард горестно вздохнул.

— Мне нужен этот корабль для Малатло.

— Стоило Малатло попросить об этом заранее Федерацию, и просьба была бы удовлетворена, — сказал Одан. — Вы ведь прекрасно об этом знали.

— Да. Но мы не можем остаться здесь. Эта планета все-таки недостаточно далеко от Федерации. Слишком многие знают, что Малатло — здесь. Мы, конечно, в неоплаченном долгу перед Федерацией, а теперь благодарны вдвойне. Но настала пора разорвать все связи с ее гражданами. Это необходимо. Новый мир Малатло должен зародиться на планете, о которой никто не знает. Надо, чтобы новый Эдем находился так далеко от проложенных трасс, чтобы его нельзя было обнаружить случайно.

— Но Малатло прежде не возражал против сохранения ограниченных контактов с Федерацией, — заметила Грильом.

— Это неправда. На самом деле, многие мои единоверцы как раз возражали, — заверил ее Азард. — Ибо в итоге мы пришли к выводу, что причиной постигшей нас беды стало то, что Рейсилы с Тиурса через нас узнали о существовании

Федерации. Они вознамерились покончить с нами не потому, что боялись нас. Они боялись Федерации, где Принцип Малатло не являлся всеобщим достоянием.

— Все равно вы испытывали нужду в новых телах-зомби, поставляемых из Федерации, — заметила Грильом. — Количество, которое мы смогли разместить на этом корабле, не более чем начальная партия.

— Нет, — возразил Азард. — Их вполне достаточно. Среди пробужденных к новой жизни одними из первых, естественно, будут наши лучшие ученые. Изучив тела, а также мои конспекты по технологии их изготовления, они смогли бы продублировать процесс.

Придав своему лицу серьезное выражение, Азард продолжал:

— Поверьте, вам не причинили бы никакого вреда. Вас бы оставили на этой планете вместе с крейсером для полетов в атмосфере и резервным запасом продовольствия. Удалившись отсюда на грузовом корабле на такое расстояние, что наш след полностью затерялся бы в космосе, мы послали бы на корабли сопровождения сигнал. Они бы вернулись и забрали вас с собой.

Сашиен и Одан посмотрели на Грильом. Та

отрицательно покачала головой:

— Газ, который наш «приятель» запустил в жилую зону корабля, содержал, по крайней мере, три компонента, смертоносных для любого живого существа. Это показал нейтринный анализ. — Грильом иронически взглянула на Азарда. — Наверное, ломаете голову, как нам удалось уцелеть в ядовитой атмосфере? Все очень просто — никого из нас не было в той каюте. Те, кого вы видели и слышали на своем мониторе, были запрограммированными «зомби». Они умерли мгновенно. То же самое случилось бы и с нами, окажись мы на их месте.

Обращаясь к товарищам, она ядовито сказала:

— Вот, парни, полюбуйтесь: перед вами натуральный адепт Малатло, который по собственной воле вознамерился убить трех своих спутников, с которыми делил тяготы перелета, всего лишь во имя своих бесчеловечных целей. Уму непостижимо!

Азард настойчиво проговорил:

— Тот факт, что я — приверженец Малатло, говорит о том, что если использованный мною газ и вправду оказался смертельным, то это могло случиться только вследствие трагической ошибки! Я согласен, конечно, что это могло привести к

ужасным последствиям…

Одан в задумчивости произнес:

— Может, нам стоит опросить кого-нибудь другого. — Он кивнул на футляр, покоившийся рядом с контейнером для тела-зомби. — Дай мне парализатор, Грильом, а сама посмотри, сколько ему еще осталось там вызревать.

Женщина подошла к футляру со «старейшиной» и, склонившись, стала рассматривать круговые шкалы внутри футляра. У Азарда медленно напряглись мускулы. Грильом делала это с уверенным видом — неужели она разбиралась в показаниях приборов? — «Душу» для пересадки в это тело он выбрал совсем не рядовую. Ну-ка, ну-ка, посмотрим… — Она повернулась к контейнеру и открыла крышку. Когда она наклонилась над «зомби», плечи ее задвигались. Азард не мог разглядеть, чем она там занимается, но догадывался, что федералка оценивает текущее состояние «зомби», сверяясь с различными показаниями. Вскоре она выпрямилась и взглянула на Одана.

— Полное насыщение, — сказала она. — Можно осуществлять Пересадку.

Азард напрягся, чтобы встать. Но враги были начеку и в тот же миг увеличили давление в парализаторе. Он и так не смог пошевелиться,

а теперь заодно потерял еще и способность говорить. Голова закружилась, взор помутился. Однако и через пелену он видел, как вокруг него засуетились Грильом и Сашиен. Постепенно зрение восстановило резкость.

Он обнаружил себя сидящим в кресле, но лишенным подвижности по-прежнему. Происходящее в комнате он наблюдал, словно сквозь тонкую, темную вуаль. Азард подумал, что это, по-видимому, результат воздействия какого-то энергетического поля. В центре помещения стоял Одан. На полу лежало приготовленное Азардом тело-зомби. Потом Азард уразумел, что Сашиен и Грильом стоят по обе стороны, чуть позади от его кресла, будто в почетном карауле.

Тем временем тело пошевелилось, открыло глаза и уселось на полу.

Обвело расфокусированным взглядом комнату, но, вероятно, Азард и оба федерала остались вне зоны его обзора. Очевидно, непроницаемая энергетическая «кисея» загораживала эту часть комнаты. Лицо «зомби» оживилось, когда он заметил Одана. Обладающий внешностью Азарда, тот молча наблюдал за ним. Тело поднялось на ноги.

Все его движения были точны и отлажены. В

него был заложен могучий «старейшина», способный моментально запечатлеть свои намерения во всех ответных матрицах «зомби», как на физическом, так и на умственном уровнях. Азарду до зарезу требовалось выйти с ним на связь, но через завесу он пробиться к нему никак не мог. Следовательно, и сигнал тревоги не имел возможности ему послать.

— Дом белке анда гром, Азард, — обратилось тело к Одану. Голос был сильный и звучал уверенно.

— Гелан ра Азард, — проговорил Одан. — Радайриог Федерация. Селлен ра Рейсил.

Тело отреагировало моментально. Оно отпрыгнуло к столу, стоявшему чуть ли не в пяти метрах поодаль от него. Только сейчас Азард заметил на этом столе то, что, вероятно, давно приметил «зомби», когда еще впервые осматривал помещение — пистолет. «Зомби» судорожно схватил оружие и, направив ствол на Одана, нажал спусковой крючок.

Тут же выронил лазерник и рухнул замертво, заливая пол собственной кровью.

* * *

— Это была проверка, — сообщил Одан Азарду. Теперь у него было прежнее, свое собственное лицо. Фальшивая кожа, или, чем он там был покрыт, бесследно исчезла. — Вы слышали наш разговор. Я назвался человеком из Федерации, а его назвал Рейсилом. Он немедленно осуществил попытку уничтожить меня. Оружие, разумеется, было с секретом. При нажатии на курок оно испускает обратный луч, убивая своего обладателя.

Азард хранил гордое молчание.

— Итак, доказано, что вы — Рейсил, — продолжал Одан. — Вы прикончили бы любого из нас так же легко и непринужденно, как расправились с народом Малатло. Мы хотим знать, как это было. Будете говорить?

— Да. Я расскажу вам все, что вы хотите услышать о Великой. Победе. — Азард придал своему голосу тоскливые нотки, а лицу — выражение равнодушной покорности. Но внутри его клокотала ярость. Чем дольше он будет увлекать их своим рассказом, тем неотвратимее близится их гибель и окончательная победа Рейсилов над наивными людьми Федерации. Три десятка освобожденных им «старейшин» — команда из

отборных бойцов. Облаченные в новые тела, они сейчас уже должны были обыскивать корабль. С оружием в руках. Увидев то, что здесь происходит, бойцы быстро смекнут, каким образом воспользоваться своими телами в полную силу.

— Мы находились в отчаянном положении, — начал он. Убедившись, что полностью завладел вниманием аудитории, он продолжил:

— Еще до первого контакта с поселенцами Малатло Тиурс столкнулся с демографической проблемой. Население планеты постоянно увеличивалось. Оно вот-вот должно было перешагнуть рубеж, за которым Тиурс уже не смог бы обеспечивать своих детей хотя бы необходимым минимумом. Рейсилы не обладали достаточно развитой технологией, необходимой для космических полетов, что могло бы облегчить ситуацию. Разработка методики длительного хранения сознательной личности при отсутствии поддержки со стороны физического тела явилась временным и недостаточно радикальным решением.

— Так, значит, это вы, а не Малатло, — промолвил Сашиен, — первыми разработали методики сохранения «старейшин»?

— Ваши сородичи тоже занимались этим во-

просом, — ответил Азард. — Но мы завершили работы по отделению «старейшин» примерно за столетие до того, как они достигли существенных успехов в этом направлении…

Сторонники Малатло, надо отдать должное их проницательности, приняли решение не форсировать отношений с Тиурсом. Они предпочитали, чтобы Рейсилы развивались постепенно и шли своим, естественным для них путем. Рейсилы же, хоть и нуждались позарез в свежей информации, которую можно было получить только от людей, тоже придерживались выжидательной тактики. Для них ситуация таила в себе как великую надежду, так и великую угрозу. Практические средства межзвездных перелетов, а вокруг звезд — планеты и планеты, на которых можно было распространить свою экспансию, — в этом заключалась надежда.

А угрозой являлась перспектива столкнуться в космосе с конкурентами, более непреклонными и жестокими, чем сами. Последователи Малатло были безобидны, но, судя по их рассказам о своих сородичах, последние не были похожи на божьих агнцев, отнюдь. Было совершенно очевидно, что они захватили колоссальный сектор космоса и вовсе не собирались останавливаться на до-

стигнутом. Кроме того, могли существовать и другие цивилизации, столь же опасные для более слабого противника, как и они. Напрашивался логический вывод: не высовываться, а накапливать силы для преодоления любого встречного сопротивления.

Рейсилы погрузились с головой в научные изыскания, включая те направления, которые были ими давно заброшены, так как представляли непосредственную опасность для них самих. К своему несказанному удивлению они обнаружили, что стоило им проявить интерес к космической навигации, как Малатло изъявил готовность предоставить в распоряжение соседей свои корабли. К сожалению, суда каботажники не были предназначены для межзвездных перелетов. Однако даже такое подспорье позволило тиурским ученым серьезно продвинуться в этом вопросе. Свои достижения Рейсилы хранили в глубокой тайне от Малатло, равно как и другие свои чаяния и тревоги.

Обитатели Тиурса были существами с гипертрофированно высоким темпом воспроизводства. Так было заложено в них природой. Это обстоятельство на протяжении всей их насыщенной войнами истории сделало экспансию вида своего

рода священным принципом, возведенным в ранг официальной идеологии, как только Тиурс оказался объединен в единое тоталитарное государство, ограниченное только поверхностью родной планеты. Нежданно-негаданно многочисленность могла обернуться значительным преимуществом. Когда они ринутся к звездам, нашествие не будет носить характер робких, чисто разведывательных колониальных экспедиций. Это будет мощный исход переселенцев на многих тысячах кораблей, каждый из которых способен заселить целую планету за одно-два поколения.

Для достижения вожделенной цели все работали с лихорадочным упорством. От Малатло они узнали о телах-зомби, которые ученые Федерации могли производить в неограниченных количествах. Были предприняты разработки и в этом направлении. Хранящиеся в подземных бункерах «старейшины», для нормального существования которых на Тиурсе не хватало места, должны воспрянуть на новых планетах, облаченные в новые тела. Дремлющие зародышевые клетки высокой плодовитости с образцовой наследственностью накапливались десятками миллионов. В то же время велись полным ходом и работы в области перспективных вооружений, военная машина

быстро набирала обороты. Полномасштабная наступательная кампания в космосе казалась неизбежной. А потом…

— Приверженцы Малатло сообщили нам, что им стало известно о наших намерениях, и это повергло наших соседей в ужас, — сказал Азард. — Наверное, они посчитали, что способны убедить нас отказаться от плана межзвездной экспансии. — Он замялся. — Именно поэтому пришлось их утихомирить.

— И вы, не задумываясь, уничтожили обитаемую планету, — печально сказала Грильом.

— Мы не могли остановить начатое, — сказал Азард. — А Малатло сообщил бы о наших планах Федерации. Мы решили, что альтернативы нет.

— А каким образом наступил конец самого Тиурса? — поинтересовался Сашиен.

— Мы собирались уничтожить его с помощью полей преобразования массы после Исхода, — сказал Азард. — Последующим исследователям стало бы ясно, что на Малатло и Тиурсе произошла одна и та же необъяснимая катастрофа. Мы тогда не осознавали, до какой опасной степени эти поля были нестабильными. У некоторых полей, что были размещены на Тиурсе, начался спонтанный распад. Не пожелаешь такого и злей-

шему врагу! После этого…

Он поежился. Словно ужас, пережитый три года тому назад, снова затопил его разум.

— Мы оказались абсолютно к этому не готовы. У нас оставались считанные дни, чтобы предпринять что-то радикальное, — продолжал он. — Вплоть до последнего момента наиболее ценная часть населения пропускалась через центры по выделению «старейшин». Только одному кораблю из тех, что были оснащены опытным двигателем для межзвездных перелетов, удалось избежать всплеска поля, преобразующего материю в спектральное излучение. Этот корабль был очень мал. Но заполнен «старейшинами» под завязку. Оказался он достаточно вместителен и для транспортировки большого количества зародышевых клеток с высокой плодовитостью, а также вмещал запас продовольствия для одного Рейсила. Полет мог длиться годами. Потому что теперь существовало только одно место, где могли быть изготовлены тела-зомби для спасенных с погибающей планеты «старейшин». Этим местом была Федерация Ядра Звездного Скопления, населенная людьми.

— Тело, которое вы используете, было подвергнуто генетическому анализу. Раньше оно

принадлежало человеку. При каких обстоятельствах вы стали его владельцем?

— Когда мы уничтожили Малатло, некоторое количество его приверженцев оказалось на Тиурсе, — сказал Азард. — Я же был включен в состав группы, в которую входили специалисты различного профиля, необходимые для доставки корабля выживания в зону Федерации. Для этой цели мой «старейшина» был помещен в тело последователя Малатло. Примененный метод заключался в доведении человеческого объекта до состояния клинической смерти. В процессе агонии обитавший в теле «старейшина» растворялся. После этого в умирающее тело вводился «старейшина» Рейсила, и производилась попытка реанимирования. Первые сорок восемь таких попыток оказались неудачными. Участвовавшие в этих пробных опытах «старейшины» Рейсилов погибали вместе с агонизирующими телами. Их не успевали отделить от плоти. Моя пересадка была сорок девятой. Данное тело было успешно возвращено к жизни, так что я, как видите, выжил.

Потом он добавил.

— Мы могли бы поделиться с Федерацией полезной информацией. Мы предлагаем знания

рейсиловских ученых, которые занимались методом пересадки «старейшин», а также разработкой массопреобразующих полей, — при условии возвращения их к физическому существованию — в обмен на использование ваших тел-зомби.

Он не ждал ответа на свое предложение. Федералы должны были сознавать, что «старейшины» теперь являлись их пленниками. При желании, люди могли выжать из них подробную информацию, ничего не предложив взамен. Но если они и дальше продолжат его слушать, развесив уши, у трех десятков освобожденных «старейшин» будет больше времени на то, чтобы обнаружить и уничтожить врага.

— Не следует судить нас слишком строго, — помолчав, добавил он. — Наша история и традиции сделали непрерывную экспансию нашего биологического вида насущной, жизненно необходимой потребностью для каждого из Рейсилов. Ничто в мире не способно ее остановить. Но раз так получилось, как получилось, наши цивилизации могут представлять определенный интерес друг для друга. Лучше бы вам подумать именно об этом, а не о том, как отомстить за испепеленный Малатло.

— Азард, — сказал Одан снисходительно, — у

меня возникло впечатление, что вы не до конца разобрались в ситуации. История, которую вы рассказали в Ядре, была принята всего лишь условно, в порядке рабочей гипотезы. За вами было установлено самое пристальное наблюдение. Постепенно в вашем поведении стали заметны проявления определенного несоответствия. Даже учитывая потрясение от постигшей вас катастрофы, вы говорили и действовали совсем не так, как приличествовало вести в подобных обстоятельствах приверженцу Малатло. Разумеется, в свете этого Принципа ваши чаяния были логичны. Но они были слишком конкретны и бескомпромиссны.

Теперь, что касается вашего разума. Было замечено, что он автоматически блокирует любое пси-зондирование. Такую способность человеческий разум тоже иногда обнаруживает. Однако в вашем случае действует такой механизм блокировки, который ни один человеческий разум пока не освоил. Во всяком случае, сведения об этом отсутствуют. Поэтому вскоре возник вопрос: а являетесь ли вы, несмотря на свой внешний вид, настоящим человеческим существом? Тем временем пришло подтверждение ваших слов о том, что планеты Малатло и Тиурс превратились

в пояса астероидов. Возникло предположение, что, если вы и в самом деле не являетесь человеком, значит вы были «старейшиной» Рейсила, который спрятался в человеческом теле… Стало быть, вы обманным путем пытались заставить Федерацию оказать вам помощь в восстановлении чуждого человеку биологического вида. Такой вывод напрашивался сам собой.

Азард уставился на Одана:

— Но если такие подозрения возникли еще в Ядре, то почему же тогда…

— Это была проверка.

— Проверка? — повторил Азард.

Одан вздохнул.

— Даже при вторичном применении Принцип Малатло сохраняет удивительную силу, — заметил он. — Федерацией было принято следующее решение. Вам в любом случае будет оказана помощь по приведению упакованных «старейшин» Рейсилов в новое физическое состояние. Но это будет сделано только в том случае, если обнаружатся хоть какие-то признаки того, что Малатло был разрушен не по причине злого умысла, а, скажем, охватившей ваши головы паники. И еще если нам станет ясно, что вы сожалеете о содеянном не только потому, что за этим последовало

разрушение вашей собственной планеты. Однако все, что вы проделывали с самого начала нашего путешествия, неизменно свидетельствовало об агрессивной враждебности, которую ваши сородичи проявляют ко всем остальным живым существам, даже если они отнеслись к вам с полным сочувствием. Неужели до вас так и не дошло, что вы находитесь под постоянным контролем.

— Это невозможно! — резко отозвался Азард.

— Разумеется, мы обеспечили себя кое-какой охраной, — сказала Грильом Тантри. Она кивнула на тело-зомби, застывшее на полу. — До того, как поместить туда «старейшину» — вероятно, одного из лидеров вашего народа — я ввела в это тело последнюю порцию возбуждающего средства. Об этом важном шаге, необходимом для поддержания жизни в «зомби», вас в свое время не поставили в известность. В телах, куда вы час назад поместили «старейшин», это возбуждающее средство отсутствовало. Поэтому они все погибли уже через несколько минут после того, как «старейшины» привели их в состояние полноценной жизнедеятельности. «Старейшины», естественно, умерли вместе со своими новыми телами.

Азард пытался в течение нескольких секунд не

верить ужасному сообщению. Однако было ясно, что Грильом говорила правду. Он собрал волю в кулак и обратился к Одану с неожиданным вопросом:

— Вы разговаривали на нашем языке. Как вам удалось обучиться?

— Несколько лет я занимался изучением малатло-рейсиловских отношений, — пояснил Одан. — Последний корабль, вернувшийся из вашей солнечной системы, предоставил учебные звукозаписи. — Он посмотрел на своих товарищей. — По-моему, друзья, наш пленник поведал нам обо всем, что мы хотели узнать.

Они кивнули.

— В таком случае, — подытожил Одан, — настало время решить вопрос окончательно и бесповоротно.

Он махнул рукой — и Азарда окутала беспросветная темнота.

* * *

Вскоре он пришел в себя и осмотрелся. Все окружающее было словно в дымке. Он сидел уже в другом кресле, вновь лишенный возможности пошевелиться. Федералы, все трое, были неподалеку и занимались своими делами.

Через несколько секунд он понял, что находится на борту атмосферного крейсера. На экране монитора виднелась поверхность одного из океанов планеты. Рядом с монитором стояли два футляра со «старейшинами».

Азард обнаружил, что может говорить, и громко спросил:

— Что вы собираетесь сделать?

Люди оглянулись.

— Здесь мы собираемся избавиться от «старейшин», — заявила Грильом, как о чем-то, само собой разумеющемся.

Несмотря на свое угнетенное состояние, Азарда захлестнула волна невообразимого гнева.

Ничего, подумал он, этих троих тоже ожидает конец! Выпущенные из футляров орды «старейшин» будут яростно бороться за обладание как телами федералов, так и телом Азарда. Ни обитающий в его теле «старейшина», ни физические тела этих трех не смогут выдержать бешеного напора сотен миллионов «бесквартирных» жильцов.

— У вас нет полномочий на то, чтобы принимать такое каннибальское решение!

— Как раз мы имеем такие полномочия, Азард, — сказал Одан. — Для этого мы здесь и на-

ходимся.

— Тогда вы еще хуже нас, — сказал ему Азард. — Мы уничтожили население только одной планеты. А вы замахиваетесь на уничтожение целого вида разумных существ.

Люди не отреагировали на это заявление. Они наблюдали за экраном. Азарду удалось повернуть голову так, чтобы тоже видеть картинку. Вскоре на нем показался край сверкающего желтого образования. Азард понял, что это был рой из миллиардов крошечных морских организмов, собравшихся вместе для размножения. Аналогичное скопление планктона они видели сегодня вечером.

Не оборачиваясь к Азарду, Грильом промолвила:

— Там внизу — неистощимые запасы тел, не обладающих ни разумом, ни «старейшинами». Я выставила контрольные шкалы в этих футлярах таким образом, чтобы рейсиловские «старейшины» были выпущены на свободу в течение минуты после того, как футляры ударятся о поверхность воды. Выйдя из своих «мест заточения», «старейшины войдут в тела-хозяева, в которых они смогут просуществовать чуть меньше стандартного года. Такова продолжи-

тельность жизненного цикла этого криля. Потом «старейшины» умрут вместе со своими новыми телами. Вот как мы решили поступить.

— Вы не правы в одном очень важном отношении, Азард, — добавил Одан. — Мы оставим в целости и сохранности сбереженный вами запас яйцеклеток Рейсилов. Под нашим наблюдением из них будет выращено новое поколение. Только какая-то страшная необходимость могла бы заставить людей уничтожить целый биологический вид. Так что ваши соплеменники не погибнут. Уйдут в небытие лишь его история, его традиции. Умрут его принципы.

— А что мы значим без наших истории и традиций? Без наших принципов?

Люди не отозвались, и он засомневался, задал ли он вопрос вслух. Он вдруг обнаружил, что ему все стало безразлично. Вопрос потерял свою актуальность. Потом Азард заметил, что крейсер приблизился к поверхности океана, люк распахнулся. Футляры со «старейшинами» полетели вниз, и люк захлопнулся.

Азард поймал себя на мысли, что не испытывает по этому поводу никаких эмоций. Он их вообще перестал испытывать. Федералы искусно выкачали из него все чувства. Затем восприя-

тие окружающего начало тускнеть, и он понял, что умирает. Но и к этому факту он остался равнодушен. Пожалуй, подумал он, они проявили некоторое милосердие.

Затем последний Рейсил умер.

Внизу на сверкающих волнах качались открытые футляры. Обладающие сознанием и жадно желающие обрести физическое существование «старейшины» вдруг поняли, что свободны. Они ринулись вон из футляров и обнаружили вокруг себя изобилие жизни. Они вошли в свои новые тела, овладели ими, закрепились в них. Возможно, на один пронзительный миг некоторые из «старейшин» вдруг сообразили, что они соединились с такой формой жизни, у которой не было предусмотрено собственное сознание. Поскольку собственному сознанию старейшин не на что было опереться, оно постепенно угасло. Тем не менее они еще немного поживут на белом свете. Чуть меньше земного года.

Забот полон рот
(повесть)

Глава 1

Когда Данрич Паррол, главный управляющий Джиардовской Фармацевтической станции на Нэнди-Клайне, поспешно вышел из аэротакси у планово-диспетчерской конторы, он заметил, что ослепительно голубой «Пан-элементал» доктора Найл Этланд уже, припаркован на посадочной полосе рядом с входом в здание.

Паррол протиснулся в дверь и спросил у регистратора:

— Когда она здесь появилась, и где она сейчас?

Девушка поморщилась и взглянула на часы:

— Она прибыла четыре минуты назад и направилась прямо в кабинет мистера Велдроу. Они тут же связались с Фризи и вызвали ее сюда. С возвращением, мистер Паррол! После вашего отъезда у нас тут было скучно, — во всяком случае, до тех пор, пока не возникла нынешняя ситуация.

Коротко улыбнувшись, Паррол сказал:

— Если кто-нибудь мне позвонит, подключайте его к телефону Велдроу, ладно? — и пошел по коридору. В дальнем его конце он открыл дверь в кабинет. Когда он вошел, стоявшие у висевшей на стене карты, все трое, оглянулись. На лице помощника управляющего Илиума Велдроу при

виде шефа появилось явное облегчение.

— Рад тебя видеть, Дан, — сказал он искренне. — Мне кажется, что…

— Дан, это просто кошмар какой-то! — перебила его Найл Этланд.

Заведующая лабораторией джиардовской станции, по-видимому, после того, как Парол позвонил ей в гостиницу при космопорте, одевалась наспех. Скорей всего, именно так и пришлось ей поступить, иначе она не успела бы появиться через десять минут после звонка. Копна медно-рыжих волос до сих пор всклокоченно торчала на голове, как какая-то нахлобучка. На целеустремленном лице с идеальными, словно выточенными чертами не было и следа косметики. Она кивком головы указала на грузную женщину рядом с Велдроу.

— Происшествие явно не носит характер эпидемии. Фризи утверждает, что в экземплярах и образцах, прошедших через лабораторию, не было никаких признаков заболевания.

— Естественно, не было, — угрюмо проговорила старшая лаборантка. — Если бы материал не был стопроцентно здоров, его бы вернули на все те ранчо, откуда он поступил, причем с рекламацией.

— Безусловно. И до сих пор нет сообщений о тушах дохлых морских коров, которые наблюдались бы повсюду в океане, — продолжала Найл Этланд.

— Так что же произошло? — спросил Паррол. — Судя по сводке последних известий, которую я только что прослушал в гостинице, многое остается неясным, но на эпидемию действительно не похоже. Ведущий упоминал о «загадочных исчезновениях» целых стад в этой местности. Это было подано таким образом, что должно наводить на мысль: в угоне скота подозревается кто-то из местных фермеров.

Найл повернулась к настенной карте.

— Ни черта подобного, Дан! Дай-ка я тебе покажу. Неприятность началась восемь дней назад вот тут… в ста пятидесяти километрах отсюда вверх по побережью. Всю эту неделю ранчо, расположенные к югу от этой точки, поражаются с нарастающей интенсивностью. Хуже всего то, что подсчитанный падеж быстро возрастает. В первых зараженных стадах он составлял от пяти до десяти процентов. Но в сегодняшнем утреннем докладе сообщалось, что в «Годвисонос Океаник» падеж составляет почти шестьдесят процентов от всего поголовья.

— «Годвисонос»? Шестьдесят процентов! — повторил Паррол с изумлением. — Но в выпуске текущих новостей об этом ничего не говорилось.

— По пути сюда я связалась с Ассоциацией Фермеров юго-востока, — сказала ему Найл. — Эти цифры назвал мне Мачон. Они еще не опубликованы. По сравнению со вчерашними данными они здорово скакнули вверх. Мачон, казалось, был просто в шоке. О происходящем распространяется много самых бредовых слухов, но толкового объяснения, что же там творится, как не было, так и нет.

Паррол посмотрел на Велдроу:

— А что вам удалось сделать?

Помощник управляющего поморщился. Найл Этланд нетерпеливо сказала:

— Велдроу ровным счетом ничего не сделал!

Направившись к двери, она командирским тоном добавила:

— Фризи, за мной! Приготовим как следует все в лаборатории. Вернусь через десять минут, Дан.

Илиум Велдроу, розоволицый мужчина с пухлыми щеками был старше Паррола на десять лет и отличался повышенной чувствительностью. Как помощник управляющего на планете вроде Нэнди-Клайна, он являлся самой настоящей обу-

зой для всех, с кем ему приходилось работать. Его хотели было потихоньку «сплавить» в какой-нибудь мегаполис Федерации, где он очутился бы, в родной стихии. Однако этому воспрепятствовала «мохнатая лапа» — один из членов совета директоров «Джиард» приходился Велдроу дальним родственником.

Критическое замечание Найл Этланд задело его за живое. Паррол несколько минут втолковывал ему, что фермеры с побережья, особенно те, кто связан с «Джиард» договорными отношениями, — зависят от возможностей компании и специалистов по ликвидации аварий и неполадок, которые периодически возникают в фермерских хозяйствах. На обучение этих специалистов затрачены большие средства.

* * *

Если бы со стадами случилось что-то серьезное, «Джиард» попытала бы счастья в целебных экстрактах. Их выделяли из желез особой породы морских коров, которых разводили на Нэнди-Клайне и больше нигде.

Казалось, Велдроу уяснил суть сказанного. Обидчивое выражение его лица сменилось на озабоченное.

— Но Дан… эта проблема… что бы она собой ни представляла… по всей видимости, охватывает всю территорию восточного побережья! Что нам мешает добыть требуемые материалы у фермеров, разводящих морских коров на другой стороне континента?

— Мешает, в основном, тот факт, — сказал Паррол, — что эти фермеры связаны договорами с такими структурами, как «Эйджнес». Ты можешь себе представить, что «Эйджнес» допустит нарушение договорных обязательств своим контрагентом только для того, чтобы выручить из беды «Джиард»?

И опять суть дела, кажется, дошла до Велдроу. Даже он не мог не знать, что «Эйджнес Лабораториз» были главными конкурентами «Джиард». К тому же они обладали репутацией самых натуральных головорезов.

— Понимаешь, Дан, — сказал, оправдываясь, Велдроу, — мне приходилось очень не сладко эти два с половиной месяца, пока вы с доктором Этланд находились в Ядре! Я был так загружен на станции своими прямыми обязанностями, что просто был не в состоянии уделять достаточного внимания посторонним вопросам.

Паррол сказал, чтобы Велдроу не беспокоился

по этому поводу, а на выходе проинструктировал секретаршу:

— Если в ближайшие несколько часов мне будут звонить, передайте, что я в Ассоциации Фермеров юго-востока, либо в машине доктора Этланд. Она в очередной раз по дешевке купила аэрокар на Орадо и прихватила его с собой на Нэнди-Клайн. Здесь номер, по которому можно связаться с ее машиной.

Спустя несколько минут он уже поднимал в воздух с посадочного уступа «Пан-элементал» Найл Этланд, осторожно касаясь руля управления. Доктор тем временем увлеченно накладывала косметику.

— Ты с ней особенно не церемонься, — посоветовала она, искоса поглядывая в зеркальце пудреницы. — Как только ухватил суть дела, нет ничего проще, чем управлять ею.

— Я не хочу по ошибке включить третью космическую скорость, — буркнул Паррол.

— Дурачок, это же невозможно… пока не окажешься в открытом космосе. Слушай, подними лобовое стекло, а? Четвертая кнопка, второй ряд, левая сторона… «Эйджнес»? Ну, я не знаю. Если бы эти коровы не исчезали, а дохли, я бы тоже, наверно, подумала об «Эйджнес».

Паррол нашел кнопку ветрового стекла и после секундной заминки нажал ее. Обдувающий их со свистом ветер внезапно утих. Почувствовав себя более уверенно в вождении «Пан-элементала», — только Найл могла бухнуть двухгодичную зарплату на реальную угрозу для жизни, которой являлся этот гоночный аэрокар — Паррол переключился на более высокую скорость и повернул направо к морю. Под ними промелькнула вереница зданий и скрылась из виду. Взору предстала залитая солнцем береговая линия океана Нэнди-Клайна, опоясывающего всю планету.

— А что, если существуют какие-то химические средства, с помощью которых можно было заставить стадо морских коров покинуть определенный участок океана?

— Конечно, существуют. Но кто бы взялся за химическую обработку участка водной поверхности, длина которого сто пятьдесят километров, а ширина — почти восемьдесят? Кроме того, эту территорию покинули бы не *все* коровы.

Распустив волосы, Найл расчесала их, встряхнула головой и уложила на место.

— Попробуй-ка лучше выдвинуть другую гипотезу, Дании, — сказала она.

— А у тебя имеется собственная гипотеза?

— Нет. Сначала посмотрим, что происходит на чрезвычайном съезде фермеров. — Найл мотнула головой назад. — У меня в багажнике напихано всякое разное испытательное оборудование — на случай, если нам все-таки придется искупаться.

Они немного помолчали. Потом Паррол произнес:

— Кажется, там внизу все нормально. Ты не находишь?

Он повернул налево и, замедлив ход, стал снижаться к береговой линии континентального шельфа. В нижней точке отлива шельф простирался почти на шестьдесят километров на восток, образуя солончак колоссальных размеров. С той высоты, на которой находились Найл с Парролом, он представлял собой целую палитру оттенков желчи. Над шельфом кружилось несколько автолетов. Через покрытые водорослями озера, которые образовались при отливе, натужно пробирались баркасы с топливом.

— Такое впечатление, — заметила Найл, — что «Годвисонос Океаник» отправила чуть ли не всех своих сотрудников выискивать поштучно все, что осталось! — Потом она неуверенно промолвила: — Ты прав насчет тех стад, что не выказывают ни малейших признаков беспокойства. *На са-*

мом-то деле, морских коров ничего особо и не тревожит.

— Ладно, давай поторопимся на съезд, — вздохнув, произнес Паррол.

* * *

Ближе к полудню в районе шельфа солнце стало припекать вовсю. Воздух наполнился тяжелыми запахами соленой воды и буйной растительности. Паррол подогнал водный скутер с опознавательным знаком «Годвисонос Океаник», который сопровождала крикливая стая потревоженных птиц-жужелиц, к кромке прибрежного водоема, образовавшегося при отливе. Здесь эти пурпурно-черные создания оставили суденышко в покое. Скутер сел на воду, и медленно подкатил через весь водоем к «Пан-элементалу» Найл, укрытому в зарослях камыша.

Паррол внимательно огляделся. Облетая эту местность полчаса назад, он видел гибкую длинноногую фигуру доктора Этланд. Она стояла на капоте своей машины, облаченная в открытый купальник и ласты. Сейчас ныряльщицы видно не было. На багажнике «Пана» валялось что-то из испытательного оборудования. Помутневшая вода свидетельствовала о том, что под ее поверх-

ностью паслись морские коровы.

Паррол перешагнул в большое аэро и пришвартовал к нему свой скутер. На нем были надеты панталоны до колен и ласты. К поясу крепились гарпунное ружье для подводной охоты и нож в чехле. Шельфовые фермы редко подвергались нашествию глубоководных хищников, однако более мелкие вредители попадались частенько. Он дотянулся до задней полки скутера и, порывшись среди барахла, как то: диктофона, ящика с картами и диаграммами, телекамеры, аппарата для дыхания под водой и карманного переговорного устройства, достал сигареты. Когда он закуривал, метрах в шести от него из воды высунулась приплюснутая звериная голова — бурая, с густыми и длинными усами, с белым шрамом, пересекающим череп наискосок — и уставилась на человека в упор.

— Привет, Спиф, — обратился к этой голове Паррол, как к хорошему знакомому. Он узнал в зверюге старшую из двух охотничьих выдр, которых Найл, будучи занятой подводными работами, держала подле себя, как телохранителей. — Где босс?

Выдра фыркнула, изогнула спину, и ее трехметровое тело, словно текущая струя густого

машинного масла, скрылось под водой. Паррол терпеливо ждал. Через минуту-другую слева от него послышался плеск. На этот раз на него смотрела уже не морда, а лицо доктора Найл Этланд. Она подплыла к Парролу, и он протянул ей руку, чтобы помочь взобраться на капот «Пан-элементала». Найл отжала волосы и стянула с головы прозрачный аппарат для дыхания под водой, покрывающий всю переднюю часть головы.

Взглянув на свои наручные часы, она поинтересовалась:

— Ну что? Удалось выяснить что-нибудь новенькое за эти полтора часа?

— Да, есть кое-какие сведения… — Паррол вдруг запнулся. Почти посередине водоема, оставшегося после отлива, медленно и почти беззвучно из воды поднялась громадная, розовато-серая туша. Пара выпученных буркал с угрюмой подозрительностью уставились на людей и их машины. Это был *Гиппопотамус Амфибиус* — земноводный бегемот. Он был завезен с Земли и приспособлен к жизни в морской воде, которая насыщена кормом в большей степени, нежели пресная. Это способствовало большему привесу тела. Кроме того, животное увеличили в размерах, его мясо сделали более нежным и придали еще кое-какие

вкусовые качества. Так он стал морской коровой, чья доля в снабжении планет Федерации белковой массой была довольна весома. Паррол видел, что эта особь — матерый самец-производитель, достигавший в длину более десяти метров. Его бока был покрыты боевыми шрамами. Поперек спины, как символ принадлежности фирме «Океаник», распластались три широкие полосы белого цвета.

— И ты тут возишься с этим древним страшилищем? — спросил Паррол.

— Ага, — Найл как раз вынимала из одной из своих ласт безразмерную иглу для подкожных инъекций. — Старый паршивец не изъявляет особого желания сдавать кровь на анализ.

— Так зачем тратить на него силы и время?

Найл пожала плечами.

— Просто интуиция. Что ты хотел мне сказать?

— В этом крупномасштабном исчезновении крупного скота есть одна деталь, которую нельзя рассматривать, по-моему, как просто совпадение, — произнес Паррол. — Вся эта история началась у северного изгиба континента. За неделю события продвинулись на сто пятьдесят километров вниз по побережью, добравшись до владений «Годвисонос Океаник». Почти с такой

же скоростью край течения Мерал проходит вдоль шельфа Континентального Разлома.

Найл кивнула.

— Мне это тоже приходило в голову. Если это совпадение, то довольно странное. Однако если даже допустить, что тут замешано течение, это все равно нет ответа на главный вопрос, не так ли?

— Куда подевались эти глупые твари? Конечно, этот вопрос остается без ответа, — нахмурился Паррол. — Тем не менее ни одна из гипотез, выдвинутых на съезде, не выдерживает, на мой взгляд, никакой критики. Хищники не могли стать причиной происходящего. Я опросил половину фермеров севера. Они не отмечали какого-то небывалого количества дохлых или раненых коров, болтающихся по морю, равно как и заболевших. И никто их не угонял. Даже если и можно увести с ранчо стадо, все равно его нигде не спрячешь… — Он замолчал, но вскоре продолжил: — Я тут услышал кое-что и хочу с этим разобраться, не откладывая в долгий ящик. Более двух месяцев тому назад — сразу после нашего отбытия в Ядро — «Таскасон Глиссеры» сообщила властям на материк, что кто-то вырезал весь косяк принадлежащей им фрайи.

Найл тихонько присвистнула.

— Это плохие новости, Дан! Мне прискорбно такое слышать. Думаешь, тут есть какая-то связь?

— Не знаю. Власти прислали следователей. Те не смогли обнаружить ничего такого, что говорило бы о насильственной гибели косяка. Фрайеловы же клятвенно заверяли, что фрайи были злонамеренно отравлены. Но они не смогли предъявить ни одной прямой улики. Возникает такое ощущение, что они вознамерились хапнуть на шармачка федеральную компенсацию за ущерб. Я попросил Мачона выяснить, где в настоящий момент курсирует таскасоновская флотилия. Как только ее местонахождение станет известно, он даст мне знать, и я сразу же вылечу. Потом мне в голову втемяшилась одна мысль. Возможно, она сможет объяснить проблему фермеров. Существует вероятность того, что пропавшими посчитали, в основном, тех коров, которые отсутствовали только в момент подсчета поголовья. По компьютерным данным, корова, которая кормится под водой или вздремнула на дне, поднимается подышать на поверхность в среднем каждые десять минут. Но, предположим, что-то привело животных к легкому отравлению и сделало необычайно вялыми. Если теперь каж-

дая корова будет подниматься на поверхность раз в двадцать или тридцать минут, то это почти наверняка приведет к кажущемуся выводу, что их количество ощутимо уменьшилось.

— Остроумная теория, — сказала Найл. — Ты предложил подводный подсчет поголовья?

— Да. Разумеется, это еще та работенка. Особенно на территории размером с годвисоносовскую, но некоторые фермеры готовы приступить к ней немедленно. А ты не…

Она покачала головой.

— Пока ни в воде, ни в пробах крови, отосланных мной в лабораторию, не обнаружено ничего, что позволило бы в качестве причины исчезновения поголовья усмотреть хоть какой-то намек на отравление. А вообще-то я тут заприметила кое-что, что подтверждает твою гипотезу.

— Что именно?

— Старый самец, которого мы только что видели. Не знаю, заметил ли ты, но он погрузился почти сразу же. И единственная причина, по которой я хотела взять у него кровь для анализа, заключается в том, что после того, как я начала обследовать этот водоем, он не поднимался на поверхность каждые десять минут. Отнюдь. Когда ты здесь появился, он находился под водой

уже добрых полчаса. Тем не менее, никаких признаков вялости он там не проявлял. Знай себе тешил брюхо, обгладывая ламинарию. Пожалуй, я не припомню, чтобы я раньше видела морскую корову, преисполненную такого неизбывного энтузиазма в поглощении пищи.

— Интересно, что могло послужить причиной подобного обжорства? — озадаченно спросил Паррол.

Найл пожала плечами.

— Пока не знаю. — Она взяла в руки богатырских размеров шприц. — Хочешь нырнуть со мной, помочь взять у обжоры пробу? Он не подпускает меня сзади, а от Спифа со Свитинг в этом деле проку мало, потому что старый паршивец просто не обращает на них никакого внимания.

* * *

Самец был упрямым и воинственным. Такими качествами обладали многие пожилые вожаки стада, так что Паррол не был этим очень-то обеспокоен.

Они с Найл были уроженцами Нэнди-Клайна. Оба родились в мелководных поселениях в тысяче километров от единственного на планете континента, и в воде, почти буквально, были

как в родной стихии. Верилось с трудом, но Найл помогала пасти морских коров своего поселения с тех пор, как научилась плавать. А плавать она начала раньше, чем ходить. Теперь она ускользала от тяжеловесных выпадов самца почти с такой же легкой грацией, как и у ее помощников-выдр. Потом, когда Паррол стал перемещаться туда-сюда перед носом у гигантского быка, отвлекая на себя внимание, Найл прошмыгнула зверю в тыл, и на некоторое время скрылась из виду.

Через минуту-другую она появилась вновь, показала наполненный кровью шприц, чтобы Паррол мог его увидеть, и стала грести к поверхности воды.

Паррол последовал за ней. Они снова вскарабкались на «Пан», предоставив морской корове возможность продолжить свою бесконечную трапезу, и сняли дыхательные аппараты.

— Дан, я хочу упаковаться прямо здесь и сейчас, после чего двинуть дальше, — сказала Найл. Она убрала шприц и занялась обычными приготовлениями к дальнейшему полету. — Я подброшу все эти материалы в лабораторию, пусть ими занимается Фризи, затем прошвырнусь на восемьдесят-сто километров к югу. Хочу взять такие же выборочные пробы в местности, где стада,

кажется, не затронуты этой напастью. Может, это даст нам хоть какую-то нить к разгадке. Хочешь, возьму тебя с собой, или у тебя какие-то другие срочные планы?

— Я… погоди минутку! — запиликало переговорное устройство на полке скутера, взятого Парролом напрокат. Он протянул руку за коммуникатором и произнес:

— Паррол слушает. Говорите!

— Говорит Мачон, — послышался голос секретаря Фермерской Ассоциации. — Мы связались с «Таскасон-Глиссерами», Дан. Они очень хотели бы с тобой увидеться! Они все время ждали твоего возвращения с Орадо. Слушай, где они сейчас находятся…

Паррол сделал несколько пометок в электронном блокноте переговорного устройства, поблагодарил Мачона и отключил связь.

— Ну вот, — сказал он Найл, — я сию же минуту должен вылетать. Сейчас сезон тайфунов, поэтому я лучше воспользуюсь «Охотником». Если вдруг наскочишь на что-нибудь такое, что, на твой взгляд, будет представлять интерес, сразу же позвони.

Найл кивнула:

— Закидывай свои пожитки назад, пока я

позову Свитинг и Спифа. Я подброшу тебя до пересадочной станции…

Глава 2

Солнце уже клонилось к закату, когда Паррол забрал «Охотник» с палубы глиссера, на котором базировалась штаб-квартира «Таскасон», и устремился на нем обратно на континент. Он был рад, что остановил свой выбор на столь надежном и прочном средстве передвижения. Территории «Таскасон» располагались как раз внутри пояса тайфунов. Горизонт впереди был свинцово-серым и даже местами траурно-черным. Сплошная стена туч, готовых обрушиться ливнем, стремительно заволакивала небо.

Он позволил себе задержаться у фрайеловов немного дольше, чем предполагал, обсуждая возникшую ситуацию. Однако, полученные им сведения, как ему показалось, не имели какого-нибудь существенного значения. Возможно, что он просто столкнулся с совершенно новым явлением, которое не имело ничего общего с известными ему прежде. «Таскасон-Глиссеры» передали «Джиард-Фармацевтикалз» целую флотилию для химического сбора урожая, и, как

следствие этого, относились к Парролу и Найл Этланд, как к своим единственным благонадежным связникам на континенте.

Уничтожение косяка нанесло им серьезнейший экономический ущерб. Мясо фрайи являлось самым близким местным аналогом полноценного мяса земных млекопитающих. Фрайи представляли собой неуклюжих зверей, тела которых по своему строению и химическому составу почти полностью соответствовали телам некоторых обитателей земных морей. Только жизненный цикл был у фрайей совсем иной. Они размножались в океанских расщелинах и впадинах глубиной от полукилометра до тысячи метров, и у каждого косяка было свое излюбленное место, куда он возвращался каждый год для выведения потомства. Там фрайи из всеядных, дышащих воздухом животных, плавающих вблизи поверхности воды, превращались в глубоководных растительноядных существ, питающихся исключительно одним-единственным видом подводной флоры. За несколько недель зверь удваивал свой вес, выводил потомство и был готов к возвращению на поверхность океана. Каждый косяк являлся собственностью одного из сообществ глиссерщиков-фрайеловов. В конце

сезона размножения забивалось ровно столько фрайей, сколько требовалось, чтобы наполнить до отказа плавбазы глиссерщиков. Затем годичный цикл повторялся. Фрайи, бесспорно, были не единственным, но наиважнейшим источником пищи для глиссерщиков.

«Таскасон-Глиссеры» были уверены, что принадлежавший им косяк был умышленно истреблен либо какой-то конкурирующей организацией с континента, либо одним из концернов, занимающихся переработкой морепродуктов, либо каким-то крупным фермером. Они считали, что это было сделано с целью вынудить их убраться с принадлежащих им морских владений, чтобы туда можно было перенести работы по сбору урожая. Фрайи спешили к месту своего размножения и находились приблизительно в ста километрах от него, когда произошла трагедия.

Идущие следом за косяком пастушьи глиссеры не ведали о случившемся несчастье, пока не обнаружили, что продвигаются среди множества мертвых тел, которыми была беспорядочно усеяна поверхность океана. Косяк погиб, по всей видимости, за считанные минуты. Это было настоящее бедствие, потому что место размножения не могло быть теперь восстановлено с

помощью других косяков. Дело в том, что между фрайями и чалотом — растением, которое на протяжении всего сезона размножения служило им кормом — существовала четкая взаимозависимость. Каждый из симбионтов нуждался в неукоснительном соблюдении партнером своего жизненного цикла. Если фрайям не удавалось появиться на излюбленном пастбище на следующий год, чалот погибал. Прихотливое растение невозможно было возродить на лишенных удобрения площадях.

Если бы среди организаций, базирующихся на континенте, удалось найти виновника этого злодеяния, «Таскасон-Глиссеры» могли бы содрать огромную компенсацию за причиненный ущерб. Либо непосредственно с повинных в преступлении, либо с Федерации, неустанно пекущейся о благосостоянии честных граждан. Однако, кроме всплесков некоего сигнала, зафиксированного на экране радиолокатора, что, в принципе, могло свидетельствовать о паре подводно-надводных судов, удаляющихся из этой зоны, иных доказательств уголовного характера происшедшего не существовало. Паррол клятвенно пообещал посодействовать в этом вопросе, насколько это было в его силах. Глиссерщики, кажется, остались этим

довольны.

В других же отношениях, прошедший день существенно не приблизил его к ответу на вопрос, что же творилось со стадами морских коров, принадлежащих береговым фермерам. Фрайи же однозначно погибли. Либо это произошло по причине человеческих жестокости и злопыхательства, либо вследствие извержения из океанских глубин пузырей смертельно опасного газа. В настоящий момент Паррол склонялся к последнему варианту. Что же касается коров, то они, по свидетельству многих, не подыхали. Их просто нигде не было.

* * *

Некоторое время Паррол пробивался сквозь тайфунные бури и воспользовался первой же обширной зоной затишья, чтобы связаться с континентом. Когда он дозвонился до Ассоциации Фермеров юго-востока, его сразу же соединили с кабинетом секретаря. Мачон до сих пор бдел на своем посту. Судя по ослабевшему голосу, он был близок к полному истощению. Зато у него имелась хорошая новость для Паррола. Оправдалось его предположение, что при подводном просчете могут быть обнаружены некоторые пропавшие

животные.

Подсчитанные ориентировочно убытки «Годвисонос Океанию» теперь можно было смело урезать почти на четверть. Некоторые фермеры на севере склонялись даже к еще большему сокращению потерь. Но пропажа оставшихся трех четвертей, поголовья оставалась по-прежнему необъяснимой. Сообщения о новых исчезновениях продолжали поступать из более отдаленных к югу участков побережья.

Следующей в очереди на связь была Фармацевтическая Станция Джиард. Найл Этланд бывала там наездами; в данный момент она отсутствовала. Сведений о том, где ее можно отловить, она не оставила. Находившаяся в лаборатории Фризи, которой Найл велела и дальше производить контрольные замеры у некоторых экземпляров морских коров, сообщила, что результаты проб продолжают оставаться отрицательными.

Порывы свежего ветра снова стали раскачивать «Охотник», и Паррол был вынужден прервать связь. Некоторое время он полностью был поглощен проблемой, как добраться домой живым. Он дважды звонил на «Пан-элементал» Найл, но она не отозвалась. При необходимости она и сама связалась бы с «Охотником». Причина радиомол-

чания объяснялась просто: она не предполагала, что ее деятельность окажется столь безуспешной, и поэтому пребывала в дурном расположении духа.

К тому времени, когда «Охотник» прорвался через последний тайфунный пояс, Паррол и сам пребывал в сильном раздражении. Он потянулся, было, к одному из бутербродов, которые прихватил с собой в поездку. Потом вспомнилось, что они давно съедены все до единого, и ему пришлось прислушаться к пустоте урчащего желудка. Пока машина неслась в заданном направлении, он решил еще раз обдумать все как следует. Если не считать рассеянных по небу грозовых туч, небо над континентом на западе было ясным. Он вплывал в надвигавшуюся ночь. Зетман — внутренняя луна — уже нырнула за горизонт. Над головой тихо и безмятежно поднялся диск светлого Дьюза.

Паррола продолжало тревожить смутное ощущение, что между двумя группами событий, которыми он был занят в течение сегодняшнего дня, существовала некая логическая связь. Пропадающие стада морских коров… Сраженный загадочной смертью косяк фрайи «Таскасон-Глиссеров»…

Подробности того, о чем поведали глиссерщики, не выходили у Паррола из головы. Визуально представив себе события, о которых они рассказали, он дал волю воображению. Иногда таким образом можно было…

Внезапно его лицо прояснилось. Он немного расслабился, чтобы спокойно все обдумать. Потом подался вперед и нажал кнопку на переговорном устройстве.

— Служба КомСети, — раздался безличный голос оператора.

— Дайте справочное бюро Центральной Лаборатории.

Через несколько секунд Паррол уже говорил:

— Я хотел бы посмотреть карты океанических течений вдоль восточного побережья на расстоянии одной тысячи километров от континента.

Он включил экран и подождал появления на нем запрошенных материалов.

Еще одно предчувствие! На этот раз — совсем «горячо»!

* * *

Согласно указателю местонахождения, до станции «Джиард» оставалось сто три километра. Паррол поддал скорости. Он имел все основания

полагать, что проблема частично решена. Но он хотел обсудить все это с Найл, а эта своенравная мадам не подавала о себе никаких вестей. «Пан-элементал» на звонки не откликался. Прошло уже три часа с тех пор, как она последний раз отметилась на станции.

Вместе с раздражением в Парроле, помимо его воли, нарастало чувство тревоги. Вообще-то Найл была очень осторожна. Да и то, что ему удалось выяснить с помощью Центральной библиотеки, теперь, по всей видимости, уменьшало вероятность криминала в истории с исчезновениями морских коров. И все-таки…

Зажужжало переговорное устройство. Паррол подскочил:

— Паррол слушает. Кто это?

— Извините, сэр, — вежливо произнес мужской голос, — я не туда попал.

Глаза Паррола сузились. Голос был записан на ленту и являлся условным сигналом от Найл. Он вставил штекер «шифровальщика» в соответствующее гнездо переговорного устройства, нацепил наушники и стал ждать. Теперь «шифровальщик» был настроен на режим, который они с Найл специально разработали, чтобы пользоваться в экстренных ситуациях. Такие ситуации

возникали, когда на используемую парой для переговоров волну настраивались недоброжелатели.

Через несколько секунд зазвучал чрезвычайно невыразительный шепот «шифровальщика»:

— Тревога. Тревога. Оружие. Воздух. Вода. Земля. Найл. Вода. Восток. Пятьдесят восемь. Север. Сорок шесть. Подходи. Осторожность. Осторожность. Вызов на связь. Нет.

Секунду спустя, сообщение повторилось. Затем «шифровальщик» умолк.

Паррол снял наушники и взглянул на спидометр. Тот показывал, что «Охотник» мчался на пределе своих возможностей. Паррол в задумчивости пожевал губу.

Итак, в ситуации с пропажей коров все же замешан человеческий фактор! Судя по только что полученной шифрограмме, это можно было утверждать с полной определенностью. Такой вывод не опровергал его последние умозаключения, а просто добавлял новые нюансы. Найл была склонна порой сгущать краски, но не до такой степени, чтобы посылать сигналы ложной тревоги. Оружие… Вероятность нападения с воздуха, воды или суши. Но с чьей стороны? Этого она не знала, иначе бы обязательно сообщила.

Она послала радиограмму, находясь в пятидесяти восьми километрах к востоку и в сорока шести к северу от станции «Джиард». Эта точка располагалась за шельфовым мелководьем, в открытом океане, строго на востоке от верхней границы фермы, принадлежащей «Годвисонос Океаник». Как раз на полукилометровой глубине под ней находилась впадина Континентального Разлома.

Паррол выдвинул закрепленную на шарнирах пушку «Охотника», врубил поисковые экраны, снизился почти до уровня воды и на всех парах полетел прямым курсом к «Годвисонос».

Над Разломом стоял слоистый туман. Если не считать легкой зыби, море было спокойным. В полукилометре от точки с сообщенными координатами Паррол посадил машину на воду и заскользил по направлению к тому месту, где ориентировочно должна была его поджидать доктор Этланд. Он откинул назад верх машины, подождал еще минуту, потом ненадолго включил сирену. Когда звук замер в отдалении, из клубящегося тумана донесся короткий ответный вой. Одновременно со звуковым сигналом строго впереди по курсу показалось и тут же пропало пятно тусклого света. Паррол облегченно хмыкнул, включил дальние огни и высветил из тумана

«Пан-элементал», наполовину погруженный в воду. Верх аэрокара был закрыт, якорный двигатель тихонько урчал. Потом тусклое свечение фар выхватило из тумана Найл, стоявшую на капоте машины в своем соблазнительном купальнике. Подбоченясь, она смотрела, как «Охотник» приближается.

Паррол заглушил двигатель, выключил фары и, когда машины соприкоснулись корпусами, включил морской якорь.

— Все тихо? — спросил он.

— Более или менее.

— От кого прячешься?

— Сама точно не знаю. Есть подозрение, что в роли злодея выступает, как ты и предполагал, «Эйджнес Лабораториз». Перелезай ко мне, Дан.

Паррол усмехнулся и перешагнул на «Пан-элементал».

— Что натолкнуло тебя на эту архиреволюционную мысль?

— То, что сегодня около полудня мне кто-то прижег мочку левого уха игловым лучом.

— Да ты что! И кто это был?

Найл пожала плечами.

— Я вообще никого не видела! Проверяла фермерских коров примерно в ста километрах к югу

отсюда, как вдруг какой-то мерзавец выстрелил в меня из камышовых зарослей с расстояния двадцати-двадцати пяти метров. Он явно подкрался, дыша под водой через тростинку. Сам понимаешь, я обработала из универсального ружья участок дна, откуда рос этот камыш. Наверное, промахнулась. Но, по-моему, киллер все-таки испугался и дал деру, потому что ответной стрельбы не последовало.

— Ты сообщила об этом, куда следует?

Она помотала головой.

— Нет!

Паррол недоверчиво взглянул на коллегу.

— А где в это время были твои выдры?

— Выдры? Ну, не знаю… должно быть, набросились на него. Вообще-то, я припоминаю, что потом в камышах кто-то заверещал, будто его резали, потом донеслись шумные всплески. Я туда не стала заглядывать. При виде крови я всегда становлюсь немного не в себе…

— Да, я это заметил, — произнес Паррол. — А где выдры сейчас?

— До того, как сюда направиться, отпустила их порезвиться в открытом море у «Годвисоноса». Я подумала, что будет лучше, если тот, кто подослал ко мне специалиста по прижиганию мочек,

некоторое время побудет в неведении относительно того, что фокус не удался. Может быть, тогда он воздержится от того, чтобы испробовать что-нибудь другое. В общем, ясно, как божий день: кто-то очень не хочет, чтобы мы слишком глубоко влезали в это дело с пропажами скота. Так что ты был насчет этого прав.

Паррол криво усмехнулся.

— М-да… А я-то ведь, признаюсь тебе честно, только что окончательно пришел к выводу, что ошибался, и решил, что в этой истории человеческий фактор ни при чем.

— Что же тебя надоумило прийти к такому заключению? — Найл засунула руку под полку с аппаратурой и достала оттуда здоровенный бутерброд с бифштексом, зеленью и кетчупом. — Тебе, наверное, не удалось перекусить, бедненький? У меня их тут целая куча.

— Рад это слышать, — промолвил с благодарностью Паррол, беря бутерброд. — Последние пару часов жрать хочется до смерти.

Она задумчиво выслушала его рассказ о посещении «Таскасон-Глиссеров».

— Понимаешь, какая штука, — сказал он в заключение, — глиссерщики полагают, что их животные были перебиты парой подводных ло-

док, которые напустили на фрайей снизу нечто вроде нервнопаралитического газа. Он прикончил животных, достиг поверхности и мгновенно растворился в воздухе.

Найл кивнула.

— Очень похоже, что именно так все и было, Дан.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Паррол. — Но за последние полчаса у меня зародилась мысль, что это было проделано вовсе не с помощью такого средства, которое моментально растворяется в атмосфере.

— Почему?

— Потому что место, где все это произошло, находится неподалеку от северной границы течения Мерал. Косяк был уничтожен приблизительно два с половиной месяца назад, вскоре после того, как мы отправились в Ядро Звездного Скопления. Все, что дрейфует оттуда по течению Мерал, достигает Континентального Разлома и здешнего участка побережья примерно за такое же время.

Найл сморщила нос и почесала мизинцем кончик.

— Выходит, беда, постигшая морских коров, была непреднамеренной? Получается, она яви-

лась случайным следствием отравления косяка фрайей?

— Именно это я и предположил, — сказал Паррол. — То, что поразило таскасоновский косяк два с лишним месяца назад, в течение последней недели поражало морских коров. Но здесь это отравляющее вещество уже не имеет такого молниеносного эффекта, как там, потому что за это время оно рассеялось среди обширной массы воды, и концентрация его снизилась. Но представь, что приливом яд занесло на отмели. Некоторые коровы поглощают достаточное количество этой дряни, чтобы почувствовать себя скверно, и устремляются в открытое море, надеясь избавиться от того, что их беспокоит. Ближайшие морские поймы с нанесенными туда водорослями находятся примерно в ста десяти километрах от обычного места выпаса коров. Если отравленные коровы каким-то образом проведали об этом, они запросто могли предпринять морскую прогулку к этим поймам. Пока их там не обнаружат, они будут считаться пропавшими без вести… Но то, что была предпринята откровенная попытка убить тебя, меняет картину в одном важном отношении. Очевидно, кому-то очень хорошо известно, что происходит. Это наводит

на мысль, что настоящей мишенью, возможно, является не «Таскасон-Глиссеры», а «Джиард». Если уничтожить стада фермеров, у которых с нами заключен договор, и если глиссерщиков, которые работают на нас, измором вытеснят с их территорий, то нашей работе на Нэнди-Клайне придет конец и, возможно, навсегда. Тогда поле деятельности достанется другим игрокам, в данном случае, «Эйджнес» и некоторым другим. Сейчас мне кажется, что проделка с косяком фрайей и переполох с морскими коровами хоть и являются внешне двумя различными маневрами, но выполнены они одними и теми же людьми. Я считаю, что химическое вещество, повлиявшее на коров, было распространено в Континентальном Разломе чуть севернее прибрежных ферм намеренно, чтобы Мерал отнесло его к югу.

Найл покачала головой.

— По-моему, первая твоя идея ближе к истине, — сказала она.

— Почему ты так решила?

— Пока тебя не было, я обнаружила две вещи. Для наглядности лучше тебе самому взглянуть. — Кивком она указала на багажник своей машины. — Там ты найдешь свои рейтузы и прочее хозяйство для подводного плавания. Если

соизволишь напялить все это на себя, то мы разок окунемся.

— Прямо здесь? Зачем?

— Чтобы получить твое непредвзятое мнение о том, что я наблюдала несколько часов назад. Вместо дыхательного аппарата возьми шлем, чтобы можно было разговаривать.

Вода приятно согревала. Хотя под водой было довольно темно, вибрация двух якорных двигателей создавала позади них своеобразный звуковой бакен. Сверху от водной поверхности, до которой было пять метров, исходил слабый фосфоресцирующий свет. Найл Этланд плыла слева от Паррола, словно привидение.

— Ну, вот мы и под водой, — промолвил Паррол. — А теперь что?

— Давай проплывем вокруг машин примерно на этой глубине, — услышал он из шлемофона.

Паррол свернул налево, заметив, как она показала нужное направление. Он проплыл двадцать или тридцать метров и, потеряв терпение, хотел было снова заговорить, как вдруг Найл спросила:

— Ты ведь способен задержать дыхание почти на четыре минуты, правда?

— Ты же это прекрасно знаешь.

— Я просто уточняю. Приступай к задержке

дыхания прямо сейчас и продолжай плыть.

— Какого… — Паррол придержал язык. Она явно придавала этому чрезвычайно серьезное значение. Он перестал дышать, не прекращая гребков, постепенно заворачивая в воде так, чтобы шум морских якорей исходил слева, с такого же расстояния. Расплывчатая тень Найл осталась позади.

Паррол едва сдерживал раздражение, но в то же время в нем нарастало и любопытство. Он был твердо убежден, что Найл отнюдь не затеяла какие-то игры только для того, чтобы сохранить свою репутацию загадочной женщины. Он продолжал плыть. В голове теснился целый ворох вопросов и догадок. Через некоторое время его легкие бурно затребовали воздуха, потом снова успокоились. Морская вода внезапно показалась холоднее, чем раньше. Он сообразил, что удвоенная вибрация якорных двигателей немного отдалилась, и сделал более крутой разворот по направлению к ним. Сколько времени он находился в воде? Должно быть…

— Дан?

Он открыл рот и набрал полные легкие воздуха.

— Что? — хрипло сказал он.

— Как себя чувствуешь?

— Прекрасно.

— Не ври! У тебя от страха поджилки трясутся! Это я тебе не в упрек… Ты задержал дыхание, когда я велела это сделать?

— Да — и не дышал вплоть до этой минуты.

— Что составило… — пауза, — восемь минут и пятнадцать секунд, Дан!

В первое мгновение это время показалось Парролу ничего не значащим фактом. Потом вдруг до него дошел смысл сказанного Найл, и он просто онемел.

— Это и было то самое непредвзятое впечатление, которое я должен был испытать? — вымолвил он наконец.

— Именно. Давай-ка заберемся обратно в машину.

Этланд первой юркнула в «Пан-элементал». Он собрался, было, последовать за ней, но она обернулась и сказала:

— Лучше обсохни снаружи, Дан. Иначе намочишь мне обшивку сиденья. Залезай на капот, а я брошу тебе полотенце.

Вытираясь, Паррол поинтересовался:

— У тебя с задержкой дыхания было так же?

— Если бы я его задержала, было бы так же.

— Значит, старый вожак, над которым мы сегодня утром издевались…

— Ага. Возможно, он всплыл на поверхность случайно, но уж точно не потому, что ему не хватало кислорода. То же самое происходит и со многими другими животными, которые на фермах. *Вот почему* подсчеты поголовья были столь далеки от истинного положения вещей. Что-нибудь не так?

Паррол громко выругался. В тоне его голоса слышалось удивление. Полотенце в его руках промокло насквозь, однако, сам он нисколько не высох.

— Будь добра, подай мне еще одно полотенце!

Найл издала странный звук, похожий на сдавленный смешок.

— Держи!

Он поймал полотенце, глянул подозрительно на Найл, потом вновь осмотрел свое тело. Вода обильно стекала по всей коже, как будто он только что вылез из моря.

— Что происходит, черт возьми? — спросил он решительным тоном.

Она опять издала сдавленный смешок.

— Я… да не переживай ты так, Дан! Это прекратится через минуту-другую. Сегодня днем со

мной произошло абсолютно то же самое. Для того чтобы с уверенностью сказать, что с тобой происходит, мне, вероятно, пришлось бы с пристрастием исследовать тебя под микроскопом.

— Достаточно и квалифицированной гипотезы.

— Квалифицированной гипотезы, говоришь? Ну что ж… То, что мы с тобой подцепили вслед за коровами, запустило в нас некий биологический механизм, который всасывает воду через кожные покровы, выделяет из нее кислород и обратно удаляет воду. Если можно так выразиться, наше тело стало сплошными жабрами. Ты чувствовал, как твои легкие пытались заработать во время задержки дыхания?

Немного подумав, Паррол кивнул.

— Всего на какой-то миг.

— Это, — сказала Найл, — по-видимому, и было то, что приводит в действие механизм дыхания в воде — первый рефлекторный сигнал о нехватке кислорода. Кстати, я думаю, что сейчас уже можешь вытереться насухо. Ты заметил, как вдруг вода стала холоднее?

— Это из меня выходила морская вода? — брезгливо спросил Паррол.

— Да. Как я уже говорила, не думаю, что в этом

феномене заключается какая-то угроза здоровью. Если мы не будем входить в контакт с этим веществом, механизм иссякнет через денек-другой.

— Без всяких необратимых последствий?

— Полагаю, что да. Если бы ты не задержал дыхание под водой, то, вероятно, так и не заметил бы происходящих в тебе перемен. Кажется, ты обсох окончательно, так что давай заходи.

Глава 3

Когда Паррол проник в салон машины, она протянула ему бутерброд.

— Ты все еще голоден?

— Нет. Хотя… — Паррол вдруг запнулся и уставился в изумлении на Найл. — А ведь правда! Значит, я, как тот самец, который без удержу набивал себе брюхо, а?

— Совершенно верно. В чем бы ни заключался этот особый дыхательный механизм, он требует большого количества энергии, которая очень быстро расходуется. На, возьми. Я сама весь день напролет запихиваю в себя калории… А сейчас тебе предстоит ознакомиться и с другой уликой.

Она сунула ему в руку бутерброд, выпростала из футляра видеокамеру-проектор и установила на

полке. Повернула ручку настройки на несколько делений назад и нажала кнопку просмотра видеозаписи. Передний щиток камеры превратился в экран.

— «Огненный» лес, — промолвил Паррол, жуя бутерброд. На экране появился плоский участок морского дна. Съемка велась сверху, под небольшим углом. Местами из ила высовывались клочки то кустообразной, то древовидной растительности. Эти подводные джунгли жутковато переливались всеми красками спектра. На дальнем плане они сливались в единое покрывало, сияющее ослепительной белизной. Яркое свечение усиливало мрак бездны, которая простиралась вверх на сотню метров.

— Какой-то придонный участок? — спросил Паррол.

— Да, тот, что непосредственно под нами, — ответила Найл. — Последние пару часов до встречи с тобой я ползала по дну Разлома. А теперь смотри внимательно!

В кадре возникла гряда желтых гигантских цветов. Они медленно колыхались оттого, что через гряду медленно продвигалось что-то темное. На один миг — пока включалось увеличение — резкость на экране пропала, потом вновь по-

явилась.

Паррол замер, надкусив бутерброд. Потом проглотил кусок, не прожевав его, и подался ближе к камере.

— О, нет! — вымолвил он. — До дна ведь больше полукилометра! Это же… И, тем не менее, это так и есть! Ну, конечно!

— Морские коровы на дне разлома — живы-здоровехоньки, да еще с отменным аппетитом! — подтвердила Найл. — По всей видимости, именно здесь сосредоточено до восьмидесяти процентов пропавшего поголовья. Через минуту я покажу тебе целые стада. Самая высокая плотность особей в этих стадах — немного южнее. Теперь давай-ка, рассмотрим поближе этот экземпляр.

Снова включилось увеличение, и вскоре Паррол воскликнул:

— Такое впечатление, что он потерял половину своего жира! Понятно, почему с такой жадностью бык уплетает «огненные» растения. Повышенные энергетические затраты в связи с пресловутой адаптацией к глубоководной жизни, если я правильно понял?

— Ну, конечно. Для того чтобы поддерживать на такой глубине жизненный тонус в течение минуты, морские коровы должны претерпеть в

своих организмах поистине крутые перемены.

— Легкие, уши, всевозможные полости… Да, действительно. В это почти невозможно поверить! Погоди-ка секунду! Предположим, что мы…

— По-видимому, — перебила Найл, — этот процесс похож на развитие механизма дыхания под водой. Чтобы он заработал, требуется внешний возбудитель. По мере того, как коровы перемещались на дно Разлома, они приспосабливались к глубоководной жизни. А те из них, что остались на фермах, не подвергались воздействию возбудителей, поэтому и не изменились.

Паррол откашлялся.

— Значит, ты думаешь, что если бы мы поплыли вниз без костюмов…

— Вполне вероятно, обнаружили бы, что начинаем приспосабливаться. Хочешь попробовать?

— Ни за что!

— Я тоже. Хотя морские коровы перенесли метаморфоз явно безболезненно. А вот то, что произойдет с человеческим телом, я бы не хотела испытать лично на себе. Ага, последние кадры. Хочешь полюбоваться на стада на юге?

Паррол помотал головой:

— Давай это пропустим. Верю тебе на слово, что

основная их часть находится именно там.

Она выключила камеру и засунула в футляр.

— Что ты обо всем этом думаешь, Дан?

— Наверное, то же, что и ты, — сказал Паррол. — Когда фрайи «Таскасон» перевернулись брюхом кверху и подохли, они были на пути к месту своего размножения и находились примерно в ста километрах к юго-западу от него. А место выведения их потомства — Разлом Таскасон лежит как раз под течением Мерал. Между фрайями и чалотом, — растением, которым они питаются, выработан симбиоз. Когда фрайи начинают прибывать, чалот вырабатывает подвижные споры. В организме фрайей белки этих спор вступают в реакцию, вследствие чего становятся пригодными для глубоководного размножения… постой… постой!

Он умолк и нахмурился. Среди современной фауны Нэнди-Клайна фрайи являли собой живой анахронизм. Они были последними представителями класса морских травоядных, чей жизненный цикл сложным образом переплелся с определенными видами растений «огненного» леса.

— Считается, что споры чалота активно занимаются поиском фрайей, когда те прибывают

на место размножения, — продолжал он медленно. — Но на этот раз — когда чалот выпустил свои споры в Таскасоновском Разломе — косяк фрайи так и не появился. В итоге течение Мерал унесло споры прочь. В конце концов через Континентальный Разлом они попали на прибрежные фермы. Земные млекопитающие — в данном случае, морские коровы и люди — ближе всех по биологическому строению к фрайям. Следовательно, споры чалота предназначены для нас! И мы отреагировали на их белки почти так же, как и фрайи.

— Похоже, так оно и есть, — согласилась Найл.

Секунду помолчав, Паррол спросил:

— Почему ты так уверена, что изменения обратимы?

— Просто потому, что чалот здесь не растет. Фрайи сохраняют свою глубоководную форму до тех пор, пока вокруг есть чалот, которым можно питаться. К тому времени, когда сезонный запас истощен, они уже вывели потомство и готовы снова принять форму обычного морского животного. Споры как бы спускают курок первоначальной стадии реакции. Для ее дальнейшего протекания необходим контакт с материнским растением. На некоторых морских коров, кото-

рые погрузились на дно Разлома в этом месте, возможно, этот эффект уже не действует, и по этой причине они поднимаются на поверхность.

— Ну, хорошо, — сказал Паррол. — Теперь мы знаем, что беда с коровами случилась непреднамеренно. Это произошло случайно, в результате истребления косяка фрайей. Но до сих пор я не могу снять подозрение с «Эйджнес». Если это они уничтожили фрайей, то их биохимики довольно скоро должны были сообразить, что сейчас происходит — и это стало бы веской причиной подослать к нам людей с лучевиками, пока мы до всего не докопались. Но зачем надо было уничтожать косяк?

— Вот над этим я и ломаю голову, — сказала Найл. — Ведь «Эйджнес» обладает всеми плодородными площадями, какие только можно было освоить.

— Я согласен с тобой, — промолвил Паррол. — Но только сейчас я вспомнил, что Отмели Гренли расположены примерно в двухстах километрах к северу от Таскасонова Разлома.

— Ну, и к чему ты клонишь?

— Может, ты помнишь, что за неделю или две до нашего отъезда с Орадо туда пришло экспресс-сообщение о том, что у «Джиард» пропала

субмарина, используемая для сбора урожая? В последнем сообщении о местонахождении указывалось, что она работает на отмелях Гренли.

На миг глаза Найл расширились.

— Я совсем об этом забыла! Это и в самом деле очень интересно. «Эйджнес» выводит из строя одну из наших жатвенных машин, ориентировочно, в трехстах километрах к северу от того места, где был уничтожен косяк фрайей. Спрашивается, зачем? Видимо, они что-то в тот район отправили и не хотели, чтобы наша субмарина на это что-то ненароком наткнулась.

— А, может, как раз и наткнулась? Зачем перед этим за триста километров к югу от этого места нужно было уничтожать косяк фрайей?

— Чтобы он не добрался до места своего размножения, — сказал Паррол.

— Правильно. Фрайей сопровождали пастушьи глиссеры «Таскасона». Если бы кто-то напал на глиссеры, об этом мгновенно узнала бы вся планета. Но если фрайи погибли, глиссерам нечего было делать в местах размножения. Они туда не пошли.

— Места размножения! — воскликнул Паррол. — «Огненный» лес, Найл!

Помолчав секунду, она промолвила:

— Ты прав, Дан! Иначе и быть не может. Еще одна плантация нидита, которую пока не обнаружила Служба по Борьбе с Наркотиками!

Паррол подумал, что эта гипотеза почти все объясняет. Сложноцветное растение нидит являлось сырьем для медицинского препарата, обладающего уникальными лечебными свойствами, если его принимали, следуя строгим предписаниям фармацевтов. И он же способствовал формированию порочных наклонностей при приеме его внутрь без оных мер. На законных основаниях его можно было собирать только под непосредственным надзором властей и в количествах, которые ограничивались реальными потребностями медицинской промышленности. Плантации «огненного» леса с произраставшим на них нидитом, количество которого полностью удовлетворяло эти потребности, постоянно патрулировались. Во всех же прочих «огненных» лесах команды по борьбе с наркотиками старательно уничтожали это растение.

Но если возникла новая, неучтенная ранее плантация с нидитом, и ее первыми обнаружили нечистые на руку люди…

— «Эйджнес» не упустила бы такой шанс, — сказал Паррол. — Два или три сезонных сбора

окупят все затраты на планете плюс дадут колоссальную прибыль!

— Именно так и обстоит дело! — подытожила Найл. На один миг она уставилась на Паррола, покусывая верхнюю губу. — Как же вывести негодяев на чистую воду, а, Дан?

— Приближается пик уборочной кампании, верно? — молвил как бы в пространство Паррол.

— Точно! — подхватила Найл. — Как раз в эти самые часы они должны находиться именно на плантации и собирать урожай! Кому мы можем доверить это дело? Фиаве и полицейским? Службе по Борьбе с Наркотиками? Нет, постой…

— Да-да, — согласился Паррол. — Я тоже так думаю.

— Они могут собирать нидит тайком. Для вящей безопасности не погнушаются и убийством непрошеных свидетелей. Но им ни за что не вывезти урожай с Нэнди-Клайна, если нет подкупленных заранее людей как в службе по Борьбе с Наркотиками, так и в полиции на континенте. К тому же коррупционеры, небось, получают часть прибыли. Дело определенно организовано так, что и концов не найдешь! Если мы ударим в набат прямо сейчас, а там, на нидитовой плантации, никого не окажется, нам никогда больше

не удастся прижать «Эйджнес» к ногтю. До того, как сделать следующий шаг, мы должны знать наверняка, что их задержали с поличным.

* * *

По всей видимости, Найл с Парролом нарушили уединение Илиума Велдроу. Когда, по возвращении на станцию, они вызвали его в кабинет Паррола, он посмотрел на парочку с нескрываемым неодобрением. По сравнению с помощником управляющего, облаченного в безукоризненный деловой костюм, сам управляющий и его спутница выглядели самыми натуральными пляжными бродягами, которые не брезговали и уголовщиной. У обоих на плечах висели гарпунные ружья. Паррол даже не удосужился снять панталоны для подводного плавания и натянул брюки прямо на них. У Найл поверх вызывающего купальника была накинута только короткая куртка — и все. Но расстроило Велдроу не одно лишь отсутствие опрятного вида у коллег.

— Боюсь, я не совсем тебя понял, Дан, — сказал он, поморщившись. — Значит, я должен находиться в твоем кабинете и быть приклеенным, как ты выразился, к твоему личному переговорному устройству. В то же время, после вашего

ухода станция должна быть погружена в темноту и оставаться запертой на замок. Зачем нужно запираться и выключать свет?

— Потому что, если в течение последующих нескольких часов ты выдашь свое местонахождение, то кто-нибудь может снести твою маленькую глупенькую головку с плеч, — бесцеремонно объяснила Найл.

В глазах Велдроу появилась тревога.

— А что такое? Происходит что-то ужасное, да?

— Если не будешь знать, что происходит, то тебя это не коснется, — сказал Паррол. — И если будешь выполнять то, что тебе велят, и не станешь высовывать со станции свой нос до нашего возвращения, то останешься в целости и сохранности. Давай-ка, для верности повтори еще раз все то, что ты должен делать.

Нельзя сказать, что с охотой, но помощник управляющего подчинился. Итак, он должен дожидаться звонка от капитана Мейса с посыльного судна-жнейки «Атрис». Звонок должен поступить в течение ближайших трех-шести часов и содержать в себе невинную просьбу переслать на судно кое-какие запчасти. Это послужит Велдроу сигналом, что пора набрать два номера аварийного вызова на переговорном устройстве

Паррола. Один звонок соединит его с шефом полиции Фиавой, другой — с одним человеком из Федеральной Службы по Борьбе с Наркотиками, с которым Парролу в свое время доводилось работать вместе. После того, как адресаты ответят на звонки, Велдроу должен был нажать передаточную кнопку на телетайпе переговорного устройства. В нем содержалась определенная шифрованная информация, которую Паррол ввел туда загодя. После этого Велдроу было приказано выключить аппарат.

Паррол решил, что его помощник запомнил более или менее все пункты руководства к действию. Даже если он что-то и напутает, это просто задержит начало операции на несколько часов, только и всего.

* * *

Над течением Мерал ночное небо было ясным и освещенным взошедшим Дьюзом.

— Ты уверен, что впереди нас — «Атрис»? — спросила Найл Этланд.

— Ага, — отозвался Паррол. — Мейс находится примерно в сорока километрах от своего КПП, но это точно «Атрис». Уж я-то эту посудину знаю.

Экран монитора транслировал картинку с

места жатвы. В центре экрана виднелось увеличенное изображение посыльного судна, которое располагалось тремя километрами ниже по течению. Две стаи машин по сбору морепродуктов, которые располагались неподалеку, медленно покачивались на волнах в слабом отблеске морской зыби. Жнейки при полной луне бездействовали, и самолет-погонщик кружил позади более отдаленной стаи, направляя нескольких беглянок обратно к месту работы.

— Тогда чего мы ждем? — нетерпеливо воскликнула Найл.

Паррол посмотрел на нее вопросительно.

— Ты сверилась со штурманской картой?

— Спрашиваешь! Корабль бросил якорь выше северной трети Разлома Таскасон. А-а, понимаю: ты считаешь, что ему будет угрожать опасность, если кто-то «засечет» мой «Пан», рыскающий по дну?

— Может, и так. Во всяком случае, корабль находится слишком близко от того места, откуда мы собираемся действовать. Если негодяи там, внизу, заняты погрузкой нидита в трюмы, то они сильно нервничают, поскольку прекрасно знают, что корабль такого типа «засечь» их не в состоянии. Но само наличие стоящего на якоре в этих местах

посыльного судна может заставить их выбросить вещественное доказательство за борт и удрать при малейшем подозрении на шухер.

— Ну и что ты намерен предпринять?

— Взойти на борт, сказать Мейсу, чтобы он убрал свои жнейки на пятьдесят километров западнее и поджидал нас там. Так будет спокойнее для всех. Морской волк догадывается, что готовится что-то необычное, но вопросов никогда не задает. Подай им визуальный сигнал.

Найл шевельнула рукой, и под днищем «Пан-элементала» вспыхнули опознавательные огни «Джиард»: синий… синий… красный. С интервалом в десять секунд сигнал повторился. Вовсю затрезвонило переговорное устройство.

— Нельзя, — пробормотала Найл под нос. Она взяла сигнальную коробку. Под пальцами появилось пурпурное свечение. Когда оно погасло, переговорное устройство перестало звонить, а на посыльном судне замигал сине-сине-красный позывной «Джиард».

— Он понял, что переговариваться открытым текстом нельзя, — промолвила Найл. Она послала сигнал запроса на сближение. Через несколько секунд на «Атрисе» загорелся яркий зеленый свет.

Найл отключила сигнальную коробку.

— Наконец-то! Ну — айда к ним!

Она резко набрала скорость. Нос машины задрался кверху. Паррол отключил на экране панораму жатвы. Залитое лунным светом море убегало под капот. Потом резко накренилось вправо, метнулось назад и снова выровнялось под ними. Машина легко резала морскую гладь. Вода под «Пан-элементалом» покорно шипела. Впереди показалась корма посыльного судна. Отдельные детали четко вырисовывались в свете Дьюза. На палубе собралось несколько человек. Двое из них…

— НАЙЛ ПОВОРА…

Паррол не успел закончить фразу, предупреждающую об опасности. На палубе «Атриса» была опущена защита. За ней возвышалась кургузая пушка, целившаяся прямо в них. Найл заметила западню в тот же миг, что и Паррол, и отреагировала моментально. «Пан» нырнул вниз, к воде.

Экран заполнила яркая вспышка. Словно гигантский кулак подбросил машину вверх. Найл швырнуло на Паррола, потом прочь от него. Паррол изо всех сил старался дотянуться до пульта управления, машину тем временем несло по воздуху, двигатель ревел как безумный. Он мель-

ком заметил на экране, как удаляется от них нос «Атриса», и как пронесся мимо самолет-погонщик посыльного судна. На один миг послышался скрежет стали, отдираемой от «Пан-элементала». Потом мотор заглох намертво. Парролу удалось частично совладать с управлением машины, но только ненадолго. Правда, этого оказалось достаточно, чтобы выпрямить ее перед тем, как она рухнула в море.

* * *

Вода вокруг была черной, как деготь. «Пан-элементал», погрузившись в воду кормой, с развороченным и затопленным моторным отсеком, тяжело опустился на какое-то податливое препятствие. Осев еще на несколько метров вниз, он опять остановился. Машина медленно покачнулась и приняла положение, близкое к горизонтальному. Потом накренилась и замерла среди переплетенных между собой цепких побегов водорослей, гонимых течением Мерал чуть ниже поверхности воды.

Паррол, скинув брюки и ботинки, затянул вокруг талии пояс ныряльщика и пошарил вокруг в поисках оставшегося снаряжения для подводного плавания, которое теперь валялось, разбросанное

по всей кабине. Он отчаянно клял темноту, предательство экипажа «Атриса» и свою собственную непредусмотрительность. Имея в своем распоряжении заросли нелегального наркотика, который мог сделать миллионерами тысячу человек, «Эйджнес» не составляло большого труда набрать сообщников в каких угодно структурах. Теперь у них с Найл оставался слабый шанс пережить свой промах. Надо было спешно выбираться из покореженной машины и отплыть как можно дальше в море. Это надо было сделать до того, как «Атрис» пошлет сюда ныряльщиков, чтобы удостовериться, что с нежелательными очевидцами покончено.

Найл лежала, перегнувшись через покосившийся приборный щиток. Времени на то, чтобы узнать, насколько серьезно она пострадала, совсем не оставалось. Она определенно была без сознания. В воде он как-нибудь с ней управится.

Пошарив рукой за сиденьем, Паррол обнаружил два комплекта ласт. Только успел натянуть на себя один, как в окружающей черноте заметил сверкающие огоньки. Он испуганно огляделся и увидел почти рядом нечто, похожее на стайку летающих светлячков. Он тут же сообразил, в чем дело… Экран внешнего обзора показывал ему

группу ныряльщиков с «Атриса», которые быстро приближались к ним, оснащенные реактивными движками.

Итак, на то, чтобы убраться отсюда, оставалось всего секунд тридцать, а то и меньше…

Изрыгая жуткие проклятия, Паррол пристегнул второй набор ласт к своему поясу. Потом, извиваясь, как червяк, обогнул переднее сиденье, подхватил Найл и прижал к себе. Свободной рукой нащупал ручку управления откидным верхом. Вначале Паррол потянул рычаг, убирающий заднюю часть, потом сразу же ухватился за второй рычаг и дернул на себя.

Раздался свирепый рев кратковременного гидродинамического удара, который выдавил весь воздух из его легких. Поток холодной воды закружил мужчину и вынес из машины.

Паррол перекатился через «Пан» в воде, не выпуская Найл из рук. Тут же наткнулся на ствол гигантского дрейфующего растения, который на ощупь был словно резиновый. Отсюда «светляки» казались более крупными и яркими. Они поворачивали по направлению к воздушному фонтану, который бил из «Пан-элементала», и подбирались все ближе и ближе к нему сквозь набухшую от воды массу водорослей. Вода посте-

пенно светлела от их огней. Паррол укрылся за корпусом утопленной машины. И тут он заметил под собой пятно зияющей черноты. Он перенес Найл на левую руку, ухватился за нижнюю часть машины, опустил вниз ноги и сжал бедрами два толстых стебля, отходящих от ствола растения. Зацепившись таким образом за растение, он рванул машину вниз на себя. Она тяжело покачнулась, стала переворачиваться и вдруг заскользила мимо него. Спустя всего один миг, она выпросталась из зарослей и исчезла внизу.

Паррол перевернулся вниз головой и, крепко удерживая Найл, стал методично грести, погружаясь все глубже и глубже в холодную темень Разлома Таскасон.

Глава 4

Оно было ужасно голодно и ослаблено; а теперь получило пищу. Его сознание и память были почти полностью поглощены процессом. Существовали какие-то смутные впечатления: свет, темнота, цвет, указывающие на свойства вещей из внешнего мира, который, однако, Его совсем не интересовал. Оттуда доносились гул, свист, чириканье. Эти звуки Оно тоже игнорировало.

Вкус и осязание, напротив, представляли интерес. Процесс поглощения пищи был прост. В рот что-нибудь вкладывали, и Оно проглатывало это, и как только глотало, в рот снова что-то вкладывали, и Оно глотало опять. Временами случался перерыв перед тем, как положить Ему в рот новую еду, и тогда Оно ощущало тревогу. Но эти перерывы были всегда непродолжительны.

Что бы ни попадало Ему в рот, Оно различало это осязательно и на вкус. Некоторое время Его кормили чем-то одним, потом другим. Пища различалась запахом, соленостью, скользкостью, твердостью, но она неизменно была очень хорошей.

«Наверное, я чуть не умерло с голода!» — вдруг подумало Оно и тут же задало себе вопрос, а что такое «Я». Впрочем, почти сразу же Оно забыло этот вопрос.

Спустя некоторое время у Него зародилась еще одна мысль. Оно решило, что больше не хочет есть, во всяком случае, сейчас, сию минуту. Что-то запихивалось Ему в рот, но Оно выплюнуло и крепко сжало зубы. После этого никаких попыток что-то делать с Ним больше не возобновлялось. Оно оставалось строго на своем месте, довольное неподвижным положением.

С этого момента стали включаться и другие чувства. Оно обнаружило, что перестало видеть только голубой фон, и в его поле зрения появилась цветистая аллея, полная отдельных предметов. Некоторые из них двигались, но большей частью они все же были неподвижны. Оно стало распознавать звуки, и некоторое время безуспешно пыталось увязать их с предметами, которые видело. Потом пришло осознание какой-то легкости, почти невесомости. В ту же секунду Оно уже знало, что это значит!

«Я нахожусь под водой…»

«…И конечно, это я!» — заключила Найл Этланд, почувствовав удовлетворение от такого резюме.

Выпрямив спину, она сидела в подводном иле. Правда, не совсем вертикально, откинувшись немного назад, ибо опиралась спиной о нечто твердое.

Что-то пошевелилось. Найл наклонила голову, чтобы посмотреть. Это была рука, отвратительная толстая рука, покрытая маслянистой кожей в складках, испещренная какими-то серыми оспинами. Она тянулась откуда-то сзади, огибая Найл сбоку, и ее кисть оканчивалась какими-то осклизлыми отростками, которые были сложены в щепоть, как бы для хватания чего-то, и прибли-

жались к ее лицу.

Она поняла, что нечто твердое, обо что она упиралась спиной, было чудовищем, которому принадлежала эта мерзкая ручища.

Найл судорожно дернулась вверх, чтобы избавиться от соседства с этой тварью. К ее удивлению, это ей удалось. Вслед за этим последовал мощный взмах обутых в ласты ног, поднявший тучу ила, и она понеслась прямолинейно над морским дном в направлении к кусту ослепительно-синих веерообразных «огненных» цветов.

«Огненных» цветов! А это где?..

Воспоминание вспыхнуло в мозгу. Кормовая палуба «Атриса», призрачно вырисовывающаяся в лунном свете, внезапное появление пушки… Их аэрокар подбили…

Найл перевернулась в воде, затормаживая инерцию, влекущую тело вперед, опустила ноги вниз и обернулась.

Серая тварь, которой, очевидно, был ни кто иной, как Данрич Паррол, стояла на ногах, но не предпринимала никаких попыток погнаться вдогонку. Найл устремила взгляд мимо этого неприятного существа на густые аллеи «огненного» леса, горящие холодным пламенем в вечной тьме на дне Разлома Таскасона.

Медленно — потрясенная, испуганная, и каким-то странным образом зачарованная — она поднесла руки к лицу. Потом завертелась, нагибаясь в разные стороны, чтобы как можно лучше осмотреть свое тело. Провела ладонями, твердыми как резина, по лицу и голове, тоже будто сделанными из резины. Ощущение шока прошло. С эстетической точки зрения она ничего не имела против новой внешности Паррола. Видоизменение произошло почти по одному и тому же образцу и, вероятно, у всех людей протекало бы одинаково. Механизм метаморфоза просто дремал до поры до времени, а сейчас получил возможность проявить себя в полную силу.

Данрич не трогался с места, возможно потому, что просто не хотел ее тревожить. Найл поплыла обратно, остановилась в нескольких метрах от него, на уровне его головы. На нее пялило зенки чужое, безобразное лицо, можно сказать, чудовищная харя. Мириады крошечных едоков шныряли между столбообразными ножищами, ползали по мягкому илу, кишели вокруг валяющихся повсюду обломков ракушек, пустых панцирей раков и крабов и других остатков трапезы, которую они оба, два монстра, вкушали еще недавно с неутолимым вожделением.

Она бегло рассмотрела Паррола, больше не испытывая неприязни к его внешнему виду. На глазных яблоках выросли прозрачные, немного выпуклые роговые оболочки. Значит, и у нее они тоже были. Из-за этих оболочек нельзя было сомкнуть веки, но неудобства от этого не ощущалось. Ушные раковины покрывали твердые, как кость, и толстые, изогнутые в форме колбасок, коросты. Неизвестно, из чего они состояли, но звук проводили отменно. Носы расширились, ноздри исчезли. Когда Найл попробовала вздохнуть полной грудью, а потом выдохнуть, ничего не получилось. В легких под водой исчезла всякая надобность. Очертания фигуры, если и не остались полностью человечьими, были все же человекоподобными. Туловища утолщились, огрубели, стали нелепыми, однако были отлично приспособлены, хотя бы временно, для жизни на глубине. Найл чувствовала в себе силу и бодрость, неуклюжее с виду тело отзывалось на ее намерения легко и свободно. Случившийся метаморфоз превосходил самым чудесным образом все мыслимые мечты!

Она подплыла к Парролу поближе, дотронулась рукой до его плеча. Лицо ихтиандра расплылось в довольно мерзкой ухмылке, потом он повернул-

ся, тут же распугав микроскопических едоков, и присел на корточки рядом с шаром, который выступал из ила и фосфоресцировал кремовым светом. Найл плавно опустилась пониже: посмотреть, что он делает.

Паррол коснулся пальцем поверхности этого животного-растения. Свечение задрожало, стало прерывистым. В том месте, где Паррол дотронулся до него, появилось темное пятно. Палец медленно пополз вверх по светящейся поверхности, сделал изгиб, пополз вниз. Следом за ним тянулась темная линия — клетки существа реагировали на касание. Вдруг Найл сообразила, что Паррол пишет на некоем подобии пергамента. Живом подобии. Через несколько секунд она прочитала:

— ТЕПЕРЬ ГОЛОВА РАБОТАЕТ?

Она нетерпеливо закивала, прекрасно отдавая себе отчет, что вопрос был отнюдь не праздным. Паррол вновь скривил уродливую ротовую щель в ухмылке, претерпевшей неприятное превращение, отцепил что-то от пояса и протянул Найл. Испытав приятное удивление, Найл узнала свое гарпунное ружье в чехле. Пока она пристегивала чехол к своему поясу, Паррол снова принялся за каллиграфию, потом отодвинулся немного в сторону, чтобы она смогла прочесть написанное

поверх его плеча.

Слова предыдущего вопроса почти поблекли. Постепенно проявились новые слова:

— ЗДЕСЬ НАХОДЯТСЯ НАШИ ДРУЗЬЯ.

Найл бросила на товарища по несчастью испуганный взгляд. Он кивком велел ей следовать за ним, повернулся и поплыл к зарослям сверкающих голубизной фосфоресцирующих цветов, к которым она несколько минут назад устремилась во время своего панического рывка. То вплавь, то ползком он забрался в их гущу. Найл следовала за ним по пятам.

Через двадцать метров они очутились в менее плотных, но в гораздо более высоких зарослях уже не из голубых, а темно-красных растений. Здесь Паррол продвигался намного осторожнее. Вскоре он остановился, жестом подозвал Найл и раздвинул в стороны несколько веток, покрытых бурыми листьями.

Найл обнаружила, что смотрит на другой участок дна Разлома вниз со скалистого крутого обрыва высотой в полсотни метров. На дне этого уступа опять начинался и простирался дальше «огненный лес». Вблизи можно было рассмотреть отдельные его элементы, но чем дальше, тем быстрее он сливался в многоцветное сияние.

Посмотрев, куда указывал Паррол вытянутым пальцем, она с трудом смогла различить длинный темный силуэт жатвенной субмарины, лежавшей вдоль стены, которая вздымалась по правую сторону Разлома. Две другие жатки лежали поодаль от нее посреди фосфоресцирующей растительности. Вместе эта троица образовывала неровный треугольник, внутри которого Найл теперь разглядела двигающиеся фигурки людей, облаченные в глубоководные скафандры.

Не могло быть никакой ошибки в оценке рода их деятельности. Среди других, более крупных по размеру фосфоресцентов, скромные, полуметровые побеги нидита выделялись своим хрупким строением и бледно-голубым свечением. С вершины обрыва было видно, что они образовывали сплошной ковер подлеска среди кустистых зарослей и рощиц «огненного» леса. Наверное, в этой пойме, которая тянулась по дну разлома, нидит произрастал миллионами, если не десятками миллионов экземпляров.

Паррол показал направо. Примерно на половине расстояния между ними и жатками верхом на лучевой пушке с коротким соплом, задранным кверху, барражировал чуть повыше дна одинокий всадник в скафандре.

Найл понимающе кивнула. Из множества ползающих, ходящих и плавающих тварей, которые в бесчисленном количестве паслись среди ветвей «огненного» леса, для человека в глубоководном скафандре ни одна из них не представляла серьезной опасности. Тем не менее некоторые представители глубоководной фауны были далеко не безобидны. Найл увидела, как лучевая пушка сделала резкий разворот в направлении какой-то извивающейся твари, которая выскочила сверху из темноты, быстро пронеслась над головой пушкаря и вновь пропала в мрачной бездне. Попыток атаковать она больше не делала.

Найл внутренне содрогнулась. Одного взгляда на этот плоский, резиноподобный диск восьмиметрового диаметра было достаточно, чтобы определить, что за существо обрушилось сверху на караульного с пушкой — рыба-плащ. Для данного вида особь была довольно мелкой. Однако лучше было с ней не шутить. Обычно рыба-плащ обитала вблизи стенок океанских разломов. Она цеплялась за трещины, а могла и вгрызться в скалу с помощью многочисленных рядов челюстей, которые усеивали ее подбрюшье, чтобы добраться до прячущихся в каменистых норах различных червеобразных созданий. Но строгой диеты хищ-

ники не придерживались и частенько нападали на ныряльщиков. Бывало, что они умудрялись распиливать и глубоководные скафандры.

Многозначительно кивнув Найл, Паррол двинулся вдоль уступа. Она вначале не поняла, зачем он это сделал, но потом сообразила — Паррол намерен по краю обрыва пробраться к тому месту на правой его стороне, где росла высокая купа фосфоресцентов. Спрятавшись под их сенью от охранника, оседлавшего лучевую пушку, они могли незаметно спуститься на дно разлома. Найл кивнула в знак согласия и последовала за Парролом, который методично прокладывал извилистый путь в чаще.

Когда они добрались до цели, доктор Этланд уловила любопытный звук. Он походил на глухое постукивание. Вскоре последовал еще один аналогичный звук. Это озадачило ее на секунду. Она решила, что открыт огонь по какому-то возмутителю спокойствия из лучевых пушек, установленных по другую сторону от субмаринжаток. Партия сборщиков нидита, вероятно, работала здесь уже неделю, а то и две. Стало быть, этот участок должен был кишеть как рыбами-плащами, так и другими хищниками, которые собрались полакомиться рыбами, убитыми или

подраненными выстрелами.

Такими хищниками, как десятиметровая змееподобная тварь, которая, извиваясь, как угорь, переползала через край обрыва всего в нескольких метрах от них! Наверное, почуяла человеческий запах в воде, так как широко разинула пасть и, не раздумывая, набросилась на Найл.

Найл сама не поняла, как у нее получилось уклониться. Она отпрянула назад, и тупая голова змееугря проскочила мимо. Вслед за этим преобразившаяся в монстра женщина плотно обхватила ногами скользкое, извилистое тело, а руками подтащила его к себе.

Мало того, зубами Найл вонзилась в ее плоть! Она не просто укусила — она кромсала осклизлую шкуру, которая не поддалась бы и ножу, все глубже и глубже вгрызаясь в нее. Оторвав очередной кусок шкуры и отбросив прочь, Найл тут же принималась терзать незащищенное мясо. Яростная схватка началась среди зарослей красных фосфоресцентов, затем продолжилась на свободном месте. Змеевидное тело, в которое намертво вцепилась Найл, извивалось и крутилось с чудовищной силой. Сражающиеся упали на дно, подняв густое облако ила. На миг Найл увидела над собой высоко поднятую голову бес-

тии. Огромные челюсти бешено клацали друг о друга. Она и не заметила, когда Паррол тоже вцепился зубами в шею этой твари.

Происходящее воспринималось Найл, как в тумане. Единственное яркое впечатление осталось от вспышки лютого голода, которая охватила ее во время нападения хищной твари, и от пугающего восторга, с которым она утоляла этот голод. Найл быстро заглатывала куски солоноватого мяса, пока почти так же внезапно, как и голод, не наступило чувство полного насыщения. Ее затуманенный разум будто прояснился.

Найл оттолкнула от себя змееугря. Ее искромсанное двумя парами челюстей тело продолжало корчиться, но практически было уже на грани смерти. Большая голова, казалось, была наполовину оторвана от тела и болталась на каком-то сухожилии совершенно свободно. По всей видимости, борясь со зверюгой, они закатились в ту самую купу высоких фосфоресцентов в нижнем участке Разлома. Паррол плавал туда-сюда в нескольких метрах поодаль от Найл, наблюдая за окрестностями, не появится ли еще какая-нибудь гадина. Найл окинула взглядом умерщвленную добычу и увидела, что Паррол тоже ее отведал. Должно быть, его чувство голода было ничуть

не слабее, чем у нее, а реакция столь же непосредственной и агрессивной. Ведь у обоих под рукой были ружья, однако, они не сделали ни малейшей попытки ими воспользоваться!

Найл посмотрела на истерзанное животное и постаралась вызвать в себе чувство отвращения к тому, что произошло. Но ничего подобного не испытывала. Изменившееся тело требовало питания, и удовлетворение этой потребности оказалось удивительно приятным. Ощутив новый приступ голода, она опять покормится этой «угрезмеей».

* * *

Паррол подумал, что, наверное, три или четыре поколения детей в мелководных поселениях выросло на упоительных рассказах старших о морских ведьмах Нэнди-Клайна. В той версии, которую слышал он сам, будучи совсем маленьким, морские ведьмы представлялись в виде человекоподобных великанов-людоедов. Они жили в глубинах океана, но временами поднимались на поверхность с определенной целью — полакомиться маленькими мальчиками, которые заплывали в море дальше, чем было дозволено взрослыми. Вероятно, легенда зародилась у глис-

серщиков, которые заселили океанские просторы лет за пятьдесят-шестьдесят до появления первых колонистов из Ядра.

Видимо, у легенды имелась какая-то реалистическая подоплека. Когда глиссерщики стали сопровождать косяки фрайей, многие из них незаметно для себя соприкасались со спорами чалота и претерпевали загадочное превращение. Некоторых, очевидно, забивали насмерть перепуганные товарищи, когда, дойдя до безумия от терзаемого их голода, нечаянные мутанты забирались обратно на глиссеры. Других настигала смерть во рвах и расселинах, где произрастал чалот. Исчезновение последних связывали с хищниками, которые таились в местах размножения фрайей во время выведения теми потомства. Последний случай, аналогичный тому, что произошел с Парролом и Найл, возможно, имел место много десятилетий тому назад. Глиссерщики до сих пор считают, что плавание под водой среди расселин, где размножаются фрайи, сулит неслыханные несчастья, и старательно избегают подобных выходок. Однако сами они не осознают той конкретной опасности, на базе которой выросло это суеверие.

Тем не менее, в настоящий момент облик

«морской ведьмы» был Парролу очень даже на руку. Вдобавок, он не мог пожелать себе лучшего спутника, чем такое же подводное страшилище, плывшее сейчас рядом с ним и управляемое разумом Найл Этланд. Распластавшись по дну и зарывшись по самые глаза в вязкий, тягучий ил, они продвигались по направлению к группе высоких, золотистых фосфоресцентов. Эти полурастения-полуживотные, обладавшие некоторыми зачатками разума, находились примерно в десяти метрах за спиной охранника, управлявшего плавучей лучевой пушкой. Эти обитатели морского дна были известны специалистам по фауне «огненных» лесов под названием «звездные вспышки». Еще несколько минут они оставались непотревоженными. Пучки щупалец-хваталок на их верхушках колыхались медленно и ритмично.

Затем на дальнем конце группы «звездных вспышек» одна особь стала смещаться по направлению к лучевой пушке. Несмотря на то, что она сама могла лишь медленно скользить по илу на расширенном у основания стебле, сейчас она двигалась помимо собственной воли. Ее проносили по илу, временами проталкивая через него. «Звездная вспышка» находилась в состоянии

значительного возбуждения: верхушка раскрылась, как перевернутый зонтик, а светящиеся щупальца, свисавшие по краям этой чаши, взбудораженно метались в разные стороны.

Внезапно Паррол отпустил «звездную вспышку» и чувствительно толкнул Найл в спину. Оба зарылись в ил еще глубже, ибо пушка разворачивалась в их сторону. Лица охранника за стеклом шлема было не разглядеть, но, вероятно, он с некоторым подозрением отнесся к резвой «звездной вспышке». Хотя он мог и не помнить, на каком расстоянии от него прежде находился фосфоресцентно потревоженный ил с очевидностью указывал, что «звездная вспышка» здорово продвинулась.

Однако сейчас она уже прекратила свое движение. К тому же, «звездные вспышки» имели вполне заслуженную репутацию безвредных созданий. Поэтому чуть погодя охранник развернул пушку дулом к плантации нидита, чтобы не пропустить прорыва рыб-плащей.

Паррол вновь подхватил природный камуфляж и встал на ноги. Найл тоже поднялась. С трудом удерживая вырывающийся фосфоресцент, они, подобравшись к охраннику со спины, водрузили ему на шлем свой живой плюмаж. Верхняя часть

скафандра мгновенно скрылась под широким колпаком из извивающихся щупальцев растревоженного существа. Стража вышибло из седла пушки, затащило в ил, а «звездная вспышка» отчаянно цеплялась за скафандр, не давая ему подняться.

Паррол вскочил в седло, ухватившись обеими руками за поворотную стойку. Найл метнулась к нижней части корпуса, где плотно взялась за рычаги управления. Лучевая пушка беззвучно развернулась и сразу после этого маневра сорвалась с места, устремившись к скалистому склону. Добравшись до обрывистого уступа, плавучая артиллерия понеслась вверх по склону. Оглянувшись, Найл успела увидеть, как охранник вместе со «звездной вспышкой» вкатились в соседнюю купу фосфоресцентов. Там сцепившаяся друг с другом парочка устроила настоящий переполох. Без сомнения, охранник уже передал по переговорному устройству, вмонтированному в скафандр, о затруднительном положении, в котором оказался. Но должно было пройти еще несколько минут, прежде чем кто-то покинет борт подводной лодки, чтобы придти на помощь.

* * *

Оставив далеко позади край уступа, Паррол удалился на несколько сотен метров и задрал пушечное сопло кверху, направив его в темноту. Внизу должны были подумать, что когда странный «агрессор» выбил охранника из седла, тот непроизвольно заклинил рычаг акселератора, из-за чего теперь пушка вынуждена носиться по разлому, самостоятельно газуя. Вряд ли наркоторговцы станут тратить время на поиски взбесившегося орудия.

Волшебные краски «огненного» леса постепенно блекли, видимо, на Разлом опускалась ночь. Паррол замедлил подъем и по щитку управления, освещенного мягким зеленым светом, тщательно проверил местонахождение. Найл вскарабкалась к нему наверх и пошарила в ячейках с инструментами. Из одной она вынула карманный прожектор, из другой — крупнокалиберное универсальное ружье. Паррол услышал глухой щелчок — Найл поставила пушку на боевой взвод. Теперь они могли в любой момент оказать радушный прием рыбам-плащам!

Они обменялись улыбками «морских ведьм», которые больше не казались им уродливыми.

Теперь, имея на вооружении лучевую пушку, у них появился достаточный выбор действий. Главное состояло не только в том, чтобы постараться дожить до того момента, когда завершится влияние спор, и можно будет с уверенностью сказать, способен ли человек, чье тело претерпело метаморфоз под действием чалота, пережить и этот момент. Нет, надо постараться сделать куда больше.

Наркомафия, очевидно, посчитала, что ее противники утонули еще там, в верхних слоях воды. Те, кто был на палубе на «Актрисе» не стали бы палить по «Пан-элементалу», если б не знали, кто в нем. Значит, понимали, что, избавившись от Найл и Паррола, могут быть спокойны, что их тайна всплывет. Стало быть, Илиум Велдроу поддался искушению и клюнул на взятку, равно как и капитан Мейс вместе со всей командой «Атриса». Подкуп помощника управляющего был вполне разумным шагом — это предохраняло незаконную жатву нидита от вмешательства со стороны «Джиард». Совершенно ясно, что он сообщил заинтересованным лицам о том, что Данрич Паррол и Найл Этланд напали на след нидита и отправились к Разлому Таскасона, дабы убедиться в своих подозрениях.

Простофили едва не погибли, ибо не учли возможности удара в спину. Ну и что получилось в результате? Сборщики нидита ощущали себя в полной безопасности и, в свою очередь, раскрылись для неожиданного нападения.

Паррол следил за местоположением пушки и признаками физических изменений в себе и в Найл. Те, кто когда-то давно испытали подобное превращение, вернулись на поверхность в ипостаси «морских ведьм». Однако из-за слишком большого количества неясностей спешить с подъемом на поверхность не стоило. Но вот Найл подалась вперед и передвинула рычаг акселератора. Пушка рванулась кверху. Паррол взглянул на Найл и решил, что женщина права. Он продолжал следить за глубиномером. Когда прибор показал всего сто сорок метров ниже уровня моря, он остановил пушку и перевел ее в горизонтальное положение, слегка развернув. Над ее жерлом загорелся прицел, выхватив из темноты небольшой участок стены Разлома. Паррол повел лучом вверх по стене. Здесь она поднималась не вертикально, а под углом, что указывало на то, что люди приближались к краю Разлома.

Поднявшись еще на тридцать метров, они там и очутились. Взорам предстало темное морское

дно, состоящее из целого каскада уступов, которые протянулись на пять километров, пока не переходили в едва затопленные водой отмели. Паррол устремился назад вдоль обрыва, ведя машину горизонтально. Когда он опять сделал остановку, пушка оказалась в точке, которая, по его расчетам, находилась непосредственно над субмаринами сборщиков нидита.

Наиболее ощутимый урон можно было нанести именно отсюда. Теперь Найл поняла, что именно искал Паррол. Когда он снова тронул пушку с места, и они медленно заскользили над морским дном, девушка перегнулась через щиток и стала отслеживать «зайчик» от светящегося прицела. Внезапно она подняла руку…

Вот это, кажется, то, что нужно, подумал Паррол, чувствуя, как его охватывает волнение. Отвесный, темный кряж метров двадцати высотой, до вершины которого было по склону, примерно, с треть километра. Поверхность по другую сторону гребня была гладкой, плоской, почти вровень с вершиной — настоящий заповедник для морских осадков и песка, занесенных сюда с верхних уступов, отгороженный от Разлома Таскасона скалистой стеной кряжа.

Через несколько минут он убедился в этом соб-

ственными глазами. Он отвел пушку, установил энергетический луч на полную мощность и привел его в действие. Концентрированный поток заряженных частиц врезался в кряж и стал двигаться по склону. В месте его соприкосновения со скальным грунтом появлялись густые клубы пара и пыли. Пушка плясала, становилась на дыбы, когда до нее добегали отраженные ударные волны. Паррол выключил луч, отодвинул излучатель на двадцать метров, снова включил. Теперь пушка вела себя намного стабильнее. Так или иначе, но вскоре на внешней поверхности кряжа была прорезана глубокая щель длиной в двадцать метров.

Пришлось потратить около половины всей накопленной энергии заряда, прежде чем верхушка кряжа, наконец, тяжело опрокинулась. В освободившееся пространство тут же хлынула река грязи и песка, которая, подчиняясь закону всемирного притяжения, потекла по морскому дну к краю Разлома, тягуче перекатилась через него и устремилась вниз…

На долю мерзавцев, копошащихся на дне, вполне достаточно, подумал Паррол, сидя на покачивающейся пушке и глядя, как разливается во все стороны темный поток. Даже более чем

достаточно. Совокупной массы грязи и песка хватит, чтобы «похоронить» под собой и жатку, расположившуюся у стены, и два других корабля, разлегшихся на поле с нидитом. А это то, что нужно. Кое-кто из водолазов, находившихся снаружи, смогли скрыться, если были достаточно проворны. Остальная часть сборщиков застигнута врасплох. Они, конечно, останутся в живых, ибо скафандры сконструированы так, чтобы выдержать даже сокрушительный удар глубоководного грязевого селя. Однако эти пособники наркодельцов так и останутся на своих местах, пока кто-нибудь их не откопает.

Глава 5

Посыльное судно-жнейка «Атрис» раскачивалось на пологих, медленно набегающих волнах. Гудел якорный двигатель. Дьюз скрылся за горизонтом, и кучевые облака закрывали половину ночного неба. На севере и западе формировался туман. За минувший час корабельное переговорное устройство только и делало, что возбужденно трезвонило. Капитан «Атриса» буквально извелся и теперь выглядел огорченным.

Находившаяся на краю одной из близлежащих

стай морских жнеек, одиночная машина стала перемещаться на запад — вначале медленно, но, по мере отдаления от «Атриса», увеличивая скорость.

Спустя полчаса заблудшая жнейка достигла точки, расположенной в восьми километрах к западу от посыльного судна. Автоматический зуммер разбудил пилота самолета-погонщика, базирующегося на «Атрисе». Он взглянул на подсвеченную карту для определения местоположения, расположенную над койкой, и увидел мигающую красную точку у самого края восьмикилометрового круга. Сонно выругавшись, он слез с койки и связался по прямой линии с посыльным судном.

— А тебе-то какого рожна надо? — раздался из динамика хриплый голос капитана.

— Засек заблудшую овцу, — начал пилот. — Я думал…

— Дуй за ней, балбес! Ты же знаешь, что у нас все должно быть в ажуре!

Линия отключилась.

Пилот нахмурился, зевнул и уселся в пилотское кресло. Самолет-погонщик скользнул по носовой палубе «Атриса» и легко поднялся в воздух. Через несколько минут он завис над жнейкой. Пилот

направил на кожух двигателя жнейки луч-«погонялку», крутанул рычаги управления и с досадой обнаружил, что рулевые механизмы автоматической жнейки не слушаются. Он грязно выругался, потому что придется выправлять их вручную.

Самолет опустился на воду. Пилот пришвартовался к жнейке, прошел по дощатому настилу к машинному отделению, открыл дверь и ступил внутрь. Спустя миг оттуда раздался дикий вопль, затем из-под машинного отделения донесся сильный всплеск. За ним вскоре последовали низкие каркающие звуки, лишь отдаленно напоминающие человеческую речь.

В дверном проеме машинного отделения показалась «морская ведьма» с пилотом, перекинутым через плечо. Он наглотался морской воды и потерял сознание. Следом вышла еще одна ведьма. Было заметно, как им трудно дышать воздухом, но они все-таки дышали. Первая ведьма забралась в самолет вместе с пилотом. Вторая отвязала жнейку, оттолкнула прочь и присоединилась к своему товарищу. Самолет развернулся, поднялся с поверхности моря и, набирая скорость, устремился строго на запад.

* * *

Незадолго до рассвета на фермы континентального побережья надвинулся густой туман и пополз дальше, вглубь континента. Он плотно окутал Фармацевтическую Станцию «Джиард». Внутри здания многие помещения были безлюдны и погружены в темноту. Но в кабинете Паррола горел свет. Находившееся там грузное существо с нелепой, уродливой, испещренной серыми крапинками головой и с телом, заключенным в некое одеяние, похожее на плащ, очевидно, второпях вырезанное из куска парусины, корпело перед стенографическим аппаратом. На экране было увеличенное изображение очень длинного шифрованного послания. В данный момент это послание подвергалось незначительной правке в виде вычеркиваний и исправлений. Наконец существо выключило аппарат. Экран исчез, и серый, словно распухший от пчелиного укуса, палец вдавил клавишу на боковой стенке стенографа. На стол выскочило две карточки, покрытые микропечатью. Существо внимательно их рассмотрело, потом тяжело поднялось на ноги.

Из открытой двери кабинета послышался хрип-

лый, огрубевший, но, тем не менее, узнаваемый голос Найл Этланд:

— Мне наконец удалось связаться с Фризи, Дан. Она на пути в госпиталь, где собирается устроить все как надо. Через полчаса сможем спокойно пробраться через служебный вход. Кроме Фризи и доктора Тея никто не будет знать, что мы там и в каком состоянии.

— Как раз примерно полчаса нам и нужно здесь оставаться, — голос управляющего был таким же искаженным, как и у нее, но таким же узнаваемым. — Фиаве я, разумеется, передам, что мы в госпитале.

— Да уж, ему следует знать об этом.

— Ты объяснила Фризи, что произошло?

— В общих чертах. — Найл зашла в помещение. На ней тоже был надет импровизированный плащ, закрывающий все, кроме головы, однако недостаточно, чтобы скрыть факт, что туловище под этим плащом было неуклюжей карикатурой на человеческую фигуру. — Я сказала, что мы подцепили заразу, которая поражала морских коров, и когда она нас увидит, мы будем походить на утопленников после двухнедельного пребывания в воде.

— Неплохое сравненьице! — усмехнулся Пар-

рол. — Будучи «морскими ведьмами», мы были куда симпатичнее, чем теперь, в переходном состоянии!

— Как ты думаешь, тебя до сих пор разносит?

Он поднял вверх уродливые пальцы, внимательно их рассмотрел.

— Несомненно. Не могу поверить, что полчаса назад они выглядели так же страшно, как сейчас. Кроме того, у меня такое ощущение, будто мои внутренности медленно раздирают на части.

— У меня точно такое же ощущение, — призналась Найл. — Боюсь, нам предстоит пережить крайне неприятные минуты, Дан. Но что радует, мы определенно возвращаемся в прежнее состояние.

— Тело старается возвратиться?

— Да. Невозможно предсказать наверняка, что получится. Но морские коровы, кажется, оказались способны повернуть процесс вспять. Может, и нам это удастся. А может быть, и нет. — Она бросила беглый взгляд через всю комнату на кресло, в котором был распростерт пилот самолета-погоняльщика. Глаза у него были закрыты. Его комбинезон, кресло и пол под креслом намокли от воды. — Как там наш воинственный друг?

— Не знаю, — сказал Паррол. — Я не обращал на

него внимания с тех пор, как свалил туда. По-моему, он так ни разу и не пошевелился. Наверное, то, что его волокли по прибрежной топи весь последний участок пути, не пошло ему на пользу.

Найл подошла к пилоту и пощупала пульс:

— Во всяком случае, он жив. Я тут прихватила по пути из канцелярии ампулу успокоительного. Для верности сделаю ему укольчик, чтобы он сидел смирно, пока не прибудет полиция. У тебя есть какие-нибудь срочные планы в отношении Илиума Велдроу?

— Нет, — сказал Паррол. — Я надеялся, что мы успеем застать предателя здесь. Я бы с удовольствием понаблюдал за выражением его лица в момент, когда бы мы к нему зашли. Но… придется полностью предоставить его в распоряжение Фиавы. Давай-ка, отошлем наши отчеты. Как говорится, куй железо, пока горячо.

Найл достала инъектор, нажала спуск и присоединилась к Парролу у переговорного устройства. Он закладывал карточки в телетайп.

— Это для Дабборна из Управления по Борьбе с Наркотиками, — пояснил он. — Я воспользовался его личным кодом, где предупреждаю, что в его конторе возможна утечка информации. Если он попытается оттуда со мной поговорить, это сразу

станет известно заправилам нидитового бизнеса самого высокого ранга. А они тотчас предпримут шаги, чтобы «отмазаться» от всего этого. А Фиаве мы позвоним домой. Он может потом связаться с Дабборном и вместе с ним разработать детали операции.

Найл кивнула. Паррол включил переговорное устройство, набрал номер. Сразу же загорелась лампочка выхода на связь. Он нажал кнопку передачи на телетайпе.

— Сообщение принято, — раздался спокойный женский голос. — Будете ждать ответа?

Паррол хранил молчание. Приблизительно через десять секунд лампочка выхода на связь погасла.

— Голос секретарши Дабборна, — сказал он. — Значит, он на своем рабочем месте. Теперь давай поднимем с постели начальника полиции, — пора приступать к решительным действиям. — Он вынул карточки, бросил их в уничтожитель и набрал еще один номер.

Прошла почти минута, прежде чем Фиава отреагировал на звонок. Наконец он известил своим глубоким, сиплым спросонья голосом:

— Фиава слушает. Кто это?

* * *

— Для человека, — глубокомысленно заметил Мачон, — который провел в больнице семь недель, будучи настолько плох, что все это время не мог принимать посетителей, вы выглядите на редкость бодро.

Паррол, сидевший на другом конце обеденного стола, усмехнулся в ответ.

— Меня несколько человек навещали, — сообщил он. — Время от времени заглядывали Дабборн и Фиава, чтобы держать в курсе, как продвигаются дела по нидиту.

— Они проделали первоклассную работу по поимке этой шайки из «Эйджнес»! — заверил Данрича секретарь Ассоциации Фермеров. — Возможно, пара крупных «шишек» и отделается лишь потерей своих кресел. Зато остальные крепко прижаты к ногтю!

— Я знаю об этом, и с удовольствием приму участие в процессе, как свидетель обвинения. — Немного помявшись, Паррол добавил: — Строго говоря, ни я, ни Найл не болели. Некоторое время нам было чрезвычайно не по себе. Однако по истечении двухнедельного пребывания в больнице мы могли бы принимать посетителей. Но Найл

настояла на том, чтобы нас никто не видел до тех пор, пока мы не будем готовы к выписке. За исключением очных бесед с Фиавой и Дабборном, мы строго придерживались этого принципа. Я полагаю, что теперь можно рассказать обо всем — но только, чтобы это осталось строго между нами. Вообще-то Найл для Общества по Изучению Иных Форм Жизни подготовила статью, в которой наш случай излагается во всех подробностях. Статья появится через несколько недель. Но предупреждаю, что Найл все равно против того, чтобы подробности нашего опыта стали достоянием гласности.

— Не волнуйтесь, я умею держать язык за зубами, — заверил его Мачон. — Валяйте.

— Ну что ж, тогда я познакомлю вас с теорией Найл. В своей основе она, по-видимому, верна. Итак, существует известная модель симбиоза «фрайи-чалот». В течение короткого промежутка времени она представляет собой полный симбиоз — во всех отношениях. Каждый год фрайям приходится приспосабливаться к подводной жизни на этот период. Затем навыки жизни на поверхности быстро восстанавливать. А ведь фрайи являются псевдомлекопитающими. Их тела способны к резкой и кардинальной перестройке не

более чем тела морских коров или наши с вами.

— Минуточку! — прервал его Мачон. — Насколько я понял, сами-то вы перестроились кардинально, да еще как! Это просто фантастика! Вы с Найл буквально превратились в «морских ведьм», разве не так?

— Так-то оно так, но на самом деле мы не изменились. Чалот живет за счет промежуточного хозяина, в котором находится. Для нормальной жизнедеятельности нам просто приходилось снабжать его материалом. Проще говоря, мы ели. Когда изменения в вашем организме незначительны, вам всего лишь хочется кушать. Если же они принимают глубинный характер, то на вас периодически нападают приступы самой настоящей прожорливости. Чалот наращивает свои структуры и поддерживает их существование. Его нужно постоянно подпитывать, иначе структуры просто разрушатся. Если вы не обеспечиваете его питанием, которое поступает в ваш организм извне, он начинает потреблять запасы вашего собственного тела. Мы это поняли. Возникает чувство, что ты помираешь с голоду. Возможно, если ничего не предпринимать, так и может случиться. Поэтому и приходится столько есть.

По отношению к животным-хозяевам чало-

ту надо выполнить две вещи. Во-первых, ему необходимо добиться того, чтобы фрайи смогли опуститься к «огненным лесам» и находиться там некоторое время, поедая взрослые растения чалота и, тем самым, выпуская на волю его семена. Во-вторых, ему нужно позаботиться о том, чтобы «хозяин» не сдох или не получил сильной травмы. Тогда он сможет вернуться на следующий год и возобновить процесс. Чалот непосредственно не воздействует на организм «хозяина», пока у него не возникает потребности извлекать пищу для себя. Из клеток чалота в теле «хозяина» формируются различные дополнительные органы, предназначенные, вместе со всем его организмом, для выполнения всяческих новых функций. Образовавшийся из чалота и его «хозяина» конгломерат — соединение неустойчивое. Но оно способно существовать в течение некоторого времени на дне океанских расселин.

Конгломерат остается таковым, пока вокруг имеются заросли чалота, который поддерживает его существование. Фрайи питаются в разломах взрослыми растениями и сохраняют глубоководную ипостась в течение всего сезона размножения. Затем они подчищают весь наличный урожай чалота и возвращаются на поверхность.

Морские коровы, которые попали сюда, в Континентальный Разлом, могли дышать и питаться под водой только в течение тех дней, которые потребовались туче спор чалота, зародившейся в Разломе Таскасона, на то, чтобы добраться до течения Мерал. В местных «огненных» лесах чалот отсутствует, поэтому коровы поднялись наверх. Когда их доставили на место, они ведь были здорово раздобревшими, правильно?

— Да, — согласился Мачон. — Диета «огненного» леса нисколько им не повредила. Можно даже сказать, что пошла на пользу. Правда, они нагуляли, в основном, жир.

— Да уж, — скривился Паррол, — в основном, жир… Мы с Найл подцепили одну партию спор здесь, на одном из местных ранчо и, возможно, еще одну — в воде по ту сторону отмели. Тогда споры ничего не добавили к нашим системам жизнедеятельности, кроме способности дышать в воде. Когда же нам пришлось не по своей воле спуститься в Разлом Таскасона, мы стали нуждаться в полном изменении наших организмов. Его мы и получили… По пути в Разлом мы, благодаря чалоту, превратились в глубоководный вариант человека — «морских ведьм». Но оставались мы таковыми только на протяжении

нескольких часов. Это произошло из-за того, что споры, которые мы изначально впитали в себя здесь, расходовались на поддержку новых структур в наших организмах, а в Разломе Таскасона чалот уже давно не растет. Вот и нечем было возместить потраченный спорами материал.

Очевидно, у чалота же имеется опыт по генетическому видоизменению, благодаря обширному многообразию хозяев, в которых он «откладывал» свои споры. Сейчас у него остался только один природный хозяин — фрайя. Когда-то Нэнди-Клайн кишмя кишел псевдомлекопитающими этого класса. Можно предположить, что у многих из них имелись сходные симбиотические взаимоотношения с чалотом. У фрайей они сохранились до сих пор. Типы приспособляемости, которые чалот обеспечивает своим хозяевам, варьируются в зависимости от разновидности и соответствуют их потребностям. Изменения в морских коровах гораздо менее радикальные, чем те, которым подвергаются фрайи при переходе в глубоководную форму.

Вообще говоря, превращение воздуходышащего человека в способную обитать на больших глубинах «морскую ведьму» — мероприятие исключительно экстраординарное. Чалот извел на

нас всю свою массу. Все это время нам периодически приходилось жадно есть, чтобы дать ему все необходимое для поддержания нашей глубоководной ипостаси. Боже мой, как мы лопали! А потом мы выбрались на поверхность моря и стали изменяться в обратную сторону. Найл этого вначале не заметила. Но когда увидела, каким образом осуществляется метаморфоз, она поняла, что происходит.

— И что же? — спросил Мачон.

— Жир, — сказал Паррол. — Когда вся эта сложная плотная структура чалота, которая обеспечивает вашу жизнедеятельность в океане на глубине трехсот метров, начинает разлагаться, она превращается в жир, который откладывается в теле промежуточного хозяина! Если вы — фрайя, то это просто замечательно. Для них жир — это что-то вроде премии, которую они получают в результате взаимоотношений с чалотом. После этого они могут целый месяц не есть. У морских коров это было не очень заметно, поскольку чалот мало чего добавил к их и без того крупным прослойкам жира в организме. Но зато мы с Найл!..

Паррол покачал головой.

— Не хочется распространяться обо всех мало-

приятных подробностях, но доктор Тей вынужден был применить пластиковую кожу, чтобы наши тела буквально не расползлись! Мы выглядели чудовищами. Первые десять дней он держал нас в чанах с водой и хирургическим путем удалял все лишнее из организмов. Потом решил, что нам поможет лечебное голодание. Оно и в самом деле помогло. Правда, чтобы прийти в нормальное состояние, нам понадобилось почти два месяца, полтора из которых Найл не позволяла видеться с собой даже мне…

Сейчас она уже вернула себе первоначальный облик, но ее тщеславие до сих пор остается уязвленным. Думается, скоро это пройдет. Но если в течение ближайшего месяца или около того кому-то вздумается упомянуть при ней о каком-нибудь существе, страдающем излишним весом, вроде морской коровы, и при этом улыбнуться, то, держу пари, он без лишних разговоров рискует получить прямо в торец!

Дьявольское отродье
(роман)

Глава 1

Когда боль, жгучей пеленой застилавшая разум, стала постепенно уходить, Тайкос Кей был даже скорее удивлен тем обстоятельством, что до сих пор держится на ногах. Обработка была жестокой и труднопереносимой. Временами казалось, что с ней почти невозможно справиться. Тем не менее, он ее выдержал. Ощущение жара от чего-то раскаленного добела, которое, ворвавшись ему в сознание, все-таки не оказало на мозг ожидаемого воздействия, постепенно снижалось. Жар сменился теплом, исходящим от вяло и уныло тлеющих углей. Потом и угли угасли. К Тайкосу стало возвращаться зрение.

Он маленькими порциями пустил в свое сознание ощущение собственного тела. Ощущение было не из приятных. До сих пор в некоторых участках тела оставались отголоски жгучей боли, будто в эти места втыкались крошечные раскаленные лезвия и кромсали плоть. Ущерб, наносимый нервной системе человека одним сеансом болевой обработки, был ничтожен. Однако, суммарный эффект от целого ряда таких сеансов был уже гораздо значительнее. За последние несколько недель сеансы проводились

двадцать раз. Теперь, каждый раз подсчитывая вред, который этот процесс нанес организму, Тайкос подумывал, не придется ли ему признать, что кумулятивный эффект достиг такого уровня, при котором ущерб стал необратим.

Однако на этот раз трагедии не случилось. Разум был затуманен, но так было всегда после обработки, и длилось недолго. Убедившись в этом, он переключил внимание со своих внутренних ощущений на окружающий мир.

Появились четкие очертания большой комнаты. Она почти полностью была погружена в темноту, так как освещение было выключено демонами везде, кроме центра потолка. Осталось только пятно света, в которое попадала большая часть рабочего стола, к которому он был прислонен. А еще возвышение метрах в десяти поодаль, с которого за ним наблюдали. Полки, стены, ряды биологических образцов, наборы анализирующего и записывающего оборудования были погружены в темноту.

Тайкос Кей осмотрелся, воспринимая реальность, как она есть. Потом глянул на демонов.

— Вам опять удалось избежать болевых ощущений? — спросил один из трех — меньше всех ростом.

Тайкос размышлял. Облик маленького демона был все еще как будто в тумане, хоть и начал мало-помалу проясняться. Его звали Колл… Да, точно. Великий Палач Колл. Один из наиболее влиятельных руководителей Вечноживущих. Заместитель председателя Гласа Решимости…

Тайкос напомнил себе: *«В общении с Коллом проявляй большую осторожность!»*

Он издал звук, представлявший собой нечто среднее между вялой попыткой что-то сказать и тяжким стоном. Он мог бы отозваться сразу же. Но во время допроса следовало мыслить ясно и четко, без какого бы то ни было тумана в голове — особенно в тех случаях, когда допрос проводил Колл.

Все трое молча, не шевелясь, уставились на Кея. Кожа и обмундирование посверкивали, будто мокрые, — словно они только что выползли из моря. Кстати, такое вполне могло иметь место: составной частью демонов являлась соленая вода. Им становилось плохо, неуютно, если они долго обходились без нее. Тот, кто находился справа от Колла, держал устройство с посверкивающим голубым глазком. Когда глазок разгорался ярче, это означало, что скоро начнется болевая обработка. У того, что находился слева от Колла, было

оружие, направленное на Тайкоса. Эти двое были коренастыми, мощными созданиями с мускулистыми и кривыми ногами. В данный момент оба сидели на корточках. Однажды Тайкоса заставили смотреть, как один такой демон обхватил руками грудную клетку человека и, не прилагая при этом видимых усилий, медленно сдавливал, пока тот не умер от пневмоторакса.

Экзекуция была проделана по распоряжению Колла. Крупные демоны были простыми исполнителями. Палачи называли их Оганунами. Колл принадлежал к тому же виду, но не был ни крупным, ни сильным. Как и многие Великие Палачи, он был морщинистым и крошечным, ростом чуть больше тридцати сантиметров. В плаще и капюшоне он походил на сморщенную от старости мумию. Но мог перемещаться, как стальная пружина. До этого Тайкос видел, как Колл подпрыгнул на двухметровую высоту, чтобы с размаху всадить парализующую иглу в глаз Огануна, когда тот чем-то ему не угодил. Он вонзал иглу пять или шесть раз, да так молниеносно, что его жертва, казалось, окостенела, как мертвая, не понимая, что происходит.

Тайкос был решительно настроен не злить Колла. В то же время ему нужно было хранить

молчание, насколько это позволит ему Колл, чтобы с ясной головой отвечать на вопросы. Некоторое время он сохранял неустойчивое равновесие между этими двумя соображениями. Он подождал, пока разговорная щель над глазами Колла дернулась, чтобы открыться, и только тогда неуверенно произнес:

— Избежать всех болевых ощущений я не смог. Но все же они оставались терпимыми.

— Они оставались терпимыми, — донеслось из разговорной щели, словно Колл размышлял вслух над этим высказыванием. Тайкос уже давно привык к тому, что многие Вечноживущие прекрасно владели человеческой речью, однако голос Колла до сих пор казался ему неестественным. Глубокий бархатный голос, густой и громкий, который совсем не подходил такому маленькому и зловредному существу.

— Эти ребятишки боятся вас, доктор Кей, — сказало оно Тайкосу. — Знаете, почему?

— Нет, не знаю, — промолвил Тайкос.

— Настроенные лишь на десятую долю той мощности, которая была применена по отношению к вам, — объяснил Колл, — эти инструменты предназначены для наказания за серьезные проступки. Они наводят на них самый настоящий

ужас. Они вас боятся, потому что вы, по-видимому, способны переносить мучительную боль, которая выше их понимания. Существуют и другие причины… За последние два дня ваше переговорное устройство зафиксировало шесть сигналов вызова на связь.

— Да, я это слышал, — кивнул Тайкос.

— Вы предсказывали, что одна из так называемых Тувел попытается связаться с вами, когда вы будете здесь.

Тайкос нерешительно произнес:

— Тувела — это ваш термин. Личность, которую вы имеете в виду, известна мне, как Хранительница.

— Очевидно, существо такого же типа, — заявил Колл. — Существо, которому некоторые приписывают обладание аномальными свойствами. Среди них — несокрушимость. Доктор Кей, что вы знаете об этих замечательных качествах, — если, конечно, они вообще существуют?

Тайкос пожал плечами.

— Как я уже сказал, о Хранителях и об их деятельности внутри нашей цивилизации мне стало известно сравнительно недавно. Они действуют чрезвычайно скрытно. У меня был личный контакт только с одной из них. Она произвела на

меня впечатление исключительно одаренного человеческого существа. Но если у нее или у Хранителей в целом и имеются какие-то аномальные свойства, я ничего о них не знаю. Очевидно, Вечноживущие знают о Хранителях больше, чем я, — добавил он.

— Что ж, это вполне возможно. Судя по вашим словам, они утверждают, что бессмертны.

Тайкос покачал головой.

— Мне было сказано, что они разработали метод возвращения организму юношеского здоровья и сохранения его в течение длительного времени. Насчет бессмертия ничего сказано не было. Лично для меня это категория принципиального значения не имеет.

— Представление о бессмертных существах не имеет для вас значения, доктор Кей?

Тайкос вновь замялся, так как затронутая тема с любым Палачом могла повернуть разговор в опасное русло. Тем не менее, он произнес:

— Кто может доказать, что бессмертен, пока не дожил до конца времен?

Темное лицо Колла скривилось в подобии ухмылки. Видимо, реплика Тайкоса его позабавила.

— Да и в самом деле — кто? — согласился он. —

Опишите мне ваши взаимоотношения с этими Хранителями.

Ранее Тайкос уже несколько раз описывал Коллу эти взаимоотношения.

— Два года назад, — сказал он, — мне предложили сотрудничать. Я согласился.

— Зачем?

— Я старею, Великий Палач. Среди многих вознаграждений за службу мне посулили обучение методам Хранителей, которые применяются для обретения долголетия и сохранения качеств, присущих молодым.

— Они научили вас этому?

— В моем обучении за основу принят один из основополагающих принципов. Мои успехи, насколько могу судить, явно удовлетворительны.

— В чем заключается ваша служба, доктор Кей?

— Я пока прохожу процесс обучения и до сих пор не в курсе, в чем она будет состоять. Я вполне допускаю, что сыграет какую-то роль мое научное прошлое.

— Способность управлять нервной системой, которую вы применяете, чтобы исказить действие возбудителей боли, вы приобрели в результате практики по увеличению продолжи-

тельности жизни?

— Да.

За ответом последовала длительная пауза. Разговорная щель Колла закрылась, и он застыл. Нижняя часть его глаз с двойным хрусталиком была затянута веками, верхняя — с каким-то отсутствующим выражением пристально таращилась на Тайкоса. Громоздкая свита тоже замерла, видимо, в порыве подобострастия. Тайкос не мог догадаться, что означает это молчание. То же самое происходило иногда и во время ранних допросов. Видимо, крохотное чудовище просто размышляло по поводу сказанного. А, возможно, Палач впал в небольшую прострацию. Если бы к нему обратились сейчас, он никак не отреагировал бы. Казалось, он вообще не замечает ничего вокруг. Тайкос подозревал, что Колл имел склонность к состоянию, которое являлось неким эквивалентом человеческого безумия. Даже Великие Палачи, равные Коллу по рангу, похоже, побаивались своего коллегу. Он же обращался с ними с почти нескрываемым презрением. Его темная мантия с капюшоном были изготовлены из простого материала. Часто при нем не было никаких украшений. А они скрывали свои карликовые тела под роскошно

убранными одеяниями, которые были усыпаны сверкающими драгоценностями. Они явно предпочитали избегать общества Колла. И все же он оказывал на них очень сильное влияние.

Разговорная щель над глазами, скривившись, приоткрылась.

— Доктор Кей, — раздался голос Колла, — меня неодолимо тянет пополнить вами мой музей человеческих существ. Вы видели мою коллекцию?

Тайкос откашлялся.

— Да, — сказал он.

— Разумеется, видели, — вымолвил Колл, будто только сейчас осознал этот факт. — Я ее вам показывал. В качестве предостережения, чтобы вы не вздумали водить нас за нос. Особенно меня.

Тайкос произнес, тщательно выбирая слова:

— У меня и в мыслях не было говорить неправду, Великий Палач.

— Неужели? А я вот совсем не уверен в этом, — сказал Колл. — Вы считаете, что личность, которая пытается связаться с вами по переговорному устройству, — это Хранительница, о которой вы нам рассказали?

— Да, — кивнул Тайкос. — Хранительница Этланд.

— Почему вы решили, что это именно она?

— Позывных моего переговорного устройства больше ни у кого нет.

— Потому что вы с самого начала намеревались жить здесь в полной изоляции?

— Да.

— Хранительница Этланд курирует ваше обучение?

— Да.

— Судя по вашему описанию, это молодая особь женского пола.

— Я сказал, что она только выглядит молодой, — поправил его Тайкос. — Сколько лет ей на самом деле, я не знаю.

— Вы утверждаете, что эти Хранители или Тувелы разработали некую формулу долголетия, которая обеспечивает им даже возвращение молодости…

— Именно это Хранительница Этланд и имела в виду.

— И тем не менее, — сказал Колл, — вы утверждаете, что по заданию Хранителей среди форм жизни, населяющих эту планету, вы отыскиваете такие вещества, которые способствовали бы долголетию. Зачем Хранителям заниматься поисками того, чем они уже обладают?

Тайкос пожал плечами.

— Я знаю, что они подвергают меня различным проверкам. Может быть, таким образом они желают убедиться в моих способностях, как биохимика. Но нельзя исключать и того, что они до сих пор заинтересованы в отыскании более простых и более надежных методов достижения долголетия, нежели те, что имеются у них в наличии.

— Какую роль в нынешней методике играет использование химических веществ?

— Не знаю. Я описал основные подходы, в которых мне было велено практиковаться. Они ни словом не обмолвились о природе более совершенных процедур по достижению долголетия. Мои исследования сводятся к наблюдению за действием пробных материалов.

— Вы предположили, что исследования, проведенные на этом уровне, могут представлять интерес для Вечноживущих…

— Я этого не говорил, — сказал Тайкос. — Конечно, я понимаю, что некоторые Палачи наблюдают за результатами моих проб и анализируют вещества, которые участвуют в процессе.

— Не обольщайтесь, доктор Кей, что их интерес к научной стороне дела гарантирует вам длительную безопасность. Наши методы достижения

индивидуального долголетия не нуждаются в улучшении. Я уверен, что вы нам лжете, и намерен выяснить, в чем конкретно. Зачем вам понадобилось разрешение отозваться на звонок Хранителя?

— Причину я объяснил Палачу Моге.

— Теперь объясните ее и мне.

Тайкос уже мог различать оборудование и образцы, размещенные в затемненных нишах помещения.

— Ответственность за этот проект лежит на Хранительнице Этланд. Она отвечает за меня и за мое обучение. До вашего появления она строго регулярно наведывалась сюда, чтобы проконтролировать, насколько успешно продвигается мое обучение. С тех пор она здесь не появлялась.

— Что из этого следует, по вашему мнению?

— Вероятно, Хранителям стало известно о вашем присутствии.

— Я не считаю это правдоподобным, доктор Кей.

Тайкос пожал плечами.

— Я вижу в этом единственную причину, по которой Хранительница Этланд прервала свои посещения. Возможно, Хранители считают более предпочтительным для себя, чтобы вы поти-

хоньку покинули эти места до того, как начнутся всеобщие беспорядки. Если мне будет дозволено включить переговорное устройство, когда она снова подаст сигнал вызова, мы, возможно, узнаем, что Хранительница направляется сюда скорее для переговоров с Вечноживущими, нежели для свидания со мной…

— Она сознательно заявится на подвластную нам территорию?

— После того, что сообщили мне некоторые Палачи, — заметил Тайкос, — такое поведение Тувелы не покажется неожиданным. Если это правда…

— Будем считать, что это неправда, доктор Кей.

— В таком случае, — сказал Тайкос, — мне тем более следует дать разрешение на связь, чтобы я попытался отговорить ее от свидания со мной в настоящее время. Если, не подозревая о вашем присутствии, она заявится сюда, то она его обнаружит. И даже, если вы сможете удержать ее, дабы воспрепятствовать ее возвращению…

Колл издал свистящий звук.

— Если мы сможем удержать ее?

— По вашим собственным сведениям, как вы сами дали понять, Тувелы являются чрезвычайно

изобретательными существами, — кротко заметил Тайкос. — Но если вам и удастся захватить в плен или убить Хранительницу, остальные немедленно отправятся сюда на поиски. В результате ваше присутствие неизбежно вскроется.

Он пожал плечами:

— Такого варианта я хочу избежать. Мой долг как служителя Хранителей — оберегать их по мере сил и возможностей от всякого рода неприятностей. Как вам известно, я до сих пор пытаюсь убедить некоторых Вечноживущих в том, что от ваших планов, направленных против моих соплеменников, необходимо отказаться еще до того, как всеобщее столкновение станет неизбежным.

— Я это знаю, — сказал Колл. — Вы пользуетесь изумительным и скандальным успехом. Глас Осторожности становится все более настойчивым. Даже подозрительное предложение воспользоваться вашим переговорным устройством и то получило поддержку. Послушайте, доктор Кей, а, может быть, вы сами — Хранитель, который намеренно позволил себя схватить, чтобы посеять смуту в рядах Вечноживущих и ослабить их решимость?

— Нет, — промолвил Тайкос. — К сожалению,

я не Хранитель.

— Вы — Гулон?

— Раз уж вы так называете типичных представителей человеческого рода, то я Гулон.

— Такое прозвище мы дали одной норовистой и безмозглой твари, с которой довелось нам встретиться когда-то в прошлом, — пояснил Колл. — Это существо мы уничтожили, так что название осталось не у дел и только ждало нового применения. Несмотря на все ваши старания, мы не откажемся от своих намерений, доктор Кей. Я знаю, что вы лжете, и довольно складно при этом, но недалек тот час, когда мы подвергнем ваши россказни настоящему испытанию… А теперь продолжайте заниматься вашей коллекцией и почаще вспоминайте о моей…

Тайкос не заметил, чтобы Колл сделал какой-нибудь жест, однако Оганун справа от Колла пристегнул пыточное устройство к одному из ремней своей упряжи, опоясывающей его объемистое тело, и обернулся вполоборота. Крошечная мумия в мантии произвела один из своих блошиных прыжков и уселась на плечо подчиненного. Группа снялась с возвышения и направилась по поднятой над полом дорожке к выходу. Вооруженный паж, прикрывавший тыл,

отходил короткими мощными скачками, бдительно держа Тайкоса на прицеле. В помещении стал разгораться привычный яркий свет.

Тайкос пронаблюдал, как вся троица исчезнет в дверях, услышал тяжелый лязг замков. Он прерывисто вздохнул, взял с рабочего стола устройство, заключенное в коробку с лямками, и прикрепил к своему поясу. Это был многофункциональный прибор, с помощью которого контролировалась температура, влажность, уровни поглощения излучения и другие показатели состояния биологических образцов, размещенных в разных участках помещения.

Руки его не слушались. Допрос прошел совсем не так, как ему бы хотелось. Колл не походил на самого себя — обычно грозного и беспощадного — и это, несмотря на некоторый намеренный вызов со стороны Тайкоса. Палач только раз воспользовался возбудителем боли. Зная Колла, можно было назвать его отношение к Тайкосу на этом допросе дружелюбным, если не панибратским. Худой признак. Все указывало на то, что Колл совершенно убежден (и вовсе этого не скрывал) в том, что мог бы запросто развеять все сомнения, посеянные Тайкосом среди ведущих Палачей. По мнению Колла, Палач мог доказать,

что Тайкос их дезинформировал. Целыми неделями Тайкос тщательно сплетал паутину изо лжи, полуправды и продуманных, будоражащих воображение намеков. Он стремился наполнить сердца Вечноживущих страхом перед Человеком или, на худой конец, перед Тувелами, которых, насколько было известно Тайкосу Кею, просто не существовало в природе! Временами ему трудно было придерживаться согласованности в своих словах, однако со временем он так свыкся с общей схемой своей выдумки, что она иногда ему самому казалась правдой.

До сих пор он успешно сдерживал намерения демонов. Независимо от Колла, так могло продолжаться и дальше — это в немалой степени зависело от случая. Тайкос бесшумно вздохнул. Он уменьшил эту степень, насколько мог, но все равно его усилий было недостаточно!

Он неторопливо прошелся по комнате, то и дело манипулируя рычажками своего прибора, тем самым подстраиваясь под нужды биологических образцов. Доктору никогда не удавалось с точностью установить, находится ли он в данный момент под визуальным надзором, или нет. Но это вполне могло быть вероятно, и он не должен выглядеть слишком озабоченным. Временами

он чувствовал, как под его ногами то и дело поднимается и опускается пол, словно палуба огромного корабля. Вслед за этим со стороны отгороженного дальнего конца комнаты раздавался ритмичный плеск морской воды. Там находилось его переговорное устройство. При нем неизменно находились на посту Огануны-охранники, следя за тем, чтобы он не приближался к ним, пока нет разрешения от Вечноживущих. Почти весь пол там был затоплен водой, так как охранникам нужно было постоянно поддерживать свои похожие на сыромятную кожу шкуры во влажном состоянии.

Из прикрытого энергетической заслонкой вентиляционного окна под потолком доносился неопределенный звук, напоминающий приглушенный рев какого-то зверя. Этот звук, а также периодическое покачивание пола оставались для Тайкоса в течение последних нескольких дней единственным признаком того, что снаружи продолжают бушевать тайфуны…

* * *

Половина моря под аэрокаром была скрыта стеной дождя. В южных широтах Нэнди-Клайна стоял сезон штормов…

Вдали неясно вырисовывалась сине-черная линия горизонта. Мрачные тучи, одна за другой, летели, клубясь, по небу над океаном на юг.

Маленький, ладный аэрокар внезапно закружило воздушными вихрями. Затем, подчиняясь рулям, он выправился и возобновил полет в юго-восточном направлении.

Присутствующая в салоне Найл Этланд нажала ряд кнопок на переговорном устройстве, вмонтированном в приборный щиток, и отрывисто произнесла в микрофон передатчика:

— Фармацевтическая Станция «Джиард» — прием! Говорит Найл Этланд!.. «Джиард», прием!

Секунду ее загоревшее лицо было сосредоточено в ожидании. Переговорное устройство зажужжало, потом звук перерос в пульсирующий вой вперемежку с треском атмосферных помех. Найл нетерпеливо покрутила ручку настройки: сначала по часовой стрелке, потом — против. По всей шкале из динамика раздавался неразборчивый шум. Найл сердито пробормотала какое-то ругательство. Пальцы пробежались по кнопкам вызова, набрали еще одну комбинацию сигналов.

— Данрич Паррол! Говорит Найл! Прием! Дан, ты меня *слышишь?* Прием!

Секундное молчание. Затем из динамиков прорвался все тот же бессмысленный дребезжащий звук. Губы Найл скривились от досады и раздражения. Она отключила динамик и посмотрела на животное, покрытое густым, блестящим бурым мехом, свернувшееся калачиком на полу кабины. Животное подняло усатую морду. Темные глаза уставились на Найл.

— Дан? — спросило оно высоким, тонким голосом.

— Нету Дана! Вообще никого нет! — выпалила Найл. — Дальше, чем двадцать километров во все стороны — и мы вязнем в каше из атмосферных помех.

— Каша?

— Ладно, Свитинг, не ломай голову. Попробуем связаться с глиссерщиками. Может, они помогут нам найти профессора Кея.

— Найти Тайк-коса! — согласилась Свитинг. Покрытая мехом выдра переменила позу и, выпрямившись, встала на задние лапы. Опираясь короткими и сильными передними лапами о щиток управления, Свитинг всмотрелась в участки морского пейзажа и неба на обзорных экранах. Потом самка посмотрела на Найл сверху вниз. Двухметровая в длину — от носа до кончика му-

скулистого хвоста — она была меньшей из пары охотничьих выдр-мутантов, которые были на службе у Найл.

— Где глиссерщики?

— Где-то впереди. — Найл повернула аэрокар на пятнадцать градусов к востоку. — Сядь на место.

Глиссер, который она заметила на экранах несколько минут назад, вскоре снова появился в поле зрения — теперь уже всего в нескольких километрах от них. Сканеры летательной машины, увеличивающие изображение, показали стопятидесятиметровый корпус из *плавучего* дерева с плоской, обтекаемой надстройкой, несущийся по волнам на своих водных полозьях в двенадцати метрах от поверхности моря. Центральный киль, используемый только в ненастную погоду, был опущен и разрезал волны между полозьями. При менее бурных погодных условиях глиссер легко и непринужденно скользил бы по воде с убранным килем и поднятым парусом. Сейчас мачты были уложены на палубу. В сторону смещавшегося штормового фронта глиссер гнали мощные водометные двигатели, размещенные по краям. Потемневший от дождя ют[21] был украшен па-

[21] Примечания: 21

Ют — кормовая надстройка судна, простирающаяся до крайней точки кормовой оконечности судна.

рой синих треугольников. Это был знак «Голубой Гуул», означавший принадлежность судна к флоту Сотиры.

Когда глиссер скрылся за очередной грядой облаков, Найл переключила переговорное устройство на диапазон ближней десятикилометровой связи и произнесла в микрофон:

— Доктор Найл Этланд из «Джиард Фармацевтик» вызывает на связь глиссер Сотиры! Отзовитесь, пожалуйста! — Ага, кажется, ближняя связь работала нормально. Они должны узнать ее по имени. Глиссеры Сотиры периодически занимались сбором морского урожая для «Джиард».

Внезапно из переговорного устройства послышалось:

— Говорит капитан Донкар с глиссера Сотиры. Я вас слушаю, доктор Этланд…

— Я нахожусь в воздухе за вашей кормой, — объявила Найл. — Можете принять меня на борт?

Секундное молчание. Потом Донкар произнес:

— Если это вам нужно — мы вас примем. Только учтите: менее чем через четверть часа мы будем проходить через сильный шторм.

— Я знаю, но не хочу в этом шторме вас потерять.

— Тогда немедленно снижайтесь, — посове-

товал Донкар. — Мы приготовимся к вашей посадке.

Глиссерщики и в самом деле оказались готовы. Чуть ли не до того, как Найл смогла вылезти из аэрокара, с полудюжины облаченных в плавательное снаряжение мужчин с обнаженными мускулистыми спинами, которые блестели от хлещущего дождя, надежно прикрепили ремнями маленькую машину к палубе рядом с каким-то закутанным в пластиковое покрывало предметом. Вероятно, то была гарпунная пушка очень больших размеров. Команда выполнила работу умело и организованно. Когда они отступили, из центрального ряда кают торопливо выбежала очень смуглая девушка, одетая, как и члены команды, в соответствии с погодой. Она что-то кричала, но из-за воя ветра и шума дождя ее почти не было слышно.

Найл обернулась в ее сторону:

— Джат!

— За мной, Найл! Пока нас не затопило разверзшимися хлябями!

Сквозь сплошную стену ливня обе ринулись к каютам. Свитинг вприпрыжку последовала за ними. Все, бывшие на палубе, сторонились выдры. Большинство аналогичных мутантов

предпочитало неограниченную свободу океана Нэнди-Клайна совместной жизни с людьми в прирученном состоянии. Приспособленные к существованию в морской воде выдры-мутанты были известны каждому глиссерщику понаслышке, как минимум. Никто из команды не хотел наживать себе неприятностей.

— Сюда! — Джат рывком распахнула дверь, запустила в каюту Найл и выдру и прошмыгнула следом. На столе лежали приготовленные полотенца. Два из них она всучила Найл, третьим быстро обтерла свою бронзовую кожу. Свитинг отряхнулась так, что крупные брызги разлетелись по всей каюте. Найл использовала первое полотенце для просушки промокшего комбинезона, а другим вытерла волосы, лицо и руки.

— Спасибо!

— Донкар сейчас очень занят, не может отлучиться, — пояснила Джат. — Он меня попросил выяснить, чем мы можем помочь. Итак, что ты забыла тут по такой погоде?

— Кое-кого разыскиваю.

— Здесь? — В голосе Джат послышалось искреннее удивление.

— Я ищу доктора Тайкоса Кея.

Пауза.

— Доктор Кей находится *в этом* районе?

— Не исключено, что он…

Найл вдруг запнулась. И было отчего — Джат быстрым и четким движением приложила сложенную пригоршней руку к своему уху и тут же опустила.

Подруги знали друг друга достаточно давно, чтобы понять смысл этого жеста. Кто-то на глиссере подслушивал их разговор. Найл коротко и понимающе кивнула. Очевидно, в этой части океана происходило нечто такое, что глиссерщики Сотиры считали сугубо своим личным делом. А Найл, хоть и пользовалась особым уважением у глиссерщиков, все-таки являлась представительницей континента. Она не входила в их круг.

— Сегодня утром, — сказала она, — я получила донесение от дежурных метеорологов о крупном скоплении плавучего леса, который они засекли незадолго до наступления тайфунов. Этот лесной массив дрейфует где-то в этом районе. Остров, на котором располагался лагерем доктор Кей, вполне может оказаться частью этого лесного массива…

— Ты в этом сомневаешься?

— Да, я не совсем уверена в этом. Вот уже два месяца от него не было никаких вестей. Но тече-

ние Мерал могло отнести его стоянку далеко на юг, как раз в этот район. Мне не удалось с ним связаться. Может быть, с ним все в порядке, однако я уже начала беспокоиться.

Джат закусила губу. Бирюзовые глаза пытливо уставились на Найл.

— То, что ты проявляешь беспокойство, это, конечно, правильно. Однако поисками надо было заняться пораньше. Если он находится на том самом массиве, который обнаружили синоптики, мы этого проверить уже не сможем.

— Почему не сможем? И почему надо было раньше этим заняться?

— В этом сезоне плавучие леса считаются громгорру. Равно, как и вода в двадцатикилометровой зоне вокруг любого острова. Так говорит Флот.

Найл испуганно спросила:

— Когда об этом стало известно?

— Пять недель назад.

Громгорру… Термин глиссерщиков, обозначающий несчастье, дурное предзнаменование, злых духов. Нечто таинственное и зловещее, чего следовало всячески избегать, и что при обычных обстоятельствах с представителями континента не обсуждают. Джат умышленно употребила данное слово. Это вряд ли могло порадовать

незримых «слухачей».

Затрещал зуммер.

Джат быстро подмигнула Найл.

— Это меня. — Она направилась к двери, но по дороге обернулась. — У нас на борту находятся представители Венн. Они сейчас зайдут повидаться с тобой.

Оставшись вдвоем со Свитинг, Найл бросила нахмуренный взгляд на затворившуюся за Джат дверь. Она представить себе не могла, какая связь между громгорру и островами плавучего леса. Но если Тайкос Кей находился в этом районе океана, — а расчеты показывали, что он должен находиться где-то неподалеку отсюда — она непременно должна продолжать поиски.

Глава 2

Когда-то в один прекрасный день Тайкос Кей без предупреждения объявился на Фармацевтической Станции «Джиард» на планете Нэнди-Клайн, чтобы повидаться с Найл. Он был преподавателем биохимии в течение последних двух семестров ее учебы в университете на Орадо. Это был седой, жилистый, рослый мужчина и глубоко мыслящий ученый, гений и чудак

одновременно, лучший наставник из всех, с которыми Найл где-либо и когда-либо приходилось встречаться. Она была счастлива снова увидеть своего учителя. Тайкос сообщил, что это она поспособствовала его появлению здесь.

— Каким же это образом? — поинтересовалась она.

— Своей исследовательской работой по плавучим лесам.

Найл вопросительно посмотрела на него. Она написала больше дюжины статей по морским плавучим лесам. Эти феномены Нэнди-Клайна бесконечно дрейфовали по изобилующей водной поверхностью планете, на которой имелся всего один небольшой по размерам континент. Он да еще массивы полярного льда являлись единственными существенными препятствиями для циркулирующих по планете океанских течений. Она получила информацию на эту тему из первых рук еще в детстве. Леса, которые Найл изучала наиболее подробно, пересекали вместе с большим течением Мерал экваториальный пояс, потом их относило дальше на юг. Многие леса возвращались в итоге к началу своего пути, завершив, таким образом, цикл, длившийся от четырех до десяти лет. Так продолжалось до тех

пор, пока их не перехватывали другие течения. Если океанского скитальца не сковывал навсегда полярный лед, и если он не застревал на мелководьях вблизи материка, то его организм, казалось, не знал естественной смерти. Плавучий лес был долгоживущей разновидностью растительного мира, настолько древней, что она стала прибежищем для необозримого количества других биологических видов, тем или иным способом приспособившихся в процессе миграции к переменам климата. Когда плавучий лес пересекал участки океана, где гнездились различные паразитические организмы, те на некоторое время прибивались к его массиву. При выходе леса из ареала привычных для его попутчиков температур они либо покидали своего хозяина, либо погибали.

— А это интересная тема, — сказала Найл.

— Вы хотели спросить, неужели я потратил целых три недели на дорогу сюда только лишь для того, чтобы обсудить эту тему с вами?

— Совершенно верно.

— Да, вы правильно ставите вопрос, поскольку, конечно, причина заключается не только в этом, — признался Тайкос. — Где-то с месяц тому назад я посетил Джиардовский Центр в

Орадо-сити. Помимо всего прочего я узнал, что на Нэнди-Клайне не хватает биологов, подготовленных нужным образом для работы в полевых условиях.

— Это еще мягко сказано, — сказала Найл.

— И все же, — заметил Тайкос, — это, по-видимому, не доставляет вашей лаборатории особых неудобств. «Джиард» находится на хорошем счету в главном управлении.

— Да, я в курсе. Мы это заслужили благодаря тому, что далеко оторвались от конкурентов. Но на каждый один объект исследования, попадающий нам в руки, из которого мы можем извлечь для «Джиард» непосредственную практическую пользу, в природе остаются нетронутыми тысячи объектов, о возможном применении которых в технологическом плане никто и не подозревает. Люди, которые на нас работают — хорошие сборщики, но они не в состоянии проделать серьезный приборный анализ. Да если бы они даже и умели это делать, то все равно не знали бы, что нужно искать. Они приносят только то, о чем их просишь, не более того. Я до сих пор принимаю участие в экспедициях, если могу себе это позволить. Впрочем, сейчас это бывает не так уж часто. Дикая нехватка времени.

— Почему же нельзя подыскать новых работников?

Найл пожала плечами.

— Причина лежит на поверхности. Если человек — достаточно хороший биолог, он обеспечен лучшей работой непосредственно в самом Ядре. Может, здесь, на периферии, они добьется большего, но ему совсем не светит периодически мотать из гущи Звездного Скопления на Нэнди-Клайн для грязной полевой работы. Я… постойте, постойте… а вы, профессор, случайно не собираетесь устроиться на работу в местный филиал «Джиард»?

Он кивнул.

— По правде сказать, да. Я считаю себя достаточно квалифицированным специалистом, и у меня с собой своя аналитическая лаборатория. Она в космопорте. Как вы думаете, управляющий вашей станцией заинтересован в моей кандидатуре?

Найл прищурилась.

— Естественно, Паррол просто вцепится в вас! Но я все-таки не могу понять до конца, каким образом вы собираетесь совмещать полевую работу с преподавательской деятельностью в университете?

— Еще в начале года я ушел с кафедры и уволился из университета. Что же касается здешней работы… у меня есть несколько обязательных условий, при соблюдении которых я согласен приступить к ней немедленно.

— И в чем же эти условия заключаются?

— В первую очередь, я ограничусь островами плавучего леса.

«Почему бы и нет, — подумала Найл. — При условии, если фирмой будут предприняты соответствующие меры предосторожности».

Внешне светило биохимии выглядел физически крепким, и его ученице было известно, что он принимал участие в нескольких экспедициях на другие планеты, всем участникам которых приходилось работать в полевых условиях.

Кивнув, она сказала:

— Мы можем зачислить вас в группу ассистентов, которые числятся у нас по первой категории. Им не хватает научной подготовки, но они уже очень давно занимаются плавучими лесами, так что опыта им не занимать. Их всего то ли десять, то ли…

— Нет-нет! — решительно замотал головой Тайкос. — Если вы не против, мы вместе с вами выберем какой-нибудь остров, и я отправлюсь

туда один. В этом состоит условие номер два. Для моего проекта это очень существенный момент.

Найл уставилась на учителя. Многочисленные формы жизни, встречающиеся в плавучем лесу, существование которых он обеспечивал, нельзя было назвать необычайно свирепыми и опасными для человека. Но они обитали там вследствие того, что сами заботились о себе в постоянно меняющихся условиях. Одним из таких условий являлась частая смена врагов и добычи и, вследствие необходимости управляться и с теми, и с другими, — частая смена тактики защиты и нападения. Для незнающего человека, углубившегося в заросли плавучего леса, эти тактические уловки могли обернуться всевозможными ловушками, в том числе и смертельными. По большей части угроза, как, например, у зыбучего песка, не носила характер осмысленного, целенаправленного действия. Но от этого она не становилась менее опасной.

— Профессор, — заявила Найл прямолинейно, — да вы просто не в своем уме! Вы не протянете в плавучем лесу и суток! Вы хоть представляете себе…

— Представляю. Я внимательно изучил ваши статьи, наряду с другими доступными материа-

лами по местной флоре и фауне; которые, правда, оказались чрезвычайно скудными. Я согласен, что у меня могут возникнуть определенные проблемы во взаимоотношениях с окружающей средой. Мы их обсудим подробно. И все же мое одиночество на острове — это непреложное требование.

— Ну почему вам так приспичило…

— У меня личная заинтересованность: я буду заниматься здесь, главным образом, проблемой долголетия.

— Честно говоря, — сказала она неуверенно, — не вижу никакой связи.

Тайкос усмехнулся:

— Это естественно. Для того чтобы было понятно, мне нужно все рассказать с самого начала.

— Может и стоит рассказать. Проблема долголетия… — Найл помолчала немного. — Выходит, что, м-м-м, личное…?

— Продлит ли то, чем я интересуюсь, мою собственную жизнь? Я однозначно нахожусь в таком состоянии, при котором она, жизнь моя, требует постоянного и заботливого ухода. Причем, из первых рук.

Найл была поражена. Тайкос, хоть был излишне худощав, зато обладал крепкими мускулами,

был подвижен, как юноша, а его лицо полностью лишено морщин. Несмотря на седину, она вовсе не считала его старым. Ему, вероятно, было где-то чуть за шестьдесят, и он, по-видимому, совсем не помышлял о космических гормонах.

— Вы уже начали курс терапии, продлевающей жизнь? — спросила она.

— Довольно давно, — сухо сказал Тайкос. — А насколько вы, моя милая, знакомы с общепринятыми технологиями по обретению долголетия?

— Разумеется, у меня есть только общее понятие о них. Но я никогда не занималась более детальным изучением предмета. Никто из тех, кого я знаю, не обладает… — конец ее фразы опять повис в воздухе.

— Прошу вас, только не смущайтесь, что обсуждаете эту тему с такой замшелой древностью, как я, — сказал Тайкос.

Она уставилась на него во все глаза.

— Простите, но сколько же вам лет?

— Совсем скоро будет ровно две сотни. Да, да, двести стандартных земных лет. Полагаю, я один из старейших граждан Ядра. Не принимая во внимание, конечно, календарного возраста старожилов из прошлого, которые когда-то прибегли к длительному анабиозу, потом проснулись уже

в наше время, и до сих пор еще периодически встречаются в качестве свадебных генералов на презентациях и богемных вечеринках.

Двести лет! Практически, это был предел биологической продолжительности жизни человека. На секунду Найл лишилась дара речи. Она постаралась не выдать потрясение услышанным своим выражением лица. Однако Тайкос, видимо, это заметил, потому что заговорил более непринужденным тоном:

— Любопытно, знаете ли, что мы до сих пор не можем ощутимо продвинуться дальше в этой области! Естественно, во время военных столетий, такой непрактичной области исследований, как геронтологии, уделялось мало внимания. И такое отношение вполне понятно.

— Непрактичной? — повторила Найл.

— С точки зрения биологического вида. Неограниченное продление жизни отдельных индивидов на самом деле не очень желательно в этом отношении. Естественные восполнения выбывших имеют очевидные преимущества. Собственно, сама эта теория не вызывает у меня особых возражений. Тем не менее, я склонен скорее отвергнуть тот факт, что эту теорию можно применить и ко мне.

Он начал отрицать это приблизительно два десятилетия назад. До того времени он исключительно благополучно применял биохимические регулировки и манипуляции с органами, сопровождаемые время от времени пересадками тканей. Затем начались неприятности. Они появлялись постепенно, так что прошло довольно много времени, прежде чем до ученого дошло, что он столкнулся с настоящей проблемой. Его поставили в известность, что результаты корректировок становятся все более нестабильными, — и пока никто не знал, каким образом привести их к более стабильному равновесию. Вскоре потребуются более серьезные операции по пересадке и расширенное применение искусственных тканей. Ему было предложено занести в компьютер все, что имелось у него в мозгу, и передать на хранение в информационный банк с целью наведения справок в дальнейшем, — а потом, возможно, записаться на длительный анабиоз.

Тайкос решил, что ему не по душе ни одна из предложенных перспектив. Уровень его заинтересованности не снизился, и он не имел ни малейшего желания ограничивать свою жизненную активность ростом количества рубцов

и заплат на своем многострадальном теле и подвешенным состоянием длительного анабиоза. Если сейчас он откажется от длительного сна, он может прибегнуть к нему по достижении двухсотлетней возрастной отметки, правда, на не очень длительный срок. Раньше он не уделял вопросам регенерации много внимания. Эти проблемы существовали для других — в распоряжении Тайкоса имелась большая выборка разнообразных проектов по домашним животным, которые он сам выбрал. Потом он решил, что ему следует обратиться к исследованиям в этой области, ибо сможет найти приемлемое решение своей проблемы.

— Этим вы и занимались последние двадцать лет? — спросила Найл.

— Примерно. В проект включены тысячи исследовательских направлений. Это обстоятельство делает разработки очень длительными.

— Я думала, большая часть этих исследовательских направлений принадлежит не науке, а фантастике, — заметила она.

— Для очень многих так и обстоит дело. Знакомясь с ними, мне приходилось подвергать представленные материалы тщательной проверке. Проблема заключается в том, что никто не

может доказать, что их методика ведет к гарантированному увеличению продолжительности жизни — ведь ни одна из них не могла быть опробована достаточно долго. По той же причине мне трудно опровергнуть значимость любой такой методики, по крайней мере, адресуя опровержение тем, кто в нее искренне верит. Из-за этого в геронтологии множество самовлюбленных болванов, которые любого оппонента примут в штыки. Даже общепризнанные работы в этой сфере — и те вызывают сомнение. В частности, у меня.

— Теперь я вас понимаю, — сказала Найл. — Напрашивается вывод, что этим должны вплотную заняться не отдельные ученые или институты, а непосредственно Федерация.

— С одной стороны посмотреть, вроде бы и правильное предложение, — согласился Тайкос. — Однако вполне возможен и такой вариант, при котором на самом высоком правительственном уровне возобладает мнение о том, что неограниченное продление человеческой жизни весьма сомнительное достижение. Вследствие психологических, экономических, социальных, расовых и прочих факторов. Во всяком случае, хоть Федерация и не препятствует геронтологи-

ческим исследованиям, она и не поддерживает их в достаточной мере. Можно сказать, относится к ним терпимо.

— А как же с их собственным возрастом? Члены правительства ведь тоже люди и тоже не молодеют.

Биохимик пожал плечами:

— Возможно, они полностью полагаются на анабиоз — этакое счастливое ничегонеделанье до пробуждения в грядущем, в котором проблемы долголетия благополучны решены. Хотя сказать точно, что движет руководителями Федерации, не могу. Конечно, кое-кому кажется, что если он один из избранных, то ему уж наверняка обеспечат столь комфортное существование, что оно будет длиться неограниченно долго. Хотя лично я в чудеса не верю. Во всяком случае, сейчас я в значительной степени делаю ставку на биохимию. Так сказать, внимание — отдельные клетки! Очищайте их постоянно от накопления вырождения в генетической цепочке, и все остальные проблемы могут оказаться не столь уж существенными. Несколько лет назад я добился определенных сдвигов в этом направлении. Непосредственным результатом явились улучшения, произошедшие во мне самом. По сути, мне была предоставлена

возможность понять, что причина старения, вероятнее всего, заключена в отдельных клетках. Как видите, я до сих пор пребываю в хорошем рабочем состоянии.

— Вы все это опубликовали? — спросила Найл.

— Не под своим именем. Права на интеллектуальную собственность принадлежат университету. Я по-прежнему не оставляю биохимических исследований, но также работаю и в новых направлениях. Занимаясь всеми этими вещами, я часто поражался тому, что наши инстинкты, по всей видимости, не очень-то благосклонно относятся к нашему же потенциальному бессмертию.

Девушка нахмурилась:

— Что именно навело вас на такую мысль?

— В первую очередь тот факт, что люди вообще не склонны прилагать к достижению бессмертия больших усилий. Значительное количество моих соратников сыграли, извините за выражение, в ящик просто потому, что постоянно забывали, а то и отказывались проделывать сравнительно несложные вещи, необходимые для нормального поддержания жизни. Словно решили, что оно не имеет особого значения, поэтому не стоит и беспокоиться.

Найл недоверчиво спросила:

— А вы не преувеличиваете, профессор?

— Абсолютно нет. Безразличие к своему здоровью — широко распространенное явление. Инстинкты благосклонно принимают цикл жизни и смерти, даже если наше сознание противится этому. И это понятно, такое отношение способствуют выживанию биологического вида. Для него, биологического вида, каждый индивид имеет значение только в тот период времени, когда достигает зрелости. Инстинкты поддерживают его существование до той поры, когда у него появляется возможность сделать свой генетический взнос. После этого они начинают работать против. Если в конце концов будет разработан метод сохранения жизни и биологической молодости, при котором человеку не надо не только прилагать никаких усилий для достижения этого, но и заводить потомство, то это может кардинально изменить существующее положение вещей. В настоящее время похожую картину создает длительный анабиоз. Но эта процедура лишь откладывает решение проблемы. Я начал подозревать, что исследование вопроса долголетия само по себе блокируется инстинктами. И я не уверен, что оно… что нам… и в самом деле *следует* углубляться в этот вопрос. Во вся-

ком случае, я решил проконсультироваться со специалистами, чьи интересы лежат в схожей сфере, физиологии мозга. Они фундаментально занимаются природой инстинктов, и, возможно, обладают необходимой информацией…

* * *

В итоге Тайкосу удалось разыскать два научных коллектива, которые достигли достаточно интересных эффектов долголетия и омоложения в качестве побочных результатов экспериментирования с мозгом. Одним из этих коллективов была ААП — Ассоциация Альтернативной Психики. Найл периодически просматривала сборники статей и часто встречала работы, написанные ее сотрудниками. Ученые из ААП в своей практике применяли определенные наборы процедур по принудительному расширению и изменению функций мозга.

— Они, наверное, вовсю пользуются искусственными тканями, — предположила Найл.

Тайкос кивнул.

— В самую точку, моя дорогая. Причем пользуются не только для того, чтобы заменить одряхлевшие от старости органы, но и для улучшения здоровья. Таков основный принцип их

работы. Такова их точка зрения. Лично я не в восторге от такого подхода. Но они разработали заодно и систему фундаментальных умственных тренировок, направленных на управление эмоциями. А вот непосредственно долголетию они уделяют второстепенное внимание. И, тем не менее, ученые ААП накопили большое количество данных, свидетельствующих о том, что упомянутые тренировки успешно способствуют долголетию…

Другим проектом занимался филиал службы Психологического Сервиса Федерации. Целью его сотрудников являлось всестороннее исследование мозга и достижение контроля сознания над его бессознательным потенциалом. Процедуры были разработаны самым тщательным образом. Во время их осуществления требовалось применение глубоких терапевтических корректировок. Результаты часто приводили к физическому обновлению и восстановлению подопытного материала, но опять же — это являлось не основной задачей, а полезным побочным эффектом.

Тайкос решил, что такой подход к проблеме его не устраивает. Его интересы были более конкретны, более реальны. А мозг являлся эффективным инструментом для достижения поставленной це-

ли, и его свойств было вполне достаточно. Однако устремления обеих организаций определенно склонялись к преодолению границ обычных человеческих возможностей, что вообще было характерно для исследования причин долголетия. Этим двум организациям были уже известны типичные, присущие организму варианты сопротивления бессмертию, о которых доктор Кей пока только догадывался. А вот ААП и служба Психологического Сервиса Федерации уже разработали методы борьбы с ними.

— Вопрос, касающийся взаимодействия человеческого разума и Всевышнего, — произнес Тайкос со значением. — Теперь я способен научиться распознавать проявления инстинктов, как в моем собственном мозгу, так и во взаимосвязанных физических процессах, а самое главное — управлять этими проявлениями. К этому я и приступил.

Выяснилось, что биохимик познакомил со своей проблемой членов обоих коллективов, и они специально для него разработали индивидуальный план упражнений по управлению мозговыми процессами. Он занимался под их руководством, пока наставники не пришли к выводу, что их ученик способен продолжать начатое в одиночку. Затем он успешно разделался

с последними этапами работы, выполняемой в университете. Надо было продолжить поиск более действенных биохимических сывороток. Теперь он был убежден, что именно в этом кроется залог успеха.

— Не позволять инстинктам вмешиваться, и кто знает: может, у нас получится!

— Бессмертие? — спросила Найл.

Тайкос усмехнулся:

— Давайте, милая барышня, для начала ограничимся тысячей стандартных лет.

Она улыбнулась.

— Вы почти меня убедили, профессор! А как во все это вписывается отшельничество в плавучем лесу?

— Совершенно очевидно, что Нэнди-Клайн полон бурлящей жизнью во всех ее проявлениях. Я имею представление об общем характере химических веществ, поисками которых собираюсь заниматься, и, мне кажется, что здесь я смогу их обнаружить с не меньшим успехом, чем где бы то ни было. А, возможно, и с большим.

Найл кивнула.

— Да уж, у нас на планете можно найти почти все. Но почему этим надо заниматься в одиночку?

— Одиночество предусмотрено программой тренировок, которой я следую, — объяснил Тайкос.

— И чему же одиночество будет способствовать?

— Мозговым упражнениям. На тех стадиях, к выполнению которых я сейчас приступаю, мне придется выходить за рамки обычной умственной деятельности человека, как представителя биологического вида Хомо Сапиенс. Это ведь что-нибудь да значит?

Девушка задумалась.

— По-моему, значит, но не слишком. Неужели это настолько важно?

— Все зависит от точки зрения на проблему. Люди, с которыми я имел дело, считают ее всего лишь базовой, исходной. Тем не менее, это очень трудная штука. Дело в том, что в наш мозг неизбежно просачиваются шаблоны, по которым функционируют разумы окружающих нас существ. Если эти разумы принадлежат взрослым, окончательно сформировавшимся человеческим индивидам, то их шаблоны выбивают нас из привычной умственной колеи, по которой мы двигаемся. Почему? Просто они слишком хорошо нам знакомы, эти шаблоны. Процесс носит абсо-

лютно разрушительный характер. Поэтому до тех пор, пока я не добьюсь достаточной стабильности своих занятий, мне необходимо свести контакты с людьми к абсолютному минимуму.

Найл пожала плечами:

— Сказанное вами, профессор, находится явно не в моей компетенции. И все же, почему бы вам просто не запереться в каком-нибудь помещении?

— Не подойдет. Требуется географическая отдаленность. Необходимо уединиться на очень большом расстоянии от людей.

— Сколько времени потребуется пребывать в таком уединении?

— По моим оценкам — от трех до четырех лет.

— Три-четыре года в плавучем лесу?

— Именно так. Лес станет моим рабочим местом и одновременно источником лабораторного сырья. Я не могу засесть где-нибудь в космосе и продолжить там столь серьезные исследования. Думаю, необходимые приготовления снизят риск, который ожидает меня, до приемлемого уровня. А разумная степень риска может сыграть и свою положительную роль.

— Каким это образом?

— Грозящая каждую секунду опасность — это

мощный мобилизующий фактор. Идея в том, чтобы жить полной жизнью и оставаться предельно жизнестойким и жизнеспособным. Сохранять бодрость, а не прятаться от всех и вся в некой скорлупе — настоящей или придуманной.

Найл задумалась.

— Да, это соображение не лишено смысла, — признала девушка. — Скажите, профессор, а каково ваше нынешнее физическое состояние? — спросила она. — Пожалуй, вы выглядите здоровяком…

— Сейчас состояние моего здоровья лучше, чем десять лет назад.

— Вы не нуждаетесь в медицинском освидетельствовании?

— Я уже много лет в нем не нуждаюсь. В свое время мои артерии были целиком заменены на искусственные, изготовленные из материала, специально предназначенного для этой цели. Это было довольно давно. В остальном, за исключением нескольких трансплантатов, вставленных приблизительно в то же время, почти все мои внутренности — родные. Так что по этой части у меня все в порядке, не о чем беспокоиться.

Найл вздохнула.

— Ну что ж! Все равно мне придется убеж-

дать Паррола, что вы не самоубийца… Ладно, можно считать, что вы приняты, профессор. Запрашивайте зарплату повыше, и настаивайте в трудовом договоре на своих условиях, включая свою заинтересованность во всем, что можно трактовать, как сыворотку для долголетия. После того, как мы это утрясем, я вкратце посвящу вас в те трудности, с которыми вам скорей всего придется столкнуться на острове. За несколько дней с этим не управиться. Придется потратить недели две на зубрёжку и наглядные иллюстрации.

Профессор подмигнул ученице, поскольку ему предстояло на полмесяца поменяться с ней местами: Найл Этланд в качестве преподавателя, а он, доктор Кей, — примерного ученика:

— Для этого я к вам и заявился.

Девушка провела чрезвычайно насыщенный курс обучения, который скорее напоминал натаскивание перед экзаменом. Профессор проявлял себя в качестве ученика столь же успешно, как проявлял себя в качестве университетского преподавателя. Несмотря на свой более чем почтенный возраст, он обладал живым, пытливым умом и феноменальной памятью. Он подтвердил, что сохранил хорошую физическую форму — его мышцы были крепкими и упругими. Найл все

выше и выше оценивала перспективы профессора на выживание, хотя и не упоминала об этом вслух. Разумеется, некоторым вещам она была не в состоянии обучить своего великовозрастного ученика. Его умение владеть оружием после обучения можно было назвать удовлетворительным, — но и только. Он научился пользоваться верхолазным поясом достаточно ловко, чтобы более-менее благополучно существовать в полевых условиях. Однако для приобретения подлинно мастерских навыков обращения с этим приспособлением требовалась длительная практика. А вот приемам подводного плавания Найл даже не пыталась его обучить. Чем меньше доктор Кей будет плавать вокруг своего острова, тем для него будет лучше.

Они побывали на многих наносах плавучего леса, дрейфующих по течению Мерал, и, наконец, выбрали большой архипелаг, который вроде отвечал всем требованиям. На одном из его островков было сооружено убежище, которое совмещало в себе жилое помещение для биохимика, лабораторию и складское хозяйство. Туда было завезено и его имущество: солидная коллекция гигаклеток и двадцатисантиметровых протогомов. Они должны были служить учено-

му контрольным материалом для сравнения. Используя их, биохимик мог продублировать почти любую из известных физиологических реакций человеческого организма и, как правило, с большей эффективностью. Жилище было полностью замаскировано. Ожидалось, что время от времени у острова могут появляться партии глиссерщиков, занятые своим уловом, а Тайкос не желал, даже сравнительно редко, входить с ними в контакт. Если же во время нежелательных визитов доктор будет прятаться в своей хижине, то его вообще не заметят.

На всякий случай у него было переговорное устройство с зашифрованными позывными. Найл должна была наведываться к нему каждые восемь недель, забирать накопленные им сведения для лаборатории «Джиард» и оставлять продовольствие до своего следующего посещения. Это в том случае, если он не выходил на связь. Профессор не желал никого видеть, кроме своей ученицы. Паррол покачал головой, ознакомившись с таким условием, однако, поскольку Найл не возражала… А сама мисс Этланд, в свою очередь, вдруг осознала, что превратилась в ретивую приверженку всего этого предприятия. Если Тайкос Кей вознамерился замахнуться

на бессмертие, вдыхая полной грудью свежий воздух вместо того, чтобы постепенно увядать или улечься на столетия в анабиозную ванну с физиологическим раствором, то она будет помогать ему. Причем, независимо от того, чем он собирается заниматься для осуществления своего грандиозного замысла. Пока дела у профессора шли совсем неплохо. Вопреки ожиданиям, он держался в плавучем лесу молодцом: общаясь с окружающей средой, которую выбрал сам, серьезных ошибок не совершал. Казалось, он был совершенно доволен своей жизнью отшельника, поскольку полностью погрузился в свою работу. В главном управлении умилялись сообщениям нового сотрудника, которые поступали каждые два месяца. Некоторые выдержки из этих сообщений выборочно отсылались непосредственно его университетским коллегам, которые переняли от доктора программу работ по долголетию. Они тоже умилялись. Когда Найл виделась с ним последний раз, он дрейфовал по Мералу уже восемнадцать месяцев, выглядел здоровеньким бодрячком и собирался продолжать в том же духе, по меньшей мере, еще столько же времени. Он поведал Найл, что тренировка его мозга проходит успешно.

Глава 3

В центральной рубке глиссера Сотиры, куда Джат привела Найл, находилось трое мужчин. С двумя из них Найл приходилось встречаться раньше. Их звали Фиам и Пелад. Они были Веннами, членами Флота Веннтар — органа управления глиссерщиков. Оба немало пожили и в прошлом были капитанами глиссера. Их покрытые морщинами и почерневшие от загара лица хранили безмятежное спокойствие. Все трое отлично справлялись со своими управленческими функциями. На глиссере слово Венна значило больше, чем слово капитана. Третьим был Донкар, капитан глиссера. Для своей должности он был сравнительно молод и сидел с напряженным лицом, казалось, едва сдерживая гнев. Выглядел он смертельно уставшим, но усталость старался перебороть.

Джат затворила за Найл и сопровождающей ее выдрой дверь и села рядом с Донкаром. Девушка пользовалась на глиссере авторитетом, может быть, чуть меньшим, чем присутствующие здесь. Она провела четыре года в Университете Ядра Звездного Скопления и приобрела технические

знания и навыки, представлявшие большую ценность для ее соплеменников. Очень мало кто из глиссерщиков сумел побывать за пределами Нэнди-Клайна. Их предками были вольные космические скитальцы, которые обосновались на этой водной планете за несколько поколений до того, как сюда прибыли первые колонисты из Федерации. По соглашению с Федерацией они сохранили свою независимость и первоочередное право на морские просторы. В прошлом, однако, случались открытые столкновения флотов с населением континента, поэтому у глиссерщиков осталась привычка относиться с подозрением к любой суше и всему, что с ней связано.

Найл дрожала от нетерпения, ибо знала, что, общаясь с этой категорией людей, лучше не торопить события. Она ответила на вопросы Пелада, в сущности, повторив то, что уже рассказала Джат.

— Значит, точные координаты доктора Кея вам неизвестны? — поинтересовался Пелад, поскольку биохимик стал своего рода легендарной личностью среди тех глиссерщиков, которые знали о его проекте.

Найл покачала головой:

— Я не могу утверждать наверняка, что он находится в пределах четырехсот километров

отсюда, — сказала она. — Просто этот район наиболее подходит для начала поисков. Когда наступает время отправляться к профессору в гости, я вызываю его на связь, и он сообщает мне текущие координаты. Но на этот, раз он не откликнулся на свои позывные. Конечно, в сторону континента все последние недели шли очень сильные атмосферные помехи. Но все равно доктор Кей должен был время от времени ловить мой сигнал, поскольку я пыталась прорваться к нему через эфир все это время.

На миг возникла пауза, потом Пелад спросил:

— Доктор Этланд, на материке знают, какова причина этих помех?

Вопрос вначале удивил ее, потом озадачил. Помехи не были какой-то новостью, причины их возникновения были хорошо известны. Звезды, вокруг которых вращались водные миры, всегда являлись источниками таких помех. Стандартные переговорные устройства, повсеместно используемые на Нэнди-Клайне и других планетах Федерации, были абсолютно неэффективны. Чтобы как-то решить проблему устойчивости связи, было разработано и внедрено несколько принципиально новых систем. Из них стопроцентной надежностью обладала только ограниченная

по своим возможностям мощная радиостанция ближнего радиуса действия.

Пеладу, как и всем остальным, было известно об этом столько же, сколько и Найл.

— Насколько я знаю, — сказала она, — никаких специальных исследований по этому вопросу не проводилось. А что, разве глиссерщики усматривают в этих помехах что-то необычное?

— Существует две точки зрения, — спокойно принялась разъяснять Джат. — Одна из них заключается в том, что возможный источник теперешних помех не связан с солнцем, а препятствуют прохождению сигнала ни кто иные как громгорру. Они намеренно используют неведомую силу, имеющую неестественное происхождение…

— Сверхъестественное, что ли? — позволила себе съязвить Найл.

Пелад переглянулся с Джат:

— Веннтар постановил, что это не подлежит обсуждению с сухопутными. Об этом запрещено упоминать. Но у молодежи длинные языки. Возможно, чересчур длинные. У нас есть основания полагать, что в море появилось нечто, питающее к людям ненависть. Среди нас есть такие, которые различают внятные голоса среди белого

шума, засоряющего прием. Они утверждают, что слышат Песнь Ненависти и Страха. — Он пожал плечами. — По этому поводу сам я сказать ничего не могу, просто потому, что не знаю. — Он взглянул на Фиама. — Умолчание сего факта было бы лучшим средством против утечки информации, но оно оказалось нарушено. Но это не страшно, поскольку доктор Этланд — проверенный друг глиссерщиков.

— Пусть об этом поведает нашей гостье капитан, — предложил Фиам.

— Рассказать, как мне все это представляется? — с легкой усмешкой произнес Донкар.

— Да, расскажи, как тебе это представляется, Донкар. Мы знаем твою точку зрения, но тоже послушаем.

— Ну, хорошо, — Донкар повернулся к Найл: — Доктор Этланд, до сих пор вы задавали вопросы, но никакого объяснения происходящему не получали. Позвольте мне, в свою очередь, задать один вопрос: в состоянии ли человеческие существа вызвать подобные проблемы со связью?

— Сымитировав радиоизлучение светила? — Найл немного подумала, затем утвердительно кивнула. — Скорее всего, такое возможно. Неужели у вас есть основания полагать, что именно так

и обстоит дело?

— Да, так думают некоторые из нас, — сухо промолвил Донкар. — Мы теряем людей.

— Теряете? Как?

— Люди пропадают. Рабочие артели, которые ловили рыбу в непосредственной близости от островов плавучего леса, исчезают вместе со своими малыми надводными и подводными судами. Бесследно. И всегда в районе, где такое случается, связь оказывается полностью нарушенной.

— Для того чтобы несчастные не могли сообщить о том, кто на них напал?

— Да, есть такое предположение, — сказал Донкар. — Такие вещи происходят настолько регулярно, что о совпадении говорить, по всей видимости, не приходится. Понимаете, доктор Этланд, эта проблема затрагивает не только глиссеры Сотиры. В последнее время похожие исчезновения имели место вблизи островов плавучего леса во многих океанских регионах.

Найл уточнила детали. Ее голова лихорадочно заработала. Они с Парролом имели репутацию специалистов по ликвидации неприятностей. Оба считали это частью своей работы. «Джиард» была заинтересована осуществлять свою деятельность на Нэнди-Клайне как можно бес-

препятственнее. В прошлом это служило на благо как глиссерщикам, так и континенту. А проблемы, создаваемые людьми, скорее всего, будут возникать всегда. Естественные богатства планеты были очень и очень соблазнительны… особенно, когда обнаруживалось и держалось в секрете что-то новенькое.

Значит, это могло оказаться именно такой широкомасштабной проблемой. Исчезновения начались к северу от экватора, затем распространились и на юг, через зону деятельности Сотиры. Они начались три месяца назад. А цель, размышляла Найл, по всей видимости, преследовалась одна, — чтобы глиссерщики держались от островов подальше. Это и было достигнуто. Глиссерщиков требовалось не подпускать к островам в течение такого периода времени, который позволил бы тем, кто стоял за этой каверзой, вычерпать до дна обнаруженные случайно богатые залежи редких элементов или выкосить плантации наркотических растений, после чего спокойно убраться из этих мест.

Ни одной из местных организаций не хватило бы силенок проделать подобный трюк. Но той же местной организации, орудующей под прикрытием синдиката из Ядра, это вполне оказалось

бы по плечу…

А при чем тогда громгорру?

Найл мысленно пожала плечами. Глубины Нэнди-Клайна были исследованы только приблизительно. Огромные участки океана все еще оставались не нанесенными на карту. Но девушка не очень охотно верила в неведомые зловещие силы. Весь ее жизненный опыт подсказывал, что если где-нибудь затевалось что-то серьезное, то за всем этим неизменно оказывались исполнители в человеческом обличии.

Присутствующие в центральной рубке были в этом не так уверены. Под дощатым потолком почти осязаемо витало нечто вроде невысказанного, но ощутимого суеверного страха. Он усугублялся палубой, ходящей под ногами ходуном, и завывающим снаружи тайфуном, который сотрясал прочные стены рубки бьющими в нее волнами. Ей показалось, что и Донкар с Джат поддались тревожному настроению, а ведь последняя получила образование такого уровня, который редко встретишь среди глиссерщиков. Но все же эта женщина плоть от плоти морских глиссерщиков, а этот народ веками вскармливался непостижимыми тайнами океана и космоса. Жизнь в космосе и жизнь на море воспитала

отнюдь не робкие натуры, но она же поспособствовала и тому, чтобы ее питомцы не свернули на тропу, на которой могли противопоставить себя непонятным силам.

— Вы говорили о тех, — попыталась уточнить Найл у Пелада, — кто слышит голоса ненависти, когда молчат переговорные устройства?

На какой-то миг в глазах Венна сверкнули непонятные огоньки, тем не менее, он кивнул.

— Скажите, а связывают ли Видящие-Иначе, — Найл употребила термин, которым глиссерщики называют людей с особо чувствительной психикой, — эти голоса с исчезновениями людей в дрейфующих скоплениях плавучего леса?

Немного подумав, Пелад покачал головой:

— Нет. Во всяком случае, не столь определенно.

— Они не говорили, что такое дело не под силу человеку?

— Они этого не говорили, — медленно промолвил Пелад. — Они не знают. Они знают только то, о чем они нам сказали.

Ага, значит, шаманы наговорили достаточно, чтобы застопорить любые действия.

— В таком случае, здесь может быть одно из двух, — сказала Найл. — Первое — то, что чув-

ствуют Видящие-Иначе. Второе — человеческий фактор, отвечающий за нынешние беды в плавучем лесу. Что будет, если глиссерщики выяснят, как обстоит дело па самом деле?

— На моем глиссере установлены шесть космических пушек, доктор Этланд, — поведал Донкар. — И у меня есть люди, которые умеют с ними ловко обращаться.

— Я сам, — сказал Пелад, — один из артиллеристов.

К капитанам присоединился и Фиам:

— Недалеко отсюда находятся еще два глиссера Сотиры. У каждого на вооружении четыре космических пушки — старенькие, но в отличном рабочем состоянии. — Он улыбнулся Найл. — Сухопутные с континента наверняка их помнят.

— Это уж точно, — согласилась Найл. — Вы будете сражаться, зная, что сражаетесь не с громгорру?

— Мы готовы сражаться с любым противником, но только если это люди, — сказал Пелад. — Когда возникала необходимость, мы всегда сражались с людьми. Но с нашей стороны будет очень неразумно бросить вызов злой силе, на которую пушки, возможно, и не подействуют, и которая способна стереть с лица моря глиссеры. — Его

лицо вновь потемнело: — Некоторые считают, что такая злая сила обретается совсем недалеко отсюда.

Да, Найл надо было быть поосторожнее с заявлениями. И все-таки пока все идет хорошо. Мысленно Венны полны решимости драться, если перед ними предстанет враг, с которым можно совладать с помощью космических орудий. Но пока рановато просить их о сотрудничестве с континентальными властями. Недоверие слишком глубоко коренится в их душах.

Через пять минут она уже знала, что ей нужно делать. Ее непосредственная задача — вытащить Тайкоса из беды. Большой нанос плавучего леса, который она искала, находился в восьмидесяти километрах к югу от этого места. Там же уже несколько дней, как пропал без вести сейнер Сотиры. Судя по последним сообщениям, поступившим с его борта, он вполне мог подойти слишком близко к наносу и оказаться еще одной жертвой неведомой опасности, обитающей в водах плавучих лесов. Глиссер Донкара выслеживал сейнер поблизости от наноса, но не обнаружил даже малейшего намека на ключ к разгадке происшедшего. От дальнейших поисков пришлось отказаться.

Других крупных островов в пределах двухсот километров от этого места не было. Следовательно, тот остров, на котором Тайкос приступил к осуществлению своего проекта, должен быть частью упомянутого наноса. В этом можно было быть уверенным почти на все сто. Если сейчас отправиться прямо туда на аэрокаре, то она сможет обнаружить этот остров еще до наступления сумерек. Риск должен быть не слишком велик. В такую юркую машину, как аэрокар, вообще трудно прицелиться, а у нее, к тому же, скоростная и маневренная спортивная модель. Если Найл увидит, что в отношении нее предпринимаются какие-либо враждебные действия, то сможет быстро убраться оттуда. Если же таковых не будет, попытается пробиться к Тайкосу по каналу ближней связи, чтобы выяснить, какова ситуация на текущий момент. В случае чего, ей хватит и часа, чтобы эвакуировать профессора оттуда.

Если у нее не получится с первой попытки, на вторую она уже не рискнет — из-за отсутствия необходимой экипировки. В любом случае, перед тем, как пытаться установить, кто превращает острова плавучего леса в смертельные западни, она нуждалась в солидном подкреплении.

— Вы можете доставить сообщение на конти-

нент? — спросила она.

Все утвердительно кивнули, но Венны сделали это настороженно. Джат промолвила:

— На это может потребоваться несколько часов. Но до настоящего момента флоты всегда были способны пересылать сообщения через зоны помех.

— Кому адресовано сообщение, доктор Этланд? — поинтересовался Фиам.

— Данричу Парролу, — ответила ему Найл. — Станция «Джиард» сможет определить его текущее местонахождение. — Она не хотела чересчур вдаваться в детали всего того, что касалось громгорру, иначе ее сообщение глиссерщики заблокируют. — Дайте Парролу координаты плавучего леса к югу от нас. Я буду его ждать там. Передайте ему, что у меня могут возникнуть осложнения с эвакуацией доктора Кея с острова. Поэтому я прошу, чтобы он захватил с собой полный комплект снаряжения, предназначенный для непредвиденных обстоятельств…

— И Спифа! — решительно оборвал ее тонкий голос из угла рубки.

Глиссерщики испуганно оглянулись. Свитинг подмигнула им, после чего принялась равнодушно чистить шерсть на груди. Люди, плохо

знавшие повадки выдр-мутантов, частенько поражались тому, насколько внимательно она следила за разговорами людей.

— Разумеется, Спифа тоже, — согласилась Найл. — Если нам удастся выяснить, что творится с плавучим лесом, мы постараемся сразу же сообщить вам об этом.

Фиам коротко кивнул.

— Через шесть часов к району этого наноса подойдет скоростной глиссер и будет курсировать вдоль береговой кромки. Он принимает любые сигналы ближней связи. Позывные — «Сотира Донкар» на частотах, которыми пользуются глиссерщики…

* * *

— Великий Палач Колл, — объявил демон, стоявший на возвышении, — убедил Вечноживущих позволить ему подвергнуть проверке Теорию Тувел.

Тайкос Кей не сразу отреагировал на сообщение. Его посетителем был Палач Мога — один из Вечноживущих. Рангом он был пониже, чем Великие Палачи. По биологическому строению своего организма он был ростом с Тайкоса и занимал промежуточное положение между Ве-

ликими Палачами и Оганунами. Весил он тоже примерно столько же, сколько и Тайкос. Мога не уселся на корточки, а стоял прямо на своих длинных пружинистых ногах. Он перемещался, не сгибая коленей, короткими неуверенными шажками. Туловище Моги было заключено в доспехи из серебристых ремней, покрытых изысканной и тщательно сделанной вышивкой. Они с Тайкосом Кеем уже давно стали союзниками и сблизили свои позиции. Хотя, в общем-то, Тайкос осознавал, что их союз мог оказаться совсем непродолжительным.

— У меня создалось впечатление, — сказал он, — что Глас Осторожности мог бы предотвратить слушанье довольно опрометчивых требований Великого Палача.

Разговорная щель Моги возбужденно задвигалась.

— До сих пор нам это удавалось, — сказал он. — Но Великий Палач захватил власть в Гласе Решимости. Он обвинил своего предшественника в Нарушении Правил, и Вечноживущие признали выдвинутые обвинения обоснованными. Бедняга был приговорен к политической смерти в качестве Палача. Вы должны понимать, что на своем новом посту Колл не допустит, чтобы его

требования замалчивались.

— Да, я это понимаю…

Продвижение по служебной лестнице обычно давалось любому демону с большим трудом. Два излюбленных способа занять место вышестоящего начальника заключались либо в его заказном убийстве, которое даже приняло форму некоего ритуала, либо в обвинении его в Нарушении Правил. На практике оба способа приводили к одному и тому же результату.

Тайкос сглотнул слюну.

Плохо дело… Очень плохо!

Он прислонился спиной к своему рабочему столу, чтобы не показать, что у него дрожат колени.

— Каким образом Великий Палач намеревается проверить Теорию Тувел?

— Хранительница Этланд опять пытается связаться с вами, — сообщил Мога.

— Да, я знаю, — за последние полчаса переговорное устройство в отгороженном конце помещения уже с полдюжины раз подавало сигнал выхода на связь.

— Сигналы, — пояснил Мога, — поступают по каналу связи «камби».

Диапазон ближней связи!

— Значит, она уже в этом районе? — спросил

Тайкос хрипло.

— Ищет ли вас кто-нибудь, кроме нее?

— Нет.

— Значит, это — Хранительница. Высоко над островом кружит человеческий летательный аппарат. Он невелик, но превосходно превозмогает штормовую погоду. Он то улетает, то снова возвращается.

— Со времени последнего появления аппарата растительность здесь, на острове, сильно изменилась, — сказал Тайкос. — Возможно, она пока не определила, на каком из островов я нахожусь. Это дает нам возможность предупредить действия Колла! — добавил он с чувством. — Я знаю позывные Хранителей.

Мога издал свист, означающий абсолютное отрицание.

— В данный момент совершенно невозможно даже приблизиться к вашему переговорному устройству. Если я попытаюсь сделать это, не дождавшись разрешения Вечноживущих, то просто погибну. Итак, Коллу позволено осуществить свои намерения. Он сам подготовил целую систему проверок, чтобы установить, являются ли Тувелы на самом деле такими могучими существами, какими их представляет Теория

Тувел. Первое испытание будет проведено, когда Хранительница будет находиться еще в воздухе. В определенный момент в распоряжение Великого Палача будет предоставлено заряженное устройство, направленное на ее аппарат. Если она отреагирует быстро и грамотно, то аппарат окажется выведенным из строя, но сама Хранительница не пострадает. Если она не среагирует правильно и с должной быстротой, то умрет на месте.

Мога испытующе посмотрел на Тайкоса.

— Естественно, ее смерть позволит Вечноживущим сделать важное заключение о том, что Тувелы лишены тех основных качеств, которые им приписывают. Сейчас Великий Замысел находится в уравновешенном состоянии. Чтобы равновесие вновь сместилось в сторону Гласа Осторожности, Хранительница не должна потерпеть фиаско. По ее действиям будут судить обо всем классе существ, к которому она принадлежит. Если же ей не повезет, Глас Решимости получит всю полноту власти.

Предположим, что она выдержала первое испытание. Аппарат опустится в то место, где отряд Оганунов, подчиняющийся Коллу лично, будет поджидать Хранительницу. Если у нее нет

чрезвычайно мощного оружия, она вынуждена будет сдаться на милость победителю. Заметьте, что если она не капитулирует и будет убита, это будет расцениваться как провал. Тувелы, согласно предполагаемой схеме, подобных ошибок не совершают. Тувела должна сдаться и дождаться более благоприятных условий, чтобы действовать в этих условиях с выгодой для себя.

Тайкос медленно кивнул:

— Мне будет позволено общаться с Хранительницей, если ее захватят в плен?

— Нет, доктор Кей. После пленения с ней будет разговаривать только Великий Палач Колл. Испытания возобновятся немедленно, и с каждым разом они будут все суровее и продолжатся до тех пор, пока Хранительница либо умрет, либо не оставит ни тени сомнений у Вечноживущих в том, что теория Тувел верна во всех отношениях. Особенно в отношении того, что Тувелы как индивидуально, так и в целом, представляют собой явление, которое должно побудить нас, пусть даже в самую последнюю секунду, приостановить и в конечном итоге отменить исполнение Великого Замысла. Колл убежден в том, что Хранительница потерпит неудачу, и ручается за благополучный исход предприятия собственной жизнью. Вечно-

живущие больше не будут испытывать никаких сомнений. Окончательные стадии Замысла начнутся осуществляться незамедлительно.

— Короче говоря, — медленно произнес Тайкос, — Великий Палач намерен развенчать Теорию Тувел демонстрацией того, что сможет замучить пытками Хранительницу до смерти и пополнить ею свою пресловутую коллекцию трофеев.

— Да, именно таков его план, который он объявил во всеуслышанье. Естественно, что пытка является санкционированной формой проверки. Она вполне в духе наших традиций.

Тайкос устремил на Могу пристальный взгляд, пытаясь скрыть от него свою растерянность. Против такого хода событий доктор не мог выдвинуть никаких доводов. Такая уж демонам была привита культура мышления. До того, как Палач становился Палачом, он подвергался болезненным испытаниям, в результате которых немногие из кандидатов оставались в живых. По мере того, как демон продвигался к окончательной форме существования, которая называлась «Великий Палач», он проверялся снова и снова. Это был способ оценки Палачей, их суждений и навыков. Тайкос в свое время убедил большин-

ство из них, что Тувелы являются, по меньшей мере, их аналогами, только в человеческом образе. Некоторые из демонов были убеждены, хоть и против своей воли, что их человеческий аналог превосходил самых великих из всего множества Великих Палачей. Значит, Хранители являлись слишком опасными противниками, чтобы бросать им вызов. Шаги же, предпринятые Коллом, были направлены на то, чтобы полностью свести пораженческие настроения среди соплеменников на нет.

— Я буду постоянно держать вас в курсе событий, доктор Кей, — сказал в заключение Мога. — Если у вас появятся какие-нибудь предложения, которые могут оказаться полезными в данной ситуации, немедленно дайте мне знать. Других способов помешать намерениям Колла, кроме как находчивостью и отвагой самой Хранительницы, я пока не вижу. Будем надеяться, что она докажет свою способность разрушить его злокозненные планы.

Палач повернулся, сошел с постамента и направился к выходной двери. Тайкос смотрел союзнику вслед. От ощущения полной безысходности тело налилось свинцовой тяжестью. На мгновение показалось невозможным даже

пошевелить пальцем.

Он не сомневался, что аэрокаром, который засекли демоны, управляла Найл Этланд. И он надеялся только на то, что его ученица очень нескоро появится снова в их поле зрения.

Если бы в распоряжении у него оказались еще недели две-три, то ему, возможно, через Глас Осторожности удалось бы убедить Вечноживущих отменить запланированное нападение на Нэнди-Клайн и вообще убраться восвояси. Но появление Найл ускорило события, и Колл воспользовался этим.

Единственный способ, с помощью которого Тайкос смог бы предостеречь девушку от надвигающейся беды и дать понять, что здесь творится, был совершенно недоступен. Всего только четыре слова, подумал он. Стоило лишь включить переговорное устройство и хватило бы четырех слов вполне, чтобы Найл оказалась в курсе происходящего.

Но теперь, без помощи Моги, без разрешения Вечноживущих, он просто не мог добраться до переговорного устройства. Дело было не в охране. Для охранников он кое-что приготовил. Причина была ошеломляюще проста: отгораживающая стена была высотой четыре метра и самое глав-

ное — в ней не было двери. Тайкос слишком хорошо знал, что он — далеко не в лучшей своей форме. Ему не успеть перебраться через стену и добраться до переговорного устройства за время, необходимое для того, чтобы послать предупреждение, ибо до того, как он успеет включить, его самого «отключат». Ведь профессор больше не обладал достаточной силой и ловкостью для выполнения подобных кунштюков…

Если бы Найл появилась хотя бы две недели назад, ему бы это удалось. Тогда он еще мог положиться на свои силы. Но с тех пор прошло слишком много этих проклятых болевых обработок.

А если бы она отложила свой вылет всего на те же пару недель, то, может быть, никакого предостережения и не потребовалось бы вовсе.

Но Найл была пунктуальна как всегда — явилась точно в срок!

Ну что ж, сказал себе Тайкос, по крайней мере, он все устроил так, что ее не сотрут в пыль прямо в воздухе, над островом, когда аэрокар пойдет на снижение. Это оставляло маленький шанс. И все-таки, им обоим пора, кажется, начать мыслить в категориях позиционной войны. Для этого у профессора были припасены кое-какие заготовки. Но

Боже, как им было далеко до совершенства…

— Голодная, — объявила Свитинг, лежа на полу салона рядом с креслом Найл.

— Ну и голодай себе на здоровье, — отсутствующим тоном сказала Найл.

Свитинг раскрыла пасть и громко рассмеялась.

— Спуститься, а? — предложила она. — Поймать скилта для Найл, а? Найл голодная?

— Найл не голодная. Давай спи! Мне надо подумать.

Выдра фыркнула, уронила голову на лапы и притворилась, что закрывает глаза. Вероятно, Свитинг являлась результатом генетического просчета. Приблизительно двадцать лет назад на Нэнди-Клайн завезли партию детенышей охотничьих выдр. Они представляли собой усовершенствованную породу сохранившихся на Земле выдр, приспособленных к жизни в океане. Несколько месяцев спустя прибрежный фермер, который приобрел щенков, был ошеломлен, когда подрастающие выдрята вдруг все как один принялись обращаться к нему на общепринятом в Ядре универсальном языке, употребляя его искаженный и сильно упрощенный вариант. Неожиданные лингвистические способности совсем не умаляли других их достоинств. Го-

ворящие щенки были игривы, привязчивы и обладали красивым, прочным мехом. Будучи проданными уже оформившимися особями, они мгновенно разошлись среди фермеров морского побережья и достигли физической зрелости через полтора года. В качестве водных охотников, а также погонщиков и охранников морских стад, каждый из них стоил десятка обученных людей. Однако у заматеревших выдр рано или поздно проявлялась склонность к потере интереса к своему одомашненному положению, и они меняли его на свободную жизнь в морских просторах. Там они питались и размножались. На протяжении нескольких последних лет глиссерщики сообщали о своих встречах с довольно большими стадами одичавших выдр. Но до сих пор они продолжали разговаривать на универсальном языке.

Пара, которую Найл вынянчила со щенячьего возраста, осталась у нее в качестве питомцев. Она так до конца и не понимала, почему. Возможно, выдр так же интересовал род ее деятельности, как и ее — их. В некоторых вопросах умозаключения Найл, выраженные акустически, очень удачно вписывались в их образ мыслей и наоборот. Иногда, напротив, возникала обширная стена

взаимного непонимания. Девушка подозревала, никогда, правда, не делая попыток доказать это, что их общий интеллектуальный уровень был существенно выше, чем общепринято считать.

Тем временем аэрокар держал курс на юго-запад. Приборы, сканирующие поверхность океана и установленные на максимальное увеличение, обшаривали местность вокруг самого большого острова плавучего леса в наносе, который находился двумя километрами ниже и почти тремя — впереди. Этот остров был очень похож на тот, который выбрал в качестве прибежища Тайкос. Небольшие различия можно было отнести за счет адаптационных изменений, происходящих в растительном мире по мере того, как плавучий лес перемещался к югу. На острове можно было выделить с пяток крупных лесных участков, расположенных как бы на кончиках неровной пятиконечной звезды. Пространство между ними занимала лагуна примерно с километр в поперечнике — весьма характерное явление для таких островов. Она имела вид мелководного озера, заросшего зеленью. Треть озера была покрыта скоплениями темно-зеленых листьев, распластавшихся на поверхности воды. Леса, несущие на себе полупаразитические формы

растительности, которые целыми гроздьями теснились на толстых извилистых стволах деревьев, вздымались по краям лагуны чуть ли не на двести метров. Это были настоящие живые стены, такие прочные и плотные, что их почти невозможно было разрушить. Удары, нанесенные тайфуном, через око которого они пролетели, оставили лишь отдельные малозаметные повреждения. Уже под поверхностью океана деревья сцеплялись друг с другом своими удивительно мощными корнями. Такая переплетенная корневая система соединяла участки в монолитный и мощный лесной массив.

Остров медленно дрейфовал к экватору. Мимо него катились невысокие волны с пенистыми барашками на вершинах. Возможно, здесь проходила южная граница Тайфунного пояса. Непосредственно над головой у Найл простиралась ровная синева ясного неба. Но аэрокар все еще потряхивало от сильных порывов ветра, и со всех сторон его окружили катящиеся вдаль клубы серых туч.

Замаскированная лаборатория Тайкоса Кея, сделанная из бревен, должна была находиться во втором по величине участке лесного плавучего массива, примерно на трети пути до лагуны

со стороны моря. Он так и не откликнулся на сигналы ближней связи, но, несмотря на свое молчание, вполне мог там находиться. В любом случае поиски следовало начинать с этого места. Признаки вторжения незваных гостей отсутствовали — впрочем, это вовсе не означало, что таковых не было. Под густым пологом такого большого количества деревьев вполне могла бы укрыться целая армия. Но встречи с непрошеными гостями можно было избежать.

Найл решила, что может управиться сама, не дожидаясь Паррола. День был уже на исходе. Если даже ее сообщение попало к адресату без особых проволочек, он сможет отправиться сюда в лучшем случае только где-то посреди ночи. Хотя сведений о нападениях на аэрокары пока не поступало, Найл, опустившись на плавучий лес в открытую, может нарваться на неприятности. Но кто может запретить ей сделать круг в южном направлении, снизиться до уровня моря, нырнуть вместе с машиной под воду и, маневрируя среди водорослей, кочующих вместе с течением Мерал, приблизиться к острову скрытно? Ах, если бы у нее при себе оказалось стандартное снаряжение ныряльщика! Да, будь у нее акваланг с реактивным двигателем, то, не задумываясь, она сделала

бы такой маневр. Оставила бы аэрокар в паре километров от берега и быстро добралась бы до острова. Затем, если доктор Кей находится в своем укрытии, забрала бы его оттуда и сопроводила к притопленной машине почти без риска оказаться замеченной кем бы то ни было. Но, к сожалению, она не захватила с собой нужное снаряжение. Это означало, что ей придется добираться до острова в машине, что было несравненно более сложным делом. Но вполне выполнимым. Джунгли из водорослей, окружавшие наносные острова, предоставляли оптимальное укрытие от приборов обнаружения.

Найл проверила курс и высоту следования и вновь обратила свое внимание на увеличивающие сканеры. Внизу все выглядело нормальным. Вблизи лагуны, например, заметно активизировались животные, включая стаи летучих кестеров. В экологической системе Нэнди-Клайна они играли роль морских и береговых птиц. За плавучим лесом, по левую сторону, то появлялись на поверхности океана, то исчезали под водой два темноватых блестящих тела, по форме напоминающие торпеды. Это тоже были кестеры, только бескрылые. Эти гиганты носили название морских хавалов. Сейчас они набивали себе зобы

кишащей массой скилтов. Их присутствие тоже было признаком того, что это — остров Тайкоса. На участке леса, расположенном по соседству с тем, что выбрал себе Тайкос, скрывалось лежбище морских хавалов…

Внезапно прибор, контролирующий количество оборотов турбины, издал пронзительный тревожный визг, и со всех сторон раздалось угрюмое рычание. Найл увидела, как красная полоска на измерителе расхода топлива взмыла до уровня взрыва. Девушке не оставалось ничего другого, как спешно вырубить рычаг привода главного двигателя.

* * *

Пронзительный свист и рев взбесившихся двигателей утихли одновременно. Теряя движущий импульс, машина начала падать.

— Найл?

— У нас крупные неприятности, Свитинг.

Выдра поднялась с пола. Шерсть на шее встала дыбом, глаза вращались в разные стороны. Но Свитинг знала, что в экстренных ситуациях, которые находились в компетенции Найл, ей следовало соблюдать спокойствие.

Энергетический блок аэрокара… Вероятно,

произошел спонтанный сбой в его работе. Сбои такого рода бывали столь редко, что уже в течение многих лет не приходилось даже слышать о подобном случае.

Кто-то неизвестный, затаившись в дебрях плавучего леса, поразил машину из неизвестного девушке вида оружия, чтобы заставить ее сесть. Встроенные в аэрокар антигравитационные устройства должны были замедлить скорость снижения. И все же…

Найл сосредоточенно взялась за дело.

Когда она в очередной раз взглянула на альтиметр, она выяснила, что у нее в запасе примерно три минуты. Тем временем ветер нес машину над островом. Сейчас под ней была лагуна, а аэрокар уже покрыл треть расстояния до ее дальнего конца. Очевидно, момент выведения из строя двигателей был выбран не случайно. Если машина плюхнется в гущу покрывающих лагуну «кувшинок», ее экипаж, небось, будет встречать на берегу целая приемная делегация.

Найл уже облачилась в плавательный костюм облегченного типа, обеспечивающий максимальную свободу действий в прибрежных водах вблизи плавучего леса. Ласты и дыхательная маска размером с носовой платок лежали на

сиденье. Найл достала их из сумки, которую бросила на заднее сиденье машины, когда покидала Станцию «Джиард». К поясу верхолаза, который охватывал ее талию, крепились различные предметы: нож в чехле, облегченный вариант универсального ружья, сандалии-«цеплялки», подсумок с определенными видами оснастки для плавучего леса. Манок для оклика выдр, с помощью которого она подзывала резвящихся вдалеке Свитинг и Спифа, был прикреплен к запястью чуть выше часов. Снятая одежда была уложена в водонепроницаемый мешок.

— Помнишь, что от тебя требуется?

— Ага-а-а! — радостно подтвердила Свитинг, топорща усы и разинув пасть во всю ширь.

Свитинг все прекрасно понимала. Им с хозяйкой предстояла встреча с какими-то нехорошими парнями. Для Свитинг такое приключение было не впервой. Она должна была не попадаться врагу на глаза и не нарываться на неприятности вплоть до получения более детальных инструкций от хозяйки.

Пока нехороших парней заметно не было. Но они однозначно должны находиться в лагуне, двигаясь к району ориентировочного приземления аэрокара. Машину кренило и шатало

шквальными порывами, пока она стремительно приближалась к точке, расположенной примерно в трехстах метрах от ближайшего плавучего леса. Не совсем туда, куда хотелось бы Найл. Но и в этом случае она могла существенно улучшить свое положение.

Несколько последних мгновений она сидела спокойно, ориентировочно прикидывая силу ветра. Ее взгляд перепрыгивал между альтиметром и выбранной ею зоной посадки на дальнем участке воды. Потом, в ста метрах от поверхности, Найл повернула рычаг вниз. По обеим сторонам машины выпростались широкие лопасти полозьев.

Граничные области тайфуна были удивительно неудачным местом для планирования. Ветер в один миг опрокинул машину на бок, словно нанес свирепый удар могучим кулаком. Вслед за этим последовала затяжная серия сумасшедших кувырков. Но теперь у аэрокара появился необходимый импульс для того, чтобы Найл смогла отчасти взять под контроль управление. Для вражеских наблюдателей, прятавшихся в лагуне и плавучем лесу, это должно было выглядеть бесполезной и почти самоубийственной попыткой к бегству, — как и было задумано. Найл совсем не улыбалось, чтобы они открыли стрельбу.

Дважды она чуть было не врезалась «свечой» в воду, но каждый раз, в самый последний момент, ей удавалось опять набрать высоту. Теперь самая широкая часть лагуны осталась позади, а впереди вновь замаячил участок леса. Машина пронеслась над грядой высокого морского тростника, разросшегося метров на тридцать вширь и окруженного стеной сучковатых деревьев плавучего леса.

Силой ветра машину опять потащило вниз и вправо. На этот раз слишком быстро и слишком далеко. Найл переместила рычаги управления посадочными полозьями. Аэрокар взвился круто вверх, накренился на бок, качнулся в сторону… Время его полета закончилось, — и это было почти над тем местом, где Найл хотела приземлиться. Она дернула еще за один рычаг. Полозья убрались обратно в корпус, и летательная машина стала медленно снижаться, подчиняясь антигравитантам.

Найл схватила ласты, пришлепнула к ногам. Неожиданно по брюху аэрокара хлестнули зеленые верхушки тростника. Она натянула на лицо прозрачную дыхательную маску, засунула слуховые трубки в уши. Теперь нужно открыть дверь и застопорить… Аэрокар опускался в густую рас-

тительность, которая порывисто раскачивалась, издавая влажные, трескучие звуки.

Глухой удар, потом всплеск!

Свитинг прошмыгнула мимо ног Найл к двери, перескочила через пороги беззвучно скрылась в водах лагуны. Девушка швырнула в дверной проем мешок с одеждой и скользнула из машины в холодную воду. Повернувшись к машине, она ухватилась за ручную скобу на боку аэрокара, подтянулась и захлопнула дверь на замок.

Увидев плавающий рядом мешок, она поймала его за лямку и тут же утянула его вместе с собой под воду…

Глава 4

Морской тростник рос на почве из остатков органических отложений, которыми были плотно забиты все промежутки в запутанной корневой системе растений на острове. Он был густой и прочный. Почти сразу же после того, как Найл покинула аэрокар, она уже знала, что избежала немедленной погони. Пролетая над лагуной, она мельком видела закрытую лодку, ходившую маленькими кругами среди островков зелени. С суденышка явно выслеживали Найл. Чтобы

добраться до тростников, много времени лодке не потребуется. А на ее борту, вероятнее всего, имеются ныряльщики. В чистой воде ныряльщик, оснащенный реактивным двигателем, настигнет девушку за считанные секунды. Но реактивное снаряжение в итоге дает не слишком большое преимущество, если пловцу приходится сновать туда-сюда, уворачиваясь от гладкой и скользкой подводной растительности. И при работе реактивного оборудования на расстоянии ста метров и менее слуховые трубки Найл выделят тонкий свист из мешанины морских звуков. Поэтому, не дожидаясь этого, она устремилась в сторону леса. Представители мелкой фауны бросались врассыпную и уносились прочь от стремительно продвигающегося в воде силуэта. Вдруг всполошилась неподалеку стайка юрких скилтов — словно брызнул фонтан серебристых блесток… Свитинг находилась где-то поблизости, хоть выдры и не было видно. Очевидно, она отвлеклась на то, чтобы немного подкрепиться на скорую руку.

Впереди ворочалось что-то большое и темное — дорашен, более двух центнеров вялого уродства. Траурный панцирь был наполовину покрыт, словно порыжевшим мехом, густым слоем веслоногих паразитов. Он пятился, убираясь

с ее пути, продираясь сквозь стебли тростника, многочисленные челюсти угрожающе клацали.

Вода стала темнеть. Ага, значит, она добралась до основания леса. Тростниковые заросли закончились, и сквозь тусклые водные сумерки проступили толстые извилистые стволы деревьев плавучего леса. Девушка подплыла к ним вплотную и остановилась, чтобы оглянуться. В ушах Найл раздался ритмичный рокот. Звук работающих двигателей. Но они были далеко.

Тайная обитель Тайкоса Кея находилась менее чем в четверти километра отсюда. Ей надо было добраться туда незамеченной. Несколько минут спустя, где-то далеко в гуще леса, в лабиринте узких пещер, образованных нижней частью гигантских стволов и погруженными в воду корнями, над волнующейся поверхностью океана показалась голова Найл. Выдра вынырнула в нескольких метрах от хозяйки.

Найл нетерпеливо сдернула дыхательную маску.

— Люди здесь есть? — спросила она.

— Людьми не пахнет.

— Лодки?

— Лодка-скилт. Медленный ход.

— Размеры?

— Размером с три аэрокара, кхе.

С наветренной стороны в лесу ни ныряльщиков, ни кого бы то ни было еще. В воздухе Свитинг использовала ноздри, в воде — чувствительные пузырьки: органы обоняния, расположенные на слизистой оболочке пасти. Как правило, нюх выдру не подводил. «Лодка-скилт» означало то, что это плавательное средство могло погружаться под воду. Возможно, это была та самая лодка, которую Найл видела мельком в лагуне. Свитинг заметила ее в тот момент, когда лодка приближалась в погруженном состоянии к зарослям тростника. Совсем скоро ее команда обнаружит брошенный аэрокар.

— Убить? — спросила выдра.

— Не сейчас. Возвращайся и наблюдай за тем, что они делают, пока я тебя не позову.

Свитинг исчезла.

Найл продолжила свой путь сквозь потемневшую переменчивую воду, стараясь не касаться гигантских стволов. Они были покрыты слизью, густо населенной ползающими существами. Место не из приятных, но, плывя на такой глубине, можно быстро перебраться на сторону леса, обращенную к морю. Там Найл собиралась подняться на поверхность. Вскоре, сквозь извилистые и

запутанные заросли плавучего леса, она увидела, как впереди забрезжил свет. Теперь она заплыла достаточно далеко… Девушка подыскала место, где удобнее было вылезать из воды, вскарабкалась на поваленный ствол и привязала тесемку мешка, в котором находились ее вещи, к остроконечной ветке. Чем меньше будет оставлено следов, тем лучше. Она сменила ласты на сандалии-«цеплялки», пристегнула ласты к своему верхолазному поясу, выставила на нем четверть своего веса и выпрямилась, балансируя на поваленном дереве.

Теперь вокруг нее существовала частичная защита от гравитационного поля. Обычным занятием человека, который пробирался сквозь дебри плавучего леса, было нечто среднее между альпинизмом и лазанием по деревьям. При наличии верхолазного пояса и достаточных навыков в обращении с ним, это становилось занятием не более трудным, чем передвижение по ровной земле. Найл быстро полезла наверх. У плавучего леса не было кроны в подлинном значении этого слова. Вместо нее над головой Найл простирался толстый ковер из растений-паразитов. Их впитывающие влагу корни простирались вниз, к морю. Найл пробилась сквозь этот настил и выбралась

на относительно открытый участок.

Она постояла, оглядываясь по сторонам и приноравливая органы чувств к новой обстановке. Подобный пейзаж был ей знаком с давних пор. Она родилась в одном из поселений Нэнди-Клайна, расположенных на мелководье, на противоположной стороне планеты. Когда к поселению подходил один из плавучих островов, его жители отправлялись на остров пожинать сезонные плоды. Они брали с собой и детей, чтобы приучить их как к щедротам, так и к опасностям плавучего леса. Естественно, что впоследствии они сделали острова предметом своих обширных исследований.

Хотя заросли здесь были менее густыми, чем на центральных площадках леса, глаз все равно не видел дальше, чем на тридцать метров в любом направлении. Солнечные лучи, с трудом проникающие сквозь лесную чащу, выхватывали из полумрака красновато-коричневые стволы — организмы-хозяева. Лишенные ветвей, они упорно тянулись вверх — некоторые наклонно, другие прямо, а некоторые извилисто. Они были чудовищно массивны, эти стволы — ведь им приходилось держать на себе всю вторичную растительность. Разнородные побеги либо свиса-

ли со стволов-хозяев, либо медленно обвивали их поверхность, словно укутывая грубым подшерстком. Эта вторичная растительность категорий инхис и такапу обладала свойствами как растений, так и растений и животных одновременно. Среди этих зарослей ползали, скакали и прыгали маленькие зверюшки.

Сознание Найл только поверхностно проанализировало то, что она видела и что обоняла. Оно отреагировало бы ясно и четко лишь на что-то ей неведомое или представляющее несомненную опасность. Если бы девушка заметила хоть какие-нибудь следы незваных пришельцев, это заставило бы ее спуститься. Напрягать слух было пустой тратой времени — вой ветра заглушал остальные звуки. Она выбрала подъем по кривому стволу, на который влезла с самого начала, выбравшись из моря. Вскоре он стад разветвляться, — чем выше, тем интенсивнее. Ага, вот среди прочей растительности начали появляться огромные продолговатые листья плавучего леса. Покачиваясь, словно зеленые занавески, они ограничивали видимость до нескольких дюжин шагов наблюдателя. Это обстоятельство, скорее, играло ей на руку, чем, наоборот, доставляло неудобство. Находившееся в постоянном движе-

нии гибкое тело девушки, которое в результате загара приобрело почти такой же оттенок, что и у ветвей плавучего леса, было практически невозможно обнаружить вражеским наблюдателям, если они даже находились где-то поблизости.

Она уже поднялась на высоту около ста пятидесяти метров над уровнем моря, когда солнечный свет заиграл мерцающими бликами, продираясь через верхний полог леса. К этому времени Найл пробиралась сквозь густо переплетенную сеть более тонких веток. Он знала, что в любом случае находится выше хижины Тайкоса, и теперь искала замаскированные очертания среди моря растительности, волнующегося под порывами ветра далеко внизу. Размеры постройки внушали уважение. Однако, тот, кто не знал о ее существовании, мог в течение нескольких минут таращиться на нее вплотную и все равно не заметить. Она была возведена из подсобного материала, что рос в непосредственной близости, и удачно вписывалась в окружающий пейзаж.

В памяти Найл всплыло воспоминание о материале, похожем на папоротник, сильно покореженном и изодранном в клочья тайфуном. Убежище Тайкоса должно находиться десятью метрами ниже, немного левее той точки, откуда

девушка вела наблюдение.

Она просунулась сквозь влажную зелень, помогая себе руками, пока не нашла место, откуда было удобнее посмотреть вниз. Внизу не было ничего, кроме колышущихся зарослей. Девушка перепрыгнула на покатый ствол, ухватилась за него руками и гибкими сандалиями-«цеплялками», переместилась по стволу к горизонтально растущей из него ветке, ступила на нее и, выглянув из-за ствола, посмотрела вниз.

Мимо ее плеча проблеснул широкий сноп дневного света, упав прямо на скрытый вход в убежище Тайкоса. Там сидел, по-турецки скрестив ноги, обнаженный человек. Его неподвижный взгляд был устремлен вверх. Его застывший рот был широко раскрыт в широком оскале, будто человек был охвачен приступом безудержного хохота, когда его настигла команда «замри».

В следующий миг — почти одновременно с тем, как она увидела эту картину, — Найл осознала, что направляет ствол своего универсального ружья на человеческую фигуру, целясь прямо в нелепо раскрытый рот.

Человек не шевелился. Найл несколько секунд тоже оставалась неподвижна. Казалось, сидящий не сводите нее глаз.

Найл почувствовала нечто вроде суеверного страха, и у нее по коже пробежали мурашки. Солнце неожиданно скрылось. Снова подул ветер, и под его сильными порывами лес закачался и застонал.

Разум, наконец, подсказал девушке, что она смотрит на мертвеца. Не на доктора Кея, нет — неподвижная фигура у входа в хижину не имела ни малейшего сходства с Тайкосом… И все же, что заставило человека застыть после смерти в такой нелепой позе: голова запрокинута назад, лицевые мышцы сведены в веселую и одновременно жуткую гримасу?

Найл принялась осматривать место вокруг мертвеца, то и дело, возвращаясь к нему взглядом, будто боялась, что тот вдруг оживет и вприпрыжку бросится к ней. Лес гудел, ходил ходуном, шелестел и хлопал листвой под порывами ветра. Кроме этого Найл ничего не видела и не слышала. Фигура оставалась неподвижной. Найл пришла к выводу, что в таком положении она находится довольно долго. По меньшей мере, несколько суток. Во-первых, труп был выпачкан в грязи, словно вначале его намочил дождь, а затем, когда корка подсохла, шторм забросал несчастного листьями, обломками веток и прочим лесным

мусором. Потом труп снова вымок под дождем.

Найл зашла за ствол дерева и стала спускаться. Спустя всего минуту она осторожно раздвинула пучок вьющихся растений, закрывающий приступок перед входом, чтобы можно было заглянуть в строение за мертвецом. Входная дверь куда-то подевалась. Она не была сорвана с петель силой шторма, а убрана намеренно. Вход был как бы расширен, подрезан и с той, и с другой стороны.

Внутри было темновато, но все-таки часть настенного освещения оставалась включенной, и в следующее мгновение, заглянув, она уже видела достаточно отчетливо. Казалось, из помещения вынесли все, кроме нескольких столов и настенных полок, полностью оголив интерьер. Перегородки исчезли. От постройки остался только прочный внешний каркас. Однако она не была необитаемой: внутри было полным-полно человеческих тел. Кто-то стоял на четвереньках, кто-то сидел на корточках, остальные лежали ничком — всего два-три десятка человек, замерших в разных позах. Такие же мертвые, как и человек на приступке. Найл медленно двинулась вперед, выставив перед собой ружье.

Остановившись рядом с человеком, который

сидел у входа, она ткнула его пальцем в плечо. Кожа была холодной, эластичной, плоть под ней свинцово-неподатливой. Найл обогнула его и двинулась дальше, но вдруг резко остановилась, краем глаза заметив что-то привлекшее ее внимание. В следующую секунду она ощутила спазмы в желудке — в спине покойника зияла здоровенная дыра. По-видимому, человек был полностью выпотрошен через нее. Секунду она смотрела на это жуткое зрелище, потом зашла внутрь.

Другие представляли собой нечто аналогичное. Доктора Тайкоса Кея среди них не было. Мертвые глаза таращились на Найл, когда она обходила застывшие тела. Мертвые рты угрожающе скалились, молили о чем-то, загадочно усмехались. Так или иначе, все они были жестоко изувечены тем или иным способом. Среди них было несколько женщин. У одной из женщин на лбу был вытравлен символ глиссерщиков Сотиры — Голубой Гуул — амулет, приносящий удачу. Некоторые участки стен до сих пор хранили небрежные рабочие записи и пометки Тайкоса Кея. Казалось, от биохимика ничего больше здесь не осталось. Казалось, здесь вообще ничего больше не было, кроме того, что занесли влажные ветры через вход…

Затем взгляд девушки задержался на чем-то, что явно не было занесено сюда ветром. Это что-то покоилось в тени на полке. Полка крепилась к стене бывшего главного помещения. Заинтригованная, Найл медленно подошла. На первый взгляд предмет казался невыразительной фигуркой из черной материи, маленькой пузатенькой куклой в капюшоне, меньше сорока сантиметров в высоту. Истуканчик стоял на расстеленном по всей полке куске измятой темной материи. Когда Найл подошла поближе, она заметила, что и капюшон, и плащ лишь внешне покрывали фигурку. Под ними было что-то еще. Она приподняла капюшон дулом своего ружья и увидела морщинистое, чернявое лицо, явно не человеческое. Оно, возможно, было очень искусно вырезано из дерева. Выпученные глаза прикрыты тяжелыми веками. Другой и единственной чертой этого лица была узкая ротовая щель. Миниатюрное уродство фигурки было довольно выразительным. Словно некий демонический идол был теперь хозяином того, во что превратилась лаборатория Тайкоса Кея. Найл опустила капюшон на место и направилась к входу.

Потом она обнаружила еще одну вещь…

Она заметила, что в куче мусора у одной из

стен что-то копошится, и откинула ногой мусор в сторону. Кучей лежали три протогома Тайкоса, изуродованные и изрубленные до неузнаваемости. Однако они все еще шевелились. В качестве акта жестокости подобное деяние было совершенно бессмысленно: протогомы не обладали нервной системой и боли не чувствовали. Однако это органично вписывалось в общую картину нелепого и злобного уродства, которое царило в этом месте. Ружье прошипело троекратно, отняв у них жалкие остатки жизни.

Казалось, причин оставаться здесь больше не было. Увиденное вызвало у нее ужас. Временами Найл казалось, что ей тяжело дышать, что у нее вот-вот закружится голова. Но у нее не проходило неотвязчивое чувство, что в кошмарной картине не хватает каких-то важных деталей. Девушка еще раз огляделась. Мертвецы оставались на своих местах, не меняя поз. Темный маленький идол дремал на неприбранной полке, возвышаясь над ними. Нет… Ничего, кроме вопросов, на которые пока нет ответов.

Сидя в густых зарослях в сотне метров от входа в строение, откуда ей был виден участок пространства, по которому она добиралась до жилища Тайкоса, Найл пыталась ответить на

эти вопросы. Вначале голова работала вяло, ибо была затуманена страхом и подкатывающими волнами жалости и бессильного гнева. Ей пришлось прилагать постоянные усилия, чтобы загонять все это на задворки сознания. То, что предстало ее взору в бывшем жилище Тайкоса, не укладывалось в привычные рамки. Казалось, всю эту резню устроили существа, обладающие не человеческим, а совершенно особым типом мышления. Эти твари методически терзали пытками человеческое тело и разум, оставляя жертвы в жалком, униженном состоянии после наступления смерти и в дальнейшем заботливо сохраняя это состояние, будто именно это являлось их самоцелью… В этом не было никакого смысла, и пока не наводило ни на какие мысли. Но это не влияло непосредственно на сложившуюся ситуацию. Если Тайкосу было известно о незваных пришельцах до того, как они обнаружили его лабораторию и превратили в реализованный бред душевнобольного, то профессор мог все еще оставаться на свободе. У него имелась маленькая лодчонка, на которой он мог переправиться на какой-нибудь другой участок леса, или даже на другой остров в этом скоплении плавучего леса. Зная, что Найл должна в скором времени явиться

к нему, он постарался бы оставить ей весточку в доступном для нее месте, надеясь, в свою очередь, что она сможет избежать пленения и связанных с ним пытками и, очевидно, мученической смерти. Он наверняка попытался оставить ей что-нибудь такое, что подсказало бы, что здесь происходит, и где находится сам.

Итак, весточка, которую она должна отыскать. Очевидно, ее следует искать в таком месте, которое бы ассоциировалось у Найл с Тайкосом… Девушка покачала головой. К сожалению, таких мест слишком много. А она не могла тратить время на то, чтобы проверить все возможные места. Если Тайкос все еще находится на территории острова, на его след вполне может напасть Свитинг.

Мысли изменили направление. Аэрокар. К этому времени ублюдки, которые ни в грош не ставят человеческую жизнь, вероятно, уже добрались до него. Ну и что? Ключи от дверцы и системы зажигания — у нее на поясе в кармашке. Если они машину сразу не затопили, или не отбуксировали прочь, то, должно быть, возятся до сих пор. Если за ними понаблюдать, это может принести больше пользы, чем доклады Свитинг. Найл вскочила на ноги и отправилась в путь.

Заметив просвечивающую через заросли и терзаемую ветром морщинистую поверхность лагуны, Найл остановилась, чтобы вычислить свое местонахождение. Заросли тростника, где приводнилась ее машина, должны находиться справа от нее и совсем неподалеку. Она повернула в нужном направлении и побежала вверх по наклонной толстой ветке, помогая себе руками и коленями, пока не добралась до того места, где листва деревьев плавучего леса нависала непосредственно над лагуной. Здесь она села верхом на ветку, ухватилась за черенки сразу двух листьев, осторожно раздвинула их в стороны и стала всматриваться в головки тростника, колыхавшиеся внизу, с двухсотметровой высоты.

Площадка, куда она посадила машину, была расширена: растения отброшены в стороны и стебли примяты, так что выделялось пятно чистой воды. Были и другие признаки того, что со стороны лагуны туда прокладывало себе путь некое судно. Больше Найл не углядела ничего и в первое мгновение подумала, что машина либо уже уничтожена, либо куда-то ее отволокли. Но потом услышала серию металлических звуков, частично приглушенных ветром. Кто-то находился там, внизу, и, определенно, взламывал дверцу

машины.

Она подождала, машинально прикусив верхнюю губу, но как ни прислушивалась, ничего больше не услышала. Потом в поле зрения показался краешек обшивки аэрокара. Он медленно поворачивался, будто его подталкивали. Секундой позже на открытом участке неожиданно появилась вся машина целиком, а на крыше…

Найл замерла, потрясенная увиденным; мысли ее спутались.

Парагуаны…

Примерно семьдесят лет назад они явились из глубин космоса и напали почти одновременно на Нэнди-Клайн и дюжину других водных планет Ядра. Они нанесли значительный урон, но, в конце концов, их силам был дан отпор. Считалось, что к тому времени, когда военные корабли Федерации закончили их преследование в космосе, удалось выжить только незначительному остатку популяции этих существ, которые вернулись домой, в свои неведомые миры. Такое открытое нападение чужеземной цивилизации на планету Федерации, даже такую отдаленную, как Нэнди-Клайн, было последним.

О Боже, как мы стали беспечны, подумала Найл. Мы почувствовали свой размах, свою силу

и решили, что больше никто из агрессоров не посмеет вернуться…

Словно зачарованная, она не сводила глаз с двух грузных, похожих на громадных лягушек, существ. Они сидели на корточках на крыше ее аэрокара, согнув под острым углом мощные мускулистые ноги.

В голове доктора Этланд промелькнул целый рой образов, основанных на старинных описаниях Парагуанов. Серовато-голубые туловища и мощные руки были переплетены множеством ремней, на которых крепились инструменты и вооружение. Выпученные глаза на больших круглых головах были снабжены двойными линзами. Нижняя их часть использовалась для зрения под водой, а на воздухе была прикрыта веками, как сейчас. Голосовое отверстие соединялось с особой пневматической системой, расположенной под глазами. По-видимому, двое Парагуанов внизу о чем-то быстро переговаривались с другими, остававшимися вне поля зрения Найл, хотя ветер гасил большую часть издаваемых ими звуков.

Ну что ж… значит, они отважились объявиться опять… И на не подозревающей ничего планете их должно было высадиться уже приличное количество. В течение последних месяцев они

осваивались на островах плавучего леса и под ними. Маленькая фигурка в опустошенной лаборатории, миниатюрный дьявол, мстительно возвышающийся над изуродованными оболочками человеческих тел, был сделан по их образу и подобию.

Увиденное изменило ближайшие планы девушки. В этом многоуровневом массиве лесной растительности, к тому же охваченном штормом, она чувствовала себя в относительной безопасности от преследования этих мерзких тварей. Но, не зная, на что способны эти инопланетяне, Найл не имела права рисковать. Она осторожно вернулась по ветке назад и настороженно замерла, прислушиваясь. В воде лагуны, позади тростниковых зарослей, что-то шевелилось. Найл не могла рассмотреть это подробно, но было видно, что это очень большое существо грязно-белого цвета. Пока Найл старалась его разглядеть получше, оно медленно погрузилось в воду и исчезло.

Она полезла еще дальше вглубь чащи. Добравшись до более прочной опоры, она встала и поспешно углубилась под непроницаемый полог объединенной кроны. В свой первый поход на Нэнди-Клайн Парагуаны захватили с собой огромное и страшное существо, которое участво-

вало в сражениях, причем с большим успехом. Оно обладало повадками хищника, да и многое указывало на то, что это — гигантская видоизмененная парагуанская жизнеформа. В военных отчетах указывалось, что этот монстр обладает тонкими органами чувств, одинаковой подвижностью на суше и в воде и с ним чрезвычайно трудно бороться с помощью обычного оружия.

То, что она только что увидела в лагуне, и было одним из таких существ — парагуанским тармом.

На ходу осматриваясь по сторонам, девушка то и дело останавливалась, доставала нож и рубила стебли, головки тростника, цветы, мясистые сочные листья, толстые щупальца того или иного знакомого ей полуживотного-полурастения. С них осыпалась разноцветная пыльца, изнутри вытекал разноцветный сок. Вскоре тело Найл, руки, ноги, лицо, волосы, снаряжение быстро покрылось полосками и пятнами всевозможных расцветок, но преобладали зеленая, бледно-голубая, шоколадная, серая и белая краска. Природный камуфляж размывал контуры фигуры Найл, делая их сливающимися с окружающей обстановкой. Подобный прием широко использовался при охоте в плавучем лесу на представителей

животного мира, которые были достаточно осторожны и зорки, чтобы уклониться от охотников, лишенных маскировки.

Правда, сейчас одной маскировки могло быть недостаточно. Люди обладали целым набором оборудования для выявления живых объектов. Без сомнения, у Парагуанов такие детекторы тоже имелись. Многие такие устройства воспринимали единичное человеческое существо в плавучем лесу всего лишь как еще один живой объект, затерянный среди многих других живых объектов. Однако оставался характерный человеческий запах, и острый нюх мог учуять его так же успешно, как собака-ищейка. Вскоре она сможет позаботиться и об этом аспекте, но для этого надо было вернуться в окрестности лаборатории Тайкоса.

Мысли Найл на миг замерли.

Лаборатория Тайкоса!

Девушка выругалась шепотом. Если ему удалось выкроить время, чтобы оставить где-нибудь весточку для нее, то он сделал это именно у себя в лаборатории!

Она поняла, что проглядела что-то важное и задумалась. Ах, если бы потрясение от чудовищной картины, представшей перед ее взором, не было

таким сильным…

Она вернулась на свой прежний маршрут, которым добиралась от лаборатории к лагуне, только теперь держалась немного выше прежнего пути следования.

Вскоре в массе вздымаемой ветром растительности внизу и впереди в листве возникло какое-то постороннее шевеление. А вот и промелькнуло что-то серо-голубое.

Найл мягко опустилась на ветку плавучего леса, по которой она двигалась, и прижалась к ней всем телом. Потом осторожно переменила положение, чтобы удобнее было смотреть вниз.

Из густой чащи выбрался Парагуан и полез по ветке, расположенной ниже той, на которой распласталась Найл. Он крался, опираясь на все четыре конечности. Хоть поза и выглядела неуклюже, продвигался он с приличной скоростью и довольно уверенно. Вот подобрался к параллельному суку, притормозил, перескочил на него в коротком прыжке, двинулся дальше. Казалось, он был совсем безразличен к тому, что находится на высоте сотни метров над уровнем моря. Значит, пришельцы были способными верхолазами. Когда разведчик достиг завесы из молодой поросли, появился еще один Парагуан. Он следовал за

первым на расстоянии десяти метров. Вскоре оба исчезли из виду. Найл выждала ровно две минуты, проверяя время по наручным часам. Никто из инопланетян больше не показывался, — видимо, эта пара работала без помощников. Найл забралась наверх еще на десяток метров и поспешила назад по направлению к лагуне.

Девушку поразило то, что преследователи так быстро смогли напасть на ее след в бескрайнем море зелени. Это казалось совсем невероятным, однако они, несомненно, шли по ее следу. Оба были вооружены тяжелыми на вид устройствами с толстыми стволами, которые крепились к паутине из ремней, опоясывающих туловища. У первого к макушке была прикреплена какая-то кривобокая коробка. Из нее в разные стороны торчало несколько трубок. Они вращались по собственным траекториям в воздухе, наводя на мысль о локаторном поиске. Второй Парагуан нес на себе приспособление, гораздо миниатюрнее, которое было расположено прямо над его голосовой щелью в верхней части головы. Вероятно, переговорное устройство.

Найл быстро опустилась ниже, на свою прежнюю «тропу» и отыскала укромное место для засады. В старинных военных отчетах содер-

жались некоторые рекомендации, имеющие практическое значение. В частности, для того чтобы вывести из строя Парагуана, следовало целиться в нижнюю половину его головы. Другим их уязвимым местом была нижняя часть туловища…

Она следила за вздымающимся под порывами ветра пучком гигантских листьев. Ага, вот и показался первый враг, который двигался по нижней ветке. Он остановился, стал оглядываться по сторонам, пристально всматриваясь в пространство перед собой.

Найл затаила дыхание. Она терялась в догадках, что за сигналы посылал разведчику прибор для слежки, водруженный на голове. Парагуан двинулся по ветке вперед. Она подождала, пока он пройдет мимо. Строго соблюдая дистанцию, появился Парагуан Номер Два. Когда он приблизился на расстояние меньше восьми метров, Найл прицелилась из ружья и плавно нажала на спуск. Крупное тело дернулось и бесшумно свалилось с ветки.

Найл повернулась налево и снова прицелилась. Номер Один не заметил происшедшего. Через пару секунд он тоже нырнул вниз и скрылся под колышущейся листвой.

* * *

Бути, неприметное кустистое растение из семейства инхис, обладало толстыми древесными черенками и кружевными листьями, как у пальмы или папоротника. На островах плавучего леса он вел полупаразитическое существование. Черенки у него были полыми. При надрезе из них начинала сочиться густая маслянистая жидкость, которая обладала способностью сводить на нет множество запахов. Сам же сок растения четко выраженным ароматом не обладал. В данном случае для Найл ценным являлось то обстоятельство, что он уничтожал запах человеческого тела. Когда плавучие леса стали местом охоты и собирательства, а промысловые животные и экзотические растения стали бояться и избегать охотников и сборщиков, последние начали смазывать себя соком бути, — если, конечно, он оказывался под рукой.

Во время своих прошлых посещений Найл приметила куст бути, который рос немногим далее, чем в ста метрах от лаборатории Тайкоса, чуть повыше уровня ее крыши. Она спрыгнула, чтобы приземлиться в самый центр куста, пролетев метров десять с использованием антигравита-

ционного эффекта, создаваемого верхолазным поясом. Девушка потратила несколько минут на то, чтобы тщательно вымазать соком свой цветастый защитный костюм и все свое снаряжение. Ее нервы были напряжены до предела — небольшое удовольствие находиться в непосредственной близости от лаборатории, набитой мертвецами. Противник мог выведать, что она здесь уже побывала — наверное, Парагуаны уловили своими детекторами свежий человеческий след в лаборатории, и именно отсюда они начали преследование. Возможно, в настоящий момент совсем неподалеку скрывался целый отряд мерзких тварей.

Но, работая с соком бути, торопиться не следовало. Одежда должна была как следует пропитаться защитным составом. В дополнение ко всему прочему Найл вырезала два черенка, прижгла с обоих концов с помощью ружья, чем усилила свой арсенал. Морская вода растворяла сок, а ей вскоре предстояло немного поплавать. Теперь след от ее запаха терялся на высоте десяти метров над кустом бути. Если преследователи доберутся до этого места, а потом не смогут учуять запах, чтобы вновь взять след, они сделают напрашивающийся вывод, что девушка оступилась и

свалилась с дерева в океан. Во всяком случае, Найл, насколько это было в ее силах, постаралась сбить инопланетян со следа.

Она выбралась из куста и быстро, но осмотрительно приблизилась к лаборатории, осознавая, что желательно как можно скорее покинуть это проклятое место. Когда она добралась до приступка, ей показалось, что все осталось по-прежнему. Внутри также ничего не казалось потревоженным. Среди сора на полу не было никаких следов от перепончатых ног Парагуанов.

Выставив ружье перед собой, девушка вошла внутрь. Казалось, застывшие покойники укоризненно взирали на нее, когда она двигалась мимо, направляясь к бывшему месту работы профессора Кея. Проходя мимо крошечного идола в капюшоне, грезившего о чем-то, она бросила на полку рассеянный взгляд.

И в этот момент Найл внезапно озарили две мысли, причем одновременно.

Еще до того, как обе мысли окончательно оформились в ее сознании, она круто развернулась, выпустила из рук ружье, схватила жесткую, как кожа, материю, на которой восседал парагуанский истукан, с двух сторон сомкнула концы у него над капюшоном, скрутила жгутом, и полу-

чившийся узелок с фигуркой стянула с полки.

В ту же секунду внутри узелка закипела бурная деятельность, проявившаяся в неистовых пинках и вращении. На это расходовалась такая бешеная энергия, что узелок едва не вырвался из рук. Найл со всего размаха грохнула им по полу. Помогло — узелок перестал дергаться. Тяжело дыша и сотрясаясь от ненависти, Найл подняла с пола ружье и выкатила из материи на пол вялую, безжизненную фигурку…

Дело в том, что та сдвинулась со своего места на полке после того, как Найл видела ее в последний раз. Не очень сильно, может быть, всего на три или четыре сантиметра в сторону. Когда Найл это заметила, ей тут же припомнилось еще одно показание из прошлых отчетов о вторжении Парагуанов. Люди, побывавшие у инопланетян в плену и бежавшие из него, сообщали, что их предводители по сравнению с остальными представителями своего вида — самые настоящие карлики.

Теперь, раз уж она его сразу не прикончила, у нее появился высокопоставленный пленник, который, может быть, и пригодится.

Она опустилась на колени и стащила с головы истуканчика капюшон. К его груди был прикреп-

лен плоский темный диск с торчащими из него стержнями, — то ли из металла, то ли из пластмассы, с утолщениями на концах. Интересно, за счет чего он держится? Найл крепко сжала его края пальцами, сильно дернула на себя — не получилось. Тогда она просунула кончик ножа между диском и телом пленника и потянула лезвие вверх, используя как рычаг. В первую секунду он не поддавался. Потом из сморщенной кожи с чмокающими звуками вылезли четыре зубца, расположенные с внутренней стороны приспособления. Переговорное устройство? Она повертела его в руках. Так вот как следопыты, шедшие за ней по пятам, узнали, откуда начинать преследование! Возможно, этим приспособлением воспользовались, чтобы созвать остальных следопытов в лабораторию, когда минуту назад она появилась у входа.

Она открыла подсумок. Там, среди прочего, находились средства, позволяющие обезопасить себя от какого-нибудь чересчур активного существа, обитающего в плавучем лесу, если при этом его нужно было оставить в живых. Это были средства сдерживания.

Найл вытащила куски плоского шнура, стянула им маленькие жилистые руки Парагуана, связала

перепончатые ноги, залепила узкое голосовое отверстие над глазами отдельным куском, используемым в качестве пластыря. Она проделала эти манипуляции быстро, ее пальцы порхали, как колибри. Потом она осмотрела карлика со всех сторон в поисках других хитроумных приспособлений. Но больше при нем ничего интересного не было, если не считать нескольких дюжин драгоценных камушков на морщинистой макушке. Видимо, они символизировали принадлежность к какому-то рангу, а, может, просто служили украшением. Найл завернула пленника опять в кусок материи, завязала узлом свободные концы. Потом потратила еще одну, показавшуюся долгой, минуту на то, чтобы надрезать черенок бути и густо обмазать материю соком.

Оставив на полу узел с Парагуаном, она осмотрела отделения рабочего помещения профессора и в одном из них обнаружила оставленное ей послание. Среди многих пометок, которыми была исписана стена, открытым текстом, вполне невинно на первый взгляд, было небрежно нацарапано:

Замечание Найл. Купу сестрана нужно как следует изучить.

А теперь — марш отсюда! И желательно бе-

гом.

* * *

Она замешкалась лишь самую малость. Когда ступила на возвышение при выходе из лаборатории, уронила переговорное устройство, завернутое в плащ карлика. Сам он, запакованный, стреноженный и, таким образом, полностью обезвреженный, ехал на спине у Найл. Неудобство было минимальным — в антигравитационном поле его вес ничего не значил… Менее чем в ста метрах от лаборатории девушка благополучно нырнула в лесную чащу.

Заросли здесь были славные: густые, непроходимые. Из того места, где стояла, согнувшись в три погибели, она могла видеть над собой только ограниченный участок леса. Она следила за этим участком, ожидая приближения кого-нибудь к месту ее укрытия. Вскоре там показались три Парагуана, шагающие гуськом у нее над головой, потом еще два.

Потом на некоторое время все вокруг оказалось заполнено Парагуанами. Очевидно, то была крупная поисковая партия, которая подтягивалась к лаборатории. Найл продолжала двигаться под прикрытием листвы, держась строго про-

тивоположного направления — насколько это было возможно. Большинство из инопланетян лезли снизу наверх, поэтому она не могла просто опуститься на более низкие уровни леса, чтобы убраться с их пути. Они подобрались настолько близко, что Найл услышала — впервые в жизни — их голоса: странное, мягко переходящее из одной тональности в другую улюлюканье вперемежку со свистом. Двое карабкались по тросу, который тянулся от «кошки», выпущенной из метателя, всего в каких-то пяти метрах от Найл. Некоторое время спустя она уже никого из них не видела, поскольку в этот момент прокладывала себе дорогу сквозь зеленое покрывало промежуточного яруса леса. Кроны скрывали девушку от основной массы преследователей. Она решила, что оторвалась, и полезла еще быстрее.

Впереди, с более высоких уровней леса, что-то с треском свалилось, — сломался огромный сук. Вместе с ним вниз обрушились мелкие сучки и прочий лесной сор, задетые при падении. Найл посмотрела наверх — и ужас от увиденного прояснил ее разум. Она медленно сделала один шаг в сторону, добавила регулятором гравитации — как можно больше. Теперь под ногами была пустота… Найл вяло падала, медленно вращаясь,

на ковер из крон деревьев нижнего яруса. Она не делала никаких осмысленных движений. Надо было стать листом, падающим с дерева, маленькой, безжизненной, не привлекающей внимание частичкой леса камуфляжной расцветки. Она достигла нижнего покрова, медленно прошла сквозь и плавно опустилась еще ниже, пока не коснулась ногой прочной ветки. Здесь ее движение прекратилось. Потеряв равновесие, она ухватилась за стебли по обе стороны от себя. Страх все еще продолжал сжимать коготочками ее душу.

Когда она была еще наверху, из-за ствола одного из деревьев плавучего леса показался тарм — он был словно краем клубящейся гряды тумана, который проносился у нее над головой. Когда Найл прыгнула вниз, он находился так близко, что казалось почти невероятным, как она осталась незамеченной… Он был настолько близко, что мог дотянуться до нее одним из своих бледных щупальцев, а когда она уже падала, схватить прямо в воздухе. Однако ой прошел мимо.

Найл довольно долго прислушивалась к удаляющимся звукам, которые сопровождали передвижение монстра, пока не убедилась, что он не намерен возвращаться обратно. Затем по-

спешно отправилась в путь, все еще во власти страха. Она успела отдалиться от лаборатории на гораздо меньшее расстояние, чем следовало бы, ведь Парагуаны наверняка возобновили поиски. Сейчас они уже, наверное, обнаружили пропажу карлика. Найл успокоила себя тем, что они вряд ли вернутся обыскивать местность, которую уже прочесал великий и ужасный тарм.

Возможно, она была права. Прошло десять минут, а преследователей не было ни слышно, ни видно. Нервы пришли в порядок. Если Парагуаны сместились в восточный район леса, то продолжат бесплодные поиски вплоть до сумерек. А до Найл уже стали добираться проблески увядающего солнечного света. Теперь она была совсем близко к крыше леса со стороны взморья. До зарослей сестрана, куда направила весточка от Тайкоса, тоже не могло быть далеко. Восемь месяцев назад они привезли рассаду этого растения с другой части острова и посадили в определенном месте специально для исследований. Доктор Тайкос Кей знал, что упоминание о сестране приведет его бывшую студентку точно к цели.

Вскоре она нашла нужные заросли. Обнаружила она и колонию чакотилов, которые за время, прошедшее после ее предыдущего посещения,

свили себе гнезда над сестраном. Крохотные кестеры встретили ее ураганом яростного свиста. Найл нырнула в сестран, но проделала это не слишком удачно, поскольку встревоженные чакотилы всем своим разноцветным роем набросились на возмутительницу спокойствия, и по ее спине замолотили десятки клювиков. Наконец, летуны решили, что наказание достаточно, и оставили ее в покое. Поднятый гам утих так же внезапно, как и начался.

Поиск был недолгим. Профессор сделал именно то, что она от него ожидала. Сбоку к одному из самых толстых стеблей сестрана был прикреплен липкой лентой крошечный магнитофончик в водонепроницаемой упаковке. Найл положила узелок с пленником, чтобы не мешал. Карлик по-прежнему не подавал признаков жизни, но это могло означать, что он просто затаился.

Найл быстро оценила сложившуюся ситуацию. Итак, она была укрыта со всех сторон. Если бы сейчас показались Парагуаны или, не дай Бог, тарм, она могла скрыться в любом направлении, не пересекая открытое пространство. А благодаря нескольким сотням сердитых чакотилов (гнезда были разбросаны повсюду), ее невозможно застигнуть врасплох.

Да — место ничуть не хуже любого другого, где можно выяснить, что же ей хочет сообщить Тайкос…

Найл уселась, распаковала свою находку и включила диктофон.

Глава 5

Еще задолго до того, как Найл окончательно отложила в сторону диктофон, она решила, что доктор Тайкос Кей по праву входит в когорту величайших лгунов в истории человечества.

Он был все еще жив.

Во всяком случае, менее недели тому назад, когда оставил последний из четырех магнитофонных кристаллов с сообщением для нее.

Найл принялась размышлять, вооруженная полученной информацией.

Около семидесяти лет назад парагуанское руководство мучительно переживало поражение, пытаясь понять, как такое оказалось возможным. Ведь они считали себя расой, достигшей совершенства во всех областях, включая личное бессмертие для тех, кто своим величием заслужил этой награды. Эти избранные именовались Вечноживущими. Им не было равных. Все бога-

тые водой миры Галактики были обречены на то, чтобы принадлежать Парагуанам.

С тех пор, как они впервые покинули пределы Порад-Анца, родной планеты, которую благоговейно называли также Священным Морем, раса завоевателей не встречалась ни с чем таким, что могло опровергнуть их самонадеянную доктрину.

И вот какая-то недоделанная, к тому же обитающая на суше мразь сумела почти полностью уничтожить парагуанские силы, посланные для захвата нескольких великолепных планет, покрытых океанами. Фиаско ошеломило Вечноживущих. Это противоречило здравому смыслу.

Разве перед тем, как напасть, они не провели изучение Федерации Ядра Звездного Скопления, которое казалось вполне исчерпывающим? Да, следует признать, эта человеческая цивилизация была огромна. Но ведь с другой стороны, она являлась разнородным, слабо организованным, трудно управляемым скопищем отдельных личностей, для которых находиться в конфликте друг с другом было совершенно привычным делом. Показания ее граждан, захваченных в плен, лишь подтверждали общую картину.

Эти дезорганизованные, бестолковые, эмо-

ционально неустойчивые создания наголову разгромили парагуанские войска. Что-то здесь было не так — поражения просто не должно было случиться!

Что же оказалось упущено из виду?

Парагуаны снова приступили к изучению врага со всех доступных им сторон. Получалось, что Федерация встала на пути у последовательно проводимых в жизнь целей и решаемых задач Порад-Анца. Такое терпеть нельзя! Надо было выяснить, в чем причина способности ее граждан блокировать устремления Парагуанов, а потом найти средства, с помощью которых можно лишить их этой способности.

Вскоре ключ к разгадке был найден. В относительно недавней истории этих существ.

Из него и выросла Теория Тувел…

Найл недоверчиво хмыкнула. Немногим более двух веков назад — незадолго до рождения Тайкоса Кея — Ядро Звездного Скопления представляло собой один из самых кровавых театров военных действий всех времен и народов. Тогда приближалась к концу Эпоха Войн. Тысячи правительств входили в межгалактические союзы, многие из которых потом распадались — и все это делалось с целью удержать под своим контролем главные

скопления солнц Ядра, а также в борьбе против потенциальных захватчиков.

Тувелы появились на последнем этапе этого, еще до объединения в Федерацию, периода истории Ядра, и были наделены даже более широкими полномочиями, чем те, которыми в далеком прошлом обладали военные диктаторы. Некоторые из парагуанских историков полагали, что Тувел вывели путем удачного отбора наследственных признаков, что способствовало появлению высокоодаренных личностей. Их деятельность обрастала легендами.

Однако свидетельства тех смутных времен были весьма противоречивы и абсолютно недостоверны.

Но как бы то ни было, Тувелы исчезли с исторической сцены.

Парагуанские же Палачи, исследуя причины своего поражения, пришли к выводу, что Тувелы вовсе не исчезли. Загадочные сверхлюди под названием Тувелы не только существовали до сих пор, но и втайне возглавляли Федерацию, являясь подлинными ее правителями. Это они разработали операцию по разгрому экспедиционного корпуса Парагуанов и непосредственно руководили ею.

Вечноживущие или, по крайней мере, большинство из них, не собирались останавливаться на констатации этого факта, отложив его проверку на неопределенный срок. Теперь у них появилось вполне рациональное объяснение постигшей их неудачи. Уязвленное самолюбие было в некоторой степени восстановлено. То, что над тобой одержал верх неприятель, который обладает сверхъестественными способностями и о существовании которого не подозревал никто — это вполне приемлемо. Человеческие существа, как таковые, находились на более низкой ступени развития, чем обитатели Порад-Анца. Продемонстрированная человечеством мощь объяснялась тем, что обширные массы людей руководились и направлялись этими загадочными чудовищами.

У Вечноживущих, или опять же у большинства из них, появилась навязчивая идея поквитаться с Тувелами. Парагуанов не оставляло желание взять реванш. Некоторым казалось очевидным с самого начала, что Тувелы являются столь грозным противником, что сними лучше не связываться — хватит и одного раза. Но эта точка зрения никогда не становилась общепринятой. Однако было решено, что во избежание повтор-

ного разгрома следует предпринять все разумные меры предосторожности. В ходу у большинства возобладало следующее мнение: если парагуанский Великий Палач является высшей формой жизненного развития, человек-Тувела не может превосходить его просто по определению. Преимущество Тувел, сказавшееся поначалу, заключалось только в том, что Вечноживущие не подозревали об их существовании, и, естественно, при подготовке первого штурма не учли столь маловероятного стечения обстоятельств.

Исходя из такого положения вещей, был принят на вооружение Великий План, нацеленный на окончательную расправу с предводителями Ядра и на уничтожение Федерации как цивилизации. Противоположные мнения высказывались двумя группами, известными как Глас Решимости и Глас Осторожности. Между этими, спорящими до хрипоты друг с другом, фракциями существовали многочисленные ряды колеблющихся Вечноживущих, которые образовывали весьма и весьма неустойчивое Равновесие.

Глас Осторожности с самого начала упорно и настойчиво тормозил все предприятие и продолжал этим заниматься в течение всех семидесяти лет. Несмотря на столь упорное сопротивление, Ве-

ликий План развивался и постепенно вызревал. Парагуаны нашли союзников — у Ядра Звездного Скопления оказалось в космосе больше врагов с хорошей памятью, чем могла предположить Федерация. Но враги эти были достаточно осмотрительны. Если бы Парагуаны смогли захватить и удерживать несколько планет Федерации, приковывая к ним основную часть вооруженных сил Ядра… только тогда пара десятков более мелких и более трусливых инопланетных цивилизаций одновременно бросилась бы на штурм других планет Федерации, распыляя и ослабляя оборону людей, пока те не дрогнули бы. Но только в том случае, если Парагуаны успешно справятся со своей задачей.

Глас Решимости утверждал, что такой расклад событий достаточно хорош. Глас Осторожности заявлял обратное. А представителями Равновесия было принято постановление о пробной вылазке: ограниченный, но мощный военный контингент, тщательно соблюдая секретность, высадился на морях Нэнди-Клайна.

Этот отряд рассматривался как расходный материал. Перед лицом такой жестокой реальности, ему не оставалось ничего другого, как постараться взять Нэнди-Клайн неожиданной

массированной атакой и сделать это, по возможности, без потерь. После тщательного изучения обстановки такой вариант сомнений не вызывал. И все-таки главной задачей контингента было заставить Тувел проявить себя и заодно проверить, насколько они бдительны и на что способны. Если выяснится, что они и в самом деле являются существами, превосходящими Вечноживущих по всем статьям, то Теория Тувел должна была восторжествовать и быть признанной со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до зубовного скрежета, который издаст Глас Решимости, убираясь в подполье. Такой вывод, например, мог последовать, если экспедиционный корпус, несмотря на явное превосходство в силе, будет уничтожен опять, или вынужден будет отступить. Тогда Великий План будет аннулирован, и Порад-Анцу придется затаиться на неопределенное время, а, возможно, и навсегда.

Но если Нэнди-Клайн падет, как и было запланировано, значит, с Тувелами можно бороться, а Глас Решимости получит всю полноту власти при разработке дальнейших операций по окончательному уничтожению Центра.

В процессе подготовки нападения на планету секретный отряд десантников наткнулся на док-

тора Тайкоса Кея и…

* * *

За профессором была установлена слежка, которая привела Парагуанов к его лаборатории. Изучение лабораторного оборудования подсказало, что плененный ими человек обладает глубокими научными знаниями и, возможно, может стать источником полезных сведений. Его прилежно обрабатывали и подробно допрашивали обо всем. Многие Палачи безупречно владели универсальным языком, освоенным ими, чтобы легче понимать врага. Они допрашивали Тайкоса с помощью наркотиков и дозированной боли. Способность управлять процессами, протекающими в мозгу, в чем он достиг значительных высот, позволила биохимику-долгожителю успешно выдержать такой напор. Это обстоятельство Палачи сочли чрезвычайно любопытным. Никто их людей, прежде попадавших к ним в плен, не демонстрировал ничего подобного. Далее они выяснили, что он принимал участие в разработках препаратов но продлению жизни. Это также подогрело их интерес. Во всех отчетах указывалось, что ни одному из людей не удавалось достичь неограниченной продолжительности

жизни. Отсутствие программы по обеспечению всеобщего бессмертия было, по сути, наиболее ярким свидетельством того, что цивилизация Ядра, несмотря на свои достижения в других областях, все-таки находилась на более низкой ступени развития, нежели дети Порад-Анца. У Парагуанов наука о бессмертии во всех ее аспектах являлась уделом избранных. Ею занимались только Палачи. Видимо, исходя из этих своих представлений, они решили, что Тайкос Кей принадлежит к той категории людей, которой что-то известно о Тувелах. Прежние пленники проявляли полную неосведомленность даже в самом вопросе существования своих тайных властителей.

Поначалу Тайкоса озадачило новое направление, в котором стали проходить допросы. Тогда он начал формулировать свои ответы таким образом, чтобы из последующих вопросов Палачей стало понятно, к чему они клонят. Вскоре он получил от них четкое представление о парагуанской Теории Тувел. Теперь он сам искусно мог подводить своих дознавателей к мысли о таких возможностях Тувел, которые подтвердили бы их самые худшие опасения. Он мог утверждать — и достаточно убедительно при этом, — что обладает ограниченной информацией по данному

вопросу. Однако даже из того, что он рассказывал, можно было сделать заключение, до угрожающей степени совпадающее с самыми мрачными прогнозами касательно природы Тувел. Большинство Вечноживущих, поддерживающих связь с экспедиционным корпусом, нашли, что их вера в себя основательно пошатнулась. Между двумя противоборствующими группировками вспыхнули с новой силой ожесточенные прения, которым, казалось, не будет конца. Тем временем Равновесие, по меньшей мере, на данном этапе, сместилось в сторону Гласа Осторожности и высказываемых им взглядов. Ограниченный контингент хотя и не был отозван, однако все действия по ближайшему массированному штурму были приостановлены.

Тем временем Тайкос был встревожен затруднительным положением, в которое он сам же себя и загнал. До очередного запланированного посещения Найл оставалось еще несколько недель, но она считала своей обязанностью появляться точно в установленные сроки, и ему вряд ли удалось бы убедить Палачей покинуть планету до ее прибытия. Если ему это не удастся сделать, ее летательный аппарат либо подстрелят, когда он пойдет на снижение, либо ее схватят после

посадки и умертвят каким-нибудь неприятным способом. Парагуаны отнюдь не церемонились с обычными пленниками. Насколько ему было известно, все, кто когда-либо попадал к этим сволочам в руки на Нэнди-Клайне, оставался в живых максимум несколько дней. Сам профессор стал своеобразным рекордсменом.

Итак, он возвел Найл в ранг Тувелы. Из этого со всей определенностью следовало, по меньшей мере, одно: Палачи не станут убивать, пока будет возможность взять ее живьем. А, зная Найл так, как знал ее доктор Кей, он чувствовал, что это может предоставить ей реальный шанс скрыться в джунглях. Парагуанские ученые занимались результатами его исследований по продлению жизни, и ему было разрешено обходить плавучий лес, чтобы собирать необходимое сырье. Правда, под надзором и только в определенные часы. Каждый раз он пользовался этим для того, чтобы оставить важную информацию в месте, где она могла потом ее найти. По мере ознакомления с сообщениями, ей следовало сделать все возможное, чтобы выбраться с острова и поднять тревогу по всей планете. Даже если ее схватят, они вдвоем смогут продолжать этот блеф про Тувел и добиться добровольного отвода вражеских сил. Успех

этой затеи был под большим вопросом, но это 5ыло лучшее, что он мог предложить…

Найл порывисто вздохнула и, сощурившись, посмотрела на завязанную узлом материю, внутри которой сидел парагуанский Палач. Великий Палач, уточнила она про себя. Не мешало бы хорошенько запомнить ту часть информации, где говорилось о Хранительнице, на случай, если придется играть роль Тувелы. Ту роль, что отвел ей доктор Тайкос. Найл решила, что на основании словесных портретов тех, кто допрашивал Тайкоса, она сможет даже определить имя попавшего ей в руки Великого Палача.

Она поджала губы, продумывая все мелочи. В мозгу уже созрел план, как в ближайшее время с помощью Данрича Паррола бежать с острова. Правда, этот план пока не обеспечивал вызволения из беды несчастного биохимика, а девушка не собиралась покидать остров без своего учителя.

Кроме того, ситуация в любой момент могла измениться самым непредсказуемым образом. Вечноживущие уже достаточно взвинчены словоблудием хитроумного Тайкоса и сыты по горло безуспешными попытками взять Тувелу живьем. Если они заподозрят, что она способна улизнуть с острова и предупредить правительство Нэн-

ди-Клайна, они впадут в панику и решатся на массированную атаку немедленно, чтобы не растерять преимущества в виде фактора внезапности. В лучшем случае это будет стоить планете множества человеческих жизней…

Но эти жизни можно было спасти, уговорив инопланетян отлупить.

Здесь Найл на секунду прервала размышления. Направление, которое они приняли, ей совсем не нравилось, но было неизбежным. Так уж вышло, что Палачи имели все основания полагать — в ее лице они имеют дело с настоящей Тувелой. Если уж Тайкосу почти удалось убедить их убраться с планеты, истинная Тувела просто обязана завершить начатое им дело.

Лично для Найл это означало добровольную сдачу в плен. Одной только мысли об этом было достаточно, чтобы у девушки пересохло во рту…

В нескольких метрах от нее раздался свист чакотила. Найл рванулась с места — и обругала расшатавшиеся до предела нервы. Этот свист совсем не походил на характерный сигнал, подаваемый чакотилами в минуту опасности. За все время, пока она здесь сидела, поблизости от зарослей сестрана не случилось ничего, что было бы достойным внимания чакотилов, а, следова-

тельно, и ее внимания.

Она снова посмотрела на спеленатого Великого Палача. Он бодрствовал. Под материей временами осторожно шевелились. Сможет ли она сыграть роль Тувелы-Хранительницы достаточно хорошо, так, что инопланетянин не сможет разоблачить самозванку? Если Найл правильно вычислила, карлик в узелке был чрезвычайно агрессивно настроенным представителем Гласа Решимости. Если она и ему сможет «втюхать» идею обреченности Порад-Анца, коли его возлюбленные чада и дальше будут настойчиво стремиться бросить вызов Тувелам, то шансы надуть прочих Вечноживущих значительно возрастут.

А почему бы ни попробовать?

В начале надо внушить это себе самой. Забыть о том, что она — Найл Этланд, и стать Тувелой. Чем она наглее и напористее будет себя вести, тем лучше. Никакой полуправды — только сплошная ложь. Преподносить твари сюрприз за сюрпризом, ошеломить ее своим могуществом.

Найл облизала губы, выудила из подсумка «ключ» для размыкания пут и положила ружье на кусок древесины плавучего леса. После прикосновения «ключа» к полосам шнура, опутывающего

мешок с Парагуаном, они разошлись в стороны и отпали от материи. Девушка развязала горловину мешка и осторожно высвободила пленника.

Та часть глаз, что предназначена для зрения в воздушной среде, были у Парагуана открыты. Он пристально рассматривал ими девушку. Путы, туго охватывающие его конечности, остались на своих местах. Найл убрала с его голосовой щели кляп, усадила прямо, прислонив к кусту сестрана, отступила назад на несколько метров и уселась, держа ружье перед собой, но не целясь. Несколько секунд она изучала инопланетянина.

Великий Палач совсем не выглядел устрашающе. Однако девушка помнила призыв Тайкоса избегать недооценки Палачей любого ранга. По-видимому, это имело под собой веские основания. Достижение бессмертия, согласно парагуанской точке зрения на эту проблему, требовало, помимо всего прочего, и последовательного изменения всего организма — вплоть до неузнаваемости. Мускулатура была плотной и сжатой, приобретя чрезвычайную эффективность. Большая часть мыслительного аппарата пряталась не в голове, как у людей, а в коренастом туловище, который, вероятно, не претерпел физиологических изменений. По словам доктора Тайкоса, он и без того

был доведен до минимальных размеров, достаточных для выполнения самых необходимых мыслительных функций. Ну что ж, поглядим, что за штучка этот Великий Палач…

А он кого видел в ней? Тувелу?

Найл мысленно представила, как выглядит в его глазах: худющая, почти голая, да еще вымазанная с ног до головы грязными разводами… Да-а, что и говорить, видок еще тот… далеко не самый презентабельный! Но ничего не поделаешь, приходится смириться: ни вечернего туалета, ни парикмахерской, ни самой примитивной душевой кабинки на острове не найдешь! И все равно она была Хранительницей Федерации Ядра Звездного Скопления, Тувелой. И не только. Для Парагуана она была еще и громгорру. Таинственным, могущественным созданием, обладавшим источниками сведений, недоступных пониманию.

— Если не ошибаюсь, передо мной — Великий Палач Колл, — сказала Найл.

Истукан довольно долго не сводил с нее пристального взгляда. Наконец, голосовая щель пришла в движение.

— А передо мной, если я не ошибаюсь, — прозвучал раскатистый бархатный голос, — Гулонка,

которую зовут Этланд.

Это был намеренный вызов, ибо Гулон — парагуанское слово для обозначения человека, то есть существа, примитивного по их меркам. В интонации инопланетянина не прозвучало даже намека на акцент. Да, эти твари, в самом деле, до мелочей изучили человечество.

— Кажется, для таких, как я, у вас припасено и другое название, — безразличным тоном произнесла Тувела. — Но можете называть меня Гулонкой, если вам так больше нравится. Это не суть важно. Важнее другое: где в настоящий момент доктор Кей?

— Недалеко отсюда. Почему вас так интересует доктор Кей?

— Доктор Кей интересует нас теперь, — подчеркнула Найл, — в гораздо меньшей степени, чем раньше. Он неважно справился со своим испытанием.

— Испытанием? — повысил голос Колл.

Найл со значением посмотрела на собеседника.

— Несомненно, вы должны были время от времени задаваться вопросом, — заметила она многозначительно, — почему никто не появляется, чтобы проверить, как идут дела у доктора

Кея? Да просто потому, что для него это было индивидуальным испытанием. Хотя знать это вам, возможно, ни к чему, но, так и быть, я вас посвящу, Великий Палач. Доктор Кей являлся кандидатом на Истинную Жизнь. Я не уверена, сохранит ли он свои претензии на столь почетное звание. Когда мы обнаружили, что доктор у вас в руках, то стали выжидать. Мы наблюдали, насколько успешно он способен справиться с этой непредвиденной ситуацией. Если откровенно, то кандидат Тайкос меня разочаровал.

Голосовая щель Колла открылась и закрылась дважды, но не проронила ни звука. Тувела рассеянно нахмурилась, думая о чем-то своем.

— Однако Вечноживущими я разочарована еще в большей степени, — продолжала она. — Если доктор Кей не сумел убедить вас в достаточной степени, то при помощи самых элементарных рассуждений вы и сами должны были давно догадаться о том, что следует как можно скорее убраться отсюда… и радоваться, что вам предоставлена возможность сделать это! Вы что, разве не чувствуете, что эта планета — ловушка?! Неужто Священное Море вместо того, чтобы стать бессмертным, совсем одряхлело и выжило из ума?

Она пожала плечами, ведь, в конце концов, Тувел не интересовала продолжительность существования Порад-Анца.

— Вам будет велено убраться, — заявила она жестко. — Вы малость переусердствовали в своей бессмысленной жестокости по отношению к существам, называемым вами Гулонами. Это внушает отвращение. Видимо, физический облик людей внушает вам такой страх, что как только вы его видите, сразу возвращаетесь к своему прежнему животному состоянию. Мы не собираемся спокойно смотреть на бесчинства вашего авангарда. Кроме того, прошло достаточно времени, чтобы мы убедились в отсутствии у доктора Кея удовлетворительных способностей.

Молчание.

Долгое молчание.

Зашуршали кусты сестрана. Завыл ветер и почти сразу затих в отдалении. Быстро наступали сумерки. Сморщенный истукан молча таращил глаза.

Громгорру, подумала Найл.

Это понятие имело значение для обеих противодействующих сторон. Теперь его силу следовало полностью обрушить на плечи Парагуанов. Где-то рядом с ними обретается Тувела — неви-

димый призрак плавучего леса. Ему уже удалось сдернуть Великого Палача Колла с руководящей полки.

Необходимо, чтобы пленник пропитался этими суевериями… Да, такое может отлично сработать.

Неожиданно послышался бархатный голос:

— Я вижу и слышу существо, которое хитроумно и нагло лжет, ибо хочет скрыть свою беспомощность. Вы не можете сбежать с острова и не можете связаться со своими друзьями. Вы здесь появились вовсе не затем, чтобы передать Вечноживущим, что им следует покинуть этот плацдарм. Вы здесь, потому что попались на крючок.

Найл скривилась в презрительной усмешке.

— Вы про луч скена? Если технические специалисты, которые занимались моей машиной, способны разобраться в увиденном, они должны были понять, что мне не составило бы труда заблокировать ваши излучатели. Клянусь Истинной Жизнью, я могу сыграть в кошки-мышки хоть с целой оравой Оганунов — этих безмозглых скотов! Великий Палач Колл, оглянись вокруг! Глас Решимости, опомнись! Кто из нас здесь в ловушке? Кто беспомощен?

Она подалась вперед:

— Боже, до чего же скудоумен Порад-Анц! Сунулся на наши планеты и был вышвырнут вон с позором! Потом не придумал ничего лучшего, чем найти себе союзников для повторной попытки нападения. Но для того, чтобы осуществить Великий Замысел, вам потребуется гораздо большее их число, нежели вы оказались в состоянии отыскать. Но где же таких взять? Вы и без того завербовали в свои ряды слишком много соратников. Тайна стала известна слишком многим, чтобы остаться тайной. Естественно, что и Тувелы о ней прослышали…

Она оборвала патетику. Великого Палача Колла трясло. Из голосовой щели неслись злобные шипящие звуки.

— Раньше мы склонялись к тому, чтобы пощадить ваши жалкие жизни, — вновь завела свою пластинку Тувела, — однако ныне…

— Замолчи, Хранительница! — Колл издал сдавленный рык, больше похожий на всхлип. — Все это обман и надувательство! Вечноживущие не будут тебя слушать! Тувела расхохоталась:

— Да? Ну, ну. Я появлюсь с Великим Палачом, завернутым в тряпку и перевернутым вниз башкой, — и Вечноживущие меня не будут слу-

шать?!

Колл дико заверещал — и превратился в целую серию мгновенных, отрывистых, упругих движений, которые человеческому глазу было трудно вычленить из общей картины, но, тем не менее, Найл смогла.

Итак, ноги Палача взметнулись вверх. Связанные ступни оказались у плеча. В тот же миг из плеча вырвалась огненная струйка длиной в сантиметр. Она коснулась шнура, которым были опутаны ступни, и тот лопнул. Парагуан обхватил перепончатыми пальцами правой ноги один из драгоценных камней на своей голове и вытащил из оправы, а левая нога уже согнулась и Колл, оттолкнувшись ею, стремительно прыгнул к Найл, отлично сохраняя равновесие. К глазу Найл стремительно приближалась торчащая из драгоценного камня-рукоятки, зажатой в пальцах ноги, острая игла…

К тому времени Найл и сама пришла в движение — упав на спину, она резко откатилась в сторону…

Из иглы вырвалась нить розового свечения, которая пронеслась буквально рядом с Тувелой, когда та нажала на курок.

Одного выстрела оказалось вполне достаточно.

Ружейный луч был опаляющ и поразил Колла, когда тот находился на полпути к своей потенциальной жертве. Бугристый торс оказался разрезан почти пополам.

Найл, дрожа, поднялась, раздвинула стебли сестрана, через которые Колл бросился на нее, и посмотрела вниз. Сплошные дебри отвесной, колышущейся, темноватой растительности и больше ничего. Искать там тело Великого Палача было бы совершенно бессмысленным занятием. Доктор Тайкос Кей не предупредил о том, что внешний покров тела Парагуана может служить вместилищем целого арсенала. Однако Найл и самой следовало бы об этом догадаться — по переговорному устройству, которое торчало из груди Колла.

Почему он решил напасть на Тувелу? Стало быть, ей не хватило красноречия, и она не убедила его, что Порад-Анц ожидает неминуемая гибель, если высадившийся на Нэнди-Клайне отряд не уберется восвояси. А, может, жгучая ненависть к человечеству настолько иссушила его разум, что даже судьба собственного народа не принималась им в расчет. Но зато Тувела определенно убедила его в том, что большинство Палачей поверят ее словам.

Теперь Парагуаны будут знать, мстительно подумала Найл, что смерть Великого Палача Колла — сгинувшего, а затем перерезанного надвое — является ярким свидетельством мощи и суровой безжалостности Тувел.

Пусть Вечноживущие немного «поварятся» в ситуации. Вскоре она даст им знать, что до сих пор находится где-то на острове. Это должно остановить любые поползновения с их стороны приступить к немедленной военной операции. Тем временем, она постарается выяснить, где захватчики прячут Тайкоса, попутно готовясь к выполнению других своих планов… А теперь настало время вызвать на явку Свитинг и узнать о результатах подводной разведки.

Найл тихонько, чтобы не взбудоражить чакотилов, выбралась из гущи сестрана, спустилась на нижнюю ветку, и скрылась в лесу.

* * *

Оказавшись у кромки воды, девушка выглянула из ниши, образованной двумя стволами, и принялась рассматривать соседний лесной участок острова. Из всех пяти лесов, связанных друге другом, этот был самый большой. И в длину и в ширину он в добрых полтора раза превосходил

тот, в котором сейчас находилась Найл, и возвышался над последним не менее чем на сто метров. Еще находясь в аэрокаре, она видела густые купы темной, лишенной листвы растительности, взметнувшейся выше остальных зарослей острова почти в центре леса. Они были похожи на тонкие, гибкие древки копий, хлещущих друг по другу на ветру. Этот лес получил название «смолистых дров». Несколько недель спустя, когда остров начнет проходить через пояс грозовых штормов полярных морских широт, «смолистые дрова» примут на себя удары молний. Тогда их легко воспламеняющийся остов выгорит дотла, и созревшие семена, находящиеся внутри стволов, низринутся в океан.

Умышленно подожженный сегодня вечером, он должен будет стать для Паррола маяком, указывающим на место, где следует искать Найл.

Чистой воды между двумя лесами не было. С одного на другой тянулась под водой корневая система. На корнях росли водные растения, находившиеся в симбиозе с плавучим лесом. Заросли тянулись из центральной лагуны к океану, постепенно редея по мере приближения к неспокойным водам открытого моря. Если Парагуаны не прекратили охотиться за ней, то запросто

можно было ожидать засады. Перебраться на «смолистые дрова» было безопаснее по морю с южной стороны леса, тем более что наступил вечер, и сумерки уже спустились с неба. Это снижало видимость над поверхностью воды. Течение Мерал всегда несло с собой массу водорослей. При необходимости можно было укрыться в этих густых подвижных зарослях.

Найл добавила громкости ультразвуковому манку на запястье. Теперь Свитинг наверняка услышит вызов. Приемник, вживленный в череп выдры, передавал сигналы прямо в мозг, и она спешила на зов хозяина, безошибочно следуя в направлении источника сигналов.

— Найл…

— Я здесь, Свитинг!

Свитинг вынырнула из воды метрах в пяти от хозяйки, энергично встряхнула головой, проплыла вдоль притопленного дерева и вскоре обосновалась рядом с Найл.

— Эти нехорошие парни — новые! — заявила она.

— Да, — сказала Найл. — И новые, и нехорошие. Они не с нашей планеты. Что можешь мне о них рассказать?

— Их много, — заверила Свитинг. — Зато нашла

двух друзей для Найл. Они больше расскажут.

— Двух… — Найл не договорила. Появившись над поверхностью волнующегося моря, пятью метрами ниже, на нее смотрели две темные усатые морды.

Одичавшие выдры.

Глава 6

Это была супружеская пара, которая в качестве семейного гнездышка облюбовала лагуну плавучего леса. Самец по размерам был почти таким же, как и Спиф. А вот молоденькая самочка была уменьшенной копией Свитинг. Они были потомками домашних выдр, вероятно, в третьем или четвертом поколении, но владели транскоммутативным языком так же свободно, как и Свитинг. По стилю их речь очень походила на человеческую, только была перенасыщена терминами, появившимися в результате свободного существования выдр в океане. Некоторые понятия, упоминаемые в разговоре, не имели аналогов на языке людей. Тем не менее, Найл, как правило, догадывалась об их значении.

Когда на острове появились Парагуаны, любопытные выдры из чисто спортивного интереса

стали изучать незнакомых существ, а также их оборудование. Под лагуной стоял на якоре корабль. По своим размерам он значительно превосходил любую субмарину людей, был прочен и основателен. Очевидно, ему приходилось преодолевать и космические просторы. Входной люк его был постоянно открыт. Поблизости находился второй корабль, еще огромнее. Обычно он оставался на большой глубине, но временами поднимался почти до уровня моря. По сообщениям доктора Тайкоса, на этом корабле размещался штаб парагуанской экспедиции.

На самом острове Парагуаны разместили десять или двенадцать блокпостов. Большинство из них были маленькими и, вероятно, являлись наблюдательными пунктами или огневыми точками. Исключение составлял участок острова, куда намеревалась переправиться Найл. Там находился, как выразилась Свитинг, «большой дом». Он был расположен у кромки лагуны и углублялся далеко в лес, полностью укрытый густой растительностью. Приблизительно пятая часть этого строения находилась под водой. У Найл создалось впечатление, что это — что-то вроде крупного блокгауза или форта. Он был расположен в нескольких сотнях метров от гнез-

довья морских хавалов. Сама она не выбрала бы место по соседству с этими гигантскими кестерами, — от гнездовья исходили нестерпимые шум и зловоние — но, вероятно, подобные неудобства не раздражали ни слуха, ни обоняния инопланетян.

Ценность сведений о блокгаузе заключалась в том, что, скорее всего, в нем можно найти Тайкоса, если, конечно, биохимика не эвакуировали с острова сразу после появления на нем Найл. Исходя из весточек, оставленных им, профессора вместе со всем лабораторным оборудованием поместили в сооружение примерно такого рода.

Выдры ничего о Тайкосе Кее не слышали, но им был очень хорошо знаком чудовищный тарм. С тех пор, как Парагуаны высадились на острове, в лагуне время от времени появлялись двое из этих бледных чудовищ. Но, видно, одного вскоре убрали. Описание, которое выдры дали чудовищу, совпадало с данными из старинных хроник-отчетов. Агрессивный зверь, который пожирал множество самой разнообразной морской живности и изредка совершал вылазки на верхние уровни леса.

— Причинял ли он вам какие-нибудь неудобства? — поинтересовалась Найл.

Видимо, этот вопрос их удивил. Они разинули

пасти и рассмеялись характерным для выдр беззвучным смехом.

— Никаких неудобств. Тарм медлительный! — объяснила маленькая самочка.

— Это для вас он медлителен, — заметила Найл. У охотничьих выдр были свои понятия о скорости подводного плавания. — Я смогла бы оторваться от него под водой?

Они задумались.

— Реактивные двигатели, а? — спросил самец.

— Грустно — их нет! — Свитинг произвела несколько гребковых движений передними лапами и быстро похлопала друг о друга задними. — Человечьим плаванием…

— Человечьим плаванием, ха! Эта тварь тебя скушает! — уверенно заявила самка. — Ты прячься, оставаться без запаха, Найл! А как это — без запаха, а? Фокус, да?

— Ага. Фокус-покус такой. Но только в воде он, увы, не срабатывает.

Самец задумчиво засопел и промолвил:

— Тарм опять под большим домом. То ли останется, то ли нет. — Он обратился к самке: — Лучше убить его поскорее отравой, а?

Вскоре выяснилось, что под убийством отравой подразумевалось изготовление из дрейфующих

растений-сорняков одного хитрого устройства. В трубчатый стебель тростника с одного конца вставлялись колючки, которые предварительно следовало разжевать, чтобы они могли поместиться в полости стебля. Потом колючки смазывались вязким и на редкость ядовитым выделением из мочевого пузыря выдр. Сообщества диких выдр с помощью такого устройства подстреливали на лету кестеров, тем самым разнообразя свою диету. Самка показала, как это делается. Она ловко перевернулась на спину, поднесла к пасти воображаемое дуло этого ружья и губами издала звук пробки, выскакивающей из бутылки.

— И кестер плюх вниз!

Дикие выдры слегка изменили технологию, приспособив ее и для стрельбы по крупным хищникам, которые, случалось, сильно им досаждали. Для этого они использовали более крупные колючки, которые, пробив шкуру, впивались в тело. Крупные морские звери подыхали не так быстро, как пернатые, но в итоге их все-таки настигала смерть.

— Здесь много шипов, — заверил Найл самец. — Воткнуть тарму десять, двадцать, тридцать — и проблем нет.

Девушка быстро прикинула. На Свитинг можно было положиться… Но эти двое были одичавшими выдрами. В свое время пытались проследить генеалогию выращенных в лабораторных условиях детенышей вплоть до первоначального предка-прототипа. Но вскоре все попытки были безнадежно погребены в извилистом лабиринте коммерческой жизни Ядра. Так и не была выявлена лаборатория, ответственная за выведение говорящих выдр-мутантов. Известно, что детеныши, попавшие на Нэнди-Клайн, оставались единственными в мире представителями выведенной породы. Следовательно, одичавшие выдры Нэнди-Клайна, в свою очередь, стали совершенно новым видом, который существовал, в любом случае, не более полстолетия. За это время он развился до такой степени, что изобрел работоспособное духовое ружье, стреляющее отравленными стрелами. По всей видимости, его ожидало интересное и перспективное будущее, Найл показалось, что она имела представление о желтом экстракте из мочевого пузыря, о котором упомянули выдры-молодожены. Это вещество содержало быстродействующий яд, парализующий нервную систему. Какое воздействие этот яд может оказать на тарма, обладающего неизвестным

обменом веществ, было непонятно, однако идея стоила того, чтобы осуществить ее на практике.

Найл задала еще несколько вопросов и выяснила, что всего несколько минут назад выдры видели тарма, неподвижно лежавшего под блокгаузом. Свитинг первой его учуяла. Место под блокгаузом было его обычным постом в качестве водного сторожа. Очевидно, его отозвали с поисков Тувелы. Парагуаны целыми группами сновали по лагуне. Однако признаков рассредоточения их по стандартной поисковой схеме не замечалось….

— У косолапых — реактивные двигатели, — заметил самец.

— Они медленные, — заверила Найл самка. — Никаких хлопот!

Как бы не так — на открытой воде вооруженные ныряльщики, оснащенные реактивными двигателями, могли доставить кучу неприятностей. Ну что ж, мысленно пожала плечами Найл, пожалуй, следует рискнуть, чтобы перебраться на другой участок. Кивком головы она указала на лес, темневший вдали.

— Мне надо туда попасть, — сказала она. — Свитинг пойдет со мной. У косолапых есть ружья, и они за мной охотятся. Согласны меня сопро-

вождать?

Выдры опять рассмеялись. В сумерках блеснули кривые белые зубы.

— Друзья Найл, — заявил самец. — Мы пойдем. Поразвлечься, а? Что нам делать, Найл? Убивать косолапых?

— Если попадается любой из них, мы убиваем его быстро! — ответила Найл.

* * *

Через несколько минут все три выдры соскользнули в водную гладь и были таковы. Перед тем, как последовать за ними, Найл огляделась. Над горизонтом все еще виднелся узенький краешек солнца. Небо над головой было ясным — бледно-голубой купол пронизывали призрачно-белые лучи света. На нижней кромке плывущих высоко в южной части неба облаков отражалось багровое сияние светила. Сила ветра была умеренной. Здесь, в гуще леса, ее особо не чувствовалось. Открытая полоса моря впереди была вся взлохмачена и пенилась, но ведь девушке предстоит двигаться под бурлящей поверхностью моря.

В этих широтах Мерал испускало свое собственное поверхностное свечение. Найл видела, как среди вздымающихся волн то и дело вспыхивают

и гаснут яркие огоньки — колонии светящихся организмов, реагирующих на сгущавшиеся сумерки. Яркости их огней не хватало, чтобы по ним можно было ориентироваться, настало время переходить на ночное видение…

Она достала из подсумка пару линз для ночного виденья, вставила под веки и, моргнув, зафиксировала в нужном положении. Линзы представляли собой пластичные оболочки, наполненные гелем, который оптимизировал зрение человека в меняющихся условиях, автоматически под них подстраиваясь. Опытное изделие родной «Джиард», между прочим. Очень удобное.

Потом натянула налицо дыхательную маску, закрепила в ушах наушники и сиганула с дерева вперед ногами. Ее окутал подводный полумрак. Спустя мгновение вода просветлела и приобрела янтарный оттенок — начали действовать нокталопические линзы. Погрузившись на пять метров, Найл развернулась и принялась грести к открытой воде.

Открытой, но не безжизненной.

Справа и спереди двигались заросли кочующих водорослей… Найл их обогнула. Мимо пронеслись стайкой крошечные скилты, слегка задев ноги девушки жесткой чешуей. Она быстро под-

несла к глазам левое запястье и взглянула на маленький компас. Выдр нигде видно не было. Если обойдется без приключений, то она их и не увидит. Они должны находиться примерно в тридцати метрах — дикие выдры с правой и левой стороны, а Свитинг — впереди, чтобы заранее предупреждать о надвигающейся опасности.

Вскоре впереди показалось светящееся облачко. За ним стали туманно вырисовываться и другие… розовые, зеленые, оранжевые. В этом месте южного полушария течение Мерал ускоряло свое движение к южному полюсу. Глиссерщики прозвали этот район океана «Сияющим Морем». Найл проплывала мимо зарослей, где роились «светлячки». Каждая разновидность веслоногих производила строго определенный оттенок подводного сияния. Все они были небольшими по размерам. Если среди этих узких, червеобразных тел и встречались гиганты, то даже они не превышали половины длины предплечья Найл. Но их скопления превращали целые акры[22] поверхностных слоев воды в охваченные пламенем площади.

---

[22] Примечания: 22

Акр (acre), земельная мера, применяемая в ряде стран, использующих английскую систему мер (Великобритания, США, Канада, Австралия и др.). 1 акр = 4840 кв. ярдам = 4046,86 м2.3

* * *

Ласты мерно уносили девушку вперед. Используя наушники, она прислушивалась к звукам моря, кожей ощущала переменчивую вибрацию водной среды. Некоторое время ее окружала янтарная дымка открытой воды. Затем Найл, изворачиваясь, прошла через темную чащу набухших от воды водорослей. Когда заросли закончились, свет засиял снова. Найл избегала самых ярких мест — там очень легко ее можно было обнаружить.

Один раз к хозяйке подплыла Свитинг, походила кругами рядом и вновь исчезла. Никакой опасности не было, просто выдра проверяла собственное местоположение относительно хозяйки.

Затем раздался звук, мгновенно заглушивший несметное количество остальных звуков Мерала — отдаленный низкий гул. Спустя полминуты он повторился, на этот раз значительно ближе.

Найл продолжала следовать своим курсом, но теперь она переместилась поближе к поверхности, осматривая пространство внизу и впереди, ведь на охоту вышли гигантские морские хавалы. Встреча с одним из этих колоссальных созданий

в открытом море, как правило, не предвещала пловцу никаких неприятностей. Впрочем, она не сулила опасностей никому, кроме разве что крупного скилта. Добычей морских хавалов были исключительно скилты, которых эти левиафаны высматривали и вынюхивали в морских просторах. Когда хавалы издавали такой звук, это означало, что они преследовали большую стаю скилтов. Во избежание трагических нелепостей лучше не оказываться на пути этакой стайки и вообще держаться от охотничьей зоны хавалов подальше…

«Если это возможно», — мысленно добавила Найл.

И вот поступил первый сигнал тревоги!

Из череды светящихся зарослей выскочила дюжина больших торпедообразных тел и стремительно понеслась девушке навстречу. Скилты — приблизительно в центнер каждый. Именно такие экземпляры, как правило, предпочитали морские хавалы.

Найл притормозила, бросилась в сторону и поднялась еще ближе к поверхности океана, Здесь она сразу ощутила порывистые накаты волн…

Море загудело, точно чудовищных размеров колокол.

Полоса светящихся зарослей просто взорвалась, когда через нее, вытянувшись в цепочку, ринулись скилты, шедшие в голове стаи. Они приближались к Найл. Сами по себе скилты были безобидными тварями, но сейчас эти тяжеленные зверюги, охваченные паникой, неслись с сумасшедшей скоростью, что делало их смертельно опасными. Удар любого из них превратил бы тело человека в сплошное месиво. Под напором тысяч животных море, казалось, готово было выйти из берегов.

Картина происходящего исчезла с глаз Найл, когда она вынырнула на поверхность. Она свернулась калачиком — единственное, что могла сделать. Мощная волна подняла ее на своем гребне. Потом пришло ощущение стремительного и широкого речного потока, который мчался, угрожая затянуть Найл в глубину. Скилты с плеском выскакивали из воды, совершая неистовые прыжки в десятки метров, и с шумом плюхались обратно в море. Потом она ощутила под собой двойной вертикальный прилив воды. Мимо прошла пара морских гигантов.

В следующую секунду рядом очутилась Свитинг. Дикие выдры подплыли следом почти с таким же проворством.

— Найл здесь, а?.. Весело, а?

А вот Найл было не до комментариев. Она стянула дыхательную маску и жадно втянула штормовой воздух. Издалека приглушенно доносились отголоски продолжавшейся охоты морских хавалов — гул, который Найл даже не слышала, а ощущала всем телом.

В следующие мгновения она была снова в пути. Следующие двести метров поля водорослей были изодраны и искромсаны прошедшей через них стаей скилтов, спасавшихся от хавалов. Повсюду плавали куски скилтов, аккуратно расчлененные ударами массивных кестеров. Потом картина стала принимать свой обычный вид…

Внезапно Свитинг вернулась назад к Найл, прошла мимо лица, образовав небольшой водоворотик, нырнула на полдесятка метров, остановилась для разворота, потом снова повернулась и устремилась к большому бесформенному клубку из водорослей, ниже Найл. Девушка сорвалась с места и, набирая скорость, ринулась ей вдогонку. В темпе за мной! — означали движения Свитинг.

Она юркнула в гущу скользких, словно резиновых на ощупь, зарослей. Выдра была уже там, поджидая Найл. Они забрались слишком глубоко… Найл развернулась, вынула ружье,

раздвинула водоросли, чтобы засечь все, что могло двигаться в ее сторону. Когда она поискала глазами Свитинг, той уже и в помине не было.

Найл подождала. Двадцатью метрами левее свисали светящиеся водоросли, вокруг все было туманно. Мимо сновали маленькие тени скилтов. Что-то большое и пухлое всплыло из глубины и, поравнявшись с Найл, медленно стало разворачиваться среди зарослей, наверняка чтобы ее рассмотреть. Существо с полминуты пялилось на девушку, потом убралось прочь. Это был большой травяной скилт, раза в три массивнее взбесившихся торпед, из которых состояла стая, спасавшаяся от хавалов. Он питался преимущественно падалью. Если будет следовать в кильватере охотящихся хавалов, ему многое перепадет…

Внезапная волна дикой суматохи — водовороты; всплывающие и погружающиеся папоротникообразные листья водорослей, ощущение глухих ударов — и так же резко все прекращается… Найл была хорошо знакома с этими признаками смертельной схватки. Таковая только что и произошла буквально в нескольких метрах от нее, но сейчас все было уже кончено. Найл двинулась вперед: ружье наготове, настороженный взгляд.

В глубину медленно погружалась темная, дымчатая издали завеса, и сквозь нее оседало что-то объемистое, слегка задевая переплетающиеся между собой водоросли. Голова Парагуана была почти полностью отделена от коренастого туловища. Из глубоких ран хлестала кровь. Типичная работа выдры.

Свитинг вернулась сверху. Вместе они затащили громоздкое тело в заросли, ухватившись за лямки его обмундирования. К широкой спине было прикреплено реактивное снаряжение в парагуанском варианте. Найл мельком оглядела устройство и отказалась от мысли им воспользоваться. Чтобы приспособиться к нему, ей бы потребовалось больше времени, чем на то, чтобы добраться обратно до плавучего леса. Крупное резиноподобное тело оставили застрявшим в самом центре зарослей. Когда они отплывали прочь, первый из травяных скилтов, этих санитаров моря, уже принюхивался к нему, подплыв с другой стороны.

В наушниках раздавался свист, который становился все пронзительнее. Найл остановила Свитинг на краю зарослей, где растения лохмотьями свисали вниз. Вот еще две массивные фигуры быстро приближались по открытой воде.

Они двигались поверху, углубляясь в воду по косой. За каждым тянулся хвост реактивного выхлопа. В руках у обоих были парагуанские ружья. Возможно, они обнаружили следы короткой схватки и теперь искали погибшего товарища.

В общем, Найл их заметила, когда они находились уже в десятке метров. Парагуаны уже повернулись к ней и уставились водянистыми полукруглыми глазами. По такой близкой мишени трудно было промахнуться из универсального ружья. Промаха и не последовало.

* * *

Находиться в непосредственной близости от гнездовья морских хавалов было занятием не для слабонервных. Из-за стен плавучего леса доносились чудовищный грохот и плеск. Это взрослые кестеры покидали насиженные места, обрушиваясь всем телом в дыру, вырубленную их мощными копьевидными клювами в настиле из корней, который образовывал нижнее основание леса. Вскоре они возвращались, держа в клювах чуть ли не по целой тонне искромсанных скилтов. Каждое такое подношение приветствовалось ревом гигантских птенчиков.

В наветренной стороне от всего этого гвалта,

ближе к лагуне, Найл повторно смазала себя соком бути. Она сидела среди массивных стволов, поджидая Свитинг с донесением. Пока они вдвоем занимались тремя парагуанскими морскими патрульными, дикие выдры обнаружили и отправили на тот свет еще троих. По-видимому, никого из парагуанского морского патруля в живых больше не осталось. Но теперь его должны были хватиться. Дальнейшие действия девушки в немалой степени зависели от того, что предпримут захватчики в связи с пропажей своих дозорных.

Тарм был обнаружен на своей стоянке под блокгаузом. Найл возблагодарила за это судьбу. То, что она чуть было не столкнулась в джунглях с этим мертвенно-бледным морским существом, глубоко врезалось в сознание. Страх до сих пор гнездился где-то в глубине памяти. Сообщения из отчетов прошлого, в которых говорилось о возможном создании и развитии чудовища на физиологической основе самих Парагуанов, придавали тарму какую-то мистическую харизму. Получив некоторое представление о биологическом искусстве Порад-Анца, которое, в частности, привело; к появлению Великих Палачей, Найл подумала, что такие вивисекторские новации

вполне возможны. Она внушала себе, что сок бути и разумная осторожность сделают ее незаметной для тарма, буде встреча с ним повторится. Но она вовсе не была в этом уверена. А если парагуанский монстр приблизится к ней в воде, то и бути не поможет.

Будем надеяться, что помощники вскоре избавят ее от этого страха. Во всяком случае, выдры-молодожены отправились на заготовку ядовитых колючек. Казалось, они были уверены в том, что, притаившись среди подводных сплетений плавучего леса, они без особого труда всадят в огромное тело тарма смертельную дозу яда. Свитинг втихую шныряла по лагуне, выискивая признаки активных вражеских действий…

— Нашла Тайк-коса, Найл!

— Где?!!

Свитинг выскользнула из лагуны на сук, торчащий из воды, и спокойно улеглась рядом с Найл.

— В лодке, — сказала она. — С маленькими косолапыми.

— С маленькими косолапыми? Палачи?

— Полуразмерные, — сказала Свитинг. — Пять, шесть. Тайк-кос разговаривает с Хранительницей Этланд. Потом косолапые разговаривают с Хранительницей Этланд. Голос громкий у них.

Ты Хранительница Этланд? А?

— Так думают косолапые.

Под «громким голосом» Свитинг имела в виду усилитель звука.

— Давай-ка по порядку! Во-первых, где лодка с Тайкосом и косолапыми?

Выдра носом показала на восточную сторону леса.

— Лодка идет в лагуну. Этим путем. Есть огни. Есть громкий голос. Говорят в лес. Они думают, что Хранительница Этланд в лесу. Тайк-кос говорит, что косолапые хотят бесед, а не драк. Ты говоришь — и, возможно, они убираются прочь. Косолапые говорят, что они сожалеют о драках. В лодке нет ружей: пожалуйста, на беседу. — Свитинг помолчала, наблюдая за Найл. — Убить их, взять сейчас Тайк-коса, а?

— Нет, — возразила Найл, — убивать мы их не будем. Я лучше послушаю, что они собираются мне сказать. Ты говоришь, лодка движется в этом направлении?

— Движется медленно. Не слушай косолапых, Найл! Хитрость, а? Ты подходишь — они тебя убивают.

— Может, это вовсе и не хитрость. Оставайся здесь.

Однако она чувствовала дрожь во всем теле, когда поспешно пробиралась обратно к гнездовью морских хавалов. Теоретически, будучи абсолютно уверенной в себе, Тувела на данном этапе, естественно, стремилась бы к переговорам с инопланетянами, дабы закрепить психологическое преимущество. С другой стороны, настоящая Тувела, скорее всего, знала бы, что делать, попади она в ловушку к Парагуанам. Найл же не была уверена в том, что знает.

Она ненадолго задержала дыхание, когда ветер задул в обратном направлении, и в ноздри хлынула невыразимая вонь из гнездовья. Она уже отдалилась от лагуны на приличное расстояние… Найл открыла подсумок, вынула из него катушку шнура для пут и положила туда устройство для вызова выдр. Потом застегнула и затолкала подсумок в ласт. Прут с соком бути она засунула в другой ласт и связала ласты вместе. В результате получился компактный сверток, который был втиснут в дупло одного из деревьев плавучего леса и для верности примотан шнуром. При Найл остались только верхолазный пояс и универсальное ружье.

Она быстро оглянулась, запоминая место, и направилась обратно к лагуне. Свитинг тревожно

и неодобрительно зашипела, когда Найл вернулась. Найл успокоила выдру, объяснив ситуацию подоходчивее. Лодка должна была появиться с восточной стороны, из-за излучины леса, но пока бортовых огней видно не было. Они двинулись в этом направлении: Найл через лес, держась на небольшом расстоянии от берега лагуны, а Свитинг — по воде, чуть впереди. Если впереди западня, они заметят ее прежде, чем попадутся…

* * *

Судя по описаниям доктора Тайкоса Кея, все шесть его спутников в лодке были Палачами. Притаившись на высоте примерно пятнадцати метров над водой, Найл их внимательно рассматривала. Двое были ростом с Тайкоса, четверо других — помельче, все разного роста, но настоящих карликов среди них не было. Огни лодки высвечивали из темноты то сложенные в одном месте необычные шлемы, начиненные аппаратурой, то непривычные детали доспехов… в которых, разумеется, могло быть спрятано потайное оружие.

Найл особо пристально изучала профессора. В его движениях ощущалась некоторая скованность, что указывало на далеко не лучшую

физическую форму. Но голос его, усиленный громкоговорителем, был тверд и четок. А если речь по стилю сильно смахивала на надгробную, то это объяснялось исполняемой ролью. Биохимик прекрасно изображал подчиненного, который обращается к начальнику — Хранительнице. Он все-таки взял себе именно эту роль, а вовсе не ту, которую ему навязывали захватчики.

Найл была уверена, что пока ловушка ее не ожидает. Впрочем, на сей счет имелись и другие соображения…

Вновь раскатисто зазвучал громкоговоритель. Он был настроен таким образом, чтобы звуки проникали в чащу леса, перекрывая вой ветра. Таким образом, Хранительница Этланд, где бы ни находилась, могла это слышать. Доктор Тайкос Кей и один из Палачей по очереди пользовались громкоговорителем. Остальные сидели на корточках в лодке, медленно плывущей по лагуне.

Сообщение повторялось раз за разом. Она слушала уже несколько минут, двигаясь поверху вровень с лодкой. Вечноживущие следили за ее беседой с Великим Палачом Коллом. Очевидно, передающим устройством являлся один из драгоценных камней, закрепленных у него на башке. Вероятно, это была его идея — предоставить

возможность остальным Палачам наблюдать за допросом пойманной в ловушку женщины-человека. Они должны были воочию убедиться в крахе ее притязаний на звание Хранительницы и Тувелы. Если так, то его план сработал. Но с противоположным эффектом. И то, что сам Колл оказался пленником; и то, что Тувела определенно владела секретами Порад-Анца — все сводилось к тому, чтобы унизить самолюбие Вечноживущих. Именно этим обстоятельством и объяснялся яростный и внезапный выпад Колла. Непримиримый почувствовал, что нужно заставить немедленно свою собеседницу замолчать, чтобы спасти лицо Гласа Решимости. А часом позже Огануны-поисковики обнаружили его труп.

Найл пришла к выводу, что с этого момента ряды Вечноживущих пребывают в смятении. Потеря морского патруля только добавила плюсов к ее репутации. Парагуаны и не подозревали, что у Тувелы имеются помощники не в человеческом обличье. Поэтому пришли к выводу, что дозорные натолкнулись на переправлявшуюся на другой берег Тувелу и погибли, прежде чем успели поднять тревогу. Кроме этого, совсем недавно стали поступать сообщения, что у берегов лесного наноса маневрирует маленькое

юркое надводное суденышко. Это глиссерщики Сотиры сдержали слово и обеспечили Найл посыльным кораблем. Естественно, Вечноживущие связывали появление кораблика с пребыванием в лесу Тувелы. Но они понятия не имели, какую цель оно преследует.

Захватчики находились под психологическим прессом с тех самых пор, как Хранительница избежала пленения, которое казалось неизбежным. С того момента каждым своим действием она только усиливала этот нажим. Они никак не могли взять в толк, что сами вынуждали ее предпринимать эти шаги. По-видимому, все эти события казались им частью задуманного Тувелой плана, который она последовательно приводила в действие. Намерения ее были неведомы, и у Парагуанов не было возможности помешать их исполнению. Они не знали, чем все это кончится. Страхи, тлевшие в них семьдесят лет, которые все это время они старались подавить, разгорелись с новой силой.

И вот, заносчивые и чванные Палачи Порад-Анца отправили на встречу с Тувелой доктора Тайкоса Кея с делегацией, состоящей из членов Гласа Осторожности. Делегаты должны были предложить ей прекращение боевых действий

с обеих сторон. Кроме того, Тувеле предоставлялась возможность лично изложить свои условия перемирия. Без сомнения, сподвижники Колла яростно протестовали против этой затеи.

Может, стоит рискнуть и пойти на переговоры?

При существующем на данный момент раскладе у нее появлялись хорошие шансы через какое-то время убраться с острова. А тогда можно было сообщить своим, что в дом прокрался враг, и надо готовиться к обороне. Но если обман раскроется, то она упустит возможность предупредить вооруженные силы Нэнди-Клайна о грозящей опасности. Если бы доктор Тайкос Кей это понимал, он, возможно, не призывал бы ее явиться во вражеский стан.

А если она не отзовется и продолжит таиться в лесу, давление на Вечноживущих не спадет. Они воспримут ее молчание как знак того, что шанс спокойно убраться восвояси предоставлен агрессору не будет. Как на это отреагируют инопланетяне? Им может показаться, что отступать уже поздно. В распоряжении Парагуанов имелась не одна неделя для подготовки массированного удара из укрытых в плавучем лесу баз. Если они решатся нанести его до принятия планетой

контрмер, сколько пройдет времени, прежде чем с материка стартуют космические силы? Часы? В этом случае поданный ею сигнал тревоги поступит слишком поздно.

Вообще говоря, вопрос стоял, скорее всего, так: может ли она взять на себя риск не вступать с Палачами в переговоры?

Внезапно Найл решилась.

Лодка Парагуанов медленно выплыла из-за излучины. Снова загремел громкоговоритель. Было произнесено всего несколько слов. Палач Мога, стоявший рядом с Тайкосом Кеем, осторожно опустил инструмент вниз и выключил его, всем своим видом показывая, что от него не следует ожидать никаких резких движений. Палачи за спиной профессора разом стали перешептываться. Потом шепот стих. Двигатели в лодке были выключены, и она медленно пошла по инерции прямо на спутанный клубок лагунных водорослей. Все ее семеро пассажиров: Тайкос Кей и шестеро инопланетян уставились на фигуру, что застыла у самой кромки леса.

— Доктор Кей! — раздался чеканный голос Тувелы.

Тайкос, кашлянув, произнес:

— Что, Хранительница?

— Скажите, чтобы судно подплыло ближе, и представьте парагуанских чиновников…

Шагнуть в лодку, было словно переступить порог в каком-то сумбурном сне. Палачи стояли на своих длинных, полностью выпрямленных ногах, изменив привычной для себя позе, с трудом сохраняя равновесие на широких ступнях. Когда Тайкос по очереди представлял шестерку Хранительнице, они почтительно склоняли головы перед ней. На основании информации, полученной от биохимика, она знала имена Моги и еще одного из парагуанских руководителей. Как и все присутствовавшие здесь Великие Палачи, Мога являлся самой влиятельной фигурой в Гласе Осторожности. Когда лодка повернула обратно в лагуну, он продолжал стоять рядом с Тайкосом, в то время как другие отступили на корму.

Мога что-то быстро произнес в переговорное устройство, после чего оповестил Найл:

— Вечноживущие собираются вместе, чтобы выслушать Хранительницу…

Найл не стала спрашивать, где именно они собираются. Тувела не должна проявлять интереса к подобным мелочам. Из глубины лагуны донесся короткий, пронзительный свист. Свитинг по-прежнему не одобряла решения хозяйки.

Звук больно резанул по нервам Найл. Ситуация и так была достаточно напряженной, а осознание того, что сейчас она не могла позволить себе проявить слабость, усиливало подспудное чувство страха. На некоторое время целый ворох смутных, тревожных мыслей овладел сознанием девушки. Она заставила себя думать о том, что скажет Вечноживущим, попыталась предугадать вопросы, на которые у нее должны быть готовые ответы. Последнее получилось не очень-то удачно. Однако инстинктивные реакции на происходящее постепенно исчезли.

* * *

Входной проем блокгауза был расположен на уровне воды. Коренастые фигуры Оганунов образовывали две шеренги по бокам от входа. Оружие они держали в положении «на караул». Лодка проследовала несколько метров по туннелю и причалила к платформе. Найл проследовала в здание за Могой. Доктор Тайкос Кей отстал на несколько шагов. Он соблюдал субординацию в соответствии со своим положением. После церемонии представления Хранительница с ним не разговаривала. Оказавшись на следующем этаже, она заметила, что биохимик вслед за ней

не поднялся.

Палач Мога задержался у закрытой двери.

— Если Хранительница любезно согласится подождать здесь, я проверю, готово ли Собрание.

Найл осталась ждать.

Через несколько секунд через дверь просочился Палач Мога. На длинной лямке, перекинутой через плечо, он держал нечто вроде дорожной сумки, разукрашенной драгоценностями. Найл показалось, что More было не по себе.

— С позволения Хранительницы… За этой дверью Великие Палачи. Они безоружны и предпочли бы, чтобы Хранительница не обращалась к ним с оружием в руках.

Найл подумала, что если не удастся их убедить, то умрет за этой дверью. Но Тувеле на данном этапе не было никакой нужды подбадривать себя наличием оружия. Да и универсальное ружье само по себе не поможет прорваться через толпившихся в каждом проходе стражников. Она отстегнула от пояса кобуру, протянула More. Тот осторожно положил ее в сумку и распахнул перед Найл дверь. Она шагнула внутрь.

В первый миг показалось, что она попала в переднюю просторного, тускло освещенного зала, огромные размеры которого явно не вписывались

в здание блокгауза. Потом поняла, что всю противоположную стену занимал гигантский экран. В помещении собрался высший командный состав в количестве дюжины Великих Палачей, которые сидели на корточках вдоль стен по обеим сторонам экрана… Эти существа, размерами чуть больше Колла, были облачены в роскошные цветные мантии и шляпы тех же оттенков. Остальные Вечноживущие, как Палачи, так и Великие Палачи всех рангов тоже сидели на корточках, но не по стенам, а рядами по всему залу. Очевидно, это был отсек командного корабля, покоившегося на морском дне под лагуной. Повсюду между рядами Вечноживущих плескалась и посверкивала тонкая прослойка воды. Все это неподвижное скопище земноводных молча пялило глаза на Тувелу из полумрака своего укрытия.

Найл услышала, как дверь за ее спиной тихонько затворилась. И удивительно — вместе с легким щелчком замка бесследно испарилась ее неуверенность. Рассудок мгновенно прояснился и стал холоден. Мысли и чувства упорядочились. Найл вдруг ощутила душевный подъем… Потом обнаружила, что продвинулась вперед и теперь стоит в самом центре помещения, обратившись лицом к экрану.

С холодной расчетливостью отбирая слова, Тувела начала говорить…

Глава 7

Особенностью большого помещения блокгауза, которое Парагуаны предоставили Тайкосу для размещения рабочей лаборатории, являлась коллекция живых образцов. Вдоль трех стен тянулись стеллажи с представителями различных форм жизни, которые встречались на острове. Одни либо покоились на привычных для себя фрагментах плавучего леса, либо свисали вниз, цепко за них ухватившись. Другие торчали из мешочков с лесной плесенью или иными организмами, в которых они были обнаружены. Некоторые плавали в воде из лагуны под куполами из прозрачного материала. Здесь присутствовали самые разные по размерам организмы: от микроскопических до таких, что достигали десятиметровой длины. По большей части они пребывали в биологическом застое — обмен их веществ был заторможен с понижающим коэффициентом в несколько миллионов. Равновесие достигалось постоянным контролем над уровнем белков в ДНК и рядом других прове-

рок. Иначе поддерживать коллекцию в нужном состоянии было невозможно.

В том, насколько продвинулся доктор Кей в своей работе, Хранительница не нашла особых недостатков.

— В этом отношении вы, доктор, — промолвила она, — молодец.

Похвала предназначалась для любых подслушивающих ушей. Она похлопала ладонью по таблицам и графикам и бросила их обратно в папку, предоставленную профессором якобы на проверку.

— Однако удручает то, что я была вынуждена, в конце концов, напрямую вмешаться в дело, с которым, как мы ожидали, вы справитесь и без нашей помощи.

— Имея в запасе больше времени, я бы справился и сам! — возразил биохимик с нотками подобострастия в голосе. — Мне противостояли, как вам известно, весьма неподатливые существа.

— Да уж мне-то известно — с одним из таких неподатливых мне довелось встретиться тет-а-тет. Однако проблема вряд ли была связана с дефицитом времени. Претензии к вам со стороны ваших контрагентов были конкретны. Если бы

тезисы были изложены вами ясно и четко, разумное большинство наших непрошеных гостей сделало бы правильные выводы и поступало на основании этих выводов. Придется рассматривать эту часть вашей миссии, как провал. Но не следует по этому поводу слишком расстраиваться. Основательность вашей работы по основной тематике, которая была выполнена при несколько стесненных обстоятельствах, скомпенсирует ваш провал, по крайней мере, частично.

Биохимик пробормотал слова благодарности и с видимым облегчением вернулся к дополнительным разъяснениям, касающимся его проекта. Найл посмотрела на часы.

Прошло сорок две минуты с того момента, как ее с изысканной учтивостью отвели из зала Собрания в лабораторию и оставили наедине с Тайкосом. С тех пор от Вечноживущих не было ни слуху, ни духу. Палач Мога с ее ружьем тоже не показывался. К добру это или к худу? Когда Найл разговаривала с верховными Парагуанами, она почти являлась Тувелой. Она смешала их с пылью! Она была в наитии, в восторге, ощущая небывалое вдохновение! Вопросов не было. Великие Палачи, находившиеся к ней ближе других, по мере того, как она говорила, оттеснялись все

дальше и дальше к стене, каждый раз нервно поеживаясь, когда она бросала на них уничтожающий взгляд.

А потом все разом ухнуло куда-то в пропасть. Не стало никакой Тувелы, никакой Хранительницы. Осталась просто перепуганная женщина, которая попала в положение, не сулившее ничего хорошего; а ставка была ох как высока! Стоило допустить оплошность хоть в какой-то малости, сделать малейший неверный шаг…

Теперь девушка находилась где-то между этими двумя экстремальными состояниями — ближе к своему обычному. Она была в достаточной степени встревожена, но ее разум снова был занят взвешиванием возможностей, составлением планов, насколько это было возможно в данной ситуации.

Одним из факторов, который следовало принять во внимание, было само это помещение. Оно было длинным, широким, с высоким потолком и располагалось под самой кровлей блокгауза — выйдя из зала Собрания, Найл поднялась еще на один этаж. В помещении имелись две двери, расположенные строго напротив друг друга. Вероятно сейчас они были заперты. Последнее обстоятельство по сути ничего не меняло, ибо за

каждой дверью обязательно околачивалась свора вооруженных Оганунов, чтобы Хранительница и ученый не вышли из лаборатории и не забрели ненароком на совещание Вечноживущих. Примерно посередине помещения находилась площадка, возвышавшаяся над полом на полтора метра. От двери к ней вел пологий пандус. Доктор Тайкос Кей пояснил, что Палачи обычно выбирали место на этой площадке, когда общались с ним во время своих визитов в лабораторию. Освещение обеспечивалось токопроводящими стержнями в стенах и потолке — примитивными, но эффективными. Система вентиляции, будучи столь же незамысловатой, полностью отвечала лабораторным требованиям. Чуть ниже потолка на одной из стен виднелся большой темный прямоугольник, закрытый решетчатой заслонкой. За решеткой имелось невидимое окно — прямоугольное отверстие в стене. Оттуда постоянно веяло солоноватой сыростью плавучего леса, и по лаборатории разносились присущие ему многочисленные запахи. Лишенные свежего воздуха, многие экспериментальные образцы Тайкоса погибли бы в течение нескольких дней. Тем не менее порывы шторма, изредка сотрясающие здание блокгауза, заглушались этим окном, и

посторонние звуки сюда почти не проникали.

Значит, темный прямоугольник являлся силовой завесой. Он не пропускал наружу свет и, естественно, был непроницаем для таких плотных объектов, как человеческое тело. Управление завесой, должно быть, осуществлялось извне, иначе Тайкос показал бы ей пульт. Но по обеим сторонам решетки, огораживающей прямоугольник, находились два шиповатых выступа. А под этими выступами размещались генераторы силовой завесы…

Проблема, таким образом, сводилась к наличию орудия и оружия, либо предметов, которые можно было использовать в качестве оружия. Свойствами первого и второго обладало ее универсальное ружье, которому трудно было найти замену. Но одна вещь из всех, что находились в комнате, могла в этом отношении пригодиться. На рабочем столе в центре лаборатории доктор Тайкос Кей оставил небольшие кусачки для обрезания пломб. Полезный инструмент, который можно использовать в разных целях, он мог сыграть важную роль. Другую роль могло сыграть устройство, усеянное множеством крошечных кнопок. Его биохимик постоянно носил с собой, закрепив на ремне.

С его помощью он регулировал в своих образцах индивидуальные требования к окружающей среде.

Единственным настоящим оружием были ружья у трех парагуанских охранников, которые безучастно сидели на корточках в отгороженном конце помещения, пол которого покрывала полуметровым слоем вода. Взобравшись на площадку, Найл быстренько глянула на них поверх разделительной стены. Двое были обращены лицом к стене, а третий — в сторону длинного стола у второго выхода. Когда она их рассматривала, никто из них даже не пошевелился, но, тем не менее, все трое были готовы действовать молниеносно. Ружья, по всей видимости, представляли собой высокомощные бластеры ближнего боя и предназначались для того, чтобы ими пользовались существа, чьи руки были больше человеческих раза в четыре.

Ружья хоть и были существенным фактором, но решающей роли не играли. Решающую роль могло сыграть переговорное устройство Тайкоса, лежащее на столе, — если быстроходный глиссер Сотиры войдет в зону действия ближней связи. Охваченные нервозностью Вечноживущие постановили, что переговорное устройство должно

быть доступно для них в любой момент — на тот случай, если крайняя необходимость вынудит их вступить через доктора Кея в прямые переговоры с Тувелой. Перед охранниками была поставлена задача умертвить каждого, кто посмеет воспользоваться им при иных обстоятельствах.

Весомую роль играл, конечно же, и сам доктор Кей. В физическом отношении он мог стать обузой, если дела пойдут не так гладко, как хотелось бы, поскольку подрастерял былую силу и ловкость, и стало ясно, что он, в сущности, дряхлый и больной старик. Его лицо выглядело осунувшимся и сморщенным, даже когда он улыбался. Профессор целыми неделями не пускал боль в свое сознание, но его организм в целом подвергся очень серьезным перегрузкам и стал постепенно сдавать. Тайкос это прекрасно осознавал.

Умственно он вроде бы пострадал не так значительно. Найл пришла к выводу, что может положиться на быструю и точную реакцию биохимика. Скорее всего, ей придется рассчитывать на него, ибо главную и решающую роль в ее замысле играла живая коллекция Тайкоса Кея, собранная со всех уголков плавучего леса. Она отметила, что на рабочем столе рядом с кусачками лежало несколько предметов, похожих

на зеленые фрукты с толстой, складчатой кожурой, размером с два кулака. Тайкос вынул их из контейнера, чтобы объяснить, какую роль они играют в его исследованиях, да так и оставил на столе.

Эти «фрукты» назывались «яблоками-буравчиками». Их кожура указывала на то, что они созрели. А тому, кто имел с ними дело, желательно было знать, что у созревших «яблок-буравчиков» имелось любопытное свойство. Они оставались пассивными, пока не получали специфического стимула к действию от окружающей среды, соприкоснувшись с морской водой. В этот миг кожура у них лопалась, и наружу выскакивали «буравчики»…

В лучшем случае, «яблоки» представляли собой объект для исследований, да и то весьма сомнительный. Такого рода объектов здесь хватало. По приблизительной оценке на каждые пятьдесят жизнеформ, которыми были забиты полки вдоль стен, приходилась одна, которая заставляла Найл внутренне содрогнуться при одном только взгляде на нее. Все эти дары плавучего леса были знакомы девушке чуть ли не с пеленок. Например, в центре помещения красовался здоровенный инхис с пурпурными листьями.

Бледно-голубые лепестки псевдосоцветий были плотно свернуты. Инхис встречался довольно редко, но никто не горевал по этому поводу. В лесу Найл ни за что не подошла бы к нему ближе, чем на десяток метров. В соответствии с общепринятой классификацией он считался растением. Это, с позволения сказать, «растение» обладало молниеносной реакцией. Глиссерщики прозвали его «гарпунщиком» — и не без основания. На протяжении нескольких недель он маячил позади площадки, в непосредственной близости от нее, нависая над Палачами, которые, в свою очередь, возвышались над пленником…

Сейчас инхис находился в вялом, пассивном состоянии, как и большинство остальных опасных образцов, и был абсолютно безвреден. Обмен его веществ замедлился до бесконечно малого темпа. Он так и будет оставаться безвредным, пока не получит строго отмеренную порцию возбудителя — хорошую белковую встряску или что-нибудь такое, что нарушит «спячку».

Кто мог дать ему этот толчок? Господи, ну конечно же, доктор Кей со своим активатором, оснащенным кнопками. Он заранее решил, что если придется умереть, у него в этот момент должно быть под рукой средство, с помощью ко-

торого можно было бы утащить за собой в могилу хотя бы нескольких врагов.

Хоть такое решение и не являлось сугубо научным, оно было очень характерным для человека…

Найл снова взглянула на свои часы. Сорок три с половиной минуты.

Входная дверь с лязгом отворилась.

* * *

Первым по дорожке шествовал Палач Мога. Сумка, в которой скрывалось универсальное ружье Найл, болталась у него на боку. Лямка перекинута через плечо. Деталь эта могла внушать определенный оптимизм, если бы эскорт, следовавший за ним, чуть менее походил на расстрельную команду.

Найл стояла спиной к рабочему столу Тайкоса. Она чувствовала, как в ней нарастает напряжение, и старалась этого не показывать. Доктор Кей бросил на нее неуверенный, вопросительный взгляд и медленно двинулся вдоль стола. Остановившись в нескольких метрах от нее, он наблюдал, как Мога шел к центральной площадке своей нелепой, подчеркнуто прямой походкой. За ним следовали два Огануна-охранника, выста-

вив массивные короткоствольные ружья. Они не сводили глаз с Найл, готовые в любой момент пустить свое оружие в ход. Следом шли два незнакомых Палача, уверенно передвигаясь привычной для Парагуанов ковыляющей поступью. «Сбруя» у обоих была темно-красная, и каждый держал по бокам два пистолета внушительных размеров. Шествие замыкала еще одна пара стражников. Ружья у этих висели за спиной, зато в руках они несли какие-то предметы, похожие на свернутые сети. Когда вся эта группа зашла в лабораторию, у входа встал пятый стражник, предварительно затворив за собой дверь. У него было ружье иного типа, чем у остальных, — с длинным и узким стволом, укрепленным на массивной треноге. Он установил на дорожке с глухим стуком треногу и сел возле нее на корточки. Дуло ружья, качнувшись, нацелилось на Найл.

Девушка не шелохнулась. Значит, она дала какой-то повод заподозрить ее во лжи.

Парагуаны дошли до площадки и рассредоточились. Мога встал у самого края. По бокам встали Палачи в красных доспехах, сжимая рукоятки своих пистолетов. Охранники заняли позицию рядом с Палачами. Те, что несли сети, встали сзади, с другого края площадки. Найл решила, —

насколько она могла судить по выражению лиц инопланетян — что все они пребывают в нервном возбуждении. Голосовые щели беззвучно шевелились, глаза для зрения в воздухе помаргивали. И все таращились на нее, на Тувелу. На биохимика никто не обращал внимания.

— Хранительница! Сперва я буду говорить от себя лично, — неожиданно прозвучал голос Моги.

Найл хранила молчание.

— Я тревожусь за дальнейшую судьбу Порад-Анца… — продолжил Мога: — Когда вы согласились обратиться к Вечноживущим, я был уверен, что ваша миссия окажется успешной, и Равновесие сместится в сторону благоразумия. Да и реакция Собрания была чрезвычайно благоприятной. Ваши доводы были признаны убедительными. Но случилось непредвиденное. Глас Решимости насильственным путем захватил управление вооруженными силами. Это сделано наперекор всем нашим устоям и является вопиющим Нарушением Правил. Но, по-видимому, это уже не имеет никакого значения. Здесь, на Командном Корабле, и повсюду на планете многие несогласные с переворотом Великие Палачи обрели смерть. Те, кто остался в живых, подчинились Гласу Решимости, который отныне говорит от

имени Вечноживущих один. Я пришел сообщить вам о принятом недавно решении. Сказав от себя лично, теперь буду говорить как бы устами Гласа Решимости.

Гробовое молчание.

Парагуаны на площадке застыли в напряженном ожидании. Найл наблюдала за их поведением, а они поедали глазами Тувелу. Так вот оно что… Стало быть, Палачи в красном представляли Глас Решимости… У нее внезапно возникла мысль, что это, должно быть, очень мужественные существа. Они вошли в лабораторию, чтобы опровергнуть миф. Они бесстрашно бросили вызов громгорру. Теперь они ждали, как отреагирует Тувела на заявление Моги.

А Тувела стояла все так же молча и неподвижно.

Палач, стоящий по правую руку от Моги, отрывисто произнес ряд разнотонных парагуанских гуканий, не сводя глаз с Найл. Спустя примерно полминуты он умолк.

— Как бы вы себя ни называли, — стал переводить Мога, — ясно, что вы — Тувела. Теперь мы это знаем. От имени себе подобных вы угрожали Порад-Анцу. Это непозволительно. Вы дали понять, что при любом противоборстве с Хранителями

Вечноживущие неизбежно потерпят поражение. Сейчас, раз и навсегда, будет доказано, что это — ложь…

Мога умолк. Снова заговорил Палач в красных доспехах. Его напарник, повернув голову, что-то сказал Оганунам, державшим в руках сети. Палачи приняли у Оганунов сети и, встряхнув, развернули. С каемок сетей свисали черные ленты…

Мога вновь взялся за перевод:

— Глас Решимости предлагает вам и доктору Кею умереть смертью Палача. Да, она болезненна, но почетна. Если вы принимаете наше предложение, на вас необходимо накинуть эти сковывающие сети. Если попытаетесь оказать сопротивление, то вас пристрелят на месте, и вы умрете, как Гулоны. В любом случае, Тувела, ваше поражение и смерть ознаменуют начало штурма вашей родины. А теперь, если в силах Тувелы воспротивиться нашим намерениям, покажите, на что вы способны.

Парагуан, стоявший у двери, молча подался вперед и кулем осел на собственное ружье. Его голову и верхнюю часть туловища затянуло клубами зеленого дыма, который исходил от биологического образца, расположенного рядом

на стене. Вооруженные охранники на площадке направили ружья на Найл. Палачи в красных доспехах поспешно изготовили оружие, но в этот миг задрожали и раскрылись с дюжину псевдоцветков «гарпунщика», стоявшего позади площадки, словно разомкнулись веки чьих-то огромных желтых глаз. Найл мгновенно сориентировалась и плашмя рухнула на пол.

В тот момент на Тувелу было нацелено, по меньшей мере, два ружья. Как бы ни был скор «гарпунщик», он не мог помешать разрядить эти ружья в цель.

Однако ружья не выстрелили. Вместо выстрелов раздались совсем другие звуки. Что-то с глухим стуком шмякнулось на пол рядом с Найл. Вместе с удивлением в ее мозг вошло осознание того, что это была сумка, которую держал Мога. Это уже было что-то! Найл вскочила. Схватив со стола пару «яблок-буравчиков», покрытых серой кожурой, она зашвырнула свои метательные снаряды через разделительную стену в затопленный участок помещения. Она слышала, как плоды с плеском упали в воду. Каким-то обособленным участком своего сознания она стала отсчитывать секунды. Потом огляделась.

На площадке никто не шевелился. Нервная

система Парагуанов оказалась парализованой, лишенные век глаза с двойными линзами выпучены. В спину каждого были вонзены белые, как кость, шипы, которыми оканчивались туго закрученные жгутом усики, выступающие из псевдоцветков. Четверо Парагуанов пока еще стояли, покачиваясь на выпрямленных одеревеневших ногах, словно прикованные к месту. Троих «гарпунщик» уже отодрал от платформы и тащил к себе. Найл перевернула сумку Моги, вытряхнула свое универсальное ружье и прицепила к верхолазному поясу. Часть ее сознания, которая отсчитывала секунды, к этому времени дошла до числа тридцать и прекратила счет. Из-за перегородки раздалось несколько яростных всплесков, но сейчас слышно ничего не было. Тайкос с белым, напряженным лицом держал обеими руками устройство управления. Он кратко кивнул своей ученице.

Верхолазный пояс был установлен на половину ее веса, когда она достигла разделительной стены. Она подпрыгнула, ухватилась руками за край и перемахнула на ту сторону.

Семь лет назад она видела, как червь-буравчик поразил человека, плывшего под водой. В значительной мере все зависело от того, насколько

близко ты окажешься к «яблоку», когда оно сорвется с дерева плавучего леса, упадет в соленую морскую воду, где его кожура треснет. В этот самый миг «яблоко» извергало из себя тысячи крохотных, извивающихся черных нитей. Они за считанные доли секунды безошибочно находили любое животное достаточных размеров, находящееся поблизости, и набрасывались на него. Словно тончайшие сверла, они продырявливали толстые шкуры или ороговевшую чешую своих жертв.

Трое охранников лежали на полу лицом вниз, частично погрузившись в воду. Двое уже не подавали признаков жизни. Третьего непрерывно били конвульсии. Часть его туловища, находившаяся под водой, была покрыта словно каким-то дымчатым мехом. Все трое были парализованы, а через несколько минут их ожидала смерть. К этому времени червячки-«буравчики» пройду т их тела насквозь, поедая на ходу плоть.

Так что проход для Найл освободился. «Буравчики» были поглощены добычей.

Девушка добралась до стойки с переговорным устройством, покрутила ручки настройки и немного помолчала, чтобы восстановить дыхание.

— Сотира-Донкар! — наконец произнесла она в микрофон. — Сотира-Донкар! Здесь Парагуаны! Здесь Парагуаны! — И отключила связь.

Ждать ответа времени не было…

— Вы можете привести в действие дымовые завесы «вонючек»?

— Конечно, но…

— Приступайте, доктор! — Найл стянула с себя антигравитационный пояс и крепко затянула его на талии Тайкоса. Затем пристегнула универсальное ружье к своим шортам. — Если нам удастся выбраться отсюда, мы успеем оказаться снаружи до того, как они подействуют на нас.

Тайкос взглянул на окно, расположенное высоко под потолком, затянутое силовым отражателем, и сомнительно хмыкнул.

— Будем надеяться, что вы, моя дорогая, правы!

Он нажал одну из кнопок на пульте управления.

— Вонючки заработали… Теперь что?

Найл нагнулась, сложив ладони вместе:

— Вставайте мне на руки! Так… Старайтесь удержать равновесие. У вас сейчас минимальный вес, и вы быстро взмоете вверх. Цепляйтесь за решетку и сбросьте пояс вниз. Мне кажется, я

смогу допрыгнуть до ваших лодыжек.

Она изо всех сил подбросила профессора вверх. Он и в самом деле быстро взмыл к потолку, ухватился за решетку и повис на ней. Пояс верхолаза плавно спланировал вниз. Вокруг возбужденных «вонючек-душителей» уже клубились султаны маслянистого тумана, заволакивая входную дверь, когда Найл подхватила опускавшийся ремень и надела на себя. Тайкос держался за решетку уже обеими руками. Девушка подпрыгнула, проплыла вдоль стены вверх, ухватила профессора за лодыжки и вскарабкалась по нему наверх. Теперь оба находились в сфере действия антигравитационного поля. Всего через несколько секунд она перекинула ногу через один из прутьев решетки и захлестнула поясом Тайкоса. Тяжело дыша, тот затащил себя на решетку рядом с Найл и потянулся к прибору управления.

— Там внизу дымит, будь здоров! — со свистом выдыхая воздух, проговорил он. — Двери совсем не видно. Может, пробудить еще немного монстриков, а?

— Будите кого угодно, лишь бы нас не прикончили!

Кто-то снаружи уже должен был знать, что намерение подвергнуть аборигенов казни по-

терпело крах. Цепляясь коленями и левой рукой, Найл приставила дуло ружья к одной из облицовочных ячеек решетки, за которой должен был находиться генератор силового экрана, и нажала на курок. Луч зашипел, а ячейка вспыхнула белым светом. Внезапно девушке в ноздри хлынула невероятная смесь зловонных запахов. Перехватило дыхание, на глазах выступили слезы, но все равно она услышала, как Тайкос закашлял и стал отплевываться.

Потом ячейка отвалилась. Внутри что-то задребезжало и вспыхнуло. Внутрь помещения с ревом ворвался соленый свежий ветер поверх головы Найл.

— Теперь вверх и наружу, профессор! Заслонки больше нет!

Она подтянулась, ухватилась за выступ решетки, зажав его локтевым сгибом, и ощутила резкое покалывание в плече. Вот незадача — задел-таки нервнопаралитический заряд, выпущенный Оганунами-охранниками… Тайкос издал страдальческий звук. Найл оседлала выступ и, сощурившись, посмотрела вниз. Она с трудом различила смутные очертания его фигуры. Ему пришлось бросить устройство управления и обеими руками вцепиться в решетку, содрогаясь в

сильных конвульсиях. Ощущая бешеное сердцебиение, Найл дотянулась до Тайкоса, схватила за руку, перекинула обмякшее тело учителя через выступ и вытолкала в окно наружу, в заросли. Она видела, как он ухватился за ветки и обернулся.

Удушливый туман, взвихренный ветром, заполнял лабораторию наполовину. Послышался взрыв отчаянных гуканий — кто-то из Парагуанов напоролся на биологический экземпляр, на который не действовали удушливые пары вонючек. Сквозь туман смутно было видно, как отчаянно брыкаются массивные фигуры. Они и без того, вероятно, были полузадушены туманом. Но, по крайней мере, один из них видел Тайкоса на решетке достаточно долго, чтобы прицелиться из ружья, стреляющего нервнопаралитическими зарядами…

В одном месте ветром сдуло в сторону маслянистую пелену. Там на низком столе стояли четыре стеклянных контейнера. Когда Найл пришла в лабораторию, она видела, что в них находится. Теперь верхушка ближайшего к ней контейнера разлетелась вдребезги под воздействием луча, выпущенного из универсального ружья. Найл сменила цель. Напуганный организм уже энергично пульсировал в разбитом контейнере, как

насос. Треснул второй контейнер. Когда Найл навела ружье на третий, из облака зловонного тумана выкатился совершенно ошалевший Парагуан и, вскинув большое ружье, направил дуло в сторону вентиляционного окна.

Найл спряталась за выступом. Времени на перестрелку не было, как и необходимости в ней. Два контейнера из четырех были разбиты, и она видела, как из обоих стремительно вырвались наружу струи бледного пара. Экземпляры, находившиеся в этих контейнерах, носили название «кислотных бомб» — и носили вполне заслуженно. Теперь вряд ли кто-нибудь из захватчиков выйдет из лаборатории живым. И, разумеется, всякий, кто заглянет сюда и сможет выбраться наружу, вряд ли будет озабочен составлением донесения о побеге пленников через окно с силовым экраном.

Найл прицелилась в место пересечения потолочных стоек освещения. С грохотом что-то взорвалось, и лаборатория погрузилась во тьму.

Теперь можно и выпрыгнуть из окна. Следом устремились редкие струи удушливого тумана. Тайкос цеплялся за ветки плавучего леса, опираясь судорожно подрагивающим телом о ствол дерева.

— Вы серьезно ранены? — с тревогой спросила его Найл.

Профессор хмыкнул:

— Понятия не имею! Я же биохимик, а не оружейный мастер. Чем же меня ранили? Чем-то вроде нервного возбудителя?

— Да, из этой группы. Вы приняли на себя не весь заряд, иначе не смогли бы держаться на ногах. С верхолазным поясом я смогу вас нести на себе. Но если вы в состоянии двигаться сами…

— Да, я могу двигаться. Кажется, мне вполне по силам справиться с последствиями моего ранения. Если только не буду вас здорово тормозить…

— Давайте-ка, попробуем, — сказала Найл. — Вдогонку за нами Парагуаны ринутся не сразу. Если вам будет слишком тяжело идти, сразу дайте мне знать…

Спрятанный сверток был на месте — в дупле плавучего леса, где его и оставили. Девушка поспешно его распаковала. Тайкос, согнувшись в три погибели и держась за растения, дышал тяжело и надсадно. Найл и сама с трудом переводила дух. С крыши блокгауза они вскарабкались по деревьям леса, прилично «срезали» путь, обойдя с южной стороны гнездовье морских хавалов, и

спустились к лагуне. Теперь Найл уже не порхала с ветки на ветку, усталые мышцы давали о себе знать. Тайкос, даже при поддержке верхолазного пояса, с трудом поспевал за ней, и его временами приходилось буксировать. Затемняющих линз у него не было, с поясом он обращался недостаточно умело, а задевший его нервнопаралитический заряд время от времени заставлял извиваться от судорог по всему его телу. Мышцы безудержно дергались и тряслись. От подобных приступов могло избавить противоядие, которое, без сомнения, у Парагуанов имелось. Однако его сейчас все равно не раздобудешь. Организму профессора придется самому справиться с отравлением и вывести яд наружу. Найл решила, что такое может произойти еще через пять-десять минут дополнительного лазанья по деревьям. Не дай Бог, если этого не случится — с тех пор, как она виделась с ним последний раз, Тайкос потерял половину присущей ему ранее энергии.

Найл вытащила из подсумка упаковку гелевых затемняющих линз и показала Тайкосу.

— Профессор, вам лучше надеть «ночные глаза».

— Ого! Искренняя благодарность. Из всех, пожалуй, вот эти мне подойдут.

От лагуны донеслась серия пронзительных свистов. Доктор Кей повернул голову.

— Свист почти такой же, как у одной из ваших выдр!

— Вы правы, это Свитинг.

Последние несколько минут Найл постоянно слышала прерывистый свист, но не обращала на него внимания Тайкоса, поскольку ветер заглушал большую часть звуков. Вместо того чтобы их расшифровывать, она вскрыла ножом закупоренный конец черенка бути: — Ну что, установили линзы?

— Да.

— Теперь давайте посмотрим, как быстро вы сможете намазать себя маскировочным соком. Возможно, у нас довольно скоро возникнут неприятности.

Тайкос взял черенок и поспешно стал поливать соком одежду.

— Парагуаны? — спросил он.

— Может, и они. Похоже, сюда по лагуне что-то движется. Своим свистом Свитинг предупреждала нас об опасности. Вы знали, что ваши «друзья» прихватили с собой на нашу планету тарма?

— Я его видел. — Судя по тону, с которым это было сказано, Тайкос еле сдержался, чтобы не

крикнуть от ужаса. — Вы полагаете, это он нас преследует?

— Во всяком случае, преследователь больше похож на тарма, чем на обаяшек Парагуанов.

— Что же нам делать, Найл?

— Кажется, сок бути — неплохая уловка, если только этот монстр нас не увидит. Совсем недавно он подобрался ко мне совсем близко, но, слава Богу, не учуял. А если он и сейчас подберется к нам на такое же расстояние, то может и учуять. Пойду-ка, послушаю, что скажет Свитинг. А вы заканчивайте с бути. Только пока не смазывайте подошвы вашей обуви.

— Почему?

— Я полагаю, мы от тарма как-нибудь, да избавимся. А обмазочная процедура вполне может оказаться не очень нужной.

Он быстро глянул на девушку и издал звук, очень похожий на смех.

— Еще одна хитроумная проделка Тувелы?

— С помощью ее маленьких помощников.

Найл включила манок для оклика выдр и быстро двинулась к лагуне. Остановившись у самой кромки воды, она огляделась и прислушалась. Ничего, достойного внимания, заметно не было. Со стороны блокгауза на миг послышалось при-

глушенное урчание двигателей. Потом прямо перед ней из воды вынырнула Свитинг.

— Смотри в оба, Найл! Тарм идет!

* * *

Найл вернулась к профессору. Тарм приближался через плавучий лес, держась выше уровня воды. Вероятно, он рыскал в поисках следов, а, может, находился в движении просто потому, что начал ощущать воздействие растительного яда диких выдр. Под блокгаузом супруги-молодожены всадили в него изрядное число шипов. Свитинг сообщила, что движения инопланетного чудовища кажутся вялыми и неуверенными. Нов течение еще некоторого времени он мог представлять собой довольно серьезную опасность.

Дальнейшие объяснения она отложила на потом, да Тайкос и не настаивал. Оба поспешили вниз, к лагуне. Если тарм и дальше не свернет в сторону, то обязательно наткнется на их след. А значит, этот след должен теряться для преследователя около лагуны. Если же тарм начнет искать беглецов в воде, выдры быстро с ним покончат. Он явно не понимал, что эти маленькие увертливые создания представляют для него серьезную опасность. После того, как стало ясно, что ему

их не изловить, он больше не обращал на них особого внимания.

Люди втерли сок бути в подошвы своей обуви. Всего в нескольких метрах ниже плескались волны лагуны. Когда они заканчивали эту процедуру, неподалеку опять засвистели выдры. Найл устремилась в лес и забиралась все выше и выше, прокладывая дорогу Тайкосу. Тот, поспешая следом, держался, так сказать, в ее кильватере. Страх перед тармом гнал профессора вперед, заставляя забыть про усталость. Пройдя примерно сто метров, она вдруг остановилась.

— Доктор, ложитесь!

Найл замерла на ветке, по которой они двигались. Снизу, из зарослей, доносился треск ломаемых сучьев — и ветер был тут совершенно ни при чем. Потом шум ненадолго прекратился и снова возобновился с новой силой. Казалось, он приближается к тому месту, которое люди только что покинули. Подняв головы, не шевелясь, они всматривались в лесные заросли.

Наконец Найл увидела тарма — уже в третий раз. Тайкос тоже его заметил.

Даже будучи вооруженными затемняющими линзами, их глаза не могли разглядеть многих деталей: мешала густая растительность. Огромная

тварь, появившаяся на фоне стволов, выглядела жирным гигантским червяком. Близость инопланетного чудовища снова повергла Найл в оцепенение. Она не сводила с него взгляда, словно заколдованная. Прошло некоторое время, прежде чем она поняла, что тарм задержался примерно на том месте, где люди спустились к воде. Там все еще стоял человеческий дух, и там же он должен был оборваться, уничтоженный вмешательством бути. Бледная масса, казалось, разбухала прямо на глазах. Потом стала плоской. Тарм развернулся и пополз в лес. Тайкос шумно сглотнул слюну.

— Итак, тарм…

— …направляется обратно тем же самым путем, каким мы сюда пришли. Он не преследует нас.

Профессор облегченно вздохнул. Они наблюдали за тармом, пока тот не скрылся из виду. Секунды тянулись слишком долго. Наконец Тайкос вопросительно взглянул на спутницу. Та покачала головой. Лучше пока не трогаться с места…

И тарм появился вновь. Он направлялся к кромке воды, идя по следу. На этот раз он без колебаний сполз в лагуну, и вскоре его туша целиком скрылась под водой. Выдры приветствовали его

появление свистом.

Найл с Тайкосом тут же вскочили на ноги и поспешили прочь. Ветер стал их союзником. Его завывания заглушали звуки их бегства. Найл выбрала самый легкий путь — широкие сучья, полого наклоненные стволы. Просто старине Тайкосу иное было бы не под силу. Он и без того спотыкался, соскальзывал с ветвей и дышал прерывисто, с присвистом. Наконец девушка остановилась, чтобы дать профессору возможность передохнуть.

— В чем дело? — поинтересовался он. — Почему мы задержались?

— Рано еще себя добивать, — отозвалась Найл. — Время не пришло. Может, Парагуаны даже до сих пор не знают, что в лаборатории нет наших трупов. Возможно, они наглухо законопатили двери, чтобы предохранить от заражения оставшуюся часть своего форта.

Тайкос хмыкнул.

— Если инопланетяне до сих пор не прочесали лабораторию, то скоро это сделают! У них есть защитное снаряжение, и они быстро им воспользуются. И кто-то, небось, уже вспомнил о вентиляционном окне.

Найл пожала плечами. Да, это чудовище тарм

смог напугать до полусмерти, но парагуанские «следопыты» ее больше не волновали.

— Мы совершили на старте хороший рывок, — сказала она. — Если захватчики и проследят наш путь до лагуны, им будет невдомек, где нас искать дальше. Для них мы можем находиться в любой точке острова. — Она немного подумала и добавила: — Если у Парагуанов осталась хоть капля здравого смысла, они больше не будут тратить на нас время. Они возьмут и ударят по материку. Вот чего я опасаюсь.

Тайкос хихикнул:

— Нет, моя милая, сейчас они будут делать все что угодно, но только не это. И они еще долго не будут на это способны.

— Почему?

— Такой уж у Парагуанов способ мышления. Единственным оправданием тому, что проделал Глас Решимости, являлась гарантия заполучить вашу голову в качестве доказательства, что Тувелу можно уничтожить. Но вас упустили — и теперь, перед тем, как сделать следующий шаг, опять Собрание будет спорить целыми часами. Но к поискам Тувелы это не относится. Палачи будут продолжать заниматься этим и заниматься упорно. Лучше бы нам не сидеть, сложа руки.

Удача может оказаться на их стороне. Как далеко отсюда до «инкубатора»?

Найл на секунду задумалась.

— Немногим более полукилометра. Придется заняться верхолазаньем. Причем довольно интенсивно.

— Я совсем не против, — проговорил Тайкос. — На такое расстояние сил мне хватит.

Глава 8

«Инкубатором» называлось животное, организованное в виде свободной колонии. Оно выглядело, как шарообразный нарост на ветке плавучего леса, охватывающий ее со всех сторон. Снаружи шар был покрыт остроконечной «изгородью». Внутренняя полость представляла собой полусферу десятиметрового диаметра, в которой находились стручки с семенами и другие жизненно важные органы. Все они были связаны между собой, но довольно непрочно. Колья «изгороди» варьировались от шипов с палец длиной до метровых кинжалов. Каждый торчал на своей подвижной ветке. Из всех существ, которые обладали достаточной силой и размерами, чтобы представлять собой опасность для внутренних

деталей «инкубатора», только два знали способ, с помощью которого можно было проникнуть через «изгородь». Одним из этих существ был человек.

Другим существом являлся летучий кестер — костистое животное с размахом крыльев в пять метров, обитающее среди плавучих льдин юга. Кестер отнюдь не был естественным врагом «инкубатора», а, наоборот, поддерживал с ним взаимовыгодные отношения. Кестеры периодически улетали на север к островам плавучего леса, которые двигались по течению Мерал, и отыскивали в них «инкубаторы». Кестеры подкладывали в каждый стручок по одному своему яйцу, покрытому кожей, и затем возвращались домой, в высокие широты. В процессе миграций кестеры разносили по колониям «инкубаторов» пыльцу для оплодотворения этих организмов, внося тем самым важный вклад в эту сложившуюся на основе инстинктов сделку. Когда из яйца вылуплялся маленький кестер, стручок с семенами вырабатывал питательный сок. Им-то и кормился будущий опылитель, пока, окрепнув, не оставлял своего попечителя, чтобы улететь к сородичам.

Энергетические ружья человека позволяли без

ущерба для него перебраться через «изгородь». Но гораздо проще было прикинуться полярным кестером.

— Он сразу за этими кустами, — сказала Найл и указала на участок защитной «изгороди», дугой выгнувшийся над зарослями кустарника прямо перед ними. — Не подходите к нему слишком близко.

— Я и не собираюсь! — заверил Тайкос. Приближение людей уже произвело яростное громыхание «изгороди». Будто многочисленные сухие кости гремели друг о друга. «Инкубатор» предостерегающе взял свое оружие наизготовку. Тайкос, стоя позади Найл, наблюдал, как она закончила обрезать и зачищать упругий трехметровый стебель, который должен был обеспечить им проход в «изгороди». Еще один прием, усвоенный девушкой с детства. Дело в том, что у обитателей мелководий семена «инкубатора» и яйца полярного кестера считались деликатесом. Заостренные папоротниковидные лапки на кончике стебля являлись вполне приемлемой имитацией шипов на локтевом сгибе костистого крыла кестера. Встреченный поначалу «инкубатором» «в штыки», кестер обычно поводил локтем взад-вперед по одной из колышущихся

веток «изгороди». Несколько таких касаний позволяли распознать посетителя, и он допускался шаром во внутренние покои.

Найл вплотную приблизилась к кустам, что росли на ветке плавучего леса прямо у них на пути, и осторожно их раздвинула. Громыхание усилилось. Что-то тяжелое хлестнуло по противоположной стороне кустарника. Она вытянула стебель, дотронулась его лапкой до ветки «инкубатора» и слегка погладила. Несколько секунд спустя ветка застыла в полной неподвижности. Вскоре то же самое произошло и с другими ветками, расположенными по соседству. Громыхание постепенно затихло. Найл продолжала водить стеблем по ветке «инкубатора». Вдруг ветки, бывшие непосредственно перед ней, отошли назад, открыв пространство примерно в полтора метра высотой и метр шириной.

Найл с Тайкосом, держась вместе, прошмыгнули в этот проход. Найл обернулась и хлопнула стеблем по внутренней поверхности «изгороди». Проход мгновенно закрылся.

Невооруженному глазу показалось бы, что внутри абсолютная темень. Однако линзы помогали увидеть все, что было нужно.

— Вон туда, — сказала Найл, кивком показав

направление.

Внутренность колонии была разделена на ячейки широкими прослойками маслянистой клеточной ткани и вся переплетена волокнистыми жилами, толстыми и прочными, как веревки. В самой левой ячейке находились семь крупных стручков. Внешне они напоминали тыкву. У всех стручков, кроме двух, колпачки были приподняты и наклонены набок. Это означало, что в них не было ни оплодотворенных семян, ни кестера-детеныша.

— Мы сядем вон в те стручки? — Тайкос впервые попал внутрь инкубатора.

— Туда сядете вы, — сказала Найл. — Они чистые и удобные, если не считать того, что вас малость опорошит пыльцой. Инкубатор выделяет вещества, которые отпугивают мелких паразитов. Здесь можно оставаться сколь угодно долго.

— Он не против, что мы толчемся здесь?

— Если он и чувствует, что кто-то бродит внутри, то, вероятно, считает, что это кестер. Давайте, не бойтесь!

Тайкос хмыкнул и ухватился за одну из «веревок». На другую, сойдя с ветки, он ступил ногой и очутился рядом с ближайшим стручком. Найл последовала за профессором. Она подождала,

пока он не вскарабкается на «тыкву», развернется поудобнее, спустится внутрь и ощутит надежную опору под ногами.

— Тут довольно просторно, — заметил он, глядя на Найл поверх края отверстия. Потом вытер пот с лица и вздохнул:

— Вот, возьмите свой пояс.

— Спасибо. — Найл обернула верхолазный пояс вокруг талии и застегнула. — Кстати, а где же ваш?

— Спрятал в своей жилой комнате, когда заметил приближавшуюся группу захвата. Думал, что он мне пригодится потом. Но у меня не было никакой возможности его забрать. Вероятно, он все еще там.

— Как вы себя чувствуете?

Тайкос пожал плечами.

— Судороги прекратились. Остались физическое истощение и повышенная чувствительность. Последнее, надо сказать, — пренеприятнейшая штука. Я так понял, вы по себе знаете, что такое нервопарализующие ружья?

— Только наших систем, — сказала Найл. — По всей видимости, ружья парагуанской системы оказывают, в общем, то же самое воздействие на организм человека.

— Включая повышенную возбудимость центральной нервной системы?

— Да, частенько. Если это поверхностный заряд, который пришелся по касательной. Именно такой вы и получили. Возбудимость должна смениться сонливостью. Когда это произойдет, не пытайтесь бороться со сном. Просто сядьте на дно стручка, свернитесь калачиком и засните. В вашем положении это лучшее лекарство.

— Но только не сию минуту! — решительно заявил Тайкос. — Раз уж у нас есть передышка, может, ответите на несколько вопросов? Тот корабль, с которым вам удалось связаться…

— Гоночный глиссер. Он ждал моего сообщения.

— Каким же образом он там оказался?

Найл в самой сжатой форме поведала профессору о своих приключениях до встречи с ним. Когда она закончила свой рассказ, он промолвил:

— Значит, никто на планете даже не догадывается, что тут на самом деле происходит?

— Никто, — жестко сказала Найл. — Разве что Тувелы.

— Да-а, Тувелы… Ну и задачку же я вам задал, правда?

— Правда. Но, благодаря ей, меня в воздухе

только подбили, а не уничтожили. Это Парагуаны насыщают пространство вокруг острова недавно появившимися радиопомехами?

— Да, причем искусственные накладываются на естественные. Это часть Великого Замысла. Захватчики знакомы с системами коммуникации, которые в ходу на Нэнди-Клайне. Много столетий назад они разработали схожие системы на своих водных мирах. Так что им известно, как вывести радиосвязь из строя.

— С какой целью?

— Для проверки своих способностей по вмешательству в дела па этой планете. Чтобы люди привыкли к этим помехам. Непосредственно перед нападением они собираются заставить замолчать все радио- и телестанции на планете. Никаких посланий, выходящих за пределы пояса Ван-Аллена. Посбивать космические корабли, которые попытаются покинуть Нэнди-Клайн, или приблизятся к нему из космоса. До того момента, пока где-то за пределами здешней планетной системы кого-то по-настоящему обеспокоит радиомолчание, они намереваются установить над твоей родиной полный контроль.

Найл в ужасе взглянула на Тайкоса:

— И у них это может получиться, так?

— До известной степени, может. Я, естественно, не являюсь опытным стратегом, но, по-моему, местные военные укрепления не очень-то впечатляющи.

— Они и не предназначены для отражения массированного нападения.

— В таком случае, если Гласу Решимости удастся сохранить прежнюю схему координации вторжения и осуществлять его строго по намеченному плану, то я бы сказал, что они способны захватить Нэнди-Клайн. Даже удерживать его некоторое время. В этом отношении ситуация может стать весьма критической. Конечно, для того, чтобы их военная машина оставалась в хорошем рабочем состоянии, им не следовало сегодня вечером убивать так много Палачей-оппозиционеров. А вообще-то, если по большому счету, то Великий Замысел — поистине идиотская затея. У Порад-Анца даже со всеми союзниками нет никаких реальных шансов выстоять против Ядра.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Вы только проследите за ходом их рассуждений. Парагуаны досконально изучили людей. Они добыли о нас всю информацию, какую только могли всеми возможными способами. Они проанализировали полученные данные с

невероятной дотошностью. Итогом всех их умозаключений по этому поводу и стала теория Тувел.

— Я до сих пор не могу понять, как она вообще могла придти им в голову. Ведь она совершенно несостоятельна.

— С точки зрения Палачей — еще как состоятельна. Если поразмыслить, можно прийти к следующему логическому выводу: за очень малым исключением Парагуаны не в состоянии понять истинную причину своих неудач. Причем, принципиально. А она, эта причина, заключается в том, что на уровне межгалактической конкуренции их цивилизация очень здорово отстала от нашей. Ее структуры застыли в состоянии, которое они считают образцом совершенства. Когда возникают обстоятельства, с которыми эта их «наивысшая степень развития» справиться не может, Парагуаны оказываются не в состоянии перестроиться. Вы спросите, почему? Пытаться изменить совершенство немыслимо. С подобными обстоятельствами они столкнулись при первой попытке завоевать планеты Ядра. И потерпели неудачу. Сейчас они натолкнутся на те же самые обстоятельства. Поэтому их вновь ожидает полный провал.

— Но теперь у них есть союзники, — заметила

Найл.

— Очень ненадежные. Ведь Порад-Анц никогда не добивался существенных успехов, чтобы вовлечь своих сателлитов по-настоящему в боевые действия. А эти сателлиты прекрасно соображают, что к чему. В эпоху Вековых Войн, когда люди были заняты междоусобицами, различные инопланетные цивилизации пытались отхватить от Ядра Звездного Скопления жирные куски. Во всех исторических хрониках указывается, что интервенты были наголову разгромлены и едва унесли ноги. Чем вы это объясните?

Найл пожала плечами:

— А все объясняется очень просто. Мародеры вмешались в семейную ссору, пусть даже с дракой, и тогда перед семьей встала во весь рост угроза тотальной резни, в которой должны были погибнуть целые поколения. Естественно, что прежние враги дали совместный отпор, и пришельцы не смогли добиться своего. Но на данный момент, откровенно говоря, меня волнует, насколько мы готовы справиться с такого рода ситуацией. Я бы очень хотела это знать — хотя бы в общих чертах. Долгое время нечто, подобное военной угрозе, возникало для Ядра только в том случае, когда какая-нибудь отдаленная провин-

ция решала, что она достаточно велика, сильна и амбициозна, чтобы стать независимой. Но сепаратистские поползновения подавлялись столь быстро, что полноценным сражением это можно было назвать только с большой натяжкой.

— Да, это так, — согласился Тайкос. — А что вы думаете о Верховном Правительстве?

Найл задумалась. Одним из наименее желаемых последствий нервнопаралитического заряда, который не смог убить свою жертву, могло стать постепенное развитие у нее рассогласованности процесса мышления. Если этому процессу не уделялось должного внимания, он мог завершиться прогрессирующим слабоумием. Она подозревала, что Тайкос сейчас находится на грани бессвязного бормотания, как у клинических идиотов или полных маразматиков. Если это так, то лучше побуждать профессора рассуждать о конкретных вещах, пока он благополучно не минует опасный порог.

— По-моему, вопрос поставлен слишком широко, — сказала она. — Я на него ответила бы так: просто я не задумываюсь особо о Верховном Правительстве.

— Почему же?

— А зачем мне это? Оно меня не трогает, а с

работой своей справляется вроде бы неплохо, — о чем как раз и свидетельствуют скорые расправы с мятежными региональными властями, о которых я только что упоминала.

— Верховное Правительство сохраняет федеративную структуру Ядра, — сказал Тайкос, — ибо все мы, граждане Федерации, в конце концов, признали необходимость такой структуры. Нельзя допускать попыток самовольно ее изменить. Даже возможность гражданской войны межпланетного масштаба — и та неприемлема. По общему признанию, Верховное Правительство успешно справляется с такого рода задачами. Но, с другой стороны, невозможно не заметить и огромного количества выражений недовольства его политикой. Наиболее часто встречающаяся претензия заключается в том, что Правительство далеко не все делает для того, чтобы обуздать маргинальные слои населения.

Найл помотала головой.

— Не согласна! Мне довелось здесь поработать с федеральными агентствами по пресечению правонарушений. Они работают достаточно эффективно. Разумеется, они не могут охватить всего. Но я не думаю, что Верховное Правительство сможет здесь что-либо усовершенствовать

без создания репрессивного государственного аппарата. Чего я вовсе бы не хотела!

— Вы считаете, что борьба с преступностью должна быть уделом органов местного самоуправления?

— Разумеется, раз уж это проблема местного масштаба. Преступность в своей основе мало чем отличается от других проблем, которые окружают добропорядочных граждан. С ней можно бороться. И мы это делаем постоянно.

Тайкос усмехнулся.

— Вот вам, — заметил он назидательно, — взгляд на вещи, который ни один Палач, за очень редким исключением, не в состоянии уразуметь. А этот взгляд кажется типичным для нашей цивилизации. — Он помолчал немного. — Вспомните, как я, бывало, недоумевал, почему Федерация не проявляет особого интереса к программам по продлению жизни, проектам по евгенике и тому подобным вещам.

Найл бросила пристальный взгляд на профессора. Не бессвязная ли это речь, в конце концов?

— Вы, доктор, находите тут какую-то связь?

— Совершенно определенную. Что касается преступников, то им Верховное Правительство не потворствует напрямую. Но оно не пресека-

ет ситуацию, при которой рядовые граждане привлекаются к решению проблем, вызванных преступностью. И как следствие этого, преступность хоть и остается постоянной угрозой для общества, но вместе с тем удерживается в приемлемых рамках. Это же очевидно! И это только малый фрагмент общей картины. Наше общество поощряет свирепую конкуренцию практически во всех сферах деятельности. Верховное же Правительство не слишком озабочено правовой чистотой тех методов, которые используются в этой конкуренции. Рамки дозволенного обычно устанавливаются по взаимным соглашениям между гражданскими организациями, которые наравне с правительственными структурами следят за их соблюдением и в случае необходимости принуждают этим рамкам следовать.

— По вашему мнению, это является неким подобием состояния войны?

— В общем-то, это даже больше, чем подобие, — сказал Тайкос. — Общество, на долю которого выпало суровое военное лихолетье, имеет тенденцию к жесткому тоталитарному управлению. Как следствие, возможности отдельной личности резко сужаются. При подобии уравновешенной анархии, в условиях которой мы сейчас живем,

возможности индивидуума обширны, можно сказать, настолько, насколько он сам этого возжелает, или насколько они будут терпимы для окружающих. Для многочисленного класса добропорядочных граждан, которые предпочитают беспрепятственно заниматься своими делами и хотят быть избавленными от всяческих треволнений, создавшееся положение отнюдь не самое лучшее. На их головы сыплются многочисленные напасти, чего они совсем не желают. Они подвергаются опасности со стороны маргиналов, то и дело терпя от них лишения, а порой и смерть. Но, в общем и целом, эти проблемы никогда не достигают угрожающих размеров. Почему? Да потому что у нас есть и очень агрессивные «антимаргиналы». Они, как правило, не терзают безобидных граждан. Но у них начинают чесаться руки, когда они встречают своих антагонистов — маргиналов. От последних они отличаются, в основном, целями, которые преследуют. Когда для «антимаргиналов» отсутствуют официальные ограничения, они, как класс, становятся сильнее маргиналов. Судя по вашим словам, здесь, на Нэнди-Клайне, вы держите в узде своих нарушителей закона. На какой бы планете граждане ни предпринимали реальных усилий,

преступность там тоже оказывается обузданной. В общем и целом, наша цивилизация процветает. — Помолчав, он добавил: — Конечно, у всего этого есть оттенки и нюансы. Лояльный гражданин, маргинал и «антимаргинал» — это условные понятия. Но такая система существует и остается неизменной.

— С какой целью? — спросила Найл. — Если она намеренно сохраняется неизменной, то это, по-моему, довольно жестоко.

— Действительно, у этой схемы есть и неприятные стороны, — сказал Тайкос. — Однако, человек, как вид, эволюционировал в очень стойкое и деятельное существо с высокой адаптационной способностью к внешним условиям. Человек отлично преуспел в погоне за тем, что считает для себя важным. Эпоха Войн обострила эти качества. А сейчас обострение идет еще интенсивнее. Мне кажется, это еще и поощряется Верховным Правительством. Оно явно не заинтересовано в обеспечении тепличных окружающих условий для граждан Федерации. Его интересует лишь общее качество вида Хомо Сапиенс. И человек, как вид, остается исключительно опасным существом. Верховное Правительство, надо отдать ему должное, ограничивает своих граждан не более,

чем того требуют обстоятельства. Именно поэтому оно и не одобряет поисков бессмертия — это изменило бы существо под названием Человек. В какую сторону — никто не скажет наверняка. Евгеника тоже способна изменить человека, поэтому проекты, связанные с евгеникой, тоже не приветствуются, хотя и не связаны с моей тематикой. Мне кажется, Верховное Правительство предпочитает, чтобы наш вид продолжал эволюционировать сам по себе, без вмешательства высоких технологий и генной инженерии. И пока человек с этим успешно справляется. Правители не хотят рисковать потерей некоторых генетически заложенных в него свойств. Эти свойства могут понадобиться при столкновении с какой-то другой конкурентоспособной цивилизацией. Тогда человек не должен проявить себя низшим существом по сравнению с ней.

Помолчав, Найл промолвила:

— Но ведь это все досужие размышления, профессор.

— Никто с этим и не спорит. Но можно утверждать совершенно серьезно, что у Ядра до сих пор есть свои «Тувелы», и они так же готовы выкладываться в полную силу, как и тогда, когда Федерации еще не было. Более того, общее их чис-

ло сейчас, по всей видимости, огромно. Этот факт и выбивает почву из-под ног Парагуанов и иже с ними. Захватчикам противостоит отнюдь не малочисленная каста мифических Хранителей. Где и когда бы ни попытались напасть на нас, оккупанты наткнутся на спонтанную стратегию наших «Тувел». Это понимали очень немногие Палачи. Одним из них был Мога. Поэтому он и покончил с собой.

— Мога совершил самоубийство?!

— В тот критический момент в лаборатории, — сказал доктор Тайкос Кей, — когда вы так изящно хлопнулись лицом вниз. Так как никто в меня не целился, я продолжал стоять и наблюдать. Мога был не в состоянии предугадать все, что произойдет, но мне-то было известно, что Мога сравнительно недавно догадался, для чего были предназначены экспонаты моей биологической коллекции. Он понимал, что если Палачи не смогут удержать пленников от побега, их всех ожидает позорная казнь. Но мы обязаны были бежать — чтобы остановить Глас Решимости. Когда наступил решающий момент, Мога был вполне к нему готов. У других не хватило времени даже на то, чтобы нажать на спусковые рычаги своих ружей. А он нашел время, чтобы швырнуть

свой баул, дабы вы завладели своим ружьем. Понимаете, он знал, что вы — грамотная, изворотливая, но все же уязвимая представительница человеческого рода. Он вовсе не верил легенде о несокрушимости Тувел. Но ему приходилось делать все возможное, чтобы способствовать сохранению этого мифа. В нем сидела холодная, я бы даже сказал, безнадежная ненависть к роду людскому, поскольку он прекрасно сознавал, что люди превосходят Парагуанов. Кроме того, в разговоре со мной Великий Палач как-то заявил, что ощущает смертельную тревогу за Порад-Анц. В основной своей массе Вечноживущие были просто не способны уразуметь, что человечество может обладать более развитой цивилизацией, нежели их собственная. Подобное утверждение показалось бы им просто бессмыслицей. Но Парагуанов все же можно было принудить к отступлению, если убедить, что причудливые сверхлюди, управляющие человечеством, воистину непобедимы. Таким образом, Мога, в сущности, вошел со мной в сговор, а позже — и с вами, моя дорогая. Великому Палачу очень хотелось, чтобы Тувела произвела на его коллег неизгладимое впечатление.

Тайкос умолк, потряс головой и глубоко зевнул.

Найл внимательно за ним наблюдала.

— Видите ли, я… э-э, что…

Голос профессора постепенно затих. Глаза были полузакрыты, веки подрагивали. В следующий миг он принялся клевать носом.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Найл.

— А, что вы сказали? — Тайкос поднял голову и встряхнулся. — Не знаю, — произнес он неуверенно. — На секунду в голове наступила какая-то сумятица… Все поплыло… И круговорот ярких огней… Даже не знаю, как это описать. — Он глубоко вздохнул. — Наверно, одно из последствий нервнопаралитического заряда?

— Да, доктор, вы правы, — сказала она. — Нервные возбудители — оружие грубое и негуманное. Никогда не знаешь, чего от него можно ожидать. Тот вид возбудителя, под чьим воздействием вы находитесь, может вызревать часами. Дозрев окончательно, он может вызвать непоправимое осложнение в коре головного мозга.

Тайкос раздраженно повел плечами.

— А я могу что-нибудь с этим поделать? До сих пор я сдерживал эту пакость, но сейчас она, кажется, начинает меня одолевать.

— Лучшее лекарство — это сон. Длительный, здоровый и беспробудный. Желательно поспать

целые сутки, а то и двое. После этого вы опять будете, как новый.

— Вся беда в том, — признался Тайкос, — что я вряд ли смогу заснуть без снотворного. А у нас его нет… — Он бросил быстрый взгляд на Найл. — А, может, все-таки есть, а?

— Вам повезло, профессор. По дороге сюда я заметила семена балата и немного прихватила с собой.

Он хмыкнул:

— Надо же, до чего моя бывшая студентка предусмотрительна! Ну ладно… От меня, ясное дело, в таком состоянии толку мало. Так что будет лучше, если вы дадите мне свой балат и вернетесь к своим обязанностям Тувелы. Только постарайтесь вернуться в целости и сохранности, хорошо?

— Постараюсь.

Сон, вызванный балатом, в конечном итоге приводил к смерти. У человека она наступала примерно через неделю. Тайкос знал, что если ей не удастся переправить его на материк, чтобы там ввести противоядие, он больше не проснется.

Он принял от Найл три заключенных в мягкую скорлупу семечка:

— Поплюйте через плечо и пожелайте мне ни

пуха, ни пера!

С этими словами растер зерна рядом с лицом. Найл слышала, как он глубоко вдохнул испарения, исходившие от семян. Затем вздохнул, тяжело осел и сполз внутрь стручка, тем самым скрывшись из виду. Спустя несколько секунд оболочка стручка сомкнулась над освободившимся отверстием… Ну что ж, здесь биохимик некоторое время будет пребывать в относительной безопасности.

Найл переустановила пояс и проверила остальное снаряжение. Потом замерла на мгновение, задрав голову. Скорее даже не слухом, а всем телом она ощутила нечто вроде приглушенного рокота. Ей показалось, что это доносится с неба. Во время беседы с Тайкосом она уже дважды слышала подобные звуки. Он же их явно не слышал. Это могли быть и громовые раскаты. Однако вряд ли то был гром, подумала она.

Вновь лишенная части своего веса, она быстро направилась вдоль живых тросов к суку плавучего леса, который проходил сквозь «инкубатор», и дальше — к «изгороди». На миг, приложив руки к ветвям изгороди, и подождав, пока не освободится проход, она выскочила в лес.

С минуту она стояла, оглядываясь по сторо-

нам и прислушиваясь. Глухой раскатистый звук больше не повторялся. Вокруг вроде ничего непривычного не происходило. Из гнездовья морских хавалов доносился невероятный гвалт. Но для того, чтобы морские хавалы, как старые, так и молодые, сорвались с места, не требовалось прилагать особых усилий. Найл стала спускаться, пока не услышала снизу плеск и журчание воды. Тогда она двинулась обратно к лагуне.

Небо к этому времени стало совсем безоблачным, и на нем ослепительно посверкивали громадные звездные скопления. Найл из-под лесного полога окинула взглядом берега лагуны. У основания леса, наискосок через лагуну, медленно покачивалась вверх-вниз вереница крошечных ярко-голубых огоньков. Может быть, ее там ищут? Она повернула выдровый манок.

Вспенив воду, появилась Свитинг. Она еще не остыла от охотничьего азарта и вся горела желанием получить новые инструкции. Тарм либо умирал, либо уже был мертв. Когда он появился на открытой воде, выдры всадили в него свежеприготовленную обойму ядовитых шипов. Вскоре после этого чудовище погрузилось на переплетенное корнями дно лагуны, перевернулось на бок и перестало шевелиться. Далее выдры

обнаружили большую группу вооруженных Парагуанов, которые обшаривали плавучие «столы» и другую поросль в центральной части лагуны. Выдры сопровождали захватчиков в воде, выжидая удобного случая для атаки. Вскоре такая возможность представилась. К тому времени, как эта поисковая партия заметила потери в своих рядах, восемь безжизненных тел Оганунов уже были глубоко засунуты в корневые сплетения…

— Надеюсь, вы не позволили себя обнаружить?

Свитинг усмехнулась.

— Косолапый прыгает в воду. Не выходит наружу. Грустно, а? Морской хавал его съел? Хранительница Этланд его съел? Значит, никаких выдр нет.

Найл представила себе это зрелище. Водоворот на темной поверхности лагуны, три-четыре шумных всплеска — и еще одно трепыхающееся тело стремительно проваливается вниз, к корням… и ни малейшего намека на природу нападавших. Остальные Парагуаны сгрудились на плавучих «столах», держась как можно дальше от воды. Когда засверкали огни, и подошло несколько лодок с солдатами, ощетинившихся ружьями, Свитинг со своими напарником и напарницей покинули засаду. Они издалека пронаблюдали, как лодки

забрали на борт поисковую группу и удалились.

А немного погодя:

— Бу-бух! Большущее ружье…

Что и объяснило раскатистые грохочущие звуки, которые слышала Найл. В районе, где засели Парагуаны, внезапно взметнулись вверх и заклубились огромные факелы. Стрельба велась с закрытой позиции на дальнем крае лагуны. Свитинг описала бледные вспышки выстрелов и глухие, тяжелые звуки разрывов. Стало понятно, что это — энергетическая пушка средней мощности. Ее привели в действие, чтобы уничтожить… Кого? Тувелу? Иным вмешательством Палачи не могли объяснить себе происходящее в районе расположения своих подразделений. А если к тому времени они уже осознали, что великого тарма тоже можно причислить к погибшим или пропавшим без вести…

— А куда они стреляли потом? — спросила Найл.

Свитинг вздернула нос к небу и произвела телодвижение, отдаленно напоминающее человеческое пожатие плечами.

— Туда! По кестерам…

— В кестеров?!

Да, кестеры оказались мишенью для парагуан-

ской пушки. Наверное, орудийный расчет засек приборами высоко в небе перелетную стаю и ошибочно принял ее за летательный аппарат людей. Во всяком случае, через некоторое время после разрыва дождь из обугленных и расчлененных тушек кестеров окропил поверхность лагуны.

Найл закусила губу. Паррол до этих мест, вероятно, еще не добрался, а какой-нибудь другой аэрокар вряд ли рискнул бы лететь в такую погоду. Хаотическая стрельба свидетельствовала, скорее всего, о том, что у Парагуанов сдают нервы, а моральный дух снижается все стремительнее. Доктор Тайкос Кей задавался вопросом, сможет ли Глас Решимости сохранить боеспособность своих воинских частей, которые теперь полностью перешли под его контроль.

— А в этот, последний раз, куда? — спросила Найл.

Одновременно с ее словами послышался плеск воды. Она повернула голову в сторону и увидела, что к ним присоединилась пара диких выдр. Найл поприветствовала супругов, подняв руку. Они молча осклабились и подплыли поближе.

— Не по нам, — как всегда лаконично сообщила Свитинг.

В последний раз под обстрелом опять оказалась лагуна. Огонь накрыл территорию неподалеку от западной части острова. В тех водах выдр не было и в помине. Еще одно свидетельство того, что Парагуанов охватила паника?

— Что они там делают? — спросила Найл. Она кивнула в сторону северной оконечности лагуны. У самого нижнего яруса леса продолжали медленно блуждать крохотные, как следы булавочных уколов, голубые огоньки.

Выдры разведали, что это такое. На той стороне объявилась целая флотилия минисубмарин. Видимо, она была отправлена с большого командного корабля, который находился в водных глубинах лагуны. Каждое суденышко было помечено таким огоньком, с какой целью — непонятно. Субмарины занимались тем, что выставляли часовых вдоль кромки леса — по двое на каждый пост.

Найл прикинула, что это может означать. Начало крупномасштабной облавы? Неужели они задались целью заблокировать Тувелу в лагуне на тот случай, если с ней не было покончено с помощью энергетического орудия? Это казалось невероятным. Как правило, караул выставляется в оборонительных целях. У инопланетян там

размещена, по меньшей мере, одна орудийная платформа. Возможно, имеются и другие огневые точки. Все они кажутся им уязвимыми. Вероятно, Парагуаны опасались, что Тувела вскоре выберется из воды и в рамках своих чудо-возможностей начнет вытворять с этими укреплениями что-нибудь эдакое…

Насколько бдительны парагуанские часовые?

Выдры как раз и размышляли над этим, когда Свитинг поймала сигнал от Найл. Парагуаны располагались над поверхностью воды на различной высоте. Так, например, одна пара сидела на корточках на пне плавучего леса. Расстояние от водной поверхности до их ступней составляло немногим более пяти метров. Большинство часовых не могло видеть, что происходит на другом посту.

Когда-то Найл довелось наблюдать, как Спиф со Свитинг выскакивали из воды на шесть или семь метров вверх, чтобы схватить реющих над поверхностью моря кестеров…

— Ее ли сможете «снять» вон ту пару так, чтобы они не успели пикнуть, — сказала она, — то вот вам мое добро. Это на какое-то время привлечет внимание остальных к той стороне лагуны. Потом держитесь от того места подальше… И не

трогайте больше ни одного косолапого, пока не получите от меня указаний.

Они согласно закивали головами.

— Чем займешься сейчас, Найл? — поинтересовалась Свитинг.

— Разожгу костер, чтобы Дан смог нас найти.

Глава 9

Она упорно лезла наверх. Древние стволы качались и скрипели под напором ветра. Шелестели своей листвой более тонкие ветви. Снизу, постепенно отдаляясь, доносился шум неспокойного океана.

Когда Найл забралась достаточно высоко, она повернула к лежбищу морских хавалов. Немного ниже гнездовья произрастали самые густые участки «маслянистого» леса. Ее бледный нос уловил водопад зловонных ароматов, принесенных очередным порывом ветра. По лесу разносились неясные рокочущие звуки. Хотя по сравнению с ранним утром сейчас было все же потише. Но кормежка исполинов и связанные с ней периодические взрывы ликования будут продолжаться, с перерывами, всю ночь напролет. Минуя гнездовье, Найл стремилась держаться

от него на приличной высоте. Оно было похоже на гигантскую темную пещеру, вырубленную и выпиленную огромными зубастыми клювами в самой сердцевине леса. Тем, кого заносило в эти края, морские хавалы ни почета, ни тем более уважения не выказывали.

Найл находилась над гнездовьем примерно в ста метрах, и до южной стены леса было уже совсем недалеко, как вдруг девушка остановилась, как вкопанная.

В течение последних часов ее органы чувств были как бы настроены на определенную частоту камертона. Такая настройка автоматически пришпиливала ярлык «Опасно» всему, что не соответствовало обычному распорядку жизни леса в целом. Очертания объекта, внезапно уловленного зрением, были лишь частично видимы из-за густых зарослей. Но мозг моментально соединил видимые участки этого объекта в единое целое. Получившийся образ представлял собой нечто большое и бледное.

Этого было достаточно. В тот же миг она поняла, что на остров был переправлен еще один тарм.

Найл, окаменевшая от ужаса и смятения, охвативших ее душу, не могла двинуться с места. В этом месте было невозможно куда-нибудь

спрятаться. Малейшее движение привлекло бы внимание чуткого чудовища. Лес в этой местности был совершенно «голый». Между Найл и густой порослью, пучками свешивающейся по всей длине большой наклонной ветки, на которой торчала эта тварь, находились только разбросанные там и сям кустики второстепенной растительности. В свое время дикие выдры сообщили, что когда захватчики появились в этих местах впервые, то с ними видели двух тармов. Этот экземпляр, видимо, с тех пор содержался на борту большого штабного корабля. Теперь его подняли на поверхность, чтобы использовать против нее. Он подобрался к острову по открытому морю с южной стороны…

Что ему нужно на верхних ярусах леса?.. Обнаружил ли он Хранительницу?..

Ответ на первый вопрос пришел незамедлительно. Через всю лагуну пронесся восточный ветер и донес до тарма запахи всего, что движется. Он затаился в ожидании обонятельных сигналов о том, что враг в человеческом обличье приближается к блокгаузу. Итак, защитная мера, предпринятая исключительно против Тувелы… Вполне возможно, что Найл визуально уже выдала себя, когда в ночной темноте пробиралась

среди ветвей плавучего леса. Но он пока не определил ее, как человеческое существо, поскольку от нее не пахло человеком.

Не сводя глаз с тарма, Найл медленно сделала шаг назад, потом другой, третий… Когда она добралась до первого куста, за которым можно было укрыться, огромное тело изогнулось, меняя позу. Кустарник сомкнулся за Найл. Теперь монстра было не видно… Трудно было избежать напрашивающейся мысли, что он дожидался именно этого момента, чтобы устремиться в погоню, цепляясь за ветки с пучкообразными щупальцами и скользя по толстым стволам. Найл бросилась к мощному главному стволу и быстро обогнула его, хватаясь за бугристую поверхность ствола руками и подошвами-липучками. Оказавшись по другую сторону, она замерла, внимательно рассматривая местность под собой.

В пятнадцати метрах снизу от нее находилась извилистая ветка с буйной растительностью на конце. Резко оттолкнувшись от ствола, Найл спланировала на антигравитационном поясе и уже через пару секунд приземлилась. Пробежала по ветке и забралась в заросли. Только оказавшись в довольно скромном укрытии, она оглянулась. И внизу, и позади все было тихо. Как

ни удивительно, но тарм не преследовал.

Найл продолжила свой путь уже в более спокойном темпе. Наконец она остановилась, чтобы поразмыслить о том, что в данной ситуации можно предпринять. Она до сих пор чувствовала себя ошеломленной неожиданной встречей. Подойди она ближе к затаившейся твари, и даже отсутствие запаха не спасло бы. Как же теперь попасть в «маслянистый лес»? Тарм прятался от него так близко, что приближаться казалось безумной, самоубийственной затеей. Найл перебрала в памяти все, что мог предложить плавучий лес в качестве оружия. Но такое огромное существо быстро и достаточно эффективно не остановишь ничем! Даже луч полного накала, выпущенный из универсального ружья, его бы только раздразнил.

Она уже была почти готова смириться с поражением. Тварь спокойно могла вылеживаться до самого утра. А значит, невозможно устроить маяк для Паррола. Нет, ей просто обязательно нужно что-то предпринять, чтобы тарм убрался с насиженного места.

Почти одновременно с этой мыслью снизу раздался мощный рев. Казалось, он исходил из-под ее ног, буквально в каких-то сантиметрах от них.

Звук резанул по нервам и без того натянутым, как струна… Фу, да ведь это всего лишь морской хавал из гнездовья.

У Найл перехватило дыхание.

Всего лишь морской хавал? Из гнездовья…

Она поспешно устремилась вниз.

* * *

Вскоре она уже возвращалась назад, следуя тем же путем, каким спасалась от тарма. Теперь девушка внимательно изучала каждый участок, поглядывая вперед и назад, мысленно рассматривая путь не как подъем, а как скоростной спуск. Когда она проследует им в обратном направлении, то будет двигаться с максимально возможной скоростью. Тогда нельзя будет себе позволить ни одного неверного шага, ни капли сомнения в том, что надо делать и в какую сторону поворачивать. Львиная доля этого спуска будет состоять из прыжков с облегченным весом. Если в каком-нибудь месте предстоящий прыжок казался ей чересчур замысловатым, Найл тренировалась в его исполнении перед тем, как лезть дальше наверх.

Наконец она добралась до места, миновав которое, она через минуту увидит тарма… если,

конечно, он оставался там же, где был. Правда, сейчас он вполне мог рыскать вокруг в поисках подозрительной фигуры, что какое-то время шла прямо на него, а потом исчезла самым загадочным образом. Найл продвигалась настолько осторожно и бесшумно, как никогда раньше, пока не убедилась, что находится в таком месте, откуда можно рассмотреть ветку, где устроил лежбище тарм. Она не стала приближаться к ней с той стороны, с какой сделала это в прошлый раз, а забралась выше по противоположной от тарма стороне массивного ствола, который поддерживал большую часть плавучего леса в этом районе.

Выглянув из-за ствола, она сразу же увидела тарма там, где и ожидала. Передняя часть большого червеобразного туловища была обращена в ее сторону. Огромный бледный диск глаза, лишенного век, казалось, таращился прямо на ствол, за которым пряталась девушка. Вдоль всего бока шевелилось что-то пухлое и комковатое — многочисленные щупальца, втянутые внутрь туловища. Тарм производил впечатление медлительного и неповоротливого существа, но это впечатление было обманчиво.

Найл обернулась в направлении своего пред-

стоящего бегства. Затем вынула из кобуры универсальное ружье и ступила на ветку, которая выдавалась из массивного ствола. Из щупальцев, густо усеивающих тело тарма, мгновенно высунулись переплетающиеся друг с другом в виде косичек кончики. В остальном он остался неподвижен. Найл прицелилась в самый центр ороговевшей глазной склеры и спустила курок.

Тарм встал дыбом. Найл запихнула ружье в кобуру и кинулась прочь.

Когда она стрелой мчалась по зарослям, наверху, на высоте десяти метров, раздавались звуки, больше всего похожие на то, что по листве барабанят горстями мокрого песка. Она поднырнула под заросли, пролетела вниз несколько метров, потом еще и еще — и вновь устремилась вниз по таким воздушным ступенькам…

Сверху послышалось низкое, утробное завывание, свойственное скорее морской стихии, нежели животному. Найл обернулась и увидела, как тарм, съежившись и приобретя почти шарообразную форму, ломился сквозь заросли на высоте трех десятков метров над ней, то и дело повисая на щупальцах, которые теперь были собраны в единый жгут. Девушка вытащила универсальное ружье, направила пучок лучей в

центр этой мясистой сферы и завопила что есть мочи. Жуткий вой оборвался, а огромное туловище резко остановилось. На один миг оно повисло, вращаясь в воздухе, удерживаемое щупальцами, которые цеплялись за ветви плавучего леса сразу в полусотне мест. Затем тарм определил местонахождение добычи и быстро припустил вертикально вниз. Найл юркнула за ствол дерева и возобновила бегство.

Она то появлялась в поле зрения тарма, то опять исчезала. Очередная серия ступенчатых прыжков не способствовала отрыву от преследователя. Он не отставал, показываясь то наверху, то по одну сторону от нее, то по другую. Расстояние постоянно сокращалось… и тут все пространство вокруг заполнилось зловонием и шумом. Она с трудом разглядела под ногами широкий просвет среди ветвей и стремглав бросилась туда. Через секунду под ней уже прогибалась горизонтально расположенная ветка — узенький шаткий мостик, открытый взглядам со всех сторон, в том числе и снизу. Оттуда доносилось возбужденное громыхание, поскольку морские хавалы ворочались тяжело, с большим трудом…

Сзади послышался глухой, тяжелый удар. Ветку сильно качнуло. Завывания тарма за спиной

Найл усилились. Как бы в ответ на эту агрессию снизу раздался свирепый рык. Ветка угрожающе затрещала. Найл помнила, что впереди и справа находятся колышущиеся заросли…

Очертя голову, девушка сиганула с ветки в самую гущу ветвей и уцепилась руками и ногами за побеги. Раздался треск — громкий, словно взрыв — в считанных метрах от нее… За ним еще один. Потом, спустя несколько секунд, колоссальной силы глухой всплеск.

Затем послышались другие звуки — довольно мерзкие. Их было много…

Найл продралась поглубже в заросли, нашла надежную опору для ног и выпрямилась, держась за ветви кустарника. Она с трудом переводила дыхание, сердце стучало, как паровой молот. Гнездовье было охвачено беспорядочным тяжелым грохотанием. Клювы морских хавалов снова и снова рвали в клочья резиноподобную плоть чудовища, которое свалилось к ним вместе с обломанной веткой плавучего леса, зажатой в щупальцах… Казалось бы, счастливая случайность, но не будем кривить душой, — чтобы случайность стала счастливой, желательно подготовить ее… хм… заранее. Короче говоря, эту ветку Найл предварительно глубоко надреза-

ла с обоих концов своим лучеметом. Итак, и со вторым тармом было покончено. Гигантские кестеры не остановятся, пока не раздерут пришельца на части, искромсав вдоль и поперек. Так что уже минут через десять окровавленные ошметки парагуанского чудовища будут раскиданы по дышащему зловонием гнездовью и втоптаны в грязь огромными перепончатыми лапами.

Найл постепенно успокаивалась, первым восстановилось дыхание. Она вытерла пот со лба и глаз, потом осмотрела снаряжение, чтобы убедиться, не пропало ли что-нибудь важное после этой бешеной гонки с прыжками и нырянием. Кажется, все было на месте.

Теперь, пока она не столкнулась с другими непредвиденными препятствиями, нужно сложить и поджечь костер из «маслянистого» леса.

Препятствий на пути больше не было.

* * *

Найл внезапно проснулась — уже в четвертый или пятый раз — разбуженная изменившимся характером звучания ветра. Она быстро огляделась. Метрах в четырех от нее, внизу, у самого берега показалась из воды овальная голова. Выдра взглянула вверх. Это была дикая самочка, чья очередь

была сейчас отдыхать. В это время ее брачный спутник находился в дозоре вместе со Свитинг.

— Это ничего, Найл…

Выдра зевнула и уронила голову на передние лапы.

Найл повернула к себе запястье тыльной стороной и взглянула на часы. До рассвета оставалось почти два часа… Примерно столько же времени она провела в состоянии беспокойной дремоты у морской кромки леса, ожидая появления Парола. Сложившаяся к этому моменту обстановка на острове внешне напоминала патовую ситуацию. Над поверхностью воды произошло немного событий. Парагуаны удалились в свои укрытия. По лагуне все еще осторожно передвигалось вспомогательное судно. Однако, те, кто был на ее борту, были заняты не поисками Тувелы. Как бы то ни было Парагуаны, по всей видимости, старались избегать новых стычек с ней. А вот под водой некоторая активность имела место. Она была сосредоточена вокруг корабля, заякоренного на дне лагуны. Будь у Найл самый примитивный реактивный движок, она погрузилась бы под воду, чтобы получше все разведать. Но вражеский корабль сейчас был ей недоступен. Выдры могли действовать на такой глубине беспрепятственно,

но их сообщения вряд ли были бы убедительными.

Несмотря на кажущееся затишье, обстановка оставалась взрывоопасной. И взрыв этот, насколько Найл могла судить, не заставит себя долго ждать…

Наверняка Глас Решимости должен придти к выводу, что своими необдуманными ходами он завел себя в тупик. Чтобы избежать провала своего политического курса, он совершил чудовищное (по его же собственным меркам) преступление и опасно ослабил командование экспедиционным корпусом вооруженных сил. А Порад-Анц простит избиение Палачей и Великих Палачей только в том случае, если установки Гласа Решимости будут успешно претворены в жизнь.

И теперь — опять же по собственным меркам Гласа Решимости — эти установки потерпели полный крах уже во время первого же испытания. Все доводы основывались на утверждении, что Тувелу можно победить. Доказательством должна была послужить ее смерть. Только после этого установления факта уязвимости Тувел могло последовать нападение на Нэнди-Клайн.

Тем не менее спустя многие часы Тувела не

только была жива, но и достаточно результативно оперировала на территориях, которые располагались в верхних ярусах лесного острова. Парагуаны, несомненно, обладали оружием, с помощью которого можно было превратить в дым не только остров, но и архипелаг плавучего леса целиком, а заодно и ее вместе с ним. Но пока их база находилась здесь, они не могли применить такое оружие. К тому же захватчикам вовсе не к чему было тревожить планету — в этом случае им пришлось бы начать массированную атаку, не справившись всего-то с одной-единственной Хранительницей. Следовательно, они не могли ожидать, что противоборство со всеми Хранительницами планеты окончится чем-то иным, кроме как победой Тувел. Но если отступить с Нэнди-Клайна без боя, преступление, совершенное Гласом Решимости по отношению к своим политическим соперникам, окажется совершенно бессмысленным — и непростительным в глазах Порад-Анца.

Поразмыслив, Найл пришла к заключению, что Парагуаны, в конце концов, решат атаковать. С нехваткой командного состава, с поколебленной уверенностью — у Гласа Решимости, в принципе, не было альтернативы. Теперь принятие реше-

ния стало просто вопросом времени, — когда именно Великие Палачи придут к такому выводу и приступят к соответствующим действиям.

В настоящее время девушка ничего не могла предпринять, чтобы этому воспрепятствовать. Но она, по меньшей мере, сковывала их по рукам и ногам большую часть ночи. Если гоночный глиссер Сотиры поймал сигнал тревоги, властям планеты уже стало известно о грозящей опасности. Найл вздохнула, поменяла позу и, прищурившись, стала всматриваться в морскую даль. От волнующейся поверхности океана отражался яркий блеск звезд, смешиваясь с призрачным сиянием, которое исходило от скоплений светящихся водорослей. По небу опять покатились округлые гряды облаков. На ближних участках морской поверхности наблюдалось частое, порывистое мерцание — отражение «маслянистого» леса. Хоть бы Паррол сюда добрался…

Найл вновь улеглась и заснула как убитая.

* * *

Что-то энергично ее затеребило. Очень мокрое. Найл раздраженно отмахнулась. Бесполезно…

— Найл, вставай! Спиф здесь!

Сонливость у Найл как рукой сняло.

— А? Где он?

— Идет! — засмеялась Свитинг. — Идет! Недалеко!

В приемнике манка она уловила слабенький резонанс. Это говорило о том, что Спиф находился в море, па расстоянии не дальше трех километров отсюда и следовал в направлении подаваемого ею радиосигнала. Значит, если Спиф уже на подходе, то вместе с ним и Паррол. Обмякнув от облегчения, Найл спустилась вместе с выдрой к урезу воды. День уже почти наступил. Сквозь пелену облаков было видно, как по небу постепенно разливается свет. Океан потемнел, и его поверхность приобрела стальной оттенок, то и дело на остров накатывались большие волны.

— В какой стороне?

Нос Свитинг завертелся, как стрелка компаса, и замер, указывая строго на юг. Выдра дрожала от возбуждения.

— Близко! Близко! Нам ждать?

— Да, нам ждать, — сказала Найл дрогнувшим голосом. — Они скоро будут здесь…

Паррол сделал все так, как она и думала. Заметив горящий сигнал маслянистого леса, он посадил свою машину к югу от острова и, погрузив машину неглубоко под воду, направил ее к

ближайшему краю плавучего леса. Сейчас они со Спифом должны были уже выбраться из аэрокара и, прихватив снаряжение, спешить сюда, используя реактивный движок.

— А где же твои приятели? Что-нибудь случилось?

— А? Да. Теперь под лагуной два корабля. Один — большой.

— Два… Неужели всплыл командный корабль?

— Не такой большой. Косолапые таскают на него всякое.

— Что именно?

Свитинг фыркнула.

— Всякое косолаповское, м-м? Может, уходят… Оу! Спиф здесь…

Она свистнула и бросилась в воду. Найл осталась на месте, напряженно вглядываясь вдаль. Метрах в двухстах от берега, на склоне огромной вздымавшейся волны на один миг показались две выдры — и снова исчезли из виду…

— Черт знает, на кого вы похожи, доктор Этланд!

При первом же слове этой произнесенной басом фразы она обернулась вполоборота и, резко выхватив из кобуры ружье, направила в том направлении, откуда прозвучал голос. Потом со-

знание полностью усвоило услышанное, и Найл хрипло выругалась.

— Дьявол забери, я подумала, что это… впрочем, неважно!

Верхом на торпедообразном транспортном аквацикле сидел Паррол. Он сдвинул на лоб черные защитные очки реактивного гонщика и потянулся к свисающей ветке плавучего леса, чтобы сподручнее было держаться в седле. В правой руке он держал такое же универсальное ружье, как и у Найл. А еще он улыбался.

— Доктор Кей…?

— В настоящий момент с ним полный порядок, — сказала Найл. Она засунула ружье в кобуру. Рука ее подрагивала: — У тебя по дороге сюда возникли какие-нибудь неприятности?

— Вообще-то, нет. Кругом все чисто?

— Пока да.

* * *

Паррол покинул материк девять часов назад, после первого же сигнала, полученного им от Найл. Большую часть этого времени его аэрокар трясла болтанка, непременный спутник всякого тайфуна. Из-за сильных помех переговорное устройство не работало. Паррол находился всего

в двух часах лета от острова, когда ему с помощью ближней связи наконец удалось установить контакт с флотилиями глиссерщиков. От них он узнал, что доктор Этланд за это время успела послать еще одно сообщение. Скоростной глиссер Сотиры сумел получить обрывочные сведения о Парагуанах и быстро распространил информацию. Далее эти сведения стали передаваться по районам, охваченным помехами, пока, в конце концов, не достигли материка и, вероятно, всех промежуточных штабов глиссерного флота на Нэнди-Клайне. Парролу не смогли передать, какой эффект возымели в итоге эти тревожные сообщения, так как к тому времени условия прохождения радиосигналов значительно ухудшились. Но в том, что планета предупреждена об опасности, не было никаких сомнений.

Найл с Парролом вкратце обсудили, что может произойти. Вооруженные силы Федерации, размещенные на планете, были немногочисленными. Если даже их передислоцировали в стратегически значимые районы материка, чтобы занять оборонительные позиции для прикрытия, они все равно не смогут оказать Парагуанам должного сопротивления. Полиция, объединившись с отрядами гражданской гвардии, может организовать

приличный по размерам флот патрульных аэрокаров. Эти маневренные летательные аппараты можно достаточно результативно использовать для наземных и воздушных схваток, однако они совершенно не предназначены для ведения боевых действий против тяжеловооруженных космических кораблей. Вообще говоря, хоть на Нэнди-Клайне хватало оружия, но оно, в основном, годилось для решения охотничьих и иногда личных проблем.

— Глиссерщики расчехлили свои старинные космические пушки, — сказала Найл. — Теперь, когда маска с врага сброшена, они будут драться.

— Без сомнения, — согласился Паррол. — Но надо учесть, что из имеющихся поблизости от острова подразделений только морские и космические корабли-разведчики приспособлены для ведения стратегических операций. Мы не знаем, возможно ли с ними связаться в настоящий момент, а также насколько они хорошо вооружены. Если твои перепончатолапчатые «знакомые» смогут окончательно отрубить нашу систему связи…

— Конечно, смогут.

Паррол немного помолчал.

— Может возникнуть серьезная неразбери-

ха! — заметил он. — Значит, несмотря на то, что захватчики вооружены до зубов, они, по-твоему, уже разуверились в успешном штурме Нэнди-Клайна?

— Да. Ведь это следует из их собственной, довольно своеобразной на наш взгляд, логики. Тем не менее, я не думаю, что это способно удержать их от нападения. Кроме своеобразной логики, Парагуанам свойственен и своеобразный кодекс чести.

Паррол хмыкнул.

— Ну что ж, давай в таком случае подключим к разговору выдр…

К людям присоединились дикие выдры. Они подтвердили сообщение Свитинг о появлении под лагуной второго корабля. Он был в несколько раз крупнее первого и встал на якорь рядом с ним. У обоих кораблей наблюдалась повышенная активность. Паррол с Найл задали выдрам еще несколько вопросов, и картина мало-помалу прояснилась. Очевидно, второй корабль являлся транспортным грузовиком. Парагуаны, по всей видимости, были заняты демонтажем боевых установок, расположенных в плавучем лесу, и погрузкой демонтированного оборудования на грузовик.

— Значит, агрессоры приступили к решительным действиям. И в то же время их отряды еще не совсем готовы к броску. Значит, если нам удастся создать у них еще на стадии передислокации впечатление, что Нэнди-Клайн находится в полной боевой готовности, а, по сути, даже намерена осуществить упреждающий контрудар…

Найл уже приходила в голову мысль о подобном блефе.

— А как это будет выглядеть в действительности? — спросила она. — Ведь демонстрация нашей силы должна быть просто ошеломляющей. Одним подрывом блокгауза тут не отделаешься. Нужно нечто более грандиозное… Скажем, мощный удар по командному кораблю.

— Такое, к сожалению, нам недоступно. Но вот два других, тех, что на дне лагуны — вполне нам по силам. И мы можем нанести по ним сокрушительный удар.

— Каким же это образом?

— При помощи бомб направленного действия. Ты же сама просила в своем послании, чтобы я прихватил с собой «сюрпризы». Вот, пожалуйста — «ЗЕЛ-11» — в тротиловом эквиваленте килограммовые, приклеивающиеся, тактического применения, три штуки. — Он кивнул вниз на

аквацикл, качающийся на воде у самого берега. — Там и все остальное.

— Да, это может иметь смысл, — немного помолчав, сказала Найл. — На своих кораблях они держат шлюзы постоянно открытыми.

— Значит, хватит двух штук. По одной на каждый шлюз.

— Но, Дан, ведь это — все-таки космические корабли. Разве можно с ними покончить одними только бомбами? Если только…

Тут оба посмотрели на Спифа. А тот, в компании с остальными тремя выдрами, молча наблюдал за людьми.

— Спиф, ты не прочь немного побаловаться бомбочками? — поинтересовался Паррол.

Большие глаза выдры-самца заискрились. Он фыркнул.

Паррол поднялся на ноги.

— Я, кстати, привез все, что ты просила, — сказал он девушке. — Пойдем-ка к доктору Кею и отвезем его на аэрокар. Так будет для него самым безопасным. Потом взглянем на корабли.

* * *

Подцепив на буксир Паррола вместе с аквациклом, Найл стремительно неслась на десяти-

метровой глубине по направлению к аэрокару. Универсальное ружье было прицеплено к ее поясу. Она наслаждалась скоростью реактивного движка и его маневренностью. Люди оставили выдр вблизи плавучего леса. Как бы быстро они ни плавали, им не выдержать подобный темп. Это было похоже на воздушный полет. Защитное поле реактивного движка сводило трение о воду и давление почти на нет. Круглые специальные очки резко увеличивали видимость до двухсот метров, как бы рассеивая подводную мглу и делая воду совершенно прозрачной. Вблизи поверхности Найл могла поспорить на равных почти с любым морским существом. Для ныряльщика, оснащенного реактивным движком, оставались недоступны только абиссальные глубины океана. Аналогичные приспособления, которые Найл наблюдала у Парагуанов, были довольно примитивны.

Паррол, восседающий на аквацикле, внутри которого спал доктор Тайкос, управлял машиной почти с такой же легкостью, как Найл — реактивным движком. У обоих транспортных средств имелись антифрикционные поля. Дан снизил скорость только когда продирался сквозь густые заросли плавучих водорослей. К тому времени,

когда они добрались до аэрокара, стоявшего на якоре посредине поля плавучих водорослей, над горизонтом показался краешек кроваво-красного солнца.

Они переправили так и не проснувшегося биохимика в аэрокар, избавились от аквацикла, заперли аэрокар, осуществили скоростной подводный заплыв к лесу, где собрали вместе всех выдр. Спиф и Свитинг были знакомы с тактическими бомбами на собственном опыте. Их дикие сородичи знали о взрывных устройствах, применяемых людьми, только понаслышке. От других выдр. Они проявили живой интерес к предстоящей операции. Роли были оперативно распределены, и команда отправилась на задание. Спиф — трехметровый сплав из упругих мускулов, стремительности и холодной выдержки — нес на себе оба подрывных устройства Паррола. Контейнеры с ними были прикреплены к его груди. Ему и до этого уже приходилось выступать в роли подрывника-подводника. Третью бомбу Паррол приберег на будущее.

Уже вскоре Найл покачивалась на волнах в пещере, образованной гигантскими корнями, которые формировали подножие острова, и наблюдала за открытыми настежь шлюзами

парагуанских кораблей, находящихся внизу. От обоих разливался желтый туманный свет. Над меньшим кораблем вертелись две ярко-голубые точки. Это светились огни на носах двух крошечных подлодок. Лодки безостановочно крутились туда-сюда, как будто несли непрерывную охрану территории. Имелись и другие признаки всеобщего оживления. Между патрульными лодками курсировала солидная группа Оганунов, оснащенных реактивными устройствами и вооруженных крупнокалиберными ружьями, действие которых было хорошо знакомо Найл. В каждом шлюзе торчало по паре охранников, державших оружие наизготовку.

Вся прочая активность была сосредоточена вокруг большего из кораблей. Группы Парагуанов, сопровождаемые конвоем, заносили на него груз с моря, запакованный и обрешеченный. Доставив его на корабль, они вылезали из шлюза и уносились на своих реактивных устройствах за следующей партией. Так же, как и у охранников, на головах у них горели осветительные прожекторы.

Найл посмотрела по сторонам, и в этот момент сверху из корневых сплетений в воду соскочил Спиф. До этого выдры крутились у поверхности,

чтобы перед боевой операцией насытиться кислородом. Спиф приостановился рядом с хозяйкой, понаблюдал из-за корней за кораблем, потом вопросительно склонил голову в ее сторону. Он не мог так далеко видеть под водой, как она с помощью своих очков, но для практических целей его зоркости было вполне достаточно. Найл включила переговорное устройство.

— Дан?

— Слушаю тебя.

— Спиф уже здесь. Он готов к броску.

— Моя группа тоже полностью готова, — раздался в наушнике голос Паррола. — Приступаем к диверсионной акции. Шестьдесят секунд или любое время после этого…

Мускулы Найл напряглись. Она кивнула Спифу и проследила, как он снялся с места и стал пробираться среди корней. Положив ствол ружья на скользкое вздутие корня перед собой, она оглядела водное пространство внизу. Ее наблюдательный пункт располагался как раз посредине между шлюзами обоих вражеских кораблей. Спиф двигался направо к точке над шлюзом грузового транспорта, которая являлась его первой мишенью. Где в настоящий момент находились Паррол с тремя остальными выдрами, девушка

не знала.

К шлюзу грузового транспорта приблизилась группа Оганунов. Она сопровождала целый тяжело груженный транспортер. Когда они вошли в освещенную зону, один Оганун из арьергарда странно дернулся в сторону и, яростно трепыхаясь, закрутился в воде. Следующий за ним, обмякнув, стал всплывать наверх. Его длинные ноги безжизненно обвисли. В следующее мгновение в наушнике Найл послышался несмолкаемый треск универсального ружья Паррола.

Вокруг и внутри шлюзов ненадолго возникла яростная суматоха. Остальная часть команды, конвоирующая грузовой транспортер, пыталась укрыться внутри корабля, проскочив мимо охранников. Судя по приглушенным ухающим звукам, некоторые Парагуаны пустили в ход оружие. Затем одна из минисубмарин внезапно пришла в целенаправленное движение и, оставив корабли, ринулась по наклонной к корневому основанию острова. Другая с некоторым запозданием устремилась вслед за ней.

— Дан, лодки засекли твою огневую позицию, приближаются к тебе!

— Начинаю отход.

Лодки достигли подводных корней и забрались

в их сплетение. Патруль над меньшим кораблем рассредоточился и приступил к перегруппировке. Очевидно, кто-то им отдавал приказы снизу. Найл выжидала с тяжело бьющимся сердцем. Прогрохотала винтовка Паррола. Выстрел вызвал интенсивный ответный огонь, винтовка прогрохотала вновь. Находясь среди корней, Паррол имел перед лодками неизмеримое преимущество в подвижности. Из шлюза меньшего корабля выскочил целый рой вооруженных Парагуанов. Один из них отделился от остальных и властно махнул рукой патрульным наверху. Те рассыпались цепью, и вся группа в полном составе устремилась наверх, к корням. Их командир вернулся обратно в шлюз и стал наблюдать оттуда за подчиненными.

— В боевые действия вступает пехота, — сообщила Найл.

— Значит, корабли остались без внешней охраны?

— Можно сказать, что да.

Команда грузового транспорта скрылась внутри своего судна. Два его охранника плавали в шлюзе взад-вперед, грозно поводя оружием по сторонам. Пара, сторожившая шлюз на другом корабле, должно быть, по-прежнему находилась

на своем посту. Однако в настоящий момент там был виден только командир. Найл внимательно его рассмотрела. Маленький, хрупко сложенный — Палач. Вероятно, именно он руководил всей этой операцией…

— Я отдал приказ выдрам атаковать, — прозвучал голос Паррола. — Сейчас они поражают пехоту. Так что теперь можешь начать действовать в любой удобный для себя момент.

Найл не ответила. Она прицелилась в одного из охранников транспортного корабля и нажала на спуск. Когда он кувыркнулся назад, Найл переместила прицел на другого охранника. В этот момент она заметила Спифа, который уже преодолел половину расстояния до грузового корабля. В процессе своего движения он проделывал зигзаги и стремительные рывки, какие выдра обычно проделывает на охоте, бросаясь на жертву. Свою роль пикировщика Спиф усвоил отлично.

Теперь в прицел попал Палач в шлюзе меньшего корабля. Он не знал о том, что творилось на грузовом судне. Найл дрожала от нетерпения, но огонь пока не открывала. Двое охранников с этого меньшего корабля так и не показывались на виду. Хотелось бы вывести их из строя

до появления Спифа. Палач поглядел вокруг и стал возвращаться в шлюз. Одно движение пальцем — и Палач готов! И тут что-то темное дугой обогнуло корпус корабля сверху, промелькнуло мимо извивающейся фигуры Палача и скрылось в шлюзе.

Найл с трудом сглотнула и выскользнула из-под покрова корней. В приемнике раздавались глухие бабахающие звуки. Она не могла определить, исходят ли некоторые из них от корабля. Девушка мысленно отсчитывала секунды. Прозвучал голос Паррола. В следующий миг до нее дошло, что она ничего не поняла из сказанного Даном. Она висела в воде, не сводя глаз с входа в шлюз. Возможно, Спиф решил, что вторая бомба направленного действия произведет больше эффекта, если ее занести в самое нутро космического корабля…

Из шлюза вывалился Парагуан. У Найл дернулась рука, но выстрелить она не успела. Этот Парагуан был мертв! Потом появился еще один — в том же состоянии…

Из шлюза вырвалась черная гибкая молния, задев ворочающиеся тела так, что их основательно встряхнуло, и в тот же миг, как показалось Найл, унеслась за добрую сотню метров от корабля. В следующее мгновение — за двести метров…

— Бомбы установлены, Дан! — трясущимся голосом сказала Найл. — Рвем когти!

Она развернулась, схватила рукоятку управления реактивным движком, опустила ее вниз до упора и превратилась в расплывчатый призрак, устремившийся среди подводного сумрака вслед за Спифом.

Вот окаянная бестия, а?

Вскоре позади них раздались два мощных хлопка. Гул от них разнесся далеко по морю.

* * *

На поверхности было уже совсем светло. В волнах, вздымающихся между колониями водорослей, плясали ослепительные солнечные блики. В четверти километра к северу неясно вырисовывался край плавучего леса. Над ним кружили и ныряли вниз стаи кестеров. Птиц-исполинов вспугнули и заставили подняться высоко в воздух направленные взрывы, которые вырвали центральный кусок из основания лагуны.

— Ты меня видишь? — раздался в наушнике голос Паррола!

— Нет, Дан! — Найл сдвинула на лоб очки. По воздуху разносились раскатистые, ревущие

звуки. — Слишком много плавучих водорослей. Чтобы как следует осмотреться, мне нужно удалиться от них на приличное расстояние, а это опасно.

— У меня те же трудности. Нам нельзя удаляться друг от друга.

— Кажется, нас никто не выслеживает, — сказала Найл. — Давай продолжать двигаться на юг. Когда выберемся из этих джунглей, тогда и попытаемся соединиться.

Паррол выразил согласие, и она вновь погрузилась в воду. Спиф и Свитинг находились где-то поблизости, хотя в настоящий момент их не было видно. Дикие выдры остались с Парролом. Причин ожидать немедленной погони не было. Маленькие подлодки, вероятно, могли бы угнаться за ним, но, находясь среди корней, скорее всего, они были выведены из строя подводными взрывами. Найл погрузилась еще ниже, чтобы не попасть в густые переплетения водорослей. Она повернула выдровый манок, взглянула на компас и тронулась в путь согласно указанному курсу. Паррол знал точное местонахождение аэрокара. Она, со слов Паррола, знала лишь то, что машина находится строго к югу от этого места.

Свитинг со Спифом появились через полми-

нуты и расположились справа и слева от нее… Потом раздался какой-то звук — неясный отдаленный рокот.

— Найл, слышишь?

— Да. Вибрация двигателя?

— Должно быть, что-то в этом роде. Но такого звучания двигателей я никогда не слышал. Откуда, по-твоему, он доносится?

— Не знаю. — Она наблюдала за своими помощниками. Их головы вращались по сторонам, совершая резкие, импульсивные движения. — Свитинг и Спиф тоже не могут понять, откуда это раздается, — добавила она. — Кажется, затихает.

— Здесь тоже затихает, — сообщил Паррол. — Двигаемся дальше.

Минуту-другую они хранили молчание. Над головой все еще нависал балдахин из переплетенных между собой водорослей. Странный звук стал почти неслышен, потом принялся медленно нарастать и зазвучал громче прежнего. Создавалось впечатление, что вокруг не слишком сильно, но настойчиво сотрясалось море целиком. Она вспомнила об огромном космическом корабле, который все эти месяцы находился на глубоководной стоянке под архипелагом плавучего леса. Прогрев его основных двигателей вполне мог

стать причиной такого звука.

— Найл, — раздался голос Паррола.

— Да?

— Соблюдай осторожность! Только что возле меня проявились наши дикие друзья. Они показывают, что у них важное сообщение. Я поднимаюсь вместе с ними на поверхность, чтобы выслушать.

— Хорошо, — сказала Найл. — Мы будем начеку.

Девушка двинулась дальше, подстраивая скорость своего движка под темп движения своих приятелей, в котором они осуществляли дальние заплывы. Глухой гром, разносившийся по морю, кажется, оставался прежним. Она уже собралась, было, обратиться к Парролу, как он сам вышел на связь.

— Выслушал доклад выдр, — сообщил он. — В этом районе передвигается под водой очень солидное по размерам судно. Но, очевидно, не оно является источником того шума, который слышен. Оно для этого все же не слишком большое. Выдры наблюдали его трижды — два раза на глубине и третий раз — вблизи поверхности. Каждый раз оно двигалось в новом направлении. Вероятно, судно нами не интересуется, но я подо-

зреваю, что оно несет дежурство в этом квадрате. По-моему, его активность неспроста.

Найл молча согласилась. Вслух она произнесла:

— Вражеские детекторы раньше засекут твою машину, чем нас.

— Это точно.

— Что нам делать, Дан?

— Постарайся добраться до аэрокара раньше этой субмарины. Продолжай следовать в южном направлении и, по мере возможности, держись вблизи естественных укрытий. В настоящий момент я, скорее всего, нахожусь где-то впереди тебя и ближе к подлодке. Выдры снова отправились на поиски. Если мы обнаружим ее на пути к аэрокару, я ее оприходую.

— Оприходуешь?

— Бомбой номер три, — пояснил Паррол. — Я как чувствовал, что заначка может пригодиться…

Найл подала Спифу и Свитинг сигнал тревоги, указывая на водное пространство перед собой. Они тут же добавили ходу и вырвались вперед. На расстоянии десяти метров от Найл они уже превратились в точки. Свисающие сверху водоросли становились все гуще и ограничивали

видимость, а распростершийся над головой у Найл покров из этой морской поросли выглядел таким же плотным, как всегда. Найл показалось, что рокочущие звуки становятся громче. Они все сильнее и сильнее действовали ей на нервы, и без того натянутые, как струна… Потом вдруг разбухшие от накопившейся в них влаги усики водорослей окружили ее со всех сторон. Найл резко сбавила скорость и, мысленно ругаясь, стала пробиваться сквозь заросли не только с помощью рук, но и ног. Завидев возвращавшуюся Свитинг, она затормозила.

Впереди что-то было… Найл последовала за выдрой через заросли к открытой воде. Ага, еще один клубок дрейфующих водорослей. Нос Свитинг указывал направление. Найл обратила туда свой взор. Всего лишь на миг ей удалось заметить размытые очертания подводного судна, проходящего мимо. У Найл перехватило дыхание. Она включила реактивный движок, пулей вылетела из зарослей и помчалась вдогонку за врагом…

* * *

— Дан!
— Что?
— Если встретишься с субмариной, не вздумай,

как ты говоришь, ее оприходовать.

— Почему?

— Потому что она наша, дурачок! Я только что рассмотрела ее корпус сверху. Это судно Службы Контроля над Наркотиками! По-моему, оно здесь барражирует по той простой причине, что ее детекторы засекли парагуанский командный корабль и стараются не выпустить его из своего поля зрения…

Из шлемофона послышался неясный звук удивления, а потом сразу же:

— Возможно, оно здесь не одно!

— Очень может быть. Насколько ты оцениваешь расстояние до него от своей машины?

— Примерно с километр, — с маленькой запинкой отозвался Паррол. — Потратив время на встречу и на то, чтобы вместе отправиться туда, мы…

— …оказались бы в самом эпицентре проводимой операции.

— Вот именно. Давай поднимемся на поверхность и понаблюдаем. Хоть что-нибудь, да увидим.

Найл, сопровождаемая выдрами, устремилась вверх. Она вынырнула среди густых, перепутанных между собой стеблей и стала выбираться из

этой вздымающейся вместе с волнами трясины, поднимая шумный плеск. Поверх тростника гулял свежий ветер. Сквозь заросли, ослепительно проблескивая, пробивались лучи утреннего солнца.

— Найл, — выпалил интерком, — здесь корабль чужаков!

— Корабль чужаков?

— Да, корабль явно парагуанский, другого здесь просто не может быть. Он подо мной… ого, поднимается наверх! Ты не можешь себе представить, будто поднимается океанское дно! Лучше не попадаться ему на пути — он огромен! Рву когти!

Интерком замолк. Найл наткнулась на участок чистой воды, продралась через последний клубок похожей на резину коричневой растительности и обнаружила, что перед ней — открытое море. Дрейфующие водоросли медленно вздымались вместе с огромной волной. Она сдвинула на лоб очки. Сверху раздался короткий пронзительный визг. На бреющем пронесся аэрокар и, набрав скорость, ввинтился в небо. Над ним моментально вспыхнули маленькие пятнышки, кружась в солнечных лучах. Это патрульные машины вереницей поднимались в космос, пробиваясь сквозь вражеские заслоны…

Волна лениво покатилась дальше. Покрывало из водорослей опустилось с гребня во впадину, отгороженное с южной стороны наклонной стеной воды. Найл прыгнула в море, включила реактивный движок, перемахнула через гребень и заскользила по переднему краю. Видимость была отличная.

— Глиссеры идут, Дан! Три глиссера!

Он что-то произнес в ответ, но она не расслышала. По правую сторону, на расстоянии менее полукилометра, из моря поднимался блестящий металлом корпус парагуанского командного корабля, словно округлая спина гигантского левиафана. Найл попыталась заговорить в интерком, но не смогла. Вокруг разбушевался ветер и грохотал океан. С запада на большой скорости приближались три глиссера, грациозно разрезая волны форштевнями. Они выстроились в одну линию для орудийной атаки. На передней палубе ведущего глиссера массивные, уродливые жерла космических пушек были развернуты в сторону вражеского корабля. Тот выполз из воды уже на треть и продолжал подниматься. Между пушками ведущего глиссера и кораблем протянулась целая паутина из бледных лучей. В местах соприкосновения с корпусом судна они превратились в

фонтаны зеленого огня. Следующий глиссер продвинулся левее первого, образуя дугу, вогнутую в сторону противника. Он тоже имел космическую артиллерию, и все стволы были приведены в действие. Вокруг командного корабля Парагуанов бурно закипел океан. В облаках пара кое-где поблескивал зеленый огонь. До Найл постоянно докатывались прерывистые громовые раскаты. Корабль продолжал подниматься. Лучи с глиссеров продолжали свою смертоносную работу. Ответного огня не было. Вероятно, первый же залп «заварил» бойницы корабля. Наконец он с трудом оторвался от поверхности и с жутким воем устремился в небо. Вода и пар опадали с его брони. Лучи устремились следом, но вскоре погасли один за другим. Грохот стих.

В ушах Найл все еще гремела эта какофония. Лежа в воде на спине, она наблюдала, как корабль удаляется в бирюзовое небо.

Бегите, Палачи, бегите! Но только поздно вы спохватились!

На пятнышке, темнеющем на фоне синевы, в которое превратился удаляющийся парагуанский корабль, сошлись две тонкие белые линии. Затем в этом месте словно вспыхнуло новое солнце — ослепительной вспышкой. Линии огня

сместились прочь, а потом исчезли.

Это из космоса подошли к Нэнди-Клайну находившиеся в поиске военные космические корабли Федерации…

Девушка перевернулась на живот, увидела обломок ствола плавучего леса в нескольких метрах от себя, в несколько гребков догнала его и вскарабкалась. Когда она оказалась наверху, волна подхватила обломок и быстро понесла на юг. Найл пятками удерживала его в равновесии и не забывала окидывать взглядом морскую даль… Эту великолепную страну ослепительного сияния, бушующего ветра и катящихся волн с белыми барашками на вершинах. Ее вдруг охватило непреодолимое желание расхохотаться, выплеснув тем самым наружу накопившееся напряжение. Мимо наездницы пронесся один из огромных глиссеров — менее чем в сотне метров. Надсадно гудя своими турбинами, он явно держал курс на остров. Над ним прошла целая эскадрилья патрульных аэрокаров гражданской обороны с открытыми люками на брюхе. Через несколько минут из этих люков начнут выпрыгивать парашютисты, оснащенные реактивными движками. Десантники приступят к зачистке плавучего леса от детей Порад-Анца, брошенных

своими предводителями на произвол судьбы. Так же неотвратимо, как наступающее утро, подобные операции повторятся везде, где по океанским течениям дрейфует плавучий лес. Детали проведения каждой такой операции могут существенно различаться, но общая схема была неизменной, ибо на Нэнди-Клайне в человеке был разбужен дремлющий до поры до времени демон…

— Найл…

— Дан! Ты где?

— Я на поверхности. Только что засек тебя. Посмотри на юго-запад. Там наш аэрокар. С доктором Кеем все в порядке…

Острое чувство стыда: «Я совсем забыла про бедного Тайкоса!» Девушка во все глаза принялась высматривать аэрокар и почти сразу наткнулась на него.

Она вскинула руку и помахала. Паррол помахал в ответ. Найл спрыгнула с бревна в воду, ушла на глубину, включила реактивный движок и устремилась навстречу.

Глава 10

— Никакой вы не доктор Тайкос Кей, — с нажимом произнесла блондинка. — Никакая вы не доктор Найл Этланд. И никаких огромных, отвратительных белых чудовищ, гоняющихся за вами по лесу, не существует!

Райан Джилленник посмотрел оценивающим взглядом на это юное создание, которому очень шла серебристо-голубая униформа. Только уж больно эта прелестная девчушка была встревожена.

— Да, — заверил он, — конечно же, белых чудовищ нет и не было.

Блондинка просияла.

— Ну, наконец-то! Итак, кто вы такой? А я вам скажу, кто вы такой. Вы — депутат Совета Федерации Райан Джилленник.

— Совершенно верно, — согласился Джилленник.

— Где вы находитесь?

Он огляделся.

— Гм… в радиорубке.

— Это и так понятно. А где расположена эта радиорубка?

— На флагманском корабле. Флагманский корабль подразделения под командованием адмирала Татло. Да вы не волнуйтесь! Когда я бываю самим собой, я помню все. Просто, по-видимому, я ни с того ни с сего временами превращаюсь в одного из этих двоих.

— Вы сообщили, — упрекнула депутата блондинка, — что ранее уже принимали подобные препараты для переноса воспоминаний.

— Да, я их принимал. Но только теперь понял, что этого было недостаточно. Дозы оказывались слишком маленькими.

Она покачала головой:

— А эта доза далеко не маленькая! Во-первых, она сдвоенная. Двадцатишестиминутный заряд и еще двухминутный. В обоих заложены эмоциональные всплески. Кроме того, двухминутный заряд содержал в себе переход из одного пола в другой. Это само по себе способно помрачить сознание. Я считаю, что вам еще повезло, господин депутат! В следующий раз, когда будете иметь дело с незнакомой психомашиной, пожалуйста, дайте операторам точные сведения. При такой спешной работе, как в вашем случае, мы вынуждены были рассматривать кое-какие вещи, как нечто, само собой разумеющееся. Вы запросто

могли стать на несколько недель неадекватным!

— Вы хотите сказать, сумасшедшим, — уточнил Джилленник. Потом вдруг всполошился и издал испуганное восклицание.

— Ну что еще? — озадаченно спросила блондинка.

— Который час?

Она посмотрела на наручные часы.

— По корабельному времени или по стандартному?

— По стандартному.

Услышав ответ, Джилленник заявил:

— У меня осталось примерно десять минут до связи с советником Мавигом. За это время я должен окончательно придти в норму.

— Я могу сделать укол, от которого приходят в норму за тридцать секунд, — предложила блондинка.

— Но тогда я позабуду все, что хранится в перенесенной памяти.

— Отчего же все? Ключевые моменты будете помнить.

Джилленник помотал головой:

— Нет, это не годится! На совещании я должен буду припомнить все подробности. Все до единой.

— Но, как я понимаю, Советник принял аналогичный препарат. Возможно, он пребывает в форме, не лучшей, чем у вас.

— Это вряд ли, — буркнул Джилленник. — Скорее уж конец света наступит, чем плохое самочувствие у Советника. Его никакая зараза не берет.

Подумав, блондинка сказала:

— По-моему, вы и так скоро будете в полном порядке. Вы ведь быстро избавляетесь от побочных действий… А этим двоим, чья память внедрена вам, довелось пережить что-то важное?

— Очень важное. Где они оба?

На лице милашки проглянула обеспокоенность.

— Неужели не помните? Они покинули корабль с час назад. По вашему же приказу, господин депутат. Доктор Этланд сопроводила доктора Кея обратно на планету, чтобы доставить его в больницу.

Джилленник задумался.

— Ах, да, теперь я вспомнил. Это произошло как раз перед тем, как ваше снадобье начало на меня действовать. Правильно? Мне кажется, что…

Он не договорил. Входные двери раздвинулись, и в рубку вошла молодая подтянутая женщина.

Улыбнувшись, она направилась к стойке с передатчиком, заложила в него стопку каких-то бумаг и включила экран. Потом осмотрела другие предметы, разложенные на стойке. Судя по виду, осмотром она осталась вполне довольна.

— Это отчеты, которые вы просили для совещания, господин Джилленник, — объявила она. — У вас как раз хватит времени, чтобы их просмотреть.

— Благодарю вас, Уил, — промолвил Джилленник и направился к стойке.

— Что-нибудь еще? — спросила Уил.

— Нет, — отозвался он. — Это все, что мне нужно.

Уил взглянула на блондинку.

— Нам лучше уйти.

Та нахмурилась:

— Господин депутат не в самой лучшей форме, — заявила она высокомерно. — Как специалист Психологического Сервиса, я имею допуск по форме номер пять. Возможно…

Уил взяла ее за руку.

— Пойдемте, дорогая моя. Я — личный секретарь господина Джилленника, и у меня — допуск по форме номер два. Но даже это не дает мне права сидеть тут и подслушивать.

Блондинка сказала, обращаясь к Джилленнику:

— Если у вас опять начнутся галлюцинации…

Он улыбнулся в ответ.

— Если это случится, я вам тут же просигналю. Идет?

Она неуверенно произнесла:

— Если вы сделаете это сразу, не дожидаясь ухудшения, то — да. Я буду дежурить у сигнального аппарата.

Они обе вышли из помещения, и двери за ними сомкнулись.

Райан Джилленник вздохнул и уселся за стойку. Ему казалось, что его мозг плотно утрамбован, — пожалуй, именно так лучше всего можно было передать ощущения, которые испытывал депутат. За пятьдесят секунд в его сознание ввели два полных комплекта чужих воспоминаний. Он сделал заключение, что эмоциональное их воздействие на него было ослаблено. Причем, в максимальной степени. Но все равно, они оставались необычайно живыми и яркими, хотя были запечатлены по двум различным схемам чувственного восприятия и принадлежали двум разным умам. Следующие несколько часов одна часть его «я» станет, в сущности, доктором

Тайкосом Кеем. Эта его часть помнит все, что произошло с почтенным биохимиком, начиная с того момента, когда к его тайному убежищу в плавучем лесу, крадучись, приближался разведывательный отряд инопланетян, и, заканчивая той секундой, когда его покинуло сознание в стручке «инкубатора». А другая часть личности Джилленника станет доктором Найл Этланд. Эта его часть выборочно окинет мысленным взором период времени между беседой с глиссерщиками Сотиры и ее возвращением на материк вместе с Данричем Парролом, доктором Кеем и двумя выдрами-мутантами.

Сейчас мозг Джилленника уже научился четко распознавать оба набора воспоминаний и отделять их от своих собственных. А до этого, в течение некоторого времени, он путался. Господин депутат ловил себя на мысли, что испытывает наяву цветные кошмары на тему жизни в плавучем лесу. Чьи бы это ни были впечатления, в какой бы последовательности они ни разворачивались в голове, Джилленник некоторое время никак не мог осознать, что это происходило вовсе не с ним. Гораздо сильнее, чем его самого, это огорчало специалистов по перезаписи памяти. Они корили себя за проявившиеся побочные эффекты.

Но, во всяком случае, использованный препарат содействовал самому быстрому и надежному из всех известных способов переноса чужих воспоминаний. Через несколько часов впечатления от процедуры переноса должны изгладиться из его памяти. Так что Райан пришел к выводу, что беспокоиться не о чем…

Он пролистал отчеты, оставленные секретаршей. Среди них оказалось медицинское заключение о состоянии здоровья доктора Тайкоса Кея. Прогноз был благоприятным. Несмотря на возраст почтенного биохимика, восстановительные способности его организма оставались аномально высоки. Поступив в клинику, он находился на грани полного истощения, но через несколько недель интенсивной терапии должен был полностью поправиться. Джилленник был рад прочитать заключение — его чрезвычайно беспокоило здоровье почтенного старца.

Последний отчет, сводка военных действий, уже не представлял никакой ценности. Большая часть боевых действий завершилась пять часов назад — незадолго до того, как команда Найл Этланд высадилась на материк. Преследование противника в космосе продолжалось до сих пор, но количество целей уменьшилось до двенадца-

ти. Джилленник задумался. Может, связаться с Татло и сказать ему, чтобы он позволил убраться еще нескольким вражеским кораблям? Нет, и двух, загруженных под завязку, вполне достаточно, чтобы донести до Порад-Анца печальную для него весть. Слишком большое количество спасшихся может вызвать подозрение. В свое время Парагуаны уже смогли на горьком опыте убедиться, что корабли Федерации превосходят в скорости их корабли. Приблизительно восемь сотен Оганунов, запертых на острове плавучего леса, были взяты живьем. Все остававшиеся с ними Палачи были обнаружены мертвыми. Они покончили с собой. Да, никудышный улов…

Остальные отчеты были малозначительными. Психологический Сервис налаживал на Нэнди-Клайне работу средств массовой информации. Об этом он еще услышит на совещании.

Джилленник еще немного посидел в раздумье и слегка улыбнулся. Общая картина не так уж и плоха, подумал он. Вовсе даже неплоха!

— Командный отсек корабля. Депутату Джилленнику, — раздалось из экранного динамика.

— Слушаю, — произнес он в направленный микрофон.

— Связь полностью налажена и готова к ра-

боте, сэр. Скоро на связь выйдет Орадо. Когда я отключусь, ваша радиорубка будет защищена противоподслушивающим полем.

— Двойная проверка защиты, — проговорил Джилленник и нажал кнопку «Вкл.» ниже экрана.

* * *

— Что вас побудило отдать приказ не преследовать последнюю пару парагуанских военных кораблей и позволить им уйти? — спросил Советник Федерации Мавиг.

Джилленник посмотрел на двух людей, появившихся на экране. Рядом с Мавигом находился Толм Сайндхиз, директор службы Психологического Сервиса. Как и предполагал Джилленник, ситуация уже обрела солидный общественный резонанс. Обсуждение не ограничивалось участием в нем только их троих. Как ранее сообщил Мавиг, к нему был привлечен целый круг лиц с Орадо, обладающих различным весом в обществе. Имен он не называл. В этом не было нужды. Действия депутата Совета Федерации на Нэнди-Клайне обсуждали высшие министерские чины. Так, так, так…

— Флотилия неполнозвездного адмирала Татло

была на подходе к планетной системе, когда мы приняли с Нэнди-Клайна искаженное помехами сообщение о том, что там начались боевые действия. Татло прибавил ходу. К тому времени, как на стационарную орбиту прибыла основная часть его сил, парагуанские корабли по двое и по трое уносились в космос на всех парах. Наши корабли рассредоточились и стали их сбивать.

Было очевидно, что неприятель потерпел сокрушительное поражение еще на поверхности планеты. Хотя колониальные вооруженные силы и приняли участие, но их действия явно не могли стать причиной катастрофы, постигшей Парагуанов. Речь шла даже не об организованном отступлении, — это было беспорядочное паническое бегство. Но какова бы ни была причина обрушившегося на агрессора бедствия, я решил, что нам будет только на руку, если Порад-Анц услышит о нем из первых уст.

Флагманский корабль атаковал два самых крупных парагуанских корабля, класс которых, судя по последним сообщениям с места событий, приблизительно соответствует нашему крейсеру. Логично было бы предположить, что на борту находятся высокие чины. Теперь мы знаем, что, не считая штабного корабля, уничто-

женного еще в атмосфере планеты, они были крупнейшими кораблями из всех, принимавших участие во вторжении. На то, чтобы связаться с Орадо, времени не оставалось. Мы находились в самой гуще боя, и через минуту-другую бравые парни Татло разнесли бы неприятеля в щепки. Я являлся главным гражданским представителем правительства у него на флагмане. Исходя из всего вышеизложенного, я и отдал приказ.

Мавиг поджал губы:

— Адмирал безоговорочно поддержал этот шаг?

— Разумеется, нет, — сказал Джилленник. — С тактической точки зрения, он не имел смысла. Я и сам впоследствии склонен был временами сомневаться в правильности своего решения.

— Полагаю, — сказал Мавиг, — что ваши сомнения рассеялись после того, как вы восприняли сводку, взятую из памяти доктора Этланд.

— Вы совершенно правы.

Мавиг хмыкнул.

— Ну что ж… Теперь нам известно, что произошло с вражеским экспедиционным корпусом, — заметил он. — Командные эшелоны Парагуанов получили достаточную порцию психологической войны — в самой ужасной ее форме. Ваши

действия одобрены, господин депутат. Что привлекло ваше внимание к доктору Этланд и ее друзьям?

— Я высадился на Нэнди-Клайне при первой же возможности, — стал рассказывать Джилленник. — На планете все еще царила неразбериха, и я не мог получить немедленного объяснения причины отступления Парагуанов. Но я выяснил, что боевые действия начались после сигнала тревоги, посланного доктором Этланд с. одного из островов плавучего леса. К этому времени она уже добралась до материка, и я нашел ее в больнице, куда она доставила доктора Кея. Она вкратце рассказала, что тут произошло. Я убедил ее отправиться вместе со мной на флагманский корабль, прихватив с собой и доктора Кея. Она согласилась при условии, что доктор Кей будет постоянно находиться под медицинским присмотром. Совсем недавно они отправились обратно в больницу на материк.

— Люди, находящиеся в курсе всех этих дел… — произнес Мавиг.

— Доктор Этланд, доктор Тайкос Кей, доктор Данрич Паррол, — отозвался Джилленник. — Специалисты по пересадке памяти знают достаточно, чтобы это не выходило у них из головы. То же

самое можно сказать и о моей секретарше.

— С персоналом трудностей не возникнет. А вот можно ли надеяться, что первые трое сохранят тайну?

— Они все прекрасно понимают. Думаю, на них можно положиться. Официальная версия приключившейся с ними истории заключается в том, что доктор Этланд и доктор Кей обнаружили Парагуанов и следили за ними из укрытия. Захватчики свидетелей своего вторжения не видели, и никаких контактов между людьми и Парагуанами не было. Никто и никогда не упомянет о теории Тувел или о чем-нибудь еще, что имеет значение для Нэнди-Клайна.

Мавиг посмотрел на директора Психологического Сервиса. Сайндхиз кивнул и промолвил:

— Судя по личностным характеристикам, проявленным в «конспектах» их памяти, я считаю, что такой вариант вполне приемлем. Я предлагаю снабдить всех троих дополнительной информацией. Тогда они смогут четко уяснить, почему, с точки зрения Федерации, в этом вопросе необходимо соблюдать строгий режим секретности.

— Очень хорошо, — согласился Мавиг. — Сейчас уже установлено, что на других четырех водных планетах, на которые Парагуаны могли

бы высадиться одновременно с высадкой на Нэнди-Клайн, агрессоров нет. По слухам, вражеские действия были сосредоточены только на Нэнди-Клайне. Мы поддерживаем эти слухи. — Он взглянул на Толма Сайндхиза: — Как я понял, ваши люди уже приступили к пропагандистской кампании на этих планетах?

— Да, — отозвался Сайндхиз. — В данном случае, кампания будет несложной. Мы разрабатываем версию, наиболее доступную для местного населения.

— В чем эта версия заключается?

— В том, что части местной гражданской гвардии и колониальные вооруженные силы разгромили агрессора наголову до того, как ему удалось убраться обратно в космос. Версия уже одобрена более чем наполовину.

— Если бы не было подготовительной работы, проведенной доктором Этланд, — задумчиво промолвил Джилленник, — я склонен предположить, что именно так и произошло бы. Разумеется, ценой огромных человеческих потерь. Контратака была осуществлена с поистине всеобщим подъемом.

— Мы очень давно не воевали, — сказал Мавиг. — И в этом кроется часть наших проблем. Как

насчет общей реакции Ядра, господин директор?

— Мы допускаем, что тема вооруженного столкновения может стать главной в СМИ, но только в течение трех суток, — сказал Сайндхиз. — Потом последует целая серия заготовленных сенсаций, которые должны навсегда вытеснить события на Нэнди-Клайне из программ новостей. Можете мне поверить, я не вижу здесь никаких подводных камней.

Мавиг кивнул.

— Тогда пойдем дальше. Мне очень нравится местный термин — «громгорру». Мы его можем позаимствовать в качестве ключевого слова для обозначения событий, произошедших на Нэнди-Клайне.

— Кроме «Громгорру», еще и «Хранители-Тувелы», — многозначительно добавил Толм Сайндхиз.

— Да. Крейсеры, которым удалось беспрепятственно удрать с Нэнди-Клайна, скоро доберутся до Порад-Анца. Немногие оставшиеся в живых участники вторжения изложат свою версию событий. Высшие эшелоны Вечноживущих в течение двух-трех недель впитывают в себя неведомый ранее страх перед Тувелами. В языке Федерации нет второго такого слова, которое

вызывало бы столь мощную реакцию. Что же произойдет потом? Господин депутат, вы ведь обладаете завидным воображением. Как бы вы предложили завершить это дело с Порад-Анцем?

— С точки зрения Тувел-Хранителей? По-моему, в соответствии с их моделью поведения, которую предоставила нам доктор Этланд. Отношение к врагу не должно состоять из одного лишь к нему презрения, но близко к этому. Мы захватили в плен более тысячи Парагуанов низшего ранга, так называемых Оганунов. Простые солдаты нам совершенно ни к чему. Хранители никого бессмысленно не убивают. Через неделю-другую пленников следует отправить на Порад-Анц.

— В сопровождении военно-космического флота? — спросил Мавиг.

Джилленник покачал головой.

— Нет, их должен доставить единственный корабль, господин Советник. Но он должен произвести впечатление — для этой цели я предложил бы «Большого Разведчика». Да, только один корабль! Хранительница Этланд появилась в плавучем лесу одна-одинешенька. Случайность, как считают Парагуаны. Хранители не послали бы на Порад-Анц целую флотилию. Или более одного Хранителя.

— Да… правильно. А потом?

— Из того, что было сказано доктору Кею, следует, — продолжал Джилленник, — что на Порад-Анце пленников не оставляют в живых. Но мы должны убедиться в этом, и нам следует дать понять Вечноживущим, что мы твердо намерены выяснить, нет ли у них в плену полумертвых или с искалеченной психикой наших сородичей. Мы не оставляем граждан Федерации на произвол судьбы.

Толм Сайндхиз промолвил:

— Психологический Сервис предоставит дюжину ксенотелепатов для этой экспедиции. Они выяснят всю подноготную.

Мавиг кивнул.

— Что еще, господин депутат?

— На Нэнди-Клайне были убиты люди, — сказал Джилленник. — Непосредственные исполнители убийств почти наверняка мертвы. Но властям на Порад-Анце следует преподать урок — и за это, и просто за беспокойство, которое нам причинили. Они падки на захват новых территорий. Как насчет того, чтобы урезать их собственные?

— По данным ксеноразведки, они оккупировали от восемнадцати до двадцати водных планет. Им можно приказать, чтобы они убрались, до-

пустим, с двух из этих планет, — скажем, с тех, что расположены ближе всего к Федерации, — и дать им достаточно ограниченный срок на выполнение нашего требования. А по истечении предоставленного для эвакуации срока мы пошлем проверочную комиссию, исполнено ли оно. Этого будет достаточно?

— Полагаю, — сказал Джилленник, — что Хранитель ответил бы утвердительно. — Немного помявшись, он добавил: — Мне кажется, что нам в этой связи не следует употреблять термины «Тувела» или «Хранитель». Ими вообще не надо пользоваться. Пусть Вечноживущие на Порад-Анце сами догадаются, кто от имени Федерации отдает им приказы. Для нас будет лучше, если сверхлюдей теперь окутает тайна, и они станут «громгорру». Так они принесут человечеству больше пользы.

Мавиг кивнул и отвел взгляд в сторону.

— Я вижу, — заметил он, — что выбор того, кто доставит приказы Совета на Порад-Анц, уже сделан. — Он нажал кнопку на стойке перед собой. — Прошу к вашему персональному телетайпу, господин депутат…

Джилленник подошел к устройству, закрепленному на стойке, вынул оттуда карточку и увидел,

надо отметить, без особого удивления, что на карточке значилось его собственное имя.

— Благодарю за оказанное доверие, — спокойно произнес Джилленник.

— Можете готовиться к командировке. — Мавиг перевел взгляд на Толма Сайндхиза: — Следует ожидать, что через несколько недель кое-кто на Нэнди-Клайне станет проявлять интерес к прошлому доктора Этланд и доктора Тайкоса Кея. Возможно, стоит проследить, к чему приведут их «расследования».

Директор пожал плечами:

— Разумеется, мы будем ожидать появления подобных «дознавателей». Однако мне кажется, что если в результате их изысканий что-то и обнаружится, в этом ничего нового не будет…

Протокол заседания Оценочной Комиссии в составе:

Властелинов Сессегура, Предводителей Темных Кораблей.

Предмет обсуждения: «Парагуано-человеческий конфликт на Нэнди-Клайне».

Комиссия заседала в Пурпурном Зале Властелина Айлдана. Кроме него самого и постоянных членов Комиссии на заседании присутствовала также делегация с Вироллы во главе с ее

Полномочным Послом. Властелин Айлдан представил Комиссии Посла и членов делегации. Он упомянул о часто высказываемых требованиях Вироллы и входящих в ее состав рас и народов о том, что Союз Властелинов Сессегура должен дать свое согласие возглавить союзнические вооруженные силы и координировать нападение на Федерацию Ядра Звездного Скопления. Он объяснил, что выводы, сделанные Комиссией, могли бы послужить ответом на эти требования. Затем попросил Властелина Тошина — Главного Посла Союза в Федерации Ядра — прокомментировать разведывательные данные, полученные из Федерации после поражения Парагуанов.

Властелин Тошин: «Общее впечатление, которое оставила у Федерации попытка Парагуанов захватить планету Нэнди-Клайн, таково, что она считается чрезвычайно малозначительным событием. За сравнительно короткий промежуток времени, еще до того, как я покинул Орадо, чтобы лично побеседовать с другими членами этой комиссии, стало ясно, что среднестатистический гражданин Федерации почти ничего не помнит о событиях на Нэнди-Клайне. Разумеется, следует учитывать, что этот самый среднестатистический гражданин, скорее всего, никогда прежде не

слышал о планете под названием Нэнди-Клайн. Из-за неимоверного количества населенных миров Федерации значение отдельно взятой планеты значительно размыто.

На самом Нэнди-Клайне столкновение с Парагуанами остается темой наивысшего приоритета. Казалось бы, что основные силы Парагуанов должны были быть уничтожены военными кораблями Федерации в космосе, тем не менее своим сокрушительным поражением они обязаны прежде всего населению континента. От многочисленного народа, обитающего на морских просторах, так называемых глиссерщиков, ничего добиться не удалось. Следуя своим обычаям, они остаются закрытыми для любого рода контактов. А уж с федеральными представителями массовой информации и другими организациями, интересующимися их мнением о произошедшем, глиссерщики обращаются настолько нелюбезно, что у многих пропадает охота спрашивать их еще раз.

Среди материалов, циркулирующих в Федерации, до сих пор не было ни одного даже малейшего публичного упоминания о теории Тувел. Личность, которую уцелевшие Парагуаны называют в своих отчетах Порад-Анцу «Хра-

нительницей Этланд», и которую они считают принадлежащей к особому классу сверхлюдей, известных, как Тувелы, существует на самом деле. Это доктор Найл Этланд, и она уроженка Нэнди-Клайна. Мое ведомство провело тайное и вместе с тем очень тщательное расследование как ее рода занятий, так и ее прошлого. Большинство из вас ознакомлено с результатами этого расследования. В них отмечается, что доктор Этланд действительно очень одаренная личность и обладает высокоразвитым интеллектом, но все это не выходит за рамки человеческих способностей. По образованию и по профессии она — биохимик. Нет никаких оснований предполагать, что она является одной из тех, возможно, мутировавших людей, которые взяли на себя роль тайных руководителей и защитников Федерации. Расследование, проведенное одновременно в отношении ее напарника — доктора Тайкоса Кея, который, как считают Парагуаны, тоже, вероятно, является Тувелой, дало аналогичные результаты. У нас нет оснований полагать, что доктор Кей представляет собой нечто большее, нежели то, чем он кажется.

Особый интерес представляет тот факт, что общественность Федерации понятия не имеет

о той роли, которую эти личности сыграли в откровенно паническом бегстве Парагуанов с Нэнди-Клайна, и какую оставшиеся в живых Парагуаны им приписывают. На самой планете считается, что доктор Этланд и доктор Кей первыми подали сигнал о присутствии врага, который вторгся на Нэнди-Клайн — и это все, что они сделали.

Под влиянием обстоятельств я решил, что будет неразумно пытаться опросить доктора Этланд непосредственно. Опросить доктора Кея в любом случае не представлялось возможным. По истечении срока пребывания в больнице он, по всей вероятности, вернулся к своим исследованиям на одном из многочисленных островов плавучих джунглей этой планеты. По-видимому, только доктору Этланд известно, где он сейчас находится».

Властелин Айлдан: «Властелин Майнгольм, являющийся в последнее время Послом Союза на Порад-Анце, сейчас прокомментирует несоответствие между обнародованной в Федерации версией причины поражения экспедиционного корпуса Порад-Анца и мнением уцелевших Парагуанов, высказанных по этому поводу».

Властелин Майнгольм: «Как известно Ко-

миссии, только двум парагуанским кораблям, принимавшим участие во вторжении, удалось избежать уничтожения и вернуться на Порад-Анц. На борту этих кораблей находились восемьдесят два Палача и Великих Палача. Из них двадцать восемь были непосредственными свидетелями столкновения Вечноживущих с женщиной, которую называют «Хранительницей Этланд».

Все восемьдесят два являлись членами политической фракции, известной, как «Глас Решимости». За участие в губительном политическом перевороте, совершенном ими ни Нэнди-Клайне, они были приговорены к смертной казни. Перед этим они подверглись частым и интенсивным допросам с применением жестоких пыток. Я присутствовал на нескольких таких допросах, и в некоторых случаях мне было позволено задавать вопросы непосредственно допрашиваемому.

Их рассказы совпадали во всех самых важных пунктах. И доктор Кей, и сама доктор Этланд открыто заявляли, что доктор Этланд является Хранительницей Федерации и, будучи Тувелой, обязана выполнять свое предназначение. И все-таки эти заявления долго не могли убедить Глас Решимости, который решительно отвергал причастность теории Тувел к событиям,

имевшим место в прошлом при первом человеческо-парагуанском столкновении. Особенно яростно они возражали против утверждения, что Тувелы якобы обладают сверхъестественными возможностями. Однако события, которые стали развиваться в той местности, где насильно удерживали доктора Кея, сразу после появления там доктора Этланд, убедили Великих Палачей в обратном. Казалось, никто и ничто не может остановить эту женщину. Она появлялась там, где хотела, и пропадала, когда хотела, будь это в море или в густых зарослях плавучего леса. Она была неуловима как привидение. Более того, кто имел несчастье столкнуться с ней лично, уже не мог сообщить об этом. Он просто исчезал. В списке пропавших числится выдающийся Великий Палач, известный, как неутомимый воин и руководитель Гласа Решимости, а также оба прошедших высшую степень боевой подготовки тарма. (Эти гигантские животные обладали наиболее эффективной разрушительной силой, и, тем не менее…) Когда большинство Вечноживущих проголосовало за переговоры с Хранительницей, она добровольно явилась на базу и велела Великим Палачам убраться с планеты. Глас Решимости понял, что дух их товарищей из

Гласа Осторожности сломлен, и они подчинятся ее приказу. В приступе ярости и отчаяния они перебили большинство, готовое пойти на уступки Тувеле, и захватили в свои руки командование экспедиционным корпусом.

После этого ситуация только ухудшилась. Глас Решимости пошел на такой шаг, исходя из того, что Хранительница Этланд, в своем желании говорить с Вечноживущими, позволила загнать себя в ловушку. В тот момент она все еще находилась в охраняемом помещении на базе, была безоружна, и вместе с ней там находился доктор Кей. Но когда туда была послана расстрельная команда с тем, чтобы ее казнить, все участники были уничтожены в результате ужасающей по своей свирепости атаки обитающих в тех местах живых организмов. До этого момента они казались совсем безобидными. Другие участки форта оказались заполнены смертельно-ядовитыми испарениями. Возникла сильнейшая суматоха, и спустя довольно продолжительное время обнаружилось, что Хранительница покинула базу, будучи, по всей видимости, невредимой, да еще забрала с собой доктора Кея.

После этого их никто не видел. Однако признаки присутствия Хранительницы в том или

ином районе острова следовали один за другим. Великие Палачи и Палачи из Гласа Решимости, находились теперь в яростных спорах друг с другом по поводу выбора оптимального плана действий. Они укрылись за броней командного корабля и двух других космических судов. Эти корабли находились на якорной стоянке глубоко под водой. Им представлялось, что теперь они находятся вне досягаемости Хранительницы. Но вскоре на командный корабль пришло обрывочное сообщение о том, что она предприняла атаку на два других судна. Вслед за сообщением последовали мощные взрывы, в результате которых оба корабля, очевидно, были уничтожены.

Эта капля переполнила чашу терпения. С командного корабля по радио было отдано распоряжение всем подразделениям на Нэнди-Клайне немедленно покинуть планету. Как нам известно, эта запоздалая попытка унести ноги оказалась безуспешной. Люди уже приступили к массированной атаке. Командный корабль, очевидно, был уничтожен в атмосфере планеты. За короткое время весь экспедиционный корпус был фактически истреблен.

Должен особо подчеркнуть, что совокупность этих событий, которые произошли за

сравнительно короткий промежуток времени, подействовала на Парагуанов угнетающе. По признанию оставшихся в живых, их ряды охватила болезненная тревожность и предчувствие скорого краха. В результате таких настроений возобладало убеждение, что они бросили вызов какой-то неуязвимой сверхъестественной силе. Создалось устойчивое впечатление, что уцелевшие в результате битвы на Нэнди-Клайне Парагуаны находились в большей степени под впечатлением пережитого, нежели того реального, прекрасно осознаваемого ими факта, что своими действиями они попрали законы Порад-Анца. Дело не в том, что среди побывавших на Нэнди-Клайне, в итоге, не осталось скептиков в отношении теории Тувелы, а в том, что Тувела, по-видимому, доказала им свою реальную опасность, более реальную, чем они могли себе представить. Впечатление усиливалось тем, что Хранительницей Этланд оказалась молодая женщина. Парагуанам известно, что у людей, как и у многих других рас, именно мужчина, вследствие своих биологических и психических особенностей, а также традиций, является бойцом. То, что мог бы с ними сделать в этих обстоятельствах зрелый мужчина-Тувела, потрясло их воображение.

Было очевидно, что для расправы над силами вторжения Хранители посчитали излишним задействовать одного из своих наиболее грозных представителей. Было также очевидно, что их решение оказалось правильным.

Я должен признать, что свидетельства уцелевших Парагуанов объективно верны. То, о чем они рассказывали, произошло на самом деле. Другое дело, в каком свете следует истолковывать эти события. Сообщения, имеющие хождение по Федерации, искажены в том смысле, что истинная причина разгрома Парагуанов на Нэнди-Клайне заключается в появлении в этом районе доктора Этланд и в предпринятых ею действиях, которые не предаются широкой огласке. Я не знаю, в чем кроется причина такого извращения фактов».

Властелин Айлдан: «Свои замечания по данному вопросу выскажет Властелин Тошин».

Властелин Тошин: «Я согласен с выводами, сделанными Властелином Майнгольмом. Мы можем допустить, что уцелевшие Парагуаны поведали правду — в том виде, как она им представлялась. Далее, мы должны задаться следующими вопросами: почему официальная версия Федерации, касающаяся поражения Парагуанов, никак не связана с теорией Тувел? Почему имя доктора Эт-

ланд было едва упомянуто? И, наконец, почему ее заслуга признается лишь в том, что она сообщила о вражеском присутствии?

Наиболее простое объяснение этому, на первый взгляд, может заключаться в том, что она и в самом деле является Хранительницей-Тувелой — как утверждал доктор Кей, и как потом заявляла Великим Палачам она сама. Но это ставит нас перед другим вопросом, а именно: с какой стати Хранительнице понадобилось выставлять напоказ свою, хранимую в глубокой тайне личность, и подвергать свою группу опасности? Разумному объяснению такие действия не поддаются.

Далее. Я не вижу места для клана тайных властителей в структуре Верховного Правительства Федерации. Это сложный, многослойный орган, и Совет Федерации, входящий в его состав, хоть и считается у населения средоточием власти, частенько производит впечатление посредника между многочисленными могущественными ведомствами. То, что эти структуры, возглавляемые очень сильными, решительными и активными индивидами, являются простыми пешками, которыми манипулируют по своему усмотрению Тувелы-Хранители, представляется весьма сомнительным фактом.

Поэтому я осмеливаюсь утверждать, что нам не следует принимать в расчет тот факт, что доктор Этланд является Хранительницей. Он не является удовлетворительным объяснением поражения экспедиционного корпуса Порад-Анца. Прошу Властелина Айлдана поставить вопрос на голосование».

Властелин Айлдан: «Голосование состоялось, и Комиссия одобрила это предложение. Властелин Тошин подведет итог своему выступлению».

Властелин Тошин: «Другое возможное объяснение заключается в том, что доктор Этланд, будучи хоть не Хранительницей и не Тувелой в парагуанском понимании этого термина, обладает уникальными способностями. Используя их, она до такой степени затерроризировала силы вторжения, что те обратились в беспорядочное бегство. В данном случае я не исключаю возможность применения того, что известно под названием «сил Ульда». По этому поводу могу сказать одно: ни в ее послужном списке, ни в характеристике — нигде не отмечено, что она обладает подобными способностями. Кроме того, не обладая достаточной информацией об использовании людьми так называемых «сил Ульда», у меня нет какого-либо определенного мнения по

этому поводу».

Властелин Айлдан: «Свое мнение выскажет Властелин Галхад».

Властелин Галхад: «Однажды я провел в Федерации обширное исследование по этому вопросу. Я намеревался проверить теорию, которая заключается в следующем: когда какой-либо биологический вид (в данном случае, люди) выходит в космос, то в результате воздействия на него широкого спектра физических и психологических факторов, в конце концов, происходит резко выраженный всплеск использования этим биологическим видом «сил Ульда». Но человечество совсем недавно, по биологическим меркам, вышло в космос. Так или иначе, но я не смог получить ни подтверждения этой теории, ни опровержения, поскольку в Ядре Звездного Скопления не так давно завершился период политической неразберихи, и многие документы пропали. Все доступные мне материалы оказались недостаточно надежными.

Тем не менее, удалось выяснить, что люди шире используют «силы Ульда», чем большинство других разумных существ, которые известны на сегодняшний день. Люди, занимающиеся этим, называются пси. В Федерации к ним со стороны

населения не проявляется особого интереса. Существует достаточное количество ложной информации об их деятельности. Возможно, некоторые ветви Верховной Власти занимаются вопросом пси, но доказательств этому я не обнаружил. Также вероятно, что успехи Федерации в управлении «силами Ульда» небиологическими методами превзошли все известные достижения в этой области. Поэтому там с некоторым безразличием относятся к управлению «силами Ульда» с помощью живого мозга, которое, как правило, является менее точным, нежели с помощью приборов.

Следовательно, вопрос состоит в том, каким же способом доктор Этланд могла использовать «силы Ульда», что привело к таким потрясающим результатам, о которых вам доложил Властелин Майнгольм: то ли непосредственно, то ли с помощью специальных устройств? Побудила ли она безобидные, как правило, низшие формы жизни наброситься на расстрельную команду? Сделала ли она себя пси-невидимой и, в общем, неуловимой? Заставила ли она своих противников сгинуть: в морских ли глубинах, в космосе, или даже в иных измерениях пространства, которые нам пока неизвестны? Помутила ли она

рассудок у членов Гласа Решимости, заставив их таким образом совершить бунт, который привел к столь сокрушительным последствиям? Явилось ли умелое использование «сил Ульда» причиной взрывов на погруженных под воду кораблях, которые спровоцировали немедленное отступление?

Все это вполне возможно. Мы знаем, или догадываемся, что пси и все остальные, кто умеет использовать в своих интересах Ульд, способны породить явления, подобные тем, которые я перечислил.

И все-таки это невозможно. Отчасти потому, что нет сведений, говорящих в пользу того, что какой-либо Ульд-пользователь мог бы употребить эти силы для столь различных целей. Даже если допустить, что доктор Кей тоже является законченным пси-феноменом, и они оба работали на пару, это остается невероятным.

Это невозможно еще и по другой причине. Мы не можем утверждать наверняка, что доктору Этланд удалось исполнить все то, что она сделала, лишь с помощью одних «сил Ульда». Если рассматривать события по отдельности, то каждое из них могло быть вызвано обычными причинами. И так как целенаправленное использование Уль-

да, даже среди людей, остается в значительной мере чрезвычайно редким явлением, его нельзя принимать во внимание при наличии других объяснений».

Властелин Айлдан: «Я ставлю вопрос на голосование. Принято единогласно. Свое мнение выскажет Властелин Тошин».

Властелин Тошин: «Остается, как верно заметил Властелин Галхад, третья возможность. Я нахожу ее даже более тревожной, чем две предыдущие, которые мы уже обсудили. Итак, она заключается в том, что доктор Этланд является именно тем, кем она кажется на первый взгляд — исключительно одаренным человеком, но без каких-либо паранормальных свойств и не обладающим ореолом приобщения к таинственной власти. Наше расследование показывает, что она досконально изучила плавучие леса своей планеты и все встречающиеся там формы жизни. Она хорошо владеет оружием и во многих случаях одерживала верх в схватке с себе подобными. Доктор Кей достаточно долго находился в плену у Парагуанов, чтобы иметь возможность разработать в малейших деталях придуманную им от начала до конца теорию Тувел. Трудно понять, каким образом ему удалось передать эту информацию

доктору Этланд. Однако если предположить, что он нашел-таки способ сделать это, то нам, видимо, следует признать, что доктор Этланд воспользовалась как полученной от доктора Кея информацией, так и своим знанием местности и предоставляемых этой местностью тактических возможностей. Это, а также хорошая физическая подготовка доктора Этланд вкупе с обычным оружием привело к тому, что враг оказался полностью деморализован и в конечном итоге был обращен в паническое бегство. Именно в этом состоит наиболее приемлемое объяснение событий, о которых сообщили уцелевшие Парагуаны.

Разумеется, мы не в силах это доказать. И совершенно очевидно, что этого как раз и добивается Верховное Правительство Федерации. Для достижения своей цели оно позаботилось о том, чтобы в официально утвержденных отчетах по поводу парагуанского вторжения ни словом не было упомянуто ни о роли доктора Этланд, ни о теории Тувел. Все любопытствующие, которым известна парагуанская версия случившегося, со временем узнают, что в этом вопросе многое утаивается. Однако им останется по данному поводу только строить догадки и предположения. И эти их домыслы, скорее всего, будут тревожными. Следует

отметить, что не так уж важно, какая из обсуждаемых нами возможностей соответствует истине. Личность, известная нам, как доктор Этланд, будет представлять для врага смертельную опасность во всех отношениях. Молчание властей Федерации в этом вопросе нам следует рассматривать, как предупреждение, направленное в адрес тех, кто собирается основывать свои действия на слишком определенных выводах. Один из таких выводов сделал в свое время Порад-Анц. Такая политика умалчивания подразумевает, что любой потенциальный агрессор никогда не будет знать заранее, какого рода катастрофа может быть уготована ему людьми. Зато он будет знать, что, попытавшись завоевать какую-либо планету Федерации, он столкнется там с чем-то совершенно неожиданным. Может быть, с тем, что и предположить-то невозможно».

Повелитель Майнгольм: «И все же мы должны попытаться это предположить. Мы установили только то, что доктор Этланд — опасная личность. Какую полезную информацию можно извлечь из парагуанской ошибки относительно человеческого рода?»

Властелин Тошин: «Ошибка подтверждает, что люди невероятно различаются между собой.

Оценка Парагуанов основывается на изучении нескольких тысяч человеческих индивидуумов, тайно похищенных в космосе на протяжении длительного промежутка времени. Испытания проводились до полного уничтожения испытуемых. Без сомнения, в результате этого Порад-Анц многое узнал об этих людях. Его ошибка состояла в обобщении полученных сведений и в расчетах, построенных на этом обобщении. Утверждать только на основании сделанного Парагуанами обобщения, что конкретный человек является таким-то и таким-то, что он способен на то-то и то-то — означает автоматически вводить себя в заблуждение. Человеческий род, его деятельность и философия остаются непредсказуемыми. Индивидуальности отличаются друг от друга, а весь род в целом изменяется под влиянием обстоятельств. По-видимому, такая неустойчивость вида является главным источником его силы. Мы не можем судить о нем только на основании того, каким он является сегодня, или того, каким он был вчера. Мы не знаем, каким он станет завтра. Вот что нас особенно тревожит».

Властелин Айлдан: «Это и в самом деле нас очень беспокоит. Из того, что было сказано, следует, что человеческое Верховное Правительство

следует рассматривать, как фактор первостепенной важности. Свое мнение выскажет Властелин Батрас».

Властелин Батрас: «Функция Верховного Правительства состоит в выработке стратегии. Отчасти его стратегические планы направлены за пределы Федерации — в глубины вселенной. Но это только небольшая часть его планов.

Теперь, что касается Федерации, как объекта нападения. Федерация занимает необозримые территории в космосе. Населенные людьми планеты кажутся почти полностью затерянными среди неизмеримо большего количества планет, на которых обитают другие существа. Все политические структуры Федерации, кроме центральных, представляются слаборазвитыми. Военная мощь Федерации колоссальна, но она очень сильно распылена.

Таким образом, Федерация может показаться на первый взгляд весьма уязвимой для ограниченного захвата ее территорий решительным и хорошо подготовленным противником. Но нам известно, что в течение многих звездных периодов каждая попытка такого захвата терпела фиаско. Мы были свидетелями и того, как более изощренные планы по ослаблению и нанесению

урона человеческой цивилизации также заканчивались полным провалом. Мы до сих пор не знаем подробно, отчего именно потерпели крах некоторые из этих планов. Однако на основании того, что мы только что обсудили, можно, в принципе, сказать, что Федерация является своеобразной биологической крепостью, защитой которой является сама природа ее обитателей. В эту крепость легко проникнуть. Но когда такое происходит, это оборачивается целым ворохом непредвиденных и всегда смертельных ловушек.

Согласившись с таким утверждением, мы должны задаться вопросом: почему Верховное Правительство упорно продолжает действовать так, как будто специально хочет скрыть устойчивость положения Федерации? Мы видели, что его политика заключается в том, чтобы относиться к враждебным действиям, как к чему-то незначительному. По этому поводу Верховное Правительство выдает лишь ту минимальную по объему информацию, которую просто невозможно утаить. Можно предположить, что оно искренне верит в то, что нынешние соседи Федерации по Галактике не представляют собой реальной военной угрозы. Однако проявляемая им огромная сдержанность в применении ответных

мер за умышленное нападение должна иметь под собой более серьезную причину. Например, в последнем случае Верховное Правительство Федерации даже не заставило Порад-Анц разоружиться. Такое принуждение не составило бы большого труда.

По моему мнению, у нас накопилось уже достаточное количество информации, чтобы объяснить, в чем тут дело. Главной заботой Верховного Правительства Федерации является население ее собственных планет. Какие планы оно вынашивает для своих подчиненных, мы не знаем. До сих пор это не поддается анализу. Но мы знаем, какие планы оно не готовит для своего населения. Нам также известны методы, применяемые Верховным Правительством для того, чтобы население не двигалось в направлениях, которые считаются нежелательными.

Поразмыслите еще раз над тем, что сказал Властелин Тошин об этом существе под названием «человек». Индивидуальности могут различаться по складу характера или по манере поведения. Но, как вид, человек является исключительно опасным существом. Без сомнения, агрессивность является неотъемлемой чертой его характера. До того, как выстроилось здание Федерации, люди

воевали друг с другом на протяжении многих звездных периодов на всем занимаемом ими пространстве. Воевали с неутолимой яростью, которую редко встретишь у других разумных существ. С формальной точки зрения, у них с той поры царит мир. Но агрессивный потенциал никуда не делся. В том или ином виде он все равно проявляется. Только сейчас он не выходит за рамки принятых у людей норм поведения.

Я уже сказал, что нам известно, чего не хочет человеческое Верховное Правительство. Оно не хочет, чтобы у его неустойчивых, изменчивых, опасных подданных выработалась идеология космической экспансии. Такие устремления не могут дать людям ничего такого, чего бы у них уже не было. А благодаря этой идеологии они могут в итоге вернуться к временам междоусобиц, которые предшествовали созданию Федерации. Возможно, Верховное Правительство имеет в виду и другие соображения по этому поводу. Мы этого не знаем. Но нам доподлинно известно, что в настоящее время человеческий род склоняется к тому, чтобы не проявлять враждебности по отношению к другим разумным существам. У этого правила есть и исключения, носящие ярко выраженный уголовный характер. Многие, в том

числе и мы, уже испытали это на себе. Но эти исключения и самими людьми рассматриваются, как уголовные. Такое, пока господствующее среди людей, отношение к чужим цивилизациям может измениться, если у нынешнего населения Федерации возникнет впечатление, что ему постоянно бросают серьезный вызов внешние враги. Пока у людей оснований так думать нет. Парагуанское вторжение рассматривается как серьезный вызов только на самом Порад-Анце. Мы предвидели его провал. Вместе с тем мы считали, что сможем извлечь из него полезные сведения для себя — что мы и сделали.

Я предлагаю Комиссии согласиться с тем, что теперь мы обладаем исчерпывающей информацией. Верховное Правительство Федерации продемонстрировало, что оно опасается того состояния, в которое могут впасть его граждане, если их то и дело раздражать такими вещами, как парагуанская попытка захватить Нэнди-Клайн. Нам тоже следует проявлять достаточное благоразумие, чтобы опасаться такого состояния у людей. Если Федерация пойдет по пути ответных завоеваний, то это вскоре может стать у них сложившейся традицией. Вот где кроется реальная опасность!»

Властелин Айлдан: «Комиссия согласна. Я, Властелин Айлдан, говорю сейчас от имени Союза Властелинов Сессегура, Предводителей Темных Кораблей. Я обращаюсь к делегации от Вироллы и ко всем тем, кого они представляют. На всей территории, на которую распространяется влияние Союза, отныне не будет ни готовиться, ни замышляться никаких враждебных действий по отношению к человеческой Федерации. Союз это запрещает. Темные Корабли будут бдительно следить за выполнением этого постановления, как они делали это раньше, на протяжении множества звездных периодов. И остерегайтесь нарушать требования Союза!»

Постановление принимается комиссией единогласно, после чего заседание объявляется закрытым.

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

Хранители традиций
(рассказ)

Мак-Нилти был Рильфом. В одежде он еще мог сойти за человека, хотя по большей части его человеческая внешность — широкое, бледное восковое лицо и большие руки были результатом искусной хирургии. Поскольку хирурги тоже были Рильфами и имели весьма приблизительное представление о том, что люди считают привлекательным, лицо получилось неприятное, но вполне пригодное для ведения деловых переговоров. Другой рильфской особенностью, которую он был вынужден тщательно скрывать, был запах, почти столь же невыносимый для человеческого обоняния, как человеческий — для Рильфов. Поэтому дважды в день ему приходилось орошать себя сильным дезодорирующим средством. Запахи людей он переносил стоически.

Вряд ли что-то могло сделать Мак-Нилти привлекательным для человеческого глаза. Нельзя сказать, чтобы он двигался совсем уж неправильно, но все же довольно странно. Он в совершенстве владел английским и еще на четырех языках

объяснялся достаточно хорошо для того, чтобы его понимали, но в его речи всегда слышалось какое-то бульканье, словно говорила огромная болотная жаба. Одних людей Мак-Нилти пугал, другим был отвратителен. Впрочем, его не слишком трогали подобные отношения. Практически они никак не влияли на его деловые контакты.

В частности, для Джейка Х иски, капитана и владельца космического судна «Горделивая Сью», Мак-Нилти выглядел как миллион долларов. Именно столько, вероятно, могло оказаться у него в кармане, если Хиски сможет в ближайшие несколько дней все уладить. Поэтому капитан всего лишь натянуто улыбался, тыкая пальцем в звонок на двери кабины Мак-Нилти.

— Кто там? — пробулькал динамик на двери голосом хозяина.

— Это Джейк, есть новости, хорошие новости!

Замок крякнул, и дверь плавно открылась. Входя внутрь, Хиски успел заметить, что в дальнем конце каюты поспешно закрылась другая дверь. За нею находились апартаменты временного пассажира «Горделивой Сью», еще одного Рильфа, избравшего себе человеческое имя Варне. Человеческое присутствие оскорбляло его обоняние куда более чувствительно, чем Мак-Нилти.

Возможно, Варне был еще одним мужчиной в отряде рильфских наемников, а мог оказаться женщиной и подругой Мак-Нилти. Если, конечно, предположить, что Мак-Нилти — сам мужчина, в чем тоже не могло быть никакой уверенности. Рильфы почти ничего не сообщали людям о себе. Единственное, что было известно об их расе, так это обладание неким естественным оружием, представляющим собой весьма лакомый кусок для человечества, а также большая заинтересованность Рильфов в деньгах, на которые можно купить технологии у Земли. Инопланетное оружие предоставлялось во временное пользование определенным группам людей, которые о нем знали и могли за это заплатить.

— Извините Барнса, — произнес Мак-Нилти, изучающе глядя на Хиски из-за стола, на котором стоял видеоскоп: — Он нездоров.

— Конечно, — ответил Хиски и с любопытством добавил: — А что вы изучаете?

И Мак-Нилти, и Барнс никогда не упускали ни единой возможности собрать побольше сведений о том, что относилось к делу.

— Историю Земли за последние три года, — ответил Мак-Нилти. — Должен признать, что обстановка там выглядит на редкость благопри-

ятно!

Хиски ухмыльнулся:

— А то как же! Благоприятно для нас, конечно…

Мак-Нилти выключил видеоскоп.

— За последние двое суток, — заметил он, — я зафиксировал сведения о сорока двух, этих, так называемых, локальных конфликтах на планете. Еще несколько мини-войн намечаются в ближайшие дни. На Земле всегда так бурно?

— На самом деле сейчас еще сравнительно спокойно, — ответил Хиски, — но мы немного оживим обстановку!

Он пододвинул стул и сел.

— Конечно, я больше восьми лет отсутствовал в Солнечной системе и меня, признаться, не слишком беспокоило, что там происходит. Но совершенно очевидно, что там происходит то же самое, что и раньше. Прошло больше ста лет после того, как рухнуло мировое правительство. С тех пор города-государства, деревни, морские города, города-купола, подземные города и черт знает, что еще — все сражаются друг с другом изо всех сил. И будут сражаться еще довольно долго. Так что можно не беспокоиться за наш бизнес.

— А я и не беспокоюсь, — сказал Мак-Нилти. —

Вы были правы: возможность заработать здесь практически неограниченная. Кстати, что это за хорошая новость, о которой вы упомянули, Джейк? Ваши люди на Земле придумали, как нам высадиться на планету без проволочек?

— Нет, — ответил Хиски, — им нужно, по крайней мере, еще дней пять, чтобы все уладить. Приходится действовать с осторожностью. Не нужно поднимать лишнего шума до того, как вы и ваши ребята устроятся и будут готовы действовать.

— Понимаю, — согласился Мак-Нилти.

— Случилось вот что, — продолжал Хиски, — станция, на которой мы остановились, принадлежит Космическому Университету. Навигатор полчаса назад состыковался с причальным отсеком, чтобы выяснить, где сейчас находится его сестра. Она имеет какое-то отношение к Космическому Университету. Студентка, наверное. Он не видел ее восемь лет.

— Она аспирантка, — поправил Мак-Нилти, любивший точность во всем, — ее зовут Элизабет, и она на три земных года младше Кейджа. Я слышал, как он вчера обсуждал это с вами, и дословно запомнил, что он говорил.

— Наверное, вы правы, — согласился Хиски. —

Так вот, на станции Космического Университета ему сообщили, что она в гостях на частном астероиде, и он переговорил с ней по радио. Хозяева астероида пригласили его погостить у них пару дней, чтобы пообщаться с сестрой. Кейдж позвонил мне, и я велел ему сказать, что мы подбросим его до астероида на «Горделивой Сью», ведь нам все равно нужно как-то убить время, пока подойдет наша очередь пограничного досмотра на станции Системы. Так мы и договорились. А когда прибудем на место, я сделаю так, что меня пригласят на астероид вместе с Кейджем.

— Это и есть хорошая новость? — удивился Мак-Нилти.

Хиски усмехнулся:

— Это хорошая и очень важная новость. В ваших видеокнигах говорится что-нибудь о частных астероидах Солнечной системы?

— Да, они упоминались мельком, — ответил Мак-Нилти, — дважды. Я понял так, что они весьма слабо связаны с планетарной культурой и не участвуют ни в каких милитаристских проектах. Отсюда я сделал вывод, что они не представляют для нас особого интереса.

— Я бы так не говорил, — посоветовал Хиски. — Каждый из этих астероидов — маленький

замкнутый мирок. Они совершенно независимы и не подчиняются как Земле, так и Солнечной системе. У них есть соглашение с Системой, которое гарантирует им суверенитет в обмен на соблюдение определенных условий. Судя по тому, что рассказала сестра Кейджа, этот астероид — просто шикарное ранчо в космосе. Оно принадлежит профессору Элстону… Ну, представьте себе — горстка людей, какая-нибудь экзотическая скотина, обширные запасы продовольствия…

— А зачем нам эти люди? — не понял Мак-Нилти.

— Думаю, они могут оказаться полезными. Я же говорил, что единственное, что может помешать нашим планам, это излишнее внимание Полиции Системы к «Горделивой Сью», пока мы будем болтаться здесь еще пять или шесть суток.

— Да, вы так говорили, — кивнул Мак-Нилти. — И, кстати, у меня вопрос. Согласно данным моих видеокниг, Солнечная система вовсе не управляет планетой Земля. А раз так, то какое право имеет Полиция Системы контролировать то, что импортирует Земля?

Хиски пожал плечами:

— Просто делать им нечего, я так думаю. Полиция разругалась с Землей лет этак сорок назад, но

они по-прежнему изображают себя ответственными за все, что там происходит. Зато силенок на то, чтобы контролировать космическое пространство внутри Системы, у Полиции хватает. Земля от этого, естественно, не в восторге, но ничего поделать не может. Если Полиция поймет, зачем мы собираемся посадить на Землю корабль, полный Рильфов, нам ни за что не позволят приземлиться. Если же мы не вызовем подозрений, то, скорее всего, нас не тронут, хотя рассчитывать на это мы не имеем право — слишком высоки ставки. А вот если посадить «Горделивую Сью» под прикрытие силового поля астероида профессора Элстона, она будет и вне зоны видимости, и вне юрисдикции Полиции Системы. По законам Системы нас не смогут тронуть, даже зная, что это — мы.

— Полагаете, профессор Элстон позволит вам посадить корабль?

— Сомневаюсь, что его гостеприимство зайдет так далеко. Но ему будет неловко не пригласить меня в гости вместе с Гарольдом Кейджем на часок-другой, я ведь как-никак его начальник. Затем я случайно проговорюсь о том, что у нас на борту один очень интересный инопланетянин… Первый представитель своей расы в Солнечной системе, интересующийся частными астероида-

ми. Будьте уверены, этот яйцеголовый клюнет как миленький. С вами в шлюпке может прилететь полкоманды. Она будет прятаться, пока не наступит время действовать.

Мак-Нилти заинтересованно булькнул:

— Вы упомянули о горстке людей…

— Все указывает на то, что их — максимум полсотни. Но, скорее всего, вполовину меньше. Астероиды заселены негусто, для того люди и покидают Землю, чтобы жить без соседей, и единственное место, где можно купить уединение, находится в космосе.

— В таком случае, — заметил Мак-Нилти, — там должна быть предусмотрена какая-нибудь компактная, но мощная система управления.

— Вы угодили в самую точку, Мак-Нилти. Обычно астероиды устроены как корабли, как огромные естественные корабли. По большей части, они курсируют по орбите вокруг Солнца, но на небольшие расстояния могут передвигаться и самостоятельно.

— В таком случае, если это корабль, то управление им должно быть нестандартным. Иначе как достичь высокой эффективности для тела столь нестандартной формы? Нам понадобится минимум час-другой, чтобы понять, как астероид

функционирует, и приноровиться к этому.

— Возможно, вы приноровитесь и быстрее, — ответил Хиски.

Вероятно, из-за врожденного дефекта воображения уровень технологий сообщества Рильфов был гораздо ниже, чем у человечества. Однако их обучаемость была на должной высоте, и Мак-Нилти, подобно большинству своих соотечественников, живо интересовался земной техникой, на лету схватывая принципы ее устройства и управления. Например, начинка «Горделивой Сью» уже давно не составляла для него секрета.

— Можно ведь и ничего не предпринимать, пока мы с вами не разберемся в ситуации, — подчеркнул Хиски, — но все должно пройти как по маслу. Захватим пульт управления, блокируем системы связи, и астероид наш.

— Возможно, захват осуществить будет легко, — согласился Мак-Нилти, — однако я предвижу серьезные проблемы в будущем.

— Какие проблемы?

— Очевидно, что жители астероида не живут изолированно от Земли. Обратите внимание, они общаются по радио, принимают гостей. Если подобная деятельность неожиданно прекратится, и от Элстонов перестанут поступать сигналы,

Полиция Системы неминуемо заподозрит неладное. С юрисдикцией или без оной, но она начнет расследование.

Хиски покачал головой:

— А вот и не начнет, Мак-Нилти. Именно поэтому я и говорил про хорошую новость.

— Пожалуйста, объясните, — вежливо попросил Рильф.

— Частный астероид — любой частный астероид — время от времени прекращает общение с внешним миром. Таким образом, астероидники участвуют в каких-то научных проектах Солнечного Университета. Итак, запечатываются шлюзы в силовых полях, выключаются передатчики, и они выходят на связь тогда, когда им заблагорассудится. Я слышал, что с некоторыми из них невозможно было связаться лет по десять, по крайней мере, минимальный период отключения должен быть не менее месяца в году. Что этим пытаются доказать, понятия не имею. Так что никто особо не расстроится, если в один прекрасный день выяснится, что нет никакой возможности связаться с профессором Элстоном. Просто будут ждать, пока он сам выйдет на связь.

Мак-Нилти размышлял довольно долго, затем заявил:

— Похоже, что это действительно большая удача. Извините нас, Джейк, — не спуская глазе лица Хиски, он продолжил говорить на языке Рильфов, что на слух более всего напоминало судорожное хлюпанье. Затем инопланетянин сделал паузу, и из-за стены через динамик ему ответило не менее судорожное хлюпанье Барнса. Обмен подобной сыростью длился около двух минут, после чего Мак-Нилти важно кивнул Хиски.

— Барнс согласен, что ваш план великолепен, Джейк. Когда мы завладеем астероидом, уничтожение людей не представит никакой сложности.

Хиски испуганно вытаращил глаза:

— Собственно говоря, я не планировал никого убивать. Если нам не окажут сопротивления…

— О да, — согласился Мак-Нилти, — и, тем не менее, убить астероидников совершенно необходимо.

— Зачем? Астероид понадобится нам всего на несколько дней.

— Подумайте сами, Джейк! На рильфском корабле, который подтянул «Горделивую Сью» к внешним границам Солнечной системы и сейчас дрейфует по удаленной орбите за пределами досягаемости Полиции Системы, находится целая армия — пятьдесят пять Рильфов с полным

снаряжением. Четверо из них прошли через те же хирургические процедуры, что я и Барнс, и внешне похожи на людей. Остальные — явно не люди. Нельзя допустить, чтобы Полиция на них наткнулась.

— Конечно, нельзя, — согласился Хиски, — но если мы сможем быстро перебросить их на Землю, у Полиции просто не останется времени на них наткнуться.

— Понятно, — сказал Мак-Нилти. — Ваш план предоставляет нам убежище на планете в случае обмана или предательства со стороны наших земных партнеров. Если треть нашей армии будет ждать наготове в космосе, мало кто осмелится отказаться от выполнения обязательств по контракту. А где мы найдем более подходящую и секретную базу для резерва и корабля, чем на астероиде? Да еще всего лишь в нескольких часах лета от Земли? Но мы не можем себе позволить держать на этой базе узников, ведь за ними нужно постоянно наблюдать, стеречь, чтобы они не причинили нам неприятностей. Нет, ставки слишком высоки.

Хиски медленно выдавил из себя:

— Да, кажется, я понимаю…

— Также мы не можем, — продолжал Мак-Ни-

лти, — убить нескольких, а остальных оставить в живых. Даже один-единственный свидетель может причинить впоследствии массу неудобств. Поэтому нам придется убить даже сестру Кейджа. Поскольку Гарольд как участник операции заработает на этом кучу денег, думаю, он не должен возражать.

Хиски оторопел.

— Некоторых вещей вы все-таки совершенно не понимаете, Мак-Нилти, — заметил он, наконец. — Да Гарольд Кейдж еще как будет возражать, если его сестру убьют!

— Неужели? Что ж, вам известно лучше, — сказал Мак-Нилти. — Но из этого следует, что…

— Понятно. Все равно пришлось бы избавиться от Кейджа. Он не стал бы захватывать астероид, даже если бы на нем не было его сестры и дело не пахло мокрухой. Когда-то мы были приятелями, но последнее время он постоянно создает проблемы. Теперь, когда мы в системе Земли, нам навигатор больше не требуется. Так что убьем его вместе с астероидниками.

— Это не вызовет недовольства среди команды?

Хиски покачал головой:

— У него нет друзей на корабле. Он был нужен

нам, вот и все. Если исчезнет, все подумают, что туда ему и дорога. Проблем не будет.

— У меня создалось впечатление, — с сомнением заметил Мак-Нилти, — что он довольно опасный человек.

— Вы правы. Лучше на него не охотиться, когда при нем пушка, — ответил Хиски. — Но не станет же он брать с собой пушку, собираясь в гости на мирный частный астероид, верно? Так что больше можете не думать о Кейдже.

Мак-Нилти ответил, что рад это слышать. Затем добавил:

— Помимо всего прочего, есть еще одна причина, по которой астероидников целесообразно пустить в распыл. Прежде чем демонстрировать своих тозиенов потенциальным покупателям, я должен дать им подвигаться. Пробыв долго на корабле без дела, они обленились.

Хиски внутренне запаниковал.

— Я думал, они всегда готовы к употреблению…

— Нет. Позвольте…

Мак-Нилти потянулся к нагрудному карману куртки, чуть помедлил, потом сделал короткий отрывистый жест. На мгновение за отворотом возникло какое-то переливчатое стекловидное

сияние, затем оно исчезло, и за спиной Хиски что-то громко зажужжало. Капитан сидел тихо, затаив дыхание, ощущая, как кровь медленно отливает от лица.

— Ну что вы волнуетесь, Джейк, — сказал Мак-Нилти, — препарат, который я даю вам и членам вашей команды, вырабатывает иммунитет к тозиенам. Совсем как у Рильфов.

Он поднес руку к уху:

— Ага, вот он доходит до кондиции. Настраивается! Готово — мы его больше не слышим.

Жужжание перешло в еле слышный шепоток, а когда Мак-Нилти замолчал, и вовсе наступила полная тишина. Но невидимое существо продолжало двигаться. Справа и слева, сверху и снизу от своего лица Хиски ощущал краткие дуновения воздуха, словно тозиен изучал потенциальную жертву. Несмотря на уверения Мак-Нилти, капитана сковал ужас.

— Ну, довольно с него, — сказал Мак-Нилти, наконец.

Хиски понятия не имел, чем тот приманил тозиена обратно. На мгновение капитан увидел, как липкий стекловидный лоскут размером примерно с человеческую ладонь уселся у Рильфа на груди, после чего исчез под курткой. Мак-Ни-

лти застегнулся, и Хиски смог вдохнуть немного воздуха.

— Это наглядно демонстрирует мою правоту, — прокомментировал Мак-Нилти, — тозиенов можно было слышать до тех пор, пока я сосчитал до двадцати, причем очень медленно. Сейчас они все такие.

Хиски отер холодный пот со лба.

— Если они… э-э… настраиваются на несколько секунд позже, какое это имеет практическое значение?

Мак-Нилти укоризненно покачал головой:

— За эти несколько секунд кто-то может почувствовать опасность, найти укрытие и сбежать, Джейк! Ни одно инопланетное живое существо не может спастись от тозиенов, если только не находится за прочными стенами или заковано в броню. В этом вся прелесть! Выполняя последний контракт, я выпустил своих тозиенов в центр целой армии, вооруженной и готовой к бою. Мгновенно воздух словно наполнился тысячами невидимых и бесшумных ножей, колющих и режущих одновременно. Некоторые из людей перед смертью тяжело дышали, но не раздалось ни единого крика! Что называется, чистая работа! Вот как это должно выглядеть, когда я буду де-

монстрировать тозиенов на Земле. И поскольку демонстрировать их буду именно я, пусть моя стайка малость побалуется кровью на астероиде, потренируется на людях и на экзотической… гм… скотине, тогда мои подопечные снова будут как новенькие.

— Ладно, это ваше дело, — с трудом проговорил Хиски трясущимися губами.

Астероид Элстонов безмятежно парил в пустоте, обращаясь вокруг Солнца по земной орбите. С него никогда не было видно Землю, поскольку ее всегда заслоняло Солнце. Но обитатели астероида ничуть не сожалели об этом, ибо были вполне удовлетворены тем, что видели вокруг. Поверхность маленького мира, еще недавно представлявшего собой ободранную колоду из минералов и вкраплений металла, была бестрепетно превращена в цветущий сад. Атмосфера толщиной всего в каких-то две сотни метров удерживалась панцирем из многочисленных силовых полей, но сказать, чем мелкое астероидное небо отличалось от земного, было трудно. В нем также дули мягкие бризы и дрейфовали капризные тучки, мог даже пойти дождик, но, конечно, исключительно по расписанию. И пусть все эти тучки, бризы, небесная голубизна и дождик были

не совсем естественного происхождения, то кого это волновало? Или, во всяком случае, кому это могло не понравиться?

Вначале была проведена дорогостоящая операция по транспортировке астероида из Пояса, потом установили машины, превратившие поверхность в миниатюрное факсимиле Земли. Далее воткнули в сердцевину астероида источник земной гравитации, вывели наземную орбиту, придали нужную скорость и заставили вращаться вокруг собственной оси за двадцать четыре часа. Еще дороже стоило привезти сюда плодородную почву, посадить избранные растения, расселить избранных животных и разместить прочие аксессуары, необходимые для человеческого бытия, пусть замкнутого, но чрезвычайно комфортного и полного смысла. Однако после того как обустройство было завершено, жизнь на астероиде стала не просто дешевой, а полностью беззатратной. Он сам подпитывал себя энергией, самостоятельно ремонтировался и вообще практически находился на полном самообслуживании. Разнообразные ботанические новации его нынешнего владельца, профессора Элстона, давали обильный урожай, который отправлялся на Землю, и доход от продажи с лихвой покрывал

все текущие расходы.

В то утро Дерек Элстон сидел на берегу миниатюрного озера по-турецки, прислушиваясь и иногда принимая участие в разговоре, который вели его жена Салли и ее подруга, Элизабет Кейдж. У Салли, как всегда, были слегка взъерошены медные кудри, в то время как по плечам Элизабет струились черные как смоль волосы, но Дерек отметил про себя, что обе женщины удивительно похожи — и фигурой, и движениями, и манерами, словно близкие родственницы, скажем, двоюродные сестры. Хотя на самом деле, развивал свою мысль Дерек дальше, обе были просто образцовыми представительницами того типа высоких, миловидных молодых женщин, который становится в Системе все многочисленнее. Они учились на одном курсе в Солнечном Университете до того, как около года назад Салли вышла замуж, и с тех пор они не виделись, пока Элизабет не прилетела на астероид накануне. Прежде чем ее увидеть, Дерек уже знал о ней практически все из рассказов Салли.

Разговор, естественно, шел о брате Элизабет, который должен был появиться на астероиде примерно через час. По тому, о чем говорили подруги, а еще больше по тому, о чем они не говорили,

Дерек заметил, как нарастает легкое беспокойство и неуверенность. Разумеется, событие было радостным и даже торжественным. В том, что Элизабет была на седьмом небе от счастья, не было никаких сомнений. По лицу скользили отражения радужных мыслей, она мечтательно улыбалась, на щеках играл горячечный румянец, глаза блистали. Брат был единственным оставшимся в живых членом семьи Кейджей, и детьми они были очень дружны. Затем последовало восемь долгих лет разлуки, и пока Гарольд не позвонил, она даже не знала, вернется ли он хоть когда-нибудь в Солнечную систему. Она и надеяться не могла на скорую встречу с братом, и сейчас ее просто распирало от радости. Салли, как верная подруга, это чувство разделяла.

* * *

— Голос у него совсем не изменился, — нежно сказала Элизабет. Возникла легкая пауза, поскольку, произнеся эти слова, она нечаянно коснулась того, о чем они не говорили, и о чем, по мнению Дерека, настало самое время поговорить.

— Ему всего двадцать восемь лет, — заметил он. — Ваш брат так молод, а за плечами у него уже

восемь лет странствий за пределами Системы.

— Да, это правда, — улыбнулась Элизабет, — Гарольду было всего двадцать, когда он окончил навигационную школу Полицейской Академии Системы. Папа работал в полиции Подземного города на Марсе, и я знаю, он хотел, чтобы Гарольд остался работать вместе с ним. Но после смерти папы жизнь в Солнечной системе показалась Гарольду слишком пресной. Ему хотелось настоящих приключений, а еще он стремился разбогатеть. А капитан Хиски как раз набирал себе команду, и взял Гарольда навигатором. Оплата, конечно, была невысока, но члены команды получали процент от общей прибыли.

Она смущенно повела плечами.

— Боюсь, Гарольд особо пока не преуспел, но зато приключений у него было предостаточно. Он мало что успел рассказать, но даже из этого я поняла, что их судно частенько выполняло довольно рискованную работу.

— Но уж капитан-то Хиски и тогда, вероятно, обладал большим опытом в коммерческой деятельности за пределами Системы? — спросил Дерек.

Что-то блеснуло в глазах Элизабет.

— Гарольд сказал, что Хиски в свое время слу-

жил на большом грузовом межзвездном судне. Затем смог выкупить собственный корабль.

Она немного поколебалась и добавила:

— Подозреваю, что они брались за любую работу. Но мадам Фортуна им все не улыбалась и не улыбалась, и они едва сводили концы с концами. Или, что тоже возможно, эта капризная дамочка то улыбалась им, то отворачивалась. Хотелось бы, чтобы Гарольд остался в Системе. Но мне почему-то кажется, что он не останется. Он всегда был очень целеустремленным.

— Вы общались с ним регулярно?

— Нет, не регулярно и даже не очень часто. За восемь лет я получила от него семь письмопакетов. Когда кто-то из его знакомых возвращался в Систему и оставлял пакет в Марсе Подземном или Солнечном Университете, я его забирала. Последний пришел полгода назад, но в нем не было ни слова о возвращении корабля или хотя бы о намерении вернуться. Поэтому мне до сих пор не верится, что Гарольд снова здесь.

В ее глазах снова что-то промелькнуло.

— Возможно, — быстро сказала Салли, — он не был уверен, что вернется, и не хотел, чтобы ты надеялась напрасно.

Элизабет кивнула.

— Да, наверное, так оно и было…

Дерек на некоторое время отвлекся от разговора. «Хм, небольшое торговое судно — само себе голова», так говорила Элизабет. Команда работает из чистого азарта, не брезгуя ничем, все хотят поскорее разбогатеть, а цель оправдывает средства. По крайней мере, часть команды капитана Хиски безуспешно добивалась этой цели долгих восемь лет.

На Земле в подобные игры играли грязно и грубо, но все же подчинялись нескольким общепринятым правилам, нарушать которые никто не решался. За пределами Системы те же самые игры проходили еще грязнее и грубее, и вообще без всяких правил. Энергичный двадцатилетний парень, жаждущий приключений, попадает в подобную обстановку прямиком из тихой гавани Подземного города на Марсе, пройдя через палочную муштру Полицейской Академии… Изменение обстановки должно было тем или иным образом повлиять на него, причем повлиять немедленно и капитально, иначе ему было просто не выжить. Восемь лет в пустоте вполне могли не отразиться на внешности Гарольда Кейджа. Да и в письмах, которые получала Элизабет, могли пройти незамеченными перемены,

произошедшие в его сознании. Но она — умница, и примерно представляет себе, как выглядит жизнь за пределами Системы. Именно поэтому Элизабет, сама того не желая, немного насторожена перед встречей с братом.

Да и Дерек беспокоился, поскольку тепло относился к Элизабет и полагал, что каковы бы ни были ее ожидания, она все же может испытать настоящий шок. Он посмотрел на часы, поднялся на ноги, улыбнулся женщинам, извинился и ушел. Несколько минут спустя он уже сидел, склонившись над передатчиком, и набирал номер.

— Лейтенант Пирс, — ответила трубка. — Кто меня вызывает?

— Майк, это Дерек Элстон.

— Что Полиция Системы может сделать для профессора Элстона? — дружелюбно поинтересовался Майкл Пирс.

— Внесистемное грузовое торговое судно под названием «Горделивая Сью», фамилия капитана-владельца — Хиски. Должно было прибыть день-два назад. У вас что-нибудь на них имеется?

— Минутку, — коротко ответил Пирс.

И, действительно, примерно спустя минуту голос в трубке зазвучал снова:

— Корабль под таким названием находится на

территории Системы, профессор. Зарегистрирован на Земле. Последний раз проходил проверку Полиции Системы около десяти лет назад. О нынешнем владельце сведений нет. Согласно первой записи, они прибыли в Систему трое суток назад. Мы проявили к ним легкую заинтересованность, поскольку владелец не демонстрирует ни малейшего желания проходить таможенный контроль. Конечно, регистрироваться в Полиции Системы необязательно, если судно, во-первых, следует прямиком на Землю, а во-вторых, у нас нет оснований подозревать контрабанду класса «А». Однако они так затейливо кружат по Системе, словно предпочитают не попадаться нам на глаза. Вы думаете, что стоит присмотреться к ним внимательнее?

— У меня пока нет особых оснований так думать, но, по-моему, приглядеться все же стоит.

* * *

Гарольда Кейджа беспокоило многое. Например, то, что Джейк Хиски напросился вместе с ним в гости на астероид. Причем, Джейк ни словом не упоминал о подобных планах до тех пор, пока «Горделивая Сью» не причалила к гравитационному полю астероида Элстонов, где встала на

космический якорь. Но когда Гарольд отправился в рубку связи, Джейк уже торчал там, гладко выбритый, в парадной форме, да еще умудрился успеть переговорить с Элстонами по видеофону. Оказывается, все уже решено. Как ему удалось выцарапать это приглашение, Гарольд так и не понял. Впрочем, когда было надо, Джейк умел продемонстрировать обезоруживающее обаяние. Кроме того, он заставил Элстонов почувствовать, что будет просто вопиюще невежливо, если Гарольд отправится в гости без своего старого друга и начальника. Джейк выключил видеофон и рассмеялся.

— Черт возьми, Гарольд! — сказал он в присущей ему развязной манере. — Ты же не откажешь старине Джейку, который хочет, наконец, поглазеть на настоящую роскошь?

— Нет, не откажу, — выдавил Гарольд, — но если честно, я и сам-то чувствовал себя неловко, навязываясь друзьям Элизабет.

— Ну, парень, да ты вроде чувствительной институтки. Они же сами тебя зазывали, верно? Профессор Элстон и его премиленькая женушка. Я им обязательно понравлюсь, вот увидишь. Эти отшельники-миллионеры, должно быть, просто помирают от скуки на своих астероидах-конфет-

ках, где никогда не случается ничего из ряда вон выходящего. А мы с тобой, дружище, как-никак межзвездные бродяги! Мы такие байки начнем травить о том, где были и что видели, что они слюной от удовольствия изойдут. Мы же последние романтики в Системе!

Он похлопал Гарольда по плечу:

— Брось хандрить, Элстоны сказали, твоя сестра уже ждет возле шлюза. Надо же, выходя наружу, впервые за столько лет нет необходимости братье собой пушку! Забавно, верно?

И вот шлюпка спустилась на посадочную площадку. Первое, что увидел Гарольд, была Элизабет, не девочка, какой он ее запомнил, покидая Систему, а пугающе взрослая, красивая женщина. Он подумал, что вряд ли узнал бы ее вообще, если бы она не бросилась к нему, смеясь и плача одновременно, как только он вышел из шлюпки, и не прильнула бы к его груди на несколько долгих секунд. Элстоны, очень милые люди, тактично и мягко разъединили их с Джейком, так что уже через несколько минут они вдвоем с Элизабет гуляли по изумрудному, как газон в Гайд-парке, астероиду, и все это было похоже на сладкий сон.

Он боялся, что между ними возникнет извест-

ная неловкость, но ничего подобного не произошло. Элизабет принадлежала к числу людей, чье лицо не способно скрывать чувства, поскольку им нечего утаивать от других. Она откровенно и серьезно изучала брата — глаза, жесткие складки у уголков рта, движения; прислушивалась к его голосу, интонациям; и выражение ее лица лучше всяких слов говорило, что она заметила, как сильно он изменился, и догадывается почему, но принимает это как данность, не осуждая, а сожалея и любя. Он прекрасно сознавал, что есть вещи, о которых говорить не стоит, ни сейчас, ни позже, то есть после того, как будет завершена многомиллионная сделка на Земле. После этого ему придется всегда быть осторожным в разговорах с сестрой, чтобы не сболтнуть лишнего. Ведь Элизабет не подозревала, опа не могла даже представить, насколько же сильно он изменился.

Гарольд все время твердил себе, что у него не было выбора. За пределами Системы иначе не выжить. Какое-то время парни с «Горделивой Сью» были очень разборчивы и не притрагивались к грязной работе. Но это не приносило денег, или приносило, но крайне мало, и грязная работа стала выглядеть в глазах экипажа менее отталкивающе. Затем кое-кто ушел из команды,

а кое-кто вообще умер, и на смену выбывшим пришли другие парни, выросшие вне Системы, у которых были свои представления о том, где находится грань между добром и злом. При случае они не брезговали откровенным разбоем, и если бы все зависело только от одного Джейка Хиски, упомянутая грань была бы стерта безо всяких колебаний.

Однако за пределами Системы классный навигатор считался первым человеком на корабле, а Гарольд к тому времени стал классным навигатором. Хотя если бы он даже им не стал, то все равно оставался первым человеком на «Горделивой Сью», поскольку в каких-то вещах Хиски зависел от него все больше и больше. Поэтому иногда Гарольд мог позволить себе не браться за ту или иную работу, если она выглядела уж слишком неприглядной. Его за это невзлюбили. Однако со временем он стал еще и отличным стрелком. В случае необходимости мог лишний раз замарать руки кровью, так что навигатор Кейдж мог без особой опаски продолжать идти своим курсом.

А последняя сделка, сделка настолько крупная и выгодная, что она одна могла с лихвой окупить все восемь лет скитаний, заключалась в том, чтобы высадить на Земле сородичей Мак-Нилти

вместе с их страшным оружием — рильфскими тозиенами. Гарольд много думал о ней и не раз готов был отказаться от соучастия в этом деле. Хиски, конечно, в первую очередь защищая свои интересы, уговаривал своего навигатора, напирая на то, что это — совершенно законный бизнес. И был, без сомнения, прав. Принятые на Земле критерии, по которым то или иное оружие разрешалось применять, состояли лишь в гарантии неких границ его воздействия. Несмотря на свою активность тозиены убивали в течение всего двух суток, действуя в радиусе менее двадцати километров. Это прекрасно вписывалось в допустимые законом рамки.

Кроме того, подобная новинка появится на Земле совершенно неожиданно и к тому же впервые, что делает ее еще более ценной для покупателя. Земля пока ничего не знала о Рильфах, а у Хиски имелись знакомые, которые умели обделывать подобные аферы с максимальной выгодой для всех участвующих сторон. Куш обещал быть большим, и все должны получить свою долю. После того, как первая дюжина так называемых мини-войн подойдет к внезапному и страшному концу, для «Горделивой Сью» все будет, разумеется, кончено. Мак-Нилти пойдет по рукам и

сможет в дальнейшем обходиться без посредников. Но к этому времени в команде не останется никого, кто не станет достаточно богат для того, чтобы спокойно выйти в отставку.

Джейк неоднократно подчеркивал, что затеянное ими дело, если угодно, не более грязное, чем обычно. Разная шушера на Земле периодически мочила друг друга, одной шайкой больше, одной меньше — какая разница, если в руки той или иной из них попадет новое оружие?

Нельзя сказать, что аргументы были особенно убедительны, но Гарольд все же согласился, поскольку знал, что для Джейка это последний шанс, и что Джейк тоже это знал и потому вцепился в него мертвой хваткой. Он был на пятнадцать лет старше Гарольда, а выглядел еще лет на десять старше. Жизнь вдалеке от Системы, в конце концов, доконала пройдоху. Если Гарольд уйдет, Хиски не сможет провернуть сделку с Рильфами в одиночку, поскольку не доставит их армаду на Землю без навигатора. Гарольд не мог подвести капитана. Если восемь лет летаешь с человеком на корабле, бьешься за него, прикрываешь его спину, а он прикрывает твою, если вы побывали за это время вместе в стольких передрягах, что другим хватило бы на целую жизнь, трудно

отвернуться от товарища, когда ему осталось подбить итоги. Ладно, подумал Гарольд, сыграем еще одну игру, хоть она и грязная. Затем наши пути разойдутся. От закадычной дружбы все равно уже давно ничего не осталось. Если Полиция Системы не остановит «Горделивую Сью», то она высадит Рильфов на Землю. После этого Земля уже не сможет тронуть команду Хиски, даже если все узнают, что эти парни натворили. В конце концов, ничего противозаконного они не делают.

Правда, Гарольд надеялся, что об этом узнают не все. Он рассказал Элизабет, что «Горделивая Сью» вернулась в Систему, чтобы провернуть одно очень важное и конфиденциальное дельце, о котором он не вправе рассказывать. Если все пройдет более-менее успешно, то он сможет надолго забыть о космических странствиях. Девушка, по-видимому, обрадовалась и не стала задавать лишних вопросов. Гарольд спросил, чем она занималась все эти восемь лет, ведь до него не дошел ни один письмопакет из тех, что она посылала. Вскоре Элизабет уже беззаботно болтала и смеялась. Прошлое вдруг куда-то исчезло, и он вполне мог представить, что гуляет по парку в Подземном городе на Марсе, а не по удивительно обихоженному и цветущему астероиду. Время

от времени какие-то осененные рогами животные типа благородных оленей выглядывали из кустарника и провожали брата с сестрой пристальными взглядами…

* * *

— Мистер Кейдж! Элизабет!

Гарольд остановился. Ему пришлось прищуриться, поскольку зрелище, представшее перед глазами, было похоже на оптическую иллюзию. Слева от тропинки, по которой они прогуливались, возвышалась ровная отвесная скала. Именно в ней неожиданно открылся проход, из которого вышла Салли Элстон и с улыбкой направилась к ним.

— Я вас ищу по всем сканерам, а вы вот где, — сказала она подруге и повернулась к Гарольду:

— Мистер Кейдж, почему вы не сказали, что у вас на борту такой потрясающий инопланетянин? Если бы капитан Хиски случайно не проговорился…

— Инопланетянин? — перебила Элизабет.

— Да, моя дорогая. Некто по имени Рильф. Дерек уверен, что о его расе не знают даже в Солнечном Университете. Капитан Хиски и мистер Кейдж везут его на Землю с коммерческой миссией,

представляешь? По словам Дерека, это поистине историческое событие!

Гарольд онемел от возмущения. Да Джейк просто с ума сошел — говорить о Мак-Нилти и Рильфах с Элстонами!

Элизабет бросила на брата мимолетный взгляд, как бы спрашивая, не это ли то самое важное секретное дело, о котором он говорил.

— У него есть и вполне человеческое имя — Мак-Нилти! — с гордостью продолжила Салли и добавила, улыбнувшись Гарольду: — Должна признаться, мне от него стало немного не по себе!

— Он здесь? — услышал собственные слова Гарольд. — Мак-Нилти здесь, на астероиде?

— Ну, конечно! Мы пригласили его. Когда капитан Хиски…

— Сколько времени он здесь?

Женщина испуганно посмотрела на него, пораженная резкостью тона.

— Примерно, минут двадцать, а что?

— Ничего!!! — проревел Гарольд сиреной. — Только не задавайте никаких вопросов!

Он взял женщин за руки и быстро потянул к проходу в скале.

— Вам известно, где сейчас Мак-Нилти?

— Кажется, они все — мой муж, капитан Хиски

и Мак-Нилти — отправились в рубку, где расположен пульт управления. Мак-Нилти сказал, что ему очень интересно знать, каким образом управляется астероид.

Все ясно.

— Вы не посылали за ним? — спросил Гарольд. — Его привезла корабельная шлюпка?

— Да скажите вы, в чем дело, мистер Кейдж? Что-нибудь…

— Шлюпка все еще здесь, — уже с уверенностью сказал Гарольд. — Она в шлюзе силового поля.

— Думаю, да, — подтвердила миссис Элстон. — Впрочем, я не знаю.

— Ладно, — сказал Гарольд, когда они остановились перед проемом в скале. — А теперь слушайте меня внимательно, поскольку времени у нас в обрез!

Он сделал короткий глубокий вдох.

— Первое, где размещается пульт управления?

— В здании рядом с космошлюзом, — ответила Салли. — Это административное здание, вы его видели, когда прилетели.

Обе женщины смотрели на навигатора в упор, на их лицах застыло выражение недоумения и тревоги. Гарольд кивнул:

— Да-да, помню. Вы двое и все остальные астеро-

идники — в смертельной опасности! Мак-Нилти — настоящее чудовище. У него есть особое оружие. Единственное, что может вас спасти — это спрятаться за очень прочными, запертыми на все засовы дверьми. Надеюсь, вы сумеете предупредить профессора Элстона и всех остальных, чтобы они сделали то же самое. Все, кто останется снаружи, вне прочных стен, погибнут, как только Мак-Нилти выпустит своих тварей. И погибнут мгновенно! Все, кроме команды «Горделивой Сью». Если за несколько минут вам удастся раздобыть передатчик, позвоните в Полицию Системы. Попросите их немедленно лететь сюда и любой ценой высадиться, только пусть наденут бронекостюмы. Скоро к передатчикам будет не добраться, так что вы должны поспешить.

Он взглянул на побелевшие лица.

— Не смотрите на меня так, я вовсе не сошел с ума! Хиски мог рассказать вам о Мак-Нилти, а Мак-Нилти, в свою очередь, показаться вам лишь по одной причине — ими принято решение захватить астероид.

— Но зачем? — закричала Салли.

— А затем, что мы — кровожадные пираты, и больше ничего! Затем, что они хотят использовать астероид.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Идите внутрь, заприте дверь, и побыстрее! Если повезет, то останетесь живы.

Так вот, значит, почему впервые за сколько лет не нужно было брать пушку, выходя наружу из корабля! Сказав это, Джейк Хиски был уверен, что навигатор, вопреки привычке и бессознательному инстинкту, не возьмет с собой оружие на мирный астероид Элстонов, где его ждала встреча с родной сестрой. Мерзавец знал, что я не буду участвовать в захвате, подумал Гарольд, даже если бы речь не шла о жизни Элизабет.

Как только замаскированная дверь в скале захлопнулась, он понесся прочь гигантскими прыжками. Поверхность астероида была покрыта искусственными холмами, склоны которых то полого поднимались, то резко опускались, обнажая кое-где ровные плиты исходных пород. Купы деревьев, заросли кустарника, искусственная почва, засеянная травой. Космошлюз должен был располагаться не дальше нескольких сотен метров отсюда, но Гарольд пока его не видел. И никто не мог увидеть шлюз, пока не приблизится к нему вплотную. Салли Элстон сказала, что нашла своих гостей по показаниям сканеров. Хиски с Мак-Нилти могут найти Кейджа таким

же образом, но они не станут этого делать, пока не завладеют пультом управления. Процедура захвата стандартна… как можно скорее найти главный процессор установки, взять его под контроль, и все вокруг замрет, в один миг став беззвучным и беспомощным.

На мгновение Гарольд помедлил. Странное ощущение, похожее на вибросигнал, прозвенело в ушах и прокатилось далее — по всем нервам. Оно длилось несколько секунд, утихло, затем снова возникло и снова утихло. Внезапно прямо перед ним, на холме, появилось стадо серовато-коричневых животных, похожих на крупных антилоп с толстыми витыми рогами. Около полутора десятков их мчалось во весь опор с холма. При их появлении он было подумал, что Мак-Нилти выпустил тозиенов, но тут же понял, что ошибся. От тозиенов нельзя убежать, просто не успеть. Стадо с дробным топотом пересекло тропинку в нескольких метрах перед навигатором, шумно продралось сквозь кусты и как будто должно было расшибиться на полном ходу об отвесную скалу. Но в последний момент в скале образовался проход, подобный тому, из которого вышла Салли, только в несколько раз шире. Сталкиваясь и отпихивая друг друга, антилопы

влетели внутрь, и, пропустив последнюю из них, проход немедленно исчез.

Все произошло в одно мгновение. Навигатор припустил по тропинке, размышляя на бегу. Что это за странное ощущение, которое словно включалось и выключалось? Сигнал тревоги? Сигнал, на который даже животные были обучены реагировать немедленным бегством, сигнал «в укрытие», столь властный, что на поверхности мгновенно не осталось ни одного живого существа, способного на него откликнуться. Значит, астероидники были готовы с невероятной быстротой отразить угрозу. Но какой угрозы здесь следовало опасаться?

Больше бегущих зверей Гарольд не видел, он вообще не видел никаких зверей. Через минуту звон в нервах прекратился. Космошлюз был уже близко. Избегая тех лениво вьющихся, галантно пересекавшихся друг с другом тропинок, по которым он бродил с Элизабет, навигатор гнал по склонам напролом, стараясь избегать открытых участков, если это не замедляло бег. Наконец, вынырнув из рощицы на гребне маленького холмика, он увидел административное здание, точнее его угол теплого коричневого цвета с блестящей черной отделкой — остальная часть была

скрыта за деревьями. Никого не было видно, но теперь он пошел крадучись, стараясь держаться поблизости от кустов. Пройдя еще метров сорок, он вышел к месту, откуда можно было детально рассмотреть посадочную площадку под космошлюзом. В центре площадки возвышалась шлюпка «Горделивой Сью» с открытым входным люком. Других посадочных модулей не наблюдалось.

Над шлюпкой тоже не было видно ничего кроме имитированного земного небосвода. Если бы космошлюз был активирован посредством энергетических растяжек, окружавших астероид, это дало бы о себе знать. С места, где стоял Гарольд, четко был бы виден цилиндр холодного яркого огня изумрудного цвета. Толщина его свечения зависела от того, насколько необходимо было растянуть шлюз. Чтобы впустить «Горделивую Сью», его пришлось бы растянуть достаточно сильно, именно это, без сомнения, собирался сделать Хиски. Что бы он ни успел провернуть на данный момент, посадить корабль на астероид ему еще не удалось.

Хоть шлюпка была невелика, в ней свободно могли разместиться восемь-девять человек, примерно половина экипажа. Засада до поры до

времени должна была не показываться и ждать приказа Хиски на выход. Входной люк был открыт, стало быть, приказ пираты уже получили и наверняка находятся внутри административного здания. Другими словами, захват астероида начался. Варне, второй Рильф, и остальная часть команды еще оставались на корабле. Если они объединятся с пиратами, высадившимися на шлюпке, положение астероидников станет практически безнадежным. Дела и без того были плохи, но, по крайней мере, вокруг не заметно следов рильфских тозиенов. Возможно, Джейк Хиски не встретил сопротивления со стороны людей Элстона и предпочел не доводить дело до смертоубийства.

Однако прикончить меня постарается в любом случае, с горечью подумал Гарольд, просто, чтоб я не вмешивался…

У нападавших не было времени для того, чтобы найти его по показаниям сканеров, но они могли выставить охрану у входа в административное здание и при случае напасть из засады. Небольшой живописный островок из деревьев и кустарников перед входом казался для этого наиболее подходящим местом.

Голубая с золотом птица размером раза в два

крупнее голубя выпорхнула прямо из-под ног, и каждый взмах сильных крыльев поднимал ее все выше и выше. Гарольд испуганно (ведь это могло предупредить противника о его появлении) припал грудью к земле, продолжая следить за птицей. Она быстро поднялась метров на десять, затем ее что-то ударило в крыло, разорвав на мелкие части.

Это произошло мгновенно, точно взрыв. Летящее тело вмиг превратилось в цветные лоскутки и кровавые ошметки, которые тут же рассыпались на еще более мелкие частички, еще и еще, после чего они спланировали на землю. Значит, пираты, в конце концов, решились на убийство, и Мак-Нилти выпустил тозиенов. Не всех, конечно. В его груди они гнездились тысячами, и лишь небольшая часть от этой армады требовалась для того, чтобы прочесать всю поверхность астероида и незащищенные броней помещения, уничтожая на своем пути все живое, которое имело несчастье быть достаточно крупным, чтобы привлечь внимание. Должно быть, их выпустили всего несколько секунд назад, иначе он уже ощутил бы их присутствие. И сразу Гарольд почувствовал этот жуткий, едва уловимый шелест вокруг — невидимые исчадия Рильфа слетались

вниз, к его пока еще живому телу. Препарат, который Гарольд получал вместе с членами экипажа «Горделивой Сью», отпугивал тозиенов — они шарахались в сторону от навигатора и неслись дальше. Да, по-видимому, астероидники, не сумевшие вовремя найти убежище, или уже погибли или погибали в эти секунды.

Он отогнал от себя страшную мысль и бросился вперед. Начав убивать, Джейк Хиски и Мак-Нилти на этом не остановятся. Сейчас они — явно у пульта управления, завершая захват астероида. Когда первая стадия будет завершена, они посадят корабль на площадку и начнут искать тех, кто спрятался и выжил.

* * *

У административного здания караулил Том Коник. Недалекий малый, но меткий стрелок. В обычных обстоятельствах он сохранял полнейшую невозмутимость — настоящий наемный убийца. Прикрывшись кустом, он расположился неподалеку от единственного входа в здание, держа энергетическую пушку на боевом взводе. Ему было известно, что Гарольд не вооружен. Если отступник захочет проникнуть в здание, то обязательно пройдет мимо зарослей, откуда

Коник без труда сможет всадить ему заряд. Все должно пройти без сучка без задоринки.

Однако некоторые затруднения создавали тозиены Мак-Нилти. Обычное спокойствие Коника на сей раз изменило пирату. Он делал много беспорядочных мелких движений, тряс головой, вздрагивал, прицеливался куда-то и тут же опускал руки. Гарольд прекрасно его понимал. Невидимый жуткий рой проявлял интерес и к нему, каждую секунду он чувствовал у самого уха тихо жужжащего тозиена, и по телу пробегали мурашки. Он знал, так же как и Коник, что члены команды защищены от маленьких тварей. Теоретически. Однако не хотелось даже допускать мысль о том, что какой-нибудь тозиен может спросонья не разобраться и выпустить жало с фатальным для своего союзника-человека результатом. Впрочем, пока это было навигатору на руку. Коник бросал по сторонам испуганные взгляды, то и дело оборачиваясь, чтобы посмотреть, что творится за спиной. Он чувствовал опасность, но все же сильно недооценил ее, ибо Гарольд Кейдж восстал из подлеска у него сзади с двумя увесистыми булыжниками в руках.

Навигатор мягко послал первый булыжник вверх по гиперболе. Камень свечой взвился над

головой у Тома, затем рухнул вниз, у самых его ног. Нервы Коника не выдержали, он издал придушенный вопль ужаса, ткнул своей пушкой направо и налево и, сгорбившись, уставился на камень, который, точно посланец смерти, свалился с искусственного небосвода. Вряд ли он услышал сухой треск, когда Гарольд вынырнул из кустов, в два шага преодолел разделяющее их расстояние и довершил божью кару — второй булыжник размозжил затылок Коника.

Теперь у Гарольда было оружие, а в команде Джейка Хиски для поисков выживших на астероиде людей стало на одного человека меньше. В кармане убитого Гарольд обнаружил зарядный блок для пушки. Возможно, где-то поблизости прятался второй страж, хотя Гарольд, прежде чем наброситься на Коника, подробно изучил окрестности. Нет, все было тихо, отряд не заметил потери бойца. Но кто-то мог остаться дежурить на входе в здание изнутри.

Для проверки навигатор решил подкрасться ко входу. Внезапно на самой границе территории космошлюза он заметил мерцающее зеленоватое сияние, которого раньше не было. Он быстро оглянулся. Позади него воздух тоже переливался зеленью, словно тончайший, почти невидимый

занавес свисал с искусственного неба и упирался в неровности искусственной почвы. Он наставил на занавес лучевую пушку Коника и нажал на курок. Занавес ярко блеснул, но от выстрела не разорвался и даже не прогнулся. Справа и слева, позади административного здания, в воздухе наблюдался такой же переливчатый эффект.

Ба, да это же энергетические экраны. Приведены в действие несколько минут назад. Но кем? Они огромным колпаком накрыли территорию космошлюза. Если экраны включились до того как Мак-Нилти выпустил тозиенов, то они по-прежнему теснятся здесь, на пятачке, ограниченном административным зданием, если только не нашли себе выход через подземные коммуникации здания. Возможно, экраны поднялись не сейчас, а гораздо раньше, ведь он думал только о том, как подобраться поближе к захватчикам, и не замечал, что творится вокруг. Сразу забрезжила надежда, события начали складываться в логическую цепочку: настойчивый беззвучный сигнал тревоги, возникший почти сразу после того, как была предупреждена Салли Элстон, проход в скале, который открылся и снова закрылся, пропустив антилоп. Маленький астероид умел постоять за себя и этим процессом

определенно кто-то руководил. Однако это не делало менее важной другую задачу — не допустить посадки «Горделивой Сью» со всем экипажем и ее рильфскими союзниками, пока сопротивление не сломлено окончательно.

* * *

Как Гарольд и предполагал, в вестибюле здания торчал еще один из его бывших товарищей. Этот отзывался на имя Дионисио.

— За чем стало дело, Дионисио? — спросил навигатор Кейдж, внезапно появившись на пороге. — Почему не двигаемся дальше?

Дионисио был значительно смышленее Коника, но он тоже был напуган тозиенами, потому на мгновение растерялся. Ему сказали, что навигатор на этот раз взял курс на тот свет, но еще ему сказали, что навигатор безоружен и ни о чем таком не догадывается. И вот появляется навигатор, пушка на взводе, взгляд, как обычно, не сулит ничего хорошего, и высказывается он так, словно не хуже самого капитана владеет обстановкой. Кроме того, был и еще один повод для беспокойства, а именно, непревзойденное искусство навигатора в обращении с лучевым оружием. Все это заставило Дионисио несколько

раз мигнуть, облизнуться, откашляться и, наконец, вымолвить:

— Э-э…

— Шкипер очистил пульт управления?

— Да, полагаю так, сэр…

— Ты полагаешь так?

— Меня там не было, сэр, — глухо сказал Дионисио, нервно следя за пушкой, которой непринужденно помахивал навигатор Кейдж. — Я сидел в шлюпке. У нас у всех появилось вдруг такое странное чувство… Сразу после этого нас позвал шкипер, и мы вышли. Шкипер приказал искать людей.

— В здании?

— Э-э… да. Шкипер и Мак-Нилти стояли возле пульта, с ними было пять или шесть человек местных. Потом шкипер оглянулся, а эти местные все как сквозь землю провалились.

Навигатор презрительно скривил губы:

— Прямо взяли и провалились?

— Так мне, во всяком случае, показалось, — предположил Дионисио осторожно.

— Сейчас все наши внутри?

— Э-э… да.

— И что они там делают?

— Взрывают стены. Ищут, э-э… потайные две-

ри.

— Ищут потайные двери! — уже с нескрываемой яростью повторил навигатор Кейдж. — А что здесь в таком случае делаешь ты?

Дионисио тяжело сглотнул.

— Я, э-э… смотрю, не идет ли кто.

— Ага, кто-то идет, а за ним стайкой бравые тозиены, да? Да ты что, спятил? Кто остался в шлюпке? Ведь все остальные из нее вышли?

— Да, в шлюпке никого нет…

Тут Дионисио запнулся, ибо хотел быстро повернуть ствол своей пушки. Дело в том, что в этот момент навигатор Кейдж бросил взгляд туда, где на посадочной площадке стояла шлюпка. Ситуация с появлением вооруженного отступника выглядела очень странной, но пират был уверен, что шкипер не станет оплакивать смерть навигатора Кейджа, а ему, Дионисио, и подавно наплевать на этого задаваку. Но он не успел довершить задуманное и рухнул лицом вниз, поскольку навигатор Кейдж был, в конце концов, не так глуп, чтобы зевать по сторонам и не замечать чужих поползновений, если на кон была поставлена его жизнь.

* * *

Сразу за входом уходил вглубь здания широкий освещенный коридор. Разговаривая с Дионисио, Гарольд как будто слышал доносившиеся оттуда голоса, но сейчас все стихло. Он бегло осмотрел экипировку на убитом, обнаружил упакованный респиратор и надел его. Потом скинул свой пиджак, натянул выцветшую коричневую куртку Дионисио и приладил на голову чужую кепку с козырьком, лихо сдвинув набекрень, как имел обыкновение делать ее покойный владелец. Едва он покончил с переодеванием, как из глубины здания донесся тяжелый глухой удар, затем еще один. Понятно. Джейк Хиски пытался проломить стены в поисках потайных ходов, по которым от него ускользнули профессор Элстон и все, кто работал в административном здании, как только был отдан сигнал экстренной тревоги. Подлый пират их найдет, если, конечно, будет искать достаточно долго, а как только разберется с тем, как работает космошлюз, «Горделивая Сью» появится здесь со своим мощным вооружением.

А пока Гарольду досталась еще одна пушка. Он без зазрения совести ее присовокупил к первой и оттащил тело к стене у входа, где его невозможно

было заметить. Потом мягко, чтобы не бухать ботинками, побежал по длинному коридору. Перед глазами то и дело блистали неясные стекловидные очертания, это тозиены продолжали охотиться. По правой стороне коридора навигатор насчитал пять дверей — все были заперты. Через двести метров коридор поворачивал направо. Добравшись до угла, навигатор снова услышал голоса, надрывались трое или четверо. Причем делали это хрипло и возбужденно. И все разорялись одновременно. Ха, а можно различить среди них голос Хиски? Аммиачный запах энергетических бомб начал слегка раздражать ноздри.

Гарольд завернул за угол, не раздумывая и не медля. Нижняя часть его лица была скрыта респиратором, и хотя Дионисио был примерно на пару сантиметров ниже его ростом, не особенно сильно отличался от навигатора комплекцией, по крайней мере, занятые делом люди должны были принять его за своего. Хотя бы на несколько секунд.

Впереди, метрах в двадцати, пол был покрыт обломками цветной пластиковой мозаики, в левой стене зияла огромная дыра, выбитая бомбой. Сначала навигатор увидел двоих, что напряжен-

но ожидали за самоходной пушкой, нацеленной на дыру. Затем услышал охрипший от бешенства голос Хиски, выкрикивавший: «Быстрее! Быстрее, пульсар побери!» В дыре что-то сверкнуло, изнутри шумно застучали падающие обломки, от ядовитых испарений было не продохнуть. Хиски и, по меньшей мере, еще четверо его бойцов находились здесь. Нужно было с ними смешаться.

Один из тех, кто стоял возле пушки, равнодушно взглянул на респиратор и отвернулся. Гарольд проследовал мимо. Дыра в стене была широкая и глубокая, ибо пиратам удалось обнаружить проход, но оказалось, что он перекрыт броневым щитом буквально через несколько метров, и на этот раз броня наскоку не поддавалась. Вместе с Хиски сломить ее упорное сопротивление пытались еще трое. То и дело вспыхивали обломки на полу, внутри взломанного прохода ухали разрывы. И какой дурак оставил две неиспользованные бомбы валяться без дела на груде рваного пластика? Гарольд сгреб их по пути, обернулся и увидел, как капитан Хиски смотрит на него, открыв рот от удивления, а рукой тянется к пушке.

Гарольд, не раздумывая, упал за груду, утопил внутрь предохранитель одной из бомб и швырнул ее в проделанный в стене пролом. Вторая бомба

полетела в направлении самоходной пушки. Обе успешно достигли цели, а у Гарольда от грохота заложило уши. Груда обломков поднялась еще выше, над ней нависла туча пыли. Гарольд вытащил свою пушку и встал из-за прикрытия.

Пираты валялись там, где их застала двойная взрывная волна. И только Хиски каким-то чудом устоял на ногах и теперь приближался, почти достигнув груды пластика. Если не ты, то тебя! Навигатор нажал на курок. Глядя на окровавленную голову бывшего приятеля, Гарольд внезапно ощутил, как по пищеводу, или, что там еще в животе, поднимается комок. Точнее, волна горького сожаления. Ему вдруг невероятно ярко представился день, когда они с Джейком Хиски впервые направили свой корабль прочь от Солнца. Навстречу невероятным приключениям. Как это больно, Джейк, подумал он, как это ужасно, что восемь лет совместных приключений заканчиваются вот так.

Из первой группы захватчиков оставались Мак-Нилти и еще один, самое большее, два человека. С ними следовало покончить, пока не прибыло подкрепление.

Мак-Нилти должен находиться рядом с пультом управления.

Гарольд пошел дальше по коридору. Нигде не слышалось ни звука. Вот и открытая дверь. Навигатор осторожно приблизился и заглянул внутрь. Просторное офисное помещение, полдюжины рабочих столов, оргтехника, шкафы во всю стену, несколько створок распахнуто. Еще несколько минут назад здесь работали люди. Затем их настиг сигнал тревоги, и они исчезли, подобно призракам растаяв в воздухе. В дальнем конце помещения виднелась еще одна дверь. Когда он направился к ней, в проеме выросли две фигуры. Раздались выстрелы. Но еще до этого Гарольд бросился под прикрытие ближайшего стола. Стрелки тоже быстро нашли себе защиту, укрывшись за дверью.

Началась перестрелка в лучших традициях вестерна, стремительная и беспощадная. С одной стороны справедливый шериф, с другой — скверные парни. Ими оказались Хардинг и Руз, одни из лучших стрелков в команде «Горделивой Сью». Офисная мебель, несмотря на свой хрупкий элегантный вид, была сделана из чрезвычайно прочного пластика, но уже через минуту она разлетелась в щепки, точно под ударами молота. Гарольд израсходовал весь запас энергии своей пушки, прежде чем смог поразить Хардинга. А

Руз тем временем остервенело лупил по столу, за которым укрылся Гарольд. С каждым выстрелом укрытие навигатора становилось все менее и менее надежным. Наконец Гарольд решил испытать судьбу, бросившись с низкого старта к другому столу, и, лишь достигнув нового укрытия, почувствовал, что противник успел всадить заряд в ахиллесово сухожилие — правая нога только что не разрывалась от боли, охватившей ее снизу доверху. Во всяком случае, рана была не смертельной, хотя любое поражение лучевым оружием — вещь весьма неприятная. Зато теперь за Гарольдом было тактическое преимущество, и, лежа за новым столом, он мог сколько угодно поливать Руза из своей пушки, что он и стал делать. Руз продолжал ожесточенно сопротивляться, но уже без особого эффекта. Наконец ему надоело гонять мяч у края корта, и он попытался повторить выход Гарольда к сетке, где и был расстрелян в упор. А уже секунду спустя и вторая пушка в руке Гарольда прошипела опустошенно и обессиленно.

Руз был скрыт за низкой тумбой, виднелись только его башмаки. Тело неподвижно вытянуто, ноги не шевелились. Возможно, притворяется, подумал Гарольд и тут же отбросил эту мысль.

Он ясно видел, что попал Рузу в голову; даже при минимальном энергетическом разряде такое ранение, безусловно, означало мгновенную смерть. Однако он не двинулся с места, а потянулся к запасному зарядному блоку, добытому из кармана Коника. Секундное ощупывание собственного кармана подсказало, что зарядника там нет. Наверное, во время потасовки выпал и затерялся.

Но такой же зарядник наверняка должен быть у Хардинга. Гарольд медленно выполз из-за стола и повернулся к распростертому телу.

Внезапно он увидел, что к нему по ярко освещенному офису, мягко и тяжело ступая, двигается Мак-Нилти, сжимая в человекоподобной руке толстую металлическую иглу.

Гарольд скользнул обратно за стол. Мак-Нилти сделал профессиональный выпад длинной иглой через стол, затем попытался обежать вокруг. В это время его фигура странно расплылась. Воздух наполнился басовитым жужжанием, означавшим, что грудная клетка Рильфа извергает очередную порцию тозиенов.

Цель данного маневра была очевидна. Тозиены не могли причинить человеку вреда, но могли сбить с толку. Гарольда мгновенно окружило многократное жужжание, а стены офиса стали

поблескивать, словно бурлящий сахарный сироп. А вот Мак-Нилти, напротив, чувствовал себя как рыба в воде. Он действовал неуклюже, но непреклонно и стремительно, восковое лицо бешено кривилось за прозрачным экраном из плотно толкущихся тозиенов. В течение одной или двух минут, показавшихся сущим кошмаром, все, что мог сделать Гарольд, так это следить, чтобы между ним и Мак-Нилти все время находился какой-нибудь из предметов мебели. Мак-Нилти не оставлял ему никаких шансов добраться до пушек Руза и Хардинга. Но неуклюжесть, непреклонность и стремительность подвели Мак-Нилти: он споткнулся об обломок стула и упал. Так же неуклюже, непреклонно и стремительно. Гарольд в это время находился в эпицентре тозиеновой бури, но все же ему удалось выхватить смертоносную иглу из цепких лап Рильфа. Мак-Нилти вскочил на ноги, но навигатор уже целеустремленно ринулся на него, крепко сжав иглу руками. Ее кончик глубоко вошел в ту часть тела инопланетянина, которой рильфские хирурги старательно придавали форму человеческого живота. Гарольд ничего не знал об анатомическом строении Рильфов и понятия не имел, где находятся их жизненно важные

органы, но игла, несомненно, попала в один из них. Пасть Мак-Нилти безобразно раззявилась. Если при этом Рильф и издавал какие-либо звуки, то они тонули в металлическом жужжании. Огромное тело изогнулось, сначала в одну сторону, потом в другую, потом тяжело завалилось на спину и затихло. Рукоятка массивной иглы еще торчала из его живота, глаза оставались открытыми, но жизнь в них угасла.

Гарольд на секунду откинулся назад, чтобы немного отдышаться. Тозиены все еще клубились с методичным жужжанием подобно рою гигантских металлических насекомых вокруг инопланетянина, но ряды их заметно поредели, так что видимость в офисе улучшилась. Вдруг один из них присел на грудь Мак-Нилти и прилип, затрепетав мелкой дрожью. Затем другой, третий. Через минуту все тело Мак-Нилти было покрыто ими, жуткие твари ползали по нему точно навозные мухи. При виде этого отвратительного зрелища у Гарольда побежали мурашки. Тозиены, по-видимому, представляли собой различные части организма Рильфов, пластичные, твердые или острые как бритва, в зависимости от выполняемых функций. Отдаленные предки Мак-Нилти были хищными животными, воз-

можно, чересчур неуклюжими для того, чтобы гоняться за смышленой и ловкой добычей. Это заставило их выработать в себе способность отделять некоторые части собственного тела, которые самостоятельно убивали жертву, подобно тому, как когда-то давным-давно на Земле люди придумали соколиную охоту. Мак-Нилти использовал своих тозиенов, выпуская их на время для поражения конкретной жертвы и затем заставляя вернуться. Научить их улетать от хозяина навсегда, тысячами, для совершения массовых убийств, было, вероятно, позднейшим достижением рильфской цивилизации. При этом тозиены разлетались на полтора десятка километров, в течение пятидесяти часов уничтожали все живое, затем их яростная энергия угасала, и они погибали.

У Хардинга оказался при себе свежий зарядник, и Гарольд смог перезарядить пушку перед тем, как сунуть в карман. Он напоследок взглянул на неподвижное, покрытое страшным прозрачным ковром тело Мак-Нилти и вышел из офиса в дверь, противоположную той, в которую вошел. Как оказалось, к Мак-Нилти вернулись не все тозиены. Несколько десятков еще металось по округе, некоторые даже пристроились к Гароль-

ду, привлеченные его передвижениями.

Он знал об этом, поскольку теперь эти маленькие твари были отнюдь не беззвучны, они издавали теперь не только жужжание, но и слабый свист. Видимо, смерть Мак-Нилти как-то повлияла на их жизненные процессы, во всяком случае, они перестали проявлять к Гарольду повышенный хищнический интерес.

Немного прихрамывая, так как заряд, угодивший в ногу, давал о себе знать, Гарольд направился по узкому проходу к следующей двери. Спустившись на несколько ступеней, он увидел перед собой ярко освещенный, но абсолютно безлюдный пульт управления, который тихонько и деловито гудел: Гарольд осмотрелся.

Он сразу же отыскал клавиатуру, управляющую космошлюзом, но она привела навигатора в замешательство. Согласно показаниям приборов, космошлюз был открыт до предела. Однако тут же, на экране монитора, можно было видеть, что на посадочной площадке маячит одинокая шлюпка, а индикатор силового поля над космошлюзом указывал на то, что он не только не открыт, а напротив — крепко заперт. Гарольд быстро защелкал нужными вроде переключателями, но показания приборов не изменились ни

на йоту. Он сердито посмотрел на непокорные индикаторы, поставил переключатели в безопасное положение и занялся осмотром других приборов.

Через минуту ответ был найден. Навигатор сел на какую-то тумбу и издал короткий жесткий смешок. Не удивительно, что Джейк столь яростно долбил стены в поисках скрытых ходов, ведущих вглубь астероида. Пульт управления был мертв. Он не был обесточен, аппаратура прикидывалась работающей, но ничего не делала.

Совершенно ничего.

Он сделал долгий глубокий вдох и поднял очи горе:

— Кто-нибудь меня слышит? — громко спросил он. — Кто-нибудь меня видит?

* * *

Мгновенно раздался взволнованный гул голосов, мужских и женских.

— Элизабет?

Прямо напротив пульта обнаружился направленный микрофон.

— Элизабет? — спросил он, чувствуя, как в горле поднимается ком.

— Я здесь, Гарольд, мы все здесь! — возбужденно произнес голос Элизабет, — Гарольд, мы тебя

не видели и не видим сейчас, мы не знали, что происходит…

— Сканеры, мистер Кейдж, — вступил в разговор Элстон. — В вашей секции произошло короткое замыкание. Сканеры отключились. Мы боялись привлечь к вам внимание, если заговорим. А еще…

— Понятно, — откликнулся Гарольд. — Позвольте же напомнить, профессор, что дело еще не закончено. Капитан Хиски и все, кто спустились вместе с ним на шлюпке, погибли. Мак-Нилти — инопланетный Рильф — тоже. Однако оружие Мак-Нилти живо, и будет действовать еще двое, скажем, двое с половиной суток — для пущей безопасности. До истечения этого времени вам нельзя входить в секцию или туда, куда тозиены могли проникнуть. Меня они не тронут, но любой другой будет убит немедленно.

— Теперь расскажите, что это за биологическое оружие, — прозвучал голос Элстона.

Гарольд вкратце рассказал о тозиенах, закончив так:

— Возможно, вы подняли эти экраны как раз вовремя, чтобы запереть их здесь. Но если нет, то они уже разлетелись по всему астероиду и могут просочиться в любую щель.

— К счастью, — сказал Элстон, — тозиены всем своим сообществом остались в секции космошлюза. Все благодаря своевременному предупреждению. Вашему предупреждению, мистер Кейдж.

— Почему вы решили, что тозиены не проникли куда-нибудь еще?

— Потому что они были зарегистрированы встроенными биологическими сенсорами, но что собой представляют — трудно было понять до тех пор, пока вы не разъяснили. Секции астероида отделены друг от друга и накрыты силовыми полями, и ни в одной другой, кроме космошлюза, не наблюдается ничего похожего на тозиенов. Тем не менее, мы не станем испытывать судьбу и не выйдем на поверхность еще шестьдесят часов.

— Вы, кажется, перекрыли доступ к приборам, которые я имею честь наблюдать, — заметил Гарольд.

— Приборы действительно отключились, но исключительно сами, автоматически, — признал Элстон. — Такое отключение практикуется всегда, когда астероид переключается на режим работы в чрезвычайной ситуации. Всегда следует быть готовым к возможному захвату. Поэтому здесь, под землей, у нас есть еще один, запасной

пульт управления.

Гарольд вздохнул с облегчением. Однако, подумал он, обитателей астероида недооценили не только Джейк Хиски с Мак-Нилти. Ладно, теперь нужно навести порядок…

— Вы попросили Полицию Системы разобраться с «Горделивой Сью»?

— Да, — ответил Элстон, — через несколько часов патрульный корабль будет здесь.

Какой-то тозиен сделал круг почета вокруг Гарольда и с обиженным жужжанием удалился.

— На «Горделивой Сью» установлено чрезвычайно мощное вооружение, гораздо более мощное, нежели можно себе представить, — предупредил он. — Плюс восемь человек и еще один Рильф на борту. Большинство из парней не самые плохие стрелки. Но пусть им все же дадут шанс.

— Хорошо, я предупрежу полицию, чтобы они приняли меры предосторожности.

— Да, это им понадобится в первую очередь. Теперь следующее. Мы привели сюда большой рильфский корабль, он кружит по удаленной орбите за границами Системы. В нем находится больше полусотни Рильфов. Мы должны были выступить посредниками, чтобы они поучаствовали в качестве наемников в земных

мини-войнах. Скорее всего, инопланетяне могут осуществить свою миссию и без нашей помощи, так что, думаю, их следует отогнать.

— Где сейчас этот корабль? — взволнованно спросил Элстон.

— Дрейфует в трех или четырех мегаметрах от внешних границ Системы. По плану он должен войти в нее и подойти к вашей орбите. Там Полиция Системы может его накрыть.

Элстон начал отвечать, но вдруг все поплыло у Гарольда перед глазами, и голос Элстона зазвучал, словно сквозь вату. Что-то ударило навигатора чуть ниже правой лопатки. Сила удара была такова, что его выбросило из кресла. Он упал на пол, перевернулся через голову и когда обернулся вновь, в руке уже наготове была пушка.

Лицо Джейка Хиски представляло собой кровавое месиво, рассеченное улыбкой. Он опирался о косяк двери в дальнем конце помещения. В его руке тоже была пушка, и выстрел прогремел раньше, чем выстрел Гарольда. Разряд приняло на себя массивное основание передатчика чуть левее и позади Гарольда. Когда же прозвучал ответный выстрел, бывшего приятеля и начальника отбросило назад. Он упал навзничь, скрывшись из вида. Гарольд с шумом втянул

воздух в легкие, которые раздувались невероятно туго. К счастью, пушка Джейка оказалась разряженной, иначе навигатора убило бы на месте. Его противник был слишком слаб, чтобы проверить оружие. Впрочем, и ослабленный разряд лишь отсрочил мучительную агонию.

Джейк, Джейк, как же так, подумал, он, а с другой стороны, возможно, все даже к лучшему.

Огромная комната завертелась каруселью вокруг Гарольда, но он дотянулся до пульта и вновь уселся на тумбу. Чей-то голос пополам со слезами выкрикивал его имя. Конечно, Элизабет.

— Все в порядке, — с трудом выдохнул Гарольд, — я принял на себя небольшой разряд, вот и все.

Посыпался град вопросов.

— Капитан Хиски, оказывается, был не настолько мертв, как я полагал. Теперь он мертв настолько, насколько необходимо.

Голоса звучали все тише и тише. Гарольд понял, что для него все кончено. Какое-то время он еще проживет, но заряд, хоть и был слабым, наверняка вызвал необратимые изменения во внутренних органах. Еще час-другой сердце, почки и легкие будут медленно разлагаться, постепенно превращаясь в кашу. Совершенное

оружие — смертоносное оружие…

— …немедленное лечение…

О, да, конечно. А как же иначе.

Однако он собрался с силами и прислушался к тому, они ему говорили, после чего пришел в ужас.

— Не входите сюда, — убеждал он, — я же объяснял, по какой причине. Даже в броне. Если вы уберете экраны, тозиены просочатся в другие, свободные сейчас от них секции. Этих тварей нельзя остановить, они слишком быстрые. Вы должны подождать, пока не убедитесь, что они все подохли.

Однако есть и еще один вариант, сказали ему. Между его секцией силового поля и следующей имеется маленький аварийный шлюз для персонала, и если уважаемый мистер Кейдж сможет последовать инструкциям, то ему останется лишь добраться до этого шлюза. Бронированный скафандр туда не пролезет, но Гарольд поместится. Когда он окажется внутри шлюза, биосенсоры совершенно точно подскажут, смогли туда проникнуть рильфские тозиены или нет.

Гарольд подумал, что план выглядел достаточно надежным.

— Хорошо, — сказал он, — давайте попробуем.

Он с трудом поднялся на ноги.

— Только умоляю, не убирайте экраны.

Понадобилось немало времени, прежде чем он смог добраться до главного входа в помещение управления. Он бросил последний взгляд на труп Джейка Хиски и повернул направо, как ему и подсказывали. Тозиены последовали за ним, привлеченные единственным движущимся существом. Он прошел один коридор, затем другой, нашел дверь, за которой располагалась небольшая комнатка.

— Кажется, я на месте, — громко сказал он.

— Да, вы на месте, — откликнулся Элстон, — шлюз не будет видно, пока он не откроется, но это в середине стены, прямо напротив входной двери.

— Не открывайте пока, — попросил Гарольд. — Мои жужжащие приятели тоже здесь.

Он пересек комнату. Как и предупреждал Элстон, на ровной стене невозможно было заметить никаких признаков того, что за ней находится вход в аварийный шлюз, но он встал точно напротив центра двери, и, насколько мог судить, от него до шлюза было не более метра.

— Профессор Элстон, — позвал он.

— Да?

— Я стою прямо перед шлюзом, но все равно подождите, пока я не скажу вам, что можете открывать.

— Мы готовы, — ответил Элстон. — И поймем, когда вы очутитесь внутри.

Гарольд выудил из карманов обе пушки, взял их одной рукой за рукоятки и оглянулся. Держась одной рукой за стену, он другой поднял пушки над головой и помотал ими в воздухе. Тозиенов мгновенно привлекло это движение, они сгустились вокруг, встревоженно жужжа. Навигатор швырнул пушки в дальний угол комнаты. Жужжание отдалилось. Пушки грохнулись о дальнюю стену и с треском упали на пол. Воздух над ними шумно сгустился.

— Давайте! — сказал Гарольд.

Он увидел перед собой узкий проем двери и упал в него. После этого, как ему казалось, он продолжал долго-долго падать сквозь мягкую тьму.

Сначала он ничего не чувствовал. Затем, периодически, стал смутно ощущать, как проходит время, много времени, годы, века. Оно двигалось спокойно и неторопливо. Появлялись и исчезали какие-то тени. Иногда возникала какая-нибудь мысль. Одна мысль тянула за собой другую, та — третью, и вот уже возникали целые стаи мыс-

лей. Наконец он смог собрать воедино несколько фактов. Он осознавал, что эти факты имеют большую ценность, поскольку они стыковались друг с другом и образовывали слитные структуры.

Осторожно и скрупулезно Гарольд извлек из памяти еще несколько фактов. Он приучил свои мысли переключаться с одного факта на другой, и они играли вокруг, точно стайка мальков. Затем наступил момент, когда ему показалось, что теперь у него в руках накопилось достаточно фактов, и их можно выстраивать по порядку.

Так он и поступил.

Первая стайка фактов собиралась легко. По ходу дела он даже припомнил, что все это ему сообщила одна из теней. Оставшиеся на борту «Горделивой Сью» предпочли не сдаваться Полиции Системы без боя, и бой там разыгрался жаркий. (Еще бы, вдруг промелькнула сторонняя мысль, ведь я сам их натаскивал). Однако, в конце концов, «Горделивая Сью» была разбита наголову — выживших на ее борту не осталось.

Корабль Рильфов, дрейфовавший у внешних границ Системы, безмолвно развернулся и отправился в обратный путь, как только к нему попытались приблизиться. В данный момент он стремительно исчезал с экранов кораблей

Полиции Системы, которые взялись его сопроводить. Он уже находился на расстоянии четверти светового года от Солнца и гордо удалялся прочь.

На этом первая группа фактов исчерпывалась.

Прочее выглядело более запутанно. Он сам, например. Сначала просто лежал здесь без движения, затем его возили на маленьком коричневом животном, какие когда-то в обилии водились на Земле, затем снова начал ходить — все это представлялось ему сплошной загадкой. Были периоды, когда Гарольд, так сказать, присутствовал, а были периоды полной прострации, в которые его организм периодически проваливался. Затем, когда он выходил из такого состояния, то не помнил, что с ним происходило. Поначалу он не придавал этому значение, но потом это начало его беспокоить.

— Дело в том, — мягко сказала Элизабет, оказавшаяся рядом, когда он впервые серьезно задумался об этом странном феномене, — доктор сказал, что помимо физических повреждений, сильный удар от этого разряда испытала также твоя нервная система. Тем не менее, ты медленно, но верно поправляешься, Гарольд.

Значит, он поправляется. Что ж, пока удовлетворится этим.

— Как долго это продолжается? — спросил он.

— Почти четыре недели, — ответила Элизабет. Она улыбалась. — Ты действительно идешь на поправку, Гарольд. Что тебе показать сегодня?

— Давай посмотрим еще несколько подземных отсеков, — сказал Гарольд.

Астероид профессора Элстона тоже представлял собой изрядную головоломку. В Подземном Городе на Марсе и навигационной школе Полицейской Академии Системы к частным астероидам относились так же, как и на Земле. Курортные местечки, где живут только самые богатые и навороченные, которые поддерживают контакт с Землей постольку поскольку. По-видимому, владельцы частных небесных тел сознательно поддерживали такую репутацию. Элизабет рассказала, что она сама до того, как несколько лет назад не начала учиться в Солнечном Университете, не знала, что ныне астероиды выполняют ту же функцию, что земные монастыри и замки в средневековье. Они накапливали и хранили жизнь, знания и культуру, оберегая их от самых неистовых потрясений в виде войн и прочих катаклизмов. Астероиды надежно, сохраняли в себе то, что было утрачено или исчезало на прародине человечества, Земле, а хитроумные

системы защиты делали их неприступными бастионами. Растения и животные на поверхности астероида образовывали живые заказники. В подземных отсеках чудес было еще больше. Во многих отношениях астероид функционировал как филиал Солнечного Университета, и к тому же функционировал независимо.

Все увиденное Гарольдом подтверждало правдивость рассказанной ему истории. Однако время от времени навигатора упорно посещала мысль, что картина все же остается неполной. Ему не давало покоя одно обстоятельство. Миниатюрная планетка хоть и представляла собой незначительную крупинку в пустыне космоса, все же по человеческим меркам была весьма обширна. При этом лишь малая ее часть использовалась, причем, использовалась довольно странно. В сердцевине астероида скрывались объемы, которые по уровню коммуникаций могли бы сойти за жилой район Подземного города на Марсе. Проведя последние восемь лет на межпланетном корабле, Гарольд невольно задумался о том, что если бы население астероида увеличилось даже в сто раз, он все равно не был бы перенаселен. Повсюду он натыкался на огромные хранилища культурных ценностей, и Элизабет любила бро-

дить по ним, и Гарольд бродил вместе с сестрой, хотя сокровища литературы, искусства и тому подобное его не очень интересовали. Красивые вещи, конечно, но неживые.

* * *

Кроме того, были еще и исследовательские лаборатории. Один шаг в прозрачную капсулу, похожую на каплю дождевой воды, гладкое скольжение по извилистым коридорам, проход сквозь череду автоматических шлюзов, и вот она — лабораторная галерея. В каждой из лабораторий работало два-три, максимум четыре человека. И хотя ученые ожидали прихода гостя Элстонов, Гарольда, все равно представляли и почтительно показывали достопримечательности. Элизабет взирала на представленные проекты с вежливым интересом. А вот заинтересованность Гарольда стремительно росла.

— Некоторые из экспериментов, которые вы проводите, весьма небезобидны, — как-то заметил он в разговоре с Дереком Элстоном. Последнее время раненого перестали навещать периоды забытья.

Дерек покачал головой.

— Я их не провожу, — сказал он. — Это проекты

Солнечного Университета и Полиции Системы. Они просто используют возможности астероида.

— Почему вы позволяете проводить их здесь?

Дерек Элстон пожал плечами.

— Ну, где-то ведь их нужно проводить. Если произойдет какая-нибудь ошибка в расчетах, наша защитная система сможет снизить ущерб и сократить человеческие потери.

Астероид действительно обладал необычайно мощной системой защиты. Настолько мощной, что трудно было представить, для каких мирных целей она могла понадобиться. Гарольд основательно ее изучил и вновь удивился.

— В Одиннадцатой, — заметил он как бы вскользь, — проектируют нечто вроде артиллерийского орудия, работающего от прямой энергии Солнца. Если что-то подобное было бы применено против вашего астероида, система защиты испытала бы серьезное потрясение.

Дерек внимательно посмотрел на навигатора.

— Полагаю, — небрежно спросил он, — вам не объясняли назначение этого устройства?

— Честно говоря, ваши ученые неохотно говорили об этом, — признался Гарольд, — но я как-то встретил нечто аналогичное за границами Системы.

— Представляю себе, сколько вы узнали там того, что далеко выходит за пределы программы навигационной школы.

Дерек почесал затылок, глубокомысленно изучая Гарольда.

— А попробуйте-ка догадаться, зачем подобные проекты проводятся на моем астероиде? В конце концов, я вынужден признать, что и Полиция Системы, и Солнечный Университет могли разместить их и в другом месте.

— У меня сложилось впечатление, — сказал Гарольд, — что причина тому — секретность. Эти проекты разрабатывают совсем не то, что может пригодиться частному астероиду.

— Верно, совсем не то. А вы, оказывается, наблюдательный молодой человек! Итак, есть отдельные люди, а есть человечество. Это не одно и то же. В этом веке земное человечество отступило на шаг и, по сути, существует на планете фрагментарно. И хотя люди живут и за пределами Системы, но они не составляют человечества.

— Вы хотите сказать, что человечество существует здесь?

— Да, здесь. В Солнечном Университете, в Полиции Системы, в таких крупных центрах, как Подземный город на Марсе. Все это различные

формы одного и того же явления. Человечество, точнее, то, что от него осталось, находится здесь. Именно здесь оно сохранило себя в качестве наследника Земли и именно здесь вновь собирается с духом.

Гарольд задумался.

— Но зачем держать это в тайне? Почему не объявить об этом открыто?

— Потому что такое объявление отпугнет землян, а это опасно. Земля смотрит на внеземную Систему с нескрываемым раздражением. Однако там видят наше очевидное отсутствие организованности и целеустремленности, а также относительную малочисленность, поэтому мы не вызываем у землян беспокойство. Они знают, что потребуются колоссальные усилия, чтобы уничтожить нас, а мы, по их мнению, того не стоим. Поэтому земляне продолжают свои кровавые локальные конфликты, мини-войны и тому подобное, что, в конце концов, приведет к тому, что кто-то установит свою диктатуру. А в это время человечество Системы не особо интересуется намерениями Земли. Проекты, которые вы видели, лишь бледные копии других. По численности населения, по уровню технологий, по запасам сырья мы с каждым годом приближа-

емся к землянам. Даже сейчас я сомневаюсь, что всех ресурсов Земли хватит, чтобы серьезно помешать этому процессу, но в настоящий момент мы вынуждены скрывать мощь, которая у нас есть, и мощь, которую мы обретем в ближайшее время. Мы не хотим конфликтов с землянами. Некоторое время человечество деградировало, но потом, как бы отдельные люди ни сопротивлялись этому, оно начинают эволюционировать снова, как происходит такое всегда. Популяция вынослива. Подождем немного…

* * *

И этот разговор, решил Гарольд, был высшей степенью доверия. Ведь информация исходила от одного из лидеров Системы. Хотя Элизабет и Салли имели общее представление о ситуации, они ничего не знали о подоплеке. Профессор Элстон, очевидно, сделал ему предложение.

Лишь только навигатор подумал об этом, как в нем стало нарастать некое чувство, нечто вроде растерянности или замешательства. Элизабет, почувствовав, что с братом происходит непонятное, забеспокоилась.

Наступил следующий день. У Гарольда в руке снова была пушка, а в другой — три последних

прозрачных шарика из дюжины, которые он подобрал как-то в одной из лавчонок еще за пределами Системы. Он подбросил их вверх, и они устремились вдоль ровной поверхности скалы. Когда траектория их полета устремилась вниз, навигатор выхватил пушку и трижды выстрелил. Каждый из шариков вспыхнул и испарился бесследно.

Он знал, что Дерек Элстон находится у него за спиной, поэтому засунул оружие в кобуру и обернулся.

— Отличные выстрелы, приятель! — заметил Дерек. — Мне не удалось развить меткость у себя, но всегда приятно наблюдать, как работают настоящие профессионалы.

Гарольд пожал плечами.

— У меня было время, чтобы попрактиковаться, и была мотивация.

— Не сомневаюсь, — Дерек вынул какие-то листы. — Это окончательные результаты медицинского и психологического освидетельствования. Судя по ним, состояние вашего здоровья пришло в норму. Хотите ознакомиться?

Навигатор покачал головой.

— Нет. Я уже двое суток назад узнал эту новость. — Он похлопал себя по карману, где лежала

пушка. — Это была проверка.

Они мгновение изучали друг друга. Гарольда интересовало, а как теперь профессор заговорит о сокровенном? Элстоны были более чем щедрыми хозяевами, и Дерек гордился достижениями Системы. И у него имелись на то веские основания.

Но Гарольд путешествовал по звездам целых восемь лет. И, несмотря на крушение прежних планов и то безобразие, в конце концов, уничтожившее «Горделивую Сью», он нашел то, что искал. Система оказалась маленькой и убогой. Он не мог врасти в нее.

«Успокойся», — сказал он себе.

— Я не совсем уверен, чем буду заниматься дальше. Но я собираюсь вновь отправиться к звездам.

— Надеюсь на это! — быстро ответил Дерек.

— Я подумал, а поймете ли вы… в особенности Элизабет.

— Конечно, она поймет! Я пойму. Мы все поймем. — Дерек улыбнулся. — Но прежде чем вы скажете об отъезде, хочу показать вам еще один проект. Вы должны его оценить…

Мужчины прошлись коридором со стальными переборками. Массивный запор открылся сам собой при их приближении. Вспыхнул свет.

— Зайдите и полюбуйтесь! — пригласил Дерек. — Это наш третий командный пункт, откуда можно управлять механизмами астероида. Немногие догадываются о его существовании.

Гарольд посмотрел по сторонам. Сначала он пришел в восторг, потом испытал благоговение.

— Не возражаете, если я опробую? — спросил он.

— Не возражаю, вперед, мой друг!

Однажды, года два назад, он бывал в контрольной рубке самого большого новейшего и гордого внесистемного звездолета. То, что он видел тогда, меркло перед тем, что увидел сейчас. Его охватил зуд нетерпения.

— У вас есть соответствующий энергозапас, чтобы управиться с этим? — спросил он.

— У нас полно энергии.

— А куда направляется астероид?

— Я же вам говорил, что человечество еще не освоило внешние миры, но оно готово туда отправиться! И мы, на нашем астероиде, готовы. Внешние системы не будут знать о том, что мы с ними наравне, до тех пор, пока мы сами не скажем им об этом.

— Так, значит, этот астероид намерен двинуться к внешним системам?

— Нет, не этот. У нас остаются еще кое-какие функции, которые мы должны выполнять на своей орбите, но существуют другие астероиды и первый из них будет готов отправиться к звездам не позднее, чем через три месяца. Его обитатели хотят использовать опыт прожженное космического волка. Догадываетесь, о ком идет речь, капитан с внесистемным прошлым? Если это вас заинтересовало, то я могу доставить вас на этот астероид уже сегодня.

Гарольд глубоко вздохнул.

— Лучшего предложения я не получал в жизни!

На крючке
(рассказ)

Барни Чард, тридцатисемилетний финансист, предприниматель, иногда шантажист, иногда аферист, человек весьма компетентный во всех вышеперечисленных видах противозаконной деятельности, стоял на шатких деревянных мостках, щурясь на послеполуденное солнце в ожидании, пока его нынешнему потенциальному клиенту надоест делать вид, что ему интересно ловить рыбу.

Клиента, находящегося здесь же, на мостках, с удочкой в руке, звали Оливером Б. Мак-Алленом. Это был удалившийся на покой доктор физики, хотя на самом деле покой можно было считать относительным. Лет десять назад он был одним из лучших специалистов в стране в своей области. Сейчас, одетый в то, что он сам условно называл «рыболовным костюмом» и что делало его похожим на престарелого бродягу, Оливер потенциально являлся одним из самых богатых людей в стране. В свое время он сделал некое секретное изобретение, которое назвал «Труба

Мак-Аллена». Именно из-за этой «Трубы» Барни Чард и приехал его повидать.

Доктор Мак-Аллен то поднимал, то мягко опускал удочку, прищуренно глядя на спокойную гладь воды. Он, по-видимому, был озабочен какими-то соображениями, никак не связанными со столь здоровым видом спорта. У этого человека явно имелся какой-то пунктик. Изобретение, подумал Барни, оказалось сильнее своего изобретателя. Мак-Аллен побаивался своей «Трубы» и на повестке дня у него сейчас должен маячить тот неоспоримый факт, что тайну мак-алленовской «Трубы» можно сохранить не иначе как в сотрудничестве с Барни Чардом. У Барни имелись свидетельства ее реального существования, но они не были ему нужны. Разбрасывая соответствующие намеки то там, то сям, можно было свести на нет все предосторожности Мак-Аллена, которые он искусно создавал на протяжении двенадцати лет.

Следовательно, Мак-Аллену необходимо было поразмыслить о том, каким образом заставить мистера Чарда молчать.

Однако Барни дал старому ученому еще один повод для размышлений. Мистер Чард, человек широкого кругозора, отнюдь не случайно произ-

водил на него впечатление широко раскрытого денежного мешка. Изящные манеры, строгий, но дорогой костюм, «роллекс» в платиновом корпусе… а Мак-Аллену требовались деньги до зарезу. Он и сам когда-то был довольно богат, но с тех пор как отказался от эксплуатации коммерческого потенциала своей «Трубы», работа над ней проедала остатки его состояния. По крайней мере, этим, как установил Барни, объяснялось внезапное обнищание Мак-Аллена. Старик месяцами сидел на бобах.

Следовательно, мысли Мак-Аллена должны были опять-таки пойти в том направлении, что нужно не только упросить мистера Чарда молчать, но и заставить его оказать некоторую финансовую поддержку. А что в этой ситуации может предложить физик взамен, кроме своей «Трубы»? Барни внутренне ухмыльнулся, кидая окурок сигары в бледно-янтарную воду. Хорошая марка говорит сама за себя. Вежливое молчание — вот и все, что сейчас необходимо. Он зажег еще одну сигару, с умеренным любопытством прикинув, в каком штате находится маленькое озерцо, на воды которого они сейчас смотрят. Висконсин, Миннесота, Мичиган казались одинаково вероятными. Однако значение имело

лишь то, что полчаса назад «Труба Мак-Аллена» переместила их в мгновение ока сюда из дома физика в Калифорнии.

* * *

Доктор Мак-Аллен глубокомысленно откашлялся.

— Любите рыбалку, мистер Чард? — спросил он. Придя в себя после первого шока, вызванного откровениями Барни, он снова стал говорить в своей обычной краткой, отрывистой манере, которую Барни запомнил, когда слышал его голос последний раз.

— Нет, — с улыбкой признался Барни, — все как-то недосуг.

— Слишком заняты, да?

— То одно, то другое, — согласился Барни.

Мак-Аллен вновь откашлялся. Он был пухлым бодрячком, хотя ему было за семьдесят, цветущего вида, щеки румяные, как яблоки, загорелое лицо. Выцветшие голубые глаза задумчиво взирали на Барни поверх очков в стальной оправе.

— Вам ведь лет тридцать пять, верно?

— Тридцать семь.

— Женаты?

— Разведен.

— Какие-нибудь хобби?

Барни рассмеялся:

— Немного играю в гольф, но не занимаюсь этим серьезно.

Мак-Аллен прищелкнул языком.

— А что вы делаете для развлечения?

— О, я бы сказал, мне нравится почти все, чем я занимаюсь.

Барни любезно улыбнулся, ощущая, как внутри него растет настороженность.

Он ожидал, что Мак-Аллен будет задавать вопросы, но ведь не такого же рода.

— Главным образом — зарабатывать деньги, да? Ну что ж, неплохое хобби, — одобрил он. — Очень практичное. Я… уф! Момент…

Кончик хрупкой удочки в руке слегка кивнул, и в двадцати метрах от края мостков начал подрагивать зеленый с белым поплавок. Затем поплавок исчез. Мак-Аллен быстрым, ловким движением приподнял свой конец удочки на полметра вверх и замер.

— На крючке! — наконец объявил он, сияя детской улыбкой.

Рыба на конце удилища не особенно сопротивлялась, но старик мотал леску необычайно медленно и аккуратно, иногда отматывая немно-

го обратно, чтобы потом вновь смотать. Казалось, что доктор полностью захвачен этим занятием. Пока рыба не показалась в непосредственной близости от мостков, на поверхности воды не было заметно ни малейшего волнения. Затем Мак-Аллен опустился на колено, высоко держа удочку одной рукой, а другой вычерпнул подсачником свой улов. Барни мельком увидел ничем не примечательный зеленовато-серебристый блин с красными лягушечьими глазками.

— Очень милый краппи, — сообщил он, широко улыбаясь, — а теперь…

Мак-Аллен положил удочку на мостки и потянулся вниз рукой. Раздались шлепки рыбьего хвоста по воде. Краппи вильнул плавником еще несколько раз на прощанье, и был таков.

— Ушел! — воскликнул Барни раздосадованно.

— А что, нельзя? — оглянулся Мак-Аллен. — Ну, уж нет, молодой человек, это я дал ему уйти. Он неплохо сидел на крючке. У краппи очень чувствительные губы, но я пользуюсь специальными затупленными крючками, чтобы оставить ему отличные шансы выжить.

Он встал вместе с удочкой, отряхивая песок с мешковатых штанов.

— Все равно у меня полно рыбы к столу, — до-

бавил он.

— Вам, наверное, нравится это занятие? — с любопытством спросил Барни.

С серьезностью искреннего приверженца рыбной ловли Мак-Аллен посоветовал ему тоже изведать ее прелесть.

— Это захватывает. Причем, до такой степени, что может стать образом жизни. Я начал ловить рыбу примерно тогда же, когда пошел под стол пешком. Три года назад я решил, что накопил достаточно опыта, чтобы написать об этом книгу. Моя книга вызвала много споров, причем споров очень серьезных. Я бы сказал, гораздо более серьезных, нежели те, что вызвал любой из опубликованных мною трудов по физике.

Он мельком взглянул на Барни и продолжил на полном серьезе:

— Говорил же вам, что, окунув в воду удочку, я, как следует, успокоюсь после огорчения, которое вы мне доставили. Так и вышло, рыбалка — отличная терапия, насколько мне известно. Я тут подумал немного. Возможно, мне и будет интересно ваше предложение… но хотелось бы поговорить с вами о «Трубе», мистер Чард, а также еще о некоторых вещах.

— Необычайно рад это слышать, доктор, — тор-

жественно произнес Барни. — Поверьте, мне искренне жаль, что я вас расстроил.

Мак-Аллен пожал плечами.

— Ничего страшного. Вы подали мне парочку ценных идей. Поговорим прямо здесь, — он указал на открытую всем ветрам ветхую лачугу на берегу. — Я не уверен, что Калифорния — подходящее для этого место. Поэтому и предложил вам небольшое путешествие.

— Полагаете, ваш слуга — не вполне надежный человек?

— Это Фредерикс ненадежный? О, господи, нет! Конечно, он знает о «Трубе», но Фредерикс привык к тому, что я все время что-нибудь изобретаю. Он со мной уже сорок лет.

— Сегодня, в начале нашей беседы, — заметил Барни, — он подслушивал.

— Да, это на него похоже, — согласился Мак-Аллен. — Он всегда очень интересуется теми, кто приходит ко мне. А с другой стороны… нет, дело просто в том, что в наши дни, когда подслушивающие устройства столь совершенны, никогда нельзя быть уверенным, что вас не подслушивают.

— Совершенно верно, — Барни бросил беглый взгляд на кабину. — А почему вы уверены, что в

этом месте нас не подслушают, доктор?

— Здесь это никому не нужно, — сказал Мак-Аллен и обвел рукой вокруг. — Все это зарегистрировано не на мое имя. Ближайший сосед живет напротив, через озеро. Я никогда не прихожу сюда иначе, как через «Трубу», и потому не привлекаю ничьего внимания.

Он вернулся по мосткам на берег. Барни Чард последовал за ним, вперив задумчивый взор в основание загорелой шеи Мак-Аллена и растрепанные метелки седых волос, выбившихся из-под рыболовной шапочки с козырьком. Барни умел в точности определять склонность к физическому насилию у людей, с которыми имел дело. Он был решительно убежден, что ни Мак-Аллен, ни Фредерикс, престарелый мулат, выполняющий всю работу по дому, не обладают агрессивностью. Однако правая рука Барни небрежно скользнула в карман, и теперь покоилась на револьвере двадцать пятого калибра. В конце концов, ситуация была весьма необычной. Человеческий же фактор, как таковой, был предсказуем. Этот фактор и был специальностью Барни. Однако здесь с ним было связано нечто совершенно неведомое — «Труба Мак-Аллена».

Когда дело касалось его личной безопасности,

Барни Чард предпочитал не рисковать.

Стоя на верхней ступеньке стертой деревянной лесенки, ведущей в лачугу, он вновь взглянул на озеро. Ему показалось, что в этой громаде неподвижной воды, освещенной с запада садящимся багровым светилом, есть что-то нереальное. Не то что он так чувствовал, но еще меньше часа назад они сидели в доме Мак-Аллена в Южной Калифорнии, и за окном, затененным оливковыми деревьями, бил в глаза яркий полдень.

— Но я не могу… я и, правда, не представляю… — доктор Мак-Аллен перестал запинаться, и его лицо по другую сторону стола приобрело выражение тщательно скрываемого смятения, — что могло вас заставить придти к столь… столь экстраординарным выводам, молодой человек?

Барни покровительственно улыбнулся, откидываясь на спинку стула.

— Ну, косвенно, сэр, как показывают фотографии, можно сказать, что всему виной ваша страсть к рыбалке. Видите ли, в прошлом месяце я случайно заметил вас на Майорке…

* * *

Сама по себе случайная встреча на острове представляла умеренный интерес. Барни скорчился

за рулем какого-то древнего автомобильчика рядом с частным домом, в коем происходили некие перспективные деловые переговоры. Случилось так, что обсуждаемое дело было затеяно Барни, однако личное присутствие там он счел нецелесообразным. В ожидании, пока его помощники уладят все необходимые формальности, он коротал время, наблюдая за пожилым толстяком, который удил рыбу из маленькой лодки примерно в сотне метров от берега. Через некоторое время старик втащил лодку на берег и, спустя несколько минут, появился в дальнем конце маленькой пустой улочки, неся в одной руке снасти, в другой — холщовый и, по-видимому, пустой мешок. В таком виде он имел оплошность прошлепать мимо автомобильчика с его водителем. В это время Барни осенило: он мгновенно узнал старика, и волны памяти отнесли его на двенадцать лет назад.

Доктор Оливер Мак-Аллен. Тогда, двенадцать лет назад, это имя много значило в науке, но затем оно было не то чтобы забыто, а скорее сознательно предано забвению. Работая над важным правительственным заказом в одном крупном университете, Мак-Аллен вдруг неожиданно и без особой шумихи подал в отставку.

Барни, имевший финансовый интерес в одном из университетских договоров, навел справки. В случае, если Мак-Аллена отстраняли от работы, он терял почти все свои деньги. Вскоре ему строго конфиденциально сообщили, что доктор Мак-Аллен скрылся. Под маркой некоего заблуждения, а именно, совершенного им будто бы открытия колоссальной важности, ученый убедил руководство устроить публичный эксперимент. После того, как демонстрация закончилась полным провалом, Мак-Аллен гневно обвинил некоторых из своих коллег в том, что они саботировали его изобретение, и покинул университет. Дабы защитить честь учебного заведения, дело замяли.

Ага, значит, далекая Майорка стала тем местом, где сбившийся с пути физик решил провести остаток своих дней! Глядя на удаляющуюся фигуру, Барни подумал, что, в конце концов, выбор старика не так уж плох. Приятный остров в красивом море — он вспомнил, что слышал о пристрастии Мак-Аллена к крючкам и лескам.

Днем позже, когда майоркское дело благополучно завершилось, Барни улетел обратно в Лос-Анджелес. В тот вечер он собирался развлечься в компании парочки загорелых фигуристых девиц, чьи представления о первоклассном от-

дыхе состояли в том, чтобы пить всю ночь, а на заре выйти в море прокатиться под парусом. Барни внутренне поежился, представляя себе последнее, но пообещал доставить спортсменок на муниципальный пирс Сладкого пляжа вовремя, чтобы нанять какую-нибудь прогулочную лодчонку. Барни сдержал обещание. Одна из девушек, как заметил он не без удовлетворения — к утру ему пришлось немного подустать от обеих — трепетно позеленела, усаживаясь в плавно покачивающееся у причала суденышко. Барни дружески помахал подружкам на прощанье и уже собирался уходить, как вдруг заметил среди прочих удильщиков пухлого старика, торопливо собирающего снасти на корме своей лодки. Барни пригляделся и несколько раз удивленно моргнул. Перед ним вновь предстал ни кто иной, как Оливер Б. Мак-Аллен.

На этот раз прошла почти целая минута, прежде чем он окончательно уверился, что не ошибся. Мак-Аллен не то что не мог сидеть в этой лодке, но все же казалось совершенно невероятным, что он там сидел. Мак-Аллен ни в малейшей степени не был сейчас похож на человека, которому совершить перелет из Средиземноморья в Калифорнию раз плюнуть. Затем Барни почувствовал,

что какая-то смутная идея кружит в боковых коридорах лабиринта его сознания, отказываясь вылезти на свет божий.

* * *

Ему удалось ее осознать, когда прогулочная лодка отчалила в море. Он улыбнулся тому, что показалось причудливой шуткой, которую сыграло с ним его бессознательное воображение, и направился к автомобильной стоянке. Но когда он забрался в машину, включил зажигание и зажег сигарету, идея все еще кружила в подсознании, но Барни уже не улыбался. Это было удивительно, невероятно, но, строго говоря, возможно. Чем дольше он раздумывал, тем больше ему казалось, что его идея не стоит выеденного яйца. Однако если в этом что-то было, то он стоял на пороге величайшей сделки в истории.

Затем Барни осознал, что не взялся бы за это дело, если бы не обстоятельства, не имевшие к Мак-Аллену никакого отношения. В данный момент он не был занят ни в одной серьезной операции. Ему нечем было себя занять. Более того, совсем недавно выяснилось, что обычные финансовые махинации ему приелись. Радость от проталкивания очередной сделки, даже если

она означала победу над каким-нибудь столь же предприимчивым собратом, за последнее время здорово потускнела. Барни Чард был несколько встревожен этим явлением, поскольку биржевая спекуляция была единственным, что его интересовало в жизни. Роль пресыщенного плейбоя была хороша только тогда, когда нужно было убить немного времени. В свои неполные сорок он осознал, что жизнь порядком опротивела, и это ему не нравилось.

В Мак-Аллене же Барни увидел нечто, что поможет возродить в нем былой энтузиазм. Возможно, это лишь плод его разбушевавшегося воображения, но в проверке не было особого вреда. Одолеваемый этими приятными, хоть все еще весьма скептично зудящими размышлениями, он вернулся на лодочную станцию и спросил, когда вернется прогулочная лодка.

Он дожидался несколько часов, пока она не подошла с пыхтением к причалу. Он никогда не имел дела с Мак-Алленом напрямую, так что старик не мог его узнать. Просто не хотелось, чтобы его заметили те две амазонки, которые почувствовали, что освежились достаточно для того, чтобы совершить новый набег на бары.

Опасения его оказались безосновательными.

Юные леди еле поднялись на пирс, вызвали такси и пропали с глаз долой. Тем временем доктор Мак-Аллен тоже куда-то позвонил и уселся ждать прямо рядом с Барни. Вскоре к пирсу подъехала меленькая серая машина лет пяти-шести от роду, но чистенькая и ухоженная. Она остановилась у поворота на лодочную станцию. Старый худощавый негр с волосами седыми, как у доктора, открыл дверцу перед Мак-Алленом. Машина неспешно удалилась.

Вскоре по автомобильному номеру Барни установил калифорнийский адрес доктора Мак-Аллена. Физик жил на Сладком пляже, в пятнадцати минутах езды от пирса, в старом доме в испанском стиле на холме. Шофера звали Джон Эммануэль Фредерикс, он работал у Мак-Аллена бог знает сколько времени. Больше в доме никто не жил.

Барни не стал утруждать себя выяснением подробностей относительно резиденции на Сладком пляже. Агентства, в которые он обычно обращался с целью прояснить чью-либо подноготную, работали умеренно надежно, но он не хотел привлекать излишнего внимания к своей заинтересованности доктором Мак-Алленом.

В тот же вечер он вылетел в Нью-Йорк.

* * *

Университетский приятель Барни физик Фрэнк Элби был старше его на пять лет. Элби был честолюбив, талантлив и время от времени поставлял Барни конфиденциальную информацию, за которую тот его щедро вознаграждал. За ланчем Барни намекнул ему на некое деловое предложение, за которое они оба могут отхватить приличный куш и которое не причинит чересчур серьезных угрызений совести Элби. Последний подумал немного и согласился его рассмотреть. После этого разговор приобрел общий характер. Наконец Барни заметил:

— Наткнулся как-то на старого знакомого из былых времен. Помнишь Мак-Аллена?

— Оливера Б. Мак-Аллена? Конечно. Много лет ничего о нем не слышал. Чем он занимается?

Барни сказал, что видел старика мельком, но не разговаривал с ним. Но был уверен, что это был именно Мак-Аллен.

— Где это было? — спросил Элби.

— На Сладком пляже, в маленьком городке на побережье.

\Элби кивнул:

— Должно быть, это точно Мак-Аллен, раньше

он там жил.

— Выглядит здоровым и цветущим. Ведь попечители не отправили его в сумасшедший дом после того, как он свалил на пенсию, верно?

— Да нет! Незачем было. Помимо того случая с этим сумасбродным изобретением, он вел себя совершенно нормально. Кроме того, он мог нанять юристов и опротестовать подобные поползновения. У него была куча денег, да и огласки никто не хотел. Мак-Аллен всегда был таким милым бодрячком.

— Университет никогда не думал о том, чтобы пригласить его снова?

Элби рассмеялся.

— Ну, это вряд ли. В конце концов, можешь себе представить, он на полном серьезе утверждал, что создал телепортатор материи!

Барни почувствовал, что его прямо-таки пронзило от клокочущей радости. Ух, ты, это ж надо! Прямо в точку, братец Чард! Прямо в точку.

Он улыбнулся.

— И на что это было похоже? Мне никто не рассказывал об этом подробно.

Элби сказал, что, по словам тех немногих, кто мог рассказать об этом подробно, та пресловутая неделя демонстрации «величайшего мыльного

пузыря» была похожа на настоящий цирк. Репутация Мак-Аллена на тот момент была такова, что тех, кто был склонен ему верить, особенно среди сотрудников его кафедры, оказалось гораздо больше, чем тех, кто впоследствии готов был подтвердить свою веру.

— Когда он хлопнул дверью, знаешь, он даже не потрудился забрать с собой свой «телепортатор», прибор разобрали и проверили так тщательно, словно надеялись, что он вдруг заработает. Но это изобретение, конечно, оказалось чем-то вроде философского камня. У старика просто съехала крыша.

— А до этого Мак-Аллен отличался странностями?

— Нет, об этом ничего не слышал, за исключением того, что еще за несколько месяцев до того, как выставить пресловутый агрегат на всеобщее обозрение, он многозначительно намекал на свой вклад в мировую науку, — равнодушно сказал Элби.

Разговор плавно перешел на другие темы.

* * *

Дальнейшее представляло несложную процедуру. Небольшой коттедж на Майорке, почти у

самой береговой линии, оказался зарегистрированным на имя Мак-Аллена. Его ликвидные активы, по-видимому, оказались исчерпанными гораздо сильнее, нежели активы Джона Эммануила Фредерикса, отдававшего предпочтение тому же банку, что и его работодатель. На протяжении последних лет со счетов часто снимали непомерно большие суммы. Подобные операции трудно было объяснить логически, ибо Мак-Аллен отличался поистине спартанскими привычками, даже его рыболовные экскурсии носили откровенный отпечаток ограниченности в средствах. По всей видимости, у него была некая причина на столь скромную жизнь в средиземноморском изгнании, а не потакание своей прихоти.

Барни арендовал себе бунгало на окраине Сладкого пляжа, чуть выше по холму, на котором разместился дом, где жили Мак-Аллен и Фредерикс. Оттуда открывался прекрасный вид на их резиденцию и вход в нее с улицы. Сам он никогда близко не подходил к дому в испанском стиле. Сотрудники детективного агентства из Лос-Анджелеса несли непрерывную караульную службу в бунгало, получив приказ фотографировать двух пожилых мужчин из старого дома, а также всех их посетителей, кто бы они ни были, с указанием

точного времени съемки. По истечении каждых суток фотографии отсылались на определенный адрес, откуда попадали в руки Барни.

Европейское агентство, независимо от американских коллег, оказывало коттеджу на Майорке сходное внимание.

Прошло около четырех недель, прежде чем Барни получил необходимые результаты. Он отозвал наблюдение из обоих пунктов и на следующий день прошелся пешком до двери дома Мак-Аллена и нажал кнопку старомодного звонка. Появился Джон Фредерикс, внимательно изучил визитную карточку Барни, а также самого Барни, и сообщил с видом легкого неодобрения, что доктор Мак-Аллен посетителей не принимает.

— Именно так мне и говорили, — со всевозможной приятностью признался Барни. — Не будете ли вы так любезны передать доктору вот это.

Белоснежные брови Фредерикса поднялись в безмятежном изумлении, когда он взглянул на запечатанный конверт, который протягивал Барни. Мгновение посомневавшись, он принял предложенное, приказал Барни подождать и твердой рукой закрыл дверь.

Прислушиваясь к удаляющимся шагам, Барни зажег сигарету и с удовлетворением отметил,

что его руки спокойны, словно это был самый обычный из визитов. В конверте лежали два комплекта фотографий, с указаниями дат и времени суток. Даты в обоих комплектах были одинаковы и, судя по записям, были сделаны с интервалом около пятнадцати минут. Центральной фигурой на этих фотографиях почти всегда был Мак-Аллен, иногда в сопровождении Фредерикса. Один комплект был снят на Майорке, другой — на Сладком пляже, у дома Мак-Аллена.

Два старика были документально уличены в том, что, если не считать пилотов космических ракет, являются самыми быстро передвигающимися людьми в истории человечества.

Прошло несколько минут, прежде чем Фредерикс появился снова. С лицом, окончательно утратившим все следы монументального отчуждения, он пригласил Барни войти, после чего проводил в кабинет Мак-Аллена. Фотографии были разбросаны веером на столе перед ученым. Он указал на них широким жестом.

— Что все это значит, сэр, если это вообще что-нибудь значит? — спросил он резким дрожащим голосом.

Барни преодолел сомнения, связанные с присутствием Фредерикса в холле. Однако Фредерикс,

очевидно, был доверенным лицом Мак-Аллена, и то, что он подслушивает, не играло никакой роли.

— Это значит, доктор, — дружелюбно начал Барни и подробно объяснил Мак-Аллену что это значит. Мак-Аллен два-три раза пытался возразить, но затем предоставил Барни возможность завершить краткое, но выразительное описание тех мер, что были предприняты им в поисках подтверждения той бредовой догадки, что осенила его на пирсе. Спустя несколько минут Барни услышал, как шаги Фредерикса удаляются, как где-то мягко закрылась дверь, и он слегка переменил позу, чтобы все время видеть вход. В правом кармане у него находился маленький револьвер. Даже теперь Барни был уверен, что Мак-Аллен или Фредерикс не попытаются прибегнуть к грубому насилию; но когда люди так сильно встревожены, а Мак-Аллен был весьма встревожен, всякое может случиться.

Когда Барни закончил свой рассказ, Мак-Аллен снова уставился на фотографии, потряс головой и перевел взгляд на посетителя.

— Если не возражаете, — произнес он, часто мигая за толстыми стеклами очков, — мне хотелось бы немного подумать.

— Разумеется, доктор, — с изысканной любезностью откликнулся Барни. Мак-Аллен откинулся на спинку стула, снял с носа очки и прикрыл глаза. Барни окинул взглядом интерьер. Обстановка в доме была именно такова, как он и предполагал — старая, почтенная, порядком обветшавшая. Единственным, более-менее, новым предметом в кабинете был радиофонограф. Стены кабинета и той части гостиной, что была видна через маленькую арку, были от пола до потолка уставлены набитыми до отказа книжными стеллажами. В дальнем конце гостиной расположилась довольно любопытная коллекция часов всевозможных типов и размеров, по большей части — старинных, среди которых можно было увидеть несколько металлических модернистских творений. Бреши в стройных рядах могли означать, что Фредерикс уже начал потихоньку избавляться от наименее ценных экземпляров в интересах своего хозяина. Наконец Мак-Аллен откашлялся, открыл глаза и водворил очки на место.

— Мистер Чард, — торжественно поинтересовался он, — вы имеете какое-нибудь отношение к науке?

— Нет.

— Тогда, — продолжал Мак-Аллен, — позвольте предложить вам вопрос: каков ваш интерес во всем этом? Возможно, вы захотите объяснить, зачем вы пошли на столь значительные расходы, если хотите всего лишь вмешаться в мои личные дела-Барни одолевали сомнения.

— Доктор, — сказал он, — неразгаданная загадка — это сущее мучение. По счастливой случайности у меня имеются финансовые возможности для утоления любопытства, когда оно заходит так далеко, как в данном случае.

Мак-Аллен кивнул.

— Любопытство — это понятно. И это ваш единственный мотив?

Барни подарил потенциального клиента самой обезоруживающей из своих улыбок:

— Откровенно говоря, нет. Я уже говорил, что я — бизнесмен…

— Ну и..? — хмуро откликнулся Мак-Аллен.

— Не поймите меня неправильно. Первое, что пришло мне в голову — это неоспоримый факт, что людей, желающих перемещаться вашим образом, миллионы. Однако расследование прояснило для меня еще кое-что.

— Что именно?

— Главным образом то, что, по-видимому, у

вас имеются достаточно серьезные причины все эти годы держать свое изобретение в секрете, так что вы даже предпочли пожертвовать своим финансовым положением и поставили на себе крест и как на ученом, и как на человеке.

— Мне представляется, — мягко возразил Мак-Аллен, — что я не ставил на себе никаких крестов, ни как на ученом, ни как на человеке.

— Да, конечно, но с точки зрения общества вы сделали и то, и другое.

Мак-Аллен улыбнулся:

— Ваша стратегия была убедительна, но только до сего момента. Очень хорошо, мистер Чард. Теперь вы ясно понимаете, что ни при каких обстоятельствах я не соглашусь на коммерциализацию моего… ну да, моего телепортатора материи!

Барни кивнул.

— Конечно.

— И вы по-прежнему заинтересованы иметь со мной дело?

— Очень.

Мак-Аллен помолчал немного, в задумчивости покусывая нижнюю губу.

— Очень хорошо, — повторил он. — Вы говорили о моем пристрастии к рыбной ловле.

Возможно, вы согласитесь составить мне компанию в небольшой рыбалке?

— Сейчас? — спросил Барни.

— Да, сейчас. Полагаю, вы понимаете, что я имею в виду… Вижу, что понимаете. Тогда, если позволите, я покину вас на несколько минут…

* * *

Барни не мог сказать точно, что он ожидал увидеть. Его мозг будоражило видение тщательно замаскированного бункера где-нибудь на задворках дома Мак-Аллена — этакое подземелье с массивными стенами, где титанической мощности генераторы приводят в действие рычащий телепортатор материи… и, возможно, нечто вроде водолазного колокола из пластика — в качестве непосредственного инструмента телепортации.

На самом деле все было совершенно иначе. Мак-Аллен вскоре вернулся, переодевшись в свой, уже знакомый Чарду, выходной костюм, очевидно, действительно намеревался удить рыбу. Барни прошел за старым физиком в гостиную и увидел, как тот открыл в стене компактный, но прочный сейф. Прямо за дверцей сейфа в стену была вмонтирована открытая панель управления.

Всматриваясь в нее поверх очков, Мак-Аллен

аккуратно набрал какие-то данные на двух одинаковых маленьких дисках, затем захлопнул и запер сейф.

— Теперь, если вы последуете за мной, мистер Чард…

Он пересек комнату, открыл дверь и вышел. Барни последовал за ним в маленькую комнату с грубой обстановкой и крашеными деревянными стенами. Единственное окно было плотно занавешено, в комнате царил полумрак.

— Вот мы и приехали, — объявил Мак-Аллен.

Понадобилось несколько секунд, чтобы до Барни дошел смысл его слов. Затем, ощущая зловещее покалывание в голове, Барни заметил, что стоит гораздо дальше от стены, чем было раньше. Он оглянулся и обнаружил, что позади него нет никакой двери, ни открытой, ни закрытой.

Не без труда он сложил трясущиеся губы в кривую ухмылку.

— Так вот как работает ваш телепортатор материи!

— Ну, — глубокомысленно заметил Мак-Аллен, — конечно, это никакой не телепортатор. Я назвал свой прибор «Трубой Мак-Аллена». Даже любой дилетант должен понимать, что невозможно разобрать живой организм в одной точке

пространства, собрать его в другой и ожидать при этом, что жизнь не оборвется. А ведь существуют и другие трудности…

— Где мы? — спросил Барни. — На Майорке?

— Нет. Мы не покидали родной континент, просто переместились в другой штат. Можете выглянуть в окно и убедиться.

Мак-Аллен отвернулся к встроенному шкафу, и Барни отодвинул занавески на окне. Снаружи виднелся покатый склон, покрытый некошеной травой, пожелтевшей под летним солнцем. Склон круто спускался к тихой озерной бухточке, окаймленной темными стволами сосен. Поблизости не было ни души, но вглубь озера вели невысокие деревянные мостки. У дальнего конца мостков тихо поскрипывала на привязи старая весельная лодка. И было совершенно очевидно, что полдень здесь давно прошел, ибо день угасал, плавно перетекая в вечер.

Барни повернулся, ожидая поймать на себе мягкий, изучающий взгляд Мак-Аллена, и увидел, как старик вытащил на стол коробочку со снастями и складную удочку.

— Ваше открытие обеспокоило меня гораздо больше, чем вы можете предположить, — извиняющимся тоном заметил Мак-Аллен. Его губы

попытались изобразить тень улыбки. — В таких случаях я не знаю утехи лучше, чем ненадолго забросить крючок. Мне нужно кое-что спокойно обдумать. Пойдемте к мосткам. Там в садке должно было остаться немного наживки.

* * *

Когда некоторое время спустя они вернулись в лачугу, вид у Мак-Аллена был задумчив и грустен. Он поставил на плиту кофейник в маленькой кухоньке, затем быстро почистил и спрятал снасти. Барни сидел за столом, курил, наблюдал за ним, но не пытался завязать разговор.

Мак-Аллен налил кофе, придвинул поближе сахар и сухое молоко и уселся напротив Барни. Внезапно он спросил:

— Ну что, молодой человек, не хотите поделиться своими догадками по поводу, почему мне приходится держать в секрете свое чудо-юдо?

— Да, — ответил Барни, — точнее, у меня были подозрения, но только когда это произошло на самом деле, — он слабо махнул рукой в направлении стены, из которой они, по-видимому, шагнули на свет божий, — я пришел к определенным выводам.

— Да? — глаза Мак-Аллена внезапно сузи-

лись. — Каким же?

— Таким, что вы изобрели нечто совершенное.

— Совершенное? — эхом откликнулся Мак-Аллен. — Хм, продолжайте.

— Эта штуковина жрет не слишком много энергии, верно?

— Верно, — сухо сказал Мак-Аллен, — если вы имеете в виду ту энергию, за которую платят.

— Вот-вот. «Трубу Мак-Аллена» можно растянуть до любой точки Земли?

— Думаю, да.

— И вы финансировали постройку этой установки самостоятельно. Она сравнительно дешева. Если вдруг произойдет утечка информации, и кто-то сварганит машинку, подобную вашей, еще неизвестно, кто материализуется в вашем доме? Да еще в любое время, верно? И с какими намерениями?

— Это, — кивнул Мак-Аллен, — основная часть проблемы.

Барни нервно смял сигарету, зажег новую и выпустил тонкую струйку дыма.

— В сложившихся обстоятельствах, — заметил он, — вызывает сожаление тот факт, что вы не в состоянии дать задний ход, то есть закрыть эту штуковину обратно, ведь так?

Мак-Аллен немного помолчал.

— Итак, об этом вы догадались тоже, — сказал он наконец. — Так в чем я ошибся?

— Этого я не знаю, — сказал Барни, — но вы делали все возможное, чтобы мир не узнал о «Трубе Мак-Аллена». В то же время она у вас работает, и кто-то, рано или поздно, заметит, как это сделал я, что происходит нечто необъяснимое. Это всего лишь вопрос времени. И, похоже, ваши надежды на эту штуковину не оправдываются.

Мак-Аллен угрюмо кивнул.

— Именно так, — сказал он. — Именно так, мистер Чард. Не то, чтобы совсем не оправдываются, однако…

Он сделал паузу.

— Когда я впервые запустил аппарат, — сказал он, — то направлял его всего на две точки пространства. Обе расположены в моих личных владениях. Это большая удача, что так случилось.

— Эта лачужка и то место на Майорке?

— Да. Главная операционная станция «Трубы» надежно спрятана в моем доме в Калифорнии. Однако пришлось установить кое-какие контрольные устройства во всех точках выхода, чтобы можно было вернуться обратно. Сами

понимаете, нелегко было бы сохранить их тайну где-нибудь в общественном месте… М-да. Я не догадывался об установке этих устройств, пока не сравнил результаты реальной эксплуатации «Трубы» с теоретическими расчетами. Обнаружился один неучтенный фактор. Короче говоря, выяснилось, что я не могу, выражаясь вашим языком, закрыть «Трубу» обратно. Это неминуемо приведет к необычайно разрушительным последствиям в трех различных точках земного шара.

— Взрывы? — предположил Барни.

— Ну-у, — с сомнением протянул Мак-Аллен, — скорее, направленные вовнутрь взрывы, так будет точнее. Более точного термина в нашем языке не существует, и я предпочел бы, чтобы он там и не появился, по крайней мере, до тех пор, пока я жив. Теперь вам понятна дилемма, перед которой я оказался поставлен? Если я попрошу о помощи, мне придется объявить о существовании «Трубы». Как только станет известно о ее существовании, моя разработка может быть продублирована. Как вы правильно заметили, мою «штуковину» не слишком трудно воспроизвести. И даже если бы удалось решить все нынешние проблемы, «Труба Мак-Аллена» все равно останется слишком опасной игрушкой,

чтобы позволить ей распространиться в современном мире.

— Думаете, возникшие проблемы можно решить?

— О да, — Мак-Аллен размашисто снял очки и помассировал верхние веки. — Это действительно лишь вопрос времени. Поначалу я думал, что смогу все уладить в три-четыре года. К сожалению, я сильно недооценил расходы по некоторым необходимым экспериментам. Поэтому все так сильно затянулось.

— Понятно. Я все думал, — признался Барни, — почему такой человек как вы, у которого в голове вертятся такие ошеломительные идеи, проводит столько драгоценного времени за рыбалкой.

Мак-Аллен невесело ухмыльнулся:

— Вынужденная праздность. Все эти заморочки выводили меня из себя, мистер Чард. Мне приходилось продвигаться в своем деле, экономя буквально на всем, а значит — чрезвычайно медленно.

— Если бы не недостаток средств, как скоро можно наладить дело?

— За год, может быть, за два. — Мак-Аллен пожал плечами. — Трудно сказать совершенно точно, но не больше двух лет.

— И сколько для этого потребуется?

Мак-Аллен задумался.

— Боюсь, миллион — это нижний предел. Скорее всего, понадобится около полутора миллионов.

— Доктор, — твердо сказал Барни, — я хочу сделать вам одно выгодное предложение.

* * *

Мак-Аллен посмотрел на него внимательно.

— Вы хотите профинансировать мои эксперименты, мистер Чард?

— В обмен, — ответил Барни, — на некоторое возмещение моих затрат.

— Какое возмещение? — лицо Мак-Аллена приобрело настороженное выражение.

— Вследствие вашей отставки, — ответил Барни, — я потерял кругленькую сумму. Это был первый чувствительный удар в моей жизни, а я не люблю, когда мне больно. Я хочу получить свои деньги назад. Мы знаем, что это нельзя сделать при помощи «Трубы Мак-Аллена». Она не сделает наш мир лучше и безопаснее для Барни Чарда. Однако «Труба» в этом смысле ничем не лучше разума, который ее создал. Я знаю одну компанию, которая может стать лучшей в мире

в сфере тонкой электроники — они занимаются особыми видами связи — если вы станете ее научно-техническим консультантом. Я могу хоть завтра купить контрольный пакет этой компании, доктор. А вы получите свои полтора миллиона в течение примерно того времени, которое вам необходимо, чтобы запереть вашего монстра и исключить его из достижений цивилизации. Три года вашего технического руководства фирмой — и мы в расчете. Ну, как, по рукам?

Лицо Мак-Аллена медленно налилось краской:

— Я, разумеется, думал о том, чтобы заняться коммерческим использованием своего изобретения, мне нужны деньги. Но вам не кажется, что вы кое-что упускаете?

— Что именно?

— Я пошел на значительные жертвы, — ответил Мак-Аллен, — чтобы все принимали меня за свихнувшегося фанатика. Это было мучительно, более того, крайне неприятно, но необходимо, чтобы никто не предпринимал попыток слишком скрупулезно изучить ту область прикладной физики, которой я занимался в последнее время. Если станет известно, что я снова взялся за крупный проект…

Барни покачал головой:

— Никаких проблем, доктор. Мы привлечем какого-нибудь талантливого имитатора со стороны для выполнения наших поручений, а скрыть какие-либо нити, ведущие к вам лично, будет несложно. У меня такие вещи всегда получались превосходно.

Мак-Аллен глубокомысленно нахмурился.

— Понимаю. Но мне придется… Не получится ли так, что работы будет слишком много, и я…

— Нет, — ответил Барни. — Я гарантирую вам наличие свободного времени на решение ваших персональных проблем.

Он улыбнулся.

— Учитывая все то, что вы мне рассказали, доктор, хотелось бы услышать, что одну из ваших проблем я только что решил!

Мак-Аллен коротко усмехнулся:

— Очень хорошо. Э-э… и когда я могу получить чек, мистер Чард?

* * *

Солнце садилось за меленькое озеро, когда Барни задернул занавески на окне лачужки. Доктор Мак-Аллен наполовину скрылся во встроенном шкафу, настраивая пару переключателей замаскированного возвратного устройства.

— Поехали, — неожиданно сказал он.

В метре от стены возникло туманное видение другой стены с открытой в ней дверью.

Барни с сомнением заметил:

— Разве мы вышли отсюда?

Мак-Аллен посмотрел на него устало и печально:

— В качестве выхода все выглядит несколько иначе. Однако «Труба» все еще открыта, смотрите, я сейчас покажу.

Он подошел поближе к призрачной двери и словно погрузился в нее. Барни последовал за ним, затаив дыхание. И вновь прохождение «Трубы» не вызвало у него никаких чувственных реакций. Как только он, покинув царство теней, поставил ногу на твердь, гостиная в доме на Сладком пляже тотчас обрела внезапное и вполне несомненное существование.

— Немного странно выглядит на первый раз, верно? — заметил Мак-Аллен.

Барни вновь обрел способность дышать.

— Если бы «Трубу» изобрел я, — честно признался он, — у меня, наверное, никогда не хватило бы духу попробовать.

Мак-Аллен ухмыльнулся.

— Сказать по правде, мне пришлось немало

выпить, прежде чем я смог сделать это впервые. Однако переход абсолютно безопасен, если вы знаете, что делаете.

Что, как почувствовал Барни, не слишком успокаивает. Он оглянулся. Дверь, через которую они вошли, была той же самой, через которую они вышли. Однако за нею теперь виднелась часть холла дома на Сладком пляже.

— Пусть это не вводит вас в заблуждение, — сказал Мак-Аллен, проследив за его взглядом. — Если попытаетесь войти в холл, то вновь окажетесь в кабине. Световые лучи, проходящие сквозь «Трубу», можно преломлять как в одну, так и в другую сторону.

Он закрыл дверь на замок и положил ключ в карман.

— Обычно я держу ее запертой. У меня не часто бывают гости, но если кто-нибудь из них придет, когда дверь открыта, это может вызвать неприятные последствия.

— А что находится с другого конца? — спросил Барни. — Дверь появилась в лачужке после того, как вы повернули какие-то переключатели. Что происходит сейчас? Предположим, кто-то проникнет в лачужку и захочет в ней покопаться, дверь по-прежнему там?

Мак-Аллен покачал головой.

— Нет, если этот кто-то не проникнет в нее в последующие полминуты.

Он ненадолго задумался.

— Скажем так: «Труба» постоянно нацелена на две исходные точки, однако ее действие на другом конце обычно распространяется не более чем на полкилометра в окружности. Для практических целей такое положение дел недопустимо. Если я хочу пройти по «Трубе», то фокусирую ее на точке выхода, надеюсь, это понятно? Очень хорошо. Она остается сфокусированной в течение от одной до полутора минут, в зависимости от того, как я ее настрою; затем снова расширяется…

Он кивнул на запертую дверь.

— …в лачужке, которая только что исчезла. Пройдите по тому месту, где она находилась, и не заметите ничего необычного. Теперь все понятно?

Барни с сомнением взглянул на профессора.

— А если бы дверь была открыта здесь, и кто-нибудь попытался пройти к выходу, после того как он расширился…

— Ну, — сказал Мак-Аллен, подходя к звонку на стене и нажимая на кнопку, — это я и имел в виду, говоря, что это может вызвать неприятные

последствия. Этот кто-нибудь тоже расширится, с катастрофическими для себя результатами. Возможно, вам полезно будет выпить, мистер Чард? Мне, например, это просто необходимо.

* * *

Стаканы, принесенные Фредериксом, оказались наполнены дешевым бурбоном, но Барни оказал выпивке самый радушный прием. В факте, вставшем вдруг перед ним с такой определенностью, присутствовала какая-то тошнотворная привлекательность: он заполучит эту «Трубу». Это чудовищное устройство было почти у него в руках. Он завоевал безоговорочное доверие Мак-Аллена, и только неосторожность могла вновь возбудить подозрительность наивного старикана, а Барни отнюдь не собирался проявлять неосторожность. Только не нужно спешить. Он сыграет ту скромную роль, что выбрал сам, памятуя, что Мак-Аллен тяготится своей тайной двенадцать лет, не доверяя ее никому, кроме Фредерикса. Рассказав Барни так много, Мак-Аллен захочет рассказать еще больше. Сейчас нужно только чуточку подтолкнуть, чтобы профессор разоткровенничался.

Но Барни не стал его подталкивать. Вместо

этого он осторожно напомнил, что их могут подслушивать, и Мак-Аллен неохотно умолк. Тем не менее, оставался один важный вопрос, ответ на который подскажет ему, как следует поступить с Мак-Алленом в дальнейшем.

Прежде чем его задать, Барни подождал, пока сможет твердо стоять на ногах, чтобы при случае быстро смотать отсюда удочки. Пухлые щеки Мак-Аллена пылали от двух осушенных залпом стаканов виски с содовой. В нескольких неуклюжих фразах он выразил благодарность Барни за щедрую помощь, благодаря которой работа над «Трубой» сможет быть завершена.

— Меня несколько беспокоит лишь одна вещь, доктор, — откровенно признался Барни.

Взгляд Мак-Аллена затуманился:

— Какая же, мистер Чард?

— Ну… вы сейчас, я полагаю, находитесь в добром здравии, — улыбнулся Барни. — Но, предположим, с вами что-то случится до того, как вам удастся закрыть свою «Трубу».

Он наклонил голову в сторону запертой двери. Печальное выражение Мак-Аллена улетучилось как по волшебству. Он игриво ткнул Барни пальцем в живот:

— Молодой человек, можете не волноваться. Я,

разумеется, предусмотрел такую возможность, и, будьте уверены, веду подробнейшие записи своих разработок. Кроме того, я оставил точнейшие инструкции в банковском сейфе… Но поговорим об этом завтра. Что-нибудь еще? Если честно, у меня был на примете один человек, но теперь мы с вами сможем устроить все гораздо лучше. Понимаете, теперь это стало до смешного просто.

Барни откашлялся.

— Другой физик в качестве помощника?

— Мне подойдет любой толковый физик, — решительно заявил Мак-Аллен. — Видите ли, вопрос лишь в том, насколько на него можно положиться.

— Мы поговорим об этом завтра или… — Барни подмигнул профессору, — чуть позже.

С выражением отстраненного удивления Барни смотрел на человека, который только что подписал себе смертный приговор, себе и своему старому слуге. Впервые в довольно пестрой карьере Барни вопрос об умышленном убийстве не только возник в ходе операции, но и в мгновение ока стал ее неотъемлемой частью. А Мак-Аллена заменит Фрэнк Элби, с его честолюбием и жадностью. Элби очень способен, к тому же его можно будет контролировать. Мак-Аллена же не

проконтролируешь. Его можно только обмануть и, если понадобится, убить.

А убить профессора необходимо. Если Мак-Аллену позволить дожить до того времени, когда сможет отключить «Трубу», он ее просто выключит, а потом уничтожит само устройство и все свои записи. Его не разубедишь в том, что «Труба» представляет серьезную угрозу. Да и Фредериксу, этому любителю подслушивать за дверью, придется упокоиться навеки, дабы обеспечить Барни безраздельное владение «Трубой».

А что, если Мак-Аллена оставить в живых? Нет, решил Барни, это невозможно. Он сделал ставку в новой игре, крупной игре, невероятной, поразительной игре, принимая во внимание открывающиеся возможности «Трубы». Это означает для него новый интерес к жизни. Не в его правилах отказываться от таких шансов. Что же касается участи профессора, то его смерть — всего лишь суровая необходимость. Крайне неприглядная необходимость, но Мак-Аллен, который сладко бормотал что-то, пока они следовали коротким коридором ко входной двери, уже начал казаться Барни нереальным — этаким маленьким, пухлым, болтливым, растворяющимся в воздухе призраком.

В дверях компаньоны обменялись последними словами. Мгновение спустя Барни уже не мог бы их повторить. Правда, он мимолетно отметил, что у маленького призрака удивительно твердое рукопожатие. Затем биржевой спекулянт направился по цементной дорожке на улицу. На Калифорнию тем временем, наконец, опустился вечер, несколько домов через улицу отбрасывали на холмы смутные тени, в окнах горел свет. Барни вдруг понял, что чувствует себя удивительно усталым и подавленным. Он расслышал, как в нескольких шагах позади него Мак-Аллен закрыл дверь своего дома. Внезапно и дорожка, и сад, и улица, и дома, и холмы — все исчезло для Барни Чарда в ярчайшей беззвучной вспышке белого света.

* * *

Он пролежал с открытыми глазами несколько секунд, прежде чем смог полностью осознать этот факт. Он лежал на спине, глядя на балки низко нависающего потолка незнакомой комнаты. Свет был искусственным, приглушенным, точно на улице ночью. Внезапно его память прорезала яркая вспышка. «Меня пробросили!» — было первое, что пришло ему в голову. — «Перехитрили.

Провели. И кто…»

Затем все это ушло прочь под действием краткого, интенсивного всплеска радости по поводу того, что он все же жив и, по-видимому, не пострадал. Барни резко повернулся набок, обнаружил, что лежит на кровати, и огляделся.

Комната была низенькой и широкой. Что-то неуловимо странное…

Он быстро составил в уме подробное досье о ней. Стены красного дерева, мексиканские коврики на полу, книжные шкафы, камин, стулья, письменный стол с пишущей машинкой и настольной лампой. Напротив, у стены, стояли высокие напольные часы с блестящим металлическим диском вместо циферблата. Они издавали мягкий, тяжелый стук, похожий на биение сердца какого-нибудь исполинского животного. Это была точная копия тех часов, что он видел в гостиной Мак-Аллена. Комната, конечно, принадлежала профессору. Почти роскошная по сравнению с его испанским домом, но несшая его несомненный отпечаток. Внезапно Барни понял, что в ней необычно — отсутствие окон. Имелась дверь, по крайней мере, вытянув шею направо до отказа, он мог ее видеть. Она была полуоткрыта, за ней просматривался примерно метр узкого

прохода, освещенного в той же ненавязчивой манере. Оттуда не доносилось ни звука.

Он здесь один? Так что же все-таки произошло? Он явно находился не в доме Мак-Аллена и не в рыболовной хижине на озере. «Труба», должно быть, как-то захватила его своим раструбом перед домом Мак-Аллена и перенесла в дом на Майорке. Возможно также, что он находится в запертом укрытии, которое Мак-Аллен построил под домом на Сладком пляже.

Во всем этом были неприятны две вещи. Исследования Барни охватывали собой далеко не все секреты Мак-Аллена. А еще то, что старик не клюнул на щедрые посулы. Во всяком случае, не настолько, чтобы им поверить.

Досада на себя за то, что Мак-Аллен облапошил его, на мгновение переполнила Барни. Он соскочил с кровати. Его пиджак был аккуратно повешен на спинку стула, обувь стояла рядом с кроватью. Во всем остальном он был полностью одет. Содержимое карманов осталось нетронутым: бумажник, портсигар, зажигалка, даже револьвер были на месте, последний оказался даже заряженным, что вызвало у Барни подобие шока. Он переложил револьвер в карман брюк. Единственное, что исчезло, это наручные часы.

Он вновь осмотрел комнату, затем бросил взгляд на полуоткрытую дверь. Мак-Аллен не мог не заметить револьвер. Однако он не забрал его или, по крайней мере, не разрядил, что при других обстоятельствах могло бы напугать Барни. Что бы это могло означать? Крадучись, он подошел к двери, на несколько секунд прислушался, убедился, что ничего не слышит, и прошел дальше. Менее чем через две минуты он вернулся в комнату, чувствуя, как в душе поднимается паника. Он обнаружил ванную, маленькую кухню и кладовую, точнее, целый склад, по площади в два раза превышающий все остальное помещение, вместе взятое, и он был битком набит всевозможными упаковками, в нем имелась даже морозильная камера. Поскольку в коробках преимущественно еда, подумал Барни, а в помещении прекрасная вентиляция и автономно подается энергия, значит, Мак-Аллен соорудил себе превосходное убежище. В нем с определенным комфортом можно жить годами, не выходя на поверхность.

С точки зрения Барни, в устройстве убежища была только одна существенная странность, сильно его встревожившая. Нигде не было ни окна, ни двери.

«Труба Мак-Аллена», конечно, могла с успехом заменить эти традиционные приспособления. Но если «Труба» являлась единственным входом и выходом, тогда это означало, что Мак-Аллен дополнительно к убежищу обзавелся превосходной тюремной камерой, чье местонахождение могло быть в нескольких сотнях метров под землей. Предприятие, конечно, стоившее кучу денег, но во всем остальном вполне осуществимое.

Он почувствовал, как учащается его дыхание, и приказал себе расслабиться. Где бы он ни находился, продлится это недолго. Мак-Аллен вскоре должен вступить с ним в контакт. И тогда…

Взгляд Барни уперся в письменный стол на противоположном конце комнаты — на столешнице лежали его наручные часы. Он подошел, поднял их и обнаружил под ними узкий белый конверт, адресованный ему.

Мгновение он непонимающе смотрел на конверт. Затем слегка трясущимися руками оторвал краешек и вынул лист с напечатанным на нем текстом.

* * *

Письмо было напечатано на личном бланке Оливера Б. Мак-Аллена.

Дорогой мистер Чард!

Несчастливое стечение обстоятельств в сочетании с некоторыми чертами вашего характера заставили меня причинить вам ряд серьезных неудобств.

Позвольте объяснить: информация, переданная вам мной относительно «Трубы Мак-Аллена» и моего текущего положения, не вполне соответствует действительности. Мое изобретение отнюдь не является тем строптивым инструментом, каким я его описал, а именно, его можно «закрыть» в любое время и без каких-либо сопутствующих трудностей. Далее, решение сокрыть существование «Трубы» было принято вовсе не мною одним. Долгие годы мы — то есть мистер Фредерикс, обладающий дипломом инженера и в значительной мере ответственный за конструктивное воплощение «Трубы» — и я являемся членами ассоциации, о которой, боюсь, я не могу рассказать вам слишком подробно. Зато я могу вам открыть, что, помимо прочих вещей, эта ассоциация охраняет от праздного любопытства не только мое детище, но и еще некоторые опасные плоды человеческой науки и намерена продолжать это делать до тех пор, пока более стабильные времена не позволят их обнародовать

без опасений.

Охранять новшества, подобные «Трубе», от попадания в безответственные руки — в наши дни задача не из легких, однако в нашем распоряжении множество различных и весьма эффективных средств. В данном случае, вы случайно оказались вовлечены в ситуацию, специально разработанную для того, чтобы отвлечь активное внимание другого человека, некого умного и беспринципного индивида, который стал проявлять в последнее время повышенный и в высшей степени нежелательный интерес к тому квазипубличному фиаско, которое якобы потерпел мой «телепортатор материи» несколько лет назад. Шансы на то, что кому-то другому станет известно о некоторых темпоральных несообразностях, кои были сфальсифицированы для привлечения внимания этого индивида, казались мизерными и не заслуживающими внимания. Тем не менее, произошло неожиданное: заинтересовались вы, мистер Чард. Стремительность, с которой вы провели свое предварительное расследование, свидетельствует о недюжинной смышлености и силе воображения, свойственной вашему мышлению, с чем вас можно искренне поздравить.

Однако нами были своевременно замечены

и ваши, куда менее достойные, мотивы. Пока я изображал сложный процесс принятия решения, которое вы, по-видимому, считали для меня неизбежным, ваше прошлое проходило тщательную проверку силами нашей ассоциации. Расследование подтвердило, что вы подпадаете под категорию лиц, к которым мы имеем более чем веские основания относиться с осторожностью.

Принимая во внимание и то, насколько далеко вас продвинула ваша подозрительность, а так же то, что вам удалось выяснить, как бы ни была искажена картина, все вышеперечисленное создает серьезную проблему. Проблема эта обостряется еще больше в связи с тем, что ассоциация приступает к осуществлению одного своего довольно важного «пятилетнего плана». Предание гласности кое-каких фактов в течение этого периода возымело бы совершенно непредсказуемые и откровенно нежелательные последствия. Таким образом, возникла насущная необходимость надежно обезопаситься от того, что вы можете разболтать. Хотя бы до тех пор, пока наш план не будет выполнен. Уверен, что вы понимаете, насколько неблагоразумно в этом отношении было бы положиться на ваше честное слово. Ваша свобода передвижения и возможность общения

должна быть радикально сокращена до истечения вышеупомянутого пятилетнего срока.

В течение следующих двух недель, как показано на часах в ваших новых апартаментах, возможность связи с вами будет утрачена для меня или кого-либо другого из членов ассоциации вплоть до наступления дня вашего освобождения. Я сообщаю вам это, дабы вы не тешили себя напрасными иллюзиями относительно изменения ситуации в свою пользу, а как можно скорее смирились с тем фактом, что ближайшие пять лет вам предстоит провести в полнейшем одиночестве. Мы постарались сделать все возможное для того, чтобы в сложившихся условиях вы провели их как можно комфортнее.

Вероятно, вы уже попытались найти выход из своего, признаться, довольно тесного жилища, в котором вас оставили. Способ сделать это станет вам ясен ровно через двадцать четыре часа после того, как я закончу и запечатаю это письмо. Мне подумалось, что лучше всего будет сообщить вам некоторые подробности относительно вашего заточения, прежде чем вы сами убедитесь, что вам предоставлена максимальная свобода, какую только можно было вам позволить в сложившихся обстоятельствах.

Искренне ваш, Оливер Б. Мак-Аллен.

Барни уронил письмо на стол. Его лицо вспыхнуло.

— Да ты псих! — громко сказал он, наконец. — Еще больший псих, чем…

Он выпрямился и вновь оглядел комнату.

Предпочесть ли в тюремщики маньяка Мак-Аллена или тайную ассоциацию, посвятившую себя сохранению в тайне опасных научных разработок, — этот вопрос можно считать открытым. Если часы не были переведены, он находился без сознания, вне зависимости от того, что именно повергло его в это состояние, около пяти часов. Или около семнадцати, добавил он, подумав. Однако в последнем случае он был бы уже голоден, а сосания под ложечкой его организм пока не испытывал.

Стало быть, прошло пять часов. За пять часов они не смогли бы приготовить «жилище» так, как оно приготовлено: для проживания на неопределенный срок. Значит, можно предположить, что Мак-Аллен создал его как личное убежище на случай чего-либо вроде ядерного Холокоста. Но тогда зачем было им жертвовать ради какого-то Барни Чарда?

Слишком много вопросов, подумал он. Не луч-

ше ли просто осмотреться.

* * *

Пустой металлический циферблат напольных часов поворачивался, обнаруживая за собой четыре других диска с разными шкалами, из которых Барни была знакома лишь одна. Биржевой спекулянт изучал остальные три в течение нескольких секунд, прежде чем их значение стало ему понятно. Огромные часы только что мягко отсчитали четвертый час первого дня первого месяца, первого года. На диске, отсчитывающем года, значилось пять цифр.

Барни уставился на диск неподвижным взглядом. Ага, пятилетний период, здесь должен быть ключ к разгадке всего происходящего.

Он покачал головой. Ключ это или нет, не определишь без дополнительных сведений. Он захлопнул диск-крышку над непонятными шкалами и задумался над письмом Мак-Аллена. То, что ожидало его через двадцать четыре часа, означало избавление от перспективы быть погребенным заживо в этом подземелье. Мак-Аллен вряд ли предоставит ему персональную «Трубу», значит, он имеет в виду обычную дверь, открывающуюся в окружающее пространство,

снабженную замком с часовым механизмом.

В таком случае, где же эта дверь?

Барни предпринял вторую и более основательную попытку ее найти.

Три часа спустя он покончил с этим безнадежным занятием. Панели в любой из комнат могли скользнуть в сторону и за любой из них в указанное профессором время могла обнаружиться дверь, или то же самое могло произойти с одной из секций полового настила. Не было никакого смысла продолжать поиски. В конце концов, нужно было просто подождать.

По пути он сделал несколько открытий. Вскрыв несколько упаковок в кладовой и проверив содержимое морозильной камеры, он нашел, что здесь хранилось питания более чем достаточного на пять лет для одного человека. Предположительно, воды будет также достаточно — пока Барни не нашел способа это проверить. Источник воды, равно как и энергии и свежего воздуха, должен находиться где-то снаружи, и если воды будет вдоволь, он не будет страдать ни от голода, ни от жажды. Его снабдили даже табаком и спиртными напитками — во вполне приемлемом количестве. Все спиртное, что он видел, было отменного качества. Почти наугад он выбрал бутылку коньяка

и принес ее в центральную комнату вместе со стаканом. В этот момент он не мог думать о еде, но решил, что выпить было бы невредно.

Он наполнил стакан наполовину, осушил его в два глотка, наполнил снова и поставил на подлокотник кресла. Почти сразу он почувствовал себя лучше. Однако ситуация угрожала лишить его присутствия духа. Все, что он пока успел выяснить, подтверждало сказанное в письме Мак-Аллена, а то, о чем там не говорилось, пугало своей таинственностью. Пока эта столь хитроумно спрятанная от него дверь не откроется, что должно произойти через семнадцать часов, наверное, будет лучше, если он не будет пока задумываться об этом.

Наилучшим способом сделать это — поскорее хорошенько нагрузиться, а затем проспать большую часть отпущенного времени.

Обычно Барни не имел привычки напиваться, но в этот раз пришлось начать вторую бутылку, прежде чем очертания жилища поплыли у него перед глазами. Впоследствии он не мог припомнить в деталях, как добрался до кровати.

* * *

Он проснулся страшно проголодавшимся и безо всяких признаков похмелья. Мысленно приспособиться к окружающей обстановке заняло у него не больше времени, чем открыть глаза, учитывая, что ему приснилось, как Мак-Аллен бросил его в яму, полную змей, и садистски размахивал канатом в четырех метрах у него над головой. Обнаружить себя лежащим в мягко освещенном подземелье показалось райским облегчением. По крайней мере, на несколько секунд.

Облегчение мгновенно испарилось, как только он сел и посмотрел на часы. Оставалось ждать еще больше часа, прежде чем эта идиотская дверь Мак-Аллена соизволит объявиться. Барни выругался и поплелся освежиться в ванную.

Там он нашел электробритву, конец шнура которой исчезал в стене. Барни побрился столь же педантично, как в начале самого обычного для себя дня, приготовил кофе с тостами в маленькой кухне и позавтракал в главной комнате. Ел он неспешно, ибо был погружен в свои мысли, и все время поглядывая по сторонам. Спустя несколько минут он отодвинул тарелку и встал. Если бы двадцать четыре часа Мак-Аллена исчислялись

по большим напольным часам, дверь уже должна была появиться.

Очередной осмотр не принес никаких результатов, помимо того, что заставил настолько разнервничаться, что он готов был кусать пальцы. Он ходил по комнате взад и вперед, обозревая вещи, которые уже осматривал. Музыкальное устройство, которое он принял за радиоприемник, оказалось новейшим и необычайно качественным проигрывателем, рядом с ним он обнаружил две стеллажные стойки с пластинками, по большей части классикой. Кроме того, он нашел узкий встроенный шкаф с тремя полированными удочками и прочим снаряжением, что наводило на определенные мысли в отношении окрестностей его жилища, если только Мак-Аллен, где бы ни находился, не привык держать при себе свои игрушки. Барни мрачно прикрыл дверь шкафа, и стал осматривать стоящие рядом полки, битком набитые книгами. Большинство изданий, так или иначе, отражало вкус Мак-Аллена. Тома по технике. Великая Литература. Диккенс, Мелвилл, «Жизнеописание Ганди».

Барни проворчал что-то и уже собирался отойти от шкафа, когда его внимание привлек еще один заголовок. Он оглянулся и взял книгу в руки:

«Рыбы: испытанные методы ловли». Автор: О. Б. Мак-Аллен.

Барни только собрался открыть книгу, как перед ним открылась дверь.

Яркий свет — дневной свет — заполнил комнату столь стремительно, что у Барни перехватило дыхание. Книга точно выпрыгнула у него из рук. Одновременно он заметил, как на противоположной стене появилось низкое, широкое панорамное окно, занимая ее половину, и на другой стороне — большую дверь, которая все еще медленно открывалась внутрь. Дневной свет лился в комнату через окно и дверь, а за ними…

Несколько секунд он не мог оторвать взгляд от пейзажа, едва понимая, на что же он смотрит, и мысли бешено прокручивались у него в голове. Он исследовал каждый сантиметр каждой стены. Толстые деревянные панели не отошли в сторону, поверхности окна и двери стыковались вровень с соседними панельными секциями. По-видимому, «Труба Мак-Аллена» каким-то образом была задействована в этих переменах. И раньше можно было догадаться, что Мак-Аллен умеет использовать возможности своего детища по-разному. Затем Барни понял, наконец, что смотрит в окно, а дверь находится у него за спиной. Он медленно

подошел к окну, все еще переводя дыхание.

Пейзаж показался ему незнакомым, но не столь уж необычным. Маленький домик прилепился к склону довольно узкой долины, покрытой густым лесом. До дальнего склона, который круто поднимался, точно огромная зеленая волна, заполняя собой всю долину, было не больше полукилометра. Пододвинувшись к стеклу, Барни увидел над ней полоску неба, чуть подернутого дымкой, летнего, яркого, светлого неба. Мак-Аллен, по-видимому, поместил свое убежище в наиболее малонаселенной части Канадских Скалистых гор.

С таким же успехом — и эта возможность представилась ему значительно менее радостной — местность с равной вероятностью могла находиться где-нибудь в районе Гималаев.

Однако самым важным сейчас было то, действительно ли дом расположен в долине, или это только видимость. При наличии «Трубы» несложно было сделать так, чтобы и комната и видимое ее окружение в действительности были разнесены в пространстве за многие-многие километры друг от друга. И что произойдет, если он отважится выйти наружу?

Из-за открытой двери раздавались мало связан-

ные между собой звуки живой природы: птичий щебет, свист, хрипловатое курлыканье, которое в памяти Барни было связано с чем-то вроде диких голубей. Порыв ветра расшевелил близлежащие ветви. Он почувствовал в комнате дуновение бриза.

Все выглядело, звучало и ощущалось вполне адекватно.

Барни нахмурил брови, прокашлялся, и только тут обнаружил, что в комнате, помимо двери и окна, появился еще один предмет. На стене рядом с дверью, на уровне его плеча, возникла небольшая гладкая круглая пластинка цвета слоновой кости с двумя черными переключателями. Предположительно, они управляли появлением окна и двери…

Барни подошел ближе, и, поглядывая на окно, осторожно дотронулся до правого, затем быстро повернул. В тот же миг окно исчезло, а деревянная панель вновь покрыла стену. Барни вернул переключатель в прежнее положение — окно вернулось на место.

Дверь отказывалась исчезать, пока он ее не захлопнул. После этого она повиновалась переключателю столь же покорно, как и окно.

Он снова прошелся по комнате, вернулся с од-

ним из рыболовных приспособлений Мак-Аллена и испытующе высунул его кончик в дверь. Он не сильно удивился бы, если бы этот кончик тут же рассыпался на мелкие части или обуглился у него на глазах. Однако ничего подобного не произошло. Он порылся кончиком удилища в рыхлой почве у порога, затем втянул обратно.

Домик овевали потоки свежего бриза, несколько крупинок почвы занесло за порог в комнату. Похоже, что дверь вполне безопасна и не содержит неприятных ловушек.

Барни шагнул за порог, затем медленно продвинулся еще на несколько шагов вперед и остановился, оглядываясь по сторонам. Отсюда открывался куда лучший вид на долину, и это немедленно сообщило ему, что он находится не среди Скалистых гор в Канаде. По крайней мере, насколько ему было известно, пустынь в Канаде не было. А здесь долина заканчивалась приблизительно в километре от дома, лесистые склоны круто спускались к ландшафту однообразно-ржавого цвета, где плоские пески перемежались обломками обветренных скал, и так продолжалось до самого горизонта, где край пустыни сливался с краем дымчато-белого неба. Очень похоже было на…

Барни внезапно вытаращил глаза. Возможно, он находится в Сьерре, а ведь это всего в каких-то трех-четырех часах езды от Лос-Анджелеса?

Конечно, три-четыре часа — при условии, что у него есть машина. Но даже и так…

Это его озадачило. Вокруг не было никаких признаков человеческого жилья, ни одной живой души. Однако кто-то ведь должен быть здесь. Кто-то, кто должен за ним присматривать. Иначе — что может удержать его от попыток уйти из места своего заточения, пусть даже это станет довольно тяжелым, изнурительным походом до ближайшего оазиса цивилизации.

Даже если окажется, что его поместили в Гималаях, или еще каком-нибудь столь же удаленном месте, рядом должны жить какие-то горные племена, а в небе — иногда пролетать самолеты.

Барни остановился у двери, заново обдумывая ситуацию и ища в ней подвох. Мак-Аллен и его друзья, кем бы они ни были, явно не идиоты. Что-то здесь было не так, что-то, о чем он пока не догадывается.

Почти бездумно он поднял голову и прищурился в яркое белесоватое небо… И увидел ЭТО.

Воздух с шумом вошел в легкие. Он вырвался наружу придушенным, полным ужаса криком, с

которым Барни бросился обратно в дом, захлопнул дверь, повернулся и начал неистово щелкать переключателями на настенной пластинке. До тех пор, пока дверь и окно не скрылись из виду, а вокруг снова не засветился приглушенный сумрак навязанного ему жилища. Он припал к полу, содрогаясь всем телом от страха, которого ранее не мог даже вообразить.

Теперь он понял, в чем таился подвох. Понял, как только машинально поднял взгляд и увидел крошечную бело-голубую светящуюся точку, смотрящую на него из-за раскаленных облаков. Точно блестящий глаз чудовищного насекомого…

Солнце этого мира.

Конец Первого Года

*** * ***

Барни Чард очнулся от тяжелого сна и вдруг понял — что-то не так. Несколько секунд он водил глазами по темному потолку, ощущая сухость во рту, сердце натужно билось в тягостном предчувствии. Затем он обнаружил, что всего лишь оставил открытой входную дверь и включенным окно. Всего лишь? Это произошло впервые с тех

пор, как его оставили здесь. Он никогда не засыпал, не запечатав предварительно свое жилье, даже когда напивался в стельку.

Он подумал о том, чтобы вылезти из кровати и сделать это сейчас, но решил, пусть все остается, как есть. В конце концов, он знал, что в долине нет ничего, как нет ничего во всем этом мире, чего можно было опасаться. Кроме того, он чувствовал себя смертельно усталым, слабым и больным. А ведь подобное чувство давно не беспокоило его, как бывало раньше, нет, то было просто констатацией физического факта. Простыня оказалась пропитанной потом, хотя в комнате было не более чем приятное тепло. В его жилище никогда не было перепадов температуры. Барни снова попытался понять, как же так случилось, что он забыл об окне и двери.

Была довольно глубокая ночь, когда он уснул, но вне зависимости от того, сколько он проспал, ей предстояло еще длиться и длиться. Когда последний раз он дал себе труд проверить, а это было, вспомнил Барни, несколько месяцев назад, бессолнечный период длился более пятидесяти шести часов. Незадолго до того, как упасть в кровать, он стоял перед большими часами, и минутная стрелка на часовом циферблате при-

ближалась к отметке, означающей окончание первого года в земном летоисчислении, проведенного им в этой лачуге. Наблюдая за сим торжественным событием, он был вновь ошеломлен осознанием чудовищности своего одиночества, и когда стрелка принялась отсчитывать следующий год, со всхлипами и ругательствами сжал в руке револьвер, ослепленный неистовой смесью жалости к себе и бессильной ярости. Затем сменил гнев на милость и решил отбросить прочь горести, прекратить стенания и вместо этого хорошенько повеселиться и как следует надраться. И в эту ночь, ночь счастливой годовщины, превзойти все свои прежние попойки.

Однако он этого не сделал, хотя все приготовил празднично: расставил стаканы, колотый лед, представительный отряд непочатых бутылок. Но, взглянув на сей боевой строй, вдруг заранее почувствовал тошноту. Затем ощутил прилив свинцовой тяжести полного поражения. У него не было времени подумать о том, чтобы запечатать дом. После этого он просто упал в кровать как был, и счел за благо забыться на месте. Барни Чард лежал и раздумывал об этом не без удивления. Можно было сказать, что год выдался нелегким. На протяжении долгих дней,

в особенности, когда он изо всех сил пытался примириться со здешним окружением под туманным влиянием беспробудного алкоголизма. Одна мысль об адски блистающей звезде, вокруг которой кружился этот мир, и сознание того, что лишь крыша и стены лачуги отделяют его от бесконечно чужого пылающего светила, казались совершенно не выносимыми. Спустя некоторое время он стал намного легче переносить долгие ночи. В них тоже была своя странность, но разница по сравнению с земными была не столь велика. Он привык к огромной зеленой луне и начал чувствовать нечто вроде привязанности к спутнику поменьше, сливочно-желтого цвета и с такой вытянутой орбитой, что делало ее сравнительно редкой гостьей на небосклоне. По ночам он время от времени начал оставлять окно открытым на несколько часов, и наконец даже дверь. Однако раньше он никогда не делал этого, если собирался заснуть.

Алкоголизм, решил Барни, тяжело ворочаясь на промокшей и измятой простыне, был не слишком ему свойственен. Его организм, или, возможно, некий фактор в его сознании, позволяли заходить далеко, но не слишком. Стоило превзойти неписаный лимит промилле в крови, как внезапно резко

ухудшалось самочувствие. Периоды злостного злоупотребления горячительным отзывались крайне неприятными последствиями. Барни Чард, парень когда-то крепкий как сталь, сразу после запоев представлял собой неприглядное зрелище: разлагающийся заживо, рассыпающийся на кусочки. Именно тогда, когда это зрелище ему не удавалось отогнать, он садился за стол с револьвером в руке, медленно вращая барабан. Временами казалось, что рука тянется к виску.

Возможно, он просто слишком сильно ненавидел Мак-Аллена и его коллег по ассоциации, чтобы взять и положить всему конец. Как в пьяном, так и в трезвом виде, он вынашивал бесконечные планы по их уничтожению. Он должен быть жив, когда они прибудут сюда. В течение нескольких дней у него была галлюцинация, будто в лачуге Мак-Аллен со товарищи, и Барни спорил с ними, угрожал и умолял. Из этого он вынес чувство затаенного страха перед тем, что часто делал по вечерам. С тех пор он уже больше не пил так много. Однако на этот раз он уснул, не выпив ни капли.

* * *

Он сел на край кровати, обнаружил, что его слегка бьет дрожь даже от столь незначительного усилия, но все же встал на ноги и нетвердой походкой направился к двери. Встал рядом и выглянул наружу. Слоистые облака всегда развеивались ночью и собирались вновь на заре. Сейчас небо было почти чистым. Зеленое сияние, поднимающееся слева над пустыней, означало, что большая луна поднимается над горизонтом. Маленькая желтая — плавала высоко в небе. Если бы они сошлись вместе, была бы самая светлая часть ночи, во время которой птицы и другие животные в долине принимались за свои обычные дела, словно днем. Даже сейчас до Барни доносился щебет птиц сквозь неуемное журчание небольшого ручейка, протекавшего по центру долины, начинаясь из небольшого озерца и заканчиваясь застойными, пересыхающими лужами там, где он вторгался в пустыню.

Внезапно заточенный обнаружил, что принес револьвер и держит в руке, даже не подозревая об этом. Криво усмехнувшись бессмысленности своей прежней осторожности, Барни сунул его в карман брюк и вытащил спички, мятую пачку си-

гарет, чтобы закурить. Очень предусмотрительно с их стороны, что его не лишили некоторых мелких приятностей… например, оставили достаточно спиртного, чтобы он мог допиться до белых чертей в любое время.

Или, например, не забрали револьвер…

С точки зрения коллег Мак-Аллена из ассоциации, все, что с ним произойдет, разумеется, зависело от него самого, горько подумал Барни. Любой несчастный случай не отяготит их совесть.

Он почувствовал минутную вспышку прежней ненависти, но она была чрезвычайно слабой, нечто, уподобленное легкой зыби по сравнению с более ранними шквалами гнева. За эти месяцы что-то перегорело в нем, и опустевшей душой завладела нарастающая скука…

А что, собственно говоря, с испугом подумал Барни, он делает у двери? Он не собирался зайти так далеко, ведь прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он выходил за порог. В течение первых нескольких недель он предпринял полдюжины попыток обследовать окрестности по ночам, но быстро понял, что его владения простирались не дальше видимых пределов долины. За ее краем простиралась бесконечная пустыня

и горные хребты, устрашающе безмолвные в лунных лучах.

Барни в нерешительности окинул взглядом долину, еще не понимая, почему он не принял решение. Возвращаться в дом ему не хотелось, а просто стоять было скучно.

— Ну что ж, — саркастически произнес он вслух, — подходящая ночка для прогулки, братец Чард.

В самом деле, почему бы не прогуляться? Уже было достаточно светло, чтобы видеть, если держаться подальше от самых густых зарослей, куда ставить ногу, и становится все светлее, так как большая луна поднималась над далеким пустынным горизонтом. Он будет гулять, пока не устанет, затем отдохнет. К тому времени, когда вернется в свою нору, будет готов лечь и провалиться в сон от странного настроения, овладевшего им.

И Барни отправился на прогулку по долине, осторожно и пока еще неуверенно ступая по неровной, наклонной земле.

Еще в первые недели своего заточения он обнаружил у задней стенки одного из ящиков письменного стола записи на листках блокнота. Он подумал, что их оставили там намеренно.

Заглавие гласило:

ЗАМЕТКИ
О ЗЕМЛЕПОДОБНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЕ ВОСЕМНАДЦАТОЙ СИСТЕМЫ, ТОМ III.

Пролистнув странички однажды, он довольно долго не мог заставить себя заняться записями более подробно. В то время он еще не желал знать слишком много о том, в какой ситуации оказался. Он еще не вышел из состояния оцепенения.

Но однажды он взялся за записи и просмотрел с интересом. Некоторые сообщения были не подписаны, но, по-видимому, их собирали, по крайней мере, четыре или пять человек, и среди них был Мак-Аллен — его почерк было нетрудно узнать. Пропустив то, что было непонятно, или почти непонятно, Барни все же смог составить довольно детальное представление о проектах ассоциации, невольной и подневольной частью которых являлся. Земные растения, как и животные, были перенесены в этот мир, представляющий собой сочетание камня, песка и воды без скольких-нибудь заметных признаков местной жизни, при помощи «Трубы Мак-Аллена». В настоящий момент экологической Базе шел девятый год, что означало, что самые большие деревья выросли максимум наполовину, когда их

перенесли сюда вместе с почвой. Создать оазис жизни в бесплодном мире было выдающимся предприятием с любой точки зрения, однако существовали многочисленные указания на то, что «Труба Мак-Аллена» являлась лишь одним из целого ряда невероятных устройств, которые ассоциация имела в своем распоряжении для подобного рода целей. Несколько загадочных параграфов повествовали об удовлетворенности, которую испытывал неизвестный бытописатель от целого комплекса малопонятных методов, при помощи которых на Базе поддерживались постоянные климатические условия.

До сих пор оборудование, поддерживающее его жилище в постоянном порядке, не привлекало внимание Барни. Все оно, вместе с другой необходимой техникой, должно быть, спрятано где-то в долине. Возможно также, думал он, оно установлено где-то далеко в пустыне или между возвышающихся вдали горных кряжей. Из блокнота он узнал одну важную вещь: Мак-Аллен не обманывал его, говоря, что с Земли никто не сможет связаться с ним, пока не окончится период изгнания. Причина тому была очевидна. Данная планета вращалась на своей орбите таким образом, что излучение ее удаленного светила

периодически препятствовало работе «Трубы Мак-Аллена». Должно пройти еще четыре года, прежде чем планета вновь позволит преодолеть этот природный барьер.

* * *

Он немного прошелся, отдохнул, снова прошелся. Время от времени ему мешали приступы сильнейшего потоотделения, сменяемые дрожью, когда его белье начинало высыхать. Большая луна опиралась сейчас на край горного хребта, и первые потоки отраженного ею света превращали противоположный склон долины в причудливый океанский риф. Активность животных стремительно нарастала. Теперь было уже не темнее, чем в вечерние часы на Земле, и его предшественники по Экологической Базе, по-видимому, прекрасно приспособились к странной смене дня и ночи.

Он продрался сквозь заросли кустарника и оказался на берегу озера. Посреди почти круглой глади воды возвышались отвесные скалы, отмечающие верхний край долины. Он прошел почти километр, и хотя подобное расстояние, по крайней мере, в городе, когда-то ничего не значило для Барни Чарда, почувствовал себя совершенно

изможденным. Он присел у воды, а спустя минуту-другую наклонился и отпил прямо из озера. У воды был тот же самый холодный и свежий вкус, что из крана в доме.

Поверхность воды была неспокойна. Какие-то летучие насекомые роились вокруг, полируя гладь своими тонкими касаниями, и тотчас в этих местах образовывались мелкие водовороты, поскольку это поднималась с глубины рыба, чтобы поймать полировщиков. Вдруг одна из них вылетела прямо в воздух, огромная, блестящая, жирная рыбина величиной с руку и плюхнулась назад с тяжелым плеском. Барни криво усмехнулся. В ЗАПИСКАХ говорилось, что доктор Мак-Аллен приложил руку к заполнению долины, и в это верилось без труда, так как присутствие его любимцев — рыб — не было упущено даже при осуществлении столь удаленного от Земли проекта.

Он переменил позу, почувствовал в кармане револьвер, вытащил его. Волна всколыхнувшегося гнева снова прошлась внутри. Что они проделали с деревьями и животными, это их личное дело, а вот то, что они сотворили с человеком…

Барни с трудом поднялся, размахнулся и забросил револьвер далеко-далеко в озеро. Оружие

завертелось в лунном свете, описало пологую дугу, пробило поверхность воды и исчезло с плеском, гораздо менее звучным, чем произведенный рыбиной.

«Зачем, — с удивлением спросил себя Барни, — я это сделал?»

Он поразмыслил над этим немного и впервые за весь год почувствовал нечто, отдаленно напоминающее энтузиазм.

Нет, друзья-товарищи, он не умрет. Пусть Мак-Аллен со своими коллегами любезно предлагают ему извести себя, он намерен поставить их в неловкое положение, представ пред ними живым и здоровым, когда они через четыре года вернутся в долину. Тогда они его не убьют. Кишка у них тонка совершить убийство напрямую. Им придется вернуть его на Землю.

А как только он там окажется, то поступит коварно. И неважно, сколь тщательно будут за ним следить, в конце концов, он их найдет и разоблачит, а тем самым собьет спесь со всей этой самодовольной шайки. Он еще увидит, как оскорбленный в лучших чувствах мир проклятую тайную ассоциацию превратит в руины…

Конец второго года

* * *

На Экологической Базе в Восемнадцатой Системе наступил конец второго года заточения, но Барни этого не заметил. Примерно два часа спустя он посмотрел на свои часы, встал из-за стола и подошел к большим часам, дабы подтвердить свою догадку.

— Ну что же, братец Чард, — сказал он вслух, — еще одна годовщина… Так что осталось всего три. Мы почти на середине…

Он захлопнул крышку над многочисленными циферблатами часов и отвернулся. Еще три года на Экологической Базе казались мучительно долгими, если рассматривать их как единое целое…

Именно поэтому он избегал думать о них как о едином целом.

Этот год, признался себе Барни, прошел, по крайней мере, намного лучше первого. Хотя с другой стороны, что здесь может быть лучше, тут же подумал он с раздражением. Честно говоря, временами просто цепенеешь от скуки. Но физически он был в прекрасной форме, в гораздо лучшей, чем когда-либо в своей жизни.

Не удивительно. Когда ему становилось настолько не по себе, что он не мог заняться ничем другим, он отправлялся пешком по долине, двигаясь самым быстрым шагом, на какой был способен, пока не падал от усталости. Изможде-ние забивало беспокойство, правда, ненадолго. Выбор очередного дерева, чтобы расщепить на поленья, несколько ослаблял спазмы гнева, ду-шившие его, когда он слишком долго размышлял об этой идиотской ассоциации. Братец Чард здорово окреп. Убедившись в том, что огненный алмаз, блистающий на дневном небе, не способен причинить ему вред, ведь, в конце концов, жи-вотные от него не страдали, он приобрел загар, невиданный даже на Палм Бич. Когда ему уда-лось выработать, наконец, собственные периоды бодрствования и сна, он был уже готов, чтобы их соблюдать, и спал как убитый.

Кроме этого, у него появились проекты. Проек-ты, как победить скуку, и неважно, что они собой представляли. Почти ни один из них ничего собой не представлял. Но спустя уже месяц или два у Барни их было столько, что такой проблемы, как ничегонеделание, у него больше не возникало. Два часа отводилось на работу над критической оценкой некоей главы из одного глубокомыс-

ленного технического труда Мак-Аллена. Если настроение у Барни было очень неважнецкое, критический очерк приобретал непечатный характер, однако, печатать его никто и не собирался, а два часа тем временем пролетали незаметно. Полтора суток — в земном исчислении — на строительство работающей плотины через ручей в долине. Биржевой спекулянт превращался на это время в опытного ландшафтного архитектора. Плавательный бассейн на дне долины позади его жилища вряд ли вызвал бы особое восхищение у обитателей Калифорнии, однако, это был почти единственный проект, из которого он смог извлечь даже практический смысл.

Потом:

Полчаса — на усовершенствование техники бросания ножа.

Пятнадцать минут — на то, чтобы выпрямить лезвие кухонного секача в результате усовершенствования… (см. предыдущий пункт).

Два часа — на конструирование ловушки для одной из тех жирных серых белок, что постоянно крутились вокруг дома.

Пятьдесят минут — на решение новой шахматной задачи. Шахматы, как обнаружил, к своему удивлению, Барни, не так страшны, как их ма-

люют.

Пять часов — на изобретение еще одного абсолютно беспроигрышного способа уничтожения ассоциации. В этом пункте практического смысла было не больше, чем во всем остальном, и не могло быть, хотя теперь он знал о Мак-Аллене и его друзьях гораздо больше, чем раньше.

Однако это захватывало его почище шахмат.

Братец Чард смог победить скуку. Вероятно, сможет победить и еще три года скуки.

Он не собирался никого прощать за то, что его заставили побеждать скуку.

Конец пятого года

* * *

В течение нескольких часов станция Антиплано, принадлежащая ассоциации, оставалась и темной и почти безлюдной. Только переходный шлюз ИМТ под одним из приземистых одноэтажных домов тускло светился, и свет этот исходил от обширной видеопанели, расположенной в верхней части на стене. Панель охватывала собой некую весьма невыразительную часть галактики, туманное звездное поле, несколько сгущающееся вправо, и нечто, похожее на

большой расплывчатый красный шар, слева от центра. Джон Эммануэль Фредерикс, сидящий в одном из пары кресел для операторов «Трубы», не обращал на шар никакого внимания. Он слегка наклонился вперед, сосредоточенно вглядываясь в окуляры наблюдательного устройства.

Мелвин Симмс, психолог, неспешным шагом вошел в помещение через дверь входного шлюза, остановился позади Фредерикса и мягко сказал:

— Добрый вечер, доктор.

Фредерикс испуганно оглянулся:

— Я и не слышал, как ты вошел, Мел. А где Олли?

— Он ненадолго заглянул к Спалдингу, это в Вермонте. Оба появятся через несколько минут.

— Вместе со Спалдингом? Наш достопочтенный президент намерен лично взглянуть на результаты эксперимента Олли?

— Он будет представлять правление, — ответил Симмс. — В то время как я, видно, ты уже догадался, представляю разъяренный отдел психологии, — он кивнул на изображение. — То самое место?

— Оно самое, ЕТ База Восемнадцать.

— Плоховато видно сквозь «Трубу», ты не находишь?

— Да, все еще многовато паразитарного излучения. Но оно уже достаточно разрежено для наведения контакта. По показаниям — 0.19, то же самое было тридцать минут назад.

Он указал на кресло рядом:

— Садись, если хочешь рассмотреть получше.

— Спасибо, — психолог уселся в кресло, наклонился вперед и приник к окулярам. Спустя несколько секунд он заметил:

— Место выглядит не слишком гостеприимно…

— Все экологи в один голос уверяют, что Восемнадцатая — просто чудо как хороша. Никаких проблем, кроме тех, что мы сами себе создаем, — проворчал Фредерикс.

Симмс слабо улыбнулся:

— А это у нас ловко получается, верно? Вы еще не пытались отыскать… хм… предмет исследования Мак-Аллена?

— Нет пока. Пришли к выводу, что Олли должен присутствовать, когда мы выясним, чем там все кончилось. В этой связи, позвольте спросить, как прошло заседание?

— А вы не настроены против нас?

— Нет, мы были слишком заняты другими настройками, для намечающегося контакта.

— Ну, — Симмс откинулся назад в своем кресле, — могу сказать, что поначалу это была настоящая бойня. Доктор Психологии заявил, что он потрясен, возмущен и оскорблен. Словом, ругались по-черному. Я держался от этого в стороне, хотя, признаюсь, тоже был поражен, когда МакАллен частным образом проинформировал меня сегодня утром о пятилетнем проекте, который проводит втайне от всех. Его обвиняли в том, что он нарушает устав… ох, в чем только его не обвиняли, от нелегальщины до негуманного обращения. Разумеется, Олли отражал все нападки с присущим ему блеском.

— Еще бы.

— Его аргументы, — продолжал Симмс, задумчиво поджав губы, — были не лишены оснований. Это было признано всеми без исключения. Никому не нравится эвтаназия в качестве превентивного средства безопасности. Многие из нас ощущают, и я в том числе, что принятая им мера все же предпочтительнее процедуры промывки мозгов, которая требуется для создания значительных изменений для типа личности класса Чарда.

— Олли тоже это ощущает, — сказал Фредерикс. — В данном случае дело решило то, что

Барни Чард приобрел статус покойника с того самого момента, когда впервые сел ассоциации на хвост. Пришлось выбирать: либо эвтаназия, либо долговременная деформация личности.

Симмс покачал головой:

— Только не последнее, в данном случае мы даже рассматривать не хотим возможность личностных изменений.

— Тогда эвтаназия, — сказал Фредерикс. — Чард был слишком умен, чтобы просто не обращать на него внимания, и чересчур беспринципен, чтобы заслужить наше доверие. Поэтому Олли сообщил о его смерти.

* * *

Психолог помолчал несколько секунд.

— Проблема вот в чем, — вдруг сказал он. — Поговорив сегодня с Мак-Алленом, я экстраполировал личностное определение, выданное Чарду пять лет назад на основе всего, что о нем тогда узнали. Результат показал, что он должен сойти с ума и покончить с собой в течение года.

— Насколько надежен этот результат? — рассеянно спросил Фредерикс.

— Не более чем любой другой в персональной психологии. Однако все эти результаты дают

лишь известную вероятность… и, в этом конкретном случае, вероятность крайне неприятную.

— Оливер не мог не знать, каким может оказаться исход эксперимента, — ответил Фредерикс. — Одной из причин, почему он выбрал Базу Восемнадцать, была та, что нельзя вмешаться в процесс, раз уж тот начался. Пообщавшись с Чардом несколько часов, у него сложилось впечатление, что этот человек слишком «сконденсирован». Это Оливер так сказал, думаю, вы понимаете, что он имел в виду. Чард, очевидно, был умен и обладал повышенной жизнестойкостью. Он избрал неплохой способ утверждения себя в мире. Неплохой, но очень ограниченный. На самом деле, он, разумеется, был трусом. Он всю жизнь чего-то боялся и бежал от своего страха. Причем, не мог остановиться.

Симмс кивнул:

— База Восемнадцать его остановила. Того, от чего он всегда бежал, там просто не существует. Олли полагал, что Чард впадет в панику, когда это обнаружит. Весь вопрос в том, что он станет делать дальше. Выживание в таких условиях имеет один весьма специфический аспект. Единственной опасностью, угрожающей ему, были те негибкие, присущие его личности структуры,

которые он развивал на протяжении всей своей сознательной жизни. Окажется ли он достаточно умным, чтобы понять это? И сможет ли его жизненная приспособляемость, не имея альтернативы на протяжении пяти лет, оказаться достаточно сильной, чтобы преодолеть подобную опасность? — Он сухо откашлялся. — Здесь перед нами открываются две возможности, м-да… Однако, факт остается фактом, Оливер Мак-Аллен проявил себя как искусный практический психолог, продемонстрировав это и на заседании.

— Полагаю, Олли заслужил несколько резолюций, — заметил Фредерикс. — Как все прошло?

— Не так уж плохо. Первая резолюция принималась тайным голосованием. Вотум недоверия доктору Мак-Аллену.

— Это, кажется, уже семнадцатый по счету? — хладнокровно осведомился Фредерикс.

— Да, и этот факт был отмечен особо. Мак-Аллен признал, что ему ничего не оставалось делать, как самому проголосовать «за». Однако следующая резолюция, также получившая поддержку большинства, была посвящена тому, что люди с подобными… хм… скажем так, особыми способностями, как у Барни Чарда, и с подобным интеллектом могут принести большую пользу

ассоциации, если окажется, что существует возможность радикально избавить их от наиболее неприглядных социопатических тенденций. С некоторыми оговорками, но департамент Психологии не мог не поддержать данную резолюцию. Равно как и третью, а именно, что нам, Психологии, предписывается непредвзято изучить результаты эксперимента доктора Мак-Аллена на Базе Восемнадцать и доложить о целесообразности проведения подобных экспериментов в будущем, если необходимость в таковых возникнет в связи с личностными особенностями других субъектов.

— Ну что ж, — помолчав, произнес Фредерикс, — что касается ассоциации, Оливер получил то, что хотел. Как обычно, — он с сомнением помолчал еще немного. — Что же касается другого вопроса…

— То ответ на него мы вскоре узнаем, — Симмс повернул голову, прислушиваясь, и шепотом добавил: — Вот, идут.

* * *

Доктор Стефан Спалдинг сказал Симмсу и Фредериксу:

— Доктор Мак-Аллен согласился со мной, что

человек, которого мы будем разыскивать на Базе Восемнадцать, может быть мертв. Если что-либо укажет нам на это, мы попытаемся найти дополнительные свидетельства его смерти, прежде чем на Восемнадцатой возобновятся обычные экологические наблюдения. Далее, мы можем найти его живым, но недееспособным. В этом случае, нам следует быть очень осторожными, поскольку его оставили на Базе с заряженным револьвером. Доктор Симмс и я вооружены зарядами, которые должны ввергнуть пациента в бесчувственное состояние. Доза достаточна для того, чтобы он никогда не очнулся. В-третьих, он может оказаться живым и практически в здравом уме, но враждебно настроенным по отношению к нам открыто или скрытно…

Спалдинг по очереди поглядел на каждого из коллег, затем продолжил: — Именно по причине такой возможности наша контактная группа была отобрана с особой тщательностью. Если результат эксперимента доктора Мак-Аллена будет именно таков, нам придется исполнить малоприятную роль палачей. Добавить пожизненное заключение или дальнейшие психологические манипуляции к уже пережитым им пяти годам в одиночестве было бы недопустимо.

Доктор Мак-Аллен сказал нам, что не сообщал Чарду истинную причину, по которой тому пришлось побездельничать на свежем воздухе…

— У меня были на то серьезные причины, — вмешался Мак-Аллен, — а именно, если бы Чард с самого начала знал, каковы наши цели, он предпочел бы покончить с собой, но не допустить их осуществления. Любой человек является для него антагонистом. Он никогда не мог подчиниться воле другого человека.

Симмс кивнул.

— Я согласен с этим пунктом, доктор.

Решив, что может продолжать, Спалдинг подытожил:

— Сейчас этот пункт уже совершенно несущественен, доктор. В любом случае, до сведения Чарда было доведено, что существует некий важный «пятилетний план» ассоциации, который требует ограничения его свободы на этот срок. Прибыв на Базу, мы внимательно понаблюдаем за ним. Если в его поведении хоть что-то укажет на то, что он намерен действовать во вред ассоциации, как только у него возникнет такая возможность, наша роль сведется к следующему: мы заявим, что «пятилетний план» выполнен, а он будет освобожден и получит адекватную

компенсацию за вынужденное уединение. Как только уснет, он, — разумеется, будет подвергнут эвтаназии. Но до того времени необходимо сделать все возможное, чтобы он нам поверил на слово. Существует и еще одна возможность, что действия доктора Мак-Аллена возымели те результаты, коих он пытался достичь. — Глава ассоциации повернулся к профессору: — Олли, можешь высказаться сам по этому поводу!

Мак-Аллен пожал плечами:

— Я уже представил вам свой взгляд на эту тему. Главным образом, вопрос заключается в том, сможет ли Барни Чард понять, что может существовать, не состязаясь не на жизнь, а на смерть с другими людьми. Если он это понял, то должен также был понять, что База Восемнадцать — одно из самых интересных мест во Вселенной.

— Предполагаете, — спросил Симмс, — он будет благодарен вам за то, что с ним произошло?

— Ну-у, — с сомнением протянул Мак-Аллен, слегка бледнея, — это, разумеется, зависит от того, жив ли он еще и в здравом ли уме. Однако если он смог выжить, то не будет сожалеть о том, что с ним произошло. И все же, — он снова пожал плечами, — давайте приступим. За пять лет я и так уже достаточно долго раздумывал над тем, не

виновен ли я в смерти человека.

В наступившей тишине он сел в кресло, которое освободил Фредерикс, и мельком взглянул на Симмса:

— Ты тоже садись, Мел, — сказал он, — поскольку представляешь Психологию. Возьми зрительную трубу. Джон, ну что там, не распогодилось?

— Нет пока, — сказал Фредерикс. — Через два часа у нас будет отличная картинка, но не минутой раньше.

— Мы не будем ждать, — сказал Мак-Аллен. — Симмс и я сможем определить по сканеру примерно, что там происходит, — он помолчал немного, а тем временем расплывчатый красный шар на экране стремительно вырос, заполнив собой три четверти видимого пространства, на мгновение замер, затем снова вырос и, наконец, остановился.

Мак-Аллен изменившимся голосом произнес:

— Джон, боюсь, тебе придется сделать это вместо меня. Руки меня слушаются не настолько, чтобы работать, как следует.

* * *

Прошла минута, другая. Изображение становилось все более мутным, детали терялись в расплывчатых волнах вздымавшихся оранжево-бурых теней. Внезапно прорезался зеленый цвет, и Мак-Аллен пробормотал:

— Это «Труба» ищет кабину.

Возникла мгновенная пауза, затем Фредерикс откашлялся и сказал:

— Чем дальше, тем лучше, Оливер. Мы смотрим прямо в кабину. Твоего парня пока не видно, но здесь кто-то живет. Да, Симмс?

— Определенно, — согласился психолог. Немного подумав, он добавил: — И, предположительно, не сумасшедший. Дом содержится в полном порядке.

— Так вы говорите, Чарда в доме нет? — резко спросил Спалдинг.

— Да, — ответил Фредерикс, — если только он не прячется намеренно. Входная дверь открыта. Хм-м, а здесь все же кое-кто есть.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Спалдинг.

— На окне сидит парочка белок, — пояснил Симмс.

— На окне? Внутри?

— Да, — откликнулся Фредерикс, — либо запрыгнули сюда, пока не было хозяина, либо он их держит в качестве домашних любимцев. Может быть, нам следует поискать Чарда по окрестностям?

* * *

— Нет, — решил Спалдинг, — База слишком велика, чтобы фокусироваться на каждой ее точке. Если он живет в избушке и просто вышел погулять, то вернется самое большее через несколько часов. Посмотрим, какие выводы можно сделать из того, какой будет себя вести, когда покажется, — он повернулся к Мак-Аллену: — Олли, я думаю, ты можешь немного расслабиться. Все выглядит совсем неплохо!

— Не знаю, не знаю, — проворчал Мак-Аллен, — но вы упускаете кое-что из виду.

— Что именно?

— Я сказал Чарду, когда нас ждать. Если только он не разбил часы, то знает, что мы появимся сегодня. Если даже все в порядке, не может ли он поджидать нас в доме?

Спалдинг подумал.

— В том-то все и дело, — сказал он, — похоже, что он прячется где-то снаружи. Он мог подстро-

ить нам засаду. Джон…

— Да, — откликнулся Фредерикс.

— Наставь трубоскоп как можно лучше и просканируй лачугу так, словно ты ее пылесосишь. Должны быть какие-нибудь признаки…

— Он как раз это делает, — перебил Симмс.

На несколько минут воцарилась тишина, затем руки Фредерикса осторожно приникли к нескольким дискам на боковой панели сканера, а все остальные будто оцепенели.

— Йо-хо-хо! — вдруг завопил доктор Фредерикс. — Йо-хо-хо-хо! Записка, Олли! Твой мистер Чард оставил тебе… йо-хо-хо… записку!

На мгновение экран поплыл перед глазами Мак-Аллена. Фредерикс все еще смеялся, Симмс тараторил скороговоркой:

— Это же замечательно, доктор, замечательно! Парень в своем уме, совершенно! Догадываюсь, что вы изменили его подход к жизни на все сто процентов! Вы видите записку?

— Нет, — выдохнул Мак-Аллен.

Перед его глазами расплывалась поверхность письменного стола и чего-то белого, ага, понятно, прикрепленного к столешнице белого листа бумаги с напечатанным текстом.

— Ничто не способно вызвать у этого парня

нездорового любопытства, — где-то сбоку тараторил Симмс, — даже перспектива увидеть прибывших с Земли впервые за пять лет. Но он дает понять, что с ним все в порядке, чтобы гости чувствовали себя у него как дома, пока хозяин не вернется. Вот, позвольте мне…

Он потянулся к сканеру Мак-Аллена и подстроил его. Слова на бумаге внезапно стали четкими.

Записка была лаконичной, она ясно говорила сама за себя:

УШЕЛ НА РЫБАЛКУ

С уважением, Б. Чард.

Маяк в неведомое
(повесть)

Нечасто случалось, чтобы Густав Роберт Фрай, Главный Уполномоченный Межзвездного Полицейского Управления, потратил больше часа своего рабочего времени на одну-единственную встречу. Однако в его офисе никто не удивился, узнав, что шеф предположительно будет совещаться до полудня, и просил до того времени его не беспокоить. Посетителя, которого почтительно проводили к нему сегодня утром, даже не поинтересовавшись, назначена ли ему встреча, звали Ховард Кэмхорн, и был он ни много ни мало, а Координатором Программ Исследований Верховного Правительства. Так что это была встреча политических мастодонтов. На повестке дня определенно должно было стоять нечто грандиозное.

За письменным столом своего кабинета Гус Фрай, широкоплечий, с мощной нижней челюстью и холодными, колючими глазами, выглядел необычайно эффектно, — настоящий политик, каковым он и являлся — но при этом чувствовал

себя не очень уютно. А вот Ховард Кэмхорн, неуклюже развалившийся в кресле посреди комнаты напротив Главного Уполномоченного, мог сойти за не слишком популярного артиста средних лет. Долговязый блондин с ленивой улыбкой и еще более ленивыми, небрежными жестами, он, однако, занимал место на несколько ступенек выше на иерархической лестнице, чем его собеседник.

— Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы нас интересовал космический транспорт, который подобрали ваши ребята, — сказал Кэмхорн. — Однако вы уверены, что на борту больше нет YM-400?

Фрай пожал плечами:

— Я могу быть уверен только в том, что его нет в отсеке, где он хранился во время полета, и что замки на отсеке взломаны. Возможно, тот, кто завладел контейнерами с YM, перепрятал их в какой-нибудь другой части корабля. Это было бы несложно, но…

Кэмхорн покачал головой:

— Нет, — перебил он. — Это никому не нужно. Боюсь, что нам придется смириться с тем, что контейнеры исчезли.

— Похоже на то, — ответил Фрай. — Полицейское расследование будет продолжаться до тех

пор, пока на корабль не прибудут ваши собственные детективы, но нет никаких оснований полагать, что они что-нибудь найдут.

— Курс был переустановлен таким образом, чтобы направить корабль в незанятые области космоса?

— Да, — ответил Фрай, — лодка МПУ заметила его лишь по чистой случайности. Новый курс не вывел бы корабль ни к оживленной трассе, ни к обитаемой планете или на обычный патрульный маршрут. Когда через три недели топливные баки должны были опустеть, взорвалась бы заложенная туда адская машинка, и никто не нашел бы даже обломков.

— Что известно о грузе? Вы что-нибудь знаете об этом? Он остался нетронутым?

— Насколько нам известно, да. Когда грузовик вернется в порт, грузоотправители все проверят подробно. Однако гипотеза о том, что исчез только YM-400 Верховного Правительства, остается пока самой многообещающей.

Кэмхорн кивнул.

— Банду, которая решилась на кражу, не могли заинтересовать обычные трофеи. Что и делает вашу гипотезу убедительной, — он задумчиво сморщил нос. — Modus operandi?

— Два варианта, — ответил Фрай. — Либо погрузили к себе на борт, либо перехватили по пути какой-нибудь корабль, взяли на абордаж прямо в полете.

— Какой из двух вам нравится больше?

— Первый. Второй — довольно маловероятен на самом деле. Даже МПУ не может вторгнуться на современный автоматический грузовик во время полета, не вызвав при этом целую бурю аварийных сигналов на всех контрольных станциях, расположенных по курсу. А, тем не менее, никаких аварийных сигналов зарегистрировано не было. Кроме того, нигде не обнаружено ни малейших следов насильственного вторжения.

— Так что наши воришки нагрузились сами, — сказал Кэмхорн. — Но, Гус, у меня всегда было такое мнение, что контрольные системы, не допускающие на автоматический транспорт безбилетников, абсолютно надежны.

Глава МПУ пожал плечами:

— До сих пор так и было. Но не потому, что их нельзя было перехитрить, а просто потому, что перехитрить контрольную систему — предприятие столь дорогостоящее, что игра не стоит свеч, если только общая стоимость транспортного средства вместе с грузом не покроет таких рас-

ходов. А похитители с расходами определенно не считались.

— Очевидно, — согласился Кэмхорн. — Но как удалось вынести YM-400 с корабля?

— Видимо, у них на борту была небольшая лодка. Пока это всего лишь предположение, ведь они оставили весьма мало следов своей деятельности, однако, это можно было сделать только так. Они раздобыли точные сведения о курсе корабля и графике движения. В тщательно рассчитанном месте произошла встреча, они забрали два кейса с YM, переориентировали корабль на новый курс, установили заряды, задали время взрыва, отключили сигнализацию на входном шлюзе и перешли в свою лодку. Естественно, где-то поблизости от грузовика ждал корабль, который их и подобрал. Вот и все.

— В ваших устах это звучит очень просто, — заметил Кэмхорн.

— Трудность в том, — ответил Гус Фрай, — чтобы подготовить подобную операцию. Вне зависимости от того, сколько средств было затрачено на это, они должны были потратить несколько месяцев на различные приготовления и при этом ни разу не привлечь внимание службы безопасности порта.

— У них было достаточно времени, — задумчиво признал Кэмхорн. — YM-400 годами перевозили в одинаковых контейнерах по одному и тому же маршруту.

— Я все думаю, — заметил Фрай, — почему был выбран именно такой способ перевозки.

Кэмхорн коротко улыбнулся:

— Не припомните, Гус, когда в последний раз был осуществлен захват автоматического транспортного корабля?

— Пятьдесят семь лет назад, — ответил Фрай, — причем тогдашний способ непригоден для нынешних кораблей, при современных контрольных системах.

— Ну, вот отчасти ответ на ваш вопрос. Риск при автоматической транспортировке сократился до минимума. Плюс к тому в отношении YM-400 мы избегали излишних мер безопасности. Если бы всякий раз его перевозили на военных кораблях, асы технологического шпионажа знали бы об этом, а это означает, что рано или поздно об этом узнали бы все, кому не лень. Начались бы акции, и, несмотря на любые меры, мы начали бы терять людей. На их место пришли бы те, кто работает на себя, а не на Верховное Правительство, а оно, разумеется, стремится не допустить этого. Пока

это было оправдано. По крайней мере, это первый случай за тридцать два года, что мы работаем с YM-400, когда его не доставили по месту назначения.

— Два кейса по тридцать четыре килограмма в каждом, — сказал Фрай. — Вы полагаете, это много?

— Боюсь, что это чертовски много, — сухо ответил Кэмхорн.

Фрай подумал и сказал:

— Ховард, во всем этом есть определенная странность…

— Какая именно?

— Несколько часов назад мне показалось, что вы были почти рады, услышав о происшествии с этим транспортом.

Кэмхорн несколько секунд смотрел на него очень пристально.

— На самом деле, — наконец произнес он, — я действительно был рад. И вот почему. Если бы это не было столь очевидным преступлением рук человеческих, если бы транспорт, скажем, просто взорвался по пути или исчез, не подав сигнала тревоги…

— Исчез, не подав сигнала тревоги? — эхом повторил Фрай. — Без вмешательства людей?

— Если бы, — вновь начал Кэмхорн, — хоть частичка YM-400 была радиоактивна, я бы не удивился, что нечто подобное произошло. Однако его перевозили в стабильном состоянии, а опасных свойств у стабильного YM-400 не больше, чем у чугунных чушек. Если бы они вдруг проявились, все исследовательские программы, связанные с этим веществом, пришлось бы отложить на неопределенный срок. Возможно, даже прекратить насовсем, — он лениво улыбнулся Фраю. — Ну что, я объяснил мою столь очевидную радость, Гус?

— Более или менее, — ответил Гус Фрай. — А это действительно будет катастрофа, если программы придется прекратить?

— Верховное Правительство сочтет это настоящей катастрофой, именно так.

— Почему?

— Если, — отвечал Кэмхорн, — нам удастся разобраться с YM-400, то это обеспечит нам в будущем победу над любой возможной оппозицией и контроль над космическим пространством.

Фрай изо всех сил старался сохранить на лице невозмутимое выражение.

— Естественно, поэтому, — продолжал Кэмхорн, — мы предпочли бы, чтобы группировки

инакомыслящих не заигрывали с YM-400 и, более того, даже не подозревали о такой возможности.

— Похоже, что существует, по крайней мере, одна группировка инакомыслящих, — заметил Фрай язвительно, — у которых о YM-400 имеется гораздо больше информации, чем, например, у Межзвездного Полицейского Управления.

Кэмхорн покачал головой.

— Мы не знаем, сколько им известно на самом деле, Гус. Кражу могли осуществить чисто в спекулятивных целях. В Галактике ходит достаточно много лишних денег.

Фрай проворчал:

— Вы подозреваете кого-нибудь конкретно?

— Многих. Но, к сожалению, существует некоторая вероятность того, что тех, кто это сделал, в списках не окажется. Однако мы составили подобные списки. Сегодня их передадут вам, в МПУ.

— Благодарю, — кисло вставил Фрай.

— Если б не суровая необходимость, я не стал бы этого делать, Гус. Но детективы нашего отдела Исследований не в состоянии сами справиться с подобным объемом. Разумеется, они будут сотрудничать с вашими людьми во всем.

— А некому больше с нами сотрудничать, — осклабился Фрай. — Я пришел к неутешительно-

му выводу, что нынешнее население сотрудничать с нами, как это бывало раньше, не склонно.

Кэмхорн кивнул:

— Вполне естественно.

— Естественно? Почему же естественно? Пусть большинству немного не хватает жизненного пространства, так пусть отправляются на фронтирные планеты, но в остальном человечество никогда не жило комфортнее, чем сейчас. Ничто не давит на них, все время нянчатся с ними, ну, если не все, то на девяносто процентов, как минимум. А они вольны делать все, чего только их левая нога захочет. Треть населения уже до конца своих дней не станет заниматься честным трудом.

— Истинная правда. Вы описали просто-таки идеальные условия для возникновения глухого недовольства. Однако мы не хотим, чтобы человечество окончательно впало в спячку. Гус, что вам лично известно о YM-400?

— Ничего, — ответил Гус. — Время от времени некоторые слухи о нем привлекали внимание МПУ. Слухи подобного рода мы протоколируем обычным порядком. Я просматриваю эти протоколы.

— Ну и какие слухи вам удалось просмотреть?

— Я могу пересказать их вам буквально в двух предложениях, — ответил Фрай. — YM или YM-400 — это химический элемент, который был сравнительно недавно, несколько десятилетий назад, открыт учеными Верховного Правительства. Он обладает свойством вызывать «преобразующие пространственно-временные сопряжения», как утверждают пространные справочники. Значит, он имеет некоторое отношение к пространственным феноменам Римана. Впервые он был обнаружен в звездной системе, находящейся за пределами официально исследованных территорий, и эта система сейчас усиленно охраняется военными звездолетами Верховного Правительства. В ней имеется пояс астероидов, образованный, предположительно, остатками планеты, в незапамятные времена разорванной реакцией YM на мелкие кусочки. Кроме того, — добавил Фрай с недоброй усмешкой, — я могу даже привести один достоверный факт. Я точно знаю, что такая охраняемая система существует, и что там нет ничего, кроме звезды и вышеупомянутого пояса астероидов. Я могу дать вам ее координаты, но уверен, что они вам хорошо известны.

Кэмхорн кивнул.

— Известны. Еще есть какие-нибудь слухи?

— Думаю, это все.

— Ну что ж, — задумчиво протянул Кэмхорн, — я все понял. МПУ сможет принести нам пользу в искомом расследовании только тогда, когда будет гораздо лучше информированным. Вы собрали очень интересную коллекцию слухов, но с действительностью они, к счастью, имеют мало общего. Начнем с того, что YM-400 — это не элемент. Это группа из нескольких элементов одного порядка. Обозначающий символ не имеет ровным счетом никакого смысла…

— По соображениям секретности?

— Конечно. Дальше, все элементы данного порядка, за одним важным исключением, были обнаружены в ходе исследований свойств пространства Римана в двух внутренних зонах образования Галактики, возраст которых мы намеревались установить. Возможно, вы припомните эту программу, она была инициирована сорок пять лет назад. Элементы, о которых идет речь, радиоактивны, их период полураспада — в пределах часа. Возникло подозрение, что именно с ними связано наличие чрезвычайно любопытных и, на первый взгляд, случайных искривлений пространства-времени в этих зонах, однако их свойства были таковы, что воспроизвести их в

необходимом количестве и на достаточно длительное время для проведения вразумительных исследований оказалось невозможно.

Последний же из элементов данного порядка — Ymir — в то время обнаружен не был. Он был найден десять лет спустя в виде следов в поясе астероидов, о котором вы упомянули, и покамест, да простится мне этот каламбур, не «наследил» более нигде. Ymir весьма капризен, химически очень похож на все остальные элементы данного порядка и имеет сходную с ними нестабильную структуру. И еще один поразительный факт — его присутствие в том виде и месте, где он был найден, теоретически невозможно. Однако вскоре выяснилось, что Ymir создает вокруг себя силовое поле, подавляющее радиоактивность. Пока ничто не вторгается в границы поля, элемент стабилен…

— А что может в него вторгнуться?

Кэмхорн неловко усмехнулся.

— Люди. Насколько нам известно, Ymir неизменен до тех пор, пока в его поле не вторгаются сознательно. Более того, будучи смешан с другими элементами порядка, он способен мгновенно передать свойство образования подавляющего поля еще трем из них. Весьма удачное стечение

обстоятельств, если учесть, что Ymir был найден в микроскопических количествах, а также то, что неизвестные пока науке факторы препятствуют его синтезированию искусственным путем. Остальные три элемента воспроизвести сравнительно легко, а поскольку даже очень незначительная примесь Ymir придает им стабильность, или псевдостабильность, то их удается хранить неопределенно долгое время.

— Так то была смесь с YM-400?

— Вот именно.

Фрай глубокомысленно заметил:

— Возможно, мне следует напомнить вам, что этот разговор записывается.

Кэмхорн кивнул:

— Все в порядке. Теперь, когда мы знаем, что кто-то завладел YM-400 в количестве шестидесяти восьми килограммов, мы оказались в ситуации, совсем непохожей на прежнюю. Хотя ущерб, причиненный этой кражей, значителен и сам по себе. Наличие компонента Ymir в подобной массе может быть замечено только по характерным признакам, а вот другие компоненты можно при желании произвести.

Вопрос в том, насколько хорошо те, кто завладел этим веществом, осведомлены о его

уникальных свойствах. Мы предпочли бы, чтобы они знали о нем некоторые вещи, например, то, что в известных пределах обращаться с YM-400 довольно просто. Сокращать и восстанавливать действие силового поля тоже несложно. В результате мы получаем или контролируемый поток радиоактивности, или полную его остановку. Теперь, вы упомянули, что YM-400 «преобразует пространственно-временные сопряжения»…

Фрай кивнул.

— Что ж, — сказал Кэмхорн, — и в самом деле, это выражение в точности описывает производимый им эффект, предположительно, из-за присутствия в нем изначально нестабильных элементов. Активная смесь преобразует пространственно-временные сопряжения в некий новый для нас вид энергии, свойства которого теоретически предсказуемы. Так, например, эта новая энергия может быть полностью контролируема. А дошли ли до вас какие-либо слухи о том, каких результатов мы стремились достичь в ходе экспериментов с этим веществом?

— Да, — ответил Фрай, — я совсем забыл. Были две различные версии на этот счет. Первая состояла в том, что конечным продуктом исследований должно стать взрывчатое вещество с мощностью,

превосходящей всякое воображение. Другая — в том, что вы пытаетесь создать телепортатор материи, по возможности, на уровне межзвездных расстояний.

Кэмхорн кивнул уже в который раз:

— Потенциально YM-400 действительно является необычайно мощной взрывчаткой. В этом нет никаких сомнений. Что же касается второго соображения, кстати, ушедшего не слишком далеко от истины, то решение его в положительном смысле было бы равносильно мгновенному переносу между звездами, не так ли?

Фрай пожал плечами.

— Думаю, что так.

— Однако, — сказал Кэмхорн, — пока мы еще не телепортировали ни одной крупицы материи. И знаете почему, Гус?

— Нет. Откуда мне знать?

— Никаких слухов на этот счет не подслушали, нет? Так я вам скажу. YM-400, активированный даже в микроскопических количествах, немедленно становится поразительно несговорчивым и постоянно расставляет препоны на пути экспериментатора. И все эти препоны не поддаются никакому объяснению. У меня работали весьма невозмутимые физики, которые буквально со

слезами на глазах утверждали, что пространству-времени известно о наших попытках им манипулировать, и поэтому оно настроено по отношению к людям весьма недоброжелательно, находя какое-то злобное удовлетворение в том, чтобы безжалостно пресекать таковые попытки.

Гус Фрай грустно усмехнулся:

— Возможно, ваши физики правы.

— Иногда случается так, — заметил на это Кэмхорн, — что ситуация выглядит совсем не смешной, Гус. На данный момент эксперименты с YM-400 выдали полезных результатов ноль целых, ноль десятых. Мало того, в их ходе произошло более тысячи несчастных случаев. Большинство пострадавших было специалистами высочайшего уровня, сами понимаете, их не так-то легко было заменить.

Фрай недоверчиво взглянул на собеседника.

— И что, все эти несчастные случаи так и не были объяснены?

Кэмхорн покачал головой.

— Если бы удалось выяснить причину хоть одного из них, то многих других не случилось бы. Уверяю вас, в осуществлении данного проекта не было допущено даже малейшей небрежности. Однако в таком виде, как сейчас, можно считать,

что ученые потерпели полное фиаско. Если бы ставки не были столь высоки, мы умыли бы руки еще десять лет назад. Поэтому, как я уже говорил, если бы выяснилось, что в исчезновении космического транспорта повинна та якобы стабильная смесь, мы, вероятнее всего, отложили бы дальнейшие манипуляции на неопределенное время. Подобное ЧП повышает риск просто до неприемлемой величины.

Фрай проворчал:

— Именно в исчезновениях и состояли несчастные случаи? Вещи, люди..?

— Ну, — уклончиво сказал Кэмхорн, — некоторые из них осуществлялись примерно по такой схеме.

Фрай откашлялся.

— Скажите мне еще только одну вещь, Ховард.

— Какую именно?

— Все, что вы сказали, является правдой хотя бы отчасти?

Кэмхорн задумался.

— Гус, — затем ответил он, — если я попрошу вырезать ваш вопрос и мой ответ из записи, вы это сделаете?

— Конечно.

— Так сделайте это, пожалуйста, а затем не

записывайте нашу последующую беседу.

* * *

Спустя несколько секунд Фрай сказал:

— Вот и все, запись отключена.

— Большая часть из того, что я вам сказал — правда, — заметил Кэмхорн, удобно откидываясь на спинку стула. — Возможно, не все из сказанного — правда. Также возможно, что я утаил от вас всю правду. Однако нам не остается ничего другого, как распространять правдоподобные слухи, Гус. Единственное, чего мы никак не можем себе позволить, это быть пойманными на очевидной *лжи*.

Лицо Фрая начало медленно заливаться краской.

— Полагаете, что Межзвездное Полицейское Управление поможет распространять эти слухи?

— Конечно, поможет. Будьте реалистом, Гус. Разумеется, вы передадите сообщенную мной информацию лишь ограниченному контингенту подчиненных, но возникнут утечки и… А разве могут быть более правдоподобные слухи, чем те, которые подтверждают другие, изначально распущенные?

— Если вам известны потенциальные места

утечек среди «ограниченного контингента подчиненных», — сказал Фрай, — я был бы весьма обязан, если б вы назвали фамилии.

— Не будьте ханжой, Гус, — любезно ответил Кэмхорн, — я отнюдь не пытаюсь опорочить ваше Управление. Я имею в виду — an mass, то есть в среднем. Как вы сами изволили заметить, МПУ не сможет расследовать это дело, если ему не будут подкинуты хоть какие-нибудь намеки. Так вот мы и намекаем, В процессе расследования мы надеемся, что зародится новая волна определенных слухов. Все это делается исключительно во благо.

— Но с какой целью?

— Я уже говорил. Преступники могут быть пойманы не так скоро, как мы хотим. Группа посвященных, вероятно, крайне мала, но организация должна быть разветвленной, к тому же похитители опасаются последствий. Они непременно раздобудут информацию, которую мы хотим им подсунуть, будь то утечка из МПУ или по другим каналам. Этого должно хватить, чтобы удержать их от явных глупостей. Кроме того, это позволяет не доносить информацию до общественности.

— Мы хотим, чтобы похитители узнали, что

YM-400 — непредсказуемо опасен. Это оставляет им небогатый выбор. Они могут либо выбросить эти кейсы, либо хранить их тайно, пока не раздобудут более полную информацию об украденном веществе. Но, учитывая то, каким образом была совершена кража, ни один из вышеназванных вариантов не будет избран. Похитители далеко не невежды, их нелегко напугать, и у них определенно есть ресурсы для покрытия дальнейших расходов.

Фрай кивнул.

— Вероятнее всего они выберут следующее, — продолжал Кэмхорн, — оценят, насколько в действительности серьезны предупреждения, выуженные из слухов, и продолжат свои эксперименты, возможно, более осторожно, чем если бы не были предупреждены.

Нас и это устроит. Я уже рассказал о потерях среди нашего персонала. Мы не возражаем против того, чтобы другие отгребли в сторонку весь жар. Это вторая причина, по которой стоит принести в жертву часть ценной информации. К тому времени, когда мы поймаем похитителей, наши усилия должны окупиться тем или иным способом.

— А если предположить, — сказал Фрай, — что

несанкционированные Правительством эксперименты закончатся тем, что еще одна планета разлетится на кучку астероидов?

— Это крайний случай, — заявил Кэмхорн, — хотя и не такой уж невероятный. Дело в том, что все равно существует такая возможность, вне зависимости от того, что мы предпримем. Мы можем попытаться лишь свести риск к минимуму.

— Не лучше ли поймать похитителей поскорее, пока они не начали столь опасные игры?

— Конечно, это было бы лучше. Однако в данном случае время работает на нас.

— Работать оно, конечно, работает, но все же сколько у нас времени до того, как ситуация станет критической?

— Ну, — протянул Кэмхорн, — предположим, что, по крайней мере, три-четыре года ушло на то, чтобы наши фигуранты завладели некоторым количеством YM-400. Наверняка они и приготовили все для проведения полномасштабных экспериментов. Однако если они не законченные идиоты, то должны провести тщательное исследование смеси и выяснить ее свойства. Экспериментальная фаза не слишком опасна и может быть завершена не ранее чем через полгода.

Фрай энергично помотал головой.

— Полгода! — проговорил он. — Может, конечно, случиться так, что нам повезет, и мы арестуем их на следующей неделе, Ховард… но ведь еще существует восемнадцать планет и спутников планетарного класса, все — перенаселены, семьдесят три космо-города с населением, в восемь раз превышающим планетарное, а также пять Свободных планет, на каждой из которых, можно, если угодно, утаить без проблем целую армию. Добавьте к этому около сотни тысяч осколочных популяций на малообитаемых плакетках, астероидах, постоянно проживающих в космосе на станциях с фиксированным положением и на мобильных ковчегах — мы просто не можем все это проверить за полгода, Ховард! Мы уже начали проверку всех, кто имеет хоть малейшее отношение к пропавшему кораблю, и пройдемся по вашему списку подозреваемых, как только он попадет к нам в руки. Однако не ждите результатов раньше, чем через год…

* * *

Фрай оказался слишком большим оптимистом.

После той встречи прошло полтора года. Более или менее многообещающие нити были оборва-

ны. Исчезнувший YM-400 так и не был найден.

МПУ отрабатывало оставшиеся версии.

* * *

С воздуха Львиная гора, расположенная в юго-западной части Американского континента Свободной планеты под названием Земля, представляла собой наклонное треугольное плато, кое-где опушенное зеленью, состоящей из кедра и сосен, но по большей части покрытое грубыми рубцами обнаженных горных пород. В самой широкой и высокой части оно имело восемь километров в ширину и как бы притаилось за спиной у вытянутого в сторону севера огромного нагромождения скал, в котором можно было при желании увидеть короткую вытянутую шею и тяжелый череп, что делало его похожим на хищника, прислушивающегося к чему-то. Вероятно, именно этим причудливым формам гора и была обязана своим названием. К югу от нее плато понижалось, постепенно сужаясь и образуя третий угол неровного треугольника. Неподалеку от его южного кончика можно было заметить единственные следы обитания человека — полдесятка строений размером от малого до умеренного, отделанных деревом и местным камнем. К од-

ному из зданий примыкал огромный, с мощной решеткой, сдвоенный загон. Это была экспериментальная животноводческая ферма, которая вместе с горой и полусотней квадратных километров окрестной скалистой пустоши составляла частную собственность некоего Мигеля Трелони, Свободного жителя Земли.

Фрэнк Доуланд, лейтенант Фрэнк Доуланд из Полицейского Управления Солнечной Системы, последние двадцать минут медленно вел свою сетевую машину на скромной высоте вдоль облачной гряды к западу от горы. Одновременно он обозревал территорию ранчо высокомощным поисковым лучом. Никакой активности обнаружено им не было, и ранчо выглядело так, словно временно опустело, что было вполне возможно. Местонахождение Мигеля Трелони в данный момент было неизвестно, к тому же Львиная гора была лишь одним из тех многих мест, где его периодически можно было встретить.

Наконец Доуланд опустил наблюдательный прибор и взглянул на солнце, которое должно было сесть через час. Это был коренастый молодой человек лет тридцати с небольшим, одетый по-охотничьи. Он всегда играл роль охотника во время работы на планете. Даже снаряжение,

упакованное в багажнике сетевой машины, за исключением нескольких изделий особого рода, говорило о том, что оно принадлежит любителю этого азартного увлечения.

Свободные семьи приходили в традиционное негодование по поводу любых проявлений власти Верховного Правительства на Земле, и отнеслись бы крайне недружелюбно к детективу полиции Солнечного Города, вне зависимости о того, какова его миссия. Однако экспорт излишка местной фауны был одной из признаваемых ими форм межпланетной торговли. Более того, земляне, по большей части, сами были заядлыми охотниками. Обычно Доуланд прекрасно с ними ладил.

Он открыл потайной ящичек в панели управления и вынул оттуда пачку фотографий ранчо Трелони на горе, сделанных, по всей видимости, с высоты нескольких сотен метров. Несколько секунд Доуланд сравнивал фотографии с расстилающимся внизу пейзажем. За те восемь месяцев, что прошли с того момента, как фотографии были сняты, на ранчо, по-видимому, ничего не изменилось. По крайней мере, если смотреть с птичьего полета.

Доуланд в задумчивости потер переносицу.

Если ранчо действительно пустовало, следовало оставить здесь все как есть и поискать Трелони где-нибудь еще. Сделать посадку без приглашения, в отсутствие владельца, было совершенно невозможно. На подобное не отваживались ни гости Земли, ни Свободные. Но детектив, например, мог сослаться на неполадку двигателя сетевой машины. Это было хорошим поводом, но провернуть такое можно было всего один раз. Он предпочитал сохранить его для того, чтобы представиться семейству Трелони в случае, если он застанет здесь либо Мигеля, либо его сводного младшего брата, доктора Пола Трелони. Ни тот, ни другой не считались серьезными подозреваемыми по делу об исчезновении YM-400, однако трудно было понять, чем они занимаются последние полтора года. Доуланд должен был выяснить это, не создавая лишнего шума. Обычное дело.

Земля, возможно, была именно тем местом, где следовало искать YM-400 в первую очередь, ибо Свободные граждане относились откровенно неприязненно к Верховному Правительству, которое при помощи искусных юридических закавык, приняв законодательство о Свободных мирах, ограничило их права на владение планетой. В сущности, Свободные семьи стали просто

высокооплачиваемыми попечителями своей планеты. Доуланд, выросший в переполненных туннелях гигантского искусственного астероида, известного под названием Солнечного Города, мог только приветствовать бережное отношение к природным богатствам колыбели человечества. Семейства Земли тоже стояли на позициях сохранения местных ресурсов, но только на своих собственных условиях и под своим контролем. Но Верховное Правительство вежливо им отказало в этом.

Так выглядела проблема с одной стороны. Другая состояла в том, что многочисленные слои населения космических городов и так называемых Свободных миров лелеяли мысль о том, чтобы хлынуть потоком на Свободные планеты. Верховное правительство отказало и в этом, что, по мнению Доуланда, было также разумно. Однако Свободные граждане опасались и, возможно, не без оснований, что с дальнейшим приростом населения возрастет и политическое давление, что, в конце концов, вынудит правительство отменить запрет на иммиграцию. Большинство, возглавляемое Энтони Брэндом Картером, больше известным под прозвищем Головастого Картера, который был главой самой крупной

и богатой из семей Земли, полагало, что единственным выходом из создавшейся ситуации является хорошо вооруженная армия. Землянам требовалось мощное оружие, в большом количестве, а также законное право производить его, управлять им и в случае необходимости использовать для того, чтобы отбиваться от вторжения незаконных мигрантов. Верховное Правительство неоднократно подчеркивало, что обладание, равно как и использование оружия для гашения социальных конфликтов по конституции является его и только его привилегией. Тяжба по этому вопросу длилась уже многие десятилетия, периодически возобновляемая семьей Картеров или их сподвижниками. Тем временем любители экстремальных видов спорта на Земле поголовно вступали в члены необычайно боеспособной группы под названием Солдаты Картера, где прилежно штудировали военные искусства теми средствами, что были им доступны. Полицейское Управление Солнечной Системы в целом и Доуланд в частности прекрасно знали, что Солдаты были непревзойденными стрелками, великолепными пилотами и наездниками, но Верховное Правительство пока не считало нужным бить тревогу по этому поводу.

Мистер Пол Трелони, младший из братьев, в возрасте двадцати лет вступил в ряды Солдат, отбарабанил в тренировочных лагерях два года, затем в пух и прах разругался с Головастым Картером и покинул Землю, чтобы всерьез заняться физикой в университетах Верховного Правительства, где вскоре получил ученую степень. Чем он занимался после этого — неизвестно. Время от времени он объявлялся на Земле, мог оказаться здесь и в данный момент. Мигель, который был старше Пола более чем на двадцать лет, и которому сейчас было чуть за пятьдесят, также интересовался физикой и посещал один из университетов Верховного Правительства около четверти века назад. Ученые занятия Мигеля прекратились еще до получения им степени. Это произошло вследствие его расхождения во мнениях с президентом университета, коего он вызвал на дуэль. По мнению Доуланда, братцы страдали амбициозностью, что было не такой уж редкостью среди людей чересчур богатых и ничем другим не примечательных. Однако, несмотря на выбор физики в качестве штудируемой дисциплины, ничто не связывало обоих Трелони с исчезнувшим YM. Вряд ли можно было их подозревать, ведь хотя коэффициент интеллекта у

обоих значительно превышал уровень среднего человека, например, такого как Доуланд, но блестящими умственными способностями братья не обладали. По возвращении на Землю Мигель забросил физику в пользу экспериментальной биологии. Ранчо на Львиной горе служило местом приложения его хобби, которое в данный момент состояло в выведении особой породы гигантских кабанов для охотничьих нужд. По-видимому, выращивание злобно-капризной тонны бекона на копытах вполне удовлетворяло его амбициям человека образованного и воспитанного. Помимо непродолжительного знакомства с Солдатами Картера, ни один из братьев не выказывал ни малейшего интереса к Земной политике.

* * *

Ниточка, связывающая Трелони с пропавшим химическим элементом, была довольно тонкая, но, как знал Доуланд, все более-менее привлекательные версии уже были исчерпаны и не дали ни малейшего результата. Мало того, Межзвездное Полицейское Управление оказалось перед малоприятным фактом, что теперь подозревать некого или, наоборот, всех и каждого. Детектив решил, что если здесь до захода солнца не об-

наружится никаких следов Мигеля Трелони, то сетевая машина доставит его к месту следующей проверки. Поскольку автоматизированные системы холят и лелеют возлюбленных свинюшек Трелони без вмешательства человека, то владелец ранчо может заглядывать сюда раз в несколько недель.

Взгляд Фрэнка быстро скользнул по равнине, за которой возвышалась гора. Сегодня в воздухе было неспокойно, порывы ветра трепали плоскости машины, а над северной горной цепью бушевали грозы. Внизу взвихрившийся песок шлифовал крутые бока плато. Доуланд снова прицелился в охотничью подзорную трубу и принялся тыкать видеолучом с небольшим увеличением почти куда попало. Под ним проносился густой лес, из которого то и дело выглядывали скалы, изъеденные выветриванием. Совершенно: дикое место. Он вновь навел трубу на территорию ранчо. Что-то привлекло его внимание, и он всмотрелся внимательнее.

Кто-то двигался в направлении к ближайшему от него краю горы. Фрэнк заметил, как внизу блеснуло что-то белое. Тщательно сфокусировавшись на фигуре, Доуланд довел увеличение до максимума — перед его взором внезапно возник-

ло изображение молодой женщины.

Она остановилась, и в следующее мгновение Доуланд с тревогой понял, что она смотрит в бинокль. Правда, не имея видеолуча МПУ, ее стеклышки не могут сообщить ей ничего, кроме того, что над ней пролетает сетевая машина. Затем женщина свободной рукой подняла над головой белую тряпицу и принялась энергично размахивать.

Несмотря на бинокль, Доуланд мгновенно узнал женщину, поскольку в последние дни изучил множество фотографий. Это была Джил Трелони, младшая из трех оставшихся в живых членов Свободной семьи Трелони. Мигель и Пол приходились ей дядями, и, поскольку она здесь, кто-то из них тоже должен был быть где-то поблизости.

Двух мнений быть не могло — она явно сигналила машине. Доуланд взглянул на панель перед собой — коммуникатор был включен, но почему-то не зарегистрировал ни одного из местных звонков. Фрэнк сузил глаза. Это становилось интересным. Если Трелони ожидали гостей, но не общались с ним по открытой коммуникационной системе, то это означало, что они не хотели афишировать свое присутствие на ранчо.

Это могло означать множество вещей, не представляющих ни малейшего интереса для МПУ, но…

Доуланд вынул свою пушку из охотничьей куртки и проверил, разворачивая нос машины в направлении ранчо и наклоняя его немного вниз. Любой из братьев мог заварить кашу, особенно, если им есть что скрывать, но они, во всяком случае, не смогут заявить, что полицейский приземлился без приглашения.

Снова поймав в фокус подзорной трубы Джил Трелони, он заметил, что она в курсе того, что машина намеревается приземлиться. Она опустила тряпку, но продолжала пристально смотреть вверх, заслоняя рукой глаза от лучей заходящего солнца.

В следующий миг, без малейшего предупреждения, все приборы на панели перед Доуландом замерли на нулевых отметках, а сетевая машина начала камнем падать вниз.

* * *

Общепланетная гравитационная сеть являлась общим для всей Земли источником энергии. Установка этой сети была чрезвычайно дорогостоящей затеей — больше ни одна планета

не сочла возможным позволить себе подобную роскошь. Будучи установленной, сеть, тем не менее, почти не использовалась, поскольку на всей Земле не жило столько людей, чтобы загрузить ее по максимуму.

Однако это компенсировалось следующими возможностями. Сеть была эстетически необременительна и доступна повсюду. Она поставляла энергию любым приборам и устройствам, от наручных часов до гигантских машин, работавших в доке космопорта. Кроме того, она была исключительно надежна. За восемьдесят лет существования с ней не произошло ни одной аварии, не было замечено ни одного сбоя в работе.

Репутация столь блистательного рекорда безопасности, подумал Доуланд, отчаянно манипулируя переключателями, в ближайшие три четверти минуты может быть серьезно подпорчена. Ему крупно повезет, если он останется в живых. Еще одна мысль требовала от него немедленных действий совсем иного рода, но почти столь же срочных. А именно та, что на необычные и необъяснимые физические феномены, с которыми он определенно столкнулся, следовало обращать самое пристальное внимание при поиске YM. Он бросил быстрый взгляд на

замаскированный ручной коммуникатор. Еще бы несколько секунд, и он по тревоге соединится с представителем Полицейского Управления Солнечного Города Колумбийского космопорта напрямую.

Однако этих секунд у него не было. Сетевая машина, тяжелая, отвратительно неповоротливая, планировала бездарно, неохотно подчиняясь пилоту. Горный склон качался перед глазами из стороны в сторону. Если он упустит эту полосу ровной земли перед ранчо Трелони, машина либо разобьется на кусочки в лесу, либо прорвет котлован у подножия горы. Фрэнк вновь набросился на переключатели и ощутил, как машина на мгновение поднялась…

* * *

— Простите, — Джил Трелони в слезах бросилась по склону ему навстречу. — Простите меня, я пыталась вас предупредить. Я просто не сообразила… вы ранены?

Ее лицо, подумал Доуланд, пожалуй, не бледнее моего. Купол парашюта мягко накрыл его, а справа, в кресле пассажира, приземлились скособоченные, рваные останки двигателя. Когда он попытался встать, секция пластикового пола

треснула, нога провалилась и уперлась в землю. Он выбрался из сиденья, сетевая машина устало крякнула и осела еще на несколько сантиметров. Доуланд отбросил парашютную ткань в сторону и обнаружил, что может встать.

Он откашлялся.

— Не думаю, что я ранен, во всяком случае, не серьезно.

— На вашем лице кровь!

Доуланд облизал разбитую губу и поморщился.

— Не заметил, как это случилось… столько всего летало вокруг. А что здесь произошло?

Девушка нервно сглотнула, не отводя взгляда.

— Отключилась энергия.

— Я заметил, — кое-то начало проясняться. — Именно поэтому вы не могли связаться со мной по коммуникатору.

— Да, но я…

— И как долго она отключена?

— С утра.

Он серьезно посмотрел на нее, и лицо Джил мгновенно вспыхнуло.

— Я знаю, — жалобно проговорила она. — Это было ужасно глупо махать вам, чтобы вы спустились. Честно говоря, мне просто в голову не пришло, что…

— Пустяки, — сказал Доуланд, надувая грудь. — Все в порядке, ведь я уже здесь.

Девушка была очень красива, хотя сейчас ее лицо было искажено от испуга.

— Вы не могли знать, до каких пределов простирается аварийная зона, — он посмотрел вверх, на здания. Грохот падения не заставил никого появиться.

— Вы здесь не одна, верно?

— Нет, — с сомнением проговорила она и продолжила извиняющимся тоном: — Я уверена, что где-то вас видела, но не могу вспомнить, где.

— Ну, и не вспомните, — ответил Доуланд, — я не из Свободных.

Оттени, промелькнувшей в ее глазах, у него побежали мурашки по спине. Здесь было опасно, что ж, примем к сведенью. Он продолжил:

— Хотя, возможно, вы слышали мое имя. Фрэнк Доуланд, компания «Экспортные животные Доуланда».

— А-а, понятно, — она явно знала его имя. — А меня зовут Джил Трелони. Доуланд, я… ну… в общем, здесь произошла авария, и боюсь, что очень серьезная авария.

— Еще одна авария? Что за авария?

Она покачала головой.

— Не знаю. У вас есть с собой аптечка?

— Разумеется, есть. А что, кто-нибудь ранен?

— Мой дядя. Мигель Трелони. Он наверху, в доме.

— Что с ним такое?

— Именно этого-то я и не знаю. Выглядит, как… я думаю, ему очень плохо. Непонятно от чего.

— И как давно ему плохо?

Она подумала и сказала:

— С утра.

— С того времени, как отключилась сетевая энергия?

Она посмотрела на него испуганно.

— Ну да.

Это почти все объясняет, подумал Доуланд и сказал:

— Вы здесь были одни?

— Нет. Это, конечно, звучит очень странно, но…

Она кивнула в сторону склона, где стояло длинное деревянное строение, похожее на амбар.

— Мой другой дядя, Пол Трелони, заперт там.

— Заперт? — переспросил Доуланд.

— Да. Конечно, от двери есть ключ, но я никак не могу его найти.

— А Мигель может знать, где ключ?

— Думаю, да.

— Тогда попытаемся привести его в сознание настолько, чтобы он смог нам сказать. Идите в дом, мисс Трелони. Я попробую вскрыть аптечку, и через минуту-две поднимусь за вами.

Он понаблюдал, как девушка грациозно спускается по склону, слегка качнул головой и повернулся к искореженной машине. Либо она — просто глупышка, либо что-то утаивает от чужака-неземлянина. Жаль, если она тоже связана с делом YM, но все это решать не ему. Он вынужден сообщить о происшествии немедленно, и через час специалисты Верховного Правительства будут здесь. Так что дальше это не его забота.

Он осторожно забрался в свою машину. Пристроившись так, чтобы его не было видно из дома, он нажал кнопку ручного коммуникатора:

— Крис! Это Доуланд. Срочно, — и подождал, чтобы прибор издал ответное жужжание.

Никакого жужжания не последовало.

Спустя еще две попытки, на которые он затратил полминуты, Фрэнк стащил с руки коммуникатор и отщелкнул крышку. Он не мог припомнить, что сильно стукнулся обо что-то рукой, но тонкий механизм теперь представлял собой груду кристаллических обломков. В охотничьем снаря-

жении был запрятан еще одни коммуникатор, но он работал на сетевой энергии.

Похоже, что еще какое-то время это все же останется его заботой.

* * *

Мигель Трелони, по мнению Доуланда, которое он, впрочем, не рискнул произнести вслух, находился на грани смерти. Телосложением потерпевший отличался мощным, фигура у него была мускулистая и крепкая, но на низенькой кушетке в гостиной он выглядел совсем маленьким и каким-то съежившимся. Кожа свинцового цвета и нитевидный пульс. На взгляд опытного в таких делах детектива причиной недомогания могло послужить внутреннее кровотечение и лучевые ожоги.

Доуланд взглянул на девушку. Она была взволнована и напряжена, но в истерику впадать не собиралась.

— Возможно, ваш дядя и поправится, — откровенно признался он, — но это займет, как минимум, несколько часов. Состояние уж больно тяжелое.

У Джил побелели костяшки пальцев на руках, сжимавших колени.

— Он должен… вы можете спасти…

Доуланд с сомнением покачал головой:

— Не знаю, сможем ли мы спасти его в таких условиях. Если отвезти его сегодня в больницу, то у него появились бы приличные шансы на поправку. Номы этого сделать не можем, если только не восстановить сетевую энергию.

Она слабо спросила:

— А что с ним?

— Ну, это же очевидно, леди. Он получил лучевые ожоги.

— Лучевые ожоги? А как это могло случиться?

— Не знаю, меня же при этом не было.

Доуланд открыл свою аптечку, вытащил оттуда один из множества крошечных контейнеров и повертел его в руке. Затем спросил:

— Где он был, когда вы его нашли?

— Лежал у двери лаборатории.

— Какой лаборатории?

Джил Трелони прикусила губу.

— Это то здание, что я вам показывала.

— То самое, где заперт Пол Трелони?

— Да, они называют его лабораторией.

— Кто они?

— Мигель и Пол.

— А что это за лаборатория? — поинтересовался

Доуланд безразличным тоном.

— Не знаю. Они там что-то строят. Какую-то машину.

— Ваши дяди — ученые?

— Да, — это было сказано почти с гордостью. Свободная леди намекает навязчивому чужестранцу, чтобы он не вмешивался не в свои дела.

На что Доуланд сказал с самой простодушной миной:

— Картина стала бы более понятной, если бы я знал, имелись ли у них в лаборатории антирадиационные костюмы…

— Думаю, что имелись.

Он кивнул.

— В отношении здоровья Мигеля это кое-что объясняет.

Он достал из аптечки крошечный шприц, вставил иглу в особое отверстие на выбранном контейнере и медленно вытянул поршень. Джил неловко посмотрела на него и спросила:

— Что вы собираетесь ему вколоть?

Доуланд ответил ей мимолетным взглядом:

— Точно не знаю. Обычно это лекарство называют просто «медик». Существует около тридцати различных наименований для аналогичных препаратов, что, по-видимому, представляет ва-

риации одного и того же антибиотика, и все они чрезвычайно популярны в местах, где поблизости нет врачей или хотя бы фельдшера. На Земле «медик» мне не попадался, но я всегда вожу с собой собственный запас.

— Чем «медик» может ему помочь?

— Ну, насколько я понимаю в медицине, стоит ввести дозу в вену, как антибиотик распространится по всему организму и начнет разбираться, что к чему. По-видимому, «медик» сравнивает то, с чем столкнулся, с тем, каким должно быть, по его мнению, здоровое человеческое тело. Сначала он поставит диагноз, выявит симптомы заболевания, будь то сломанная лодыжка, похмелье или лучевой ожог, чтобы затем попытаться привести ситуацию в норму.

* * *

Он закатал Мигелю Трелони рукав, ввел кончик тончайшей иглы в массивный, но расслабленный в данный момент бицепс, и поршень медленно пошел вниз.

— Некоторые склонны считать «медик» чем-то вроде вируса, но только чрезвычайно благонамеренного вируса, когда дело касается человеческих существ.

Он убрал шприц и взглянул на часы.

— Почти шесть тридцать… Похмелье он снимает за три минуты. Однако, судя по тому, в каком состоянии находится сейчас ваш дядя, может пройти четыре или пять часов, прежде чем лекарство начнет действовать. Если «медику» удастся привести Мигеля в сознание самостоятельно, то это должно произойти не раньше утра. Хотя, возможно, это произойдет и раньше, но не думаю, что нам следует торчать здесь, у постели больного. Лучше попытаться извлечь вашего дядю Пола из лаборатории. Если он до сих пор не смог оттуда выбраться, то может оказаться в таком же состоянии, как Мигель. Или даже хуже.

Лицо Джил медленно побледнело.

— Да, — сказала она, — я тоже об этом подумала.

Доуланд сказал, покусывая нижнюю губу:

— Видите ли, мисс Трелони, есть нечто странное в том, что вы обнаружили Мигеля лежащим у двери лаборатории, в то время как она была заперта.

Она кивнула.

— Понимаю. Я никак не могу это объяснить.

— Нет ли поблизости какого-нибудь склада, где могли бы храниться, например, антирадиацион-

ные костюмы?

— Склад находится в небольшом квадратном здании к югу отсюда. Я обыскала его сегодня утром в поисках ключа от лаборатории. Там нет никаких радиационных костюмов.

— А вы знаете, как эти костюмы выглядят?

— Да, я надевала такой во время учебной тревоги.

— Вы смогли бы узнать ключ от лаборатории, если увидите?

— Да, Мигель показывал мне тот, который всегда носил с собой.

Она встала, подошла к каминной полке и взяла оттуда круглый конусовидный кусочек металла толщиной примерно в сантиметр с аккуратно скошенным краем. Она протянула его Доуланду со словами:

— Ключ очень похож на этот, только раза в три больше.

Доуланд взвесил на руке этот конус и покачал головой:

— Леди, судя по весу, это — метасталь. Она используется для строительства банковских хранилищ и внешней обшивки корпусов космических кораблей. Кроме того, похоже, что на двери в лабораторию вашего дяди установлен

атомный замок, поскольку этот ключ именно такого рода. Вы не знаете, изнутри здание выстлано также из метастали?

— Возможно. Мигель как-то сказал мне, что построить его стоило больших денег, но он пошел на это, чтобы быть уверенным, что никто не заберется в лабораторию, пока он в отъезде.

— Если оно построено из метастали, то он добился того, чего хотел, — сказал Доуланд, — и это сильно осложняет дело.

Он посмотрел на ключ, который по-прежнему держал в руке.

— А этот ключ от чего?

— Не знаю. Но я уверена, что на всем ранчо нет другой двери, на которой был бы этот… атомный замок. Этот ключ я нашла сегодня утром в кармане у Мигеля.

— Думаю, он нам не понадобится, — сказал Доуланд. — Теперь послушайте, мисс Трелони. У меня с собой защитная пушка, сила ее удара шестикратно превышает убойную силу ружейной пули. Я попробую выпустить полный заряд по замку лаборатории, но если это действительно метасталь, то стрельба не даст никаких результатов. Тогда мы можем вновь поискать ключ. Или другой вариант: я могу спуститься с горы и

позвать кого-нибудь на помощь.

Джил засомневалась.

— Спуститься с горы не очень-то легко даже днем, ночью это будет еще сложнее.

— Ну, в этом нет большой проблемы, — ответил Доуланд. — У меня с собой альпинистское снаряжение, я планировал подняться на пик Марко Поло отловить барана и парочку овечек. Для подобных целей у меня есть специальный пистолет-гарпун, кошки и с полкилометра магнитного каната, все, что нужно. Вопрос лишь в том, будет ли от этого хоть какая-то польза? У меня есть походный коммуникатор, но он сетевой, а мы не знаем, насколько далеко распространилась авария подземной сети. Не могли бы мы связаться с кем-то на равнине? Там можно одолжить лошадей…

Она покачала головой.

— Вряд ли. Здесь можно бродить неделями, прежде чем кого-нибудь встретишь.

Доуланд помолчал.

— Ну что ж, — сказал он через минуту, — если мы ничего не добьемся в ближайшие несколько часов, то все равно стоит попытаться. Судя по местоположению моей машины, в тот момент, когда энергия отключилась, от подножия горы до

того места, где я смогу использовать коммуникатор, должно быть не дальше десяти километров по горам. Однако это, разумеется, займет немало времени. Поэтому сначала посмотрим, что можно сделать на месте.

Он легким движением накинул куртку.

— Вам лучше остаться рядом с вашим дядей, мисс Трелони. Я…

Он осекся. Снаружи раздался сверхъестественный звук. Это был какой-то раздирающий уши визг, перемежаемый яростным не то воем, не то рычанием. Девушка замерла в испуге, затем нервно улыбнулась.

— Что это? — спросил Доуланд.

— Кабаны Мигеля. Полагаю, они просто-напросто проголодались. Ведь автоматизированные кормушки-поилки тоже не работают.

— Кабаны? Конечно, я слышал, как они шумят, но никогда не думал, что это может быть так отвратительно.

— Эти свиньи, — пояснила Джил, — довольно крупные. Мой дядя — фанат экспериментального животноводства. Насколько я понимаю, самый крупный кабан весит почти две тонны. Страшные звери. Подойти близко к борову не боится один Мигель.

* * *

Снаружи догорал вечер, было еще светло, но Фрэнк в первую очередь достал фонарик из покореженной сетевой машины. Он мог понадобиться ночью, а, возможно, даже раньше, если удастся пробиться в лабораторию. В этом случае, если, конечно, здание не выстроено из метастали, никакого YM он там не найдет. Впрочем, как признался себе Доуланд, лично его это устраивало.

Однако у него были веские основания полагать, что украденный химический элемент все же там находится. Инструкции Верховного Правительства прямо указывали, что искать следует нечто необъяснимое, нечто необычное, особенно в сочетании с опасным. Покамест сложившаяся на ранчо ситуация хорошо вписывалась в эту схему. Оставался лишь один весьма тревожный вопрос: какого рода опасность может возникнуть следующей?

Были и другие вопросы. Вообще вопросов накопилось даже слишком. Однако на один из них необходимо было получить ответ немедленно, а именно, какова роль Джил во всем происходящем? В распоряжении Доуланда имелся способ гарантированного получения информации, но,

прежде чем прибегнуть к нему, он хотел сначала убедиться, что девушка не такая уж невинная овечка. По меньшей мере, он пришел к выводу, что работы, проводившиеся в лаборатории, представляют собой серьезное нарушение законов Верховного Правительства, даже если они не были напрямую связаны с YM, и Джил об этом не могла не знать. А если связаны, то необходимость полномасштабного поиска YM-400 на Земле представляется очевидной для всех заинтересованных сторон.

Он придумал, как подтолкнуть Джил. Если она знала о чем-то незаконном, то могла в столь нестандартной ситуации использовать неземлянина, торгующего животными и свалившегося ей в буквальном смысле на голову. Ей была нужна помощь, но семейство Трелони не хотело привлекать внимание Полицейского Управления.

Так что, если у девушки рыльце в пушку, то она не станет рисковать и не будет пытаться использовать ищейку Верховного Правительства. Ведь и ежу ясно, что шпик не мог появиться здесь случайно, да еще в критический момент. Конечно, Джил могла его разоблачить, но подобный риск невелик, решил Доуланд. Судя по тому, что он видел, она умеет держать себя в руках. И сперва

попытается его проверить.

Когда детектив направился обратно по склону ко входу в лабораторию, звериный рык, доносившийся из свинарника, несколько ослабел. Внешняя дверь из пропитанного защитным составом дерева, покрывавшего все здание, была слегка приоткрыта. Доуланд потянул ее на себя, мельком взглянул на открывшуюся за ней плиту из метастали и круглое углубление на уровне груди, которое и являлось атомным замком.

Пока все шло, как задумано. Три окна на тыльной стороне дома, где он оставил Джил Трелони рядом с Мигелем, выходили на лабораторию. Виновна или нет, она все равно будет наблюдать за ним, притаившись за одним из этих окон. Упоминание о «защитной пушке» выдало его с головой, ведь он описал действие автоматической полицейской пушки МПУ, а оружия такого образца гражданские лица при себе не носили, а если и носили, то не болтали об этом с посторонними.

Однако Свободная леди могла этого и не знать.

Но она не могла не заметить включенное антирадиационное поле МПУ…

* * *

Доуланд прошел от двери тридцать шагов, вынул пушку и надавил на стержень у пояса. Вокруг него немедленно разлилось слабое голубое сияние. Не слишком яркое даже для того, чтобы заметить его на темнеющем склоне, но вполне видимое для того, кто наблюдает, притаившись за окном. Ощутив легкий спазм от удушья, он сделал глубокий вдох сквозь поле.

Все остальное было делом техники. Едва взглянув на дверь, он уже ясно понял, что напрасно тратит заряды на метасталь. Однако он выпустил несколько зарядов в замок, затем методично прошелся по всему зданию, наблюдая, как обломки защитного слоя отлетают от невредимой серебристой поверхности. Пушка сама по себе почти не создавала шума, зато к тому времени, когда он закончил, свиньи успели охрипнуть от своего рева.

Доуланд отключил АР поле и направился к дому. Когда он вернулся в маленький холл, Джил уже поджидала его посреди гостиной, держа руки за спиной. Во взгляде читался немой вопрос. Тем не менее, она спросила вслух:

— Ничего не получилось, Доуланд?

Доуланд покачал головой.

— Ни капельки.

Он принялся стаскивать пиджак, но увидел, как она резким движением выбросила из-за спины пушку, и слегка развернул левую руку, сжимая маленькую черную капсулу, которую держал между большим и указательным пальцем. Джил, вероятно, не заметила этого движения, и уж точно не увидела, как блеснула, вылетая из капсулы, крошечная иголка, чтобы вонзиться ей в бедро. На мгновение на лице девушки отразились удивление и негодование, затем колени у нее подкосились, а пушка выпала из рук. Она медленно опустилась на ковер, повернулась на бок и затихла.

Что поделаешь, подумал Доуланд, теперь у него были все доказательства…

Джил Трелони открыла глаза примерно через пять минут. Она предприняла краткую, но безуспешную попытку выбраться из глубокого кресла, в котором оказалась за это время. Темно-синие глаза просто впились в Доуланда, стоявшего перед креслом. В них читались тревога и гнев, затем их сменило выражение ледяной неприступности.

— Что вы со мной сделали? — охрипшим голо-

сом спросила она.

— Выстрелил первым, — ответил Доуланд, — и, похоже, поступил правильно.

Она перевела взгляд на Мигеля, лежавшего на кушетке в другом конце комнаты.

— Сколько я была без сознания?

— Несколько минут.

— Но почему…

— Почему вы ощущаете непривычную слабость? Я выстрелил в вас, мисс Трелони, инъекционным шприцем, наполненным неким препаратом. Этот препарат производит два различных эффекта, которые при некоторых обстоятельствах могут оказаться очень полезными. Один из них заключается в том, что реципиент воздерживается от энергичных движений. Например, если очень постараться, то вы, конечно, сможете самостоятельно выбраться из кресла, однако лишь для того, чтобы беспомощно улечься на ковре. Возможно, вам удастся встать на четвереньки. Вы можете даже попробовать уползти из комнаты, но делать это будете очень медленно.

Доуланд помедлил немного и продолжал:

— Еще одно действие, которое оказывает этот препарат, состоит в том, что под его действием человек становится удивительно сговорчивым,

даже если до этого таковым не был. Его просто переполняет жажда сотрудничества. Например, вдруг почувствует, что очень хочет откровенно ответить на вопросы, которые я ему задам.

— Значит, вы из полиции, — безмятежно произнесла она.

— Правильно, — Доуланд подтянул другое кресло поближе и сел лицом к ней. — Давайте не будем тратить время зря, мисс Трелони. Вы намерены были меня застрелить?

Она посмотрела на него с искренним недоумением.

— Нет, во всяком случае, если бы вы меня к тому не вынудили. Я собиралась разоружить вас и запереть в подвале. Вы пробыли бы там, в полной безопасности, столько, сколько нужно.

— И как долго вы собирались держать меня там?

— Пока кто-нибудь не придет на помощь.

— Кто же мог придти вам на помощь?

Лицо Джил порозовело от досады.

— Это просто невероятно, — ровным голосом произнесла она, — но помощь пришла бы от Картера.

— Головастого Картера? — уточнил Доуланд.

— Да.

— Он как-то связан с вашими дядями?

— Да.

— Кто возглавляет эту группу?

— Мигель и Картер возглавляют ее сообща. Они — близкие друзья.

— А кто еще, помимо Пола и вас, состоит в группе?

Она покачала головой.

— В ней немного людей, но я не знаю имен. Мы считали, что пока нам лучше знать друг о друге как можно меньше.

— Понятно. Но все они — Свободные земляне?

— Да уж, конечно.

— Как случилось, что вам стало известно о причастности Картера?

— В экстренном случае я должна была связаться с ним по местному номеру.

— А что ваши дяди делают в лаборатории? — спросил Доуланд.

— Конструируют машину, которая позволит им двигаться назад во времени.

— При помощи YM-400?

— Да.

Доуланд задумчиво посмотрел на девушку, чувствуя, как по его спине медленно пробегает неприятный холодок. Джил Трелони верила в

то, что говорила, сейчас она просто не могла солгать. Однако он не поверил ее рассказу о машине времени. Он слышал, правда, что некоторые ученые Верховного Правительства считают возможными путешествия по времени. Но для него, обычного детектива, подобная идея была слишком безумной.

Но тут он припомнил, какие слухи ходили о свойствах YM-400, а еще Мигеля, найденного лежащим у двери лаборатории, чему не нашлось никаких объяснений.

— Неужели им удалось создать машину? — с опаской спросил он.

— Да. Сегодня утром было предпринято первое полномасштабное испытание, и оно прошло успешно. По крайней мере, отчасти.

— Поскольку Мигеля обнаружили в таком положении?

— Да.

— Вы полагаете, — продолжал осторожный допрос Доуланд, — что Мигель сначала оказался где-то в другом месте, или лучше сказать, где-то в другом времени, затем вернулся обратно, попав не совсем туда, откуда стартовал?

— Да.

— Есть ли какие-нибудь предположения отно-

сительно того, почему он пострадал?

Девушка покачала головой.

— Сбой в энергетической сети, разумеется, указывает на то, что случилась какая-то авария. Но я представления не имею, какая именно.

— А как насчет Пола? Думаете, что он все еще в лаборатории?

— Да, но только если не пострадал или не погиб.

Доуланд вновь ощутил знакомый холодок в позвоночнике.

— Думаете, он может сейчас находиться в другом времени?

— Да.

— А потом он вернется?

— Да.

— Вы не могли бы описать машину? — попросил он.

— Нет, я никогда не видела чертежа, да и все равно ничего не поняла бы, даже если б увидела. Кроме того, я никогда не заходила в лабораторию.

— Понятно. У вас есть какие-либо другие причины, помимо странного положения, в котором оказался Мигель, считать, что испытание машины удалось?

— Да, есть. За утро я трижды слышала, как под домом протекала река.

— Что вы слышали? — переспросил Доуланд.

— Как река протекала под домом. Я не могла ошибиться. Каждый раз это длилось около получаса.

— И что это все означает? — спросил он. — Ну, это же очевидно… данный период времени и другой, когда эта река протекала в этом месте, сблизились вплотную друг к другу.

— Именно так и должна работать машина?

— Я не знаю, как должна работать машина, — сказала Джил Трелони, — но это то, что, по-видимому, произошло.

Доуланд пригляделся к ней повнимательней.

— Хорошо, — сказал он, — давайте оставим эту тему. Кто разработал машину?

— Конструкцию разработал Мигель. На последних стадиях ему помогал Пол. Привлекался еще кое-кто, но, главным образом, это был проект Мигеля. Он работает над ним уже более двадцати лет.

Это было просто невозможно, если только не…

— Мисс Трелони, — спросил Доуланд, — вы знаете, каков коэффициент интеллекта у Мигеля?

— Разумеется, знаю, 192.

— А у Пола?

— 189.

Она улыбнулась.

— Сейчас вы спросите, не подделали ли они результаты тестирования в университете? Да, подделали. Эта операция готовилась очень давно и очень тщательно, Доуланд.

— А каков ваш интеллект, мисс Трелони?

— 181.

* * *

В досье Джил Трелони фигурировала цифра 128. Свободные граждане, по-видимому, действительно тщательно подготовились к успешному осуществлению операции.

— Вам известно, кто похитил YM-400? — спросил Доуланд.

— Да, это сделал Пол.

— Вы видели это вещество?

— Да, видела. Два синих слитка. Точнее, темно-синих. Субъективно они кажутся тяжелыми, хотя по размеру совсем небольшие.

Это описание в точности подходило тому, на что были нацелены поиски Верховного Правительства.

— И сколько этого вещества в лаборатории?

— Оно все находится там.

Фрэнк почувствовал, как мысли медленно закипают в черепе.

— Все там?! Разве ваши дяди не знают, что YM-400 — очень опасная игрушка?

— Разумеется, знают, но Мигель скрупулезно исследовал его, после того, как тот оказался у него в руках. Если принимать все необходимые меры предосторожности, YM-400 не может быть опасным. Дяди сделали вывод, что Верховное Правительство нарочно распустило ложные слухи об опасности, чтобы никто не осмелился использовать YM-400.

— Но то, что произошло сегодня в лаборатории, — заметил Доуланд, — свидетельствует о том, что это не было ложью.

— Вы слишком спешите с выводами, Доуланд. Тому причиной могло послужить огромное количество других вещей.

— Возможно. Однако мой коэффициент, равный, между прочим, всего 136, подсказывает, что мы с вами находимся в данный момент в большой опасности.

Джил кивнула:

— Это весьма вероятно.

— Тогда как насчет полноценного сотрудниче-

ства, пока мы, я имею в виду вас, себя и ваших дядей, не выберемся из сложившегося положения, чтобы оказаться в безопасности?

— В данный момент, — благоразумно откликнулась Джил, — у меня, кажется, попросту нет иного выбора.

— Я не это имел в виду. Препарат перестанет действовать через несколько часов. Вы снова сможете свободно передвигаться, и выбор у вас появится. Как вы тогда поступите?

— Это зависит от того, — ответила Джил, — сможем ли мы придти к консенсусу, то есть соглашению.

— Какому соглашению?

— Очень простому соглашению, а именно, сколько стоит ваше молчание, а также сокрытие всего, что здесь произошло. Разумеется, вы можете назвать любую цифру. Земля за ценой не постоит.

Доуланд внимательно посмотрел на Джил, все больше умиляясь. Это была самое хладнокровное предложение взятки, какое он только видел. Особенно, учитывая обстоятельства. И это все, на что оказался способен коэффициент 181?

— Мисс Трелони, — ответил он, — единственная цена, которую я получу за свое молчание, это

двадцать лет в тюрьме МПУ. Я, конечно, сильно уступаю вам в интеллекте, но все же не такой дурак, как вы думаете.

— Хоть вы и не дурак, но не можете оценить ситуацию в целом.

— И какова же ситуация?

— Мигель и Пол заслужили право первыми провести эти эксперименты. Возможно, им не суждено их завершить благополучно, однако копии машины, что находится в лаборатории, спрятаны в разных местах планеты в ожидании часа, когда их приведет в действие команда Свободных ученых. Теперь понимаете? Эксперименты все равно будут продолжаться, пока все проблемы, связанные с обращением времени вспять, не будут решены.

— Зачем же тогда было хранить весь запас YM-400 в лаборатории?

— Потому что именно здесь его предполагали использовать. Вы все еще не вполне постигаете масштаб операции, Доуланд. Если нам понадобится YM-400 из запасов Верховного Правительства, мы просто пойдем и возьмем его. Это можно провернуть в любой момент. Единственное, что может помешать нам, так это если Верховное Правительство уничтожит все свои запасы YM-

400. А оно не собирается этого делать, по крайней мере, до тех пор, пока мы не получим столько YM-400, сколько нам нужно.

Насколько ему было известно, Джил вполне могла оказаться права. Поэтому он сказал:

— Предположим, что кто-либо из Свободных ученых, в конце концов, сможет отправиться назад во времени. Что это может дать?

— Все что нам нужно, разумеется, — ответила Джил. — Нам больше не придется скрывать нашу деятельность, и у нас будет время. Столько времени, сколько потребуется. Возможно, тридцать лет или пятьдесят. Научные центры и автоматические фабрики будут размещены в прошлом, и они смогут произвести оружие, которое превзойдет все, что находится в распоряжении Верховного Правительства. А затем это оружие появится в настоящем, в нашем времени, Доуланд. Не пройдет и года, как Земля превратится в вооруженный до зубов мир, и это произойдет внезапно. Никаких разговоров о том, чтобы сделать из Земли еще одну Открытую планету, больше не будет…

Теоретически Доуланд мог предположить, что подобный план способен сработать. С учетом резерва времени и ресурсов целой планеты, которые оказались бы в таком случае в распоряжении

Свободных… и ничто не сможет помешать им захватывать корабли и минировать астероиды. На мгновение, пока Джил Трелони говорила об этом, все это звучало почти правдоподобно.

Но лишь на мгновение. Разумеется, она говорила правду, или то, что она считала правдой. Трелони на своем ранчо подошли к чему-то очень опасному и столь же противозаконному, что бы это ни было, а чтобы скрыть истинные цели, распространяли среди остальных членов своей группы всякие бредни о путешествиях во времени.

— И как далеко намеревались ваши дяди отправиться во времени, мисс Трелони?

— На шестьсот тысяч лет. Именно этот период был выбран как наиболее подходящий для достижения цели.

Шестьсот тысяч лет. Свободные все делают с размахом, язвительно подумал Доуланд, даже когда врут своим сторонникам.

— Когда вы призывали меня спуститься, сегодня вечером, — продолжил он допрос, — мне показалось, что вы ждали кого-то другого, верно?

— Да. Но я не призывала вас, Доуланд. Напротив, пыталась удержать от посадки. Если б вы были тем, кого я ждала, вы поняли бы этот знак…

Но мы отвлеклись. Итак, вы обдумали мое предложение?

— Относительно того, чтобы продаться Свободным?

— Если вам больше нравится, можете называть это так.

— Мисс Трелони, — приветливо сказал Доуланд, — если бы я продался, вам бы это понравилось?

Ее щеки запылали.

— Нет, конечно, я бы стала вас презирать.

Доуланд кивнул.

— Хоть в чем-то мы с вами пришли к единому мнению. Теперь скажите, а кто был тот человек, которого вы ждали, и почему именно его?

Губы девушки на мгновение напряглись, но затем слова снова полились потоком:

— Картер должен был прислать на ранчо доверенного человека с некоторыми деталями для машины. Их должны были отгрузить в Колумбийском космопорте либо вчера вечером, либо завтра утром. Я думала, что вы прилетели сообщить об этом. Нездешние сетевые машины пролетают над нами не чаще одного раза в несколько недель. Если бы вы были доверенным лицом, то попытались бы связаться с нами по домашнему

коммуникатору до того, как я вас заметила…

— …чтобы убедиться, что на побережье все чисто, и можно спокойно приземляться с деталями машины на борту.

— Да. Затем вы должны были сообщить Картеру, что никто не отвечает, после чего начать немедленное расследование инцидента. Я пыталась предупредить посланца, чтобы он не приближался, ибо на ранчо возникли серьезные проблемы.

Доуланд подумал немного и кивнул.

— Это должно было сработать в том случае, если бы я оказался тем самым посланцем… Но теперь мне все больше и больше представляется, что мое появление здесь — весьма удачная затея, мисс Трелони. Ведь картеровский посланец мог прибыть сюда на самом деле и, не получив ответа с ранчо, сообщить об этом начальству и удалиться восвояси, верно?

— Да, верно. Такое случиться могло, — ее глаза заблистали от разочарования.

— И что в таком случае предпринял бы Картер?

— Он выслал бы сюда несколько подразделений своих Солдат.

— На бреющем, — понимающе кивнул До-

уланд, — чтобы они не были замечены со спутников. Солдаты долетели бы до аварийной зоны, и первые несколько сетевых машин рухнули бы на землю. Оставшиеся сообщили бы о том, что случилось. И что тогда, мисс Трелони?

— Черт бы вас побрал, Доуланд, вот что. Они начали бы кружить вокруг Львиной горы, чтобы определить, как далеко могут продвинуться на своих машинах. Картер распорядился бы доставить лошадей и альпинистское снаряжение, и они продолжили бы свой путь верхом.

Существовали и другие возможности, подумал Доуланд. Парашюты, планеры, Солдаты могли даже попытаться сесть на горный склон, как пришлось поступить ему. Их предупредили бы, что рядом с горой они должны избегать всяческих маневров, помимо тех, что будут продиктованы суровой необходимостью. Да, значит, они прибудут сюда именно так, как сказала Джил, причем, совершенно незаметно, даже если их будет целая рота. И сверх того, прибудут быстро.

— Ну, предположим, все именно так и получилось. В эти минуты Солдаты Картера мчатся сюда сломя голову. При самом благоприятном раскладе, когда их следует ожидать здесь?

Она прикинула:

— Не раньше утра.

— По моим подсчетам, не раньше, чем за два часа до рассвета, — заметил Доуланд. — Что может их задержать?

— Они не смогут взобраться на гору ночью. Спуск еще был бы возможен, но даже это трудно и опасно. А ведь им придется тащить с собой ремонтное оборудование, чтобы устранить возможные неполадки. Так что Солдаты поднимутся по северному отрогу, где подъем не так крут.

— А затем, — откликнулся Доуланд, — им придется идти через всю гору пешком. Да, это не шутки. Кроме того, конечно, посланец может вообще прилететь сюда только завтра. Если он прибудет завтра, то в какое время?

Она пожала плечами.

— До полудня. Мы не договаривались точно.

— В любом случае, — сказал Доуланд, — вы рассчитывали, что я буду болтаться здесь, пока не прибудут Картер со своими ребятами. Потом вы поняли, что я работаю на Верховное Правительство, и решили, что будет слишком опасно позволять мне ползать по ранчо, пока не подоспеет помощь.

Джил кивнула.

Доуланд посмотрел на нее внимательно.

— Полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что если мне не удастся в течение ближайших часов перекинуться парой слов с Полицейским Управлением Солнечной Системы, Мигель может скончаться от ожогов? А вот если мне все же это удастся, то корабль ССПУ домчит вашего дядю до ближайшей больницы в десять минут?

— Я полностью отдаю себе отчет, Доуланд, — сказала она твердо. — Но я также уверена, что Мигель предпочтет скорее погибнуть, чем обнародовать наши планы.

Доуланд пожал плечами.

— Ладно. Теперь скажите, то, что здесь произошло до моего прибытия, случилось именно так, как вы описали?

— Да.

— В данный момент вы не знаете, как попасть в лабораторию?

— Нет, если только не найдется ключ от двери.

— Ключ должен быть где-то здесь?

— Да, — ответила она, — но я не смогла его найти.

— Есть еще какие-либо соображения на этот счет?

— Никаких.

Доуланд помолчал немного.

— Мисс Трелони, есть еще что-либо важное, что вы не сообщили мне до сих пор?

Ее глаза холодно изучали его, затем она произнесла:

— Возможно, только то, что…

— Что именно?

— Если бы вы согласились взять у нас деньги, — отчеканила Джил Трелони, — я первой попросила бы Солдат, чтобы вас застрелили.

Бывают женщины, подумал Доуланд, которые только и знают, что создают мужчинам проблемы. Однако в течение нескольких часов это будут не его проблемы. Он дал ей снотворное, и она послушно проглотила. После того, как действие первого препарата прекратится, таблетка успокоит ее до самого рассвета.

Он стоял, глядя на темнеющие склоны, открытые всем ветрам. Над ним проплывали тучи, сквозь которые изредка проглядывала луна. Условия были вполне благоприятными для поиска, который он задумал. Где-то поблизости должна была находиться потайная кладовая, в которой хранилось все связанное с тайными работами, чтобы не захламлять почем зря лабораторию. Включая, возможно, и комплект запасных ключей. Он догадывался, что Джил была не нужна ни

одному из братьев во время решающей и опасной стадии осуществления проекта. Они, вероятно, позволяли своей красивой и своенравной племяннице делать все, что ей вздумается. Однако ей вовсе не обязательно было знать о запасных кладовках. Если Фрэнку удастся выбросить из головы, что всего в сотне метров от него находится шестьдесят восемь килограммов YM-400, причем какая-то часть — в опасном радиоактивном состоянии, у него появятся хорошие шансы найти кладовую.

В этом случае ключ от атомного замка, который показала ему Джил, и который в данную минуту оттягивал карман его куртки, может оказаться именно тем, что необходимо, дабы войти в кладовку.

Час спустя он таки обнаружил это место. Отчасти ему помогла наблюдательность, отчасти — случайная фраза, брошенная Джил. Хлев, в котором размещались гигантские свиньи, примыкал к загону. И загон, и хлев были разделены на две секции, в большей из которых обитали шесть свиноматок. Меньшая же была предоставлена в распоряжение борову. Над обоими стойлами была раскинута целая сеть навесных мостиков. Стена между хлевом и загоном нена-

вязчиво привлекла внимание Доуланда тем, что несложные расчеты показывали, что она была примерно на метр толще, чем было необходимо.

Он принес из своей машины дюжину походных сигнальных факелов и укрепил их вдоль центрального прохода, затем нашел и запустил механизм автоматизированных кормушек. Голодный громоподобный рев, который встретил его на пороге, утих, когда гигантские свиньи принялись остервенело жрать, дав Фрэнку время изучить себя как следует. Он предполагал, что эти суперкабаны выглядят этакими гротескными чудовищами с переваливающимися брюхами, но вместо этого обнаружил настоящих гигантов, тяжеловесных, но ловких, как носороги. Шкуры у них были песочного цвета, а глаза умные и злые. Без сомнения, эти порождения генной инженерии отлично подойдут любому, кто любит охоту, сопряженную с определенной долей опасности.

Самым опасным был здесь, очевидно, боров. Даже те два центнера, на которые он был в среднем тяжелее любой представительницы своего гарема, не имели особого значения в противоборстве против столь субтильного создания, как человек. Значение имело лишь его отношение. Свиноматки удалились в загон немедленно после

того, как съели все, что скормила любимая ими машина. Боров же остался, чтобы одним глазом наблюдать за Доуландом, который стоял над ним на высоком мостике. Этот глаз не выражал ни малейших признаков благодарности. Он горел гневным багровым огнем. Нижняя челюсть неустанно совершала жевательные движения. Вокруг огромной пасти вскипала пена.

Джил Трелони упомянула о том, что никто, кроме Мигеля, не отваживался приближаться к борову.

Доуланд готов был ей поверить на слово. Хрупкая стальная лесенка вела с верхнего мостика вниз, прямо в стойло этого чудовища. Доуланд полез в карман и вытащил свою полицейскую пушку. Ни один спортсмен не стал бы использовать подобное оружие против животного. Однако это был не спорт. Потом он начал спускаться вниз.

* * *

Поначалу боров застыл на месте, наблюдая за смельчаком. Доуланд тоже застыл у подножия лестницы. Затем сделал шаг вперед. Боров развернулся, пригнул голову и с громоподобным топотом ринулся вперед. Раздался мягкий звук

выстрела, и Доуланд отпрыгнул в сторону. Гигантское тело впечаталось в дальнюю стену, но боров умер еще до этого момента, поскольку лишился башки. Человек же продолжил свой путь к стене из массивных бревен, разделяющей стойло и двор.

Замок на двери в кладовую был расположен на внутренней стороне стены, он был скрыт под дощатой обшивкой, но найти его оказалось не слишком сложно. Доуланд вставил ключ, повернул на нужный градус, почувствовал легкий щелчок, а затем отступил на шаг, так как дверь начала открываться наружу.

В кладовой находились именно то, что он ожидал, включая антирадиационные костюмы. Еще двадцать минут Доуланд потратил на то, чтобы убедиться — одной вещи там точно не было. А именно, ключей от лаборатории. Возможно, будь у него специальные поисковые приборы, он смог бы их найти, но, к сожалению, таких приборов не было.

Это привело его в смятение, поскольку отнимало всякую надежду. Большую часть ночи придется потратить на обыск всех сооружений ранчо, и хорошо, если ключ отыщется. Где бы он ни находился, его хорошо спрятали. Если бы

Мигель пришел в сознание, можно было бы его разговорить, но шансы на то, что Трелони-старший придет в сознание, были невелики.

Доуланд взял два из трех АР-костюмов, свернул и повесил на сгиб руки, затем остановился, все еще раздумывая и обшаривая глазами длинный, узкий пенал кладовой. Вряд ли он сознавал, что надеется на то, что какая-нибудь магическая вспышка интуиции подскажет в последний момент, где ключ. Если бы удалось попасть в лабораторию, он разобрался бы в том, как работает машина, регулирующая радиоактивность YM. В конце концов, машина — это всего лишь машина. Затем он бы ее выключил, а когда влияние YM будет нейтрализовано, энергетическая сеть должна будет восстановить свою работу и тогда…

Доуланд взглянул на часы и покачал головой. Не стоит об этом даже думать, он не может попасть в лабораторию. Полтора часа потрачены впустую. Находка ключа позволяла прибегнуть к самому быстрому и потому наименее опасному способу решения всей проблемы. Но этого не произошло, оставалось лишь спуститься с Львиной горы и отправиться пешком по пустыне. Если повезет, то еще до зари он обнаружит, что коммуникатор вновь заработал, подпитываясь

энергией от сети, если только за это время YM не напомнит о себе еще каким-нибудь непредсказуемым и гораздо более разрушительным феноменом. Как бы неопределенно и пугающе ни выглядела нынешняя ситуация, было ясно, что все это цветочки, и YM вел себя пока весьма и весьма пристойно. Братья Трелони, несмотря на свое убеждение в том, что Верховное Правительство просто блефует, утверждая, что YM опасен, все же обладали здравым смыслом и начали работать лишь с минимальным количеством вещества.

* * *

Он оставил двери кладовой открытыми, погасил бледное сияние походных сигнальных факелов и отнес их в дом вместе с AP-костюмами. В гостиной было уже совсем темно. Дядя и племянница неподвижно лежали там, где он их оставил. Одну или две минуты Доуланд провел в сражении с автоматическими жалюзи на единственном в комнате широком окне. В конце концов, оно подчинилось, дрожь потрясла всю комнату, но не смогла разбудить ни одного из Трелони. Доуланд вновь зажег сигнальный факел и бросил в камин. Комната наполнилась ярким

светом.

Ему удалось приладить еще один факел к стене, затем он сложил АР-костюмы на спинку стула. Пришла мысль, что, может, лучше напялить их на обоих Трелони, так, на всякий случай, пока все не будет кончено, но Фрэнк оставил эту затею. Защита могла получиться сомнительной. Антирадиационное поле поддерживалось автоматически, пока костюм носили, но это затрудняло дыхание, как раз настолько, чтобы облаченный в него, если находится без сознания, смог задохнуться. Джил, когда проснется, увидит костюмы и сама решит, что с ними делать.

Доуланд уже возвращался от машины, неся в руках альпинистскую упряжь и портативный коммуникатор, когда в свинарнике вновь раздались странные крики. Он остановился в испуге. На этот раз оттуда доносился встревоженный топот и вопли еще более пронзительные, чем раньше. Если только Фрэнк не ошибался, что-то внезапно испугало зверей. Затем он услышал, как они бьются о стены загона, очевидно, пытаясь вырваться наружу. Сердце Доуланда забилось гулкими ударами. Следует ли ему пойти посмотреть, что с ними? Но прежде чем он успел решиться на это, сквозь невыносимый визг прорвался другой

звук, постепенно нараставший и уже приближавшийся по громкости к отвратительным воплям. На мгновение Доуланду показалось, что слух ему отказал, ибо громыхание и рев гигантской массы разъяренной воды внезапно стихли, но затем уши вновь услышали, как огромная река несет свои воды прямо под его ногами.

* * *

Прошло почти две минуты, прежде чем к Доуланду вернулась ясность мысли. Все это время он сломя голову бежал к дому, то была естественная при данных обстоятельствах бессознательная реакция бегства, от которой было недалеко и до настоящей паники. Казалось, что окутанная тьмой гора колеблется и качается, предательски склоняясь пред зловещим грохотом реки, возникшей из глубин необозримого прошлого. За эти секунды Доуланд совершенно убедился в правдивости слов Джил Трелони о машине, которая способна вызывать скачки во времени. Собственные органы чувств могли дать тому полное подтверждение.

Но, вернувшись в дом, его убежденность быстро сникла, хотя грохот не стихал. Стоило закрыть глаза, как у него появлялось чувство, будто он

стоит на шатком мосту над неким гигантским и бурным течением. Однако Фрэнк открыл их снова и сказал себе, что YM-400 отличается тем, что может производить разнообразные странные эффекты, а эффект «реки, которая течет под домом», по крайней мере, не должен нанести особого вреда ранчо, поскольку Джил сообщила, что за прошедший день это случалось трижды. Назвать подобное светопреставление так, означало возмутительно его недооценивать, но также подчеркивало тот факт, что Джил Трелони — весьма незаурядная молодая особа.

Спящие при этом даже не пошевелились, но Доуланд чувствовал, что их присутствие поддерживает его дух. А еще он понял, что бы ни случилось, нельзя позволять себе впадать в слепой животный страх, ибо ситуация сложилась крайне опасная. Если позволить нервам плясать, как им вздумается, он не сможет предпринять никаких реальных действий.

Доуланд заставил себя подойти к связке альпинистского снаряжения, брошенного в тот момент, когда он вбежал в освещенную комнату, и принялся за его просмотр. Кроме него, он намерен взять с собой только коммуникатор, пушку МПУ, флягу с водой и маленькую сигнальную раке-

ту. Все альпинистское снаряжение он оставит у подножия горы. В машине у него лежали два охотничьих ружья, более дальнобойных, нежели ручная пушка, но каждое из них замедлит его передвижение, а если ему, паче чаяния, «посчастливится» наткнуться на бравых Солдат Картера, дальнобойность уже не будет иметь особого значения.

Пока он готовился к своему марш-броску, подземный шум, к его удивлению, начал стихать. Доуланд остановился, прислушиваясь, и через несколько секунд у него не осталось никаких сомнений. Джил говорила, что в прошлый раз это продолжалось около получаса, но часы Доуланда утверждали, что, в данном случае, катаклизм бушевал чуть больше десяти минут. К тому времени, когда он встал, застегнул и подогнал по себе альпинистское снаряжение, подземной реки уже почти не было слышно.

Это могло быть хорошим знаком, могло быть плохим, могло не иметь ровным счетом никакого значения. Он об этом не знал ничего и, возможно, лучше всего, если он даже не станет пытаться сосредоточиться на этом. Напоследок, перед тем, как выйти, он еще раз внимательно оглядел комнату и увидел, что Мигель Трелони смотрит на

него в упор.

Доуланд замер на мгновение от удивления, не веря своим глазам. Затем быстро расстегнул альпинистские ремни и бросил их на пол. Огромный человек на кушетке, казалось, следил за его движениями, затем медленно перевел взгляд на потолок, и вновь закрыл глаза.

— Трелони, — мягко позвал Доуланд и замер, затаив дыхание.

Мигель Трелони издал глубокий вздох, повернулся на бок и застыл спиной к Доуланду. Через несколько секунд Доуланд смотрел на него уже с другой стороны кушетки.

Возможно, это было лишь временное улучшение, краткая ремиссия, успех, которого добился «медик» в невидимой борьбе с процессом, который все же завершится смертью. Однако сказать наверняка было ничего нельзя. Глаза потерпевшего оставались закрытыми, пульс был слаб и неверен. Доуланд даже подумал о том, чтобы ввести ему стимулятор, но тут же отбросил эту неплодотворную идею. «Медик» продуцировал свои собственные стимуляторы, и они конфликтовали с любыми другими. Он мог бы даже снизить эффект от «сыворотки правды», но не настолько, чтобы Доуланд не мог получить ответ

на свои вопросы. Но что говорить об этом, если разум Трелони не прояснится на три или четыре минуты подряд!

К тому же Фрэнк не мог знать, когда наступит подобное просветление. Хотя раз уж потерпевший очнулся, появилась реальная возможность того, что это произойдет в течение ближайшего часа или двух.

Доуланд помедлил, хмурясь. Через час или два, в зависимости от трудности спуска, он мог быть уже у подножия горы… но пока выбирать ему было не нужно. Ведь он мог попробовать и то, и другое. Если Трелони не проснется за эти два часа, еще оставалась возможность уйти в горы… Но как надолго Фрэнк может позволить себе задержаться на ранчо?

Если не принимать в расчет УМ, поскольку в отношении его рассчитать что-либо было просто невозможно, то следует помнить лишь о скором прибытии Свободных войск. Особых причин предполагать, что они могут появиться до рассвета, не было, но имелись некоторые резоны на то, что они подоспеют именно к этому времени. А прежде чем они прибудут, он должен либо успеть переговорить с Полицейским Управлением Солнечной Системы, либо удалиться от

Львиной горы на такое расстояние, чтобы его не заметили…

Значит, у него в запасе четыре часа. Можно подождать до полуночи, и даже немного дольше.

Доуланд придвинул стул поближе к кушетке и сел. Да, ночка выдалась на редкость беспокойная.

Время от времени взвизгивали свиньи, потом поднялся ветер. Несмотря на все попытки избежать пессимистичных мыслей, его разум продолжал анализировать весь ужас сложившейся на ранчо ситуации, избавиться от которого было ой как не просто. Прошлое, то самое, что было полмиллиона лет назад, сегодня вплотную подошло к настоящему… Доуланда упрямо и методично терзало чувство страха, который он никак не мог стряхнуть.

* * *

Полчаса спустя Мигель Трелони тяжело задышал, повернулся на другой бок и через несколько секунд вновь впал в неподвижное беспамятство.

Доуланд продолжал ждать.

Часы показывали немного меньше половины двенадцатого, когда он услышал выстрелы. Их было три: ясных, отчетливых, почти одновре-

менных, донесшихся с приличного расстояния. Во время второго Доуланд уже вскочил со стула и бежал через темный холл, на пороге которого услышал третий выстрел. Он осторожно открыл дверь ровно настолько, насколько требовалось, чтобы выскользнуть наружу, затем поспешно закрыл за собой дверь, чтобы свет в гостиной не заметили снаружи.

Когда дверь захлопнулась, раздались еще три выстрела. Охотничьи ружья. Примерно в двух километрах к северу…

* * *

Доуланд всмотрелся в колеблемые ветром темные верхушки деревьев над ранчо. Кто там, на горе, и почему стреляет? Неужели Солдатам удалось привезти сюда несколько человек по воздуху? В кого они стреляют?

Сигнальные выстрелы, подумал он. В таком случае подан этот сигнал для обитателей ранчо. Сигнал о чем?

В его голову пришла еще одна мысль, столь стремительно и ясно, что заставила его похолодеть.

Доктор Пол Трелони…

Как предполагала Джил, Пола Трелони не было

в лаборатории. Он куда-то исчез, но затем вернулся. И так же, как и его брат, вернулся не совсем на то место, откуда прибыл.

Изможденный человек, не понимающий, где именно он оказался на огромном плато, раненый, возможно, ослабевший под воздействием радиации, такой может выстрелить в ночь, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы позвать на помощь.

Через несколько минут Доуланд уже шел в направлении выстрелов, вооруженный кроме полицейской пушки еще и ружьем. Маловероятно, что ему удастся подойти близко к Трелони, если это был Трелони, или то, что он услышит шаги физика, но как только он доберется до местности, откуда доносились выстрелы, выстрелит, в свою очередь, и будет ждать ответа. Здесь, в лесу, ветер шумел и бил в лицо, продвигаться, как он и предполагал, было трудно. Время от времени на оголившиеся скалы проливался лунный свет и при первом движении туч тут же угасал. Среди деревьев Фрэнк едва мог различить, куда ступает, и продвижение еще более замедлилось.

Наконец он вышел к широкому скалистому выступу, возвышавшемуся над деревьями, и остановился, чтобы проверить время. С тех пор, как

он вышел из дома, прошло двадцать пять минут. Если он все рассчитал правильно, выстрелы прогремели примерно с этого места. Он осторожно осмотрел открытые участки — человек, зовущий на помощь, должен выбрать себе место, на котором его будет хорошо видно, возможно, именно так и поступил Пол Трелони. Но при виде чужака Трелони мог начать действовать опрометчиво.

Однако горный хребет пустынно поблескивал под луной. Доуланд достиг его вершины, пробрался среди деревьев в его северную часть и снова остановился. Постепенно и неохотно он признал, что ощущает нечто странное. Он прислушался, не в силах определить, что именно его так встревожило. Затем свежий порыв ветра, обогнув деревья, разлился вокруг него, и он понял, что странность эта была распылена в воздухе. Какой-то смешанный запах, довольно знакомый, аромат вечнозеленых джунглей, столь неожиданно почудившийся на этом скалистом утесе. Глоток темной сырости, гниения, мягкой растительности, запах болота или илистого речного русла. Дыхание Доуланда участилось.

Затем запах исчез. Возможно, подумал он секундой позже, то была галлюцинация, ложный сигнал нервов, слишком натянутых вследствие

множества событий этой ночи. Но если Пол Трелони вернулся сюда из далекого прошлого, путь, по которому он прошел, мог еще быть открыт, причем совсем близко отсюда. Мысль эта была крайне неприятна. Доуланд двинулся дальше, но гораздо медленнее и осмотрительнее.

Еще пять минут, подумал он. Тогда он точно пройдет ту дистанцию, что покрыл ветер, принесший звуки выстрелов, и окажется чуть к северу от дома Трелони. Если ничего не произойдет, он выстрелит сам. Через пять минут он достиг другого открытого участка, поменьше. Здесь также возвышалась над деревьями изъеденная ветрами скала, и Доуланду удалось забраться по крутому склону на вершину и осмотреться. Вскоре он осознал, что не стреляет, потому что не хочет обнаруживать свое присутствие в лесу. Быстрым сердитым движением он взвел курок, прицелился в верхушки деревьев на севере и нажал спусковой крючок.

Знакомый звук показался ему ужасающе громким. Мгновение спустя впереди него из лесу донеслись устрашающие звуки, точно какое-то огромное животное было серьезно потревожено звуком выстрела. Он услышал, как оно продралось сквозь заросли мимо него на расстоянии

нескольких сот метров. Затем все стихло, словно оно решило остановиться и прислушаться. Затем раздался еще один звук, низкий протяжный рев, от которого кровь застыла у Фрэнка в жилах. Рев смолк, и в следующий момент внимание детектива привлекло какое-то движение слева, на границе видимости, прямо над лесом. Он повернулся туда и понял, что смотрит на нечто, подобное огромной туче, ускользающей прочь поверх макушек деревьев и почти стразу же исчезнувшей за другим скалистым возвышением.

Доуланд все еще смотрел туче вслед, в то время как его разум работал чрезвычайно медленно, словно не желая признавать, что только что видел создание, о каком никогда в жизни не слышал. Затем он вспомнил, что Трелони так и не ответил на его сигнальный выстрел, и почти одновременно с этим вновь заметил в лесу какое-то волнение.

Но теперь оно было гораздо менее звучным. Сначала Доуланд даже подумал, что это просто шум ветра. Но звук не смолкал, и вскоре стало понятно, что нечто, причем поистине огромное, прокладывает себе путь среди деревьев, приближаясь к открытому пространству. Оно было уже совсем близко.

Доуланд обернулся, хватая ртом воздух, и скользнул в сторону южного склона скалистого возвышения, старясь производить как можно меньше шума. Деревья уже сотрясались по другую сторону утеса. Согнувшись, детектив протиснулся сквозь плотную гущу ветвей и быстро, но тихо двинулся меж деревьев дальше. Это нечто, кем бы оно ни было, тоже слышало его выстрел. Выйдя на открытое пространство, оно могло хорошенько рассмотреть Доуланда, и, не найдя ничего любопытного для себя, убраться восвояси.

Однако оно этого не сделало. Оглянувшись сквозь листву, Доуланд успел разглядеть нечто огромное, и оно быстро двигалось по склону утеса. Тогда он бросился бежать, отмахиваясь от бьющих в лицо веток, и немедленно услышал чудовищный треск в том месте, откуда убрался только что. Нечто начало преследовать человека среди деревьев.

Доуланд повернулся, сделал глубокий вдох, бросил ружье и выхватил из кармана свою пушку МПУ. От стволов впереди полетели щепки. Меж ними протопал возвышающийся колосс. Детектив сделал три выстрела в упор, почувствовал, словно его ударили по голове чем-то вроде

железной дубинки, и упал замертво. Он потерял сознание еще до того, как коснулся земли.

* * *

Когда он открыл глаза, первое, что пришло ему в голову, так это страшная головная боль, которую должен был ощущать. Но никакой боли не было и в помине. Он лежал, уткнувшись лицом в сырую заплесневелую почву. Вокруг разливались слабые предрассветные отблески. Значит, с момента удара прошло несколько часов…

Доуланд слегка потянулся, затем повернул голову, оглядываясь по сторонам, рывком встал на четвереньки. Деревья тяжко покачивались на ветру. Вдали ему удалось разглядеть кусок той скалы, с которой он стрелял, дабы привлечь внимание Трелони. Земля между ним и тем местом выглядела так, словно по лесу прошлась танковая колонна. Но огромного тела нигде не было видно.

Значит, выстрелы в упор его не свалили. Но оно убрело куда-то, предварительно сделав с ним, Фрэнком Доуландом, что-то, но что именно?

Он заметил, что рядом валяется пушка МПУ. Детектив подобрал ее и медленно встал на ноги. Свободной рукой быстро ощупал голову. Ни

шишки, нет ощущения даже легкой травмы… А ведь он готов был поклясться, что страшный удар раскроил ему череп. Поискал глазами ружье, нашел и его, подобрал и направился туда, где деревья были смяты в беспорядочную кучу.

Там он и обнаружил след. Крайне странный след. Детектив внимательно изучил его, озадаченно хмурясь. Это не был след животного. Если бы такое было возможно здесь, то подобный след мог принадлежать машине, движущейся на очень широкой и ровной, без траков, гусенице, причем не было видно ни малейших признаков шагов. Почти все, что он мог пока сказать, это что нечто очень массивное и мощное протопта-ло сквозь лес тропу шириной до пяти метров к точке, где находился в данный момент Фрэнк, а затем удалилось, следуя линии, параллельной первоначальному своему пути… Можно было ска-зать и еще кое-что, мысленно добавил Доуланд. Именно, подобная тяжеловесная махина могла задеть человека так, чтобы он потерял сознание на несколько часов, но не оставить никаких сле-дов повреждений и даже признаков того, как это произошло.

Да, все указывало на машину, которая несла вооружение какого-то таинственного образца.

Когда его выстрел спугнул в ночи большое летающее существо, Фрэнк был почти уверен, что в районе Львиной горы появились какие-то допотопные чудовища, принадлежащие к животному миру отдаленного прошлого Земли. Но оба события никак не согласовывались друг с другом.

Доуланд покачал головой. Он подумает об этом, когда у него будет больше времени. Ведь потеряно, он взглянул на часы, чуть меньше четырех часов. А за четыре часа на ранчо могло произойти много чего, и среди всего этого лишь одно событие стало бы приятным, а именно, кто-то сумел бы попасть в лабораторию и вывести YM из радиоактивного состояния.

* * *

Детектив пустился осторожной рысью в обратный путь. Становилось все светлее, и в преддверии рассвета в окрестностях подножия горы передвигаться стало гораздо проще, чем ночью. Ветер в целом не усилился, но время от времени его резкие порывы пригибали деревья чуть ли не к самой земле! Также он взметал и уносил прочь тучи пыли. Все это указывало на то, что воздух над плато также испытывал сильные возмущения. Вполне вероятно, подумал Доуланд, что YM

вызывает атмосферные волнения в тех местах, где становится активен. С другой стороны, если в лесу вокруг детектива и происходило нечто аномальное, прямо на это ничто не указывало.

Наконец Фрэнк выбрался на скалистый гребень, откуда ранчо было как на ладони. До него оставалось не более полукилометра. В утренних сумерках вроде бы все дышало спокойствием, тем не менее, Доуланд замедлил шаг.

Где-то здесь может подстерегать засада. Самое большее, на что сейчас способна Джил Трелони, это очнуться от своего вынужденного сна, и еще около часа она будет чувствовать себя слишком слабой и рассеянной, чтобы кому-нибудь доставить неприятности. Но зато все остальные фигуранты уже вполне могут торчать на ранчо: Пол Трелони, например, или отряд Солдат Картера. Вне зависимости от того, сможет ли Джил рассказать им о случившемся, кто-нибудь из конспираторов-Свободных непременно догадается, что до них побывал на ранчо некий чужак, а, стало быть, будет ждать его возвращения. А чтобы это возвращение не стало сюрпризом, надо устроить засаду. Доуланд свернул со своего прямолинейного маршрута и взял восточнее, двигаясь со все нарастающей осторожностью. С

той стороны лес ближе всего подбирался к постройкам ранчо, кроме того, Доуланд помнил, что там высокие заросли вечнозеленого кустарника. Оттуда можно хорошенько рассмотреть, что происходит на ранчо.

Ему оставалось пройти не более пятидесяти метров, когда он убедился в том, насколько правильно поступил, решив осмотреться. Под прикрытием вечнозеленого кустарника тот самый человек, о котором думал Доуланд, явно исследовал территорию ранчо. На нем был такой же антирадиационный костюм, как и те, что Доуланд обнаружил в кладовой, рядом на земле лежало мощное ружье. Детектив увидел его в профиль. Сейчас лицо было потным и пропыленным, так как АР-поле затрудняло доступ воздуха, но Доуланд мгновенно узнал эти хищные, скуластые черты.

В конце концов, он встретился с доктором Полом Трелони.

* * *

Доуланд потратил почти десять минут, чтобы подобраться к физику незаметно. Однако подобная предосторожность оказалась в высшей степени полезной; до Трелони оставалось не бо-

лее метра, когда Свободный гражданин, наконец, заметил присутствие незнакомца. В эту же секунду ему в позвоночник ткнулась пушка МПУ.

— Пожалуйста, без шума, — мягко предупредил Доуланд. — Мне не хотелось бы вас убивать, но, в случае эксцесса, сами понимаете, у меня не останется выбора.

Сперва Пол Трелони опешил, потом сказал надтреснутым от волнения голосом:

— Кто вы такой, черт возьми?

— Полицейское Управление Солнечной Системы, — ответил Доуланд, — и вам прекрасно известно, почему я здесь оказался.

Трелони что-то проворчал, Доуланд продолжил:

— Почему вы прячетесь?

— А вы как думаете? — раздраженно ответил Трелони. — Перед тем как выйти на открытое пространство, я должен был выяснить местонахождение человека, который ночью выстрелил из ружья в полукилометре от меня.

Значит, они искали друг друга.

— Почему это не мог быть ваш брат или племянница? — спросил Доуланд.

— Потому что знаю, как звучат наши ружья при выстреле.

— Хм, об этом я не подумал… У вас есть при себе пистолет или другое оружие?

— Охотничий нож.

— Давайте его сюда.

Трелони полез за пазуху, вытащил нож в ножнах и протянул Доуланду. Детектив забросил его подальше в кусты и слегка отошел назад.

— Встаньте на четвереньки, — скомандовал он, — я проверю, все ли это.

Он обыскивал очень осторожно. Трелони пока не сопротивлялся, но с таким человеком рисковать не стоило. В АР-костюме Доуланд обнаружил вшитый потайной двусторонний коммуникатор, а также столько различной тестирующей и измерительной аппаратуры, что хватило бы хорошему астероидному инженеру, но никакого оружия, действительно, больше не было. В закрытом кармане, явно сделанном для него специально, нашелся атомный ключ. Доуланд скользнул по тяжелому диску трясущимися пальцами.

— Ага, значит, этим открывается ваша лаборатория?

— Да.

Доуланд отделил передатчик коммуникатора и вместе с ключом от лаборатории засунул себе в карман.

— Все в порядке, — сказал он, — можете сесть.

Он подождал, пока Трелони повернется к нему лицом, затем продолжил.

— Как долго вы наблюдали за ранчо?

— Около часа.

— Видели кого-нибудь или что-нибудь?

Трелони посмотрел на него испытующе, затем покачал головой.

— Нет, ничего.

— Давайте не будем тратить время попусту и ответьте на мои вопросы, — сказал Доуланд. — Лаборатория заперта, и машина, которую вы включили, по-видимому, все еще работает. Вашего брата нашли вчера утром у дверей лаборатории, сейчас он, возможно, уже умер или на пороге смерти в результате лучевого ожога. Когда ночью я оставил его вместе с мисс Трелони в доме и отправился искать вас, он был жив и выглядел не так уж плохо. Поскольку мисс Трелони совершенно не желала со мной сотрудничать, пришлось дать ей особый препарат. Сейчас ваша племянница, должно быть, еще спит. Скажите, если бы мы не встретились, что вы намеревались делать?

— Разумеется, я намеревался остановить нашу машину, — ответил Трелони. Выражение его

лица нисколько не изменилось после довольно долгой речи Доуланда. — Предпочтительно, без участия сотрудников Полицейского Управления Солнечной Системы. Но поскольку вы проявили в этом деле инициативу, я настоятельно предлагаю вам немедленно отправиться вместе со мной в лабораторию и уладить все наши дела.

Доуланд кивнул:

— Именно это я собирался сделать, Трелони. Практически вы, конечно, находитесь под арестом, и все будете делать под дулом моей пушки. Вы уверены, что в ходе операции мы не столкнемся с какими-либо трудностями?

— Нет, не уверен, — ответил Трелони, — весьма вероятно, что трудности нас поджидают за метастальной дверью. Причем, почти наверняка мы не будем знать заранее, какого характера они будут.

Доуланд встал.

— Хорошо, — сказал он, — тогда вперед! По пути остановимся у дома. Мне нужно убедиться, что мисс Трелони все еще в том состоянии, когда не может совершать необдуманные поступки.

Прежде чем вернуть Трелони ружье, он опустошил магазин. Они направились к дому, Трелони — впереди, Доуланд — не выпуская из рук пушки,

чуть сбоку и сзади.

Входная дверь была закрыта. Трелони обернулся. Доуланд прошептал на вопросительный взгляд:

— Она не заперта. Откройте, войдите внутрь и в холле сделайте два шага вперед. Я буду идти позади вас. Ваши родственники в гостиной.

Он проследовал за Трелони, потом повернулся, чтобы закрыть дверь. В этот момент раздался шепот. Доуланд хотел развернуться и обмер, еще не веря в случившееся — что-то больно надавило на позвоночник. Пришлось замереть на месте.

— Бросьте пушку, Доуланд.

Голос Джил Трелони был ясен и резок, словно она бодрствовала уже несколько часов. Доуланд выругал себя, на чем свет стоит. Должно быть, девушка пряталась за домом, когда они вошли.

— Не пытайтесь обмануть Джил, приятель, — посоветовал Пол Трелони, не поворачиваясь, — ибо это еще никому не удавалось. Кроме того, малышка вполне способна сообразить, что ее дядя в обмен на шпика ССПУ — лучший выбор для Земли на данный момент. Но ведь этот обмен не самое главное дело сейчас, верно, Джил?

— А что главное, дядя?

— Дай нашему приятелю минутку, чтобы

придти в себя… В конце концов, это ставит полицейского в крайне неловкое положение. А он может понадобиться мне в лаборатории.

— Даю вам ровно три секунды, Доуланд, — сказала Джил. — И лучше бы вам сразу поверить в то, что я не блефую. Раз, два…

Доуланд бросил пушку.

* * *

Трелони быстро пошептались в гостиной. Доуланд, стоявший на другой стороне комнаты, находясь под прицелом двух пушек, не имел возможности хорошенько расслышать этот краткий диалог. Джил была облачена в один из тех антирадиационных костюмов, которые он принес из кладовой. Мигель умер. Он все еще находился без сознания, когда она проснулась, его дыхание прервалось спустя несколько минут. «Медик» сделал все, что мог, но в данном случае этого было явно недостаточно. Хитроумная Джил не могла ничем помочь дяде, но зато нашла препарату другое применение. Доуланд подумал, что в столь трагических обстоятельствах подобная мысль не могла придти в голову никому другому, но все же следовало это предусмотреть, покидая дом. Начав бороться со сном, девушка вспомнила, что

Доуланд рассказывал ей об этом антибиотике, и ей каким-то образом удалось вколоть себе целую ампулу. Это помогло ей в течение нескольких минут восстановить бодрость, а остальное было делом техники.

Перешептывание закончилось. Теперь девушка выглядела довольно бледной и испуганной, а лицо Пола Трелони по-прежнему сохраняло бесстрастность, когда он подошел к Доуланду. Джил заткнула за пояс пушку, которая была наставлена на Доуланда, подобрала охотничье ружье Пола и застыла в ожидании.

— Итак, Доуланд, — сказал Трелони, — наши действия будут следующими: Джил пойдет в лабораторию вместе с нами, но останется снаружи и будет наблюдать за обстановкой. Она останется, как говорят маргиналы, «на стреме»…

— А вы предупредили свою племянницу, — перебил его Доуланд, — чтобы она не вздумала оставаться «на стреме», если появится нечто размером с два ваших дома?

Трелони внимательно посмотрел на детектива.

— Значит, вы тоже на него наткнулись, — сказал он. — Я все думал, видели вы или нет. Это весьма любопытно… но пока с вас довольно. Я

предупредил ее об этом, раз уж вы спросили. Теперь подойдем к столу.

Трелони быстро начертил на кусочке бумаги две схемы. Пушку МПУ он положил на стол справа от себя. Можно, конечно, было попробовать добраться до нее, если сбросить со счетов внимательность Джил. Впрочем, решил Доуланд, этого делать не следует. Он видел, как она ловко перезаряжала ружье. Так что детектив остался стоять там, где стоял.

Трелони пододвинул бумагу к нему.

— На обеих диаграммах изображена наша машина, — сказал он. — Исходя из моего чертежа, вы должны составить себе представление о том, что увидите. Вот здесь колесо, на дальнем от двери конце панели управления. Это колесо — регулятор потока, об этом вам не следует забывать. На лимбе вы увидите риски. Самые большие обозначены номерами от одного до пяти. Вчера утром регулятор был поставлен на пятерку, самый сильный поток. Переведите колесо на единицу, и YM-400, создающий поток в радиоактивном состоянии, станет инертным. Понятно?

— Вполне, — кивнул Доуланд.

— И только после этого, — заметил Трелони, — мы сможем немного расслабиться.

— Какое количество вещества вы используете для создания потока?

— Нет никаких видимых причин, чтобы я стал говорить об этом, верно? Но я все же скажу. Все шестьдесят восемь килограммов, об утрате которых так скорбит Верховное Правительство, заложены в накопитель машины. Мы используем его весь, полностью, — он слегка ухмыльнулся, наверное, при виде выражения лица Доуланда в тот момент. — Для того чтобы проделать работу, подобную той, что мы задумали, вещество необходимо использовать в количествах примерно такого порядка. Теперь давайте поговорим о вас. Мы не убийцы. Джил сказала, что вас не удалось подкупить, пусть так. Вынужден вас предупредить, что когда наше дело будет закончено, с вами случится внезапный приступ амнезии. Несколько месяцев вашей жизни окажутся стертыми из вашей памяти, включая, разумеется, все связанное с нашей меленькой операцией. Во всем остальном вы останетесь целы и невредимы. Вам все понятно?

— Мне доводилось слышать о таких вещах, — сухо откликнулся Доуланд.

Никакой амнезии не будет. Такие вещи всегда говорят тем, кто уже на шаг от смерти, чтобы они

отказались от отчаянных попыток спастись. Но детектив понимал, что на самом деле у Свободных выбор был небогат. Если Доуланд исчезнет или у него обнаружатся признаки необъяснимой амнезии, МПУ немедленно обратит на это пристальное внимание, а там недалеко и до ранчо Трелони. Если же он умрет, то его смерти можно придать вид несчастного случая или убийства по личным мотивам. Заговорщики вполне способны принести в жертву одного из членов своей группы, дабы инсценировать подобную историю, и эта липа сойдет им с рук. Земля находилась под подозрением МПУ не более чем любая другая планета. Ведь Доуланд был отправлен не куда-нибудь, а на самое обычное из заданий.

Последовали скорые приготовления. Пол Трелони проверил батарейки в антирадиационных костюмах, своем и Джил. Что-то ему не понравилось, и он поменял свои — на такие же из запасного костюма. Доуланд же приостановил действие своего АР-поля. Оно было, по меньшей мере, столь же мощным, как те, что создавали костюмы Трелони, и во многих отношениях его устройство было более практичным. Однако батарейки их костюмов могли работать непрерывно двадцать четыре часа, распространяя поле

автоматически, как только костюм надевали. А поле его костюма поддерживалось от полутора до двух часов максимум. Доуланд не знал точно, сколько ему предстоит провести в зараженном помещении. А даже несколько лишних минут гарантированной защиты могли спасти его от смерти или лучевой болезни.

Тем временем Трелони изучал связку альпинистского оборудования на полу, которое он вскоре поднял и вручил хозяину.

— Наденьте, — сказал он.

— Зачем? — удивленно спросил Доуланд.

Трелони ухмыльнулся.

— Оно может нам понадобиться. Через минуту-другую поймете.

Они покинули дом через заднюю дверь. С востока к горизонту подбирались тучи, под ними кое-где пробивались первые бледно-золотые солнечные лучи. А на западе небо потемнело от поднявшейся пыли. Джил остановилась метрах в двадцати от лаборатории и застыла с ружьем в руке, наблюдая, как мужчины удаляются. У двери Доуланд включил свое АР-поле. Трелони бросил ему конусообразный ключ.

— Знаете, как он вставляется?

Доуланд кивнул.

— Хорошо. После того, как он щелкнет в замке и снова выскочит наружу, бросьте его мне обратно. Возможно, это последний ключ, какой у нас остался, и на этот раз брать его с собой в лабораторию мы не будем. Когда дверь пойдет вниз, сделайте шаг назад и направо. Прежде чем войти, мы посмотрим, что делается внутри.

Трелони указал на прибор размером с напёрсток, притороченный к поясу его костюма.

— Счетчик подскажет, есть ли там радиоактивность и если есть, насколько она высока.

Он махнул пушкой МПУ в направлении двери.

— Это все, вперед!

Доуланд приложил ключ к углублению в центре двери, слегка нажал, почувствовал, как ключ с мягким щелчком вошел в паз, самостоятельно повернулся, высвободившись из руки. А мгновение спустя ключ выпрыгнул из паза обратно к нему в ладонь. Фрэнк кинул его Трелони, который легко поймал подачу свободной левой рукой и перебросил через голову в направлении Джил. Ключ свалился в траву с глухим стуком поблизости от ее ног. Тем временем цельная плита метастали — дверь в лабораторию — начала опускаться вертикально вниз. Движение прекратилось, когда верхний край плиты находился все

еще в метре над порогом.

Счетчик на поясе Трелони издал басовитое жужжание, которое то взмывало вверх, то опускалось, напоминая обозленную осу. К этому звуку примешивался другой, напоминающий что-то вроде шипения струйки перегретого пара. Детектор Доуланда реагировал менее экспрессивно, но показывал то же самое. Лаборатория просто купалась в проникающей радиации.

Детектив посмотрел на Трелони.

— Жарковато, — ответил на его немой вопрос Свободный гражданин. — Но мы все равно пойдем внутрь. Но постойте секунду у двери, я хочу выяснить еще кое-что…

Внутри лаборатория представляла собой один огромный и в значительной степени пустой стальной корпус. Лишь небольшое пространство сразу справа от входа, по-видимому, использовалось. Там виднелся свет. Примерно на полпути до противоположной стены располагался бетонный постамент. Ровное сияние распространялось от его поверхности, где и стояла машина. Постамент был квадратом со стороной в полтора метра. Доуланд узнал в машине тот аппарат со схем Трелони. Ее конструкция формировалась вокруг яйцеобразного элемента из метастали. К

тупому концу этого овоида крепился длинный и узкий, частично не видимый от входа, пульт управления. С другого конца над постаментом нависала решетчатая конструкция. Она играла роль держателя двухметрового диска, ярко переливающегося всеми цветами радуги, поскольку он был выточен, по-видимому, из цельной друзы кварца. Диск был развернут плоскостью к пульту управления.

— У нас тут весьма дорогостоящее оборудование, Доуланд, — заметил Трелони. — Мой брат разработал принципиальную схему машины почти четверть века назад. Однако потребовалось колоссальное количество времени и затрат, пока принцип работы не воплотился в действующую модель на этом постаменте.

Он кивком указал налево от входа.

— Видите, это пальто Мигеля. Не думал, что оно все еще здесь. Атомный ключ, который вы происками столь энергично всю ночь, находится в одном из его карманов. Мигель стоял вон там, пальто было переброшено у него через руку, когда я видел брата в последний раз, возможно, за две-три секунды до того, как с удивлением обнаружил, что передо мной уже не пульт управления нашей машины, за которым находился

ваш покорный слуга.

— И где же вы очутились? — спросил Доуланд. — Неужели в прошлом, за шестьсот тысяч лет до нашего времени?

— Да, мои приборы остановились именно на этой отметке, — ответил Трелони. — Однако это было, как вы понимаете, лишь полдела. Мы намеревались провести целую серию наблюдений и не планировали осуществлять переброску людей в течение нескольких недель. Однако в случае, если первый опыт, вопреки нашим ожиданиям, пройдет успешно, я был экипирован для того, чтобы осуществить переход в прошлое. Именно благодаря своей предусмотрительности я и остался жив.

— Что же произошло?! — спросил в запале Доуланд.

— Хороший вопрос. Я и сам хотел бы это знать. Я знаю только то, что внезапно я оказался в воздухе, падая в реку. Было темно и пасмурно, но освещения, тем не менее, было вполне достаточно, чтобы понять, что река эта на редкость негостеприимна… Теперь я полагаю, — он многозначительно растянул последние слова, — что мне известно, почему мой брат оказался снаружи запертой лаборатории. Посмотрите туда,

Доуланд. На что это похоже, по-вашему?

У дальнего левого края помещения, за границей освещенного сиянием постамента пола, детектив разглядел огромный упаковочный ящик, разорванный (иного сравнения не подберешь) почти пополам со страшной силой. Большая его часть осталась у стены, меньшая — примерно метрах в десяти от него, ближе к постаменту машины. Те предметы, что в нем находились, высыпались из обеих частей. Однако пространство между двумя линиями разрыва осталось пустым, на полу не было ни единой соринки. Если бы не это обстоятельство, можно было бы предположить, что упаковочный ящик взорвался.

* * *

— Да, это не взрыв, — согласился Трелони, когда Доуланд сказал ему о своих соображениях. Он немного помолчал: — Именно в этом месте две структуры пространства-времени едва не наложились друг на друга. Возникла непрерывная борьба напряжений, поскольку обе структуры стремятся совместиться друг с другом. Нашу машину окружает сферическое поле концентрации подобных напряжений, и бывают моменты, когда пространство буквально разрывается на части.

Если в подобный момент кто-нибудь окажется здесь… Уф!

Доуланду показалось, что на полу между дверью и постаментом показался проблеск какого-то яркого свечения. Он мелькнул, затем исчез, затем появился вновь, но уже видимый под другим углом, прежде чем слух детектива зафиксировал тот факт, что все это сопровождалось странными включениями какого-то ревущего звука. Очень похоже на сполохи грозы. Однако это было…

Внезапно словно бы занавес из воздуха раздвинулся перед ним, неровно обрамляя ярко освещенную трехмерную картинку. Он смотрел вниз на пенящийся поток реки, омывающей край высокого утеса, покрытого желто-зеленым лесом. Лаборатория наполнилась грохотом воды. Слева вдали появилось нечто огромное и черное…

Но все исчезло так же внезапно, как и появилось… Перед ними вновь возник интерьер лаборатории, тихий и неизменный, как ни в чем не бывало.

— Откуда вы знали, что может произойти? — хрипло спросил Доуланд.

— Мне пришлось провести несколько часов, — ответил Трелони, — по ту сторону. Теперь, полагаю, понимаете, что ваша альпинистская

упряжь нам очень пригодится.

Доуланд оглядел лабораторию.

— Стены…

— Метасталь, — ответил Трелони, — слава тебе господи. Здание прочное, напряжения ему не повредили. У нас есть за что зацепиться. Можно натянуть вашу веревку в полутора метрах над пультом управления и параллельно ему, закрепив другой конец за дверной проем, чтобы добраться до цели.

Доуланд все понял, разобрал снаряжение, просунул кончик репшнура в ушко гарпуна и хорошенько укрепил.

— Мы идем вместе?

Трелони покачал головой.

— Вы пойдете один, Доуланд. Мне очень жаль, но сейчас не время для дискуссий. Веревка не избавляет от опасности. Но если почувствуете, что ваши ноги болтаются где-то в воздухе далекой эпохи, то вы все же останетесь здесь, по крайней мере, я надеюсь на это. Если не дойдете до пульта, то я пойду следующим. Таким образом, у нас вместо одного окажется два шанса выключить машину. Согласны?

— Согласен, поскольку у вас в руке пушка, — ответил Доуланд. — Если бы пушка была у меня,

все было бы с точностью до наоборот.

— Разумеется, — согласился Трелони. Больше он ничего не сказал, только наблюдал, как Фрэнк зарядил гарпун с репшнуром в пистолет, зафиксировал, затем прицелился в направлении постамента. Гарпун шлепнулся о противоположную стену и замер. Доуланд подергал свободный конец репшнура, бросил небрежно: «Как в банке Верховного Правительства» и вручил его Трелони.

Свободный гражданин потянулся в сторону, чтобы закрепить второй гарпун на дверном проеме, просунул сквозь него петлю и затянул узел. Доуланд вытащил из кипы своего снаряжения пару защитных перчаток, натянул одну на правую руку, вторую протянул Трелони.

— Это если придется последовать за мной, — заметил он. — Голые руки шнур сотрет в кровь.

Трелони бросил на него слегка удивленный взгляд, затем коротко ухмыльнулся.

— Спасибо, — сказал он. — А вы сможете пройти с одной перчаткой?

— На таком расстоянии это не проблема.

— Очень жаль, что вы не землянин, Доуланд. Мы могли бы подружиться.

— Очень приятно слышать такое от вас, — от-

ветил Доуланд. — Подождем еще одно из этих пространственных напряжений, прежде чем отправляться?

Трелони покачал головой.

— Боюсь, в этом нет необходимости. Насколько я понял, в этих напряжениях постоянства не больше, чем в бурном речном потоке. Видите, как дергается веревка, я бы сказал, что вас здорово потреплет, даже если не попадете в открытый разрыв.

* * *

Доуланд находился уже в пяти метрах от двери и быстро перебирал руками шнур, когда его что-то дернуло, и он неуклюже закачался на месте, как паук на паутине, когда ее рвет прущий напролом грибник. Внезапно его отпустило, он продвинулся, пошатываясь, несколько метров, прежде чем налетел еще один невидимый вихрь и потянул вниз. Тяга была очень сильной, и несколько бесконечных секунд она продолжала усиливаться. Детективу показалось, что руки сейчас оторвутся от плеч, но внезапно стихия снова его отпустила.

Остаток пути до постамента он проделал почти без помех, но мышцы дрожали от напряжения.

Он чувствовал, как его душит АР-поле. К сожалению, репшнур провисал в стороне от машины, и когда до нее осталось метров пять, Доуланд раскачался на шнуре, отпустил его и прыгнул прямо в узкий проход между пультом управления и кварцевым диском. Пульт слегка светился, на дальнем его конце и оказалось пресловутое колесо — регулятор потока, о котором говорил Трелони. Красная стрелка замерла против цифры пять. Доуланд сделал два шага по постаменту и крутанул колесо вниз.

Стрелка остановилась на единице. С легким щелчком она встала на место.

Вдруг что-то толкнуло детектива к пульту, сначала прижало к нему, а затем перебросило через него и низкий поручень у противоположного края постамента. Показалось, что пол задрожал, когда он ударился об него, затем медленно наклонился. Доуланд перевернулся и встал на четвереньки лицом к постаменту. Позади него вновь блеснул дневной свет, со всех сторон раздался рев реки, текущей в другом времени. Он встал на ноги и подпрыгнул к содрогающемуся над постаментом шнуру. И свет и рев мгновенно прекратились, как только он схватился за спасительный шнур, затем блеснули где-то в глубине

здания и исчезли. Раздался истошный вопль…

Доуланд раскачивался на шнуре, перебирая по нему руками и подбираясь все ближе и ближе к выходу. Ноги болтались в метре над полом, поскольку он был не в силах ступить на него долее, чем на мгновение. Теперь ему с трудом удавалось набирать в легкие достаточно воздуха сквозь удушающее антирадиационное поле. Он заметил, как мимо открытой двери взметнулась пыль, затемняя проем. Все здание содрогалось, точно от сильнейшего землетрясения. А где же Трелони?

Затем он разглядел нечто мокрое и красное, лежащее у стены рядом с дверью; Фрэнка охватил приступ выворачивающей рвоты — тело физика было так растянуто и скручено, что трудно было представить себе, что эти ошметки когда-то могли принадлежать человеку. Когда он добрался до двери, легкие были готовы разорваться. Ах, если б можно было отключить поле…

Его пушка лежала рядом с мокрым месивом у стены, Доуланд подобрал ее, стараясь смотреть в другую сторону, и уже наклонился, чтобы поднять с пола альпинистские принадлежности, когда позади него вновь блеснул свет. По привычке он обернулся.

Внутреннее пространство лаборатории разорвалось на части еще раз, на этот раз гораздо шире, чем обычно. Внизу пенился белый поток. Справа, над лесом, точно надутый красный шар, блистало сквозь слоистый туман заходящее солнце. А слева, над рекой, двигалось и поблескивало в сиянии давно минувшего дня нечто, во что невозможно было поверить, и в чем в то же время не приходилось сомневаться. Глядя на него, за мгновение до того, как панорама вздрогнула и вновь исчезла, Доуланд внезапно понял, что здесь в действительности произошло.

Он увидел ни что иное, как космический корабль.

Детектив развернулся, поспешно выбрался наружу прямо в свистящий ветер и увидел бледную как смерть Джил Трелони, которая стояла там, прижав руки ко рту, и глядела на него в упор круглыми от испуга глазами.

Он схватил ее за плечо.

— Пойдемте! Нам нужно выбираться отсюда.

Она выдохнула:

— Его… оно разорвало его!

— Мы ничем ему не можем уже помочь.

Над горой летали тучи пыли, закрывая собой вершину. Доуланд посмотрел на восток и при-

щурился на вырастающую прямо на глазах тьму, движущуюся по небу прямо на них. Он бросился вверх по склону и потащил девушку за собой. Джил полузадушенным голосом кричала что-то бессвязное, но он не остановился, чтобы разобрать, что именно она хотела сказать. Он впихнул ее в дом, захлопнул за собой дверь и побежал через холл в гостиную. Там Фрэнк отключил АР-поле и почувствовал, как воздух вновь наполнил легкие, точно он вынырнул из глубины вод. Детектор еще продолжал тихонько шипеть свои предупреждения, но теперь их почти не было слышно. Теперь придется не обращать внимания на радиацию, хотя это и было рискованно.

— Вон из костюма, быстро! То, что произошло в лаборатории, вызвало пыльную бурю. Когда она грянет, антирадиационное поле задушит вас в одну минуту.

Она молчала и только хлопала глазами.

— Снимайте костюм! — закричал Доуланд, чувствуя, что нервы на пределе. — Мы спустимся по восточному склону. Это наш единственный шанс. Но мы не сможем двигаться, если не сможем дышать…

Затем, пока она трясущимися пальцами торопливо расстегивала костюм, он быстро перебрал

груду походного снаряжения, брошенного у камина.

В ней обнаружился коммуникатор и Фрэнк уже стал прилаживать его к альпинистским веревкам, когда раздался резкий хлопок. Он в испуге обернулся. Костюм Джил валялся на полу, а сама Джил исчезла.

Детектив рывком раскрыл входную дверь, закричал и сквозь тучи пыли увидел, что она бежит к лесу.

Ему вряд ли удалось бы ее догнать, но девушка споткнулась и упала. Доуланд прижал ее к земле прежде, чем она смогла подняться. Джил боролась безмолвно и яростно, точно дикое животное, рвалась, кусалась, царапалась, глядя на него сузившимися, налитыми кровью глазами, и это было страшно. Но Доуланду, наконец, удалось освободить одну руку, и его кулак привычно скользнул по скуле. Голова Джил откинулась назад, глаза закрылись.

* * *

Спустя несколько минут он с девушкой на руках уже приближался к восточному склону горы. Здесь, за пределами ранчо, под ногами был сплошной камень, кое-где перемежаемый чах-

лым кустарником. Пыль залепляла глаза, хотя основной пыльный вихрь находился пока еще на расстоянии нескольких километров. Не было времени задерживаться в доме, чтобы поискать пистолет-инъектор с успокаивающим лекарством, хотя лучше было спускаться с оцепенелой и слегка парализованной женщиной, чем с безумной фурией, в которую Джил, возможно, вновь превратится, как только придет в себя после его коронного свинга. В крайнем случае, придется ее связать. Под ногами непрерывно то скрипело, то рокотало, земля ходила ходуном. Временами Фрэнку казалось, что он пробирается по чему-то мягкому и предательски податливому, словно зыбучий песок. Это всего лишь ощущение, успокаивал он себя, скала, как была, так и остается твердой. Но…

Вскоре он подошел к краю, мягко опустил девушку на землю и выпрямился, задыхаясь и протирая слезящиеся глаза. Гора позади них почти скрылась в тучах пыли.

Вдруг Доуланд даже сквозь пыль заметил нечто движущееся в том месте, где он только что прошел.

Вот же невезуха! Гигантский силуэт было видно лишь наполовину, но и без того стало ясно, что он

их преследует. Громадина мягко приближалась по трясущейся земле. Доуланд вытащил пушку, чувствуя странное и спокойное убеждение, что в данном случае она совершенно бесполезна. Однако он медленно прицелился, яростно щурясь от пыли, забивающей глаза.

И вдруг случилось это. Все выглядело так, словно их противник споткнулся. Затем махина продолжила свое преследование; но точно гром грянул о землю позади Доуланда, и в ту же минуту, изгибаясь и корчась, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, окутанная пылью фигура начала плавно расползаться, словно утопая в скалистой поверхности горы.

Через мгновение ее не стало.

Доуланд смог опустить пушку лишь несколько секунд спустя. В охватившем его оцепенении он почувствовал, что изменилось кое-что еще.

Где-то неподалеку зазвучал, яростно вонзаясь в уши, тоненький человеческий голосок. Взгляд детектива обратился к коммуникатору, притороченному к альпинистским веревкам.

Звук сходил оттуда.

Сетевая энергия Земли вернулась на Львиную гору.

* * *

Неделю спустя лейтенант Фрэнк Доуланд вошел в кабинет главы Полицейского Управления Солнечной Системы. Начальник представил его двум другим мужчинам, желавшим, по-видимому, остаться неизвестными, и предложил присесть.

— Лейтенант, — сказал он, — эти джентльмены хотят задать вам несколько вопросов. Можете быть с ними откровенны так же, как если бы вы говорили со мной.

Доуланд кивнул. Одного из джентльменов он узнал сразу, это был Ховард Кэмхорн, Координатор Исследовательских Программ, имевший репутацию одного из самых проницательных умов в высших эшелонах Верховного Правительства. Другой был ему незнаком. Брюнет, на несколько лет моложе Кэмхорна, на десяток сантиметров ниже ростом, коренастый, глаза сохраняют выражение отрешенной задумчивости, и, вследствие этого, делают его похожим на сову. Вероятно, контактные линзы, подумал Доуланд.

— Да, сэр, — ответил он начальнику и повернулся к посетителям.

— Мы читали рапорт о вашем недавнем визите на Землю, лейтенант Доуланд, — мягко начал

Кэмхорн. — Кстати, рапорт превосходный, очень точный, подробный. Но хотелось бы услышать от вас детали, которые вы совершенно справедливо опустили, а именно, личные впечатления и заключение о случившемся.

— Например, — присоединился к нему другой посетитель, пока Доуланд раздумывал, — мисс Трелони сообщила нам, что ее дяди пытались заставить украденный ими YM-400 произвести совмещение с ранним периодом истории Земли, известным под названием плейстоцен. Исходя из того, что вы видели своими глазами, удалось ли им это сделать?

— Не знаю, сэр, — ответил Доуланд. — Последние несколько дней мне показывали картины, изображающие этот период. То, что я описал в рапорте, вероятно, могло существовать тогда, — он улыбнулся. — Однако у меня сложилось впечатление, что самое большое из встреченных мною той ночью существ все же было сочтено экспертами чем-то вроде… э-э… ну, как бы это сказать…

— Плодом вашего воспаленного воображения? — кивнул тот из посетителей, что пониже. — В подобных обстоятельствах это вполне возможно, вы же понимаете.

— Да, сэр, я понимаю.

Низенький человек улыбнулся.

— Но вы сами так не думаете?

— Да, сэр, — ответил Доуланд, — я так не думаю. Полагаю, что описал в точности то, что видел и слышал.

— То есть вы думаете, что братьям Трелони удалось совместить наше время с одним из предыдущих периодов истории Земли, не обязательно плейстоценом?

— Думаю, что да.

— Еще вы сообщаете, что в этом доисторическом периоде вы видели космический корабль…

Доуланд покачал головой.

— Нет, сэр. Я думал так в момент наблюдения. Я указал в рапорте, что видел нечто похожее на космический корабль.

— Что же это было, по-вашему?

— Темпоральный корабль, если так можно выразиться.

— Да, выразиться так можно, — перебил его Кэмхорн, — но любопытно было бы узнать, лейтенант, что заставило вас сделать подобный вывод.

— Это догадка, сэр. Вещи должны согласовываться друг с другом. Темпоральный корабль позволит их согласовать.

— Каким образом?

— Мне говорили, — ответил Доуланд, — что ученые Верховного Правительства не смогли найти практическое применение YM, поскольку, когда его пытались использовать, что-то все время шло не так. Я также слышал, что не удавалось ни разу предугадать заранее, какая именно каверза произойдет и провалит эксперимент. Однако всегда происходило что-то, и при этом часто гибли люди.

— Истинная правда, — кивнул Кэмхорн.

— Ну вот, — продолжал Доуланд, — я думаю, что существует какая-то раса существ, которые живут не совсем в нашем времени и нашем пространстве. Назовем их темпорианами. У них тоже есть YM, они его активно используют, но не хотят, чтобы использовал кто-то еще. Они каким-то образом узнают, когда его активируют здесь, и применяют собственный YM, чтобы помешать процессу. В результате наши эксперименты всегда терпят неудачу. Однако им неизвестно, кто конкретно использует YM. Когда Трелони включили свою машину, темпориане в своем пространстве и своем времени заметили создаваемые напряжения. Они отправились в эту точку и нейтрализовали эффект скачка во

времени при помощи собственного YM. Трелони не намеревались с первого раза осуществлять полный контакт. Темпорианам почти удалось на территории вокруг лаборатории развести во времени два исторических периода.

— Но с какой целью? — спросил Кэмхорн.

— Думаю, им очень хочется определить наше местонахождение.

— С недобрыми намерениями?

— Во всяком случае, у тех, кого мы видели, намерения были весьма и весьма агрессивные. А могу я задать вопрос вам, сэр?

— Конечно, — ответил Кэмхорн.

— Когда эксперты Верховного Правительства обследовали машину Трелони, вся масса YM была экранирована должным образом?

— Да, должным образом, — ответил Кэмхорн.

— Но когда я открыл дверь, лаборатория была просто нашпигована радиацией, да и Мигель Трелони умер от лучевых ожогов…

Кэмхорн кивнул.

— Да, эти факты, без сомнения, придают вашей теории некоторую весомость, лейтенант. Однако стоит принять во внимание еще и тот факт, что после того, как вы выключили поток YM в лаборатории, прошло около десяти минут, прежде чем

явный контакт между двумя временными периодами разрушился. В вашем рапорте сказано, что описанные вами феномены непосредственно после отключения стали еще более явными.

— Да, сэр.

— Как будто эти ваши темпориане прилагали все усилия, чтобы сохранить контакт с нашим временем.

— По-моему, именно так дело и обстояло, — сказал Доуланд.

— Что ж, весьма правдоподобно. Итак, все указывает на то, что Пол Трелони действительно провел длительное время, вероятно, от двенадцати до четырнадцати часов, по крайней мере, в другом историческом периоде. Он не намекал, что именно наблюдал в эти часы?

— Нет, сэр, за исключением того, что, когда он там оказался, была ночь. Возможно, мисс Трелони он сообщил больше.

— По-видимому, не сообщил, — сказал Кэмхорн. — Прежде, чем войти вместе с вами в лабораторию, он предупредил ее, чтобы она остерегалась неких существ, описание которых в точности соответствует тем гигантам, с которыми вы встретились дважды. И это все. Вы могли бы добавить еще что-нибудь, пусть даже

гипотетически?

— Гипотетически? — хмыкнул Доуланд. — Видите ли, сэр, мое представление обо всем этом — одна сплошная гипотеза. Но я думаю, что Пол Трелони был схвачен темпорианами, как только появился в другом историческом периоде и несколько часов спустя смог сбежать от них. Двое из них пытались схватить его вновь, вследствие чего последовали за ним на Львиную гору сквозь очередную открывшуюся брешь в напряжениях, которое производил YM.

Коренастый компаньон Кэмхорна глубокомысленно заметил:

— Полагаете, то летающее создание, которое вы видели, прибыло сюда тем же путем?

— Да, сэр, — ответил Доуланд, поворачиваясь к нему. — Думаю, что это произошло случайно. Это могло быть какое-нибудь дикое животное, которое случайно забрело в зону контакта и очутилось здесь, даже не поняв, что с ним произошло.

— И также вы утверждаете, — продолжал коренастый, — что, проходя вблизи зоны контакта ночью, вам почудился запах болота?

Доуланд кивнул:

— Да, сэр, я это утверждаю. Эти запахи, конечно, могли быть иллюзией, но они показались мне

очень явственными. И, кроме того, как вы понимаете, на горе нет никаких болот.

— Будем считать, — сказал Кэмхорн, — что ваши ощущения не были иллюзией. Похоже, что все это хорошо вписывается в общую картину. Однако же, лейтенант, на чем основано ваше утверждение о том, что Пол Трелони какое-то время был пленником темпориан?

— На нескольких фактах, сэр, — ответил Доуланд. — Один из них состоит в том, что когда мисс Трелони очнулась в больнице, она не помнила, что пыталась от меня сбежать.

— Так указано в рапорте, — кивнул Кэмхорн.

— Она попыталась это сделать, — продолжал Доуланд, — вскоре после того, как сняла антирадиационный костюм, чтобы, спускаясь с горы, не задохнуться в пыльной буре. Это — первый факт.

— Продолжайте, — сказал Кэмхорн. — Второй факт, — когда рано утром я обнаружил Пола Трелони, на нем был антирадиационный костюм. Судя по тому, как физик выглядел, он провел в нем несколько часов, а, как известно, такой костюм не слишком удобен для походов по пересеченной местности.

— Но он мог, — предположил коренастый, — опасаться того, что на ранчо радиоактивность.

Доуланд покачал головой.

— Нет, сэр. У него при себе был счетчик, который предупредил бы о заражении местности. Гораздо разумнее было бы нести костюм с собой и надеть его, когда это станет необходимо. В то время я не подумал об этом. Но затем произошел третий факт. Я не включил его в рапорт, поскольку это относится сугубо к моим субъективным впечатлениям. Я не могу доказать, было ли это в действительности.

Кэмхорн подался вперед:

— Продолжайте.

— Это произошло непосредственно перед тем, как исторические периоды окончательно разделились, и существо, которое преследовало меня и мисс Трелони, точно провалилось сквозь скалы. Полагаю, оно вернулось обратно в свое время. Я уже описывал его, больше всего оно напоминало пятнадцатиметрового слизняка, который двигался на своем теле, а впереди у него было два ряда чего-то похожего на коротенькие ручки. Выглядело оно крайне непривлекательно. Я испугался до смерти. Однако у меня была пушка, точно такая же, как та, при помощи которой я остановил тварей, что напали на меня ночью. Но вся проблема в том, что в этот раз я не собирался стрелять.

— Не собирались стрелять? — переспросил Кэмхорн.

— Именно, сэр. Как только я его увидел, у меня были все основания разнести его в мелкие клочья. То, другое чудовище, после этого больше на меня не нападало, — вероятно, было сильно повреждено. Тем не менее, зная все это, я одновременно был убежден, что спускать курок нет никакого смысла. И вот как я могу все это объяснить. Думаю, что эти существа могут контролировать разум других существ, но их способности не могут преодолеть воздействие чего-то вроде наших АР-полей. Пол Трелони появился в другом историческом периоде и сразу угодил прямо к ним в лапы. У него было ружье, но, по-видимому, его схватили до того, как он смог им воспользоваться. Темпориане должны были исследовать человека и его обмундирование, и, когда сняли антирадиационный костюм, выяснилось, что пойманный принадлежит к расе, деятельность которой они способны контролировать ментально. После этого у них не было причин охранять его больше, поскольку он и так был беспомощен. Думаю, Трелони это понял и, воспользовавшись моментом, когда его действия не контролировали, натянул на себя костюм. После этого он вновь смог поступать по

собственному усмотрению. Когда темпориане обнаружили, что пленник исчез, то отправились на его поиски, и двое из них оказались на горе в нашем времени. Что же касается мисс Трелони, то совершенно очевидно, что это не она пыталась сбежать от меня. По-видимому, бедняжка даже не сознавала, что делает. Она просто исполняла приказы, которые ее разум стал получать, как только она сбросила антирадиационный костюм. Темпорианам необходимо было вернуться к месту перехода. Судя по направлению, в котором она бежала, оно, по-видимому, находилось где-то к северу от ранчо.

Повисло продолжительное молчание. Затем компаньон Кэмхорна добавил:

— И все же кое-что не вполне согласуется с вашей теорией, лейтенант.

— Что же, сэр?

— В вашем рапорте сказано, что вы выключили свое АР-поле в то же самое время, как посоветовали мисс Трелони выбраться из костюма. Вы должны были равным образом подвергнуться ментальному влиянию.

— Что ж, — ответил Доуланд, — я могу попытаться объяснить и это, сэр, хотя повторяю, доказать то, что я думаю, невозможно. Возможно,

темпориане могут контролировать лишь один разум за раз. А этот мог просто не понять, что я… как бы это получше сказать… устроил мисс Трелони нокаут и что она больше не подчиняется его приказам, пока не догнал нас и не увидел своими глазами или что-там-у-него-вместо-глаз. Я предполагаю, темпорианин не знал об этом до того момента, пока не переключил свое ментальное воздействие на меня.

* * *

Коренастого собеседника Доуланда звали Лайлард Уайт, и в Исследовательских Программах он был одним из самых крупных специалистов во всех вопросах, касающихся психологии. Вид у него, когда вместе с Кэмхорном они покинули штаб Полицейского Управления Солнечной Системы и двинулись в направлении примыкающего к нему административного здания Верховного Правительства, был весьма озадаченный.

— Судя по твоему выражению, — заметил Кэмхорн, — наш лейтенант говорит правду.

— Разумеется, — проворчал Уайт, — то, что он считает правдой.

— А он в своем уме?

— Вполне, — с отсутствующим видом ответил Уайт.

Кэмхорн улыбнулся.

— Тогда в чем дело, Лолли? Тебе не нравится идея путешествий во времени?

— Конечно, не нравится! Это абсурд.

— Глупый ты, Лолли, ибо мыслишь слишком прямолинейно. Значительное число величайших умов нашего времени расходится с тобой во мнениях по этому вопросу.

Лайлард Уайт не очень уважительно прошелся по адресу великих умов как таковых, затем поинтересовался:

— Тот аппарат, что построили Трелони, был обнаружен целым и невредимым?

Кэмхорн кивнул:

— Совершенно невредимым. Я смог осмотреть его, когда вместе с другими машинами, которые скрывали у себя Свободные, он был доставлен с Земли.

— И все эти машины были предназначены для перемещения во времени?

— В этом не может быть никаких сомнений. Они работают в Римановом пространстве и сконструированы очень прилично. Работа, заслуживающая всяческого уважения. Жаль, что

братья Трелони сложили на этом поприще головы, мы могли бы подыскать лучшее применение их талантам. Хотя, все так повернулось…

Он пожал плечами.

Уайт внимательно посмотрел на собеседника.

— О чем ты говоришь? — подозрительно спросил он.

— Жаль, конечно, но осуществить переход во времени братьям-физикам не удалось, — сказал Кэмхорн, — хотя, теоретически, это должно было у них получиться. Я это точно знаю, поскольку у нас имеются собственные машины, основанные на том же самом принципе. Первая из них была создана почти восемьдесят лет назад. Две такие машины занимаются утилизацией потока YM. По целому ряду деталей машина Трелони значительно более совершенна, чем аналоги, имеющиеся в распоряжении Верховного Правительства, но она все же не позволяет переместиться в другое время.

— Почему?

— Я и сам хотел бы это знать, — вздохнул Кэмхорн. — Все выглядит так, словно реальность, в которой мы живем, придерживается столь же пессимистичного взгляда на путешествия во времени, как и ты. Путешествия во времени остаются

возможными лишь в теории. Но на практике, когда, например, мы хотим использовать для этой цели поток YM, он всячески уклоняется.

Уайт ошеломленно посмотрел на него:

— Но если Пол Трелони не двигался сквозь время, то, что же он тогда делал?

— А что еще остается? — спросил Кэмхорн риторически. — Он двигался сквозь пространство, конечно.

— Куда?

Кэмхорн пожал плечами.

— Они проникли в Риманово пространство, — сказал он, — используя в своей машине энергию приблизительно на три порядка большую, чем то, что было доступно нам, прежде чем химические элементы группы Ymir попали в наши руки. Теоретически, Лолли, они могли направиться куда угодно во Вселенной. Если бы у нас хватило духа поиграть со здоровенным куском YM, в то время как мы использовали какие-то паршивые доли грамма, наши ученые могли получить аналогичные результаты, как у Трелони.

— Извини, я все же немного не понимаю, — сухо заметил Лайлард, — в чем именно состояли их результаты.

— О, теория лейтенанта Доуланда недалека

от истины. По иронии судьбы нам следовало бы поблагодарить семейство Трелони. Теперь не осталось никаких сомнений в том, что за те несчастья, что преследовали нас во время применения YM, ответственна именно раса тех существ, с которыми они столкнулись. Темпориане — это, конечно, название неудачное и его придется подправить — не самые лучшие соседи, соседи в терминах Риманова пространства, разумеется. Если они узнают, где нас можно найти, человечеству не поздоровится. У них появились хорошие шансы выиграть первый раунд, когда Трелони засветили шестьюдесятью восемью килограммами хорошо различимый ими маяк. Однако эти твари сделали несколько ошибок, и вновь нас потеряли. Пока мы сыграли с ними вничью. Если не считать того, что теперь мы знаем о них ровно столько, сколько им удалось узнать о нас. Думаю, что через несколько лет мы будем готовы ко второму раунду.

На лице Уайта отобразилось сомнение.

— То есть Трелони вступили в контакт с одной из населенных ими планет?

— О, нет. По крайней мере, это было бы невероятным совпадением. Нет, машина искала Землю такой, какой она была в поздней части

плейстоцена. Трелони настроили около тысячи весьма специфических параметров для определения ее во времени. Но время не поддалось, и машина начала искать подобное сочетание параметров в пространстве, и нашла. Как верно предположил лейтенант Доуланд, темпориане, а точнее, инопланетяне, двинулись сквозь Риманово пространство туда, где так явно заявлял о себе YM-поток. Но, даже оказавшись на месте, они все же не могли определиться, где именно во Вселенной расположен его источник, хотя, в некотором смысле, находились от Земли буквально на расстоянии вытянутой руки, а двое из них даже некоторое время топали прямо по ее поверхности. Для наших друзей это был во всех отношениях крайне неприятный опыт.

— Хм-м, — сказал Лайлард Уайт и нахмурился.

Кэмхорн засмеялся.

— Оставь ты это, Лолли! — сказал он, — в конце концов, это не твоя специальность. Давай же обратимся к тому, в чем тебе нет равных. Как ты можешь объяснить тот факт, что Доуланд оказался на некоторое время неуязвимым для ментального влияния этих существ?

— Что? — переспросил Уайт. — Неуязвимым? — Его лицо выразило крайнее изумление: — Но

ведь это же очевидно!

— Рад слышать, — сухо откликнулся Кэмхорн.

— Тем не менее, это так. Отношение Доуланда к случившемуся ясно показывает, что он сам подозревает причину, но как бы не хочет ее воспринимать.

— Почему? И что же он подозревает?

Уайт снисходительно покачал головой.

— Это же так просто. Первым представителем человеческой расы, с которым столкнулись инопланетяне, был Пол Трелони. Но он же — настоящий гений! Только гению оказалось под силу обмануть наши тесты на проверку интеллекта. Ползая по горе, эти слизнеподобные твари искали кого-то с аналогичным уровнем интеллекта. У Доуланда — интеллект выше среднего, он далеко не глуп. Ты говорил, что тебе нравится, как он оригинально мыслит. Однако ему очень далеко до Трелони. Без сомнения, всякий раз инопланетяне принимали его за нечто вроде домашнего животного. Смышленого, но не более того. Единственная причина, по которой он остался жив, это то, что его не воспринимали всерьез.

— Это, — глубокомысленно заметил Кэмхорн, — может многое изменить.

— Действительно, может.

— У нас есть сейчас что-нибудь, что может блокировать их специфические пси-способности?

— Разумеется. Если их смогло остановить АР-поле, то вообще не о чем беспокоиться. К тому же человечество со своим уровнем телепатического развития может спать спокойно: в лучшем случае инопланетяне примут нас за недоумков.

— Прекрасно, — сказал Кэмхорн. — Есть какие-нибудь теории относительно частичного материального взаимопроникновения зон, о которых сообщали Доуланд и мисс Трелони? Что они время от времени могли слышать шум реки с другой планеты.

Уайт кивнул:

— Существует несколько возможных объяснений. Во-первых…

— Лучше оставь это на ланч, Лолли, — перебил Кэмхорн, взглянув на часы. — До важного совещания у меня осталось всего ничего. Полагаешь, сейчас нам стоит обсуждать что-нибудь?

— Только одно, — ответил Уайт. — Если машина Трелони способна найти где-то во Вселенной планету земного типа…

— Без сомнения, способна.

— Тогда, — сказал Уайт, — проблема нашего растущего, точно на дрожжах, населения, реше-

на, не так ли?

— На данный момент, именно так, — согласился Кэмхорн. — На самом деле, Лолли, об этом и пойдет речь на совещании, куда я не могу опоздать.

— В таком случае, Свободные земляне могут больше не беспокоиться о том, что их Земле грозит превращение в очередную перенаселенную трущобу.

— Истинно так, — сказал Кэмхорн. — Если все пойдет хорошо, то через несколько лет каждый человек сможет стать Свободным гражданином. Где-нибудь во Вселенной.

— Так что, в конце концов, Трелони добились своего…

— Да, добились, некоторым образом. Если бы братья узнали, как все обернулось, думаю, они были бы только рады. Ситуацию разъяснили их племяннице. Она осталась вполне довольна.

Конец пути
(рассказ)

Под вечер космический корабль пал на край изогнутой линии пляжа. Позади пляжа возвышалась узкая полоска травянистых зарослей в полкилометра длиной, за которыми матово поблескивали серовато-розовые выступы утесов, которые круто взмывали вверх почти на семьсот метров, давая начало широкому и плоскому континенту. Темно-зеленая стеклянная гладь самого большого океана планеты простиралась гостеприимным изгибом, грациозность которого подчеркивали две узкие цепочки островов, протянувшиеся приблизительно в тридцати километрах от берега.

Свалившаяся с неба блестящая, отполированная машина начала медленно обустраиваться на новом месте, где-то под нею громогласно завывал ветер, мелководье пляжа морщилось странными зигзагообразными узорами. Подняв целый каскад песчаной взвеси, она на десять метров погрузилась в скалистое основание пляжа и на этом успокоилась. Жесткий щелчок оповестил о

том, что круглый шлюз намерен открыться ровно на одну треть, и мгновение спустя, из него вышли семеро из девяти членов Исследовательской Группы номер 1176 Центрального Правительства, сбившись в кучу на высоте пятнадцати метров над пляжем, ибо такова была протяженность корабельного трапа.

Шестеро из них спрыгнули, не доходя до конца. Скатившись с нее мягкими клубками, они, точно котята, мягко шлепнулись о песок и тут же вприпрыжку побежали к воде. Лишь Греван в полном одиночестве, полный достоинства, подобающего командиру, чинно прошел весь путь до самой земли.

Он сошел с него неспешно, огромный, грузный человек мощного сложения, мускулистый, но поджарый, быстрый в движениях, ничем не отличающийся от профессиональных борцов-гладиаторов, вместе с которыми в свое время тренировался. Выражение каменной суровости на лице настолько соответствовало всему остальному его облику, что менее примечательные люди обычно при одном взгляде уступали ему дорогу, даже не испытав свои силы против блестящей технической подготовки чиновника Центрального Правительства.

В известном смысле ему было немного жаль, что членов Исследовательской Группы впечатлить было гораздо труднее.

Греван задумчиво сдвинул брови, глядя, как пятеро из шести, что вышли вместе с ним из корабля, на ходу срывают скафандры, оружейные пояса и прочее обмундирование, несясь стремглав к воде. Кузат, Элиоль, Веснушка, Ланей, Вернет — сделал он мысленную перекличку по привычке, глядя на то, как они в фонтанах брызг исчезают с поверхности воды. Появление их на свет в одной из эмбриональных лабораторий Центрального Правительства явилось результатом научного эксперимента, проведенного под его руководством, и хотя они еще не достигли взрослого состояния, они ни в чем не уступали Гревану по физическим данным. И все же! Кто знает, какие плотоядные формы инопланетной жизни могут плавать за пределами мелководного побережья этого океана…

Ребятки слишком о себе мнят!

И только Вейер, по крайней мере, решил на всякий случай остаться на берегу, в одежде, держа наготове оружие. Несколько успокоившись, Греван переключил свое внимание на металлический скрежет и лязганье, раздавшееся из

открытого шлюза над головой. Клем и Мускул, получившие сегодня наряд на камбузе, пытались вытащить из корабля громоздкий кухонный комбайн, что позволило бы членам Группы пообедать на свежем воздухе.

— Босс! — прозвенело сверху чистое сопрано Клем.

— Тут он я, — проорал в ответ Греван. — Что, есть проблемы?

— Похоже, что комбайн застрял, — гулко объявила она из шлюза. — Поднимитесь, пожалуйста, и… нет, погодите минутку! Кажется, Мускул его сдвинул… Да подожди ты, дубина, пока я снова не включу антигравитацию! Теперь толкай!

Комбайн вылез из шлюза с жутким скрежетом, который свидетельствовал о приложенных к нему значительных усилиях. На секунду он, медленно вращаясь, завис в воздухе над трапом с Клем наверху. Затем появился Мускул, пристегнулся к комбайну и, слегка кренясь на бок, они все вместе плавно опустились на землю под мелодичное звяканье, доносившееся из кухонной утробы.

— Что сегодня на обед? — спросил Греван, подоспевший как раз вовремя, чтобы помочь им приземлиться.

— Альберт Второй под грибным соусом, — ответила Клем, высокая стройная блондинка с огромными голубыми глазами и обманчиво глубокомысленным выражением лица. Когда кухня прочно встала на песок, она оперлась на крепкое плечо Гревана и спрыгнула вниз: — Меню не слишком оригинально, признаю, зато десерт будет отличный! Может, попробуем на гарнир к Альберту какие-нибудь местные овощи?

— Возможно, — осторожно разрешил Греван. — Чья на этот раз очередь пробовать?

Постоянно занятый другими вопросами, он частенько внезапно для себя обнаруживал, что вынужден сам осуществлять эту процедуру, причем, когда предназначенные на пробу продукты выглядели особенно неаппетитно. В таких случаях вся Группа бросала свои дела, дабы собраться вокруг командира и хором сочувствовать, пока он адаптировал свой желудок к необычным ингредиентам.

— Очередь Вернет, да? — спросил Мускул.

— Точно, сегодня жертвой выпало быть Вернет, — уверенно кивнула Клем. — Вы спасены, босс, на этот раз.

— В таком случае, — с облегчением проговорил Греван, — Вернет находится на глубине добрых

пяти метров. Притащите ее сюда, если сможете, и мы пойдем прошерстим ближайшие кусты.

— Это наилучшая из всех нормальных планет, — заметила Клем, вглядываясь в береговую линию в том месте, куда только что направился Мускул в поисках Вернет. — Знаете, как молодняк назвал ее, когда три недели назад мы впервые приземлились здесь? — она была лет на десять младше Гревана, но примерно на год старше всех остальных членов Группы, вследствие чего была склонна относиться к ним с материнской снисходительностью: — «Точка невозврата».

Греван неловко усмехнулся, поскольку в любом случае выражение действительно точно описывало положение Группы. За те восемь лет, что прошли с тех пор, как Центральное Правительство назначило его ответственным за стадо непослушных, недоверчивых, несчастных зверьков, которые тогда даже не знали, кто они: люди или биологические роботы. Группа никогда раньше не обсуждала между собой открыто вопрос о том, чтобы избавиться от насильственной опеки Центрального Правительства. Есть такие места, где никогда нельзя быть уверенным, что тебя не подслушивают. Греван до сих пор удивлялся тому, что уже восемь недель они гонят во всю

мочь свой корабль прочь от границ разбухших владений Центрального Правительства, и все выглядит так, словно избежать опеки удалось. Однако это предположение все еще нуждалось в подтверждении.

— Вы ответите на завтрашний вызов ЦП? — спросила Клем.

Греван пожал плечами:

— Не знаю, — единственным оставшимся каналом связи с ЦП, насколько они могли судить, были голосовые сообщения, которыми периодически обменивались пара устройств связи, одно из которых было установлено на корабле. Где находилось другое, догадаться не было никакой возможности, но время от времени по нему обращался к Исследовательской Группе один из сотрудников ЦП, курировавший ее деятельность.

— Я собирался сегодня вечером поставить этот вопрос на голосование, — уклончиво ответил Греван. — ЦП не может выследить нас через передатчики. Кроме того, мне очень хотелось бы услышать, что они скажут, когда узнают, что мы даем им полную отставку.

— Идея неплоха, но никакого голосования не получится.

Он взглянул на девушку сверху вниз, в то время

как она наклонилась вперед, чтобы вытащить из нутра большой плиты маленькую переносную плитку и взвалить себе на плечо.

— Почему это?

— Кажется, молодняк считает, если мы ответим на вызов, невозможно предугадать, пойдет ли нам это на пользу, и потому принять решение попросит вас.

— Тебя это все не волнует? — поинтересовался он.

Да, казалось, что командир изучил молодняк как свои пять пальцев, ан нет, время от времени тот преподносил всяческие сюрпризы.

Клем пожала плечами:

— Не очень, — она шлепнула ладонью химический тестер, чтобы тот плотнее прилег к портативной плитке. — В конце концов, что бы ни случилось, мы все равно не вернемся обратно. Если ЦП как-то исхитрится и сможет нас остановить, я предпочту остаться на месте остановки, нежели проходить еще один сеанс в их пси-лабораториях, чтобы выйти оттуда с не просто промытыми, а уже напрочь вымытыми мозгами…

Она немного помолчала. Из воды, с расстояния сотни метров, донеслась невнятная перебранка.

— Похоже, Мускул все же поймал Вернет, — сказал Греван. — Пойдем-ка на пляж.

* * *

Вернет решительно откинула со лба прядь мокрых каштановых волос и с негодованием заявила, что сегодня не ее очередь снимать пробу. Однако Группа переубедила ее с перевесом семь-один, и это притом, что Ланей воздержался, сославшись на нелады с памятью. Строптивица обтерлась махровым полотенцем, безропотно оделась и направилась к кухне.

Первые три плода многообещающего вида, которые были загодя протестированы дежурными фуражирами, показались ей ни рыбой, ни мясом. Они не вызвали особых возражений по поводу их употребления в пищу, и, по всей вероятности, являлись довольно питательными. Но как их только ни готовила Клем на портативной плите, вареные, пареные, жареные, со специями и без оных, они, по мнению Вернет, оставались на вкус совершенно невыразительными.

Четвертый кандидат на блюдо, прошедший химический тест, напоминал пухлый кочанчик капусты, увенчанный листочками небесно-голубого цвета с алыми каемочками. Почуяв недоброе,

Вернет фыркнула:

— Такая яркая индивидуальность непроста, — заметила она. — Бьюсь об заклад, тяжелая еда!

Она с упреком взглянула на Клем:

— Ты ее специально для меня сорвала!

— Хм, — тихонько усмехнулась повариха, — а кто уговорил меня попробовать того огромного жареного паука?

— То был совершенно другой случай, — заявила Вернет безапелляционно. — Меня тогда посетило предчувствие, что он будет необычайно вкусным!

Клем взглянула на нее с улыбкой.

— Сегодня в наряде на кухню я, и предчувствия посещают сугубо меня. Как ты предпочитаешь его съесть?

— Запеченным в кляре, — проворчала Вернет, — но помни, смерть моя ляжет черным пятном на твою совесть!

Полминуты спустя она осторожно откусила кусочек обваленного в яйце и муке хрустящего листа капусты, с удивлением отметила, что кушанье превосходно, и попросила добавки. Едва сунув в рот третий по счету лист, она издала дикий вопль, согнулась пополам от боли, но быстро пришла в себя, приспособившись к чужеродным

белкам. Приступ занял не более двенадцати секунд, но присутствующие выждали целых десять минут, чтобы незнакомые вещества как следует вспенили дегустаторше кровь. Затем овощ, получивший имя Вернет, попробовали все по очереди и, пошатываясь, с мученическим выражением на лицах, пошли обратно на пляж, за исключением Клем и Мускула, отправившихся на поиски *вернетской* капусты.

Греван тоже не пошел на пляж, а вернулся в корабельную лабораторию, где осторожно перелил из пробирки в реторту кровь, выжатую им из вены мученицы. Онтогенетическая адаптация, с близким к нулю временем реакции на все чужеродное, включая инфекции и яды, являлась самым полезным из врожденных свойств молодняка. Длительные, никем не санкционированные исследования и эксперименты, в конце концов, несколько прояснили то, как это происходит. Чуждую субстанцию в каждой клетке на входе немедленно встречала Группа белковых цепочек, которая распознавала захватчиков и сводила на нет все их усилия, оставляя своего хозяина, члена Группы, совершенно неуязвимым.

Подобная внутренняя вакцинация часто вызывала у вакцинируемого мимолетное ощущение,

будто он только что проглотил микроскопический, но весьма активный вулканчик, склонный к извержениям. Правда, длилось это недолго, и никто, кроме самого вакцинируемого, не принимал страданий всерьез. В результате лабораторных манипуляций Гревана кровь Вернет трансформировалась в маленькие розовые таблетки; перед обедом все проглотили по парочке таких пилюль и, таким образом, адаптировались безо всяких затруднений, не считая того, что донор обозвала своих товарищей «вампирами по несчастью».

Альберт Второй под классическим грибным соусом с гарниром из *вернетской* капусты вызвал шумное одобрение и был признан выдающейся кулинарной композицией во всех отношениях. Клем принимала поздравления.

* * *

Наступила ночь. Астронавты разожгли костер на скале, выше самой высокой точки прилива, у самого края шелестящих древесных зарослей. Вскоре все расселись вокруг огня, лениво переговариваясь или просто посматривая на танцующие языки пламени.

Соблюдать какие-то особые меры предосторож-

ности здесь, по-видимому, не требовалось, хотя Вейер сообщил о создавшемся у него прямом телепатическом восприятии крупных, весьма агрессивных и плотоядных формах жизни, обитающих в непосредственной близости от стоянки. Кроме того, в процессе исследования планеты Группа обнаружила рассеянные следы как минимум двух глубоководных цивилизаций, созданных живыми существами с вызывающе скрытным характером. Тем не менее, в орнаментальных оружейных поясах астронавтов таилось с полдюжины изящных миниатюрных устройств, гарантирующих противнику мгновенную смерть, не говоря уже о том, какой чудовищный переполох мог организовать в случае надобности малогабаритный военный корабль, который доставил их сюда. А если учесть необычайную чувствительность, которая была мгновенной, точной и имела большой радиус действия, то вряд ли можно было застичь Группу врасплох. Так что если местные жители во время первого знакомства с Группой выкажут по отношению к ней враждебные намерения, то это целиком и полностью станет их проблемой.

Посмотришь на молодежь, и кажется, что у них никаких забот, с завистью подумал Греван.

Здоровые, крепкие, едва переступившие порог зрелости. Четверо парней и четыре девушки ведут себя так, словно они — скауты, отправившиеся на межзвездный пикник, а Греван за ними присматривает на манер командира отряда.

На самом деле все обстояло, конечно, не совсем так.

Молодняк не хуже своего командира знал, что даже здесь, на громадном расстоянии от родной планеты, они все еще находятся на длинном и невидимом поводке в виде искусственных ментальных ограничителей, которыми управляли пси-машины Центрального Правительства. Чтобы освободиться от этих ментальных вожжей, им пришлось самостоятельно прибегнуть к практической психологии, но установить, удалось ли их действительно сбросить, не было никакой возможности. В случае, если на каждого члена Группы до сих пор скрытно действуют подобные гипнотические механизмы, наказание за сопротивление Центральному Правительству последует с автоматической неотвратимостью и безжалостностью.

Греван часто вспоминал, как испуганным, но непокорным мальчуганом простаивал в учебном подземелье долгие часы перед пустой, на

первый взгляд, стеной, за которой скрывалась на самом деле одна из таких машин под названием Доминатор. Он помнил все: слышал тусклый, безжизненный голос легендарного электронного чудовища, почти такого же древнего, как само Центральное Правительство; видел, как скользили и мигали на стене слепящие гипнотизирующие рисунки; чувствовал, как тяжкие сети чуждой воли охватывают его разум и мгновенно тают перед мысленным взором, ускользая за пределы сознания.

Таков был его первый опыт взаимодействия с механизмами, которые Центральное Правительство предпочитало именовать эвфемизмами типа «ограничители». Лично ему Доминатор установил три таких ограничителя и дал мальчику понять, что его ожидает, если он вновь попытается ослушаться. Два дня спустя он, обуреваемый скепсисом, решил проверить, насколько сильна над ним власть ограничителей, и едва не умер.

Скоро астронавтам станет все известно. Если завтра они не ответят в условленное время на вызов, все сохранившиеся в них механизмы насилия придут в действие так же неотвратимо, как и в случае открытого сопротивления ЦП. Но поскольку они, наконец, нашли подходящую пла-

нету, которая могла бы стать их домом и к тому же находилась за пределами досягаемости псимашин, завтра предстояло выбрать один из двух возможных образов действия. Пробегая взглядом по юным лицам, с разлитым на них выражением мягкой задумчивости, Греван даже представить себе не мог, что вместо этого кто-то предложит пойти с ЦП на компромисс. После пяти лет тайной подготовки и разработки планов бегства, эта мысль не могла никому придти в голову.

Усилием воли командир заставил себя расслабиться, позволяя своим чувствам проникнуть в ощущения ребят и девчат. Прохладный ночной ветерок трепетал над головой, принося с собой незнакомые запахи; невидимые ночные твари, причитая тонкими, ноющими голосками, проносились над морем. Океан нашептывал что-то свое прибрежным скалам, и на расстоянии приблизительно с километр к югу от костра кто-то очень большой с шумным плеском начал было выбираться на мелководье, но скоро передумал, вернулся обратно и скрылся в глубине. Казалось, что молодежь, отдыхая, желает слиться с этой ночью, выпустив как можно дальше щупальца своего ментального восприятия, дабы постичь сущность жизни на этой новой для них планете.

Затем их внимание начало концентрироваться вокруг новой проблемы, и Греван позволил себе и дальше плыть по течению их мыслей.

* * *

Вскоре он почувствовал, что композиция из нескольких впечатлений была воспринята кем-то из астронавтов, другие ее тут же дополнили, образуя все более и более связную и четкую картинку. Она изображала двух лохматых, неотесанных, проголодавшихся созданий местной природы, неуклюже спускавшихся с утесов за спиной у Группы в направлении догорающего костра.

Молодняк не шелохнулся в ожидании, пока незнакомцы не приблизятся, а Греван наблюдал за своими подопечными, забавляясь от души и совершенно позабыв обо всех страхах. Шаркающей походкой эти дети природы достигли подножия и теперь пробирались сквозь заросли. Походка у них тяжеловата, но в целом добытчики они, должно быть, неплохие, подумал Греван. Вероятно, здешние венцы творения, которые знали в охоте толк и сначала долго, осторожно подкрадывались, а затем бросались на свою добычу, причем Греван отметил себе на будущее,

что в качестве таковой они явно воспринимали затухающий огонь костра.

Не дойдя до него около двухсот метров, охотники внезапно замерли на скалистом выступе. Греван мысленно очерчивал их огромные, серые, туманные очертания, в верхней части которых светилось по паре красных глаз.

Интересно, подумал он, почему всех представителей наиболее интеллектуально зрелых видов инопланетных хищников всегда охватывает интуитивное беспокойство, стоит им бросить на Группу один-единственный взгляд? Молодые люди даже не пошевелились, но незваные гости почти сразу же пришли к заключению, что вовсе не так голодны, как им казалось до этого. Вслед за этим они перешли к тихому и незаметному отступлению…

Вдруг Элиоль откинула голову и издала резкий, короткий смешок, точно во тьме блеснули ослепительные зубы неотразимого хищника. Вокруг костра прокатилась волна беззаботного веселья, и отступление внезапно перешло в неуклюжее, паническое бегство.

* * *

Это происшествие стряхнуло с астронавтов сон и вызвало желание поболтать. Возможно, сейчас самое подходящее время выяснить, что они думают о своих шансах вырваться завтра из лап ЦП. Греван привстал и начал дожидаться паузы в жарком споре, разыгравшемся по другую сторону костра.

По-видимому, они потому так стремительно бросились в океанские волны сразу по приземлении, что последний нырнувший должен был взять на себя обязанности завтрашнего дежурного по кухне. Как известно, эта неприятная участь досталась Вернет.

Поразмыслив, все остановились на мнении, что сегодня просто был не ее день. Однако Вернет не желала мириться с судьбой.

— Ты же знаешь, что у меня постоянно заедает пояс, — бросила она тяжкое обвинение Элиоль. — А ты специально сделала так, чтобы я стала последней!

Элиоль, которая предложила злополучное пари и которой, таким образом, удалось отложить свою очередь по выполнению наименее любимой из обязанностей на целый день, позволила

себе хихикнуть.

— Ничего, это научит тебя содержать в порядке обмундирование! Ты могла и не соглашаться. Вейер же не согласился.

— Ну ладно, — согласилась Вернет. — Ведь Ланей поможет бедной девочке пережить эту неприятность, правда, Ланей?

— Угу, — Ланей просиял от радости, — еще бы!

— Ну, надо же, как он тебя любит! — критически заметила Элиоль. — Иногда это становится даже неприятно. Возьмем, например, Кузата, вон он. Валяется, как обычно, кверху пузом. Этот парень ведет себя всегда прилично и сдержанно, никто даже не догадывается, что на самом деле он — раб моих самых мимолетных желаний.

Кузат, распростертый на песке неподалеку, открыл один глаз и одарил свою возлюбленную затуманенным взором.

— Мечтай, мечтай, детка! — пробормотал он, после чего глаз закрылся.

Остальные уже говорили о другом. Насколько Греван понял, во время купания пятеро из пловцов ощутили присутствие инопланетян. Подводные жители не были настроены враждебно, они лишь плавали вокруг, с опаской рассматривая новые и весьма странные, с их

точки зрения, формы жизни.

— Они, как бы это сказать, чувствовали себя очень… съедобными! — сказала Элиоль и рассмеялась. — Возможно, они поняли, что пока мы плаваем, то можем проголодаться! Во всяком случае, они предупреждали друг друга, чтобы никто не смел показываться нам на глаза!

— Питаются планктоном, — лениво добавил Ланей, — но, тем не менее, плавают очень быстро. Еще кто-нибудь что-то уловил?

— Строят пещеры, — откликнулась Веснушка из-за спины Вейера, сидевшего всего в метре от Гревана. Она приподнялась на локте, чтобы вытянуть руку. — Там, на западе, есть такой крутой спуск! Они изрыли его весь туннелями. Не думаю, что они могут флюоресцировать сами, но у них есть какой-то способ поддерживать освещение в пещерах, вероятно, какие-нибудь бактерии. А еще они культивируют там планктон.

— Похоже, что для прямого контакта они созрели достаточно, — заметил Греван, и в то же мгновение, за секунду наступившей тишины, понял, что за целый час не проронил ни слова.

— Вполне достаточно, — согласилась Веснушка. Затем маленькое личико, затененное ее любимой бесформенной панамой, повернулось к Грева-

ну. — Если бы Клем не была так занята готовкой, я позвала бы ее попробовать. Одна я боялась их отпугнуть.

— Завтра я обязательно попробую, — пообещала Клем, считавшаяся среди астронавтов наиболее способной к тонкой и искусной дипломатии.

* * *

Снова повисла пауза, на этот раз, возможно, оттого, что было произнесено слово «завтра».

— Греван, вы намерены завтра отвечать на вызов? — безмятежно пролепетала Веснушка, словно это только что пришло ей в голову.

— Если только, — кивком ответил Греван, — ни у кого нет идеи получше.

Идеи получше ни у кого не оказалось, только Мускул проворчал:

— Пусть ЦП само ищет идеи получше. Если бы принимал решение я, то грохнул бы передатчик об скалу!

Греван посмотрел на него с интересом.

— Все остальные придерживаются такого же мнения?

Они закачали головами.

— Решайте вы, Греван, — прозвучал спокой-

ный голос Вейера. — Мы просто посмотрим, что получится. Как думаете, можно выбить из них какую-нибудь ценную информацию?

— Только если они ничего не подозревают, — ответил Греван. — Я думаю, безопаснее всего для нас находиться на связи в тот момент, когда до ЦП дойдет, что Исследовательская Группа в дальнейшем отказывается от выполнения своих обязанностей. Это может подтолкнуть их к некоторым действиям…

— Я все же думаю, — начал Мускул, с беспокойством поглядывая на Клем, — что нам… ладно, молчу!

— Результат голосования восемь против одного, — твердо сказала Клем.

— Знаю, — прорычал Мускул и умолк.

Остальные, казалось, вновь потеряли всякий интерес к затронутой теме — стадо из не вполне человеческого молодняка, почти взрослого и уже отлично приспособленного к тому, чтобы начать жить самостоятельно. Пока они находятся в самой выигрышной позиции для того, чтобы встретить противника, которого никогда раньше не могли одолеть.

Но пока битва не началась, они не желали беспокоиться по этому поводу.

* * *

Некоторые из них поднялись и медленно побрели к берегу. Греван увидел, как Клем помедлила, чтобы что-то сказать Кузату. Тот немедленно продрал глаза, вскочил на ноги и направился прямиком к командиру, за ним едва поспевала Клем.

— Клем считает, что Альберт снова неважно выглядит, — заявил Кузат. — Вероятно, ничего особенного, но не пойдете ли вы с нами, чтобы помочь поставить диагноз?

Три лучших биолога в Группе вернулись на корабль, к ним также присоединился Мускул, который хоть и предпочитал науке о живом чистую математику, пошел с ними просто за компанию. Альберт безмятежно покоился в своей огромной стеклянной капсуле и выглядел именно так, как должны выглядеть два центнера самовоспроизводящегося мясного филе.

— Он перестал усваивать пищу и даже слегка изменился в цвете, — озабоченно заметила Клем.

Последовала долгая дискуссия о том, что необходимо Альберту. Альберт являлся незаменимым пунктом их меню, но, к сожалению, также был

необычайно капризен и привередлив. Химический баланс, температура, радиация, поток стимулирующих и питательных веществ, — все должно было быть как надо, но при этом его индивидуальные представления о том, как надо, часто менялись безо всякого предупреждения. Если его прихоти не удовлетворялись, он приобретал томный вид, отказывался от пищи и в течение недели медленно угасал в знак протеста. По крайней мере, угасала его часть, жившая на корабле. Как общественный институт он, разумеется, продолжал расти и, таким образом, мог из Центрального Правительства бесконечно питать своих клиентов.

Было бы небесполезно привлечь к тонким вычислениям касательно плохого самочувствия Альберта Мускула, но когда на него вновь обратили внимание, оказалось, что любитель интегралов, не мигая, вглядывается в поток невидимых никому другому математических символов, проносящихся по противоположной стене, и что-то бормочет. Они знали, что его не стоит беспокоить в такую минуту, поскольку Мускул с головой погрузился в импровизированные вычисления, из которых он через некоторое время вынырнет с каким-нибудь только что раз-

добытым полезным математическим продуктом, правда, не имеющим к Альберту, скорее всего, ни малейшего отношения. Если же его сейчас отвлечь, то Мускул будет ворчать безо всякого толка.

Наконец биологам удалось изменить настройку питания Альберта, после чего, по предложению Кузата, Альберта слегка обтесали по бокам. Обнаружив, что сильно похудел, он вновь стал поглощать предложенное питание вполне удовлетворительными темпами.

— Наверное, обрезание пошло ему на пользу, — радостно сказал Кузат. Посмотрев на небольшую горку отрезанных от Альберта ломтей, он добавил:

— К тому же теперь можно устроить барбекю.

— Беги и все приготовь, — предложил Гревaн. — Я присоединюсь к вам, как только закончу с Альбертом.

Клем задумчиво взглянула на Мускула.

— Толкните моего гения в бок, когда соберетесь выходить, — сказала она Гревану. — Он выглядит таким счастливым, не хочется ему мешать.

* * *

Через несколько минут, когда Греван с трудом прилаживал герметичную заслонку, Мускул вдруг зевнул и громко сказал:

— Тридцать семь и двадцать четыре тысячных часа! Можно проверить и по-другому, скажем, применив формулу возвратного дифференциала… А где Клем?

— На пляже, полагаю, — Греван даже не взглянул на математика. На данный момент он не очень нуждался в результатах его вычислений. — Должно быть, давно утонула, если тебя это хоть сколько-нибудь волнует, конечно! — жестокосердно добавил он.

Мускул поспешно удалился, что было его обычной реакцией на известие о том, что Клем куда-то запропастилась, и Греван продолжил запечатывать Альберта уже не под аккомпанемент безумного математического бормотания. Молодняк окончательно разбился на пары около года назад, и кто с кем сошелся, стало, наконец, ясно. Окончательно и бесповоротно. В свое время он подумывал о том, что со стороны ЦП было бы очень мило увеличить численность Группы, прислав кого-нибудь в пару для Клем, или Элиоль, или

Вернет, или Веснушки, в зависимости оттого, на какую из них он засматривался в данный момент, кого-нибудь года на три-четыре старше. Позднее у него созрел и собственный план относительно того, как увеличить численность Группы. Если только будет решен вопрос о том, чтобы Группа могла остаться за пределами досягаемости ЦП…

Командир попытался отделаться от неприятного, но весьма близкого к истине предположения, что какие бы планы он ни вынашивал, все они давно отброшены тем отделением Центрального Правительства, которое создало Группу для своих собственных нужд. Когда он пожелал Альберту сладких снов и более спокойного настроения на будущее, запер отсек и вышел на трап, ему показалось, что всевидящие глаза следят за каждым его движением. Не спустившись и наполовину, он внезапно замер. На какую-то бесконечную секунду ему показалось, что сердце медленно переворачивается в груди и так же медленно возвращается на свое законное место.

Женщина, стоявшая у основания трапа и смотревшая на него снизу вверх, была ему знакома — он знал это так же хорошо, как и то, что она никак не может находиться здесь! Шок узнавания почти мгновенно был затоплен жаркой

волной ужаса: стало очевидно, что ее здесь вовсе нет. С расстояния десяти метров ему бы никогда не удалось разглядеть так ясно лицо Прайдрелл цвета слоновой кости; никогда не различить медленные, грациозные телодвижения стройного, гибкого тела танцовщицы под алым одеянием; не заметить алого блеска короткой мантии, которую она носила поверх платья и застегивала у горла блестящей зеленой каплей драгоценного камня.

* * *

Впоследствии Греван даже не мог вспомнить, как долго он простоял там, пока его мысли с трудом балансировали на краю панического ужаса. На самом деле, вполне могло быть и так, что прошло всего лишь мгновение, прежде чем он осознал, что его зовет какой-то далекий знакомый голос:

— Эй, босс! Греван!

Ему показалось, что голос еле слышен и доносится издалека. Однако затем он словно со стороны услышал свой ответ и вдруг понял, что явившийся ему образ исчез.

— Эгей, так вы будете есть жареного Альберта или нет? — снова крикнула Клем от костра. — Я больше не в силах удерживать этих свинтусов,

они хотят слопать вашу порцию!

Он сделал глубокий вдох.

— Сейчас иду!

Однако прошло еще около двух минут, прежде чем он подошел к костру, хорошенько уложив в голове свои мысли. Молодняк не мог догадаться, о чем он думает, если только не позволять им это сознательно, да и в этих случаях они не были точны в своих догадках, правда, им всегда удавалось быстро определить общее направление и живописно раскрасить эмоциями его размышления.

Но на данный момент его размышления утвердились во мнении, что недолгое появление Прайдрелл означало нечто большее, нежели его персональное психическое расстройство. Это вполне могло явиться началом тщательно подготовленной атаки на психическое здоровье всей Группы, атаки, организованной с применением сил и знаний такого уровня, что над попыткой сбежать от ЦП можно будет только грустно посмеяться.

К счастью, его подопечные прониклись чувством, что барбекю прекрасно завершает этот день. Спустя некоторое время астронавты, завернувшись в одеяла, блаженно растянулись на песке. Насколько мог судить Греван, заснули

они достаточно крепко, но не настолько, чтобы при необходимости за долю секунды не выйти из состояния глубокого сна и перейти в состояние активного бодрствования.

Греван же посидел еще немного в сторонке, любуясь морем и звездным небом.

* * *

В небе планеты было на что посмотреть, звезд было много, в том числе и довольно крупных. Все они находились в центре шарового звездного скопления неподалеку от середины Млечного Пути, куда, насколько им было известно, прежде не забредал ни один человеческий корабль. Все небо было занавешено наслаивающимися друг на друга застывшими потоками созвездий странной формы. Где-то посреди всего этого блеска и сияния пробивали себе путь четыре незаметных маленьких спутника планеты, незаметных, по крайней мере, если не знать, где их искать, а Греван не задавал себе такого труда.

Слева от него кто-то тихонько пошевелился.

— Эй, Веснуля, — позвал он громким шепотом, — хочешь помочь мне сплести сеть для ловли ЦП?

Четыре маленьких спутника не могли поднять

океанские воды даже на миллиметр, но из-за горизонта за дело принялась большая луна, и волны поползли вверх, вылизывая плоские залысины берега. Теперь они уже подбирались к основанию более высоких скал, которые ограничивали территорию лагеря. Веснушка присела на скалистый выступ в нескольких метрах от него, любимая панама сдвинута на затылок, ноги болтаются над прибывающей водной рябью.

— Нет, просто я составлю компанию, — ответила она. — Но если вам требуется помощь в плетении сети, выкладывайте! Уж здесь-то ЦП не смогло выставить свои длинные уши.

На какое-то мгновение он поразмыслил над возможностью рассказать ей о галлюцинации. Веснушка была в Группе кем-то вроде неофициального психолога. Самая маленькая по росту и возрасту, она в то же время обладала в некоторых отношениях наиболее проницательным и тонким умом. От секретных экспериментов, которые она ставила на себе и других, у Гревана волосы вставали дыбом, но вознаграждением за этот тяжкий труд познания являлся эффективный метод борьбы с ограничителями ЦП.

Вместо этого он спросил напрямую:

— Какие психологические механизмы может

применить ЦП в отношении нас, помимо тех, о которых мы и так знаем?

Веснушка издала довольный смешок.

— Вы неправильно ставите вопрос.

Он немного нахмурился, потому что это была одна из его любимых фраз.

— Хорошо, — сказал он, — давай по-другому. Уж не думаешь ли ты, что на нас продолжают действовать какие-либо управляющие механизмы, которых мы просто не помним?

— Нет, не думаю, — уверенно ответила Веснушка. — Такие вещи можно незаметно встроить в мозг обычных людей, потому что он у них наполовину не используется. Мне и самой такое удавалось провернуть. Однако любого из нас нужно сначала довести почти до полного умопомрачения, чтобы настолько отшибло память. А в таком случае для ЦП толку от нас будет немного.

— Откуда ты знаешь?

Она пожала плечами.

— Когда я была маленькой, Доминатор проработал со мной целую неделю, пытаясь вогнать в меня механизм, который я не смогла бы заметить. И, поверьте, спустя пару дней я просто начала ему помогать. Наш мозг просто не переносит амнезии.

Она помолчала и добавила:

— Разумеется, Доминатор или психолог-человек, если вы на это дадите свое согласие, может удерживать вас в беспамятстве, пока на вас оказывается непосредственное давление, потому что вы верите ему и следуете всему, что скажут. Как в тот раз, когда вы…

— Я отлично помню тот раз, — коротко признался Греван. Она имела в виду случай, когда он безо всяких оговорок позволил ей произвести над ним какие-то опыты. Спустя некоторое время он вдруг осознал, что вот уже полчаса громко плачет, поскольку мнит себя маленьким, зеленым и очень кислым яблоком, которое никто не хочет кушать.

— Вы тогда выглядели очень глупо, сэр! — предалась воспоминаниям Веснушка.

Греван откашлялся и заметил, что она выглядела бы не менее глупо где-нибудь в районе южного полюса, если бы только он добрался до нее до того, как немного остыл.

— Ага! Но вы же не добрались! — парировала Веснушка. — Хороший исследователь знает, когда в исследованиях наступает момент, который называется «ноги в руки». Сказать по правде, однажды я столкнулась с одним действительно

интересным феноменом в области ментальной энергии. Если бы ЦП могло работать на таком уровне, им не понадобилась бы и сотая часть штатного состава. Значит, так работать они не могут.

— Что за феномен? — с опаской спросил он.

— Вот вы меня и поймали на слове! — призналась Веснушка, зачем-то накрыв лицо панамой. — Не имею ни малейшего понятия, в чем он состоит, даже в принципе. Это случилось за четыре года до того, как они собрали нас всех вместе и создали Группу. В Центр, где я находилась, однажды по скорой помощи привезли мужчину. Он был без сознания, и все наши психологи сразу же столпились вокруг. Его забрали в лабораторию, где был один из мобильных Доминаторов, и вдруг люди вокруг стали вскрикивать и падать в обморок один за другим. Я и сама почувствовала, что меня сильно припекло, вот здесь, — она пробарабанила себя по макушке. — Я сразу поняла, что этот мужчина пытается использовать против Доминатора какой-то вид ментальной энергии…

— Неужели это возможно? — недоверчиво протянул Греван.

— Именно так. Кроме того, он еще использовал какой-то пистолет, судя по выстрелам, звуки кото-

рых не принадлежали ни к одному из известных в ЦП типов огнестрельного оружия. После этого я выпрыгнула в окно, только меня и видели. Я слышала, что, в конце концов, Доминатор из той лаборатории был вынужден прибегнуть к физическим методам воздействия: разрушительным акустическим волнам, электрическим разрядам и обычным реактивным пулям. Ощущение жжения в мозгу внезапно прекратилось, и я поняла, что мужчина мертв.

— А я-то думал, — хмуро заметил Греван, — что ты сейчас поведаешь мне историю о том, как человек смог справиться с Доминатором!

Веснушка покачала головой.

— Сомневаюсь, что так могло случиться. Эти гадкие штуковины знают свое дело. Однажды я видела, как подобная машина подавляла мятеж, какой-то культ ритуальных суицидов. В итоге получился суицид что надо! Однако у того человека ментальной силы было достаточно, чтобы заставить Доминатор использовать свои возможности на пределе. Так что определенно существуют уровни и формы энергии, о которых мы ничего не знаем. Кроме того, очевидно, существуют люди, которые знают об этом, и знают, как это использовать. А самое главное, эти люди

не работают на ЦП.

Греван как следует взвесил новость, но это не внесло в его душу успокоения.

— Веснуля, — наконец сказал он, — все, кроме Мускула и меня, согласились, что невозможно понять, выиграем мы или проиграем тем, что ответим по передатчику на вызов ЦП. Если бы ты принимала решение, твой выбор?

Веснушка встала, задрала голову и посмотрела на звезды.

— Лично я, — сказала она, и Греван сразу заметил иронический оттенок в ее голосе, — ничего бы не стала делать! Не стала бы разбивать приемник, как Мускул, не стала бы отвечать на вызов, как вы. Я просто оставила бы все как есть, затаилась и предоставила ЦП сделать следующий шаг, если, конечно, оно в состоянии его сделать!

Греван тихонько выругался.

— Ну, — отреагировала она, — такова ситуация, но мы можем сделать и по-вашему.

Она сладко потянулась и втянула носом воздух.

— Какой огромный и прекрасный океан! Если ЦП завтра нас не съест с потрохами, Греван, я отращу себе жабры и стану рыбой! Буду жить вместе с этими планктоноедами, плавать вместе

с ними к ледяной шапке на полюсе и под нею! Я буду…

— Послушай, Веснуля, давай вернемся к нашим делам…

— Я вас слушаю, — заверила его Веснушка.

— Если кто-нибудь, включая Мускула, знает хоть какую-нибудь стоящую причину, по которой не нужно завтра выходить на связь, я должен ее услышать хотя бы за секунду до того, как включу приемник.

— Услышите! И не беспокойтесь за Мускула. Он сейчас не может думать ни о чем, кроме своей драгоценной Клем, поэтому слегка паникует. Завтра с ним все будет в порядке.

Она помедлила немного, но Гревану больше говорить было нечего.

— Ну, тогда спокойной ночи вам, Греван!

— Спокойной ночи, Веснушка.

Он полюбовался тем, как она, подобно призраку, удаляется навстречу слабым отсветам костра. Молодые люди считали, что уже выиграли эту битву, и все потому, что давно забыли заплесневелый вкус квазижизни на дряхлых как мир планетах Центрального Правительства, потому что вдыхали свежий воздух над океаном, какого прежде не видело ни одно человеческое суще-

ство. Чтобы ни случилось теперь, они навсегда покончили служить ЦП.

* * *

Разница между ними состояла в том, как внезапно понял Греван, что он сам еще не оборвал свою пуповину с ЦП. Ему еще предстояло одержать победу над собой. Мысли его медленно поползли назад, с осторожностью подбираясь к образу женщины, которую звали Прайдрелл и которая стояла у основания трапа корабля, таинственно улыбаясь и блистая раскосыми зелеными глазами. А этого не могло быть в действительности. Он много думал о ней все эти месяцы, и даже если напряженное состояние его ума вследствие нынешних проблем не могло быть ответственно за галлюцинацию, то перспектива будущих проблем вполне могла сработать так, что она появилась. Командир не ставил молодняк в известность, что, убедившись в безопасности их пребывания на этой планете, он намеревался вернуться во владения ЦП, где ему предстояло отправиться прямиком на второразрядную планету Райсгат, похитить там Прайдрелл и привезти ее сюда.

Совершенно невероятно, что ему удастся про-

делать все это и остаться незамеченным. Когда он пытался проанализировать свои планы, ему казалось довольно странным, что несколько встреч с Прайдрелл впечатлили его настолько, что он почувствовал абсолютную необходимость похитить ее. Ему также представлялось, что будь на месте зеленоглазой красотки кто-то другая, до кого добраться было бы легче и о ком он тосковал бы не так сильно, впечатлила бы его гораздо меньше.

Однако это была всего лишь одна из множества странностей, произошедших с ним на Райсгате, где Группа последний раз вступила в регулярный контакт с ЦП и откуда за тем пустилась наутек долгим, извилистым путем, который, в конце концов, привел их в незнакомое скопление в районе Млечного Пути. Рассматривая все эти странности вместе, Греван улавливал в них некую закономерность. Однако молодняк не замечал ничего особенного, и командир предпочитал об этом не упоминать.

Но он все же не мог отделаться от мысли, что если ему удастся понять, что произошло тогда на Райсгате, это помогло бы найти ответы на многие вопросы, касающиеся отношений между Центральным Правительством и Группой: их

истинное происхождение, например, цель, ради которой они были обучены и экипированы; ради чего были затрачены огромные средства; наконец, откуда этот явный пробел в эмоциональном состоянии, который заставил их сбежать? Оставался еще один любопытный факт: насколько можно было судить, они являлись единственной Исследовательской Группой ЦП и единственными существующими представителями своего вида.

Ответы на все эти вопросы маячили перед Греваном около четырех недель, проведенных на планете Райсгат, но ему никак не удавалось ухватить их за хвост.

* * *

К утру прилив закончился, но зато поднялся ветер, и с севера, насколько хватало глаз, неслись белопенные волны. Ветер метался и завывал между ними, они размашисто разбивались о западные утесы, вздымая на высоту тридцати метров водяную пыль. Наконец бледно-золотое солнце, похожее на то, что сияло когда-то над самой первой планетой человечества, выкатилось из-за нагромождений бледных туч. Если этому дню суждено было стать последним для Группы,

то выбор был совсем неплох.

Греван появился в рубке связи за час до назначенного времени окончательного выяснения отношений с ЦП. Постепенно туда же подтянулся молодняк. Астронавты зачем-то переоделись в парадную белую форму, их лица хранили каменное выражение, на ремнях поблескивали маленькие приспособления, конструкция которых была разработана отнюдь не в ЦП и которые представляли собой дальнейшее усовершенствование смертоносного оружия. Авторство принадлежало Группе, отдельные детали пришлось держать в памяти долгие годы, лишь изредка тайком создавая рабочие модели для проверки той или иной теории, чтобы после этого немедленно уничтожить.

Теперь астронавты демонстративно надели их поверх своей парадной формы. Они не намерены были отказываться от принятого решения. Рассевшись по низким скамеечкам, обегавшим по периметру три стены рубки, они молча ждали исхода.

Массивный, гладкий ящик передатчика занимал почти всю четвертую стену, оставляя свободным лишь самый верх под низким потолком. Передатчик был одним из самых секретных

приборов ЦП, но при этом выглядел анахронизмом, вызванным к жизни намерениями той цивилизации, что когда-то неодолимо устремилась в просторы Вселенной к тысячам и тысячам новых миров. Цивилизация могла погибнуть давно, но созданные ею машины продолжали осуществлять намеченные в незапамятные времена цели.

Никто не произнес ни слова, пока Греван смотрел, как индикатор хронометра равнодушно отсчитывает последние минуты до начала сеанса. Точно в нужный момент Греван резко нажал на большой черный штырь, торчащий из центральной панели передатчика.

Стразу же, безо всякого вступления, глас ЦП заговорил.

— Командир, — послышался низкий, довольно невыразительный голос, принадлежавший одному из трех спикеров ЦП, с которыми Группа общалась на протяжении всех этих лет обучения, — по-видимому, вы рассматриваете возможность утаить открытие новой планеты колониального типа, которую намереваетесь приберечь для себя.

Молодые люди не пошевелились и не издали ни звука. Греван глубоко вздохнул.

— Это очень симпатичная планета, — признался он. — Можете назвать хоть одну причину, по которой нам не стоит ее приберечь для себя?

— Можно назвать сразу несколько причин, — сухо ответил голос. — Первая из них, разумеется, состоит в том, что вы не можете этого сделать против нашей воли. Однако нет необходимости применять к членам Исследовательской Группы обычные формы механического насилия.

— Какую же форму намерены вы применить на сей раз? — спросил Греван.

— Информацию, — ответил глас ЦП. — На данный момент уже можно полностью посвятить вас в обстоятельства, которые было нецелесообразно раскрывать ранее.

Это было именно то, чего хотел Греван, но его все же бросило в жар от волнения и страха. На протяжении всей жизни ему внушали это чувство страха пред силой, столь превосходящей человека, что ей достаточно было только начать говорить, чтобы он вновь сложил лапки.

* * *

— Не позволяйте ему говорить, Греван! — раздался голос Элиоль, негромкий, но звенящий от гнева и тревоги.

— Пусть говорит, — а это был голос Веснушки.

Остальные молчали. Греван глубоко вздохнул и обратился к передатчику:

— Группа намерена вас выслушать.

— Отлично, — неспешно откликнулся глас ЦП. — Вы имели возможность познакомиться приблизительно с сотней подконтрольных нам планет. Можете считать, что это создает верное представление об остальных. Как, по-вашему, командир, население данных планет обладает всеми признаками здорового биологического вида?

— По-моему, нет, — честно признался Греван. — Зачастую мы удивлялись, за счет чего они вообще держатся.

— На данный момент они держатся, разумеется, за счет ЦП.

* * *

Теперь уже не имеет значения, каким образом мы провоцировали любопытство некоторых Групп, если они физически были способны выйти на связь с нами. Вы ответили на вызов, что означает, что неизменный отказ прочих Групп сделать это невозможно приписать тому обстоятельству, что Вселенная настроена к человеку

враждебно. Зато очевидным становится факт, что применявшиеся к вам методы ментального контроля и ограничения не всегда эффективно действуют на человеческих существ вашего уровня ментальной организации…

Это сделает Мускул, остальные астронавты уже поняли, что произошло, рассмотрели свои возможности и теперь лишь дожидались своей очереди подать реплику.

Однако Мускул сидит на скамейке в двух метрах от командира, ему придется сделать все очень быстро.

— Разумеется, мы подозревали такую возможность. Поскольку ни одна из Групп не афишировала свои возможности сопротивляться влиянию ЦП, пока не оказывалась вне пределов нашей досягаемости, это подозрение было трудно подтвердить. Практически у нас остался единственный способ разрешить данную проблему…

Мускул вскочил на ноги, его рука ухватилась за странную полоску на ремне. Но Греван не зря был назначен командиром, он все делал быстрее своих подопечных. Мускул удивленно обернулся, потирая пострадавшее запястье.

— На место, Мускул! — яростно прошептал Греван, в то время как миниатюрная машинка

разрушения, вырванная из рук самого крупного представителя молодняка, скользнула в зажим на его собственном ремне. — Я не закончил разговор с ЦП, — взгляд его скользнул по полукругу настороженных глаз остальных членов Группы. — Вы все, уходите немедленно! — это больше не походило на шепот. — Следующий час мне необходимо провести на корабле в одиночестве. Идите поплавайте, поныряйте, займитесь чем-нибудь! Группа! Я кому сказал, вон отсюда!

За все восемь лет совместных странствий лишь несколько раз случалось боссу рычать и стучать копытом, за чем неизменно следовало стремительное и беспрекословное подчинение.

Однако еще никогда это рычание не было обращено на них самих!

Бунтари тихо поднялись и беспрекословно покинули рубку.

— Пусть молодежь покинет корабль, — приказал Гревану глас ЦП. Тембр его пусть немного, но все же изменился. Исчезли свойственные человеку обертоны, словно в них больше не было необходимости, с чем Греван мысленно был готов согласиться. — Вы продемонстрировали незаурядную проницательность и понимание той сложной ситуации, с которой все мы столк-

нулись, командир.

Греван, настороженно примостившийся напротив того, что по-прежнему выглядело как обычный передатчик, синтезировал в горле какой-то неопределенный звук, грохот удаляющегося грома, слабый отголосок того мощного рыка, которым он выгнал из рубки Группу.

— Не стоит недооценивать моих подопечных, — посоветовал он машине. — Все, кроме Мускула, поняли, что мы представляем для ЦП большую ценность, чем сами предполагали. Настолько большую, что даже потребовалось установить на нашем корабле собственный замаскированный Доминатор. А также то, — добавил он не без злорадства, — что вы засекли наше новое вооружение, но скорее с радостью позволите Группе, за исключением одного ее члена, выйти за пределы вашей досягаемости, чем демаскируете себя демонстрацией своих возможностей.

— Ваша правда, — согласился голос, — хотя я отважился бы на демонстрацию возможностей, если б оставшимся оказался кто-нибудь другой, а не вы. Для реализации наших целей, командир, вы подходите лучше прочих членов Группы.

— Что же это за цели такие? — проворчал Греван. — Можете говорить смело, Группа ушла.

— Отчасти, эти цели состоят, разумеется, в том, чтобы вернуть ваш корабль, вместе с информацией относительно Исследовательских Групп, в лоно Центрального Правительства. При этом тот факт, что большинство членов Группы смогло уклониться от нашего контроля на некоторое время, не имеет особого значения.

— На некоторое время? — невозмутимо приподнял бровь Греван.

— Разумеется, мы, в свою очередь, завладеем этой планетой, если только между вами и ЦП не будет заключено небольшое соглашение.

— Значит, мне предлагается выгодная сделка?

— В известных пределах. Мы уверены, что вы не тешите себя иллюзиями, будто человек, какими бы способностями и вооружением он ни обладал, сможет одержать победу над Доминатором. По собственной воле вы не сможете даже выйти из этой комнаты и, либо полностью и добровольно подчинитесь новым ментальным приказам, которые я установил, либо выйдете отсюда психически разрушенным. Впрочем, даже и таким вы сможете управлять кораблем. Естественно, под нашим чутким руководством.

— Тогда в чем же моя выгода? — невозмутимо развел руками Греван.

— Вы можете надеяться на какую-то выгоду лишь при условии полнейшего и добровольного подчинения, причем помимо любых ментальных приказов. Сделаете все, как я сказал, и уверяю, Центральное Правительство не притронется к вашей планете, предоставив ее целиком в распоряжение ваших юных друзей и их потомков на ближайшие триста лет.

Самое смешное, что Греван готов был в это поверить. Одной колониальной планетой больше, одной меньше — для ЦП не имело особого значения.

— Вам кажется, — добавил Доминатор, — что полное и добровольное подчинение нам означает предательство по отношению к будущим Исследовательским Группам, свобода которых тем самым ставится под угрозу? Однако мы можем предоставить факты, которые убедят вас в том, что ни одна из прежних Исследовательских Групп не смогла получить подобную свободу. Отвергнув защиту Центрального Правительства, они подчинились контролю поистине деспотическому.

— Возможно, я просто тупица, но я не понимаю, о чем это вы говорите?

— Веками, — ответила машина, — ЦП в ходе

своих важнейших экспериментов допускало грубейшую ошибку, состоявшую в непонимании того, как человеческий материал реагирует на воздействие извне. А никакого рационального обоснования тому, что члены Группы должны постоянно находиться под действием ментального внушения, аналогичного тому, что применяется для обычных людей, не существует. Как вы думаете, могло ли подобное заблуждение господствовать чисто случайно столь длительный срок?

Греван так не думал.

— Вероятно, не могло, — осторожно ответил он.

— Вот именно, — согласился с ним Доминатор. — Значит, налицо чье-то вмешательство, причем вмешательство это было сознательным, длительным и весьма искусным. Поскольку ни одна машина не может быть виновной в саботаже, а обычные люди на это не способны, ответственность за это приходится возложить на тех, кого мы называем Свободными Видами.

Повисло столь долгое молчание, что казалось, Доминатор позабыл о присутствии Гревана.

— Так вот, Свободные Виды обосновались в самом Центральном Правительстве! — изрек он,

наконец, и Гревану на мгновение почудилось в безжизненном голосе машины нечто вроде страха и ненависти. — Как вы понимаете, этот факт имеет для нас огромное значение, и едва ли не большее значение он имеет для вас! Поскольку именно эти монстры становятся хозяевами беглых Исследовательских Групп.

Греван почувствовал неприятный холодок внутри.

— Но почему, — спросил он, — Свободные Виды стараются завладеть Группами?

— Войдите в их положение, — ответил Доминатор. — Представителей этой субцивилизации необычайно мало, да и те рассеяны по множеству различных планет. А учтите еще тот факт, что обнаружение означает для них верную смерть. В подобных обстоятельствах они не могут позволить себе снаряжать собственные межпланетные экспедиции. Однако если появляется подконтрольная Исследовательская Группа, их возможности для освоения новых территорий становятся поистине безграничными, а стабильная генетика Группы обеспечивает выживание рода.

Доминатор немного помолчал.

— В этот самый момент, в этой самой комна-

те, командир, присутствует сознание, пока еще дремлющее, но гораздо более мощное и отличающееся в корне от разума любого из членов вашей Группы. Обладая подобной силой, оно, если пробудится, не усомнится использовать ее для того, чтобы получить полный контроль над Группой. Теперь вы понимаете, почему вам было позволено остаться на корабле одному? Главным образом потому, что это должно было мне помочь избавиться от…

Атака и контратака грянули почти одновременно.

Безумно-белая блестящая нить метнулась вперед из одного из тех миниатюрных устройств, что по привычке носил на поясе Греван. К созданию этого оружия ЦП не имело ни малейшего отношения. Пульсирующая энергетическая игла легко вошла в центр защитного кожуха Доминатора, защищенного желтоватым космическим сплавом, и грациозно застыла в воздухе, яростно вгрызаясь в металлическую поверхность.

И тотчас под ее кончиком проступили странные узоры.

Невообразимо-стремительное чередование иссиня-черных и серебристых линий, их мерцание и переплетение приковали к себе взгляд Гревана,

и, казалось, стремились разорвать его мозг на части. Невозможно отвести взгляд, невозможно не следить за этим дьявольским мельтешением… Затем они исчезли.

Между ним и Доминатором проплыла серая туча. Безумно-белая нить все еще тянулась из его пистолета к той точке, где концентрированная энергия коснулась поверхности, и когда зрение командира вновь прояснилось, кончик иглы неожиданно провалился внутрь кожуха и коснулся чего-то в глубине.

Раздался хрустальный звон, и машина обезумела. Греван катался по полу, а полотнища желтого огня выплескивались из-под верхнего края Доминатора и лизали противоположную стену. Белая нить перескочила на этот участок, быстро прошлась вдоль линии, откуда велся фронтальный огонь. Через секунду с ним было кончено.

Но продолжалось нечто другое, пронизывающее насквозь, разрывающее на части, точно бесчисленное множество крошечных, быстрых, безжалостных стальных когтей. То была акустическая атака, способная заставить биться в конвульсиях полное сил живое тело и в несколько секунд превратить его в безвольный, перекошенный, истекающий кровью кусок уми-

рающей плоти.

Послышался голос:

— Сюда! Ударь сюда!

Невыносимо медленно белое безумие тонкой нити пожирало внутренности Доминатора, деталь за деталью, сверху донизу, одну за другой.

Какофония, давящая на барабанные перепонки, усилилась.

Голос свистящим шепотом посоветовал:

— Теперь оставь машину в покое, она может еще пригодиться…

И все смолкло.

Греван почувствовал, что теряет сознание. Одновременно с этим ощутил, как раздиравшие его на части крошечные стальные коготки неохотно ослабили хватку, и он подумал, что ни один из его подопечных не выдержал бы, не пережил бы эти несколько последних секунд, окажись они на его месте.

Конечно, физическая сила и мощь организма — не самые главные достоинства мыслящего существа, но иногда результат зависит от крепости мускулов.

Нужно было уладить еще кое-что, но со всех сторон к нему подступала тьма, тело настоятельно требовало небольшой передышки.

— Пока что два-ноль в мою пользу! — только и успел сказать командир мертвому Доминатору.

Затем он нехотя отдался во власть мягко обволакивавшей его тьмы. И она приняла командира в свои объятия.

* * *

Поблизости кто-то яростно насвистывал простенькую мелодию из трех чистых мажорных нот, что служило для членов Группы условным знаком, сообщающим о том, что все обстоит замечательно.

Немедленно где-то рядом мелодию повторили. Затем, как ему показалось сквозь пелену, раздался дрожащий голос Веснушки:

— Да сядьте же, Греван! Я не в состоянии вас поднять, человек-гора! Ну и ну, босс, да вы же просто разодрали Доминатор на части! Вы его разрушили!

Тьма медленно отступала, а затем внезапно рассеялась на рвущиеся прочь клубы серого дыма, и Греван почувствовал, что сидит. Оплавленный и кое-где еще глодаемый бледными язычками пламени Доминатор, равно как и стены рубки, неторопливо кружились у него перед глазами. В воздухе витал запах горелого металла и еще ка-

кое-то зловоние, и на мгновение у него возникло странное видение, что кто-то сидит на Доминаторе, свесив ножки.

Когда командир встал, и внутри и вокруг него все внезапно встало на свои места. Он строго спросил у Веснушки, что она тут делает?

— Я же велел вам всем держаться отсюда подальше, — услышал он как бы со стороны собственный голос. — Ну, разумеется, я его разрушил. Ишь как тебя трясет, моя милая! Могла бы догадаться, что эта гадина применит акустику…

— Меня накрыло лишь самым краем, — ощетинилась Веснушка, — когда я стояла у выхода на трап. Это самое дальнее место, откуда я могла попасть вам точнехонько между глаз, если вы выйдете отсюда психически разрушенным и попытаетесь вмешаться в наши дела.

Греван лишь беспомощно хлопал глазами. Думать пока еще было больно.

— Где все остальные? — спросил он.

— Внизу, конечно, в машинном отсеке! Двигатели превратились в кашу, — казалось, она настороженно изучает его. — Ребята спустились по трапу и сразу направились к люку на корме. Вернет осталась снаружи, чтобы контролировать, что происходит наверху. Как вы себя чувствуете,

Греван?

— Я чувствую себя отлично! — заявил он, мимолетно подумав, что чувствует себя именно так, как сказал, за исключением того, что каждая молекула его тела, казалось, дрожит мелкой дрожью и никак не может состыковаться с другой молекулой. — А что, не похоже?

— Похоже, похоже, — успокаивающе пробормотала Веснушка. — Вы выглядите просто великолепно!

— Что случилось с двигателями? Ах да, понятно…

Так он и думал, что молодняк догадается это сделать! Ведь самым важным на тот момент было не позволить Доминатору переправить полученную им информацию обратно в ЦП.

— Ну, хотя бы отремонтировать сумеем?

— Вернет сказала, что на восстановление потребуется никак не меньше месяца. Все было бы не так уж плохо, если бы кто-то не догадался поджечь на минутку топливо.

Греван выругался от бессилия и ужаса.

— Вы что, невежды, хотели дырку в этой несчастной планетке проделать?

— Да, и дыра бы получилась размером с саму планетку! — с удовлетворением констатирова-

ла Веснушка. — У ребят все под контролем. Но я пойду, надо помочь. А вам, босс, лучше всего часик-другой просто подумать о чем-нибудь приятном!

— Постой, Веснуля! — позвал он, когда она уже повернулась к двери.

— Что?

— Ничего, просто хотелось бы выяснить, хорошо ли ты умеешь врать. Сколько человек в нашей Группе?

Веснушка пристально взглянула ему в лицо, затем вернулась и присела рядом с Греваном. Панама съехала на затылок, что означало полную откровенность.

— Если вы про это, — заметила она нахмурясь, — то никто вас не обманывал. Вы просто никогда не спрашивали. С того момента, как мы вылетели с Райсгата, на борту было десять человек.

Греван снова выругался, на этот раз более мягко.

— Как вам удалось протащить ее через посты наблюдения в космопорте?

— Мы отрядили Клем и Элиоль отвлекать постовых, а Прайдрелл свернулась клубочком и в грузовом контейнере вместе с припасами была

пронесена на корабль. Операция была несложной. Куда сложнее было убедиться, что мы в ней не ошиблись. Именно поэтому нам пришлось на Райсгате заняться самую малость саботажем.

— Так вот в чем дело, — прозрел, наконец, Греван, — а я-то, болван, вкалывал до седьмого пота, чтобы заставить корабль взлететь. Ах вы, хитрое, коварное отродье!

— Мы все признаем, что такие вещи недопустимы, — от души согласилась Веснушка. — Кроме того, пару раз вы нас чуть не поймали. Мы все подумали, что было просто прикольно, когда вы ходили вокруг корабля, озабоченно фыркали, высмотрев очередную поломку. А с другой стороны, вы задурили голову бедной девушке, заставив ждать, покуда Группа не обоснуется где-нибудь в безопасном месте. Но мы все равно не позволили бы вам вернуться за ней в одиночку. А потом Клем сообщила, что Прайдрелл — как раз та, кто вам нужна, вы же знаете, Греван, какая она чувствительная в этих сердечных делах! Да она просто не могла ошибиться!

— Клем действительно весьма проницательна, — осторожно признал Греван. — А как удалось уговорить Прайдрелл?

Веснушка сдвинула шляпу обратно на лоб, что

означало некоторую неуверенность.

— Вот этот аспект я как раз хотела с вами обсудить. Когда мы забирали ее с фермы, Прайдрелл глубоко спала. Вейер незаметно подсунул ей снотворное. С тех пор она у нас не просыпалась, в двадцать третьей каюте, что позади наших комнат, и мы с девочками по очереди о ней заботились.

Пока Греван переваривал полученную информацию, воцарилась недолгая тишина.

— Теперь, полагаю, я должен ее разбудить и сообщить, что она похищена кучкой изгоев, дабы обречь на жизнь в изгнании, так, что ли? — спросил Греван.

— Прайдрелл не станет возражать, — ободряюще проворковала Веснушка. — Вот увидите! Клем говорит, что она влюблена в вас по уши… Кстати, вам очень идет этот румянец, Греван, — с интересом добавила она, — и, кажется, я вижу его впервые.

— У тебя чересчур богатое воображение, Веснушка, — буркнул Греван. — Как ты могла заметить, я взгрел нашего Доминатора! Да так, что он чуть не расплавился. Вон, до сих пор светится. Естественно, что температура в этом помещении повысилась. Поэтому нет ничего странного в том,

что на мне это как-то сказалось…

— Да, странного тут действительно нет, — признала Веснушка, — но если подойти к этому вопросу с другой стороны, то вы, командир, самый теплоустойчивый член Группы, а мне сейчас даже не тепло. Так что не надо лукавить — вы по-настоящему покраснели, Греван. Клем была совершенно права и относительно вас!

— Чувствуется, что сей предмет обсуждался вами со всей основательностью, — заметил Греван.

— Как вам будет угодно, командир, — согласилась с такой формулировкой Веснушка.

— Возразит Прайдрелл или нет против своего похищения, но у нас появятся небольшие биохимические проблемы…

— А вот это и в самом деле интересно! — перебила Веснушка. — Мы планировали, что она пройдет полный стандартный курс терапии ЦП для обычных колонистов еще до того, как проснется. Однако тесты показали, что в ней уже заложено нечто подобное и даже больше! Должно быть, она собиралась поселиться на какой-нибудь колониальной планете с более экстремальными условиями, чем на Райсгате. Но, разумеется, мы будем держаться настороже во избежание неприятных сюрпризов…

— Вероятно, парочки таких сюрпризов нам все равно не миновать! — кивнул Греван. — Говоришь, двадцать третья каюта?

— Прямо через мой кабинет и вверх по тем маленьким ступенечкам!

Она поднялась.

— Полагаю, теперь мне лучше пойти помочь остальным разобраться с топливом.

— Возможно, тебе и в самом деле лучше пойти помочь ребятам с топливом. Я только прослежу, чтобы наш Доминатор окончательно остыл, а потом отправлюсь будить нашу гостью.

Однако он знал, что будить Прайдрелл ему не придется…

* * *

Он сидел, прислушиваясь к тихому потрескиванию, доносившемуся из недр машины ЦП, а Веснушка побежала к трапу. Вскоре раздался глухой шлепок, свидетельствующий о том, что она предпочла спуститься более быстрым способом, и внезапный взрыв хохота. Затем вновь наступила тишина. Прайдрелл так и осталась сидеть там, где провела последние пять минут, на правой части медленно оплавлявшегося Доминатора, не выказывая особого смущения от присутствия

Гревана. Отличный трюк, даже для представителя Свободного Вида, которого ЦП не преминуло бы классифицировать как нейромонстра.

— Благодарю за нейтрализацию «ограничителя» или что это еще была за дрянь! — заметил он, наконец. — Неудивительно, что ЦП вас побаивается.

Прайдрелл со скучающим видом уставилась в коридор за дверью.

— Вам не удалось меня перехитрить до конца, — сообщил он ей, — не будь вы просто призрачным видением, то не просидеть вам и пары секунд без сильнейшего ожога на мягких тканях.

Зеленоглазая надменно обвела взглядом рубку, по-прежнему не обращая на мужчину ни малейшего внимания.

— А ведь совсем нетрудно было догадаться, — упрямо продолжал Греван. — Стоило лишь вспомнить ваш экзотический танец с теми тварями. Никаких зверей на самом деле не было, вы их всем внушили!

Наконец взгляд остановился на Греване, но лишь для того, чтобы глубокомысленно изучить. Он смутился.

Внезапно ему на ум пришли слова, которые он хотел ей сказать, словно на него снизошло

вдохновение…

— Разумеется, заманчиво даже думать о том, — печально признался командир, — что Клем могла хоть самую чуточку оказаться права относительно ваших чувств ко мне, как она оказалась права в отношении меня! Но я все же не могу не задаваться вопросом, возможно ли…

Пауза была преисполнена надежды.

Алые как коралл губы дрогнули в легкой улыбке. Нежный голос негромко произнес:

— Почему бы вам, Греван, не пройти в каюту двадцать три и не выяснить все на месте?

Доминатор продолжал шипеть и потрескивать, остывая без присмотра…

Приглядывай за небесами
(рассказ)

Старый, закаленный в боях бластер Джистов, когда-то принадлежавший дяде Уильяму, производил такое впечатление, словно на каком-то этапе создания его вынули из отливки, а он так и застыл. Двойной ствол, хоть и был весь покрыт многочисленными царапинами и выбоинами, был массивен и короток, а пустой магазин снизу мог подойти и для обычных энергетических зарядов. Но поистине странный вид инопланетному оружию придавала рукоять. Длиной почти в сорок сантиметров, она была резко скошена в одну сторону и имела столько шишек и зазубрин, что никакая рука не смогла бы удобно ее держать. Прошло более полувека с тех пор, как до нее дотрагивалась бескостная перепончатая конечность первоначального владельца, рассеивая смертоносную радиацию по его противникам-людям. В данный момент бластер пылился над камином в гостиной среди прочих экспонатов причудливой коллекции дяди Уильяма.

Но сегодня, спустя более восьми лет после

дядиной смерти, подумал Фил Боулз, искоса поглядывая на бластер проницательным взором, этому старинному сувениру суждено стать ключом к разрешению проблем колониальной планеты. Он пробежался пальцем по тусклой, грубой поверхности, затем нагнулся, чтобы поближе рассмотреть аккуратную надпись: ТРОФЕЙ, ДОБЫТЫЙ В БИТВЕ ПРИ ГАНДЕРЛАНДАХ, 2172 ГОД НОВОЙ ЭРЫ, СЕРЖАНТ УИЛЬЯМ Г. БОУЛЗ. Однако, заслышав знакомые щелчки из холла, он быстро выпрямился и отвернулся. Когда в комнату вкатилось самоходное кресло тети Беллы, Фил уже сидел за низким столиком спиной к камину.

Широкие, гибкие ходули бережно перенесли кресло через три ступени в нижнюю часть гостиной, тетя Белла восседала в нем, изящно выпрямившись, как и подобает девяностошестилетней даме, последней из оставшихся в живых членов первой группы землян — колонистов планеты Рой. Она легко забарабанила по ручкам кресла, ловко его разворачивая, и, наконец, остановила перед чайным столиком.

— Звонила Сьюзан Финней, — сообщила она, — еще одна, кто считает, что я нуждаюсь в неусыпной заботе! Давай, доедай вишневый пирог, Фил. Такому молодцу, как ты, не повредит. У меня еще

два в печке, возьмешь их с собой.

— Ради одного этого стоило приехать из Форт-Роя, — усмехнулся Фил. Он знал, что тете Белле приятно это слышать.

— Я теперь не так уж много могу сделать для своего внучатого племянника, верно?

Подумав немного, Фил спросил:

— Вы не передумали относительно…

— …переезда в Форт-Рой?

Тетя Белла поджала тонкие губы.

— Господи, Фил, мне так жаль снова тебя разочаровывать, но в городской квартире я буду чувствовать себя не в своей тарелке.

— Доктор Фитцсиммонс был бы очень доволен, — заметил Фил.

— Ах, еще один старый перестраховщик! Фитц просто хочет упрятать меня в больницу. Не выйдет!

Фил беспомощно покачал головой и засмеялся.

— В конце концов, управлять фермой по выращиванию тюпы…

— Чушь, самая настоящая ерунда. Ферма отнимает ровно столько сил, чтобы это было мне интересно. Все равно все делают машины, и Сьюзан приходит сюда каждое утро, чтобы поболтать и убедиться, что со мной все в порядке. Она ни за

что в этом не признается, конечно, но стоит ей заподозрить, что о чем-то нужно позаботиться, как час спустя уже все семейство Финней в сборе, чтобы это сделать. Тебе нет никакой необходимости посылать каждые два месяца людей из Форт-Роя для уборки тюпы.

Фил пожал плечами.

— Никто еще пока не изобрел более удобного способа выдергивать из земли эти корни. К тому же КПС рад хоть чем-нибудь занять людей.

— Это потому, что ты являешься его президентом?

— Угу.

— Это и в самом деле ничего тебе не стоит? — с сомнением спросила тетя Белла.

— Ни цента.

— Хм, я все собиралась спросить: что заставило тебя создать Колониальный Профессиональный Союз? Я правильно сказала его название?

Фил кивнул.

— Почему ты первым делом здесь основал данный союз?

— Ответ прост, — ответил Фил. — Как только население планеты достигло отметки в сорок тысяч человек, Рой получил право на собственный профсоюз. Почему же не воспользоваться

представившейся возможностью?

— И что это за возможность?

— Больше денег от Земли, это, во-первых. В текущем месяце из двенадцати сотен членов КПС с Форт-Роя сидели без работы семьдесят шесть процентов. Со следующим кораблем мы получим от Территориальной Службы компенсационный чек, — он улыбнулся, глядя на выражение лица пожилой дамы. — Разумеется, ребята могли бы вернуться на фермы, где выращивают тюпу, но далеко не все настолько любят деревенскую жизнь, как ты и семейство Финней.

— И Правительство Земли позволяет вам проделывать подобные штуки? — с любопытством спросила тетушка. — Раньше они отличались известной скаредностью.

— Они и сейчас не меньшие скряги, но таков закон. Кстати говоря, Территориальная Служба еще выплачивает зарплату президенту КПС. Я пока зарабатываю не слишком много, но мой доход будет расти по мере роста количества членов союза и расширения моих обязанностей.

— Каких обязанностей?

— На данный момент мы основали лишь костяк организации, — объяснил Фил. — Теперь, когда правительство Земли, наконец, примет решение

построить здесь большую военную базу, они за пару месяцев будут должны привлечь к работам добрую сотню тысяч человек, а, значит, на Рое найдется место каждому. У землян есть веская причина быть щедрыми.

— Большая база, ну надо же! — проворчала тетушка Белла. — С тех самых пор, как я впервые ступила на эту землю, и полугода не проходило, чтобы кто-нибудь не сказал о том, что Форт-Рой вот-вот переделают в военную базу класса «А». Никогда этого не будет, Фил. Рой всегда был аграрной планетой, и такой останется.

Фил скривил губы в улыбке:

— Ну, не стоит терять надежду.

— Мне не нужны никакие перемены, — заявила тетушка Белла. — Рой мне нравится таким, какой он есть.

Она посмотрела на маленькую кнопочку на подлокотнике кресла, которая начала мигать голубым.

— Пироги готовы, Фил, — объявила она. — Может, ты все же останешься на обед?

Фил посмотрел на часы и сокрушенно покачал головой.

— Я бы с радостью, но мне, правда, пора идти.

— Тогда я заверну тебе пироги с собой.

Тетя Белла лихо развернула кресло, и оно плавно заскользило вверх по ступеням лестницы. Фил быстро поднялся. Он сделал шаг к камину, распахнул пальто и открепил от подкладки гибкий предмет, похожий на небольшую коробочку. Он положил странный предмет на каминную полку и повернул вправо один из трех маленьких рычажков с переднего края. Коробочка быстро выдвинула по бокам поддерживающие ножки, поднялась над полкой и превратилась в миниатюрный столик. Фил бросил быстрый взгляд на дверь, за которой исчезла тетя Белла, прислушался, затем снял бластер Джистов со стены и осторожно положил на устройство, повернув второй рычажок.

Диковинный бластер начал медленно утопать в поверхности прибора Фила, точно камень в болоте. Через несколько секунд он совершенно исчез, затем, спустя мгновение, появился с нижней стороны коробочки. Фил подставил ладонь под бластер Джистов, вернул его на место на стене и повернул третий рычажок. Коробочка убрала ножки и опустилась на каминную полку. Фил вновь прицепил ее к подкладке, запахнул пальто и не спеша, прошелся по комнате в ожидании пирогов тети Беллы.

* * *

Забавно, что всего лишь несколько смело мыслящих умов, думал Фил Боулз, в то время как его аэрокар плавно пролетал над обрывистой линией скалистого берега, держа курс на север, могут самостоятельно изменить судьбу целой планеты. Да, лишь несколько разумов, у которых довольно воображения, чтобы представить себе, как можно обратить обстоятельства себе на пользу.

Слева от него, далеко внизу вилась плоская лента побережья полуострова, почти не выступавшего из моря; самый кончик ее расширялся и поднимался, постепенно переходя в широкий скалистый выступ, на котором и укоренился Форт-Рой, то место обитания людей на планете, которое было крупнее и значило больше всех остальных поселков, разбросанных там-сям по лесной глуши. Но сам по себе Форт-Рой не был ни велик, ни значителен. Всего-навсего военная база класса «F», вокруг которой разрослись беспорядочные городские кварталы. Форт-Рой представлял собой современный торговый форпост, соединявший колонистов с могущественной планетой-метрополией, а также станцией, с которой время от времени взлетали боевые

звездолеты, чтобы осуществить патрулирование абсолютно пустого и совершенно незначительного 132-ого Сегмента Космических Территорий. Не более того. Каждые две недели в крошечном космопорту садился корабль с Земли, доставляя запасы продовольствия, товары, а также военных и гражданских лиц, назначенных сюда для переселения. Последнюю категорию в основном составляли так называемые нежелательные на Земле элементы. Спустя несколько дней корабль отправлялся обратно, унося с собой продукты местного производства, пользующиеся повышенным спросом в метрополии, самыми важными из которых были высоко ценимые в гомеопатии корни тюпы. После этого Форт-Рой снова затихал и влачил довольно убогое существование до следующего прилета.

Планета как таковая была здесь ни при чем. На ней имелось почти все необходимое, чтобы колония процветала во всех отношениях. Виновата была Джистская Война. Это противостояние людей и негуманоидов испытывало периоды бурных вспышек и периоды, когда казалось, что борьба стихает. Очередной период затишья длился вот уже несколько последних десятилетий. А до этого, во время одной из вспышек, наиболее

яростной, когда война подобралась почти к самой Земле, разыгралась Битва при Гандерландах, в которой дядюшка Уильям Боулз и стал обладателем трофейного бластера. Однако война всегда обходила стороной Рой. Все самые значительные события происходили в противоположной части гигантских Космических Территорий, и за последние годы война медленно, но верно удалялась от Роя.

Но в ту же сторону уходили и несметные богатства Земли — человеческие ресурсы, материалы и деньги. Планеты, у которых не было и десятой доли привлекательности Роя в отношении природных ресурсов, где человеческая жизнь теплилась в условиях, которые едва ли можно было назвать нормальными, имели прекрасное снабжение, туда поставлялось все необходимое, дабы они могли вести независимое существование в качестве гигантских цитаделей, а их население было не слишком опечалено своей судьбой. Когда Правительство Земли не скупилось на расходы, жизнь почти повсюду можно было организовать более чем сносной.

Таковы были обстоятельства, приговорившие Рой к участи задворков. Многих это устраивало. А вот Фила Боулза, уроженца Роя, это не устраивало

совершенно. Он обладал ярко выраженными задатками лидера, но применить их ему соответствующей возможности не представлялось. Посему обстоятельства следовало изменить, и время, когда это станет возможным, приближалось. Фил лично не был осведомлен обо всех существенных факторах, но ему были известны многие из них. Политическая ситуация на Земле сложилась таким образом, что находилась на грани некоторого рода нестабильности. В результате на Рой несколько суток назад сел земной корабль, который вовсе не был очередным грузовиком. Среди его пассажиров находились Сэнфорд, уполномоченный Территориальной Службы, широко известный политик, и мистер Рональд Блэк, популярная личность, предприимчивый владелец второго по величине информационного агентства Земли. Они совершали совместное турне по планетам, разбросанным в одном из отдаленных уголков Территорий, и случайно забрели на самый удаленный из всех: 132-ой Сегмент, планету Рой. Таков был первый фактор.

Внизу, в десяти километрах под Филом, теперь уже почти прямо под ним, поскольку машина в третий раз лениво пересекла центральный залив полуострова, был едва различим второй

фактор. Отсюда он выглядел коричневым кругом неправильной формы на почти белой поверхности полуострова. Если спуститься чуть ниже, он становился необычайно похожим на проломленную и полуразложившуюся спираль ракушки гигантской улитки, с зарытым в песок основанием и раздробленным кончиком, возвышающимся над ее двадцатью завитками. Это сооружение, известное в народе как «Развалины», считалось последней цитаделью полуразумной расы, составлявшей коренное население Роя, которое вымерло, по-видимому, примерно лет за сто до того, как сюда прибыли первые земные колонисты. Дело в том, что ксеноархеология была страстным увлечением лейтенанта Нормана Вогана, научного сотрудника Форт-Роя.

Это и было вторым фактором.

Вдобавок ко всему планета Рой не нуждалась в серьезной военной поддержке, поскольку, по мнению земных стратегов, колоссальное расстояние отделяло его от театра военных действий. Только вследствие безумной ошибки мог забрести сюда какой-нибудь корабль Джистов, чтобы обнаружить, что здесь притаилась еще одна планетка, которая одинаково хорошо подходит как людям, так и их оппонентам.

И, наконец, последний фактор.

Прибор, притороченный к подкладке пальто Фила, был фотокамерой особого рода, которая в данный момент хранила в себе отпечаток сувенирного бластера дяди Уильяма. Сопоставьте все эти факторы, бодро подумал Фил, и вам станет ясно, почему на Рое грядут значительные перемены, причем в самом ближайшем будущем.

Он вновь взглянул на часы, развернул машину и полетел в глубь полуострова. Проплыв над фермой тети Беллы и точно такой же фермой семейства Финней, расположенной на два километра выше по горному склону, он мягко повернул на восток и уже через двадцать минут вновь приближался к просторам побережья. Здесь, в совершенно дикой местности, на невозделанной земле, у края утеса, возвышавшегося на триста метров над бурлящими водами, примостился уютный домик, являвшийся собственностью Селии Адамс, маленькой, хорошенькой леди из Форт-Роя. Селия прибыла с Земли шесть лет назад, почти наверняка как нежелательный элемент, хотя об этом знали лишь Территориальная Служба и сама Селия. Земля, отсылая на такие планеты, как Рой, вынужденных переселенцев, относилась к ним все же с известным тактом.

* * *

Фил приблизился к домику настолько, что смог убедиться — припаркованная перед ним темно-зеленая машина принадлежит его старому знакомому, майору Уэйну Джексону, Административному сотруднику, второму человеку в Форт-Рое и тоже уроженцу планеты. Затем он развернулся, снизился, прошелся над лесом и предпринял вторую попытку незаметно приблизиться к домику под прикрытием деревьев. И хотя сегодняшняя встреча с Джексоном и Селией Адамс не требовала никакой секретности, лучше о ней пусть никто не знает, даже случайные свидетели.

Посадив машину в лесу, он накинул на плечо ружье и направился по узкой тропинке вдоль опушки. В этих местах можно было превосходно поохотиться, и ружье, в случае чего, объяснило бы его присутствие здесь. Когда он подошел к домику, то увидел, что на крытом заднем дворе сидит за столом Селия вместе со своим гостем, с полными бокалами в руках. Джексон был тоже одет по-охотничьему. Еще некоторое время Фил не выходил, оставаясь в тени деревьев, поскольку испытывал сомнения в правильности своих

намерений.

Трое заговорщиков строили далеко идущие планы, в основе которых была заложена мистификация. Последствия могли принять гигантские масштабы даже по галактическим меркам. Однако, если Правительство Земли обнаружит, что стало жертвой мистификаторов, ситуация для последних сложится крайне неприятная. Эти узколобые бюрократы из центра, как правило, даже не пытаются проверять полученные доказательства, подтверждающие их подозрения. Подозрений для них уже вполне достаточно. Тех, кого заподозрили в неблагонадежности, будь то отдельные личности или целые коллективы, обычно задвигались в какой-нибудь медвежий угол, и они пребывали там до конца своих дней. Выпутаться из подобной ситуации считалось делом необычайно сложным.

В глубине души Фил все это осознавал, однако подобная угроза казалась ему ничего не значащей мелочью по сравнению с величием захватывающего бесстыдства грандиозного плана, а также ребячливым удовольствием от возможности кого-то надуть, да еще столь грандиозным образом. То, что заставило его задуматься в последний момент, могло быть лишь присущей любому

человеку осторожностью. Разумеется, ему не хотелось навлечь на себя всю мощь неодобрения Правительства Земли. Но почему непременно неодобрения? И потом, откуда центр узнает, если о планах знают только трое. Каждый из них, Уэйн Джексон, Селия Адамс, да и он сам получат от этого выгоду, и все трое будут равным образом ответственны за эту аферу. Никто из них не предаст, никто не испытает колебаний, поскольку тому порукой послужит их личная заинтересованность в результатах.

Правда, существует небольшая вероятность предательства со стороны еще одного человека, также замешанного в деле. По сравнению с ним, Филом, Уэйн и Селия получат неизмеримо большую выгоду, но им и есть что терять. Конечно, они предпримут все необходимые меры для обеспечения своей защиты, но им придется также позаботиться и о Филе Боулзе.

* * *

— Как вообще удалось провезти подобную штуку на Рой? — спросил Фил. Он уже успел одним глотком отпить полбокала, который подала Селия, и теперь, несколько минут спустя, чувствовал нечто, что при других обстоятельствах

можно было бы назвать приятным воодушевлением, но что все же не совсем стерло из памяти сознание того, что он в преддверии необратимого поступка.

Селия откинула со лба упрямую прядь красновато-каштановых волос и взглянула на собеседника внимательнее. У нее было прелестное личико, которое несколько портила жесткая линия рта — черта, которая сейчас стала заметнее куда больше обычного. Фил решил, что женщина чувствует нечто подобное его нервозности и по аналогичной причине. Сказать то же самое о майоре Уэйне Джексоне, мужчине крупном и свободном с приятной улыбкой и уверенным голосом, он бы не смог. Голос, пожалуй, звучал чересчур сердечно, но больше в майоре не было ничего подозрительного.

— Я этого и не делала, — сказала Селия. — Вещица принадлежала Фрэнку. Как она попала сюда с Земли, вместе с ним или уже позже, я не знаю. Он никогда об этом не рассказывал. Когда пару лет назад он умер, я забрала ее себе.

Фил задумчиво оглядел целый ряд незнакомых инструментов, покрывавших собой половину столешницы. Фотокамера, в которой хранился отпечаток бластера Джистов из гостиной тети

Беллы, была полностью совместима с представленным оборудованием и теперь покоилась внутри самого большого из них.

— Как она называется? — спросил Фил.

Селия ответила взглядом, полным раздражения. Джексон засмеялся:

— Почему бы тебе, Сел, не сказать ему? Фил ощущает то же самое, что и мы, а это — последняя возможность все как следует проверить и убедиться, что никто никого не обманывает и что все пройдет гладко. Верно, Фил?

Фил кивнул.

— Примерно так.

Селия покусывала губы.

— Хорошо, — сказала она. — Полагаю, это не имеет значения по сравнению со всем остальным.

Она тронула один из инструментов.

— Весь набор носит название дупликатор и ему ни много ни мало, а почти шесть десятков лет. Подобные вещи классифицируются, как инструменты для изготовления подделок, и по закону частные лица никоим образом не могут ни производить, ни использовать, ни владеть ими.

— Почему так?

— Потому что все они предназначены для из-

готовления подделок. Фрэнк считался одним из лучших специалистов в этой области, пока не обнаружил, что значится в списке на выселение.

Фил нахмурился.

— Однако если набор может дублировать любой произведенный предмет…

— Запросто. Стоимость копии в среднем в пятьдесят раз выше, чем при обычном копировании. Дупликатор имеет смысл использовать только в том случае, когда требуется копия, которую абсолютно невозможно отличить от оригинала.

— Понятно, — Фил помолчал немного. — И вот, спустя шесть десятков лет…

— Не волнуйся, Фил, — сказал Джексон, — дупликатор в отличном состоянии. Мы уже проверили на нескольких образцах.

— Откуда вы знаете, что копии действительно не отличить?

Селия нетерпеливо ответила:

— Потому что эта штука работает именно так и никак иначе. Когда бластер Джистов проходил сквозь верхнюю панель, он был проанализирован до последней молекулы. Сейчас на основе анализа изготавливается дубликат. Даже мельчайшая частица любого элемента, использованного в оригинале, будет воспроизведена с безукоризнен-

ной точностью. Как вы думаете, почему копия получается такой дорогой?

Фил ухмыльнулся:

— Ладно, убедили. Как вы думаете избавиться от надписи?

— Устройство само позаботится об этом, — ответил Джексон. — Нужно отколоть край и обработать отколотую поверхность так, чтобы она выглядела как все остальное.

Он улыбнулся.

— Похоже, земным фальшивомахерам неплохо живется, верно?

— Верно, — коротко откликнулась Селия, — пока их не сцапают.

Она допила свой бокал и добавила:

— У нас тоже есть к тебе несколько вопросов, Фил.

— Например, оригинал бластера, — вставил Джексон. — Видишь ли, у нас нет ни малейших оснований полагать, что расследование будет проведено. Однако когда колеса закрутятся, наши шеи будут вытянуты прямо до самой плахи, пока мы не избавимся от этого вещественного доказательства.

Фил поджал губы.

— На вашем месте я бы об этом не беспокоился.

Никто кроме тети Беллы, ни разу не глядел на дядюшкину коллекцию, ибо она по большей части — просто хлам. Вероятнее всего, только вы, я и она знаем, что в ней имеется такой экспонат, как бластер Джистов, ведь все дядюшкины приятели отправились на тот свет еще до него. Однако если бластер исчезнет сейчас, тетя Белла может его хватиться, а это может привлечь к нему внимание, поскольку Правительство Земли издало закон, запрещающий хранить у себя любые вещи, принадлежащие Джистам.

Джексон потер подбородок и глубокомысленно сказал:

— Ну, всегда можно сделать так, чтобы тетя Белла не стала поднимать шума.

Фил задумался.

— Доктор Фитцсиммонс утверждает, что жить ей осталось не больше трех месяцев, — сказал он. — Вне больницы она не протянет и восьми недель, а если протянет, то это просто чудо. Думаю, это будет еще до того, как придется позаботиться об уничтожении улики.

— Если бы так, — протянул Джексон. — Однако если расследование начнется до ее кончины…

Фил взглянул на него и невозмутимо сказал:

— Тогда мы сделаем все, что необходимо в та-

ком случае. Конечно, это будет не очень приятно для меня, как ее родственника, но моя шея на плахе так же, как и ваши.

Селия рассмеялась.

— Да, это довод эгоиста в чистом виде, — заметила она. — Каждый из нас — самый настоящий эгоист, а самая надежная черта в человеке, это — эгоизм. Именно поэтому все мы можем чувствовать себя в полной безопасности.

Джексон покраснел, мельком взглянул на Фила и улыбнулся. Фил пожал плечами.

Итак, Майор Уэйн Джексон, второй человек в Форт-Рое, очень хотел стать первым, и цепочка повышений в должности должна была стартовать с нынешнего командира Форт-Роя, полковника Тейера. Друзья на Земле смогут устроить ему перевод в центр, как только будет оглашен приказ о превращении Форт-Роя в военную базу класса «А» и, следовательно, его место освободится. А Фил, если ему будет гарантировано кресло президента КПС с количеством членов, растущим год от года до полумиллионной отметки, а то и выше, сможет жить спокойно. Причем, не просто спокойно, но и очень комфортабельно, в то время как третье заинтересованное в этой афере лицо, Селия Адамс, сможет постепенно, шаг за шагом,

устранять конкурентов, потихоньку легализуя подставные фирмы под вывеской благопристойных заведений.

— Все мы думаем о будущем планеты, Селия, — дружелюбно заметил Фил, — но каждый по-своему. И будущее это выглядит блестяще. Единственное, на чем мы можем споткнуться, причем здесь, на Рое, это честность Силаса Тейера. Если доблестный полковник завтра возьмет и скроет находку бластера Джистов…

Джексон усмехнулся и покачал головой:

— Предоставь это мне, парень, мне и нашим высокопоставленным гостям с Земли. Уполномоченный Сэнфорд завтра должен провести весь день в обществе Тейера, разбирая какие-то дела Территориальной Службы. Научный сотрудник Воган просто светится от радости оттого, что Рональд Блэк вместе со своей информационной сворой начнут осматривать завтра с утра все то, что он нарыл там, в руинах, обещая его теориям об исчезнувших коренных жителях Роя дать самую обширную прессу в метрополии. Блэк непременно предложит мне присоединиться к честной компании. У полковника Силаса Тейера не останется ни малейшего шанса замолчать находку бластера Джистов на Рое в присутствии

Блэка, Сэнфорда, а также вашего покорного слуги, поэтому военным придется досконально его изучить. И единственным человеком, на которого он сможет возложить ответственность за это, будет научный сотрудник Норм Воган, которого мне, признаюсь, даже немного жаль.

* * *

Поначалу лейтенант Норман Воган был просто нервным и усердным молодым человеком, который носил необычайно толстые контактные линзы и был обладателем широкого, растянутого рта, что делало его похожим на лягушку, застигнутую меланхолией. Он справедливо подозревал, что хорошего научного сотрудника не перевели бы с Земли на Рой, который испытывал хроническую нехватку научных проблем приличного уровня, и где все финансировалось скупо и неохотно.

Огромная спиралевидная развалина на полуострове Форт-Рой стала для Вогана единственной отдушиной. На планете было известно еще несколько подобных сооружений, но данное находилось в гораздо лучшем состоянии и, несомненно, было самым свежим. Лейтенант был искренне убежден, даже если никто с ним не со-

глашался, что строительство гигантской улитки производилось сознательно, по заранее разработанному плану. Он собрал целые горы заметок в поддержку своей теории о том, что ее исчезнувшие навеки строители представляли собой расу, интеллектуально близкую человечеству. К сожалению, их тела, по-видимому, целиком состояли из субстанций мягких и непрочных, поскольку не было найдено ничего похожего на костные или хитиновые останки, а то, что лейтенант Воган называл неопровержимыми памятниками культуры на уровне древнейшего человечества, иные представители позднейшего человечества по большей части считали ничего не значащими черепками и глыбами плотного, похожего на известняк, материала, из которых и были выстроены «Развалины».

Именно поэтому Воган, по меткому выражению Джексона, «засветился от радости», когда Рональд Блэк, этот гигант земных СМИ, первым выказал интерес к руинам и теории лейтенанта об их происхождении, но вскоре к этим светлым чувствам стало примешиваться острое беспокойство. Ибо подобный шанс мог никогда более не представиться, если высоких гостей не впечатлить показом неких артефактов, а что ему,

собственно говоря, показывать? Поэтому утром, когда гоп-компания двинулась к руинам, Воган заметно нервничал.

Два часа спустя он ворвался в приемную командира базы Форт-Роя, и дежурный офицер едва смог его узнать. Глаза лейтенанта Вогана метали молнии даже сквозь толстые контактные линзы, цвет лица напоминал вареного рака, безумная улыбка рассекала это лицо от одного уха до другого. Победоносной поступью проследовал он мимо потрясенного офицера, с размаху распахнул дверь кабинета, в котором полковник Тейер беседовал с уполномоченным Территориальной Службы, и ввалился внутрь.

— Сэр, — услышал его дрожащий голос офицер, — у меня есть доказательства, неопровержимые доказательства! Они все же были разумными существами. Они не вымерли. Они погибли на войне! Это были… Лучше посмотрите сами!

Раздался тяжелый стук, с которым он уронил нечто на сверкающую полировку между полковником и уполномоченным.

— Это было найдено во время раскопок прямо сейчас, среди всяких артефактов!

Силас Тейер вскочил на ноги, дыша так тяжело, будто надеялся, что напор его дыхания выдует

этого проклятого научного сотрудника прочь из кабинета. Сдерживало его лишь странное полузадушенное восклицание, которое испустил уполномоченный Сэнфорд. Взгляд полковника скользнул по изменившемуся лицу гостя, затем последовал за его взглядом к лежащему на столе предмету.

На мгновение полковник Тейер окаменел.

Воган продолжал бормотать:

— Представьте, сэр, я…

— Заткнитесь! — оборвал его Тейер. И тут же как ни в чем не бывало продолжил:

— Говорите, это было найдено во время раскопок в руинах?

— Да, сэр! Только что! Он…

Лейтенант Воган слегка опомнился под леденящим взглядом полковника, и на его лице начали проявляться признаки осознания того, что он только что совершил огромную глупость. Он неуверенно облизал пересохшие губы.

— Я ненадолго покину вас, сэр, — сказал полковник, обращаясь к уполномоченному Сэнфорду. Затем осторожно взял бластер Джистов за неподражаемую изогнутую рукоятку, отнес к кабинетному сейфу, положил внутрь и вновь запер сейф. Затем покинул кабинет.

* * *

В соседней комнате Тейер отбарабанил на коммуникаторе кодовый номер майора Уэйна Джексона. Как только включился наручный коммуникатор Джексона, полковник услышал слабый щелчок и быстро проговорил:

— Уэйн, вы сейчас можете говорить?

— Я могу говорить, — предупредительно откликнулся голос Джексона.

— Норм Воган, — сказал полковник, — только что ворвался сюда с чем-то таким, что; как он утверждает, было обнаружено при раскопках. Сэнфорд видел это и без сомнения узнал. Возможно, нам удастся убедить его молчать… А теперь несколько вопросов: этот предмет действительно был вырыт сейчас во время раскопок?

— Очевидно, да, — ответил Джексон. — Я не видел, как это случилось, в тот момент мы разговаривали с Блэком. Однако найдется более полудюжины свидетелей, которые подтвердят, что видели, как это случилось, включая пять-шесть человек из информагентства.

— И они поняли, что это такое?

— Очень многие поняли.

Тейер тихо выругался.

— Не может ли быть так, что кто-то подбросил его среди отрытых вещей для создания сенсации на Земле?

— Боюсь, что нет, — ответил Джексон. — Эта штука осталась лежать в фильтре после того, как оттуда выдули песок и пыль.

— Почему вы сразу мне не позвонили?

— В это время мне пришлось заниматься подавлением чего-то вроде мятежа, Силас. Воган убежал прежде, чем я смог его остановить, но мне удалось посадить остальные машины, пока мы с вами не решим, что делать дальше. Нашим гостям это не понравилось. Им также не нравится и то, что я расставил охрану вокруг места, где был обнаружен предмет, и не позволил им поговорить с поисковой группой Вогана. Рональд Блэк и его команда ведут себя пока довольно спокойно, но зато другие поговаривают об изменениях статуса Базы. Больше я ничего не смог сделать.

— Вы поступили правильно, майор, но сомневаюсь, что это поможет, — сказал Тейер. — Вы можете подозвать Рональда Блэка?

— Да, он рядом…

— Полковник Тейер? — послышался через несколько секунд приятный голос в трубке.

— Мистер Блэк, — осторожно произнес полков-

ник, — то, что произошло сегодня на раскопках, может повлечь за собой события огромной важности.

— Это совершенно очевидно, сэр.

— В таком случае, — продолжал полковник, — как вы полагаете, возможно ли заключение джентльменского соглашения со всеми свидетелями не упоминать об этой находке, пока информация не пройдет надлежащим порядком по инстанциям? Меня интересует ваше мнение.

— Полковник Тейер, — ответил по-прежнему приятный голос Рональда Блэка, — мое мнение таково: единственный способ сохранить это дело в тайне — арестовать всех присутствующих здесь гражданских лиц, включая меня, и лишить нас всякой связи с миром. У вас свои обязанности, у нас свои. В наши обязанности не входит сокрытие от публики информации, которая может означать величайший за последние два десятка лет поворот в ходе войны с Джистами.

— Понимаю вас, — сказал Тейер. Несколько секунд он молчал и, возможно, тоже в это время подумал о будущем Форт-Роя — военная база класса «А» под его командованием, огромные военные корабли Земли, выстроенные вдоль побережья, во всю длину полуострова.

— Мистер Блэк, — сказал он вслух, — будьте так любезны передать своим коллегам мои слова. Я предприму самое тщательное расследование того, что произошло, и вместе с материальными свидетельствами направлю срочный рапорт своему начальству на Земле. Никто из вас не получит более никаких комментариев ни от меня, ни от одного из моих подчиненных. Попытка получить подобные комментарии будет расцениваться как разглашение военной тайны и повлечет за собой арест того или тех, кто таковую попытку предпринял. Вам все ясно?

— Совершенно ясно, полковник Тейер, — мягко откликнулся Рональд Блэк, — и нас это вполне устраивает.

* * *

— За последние восемь недель нам удалось выяснить, — сказал человек по имени Крейнхарт, — что этот предмет — вовсе не то, чем кажется… то есть это не оружие Джистов.

Он подтолкнул предмет, о котором шла речь, поближе к уполномоченному Сэнфорду и Рональду Блэку. Ни один из них не сделал попытки взять его в руки, оба лишь посмотрели на него, затем перевели внимательные взгляды на Крейнхарта.

— Конечно, это великолепная копия, — продолжил Крейнхарт, — ее создали на профессиональном уровне. Полагаю, вы знаете, что в таком виде ее почти невозможно отличить от подлинного образца. Однако… теперь уже не будет вреда, если я вам скажу… технологии Джистов развиваются несколько иначе, чем наши. В своем оружии они используют мельчайшие частицы некоторых элементов, которые мы лишь учимся поддерживать в стабильном состоянии. Данную информацию правительство утаивало до сего момента от общественности, поскольку не хотелось бы, чтобы Джисты узнали от военнопленных, как много нам о них известно. Аппарат, который произвел эту копию, естественно, не имел подобных элементов в своем арсенале. Поэтому ему пришлось применить их низшие гомологи. Копия выглядела почти неотличимо от оригинала. Единственная существенная разница между ними в действительности заключается в том, что подобный бластер, будучи скопирован вроде бы полностью, не сможет стрелять, — тут он коротко улыбнулся, — а это, думаю, вы со мной согласитесь, все же существенное различие. Как только так называемый бластер Джистов был, как следует, исследован, мы поняли, что его могли сделать

только люди.

— В таком случае, — рассудительно проговорил уполномоченный Сэнфорд, — то, что его обнаружили на Рое во время нашего визита, было сознательной мистификацией…

Крейнхарт кивнул.

— Конечно.

— Но я по-прежнему не понимаю, — сказал Рональд Блэк, — почему вы это скрывали? Ведь вам не нужно было раскрывать никаких секретов. Вы же видите, что волна недовольства широкой общественности по поводу кажущейся нерешительности правительства, которое не приняло решительных мер сразу после обнаружения находки, то есть, не стало спешить с усилением защиты Территориальных Сегментов, оказавшихся под угрозой, приняла просто угрожающие размеры. Ведь вы могли остановить ее еще до того, как она началась два месяца назад из-за одного-единственного заявления.

— В общем, да, — ответил Крейнхарт, — но у нас были свои соображения. Кстати, мистер Блэк, мы вовсе не против того, чтобы руководимая вами империя СМИ приостановила процесс раздувания этого дела.

— Особой благодарности за это вы от меня не

дождетесь, — сухо сказал Блэк.

— Что касается остального, — продолжал Крейнхарт, — правительство и раньше переживало периоды серьезной критики своих действий. Это не столь важно. Важно то, что Джистская Война длится уже дольше человеческой жизни… Теперь ни для кого не секрет, что пока она не закончится, любые действия, увеличивающие нашу боеспособность, являются приемлемыми.

Рональд Блэк медленно проговорил:

— Итак, вы откладываете обнародование до тех пор, пока не найдете тех, кто ответственен за эту мистификацию.

— Нам нужны, — ответил Крейнхарт, — только руководители, они — люди опасные. Нам дела нет до того, кто еще и в чем именно виноват. Как вы понимаете, это вопрос целесообразности, а не справедливости.

На секунду его взгляд задержался на вежливо-вопрошающих и несколько озадаченных лицах, затем он продолжил:

— Покинув этот кабинет, каждый из вас будет препровожден в особую комнату, где вам предложат подписать некоторые бумаги. Это и будет наш первый шаг.

Повисло напряженное молчание. Рональд Бл-

эк вынул из платинового портсигара сигарету, интеллигентно постучал ею по столу, сунул в рот и прикурил. А Крейнхарт тем временем продолжал:

— Подобная конспирация стала бы невозможна в случае, если подделка была бы обнаружена немедленно. В то время никто ничего не предпринимал. Затем, через несколько дней, поскольку наше молчание косвенным образом подтверждало подлинность сделанной находки, стали наблюдаться интенсивные изменения в промышленности и финансах. Если бы в военной политике начались серьезные изменения, было бы построено несколько крупных баз в тех Территориальных Сегментах, которые ранее считались бесперспективными для атак Джистов, а это кое-кому на Земле принесло бы большую выгоду.

— Разве так бывает не всегда? — пробормотал Блэк.

— Как правило, всегда. Обычное дело, и правительство этим не интересуется. Всегда можно с достаточной точностью предсказать, какая финансовая группа или группы могут извлечь наибольшую выгоду из создавшейся ситуации. Однако за прошедшие несколько недель стало очевидно, что в выигрыше оказывается кто-то

еще… кто-то, кто мог выиграть только на основе тщательной и масштабной подготовки к данной конкретной афере.

— Это было необычно, а чего-то необычного примерно такого рода мы и ожидали. Было выяснено, что в деле участвовало семь человек, все семеро будут лишены благ, достигнутых в результате этой аферы.

Рональд Блэк покачал головой и сказал:

— Вы совершаете большую ошибку, Крейнхарт. Я не буду ничего подписывать.

— Я тоже, — вяло отозвался Сэнфорд.

Крейнхарт потер нос пальцем и рассеянно сказал:

— Никто не собирается вас принуждать. Открыто принуждать, — он кивнул на окно. — Там на посадочной площадке стоит чья-то машина. Возможно, уже завтра рано утром обломки этой машины будут найдены в горах, примерно в четырехстах километрах к северу отсюда. Естественно, у нас наготове вполне правдоподобная история, так что все будет выглядеть как чистая случайность.

Сэнфорд побледнел.

— Значит, вы готовы пойти на убийство! — воскликнул он.

Крейнхарт помолчал немного.

— Мистер Сэнфорд, — сказал он, наконец, — вам, как сотруднику Территориальной Службы, прекрасно известно, что Джистская Война уже унесла более четырехсот миллионов человеческих жизней. Данное обстоятельство вынуждает правительство настаивать на вашем добровольном сотрудничестве. Искренне советую — не отказываться.

— Но у вас нет никаких доказательств! У вас нет ничего, кроме гипотез…

— Подумайте о том, — заметил Крейнхарт, — что заговор подобного рода в данных обстоятельствах является серьезным преступлением. Вы действительно хотите, чтобы мы продолжали искать доказательства?

— Каков же будет результат, — хриплым голосом проговорил Рональд Блэк, — если мы с Сэнфордом все же предпочтем сотрудничать?

— Даже в этом случае мы не можем позволить подобным типам занимать важные посты, мистер Блэк, — дружелюбно ответил Крейнхарт. — Уверен, вы понимаете, как трудно будет на Земле держать вас под соответствующим контролем…

* * *

Голос Селии Адамс раздался от двери:

— Думаю, это они, Фил. Оба аэрокара кружат над домом.

Фил Боулз подошел к Селии и посмотрел вверх. Вечерело, светило Роя только что закатилось, выкатились на небосклон первые бледные звезды. Небо над морем еще светлело. Чуть погодя высоко над домом он заметил машины, которые медленно описывали широкий полукруг. Он взглянул на часы.

— Опаздывают на двадцать минут, — заметил он. — Но вряд ли это кто-то другой. А раз целых две машины, значит, они прибыли сюда все вместе.

Он немного поразмышлял.

— Мы не знаем, как они примут это, Селия, но вполне может статься, что они уже настроены обойтись без нас.

Он кивнул в сторону утеса.

— Короткая разбежка и долгий-долгий прыжок в воду! Так что не дай им себя удивить.

— Не дам, — холодно ответила она. — Мне приходилось стрелять из пистолета.

— Не сомневаюсь, — Фил наклонился и поднял сигнальный фонарь, который стоял рядом с тя-

желым пулеметом. Направив фонарь в сторону аэрокаров, он трижды быстро нажал на кнопку. Спустя секунду из первой машины сверкнули две ответные вспышки.

— Значит, Уэйн Джексон летит в первом аэрокаре, — сказал Фил. — Посмотрим, что они будут делать.

Он поставил фонарь на место и вернулся к Селии. Летательные машины скрылись из виду, чтобы через несколько минут вновь появиться над верхушками деревьев. Первая из них бесшумно приземлилась между домом и краем утеса, другая последовала за нею, но прошла рядом с утесом и снизилась на сотню метров, чтобы замереть в воздухе. Фил посмотрел на Селию и приветливо сказал:

— Следи за вторым аэрокаром!

Она едва заметно кивнула, одновременно опуская руку в карман куртки.

Боковая дверь севшей машины открылась. Из нее вылез Уэйн Джексон в охотничьей одежде и внимательно посмотрел на встречающих.

— Здесь еще кто-нибудь есть? — спросил он.

— Только мы с Селией, — ответил Фил.

Джексон повернулся и что-то сказал сидящим в машине — из нее выбрались два человека,

одетых так же, как и майор. Фил узнал Рональда Блэка и Сэнфорда. Все трое подошли к дому и остановились.

Джексон язвительно заметил:

— Еще пятеро наших бывших соратников-землян находятся во втором аэрокаре. Несмотря на ваше требование о встрече со всей группой целиком, они изъявили желание скрыть от вас свои лица. Они не хотят быть узнанными, — он дотронулся до лацкана пиджака. — Но будут слышать по этому коммуникатору все, о чем мы говорим, и даже поговорят с вами, но только, если сочтут нужным. Вам придется поверить мне на слово: здесь присутствуют все.

— Вашего слова достаточно, — сказал Фил.

— Отлично, — продолжил Джексон. — Теперь объясните, зачем вам потребовалось вынуждать нас так рисковать? Полковнику Тейеру никто не ставил в вину пособничество в подделке бластера, и, тем не менее, он все равно пострадал. Надеюсь, вы помните, что планета с колониальным статусом по закону считается находящейся на военном положении, включая гражданских лиц. И если Силас Тейер доберется до истинных виновников, то мало им не покажется.

* * *

Фил обратился к Рональду Блэку:

— Вы и себя тоже причисляете к ним? Когда ваши имена появились в списках переселенцев, Тейер должен был догадаться, по какой причине.

Блэк покачал головой.

— Перед вылетом мы оба воспользовались привилегией и изменили имена. Он не в курсе, что мы находимся на Рое. Мы приложим максимум усилий, чтобы он этого и впредь не узнал.

— Вы что-нибудь предприняли для того, — спросил Фил, — чтобы впоследствии бежать с Роя?

— На Земле?! — Блэк оскалил зубы в холодной улыбке. — Боулз, да вы, оказывается, понятия не имеете, насколько молниеносно и безоговорочно правительство лишило нас прежних возможностей! Поверьте, нам не оставили ни малейшего шанса на разработку каких-либо планов побега из этой дыры!

Фил бросил взгляд на Селию.

— В таком случае, — решительно заявил он, — нам немедленно и сообща надо приступить к разработке такого плана.

Джексон удивленно посмотрел на него.

— О чем ты говоришь, Фил? Неужели ты со-

мневаешься, что Силас Тейер не сделает все возможное, чтобы найти того, кто его так подставил. Я вполне допускаю, что он подозревает даже меня. Если он сможет выйти на нас, мы пропали. Если у тебя в голове бродят какие-то безумные идеи насчет немедленного бегства с планеты, то позволь дать себе совет: в ближайшие несколько лет сиди тихо, как и мы все, и не смей делать в этом направлении ни единого шага! Запомни, пока мы не рыпаемся, мы в безопасности.

— Сомнительно, что мы здесь будем в безопасности, — заметил Фил.

Селия Адамс резко добавила:

— Джентльмену во втором аэрокаре, открывающему фонарь, лучше его закрыть! Если у него хорошее зрение, он увидит, что я нацелила на него свой пистолет. Вот так-то намного лучше! Продолжай, Фил.

— Вы что, оба спятили?! — завопил Джексон.

— Пока до этого дело не дошло, — ответила Селия. Внезапно она рассмеялась резко и истерически:

— Хотя я даже не знаю, почему мы не спятили, Уэйн! Уверена, что все остальные предпочли бы, чтоб мы с Филом тихо исчезли.

— Чушь! — ответил Джексон.

— Возможно, и чушь. Как бы то ни было, даже не пытайтесь нас убрать. Даже если у вас получится, вряд ли этим вы окажете себе услугу. Лучше послушайте…

— Послушать что?! — в отчаянном недоумении крикнул Джексон. — Повторяю, все будет в порядке, если мы все не будем делать резких движений. Единственными вескими уликами являются твой дупликатор и оригинал бластера. Если мы от них избавимся…

— Избавляться от них мы не будем, Уэйн, — жестко сказал Фил. — Бластер все еще у меня. Я не осмелился его уничтожить.

— Ты… что ты хочешь этим сказать?

— Когда тетей Белла умирала, я был с ней в больнице Форт-Роя, — сказал Фил. Затем он обратился к Рональду Блэку:

— Это произошло двое суток спустя после вашего прилета сюда.

Блэк кивнул, глаза его тревожно блеснули:

— Майор Джексон сообщил мне об этом.

— Тетушка была очень слаба, но в полном сознании, — продолжал Фил. — Много говорила, кое-что вспоминала и, наконец, затронула очень интересную тему. Она упомянула о бластере Джистов и о том, как мы, я и Уэйн, будучи еще детьми,

приходили в гости к дядюшке и завороженно слушали его рассказы о битве при Гандерландах, и как он заполучил там свой трофей.

— Ну и что теперь… — начал было Джексон.

— А то, что бластер он заполучил не там, — сказал Фил. — Белла сказала, что дядя Уильям прибыл на Рой с первым кораблем переселенцев и с тех пор больше никогда не покидал нашу планету.

— Он… но тогда…

— Все еще не понимаешь? — поинтересовался Фил. — Он нашел этот бластер здесь, на Рое. Белла думала, что все это очень смешно: Уильям был старый дурак, но зато лучший выдумщик, какого она только знала. Он притащил его после долгого пешего похода по пустыне и сказал, что эта штука немного похожа на те, что изображены на плакатах Джистской Войны, и что намеревается сделать на нем гравировку, чтобы как следует повеселиться.

Фил глубоко вздохнул.

— Дядюшка Уильям обнаружил бластер в куче пепла на месте, где еще несколько дней назад кто-то стоял лагерем. Он тогда решил, что это были какие-то богатые туристы с Земли, которых примчал сюда быстроходный корабль, и кото-

рые взяли с собой бластер, чтобы поизображать отважных охотников в неизведанных мирах, и потом кто-то из них просто выбросил за ненадобностью старый, странный, сломанный бластер. Это было тридцать шесть лет назад, тетя Белла запомнила, что это произошло за год до того, как я родился.

Наступила тишина. Затем Рональд Блэк невозмутимо спросил:

— И какие из этого всего следуют выводы, Боулз?

Фил ответил ему раздраженно:

— Выводы такие, что Норм Воган был прав относительно того, что когда-то здесь жили очень даже разумные существа. Джисты наткнулись на них и, как обычно, всех до единого уничтожили. По-видимому, это случилось пару столетий назад. Затем, тридцать шесть лет назад, один из их кораблей-разведчиков проскользнул сюда незамеченным, обнаружил на планете людей, огляделся и убрался восвояси.

Он вынул из кармана бластер Джистов и взвесил на ладони.

— У нас имеется необходимое свидетельство, — тихо сказал он. — Все это время оно у нас было, а мы об этом даже не догадывались.

— Возможно, у нас и есть свидетельство, — сухо вставил Рональд Блэк, — но теперь у нас нет ни малейших доказательств, что оно является таковым.

— Знаю, — ответил Фил. — Беллы больше нет… так что мы даже не можем доказать, что Уильям Боулз никогда не покидал планету. В первые годы здесь не велся никакой учет, следовательно, и говорить не о чем.

Он немного помолчал.

— Предположим, — вдруг сказал он, — а что, если каким-то образом удастся сдвинуть это дело с мертвой точки? Передадим властям бластер, расскажем историю, которую я только что пересказал вам…

Джексон издал резкий смешок.

— Да нас просто прикончат, Фил!

— И больше ничего?

— Ничего, — решительно заявил Блэк. — Какой псих поверит в эту историю? Можно найти сотню гораздо более вероятных объяснений, каким образом бластер Джистов попал на Рой. Этот бластер — вещественное доказательство в деле о мистификации, и больше ничего.

— Возможно, что кто-то, — предположил Фил, — включая предусмотрительных джентль-

менов в аэрокаре, может с этим не согласиться?

Вновь наступила тишина.

Фил пожал плечами, повернулся лицом к обрыву и с размаху бросил бластер в море. Остальные безмолвно наблюдали за его полетом, за тем, как он упал в воду, затем посмотрели на Фила.

— Да я и сам был уверен, что это не поможет, — произнес Фил, нахмурившись, — но надеялся, что кто-то из вас мог придумать, как это можно использовать. Ладно, теперь мы знаем, что Джисты в курсе, что здесь люди. К сожалению, мы не сможем никого в этом убедить. За последние несколько лет эта война, казалось, вновь пошла на убыль. Из прошлого опыта известно, что это всегда означало — Джисты готовят новую масштабную операцию. Так что нам остается лишь одно — убраться с Роя куда подальше. Но это невозможно, если только не были предприняты соответствующие меры кем-то из вас еще на Земле. Будь у меня такая возможность, я убрался бы отсюда еще десять лет назад.

— К сожалению, Боулз, — осторожно проговорил Блэк, — никаких соответствующих мер предпринято не было.

— Тогда вот что, — сказал Фил. — Теперь вам ясно, почему нам следовало собраться всем вместе.

Десяти гениям! Ладно, мы сами себя перехитрили и в результате попали в переплет. Теперь давайте подумаем, нет ли хоть какой-нибудь возможности — пусть самой малюсенькой! — выбраться из этой ямы.

Тоненький голосок пропищал из коммуникатора, притороченного к лацкану пиджака Джексона:

— Майор?

— Да, — откликнулся Джексон.

— Пожалуйста, доведите до сведения мисс Адамс, что целиться в нашу машину ей нет никакой необходимости. Ввиду чрезвычайности ситуации нам лучше сесть, выйти из машины и присоединиться к дискуссии.

ВЫДЕРЖКА ИЗ ХРОНИК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ЗА 2345 ГОД Н. Э.

…Общеизвестно, что военная кампания в 132-м Сегменте стала поворотным пунктом Джистской Войны. Вслед за переводом полковника Силаса Тейера с планеты Рой на Землю, благодаря вдохновенному руководству майора Уэйна Джексона, а также действиям его неутомимых и в высшей степени талантливых помощников, среди которых необходимо особо отметить Президента КПС Боулза, стало возможным за двенадцать лет

преобразовать практически беззащитную и слабо снабжаемую планету Рой в оборонный пункт важнейшего стратегического значения и поистине смертельную ловушку для любого захватчика. Почти половина флота Джистов, неожиданно напавшего на планету, была уничтожена в течение первой недели после приземления, нескольким же кораблям был причинен сравнительно небольшой ущерб, что позволило им якобы незаметно ускользнуть от преследования. Но подкрепление противника, численностью до сорока процентов от общего количества космических сил Джистов, было перехвачено в соседнем, 134-м Сегменте, объединенными силами Земли под командованием бригадного адмирала Мак-Кенна и уничтожено.

В последующие же два года…

Зеленолицый
(рассказ)

— Чего не люблю, так это змей! — твердо заявил толстячок по имени Фредди и по фамилии, которую никто не знал. — Я видел на тропинке огромную страшную змею! И шагу больше к леднику не сделаю!

Хоган Мастерс, управляющий и владелец кемпинга для рыболовов на Четверговом озере, не пытался скрыть свое возмущение.

— Чего ты не любишь, так это работать! — провозгласил он хрипловатым голосом. — В той змейке было не больше пятнадцати сантиметров. Ты просто хочешь, чтобы я один тащил туда всю эту рыбу, а ты пойдешь в домик и в ус не будешь дуть…

Фредди и в самом деле уже направлялся к своему летнему домику.

— Я в отпуске! — радостно проорал он. — Мне нужно беречь силы! Нужно восстановиться после потрясения!

Хоган проводил его взглядом, открыл было рот, затем захлопнул, молча подобрал дневной улов

окуней и лещей и потащил к леднику. Обычно он не пил на работе, но сегодня с самого утреца пришлось обучать группу рыболовов, снявших один из его маленьких домиков, науке правильно забрасывать блесну и ставить донки. В июньскую жару это была еще та работенка, и сейчас, к трем часам пополудни, Хоган по самые жабры загрузился холодным пивом.

Он положил рыбу на лед, покрытый опилками, накрыл ее рогожкой и направился к двухэтажному бревенчатому срубу, который называл избушкой. Она было предназначена для него, да еще для постояльцев, которым было лень самим готовить пищу.

Подойдя к тому месту, где змейка подала повод Фредди, чтобы смотаться, он увидел, как она извивается вдоль огромных зарослей бурьяна, словно что-то скрытое привлекло ее внимание. Хоган немного понаблюдал за потугами маленького пресмыкающегося, затем осторожно присел на корточки и раздвинул бурьян. Внезапно раздалось какое-то призрачное шипение, похожее на опознавательный сигнал гремучей змеи, и что-то мокрое хлестнуло его по руке, слегка ужалив, точно он коснулся крапивы. В тот же миг змея скрылась в зарослях бурьяна.

Шипение не смолкало. Оно вовсе не походило на реальный звук, скорее на тонкую вибрацию где-то внутри головы, что было решительно неприятно. Хоган крепко зажмурился и потряс головой, чтобы избавиться от него. Когда же он вновь открыл глаза, перед ним был Зеленолицый.

Ничего, даже отдаленно напоминающего Зеленолицего, никогда не появлялось в хогановских зарослях бурьяна, нов тот момент он этой встрече не удивился особо. Он сразу подумал, что на самом деле никакого лица-то перед ним нет. То, что он увидел, было скорее похоже на блестящее гусиное яйцо темно-зеленого цвета, которое стояло торчком в зарослях бурьяна, ритмично пульсируя, точно человеческое сердце. Яйцо было покрыто сетью тонких темных линий, напоминающих два закрытых глаза и сжатый, слегка улыбающийся рот.

Маленький пузатый идол из нефрита, которого Хоган назвал Зеленолицым…

Под отчуждающим действием алкоголя он заметил про себя, что идола со всех сторон окружают пучки пушистых волокон, похожих не то на волосы, не то на корни. Затем, где-то внизу и неясно, точно сквозь молочное стекло, он увидел

змею, она была свита в спираль и все еще слегка извивалась, точно захваченная врасплох студенистой массой.

Хоган протянул руку, чтобы исследовать феномен поближе, и тогда один из корешков приподнялся, словно пытаясь предостеречь его от подобного шага. Но Хоган сделал этот шаг, и корешок тотчас шлепнул его по ладони, оставив еще одну красную полоску, похожую на след от крапивы.

В следующий миг Хоган отскочил. Его обуял вдруг запоздалый испуг, смешанный с гневом. Он быстро набрал полную горсть камешков, которые принялся швырять в невиданное чудище. Один из камешков едва не попал в цель, и шипение в голове Хогана прекратилось.

Зеленолицый медленно двинулся в глубь бурьяна, неловко перебирая всеми своими корешками-лапками, словно ему приходилось двигаться несколько боком, одновременно поглядывая на Хогана через несуществующее плечо. В руке у Хогана оказалось полено, он бросился вдогонку, но маленькое чудище уже исчезло.

Хоган еще пару минут обшаривал бурьян, держа дубинку наготове. Он хотел прикончить затаившееся страшилище, но вместо него он

обнаружил и поднял змейку.

Она все еще дергалась, хоть и была уже мертва, кожа свисала клочьями с дряблого, сморщенного тельца. Хоган посмотрел на нее с удивлением. Он держал беднягу за голову, а когда немного сдавил пальцы, почувствовал, что ее череп стал мягким, точно пластилин. Ощущение было жуткое, и вместе с ним Хоган вдруг осознал всю невероятность произошедшего с ним события.

Он рывком отбросил мертвую змею и пошел прочь от ледника, ибо его охватил краткий, но сильный приступ тошноты.

Когда Хоган вошел в избушку нетвердой походкой, Джулия Аллисон, опираясь на локти, склонилась за кухонным столом над каталогом товаров, продаваемых по почте. У нее были темные волосы, невозмутимые серые глаза и неотразимая фигура. Они с Хоганом были помолвлены уже около полугода. Хоган не хотел жениться, не убедившись, что сможет чего-то добиться от кемпинга для рыболовов, работавшего первый сезон.

Джулия посмотрела на него с улыбкой. Потом улыбка сменилась пристальным взглядом. Она захлопнула каталог.

— Хоган, — заявила она точно таким же тоном,

каким ее папаша, Уитни Аллисон, в своем баре в городе отказывался продать клиенту «распоследнюю», — да ты никак совершенно пьян! И не тряси так головой, а то из ушей польется.

— Джули, — возбужденно начал Хоган.

Она подошла к нему поближе и фыркнула, сморщив носик:

— Фу, пиво! Я права, милый?

— Джули, я только что видел нечто странное, что-то вроде маленького зеленого привидения…

Джули хлопнула ресницами пару раз.

— Слушай, малыш, — успокаивающе сказала она, — вот так и начинаются всякие пересуды про вполне нормальных людей! Сядь и отдохни, пока я сварю крепкий черный кофе. Утром приехала какая-то парочка, я отправила их в дальний домик. Им нужна керосиновая плита, лед и уголь для барбекю, я уже постелила им белье.

— Джулия, — хрипло перебил Хоган, — ты будешь меня слушать или нет?

Улыбка исчезла.

— Что ты кричишь!

— Я не кричу. И кофе мне не нужен. Я просто пытаюсь тебе рассказать…

— Тогда делай это без крика!

Джулия убрала жестянку с кофе со звучным

стуком, наглядно передававшим ее настроение, и одарила Хогана таким взглядом, что у того язык прилип к гортани.

— Если ты намерен продолжать пререкаться, — продолжила она без малейшей паузы, — то я могу и уйти, нужно помочь папе в баре.

Это означало, что свидания сегодня не будет.

Она ушла еще до того, как Хоган, борясь с охватившим его порывом схватить Джулию за плечи и хорошенько потрясти, словно шейкер с коктейлем, смог придти к определенному решению. Вместо этого он предпочел пойти в дальний домик взглянуть на семейную парочку. Затем с горя лег и уснул.

Когда он проснулся, Зеленолицый показался ему не более чем обрывком кошмарного сна, расплывчатым и весьма туманным воспоминанием. Несомненно, все это из-за жары. А не из-за пива, хотя по этому пункту Хоган и Джулия так и не смогли придти к консенсусу, несмотря даже на то, что совершенно помирились. Но поскольку никто не желал более затрагивать данную тему, это не имело особого значения.

В следующий раз Зеленолицего увидел уже не Хоган.

* * *

В самой середине сезона, двадцать пятого июня, успех кемпинга для рыболовов уже не вызывал никаких сомнений. Уитни Аллисон намекал, что в качестве свадебного подарка мог бы авансировать некоторую сумму на перестройку избушки. Когда Хоган вернулся в кемпинг на ланч, все вокруг дышало спокойствием и тишиной, однако не успел он дойти до порога, как череда пронзительных женских криков, раздававшихся из крайнего домика, заставила его остановиться и броситься туда пулей.

Подлетая к домику вместе с десятком перепуганных постояльцев, Хоган уже издалека услышал взволнованные голоса, доносящиеся из-за двери. Потом на пороге появился мужчина, отдыхавший в нем со своей женой.

— Моей старушке показалось, что она видела призрак или что-то в этом роде, — смущенно объяснил он. — Боюсь, вы ничем не сможете нам помочь. Я… думаю, что смогу ее успокоить…

Хоган повернулся и сделал отмашку собравшимся, затем осторожно подкрался с другой стороны и принялся бессовестно подслушивать. Ропот внезапно возобновился. Ему было слышно

каждое слово.

— Я видела собственными глазами! Оно было такое зеленовато-голубое, мокрое, с зеленым лицом, и он мне у-у-улыбнулся! Потом он п-плавно поднялся на дерево и исчез! О, Джорджи!

Джорджи безостановочно издавал различные успокаивающие звуки. Однако незадолго до полуночи он зашел в избушку, чтобы заплатить за постой.

— Прости, старик, — сказал он, выглядя скорее обескураженным, чем расстроенным, — представить себе не могу, что моя малышка увидела, но она упорно стоит на своем, будто нам нужно отсюда уехать. Знаешь, как это бывает. Сам я ни за что бы не уехал!

Хоган проводил их с кислой миной. Самым приятным из обуревавших его чувств было нечто вроде ошеломляющего оправдания своим собственным наблюдениям. Призрак голубовато-зеленого цвета, мокрый, плавно поднимающийся на деревья и исчезающий, не вполне точно соответствовал тому маленькому чудищу, которое, как Хогану удалось себя убедить, он не видел в бурьяне, но описание все же было слишком похоже, чтобы принять его за случайное совпадение. Джулия, приехав навестить его из города на

следующий день, тоже так решила.

— Ты не мог не рассказывать этой истеричной старой гусыне про ту маленькую зеленую штуковину, которую ты, по-твоему, видел? Вчера вечером, в магазине, она так разошлась, что даже муженек не смог ее угомонить. И все это слышали. Хоган, подобные вещи не принесут кемпингу ничего хорошего!

Хоган был совершенно беспомощен. Скажи он ей о призраке из бурьяна снова, она все равно не поверит. А если даже и поверит, это может нагнать на нее страху.

— Ну, так что же? — спросила она с подозрением.

Хоган вздохнул.

— Чего с нее взять? Она и слова никому вставить не даст…

По-видимому, Джулию обуревали сомнения, и в то же время она была озадачена. Когда он проводил ее до дороги, чтобы полюбоваться, как девушка отчалит в город на своей древней машине, в воздухе разлился странный маслянистый запах. Так могло пахнуть в оранжерее. Прошлая ночь у Хогана была практически бессонная, но он вовсе не чувствовал себя утомленным. Он уже добрался до противоположной стороны луга между

дорогой и кемпингом, когда его вновь поразил разлившийся вокруг необычный запах. Затем он понял, что во второй раз видит Зеленолицего, причем эта тварь стала гораздо крупнее и от этого приятности отнюдь не прибавила.

Находясь примерно в двух десятках метров от Хогана, на другом краю луга, его было почти не видно в березовой листве. Неопределенных очертаний овал сочного темно-зеленого цвета удачно прятался в листве. Полоски на нем маскировались бродячими от ветерка тенями ветвей, а сам Зеленолицый был неподвижен, если не считать вялого пульсирования.

Хоган неотрывно смотрел на него несколько секунд, при этом по спине у него бегали мурашки, а сердце глухо выстукивало тревожные сигналы по всем нервным окончаниям. Больше всего его испугал изменившийся размер: теперь овал сравнялся с мячом для регби! Да, страшно вырос он с тех пор, как Хоган увидел его в первый раз.

Тяжело сглотнув, Мастерс отер пот со лба и направился к избушке, стараясь ступать как можно более твердо и не выказывать никакой спешки. Ему не хотелось спугнуть чудище. Над кухонной дверью висела автоматическая винтовка для особых случаев, и пара выстрелов поможет

превратить данный феномен в безвредный музейный экспонат…

Завернув за угол, он, можно сказать, прямо взлетел на крыльцо, перепрыгивая через четыре ступеньки зараз. Спустя несколько секунд, когда в одной руке у него была винтовка, а другой он тянулся за коробкой с патронами, Хогану пришлось встряхнуть головой, чтобы избавиться от странного беззвучного шипения. Внезапно он вспомнил, что ему уже доводилось испытывать подобное чувство, и повернулся к зашторенному окну кухни. Высокая береза слегка дрожала, словно от ужаса, что по ее стволу плавно сползает огромный нефритовый паук с туманными пучками нитевидных лапок. В четырех метрах от земли эта тварь внезапно отпустила дерево и упала вниз, вытянув длинные лапки. Хоган охнул и одновременно моргнул.

Это произошло прямо у него на глазах: в тот самый момент, когда пушистые кончики коснулись земли, Зеленолицый изменился таким образом, что это нельзя было назвать иначе, чем *новой степенью видимости.* Голова осталась без изменений, а вот ножки вдруг стали плоскими, похожими на бледно-зеленые ленточки, гибкие и полупрозрачные. Каждая была приблизительно

пятнадцати сантиметров в ширину и около двух метров в длину, казалось, что они прикреплены к толстой кайме вокруг нижнего края головы, точно юбка из сухой травы, какую носят танцоры на Гавайях. Ножки на солнце слегка поблескивали голубым, но Зеленолицый не стал дожидаться, пока его подробно исследуют.

Он побежал, слегка виляя и проворно скользя на кончиках своих ножек-ленточек, к лесу, что находился за лугом. Он выглядел именно так, как и полагается выглядеть привидению, ленты на нем красиво блестели и извивались там, где должно было быть тело, но тела не было! Не удивительно, что та бедная женщина перепугалась до смерти…

Хоган вдруг понял, что его трясет от мелкого и полностью не контролируемого им смеха. Он положил винтовку на кухонный стол, затем попытался взять себя в руки настолько, чтобы не выронить сигарету.

* * *

Задолго до середины июля в Рыболовном Кемпинге Мастерса не осталось ни одного туриста. Хоган смутно чувствовал, что тот факт, что две попытки избавиться от Зеленолицего произошли

у всех на виду, в то время как противник остался невидимым, говорил не в его, Хогана, пользу. Конечно, он не был виноват в том, что лукавое создание предпочитало столь легкомысленно использовать свою способность становиться почти невидимым, а если точнее, то превращаться в высокий столп стекловидного мерцания, которое сперва слегка подрагивало среди деревьев, а потом и вовсе исчезало. Но до тех пор, пока он как-то раз не поехал в город, Хоган не сознавал, сколько неприятностей может принести этот невинный трюк лично ему.

В баре Уитни Аллисон поприветствовал его весьма коротко и сухо, а Джулия заставила себя ждать почти полчаса. Но Хоган был терпелив.

— Может, нальете мне немного шотландского? — не выдержал он примерно на двадцать пятой минуте.

Уитни бросил на него многозначительный взгляд.

— Лучше бы тебе это дело бросить, — сурово посоветовал он.

Хоган залился краской.

— Что вы хотите этим сказать?

— О тебе и так уже ходит множество всяких занятных историй, — сообщил Уитни, сердито

помаргивая. Затем он перевел взгляд за Хогана, и тот понял, что за спиной у него появилась Джулия; однако парень был слишком раздражен, чтобы оставить все как есть.

— И что я, по-вашему, должен делать? — резко спросил он.

— Не смей так разговаривать с папой!

Такого резкого тона от Джулии он еще не слышал. Мастерс тяжело сглотнул и размашисто потопал вон, даже не взглянув на невесту. Выпив пару стаканов дальше по улице, он вернулся к своей машине и увидел, что Джулия стоит за стойкой бара, болтая и смеясь с целой толпой заезжих туристов. Ей, по-видимому, было очень весело: серые глаза блистали, на щеках играл румянец.

Хоган прорычал самое грубое ругательство, какое только знал, и отправился домой. Он и вправду в последнее время привык выпивать к ночи изрядную порцию виски, чтобы заснуть. Ночью Зеленолицый никогда не появлялся, и не было смысла лежать и все время нервно думать о нем. Беспокоиться следовало в теплые, ясные дни, около полудня. Хоган уже дважды застукал его греющимся на солнышке в верхушках деревьев, и каждый раз подолгу в него стрелял, что

не имело ни малейшего эффекта, кроме того, что этот паразит вдруг становился полностью видимым. Он падал с дерева, точно подгнивший плод, и улепетывал в кусты, изо всех сил шевеля и хлопая своими ножками-ленточками.

Одно к одному. Не удивительно, ведь у Мастерса теперь постоянно был такой вид, словно он опасается чего-то такого, чего другие не видят. Когда домики кемпинга мало-помалу опустели, Хоган сказал себе, что так даже лучше. Теперь он сможет целиком посвятить себя тому, чтобы выследить проклятое ухмыляющееся привидение и покончить с ним раз и навсегда. Еще не слишком поздно возместить ущерб, нанесенный его доброму имени и банковскому счету.

При этом он старался не примешивать к этим прозаическим расчетам мысли о Джулии. Она не появлялась в кемпинге уже несколько недель, и в подобных обстоятельствах он не видел способа уладить затянувшуюся размолвку.

* * *

После того, как в него выстрелили во второй раз, Зеленолицый не показывался так долго, что Хоган уже почти потерял надежду поохотиться на него. Однажды днем он угрюмо разбирал погреб в

избушке. Вытянув здоровенную коробку с целью пустить ее на растопку, он встряхнул пару раз для проверки и с удивлением обнаружил, что из нее посыпались маленькие странные предметы. Хоган глянул на них внимательно, нахмурился и подобрал с пола.

То были крошечные мумифицированные тельца колибри некоего тропического вида с длинным изогнутым клювом и длинным, ярко окрашенным хвостом. Только и можно было по клюву и хвосту их опознать: кости, кожа и мясо представляли собой съежившиеся комочки сомнительной прочности, напоминающие сухую смолу. Вспомнив о мертвой змейке, от которой он отогнал Зеленолицего возле ледника, Хоган повертел в слегка подрагивающих от волнения пальцах птичьи трупики.

Внезапно ему стало ясно происхождение кемпингового привидения. Как же он раньше не догадался? Два месяца назад он отнес коробку с тельцами колибри в погреб. В то время в ней находилась и огромная гроздь зеленых бананов, полученных им от оптового торговца фруктами…

Зеленолицый, конечно, был существом плотоядным, но питался каким-то особым, странным

способом. За последние недели в окрестностях кемпинга почти не стало мелкой лесной дичи, даже птицы, казалось, облетали владения Мастерса стороной. Когда гроздь бананов погрузили на корабль в Бразилии или на каком-нибудь острове в Карибском море, Зеленолицый, тогда, должно быть, еще в виде семечка прибыл сюда вместе с нею, прилипнув к тельцу одной из убиенных им птичек.

Затем что-то, возможно, просто холодный северный климат, подействовало на него так, что естественные ограничения в росте перестали действовать, поскольку каждый раз, когда Хоган его видел, он становился все крупнее и крупнее. В его строении не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего скелет, который мог бы сопротивляться безостановочному росту. Зеленолицый также не напоминал никого из известных представителей животного или растительного сообщества, ибо существа подобного размера не могут жить по соседству с человеком и не привлекать к себе его внимание. В то время как в обычных условиях Зеленолицые вырастали максимум до полуметра в высоту, им вполне могло бы хватить ума и бдительности, чтобы укрыться от зорких глаз наблюдателей в каких-нибудь

роскошных тропических лесах, даже если не принимать в расчет их непостижимую уловку — в одну секунду становиться прозрачными.

Однако проблема, стоящая перед Хоганом, была исключительно практического свойства. В очередной раз почуяв возле кемпинга едва уловимый запах оранжереи, он понял, что у него созрел план. Его ближайший сосед Пит Джеффрис, который поставлял Хогану почти всю провизию с фермы, что находилась в двух километрах дальше по дороге в город, владел огромным, свирепым псом с ярко выраженными наследственными чертами эрдельтерьера. Эта бестия по имени Старина Батлер имела репутацию лучшего следопыта во всем графстве.

Хоган смог заполучить Батлера под тем предлогом, что неподалеку от болотистой озерной заводи обосновался упитанный олень. Пит не имел ничего против внесезонной охоты, поскольку они с Батлером были известны как пара самых отпетых браконьеров на сто километров вокруг. Он свистнул свою собаку и передал поводок Хогану, предупредив, что лучше все же не попадаться на глаза всевидящему лесному инспектору.

Маслянистый запах раздавался под березами столь отчетливо, что Хогану казалось, будто он

сам готов взять след. К сожалению, этот запах не говорил собаке ровным счетом ничего. Хоган не выпускал из рук ружье, но Батлер, добросовестно пыхтя и стуча когтями, рвался преследовать любую добычу, от кроликов до медведя, но совершенно не желал или не мог понять, что призван сюда, дабы найти тварь, которая источает аромат оранжереи. Опустив нос, он проделал несколько десятков шагов в направлении Зеленолицего, ставшего прозрачным, но затем, игнорируя команды Хогана, вернулся к березе, аккуратно обнюхал подножие и явственно продемонстрировал все, что он думает о происходящем. В конце концов, он присел на задние лапы и воззрился на Хогана недобрым и озадаченным взглядом.

Хогану ничего не оставалось сделать, как отвести пса обратно, сказав Питу Джеффрису, что пришлось прекратить браконьерскую вылазку вследствие внезапного появления лесничего. Когда Хоган вернулся к избушке, то услышал, как звонит телефон, и бросился к нему с поспешностью, удивившей его самого.

— Алло! — крикнул он в трубку. — Алло! Джулия! Это ты?

Ответа не последовало. Хоган прислушался и услышал в трубке несколько голосов, они

смеялись и разговаривали. Затем где-то слабо хлопнула дверь, и кто-то приглушенно сказал:

— Привет, Уитни! Как дела, старина?

Она звонила из магазина, наверное, просто хотела узнать, что он поделывает. Ему показалось, что он чувствует трепет ее дыхания.

— Джулия, — мягко воззвал Хоган, напуганный ее молчанием. — Что случилось, дорогая? Почему ты молчишь?

Он услышал, как девушка отрывисто вздохнула. Затем раздался щелчок опустившейся на рычаг трубки и короткие гудки. Остаток дня он провел, изо всех сил стараясь отвлечься уборкой домиков. Прикинув, сколько дней прошло с тех пор, как опустел последний из них, он решил, что еще одной причиной, по которой никто здесь больше так и не появился, было то, что зловредина Уитни Аллисон, занимая стратегическую позицию у городской автобусной остановки, направляет туристов в другие кемпинги. Однако, сказал себе Хоган в очередной раз, никто ему здесь и не нужен, это только может все усложнить, пока не решена проблема Зеленолицего.

Но для чего звонила Джулия? Что это означает?

* * *

В ту ночь светила полная луна. Около десяти часов, переделав к тому времени всю возможную работу, Хоган устало присел на ступеньках избушки и зажег сигарету. Он намеревался спокойно все обдумать в ночной тиши, но вместо этого продолжал твердить про себя, что должен же быть какой-то способ, чтобы изловить этого хитрого зеленорылого мерзавца.

Медленно поглаживая щеки, он повторял:

— Я должен что-то сделать! Должен что-то сделать! Должен…

Если не сделать, то у него сдадут нервы.

Сварливый лай Старины Батлера с фермы Джеффриса нарушил ночную тишину на востоке, и внезапно Хоган уловил звук характерной маленькой запинки в тарахтенье, которую всегда производил мотор малолитражки Джулии, когда она сворачивала с дороги к кемпингу.

Но радостная дрожь, мигом поднявшая его на ноги, вскоре была умерена новыми опасениями. Даже если Джулия приехала сказать, что простила жениха, придется объяснить, почему он вел себя подобным образом. Но объяснить это было невозможно. Она просто решит, что он лжет

или спятил. Нет, отчаянно подумал Хоган, этого делать нельзя. Придется отослать ее обратно…

Он снял с крючка на двери карманный фонарик и печально потрусил навстречу, представляя, как появится ее машина, подпрыгивая на ухабах проселка. Затем он вдруг понял, что, не доехав до избушки около полукилометра, машина остановилась.

Озадаченный, он принялся ждать. На этом расстоянии было прекрасно слышно, как Джулия со скрипом врубила передачу, затем выключила, и сразу наступила тишина. Старина Батлер тоже затих, подозрительно прислушиваясь, хотя тоже знал звук машины Джулии. Больше во всей округе слушать было некому — Джеффрис с женой накануне днем уехал в город и до завтрашнего утра не вернется.

Хоган нахмурился, размахивая фонарем на фоне освещенной луной стены избушки. В тишине вдоль всего берега озера стайка козодоев наперебой жаловалась друг дружке. Приглушенно стрекотали сверчки, над заводью эхом разносился троекратный клич совы. Хоган пристально всматривался вдоль проселка.

Фары были выключены, иначе их было бы видно. Луна стояла высоко, и дорога, точно узкая

серебряная нить, бежала сквозь сосны прямиком к ферме Джеффриса. Внезапно он сообразил, что машина развернута по направлению к городу. Это точно была машина Джулии, но пустая. Хоган медленно пошел к ней, посматривая по сторонам. Услышав, как кто-то с шумом продирается сквозь сосны примерно в ста метрах от дороги, точно какому-то животному не терпится попасть к озеру, он вздрогнул. Мгновение спустя разгневанный лай Старины Батлера сообщил, что пес бегает на свободе и только что наткнулся на нечто, вызвавшее его крайнее неодобрение.

Хоган все еще прислушивался, пытаясь понять причину всей этой суматохи, когда из тени придорожных сосен далеко впереди тихо выскользнула девушка в темном свитере и темной юбке. Хоган не видел ее, пока она великолепным по точности прыжком не пересекла придорожную канаву. Затем, точно испуганный кролик, припустила к машине.

Он прокричал:

— Джулия!

На мгновение она обернулась — бледное, испуганное лицо осветила луна. Затем за нею захлопнулась дверца, и старая машина с ревом и фырканьем, кренясь на оба бока, покатилась

вперед.

Хоган больше не пытался ее остановить. Сбитый с толку и расстроенный, он проследил, как полосы света фар шарили по дороге, пока не скрылись за поворотом.

Какого черта она тут выискивала?

Хоган вздохнул, тряхнул головой и повернул обратно к кемпингу. Злобное ворчание Старины Батлера прекратилось, в лесу вновь воцарилась тишина. Вдруг со стороны озера донесся порыв холодного ветра, и ноздри Хогана затрепетали. Что-то в этом ветре было неприятное…

Он быстро втянул носом воздух еще раз.

Зеленолицый!

Зеленолицый прятался где-то там, под соснами. Пес наткнулся на него, обнаружил, что это живое существо, выглядящее весьма опасно, но затем вновь потерял его след, и теперь тихонько искал, где оно прячется.

Прыжок через канаву оказался даже лучше того, что проделала Джулия. Хоган на ощупь вошел в лес и успел наклониться как раз вовремя, чтобы спасти глаз от низкой ветви тополя. Далее он двигался более осторожно, поскальзываясь на заплесневелых склонах, покрываясь потом от раздражения, то и дело спотыкаясь о подгнившие

стволы, и это напомнило ему, что в руке у него зажат карманный фонарик. Он медленно пересек залитую лунным светом полянку, прислушался, затем обнаружил у себя на пути плотные заросли папоротника и включил фонарик.

Свет его с расстояния пяти метров уперся в темно-зеленый овал величиной в две человеческие головы.

Хоган изумленно воззрился на свою находку, предполагая, что она вот-вот исчезнет. Однако Зеленолицый лишь медленно пошевелил мягкими ножками-ленточками, на которых держался. Он сильно вымахал с тех пор, как Хоган видел его последний раз, общий рост теперь превышал рост Хогана. Зеленолицый стоял, слегка наклонившись в его сторону. Линии на пульсирующей голове по-прежнему складывались в два плотно закрытых глаза и широкий, тонкогубый, безумно ухмыляющийся рот.

Постепенно у Хогана закралось подозрение, что чудище спит. Или спало… поскольку кое-что в его поведении изменилось. Мастерс понял это по тому странному звуку, похожему на слабое шипение, точно рвется наружу из чайника струйка пара, звуку, который был до того высок, что его почти невозможно было услышать. Затем он

заметил, что Зеленолицый, медленно покачиваясь, тихонько приблизился на полметра, и что кончики его ножек стали мутнеть и становиться прозрачными, пока он скользил к нему поверх лишайников. Это крадущееся приближение повергло Хогана в ужас. Едва понимая, что он делает, он машинально выключил фонарь.

Почти в тот же миг шипение в его голове прекратилось, и, еще не успев отступить к краю лунной полянки, он заметил, что Зеленолицый остановился. Внезапно он все понял.

Нетвердой рукой он вновь вызвал к жизни яркий луч и направил его прямо на ухмыляющееся лицо. Сначала ничего не произошло, но затем слабое шипение возобновилось, и ножки Зеленолицего зашевелились и затуманились, в то время как он сам заскользил вперед. Хоган выключил свет, и его противник замер на месте.

Хогана начал душить истерический смех. Теперь-то он его поймает! Свет оживлял Зеленолицего, позволял ему двигаться и проделывать свой невероятный трюк с исчезновением. Когда солнце стояло в зените, он становился проворным как кошка или ястреб. Но недостаток света делал его тихим и присмиревшим, хотя, возможно, способным на автоматические реакции.

Теперь Зеленолицый был у него в кармане.

Хоган начал с ним играть, то включая, то выключая свет, варварски наслаждаясь своей властью над чудищем. Возможно, теперь даже не придется его убивать. В подобном парализованном состоянии, в темноте, тварь можно будет поймать, без опаски посадить в клетку и явить всей округе как ошеломляющее оправдание того, что происходило здесь последние недели. Он наблюдал, как чудище скользит по направлению к нему, и ему показалось, что почти неслышное шипение приобрело зловещий оттенок. Он уверенно выключил свет, но на этот раз Зеленолицый не остановился.

Хоган мгновенно понял, что позволил ему подойти к самому краю освещенной луной полянки. Заливаемый светом полнолуния, Зеленолицый продолжал приближаться, хотя и медленно. Очертания его начали мутнеть, исчезать начала даже голова.

Хоган отпрыгнул с тем же ощущением инстинктивного ужаса, который впервые обнаружил, когда Зеленолицый приближался к нему. Однако он смог дойти лишь до тени на другой стороне полянки. Призрачные очертания Зеленолицего медленно катились вперед, покачивая из сторо-

ны в сторону мутноватой луковичной головой, точно висящей в воздухе гнилушкой. Она достигла края тени и остановилась, а ножки потемнели, как только ступили в темноту, но тут же отдернулись обратно. Казалось, что Зеленолицый размышляет над создавшейся ситуацией.

Хоган тяжело сглотнул. Он заметил, как нечто бесформенное медленно зашевелилось в желеобразном колпаке под головой, и внезапно ему открылась истинная причина молчания Старины Батлера… Зеленолицый стал опаснее любого тигра!

Однако он не собирался оставлять его в освобождающем свете полной луны. Он снова направил луч на мутную овальную маску, и Зеленолицый, медленно, тупо двинувшись вдоль узкого канатика света, вступил в полосу тени. Свет тут же погас, и Зеленолицый оказался пойман вновь.

* * *

Дрожа и задыхаясь после полукилометровой пробежки, Хоган, спотыкаясь, вскарабкался по ступенькам в избушку и начал поспешно набивать карманы патронами до отказа. Затем взял ружье и отправился обратно в лес, туда, где оставил чудище, едва удерживаясь от того, чтобы

побежать, и заставляя себя идти скорым шагом. Если он не промахнется, проблемы на этом закончатся. Если же промахнется… Хогана пробрала дрожь. До сего момента ему не приходило в голову, что рано или поздно должно было наступить время, когда Зеленолицый вырастет настолько, что начнет охотиться на человека. Желание поймать его живым мгновенно улетучилось, он не хотел перевариваться в его желудке вместе со Стариной Батлером…

Перепрыгнув через канаву, он вошел в лес, той дело светя под ноги фонариком. Через несколько минут он был на том месте, где оставил Зеленолицего. Однако того там не оказалось.

Хоган постоял немного, дико озираясь и раздумывая, то ли это место, но вскоре убедился, что место то самое. Он посмотрел вверх и увидел, как под бледным, молочным небом покачиваются верхушки молодых сосен. Пока он глядел на них, сквозь бреши в качающемся балдахине деревьев прорвался лунный луч, коснулся его руки, да и был таков, и тогда все стало понятно. Зеленолицый уполз под сень деревьев при помощи подобных пульсирующих проблесков.

Вершина одной из сосен показалась ему мутноватой и покачивающейся особенно тяжко. Хоган

присмотрелся к ней повнимательнее, затем снял с предохранителя ружье и задрал ствол, потом направил луч фонарика прямо на это помутнение. На мгновение он почувствовал знакомое уже шипящее раздражение, когда помутнение поплыло по веткам прямо к нему. Помня о том, что Зеленолицему ничем не грозит неожиданное паденье с большой высоты, он выключил фонарик и полюбовался тем, как его противник вновь обретает видимую форму среди деревьев, а затем медленно отступает вверх к верхушкам деревьев и луне.

Хоган сделал глубокий вдох и поднял винтовку.

Пять выстрелов прогремели один за другим, верхушка сосны вздрагивала, трещала и осыпалась. Зеленолицего теперь было отчетливо видно, он все еще цеплялся за макушку и извивался всеми своими ножками, точно перебитая змея. Несколько крупных веток, не выдержав его усилий, обломились и грохнулись на землю прямо под ноги Хогану. Он поспешно отпрянул, вставил пять новых патронов и снова поднял винтовку.

Затем еще и еще…

Зеленолицый вместе с тем, что показалось

Хогану всей макушкой дерева, с грохотом рухнул оземь. Хоган выронил оружие и накрыл руками голову. Он слышал, как Зеленолицый влажно шлепнулся в лесную плесень метрах в двух от него. Затем что-то твердое хлопнуло его по спине и затылку.

Вслед за тем он на мгновение почувствовал, что ныряет в черноту с яркими огненными проблесками. После этого никакие чувства в течение нескольких часов не тревожили более Хогана.

* * *

— Давненько тебя здесь не видел! — раздался голос Пита Джеффриса над широкой полосой воды, отделявшей его лодку от лодки Хогана. Он вытащил шлепающего хвостом сига из браконьерской сети, которую в данный момент опустошал, и кинул его в рыбную кучу у ног. — Что поделываешь? Ходишь ночью по лесу?

— Иногда, — признался Хоган.

— Я тоже любил это дело, когда был помоложе. Все время ходил по лесу с ружьем! — лицо Пита пошло сморщенными скорбными складками. — Теперь радостного мало… с тех пор как проклятые инспекторы поймали Старину Батлера.

Хоган едва заметно вздрогнул, вспомнив полу-

переваренные останки, похороненные им в то июльское утро полтора месяца назад, когда он очнулся с мыслью, что проломил себе череп, и обнаружил, что Зеленолицый все же смог уйти, унеся в себе столько пуль, что хватило бы для того, чтобы уложить половину города. По крайней мере, твари пришлось достаточно туго, поскольку она извергнула из себя то, что оставалось от Старины Батлера, и воздержалась от того, чтобы подкрепиться Хоганом. Возможно, впоследствии она издохла от внутренних повреждений. Но что-то не верилось, что зеленомордая сволочь околела…

— Как думаешь, к вечеру не будет штормить? — спросил он, не отвлекаясь от своих мыслей и чувствуя глубокое безразличие к тому, будет ли сегодня штормить или нет. Однако Пит сидел рядом с ним, и нужно было о чем-то говорить.

— Озеро накроет через полчаса, — уверенно ответил Пит. — И я знаю пару невезучих парней, которые при этом непременно промокнут…

— Да?

Пит мотнул головой в сторону.

— Видишь ту маленькую бухту, где раньше жили индейцы? Два самых отъявленных пьянчуги, каких я только видел этим летом на Четверговом

озере, рыбачат на маленькой парусной лодке… Приплывают сюда откуда-то из-за озера.

— Может быть, нам следует их предупредить?

— Нет уж, я их предупреждать не стану! — воскликнул Джеффрис. — Они отпускали плоские шуточки, когда я проходил мимо. Буду только рад, если их потопит!

Он презрительно фыркнул, затем внимательно, с озадаченным видом посмотрел на Хогана.

— Сдается мне, что надо тебе кое-что сказать… но я думаю, что это неправда.

Пит вздохнул.

— Как клюют лещи?

— Отлично.

Хоган только что вытащил полную сеть с озерной отмели.

— Вспомнил! — воскликнул Пит. — Уитни сказал мне вчера вечером. Джулия помолвлена с одним парнем со своей работы в большом городе. Выходит замуж в следующем месяце.

Хоган перегнулся через край лодки и начал развязывать узел на сети. Он не видел Джулию с той самой ночи, когда последний раз встретился с Зеленолицым. Примерно неделю спустя он узнал, что она переехала в соседний крупный город и нашла там работу.

— Мне казалось, ты должен знать, — по-соседски безжалостно продолжил Пит. — Вы с ней вроде бы встречались?

— Да, вроде бы, — согласился Хоган. Он старался не смотреть на Пита. — Хочешь, отдай это своей старушке, Пит! Я ловил просто так, для забавы.

— Конечно, хочу! — с удовольствием ответил Пит. — Нет ничего вкуснее лещей, кроме разве что сига. Этих я собираюсь закоптить. Слушай, а что если я принесу тебе копченый олений окорок за этих лещей? Идет?

— Идет, — улыбнулся Хоган.

— Только это не сразу выйдет. Ходил на днях на охоту по северному берегу озера и ни одного оленя не видел. Что-то их отсюда спугнуло.

— Хорошо, — сказал Хоган, совершенно его не слушая. Он запустил мотор и отъехал от Пита, помахав ему рукой. — Рад был повидаться, Пит!

Проплыв два километра, он смог, хоть ненадолго, перестать думать о Джулии и сосредоточиться на последних словах Пита.

Сначала переключив мотор на самую низкую скорость, а затем и вовсе выключив его, он попытался привести свои мысли в какой-то порядок. С тех пор, как тот сосновый сучок ударил его по голове, лишив возможности окончательно рас-

квитаться с Зеленолицым, он его больше не видел и не находил никаких подтверждений своему подозрению, что тот все еще жив и, возможно, вырос еще больше. К северу от Четвергового озера до канадской границы протянулись две сотни километров деревьев, кустов и воды, изредка перемежаемые фермами и крошечными городками. Хоган иногда представлял себе, как Зеленолицый возвращается, так никем и не замеченный, хищный пожиратель мелкой лесной живности, лелеющий ненависть к человеку, который был так близок к тому, чтобы стать его убийцей.

Картина была малоприятная. Она заставила его убрать с дороги щиты с надписями, приглашающими посетить Рыболовный Кемпинг Мастерса и отправлять восвояси случайных туристов, иногда забредавших в его владения, несмотря на беспощадную бдительность Уитни Аллисона. Это также сделало невозможным всякую попытку объяснения с Джулией, поскольку ничего объяснить было невозможно.

Ход его размышлений был прерван раскатом грома. На восточной стороне неба нависали тяжелые черные тучи, и лодка мало-помалу придвигалась к берегу, подгоняемая волнами и ветром. Хоган запустил мотор и сделал полу-

круг, чтобы выйти на прямой курс до кемпинга. Проделывая этот несложный маневр, он заметил странный объект, медленно восставший из волны менее чем в ста метрах от него. С испугом он понял, что это было перевернутое дно маленькой лодки, и вспомнил о двух рыбаках, которых собирался предупредить о надвигающемся шторме.

Крошечная бухта, о которой упоминал Пит Джеффрис, располагалась поблизости, и, будучи занят своими мыслями, Хоган миновал ее, даже не заметив этого. Не было никаких особых причин полагать, что пьянчужки потерпели крушение, вероятно, они просто высадились на берег и бросили лодку на берегу, не оттянув достаточно далеко от воды, и потому она от первого же порыва ветра сползла обратно в озеро. Обойдя по кругу брошенное суденышко, чтобы убедиться, что именно так все и было, Хоган повернул обратно, чтобы подобрать незадачливых спортсменов и отвезти в кемпинг, пока гроза не закончится.

Достигнув относительно спокойных вод окруженной деревьями бухты, а так как она была мелководна и вся заросла травой и камышами, он приглушил мотор и медленно поплыл к берегу на веслах. Здесь было удивительно тихо, воздух казался влажным и жарким, особенно

после вольного ветра озера. Хоган заметил, что становится темно.

Он встал в своей лодке во весь рост и стал всматриваться в береговую линию поверх камышей, раздумывая, куда могли деться эти двое, и не могли ли они каким-то образом быть в своей лодке, когда она перевернулась.

— Есть здесь кто-нибудь? — неуверенно прокричал он.

Голос его эхом отозвался в скрипучих береговых соснах. Откуда-то с края бухты раздались всплески, вероятно, крупная рыба копошится среди камышей. Когда плеск прекратился, тишина вокруг стала почти осязаемой, и Хоган коротко вздохнул, словно ему не хватало воздуха.

На мелководье вновь раздался плеск, теперь уже ближе. Хоган обернулся на звук и нахмурился. Затем его брови озадаченно раздвинулись. Это была не рыба, а какое-то крупное животное: олень, медведь или даже лось. Странно, но оно направлялось именно к нему… Вытянув шею, он увидел, как верхушки камышей склоняются и трясутся уже в сотне метров от него, точно их раздвигает огромной воздушной волной, движущейся в его направлении. Больше ничего не было видно.

Затем он вдруг понял, что это, похолодев от внезапного и страшного прозрения. Упав на корму, он одним рывком запустил мотор на всю мощь. Когда лодка рванулась вперед, он пустил ее по кругу, чтобы не столкнуться с непроницаемой стеной камышей и взял курс прямиком на выход из бухты. Даже сквозь рев мотора, плеск и пенное шипение воды он отчетливо ощущал еще кое-что: эту пронзительную вибрацию нервов, слишком высокую, чтобы быть звуком, все лето преследовавшую его в воспоминаниях. Затем позади лодки раздался гигантский всплеск, раздался ужасающе близко, затем другой, третий. Он так никогда и не узнал, насколько близок был Зеленолицый к тому, чтобы поймать свою добычу, пока галопировал сквозь заросшую водорослями бухту. Только оказавшись далеко за ее пределами, он осмелился бросить через плечо перепуганный взгляд.

В этот момент он услышал, как кто-то кричит. Это был хриплый, протяжный предвестник смертельного ужаса. Внезапно он понял, что кричит сам.

В это время он уже был вне опасности. Зеленолицый прекратил преследование. Он стоял в камышах в сотне метров от него, полностью

видимый. Ухмыляющееся нефритовое лицо было обращено к Хогану, странно освещенное грозовым небом и покрытое алыми прожилками и лоскутками, которых раньше на нем Хоган не видел. Блестящая, текучая масса под лицом шевелилась, точно клубок полупрозрачных питонов. Он надменно возвышался надо всей бухтой, заставляя даже прибрежные сосны выглядеть карликами.

Он снова вырос, теперь в нем было никак не меньше десятка метров.

* * *

Шторм начался до того, как Хоган добрался до кемпинга, и бушевал всю ночь и весь следующий день. Поскольку под таким страшным ливнем ему ни за что было не отыскать чудовище, не пришлось ломать голову над тем, стоит ли пытаться убить Зеленолицего или нет. В любом случае, сказал он себе, пристально глядя в окно избушки на адскую смесь воды и ветра, ему не придется его искать. Оно вернулось за ним, и вскоре найдет дорогу к знакомым окрестностям кемпинга.

Ему даже чудилась в этом некая справедливость. Он был врагом чудовища ничуть не меньше, чем чудовище — его врагом. Пришло

время решить это противостояние тем или иным способом.

Кто-то сказал ему, вероятно, это был верный Пит Джеффрис, который с трудом пробрался к нему утром сквозь бурю, чтобы принести припасов, что тех двух считают утонувшими. Была найдена перевернутая лодка, и как только позволит погода, начнутся поиски тел. Хоган лишь кивнул, ничего не сказав в ответ. Пит внимательно изучал его во время разговора, и выражение его широкого, открытого лица становилось все тревожнее.

— Не надо тебе так много пить, Хоган! — неожиданно выпалил он. — К добру это не приведет! Моя жена сказал, что Джулия тебе очень нравилась. Мне надо было держать рот на замке… но ты бы все равно узнал.

— Конечно, узнал, — поспешно согласился Хоган. Он никогда не думал, что Пит считает, будто Хоган заперся здесь один, чтобы скорбеть по потерянной навеки Джулии.

— Я ведь тоже женился не на той девчонке, которая мне нравилась, — доверительно сообщил Пит. — Моя старушка, конечно, ничего не знает. Меня бросили так же, как и тебя. Ты должен просто выкинуть ее из головы, понятно?

Что-то шевельнулось в траве позади гаража. Хоган через окно наблюдал за этим шевелением краем глаза, пока не убедился, что это просто ветер терзает большой куст.

— Что? — переспросил он. — Ну, конечно! Я выброшу это из головы, Пит. Не волнуйся.

— Вот и хорошо, — ответил Пит сердечно, хотя и не совсем уверенно. — Приезжай к нам как-нибудь вечерком. Ничего хорошего не выйдет из того, что такой парень, как ты, сидит тут один как сыч.

Хоган пообещал приехать. Он действительно мог бы довольно много думать о Джулии, но по большей части его мысли были заняты Зеленолицым, и он давно уже не прикладывался к бутылке. Развязка могла наступить в любой момент, и когда это произойдет, он хотел быть готовым к ней как можно лучше. Винтовка и охотничье ружье, из которого он стрелял оленей, были заряжены и все время находились под рукой. Дорога к городу была затоплена, проехать по ней было невозможно, но как только она немного просохнет, он заложит на ней хороший запас динамита.

Тем временем буря бушевала день и ночь, затихая временами лишь ненадолго. Дошло до того, что Хоган уже не мог припомнить, сколько она

уже длится. Он спал урывками по ночам, а дни постепенно затуманивала накапливающаяся усталость. Это определенно была самая долгая череда дождя и ветра, в какую он когда-либо попадал. Вода с озера каждую минуту переливалась через настил главного причала, а другой причал у дальнего края ряда домиков начисто смыло волной. Повсюду вокруг кемпинга были повалены деревья, и земля была усеяна обломанными ветками.

Пока буря продолжалась, он не ждал появления Зеленолицего. Чудовище тоже пережидало непогоду, спрятавшись где-нибудь в густых лесах на берегу озера, насколько существо такого размера могло спрятаться. Он качал своей башкой, медленно пульсировал и ждал.

* * *

На восьмое утро буря начала стихать. Около полудня ветер сменился на южный, незадолго до заката тучи стали редеть, а над поверхностью озера появился туман. За несколько часов до того Хоган выгнал машину на дорогу, чтобы посмотреть, нельзя ли на ней пробраться в город. Спустя триста метров он повернул обратно. Дальше дорога представляла собой сплошное болото,

забаррикадированное упавшими деревьями. Несколько дней никто не сможет пробраться сюда.

На закате он вышел из избушки с топором и втащил на холм к югу от нее несколько поваленных берез. Во время этой операции он весь дрожал, и силы покидали его, но запас дров подходил к концу, а его следовало пополнить. Он вернулся в избушку, волоча охапку березовых поленьев, взглянул на расплывчатое желтое лицо, которое взирало на него с вечернего неба, и его бросило в пот от страха. За ту неделю, что ее не было видно, луна стала почти полной, а Хоган помнил, что при свете полной лупы Зеленолицый может передвигаться.

Он озабоченно посмотрел на небо. Тучи на горизонте таяли, вероятно, ночь будет необычайно ясной. Он стащил в погреб березовые поленья на просушку и сложил те поленья, что были у него в руках, горкой перед камином в большой комнате. Затем сварил остатки кофе и выпил без молока. Ему вновь стало не по себе.

Затем он обошел дом, закрывая ставни повсюду, где только можно, кроме окна, выходившего на луг. Высокие тополя, окружавшие дом с трех остальных сторон, могут послужить защитой от света, но луг сегодня ночью будет залит лун-

ным сиянием. Он попытался прикинуть время захода луны, но вскоре решил, что это не имеет значения, он дождется, пока она сядет, и затем отправится спать.

Он придвинул кресло поближе к открытому окну, из которого, поверх подоконника, ему будет хорошо видно открытое пространство, по которому мог подобраться Зеленолицый. Рядом с ним на столе лежало ружье, винтовку же, на которую было больше надежды, он держал на коленях. Открытая коробка с патронами и фонарь находились тут же, под рукой, на столе.

* * *

С приходом ночи все звезды, кроме самых ярких, померкли в светлом мерцающем небе. Луна стояла высоко, ее не было видно из-за крыши избушки, но зато луг просматривался до самого гаража и ледника.

Он дважды вставал, чтобы поддержать огонь, который распространял тепло и умиротворение. Вот уже во второй раз за ночь он подумал, что неплохо бы заменить кресло чем-то менее удобным. Действие кофе заканчивалось, захотелось спать. Время от времени волна мрачного предчувствия захлестывала Хогана, заставляя

выпрямиться и пуская вскачь пульс, но луг по-прежнему был безмятежен, ночь оживляли лишь хорошо знакомые ему домашние звуки: пение сверчка, жалоба козодоя и изредка — продолжительный вопль гагары, доносившийся с озера.

Страх постепенно слабел вместе с ним, и, наконец, бороться со сном стало невыносимо, даже думая о Джулии. В ту ночь она присутствовала в его мыслях почти физически, сидя напротив, за кухонным столом, откидывая назад непослушные волосы, листая почтовый каталог, ныряя с плота, который он поставил на якорь у причала, когда купальная шапочка туго облегала ее головку, а ремешок на подбородке обрамлял красивое, маленькое, упрямое лицо, словно рамка картину.

Красивая, но ужасно упрямая, подумал Хоган, клюя носом. Как в тот вечер, например, когда они в очередной раз поссорились, и Джулия спряталась среди пустых домиков на северном краю кемпинга. Хоган начал искать, но она долго не отзывалась, и к тому времени, когда ее, наконец, обнаружил, он был рассержен и встревожен. Поэтому направился к ней сквозь полутьму, не говоря ни слова, и тогда, единственный раз, Джулия его чуточку испугалась.

— Постой, Хоган! — прокричала она, задыхаясь. — Хоган, послушай…

Он отрывисто выпрямился, ее голос все еще звенел в ушах.

Залитый лунным светом пустынный луг расстилался перед ним, точно серебряный ковер, и выглядел совершенно безмятежно. Даже трели неутомимых сверчков не доносились оттуда на таком расстоянии. Должно быть, вздремнул немного, поскольку тень от дома чернела прямо под окном огромным квадратом. Луна уже заходила.

Хоган вздохнул, переложил ружье на другое колено и тут же снова замер. Он услышал что-то, сначала смутно, затем совершенно отчетливо: с внешней стороны запертой двери доносилось слабое царапанье, и затем задыхающееся хныканье кого-то, кто слишком ослабел, чтобы крикнуть.

Хоган облизал губы и прислушался. В следующий миг волосы зашевелились у него на голове.

— Хоган… Хоган… ну, пожалуйста, Хоган!

Этот беззвучный вопль мог исходить из затемненной комнаты позади него или же доносился откуда-то издалека, ошибки быть не могло. Хоган попытался что-то сказать, но губы не слушались,

руки неподвижно лежали на винтовке, точно парализованные.

— Хоган… пожалуйста! Хоган!

Он услышал, как кресло с легким стуком опрокинулось. Он словно во сне поспешил к двери и онемевшими пальцами попытался преодолеть упрямое сопротивление замка.

* * *

— Какой ужас! Какой ужас! Он там, на лугу! Я думала, это… дерево! Я ведь не сошла с ума, не сошла, правда, Хоган?

Отрывистый задыхающийся шепот продолжался, пока Хоган не остановил его, приникнув губами к ее рту и, почувствовав, как она расслабляется в мужских объятьях. Он закрыл дверь, взял Джулию на руки и отнес к кушетке у камина. Однако когда он попытался отпустить руки, она прижалась к нему так крепко, что вместо этого ему пришлось присесть на кушетку вместе с девушкой.

— Тише, тише! — пробормотал он. — Нет, ты не сошла с ума… нам лучше не шуметь. Как ты сюда попала? Ведь дороги…

— На лодке. Мне нужно было узнать, — голос ее зазвучал тверже. Она смотрела прямо ему в

глаза, слегка наклонив голову в направлении двери. — Это тот самый, который…

— Да, тот самый. Сейчас он стал намного больше.

Должно быть, Зеленолицый стоял у самого края тополиной рощи, если, когда она шла от причала, ей показалось, что он стоит на лугу. Хоган продолжал тихо говорить, пытаясь все объяснить. Теперь, когда Джулия была здесь, нечего было и думать о том, чтобы попытаться остановить его при помощи ружейных пуль и дроби. Это была совершенно безумная идея, настоящее самоубийство. Но они смогут убежать от него, если будут осторожны и держаться тени.

Выражение ужаса нарастало в глазах Джулии, пока она слушала, пальцы больно впивались ему в плечо.

— Хоган, — вдруг перебила она, — он такой огромный, с дерево, даже выше!

Он непонимающе нахмурился. Затем выражение лица Джулии изменилось. Он знал, что оно всего лишь отражает выражение его собственного лица.

Она прошептала:

— Он, наверное, уже миновал деревья!

Хоган гулко сглотнул.

— Он, наверное, уже рядом с домом! — голос Джулии уже не понижался до шепота, и он закрыл ей рот рукой.

— Разве ты не чувствуешь его запах? — прошептал он прямо ей в ухо.

* * *

Конечно, это был Зеленолицый, собственной персоной. Знакомый дух просачивался внутрь легких, становясь все насыщеннее, пока воздух окончательно не наполнился гниением тропических болот, влажной, отвратительной, трупной сыростью. Хоган спустил Джулию с колен.

— Погреб, — прошептал он. — Там темно, совершенно темно, никакой луны, никакого света, ничего. Понимаешь? Иди туда, только тихо, а я сначала погашу камин.

— Я тебе помогу! — в этих трех словах, казалось, сосредоточилось все своенравие Джулии, и Хоган стиснул зубы, изо всех сил борясь с желанием дать упрямице хорошего тумака. Словно удесятеренное эхо этого импульса, стену избушки прямо над дверью потряс звучный, тяжеловесный удар.

Они оба посмотрели туда, не в силах двинуться с места. Дом затрясло. Стены избушки были крепкими, но продолжительный звон стекла

свидетельствовал о том, что все окна на этой стороне разбились почти одновременно, несмотря на то, что были защищены ставнями. Проклятое чудовище, подумал Хоган. Оно и вправду пришло за мной! Если оно выбьет дверь…

Способность двигаться вернулась к ним почти одновременно. Оба мгновенно и неуклюже скатились с кушетки и рванулись прямо к ступеням погреба. Раздался еще один разрушительный удар, за спиной у Хогана подпрыгнул телефон. Он оглянулся, держась рукой за перила.

Входную дверь отсюда не было видно. Огонь ревел и плясал в камине, словно ему нравилось, когда его так грубо трясли. Голова оленя, на чьих рогах можно было насчитать восемь отростков, упала со стены и лежала у огня; отсвечивающие красным стеклянные глаза зловеще уставились на Хогана. Больше ничего не изменилось.

— Хоган! — крикнула из темноты Джулия, стоявшая у основания лестницы. Он услышал, как она начала подниматься обратно, и повернулся, чтобы велеть ей ждать внизу.

В это время Зеленолицый выбил дверь.

Дерево, стекло и металл влетели внутрь с неописуемым звуком, точно их взорвали. За этим последовали более умеренные шумы, потом

наступила тишина. Хоган услышал, как Джулия внизу задержала дыхание. Больше ничего не произошло.

В лицо Хогану подул холодный ветерок. Затем раздалось тяжелое царапанье, и снова звон разбитого стекла.

— Хоган! — всхлипнула Джулия. — Спускайся скорее! Он сейчас прорвется внутрь.

— Он не сможет! — едва выдохнул Хоган.

Точно в ответ на его слова, фундамент избушки под ним слегка задрожал. От дерева полетели увесистые щепы, послышался скрип расходящихся бревен. Тряска продолжалась и теперь распространилась на все здание. Вдруг из-за угла той самой стены, что закрывала Хогану обзор на входную дверь, что-то тяжело и влажно шлепнуло об пол. Зеленолицый с трудом, точно барахтающийся на суше кит, проникал в дом.

* * *

В самом низу лестницы Хоган зацепился ногой за моток проволоки и едва не свалился прямо на Джулию. Она вцепилась в него, вся дрожа.

— Ты его видел?

— Только голову, немного! — Хоган вел девушку за руку по темному проходу в погреб, затем

за угол.

— Стой здесь… — он начал нащупывать замок на входной двери в погреб.

— Что нам делать? — спросила она.

Деревянные балки взревели и затрещали у них над головой, прервав его ответ. Несколько секунд они всматривались в темноту, замерев в ожидании, думая об одном и том же. Затем Джулия издала нервный смешок.

— Хорошо, что пол двойной!

— Это камин, прямо над нами, — сказал Хоган. — Интересно…

Он приоткрыл дверь и выглянул наружу.

— Посмотри!

Слабый отсвет камина оттенял разрушенную стену избушки. Пока они смотрели, огромная, бесформенная тень загородила собой свет. Они отпрянули назад.

— Хоган! Какой ужас!

— Кошмар, — согласился он, едва шевеля сухими губами. — Ты ничего такого забавного не чувствуешь?

— Что не чувствую?

Он прижал кончики своих пальцев к ее вискам.

— Вот здесь! Такое странное шипение? Его как

бы почти слышишь.

— Ах, да! Слышу! Что это?

— Нечто такое, что делает эта тварь. Однако ощущение обычно бывает сильнее. Он провел под дождем и на холоде целую неделю. Солнца вообще не было. Я должен был подумать об этом. Ему нравится огонь. От тепла он становится активнее, поэтому мы слышим шипение.

— Бежим, Хоган! Я перепугалась до смерти! Мы можем добраться до лодки.

— Может быть, — ответил Хоган. — Но он не даст нам далеко уйти. Как только он услышит шум двигателя, он тут же отрежет нам путь, мы не успеем даже выйти из бухты.

— О, нет! — сказала она испуганно, затем задумалась. — Но что же нам делать?

— Сейчас, — сказал Хоган, — он занят тем, что впитывает в себя тепло. Это позволяет нам выиграть немного времени. У меня есть идея, Джулия, пообещай мне, всего один раз, что ты молча останешься здесь и не станешь ни звать меня, ни делать еще какие-нибудь глупости?

— Зачем? Куда ты идешь?

— Я не уйду из погреба, — успокаивающе сказал Хоган. — Милая, послушай, сейчас не время спорить. Эта тварь наверху в любой момент может

приняться искать нас, и, судя по тому, что произошло с фасадом, он может разнести весь дом… Обещай мне, или я просто не знаю, что делать.

— Обещаю, — с недовольным вздохом произнесла она.

* * *

Хоган несколько минут делал что-то в центре подвала. Когда он вернулся, Джулия все еще стояла у входной двери, где он ее оставил, осторожно поглядывая по сторонам.

— Он почти не двигался, — сообщила она несколько подавленным тоном. Затем девушка прошептала в темноте.

— Что ты делал?

— Откупоривал баки с керосином, чтобы разлить его вокруг.

— Я почувствовала запах керосина, — она помолчала немного. — А где будем мы?

Хоган приоткрыл дверь чуть шире и показал на домик за первым рядом тополей.

— В том домике. Если он знает, что мы здесь, а я думаю, что он это знает, мы успеем туда добежать, пока он развернется, чтобы броситься за нами вдогонку.

Джулия не ответила, и он снова нырнул в тем-

ноту. Внезапно она заметила на оштукатуренной стене прохода отсвет белой вспышки, и поняла, что это Хоган поджигает бумагу. Керосиновые пары вырвались наружу со слабым гулом и языками желтого пламени. Гулкие разрывы приглушенно прогремели в различных частях погреба. Затем Хоган вышел из-за двери прохода, закрыл дверь и повернулся к ней:

— Огонь разрастается! — сказал он. — Думаю, нам лучше потихоньку уйти…

* * *

— Похож на человека, правда, Хоган? На огромного, больного, страшного старика!

Джулия произнесла эти слова шепотом, голос ее дрожал, и Хоган ободряюще обнял девушку за плечи. Шипение, казалось, стало громче, возрастая и убывая, словно энергия производившего его создания набиралась и уходила волнами. Из угла окна домика, из-за деревьев, им был виден фасад избушки. Коробка массивной входной двери была вырвана напрочь, бревна над ней разошлись, так что значительная часть гостиной была видна, освещаемая слабым огнем камина. Зеленолицый заполнял собой почти все пространство внутри, медленно склонясь к огню огромной головой.

В его облике действительно просматривалось нечто напоминающее человека, а точнее, кошмарную карикатуру на человека.

Но внимание Хогана было приковано к окнам погреба, которые были отлично видны. Оба светились мерцающим огнем пожара, который он устроил, дым вился вокруг тополей, поднимаясь над дальней стороной избушки, где окна были предусмотрительно открыты, чтобы создать приток свежего воздуха. Огонь уже подавал голос, низкий, растущий рев, который смешивался в голове Хогана с беззвучным свидетельством того, что Зеленолицый возвращается к жизни.

Это было похоже на гонку между ними: либо огонь, столь искусно разведенный под перекрытием пола избушки, поймает чудовище в ловушку, либо чудовище, согретое его теплом, усилит бдительность, почует опасность и сможет сбежать. И если чудовище сбежит…

Все произошло внезапно, в одно ослепительное мгновение.

Зеленолицый повернул голову в сторону от камина и тяжеловесно отпрянул назад. Почти мгновенно он стал невидимым. При этом Джулия издала придушенный вскрик. Хоган рассказывал ей об этом, но увидеть своими глазами — было

совершенно другое дело.

В тот самый момент, когда очертания Зеленолицего затуманились, дощатый пол в гостиной дома прогнулся, раскололся и рухнул в подвал, и освобожденное пламя с ревом рванулось вверх. На несколько секунд вибрация в голове Хогана превратилась в пронзительный мученический вой, невыносимую, но кратковременную боль.

К тому времени они с Джулией уже выбежали из своего укрытия и, спотыкаясь, бежали к озеру.

* * *

Лодка со спасательной станции на южном берегу Четвергового озера, пыхтя изо всех сил, прибыла на место лишь через сорок минут, прихватив с собой средства тушения. Пит Джеффрис, прошлепав пешком по заболоченному лесу, прибыл примерно в это же время, чтобы узнать, что произошло в кемпинге Хогана. Однако уже ничего нельзя было поделать. Избушка превратилась в ревущий костер, спасти ее было невозможно. Хоган заявил, что она не застрахована, и что он все равно собирался ее снести и построить на этом месте новое здание. Все остальное вокруг было слишком пропитано влагой после недельного ливня, и разлетавшиеся во все стороны искры

опасности не представляли. Пожарные просто постояли вокруг, пока пламя не утихомирилось до мутного багрового мерцания. Они его затушили, а затем лодка отчалила вместе с Питом. Хоган и Джулия не смогли объяснить, почему начался пожар, но при подобных обстоятельствах это уже не имело значения. Если кто-то и был удивлен присутствием Джулии Аллисон здесь, то оставил свое удивление при себе. Однако, без сомнения, это событие будет надлежащим образом прокомментировано в городе.

— Твоему папе это не понравится, — заметил Хоган, когда шум двигателя затих над озером.

— Папе придется с этим смириться, — ответила Джулия и, возможно, она была чересчур категорична.

Несколько секунд она внимательно смотрела на Хогана.

— Я думала, что между нами все кончено, Хоган! — добавила она. — Но затем я решила вернуться и увидеть все собственными глазами.

— Увидеть собственными глазами, не сошел ли я с ума? Знаешь, я не могу тебя в этом упрекнуть. Сам за эти недели не раз задумывался над этим.

Джулия покачала головой.

— Сошел ли ты с ума или нет, это не самое глав-

ное, — сказала она.

— Тогда что для тебя самое главное?

Она улыбнулась, подошла к нему и крепко обняла. Последовало длительное молчание.

— А как же твоя помолвка в городе? — наконец спросил Хоган.

Джулия посмотрела ему в глаза.

— Я разорвала ее, как только поняла, что возвращаюсь.

До рассвета оставалось еще около часа. Они пошли обратно к почерневшей, искореженной груде, которая еще совсем недавно была избушкой, и долго молча смотрели на нее. Погребальный костер Зеленолицего сделал бы честь и верховному предводителю викингов.

— Как думаешь, не могло ли что-нибудь от него остаться? — тихо спросила Джулия.

— После такого пожара? Сомневаюсь. Как бы то ни было, до весны мы не будем здесь ничего строить. К тому времени нам уже ничего не придется объяснять, это уж точно. Мы можем провести зиму в городе, если хочешь.

— Мне отлично подойдет один из этих милых домиков.

Хоган усмехнулся.

— Знаешь, и мне это подходит!

Он вновь посмотрел на пожарище.

— Видишь ли, это чудище вовсе не был таким уж жаропрочным. Просто огромная студенистая масса, медуза из тропиков. Зима все равно убила бы его. Эти красные пятна, которые на нем появились — явные признаки разложения. Здесь у него не было никаких шансов выжить.

Она вопросительно взглянула на него.

— Тебе его, случайно, не жалко?

— Ну, может, и жалко, — Хоган раздавил ногой кусочек угля и нахмурился. — Он был просто непомерно разросшимся уродцем, чужаком, который стремился уничтожить все в мире, который ему не подходил, и в котором он мог лишь передвигаться на ощупь, причинять зло и, в конце концов, погибнуть. Интересно, насколько умен он был на самом деле и насколько осознавал, в каком положении оказался.

— Прекрати думать об этом, — коротко приказала Джулия.

Хоган усмехнулся:

— Ладно.

— И поцелуй меня, — добавила она.

Пси-преступник
(рассказ)

После полудня из факультетского кафе Кливерского университета через небольшую боковую дверь вышли мужчина и женщина. Они неспешно проследовали по залитому ярким солнечным светом двору к прозрачным дверям, закрывающим вход в туннель под массивной белой стеной, за которой жил своей странной жизнью граничащий с университетом Кливерский космопорт.

Когда они дошли до середины двора, сканирующее устройство, размещенное в стене, сфокусировало на них свое внимание, перебирая одновременно огромное количество зарегистрированных в его памяти человеческих образов, а также соответствующие им данные. Приближающиеся в данный момент к прибору образы принадлежали стройной девушке среднего роста, двадцати шести лет, обладающей копной блестящих волос, цвет которых варьировался от каштанового до медного, и глазами, чей цвет варьировался от голубого до серого при неизменно спокойном выражении лица. Ее звали, как

определил сканер среди прочих деталей, Арлен Маргарет Рольф. Род занятий — микромашиностроитель. Статус доступа — ВХОД РАЗРЕШЕН.

Спутник мисс Рольф, мужчина лет тридцати, рыжеволосый, мощного телосложения, с очень выпуклым лбом над глубоко посаженными глазами и ржавого цвета кустистыми бровями, имел слегка, но, по-видимому, привычно хмурый вид. Его имя также значилось в списках: доктор Фрэнк Дин Хардинг. Род занятий: геолог-океанолог. Статус…

На этом пункте в логических цепях сканера возникло странное замешательство, хотя и не настолько явное, чтобы серьезно встревожить контрольный механизм. Затем он вынес решение: ВХОД ВОСПРЕЩЕН. Крупная красная светящаяся надпись соответствующего содержания тут же проявилась на стеклянной поверхности дверей.

ОСТОРОЖНО — СОМАТИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ!
Вход только для имеющих доступ.

Мужчина посмотрел на надпись и сурово заметил:

— Приветственные флаги уже вывешены! Интересно, сможет ли здешний монитор меня идентифицировать.

— Вероятно, сможет, — откликнулась Арлен. — Ты был здесь уже два раза…

— Три, — поправил Фрэнк Хардинг. — В первый раз я побывал здесь после того, как узнал, что ты удалилась в этот монастырь. С тех пор прошло почти два года, не так ли? — спросил он.

— Почти. Как бы то ни было, ты зарегистрирован в университетских файлах, а именно там в первую очередь справляются об не имеющих доступ индивидах, которые показываются в этом дворе.

Хардинг бросил на девушку быстрый взгляд:

— А в отношении объекта Лоури они так же осторожны?

— Будь спокоен, точно так же, — ответила Арлен. — Если бы меня с тобой не было, уже появился бы охранник и предупредил, что ты приближаешься к зоне, куда доступ ограничен, а затем чрезвычайно вежливо поинтересовался, чего тебе здесь надо.

— Подумаешь, — проворчал Хардинг. — Скажи, за тобой кто-то следит, когда ты выходишь с объекта?

Она пожала плечами.

— Сомневаюсь. Зачем? Я никогда не выхожу за территорию университета, и все мои секреты

здесь, со мной, в полной безопасности. Я вовсе не похожа на болтушку. Кроме того, те, кто меня знает, не задают лишних вопросов о Бене Лоури и обо мне, — она задумалась. — Знаешь, кажется, прошло почти полгода с тех пор, как кто-то зашел так далеко, что в моем присутствии упомянул о диекс-энергии!

— Тебе не кажется, что со временем эта работа начинает выглядеть несколько устаревшей? — спросил Хардинг.

— Ну, не знаю, — ответила Арлен. — Работать с доктором Беном мне никогда не наскучит, но дело, конечно, сильно затянулось. Но скоро оно будет закончено.

Хардинг взглянул на часы:

— Когда это произойдет, Арлен, черкни мне пару строк. Может, к тому времени я смогу позволить себе держать в штате собственного классного микромашиностроителя.

— Под куполом на дне какого-нибудь океана? — рассмеялась Арлен. — Звучит весьма заманчиво, как-то уютно… Однако эта перспектива не намного лучше, чем Кливерский космопорт, верно? Ты возвращаешься на побережье сегодня?

— Если полечу дневным рейсом, — он тронул ее за плечо. — Ну, иди. Я намерен сначала

проводить тебя — посмотрю, как ты пройдешь соматический барьер.

— Зачем? Думаешь, он может ошибиться и схлопнуться?

— Такие случаи бывали, — хмуро ответил Хардинг. — И, насколько я знаю, это один из наименее приятных видов смерти.

Арлен безмятежно ответила:

— Последняя авария такого рода произошла более трех или четырех лет назад. С тех пор охранные механизмы были значительно усовершенствованы. Я хожу туда-сюда несколько раз в неделю.

Она достала из сумочки маленький ключик и вставила в замочек на прозрачной двери. Дверь скользнула в сторону на расстояние примерно метра и остановилась. Арлен Рольф сделала шаг внутрь и повернулась к Хардингу.

— Вот и все! — сказала она. — Просто легкий звон! Если бы не хотели пропустить меня, я уже валялась бы на земле, корчась в судорогах. Пока, Фрэнк! Увидимся месяца через два-три, да?

Хардинг кивнул:

— Возможно, даже скорее, если получится. До свидания, Арлен.

Он подождал немного, наблюдая, как стройная

фигурка скрылась за дверью. Дверь бесшумно закрылась. Арлен обернулась и помахала ему рукой из-за стекла, затем исчезла.

Доктор Фрэнк Хардинг сунул руки в карманы и направился обратно, хмурясь безо всякой причины.

Гостиная в апартаментах, отведенных доктору Бенджамену В. Лоури на островке безопасности Кливерского космопорта, была просторной и обставлена почти роскошно. В отличие от примыкающего к ней офиса и рабочим помещениям, в ней всегда царил уютный беспорядок. Между этим комплексом помещений и человеком, занимавшим их вот уже два года, существовало определенное сходство. Доктор Лоури, ведущий авторитет в относительно новой области диекс-энергии, был человеком крупного сложения и беспечных, если не сказать откровенно беспорядочных привычек в быту, будучи в своей работе дьявольски аккуратным.

В данный момент он сидел, развалившись в кресле, теребил пальцем верхнюю губу и уныло пялился в бледно-желтый экран видеофона, который заполнял собой всю южную стену гостиной. Время от времени он переводил взгляд на узкий, длиной около метра, полированный

ящик черного дерева, стоящий на столе. Когда экран видеофона совершенно очистился, и на нем воцарилась незамутненная белизна, доктор Лоури нахлобучил на нос очки в легкой оправе и выжидающе выпрямился в кресле. Затем сурово нахмурил брови.

— А теперь послушай внимательно, Велдон! — начал он.

Мгновенно на экране видеофона заиграли краски, намереваясь изобразить интерьер некоего помещения. Низкорослый, крепко сбитый мужчина в элегантном деловом костюме присел за письменный стол, приятно улыбнулся и спокойно посоветовал:

— Расслабься, Бен! Насколько я знаю, они просто демонстрируют нам свои мускулы. Мистер Грин только что велел предупредить тебя, что я буду присутствовать при вашем с ним видеофонном разговоре.

— Что сделал мистер Грин?!

Человек в деловом костюме затараторил:

— Он уже на связи, Бен!

Его руки скользнули со столешницы, а краски, изображавшие его, равно как и комнату, увяли до обычного бледного цвета видеоэкрана. Вместо него появилось изображение третьей комнаты

— на доктора Лоури в упор смотрел человек в темных очках.

Кивнув, он заговорил в оживленной и приятной манере:

— Доктор Лоури, минуту назад я получил ваше сообщение. Как уведомил вас, без сомнения, полковник Велдон, я попросил присутствовать его во время нашей дискуссии. Мне необходимо высказать некоторые аспекты и, надеюсь, это сэкономит нам массу времени. Насколько я понимаю, доктор, ситуация состоит в следующем: ваша работа над проектом продвигалась вполне успешно до того момента, который получил название «Четвертой стадии». Все верно, не так ли?

— Это так, сэр — чопорно ответил Лоури. — Без опытного телепата дальнейшее продвижение вряд ли возможно. Однако полковник Велдон счел необходимым предъявить нам некоторые новые и, я бы сказал, просто удивительные условия. В том виде, в каком они были поставлены, я нахожу их совершенно неприемлемыми и…

— Доктор Лоури, вы имеете полное право протестовать против этого волюнтаристского вмешательства в работу, которую вы столь самоотверженно вели все это время, выполняя распоряжение своего правительства, — одна

из наиболее известных особенностей ведения диалога мистером Грином состояла в том, что он умел перебить собеседника, оставляя при этом впечатление, что вовсе этого не делал. — Далее, вероятно, вам будет приятно узнать, что полковник Велдон действует в рамках данного проекта в качестве моего личного представителя, и что мне было известно о предложенных условиях еще до того, как они были предъявлены вам?

Доктор Лоури подумал и сказал:

— Боюсь, что это не слишком приятное известие. Я достаточно хорошо знаю Велдона, чтобы не сомневаться в том, что он действует по чьей-то указке. Я…

— Вам кажется, — задушевно продолжил мистер Грин, — что здесь замешаны некие сторонние соображения, о которых следовало бы поставить вас в известность?

Лоури помедлил немного, затем сухо сказал:

— Если президент Соединенных Штатов уже принял окончательное решение по этому вопросу, мне придется только подчиниться.

Лицо на экране мягко произнесло:

— Я решения еще не принял.

— Тогда, — откликнулся Лоури, — мне кажется, что желательно было позволить лично мне ре-

шать, являются ли подобные соображения столь сторонними, как это может показаться…

— … тем, кто не разрабатывал конструкцию проектора мысленной диекс-энергии, кто не руководил постройкой его модели и не проводил длительные серии предварительных экспериментов, — закончил за него мистер Грин. — Ну что ж, возможно, вы правы, доктор. Вы, естественно, лучше любого информированы о конечном потенциале аппарата, — рот мистера Грина на мгновение искривился в легчайшей улыбке. — Как бы то ни было, мы желаем и далее работать с вами в атмосфере чистосердечного сотрудничества. Поэтому полковник Велдон уполномочен сообщить вам те подробности создавшейся ситуации, какие вы сочтете необходимым узнать. Кроме того, он сделает это прежде, чем будут предприняты какие-либо последующие шаги. Возможно, мне стоит предупредить вас, что информация, с которой вы ознакомитесь, вряд ли добавит вам спокойствия. Итак, доктор Лоури, вас удовлетворяет подобное решение?

Лоури кивнул.

— Да, сэр, удовлетворяет. За исключением одной детали.

— Понятно. Велдон, не будете ли вы так лю-

безны отключиться от нашего разговора. Я перезвоню вам через минуту.

Комната полковника Велдона исчезла с экрана видеофона. Мистер Грин подошел к сейфу, встроенному в стену, открыл массивную дверцу, стоя спиной к доктору Лоури, и повернулся обратно к экрану, держав руке маленький, отполированный до блеска металлический диск.

— В этой связи я был бы весьма вам признателен, — заметил он, — если вы сочтете возможным снабдить меня еще несколькими подобными устройствами.

— Буду очень рад сделать это, сэр, — ответил доктор Лоури. — После того, как закончу свое нынешнее задание.

— Да… а вы не любите рисковать, так же, как и мы, — мистер Грин поднял руку, держа диск параллельно экрану. Спустя мгновение свет в гостиной доктора Лоури померк, обратившись в густое пурпурное марево, затем восстановился постепенно.

Мистер Грин опустил руку:

— Вы уверены, что я тот самый человек, за которого себя выдаю?

Лоури кивнул.

— Да, сэр, уверен. Насколько я могу знать,

невозможно дублировать диекс-эффект, это теоретически невозможно.

Арлен Рольф быстро шагала по проходу между внутренней и внешней стенами, окружающими Кливерский космопорт. Вокруг не было ни души, и стаккато ее туфель на высоких каблуках, соприкасаясь с плитами из светло-зеленого стеклмрамора, звенело в полной тишине. То, что она видела вокруг, напоминало пропеченную солнцем и опустевшую крепость. Девушка подошла к невысокой лестнице из двух пролетов и поднялась на широкую, безлюдную платформу, высотой вровень с внутренней стеной.

Кливерский космопорт расстилался слева от нее, абсолютно пустой прямоугольник, два десятка квадратных километров мягко поблескивающего стеклмрамора с единственным исключением в виде узкого белого шпиля контрольной башни у дальнего края. Строительство космопорта началось за год до рождения Арлен в рамках межпланетной Программы Колонизации, осуществление которой впоследствии практически замерло на месте из-за хронического недостатка фондов и прочих многочисленных бедствий. Кливерский космопорт так и остался недостроенным: ни один корабль не поднялся с

его отполированной до блеска поверхности, ни один не опустился на нее.

Прямо и направо от Арлен, под платформой, расстилалось полтора квадратных километра зеленой лужайки. По ней медленно передвигались по кругу автоматические охранники, около половины из них излучали вокруг себя радужное сияние, ритмично извергая по сторонам тоненькие струйки из опрыскивателей. Прошло два года с тех пор, как Арлен впервые увидела лужайку, и за это время на нее ни разу не ступила нога человека. У ее дальней границы виднелась группа приземистых рабочих построек. Там были люди, но немного. Именно там находился и тот островок безопасности, где доктор Лоури создавал свой диекс-проектор.

Арлен проследовала по платформе и прошла в здание без единой двери сквозь звон еще одного соматического барьера. В дальнем конце короткого холла виднелась узкая дверь, над которой красовалась надпись МЕЖПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПЕРЕХОД. За дверью находилась маленькая, квадратная, слабо освещенная комнатка. Мисс Рольф вошла внутрь и присела на один из стульев, расставленных вдоль стен. Спустя мгновение дверь беззвучно закрылась, и в комнатке стало темно.

Примерно на десять секунд Арлен Рольф оказалась в полной темноте. Ей пришло в голову, что она настолько отделена от своего тела, что не в состоянии получать никаких сигналов от органов чувств. Затем в комнатке вновь зажегся свет, и сигналы вернулись. Она встала, поправила юбку и с улыбкой заметила, что снова сдерживала дыхание. Это происходило с ней каждый раз, когда она следовала по переходу, и как бы не убеждала себя Арлен дышать нормально, это никак не могло повлиять на подсознательную реакцию организма. Дверь открылась, девушка подхватила сумочку и прошла в холл, который был просторным, хорошо освещен и вообще во всех отношениях отличался от того, который она миновала при входе.

На экране, занимавшем всю стену, появилось изображение человека в униформе, он улыбнулся и сказал:

— Доктор Лоури попросил вас, мисс Рольф, по возращении сразу зайти прямо к нему в лабораторию.

— Спасибо, Макс, — прозвучал ответ. Она никогда лично не встречалась ни с Максом, ни с другими представителями славной когорты сотрудников, задействованными в проекте, хотя

все они должны были располагаться где-то в этом здании. Экран почернел, и она пошла по длинному коридору без окон, и звук ее шагов по толстому ковру вновь едва ли мог нарушить гробовую тишину, царящую вокруг. Все это, подумала она, похоже на безупречно чистую, великолепно ухоженную, но абсолютно пустую гостиницу.

Арлен нажала кнопку звонка на двери апартаментов доктора Лоури и остановилась в ожидании. Когда дверь открылась, она привычно направилась вперед, но затем удивленно замерла на месте.

— Ах, так это вы, полковник Велдон, — сказала она, — ну, здравствуйте! Не знала, что вы пожалуете к нам на объект сегодня.

Ее вопрошающий взгляд остановился на докторе Лоури, который стоял в центре комнаты, глубоко засунув руки в карманы.

Лоури сухо ответил:

— Входите, Арлен. Для меня визит полковника тоже явился сюрпризом, причем не самым приятным. В соответствии с приказами, спущенными нам с самого верха, с которыми мне, кстати, только что пришлось согласиться, наша программа исследований должна быть подвергнута самым радикальным изменениям. Они включают в себя,

кроме всего прочего, отстранение нас от управления ходом разработок проекта.

— С какой стати? — в недоумении спросила она.

Доктор Лоури пожал плечами:

— Спросите у Ферриса. Он только что прибыл по своему частному переходу и должен нам все объяснить.

Феррис Велдон, заперев дверь за Арлен, ответил на эту реплику улыбкой:

— Именно так и, пожалуйста, вы оба, позвольте же мне сделать это. Но для начала давайте присядем. Естественно, что вы недовольны… и в том, что произошло, нисколько не виноваты. Но клянусь, что обосную абсолютную необходимость такого шага.

Он подождал, пока они сядут:

— Одна из причин, хотя и далеко не единственная, заставившая прервать вашу работу именно на данной стадии, состоит в том, чтобы уберечь от серьезной опасности, грозящей вам лично.

Доктор Лоури широко раскрыл глаза:

— И что все это значит?

— Бен, как формулировалась цель проекта, когда ты за него взялся? — вместо ответа спросил Феррис Велдон.

Лоури неуверенно ответил:

— Создание прибора, работающего на диекс-энергии, который обеспечивал бы надежную ментальную связь с любым конкретным индивидом на Земле.

Велдон покачал головой:

— Нет, мой дорогой, вовсе нет.

Арлен Рольф издала короткий смешок:

— Он прав, Бен, — сказал она, посмотрев на Велдона, — гипотетической целью проекта было создание прибора, который позволил бы телепатам вашего департамента, полковник, достаточно надежно идентифицировать социально опасного врага человечества номер один, или, что то же самое, телепата-преступника, обладающего несколькими дополнительными характеристиками.

— Это немного разные вещи, не так ли? — сказал Велдон. — Вы помните эти характеристики, мисс Рольф?

— А разве это так важно? — спросила девушка. — Ну, что ж, хорошо… упомянутая мною гипотетическая личность является также опасным и невероятно одаренным гипнотизером. Если потревожить его обычной телепатической проверкой или приблизиться к нему физически

на расстояние около километра, то он способен ментально вывернуть вас наизнанку, причем сделать это мгновенно, если такова его цель. Он абсолютно беспощаден и совершил бесчисленное количество убийств. Он может оказаться как человеком совершенно неизвестным, так и публичным политиком, который скрывает свои способности… Он способен имитировать других людей… Он в значительной мере ответственен за то, что за истекшую четверть века межпланетная Программа Колонизации буквально так и не оторвалась от земли…

Она добавила:

— Вот и все, что я помню. Подробности записаны в наших файлах. Мне открыть их?

— Нет, — ответил Феррис Велдон, — в вашем ответе содержится почти все.

Доктор Лоури раздраженно перебил его:

— К чему весь этот фарс, Велдон? Уж не думаете ли вы, что кто-то из нас способен принять вашего телепата-преступника всерьез…

— А почему бы нет?

Лоури пожал плечами.

— Да потому, разумеется, что это очередная сказочка, сочиненная правительством. Я ничего против них не имею, если они служат для опи-

сания существа проблемы, не раскрывая при этом сути. В этом случае атмосфера секретности, которой окутан проект, в значительной степени проистекает из опасений по поводу реакции различных слоев населения на то, что проектор легко можно превратить в устройство для контроля над мышлением.

Велдон спросил:

— Вы действительно думаете, что именно в этом состоит цель создания проектора?

— Если бы я так и полагал, то все равно ничего не смог бы с этим поделать. Так уж получилось, что я испытываю стойкое убеждение в честности нашего правительства, хоть не могу сказать того же о его здравом смысле. Однако не все разделяют подобные взгляды.

Феррис Велдон зажег сигарету, резким движением затушил зажигалку и через секунду спросил:

— Однако вы поверили этой сказочке?

— Конечно, нет.

Велдон взглянул на мисс Рольф.

— А вы, Арлен?

Она почувствовала себя неловко.

— Я тоже не поверила, конечно. Возможно, я не столь уверена в этом сейчас, ибо у вас должны

были появиться веские причины для того, чтобы вспомнить о ней. Однако есть вещи, совершенно лишенные смысла. Если…

Доктор Лоури вновь перебил:

— Можно один вопрос, Велдон? Если какой-нибудь этакий, злонамеренный телепат действительно существует, какой ему резон вставлять палки в колеса нашей Программе Колонизации?

Велдон выпустил два великолепных колечка дыма, и проследил за их вознесением к потолку одобрительным взглядом.

— После того, как вы узнаете еще кое-что, сможете сами ответить на свой вопрос, — сказал он. — А ведь именно проблемы, связанные с Программой, и навели нас на след этого преступника. Хотя в те годы мы этого даже не поняли. Четырнадцать лет назад… Тебе доводилось когда-нибудь работать с ДЕДКОМом, Бен?

Лоури фыркнул.

— Доводилось и не раз… причем я после этого зарекся когда-либо еще с ним работать! Если правительство предпочитает в своих заключениях основываться на фантастической мешанине абсолютно нереальных предположений, то тогда дедуцирующий компьютер, эта вычислительная машина, ему сильно поможет…

— Ну, не надо, — неодобрительно заметил Феррис Велдон, — правительство не слишком-то увлекается рекомендациями ДЕДКОМа, разумеется. Однако факт остается фактом: компьютер мыслит абсолютно логично, обладает энциклопедическими познаниями, и не испорчен здравым смыслом, что в совокупности иногда приводит к поразительным результатам. Ну, будет тебе кипятиться, Бен! Уверяю, я вовсе не шучу. Дело в том, что уже полтора десятка лет назад вопрос о том, что межпланетная колонизация становится жертвой чьего-то саботажа, поднимался довольно часто. Со стороны это выглядело именно так. Все, что только могло пойти плохо, шло хуже некуда. В процессе реализации Программы было допущено несусветное количество ошибок. Тем не менее, все свидетельства указывали на то, что никакого организованного противодействия не было. Имело место лишь шумное неодобрение Программы, иногда глупое и эгоистичное, иногда верное и правильное. Дело заключалось в том, что Программу преследовали бесконечные несчастные случаи по причине забывчивости, неверного расчета времени и обыкновенной человеческой глупости. По прошествии целого ряда фальстартов это по-прежнему выглядело как

какое-то кошмарное недоразумение из-за элементарных и, по большей части, непреднамеренных ошибок. Однако они дорого обходились. Месяц шел за месяцем, и, наконец, сумма нанесенного ущерба достигла невероятной цифры в несколько сотен миллиардов. Затем наступил черед катастроф, уносивших людские жизни сотнями.

Полковник тяжело вздохнул.

— В этот момент даже самые стойкие поборники программы усомнились в правильности курса и начали менять свои приоритеты. Сейчас даже я не могу сказать, какой именно гений из Департамента Особых Поручений высказал идею о том, чтобы обсудить проблему колонизации с ДЕДКОМом. Как бы то ни было, ему скормили эту проблему, и после обычного в таких случаях медлительного переваривания колоссального объема информации ДЕДКОМом было решительно установлено, что мы имеем дело с саботажем. Более того, затем компьютер представил поразительно детальный психологический портрет того, кто это все устраивал…

Арлен Рольф перебила его:

— И это был одиночка?

— Да, одиночка, но хорошо знающий свое дело.

— Телепат-преступник? — спросил доктор

Лоури.

— А кто же еще?

— В таком случае, если правительство располагает его портретом…

— …то почему он все еще на свободе? — перехватил инициативу Феррис Велдон с выражением мрачного веселья на лице. — Погодите, вы себе не представляете, как все это выглядело в то время, Бен! Приведу только несколько выдержек по памяти, как и Арлен. Вот и сравните. Фигурант, по выданной ДЕДКОМом рекомендации, являлся, во-первых, гипнотизирующим телепатом. Он мог работать со своими жертвами на расстоянии, понуждать их принимать решения и осуществлять действия по своему выбору, оставляя в неведении, что на их разум было оказано давление. Кроме того, он может имитировать других людей на уровне, превосходящем любое обычное значение этого слова. ДЕДКОМом было выяснено, что фигурант способен копировать внешность другого человека настолько точно, что даже самые близкие ничего не заметят. Последовательно применяя эти два своих дара, он за десять лет сумел практически развалить Программу колонизации. Нисколько не приукрашивая, замечу, что сообщение о подобном злонамеренном

супермене, разгуливающем на свободе в нашем свободном обществе, повсюду приподняло бы завесу официальной секретности…

— А особенно, — вставила мисс Рольф, — над вашим Департаментом Особых Поручений?

— Да, особенно там, — согласился Велдон. — Тем не менее, благодаря деятельности нашего Департамента появление таких аномалий, которые могут кое-кого наверху заставить обеспокоиться, стало крайне маловероятным. Как бы то ни было, дедуцирующий компьютер закрепил свой успех, объявив, что проблемы, «следующие Программу Колонизации, являются не самым первым признаком появления преступника-телепата. Он выдал простирающийся в прошлое более чем на триста лет список сходных ситуаций и недвусмысленно дал понять, что в каждом из этих случаев повинен никто иной, как наш фигурант.

Велдон сделал паузу, чтобы понаблюдать за тем, как изменяются выражение лиц собеседников. Губы полковника тронула сардоническая усмешка.

— Ага, понятно, — буркнул доктор Лоури спустя несколько секунд, — а дабы это выглядело еще невероятнее, вы готовы объявить своего преступника бессмертным.

Велдон покачал головой.

— Я этого не говорил… так же, как этого не было сказано и ДЕДКОМом. Вопрос о продолжительности жизни этого человека, какова бы она ни была, не являлся предметом его расследования. Он лишь рекомендовал поинтересоваться, кто разными способами вмешивается в прогрессивную деятельность человечества вот уже три столетия подряд. Однако в добавление ко всему вышесказанному, даже этой рекомендации было вполне достаточно.

— Достаточно для чего?

— А вы как думаете? — спросил Велдон. — Рапорт прошел по всем инстанциям, был просмотрен, подшит в папку вместе с прочими шедеврами мысли, которые были ранее выданы ДЕДКОМом, и благополучно забыт. Пытаясь выяснить, отчего буксует Программа Колонизации, Департамент Особых Поручений продолжил расследовать это дело, применяя стандартные, более реалистичные следственные процедуры. Как вам известно, особых лавров на этой ниве они не сыскали, равно как и сама Программа.

— Последнее более чем очевидно, — с озадаченным видом заметил Лоури. — Однако тот факт, что вы провалили это расследование, еще не

повод, чтобы вновь вернуться к бредовой теории о телепате-преступнике.

Велдон выдул голубоватый дым и глубокомысленно заметил:

— Да, не очень логично с нашей стороны, не спорю. Однако мы возрождаем высказанную ДЕДКОМом теорию не потому, что потерпели неудачу.

— А почему же? — голос Лоури вновь зазвенел от скрытого раздражения.

— А вы вспомните неожиданную смерть одного из самых известных политиков пять лет назад, — ответил Велдон. — Если я назову вам имя, вы узнаете его мгновенно. Однако вы не знаете обстоятельств его гибели, поскольку официальный рапорт, опубликованный тогда, сплошная фальшивка — оттуда было тщательно вымарано все, что могло показаться хоть чуть-чуть необычным. На самом деле этот человек был убит. Его тело было обнаружено в Атлантическом океане. Удивительно, что его вообще заметили, тем не менее, тело было выловлено и опознано. Уже тогда в деле обнаружились странности, первой из которых стала та, что политик жив и находится в добром здравии в собственном доме в Нью-Йорке. Можно было бы сослаться на ошибку при опознании

утопленника, однако никакой ошибки не было. Тело из океана действительно принадлежало политику. А пока все это выясняли, человек из Нью-Йорка тихо исчез… и с того времени очень многие в Департаменте по-другому взглянули на давным-давно похороненный рапорт ДЕДКОМа о гипнотизирующем телепате, который может принимать облик другого человека, причем настолько убедительно, что имитацию не способны распознать даже близкие. Нельзя сказать, что этот факт говорил в пользу упомянутой гипотезы, но заставил нас срочно попытаться предпринять серьезное расследование в этом направлении.

— Попытаться? — переспросила Арлен Рольф. — Почему же только попытаться?

— Попытаться, — ответил Велдон, — потому, что с тех пор преступник объявил нам настоящую войну. Не Департаменту, а всей человеческой расе. Тихую, скрытую войну с конкретной целью, а именно — заставить нас отказаться от любых попыток расследования, способного навлечь на него опасность или воспрепятствовать его деятельности. Он понял, что выдал себя. Кроме того, он узнал и о рапорте, сделанном ДЕДКОМом. Вот здесь он изменить ничего уже не мог. Однако он весьма ясно дал понять, что его лучше не беспо-

коить, а также то, что у него имеются средства, чтобы обеспечить наше послушание.

Доктор Лоури рефлекторно моргнул.

— Но что может одиночка…

— Бен, — перебил его Феррис Велдон, — если ты оглянешься назад и посмотришь внимательно, ты вспомнишь, что чуть меньше пяти лет назад у нас в стране… на протяжении всего лишь нескольких месяцев… произошла целая серия страшнейших катастроф. Причиной тому были не явления природы — ураганы, землетрясения, наводнения, или что-либо подобное. Напротив, все они произошли или могли произойти из-за вмешательства так называемого человеческого фактора. Катастрофы эти вовсе не были необъяснимыми. Каждый из случаев в отдельности даже слишком хорошо объяснялся человеческой некомпетентностью, глупостью и корыстными намерениями. Но все же… взрыв гигантского отеля, отравление водопровода целого города, лайнер серии люкс… вижу, ты вспомнил. Обрати особое внимание на то, что фигурант не направлял свои удары непосредственно против следователей. До этого он дошел позже и подстраивал свои трюки совершенно иначе. Это означало, что, несмотря на свои феноменальные

природные способности, он отнюдь не считал себя неуязвимым. Кроме того, разумеется, ему незачем было навлекать на себя опасность. Используя общественные межпространственные и воздушные пути, он мог переместиться в любое место на Земле за считанные часы, и где бы он ни появлялся, любой человек на доступном для его разума расстоянии превращался в его потенциальное орудие. Преступник мог по своей воле сеять смерть в одном месте, а сам, когда его воля начинала претворяться в действие, оставаться в другом месте. Таким образом, за десять недель он сковал наш Департамент по рукам и ногам. Попытки идентифицировать его были прекращены. Чудовищная серия катастроф вскоре закончилась. Мерзавец добился своего.

Арлен посерьезнела:

— Вы сказали, что позднее он напал на некоторых из ваших следователей. Когда это случилось?

— Год спустя, — ответил Велдон. — Ситуация сложилась в некотором роде безвыходная. Как известно, горстка работающих на правительство телепатов является нашим весьма ценным и тщательно оберегаемым достоянием. Никому и в голову не придет ими разбрасываться. Мы пони-

мали, что они уступают по силе суперпреступнику, и потому даже не пытались использовать их против него. Однако со временем нам удалось составить, правда, больше полагаясь на гипотезы, нежели на факты, значительно более детальный портрет оппонента человечества, чем сделанный ДЕДКОМом. Получившийся портрет обрисовал фигуранта феноменом во всех отношениях. Его способность читать мысли других людей и влиять на их разум, а также сочетание телепатических способностей и мощнейшего гипноза, очевидно, было гораздо сильнее и точнее, чем у любого обычного телепата. Однако попутно выяснилось, что его способности любопытнейшим образом ограничены, и ограничены серьезно. Для любого из наших опытных телепатов расстояние не является значительным фактором, по крайней мере, по эту сторону межпланетного пространства. А для нашего суперпреступника это вопрос вопросов. Да-да, как ни странно. Если оставаться вне радиуса его действия, то он не может причинить никакого вреда. Вот если б его удалось идентифицировать из-за пределов этого радиуса — хороший снайпер покончил бы с ним в один момент, не опасаясь номеров, которые он может выкинуть в последний момент. Для этого и устро-

или первый островок безопасности, который был защищен от проникновения пси-преступника атмосферными блоками и хитроумными соматическими барьерами. Туда привезли двух правительственных телепатов и дали им задание ментально обнаружить искомое лицо.

Полковник тяжело вздохнул.

— Это стало нашей очередной ошибкой. Если несчастные парни и собирались нащупать что-то конкретное о негодяе, век их оказался столь недолог, что они просто не успели об этом сообщить. Уже через несколько секунд оба покончили жизнь самоубийством.

— Их заставил сделать это суперпреступник?

— Разумеется.

— И за этим последовала, — спросил доктор Лоури, — еще одна катастрофа?

— Нет, — ответил Велдон. — Должно быть, мерзавец счел, что в этом нет необходимости. В конце концов, он ведь вновь добился своего. Посылать на охоту за ним наших лучших телепатов — все равно, что заставлять спаниелей выслеживать тигра. Он проникает в разум другого телепата, если тот находится, естественно, на доступном ему расстоянии, точно так же, как и любого другого человека. Однако если они вступают с ним

в контакт первыми, то немедленно попадают к нему на крючок, как далеко бы он ни находился. Мы поняли намек. С той поры остальные наши телепаты находятся под защитой островков безопасности, и пока фигурант не выказывал своей заинтересованности добраться до них.

Велдон аккуратно ткнул сигарету в пепельницу и добавил:

— Теперь, полагаю, вы понимаете, почему мы сочли необходимым принять беспрецедентные меры предосторожности при дальнейшей разработке диекс-проектора.

На несколько секунд воцарилась напряженная тишина. Затем доктор Лоури произнес:

— Да, теперь это стало очевидным.

У него был отсутствующий вид, словно просчитывал в уме свои варианты.

— Хорошо, — продолжил он, поджав губы. — Информация довольно тревожная, Феррис. М-да. Однако давайте обратим внимание вот на что. Мы выяснили, что диекс-энергия может быть применена для усиления эффекта в ходе процессов, обычно именуемых телепатическими. На основе разработанной теории был создан проектор. Пользуясь им, простые смертные вроде Арлен или меня, могут добиться результатов,

вдвое превосходящих те, которые, по имеющимся данным, получены вашими лучшими телепатами, полковник. Однако при этом мы столкнулись с множеством ограничений. Во-первых, необходимы локационные устройства, чтобы направить пучок энергии в точку земного шара, где должен быть проведен эксперимент. Во-вторых, мы пока еще не научились «читать мысли», если можно так выразиться, тех людей, с кем хотя бы отчасти не знакомы.

Велдон кивнул:

— Мне это известно.

— Отлично, — сказал Лоури. — Еще одно преимущество проектора перед натуральным телепатом состоит в надежности. Прибор работает сегодня, как работал вчера и на прошлой неделе. Пока мы не проверим устройство на натуральном телепате, мы не можем утверждать, что диекс-поле будет ему помогать. Однако предположим, что оно ему помогает, и даем проектор, чтобы он обнаружил суперпреступника. Это несложно устроить. Однако не случится ли так, что вооруженный нашим прибором пси вновь, по вашему выражению, попадет к негодяю на крючок?

Велдон подумал и сказал:

— Мы полагаем, что этого не случится, Бен.

Специалист мог бы рассказать тебе более подробно о функциональной организации разума натуральных телепатов. Главным образом дело состоит в том, что все они поддерживают в себе бессознательные процессы ограждения и сопротивления, которые хоть и ограничивают их телепатические возможности, зато защищают от негативного воздействия. Разница между ними и нами, по-видимому, состоит именно в этом.

— Думаю, что я понимаю, — сказал Лоури. — Теоретически подобные защитные механизмы соответствующим образом усиливаются в случае применения диекс-поля…

— Именно, — подхватил Велдон. — Сохраняя аналогию, которой я воспользовался выше, нам снова приходится посылать спаниеля охотиться на тигра. Однако теперь спаниель, при поддержке проектора, вырастет до размеров тигра… и обретет тигриную силу. Мы не можем не допускать, что преступник может оказаться намного более искусным и поистине смертоносным, когда дело дойдет до настоящей схватки, и наша задача состоит в том, чтобы не допустить этой схватки. Наш телепат должен просто определить местонахождение суперпреступника, идентифицировать его и тут же унести ноги. В течение

нескольких секунд, которые потребуются ему для этого, диекс-поле должно помочь выдержать возможную атаку.

Лоури покачал головой.

— Вы не можете этого гарантировать, Феррис! — сказал он. — Вы ничего не можете гарантировать.

— Верно, не можем, — улыбнулся Велдон печально. — Мы не знаем, что в действительности произойдет, но, видите ли, этого не знает и наш фигурант.

Лоури в сомнении покачал головой:

— Что-то я тебя не совсем понимаю.

— Бен, — пояснил Велдон, — мы и не предполагаем, что твой диекс-проектор, о котором все время упоминаем, будет когда-либо применен на практике. Его предназначение вовсе не в этом.

Лоури выглядел совершенно обескураженным.

— Тогда в чем же его предназначение?

С лица Арлен Рольф стерлись все краски.

— Доктор Бен, — сказала она, — полагаю, полковник Велдон хочет сказать, что суперпреступник знает о существовании диекс-проектора и того, что можно добиться с его помощью.

Велдон кивнул:

— Разумеется, он об этом знает. Как вы думаете,

много ли секретов можно утаить от существа, которое может подслушать мысли любого человека, если подойдет к нему поближе? Нам приходится смириться с тем, что у него есть источники информации в каждом правительственном департаменте с того самого дня, когда мы узнали о его существовании. Он знает, что мы охотимся на него, и не настолько глуп, чтобы позволить охоте зайти настолько далеко, чтобы один из наших телепатов действительно уселся за этим проектором. Он не представляет, каковы будут последствия. В конце концов, они вполне могут… м-м…оказаться фатальными для него.

— Тогда я снова не вполне… — начал Лоури, но сдержался и недоуменно посмотрел на Арлен Рольф. — Вы все еще понимаете, что говорит этот сумасшедший, Арлен?

Губы девушки искривила улыбка.

— Боюсь, что понимаю! Если я права, то ситуация мне не нравится. Полковник Велдон, ваши люди планируют использовать диекс-проектор в качестве ловушки для искомого лица?

— Точнее, в качестве приманки в ловушке, — поправил Велдон. — Бен, поставь себя на место суперпреступника. Он считает всю Землю своей собственностью. Однако теперь человечество

узнает о нем и его отвратительной деятельности. Прогресс совершенствуется с каждым десятилетием, а это становится для него опасным. Пока он еще может поставить нас на место и ему удается блокировать массовый выход в солнечную систему, где его способности не работают. Однако может ли так продолжаться дальше? Разве может он по-прежнему наслаждаться своей властью над планетой, когда ему все время приходится держать глухую оборону против попыток избавиться от него? Он успешно отразил первые удары и дал понять, что нам дорого обойдется, если мы побеспокоим его всерьез. Однако создавшееся положение неприемлемо как для него, так и для нас. Теперь, чтобы вновь заставить нас повиноваться себе, ему потребуются более эффективные методы контроля, чем раньше.

— И диекс-проектор… — произнес Лоури.

— Ну, разумеется! — воскликнул Велдон. — Диекс-проектор великолепно разрешит его проблему. Островки безопасности, которые до сего момента являлись главными инструментами нашей защиты, станут бесполезными. С помощью прибора он сможет в любое время вступить в прямой контакт с любым разумом на Земле. А дальнейшие попытки его уничтожить не будут

иметь ни малейших шансов на успех. Фигурант пока не выказывал тяготения к наукам, а горстка ученых, которые в состоянии сконструировать подобный прибор, уже размещена за пределами его воздействия. Поэтому он позволил нам продолжать разрабатывать проектор здесь, хотя, конечно, мог бы в любое время остановить этот процесс различными способами. Однако можно не сомневаться, что он намерен завладеть диекспроектором, прежде чем тот будет использован против него.

— И предполагается, — заметила Арлен, — что ему известно о реализации проектора, несмотря на неполадки, которые до сих пор еще случаются во время испытаний?

— Да, — согласился Велдон.

— Тот факт, — продолжала она, — что мне позволено было покидать объект несколько раз в неделю, практически, когда захочу, как-то связан с этим?

— Мы полагаем, — ответил Велдон, — что искомое лицо довольно регулярно пользовалось представившейся возможностью. В конце концов, у него нет более надежного способа раздобыть точную информацию о том, в каком состоянии находится проект, кроме как…

— Кроме как проникнуть в мой разум?

Подумав, Велдон сказал:

— Мы не отрицаем, что навлекли на вас серьезную опасность, Арлен. В сложившихся обстоятельствах нам остается лишь извиниться перед вами. Но поверьте, эта мера была совершенно необходима.

— Я не принимаю никаких извинений, полковник Велдон, — произнесла Арлен с бледным как мел лицом. — Однако мне сейчас важнее знать, что намерен теперь предпринять суперпреступник?

— Завладеть проектором? — Велдон снова задумался. — Мы в этом не уверены. Думается, что мы предусмотрели все возможные варианты его приближения и готовы схватить, как только он попытается воспользоваться одним из них.

— Но он может заподозрить, — сказал Доктор Лоури, — что вы собираетесь его схватить!

Велдон кивнул:

— Разумеется, он подозревает такую возможность, однако преимущество на нашей стороне, поскольку он не знает, как именно мы это собираемся проделать. Вы себе не представляете, насколько серьезные меры предосторожности мы предприняли.

Велдон жестом указал на маленькую дверь в стене за доктором Лоури.

— Причина, по которой я всегда прихожу сюда с помощью частного межпространственного перехода, состоит в том, что вот уже три года я и шагу не ступил за пределы островков безопасности! Эта мера справедлива в отношении любого человека, владеющего информацией, которую мы скрываем от искомого лица… за исключением мистера Грина, чьи периодические публичные появления в этот критический период были не более чем искусно разыгранными фарсами. Мы общаемся только по видеофону, никто из нас фактически даже не знает, где находятся другие. Мы не оставляем суперпреступнику никаких шансов догадаться о чем-либо помимо существа наших планов.

— И зная все это, — медленно сказал Лоури, — вы все же предполагаете, что он рискнет сунуться в расставленную ловушку за проектором?

— Рискнет, потому что у него нет выбора! — ответил Велдон. — Единственной альтернативой для него в последний момент станет разрушение этого островка безопасности вместе со всеми, кто здесь находится. Но это крайне маловероятно. Его действия наглядно доказывают, что, несмотря на

неприятности, которые мы систематически ему доставляем, он питает глубочайшее презрение не к телепатам, а к обычным людям. Не владей им это чувство, фигурант ни за что не позволил бы нам завершить разработку диекс-проектора. Так что он придет за ним, осторожно, тщательно подготовившись, но рано или поздно это обязательно случится.

— Возможно ли, — спросила Арлен, — что он сделает это в первую очередь?

Возникла легкая пауза, прежде чем Велдон ответил:

— Да, — сказал он, — это возможно. Шанс маленький, почти теоретический. Однако мы отнюдь не всеведущи, и может оказаться, что мы знаем о нем гораздо меньше, чем нам кажется. Такая возможность остается.

— Тогда зачем подвергать себя такому риску? — спросила Арлен. — Не лучше ли просто уничтожить проектор и оставить все как есть, чем предлагать ему оружие, которое превратит нас всех в беспомощных рабов?

Велдон покачал головой.

— Арлен, мы не можем оставить все как есть! Так же, как и суперпреступник. Вы и сами это знаете, хоть пока отказываетесь признаться в этом.

— Я… что вы хотите этим сказать?

— В этом году, — терпеливо объяснил Велдон, — у нас появился диекс-проектор. Что появится у нас, скажем, через пять или десять лет, когда диекс-энергия будет досконально изучена? Когда не только в пси-биологии, но и в других областях знания пойдут настоящие прорывы? Возможно, нам удалось бы замедлить эти процессы, но остановить их совсем мы не в состоянии. Кроме того, в любой момент может появиться какое-нибудь принципиально непредсказуемое в данный момент оружие, которое мы сможем использовать против фигуранта, так же как он против нас. Нет, время действовать наступило для обеих сторон, если только не ставить на карту свое будущее. Мы бросили ему вызов, и он этот вызов принял. И, по всей вероятности, исход нашего поединка станет известен в ближайшие несколько часов.

Арлен покачала головой, но ничего не сказала. Доктор Лоури спросил:

— Феррис, а что же делать нам в этой ситуации?

— Ближайшие несколько часов вы будете подробно обучать меня, как обращаться с проектором. Конечно, я внимательно изучил ваши рапорты и мог бы попробовать сам, но, как пони-

маю, этого недостаточно. Поскольку, и это хорошо известно суперпреступнику, мы не блефуем. А это вынуждает его к активным действиям. Если он этого не сделает, — Велдон кивнул на полированный деревянный ящик, лежащий на столе перед доктором Лоури, — один из наших телепатов немедленно сядет за прибор, и тогда фигурант столкнется с реальной возможностью быть вычисленным. Сейчас на земном шаре нет такого места, куда одна из наших ударных групп не долетит за считанные минуты. Так что он начнет действовать… самое позднее — сразу после того, как будет отдан приказ о перемещении нашего телепата на территорию Кливерского комплекса. Однако когда это случится, вас уже здесь не будет. На этой стадии вы не нужны, и зато время, пока мы с вами беседовали, главный межпространственный переход комплекса был переключен с выхода к университетской площади на один из островков безопасности за ее пределами. Вы отправитесь туда, как только закончите консультировать меня, и останетесь там до тех пор, пока операция «Пси-преступник» не будет завершена.

Он резко хлопнул ладонью по столешнице.

— А теперь займемся делом! Думаю, Бен, лучше всего будет, если я для начала примерю на себя

роль Арлен… в качестве второго оператора… ты следуй обычным процедурам, а я буду смотреть. Что скажешь?

Арлен Рольф отодвинула стул от стола, за которым мужчины сидели за диекс-проектором. Она сознавала, что пытается отстраниться от того, что происходит, как эмоционально, так и физически, причем попытка не выглядела особенно удачной. Присущее ей обычно самообладание, основанное на сознании того, что она всегда сможет эффективно действовать в сложной ситуации, испарилось. История о пси-преступнике застигла их с доктором врасплох. Она уловила общую идею, но ее разум еще не успел ее переварить. Слушать Велдона и относиться к сказанному с разумным скепсисом, но внезапно обнаружить, что все больше и больше она склонна ему верить — ощущение не из приятных. И от этого девушка еще не отошла. Она не могла сосредоточиться на своих мыслях, сознательно направляя их по определенному пути, но они то и дело сворачивали с него в область бессвязного и беспомощно угасали. Впервые за свою жизнь она была по-настоящему напугана, ее преследовал отупляющий страх, который к тому же не могла контролировать.

Взор ее равнодушно скользнул к тускло-голубой

вогнутой видеопанели, которая являлась центральной частью диекс-проектора. Вынутый из чехла, прибор представлял собой рамку, затянутую паучьей сетью, крепившуюся к серебристого цвета плите генератора, рядом с видеопанелью. Мутноватые переливы цвета в центре панели выглядели почти совершенно бессмысленно без специальных диекс-очков, которые доктор Лоури и Велдон приладили на себя. Однако Арлен была достаточно знакома с рабочими процедурами, чтобы наблюдать лишь за их течением, не прислушиваясь к разговору…

Ей хотелось, чтобы это прекратилось. Она чувствовала, что это опасно. Разве Велдон не заявил, что они не вполне уверены, что знакомы с точными границами возможностей пси-преступника? А что, если проектор засветит их присутствие на территории противника и привлечет его внимание к тому, что происходит в этой комнате?

На несколько томительных секунд она испытала зловещую уверенность в том, что ощущает пси-присутствие фигуранта, поскольку тот явно знает об их попытке и лишь выжидает удобный момент, чтобы вмешаться. Такое вполне могло быть и почти наверняка было проявлением охватившего девушку суеверного ужаса, но, тем не

менее, убеждало. Настолько убеждало, что она, не переставая, тряслась от страха.

Однако, разумеется, не в ее власти было сделать что-то такое, что могло остановить подготовку к операции. Она могла лишь молчаливо наблюдать.

До определенного момента все шло как обычно. Стандартный разогрев аппаратуры. Они проведали мисс Вандерлин в Мельбурне, узнали, как дела у Мари Фабер из Сиэтла. Цветные волны, пробегавшие по видеопанели, отражали индивидуальные чувственные восприятия, скользящие в диекс-поле. Никаких вербальных или просто сознательных откликов от субъектов контакта не наблюдалось, это случится позднее. На мгновение доктор Лоури обернулся, и девушка увидела лицо своего шефа вполоборота — круглые конические линзы специальных очков выдавались вперед, точно неподвижные глаза огромного богомола.

Она поняла, что он только что сказал Велдону что-то, чего она не расслышала. Велдон кивнул в знак согласия. Доктор Лоури вновь сосредоточился на приборе и произнес:

— Ботукато, Бразилия. Местонахождение определено впервые. Как ему удается прицелиться по таким неопределенным объектам, это, конечно…

Его голос перешел в неясное бормотание, когда доктор вновь переключился на проектор.

Арлен усилием воли вызвала в себе раздражение, отчасти для того, чтобы избавиться от окутывавшего ее тумана страха. Это было похоже на попытку очнуться от глубокого, мучительного сна. Однако вместе с тем она ощущала некоторое облегчение, сменившееся приступом гневного самобичевания, ибо пока она предавалась эмоциональной рефлексии, ничего катастрофического не произошло! Мужчины за столом всего лишь продвинулись в стандартной рабочей процедуре на несколько шагов. А она этого даже не заметила. Ее поведение просто глупо!

Поверхность видеопанели очистилась от сенсорных цветовых отражений, и теперь она видела, как вместо них появляются очертания зеленого узора на белом поле, цвета локационной карты проектора. Она наблюдала, как тренированные пальцы доктора Лоури бегло набирают нужные координаты, и карта становится все более и более подробной, каждое последующее увеличение раскрывается в отмеченной рамкой части предыдущего изображения. Раздался слабый щелчок, Лоури отпустил клавиатуру и вновь что-то пробормотал. На этот раз конец фразы

удалось разобрать:

— …в радиусе двадцати километров.

Видеопанель почернела, но Арлен продолжала пристально в нее вглядываться.

Теперь проектор был нацелен на окружность радиусом в двадцать километров на уровне земли где-то в Бразилии. Никаких контактов в этой зоне прежде не устанавливалось. Тем не менее, дело шло вполне определенным порядком. Доктор Лоури не предполагал осмысливать этот процесс, пока за прибор не возьмется опытный телепат, и, возможно, даже тогда не удастся много о нем узнать. Однако диекс-энергия пронизывала этот район, нащупывая человеческие разумы, иногда — одиночные, иногда — скоплениями. Контакты всегда происходили весьма эфемерно. Субъекты исследования — это было совершенно очевидно — оставались в полнейшем неведении о том, что с ними приключилось нечто необычное, а единственное, что оставалось наблюдать экспериментатору, так это уже известное мерцание на экране от их чувственных впечатлений.

Внезапно Арлен Рольф осознала, что находится внутри открытого архива в офисе доктора Лоури с грудой папок в руках. На полу вокруг в беспорядке валялось множество вскрытых папок, бумаги

и кассеты с записями были беспорядочно разбросаны. Она уронила свою груду в общую кучу на полу и повернулась к входной двери. Лишь тогда ее затрясло от нахлынувшей волны жара при мысли: «А что я здесь делаю? И что случилось?»

Она увидела, как в дверях архива появился доктор Лоури с другой грудой папок. Одним небрежным броском он присоединил их к мусору на полу и направился обратно, даже не взглянув на свою помощницу. Арлен почувствовала, что идет за ним, что ноги передвигаются точно во сне и совершенно независимо от ее воли. Лоури уже выворачивал содержимое ящика шефа, но она не смогла издать ни звука. На мгновение она увидела его лицо. Доктор выглядел сосредоточенно, словно был полностью поглощен тем, что делает, и ничего более…

Затем она прошла через гостиную, неся что-то в руках, и в следующее мгновение, как ей показалось, вновь оказалась в офисе Лоури. Кошмар продолжался. Зияющие провалы в сознании чередовались с моментами, когда ее разум сотрясался от дикого страха, в то время как тело двигалось, механически, но вполне целенаправленно, беспорядочно вываливая материалы, взятые из лаборатории и картотеки, в кучу на полу архива.

Возможно, это продолжалось всего три-четыре минуты, возможно — несколько часов, обломки реальности громоздились друг на друга в памяти. Однако присутствовали и моменты, когда мысли прояснялись, и память возвращалась к ней… Широкая спина полковника Велдона, исчезающая за узкой дверью в гостиной, ведущей в частный межпространственный переход. Темная полоса диекс-проектора у него в руке. А до того был момент, когда на видеопанели что-то блеснуло красным, и она еще удивилась, что сидящие за столом мужчины никак это не прокомментировали…

Затем внезапно, в один из моментов просветления, в голове успела промелькнуть ошеломляющая мысль: «А ведь суперпреступник уже поймал нас всех!» Мужество и самообладание Велдона, самоотверженность и мастерство Лоури, ее собственное нежелание заниматься этим делом… ничто из этого не имело ни малейшего значения. В свое время мерзавец тихонечко взломал все защитные системы и завладел их умами. Велдон сейчас направляется к нему и поднесет диекс-проектор на блюдечке.

А как же она с доктором Лоури? Ах да, разумеется, пси-преступник приказал избавиться от

любых, даже мельчайших обрывков информации о проекторе! Именно этим они и занимались. Но что будет, когда они с этим покончат?

Арлен показалось, что ей уже известно, что будет, когда увидела, как доктор Лоури запер архив, затем снял предохранительную пломбу на двери и нажал кнопку уничтожения. Теперь содержимое архивного помещения пожрет ненасытное белое пламя. Однако оставались еще пока их разумы, в которых хранились секреты проектора…

Вероятно, девушка предприняла яростную попытку освободиться, которая чуть было не превозмогла насильственное влияние суперпреступника, поскольку она оказалась в гостиной, менее чем в трех метрах от двери, выходящей в холл, откуда еще можно было попытаться позвать на помощь. Но дальше уйти не смогла, ибо уже повернула прочь от двери и прошлась по комнате механической походкой, с которой ничего не могла поделать. Внутри у нее вновь поднялась волна ужаса.

Приблизившись к дальней стене, она увидела доктора Лоури, который выходил из офиса, улыбаясь с отсутствующим видом и рассеянно глядя в пол сквозь очки. Не поднимая головы, он пошел за девушкой к закрытой двери межпростран-

ственного перехода полковника Велдона.

Значит, подумала Арлен, их не смерть ждет, а рабство. Они еще для чего-то нужны суперпреступнику. Они отправятся вслед за Велдоном…

Она рванула на себя дверь. Дверь не открылась.

Она яростно набросилась на нее, сотрясаясь от приступов безудержной истерики. Спустя мгновение доктор Лоури с усилием что-то пробормотал и вытянул вперед руку, чтобы ей помочь.

Внезапно ей показалось, что комната взорвалась. На мгновение Арлен Рольф ощутила, как ее разум распадается, превращаясь в бурные, неистовые потоки белого света.

Несколько секунд она вяло разглядывала спину долговязого рыжеволосого человека, который стоял посреди комнаты, прежде чем к ней полностью вернулось сознание. Затем неожиданно все встало на свои места. Она похолодела от страха.

Гостиная доктора Лоури… она сидит в кресле, а доктор Лоури распластался на кушетке. Казалось, что он дремлет. А над ним возвышается мощная фигура Фрэнка. Доктора Фрэнка Хардинга, который проводил ее до Кливерского космопорта сегодня и сказал, что собирается лететь на побережье.

Фрэнк Хардинг и оказался иско…

Арлен тихонько выскользнула из кресла и прошла за спиной у него, следя за каждым его движением. Как только он стал поворачиваться, девушка ринулась к открытой двери холла.

Она услышала, как он издал испуганный возглас и с громким топотом кинулся за ней. На выходе он ее поймал и крепко ухватил за запястья. Его глаза из-под колючих рыжих бровей просто пожирали ее.

— Что ты вытворяешь?!

— Это ты! — в ярости крикнула она. — Ты!

Ее привело в замешательство выражение сперва изумления, затем понимания, отразившееся на лице Хардинга. Запинаясь, она проговорила, чувствуя, как голова у нее пошла кругом от облегчения:

— Я… я думала, что ты и есть…

Хардинг покачал головой и ослабил свою хватку.

— Нет, ну конечно, это не я, — мягко сказал он.

— Да… это не ты! Тебе не пришлось бы… преследовать меня, если бы это был ты, правда?

Она обвела взглядом комнату в новом приступе отчаяния.

— Но я не… теперь у фигуранта есть диекс-про-

ектор!

Хардинг вновь покачал головой и взял ее за руку.

— Нет, у него нет диекс-проектора. Попробуй немного расслабиться, Арлен. Знаешь, а ведь мы поймали-таки его в ловушку. Это стоило нам еще нескольких смертей, но мы это сделали. Так что давай присядем. Я принес с собой немного виски… подумал, что вам обоим не повредит немного выпить после всего, что вы пережили.

Арлен присела на краешек стула, наблюдая за тем, как он наполняет стакан. Началась обратная реакция: теперь она вся дрожала от слабости, казалось, что она еще не осознала до конца, что суперпреступник уже схвачен.

— Значит, ты тоже принимал участие в операции?

Он оглянулся вокруг:

— Да… купол на дне океана в данных обстоятельствах оказался очень неплохим убежищем. А вас с доктором Лоури усыпил световой шок.

Он протянул ей стакан.

— Световой шок? — переспросила Арлен.

— Новое изобретение, — пояснил Хардинг. — Разработка другого островка безопасности, специально для снятия гипнотического внушения,

включая и самый мощный его тип, использованный пси-преступником. По-видимому, он не знал о проекте, или считал его маловажным начинанием, которое он может позволить себе пока проигнорировать. Как бы то ни было, световой шок прекрасно справляется с задачей и делает это очень аккуратно, хотя в процессе лишает на некоторое время пациента сознания. Побочный эффект, конечно, нежелателен, но пока неизбежен.

— Понятно, — сказала Арлен, осторожно глотнула виски и поставила стакан, в то время как ее глаза начали наполняться слезами.

Фрэнк Хардинг откинулся назад и скрестил руки на груди, глубокомысленно хмурясь.

— Нам удалось вычислить двух человек, которых подозревали в том, что они являются неосознанными осведомителями преступника на островке. Мы попробовали световой шок на них. Это им не повредило, тогда мы решили применить метод здесь. Лоури проснется самое позднее через час и будет чувствовать себя не хуже, чем ты. Разумеется, никто из вас не будет помнить, что происходило, пока пси-негодяй контролировал ваши действия.

— А вот это неправда, — сказала Арлен. — Я

кое-что помню, не все, правда, но примерно половину из того, что происходило, хоть уверена, что предпочла бы забыть. Это было похоже на кошмарный сон.

Хардинг удивился:

— Весьма любопытно! Во всех остальных случаях мы имели полнейшую амнезию. Возможно, ты…

— Ты тоже испытывал сильнейшее напряжение, верно, Фрэнк? — спросила она.

Он задумался.

— Я? Почему ты так считаешь?

— Ты довольно много говоришь. А это на тебя не похоже.

— Думаю, ты права, — проворчал Хардинг. — Да, ждать было нелегко. Пси-негодяю игра, возможно, нравилась. Кроме финала, разумеется. Да, играть в кошки-мышки с целым человечеством! Но, в конце концов, выяснилось, что мышка оказалась для него крупновата. Но до самого последнего момента мы не были уверены ни в чем.

— Потому что никто не мог быть уверен ни в ком другом?

— Да, проблема заключалась главным образом в доверии. Это была единственная в своем роде операция, которой никто не руководил, и никто

никому не доверял. Для всех ситуаций были разработаны дополнительные меры предосторожности, и никто в мире не знал всех этих мер. Придя сюда сегодня, Велдон включил микропередатчик, чтобы все, что происходит, пока ему объясняют, как пользоваться диекс-проектором, можно было отслеживать извне. Вне островка у нас также имелся планетарный сканер, который действовал точно так же, как и тот, что встроен в проектор. Таким образом, мы в любой момент могли сказать, какое место на Земле сейчас пронизывает диекс-поле проектора. Одна из дублирующих мер предосторожности. Поначалу все выглядело как обычная проверка. Между Лоури и Велдоном происходило чуть больше разговоров, чем когда ты была вторым оператором, но это можно было предвидеть. Наблюдались паузы, когда проектор отключался и готовился следующий эксперимент. Это тоже нормально. Затем, во время одной из пауз, мы уловили сигнал, что только что в частный межпространственный переход Велдона со стороны объекта кто-то вошел. Это было ненормально, и переход немедленно запечатали с обоих концов. Еще одна мера предосторожности… именно она нас спасла!

Арлен нахмурилась:

— Но что все же…

— Да, — ответил Хардинг, — вопросов возникло много, и отвечать на них надо было очень быстро, иначе игра могла быть проиграна.

Никто не предполагал, что пси-преступник лично покажется на Кливерском объекте. Островок безопасности можно уничтожить в одно мгновение, и нам было известно, что он тоже это знает. Однако, очевидно, он что-то задумал, и мы предположили, что диекс-проектор сейчас подвешен в переходе. Но кто или что было вместе с ним? Охранников объекта отозвали. Вы оставались на островке лишь втроем. Пси-негодяй должен был найти доступ ко всем троим в то или иное время, ведь его гипноз, пока мы не найдем способ его излечивать, сохраняется на протяжении всей жизни. Любой из вас мог отнести этот проектор в переход, чтобы отдать ему. Или вы действовали втроем, сообща, и тогда переход следовало открыть снова, поскольку игра продолжалась. Нам нужен был сам негодяй, а не его орудия… Но существовала и другая возможность. Ты и доктор Лоури числились среди очень немногих людей, о которых можно с уверенностью сказать, что ни один из вас не является самим преступником или одной из его имитаций. Если бы он был способен

создать диекс-проектор, ему не потребовалось бы его красть. Полковник Велдон служит в Департаменте Особых Поручений уже много лет. Однако он мог быть имитацией. Другими словами, псинегодяем.

Арлен почувствовала, как бледнеет.

— Это он! — сказала она.

— Да? Откуда ты знаешь?

— Я не осознавала это, но… нет, продолжай, пожалуйста. Я лучше потом тебе все расскажу.

— Что ты не осознавала? — не отставал Хардинг.

— Я ощутила некоторые из его эмоций… — ответила Арлен, — после того, как он оказался внутри перехода. Он понял, что пойман! — ее руки заходили ходуном. — Я думала, что это мои собственные чувства… что я… — голос ее сорвался.

— Ничего, — сказал Хардинг, внимательно за ней наблюдая. — Это, наверное, было очень неприятно.

Она покачала головой:

— Крайне неприятно, можешь мне поверить!

— Значит, он смог добраться до тебя даже из межпространственного перехода! — задумчиво сказал Хардинг. — Такого мы за ним не замечали.

Конечно, мы предполагали, что знаем о нем далеко не все. Однако и он знал не все. Он считал, что путь к бегству с объекта через переход свободен. Очень смелый шаг. Если бы ему удалось достичь какого-нибудь места на Земле, где нельзя было бы уничтожить его мгновенно, то потребовалась бы всего одна или две минуты, чтобы запустить проектор и одержать окончательную победу. Но этого, к счастью, не случилось, ибо мы быстро поняли, что пси-негодяй угодил в ловушку.

— Как вы это поняли?

— Благодаря планетарному сканеру, о котором я тебе говорил, — ответил Хардинг. — В конце концов, Велдон мог оказаться искомым лицом. Помимо вас двоих, им мог оказаться любой из числа тех, кто участвовал в операции. Он даже мог выступить под маской одного из наших собственных телепатов. Каждая точка земной поверхности, на которую нацеливался проектор во время «объяснения», немедленно исследовалась. Мы искали возможные указания на то, что проектор в руках пси-негодяя. Подобные сведения не поступали с того момента, как имитация Велдона утащила проектор в переход. Зато потом, несколько минут спустя, их было великое множество! Они показывали, что негодяй успел

проверить проектор, понял, что может им управлять, порадовался тому, что становится владыкой мира, и на этот раз навеки! Затем суперпреступник вышел из перехода вместе с украденным супероружием…

— Он пытался заставить нас с Беном, — сказала Арлен, — снова открыть вход на объект. Но мы, разумеется, не могли этого сделать. Я и представить себе не могла, то кто-то может испытывать страх, подобный тому, что испытал он.

— На то были свои причины, — сказал Хардинг. — Физические движения в межпространственном переходе невозможны, поэтому он не мог использовать там проектор. В переходе он стал беспомощным. Кроме того, он знал, что когда его выпустят оттуда, компромисса не будет… — он немного помедлил, прежде чем продолжить: — Мы тайно перенесли выход из перехода в точку, расположенную на высоте четверти километра над поверхностью Кливерского межпланетного космопорта, который он более двадцати лет не давал нам достроить, и открыли переход. Но абсолютной уверенности в том, что пси-негодяй не окажется настоящим суперменом, у нас не было. Вдруг взмахнет отращенными крыльями и в который раз ускользнет, вместо того чтобы

грохнуться о стекломрамор покрытия.

Но отрастить крылья он не сумел…

Мы не хотим проблем
(рассказ)

— Ну, это ведь будет не очень длинное интервью, правда? спросила профессора его жена. Вернувшись после беготни по магазинам, она нашла мужа вперившим неподвижный взгляд в окно гостиной. — Я думала, мы будем ужинать не раньше девяти, — сказала она, поставив пакеты на кушетку. — Но я сейчас пойду готовить.

— Не торопись с ужином, — ответил профессор, не поворачивая головы. — Я не думаю, что мы покончим с этим до восьми.

Профессор заложил руки за спину и стал медленно раскачиваться с пятки на носок, продолжая смотреть на улицу. Это была его любимая поза, и жена никогда не могла понять, то ли это означало глубокое раздумье, то ли просто сны наяву. Теперь она с тревогой понимала, что он полностью погрузился в свои мысли. Она сняла шляпку.

* Из св. «Assiqnment in Tomorrow» NY 1954 0,4 листа.

— Я думаю, ты и вправду мог назвать это «интервью», — с неловкостью проговорила она. — Я

хочу сказать, ты ведь действительно говорил с этим, верно?

— Да, мы говорили, — кивнул он. — Во всяком случае, некоторые.

— Представить себе беседу с чем-нибудь таким… Она действительно из другого мира, Клайв? — Она нервно засмеялась, глядя ему в затылок испуганными глазами. — Ты, конечно, не нарушал правила безопасности? Ты можешь что-нибудь рассказать об этом…

Профессор пожал плечами и повернулся.

— Все это будет в последних новостях в шесть часов. Через десять минут. Где бы ни был на земле радиоприемник или телевизор, все услышат о том, что мы обнаружили. Возможно, узнают не все, но почти все.

— О-о-о? — удивленно протянула она слабым голосом. Некоторое время она молча смотрела на него, и глаза ее стали еще испуганнее: — Зачем было это делать?

— Н-да, — произнес профессор, — пожалуй, это необходимо сделать. Это лучше всего. Само собой, возможна паника…

Он вновь повернулся к окну и пристально посмотрел на улицу, как будто там было что-то, заслуживающее его внимания. Он казался по-

груженным в свои мысли. Но потом ей пришло в голову более подходящее: «смиренный».

— Клайв, — спросила она уже совсем испуганно. — Что случилось?

Профессор уставился на нее отсутствующим взором, потом подошел к радиоприемнику, фоновой шум начал ослабевать, когда он неторопливо настраивал приемник. Но диапазон шумов не особенно менялся.

— Думаю, они чистят сеть, — отметил он.

Фраза повторилась в сознании его жены, сначала без всякого смысла.

Но потом смысл дошел до нее, стал расти, разбухать, пока она не почувствовала, что ее голова разрывается. Они очищают эфир. По всему миру в этот вечер очищают эфир. До той минуты, пока в шесть не начнутся последние известия.

— Что касается случившегося, — услышала она голос мужа, то это трудно понять и объяснить. Даже теперь. Это потрясает… — он перебил себя. — Ты помнишь Милта Колдвелла, дорогая?

— Милта Колдвелла? — Она порылась в памяти. — Не помню, призналась она, качая головой.

— Достаточно известный антрополог, — с легким, упреком сообщил ей профессор. — Милт погиб года два назад где-то в центре австралий-

ских пустынь. Только вот нам сказали, что он не погиб. Они забрали его…

— Они — переспросила его жена. — Ты хочешь сказать, их больше одного?

— Да, их должно быть больше, ведь верно? — рассудительно сказал он. — Во всяком случае, это объясняет, как они выучили английский. Это гораздо логичнее, — добавил он, — когда так говорится. Без семи шесть…

— Что? — переспросила она.

— Без семи шесть, — повторил профессор. — Сядь, родная. Я думаю, что смогу за семь минут в общих чертах рассказать, что случилось.

Пришелец из другого мира сидел в клетке, его большие серые руки слабо сжимали решетку. Эта поза и жест, который профессор отметил минуты через две после того, как вошел в комнату вместе с другими дюдьми, чем-то напоминал массивную обезьяну. На основании первого описания репортеры окрестили существо «Жабой с Марса» — отвислые формы и свисающая, покрытая наростами шкура подсказывала такую идентификацию, однако круглая ороговевшая голова вполне могла бы принадлежать ящерице.

С зоологической точки зрения это был совершенно новый вид, и профессор мысленно

отметил несоответствие его физических деталей. Правда, нечто подобное могло бы эволюционировать на Земле, будь Земля предназначена для дальнейшего развития крупных амфибий в каменноугольный период.

Существо владело человеческой речью, хотя это и казалось им немыслимым.

Оно заговорило, как только они вошли.

— Что вы хотите знать? — спросило оно.

Ороговевшие, зубастые челюсти задвигались, и сразу стал виден широкий желтый язык. Голос у существа был хриплым и каким-то ненастоящим.

Хотя люди знали, что существо умеет говорить, они несколько секунд пребывали в состоянии шока. Потом, после некоторого колебания, стали задавать вопросы.

Наблюдая за ними, профессор держался в глубине комнаты. Какое-то время вопросы и ответы, которые он выслушивал, казалось, не несли никакого смысла. Внезапно он понял, что его сознание было затуманено тяжелым и холодным физическим ужасом из-за присутствия этого гнусного существа. Он сказал себе, что страх в такой ситуации не был совсем уже иррациональным чувством, и осознание этого, казалось, несколько

проясняет ситуацию.

Но все же картина оставалась какой-то нереальной, как плохо освещенная сцена, на которой лишь чудовище в блестящей стальной клетке виделось ясно и четко, в то время как люди, без устали бегавшие на заднем плане, были поглощены тьмой.

— Не позволю! — сказал он себе, недовольный, что испытывает страх. — Я здесь для того, чтобы наблюдать и делать выводы. Меня избрали как человека, который может действовать разумно.

Профессор отвернулся от клетки и от того, что в ней находилось, и посмотрел на людей, которым его только что представили. Молодой настороженный майор разведки, участвовавший в расследовании, генерал с сонными глазами, хорошенькая женщина-капитан, занимающаяся стенографированием, — майор представил ее как свою невесту. Ученые по большей части напоминали энергичных деловых руководителей, а два представителя правительства казались маститыми профессорами.

Профессор заулыбался. Люди были реальны. Реальный нечеловеческий мир. Он вновь обратил внимание на чудовище.

— Почему же я должен возражать? — в стран-

ном голосе слышался оттенок насмешки. — Вы поймали меня, как дикое животное! Вы даже не сказали, какие средства использовали против меня. Возможно, вы злоупотребили ими, а?

Существо, поворачивая голову, смотрело на них блестящими черными глазами, и его рот, казалось, ухмылялся. Улыбка казалась бессмысленной. Собственно, это была не ухмылка, просто так складывались безгубые челюсти чудовища, когда рот был закрыт. Однако это создавало выражение удовлетворенной злобы, которую профессор чувствовал и в голосе, и в словах. Но голос абсолютно не подходил к этому грубому животному.

Профессора вновь охватил страх, его даже затрясло. Он вдруг понял, что, если это существо посмотрит на него, он закричит.

Мужчина у клетки что-то говорил тихим и ровным голосом. Женщина-капитан углубилась в стенографию, ее рука скользила по страницам, а белокурая головка склонилась на одну сторону. Она была бледной, но сосредоточенной на своей работе. Профессор почувствовал горькую зависть к их мужеству и самообладанию. «Да они же нечувствительны, — говорил он себе, они не знают природы и ее законов. Они не понимают, как

я это понимаю. До чего же все это неправильно».

Существо повернулось, и черные глаза посмотрели прямо на него.

В это мгновение сознание профессора переполнилось безотчетным ужасом. Он не двигался, но понимал, что не падает в обморок только из-за страха показаться смешным перед этими людьми и особенно перед молодой женщиной. Потом он услышал голос офицера разведки, чудовище неторопливо отвело взгляд от профессора, и наваждение кончилось.

— Вы утверждаете, — говорило существо майору, — что можете заставить меня рассуждать о тех проблемах, которые я не считаю нужным освещать. Но вы ошибаетесь. Наши тела не реагируют на ваши наркотики.

— Они будут реагировать на боль, — зло выкрикнул майор высоким голосом.

Потрясенный этими словами, профессор наконец понял, что не только в нем пробудились примитивные, иррациональные страхи. После угрозы майора люди тревожно зашевелились, но не протестовали.

Существо молча смотрело на майора.

— Это тело почувствует боль только тогда, — сказало оно наконец, — когда я сочту это нужным.

Некоторые из вас знают об эффективности гипнотической блокады. Мой метод основан не на гипнозе, но он гораздо эффективнее. Поэтому я и говорю, что для меня не существует боли, пока я не захочу ее изведать.

— А можешь ты почувствовать, как будут разрушаться ткани твоего тела? — допытывался майор.

Оставаясь на своем месте, девушка быстро взглянула на майора, но профессор не видел выражения ее лица. Остальные не двигались. Существо, все еще изучавшее майора, лишь пожало плечами.

— А знаешь ли ты, что такое смерть? — возбужденно крикнул майор.

Профессора осенило, он понял, почему никто не вмешивается. Каждый по-своему, они чувствовали то же, что и он: здесь происходило нечто настолько странное и необычное, что никакие знания, никакой опыт не могли подсказать людям, как им надлежит действовать в подобной ситуации. Майор все же пытался как-то справиться с проблемой, но делал это крайне неуклюже. Впрочем, в отсутствие других предложений, присутствующие были не в состоянии остановить его.

Чудовище заговорило медленно и ровно:

— Я никогда не приму смерть от ваших рук. Это предупреждение. Больше я не стану отвечать на ваши угрозы и ваши вопросы. Вместо этого я вам скажу, что сейчас произойдет. Я передам моим товарищам, что вы — как я понял — глупы и ограниченны и не способны причинить вред самому ничтожному из нас. Интересы вашей цивилизации довольно примитивны. Но это новинка, на которую многим захочется взглянуть. Мы приедем сюда, и, если нам понравится, мы тут останемся. И попробуйте только надоедать нам — пожалеете!

— Так это будет?! — трясясь, крикнул майор. — Теперь?!

В руке майора появился пистолет, и профессор вздрогнул от грохота выстрела. Вокруг майора завязался клубок борющихся тел, и другой мужской голос хрипло крикнул:

— Ты! Осел! Чертов истерический дурак!

Женщина-капитан схватила блокнот, потом прижала ладони к щекам. Профессор услышал ее крик:

— Джек! Джек! Остановись!.. Не надо!..

Профессор смотрел на существо, которое повалилось на спину.

Его череп был снесен выстрелом, пол клетки был запачкан темно-коричневой жидкостью.

Действия майора бросили профессора в жар и возбудили чувство странного удовлетворения и гордости, как будто он сам убил чудовище.

Профессор был счастлив. Поскольку он стоял в глубине комнаты, он увидел происходящее раньше других.

Один из пентагонцев и два ученых мужа возбужденно бегали вокруг клетки, пялясь на существо. Остальные столпились около стула, на котором удерживали майора. За смущенным лепетом и сердитыми. голосами профессор угадал скрытое радостное облегчение, которое он и сам испытывал.

И тут женщина-капитан встала и стала раздеваться. Она делала это быстро и невозмутимо. В этот момент, в ужасе уставившись на нее, профессор думал о том сумасшествии, которое царило в комнате. Он горячо надеялся, что сможет сдержать это безумие, окутывающее его на веки вечные, как защитное покрывало. Это было слишком ужасно! Со странной, отрешенной любознательностью он удивлялся тому, что здесь случилось за несколько секунд, когда и остальные поняли то, что он уже знал.

Растерянное бормотание группы, удерживающей майора, смолкло. Трое перепуганных мужчин у клетки повернулись к наступившей тишине. Девушка выпрямилась и стояла, с улыбкой глядя на них.

Майор стал отчаянно выкрикивать ее имя. Вновь началась борьба вокруг стула, на котором его удерживали. Рвущийся крик заглох, как будто кто-то зажал майору рот.

— Вас предупреждали, — услыхал профессор чистый голос девушки, — что смерти нет. Для нас нет.

Кто-то в отчаянии выкрикнул вопрос. Профессор похолодел от страха, кровь стучала у него в ушах, и он не понял вопроса. Но понял ответ.

— Конечно, это мог быть любой из вас, — кивнула она. — Но мне понравилось это тело.

Раздался еще один выстрел.

Профессор выключил радио. Некоторое время он вглядывался в даль за окном.

— Ну вот, теперь они знают! — произнес он. — Теперь мир знает об этом. А верят они или нет… В любом случае… его голос прервался.

Гостиная погружалась во тьму, и он хотел было включить свет, но передумал. Вечерний сумрак создавал иллюзию безопасности.

Профессор взглянул на невыразительное в темноте лицо жены, казавшееся бледным овалом.

— Конечно, если их не очень много, — пояснил он, — это не так уж и страшно. Правда, мы не знаем, сколько их в действительности. Может быть, миллионы. Но если люди постараются не создавать для них неудобств… Пришельцы не хотят проблем.

На мгновение он умолк. О смерти молодого майора в передаче не упоминалось. Учитывая происходящее, это событие было не таким уж значительным и было официально зарегистрировано как самоубийство. Но на самом деле майору удалось вырвать пистолет у одного из держащих его мужчин, и тогда другой застрелил его, не дожидаясь того, как майор применит оружие.

Как ни крути, но разумные люди должны стараться предотвращать столкновения с пришельцами.

Неожиданно профессор почувствовал, что его лицо перекосилось от гримасы ужаса.

— Но мы не можем быть уверены, — услышал он собственный голос, говорящий в тихую ночь, — что им не понравятся только наши тела.

Исследовательский центр «Альфа»
(повесть)

1

Это произошло у автомата с прохладительными напитками. Распрямляясь, Барбара Эллингтон внезапно почувствовала, как что-то мимолетно коснулось её правого плеча. Это было похоже на легкий щелчок, но необычно холодивший кожу.

Она живо, несколько неловко, обернулась и в замешательстве взглянула на стоявшего сзади в нескольких шагах от неё элегантного, без единого волоска на голове, мужчину. Судя по всему, он ожидал своей очереди.

— Ах, это вы, Барбара! Добрый день! — сердечно приветствовал он её.

Барбара, стушевавшись, довольно бессвязно пролепетала:

— Я… я не знала, что за мной кто-то есть. Но я уже закончила, доктор Глоудж!

Прихватив прислоненный к стене кейс, она двинулась вдоль ярко освещенного коридора. Шатенка, высокая, может быть даже слишком, тонкая в талии, с серьезным, атласной кожи ли-

цом, она была не лишена очарования. Но сейчас, пунцовая от смущения, она двигалась скованно, какой-то деревянной и не свойственной ей походкой. Барбара вполне сознавала это и мучилась вопросом, не смотрит ли ей вслед удивленный её поведением доктор. «И тем не менее что-то меня действительно кольнуло!» — подумала она.

Дойдя до поворота, она искоса, через плечо, посмотрела назад. Доктор Глоудж, утолив жажду, не спеша двигался в противоположном направлении. Никого больше в коридоре не было.

За углом Барбара потрогала то место на плече, куда, как ей показалось, вонзилось тончайшее ледяное жало. Не с доктором ли Глоуджем связано… ну, все то, что произошло? Она раздумывала, насупив брови. Сразу же по поступлении на работу Барбара на две недели попала в его службу. И все это время Генри Глоудж, глава биологической секции Исследовательского центра Альфа, держался неизменно вежливо и даже галантно. Но в то же время он производил впечатление человека холодного, спокойного, замкнутого, целиком ушедшего в науку.

Нет, он решительно был не из тех, кто не прочь позабавиться с какой-то там машинисткой.

И в самом деле, ни о каком розыгрыше речь

и не шла.

Еще несколько недель тому назад доктор Генри Глоудж наметил Барбару в качестве одного из двух «подопытных кроликов» для проведения над ними, в тайне от обоих, эксперимента под названием «Стимуляция. Точка Омега». Доктор тщательно и заранее подготовился к осуществлению своего замысла. Ему удалось, в частности, в отсутствие Барбары установить в её комнате микрофон, который, по его расчетам, должен был оказаться весьма полезным в ходе эксперимента. Только после этого он приступил к поискам контакта с самой девушкой. Заглянув в этих целях в машбюро, он с огорчением узнал, что к тому времени Барбару перевели в другую службу.

Глоудж не рискнул задавать каких-либо вопросов. Он исходил из того, что в случае неудачи никто не должен был даже догадываться о каких бы то ни было его отношениях с ничем не примечательной машинисткой. Биолог считал, что даже при успешном исходе эксперимента его результаты, видимо, разглашать не стоило.

Накладка с переводом Барбары раздражала Глоуджа. И когда после четырех дней бесплодных попыток он неожиданно встретил её в пустынном холле пятого этажа, то расценил это как

счастливый для него случай, подарок судьбы.

Он видел, как девушка остановилась перед автоматом с прохладительными напитками. Глоудж зашел ей за спину. Быстро осмотревшись, нет ли в коридоре посторонних, он выхватил своеобразный шприц-пистолет, «стрелявший» под большим давлением сывороткой «Омега» в газообразном состоянии. Прицелившись в правое плечо Барбары, доктор нажал на спуск. Не успела ещё растаять в воздухе тоненькая дымчатая ниточка от выстрела, как Глоудж уже спрятал свое оружие в специально изготовленный для него кармашек под мышкой и застегнул пиджак.

Тем временем Барбара с кейсом в руках приблизилась к кабинету Джона Хэммонда, специального ассистента директора Исследовательского центра Альфа, расположенного на пятом этаже комплекса лабораторий, который считался самым крупным в мире. Офис Алекса Слоуна, директора Центра, находился на шестом.

Барбара остановилась перед тяжеловесной дверью черного цвета, на которой красовалось имя Джона Хэммонда. Взглядом собственника она посмотрела на табличку с надписью «Служба по связям и научным исследованиям» и, вставив в замочную скважину вытащенный из кейса ключ,

повернула его вправо.

Дверь бесшумно открылась, и Барбара вошла в приемную. С легким щелчком язычок замка встал на место.

В помещении никого не было. На столе Хелен Венделл, секретарши Хэммонда, лежало множество бумаг. Из-за приоткрытой двери в тамбур перед личным кабинетом Хэммонда слышался спокойный голос Хелен.

Прошло всего десять дней, как Барбара поступила в распоряжение Хэммонда, а по существу его секретарши. Помимо повышения в зарплате Барбару прельщали в этом изменении её служебного положения ещё два момента. Во-первых, её заинтриговала загадочная и в чем-то вызывающая беспокойство личность самого Джона Хэммонда. Во-вторых, ей льстило приобщение к секретам Службы, чего — увы! — пока не произошло.

Барбара подошла к столу Хелен Венделл и положила в отдельную корзинку несколько документов из своего кейса. В этот момент ей бросилась в глаза фамилия доктора Глоуджа в сопроводительной записке, приколотой к одной из докладных. Повинуясь порыву — ведь она только что встретила доктора, Барбара подалась вперед и вчиталась.

Хэммонду напоминалось о том, что у него назначена на сегодня на 15 часов 30 минут встреча с доктором Глоуджем для обсуждения проекта «Омега». Машинально посмотрев на часы, она отметила, что до неё оставалось тридцать пять минут.

Сама же докладная в отличие от документов, с которыми ей до сих пор приходилось иметь дело, была ей понятна, во всяком случае частично. В ней упоминался какой-то биологический проект «Стимуляция. Точка Омега», о котором Барбаре во время работы у Глоуджа слышать не приходилось. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, так как биологическая секция была одной из самых крупных в Центре Альфа. Оказалось, прочитала она, что этот проект касался «ускорения эволюционных процессов» у различных видов животных. Единственное, что привлекло её внимание в документе, было упоминание о том, что большое число подопытных погибло.

Неужели великий Джон Хэммонд тратит время на подобную чепуху? Разочарованная Барбара положила докладную обратно в корзинку и прошла в свое собственное бюро.

Пока она отсутствовала, на её столе выросла

целая стопка материалов для печатания с приколотой к ним написанной рукой Хелен запиской: «Барбара, документы появились неожиданно, и их следует отпечатать уже сегодня. Очевидно, потребуется немало часов сверхурочной работы. Если по личным причинам сегодня вечером вы заняты, сообщите мне, чтобы я запросила кого-нибудь из машбюро».

Барбара была уязвлена. В конце концов, это было её бюро и её работа! И она категорически возражала, чтобы кто-то другой выполнял за неё эти обязанности.

К сожалению, именно на сегодняшний вечер у неё было назначено свидание. Но сейчас имело значение лишь одно — не допустить другую машинистку в службу Хэммонда, даже на несколько часов! Решение было принято мгновенно и без колебаний. И все же какое-то время Барбара сидела неподвижно, покусывая губы. В этот момент она была всего лишь женщиной, обдумывающей, каким образом отказаться от встречи с мужчиной, обладающим вспыльчивым характером и полным нетерпения. В конце концов она сняла трубку телефона и набрала номер.

Уже несколько месяцев Барбара связывала свои мечты о будущем с именем Вэнса Стрезера. Он

был одним из техников фотолаборатории. Когда тот подошел к телефону, она рассказала ему о сложившемся положении, сокрушенно заявив в конце: «Я думаю, Вэнс, что мой отказ произвел бы плохое впечатление, учитывая, что я совсем недавно работаю в этой службе».

Она почти физически ощущала, как воспринимает все это Вэнс. Девушка уже давно подметила, что тот пытается установить с ней интимные отношения ещё до свадьбы, но именно этого-то она решила ни в коем случае не допустить.

Когда все же Вэнс внял её доводам, Барбара, с облегчением положив трубку, в порыве нежности к нему подумала: «Я действительно его люблю».

Через мгновение у неё вдруг закружилась голова.

Ощущение было необычным. Оно ни в какое сравнение не шло с привычными ей мигренями. Сначала — ощущение легкого вихря в ней самой и вокруг нее. Затем — необыкновенная легкость и впечатление, что вот-вот она, совсем невесомая, кружась, воспарит ввысь. И почти одновременно с этим — неистовая эйфория и неведомая ей до сих пор глубина чувства комфортности и переполненности силой. Все это длилось не более двадцати секунд и исчезло так же внезапно, как

и появилось.

Смущенная и несколько встревоженная, Барбара тем не менее быстро взяла себя в руки. Подумав, не принять ли таблетку аспирина, она тут же отказалась от этой мысли, так как никаких видимых причин для этого не было. Она прекрасно себя чувствовала: в голове — полная ясность, в теле неуемная энергия.

Она уже приступила к печатанию, когда краем глаза уловила какое-то движение сбоку. Повернув голову, она увидела Джона Хэммонда, неподвижно стоявшего на пороге её небольшого кабинета.

Барбара застыла, как это обычно случалось с ней в присутствии Хэммонда. Затем медленно развернулась к нему лицом.

Хэммонд рассматривал её с задумчивым видом. Это был крупный — под метр восемьдесят, — атлетически сложенный темноволосый мужчина со стальным взглядом серых глаз. Ему было лет под сорок. Но с самого начала работы с ним Барбару поражало не исходившее от него ощущение физической мощи, а сила интеллекта, явственно проступавшая в чертах лица и в глубине глаз. «Вот так, наверное, выглядят настоящие супермены», — уже не в первый раз подумала она.

— С вами все в порядке? — участливо спросил

Хэммонд. — Мне показалось, что вы вот-вот упадете с кресла.

Барбаре стало досадно, что кто-то видел её легкое недомогание. Она робко пробормотала:

— Извините, я, наверное, замечталась.

Его взгляд ещё на некоторое время задержался на ней. Потом, покачав головой, Хэммонд повернулся и вышел.

2

После встречи с Барбарой Глоудж быстро спустился на несколько этажей ниже. Он спрятался за грудой ящиков, скопившихся в проходе перед закрытой дверью в подсобку фотолаборатории. Ровно в пятнадцать часов пятнадцать минут открылась другая дверь. Появился молодой сухопарый, угрюмого вида парень с рыжими волосами. Поверх костюма на нем был надет белый, покрытый пятнами халат. Он катил перед собой груженую тачку, направляясь к подсобке.

Вскоре предстояла пересменка. Как Глоудж выяснил заранее, именно в это время дружок машинистки — Винсент Стрезер — всегда появлялся в кладовке, размещая там материалы фотолаборатории.

Доктор следил за парнем сквозь щели в пира-

миде ящиков. Он явно нервничал и волновался — не то что в момент введения сыворотки Барбаре. Если бы у Генри Глоуджа была возможность выбора, он ни за что бы не сделал его в пользу Винсента Стрезера, поскольку этот лаборантишка слыл слишком раздражительным и агрессивным малым. Однако его дружба с Барбарой и их совместное проведение свободного времени были на пользу эксперименту. Так, во всяком случае, рассуждал Глоудж.

Держа в руке под пиджаком свой шприц-пистолет, Глоудж стремительно выскочил вслед Стрезеру…

Еще только нажимая на спуск, доктор понял, какую злую шутку сыграла с ним нервозность.

Кончик иглы оказался слишком далеко — почти на полметра! — от лаборанта. На таком расстоянии даже молниеносный, порядка полутора тысяч километров в час, выброс сыворотки успевал разойтись веером и терял свою скорость. Заряд попал в верхнюю часть лопатки юноши, разорвав кожу и проникнув в мышцы, но укол явно получился болезненным. Подскочив от неожиданности, Стрезер испустил вопль и задрожал всем телом, как при контузии. Глоудж, воспользовавшись его замешательством, все же

успел за это время спрятать свое оружие.

На большее времени уже не хватало. Вэнс Стрезер резко обернулся, схватил Глоуджа за грудки и разъяренно уставился на него.

— Вы что, спятили! — зарычал он. — Чем это вы меня ударили? И вообще, кто вы такой, черт побери?

На мгновение Глоудж впал в панику.

— Не понимаю, чего вы тут городите, — наконец выдавил он из себя, прерывисто дыша и пытаясь выскользнуть из могучих объятий Вэнса.

Внезапно он замолчал. Стрезер, глядевший поверх его плеча, почему-то отпустил доктора. Освободившись, Глоудж обернулся и, не веря себе, оцепенел, охваченный ужасом.

На Стрезера и доктора надвигался Джон Хэммонд, устремив на них вопрошающий взгляд. Глоуджу оставалось лишь надеяться, что специальный помощник вошел в помещение после выстрела и посему не заметил его.

— Что здесь происходит, доктор Глоудж? — спросил Хэммонд естественным для него властным тоном.

— Доктор! — изумленно воскликнул Вэнс.

— Этот молодой человек, видимо, полагает, что я его чем-то ударил, ответил Глоудж, стара-

ясь придать своему голосу оттенок удивления и возмущения. — Разумеется, ничего подобного я не делал. И вообще не понимаю, как подобная мысль могла взбрести ему в голову.

Нахмурившись, он посмотрел на Стрезера. Тот в явном замешательстве переводил взгляд с одного на другого. Присутствие Джона Хэммонда и титул Глоуджа смущали его, но не погасили негодования.

— И все-таки меня чем-то ударили по спине, — насупившись, произнес он. — Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление. А когда я обернулся, то он стоял рядом. Я, понятно, подумал, что это сделал он.

— Именно в этот момент я как раз намеревался вас обойти, — поправил Стрезера доктор Глоудж. — Но остановился, услышав, как вы вскрикнули. — Он передернул плечами и, улыбнувшись, продолжал: — Это все, что я сделал, старина! Ну скажите, с какой стати я буду вас ударять?

— Должно быть, я ошибся, — нехотя буркнул Стрезер.

— В таком случае будем считать происшествие простым недоразумением и кончим на этом, — поспешил добавить Глоудж. Он протянул руку

Вэнсу, которую тот пожал без всякого энтузиазма, взглянув при этом на Хэммонда. Поскольку специальный ассистент молчал, то Вэнс с явным облегчением повернулся, поднял один из ящиков, лежавших на тачке, и исчез в подсобке.

— Доктор, я как раз шел к вам, — обратился Хэммонд к Глоуджу, — чтобы обсудить проект «Омега». Это займет всего несколько минут. Надеюсь, вы направляетесь к себе?

— Конечно, — поспешил заверить его Глоудж, пристраиваясь за ним. Его все время терзала мысль: «Видел ли что-нибудь Хэммонд?» Однако лицо его спутника было непроницаемым.

Через несколько минут Глоудж сидел за своим столом, повернувшись лицом к Хэммонду, и испытывал неприятное волнение, знакомое преступникам, предстающим перед судом. Он никак не мог понять, почему всегда при контакте с этим дьявольским человеком он чувствовал себя мальчишкой.

Начало разговора тем не менее было спокойным.

— Доктор! Наш разговор носит строго доверительный характер, — заметил Хэммонд. — Я пока не представляю ни Алекса Слоуна, ни тем более Совет управляющих. Так что вы вольны пойти на

него или нет. В случае вашего согласия мы могли бы поговорить с полной откровенностью.

— Разве поступили жалобы в отношении моих работ? — осведомился Глоудж.

Хэммонд кивнул:

— Вы не можете не знать этого, доктор. Уже трижды в течение двух месяцев вас просили представить доклад относительно проекта «Омега», причем изложить все подробно и конкретно.

Глоудж с неудовольствием подумал, что придется дать кое-какие уточнения.

— Мое нежелание приводить подробности объясняется строго научными соображениями, — сказал он, стараясь выглядеть искренним. — Эксперименты дали результаты, но их истинное значение я понял совсем недавно.

— Преобладает мнение, что ваш проект терпит крах, — твердо заявил Хэммонд.

— Обвинения, достойные лишь презрения, — сухо возразил Глоудж.

Хэммонд пристально вглядывался в него.

— Против вас лично не было выдвинуто обвинений. Пока не было… Именно поэтому я пришел поговорить с вами неофициально. Вы прекрасно знаете, что вот уже пять месяцев, как от вас не поступило ни одного сообщения об успешном

ходе экспериментов.

— Было немало ошибок, господин Хэммонд. В ограниченных рамках нынешней фазы исследований именно этого и следовало ожидать.

— Ограниченных в каком смысле?

— В том, что опыты ведутся только с самыми примитивными и наименее сложными видами животных.

— Но ведь вы сами ввели проект в эти рамки, — вкрадчиво заметил Хэммонд.

— Да, это так, — признал Глоудж. — Выводы, к которым я пришел, работая с низшими видами животных, никакого интереса не представляют. А тот факт, что эксперименты почти неизменно заканчивались негативными результатами, в том смысле, что достигнутые этими подопытными животными эволюционные формы в целом оказались нежизнеспособными, ни о чем не говорит.

— В целом… — подхватил Хэммонд. — Таким образом, вы хотите сказать, что не все особи погибали быстро.

Глоудж прикусил язык. Он абсолютно не собирался признавать это уже в самом начале разговора.

— Значительный процент подопытных перенес

первую инъекцию, — нехотя выдавил он из себя.

— А как обстоит дело со второй?

Глоудж заколебался. Однако отступать уже было трудно.

— На этом уровне процент выживших очень резко падает. Точных цифр я не помню.

— А что происходило после третьего ввода сыворотки?

Теперь уже умолчать было совершенно невозможно.

— На сегодняшний день третью инъекцию перенесли три подопытных животных. Все они относятся к одному и тому же виду «КРИПТОБРАНКУС».

— «МЕНОПОМА» — прошептал Хэммонд. — Хорошо! Но ведь это довольно крупная саламандра. Согласно вашей теории в результате третьей инъекции подопытное животное должно продвинуться в своем эволюционном развитии до того уровня, которого в нормальных условиях оно достигло бы через пятьсот тысяч лет. Не означает ли сказанное вами, что в указанных трех случаях вы добились этого?

— «КРИПТОБРАНКУСЫ» вполне официально считаются видом животных, эволюция которого практически закончилась. Но я бы сказал, что мы

добились намного большего.

— И какие же изменения можно было у них заметить?

По мере того как Глоудж, каплю за каплей, раскрывал результаты своих исследований, в нем росла внутренняя напряженность. Он пытался все время определить тот момент, когда можно было бы избежать ответа на дальнейшие расспросы. Именно сейчас он, как ему представлялось, наступил.

— Господин Хэммонд, — обратился он к собеседнику, стараясь придать своим словам максимум искренности: — Я начинаю понимать, что был не прав, не представив вовремя более позитивных отчетов. Не думаю, что мои теперешние поверхностные ответы вас по-настоящему удовлетворят. Поэтому, может быть, лучше резюмировать для вас результаты моих наблюдений?

Прочитать что-либо в серых глазах Хэммонда было невозможно.

— Хорошо, — ровным голосом согласился он.

И Глоудж начал излагать свои выводы. Вкратце они сводились к следующему. В ходе опытов были получены результаты, которые представляли интерес в двух, возможно одинакового значения, плоскостях.

Во-первых, все исследовавшиеся формы жизни имели перед собой широкий спектр возможных путей эволюции. По пока ещё неясным причинам сыворотка «Омега» стимулировала только одну из линий потенциального развития. Никакое последующее вмешательство уже не могло изменить этого наметившегося мутационного направления. В большинстве случаев процесс заканчивался угасанием вида.

Во-вторых, шанс на выживание увеличивался по мере того, как изучавшаяся форма жизни находилась на более высокой ступени эволюции.

— Не значит ли это, что когда дело дойдет до работы с млекопитающими, ведущими более активный образ жизни, а возможно и с обезьянами, то вы рассчитываете получить более весомые результаты как с качественной, так и с количественной стороны? — заинтересовался Хэммонд.

Глоудж уверенно заявил:

— У меня на этот счет никаких сомнений нет. В ходе эксперимента выявлен также интересный побочный эффект, — продолжал ученый. — Он состоит в том, что участки мозга, контролирующие торможение простых рефлексов, зачастую давали начало новым нервным образованиям и их сенсорным продолжениям. Судя по всему,

сыворотка возбуждала эти активные участки, повышая их гибкость. Однако препятствием явилось то, что одностороннее приращение возможностей слишком часто заканчивалось смертью подопытных. В то же время в случае с «КРИПТОБРАНКУСАМИ» было отмечено появление небольших функциональных жабер в верхней части нёба. Кожный покров утолщался, превращаясь в сегментированный ороговевший панцирь. Развивались небольшие загнутые клыки, связанные с железой, вырабатывающей слабый гемотоксичный яд. Глаза рассасывались, но соответствующий участок кожи приобретал чувствительность к свету. Есть, конечно, и другие изменения, — закончил Глоудж, пожав плечами, — но я рассказал о самых поразительных.

— Да, они действительно выглядят в достаточной степени таковыми. А что стало с двумя животными, которых не вскрывали?

И тут Глоудж понял, что его отвлекающий маневр не удался.

— Они, естественно, получили четвертую инъекцию, — ответил он, смирившись.

— То есть ту, которая должна была побудить их сделать скачок в эволюцию сразу в миллион лет? — спросил Хэммонд.

— Вот именно, довести их до кульминационной точки в наметившейся линии развития. Эквивалент, установленный мною между четырьмя стадиями стимуляции и специфическими периодами нормального эволюционного развития в двадцать, пятьдесят, пятьсот тысяч и в миллион лет, конечно, является гипотетическим обобщением. Тем не менее мои расчеты показывают, что многие известные коренные виды примерно отвечают такому соответствию.

Хэммонд покачал головой:

— Я понимаю, доктор. И все же, что произошло с «КРИПТОБРАНКУСОМ» после четвертой инъекции?

— Я не могу дать точного ответа на этот вопрос, господин Хэммонд. Внешне это выглядело как очень быстрый распад всей совокупности органических структур. За два часа подопытные животные буквально растворились на глазах, — Глоудж говорил об этом с напряжением в голосе.

— Говоря другими словами, — оценил Хэммонд, — стимулятор «Точка Омега» заводит «КРИПТОБРАНКУСОВ» — а по сути и все другие виды животных, в отношении которых он применялся, — в один из многочисленных тупиков эволюции?

— До настоящего времени именно это и наблюдалось, — лаконично отозвался Глоудж.

— Расскажите-ка ещё вот о чем, — попросил Хэммонд после непродолжительного молчания. — Мне сказали, что вы хотели бы иметь достаточно квалифицированного в этой области ассистента. Центр, вне всяких сомнений, мог бы добиться того, чтобы сэр Хьюберт Роланд был прикомандирован к столь интересному проекту.

— Я очень уважаю работы сэра Роланда, но тем не менее считаю, что его появление в моей лаборатории было бы нежелательным, — холодно возразил Глоудж. — И я буду препятствовать всем попыткам оказать на меня в этом отношении давление.

— Не будем пока принимать окончательных решений, — примирительно ответил Хэммонд. — Я же сказал, что наш разговор носит абсолютно неофициальный характер. Могли бы вы, доктор, прийти ко мне… скажем, через неделю в десять часов? Я бы хотел поглубже разобраться в этих вопросах, но, к сожалению, все эти дни я буду занят.

Доктор Глоудж с трудом сдерживал ликование. Ведь сегодня была среда. Он выбрал её как время «Х» для своего эксперимента из расчета,

что воспользуется уик-эндом, который оба его подопытных проведут вместе, вдали от места работы.

До воскресенья ему, несомненно, удастся сделать вторые инъекции молодой паре. А в будущую среду они получат и третьи, а может быть, и четвертые. К тому времени либо удастся преодолеть наиболее трудно переносимые реакции, либо эксперимент уже завершится.

Скрывая свое удовлетворение, Глоудж ограничился тем, что тихо сказал:

— Как вам будет угодно, господин Хэммонд. — При этом сделал вид, что идет на уступку.

3

В эту ночь перед очередным этапом операции доктор Генри Глоудж спал крайне тревожно. Его раздирал внутренний конфликт между надеждой и страхом. Какими окажутся первые результаты применения стимулятора «Омега» на людях? В случае провала у него не будет выбора в отношении дальнейших шагов. Даже если его действия могли быть расценены как убийство.

Доктор Глоудж рассматривал такой поворот событий как-то отрешенно, не испытывая особенного волнения. В прошлом ему не раз удавалось

тайно ставить довольно смелые опыты, постоянно создавая при этом впечатление, что он строго соблюдает научные принципы. Обогащенный знаниями, полученными в ходе этих никому не известных экспериментов, он мог даже позволить себе комбинировать добытые, порой интуитивно, результаты с данными более простых исследований.

Он считал, что по своему научному значению проект «Омега» целиком оправдывает применение подобных тайных методов. Если рассматривать вопрос объективно, рассуждал он, в сопоставлении с намеченной высокой целью, то жизнь двух молодых людей, выбранных им на роль «подопытных кроликов», ровно ничего не значила. Их физическое устранение в случае неудачи эксперимента было бы столь же естественным делом, как и в случаях с любым другим животным.

Конечно, тот факт, что опыт ставился над людьми, а не над животными, повышал степень личного риска для него, Глоуджа. Именно это волновало его теперь, когда он уже сделал им первую инъекцию. Не раз в ту ночь он выныривал из своего полного кошмаров полусна только для того, чтобы снова оказаться перед лицом этой

мучительной реальности, и затем, выбившись из сил, весь в поту, заново погружался в забытье.

И когда пробило четыре часа, он вскочил на ноги почти с облегчением. Для поднятия духа доктор проглотил несколько порошков сильных стимуляторов. В последний раз проверил свое снаряжение. Только после этого Глоудж покинул квартиру, за рулем специально экипированного для его целей фургона черного цвета направляясь к семейному пансионату, где проживала мисс Эллингтон.

К четверти шестого утра он прибыл к месту назначения. Барбара жила на обрамленной деревьями авеню, в старом квартале города, предназначенном для резиденций, в восьмидесяти километрах к западу от комплекса Альфа. Не доезжая двухсот метров до её дома, доктор припарковал фургон к противоположной стороне улицы и выключил мотор.

Готовясь к этой стадии эксперимента, Глоудж ещё на прошлой неделе заложил в тайник под корой одной из смоковниц у дома Барбары миниатюрную записывающую головку, соединенную с микрофоном в её спальне. При этом выступавшая наружу часть этого устройства была умело закамуфлирована им под ржавый гвоздь. Вынув

из перчаточника в кабине своего грузовичка магнитофон, Глоудж вставил в ухо телефончик и включил контакт.

Покрутив с полминуты регулятор громкости, он побледнел. На прошлой неделе ночью он дважды проводил проверку своей закладки. Микрофоны оказались настолько чувствительными, что улавливали даже дыхание и биение сердца любого находившегося в помещении человека. Поэтому сейчас у Глоуджа была абсолютная уверенность в том, что ни одного живого человека в комнате Барбары не было.

Он лихорадочно перемотал пленку магнитофона на запись, сделанную час назад, и с облегчением вздохнул.

В тот момент Барбара Эллингтон была у себя. Отчетливо прослушивались её спокойное и ровное дыхание, сильные с замедленными интервалами толчки сердца. Доктор Глоудж слишком часто имел дело с аналогичными записями при экспериментах над животными, чтобы ничуть не сомневаться в том, что эта подопытная первую фазу проекта «Стимуляция. Точка Омега» перенесла успешно и без каких-либо осложнений.

Это радостное известие после тягостных ночных кошмаров чрезвычайно разволновало

доктора. Чтобы прийти в себя, ему потребовалось несколько минут. После нескольких попыток он сумел, наконец, выделить в записи тот момент, когда Барбара, как это было очевидно, проснулась и принялась ходить по комнате. Глоудж слушал эти звуки, как зачарованный. Временами ему казалось, что он и в самом деле видит девушку, точно знает, что она сейчас делает. Так, он ясно различил, что на несколько секунд она как бы замерла, затем радостно и приглушенно рассмеялась. Это заставило ученого вздрогнуть от восторга. Через минуту громко захлопнулась дверь, и в комнате девушки воцарилась та самая пустая мертвящая тишина, которая так неприятно поразила его в начале прослушивания.

В тот четверг Барбара Эллингтон проснулась с мыслью, которая никогда ранее не приходила ей в голову: «К жизни не следует относиться всерьез».

Удивленная Барбара все ещё продолжала раздумывать над этим неожиданным для неё постулатом, как откуда-то вынырнул ещё один абсолютно не типичный для неё вопрос: «Что же это за извращенная сила, которая толкает меня быть рабыней мужчины?»

Эта мысль показалась ей естественной и аб-

солютно очевидной. Она не означала, что надо вообще порвать с мужчинами. Барбара по-прежнему любила Вэнса, во всяком случае она так считала, но любила его… по-другому.

Вспомнив о Вэнсе, она улыбнулась. Быстро и цепко оглядев комнату, она поняла, что проснулась сегодня на два часа раньше, чем обычно. Лучи солнца пробивались в окна почти горизонтально. До этого утра она считала, что лишать себя хотя бы малой частицы драгоценного сна — это просто ужасно.

А сейчас ей вдруг подумалось: «Почему бы не позвонить Вэнсу? Мы могли бы чудесно прокатиться на машине ещё до работы…»

Она уже протянула руку к телефону, но, подумав, отказалась от своего намерения. Пусть, бедняжка, поспит ещё немного!

Она оделась быстро, но почему-то более тщательно, чем это делала раньше. Взглянув на себя в зеркало, Барбара отметила, что выглядит привлекательней, чем считала себя до сих пор.

«И даже намного привлекательней», — поправила она себя через секунду. Заинтересованная и несколько смущенная этим открытием, она вернулась к зеркалу и принялась изучать свое отражение. Да, это было её, столь знакомое Бар-

баре, лицо. Но в то же время оно было и каким-то иным, не свойственным ей, лучезарным. И снова в её голове промелькнула свежая мысль. От неё устремленные на Барбару из глубины зеркала сиявшие глаза, казалось, расширились.

«Но я же выгляжу раза в два жизнерадостнее, чем прежде!»

Это её поразило… доставило удовольствие… а затем заставило задуматься: «Интересно, с какой это стати?»

Ее изображение в зеркале слегка нахмурилось, но затем беззаботно расхохоталось.

В Барбаре произошли изменения. Чудесные, ещё не закончившиеся. В глубине её существа что-то трепетало от накатывавшихся на окраины сознания могучих и неведомых сил. Пробудилось любопытство — что же все-таки происходит? Но оно оказалось легким и игривым, а не навязчивым и вызывающим беспокойство.

«Когда захочу, тогда и УЗНАЮ», — сказала она самой себе, и любопытство сразу же улетучилось.

«Ну а теперь…» — девушка ещё раз оглядела свою комнатку. Уже больше года она служила ей приютом, пристанищем, убежищем. Но сейчас Барбара в этом не нуждалась. Сегодня её не удер-

жать в четырех стенах!

Улыбнувшись, она приняла решение: «Пойду разбужу Вэнса».

Ей пришлось пять раз нажать на кнопку звонка, прежде чем она услышала, как Вэнс задвигался.

— Кто там? — наконец хрипло, еле ворочая языком, спросил он.

Барбара смешливо крикнула:

— Это я!

— Боже мой!

Послышался звук отодвигаемого засова, и дверь открылась. Вэнс уставился на свою гостью заспанными глазами. Поверх пижамы на нем был накинут домашний халат. Его угловатое лицо было багровым, а рыжие волосы торчали в разные стороны.

— И что это ты заявилась в такую рань? — изумился он, впуская Барбару. — Ведь всего лишь половина шестого!

— Какое сегодня чудесное утро! Я не могла позволить себе и дальше валяться в постели. Мне захотелось зайти за тобой, чтобы прогуляться вдвоем до работы.

Вэнс прикрыл дверь и, помаргивая, окинул Барбару недоверчивым взглядом.

— Прогуляться! — повторил он.

— Вэнс! Ты что, плохо себя чувствуешь? Судя по виду, ты температуришь.

Вэнс отрицательно покачал головой:

— Нет, не думаю. Хотя, с другой стороны, я не совсем в форме. Садись. Хочешь кофе?

— Не так чтобы очень. Но если хочешь, мигом приготовлю.

— Не стоит. Меня подташнивает.

Он сел на диван в небольшой гостиной, вытащил сигарету из кармана халата, зажег её и, затянувшись, скорчил гримасу.

— Фу! Какая мерзость! — Нахмурив лоб, он в упор посмотрел на Барбару. — Ты знаешь, вчера произошла какая-то чертовщина. И я не уверен, что…

Он явно колебался.

— Так в чем же ты не уверен, Вэнс?

— …чувствую себя сегодня развалиной не по причине того, что приключилось вчера. — Он помолчал, снова покачал головой и прошептал: — От всего этого можно спятить. Ты же знаешь этого доктора Глоуджа? Ты работала у него вначале.

В голове у Барбары неожиданно высветился целый участок. Выслушивая историю Вэнса, она наперед знала её конец, за исключением лишь

факта вмешательства Джона Хэммонда.

Этот инцидент вписывался во что-то, носящее гораздо более глобальный характер…

«До чего же смел этот прохвост Глоудж, — подумалось ей. — То, что он делает, это безумие, сенсация, это вызывает ужас!»

Ее охватило сильнейшее возбуждение.

В памяти сразу же всплыл текст документа, лежавшего вчера на столе Хелен Венделл, отчетливо припомнилось каждое слово. Но разве дело было только в словах!

Теперь она все ПОНЯЛА, разгадала их смысл, увидела последствия и те возможности, которые открывались перед… ней и Вэнсом.

Неожиданно возникло другое чувство — острой недоверчивости…

Где-то тут притаилась опасность! Джон Хэммонд… Хелен… Сотни мелких, незаметно откладывавшихся ранее в памяти деталей, внезапно свелись в единую картину. Все стало на место, но одновременно возникла и тревога. «В этом есть что-то сверхъестественное», — подумала она в замешательстве.

Кто такие вообще Хэммонд и Хелен? Чем они занимаются? По многим параметрам они совершенно не вписывались в рамки такой ор-

ганизации, как Исследовательский центр Альфа. Но, судя по всему, они полностью его контролировали.

И дело было даже не в том, что это имело какое-то значение в ближайшем будущем. Теперь Барбара была твердо уверена в том, что как Хэммонд, так и Хелен выступают против той цели, которую поставил перед собой доктор Глоудж, предпринимая эксперимент «Стимуляция. Точка Омега». И если это им будет по силам, то оба непременно попытаются сорвать его.

«Нет, они не посмеют сделать этого», — подумала она про себя.

Глоудж занимался правым делом. Каждая клеточка её тела звучала победной песней, утверждавшей эту истину. Необходимо было принять меры к тому, чтобы план Глоуджа удался.

Но ей следовало проявлять осторожность и действовать быстро! Как же невероятно не повезло доктору, что Джон Хэммонд появился как раз в тот же момент, когда Глоудж делал Вэнсу первую инъекцию.

— Как ты считаешь, может быть, мне следует сообщить об этом инциденте? — спросил Вэнс.

— А не кажется ли тебе, что ты будешь глупо выглядеть, если окажется, что ты подхватил

банальный грипп? — с легкостью отозвалась Барбара.

— Да-а-а, пожалуй... — Вэнс, видимо, колебался.

— Что ты чувствуешь, помимо дурноты?

Он описал ей симптомы, которые не так уж отличались от тех, которые испытывала она сама. Ведь Барбара тоже неважно себя чувствовала вчера перед сном. Просто начальный период реакции на сыворотку у Вэнса оказался более продолжительным и сопровождался более неприятными ощущениями, чем у нее.

Барбаре захотелось его успокоить. Но она посчитала неосторожным сообщить ему то, что ей открылось. Пока он не преодолеет это физическое недомогание, подобная информация может серьезно его разволновать.

— Послушай, Вэнс, — настойчиво обратилась к нему Барбара. — Сегодня до вечера ты не работаешь. Поэтому лучше тебе поспать ещё несколько часов. Если дела ухудшатся и ты захочешь, чтобы я отвезла тебя к врачу, позвони мне. Я тут же приеду. В противном случае я позвоню тебе в десять часов.

Вэнс сразу же согласился с этим:

— Да, я действительно здорово выбит из колеи.

Именно в этом все дело. Сейчас же лягу, но не в кровать, а на диван.

Чуть позже, покинув Вэнса, Барбара быстро переключилась в своих мыслях на другое. Она уже обдумывала способ увидеть доктора Глоуджа сегодня же.

Глоудж искал место для парковки машины, когда неожиданно заметил Барбару, выходившую из дома Вэнса Стрезера и намеревавшуюся пересечь улицу в сотне метров от него. Он резко затормозил и вклинился между двумя стоявшими вдоль тротуара автомашинами. Он застыл за рулем, прерывисто дыша при мысли о том, что его едва не засекли.

Барбара остановилась, взглянула было в сторону совершавшего маневр фургона, но затем спокойно продолжила свой путь. Наблюдая, как она, гордо выпрямившись, легко и раскованно шагает, Глоудж вспомнил, насколько его поразила вчера напряженная и нескладная походка Барбары. Он почувствовал, что его последние сомнения улетучились.

Именно испытанием на людях докажет свою эффективность проект «Стимуляция. Точка Омега».

Глоудж сожалел сейчас только об одном: по-

чему он не прибыл десятью минутами раньше. Было очевидно, что Барбара приходила навестить Вэнса и была вместе с ним вплоть до настоящего момента. Если бы доктор застал их вместе, он смог бы провести сравнительное изучение реакции на сыворотку сразу у обоих…

Но эти мысли ни в чем, однако, не умеряли возбуждения, от которого доктора бросало в дрожь. Он проследил, как удалялось коричневого цвета авто Барбары. Когда машина исчезла из виду, доктор завел мотор, припарковал фургон в тупике за домом Вэнса, а затем проник в него. Доктор намеревался тщательно ознакомиться с физическим состоянием Стрезера.

Через несколько минут Глоудж уже наблюдал, как стрелка индикатора в небольшом приборе в его руке продвигается к нулю. Как только она его достигла, доктор снял маску, закрывавшую ему нос и рот, и наклонился над Вэнсом, растянувшимся на диване в гостиной.

Внешне молодой человек выглядел намного хуже, чем он ожидал. Конечно, воспаленное лицо и налитые кровью глаза можно было отнести за счет паралитического газа, который Глоудж запустил в квартиру через полуоткрытую заднюю дверь. Но имелись и другие вызывавшие

беспокойство симптомы: высокое давление, расширенные кровеносные сосуды, бледность покровов. По сравнению с бьющей через край энергией Барбары и её жизнерадостностью Вэнс выглядел удручающе.

И тем не менее он выжил после первой инъекции.

Глоудж выпрямился, в последний раз взглянул на неподвижно лежащего Вэнса и пошел закрывать окно, которое он распахнул через минуту после того, как заполнил комнату газом мгновенного действия. К этому времени тот уже выветрился. Его действие на Вэнса продлится ещё примерно с час, и, когда подопытный проснется, ничто не даст ему оснований считать, что после ухода Барбары Эллингтон в комнате что-то происходило.

Завтра Глоудж вернется и сделает Стрезеру вторую инъекцию.

По пути к своему фургончику он пришел к решению о необходимости проследить за действием сыворотки на обоих подопытных вечером этого же дня.

Его переполняла уверенность в себе. По мнению доктора, прежде чем кто-либо заметит, что эксперимент ведется над людьми, тот уже подой-

дет к своему завершению.

4

Когда раздался сигнал, Хэммонд брился в ванной своей квартиры, расположенной сразу же за его рабочим кабинетом. Он застыл на мгновение, медленно положил бритву и нажал на кнопку скрытого в стене интерфона.

— Слушаю вас, Джон, — раздался голос Хелен.

— Кто сейчас вошел?

— Это… была Барбара, — ответила удивленная Хелен. — Чем вызван ваш вопрос?

— Биоиндикатор только что зафиксировал уровень выше шести.

— В отношении БАРБАРЫ! — с недоверием воскликнула Хелен.

— В отношении кого-то. Попросите прислать кого-нибудь из секции спецтехники проверить состояние аппаратуры. Входил ли в помещение ещё кто-нибудь, кроме Барбары?

— Нет.

— Ладно. Пусть посмотрят биоиндикатор. — Хэммонд выключил интерфон и продолжал бриться.

Чуть позже в кабинете Барбары раздался звонок вызова к шефу. Это означало, что ей предстояло

стенографировать. Направляясь к Хэммонду с блокнотом в руках, Барбара с любопытством подумала, заметит ли тот перемену в ней. Однако гораздо более важной ей представлялась возможность ближе приглядеться к этому странному и всемогущему человеку.

Когда она вошла в кабинет, Хэммонд указал ей на кресло, приглашая сесть. Но что-то в его поведении насторожило девушку.

— Простите, господин Хэммонд, — сказала Барбара, сделав извиняющийся жест. — Я сейчас вернусь.

Она выскочила из кабинета и ринулась в дамскую комнату, выходившую в холл. Как только за ней захлопнулась дверь, Барбара закрыла глаза и попыталась точно воспроизвести то ощущение, которое охватило её в момент, когда она почувствовала наличие… какого-то неизвестного ей феномена.

«Это исходило не от Хэммонда», — пришла она к выводу. Он указал ей на кресло, и именно от последнего исходило нечто вроде мощного потока энергии.

По-прежнему стоя с закрытыми глазами, она подвергла анализу саму себя, стремясь установить, на что в ней подействовало это излучение.

Судя по всему, это был вполне определенный участок её мозга, который реагировал всякий раз одинаково при воспоминании о том, как она готовилась занять место в кресле.

Она не понимала характера этого явления, но твердо сказала себе: «Теперь, когда мне стало об этом известно, я в состоянии ему воспротивиться».

Успокоившись, она вернулась в кабинет Хэммонда, спокойно уселась в кресло и улыбнулась шефу, который восседал за громадным столом из сверкавшего черного дерева.

— Извините меня, пожалуйста. Я готова.

В течение последующего получаса лишь малая часть её мозга была занята тем, что она стенографировала. Одновременно шло яростное противостояние остальной части её разума потокам энергии, которые ритмично, волнами, исходили из кресла. Барбара постепенно все более отчетливо осознавала, что это была настоящая баталия.

Теперь она твердо убедилась в том, что какой-то нервный центр в её мозгу реагирует на гипнотическое внушение. Поэтому, когда Хэммонд внезапно приказал: «Закройте глаза, Барбара», она немедленно повиновалась.

— Поднимите правую руку, — скомандовал Хэммонд.

Рука машинистки, державшая карандаш, тут же вздернулась в воздух.

Затем Хэммонд распорядился положить руку на колени и в быстрой последовательности подверг девушку испытанию на различные тесты. Барбара поняла, что они-то и были самым важным элементом проверки.

Но гораздо больше её занимал тот факт, что она могла позволять той части мозга, которая подвергалась воздействию гипноза, выполнять команды Хэммонда, заставляя двигаться по его указанию те или иные части своего тела, сохраняя при этом контроль за собой. Так, когда тот приказал её руке стать нечувствительной и, внезапно нагнувшись, уколол иголкой, Барбара не испытала никакой боли, то есть была к ней невосприимчива.

Хэммонд, видимо, был удовлетворен. Вернув ей обычную чувствительность, он произнес:

— А теперь я прикажу вам забыть о тех тестах, которые я применял. В то же время вы остаетесь полностью подчиненной моей воле и будете откровенно отвечать на все те вопросы, которые я задам. Понятно?

— Да, господин Хэммонд.

— Отлично. А теперь выбросьте из головы все, о чем мы говорили и что делали с того момента, как я приказал закрыть глаза. Откроете их только тогда, когда ваши воспоминания полностью сотрутся из памяти.

Барбара выждала десять секунд. «Что так скоро вызвало у него подозрения? — терзалась она. — И почему это так его беспокоит?» Она отбросила пришедшую было ей в голову мысль о том, что, сама того не ведая, едва не раскрыла какую-то часть секретной деятельности, нити которой сходились в этом кабинете. До этого она никогда не слышала о гипнотических креслах.

Барбара открыла глаза, притворно покачнулась и сделала вид, что быстро справилась с недомоганием.

— Извините, господин Хэммонд.

В серых глазах Хэммонда застыла обманчивая сердечность.

— Такое впечатление, что сегодня утром у вас возникли какие-то проблемы, Барбара.

— Я чувствую себя превосходно, — возразила она.

Хэммонд продолжал вкрадчивым голосом:

— Если что-нибудь недавно изменилось в ва-

шей жизни, Барбара, я хочу, чтобы вы мне об этом рассказали.

За этой фразой последовал целый букет вопросов, касавшихся всей прошлой жизни Барбары. Девушка непринужденно отвечала. Без сомнения, ей в конце концов удалось убедить Хэммонда, так как вскоре тот вежливо её поблагодарил и отослал печатать надиктованное.

Устроившись через некоторое время за пишущей машинкой, Барбара через стеклянную дверь заметила, как в кабинет Хэммонда направилась Хелен.

— В течение всего разговора, — сообщил Хэммонд вошедшей Хелен, биоиндикатор прочно указывал на восемь и четыре. Это выше гипнотического уровня. Но мне она ничего не сказала.

— Интересно, а какой уровень у меня?

Хэммонд посмотрел на прибор в правом от него выдвижном ящике стола.

— Как обычно: одиннадцать и три.

— А ваш индекс?

— Тоже нормальный — двенадцать и семь.

— Может быть, неполадки лишь в той части аппаратуры, которая сориентирована на определение среднего уровня, — заметила Хелен. Затем добавила: — Сотрудник секции спецтехники

придет с проверкой после окончания рабочего дня. Это вас устраивает?

Хэммонд явно колебался, но вынужден был согласиться с тем, что у него, в сущности, не было оснований нарушать действующие правила безопасности.

Во время обеденного перерыва Барбара опять на короткое время почувствовала себя неважно, но на сей раз она была настороже. Вместо того, чтобы дожидаться, когда недомогание пройдет само собой, она принялась анализировать все нюансы его проявления.

Она чувствовала, что в ней бушует какое-то внутреннее движение. Между различными частями её тела происходил обмен частицами энергии. При этом особая область в её мозгу, видимо, координировала эти перемещения.

Как только внутренние импульсы прекратились — а они исчезли столь же внезапно, как и появились, — Барбара подумала: «Это было не просто какое-то изменение. За эту минуту я определенным образом продвинулась в своей эволюции».

Застыв над тарелкой, она попыталась разобраться в характере этих перемен. Но безуспешно.

Тем не менее она чувствовала себя удовлетворенной. Сначала у Барбары возникло стремление уже в течение этого дня попытаться разыскать доктора Глоуджа в надежде на вторую инъекцию. Но, подумав, она решила, что пока этого делать не следует, так как было очевидно, что изменения, происходившие в результате первой инъекции, ещё полностью не завершились.

И Барбара вновь направилась в свою «Службу по связям и научным исследованиям».

Когда раздался звонок, извещавший о её возвращении, Хэммонд наклонился и посмотрел на показания биоиндикатора. Какое-то время он продолжал задумчиво созерцать его, затем вызвал Хелен Венделл.

— Барбара достигла коэффициента девять и две, — спокойно заявил он ей.

— Вы хотите сказать, что он возрос? — Она улыбнулась: — Ну теперь-то уж ясно: дело явно в самом приборе.

— Что дает вам основание так считать? — спросил Хэммонд необычно неуверенным для него голосом.

— При всем моем опыте я никогда не встречалась со случаями возрастания показателя у кого бы то ни было. Наоборот, по мере старе-

ния организма коэффициент у людей медленно уменьшается. Но…

Она смолкла. Лицо её шефа вновь обрело былое спокойствие. После небольшой паузы Хэммонд прошептал:

— И все же риск недопустим. Хочу побыть с ней сегодня вечером. Вы не возражаете?

— Как это ни досадно, но вы совершенно правы!

— Я подвергну её внушению на уровне двенадцать и выше. Причем она никогда и не узнает, что с ней случилось.

5

С наступлением ночи доктор Генри Глоудж был уже у дома Барбары. Не теряя времени, он включил «шпиончика», заделанного в дерево, и отрегулировал силу звука.

После того как в течение тридцати секунд аппарат не издал ни единого звука, доктор нахмурился. «Неужто повторится то же самое, что сегодня утром, — проворчал он про себя. — Может быть, она отправилась навестить своего дружка?» Доктор устало вздохнул, завел мотор и повел фургон к улице, где проживал Вэнс.

Остановившись у тротуара напротив дома, он

быстро установил, что Вэнс у себя. Но один.

Молодой человек не спал и находился в прескверном настроении. Глоудж слышал, как тот сорвал трубку телефона и набрал номер, несомненно Барбары, поскольку вскоре в сердцах бросил трубку на рычаг и пробормотал:

— Она ведь знает, что я работаю сегодня в ночь! Куда же она запропастилась?

Тот же самый вопрос все сильнее беспокоил и Глоуджа по мере того, как проходило время. Он вернулся в квартал, где в семейном пансионате проживала Барбара. В её квартире до одиннадцати часов периодически тренькал телефон, что говорило о настойчивости Вэнса.

После того как в течение часа звонки не возобновлялись, Глоудж сделал вывод, что Стрезер отправился на работу. Но это нужно было проверить, и он проделал на машине прежний путь, но в обратном направлении. В комнате рыжеволосого стояла тишина. Успокоившись на его счет, доктор развернулся и снова заступил на дежурство напротив дома Барбары.

Только теперь Глоудж почувствовал, как устал. Он поставил аппарат в режим, при котором после возвращения девушки должен был раздаться предупреждающий его сигнал, проскользнул в

заднюю часть фургона и, растянувшись на узкой лавке, медленно забылся глубоким сном.

За несколько часов до этих событий Барбара находилась в своем кабинете.

Незадолго до окончания рабочего дня с ней опять сделалось дурно, и она чуть не упала в обморок.

Разволновавшись, она направилась к Хелен Венделл, чтобы сообщить ей о своем недомогании. При этом она даже не подумала о том, насколько логично было просить помощи у секретарши Хэммонда.

Хелен проявила участие и поспешила провести Барбару к Джону Хэммонду. Девушка, которая к этому времени вновь несколько раз ненадолго «отключалась», была признательна шефу за то, что тот предложил ей отдохнуть в роскошном салоне, примыкавшем к его кабинету. Он назвал его «комнатой для моих друзей».

Она разделась, скользнула под простыни и быстро заснула. Хитроумная ловушка захлопнулась.

Весь вечер Хэммонд и Хелен Венделл по очереди сменялись у её изголовья.

В полночь сотрудник службы спецтехники установил, что биоиндикатор работает исправно.

Он прозондировал спящую девушку и сообщил:

— Получился коэффициент девять и две. Кто это? Из вновь прибывших?

Молчание в ответ на его вопрос привело техника в изумление.

— В чем дело? Неужели это жительница Земли? — прошептал он.

— По крайней мере, она не поднялась ещё на одну ступень, — заметила Хелен Венделл после того, как сотрудник отдела спецтехники удалился.

— Жаль, что её коэффициент выше гипнотического уровня, — сказал Хэммонд. — Подвергать её сейчас простому внушению, в сущности, бесполезно.

— Что будем делать?

Незадолго до наступления утра Хэммонд наконец принял решение.

— Коэффициент девять и две не представляет для нас реальной опасности. Поэтому ограничимся пока самыми рутинными мерами. Не будем, однако, забывать о том, что кто-то, возможно, предпринимает действия, о которых нам ничего не известно. Не исключено, что придется при необходимости применить к ней и некоторые методы сверхчувствительного воздействия.

— Здесь? В Центре Альфа?

Хэммонд задумчиво посмотрел на свою очаровательную секретаршу-помощника. Обычно он доверял реакции Хелен в этой области.

Она, очевидно, догадалась, о чем он подумал, поскольку поспешила добавить:

— В последний раз, когда мы прибегали к сверхчувствительным методам, около тысячи восьмисот землян оказались в одной с нами фазе. Конечно, они посчитали тогда, что у них просто разыгралось воображение, но некоторые обменялись своими наблюдениями. В течение нескольких недель над этим все потешались, но нам едва-едва удалось избежать разглашения исключительно важных сведений.

— Да-а-а… справедливое замечание. В таком случае ограничимся тем, что будем продолжать за ней наблюдение.

— Согласна. Тогда я сейчас разбужу её.

Вернувшись к себе в кабинет, Барбара тут же позвонила Вэнсу. Никто не отвечал. Ничего удивительного в этом не было, так как если он проработал всю ночь, то должен был спать сейчас, как сурок. Барбара положила трубку и позвонила в фотолабораторию. Когда ей сказали, что Вэнс отметился в списке ночной смены, а сейчас ушел с работы, у неё полегчало на душе.

К Хэммонду и Хелен Венделл она испытывала чувство большой благодарности за проявленную ими доброжелательность. В то же время она в чем-то и винила себя. Она подозревала, что эти нелады с самочувствием также были связаны с инъекцией, сделанной ей Глоуджем.

Беспокоило то, что все это проявлялось столь БУРНО. «Но сейчас-то мне уже совсем хорошо», — успокаивала она себя, печатая груду бумаг, которые Хелен Венделл набросала в её корзину. В голове Барбары бродило множество планов и проектов. В десять часов Хелен вызвала её и, как обычно, вручила кейс, набитый разными документами.

В это время…

Глоудж проснулся чуть позже семи часов. Барбары все ещё не было дома. Полный недоумения, он побрился электрической бритвой и позавтракал в соседнем баре. Подкрепившись, доктор поехал к дому Стрезера. Убедившись, что молодой человек у себя, Глоудж зарядил свой шприц-пистолет и пробрался в помещение.

Вэнс, как и в прошлый раз, валялся в пижаме на диване в гостиной. Выражение его лица было ещё более угрюмым, чем накануне, если таковое вообще было возможным.

Стоя со шприцем в руках, Глоудж колебался. Этот подопытный его явно беспокоил. Но в том положении, в котором биолог оказался, отступать уже было нельзя. Успокоившись, он привел в действие механизм выброса газообразной сыворотки. На этот раз игла почти коснулась тела молодого человека.

Сколько-нибудь заметной реакции со стороны Вэнса не последовало.

Глоудж вышел на улицу. Направляясь в Исследовательский центр, он думал о Барбаре. Жаль, что она отсутствовала. Он так надеялся сделать инъекцию своим обоим подопытным практически одновременно. Очевидно, этого не получится.

6

Доктор Глоудж находился в своем кабинете всего несколько минут, когда раздался телефонный звонок. Дверь не была закрыта, и он услышал разговор своей секретарши. Та взглянула в его сторону:

— Вас кто-то спрашивает, доктор Глоудж. Это машинистка, которая некоторое время работала у нас… Барбара Эллингтон.

Секретарша, видимо, расценила изумленное

выражение на лице Глоуджа как отказ, поскольку тут же торопливо добавила:

— Следует ли ей ответить, что вас нет?

Глоудж весь дрожал от неуверенности.

— Нет, не стоит, — сказал он. Затем, чуть помолчав, добавил: Соедините меня с ней.

Когда доктор услышал в телефонной трубке ясный, серебристый голос Барбары, он почувствовал, что готов на все.

— Что случилось, Барбара?

— Мне нужно занести вам документы. — Голос буквально звенел от избытка энергии. — Поскольку полагается их вручить лично, я хотела удостовериться, что вы на месте.

Случай предоставлялся сам собой…

Более благоприятного поворота событий Глоуджу было трудно даже желать. Его второй подопытный вот-вот придет, он сможет сделать вторую инъекцию и непосредственно наблюдать за реакцией.

На самом деле никакой реакции ему заметить не удалось. Передав ему документы, Барбара повернулась спиной, и именно в этот момент Глоудж «выстрелил» в неё сывороткой во второй раз. Девушка не подскочила от неожиданности, не зашаталась. Она спокойно продолжила свой

путь, открыла дверь и удалилась.

Но в кабинет Хэммонда она не вернулась. Ожидая резкой физической реакции на вторую инъекцию, она предпочла в момент криза находиться в одиночестве, в своей квартире. Ей стоило большого труда сохранить невозмутимость перед Глоуджем.

Поэтому, выждав столько времени, сколько требовали соображения осторожности, она позвонила Хелен Венделл и передала ей, что не очень хорошо себя чувствует.

— Этого и следовало ожидать после столь тяжкой ночи, — любезно ответила ей Хелен.

— У меня начались головокружения, и к тому же подташнивает, — быстро подхватила Барбара. — Я испугалась и помчалась домой.

— Так вы сейчас у себя?

— Да.

— Я предупрежу господина Хэммонда.

Барбара положила трубку. Последняя фраза Хелен её насторожила. Но она ничем не могла помешать секретарше Хэммонда сообщить тому о её состоянии. Тем не менее это создавало реальную угрозу потери места работы. Слишком ещё рано. Позднее, когда эксперимент подойдет к концу, все это уже не будет иметь значения. Но сейчас…

Может быть, стоило принять кое-какие «страховочные» меры, как это обычно делают служащие. «В конце концов, — подумала она, — ведь должны же быть у меня какие-то симптомы болезненного состояния». Она позвонила врачу и условилась с ним о консультации на завтра. Кладя трубку, она почувствовала, как её захлестнула непривычная ей веселость: «Завтра, после этой второй инъекции, наверняка я буду чувствовать себя прескверно».

Хэммонд появился к концу дня, и Хелен сообщила ему о звонке Барбары. Некоторое время он молчал, погруженный в свои мысли.

— Что-то здесь не так, Хелен, — вымолвил он наконец. — Наверное, я должен был спросить об этом у вас раньше: вы хорошо изучили её личное дело?

Блондинка самоуверенно улыбнулась:

— Я в состоянии наизусть повторить все, чем оно напичкано. Ведь проверкой на безопасность при поступлении на работу занималась я сама. Что именно вам хотелось бы знать?

— Вы хотите сказать, что в личном деле нет ничего особенного?

— Во всяком случае, ничего необычного я в нем не обнаружила.

Хэммонд больше не колебался. Уже давно Хелен пользовалась его полным доверием.

— Очень хорошо, — неожиданно сказал он, поднимая, как бы сдаваясь, руки вверх. — Пусть она воспользуется этим уик-эндом для того, чтобы подлечиться. Предупредите меня, когда она снова выйдет на работу. Прислали ли уже доклад из Новой Бразилии?

— Я его переслала в наш Центр в Милане.

— Серьезно? Тогда соедините меня с Рамоном. Для этого несомненно есть какая-то причина!

Вскоре новые заботы целиком завладели вниманием Хэммонда.

Барбара спала.

И проснулась, когда часы показывали семь часов двенадцать минут.

В этот утренний час было совсем светло. Но узнала она об этом совершенно необычным способом. Девушка вышла из комнаты, чтобы полюбоваться пейзажем… не покидая постели!

Она одновременно была и в постели, и вне дома.

В одно и то же время…

Машинально она затаила дыхание. Понемногу образ улицы стерся, и она вновь очутилась в комнате.

Пораженная тем, что произошло, Барбара вновь задышала полной грудью. Методом осторожного поиска она выяснила, что порог её чувствительности достигал примерно сотни метров.

И это было все, что ей удалось узнать.

Что-то в её мозгу действовало наподобие невидимого зрительного шупальца, способного проникать сквозь стены и передавать оптические изображения предметов в тот участок мозга, который интерпретирует световые ощущения. И эта способность носила вполне устойчивый характер.

Вскоре Барбара заметила черный фургон, припаркованный на углу, и доктора Глоуджа внутри. Она увидела, что тот держал в руках прибор, от которого к его уху тянулся проводок. Казалось, он тайно следит за ней. Вид у доктора был самоуглубленный, маленькие глазки полузакрыты. Она сумела воспринять и степень решимости этого маленького лысого доктора в отношении эксперимента. То, что ей открылось, внезапно испугало ее: Барбара обнаружила беспощадную и безличностную волю, которая никак не совпадала с её собственным радостным и искренним участием в эксперименте Глоуджа.

Для доктора — остро почувствовала она — все

живые формы, над которыми он работал, были всего лишь неодушевленными объектами для опытов.

С общечеловеческой точки зрения, его деятельность, безусловно, носила характер безграничной извращенности.

Барбара увидела, что Глоудж отложил аппарат в сторону, завел мотор и уехал.

«Раз Вэнс работал в ночную смену, — подумала она, — то доктор, скорее всего, направляется к нему».

Желая удостовериться в этом, Барбара набрала номер телефона Вэнса. Никто не ответил. Тогда она позвонила в лабораторию. Административный помощник сообщил, что сегодня ночью Стрезер на работу не выходил.

Она забеспокоилась, вспомнив, как мучительно реагировал Вэнс на первую инъекцию. Она подозревала, что доктор уже сделал ему и второй укол, и опасалась, что Вэнс отреагировал на него не лучшим, чем в первый раз, образом.

Барбара быстро оделась и отправилась на машине к своему дружку. Приближаясь к дому Вэнса, она разглядела через стену, что тот был дома. Но на её звонок никто не ответил. Тогда она вошла, воспользовавшись своим ключом.

Тот лежал на диване в гостиной и беспокойно метался во сне. Судя по его внешнему виду, у него поднялась температура. Она потрогала лоб: он был сухой и буквально обжигал руку.

Вэнс повернулся и открыл глаза. Его взгляд был затуманен. «А я так хорошо себя чувствую, — печально подумала Барбара. — Почему же он так плох? Что могло произойти?»

— Вэнс, нужно немедленно вызвать врача, — встревоженно сказала она. Как зовут того доктора, который лечил тебя в прошлом году?

— Ничего, все пройдет, — пробормотал Вэнс. И снова заснул.

Барбара села рядом с ним на диван. Внезапно она принюхалась, и ошеломляющая мысль промелькнула у неё в голове: «Ведь это газ!» Но времени действовать у неё уже не было.

Барбара, должно быть, потеряла сознание сразу, потому что уже в следующее мгновение Глоудж склонился над ней, распростертой на полу.

Ученый был спокоен, действовал уверенно и, казалось, был доволен ходом событий. Она уловила его мысль: «С ней все будет в порядке».

Глоудж подошел к Вэнсу. На сей раз он проявил обеспокоенность: «Да… по-прежнему ничего хорошего… Посмотрим, может быть, ему будет

лучше от транквилизатора».

Доктор сделал укол. Когда он выпрямился, в голове у Глоуджа она прочитала странную и свирепую мысль: «В понедельник вечером наступит очередь третьей инъекции. Пора решаться».

Барбара все это воспринимала так отчетливо, как если бы доктор говорил в полный голос. Ей стало ясно, что он намерен умертвить их обоих, если один из двух его экспериментов не пойдет по намеченному им руслу.

Вне себя от ужаса, Барбара старалась тем не менее сохранять полную неподвижность. И в этот момент с ней произошел эволюционный скачок, совершенно отличный от тех, что имели место до сих пор.

Началось с того, что внезапно в её мозг хлынул поток такой, обычно тщательно скрываемой, информации, который позволил ей увидеть людей в их истинном свете. С одной стороны — глупцы, симулянты, люди-тряпки. С другой — одержимые и развращенные, ловкачи и циники. Барбара видела, что в мире есть и сильные личности, движимые добрыми намерениями. Но в этот момент она была особо восприимчива к лицам разрушительного типа… множеству жуликов и клятвопреступников, которых — и теперь она

это отчетливо сознавала совесть совершенно не мучила. Но она поняла также и то, что они ошибались насчет своего собственного горького жизненного опыта. Потому что они действительно были алчными и чувственными людьми, потому что перестали бояться наказания как в этом, так и в потустороннем мире, потому что считали недопустимым, чтобы кто-то выступал против их мелких капризов, потому что…

Промелькнуло и одно личное воспоминание, которое она уже давно забыла, — о мелком начальничке, который выставил её за дверь — а ведь это было её первое место работы! — только за то, что она отказалась пойти к нему домой.

Всю жизнь её приучали не замечать подобных вещей, и она старалась придерживаться этих советов. Но сейчас Барбара предоставила полную свободу своеобразному компьютеру, действовавшему где-то у неё в подсознании, для накопления всех сведений ТАКОГО ХАРАКТЕРА в обширной кладовой своих знаний ради трезвой оценки действительности.

Этот процесс все ещё продолжался в ней и после того, как Глоудж ушел так же бесшумно, как и вошел.

Когда Барбара захотела подняться, то с удивле-

нием обнаружила, что не может даже открыть глаза. Вскоре она изумилась очевидному факту: её тело по-прежнему оставалось в бессознательном состоянии.

Что за удивительная способность!

Но постепенно это обстоятельство стало её тревожить. «Я же совсем беззащитна», — подумала она. И только в первые послеобеденные часы она смогла наконец пошевелиться. Барбара поднялась, подавленная и задумчивая. Подогрела суп для себя и для Вэнса.

Но, съев, по её настоянию, тарелку супа, Вэнс опять улегся на диван и заснул. Тогда Барбара покинула его квартиру, направившись к врачу, с которым условилась о приеме.

Сидя за рулем, она почувствовала, как внутри у неё все затрепетало. Неужели новые изменения? Она ответила сама себе утвердительно. А до понедельника, возможно, произойдут и другие. В то же время интуиция подсказывала, что ей не справиться со складывавшейся ситуацией, если дело ограничится только теми изменениями, которые вызвали в ней два первых укола.

«Необходимо изыскать возможность сделать третью инъекцию», — решила она про себя.

7

В понедельник, продиктовав несколько писем машинистке, присланной из машбюро, Хэммонд в полдень покинул свой кабинет.

— Какие новости в отношении девять и две?

Хелен вскинула голову и одарила его ослепительной улыбкой:

— Вы имеете в виду Барбару?

— Конечно.

— Утром по её просьбе звонил врач. Он осмотрел её в субботу. У неё несколько повышенная температура, головокружения, различные болячки, в которых обычно не признаются, например расстройство желудка. В то же время, как считает этот врач, и это, естественно, его личное мнение, обнаружилось и кое-что неожиданное. Вас это интересует?

— Еще бы!

— Так вот, у него сложилось впечатление, что с тех пор, как он осматривал девушку в последний раз примерно с год назад, в её личности произошли серьезные перемены.

Хэммонд кивнул:

— Это лишь подтверждает наши собственные наблюдения. Хорошо… Держите меня в курсе.

Но к шестнадцати часам, когда наконец померкли экраны дальней связи, он вызвал Хелен Венделл.

— Я все время думаю об этой девушке. Это на уровне предчувствия, поэтому не могу им пренебречь. Позвоните-ка Барбаре.

Спустя минуту Хелен сообщила:

— Сожалею, но на звонки никто не отвечает.

— Пришлите её личное дело. Мы столкнулись с чем-то необычным, и я хочу удостовериться, что ничего не упустил.

Через несколько минут, листая страницы личного дела Барбары, он натолкнулся на фотографию Вэнса Стрезера. От неожиданности он вскрикнул.

— Что такое? — поинтересовалась Хелен.

Хэммонд рассказал ей о перепалке между Глоуджем и Стрезером, свидетелем которой он оказался на прошлой неделе.

— Конечно, — закончил он свой рассказ, — тогда я не усмотрел никакой связи между Барбарой и этим молодым человеком. Но в её досье есть его фотография. Принесите-ка мне личное дело Глоуджа.

— Судя по всему, — сказала Хелен, — изменения в характере доктора стали проявляться два меся-

ца тому назад, когда умерла его сестра. Это один из типичных случаев внезапных и опасных перемен, основанных на личной мотивации. — Она мрачно добавила: — Мне следовало бы обратить внимание на этот момент. Ведь нередко потеря близкого человека очень сильно влияет на людей.

Хелен сидела в салоне квартиры, которой располагал Хэммонд в Исследовательском центре Альфа. Дверь, ведущая в кабинет, была закрыта. В зияющем чреве огромного сейфа, вделанного в противоположную стену, виднелись два ряда личных дел сотрудников, расставленных в металлических секциях в строгом порядке. На столе у Хелен лежали два таких досье — на Генри Глоуджа и Барбару Эллингтон. Хэммонд стоял рядом со своей сотрудницей.

— А что вы скажете об этой поездке на восток страны, которую он совершил в начале месяца? — спросил он.

— Доктор провел три дня в имеющемся у него там доме, занимаясь, так сказать, продажей имущества как своей сестры, так и собственного. У них была загородная резиденция — старая заброшенная ферма, переоборудованная под частную лабораторию. Это идеальное место для

проведения тайных опытов. Но на ком? Может быть, на приматах? Маловероятно. Не так-то просто достать их нелегально, за исключением мелких гиббонов. Подопытные животные такого рода представляли бы серьезную потенциальную опасность для проекта Глоуджа. Поэтому не остается сомнений в том, что он намеревался работать над людьми.

Хэммонд согласился с ней. На его лице застыло почти страдальческое выражение.

Хелен взглянула на шефа:

— Вы, кажется, обеспокоены. Можно предполагать, что до настоящего времени Барбара и Вэнс получили каждый по две инъекции. Это продвинет их на уровень эволюции, который они достигли бы нормальным путем через пятьдесят тысяч лет. Я не вижу в этом ничего катастрофического.

На лице Хэммонда появилась вымученная улыбка:

— Не забывайте, что мы имеем дело с одним из «осемененных» видов животного мира Земли.

— Конечно, но пока что дело не пошло далее скачка в развитии на пятьдесят тысяч лет!

Хэммонд с симпатией посмотрел на Хелен.

— Мы с вами, — сказал он, — находимся всего

лишь на низших ступенях лестницы эволюции, и нам трудно представить эволюционный потенциал генов вида «ХОМО ГАЛАКТИКУС».

— Мой небольшой коэффициент меня вполне устраивает, — рассмеялась Хелен.

— Хорошо её запрограммировали, — еле слышно прошептал Хэммонд.

— Но я согласна с вашим анализом. Что вы намереваетесь делать с Глоуджем?

Хэммонд решительно повел плечами:

— Необходимо немедленно остановить эксперименты на людях. Передайте Эмису: пусть он блокирует сотрудниками службы безопасности все выходы. Нельзя допустить, чтобы Глоудж покинул здание. А если Вэнс и Барбара попытаются сюда проникнуть, пусть их задержат. Когда передадите Эмису это распоряжение, отмените все мои встречи на сегодня.

После этих слов Хэммонд ушел в свою комнату и вернулся переодетый для выхода в город.

— Я позвонила Эмису, — сообщила Хелен. — Связалась и с кабинетом Глоуджа. Его секретарша сказала, что с час тому назад тот вышел из здания.

— Объявите общую тревогу, — поспешно распорядился Хэммонд. — И пусть Эмис поставит

двух своих людей перед домами, где проживают Вэнс и Барбара.

— Куда вы сейчас направляетесь?

— Сначала к Барбаре, затем к Вэнсу. Лишь бы вовремя мне удалось прийти!

По лицу Хелен, видно, пробежала тень, поскольку он добавил с натянутой улыбкой:

— Судя по вашему выражению, вы считаете, что я чрезмерно втягиваюсь в это дело!

Красавица-блондинка в ответ понимающе улыбнулась:

— Каждый день на этой планете убивают тысячи людей. Грабят сотни тысяч, совершают немыслимое количество актов насилия меньшего значения. Людей избивают, душат, оскорбляют, унижают, надувают… И я могла бы ещё долго продолжать в таком духе. Если мы ввяжемся в этот цирк, с нами будет покончено.

— Я симпатизирую Барбаре, — признался Хэммонд.

— Я тоже, — спокойно ответила Хелен. — Но все же, что, по-вашему, происходит?

— Думаю, что Глоудж сумел ввести им первую инъекцию в ту среду, а вторую — в пятницу. Это значит, что третью он должен сделать сегодня. Именно этому я и должен помешать.

И он поспешно вышел.

8

Глоудж начал нервничать. День истекал, и он ни о чем другом, как о своих двух подопытных, уже думать не мог. Его раздражало, что он не может держать их обоих под рукой и наблюдать за действием сыворотки. Понедельник был для него последним днем.

«Смешная, однако, сложилась ситуация! — подумал он про себя. — Идет самый крупный за всю историю человечества эксперимент, а никого нет, кто бы мог с научных позиций наблюдать за результатами второй инъекции, которая имеет решающее значение!»

К этим заботам примешивалось и другое чувство. Глоудж БОЯЛСЯ!

Он не мог забыть молодого человека. У слишком многих подопытных животных он отмечал точно такие же симптомы, чтобы обманываться на счет Стрезера. Негативная реакция на сыворотку, появление расстройства в работе внутренних органов, болезненный вид, борьба, которую развернули клетки тела, — все это было доказательством того, что организм и его химия терпят поражение.

Глоудж должен был признать, что у него есть и дополнительное основание для тревоги. У многих подопытных животных в лаборатории развивалась на этой стадии агрессивность, и было бы разумно подготовиться также и к такому повороту событий.

«Не стоит убаюкивать себя, — разъяренно думал он. — Лучше бросить все дела и пойти посмотреть, что происходит с этой парой».

Именно тогда он и ушел с работы.

Исходя из постулата, что с Барбарой все в порядке, доктор в первую очередь направился к квартире Вэнса. Прежде чем войти в дом, он провел контрольное прослушивание, чтобы выяснить, находится ли тот в помещении и нет ли у него кого-нибудь еще.

Признаки жизни он засек сразу: прерывистое дыхание, скрип кровати. Эти звуки резали ухо — настолько чувствителен был микрофон. Глоудж уменьшил уровень громкости, чтобы не резало слух.

Настроение доктора упало ещё на несколько пунктов, так как услышанное лишь подтвердило его опасения.

И как-то разом все, что до настоящего времени служило ему научным прикрытием, чтобы

оправдать свое поведение, столкнулось с грубой действительностью: неудача была явной, и это следовало признать.

В соответствии с разработанной им ранее линией поведения теперь надлежало убрать Вэнса.

Это со всей очевидностью предполагало также и устранение Барбары.

Прошло некоторое время, и первоначально обуявшая Глоуджа паника уступила место строго научному подходу: услышанные им звуки ещё не давали достаточной информации для принятия окончательного решения.

Глоудж был глубоко уязвлен в своих надеждах.

Чтобы определиться, нужно было обязательно увидеть Вэнса. Было бы некорректным, считал он, устранить обоих подопытных, без того чтобы переговорить с ними лицом к лицу.

В тот самый момент, когда биолог, выйдя из фургона, направлялся к квартире Вэнса, тот видел сон.

Ему представлялось, что человек — как же его зовут? Кажется, Глоудж, с которым он поссорился несколько дней тому назад в коридоре Исследовательского центра Альфа, приближается к дому с намерением его убить. Откуда-то из глубин существа Вэнса поднялась темная ярость. Но он

так и не проснулся.

Зато сон — продукт странного и хаотического эволюционного процесса, который он переживал, — продолжался.

Он наблюдал с какой-то невидимой ему точки, как Глоудж подходит к служебной двери его квартиры. Вэнс ничуть не удивился тому, что лысый человек выудил из своего кармана ключ. Дрожа от страха, Вэнс наблюдал, как тот осторожно вставил его в замочную скважину, повернул и неслышно открыл дверь.

В этот момент охвативший Вэнса ужас вынудил его тело перейти к действиям. Его нервная система как бы исторгла миллионы мельчайших энерголучей, похожих на сверкающие перламутровые ниточки. Они пронзили стену, отделявшую столовую от кухни, и обрушились на Глоуджа.

Эти энергоединицы большой мощности безошибочно отыскали окончания нервных волокон в организме Глоуджа и через них молниеносно рванулись к нему в мозг.

Их породили не какая-то оформившаяся мысль или трезвый анализ ситуации. Энергия материализовалась в этих частицах лишь под воздействием страха, и сами они несли стимуляционный заряд. Они атаковали Глоуджа на

психическом уровне, приказывая ему удалиться, повернуть назад…

Доктор Глоудж пришел в себя лишь в фургоне. Он вспомнил, как со всех ног умчался прочь от дверей. Где-то в сознании смутно забрезжила мысль, что в какой-то момент его охватила всепроникающая паника.

Дрожа всем телом, тяжело дыша, он попытался успокоиться. Никогда ещё в жизни он не испытывал такого постыдного испуга.

Но он твердо знал, что должен вернуться к Вэнсу.

Еще дважды спящий молодой человек сумел произвести достаточно мощный выброс энерголучей и вынуждал Глоуджа отступать. Но с каждым разом выделяемая им энергия слабела, и Глоудж соответственно отбегал от двери на все меньшее и меньшее расстояние, чтобы, переведя дух, снова вернуться.

При четвертой попытке агонизирующие механизмы мозга Вэнса смогли высвободить совсем ничтожный заряд. Глоудж почувствовал, как в нем начал зарождаться ужас, но на сей раз он сумел успешно ему воспротивиться.

Доктор неслышно пересек кухню, направляясь к двери, ведущей в гостиную.

Биолог пока ещё не осознал, что он только что схватился в смертельной схватке со спящим юношей и что вышел из неё победителем.

Несколько мгновений спустя Глоудж уже стоял у кровати, наклонившись над потерявшим сознание подопытным мужского пола. Тот буквально исходил потом. Он вздрагивал и жалобно стонал. По телу прокатывались судороги.

Да, никаких сомнений: опыт не удался.

Глоудж не стал терять времени. Он принес с собой все, что было необходимо для исполнения задуманного. Из кармана он вынул пару наручников и закрепил их на запястьях молодого человека. Затем связал ему руки и ноги по отдельности и стянул их вместе. Его жертва по-прежнему не приходила в себя.

Как и предполагал Глоудж, труднее оказалось засунуть Вэнсу в рот кляп. Пришлось применить силу, чтобы разжать зубы. Доктор почувствовал, как деревенеет под его руками тело Вэнса. Внезапно молодой человек открыл глаза и вперил в него безумный взгляд.

Конвульсивными движениями Стрезер попытался освободиться от пут как на ногах, так и на руках.

Но Глоудж принял все необходимые меры, и его

жертва вскоре отказалась от борьбы. Понимая, что он надежно контролирует ситуацию, доктор вытащил кляп и начал опрос:

— Я хочу знать, что вы ощущаете в данный момент?

Буйный огонь запылал в полных ярости глазах Вэнса, устремленных на Глоуджа. Пронзительным голосом он выдал набор ругательств. Так прошло несколько минут. Затем его, видимо, поразила какая-то мысль.

— Вы… так это вы на прошлой неделе что-то со мной сделали?

Глоудж утвердительно кивнул головой:

— Я дважды ввел вам сыворотку, которая должна была вызвать процесс ускорения эволюции клеток. А сейчас я пришел, чтобы выяснить ваше состояние.

Его серые глаза были абсолютно пусты, а на лысом черепе поигрывали блики от зажженной им лампы. С важным видом он заявил:

— Почему бы подробно не рассказать, что вы испытываете в этот момент?

На этот раз поток ругательств иссяк уже через минуту. Спеленутый путами, Вэнс разглядывал своего победителя. Что-то в бледном и напряженном лице биолога, должно быть, убедило его.

— Я чувствую себя отвратительно, — сказал он с беспокойством.

Глоудж настаивал:

— Поточнее, пожалуйста.

Методично, вопрос за вопросом, он выудил у отчаянно сопротивлявшегося Вэнса признание в том, что тот слаб, доведен до изнеможения и окоченел.

Это и было фатальным комплексом тех симптомов, которые биолог столько раз наблюдал у животных, и Глоудж знал, к чему они ведут.

Не говоря больше ни слова, он наклонился над юношей и стал снова засовывать ему в рот кляп. Молодой человек извивался всем телом, бился, вертел головой, неоднократно пытался укусить ученого, но кляп неуклонно вдавливался все глубже и глубже. В конце концов Глоудж сделал свое дело, а концы закрывавшей рот повязки затянул на затылке у своей жертвы.

После этого он спустился и подогнал фургон в тупик, куда выходила задняя дверь квартиры Вэнса. Он поднялся в помещение, завернул Вэнса в одеяло и хладнокровно отнес его в машину.

Через несколько мгновений он уже сидел за рулем и катил к дому одного из своих сотрудников, который в настоящее время проходил стажиров-

ку в лаборатории одного из восточных штатов и дом которого поэтому пустовал.

Если бы Глоудж позволил себе передохнуть, на минутку остановиться или даже сбросить ногу с педали акселератора, он, наверное, сломался бы и заколебался, стоит ли доводить свои зловещие планы до конца. Но он затормозил только тогда, когда прибыл на место. В сущности это являлось продолжением его замысла. Его финальным аккордом.

Доктор с трудом дотащил связанного Вэнса с кляпом во рту до двери и открыл её. Затем доволок его до края бассейна и с ходу сбросил окоченевшее тело юноши в воду.

После этого чудовищного поступка он какое-то мгновение постоял, выбившись из сил и вглядываясь в цепочку пузырьков воздуха, взбаламутивших темный покой воды в бассейне. Внезапно испугавшись, что кто-то мог увидеть его, Глоудж развернулся и, пошатываясь, пошел к выходу.

Проскользнув в кабину фургона, он почти упал в изнеможении на сиденье. И тут в первый раз за все это время он утратил свою невозмутимость, причем это проявилось скорее в движениях, чем в мыслях: «Боже! Что я наделал!»

Но на этом его реакция на случившееся и кончилась. Своего решения Глоудж менять не стал. Он сидел, корчась от мысли, что всего в нескольких шагах от него тонул человек.

Когда не оставалось больше ни малейшего сомнения в том, что по всем законам жизни подопытный должен был уже перестать дышать, доктор громко вздохнул. Он встряхнулся. Все, пути назад больше нет. Первая из двух намеченных жертв устранена. Дело за второй.

Теперь следовало заняться девушкой.

Из расположенной неподалеку кабины телефона-автомата Глоудж позвонил в пансионат Барбары Эллингтон. Судя по голосу, ему ответила дама в возрасте, заявившая, что Барбара вышла.

Она добавила:

— Что-то частенько ей сегодня звонят.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил неприятно пораженный её сообщением Глоудж.

— А то, что совсем недавно к ней приходили несколько человек. Естественно, я и им ответила, что её нет.

Глоудж испуганно вздрогнул:

— Они назвали себя?

— Среди них был некий господин Хэммонд.

Хэммонд! Ученого прошиб холодный пот, он

оцепенел.

— Благодарю вас, — сдавленным голосом сказал он и повесил трубку.

Он буквально трясся от страха, когда садился в свой фургон. Возникла мучительная дилемма: что теперь делать? Сначала ему пришло в голову, что следовало бы с наступлением темноты вернуться к бассейну, выловить труп Вэнса, освободить его от пут, а затем уничтожить тело. Но инстинкт подсказывал ему, что лучше сделать это сейчас. В то же время Глоуджу отчаянно хотелось вернуться в Центр и уничтожить остатки сыворотки, хранившейся в сейфе.

Внезапно он решил, что самое главное и наименее рискованное в этот момент — уничтожить сыворотку. Солнце уже скрылось за холмами на западе, но небосвод ещё голубел. Было слишком светло для выполнения мрачной и опасной задачи — освободиться от трупа.

9

В девятнадцать часов десять минут доктор Глоудж открыл дверь своего кабинета в секции биологии Исследовательского центра Альфа. Прикрыв её за собой, он быстро обошел вокруг широкого стола, занимавшего весь центр каби-

нета, и наклонился, чтобы выдвинуть ящик, в котором лежал ключ от одного из сейфов.

— Добрый день, доктор Глоудж, — произнес чей-то женский голос позади него.

На какую-то долю секунды Глоуджа словно парализовало. Эти слова и интонация произвели на него такой же эффект, как если бы через него пропустили электрический ток, возрождая прежние надежды. В такое везение он просто не мог поверить, а именно в то, что второй человек, от которого он решил избавиться, сам пришел сюда, где доктор наилучшим образом мог бы свести с ним счеты.

Он медленно выпрямился и обернулся.

На пороге примыкавшей к кабинету библиотеки стояла Барбара Эллингтон. Она рассматривала его с серьезным и настороженным выражением на лице.

Но в течение всех последующих минут Глоудж ни на миг НЕ ОСОЗНАВАЛ, что эта женщина была именно Барбарой Эллингтон.

Как только он взглянул на нее, сразу же где-то в глубинах его естества произошли миллионы таинственных упорядочений в нервной системе. И на уровне подсознания он стал воспринимать Барбару как свою недавно умершую сестру. При-

чем теперь для него она уже не была мертвой. Напротив, в лице Барбары она дышала успокоительной силой жизни.

Доктор и девушка обменялись полными взаимопонимания взглядами. Глоуджу вдруг подумалось, что с научной точки зрения было бы нелогично убивать существо, которое олицетворяло успех его эксперимента. Ему даже казалось, что Барбара всецело на его стороне и готова к сотрудничеству. Он отогнал от себя мелькнувшее было искушение сделать вид, что его не интересует, почему она пришла в его кабинет.

— Как вы вошли сюда? — естественным голосом спросил он.

— Через зал, где выставлены образцы.

— И никто из ночной смены вас не заметил?

Барбара чуть улыбнулась:

— Нет.

Глоудж жадно всматривался в нее. Он отметил манеру Барбары держаться почти не шевелясь, но сохраняя в то же время великолепное равновесие всего тела, что свидетельствовало о сдерживаемой, но готовой в любую минуту выплеснуться энергии. Его поразили ум и живость в глазах девушки.

Мозг Глоуджа пронзила мысль: ещё никогда

ничего идентичного этому Земля не видела!

— Вы здорово рисковали, работая с нами, — неожиданно бросила Барбара.

— Так было нужно.

Собственные слова удивили доктора Глоуджа.

— Да, я знаю, — безмятежным тоном ответила Барбара. Когда она шагнула к нему, ученый заволновался и по его спине пробежали мурашки. Но она обошла биолога, села в приставленное к стене кресло, положив на подлокотник свою коричневую сумочку. Глоудж молча наблюдал за ней. Она заговорила первой:

— Необходимо, чтобы вы сейчас же сделали мне третью инъекцию. Затем я сама пойду к Вэнсу с вашим прибором и с дозой сыворотки. Он…

Она запнулась, вгляделась в лицо Глоуджа и внезапно в её глазах зажегся огонек понимания:

— Итак, вы его утопили! — Какое-то время она оставалась в задумчивости, затем заговорила снова: — Но он не погиб. Я чувствую, что он ещё жив. Хорошо… Каким инструментом вы пользуетесь для инъекций? Он наверняка должен быть ещё при вас.

— Да, — хрипло признался Глоудж. — Но, — живо добавил он, предпочтительнее дождаться завтрашнего дня для введения сыворотки в тре-

тий раз. Это повысит шансы на благоприятное развитие процесса. И вам следует оставаться здесь. Никто не должен вас видеть. Желательно провести ряд тестов… Хотелось бы узнать от вас…

Он замолчал, заметив, что заикается. Барбара не сводила с него глаз. Тот факт, что она узнала об участи Вэнса, никак не взволновал ученого, так как он считал само собой разумеющимся, что она понимала и ценила причины и способы реализации его планов. В выражении лица девушки он находил сейчас что-то такое, что успокаивало его.

— Вы многого не знаете, доктор Глоудж. Я совершенно уверена, что смогу перенести третью инъекцию. Поэтому немедленно сделайте её и отдайте мне остатки сыворотки.

Барбара Эллингтон встала и подошла к нему. Она ничего не сказала, её лицо оставалось бесстрастным, но уже в следующее мгновение Глоудж осознал, что сам протягивает ей шприц.

— Осталась всего одна доза.

Барбара, не дотрагиваясь до руки биолога, взяла шприц, внимательно его осмотрела и вернула доктору:

— Где хранятся ваши запасы сыворотки?

Глоудж подбородком кивнул на библиотеку, прилегавшую к рабочему кабинету. Барбара стояла к ней спиной.

— В самом большом из двух сейфов.

Она повернула голову в указанном им направлении. Несколько секунд Барбара стояла неподвижно, с опустошенным взглядом и полуоткрытым ртом, как если бы она внимательно к чему-то прислушивалась. Но в конце концов её взгляд снова уперся в Глоуджа.

— Быстро сделайте мне инъекцию. Сюда идут люди.

Глоудж поднял шприц, коснулся кончиком иглы плеча Барбары и нажал на спусковой механизм. Девушка прерывисто задышала. Она вырвала из рук доктора шприц, сунула его в сумочку и закрыла её. Затем повернулась к двери.

— Вслушайтесь! — приказала она.

Глоудж вскоре услышал звук шагов в тесном коридоре, который соединял его кабинет с главной лабораторией. Шаги приближались.

— Кто это? — обеспокоенно спросил он.

— Хэммонд и с ним ещё три человека.

Глоудж издал приглушенный жалобный стон.

— Надо бежать! — сказал он в отчаянии. — Они не должны обнаружить ни вас, ни меня. Быстро…

Сюда… — Он показал рукой на библиотеку.

Барбара отрицательно покачала головой:

— Они нас окружают. Все выходы контролируются. — Она нахмурилась. Хэммонд, должно быть, считает, что у него все необходимые улики против вас, но не облегчайте ему задачу. Отрицайте все! Посмотрим, что же я смогу сделать с моим… — Продолжая говорить, она вновь села в кресло, которое недавно покинула. Ее лицо ничего не выражало.

— Мне, возможно, удастся обмануть его, — сказала она уверенным тоном.

Шаги достигли двери. Постучали. Глоудж бросил взгляд на Барбару. В его голове вихрем проносились самые различные мысли. Но Барбара, покачав головой, улыбнулась.

— Входите! — сказал Глоудж. Но он взял неверный тон: слишком громко закричал.

Вошел Хэммонд.

— О! Господин Хэммонд… — воскликнула Барбара. Ее щеки заалели, она казалась смущенной и сконфуженной.

Хэммонд, увидев её, встал как вкопанный. Он внезапно почувствовал, как кто-то зондирует его мозг, и незамедлительно возвел защитный барьер. Зондаж прекратился.

Хэммонд перехватил взгляд Барбары. В глазах девушки тенью проскользнуло неподдельное изумление. Хэммонд не без иронии улыбнулся, затем отчеканил голосом, в котором звучал металл:

— Оставайтесь на месте, Барбара. С вами я поговорю позже. Войдите, Эмис, — добавил он, повысив голос.

В его интонации сквозило что-то угрожающее. Глоудж вновь умоляюще взглянул на Барбару, которая нерешительно ему улыбнулась. Выражение искренности и бесхитростности на её лице, с которым она встретила Хэммонда, уступило теперь место смиренности, но одновременно и настороженности.

Хэммонд сделал вид, что не заметил этой перемены.

— Эмис, — обратился он к одному из трех сотрудников, которые прошли через зал с образцами и в котором Глоудж узнал главу безопасности Центра Альфа.

— Эмис, перед вами Барбара Эллингтон. Отберите у неё сумочку. Никого в этот кабинет не пускать. Мисс Эллингтон запрещается выходить отсюда и касаться чего бы то ни было. Я хочу, чтобы она оставалась в этом кресле до тех пор,

пока я не вернусь обратно с доктором Глоуджем.

— Слушаюсь, господин Хэммонд. — Эмис сделал знак одному из своих людей, который запер на ключ дверь кабинета. Сам он подошел к Барбаре, которая, не говоря ни слова, вручила ему сумочку.

— Следуйте за мной, доктор Глоудж, — сухо сказал Хэммонд.

Хэммонд прикрыл дверь библиотеки и повелительным тоном спросил у Глоуджа:

— Где Вэнс?

— Вы знаете, господин Хэммонд, я не…

Хэммонд резко шагнул к нему. Ученый, испугавшись, что с ним будут грубо обращаться, отступил. Но Хэммонд ограничился тем, что схватил доктора за руку и прижал к его запястью миниатюрный стальной предмет.

— Так скажите все же, где Вэнс? — повторил он.

Глоудж открыл было рот, чтобы поклясться, что не имеет ни малейшего понятия о судьбе молодого человека, но вместо этого вдруг сразу все выложил. Биолог, понимая, что тем самым он признает свое преступление, отчаянно пытался бороться с самим собой. Он уже понял, что приставленный к его запястью металлический

предмет вводил его в состояние, подобное гипнозу, и попытался вырваться из рук Хэммонда.

Безуспешно.

— Когда вы бросили его в воду?

— Примерно час тому назад, — изнемогая, ответил Глоудж.

В этот момент в соседнем кабинете раздались крики. Распахнув дверь, в библиотеку ворвался бледный, как воск, Эмис.

— ГОСПОДИН ХЭММОНД…ОНА ИСЧЕЗЛА!

Хэммонд рванулся в кабинет. Доктор Глоудж, которого бил колотун, поспешил вслед за ним. Пока он добрался до двери, Хэммонд уже выныривал из холла вместе с одним из сотрудников службы безопасности. Ошалевший Эмис и третий сотрудник стояли посреди комнаты.

Хэммонд, закрыв дверь, обратился к Эмису:

— Быстро… Что произошло?

Эмис поднял руки в бессильном гневе:

— Не знаю, господин Хэммонд. За ней неотступно наблюдали. Они тихо сидела здесь, в кресле… а затем внезапно исчезла, вот и все. Он, — Эмис указал на одного из своих подчиненных, — стоял, прислонившись спиной к косяку двери. Когда мы обнаружили, что её в кресле уже нет, он сидел на полу рядом с дверью! А она была настежь

распахнута. Мы бросились в холл, но там никого не было. И тогда я позвал вас.

— Сколько времени вы за ней наблюдали? — сухо осведомился Хэммонд.

— Сколько времени? — взглянул на него оторопевший Эмис. — Я только проводил свою матушку до лифта в холле…

Он вдруг смолк и быстро-быстро заморгал:

— Чего это я вам говорю? Ведь матушка уже восемь лет как померла!

— Так вот что за трюк она применила, — тихо прошептал Хэммонд. — Она проникает в глубину души, туда, где хранятся самые святые воспоминания об усопших. А я-то думал, что она хотела всего лишь прочесть мои мысли!

Хэммонд замолчал, затем четко и ясно приказал:

— Эмис, проснитесь! Все трое, вы на пару минут потеряли сознание. Не ломайте голову над тем, чтобы понять, каким образом мисс Эллингтон удалось это сделать. Сообщите её приметы охранникам на выходах из здания. Если кто-то из них заметит её, то пусть держит под прицелом.

Сотрудники службы безопасности выскочили из кабинета, а Хэммонд знаком показал полностью потерявшему над собой контроль доктору

Глоуджу, чтобы тот сел. Хэммонд вытащил из кармана похожий на карандаш предмет и, нажав на него, какое-то время выждал.

На пятом этаже здания Центра Хелен Венделл сняла трубку личного телефона, стоявшего у неё на столе.

— Слушаю вас, Джон!

— Выключите все защитные экраны, а также экраны-ловушки, распорядился Хэммонд. — Глоудж утопил Стрезера, так как опыт над ним не удался. Но вторая особа начеку. Трудно предугадать, что именно она может вытворить, но, возможно, сочтет необходимым побывать у меня в кабинете, чтобы затем быстро исчезнуть.

Хелен нажала на кнопку:

— Ничего делать не надо. Все экраны уже выключены.

10

Снаружи сгущались сумерки.

В двадцать часов восемнадцать минут небольшой телефон на столе секретарши Хэммонда на пятом этаже снова зазвонил. Хелен взглядом проверила, закрыта ли дверь, и сняла трубку.

— Слушаю, Джон.

— Я в бассейне, — сообщил ей шеф. — Его толь-

ко что выловили из воды. Но он жив, Хелен! Сработал какой-то рефлекс, помешавший ему наглотаться воды. Тем не менее нам нужна кислородная палатка.

Хелен левой рукой взялась за другой телефон.

— Может, выслать «скорую»? — спросила она, набирая номер.

— Конечно. Вы знаете адрес. Пусть та остановится рядом с дверью. Надо действовать быстро.

— Хотите, чтобы были также и люди в военной форме?

— Естественно, но передайте им, чтобы они оставались в машине до тех пор, пока их не позовут. Высокий палисадник нас скрывает, к тому же стемнело. Я вернусь вместе с ними. Удалось ли поймать Барбару?

— Нет.

— Я так и знал. По возвращении я сам расспрошу всех охранников.

Барбара позволила Эмису сопроводить её до ближайшего лифта, все время внушая ему, что является его матушкой.

Войдя в кабину, она нажала кнопку подъема. Вскоре Барбара очутилась на крыше. Точно в соответствии с тем, что она уже обозрела внутренним взором благодаря своим новым способностям,

на крыше стоял приготовившийся к взлету вертолет. Хотя её не было в списке пассажиров, пилот, искренне уверовав в то, что перед ним его подружка, лично проводил её на борт. Неожиданное её появление казалось ему вполне естественным.

Чуть позже Барбара приземлилась на крыше другого здания. И опять пилот счел вполне естественным, что его подружка покинула его. Он поднялся в водух, и этот эпизод тут же стерся у него из памяти.

Столь поспешное приземление было для Барбары вынужденным, потому что она почувствовала, что начала действовать новая инъекция. Поэтому она зондировала проносившиеся под вертолетом здания до тех пор, пока не нашла небоскреб с незанятыми верхними этажами. «Попробую пробраться в один из пустых кабинетов», — решила она.

Но дальше крыши она пройти не смогла. Как только она ступила на первую ступеньку лестницы, уходившей в глубины небоскреба, как почувствовала, что её шатает. Стало ясно, что она уже не властна над своим телом. Слева виднелась дверь, выводившая в помещение, похожее на чердак и служившее кладовкой. Она проникла

туда, закрыв за собой дверь на засов. И только тогда она расслабилась, рухнув на пол.

В течение всей ночи она ни разу полностью не теряла сознания: отныне это стало для неё невозможным. Но Барбара отдавала себе отчет в том, что все её существо беспрерывно менялось, менялось, менялось…

Потоки энергии, пронизывавшие её тело, приобрели новое значение. Теперь они отделились от неё самой. Вскоре ей удалось взять их под свой контроль, но и сам этот контроль был по своему характеру каким-то другим.

Определенная часть её существа, как ей показалось, стушевалась, вытесненная новым сознанием, овладевшим ею.

«Я все ещё я, — подумало то новое существо, которое лежало теперь на полу кладовки. — Остались тело, чувства, желания…»

Но она уже четко осознавала, что даже в этой начальной фазе скачка на пятьсот тысяч лет вперед её «Я» уже стало «Я плюс ещё что-то».

Тем не менее ей ещё не удавалось четко понять, как это её существо становилось этим чем-то «Я плюс ещё что-то».

Ночь для неё затянулась надолго.

11

Наступил вторник.

Сразу после полудня Хелен Венделл пересекла коридор, связывавший штаб Хэммонда с его основным кабинетом. Хэммонд сидел за столом. При появлении Хелен он поднял на неё глаза.

— Как обстоят дела с нашими пациентами? — спросил он.

— Глоудж превосходно играет свою роль. Я даже позволила ему утром немного поболтать с его ассистентом. Через Телстар он уже дважды беседовал с сэром Хьюбертом относительно своих обязанностей на новом месте работы за рубежом. Я снова погрузила его в сон, но он в нашем полном распоряжении. Вы когда вернулись?

— Только что. А как дела со Стрезером?

Хелен похлопала рукой по магнитофону.

— Двадцать минут назад я запросила сведения у медицинской машины. Она представила мне подробный диагноз. Все записано на пленку. Хотите послушать?

— Нет, дайте выжимку.

Хелен поджала губы и начала:

— Машина подтверждает, что воды он не наглотался, что какой-то недавно появившийся

в его мозгу механизм заблокировал дыхание и поддерживал его в жизнеспособном состоянии. Вэнс ничего осознанно об этом эксперименте не помнит; следовательно, весь механизм выживания в этих условиях был запущен на уровне подсознания. Медицинская машина сообщает также и о других происходящих в его организме изменениях, которые она расценивает как чудовищные. Пока ещё рано говорить, сможет ли Вэнс вынести третью инъекцию или нет… В настоящее время он находится под воздействием транквилизаторов.

Хэммонд, казалось, не был удовлетворен этими сведениями.

— Хорошо, — сказал он после непродолжительного раздумья. — Больше ничего интересного?

— Есть. Очень много сообщений в ваш адрес.

— По поводу доктора Глоуджа?

— Да. Новая Бразилиа и Манила согласны с вами в том, что риск утечки слишком велик в случае, если доктор Глоудж останется в Центре Альфа дольше, чем это абсолютно необходимо.

— Вы только что говорили, что он прекрасно справляется со своей ролью?

Хелен кивнула:

— Пока. Но это очень строптивый тип, и у нас, в

Центре, я, конечно, не в состоянии основательно запрограммировать его так полно и окончательно, как это сделают в Париже. Они настаивают, чтобы его отправили в Париж. Этим займется курьер Арнольд. Он вылетает завтра утром рейсом в пять десять.

— Нет! — воскликнул Хэммонд. — Это преждевременно! Глоудж для нас — та приманка, на которую я надеюсь подцепить Барбару. Из опытов Глоуджа следует, что она обретет свободу действия только сегодня вечером. По моим подсчетам, в девять часов создадутся благоприятные условия для того, чтобы выпустить на сцену Глоуджа и выключить экраны защиты.

Хелен, помолчав несколько секунд, заявила:

— Джон, преобладает мнение, что вы преувеличиваете возможность эволюции Барбары Эллингтон в действительно опасном для нас направлении.

Хэммонд слегка улыбнулся:

— Я видел её. Другие нет. Насколько можно судить, она, возможно, уже погибла или погибает сейчас после третьей инъекции. Но если она будет в силах прийти, то, думаю, обязательно явится. Она в любой момент может начать искать человека, способного дать ей сыворотку.

Но в этот же вторник с личностью Барбары случилось что-то новое.

Она обрела мыслительные механизмы, способные оперировать в космическом масштабе. Они действовали автоматически, за пределами сознания, так что их природа и способ действия были Барбаре совершенно неясны. Но они могли совершать немыслимое…

Пока она лежала на чердаке, один из новых образовавшихся в её мозгу центров исследовал космическое пространство в диаметре пятисот световых лет. Он вскользь прошел облака нейтрального водорода, пронизал молодые, ярко сверкающие звезды типа О, измерил колебания двойных звезд, учел кометы и ледовые астероиды. Очень далеко, в созвездии Змееносца, гигантская бело-голубая звезда превратилась в «новую», и необычайный мыслительный механизм Барбары воспринял необузданное извержение потоков лучистого газа. Черный карлик последний раз полыхнул инфракрасными лучами и затаился в сумрачных глубинах погасших звезд.

Разум Барбары охватывал всю эту беспредельность и без всяких усилий мчался все дальше и дальше… до того момента, пока не натолкнулся на специфическое «НЕЧТО». И тогда он отклю-

чился.

«Что же это я встретила?» — молча взывала Барбара в состоянии полнейшего экстаза.

Она знала, что возникший у неё в мозгу новый механизм в соответствии со встроенной в нем самом внутренней программой как раз и должен был разыскать и встретить именно это «НЕЧТО». В то же время это не выразилось в осознанном понимании случившегося. Она была уверена лишь в одном: новый нервный центр, казалось, был удовлетворен и прекратил дальнейшее зондирование.

Но она чувствовала — и это вызвало в ней невыразимое ликование, — что он помнит об этом «НЕЧТО», с которым вступил в контакт.

Барбара все ещё смаковала эту радость, когда чуть позже отметила, что где-то в самой глубине её сути происходят новые энергообмены.

И тогда она предоставила телу и разуму самим постепенно воспринять их.

Час за часом город все больше охватывала летняя жара. Солнце поднялось высоко, и его беспощадные лучи обрушились на закрытое помещение, возвышавшееся на крыше многоэтажного здания в пяти километрах от Исследовательского центра Альфа. Барбара, свернувшись калачиком

в пыли кладовки, лежала совершенно неподвижно. Время от времени с её губ слетал жалобный стон. Подскочила температура, градом катился пот. Это длилось долго, очень долго. Потом её кожа ссохлась, а лицо приняло синеватый оттенок. Стоны прекратились. Если бы кто-нибудь оказался вблизи от Барбары, он не смог бы даже сказать, дышит ли она.

К четырем часам дня зной пошел на убыль, и в комнате с окнами без ставен стало прохладнее. Но истек ещё час, прежде чем царившая в помещении адская жара начала спадать. Примерно в шесть часов свернувшаяся человеческая фигура впервые шевельнулась.

Барбара медленно вытянула ноги, затем рывками перевернулась и снова затихла, распластавшись на спине с вытянутыми вдоль тела руками.

Ее правая щека была покрыта грязной коростой из пыли и высохшего пота. Она глубоко вздохнула и опять затихла. Через несколько минут приоткрылись веки. Ее темно-синие лучистые глаза непонятным образом ожили и наполнились внутренним огнем, хотя продолжали смотреть в одну точку.

Вечерело. В городе стали зажигаться огни. Все в каморке дышало тишиной. Тем не менее прошел

ещё час, прежде чем раскинувшийся на полу силуэт человека снова подал признаки жизни…

На этот раз это были движения другого характера. Барбара внезапно стремительно вскочила на ноги и подошла к ближайшему окну, прислонившись лицом к грязному стеклу.

На западе высилась величественная груда комплекса Альфа в ореоле яркого света. Барбара повернула голову в этом направлении…

Через секунду разум Барбары, обуздывая её взгляд, стал осваиваться с обстановкой на совершенно ином, безмерно более глубоком уровне восприятия.

Ночью работа Центра мало чем отличалась от дневной. Но Барбара, пробегая своей мыслью по знакомым ей и освещенным как днем коридорам, ведущим в секцию биологии, отметила, что персонала все же было поменьше. Так же мысленно она пересекла Центральную лабораторию, прошла по узкому коридору и остановилась перед дверью кабинета доктора Глоуджа.

Переступив порог, она замерла в темной, заполненной тишиной комнате. Затем прошла в библиотеку. Две-три минуты её мысль витала над солидным сейфом, стоявшим в углу. Она все поняла.

Сейф был пуст… и представлял собой ловушку.

Барбара мысленно перенеслась на пятый этаж и поплыла к большой черной двери, на которой было написано: «Служба по контактам и научным исследованиям».

Снова остановилась…

В течение нескольких минут Барбара неспешно и скрупулезно зондировала своей мыслью стены кабинетов и личных апартаментов Джона Хэммонда. Что-то в них было необычным и, как представлялось, таило в себе очень большую опасность. В этой секции Центра всюду между стенками и дверьми, над потолками и под полами пульсировали, извиваясь подобно струе дыма из печной трубы, странные силовые поля.

Преодолеть этот барьер было невозможно.

Но это касалось Барбары во плоти, а её мысленное воплощение в определенной степени было способно на это…

Нужно было лишь избегать большой двери и потайного лифта, который вел непосредственно в квартиру Хэммонда. Защита этих участков, наиболее привлекательных для любого нежелательного лица, стремящегося проникнуть в секцию, была мощнейшей.

Она отодвинулась от этой массивной двери и

застыла в ожидании, достаточно далеко от стены, которая воздвигалась между ней и основным кабинетом. Понемногу стала возникать картинка…

Она очутилась в неизвестной ей доселе комнате, совершенно пустой и не представлявшей никакого интереса, за исключением закрытой двери, параллельной другой двери, выходившей в коридор.

Образ внутренней комнаты в мозгу Барбары внезапно померк. Вместо него она ощутила присутствие какой-то всепоглощающей, грозной, грубо повелевающей силы.

Обескураженная и напуганная, Барбара уже чувствовала воздействие этой силы, её готовность отбросить девушку назад, к смертоносному барьеру, окружавшему всю секцию. Поисковая мысль Барбары тут же прервала передачу по каналу зрительного восприятия и ради обретения стабильности покорно притихла.

И все же теперь Барбара точно знала, где находилась сыворотка: в большом сейфе квартиры Хэммонда, под мощной и, на первый взгляд, непреодолимой защитой.

Механизм дальнего восприятия стал крайне осторожно восстанавливаться. Выявилась другая часть секции, погруженная в туман враждебных

энергополей. В ней находился мужской аналог Барбары. Он был жив.

Но совершенно беспомощен и ничего не осознавал. К тому же был заперт в мрачную клетку с энергетическими решетками, через которые с трудом удалось произвести лишь самую общую идентификацию. И все же Барбара была счастлива, что ему удалось спастись.

Через несколько минут она была абсолютно уверена в том, что в запертых апартаментах Хэммонда никого больше не было. Тогда она сняла поле визуального зондирования этого места и переключила его на главный офис. Появился расплывчатый образ женщины. Это была Хелен Венделл, которая, судя по всему, говорила в аппарат, связанный с лежащим перед ней прибором.

Вступил в действие новый уровень дальнего восприятия. Барбара услышала голоса говоривших.

Отчитывался Гэнин Арнольд, курьер из города Новая Бразилиа. Он находился в городском аэропорту в пятнадцати километрах к югу от Центра Альфа.

— Уже закрывают двери, — говорил курьер в микрофон, замаскированный под один из тех ингаляторов успокоительного действия, которыми

в последнее время так часто пользовались многие пассажиры перед взлетом самолета. Если бы кто-нибудь находился сейчас даже в нескольких сантиметрах от курьера, он бы ничего не услышал. Но из прибора на столе Хелен Венделл голос Арнольда звучал громко и отчетливо.

— Взлетаем через… (Арнольд посмотрел на ручные часы) две минуты тридцать секунд. До Парижа посадок не будет. Все пассажиры и члены экипажа, хотя бы по разу, прошли в зоне действия биоиндикатора, который ни разу не показал уровня выше стандартного среднеземного, то есть не достигал шести. Короче, мы оба, биолог и я, абсолютно уверены в том, что ни одна ненормально эволюционированная человеческая форма нас до Парижа не сопровождает. Доктор Глоудж ведет себя превосходно. Транквилизатор уже начал оказывать свое действие, и доктора явно клонит ко сну. Нет сомнений, что до самого Парижа он будет сладко спать.

Арнольд сделал паузу, видимо ожидая комментариев. Поскольку их не последовало, он продолжал:

— Очевидно, что после взлета поддерживать связь этим способом будет невозможно. Посему, учитывая, что в оставшееся время каких-либо

неприятностей не предвидится, и если господин Хэммонд не возражает, я свое сообщение заканчиваю.

Мелодичный голос Хелен, исходивший, казалось, откуда-то слева от головы курьера, ответил:

— Господин Хэммонд предпочитает, чтобы вы оставались в режиме приема до самого взлета на тот случай, если нам придется дать вам другие инструкции.

12

В закрытой наглухо каморке последнего этажа здания, в нескольких километрах от Центра, женская фигура у окна внезапно вышла из состояния транса, в котором пребывала, стоя совершенно неподвижно несколько минут. Подняв голову, она обвела взглядом слабо подсвеченное городскими огнями небо. Ее рука поднялась и дотронулась до толстого стекла. Оно расплавилось, как лед под воздействием высокой температуры.

Ворвавшийся в помещение холодный ветер взвихрил пыль.

Барбара немного выждала, потом подошла к провалу, зияющему на месте окна.

Ее взгляд был направлен на запад. Она вслуши-

валась. Все многоголосье города теперь отчетливо звучало в ней. Каждые тридцать секунд раздавался покрывавший все шумы города грохот. Это вертикально взлетали, набирали скорость и со свистом устремлялись в ночь реактивные самолеты. Барбара быстро повернула голову и проанализировала меняющуюся структуру этого звука. Она медленно развернулась к северу, следя за перемещавшейся вдали точкой. От напряженного внимания её глаза прищурились.

Между тем в самолете, взявшем несколько минут назад курс на Париж, с доктором Глоуджем происходили странные вещи. Поклевывая носом, он с удовлетворением думал о предстоящей новой работе над парижским проектом, которым руководил Хьюберт Роланд. Неожиданно он почувствовал, что какая-то часть его мозга проснулась.

Внезапно забеспокоившись, он осмотрелся. В первую очередь Глоудж взглянул на сидящего рядом соседа.

Это был дородный, налитый силой мужчина. Он напоминал частного детектива, и Глоудж точно знал, что это был его телохранитель. Но странным было то, что этот человек сидел в своем кресле совершенно безвольно, опустив голову

на грудь и закрыв глаза, — все признаки воздействия транквилизатора.

«Чего это он заснул?» — мысленно спросил себя Глоудж, глубоко убежденный в том, что это он, а не его телохранитель должен был находиться в состоянии сна. Доктор отчетливо вспомнил совершенно незнакомый ему прибор, с помощью которого эта Венделл заполнила его голову целым комплектом убедительных иллюзий. Он по доброй воле поднялся на борт лайнера и по настоянию своего ангела-хранителя в достаточной степени надышался успокоительным газом из респиратора, вмонтированного в его кресло, чтобы беспробудно спать до самого Парижа.

И тем не менее спустя всего несколько минут после взлета он уже бодрствовал. Те внушения, которыми его пичкали в течение всего дня, стали рассеиваться.

Эти факты явно противоречили друг другу и должны были иметь какое-то логическое объяснение.

Внезапно Глоудж совсем перестал думать. У него создалось впечатление, что в какой-то миг в голове просто образовался вакуум. Затем его охватил сводящий с ума ужас.

— Да, доктор Глоудж, — произнес кто-то ря-

дом, — действительно всему ЕСТЬ объяснение!

Медленно, нехотя, но совершенно не в силах побороть направляющий его действия импульс, он обернулся.

Кто-то сидел сзади.

Сначала он подумал, что речь идет о совершенно незнакомом ему человеке. Но тут сидевшая за ним женщина открыла глаза. Их взгляды встретились. Даже в приглушенном свете салона лайнера её взор отсвечивал демоническим огнем.

Женщина заговорила, и он узнал голос Барбары Эллингтон.

— У нас с вами возникла общая проблема, доктор Глоудж. Есть основания полагать, что на этой планете орудует группа космических пришельцев. Мне ещё неясны мотивы их присутствия. Поэтому наша ближайшая задача прояснить их.

— Вы ГДЕ находитесь? — сухо осведомилась Хелен Венделл.

Она повернула рычажок, и справа от неё засветился небольшой экран.

— Джон! Быстро!

Находившийся у себя в апартаментах Джон Хэммонд обернулся и бросил взгляд на оживший позади него экран. Спустя пару секунд он уже слушал хриплые, рубленые фразы, раздававшиеся в

лежавших слева от Хэммонда наушниках.

— Где он? — спросил Хэммонд у Хелен. Ее лицо на экране было бледным и напряженным.

— На аэродроме в Де Муан! Парижский лайнер сделал вынужденную посадку из-за технических неполадок. Никто толком не знает, что это были за неполадки и почему потребовалось их срочно устранять. Но всех пассажиров высадили и перевели в другой самолет. Арнольд в полном душевном смятении. Послушайте-ка его!

— …с ним была женщина, — раздался невнятный голос курьера. — Я сначала подумал, что это пассажирка, поднявшаяся в самолет перед вылетом. Сейчас я в этом уже не уверен. Но я был не в состоянии даже шевельнуть пальцем и смотрел, как они удалялись вдвоем и покинули аэропорт. Ни на секунду я не подумал ни о том, почему эта женщина оказалась с Глоуджем, ни о том, чтобы их остановить, ни даже о том, чтобы разузнать, куда это они направились…

Хэммонд повернул регулятор, и звук стал тише.

— Когда приземлился лайнер? — спросил он у Хелен Венделл.

— Должно быть, уже более получаса тому назад, как сказал Арнольд! Он заявил, что только сейчас

подумал о том, чтобы нас предупредить.

— ЦЕЛЫХ ПОЛЧАСА! — Хэммонд рывком вскочил на ноги. — Хелен, бросайте все дела! Мне нужен наблюдатель на внеземной орбите, и обеспечьте это, если сможете, в течение ближайших минут.

Она посмотрела на него с удивлением:

— Каких действий вы ожидаете?

— Понятия не имею.

Она поколебалась, затем заговорила вновь:

— Охранители…

— Все, что возможно предпринять здесь, я в состоянии сделать сам и ни в ком ради этого не нуждаюсь. Защитные экраны с северной стороны будут отключены ровно на сорок секунд. А теперь уходите… — он отключил связь и повернул один из рычажков под своим столом.

Сидя в основном офисе, Хелен Венделл какое-то время смотрела на погасший экран. Наконец она вскочила, подбежала к двери и устремилась в холл.

Чуть позже Джон Хэммонд вошел в комнату, где в своей энергетической клетке лежал Винсент Стрезер. Хэммонд, подойдя к стене, снизил мощность защитного экрана наполовину.

Тот посветлел и превратился в почти неразли-

чимую дымку. Хэммонд внимательно всмотрелся в силуэт человека, лежавшего на койке.

— Произошли ли другие изменения внутренних органов? — спросил он громким голосом.

— За последние два часа нет, — ответила медицинская машина.

— Эта форма жизнеспособна?

— Да.

— Проснется ли он, если я нейтрализую экран полностью?

— Да, немедленно.

Подумав, Хэммонд задал ещё один вопрос:

— Просчитан ли эффект в случае введения четвертой инъекции?

— Да, — ответила скрытая в стене машина.

— Коротко сформулируйте, что именно произойдет.

— Серьезная перестройка пойдет ещё быстрее. Направление эволюционного толчка останется прежним, но его амплитуда намного расширится. Окончательная стабилизация формы произойдет через двадцать минут. И она все ещё будет жизнеспособна.

Хэммонд передвинул рычажок в положение максимального режима. Энергетический экран затянулся дымкой, потеряв прозрачность.

Было ещё слишком рано принимать решение о четвертой инъекции. Может быть, вообще удастся обойтись без этой крайней меры.

13

В десять с половиной часов раздался сигнал с экрана дальней связи. Взглянув на пульт управления, Хэммонд одним движением нажал сразу на кнопки приема и блокировки своего изображения на тот случай, если вызывавший пользовался видеотелефоном.

— Слушаю, — произнес он.

Экран оставался темным, но из приемника раздался вздох облегчения.

— ГОСПОДИН ХЭММОНД! — Голос гнусавил и дребезжал, но, несомненно, принадлежал доктору Глоуджу.

В одном из приборов на столе Хэммонда раздались два металлических щелчка, означавших, что к разговору подключилась Хелен, которая записывала его с борта космического корабля, курсировавшего вдали от Земли.

— Где вы находитесь, доктор Глоудж?

— Господин Хэммонд… это ужасно… эта тварь… Барбара Эллингтон…

— Она заставила вас покинуть самолет. Я знаю.

Где вы сейчас?

— Я у себя дома, в Пенсильвании.

— Она вас сопровождала туда?

— Да. И я ничего не мог поделать, чтобы помешать ей.

— Конечно. Она ушла?

— Не знаю, где она сейчас. Я рискую, звоня вам. Было кое-что такое, о чем я совсем позабыл, господин Хэммонд, но она, она была в курсе. Я…

— Имелся ли запас сыворотки «Омега» в лаборатории на вашей ферме?

— Я и думать о нем забыл. Это был один из первых экспериментальных образцов. Сыворотка содержит примеси, которые вызывают опасные и чудовищные отклонения в развитии. Я полагал, что все её запасы уничтожены. Но эта тварь знала обо всем больше, чем я сам! Она привезла меня сюда и заставила отдать ей всю оставшуюся сыворотку, которой было совсем немного…

— Но достаточно для четвертой дозы?

— Да, да, вполне.

— И она её себе ввела?

Доктор Глоудж, поколебавшись, ответил:

— Да. Тем не менее есть надежда, что вместо того, чтобы подстегнуть эволюционный процесс у этого существа, которое я теперь рассматриваю

как монстра, эта несовершенная сыворотка не позволит ей подняться на следующий уровень развития, а, наоборот, быстро её уничтожит.

— Вполне возможно. Но с самого или почти с самого начала эксперимента по эволюционному стимулированию Барбара Эллингтон действовала с пониманием тех возможностей, которые перед ней открывались. И я с трудом верю в то, что теперь-то она совершит ошибку.

— Я… — голос Глоуджа сломался. — Господин Хэммонд, я вполне отдаю себе отчет в гнусности того, что я сделал. Если я в той или иной степени могу способствовать предотвращению самых пагубных последствий моих действий, вы можете рассчитывать на полное сотрудничество с моей стороны. Я…

Раздался щелчок, означавший, что разговор прерван. Последовала пауза и после неё шепот Хелен:

— Не считаете ли вы, что Барбара сознательно дала ему возможность позвонить вам, а затем прекратила разговор?

— Это очевидно.

Хелен воздержалась от каких-либо комментариев. Хэммонд тихо произнес:

— Я думаю, она хочет предупредить нас о своем

предстоящем визите.

— Полагаю, что она уже пришла, Джон. Всего хорошего.

14

Хэммонд посмотрел на пульт управления. Стрелки приборов безумно метались из стороны в сторону. Он отметил также и ещё одно, совершенно непредвиденное обстоятельство: появление поля отрицательной энергии, нейтрализовавшего его защитное энергетическое поле.

— Хелен… Эта женщина частично вне нашей досягаемости. То, что вы сейчас видите, — это наше силовое поле, которое пытается устоять перед антиполем. Я слышал о существовании подобного феномена, но никогда с ним не сталкивался.

Хелен Венделл ничего не ответила, продолжая пристально наблюдать за контрольным пультом управления на далеком космическом корабле, где она в настоящее время находилась. От разбушевавшейся электронной бури взбесились все индикаторы, показывая, что поле, защищавшее кабинет и апартаменты Хэммонда, подвергалось воздействию другого поля с быстро меняющейся частотой. Вскоре потенциал защитного барьера упал до критического уровня.

Противостояние длилось больше минуты. Приборы показывали невероятные нагрузки.

— Джон Хэммонд, — тихо произнес стол. Хэммонд подскочил от неожиданности и отступил.

— Джон Хэммонд, — прошептало соседнее кресло.

— Джон Хэммонд! Джон Хэммонд! Джон Хэммонд! Джон Хэммонд!

Его имя звучало из всех углов комнаты, окружая, обволакивая его. Занимая ответственный пост, он знал, что означает эта вихревая атака, и понимал связанные с нею опасные последствия. Вероятность такого поворота событий никогда не рассматривалась. Тем не менее ОНИ учитывали подобную возможность. И Хэммонд располагал необходимыми средствами, чтобы достойно встретить возникшую новую ситуацию.

Его взгляд лихорадочно метался по кабинету в поисках специального прибора, который он разместил где-то среди других. Был момент, когда он, не находя его, чуть не запаниковал. Оказалось, однако, что он у него в руке. Большим пальцем он быстро провел по его поверхности, нащупал нужный выступ и привел его в действие. После этого Хэммонд положил прибор на стол.

Возник скрежещущий звук. Это был не только

звук, но вибрация, взвинчивающая нервы до предела. Голоса-фантомы тут же сникли до шепота. Далекий и тонкий голос Хелен Венделл вонзился в ухо Хэммонда словно игла.

— Контрольный экран! Она уходит! — с надеждой вскричала Хелен.

— Вы уверены в этом?

— Не совсем, — в голосе Хелен послышалась обеспокоенность. — Что видно на ВАШЕМ экране?

— Пока только субъективные помехи. Но они постепенно исчезают.

— Что все-таки произошло?

— Думаю, что она прозондировала нас и пришла к выводу, что сможет одержать легкую победу. Посему она, должно быть, получила самый большой сюрприз в своей короткой жизни сверхженщины предгалактического уровня. Она не поняла, что мы являемся представителями Великих.

— Она пострадала?

— О! На это я не претендую! Она слишком многое узнала. Но… детали я вам сообщу позднее.

Хэммонд прищурился при взгляде на контрольный экран и бросился к двери в соседнюю комнату.

— Сделать последнюю инъекцию, — приказал он, войдя в это помещение.

— Четвертая и последняя в этой серии инъекция сыворотки «Омега» будет сделана этому существу, — отметила машина.

— Немедленно!

— Немедленно.

Вернувшись в кабинет, Хэммонд вновь услышал голос Хелен:

— Временами поток антиэнергии доходит по напряженности до индекса девяносто шесть. Это всего лишь на четыре пункта ниже теоретического предела. Удалось ли ей сравняться с вашим энергетическим уровнем?

— Почти. Она применила прием с псевдогипнозом высочайшего потенциала, но у неё ничего не вышло. И все же она вернется. У меня в руках находится нечто такое, чего она упорно добивается.

Ожил экран телефона. Включив аппарат, Хэммонд услышал голос доктора Глоуджа.

— Нас недавно прервали, господин Хэммонд. — Биолог говорил спокойно и уверенно.

— Что случилось? — устало спросил Хэммонд.

— Господин Хэммонд! В конце концов я все-таки проанализировал истинную природу эволюции.

Получается, что Вселенная — это иерархия различных уровней. И ей нужна свободная энергия на всех ступенях. Поэтому те, кто находятся на более высоких уровнях, прямо не вмешиваются в дела нижестоящих. Но по этой же причине если в распоряжении последних оказываются могущественные силы, то вышестоящие полагают, что это их прямо касается.

— Барбара! — спокойно парировал Хэммонд. — Барбара, если вы мне звоните, чтобы выяснить, впущу ли я вас к себе, то я отвечу утвердительно.

Воцарилось молчание, затем последовал щелчок, означавший конец связи. Буквально в то же мгновение почти незаметно качнулась стрелка одного из приборов.

— Что у вас там происходит? — запросила Хелен сдавленным голосом.

— Сейчас с моего разрешения она пройдет сквозь экраны.

— Не думаете ли вы, что это какая-то уловка с её стороны?

— В некотором смысле да. Не знаю, по каким причинам, но она не захотела дойти до крайнего теоретического предела на шкале эволюции, установленного Глоуджем, до точки, отстоящей от нас на миллион лет. Возможно, это случится

чуть позже.

— И тем не менее вы её впускаете к себе?

— Конечно.

Хелен замолчала.

Беззвучно протекла минута. Хэммонд немного отошел от пульта управления, встал лицом к двери и стал терпеливо ждать.

В уголке экрана засветился красный огонек. Что-то постороннее вошло в основной кабинет.

Гнетущая тишина длилась ещё несколько секунд. Затем в коридоре послышались звонкие шаги.

Хэммонд не смог бы ответить, чего точно он ожидал… но только не банального перестука каблучков-шпилек женских туфелек.

Она возникла в дверном проеме личного кабинета Хэммонда и остановилась, глядя на него. Хэммонд молчал. Внешне эта женщина была Барбарой Эллингтон, которая ещё накануне сидела в кресле в кабинете у Глоуджа. В ней ничего не изменилось — ни в поведении, ни в одежде. Даже сумочка, которую она держала в руках, казалась той же самой. Если абстрагироваться от бьющей из неё через край энергии, живости осанки, остроты умных глаз, накладывавших на весь её облик свой отпечаток, то это была та же самая

девушка, худощавая, неуклюжая, неуверенная в себе, которая работала во внешнем бюро менее двух недель тому назад.

«Значит, это фантом, — подумал Хэммонд. — Но пусть она не заблуждается: сейчас я надежно защищен от любых её попыток манипулировать моими мыслями. И этот защитный экран исчезнет только в том случае, если умру я сам». Стоящий в дверях человеческий силуэт был реальностью. Это фиксировали приборы. И тем не менее это была всего лишь форма, специально созданная ради этой встречи. Она не была той новой Барбарой, в которую превратилась прежняя.

Хэммонд точно не знал, зачем она приняла этот облик. Может быть, в надежде усыпить его бдительность?

Она шагнула вперед с легкой улыбкой на губах и огляделась вокруг. Вот тогда-то Хэммонд понял, что не ошибся. Вместе с ней в комнату проскользнуло что-то еще… Нечто подавляющее вас, от чего по спине пробегает дрожь. Но одновременно это нечто вызывало чувство теплоты и мощи.

Она взглянула на Хэммонда голубыми глазами, в которых скакал бесенок любопытства, и приветливо улыбнулась.

— Хочу разобраться, почему вы все ещё здесь, —

беззаботно произнесла она. — Защищайтесь!

Все произошло беззвучно. Но между ними проскочила ослепительно белая паутина огней, обволокла обоих, затем стихла, снова запылала — и опять исчезла. Они стояли неподвижно и следили друг за другом. В комнате ничего не изменилось.

— Прекрасно! — сказала женщина. — Окружающая вас тайна начинает проясняться. В настоящее время я знаю, к какому виду живых существ вы относитесь, Джон Хэммонд. ВАША наука никогда не смогла бы подчинить себе те энергии, которые сейчас оберегают ваши тело и разум. Таким образом, в чрезвычайных ситуациях вам, видимо, разрешено пользоваться средствами, которые изобретены другими, превосходящими вас существами, суть которых вы не можете постигнуть. И где же могут быть размещены подобные средства сейчас?... Думаю, что здесь.

Она повернулась и в три шага достигла двери соседней комнаты. Остановилась. Тут же перед этой дверью и стеной заклубился розоватый с блестками туман, застелился по полу.

— Да, — возобновила она свой монолог. — Все из одного источника! И здесь...

Она опять повернулась и, широко ступая, по-

дошла к пульту управления на столе, который мгновенно обволок тот же розовый туман.

— Таким образом, вот те три точки, которые вы должны считать жизненно важными! — промолвила она, покачав головой. — Вы сами, существо в соседней комнате и пульт управления секцией. Ради их сохранения вы готовы раскрыть секрет, о котором иначе бы умолчали. Думаю, самое время нам обменяться информацией.

Она двинулась к Хэммонду и остановилась перед ним.

— Я нечаянно обнаружила, что вы, Джон Хэммонд, не являетесь уроженцем Земли. По уровню развития вы выше землян, однако не настолько, чтобы объяснить им, почему вы здесь находитесь. В этом мире у вас действует организация. Весьма, кстати, любопытная. Она вроде бы не имеет своей целью ни завоевать Землю, ни эксплуатировать ее… Но не будем об этом. Не пытайтесь мне объяснять. Это не имеет никакого значения. Вы сейчас освободите существо мужского пола, которое должно получить те же самые инъекции сыворотки, что и я. Затем вы и представители вашего биологического вида быстренько покинете эту планету. Вы нам больше не нужны.

Хэммонд покачал головой.

— Вполне возможно, что мы будем вынуждены эвакуировать отсюда нашу экспедицию, — ответил он. — Но тем самым Земля превратится в большую угрозу. Мы представляем здесь Великих Галактиан, у которых на службе находится немало зависимых видов живых существ, ведущих в их интересах военные операции. Не вижу никакой выгоды для Земли, если кто-нибудь из них оккупирует её или введет карантин для того, чтобы «посеянный» здесь вид находился под постоянным наблюдением.

— Мне абсолютно безразлично, Джон Хэммонд, пошлют ли Великие Галактиане свои корабли на Землю или явятся сюда сами. В обоих случаях для них это было бы проявлением большой неосторожности. Через несколько часов в нашем распоряжении будет находиться в неограниченном количестве сыворотка «Омега». Через несколько дней каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок на Земле пройдет до конца цикл своей эволюции. Неужели вы думаете, что это совершенно новое человечество можно будет поставить под чье-то наблюдение?

— Сыворотка «Омега» никогда больше применяться не будет. И я вам покажу почему…

Хэммонд повернулся и направился к пульту

управления. Розовый туман расступился перед ним и снова замкнулся за его спиной. Он исчез совсем, как только Хэммонд опустил один из рычажков. И тогда Хэммонд отступил назад.

— Я выключил энергетические поля, мешавшие вам войти в эту комнату, заявил он. — Идите и убедитесь сами в справедливости моих слов. Барьера больше не существует.

Лицо Барбары напоминало застывшую маску, на которой полыхал лишь голубой костер её глаз. Хэммонд подумал, что она уже знает, что сейчас увидит. Тем не менее она шагнула к двери. Хэммонд также подошел, чтобы заглянуть через её плечо.

Клетка с решетками из энергополей, скрывавшая кровать, исчезла. Лежащая на кровати фигура приподнялась, ошеломленно покачала головой, кувыркнулась и опустилась на четвереньки.

Огромные, полные муки глаза на секунду задержались на лицах Хэммонда и Барбары. Затем существо встало во весь свой рост…

Да, да, во весь свой рост — целых пятьдесят пять сантиметров! Оно покачнулось, еле удерживаясь нетвердыми ногами на своей лежанке, маленькое волосатое существо с несоразмерной

шаровидной головой с прорезью большого рта.

Оно моргнуло, что-то смутно припоминая, открыло рот и тонким голоском проблеяло:

— Бар-ба-ра!

15

Женщина резко развернулась, отведя глаза от этого ничтожного и потешного силуэта, но легкая улыбка тронула её губы, когда она посмотрела на Хэммонда.

— Очень хорошо, — произнесла она. — Тем самым порвалась моя последняя связь с Землей. Принимаю то, что вы мне сказали. Полагаю, что сыворотка «Омега» — единственное в своем роде изобретение, неизвестное в других частях Галактики.

— Это не совсем так, — отозвался Хэммонд.

Она указала подбородком на соседнюю комнату.

— Может, вы объясните, почему в этом случае все пошло наперекосяк?

И Хэммонд поведал ей содержание теории Глоуджа, согласно которой ускорение эволюции — это палка о двух концах. На нынешнем этапе эволюции человека перед ним открыто множество векторов его возможного развития. Судя по

всему, сыворотка стимулирует только один из них, и в дальнейшем естественные силы доводят до логического конца только одну эту линию.

Излагая эти мысли, он неотступно наблюдал за ней, напряженно думая: «Проблема-то не решена. Как мы освободимся от НЕЕ?»

Он ощущал присутствие почти невероятной мощи, реальной и устойчивой силы, исходящей от неё в виде постоянного потока энергии.

Весь в напряжении, он продолжал:

— Когда Великие Галактиане «осеменяют» жизнью новую планету, они никогда не трогают базовые характеристики различных местных жителей. Они внедряют селекционированные группы своих собственных генов в тысячи мужчин и женщин на всех континентах. По мере того как поколения сменяют друг друга, этот генофонд смешивается в случайном порядке с генофондом местных жителей. Сыворотка «Омега», вероятно, стимулирует одну из этих генетических смесей и доводит до предела её эволюционный потенциал. Обычно это заводит в тупик из-за действия «фактора сингулярности».

— «Фактора сингулярности»... — это было сказано с вопросительной интонацией.

— Человек, — объяснил Хэммонд, — явился

результатом слияния двух существ различного пола. Каждый из людей нес в себе лишь частички всего генофонда человечества. Со временем все эти гены перемешивались, вступали между собой в различные комбинации. И вид прогрессирует именно потому, что составлялись эти миллиарды случайных комбинаций. В случае с Вэнсом одна из таких комбинаций была активизирована и доведена в своем развитии до финальной точки в результате повторного воздействия сыворотки «Омега». Но у этого набора генов, естественно, имелся ограниченный спектр возможностей развития, подобно тому, как это обязательно случилось бы в том случае, когда лицо, так сказать, совокуплялось бы с самим собой. Именно в этом и заключается «фактор сингулярности». Это и произошло с Вэнсом, а также и с вами. Вы оба оказались результатом эксперимента по самому фантастическому из когда-либо предпринимавшихся опытов одноканальной передачи эстафеты жизни. Это что-то вроде кровосмесительства, ведущего к полной, необычайно увлекательной и чудовищной стерилизации…

— Вы ошибаетесь, — тихо произнесла псевдоженщина. — Я же не монстр. Все, что произошло здесь, ещё более невероятно, чем я думала. Во

мне оказался стимулированным запас имевшихся у меня галактических генов. Теперь я знаю, кем был этот «НЕКТО», с которым я вступила в контакт в Космосе. Это был один из Галактиан. Он дал мне возможность добраться до него. Он все сразу же понял… Джон Хэммонд, ещё один вопрос. «Омега» — это необычный термин. Что он означает?

— Когда человек растворяется в самом предельном — это и есть Точка Омега.

Произнося эти слова, Хэммонд почувствовал, как она стала удаляться от него. Или же это он удалялся от нее? И не только от неё — от всего. Он плыл, но не в пространственном значении этого слова, а как-то странно, будто отрываясь от действительности самой Вселенной. Он ещё успел подумать, что это, должно быть, необычный и вызывающий беспокойство феномен, но эта мысль тут же угасла.

— Сейчас что-то происходит, — прозвучал женский голос. — Эволюционный процесс у существа по ту сторону двери закончился на свой лад. У меня ещё нет… состоялся пока не полностью. Но сейчас он подходит к своему концу.

Он был нигде и он был ничем. Внезапно возникли новые словесные и мыслительные впе-

чатления. Словно шуршащий дождь, который целиком поглотил его.

Позднее они обрели конкретную форму. Он почувствовал, что стоит в небольшой, примыкавшей к его кабинету комнате и смотрит на худого рыжего молодого человека, который, сидя на краю кровати и держась руками за голову, раскачивался из стороны в сторону.

Хэммонд спросил:

— Ну как, Вэнс? Вы пришли в себя?

Вэнс Стрезер нерешительно взглянул на него и дотронулся до разорванного рукава пиджака.

— Кажется, да, господин Хэммонд, — прошептал он. — Я… Что со мной произошло?

— Вы поехали прокатиться на машине с некоей Барбарой Эллингтон. Оба выпили лишнего. За рулем была она и вела машину… слишком быстро. Та сорвалась с шоссе и несколько раз перевернулась. Люди, присутствовавшие при этом, сумели вытащить вас из-под обломков буквально перед тем, как машина загорелась. Девушка была мертва, и они даже не пытались спасти её тело. Когда полиция сообщила мне о происшествии, я попросил доставить вас в Центр Альфа.

Рассказывая эту историю юноше, Хэммонд с удивлением обнаружил, что так было и на са-

мом деле и что каждое его слово было сущей правдой. В тот вечер действительно произошла автомобильная катастрофа и именно так, как он описал её.

— Неужто… — вздохнул, не закончив фразу, Вэнс. Он дернул головой, потом заметил: — Барбара была странной девушкой. Настоящая фурия! Одно время я к ней сильно привязался, господин Хэммонд, но в последние дни я стремился порвать с ней.

У Хэммонда, однако, было впечатление, что произошло и немало других событий. Машинально он повернул голову в сторону своего кабинета, заслышав стрекотание телефона.

— Извините, — бросил он Вэнсу.

Опустив рычажок, он увидел на засветившемся экране лицо Хелен Венделл. Та коротко улыбнулась ему и поинтересовалась:

— Как поживает Стрезер?

Хэммонд ответил не сразу. Он вгляделся в Хелен, и его волосы встали дыбом. Она была не на космическом корабле, курсирующем вдалеке от Земли, как это должно было бы быть, а преспокойно сидела за своим столом.

— С ним все в полном порядке, — услышал он свой голос как бы со стороны. — Эмоциональный

шок был не очень глубоким… А как у вас?

— Смерть Барбары потрясла меня, — призналась Хелен. — Но вам звонит доктор Глоудж и настойчиво просит дать возможность поговорить с вами.

— Хорошо. Переключите его на мою линию.

— Господин Хэммонд, — раздался спустя несколько мгновений голос Глоуджа. — Звоню вам по поводу проекта «Стимуляция. Точка Омега». Я только что перечитал свои заметки и ещё раз просмотрел отчеты о лабораторных испытаниях. И я убедился, что, когда вы отдадите себе отчет в том, какие многочисленные опасные последствия может иметь опубликование реультатов моего эксперимента, вы сами согласитесь прекратить работы над этим проектом, а также немедленно уничтожить все касающиеся его документы.

Повесив трубку, Хэммонд на некоторое время замер в молчании.

Итак, и эта часть проблемы была урегулирована! Последние следы существования сыворотки «Омега» вот-вот сотрутся. Вскоре о ней вообще будет помнить он один.

И надолго ли? Несомненно, не более двух-трех часов. Осевшие в его памяти образы уже поблек-

ли и частично стерлись. А то, что осталось, было каким-то смутным и неопределенным… этакая тонюсенькая ниточка мысли, которая колышется на ветру, но непременно вскоре порвется под его порывами.

Хэммонд не возражал против подобного поворота событий. Он лицом к лицу столкнулся с Великим Галактианином, а это не идет на пользу существу, стоящему на более низкой ступени развития.

И все же как тяжело было убедиться в своем полном ничтожестве!

Он, наверное, задремал, так как, очнувшись, вздрогнул. Без видимых на то причин он чувствовал себя слегка дезориентированным.

В кабинет с улыбкой вошла Хелен:

— Не кажется ли вам, что пора уходить домой? Вы опять начали засиживаться на работе.

— Да, вы правы, — ответил Хэммонд.

Он поднялся и прошел в соседнюю комнату сказать Вэнсу, что тот может отправляться к себе домой.